ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Книга шестая.

Томъ XXVI—XXIX.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза».
Большая Подъяческая, № 39.

Типографія Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, № 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОЙ КНИГИ.

Томъ двадцать шестой.

Томъ двадцать седьмой.

Томъ двадцать восьмой.

Томъ двадцать девятый.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ двадцать шестой.

Глава I.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1764 годъ.

Заботы Сената о памятникѣ императрицѣ.—Заговоръ Мировича.—Поѣздка Екатерины въ Прибалтійскія области.—Шлюссельбургское происшествіе.—Судъ надъ Мировичемъ и казнь его.—Князь Вяземскій назначенъ исправлять должность генералъ-прокурора.—Наставленіе ему, написанное императрицею.—Споръ въ Сенатѣ по поводу генералъ-рекетмейстерской должности.—Рѣшеніе вопроса о конфискованныхъ имѣніяхъ.—Финансовыя распоряженія.—Первый русскій корабль на Средиземномъ морѣ.—Заботы о торговлѣ.—Крѣпостные люди у купцовъ.—Бѣглые.—Половники.—Неудачный ходъ ревизіи.—Наставленіе губернаторамъ.—Пенсіи.—Окончаніе коммисіи о церковныхъ имѣніяхъ.—Раскольники.—Записка Теплова о безпорядкахъ въ Малороссіи.—Окончательное уничтоженіе гетманства.—Румянцевъ—председатель Малороссійской Коллегіи.—Наставленіе ему императрицы.—Преобразованіе Новой Сербіи.—Слободско-Украинская губернія.—Состояніе Восточной украйны.—Дѣло о Камчатской Экспедиціи.—Дѣла Польскія.—Насилія на сеймикахъ.—Чарторыйскіе требуютъ вступленія русскаго войска въ Польшу.—Конвокаціонный сеймъ.—Начало преобразованій.—Бѣгство Радзивила и Браницкаго отъ русскихъ войскъ.—Избраніе въ короли Станислава Понятовскаго.—Новый король проситъ императрицу позволить преобразованія въ польской конституціи.—Екатерина не соглашается.—Неудача диссидентскаго дѣла.—Союзъ Россіи съ Пруссіею.—Фридрихъ II внушаетъ, что нельзя позволять въ Польшѣ преобразованій.—Неудовольствія у Россіи съ Австріею по поводу Польскихъ дѣлъ.—Натянутыя отношенія между Россіею и Франціею.—Старанія Русскаго Двора удержать Порту отъ вмѣшательства въ Польскія дѣла.—Вражда Крымскаго хана къ Россіи.—Консулъ Никифоровъ въ Крыму.—Перемѣна французской политики относительно Швеціи.—Усиленіе борьбы ея здѣсь съ Россіею.—Продолженіе дружбы у Россіи съ Даніею.—Проектъ барона Корфа о «Сѣверномъ союзѣ».—Неудачные переговоры съ Англіею о союзѣ.

Прошло почти два года съ тѣхъ поръ, какъ Сенатъ опредѣлилъ воздвигнуть памятникъ императрицѣ: такъ какъ дѣло было передано въ Академію Наукъ, то Сенатъ велѣлъ справиться у Академіи, какое дѣлается распоряженіе о сооруженіи монумента въ безсмертную славу ея императорскаго величества. Академія отвѣчала, что еще ничего не сдѣлано, потому что изъ Коммисіи о каменномъ строеніи въ Петербургѣ не получено извѣстія, на какомъ мѣстѣ будетъ удобно поставить памятникъ. Тогда Сенатъ приказалъ послать въ Академію указъ сдѣлать два проекта, одинъ—для памятника, который бы могъ быть поставленъ на Васильевскомъ острову, противъ Академіи и Коллегій, а другой—для памятника на площади, находящейся противъ новаго каменнаго Зимняго Дворца. Академія доносила, что профессоръ Штелинъ имѣетъ семь инвенцій (проектовъ) памятника, и профессоръ Ломоносовъ обѣщалъ сдѣлать инвенцію [1]).

Но въ то время какъ въ Академіи занимались проектами памятника Екатеринѣ, двое офицеровъ обдумывали планъ, какъ бы свергнуть ее съ престола во имя Шлюссельбургскаго заточника, Ивана Антоновича. Мы видѣли, что императрица приказала уговаривать Ивана, чтобъ онъ постригся въ монахи, и дѣло уже ладилось. Безъ означенія числа до насъ дошла записка Екатерины: „Мое мнѣніе есть, чтобъ... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ охраненіи отъ зла остался; только постричь нынѣ и перемѣнить жилище въ не весьма близкой и въ не весьма отдаленной монастырь, особливо въ такой, гдѣ богомолья нѣтъ, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ, какъ и нынѣ; еще справиться можно, нѣтъ ли посреди муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ, или въ Новгородской епархіи такихъ мѣстъ“. Но съ этимъ намѣреніемъ „охранить навсегда отъ зла“ опоздали.

Въ то время, когда Карлъ XII приближался къ Малороссіи, Переяславскимъ полковникомъ здѣсь былъ Ѳедоръ Мировичъ; вмѣстѣ съ Мазепою, Мировичъ передался на сторону Карла XII и, послѣ пораженія Шведскаго короля, успѣлъ скрыться въ Польшѣ, бросивъ въ Малороссіи жену и двоихъ малолѣтнихъ сыновей, Якова и Петра. Дѣти переѣхали въ Черниговъ, къ двоюродному дядѣ своему, тамошнему полковнику, извѣстному Павлу Полуботку, и жили

---

[1]) Журналы Сената 1764 года 19 марта.

у него до 1723 года. Въ этомъ году Полуботокъ взялъ ихъ съ собою въ Петербургъ; но его скоро посадили въ крѣпость,—и Мировичи лишились всякой подпоры. По указу императрицы Екатерины I-й, ихъ опредѣлили въ Академію для науки; но, по причинѣ или подъ предлогомъ неполученія жалованья, они перестали заниматься въ Академіи и жили въ Петербургѣ, неизвѣстно чѣмъ и какъ. Въ 1728 году Петръ Мировичъ подалъ просьбу цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, чтобъ быть ему при ея домѣ, и цесаревна опредѣлила его къ себѣ въ секретари. Въ слѣдующемъ году Петръ Мировичъ поѣхалъ съ цесаревною въ Москву, куда взялъ съ собою и брата, который въ Москвѣ опредѣлился въ секретари къ польскому посланнику, графу Потоцкому, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Польшу, а въ 1731 году переѣхалъ опять въ Москву, гдѣ женился на купчихѣ Акишевой. Но въ 1732 году оба Мировича попали въ Тайную Канцелярію, послѣ чего сосланы въ Сибирь и записаны тамъ въ дѣти боярскія за то, что Петръ Мировичъ списалъ копію съ указа о Полуботкѣ и противъ той копіи написалъ письмо къ посылкѣ въ Польшу къ измѣннику, отцу своему, и за то, что Петръ, вопреки запрещенію, ѣздилъ въ Малороссію, а Яковъ—въ Польшу [1]).

Сына этого Якова, Василія Мировича, мы встрѣчаемъ въ описываемое время подпоручикомъ Смоленскаго пѣхотнаго полка. Прошедшее и настоящее тяжело лежало на немъ, а въ природѣ своей онъ не находилъ средствъ противодѣйствовать этому гнету. Онъ считалъ себя человѣкомъ знатнаго происхожденія и не могъ выставлять этого происхожденія, потому что оно обличало въ немъ измѣнничьяго внука; онъ тяготился своимъ небольшимъ чиномъ, который не давалъ ему никакихъ правъ на отличія; оскорблялся обращеніемъ старшихъ офицеровъ, которые одинаково обходились съ оберъ-офицерами изъ дворянъ, какъ и съ оберъ-офицерами изъ разночинцевъ. Наконецъ попытка поправить свое состояніе и состояніе трехъ сестеръ не удалась: Мировичъ просилъ возвратить имъ хотя часть отобраннаго у дѣда его имѣнія,—и получилъ отказъ; просилъ назначить пенсію сестрамъ,—и въ этомъ отказано. Ища выхода изъ своего положенія, Мировичъ, какъ видно, попалъ въ масонскую ложу; но мистицизмъ произвелъ на духовную его природу дѣйствіе опіума. Для людей, подобныхъ Мировичу, страшное искушеніе представляло воспоминаніе 28 іюня: „тогда удалось имъ, отчего же теперь не удастся намъ?"—вотъ вопросъ, который неотвязно долженъ былъ преслѣдовать недовольнаго, раздраженнаго Мировича. 1 апрѣля 1764 года Мировичъ рѣшился искать случая освободить Ивана Антоновича изъ Шлюссельбурга и провозгласить императоромъ. Онъ открылся пріятелю своему, поручику Великолуцкаго пѣхотнаго полка, Аполлону Ушакову; тотъ согласился помогать ему въ предпріятіи, и оба рѣшили, для безопасности, не открывать замысла никому болѣе. 13 мая, въ Казанскомъ соборѣ, Мировичъ и Ушаковъ отслужили по себѣ панихиду, какъ по умершихъ. Уже было извѣстно, что Екатерина лѣтомъ намѣрена отправиться для обозрѣнія Прибалтійскихъ областей, и заговорщики рѣшили произвести возстаніе черезъ недѣлю по отбытіи Двора изъ Петербурга: когда Мировичъ будетъ караульнымъ офицеромъ въ Шлюссельбургѣ, то Ушаковъ пріѣдетъ туда на шлюпкѣ подъ видомъ курьера и отдастъ Мировичу манифестъ отъ имени императора Іоанна Антоновича. Когда солдаты, по прочтеніи манифеста, станутъ на сторону Іоанна, то освободить его и привезти на шлюпкѣ въ Петербургъ, гдѣ пристать на Выборгской сторонѣ, и везти Ивана въ артиллерійскій лагерь, который долженъ былъ сыграть ту же самую роль, какую Измайловскій полкъ сыгралъ 28 іюня 1762 г. 25 мая Ушаковъ отправленъ былъ Военною Коллегіею съ казною къ генералу князю М. Н. Волконскому и во время этой поѣздки утонулъ въ рѣкѣ. Но это происшествіе не отвратило Мировича отъ замысла: онъ рѣшился привести его въ исполненіе одинъ, въ назначенное время.

Послѣ Петра Великаго Екатерина была первая государыня, которая предпринимала путешествіе по Россіи съ правительственными цѣлями. Мы видѣли, что въ 1763 году она ѣздила изъ Москвы въ Ростовъ, и хотя поѣздка въ этотъ городъ имѣла религіозную цѣль, однако императрица воспользовалась случаемъ, чтобъ изъ Ростова проѣхать далѣе на сѣверъ, въ Ярославль. Теперь она предприняла путешествіе на западъ, для обозрѣнія Прибалтійскихъ областей, причемъ особенно хотѣла посмотрѣть Балтійскій портъ, или Рогервикъ, о которомъ такъ долго толковали, на который было потрачено такъ много трудовъ и денегъ.

Императрица отправлялась съ правительственными цѣлями; но гренадеры говорили, что она ѣдетъ въ Ригу за тѣмъ, что хочетъ выйти тамъ замужъ за Орлова и сдѣлать его принцемъ.

Екатерина выѣхала изъ Петербурга 20 іюня и чрезъ Ямбургъ отправилась въ Нарву, гдѣ происходила торжественная встрѣча; на нѣмецкія рѣчи эстляндскаго рыцарства и нарвскаго бургомистра именемъ императрицы отвѣчалъ по-русски графъ Григ. Григ. Орловъ. Изъ Нарвы императрица отправилась въ Ревель, гдѣ была такъ же торжественная встрѣча; на тріумфальныхъ воротахъ виднѣлась надпись: „Екатеринѣ II, матери Отечества несравненной" (Matri Patriae incomparabili). 26-го іюня Екатерина писала изъ Ревеля Ив. Ив. Неплюеву, оставленному главноначальствующимъ въ Петербургѣ: „Здѣсь весьма мнѣ ради и не знаютъ, что затѣять, чтобъ показать свое удовольствіе. Я звана обѣдать къ рыцарству, а другой день къ мѣщанству, и всѣ воистину съ великимъ усердіемъ". 30-го іюля Екатерина выѣхала изъ Ревеля въ Балтійскій портъ, откуда писала Панину: „Славный Балтійскій портъ потерялъ славу моимъ

[1]) Дѣла Тайной Канцеляріи 1732 года.

сюда прибытіемъ; желаю васъ увидѣть въ добромъ здоровьи; уже скучно становится такъ долго таскаться въ дорогѣ". Запоздавши въ дорогѣ по причинѣ песковъ и сильныхъ жаровъ, которые заставили 40 верстъ ѣхать шагомъ, Екатерина 9-го іюля утромъ въѣхала въ Ригу. Здѣсь, среди торжествъ и народныхъ ликованій, Екатерина съ веселымъ лицомъ отвѣчала на поздравленія, а между тѣмъ забота лежала на сердцѣ: она получила отъ Панина письмо съ извѣстіемъ о дивахъ, происшедшихъ въ Шлюссельбургѣ.

Панинъ, жившій съ великимъ княземъ-наслѣдникомъ въ Царскомъ Селѣ, получилъ изъ Шлюссельбурга отъ коменданта Бередникова такое донесеніе отъ 5-го іюля: „Сего числа, пополуночи, во второмъ часу, стоящій въ крѣпости въ недѣльномъ караулѣ Смоленскаго пѣхотнаго полку подпоручикъ Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ весь караулъ въ фрунтъ учредилъ и приказалъ заряжать ружья съ пулями; а какъ я, услыша стукъ и заряжаніе ружей, вышелъ изъ квартиры своей и спросилъ, для чего такъ безъ приказу во фрунтъ становятся и ружья заряжаютъ, то Мировичъ прибѣгъ ко мнѣ и ударилъ меня прикладомъ ружья въ голову и пробилъ до кости черепа, крича солдатамъ: „Это злодѣй, государя Іоанна Антоновича содержалъ въ крѣпости здѣшней подъ карауломъ,— возьмите его! Мы должны умереть за государя!" Подхватили меня, и въ арестѣ находился я до пятаго часа утра, держанъ былъ приставленными солдатами за все мое платье. Пока я содержался, Мировичъ двукратно покушался идти съ заряженными ружьями противъ караула гарнизонной команды, которая находилась въ вѣдомствѣ капитана Власьева и поручика Чекина, гдѣ многими патронами съ пули стрѣлялъ, напротивъ того и ему отвѣтствовано. Мировичъ привезъ шести-фунтовую пушку къ казармѣ, гдѣ содержатся колодники. Что при томъ происходило,—не знаю, ибо видѣть не могъ; напослѣдокъ Мировичъ привелъ съ собою въ арестъ предъ фрунтъ капитана Власьева и Чекина, и мертвое тѣло безымяннаго колодника принесено командою его, гдѣ, по установленіи фрунта, со всѣми солдатами цѣловался, сказывая имъ, что это онъ одинъ погрѣшилъ, и барабанщику велѣлъ бить зарю утреннюю, а потомъ полный походъ; тутъ я закричалъ, чтобъ его арестовали, что и было исполнено; при арестѣ найдены мною у него манифесты, присяга и повелѣнія, писанные его рукою".

Панинъ, получивши это донесеніе, немедленно отправилъ въ Шлюссельбургъ подполковника Кашкина съ приказаніемъ узнать всѣ обстоятельства дѣла и произвести допросъ Мировичу, и въ то же время послалъ донесеніе въ Ригу къ императрицѣ. 9-го іюля Екатерина получила это донесеніе и отвѣчала Панину: „Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши рапорты и всѣ дивы, происшедшія въ Шлюссельбургѣ: руководство Божіе чудное и неиспытанное есть! Я къ вашимъ весьма хорошимъ распоряженіямъ много прибавить не могу, какъ только, что теперь надлежитъ слѣдствіе надъ винными производить безъ огласки и безъ всякой скрытности (понеже само собою оное дѣло не можетъ остаться секретно, болѣе двухъ сотъ человѣкъ имѣя въ немъ участіе). Безымяннаго колодника велите хоронить по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки же. Мнѣ разсудилось, что есть ли неравно искра кроется въ пеплѣ, то не въ Шлюссельбургѣ, но въ Петербургѣ, и весьма желала бы, чтобъ это не скоро до резиденціи дошло; и кой часъ дойдетъ до Петербурга, то уже надобно дѣло повести публично; и того ради велѣла заготовить указъ къ генералъ-поручику той дивизіи, Веймарну, дабы онъ слѣдствіе произвелъ, который вы ему отдадите; онъ же—человѣкъ умный и далѣе не пойдетъ, какъ ему повелѣно будетъ. Вы ему сообщите тѣ бумаги, которыя для его извѣстія надобны, а прочія у себя храните до моего прибытія; я весьма любопытна знать, арестованъ ли поручикъ Ушаковъ и нѣтъ ли болѣе участниковъ. Кажется, у нихъ планъ былъ. Сіе письмо или нужное изъ онаго покажите Веймарну, дабы оно служило ему въ наставленіе. Шлюссельбургскаго коменданта и вѣрныхъ офицеровъ и команду господинъ Веймарнъ имѣетъ обнадежить нашею милостію за ихъ вѣрность. Весьма, кажется, нужно осмотрѣть, въ какой дисциплинѣ находится Смоленскій полкъ".

Между тѣмъ, 8-го іюля, Ив. Ив. Неплюевъ, оставшійся главно-начальствующимъ въ Петербургѣ, увѣдомилъ Панина, что въ столицѣ хотя и знаютъ о происшедшемъ въ Шлюссельбургѣ, но никакихъ предосудительныхъ толкованій не слышно. Послѣ этого, въ три часа пополуночи, является въ Царское Село Тепловъ съ письмомъ отъ Неплюева: въ письмѣ говорилось, что въ Петербургѣ тихо, тѣмъ болѣе-что молва увѣряетъ и о смерти „того фантома, для котораго злодѣйство начато было". Но, кромѣ письма, Тепловъ объявилъ, что Неплюевъ поручилъ ему сказать Панину изустно слѣдующее: „Если-бъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то бы, ни мало не мѣшкавъ, возмутителя Мировича взялъ въ Царское Село и въ сокровенномъ мѣстѣ пыткою изъ него вывѣдалъ о его сообщникахъ; или ежели-бъ сей арестантъ былъ въ моихъ рукахъ, то-бъ я у него въ ребрахъ пощупалъ, съ кѣмъ онъ о своемъ возмущеніи соглашался, ибо нельзя надивиться, что такой малый человѣкъ столь важное дѣло собою однимъ предпріялъ, а сіе мученіе нужно для того, чтобъ тѣ сообщники не скрылися".—„Почему же Иванъ Ивановичъ мнѣ объ этомъ не написалъ?" спросилъ Панинъ у Теплова.—„Я его и просилъ", отвѣчалъ Тепловъ, „чтобъ онъ или письмомъ о томъ къ вамъ отписалъ, или бы записку мнѣ далъ, въ чемъ состоитъ его требованіе отъ васъ, но Иванъ Ивановичъ мнѣ сказалъ, что онъ отъ своихъ словъ не отречется, въ чемъ ссылался на князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, который при томъ былъ". Панинъ описалъ императрицѣ своей разго-

воръ съ Тепловымъ; но Неплюевъ и самъ 10-го числа написалъ Екатеринѣ, что надобно Мировича истязать.

Того же самаго 10-го іюля пріѣхалъ въ Ригу Кашкинъ и подалъ императрицѣ первый допросъ Мировича, который сказалъ: „Намѣреніе мною учиненнаго злодѣйства предпріято сего году апрѣля съ 1-го числа; а къ сему меня побудили слѣдующія причины: 1) Когда мнѣ случалось бывать во дворцѣ, тогда, видя, что до штабъ-офицера, также и прочихъ статскихъ чиновъ людей свободно предъ ея императорское величество допускаютъ, а ниже оныхъ, какъ-то и оберъ-офицеровъ, не пускаютъ. 2) Когда случалось быть такимъ операмъ, въ которыхъ ея императорское величество присутствовать соизволила, что я также допущаемъ не былъ. 3) Что штабъ-офицеры не такое почтеніе, какое офицеръ по своей чести имѣть къ себѣ должествуетъ, отдаютъ, якоже и то, что тѣхъ, кои изъ дворянъ, съ тѣми, кои изъ разночинцевъ, сравниваютъ. 4) Когда я просилъ о выдачѣ мнѣ изъ отписаннаго предковъ моихъ имѣнія, сколько изъ милости ея императорскаго величества пожаловано будетъ, то въ резолюціи написано было слѣдующее: „По прописанному здѣсь просители никакого права не имѣютъ, и для того надлежитъ Сенату отказать имъ"; на вторичную просьбу о пожалованіи пенсіи тремъ сестрамъ моимъ также отказано. Хотѣлъ я государя Іоанна Антоновича высвободить и привесть предъ артиллерійскіе полки". Изъ показаній Мировича и другихъ причастныхъ дѣлу лицъ вскрылись слѣдующія подробности. Сначала Мировичъ хотѣлъ открыть Власьеву свое намѣреніе, и 4 іюля, въ воскресенье, встрѣтясь съ этимъ офицеромъ, началъ-было ему говорить: „Не погубите ли вы меня прежде предпріятія моего?" Но Власьевъ прервалъ его рѣчь и сказалъ: „Если предпріятіе ваше такое, что можетъ васъ погубить, то я и слышать объ немъ не хочу". Послѣ этого Мировичъ сталъ уговаривать солдата Писклова, который отвѣчалъ, что если солдатство будетъ согласно, то и онъ согласенъ, и подговорилъ еще двоихъ солдатъ. Затѣмъ самъ Мировичъ подговорилъ солдата Босова, троихъ капраловъ; нѣкоторые сначала отказывались, но оканчивали словами: „Если всѣ, то и я". Мировичъ рѣшился начать дѣло немедленно, боясь, что Власьевъ догадался, о какомъ предпріятіи начиналъ онъ говорить съ нимъ, и донесъ объ этомъ куда слѣдуетъ. Во второмъ часу пополуночи, Мировичъ изъ офицерской кордегардіи сбѣжалъ внизъ въ солдатскую караульную, закричалъ: „Къ ружью!" и, ставъ передъ фрунтомъ, велѣлъ заряжать ружья. Когда вышелъ Бередниковъ, то онъ взялъ его за воротъ халата и отдалъ подъ стражу, послѣ чего двинулся съ своимъ отрядомъ къ казармѣ, гдѣ стояла гарнизонная команда. На окликъ—„кто идетъ?" Мировичъ отвѣчалъ: „иду къ государю!" Изъ гарнизона раздался ружейный залпъ; Мировичъ велѣлъ своимъ отвѣчать; но потомъ, опасаясь, чтобъ не застрѣлить Ивана Антоновича, велѣлъ отступить. Тутъ команда пристала къ нему: „Покажи видъ, по чему поступать?" Мировичъ прочелъ изъ манифеста, отъ имени Ивана, тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, могли особенно тронуть солдатъ, по прочтеніи сказалъ: „Поздравляю васъ съ государемъ!" и сталъ кричать гарнизонной командѣ, чтобъ не стрѣляли, иначе противъ нихъ будутъ изъ пушки стрѣлять. Видя, что угрозы не помогаютъ, Мировичъ дѣйствительно велѣлъ тащить пушку и опять послалъ сказать гарнизону, что будетъ палить; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что гарнизонъ уже положилъ оружіе. Мировичъ съ своею командою бросился въ казарму, вошелъ—темно, послалъ за огнемъ; но когда принесли свѣчи, то онъ увидалъ лежащее среди казармы на полу тѣло заколотаго человѣка; Власьевъ и Чекинъ стояли тутъ; Мировичъ, взглянувъ на нихъ, сказалъ: „Ахъ вы безсовѣстные! боитесь ли Бога? За что вы невинную кровь пролили?" — „Мы сдѣлали это по указу", отвѣчали офицеры, „а вы отъ кого пришли?"— „Я пришелъ самъ собою", сказалъ Мировичъ.— „Мы", продолжали офицеры, „все это сдѣлали по своему долгу, и имѣемъ указъ,—вотъ онъ!" Они подали Мировичу бумагу, но онъ не сталъ ея читать. Тутъ подступили къ нему солдаты съ вопросомъ, не прикажетъ ли заколоть офицеровъ. „Не трогайте", отвѣчалъ онъ: „теперь помощи намъ никакой нѣтъ; они правы, а мы виноваты!" Сказавши это, Мировичъ подошелъ къ тѣлу, поцѣловалъ его въ руку и ногу, велѣлъ солдатамъ положить его на кровать и вынести изъ казармы на фрунтовое мѣсто, гдѣ и происходило то, о чемъ доносилъ Бередниковъ Панину.

Власьевъ показалъ, что онъ дѣйствительно заподозрилъ въ Мировичѣ злое намѣреніе изъ словъ, сказанныхъ имъ 4 іюля, и, переговоривъ съ Чекинымъ, отправилъ Панину рапортъ объ этомъ; но курьеръ былъ задержанъ переполохомъ 5 числа. Они убили Ивана Антоновича, когда услыхали, что пушку заряжаютъ. Власьевъ счелъ нужнымъ при допросѣ утаить, что у нихъ былъ указъ не отдавать Ивана Антоновича никому живого; онъ показалъ, что они отвѣчали Мировичу: „Кто надъ нимъ (Иваномъ) что сдѣлалъ, тотъ поступалъ по указу".—„Только", прибавилъ Власьевъ, „онаго (указа) я никогда и ни откуда не имѣлъ, слѣдственно у меня какъ въ рукахъ не было, такъ и показывать было нечего, а сказали мы объ указѣ отъ смертнаго страха". О покойномъ они показали то же, что было извѣстно изъ прежнихъ донесеній: при очень крѣпкомъ здоровьи не имѣлъ онъ никакого тѣлеснаго недостатка, кромѣ сильнаго косноязычія; посторонніе почти вовсе не могли его понимать, и постоянно находившіеся при немъ понимали съ трудомъ; онъ не могъ произнести слова, не поднявъ рукою подбородка. Вкуса не имѣлъ, ѣлъ все безъ разбора и съ жадностью. Въ продолженіи 8 лѣтъ не примѣчено ни одной минуты, когда бы онъ пользовался настоящимъ

употребленіемъ разума; самъ себѣ задавалъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ: говорилъ, что тѣло его есть тѣло принца Іоанна, назначеннаго императоромъ Россійскимъ, который уже давно отъ міра отошелъ, а на самомъ дѣлѣ онъ есть небесный духъ, и именно Св. Григорій, потому всѣхъ другихъ людей почиталъ мерзѣйшими тварями; говорилъ, что такъ какъ люди другъ передъ другомъ и Св. иконамъ кланяются, то этимъ и оказывается ихъ мерзость и непотребство, а небесные духи, въ числѣ которыхъ и онъ, никому поклоняться не могутъ; желалъ быть митрополитомъ, для чего выпросилъ себѣ у Бога позволеніе временемъ и поклоны класть, какъ слѣдуетъ митрополиту. Нрава былъ свирѣпаго и никакого противорѣчія не сносилъ; грамотѣ не зналъ, намяти не имѣлъ, молитва состояла въ одномъ крестномъ знаменіи. Все время или ходилъ, или лежалъ; ходя иногда хохоталъ.

Того же 10 іюля, какъ видно еще до пріѣзда Кашкина, Екатерина написала Панину полурусское, полуфранцузское письмо, обличавшее сильное волненіе: „Никита Ивановичъ! Не могу я довольно васъ благодарить за разумныя и усердныя ко мнѣ и Отечеству мѣры, которыя вы приняли по шлюссельбургской исторіи. У меня сердце щемитъ, когда я думаю объ этомъ дѣлѣ, и много-много благодарю васъ за мѣры, которыя вы приняли и къ которымъ, конечно, нечего больше прибавить. Провидѣніе дало мнѣ ясный знакъ своей милости, давши такой оборотъ этому предпріятію. Хотя зло пресѣчено въ корню, однако я боюсь, чтобъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, глухіе слухи не надѣлали бы много несчастныхъ, ибо двое негодяевъ, которыхъ Богъ наказалъ за гнусную ложь, написанную ими въ своемъ самозванномъ манифестѣ на мой счетъ, не преминули (по крайней мѣрѣ такъ можно предполагать) посѣять свой ядъ, и доказательствомъ служитъ для меня то, что въ день моего отъѣзда изъ Петербурга одна бѣдная женщина нашла на улицѣ письмо, написанное поддѣльною рукою, гдѣ говорилось то же самое; письмо передано князю Вяземскому (исправлявшему должность генералъ-прокурора, по смѣнѣ Глѣбова) и теперь у него; надобно допросить этихъ офицеровъ, они ли написали и распространили письмо; я боюсь, чтобы зло не имѣло еще другихъ послѣдствій, ибо говорятъ, что этотъ Ушаковъ въ связи съ большимъ числомъ мелкихъ придворныхъ служителей. Наконецъ, надобно положиться на Господа Бога, Который благоволитъ открыть, я не смѣю въ этомъ сомнѣваться, все это ужасное покушеніе. Я не останусь здѣсь ни одного часа болѣе, чѣмъ сколько нужно, не показывая однако, что я спѣшу, и возвращусь въ Петербургъ, и здѣсь, надѣюсь, мое возвращеніе не мало будетъ содѣйствовать уничтоженію всѣхъ клеветъ на мой счетъ. Вспомните также вранье того офицера, что Соловьевъ привелъ; да съ Великаго поста болѣе двѣнадцати подобныхъ было—и всѣ о той же матеріи. Велите пожалуйста разсмотрѣть, не они ли (Мировичъ и Ушаковъ) тому виновниками были. Хотя въ семъ письмѣ я къ вамъ съ крайнею откровенностію все то пишу, что въ голову пришло, но не думайте, чтобъ я страху предалась; я сіе дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть, сирѣчь деннеральный и безразсудный coup; однакожь надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачества распространялись, дабы, если возможно, разомъ пресѣчь и тѣмъ избавить отъ несчастія невинныхъ простяковъ“.

Допросъ, привезенный Кашкинымъ, не вполнѣ удовлетворилъ Екатерину, какъ видно изъ письма ея къ Панину отъ 11 іюля: „Хотя по вашимъ примѣчаніямъ съ основаніемъ видится, будто у Мировича сообщниковъ нѣтъ, однако полагаться не можно на злодѣя, такого твердаго въ своемъ предпріятіи, но должно съ разумною строгостью изслѣдовать сіе дѣло. Брата утопшаго Ушакова также допросить надобно, не вѣдалъ ли онъ братниныхъ мыслей. Еще же знать желаю, въ артиллеріи [куда они везти (Ивана) намѣрены были] нѣтъ ли сообщниковъ, тѣмъ болѣе что командиръ у нихъ весьма нелюбимъ, о чемъ неоднократно уже до меня доходило эхо. Я нынѣ болѣе спѣшу какъ прежде возвратиться въ Петербурхъ, дабы сіе дѣло скорѣе окончить и тѣмъ дальныхъ дурацкихъ разглашеній пресѣчь“.

Но какъ ни торопилась Екатерина въ Петербургъ, она должна была еще ѣхать въ Митаву. Биронъ пріѣхалъ въ Ригу и умолялъ императрицу посѣтить его въ его резиденціи, которую онъ получилъ отъ щедрой и благодѣтельной руки ея величества, всемилостивѣйшей своей избавительницы и покровительницы. Екатерина должна была согласиться ѣхать въ Митаву уже и потому, чтобъ не показаться испуганною и торопящеюся въ Петербургъ; 13 іюля она отправилась въ Курляндію, на границахъ которой была встрѣчена герцогомъ и его обоими сыновьями. Въ митавскомъ дворцѣ, Биронъ, ставши на колѣни, цѣловалъ руку своей щедрой благодѣтельницы и благодарилъ за посѣщеніе. „Герцогъ“, писала Екатерина Панину, „по возвращеніи въ Ригу, принялъ меня съ великолѣпіемъ, и медаль нарочно сдѣлалъ для пріему, и деньги кидалъ въ народъ. Народъ здѣшній ждалъ моего пріѣзда изъ Митавы до перваго часа за полночь, и какъ увидѣли мою карету, то съ виватомъ проводили меня до моего дома. Пишу къ вамъ это, чтобъ показать, что Ливонцы начинаютъ поддаваться вліянію своихъ завоевателей“.

Но, среди торжествъ въ Митавѣ и Ригѣ, мысль все была занята Шлюссельбургомъ. На дорогѣ изъ Риги въ Петербургъ, 16 іюля, она писала Панину: „Сколько я желаю, чтобъ Богъ вывелъ, если есть сообщниковъ, столь я Всевышняго молю, дабы невинныхъ людей въ семъ дѣлѣ не пропадало. Я прочла календарь и записки онаго злодѣя, изъ которыхъ единомышленныхъ не видится, но только изъ одного листа видно, что онъ меня убить хо-

тѣлъ; а чтобъ они по Петербургу не разглашали свои намѣренія,—тому кажется вѣрить не можно, понеже со Святой недѣли много о семъ происшествіи почти точные доносы были, которые моимъ неуваженіемъ презрѣны". 18 іюля письмо къ Неплюеву: „Осторожность вашу не инако какъ похвалить могу, что вы за Мировичами приказали безъ огласки подсматривать; однако если дѣло не дойдетъ до нихъ, то арестовать ихъ не для чего, понеже пословица есть: „Братъ мой, а умъ свой". Все же я никакъ не желаю, чтобъ невинные пострадали".

25 іюля императрица возвратилась въ Петербургъ. Послѣ слѣдствія надъ Мировичемъ, произведеннаго Веймарномъ и не открывшаго ничего новаго, учрежденъ былъ чрезвычайный судъ изъ Сената и Синода, къ которымъ были присоединены сановники первыхъ трехъ классовъ и предсѣдатели коллегій. 25 августа судъ отправилъ къ императрицѣ депутатовъ съ просьбою позволить ему поступать по большинству голосовъ, не сносясь съ нею. Екатерина написала собственноручно на докладѣ: „Что принадлежитъ до нашего собственнаго оскорбленія, въ томъ мы сего судимаго всемилостивѣйше прощаемъ; въ касающихся же дѣлахъ до цѣлости государственной, общаго благополучія и тишины, въ силу поднесеннаго намъ доклада, на сего дѣла случай отдаемъ въ полную власть сему нашему вѣрноподданному собранію". При отбираніи голосовъ, должно ли приступить къ сентенціи, оберъ-прокуроръ Соймоновъ сталъ говорить президенту Медицинской Коллегіи, барону Черкасову, что нѣкоторые изъ духовенства приговариваютъ Мировича пытать. Тутъ исправлявшій должность генералъ-прокурора, князь Вяземскій, подошелъ и повелительнымъ тономъ запретилъ Соймонову продолжать разговоръ о мнѣніи духовенства, а у Черкасова потребовалъ немедленнаго отвѣта, должно ли приступить къ сентенціи. Черкасовъ второпяхъ отвѣчалъ, что должно; но потомъ, 2 сентября, представилъ письменное мнѣніе, что Мировича надобно пытать съ цѣлью открыть сообщниковъ или наустителей. „Намъ необходимо нужно", писалъ онъ, „жестокимъ розыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо передъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами; а то опасаюсь, чтобъ не имѣли причины почесть насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися или и комедіантами". Собраніе осердилось и просило императрицу защитить его отъ оскорбленій Черкасова. Послѣдній долженъ былъ извиниться, объявилъ, что въ добромъ намѣреніи употребилъ слова, которыми собраніе почло себя оскорбленнымъ. Написаніе сентенціи возложено было на Адама Васильевича Олсуфьева, генералъ-поручика Веймарна и президента Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ Дѣлъ—Эмме. Члены Синода объявили, что, какъ духовные, подписывать смертный приговоръ не могутъ, хотя и признаютъ, что Мировичъ достоинъ жесточайшей казни. Смертная казнь совершилась 15 сентября, передъ полуднемъ, на Петербургскомъ островѣ, на Обжорномъ рынкѣ. Сохранилось извѣстіе, что Мировичъ всходилъ на эшафотъ съ твердостью и благоговѣніемъ. Державинъ оставилъ намъ извѣстіе о томъ, какое впечатлѣніе произвела смертная казнь на народъ, отвыкшій отъ нея съ царствованія Елисаветы. „Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и на мосту, не обыкшій видѣть смертной казни и ждавшій почему-то милосердія государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнулъ и такъ содрогся, что отъ сильнаго движенія мостъ поколебался, и перила обвалились. Солдаты, дѣйствовавшіе вмѣстѣ съ Мировичемъ въ Шлюссельбургѣ, прогнаны сквозь строй и потомъ разосланы по отдаленнымъ гарнизонамъ. Власьевъ и Чекинъ получили по 7,000 рублей награжденія, отставлены отъ службы съ сохраненіемъ жалованья и дали подписку: подъ лишеніемъ чести и живота не утруждать императрицу относительно содержанія, жить всегда въ отдаленіи отъ великихъ и многолюдныхъ компаній; обоимъ вмѣстѣ нигдѣ въ компаніяхъ не быть и на дѣлахъ, особенно приказныхъ, не подписываться; въ столичные города безъ крайней нужды не ѣздить, и если придется ѣхать, то не вмѣстѣ; объ извѣстномъ событіи никогда не говорить [1]).

До отъѣзда своего въ Прибалтійскія области, императрица присутствовала четыре раза въ Сенатѣ, и по возвращеніи изъ путешествія—три. Сенатъ, раздѣленный на департаменты, сталъ жить новою жизнью. Мы видѣли, что генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, вслѣдствіе разысканія Крыловскаго дѣла, не могъ оставаться при своей важной должности. 3 февраля Сенатъ получилъ указъ: „Въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, касающихся до генерала-прокурора Глѣбова, ея императорское величество повелѣваетъ впредь отправлять генералъ-прокурорскую должность генералъ-квартирмейстеру, князю Александру Вяземскому" [2]). Екатерина написала ему собственноручно секретнѣйшее наставленіе, которое начинается очень нелестнымъ отзывомъ о Глѣбовѣ, причемъ задѣтъ и благодѣтель его, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ. Выходка противъ Шувалова показываетъ такое сильное раздраженіе, вынесенное изъ прошедшаго, которое заставило забыть, что подобная выходка въ инструкціи генералъ-прокурору вовсе не у мѣста. „Прежнее худое поведеніе, корыстолюбіе, лихоимство и худая вслѣдствіе сихъ свойствъ репутація, недовольно чистосердечія и искренности противъ меня нынѣшняго генералъ-прокурора,—все сіе принуждаетъ меня его смѣнить и совершенно помрачаетъ и уничтожаетъ его способности и прилежанія къ дѣламъ; но и то прибавить должно,

[1]) Дѣло о Мировичѣ и переписка императрицы Екатерины по этому дѣлу—въ Государственномъ Архивѣ. О послѣднихъ минутахъ Мировича, разсказъ А. С. Строганова - въ Запискахъ Порошина.

[2]) Журналы Сената 3 февраля 1764 года.

что ни мало къ тому его несчастію послужили знаемость и короткое обхожденіе въ его еще молодости съ покойнымъ графомъ Петромъ Шуваловымъ, въ котораго онъ рукахъ совершенно находился и напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для самихъ нихъ. Все сіе производитъ, что онъ болѣе къ темнымъ, нежели къ яснымъ дѣламъ имѣетъ склонность, и часто отъ меня въ его поведеніяхъ много было сокровеннаго, чрезъ что по мѣрѣ и моя довѣренность къ нему умалялась; а вреднѣе для общества ничего быть не можетъ, какъ генералъ-прокуроръ такой, который къ своему государю совершеннаго чистосердечія и откровенности не имѣетъ; такъ какъ и для него хуже всего – не имѣть отъ государя совершенной довѣренности, понеже онъ, по должности своей, обязывается сопротивляться наисильнѣйшимъ людямъ, и слѣдовательно власть государская—одна его подпора. Вамъ должно знать, съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Ежедневные случаи васъ будутъ ко мнѣ предводительствовать (т.-е. приводить); вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наивящее благополучіе и славу отечества, и иного не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого-бъ они званія ни были; мои мысли всѣ къ тому лишь только стремятся, чтобъ какъ извнутрь, такъ и внѣ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Увидя и отъ васъ вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе, тогда вы ласкать себя можете получить отъ меня довѣренность безпредѣльную. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка; я же надѣюсь вамъ опытами показать, что у Двора люди съ сими качествами живутъ благополучно. Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечнаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ. Въ Сенатѣ найдете вы двѣ партіи; но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныя отнюдь не уважать, дабы имъ черезъ то не подать твердости и они бы скорѣе тѣмъ исчезли, а только смотрѣла я за ними недремлемымъ окомъ, людей же употребляла по ихъ способности къ тому или другому дѣлу. Обѣ партіи стараться будутъ нынѣ васъ уловить въ свою сторону. Вы въ одной найдете людей честныхъ нравовъ, хотя и недальновидныхъ разумомъ; въ другой, думаю, что виды далѣе простираются, но не ясно, всегда ли оные полезны. Иной думаетъ, для того что онъ долго былъ въ той или другой Землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой Земли все учреждать должно, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критики, несмотря на то, что вездѣ внутреннія распоряженія на нравахъ націи основываются. Вамъ не должно уважать ни ту, ни другую сторону; обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушать всякаго, имѣя только единственно пользу отечества и справедливость въ виду, и твердыми шагами идти кратчайшимъ путемъ къ истинѣ. Въ чемъ вы будете сумнительны, спроситесь со мною и совершенно надѣйтесь на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ. Всѣ мѣста и самый Сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ непрележаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ; а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ—почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ-что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной Коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего однакожъ я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и Регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и ко мнѣ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ и интересъ государственный страждетъ. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ членамъ прежніе примѣры прелестны, однакожъ покамѣстъ я жива, то останемся, какъ долгъ велитъ. Россійская имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитая общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники есть" [1]).

Первый шагъ князя Вяземскаго на новомъ поприщѣ былъ неудаченъ. 30 января произошло разногласіе между сенаторами: девять сенаторовъ полагали, чтобъ генералъ-рекетмейстеру принимать только такія прошенія, которыя означены въ его инструкціи, а прочія по разнымъ въ Сенатѣ дѣламъ принимать, въ силу указовъ, по департаментамъ оберъ-секретарямъ; но другіе пять сенаторовъ подали мнѣніе, что всѣ челобитныя принимать одному оберъ-рекетмейстеру. Эти мнѣнія 13 февраля читаны были въ Сенатѣ въ присут-

[1]) Сборникъ Рус. Истор. Общ. VII, 345.

ствіи императрицы, и, несмотря на стараніе согласить сенаторовъ, каждый изъ нихъ остался при своемъ мнѣніи. Послѣ этого князь Вяземскій поднесъ дѣло на высочайшее разсмотрѣніе и притомъ представилъ свое мнѣніе, что и онъ согласенъ съ пятью сенаторами, чтобъ всѣ челобитныя принимать одному генералъ-рекетмейстеру. Екатерина написала на доношеніи: „Генералъ-рекетмейстеру поступать по своей инструкціи, а челобитныя принимать по департаментамъ“ [1]).

30-го іюля императрица, присутствуя въ Сенатѣ, произнесла рѣшеніе, прекращавшее домогательства потомковъ на возвращеніе имѣній, конфискованныхъ у предковъ ихъ, рѣшеніе согласное съ рѣшеніемъ на просьбу Мировича. Въ 1727 г. отобраны были имѣнія у вдовы гетмана Скоропадскаго: дочь Скоропадскихъ, какъ извѣстно, была за графомъ Толстымъ: теперь секундъ-маіоръ гвардіи графъ Толстой отъ своего имени и отъ имени всѣхъ племянниковъ билъ челомъ о возвращеніи имъ имѣній Скоропадскаго, какъ наслѣдникамъ. Императрица указала: „Какъ тѣ маетности отписаны и другимъ розданы по именнымъ указамъ, то если сверхъ того нынѣ возобновлять наслѣдство гетмана Скоропадскаго, то уже ничего твердаго быть не можетъ, и для того имѣніе остается за тѣми, за кѣмъ оно донынѣ состоитъ“ [2]).

Въ инструкціи князю Вяземскому императрица, между прочимъ, говорила: „Весьма, по обширности имперіи, великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ, а у насъ нынѣ по счетамъ Монетнаго департамента не болѣе 80 милліоновъ серебра въ народѣ, которую сумму, расположа по числу людей, придетъ по 4 рубля на человѣка, если еще не меньше. Разные были проекты, изъ которыхъ, наконецъ, вышла мѣдная монета, на которую много очень жалобы, однако-жь пока не будетъ знатнаго умноженія серебра въ государствѣ, сей вредъ сносить должно, а нынѣ объ ономъ стараться надлежитъ, какъ ужь и начато, чтобъ не было разнаго вѣса монеты, содержащей одинакую цѣну, такъ какъ и разныхъ цѣнъ одного вѣсу и металла; да чтобъ серебро возможнымъ способомъ вовлечь въ государство, такъ какъ напримѣръ хлѣбнымъ торгомъ, какъ о томъ и коммисіи и коммерціи уже приказано. О выписываніи серебра много сказать не могу, какъ только, что сія матерія весьма деликатна и многимъ о семъ непріятно слышать, однако-жь вамъ надлежитъ и въ сіе дѣло вникнуть. Въ самомъ началѣ года велѣно было дѣлать золотую монету такъ, чтобъ внутренняя доброта была точно въ 15 разъ больше противъ серебряной; золотую монету дѣлать 88 пробою, каждый имперіалъ (10 рублей) вѣсомъ по три золотника и по $^3/_4$ доль, а полуимперіалъ по одному золотнику и по $^{47}/_{88}$ доль; серебряную монету дѣлать 72 пробою“ [3]).

Доходы прошлаго 1763 года простирались до 16.507,381 рубля; доходы 1764 года увеличились до 21.593,136 рублей. Несмотря на то, попрежнему были въ затрудненіи относительно удовлетворенія государственнымъ нуждамъ. Коммерцъ-Коллегія донесла Сенату, что Академія Художествъ требуетъ изъ опредѣленной для нея годовой суммы въ 20,000 рублей изъ таможенныхъ сборовъ за минувшій январь и февраль мѣсяцы 3,333 рубля 33 коп.; но таможенные сборы отданы были на откупъ на шесть лѣтъ, но нынѣшній 1764 годъ, изъ сложности сбора трехъ лѣтъ съ наддачею 170,000 р. въ годъ, а изъ этой суммы велѣно вносить въ комнату ея императорскаго величества 150,000 рублей да въ Московскій университетъ — 20,000; а по вступленіи таможенныхъ сборовъ въ казну, гдѣ и наддаенной суммы никакой уже нѣтъ, велѣно помянутые 150,000 попрежнему вносить въ Кабинетъ, и Коммерцъ-Коллегія еще 20,000 на Академію Художествъ отпустить не смѣетъ. Сенатъ также не посмѣлъ разрѣшить, и подалъ докладъ императрицѣ, которая велѣла отпустить деньги [4]). Именнымъ указомъ велѣно было изъ процентныхъ денегъ коммерческаго банка отпустить 10,400 рублей на каналъ между рѣками Волховомъ и Сясью, но фельдмаршалъ Минихъ донесъ о крайнемъ недостаткѣ денегъ для работъ при Балтійскомъ портѣ: каторжные невольники находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи вслѣдствіе невыдачи имъ на нынѣшній годъ никакой одежды и обуви. Минихъ требовалъ на содержаніе невольниковъ годовой суммы 30,751 рубль, да на уплату за подряженные и принятые матеріалы 16,131 рубль, а хотя изъ Адмиралтейской Коллегіи и отпущено 30,000 рублей, но эти деньги велѣно употреблять на одно только мольное сооруженіе и самонужнѣйшія работы, и потому онъ, Минихъ, на другіе расходы употреблять ихъ смѣлости не имѣетъ. Сенатъ отвѣчалъ, что изъ отпущенныхъ по именному указу 30,000 рублей теперь употреблять только на самые необходимые расходы, именно—на содержаніе каторжныхъ невольниковъ и приготовленіе для нихъ одежды и обуви; ему, графу Миниху, уже запрещено было впредь до указа дѣлать подряды, и это запрещеніе теперь подтверждается, и долженъ онъ подать въ Сенатъ вѣдомость, на какіе матеріалы подряды сдѣланы и на какую сумму. Но чрезъ нѣсколько дней тотъ же Минихъ представилъ донесеніе изъ канцеляріи Ладожскаго канала о совершенномъ обветшаніи канала. Сенатъ приказалъ: такъ какъ графъ Минихъ представляетъ единственно на основаніи донесенія канцеляріи канала, безъ собственнаго осмотра, и такъ какъ возобновленіе Ладожскаго канала есть дѣло государственное, очень нужное,—то послать графу Миниху указъ, что Сенатъ рекомендуетъ ему, если здоровье дозволитъ, Ладожскій каналъ осмотрѣть самому и

[1]) Журналы Сената 2 іюня.
[2]) Журналы Сената 30 іюля.
[3]) Журналы Сената 12 января.

[4]) Журналы Сената 10 и 26 марта.

подать въ Сенатъ смѣту съ мнѣніемъ. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ требовалъ увеличенія штата своей канцеляріи: Сенатъ отказалъ. Эта экономія была необходима, ибо въ августѣ Штатсъ-Контора потребовала указа объ отпускѣ заимообразно изъ присутственныхъ мѣстъ 250,000 рублей и до полученія изъ губерній подлежащихъ Штатсъ-Конторѣ сборовъ; Сенатъ приказалъ выдать требуемую сумму изъ Экспедиціи передѣла мѣдныхъ денегъ; а въ октябрѣ Сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ, что, за крайнимъ недостаткомъ денегъ въ Штатсъ-Конторѣ, слѣдуетъ выдавать пенсіи изъ суммъ Коллегіи Экономіи, а на пенсію нужно 72,000.

О безпорядкѣ, какой былъ въ Камеръ-Конторѣ, узнаемъ мы изъ ея донесенія Сенату: оставшіеся въ Коллегіи послѣ умершихъ повытчиковъ безъ принятія другими повытчиками и безъ рѣшенія съ 732 по 753 годъ счеты съ документами во время пожаровъ съ прочими дѣлами сшиваны безъ разбору и перекладованы изъ одного мѣста въ другое. Съ 1753 года Коллегія, сколько ни старалась разобрать ихъ и сдѣлать пересмотръ, не могла однако привесть въ надлежащій порядокъ, тѣмъ болѣе-что въ книгахъ листы погнили, а иные изодраны, документовъ и выписей большею частью нѣтъ, и впредь, сколько въ этомъ ни упражняться, трудъ будетъ безполезный.—Рѣшивши подать докладъ, чтобъ дѣла эти оставить безъ разбора и, запечатавъ, хранить въ Архивѣ для справокъ, Сенатъ прибавилъ: въ представленіи Камеръ-Коллегіи показано, что счеты остались послѣ умершихъ повытчиковъ безъ принятія ихъ преемниками, которые должны были принять ихъ и немедленно описать ихъ порячно; но этого не было сдѣлано, что причитается за крайній непорядокъ бывшимъ тогда присутствующимъ, и хотя нельзя думать, чтобъ впредь могли произойти такія неисправности и упущенія, однако Сенатъ почитаетъ долгомъ своимъ напомнить Камеръ-Коллегіи, чтобъ въ храненіи дѣлъ и произведеніи счетовъ въ свое время поступаемо было съ крайнею внимательностью [1]). О безпорядкахъ по шталмейстерскому управленію говоритъ императрица въ письмѣ своемъ къ Елагину: „Иванъ Перфильевичъ! подалъ мнѣ Репнинъ чрезъ шталмейстера Нарышкина докладъ о ихъ недостаткахъ, прося денегъ. Пожалуй, вникни въ ихъ домостройство или домонестройство, да притомъ знай, что я вѣдаю отъ штатсъ-конторскаго прокурора, что они уже все 1765 года получили или, лучше сказать, забрали, а я запретила тамо (чего они не знають) имъ болѣе впередь дать; да сверхъ того Репнинъ всякой день принимаетъ снова всякихъ распудренныхъ дворянчиковъ, которые ничего не смыслятъ, кромѣ петиметрства“ [2]).

Въ инструкціи князю Вяземскому императрица говорила: „Великое отягщеніе для народа есть соль и вино на такомъ основаніи, какъ оныя нынѣ находятся. Въ кормчествѣ столько винныхъ, что и наказывать ихъ почти невозможно, понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли, а что пресѣчь нельзя, нехудо къ тому изыскивать способы къ отправленію и облегченію народному“. 23 марта учреждена была коммисія для разсмотрѣнія государственныхъ соляныхъ и винныхъ сборовъ. Въ инструкціи коммисіи говорилось: „Полагая за главное всему дѣло правило, что виннымъ и солянымъ сборамъ неотмѣнно быть должно, изыскивать вообще такія средства, чтобъ оные сборы казнѣ соблюдены и умножены, а притомъ бы и народу не въ тягость были“ [3]).

Относительно банковъ Сенатъ получилъ два указа императрицы: „1) При учрежденіи государственныхъ банковъ опредѣлено, что и партикулярные люди могутъ свои деньги приносить въ нихъ для отдачи въ ростъ, и потому отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ Воспитательнаго Дома, нѣсколько и получено. Ея императорское величество, желая у партикулярныхъ людей отнять всякое сомнѣніе и утвердить банковый кредитъ, повелѣваетъ такія приносимыя деньги раздавать особо, не мѣшая съ казеннымъ капиталомъ, и получаемые съ нихъ проценты, равно какъ и самые капиталы, не только никуда по присылаемымъ указамъ въ расходъ не употреблять, но и въ казнѣ отнюдь не держать, а раздавать также въ ростъ, присовокупляя проценты къ капиталу, или возвращать вкладчикамъ по ихъ желанію, и Воспитательному Дому, и прежде истеченія сроковъ возвращать безъ всякой остановки по востребованію; все же сіе такъ твердо содержать, что хотя иногда нечаянно и за подписаніемъ ея императорскаго величества присланъ былъ бы указъ въ противность онаго,—не исполнять, а представлять ея императорскому величеству. 2) Такъ какъ многіе купцы явились неисправны въ платежѣ своихъ долговъ по коммерческому банку, а нѣкоторые и ненадежны, то ея императорское величество 4 марта 1764 года повелѣла оному банку быть въ вѣдомствѣ всей Коммерцъ-Коллегіи, и хотя къ первоположенному капиталу 500,000 и числится нынѣ всей суммы и съ капиталомъ 802,720 рублей, изъ которыхъ не прошли еще нѣкоторые сроки, но просроченныхъ уже явилось болѣе 382 рублей. Изъ такихъ обстоятельствъ банка сего ея императорское величество предусматриваетъ потерю немалаго капитала. Для сихъ причинъ и надзираніе всей Коллегіи ея императорское величество почитаетъ не за довольное еще средство къ поправленію сего дѣла, потому что при многихъ голосахъ наблюденіе канцелярскаго порядка въ употребляемыхъ ко взысканію казенныхъ долговъ средствахъ можетъ произвести излишнюю потерю времени, а паче всего дѣйствіе по точности указовъ не дозволяетъ имѣть

[1]) Журналы Сената 27 апрѣля; 30 іюня; 5, 18 и 19 августа; 19 октября, 2 ноября.

[2]) Сборн. Русск. Историч. Общ. VII, 404.

[3]) Пол. Собр. Зак. № 12,105.

никакого снисхожденія въ таковыхъ случаяхъ, гдѣ иногда можно, по разсмотрѣнію, чиня надежныя отсрочки, и казну удовольствовать, и купца не разорить. Чего ради ея императорское величество повелѣваетъ купеческому банку быть въ вѣдомствѣ камергера графа Николая Головина, чтобы оный просроченныя деньги и съ интересами ихъ собралъ вмѣстѣ съ президентомъ Коммерцъ-Коллегіи Евреиновымъ, и принимали такія мѣры, чтобъ купцамъ надежнымъ разоренія не учинить, ни казна-бъ не потерпѣла" [1]).

Сенатъ долженъ былъ напоминать Мануфактуръ-Коллегіи указъ Петра Великаго 1724 года о донесеніи въ Сенатъ по два раза въ годъ, приходятъ ли фабрики и мануфактуры въ совершенство, и какое производство гдѣ и когда размножено [2]). Бергъ-Коллегіи было подтверждено указомъ, чтобъ она употребила всевозможное стараніе о заведеніи и размноженіи въ Россіи стальныхъ и желѣзныхъ фабрикъ и сравнять ихъ произведенія съ произведеніями Штейерскихъ фабрикъ, ибо екатеринбургская сталь, изъ которой дѣлаются ружья, уступаетъ штейерской, а дѣлаемыя на Демидовскихъ заводахъ косы хуже нѣмецкихъ, и расходу на нихъ мало. Вице-президентъ Мануфактуръ-Коллегіи Сукинъ донесъ, что въ этой Коллегіи не только по многимъ сенатскимъ указамъ исполненія не сдѣлано, но и по именному указу о мануфактурахъ и купечествѣ по собраннымъ извѣстіямъ еще сочиняется выписка; а президентъ Мануфактуръ-Коллегіи, извѣстный Волковъ, объявилъ, что Коллегія, безъ его совѣтовъ, продолжаетъ раздавать привилегіи на заведеніе новыхъ фабрикъ, и требовалъ, чтобъ не для его персоны, но изъ уваженія къ указу и для службы ея императорскаго величества, Коллегія поступала не такъ рѣшительно, а спрашивала его согласія. Сенатъ приказалъ потребовать отвѣта у Коллегіи. Дѣло шло о позволеніи князю Долгорукову завести хрустальную фабрику, и Коллегія отвѣчала, что хотя разсужденіе объ этомъ въ ней и происходило, однако рѣшительнаго опредѣленія подписано не было, и позволенія князю Долгорукову не дано.

Новый вице-президентъ конторы Главнаго Магистрата, князь Мещерскій, донесъ, что по вступленіи его въ присутствіе онъ нашелъ, что контора: 1) не имѣетъ у себя настольнаго реестра нерѣшеннымъ дѣламъ; 2) реестра законамъ, которыми долженъ руководствоваться Главный Магистратъ; 3) списка колодникамъ; 4) по должности регистратора и архиваріуса ничего нѣтъ къ исполненію; 5) настольнаго реестра денежной казнѣ нѣтъ; 6) протоколы не переплетены; 7) нѣтъ вѣдомости, сколько купечества находится въ вѣдѣніи конторы и на какую сумму простираются положенные на него оклады; 8) архивъ представляетъ комнату, гдѣ по полу валяются дѣла въ кулькахъ и связкахъ; 9) денежная казна охраняется только тѣмъ однимъ, что сундуки стоятъ въ судейской палатѣ; 10) команда солдатская какъ для охраненія денежной казны, такъ и колодниковъ—такая, что до 20 человѣкъ колодниковъ распустила, а теперь подаютъ донесенія о побѣгѣ колодниковъ, которые бѣжали еще въ прошломъ году; 11) секретарь Таушевъ отъ старости исполнять должность не можетъ, а секретарь Петровъ по нерасторопности у такихъ дѣлъ, которыя требуютъ скораго рѣшенія по вексельному праву, быть не способенъ. 25 человѣкъ купцовъ подали въ Сенатъ жалобу на Коммерцъ-Коллегію, что она не опредѣляетъ купца Сушенкова браковщикомъ пеньки и льна; Коммерцъ-Коллегія въ отвѣтъ просила дать ей сатисфакцію за ложное на нее челобитье, потому что Сушенковъ не опредѣленъ по неимѣнію мѣста, и такъ уже трое браковщиковъ лишнихъ. Приказали: Сушенкову объявить, что нѣтъ мѣста,—и потому его опредѣлить нельзя, а когда будетъ мѣсто, то просить ему въ Коммерцъ-Коллегіи [3]).

1764 годъ былъ замѣчателенъ въ исторіи русской внѣшней торговли появленіемъ перваго русскаго корабля на Средиземномъ морѣ, ибо до сихъ поръ далѣе Кадикса ни одинъ русскій корабль, ни военный, ни торговый, не бывалъ. Образовалась компанія тульскаго купца Владимірова съ другими тульскими же купцами для непосредственнаго торга съ Италіею чрезъ Средиземное море. Императрица на свое иждивеніе построила для компаніи фрегатъ о 36 пушкахъ. Фрегатъ этотъ, названный „Надежда Благополучія", отправился нагруженный русскими товарами (желѣзомъ, юфтью, парусными полотнами, табакомъ, икрою, воскомъ и канатами) изъ Кронштадта 11 августа въ Ливорно, подъ командою капитана Плещеева. Факторомъ компаніи въ Ливорно былъ казанскій купецъ Пономаревъ, который прислалъ въ Петербургъ извѣстіе, что 20 ноября фрегатъ прибылъ въ Ливорно благополучно, и 24 ноября въ Екатерининъ день происходила въ Греческой ливорнской церкви торжественная служба на русскомъ языкѣ: служилъ іеромонахъ съ фрегата, служилъ въ богатомъ облаченіи, присланномъ императрицею въ греческую церковь.

Коммерцъ-Коллегіи данъ былъ именной указъ: „Для пользы купечества ввесть здѣсь въ употребленіе печатные листочки о цѣнахъ товаровъ, называемые прейсъ-куранты; на потребные же къ сему расходы принять оной Коллегіи отъ Кабинета нашего 200 рублей" [4]). Постановленіе издано, какъ новое,—не знали, что повторяютъ предписаніе Петра Великаго. Императрица для пользы купечества велѣла разослать безденежно во всѣ гильдіи купеческія напечатанную на Русскомъ языкѣ книгу: „Описаніе торгу ам-

---

[1]) Журналы Сената 1 и 2 апрѣля.

[2]) Пол. Собр. Зак. № 12,037.

[3]) Журналы Сената 12 мая, 21 іюля, 2 и 20 августа, 15 сентября и 20 октября.

[4]) Пол. Собр. Зак. № 12,009. «Петербургск. Вѣдомост» 1765 г., отъ 7 января.

стердамскаго" [1]). Новая коммисія о коммерціи вспомнила указъ Петра Великаго и приняла тоже за самонужнѣйшее и полезнѣйшее дѣло, чтобъ русскимъ молодымъ купеческимъ дѣтямъ путешествовать по славнымъ своею торговлею государствамъ и городамъ, и если-бъ кто пожелалъ сына своего посадить въ чужихъ краяхъ въ контору купеческую на нѣсколько лѣтъ для обученія теоріи и практикѣ, то не только этого не запрещать, но почитать за похвальное и полезное отечеству дѣло [2]).

Но прежде чѣмъ посылать дѣтей своихъ учиться въ заграничныя конторы, астраханскіе купцы чрезъ магистратъ свой подали въ Сенатъ просьбу позволить имъ держать у себя покупныхъ людей съ платежомъ подушныхъ, ибо, по ихмнѣнію по близости уѣздовъ, безъ своихъ покупныхъ людей всѣхъ своихъ промысловъ лишиться могутъ. Сенатъ приказалъ: старыхъ держать, а новыхъ не покупать (кромѣ крещеныхъ Калмыковъ), а Астраханскому губернатору велѣть разсмотрѣть, надобно ли на будущее время дать имъ позволеніе покупать у помѣщиковъ людей для употребленія ихъ въ матросы, и при своемъ мнѣніи въ Сенатъ приложить вѣдомость, сколько до сихъ поръ тамошнимъ купечествомъ заведено мореходныхъ судовъ и сколько требуется на нихъ матросовъ. Тогда же позволено было купцу Ѳедорову удержать троихъ людей, купленныхъ имъ для обученія матросскому ремеслу, но подтверждено, чтобъ онъ мореходное судно непремѣнно построилъ, а иначе велѣно будетъ ему продать этихъ людей тѣмъ, кому можно ихъ держать [3]).

Такъ продолжалъ тяготѣть надъ Русскою Землею исконный ея недостатокъ въ людяхъ, въ рабочихъ рукахъ, невозможность добыть вольнонаемнаго работника. Надобно было содержать землю военнаго человѣка и надобно было прикрѣпить къ этой землѣ работника; надобно было завести фабрику—надобно было приписать къ ней крестьянъ; надобно было поощрить мореплаваніе, постройку мореходныхъ судовъ—надобно было дать крѣпостного матроса: вольнаго рабочаго не было, и не было ему нужды и идти въ трудную и непривычную работу.

Но гдѣ историкъ видитъ рабство, тамъ и безъ свидѣтельствъ долженъ предполагать бѣгство и возмущеніе. Пришла вѣдомость, что въ 1763 году изъ уѣздовъ Ржевы Пустой и Заволочья бѣжитъ за рубежъ 84 человѣка помѣщичьихъ крестьянъ и людей; за то добровольно явилось изъ Польши бѣглыхъ 500 человѣкъ. Этихъ выходцевъ нужно было двигать дальше на востокъ, потому что въ прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства мѣста не было: въ псковскихъ дворцовыхъ волостяхъ не только не нашлось пустыхъ земель, но сами крестьяне нанимали пахотную землю и сѣнокосы у Псковскихъ казаковъ, у помѣщиковъ и монастырей дорогою цѣною. Несмотря на сильныя мѣры, принятыя Русскимъ правительствомъ для возвращенія бѣглыхъ изъ Польскихъ владѣній, въ концѣ года воеводская канцелярія Ржевы Пустой и Заволочья донесла, что чрезъ форпосты лѣсами выходятъ изъ Польши воры, разбойники и бѣглые солдаты, разбиваютъ помѣщиковъ и крестьянъ, крадутъ пожитки, скотъ и, подговаривая, проводятъ въ Польшу бѣглыхъ; въ нынѣшнемъ году, писала канцелярія, особенно много людей оказалось въ бѣгахъ и воровствѣ: въ Польшѣ бѣглымъ и разбойникамъ главное пристанище—въ Полоцкомъ и Невельскомъ повѣтахъ, въ имѣніяхъ князя Радзивила. Города Невля, принадлежащаго Радзивилу, губернаторъ Бобятинскій, подъ видомъ услуги Русскому правительству, заберетъ въ Польшѣ русскихъ бѣглецовъ, семей по одной и по двѣ, привезетъ на границу и требуетъ за нихъ по 30 и 20 рублей, а безъ того не отдаетъ; отдастъ одну семью, а вмѣсто того приметъ 10 или 20 бѣглыхъ русскихъ семей. Тотъ же Бобятинскій присылаетъ въ русскія угодья крестьянъ своихъ, насильственно рубитъ и увозитъ строевой лѣсъ.

Мы видѣли, что еще при Петрѣ Великомъ была попытка закрѣпостить половниковъ на Сѣверѣ, но не удалась; теперь эта попытка опять повторяется—и такъ же неудачно. Первый департаментъ Сената опредѣлилъ, что свободный переходъ половниковъ изъ черносошныхъ крестьянъ отъ владѣльца къ владѣльцу не полезенъ,—надобно его запретить, оставить ихъ жить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто до сихъ поръ поселился, и уравнять ихъ съ государственными черносошными крестьянами; а у купцовъ, если они купили земли вопреки указамъ, кромѣ жалованныхъ и написанныхъ по писцовымъ книгамъ, отобрать въ казну. Но въ общемъ собраніи всѣ сенаторы объявили, что изъ черносошныхъ крестьянъ выходятъ въ половничество совершенно бѣдные, неудовольствія отъ этого до сихъ поръ никакого не было, надобно только наблюдать, чтобъ крестьяне жили въ половникахъ по доброй ихъ волѣ; однако сенаторы перваго департамента, кн. Яковъ Шаховской и Адамъ Олсуфьевъ, остались при своемъ мнѣніи.

Императрица узнала, что крестьяне терпятъ притѣсненія отъ проходящихъ войскъ, принуждаются къ безполезнымъ работамъ. Слѣдствіемъ была слѣдующая записка къ вице-президенту Военной Коллегіи, графу Чернышеву: „Прикажите наикрѣпчайшимъ образомъ изслѣдовать по приложенному при семъ письму, и если найдется, что оно такъ, какъ здѣсь написано, то не забудьте образецъ сдѣлать для дисциплины, и чтобъ наши перестали нашихъ грабить; и какая нужда теперь можетъ быть, чтобъ чрезъ болота дѣлать мосты: нынѣ и петербургскія болота засохли" [4]).

[1]) Журналы Сената 11 февраля.
[2]) Пол. Соб. Закон. № 12,150.
[3]) Журналы Сената 20 августа.

[4]) Журналы Сената 7 и 9 февраля, 4 октября и 9 декабря.—Записка Екатерины Чернышеву отъ 11 мая—въ Государ. Архивѣ, въ копіи.

Несмотря на извѣстный разсказъ Екатерины о ея распоряженіи въ Сенатѣ насчетъ ревизіи, ревизія шла не очень удачно: въ началѣ марта Сенатъ доложилъ, что 16 января, по высочайшему повелѣнію, отправлены нарочные курьеры, и велѣно съ ними прислать въ Сенатъ краткія вѣдомости по формѣ, сколько до сихъ поръ по поданнымъ сказкамъ оказалось душъ, но, кромѣ Астраханской губерніи, ни одинъ курьеръ ни откуда еще не возвращался, и изъ присланныхъ разными губерніями доношеній видно, что во многихъ мѣстахъ еще очень мало сказокъ собрано, а сибирская губернская канцелярія доноситъ, что по обширности губерніи не скоро ихъ и собрать можетъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ императрица велѣла публиковать во всемъ государствѣ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ всѣ неподанныя до сихъ поръ ревизскія сказки непремѣнно поданы были къ 1-му сентября. По поводу ревизіи, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ приходили извѣстія, вскрывавшія въ народонаселеніи остатки до-петровской старины: такъ великолуцкая канцелярія объявила, что являются ревизскія сказки отъ казачьихъ и рейтарскихъ недорослей и прочихъ чиновъ, которые не верстаны помѣстнымъ окладомъ, а иные хотя и верстаны, да положены въ подушный окладъ. Сенатъ приказалъ: всѣхъ, имѣющихся за казачьими и рейтарскими недорослями крестьянъ опредѣлить въ подушный окладъ, а для чего означеннымъ людямъ, въ противность указамъ, до сихъ поръ дозволено имѣть крестьянъ, — о томъ губернатору представить въ Сенатъ [1]).

Печальныя извѣстія о безпорядкахъ въ областяхъ, особенно отдаленныхъ, привели императрицу къ мысли сосредоточить власть въ рукахъ губернаторовъ, ибо, по немногочисленности тогдашнихъ губерній, она могла надѣяться на достаточное число людей достойныхъ ея довѣренности. До насъ дошла любопытная записка Екатерины къ Елагину: „Слушай, Перфильевичъ: если въ концѣ сей недѣли не принесешь ко мнѣ наставленій или установленій губернаторской должности, манифестъ противъ кожедирателей да дѣло Бекетьева, совсѣмъ отдѣланныя, то скажу, что тебѣ подобнаго лѣнивца на свѣтѣ нѣтъ, да никто столько ему порученныхъ дѣлъ не волочитъ, какъ ты“ [2]). Наконецъ, Перфильичъ принесъ „наставленіе губернаторамъ“, которое было обнародовано 21 апрѣля. Наставленіе начинается указаніемъ неоспоримой истины, что „все цѣлое не можетъ быть отнюдь совершенно, если части его въ непорядкѣ и неустройствѣ пребудутъ; главныя же части, составляющія цѣлое отечество наше, суть губерніи, и онѣ самыя тѣ, которыя болѣе всего поправленія требуютъ“. Императрица обѣщаетъ современемъ произвести это поправленіе, а теперь пока самымъ нужнымъ дѣломъ считаетъ дать новыя правила для губернаторовъ. Губернаторъ называется повѣренною отъ государя особою, главою и хозяиномъ всей губерніи. Относительно взяточниковъ въ наставленіи говорится: „Хотя о душевредномъ лихоимствѣ и гнусныхъ взяткахъ многими строжайшими указами обнародовано, и мы особливо нынѣ надѣемся, что всѣ наши вѣрноподданные, чувствуя материческое наше опредѣленіемъ достаточнаго имъ жалованья милосердіе, не прикоснутся къ толь мерзкому лакомству, прелестному только для однихъ подлыхъ и ненасытнымъ сребролюбіемъ помраченныхъ душъ: однако, если-бъ въ которой губерніи, противъ чаянія нашего, таковой врагъ отечества и явился, то, по прямомъ изобличеніи въ маломъ ли или великомъ лихоимствѣ, можетъ его губернаторъ не только немедленно лишить мѣста, но и, при своемъ доношеніи, отослать къ должному осужденію въ юстицію. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ-то: при пожарѣ, голодѣ, наводненіи, моровой язвѣ, сильныхъ разбойничьихъ движеніяхъ, при народномъ возмущеніи, губернаторъ принимаетъ главное начальство надъ всѣми служащими и неслужащими въ его губерніи находящимися людьми до тѣхъ поръ, пока такое приключеніе прекратится“. Относительно сосредоточенія власти въ рукахъ губернатора говорится: „Какъ въ разсужденіи великаго имперіи нашей пространства, не бывавъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ, лежащихъ въ разныхъ климатахъ и разными выгодами довольствующихся, заочно невозможно ни всѣхъ пользъ провидѣть, ни всѣхъ неустройствъ отвратить, ниже достаточною снабдить предосторожностью: то для того всѣ земскія правительства, находящіяся въ губерніяхъ, кромѣ Москвы и Петербурга, которыя губернскимъ канцеляріямъ не подчинены, какъ, напримѣръ, таможни, магистраты, пограничныя коммисіи, полиціи и ямскія правленія, словомъ, всѣ, какого-бъ званія ни были, гражданскія мѣста, отнынѣ должны состоять въ вѣдомствѣ губернатора, какъ истиннаго опекуна врученной отъ насъ ему губерніи, дабы онъ, получая отъ нихъ рапорты и подробныя о должностяхъ и порядкахъ ихъ извѣстія, точныя обо всемъ свѣдѣнія имѣть и утѣсненныхъ людей, не могущихъ за отдаленностью идти съ жалобами своими къ вышнимъ тѣхъ мѣстъ правительствамъ, защищать и оборонять могъ. Сверхъ того, губернаторъ, имѣя о всѣхъ, до губерніи его касающихся, дѣлахъ и обстоятельствахъ прямыя отъ всѣхъ извѣстія, а изъ того собирая понятія и познанія, и чрезъ нихъ предусматривая согласно съ выгодами, торгами и промыслами ея обитателей, разныя пользы, какъ къ приращенію нашего интереса, такъ и къ общему добру служащія, Сенату нашему и намъ самимъ о томъ представлять, а вкравшіеся непорядки или и самое упущеніе и недостатокъ въ узаконеніяхъ подобными же представленіями исправлять и отвращать можетъ: ибо онъ во всемъ томъ предъ нами, яко хозяинъ своей губерніи, отчетъ и отвѣтъ дать долженствуетъ и незнаніемъ или непроницательствомъ отговариваться не можетъ“. Губернаторъ долженъ объѣзжать свою гу-

[1]) Журналы Сената 5 марта, 26 апрѣля, 14 іюня.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 351.

бернію каждые три года, наблюдая всѣ ли, какъ должно, исполняютъ свои обязанности. Губернаторъ долженъ заботиться о земледѣліи, „какъ источникѣ всѣхъ сокровищъ и богатствъ государственныхъ, и о размноженіи свойственныхъ каждой губерніи и провинціи продуктовъ, отпускаемыхъ за моря". Губернаторъ заботится объ исправности дорогъ, объ истребленіи воровъ и разбойниковъ. О количествѣ послѣднихъ можно заключить изъ словъ самаго наставленія: „Материнскймъ соболѣзнуя духомъ, мы повелѣваемъ каждому губернатору прилагать паче всего всевозможнѣйшія мѣры и попеченіе къ истребленію таковыхъ отечеству и всему роду человѣческому злодѣевъ, вывѣдывая и искореняя ихъ пристани" [1]). Относительно воеводъ отмѣненъ былъ указъ 1672 года, по которому нельзя было назначать воеводъ въ тѣ мѣстности, гдѣ у нихъ были деревни [2]). Въ концѣ года Валуйскій воевода Клементьевъ за взятки былъ лишенъ всѣхъ чиновъ. Подполковникъ Свѣчинъ, посланный въ Казанскую губернію для осмотра дубовыхъ лѣсовъ, доносилъ: опредѣленные къ новокрещеннымъ защитники и ихъ подчиненные, вмѣсто защиты, разоряютъ новокрещенъ взятками и поборами, именно: надворные совѣтники—Зеленый, Сокольниковъ; маіоры—Ларіоновъ, Воропоновъ, Лазаревъ; титулярный совѣтникъ Мякишевъ, поручикъ Алексѣевъ; прапорщики—Яшковъ, Шипиловъ; регистраторы—Гавриловъ, Чаадаевъ. Сенатъ приказалъ: изслѣдовать Казанскому губернатору, а защита отрѣшена, и Новокрещенская контора уже уничтожена [3]).

Правительство постоянно указывало на новые штаты, какъ на средство противъ взяточничества; но послѣдовательность требовала отнять у чиновника побужденіе копить денежку на черный день, на старость и болѣзнь, копить насчетъ просителей и подчиненныхъ,—послѣдовательность требовала назначенія пенсій, и пенсія была назначена статскимъ чинамъ за 35 лѣтъ службы или менѣе, въ случаѣ болѣзни [4]).

Въ 1764 году окончила свое дѣло коммисія о церковныхъ имѣніяхъ, или духовная коммисія. Указомъ Сенату 26 февраля императрица объявляла объ утвержденіи доклада коммисіи. Монастырскихъ крестьянъ было исчислено до 911,000, исключая Малороссіи и губерній Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской, гдѣ исчисленіе было произведено позднѣе; каждый крестьянинъ обложенъ былъ оброкомъ по рублю 50 копѣекъ въ годъ, что доставляло сумму въ 1 366,299 рублей. Такъ какъ архіерейскіе домы имѣли крестьянъ и должны были получать за нихъ вознагражденіе въ постоянномъ окладѣ, то всѣ епархіи раздѣлены были на три класса: въ первый зачислены были только три епархіи—Новгородская, Московская и Петербургская; во второй—8 и въ третій—15; на всѣ архіерейскіе домы отчислено было въ годъ по 149,586 рублей. Всѣхъ монастырей было 947, изъ нихъ мужскихъ—728, женскихъ—219; но изъ нихъ бо̀льшая часть не имѣла населенныхъ земель, а изъ имѣвшихъ нѣкоторые имѣли очень много крестьянъ, а другіе—очень мало. Имѣвшіе крестьянъ монастыри и, слѣдовательно, имѣвшіе право получить за нихъ вознагражденіе въ постоянномъ денежномъ окладѣ вошли въ число штатныхъ и раздѣлены были на три класса: въ первомъ мужскихъ считалось 15 монастырей, во второмъ—41, въ третьемъ—100; на всѣ эти штатные монастыри положено было выдавать въ годъ 174,750 рублей; женскіе монастыри были такъ-же раздѣлены на три класса, и на нихъ назначено было въ годъ 33,000 рублей. Монастыри, не имѣвшіе крестьянъ, оставлены были на прежнихъ своихъ средствахъ существованія, и изъ нихъ остался только 161 монастырь, а прочіе были упразднены или обращены въ приходскія церкви. Каждый архіерейскій домъ долженъ былъ имѣть богадѣльню съ опредѣленнымъ по классамъ епархій количествомъ призрѣваемыхъ; всѣхъ богадѣленныхъ обоего пола полагалось 765 человѣкъ, каждому шло по 5 рублей въ годъ: слѣдовательно вся назначенная для нихъ изъ Коллегіи Экономіи сумма простиралась до 3,825 рублей. Содержаніе отставныхъ военныхъ при архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ признано неудобнымъ, „ибо духовнымъ властямъ таковыхъ отставныхъ, яко воинскихъ людей, въ надлежащемъ порядкѣ содержать, а тѣмъ военнымъ людямъ въ спокойствіи подъ правленіемъ и смотрѣніемъ духовныхъ быть весьма несходственно. Ктому же отставные, имѣющіе у себя женъ и дѣтей, съ трудомъ могутъ себя положеннымъ окладомъ продовольствовать, и для того дѣти ихъ принуждены скитаться по міру или кормиться работою у посторонних людей, а другіе къ вотчинникамъ въ подушный окладъ записывались". Поэтому рѣшено было отставныхъ военныхъ отправлять не въ монастыри, а въ назначенные города, числомъ 31 городъ, гдѣ имъ на первый разъ отводились квартиры у обывателей, и давать жалованья: гвардіи оберъ-офицерамъ по 100 рублей, унтеръ-офицерамъ по 20, капраламъ и рядовымъ по 15; армейскихъ полковъ: подполковникамъ по 120 рублей, маіорамъ—по 100, капитанамъ по 65, поручикамъ по 40, подпоручикамъ и прапорщикамъ—по 33, унтеръ-офицерамъ по 15, рядовымъ по 10 рублей. Число такихъ отставныхъ военныхъ было опредѣлено именно 4,353 человѣка, а сумма, на нихъ отпускаемая, должна была простираться до 80,600 рублей. Право на такое „вѣчное пропитаніе" изъ субалтернъ-офицеровъ имѣли тѣ, у которыхъ было меньше 25 душъ крестьянъ, изъ капитановъ—меньше 30, а изъ штабъ-офицеровъ—меньше 40 душъ, включая въ то число недвижимыя имѣнія, принадлежащія женамъ ихъ. Вдова, оставшаяся послѣ военнаго, если

[1]) Полн. Собр. Зак. № 12,137.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 12,181.
[3]) Журналы Сената 2 ноября и 2 декабря.
[4]) Журналы Сената 27 апрѣля.

имѣетъ не болѣе сорока лѣтъ, а недвижимое имѣніе ея не болѣе вышеозначеннаго, получаетъ одинъ разъ годовое жалованье мужа; если же старше 40 лѣтъ и замужъ идти не хочетъ, то получаетъ по смерть осьмую долю мужняго жалованья; дѣти—мужского пола до 12, а женскаго до 20 лѣтъ, — получаютъ двѣнадцатую долю отцовскаго жалованья; съ 12 лѣтъ мальчики поступаютъ въ школы, дѣвицы выдаются замужъ съ приданымъ, равняющимся цѣлому годовому жалованью отца ихъ; если же по болѣзни или какому-нибудь увѣчью замужъ идти не могутъ, то получаютъ по смерть двѣнадцатую долю отцовскаго жалованья. Сумма, опредѣленная на содержаніе вдовъ и сиротъ, простиралась до 34,400 рублей [1]). Устройствомъ семинарій коммисія еще не имѣла возможности заняться, и потому это дѣло отложено было на будущее время.

Отобраніе монастырскихъ населенныхъ имѣній оправдывалось и тѣмъ, что излишекъ доходовъ съ нихъ пойдетъ, между прочимъ, на содержаніе заслуженныхъ воиновъ; поэтому легко представить себѣ безпокойство императрицы, на которую падала отвѣтственность за эту мѣру, когда ей донесли, что мѣра лишается своего оправданія, что инвалиды ходятъ по-міру; она не могла успокоиться и тогда, когда справедливость донесенія была оффиціально отвергнута. Въ концѣ ноября Екатерина дала секретную инструкцію капитану и поручику Семеновскаго полка Дурново: „Ѣхать вамъ надлежитъ отселѣ въ Москву. Пріѣхавъ туда, навѣдываться вамъ подъ рукою, есть ли на Москвѣ остаточные сверхъ опредѣленія въ инвалиды отставныхъ солдатъ, прежде при монастыряхъ живущихъ. Здѣсь слухъ носится, будто коммисія духовная менѣе положила инвалидовъ, нежели при монастыряхъ солдатъ было, и многія сотни остались безъ хлѣба и по-міру по Москвѣ будто шатаются, почему отъ меня къ графу Салтыкову писано, и отъ него ко мнѣ присланъ рапортъ, изъ котораго противное значитъ; однакожь какъ Михаилъ Баскаковъ самъ таковыхъ милостыню просящихъ видѣлъ, то нынѣ васъ посылаю, чтобъ вы истину узнали, о таковыхъ провѣдали и, сколько возможно, именно ихъ переписывали и обнадеживали ихъ, что они мною не оставлены будутъ, а вы мнѣ пришлите роспись и подавайте такую же графу Салтыкову, которому уже отъ меня приказано, на первый случай, выдать по два рубля на человѣка. Изъ Москвы поѣдете въ Александрову слободу подъ видомъ богомольства, гдѣ вамъ провѣдывать, много ли старицъ сверхштатныхъ, сколько имъ дается и въ чемъ ихъ нужды состоятъ, и, обнадеживая ихъ немедленнымъ моимъ о томъ разсмотрѣніемъ, пріѣзжайте обратно сюда“ [2]).

Расколъ постоянно давалъ о себѣ знать. Крестьяне деревни Любача, Медвѣцкой волости, въ Новгородской губерніи, собравшись въ количествѣ 35 душъ въ избу къ крестьянину Ермолину, объявили, что сожгутся. Посланъ былъ поручикъ Копыловъ съ командою; ему велѣно уговаривать ихъ, обѣщать, что если они запишутся въ расколъ и подадутъ о томъ сказки, то будутъ отпущены по домамъ безъ всякаго наказанія за сборище; для увѣщанія отправлены были также архимандритъ и протопопъ; но раскольники объявили: „Ваша вѣра не правая, а наша—истинная христіанская, крестъ четвероконечный прелестный, почитаемъ осьмиконечный, да и въ Божественномъ Писаніи у васъ много неправостей, и если насъ станутъ разорять, то мы не дадимся и сдѣлаемъ то, что Господь прикажетъ; а если насъ разорять не станутъ, то мы горѣть не хотимъ; пусть дадутъ намъ грамоту за рукою государыни, чтобъ быть намъ попрежнему, а въ двойномъ окладѣ не быть и въ церкви ходить насъ принуждать не будутъ“. На дворѣ вырыли себѣ колодезь, а въ избѣ и на дворѣ днемъ и ночью горѣла свѣча; потомъ пришли къ нимъ еще 26 душъ мужчинъ и женщинъ, и заперлись вмѣстѣ. 20-го августа раскольники просили Копылова позволить имъ сходить въ огородъ взять себѣ капусты и другихъ овощей, что́ и было имъ позволено. Вышло изъ избы человѣкъ 20 мужчинъ и женщинъ съ ружьями, рогатинами, топорами и дубинами и, набравши себѣ капусты и другихъ овощей, возвратились въ избу и опять заперлись, а на другой день выходили въ поле для сбора бобовъ. Скотъ, платье и прочіе пожитки продали за безцѣнокъ или отдали на милостыню, хлѣбъ несжатый пропалъ. Копыловъ говорилъ имъ не разъ, чтобъ сжали хлѣбъ, но они отвѣчали: „Пусть жнетъ, кто хочетъ, а насъ Господь и безъ того прокормитъ“. Сенатъ приказалъ доложить императрицѣ, не прикажетъ ли забрать ихъ непримѣтно командою подъ караулъ и сослать въ Нерчинскъ; Екатерина написала на докладѣ: „Выбрать изъ тамо живущихъ раскольниковъ поумнѣе которые и поблагонравнѣе, и послать оныхъ уговаривать; а буде сего не послушаютъ, то учинить по сему докладу“. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ донесъ, что, во исполненіе этого указа, сысканы имъ въ Новгородѣ нѣкоторые къ тому способные люди, которые два раза отправлялись къ запертымъ раскольникамъ и наконецъ успѣли уговорить ихъ разойтись по домамъ и записаться въ окладъ. Мы видѣли, что Синодъ смотрѣлъ на Ржевъ Володимеровъ, какъ на гнѣздо потаеннаго раскольничества. И теперь онъ потребовалъ отрѣшенія отъ магистратскаго присутствія бургомистра Немилова, ратмановъ—Видонова и Волоскова, за содержаніе ими потаеннаго раскола и другія противности и продерзости, и отсылки ихъ вмѣстѣ съ другими купцами и раскольниками для слѣдствія, по требованію Тверскаго архіерея. Сенатъ передалъ дѣло Новгородскому губернатору. Оказывалось, что раскольники отбивали своихъ, за которыми архіерей присылалъ команду, причемъ Видоновъ бранилъ мо-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 12,060.
[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 394.

наховъ блудниками и прелюбодѣями. Когда, на Пасхѣ, священники пришли къ Видонову съ образами, то онъ запрестольный образъ Богородицы положилъ себѣ на плеча, запѣлъ бездѣльную, мерзкую пѣсню, велѣлъ посадской женкѣ Волосковой эту пѣсню подтягивать, и оба плясали съ образомъ. Тверской епископъ Аѳанасій опредѣлилъ ржевскаго соборнаго протопопа Ивана Алексѣева наблюдать за потаенными раскольниками. Протопопъ началъ прилагать объ этомъ ревностное старачіе. Раскольники разсердились на него за это; трое изъ нихъ—Иванъ Меньшой, Климентій Чупятовъ и Михайло Орловъ—подкупили находившихся у ржевскихъ кабацкихъ откупщиковъ подпоручика Коробьина и отставнаго матроса Шеварина, съ ними, съ ихъ солдатами и съ кабацкими чумаками пришли къ дому протопопа ночью, подъ предлогомъ выемки запретнаго вина, разломали ворота и двери, заперли протопопа въ избѣ, сломали у чулана замки, пограбили 84 рубля денегъ, да на 42 рубля пожитковъ, взяли также поставленный у него на сбереженіе помѣщикомъ Рукинымъ боченокъ вина, самого протопопа били смертно, также двѣнадцатилѣтнюю дочь его и малолѣтнюю служанку; потомъ связали протопопу руки и, надѣвъ на него женскую раскольничью шубу, привезли на квартиру кабацкихъ откупщиковъ, а послѣ отвезли въ воеводскую канцелярію и отдали подъ караулъ [1]).

Астраханскій епископъ Меѳодій донесъ, что раскольникъ Гавриловъ, пойманный въ Дубовкѣ, объявилъ, что до послѣдняго издыханія желаетъ пребывать въ расколѣ, и когда дубовскій протопопъ съ войсковымъ дьякомъ стали силою принуждать его поклониться образу Св. Димитрія Ростовскаго, то онъ вышибъ образъ изъ рукъ дьяка и ударилъ по немъ рукою, отчего образъ упалъ на землю. Губернская канцелярія, куда отосланъ былъ Гавриловъ, рѣшила, что преступника должно сжечь; но такъ какъ смертныя казни болѣе не производятся, то наказать кнутомъ и сослать на Нерчинскіе заводы. Но Синодъ опредѣлилъ: такъ какъ продерзость раскольника Гаврилова произошла не отъ собственнаго его умысла, но потому, что протопопъ и дьякъ силою заставляли его кланяться образу, то они и особенно протопопъ, какъ человѣкъ духовный, больше виновны, а потому протопопа и дьяка, оказавшихся въ немаломъ невѣжествѣ и винѣ, епархіальному архіерею оштрафовать духовною епитиміею, а съ Гавриловымъ губернская канцелярія должна поступить такъ, какъ повелѣваютъ поступать указы съ незаписными раскольниками [2]).

Въ извѣстной инструкціи, данной кн. Вяземскому, императрица, между прочимъ, говорила: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно-бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи—есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью—глупостію. Сіи провинціи, такъ же Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо-бъ персона какая была произведена въ оное достоинство“.

Эта инструкція вѣроятно была уже написана послѣ того, какъ получено было извѣстіе о происходившихъ въ Малороссіи движеніяхъ въ пользу наслѣдственнаго гетманства [3]). Это извѣстіе должно было если не породить, то утвердить въ умѣ Екатерины мысль о необходимости уничтоженія гетманства, „чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло“. Для точнѣйшаго уясненія дѣла естественно было ей обратиться къ человѣку, который хорошо зналъ Малороссію и вѣроятно не разъ, въ разговорахъ, упоминалъ о тамошнемъ безнарядьи:—то былъ Тепловъ. Теперь Тепловъ долженъ былъ составить записку объ этомъ безнарядьи, которая дошла до насъ. Въ Малороссіи, по словамъ Теплова, все управлялось не правомъ и законами, а силою и кредитомъ старшинъ и обманомъ грамотныхъ людей. Вслѣдствіе такого управленія, число свободныхъ землевладѣльцевъ чрезвычайно уменьшилось, а число крѣпостныхъ земледѣльцевъ, напротивъ того, увеличилось. При поступленіи Малороссіи подъ державу Всероссійскую было населено менѣе, чѣмъ въ половину противъ настоящаго, а между тѣмъ свободныхъ крестьянскихъ дворовъ было гораздо больше, чѣмъ теперь; свободные казаки обращены въ крѣпостное состояніе старшинами и другими чиновными и богатыми людьми. По смерти гетмана Скоропадскаго, по ревизіи, произведенной великорусскими офицерами, свободныхъ дворовъ было 44,961. Изъ этого числа по 1750 годъ роздано не больше 3,000 дворовъ, что составляетъ самую малую разность, особенно если принять во вниманіе увеличеніе народонаселенія; и, несмотря на то, нынѣшній гетманъ, графъ Разумовскій, и четырехъ тысячъ дворовъ свободныхъ не нашелъ, о прочихъ же ему донесено, что всѣ крестьяне въ Польшу побѣжали, гдѣ однако, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, крестьянамъ въ подданствѣ у польскихъ пановъ гораздо труднѣе жить, чѣмъ въ Малороссіи, потому что польскіе паны все имѣніе крестьянское почитаютъ своимъ собственнымъ и берутъ подати, когда сколько имъ вздумается [4]). Въ самомъ

[1]) Журналы Сената 24 сентября и 11 ноября.

[2]) Собр. постановленій по части раскола I, 600.

[3]) См. выше «Исторія Россіи» кн. V т. XXV., гл. 3, стр. 1490.

[4]) Тепловъ не обратилъ вниманія на самое важное возраженіе противъ этого показанія о бѣгствѣ крестьянъ въ Польшу: извѣстно, что туда бѣжали крестьяне крѣпостные, спасаясь отъ помѣщичьихъ притѣсненій, а свободнымъ зачѣмъ было бѣжать.

же дѣлѣ нашлось, что всѣ государевы дворы и съ землями раскупили старшина и другіе богатые люди у самихъ мужиковъ, которые, будучи свободны, по этому самому будто бы могли сами себя и съ землями продавать. А такъ какъ необходимо, чтобъ всякая купчая утверждена была въ присутственномъ мѣстѣ и подписана сотникомъ той мѣстности, гдѣ находится продаваемая земля, то многія фальшивыя купчія обличаются и тѣмъ, что сотникъ произведенъ въ этотъ чинъ, напримѣръ въ 1745 году, а купчая скрѣплена имъ, какъ сотникомъ, въ 1737 году. Старшины все это знали; но такъ какъ они всячески стараются, чтобъ всѣ государевы земли переходили въ частныя руки, то никакого препятствія этому не дѣлали. Искорененіе казаковъ, т.-е. переходъ ихъ въ помѣщичьи крестьяне, происходилъ такъ быстро оттого, что достаточный казакъ всегда откупался отъ службы, а недостаточный, избѣгая ея, предпочиталъ жить подъ именемъ крестьянина, чѣмъ идти въ походъ; кромѣ того, оставаясь казакомъ, онъ долженъ былъ платить съ имѣнія своего большую подать, которая доходила до рубля и больше, а назвавшись мужикомъ, не имѣющимъ земель, ни собственности, платилъ въ годъ алтынъ или двѣ копейки по раскладкѣ, наравнѣ съ другими подсусѣдками; а во всякое время сами казаки плачивали помѣщикамъ, чтобъ тѣ приняли отъ нихъ на ихъ земли купчія и такимъ образомъ избавили ихъ отъ обязанности идти въ походъ.

Малороссійскіе города, мѣстечки, села, деревни, слободы и хутора съ пахатными и сѣнокосными землями не имѣютъ никакого обмежеванія: все основывается на старинномъ будто занятіи и на крѣпостяхъ, большею частью фальшивыхъ; но иные владѣютъ землями просто вслѣдствіе наѣзда сильнаго на слабаго. Наѣзды сопровождаются смертоубійствами, что ведетъ къ безконечнымъ, разорительнымъ процессамъ. Казаки, оставшіеся незакрѣпощенными, живутъ разбросанные по разнымъ мѣстамъ, вдали отъ своего сотника, и находятся въ рукахъ разныхъ помѣщиковъ. Хотя гетманскіе универсалы и гласятъ, что помѣщикамъ до казаковъ и земель ихъ въ той деревнѣ, или и мѣстечкѣ, которыя помѣщику принадлежатъ, дѣла никакого нѣтъ: однако есть ли возможность бѣдному и безпомощному казаку противиться и сотнику въ сотнѣ, и сильному помѣщику въ томъ селѣ и деревнѣ, гдѣ казакъ живетъ? Казаки строятъ сотнику домъ, косятъ на него сѣно, выставляютъ подводы, не упоминая о другихъ разореніяхъ. Избраніе въ сотники происходитъ такимъ образомъ: какъ скоро придетъ вѣсть, что сотникъ умеръ, то, прежде чѣмъ объ этомъ узнаетъ гетманъ, полковые старшины посылаютъ надобнаго имъ человѣка въ сотню для управленія ею до опредѣленія новаго сотника. Этотъ человѣкъ не сомнѣвается, что сотня его, и, пріѣхавъ на мѣсто, выкатываетъ нѣсколько бочекъ вина безграмотнымъ казакамъ, подкупаетъ священника и дьячка: тѣ соберутъ рукоприкладства отъ пьяныхъ, — и выборъ готовъ. Избранный истратитъ нѣсколько червонныхъ въ высшемъ мѣстѣ и утверждается сотникомъ. Эти сотники воспитываются такимъ образомъ: люди изъ лучшихъ фамилій, выучивъ сына читать и писать по-русски, посылаютъ его въ Кіевъ, Переяславль или Черниговъ для обученія Латинскому языку; не успѣетъ молодой человѣкъ здѣсь немного поучиться, какъ отецъ беретъ его назадъ и записываетъ въ канцеляристы, изъ которыхъ онъ и поступаетъ въ сотники, хотя казаки, которые его выберутъ, и имени его прежде не слыхивали.

Сильно вредитъ Малороссійскому народу вольный переходъ съ мѣста на мѣсто; благодаря ему, бѣдные помѣщики часъ-отъ-часу приходятъ въ большую бѣдность, богатые усиливаются, а мужики становятся пьяницами, лѣнивцами и нищими, которые въ благословенной плодородіемъ странѣ умираютъ съ-голоду. Богатые землею помѣщики населяютъ ее такимъ образомъ: опредѣленный для того служитель идетъ переманивать крестьянъ у бѣдныхъ помѣщиковъ, прельщая ихъ большими льготами, что удается очень легко, потому что бѣдный помѣщикъ заставляетъ крестьянина своего больше работать, чѣмъ богатые; или богатый помѣщикъ выставитъ на пустой землѣ своей большой деревянный крестъ, на которомъ для грамотныхъ напишетъ, а для неграмотныхъ проверченными скважинами означитъ, на сколько лѣтъ онъ обѣщаетъ новопоселившимся льготы отъ всѣхъ оброковъ и господскихъ работъ. Лѣнивые мужики не перестаютъ навѣдываться, гдѣ выставленъ крестъ на поселеніе слободы, и, провѣдавъ, выбираютъ мѣсто, которое имъ покажется льготнѣе. Такимъ образомъ вылеживаетъ мужикъ урочные годы въ крайней лѣности, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободку, ищетъ новаго креста, и такимъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного креста къ другому, перевозя свою семью. Они не заводятъ у себя никакого домоводства и потому, чтобъ удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться: ибо переходъ надобно сдѣлать тайкомъ отъ помѣщика, который подъ предлогомъ, что крестьянинъ все свое имѣніе нажилъ на его землѣ, какъ скоро узнаетъ о намѣреніи его перейти, грабитъ все его имѣніе. Такъ поступаютъ помѣщики несильные; а сильные, заманивши однажды на свою землю мужика, много и другихъ способовъ имѣютъ не выпустить его отъ себя. Такимъ образомъ, въ плодородной Малороссіи земледѣлецъ терпитъ голодъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ, государственная же выгода не только не возрастаетъ, но часъ-отъ-часу уменьшается.

Тепловъ оканчиваетъ свою записку такъ: „Сіи суть только генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ,

въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію: тогда множайшие еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалаго времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и виды были по всему сему начатки премудраго государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподоволь дѣлать надлежало; а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ“ [1]).

Эта любопытная записка, подтверждаемая извѣстіями, которыя мы вносили въ свою исторію, начиная съ XVII вѣка, представляетъ намъ наглядное объясненіе тѣхъ явленій, которыя происходили въ Западной Европѣ на рубежѣ древней и средней исторіи, когда, вслѣдствіе неразвитости экономическаго быта и слабости государственной, исчезали мелкіе землевладѣльцы, становясь подданными землевладѣльцевъ сильнѣйшихъ. Эта же записка объясняетъ намъ и уничтоженіе перехода крестьянъ на Сѣверѣ, когда увидали необходимость обезпечить бѣднаго служилаго человѣка, помѣщика, отъ переманивателей и крестовъ богатаго землевладѣльца.

Записка Теплова могла только окончательно утвердить императрицу въ намѣреніи покончить съ безпорядочнымъ бытомъ Малороссіи и начать съ уничтоженія гетманства. Движенія для установленія наслѣдственнаго гетманства служили предлогомъ, ибо безъ того трудно было бы отнять гетманство у Разумовскаго, показавшаго столько преданности въ трудныхъ обстоятельствахъ. Дѣло, впрочемъ, и тутъ кончилось нескоро. До насъ дошла записка Екатерины къ Н. И. Панину, къ сожалѣнію, безъ числа: „Никита Ивановичъ, гетманъ былъ у меня, и я имѣла съ нимъ экспликацію, въ которой онъ все то же сказалъ, что и вамъ, а наконецъ просилъ меня, чтобъ я съ него столь трудный и его персонѣ опасный чинъ сняла. Я на то отвѣтствовала, что я теперь о его вѣрности уже сомнѣваться не могу, а впредь съ нимъ далѣе изъяснюсь. Теперь извольте ему моимъ именемъ сказать, сегодня или завтра, чтобъ онъ письменно подалъ то, что онъ мнѣ говорилъ“. Въ другой запискѣ къ тому же лицу императрица пишетъ: „Приведите, пожалуй, скорѣе къ окончанію дѣло гетманское“ [2]). Гетманъ подалъ, наконецъ, просьбу объ увольненіи: „Посвящая во всѣ времена преданности моей и вѣрности къ священной особѣ вашего императорскаго величества все мое благосостояніе, теперь нахожу, что дальнѣйшее въ гетманскомъ званіи мое пребываніе можетъ коснуться сего моего главнаго въ жизни обязательства, и потому дерзаю всеподданнѣйше просить ваше императорское величество о снятіи съ меня столь тяжелой и опасной мнѣ должности. Всемилостивѣйшая государыня! Вы всевысочайше знать изволите состояніе и обстоятельства моей многолюдной фамиліи. Я себя и съ нею подвергаю монаршимъ стопамъ съ достовѣрною надеждою, что сей моего чистосердечія и вѣрности поступокъ обратитъ ко мнѣ и къ дѣтямъ моимъ вашего императорскаго величества монаршее призрѣніе и щедроту, и не будетъ мнѣ къ чувствительному ущербу ихъ воспитанія, содержанія и пристроенія“ [3]).

Императрица передала просьбу гетмана на обсужденіе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, которая доложила, что „всемѣрно воспользоваться надлежитъ просьбой Разумовскаго: для того что по многимъ и важнымъ политическимъ уваженіямъ гетманское въ Малой Россіи правленіе въ разсужденіи существа своего и искусствъ (опытовъ) прошедшихъ временъ съ интересомъ государственнымъ весьма несходно. По увольненіи гетманскомъ, поручить правленіе Малой Россіи одной изъ здѣшнихъ знатныхъ повѣренной особѣ, при ней 4 Великороссіянамъ и 4 Малороссіянамъ. Прежде Великороссіяне сидѣли по правую, а Малороссіяне—по лѣвую сторону, что утверждало въ Малороссіянахъ развратное мнѣніе, по коему поставляютъ себя народомъ отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ; для уничтоженія сего мнѣнія всю малороссійскую старшину уравнять въ классахъ съ здѣшними и сидѣть членамъ Коллегіи смѣшанно по старшинству. Способнѣйшими для занятія членскихъ мѣстъ признаются изъ Малороссіянъ: обозный генеральный Кочубей, писарь генеральный Туманскій, есаулъ генеральный Журавка, да хорунжій генеральный Апостолъ. Быть въ Коллегіи прокурору изъ Великороссіянъ“ [4]).

10 ноября данъ былъ Сенату именной указъ объ учрежденіи Малороссійской Коллегіи вмѣсто гетманскаго правленія. Предсѣдателемъ назначенъ генералъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ; малороссійскими членами назначены были лица, указанныя Иностранною Коллегіею; великороссійскими — императрица назначила генералъ-маіора Бранта и полковника князя Платона Мещерскаго; избраніе же двоихъ другихъ членовъ предоставлялось Сенату; прокуроромъ императрица назначила подполковника Алексѣя Семенова; двоихъ секретарей—одного изъ Великороссіянъ, а другого изъ Малороссіянъ и канцелярскихъ служителей долженъ былъ выбрать графъ Румянцевъ. Утверждено было представленное Иностранною Коллегію уравненіе въ классахъ. О значеніи Румянцева въ указѣ говорилось: „Сему опредѣленному отъ насъ главному Малороссійскому командиру быть въ такой силѣ, какъ генералъ-губернатору и президенту Малороссійской Коллегіи, гдѣ онъ, по дѣламъ суда и расправѣ, имѣетъ и голосъ предсѣдателя; а въ

[1]) Записка эта напечатана во II томѣ Записокъ о Южной Руси; но безъ основанія отнесена здѣсь ко временамъ императрицы Елисаветы.

[2]) Сборникъ Русск. Истор. Общ., VII, 375.

[3]) Въ Госуд. Архивѣ.

[4]) Въ Государ. Архивѣ.

прочихъ дѣлахъ, яко-то: содержанія въ народѣ добраго порядка, общей безопасности и исполненія законовъ,—долженъ онъ поступать съ властію губернаторскою, т.-е. какъ особливо повѣренный отъ насъ въ отсутственномъ мѣстѣ. Запорожской Сѣчи быть нынѣ вѣдомой въ семъ Малороссійскомъ правительствѣ" [1]).

Новый Малороссійскій командиръ получилъ отъ императрицы обширное наставленіе относительно своей должности. „Извѣстны каждому", говорилось въ этомъ наставленіи, „пространной Малороссіи обширность, многолюдство живущаго въ ней народа, великое ея плодородіе и по добротѣ климата различныя предъ многими имперіи нашей мѣстами преимущества; но, напротивъ того, не меньше извѣстно всѣмъ и то, что Россія при всемъ томъ весьма малую, а во время послѣдняго гетманскаго правленія почти и никакой отъ того народа пользы и доходовъ понынѣ не имѣла. Сверхъ сего, вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройства, несообразимое смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ, отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происхожденія; въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привилегій и вольностей узаконеніе, а настоящихъ частое и великое во зло употребленіе; весьма вредные какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ съ мѣста на мѣсто переходы; закоснѣлая почти во всемъ народѣ къ земледѣлію и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность, и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ Великороссійскаго ненависть, представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденія и старанія вашего матерію". Румянцевъ долженъ былъ имѣть подробную и вѣрную карту своей губерніи и, кромѣ этой генеральной карты, еще нѣсколько спеціальныхъ, а городамъ и знатнымъ строеніямъ планы и чертежи. „Изъ такихъ картъ, плановъ и чертежей составляемая книга, правда, не можетъ скоро сдѣлана быть: однакожъ что не начато, то никогда и сдѣлано не будетъ". Румянцевъ своею гражданскою властью долженъ былъ помогать архіереямъ при ихъ заботахъ о наблюденіи Закона Божія, „довольно вѣдая, что истинный страхъ Божій есть первое средство къ истребленію поползновенныхъ къ порокамъ и злодѣйствамъ склонностей, а напротивъ того,—ко вкорененію въ людяхъ добронравія и честности. Надлежитъ вамъ искуснымъ образомъ присматривать и за архіереями и ихъ подчиненными, дабы различными закоснѣлаго въ нихъ властолюбія ухищреніями не выступали они изъ надлежащихъ сана своего предѣловъ, простирая иногда власть свою духовную надъ мірскою, иногда же разсѣевая въ народѣ простомъ и суевѣрномъ разные ихъ намѣреніямъ полезные, общему же покою предосудительные плевелы, къ тому-жъ не безъизвѣстно, что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ какъ въ заграничныхъ польскихъ, такъ и въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ, по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства, заражаются многими ненасытнаго властолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены прошедшихъ временъ исторіи европейскія. Сего ради должны вы стараться узнать совершенно власть тамошняго духовенства по всѣмъ ея околичностямъ, такожъ имѣнія и доходы. И какъ посему весьма нужно, чтобъ въ архіереи и архимандриты посвящаемы были такіе люди, отъ которыхъ бы, по настоящему смиренію и крѣпости духовной, резонабельныхъ сентиментовъ ожидать было можно, то не худо, чтобъ вы заранѣе таковыхъ знали и въ свое время на убылыя архіерейскія и архимандричьи мѣста прямо отъ себя намъ самимъ кандидатами представляли, описывая притомъ искусство и образъ мыслей и житія ихъ. Необходимая надобность состоитъ въ томъ, чтобъ извѣстно было правительству и вамъ точное число народа Малороссійскаго, и не оставите вы представить намъ мнѣніе ваше, на какомъ основаніи и какимъ образомъ новую во всей Малороссіи ревизію учредить. И какъ не можно располагаемымъ поборамъ ни прочнаго въ установленіи своемъ основанія имѣть, ниже въ извѣстной всегда суммѣ обращаться, покуда продолжаться будутъ земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто переходы, то надлежитъ вамъ прилагать крайнее стараніе ваше,—тамошній народъ всѣми удобовозможными способами привесть къ тому, чтобъ оные переходы вовсе пресѣчены были. Впрочемъ, думаемъ мы, что при безпристрастномъ о сихъ переходахъ разсужденіи какъ помѣщики, такъ и земледѣльцы сами ясно понять должны существительную оныхъ на обѣ стороны безполезность. Непостоянство и непрочность перемѣнныхъ въ земледѣліи и въ сельской экономіи распорядковъ, конечно, помѣщикамъ въ пользу служить не могутъ; земледѣльцы же, питаясь въ семъ случаѣ одною только вольности мечтою, не понимаютъ, что полагаемые въ земледѣліи труды ихъ не токмо для нихъ и ихъ потомковъ на непремѣнныхъ селеніяхъ несравненно полезнѣе, но и, укореняясь на оныхъ, вольности своей чрезъ то не лишатся, по примѣру крестьянъ многихъ европейскихъ государствъ, гдѣ они, хотя не крѣпостные и не кабальные, живутъ однакожъ и остаются для собственной своей выгоды всегда на однихъ мѣстахъ".

Румянцеву предписывалось обратить особенное вниманіе: на первоначальную промышленность, вслѣдствіе необыкновеннаго плодородія страны; на усиленіе табачнаго производства и на размноженіе тутовыхъ деревьевъ, также на улучшеніе овцеводства; стараться о сбереженіи лѣсовъ, объ исправномъ содержаніи путей сообщенія; накрѣпко смотрѣть и провѣдывать тайно и явно, нѣтъ ли кому утѣсненія въ судѣ. Взаключеніе говорится: „Осталось еще упомянуть объ одномъ пунктѣ, ко-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 12,277.

торый особливо при учрежденіи нынѣшняго въ Малороссіи новаго правленія заслуживаетъ нѣкотораго политическаго примѣчанія. Состоитъ оный въ упомянутой сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго, который опять, съ своей стороны, пріобыкъ оказывать не неприметное къ Малороссіянамъ презрѣніе. И какъ та ненависть особливо примѣчается въ старшинахъ тамошнихъ, кои, опасаясь видѣть когда-нибудь предѣлы беззаконному и корыстолюбивому ихъ своевольству, болѣе вперяютъ оную въ простой народъ, стращая его сперва нечувствительною, а современемъ и совершенною утратою правъ ихъ и вольности, то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они, при настоящей правленія ихъ перемѣнѣ, тѣмъ паче не усугубили тайно коварство свое, что пресѣченіе прежнихъ безпорядковъ и установленіе лучшихъ учрежденій не будетъ согласоваться съ ихъ прихотями и собственною корыстію. Въ семъ разсужденіи не оставите вы наблюдать прилежно, но безъ явнаго виду и огласки, поведеніе тамошнихъ старшинъ, особливо же тѣхъ, кои хотя мало подозрительными себя окажутъ, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно свѣдано и предупреждено быть могло. И хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ и благоденствовать будетъ, когда устроеніемъ лучшихъ во всемъ порядковъ увидитъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ, однакожъ и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостію, снисхожденіемъ и ласкою истребить неосновательныя его опасенія и пріобрѣсть къ себѣ любовь его и довѣренность" [1]).

Какъ видно, это наставленіе привезъ къ Румянцеву Тепловъ, потому что отъ 15 ноября сохранилась слѣдующая записка Екатерины къ Румянцеву [2]): „Графъ Петръ Александровичъ, при семъ посылаю къ вамъ Теплова, дабы вы имѣли съ нимъ большую конверзацію о Малороссіи". Наставленіе было написано явно подъ вліяніемъ записки Теплова; очень вѣроятно, что и наставленіе было написано тѣмъ же Тепловымъ. Это участіе Теплова въ уничтоженіи гетманства заставляло нѣкоторыхъ смотрѣть на него, какъ на измѣнника въ отношеніи къ Разумовскому; толковали даже, что и донесеніе о движеніи въ пользу наслѣдственнаго гетманства подано Тепловымъ; ходилъ разсказъ, что когда Разумовскій, по пріѣздѣ изъ Малороссіи, явился во дворецъ, гдѣ его встрѣтилъ Тепловъ съ распростертыми объятіями, то графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ сказалъ: „И лобза его же предаде".

Гетманство въ Малороссіи было уничтожено, — и на этотъ разъ окончательно. Еще прежде, весною описываемаго года, Елисаветинское военное поселеніе на Южной Украйнѣ, или Новая Сербія, преобразована была въ губернію; братья Панины, Никита и Петръ, разсматривавшіе докладъ извѣстнаго генералъ-поручика Мельгунова объ этомъ преобразованіи, представили императрицѣ, что новую губернію надобно назвать Екатерининскою; но императрица написала въ резолюціи: „Называть — Новороссійская губернія". Екатерина утвердила представленіе Паниныхъ о присоединеніи къ Новороссійской губерніи угла земли отъ верховья рѣки Ингула косою линіею до мѣстечка Орелъ, лежащаго у польской границы по рѣкѣ Синюхѣ; этотъ степной уголъ считался въ запорожскомъ владѣніи. Императрица назначила главнымъ командиромъ новой губерніи Мельгунова, который долженъ былъ пріѣзжать каждую зиму въ Петербургъ для поднесенія докладовъ объ успѣхѣ дѣла. Успѣхъ этотъ долженъ былъ состоять въ скорѣйшемъ населеніи пустыннаго края. Для этого желающимъ селиться даны были льготы: каждому давался участокъ (изъ 26 десятинъ, если на землѣ лѣсъ есть, и изъ 30 десятинъ безлѣсной земли) земли въ вѣчное потомственное владѣніе; позволена была вольная продажа соли и вина, и безпошлинный вывозъ и ввозъ товаровъ; кто записывался въ полки, тому давалось по 30 рублей безвозвратно, записавшимся на поселеніе — по 12 рублей безъ различія, будетъ ли то иностранный подданный или Русскій, вышедшій изъ-за границы. Всякій можетъ взять земли сколько пожелаетъ съ условіемъ населить ее; но въ вѣчное владѣніе никому не дается болѣе 48 участковъ; никто также больше 48 участковъ купить не можетъ. Поселенцы освобождаются отъ податей на извѣстное число лѣтъ, — отъ 6 и 8 до 16, по разсмотрѣнію главнаго командира, который беретъ въ разсчетъ удобность земли и заселенія ея. Поселенцы должны были строить домы каменные или мазанки для сохраненія лѣса; на заборы и огороды дерева не употреблять, — огораживать землянымъ валомъ; винокуренъ никто не могъ имѣть, кромѣ того кто посѣетъ и выраститъ строевой лѣсъ; хлѣбное вино дозволено было вывозить изъ Польши; кто посѣялъ лѣсъ, тотъ получаетъ право вѣчнаго владѣнія засѣяннымъ урочищемъ. Докладъ оканчивался статьею о школахъ: въ школу брать всѣхъ малолѣтнихъ, учить читать, писать, ариѳметикѣ, Закону; а кто способенъ или самъ пожелаетъ, тѣхъ — иностраннымъ языкамъ и другимъ наукамъ; неимущихъ и сиротъ содержать на казенномъ коштѣ; достаточнымъ же за содержаніе въ казну платить, а за науку ни съ кого ничего не требовать. „Для женскаго пола такой же воспитательный домъ учредить: изъ сего послѣдуетъ немалое поправленіе суровыхъ и жестокосердыхъ обычаевъ способомъ благонравныхъ женщинъ, а особливо и то вкоренить весьма нужно, чтобъ женщины съ младенчества обучались и привыкали бы къ домостройству и всякой приличной работѣ. Для сиротъ и увѣчныхъ — больницу, а для приказныхъ дѣтей

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 376.
[2]) Въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

домы учредить на казенномъ коштѣ, дабы во всемъ селеніи нищаго и странствующаго, также и безвиннаго младенца, безъ призрѣнія не находилось" [1]).

Кромѣ упомянутаго угла, отрѣзаннаго отъ такъ называемыхъ запорожскихъ владѣній къ Новороссійской губерніи, къ ней же присоединена была провинція Екатерининская, составленная изъ земель, лежащихъ за пограничною линіею въ степи, на которыхъ оказались русскія поселенія, отъ рѣки Усть-Самары по устье рѣки Луганчика, включая сюда же Новосербію и Водолаги [2]). Въ концѣ года императрица утвердила докладъ сенаторовъ—кн. Шаховскаго, Панина и Олсуфьева—объ учрежденіи изъ всѣхъ слободскихъ полковъ особой губерніи, подъ именемъ Слободско-Украинской. Изъ доклада узнаемъ, что до тѣхъ поръ „служба казачья состояла на содержаніи свойственничьемъ и подпомощниковъ, и на сіе общество расписывались, для содержанія и снабженія каждаго казака ежегодныя складки, которыя непремѣнными и равными никогда быть не могли; а какъ нерѣдко случалось, что или во время, или послѣ расписанія такой складки изъ расписаннаго числа душъ многіе переходами на владѣльческія земли и иными случаями выбывали, и оставалась иногда только половина, то уже одни оставшіеся, будучи принуждены содержать казаковъ и снабдѣвать ихъ всѣми потребностями, несли великую тягость". Изъ этого любопытнаго извѣстія мы видимъ, какъ на русскихъ украйнахъ сохранялись еще первоначальныя формы быта, формы первоначальныхъ союзовъ—родового и закладничества, подлѣ свойственниковъ видимъ и захребетниковъ, которые здѣсь называются подпомощниками и подсосѣдками. Собственниковъ, подпомощниковъ и подсосѣдковъ въ новой губерніи было 154,808 душъ, и каждая душа платила по 95 копѣекъ; живущихъ за разными владѣльцами и старшинами подданныхъ Черкасъ (Малороссіянъ) было 328,814 душъ, платившихъ по 60 коп. Свободный переходъ поселянъ съ мѣста на мѣсто существовалъ и здѣсь въ описываемое время. Губернатора, воеводъ и прокурора въ новую губернію велѣно опредѣлить, на первый случай, изъ Великороссіянъ, а въ товарищи губернаторскіе и воеводскіе—изъ тамошнихъ заслуженныхъ старшинъ [3]).

Восточная украйна требовала также постояннаго вниманія. Бибиковъ доносилъ изъ Казанской губерніи: „Съ того времени какъ состоялся указъ о штатахъ, присутствующіе здѣсь въ губернской канцеляріи и по разнымъ конторамъ судьи отъ мздоимства и взятокъ, какъ слышно, воздерживаются, а если лихоимство и есть, то конечно съ большею предъ прежнимъ скромностію; секретари и подьячіе не такъ нагло взятокъ по дѣламъ требуютъ; но они не преминули однако разгласить, будто бы опять, пока на жалованье сумма соберется, велѣно кормиться отъ дѣлъ. Мнѣ отъ нѣкоторыхъ секретарей и воеводъ здѣшней губерніи слышать случалось, что нынѣ опредѣленное жалованье и четвертой доли прежнихъ ихъ поживы не замѣняетъ; по разглашенному же отъ секретарей и подьячихъ слуху, привыкшій давать взятки простой народъ безъ затрудненія давать подарки будетъ. Здѣшній губернаторъ, князь Тенишевъ, находясь здѣсь около 8 лѣтъ и бывъ прежде вицегубернаторомъ, какъ видно, доволенъ тѣмъ, что до сихъ поръ собралъ, и отъ мздоимства воздерживается, но недостаетъ ему нужныхъ для его должности знаній: - потому въ дѣлахъ слѣдуетъ совѣтамъ секретарскимъ, и чрезъ то секретарское и подьяческое пронырство къ отягощенію челобитчиковъ находитъ средство помѣщаться. Коллежскій совѣтникъ Кудрявцевъ и прокуроръ Воронцовъ, кромѣ подписанія своего имени, едва-ли какое ни есть дѣло исправлять въ состояніи, съ тою только разницею, что Кудрявцевъ, какъ сказываютъ, къ мздоимству склоненъ, а прокуроръ тому чуждъ. Въ губернской же канцеляріи присутствуетъ губернаторскій товарищъ и казанской гимназіи директоръ, надворный совѣтникъ Кожинъ, который не только отъ мздоимства вовсе свободенъ, но и все свое стараніе и попеченіе прилагаетъ о томъ, чтобъ дѣла по предписаннымъ законамъ и безъ замедленія отправлялись; но такъ какъ ему никто не помогаетъ, то признается и самъ, что вкоренившійся въ дѣлахъ непорядокъ, пронырства секретарей и подьячихъ отвратить почти способовъ не находитъ" [4]).

Еще въ началѣ 1763 года императрица, будучи въ Сенатѣ, слушала челобитную новокрещенъ Казанскаго, Чебоксарскаго и Козмодемьянскаго уѣздовъ, чтобы ихъ всѣхъ уволить отъ рекрутской повинности, а только бы брать дѣтей ихъ въ школы; называться новокрещенными не запрещать и положенныя на нихъ вновь подушныя деньги сложить; для защиты ихъ отъ присутственныхъ мѣстъ опредѣлить попрежнему надворнаго совѣтника Сокольникова или другого кого. Императрица велѣла Сенату имѣть конференцію съ Синодомъ. Дѣло шло медленно, и только черезъ годъ утвержденъ былъ докладъ, поданный конференціею. Докладъ состоялъ въ слѣдующихъ пяти статьяхъ: 1) иновѣрцамъ не платить податей за новокрещенныхъ и не отправлять за нихъ рекрутской повинности, чтобъ этимъ не принуждать ихъ къ побѣгамъ, тѣмъ болѣе-что иновѣрцевъ осталось уже немного, - большая часть ихъ крестилась; 2) по истеченіи трехлѣтней льготы, новокрещеннымъ все платить и исполнять наравнѣ съ государственными крестьянами, а вмѣсто рекрутъ брать съ нихъ деньгами; 3) Новокрещенской конторѣ и разнымъ защитникамъ не быть, а вѣдать новокрещенъ въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ; 4) хотя

[1]) Полн. Собр. Зак. № 12,099.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 12,211.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 12,293.

[4]) Донесеніе, въ Государ. Архивѣ.

Сенатъ и Синодъ представили, чтобъ въ Казанской губерніи учрежденнымъ для новокрещенъ школамъ не быть, ибо Синоду извѣстно, что обучающіяся въ нихъ новокрещенскія дѣти по большей части къ обученію не способны, но императрица собственноручно написала: „Школъ не отрѣшать, а имъ дать на волю дѣтей въ школахъ или при приходскихъ церквахъ обучать и никому принужденія не чинить"; 5) для обращенія иновѣрцевъ быть проповѣдникамъ въ Казанской епархіи троимъ, въ Тобольской, Иркутской и Тамбовской — по два, въ Нижегородской, Рязанской, Вятской и Астраханской—по одному [1]).

По ту сторону Уральскихъ горъ вскрывала печальныя явленія коммисія, назначенная для новой раскладки ясака. Якутскій казачій пятидесятникъ Баженовъ сказывалъ, что онъ отправляется въ ясачные тунгузскіе шесть улусовъ для сбора лошадей; но это порученіе онъ купилъ, заплативши за него воеводѣ Лебедеву 150 рублей, которые принужденъ былъ занять. Лебедевъ показалъ, что Баженовъ принесъ ему 150 рублей добровольно, и онъ взялъ вслѣдствіе крайней бѣдности, за неполученіемъ жалованья; и съ другихъ, отправлявшихся за ясакомъ, бралъ безъ вымогательства, и принужденъ былъ это дѣлать по тамошней дороговизнѣ, за неимѣніемъ такихъ дѣлъ, отъ которыхъ можно себя содержать; онъ проѣхалъ до Якутска 9,000 верстъ на своемъ иждивеніи, занявши до 1,500 рублей. Лебедевъ лишенъ былъ всѣхъ чиновъ, съ запрещеніемъ опредѣлять его къ какимъ бы то ни было дѣламъ.

Въ Сибири издавна существовала особаго рода промышленность — разрываніе кургановъ или бугровъ съ цѣлью поживиться вещами, закопанными въ могилы вмѣстѣ съ покойниками въ древнія времена. Теперь правительство узнало, что разрывать бугры или зюнгарскія кладбища въ Сибири запрещено, и сдѣланъ былъ запросъ Сибирскому губернатору Чичерину о причинахъ запрещенія. Чичеринъ отвѣчалъ, что такое бугрованіе въ степи запрещено подъ жестокимъ наказаніемъ по той причинѣ, что съ этого бугрованья непріятель хваталъ въ плѣнъ Русскихъ людей или побивалъ [2]).

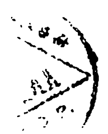
Въ маѣ мѣсяцѣ Сенатъ слушалъ любопытное изложеніе дѣла о Камчатской экспедиціи и сношеніяхъ съ Китаемъ по поводу Амурскихъ береговъ. Камчатская экспедиція началась съ 1724 года; бывшій ея начальникъ, капитанъ-командоръ Берингъ, доходилъ до американскихъ береговъ, а капитанъ Шпанбергъ былъ у японскихъ береговъ, гдѣ народъ оказался склоннымъ къ торговлѣ, но по причинѣ трудности доставлять припасы въ эту экспедицію, она въ 1743 году остановлена впредь до новаго указа. Въ 1753 году, по предложенію Петра Ив. Шувалова, въ Сенатѣ опредѣлено относительно возобновленія экспедиціи спросить мнѣнія у Сибирскаго губернатора Мятлева. Мятлевъ представилъ, что прежде всего надобно усилить хлѣбопашество въ Нерчинскомъ уѣздѣ, и хлѣбъ отпускать во всѣ крѣпости и остроги, лежащіе по северовосточнымъ берегамъ, рѣками—Ингодою, Аргуномъ и Амуромъ. Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ представила, что рѣка Амуръ уступлена по трактату въ китайскую сторону. По мнѣнію Коллегіи, надобно было при соединеніи рѣки Ингоды съ Аргуномъ пріискать удобное мѣсто для постройки судовъ и справиться о глубинѣ рѣки Амура, и если глубины довольно, то строить тутъ и морскія суда, отъ Китайскаго же Двора требовать свободнаго плаванія по Амуру для русскихъ судовъ. Если же рѣка Амуръ явится мелководна, то домогаться въ Пекинѣ позволенія на устьи Амура построить небольшую крѣпость и завести корабельныя верфи; когда возобновится экспедиція, то склонять въ подданство такіе народы, которые никакой другой державѣ не подвластны. По этому представленію, въ Сенатѣ было опредѣлено: Иностранная Коллегія должна домогаться у Китайскаго Двора свободнаго плаванія по Амуру, а между тѣмъ на рѣкѣ Ингодѣ, гдѣ она соединялась съ Аргуномъ, пріискать удобное мѣсто къ строенію судовъ, къ чему употреблять морскихъ служителей, оставшихся въ Сибири отъ Камчатской экспедиціи, и геодезистовъ; построить два судна, которыя бы могли Амуромъ и потомъ моремъ плыть въ русскіе порты; приготовить для этихъ судовъ все нужное и провіантъ на людей, и когда Китайскій Дворъ позволитъ свободное плаваніе по Амуру, то суда эти отправить немедленно, съ приказаніемъ описать подробно рѣку Амуръ и прилежащія къ ней мѣста.

Только въ 1756 году отправленъ былъ въ Пекинъ совѣтникъ Братищевъ; по возвращеніи его, въ сентябрѣ 1758 года, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ представила въ Сенатъ, что Китайскій Дворъ отказалъ въ позволеніи русскимъ судамъ плавать по Амуру, и въ грамотѣ китайскаго трибунала отъ 23 сентября 1757 года написано, что богдыханъ указалъ слѣдующее: „У насъ отъ-вѣка того не бывало, чтобъ Россіи позволено было въ какоенибудь мѣсто провозить свой хлѣбъ рѣкою Амуромъ, чего и нынѣ никоимъ образомъ позволить нельзя". Въ журналѣ бытности въ Пекинѣ Братищева показано, по развѣдыванію находящагося при немъ секундъ-маіора Якоби, что богдыханъ, разсмотря русскую грамоту, въ которой заключалась просьба о пропускѣ русскихъ судовъ по Амуру, сказалъ: „Хитрая Россія проситъ съ почтеніемъ, да притомъ и объявляетъ, что уже для того плаванія и суда приказано готовить, чѣмъ даютъ знать, что и не получа позволенія могутъ сами идти". Въ 1764 Сенатъ возобновилъ дѣло и, по его требованію, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ донесла: „Какъ ни увѣрена она въ необходимости и пользѣ того, чтобъ русскія суда рѣкою Амуромъ ходили свобод-

---

[1]) Журналы Сената 1 марта.

[2]) Журналы Сената 16 февраля, 21 іюня.



но, но, по извѣстному упорству въ томъ Китайскаго Двора, не находитъ теперь способовъ возобновить свои домогательства" [1]).

Отъ далекихъ береговъ Амура вниманіе отвлекалось событіями, происходившими на берегахъ Вислы. Выборы Польскаго короля должны были имѣть рѣшительное вліяніе на опредѣленіе отношеній императрицы къ ея главнымъ совѣтникамъ по иностраннымъ дѣламъ—Бестужеву-Рюмину и Панину. Бестужевъ проигрывалъ въ довѣріи Екатерины, твердя, что надобно оставить Польскій престолъ въ Саксонской династіи; Панинъ выигрывалъ тѣмъ, что вполнѣ согласовался съ желаніями императрицы. Донесеніе Кейзерлинга о противодѣйствіи Бестужева видамъ Екатерины [2]) окончательно убило кредитъ „батюшки Алексѣя Петровича", который съ этихъ поръ не участвуетъ больше въ дѣлахъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 10 апрѣля 1766 года. Панинъ одинъ ведетъ иностранныя дѣла, хотя и безъ канцлерскаго титула.

Отъ 24 декабря 1763 года Кейзерлингъ и Репнинъ передали императрицѣ требованія ея кандидата на Польскій престолъ, графа Понятовскаго: 1) будущему королю опредѣлить ежегодныя субсидіи и притомъ гарантировать ему прочность престола; 2) полки гвардіи и нѣсколько легкихъ войскъ должны состоять въ непосредственной командѣ короля, а не гетмана, какъ было до сихъ поръ; 3) власть королевская въ раздачѣ чиновъ и награжденій попрежнему должна остаться неотмѣнною. „Эти пункты", писали послы, „какъ сами по себѣ ни важны, кажется еще рановременны. Вашему императорскому величеству и королю Прусскому непремѣнно нужно, чтобъ въ Польшѣ фундаментальные законы были сохранены, слѣдовательно должно быть сохранено и то, что касается правъ королевскихъ. Соперникомъ молодому Понятовскому былъ одинъ старикъ Браницкій. Внутреннія смуты очень скучны, но, не поддерживаемыя ни однимъ государствомъ, онѣ непремѣнно прекратятся сами собою. Отнявши у партій надежду на успѣхъ, можно заставить ихъ уступить своихъ друзей; лишь бы только мы избавились отъ иностранцевъ, лишь бы только конвокаціонный сеймъ исключилъ ихъ изъ числа кандидатовъ, то все кончено. Коронное войско и вооруженія партіи Браницкаго безпокоятъ нашихъ друзей; они боятся даже измѣнническихъ ударовъ, и дѣйствительно, если можно чего бояться, такъ только этого; остальное не страшно, благодаря милостивой поддержкѣ вашего величества. Возможность существованія партіи гетмана короннаго зависитъ отъ союза ея съ Виленскимъ воеводою, княземъ Радзивиломъ, который вашему величеству извѣстенъ какъ безумецъ, руководствующійся только капризомъ. Я думаю, что надобно снять маску относительно этихъ господъ и заговорить съ ними громко, если они будутъ упорствовать въ своихъ вооруженіяхъ. Что касается воеводы Кіевскаго (Потоцкаго), то, кажется, онъ уже начинаетъ немного ощупывать почву, хотя сохраняетъ еще высокомѣрный тонъ и большія претензіи".

Это было писано 12 января; а въ письмѣ своемъ отъ 27 февраля Репнинъ уже говоритъ о необходимости вступленія русскаго войска въ Польскія владѣнія: „Нашъ кандидатъ и его фамилія довольны милостями вашего величества и совершенно покойны насчетъ ложныхъ слуховъ, разсѣваемыхъ противною партіею; но также правда, что вступленіе войскъ необходимо для успокоенія ихъ партіи, да и для того, чтобъ доказать мелкой шляхтѣ, какъ ложны внушенія нашихъ враговъ. Войско нужно тѣмъ болѣе, что коронный гетманъ, озлобленный малымъ успѣхомъ своимъ на сеймикахъ, старался силой поддерживать тамъ свою партію и позволялъ себѣ вопіющія нарушенія законовъ и присяги. Виленскій воевода позволилъ себѣ новыя насилія послѣ того, какъ поклялся вести себя умно; такія явныя злоупотребленія породятъ страшныя смуты, междуусобную войну: такъ, чтобы избѣжать ея, надобно ихъ припугнуть. Вступленіе войска вашего величества сдѣлаетъ ихъ осторожнѣе. У насъ теперь новый кандидатъ на Польскій тронъ — князь Любомирскій, подстолій коронный. Онъ открылъ свое намѣреніе примасу; Кіевскій воевода, пріѣхавшій вмѣстѣ съ подстоліемъ, объявилъ, что онъ и его друзья охотно подадутъ свои голоса въ пользу вельможи, столь достойнаго короны по своему происхожденію, богатствамъ и личнымъ достоинствамъ; дѣйствительно, это одинъ изъ главныхъ богачей страны; наши партизаны всегда разсчитывали на него, и онъ всегда былъ имъ преданъ". На донесеніе о Любомирскомъ Панинъ написалъ: „Ваше величество сего оригинала знать изволите,—онъ здѣсь былъ съ поздравленіемъ восшествія вашего на престолъ". Екатерина приписала на это собственноручно: „Къ коровѣ сѣдло не пристало".

На сеймикахъ дѣйствительно шла ожесточенная борьба партій, причемъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія. Изъ Вѣны писали: „Гетманъ и его партія позволили себѣ много насилій на послѣднихъ сеймикахъ. Этими оскорбленіями, равно какъ открытымъ и безпримѣрнымъ употребленіемъ военной силы, гетманъ проигрываетъ свое дѣло въ пользу противниковъ, ибо даетъ имъ предлогъ призвать на помощь Русскихъ. Русскіе придутъ и, что важно, явятся въ глазахъ народа защитниками свободы". Чарторыйскіе, видя, что имъ не сладить съ партіею гетмана, который располагалъ короннымъ войскомъ и саксонскимъ отрядомъ, обратились прямо къ императрицѣ съ просьбою прислать имъ на помощь 2,000 человѣкъ конницы и два полка пѣхотныхъ. По поводу этой просьбы, Панинъ написалъ для императрицы ремаркъ: „Тысяча легкихъ войскъ уже готова и ожидаетъ польскихъ коммисаровъ для препровожденія, что каза-

[1]) Дѣло въ Сенатскомъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ.
[2]) См. выше: «Исторія Россіи» кн. V., т. XXV.

лось бы уже и довольно въ соотвѣтствіе саксонскимъ войскамъ; но, повидимому, наши друзья ищутъ сколько возможно облегчить свои собственные депансы и себя усиливать нашими ресурсами, почему мое всеподданнѣйшее мнѣніе: другую тысячу по ихъ желанію хотя и заготовить, но однакожь къ графу Кейзерлингу напередъ написать, чтобъ наши друзья гораздо осмотрѣлися, не могутъ ли они такимъ безвременнымъ введеніемъ къ себѣ чужестранныхъ войскъ воспричинствовать противу себя національную недовѣренность и противъ насъ подозрѣнія, чѣмъ наипаче противные могутъ воспользоваться и отъ чужестранныхъ державъ достать себѣ большими деньгами подкрѣпленіе, а намъ навести отъ нихъ какія-либо безпокойства новыми дѣлами съ ихъ стороны. Итакъ, не лучше ли остаться при первомъ нашемъ планѣ, чтобъ, не притворяясь и не отлагая, устремиться къ изгнанію Саксонцевъ изъ Польши производимыми движеніями нашихъ войскъ на границахъ и перепущеніемъ въ Польшу готовыхъ уже тысячи казаковъ, а потомъ стараться единодушно взять поверхность надъ противными нынѣ раздробленными факціями собственнымъ вооруженіемъ благонамѣренныхъ магнатовъ и подкрѣпленіемъ ихъ нашими деньгами, нашимъ кредитомъ и нашею въ ихъ дѣлахъ инфлюенціею, соединенной съ королемъ Прускимъ, и, наконецъ, тою опасностію, которую, натурально, Поляки имѣть должны отъ насъ, когда ихъ дѣла пойдутъ противъ нашей воли, а особливо въ такое время, когда у насъ со всѣхъ сторонъ руки останутся свободны, чтб мы несомнѣнно имѣть и будемъ, если съ благоразумною умѣренностію пойдемъ въ семъ дѣлѣ, не напрягая излишне свои струны“. Екатерина написала на это: „Я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна и, прочитавъ промеморію, почти всѣ тѣ же рефлекціи дѣлала“.

Отрядъ русскаго войска, бывшій въ Польской Пруссіи для охраны магазиновъ, остававшихся еще отъ Семилѣтней войны, долженъ былъ, подъ начальствомъ генерала Хомутова, вступить въ Польшу и направиться поскорѣе или къ Варшавѣ, или къ Бѣлостоку, резиденціи коронпаго гетмана, чтд должно было заставить Браницкаго быть поосторожнѣе. „Правда“, писалъ Репнинъ Панину, „что этого войска мало, но для Польши довольно; я увѣренъ, что пять или шесть тысячъ Поляковъ не только не могутъ осилить отрядъ Хомутова, но и подумать о томъ не осмѣлятся. Прусской король внушалъ намъ чрезъ своего посланника, что все это дѣло должно быть устроено въ Петербургѣ. Это внушеніе можетъ происходить отъ нежеланія войти по Польскимъ дѣламъ въ какое-нибудь серіозное обязательство; я же долженъ донести, что и Полякамъ, нашимъ друзьямъ, непріятно будетъ видѣть войско Прусскаго короля въ здѣшней Землѣ; они всю надежду полагаютъ на нашу государыню, ее желаютъ видѣть первенствующею во всемъ этомъ дѣлѣ,—ее, чтобъ Прусскій король былъ во вторыхъ“.

Волненія между Поляками усиливались; австрійскій посолъ Мерси раздувалъ пламя, давалъ обѣщанія безъ конца, уговаривая противниковъ Россіи держаться твердо. Кейзерлингъ и Репнинъ потребовали отъ Хомутова, чтобъ онъ сталъ въ Закрочимѣ, въ 50 миляхъ отъ Варшавы. Извѣщая объ этомъ Панина, Репнинъ писалъ ему, что необходимо поспѣшить заключеніемъ союзнаго договора съ Пруссіею, ибо если Фридрихъ II объявитъ, что не потерпитъ вступленія Австрійцевъ въ Польшу, то они и не подумаютъ объ этомъ, и ядовитыя предложенія Мерси подвергнутся заслуженному ими презрѣнію. Репнинъ требовалъ также вступленія русскихъ войскъ въ Литву: тамъ нужно было подкрѣпить конфедерацію, составленную противъ партіи Радзивила. Требуемое войско вошло въ Литву двумя колоннами: одна, подъ предводительствомъ князя Волконскаго, двигалась чрезъ Минскъ; другая, подъ начальствомъ князя Дашкова (мужа знаменитой Екатерины Романовны), шла на Гродно.

20 апрѣля (н. с.) 26 польскихъ магнатовъ подписали письмо императрицѣ, въ которомъ говорили: „Мы, не уступающіе никому изъ нашихъ согражданъ въ пламенномъ патріотизмѣ, съ горестію узнали, что есть люди, которые хотятъ отличиться неудовольствіемъ по поводу вступленія войскъ вашего императорскаго величества въ нашу страну и даже сочли приличнымъ обратиться съ жалобою на это къ вашему величеству. Мы видимъ съ горестію, что законы нашего отечества недостаточны для удержанія этихъ мнимыхъ патріотовъ въ должныхъ предѣлахъ. Съ опасностію для насъ мы испытали съ ихъ стороны притѣсненіе нашей свободы, именно на послѣднихъ сеймикахъ, гдѣ военная сила стѣсняла подачу голосовъ во многихъ мѣстахъ. Намъ грозило такое же злоупотребленіе силы и на будущихъ сеймахъ, конвокаціонномъ и избирательномъ, на которыхъ у насъ не было бы войска, чтобъ противопоставить его войску государственному, вмѣсто защиты угнетающему государство, когда мы узнали о вступленіи русскаго войска, посланнаго вашимъ величествомъ для защиты нашихъ постановленій и нашей свободы. Цѣль вступленія этого войска въ наши границы и его поведеніе возбуждаютъ живѣйшую признательность въ каждомъ благонамѣренномъ Полякѣ, и эту признательность мы сочли своимъ долгомъ выразить вашему императорскому величеству“. Въ числѣ подписей находятся имена: Островскаго (епископа Куявскаго), Шептицкаго (епископа Плоцкаго), Замоцкаго, пятерыхъ Чарторыйскихъ (Августа, Михаила, Станислава, Адама, Іосифа), Станислава Понятовскаго, Потоцкаго, Любомирскаго, Сулковскаго, Соллогуба, Велепольскаго.

Не пренебрегали никакими средствами для поднятія Понятовскаго въ глазахъ Поляковъ. По внушенію Репнина, прусскій резидентъ писалъ Фридриху II, что надобно прислать стольнику орденъ Чернаго Орла,—и орденъ былъ присланъ такъ скоро, что Репнинъ и Понятовскій были въ затрудненіи:

они ждали ордена Андрея Первозваннаго для стольника, и послѣдній обѣщалъ не надѣвать Чернаго Орла прежде полученія Андрея. Но обстоятельства заставили перемѣнить рѣшеніе: въ Варшаву вдругъ пріѣзжаетъ другой кандидатъ на престолъ, гетманъ Браницкій, и, чтобъ произвесть на него впечатлѣніе, Понятовскій надѣлъ Чернаго Орла. „Такой явный знакъ расположенія Прусскаго короля сильно подкрѣпитъ наши дѣла", писалъ Репнинъ; „но чтобъ дать Понятовскому еще больше значенія, надобно прислать ему Андреевскій орденъ: онъ страстно его желаетъ, не смѣя просить".

Въ концѣ апрѣля начали съѣзжаться въ Варшаву сенаторы, послы (депутаты) и разные паны на конвокаціонный сеймъ; каждый приводилъ съ собою, по обычаю, сколько-нибудь вооруженныхъ людей, но Радзивилъ привелъ 3,000 вооруженныхъ, также и у гетмана коронинаго Браницкаго былъ большой отрядъ войска; но для подкрѣпленія фамиліи русское войско стояло двумя лагерями — въ Уяздовѣ и на Солцѣ; у Чарторыйскихъ было также и свое войско. Днемъ открытія сейма назначено было 7 мая (н. с.). Въ этотъ день Варшава представляла городъ, занятый двумя враждебными войсками, готовыми къ бою. Партія Чарторыйскихъ явилась на сеймъ; но членовъ противной партіи не было,—они съ ранняго утра совѣщались у гетмана и, наконецъ, подписали протестъ противъ нарушенія народнаго права появленіемъ русскихъ войскъ. Хотѣли сорвать сеймъ—не удалось; требовали составить немедленно тутъ же, въ Варшавѣ, конфедерацію, но Браницкій струсилъ, объявилъ, что не видитъ для себя безопасности въ столицѣ, и выступилъ изъ Варшавы, съ цѣлью составить конфедерацію въ болѣе удобномъ мѣстѣ; но время тратилось въ безплодныхъ толкахъ, а между тѣмъ слѣдомъ за гетманомъ шелъ русскій отрядъ Дашкова, перешедшій изъ Литвы въ Польшу.

Въ 21 милѣ отъ Варшавы этотъ отрядъ имѣлъ небольшое дѣло съ гетманскимъ аріергардомъ; при этомъ дѣлѣ случился и Репнинъ, пріѣхавшій повидаться съ Дашковымъ. По поводу стычки Репнинъ писалъ: „Могу справедливо сказать, что храбрости и желанія нельзя больше имѣть, какъ наши войска показали; но и бѣгъ непріятельскій такъ-же былъ скоръ, что никакъ невозможно было успѣхъ распространить, потому особливо, что невступно въ три дни наши войска 21 милю перешли и преслѣдовать далѣе уже не въ силахъ были. Еще же долженъ по справедливости сказать, что усерднѣе и расторопнѣе нельзя быть, какъ дѣйствительно князь Дашковъ есть".

Репнинъ осыпалъ также похвалами Понятовскаго: „Благодарнѣе человѣка и намъ преданнѣе мы бы нигдѣ и николи не нашли: и онъ первый въ собраніи сейма говорилъ, чтобъ государыню возблагодарить за милостивое ея республикѣ подкрѣпленіе чрезъ входъ россійскихъ войскъ; онъ же отвратилъ взятое-было почти всѣми намѣреніе, чтобъ производить сеймики множествомъ (большинствомъ) голосовъ, а не единогласіемъ, и то тотчасъ сдѣлалъ, какъ скоро мы къ нему объ ономъ отозвались". Но иначе отозвался Репнинъ Панину о соотечественникахъ Понятовскаго: „Я не отъ лѣни и не отъ нерадѣнія въ подробности здѣшнихъ партикулярностей не вхожу, а изъ страху, чтобъ не изолгаться или бы не показаться лживымъ. Ваше высокопревосходительство не можете себѣ изобразить, сколь мало основанія имѣетъ почти генерально вся здѣшняя нація: что нынѣ за вѣрное сказываютъ, что съ клятвами увѣряютъ и очевидцами чему выдаются, то назавтра откроется совершенною ложью".

Обоимъ посламъ, Кейзерлингу и Репнину, хотѣлось какъ можно скорѣйшаго заключенія союзнаго договора съ Пруссіею. Желанный договоръ, наконецъ, былъ имъ доставленъ, и Репнинъ писалъ Панину по этому поводу (отъ 25 мая): „Трактатъ, заключенный съ Прусскимъ королемъ, весьма послу (Кейзерлингу) показался; одного только онъ еще желалъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ безъ согласія общаго въ другія обязательства ни въ какія не вступали; но я, помня разсужденія вашего высокопревосходительства по сему самому пункту, по причинѣ стараго съ Англіею трактата, чтобъ сколь возможно зависимости отъ другой короны убѣгать, старался оныя ему внушать, и не знаю вправду ли, но кажется мнѣ, что, наконецъ, онъ съ тѣмъ и согласился. Всѣ порученныя намъ дѣла уповаю, что къ желаемому концу доведены будутъ; одно только возстановленіе во всѣ старыя преимущества диссидентовъ весьма трудно кажется или почти и совсѣмъ невозможно; да если осмѣлюсь свое мнѣніе донести, то не вижу, чтобъ оно для насъ такъ и полезно было: введеніе ихъ попрежнему въ гражданскіе чины увеличитъ ихъ силу, тоже съ ними и короля Прусскаго; въ нашемъ же законѣ уже знатныхъ никого не осталось, и такъ съ силой ихъ наша—ни мало не пріумножится, а кажется, что нашъ интересъ есть, чтобъ никакой чужестранный Дворъ здѣсь сильнѣе нашего не былъ". Обоимъ посламъ не хотѣлось диссидентскимъ дѣломъ затруднять положенія Чарторыйскихъ, затруднять дѣло, которое они считали главнымъ своимъ дѣломъ—выборъ Понятовскаго въ короли.

Въ іюнѣ кончился конвокаціонный сеймъ; на немъ установлена генеральная конфедерація, которая соединилась съ литовскою, и маршалкомъ коронной конфедераціи былъ выбранъ князь Чарторыйскій, воевода Русскій: постановлено—при королевскихъ выборахъ не допускать иностранныхъ кандидатовъ: могъ быть выбранъ только польскій шляхтичъ по отцу и матери, исповѣдующій римско-католическую вѣру. На этомъ же сеймѣ Чарторыйскіе попытались начать дѣло преобразованія: учреждены были двѣ коммисіи—военная и финансовая (скарбовая); эти коммисіи уменьшали власть гетмановъ и главныхъ финансовыхъ управителей (подскарбіевъ), которые становились только ихъ

предсѣдателями, и потому королю давалась возможность ввести лучшій порядокъ въ управленіи войскомъ и финансами. Войсковой коммисіи вмѣнено было въ обязанность немедленно же исполнить постановленіе 1717 года относительно полнаго количества людей въ полкахъ, чѣмъ количество войска уже и увеличивалось.

Потихоньку начаты были преобразованія, повидимому только незначительныя. Чарторыйскіе достигали своей цѣли русскими деньгами и русскимъ войскомъ; въ вознагражденіе сеймъ призналъ императорскій титулъ Русской государыни. Въ актъ конфедераціи внесена публичная благодарность императрицѣ Русской, и съ выраженіемъ этой благодарности долженъ былъ отправиться въ Петербургъ писарь коронный, графъ Ржевускій. А между тѣмъ русское войское должно было окончательно очистить Польшу отъ могущественныхъ враговъ фамиліи. Радзивилъ, вышедшій изъ Варшавы вмѣстѣ съ гетманомъ, отдѣлился отъ него на дорогѣ, чтобъ пробраться въ свою Литву; но подъ Слонимомъ потерпѣлъ пораженіе отъ Русскихъ. Съ 1,200 конницы онъ переправился за Днѣстръ у Могилева и ушелъ въ Молдавію; но пѣхоту его и артиллерію князь Дашковъ догналъ въ деревнѣ Гавриловкѣ и взялъ въ плѣнъ. Изъ Молдавіи Радзивилъ перебрался въ Венгрію, а оттуда въ Дрезденъ. Гетманъ Браницкій, преслѣдуемый Русскими, также не могъ держаться въ Польшѣ и ушелъ въ Венгрію.

Въ то время какъ дѣла шли такъ успѣшно, Репнинъ увѣдомилъ Панина о своемъ подозрѣніи, что у русскаго кандидата есть соперникъ, именно дядя Понятовскаго, князь Августъ Чарторыйскій, воевода Русскій. „Я подозрѣваю", писалъ Репнинъ, „что Чарторыйскій самъ желаетъ короны и не выражаетъ этого желанія только потому, что не надѣется на успѣхъ. Мои подозрѣнія основываются на маломъ усердіи къ успѣху самыхъ необходимыхъ вещей, потому что онъ часто не въ духѣ, и именно когда предлагаются ему самыя существенныя дѣла; онъ не возьмется ни за что безъ понужденія, надобно сказать ему десять разъ прежде, чѣмъ онъ что-нибудь сдѣлаетъ. Мы желали, чтобъ королевское избраніе произошло посредствомъ делегатовъ, но, чтобъ не оскорбить мелкой шляхты, дали полную свободу въ этомъ дѣлѣ; многія воеводства воспользуются этою свободою и не явятся массою; но появятся массою тѣ воеводства, въ которыхъ князь Адамъ имѣетъ наибольшее вліяніе, именно Русское (Галицкое) и Сендомирское. Потомъ онъ взялъ у насъ 1,000 червонныхъ для галицкаго сеймика; и такъ какъ здѣсь образовалась конфедерація противъ насъ, то мы начали разыскивать,—отчего это, и оказалось, что Чарторыйскій не послалъ денегъ въ Галичъ; боюсь, не сдѣлалъ ли онъ того же относительно и другихъ мѣстъ. Много разъ сообщалъ я свои опасенія послу (Кейзерлингу), прусскіе министры дѣлали то же самое; но, къ несчастію, посолъ считаетъ всѣхъ такими же добрыми и честными людьми, какъ самъ, и не можетъ повѣрить, чтобъ были люди, у которыхъ одно въ головѣ, а другое на языкѣ. Такъ какъ время выборовъ приближается, то можно было бы окончательно выяснить намѣренія императрицы въ рескриптѣ, который мы должны будемъ прочесть нашимъ друзьямъ и особенно князьямъ Чарторыйскимъ. Въ рескриптѣ можно сказать, что намѣреніе императрицы относительно стольника неизмѣнно; что она обнадеживаетъ своимъ покровительствомъ и расположеніемъ всѣхъ, которые стоятъ за него; что успѣхъ не можетъ быть сомнителенъ, ибо императрица будетъ поддерживать стольника и его приверженцевъ всѣми данными ей отъ Бога средствами, и будетъ защищать его и его партію противъ всякаго, какого состоянія и фамиліи онъ бы ни былъ. Такой рескриптъ наполнитъ радостью истинныхъ друзей дѣла и страхомъ тѣхъ,—которые хотѣли бы уклониться въ другую сторону. Надобно имѣть также войско въ окрестностяхъ, и уже сдѣлано распоряженіе, чтобъ отъ 7 до 8,000 человѣкъ было въ трехъ миляхъ отсюда прежде начала избирательнаго сейма". Репнинъ оканчивалъ письмо словами: „Ради Бога, чтобъ это оставалось межъ нами; посолъ не знаетъ объ этомъ моемъ письмѣ къ вамъ, и я ни за что на свѣтѣ не пожелаю, чтобъ онъ заподозрилъ, что я предлагаю что-то безъ его вѣдома, ибо въ такомъ случаѣ я непремѣнно потеряю его дружбу и довѣріе". На этомъ письмѣ Панинъ написалъ: „Мое мнѣніе—лучше-бъ доводить дотого, чтобъ фамилія или ея друзья нашего кандидата прежде назвали, а мы-бъ къ тому приступили; однакожь, яко сіе важной разницы не дѣлаетъ, то можно оставить на избраніе на мѣстѣ, что тамъ выгоднѣйшимъ найдено будетъ" (т.-е. предоставить посламъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію). Подъ этою замѣткою Екатерина написала: „Мнѣ кажется, что намъ не годится называть кандидата, дабы до конца сказать можно было, что республика вольно дѣйствовала".

Несмотря на нежеланіе Екатерины объявлять своего кандидата, на мѣстѣ признано было необходимымъ не скрываться долѣе. 27 іюля Кейзерлингъ и Репнинъ поѣхали къ примасу, гдѣ уже нашли прусскихъ министровъ и князей Чарторыйскихъ вмѣстѣ со многими другими панами, и Кейзерлингъ прямо объявилъ при всѣхъ примасу, что императрица желаетъ видѣть на Польскомъ престолѣ графа Понятовскаго, котораго онъ, посолъ, именемъ ея величества, будетъ рекомендовать всей націи на избирательномъ сеймѣ. Прусскій посолъ сказалъ то же отъ имени своего государя; а князья Чарторыйскіе, также рекомендуя племянника, благодарили оба Двора за расположеніе къ ихъ фамиліи. Этотъ поступокъ, по отзыву Репнина, былъ нуженъ, чтобъ вывести изъ сомнѣнія многихъ колеблющихся, незнавшихъ, кому изъ своихъ друзей именно Россія прочитъ корону, и шли слухи, что стольникъ только подставка, королемъ

же будетъ воевода Русскій. Желаніе Русскаго Двора, чтобъ въ короли былъ избранъ именно Станиславъ Понятовскій, повело къ предположенію, что слѣдствіемъ этого избранія будетъ брачный союзъ между новымъ королемъ и Русскою императрицею. Любопытно, что приверженцы Понятовскаго и дядья его, Чарторыйскіе, принуждали его дать обязательство при избраніи жениться—и жениться на католичкѣ; Понятовскій не соглашался дать такое обязательство; жаловался Реннину, просилъ его отписать Панину, чтобъ его не принуждали жениться; говорилъ, что онъ не намѣренъ вступать въ бракъ, да это и не нужно, потому что Польша—государство не наслѣдственное. Но слухъ о предполагаемомъ бракѣ успѣли довести до Константинополя; Порта испугалась и объявила, что будетъ согласна на избраніе въ Польскіе короли какого угодно Пяста, только не Понятовскаго. Тогда рѣшено было внести въ условія избранія (pacta conventa), что если король женится, то непремѣнно на католичкѣ.

16 августа тихо начался избирательный сеймъ и тихо кончился 26; стольникъ Литовскій, графъ Понятовскій, былъ избранъ безъ малѣйшаго прекословія; Поляки были приведены этимъ въ большое удивленіе и говорили, что такого спокойнаго избранія никогда не бывало. Въ бытность свою въ Парижѣ, Понятовскій свелъ тѣсную дружбу съ знаменитою Жоффрэнъ, о которой подробнѣе будетъ говорено послѣ; онъ находился съ нею въ перепискѣ и не иначе называлъ ее, какъ: „*maman*“. Онъ такъ описывалъ ей свое избраніе: „Спокойствіе и тишина въ этомъ громадномъ собраніи были такъ велики, что всѣ знатныя дамы королевства присутствовали на полѣ избранія, не испытывая ни малѣйшаго неудобства, и я имѣлъ удовольствіе быть провозглашеннымъ какъ всѣми мужчинами, такъ и всѣми женщинами моего народа, присутствовавшими при избраніи, потому что примасъ, проходя мимо ихъ экипажей, дѣйствительно былъ такъ любезенъ, что спрашивалъ дамъ, кого онѣ желаютъ въ короли. Зачѣмъ вы не были тамъ,—вы бы назвали своего сына“.

Легко себѣ представить восторгъ Жоффрэнъ, когда она узнала, что молодой, блестящій Полякъ, которому она покровительствовала въ Парижѣ, избранъ въ короли: „Будущее проходитъ передъ моими глазами, какъ въ эпическихъ поэмахъ“, писала она ему: „я вижу Польшу, возрождающуюся изъ своего праха; я вижу ее въ лучезарномъ блескѣ, какъ новый Іерусалимъ! О мой дорогой сынъ, мой обожаемый король! съ какимъ восторгомъ я буду видѣть въ васъ предметъ удивленія для цѣлой Европы!“

Въ Петербургѣ также сильно радовались; императрица писала Панину: „Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали. Сей случай наипаче умножаетъ къ вамъ мою довѣренность, понеже я вижу, сколь безошибочны были всѣ вами взятыя мѣры“. Дѣйствительно, авторитетъ Панина съ этихъ поръ является во всей силѣ. Ведя также переписку съ Жоффрэнъ, Екатерина писала ей по поводу избранія Понятовскаго: „Поздравляю васъ съ возвышеніемъ вашего сына; я не знаю, какъ онъ сдѣлался королемъ, но, конечно, на то была воля Провидѣнія, и больше всего надобно поздравлять съ этимъ его королевство; у Поляковъ не было человѣка, который бы сдѣлалъ ихъ болѣе счастливыми по-человѣчески. Говорятъ, что сынъ вашъ ведетъ себя отлично, и я этому очень рада; направлять его на путь истинный въ случаѣ нужды предоставляю вашей материнской нѣжности“. Жоффрэнъ, въ перепискѣ своей съ дорогимъ сынкомъ, разумѣется, не могла не касаться отношеній его къ „далекимъ странамъ“ и къ ихъ властительницѣ. Мы уже упоминали о сильно распространившихся за-границею слухахъ насчетъ брака Понятовскаго съ Екатериною. Жоффрэнъ писала новому Польскому королю по этому поводу: „У нея (Екатерины) много дѣла, и надобно много времени, чтобъ передѣлать все это дѣло. Я утверждала, что вы съ нею не видались (во время поѣздки Екатерины въ Лифляндію); я утверждаю, что вы на ней не женитесь, о чемъ многіе говорили съ неудовольствіемъ. Вотъ какъ объясняли дѣло: она вовсе не крѣпко держится на престолѣ; она уступитъ его сыну, а сама выйдетъ замужъ за короля Польскаго“.

Для Понятовскаго дѣло шло не о бракѣ, а объ опредѣленіи отношеній къ государынѣ, которая возвела его на престолъ. Съ первой же минуты избранія онъ уже разрознивалъ свои интересы съ ея интересами, заискивая дружбы Двора, самаго враждебнаго Россіи. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ описывалъ Жоффрэнъ свое избраніе, онъ говорилъ: „Я сильно нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ относительно дѣла, котораго я желаю всего болѣе и, конечно, болѣе, чѣмъ вы думаете: это дружба Французскаго короля. Если только во Франціи захотятъ быть со мною въ добрыхъ отношеніяхъ, то я обѣщаю вамъ, что съ удовольствіемъ пойду на встрѣчу и сдѣлаю половину дороги“. Это относительно внѣшней политики; относительно же внутренней разрозненность интересовъ была еще рѣзче. Когда чадъ, произведенный счастіемъ избранія, прошелъ, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ затруднительностью своего положенія, съ препятствіями, которыя стояли на дорогѣ осуществленію плановъ преобразованія Польши, усиленію королевской власти, то Станиславъ писалъ своей маменькѣ Жоффрэнъ: „Ахъ, я знаю хорошо, что́ я долженъ дѣлать, но это ужасно! Терпѣніе, осторожность, мужество! и еще: терпѣніе и осторожность!—вотъ мой девизъ“. О Екатеринѣ онъ писалъ: „Тамъ очень умны, тамъ... Но ужъ очень гоняются за умомъ. Это металлъ самый дорогой, но для обработки его нужна искусная рука, руководимая добрымъ сердцемъ. Нѣкогда были въ этомъ согласны; а теперь судьба и, быть можетъ, вкусъ перемѣнили многое“!

Что же заставило Понятовскаго думать, что тамъ умъ не руководится болѣе добрымъ сердцемъ?

Кейзерлингъ не долго пережилъ избраніе Понятовскаго: еще въ началѣ августа Репнинъ увѣдомилъ Панина, что посолъ очень боленъ, а 19 сентября Кейзерлингъ умеръ. Въ министерской суммѣ послѣ покойнаго осталось 85,566 червонныхъ: ихъ Репнинъ хотѣлъ употребить на уплату тѣмъ лицамъ, которымъ было обѣщано: 3,000 червонныхъ на мѣсяцъ воеводѣ Русскому; 300 червонныхъ на содержаніе солдатъ Огинскаго; 1,200 червонныхъ на мѣсяцъ королю для перваго его обзаведенія и содержанія до конца коронаціоннаго сейма, ибо прежде онъ не могъ получить никакихъ доходовъ. Кромѣ того, нужно было доплатить примасу 17,000 червонныхъ въ число обѣщанныхъ ему 80,000 рублей, да канцлеру его 4,000 червонныхъ.

Императрица, кромѣ означенныхъ выше денегъ, по „особливому своему благоволенію и дружбѣ“, подарила Понятовскому на первый случай для учрежденія дома 100,000 червонныхъ. Бѣдный король за всѣ благодѣянія и подарки могъ отправить своей благодѣтельницѣ только ящикъ трюфлей; но мы знаемъ, чего отъ него желали въ благодарность за корону. Репнинъ повелъ немедленно дѣло о новомъ договорѣ между Россіею и Польшею; но Поляки, зная, что новый договоръ будетъ для нихъ невыгоденъ, сильно противились его заключенію. Россія хотѣла гарантировать настоящее состояніе республики: Поляки этого боялись, представляя, что по праву гарантіи Россія будетъ вмѣшиваться во всѣ ихъ дѣла.

Но самымъ труднымъ дѣломъ было диссидентское. Екатерина не могла его откладывать. Еще въ 1762 году Георгій Конисскій объявилъ Синоду, что мессіонары сажаютъ въ тюрьму и грабятъ тѣхъ, которые не хотятъ отстать отъ благочестія; что, по словамъ одного плебана, папа писалъ къ королю и канцлеру Литовскому, чтобъ впредь Православнымъ епископамъ привилегій не давать, „а настоящаго епископа плетьми выгонимъ“; положили письма его, Конисскаго, перехватывать. Поэтому ему возвращаться въ Могилевъ опасно и для тамошней Церкви безполезно: просилъ отрѣшить его отъ епархіи и опредѣлить на безмолвное житіе въ монастырь съ пропитаніемъ, потому что онъ, повредя, въ бытность свою въ Бѣлоруссіи, слухъ и зрѣніе, страдаетъ частыми головными болями. Въ февралѣ 1763 года Синодъ поднесъ императрицѣ докладъ съ прошеніемъ о защитѣ въ Польшѣ благочестія, представляя, что Конисскому ѣхать туда крайне опасно, и вообще Православному епископу править тамошнею епархіею нельзя, пока не будетъ употреблено особливаго ея императорскаго величества защищенія. Когда рѣшеніе на докладъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, замедлилось, Синодъ вошелъ съ новымъ докладомъ, что Конисскій пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и проситъ о рѣшеніи его дѣла. Жалобы шли не отъ одного Конисскаго: Кіевскій митрополитъ Арсеній писалъ, что Трембовльскій староста Потоцкій отнялъ у Православныхъ четыре церкви и передалъ уніатамъ; въ Пинскѣ отнято было у Православныхъ 14 церквей. Вслѣдствіе этого, 5 апрѣля 1764 года Кейзерлингъ и Репнинъ получили такой рескриптъ императрицы: „Излишно описывать здѣсь извѣстное вамъ самимъ дѣло утѣсненія въ Польшѣ нашихъ единовѣрныхъ и прочихъ диссидентовъ. Кто не вѣдаетъ, что одни и другіе равно подвержены гоненію римскаго духовенства, которое не только безъ остатка почти похитило всѣ имъ законами и многими привилегіями дозволенныя епархіи, монастыри и церкви, но и до того еще властію и пронырствомъ своимъ довело, что знатная часть согражданъ, такъ сказать, изъ сообщества отринуты за то одно, что исповѣдуютъ законъ другой. Но пока еще сіе зло вовсе не окоренится, то дабы нынѣшній междуцарствія случай не упустить втуне, повелѣваемъ мы вамъ на основаніи даннаго вамъ обоимъ общаго нашего наставленія, какъ нынѣ при сеймѣ конвокаціи, такъ и впредь при сеймѣ коронаціи, употребить всевозможное стараніе ваше, дабы какъ собственные наши единовѣрные, такъ и прочіе диссиденты, обязанные между собою ко взаимной оборонѣ формальнымъ актомъ 1599 года, во всѣ прежнія свои права и преимущества точнымъ и яснымъ закономъ возстановлены, да и для переду какъ въ персонахъ и имѣніяхъ своихъ, такъ и въ принадлежащихъ имъ епархіяхъ, монастыряхъ и церквахъ отъ всякихъ нападковъ римскаго духовенства охранены, и прежде отнятыя, сколько возможно, имъ возвращены были. Въ произведеніи сего намѣренія въ дѣйство, полагаемся мы на искусство ваше и лучшее на мѣстѣ усмотрѣніе удобныхъ обстоятельствъ, между которыми изъ лучшихъ полагаемъ мы случай благонамѣренной конфедераціи, если такая воспослѣдуетъ, ибо тогда гораздо легче будетъ преодолѣть въ одной части дворянства слѣпое духовенству порабощеніе и ненависть къ людямъ, кои неодинакаго съ ними исповѣданія“.

17 октября Екатерина писала Репнину: „Мнѣ остается рекомендовать вамъ всего болѣе два дѣла: — дѣло о диссидентахъ и дѣло о границахъ; моя слава заинтересована въ обоихъ,—помните это; оба дѣла въ вашихъ рукахъ,—дѣйствуйте согласно съ указаніями и инструкціями“. Слова: „помните это“ должны были приводить въ отчаяніе Репнина.

Диссидентское дѣло, по его отзывамъ, было трудно вслѣдствіе народнаго энтузіазма. „Привести ихъ (диссидентовъ) въ полное равенство съ католиками считаю невозможнымъ безъ насилія“, доносилъ посолъ; „надѣюсь доставить имъ только свободное исповѣданіе вѣры и права получать староства не-судебныя“. — „Само собою разумѣется“, писалъ ему Панинъ, „что, говоря о диссидентахъ, надобно всегда предпочтительно упоминать о нашихъ единовѣрцахъ. Кромѣ общихъ имъ съ другими диссидентами претензій, имѣютъ они еще собственныя

жалобы, которыя не меньше заслуживають справедливаго разсмотрѣнія. Не думаю я, да и думать почти нельзя, чтобъ можно было въ одинъ разъ возвратить диссидентамъ все то, чего они лишились; но довольно, когда они въ нѣкоторое равенство правъ и преимуществъ республики приведены и отъ новаго гоненія совершенно охранены будутъ, дабы, въ противномъ случаѣ, продолженіемъ прежняго утѣсненія не могли они, и въ томъ числѣ и наши единовѣрцы, къ невозвратному ущербу государственныхъ нашихъ интересовъ, вовсе искоренены быть. Нѣтъ нужды распространяться здѣсь, сколь много польза и честь отечества нашего, а особливо персональная ея императорскаго величества слава интересованы въ доставленіи диссидентамъ справедливаго удовлетворенія. Для приклоненія къ тому короля и всѣхъ способствовать могущихъ магнатовъ довольно уже, и кромѣ формальныхъ трактатами опредѣленныхъ обязательствъ, представлять имъ въ убѣжденіе, что когда ея императорское величество для пользы республики не жалѣла ни трудовъ, ни денегъ, дабы ее, въ толь смущенное и критическое время, каковы для нея бывали обыкновенно прежнія междуцарствія, сохранить отъ безпокойствъ, гражданскаго нестроенія и другихъ съ онымъ неразлучно соединенныхъ бѣдствій безъ всякой для себя изъ того корысти, то коль справедливо она можетъ требовать и ожидать отъ благодарности королевской и всея республики, чтобъ правосудное и столь къ персональной ея величества славѣ, сколько къ собственной чести нынѣшняго польскаго вѣка служащее предстательство и заступленіе ея возымѣло дѣйствіе свое въ пользу нѣкоторой части ихъ согражданъ, кои, вопреки торжественнымъ трактатамъ, собственнымъ польскимъ фундаментальнымъ законамъ, общей вольности вольнаго народа и множеству королевскихъ привилегій, невинно страждутъ подъ игомъ порабощенія за одно исповѣданіе другихъ признанныхъ христіанскихъ религій, въ коихъ они рождены и воспитаны. Къ симъ представленіямъ можетъ ваше с—ство присовокупить всѣ тѣ, кои вы сами за приличныя почесть изволите, отзываясь въ случаѣ крайности, т. е. когда всѣ другія средства втуне истощены будутъ, что и то имъ предостерегать должно, дабы ея императорское величество, увидя къ заступленію своему въ справедливомъ дѣлѣ столь малое со стороны республики уваженіе, не нашлась напослѣдокъ отъ ихъ дальняго упорства приневоленною одержать нѣкоторыми вынужденными способами то, чего она отъ признанія знатнаго имъ своего благодѣянія или дружбы инако достигнуть не могла, и чтобъ для того ея величество не указала далѣе оставить въ Земляхъ ея (т. е. республики) тѣ самыя войска, кои по сю пору столь охотно и съ такимъ знатнымъ иждивеніемъ употребляемы были для единой пользы и службы республики, которая долженствовала бы сама собою чувствовать, что утѣсненіемъ одной части согражданъ уничтожается общая ея вольность и равенство. При вынужденномъ иногда употребленіи сей угрозы надобно будетъ вашему сіятельству согласовать со словами и самое дѣло и, сходно съ тѣмъ, учреждать и дальнѣйшее войскъ нашихъ въ Польшѣ пребываніе, дабы, по крайней мѣрѣ, страхомъ вырвать у Поляковъ то, чего отъ нихъ ласкою добиться не можно было".

Для Россіи главнымъ дѣломъ было—диссидентское; для короля и **фамиліи**—преобразованія. Хотѣли немедленно же, на коронаціонномъ сеймѣ, провести два важныхъ преобразованія: ввести на сеймикахъ большинство голосовъ, а на сеймѣ каждое отдѣльное дѣло должно было пока рѣшаться единогласіемъ, но какъ скоро нѣсколько дѣлъ рѣшено такимъ образомъ, то протестъ одного депутата относительно одного какого-нибудь дѣла, дѣйствительный относительно послѣдняго, не срываетъ сейма, т. е. не уничтожаетъ всѣхъ другихъ его рѣшеній, что начали означать выраженіемъ: „liberum rumpo".

Но, для проведенія этихъ преобразованій, нужно было согласіе сосѣднихъ Дворовъ, преимущественно Русскаго, и Станиславъ-Августъ вздумалъ увѣрять Екатерину, что преобразованія необходимы для успѣха диссидентскаго дѣла. „Я не распространяюсь въ изъявленіяхъ благодарности", писалъ король императрицѣ (4 ноября): „вы не этого желаете. Вы слишкомъ велики для этого, и притомъ было бы трудно уравновѣсить слова съ чувствомъ. Но я обращаюсь къ хорошо извѣстному вамъ характеру моему. Вы знаете, какую власть имѣетъ надо мною благодарность, а благодарность моя къ вамъ чрезмѣрна,—она равняется моей преданности. Вы можете смѣло сказать самой себѣ: „Мой лучшій, мой самый вѣрный другъ теперь—король, онъ привязанъ ко мнѣ честностію и личною склонностію столько же, сколько интересомъ". Къ счастію, ваши добродѣтели и ваше благородное безкорыстіе позволяютъ мнѣ воздать должное вамъ и моему государству. Вы желаете, чтобъ Польша была свободна; я желаю того же, и съ этою цѣлію я хочу спасти ее изъ бездны безпорядка, который въ ней царствуетъ. Большему числу ревностныхъ патріотовъ дотого наскучила анархія, что они начинаютъ довольно громко говорить, что предпочтутъ абсолютную монархію постыднымъ злоупотребленіямъ своеволія, если возможно достигнуть болѣе правильной свободы. Я хочу предохранить ихъ отъ этого отчаянія. Но единственное средство для этого—сеймовыя преобразованія. Диссиденты составляютъ часть гражданъ, надъ которыми, по вашему желанію, я царствую. Такъ какъ ваше величество сильно занимаетъ ихъ судьба, то это заставляетъ меня дѣйствовать въ ихъ пользу предъ католическою націею, слишкомъ ревнивою, быть можетъ, относительно извѣстныхъ преимуществъ. Но для успѣха въ этомъ дѣлѣ, какъ вездѣ, нужно болѣе порядка на сеймѣ, а этого нельзя достигнуть безъ исправленія нашихъ сей-

миковъ. Здѣсь замѣшанъ собственный интересъ вашего величества".

Но „тамъ" были очень умны,—„тамъ", хотя еще и руководились добрымъ сердцемъ,- королю было внушено, что преобразованія преждевременны. Станиславъ-Августъ повиновался и писалъ (13 декабря): „Смѣю думать, что ваше императорское величество видите сами сильное доказательство моего безпредѣльнаго къ вамъ уваженія въ жертвѣ, какую я принесъ вамъ на сеймѣ,—я пожертвовалъ тѣмъ, что всего болѣе лежало у меня на сердцѣ. Большинство голосовъ на сеймикахъ и уничтоженіе liberum rumpo суть предметы самыхъ пламенныхъ моихъ желаній. Вы пожелали, чтобъ этого еще не было,—и это не было даже предложено. Считаю себя въ-правѣ думать, что мое поведеніе расположитъ ваше величество благопріятно отнестись къ дѣлу въ будущемъ. Желаніе сдѣлать вамъ угодное и мое собственное расположеніе заставляли меня сдѣлать для диссидентовъ то, чего вы для нихъ требовали. Вашъ посолъ увѣдомитъ васъ, какой результатъ произведенъ былъ фанатическимъ крикомъ. Ожесточеніе въ сенатѣ дошло дотого, что хотѣли принести въ жертву самого примаса, какъ онъ смѣлъ сдѣлать легкое упоминовеніе объ этомъ дѣлѣ. Отъ высокой справедливости вашего величества я ожидаю признанія, что я не могъ и не долженъ былъ рисковать болѣе послѣ этого опыта".

Посолъ увѣдомилъ о печальномъ для него исходѣ сейма, особенно по диссидентскому дѣлу.

6-го декабря Репнинъ писалъ: „Диссиденты одни болѣе меня въ оскорбленіе приводятъ; ласку и угрозы въ пользу ихъ употреблялъ, только по сихъ поръ признаюсь, что мало надежды имѣю, и энтузіазмъ такъ великъ, что ни резоны, ни страхъ никакого дѣйствія не дѣлаютъ". Послѣ этого грустнаго предисловія, 13 декабря Репнинъ доносилъ: „Хотя не актомъ, но конституцией сего сейма подтвержденіе трактата 1686 года сдѣлано, пограничная коммисія и негоціація объ новой аліанціи опредѣлены, положа основаніемъ новымъ обязательствамъ взаимную гарантію владѣній обѣихъ державъ и правъ, привилегій и вольности республики. Знаю я, что сія гарантія совершенно теперь не исполнена (т. е. постановленіе о ней не приведено къ совершенному окончанію), однакожъ при будущемъ новомъ трактатѣ отказать уже и Поляки не могутъ, какъ вещь повелѣнную и требованную отъ нихъ же цѣлымъ сеймомъ. Сія конституція столь же тверда, какъ бы и актъ, который мнѣ былъ предписанъ (императрицею), и, касаясь до чужестранной державы, нарушена быть отнюдь не можетъ. Главныя же причины въ несоглашеніи ихъ на актъ я вижу тѣ, чтобы гарантія совсѣмъ уже совершилась, а имъ, можетъ быть, хочется черезъ нее выиграть тѣ въ сеймикахъ и въ сеймахъ учрежденія, объ которыхъ они уже просили; а другое, не хотя ту гарантію отъ Прусскаго короля принять, ни рѣшительно сказать, что съ ними въ аліанціи войдутъ, которое я въ актъ внести хотѣлъ,—они всѣ безъ изъятія къ нему довѣренности никакой не имѣютъ, и я, сколько могу, то испровергаю, но по сихъ поръ вижу, что напрасно. Если я не совсѣмъ въ точности исполнилъ высочайшія повелѣнія, то истинно отъ самой невозможности; и сіе сдѣлано отъ страху, чтобъ войска здѣсь не остались: конституція-жъ сія до тѣхъ же желанныхъ предметовъ довести можетъ, какъ и актъ. При семъ долженъ я справедливость отдать королю, что онъ совершенно преданъ всемилостивѣйшей государынѣ и дѣла ея нелицемѣрно за свои считаетъ. Я принужденъ былъ для успѣху во всѣхъ дѣлахъ сказать партикулярно королю и нѣкоторымъ магнатамъ также въ конфиденцію, что мнѣ не велѣно войскъ выводить, пока дѣло нашего Двора не кончатъ, не выключая и диссидентовъ. Какъ же я видѣлъ, что сіе послѣднее ни страхомъ, ни увѣщаніемъ не дѣлалось, то хотѣлъ въ націи возбудить благодарность, дабы хоть тѣмъ къ желаемому концу дойтить, и вслѣдствіе чего согласился на королевское желаніе, чтобы онъ объявилъ въ публику, что войска наши назадъ идутъ,— но и тѣмъ для диссидентовъ ничего сдѣлать не могъ: головой ихъ дѣло представленное въ тотъ же день и выслушать не хотѣли, и сдѣлался такой шумъ, что, позабывъ почтеніе къ королю, съ мѣстъ своихъ всѣ повскакали и хотѣли, чтобъ имъ выставили того, кто осмѣлился въ пользу диссидентовъ прожектъ сдѣлать, и отдать маршалу сейма. Король, примасъ и малая часть разсудительныхъ людей, которые тутъ были, не смѣли, видя ту неумѣренность, ни одинъ слова промолвить; и хотя прожектъ былъ отданъ маршалу отъ короля и примаса, но, боясь въ томъ признаться, для прекращенія того приступу, сказали, что отъ чужестранныхъ министровъ тотъ прожектъ присланъ, чѣмъ подлинно то шумное взысканіе прекратили, никто не смѣя болѣе противъ сего говорить; но однакоже прочесть не дозволили, крича всѣ, какъ бѣшеные, что уже диссидентовъ состояніе рѣшено прошедшими сеймами и перемѣны никакой не сдѣлаютъ; и тотъ безобразный крикъ прежде не кончился, поколь совсѣмъ матеріи не принудили перемѣнить. Въ тотъ же день, поутру, прежде сего представленія, видя нерѣшимость и почти робость королевскую, подалъ я еще меморіалъ о диссидентахъ, что такъ же сдѣлали Прусской, Дацкой и Англійской резиденты, дабы тѣмъ побудить оное дѣло трактовать; но король въ полдень мнѣ далъ знать, чтобъ лучше сократить оный въ генеральныхъ терминахъ; я-жъ, не видя въ томъ пользы, къ нему билетомъ въ той силѣ и отозвался, настоя, чтобъ, конечно, вышепомянутый прожектъ предъявленъ былъ, и для выиграния еще времени, чтобъ сеймъ хотя на два дни продолжили, на что онъ мнѣ отвѣчалъ также билетомъ, прося однакоже, чтобъ никому то извѣстно не было, кромѣ ея величества; а я и на

онный бильетъ тоже ему донесъ, что не могу отступить отъ своихъ требованій, почему и было представлено дѣло, какъ уже выше описалъ. Я-жъ былъ въ то время нарочно неподалеку сената, имѣлъ тамъ своихъ шпіоновъ, которые тотчасъ меня о всемъ томъ увѣдомили, почему въ тотъ же моментъ цыдулку написалъ къ князю Адаму Чарторыйскому, что хотя король и объявилъ націи, что войска наши выдутъ, но онъ зналъ, что мнѣ того сдѣлать нельзя, если диссидентское дѣло не прослушаютъ и не рѣшатъ. Сіе, дошедши до короля, привело его въ тревогу и въ новое движеніе въ пользу диссидентовъ, но самъ, не смѣя говорить, велѣлъ маршалу сейма, чтобъ онъ то дѣло продолжалъ представлять, что дѣйствительно неоднократно и дѣлано, но, какъ выше доносилъ, ничто не помогло. Къ генераламъ Штофелю и Ренненкампфу я пишу, чтобъ они, въ силу повелѣній ея императорскаго величества, возвращались въ свои квартиры въ Россію; а король, безпокоясь весьма, чтобъ они, какъ я сказалъ, не остались здѣсь, очень меня объ томъ возвращеніи просилъ, на которое я ему донесъ, что хотя повелѣнія мнѣ данныя того не гласятъ, особливо дѣло диссидентское, не имѣя никакого успѣха, однако, видя подлинное его попеченіе о дѣлахъ нашего Двора, я то на себя беру, льстясь, что всемилостивѣйшая государыня оное опробуетъ, увѣренъ бывъ о подлинной его искренности и дружбѣ.—Я то сдѣлалъ изъ усердія къ успѣху дѣлъ нашего высочайшаго Двора, и дѣйствительно подтвержденію трактата оное очень помогло; несчастливъ только тѣмъ и истинно утѣшиться не могу, что диссидентское дѣло такъ дурно обратилось. Вижу теперь, что энтузіазмъ закона (религіи) опаснѣе всего на свѣтѣ и труднѣе такожъ всего оной превзойти. Однако какъ исполненіе стараго трактата, такъ заключеніе новаго оставляютъ право и поводъ къ поправленію состоянія диссидентовъ, и для защищенія ихъ отъ ябедъ, сколь то есть во власти короля, и къ побужденію его къ тому сію мысль весьма нужно оставить, что войска не велѣно было въ пользу ихъ выводить, подтверждая оное тѣмъ, что генерала князя Долгорукова корпусъ дѣйствительно для того-жъ совсѣмъ изъ Земли не выводится, я-жъ намѣренъ его къ виленскимъ магазейнамъ послать за чрезвычайной здѣсь дороговизной, и болѣе теперь войска здѣсь, конечно, не нужно".

„Вижу теперь", писалъ Репнинъ, „что энтузіазмъ закона опаснѣе всего на свѣтѣ". Въ томъ же смыслѣ писалъ Станиславъ-Августъ къ своей maman Жоффрэнъ: „Ахъ дорогая maman, народныя предразсудки вещь ужасная! Я преодолѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ на этомъ сеймѣ, но былъ принужденъ оставить еще многіе, и вмѣните мнѣ это въ заслугу, потому что это мнѣ много испортило крови, но благоразуміе превозмогло. При малѣйшей попыткѣ въ пользу не-католиковъ раздавался фанатическій крикъ, противъ котораго я могъ бы бороться, но предпочелъ оказать предъ нимъ уваженіе, чтобъ поскорѣе утушить, и я проложилъ себѣ другую дорогу, болѣе длинную и потаенную, но которая проведетъ меня, подконецъ, къ возможности поступать человѣколюбиво съ диссидентами. Больше всего имъ и мнѣ повредило то въ этомъ случаѣ, что они разсѣяли слухъ, будто я хочу сравнять ихъ совершенно съ послѣдователями господствующаго исповѣданія, чего никогда не было и не будетъ въ моей головѣ" [1]).

Туча надвинулась очень быстро. Ни король, ни Репнинъ, смущенные, не хотѣли еще признавать страшной опасности, не видали начала конца.

Связь Россіи съ Пруссіею, условленная возведеніемъ на престолъ Понятовскаго, должна была скрѣпляться еще болѣе.

Генералъ Гадомскій, присланный отъ Польской республики къ Прусскому королю съ объявленіемъ о смерти Августа III-го, былъ нѣсколько разъ у князя Долгорукаго и передавалъ свои разговоры съ Фридрихомъ II-мъ по поводу избранія новаго короля. Фридрихъ прямо объявилъ ему, что, по его мнѣнію, гораздо полезнѣе для Поляковъ выбрать Пяста, и что онъ, король, будетъ во всемъ поступать согласно съ сдѣланными въ Варшавѣ деклараціями отъ имени Русской императрицы; и такъ какъ графъ Понятовскій уже рекомендованъ ею, то онъ думаетъ, что Поляки, для собственнаго спокойствія, должны на то согласиться. Къ этому король прибавилъ, что ходящіе въ Польшѣ слухи о намѣреніи его послать туда корпусъ своихъ войскъ совершенно неосновательны и выдуманы его злодѣями, хотящими смутить умы и накинуть на него подозрѣніе; что онъ ничѣмъ не хочетъ нарушать польской вольности, только одинъ случай принудитъ его послать войско въ Польшу—это когда Вѣнскій Дворъ первый пошлетъ туда свои войска: на это онъ спокойно смотрѣть не будетъ и сдѣлаетъ то же самое. Вотъ почему онъ совѣтуетъ Полякамъ предупредить поступки Вѣнскаго Двора, противные ихъ спокойствію. „Господинъ Гадомскій", доносилъ Долгорукій, „кажется того же мнѣнія, что Полякамъ лучше слѣдовать представленіямъ вашего величества и короля Прусскаго; онъ мнѣ сказалъ, что хотя принцъ Ксаверій Саксонскій и старается скрытно о своемъ избраніи въ короли, и имѣетъ значительную партію, но Поляки предпочтутъ собственное спокойствіе интересамъ этого принца".

Въ началѣ апрѣля Долгорукій имѣлъ конференцію съ Финкенштейномъ. Прусскій министръ сказалъ ему, что нѣкоторые польскіе магнаты скрытнымъ образомъ старались уговорить графа Мерси, чтобъ онъ объявилъ кандидатомъ на Польскую корону одного изъ австрійскихъ принцевъ, объявляя, что этимъ прекратятся всѣ партіи въ Польшѣ, которыхъ избѣжать нельзя, если выбрать Пяста. Мерси до сихъ поръ еще не далъ имъ ни-

[1]) Дѣла Польскія 1764 года.—Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de madame Geoffrin.—Раумеръ III, 3‑4

какого отвѣта; король уже писалъ объ этомъ въ Петербургъ къ графу Сольмсу, для увѣдомленія императрицы; но, прибавилъ Финкенштейнъ, его величество находитъ нужнымъ отписать объ этомъ русскому резиденту въ Константинополѣ: Вѣнскій и Версальскій Дворы стараются привести Порту въ сомнѣніе относительно поступковъ Петербургскаго и Берлинскаго Дворовъ въ Польшѣ, внушаютъ ей, будто польская вольность находится въ великой опасности; такъ, русскій резидентъ могъ бы внушить Портѣ, что, напротивъ, Вѣнскій Дворъ старается поколебать польскую вольность, выставляя своего принца кандидатомъ, чего, какъ извѣстно, Порта терпѣть не будетъ и, получа такое извѣстіе, меньше станетъ вѣрить внушеніямъ австрійскаго и французскаго пословъ. Долгорукій въ тотъ же день далъ объ этомъ знать Обрѣзкову въ Константинополь.

Въ своихъ письмахъ къ императрицѣ Фридрихъ II-й продолжалъ обнадеживать ее въ успѣхѣ Польскаго дѣла: „Я хорошо знаю эту націю (Польскую)“, писалъ король 16 февраля, „и потому увѣренъ, что, разбрасывая деньги кстати и употребляя прямо угрозы противъ злонамѣренныхъ, вы ихъ привете къ желанной вами цѣли. Но мнѣ кажется, что угрозы и общія объявленія должно употреблять только по истощеніи всѣхъ средствъ великодушія, всѣхъ внушеній и совѣтовъ частныхъ, чтобъ отнять у сосѣдей всякій предлогъ вмѣшиваться въ дѣло, которое вы считаете своимъ“. Фридрихъ писалъ (7 апрѣля), что Франція и Австрія будутъ мѣшать Екатеринѣ при избраніи Польскаго короля только тайкомъ, интригами, а не силою; что надобно бояться одного, — чтобъ онѣ своими интригами не подняли Порту. Что же касается Поляковъ, то вступленіе русскихъ войскъ съ сильными объявленіями противъ гетмана Браницкаго и князей Радзивила и Любомирскаго укротятъ ихъ пылъ“. „Большая часть Поляковъ“, писалъ Фридрихъ, „пусты и подлы (vains et laches), горды, когда считаютъ себя внѣ опасности, и ползаютъ, когда бѣда надъ головой, и я думаю, что не будетъ пролито крови, развѣ отрѣжутъ носъ или ухо у какого-нибудь шляхтича на сеймѣ“. 12 мая король писалъ: „Поляки получили нѣкоторую сумму денегъ отъ Саксонскаго Двора; кто захочетъ получить ихъ, произведетъ нѣкоторой шумъ — но все и ограничится шумомъ. Ваше величество приведите въ исполненіе свой проектъ: этотъ оракулъ вѣрнѣе Калхасова“

А между тѣмъ, узнавши, что Бенуа въ Варшавѣ сдѣлалъ заявленіе одинакое съ русскимъ посломъ, Фридрихъ II былъ этимъ недоволенъ и велѣлъ дать знать своему министру: „Нужно было ограничиться только заявленіемъ, что король не хочетъ увеличенія своихъ владѣній насчетъ Польши, а не требовать прямо избранія Пяста; хотя король и согласенъ въ этомъ отношеніи съ императрицею, но все же желалъ бы избѣжать подозрѣнія, что хочетъ вмѣшиваться въ свободные выборы“.

Король былъ согласенъ съ императрицею и относительно диссидентовъ, но велѣлъ отписать Бенуа: „Дѣлайте для диссидентовъ все возможное по обстоятельствамъ, ибо не надобно рисковать спутать дѣло изъ любви къ нимъ“.

Въ Берлинѣ ожидали съ нетерпѣніемъ заключенія союзнаго договора съ Россіею. Сольмсъ въ донесеніяхъ королю приписывалъ медленность въ заключеніи договора множеству дѣлъ и обычной медленности Русскаго Двора. Наконецъ, 31 марта желанный договоръ былъ подписанъ: оба государства обезпечивали взаимно европейскія владѣнія другъ друга. Въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся сторонъ употреблялись сначала добрыя услуги для прекращенія войны; въ случаѣ неуспѣшности, — черезъ три мѣсяца по востребованіи, союзникъ выставляетъ 10,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи; въ случаѣ же нужды, оба государства соглашаются объ увеличеніи этого числа и о защитѣ всѣми силами. 1-я секретная статья: Если нападеніе послѣдуетъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, на Россію — со стороны Турціи и Крыма, а на Пруссію — за Везеромъ, то вмѣсто войска помощь можетъ быть доставлена деньгами, именно — уплатою по 400,000 рублей. 2-я секретная статья: Союзники обязываются дѣйствовать заодно въ Швеціи для поддержанія равновѣсія между борющимися тамъ партіями; въ случаѣ опасности для существующей формы шведскаго правленія, союзники соглашаются насчетъ средствъ отвратить опасное событіе. 3-я секретная статья: Король гарантируетъ Голштинскія владѣнія великаго князя. 4-я секретная статья: Союзники обязываются не позволять перемѣны въ польской конституціи, предупреждать и уничтожать всѣ намѣренія, которыя могли бы къ этому клониться, прибѣгая даже къ оружію. Статья отдѣльная: Союзники обязываются покровительствовать диссидентамъ и уговаривать Польскаго короля и республику возстановить ихъ въ прежнихъ правахъ; если же нельзя, то, выжидая удобнаго времени, стараться, по крайней мѣрѣ, чтобъ диссиденты не подвергались притѣсненіямъ. Союзъ былъ заключенъ на 8 лѣтъ; но можно было возобновить его и прежде.

Долгорукій донесъ, что графъ Финкенштейнъ словесно объявилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ о заключеніи союзнаго договора, причемъ не утаилъ и секретной статьи о Польшѣ; такое же устное объявленіе иностраннымъ министрамъ сдѣлано и имъ, Долгорукимъ; только одному англійскому посланнику Митчелю, съ которымъ онъ искреннѣе обходится, чѣмъ съ другими, онъ прочелъ весь договоръ и разсказалъ содержаніе секретной статьи. На этомъ донесеніи Панинъ написалъ: „За сіе Долгорукій достоинъ репримаида, по какому повелѣнію онъ смѣлъ сказать о секрет-

ной конвенціи; да и вся реляція неисправна, ибо не возможно статься, чтобъ Берлинскій Дворъ всѣмъ чужестраннымъ министрамъ сообщилъ секретный артикулъ о Польскихъ дѣлахъ, потому что здѣсь согласились оный сообщить только Вѣнскому и Лондонскому Дворамъ". Сильный репримандъ былъ отправленъ; но Долгорукій отвѣчалъ, что онъ не счелъ нужнымъ утаивать секретную статью отъ англійскаго посланника, когда въ Петербургѣ постановлено сообщить и Лондонскому Двору, и ему, Долгорукому, велѣно обходиться съ Митчелемъ откровенно.

Когда австрійскій посланникъ Ридъ представилъ Фридриху II, что для успокоенія Польской республики Марія-Терезія желала бы публичнаго объявленія со стороны Пруссіи, что войска прусскія не будутъ введены въ Польшу прежде вступленія туда войска другой державы, король выслушалъ Рида съ неудовольствіемъ и отвѣчалъ: „Я уже сообщилъ Вѣнскому Двору договоръ, заключенный мною съ Русскою императрицею; я теперь обязанъ поступать во всемъ согласно съ нею. Императрица до сихъ поръ ничего не сдѣлала въ противность обѣщанію сохранять вольность и права Польской республики; а что русскія войска теперь въ Польшѣ находятся, то это не причина къ жалобѣ; союзъ между Пруссіею и Россіею — натуральный: какъ ближніе сосѣди Польской республики, для собственнаго интереса, мы должны соединиться и охранять заодно вольность и фундаментально законы Польши". Король приказалъ Финкенштейну немедленно сообщить Долгорукому объ этомъ разговорѣ съ Ридомъ, для донесенія императрицѣ, и прибавить отъ его имени, что всѣ польскія безпокойства происходятъ отъ внушеній Вѣнскаго Двора; извѣстно, когда коронный гетманъ, графъ Браницкій, выѣхалъ изъ Варшавы и остановился въ трехъ миляхъ отъ этой столицы, то австрійскій посолъ, графъ Мерси, поѣхалъ къ нему и уговаривалъ его, чтобъ твердо держаться.

Осенью попытки новаго Польскаго короля приступить къ преобразованіямъ сильно встревожили Берлинскій Дворъ тѣмъ болѣе, что изъ Петербурга и Варшавы Фридрихъ II получилъ донесенія, что Русскій Дворъ смотритъ на эти попытки хладнокровно и даже съ поблажкою. Сольмсъ доносилъ изъ Петербурга, что польскій посланникъ, графъ Ржевусскій, представилъ Панину мемуаръ, гдѣ просилъ согласія императрицы на ограниченіе злоупотребленія liberum veto въ смыслѣ liberum rumpo. Панинъ готовъ былъ уступить, представляя, что Польша, избавленная отъ сеймоваго безнарядья, поправивши свою торговлю, юстицію и полицію, можетъ быть полезною союзницею и замѣнить Австрію относительно Турокъ. Но Сольмсъ получилъ изъ Берлина приказъ: „Сохрани васъ Богъ помогать предложенію Ржевусскаго"!

Бенуа изъ Варшавы прислалъ тоже тревожныя извѣстія, что Россія смотритъ на польскія преобразованія слишкомъ легко. Репнинъ начинаетъ очень валить насчетъ этого дѣла, и тогда только началъ серьезно на него смотрѣть, когда ему Бенуа внушилъ, какъ серьезно смотритъ на него король Прусскій. Репнинъ сталъ говорить объ этомъ Станиславу-Августу; тотъ сильно огорчился и началъ говорить съ такою горячностію, какой Репнинъ никогда прежде не замѣчалъ въ немъ: „Какъ! это наши друзья, наши союзники будутъ препятствовать тому, чтобы мы вышли изъ нашего застоя!" „Поляки", писалъ Бенуа, „будутъ содѣйствовать такимъ образомъ своей собственной погибели и заставятъ своихъ сосѣдей раздробить нѣкогда Польшу, чтобы посредствомъ формы англійскаго правленія, у нихъ установленной, они не сдѣлались слишкомъ страшны при своей обширной государственной области".

Фридрихъ написалъ Екатеринѣ (30 октября): „Многіе изъ польскихъ вельможъ желаютъ уничтожить liberum veto и замѣнить его большинствомъ голосовъ. Это намѣреніе очень важно для всѣхъ сосѣдей Польши. Согласенъ, что намъ нечего безпокоиться при королѣ Станиславѣ; но послѣ него? Если ваше величество согласитесь на эту перемѣну, то можете раскаяться, и Польша можетъ сдѣлаться государствомъ опаснымъ для своихъ сосѣдей, тогда какъ, поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у васъ всегда будетъ средство производить перемѣны, когда вы найдете это нужнымъ. Чтобъ воспрепятствовать Полякамъ предаваться ихъ первому энтузіазму, всего лучше оставить у нихъ русскія войска до окончанія сейма".

Панинъ, по словамъ Сольмса, все твердилъ, что было бы слишкомъ жестоко мѣшать Полякамъ выйти изъ варварства; но на Екатерину письмо Фридриха произвело сильное впечатлѣніе и она отказала въ согласіи на преобразованіе. „Панинъ нахмурился", писалъ Сольмсъ, „но скрылъ свою досаду; ему хотѣлось пріобрѣсть славу возстановителя Польши" [1]).

Но былъ еще третій сосѣдъ Польши, который такъ же сильно интересовался всѣмъ, что въ ней происходило.

29 января австрійскій посланникъ, князь Лобковичъ, заявилъ вице-канцлеру, что императрица-королева желаетъ знать, кому съ русской стороны предпочтительно прочится корона Польская, чтобъ объ этомъ заблаговременно можно было между собою согласиться; что сообщеніе объ этомъ было обѣщано, но обѣщаніе до сихъ поръ не исполнено, а сдѣланная въ Варшавѣ русскимъ и прусскимъ министрами декларація противна прежнимъ увѣреніямъ, что республикѣ будетъ предоставлена свобода избранія: исключеніе иностранныхъ принцевъ никакъ не вяжется съ этими увѣреніями. Если Россія для подкрѣпленія своего кандидата, прежде избранія, введетъ свои войска въ Польшу,

[1]) Дѣла Прусскія 1764 года. Письма Фридриха II въ Государ. Архивѣ.—Forschungen zur deutschen Geschichte.

въ такомъ случаѣ Вѣнскій Дворъ, по своему значенію и близкому сосѣдству, не можетъ равнодушно смотрѣть, чтобъ какая-нибудь посторонняя держава посадила въ Польшѣ короля противъ вольнаго избранія, и потому принуждена будетъ вмѣшаться въ дѣло. Въ случаѣ вольнаго избранія на Польскій престолъ Саксонскаго принца, намѣрена ли императрица противиться этому силою? На конференціи 3 февраля Лобковичъ опять спрашивалъ, не будетъ ли императрица противиться избранію Саксонскаго принца, ибо хотя Вѣнскій Дворъ и желаетъ вольнаго избранія этого принца, но не намѣренъ подкрѣплять его силою, въ надеждѣ, что императрица также не будетъ подкрѣплять силою своего кандидата; что для обузданія безпокойныхъ головъ въ Польшѣ было бы полезно, когда-бъ оба императорскіе Двора заблаговременно согласились поддерживать вольное избраніе. 9 февраля Лобковичъ навѣдывался о резолюціи императрицы на его предложеніе, но получилъ отъ вице-канцлера въ отвѣтъ, что резолюціи еще нѣтъ, да дѣло и не требуетъ поспѣшности.

29 марта вице-канцлеръ сообщилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ записку, въ которой Русскій Дворъ объявлялъ, что, вслѣдствіе большихъ безпорядковъ въ Польшѣ и насилій коронпаго гетмана графа Браницкаго, также Виленскаго воеводы князя Радзивила и сообщниковъ ихъ, императрица, можетъ быть противъ своего желанія, найдется вынужденною ввести часть своихъ войскъ въ земли республики для защиты благонамѣренныхъ патріотовъ и сохраненія спокойствія въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Лобковичъ замѣтилъ, что онъ ни о какихъ насиліяхъ гетмана Браницкаго не знаетъ; что же касается до князя Радзивила, то онъ не такъ виноватъ, какъ о немъ говорится въ русской запискѣ; вообще-жъ ему, послу, очень прискорбно, что Россія въ Польскихъ дѣлахъ не ограничивается одними желаніями, и онъ, зная миролюбивыя расположенія своего Двора, боится нарушенія драгоцѣннаго покоя. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что насчетъ насилій Браницкаго и сумасбродныхъ поступковъ Радзивила не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; что же касается намѣреній Русскаго Двора, то они остаются прежнія и заключаются въ защитѣ вольности и законовъ польскихъ и въ недопущеніи, чтобъ въ Польшѣ какъ-нибудь возбуждены были внутреннія неустройства; если, слѣдуя этимъ правиламъ, Россія будетъ принуждена употребить и войско, то сдѣлаетъ она это, конечно, не по охотѣ, а будучи побуждена существеннѣйшими своими интересами, которые перевѣшиваютъ интересы всѣхъ другихъ Дворовъ.

На сеймикѣ въ Грауденцѣ (въ прусской провинціи) явилось войско Браницкаго, чтобъ дать торжество своей сторонѣ; но этому помѣшало русское войско, охранявшее тамъ магазины. Партія Чарторыйскаго оправдала поступокъ русскаго войска; противная партія кричала противъ вмѣшательства иностранной силы. 5 апрѣля Лобковичъ жаловался на это вмѣшательство; онъ говорилъ, что протестъ Поляковъ противъ него ничѣмъ оспоренъ быть не можетъ, и это присутствіе русскаго войска, разумѣется, нарушаетъ въ означенномъ мѣстѣ польскую вольность. Вице-канцлеръ возражалъ: что русскія войска, выступившія уже изъ Грауденца, принуждены были возвратиться туда для защиты магазиновъ, могшихъ потерпѣть среди народнаго безпорядка; Лобковичъ основывается на протестѣ одной стороны, но надобно, чтобъ онъ прочелъ манифестъ и другой, подписанный 270 лицами, тогда какъ протестъ подписанъ только 220-ю; что корпусъ генералъ-маіора Хомутова не нарочно приведенъ былъ въ Грауденцъ, а находился тамъ уже нѣсколько лѣтъ; что когда русская армія дѣйствовала въ пользу императрицы-королевы, то Вѣнскій Дворъ не жаловался на нарушеніе польской вольности отъ присутствія русскаго войска. Лобковичъ отвѣчалъ, что хотя онъ и не видалъ манифеста другой партіи, однако сомнѣвается, чтобъ онъ былъ такъ-же основателенъ, какъ протестъ первой; что не его дѣло говорить о прошедшемъ, а главное онъ опасается, чтобъ русскіе магазины не появились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде совсѣмъ не было. На докладѣ объ этой конференціи Екатерина написала: „При сочиненіи отвѣта князю Лобковичу не худо дать имъ примѣтить, что здѣсь весьма странно кажется, что при всякомъ случаѣ насъ въ допросъ ведутъ“.

Въ Вѣнѣ Кауницъ точно такъ-же говорилъ князю Голицыну, что Австрійскому Двору вовсе не извѣстно о выставляемыхъ Русскимъ Дворомъ насильственныхъ поступкахъ Браницкаго и другихъ Поляковъ, но извѣстно о вступленіи въ Польшу значительнаго корпуса русскихъ войскъ. „Намѣреніе мое было“, писалъ Голицынъ, „посредствомъ разговора съ княземъ Кауницемъ извѣдать мысли здѣшняго Двора по Польскимъ дѣламъ, но ни мало не оказалъ онъ къ тому податливости. Я отъ здѣшняго министерства не ожидаю теперь никакой откровенности, когда оной по сіе время не оказалось“.

Всего страннѣе было это раздражающее „веденіе въ допросъ“, при твердомъ рѣшеніи Вѣнскаго Двора ни подъ какимъ видомъ не начинать войны изъ-за Польши. Марія-Терезія говорила по поводу этой страны, что дрожитъ при малѣйшей искрѣ отъ страха, что изъ искры произойдетъ пламя. Относительно претензіи принца Ксаверія Саксонскаго на Польскій престолъ Марія-Терезія сказала: „При настоящемъ положеніи моихъ финансовъ я могу дать ему только 100,000 гульденовъ—плохая помощь! О посылкѣ же войска въ Польшу я не смѣю и думать, потому что это можетъ вовлечь меня въ новую войну, тогда какъ я страдаю еще отъ ранъ, нанесенныхъ послѣднею войною“ [1]).

[1]) Дѣла Австрійскія 1764 года. Correspondance secrète de Louis XV, I, 312, 313.

Точно такъ-же странно должно было казаться въ Петербургѣ и поведеніе Франціи, которая при всякомъ случаѣ „вела въ допросъ“ безъ рѣшимости противодѣйствовать видамъ Россіи. Людовикъ XV въ началѣ года писалъ: „Наши послѣднія письма изъ Вѣны ясно говорятъ, что тамошній Дворъ не дастъ ни войска, ни денегъ принцу Ксаверію, но обѣщаетъ ему всѣ добрыя услуги и уговариваетъ его представиться кандидатомъ (на Польскій престолъ). При такихъ обстоятельствахъ всѣ деньги, которыя мы дадимъ, будутъ потеряны, а у насъ нѣтъ столько денегъ, чтобъ ихъ бросать. Думаю, что Испанія взглянетъ на дѣло точно такъ-же“.

3-го февраля, французскій повѣренный въ дѣлахъ, Беранже, говорилъ вице-канцлеру князю Голицыну, что всякая посторонняя держава имѣетъ право подкрѣплять кандидата своего, не исключая однако самовластно всѣхъ другихъ, вопреки польской вольности. Потомъ, 1-го марта, говорилъ, что исключеніе Россіею Саксонскихъ принцевъ противорѣчитъ самымъ русскимъ деклараціямъ о сохраненіи вольности и правъ республики. Князь Голицынъ отвѣчалъ, что Россія, конечно, больше, чѣмъ его Дворъ, имѣетъ интереса заботиться о ненарушимости польской конституціи, и рекомендуетъ Пяста именно потому, что бо́льшая и здравая часть народа этого желаетъ. Когда, 29-го марта, вице-канцлеръ сообщилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ записку о возможности вступленія русскихъ войскъ въ Польшу вслѣдствіе насилій Браницкаго и Радзивила, то Беранже началъ-было на всякій пунктъ записки дѣлать свои разсужденія и вопросы; но князь Голицынъ сказалъ ему, что онъ можетъ довольствоваться тѣмъ, что находится въ запискѣ, и повторилъ, что интересы Франціи относительно Польши и ея вольности никакъ не могутъ равняться съ русскими. Въ Версали герцогъ Пралэнъ говорилъ русскому министру, князю Димитрію Алексѣевичу Голицыну, какъ бы желательно было, чтобъ Россія не вмѣшивалась въ Польскія дѣла, распродала бы свои магазины въ Польшѣ и вывела оттуда свои войска, и такимъ образомъ отняла бы у Поляковъ всякій предлогъ къ жалобамъ. Противъ этого мѣста донесенія Голицына Панинъ замѣтилъ: „А между тѣмъ сеймъ отложатъ, чего въ Польшѣ и домогаются, чтобъ нашу партію тамъ поставить безъ защиты и Браницкому съ войсками все форсировать“.

Тогда же Пралэнъ говорилъ Голицыну, что ихъ очень тревожитъ слухъ, будто императрица велѣла приблизить къ польскимъ границамъ значительное число войска, и дружески признался, что если, сверхъ ожиданія, вольность и права Польской республики будутъ нарушены и она формально потребуетъ помощи у Франціи, то послѣдняя найдется въ очень затруднительномъ положеніи. Въ концѣ апрѣля, Пралэнъ, передавая Голицыну извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, выражалъ объ этомъ свое сожалѣніе, во-первыхъ, потому, что по законамъ польскимъ нельзя выбрать короля, пока чужестранныя войска находятся въ предѣлахъ республики; во-вторыхъ,—сама императрица объявила, что не допуститъ вторженія иностранныхъ войскъ въ Польшу; въ-третьихъ,—немалая часть Поляковъ приносятъ теперь христіаннѣйшему величеству жалобы, представляя, что Русская императрица, исключа иностранныхъ кандидатовъ и вводя свои войска въ Польшу, нарушила ихъ права, и требуютъ помощи отъ Франціи. Насилія графа Браницкаго и князя Радзивила, дающія поводъ ко вступленію русскихъ войскъ, на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ велики или, лучше сказать, ихъ и вовсе нѣтъ; но враги увеличиваютъ ихъ въ глазахъ императрицы, чтобъ лишить этихъ вельможъ ея покровительства; по смерти королевской, Браницкій ни мало не умножилъ числа войскъ коронныхъ; очень было бы желательно, чтобъ императрица, оставя Поляковъ раздѣлываться другъ съ другомъ какъ хотятъ, велѣла вывести свои войска изъ Польши; въ этомъ случаѣ Франція дастъ торжественное обѣщаніе не только ни подъ какимъ видомъ не мѣшаться въ Польскія дѣла, но и ни копѣйки денегъ туда не посылать.—На полѣ противъ этого мѣста донесенія Голицына было замѣчено: „Слѣдовательно теперь даютъ и видятъ, что безъ успѣха“.

Пралэнъ,— въ дружеской откровенности признавался Голицыну, что польскія требованія помощи крайне его затрудняютъ, и онъ не знаетъ, что дѣлать. Голицынъ писалъ по этому поводу своему Двору: „Я легко вѣрю, что польскія требованія затрудняютъ здѣшній Дворъ, не столько вслѣдствіе нежеланія его вмѣшиваться въ Польскія дѣла, сколько вслѣдствіе внутренняго плохого состоянія государства. Впрочемъ, поступки свои онъ будетъ распоряжать, смотря на Австрійскій Дворъ, который болѣе принимаетъ участія въ Польскихъ дѣлахъ, чѣмъ здѣшній“. На это Панинъ замѣтилъ: „Конечно, правда“!

13-го мая Голицынъ донесъ, что французскій посолъ въ Варшавѣ, маркизъ де-Поми, представилъ своему Двору, что слабое его стараніе въ пользу Польской республики и слабая защита французскихъ сторонниковъ производятъ большой ропотъ и унижаютъ достоинство Франціи. Дворъ принялъ это въ уваженіе и послалъ Поми отзывныя грамоты; но Поми, отъѣзжая, долженъ былъ объявить, что такъ какъ республика теперь въ волненіи и въ ней находятся чужестранныя войска, то король считаетъ нужнымъ отозвать своего министра до возстановленія спокойствія. Голицынъ писалъ: „Здѣшнія обстоятельства относительно Польши дѣйствительно странны и очень тягостны для министерства. Король и Шуазели никакъ не намѣрены мѣшаться въ Польскія дѣла, что на этихъ дняхъ вновь объявлено австрійскому послу, особенно не имѣя надежды на успѣхъ по невозможности употребить много денегъ или послать войско. Но

дофинъ и дофина требуютъ послѣдняго, и приписываютъ равнодушіе Франціи недоброжелательству Шуазелей".

По дальнѣйшимъ извѣстіямъ Голицына, во Франціи сильно желали окончанія польскаго междуцарствія, и больше всего боялись, чтобъ не было двойного избранія, ибо тогда Франція нашлась бы въ затруднительномъ положеніи: помочь противной Чарторыйскимъ партіи нѣтъ средствъ, а не помочь—значитъ потерять въ Польшѣ все значеніе. Наконецъ пришло извѣстіе объ избраніи Станислава Понятовскаго,—и Французская королева стала толковать съ отцомъ своимъ, Станиславомъ Лещинскимъ, какъ бы сдѣлать, чтобъ новый король назывался Станиславомъ Вторымъ, для указанія на королевскія права Станислава Перваго (Лещинскаго), а если этого нельзя, то назвался бы Станиславомъ-Августомъ [1]).

Непосредственно Франція не имѣла средствъ противодѣйствовать видамъ Россіи въ Польшѣ; но изъ Константинополя приходили извѣстія, что тамъ французскій посолъ не остается въ бездѣйствіи. 4 января Порта прислала Обрѣзкову письменный отзывъ, гдѣ говорилось, что она сама не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ Польскія дѣла, ни въ вольное избраніе короля изъ Пястовъ, и желаетъ, чтобъ и другія сосѣдственныя державы поступали такимъ образомъ; но получено извѣстіе, будто Россія, согласясь съ королемъ Прусскимъ, намѣрена силою принудить Поляковъ выбрать себѣ въ короли графа Понятовскаго, и хотя это извѣстіе и невѣроятно, однако Порта спрашиваетъ, не можетъ ли посланникъ дать какое-нибудь объясненіе. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что этому извѣстію нельзя подавать никакой вѣры: прусскій посланникъ Рексинъ подалъ записку такого же содержанія. Въ концѣ февраля Обрѣзковъ доносилъ, что Французскій король, видя согласіе Порты на избраніе Пяста, нашелъ способъ подѣйствовать на султана посредствомъ одного неаполитанскаго доктора, служащаго въ женскомъ отдѣленіи сераля и имѣющаго свободный доступъ къ султану. Благодаря этому неаполитанскому доктору, 7 февраля явился къ Обрѣзкову переводчикъ Порты, по повелѣнію султана, съ вопросомъ, въ какомъ положеніи находятся Польскія дѣла и какая по нимъ окончательная резолюція императрицы. Когда Обрѣзковъ спросилъ, что за причина такого неожиданнаго вопроса, то переводчикъ, въ крайнемъ секретѣ, открылъ, что султанъ перемѣнилъ свои мысли относительно избранія въ Польскіе короли Пяста, и что въ этой перемѣнѣ всего больше участвовали льстивыя внушенія французскаго посла, который толкуетъ, что султанъ безъ всякаго затрудненія можетъ посадить на Польскій престолъ кого хочетъ, и никакая держава не посмѣетъ этому противиться, и пріобрѣтетъ онъ черезъ это имени своему безсмертную славу, а имперіи своей—знаменитость. Обрѣзковъ, зная по опыту, что въ подобныхъ случаяхъ твердый отвѣтъ Портѣ не въ примѣръ бываетъ полезнѣе мягкаго, отвѣчалъ, что ничего новаго не можетъ быть по Польскимъ дѣламъ и, по данному разъ императрицею наставленію, онъ, посланникъ, можетъ Порту увѣрить, съ одной стороны, что императрица не будетъ препятствовать избранію въ Польскіе короли Пяста; но, съ другой стороны, если-бы недоброхотными къ отечеству Поляками или какою-нибудь иностранною державой нарушено было спокойствіе Польской республики, то императрица на это равнодушно смотрѣть не будетъ, но употребитъ всѣ мѣры и силы свои къ защитѣ Польши и къ возстановленію въ ней спокойствія. Переводчикъ Порты нашелъ, что этотъ отвѣтъ способенъ увѣрить султана, что покушеніе его возвести на Польскій престолъ кого ему угодно будетъ—не такъ дешево стоитъ, какъ увѣряютъ Французы, и султанъ поудержится отъ поступковъ, которые могли бы компрометировать Порту. Отвѣтъ подѣйствовалъ: прусскій посланникъ опять подалъ Портѣ записку о необходимости избранія природнаго Поляка, и когда первый французскій переводчикъ, Дюваль, подалъ рейсъ-эффенди записку, что и Саксонскіе принцы, какъ дѣти покойнаго Польскаго короля, могутъ считаться природными Поляками, то рейсъ-эффенди бросилъ записку Дювалю въ глаза и сказалъ, какъ послу не стыдно безпрестанно утруждать министерство такими пустяками, развѣ онъ сановниковъ Порты считаетъ дѣтьми несмысленными.

Мы видѣли, что съ начала царствованія Екатерины хотѣли идти по Польскимъ дѣламъ согласно съ Пруссіею, а по Турецкимъ—согласно съ Австріею; но понятно, что такое раздвоеніе въ политикѣ было крайне затруднительно. Такъ, въ Берлинѣ, когда князь Долгорукій хотѣлъ отклонять Прусское правительство отъ заключенія союза съ Турціею, то потерпѣлъ неудачу; а въ Константинополѣ, когда Обрѣзковъ старался сближаться съ австрійскимъ интернунціемъ для противодѣйствія тому же Турко-Прусскому союзу, то интернунцій принималъ его совѣтъ и предложенія холодно и подозрительно. На донесеніи объ этомъ Обрѣзкова Панинъ писалъ: „Мнѣ видится и намъ уже пора о семъ дѣлѣ замолчать, оставя Вѣнскій Дворъ его жребію, да и въ существѣ Россія не потрясется отъ той аліанціи (Пруссіи съ Турціею), а Вѣнскій Дворъ далеко уже отшелъ отъ натуральной съ нами конекціи, чтобъ еще намъ стряпать за его собственные интересы съ обращеніемъ къ себѣ отъ другихъ за то зависти".

Въ апрѣлѣ польскій резидентъ Станкевичъ, отъ имени гетмана Браницкаго, увѣдомилъ Порту, что избирательный сеймъ не можетъ быть вольнымъ, если Порта не обнадежитъ гетмана и республику своею помощью, ибо Польша окружена со всѣхъ сторонъ безчисленными русскими войсками, а внутри нея содержатся значительные русскіе магазины, подъ прикрытіемъ также сильныхъ отря-

[1]) Дѣла Французскія 1764 года. Раумеръ, III, 331, 352.

*

довъ войска, къ которому высылаются еще новые, и по всему королевству разглашено, что Русская императрица не допуститъ избранія въ короли никого другого, кромѣ Понятовскаго, и какъ только онъ будетъ избранъ, то императрица выйдетъ за него замужъ и чрезъ это присоединитъ Польшу къ Россійской имперіи. Если это намѣреніе исполнится, то понятно какой вредъ потерпитъ Турція. Но, благодаря искусству Обрѣзкова дѣлать внушенія вліятельнымъ лицамъ, представленія Станкевича остались безъ послѣдствій. Обрѣзковъ писалъ, что переводчикъ Порты, Григорій Гика, пожалованный въ молдавскіе князья, совѣтовалъ ему слѣдующее: какъ скоро въ Польшѣ будетъ избранъ въ короли человѣкъ, угодный императрицѣ, то пусть новый король сейчасъ же пришлетъ грамоты къ султану и визирю съ объявленіемъ о своемъ избраніи и съ заявленіемъ о своемъ желаніи снискать благоволеніе Порты, ибо ничто не можетъ такъ побудить Порту къ согласному дѣйствію съ Россіею и Пруссіею, какъ уваженіе, которое ей окажется; — оно пощекочетъ ея честолюбіе и отклонитъ нареканіе, что нанесенъ ущербъ ея значенію избраніемъ Польскаго короля единственно по волѣ Русской императрицы. Обрѣзковъ прибавлялъ, что, по его мнѣнію, Гика не самъ собою подалъ этотъ совѣтъ, но усмотря желаніе всего турецкаго министерства. Гика увѣрялъ также Обрѣзкова, что когда пріѣдетъ въ Молдавію, то будетъ усердно служить императрицѣ, какъ по Польскому, такъ и по другимъ дѣламъ. За это Обрѣзковъ подарилъ ему соболій мѣхъ въ 1,000 рублей, а Панинъ написалъ на реляціи: „Да и конечно онъ (Гика) таковъ, что упустить его не должно; такъ не соизволите-ль, ваше величество, указать заранѣе о томъ инструировать своихъ министровъ въ Польшѣ, равно какъ и о томъ, чтобъ Станкевича какъ наискорѣе отозвать и по возвращеніи дать ему восчувствовать, что онъ къ такимъ непристойностямъ употребить себя дозволилъ“. Императрица на это написала: „Быть по сему; а ревность, искусство и усердіе Обрѣзкова довольно похвалить не можно; да благословитъ Господь Богъ и впредь дѣла наши тако“.

Но радость была еще рановременна. Отъ 15 іюня Обрѣзковъ донесъ, что Порта опять сильно встревожена увѣдомленіями Браницкаго, Крымскаго хана и французскаго посла, что Россія скрытно дѣйствуетъ въ пользу Понятовскаго, какъ жениха императрицы Екатерины. Къ Обрѣзкову явился переводчикъ Порты съ объявленіемъ отъ визиря, что если Понятовскій дѣйствительно будетъ избранъ въ короли, то это произведетъ охлажденіе между Турціею и Россіею. Потомъ визирь велѣлъ сказать Обрѣзкову: „Одному Богу извѣстно, какъ я стараюсь объ утвержденіи доброй дружбы между Турціею и Россіею, но всѣ мои старанія останутся напрасными, если Понятовскій будетъ избранъ въ короли, не потому, что Порта опасается брака его съ императрицею, — она принимаетъ ваши увѣренія, что этого не будетъ, но потому, что, кромѣ Россіи и Пруссіи, всѣ державы признаютъ его недостойнымъ; по вступленіи на престолъ, можетъ онъ вступить въ бракъ съ принцессою изъ Австрійскаго или Бурбонскаго Домовъ и отдастъ чрезъ это Польшу въ зависимость отъ нихъ. Однимъ словомъ, доставленіе польской короны Понятовскому и вступленіе въ войну съ Турціею — для Россіи одно и то же, и я хотя бы и остался на своемъ мѣстѣ, то ничѣмъ уже помочь не могу; а кромѣ Станислава Понятовскаго можно выбирать кого угодно, хотя бы брата его родного, лишь былъ бы въ законномъ бракѣ“.

Обрѣзкову и тутъ удалось успокоить Порту; „но“, писалъ онъ императрицѣ, „худая моя судьбина, какъ видно, устремилась не давать мнѣ ни малаго отдохновенія“. Пришло письмо отъ Крымскаго хана, что, на требованіе его представить настоящее состояніе республики, онъ получилъ бумагу, подписанную многими кастелянами и воеводами, которые заявляютъ, что республика состоитъ изъ одной фамиліи Чарторыйскихъ, соединенной съ примасомъ. Эта фамилія, опираясь на силу Россіи, устроила сеймъ съ разными распоряженіями, противными обычаямъ республики и всему королевству крайне предосудительными, но согласными съ видами Русскаго Двора. Главная цѣль Чарторыйскихъ — возведеніе на престолъ ненавистнаго всей Польшѣ Понятовскаго, и если польская шляхта не будетъ защищена Портою, то принуждена будетъ уступить превосходной силѣ и разъѣхаться по другимъ государствамъ, оставляя Польшу въ распоряженіе Россіи. Вмѣстѣ съ ханскимъ письмомъ, пришло донесеніе Хотинскаго паши, что князь Радзивилъ, будучи разбитъ и гонимъ русскими войсками, прибѣжалъ въ Турецкія владѣнія и отдался подъ покровительство Порты, принося жалобы на Россію. Султанъ пришелъ въ сильную ярость и велѣлъ своему министерству сдѣлать такой отзывъ Обрѣзкову, чтобъ тотъ достаточно могъ понять великое его неудовольствіе. Дѣйствительно, 20 іюля Обрѣзковъ получилъ отзывъ, составленный, по его словамъ, въ терминахъ грубѣйшихъ и неучтивѣйшихъ. Поведеніе Россіи относительно Порты называлось непристойнымъ и безчиннымъ; Обрѣзковъ величался лжецомъ и обманщикомъ. Обрѣзковъ, зная по опыту, что въ Турціи надобно имѣть и лисій хвостъ и волчій ротъ, на другой день подалъ записку, гдѣ далъ почувствовать: что такія выраженія непристойны въ сношеніяхъ между знатными державами, и что порицанія неосновательны; что Польша — республика независимая, и, кого бы ни избрала себѣ королемъ, ни одна держава на это досадовать не можетъ; что послѣдняя война у Россіи съ Турціею также произошла вслѣдствіе разныхъ извѣстій, которымъ очень легко повѣрили, и война эта стоила каждой изъ воевавшихъ сторонъ можетъ быть болѣе 100,000 человѣкъ. При переводѣ этой записки, переводчикъ Порты нашелъ, что она очень жива

и можетъ еще болѣе раздражить султана, потому недурно было бы измѣнить нѣкоторыя выраженія. „Виновата Порта", отвѣчалъ Обрѣзковъ: „Мною ничего лишняго и неумѣреннаго не сказано; впрочемъ, я бы кой-что и перемѣнилъ, если-бъ и Порта съ своей стороны исключила изъ своего отзыва все грубое и неприличное".—„Порта не требуетъ, чтобъ вы этотъ отзывъ послали къ вашему Двору", замѣтилъ переводчикъ.—„Я не польскій резидентъ Станкевичъ", отвѣчалъ Обрѣзковъ: „моя должность обо всемъ здѣсь происходящемъ доносить императрицѣ". Послѣ этого переводчикъ, именемъ министерства, просилъ Обрѣзкова не посылать бумагу въ Петербургъ, а 30 іюля Обрѣзковъ и прусскій посланникъ Рексинъ получили повѣстку пріѣхать на другой день на конференцію къ главному секретарю великаго визиря. Конференція эта имѣла цѣлью уничтожить впечатлѣніе бумаги увѣреніями въ желаніи султана сохранять дружбу съ Россіею.

2 сентября, получивъ наставленіе изъ Петербурга, Обрѣзковъ черезъ своего переводчика велѣлъ сказать переводчику Порты, что слухи о бракѣ императрицы съ Понятовскимъ, послѣ избранія его въ короли, суть не только „самомерзкія клеветы, но явныя оскорбленія, или, лучше сказать, богохульства для освященной ея персоны", на которыя она гнушается и отвѣчать, будучи вполнѣ увѣрена, что Порта „такимъ богомерзкимъ пусторѣчіямъ никакой вѣры не подала". Нечего такъ-же опасаться, что графъ Понятовскій вступитъ въ супружество съ какою-нибудь иностранною принцессою, ибо Россія и Пруссія имѣютъ болѣе, чѣмъ Порта, побужденій препятствовать, чтобъ Польша не подпала зависимости отъ какой-нибудь иностранной державы; кромѣ того, подлинно извѣстно, что графъ Понятовскій уже помолвленъ на одной знатной польской дѣвицѣ. Когда послѣ того Обрѣзковъ сообщилъ рейсъ-эффенди, что на сеймѣ въ условія новому королю внесенъ пунктъ, что если король будетъ избранъ неженатый, то не можетъ вступать въ бракъ иначе какъ съ природною Полькою, то рейсъ-эффенди со смѣхомъ сказалъ: „Полно притворяться, называй прямо Понятовскаго,—дѣло уже извѣстное, что никто другой, кромѣ него, королемъ не будетъ; думаю, что онъ уже и выбранъ".

Избраніе Понятовскаго въ короли не прекратило франко-австрійскихъ движеній въ Константинополѣ. Султану было внушено, что избраніе незаконное, потому что вынужденное, и если Порта не признаетъ Станислава королемъ, то и Дворы Вѣнскій и Версальскій его не признаютъ, да и всѣ христіанскія державы примѣру ихъ послѣдуютъ. Портѣ дано было знать, что Россія и Пруссія рекомендовали Понятовскаго, и эта рекомендація поддержана русскимъ войскомъ, посредствомъ котораго преданная Россіи партія и будетъ управлять Польшею. Эти извѣстія и внушенія сильно подѣйствовали. Переводчикъ русскаго посольства, отправленный Обрѣзковымъ къ рейсъ-эффенди, нашелъ этого министра въ страшномъ волненіи. „Хорошо это было сдѣлано", началъ онъ, „что русскій и прусскій послы рекомендовали сейму Понятовскаго, послѣ того какъ здѣсь русскій резидентъ и прусскій посланникъ письменно и словесно увѣряли насъ, что отъ ихъ Дворовъ ни одинъ кандидатъ не будетъ представленъ! Резидентъ вашъ меня погубилъ, потому что я, вѣря ему, подкрѣплялъ его представленія и чрезъ это сдѣлался отвѣтственнымъ. Будь проклята минута, когда я съ нимъ познакомился! Порта предлагала Россіи, нельзя ли исключить графа Понятовскаго изъ кандидатовъ на Польскій престолъ. Россія отвѣчала, что безъ нарушенія данныхъ увѣреній о невмѣшательствѣ ни кого исключить нельзя; но когда исключить нельзя, то само собою разумѣется, что и рекомендовать нельзя, тѣмъ болѣе-что рекомендованъ именно тотъ, исключенія котораго желала Порта. Развѣ Порта не имѣетъ послѣ того права полагать, что все это сдѣлано ей въ досаду и въ насмѣшку; и не будутъ ли ваши непріятели пользоваться этимъ случаемъ, чтобъ вредить вамъ! Сами вы строите и сами разстраиваете! Пусть резидентъ подастъ письменный отвѣтъ, основанный на крѣпкомъ фундаментѣ, которымъ сниметъ навозъ, наваленный на мою голову. Я имя резидента сдѣлалъ золотымъ, а онъ обратилъ и свое и мое имя въ чугунное. Порта новоизбраннаго короля никогда не признаетъ и грамоты его не приметъ, и нѣтъ другого способа поправить дѣло, какъ ссадить Понятовскаго, и если резидентъ не подастъ точнаго увѣренія, что Россія употребитъ для этого стараніе, то пусть больше не дѣлаетъ никакихъ представленій: слушать ихъ не будутъ".

Въ совѣтѣ, держанномъ при Портѣ, рѣшено, что рекомендація Понятовскаго, сдѣланная Русскимъ Дворомъ и подкрѣпленная многочисленнымъ войскомъ, совершенно противна правамъ республики и даннымъ Россіею торжественнымъ увѣреніямъ; что Портѣ, для сохраненія ея значенія между христіанскими державами, необходимо стараться о низверженіи Понятовскаго, какъ Австрія и Россія низвергли Лещинскаго, возведеннаго Франціею. Изъ поспѣшности, съ какою Россія хлопотала о возведеніи Понятовскаго, можно заключить, что она имѣетъ разные скрытные и вредные виды. Если Россія своими обѣщаніями обманула Порту въ дѣлѣ, всему свѣту извѣстномъ, то чего можно ожидать въ частныхъ дѣлахъ между нею и Портою. Строеніе крѣпостей и обладаніе Кабардами могутъ служить отвѣтомъ. Ни на какія обѣщанія нельзя болѣе полагаться, и потому Порта безъ потери времени должна принять необходимыя мѣры къ охраненію себя отъ умысловъ Русскаго Двора. Вслѣдствіе доклада этого рѣшенія, султанъ выразилъ желаніе, чтобъ употреблены были всѣ способы для сверженія Понятовскаго съ престола; но по вопросу, можетъ ли Порта употребить для этого силу оружія и будетъ ли это согласно съ ея вы-

годами, муфтій и духовенство высказались отрицательно, почему вопросъ и остался нерѣшеннымъ.

2 сентября рейсъ-эффенди пригласилъ къ себѣ на конференцію Обрѣзкова и Рексина, и началъ жалобами на поступокъ Россіи и Пруссіи, рекомендовавшихъ Понятовскаго. Турокъ такъ прижалъ Обрѣзкова (собственныя слова протокола конференціи), что надобно было признаться, что или Русскій Дворъ не сдержалъ своихъ обѣщаній, или министры русскій и прусскій въ Варшавѣ преступили повелѣнія своихъ Дворовъ; но признаться въ первомъ было позорно для Русскаго Двора, признаться во второмъ—рейсъ-эффенди сейчасъ скажетъ: если министры поступили вопреки воли императрицы, то ей можно, безо всякаго предосужденія, соединиться съ Портою для низложенія Понятовскаго. Въ такой крайности Обрѣзковъ отвѣчалъ, что, по соглашенію между тремя державами – Россіею, Пруссіею и Турціею,—король Польскій имѣлъ быть избранъ изъ Пястовъ вольными голосами безъ исключенія и рекомендаціи. Порта была первая, которая покусилась исключить изъ числа кандидатовъ Понятовского, человѣка желаннаго согражданами, и Россія и Пруссія рекомендовали этого желаннаго Поляками кандидата, почему рекомендаціи съ исключеніемъ уравновѣшиваются. Рейсъ-эффенди былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ и сначала не зналъ, что сказать; потомъ, одумавшись, сказалъ, что исключеніе уже было прежде сдѣлано относительно графа Браницкаго; но Обрѣзковъ доказалъ, что исключеніе Браницкаго никогда не предлагалось ни словесно, ни письменно. Тогда рейсъ-эффенди сказалъ: „Это дѣло прошлое — и болѣе о немъ говорить нечего; но Порта имѣетъ законную причину сѣтовать на Польскую республику за пренебреженіе,— она избрала королемъ именно того, котораго Порта желала исключить". Обрѣзковъ отвѣчалъ, что въ Польшѣ не знали о желаніи Порты исключить Понятовскаго; да если-бъ Полякамъ и дано было знать объ этомъ, то они не повѣрили бы: не могли бы они себѣ представить и связать съ извѣстнымъ правосудіемъ Порты, чтобъ она, основываясь на злостныхъ внушеніяхъ постороннихъ людей, возненавидѣла человѣка, ей ни мало не извѣстнаго. Тутъ Обрѣзковъ распространился въ похвалахъ Понятовскому и кончилъ увѣреніемъ, что новый Польскій король будетъ оказывать Портѣ особенное уваженіе. Рейсъ-эффенди, разсмѣявшись, сказалъ: „Резидентъ хорошій стряпчій, умѣетъ дыму поддать; я не знаю, какую султаново величество изволитъ принять резолюцію, но хотѣлъ-бы я знать, если Порта отправитъ къ каждому польскому вельможѣ визирское письмо съ вопросомъ, какимъ образомъ происходило избраніе нынѣшняго короля, то отвѣтитъ-ли каждый, что избраніе было вольное, и какъ Русскій Дворъ взглянетъ на этотъ поступокъ Порты". Обрѣзковъ отвѣчалъ: „Польша держава самовластная; Порта имѣетъ съ нею договоры и по этимъ договорамъ знаетъ, чего можетъ отъ Поляковъ требовать; а какъ взглянетъ на это мой Дворъ,—я догадаться не могу. Поступокъ этотъ будетъ такъ необыченъ, что Поляки могутъ спросить, по какому праву Порта отъ нихъ этого требуетъ".—„Со всѣхъ сторонъ", сказалъ рейсъ-эффенди, „приходятъ къ Портѣ извѣстія, что королевское избраніе было насильственное и вопреки желанію большинства". Обрѣзковъ отвѣчалъ, что Порта должна была приготовиться получать подобныя извѣстія и клеветы, особенно со стороны Франціи и Австріи, между которыми было условлено возвести на Польскій престолъ Саксонскаго принца, брата дофины; кромѣ того, Австрія, досадуя на Россію за уклоненіе отъ союза съ нею, старается всѣми силами возбудить противъ Россіи Турцію, чтобъ этимъ заставить императрицу опять вступить въ тѣсный союзъ съ Вѣнскимъ Дворомъ. Тутъ рейсъ-эффенди сказалъ переводчику Порты: „Помнишь, что я тебѣ говорилъ?—теперь видишь, что я не ошибался". (Противъ этого мѣста донесенія Екатерина написала: „Рейсъ-эффенди мужикъ преумный; надобно стараться его къ намъ приласкать").

Порта не повѣрила извѣстію, что къ коронаціи Станислава Понятовскаго въ Варшаву пріѣдетъ Русская императрица для вступленія съ нимъ въ бракъ; но Порта обезпокоилась извѣстіями, что въ Польшѣ готовятся большія перемѣны, уничтоженіе liberum veto, и рейсъ-эффенди требовалъ отъ Обрѣзкова и Рексина, чтобъ они доставили Портѣ отъ Польской республики письменное точное увѣреніе, что польская конституція никогда не потерпитъ ни малѣйшаго измѣненія, особенно въ статьѣ о liberum veto. Прусскій посланникъ согласился-было донести объ этомъ своему Двору; но Обрѣзковъ уклонился учтивымъ образомъ и уговорилъ Рексина сдѣлать то же, находя требованіе предосудительнымъ для достоинства Польскаго королевства и не приносящимъ ни малѣйшей пользы Россіи. На донесеніи объ этомъ Панинъ сдѣлалъ замѣтку: „Сіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу политическому проницанію резидента Обрѣзкова, ибо такою отъ Польши декларацією Турки получили бы знатную ступень мѣшаться въ Польскія дѣла и почли бы себя сущими гарантами ея правительства, слѣдовательно раздѣлили бы впредь съ Россіею то, что по сіе время ей одной отъ Польши хотя неохотно, но тѣмъ не менѣе существительно и отъ другихъ державъ признавается".

Что въ Европѣ была Польша, то въ Азіи была Кабарда, слабая страна, находящаяся между двумя сильными вліяніями—русскимъ и турецко-крымскимъ. Ханъ, стремясь привести Кабарду въ свою зависимость, съ одной стороны, заподозрѣвалъ предъ ея владѣльцами намѣренія Россіи, ставя на видъ, что охраняетъ ихъ отъ грозящей имъ бѣды; а съ другой—жаловался на нихъ Русскому правительству и требовалъ удовлетворенія, чтобъ раздражить ихъ еще болѣе противъ Россіи. И относительно Польскихъ дѣлъ ханъ велъ себя враждебно,

пересылая въ Константинополь непріязненныя Россіи внушенія, а передъ консуломъ толковалъ о своей силѣ, о средствахъ вредить или быть полезнымъ Россіи, которая поэтому должна была его уважать. По этому поводу Никифоровъ получалъ повелѣнія изъ Иностранной Коллегіи осаживать хана. Ханъ потребовалъ себѣ въ подарокъ кречета; Никифоровъ получилъ приказаніе внушить, что императрицѣ извѣстно, что онъ, ханъ, вмѣсто старанія укрѣплять дружбу между Россіею и Турціею, всячески, напротивъ того, хлопочетъ о томъ, какъ бы повредить ей: самъ вѣритъ всѣмъ клеветамъ на Россію и желаетъ, чтобъ и Порта имъ вѣрила. Этими поступками самъ себя лишаетъ большой награды, а потому не прежде можетъ надѣяться получить отъ Россіи какія-нибудь благодѣянія, какъ послѣ совершенной перемѣны своего поведенія.

Первый выборъ консула въ Крымѣ оказался неудаченъ. Никифоровъ дѣлалъ большія ошибки,— началъ уговаривать хана, чтобъ тотъ не мѣшался въ Польскія дѣла, прежде чѣмъ тотъ промолвилъ о нихъ одно слово: этимъ со стороны консула было внушено, что Россія нуждается въ ханѣ, заискиваетъ въ немъ; вмѣсто того, чтобы представить подарки хану отъ имени Кіевскаго генералъ-губернатора,—представилъ ихъ прямо отъ имени императрицы; Никифоровъ былъ заподозрѣнъ и въ нечистыхъ поступкахъ относительно казны. Наконецъ, неосторожное поведеніе консула въ самомъ щекотливомъ дѣлѣ,—въ дѣлѣ религіозномъ, послужило поводомъ къ его отозванію. Въ октябрѣ крѣпостной человѣкъ Никифорова, Михайло Авдѣевъ, 15 лѣтъ отъ-роду, ушелъ и принялъ магометанство, а консулъ со своими людьми взялъ его силою опять къ себѣ, и подалъ жалобу на нарушеніе народныхъ правъ. Татары, напротивъ, требовали выдачи Авдѣева, какъ уже магометанина, причемъ одинъ изъ чиновныхъ татаръ сказалъ: „Хотя бы и консулъ пришелъ, то мы, по своимъ книгамъ и суду, могли бы его обусурманить", и когда переводчикъ консула жаловался на эти слова каймакаму, или намѣстнику ханскому, то сидѣвшій тутъ муфтій сказалъ: „Хотя бы ваша и кралица сюда пришла, то бы мы и ее побусурманили". Въ отвѣтъ на донесеніе объ этомъ, Никифоровъ получилъ сильный выговоръ отъ Иностранной Коллегіи; поступокъ его названъ горячимъ и непростительнымъ, ибо онъ долженъ былъ знать, что ренегаты почитаются погибшими и о возвращеніи ихъ никто не старается; грубыя выраженія муфтія насчетъ императрицы суть слѣдствія его же консульской неосторожности [1]).

Французскія хлопоты остались на этотъ разъ безъ послѣдствій въ Турціи; Польшу Франція предоставила ея судьбѣ; но тѣмъ съ большею настойчивостью дѣйствовала она въ Швеціи. Система дѣйствія была измѣнена: до сихъ поръ Франція поддерживала противниковъ усиленія королевской власти, слѣдуя общему тогда правилу, что слабость королевской власти дастъ другимъ державамъ болѣе возможности вмѣшиваться въ дѣла страны и проводить въ ней свое вліяніе. Но теперь родился вопросъ: что выгоднѣе для Франціи, — дѣлить ли постоянно въ Швеціи вліяніе съ Россіею, поддерживая большими деньгами свою партію, или, усиливъ королевскую власть, противопоставить Россіи опаснаго уже по самой близости врага, который будетъ всегда готовъ сдержать Россію въ ея непріятныхъ для Франціи стремленіяхъ. Примѣръ Польши заставлялъ Францію спѣшить перемѣною политики относительно Швеціи. Французскій посланникъ въ Варшавѣ, Поми, писалъ своему Двору: „Всѣ Поляки говорятъ прекрасно, но немногіе осмѣливаются что-нибудь дѣлать, и что дѣлаютъ — выходитъ дурно. Теперь поддерживать свободу Польши значитъ—защищать открытое мѣсто безъ гарнизона, безъ офицеровъ, безъ военныхъ запасовъ, безъ хлѣба, безъ укрѣпленій". Въ Версали не хотѣли сдѣлать и изъ Швеціи такого же удобнаго для защиты мѣста. Въ инструкціяхъ Шуазеля Бретейлю говорилось: „Франція была введена обстоятельствами въ заблужденіе, слишкомъ благопріятствовала ослабленію королевской власти въ Швеціи, изъ чего возникло метафизическое, невозможное правленіе. Растрачивали деньги на слабыя партіи, а Швеція становилась все слабѣе и незначительнѣе. Поэтому надобно доставить королю болѣе власти".

Въ началѣ года, Остерманъ увѣдомилъ императрицу, что генералъ графъ Ферзенъ тѣсно сблизился съ недавно пріѣхавшимъ въ Стокгольмъ французскимъ посломъ, барономъ Бретейлемъ, и объявилъ королевѣ, что старается склонить Бретейля содѣйствовать уничтоженію на будущемъ сеймѣ вкоренившихся въ Швеціи безпорядковъ, что ему Бретейль и обѣщалъ; и Датскій Дворъ такъ-же склоняется этому содѣйствовать. Королева поэтому продолжаетъ быть очень ласкова къ Ферзену и даже усилила наружные знаки своей милости къ Бретейлю; удостоиваетъ своимъ разговоромъ и датскаго посланника, чего прежде никогда не бывало.—Панинъ замѣтилъ на донесеніи Остермана: „Знать, что жребій Шведской королевѣ быть обманутою французскими послами; въ мое время передъ сеймомъ, на которомъ графу Браге отсѣкли голову, маркизъ д'Авренкуръ, обѣщавъ ей свое вспоможеніе и вывѣдавъ изъ нея на одномъ маскератѣ всѣ ея тогдашнія намѣренія и предпріятія противу сенаторей его креатуръ, предалъ ее имъ, Бретейль же гораздо вороватѣе Давренкура". — Ферзенъ увѣрялъ, что французскому послу въ инструкціяхъ предписано не подражать поведенію своего предшественника, Давренкура, который дѣйствовалъ противъ короля и королевы. Панинъ замѣтилъ: „Повидимому, Бретейль очень хорошо завелъ свои машины, налагая все прошедшее насчетъ своего предмѣстника, и королева, конечно, будетъ обманута. Ея величество тутъ не припамя-

[1]) Дѣла Турецкія и Крымскія 1764 года.

туетъ, что Бретейль не присланъ ея мирить съ Давренкуромъ, но исправлять дѣла оставшихся въ Швеціи французскихъ креатуръ, а что графъ Ферзенъ—тотъ самый, который былъ первымъ жрецомъ Брагевой головы въ пораженіи ихъ Шведскихъ величествъ".

Когда Остерманъ сталъ внушать надежнымъ людямъ, что напрасно королева вѣритъ Ферзену и Французскому Двору, то ему отвѣчали, что королева, по ея рѣшительному увѣренію, отнюдь никогда не согласится приступить къ французской системѣ; не вѣритъ она ни Ферзену, а еще менѣе сенатору Шеферу; но, по причинѣ господства французской партіи, она принуждена пользоваться ихъ ласканіями, ибо если ни въ чемъ другомъ нельзя успѣть, то, по крайней мѣрѣ, она избавится отъ гоненія, тѣмъ болѣе что королева не имѣетъ никакого подлиннаго обнадеживанія ни съ русской, ни съ англійской стороны, въ чемъ будетъ состоять ихъ помощь, а французскій посолъ обѣщаетъ на будущій сеймъ милліонъ ливровъ; и если сеймъ не будетъ чрезвычайный, отложится до обыкновеннаго срока, то Французскій Дворъ пришлетъ еще три милліона ливровъ. Панинъ замѣтилъ на донесеніи объ этомъ: „Все сіе пустыя замѣтки и больше показываютъ десимюлацію ея величества передъ благонамѣренными, нежели истинность ея сентиментовъ, ибо какъ возможно согласить теперь оказываемое ею порабощеніе духа противу французской партіи съ тою характера ея гордостію и презрѣніемъ всѣхъ очевидныхъ тогда опасностей, которыя она оказывала, когда ни снаружи, ни внутри Швеціи не только подкрѣпленія, ниже малѣйшей къ тому надежды не имѣла".

Остерману было предписано имѣть дружественныя сношенія съ приверженцами Двора и съ благонамѣренными патріотами, причемъ онъ не долженъ былъ никого поощрять къ созыванію чрезвычайнаго сейма. Благонамѣренные, по обычаю, неотступно просили Остермана узнать точнѣе, въ чемъ будетъ состоять помощь со стороны Россіи, дабы они заблаговременно могли бодрствовать противъ французскихъ быстрыхъ уловленій и содержать королеву въ добромъ къ себѣ расположеніи. Они высказывали желаніе чрезвычайнаго сейма, выставляя на видъ, что безъ него своевольство такъ укоренится, что рано или поздно самодержавіе само собою введено будетъ, и если это не сдѣлается при жизни короля, то непремѣнно послѣдуетъ вдругъ, по кончинѣ его. Панинъ замѣтилъ по этому поводу: „Разумный домоводецъ, когда что торгуетъ, онъ соображаетъ прежде всего цѣну съ надобностію, съ своимъ достаткомъ и съ пользою, которую изъ того получаетъ;—то же правило служитъ аксіомомъ и въ политикѣ. Неоспоримый интересъ вашего величества принять участіе, чтобъ развращеніемъ не воспослѣдовало въ Швеціи генеральное опроверженіе всему правительству; но опредѣлить мѣру сего участія разсудительнымъ образомъ невозможно прежде, покамѣстъ совершенно о томъ ни увѣримся, какой точно конецъ получатъ Польскія дѣла; безъ крайней же нужды, которой еще въ Швеціи не предусматривается, благоразуміе не дозволяетъ совсѣмъ полагаться на одну надежду и потому брать рѣшительныя мѣры".

Между тѣмъ Панинъ, сначала думавшій, какъ мы видѣли, что Бретейль обманываетъ королеву, сталъ приходить къ мысли, что французскій посланникъ можетъ хлопотать объ установленіи самодержавія въ Швеціи, въ чемъ заключается настоящій интересъ Франціи. На реляціи Остермана отъ 19 марта Панинъ замѣтилъ: „Не то страшно, что Бретейль увѣряетъ о нехотѣніи своемъ мѣшаться во внутреннія дѣла,—послѣ въ нихъ во время сейма вмѣшается и тѣмъ обманетъ Дворовую партію; но того вправду бояться надобно, чтобъ Франція, усыпляя всѣхъ своимъ защищеніемъ правительства противъ короля, онъ, Бретейль, вдругъ не соединился съ Дворскими партизанами своей системы и не подалъ бы нечувствительно способа имъ схватить самодержавство, что въ существѣ есть и будетъ истинный интересъ Франціи, лишь бы только достовѣрно можно было ей его достигнуть".

Въ началѣ мая Остерману посланъ былъ указъ—стараться отвращать королеву отъ впаденія въ сѣти французскихъ партизановъ, а съ другой стороны—удерживать благонамѣренныхъ (колпаковъ) отъ несвоевременнаго отдѣленія отъ придворной партіи. Остерманъ отвѣчалъ, что изъ придворной партіи онъ получаетъ увѣренія о преданности короля и королевы императрицѣ; если и происходятъ сношенія съ французскими партизанами, то они наружныя, безъ всякой твердости. Королева довольно испытала, какъ мало она можетъ вѣрить ихъ обольщеніямъ, и потому увѣренія со стороны императрицы предпочитаетъ всему и на нихъ однихъ полагаетъ прямую свою надежду, какъ бы съ французской стороны ни старались перемѣнить ея мысли. Благонамѣренные же патріоты полагаютъ все свое спасеніе въ защитѣ императрицы, и съ неописанною благодарностью принимаютъ обнадеживанія въ русской помощи, обѣщаясь слѣдовать великодушнымъ совѣтамъ императрицы и не только не подавать вида объ отдѣленіи себя отъ придворной партіи, но еще сильнѣе искать королевской милости. Въ началѣ іюля, Остерманъ донесъ о разговорѣ своемъ съ королевою, которая увѣряла его, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, въ своей особенной и безпредѣльной преданности императрицѣ и желаніи заслужить ея всевысочайшую дружбу. Остерманъ просилъ ее принять увѣренія въ добромъ расположеніи императрицы къ ней и королю, и не вѣрить никакимъ другимъ внушеніямъ, приходящимъ съ противной стороны, выдуманнымъ людьми, завидующими доброму согласію между Россіею и Швеціею. Королева сказала на это: „Вы не ошибаетесь, говоря о зависти; прошу васъ вѣрить, что я никакимъ внушеніямъ вѣры не даю, и, въ доказательство моего усердія къ императрицѣ и довѣрія къ вамъ, не могу отъ васъ скрыть,

какъ мнѣ прискорбно слышать о враждебныхъ замыслахъ Датскаго и Вѣнскаго Дворовъ противъ императрицы".—„Эти вредные замыслы мнѣ неизвѣстны", отвѣчалъ Остерманъ, „и я могу удостовѣрить ваше величество, что опасности тутъ нѣтъ никакой, и все дѣйствуетъ одна зависть".—„И я имѣю такую же надежду", сказала королева; „но, по искреннему своему къ вамъ усердію, не могу скрыть своего безпокойства". Остерманъ настаивалъ, чтобъ королева не вѣрила никакимъ внушеніямъ, потому что передъ этимъ она дала ему знать, какъ ей прискорбно было увѣдомиться, что императрицѣ донесено, будто бы она, королева, недружелюбно къ ней относится, а потому и императрица съ своей стороны къ ней неблагосклонна и хорошо расположена къ одному королю.

24 августа Остерманъ писалъ о разговорѣ своемъ съ прусскимъ посланникомъ, барономъ Кокцеемъ, который все твердилъ, что уполномоченъ своимъ государемъ сообразовать свои поступки интересамъ Россіи и Пруссіи; но согласно съ интересами обоихъ Дворовъ возстановленіе на будущемъ сеймѣ правъ и преимуществъ королевскихъ, какъ-то: права объявлять войну, заключать миръ, установлять новыя съ иностранными Дворами обязательства, по примѣру преимуществъ Англійскаго короля. Остерманъ имѣлъ наивность заключить изъ этихъ словъ, что Кокцей, должно быть, не получилъ инструкціи по внутреннимъ Шведскимъ дѣламъ и разсуждаетъ о правахъ короля по словамъ членовъ придворной партіи. Въ томъ же донесеніи Остерманъ увѣдомилъ о состоявшемся опредѣленіи о созваніи чрезвычайнаго сейма. „Отъ этого опредѣленія", писалъ Остерманъ, „всѣ благонамѣренные патріоты ожидаютъ большой пользы, если получать отъ вашего императорскаго величества обѣщанное вспоможеніе; если теперь при самомъ началѣ случай упущенъ будетъ, то послѣ нельзя будетъ поправить дѣла и двойнымъ иждивеніемъ". По мнѣнію благонамѣренныхъ патріотовъ, вспоможеніе должно было состоять изъ 300,000 рублей, изъ которыхъ 100,000 должно было выдать немедленно, а на остальные дать ассигнаціи и выплатить ихъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Благонамѣренный сенаторъ, графъ Левенгельмъ, объявилъ Остерману, что онъ сильно уговаривалъ королеву наблюдать строгій нейтралитетъ какъ въ выборѣ ландмаршала, такъ и при всѣхъ другихъ выборахъ, но не могъ въ этомъ успѣть и довольно примѣтилъ, что она имѣетъ довѣріе къ совѣтамъ графа Ферзена и надѣется, по его обѣщанію, получить въ свое распоряженіе французскія деньги. 24 сентября Остерманъ сообщилъ о любопытномъ разговорѣ Левенгельма съ французскимъ посломъ Бретейлемъ. Левенгельмъ старался убѣдить посла, чтобъ онъ не употреблялъ подкупа: всѣ бѣдствія Швеціи, говорилъ онъ, проистекали оттого, что нація, будучи подкупами раздроблена на разныя части, не могла никогда содѣйствовать истинной пользѣ своего отечества;—и теперь, если подкупы будутъ продолжаться, то надобно ожидать тѣхъ же самыхъ бѣдствій, и посолъ пріобрѣтетъ для своего Двора больше вреда, чѣмъ пользы. Бретейль, выслушавъ все это, отвѣчалъ, что онъ ни мало не намѣренъ слѣдовать примѣрамъ своихъ предмѣстниковъ; но если соперники его будутъ употреблять подкупы, то и онъ естественно принужденъ будетъ обороняться тѣмъ же самымъ оружіемъ. „Кого вы признаете здѣсь своими соперниками?" спросилъ Левенгельмъ.—„Англійскаго посланника Гудрика и Русскаго—Остермана", отвѣчалъ Бретейль. Гудрикъ дѣйствительно предложилъ Остерману 40,000 фунтовъ стерлинговъ для дѣйствій сообща.

Изъ Россіи Остерману прислано было 50,000 рублей и наставленіе: „Мы постояннымъ и ненарушимымъ интересомъ поставляемъ въ Швеціи непоколебимое соблюденіе узаконеннаго въ 1720 году вольнаго образа правленія и сопротивленіе введенію самодержавства. На такомъ основаніи мы признаемъ благонамѣренными патріотами всѣхъ тѣхъ, которые стараются только о возстановленіи должнаго равновѣсія между тремя властями и уничтоженіи безпорядковъ, происшедшихъ отъ своевольнаго и превратнаго толкованія формы правленія. Это возстановленіе и уничтоженіе безпорядковъ мы почитаемъ совершенно исполненнымъ, если уничтожатся всѣ безъ изъятія сенатскія толкованія и сеймовыя опредѣленія, особливо акты, обнародованные на сеймѣ 1756 года, а въ самой формѣ правленія переправится оговорка, находящаяся въ заглавіи,—именно, что „государственные чины предоставляютъ себѣ на генеральномъ сеймѣ право толкованія и исправленія установленной формы правленія, если это впредь понадобится". Вмѣсто этого, должно быть внесено слѣдующее: „Если впредь понадобится толкованіе или исправленіе правительственной формы, то государственные чины предоставляютъ себѣ на генеральномъ сеймѣ право составить проектъ для обнародованія всей націи, которая на слѣдующемъ сеймѣ, въ данныхъ депутатамъ полномочіяхъ и инструкціяхъ, должна этотъ проектъ одобрить, и тогда только онъ можетъ получить силу закона".—Повелѣваемъ вамъ истиннымъ и благонамѣреннымъ патріотамъ подавать всякое вспоможеніе не только совѣтами, но и деньгами: вы должны стараться составить изъ этихъ патріотовъ дѣйствующій корпусъ, чего иначе достигнуть нельзя, какъ избраніемъ для нихъ одной главы, къ чему мы удостоиваемъ сенатора графа Левенгельма, какъ самаго разумнаго и искуснаго въ дѣлахъ изъ всѣхъ благонамѣренныхъ патріотовъ, присоединяя къ нему въ помощь сенатора графа Горна, полковника Рудбека и статсъ-секретаря барона Дюбена, какъ людей, изстари расположенныхъ къ нашему Двору. Вы должны имъ объявить: 1) что наше вспоможеніе не назначается на личное преслѣдованіе членовъ противной партіи, равно какъ не на доставленіе частныхъ выгодъ тому или другому изъ благонамѣренныхъ патріотовъ, но

единственно на поправленіе государственныхъ дѣлъ и на поправленіе всей благонамѣренной партіи въ надлежащую силу и кредитъ у народа, и потому они не должны позволять друзьямъ своимъ вмѣшиваться въ частныя предпріятія. 2) Чтобъ они всѣми мѣрами старались обуздывать высокомысліе придворной партіи, особенно начальника ея, полковника Синклера, причемъ однако должны избѣгать явнаго разрыва съ этою партіею, а старались склонить ее къ своимъ благонамѣреннымъ видамъ. 3) Приложили бы стараніе привлечь на свою сторону сенатора графа Гепкена, и уговорили бы его потомъ возвратиться въ сенатъ, а напротивъ того, сенатора Шефера принудили бы оттуда добровольно выйти. 4) Въ секретную коммисію посадить сколько можно болѣе честныхъ и искусныхъ людей, дабы, наконецъ, 5) воспользоваться склонностію и самихъ сенатскихъ приверженцевъ къ независимости отъ чужихъ державъ, и положить начало низверженія французской системы предписаніемъ своему министерству, чтобъ оно не вмѣшивалось ни въ какія обязательства съ чужестранными Дворами, могущія вывести Швецію изъ нейтральнаго состоянія, въ случаѣ военныхъ замѣшательствъ въ Европѣ". Екатерина хотѣла составить въ Швеціи свою независимую партію или поднять старую партію колпаковъ, которая бы, съ одной стороны, противодѣйствовала французскому вліянію, съ другой — сдерживала королеву и придворную партію отъ стремленія къ перемѣнѣ конституціи 1720 года. Разумѣется, придворная партія не могла смотрѣть на это равнодушно. Въ концѣ октября, одинъ изъ главныхъ членовъ этой партіи имѣлъ разговоръ съ Остерманомъ, изъ котораго тотъ заключилъ, что приверженцы Двора желаютъ, чтобъ русскія и англійскія деньги были отданы въ руки королевы для составленія одной партіи подъ именемъ придворной, отъ которой колпаки вполнѣ бы зависѣли. Упомянутый членъ придворной партіи толковалъ Остерману, что особенная партія, независимая отъ сената или короля, никогда ничего съ пользою сдѣлать не можетъ, и приводилъ въ примѣръ событія на сеймѣ 1747 года. Остерманъ увѣрялъ его, что у него вовсе нѣтъ намѣренія отдѣлить колпаковъ отъ придворной партіи; а такъ какъ печальныя событія на сеймѣ 1747 года произошли отъ тогдашнихъ французскихъ обольщеній, то это самое и побуждаетъ его теперь просить короля и королеву предостеречь себя отъ нихъ: ибо когда ихъ величества, по своей дружбѣ къ императрицѣ, будутъ имѣть неизмѣнное вниманіе къ ея совѣтамъ, то не только не будетъ особенной партіи, но и союзъ между Россіею и Швеціею станетъ такъ крѣпокъ, что всѣ французскія стремленія не будутъ въ состояніи ему повредить. Между тѣмъ одинъ изъ благонамѣренныхъ (должно быть, тотъ же Левенгельмъ) далъ знать Остерману о своемъ разговорѣ съ королевою: Луиза-Ульрика требовала отъ него, чтобъ онъ старался поправить въ народѣ кредитъ Ферзена и Синклера, причемъ выставляла на видъ честность ихъ намѣреній; но благонамѣренный не согласился на ея желанія и отвѣчалъ, что если бы онъ взялся исполнить ея волю, то пользы никакой ей не принесетъ, а собственный кредитъ въ народѣ потеряетъ. При этомъ благонамѣренный упрашивалъ королеву, чтобъ она не вѣрила французскимъ обнадеживаніямъ, передаваемымъ ей чрезъ Ферзена и Синклера, а предпочитала увѣренія, идущія съ русской и англійской стороны, какъ больше согласныя съ національнымъ интересомъ. Королева отвѣчала: „Я еще не знаю, въ чемъ будетъ состоять русская поддержка; если, какъ я думаю, только въ томъ, чтобъ возстановить правительственную форму 1720 года, то я большой выгоды въ этомъ не вижу, и потому естественно предпочитаю тѣхъ, которые обѣщаются больше содѣйствовать въ мою пользу".

12 ноября пріѣхалъ къ Остерману извѣстный важный членъ придворной партіи (Синклеръ?) и объявилъ, что король и королева на будущемъ сеймѣ не начнутъ никакого самаго малаго дѣла, не узнавъ прежде отъ него, Остермана, мнѣнія объ этомъ дѣлѣ императрицы, и всѣ свои поступки будутъ согласовать съ ея волею. Остерманъ въ отвѣтъ пропѣлъ свою обычную пѣсню, что ихъ величества прежде всего не должны вѣрить внушеніямъ, дѣлаемымъ со стороны французскихъ приверженцевъ, графа Ферзена съ товарищами. Гость началъ съ божбою увѣрять, что король и королева не только не вѣрятъ внушеніямъ французскихъ приверженцевъ, но скоро произойдетъ и явный разрывъ Двора съ ними. Наконецъ, посланный объявилъ, что съ французской стороны немедленно начнется закупка дворянскихъ полномочій, слѣдовательно со стороны ихъ величествъ очень нужно было бы употребить такіе же способы, чтобъ не быть предупрежденными. Остерманъ понялъ, къ чему все это клонится, и отвѣчалъ, что надѣется очень скоро получить высочайшія инструкціи, безъ которыхъ не можетъ быть никакого отвѣта; но, чтобы показать королю и королевѣ свое усердіе къ ихъ пользамъ, Остерманъ выдалъ посланному 20,000 талеровъ (купферъ-мюнце), съ обѣщаніемъ, по согласію съ англійскимъ посланникомъ, выдать такую же сумму въ началѣ будущей недѣли; деньги должны были идти на закупку полномочій.— Панинъ замѣтилъ на донесеніи: „Сумма гораздо не велика, и потому недурно, что приманку сдѣлалъ; больше же давать уже не станетъ".

Но, получивъ русскія деньги, посланный отправился къ англійскому посланнику Гудрику съ вопросомъ, какая сумма назначена изъ Англіи въ пользу ихъ величествъ, и съ требованіемъ, чтобъ сумма была выдана. Гудрикъ отговорился, что онъ не можетъ ничего дать безъ согласія съ русскимъ посланникомъ, къ которому и надобно адресоваться. Посланный явился къ Остерману съ объясненіемъ, что если императрица намѣрена упо-

требить денежныя издержки въ пользу короля, то никакихъ другихъ распоряженій не нужно, довольно того, чтобъ требуемые 200,000 рублей были готовы, безъ полученія которыхъ королю было бы неприлично самому вмѣшиваться и поощрять другихъ къ дѣятельности. Остерманъ отвѣчалъ, что если императрица помогаетъ деньгами, то естественно должна знать, на что будутъ употреблены ея деньги, чтобы, по прежнимъ примѣрамъ, онѣ понапрасну не были истрачены; Англійскій Дворъ тѣмъ болѣе любопытствуетъ знать, куда употребляютъ деньги, что его вступленіе въ здѣшнія дѣла большею частью зависитъ отъ добраго начала относительно избранія ландмаршала и членовъ секретной коммисіи изъ числа благонамѣренныхъ. Тогда посланный объявилъ, что онъ того же дня снесется съ тремя главными членами благонамѣренной партіи и, опредѣливши съ ними сколько нужно денегъ, будетъ ихъ требовать отъ Остермана и англійскаго посланника, причемъ назвалъ имена этихъ благонамѣренныхъ, чтобъ Остерманъ могъ отъ нихъ узнать, правду ли онъ говоритъ. Остерманъ, увидавъ его на такой доброй дорогѣ, далъ ему еще 4,000 платовъ, вмѣсто 15,000, которыхъ онъ требовалъ, и Гудрикъ обѣщалъ выдать такую же сумму. „Кромѣ сего добраго успѣха", доносилъ Остерманъ, „и та польза пріобрѣтена, что собственно ихъ величества зачинаютъ больше полагаться на подаваемыя имъ мною съ вашей всевысочайшей стороны увѣренія и къ моему поведенію свое высокое удовольствіе оказывать изволятъ. Единая только вредительность еще остается, что оный Дворовый партизанъ съ своимъ сообщникомъ, оберъ-камергеромъ графомъ Гиленстолпомъ, предуспѣли такой полный кредитъ у ихъ величествъ имѣть, что никто съ нимъ не сравнивается. Его величество, при оказаніи своей къ вашему императорскому величеству истинной благодарности за ваше обѣщанное ему вспоможеніе и высокаго удовольствія ко мнѣ, всенижайшему, мнѣ объявить соизволилъ, чтобъ я, въ случаѣ какого ему сообщенія, адресовался для того къ упомянутому графу Гиленстолпу, яко его величеству вѣрному слугѣ. Такое со стороны его величества нечаянное повелѣніе меня не мало удивило. Вашему императорскому величеству извѣстна та персона, которую я съ самаго начала моей здѣшней бытности всегда продолжительно для такого внушенія употреблялъ; его къ вашему всевысочайшему Двору и персонально къ его величеству преданность довольно мнѣ знаема. Уважая, съ одной стороны, повиновеніе королевскому повелѣнію, а съ другой - необходимую надобность мнѣ онаго для вышеозначеннаго внушенія удержать, понудило меня съ глубочайшимъ респектомъ у его величества испросить милостивое позволеніе употреблять, въ случаѣ надобности, ту же персону, которую я доднесь употреблялъ, показавъ въ резонъ, что хотя по причинѣ имѣющейся къ нему довѣренности, которая мнѣ главнѣйшимъ всегда правиломъ служить имѣетъ, онаго Гиленстолпа употреблять не премину: однакожъ въ разсужденіе врученія мнѣ тою персоною королевскаго отправленнаго къ вашему императорскому величеству изъясненія, употребленіемъ къ тому, при случаѣ полученія вашего высочайшаго отвѣтствія Гиленстолпа, натурально оная персона будетъ имѣть причину думать о имѣющейся къ оной какой недовѣренности, которую оная толь меньше заслуживаетъ, что, сколько мнѣ извѣстно, никто больше оной его величеству не преданъ. Король, принявъ милостиво мое изъясненіе, отвѣтствовалъ, что онъ самъ въ преданности той персоны не сумнѣвается, и слѣдовательно мнѣ даетъ позволеніе попрежнему и оную употреблять: но какъ оная въ дѣлахъ обрѣтается, такъ Гиленстолпъ ко взаимному сношенію нѣсколько способнѣе. Я, настоя въ прежнемъ моемъ всенижайшемъ прошеніи, принялъ смѣлость къ тому присовокупить, чтобъ его величество милостиво склонился употребить для лучшаго сохраненія секрета ту же персону, доказывая, что можетъ случиться такое дѣло, которое подлежитъ его единственному знанію, на что его величество милостиво и согласиться изволилъ и, принявъ отъ меня увѣренія о вашемъ всевысочайшемъ намѣреніи въ угодность его на будущемъ сеймѣ содѣйствовать, когда вашимъ совѣтамъ послѣдовано будетъ, изъяснился, что онъ, будучи о томъ увѣренъ, надѣется, что и его совѣту иногда слѣдовано будетъ, еже я покрылъ тѣмъ, что то само разумѣется, ибо инако общее съ обѣихъ сторонъ согласіе состояться не можетъ. Ея величество королева, оказавъ равную благодарность, много распространялась похвалами къ иманитому Дворовому партизану, доказывая его великій разумъ и искусство, чему и я комплиментами отвѣтствовалъ; и какъ дошла матерія дискурса до извѣстныхъ французскихъ партизановъ,—она требовала моего мнѣнія: не приличнѣе ли я признаваю продолженіе наружной къ нимъ учтивости на куртагахъ, нежели явнаго разрыва, котораго будто нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ желаютъ,— такъ я принялъ смѣлость представить, что не токмо отъ такой наружной учтивости отвращать, но болѣе къ оной согласовать причину имѣю: довольно того, что я ея величеству слово имѣю, что она къ нимъ никакой довѣренности имѣть не изволитъ".

Но, вслѣдъ за этимъ, Остерманъ долженъ былъ донести, что расхваленный королевою „Дворовый партизанъ" обманываетъ: онъ дѣйствительно началъ совѣтоваться съ „бонетами" (колпаками), но скоро пересталъ давать имъ отчетъ въ употребленіи русскихъ и англійскихъ денегъ, началъ представлять необходимость выбора въ секретную коммисію нѣкоторыхъ членовъ французской партіи; не соглашался, чтобъ часть этихъ денегъ шла на устройство столовъ для бѣдныхъ депутатовъ, и чтобъ эти столы учреждались колпаками; сталъ избѣгать свиданія съ послѣдними. И король началъ съ ними изъясняться сдержаннѣе, сталъ повто-

рять, что не сомнѣвается въ преданности графа Ферзена и другого вождя французской партіи, статсъ-секретаря барона Германсона [1]).

Данія не подавала ни малѣйшаго повода къ безпокойству. Датскій Дворъ вполнѣ соглашался со всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ Польшѣ со стороны Россіи. Въ концѣ іюня Корфъ увѣдомилъ императрицу о разговорѣ своемъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, барономъ Берисдорфомъ, который, расхваливая поведеніе Чарторыйскихъ и Понятовскихъ, удивлялся необыкновенно разумнымъ дѣйствіямъ Екатерины: въ короткое время царствованія своего она совершила великія и полезныя дѣла какъ внутри, такъ и внѣ своей имперіи почти непонятнымъ и для другихъ Дворовъ примѣрнымъ образомъ; умѣла привести въ согласіе Поляковъ, собравшихся на созывательный сеймъ, такъ-что даже отважились поправить извѣстныя ошибки въ польскихъ фундаментальныхъ законахъ, на что въ продолженіи вѣковъ не осмѣливались покуситься и почитали за невозможное дѣло. „Но", прибавилъ Бернсдорфъ, „не будетъ ли Польша опасна своимъ сосѣдямъ, когда придетъ въ совершенный порядокъ". Корфъ, благодаря его за откровенный отзывъ, сказалъ, что, выраженіе—„совершенный порядокъ" уже показываетъ, какъ еще много недостаетъ для того, чтобъ Польша стала опасною своимъ сосѣдямъ, на чемъ надобно и успокоиться. Императрица очень желаетъ заслужить имя установительницы мира, однако притомъ хорошо знаетъ связь своихъ интересовъ съ положеніемъ другихъ державъ. Исправленіе польскихъ законовъ коснулось преимущественно экономическаго штата Польскаго короля и гражданскихъ законовъ, а liberum veto едва ли можетъ быть уничтожено и всегда будетъ служить средствомъ препятствовать намѣреніямъ короля и республики, если эти намѣренія покажутся опасными сосѣдямъ.

Баронъ Корфъ занимался въ Копенгагенѣ не одними датскими отношеніями. 25-го февраля онъ просилъ у императрицы всемилостивѣйшаго позволенія открыть собственную свою систему, о которой онъ больше двухъ лѣтъ думалъ и которая состояла въ слѣдующемъ: „Нельзя ли на Сѣверѣ составить знатный и сильный союзъ державъ противъ Бурбонскаго союза, который, кажется, чрезъ Австрійскій Домъ получаетъ себѣ приращеніе; если Вѣнскій Дворъ и до сихъ поръ находится въ союзѣ съ Франціею, то Англія перестанетъ попрежнему поддерживать равновѣсіе между Австріею и Франціею, слѣдовательно принуждена будетъ принять чью-нибудь сторону. Въ такомъ случаѣ что же ей другое остается дѣлать, какъ пристать къ сѣвернымъ державамъ. Но при этомъ какое множество различныхъ интересовъ надобно принять въ соображеніе! Если въ моемъ мнѣніи найдется что-нибудь полезное, то я увѣренъ, что такое дѣло предоставлено совершить вашему императорскому величеству" [2]).

Это была знаменитая система „Сѣвернаго союза, Сѣвернаго концерта, или аккорта", которая такъ понравилась Панину и которую онъ усыновилъ себѣ по смерти Корфа. Систему эту привести въ исполненіе было трудно именно потому, что нельзя было убѣдить въ ея пользѣ двухъ главныхъ предполагавшихся членовъ послѣ Россіи,—Пруссію и Англію. Фридрихъ II-й, зная страшную вражду къ себѣ Австріи и Франціи и не имѣя возможности сблизиться попрежнему съ Англіею, искалъ для себя обезпеченія въ союзѣ съ Россіею, добился его, благодаря Польскимъ дѣламъ, и не желалъ ничего болѣе, вовсе не хотѣлъ связывать себя никакою системою, никакими обязательствами со второстепенными, ничтожными въ его глазахъ державами. Англія, отрѣзанный ломоть относительно общей политической жизни континента, была еще болѣе чужда какой-нибудь системы, которая не представляла ей непосредственныхъ торговыхъ выгодъ, которая предполагала обязательства, расходы для какихъ-то отдаленныхъ цѣлей, причемъ хорошаго барыша нельзя было министерству расчесть по пальцамъ предъ парламентомъ.

Мы видѣли, что Россія желала получить денежную помощь отъ Англіи въ Шведскихъ и Польскихъ дѣлахъ. Въ первыхъ, хотя съ великимъ трудомъ, еще можно было отъ нея что-нибудь вытянуть, ибо деньги шли на противодѣйствія враждебной ей Франціи; но уже никакъ нельзя было отъ нея требовать, чтобъ она истратила хотя фунтъ стерлинговъ по Польскимъ дѣламъ, къ которымъ была совершенно равнодушна. Мы видѣли вслѣдствіе этого затруднительное положеніе русскаго министра въ Лондонѣ, графа Александра Ром. Воронцова. Невозможность уладить дѣло съ настоящимъ министерствомъ естественно сближала Воронцова съ оппозиціею. Это, разумѣется, не нравилось настоящему министерству, и отсюда возникалъ вопросъ объ отозваніи Воронцова, что было очень пріятно Панину, не любившему Воронцовыхъ.

5-го января англійскій посланникъ, графъ Бекингамъ, на конференціи съ вице-канцлеромъ объявилъ, что его правительство никакъ не можетъ дать Россіи 500,000 рублей субсидіи на текущія Польскія дѣла. Настоящее положеніе его не позволяетъ ему этого сдѣлать. Что касается отозванія графа Воронцова, то оно можетъ быть пріятно Лондонскому Двору, ибо онъ, Бекингамъ, имѣетъ приказъ внушить русскому министерству, чтобъ оно не совсѣмъ вѣрило несправедливымъ донесеніямъ Воронцова о настоящемъ положеніи внутреннихъ дѣлъ Англіи, тѣмъ болѣе-что примѣчена связь Воронцова съ вождями противной Двору партіи, и можно безъ ошибки сказать, что эти вожди ди-

[1]) Дѣла Шведскія 1764 года. - Раумеръ, III, 215, 319.

[2]) Дѣла Датскія 1764 года.

ктуютъ ему его депеши. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что Воронцовъ будетъ отозванъ въ угодность Лондонскому Двору; а впрочемъ доношенія этого министра всегда были сходны съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Англіи; по нимъ не видно, чтобъ онъ имѣлъ какую-нибудь связь съ противною Двору партіею въ предосужденіе настоящаго министерства, и должно думать, что знакомство его съ вождями оппозиціи состояло въ однихъ ничего не значащихъ учтивостяхъ. Послѣ этого Бекингамъ началъ просить о заключеніи договоровъ безъ проволочки времени, и получилъ отвѣтъ, что съ русской стороны охотно желаютъ совершенія такого полезнаго обѣимъ державамъ дѣла, но трудно ожидать въ немъ успѣха: когда англійское министерство такъ неподатливо на удовлетвореніе русскихъ требованій; когда оно такъ равнодушно смотритъ на всѣ внѣшнія дѣла европейскаго континента, которыя могутъ принять очень вредный для англійской короны оборотъ, ибо Франція строитъ свою политическую систему на крѣпкомъ основаніи, умножая свои морскія силы вмѣстѣ съ Испаніею, утверждая свои союзы съ разными Дворами, особенно съ Вѣнскимъ и съ Сардинскимъ. Панинъ, въ своемъ разговорѣ съ Бекингамомъ, далъ ему понять, что договоръ между Россіею и Англіею не будетъ заключенъ, если Англія не согласится помочь Россіи деньгами въ Польскихъ и Шведскихъ дѣлахъ; что Русскій Дворъ уже выслалъ въ Польшу два милліона рублей, и, несмотря на то, русскіе приверженцы требуютъ новой помощи, потому что Франція расточаетъ тамъ бо̀льшія суммы.

Преемникомъ Воронцову назначенъ былъ извѣстный Гроссъ. Относительно его Бекингамъ, въ конференціи 3 февраля, выразилъ мнѣніе, будто онъ сильно преданъ Франціи и потому не можетъ быть пріятенъ въ Англіи. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что Гроссъ—человѣкъ извѣданной вѣрности и вездѣ, гдѣ ни былъ, умѣлъ пріобрѣсть себѣ похвалу и одобреніе Двора своего; во время послѣдней войны имѣлъ онъ дѣйствительно, какъ и всѣ другіе русскіе министры, болѣе тѣсное согласіе съ французскими, чѣмъ съ англійскими посланниками, но это происходило не отъ личнаго его мнѣнія, а отъ тогдашней системы. Бекингамъ, ничего не отвѣчая на это, опять сталъ жаловаться на медленность въ заключеніи договоровъ, представляя, что Дворъ его предпочитаетъ дружбу Россіи всякой другой и не принимаетъ ничьихъ предложеній, но долженъ будетъ принять ихъ, если съ русской стороны ничего не будетъ сдѣлано. 12 февраля Бекингамъ опять жаловался на медленность въ заключеніи договоровъ. Голицынъ отвѣчалъ, что эта медленность происходитъ оттого, что дѣло разсматривается особливою коммерческою коммиссіей. 1-го марта Бекингамъ объявилъ, что его Дворъ считаетъ заключеніе союзнаго и коммерческаго договора съ Россіею дѣломъ неудавшимся, и потому намѣренъ отозвать его, и приписываетъ неудачу дѣла преимущественно бывшему въ Лондонѣ русскому министру, графу Воронцову, тогда какъ торговый договоръ болѣе полезенъ Россіи, чѣмъ Англіи, которая можетъ обойтись безъ русскихъ произведеній, имѣя довольное число такихъ же въ своихъ новыхъ Американскихъ владѣніяхъ. Вице-канцлеръ отвѣчалъ прежнее, что вина неуспѣха въ заключеніи договоровъ на сторонѣ Англіи, которая не только не приняла русскихъ предложеній, но и не представила ни малѣйшаго средства къ соглашенію. Въ Россіи вполнѣ увѣрены въ пользѣ торговли для обоихъ народовъ: доказательствомъ служитъ то, что Англичане продолжаютъ пользоваться выгодами стараго трактата, хотя срокъ его и кончился.

Эти требованія Бекингама и отвѣты Голицына продолжали повторяться до самой осени. 4 октября Бекингамъ объявилъ вице-канцлеру о полученіи имъ отъ своего Двора указа сообщить русскому министерству, что англійскій министръ въ Стокгольмѣ, который отправленъ въ Швецію въ угоду и по требованію Русскаго Двора, описывая настоящее состояніе дѣлъ въ Швеціи, признаетъ необходимымъ на первый случай издержать 40,000 рублей; посредствомъ этихъ денегъ онъ надѣется положить хорошее основаніе системѣ Русскаго и Англійскаго Дворовъ въ Швеціи, до значительной степени уменьшить французское тамъ вліяніе и на сеймѣ опредѣлить форму шведскаго правленія, согласно съ желаніями обоихъ Дворовъ—Русскаго и Англійскаго; но для приведенія къ желанному концу всего дѣла онъ считаетъ нужнымъ истратить не меньше 120,000 рублей. Поэтому, продолжалъ Бекингамъ, Англійскій Дворъ надѣется, что императрица охотно согласится принять половину этой суммы на себя. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что Шведскія дѣла могутъ побудить Русскій Дворъ принять предложенія Англійскаго; впрочемъ эти дѣла не менѣе должны возбуждать вниманіе и Англіи, которой слѣдуетъ заботиться какъ о исправленіи формы правленія въ Швеціи, такъ и объ уничтоженіи господствующей тамъ французской партіи, объ отнятіи у сената похищенной имъ королевской власти и установленіи равновѣсія между королемъ и сенатомъ, чтобъ одинъ безъ другого не могли объявлять войны, заключать договоры и союзы, налагать подати и проч. Кромѣ того, у Англіи есть еще особенный интересъ въ уничтоженіи вреднаго намѣренія Французскаго Двора постановить съ Шведскимъ союзный морской трактатъ, по которому Швеція обязывалась бы давать Франціи, въ случаѣ морской войны, десять военныхъ кораблей,—а уничтожить это намѣреніе иначе нельзя, какъ субсидіями Швеціи съ англійской стороны.

Гроссъ пріѣхалъ въ Лондонъ 16 февраля, и 19 имѣлъ разговоръ съ лордомъ Сандвичемъ, завѣдывавшимъ иностранными дѣлами по сѣверному департаменту. Сандвичъ началъ разговоръ о сильномъ желаніи короля, чтобъ, наконецъ, союзный и

коммерческій договоры между Россіею и Англіею приведены были къ окончанію, и пріѣздъ Гросса подаетъ ему нѣкоторую надежду относительно успѣха переговоровъ, по извѣстному искусству новаго министра въ дѣлахъ. Гроссъ отвѣчалъ то же самое, что Панинъ и Голицынъ обыкновенно отвѣчали Бекингаму въ Петербургѣ, именно,—что виною медленности неподатливость съ англійской стороны. Сандвичъ объяснялъ дѣло тѣмъ, что въ русскомъ проектѣ есть два пункта, которыхъ Англія никакъ не можетъ принять:—одинъ пунктъ о Польшѣ, другой—о Турціи. Англія не можетъ обязаться помогать Россіи въ случаѣ войны послѣдней съ Турціею, по своимъ существеннымъ торговымъ интересамъ; не можетъ такъ же обязаться субсидіями для Польскихъ дѣлъ, потому что казна истощена послѣднею войною, и такимъ обязательствомъ нынѣшніе министры возбудили бы противъ себя всенародный крикъ; а на всѣ другія предложенія императрицы въ Англіи охотно согласятся. Къ лорду Бекингаму отправленъ указъ, чтобъ всячески старался окончить оба трактата—союзный и коммерческій; если же увидитъ совершенную невозможность успѣть въ этомъ, то ожидалъ бы отзывной грамоты. Гроссъ спросилъ: въ случаѣ отозванія Бекингама, будетъ-ли на его мѣсто отправленъ кто-нибудь другой? „Назначится министръ второго ранга", отвѣчалъ Сандвичъ и прибавилъ, что, „по всѣмъ извѣстіямъ, онъ не сомнѣвается, что въ Польшѣ все произойдетъ по желанію императрицы, и что умѣренное поведеніе Англіи въ дѣлахъ Польскихъ удержитъ Францію отъ глубокаго въ нихъ вмѣшательства". Но Панинъ замѣтилъ на донесеніи: „Увѣдомляя Англійскій Дворъ о производимыхъ въ Польшѣ французско-вѣнскихъ возмущеніяхъ и интригѣ, надлежитъ дать примѣтить, что англійская въ тѣхъ дѣлахъ умѣренность худо Францію удерживаетъ, но паче можетъ ободрять ея въ Сѣверѣ инфлюенцію". Англія никакъ не хотѣла отказаться отъ своего умѣреннаго поведенія, и когда Гроссъ спросилъ Сандвича, какого рода инструкцію получилъ англійскій резидентъ въ Варшавѣ, Ратонъ,—Сандвичъ отвѣчалъ, что Ратонъ имѣетъ указъ поступать согласно съ русскими министрами до нѣкоторой степени, и въ разговорахъ отзываться, что его государю будетъ очень пріятно при будущемъ избраніи Польскаго короля поступать во всемъ согласно съ намѣреніями Русской императрицы, если притомъ будетъ сохранена вольность, и впредь англійскій резидентъ долженъ поступать по этому наставленію. Указывая на разность послѣднихъ словъ, Гроссъ писалъ: „Изъ этого ваше императорское величество собою заключить можете, что отсюда никакого существительнаго вспомоществованія въ Польскихъ дѣлахъ ожидать не надлежитъ".

Въ маѣ, по поводу заключеннаго между Россіею и Пруссіею союзнаго договора, Сандвичъ замѣтилъ Гроссу, что если-бы Англію пригласили приступить къ этому союзу, то она предпочла бы заключить съ Россіею особый договоръ, ибо ея обязательства, какъ морской державы, другія, чѣмъ обязательства короля Прусскаго. Донося объ этомъ, Гроссъ писалъ, что не должно ли приписать словъ Сандвича зависти къ королю Прусскому. Панинъ замѣтилъ на донесеніи: „И начинающемуся безпокойству, что по сю пору никакой рѣшительно системы не имѣютъ, а покориться еще не хотятъ; но когда вѣрнѣе увѣдомятся о новой негоціаціи между Бурбонскихъ Домовъ, то, конечно, съ нами не будутъ столько торговаться".

Донесеніе Гросса отъ 1 іюня было очень пріятно Панину. Гроссъ писалъ о своемъ разговорѣ съ Сандвичемъ, происходившемъ наканунѣ, 31 мая. Гроссъ спросилъ, получено ли англійскимъ министерствомъ извѣстіе объ окончаніи переговоровъ между Франціею, Австріею и Испаніею, вслѣдствіе чего Испанія приступаетъ къ Версальскому договору, а Вѣнскій Дворъ—къ договору фамильному между государями Бурбонскаго Дома. Сандвичъ отвѣчалъ, что имѣетъ причину думать о заключеніи такого договора, и прибавилъ, что это обстоятельство естественно должно еще сильнѣе побудить Англійскаго короля желать заключенія союзнаго договора съ Россіею; что съ англійской стороны готовы принять всѣ приличныя обязательства, только бы можно было ихъ оправдать передъ націею, какъ взаимно-полезныя. Если-бы потребовалось, чтобъ и Пусскій король былъ включенъ въ договоръ, то съ англійской стороны стороны препятствія этому не будетъ, потому что противная Двору партія разсѣиваетъ слухи, будто настоящее министерство не довольно заключеніемъ союза между Россіею и Пруссіею, тогда какъ онъ, лордъ Сандвичъ, смотритъ на этотъ союзъ, какъ на хорошее основаніе обязательствамъ, принимаемымъ по желанію англійскаго министерства. „Однако", прибавилъ Сандвичъ, „мнѣ было бы очень прискорбно, если-бъ съ русской стороны было возобновлено прежнее предложеніе о принятіи участія въ Польскихъ дѣлахъ съ уплатою субсидій, потому что министры королевскіе никакъ не могли бы оправдать эту мѣру предъ парламентомъ". — „Очень могли бы", замѣтилъ Гроссъ, „если-бъ представили, какъ вредно было бы для Англіи вліяніе Франціи въ Польшѣ, когда-бъ она его пріобрѣла тамъ, осиливъ Россію." — „Я хорошо знаю", отвѣчалъ Сандвичъ, „что такое представленіе не имѣло бы желаннаго дѣйствія; но я съ вами согласенъ въ томъ, что въ обязательствахъ между Россіею и Англіею надобно соблюдать совершенное равенство, и что въ такихъ случаяхъ союза, гдѣ помощь войскомъ или флотомъ будетъ невозможна, надобно платить деньги". Панинъ замѣтилъ на донесеніи Гросса: „Разумнымъ производствомъ и твердостію, конечно, довести можно, что Англія заплатитъ часть убытковъ по Польскимъ дѣламъ; ваше императорское величество сами всевысочайше усмотрѣть соизволите, что медленность съ нашей стороны въ сей негоціаціи не произвела ничего дурного, а впередъ можно на-

дѣяться много лучшаго. И, можетъ быть, тутъ то же будетъ, что ваше величество видѣть изволили съ королемъ Прусскимъ, когда онъ самъ того домогался, въ чемъ состоялъ главный предметъ нашей политики".

Съ этихъ поръ разговоры между Гроссомъ и англійскими министрами стали отличаться тѣмъ же однообразіемъ, какимъ отличались разговоры между Бекингамомъ, Панинымъ и княземъ Голицынымъ въ Петербургѣ. Англійскіе министры спрашивали, нѣтъ ли надежды на заключеніе союза безъ двухъ пунктовъ — турецкаго и польскаго; Гроссъ отвѣчалъ, что въ этихъ двухъ пунктахъ вся сущность. Когда, въ іюлѣ, англійскіе министры начали говорить, что если нельзя заключить союза съ Россіею, то Англія принуждена будетъ стараться подкрѣпить себя другими союзами, то Панинъ написалъ: „Не найдутъ нигдѣ такова".

Въ сентябрѣ англійское министерство объявило Гроссу, что хотя король постоянно намѣренъ избѣгать тягостныхъ военныхъ обязательствъ съ державами твердой земли,—однако, въ разсужденіи того, что Франція старается впредь получить отъ Швеціи помощь военными кораблями, англійскій народъ находитъ непосредственный свой интересъ въ уничтоженіи подобныхъ французскихъ видовъ и не пожалѣетъ денегъ на этотъ важный предметъ; но такъ какъ Россія еще болѣе въ этомъ заинтересована, да и первое предложеніе шло съ ея стороны, то справедливость требуетъ, чтобъ половину иждивенія она приняла на себя. Панинъ замѣтилъ: „C'est ce qu'on dit negocier en vrai marchand (это значитъ—вести дѣло поторгашески)".

Сандвичъ сообщилъ Гроссу подъ величайшимъ секретомъ двѣ, добытыя англійскимъ правительствомъ, французскія бумаги. Первая была—письмо французскаго посланника въ Стокгольмѣ Бретейля къ герцогу Пралэну отъ 31 августа 1764 года. Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ, Беранже, писалъ, что Екатерина намѣрена въ будущемъ году устроить лагерь въ Финляндіи. По мнѣнію Бретейля, это дѣлалось съ цѣлью произвести давленіе на шведскій сеймъ. „Если", писалъ Бретейль, „ничто не помѣшаетъ исполненію этого намѣренія Русской государыни, то нельзя не предвидѣть пагубныхъ затрудненій, которыя послѣдуютъ отсюда для Швеціи. Я увѣренъ, что найду должную твердость между шведскими патріотами, но боюсь, что тѣ получатъ плохую помощь при печальномъ состояніи всѣхъ частей управленія. Всѣ извѣстія, приходящія изъ Россіи, согласно говорятъ, что неудовольствіе и духъ возмущенія тамъ со-дня на-день увеличиваются. Правда, эти извѣстія прибавляютъ, что Екатерина удвоиваетъ заботы и предосторожности; но мѣры тиранства скорѣе служатъ признакомъ волненія, чѣмъ средствомъ для его укрощенія, и въ рабской странѣ важное предпріятіе не бываетъ слѣдствіемъ обдуманнаго соглашенія; недовѣріе и близорукость каждаго препятствуютъ этому. Я знаю это по опыту; я былъ свидѣтелемъ быстроты, съ какою головы и души безъ чувства и мужества воспламенялись и стремились къ самымъ опаснымъ крайностямъ. Минута сводитъ нѣсколько людей, которыхъ надежда на лучшую будущность заставляетъ принимать немедленное рѣшеніе, а деньги быстро производятъ то же самое дѣйствіе на солдатъ. Изъ писемъ Беранже я вижу, что лица, заслуживающія вниманія и мнѣ извѣстныя, дѣлали ему предложенія и увѣряли въ своей преданности, если будутъ обезпечены покровительствомъ въ случай несчастія и получатъ теперь денежную помощь. Я не сомнѣваюсь, что онъ вамъ донесъ объ этомъ обстоятельствѣ, и я ручаюсь, что онъ принялъ предложеніе съ мудростію и однако такъ, что головы адресовавшихся къ нему людей остались разгоряченными. Я увѣренъ, что онъ очень способенъ вести ихъ далѣе съ благоразуміемъ, если вы это ему поручите и если королю угодно будетъ пожертвовать четырьмя или пятью стами тысячъ ливровъ, чтобъ попытаться низвергнуть Екатерину со всѣми взгроможденными ею планами. Это малый, исполненный усердія и самой строгой честности. Мнѣ кажется также, что искусный повѣренный въ дѣлахъ будетъ способнѣе къ такому дѣлу, чѣмъ министръ или посланникъ; а притомъ, чѣмъ бы ни кончилось это предпріятіе, ненависть, питаемая къ Франціи гордою императрицею, такъ велика, что уже больше быть не можетъ".

Беранже далъ знать о томъ же самомъ Пралэну, и получилъ отъ него такой отвѣтъ: „Размышленія, которыя вы дѣлаете по поводу содержанія манифеста о смерти принца Ивана, показались намъ очень справедливыми; я прибавлю только, что Русская государыня сдѣлала бы лучше, если-бы это событіе было пройдено молчаніемъ въ публичныхъ бумагахъ или было бы возвѣщено потише. Вы хорошо поступаете, дѣйствуя съ крайнею осторожностію; однако вы должны употребить всю свою дѣятельность, чтобъ проникнуть чувства и намѣренія націи; но вы должны ободрять людей, повѣряющихъ вамъ свои тайны единственно для того, чтобъ извѣщать насъ о ходѣ дѣла, никакъ не рискуя подавать совѣты въ такомъ деликатномъ дѣлѣ. Неудивительно, что отъ времени до времени проходятъ облака между королемъ Прусскимъ и Русскою императрицею: оба они крайне честолюбивы, оба имѣютъ политическіе виды и интересы, часто сталкивающіеся; ихъ союзъ неестественъ самъ по себѣ; онъ произошелъ вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а не вслѣдствіе хорошо обдуманной съ той и другой стороны системы. Можетъ даже случиться, что Польскія дѣла заставятъ ихъ поссориться. Я приму господина Одара, когда онъ ко мнѣ явится. Но то, какимъ образомъ онъ оставилъ Россію, и ничтожная польза, какую онъ извлекъ изъ важныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился, не говорятъ нисколько въ его пользу, и я не думаю,

чтобъ его величество былъ расположенъ дать ему титулъ, на который можно смотрѣть какъ на награду за услугу, тогда какъ этой услуги никогда не было оказано, на которую только надѣялись и которая не доставила намъ ничего очень полезнаго".

Такимъ образомъ, Англія поквиталась съ Россіею. Россія постоянно стращала ее усиленіемъ Франціи; Англія передаетъ извѣстія, что Французское правительство покровительствуетъ враждебнымъ движеніемъ противъ императрицы въ самой Россіи. Но это не имѣло вліянія на дальнѣйшіе переговоры Россіи съ Англіею.

Въ концѣ декабря Гроссъ передалъ Сандвичу проектъ торговаго договора между Россіею и Англіею, жалуясь на графа Бекингама, что онъ не захотѣлъ принять этого проекта. Сандвичъ отвѣчалъ, что удовлетвореніе императорскому Двору уже сдѣлано отозваніемъ Бекингама (объ искусствѣ котораго онъ, Сандвичъ, самъ невысокаго мнѣнія), причемъ надѣется, что преемникъ Бекингама, Макартней, будетъ имѣть большій успѣхъ. Въ разговорѣ о торговомъ договорѣ, Сандвичъ спросилъ, получилъ ли Гроссъ какое-нибудь наставленіе относительно оборонительнаго союза. Гроссъ отвѣчалъ вопросомъ: дѣйствительно ли Англійскій Дворъ непремѣнно намѣренъ тѣсно соединиться съ Россіею.—„Ничего такъ горячо не желаемъ и ничего не признаемъ согласнѣе съ своими естественными интересами", отвѣтилъ Сандвичъ.—„Всего удивительнѣе", сказалъ на это Гроссъ, „что графъ Бекингамъ всегда настаивалъ на простомъ возобновленіи стараго союзнаго договора, который былъ заключенъ для подкрѣпленія австрійскихъ интересовъ, несмотря на то, что теперь европейскія отношенія совершенно измѣнились. Императрица надѣется, что, при возобновленіи переговоровъ о союзѣ, Англійскій Дворъ захочетъ независимо и прямо быть ея союзникомъ и этимъ способомъ утвердить равновѣсіе европейскихъ силъ въ своихъ рукахъ. Вотъ почему въ проектъ новаго оборонительнаго договора, переданнаго вамъ въ прошломъ году, были включены два секретные параграфа о Польшѣ и Швеціи, имѣющіе связь съ тою сѣверною системою, по которой Сѣверныя державы соединяются между собою союзами и составляютъ твердое равновѣсіе въ Европѣ, мимо Бурбонскаго и Австрійскаго Домовъ". Выслушавъ это съ примѣтнымъ удовольствіемъ, Сандвичъ спросилъ: „Въ новой системѣ упоминается ли король Прусскій, потому что мы боимся обширныхъ замысловъ этого государя?" – „Мнѣ не предписано ничего особеннаго въ разсужденіи короля Прусскаго", сказалъ Гроссъ.—„Конечно", замѣтилъ на это Сандвичъ, „и это предложеніе будетъ охотно принято его Великобританскимъ величествомъ; но какимъ образомъ будутъ устранены затрудненія, оказавшіяся въ прежнемъ проектѣ договора?"—и на слова Гросса, что Россія желаетъ получить отъ Англіи 500,000 руб., какъ часть вознагражденія за издержки, употребленныя Россіею при избраніи новаго Польскаго короля, Сандвичъ подтвердилъ, что не смѣетъ и предложить этого королевскому совѣту, зная взгляды его членовъ и скудость казны. Впрочемъ, Сандвичу понравилось предложеніе, что, въ случаѣ войны съ Турціею, Россія получаетъ отъ Англіи 500,000 рублей и платитъ такую же сумму Англіи—въ случаѣ ея войны съ Испаніею.

Но чрезъ нѣсколько дней Сандвичъ объявилъ Гроссу, что секретный параграфъ о дачѣ 500,000 рублей, въ случаѣ Турецкой войны, не можетъ быть принятъ, потому-что министерство должно сообщить его парламенту, который выдаетъ деньги; а въ такомъ случаѣ Порта и Франція объ этомъ узнаютъ—и англійская торговля въ Левантѣ потерпитъ; войны же Испанской въ Англіи мало боятся. (Тутъ Панинъ замѣтилъ: „Купеческая отговорка! Нужды нѣтъ никакой открывать, покамѣстъ казусъ не настоитъ, а когда настоять будетъ, тогда за 500,000 рублей нація не взбунтуетъ противъ правительства. Все сіе состоитъ только въ томъ, чтобъ какъ лавочникамъ торговаться, покамѣстъ время есть и сколько возможно выторговать".) Гораздо лучше было бы, продолжалъ Сандвичъ, если-бъ прежній трактатъ просто возобновился со внесеніемъ общаго параграфа о защитѣ благополучно послѣдовавшаго выбора короля Польскаго и сохраненія правительственной формы и вольностей Польской республики. [Панинъ замѣтилъ: „Еще лавочная торговля. Когда по Польскимъ дѣламъ намъ была въ нихъ (т.-е. Англичанахъ) вправду нужда, тогда они отъ нихъ отговаривались, и, чтобъ ихъ отъ себя отклонить, представляли свою готовность къ Шведскимъ дѣламъ, а теперь говорятъ навыворотъ".] Гроссъ отвѣчалъ съ удивленіемъ: „Я не могу льстить себя надеждою, что у насъ согласятся на простое возобновленіе прежняго договора, потому что обстоятельства совершенно измѣнились: при подписаніи прежняго договора Вѣнскій Дворъ былъ главный союзникъ Россіи, Англія принимала оборонительныя обязательства для подкрѣпленія Вѣнскаго союза; а теперь императрица желаетъ соединиться съ Англіею непосредственно, почему и слѣдуетъ, чтобъ Англія помогала Россіи нѣкоторою суммою денегъ противъ Порты, какъ Марія-Терезія обязывалась прежде помогать войскомъ. Представленный съ нашей стороны эквивалентъ поданіемъ помощи противъ Испаніи очень достаточенъ, ибо вѣроятно, что въ теченіи осьми лѣтъ Турки, съ которыми у насъ никакого спору нѣтъ, ничего не предпримутъ противъ Россіи, а напротивъ—болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ это время, и по личному характеру короля Испанскаго, и по различію интересовъ, и по фамильному договору съ Франціею, между Испаніею и Англіею откроется война. Если бы, несмотря на все это, въ Англіи рѣшили исключить взаимно войну Турецкую и войну Испанскую, то я долженъ настоять на уплату 500,000 рублей за издержки, употребленныя по первому моему предложенію"

На это Сандвичъ возразилъ, что если совѣтъ королевскій не могъ обѣщать участія въ польскихъ издержкахъ прежде избранія короля, то послѣ счастливаго рѣшенія этого дѣла еще меньше на это согласится. Взаключеніе Сандвичъ замѣтилъ, что осьмилѣтній срокъ договора имъ не нравится, и что націи и парламенту странно показалось бы, если-бъ въ настоящемъ союзномъ договорѣ Россіи предоставлены были бо̀льшія выгоды, чѣмъ въ прежнемъ. (Панинъ замѣтилъ на это: „Не меньше-бъ и Россійской имперіи дико показалось, если-бъ при такомъ объ общей пользѣ и славѣ попечительномъ царствованіи Россійской Дворъ не съ лучшими и справедливѣйшими для нея выгодами свои союзы заключилъ. Заключительно сказать: Англичане считаютъ военный случай еще отдаленнымъ, и потому настоящее время въ свою пользу хотятъ выиграть, и насъ своими затрудненіями къ тому привесть, къ чему равновѣсіе взаимства склонить не можетъ. Напротивъ чего надежнѣйшій въ нашу сторону успѣхъ долженъ зависѣть отъ нашей собственной твердости и терпѣнія, средствомъ чего дождаться можно ближайшей Англичанамъ нужды въ нашемъ союзѣ“.)

Краткость срока для новаго союзнаго договора не нравилась въ Англіи, но Панинъ въ письмѣ своемъ къ Гроссу отъ 12 ноября изъясняетъ причины такого рѣшенія: „Извѣстное дѣло, что генеральныя дѣла не могутъ долго оставаться въ одинаковомъ положеніи, и что случающіяся въ той или другой части Европы хотя частыя, но тѣмъ не меньше нечаянныя и чрезвычайныя происшествія причиняютъ однако въ интересахъ, въ правилахъ и мѣрахъ державъ великія и напередъ отнюдь непостигаемыя перемѣны, кои обыкновенно всю ихъ систему буде не совершенно уничтожаютъ, по крайней мѣрѣ—много развращаютъ. Сея ради причины, полагая восемь лѣтъ такимъ срокомъ, въ который по теченію дѣлъ обыкновенно нѣчто перемѣнное случается, изволила ея императорское величество не въ разсужденіи одного Англійскаго Двора, но въ разсужденіи всѣхъ своихъ настоящихъ и будущихъ союзниковъ положить за основаніе, чтобъ не опредѣлять своихъ обязательствъ больше, какъ на восемь лѣтъ, не для того, чтобъ тѣмъ избѣгать подаянія помочи, полагая, будто въ толь короткое время не будетъ настоять случай союза, но для того, чтобъ какъ при дѣйствительномъ онаго настояніи тѣмъ охотнѣе и усерднѣе оную подавать, такъ и въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ имѣть всю свободу соображать и распространять по онымъ обязательства свои и, такимъ образомъ, сугубо быть союзникамъ своимъ полезною“.

Относительно приведенныхъ извѣстій объ интригахъ Бретейля и Беранже, Панинъ такъ успокоивалъ Гросса: „Для вашего собственнаго успокоенія я за нужное нахожу вамъ сообщить, что совершенно мы здѣсь ни малѣйшей причины не имѣемъ опасаться прямого дѣйства намѣреній и дѣлъ нашихъ злодѣевъ, но паче надѣяться должны, что они своимъ явнымъ беззаконіемъ сами себя, наконецъ, посрамятъ. Беранже съ малымъ умишкомъ самый фанатикъ въ политическихъ тонкостяхъ, а Бретейль острый, но дерзкій въ дѣлахъ петиметръ. Теперь онъ въ Швеціи въ разсужденіи чрезвычайнаго сейма и тамошняго разстроеннаго положенія видитъ отворенный себѣ карьеръ дѣлъ подверженнымъ противнымъ перемѣнамъ, наипаче отъ нашего въ нихъ участія освобожденными руками отъ стороны польскихъ конъюнктуръ и, повидимому, яко запрометчивый молодой человѣкъ, вздумалъ къ тому времени завести у насъ какія ни есть внутреннія движенія, чѣмъ бы мы могли быть упражнены; а къ возбужденію на то своего Двора пользуется какъ персональною къ себѣ преданностію того Беранже, такъ и его натуральною слѣпою тонкостію, приводя его къ увеличиванію его собственныхъ фантомовъ“.

Обширность Россіи заставляла правительство въ одно время вести переговоры о союзѣ съ крайнею державою на западѣ Европы и принимать мѣры предосторожности относительно китайскихъ границъ. Генералъ-поручикъ Шпрингеръ донесъ въ іюлѣ изъ Усть-Каменогорской крѣпости, что по развѣдыванію оказывается на границахъ множество китайскаго войска. Вслѣдствіе этого, собралась конференція изъ Вильбоа, Панина, графа Захара Чернышева, графа Эрнеста Миниха, князя Александра Голицына, Ваймарна и Олсуфьева, и донесла императрицѣ, что она рѣшила: 1) предписать виды и къ исполненію ихъ общія мѣры сибирскимъ губернаторамъ и другимъ управителямъ для приведенія въ лучшее состояніе этой отдаленной области; 2) постановить правила о китайской торговлѣ и таможенныхъ дѣлахъ; 3) сдѣлать новыя распоряженія относительно защиты границъ, чтобъ не подвергались онѣ внезапнымъ нападеніямъ; 4) ближайшими и пристойнѣйшими средствами начать съ Китайцами переговоры для прекращенія настоящихъ замѣшательствъ, хотя до того времени, пока здѣшнія границы будутъ достаточно укрѣплены, чтобъ здѣшнія требованія можно было подкрѣплять съ оружіемъ въ рукахъ. Конференція полагала: 1) что необходимо раздѣлить Сибирь на двѣ губерніи и учредить губернаторовъ въ двухъ мѣстахъ—Тобольскѣ и Иркутскѣ, и притомъ перемѣнить правила относительно распространенія тамъ звѣриной ловли,—правила, благодаря которымъ въ этой обширной и очень малолюдной странѣ значительная часть народа остается безъ всякаго попеченія, будучи разсыпана въ отдаленныхъ сѣверныхъ предѣлахъ, провождая жизнь почти скотскую и, наконецъ, совершенно погибая. Надобно предписать тамошнимъ губернаторамъ и другимъ начальникамъ, чтобъ они выгодами и ласками привлекали людей къ выходу изъ тѣхъ холодныхъ предѣловъ, и, сводя ихъ ближе другъ къ другу, заводили селенія къ южной сторонѣ; этими поселеніями и границы будутъ приведены въ луч-

шее состояніе, и польза, получаемая отъ земледѣлія и другихъ сельскихъ промысловъ, несравненно превзойдетъ ту, которая теперь получается отъ одной звѣриной ловли въ безплодныхъ сѣверныхъ земляхъ; 2) Китайцы перевели торговлю изъ Кяхты въ Ургу, съ цѣлію заставить русскихъ купцовъ ѣздить въ свой китайскій городъ, и хотя теперь Китайцы немножко сбавили своей спеси и начинаютъ опять ѣздить въ Кяхту съ товарами, однако конференція разсуждала, нельзя ли въ пользу русскихъ купцовъ учредить особую вольную компанію, ибо въ такомъ случаѣ не будетъ перебивки въ цѣнахъ, и компанія будетъ для собственной пользы стараться, чтобъ не было тайнаго провоза товаровъ, почему въ сборѣ пошлинъ не будетъ происходить ущерба. Но пока учредится компанія, конференція полагаетъ нужнымъ: 1) позволить попрежнему всякому русскому купцу имѣть участіе въ этомъ торгѣ; 2) но вмѣсто того, чтобъ ѣхать прямо въ Кяхту, купцы должны останавливаться въ Селенгинскѣ, и здѣсь выбирать маклеровъ, которые и размѣниваютъ въ Кяхтѣ товары по установленной цѣнѣ, чтобъ купцы перестали другъ другу дѣлать подрывъ. Для безопасности Сибири содержать въ ней 11 полковъ; отправить въ Омскъ и Селенгинскъ полевую артиллерію; увеличить генералитетъ еще однимъ генералъ-маіоромъ, такъ чтобы генералъ-поручикъ жилъ въ Омскѣ или гдѣ обстоятельства потребуютъ, одинъ генералъ-маіоръ—въ Петропавловской крѣпости, другой—въ Усть-Каменогорскѣ, третій—въ Бійскѣ, четвертый—въ Селенгинскѣ. Держать полки въ соединеніи, готовыми къ отпору непріятеля, а не по форпостамъ [1]).

Глава II.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1765 годъ.

Винные откупа.—Содержаніе войска.—Недовольство императрицы флотомъ и работами въ Балтійскомъ портѣ.—Ревельская гавань.—Путешествіе Екатерины по Ладожскому каналу.—Каналъ отъ Сяси до Волхова.—Дѣятельность Сената по вопросу о малолѣтнихъ преступникахъ и укрывательствѣ злодѣевъ.—Твердость императрицы въ ограниченіи пытокъ.—Записка Екатерины по поводу дѣла Волынскаго.—Новости въ Сенатѣ.—Безпорядки въ коллегіяхъ.—Печальное извѣстіе о русской торговлѣ въ Константинополѣ.—Введеніе картофеля.—Дѣятельность Новгородскаго губернатора Сиверса.—Коммисія о государственномъ межеваніи.—Вопросъ объ устройствѣ казармъ.—Событія въ областномъ управленіи.—Медленность ревизіи.—Коммисія о заводскихъ крестьянахъ.—Крѣпостные люди у купцовъ.—Почта.—Отмѣна сборовъ за поставленіе духовныхъ лицъ.—Опредѣленіе платы за требы.—Расколъ.—Дѣло Пыскорскаго архимандрита Іуста.—Столкновеніе Воронежскаго епископа съ Донскими казаками.—Дѣятельность Румянцева въ Малороссіи.—Столкновеніе иностранныхъ колонистовъ съ прежними русскими поселенцами.—Самозванцы.—Общій взглядъ на отношенія Россіи къ Польшѣ.—Диссидентское дѣло и столкновеніе Польши съ Пруссіею.—Сношенія Россіи съ другими европейскими государствами въ 1765 году.

Годъ начинался рѣшеніемъ важнаго финансоваго вопроса. Мы видѣли, что относительно продажи соли и вина правительство находилось въ большомъ затрудненіи: сильно захотѣлось облегчить народъ уменьшеніемъ цѣны на соль, но нельзя было удешевить соль, какъ бы желалось, потому что нельзя было отыскать новыхъ источниковъ дохода для покрытія необходимыхъ государственныхъ издержекъ. Легче соглашались на увеличеніе цѣны вина; но тутъ усиливалось корчемство, которое требовало для своего искорененія много хлопотъ, и, что хуже всего, увеличивало страшно число уголовныхъ дѣлъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ винная продажа предоставлена была магистратамъ и ратушамъ, причемъ происходили „превеликіе подлоги и утайки, вражды, доносительства, тяжбы и пресѣченіе купеческаго промысла". Въ большей части мѣстъ винная продажа состояла на откупѣ; но откупщикъ долженъ былъ впередъ заплатить въ казну болѣе 2 рублей за ведро при покупкѣ у нея вина, и послѣ, при продажѣ вина въ народъ, долженъ былъ получить себѣ около 40 копѣекъ для уплаты извѣстной откупной суммы: для правительства было ясно, что откупщики продавали тайкомъ подвозное вино вмѣсто казеннаго. 26 января императрица пріѣхала въ Сенатъ въ началѣ 9-го часа, и, возвращая поднесенный ей докладъ коммисіи о соли и винѣ, объявила свою волю, чтобъ Сенатъ немедленно приступилъ къ разсужденію о средствахъ, какъ согласить пользу государственную съ пользою всего общества, ни мало не упуская при этомъ изъ виду, чтобъ собираемый теперь съ вина доходъ если не умножить, то, по крайней мѣрѣ, никакъ не умалить. Послѣ этого прочтенъ былъ докладъ съ собственными примѣчаніями императрицы, которая объявила, что эти примѣчанія не должны быть приняты за указъ, ибо приложены только для объясненія, кромѣ отмѣны наказанія за корчемство. Въ 12-мъ часу Екатерина удалилась; сенаторы стали разсуждать, какъ-бы точнѣе исполнить ея повелѣніе, и пришли къ слѣдующимъ рѣшеніямъ: 1) признать полезнымъ и необходимымъ отдачу винной продажи на откупъ; 2) чтобы при-

---

[1]) Дѣла Англійскія 1764 года.—Конференція о Китайскихъ дѣлахъ въ бумагахъ Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ.

томъ избѣжать всѣхъ излишнихъ разсчетовъ и удостовѣриться, что откупная сумма сполна будетъ доходить въ казну, положить основаніемъ откупной суммѣ расходъ вина по трехлѣтней сложности за послѣдніе три года; 3) для большей надежности казнѣ, на случай неисправности платежа откупной суммы, вино имѣть казенное и отдавать его откупщикамъ, по ихъ требованію, за наличныя деньги по разсчету всей откупной суммы; 4) откупщики должны продавать вино ведрами и бочками по 2 р. 64 коп. ведро, а продажа кружками и чарками оставляется на ихъ волю [1]). Манифестъ объ откупахъ изданъ 1 августа; они должны были начаться съ 1767 года; доходъ отъ продажи вина показанъ болѣе чѣмъ на четыре милліона рублей [2]). На другой день послѣ публикованія этого манифеста, князь Вяземскій предъявилъ Сенату именной указъ, въ которомъ говорилось, что императрица, будучи обременена другими государственными дѣлами, дозволяетъ Сенату рѣшить большинствомъ голосовъ и публиковать Корчемный Уставъ. Сенатъ при этомъ рѣшеніи не могъ не принять къ свѣдѣнію рѣшенія Екатерины по одному корчемному дѣлу: смоленская шляхтянка, полковница Ирина Потемкина (вдова Владиміра Денисовича), попалась въ корчемствѣ и подала императрицѣ просьбу, въ которой повинилась, что велѣла служанкѣ изъ своего дома продавать вино, и такой проступокъ учинила, какъ женщина, по незнанію строгости законовъ. Императрица простила ее и приказала возвратить отписанное у нея имѣніе, если только дѣло дѣйствительно происходило такъ, какъ показано въ челобитной [3]). Третій годъ въ Сенатѣ тянулось непріятное дѣло о вознагражденіи виноторговцамъ, у которыхъ было разграблено вино 28 іюня 1762 года. Въ 1763 году Сенатъ призналъ справедливымъ вознаградить за расхищенное изъ кабаковъ простое вино зачетомъ откупщикамъ въ откупную сумму: на этомъ основаніи теперь онъ рѣшилъ подать императрицѣ докладъ, что справедливость требуетъ зачесть продавцамъ виноградного вина ихъ убытокъ въ пошлинный сборъ, и убытокъ этотъ простирался на 24,331 рубль [4]).

Количество подушныхъ денегъ опредѣлено было въ 5.212,685 рублей Вся эта сумма, по распоряженію еще Петра Великаго, шла на содержаніе войска; но, кромѣ того, на это содержаніе получались деньги изъ винныхъ, соляныхъ, таможенныхъ и другихъ сборовъ, такъ-что вся сумма, назначенная на содержаніе войска, простиралась до 8.116,601 рубля [5]). Флотомъ императрица была очень недовольна, что видно изъ письма ея къ Н. И. Панину отъ 8 іюня, послѣ смотра: „У насъ въ излишествѣ и кораблей и людей; но у насъ нѣтъ ни флота, ни моряковъ. Въ ту минуту, когда я подняла штандартъ, и корабли стали проходить и салютовать, два изъ нихъ погибли-было по оплошности ихъ капитановъ, изъ которыхъ одинъ попалъ кормою въ оснастку другого, и это во стѣ, быть можетъ, туазахъ отъ моей яхты; добрый часъ они возились, чтобъ высвободить свои борта, что наконецъ имъ и удалось, къ великому ущербу ихъ мачтъ и оснастки. Потомъ адмиралу хотѣлось, чтобъ они выравнялись въ линію; но ни одинъ корабль не могъ этого исполнить, хотя погода была превосходная. Наконецъ, въ 5 часовъ, послѣ обѣда, приблизились къ берегу для бомбардированія такъ называемаго—города. Впереди помѣстили одну бомбардирскую лодку, и когда хотѣли поставить около нея другую, то съ трудомъ успѣли такую найти, потому что никто не держался въ линію. До 9 часовъ вечера стрѣляли бомбами и ядрами, которыя не попадали въ цѣль. Самъ адмиралъ былъ чрезвычайно огорченъ такимъ ничтожествомъ, и признается, что все выставленное на смотръ было изъ рукъ вонъ плохо. Надобно сознаться, что корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, а не на военный" [6]).

Мы видѣли, что Екатерина была также недовольна работами въ Балтійскомъ портѣ; а между тѣмъ Сенатъ докладывалъ, что надобенъ новый налогъ для продолженія работъ по его укрѣпленію. Екатерина написала собственноручно: „Усмотрѣла я изъ сенатскаго доклада о Балтійскомъ портѣ, что безъ новаго налога оной работы никакъ продолжать не можно; мои же намѣренія со дня восшествія моего никогда не склонялись къ отягощенію подданныхъ, но единственно къ облегченію и благополучію оныхъ; всякій же безъ крайней надобности налогъ есть отягощеніе; того для необходимая надобность состоитъ, дабы единожды сдѣлать твердыя положенія порту Балтійскому, изъ чего родится первый вопросъ: нужной ли сей портъ для государства, и потомъ—какъ и сколько въ немъ иждивенія для способности и безопасности употребить; причемъ еще и то вспомнить должно, чтобъ полезность преимущество имѣла предъ пышностью". Императрица велѣла фельдмаршалу Миниху, генераламъ—Панину (Петру Ив.), Муравьеву, Чернышеву и адмиралу Мордвинову—имѣть конференцію по этому предмету, представить свое мнѣніе вмѣстѣ съ планомъ работъ, „дабы единожды всѣ сумнительства о сей матеріи рѣшены были" [7]). Конференція пришла къ тому, что надобно устроить при Ревелѣ морскую военную каменную гавань для помѣщенія 25 военныхъ кораблей и фрегатовъ, на что нужно денегъ 4 милліона рублей, а работниковъ 3,000 человѣкъ; надобно употребить всѣ усилія для устройства Ревельской гавани, постройки при Балтійскомъ портѣ остановить, а сдѣланный уже тамъ молъ обратить въ убѣжище для судовъ отъ штурмовъ; для окончанія здѣшнихъ

[1]) Журналы Сената, 26 января.
[2]) Полн. Собраніе Зак. № 12,444.
[3]) Журналы Сената, 1 и 2 августа.
[4]) Журналы Сената, 6 іюня.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 12,472.
[6]) Сборн. Русск Истор. Общ. X, 23.
[7]) Сборн. Русск. Истор. Общ. стр. 50.

работъ довольно 2,000 каторжныхъ и 500 гарнизонныхъ солдатъ съ небольшимъ казеннымъ расходомъ. Ревельская гавань можетъ быть отстроена въ 12 лѣтъ, если будетъ ежегодно выдаваться по 400,000 рублей. Екатерина написала на докладѣ конференціи: „Сенатъ имѣетъ означить, откуда ежегодно сію сумму брать безъ отягощенія народнаго"; а на планѣ написала: „Съ Богомъ, быть по сему". Сенатъ представилъ, что на строеніе при Ревелѣ каменной гавани, „яко на благоугодное прeполезное для общества всѣхъ вѣрноподданныхъ дѣло", онъ полагаетъ употреблять по 200,000 рублей изъ суммы Коллегіи Экономіи, оставшейся за употребленіемъ въ опредѣленные расходы, а другіе 200,000 рублей отчислять изъ прежде наложенныхъ на вино сборовъ [1]).

Въ августѣ императрица была въ Ладогѣ, проѣхалась по каналу: „Каналъ прекрасенъ, но заброшенъ; путешествіе по немъ очень удобно—во всю дорогу ни малѣйшаго потрясенія", писала она Панину. Екатерина осмотрѣла начало работъ по новому каналу отъ Сяси до Волхова [2]). На этотъ каналъ отпущено было 70,000 рублей [3]). Предполагался каналъ изъ Переяславскаго озера въ Волгу; но Сенатъ подалъ докладъ, что надобно повременить проведеніемъ этого канала до болѣе точныхъ свѣдѣній. Провести его легко, все будетъ стоить не болѣе 8,000 рублей; но переяславскіе купцы объявили, что имъ на судахъ отправлять нечего, да около Переяславля годнаго для постройки судовъ лѣса мало, и волжскія пристани не болѣе 80 верстъ [4]). 70,000 рублей на каналъ изъ Сяси въ Волховъ назначены были изъ процентныхъ денегъ коммерческаго банка; для усиленія дѣятельности обоихъ государственныхъ банковъ позволено было всякому вносить въ нихъ деньги для приращенія процентами, только не менѣе ста рублей [5]).

Въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ было нѣсколько чрезвычайныхъ засѣданій Сената вмѣстѣ съ коллегіями и въ присутствіи императрицы. Первое засѣданіе, 10 марта, происходило по дѣлу о малолѣтнихъ преступникахъ, за неимѣніемъ точнаго закона о наказаніяхъ имъ. Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Елисаветы было по тому же предмету чрезвычайное засѣданіе Сената, и было постановлено считать по уголовнымъ дѣламъ совершеннолѣтіе въ 17 лѣтъ. Отсутствіе точнаго закона вѣроятно произошло вслѣдствіе возраженія Синода, что совершеннолѣтіе можно считать и съ 12 лѣтъ, потому что и въ бракъ позволено вступать ранѣе 17 лѣтъ и къ присягѣ велѣно приводить съ 12 лѣтъ, и вообще человѣку менѣе 17 лѣтъ довольный смыслъ имѣть можно. Императрица пришла въ засѣданіе, выслушала экстрактъ изъ дѣла и подачу голосовъ, и удалилась. Послѣ ея ухода продолжалось разсужденіе, и постановили: по уголовнымъ дѣламъ совершенный возрастъ считать въ 17 лѣтъ; ранѣе этого возраста пытокъ не производить, а по изслѣдованіи представлять Сенату. Которые преступники будутъ менѣе 17 лѣтъ и смертной казни не заслуживаютъ, а только тѣлесное наказаніе,—тѣхъ безъ представленія въ Сенатъ наказывать: отъ 15 до 17 лѣтъ—плетьми, отъ 10 до 15—розгами, десяти же лѣтъ и менѣе—отдавать для наказанія отцамъ, матерямъ или помѣщикамъ. Императрица утвердила это постановленіе [6]).

Черезъ недѣлю, 17 марта, другое такое же засѣданіе Сената въ присутствіи императрицы: слушано было дѣло о вытяхъ за пристань и укрывательство воровъ и разбойниковъ, какимъ образомъ взыскивать эти выти,—со всѣхъ ли жителей или только съ однихъ пристанодержателей. Сенатъ постановилъ: взыскивать съ однихъ пристанодержателей, ибо истцы, въ виду большихъ вытей, большею частью стараются увеличивать свои иски; а чтобъ всѣхъ жителей опоручить круговою порукою въ искорененіи злодѣевъ, чтобъ не было съ ихъ стороны слабаго смотрѣнія и даже попоровки, то взыскивать съ нихъ штрафъ, по 10 копѣекъ съ каждой ревизской души, а съ десятскихъ, сотскихъ, приказчиковъ и старостъ—съ каждаго по 5 рублей, и штрафныя деньги отдавать истцамъ въ искъ, а за удовлетвореніемъ истцовъ остальныя деньги могутъ быть употреблены на бѣдныхъ [7]). Въ концѣ апрѣля, въ присутствіи Екатерины, читался въ Сенатѣ докладъ 2-го департамента и письмо на имя императрицы находящагося въ тарскомъ магистратѣ подъ карауломъ купца Зинкова—о притѣсненіяхъ и взяткахъ съ него. Екатерина велѣла Сибирскому губернатору изслѣдовать дѣло и съ виновными поступить по законамъ, только не ставить въ вину Зинкову письмо его на высочайшее имя [8]).

Борьба противъ пытки продолжалась. Мы видѣли, что въ 1763 году запрещено было производить пытки въ приписныхъ городахъ, велѣно отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, и тутъ поступать съ крайнею осторожностью [9]). Но въ 1765 году иркутская канцелярія прислала въ Сенатъ донесеніе, что приписные къ ней города находятся отъ Иркутска въ разстояніи отъ 400 до 3,000 верстъ, и если изъ нихъ посылать для розыску преступниковъ въ Иркутскъ, то они едва въ годъ могутъ туда дойти и на пропитаніе ихъ съ карауломъ на такомъ пути по безлюднымъ мѣстамъ нужна значительная сумма, которой взять негдѣ. Сенатъ согласился съ этимъ доношеніемъ и просилъ у императрицы указа. Екатерина написала: „Изъ сихъ мѣстъ колодниковъ въ губерніи не

[1]) Журналы Сената, 4 мая.
[2]) Собр. Русск. Истор. Общ. X, 36.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 12,452.
[4]) Журналы Сената, 2 декабря.
[5]) Журналы Сената, 23 сентября.

[6]) Журналы Сената, 10 марта и 3 мая.
[7]) Журналы Сената, 17 марта.
[8]) Журналы Сената, 29 апрѣля.
[9]) См. выше: «Исторія Россіи», кн. V т. XXV, гл. III, стр. 1467 и 1468.

водить, а стараться дѣло окончить безъ пытокъ въ указанный срокъ" [1]). Эта твердость въ данномъ случаѣ была тѣмъ благодѣтельнѣе, что въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ начальствующія лица и такъ позволяли себѣ страшныя злоупотребленія. Къ этому же году относится и собственноручная записка Екатерины по поводу дѣла Волынскаго: „Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру, Артемію Волынскому, приказывала сочинить проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, который онъ и сочинилъ и ей подалъ. Осталось ей полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ того, его злодѣи и кому его проектъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосы такъ сказать и взвели на Волынскаго измѣнническій умыселъ и будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ сего дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныя рѣчи; ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительнѣе вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровью; всякій пытанный—въ горячкѣ, и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. И такъ отдаю на разсужденіе всякому, имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброю совѣстью полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнялъ; но, напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнителенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества, и такъ смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ, и хотя-бъ онъ и заподлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіе особы императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, то-бъ она, бывъ государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у ней не отнимали ни на вершка величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякій государь имѣетъ неисчисленные кроткіе способы къ удержанію въ почтеніи своихъ подданныхъ; если-бъ Волынскій при мнѣ былъ, и я-бъ усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ:—я бы старалась всякими, для него неогорчительными способами, его привести на путь истинный. А если-бъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ,—я-бъ ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его: будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ! Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены,—изволь мѣриться на сей аршинъ; а если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ съ уничтоженьемъ, такъ ему болѣе въ свѣтѣ, и особливо въ Россійскомъ, счастья желать, нежели пророчествовать можно" [2]).

Въ Сенатѣ особенною пылкостью отличался попрежнему князь Яковъ Шаховской, несмотря на преклонные годы. Во время коммисіи надъ Хорватомъ послѣдній въ своихъ донесеніяхъ въ эту коммисію позволилъ себѣ выходки противъ Шаховского; теперь, когда Хорватъ былъ уже осужденъ, вмѣсто смерти, на лишеніе всѣхъ чиновъ, Шаховской потребовалъ, чтобъ Хорватъ далъ ему удовлетвореніе за нанесенную обиду. На докладѣ Сената объ этомъ Екатерина написала собственноручно: „Можетъ ли для общества мертвый человѣкъ сатисфакцію дать? Если сей вопросъ рѣшенъ будетъ, то резолюцію дамъ" [3]).

Изъ молодыхъ сенаторовъ особенною ревностью отличался Петръ Ивановичъ Панинъ, что, какъ видно, не очень нравилось его товарищамъ. Однажды онъ сталъ читать свое мнѣніе о вотчинныхъ дѣлахъ,—кого и при какихъ случаяхъ надобно почитать настоящими вотчинниками. По выслушаніи мнѣнія, девять человѣкъ сенаторовъ объявили, что они объ этомъ мнѣніи ничего сказать не могутъ, потому что мнѣніе подано ни по какому дѣлу, на будущій случай, и потому еще, что предлагать обо всемъ съ объясненіемъ законовъ принадлежитъ генералъ-прокурору. Графы Ферморъ и Бутурлинъ объявили, что мнѣніе очень пространно и потому, не получа копіи, войти въ разсужденіе нельзя. Олсуфьевъ объявилъ, что подастъ свое мнѣніе. Этимъ дѣло и кончилось [4]).

Мы видѣли, что императрица позволила Сенату провести Корчемный Уставъ рѣшеніемъ большинства голосовъ; въ концѣ года такое же позволеніе дано было относительно частнаго тяжебнаго дѣла [5]). Въ описываемомъ году Сенатъ въ первый разъ получилъ вакацію отъ 15 до 30 іюня; но для входящихъ дѣлъ, которыя бы требовали немедленнаго рѣшенія, должно было оставлять для присутствія по одному сенатору, изъ каждаго департамента, съ ихъ согласія [6]).

Безпорядки въ новой Коллегіи Экономіи подали поводъ Сенату принять такое рѣшеніе: приказали—во всѣ присутственныя мѣста послать указы слѣдующаго содержанія: по случаю собственнаго ея императорскаго величества разсмотрѣнія о происшедшемъ въ нѣкоторомъ присутственномъ мѣстѣ непорядкѣ, изъ послѣдовавшаго за собственноручнымъ подписаніемъ тому мѣсту съ материнскимъ отъ ея величества исправленіемъ высочайшаго указа Сенатъ, принявъ все въ томъ указѣ къ исправленію онаго мѣста изображенное за общее и всѣмъ

---

[1]) Пол. Собр. Зак. № 12,345.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 56.

[3]) Журналы Сената, 17 августа.

[4]) Журналы Сената, 20 мая.

[5]) Журналы Сената 17 октября. Это дѣло Чагина съ Козинымъ.

[6]) Журналы Сената, 14 іюня.

прочимъ мѣстамъ наставленіе, для того, стараясь о исполненіи онаго, предписываетъ нижеслѣдующіе пункты, содержащіе въ себѣ высочайшую волю и повелѣніе: 1) дабы, вмѣсто возложенныхъ на присутственныя мѣста трудовъ, не поставляли они прямой своей должности въ приказныхъ только обрядахъ и не обращали-бъ упражненій своихъ въ единственные споры, и дѣла не приходили бы чрезъ то въ совершенный упадокъ. 2) Не выступать изъ предѣловъ своего званія; не наносить одному противъ другого раздраженій и партикулярныхъ неудовольствій; не заходить другъ противъ друга въ недѣльные письменные голоса, а потомъ и въ персональные протесты. Довольствуются только по канцелярскому порядку репортами, что указы посланы, но никто о томъ не печется и не взыскиваетъ, чтобъ оные самимъ дѣломъ исполнены были. 3) Лихоимственныя дѣла не неважными, а разрушающими правосудіе и повреждающими государственное положеніе почитать. 4) Членамъ не избѣгать отъ засѣданій отговорками ни старостію лѣтъ, ни болѣзненными припадками, и тѣмъ не терять времени чрезъ развозъ канцелярскими служителями дѣлъ для подписки по домамъ, ибо не можетъ быть тамъ общаго разсужденія, гдѣ за таковыми членовъ извиненіями нѣтъ частаго общаго собранія. 5) Не причинять дѣламъ остановки неимѣніемъ полныхъ собраній; 6) прокурорамъ помнить свою инструкцію; 7) чтобъ, досадуя на персону, никто не мстилъ пренебреженіемъ въ дѣлахъ должности своей, но старались бы порученныя дѣла почитать за предметъ чести и обязательства своего къ ея императорскому величеству и отечеству, слѣдовательно и труды свои нести такъ, чтобъ архивы наполнять документами прямыхъ дѣлъ, а не пустыми бумагами [1]).

Мы видѣли, что знаменитый Волковъ, ставши президентомъ Мануфактуръ-Коллегіи, жаловался, что эта Коллегія, безъ его вѣдома, позволила кн. Долгорукову завести хрустальную фабрику; Коллегія оправдывалась тѣмъ, что дѣло еще не приведено къ окончанію; несмотря на то, Сенатъ предписалъ Коллегіи безъ согласія президента никому не давать позволенія заводить фабрики [2]).

Сенатъ долженъ былъ остановить попытку возобновить старое допетровское распоряженіе съ ремесленниками. Лѣтомъ описываемаго года императрица велѣла устроить карусель, и оберъ-шталмейстеръ, князь Репнинъ, отправилъ въ Главный Магистратъ требованіе, чтобъ выслать портныхъ, Нѣмцевъ и Русскихъ, для работы къ каруселю. Главный Магистратъ отвѣчалъ, что, по своему Регламенту, онъ не можетъ этого сдѣлать безъ Сената, а Сенатъ приказалъ: послать указъ кн. Репнину, что Главный Магистратъ отвѣчалъ согласно съ законами о непринужденіи цеховыхъ портныхъ къ работѣ, поэтому и Сенатъ иначе опредѣлить не можетъ; а можетъ онъ, г. оберъ-шталмейстеръ, публиковать о свободной явкѣ портныхъ за настоящую плату, и этими, свободно явившимися, а не принужденными, исправляться [3]).

Въ юномъ русскомъ мануфактурномъ мірѣ произошло крупное явленіе, которое показывало, какъ недолго обширныя заведенія остаются въ одной фамиліи: статскій совѣтникъ Алексѣй Затрапезновъ свою полотняную ярославскую фабрику со всѣми принадлежностями продалъ коллежскому ассесору Саввѣ Яковлеву за 600,000 рублей. Что касается внѣшней торговли, то мы имѣемъ отъ описываемаго времени печальное извѣстіе русскаго посланника въ Константинополѣ, Обрѣзкова, который доносилъ императрицѣ, что вольное кораблеплаваніе по Черному морю не можетъ привести русскую торговлю въ желаемое состояніе, по причинѣ чрезвычайнаго невѣжества и неразумія русскихъ купцовъ. Купцы эти съ заключенія послѣдняго мира не только не разбогатѣли, но многіе бѣднѣе стали; кредитъ ихъ подорванъ до такой степени, что не могутъ получить денегъ иначе, какъ за 20 и, по меньшей мѣрѣ, за 15 процентовъ, да и то отдавши подъ залогъ товары. Панинъ написалъ на этомъ донесеніи: „Выраженія не мягки, но, къ несчастію, вѣрны" [4]).

Въ промышленности земледѣльческой произошла въ описываемое время важная новость: введенъ въ употребленіе картофель. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ прислалъ въ Сенатъ доношеніе, не угодно ли будетъ для завода земляныхъ яблокъ выписывать ихъ прямо изъ Ирландіи. Сенатъ приказалъ выписку этихъ яблокъ поручить Медицинской Коллегіи, но съ тѣмъ, чтобъ она поручила это кому-нибудь изъ купцовъ частнымъ образомъ. Императрица приказала на выписку картофеля употребить до 500 рублей [5]). Медицинская Коллегія издала наставленіе, какъ разводить и употреблять картофель. Наставленіе это оканчивается такъ: „По толь великой пользѣ сихъ яблокъ, и что они при разводѣ весьма мало труда требуютъ, а оный непомѣрно награждаютъ, и не токмо людямъ къ пріятной и здоровой пищѣ, но и къ корму всякой домашней животинѣ служатъ, должно ихъ почесть за лучшій въ домостройствѣ овощь, и къ разводу его приложить всемѣрное стараніе, особливо для того, что оному большаго неурожая не бываетъ, и тѣмъ въ недостаткѣ и дороговизнѣ прочаго хлѣба великую замѣну дѣлать можетъ" [6]).

Въ продолженіи нашего разсказа о царствованіи Екатерины мы нерѣдко будемъ встрѣчаться съ этимъ Новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ, который предлагалъ выписать картофель изъ Ирландіи. Выборъ Сиверса въ губернаторы принадлежалъ къ числу самыхъ удачныхъ выборовъ Ека-

[1]) Журналы Сената, 31 октября.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 12,426.
[3]) Журналы Сената, 6 іюня.
[4]) Журналы Сената, 25 января. Донесеніе Обрѣзкова въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.
[5]) Журналы Сената, 11 и 18 апрѣля, 20 мая.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 12,406.

терины. Сиверсъ имѣлъ то, что такъ рѣдко можно было тогда найти между областными правителями: приготовленіе къ дѣятельности, образованіе, бывалость за-границею не попустому, но съ обращеніемъ вниманія на тамошнія явленія. Разумѣется, мы не должны требовать отъ Сиверса, чтобъ онъ, при тогдашнихъ условіяхъ, при отсутствіи пустившихъ глубоко корень историческихъ учрежденій, очень сдерживался въ своихъ бюрократическихъ стремленіяхъ, не предпочиталъ искуственныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Сынъ эстляндскаго дворянина, Яковъ Сиверсъ началъ свое поприще въ одной изъ тогдашнихъ практическихъ школъ, гдѣ молодые люди учились и служили вмѣстѣ; мы видимъ его въ началѣ царствованія Елисаветы юнкеромъ въ Иностранной Коллегіи. Въ старости, при воспоминаніи объ этомъ времени, у Сиверса вырывались слова: „Гдѣ ты, блестящее время безсмертной Елисаветы, когда восемь пословъ иностранныхъ такъ же сильно добивались твоего союза, какъ и удивлялись твоей красотѣ". Будущность молодого Сиверса была обезпечена покровительствомъ дяди, барона Карла Сиверса. Семнадцати лѣтъ Яковъ Сиверсъ поѣхалъ чиновникомъ посольства въ Копенгагенъ, откуда потомъ переѣхалъ въ Лондонъ. По возвращеніи изъ Англіи, къ которой сильно пристрастился, онъ перемѣнилъ дипломатическую службу на военную: изъ чиновниковъ посольства сдѣлался премьеръ-маіоромъ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, во время которой велъ съ Ив. Ив. Шуваловымъ секретную переписку о ходѣ военныхъ дѣлъ. Разстроившееся во время войны здоровье заставило его ѣхать въ Италію, гдѣ онъ узналъ о вступленіи на престолъ Екатерины; вскорѣ послѣ того онъ возвратился въ Россію и. въ 1764 году, былъ назначенъ Новгородскимъ губернаторомъ. Предъ отъѣздомъ въ свою губернію, Сиверсъ провелъ мѣсяцъ въ Петербургѣ и въ это время имѣлъ, по крайней мѣрѣ, 20 аудіенцій у императрицы, и каждая продолжалась по нѣскольку часовъ: обсуждались статьи общей тайной губернаторской инструкціи, разсматривались карты и планы. Сиверсъ получилъ приказаніе писать прямо императрицѣ и пріѣзжать въ Петербургъ, когда сочтетъ это нужнымъ.

Тогдашняя Новгородская губернія простиралась на 1,700 верстъ въ длину и 800 въ ширину; чрезъ нее шло сообщеніе между двумя столицами; она граничила: съ одной стороны—съ Литвою, съ другой—съ Швеціею и Бѣлымъ моремъ. По прибытіи въ Новгородъ, Сиверсъ нашелъ губернскій архивъ, погребенный подъ развалинами упавшаго свода въ цейхгаузѣ, гдѣ архивъ хранился; по двумъ или тремъ стамъ просьбамъ къ губернатору по гражданскимъ дѣламъ въ годъ рѣшалось по два или по три дѣла. Во всей губерніи не было собственно никакой полиціи. Приказанія воеводы или губернатора передавались сотскимъ; и такъ какъ сотскіе были обыкновенно безграмотные, то читалъ имъ ихъ и писалъ донесенія церковный дьячекъ. Со времени указа Петра III о вольности дворянской, губернаторъ не имѣлъ права поручить ни одного дѣла жившимъ въ его губерніи дворянамъ, какъ это дѣлалось до 1762 года; теперь если дворяне принимали какое-нибудь порученіе отъ губернатора, то только выгодное. Болѣе тысячи преступниковъ содержалось въ тюрьмахъ, и болѣе тысячи другихъ было отпущено на поруки. Въ числѣ уголовныхъ преступниковъ, было человѣкъ 20 дворянъ, и въ каждой изъ пяти провинцій до 50 человѣкъ подлежали пыткѣ. Сиверсъ доносилъ, что въ кратковременное его пребываніе въ Новгородѣ не проходило дня, въ который-бы онъ не слыхалъ о буйствѣ, насиліи и даже смертоубійствѣ въ спорахъ между сосѣдями, вслѣдствіе чего онъ просилъ о возобновленіи генеральнаго межеванія. „Новгородская область", писалъ Сиверсъ императрицѣ, „достойна носить прозвище Нормандіи. Думаю, что ни одна другая область въ цѣлой имперіи такъ не нуждается въ новомъ Уложеніи, которое бы сократило судопроизводство. Ябедническія увертки достигли здѣсь такой степени, что нѣтъ средствъ къ окончанію процессовъ. Въ теченіи 1764 года начато 53 процесса, и ни одинъ не оконченъ, равно какъ и процессы прошлыхъ годовъ. При размышленіи о средствахъ создать и ободрить промышленность, первымъ бросившимся мнѣ въ глаза препятствіемъ была обязанность горожанъ беречь вино и соль, и продавать соль, какъ казенный товаръ. Что касается крестьянина, то здѣсь главнымъ препятствіемъ служитъ неограниченная власть дворянъ налагать на своихъ крѣпостныхъ какой угодно оброкъ или, лучше сказать, поступать съ ними по внушенію алчности и по отсутствію сознанія собственнаго интереса. Несчастныя существа большею частію находятся подъ властью такихъ господъ, которые не знаютъ, что богатство крѣпостного составляетъ богатство господина. Неограниченная власть требовать съ крестьянина какой угодно работы и брать какой угодно оброкъ, часто рѣшительно выше всякаго вѣроятія,—есть безъ сомнѣнія главная причина, почему тысячи русскихъ бѣглецовъ наполняютъ Литву и Польшу. Гдѣ зло еще не дошло до такой крайности, тамъ крестьянинъ, видя, что земледѣльческія занятія не даютъ ему столько, сколько требуетъ господинъ, принужденъ идти за 1,000 верстъ искать большихъ заработковъ. Кромѣ происходящей отсюда очевидной невыгоды для земледѣлія, этого нерва государственнаго, произведенія земли продаются слишкомъ дорого, работникъ требуетъ слишкомъ высокой платы, что служитъ неодолимымъ препятствіемъ для фабрикъ. Увеличенію народонаселенія полагается не меньшее препятствіе въ томъ, что крестьянинъ долженъ покидать свою семью". Сиверсъ въ своей похвальной ревности къ облегченію участи земледѣльческаго народонаселенія заговаривается: если-бъ крестьянинъ, не чувствуя тягости отъ помѣщика, оставался на

родной землѣ и воздѣлывалъ ее, то для фабрикъ еще менѣе было бы рукъ, и заработная плата была бы еще выше. Главное зло происходило именно отъ малолюдности, отъ недостатка рабочихъ рукъ, что удерживало такъ долго и крѣпостное состояніе. Но если уничтоженіе этого печальнаго явленія было такъ трудно для правительства, то возможно было вмѣшательство правительства для положенія границъ произволу, и Сиверсъ требовалъ правительственнаго опредѣленія количества оброка и количества рабочихъ дней. „Я", пишетъ Сиверсъ, „самъ нашелъ, что одинъ помѣщикъ бралъ по пяти рублей оброка съ крестьянъ, живущихъ на пескѣ и не имѣющихъ пашни". Сиверсъ требовалъ также опредѣленія денежной суммы, взносомъ которой крестьянинъ имѣлъ бы право выкупаться. Сиверсъ обратилъ вниманіе на то, что расширеніе Петербурга и надобность для него, все въ большемъ и большемъ количествѣ, строевого и дровяного лѣса отзовется вредно на Новгородской губерніи, обезлѣситъ ее и воспрепятствуетъ заведенію фабрикъ; онъ предлагалъ учрежденіе особой камеры, которая бы собирала свѣдѣнія о лѣсахъ и опредѣляла количество лѣса, которое можно было вырубить. Въ одной изъ новгородскихъ провинцій находились лѣсничіе, подвѣдомственные Адмиралтейсъ-Коллегіи: они занимались однимъ— продажею позволеній на рубку лѣса, и тѣмъ обогащались. Для предупрежденія недостатка или дороговизны топлива, Сиверсъ предлагалъ вводить въ употребленіе торфъ и особенно каменный уголь: ему подана была надежда, что послѣдній можно найти на берегахъ Ильменя. Сиверсъ находилъ недостаточнымъ управленіе прежними монастырскими крестьянами, находившимися теперь въ вѣдѣніи Коллегіи Экономіи: одинъ человѣкъ съ двумя помощниками и писцомъ завѣдывалъ 20,000 душъ; крестьяне управляются сами, и ихъ бурное самоуправленіе вредно для благосостоянія отдѣльныхъ лицъ. Для улучшенія быта жителей Новгорода Сиверсъ предлагалъ освободить ихъ отъ военныхъ постоевъ, и съ этою цѣлью построить казармы, какъ для гарнизоннаго баталіона, такъ и для двухъ стоящихъ тамъ пѣхотныхъ полковъ; казармы должны быть построены насчетъ города, дворянства и окрестныхъ имѣній: предлагалъ основать публичную школу, или гимназію для дѣтей дворянъ и горожанъ, а въ другихъ городахъ губерніи—низшія школы и преобразовать духовныя семинаріи. Для улучшенія земледѣлія вообще въ Россіи, Сиверсъ указывалъ на необходимость учрежденія земледѣльческаго или сельско - хозяйственнаго общества, которое было бы тѣмъ полезнѣе, чѣмъ невѣжественнѣе русское дворянство относительно средствъ удобренія полей и луговъ, осушенія болотъ, лѣсоводства, сельскихъ построекъ и проч. Сиверсъ говорилъ насчетъ учрежденія общества съ княземъ Вяземскимъ и Олсуфьевымъ,— и они согласились съ нимъ; главное занятіе общества должно было состоять въ знакомствѣ съ сочиненіями по сельскому хозяйству, выходившими въ Англіи, Германіи, Швейцаріи и Швеціи. Члены общества отмѣчаютъ въ этихъ сочиненіяхъ то, что съ пользою можетъ быть примѣнено въ Россіи, и даютъ переводить отмѣченныя статьи, которыя составятъ содержаніе періодическаго изданія. Сиверсъ былъ свидѣтелемъ въ Англіи начала подобнаго общества, капиталъ котораго въ первое время не превышалъ и 50 гиней, а потомъ въ короткое время это общество стало раздавать многія тысячи фунтовъ стерлинговъ и снаряжать корабли для своихъ цѣлей [1]).

Для поднятія торговли и промышленности въ Новгородѣ, Сиверсъ предлагалъ слѣдующія средства: новгородскому магистрату выдать 10,000 рублей на 10 лѣтъ изъ казны, для раздачи новгородскому купечеству: купцу Власову выдать 5,000 рублей -- для усиленія кожевеннаго завода; позволить тому же Власову купить до 20 душъ мужского и женскаго пола, которыя были бы ему крѣпки (!). Изъ другихъ мѣстностей Новгородской губерніи Старая Русса сначала привлекла особенное вниманіе Сиверса: мы видѣли, что этотъ городъ недавно потерпѣлъ отъ страшнаго пожара,— надобно было его возстановить; кромѣ того, Сиверсъ очень цѣнилъ соляныя варницы старорусскія. Любопытно донесеніе Сиверса въ Сенатъ о томъ, въ какомъ состояніи нашелъ онъ Старую Руссу: воеводская канцелярія помѣщалась въ такомъ маленькомъ и плохомъ домѣ, что можно сравнить его только съ двойною крестьянскою избою; судьи и канцелярскіе служители съ трудомъ помѣщались въ верхнемъ этажѣ: въ нижнемъ, въ срединѣ, находилась казна, по одну сторону которой содержались колодники, а по другую — архивъ; вслѣдствіе такого сосѣдства казны съ колодниками, изъ нея уже было выкрадено около 300 рублей. Архивъ находился еще въ худшемъ состояніи, чѣмъ новгородскій: бумаги погнили, очень многихъ дѣлъ разобрать было уже нельзя, потому что листы разсыпались лоскутьями; неоконченныхъ счетовъ Ревизіонъ-Коллегія считала на старорусской канцеляріи болѣе 230. Сиверсъ представлялъ, что необходимо построить каменный домъ для воеводы и канцеляріи [2]).

Къ двумъ изъ общихъ мѣръ, предложенныхъ Сиверсомъ, было немедленно приступлено. 5 марта изданъ былъ указъ объ учрежденіи „Коммисіи о государственномъ межеваніи" изъ генераловъ: Панина, Мельгунова, Муравьева, президента Вотчинной Коллегіи Лунина и князя Вяземскаго. Возстановлялось дѣло Елисаветы, приводилась въ исполненіе мысль Петра Ив. Шувалова, и потому въ указѣ говорилось: „Ея императорскому величеству подлинно извѣстно, что межеванье къ государственному и народному спокойствію весьма нужно; но теперь только то неизвѣстно, полезно ли на такомъ осно-

---

[1]) Blum—«Ein russischer Staatsmann», I.

[2]) Журналы Сената, 10 мая.

ваніи производить, какъ донынѣ установлено, и не нашлось ли во время теченія онаго на самой практикѣ какихъ-либо неудобствъ и затрудненій, сначала иногда непредвидѣнныхъ" [1]). Другой проектъ Сиверса—о казармахъ—былъ пересланъ въ Воинскую Коммисію и встрѣтилъ здѣсь сильныя возраженія. „Если разсуждать о семъ дѣлѣ по поверхности одной, не вникая въ самую внутренность вещей, то покажется тотчасъ великая польза и помѣщику, и мѣщанину, и солдату, и казнѣ, ибо помѣщикъ за самую малую, такъ называемую добровольную дачу, избавленъ будучи вѣчно отъ постоя, спокойнѣе и земледѣльство свое и экономію продолжать можетъ; мѣщанинъ, не утѣсняемъ отъ постояльца, въ торгахъ своихъ и промыслахъ помѣшательства имѣть не будетъ; солдатъ спокоенъ останется, получа себѣ домъ, ему принадлежащій, гдѣ онъ, какъ хозяинъ, жить спокойно станетъ, а при всемъ ономъ и казна ничего не теряетъ. Но коль скоро прилежнѣе и безпристрастнѣе важность сего разобрать, то встрѣчаются слѣдующія неудобности, службѣ и воинскимъ порядкамъ вредныя, да и мѣщанству и крестьянамъ весьма не полезныя: 1) солдатъ, получа собственный свой домъ, сдѣлается неминуемо хозяиномъ и долженъ онъ будетъ тогда за домомъ смотрѣть, снабдѣвать его всѣмъ нужнымъ, что, занимая большую часть время у солдата, нечувствительно выведетъ его изъ его должности и вдругъ изъ исправнаго солдата сдѣлается сперва мѣщанинъ, а потомъ, умножа хозяйство свое и пріуча себя къ корысти, начнетъ торговать и будетъ дурной солдатъ, дурной мѣщанинъ и дурной купецъ; 2) теперешнее непремѣнныхъ квартиръ учрежденіе неописанную пользу имѣетъ и ту, что солдатъ и его хозяинъ, будучи въ безпрестанномъ другъ съ другомъ обхожденіи, такъ между собою свыкаться начинаютъ, что не токмо за злодѣя себѣ хозяинъ постояльца не считаетъ, но, пользу другъ отъ друга видя, согласно и живутъ, что все теперь ясно оказывается; а чрезъ отлученіе солдата отъ мѣщанина они сдѣлаются паки чужды, согласіе кончится и старинное страшное о солдатѣ мнѣніе опять возобновится, которое теперь такъ счастливо изъ мыслей подлыхъ людей выходить начинаетъ". Указавъ потомъ на огромныя издержки, какихъ потребуетъ постройка и содержаніе казармъ, Воинская Коммисія однако принимала за полезное построить казармы для гарнизоновъ, относительно же другихъ войскъ построить квартиры только для одного штаба, ибо дѣйствительно отъ квартированія полкового хозяйства и лазарета происходитъ городскимъ жителямъ утѣсненіе; построеніе же казармъ для гарнизоновъ, уменьшая излишнюю тѣсноту въ городѣ, не дѣлаетъ никакого вреда гарнизонной службѣ затѣмъ, что гарнизонные солдаты не подвержены такой строгости и ежеминутному выступленію въ походъ, какъ полевыя войска. Императрица написала на докладѣ коммисіи: „Съ удовольствіемъ прочитавъ сей докладъ, полезнымъ его нахожу и исполнять по немъ" [2]).

Мы не можемъ покинуть дѣятельности Сиверса въ этомъ году, не упомянувъ о перепискѣ его съ Екатериною по поводу слѣдующаго случая. Двое крестьянъ, родные братья, рубили дрова въ лѣсу; пріѣзжаетъ третій, чужой, и заводитъ ссору; отъ словъ дѣло доходитъ до драки; одинъ изъ братьевъ ударилъ чужого топоромъ,—и тотъ падаетъ мертвымъ. Обоихъ братьевъ приводятъ на судъ. „Кто изъ васъ убійца?"—спрашиваетъ судья.—„Я!" отвѣчаетъ старшій. — „Нѣтъ, я!" перебиваетъ младшій.—„Не вѣрьте ему", говоритъ старшій: „онъ нарочно себя клеплетъ, потому что у меня жена и дѣти". Младшій продолжаетъ утверждать, что онъ убійца. Сиверсъ донесъ Екатеринѣ, и та рѣшила споръ прощеніемъ преступника, который бы изъ братьевъ имъ ни былъ. Увѣдомляя императрицу, что помилованіе объявлено братьямъ, Сиверсъ писалъ: „Ихъ слезы служили самою краснорѣчивою благодарностью за жизнь, возвращенную имъ человѣколюбіемъ ихъ государыни". Екатерина отвѣчала: „Съ удовольствіемъ увидѣла я доброту вашего сердца изъ радости, съ какою вы объявили прощеніе двоимъ братьямъ, изъ которыхъ каждый объявлялъ себя преступникомъ, чтобъ спасти другого. Все это дѣло заслуживаетъ быть публиковано въ газетахъ для чести сердца человѣческаго, и тутъ одна природа: нѣтъ ни науки, ни воспитанія" [3]).

Изъ исторіи областного управленія въ другихъ частяхъ Россіи замѣтимъ два извѣстія съ Юга и Сѣвера. Бѣлгородскій губернскій прокуроръ Брянчаниновъ жаловался Сенату на губернскую канцелярію и самого губернатора, генералъ-поручика Нарышкина, выставляя упущунія въ дѣлахъ; а губернаторъ жаловался на прокурора, что тотъ затрудняетъ производство дѣлъ. Сенатъ приказалъ: къ губернатору и въ губернскую канцелярію послать указъ, что главною причиною несогласія должна быть какая-нибудь скрытная ссора, и потому Сенатъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе дѣла, что могло бы повести для обѣихъ сторонъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ, желаетъ его въ самомъ началѣ потушить, въ надеждѣ, что и сами они, видя такое къ нимъ снисхожденіе, будутъ стараться ему соотвѣтствовать и не только оставятъ все прежнее между собою несогласіе, но, помогая другъ другу въ дѣлахъ, будутъ единодушно стараться о прямомъ исполненіи своей должности [4]).

Съ самаго далекаго Сѣвера пришло донесеніе правящаго воеводскую и комендантскую должность въ Кольскомъ острогѣ, маіора Абатурова, съ жалобою на архангельскую губернскую канцелярію,

[1]) Полн. Собр. Зак. № 12,347.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 12,372.

[3]) Переписка Сиверса съ Екатериною, въ Государ. Архивѣ и въ Москов. Архивѣ Мин. Иностран. Дѣлъ.

[4]) Журналы Сената, 13 іюня.

которая наложила на него взысканіе за нескорую доставку вѣдомостей: указъ изъ губернской канцеляріи присланъ 11 августа, по которому обстоятельный рапортъ сочиненъ и посланъ 15 августа, но неимѣнію оказіи, чрезъ Окіянъ-море; почтъ же тамъ нѣтъ и учредить ихъ въ лѣтнее время за великими болотами никакъ нельзя, затѣмъ и прочія вѣдомости и репорты хотя въ указный терминъ учинены и бываютъ, однако запечатанные лежатъ по мѣсяцу и больше, и посылаются чрезъ Окіянъ-море, гдѣ за великими штурмами бываютъ въ пути немалое время. Притомъ же дѣлъ сочинять и писать некому, ибо при воеводской канцеляріи находятся только два писца, изъ которыхъ первый почти ничего при огнѣ писать не можетъ и лѣтами такъ престарѣлъ, что съ нуждою ходитъ, а послѣдній едва только писать умѣетъ, и притомъ оба весьма худого состоянія и безпонятны; отъ губернской же канцеляріи приказныхъ служителей требовалъ онъ двукратно, но въ резолюціи на то получилъ, чтобъ ему въ доброе состояніе привесть имѣющихся служителей, на что онъ репортовалъ, что ихъ, какъ въ непорядкахъ закоснѣлыхъ людей, поправить и въ состояніе привесть никакъ невозможно, почему принужденъ онъ всякія текущія дѣла начерно писать. Всѣ тѣ воеводской канцеляріи прошедшихъ лѣтъ дѣла безъ переплету брошены въ холодной подлѣ канцеляріи каморѣ, и по большей части погнили и передраны, такъ что и разобрать не можно, зачѣмъ требуемыхъ Ревизіонъ-Коллегію съ 730 по 763 годъ счетовъ едва и отыскать можно-ль, и ему не только означенный архивъ разбирать и текущихъ дѣлъ исправлять некѣмъ, и отъ того-бъ его защитить, ибо онъ болѣе склонность и охоту имѣетъ къ воинской службѣ [1]).

Срокъ для окончанія ревизіи давно уже прошелъ, а между тѣмъ оказывалось, что по разнымъ губерніямъ большое число душъ еще не обревизовано, а именно: по второй ревизіи показано было въ Московской губерніи 2.062,907; изъ этого числа теперь было обревизовано 1.916,859, тогда какъ оказалось 2.099,709; затѣмъ въ числѣ по прошедшей ревизіи осталось не обревизовано 115,100 душъ. Въ Новгородской губерніи—736,613; обревизовано 698,953; противъ того оказалось 800,146, необревизованныхъ—41,676 душъ. Въ Бѣлгородской —655,382; обревизовано—631,659, противъ того оказалось 693,368, затѣмъ не обревизовано 31,358. Въ Воронежской — 679,676; обревизовано—674,258, противъ того оказалось 809,184; не обревизовано 2,146. Въ Казанской—1.085,104; обревизовано—1.071,176, противъ того оказалось 1.207,648; не обревизовано 49,077. Въ Смоленской—246,262; обревизовано 217,077, противъ того оказалось 246,501; не обревизовано 29,185. Въ Сибирской—224,167; обревизовано—228,862, противъ того оказалось 279,000; не обревизовано 19,874. Сенатъ замѣтилъ, что хотя во многихъ провинціяхъ и уѣздахъ обревизованное число душъ превосходитъ число душъ прежней ревизіи, однако нигдѣ не упоминается, чтобъ подача сказокъ совершенно была окончена, и потому нельзя узнать, сколько еще осталось въ тѣхъ мѣстахъ необревизованныхъ душъ; губернаторы пишутъ, что сказки не всѣ еще поданы [2]).

Извѣстія о волненіяхъ заводскихъ крестьянъ не прекращались. Въ Воронежской губерніи мастеровые и рабочіе на Липскомъ и другихъ заводахъ князя Репнина жаловались на обиды отъ повѣреннаго княжескаго и приказчиковъ; губернаторъ отправилъ въ городъ Романовъ для изслѣдованія подпоручика Рагозина. Повѣренный и приказчики заперлись, что никакихъ обидъ не дѣлали; тогда рабочіе, человѣкъ до 300, явились къ Рагозину и единогласно закричали, что они работать и въ послушаніи у князя Репнина и приказчиковъ его не будутъ, также не будутъ ничего отвѣчать и подписываться, а желаютъ исправлять казенныя работы, какъ они состояли до отдачи заводовъ князю Репнину. Губернаторъ (Логиновъ) писалъ въ Сенатъ, что онъ почитаетъ ненужнымъ входить въ дальнѣйшее слѣдствіе, ибо все дѣло въ томъ, что этимъ людямъ не хочется называться помѣщичьими крестьянами. Сенатъ отвѣчалъ, что, какъ онъ хочетъ, только чтобъ привелъ крестьянъ въ повиновеніе по указамъ [3]). Скоро послѣ этого императрица нарядила коммисію изъ Петра Панина, Муравьева, князя Вяземскаго, Шлаттера и Аполлона Пушкина относительно заводовъ и приписныхъ къ нимъ крестьянъ. Коммисія должна была разсмотрѣть прежнія положенія и представить императрицѣ съ мнѣніемъ: въ чемъ прежнее устройство требуетъ исправленія, какъ къ тому приступать, сообразуя народное облегченіе и спокойствіе съ государственною прибылью, приводя каждаго въ правосудныя границы, благодаря которымъ, не опасаясь праведнаго наказанія, могли бы пользоваться справедливо пріобрѣтеннымъ подземнымъ сокровищемъ къ обогащенію государственному. Коммисія должна была рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) полезно-ли, чтобъ заводы были въ партикулярныхъ рукахъ, или лучше имъ 2) быть въ казенномъ содержаніи. 3) Если въ партикулярныхъ рукахъ заводамъ быть: 4)—за дворянами, или за недворянами. 5) Какія мѣры брать, дабы впредь крестьяне не бунтовались. 6) Разсмотрѣть, отчего сей вредъ происходилъ. 7) Положить на мѣрѣ, какимъ образомъ казенныхъ по заводамъ должниковъ приводить къ заплатѣ долговъ. 8) Полезно-ли умножать заводы; изъ чего послѣдуетъ: 9) разсмотрѣніе о сбереженіи лѣсовъ [4]).

Въ концѣ года явилась жалоба казанскихъ черносошныхъ крестьянъ, приписныхъ въ Оренбург-

[1]) Журналы Сената. 3 марта.

[2]) Журналы Сената 16 мая.
[3]) Журналы Сената, 8 іюня.
[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 32.

ской губерніи къ Авзянопетровскимъ заводамъ дворянина Евдокима Демидова; жалоба была подана повѣреннымъ, крестьяниномъ, Дехтеревымъ. Демидовъ представилъ въ Бергъ-Коллегію 4 человѣкъ, въ томъ числѣ и Дехтерева, которые всѣ и были отправлены къ слѣдствію въ Екатеринбургъ въ канцелярію главнаго правленія заводовъ; но одинъ изъ нихъ, Тунгусовъ, бѣжалъ и подалъ челобитную императрицѣ. Тунгусова приговорили къ плетямъ и отсылкѣ на монетный дворъ въ работу на два мѣсяца, ибо недавно учрежденная коммисія о горныхъ заводахъ въ мнѣніи своемъ заявила, что, по ея наблюденію, во многихъ подобныхъ крестьянскихъ жалобахъ главными виновниками бываютъ тѣ дерзновеннѣйшіе и ухищреннѣйшіе крестьяне, которые, желая получить отъ товарищей своихъ награжденіе, нарочно уговариваютъ ихъ къ принесенію жалобъ отъ всего общества и вызываются быть повѣренными, будучи готовы за полученныя деньги сносить иногда и нѣкоторое страданіе [1]).

Но незадолго передъ тѣмъ Сенатъ указалъ на любопытное отношеніе заводчиковъ къ работникамъ. Другой Демидовъ, Прокофій, просилъ объ увольненіи его отъ казенной поставки желѣза. Наведена была справка, и оказалось, что въ 1702 году, по желанію и прошенію коммисара Никиты Демидова, дозволено ему ставить въ казну всякіе военные снаряды по представленнымъ отъ него цѣнамъ, и для того отданы ему во владѣніе казенные Верхотурскіе желѣзные заводы. На этомъ основаніи Сенатъ рѣшилъ, что наслѣдниковъ Демидова отъ казенной поставки освободить нельзя, и ставить они должны по прежнимъ цѣнамъ, потому что въ 1703 году въ Верхотурскомъ уѣздѣ приписаны къ заводамъ Демидова Аяцкая и Краснопольская слободы, да село Петровское съ деревнями, и если-бъ Демидовы отъ поставки уволились, то и слободы съ деревнями надобно у нихъ взять; и хотя съ того времени какъ на работниковъ, такъ и на всякіе припасы цѣны нѣсколько возвысились, однако Демидовы даютъ приписнымъ рабочимъ прежнюю плату [2]).

Мценскій купецъ Коняевъ подалъ любопытное доношеніе въ Сенатъ, что по нападкамъ, не дождавшись срока платежа взятыхъ имъ изъ мѣднаго банка денегъ, засадили его въ тюрьму и стали продавать имѣніе: продали крѣпостныхъ людей, дешевою цѣною, пять душъ, въ томъ числѣ три женщины, проданы за 20 рублей; кромѣ того, 8 душъ продано за 150 рублей, 4 мужескаго и 4 женскаго пола, въ томъ числѣ приказчикъ его, акредитованный магистратомъ для купечества и подрядовъ [3]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, Сенатъ, въ своемъ указѣ 25 окрября, указалъ на одинъ изъ источниковъ крѣпостнаго отношенія крестьянъ къ купцамъ, источникъ, который мы встрѣчаемъ повсюду въ неразвитыхъ, бѣдныхъ обществахъ, именно—закладничество вольное и невольное: многіе крестьяне, говоритъ Сенатъ, отлучаются отъ домовъ своихъ въ разные города, но, будучи у купцовъ въ работахъ и услуженіяхъ, обязываются векселями, и, въ случаѣ неуплаты, купцы протестуютъ эти векселя въ отдаленныхъ городахъ, и по протестѣ долго держатъ у себя умышленно для накопленія процентовъ, и чрезъ то бѣдныхъ крестьянъ доводятъ до ссылки въ каторжную работу, откуда, по указу 1736 года, тѣ же самые заимодавцы этихъ крестьянъ скупаютъ за положенную плату и тѣмъ удерживаютъ ихъ вѣчно въ своихъ услугахъ; а нѣкоторые изъ крестьянъ, отбывая отъ платежа положенныхъ податей и поборовъ, чтобъ вѣчно себя въ услуги купцу укрѣпить, и, добровольно съ нимъ согласясь, даютъ въ немалой суммѣ векселя. Сенатъ велѣлъ послать ко всѣмъ губернаторамъ указы – какъ наивозможно такіе безпорядки отвратить и искоренить. Помѣщики получили право людей своихъ, въ наказаніе за „продерзостное состояніе", отдавать въ каторжную работу Адмиралтейсъ-Коллегіи на желаемое самими помѣщиками время [4]).

Обратили вниманіе на почту, которая находилась въ очень незавидномъ положеніи; должны были обратить вниманіе и на положеніе ямщиковъ. Генералъ-поручикъ Овцынъ представилъ, что въ 1705 году, по указу Петра Великаго, во всемъ государствѣ ямщики были расположены въ выти: выть имѣла по семи дворовъ, во дворѣ—по четыре души ревизскихъ. Съ каждой выти велѣно было содержать для ямской и почтовой гоньбы по три лошади, и хотя многими указами запрещено брать лошадей сверхъ вытнаго числа и за разгономъ не принуждать ямщиковъ къ найму, но сколько въ которомъ яму вытей и указныхъ лошадей,— о томъ никогда не было публиковано въ народѣ, и проѣзжіе, по незнанію этого, принуждаютъ ямщиковъ жестокими побоями и силою нанимать лошадей съ убыткомъ, прибавляя къ прогонамъ по рублю и по два на лошадь, а иногда случается и больше. Отъ такихъ безчеловѣчныхъ побоевъ и наглостей ямщики несутъ великую тягость, а особливо на почтовыхъ станахъ (какъ и теперь случилось у штатъ-фурьера Петрищева съ яжелбицкимъ ямщикомъ Григоріемъ Сѣрымъ). За неимѣніемъ въ тѣхъ мѣстахъ управителей, защитить ямщиковъ некому,

---

[1]) Журналы Сената, 12 декабря.

[2]) Журналы Сената, 18 іюля.—Въ челобитьи Демидова въ Сибирскій Приказъ 10 февраля 1702 года говорилось: «Бьетъ челомъ Тулянинъ, оружейнаго и желѣзнаго дѣла мастерь Никита Демидовъ: на Тулѣ-де у него желѣзные заводы и на тѣхъ заводахъ льютъ всякіе воинскіе припасы; а нынѣ по именному указу около Тулы дубовыхъ лѣсовъ на уголье и ни на какія дѣла рубить не велѣно, и за угольемъ на тѣхъ заводахъ чинится остановка: а великому государю пожаловать бы его, Демидова, велѣть съ Москвы отпустить въ Сибирь на Верхотурскіе желѣзные заводы и на тѣхъ заводахъ воинскіе припасы лить» .. и проч. Любопытна причина ухода Демидова къ Уральскимъ горамъ: запрещеніе Петра истреблять дубовые лѣса около Тулы.

[3]) Журналы Сената 2 іюня.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 12,498, 12,311.

потому что почтовые станы во всемъ государствѣ состоятъ по большей части въ монастырскихъ деревняхъ, а управители отъ этихъ становъ живутъ на большомъ разстояніи. Въ запряжкахъ ямщики несутъ великую тягость и обиды оттого, что многіе проѣзжіе требуютъ подорожныя на весьма малое число лошадей и запрягаютъ подъ четверомѣстную карету лошади по 4 и по 3, въ каретѣ садятся пассажировъ человѣка по 4 и 2 человѣка назади, да еще нѣсколько вещей кладутъ, и за такою великою тягостью ямщики принуждены бываютъ припрягать лишнихъ лошадей. 25 ноября отправлены были всѣмъ губернаторамъ указы: по всей губерніи сдѣлать расписаніе и станціи („и гдѣ потребно и новыя назначить станціи" - приписала Екатерина собственноручно), назнача, сколько на каждую должно поставить лошадей, и гдѣ именно этимъ станціямъ, а въ городахъ почтовымъ конторамъ быть надлежитъ, и не найдутся ли охотники къ опредѣленію въ коммисары и почтмейстеры изъ отставныхъ („проворныхъ" — приписала Екатерина собственноручно) субалтернъ-офицеровъ добраго поведенія и въ письменныхъ дѣлахъ знающихъ. Губернаторы обязаны были изыскать вездѣ, сколько можно, кратчайшій почтовый путь и представить удобнѣйшія средства къ поправленію большихъ дорогъ и всегдашнему ихъ содержанію въ добромъ состояніи [1]).

Мы видѣли, что Сиверсъ указывалъ на недостаточное управленіе прежними монастырскими крестьянами, отчего и доходовъ съ имѣній получалось менѣе, чѣмъ сколько можно было получить. А увеличеніе доходовъ Коллегіи Экономіи было нужно: соединенныя коммисіи—Духовная и Воинская—потребовали отъ этой Коллегіи еще 12,000 рублей въ годъ на инвалидовъ, которыхъ, сверхъ штата, оказалось 150 унтеръ-офицеровъ и 1,000 рядовыхъ [2]); сдѣлано также распоряженіе и о заштатныхъ богадѣленныхъ [3]). Сборъ со свадебъ за вѣнечныя пошлины былъ отмѣненъ; но такъ какъ этотъ сборъ шелъ на лазареты, то Коллегія Экономіи должна была отпускать ежегодно на лазареты сумму, которая равнялась суммѣ сбора за вѣнечныя пошлины въ лучшій годъ [4]).

Еще въ манифестѣ 1746 года объ окончаніи коммисіи о церковныхъ имѣніяхъ было сказано: „Избавили мы все бѣлое священство отъ сбору имъ разорительнаго данныхъ (отъ: дань) денегъ съ церквей, который прежними патріархами былъ установленъ и по сіе время въ отягощеніе священству продолжался, и оный вовсе сложили, такъ какъ и собираемую часть хлѣба, съ монастырей двадцатую, а съ церквей — тридцатую, на семинаріи, къ немалому оскудѣнію того же священства до сего бывшія,—оставили". На томъ основаніи, что теперь на содержаніе архіереевъ и служителей ихъ положены опредѣленные оклады изъ Коллегіи Экономіи, отмѣнены были всѣ прежніе сборы съ поставленія въ архимандриты, игумены, протопопы и іеромонахи, также съ благословенныхъ грамотъ о строеніи и освященіи церквей, вдовымъ священникамъ и дьяконамъ съ епитрахильныхъ, постихарныхъ и перехожихъ грамотъ; епитрахильныхъ и постихарныхъ грамотъ вообще не давать; архіереямъ, переведеннымъ на новыя епархіи, старыхъ грамотъ въ нихъ священно- и церковнослужителямъ не подписывать; во время объѣзда епархій архіереямъ на подводы и ни на что отъ духовенства денегъ не требовать; удержанъ только одинъ сборъ съ поставленія священно- и церковнослужителей—съ первыхъ по 2 рубля, и со вторыхъ — по рублю [5]). Для прекращенія жалобъ на вымогательства духовенствомъ большихъ денегъ за требы опредѣленъ былъ minimum платы за требы сельскому духовенству, съ запрещеніемъ домогаться большаго, которое могло быть получено только по доброй волѣ дающаго: за молитву родильницѣ 2, за крещеніе младенца - 3, за свадьбу, за погребеніе возрастныхъ —10, за погребеніе младенцевъ—3 копѣйки; за исповѣдь и причастіе запрещено было брать [6]).

Относительно раскола замѣтимъ слѣдующія явленія: Синодъ прислалъ въ Сенатъ вѣдѣніе: раскольники, въ числѣ 30 человѣкъ, изъ села Бубонина, Новгородской епархіи, пришли въ Зеленецкій монастырь, выгнали братію и грабятъ церковное и монастырское имущество. Въ Олонецкомъ уѣздѣ раскольники собрались и заперлись въ избѣ у одного изъ своихъ, Иванова, вмѣстѣ съ невѣдомыми людьми. Староста, десятскіе и мірскіе люди подошли къ избѣ съ вопросомъ объ этихъ невѣдомыхъ людяхъ; вмѣсто отвѣта, вышелъ изъ избы невѣдомый человѣкъ съ топоромъ въ рукахъ, ударилъ десятскаго и отсѣкъ ему руку; изумленная толпа не шевельнулась, невѣдомый человѣкъ спокойно возвратился въ избу, но вслѣдъ за тѣмъ пламя вспыхнуло внутри нея и раскольники сгорѣли въ числѣ 15 человѣкъ [7]).

Въ описываемое время кончилось долго тянувшееся соблазнительное дѣло архимандрита Іуста и монаховъ Пыскорскаго (Пермскаго) монастыря, богатаго своими соловарнями; въ Сенатъ представлено было 54 экстракта о винахъ означенныхъ лицъ, между прочимъ: о перепиленіи Спасителева образа, о наступаніи на образъ; служеніе на 4 просвирахъ; о боѣ пономаря и о сѣченіи іеромонаха въ церкви до крови; о спиленіи съ колоколовъ подписи и отобраніи отъ церквей колоколовъ; о снятіи съ иконъ окладовъ и сдѣланіи дорогой шапки, о покупкѣ кареты въ 500 рублей; о имѣніи ложнаго съ привѣсною печатью указа; о непомѣрныхъ поборахъ съ крестьянъ и о битьѣ на правежѣ, о смертоубійствѣ и муже-

[1]) Обѣ бумаги въ Государ. Архивѣ.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 12,329.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 12,334.
[4]) Журналы Сената, 14 іюля.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 12,379.
[6]) Полн. Собр. Зак № 12,378.
[7]) Журналы Сената, 9 и 17 іюня.

ложствѣ архимандрита Іуста съ келейникомъ, котораго наградилъ 10,000 рублей; о дачахъ изъ монастырскихъ суммъ во взятки духовнымъ и духовнаго вѣдомства лицамъ [1]).

На юго-восточной украйнѣ Церковь сталкивалась съ Донскими казаками, съ которыми давно уже не сталкивалось государство. Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій, жаловался Синоду, что Донское войско вступаетъ въ духовныя дѣла, въ дьячки и пономари опредѣляетъ и грамоты даетъ, а другихъ само собою отрѣшаетъ и въ казаки записываетъ; священника Терновской станицы, доносившаго о раскольникахъ, атаманъ забилъ въ колодку и отослалъ въ войсковую канцелярію, неизвѣстно за что; а наказной атаманъ Иловайскій прислалъ письмо, въ которомъ съ немалымъ нареканіемъ требовалъ, чтобъ архіерей не касался дѣтей священно-и церковнослужителей, потому что они отправляютъ казачью службу, а церковные причетники, по разсмотрѣнію и опредѣленію Донского войска, производятся изъ казаковъ же [2]).

Воронежскій губернаторъ, Лачиновъ, также донесъ о любопытномъ явленіи въ Землѣ Донскаго войска. Въ Луганской станицѣ, на ярмаркѣ, произошелъ пожаръ отъ зажигателя: погорѣло купеческаго и казачьяго товара болѣе чѣмъ на 127,000 рублей. Зажигатели—двое Малороссіянъ, Золотаренко и Черновъ,—были пойманы и показали, что, пріѣхавъ на ярмарку, Золотаренко объявилъ о себѣ базарному старшинѣ Волошенинову, что онъ человѣкъ, имѣющій у себя тихую руку и быстрый глазъ, т. е. просто мошенникъ, и Волошениновъ позволилъ ему заниматься на ярмаркѣ своимъ промысломъ, и, когда его приводили съ поличнымъ, отпускалъ на свободу. Черновъ находился въ услуженіи у Волошенинова и, мимо настоящихъ казаковъ, опредѣленъ былъ на ярмаркѣ есауломъ. Волошениновъ приказалъ Золотаренку и Чернову зажечь ярмарку съ условіемъ, чтобъ они отдали ему половину пограбленнаго на пожарѣ. По справкѣ оказалось, что атаманъ Ефремовъ опредѣлилъ Волошенинова старшиною вопреки сенатской грамотѣ 1757 года, которою приказывалось отрѣшить его отъ команды, какъ человѣка неблагонадежнаго [3]),

Относительно Малороссіи, графъ Румянцевъ въ маѣ мѣсяцѣ подалъ докладъ, что многіе города розданы во владѣніе частнымъ людямъ, большею частью послѣднимъ гетманомъ, Разумовскимъ, хотя въ гетманскихъ статьяхъ нигдѣ не сказано о правѣ раздавать города, а только деревни и мельницы. По мнѣнію Румянцева, города, особенно обведенные валами, нужно было отобрать отъ частныхъ владѣльцевъ; Екатерина написала: „Всѣ города, не государевыми указами пожалованные, слѣдуетъ отобрать; а о тѣхъ городахъ, если государями пожалованы,— о тѣхъ войтить съ помѣщиками въ негоціяціи, дабы добровольно за удовлетвореніемъ оные пока уступили; а прежде всего нужно узнать, сколько такихъ городовъ и за кѣмъ и кѣмъ пожалованы". Городскіе жители, писалъ Румянцевъ, отъ разныхъ притѣсненій разошлись, записались въ казаки, продолжаютъ торговать, но гражданской повинности не отбываютъ; города опустѣли и нѣкоторые только имя городовъ носятъ, а видъ имѣютъ пустырей; по мнѣнію Румянцева, надобно было запретить торговлю и промыслы тѣмъ, кто не записанъ въ городское общество, т.-е. сдѣлать то же самое, что въ подобныхъ обстоятельствахъ сдѣлано было въ Великой Россіи въ XVII вѣкѣ. Екатерина написала: „Какъ изъ сего пункта усматривается, что города почти пусты, того ради сдѣлать разсмотрѣніе, не лучше ли въ политическомъ и коммерческомъ видѣ заводить въ пристойныхъ и удобныхъ мѣстахъ новые города полезнѣе старыхъ, а впрочемъ я согласна съ его (Румянцева) мнѣніемъ". Императрица согласилась на просьбу Румянцева выписать искусныхъ людей для улучшенія земледѣлія и скотоводства и для сохраненія лѣсовъ; устроить почты; но подъ статьею объ улучшеніи мѣстной артиллеріи написала: „Оставляется до времени". Въ Малой Россіи церковныя имѣнія еще не были отобраны, число въ нихъ дворовъ простиралось до 14,111; Румянцевъ жаловался на дурное управленіе этими имѣніями; писалъ о надобности завести первоначальныя школы, также военную школу и госпитали [4]). Относительно этихъ пунктовъ сохранилось отдѣльное письмо Екатерины къ Румянцеву: „Желаю, чтобъ вы тамошнихъ нѣсколько называемыхъ пановъ склонили къ подачѣ челобитной, въ которой бы они просили о лучшемъ у нихъ учрежденіи школъ и семинарій и, если можно, о положеніи духовенства въ штатное состояніе,— отъ духовныхъ или свѣтскихъ такую же челобитную имѣть: то-бъ мы уже знали, какъ починать. Мнѣ Николай Чичеринъ сказалъ, что митрополитъ Кіевскій самъ не прочь отъ сего учрежденія будетъ, понеже онъ менѣе дохода съ деревень имѣетъ, нежели послѣдній Великороссійскій архіерей, а мы-бъ ему, преосвященному, если-бъ склонился о штатномъ положеніи просить, сдѣлали-бъ весьма выгодныя для него кондиціи" [5]).

Поселеніе иностранныхъ колонистовъ на юго-восточной украйнѣ повело къ столкновеніямъ съ старыми русскими жителями въ этой, считавшейся пустою, землѣ. Оказалось, что живущіе въ городѣ Саратовѣ и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ дворяне, купцы и прочіе разночинцы имѣютъ зимовья и при нихъ пашню и крестьянъ по большей части на такихъ земляхъ, на которыя не только никакихъ крѣпостей у нихъ нѣтъ, но и дачъ совсѣмъ не сдѣлано; городъ же Саратовъ наполненъ непринадлежащими къ нему жителями, между которыми находятся невѣдомо какіе малолѣтки и такъ называемые саратовскіе дворяне. Поселившимся на

[1]) Журналы Сената, 17 августа.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 12,454.
[3]) Журналы Сената, 10 октября.
[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X. 9.
[5]) Письмо отъ 9 іюля 1765, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

земляхъ, лежащихъ между рѣками Волгою и Медвѣдицею, собственнымъ ея величества и дворцовымъ села Золотого крестьянамъ земель не отведено и дачъ не сдѣлано, а крестьяне этихъ волостей, несмотря на то, что всѣхъ около лежащихъ земель обработать не въ силахъ, иностранцевъ селиться не пускали; такъ и прочіе старые жители, поселившіеся безъ указу по рѣкамъ Медвѣдицѣ, Хопру и Дону и по притокамъ ихъ, захватя всѣ лучшія земли, называютъ ихъ принадлежащими къ ихъ имѣніямъ. Ниже города Дмитріевска (Камышина) къ Царицыну поселены Волжскіе казаки, которые, по сказкамъ саратовскихъ обывателей, сильно размножились, а между тѣмъ здѣсь было назначено селить иностранцевъ. Крестьяне Нарышкиныхъ, села Никольскаго и Покровскаго, по рѣкѣ Медвѣдицѣ указывали на свои владѣнія по этой рѣкѣ слишкомъ на 300 верстъ, захватывая въ томъ числѣ городъ Петровскъ и больше ста селеній. Президентъ канцеляріи опекунства иностранныхъ колонистовъ, графъ Гр. Гр. Орловъ, выставилъ въ своемъ донесеніи Сенату всѣ эти явленія, очень естественныя на степной украйнѣ, какъ явленія, которыхъ терпѣть нельзя. Надобно было потѣснить слишкомъ просторно жившихъ русскихъ поселенцевъ, чтобъ помѣстить поселенцевъ иностранныхъ. Сенатъ приказалъ: всѣмъ владѣльцамъ, которые безъ дачъ и крѣпостей поселились въ опредѣленной для иностранцевъ окружности, отмѣрить, наравнѣ съ иностранцами, на каждую семью по 30 десятинъ и сдѣлать дачу; а которые имѣютъ указныя дачи и крѣпости,—тѣмъ по нимъ и владѣть; если-же по числу поселившихся крестьянъ этой дачи не достаточно, то домѣривать по числу душъ, а хотя по межевой инструкціи надобно бы съ тѣхъ владѣльцевъ взять въ казну по 10 копѣекъ съ десятины, но такъ какъ въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ даны имъ земли безъ всякаго платежа, то подать ея императорскому величеству докладъ съ такимъ мнѣніемъ, что несогласно было бы съ ея милосердіемъ, когда выходящіе иностранцы станутъ селиться на пространныхъ и изобильныхъ земляхъ безъ всякаго за нихъ платежа, а подданные ея императорскаго величества будутъ платить, умалчивая о томъ, каковая отъ этого у тамошнихъ старыхъ жителей можетъ вкорениться зависть къ иностранцамъ [1]).

Такъ рѣшилъ Сенатъ 8 марта: въ этомъ рѣшеніи онъ руководился тѣмъ взглядомъ, что заселялась страна пустая, сначала русскими колонистами, которые своимъ поселеніемъ взяли землю во владѣніе, завоевали ее для государства, если не у чужихъ народовъ, то у дикой природы, что было гораздо человѣчнѣе; теперь государство, изъ-за очень спорныхъ выгодъ искусственнаго увеличенія народонаселенія чуждымъ элементомъ, рѣшило среди русскихъ колонистовъ помѣстить иностранныхъ, давши имъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобномъ случаѣ, льготы, давши землю даромъ; рождался естественный вопросъ: за что же русскіе колонисты будутъ платить за занятую ими землю? Но 1 іюня Сенатъ перемѣнилъ свое рѣшеніе,—велѣлъ въ докладѣ вычеркнуть статью, чтобъ съ русскихъ землевладѣльцевъ не брать по 10 копѣекъ за десятину. Сенатъ былъ смущенъ мнѣніемъ князя Якова Петровича Шаховскаго, который объявилъ, что „согласиться не можетъ, ибо инаковое имѣетъ мнѣніе о помѣщикахъ, которые государственныя узаконенія, вмѣсто должнаго сохраненія, пренебрегши, своевольствомъ казенныя земли присвоили (?), заселили и многіе съ оныхъ надобные для пользъ государственныхъ лѣса, чрезъ долгія времена береженные (кѣмъ?), истребляли, также и прочими съ тѣхъ мѣстъ угодьями пользуясь, богатились, и впредь они и наслѣдники ихъ по такой дешевой покупкѣ богатиться будутъ, къ немалому не только соблазну, но и огорченію тѣхъ, которые и съ лучшими монархамъ и отечеству заслугами только для того, что, не смѣя до непозволеннаго имъ прикасаться, не только богатствъ, но и нужнаго къ содержанію своему не имѣютъ; такъ какъ учреждена коммисія для разсмотрѣнія, какъ удобнѣе межеванье производить, по инструкціи ли 1754 года, или что изъ того отмѣнить или прибавить слѣдуетъ, то о всемъ томъ нынѣ, по его мнѣнію, представлять приличности нѣтъ, а надобно ожидать конфирмаціи доклада этой коммисіи [2]). Въ этомъ дѣлѣ любопытна также медленность, съ какою велось оно: первое рѣшеніе оставалось неисполненнымъ почти три мѣсяца, и потомъ измѣнено! Вскорѣ послѣ этого графъ Орловъ донесъ по тому же дѣлу: „Отъ нѣкоторыхъ селеній по рѣкѣ Хопру предъявлены данныя имъ на земли купчія и записи отъ такихъ людей, которымъ тѣ земли ни мало не принадлежатъ, а отведены продавцами изъ свободныхъ государственныхъ земель, присутственныя же мѣста совершаютъ купчія безъ всякихъ справокъ, а нѣкоторымъ и вновь производятъ изъ дикихъ земель дачи. Живущіе за помѣщиками Малороссіяне, по причинѣ отягощенія отъ помѣщиковъ, просятъ объ отмежеваніи имъ особо земли" [3]).

Въ этомъ году на украйнахъ, гдѣ обыкновенно не бываетъ недостатка въ горючихъ матеріалахъ, начало обнаруживаться явленіе, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ повело къ большому пожару,—явленіе самозванства. Солдатъ Гаврила Кремневъ, изъ однодворцевъ, бѣжалъ изъ полку, прослуживъ въ немъ больше 14 лѣтъ. Въ бѣгахъ подговорилъ двоихъ крестьянъ помѣщика Кологривова и, ѣздя по разнымъ селамъ и деревнямъ Воронежской губерніи, разглашалъ сначала, что онъ капитанъ, посланъ съ указомъ, будто куреніе вина запрещено, сбора подушныхъ денегъ и ре-

[1]) Журналы Сената, 8 марта.

[2]) Журналы Сената, 1 іюня.

[3]) Журналы Сената 11 іюля.

кручины не будетъ на 12 лѣтъ, а наконецъ назвался государемъ Петромъ III-мъ. Главнымъ помощникомъ его былъ попъ Левъ Евдокимовъ, который сначала возражалъ ему, что Петръ III скончался, и Кремневъ отвѣчалъ: „Тогда умеръ солдатъ". Изъ невѣрующаго Евдокимовъ сталъ горячимъ приверженцемъ самозванца и утверждалъ, что, будучи дворцовымъ пѣвчимъ, видѣлъ Петра Ѳедоровича и маленькаго на рукахъ нашивалъ. Кромѣ Евдокимова, Кремневу помогали: отставной сержантъ Петровъ, капралъ Григоровъ, дьячекъ Антонъ Поповъ; они согласились приводить однодворцевъ все больше и больше въ согласіе, потомъ привести ихъ къ присягѣ и ѣхать въ Воронежъ, откуда послать въ Москву и Петербургъ съ извѣстіемъ, будто проявился государь, а затѣмъ самимъ ѣхать въ обѣ столицы. Бѣглыхъ крестьянъ Кремневъ называлъ генералами — одного Румянцевымъ, а другого—Пушкинымъ. Императрица увидала изъ дѣла, что „преступленіе Кремнева произошло безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія, а единственно отъ пьянства, буйства и невѣжества; что дальнѣйшихъ и опасныхъ видовъ и намѣреній не крылось". На этомъ основаніи Кремневъ былъ освобожденъ отъ смертной казни; его сѣкли кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ разглашалъ, привязавши на груди доску съ надписью: „Бѣглецъ и самозванецъ", потомъ выжгли на лбу начальныя буквы этихъ словъ и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу. Били плетьми и сослали въ Нерчинскъ Армянина Асланбекова, схваченнаго съ фальшивымъ паспортомъ и объявившаго себя также Петромъ III-мъ. Самозванство уже соединяется съ раскольничествомъ: бѣглый солдатъ Іевъ Евдокимовъ, назвавшійся Петромъ II-мъ, проживалъ у раскольниковъ. Брянскаго полка бѣглый солдатъ Петръ Ѳедоровъ Чернышевъ въ слободѣ Купенкѣ, Изюмовской провинціи, сталъ разглашать о себѣ, что онъ бывшій государь Петръ Ѳедоровичъ; ему повѣрилъ попъ слободы Купенки, Семенъ Иванецкій, по желанію Чернышева служилъ всенощную и молебенъ, поминая его на ектеніяхъ императоромъ. На допросѣ Чернышевъ показалъ, что онъ однодворецъ, женатъ, имѣетъ маленькаго сына Павла; важное названіе выговорилъ безъ всякаго намѣренія, а единственно потому, что въ разныя времена, будучи въ кабакахъ и шинкахъ, между незнакомыми людьми слыхалъ въ разговорахъ о бывшемъ императорѣ; говорили разное: иной, что онъ дѣйствительно преставился, а иной—что еще живъ. Обоихъ ихъ высѣкли кнутомъ и сослали на житье въ Нерчинскъ—Иванецкаго на житье, а Чернышева въ работу. Главный командиръ Нерчинскихъ заводовъ, генералъ-маіоръ Суворовъ, прислалъ донесеніе, что Чернышевъ и тамъ разглашаетъ о себѣ то же самое, чему нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей повѣрили и давали ему много подарковъ [1]).

[1]) Бумаги Государств. Архива.

Но эти случаи были слишкомъ мелки; на нихъ не обращали большого вниманія, какъ происходившіе „безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія". Сильнѣйшее вниманіе было обращено на Польшу, хотя и здѣсь не предугадывали, что присутствуютъ при началѣ конца.

Послѣ того какъ южныя славянскія государства полегли предъ Турками, а Чехія потеряла свою независимость въ борьбѣ съ Габсбургами, Славянскій міръ представлялся двумя обширными, независимыми государствами: Россіею—на востокѣ и Польшею—на западѣ, и между этими государствами въ XVI и XVII вѣкахъ шла сильная борьба, иногда не на животъ, а на смерть. Оба государства образовались при одинаковыхъ условіяхъ: оба явились изначала съ обширною государственною областью и съ малымъ сравнительно народонаселеніемъ; оба были по преимуществу континентальныя, что условливало земледѣльческій характеръ, тугое развитіе города, промышленности, торговли, господство сельской формы, господство земли, землевладѣльческаго интереса, не умѣряемаго интересомъ горожанина, владѣльца движимаго имущества, и при господствѣ землевладѣльческаго интереса пренебреженіе интересомъ земледѣльца. Въ Польшѣ рано землевладѣльческое сословіе беретъ силу и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, стремится къ одностороннему развитію, порабощая сельское народонаселеніе, отстраняя городское отъ представительства и все болѣе и болѣе ограничивая королевскую власть. Польша представила республику съ избраннымъ президентомъ, хотя и носившимъ королевскій титулъ; но вся власть находилась въ рукахъ извѣстнаго ряда богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ бѣднѣйшіе находились въ зависимости безъ западно-европейскаго формальнаго закладничества, или вассальства, ибо на сеймахъ польскіе магнаты нуждались въ толпѣ приверженцевъ, которые бы имѣли, повидимому, совершенно вольные голоса, пользовались бы вполнѣ одинаковыми правами съ самыми знатными и богатыми людьми. Крайность свободы, или своеволія, крайнее развитіе личности, дошедшіи до неумѣнья подчиняться ничему, установило обычай, вынесенный изъ первоначальныхъ обществъ,—обычай единогласнаго рѣшенія дѣлъ (liberum veto). *Liberum veto* поражало бездѣйствіемъ власть законодательную; крайняя слабость исполнительной власти порождала страшный внутренній безпорядокъ; отсутствіе большого постояннаго войска, происшедшее сначала изъ боязни усилить королевскую власть и поддерживаемое нежеланіемъ давать деньги на содержаніе арміи,—это отсутствіе военной силы дѣлало Польшу беззащитною извнѣ, дѣлало ее легкою добычею сильныхъ сосѣдей. Сознаніе печальнаго состоянія государства, сознаніе возможности близкой гибели явилось,—и явились попытки предупредить бѣду уничтоженіемъ сеймовыхъ безпорядковъ, усиленіемъ королевской власти, созда-

ніемъ войска; но попытки эти не могли увѣнчаться успѣхомъ, и не потому, чтобъ завистливые сосѣди этому препятствовали.—Въ другихъ государствахъ, въ Даніи, Швеціи, гдѣ такъ-же землевладѣльческое сословіе стремилось къ крайнему развитію своей власти насчетъ другихъ элементовъ, равновѣсіе было возстановляемо, королевская власть усиливалась вслѣдствіе движенія другихъ сословій, получившихъ такъ-же значительное развитіе. Но въ Польшѣ односторонность развитія была такова, что одна шляхта имѣла значеніе, ибо духовенство было слито съ нею въ политическихъ интересахъ. Слѣдовательно въ Польшѣ попытка измѣнить конституцію могла быть только дѣломъ партіи изъ того же шляхетства; она могла случайно имѣть успѣхъ нынче, но торжество партіи противной уничтожало ее завтра, причемъ движеніе не получало питанія изнутри, изъ земли, а могло поддерживаться только внѣшнею силою сосѣднихъ государствъ.

Иначе дѣло шло въ Россіи. Здѣсь, долго послѣ основанія государства, земля, по обилію своему и при скудости населенія, не могла имѣть важнаго значенія, не привязывала къ себѣ, не усаживала человѣка, вслѣдствіе чего между князьями долго господствуютъ родовыя отношенія, заставляющія ихъ переходить изъ одной волости въ другую; дружина сохраняетъ свой первоначальный характеръ, переходитъ вмѣстѣ съ княземъ, получаетъ отъ него содержаніе движимостью; а чрезвычайное и быстрое распложеніе княжескаго рода отнимаетъ у членовъ дружины возможность пріобрѣсть значеніе въ качествѣ областныхъ правителей. Когда на сѣверѣ все начало устанавливаться, то дружина явилась безземельна или малоземельна и могла получить землю только отъ князя во временное или вѣчное владѣніе, въ видѣ помѣстій или вотчинъ, дружина явилась съ своимъ правомъ перехода, движенія, которое оказалось вовсе не кстати въ то время, когда все усаживалось, устанавливалось и которое упразднилось совершенно вслѣдствіе утвержденія единовластія, когда не къ кому стало переходить; и такъ какъ другихъ правъ не было скоплено, то члены дружины стали холопами великаго государя. Въ нѣкоторыхъ городахъ, благодаря выгодѣ положенія торговли и, главное, княжескимъ родовымъ отношеніямъ и усобицамъ, развилось самоуправленіе; но это явленіе было одностороннее въ отношеніи къ мѣстности: мы видимъ его преимущественно, если не исключительно, на западѣ, на сторонѣ пути „изъ Варягъ въ Греки", и когда прочный порядокъ вещей утвердился на востокѣ, то города-государи не могли противиться государю Московскому и должны были приравняться къ городамъ восточнымъ. Восточная Россія, Московское государство, образовалось такимъ образомъ съ сильною верховною властью, благодаря отсутствію сильнаго развитія въ другихъ органахъ государственнаго тѣла. Но, кромѣ того, малочисленное народонаселеніе, разбросанное по обширнѣйшей странѣ, все болѣе и болѣе увеличивающееся пустынными пространствами, требовало для своего сосредоточенія, для направленія своихъ силъ къ общимъ цѣлямъ сильнаго правительства; наконецъ открытость страны, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, тяжелая многовѣковая борьба въ варварскимъ Востокомъ, необходимость постоянно отбиваться отъ враговъ, для сохраненія независимости, требовали строгой дисциплины, постоянной диктатуры. Вотъ почему Россія явилась въ XVIII вѣкѣ среди европейскихъ государствъ съ отличительнымъ признакомъ:—крѣпкимъ самодержавіемъ.

Такъ порознилась Россія и Польша на своемъ историческомъ пути; но не эта разница была причиною борьбы между ними; она только имѣла важное значеніе относительно исхода борьбы.

Россія и Польша получили каждая свою историческую задачу, соотвѣтственно своему положенію. Польша должна была сдерживать напоръ Нѣмцевъ съ запада, Россія—напоръ варварскихъ ордъ съ востока. Польша не выполнила своей задачи, отступила предъ напоромъ, отдала свои области — Силезію, Померанію—на онѣмеченіе, призвала Тевтонскихъ рыцарей для онѣмеченія Пруссіи; но, отступивши на западѣ, она ринулась на востокъ, воспользовавшись ослабленіемъ Руси отъ погрома татарскаго: она захватила Галичъ и, посредствомъ Литвы, западныя русскія земли. Но въ это самое время Россія, окрѣпнувъ на востокѣ и управившись съ варварскими ордами, начала двигаться на западъ для естественнаго сплоченія всѣхъ русскихъ земель, всего Русскаго народа въ одно государство; при этомъ движеніи въ западныхъ русскихъ областяхъ она нашла наѣздъ незванныхъ гостей, которые ополячивали Русскій народъ посредствомъ католицизма. Столкновеніе было необходимо,— и столкновеніе страшное: Россія двигалась на западъ, Польша ей на-встрѣчу двигалась на востокъ; мѣстомъ встрѣчи, мѣстомъ столкновенія была Западная Россія; съ самаго начала рождался вопросъ: Западной Россіи оставаться ли Россіею и, соединясь съ Восточною Великою Россіею, составить одну Россію, или перестать быть Россіею, ибо въ Польшѣ очень хорошо поняли съ самаго начала, что Западная Русь, оставаясь Русью, не будетъ крѣпка Польшѣ, особенно при борьбѣ послѣдней съ Великою Россіею; она могла быть крѣпка Польшѣ только въ томъ случаѣ, если-бъ потеряла русское народонаселеніе, т.-е. если-бъ это народонаселеніе, лишившись основы своей народности,—вѣры Восточнаго исповѣданія,—превратилось въ народонаселеніе польское, католическое. Слѣдовательно, внутренняя борьба въ двусоставномъ Польскомъ государствѣ, борьба между польскою и русскою народностью, необходимо должна была принять характеръ борьбы религіозной, при необходимомъ вмѣшательствѣ Великой Россіи, которая должна была заступиться за своихъ.

Въ XVII вѣкѣ эта борьба кончилась съ большимъ ущербомъ для Польши, которая должна была

уступить часть западно-русскихъ областей Великой Россіи, уступить ей Кіевъ. Но понятно, что такой исходъ борьбы могъ только усилить стремленіе Поляковъ отнять у русскаго народонаселенія, оставшагося за Польшею, его вѣру и народность. Усиленіе мѣръ противъ Православія приводило къ желаннымъ результатамъ въ одномъ, самомъ важномъ для Польши пунктѣ. Польша была государство шляхетское; одна шляхта имѣла представительство, голосъ на сеймѣ: слѣдовательно необходимо было, чтобъ это сословіе представляло полное единство, состояло изъ однихъ Поляковъ-католиковъ; исключеніе изъ представительства русской Православной шляхты или обращеніе этой шляхты чрезъ католицизмъ въ Поляковъ освобождало республику отъ вліянія сильной Россіи, которое проводилось бы русскими депутатами, русскими должностными лицами. Отнятіе политическихъ правъ у некатолической шляхты всего болѣе содѣйствовало переходу ея въ католицизмъ, такъ что въ описываемое время Православной шляхты, по крайней мѣрѣ, значительной, было уже очень мало. Поляки тѣмъ удобнѣе могли проводить свои мѣры противъ Православія, что Россія была занята другими дѣлами: Петръ Великій велъ войну съ Швеціею, причемъ долженъ былъ стараться держать Польшу при своей сторонѣ. Петръ однако никакъ не хотѣлъ позволить гоненія въ Польшѣ на Православныхъ: видя, что дипломатическія представленія ни къ чему не ведутъ, онъ отправилъ своего коммисара въ Польшу наблюдать, чтобъ этого гоненія не было и Православнымъ дана была полная управа въ обидахъ. Поднялся страшный крикъ противъ такого небывалаго вмѣшательства Русскаго государя во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой; но крикомъ все и кончилось: съ Петромъ ссориться было нельзя. Послѣ Петра эта мѣра не была возобновляема, даже и въ царствованіе его дочери, ибо отношенія къ Пруссіи, Семилѣтняя война, не давали возможности ссориться съ Польшею, и заступничество Россіи за единовѣрцевъ, на которое она имѣла и формальное право по Московскому договору, ограничивалось попрежнему дипломатическими представленіями. Но Екатерина находилась въ самомъ благопріятномъ положеніи сравнительно со своими предшественниками, и она рѣшила воспользоваться этимъ положеніемъ, чтобъ, возведя на Польскій престолъ короля, всѣмъ ей обязаннаго, порѣшить всѣ споры съ Польшею въ пользу Россіи. Дѣло о защитѣ Православныхъ было, разумѣется, важнѣе всѣхъ: въ немъ была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказанное единовѣрцамъ, и покровительство, увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая чрезъ него, такъ сказать, вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе Русскою, Православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на Западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религіозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ вслѣдствіе религіозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма. Далѣе слѣдовали другіе разсчеты: возвращеніемъ правъ диссидентамъ вводился въ польскія правительственныя отправленія элементъ, который естественно долженъ былъ находиться подъ русскимъ вліяніемъ и привязывать, особенно въ дѣлахъ внѣшней политики, Польшу къ Россіи. При существованіи такого элемента казалось безопаснымъ позволить Польшѣ выйти изъ страшнаго безнарядья и чрезъ это пріобрѣсти нѣкоторую силу. Въ Петербургѣ не могли вполнѣ сочувствовать внушеніямъ, настаиваніямъ, приходившимъ изъ Берлина, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не позволять Польшѣ измѣнять свою конституцію. Въ Пруссіи, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, выработалась вѣрность системѣ, основанной на самосохраненіи и пріобрѣтеніи извѣстныхъ выгодъ,—расширенія государственной области и т. п. Эта національная система проводится настойчиво, никакія другія соображенія въ разсчетъ не принимаются, все должно быть принесено въ жертву системѣ; политика чрезъ это является узкою, своекорыстною, но легкою по своей простотѣ. Россія, введенная Петромъ Великимъ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, представляла въ этомъ отношеніи замѣтное различіе. Россію можно было упрекать въ неимѣніи ясно сознанной національной политики, по крайней мѣрѣ въ отсутствіи настойчивости въ достиженіи цѣлей этой политики; можно было упрекать относительно медленности въ возстановленіи полнаго господства русской народности въ Западномъ краѣ и т. п. Причины этого явленія можно было искать въ племенномъ и народномъ характерѣ, въ юности Русскаго народа, его неразвитости, новости въ общенародной жизни, недостаткѣ просвѣщеннаго взгляда на свои внутреннія и внѣшнія отношенія, въ привычкѣ, сдѣлавши какое-нибудь дѣло, складывать руки, не пользоваться побѣдою. Всѣ эти объясненія въ извѣстной степени могутъ быть приняты; но не должно забывать и того обстоятельства, что Россія, войдя въ XVIII вѣкѣ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, принесла такую обширную государственную область, которая не давала развиться въ Русскомъ народѣ хищности, желанію чужого, наступательному движенію, а могла развить качества противоположныя и въ своихъ крайностяхъ вредныя: такъ, нежеланіе чужого могло перейти въ невниманіе къ своему и т. д. Русскіе государственные дѣятели, разумѣется, не были чужды честолюбія, желанія усилить значеніе Россіи, но для этого они придумы-

вали особенныя средства, идиллическія въ глазахъ западныхъ политиковъ; чуждые стремленія пріобрѣтать что-нибудь для себя, расширять свою государственную область, они придумывали союзы съ чисто охранительнымъ значеніемъ, въ которыхъ сильныя государства были вмѣстѣ съ слабыми, и первыя, разумѣется, принимали на себя обязанность блюсти выгоды послѣднихъ, какъ свои собственныя. Таковъ былъ знаменитый **сѣверный аккордъ**, который такъ старался осуществить Панинъ. Въ этотъ Сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія, Польша, и если Польша входила въ союзъ, разумѣется, вѣчный и непоколебимый, то почему-жъ не дать ей возможности выйти изъ анархіи и усилиться: этимъ усиленіемъ она будетъ только полезна союзу,—идиллія, приводившая въ бѣшенство Фридриха II-го, который ждалъ перваго удобнаго случая, чтобъ попользоваться насчетъ Польши, Саксоніи, Швеціи, Даніи, а тутъ заставляютъ его блюсти ихъ интересы! Такъ-же наивно было предполагать, что Англія станетъ любить своихъ союзниковъ, какъ сама себя.

Но всѣ эти легкія построенія сокрушились подъ тяжелыми стопами исторіи, когда диссидентскій вопросъ поднялъ въ двусоставной Польшѣ ожесточенную борьбу между двумя народностями. Мы видѣли, какъ князь Репнинъ, находясь на мѣстѣ, предвидѣлъ страшныя, неодолимыя препятствія къ рѣшенію диссидентскаго вопроса; онъ представлялъ, что католическій фанатизмъ неодолимъ. Не надобно забывать причинъ, усиливавшихъ этотъ фанатизмъ. Прошли цѣлые вѣка борьбы, въ которой Поляки, пользуясь своими государственными средствами, давили Православное народонаселеніе; послѣднее питало сильную вражду къ притѣснителямъ; но вражда притѣснителей къ притѣсненнымъ бываетъ еще сильнѣе (ненавижу человѣка, котораго обидѣлъ); у Православныхъ Русскихъ отняты были права; они являлись людьми низшаго разряда; католикъ съ молокомъ матери всасывалъ къ нимъ вражду и презрѣніе; еще сильнѣе была вражда отступниковъ и потомства отступниковъ: и вотъ является требованіе, чтобъ отношенія совершенно измѣнились, чтобъ Православные не только получили полную свободу и безопасность относительно отправленія своей религіи, но получили бы назадъ равныя права съ католиками; человѣкъ, который нынче идетъ съ поникшею головою, гонимый и презрѣнный, завтра подниметъ голову и явится всюду, какъ полноправный согражданинъ, явится съ свѣжею памятью объ обидѣ и со средствами къ мести; но если бы и обиженный, отъ радости, забылъ объ обидѣ, то обидчикъ о ней не забудетъ; духовные католическіе не могутъ себѣ представить, какъ архіерей, священникъ презрѣнной мужицкой (хлопской) вѣры, трепетавшіе до сихъ поръ при видѣ католическихъ духовныхъ лицъ, получатъ равное съ ними положеніе. Наконецъ, если бы кто-нибудь изъ Поляковъ былъ чуждъ религіозной нетерпимости и способенъ забыть установившіяся отношенія, то онъ не хотѣлъ забыть того, что республика его двусоставная, на дѣлѣ, стала, путемъ насилія одной части народа надъ другой, единою по праву, ибо представительство и власть принадлежали однимъ Полякамъ-католикамъ, а теперь, если уступить требованію уравненія правъ дессидентовъ, это единство должно рушиться. Но каковы бы ни были побужденія, знамя для всѣхъ было одно: интересъ религіозный; а что означало поднятіе этого знамени, какъ не вѣковую борьбу между двумя частями народонаселенія, искусственно, насильственно сплоченнаго. Диссидентскій вопросъ былъ поднятъ не Екатериною II-й; онъ былъ поднятъ исторіею: это былъ окончательный разсчетъ по сдѣлкѣ Ягайла и послѣдняго изъ его потомковъ.

Избраніе Станислава Понятовскаго произошло спокойно; но были признаки, что враги новаго правительства еще не успокоились,—а между тѣмъ диссидентскій вопросъ висѣлъ грозною тучею.

Изъ Молдавіи пришли вѣсти, что Порта грозитъ тамошнему господарю низверженіемъ, считая его подкупленнымъ отъ Русскаго Двора, и посланникъ новаго Польскаго короля къ султану, Александровичъ, все жилъ на турецкой границѣ, не получая паспорта для продолженія своего пути въ Константинополь. Репнинъ писалъ, что безпокойство Порты происходитъ не отъ однихъ внушеній Вѣнскаго и Французскаго Дворовъ, но и отъ внушеній, приходящихъ прямо изъ Польши. Репнинъ не могъ указать, кто именно дѣлалъ эти внушенія, но подозрѣвалъ обоихъ гетмановъ коронныхъ, воеводу Кіевскаго и епископа Краковскаго, тѣмъ болѣе-что Станкевичъ, креатура гетмана короннаго, жилъ еще въ Константинополѣ и велъ интриги въ пользу враждебной Россіи партіи. 12 февраля Панинъ поднесъ императрицѣ на утвержденіе письмо свое къ Репнину: посолъ увѣдомлялся въ конфиденціи, что „мы не можемъ и не хотимъ считать Польскія дѣла совершенно оконченными, пока не улучшено будетъ состояніе диссидентовъ, хотя бы это дѣло потребовало и вооруженной негоціаціи, и потому“, писалъ Панинъ, „рекомендую и вамъ, моему другу, приготовлять себя къ этому разумными средствами, не компромметируя заранѣе секрета, дабы противомыслящіе не воспользовались для возвращенія большихъ трудностей. Здѣсь удостовѣрены, что фамилія Чарторыйскихъ въ этомъ пунктѣ болѣе другихъ недоброжелательна и она-то была главною виновницею вашей неудачи на послѣднемъ сеймѣ. Е. и. в. никакъ не отступитъ отъ этого предмета: такъ вамъ надобно, принимая въ разсчетъ расположеніе и обстоятельства этой фамиліи, убѣждать и дѣйствовать съ ними заодно; въ случаѣ же безнадежности,—воспользоваться настоящею холодностію между нею и королемъ и возбуждать его величество противъ нея. При такомъ положеніи дѣлъ, хотя вы и можете, по желанію графа Захара Григорьевича Чернышева, возвратить извѣ-

стные кирасирскіе эскадроны въ Россію, приказавъ имъ малыми маршами подвигаться къ границѣ; но прочія войска должны оставаться въ Польшѣ, на всякій случай. Замѣчу еще вамъ, моему другу, съ равною довѣренностію: мнѣ кажется, что, кромѣ начинающихся у васъ женскихъ сплетней и интригъ между фамиліею и кромѣ духа господства двоихъ братьевъ Чарторыйскихъ, новый государь принимается за свои дѣла болѣе горячо, чѣмъ прозорливо; надобно опасаться, чтобъ, мѣряя все на внутренній польскій аршинъ, онъ не навелъ на себя такихъ хлопотъ, которыя могутъ привести въ разстройство весь сѣверный аккордъ и посадить его, короля, между двухъ стульевъ. Онъ долженъ себѣ представить, что не только Сѣверныя, но и всѣ другія державы, привыкнувъ сорокъ лѣтъ видѣть главами Польской республики иностранныхъ государей, совершенно преданныхъ интересамъ собственныхъ областей, вслѣдствіе этого опредѣляли болѣе или менѣе важную часть своей политической системы, и каждому государству возстановленіе въ Польшѣ природныхъ королей представляется дѣломъ новымъ, революціею. Слѣдовательно, пока Сѣверныя и другія державы совсѣмъ не осмотрятся и не привыкнутъ, съ теченіемъ времени, спокойнѣе смотрѣть на эту перемѣну, пока не опредѣлятъ каждая свою систему по соображеніи съ новымъ порядкомъ вещей въ Польшѣ,—до тѣхъ поръ благоразуміе требуетъ отъ его Польскаго величества, чтобъ онъ, для будущихъ своихъ выгодъ, изволилъ съ достаточною политическою экономіею и осторожностію касаться своихъ внутреннихъ дѣлъ, и, сколько возможно, воздерживаться отъ всего того, что можетъ получить видъ новости. Гораздо вѣрнѣе и надежнѣе будетъ, если онъ усугубитъ свое стараніе укрѣпить себя средствами истинной дружбы и союзовъ съ тѣми державами, которыя возстановленіе природныхъ королей въ Польшѣ ставятъ частію своей политической системы. Я не хочу рѣшать, кто болѣе правъ въ настоящемъ спорѣ между Польскимъ и Берлинскимъ Дворами относительно учрежденія таможенъ и провода драгунскихъ лошадей чрезъ Польшу въ Пруссію, но искренно сожалѣю, что въ такое короткое время трактаты между ними уже подверглись объясненіямъ. Одна поспѣшность можетъ повести къ другой, и король Польскій, вмѣсто старанія истребить въ королѣ Прусскомъ слѣды стараго противъ себя предубѣжденія, послѣдуя своимъ собственнымъ предубѣжденіямъ, можетъ позволить уловить себя Австрійскому Дому, который, конечно, употребитъ всѣ средства для приведенія въ разстройство наши общія дѣла. Пожалуй, мой любезный другъ, стереги сколько можно эти консидераціи и, по усмотрѣнію, употребляй ихъ съ королемъ въ разговорѣ, называя ихъ хотя своими, хотя моими, какъ лучше сами разсудите, представляя ему, что производимые и часто повторяемые общими ненавистниками толки о дѣлахъ его могутъ, наконецъ, нечувствительно произвесть нѣкоторое впечатлѣніе и на людей къ нему склонныхъ; но ему нечего будетъ опасаться этого, когда однажды навсегда будутъ приведены въ совершенство его связи и политическая система союзными трактатами съ дружескими державами. При такихъ деликатныхъ вашихъ обращеніяхъ, я, какъ вашъ искренній другъ, не могу обойтись, чтобъ не сказать вамъ, какъ необходимо нужны пространнѣйшія отъ васъ увѣдомленія. Пожалуй, мой дорогой, отступи отъ образца покойнаго графа Кейзерлинга, и описывай со всѣми обстоятельствами не только одни феты (праздники) или происшествія, но и разговоры ваши съ разными обращающимися въ дѣлахъ особами, присоединяя къ тому извѣстія объ отношеніяхъ этихъ особъ, о сходствѣ или разности ихъ интересовъ, дабы я, зная все, могъ вѣрнѣе опредѣлять мои собственные взгляды и мнѣнія; мнѣ надобно прежде всего знать людей, которые теперь заправляютъ дѣлами, ихъ характеры, степень ихъ вліянія на короля и кредита у націи".

Польскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Ржевусскій, по разстроенному здоровью, желалъ возвратиться въ Польшу. Король по этому случаю сказалъ Репнину съ печальнымъ видомъ, что очень жалѣетъ объ отъѣздѣ Ржевусскаго изъ Петербурга въ то самое время, когда онъ тамъ такъ нуженъ, и прибавилъ, что извѣстія, полученныя отъ Ржевусскаго, его печалятъ. Репнину хотѣлось, чтобъ король разсказалъ подробно, какія это извѣстія; но Станиславъ-Августъ не открылся, и только изъ отрывочныхъ словъ Репнинъ могъ примѣтить, что его оскорбляетъ холодность Русскаго Двора къ Вѣнскому и пріязнь къ Берлинскому, тогда какъ Прусскій король, по его мнѣнію, никогда не допуститъ Польшу поправиться. Репнинъ отвѣчалъ на это, что король Прусскій безъ всякаго сомнѣнія войдетъ во всѣ виды Россіи относительно Польши, и если приметъ на себя какія-нибудь обязательства, то станетъ содержать ихъ ненарушимо. Но Австрійскій Домъ, прибавилъ Репнинъ, и прежде старался и до сихъ поръ все старается своими внушеніями встревожить и вооружить Порту, и дѣлаетъ это изъ опасенія, чтобъ Польша не усилилась вслѣдствіе неусыпной дѣятельности національнаго короля, который не имѣетъ постороннихъ интересовъ. „Хоть я вижу", писалъ Репнинъ Панину, „какъ сильно здѣсь желаютъ сближенія нашего Двора съ Вѣнскимъ, однако могу почти увѣрить, что ни въ какое съ нимъ обязательство не войдутъ безъ согласія нашего Двора, и здѣшняя система будетъ всегда слѣдовать нашей".

„Здѣсь удивляются", писалъ Панинъ 29 марта, „что его Польское величество не почтилъ знаками своей признательности нашихъ троихъ генераловъ, которые у насъ были съ войскомъ для подкрѣпленія его дѣлъ. Да мнѣ кажется и по всему у васъ великое заблужденіе въ собственныхъ замыслахъ. Я истинно не желаю дурного, да и моя собственная слава тому противится, только съ основаніемъ боюсь, мой другъ, что у васъ спокойствіе не бу-

*

детъ продолжаться, если воды въ вино лить не будутъ, а будутъ продолжать дѣла по началамъ своей самоопредѣленной собственной политики. То положеніе и обстоятельства кончились, когда внѣшняя политика сообразовалась съ внутренними партіями и интригами: теперь нужны къ дѣламъ министры, а не партизаны. При замѣшательствѣ дѣлъ фамилія и дядья мало помогутъ, а развѣ посторонніе Дворы, воспользовавшись ихъ духомъ господства, употребятъ ихъ къ усиленію этихъ замѣшательствъ. Коротко и откровенно опишу вамъ здѣсь картину настоящаго положенія. Вамъ уже извѣстно наше неудовольствіе по дѣлу о диссидентахъ. Полученная о томъ здѣсь графомъ Ржевусскимъ инструкція такъ мало соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ и откровенности, такъ слаба и составлена въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что я, по моей ревности къ сохраненію тѣснаго союза, не отважился сообщить ее государынѣ: и безъ того, по однимъ письмамъ королевскимъ, какъ ласкательно и разумно они ни писаны, е. в. изволитъ заключить, будто Польскій Дворъ хочетъ употребить всѣ наши способы и силы для достиженія всѣхъ своихъ цѣлей, въ видѣ купеческаго задатка за тѣ дѣла, о которыхъ только впередъ показываетъ склонность торговаться. Съ другой стороны, начатые легкомысленно и безвременно споры съ королемъ Прусскимъ, повидимому, должны болѣе усилиться и неблагоразумно кончиться. До вашего свѣдѣнія, конечно, дошелъ меморіалъ о правахъ провинціи Польской Пруссіи. Графъ Сольмсъ мнѣ сообщилъ, что такъ какъ съ польской стороны въ новой таможнѣ взята пошлина съ купленныхъ для прусской кавалеріи 500 лошадей, то король, его государь, установилъ и въ своихъ границахъ новую таможню. Излишне толковать о томъ, что этотъ государь можетъ имѣть теперь въ мысляхъ, если не остережемся. Много хлопотъ произойдетъ, когда онъ объявитъ себя защитникомъ провинціи прусской: тутъ, мой другъ, не много поможетъ и сеймовое большинство голосовъ, въ которое у васъ такъ сильно влюблены. Швеція съ самаго начала пользовалась этимъ большинствомъ, и едва ли не ему должна приписать свое окончательное погруженіе въ бездну бѣдствій. Ко всему этому надобно прибавить безконечныя волненія и интриги сераля противныхъ намъ союзниковъ, которыхъ, и особенно Вѣнскій Дворъ, у васъ уловить, конечно, не удастся. Изъ этого и предыдущаго письма моего вы довольно видите, какъ вы должны быть дѣятельны для охраненія нашихъ интересовъ, отъ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, зависитъ и существенный интересъ его Польскаго величества. Чистосердечно скажу вамъ, что не вижу для него другого средства, кромѣ уступки времени и благоразумнаго повиновенія обстоятельствамъ: нѣтъ государя, который бы могъ безвредно не соблюдать этого правила. Графъ Чернышевъ опасается, чтобъ отъ неподвижнаго пребыванія нашихъ войскъ на Вислѣ не явились изъ нихъ перебѣжчики. Такъ какъ я не вижу никакой возможности вывести ихъ изъ Польши прежде приведенія въ надежную форму дѣла о диссидентахъ, то и отдаю на ваше усмотрѣніе: не найдете ли болѣе выгоднымъ тронуть ихъ въ маѣ и привести къ Гроднѣ, и чрезъ нѣсколько времени, смотря по обстоятельствамъ, перевести къ Вильнѣ".

Дѣла запутались. Старики Чарторыйскіе отступили предъ диссидентскимъ дѣломъ; каковы бы ни были ихъ религіозные и политическіе взгляды на это дѣло, они знали, что, поддерживая русскія требованія, рискуютъ потерять силу и значеніе, безъ надежды провести дѣло обыкновенными средствами. Но въ Петербургѣ на нихъ сильно сердились: видѣли въ ихъ несодѣйствіи измѣну, ибо привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на вождей русской партіи, т.-е. какъ на покорныя орудія для достиженія русскихъ цѣлей, тогда какъ Чарторыйскіе смотрѣли на Россію, какъ на орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Король еще не понималъ всего грознаго значенія диссидентскаго дѣла. Онъ былъ влюбленъ, по выраженію Панина, въ большинство голосовъ, т.-е. былъ такъ увлеченъ мыслію о преобразованіяхъ, что все другое ставилъ на второй планъ. Поэтому его гораздо болѣе безпокоила тѣсная связь Россіи съ Пруссіею, ибо онъ очень хорошо зналъ, что Фридрихъ II настаиваетъ и всегда будетъ настаивать, чтобъ Екатерина не соглашалась на преобразованія польской конституціи; пограничные споры давали возможность Станиславу-Августу выразить свое раздраженіе противъ Пруссіи, что очень не нравилось въ Петербургѣ. А тутъ еще Курляндскія дѣла прибавляли затрудненій.

Отъ 20 марта Симолинъ писалъ Репнину, что Биронъ потерялъ любовь и довѣріе почти всей Земли. Противники его, пользуясь этимъ случаемъ, отложили частную свою къ нему ненависть, взялись за общее дѣло, соединились съ остальными, и такимъ образомъ исчезло различіе партій: всѣ стали показывать свое усердіе только къ защитѣ отечественныхъ правъ. Симолинъ упрекалъ Бирона въ томъ, что онъ не отличаетъ ласками и наградами преданное ему дворянство, а съ другой стороны не обнаруживаетъ достаточной твердости въ обращеніи съ противниками. На слова его никто не хочетъ полагаться, потому что они никогда не исполняются; почти вся Земля раздѣляетъ неудовольствіе дворянства, предъявляя, что права всѣхъ нарушены и будто нынѣшній герцогъ имѣетъ въ виду всѣхъ погубить, разорить, разогнать. Биронъ, съ своей стороны, жаловался королю на Симолина, что онъ съ нимъ не въ согласіи и былъ причиною неудовольствія дворянства на него, Бирона, почему Станиславъ-Августъ просилъ Русскій Дворъ отозвать Симолина изъ Митавы. Но курляндскія недоразумѣнія исчезали предъ отношеніями важнѣйшими. „Съ сожалѣніемъ вижу", писалъ Репнинъ, „что нѣтъ ничего легче, какъ возбудить здѣсь сомнѣніе противъ Прусскаго Двора;

не знаю по какой причинѣ король не имѣетъ ни малѣйшей довѣренности къ Прусскому королю: я изъ всѣхъ силъ стараюсь искоренять это недовѣріе, но напрасно". Масло было подлито въ огонь, когда пришло извѣстіе, что въ Маріенвердерѣ собраны прусскимъ правительствомъ работники для воздвигнутія по берегу Вислы укрѣпленій, и что везутъ туда артиллерію: хотятъ устроить тутъ новую таможню и принудить всѣ проходящія польскія суда платить десять процентовъ со всѣхъ ихъ товаровъ. Король объявилъ объ этомъ Репнину съ страшною досадою, жалуясь, что король Прусскій старается всячески вредить ему и всей Польшѣ. „Я увѣренъ", говорилъ Станиславъ-Августъ, „что Прусскій король старается поссорить меня съ Россіею". Репнинъ увѣрялъ его, что это неправда, и писалъ Панину: „Зная, какъ нужно возстановить согласіе между Прусскимъ и Польскимъ Дворами, чтобъ удержать въ желаемой нами системѣ и въ отдаленіи отъ Вѣнскаго и Французскаго Дворовъ, стану стараться о полюбовномъ согласіи по таможеннымъ дѣламъ". Для этого Репнинъ обратился къ прусскому резиденту, и тотъ обѣщалъ сдѣлать своему Двору представленія объ улаженіи спора. Но изъ разговора, бывшаго по этому случаю съ прусскимъ резидентомъ, Репнинъ узналъ, что послѣдній часъ-отъ-часу становится недовольнѣе обхожденіемъ съ нимъ польскаго министерства, особенно канцлера Литовскаго, и что при Вѣнскомъ Дворѣ прусскому министру дѣлаютъ внушенія о чрезвычайномъ желаніи Польскаго Двора быть въ союзѣ съ Австрійскимъ Домомъ; прусскій министръ доноситъ объ этомъ въ Берлинъ, что и порождаетъ холодность и сомнѣнія съ прусской стороны. Репнинъ увѣрялъ прусскаго резидента, что Польша вовсе не ищетъ союза съ Вѣнскимъ Дворомъ; что всѣ внушенія объ этомъ—фальшивыя, злостныя, чтобъ поссорить Польшу съ Пруссіею; а Станиславу-Августу представлялъ, что лучше было бы дружелюбно разобраться съ Прусскимъ королемъ, который огорчительныхъ требованій дѣлать не будетъ, какъ видно изъ словъ резидента; да и съ послѣднимъ не худо было бы поступать благосклоннѣе и откровеннѣе, а не такъ, какъ поступаетъ канцлеръ Литовскій, который своею гордостью портитъ дѣла.

А между тѣмъ Маріенвердерская таможня уже начала свои дѣйствія. Одинъ берегъ былъ прусскій, а другой—польскій: такъ, Пруссаки силою оттягивали суда, плывшія у польскаго берега, и заставляли платить пошлину, даже и съ дровъ брали десятое полѣно. Никогда Репнинъ еще не заставалъ Станислава-Августа въ такомъ горѣ, близкомъ къ отчаянію. Со слезами на глазахъ король говорилъ: „Если бы мнѣ дали на выборъ отказаться отъ престола или терпѣть Маріенвердерскую таможню, которая будетъ держать подъ игомъ всю Польшу, то я не поколебался бы покинуть престолъ; я считаю теперь себя несчастнѣе послѣдняго изъ моихъ подданныхъ; по сдѣланному разсчету, сколько польскихъ товаровъ ежегодно проходитъ чрезъ Данцигъ, Прусскій король извлечетъ изъ своей таможни около 3.600,000 прусскихъ гульденовъ, т.-е. около 900,000 р., что равняется доходу со всей Бранденбургской Пруссіи. Я полагаю всю свою надежду единственно на посредничество императрицы". „Признаюсь", писалъ Репнинъ Панину, „что нахожу поступки Прусскаго короля жестокими и оскорбительными до невозможности".

Въ концѣ апрѣля Репнинъ извѣстилъ Панина, что у польскаго министерства была конференція съ прусскимъ резидентомъ, которая началась вопросомъ: что причиною, что его Прусское величество учредилъ новою таможню въ Маріенвердерѣ, причемъ министры просили объ отмѣнѣ. Резидентъ отвѣчалъ, что Маріенвердерская таможня учреждена въ возмездіе за новыя польскія таможенныя распоряженія. Дѣйствительно, еще на конвокаціонномъ сеймѣ положено было увеличить таможенныя пошлины на ввозные товары, для усиленія финансовыхъ средствъ республики. Но министры объявили резиденту, что новое польское таможенное учрежденіе не вызываетъ такого возмездія, да еще и не приведено въ дѣйствіе, притомъ обѣщали ему передать формальный меморіалъ, въ которомъ будетъ доказано, что польская таможня не новая, а возобновленная, и что новый тарифъ пошлинъ не въ убытокъ прусскимъ подданнымъ. На этомъ письмѣ Панинъ замѣтилъ: „Поздно, да и непристойно такъ допрашивать; латинскій (римскій) тонъ въ политическихъ дѣлахъ нынѣ не годится: Государи больше на поединокъ другъ друга не вызываютъ: такъ и нужда, чтобъ безсильный сильнаго болѣе почиталъ". Но король Польскій думалъ, что, почитая самаго сильнаго, можетъ разсчитывать на защиту его отъ притѣсненій менѣе сильнаго; Станиславъ-Августъ говорилъ Репнину: „Система императрицы будетъ всегда моею; я всю мою жизнь сохраню воспоминанія о томъ, чѣмъ я ей обязанъ; я знаю, что она можетъ, и сдѣлаю поэтому все, чего она захочетъ. Но смѣю надѣяться, что, сдѣлавши меня королемъ, она поддержитъ достоинство, которое станетъ мнѣ въ тягость, если будетъ унижено. Ея великодушіе и ея образъ мыслей заставятъ ее интересоваться своимъ дѣломъ, которое очутилось бы въ крайне бѣдственномъ положеніи, если-бъ она его покинула".

Репнинъ писалъ о королѣ, о своихъ разговорахъ съ нимъ, не упоминая, какъ относились Чарторыйскіе къ Прусскому дѣлу. Было ясно, что посолъ удалился отъ прежнихъ главъ русской партіи. Еще 23 февраля онъ писалъ Панину: „Что же касается до моего обращенія съ князьями Чарторыйскими, то послѣ сейма коронаціи, усумнясь о ихъ прямодушіи, а особливо послѣ какъ я отказалъ платить впредь до указу воеводѣ Русскому мѣсячной пенсіи, братъ его единственно съ тѣхъ поръ холоденъ. Учтивость основаніе дѣлаетъ нашего обхожденія, о дѣлахъ же я болѣе съ самимъ королемъ говорю. Братья королевскіе дѣлаютъ про-

тивную имъ (Чарторыйскимъ) партію“ Прусскій посланникъ Бенуа хвалился, что Репнинъ удержалъ пенсію Чарторыйскаго по его совѣту. 13 мая Репнинъ писалъ Панину: „Я уже доносилъ, какимъ властолюбіемъ исполнены двое братья Чарторыйскихъ, и что кредитъ ихъ очень великъ въ націи; онъ усилился еще болѣе оттого, что въ послѣднее междуцарствіе Чарторыйскіе были главами нашей партіи и чрезъ ихъ руки шли всѣ деньги, назначенныя для увеличенія числа партизановъ, которые и остались имъ преданы. Кредитъ ихъ содержится въ своей силѣ слабостію короля, который еще не можетъ окрѣпнуть и бросить привычку ни въ чемъ имъ не отказывать. Теперь я примѣчаю въ воеводѣ Русскомъ еще новый замыселъ: онъ, кажется, желаетъ быть коронпымъ гетманомъ по смерти графа Браницкаго, которой не долго будетъ дожидаться. Хотя этотъ чинъ противъ прежняго и ограниченъ, однако все еще можетъ усилить кредитъ Чарторыйскихъ, что по упрямству, гордости и властолюбивымъ замысламъ ихъ было бы противно видамъ и интересамъ нашимъ, и было бы хорошо этому помѣшать, а сдѣлать гетманомъ одного изъ королевскихъ братьевъ, которые, имѣя мало надежды перемѣнить воеводу Русскаго, тѣмъ болѣе будутъ намъ благодарны за доставленіе этого достоинства, и кредитъ Чарторыйскихъ будетъ уравновѣшенъ“. Панинъ написалъ на этомъ письмѣ: „Я въ семъ письмѣ кромѣ полезнаго ничего не нахожу, и потому ожидаю только высочайшаго соизволенія, оставляя волѣ вашего величества—вести ли дѣло гетманскаго мѣста въ пользу королевскаго брата и котораго, или же для Адама Чарторыйскаго“. Императрица написала: „Лучше перваго, а другой въ запасъ“.

Чарторыйскіе вели себя не такъ, какъ бы желалось въ Петербургѣ, не по одному диссидентскому дѣлу. По совѣту Литовскаго канцлера, Станиславъ-Августъ написалъ красивое, но очень рѣзкое письмо къ Фридриху II-му по поводу таможеннаго спора. Копія съ этого письма была переслана Екатеринѣ, которая написала Панину: „Признаюсь, я была испугана жаромъ, съ какимъ написанъ первый параграфъ этого письма. Оно, конечно, исполнено ума, но вовсе неприлично. О, какъ бы вы меня забранили, если-бъ я написала такое блестящее и такое вредное для моихъ дѣлъ письмо. Прошу васъ, поставьте Польскаго короля на ту же ногу, какъ вы поставили меня. Вы ему доставите этимъ величайшее благо, то есть—спокойное и разумное царствованіе; умѣрьте его живость, не дайте ему обнаруживать столько остроумія насчетъ пользы его собственныхъ дѣлъ“.

Но Екатерина, желая, съ одной стороны, сдержать Станислава-Августа, чтобъ не раздражать Фридриха II-го, съ другой—употребила стараніе сдержать и своего вѣрнаго союзника, короля Прусскаго: Бенуа изъ Варшавы писалъ въ Берлинъ, что князь Репнинъ умоляетъ его ради самого Бога смягчить своего короля относительно таможни. Репнинъ внушалъ, что, конечно, Фридрихъ II не захочетъ слишкомъ ожесточить Варшавскій Дворъ изъ уваженія къ великой дружбѣ, которая парствуетъ между Россійскою императрицею и королемъ Польскимъ: противное могло бы произвести дурное вліяніе на императрицу. Сольмсъ доносилъ изъ Петербурга о настаиваніяхъ Панина на отмѣну таможенныхъ стѣсненій. Тщетно Сольмсъ внушалъ ему: „Не позволяйте Полякамъ пугать себя; повѣрьте, что, не показавши имъ зубовъ, нельзя ничего достигнуть“. Панинъ стоялъ на своемъ; наконецъ Екатерина писала сама Фридриху,—и Маріенвердерская таможня была пріостановлена до окончанія всего дѣла о пошлинахъ. Станиславъ-Августъ писалъ по этому поводу императрицѣ (19 іюня): „Пріостановка Маріенвердерской таможни доказываетъ истинную дружбу вашего императорскаго величества ко мнѣ и въ то же время сильное вліяніе вашей воли на короля Прусскаго. Мнѣ было ужасно думать, что несчастіе, неизвѣстное Польшѣ во время моихъ предшественниковъ, постигло ее въ мое царствованіе и со стороны государя, который рекомендовалъ меня націи для выбора въ короли; въ народѣ уже начали говорить, что эти таможни были вознагражденіемъ за помощь, которую я получилъ отъ Прусскаго короля при моемъ избраніи“.

Исполняя приказаніе императрицы сдерживать Польскаго короля, направлять его на истинный путь, Панинъ писалъ Репнину отъ 20 іюля: „Всѣ ваши, мой любезный другъ, письма я по порядку получаю съ совершеннымъ удовольствіемъ, какъ равнымъ образомъ они, конечно, и въ вышнемъ мѣстѣ принимаются. Повѣрьте безъ ласкательства, которое у меня къ вамъ мѣста имѣть не можетъ, что поведеніе и дѣла ваши сполна разумны и достаточны, сколько токмо желать возможно; продолжай, мой другъ, оныя по тѣмъ же правиламъ, пока получите новыя активныя наставленія, которыя точно опредѣлить я удерживаюсь еще, въ ожиданіи окончательной рѣшимости Турецкаго Двора. Я нужды не имѣю вамъ экспликовать моего о томъ разсужденія: вы несумнѣнно сами оное себѣ представите, что какъ бы мы ни оставались надежны о турецкомъ спокойствіи и недѣйствіи, однакожъ при нерѣшенномъ дѣлѣ непріятелямъ нашимъ всегда останется больше способности тамъ тревожить наши дѣла, а особливо по причинѣ, когда начнемъ прямыя негоціаціи новыхъ обязательствъ въ вашемъ мѣстѣ, чѣмъ можетъ еще нерѣшимость турецкая продолжиться и произвести общія для насъ новыя заботы. Другое-бъ было дѣло, если-бъ у васъ сначала лучше познали свой существительный интересъ, и тогда-бъ вдругъ рѣшились въ сдѣланныхъ отъ насъ представленіяхъ для политической системы. Можно посему съ надежностію сказать, чтобъ тѣмъ подлинно себя избавили послѣдующихъ нынѣ многихъ непріятностей, которыя теперь, при самовольно сдѣланныхъ себѣ предупрежденіяхъ, столь часто сму-

шаютъ и тревожатъ, а Вѣнскій бы Дворъ не водилъ такъ, какъ нынче, по неизвѣстной дорогѣ, но давно-бъ уже прямо и для себя одного искалъ возобновленія безпосредственной корреспонденціи. Когда я уже столько вошелъ въ разсужденіе, то не оставлю въ молчаніи ваше разумное примѣчаніе о скрытной политикѣ тѣхъ людей, которые хотятъ содержать въ своей зависимости его Польское величество, отвращая его всякими ухватками отъ опредѣленной политической системы. Сіе подлинно ощутительно, и нельзя думать, чтобъ столь просвѣщенный государь, какъ король Польскій, наконецъ самъ онаго не почувствовалъ: тогда равно онъ и признаетъ, что въ десять мѣсяцевъ никто и ничему совершеннаго блаженства не достигаетъ; слѣдовательно, достигая онаго, возможнаго лишаться не будетъ, какъ потомъ и Прусскаго короля пріязнь себѣ и своей республикѣ увѣчною (?) поставлять не станетъ и по тому одному, что сей государь уже послѣдніе дни доживаетъ, въ которые ему совершенно недостанетъ возможности все то исполнить, что его видамъ приписано быть можетъ; преемники же его, не получа его духа, не будутъ имѣть и силъ его въ производствѣ".

Очень рано начали хоронить Фридриха II. Онъ послѣ того прожилъ двадцать лѣтъ и успѣлъ значительно измѣнить карту Европы. Но Панину надобно было чѣмъ-нибудь успокоить раздраженіе Станислава-Августа, ибо раздраженіе было вполнѣ законное. Отъ 19 сентября Репнинъ писалъ Панину, что польское таможенное устройство оказалось вовсе не во вредъ подданнымъ короля Прусскаго, а скорѣе выгодно. Баронъ Гольцъ, присланный Фридрихомъ II-мъ въ Варшаву для конференціи съ польскимъ министерствомъ по таможенному дѣлу, признался Репнину, что и онъ видитъ только выгоды для прусскихъ купцовъ, и если бы онъ былъ отъ нихъ посланъ, то, конечно, согласился бы на польскія представленія, и увѣренъ, что прусскіе купцы были бы ему благодарны; но, будучи посланникомъ короля, а не подданныхъ, долженъ предпочитать личные королевскіе интересы, повинуясь въ точности повелѣніямъ его величества. „Изъ этого изволите видѣть", писалъ Репнинъ, „что не самое дѣло въ сущности своей вредно Прусскому королю и противно трактату, и привязку только дѣлаютъ, выставляя предлогъ – для чего заранѣе взаимно не согласились". Екатерина, прочтя это письмо, написала на немъ: „Il a donc une autre gloire que le bien de ses sujets, ce sont de ses singularités qui ne sauraient être compréhensibles pour ma caboche". (Стало-быть, для Прусскаго короля есть другая слава, кромѣ блага его подданныхъ: это такія странности, которыя не вмѣщаются въ моей головѣ.) По словамъ англійскаго посланника въ Петербургѣ, Макартнея, поведеніе Прусскаго короля въ Маріенвердерскомъ дѣлѣ значительно подорвало расположеніе къ нему Петербургскаго Двора. Бенуа долженъ былъ предложить Польскому королю пенсію въ 150,000 талеровъ съ условіемъ, чтобъ онъ помогалъ Пруссіи въ таможенномъ дѣлѣ. Въ Петербургѣ Фридрихъ II хотѣлъ достигнуть своей цѣли раздачею денегъ, и уполномочилъ графа Сольмса употребить на это отъ 50 до 60,000 рублей; императрица обо всемъ этомъ узнала.

Рѣшеніе таможеннаго дѣла между Польшею и Пруссіею откладывалось до чрезвычайнаго сейма; на томъ же сеймѣ должно было рѣшиться и страшное диссидентское дѣло. 15 іюля пріѣхалъ въ Варшаву Георгій Конисскій, и на другой-же день представленъ былъ королю, который, выслушавъ его рѣчь и принявъ челобитную, прочелъ ее, несмотря на то, что была длинная, и обѣщалъ удовлетвореніе во всемъ томъ, на что Православные имѣютъ права и привилегіи, только велѣлъ подождать пріѣзда въ Варшаву вице-канцлера Литовскаго, Пршедзецкаго. Вице-канцлеръ пріѣхалъ и велѣлъ Конисскому передѣлать челобитную на двѣ: въ одной должно было заключаться исчисленіе обидъ, причиненныхъ Православнымъ внутри Могилевской экономіи, а въ другой—исчисленіе обидъ внѣ этой экономіи; первую велѣлъ подать въ камеру королевскую, вторую—канцлерамъ коронньмъ, и ему, вице-канцлеру Литовскому. Конисскій исполнилъ все это. „Съ тѣхъ поръ", доносилъ онъ Синоду, „какъ начали водить, такъ и понынѣ водятъ. Расписали къ нѣкоторымъ въ челобитной моей показаннымъ обидчикамъ, чтобъ прислали отвѣты на мои жалобы. Узнавъ объ этомъ отъ господъ министровъ, я представлялъ имъ, что мнѣ такимъ собраніемъ отвѣтовъ новая причиняется обида, потому что и не ко всѣмъ обидчикамъ за такими отвѣтами послано, да и посылать ко всѣмъ невозможное дѣло, потому что бо́льшая ихъ часть уже на судъ Божій позваны, и я съ такихъ никакой сатисфакціи не прошу, только возвращенія отнятаго или только, чтобъ впредь подобныя обиды дѣлать запрещено. Да и которые обидчики въ-живыхъ остались и пришлютъ отвѣты, то съ ихъ отвѣтовъ не доведется никакой чинить резолюціи, понеже сами себя виноватыми не признаютъ, а въ чемъ ложно извиняться захотятъ, я готовъ всегда опровергать, и такимъ образомъ собиранію отвѣтовъ да доказательствъ конца не будетъ, и какъ имъ, обидчикамъ, таковая отвѣтовъ и доказательствъ изъ домовъ своихъ безъ малѣйшихъ убытковъ присылка очень поноровочна, такъ мнѣ ожидать оныхъ отвѣтовъ здѣсь, въ Варшавѣ, и большіе убытки нести весьма тяжело и несносно, и что на остатокъ изъ моихъ жалобъ нѣкоторыя суть таковыя, которыя по разсмотрѣніи документовъ письменныхъ никакому изслѣдованію не подлежатъ. Таковое однако мое представленіе мѣста у нихъ, господъ министровъ, не получило, еще учинили меня богатымъ: ты-де богатъ, можешь здѣсь проживать, а отвѣтную сторону волочить сюда по скудости ихъ не доводится".

Такимъ образомъ, Поляки сами вызывали со стороны Россіи рѣшительныя мѣры: „Сеймъ чрез-

вычайный", писалъ Репнинъ отъ 21 сентября, „конечно, нуженъ какъ для рѣшенія нашихъ дѣлъ, такъ и для разбора таможеннаго дѣла. Но надобно предварительно согласиться въ этихъ дѣлахъ. Нашихъ два дѣла надобно будетъ рѣшить на сеймѣ: дѣло диссидентское и пункты новаго союзнаго трактата. О диссидентскомъ дѣлѣ я того мнѣнія, что вдругъ его на одномъ сеймѣ всего сдѣлать будетъ нельзя, а надобно, по послѣдней мѣрѣ, на два раздѣлить; для вѣрности-же, что чистосердечно будутъ поступать, думаю, надобно заранѣе составить планъ и заключить формальную тайную конвенцію съ здѣшнимъ Дворомъ:—поступать въ диссидентскомъ дѣлѣ согласно съ обѣихъ сторонъ для достиженія желаемаго конца. Король мнѣ клялся, что все на свѣтѣ сдѣлаетъ, что только ему будетъ возможно; согласился и на составленіе заранѣе плана, только съ оговоркою, что за точное исполненіе отвѣчать не можетъ, а обяжется въ одномъ,—что употребитъ всевозможное стараніе къ достиженію желаемаго успѣха. Король прибавилъ, что въ диссидентскомъ дѣлѣ приготовляется ко всякимъ непристойнымъ своевольствамъ и къ обнаженію сабель даже въ самомъ сенатѣ, которой наглости еще никогда не бывало и которая, конечно, будетъ очень оскорбительна его достоинству; мало того,—опасности и настоящей междоусобной войны: и на все это отваживается въ доказательство преданности къ императрицѣ, но требуетъ, чтобъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ не былъ оставленъ и былъ бы достаточно подкрѣпленъ какъ деньгами, такъ и войскомъ".

Панинъ, въ концѣ сентября, объявилъ польскому повѣренному въ дѣлахъ, Псарскому, писалъ и Репнину, что относительно диссидентовъ намѣреніе императрицы непремѣнно; что она не только сама собою, но и по соглашенію со всѣми протестантскими державами будетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока диссиденты придутъ въ законное положеніе по правамъ и справедливости; что ея величество въ своемъ намѣреніи, конечно, не уступитъ произволу нѣкоторыхъ людей; но, зная вполнѣ просвѣщенныя мнѣнія короля Польскаго, ни мало не сомнѣвается, что этотъ государь употребитъ всѣ зависящія отъ него средства къ совершенію такого похвальнаго и для него самаго полезнаго дѣла, не обращая вниманія на пристрастные и фанатическіе совѣты, которые ему самому современемъ много хлопотъ надѣлаютъ. Въ опасеніяхъ короля насчетъ трудности диссидентскаго дѣла Панинъ видѣлъ внушенія Чарторыйскихъ; ихъ же внушеніямъ приписывалъ онъ и заискиванія Польскаго Двора у Франціи,—рѣшеніе отправить туда посланника. Панинъ писалъ Репнину: „Королю и людямъ, искренно къ нему привязаннымъ, время подумать серьезно объ утвержденіи безопасности и силы собственнаго положенія, которое можетъ быть основано единственно на связи его съ нашими интересами по желаніямъ ея императорскаго величества; всѣ же постороннія тонкости болѣе вредны, чѣмъ полезны. Я, имѣвъ такое участіе въ его возвышеніи и по этому одному искренно желая его благосостоянія, не могу безъ сильнаго сожалѣнія видѣть, какъ поспѣшныя и по мелкимъ видамъ партіи составленныя резолюціи Двора его часъ-отъ-часу причиняютъ большее охлажденіе и вводятъ въ новыя хлопоты. Можетъ ли его величество себѣ представить, чтобъ такое явное предпочтеніе къ державѣ, которая, будучи такъ отдалена границами, не имѣетъ никакого побужденія вмѣшиваться въ Польскія дѣла, кромѣ желанія пріобрѣсть вліяніе интригами и подкупами, чтобъ явное предпочтеніе, оказываемое такой державѣ, не могло не тронуть другія державы, ведшія себя иначе при избраніи его величества? Пусть Англія, Швеція, Данія не помогали этому избранію: но онѣ и не дѣйствовали противъ него, и возведеніе на престолъ Станислава-Августа признали самымъ дружественнымъ образомъ; притомъ же и собственный интересъ побуждаетъ ихъ содѣйствовать внутреннему и внѣшнему спокойствію Польской республики и всего Сѣвера. Напротивъ того, Франція желаетъ больше всего несогласій и смутъ на Сѣверѣ; тѣсная связь съ Франціею никогда не спасала и впредь не можетъ спасать Польшу отъ хлопотъ съ сосѣдами, а пребываніе въ Польшѣ французскихъ посланниковъ усилитъ эти хлопоты и произведетъ холодность. Относительно самого себя король Польскій, зная хитрость и высокомѣріе французской политики, долженъ быть убѣжденъ, что Франція никогда не забудетъ случившагося съ Станиславомъ Лещинскимъ, и что не только она, но и Австрійскій Домъ не простятъ Россіи избраніе Станислава-Августа, и, конечно, всегда будутъ стараться поправить дѣло посредствомъ Саксонскаго Двора. Для сохраненія собственной репутаціи, я желалъ бы быть ложнымъ пророкомъ; но, къ сожалѣнію, ничего твердаго и спокойнаго предвидѣть не могу, если поведеніе въ вашемъ мѣстѣ не перемѣнится; надобны не слова, а дѣла, безъ чего мы можемъ нечувствительно отойти отъ тѣхъ нашихъ политическихъ расположеній, которыми мы руководствовались при стараніи о возведеніи на престолъ Станислава-Августа, и остаться съ Польшею въ отношеніяхъ, какія были въ прежнее время".

Получивъ отъ Панина это письмо, Репнинъ тотчасъ же сообщилъ его содержаніе графу Ржевусскому, который, по возвращеніи изъ Петербурга, жилъ въ Варшавѣ; тотъ отвѣчалъ, что дѣйствительно рѣшеніе отправить во Францію министра принято слишкомъ поспѣшно, и вмѣстѣ увѣрялъ въ искренней преданности короля императрицѣ и въ отсутствіи всякаго поползновенія раздѣлить польскую политику отъ русской; поспѣшность же относительно посылки министра во Францію объяснялъ тщеславнымъ желаніемъ короля быть поскорѣе отъ всѣхъ признаннымъ. Поговоря съ Репнинымъ, Ржевусскій тотчасъ же поѣхалъ къ королю сообщить ему о письмѣ Панина. Слѣдствіемъ

было то, что король прислалъ за Репнинымъ, котораго встрѣтилъ не со слезами только, но съ рыданіемъ и совершеннымъ сокрушеніемъ о томъ, что въ Петербургѣ усумнились въ его искренности и совершенной преданности. „Я", говорилъ онъ, „теряю болѣе чѣмъ жизнь и корону, когда лишаюсь дружбы и довѣрія императрицы; выходитъ, что ея императорское величество никогда меня не знала, если сомнѣвается въ моемъ прямодушіи".—„Изъ этого разговора я, между прочимъ, ясно видѣлъ", писалъ Репнинъ, „что короля вовлекъ въ этотъ поступокъ братъ его, генералъ австрійской службы, Понятовскій. Этотъ генералъ думаетъ, что и въ раю не такъ хорошо, какъ въ австрійской арміи; онъ убѣдилъ короля тайкомъ, безъ объясненія со мною, обѣщать министра во Францію, боясь, что если король предварительно сталъ бы говорить со мною, то я не согласился бы. Я не могу себѣ представить, чтобъ раскаяніе короля было притворно, ибо такой горести, слезъ и сокрушенія я мало видывалъ". Дѣйствительно, самъ король признался Репнину, что все надѣлалъ братъ его, генералъ, которому онъ приказалъ предварительно объявить обо всемъ Репнину, тогда какъ генералъ сдѣлалъ это объявленіе не предварительно, а послѣ того, какъ уже дано было обѣщаніе отправить во Францію министра. Но мы видѣли изъ письма короля къ Жоффрэнъ, какъ хотѣлось ему завести дипломатическія сношенія съ Французскимъ Дворомъ. Переписка по этому же предмету продолжалось и въ 1765 году. Извѣстный Бретейль изъявлялъ желаніе быть посланникомъ въ Варшавѣ, по старой дружбѣ съ новымъ Польскимъ королемъ. Станиславъ-Августъ писалъ ему, что и онъ желаетъ его видѣть французскимъ министромъ въ Варшавѣ, если Французскій Дворъ дастъ ему инструкцію дѣйствовать поновому, а не постарому. „Я васъ спрашиваю", писалъ король, „хотите ли вредить вашему старому и доброму другу, внушая моимъ подданнымъ: берегитесь вашего короля, у него дурные замыслы; тогда какъ французскому министру всего легче и естественнѣе держать Полякамъ такую рѣчь: „Франція постоянно твердила, что желаетъ добра и возвышенія Польшѣ, ибо это было бы полезно и для самой Франціи. Теперь у васъ король, который старается объ удовлетвореніи этому желанію: такъ я, Французъ, увѣщеваю васъ ревностно помогать вашему королю. Я могу этому содѣйствовать съ своей стороны, ибо мы желаемъ, чтобъ вы стали народомъ, имѣющимъ значеніе (une nation figurante)". Однимъ словомъ, Станиславъ-Августъ хотѣлъ, чтобъ Франція содѣйствовала его преобразовательнымъ планамъ.

Но осуществленіе этихъ плановъ скоро начало представляться королю соединеннымъ съ величайшими трудностями, и не внѣшними только. Въ началѣ марта онъ уже жаловался своей маменькѣ Жоффрэнъ: „Трудность натурализаціи иностранцевъ, презрѣніе къ простому народу и его угнетеніе и католическая нетерпимость—вотъ три самыхъ сильныхъ національныхъ предразсудка, съ которыми я долженъ бороться въ Полякахъ. Они, въ сущности, народъ добрый; но воспитаніе и невѣжество дѣлаютъ ихъ страшно упрямыми насчетъ означенныхъ пунктовъ, и для излѣченія ихъ отъ этихъ предразсудковъ надобно идти тихо". Въ томъ же письмѣ король жалуется маменькѣ на французскую политику: „Вы играете въ мячъ съ Австріею. Она говоритъ, что вы препятствуете ей признать меня королемъ, а вы говорите, что препятствія этому родятся въ Вѣнѣ, и вмѣстѣ путаете головы этимъ бѣднымъ Туркамъ, которымъ внушаютъ паническій страхъ предъ какимъ-то бѣдствіемъ, долженствующимъ постигнуть ихъ изъ Польши. Не прогнѣвайтесь, ваша политика бредитъ, а моя дожидается".

Потомъ опять жалобы на свое положеніе. По поводу намѣреваемаго пріѣзда Жоффрэнъ въ Варшаву, Станиславъ-Августъ писалъ ей: „Вы найдете своего сына очень занятымъ (и это еще не бѣда), но вы найдете его почти всегда печально занятымъ составленіемъ плановъ, въ осуществленіи которыхъ нѣтъ успѣха. Постоянныя препятствія или отъ предразсудковъ, или отъ злонамѣренности внутри и внѣ; захочу сдѣлать что-нибудь хорошее,—не могу по недостатку власти, какъ государь, ограниченный завистливою свободою, и какъ вождь народа безоружнаго. Петръ І-й гранилъ большой дикій алмазъ, но онъ былъ господинъ и алмаза и орудій, которыми онъ производилъ граненіе. Присоедините къ тому темпераментъ, меланхолическій и чрезвычайно чувствительный, и судите, каковъ я долженъ быть, особенно когда могущественный сосѣдъ дастъ мнѣ чувствовать, что онъ затѣмъ только помогъ мнѣ достигнуть престола, чтобъ отнять у меня всякую возможность противиться его самымъ оскорбительнымъ обидамъ".

А тутъ еще Репнинъ внушаетъ Станиславу-Августу, чтобъ онъ женился на дочери Португальскаго короля. Этого требовалъ Панинъ потому, что бракъ былъ выгоденъ для Сѣверной системы: Португальскій Дворъ связанъ съ Англіею, и его вліяніе никогда не будетъ вредить союзу Польши съ Россіею и со всѣмъ Сѣверомъ.

А тутъ еще пріятныя отношенія къ родственникамъ, въ родѣ слѣдующаго: король имѣлъ крайнюю нужду въ деньгахъ, и нашелъ-было случай занять ихъ; но воевода Русскій съ своею дочерью, княгинею Любомирскою, узнавъ объ этомъ, помѣшалъ займу, убѣдивъ заимодавцевъ, что королю вѣрить нельзя. Король былъ очень этимъ раздосадованъ, но, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, уже рѣшился-было заискать въ дядюшкѣ. Тутъ Репнинъ, не желая, чтобъ онъ входилъ въ зависимость отъ дяди, предложилъ ему взаймы 20,000 червонныхъ, взявши съ него росписку, копію съ которой отослалъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ таможенное дѣло все тянулось.

Фридрихъ II соглашался уничтожить Маріенвердерскую таможню только въ такомъ случаѣ, если Польша отмѣнитъ свой новый таможенный уставъ, какъ составленный безъ согласія Прусскаго короля. Въ Петербургѣ рѣшили, что надобно на это согласиться, и Репнинъ объявилъ объ этомъ рѣшеніи королю. Станиславъ-Августъ отвѣчалъ, что это нанесетъ ему большой ущербъ, и распространился о несправедливости Прусскаго короля, отъ котораго теперь надобно будетъ опасаться, что онъ постоянно безъ всякаго права будетъ вмѣшиваться во всѣ Польскія дѣла и всему препятствовать, а Россія никогда не захочетъ вступиться за Польшу и „защитить свое бѣдное твореніе, оставляя его въ горести и порабощеніи". Эти послѣднія слова онъ сказалъ растроганнымъ голосомъ и почти со слезами [1]).

Станиславъ-Августъ тѣмъ болѣе долженъ былъ досадовать на холодность Французскаго и Австрійскаго Дворовъ, что отъ нихъ скорѣе всего могъ ожидать поддержки противъ насилій Фридриха II; но даже если бы эта холодность исчезла, то это только запутывало его отношенія къ Россіи, заставляло его прибѣгать къ безполезному двоедушію, ибо непріязненныя отношенія между этими Дворами и Петербургскимъ усиливались все болѣе и болѣе. 26 февраля князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ доносилъ императрицѣ, что дѣло Любскаго коадъюторства рѣшено въ имперскомъ совѣтѣ въ пользу Датскаго Двора, причемъ главнымъ побужденіемъ служило то, чтобъ предупредить взаимное соглашеніе по этому дѣлу между Россіею и Даніею и, такимъ образомъ, сохранить достоинство Римскаго императорскаго Двора. Панинъ замѣтилъ: „Не предупредить, а думали сдѣлать шиканъ и въ затрудненіе привесть нашу негоціацію (съ Даніею),— но и въ томъ и въ другомъ опоздали" [2]).

Вслѣдствіе извѣстныхъ прошлогоднихъ сообщеній изъ Англіи, императрица не хотѣла имѣть болѣе Беранже французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при своемъ Дворѣ. Беранже былъ отозванъ по требованію Русскаго Двора и, на его мѣсто, пріѣхалъ, въ качествѣ полномочнаго министра, маркизъ Боссэ [3]).

Главнымъ союзникомъ Австріи и Франціи въ Константинополѣ былъ Крымскій ханъ Крымъ-гирей. Въ апрѣлѣ ему удалось сильно раздражить султана противъ Россіи, и австрійскій интернунцій Пенклеръ, узнавъ объ этомъ раздраженіи, тотчасъ предложилъ возобновленіе Бѣлградскаго договора между Австріею и Турціею. Получивъ это извѣстіе отъ Обрѣзкова, Панинъ замѣтилъ: „Въ поступкѣ учиненнаго предложенія самому султану съ вѣнской стороны о возобновленіи трактата въ самое то время, когда султанъ наисильнѣйше развращенъ противу насъ, ощутительно кроется намѣреніе Вѣнскаго Двора, чтобъ показаніемъ желанія и новаго исканія вступить въ мирныя обязательства, наипаче ободрить Порту ко всякимъ противу насъ предпріятіямъ, яко въ такое время, въ которое возобновленіемъ того трактата мы лишимся совсѣмъ надежды получить австрійскую помощь". Обрѣзковъ писалъ, что австрійскій интернунцій съ французскимъ посломъ употребляютъ всевозможныя средства для раздраженія султана противъ Россіи, и, зная по прежнему союзу съ ними и откровенности русскаго министра, какіе каналы онъ употребляетъ для полученія свѣдѣній о намѣреніяхъ Порты, стали теперь открывать послѣдней эти каналы. Панинъ написалъ на донесеніе Обрѣзкова: „Такой поступокъ во всемъ свѣтѣ почитается сущею измѣною. Обрѣзковъ довольно наставленъ, а послѣ такого уже поведенія ему не останется нужды ни въ какомъ уваженіи; слѣдовательно можно думать, что онъ употребитъ всевозможное къ обращенію тучи на Аустрійскій Домъ съ воспользованіемъ для насъ навигаціи на Черномъ морѣ. Ваше величество всегда будете въ состояніи удержать отъ той игры короля Прусскаго, Турки-жь одни болѣе не сдѣлаютъ вреда Аустрійцамъ, какъ только нѣсколько посломаютъ ихъ гордость и сдѣлаютъ имъ впередъ нашу дружбу драгоцѣннѣе французской и всякой другой".

Обрѣзкову былъ посланъ такой рескриптъ: „Изъ послѣдней вашей реляціи мы усматриваемъ, сколько Вѣнскій Дворъ, жертвуя болѣе и болѣе своими непоколебимыми интересами интересу настоящаго своего ослѣпленнаго соединенія съ Франціею и ничѣмъ необузданному своему желанію возвращенія потерянной Шлезіи съ распространеніемъ своего владычества между германскими штатами, наконецъ въ вашемъ мѣстѣ сымаетъ маску и не употребляетъ уже болѣе никакого уваженія въ приведеніи Порты къ разрыву съ нами, ибо невозможно основательно приписать тому Двору никакого другого вида или намѣренія въ учиненномъ отъ него, при настоящемъ смятеніи дѣлъ, султану предложеніи о возобновленіи съ нимъ извѣстнаго трактата, какъ чтобъ выгоднѣйшимъ и скорѣйшимъ онаго одержаніемъ наипаче ободрить и возбудить Порту къ непріятельскимъ противъ имперіи нашей предпріятіямъ, къ тому же вѣроломное и переданническое поведеніе того Двора министра открытіемъ оной (Портѣ) прежнихъ вашихъ средствъ и каналовъ, (извѣстныхъ ему) для тогдашнихъ съ нимъ общихъ интересовъ, не оставляетъ намъ ничего болѣе, какъ единое для пользы и успѣха наше собственное уваженіе, и потому мы положили чрезъ сіе вамъ точно предписать нашу императорскую волю и повелѣніе, по которымъ вы имѣете съ дознаннымъ нами вашимъ искусствомъ и благоразуміемъ употребить всевозможные способы и всѣ ваши силы, чтобъ натягаемую Австрійскимъ Домомъ тучу обратить на него самого по настоящему между нами и его Прусскимъ величествомъ тѣсному союзу. Мы будемъ всегда имѣть способы сего государя удержать отъ чрез-

[1]) Дѣла Польскія 1765 года.—Forschungen zur deutschen Geschichte.

[2]) Дѣла Австрійскія, 1765 года.

[3]) Дѣла Французскія, 1765 года.

мѣрнаго уже тогда обремененія войною съ его стороны Вѣнскаго Двора; Турки же одни, конечно, не много оному принесутъ существительнаго ущерба, но рогъ его гордости и высокомѣрія, чаятельно, довольно пообломаютъ. Въ Портѣ представлять можете выгоды ея собственной политики, когда мы раздѣляемся въ дѣлахъ съ Австрійскимъ Домомъ, яко съ такою державою, которая, по положенію своихъ областей, всегда имѣетъ взаимно съ Портою междоусобные интересы и виды важнѣйшіе и непримирительнѣйшіе, а напротивъ того, для твердѣйшаго сохраненія общей тишины, мы составляемъ нашу политическую систему съ Берлинскимъ Дворомъ и съ Польскою республикою, которую, какъ мы, по собственному нашему натуральному интересу, не можемъ допустить сдѣлать себя активною, каковъ есть въ публичныхъ дѣлахъ Аустрійскій Домъ, такъ и она сама въ разсужденіи своей внутренней конституціи не въ состояніи того достигнуть. Отдаленная же отъ турецкихъ границъ, Прусская держава не должна имѣть ни малаго мѣста между уважаемыми штатскими резонами Порты Оттоманской относительно къ нашему союзу съ нею, ибо оный безпосредственно до Порты касаться не можетъ, а ненавистники наши, и особливо Вѣнскій Дворъ, напрасно ищутъ представлять Портѣ мечтательную опасность, (проистекающую) отъ того союза (для) польской независимости, потому что тѣмъ самымъ мы ее уже дѣйствительно освободили изъ чужестранныхъ рукъ и возвратили ей истинную ея вольность и независимость; да пускай и такъ бы было, чтобъ нашимъ съ Прусскимъ королемъ союзомъ содержима Польша была въ нѣкоторыхъ границахъ ея политическихъ видовъ: такъ и сіе Портѣ предосужденія приносить не можетъ. Къ обращенію настоящаго въ султанѣ зараженія къ войнѣ противъ Вѣнскаго Двора вы нынѣ можете особливо воспользоваться окончаніемъ срока Бѣлградскаго мирнаго трактата; а если султанъ войны желаетъ, то, конечно, справедливѣе и полезнѣе оную предпринять противу Аустрійскаго Дома, нежели противу Россіи: справедливѣе потому, что, будучи мирныя обязательства окончены, тутъ уже нѣтъ вѣроломства; полезнѣе—потому, что съ той только стороны могутъ найтиться дѣйствительные предметы завоеванія. И противу же чего въ разсужденіи Россіи имъ надобно будетъ разорвать съ нами торжественно постановленный вѣчный миръ, который во всѣхъ своихъ статьяхъ съ нашей стороны свято хранится, да и сіе учинить безъ всякой разсудительной надежды какого-либо прочнаго и полезнаго себѣ пріобрѣтенія".

Но въ то время какъ принимались такія мѣры противъ Вѣнскаго Двора, въ надеждѣ на тѣсный союзъ съ его Прусскимъ величествомъ, въ секретнѣйшемъ донесеніи отъ 16 мая Обрѣзковъ далъ знать, что пріятели его, секретарскіе подъячіе рейсъ-эффенди, сообщили о полученіи Портою какого-то извѣстія относительно Дворовъ Русскаго и Прусскаго, которое приводитъ ее въ раздраженіе и затрудненіе. Оказалось, что прусскій посланникъ Рексинъ предложилъ Портѣ заключить съ Пруссіею оборонительный союзъ противъ Вѣнскаго Двора, прибавивъ, что такъ какъ дружба между Россіею и Пруссіею теперь самая сильная и кредитъ Прусскаго короля при Петербургскомъ Дворѣ превосходитъ всякое вѣроятіе, то заключеніе предлагаемаго союза не только будетъ пріятно Петербургскому Двору, но и дастъ возможность Прусскому королю доставить Портѣ разныя удобства со стороны Россіи; если же Порта уклонится и теперь отъ союза, который предлагается уже въ послѣдній разъ, то быть можетъ увидитъ удивительныя слѣдствія своего упорства. Порта приняла послѣднія выраженія за явныя угрозы и, не признавая возможнымъ, по географическому положенію, чтобъ Пруссія могла нанести ей вредъ, сочла, что Прусскій король хочетъ употребить Россію орудіемъ этого вреда, и пришла въ сильное раздраженіе, особенно самъ султанъ. Рейсъ-эффенди сказалъ Обрѣзкову: „Не жалуйтесь на противниковъ, потому что мнимые ваши друзья больше вамъ вредятъ". Тутъ Панинъ замѣтилъ: „Ни по какому резону нельзя теперь думать, чтобъ король Прусскій разсудилъ намъ злодѣйствовать, слѣдовательно служить Вѣнскому Двору". Но въ слѣдующемъ донесеніи Обрѣзковъ увѣдомилъ о письменномъ сообщеніи Рексина Портѣ, что Россія многіе старинные польскіе уставы совершенно ниспровергла, а иные измѣнила, такъ-что теперь вольность республики подвержена неминуемой опасности; что Россія хотѣла-было уничтожить и liberum veto, и это непремѣнно бы исполнилось, если бы не помѣшалъ тому король Прусскій. На этотъ разъ ему удалось отвратить такую опасность, грозящую одинаково и Пруссіи и Турціи, ибо съ уничтоженіемъ liberum veto король Польскій сталъ бы самовластнымъ; но Прусскій король не можетъ знать, будетъ ли такъ счастливъ на будущее время, зная, что намѣреніе Россіи не оставлено вовсе, а только отложено до удобнѣйшаго времени, почему Фридрихъ II вынужденъ безпрестанно за этимъ смотрѣть, тогда какъ заключеніе Прусско-Турецкаго союза уничтожило бы разомъ всѣ эти опасности. Обрѣзковъ писалъ: „Такъ какъ устремленіе противниковъ всеобщее, особенно же новые злостные подвиги (Рексина) чрезвычайные, то нельзя еще съ точностію предсказать, получимъ ли мы хотя малое отъ нынѣшней заботы отдохновеніе". На это Панинъ замѣтилъ: „Къ сему времени Рексинъ уже конечно обузданъ будетъ полученіемъ новыхъ согласныхъ инструкцій касательно до оборота Турокъ противъ Вѣнскаго Двора".

Императрица, считая ниже своего достоинства входить непосредственно въ объясненія съ Фридрихомъ II-мъ по поводу „столь поноснаго дѣла", какъ выражался Панинъ, поручила послѣднему привести это дѣло въ такое состояніе, чтобъ истина была совершенно открыта, а королю не оставалось бы ничего другого, какъ или признать поступки

своего министра измѣнническими, или явно остаться въ числѣ людей невѣрныхъ и каверзныхъ. Когда Панинъ обратился къ графу Сольмсу за объясненіемъ,—тотъ въ отвѣтъ прочелъ ему собственноручное письмо Фридриха II-го, гдѣ говорилось, что его Прусское величество отъ времени заключенія съ Россіею союза не только не искалъ и впредь искать не намѣренъ Турецкаго союза, но и ни съ какою другою державою ни въ какіе переговоры не вступитъ, не давши знать о томъ предварительно Русскому Двору. Король думаетъ, говорилось въ письмѣ, что основаніемъ подозрѣнія относительно Турецкихъ дѣлъ могла послужить прошлогодняя посылка отъ него одного маіора въ Константинополь единственно съ цѣлію уяснить поведеніе Рексина, подавшаго нѣкоторый поводъ къ сомнѣнію. Пришло второе, болѣе подробное донесеніе Обрѣзкова; Панинъ снова обратился къ Сольмсу,—и тотъ не нашелся ничего отвѣтить. „Ваше превосходительство изъ того сами довольно усмотрите“, писалъ Панинъ Обрѣзкову, „какого поступка отъ короля Прусскаго въ вашемъ мѣстѣ ожидать должно къ опроверженію того, что его министръ учинилъ, если онъ захочетъ остаться правъ и безъ алтераціи сохранить настоящую свою съ нами систему“. Даже въ томъ случаѣ, по мнѣнію Панина, если Рексинъ, по безразсудной ревности, и раздулъ дѣло, другого заключенія о политикѣ Прусскаго короля вывести нельзя, какъ то, что онъ колеблется между Россіею и другими державами относительно своей безопасности и настоящихъ выгодъ. Обрѣзковъ отвѣчалъ Панину присылкою новыхъ документовъ, именно—проекта вѣчнаго оборонительнаго союза между Портою и Пруссіею (состоявшаго изъ одиннадцати статей, причемъ Россія не исключалась; союзъ заключался противъ всѣхъ христіанскихъ и сосѣднихъ съ Портою и Пруссіею державъ), и потомъ присылкою представленія, поданнаго Рексинымъ Портѣ въ ноябрѣ 1764 года, о неотлагательномъ заключеніи этого союза. Въ этомъ представленіи были прибавлены еще двѣ статьи: 1) Если между Портою и Русскимъ Дворомъ произойдетъ какое-нибудь неудовольствіе, то король долженъ употреблять добрыя услуги и посредничество наилучшимъ образомъ и стараться всѣми средствами предупредить и отвратить могущія произойти отъ этого дурныя послѣдствія. 2) Король обѣщаетъ, что отъ избранія настоящаго Польскаго короля Портѣ никакого вреда не будетъ. „По моему слабому разсужденію и предвидѣнію“, писалъ Обрѣзковъ, „мнѣ кажется, что нѣтъ той жертвы, какой бы Прусскій король ни принесъ для пріобрѣтенія Турецкаго союза“. Панинъ замѣтилъ относительно присланныхъ Обрѣзковымъ документовъ: „Соображая между собою всѣ сіи обстоятельства, безъ ошибки можно заключить подтвержденіе прежнимъ нашимъ гаданіямъ, что король Прусскій, воспользуясь избраніемъ польскимъ, хотѣлъ, для обнадеживанія своей системы противъ Аустрійскаго Дома, схватить турецкую аліянцію; что его прибавочные два артикула представлены, съ одной стороны, для большаго акредитованія у Порты его съ нами союза, а съ другой—чтобъ тѣмъ же самымъ нѣсколько ослабить свои обязательства съ Турками въ разужденіи насъ, если-бъ какія между нами и ими произошли замѣшательства вслѣдствіе польскаго избранія, чего, можетъ быть, онъ тогда и опасался еще, и что Рексинъ ко всему оному прибавилъ свою собственную неумѣренную ревность, отъ которой происшедшія внушенія увеличивались по мѣрѣ сообщенія оныхъ отъ ушей къ ушамъ“.

Въ сентябрѣ Сольмсъ передалъ Панину экстрактъ изъ депеши къ нему короля. Въ экстрактѣ говорилось, что его Прусское величество приведенъ былъ въ крайнее изумленіе извѣстіемъ о поступкахъ своего министра въ Константинополѣ; что они ему были совершенно неизвѣстны и въ Рексиновыхъ депешахъ нѣтъ ни малѣйшаго тому слѣда, хотя король, будучи недоволенъ поведеніемъ Рексина, посылалъ въ Константинополь нарочнаго для его освидѣтельствованія, особливо по причинѣ его плохой экономіи въ деньгахъ, однако и тутъ не дошло до его величества ничего, что́ бы относилось къ настоящему обвиненію Рексина. Несмотря на то, его величество думаетъ, что извѣстія о поступкахъ Рексина не могутъ быть совершенно лишены основанія, и потому поручаетъ графу Сольмсу объявить Панину, что онъ крайне раздраженъ противъ Рексина, и думаетъ, что всего лучше отозвать его изъ Константинополя. Рексинъ будетъ призванъ въ Берлинъ и поведеніе его будетъ изслѣдовано со всею строгостію; и если онъ дѣйствительно окажется виновенъ въ подлыхъ и злостныхъ внушеніяхъ противъ Россіи, то понесетъ должное за это наказаніе; что король пошлетъ въ Константинополь другого министра; чтобъ вывесть Порту изъ заблужденія, онъ, король, причиною, побудившею Рексина на такіе поступки, считаетъ дурное и распущенное хозяйство; вѣроятно онъ прельстился на деньги и допустилъ подкупить себя какой-нибудь изъ недоброжелательныхъ державъ. Сообщая объ этомъ Обрѣзкову, Панинъ просилъ его обходиться осторожно и съ новымъ прусскимъ министромъ, впрочемъ полагался совершенно на благоразуміе Обрѣзкова. Вообще же, взглядъ его на это дѣло состоялъ въ томъ, что хотя король Прусскій и могъ дать поводъ Рексину распространить интриги, противныя союзу между Россіею и Пруссіею какими-нибудь повелѣніями, касающимися проволочки неопредѣленныхъ отношеній между Турціею и Польшею, медленности въ признаніи королемъ Станислава-Августа,—однако изъ увѣреній Фридриха II и изъ его рѣшенія отозвать и предать Рексина суду можно заключить, что послѣдній далеко зашелъ за предѣлы королевскихъ наставленій, и что король Прусскій, по той или другой причинѣ, сильно почувствовалъ затруднительность своего положенія, и, чтобъ выйти изъ него, снова обязался поддерживать при Портѣ русскіе инте-

ресы, и отступить скоро отъ нихъ будетъ для него уже труднѣе. Затруднительное положеніе Фридриха увеличилось еще тѣмъ, что Панинъ прочелъ Сольмсу копію съ письма англійскаго посла въ Константинополѣ, Гренвиля, къ англійскому же министру въ Петербургѣ, Макартнею: въ письмѣ сообщалось о тѣхъ же поступкахъ Рексина противъ Россіи, съ прямымъ указаніемъ, что нерѣшительность и безпокойство Порты по дѣламъ Польскимъ происходятъ болѣе отъ внушеній Рексина, чѣмъ отъ министровъ непріязненныхъ Россіи Дворовъ [1]).

На Югѣ, въ Турціи, трудно было отличить поведеніе союзника отъ поведенія враговъ; на Сѣверѣ, въ Швеціи, борьба была болѣе открытая. Въ январѣ Остерманъ извѣщалъ, что, несмотря на всѣ интриги и денежныя издержки французской партіи, ландмаршаломъ выбранъ патріотъ, полковникъ Рудбекъ; благонамѣренные не жалѣли никакого труда при достиженіи этой цѣли и ревностно слѣдовали совѣтамъ Остермана. „Правда“, писалъ Остерманъ, „что мною и англійскимъ министромъ издержана немалая сумма денегъ: за то съ 1738 г. никогда не было такого благополучнаго сейма, ибо всѣ четыре оратора выбраны изъ числа благонамѣренныхъ“. Но Остерманъ сообщалъ и непріятное извѣстіе: королева старалась помѣстить въ секретную коммисію шесть знатныхъ членовъ французской партіи. Напрасно прусскій министръ Кокцей представлялъ ей, какъ это вредитъ общему дѣлу; — она отвѣчала, что если въ этомъ случаѣ не будетъ исполнено ея желаніе, то она удалится въ Дротнингольмъ, и прибавила: „Очень жаль, что мои мысли никогда не сходятся съ братними, и удивляюсь, какъ это другія державы хотятъ лучше моего знать, на кого изъ здѣшнихъ людей полагаться; очень естественно, что я должна вступаться въ дѣло, которое такъ близко касается моего Дома“.—„Какія-нибудь да есть тайныя обольщенія Французскаго Двора“, писалъ Остерманъ: „королева, конечно, льстится посредствомъ Французскаго Двора получить больше власти, чѣмъ посредствомъ в. и. в - ства. Опасность состоитъ въ томъ, что если королева будетъ продолжать оказывать такую же холодность къ благонамѣреннымъ и предпочтеніе членамъ французской партіи (какъ напримѣръ, на другой день избранія ландмаршала, посадила его къ игрѣ младшаго принца Карла, а къ себѣ взяла членовъ французской и придворной партіи), то это можетъ воспрепятствовать благонамѣреннымъ содѣйствовать вашему намѣренію въ пользу королевскую“.

На основаніи донесеній Остермана, Панинъ написалъ для императрицы свое мнѣніе: „Повидимому, ихъ Шведскія величества не престанутъ предпочитать разумному удовольствію свои безпредѣльныя желанія. Ваше в—ство, конечно, уже свято исполнили, что долгъ дружбы и свойство требовать могъ; слѣдовательно, по всѣмъ существительнымъ резонамъ, никто болѣе зазрить не можетъ, когда соизволите указать ихъ оставить ихъ собственнымъ интригамъ и жребію, а напротивъ того,—постановить дѣла благонамѣренной партіи на такомъ основаніи, чтобъ, безъ Дворовой зависимости, съ единымъ вашимъ подкрѣпленіемъ она оставалась въ поверхности, къ исполненію чего уже немного лишняго труда надобно, тѣмъ наипаче, что можно королю оставить всегда отворенную дверь съ нею соединиться“. Императрица подписала: „Быть по сему“.

Секретная коммисія составилась съ большинствомъ благонамѣренныхъ. „Теперь“, писалъ Остерманъ, „отъ вашего императорскаго величества зависитъ благополучное начало къ счастливому окончанію привести и заставить Шведскій народъ вѣчно прославлять ваше имя. Это исполнится, если не помѣшаютъ внезапныя приключенія, а именно: если, напримѣръ, Франція сильнѣйшимъ подкупомъ дастъ королю возможность нечаянно захватить самодержавіе, разрушить сеймъ, привести партію благонамѣренныхъ въ смятеніе или несогласіе и произвести холодность въ дружбѣ между вашимъ величествомъ и королемъ съ королевою, ибо въ этомъ состоитъ и будетъ состоять главная цѣль французской шайки“. Панинъ замѣтилъ при этомъ: „Разумно предусматриваетъ, но трудности велики; а если бы впротиву всѣхъ ихъ отважились, то крайнія съ нашей стороны средства къ помѣшательству могутъ быть столь велики, что и однимъ такимъ разомъ вся сѣверная система рѣшится“.

Остерманъ доносилъ, что онъ издержалъ по сіе время 802,326 талеровъ мѣдною монетою, и въ остаткѣ у него только 665,358 талеровъ мѣдною монетою. Панинъ замѣтилъ: „Поистинѣ сумма весьма невелика и сочиняетъ съ небольшимъ 30,000 рублей; теперь къ оставшимъ въ добавокъ еще переведено 70,000 рублей“. Англійскій министръ Гудрикъ издержалъ 360,000 талеровъ мѣдною монетою.

Прусскій министръ, баронъ Кокцей, не истратилъ ни одного талера, но, повидимому, сильно поддерживалъ Остермана. Въ февралѣ онъ сообщилъ последнему, что получилъ похвалу отъ своего короля за его внушеніе Шведской королевѣ, какъ было бы несогласно съ общими и съ ея собственными интересами помѣщеніе въ секретную коммисію французскихъ партизановъ. Кокцей сообщилъ также, что Фридрихъ II-й велѣлъ ему поддерживать во всемъ Остермана. Касательно отвѣта королевы, что если французскіе сторонники не попадутъ въ секретную коммисію, то она удалится въ Дротнингольмъ, Фридрихъ II писалъ, что въ томъ большой бѣды не будетъ, если королева и дѣйствительно уѣдетъ изъ Стокгольма. „Такое разсужденіе и здѣсь слышится“, писалъ Остерманъ; „но если принять во вниманіе нравъ королевы, то она и тамъ тихо себя вести не станетъ, но, подъ покровомъ непринятія участія въ дѣлахъ, еще болѣе будетъ имѣть средствъ, чрезъ своихъ привержен-

[1]) Дѣла Турецкія, 1765 года.

цевъ, интриговать на сеймѣ и скрытно препятствовать операціямъ благонамѣренныхъ. Узнавъ, что при Дворѣ дѣйствительно принимается намѣреніе уѣхать въ Ульрихсдаль, подъ предлогомъ препровожденія тамъ Великаго поста и приготовленія второго принца Карла къ причастію, я просилъ, кого слѣдуетъ, отсовѣтовать ихъ величествамъ это дѣлать. Намѣреніе это принимается только для того, чтобъ показать предъ публикою свое явное неудовольствіе на дѣйствія благонамѣренной партіи".

Поѣздка въ Ульрихсдаль состоялась, и Екатерина писала по этому случаю Панину: „Остерманъ можетъ черезъ третье лицо внушить королю и королевѣ, что я узнала о безполезности моихъ совѣтовъ; что безразсудная поѣздка ихъ въ Ульрихсдаль огорчила меня еще болѣе, и что онъ, Остерманъ, получилъ приказаніе не дѣлать болѣе безполезныхъ или компрометирующихъ попытокъ; и если моя искренняя дружба и мои совѣты, столь важные для истинныхъ интересовъ короля, не выслушиваются болѣе,—я не стану вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Если вы этого не одобряете, то разорвите записку".—Панинъ не разодралъ записки.

Въ началѣ мая Остерманъ принужденъ былъ писать императрицѣ: „Какъ бы я ни желалъ увѣдомить о перемѣнѣ Дворовыхъ поступковъ къ лучшему, но, по несчастію, не въ состояніи этого исполнить, напротивъ,—долженъ донести, что чѣмъ больше обнаруживается затруднительное положеніе французскихъ сторонниковъ, чѣмъ болѣе имѣютъ они побужденій бояться наказанія,—тѣмъ болѣе король и королева стараются ихъ защищать. Такое королевское снисхожденіе къ французскимъ сторонникамъ естественно не можетъ привлекать сердца благонамѣренныхъ. Такъ, сенаторъ, графъ Левенгельмъ, представилъ сенату при закрытыхъ дверяхъ настоящее критическое положеніе дѣлъ, именно, что король, вопреки желанію сейма, защищаетъ виновныхъ людей и оказываетъ свое неудовольствіе на мѣры, принимаемыя сеймомъ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что на этомъ сеймѣ помышляемо было опредѣлить правительственную форму къ удовольствію короля. Изъ такого поведенія королевскаго можно вывести одно, что его величество желаетъ чего-нибудь больше того, что государственные чины ему дать намѣрены; а такъ какъ сенатъ никакъ не можетъ согласиться на возстановленіе самодержавія, то нечего больше дѣлать, какъ, оставя короля въ покоѣ, соединиться съ націею и привести конституцію въ надлежащіе предѣлы въ виду будущей безопасности для народной свободы. По этому поводу одинъ изъ благонамѣренныхъ сенаторовъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ королемъ, стараясь внушить ему о необходимости перемѣнить поведеніе. Король отвѣчалъ, что удивляется, какъ можно думать, что онъ ведетъ себя двулично, тогда какъ онъ постоянно держится однихъ и тѣхъ же взглядовъ". Остерманъ не хотѣлъ входить самъ въ объясненіе съ королемъ, дожидаясь, пока французской партіи нанесенъ будетъ сильный ударъ открытіемъ на сеймѣ злоупотребленій членовъ этой партіи и исключеніемъ ихъ, вслѣдствіе этого, изъ сената. „Безъ сомнѣнія", писалъ Остерманъ, „французская партія употребитъ всѣ средства къ своему спасенію; но всѣ ея усилія останутся тщетными, если только мнѣ можно будетъ удержать въ согласіи членовъ русской партіи, гдѣ многіе заражены корыстолюбіемъ, другіе — неумѣреннымъ честолюбіемъ, третьи,—изъ безразсуднаго тщеславія, стараются порочить поступки вождей партіи; а французская партія пользуется всѣмъ этимъ, чтобъ произвести между ними междоусобную вражду, и преимущественно поссорить другъ съ другомъ государственные чины".

Несмотря однако на такое невыгодное представленіе партіи колпаковъ, или благонамѣренныхъ, вожди партіи, пользуясь своею поверхностью, начали дѣйствовать тѣмъ же орудіемъ, какимъ дѣйствовали до сихъ поръ враги ихъ противъ нихъ, именно—исключать враждебныхъ имъ людей изъ сената. Королева и король стали употреблять всѣ средства, чтобъ защитить гонимыхъ. Королева, на вечерѣ во дворцѣ, послѣ комедіи, предъ ужиномъ, зазвала къ себѣ въ кабинетъ жену ландмаршала и болѣе полутора часа увѣщала ее подѣйствовать на мужа, чтобъ онъ не старался объ исключеніи изъ сената французской партіи. Жена ландмаршала отвѣчала, что мужъ ея не въ состояніи ничего сдѣлать, такъ какъ это зависитъ отъ цѣлой партіи. Послѣ долгихъ споровъ королева,—наконецъ, изъявила желаніе узнать, у кого въ рукахъ деньги:—у ея мужа или у русскаго посланника, говоря, что она, королева, выпросила у Русской императрицы подкрѣпленіе для партіи колпаковъ, и потому удивляется, что ландмаршалъ съ своими пріятелями такъ плохо повинуется королевскому желанію. Жена ландмаршала отвѣчала, что мужъ ея не имѣетъ никакихъ денегъ для подкупа.

Сенаторы, графъ Экеблатъ и баронъ Шеферъ, подали въ отставку. Король съ насмѣшкою спросилъ у ландмаршала, сколько еще сенаторовъ онъ намѣренъ низвергнуть. Ландмаршалъ отвѣчалъ, что число опредѣлить не можетъ: все зависитъ оттого, сколько окажется виновныхъ. Король упрекалъ его въ томъ, что онъ до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ для его пользы; ландмаршалъ отвѣчалъ, что каждое дѣло требуетъ своего времени, и онъ надѣется исполнить свое обѣщаніе, если двое возмутителей, Синклеръ и бургомистръ Малмстейнъ, перестанутъ мѣшать ему во всѣхъ его намѣреніяхъ.

Колпакамъ нужно было исключить изъ сената семь членовъ. Для ихъ спасенія, французскій посолъ и придворная партія употребили всѣ усилія. Произошло сильное движеніе, причемъ многіе изъ колпаковъ, подъ видомъ сожалѣнія къ несчастной судьбѣ сенаторовъ, вдругъ перемѣнили поведеніе

Остермана увѣряли, что французскій посолъ истратилъ при этомъ случаѣ 1.200,000 талеровъ купферъ-мюнце, увѣряя также, что и отъ Датскаго Двора были розданы деньги. Остерманъ не могъ поручиться за вѣрность этихъ извѣстій, но вѣрно было то, что раздавались табакерки, часы, и за одинъ голосъ заплачено было до 6,000 талеровъ купферъ-мюнце; въ одномъ трактирѣ именемъ французскаго посла до 400 человѣкъ всякаго чина людей было угощаемо винами и ужиномъ. Вслѣдствіе этого, въ дворянскомъ чинѣ получили перевѣсъ тѣ голоса, которые были противъ исключенія сенаторовъ; но въ другихъ чинахъ большинство состоялось въ пользу требованія исключенія, причемъ происходилъ страшный шумъ. Французская партія начала дѣйствовать угрозами: распущены были слухи, что она намѣрена, съ помощью морского корпуса, арестовать ландмаршала и другихъ предводителей благонамѣренной партіи; неизвѣстные люди ночью напали на одного депутата мѣщанскаго и на одного крестьянскаго сословія, и избили ихъ палками. По полученіи отъ Остермана этихъ извѣстій, Панинъ написалъ для императрицы: „В. и. в-ство изъ сихъ депешей усмотрѣть изволите, сколько Бретейль, собравъ всѣ свои оставшіяся силы и ресурсы, предуспѣлъ въ дворянскомъ собраніи запутать дѣло о исключеніи семи сенаторовъ—своихъ креатуръ. Все сіе однакоже втуне останется, если наши друзья сохранятъ учиненное уже о томъ рѣшеніе въ трехъ нижнихъ чинахъ, о чемъ, конечно, не можно имѣть большого сомнѣнія. А по послѣдней мѣрѣ дѣло сіе можетъ обратиться въ негоціацію между партіями, какъ видно изъ письма ко мнѣ резидента Стахіева, гдѣ уже противная партія офрируетъ нашимъ въ жертву еще двухъ: своего второго министра, барона Гамильтона, да сенатора Флемминга, для спасенія прочихъ, тѣмъ не меньше все министерство перемѣнено будетъ. Впрочемъ, я не думаю, чтобъ вашему величеству не угодно было опредѣленіе верховнымъ министромъ графа Горна, который, по склонности своей къ покойной жизни, чаятельно, еще больше искать станетъ себѣ въ помощники барона Дюбина; о преданности же его къ намъ и о честномъ характерѣ—сумнѣнія быть не можетъ. Остается смотрѣть, какъ далеко отчаянность распространится противниковъ; но надо прежде, чтобъ они себя опредѣлили на общую погибель, ибо, имѣвъ ваше величество противу себя, имъ невозможно не предварить, что занятіе Финляндіи зависитъ отъ соизволенія вашего величества, и что они ни откуда супротивной помощи получить не могутъ, въ разсужденіи чего никакъ невозможно опасаться, чтобъ они дѣйствительно поступили на какое-либо отчаянное насильство противу сеймическихъ узаконеній и національнаго покоя“.

Четыре сенатора враждебной партіи принуждены были выйти изъ сената. Остерманъ, поздравляя императрицу съ этою побѣдою, писалъ однако, что побѣда еще неполная, потому что надобно замѣстить выбывшихъ сенаторовъ благонамѣренными; а такъ какъ при этомъ надобно бороться съ французскими деньгами, которыя Бретейль получаетъ каждый почтовый день, то необходимо и ему, Остерману, получить изъ Россіи по крайней мѣрѣ 50,000 рублей. Екатерина собственноручно написала на депешѣ: „Отправить безъ потерянія времени“. Сенаторскія мѣста были замѣщены благонамѣренными, но не тѣми, которыхъ особенно желалось Остерману и вождямъ колпаковъ, именно: не вошли въ сенатъ бароны Дюбенъ и Рибингъ, благодаря нежеланію королевскому. „Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше открывается“, писалъ Остерманъ, „что покуда совершенно не истребится внѣдрившійся здѣсь французскій вредный корень, и въ самомъ королевскомъ поведеніи лучшаго оборота ожидать нельзя. По всѣмъ примѣтамъ довольно видно, что питаемыя Бретейлемъ надежды о переверщеніи, если не на настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, на будущемъ сеймѣ, всего того, что теперь сдѣлано, служатъ главнѣйшими побужденіями къ королевскому сопротивленію. Королева сама не разъ отзывалась объ этой надеждѣ въ разговорахъ своихъ съ благонамѣренными“. Остерманъ думалъ, что лучшимъ средствомъ для сокрушенія французскаго вліянія будетъ заключеніе Швеціею субсиднаго договора съ Англіею. Вслѣдствіе этого, императрица написала собственноручно Панину: „Пожалуй, поговорите Макартнею, чтобъ они (т.-е. Англичане) въ негоціацію не были таковы холодны, какъ при выдачѣ денегъ отъ нихъ случается, а то что мы хорошаго ни начнемъ, а они своимъ купеческимъ духомъ все портятъ, и старайтесь, чтобъ къ Гудрику посланы были надлежащія наставленія“.

10 іюня король и королева имѣли тайное свиданіе съ Стахіевымъ въ Дротнингольмѣ. Король началъ говорить, что, не имѣя возможности видѣться наединѣ съ графомъ Остерманомъ, онъ призвалъ къ себѣ, по старому знакомству, его, Стахіева, для объясненія своихъ взглядовъ на работы настоящаго сейма и для предостереженія графа Остермана отъ фанатическихъ сѣтей. Онъ, король, не имѣетъ ни малѣйшаго подозрѣнія насчетъ благонамѣренныхъ предпріятій императрицы, напротивъ, относится къ нимъ съ искреннею благодарностью, и потому откровенно хочетъ сказать, какъ ему прискорбно видѣть, что на сеймѣ все сильнѣе и сильнѣе становятся движенія фанатиковъ въ руководствуемой императрицею партіи, вслѣдствіе чего дѣла, вмѣсто желаемаго поправленія, запутываются. Все это, впрочемъ, легко поправить, если графъ Остерманъ съ Гудрикомъ захотятъ нѣсколько обуздать своеволіе нѣкоторыхъ фанатиковъ, которые, овладѣвъ довѣренностью ихъ и вождей партіи, становятся часъ-отъ-часу несговорчивѣе и, вмѣсто должного почтенія, съ пренебреженіемъ отвергаютъ всѣ его благонамѣренные совѣты, а иногда отвѣчаютъ на нихъ угрозами. Стахіевъ отвѣчалъ, что графъ Остерманъ и онъ дѣйствуютъ постоянно въ королевскихъ интересахъ, но не могутъ скрыть,

что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ его величеству людей основали особую партію, подъ именемъ придворной, которая, подъ предводительствомъ полковника Синклера и губернатора Гамильтона, соединясь съ французскою партіею, дѣйствовала противъ благонамѣренныхъ, обольщая трусливыхъ людей покровительствомъ его величества. Тутъ вступилась въ разговоръ королева и начала утверждать, что, во-первыхъ, мнимая придворная партія очень малочисленна и сама по себѣ ничего не значитъ, если фанатизмъ будетъ обузданъ, ибо придворная партія только для этого и основана. „Я съ своей стороны", говорила королева, „могу васъ увѣрить честью, что не отдаю никакого предпочтенія французской партіи, напротивъ,—желаю ея укрощенія, ибо сознаю всѣ неудобства, истекающія изъ ея господства; но, признаюсь, не хочу взять на совѣсть личное гоненіе членовъ этой партіи, особенно тѣхъ, которыхъ я простила еще на послѣднемъ сеймѣ, когда они обнаружили раскаяніе и клятвенно обѣщались перемѣнить свое поведеніе, соединясь на этомъ сеймѣ съ благонамѣренными патріотами. Послѣдніе не прочь были отъ этого соединенія, но, достигнувъ господства вслѣдствіе щедрой помощи изъ Россіи, теперь, вмѣсто исправленія государственныхъ дѣлъ, стараются только губить прощенныхъ мною членовъ французской партіи, чтобъ тѣмъ сравнять меня съ Маріею Медичи во мнѣніи посторонних людей, которые никогда не повѣрятъ, чтобъ мнѣ нельзя было ихъ спасти, когда разъ я взяла ихъ подъ свое покровительство. Я никогда не требовала для нихъ высшихъ мѣстъ въ благонамѣренной партіи; но, зная недостатокъ въ послѣдней разумныхъ и искусныхъ людей, хотѣла, на случай этого сейма, присоединить нѣкоторыхъ изъ французской партіи къ благонамѣреннымъ въ секретномъ комитетѣ, за что фанатики стали на меня клеветать, взводить на меня, что я хочу самодержавія и отдалась французской партіи. Опасаюсь, что вожди благонамѣренной партіи и самъ ландмаршалъ, по природному своему легковѣрію, раздѣляютъ такой взглядъ на мое поведеніе: онъ уже давно пересталъ говорить со мною откровенно, особенно съ того времени, какъ разъ мнѣ случилось, вслѣдствіе даннаго мною прощенія, не согласиться съ нимъ, чтобъ на сеймѣ потребовали отчета въ управленіи государственными дѣлами съ дѣйствительнымъ наказаніемъ преступникамъ. Все это дѣло прошлое, я болѣе объ этомъ говорить не хочу, и прошу только, чтобъ графъ Остерманъ хотя нѣсколько обуздалъ фанатическую запальчивость и воспрепятствовалъ изгнанію изъ сената членовъ его, найденныхъ виновными по вексельнымъ дѣламъ, ибо я боюсь, что когда опустѣлыя такимъ образомъ въ сенатѣ мѣста наполнятся новыми, въ дѣлахъ несвѣдущими людьми, то эти новые сенаторы, какъ люди, повидимому, не очень довольные королемъ, будутъ еще несговорчивѣе прежнихъ относительно королевскихъ правъ, и, пользуясь національною слѣпотою, будутъ стараться о большемъ распространеніи сенатской власти, въ чемъ успѣютъ тѣмъ легче, что Дворъ обвиняется неумѣренностію въ своихъ замыслахъ. Отдаю на ваше разсужденіе, достигнется ли тогда желаемое вашимъ Дворомъ равновѣсіе между тремя правительственными властями, и можетъ ли король ожидать себѣ лучшаго жребія. Король и я, мы оба увѣрены, что императрица не для того вмѣшалась въ здѣшнія дѣла, чтобъ подвергнуть насъ притѣсненію, отдать насъ во власть необузданной партіи, которая до сихъ поръ скрываетъ отъ насъ планъ своихъ операцій, а вмѣсто того предлагаетъ намъ нравоучительныя наставленія. Не могу не замѣтить также, что уже шестой мѣсяцъ, какъ тянется сеймъ; денегъ издержано не мало,—и ни одной прямой его операціи не кончено". — „Я и самъ признаю", отвѣчалъ Стахіевъ, „что на сеймѣ дѣла затянулись, а причина—происки французской партіи, которая старается ссорить благонамѣренныхъ для приведенія дѣлъ въ замѣшательство во всѣхъ четырехъ чинахъ. Вожди благонамѣренной партіи все болѣе и болѣе замѣчаютъ холодность вашихъ величествъ къ себѣ, да и сами союзные министры съ нѣкотораго времени находятся въ такомъ же положеніи, лишаясь счастія на куртагахъ говорить съ вашими величествами".

„Я", перебила королева, „уже это поправила и впередъ буду поступать иначе. Что же касается вождей партіи, то неудовольствіе происходитъ оттого, что всякій хочетъ быть первымъ и принудить насъ себѣ кланяться".—„Да", проговорилъ король, „я уже не знаю, кому наконецъ угождать"!

2 августа Панинъ писалъ Остерману: „Когда Шведскій Дворъ оказалъ намъ такую невѣрность, то здравая политика требуетъ, чтобъ мы съ своей стороны своимъ дѣламъ положили другое основаніе. Надобно теперь больше всего стараться объ утвержденіи господства нашей партіи въ самомъ правительствѣ, чего можно достигнуть только перемѣною министерства и введеніемъ въ сенатъ нѣкоторыхъ членовъ изъ нашей партіи, чѣмъ однимъ обезпечится ея твердость и безопасность послѣ сейма,—иначе съ его окончаніемъ можетъ разсыпаться и сама партія. А такъ какъ этою самою реформою сената народъ удостовѣрится, что и при настоящемъ образѣ правленія дѣла могутъ улучшаться, то естественно должно пройти и негодованіе его на эту форму, слѣдовательно и у насъ пройдетъ опасеніе относительно ея перемѣны. Ваше сіятельство не имѣете никакой нужды сообразоваться съ желаніемъ и выгодами Шведскаго Двора, и должны обратить всю свою заботу на пользу и утвержденіе прочнаго господства благонамѣренной партіи, причемъ желательно было бы сократить еще болѣе королевскую власть, чтобъ у ихъ Шведскихъ величествъ осталось въ памяти слѣдствіе двукратной ихъ противъ насъ неблагодарности и чтобъ помнили

они также, какъ вредно упорствовать противъ народнаго блага".

Сеймъ рѣшилъ дѣло о бракѣ наслѣднаго принца Шведскаго Густава на Датской принцессѣ. По этому поводу Панинъ писалъ Остерману: „Вы должны постараться, чтобъ образъ этого рѣшенія явно могъ показать: во 1) королю и королевѣ Шведскимъ, что если-бъ они не отвратили отъ себя поведеніемъ своимъ дружеское содѣйствіе императрицы, то, конечно, никто не могъ бы ихъ принудить на такой бракъ, который имъ такъ противенъ и который теперь совершается только вслѣдствіе неблагодарности ихъ къ ея императорскому величеству; 2) Датскому Двору, —что онъ успѣхомъ своимъ обязанъ не низкой и презрѣнной своей политикѣ заискиванія покровительства и помощи Французскаго Двора, который если-бъ и прямо хотѣлъ, то не могъ бы ничего для него сдѣлать, но единственно желанію и подкрѣпленію ея императорскаго величества чрезъ преданную ей патріотическую партію; 3) публикѣ, - что эта партія, по истинному своему усердію къ отечеству, была единственнымъ орудіемъ и причиною датскаго брака [1]).

11 марта былъ заключенъ оборонительный союзъ Россіи съ Даніею, въ третьей секретной статьѣ котораго обѣ договаривающіяся державы согласились поддерживать основную конституцію Швеціи и возстановить равновѣсіе властей. Но въ Петербургѣ узнали, что, несмотря на этотъ договоръ, датское правительство, въ угоду Франціи, ведетъ себя двумысленно относительно шведскихъ событій, что король Фридрихъ V далъ 25,000 талеровъ сенаторамъ изъ французской партіи, лишившимся своихъ мѣстъ, именно: Экеблату, Шеферу и Гамильтону. Панинъ поручилъ Корфу указать на это датскому министру иностранныхъ дѣлъ, Бернсторфу, какъ на нарушеніе обязательствъ, и потребовать отъ Датскаго Двора 50,000 талеровъ, необходимыхъ для вознагражденія того вреда, который сдѣланъ былъ 25,000 талеровъ, пошедшими на подкупъ духовнаго сословія. Бернсторфъ прислалъ Корфу оправдательное письмо; но Панинъ не удовлетворился его оправданіями. Бернсторфъ утверждалъ, что король далъ 25,000 талеровъ троимъ несчастнымъ сенаторамъ изъ великодушія, для ихъ собственнаго употребленія, а не для содѣйствія французской партіи; что такая ничтожная сумма не могла имѣть никакого значенія въ сеймовыхъ дѣлахъ; но Панинъ указывалъ, что сумма была положена въ Парижѣ у банкира датскимъ министромъ при Французскомъ Дворѣ, была въ распоряженіи у Бретейля, который и распорядился ею. „Послѣ этого", писалъ Панинъ, „чего нельзя ожидать отъ французскаго посланника, когда онъ для сеймовыхъ подкуповъ распорядился суммою, данною Датскимъ королемъ на вспомоществованіе сенаторамъ въ ихъ несчастіи". Панинъ не отставалъ также отъ требованія 50,000 талеровъ, необходимыхъ для общаго дѣла [2]).

Содержаніемъ сношеній съ Англіею попрежнему были безплодные толки о союзѣ. Дѣлали другъ другу взаимные комплименты: Панинъ, въ замѣткахъ своихъ для императрицы, называлъ Англичанъ торгашами, лавочниками; новый англійскій посланникъ Макартней, жалуясь на медленность переговоровъ, писалъ своему министерству, что не можетъ быть иначе въ странѣ, гдѣ все дѣло ведется въ лавкахъ, величаемыхъ коллегіями, и мелкими купцами, которыхъ угодно называть членами коммисій. Это относительно торговаго договора; что же касается политическаго союза, то Макартней нашелъ другого противника уже не въ членахъ русскихъ коммисій; онъ писалъ: „Король Прусскій не желаетъ, чтобъ Русскій Дворъ имѣлъ другихъ союзниковъ, кромѣ него. Онъ воздвигалъ всевозможныя препятствія въ дѣлѣ о договорѣ Россіи съ Даніей. Графъ Сольмсъ твердилъ Панину: „Англія въ настоящую минуту не имѣетъ союзниковъ; Россія и Пруссія — единственныя державы, съ которыми она рано или поздно можетъ вступить въ союзъ; она принуждена заискивать въ нихъ; выждите этого времени, и тогда мы предпишемъ ей какія угодно условія". Отъ 29 марта Гроссъ писалъ о разговорѣ своемъ съ графомъ Сандвичемъ, который объявилъ, что Вѣнскій Дворъ продолжаетъ безпокоиться по поводу военныхъ приготовленій короля Прусскаго и тѣснаго союза этого государя съ Россіею. „Я", говорилъ Сандвичъ, „считаю неимовѣрнымъ, чтобъ теперь, когда всѣ державы такъ удалены отъ возобновленія войны, король Прусскій одинъ захотѣлъ возбуждать замѣшательство, и потому опасенія Вѣнскаго Двора, кажется, излишни; но какъ бы то ни было, мы не почитаемъ сходнымъ съ здравою политикой преждевременно брать ту или другую сторону, хотя Вѣнскій Дворъ дѣлаетъ намъ всякія дружескія внушенія". Гроссъ замѣтилъ, что вѣроятно Вѣнскій Дворъ, по соглашенію съ своими союзниками, Франціею и Испаніею, хочетъ этими внушеніями удержать Англію отъ союза съ Россіею. „Дѣйствительно", отвѣчалъ Сандвичъ, „Вѣнскій Дворъ сильно бы встревожился отъ возобновленія нашего союза; но я могу васъ увѣрить, что его Британское величество всего болѣе желаетъ этого союза и готовъ заключить его немедленно, какъ скоро императрица согласится на простое возобновленіе стараго договора безъ обязательства со стороны Англіи помогать противъ Турціи; такой договоръ послужилъ бы хорошимъ основаніемъ, по которому можно было бы распространять обязательства мало-по-малу, а не вдругъ". Панинъ написалъ на донесеніи Гросса объ этомъ разговорѣ: „Все содержаніе сей реляціи состоитъ въ тонкихъ англійскихъ инсинуаціяхъ, чтобъ и насъ къ союзу больше интересовать, и себѣ лучшія кондиціи доставить".

[1]) Дѣла Шведскія, 1765 года.

[2]) Дѣла Датскія, 1765 года.

Въ Англіи перемѣнилось министерство; въ Россіи думали, что дѣло присоединенія Англіи къ сѣверной системѣ пойдетъ теперь живѣе. И дѣйствительно: новые англійскіе министры хвалили рускій планъ—противопоставить Сѣверный союзъ фамильному договору между Франціею и Испаніею и союзу этихъ державъ съ Австріей; но статсъ-секретарь сѣвернаго департамента, герцогъ Графтонъ, опять объявилъ Гроссу, что въ союзномъ договорѣ съ Россіею нельзя допустить случая союза относительно Турціи, ибо такое допущеніе было бы гибельно для англійской торговли въ Турціи. Гроссъ замѣтилъ, что Франція въ своемъ союзномъ договорѣ съ Австріею давно уже приняла обязательство помогать послѣдней противъ Турціи, однако ни въ разсужденіи своей торговли въ Турецкихъ владѣніяхъ, ни относительно своего вліянія при Портѣ никакого ущерба не понесла, и странно, что такая сильная держава, какъ Англія, болѣе показываетъ робости предъ Турками, чѣмъ Франція, тѣмъ болѣе-что императрица не требуетъ отъ Англіи дѣйствительной помощи войскомъ или флотомъ, а только небольшой денежной субсидіи. Графтонъ отвѣчалъ, что по добротѣ и дешевизнѣ французскихъ товаровъ, особливо каркасонскихъ суконъ, Турки не могутъ безъ нихъ обойтись, но легко могутъ запретить ввозъ англійскихъ товаровъ. „Я увѣренъ", говорилъ Графтонъ „что англійская торговля въ Турціи погибнетъ, если мы въ союзный договоръ съ вами внесемъ извѣстное обязательство, и потому не могу присовѣтовать этого королю, да не думаю, чтобъ и самъ Питтъ осмѣлился бы склонять короля къ этому поступку, который подвергался бы нориданію всей націи".

Панинъ, увѣдомляя Гросса, отъ 9 августа, о заключеніи торговаго договора между Россіею и Англіею, писалъ: „По моему мнѣнію, вамъ о возобновленіи союзнаго трактата много вызываться не надобно, дабы инако не показать, что мы объ ономъ много жадничаемъ". Но Панинъ требовалъ, чтобъ Гроссъ убѣдилъ новое министерство дѣйствовать сильнѣе въ Швеціи, помогать здѣсь Россіи деньгами. Потомъ Панинъ твердилъ Гроссу, что союзный договоръ никакъ не можетъ быть заключенъ безъ включенія Турціи въ случаѣ союза; это условіе необходимо не потому, чтобы мы Турецкую войну поставляли для себя опаснѣе и тягостнѣе другихъ, но для того только, чтобъ въ разсужденіи ея сохранить передъ Англіею совершенное равенство съ прочими нашими союзниками, которые эту войну, наравнѣ съ другими, признали за случай общаго ихъ съ нами союза, и для того еще, чтобъ уступкою этого пункта не показать, что мы союзы европейскихъ державъ поставляемъ для себя нужнѣе, нежели сколько по признанію нашему нашъ собственный союзъ можетъ имъ быть нуженъ и полезенъ" [3]).

Глава III.

Просвѣщеніе въ Россіи отъ основанія Московскаго университета до смерти Ломоносова.

1755—1765.

Вліяніе французской литературы при Елисаветѣ и Екатеринѣ II.—Умственное движеніе во Франціи въ описываемое время.—Отношеніе Русскихъ людей къ западному просвѣщенію при Елисаветѣ.—Сношенія Вольтера съ Ив. Ив. Шуваловымъ при Елисаветѣ.—Отношенія Екатерины II-й къ Вольтеру, Даламберу, Дидро.—Переписка Екатерины съ Жоффрэнъ.—Воспитаніе великаго князя.—Порошинъ, его Записки, его судьба.—Послѣдняя дѣятельность Ломоносова и Тредіаковскаго.—Миллеръ.—Шлёцеръ.—Московскій университетъ.—Казанская гимназія.—Корпуса.—Посылка воспитанниковъ духовныхъ училищъ за-границу.—Частное воспитаніе.—Напоминаніе Синода о религіозно-нравственномъ воспитаніи.—Крестининъ.—Новыя воспитательныя учрежденія при Екатеринѣ II-й; Бецкій.—Литература.—Театръ.—Искусство.

Мы уже говорили о тѣсной связи между двумя царствованіями—Елисаветы и Екатерины II-й [1]). Основа этой связи заключается въ одинаковомъ нравственномъ движеніи общества, происходившемъ отъ одинаковыхъ условій народнаго роста въ послѣднее десятилѣтіе первой половины XVIII вѣка и въ первыя десятилѣтія второй половины. Екатерина вмѣстѣ со многими сотрудниками своими воспитывалась, росла этимъ общимъ ростомъ при Елисаветѣ. Никита Ив. Панинъ не могъ бы сказать, что чуть его параличъ не убилъ, когда онъ читалъ дѣло Волынскаго [2]), если-бъ между временемъ Анны и временемъ Екатерины не прошло время Елисаветы. Характеръ послѣдней и благопріятныя условія ея царствованія, въ которое Россія могла придти въ себя, естественно должны были вести къ развитію литературному. Но это развитіе не могло совершаться независимо: Россія вошла уже въ общую жизнь Европы, вошла недавно,—и потому необходимо все вниманіе ея было обращено на Западъ, къ народамъ старшимъ по цивилизаціи, слѣдовательно русская мысль и ея выраженіе не могли остаться безъ сильнаго вліянія умственной жизни на Западѣ. Западная умственная жизнь какъ при Ели-

[1]) См. выше, «Исторія Россіи», кн. V. т. XXIV, стр. 1231.
[2]) Записки Порошина, 74.

[3]) Дѣла Англійскія. 1765 года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. т. XII.

саветѣ, такъ и при Екатеринѣ находилась въ одинакихъ условіяхъ, находилась подъ вліяніемъ французской литературы; слѣдовательно это же вліяніе должно было замѣтнымъ образомъ отразиться и въ русской умственной жизни, а потому намъ нельзя оставлять безъ вниманія важнѣйшихъ явленій французской литературы описываемаго времени. Мы приступаемъ къ исторіи русскаго просвѣщенія въ десятилѣтіе отъ основанія Московскаго университета до смерти Ломоносова; но именно въ это десятилѣтіе почти завершилось то движеніе во французской литературѣ, которое имѣло такое рѣшительное вліяніе на умственную жизнь въ цѣлой Европѣ.

Вліяніе Французскаго языка и литературы, столь сильное при „великомъ королѣ“ Людовикѣ XIV-мъ и такъ много обязанное ему своею силою, нисколько не ослабѣло, но еще болѣе увеличилось въ царствованіе слабаго преемника его, Людовика XV-го. При великомъ королѣ французская литература подчинялась его вліянію, сдерживалась имъ и приспособлялась къ нему; при Людовикѣ XV она не находила для себя болѣе сдержки ни въ государственной власти, ни въ обществѣ, а напротивъ—и здѣсь, и тамъ было много условій, которыя, съ одной стороны, заставили внимательно вглядѣться въ окружающія явленія, указать на многія темныя стороны существующаго порядка, потребовать соблюденія важныхъ общественныхъ интересовъ, сдѣлать полезные, прямо „просвѣтительные“ выводы; а съ другой стороны,—позволили ей дотого увлечься отрицательнымъ направленіемъ, что она стала враждебно не только къ существующимъ формамъ государственной власти, но и къ общественнымъ основамъ. Усиленіе королевской власти при Людовикѣ XIV было необходимою реакціею смутѣ, извѣстной подъ именемъ „Фронды“, показавшей несостоятельность людей и цѣлыхъ учрежденій, которые хотѣли произвесть какой-то переворотъ; причемъ англійская революція не осталась безъ вліянія на воспріимчивыхъ Французовъ. Но въ Англіи смута кончилась сильною и тяжелою властью лорда-протектора, а потомъ возстановленіемъ Стюартовъ; и въ Англіи относились къ революціи, какъ явленію печальному, какъ бунту; тѣмъ болѣе Франція, изнуренная безплодною фрондою, должна была желать сильной королевской власти. Людовикъ XIV удовлетворилъ этому желанію и сначала оправдалъ его, давши много блеску и славы народу, страстному къ блеску и славѣ. Но Людовикъ XIV, въ свою очередь, перешелъ границы въ стремленіи усилить свою власть, что опять вызывало реакцію, тѣмъ болѣе что великій король оставилъ Францію въ крайне печальномъ положеніи, возбуждавшемъ недовѣріе къ началамъ, которыми руководился Людовикъ. Естественно возбуждался вопросъ о необходимости исканія новыхъ началъ для болѣе удовлетворительной установки народной жизни.

При такомъ положеніи дѣлъ, разумѣется, важное значеніе должна была имѣть личность новаго короля. Вмѣсто Людовика XIV, который умѣлъ такъ несравненно представлять короля, играть роль государя и этимъ очаровывать свой народъ, страстный къ великолѣпнымъ представленіямъ, къ искусному разыгрыванію ролей,—вмѣсто короля, который оставилъ много блеска, много славы, много памятниковъ искусствъ и литературы; который если не успѣлъ дать Франціи политическую игемонію въ Европѣ, то удержалъ за нею игемонію языка и литературы, игемонію обычая французской общественной жизни:—вмѣсто такого короля, явился король, соединявшій въ своей личности всѣ условія для того, чтобъ уронить верховную власть, явился человѣкъ, отличавшійся необыкновеннымъ нравственнымъ безсиліемъ. У Людовика XV-го не было недостатка въ ясности ума; но безсиліе воли было таково, что, при полномъ сознаніи необходимости какого-нибудь рѣшенія, онъ соглашался съ рѣшеніемъ противоположнымъ, какого хотѣли любовницы и министры, имъ созданные Отсутствіе воли сдѣлало изъ неограниченнаго монарха притворщика и обманщика, интригана, любящаго мелкія средства и извилистыя дороги; мы видѣли, какъ онъ, тайкомъ отъ своихъ министровъ, велъ свою особую дипломатическую переписку.

Сознавая безсиліе своей воли, Людовикъ XV-й не передалъ правленіе энергическому министру, въ родѣ кардинала Ришелье: онъ, какъ лѣнивый султанъ, заперся въ гаремѣ, оставивъ судьбы государства на произволъ интригамъ любимыхъ женщинъ и кліентовъ ихъ; вмѣсто короля, похожаго на послѣднихъ Меровинговъ, не управлялъ никто, похожій на Мартелла. Подлѣ своихъ королей Франція привыкла видѣть блестящую аристократію: какъ великолѣпный король Франціи служилъ образцомъ для государей Европы: такъ блестящее дворянство Франціи служило образцомъ для дворянства остальной Европы. Воинственная и славолюбивая нація достойно представлялась своимъ дворянствомъ, которое выставило столько героевъ, прославившихъ французское оружіе, и пріобрѣло значеніе перваго войска въ мірѣ. Но, по замѣчательному соотвѣтствію, паденіе монархическаго начала во Франціи, вслѣдствіе слабости преемника Людовика XIV, послѣдовало одновременно съ нравственнымъ паденіемъ французскаго дворянства, съ помраченіемъ славы французскаго войска. Людовикъ XIV, который наслѣдовалъ своихъ знаменитыхъ полководцевъ отъ времени предшествовавшаго, не воспиталъ новыхъ, несмотря на свои частыя войны: доказательство, что война можетъ служить школою для существующихъ талантовъ, но не создаетъ талантовъ, когда кругъ, изъ котораго они могутъ явиться, ограниченъ и потому легко истощается частыми войнами. Такимъ образомъ, двѣ силы, дѣйствовавшія постоянно въ челѣ народа и достойно его представлявшія, отказываются отъ своей дѣятельности. Отказывается отъ своей дѣятельности и духовенство, которое не вы-

ставляетъ болѣе изъ своей среды Боссюэтовъ и Фенелоновъ, не можетъ нравственными средствами бороться противъ враговъ религіи, старается употреблять противъ нихъ только матеріальныя средства, что, разумѣется, могло только содѣйствовать паденію духовнаго авторитета. Но какъ скоро дѣйствовавшія прежде на первомъ планѣ силы отказываются отъ своей дѣятельности, являются несостоятельными, то и начинаетъ приготовляться болѣзненный переворотъ, перестановка силъ, называемая революціей. Это приготовленіе обнаруживается въ отрицательномъ отношеніи къ тому, что имѣло авторитетъ и что представлялось теперь формою безъ содержанія, безъ духа, безъ силы. Въ организмѣ французскаго общества въ это время происходило то, что происходитъ во всякомъ организмѣ, гдѣ извѣстный органъ омертвѣетъ, или въ организмъ втиснется какое-нибудь чуждое, безполезное тѣло: въ организмѣ тогда чувствуется тоскливое желаніе освободиться отъ такого омертвѣвшаго органа или чуждаго тѣла, не участвующихъ въ общей жизни, ничего не дающихъ ей.

Это отрицательное отношеніе къ старымъ авторитетамъ необходимо должно было отразиться въ общественномъ словѣ, разговорѣ, который становился все громче и громче. Прежде высоко поднимался Дворъ, блестящій, несравненный Дворъ Людовика XIV: здѣсь было дѣйствительное величіе, внушавшее уваженіе, сила, съ которою каждому должно было считаться; въ этомъ храмѣ дѣйствительно обитало божество, предъ которымъ каждый преклонялся. Вниманіе всѣхъ было обращено туда, къ этому дѣйствительному средоточію силы и власти. Но послѣ Людовика XIV Дворъ потерялъ прежнее значеніе, прежнее обаяніе, которыя давалъ ему великій король; духъ исчезалъ, оставалось одно внѣшнее, и само значеніе переходитъ въ другіе частные круги, гдѣ сходятся пожить общественной жизнью, а для Француза это значило играть роль, блистать, овладѣвать вниманіемъ, нравиться. Но чѣмъ же блистать, возбуждать вниманіе, нравиться? Движеніе прекратилось: нѣтъ больше религіозной борьбы; нѣтъ больше борьбы партій, происходившей отъ честолюбивыхъ стремленій принцевъ крови, могущественныхъ вельможъ; нѣтъ болѣе такихъ сильныхъ лицъ, которыя, привязавшись къ народному неудовольствію, могли поднять движеніе въ родѣ фронды; нѣтъ болѣе того сильнаго внутренняго и особенно военнаго движенія, какое было поднято великимъ королемъ и такъ поразило воображеніе народа, такъ заняло его вниманіе; нѣтъ и тѣхъ печальныхъ, страшныхъ минутъ, какія пережила Франція въ послѣднее время Людовика XIV. Нѣтъ движенія, дѣятельности, остается одинъ разговоръ; но въ чемъ же онъ могъ состоять? Сочувственно относиться было не къ чему, и относились отрицательно, враждебно. Но и здѣсь серьезное отношеніе, вдумываніе въ причины зла и придумываніе средствъ къ его уничтоженію возможны были лишь для немногихъ; у большинства же непріязненное отношеніе къ настоящему должно было выражаться въ насмѣшкѣ надъ нимъ, которой помогалъ и складъ французскаго ума, и самая постановка окружающихъ явленій, гдѣ форма не соотвѣтствовала болѣе содержанію, дѣла не соотвѣтствовали значенію лицъ, ихъ совершавшихъ,—а такое несоотвѣтствіе именно и возбуждаетъ насмѣшку.

Насмѣшка не щадила ничего. Уже шелъ третій вѣкъ, какъ западно-европейскіе народы переступили изъ своей древней исторіи, когда у нихъ преобладало чувство,—въ новую, которая знаменуется развитіемъ ума насчетъ чувства. Какъ обыкновенно бываетъ при этомъ переходѣ въ жизни народовъ, умъ западныхъ народовъ, возбужденный къ дѣятельности расширеніемъ сферы знанія, знакомствомъ съ новыми народами и странами посредствомъ мореплаванія, открытія путей и земель, возбужденный изученіемъ древняго классическаго міра,—сталъ критически относиться къ тому, чѣмъ до сихъ поръ жилось, во что вѣрилось. Съ этого времени,—времени поклоненія чуждому генію, генію классической древности, столь могущественному, такъ поразившему воображеніе памятниками искусства и мысли, начинается отрицательное отношеніе къ своему, къ своему прошедшему, къ своей древней исторіи, или къ такъ называемымъ среднимъ вѣкамъ, къ религіозному чувству, господствовавшему въ эти вѣка, и ко всѣмъ послѣдствіямъ этого господства. Враждебность начала, стремившагося теперь господствовать, къ прежде господствовавшему началу, мысли къ чувству, высказывалась очевидно: все, что напоминало чувство, основывалось на немъ, происходило отъ него,—все это было объявлено предразсудкомъ. Исполненнымъ предразсудковъ являлся прежній бытъ, и потому подлежалъ кореннымъ измѣненіямъ, послѣ чего долженъ былъ явиться новый міръ отношеній человѣческихъ, основанный на законахъ и требованіяхъ одного разума человѣческаго. Это стремленіе обозначилось въ самомъ началѣ новой исторіи и постепенно прокладывало себѣ все болѣе и болѣе широкую дорогу, встрѣчая въ разныхъ странахъ болѣе или менѣе сильныя препятствія, притаиваясь на время, при невзгодѣ, и вырываясь наружу при первомъ благопріятномъ обстоятельствѣ. Въ сферѣ религіозной оно высказалось въ возстаніи противъ авторитета Римской Церкви, въ ученіяхъ крайнихъ протестантскихъ сектъ; но вслѣдъ затѣмъ явились ученія, которыя совершенно покончили съ положительною и даже со всякою религіею. Разумѣется, сначала эти ученія подвергались преслѣдованіямъ отъ Церкви и государства, должны были скрываться, но не исчезали. Во Франціи въ XVII вѣкѣ эти ученія встрѣтили сопротивленіе въ янсенизмѣ, въ сильномъ церковно-литературномъ движеніи при Людовикѣ XIV, въ поддержкѣ, которую Церковь нашла у великаго короля, встрѣтили сопротивленіе

но продолжали жить втихомолку, дожидаясь своего времени. Это время пришло, когда умеръ Людовикъ XIV, когда, вслѣдствіе слабости и недостоинства его преемника, началось высказываться отрицательное отношеніе народной мысли къ существующему порядку. Вождемъ этого новаго литературнаго движенія является Вольтеръ. Онъ начинаетъ легкими сатирическими стишками; по подозрѣнію, сидитъ въ Бастиліи, и 24 лѣть ставитъ на театрѣ свою первую пьесу „Эдипъ", возбудившую сильное вниманіе и начавшую новую эпоху во французской и европейской континентальной литературѣ. Время чистаго искусства, время Корнеля и Расина прошло для Франціи. Въ Англіи, вслѣдствіе ранняго начала политическихъ движеній, политическія идеи вторглись въ область искусства; здѣсь политическія партіи въ стихахъ поэта, произносимыхъ со сцены, въ рѣчахъ Римлянъ, выведенныхъ имъ въ своей пьесѣ, видѣли указанія на борьбу политическихъ партій въ Англіи. Теперь во Франціи въ литературу вторгаются идеи, обозначавшія начало борьбы съ существующимъ порядкомъ, отрицательное отношеніе общества къ нему. Мысли, которыя занимають общество, которыя составляють любимый предметъ разговоровъ въ гостиныхъ, входятъ въ литературу, въ публичное слово; разумѣется, въ публичномъ словѣ онѣ не могли высказываться въ тогдашней Франціи свободно,—онѣ должны были являться въ видѣ намековъ; сочиненія же, въ которыхъ онѣ высказывались съ полною свободою, или ходили въ рукописяхъ, или печатались за-границею. То сочиненіе могло расчитывать на вѣрный успѣхъ, гдѣ общество встрѣчало мысли, которыя его занимали, и сочиненія Вольтера, появлявшіяся безпрестанно въ разныхъ формахъ—трагедіи, повѣсти, исторической монографіи, полемической статейки,—всѣ были наполнены этими мыслями или намеками на нихъ. То, что въ гостиныхъ и кафе, вошедшихъ тогда въ моду, высказывалось отрывочно, смутно,—то даровитый авторъ обработывалъ въ стройное цѣлое, пояснялъ примѣрами, излагалъ увлекательно, съ необыкновеннымъ остроуміемъ, не глубоко, но легко, общедоступно. Что было предметомъ сильныхъ желаній, что могло откровенно высказываться только въ своемъ кружкѣ, въ четырехъ стѣнахъ гостиной, то вдругъ слышали произносимымъ въ звучномъ стихѣ, при многочисленной публикѣ, на театральной сценѣ. Впечатлѣніе было могущественное, а авторъ пріобрѣталъ чрезвычайную популярность: общество было благодарно своему вѣрному слугѣ, глашатаю своихъ мыслей и желаній, удивлялось его смѣлости, геройству, рѣшимости публично высказать то, о чемъ другіе говорили только втихомолку. Успѣхъ Вольтера былъ обезпеченъ тѣмъ, что онъ явился вѣрнымъ слугою направленія, которое брало верхъ, для большинства было моднымъ, явился проповѣдникомъ царства разума человѣческаго и, потому, заклятымъ врагомъ, порицателемъ того времени, когда господствовало чувство, заклятымъ врагомъ Церкви, христіанства, всякой положительной религіи, опредѣляющей отношенія къ высшему, духовному міру, предъ которыми разумъ человѣческій несостоятеленъ и долженъ преклоняться предъ высшимъ авторитетомъ, предъ таинственными, недоступными для него явленіями. Въ „Эдипѣ" поклонники разума уже рукоплескали знаменитымъ стихамъ, которые вовсе не шли ко времени Эдипа, но въ которыхъ подъ языческими жрецами выставлялось современное духовенство: „Наши жрецы вовсе не то, что простой народъ о нихъ думаетъ,—наше легковѣріе составляетъ всю ихъ мудрость".

При господствѣ Французскаго языка и литературы въ Европѣ, слава Вольтера скоро перешла границы Франціи. Каждое произведеніе увлекательнаго автора—а произведенія эти появлялись часто—было событіемъ, которое всѣхъ занимало, о которомъ долго говорили; борьба съ многочисленными литературными противниками увеличивала только славу Вольтера, потому что онъ постоянно выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ; гибельно было подпасть подъ удары ловкаго и неутомимаго бойца; лестно и выгодно стало быть въ союзѣ съ владыкою общественнаго мнѣнія, царя моднаго направленія въ литературѣ и наукѣ; обиженный, за котораго заступался Вольтеръ, могъ быть увѣренъ въ успѣхѣ своего дѣла, и долженъ былъ трепетать судья, на несправедливый приговоръ котораго была принесена жалоба Вольтеру. Было въ Европѣ время также сильнаго умственнаго движенія въ началѣ ея новой исторіи, и это движеніе вынесло знаменитаго учено-литературнаго дѣятеля, Эразма Роттердамскаго; но важное значеніе Эразма много уступало значенію Вольтера. Коронованныя главы и члены владѣтельныхъ Домовъ признали новое могущество, что обнаружилось въ исканіи союза и дружбы; выгоды дружбы и невыгоды вражды Вольтера были ими испытаны. Надобно прибавить, что могущественному положенію Вольтера способствовала независимость, которую обезпечивало за нимъ большое состояніе, пріобрѣтенное литературнымъ трудомъ и выгодными оборотами: въ 1749 году Вольтеръ уже получалъ слишкомъ 70,000 ливровъ дохода; сумму эту надобно утроить или учетверить, чтобъ сдѣлать равною нынѣшней.

Въ толпѣ, жадной къ легкому умственному наслажденію, царилъ Вольтеръ; его знали всѣ, какъ силу; въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", наравнѣ съ важными политическими извѣстіями изъ-за-границы, помѣщались извѣстія о распоряженіяхъ знаменитаго Вольтера относительно своей воспитанницы. Меньшею извѣстностью въ толпѣ, но не меньшимъ, если не большимъ значеніемъ среди людей, внимательныхъ къ движеніямъ мысли о человѣкѣ и обществѣ, пользовался современникъ Вольтера,—Монтескьё. Отдавши дань модному отрицательному или обличительному направленію въ „Персидскихъ письмахъ", Монтескьё обнаружилъ счастливый переходъ своей умственной дѣятель-

ности въ „Разсужденіи о причинахъ величія и паденія Римлянъ", и въ 1748 году издалъ свое знаменитое сочиненіе „Духъ Законовъ", быстро получившее важное значеніе во всей образованной Европѣ. Книга заслуживала свою репутацію тѣмъ, что впервые съ такою подробностью представила различныя формы государственнаго устройства, причины ихъ происхожденія, ихъ исторію у разныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ; прибавимъ къ тому: легкость, доступность изложенія, умѣренность, сдержанность, научно-историческое уваженіе къ общественнымъ формамъ, какъ происшедшимъ не случайно, не произвольно; стремленіе извѣстными объясненіями, извѣстными указаніями привести къ правильному пониманію человѣческихъ отношеній и содѣйствовать благополучію человѣческихъ обществъ, какія бы формы для нихъ ни выработала исторія. Книга Монтескьё небывалою широтою плана, возбужденіемъ важныхъ историческихъ и юридическихъ вопросовъ производила могущественное вліяніе на умы современниковъ, порождала цѣлую литературу и въ то же время имѣла важное практическое значеніе, измѣняя взгляды на существующія отношенія, измѣняя ихъ ко благу народовъ и достигая этого указанною выше умѣренностью, сдержанностью, не пугая правительства революціонными требованіями, но указывая имъ средства содѣйствовать благосостоянію подданныхъ и при существующихъ основныхъ формахъ; ибо ни что такъ не вредитъ правильности свободнаго развитія человѣческихъ обществъ, какъ революціонныя требованія, пугающія не только правительства, но и народное большинство, заставляющія его опасаться за самые существенные интересы общества: человѣкъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ воздухомъ, но, испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, спѣшитъ затворить окна и предпочитаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей тѣсной комнаты.

Понятно, что „Духъ Законовъ" не понравился ярымъ приверженцамъ отрицательнаго направленія. Они твердили толпѣ постоянно одно, что настоящее положеніе есть произведеніе предразсудковъ, заблужденій, неправдъ, и потому должно быть разрушено, дать мѣсто новому общественному зданію, построенному на законахъ разума: а тутъ авторъ „Персидскихъ писемъ" съ обширною ученостью и необыкновенною силою мысли показываетъ, какъ то, что было объявлено произведенемъ невѣжества и предразсудковъ, создавалось разумно, по извѣстнымъ законамъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, показывалъ причины, почему извѣстная государственная форма измѣняется, крѣпнетъ, или слабѣетъ, разрушается. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ проводниковъ отрицательнаго направленія, Гельвецій, писалъ Монтескьё по поводу его книги: „Вы намъ говорите: вотъ міръ, какъ онъ управлялся... Вы часто приписываете ему разумъ и мудрость, которыя въ сущности принадлежатъ вамъ самимъ... Вы позволяете себѣ сдѣлку съ предразсудкомъ, какъ молодой человѣкъ, вступающій въ свѣтъ, позволяетъ себѣ сдѣлки съ старыми женщинами, которыя еще не отказались отъ претензій. Писатель, желающій быть полезенъ человѣчеству, долженъ заниматься уясненіемъ истинныхъ началъ для лучшаго порядка вещей въ будущемъ, а не освящать опасныя начала... Идея прогресса только забавляетъ нашихъ современниковъ, но она вразумляетъ молодежь и служитъ потомству".—Но проводники отрицательнаго направленія, начиная съ Вольтера, должны были сдержаться въ своихъ публичныхъ отзывахъ о книгѣ Монтескьё въ виду ея громаднаго успѣха: менѣе чѣмъ въ полтора года появилось 22 изданія и переводы почти на всѣ языки.

Но, отдѣлавшись холоднымъ поклономъ предъ знаменитымъ твореніемъ, которое пришлось не по ихъ вкусу и разумѣнію, проводники отрицательнаго направленія продолжали идти все дальше и дальше по своей дорогѣ. Съ именемъ Вольтера тѣсно соединены еще имена двоихъ проводниковъ отрицательнаго направленія—Дидро и Даламбера. Дидро, по своему характеру, былъ драгоцѣнный человѣкъ въ распространеніи какого бы то ни было ученія, драгоцѣнный членъ партіи. Своею вдохновенною рѣчью онъ производилъ сильное обаяніе; кромѣ того, трудно было сыскать человѣка, съ которымъ было бы такъ легко ужиться, человѣка болѣе снисходительнаго; его преимущества никого не стѣсняли, всякій чувствовалъ себя при немъ свободнымъ. Только немногіе, признавая за Дидро достоинства и пользуясь ими, могли замѣтить, что въ его мысляхъ нѣтъ послѣдовательности, въ его чувствахъ нѣтъ постоянства, что онъ могъ написать прекрасныя страницы, но никакъ не могъ написать книги. Какъ проводникъ отрицательнаго направленія, онъ заявилъ себя въ „Философскихъ мысляхъ"; Парижскій парламентъ въ 1746 году осудилъ книгу на сожженіе, но въ томъ же году она была переиздана въ Парижѣ, Лондонѣ и Гагѣ, и книга стала модною во всей Европѣ. Въ „Письмѣ о слѣпыхъ въ пользу зрячихъ" Дидро пошелъ еще дальше, чѣмъ въ философскихъ письмахъ; деистъ Вольтеръ вооружился противъ атеизма Дидро, но когда послѣдняго посадили въ крѣпость за „Письмо о слѣпыхъ", Вольтеръ заступился за собрата, за философа: „Философы", говорилъ Вольтеръ, „составляютъ малое стадо, которое нельзя отдавать на бойню. Они имѣютъ свои недостатки, какъ и другіе люди, они не всегда пишутъ отличныя сочиненія; но если-бъ они могли соединиться всѣ противъ общаго врага, это было бы доброе дѣло для рода человѣческаго. Чудовища, называемыя янсенистами и молинистами, куснувъ другъ друга, лаютъ вмѣстѣ на бѣдныхъ приверженцевъ разума и человѣчества; послѣдніе должны, по крайней мѣрѣ, защищаться противъ нихъ". Философы, по мнѣнію Вольтера,

должны были составлять тѣсно сомкнутое общество, дѣйствовать тайно, и въ случаѣ, когда надобно было отстоять своего, храбро отрекаться и лгать: „Надобно", писалъ онъ однажды, „лгать какъ дьяволъ, не робко, не случайно только, но смѣло и всегда. Лгите, друзья мои, лгите, я вамъ заплачу за это при случаѣ. Таинства Митры не должны быть открываемы, хотя бы это были таинства свѣта; нѣтъ нужды, откуда приходитъ истина, лишь бы приходила".

Это тайное общество начало дѣйствовать явною стѣнобитною машиною, когда Дидро вмѣстѣ съ извѣстнымъ математикомъ Даламберомъ начали съ 1751 года издавать знаменитую Энциклопедію. Священная книга откровеній разума человѣческаго, разумѣется, должна была начинаться изложеніемъ блестящихъ успѣховъ разума во Франціи и Европѣ съ XVI вѣка: это изложеніе написано было Даламберомъ.

Но что такое разумъ? Сначала проповѣдники его царствія разумѣли подъ нимъ высшее духовное начало въ природѣ человѣческой; но начала матеріалистическихъ ученій уже давно высказались въ сочиненіяхъ англійскаго философа Локка и въ 1734 году были распространены во Франціи, а слѣдовательно и по всему континенту тѣмъ же Вольтеромъ въ его „Англійскихъ письмахъ". Аббатъ Кондильякъ развилъ Локковы начала въ „Опытѣ о происхожденіи познаній человѣческихъ" (1746) и въ „Трактатѣ объ ощущеніяхъ" (1754); но и Кондильякъ остановился на дорогѣ, не сдѣлался матеріалистомъ. Дойти до крайнихъ результатовъ въ этомъ ученіи суждено было Гельвецію. Гельвецій смолоду сталъ участвовать въ выгодной дѣятельности по откупамъ податей, нажилъ большое состояніе и, обезпеченный въ этомъ отношеніи, сталъ думать, какъ бы пріобрѣсти и славу, сначала славу друга и покровителя литераторовъ и ученыхъ, а потомъ и самому занять видное мѣсто въ средѣ ихъ. Сначала сталъ писать стихи; но, видя, что на этомъ поприщѣ прославиться трудно, сталъ заниматься, какъ тогда говорили, философіею и въ 1758 году выдалъ книгу: „De l'Esprit". Какъ обыкновенно бываетъ въ движеніяхъ, подходящихъ въ извѣстное время подъ требованія и вкусъ общества, люди посредственныхъ способностей, желая обратить на себя вниманіе и пробиться впередъ, стремятся отличиться мыслями и требованіями во что бы то ни стало новыми и смѣлыми, забѣгать впередъ, наддавать на аукціонѣ. Такъ поступилъ и Гельвецій, и дошелъ въ своей книгѣ до крайнихъ матеріалистическихъ выводовъ, отвергнувъ духовное начало въ человѣкѣ и поставивши корысть, стремленіе къ удовольствію единственнымъ побужденіемъ дѣятельности человѣческой. Книга Гельвеція была строго запрещена во Франціи; авторъ, чтобъ остаться въ покоѣ, принесъ повинную, объявилъ, что поставляетъ свою славу въ подчиненіе христіанству всѣхъ своихъ мыслей, мнѣній и способностей своего существа. Но другого рода слава была пріобрѣтена. Строгое запрещеніе распалило любопытство, и книга Гельвеція четыре раза была перепечатана въ Амстердамѣ, хотя для потомства остался въ силѣ приговоръ знаменитаго Тюрго, что книга Гельвеція есть произведеніе философское, но безъ логики, литературное, но безъ вкуса, въ ней толкуется о нравственности, но не честно. Патріархъ отрицательной литературы, Вольтеръ говорилъ, что не одобряетъ ни заблужденій книги Гельвеція, ни пошлыхъ истинъ, которыя онъ съ торжествомъ повторяетъ; но онъ заступился за Гельвеція, какъ за солдата изъ своего отряда, укоряя его только за неосторожность—зачѣмъ вырѣзалъ свое имя на кинжалѣ, которымъ поражалъ общаго врага, зачѣмъ выставилъ на книгѣ свое имя, зачѣмъ напечаталъ ее во Франціи.

Книга Гельвеція произвела тяжелое впечатлѣніе на Ж. Ж. Руссо: онъ хотѣлъ-было писать возраженія на нее, но остановился въ виду правительственнаго гоненія на нее. Ж. Ж. Руссо стоялъ поодаль отъ той группы писателей, которою мы до сихъ поръ занимались, но тѣмъ не менѣе имѣлъ могущественное вліяніе на умы современниковъ. Въ то время, когда литература проповѣдывала царство разума человѣческаго, когда съ торжествомъ указывала на великія и благодѣтельныя явленія, начавшіяся съ того времени, когда разумъ сталъ освобождаться изъ оковъ темныхъ силъ, господствовавшихъ въ средніе вѣка,—изъ оковъ фанатизма, суевѣрія и предразсудковъ, когда съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали того великаго времени, когда свѣтъ разума возсіяетъ въ полномъ блескѣ и, вслѣдствіе этого, блаженство водворится на землѣ,—когда признавалось безспорною истиною, что золотой вѣкъ не назади, какъ думали древніе, а впереди,—въ это самое время писатель, особенно способный овладѣвать вниманіемъ, душою читателя, объявляетъ, что вѣра въ прогрессъ напрасна, что движеніе общества по пути цивилизаціи, какъ можно большее удаленіе его отъ того состоянія, которое называется дикимъ и варварскимъ, вовсе не ведетъ къ увеличенію благосостоянія человѣчества, къ нравственному улучшенію. Въ 1749 году Дижонская академія объявила тему на конкурсъ для будущаго 1750 года: „Возстановленіе наукъ и искусствъ способствовало ли къ очищенію нравовъ". Явился отвѣтъ отрицательный,—и авторомъ его былъ Руссо. Вліянію наукъ и искусствъ приписаны были всѣ пороки общества, всѣ добродѣтели были найдены у народовъ дикихъ. Блестящее сочиненіе имѣло громадный успѣхъ, возбудило всеобщее вниманіе и сильные споры. До сихъ поръ вожди отрицательнаго направленія въ литературѣ имѣли преимущественно въ виду борьбу съ религіознымъ авторитетомъ, ограничивавшимъ свободу разума, предполагавшимъ несостоятельность послѣдняго; борьба противъ политическихъ учрежденій была на второмъ планѣ. Эти вожди пользовались вы-

годнымъ положеніемъ въ обществѣ, были его любимцами, оракулами, имѣли обезпеченное, нѣкоторые обширное состояніе, слѣдовательно имѣли возможность наслаждаться прелестями утонченной жизни; по своему воспитанію, по своему обращенію, привычкамъ, принадлежали къ отборному обществу, чувствовали себя въ немъ легко, свободно: поэтому они не имѣли никакихъ побужденій проповѣдывать общественную перестройку; ихъ требованія отъ богатыхъ и сильныхъ ограничивались тѣмъ, чтобъ они относились къ бѣднымъ и слабымъ съ большимъ человѣколюбіемъ и правдою. Но вотъ по силѣ своего таланта между этими, такъ называемыми, философами получаетъ мѣсто человѣкъ на нихъ не похожій. Руссо былъ сынъ женевскаго часовщика; послѣ разныхъ треволненій жизни, судьба привела его въ Парижъ; но съ своимъ новымъ отечествомъ онъ имѣлъ общаго только языкъ, во всемъ другомъ онъ былъ ему чуждъ, и, несмотря на оторванность отъ прежняго отечества, въ немъ подчасъ рѣзко сказывался гражданинъ Кальвинистской республики. Онъ вытерпѣлъ много униженія и лишеній; онъ очутился въ кругу вельможъ, богачей и модныхъ писателей; но въ этомъ кругу ему было неловко, онъ не могъ быть здѣсь такъ свободенъ и развязенъ, какъ Вольтеръ съ товарищами; приладиться къ обществу, принять его обращеніе, стараться нравиться, начать играть роль онъ не могъ, потому что не былъ Французъ, не имѣлъ поэтому природной способности быть салоннымъ человѣкомъ. Сознаніе своей неисправимой неловкости, невозможности играть ту роль, какую играли другіе вокругъ него, сознаніе, что, постоянно затмѣвается другими,—это сознаніе въ соединеніи съ крайнимъ самолюбіемъ и болѣзненностью, чрезвычайною раздражительностью нервовъ заставили Руссо вести себя такъ, что о немъ начали отзываться сначала какъ о чудакѣ, дикарѣ, а потомъ какъ о человѣкѣ сумасшедшемъ и невозможномъ для общества. Такая неловкость и унизительность положенія, нужда, особенно въ сравненіи съ довольствомъ другихъ писателей, которыхъ онъ не считалъ выше себя, содѣйствовали тому, что Руссо отрицательно, враждебно отнесся къ основному общественному строю, нашелъ его чрезмѣрно сложнымъ и извращеннымъ, отступившимъ отъ первоначальной простоты, которая одна давала человѣку возможность сохранять чистоту нравовъ. Та же Дижонская академія въ 1753 году предложила на конкурсъ другую тему: „Отчего произошло неравенство между людьми, и основывается ли оно на естественномъ законѣ". Руссо отвѣчалъ и на этотъ вопросъ: первый, кто огородилъ извѣстный участокъ земли и сказалъ: „это мое"!—былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Въ такомъ основаніи Руссо видѣлъ общественное грѣхопаденіе, отъ котораго проистекли всѣ бѣдствія для рода человѣческаго. Руссо остался вѣренъ этой основной мысли и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: воспитаніе и политическія учрежденія должны имѣть цѣлью возвращеніе человѣка къ первобытной простотѣ отношеній.

Кромѣ вліянія, какое имѣли сочиненія Руссо на послѣдующія явленія Французской исторіи, кромѣ вліянія, какое имѣли его мысли о воспитаніи на все европейское общество, сочиненія Руссо имѣютъ то важное историческое значеніе, что въ нихъ рѣзко высказалась реакція господствовавшему стремленію достигнуть торжества разума человѣческаго, отрѣшиться какъ можно скорѣе и безвозвратнѣе отъ первой половины народной жизни, въ которой преобладаетъ чувство надъ разумомъ. Руссо, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ реакціяхъ, перегнулъ дугу въ противоположную сторону, утверждая, что состояніе размышленія противоестественно, и человѣкъ размышляющій есть человѣкъ испорченный. Но, несмотря на справедливыя возраженія противъ Руссо, противъ его крайностей, софизмовъ, искусственнаго, фантастическаго объясненія общественныхъ явленій, искусственнаго, невозможнаго построенія человѣческихъ отношеній, несмотря на стремленія приблизиться къ естественнымъ отношеніямъ,—несмотря на все это, Руссо совершенно справедливо указалъ въ извѣстномъ отношеніи на односторонность господствовавшаго стремленія. Человѣку пріятно увлекаться мыслію о прогрессѣ, но внимательный взглядъ на явленія въ природѣ и обществѣ заставляетъ убѣдиться, что абсолютнаго прогресса нѣтъ, нѣтъ золотого вѣка впереди, а есть извѣстное движеніе, которое мы называемъ развитіемъ, причемъ все, переходя въ извѣстный возрастъ или моментъ развитія, можетъ пріобрѣтать выгодныя стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваетъ выгодныя стороны оставленнаго позади возраста. Пріобрѣтается плодъ, теряется цвѣтъ: лѣто, несмотря на свои выгодныя стороны, лишено прелестей весны; человѣкъ вполнѣ развитой, въ полномъ обладаніи умственныхъ силъ и крѣпкій опытомъ жизни, жалѣетъ о прелестяхъ юности и даже дѣтства, прелестяхъ для него невозвратимыхъ. Вотъ почему, подлѣ похвалы успѣхамъ настоящаго времени, при надеждахъ на бо̀льшіе успѣхи въ будущемъ, законно существуетъ похвала доброму старому времени. Обѣ эти похвалы ведутъ обыкновенно къ безконечному и ожесточенному спору, потому что обѣ основаны на односторонности, примиреніе заключается въ признаніи развитія и его законовъ; а возможно здоровое состояніе общества зависитъ отъ умѣнья, при переходѣ въ извѣстный возрастъ, не отдаваться безотчетно господствующему въ этотъ возрастъ началу, а умѣрять его другими необходимыми для жизненнаго равновѣсія началами, не утверждать, вмѣстѣ съ Руссо, что состояніе размышленія есть состояніе противоестественное для человѣка, и въ то же время признавать основное, зиждительное значеніе чувства.

Но Руссо, при господствѣ въ его характерѣ страстности и фантазіи, не могъ хотя сколько-ни-

будь сдержать отрицательное направленіе литературы, напротивъ—подкатилъ къ стѣнамъ полуразрушенной крѣпости новый опасный таранъ. Успѣхи осаждающихъ условливались, впрочемъ, не ихъ стѣнобитными орудіями, а преимущественно плохою защитою гарнизона. Духовенство оказывалось несостоятельнымъ въ борьбѣ словомъ и дѣломъ, представляя противоположность между своимъ поведеніемъ и тѣмъ нравственнымъ идеаломъ, которое было выставлено христіанствомъ. Государство, въ сильныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ, обратилось къ духовенству, владѣвшему громадными имѣніями и доходами, и потребовало свѣдѣнія обо всѣхъ имуществахъ и доходахъ церковныхъ. Духовенство отказалось дать это свѣдѣніе, причемъ обратилось къ королю съ такими словами: „Самомалѣйшія новизны въ правилахъ и обычаяхъ религіозныхъ подвергаютъ религію великой опасности; сосѣднія государства представляютъ гибельныя тому доказательства, и никогда эти примѣры не могли насъ болѣе устрашить, какъ въ настоящее время. Гнусная философія распространилась, какъ смертельный ядъ, и изсушила корень вѣры почти во всѣхъ сердцахъ; скандалъ нечестія, гордаго числомъ и качествомъ своихъ приверженцевъ, не знаетъ болѣе мѣры. Государь, вы должны оказать теперь религіи самое сильное покровительство, потому что она никогда еще не подвергалась такимъ сильнымъ нападеніямъ". Вольтеръ не остался въ долгу; онъ нанесъ духовенству ударъ, прикрывшись щитомъ свѣтской власти: „Правительство тогда только хорошо, когда оно едино; не должно быть двухъ властей въ одномъ государствѣ. Употребляютъ во зло различіе между властію духовною и свѣтскою. У меня въ домѣ развѣ признаютъ двоихъ хозяевъ: меня и наставника моихъ дѣтей, которому я плачу жалованье? Я желаю, чтобъ уважали наставника моихъ дѣтей, но я вовсе не желаю, чтобъ онъ имѣлъ хотя малѣйшую власть въ моемъ домѣ. Во Франціи, гдѣ разумъ усиливается съ каждымъ днемъ, этотъ разумъ научаетъ насъ, что Церковь должна участвовать въ государственныхъ тяжестяхъ по соразмѣрности съ своими доходами, и что сословіе, долженствующее особенно учить справедливости, должно первое подать примѣръ справедливости. Такое правительство будетъ готтентотское, при которомъ можно будетъ извѣстному числу людей сказать: кто работаетъ, тотъ пусть и платитъ, мы не должны ничего платить, потому что мы ничего не дѣлаемъ. То правительство оскорбитъ Бога и людей, при которомъ граждане могли бы сказать: государство намъ дало все, а мы должны за него только молиться. Разумъ внушаетъ намъ, что когда государь захочетъ уничтожить какое-нибудь злоупотребленіе, народъ долженъ ему въ этомъ содѣйствовать, хотя бы злоупотребленіе считало за собою давность 4,000 лѣтъ. Разумъ насъ научаетъ, что государь долженъ быть полновластнымъ распорядителемъ всей церковной полиціи. Великое счастіе для государя, когда много философовъ, ибо философы, не имѣя частнаго интереса, могутъ говорить только въ пользу разума и блага общественнаго. Величайшее счастіе для людей, когда государь философъ: государь-философъ знаетъ, что чѣмъ болѣе силы беретъ въ его государствѣ разумъ, тѣмъ менѣе производятъ зло суевѣріе, споры и ссоры богословскія".

„Гнусная философія изсушила корень вѣры почти во всѣхъ сердцахъ", говорило французское духовенство; но было много людей во Франціи, въ сердцахъ которыхъ корень вѣры не былъ изсушенъ: доказательствомъ служило то, что они за отцовскую вѣру терпѣли страшныя притѣсненія, работали на галерахъ, покидали отечество: то были протестанты. Католическое духовенство, неспособное предохранить сердца своей паствы отъ вліянія философіи, поддерживало гоненіе на протестантовъ и тѣмъ давало врагамъ своимъ, философамъ, лучшій случай вооружаться противъ религіи, во имя которой производилось гоненіе. Католическое духовенство оказывалось несостоятельнымъ въ борьбѣ съ философіею, отъ него не было слова и дѣла назиданія, и люди, въ сердцахъ которыхъ корень вѣры не былъ изсушенъ философіею, для того, чтобъ дать питаніе этому корню, обращались къ мнимо-религіознымъ явленіямъ, которыя прямо переносили въ браминскую Индію и не имѣли ничего общаго съ христіанствомъ. Въ Великую Пятницу 1759 года публика сходилась смотрѣть, какъ распинали сестру Франциску, начальницу конвульзіонерокъ, какъ желѣзными гвоздями прибивали ко кресту ея руки и ноги, какъ пронзали копьемъ лѣвый бокъ... Какъ обыкновенно бываетъ, зрители раздѣлялись во мнѣніяхъ: одни вполнѣ вѣрили въ дѣйствительность явленія; другіе утверждали, что это ловкое фокусничество; третьи говорили, что хотя тутъ и есть обманъ, но есть и явленія необъяснимыя. Во всякомъ случаѣ, представленія конвульзіонерокъ служили новымъ предлогомъ къ нападкамъ на христіанство.

Съ другой стороны народъ былъ свидѣтелемъ страшныхъ зрѣлищъ: во Франціи, считавшейся центромъ европейской цивилизаціи, преступника разрывали шестью лошадьми. Исполнители приговора заботились объ одномъ,—чтобъ какъ-нибудь не сократить мученій; отецъ, жена, дѣти преступника изгонялись изъ отечества. Легко понять, какую силу получали голоса, возстававшіе противъ такихъ ужасовъ, требовавшіе уничтоженія всѣхъ этихъ обычаевъ добраго стараго времени; легко понять, какъ эти голоса являлись благовѣстіемъ будущаго золотого вѣка.

Страна изнемогала подъ тяжестью налоговъ; а между тѣмъ у Людовика XV шелъ однажды такой разговоръ съ министромъ, герцогомъ Шуазелемъ: *Король*: „Какъ вы думаете, сколько стоитъ моя карета?"—*Шуазель* „Я бы заплатилъ за нее 5 или 6,000 франковъ; но такъ какъ ваше величество платите покоролевски, то она можетъ стоить

и 8,000".—*Король:* „Вы жестоко ошиблись: карета стоитъ мнѣ 30,000 франковъ".—*Шуазель:* „Такія возмутительныя злоупотребленія невыносимы, необходимо положить имъ предѣлъ, и я вызываюсь на это, если вашему величеству угодно будетъ поддержать меня".—*Король:* „Любезный другъ! воровство въ моемъ домѣ громадное, но нѣтъ никакой возможности прекратить его: слишкомъ много людей и, главное, слишкомъ много людей сильныхъ здѣсь заинтересовано; всѣ мои министры мечтали привести въ порядокъ расходы Двора, но, испуганные препятствіями при исполненіи, бросали дѣло. Кардиналъ Флери былъ очень силенъ, былъ полновластнымъ хозяиномъ Франціи, и умеръ, не посмѣвши привести въ исполненіе ни одной изъ идей, какія имѣлъ относительно этого предмета. И потому успокойтесь и не трогайте порока неизлѣчимаго". Легко понять, какъ подобныя явленія усиливали отрицательное направленіе въ обществѣ и литературѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали царства разума. Но среди побѣдныхъ кликовъ въ честь разума, имѣющаго избавить отъ всѣхъ золъ, наслѣдникъ Людовика XV, заплатившій преждевременною смертью за тяжкую жизнь. проведенную въ мысляхъ о будущемъ, писалъ: „Новая философія, оправдывая своеволіе народовъ, дастъ въ то же время государямъ право торжествовать, если они захотятъ ею руководствоваться, ибо если интересъ настоящей минуты и личный интересъ считаются единственнымъ правиломъ всѣхъ нашихъ дѣйствій,—государь будетъ имѣть не меньшее искушеніе употреблять во зло свою власть, какъ и народы свергнуть иго авторитета. Что страсти только внушаютъ, тому наши философы учатъ. Если законъ интереса будетъ принятъ и заставитъ забыть законъ Божій, тогда всѣ идеи справедливаго и несправедливаго, добродѣтели и порока, нравственнаго добра и зла уничтожатся, троны поколеблются, подданные станутъ непослушны и мятежны, государи немилостивы и нечеловѣколюбивы. Народы будутъ всегда или въ возмущеніи, или подъ гнетомъ". Французскіе историки, указывая на свои революціи и царствованіе Наполеоновъ, говорятъ, что дофинъ былъ пророкомъ.

Въ такомъ положеніи находилась страна—представительница Западной Европы, западно-европейской цивилизаціи, когда Русскіе люди въ своей новой исторіи перешли уже въ другой періодъ своего развитія. Отъ Петра Великаго до Елисаветы, на первыхъ порахъ своего знакомства съ Западною Европою, собственно въ школьное время, они учились тамъ въ разныхъ мѣстахъ, перенимали то или другое нужное знаніе, какъ дѣти по заданному уроку, иногда часто поневолѣ. Со времени Елисаветы отношенія Русскихъ людей къ Западной Европѣ стали болѣе сочувственны, болѣе пристрастны, въ то же время отношенія къ просвѣщенію вообще стали болѣе свободны и самостоятельны; Русскіе люди съ жадностью бросаются не на то или другое знаніе, спеціально имъ нужное, но на европейскую литературу, которая представлялась тогда французскою литературою, упиваются новымъ, широкимъ міромъ идей, легкостью французской мысли, съ какою она перелетала отъ одного предмета на другой, вскрывала новыя отношенія между ними; восхищаются ея остротою, съ какою она подтачивала такъ называемые предразсудки; Русскіе люди читали, переводили, создавали свою литературу, которая не могла не находиться подъ сильнымъ вліяніемъ образцовой литературы французской. Страсть къ чтенію, которая овладѣла въ это время Русскими людьми, видна изъ всѣхъ мемуаровъ времени. Чтеніе это, какъ обыкновенно бываетъ, производило различное впечатлѣніе на читающихъ. Въ однихъ вліяніе прочитаннаго не было сильно; знакомство съ литературою служило имъ для внѣшнихъ только цѣлей, для наведенія лоска; обычное въ переходныя времена двувѣріе, поклоненіе новымъ богамъ безъ покинутія старыхъ видимъ и здѣсь; въ другихъ—отрицательное направленіе модной французской литературы поколебало религіозныя и нравственныя убѣжденія; въ третьихъ—произошла борьба, окончившаяся рано или поздно торжествомъ религіозныхъ убѣжденій; четвертые—съ наслажденіемъ читали блестящія остроуміемъ произведенія отрицательной литературы, не слѣпо имъ вѣрили, но находили много правды и успокоивались тѣмъ, что отрицалось не свое, а чужое, нападки сыпались на католицизмъ, католическое духовенство. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ при господствѣ извѣстнаго направленія, переходящемъ большею частью въ деспотизмъ и употребляющемъ своего рода терроръ, мало находится людей, которые бы прямо высказали свои убѣжденія, свое неодобреніе господствующему направленію, неодобреніе тому или другому его представителю: такъ и въ Россіи въ описываемое время люди, и несочувствующіе, напримѣръ, Гельвецію, съ уваженіемъ отзывались о его книгѣ; не хотѣлось явиться обскурантомъ; казалось, что, давши неодобрительный отзывъ о знаменитой книгѣ, тѣмъ самымъ дѣлаютъ выходку вообще противъ просвѣщенія.

Мы уже видѣли, что при Елисаветѣ между даровитыми и чуткими къ общественнымъ явленіямъ людьми, которые упивались чтеніемъ произведеній французской литературы, находилась и великая княгиня Екатерина. Сильный умъ молодой женщины высказался здѣсь въ томъ, что она отдала свое предпочтеніе Монтескьё, вполнѣ того заслуживавшему. Но слишкомъ ученый, серьезный и охранительный Монтескьё сіялъ вдали спокойнымъ свѣтомъ; болѣе близкія, доступныя свѣтила блистали ярче, производили бо́льшее впечатлѣніе, раздраженіе, и между ними царилъ Вольтеръ. Съ этимъ новымъ могуществомъ считали нужнымъ завести сношеніе и представители старыхъ государствъ, но которые хотѣли прославиться новою дѣятельностью, сообразною съ

провозглашенными потребностями времени. Еще въ началѣ царствованія Елисаветы, въ 1745 году, Вольтеръ, жадный къ извѣстности, почестямъ и отличіямъ всякаго рода, чрезъ извѣстнаго французскаго министра въ Петербургѣ, Дальона, началъ добиваться, чтобъ Петербургская Академія Наукъ избрала его въ свои почетные члены. Дальонъ хлопоталъ въ Академіи, хлопоталъ у канцлера Бестужева,—и Вольтеръ былъ избранъ. Но въ то же время Вольтеръ предложилъ Русскому правительству написать исторію Петра Великаго, прося сообщенія источниковъ [1]). Побужденія понятны: при своей впечатлительности, Вольтеръ не могъ не быть пораженъ величіемъ Преобразователя Россіи и, главное, его просвѣтительною дѣятельностью. Въ памяти Вольтера и его современниковъ запечатлѣлись три царственныхъ образа, стоявшіе на первомъ планѣ въ первой четверти столѣтія, и подобныхъ которымъ послѣдующее время не представляло: Людовикъ XIV, Карлъ XII, Петръ Великій, и Вольтеръ хотѣлъ быть историкомъ всѣхъ троихъ, что ему и удалось исполнить. Но начало царствованія Елисаветы было неблагопріятно для его попытки получить согласіе и помощь Русскаго правительства: литературное движеніе, знакомство съ французскою литературою только еще начинались; канцлеръ Бестужевъ принадлежалъ къ поколѣнію, которое не могло быть подъ обаяніемъ Вольтера, а вражда къ Франціи не могла расположить его въ пользу французскаго писателя, за котораго хлопоталъ Дальонъ. Бестужевъ отозвался, что написаніе исторіи Петра Великаго лучше поручить Петербургской Академіи Наукъ, чѣмъ иностранцу. Обратились къ президенту Академіи Наукъ; Вольтеръ изъявилъ желаніе самъ пріѣхать въ Петербургъ, но Разумовскій отклонилъ и то, и другое.

Вольтеръ не долго дожидался. Вліяніе литературы, во главѣ которой стоялъ онъ, усиливалось все болѣе и болѣе въ Россіи, и одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ литературнаго движенія сталъ самымъ вліятельнымъ лицомъ при Дворѣ Елисаветы: то былъ Ив. Ив. Шуваловъ. При его посредствѣ дѣло скоро уладилось (1757 г.). Вольтеръ сталъ писать исторію Петра Великаго; изъ Россіи обязались доставлять ему матеріалы. Но какъ было это сдѣлать? Кто тогда въ Россіи имѣлъ понятіе о матеріалахъ исторіи Петра Великаго? Кто изучилъ ихъ настолько, чтобъ могъ составить сколько-нибудь удовлетворительное извлеченіе для писателя-иностранца? Шуваловъ обратился за помощью къ знатокамъ. Ломоносовъ, не историкъ по призванію и приготовленію, смотрѣвшій на дѣло преимущественно съ литературной точки зрѣнія, отвѣчалъ: „Къ сему дѣлу, по правдѣ, г. Вольтера никто не можетъ быть способнѣе, только о двухъ обстоятельствахъ нѣсколько подумать должно. Первое,—что онъ человѣкъ опасный и подалъ въ разсужденіи высокихъ особъ худые примѣры своего характера [2]). Второе, хотя довольно можетъ получить отъ насъ записокъ, однако переводъ ихъ на языкъ, ему знакомый, великаго труда и времени требуетъ. Что до сего надлежитъ, то принимаю смѣлость предложить слѣдующее: во-первыхъ, долженъ онъ себѣ сдѣлать краткій планъ, который можетъ сочиненъ быть изъ сокращеннаго описанія дѣлъ государевыхъ, которое я имѣю, къ чему онъ и сочиненный мною панегирикъ не безъ пользы употребить можетъ, ежели на Французскій языкъ переведенъ будетъ. По сочиненіи плана и его сюда сообщеніи, думаю, что лучше къ нему посылать переводы съ записокъ по частямъ, какъ порядокъ въ планѣ покажетъ, а не все вдругъ. Итакъ станетъ онъ сочинять начало, между тѣмъ прочій переводъ поспѣвать можетъ, и такъ сочиненіе скорѣе начаться и къ окончанію приходить имѣетъ. Ускореніе сего дѣла для престарѣлыхъ лѣтъ Вольтеровыхъ весьма надобно У меня сколько есть записокъ о трудахъ великаго нашего монарха,—все для сего предпріятія готовы". Извѣстій о Петрѣ, по увѣренію современниковъ, было переслано много къ Вольтеру; но когда ему хотѣлось уяснить какой-нибудь вопросъ по источникамъ, ему должны были отказывать въ средствахъ или по самой обширности ихъ, или и по другимъ побужденіямъ. Такъ, Вольтеръ требовалъ присылки посольскихъ дѣлъ; Шуваловъ обратился къ Миллеру, и тотъ отвѣчалъ: „Правда, что дипломатическія сношенія входятъ въ исторію государя, но царствованіе Петра Великаго было такъ продолжительно, что почти невозможно привести все переговоры, развѣ написать громадную исторію въ фоліантахъ, что кажется не по генію г. Вольтера". Но если бы было по генію г. Вольтера написать множество фоліантовъ объ исторіи Петра, то какъ бы тогда поступили относительно пересылки посольскихъ дѣлъ? Вольтеру хотѣлось уяснить по русскимъ источникамъ любопытный для Западной Европы вопросъ о степени участія Петра въ намѣреніяхъ Герца возстановить Стюартовъ въ Англіи. Миллеръ отвѣчалъ, что есть напечатанные мемуары, представленные по этому поводу англійскому правительству русскими министрами въ Лондонѣ, Веселовскимъ и Бестужевымъ, и что „не годится историку противорѣчить такимъ подлиннымъ актамъ". Цензура посылаемаго Вольтеру принадлежала Шувалову; такъ, Ломоносовъ писалъ ему: „Сокращенное описаніе самозванцевъ и стрѣлецкихъ бунтовъ, еще переписавъ, имѣю честь подать вашему превосходительству. Сами можете отмѣтить, что вамъ не разсудится за благо перевести на Французскій языкъ. Сокращеніе с житіи государей царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора стараюсь привести къ окончанію подобнымъ образомъ".

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1807 года, № 7.— «Современникъ» 1854 года, № 10 (Статья С.М.Соловьева: Герардъ Фридрихъ Миллеръ).—Пекарскаго—«Исторія Академіи Наукъ» (біографія Миллера и Ломоносова).

[2]) Здѣсь Ломоносов должно быть разумѣлъ отношенія Вольтера къ Фридриху II.

Въ 1759 году вышла первая часть Исторіи Петра Великаго Въ Петербургѣ она не удовлетворила ожиданіямъ, потому что эти ожиданія были очень велики. Упрекали автора въ краткости изложенія, указывая на количество извѣстій, ему пересланныхъ; упрекали за то, что онъ не воспользовался многими изъ этихъ извѣстій и вмѣсто того внесъ свои мнѣнія и сужденія. Но Миллеръ справедливо замѣтилъ, что несообразно было съ геніемъ Вольтера писать громадные фоліанты. Вольтеръ сдѣлалъ все, что могъ, и, несмотря на всѣ недостатки, ошибки и промахи, книга его въ свое время была вовсе не лишняя не только на Западѣ, но и въ Россіи, и стоила тѣхъ шубъ, которыя были отправлены за нее автору. Фридрихъ II былъ страшно раздраженъ тѣмъ, что первый писатель времени посвятилъ свой талантъ прославленію великаго Русскаго царя; раздраженіе понятное: Фридрихъ сладилъ бы и съ Австрійцами, и съ Французами, но Россія приводила его на край погибели, и средства ей для этого даны были Петромъ. „Скажите мнѣ пожалуйста", писалъ онъ Вольтеру [1]), „съ чего это вы вздумали писать исторію волковъ и медвѣдей сибирскихъ? И что вы еще можете разсказать о царѣ, чего нѣтъ въ жизни Карла XII? Я не буду читать исторіи этихъ варваровъ; мнѣ бы даже хотѣлось вовсе не знать, что они живутъ на нашемъ полушаріи". Вольтеръ по поводу этого наивнаго письма писалъ Даламберу: „Люкъ (Luc—такъ Вольтеръ звалъ Фридриха II въ насмѣшку) мнѣ пишетъ, что онъ немножко скандализованъ, что я, по его выраженію, пишу исторію волковъ и медвѣдей; впрочемъ, они вели себя въ Берлинѣ медвѣдями очень благовоспитанными" [2]). Но Вольтеръ не обращалъ большого вниманія на выходки Фридриха и былъ очень доволенъ, что заслужилъ благосклонность Русской государыни. Нѣтъ сомнѣнія, что у него при этомъ были особые виды: при союзѣ Россіи съ Франціею, Елисавета могла упросить Людовика XV снять опалу съ Вольтера, позволить ему возвратиться въ Парижъ, по которомъ Вольтеръ не переставалъ тосковать. Вотъ почему смерть Елисаветы сильно его огорчила: „Моя императрица Русская умерла", писалъ онъ племянницѣ (Флоріанъ), „и по странности моей звѣзды выходитъ, что я потерпѣлъ чрезвычайно большую потерю" [3]).

Черезъ полгода въ Петербургѣ опять перемѣна. Екатерина давно уже сознавала важное значеніе, пріобрѣтенное литературою, то руководительное значеніе, какое получили литературные вожди и патріархъ ихъ—Вольтеръ. Теперь она вступила на престолъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя заставляли ее внутри и внѣ искать союзниковъ, приверженцевъ, оправдателей, хвалителей. Понятно, что, обращаясь на Западъ, желая тамъ внушить уваженіе къ себѣ, довѣріе къ своей силѣ и прочности своего престола, она не могла не остановиться на Вольтерѣ; понятно ея раздраженіе, когда ей шепнули, что Ив. Ив. Шуваловъ, находившійся въ перепискѣ съ Вольтеромъ, внушаетъ царю философовъ невыгодное о ней представленіе [4]). Какъ только Бретейль возвратился въ Петербургъ, императрица велѣла спросить его, знакомъ ли онъ съ Вольтеромъ, и не можетъ ли внушить ему болѣе правильныя представленія о роли, которую играла кн. Дашкова въ событіяхъ 28 іюня [5]). А между тѣмъ изъ петербургскаго дворца уже шли къ Вольтеру письма съ оправданіями этихъ событій: ихъ писалъ его знакомый, Женевецъ Пиктэ, принятый Екатериною для иностранной переписки [6]). Вольтеръ, не имѣвшій ни малѣйшихъ побужденій жалѣть о Петрѣ III-мъ, въ письмахъ къ Шувалову выражалъ свое удовольствіе относительно перемѣны 28 іюня, называя Екатерину Семирамидою [7]). Сначала Екатерина и Вольтеръ обмѣнивались комплиментами въ письмахъ Пиктэ, а потомъ, неизвѣстно съ точностью когда, начинается между ними и непосредственная переписка. По крайней мѣрѣ, въ іюлѣ 1763 года, въ письмѣ къ одному пріятелю, Вольтеръ обнаруживаетъ сильное сочувствіе къ императрицѣ и заботу о ея участи: „Неужели правда, что огонь тлѣетъ подъ пепломъ въ Россіи, что существуетъ большая партія въ пользу императора Ивана; что моя дорогая императрица будетъ низвергнута — и у насъ будетъ новый предметъ для трагедіи"? Опасенія скоро разсѣялись, и Екатерина пріобрѣла въ патріархѣ философовъ самаго ревностнаго приверженца, готоваго защищать ее противъ всѣхъ, противъ Турокъ и Поляковъ, готоваго указывать ей самыя блестящія цѣли: едва ли Вольтеръ не первый сталъ толковать о томъ, что Екатерина должна взять Константинополь, освободить и возсоздать отечество Софокла и Алкивіада, такъ-что Екатерина должна была сдерживать его, слишкомъ разыгравшуюся фантазію.

Но, кромѣ желанія пріобрѣсти такихъ сильныхъ союзниковъ, кромѣ желанія пріобрѣсти высокое мѣсто покровительницы европейскаго просвѣщенія, кромѣ этихъ собственно политическихъ цѣлей, у Екатерины были и другія побужденія, заставлявшія ее сближаться съ самыми видными изъ философовъ. Она была дочь своего вѣка; чуткая въ сильной степени къ высшимъ интересамъ человѣка, она страстно слѣдила за умственнымъ движеніемъ столѣтія и, не сочувствуя здѣсь всему,

[1]) 31 октября 1760. Beuchot, Oeuvres compl. de Voltaire, LIX, 110.

[2]) 31 октября 1760. Beuchot, Oeuvres compl. de Voltaire, LIX, p. 137.

[3]) 31 октября 1760. Beuchot, Oeuvres compl. de Voltaire LIX, p. 155.

[5]) См. выше: «Исторія Россіи», кн. V. т. XXV, стр. 1349.

[4]) La cour de la Russie, p. 231.

[6]) Des noires terres — Voltaire et la société flançaise, 6 série, p. 372.

[7]) Oeuvres compl. LX, 558. Письмо отъ 13 августа 1762. Il ne manquera plus qu'un Ninias à votre Semiramis pour rendre la ressemblance parfaite... Il peut resulter un très-grand bien de ce petit mal.

преклонялась однако вообще предъ движеніемъ, и, ставши самовластною государынею, хотѣла примѣнить его результаты къ устройству народной жизни. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Вольтеру Екатерина писала: „Правда, что мы многаго не понимаемъ изъ того, что къ намъ приходитъ съ Юга. Мы изумляемся, читая произведенія, дѣлающія честь роду человѣческому, и видя, съ другой стороны, какъ мало пользуются ими. Мой девизъ—пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: „полезное“. У васъ низшіе научаютъ,—и легко высшимъ пользоваться этимъ наставленіемъ; у насъ наоборотъ“. Въ другомъ письмѣ читаемъ: „Я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя; благодаря этимъ аксіомамъ, правила, долженствующія служить основаніемъ новымъ законамъ, получили одобреніе тѣхъ, для кого они были составлены. Я думаю, вамъ бы понравилось сидѣть за столомъ, гдѣ сидятъ вмѣстѣ Православный, еретикъ и мусульманинъ, спокойно слушаютъ голосъ идолопоклонника, и всѣ четверо совѣщаются о томъ, чтобъ ихъ мнѣніе могло быть принято всѣми. Они такъ хорошо забыли обычай поджаривать другъ друга, что если-бъ кто-нибудь предложилъ депутату сжечь своего сосѣда въ угоду Высшему Существу, то отвѣчаю, что не было бы ни одного, который бы не отвѣтилъ: „Онъ человѣкъ, какъ и я, а по первому параграфу инструкціи ея императорскаго величества мы должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра и никакого зла“. Увѣряю васъ, что дѣла идутъ буквально такъ, какъ я вамъ говорю: если бы понадобилось подтвержденіе, у меня бы нашлось 640 подписей, съ подписью епископа впереди. На Югѣ быть-можетъ скажутъ: какія времена, какія нравы! но Сѣверъ поступитъ какъ луна, которая идетъ своей дорогой“. Вольтеръ въ своемъ письмѣ выражалъ удивленіе предъ государынею, которая умѣла сдѣлать духовенство полезнымъ и послушнымъ [1]).

Еще прежде чѣмъ началась переписка съ Вольтеромъ, Екатерина обратилась къ Даламберу съ приглашеніемъ пріѣхать въ Россію, для содѣйствія воспитанію наслѣдника престола, цесаревича Павла Петровича [2]). Даламберъ отказался; Екатерина продолжала настаивать; она писала ему: „Я понимаю, что вамъ, какъ философу, не стоитъ ничего презрѣть величіе и почести міра сего; вы рождены или призваны содѣйствовать счастію и даже просвѣщенію цѣлаго народа, и отказаться отъ этого, по моему мнѣнію, значитъ, отказаться дѣлать добро, которому мы такъ преданы; ваша философія основана на человѣколюбіи,—такъ позвольте же мнѣ вамъ сказать, что не отдать себя ему въ служеніе, когда это возможно, значить—уклониться отъ своей цѣли. Я знаю вашу высокую честность, и потому не могу приписать вашего отказа тщеславію: я знаю, что причина заключается въ любви къ спокойствію, въ желаніи посвятить все свое время литературѣ и дружбѣ; но что же мѣшаетъ? Пріѣзжайте со всѣми вашими друзьями, я обѣщаю вамъ и имъ всѣ удовольствія и удобства, отъ меня зависящія, и быть-можетъ вы найдете здѣсь больше свободы и спокойствія, чѣмъ у васъ“. Но Даламберъ рѣшительно отказался. „Если бы дѣло шло о томъ только, чтобъ сдѣлать изъ великаго князя хорошаго геометра“, писалъ онъ: „порядочнаго литератора, быть-можетъ, посредственнаго философа, то я бы не отчаялся въ этомъ успѣтъ; но дѣло идетъ вовсе не о геометрѣ, литераторѣ, философѣ,—а о великомъ государѣ, а такого лучше васъ, государыня, никто не можетъ воспитать“. Нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ отказа заключалась въ томъ, что не было увѣренности въ прочности положенія Екатерины.

Отказъ не повелъ къ ссорѣ; переписка продолжалась; Даламберъ жаловался на гоненія, жаловался, что за сочиненіе его объ „Уничтоженіи іезуитовъ“, сочиненіе, одинаково полезное религіи и государству, у него отняли пенсію, которая слѣдовала ему отъ Академіи Наукъ; при этомъ, писалъ Даламберъ, утѣшеніемъ служило ему то, что король не зналъ объ этой несправедливости. Екатерина отвѣчала: „У васъ, во Франціи, должно быть большое количество великихъ людей, если ваше правительство не считаетъ себя обязаннымъ покровительствовать тѣмъ, которыхъ генію удивляются въ странахъ самыхъ отдаленныхъ. Вы находите для себя утѣшеніе въ томъ, что король Французскій не знаетъ объ оказанной вамъ несправедливости: я нахожу, что это вовсе не утѣшительно для него; вѣроятно, окружающіе его по деликатности не даютъ ему знать объ этомъ. На Сѣверѣ (безъ сомнѣнія, климатъ тому причиною, здѣсь чувства не такъ утончены), на Сѣверѣ государямъ не позволяютъ не знать объ отличныхъ умахъ, имѣющихъ право на ихъ милости. Они обязаны поощрять таланты: иначе заподозрятъ, что у нихъ самихъ нѣтъ талантовъ“.

Не забытъ былъ и третій знаменитый философъ, имя котораго неразлучно съ именемъ Вольтера и Даламбера,—Дидро. Екатерина купила у Дидро его библіотеку за 15,000 ливровъ, оставила ее у него въ пожизненное пользованіе и назначила ему еще 1,000 франковъ, какъ хранителю ея книгъ. Вольтеръ писалъ въ восторгѣ: „Кто бы могъ вообразить, 50 лѣтъ тому назадъ, что придетъ время, когда Скиѳы будутъ такъ благородно вознаграждать въ Парижѣ добродѣтель, знаніе, философію, съ которыми такъ недостойно поступаютъ у

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ., X, 35, 38.

[2]) Я такъ выражаюсь, основываясь на собственныхъ словахъ Екатерины: «pour contribuer à l'education de mon fils». Сборн. Русск. Истор. Общ., VII, 179.

насъ?" [1])—„Вся литературная Европа рукоплещетъ отличному знаку уваженія и милости, какой ваше императорское величество оказали Дидро; онъ достоинъ его во всѣхъ отношеніяхъ по своимъ добродѣтелямъ, талантамъ, сочиненіямъ и положенію", писалъ Даламберъ императрицѣ. Екатерина отвѣчала: „Я не предвидѣла, что покупкою библіотеки Дидро пріобрѣту себѣ столько похвалъ. Было бы жестоко разлучить ученаго съ его книгами; мнѣ часто случалось бояться, чтобъ меня не разлучили съ моими книгами, поэтому встарину было у меня правило никогда не говорить о моихъ чтеніяхъ. Мой собственный опытъ запретилъ мнѣ доставлять это огорченіе другому" [2]). Мы не знаемъ, во сколько справедливо, что Екатерина, будучи великою княгинею, могла опасаться, что ее разлучать съ книгами; по крайней мѣрѣ, она не говоритъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ.

Новая литературная сила была привлечена; но одновременно съ этою силой въ Парижѣ явилась другая сила. Литераторы имѣли нужду собираться вмѣстѣ; кромѣ того, явилась надобность въ посредствующихъ мѣстахъ, гдѣ бы литераторы могли сходиться съ представителями старой силы,—представителями знати, высшаго общества. Человѣкъ, могшій, умѣвшій собирать въ своей гостиной отборное по уму, талантамъ и положенію общество, естественно получалъ большую силу, важное значеніе, и нѣтъ ничего удивительнаго, что это значеніе было пріобрѣтено тремя женщинами, записавшими свои имена въ исторіи умственнаго движенія XVIII вѣка; эти имена: Дюдеффанъ, Леспинассъ и Жоффрэнъ. Преимущественно послѣдняя обладала въ высшей степени способностью „держать литературную гостиную". Выдающійся талантъ, обширная ученость могли только мѣшать въ этомъ дѣлѣ: они давили бы общество, не давали ему простора, а между тѣмъ хозяину литературной гостиной нельзя также исчезнуть нравственно: онъ долженъ держать связь, посредничать, онъ долженъ разгадать извѣстную трудную загадку—царствовать, а не управлять. Г-жа Жоффрэнъ разгадала эту загадку. Она вовсе не была ученая женщина и имѣла тактъ нисколько не скрывать недостатковъ своего образованія, доходившихъ до незнанія ороографіи; но своимъ здравымъ смысломъ и вмѣстѣ женскою мягкостью умѣла внушать своимъ даровитымъ и ученымъ посѣтителямъ чрезвычайное къ себѣ уваженіе и привязанность; между ними и ею устанавливались родственныя отношенія; она становилась матерью, готовою помочь каждому и словомъ и дѣломъ,—а извѣстно, что дѣти съ большею охотой обращаются за помощью къ матерямъ, чѣмъ къ отцамъ. Благодаря этимъ качествамъ, г-жа Жоффрэнъ стала знаменитою держательницей литературной гостиной, стала силой; ни одинъ значительный путешественникъ не оставлялъ Парижа, не добившись чести быть представленнымъ г-жѣ Жоффрэнъ, вслѣдствіе чего извѣстность ея скоро перешла границы Франціи; съ одинакимъ уваженіемъ относились къ ней при Вѣнскомъ и Петербургскомъ Дворахъ, и Екатерина сочла нужнымъ войти съ нею въ непосредственную переписку.

Мы видѣли, въ какомъ непріятномъ положеніи находилась Екатерина лѣтомъ и осенью 1764 года, по поводу Шлюссельбургскаго происшествія. Когда прошло первое безпокойство относительно важности и обширности заговора, являлся неотвязчивый и мучительный вопросъ: что̀ скажутъ? особенно что̀ скажутъ на этомъ Западѣ, гдѣ о Русскихъ дѣлахъ имѣютъ такъ мало понятія, не хотятъ и не могутъ вникать въ ихъ подробности, судятъ по первому впечатлѣнію и судятъ обыкновенно криво, зложелательно? Повѣрятъ-ли, что Мировичъ дѣйствовалъ по собственному побужденію? Дѣйствительно, на Западѣ поспѣшили засудить безъ суда, и пошли недоброжелательные толки насчетъ участія Екатерины въ дѣлѣ. Вольтеръ и Даламберъ толковали въ этомъ же смыслѣ: первый горячился, второй отзывался цинически [3]). Но когда эти господа позволяли себѣ относиться къ дѣлу съ женскою легкостью и страстью къ сплетнѣ, Жоффрэнъ отнеслась къ нему съ мужскою серьезностью и спокойствіемъ: она желала одного,—чтобы дѣлу была дана полная гласность. Екатерина писала ей: „Мое дурное расположеніе духа прошло; извиняюсь, что писала вамъ въ эти минуты, когда это гнусное дѣло такъ меня печалило и давило. Я исполнила ваши желанія, велѣла вести дѣло со всевозможною обстоятельностью, разборъ процесса былъ сдѣланъ публично, приговоръ произнесенъ открыто, въ которомъ я ничего не перемѣнила; все будетъ напечатано. Завистники мои воспользуются случаемъ, чтобъ позлословить; но я успокоиваюсь на искренности и правдивости моего поведенія и презираю тѣхъ, которые ошибутся относительно моей души" [4]). Но Жоффрэнъ была недовольна тѣмъ, зачѣмъ Екатерина издала манифестъ съ изложеніемъ дѣла; она писала Станиславу Понятовскому: „Оставляя въ сторонѣ факты, находятъ, что она (Екатерина) издала смѣшные манифесты, особенно манифестъ о смерти Ивана: она вовсе не была обязана что-нибудь говорить объ этомъ; процессъ Мировича былъ совершенно достаточенъ, въ немъ дѣло являлось просто и ясно. Думаю, что я ее хорошо знаю, и думаю, что она нуждается въ руководствѣ. Боюсь, чтобъ ея умъ и страсть къ остроумію не увлекли бы ея куда-нибудь" [5]). Мы видѣли, что сама Екатерина сознавала въ себѣ эту страстность, заставлявшую ее принимать слишкомъ быстрыя рѣшенія; сама сознавала необходимость человѣка, который бы ее сдерживалъ.

Жоффрэнъ написала самой Екатеринѣ свое мнѣ-

[1]) Oeuvres complètes, LXII, 311, 312, письмо къ Дамилавилю 1765 г.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ., X. 45.

[3]) Voltaire, Oeuvres complètes t. LXII, 7, 11, 38.

[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ., I, 257.

[5]) Correspondance inédite du roi St.-Aug. Poniatovski et de M-me Geoffrin, 122.

ніе о манифестѣ. Та разгорячилась, и въ горячности написала неудачную защиту, не удержавшись и отъ нѣкоторыхъ рѣзкостей: „Вы разсуждаете о манифестѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Онъ былъ сочиненъ вовсе не для иностранныхъ державъ, а для того, чтобъ увѣдомить Россійскую имперію о смерти Ивана; надобно было сказать, какъ онъ умеръ; болѣе ста человѣкъ были свидѣтелями его смерти и покушенія измѣнника: не было поэтому возможности не написать обстоятельнаго извѣстія; не сдѣлать этого значило—подтвердить злонамѣренные слухи, распускаемые министрами Дворовъ завистливыхъ и враждебныхъ ко мнѣ; шагъ былъ деликатный; я думала, что всего лучше сказать правду. У васъ болтаютъ о манифестѣ, но у васъ болтали и о Господѣ Богѣ, и здѣсь также болтаютъ иногда о Французахъ. Вѣрно то, что здѣсь этотъ манифестъ и голова преступника прекратили всякую болтовню. Слѣдовательно цѣль была достигнута манифестомъ,—ergo онъ былъ хорошъ".

Императрица описывала Жоффрэнъ свой день, свои занятія: „Я встаю въ 6 часовъ постоянно, читаю и пишу одна до осьми". Екатерина открыла Жоффрэнъ, что она писала отъ 6 до 8 часовъ утра: это была знаменитая законодательная работа, изданная потомъ подъ именемъ „Наказа коммисіи объ Уложеніи". Постоянно работая головою, питая ее обильною пищей посредствомъ чтенія, Екатерина рано начала записывать свои мысли; но это записываніе не было безцѣльнымъ занятіемъ. „Я желаю только добра странѣ, куда Богъ меня привелъ", писала Екатерина, будучи великою княгинею: „Богъ мнѣ въ этомъ свидѣтель. Слава страны составляетъ мою собственную. Вотъ мой принципъ; была бы я очень счастлива, если-бъ мои идеи могли этому способствовать". Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ идей, которыя записала Екатерина: „Противно христіанской религіи и правосудію обращать въ рабство людей (которые всѣ родятся свободными). Церковный соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ въ Германіи, Франціи, Испаніи и т. д. Такой переворотъ теперь въ Россіи не былъ бы средствомъ пріобрѣсть любовь землевладѣльцевъ, исполненныхъ упорства и предразсудковъ. Но вотъ легкій способъ: постановить, чтобъ впредь, при продажѣ имѣнія, крестьяне освобождались; въ теченіи ста лѣтъ всѣ или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть земель мѣняетъ господъ—и вотъ народъ свободный.—Свобода—душа всѣхъ вещей: безъ тебя все мертво. Я хочу, чтобъ повиновались законамъ, а не рабовъ. Хочу общей цѣли—сдѣлать счастливыми, а не каприза, ни странностей, ни жестокости. Когда правда и разумъ на нашей сторонѣ, должно выставить ихъ предъ глаза народу, сказать: такая-то причина привела меня къ тому-то, разумъ долженъ говорить за необходимость. Будьте увѣрены, что онъ возьметъ верхъ въ глазахъ толпы: сдаются истинѣ, но рѣдко сдаются рѣчамъ тщеславнымъ. Миръ необходимъ этой обширной имперіи; мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ; наполните жителями наши обширныя пустыни, если возможно. Для этого я не думаю, чтобы полезно было принуждать нашихъ инородцевъ къ принятію христіанства; многоженство полезнѣе для увеличенія народонаселенія. Вотъ правила для внутренней политики. Относительно внѣшней—миръ доставитъ намъ больше значенія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной. Власть безъ довѣрія народнаго ничего не значитъ для того, кто хочетъ быть любимымъ и славнымъ; этого легко достигнуть: примите за правило вашихъ дѣйствій и уставовъ благо народное и правосудіе, неразлучныя другъ съ другомъ. Изданіе новаго закона есть дѣло, сопряженное со множествомъ неудобствъ, оно требуетъ самаго напряженнаго размышленія и благоразумія; единственное средство узнать—хорошо или дурно ваше постановленіе—это распространить о немъ слухъ на рынкѣ и велѣть доносить вамъ, что объ немъ говорятъ; но кто вамъ донесетъ о послѣдствіяхъ въ будущемъ?—Больше всего остерегайтесь издать законъ и потомъ отмѣнить его,—въ этомъ обнаружится ваше неблагоразуміе и слабость, и вы лишитесь довѣрія народнаго, если только это не будетъ законъ временный: въ такомъ случаѣ объявить сначала объ этомъ, обозначить причины и срокъ, по истеченіи котораго можно возобновить его или отмѣнить. Я желаю ввести, чтобъ изъ лести мнѣ говорили истину; даже придворный пойдетъ на это, когда увидитъ, что вы это любите и что это путь къ милости. Кто не уважаетъ заслугъ,—самъ ихъ не имѣетъ; кто не старается отыскать заслуги и не открываетъ ея, тотъ недостоинъ и неспособенъ царствовать. Самый варварскій и достойный Турокъ обычай—сначала наказать, а потомъ производить слѣдствіе. Если вы найдете человѣка виновнымъ, что̀ вы будете дѣлать?—онъ уже наказанъ. Будете ли вы имѣть жестокость наказать его два раза? А если онъ невиненъ, то чѣмъ вознаградите его за несправедливый арестъ, за безчестіе, лишеніе должности и проч.? Всего больше ненавижу я конфискацію имущества виновныхъ; ибо кто на землѣ можетъ отнять у дѣтей и всѣхъ нисходящихъ наслѣдство, которое они получаютъ отъ самого Бога? Не знаю, мнѣ кажется, всю мою жизнь я буду чувствовать отвращеніе къ чрезвычайнымъ суднымъ коммисіямъ, особенно секретнымъ. Зачѣмъ отнимать у обыкновенныхъ судовъ дѣла, подлежащія ихъ вѣдѣнію? Быть стороною и назначать еще судей—значитъ показывать, что боишься имѣть правосудіе и законы противъ себя. Пускай знатный человѣкъ судится Сенатомъ, какъ въ Англіи; во Франціи пэръ судится пэрами. Не будетъ больше опасности позволить нашимъ молодымъ людямъ заграничное путешествіе (часто боятся, чтобъ они не ушли совсѣмъ), когда сдѣлаютъ имъ отечество любезнымъ; я заключаю великій смыслъ въ этомъ словѣ. Государство не много потеряетъ, если ли-

шится двухъ или трехъ пустыхъ головъ; и если отечество будетъ таково, какимъ я желаю его видѣть, то мы будемъ имѣть больше новобранцевъ, чѣмъ бѣглецовъ; издалека приходили бы за нашими дѣвушками и приводили бы своихъ къ намъ; разъ дѣло пойдетъ такимъ образомъ, то просвѣщеніе распространится нѣсколькими поколѣніями ранѣе и тамъ, гдѣ его теперь нѣтъ. Снисхожденіе, примирительный духъ государя сдѣлаютъ болѣе, чѣмъ милліоны законовъ, и политическая свобода дастъ душу всему. Часто лучше внушать преобразованія, чѣмъ вводить ихъ властію" [1]). Изъ этихъ замѣтокъ видно, какъ мысль Екатерины давно уже работала надъ законодательными вопросами, подъ вліяніемъ прочитаннаго изъ западной современной литературы, и преимущественно подъ вліяніемъ книги Монтескьё. Въ письмахъ къ Даламберу и г-жѣ Жоффрэнъ видно, какъ Екатерина относилась къ этой книгѣ. Обѣщая прислать свой Наказъ, Екатерина пишетъ Даламберу: „Вы увидите, какъ для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескьё, не называя его: надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, то проститъ этотъ литературный грабежъ для блага двадцати милліоновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать. Онъ такъ любилъ человѣчество, что не будетъ формализироваться, его книга—это мой молитвенникъ" [2]). Упрекая Жоффрэнъ въ странномъ мнѣніи, что въ Россіи дѣти наслѣдуютъ отцамъ только съ соизволенія государя, Екатерина писала: „Правда, что до меня конфискація производилась слишкомъ легко, но я это уничтожила во многихъ случаяхъ, и законодательство въ этомъ отношеніи будетъ совершенно измѣнено. Имя президента Монтескьё, упомянутое въ вашемъ письмѣ, вырвало у меня вздохъ; если-бъ онъ былъ живъ, я бы не пощадила..... Но нѣтъ, онъ бы отказался, какъ и..... (Даламберъ). Его „Духъ Законовъ" есть молитвенникъ государей, если только они имѣютъ здравый смыслъ" [3]).

Въ одномъ изъ писемъ къ Жоффрэнъ Екатерина говоритъ вообще о вліяніи новой философской литературы на сочиненіе Наказа: „Прошу васъ сказать Даламберу, что я скоро пришлю ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ служить сочиненія геніальныхъ людей, когда хотятъ дѣлать изъ нихъ употребленіе; надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ этимъ трудомъ; хотя онъ и написанъ перомъ новичка, но я отвѣчаю за исполненіе на практикѣ" [4]). Въ іюнѣ Екатерина писала той же Жоффрэнъ: „64 страницы о законахъ готовы, остальное явится по возможности; я отошлю эту тетрадь г. Даламберу; я все здѣсь сказала и послѣ этого не скажу ни слова всю жизнь; всѣ тѣ, которые видѣли мою работу, единодушно говорятъ,

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ., VII, 82 и слѣд.
[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ., X, 31.
[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ., I, 269.
[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ., 272.

что это верхъ совершенства, но мнѣ кажется, что еще надобно почистить; я не хотѣла, чтобъ ктонибудь мнѣ помогалъ, боюсь, чтобъ помощники не нарушили единства" [5]). Сходно съ этимъ Екатерина говоритъ о Наказѣ въ своей запискѣ о томъ, въ какомъ состояніи она нашла Россію при своемъ воцареніи: „Всѣ требовали и желали, чтобъ законодательство было приведено въ лучшій порядокъ. Я начала читать, потомъ писать Наказъ Коммисіи Уложенія. Два года я и читала, и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобъ довести до высшей степени благополучіе всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способностямъ и, между прочими, князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: „Ce sont des axiomes à renverser des murailles" (это аксіомы, способныя разрушить стѣну). Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ" [6]). Мы еще обратимся въ своемъ мѣстѣ къ этому произведенію Екатерины.

Даламберъ не поѣхалъ въ Россію содѣйствовать воспитанію великаго князя, и это воспитаніе производилось своими домашними средствами. Главнымъ руководителемъ оставался попрежнему Ник. Ив. Панинъ; изъ его помощниковъ въ дѣлѣ воспитанія рѣзко выдѣлялся молодой офицеръ, учитель математики, Семенъ Андреевичъ Порошинъ, воспитанникъ кадетскаго корпуса. Родившійся въ годъ восшествія на престолъ Елисаветы, Порошинъ принадлежалъ къ тому поколѣнію даровитыхъ Русскихъ людей, которые съ жаромъ примкнули къ начавшемуся тогда литературному движенію; знаніе иностранныхъ языковъ, давая возможность удовлетворить жаждѣ къ чтенію, расширило его умственный горизонтъ; онъ съ уваженіемъ относился къ вождямъ такъ называемаго просвѣтительнаго движенія на Западѣ, но уваженіе не переходило въ увлеченіе; подобно Екатеринѣ, Порошинъ принялъ за образецъ пчелу, которая изъ разныхъ растеній высасываетъ только то, что ей надобно. Порошинъ умѣлъ остаться Русскимъ человѣкомъ, горячимъ патріотомъ, имѣвшимъ прежде всего въ виду пользу и славу Россіи. Съ этимъ-то высокимъ значеніемъ образованнаго человѣка и горячаго партіота явился Порошинъ среди людей, призванныхъ участвовать въ воспитаніи наслѣдника престола, и, разумѣется, немедленно же обратилъ на себя вниманіе и пріобрѣлъ болѣе другихъ вліянія надъ ребенкомъ. Главная цѣль Порошина при вос-

[5]) Сборн. Русск. Истор. Общ., 276.
[6]) Записка въ Государ. Архивѣ.

питанія будущаго государя состояла въ томъ, чтобъ внушить ему горячую, безпредѣльную любовь къ Россіи, уваженіе къ Русскому народу, къ знаменитымъ дѣятелямъ его исторіи. При этомъ Порошинъ долженъ былъ бороться съ большими трудностями, часто испытывать горькую досаду. Десятилѣтній великій князь постоянно слышалъ вокругъ себя о процвѣтаніи наукъ и искусствъ на Западѣ, слышалъ постоянныя похвалы тамошнему строю быта вообще, отзывы о тамошнемъ богатствѣ, великолѣпіи, о томъ какъ Россія отстала отъ Западной Европы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, причемъ нѣкоторые позволяли себѣ отзываться о русскомъ и Русскихъ даже съ презрѣніемъ. Порошинъ считалъ своею обязанностью уничтожить впечатлѣніе, производимое подобными разговорами на великаго князя. Разумѣется, Петръ Великій съ своею небывалою въ исторіи дѣятельностію, заставившею Западную Европу съ уваженіемъ обратиться къ Россіи, выручалъ здѣсь Порошина: за то съ какимъ же благоговѣніемъ относился онъ къ Преобразователю, къ его сподвижникамъ и птенцамъ! Но и тутъ искушеніе. Времена Петра Великаго были еще въ свѣжей памяти, а между тѣмъ прошло уже царствованіе Елисаветы, отучившее отъ крови, произведшее посредствомъ литературныхъ вліяній переворотъ въ нравственныхъ понятіяхъ; по мѣркѣ этихъ новыхъ понятій время Петра являлось уже грубымъ и жестокимъ. Не было исторіи, но было множество анекдотовъ, которые своими живыми красками производили особенно сильное впечатлѣніе. Порошинъ, не имѣя поддержки въ несуществовавшей тогда исторической наукѣ, разумѣется, долженъ былъ обращаться къ общему разсужденію, что всякій человѣкъ, какъ бы великъ ни былъ, имѣетъ недостатки; но представленіе великаго человѣка настоящимъ, живымъ человѣкомъ съ великими качествами, великими страстями и неразлучными съ человѣческою природою ошибками,—такое представленіе мало доступно ребенку, да и не ребенку только: и взрослый съ великимъ трудомъ достигаетъ до такого по возможности цѣльнаго представленія; ему гораздо легче представлять историческихъ дѣятелей сплошными, окрашенными въ одинъ цвѣтъ, бѣлый — такъ весь бѣлый, черный — такъ весь черный.

Порошинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что однажды „говорили о нашемъ факторѣ, который въ Ливорнѣ, что его весьма тамъ хорошо принимаютъ. Его высочество спросить изволилъ: а кто таковъ этотъ факторъ? На сей русскій вопросъ отвѣтствовалъ тутъ нѣкто, не сказавъ о его имени: „C'est un Russe, monseigneur. Il est pourtant un homme assez entendu". „Я желалъ бы (слова Порошина), чтобъ въ уши великаго князя меньше такихъ выраженій входило: въ такомъ бы случаѣ лучше соблюли мы пользу свою. Когда Всевышній обрадуетъ насъ и сподобитъ увидѣть государя цесаревича въ совершенномъ возрастѣ, тогда по остротѣ своей, конечно, самъ онъ увидитъ, какіе есть въ нашемъ народѣ недостатки. Но разность тутъ такую я предвижу, что ежели вложена въ него будетъ любовь и горячность къ народу, то, усматривая народныя слабости, будетъ усматривать, какія есть въ немъ достоинства и добродѣтели, и объ отвращеніи тѣхъ слабостей, такъ, какъ чадолюбивый отецъ, пещись и стараться будетъ; а что ежели, напротивъ того, отъ неосторожныхъ рѣчей или ненавистныхъ внушеній получитъ отвращеніе и презрѣніе къ народу, то будетъ видѣть въ немъ одни только пороки и слабости, не видя его добродѣтелей,—пренебрегать, а не исправлять ихъ, гнушаться именемъ Россіянина. А отъ сего какія для отечества и для него самого произойтить могутъ слѣдствія,—всякой, подумавъ назадъ кое о чемъ (т.-е. о Петрѣ III), легко разсудитъ". Въ другое время, за обѣдомъ, разговаривали о придворныхъ маскарадахъ. „Говорили, что ежели такъ продолжаться будетъ, то немногіе современемъ станутъ и ѣздить: стола нѣтъ, пить ничего не допросишься, кромѣ кислыхъ щей; игры нѣтъ. Иные говорили тутъ, что та бѣда, что у насъ на даровое падки, и если-бъ все давать, такъ изошло бы много. Сіе примѣчаніе, сказанное при его высочествѣ, весьма мнѣ не понравилось, ибо такіе разговоры вкоренить въ него могутъ худую идею о характерѣ нашей публики скорѣе, нежели-бъ прямо кто ругать ее при немъ сталъ".

Однажды великій князь хвалилъ письменный столъ, сдѣланный русскими ремесленниками, и прибавилъ: „Такъ-то нынѣ Русь умудрися"! Порошинъ не упустилъ случая сказать, что „нынѣ у насъ много весьма добрыхъ мастеровыхъ людей; что все это заведеніе его прадѣдушки, государя Петра Великаго; что то, что имъ основано, можно бы довести и до совершенства, если-бъ не пожалѣть трудовъ и размышленія".

Но скоро послѣ этого другой разсказъ: „Пострадалъ я сегодня за столомъ ужасно. И какъ не страдать, когда вотъ что происходило: разговорились мы о государѣ Петрѣ Великомъ; нѣкто, прешедъ молчаніемъ всѣ великія качества сего монарха, о томъ только твердить разсудилъ за благо, что государь часто напивался допьяна и билъ министровъ своихъ палкою. Потомъ, какъ началъ онъ выхвалять Карла XII, короля Шведскаго, и я сказалъ ему, что Вольтеръ пишетъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи государя Петра Великаго первымъ солдатомъ, то спросилъ у него его высочество: неужели это такъ. На сіе говорилъ онъ его высочеству, что можетъ быть и написано, однако то крайнее ласкательство; наконецъ, какъ я говорилъ о письмахъ государевыхъ, которыя онъ изъ чужихъ краевъ писалъ сюда къ своимъ министрамъ, и упоминалъ, что для лучшаго объясненія его исторіи надобно непремѣнно имѣть и тѣ письма; что я многія у себя имѣю и прочее, то первый нѣкто никакого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только,

какъ смѣшны эти письма тѣмъ, что государь въ нихъ писывалъ иногда: „Мингеръ адмиралъ", и подписывалъ: „Питеръ". Признаюсь, что такія рѣчи жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать запальчивость. Я всему разумному и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе, пристойно ли, чтобы престола Россійскаго наслѣдникъ и государя Петра Великаго родной правнукъ такимъ недоброхотнымъ разговорамъ былъ свидѣтель? Чьи дѣла большее въ немъ возбудить вниманіе, сильнѣйшее произвесть въ немъ дѣйствіе и для свѣдѣнія его нужнѣе быть могутъ, какъ дѣла Петра Великаго? Они по всей подсолнечной громки и велики, превозносятся съ восторгомъ сыновъ Россійскихъ устами. Если бы не было никогда на Россійскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, то-бъ полезно было и вымыслить такова, его высочеству для подражанія. Мы имѣемъ толь преславнаго героя,— и что дѣлается? Я не говорю, чтобъ государь Петръ Великій совсѣмъ никакихъ не имѣлъ недостатковъ. Но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ"! Порошинъ счелъ нужнымъ читать своему воспитаннику Вольтерову „Исторію Петра Великаго", и при всякомъ удобномъ случаѣ самъ разсказывалъ о Петрѣ что̀ зналъ; очень былъ доволенъ, когда и другіе говорили „съ должными похвалами". Когда однажды зашелъ разговоръ, что большая разница между дерзостью и неустрашимостью, то Порошинъ „говорилъ о государѣ Петрѣ Великомъ, что онъ отъ природы, какъ сказываютъ, не весьма храбръ былъ, но что слабость свою преодолѣвалъ разсужденіемъ, и въ безчисленныхъ случаяхъ показывалъ удивительное мужество, что не токмо не умаляетъ его великости, но еще утверждаетъ ее". Легко понять, какъ сочувствовалъ Порошинъ людямъ, одинаково съ нимъ смотрѣвшимъ на Петра; такъ читаемъ въ его запискахъ: „Говоря о предпріятіяхъ сего государя, сказалъ графъ Иванъ Григорьевичъ (Чернышевъ) съ нѣкоторымъ восхищеніемъ—и слезы на глазахъ имѣя: „Это истинно Богъ былъ на земли во времена отцовъ нашихъ"! Для многихъ причинъ несказанно радъ я былъ такому восклицанію".

Не одинъ разъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ доставлялъ счастливыя минуты Порошину. „Никита Ивановичъ (Панинъ) и графъ Иванъ Григорьевичъ разсуждали, что если-бъ въ другихъ мѣстахъ жить такъ оплошно, какъ мы здѣсь живемъ, и такъ открыто, то-бъ давно все у насъ перекрали и насъ бы перерѣзали. Причиною такой у насъ безопасности, полагали Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ, добродушіе и основательность нашего народа вообще. Графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ сказалъ къ тому: „Повѣрьте мнѣ, это только глупость. Нашъ народъ есть то, чѣмъ хотятъ, чтобъ онъ былъ". Его высочество на сіе послѣднее изволилъ сказать ему: „А что-жь, развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ былъ онъ? Въ этомъ, мнѣ кажется, худобы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобъ тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ". Разговаривая о полицій-мейстерахъ, сказалъ графъ Александръ Сергѣичъ: „Да гдѣ-жь у насъ возьмешь такого человѣка, чтобъ данной большой ему власти во зло не употребилъ"! Государь съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: „Что-жь, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ"? Замолчалъ онъ тутъ. Послѣ стола, отведши великаго князя, хвалилъ его графъ Иванъ Григорьичъ за доброе его о здѣшнихъ гражданахъ мнѣніе и за сдѣланный отвѣтъ графу Александру Сергѣичу".

Порошинъ разсказывалъ великому князю, что во время пожара, бывшаго у него въ сосѣдствѣ, четверо какихъ-то офицеровъ гвардіи напали на одного человѣка, который шелъ по улицѣ въ малиновомъ платьи съ позументомъ. Цесаревичъ сказалъ на это: „Человѣкъ-отъ въ малиновомъ кафтанѣ ужъ, конечно, былъ Нѣмецъ". Порошинъ не вытерпѣлъ: „По какой причинѣ изволили вы молвить, что въ малиновомъ кафтанѣ былъ Нѣмчинъ? Ежели то было въ такомъ мнѣніи, будто бы Русскій человѣкъ не могъ имѣть столько мужества и предпріимчивости, то весьма изволите въ томъ ошибаться: храбрость Россійскаго народа и многія изящныя его дарованія какъ по исторіи извѣстны, такъ и на нашей памяти въ послѣднюю войну всему свѣту доказаны и отъ самихъ непріятелей нашихъ признаны. Сверхъ того, такіе вашего величества отзывы весьма вамъ могутъ быть вредны: можете расхолодить сердца, которыя нынѣ всѣ единодушно горятъ къ вамъ усердіемъ и вѣрностью". — „Государь цесаревичъ", говоритъ Порошинъ, „самъ очень былъ тронутъ и божился мнѣ, что ему подумалось, что въ малиновомъ кафтанѣ человѣкъ началъ ссору, и что ему кажется, что всегда въ малиновыхъ кафтанахъ Нѣмцы по трактирамъ ходятъ и забіячества начинаютъ". Когда такимъ образомъ внушалось постоянно объ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ Русскаго народа, дававшихъ ему способность къ успѣхамъ впередъ на всѣхъ поприщахъ, то легко было говорить прямо о томъ, какъ въ настоящее время Россія отстала отъ Западной Европы въ матеріальномъ отношеніи. Ник. Ив. Панинъ разсказывалъ, что онъ ѣхалъ изъ Швеціи въ Россію чрезъ городъ Торнео. „Каковъ этотъ городъ"? спросилъ великій князь: „хуже нашего Клину или лучше"? Панинъ отвѣчалъ: „Ужъ Клину-то нашего. Намъ, батюшка, нельзя еще о чемъ бы то ни было разсуждать въ сравненіи съ собою. Можно разсуждать такъ, что это тамъ дурно, это хорошо, отнюдь къ тому не примѣняя, что у насъ есть. Въ такомъ сравненіи мы вѣрно всегда потеряемъ".

По печальному опыту предшествовавшаго царствованія, считали нужнымъ предупредить въ великомъ князѣ развитіе привязанности къ иностран-

ному владѣнію, наслѣдованному отъ отца. Порошинъ разсказываетъ подъ 26 числомъ августа 1765 года: „На сихъ дняхъ получено извѣстіе о кончинѣ Цесаря (Франца I-го). Долго говорили между прочимъ его высочеству, что сія кончина ему, какъ принцу Нѣмецкой имперіи, болѣе всѣхъ должна быть чувствительна: каковъ-то милостивъ будетъ къ нему новый Цесарь и проч. Никита Ивановичъ и графъ Захаръ Григорьевичъ (Чернышевъ) пристали также къ сей шуткѣ и надъ великимъ княземъ шпыняли. Онъ изволилъ все отвѣчать: „Что вы ко мнѣ пристали? Какой я Нѣмецкій принцъ:— я великій князь Россійскій". Графъ Иванъ Григорьевичъ (Чернышевъ) подкрѣплялъ его".

Тотъ же печальный опытъ заставлялъ при воспитаніи великаго князя относиться съ большою осторожностью къ военнымъ упражненіямъ. Порошинъ оставилъ намъ по этому поводу такое разсужденіе: „Его императорское высочество пріуготовляется къ наслѣдію престола величайшей въ свѣтѣ имперіи Россійской; многочисленное и преславное воинство ждать будетъ его мановенія, науки и художества—просить себѣ проницанія его и покровительства; коммерція и мануфактуры—неутомимаго попеченія и вниманія; пространныя рѣки—удобнаго соединенія требовать будутъ; словомъ сказать, обширное государство неисчетные пути откроетъ, гдѣ можетъ поработать ученіе, остроуміе и глубокомысліе великое, и по которымъ истинная слава во всей вселенной промчится и въ роды родовъ не умолкнетъ. Такія ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелкости? Я не говорю, чтобъ государю совсѣмъ не упоминать про дѣло военное. Никакъ!—въ томъ опять сдѣлано было бы упущеніе; но надобно влагать въ мысли его такія свѣдѣнія, которыя составляютъ великаго полководца, а не исправнаго капитана или прапорщика. Сверхъ сего, въ бездѣльи пускаться весьма опасно. Они и такого человѣка, который совсѣмъ къ нимъ не склоненъ, притянуть къ себѣ могутъ. Лѣности нашей то весьма угодно, а тщеславіе не преминетъ уже стараться прикрыть все видомъ пользы и необходимости. Легче въ бездѣлкахъ упражняться, нежели въ дѣлахъ великихъ. Такимъ образомъ, пораздумавшись, положилъ я себѣ твердо, чтобъ государю къ этимъ и тому подобнымъ мелочамъ отнюдь вкусу не давать, а стараться какъ можно пріучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государскія великости достойнымъ". Вотъ почему Порошинъ съ восторгомъ упоминаетъ объ одномъ военномъ разговорѣ, происходившемъ въ присутствіи великаго князя. „Обѣдали у насъ графы Захаръ Григорьевичъ и Иванъ Григорьевичъ Чернышевы, Петръ Ив. Панинъ, вице-канцлеръ кн. Александръ Мих. Голицынъ, Мих. Мих. Философовъ, Александръ Өед. Талызинъ и кн. Петръ Вас. Хованскій. Говорили по большей части графъ Захаръ Григорьевичъ и Петръ Ивановичъ о военной силѣ Россійскаго государства, о способахъ, которыми войну производить должно въ ту или другую сторону предѣловъ нашихъ, о послѣдней войнѣ Прусской и о бывшей въ то время экспедиціи на Берлинъ подъ главнымъ предводительствомъ графа Захара Григорьевича. Всѣ сіи разговоры такого рода были и столь основательными наполнены разсужденіями, что я внутренно несказанно радовался, что въ присутствіи его высочества изъ устъ россійскихъ, на языкѣ Россійскомъ, текло остроуміе и обширное знаніе".

Религіозное образованіе наслѣдника было поручено ученому монаху и знаменитому тогда проповѣднику Платону (Левшину), бывшему впослѣдствіи Московскимъ митрополитомъ. Порошинъ отзывается о Платонѣ постоянно съ великимъ уваженіемъ. 20 сентября 1764 года, въ день рожденія великаго князя, Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: „Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша".—„Сею проповѣдью", говоритъ Порошинъ, „ея величество приведена была въ слезы, и многіе изъ слушателей плакали, когда проповѣдникъ на концѣ предлагалъ о терпѣніи ея величества въ понесеніи трудовъ для пользы и безопасности отечества, о успѣхахъ его высочества въ преподаваемыхъ ему наукахъ и о слѣдующей оттуда надеждѣ россійской". Въ другой разъ Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: „Будьте милосерды, якоже и Отецъ нашъ Небесный милосердъ есть". Порошинъ слышалъ отзывъ Екатерины по поводу этой проповѣди: „Отецъ Платонъ сердитъ сегодня былъ; однакожъ очень хорошо сказывалъ. Удивительный даръ слова имѣетъ". Порошинъ записалъ и другой отзывъ Екатерины по поводу проповѣди Платона: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобъ мы плакали,—мы плачемъ; хочетъ, чтобъ мы смѣялись,—мы смѣемся". Никита Ив. Панинъ восхищался здравыми мыслями, ясною головою Платона, говорилъ: „Дай Богъ только, чтобъ этотъ человѣкъ духовный у насъ не испортился, обращаясь между прочими, въ числѣ которыхъ всякихъ довольно". Но когда потребовалось отъ Панина позволеніе напечатать катихизисъ отца Платона, то авторъ долженъ былъ долго объ этомъ стараться, „не потому", говоритъ Порошинъ, „чтобъ Никита Ив. на печатаніе не соглашался, но что книга у его превосходительства заложена была въ бумагахъ далеко, отыскать времени не доходило".

Къ сентябрю 1765 года великій князь окончилъ съ отцомъ Платономъ первую часть богословія, и былъ экзаменъ въ присутствіи императрицы. „Его высочество", говоритъ Порошинъ, „весьма хорошо и смѣло изволилъ отвѣтствовать. Никита Ив. поднесъ государынѣ отвѣты, писанные рукою его высочества на богословскіе вопросы отца Платона. Въ сихъ вопросахъ, между прочимъ, одинъ есть, чтобы доказать примѣромъ, какъ страсти наши противъ разума воюютъ. Его высочество изволилъ написать тутъ: напримѣръ, разумъ говоритъ: не ѣзди гулять, дурна погода; а страсти говорятъ: нѣтъ, ничего, что дурна погода; поѣзжай, утѣшь

*

насъ! Его высочество не изъ чужихъ страстей примѣръ себѣ выбрать изволилъ! При экзаменѣ были графъ Мих. Лар. Воронцовъ, графъ Александръ Борис. Бутурлинъ и множество придворныхъ. Во время экзамена, старикъ Александръ Борисовичъ, подошедъ ко мнѣ, говорилъ: „Слава Богу, что отъ такихъ лѣтъ его высочество духомъ страха Божія наполняется. Сожалительно, что покойная императрица Елисавета Петровна не дожила до того удовольствія, чтобы въ такомъ состояніи его видѣть". Послѣ экзамену ея величество долго изволила разговаривать съ его преподобіемъ отцомъ Платономъ о раскольникахъ, о разныхъ ихъ ересяхъ и о способахъ къ ихъ обращенію. Удивился я тутъ, между прочимъ, услышавъ, что ея величество книгу „Увѣтъ Духовный" читывать изволила.

Порошинъ замѣтилъ о великомъ князѣ: „Вообще, справедливость ему отдать должно, что онъ обыкновенно службѣ Божіей съ благочиніемъ и усердіемъ внимать изволитъ. Да укрѣпитъ его Господь и впредь во благочестіи и въ Православной вѣрѣ нашей непоколебимо!" Описывая, какъ проводилъ великій князь день Успенія Богородицы, Порошинъ говоритъ: „Одѣвшись, изволилъ читать съ отцомъ Платономъ Св. Писаніе. Потомъ разбирали мы книжку, въ которой служба на сегодняшній праздникъ, и пѣли оттуда стихъ: „Побѣждаются естества уставы въ тебѣ, Дѣва чистая" и проч.

И, одновременно съ этимъ, постоянно замѣчается сильное вліяніе господствующаго литературнаго направленія. Такъ, однажды великій князь вздумалъ сочинить описаніе публичнаго маскарада; Порошинъ сохранилъ это сочиненіе; здѣсь первую группу составляли петиметры, вторую—докторъ съ больными, третью—комедіанты, ужинающіе съ знатными господами, которые обходятся съ ними за панибрата, четвертую—педанты: „Идутъ четыре человѣка педантовъ; разсуждаютъ объ наукахъ все неправильно и не кстати, и сердятся на новыхъ философовъ, которые разуму послѣдуютъ". Есть и группа раскольниковъ: „Идутъ раскольники и бранятъ нашихъ священниковъ, для чего они по старымъ книгамъ не служатъ и на семи просвирахъ не поютъ обѣдни". Въ запискахъ Порошина находимъ слѣдующій разговоръ его съ великимъ княземъ: „За чаемъ разговорились мы о сочиненіяхъ г. Монтескьё, о которомъ вчерась читали. Спрашивалъ у меня его высочество, какія онъ писалъ книги. О чемъ я доносилъ ему подробно. Потомъ спросить изволилъ: „А книгу „Esprit" кто писалъ, и о чемъ она, скажи мнѣ пожалуй хорошенько". Сказывалъ я великому князю о Гельвеціусѣ, сочинителѣ сей книги, и толковалъ, въ чемъ состоитъ его сочиненіе, стараясь, сколько могъ, подать его высочеству не во многихъ, но сильныхъ словахъ настоящее о томъ понятіе. Разговорились мы и вообще о книгахъ. Его высочество изволилъ сказать: „Куды какъ книгъ-то много, ежели всѣ взять сколько ни есть ихъ; а все-таки пишутъ да пишутъ". Говорилъ я его высочеству, что для того все пишутъ да пишутъ, что много еще есть вещей и дѣлъ совсѣмъ неоткрытыхъ и неизвѣстныхъ, которыя мало-по-малу открываются, и что многія извѣстныя и открытыя требуютъ объясненія и дополненія; что чтеніе человѣку, чѣмъ онъ выше надъ прочими, тѣмъ полезнѣе; но что между множествомъ книгъ весьма много есть дурныхъ и посредственныхъ, для чего надобенъ необходимо выборъ: первое, чтобъ книги были самыя лучшія; второе—чтобы онѣ съ тѣмъ состояніемъ соотвѣтствовали, въ которомъ упражняющійся въ чтеніи находится; что хотя и говорятъ, что „ремесла за плечьми не носятъ", однако одно другого можетъ быть нужнѣе и необходимѣе; что со всѣмъ тѣмъ есть такія книги, которыя для всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы; что въ числѣ такихъ книгъ почитаю я и сочиненія г. Монтескье и „Esprit" Гельвеціусовъ; что такихъ книгъ не такъ много, чтобы въ нихъ очесться было можно". Наслышавшись о „Генріадѣ" Вольтера, маленькій великій князь заставилъ Порошина принести себѣ эту книгу и слушалъ ее со вниманіемъ.

Относительно воспитанія великаго князя Порошинъ долженъ былъ выдержать любопытный споръ съ однимъ изъ своихъ товарищей. „Я нѣсколько поспорилъ съ Тимоѳеемъ Ив. Остервальдомъ. Онъ говоритъ, что надобно, чтобы у великаго князя на половинѣ всякую недѣлю два раза были куртаги, дабы публика его узнала и онъ бы къ обхожденію привыкалъ. Я съ симъ мнѣніемъ не былъ согласенъ и говорилъ, что еще начинать нынѣ рано, предлагая тому слѣдующія причины: великій князь безъ того всякое воскресенье ходитъ на ту половину на куртагъ, по вечерамъ иногда бываетъ у государыни; если дозволить всѣмъ съѣзжаться къ нему каждую недѣлю по два раза, то сіе можетъ разбить вниманіе его къ ученью; родится неминуемо отъ людей, которые къ нему уже такъ, какъ къ великому князю, пріѣзжать будутъ,—ласкательство, отчего предлагаемая послѣ нами ему правда черства будетъ казаться и непріятна; видя себя такъ часто большимъ, не мило будетъ послѣ идти въ меньшіе и слушаться;—теперь хотя и узнаетъ его публика, какой отъ того ждать прибыли? Онъ дитя еще, не имѣетъ довольно знаній, чтобы блистать могъ; лучше стараться украсить его достоинствами и разными знаніями, и потомъ допустить узнать его".

Но мы видѣли, что къ столу великаго князя, по распоряженію Панина, приглашались гости, разговоры которыхъ приводятся у Порошина, приводится и объ участіи великаго князя въ этихъ разговорахъ. Для насъ эти разговоры очень любопытны кромѣ того, что показываютъ взгляды дѣятелей того времени: эти люди хорошо помнятъ недавнюю старину, хорошо помнятъ первую половину вѣка; но они уже прожили время, измѣнившее во многомъ ихъ понятія, и они относятся отрицательно къ хорошо знакомой имъ старинѣ; если-бъ не было

этого отрицательнаго отношенія, то они бы не стали говорить объ извѣстныхъ явленіяхъ, считая ихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Такимъ образомъ, благодаря Порошину, мы присутствуемъ при столкновеніи взглядовъ двухъ поколѣній, двухъ половинъ XVIII вѣка. Никита Ив. Панинъ однажды разсказывалъ, какъ одинъ генералъ сказывалъ о себѣ въ большой компаніи, что онъ смолоду нечистъ былъ на-руку, и что какъ одинъ разъ у Бориса Петровича Шереметева что-то тяннулъ, и Шереметевъ его послѣ отдулъ батожьемъ,—то съ тѣхъ поръ какъ рукой сняло. Тотъ же генералъ, былъ въ одно время у гетмана (Разумовскаго), разсуждалъ, „какія недотыки нынѣ люди стали: нельзя выбранить, а бывало-де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь". Другой разсказъ: „Пришелъ съ той половины изъ-за стола ея величества князь Сергѣй.Вас. Гагаринъ. Шутилъ съ нимъ Никита Ив. и разговаривалъ о прежней жизни, какъ они еще унтеръ-офицерами были; разсказывалъ, какъ тогда гвардіи маіоръ Шепелевъ у князя Сергѣя Вас. отнялъ табакерку, и послѣ его же хотѣлъ батожьемъ высѣчь". Никита Ив. Панинъ говорилъ Порошину, что онъ собралъ отовсюду рапорты, гдѣ какіе колодники содержатся, и по какимъ дѣламъ, въ разныя правленія разосланные. „Изволилъ говорить, что превеликая у него теперь о томъ книга; что вчера читалъ ее и съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутьями сѣчены и въ ссылки посыланы были, за которыя бы выговоромъ только строгимъ наказать было достойно; что потому можно нѣкоторымъ образомъ разсуждать о нравахъ тѣхъ временъ". Изъ разговоровъ за столомъ у наслѣдника узнаемъ, что въ царствованіе Елисаветы прекратился обычай держать шутовъ, и прекратился именно вслѣдствіе отвращенія къ нему этой государыни. „Разсказывалъ Никита Ив. о шутѣ Балакиревѣ, также и о графѣ Апраксинѣ, которые оба во время государыни Анны Іоанновны были. О Балакиревѣ сказывалъ съ похвалою, что шутки его никогда никого не язвили, но еще многихъ часто и рекомендовали. Графъ Апраксинъ, напротивъ того, несносный былъ шутъ, обижалъ часто другихъ и за это часто битъ бывалъ. Г. Салдернъ и я (Порошинъ) говорили Никитѣ Ив., что въ тогдашнее время вездѣ мода была на дураковъ, и у всѣхъ почти Дворовъ ихъ держали, но что нынѣ совсѣмъ этотъ обычай миновался. Соглашался на то и его превосходительство, сказывая притомъ, что покойная государыня Елисавета Петровна терпѣть не могла, чтобъ у кого въ домѣ такой шутъ былъ". Въ другомъ мѣстѣ Порошинъ разсказываетъ: „Говорили, какъ покойный государь (Петръ Великій) въ Парижѣ былъ. О Биронѣ, о Бутурлинѣ и прочіе анекдоты; также анекдоты царства Анны Іоанновны: шуты на яицахъ сидѣли, куры Богу молились въ образной". Обычай миновался; но корень его еще не совсѣмъ былъ вырванъ, ибо оставалась въ обществѣ значительная доля дѣтскости, неразвитости. Доказательство приводитъ самъ Порошинъ: „Пришелъ къ намъ Никита Ив., и пошли въ садъ гулять. Тамъ присталъ къ намъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. До приходу еще его высочества, въ саду попался графу Ив. Григорьевичу тутъ на встрѣчу какой-то просвирнинъ сынъ, малый лѣтъ уже тринадцати, но весьма простой и глупый, одѣтъ странно, въ сапогахъ, въ портках, въ лебяжьей фуфайкѣ и въ колпакѣ. Этого дурака сыскали и привели къ великому князю. Съ полчаса съ нимъ стояли: его высочество, Никита Ив. и мы всѣ дѣлали ему разные вопросы, и его высочество глупымъ его отвѣтамъ очень много изволилъ смѣяться. Графъ Ив. Григорьевичъ между тѣмъ, гладя его по головѣ, приговаривалъ: „Отвѣчай, другъ мой Иванушка, не бойся, отвѣчай Иванъ Петровичъ". Подлинно, что сцена была смѣшная". Хотѣлось бы, къ чести Порошина, предположить, что въ послѣднихъ словахъ его заключается иронія. Но это не одинъ случай; въ дневникѣ Порошина часто встрѣчаемъ извѣстія, изъ которыхъ видно, что надъ молодымъ княземъ Куракинымъ, неразвитымъ и трусливымъ, потѣшались у наслѣдника, какъ надъ шутомъ; напримѣръ: „Никита Ив. (Панинъ) самъ Куракина повелъ въ темныя сѣни къ Строганову и, попугавъ, возвратился. Прочіе повели Куракина къ Строганову. Тамъ Строгановы слуги наряжались въ бѣлую рубашку и парикъ. Куракинъ жестоко трусилъ".

Иногда разсказывалось и о настоящихъ, вовсе не смѣшныхъ явленіяхъ. „Сѣли мы за столъ. Разсказывалъ государь, что онъ сегодня отъ ея величества слышать изволилъ, что недавно пойманъ на разбоѣ въ Московской губерніи одинъ дворянинъ, за которымъ душъ около 400 было. Дворянинъ сей былъ въ отпуску изъ службы, просрочилъ долго, къ полку не смѣлъ явиться и пошелъ въ разбой".

Мы еще не разъ будемъ имѣть случай обращаться къ драгоцѣннымъ запискамъ Порошина. Веденіе этихъ записокъ авторъ считалъ своею обязанностью, имѣя при этомъ воспитательную цѣль. Онъ ихъ читалъ великому князю, „который несказанно былъ доволенъ и съ крайнимъ вниманіемъ изволилъ слушать. Говорилъ только о нѣкоторыхъ касающихся до него правдахъ, нельзя ли ихъ выпустить". Порошинъ отвѣчалъ со смѣхомъ, что есть пословица: „изъ пѣсни слова не выкинешь". Къ несчастію, записки Порошина обнимаютъ только два года 1764 и 1765-й. Въ концѣ послѣдняго года изъ записокъ видимъ, что противъ автора ихъ уже ведется интрига. Порошинъ говоритъ очень темно объ интригѣ, лицъ не называетъ. Можно видѣть только, что, выдаваясь слишкомъ рѣзко изъ толпы своими достоинствами, отличаясь добросовѣстностью, желаніемъ быть какъ можно чаще съ наслѣдникомъ и служить ему своими совѣтами и свѣдѣніями, Порошинъ пріобрѣлъ сильное вліяніе на впечатлительнаго ребенка. Нашлись люди,

которымъ это не понравилось, и которые постарались произвести холодность между великимъ княземъ и Порошинымъ. Мы видѣли, какъ Порошинъ отнесся къ предложенію завести куртаги у наслѣдника; какъ видно, онъ находилъ, что великій князь и безъ того имѣетъ много разсѣяній, вредныхъ для серьезныхъ занятій; такъ, въ запискѣ занесено: „У меня очень дурно учился, такъ что я, брося бумаги, взялъ шляпу и домой уѣхалъ. Причины дурному сегодняшнему ученію иной я не нахожу, какъ ту, что учиться онъ началъ нѣсколько поздно, а послѣ моихъ лекцій оставалося еще фехтовать и сходить за ширмы подтянуть чулки и идти на концертъ. И такъ боялся и нетерпѣливствовалъ, чтобъ не опоздать". Встрѣчаемъ и такія жалобы Порошина на своего воспитанника: „Говорилъ все о штрафахъ, и я бранилъ его за то: „съ лучшими намѣреніями въ мірѣ вы заставите ненавидѣть себя, государь". „Очень сталъ вѣтренъ". Въ концѣ мѣсяца Порошинъ записалъ: „На меня все-таки сердитъ". А ребенокъ жаловался, что ему мало развлеченій, зачѣмъ въ вольный маскарадъ его не водятъ, жилище свое въ горести называлъ монастыремъ Павловскимъ, Никиту Ив. Панина настоятелемъ, а себя вѣчно дежурнымъ монахомъ. Съ другой стороны, завистливые кавалеры указывали Панину, что Порошинъ забралъ себѣ слишкомъ много вліянія на великаго князя. Порошинъ разсказываетъ такой любопытный случай: „Я не былъ сегодня дежурнымъ; однако государь цесаревичъ просилъ меня, чтобы пришелъ я къ нему и поговорилъ съ нимъ о чемъ-нибудь, или бы что прочиталъ ему. Его высочество откушалъ у себя въ опочивальнѣ одинъ. Пошли мы за Никитою Ив. за большой столъ обѣдать; съ великимъ княземъ остался дежурный кавалеръ, мой товарищъ. Изъ-за стола хотѣлъ-было я итить къ государю цесаревичу, дабы оный дежурный могъ отойтить обѣдать; но вмѣсто меня кавалеръ, который былъ поддежурный, захотѣлъ самъ итить къ его высочеству, такъ какъ ему и слѣдовало. Не противорѣчилъ я въ томъ ни мало, не хотя изъ такой бездѣлицы сдѣлать другому огорченіе; такъ и сдѣлалось. Пошелъ онъ другога смѣнить, а тотъ на ево мѣсто пришелъ обѣдать. Какъ обѣдъ нашъ совсѣмъ кончился, пришли мы всѣ за Никитою Ив. къ его высочеству въ опочивальню. Лишь вошелъ я, то примѣтилъ, что его высочество весьма раздраженъ и на вышеупомянутова поддежурнаго кавалера смотрѣлъ очень косо. Подошедъ, спрашивалъ я государя цесаревича, что онъ такъ гнѣвенъ. Изволилъ отвѣчать мнѣ, указывая на онаго кавалера: „Вотъ дуракъ-отъ на меня сердится, что я тебя люблю". Дотого дошло, что его высочество жаловался Никитѣ Ивановичу на поддежурнова оного кавалера, что онъ на него сердится. Кавалеръ поддежурной, къ немалому моему удивленію, совсѣмъ изъ себя выступя, говорилъ его превосходительству, что какъ скоро пришелъ онъ изъ-за стола къ вел. князю смѣнить другова, то его высочество осердясь сказалъ ему: „Зачѣмъ тебя чортъ принесъ, для чего не пришелъ ко мнѣ Порошинъ"? Еще въ жару своемъ продолжалъ оный кавалеръ: что его высочество по большей части изволитъ всегда разговаривать со мною (т.-е. съ Порошинымъ); что гнѣвается, когда другой подойдетъ тутъ; что изволитъ говорить, что они всѣ меня ненавидятъ за то, что онъ меня любитъ; что изволитъ браниться и говорить, что какъ бы они меня ни ненавидѣли, онъ еще больше любить меня будетъ на зло имъ, что и самъ-де Никита Ивановичъ приказываетъ ему (Порошину) давать мнѣ (великому князю) наставленія, а мнѣ его слушаться и пр. Никита Ивановичъ кричалъ на великаго князя, для чего онъ такъ неучтиво съ кавалеромъ своимъ обходится; что ежели онъ такъ поступаетъ, то его превосходительство запрещаетъ, чтобъ съ нимъ одинъ-на-одинъ никто не оставался; что очень дурно его высочеству такъ изъясняться, *а что и того дурнѣе, ежели оныя ево рѣчи происходятъ отъ какихъ внушеній*". Подъ 8 ноябремъ 1765 года записанъ любопытный разговоръ: „Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Какъ я между прочимъ подшпынялъ надъ его высочествомъ, что онъ на блюдо трески изволитъ смотрѣть съ крайнимъ аппетитомъ, а можетъ быть кушать ея не дадутъ, то, будучи тѣмъ нѣсколько тронутъ, изволилъ онъ говорить: „Ну, пусть это такъ; теперь позволь же мнѣ и про тебя нѣчто сказать. Знаете ли, сударь Никита Ивановичъ, что вы ему больше досады сдѣлать не можете, какъ ежели зачнете говорить съ нимъ по-нѣмецки; на смерть этого языка не любитъ". Говорилъ я на то, что не любить мнѣ его не-для-чего, а что рѣдко говорю,—это оттого, что случаевъ къ тому мало имѣю. Иванъ Перфильевъ примолвилъ къ тому: „Для чего ему не любить Нѣмецкаго языка? Онъ въ немъ очень силенъ и по-нѣмецки говорить великій мастеръ". На сіе сказалъ я Ивану Перфильевичу, что бываютъ часы, когда и никакимъ языкомъ говорить не хочется. Никита Ивановичъ очень въ сіе вслушался, чего мнѣ и хотѣлось, потому что съ тѣмъ намѣреніемъ и сказалъ я то".

Интрига достигла своей цѣли. Спустя нѣсколько времени встрѣчаемъ въ запискахъ жалобу Порошина на холодность великаго князя и на придворныя шутки, а подъ 3 декабремъ записано: „Когда я дежурный, то прежде нежели чай сберутъ, изволитъ его высочество обыкновенно самъ входить ко мнѣ и разговаривать со мною. Сего утра того не было, и какъ я вошелъ къ государю цесаревичу, то онъ, принявши меня очень холодно и долго бывши въ молчаніи, изволилъ, наконецъ, самъ перервать сіе молчаніе и спросить меня: „А что это значитъ, что я предъ чаемъ не вошелъ къ тебѣ"? Отвѣтствовалъ я, что лучше о томъ надобно знать его высочеству; что я вижу, что его высочество на меня сердится, а за что—подлинно

не знаю. На сіе изволилъ мнѣ говорить государь цесаревичъ съ нѣкоторымъ жаромъ: „Ты это заслуживаешь; знаю я теперь, что все то значило, что ты прежде ни говорилъ со мною, и я уже обо всемъ разсказалъ Никитѣ Ивановичу“ Разсказано было и о запискахъ. „Во время оныхъ перетолкованій его высочеству рѣчей моихъ и разсужденій, на справедливости и усердіи основанныхъ“, говоритъ Порошинъ, „привели государя цесаревича, что и о журналѣ моемъ разсказать онъ изволилъ (хотя прежде и обѣщался, чтобы никому объ оныхъ не сказывать, и донынѣ ненарушимо хранилъ свое обѣщаніе), думая, что и то будетъ служить мнѣ въ предосужденіе и въ обличеніе коварныхъ моихъ, какъ они называли, умысловъ; и въ самомъ дѣлѣ, и о сихъ запискахъ увѣрили его высочество, что онѣ современемъ будутъ только служить къ его стыду и посрамленію“. Панинъ потребовалъ записки. Если онъ и прежде, по извѣстнымъ внушеніямъ, перемѣнилъ свой взглядъ на Порошина, то записки окончательно должны были оттолкнуть его отъ ихъ автора. Въ нихъ на первомъ планѣ великій князь и Порошинъ; о Панинѣ говорится съ уваженіемъ, но нравственное значеніе его не выдается впередъ. Нѣкоторыя изъ лицъ, посѣщавшихъ великаго князя, выставлены безпощадно съ точки зрѣнія автора записокъ, что не могло не обезпокоить Панина, тѣмъ болѣе-что нѣкоторыя изъ этихъ лицъ были очень крупны, и Порошинъ назначалъ записки для чтенія великому князю, могло показаться опаснымъ и непріятнымъ, что малѣйшее слово всѣхъ посѣщавшихъ наслѣдника, слово, сказанное невзначай (въ томъ числѣ и каждое слово самаго Панина), было записано и будетъ потомъ возобновлено въ памяти великаго князя, а можетъ быть передается и кому-нибудь другому. Панинъ былъ откровененъ съ Порошинымъ въ своихъ отзывахъ о лицахъ высокопоставленныхъ, и все это было записано; напримѣръ: „Никита Ивановичъ изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, и удивляться, какъ фортуна его въ это мѣсто поставила: упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе“.

Подъ 28 декабремъ 1765 года Порошинъ записалъ: „Хотя и была у меня съ его высочествомъ экспликація, однако послѣ тѣхъ интрижекъ и наушничествъ все еще не примѣчаю я къ себѣ со стороны его высочества той довѣренности, той горячности и тѣхъ отличностей, которыя прежде были. Отъ Никиты Ивановича поднесенныхъ ему тетрадей записокъ не получилъ я еще, и никакого объ нихъ мнѣнія, ни худаго, ни добраго, не слыхалъ отъ его превосходительства. При такихъ обстоятельствахъ продолженіе сего журнала становится мнѣ скучнымъ и тягостнымъ. Если они не перемѣнятся, то принужденъ буду его покинуть, дабы употребить это время на то, что авось-либо болѣе къ спокойствію моему послужитъ“.

Въ началѣ 1766 года Порошинъ вдругъ былъ удаленъ отъ Двора великаго князя и получилъ приказаніе отправиться на службу въ Малороссію. Въ письмѣ Фонвизина къ сестрѣ находится приписка: „Порошинъ удаленъ отъ Двора за невѣжливость, оказанную дѣвицѣ Шереметевой“. Вотъ все, что мы знаемъ о предлогѣ удаленія. Въ страшной, неожиданной бѣдѣ, которая отнимала у него все будущее, все будущее его семейства, пятнала безчестною опалою, прогнаніемъ отъ Двора, Порошинъ обратился съ просьбою о защитѣ къ графу Григор. Григор. Орлову, о недоброжелательствѣ котораго къ Панину постоянно твердили современники. Но Орловъ, несмотря на всю свою силу, не могъ ничего сдѣлать. Панинъ въ это время пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императрицы: она считала его непогрѣшительнымъ,—и потому необходимымъ въ дѣлахъ внѣшней политики, и не могла позволить сдѣлать ему какую нибудь непріятность. Мы видѣли отношенія Екатерины къ Панину въ письмѣ ея къ нему по поводу письма Станислава Понятовскаго къ Фридриху II-му о таможнѣ. Приведемъ еще любопытный документъ. Русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ, въ письмѣ своемъ къ Панину, изъявлялъ безпокойство по поводу какой-то неизвѣстнаго рода опасности, грозившей Панину. Послѣдній отвѣчалъ ему (12 февраля 1765 г.): „Я сколь сердечно чувствую ваше дружеское обо мнѣ смятеніе, столь и сожалѣю, что скаредный случай извѣстнаго лѣкаря вамъ оное воспричинствовалъ. Пожалуй, мой другъ сердечный, будь спокоенъ и увѣренъ, что все, кромѣ моего презрѣнія, ничего не заслуживаетъ“. Екатерина приписала къ этимъ строкамъ: „А я, Екатерина, говорю, что Панину боятся ничего“ (т.-е. бояться нечего). Никита Ивановичъ, въ пріятномъ убѣжденіи, что ему бояться нечего, позабылъ объ Императорскомъ Совѣтѣ, и однажды, когда говорили о казни Лопухиныхъ, также о временахъ Анны Іоанновны, дѣлалъ такую рефлекцію, что „ежели бы и теперь ихъ братьи, боярамъ, дать волю и ихъ слушаться, то-бъ другъ друга и ныньче сѣчь и головы рубить зачали. И такъ въ иныхъ строгостяхъ винили министерство“.

Несмотря на то, что Орловъ не могъ ничего сдѣлать для Порошина, тотъ полагалъ на него большую надежду въ будущемъ, и, передъ отъѣздомъ, писалъ ему: „Хотя по великодушному и милостивому вашего сіятельства за меня заступленію желаемаго нынѣ и не послѣдовало, но благодарность моя за ваши ко мнѣ благодѣянія стольже велика, какъ бы я и получалъ все, о чемъ ваше сіятельство предстательствовали. Я болѣе утруждать ея императорское величество уже не осмѣливаюсь. Конечно, я прежними повторительными за меня великодушныхъ людей прошеніями еще большій гнѣвъ на себя обратилъ... Клянуся сердцевѣдцемъ Богомъ и честію, что кромѣ моего проступка, о коемъ ваше сіятельство вѣдать изволите,

ни малѣйшаго преступленія за собой не знаю; а видно, что по какимъ-либо внушеніямъ донесено ея величеству что-нибудь большее... Вы великодушнымъ своимъ предстательствомъ, хотя нѣсколько времени спустя, доставить можете возмущенному моему духу спокойство. Не предайте меня забвенію".

На дорогѣ къ мѣсту новаго назначенія, въ Москвѣ, 3 мая Порошинъ написалъ другое письмо къ Орлову: „Имѣя нынѣ вѣрный случай писать, не могъ я преминуть, чтобъ не написать къ вашему сіятельству. Перемѣна моего состоянія, будучи мнѣ столь тягостна и чувствительна, безпрестанно побуждаетъ меня озираться на прошлыя дѣла свои и разбирать, какія-бъ между ими могли быть причиною сего несчастнаго въ жизни моей происшествія. Вижу и слышу, что о поступкахъ моихъ при государѣ цесаревичѣ сдѣлано такое описаніе, отъ коего теперь я стражду: размышляя о нихъ, сужу себя безъ всякаго самолюбія и потворства и, повторяя стократно грустное таковое упражненіе, не нахожу ничего, что-бъ могло служить къ моему предосужденію. Съ самаго моего вступленія ко Двору его императорскаго высочества обратилъ и посвятилъ я на то всѣ свои силы, чтобъ быть государю великому князю полезнымъ и тѣмъ бы, сколько отъ меня зависѣло, споспѣшествовать высокоматернимъ намѣреніямъ ея императорскаго величества и сладчайшему упованію всего Россійскаго общества. При его высочествѣ служилъ я около четырехъ лѣтъ. Во все сіе время былъ при немъ почти безотлучно и, съ ущербомъ собственныхъ своихъ забавъ и удовольствій, на которыя влекли меня и лѣта мои и безчисленные случаи, старался не упустить изъ виду онаго своего предмету. По сему побужденію испросилъ я самъ для себя должность, чтобъ предлагать государю великому князю нужныя для военнаго искусства математическія науки, писалъ для его высочества особый курсъ, въ которомъ заключались ариѳметика, геометрія, начальныя основанія механики и гидравлики, фортификація съ атакою и обороною крѣпостей, артиллерія и правила тактики. Ариѳметику государь великій князь всю почти съ доказательствами у меня окончилъ и въ геометріи сдѣлалъ начало. Оный курсъ намѣренъ я былъ вмѣстѣ съ учебными математическими тетрадями руки его высочества поднесть ея императорскому величеству. Кромѣ сего, пріуготовлялъ я сочиненіе, названное мною: „Государственный механизмъ". Въ ономъ хотѣлось мнѣ для его высочества вывесть и показать разныя части, коими движется государство, изъяснить, напримѣръ, сколько надобенъ солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и проч. и какою кто долею споспѣшествуетъ всеобщему благоденствію; что не можетъ государство быть никоимъ образомъ благополучно, когда одинъ какой чинъ процвѣтаетъ, а прочіе въ небреженіи. Расположеніе сего сочиненія было уже у меня и сдѣлано. Онымъ же главнымъ своимъ намѣреніемъ упражняясь, началъ я съ нѣкоторымъ человѣкомъ (Платономъ?), почтеннымъ отъ всѣхъ за его ученіе и преизящныя дарованія, переписку о разныхъ нравоучительныхъ и историческихъ матеріяхъ, которую сбирались мы напечатать и поднесть его высочеству. Сверхъ всего сего, вѣдая, что въ дѣтскихъ его высочества лѣтахъ не всегда пріятно и весело слушать формально предлагаемыя истины и знанія, старался вмѣшивать и доводить до него оныя, сколько смыслилъ, во всѣхъ моихъ повседневныхъ съ нимъ обращеніяхъ и разговорахъ, иногда такъ, чтобъ и самому его высочеству то непримѣтно было, дабы не навесть скуки и отвращенія. Въ таковыхъ случаяхъ, кромѣ всякихъ историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, кромѣ многихъ правилъ о красотѣ Россійскаго языка, которыя нечувствительно тщился я подавать государю цесаревичу, наблюдалъ, чтобъ въ его высочествѣ осталось за законъ и основаніе, чтобъ разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностью; чтобъ любить народъ Россійскій, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ; чтобъ тверду и непоколебиму быть въ глубокомъ почтеніи туды, куды онымъ его высочество долженъ. Во всѣхъ таковыхъ своихъ упражненіяхъ то имѣлъ за единственное себѣ одобреніе и утѣшеніе, чтобъ заслужить современемъ высочайшее благоволеніе всемилостивѣйшей и премудрой самодержицы. Теперь истинно не могу удержать слезъ своихъ, что посреди таковаго тихаго и, какъ бы казалось, не непохвальнаго теченія ввержень въ наилютѣйшее безпокойство, приведенъ подъ гнѣвъ у ея императорскаго величества. Ударъ сей тѣмъ мнѣ несноснѣе, что пораженъ имъ внезапно и нечаянно, и по оному своему поведенію могъ ли ожидать того,—примите въ милостивое разсужденіе! Правда, что и прежде сего по онымъ всегдашнимъ моимъ съ государемъ цесаревичемъ обращеніямъ, будучи я отъ его высочества почтенъ особливою склонностью и милостію, видѣлъ, что то завистливому невѣжеству непріятно было, и принужденъ былъ сносить иногда отъ онаго нѣкоторыя притѣсненія, кои однакожь презиралъ я и ни во что ставилъ. Случилось, напримѣръ, нѣкогда, что его высочество, увѣряя меня съ отмѣнною горячностію, что онъ меня жалуетъ, услышалъ, что я ему говорю, что тому не вѣрю, потому что изволитъ говорить, что жалуетъ, а когда въ излишности его увеселеній или въ невниманіи при ученьи уговаривать станешь, такъ иногда не изволитъ и слушать. Самъ государь великій князь такъ былъ тронутъ, что изволилъ дать мнѣ слово, чтобъ всегда меня слушаться. И подлинно, долгое время отъ сего успѣхъ я видалъ: какъ скоро объ ономъ потомъ договорѣ напомяну ему, то вѣрно изволитъ послушаться и отстать отъ той неприличности, въ коей его оговаривалъ. Сіе безвинное и почти шуточное для его-жъ высочества пользы положенное условіе было перетолковано такъ, что будто я хочу, чтобъ только великій князь меня одного слу-

шался и мнѣ-бъ только слѣдовалъ, и однимъ словомъ, чтобъ дѣлалъ все то только, чего я ни захочу. Были тутъ прибавлены и другіе тому подобные перетолки и низости, какіе только маленькій и темный духъ пакостникъ вымыслить можетъ. Но о всемъ томъ тогда-жь изъяснялся я съ его высокопревосходительствомъ, нашимъ главнокомандующимъ, и онъ изволилъ мнѣ тогда дать знать, что входитъ въ мои изъясненія. А нынѣ что такое на меня взведено, ей-ей обстоятельно ни отъ кого не слыхалъ, и клянусь вашему сіятельству честью и всѣмъ, что есть святаго на свѣтѣ, что ничего не знаю. Защитите меня, милостивый государь, многомощнымъ ходатайствомъ вашимъ. Лишенному всего ваше сіятельство можете все доставить и тѣмъ обязать меня на-вѣки. Невинность моя за меня будетъ вамъ поборствовать. На васъ, милостивый государь, единственная моя несомнѣнная надежда. Несчастіемъ своимъ гублю я своихъ родителей, гублю сестеръ своихъ и брата, коя отъ меня только всей себѣ помощи ожидали. Войдите въ бѣдственное мое состояніе. На сихъ дняхъ поѣду я въ Ахтырку. Но откуда-бъ не могла достать меня помощная рука ваша"? [1]).

Въ правителѣ Малороссіи, Румянцевѣ, Порошинъ встрѣтилъ человѣка, который сумѣлъ оцѣнить его способности. Въ 1768 году онъ былъ назначенъ командиромъ Старооскольскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ въ слѣдующемъ году выступилъ въ походъ противъ Турокъ; въ этомъ походѣ Порошинъ заболѣлъ. Болѣзнь была незначительная, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что вторая армія, къ которой принадлежалъ Старооскольскій полкъ, переходитъ подъ начальство Петра Ив. Панина. Это извѣстіе поразило Порошина, какъ громомъ, онъ потерялъ память, такъ что когда Румянцевъ пріѣхалъ къ нему проститься предъ отъѣздомъ, то больной послѣ спрашивалъ брата, что графъ съ нимъ говорилъ. Вскорѣ послѣ этого Порошина не стало [2]). Исчезъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ образовъ второй половины XVIII вѣка; начато было хорошее слово, хорошее дѣло,—и порвано въ самомъ началѣ.

[1]) Подлинникъ въ Государ. Ахрнвѣ.

[2]) Предисловіе къ Запискамъ Порошина, XVII.—Кромѣ этихъ Записокъ, изданныхъ въ 1844 году, см. «Русскій Архивъ» 1869 года, № 1; также «Архивъ историч. и практич. свѣдѣній», 1860—1861, кн. IV.—Въ Запискахъ Порошина, въ концѣ находятся любопытныя строки: «Размышленію моему извѣстное дѣло, коимъ оно болѣе всего занято, раздѣлено у меня на три части: на выѣздъ, изъясненіе и рѣшительную негоціацію. Первая часть совершается сегодня; приступъ сдѣланъ; какъ всѣ три къ концу приведу, то въ рай пресёленъ буду, идеже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. 7 января. Первую часть своего дѣла совершилъ я; былъ тамъ сегодня въ первый разъ, гдѣ обитаетъ мое благополучіе; коль быстро проходятъ тѣ минуты, въ которыя сердце пріятнѣйшими чувствіями восхищается». Ясно, что дѣло идетъ о любви и сватовствѣ. Если предположить, что предметомъ страсти Порошина была Шереметева, то объясненіе его могло почесться дерзостію по неравенству положенія, ибо странно думать, чтобъ такой человѣкъ, какъ Порошинъ, позволилъ себѣ другого рода дерзость передъ дамою. Любопытно, что Шереметева была послѣ невѣстою самого Панина Никиты Пв., но умерла.

Въ запискахъ Порошина встрѣчаемъ отзывы о современныхъ дѣятеляхъ русскаго просвѣщенія. Ломоносовъ занимаетъ первое мѣсто: „Говорилъ я его высочеству", записалъ Порошинъ, „что это стихотворецъ вѣку блаженныя памяти бабки его, Елисаветы Петровны. „Дай Боже", продолжалъ я, „чтобъ въ вѣкъ вашего высочества такіе были". Эдакіе люди не ростутъ какъ грибки изъ земли; надобно для того хорошія учрежденія, одобреніе и покровительство. А головъ годныхъ много въ Россіи, хотя такія головы, какъ Ломоносова, и рѣденьки нѣсколько". Въ послѣднія шесть лѣтъ царствованія Елисаветы Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе въ управленіи Академіею и учрежденіями, входившими въ ея составъ. Въ 1757 году онъ былъ назначенъ присутствующимъ въ академической канцеляріи вмѣстѣ съ Шумахеромъ; но такъ какъ послѣдній былъ уже старъ и дряхлъ, то въ товарищи Ломоносову назначенъ былъ еще унтеръ-библіотекарь Таубертъ, зять Шумахера. Таубертъ, такъ же какъ и тесть его, смотрѣлъ на свое мѣсто только со стороны его выгоды, и потому у него немедленно же начинается борьба съ Ломоносовымъ, который велъ ее съ обычною своею страстностью. Ломоносовъ потребовалъ необходимыхъ преобразованій, указывалъ на то, что Академія загромождена безполезными ремесленными заведеніями, а учрежденія необходимыя въ упадкѣ. Онъ писалъ: „Для умноженія книгъ россійскихъ, чѣмъ бы удовольствовать требующихъ охотниковъ, недостаетъ становъ, переводчиковъ, а больше всего, что нѣтъ россійскаго собранія, гдѣ-бъ обще исправлять грубыя погрѣшности тѣхъ, которые по своей упрямкѣ худыя употребленія въ языкѣ вводятъ. Университетъ и гимназія весьма въ худомъ состояніи и требуютъ, чтобъ канцелярія больше къ нимъ прилежала". Намекая на Шумахера и Тауберта, Ломоносовъ продолжалъ: „Въ канцеляріи желающіе рекомендовать себя художествами, то-есть за великій меритъ почитающіе то, когда чужихъ трудовъ что-нибудь поднесутъ знатнымъ людямъ, сіи всякими мѣрами желаютъ и стараются науки унизить, говоря: 1) что университетъ здѣсь (въ Петербургѣ) ненадобенъ и что все, до того надлежащее, уступить Московскому университету; 2) такое недоброхотное мнѣніе дѣломъ оказалось, когда лучшіе ученики изъ гимназіи въ Монетную Канцелярію отданы были". Ломоносовъ добился, что средства гимназіи были усилены; но тщетно настаивалъ, чтобъ всѣ диссертаціи переводить на Русскій языкъ и на немъ печатать. „Черезъ сіе", писалъ онъ, „избѣжимъ роптаній, и общество Россійское не останется безъ пользы. И сверхъ того студенты, коихъ я на то назначу, будутъ привыкать къ переводамъ и сочиненіямъ диссертацій съ профессорскихъ примѣровъ". Составляя уставъ и штатъ университета и гимназіи, Ломоносовъ полагалъ имѣть 60 гимназистовъ и 30 студентовъ;

противъ этого возражали Таубертъ и академикъ Фишеръ. Ломоносовъ такъ описывалъ свой споръ съ ними: „Фишеръ, принявъ Таубертовы совѣты, спорилъ противъ числа студентовъ и гимназистовъ, точно его слова употребляя, „что куда-де столько студентовъ и гимназистовъ. Куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ?“ Сіи слова часто твердилъ Таубертъ Ломоносову въ канцеляріи, и хотя отвѣтствовано, что у насъ нѣтъ природныхъ Россіянъ ни аптекарей, да и лѣкарей мало, также механиковъ искусныхъ, горныхъ людей, адвокатовъ и другихъ ученыхъ и ниже своихъ профессоровъ въ самой Академіи и въ другихъ мѣстахъ, но, не внимая сего, всегда твердилъ и другимъ внушалъ Таубертъ: „Куда со студентами?“ Ломоносовъ добился, что президентъ Академіи, Разумовскій, конечно, подъ вліяніемъ И. И. Шувалова, поручилъ „учрежденіе и весь распорядокъ университета и гимназіи одному Ломоносову, по сочиненнымъ отъ него регламентамъ“, и въ началѣ 1760 года было объявлено въ „Вѣдомостяхъ“, что графъ Разумовскій втрое умножилъ число содержащихся на казенномъ счету гимназистовъ, а потому родители приглашаются отдавать своихъ дѣтей для опредѣленія къ гимназическимъ наукамъ. Удаляя инспектора гимназіи Модераха, въ которомъ „не усмотрѣвъ болѣе охоты заботиться о молодыхъ людяхъ“, Ломоносовъ высказалъ мнѣніе, что „инспекторомъ долженъ быть: 1) природный Россіянинъ для того, чтобы, во-первыхъ, имѣлъ о учащихся усердное попеченіе, какъ о своихъ свойственникахъ или дѣтяхъ; 2) чтобы главный командиръ больше имѣлъ повиновенія и не всегда бы чинилъ для малѣйшихъ причинъ отговорки, ссылаясь на свой контрактъ и угрожая требованіемъ абшида (увольненія); 3) чтобы, зная Россійскій языкъ и обряды совершенно и бывъ самъ здѣшнимъ и въ чужихъ краяхъ студентомъ, зналъ бы съ порученными ему поступать съ умѣренною строгостью“.

29 апрѣля 1757 года именнымъ указомъ велѣно находящихся какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ въ частныхъ домахъ иностранныхъ учителей въ ихъ наукахъ свидѣтельствовать и экзаменовать въ Петербургѣ въ Десьянсъ-Академіи, а въ Москвѣ—въ императорскомъ университетѣ, и безъ такого свидѣтельства и аттестатовъ никому въ домы не принимать и до содержанія школъ не допускать. Ломоносовъ нашелъ, что въ Десьянсъ-Академіи испытанія производятся слабо, и предписалъ экзаменовать строже

Но при этой дѣятельности совѣтника академической канцеляріи продолжалась дѣятельность ученая и литературная. Въ 1756 году Ломоносовъ, въ публичномъ собраніи Академіи говорилъ на Русскомъ языкѣ „Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее“. Болѣе значенія спеціалисты приписываютъ послѣдующимъ его трудамъ: „Слову о рожденіи металловъ отъ трясенія земли“ (1757 года), въ которомъ находятъ драгоцѣнныя замѣчанія, и „Разужденію о большой точности морскаго пути“ (1759 года). Въ томъ же 1759 году Ломоносовъ исходатайствовалъ у Сената разсылку по всѣмъ губерніямъ составленныхъ имъ вопросовъ для собранія географическихъ извѣстій о Россіи. Нельзя оставить безъ вниманія, что Ломоносовъ два раза предлагалъ послать хорошаго живописца въ старинные русскіе города, „чтобъ имѣющихся въ церквахъ изображеній государскихъ иконописною и фресковою работою, на стѣнахъ или гробницахъ состоящихъ, снять точныя копіи величиною и подобіемъ. А сіе учинить бы для того: 1) дабы отъ съѣдающаго времени отнять лики и память нашихъ владѣтелей, и сохранить для позднѣйшихъ потомковъ; 2) чтобъ показать и въ другихъ государствахъ россійскія древности и тщаніе предковъ нашихъ; 3) чтобы Санктпетербургская Академія Художествъ имѣла случай употребить свое искусство, какъ бы изобразить ихъ надлежащею живописью въ приличныхъ положеніяхъ со старинпаго манеру, не теряя подлиннаго подобія“. Въ послѣдній годъ Елисаветинскаго царствованія, по поводу прохожденія Венеры чрезъ Солнце, Ломоносовъ написалъ сочиненіе объ этомъ явленіи, гдѣ первый указалъ на существованіе атмосферы около Венеры.

Литературная дѣятельность Ломоносова выражалась попрежнему въ одахъ на торжественные случаи, важныхъ для насъ по указанію на современныя событія. Такъ, въ одѣ 1757 года, на день рожденія великой княжны Анны Петровны, Ломоносовъ говоритъ о борьбѣ двухъ союзныхъ имератрицъ противъ Фридриха II-го:

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ повергнуть тщится узы
Желаніе чужихъ державъ.
Творецъ, воззри въ концы вселенны,
Воззри на земли утѣсненны,
На помощь страждущимъ возстань,
Позволь для общаго покою,
Подъ сильною Твоей рукою
Воздвигнуть противъ брани брань.
Сіе рекла Елисавета . . . . .
Противныя страны трепещутъ,
Вопль, шумъ вездѣ, и кровь и звукъ,
Ужасные перуны мещутъ
Размахи сильныхъ россскихъ рукъ.
О ты, союзна героиня
И сродна съ нашею богиня!
По васъ поборникъ вышній Богъ.
Онъ правду вашу защищаетъ,
Обиды наглыя отмщаетъ,
Надъ злобою возвысилъ рокъ.

Въ той же одѣ Ломоносовъ не прямо благодаритъ Елисавету за свое назначеніе совѣтникомъ академической канцеляріи:

Правители, судьи внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы съ трепетомъ внемлите:
Сіе глаголетъ вамъ Господь:
Храните праведны заслуги,
И милуйте сиротъ и вдовъ:
Сердцамъ нелживымъ будьте други

И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно,
Пріязнь къ другимъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду,
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову дщерь.

Успѣхи русскаго оружія въ Семилѣтней войнѣ, разумѣется, должны были найти глашатая въ Ломоносовѣ; но, входя совершенно въ настроеніе духа своей героини, онъ заставляетъ Елисавету послѣ побѣдъ молить Бога мира о мирѣ:

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты великъ?
Еще-ль, смотря на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дателемъ законовъ
Слывешь въ желаніи своемъ?
Лишенный собственныя власти,
Еще-ль стремишься въ буйной страсти
Вселенной наложить яремъ? . . .
Чтобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двинулась войной,
Узрѣвъ растерзанны союзы,
Наверженныя скиптрамъ узы,
Рекла: какъ злыхъ не укрочу?
Алчбѣ ихъ свѣта не достанетъ:
Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ,
О честь Россійскаго народа,
Въ дни наши воиновъ примѣръ,
Что силой перваго похода
Двукратно сопостатовъ стеръ! (Салтыковъ)
Тебѣ тотъ лавры уступаетъ,
Кто прочимъ храбро исторгаетъ,
Кто внѣ привыкнулъ побѣждать;
При дверяхъ домъ свой защищая
И крайне силы напрягая,
Не могъ противъ тебя стоять.....
Съ верховъ цвѣтущаго Парнаса,
Смотря на рвеніе сердецъ,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
Еще побѣда—и конецъ,
Конецъ губительныя брани!
О Боже, мира Богъ, возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
По имени Петровой дщери
Военны запечатай двери,
Питай насъ тишиной Твоей!
Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоять свой тлѣнь?
Еще-ль мы мало утомились
Житейскихъ тягостью бременъ?
Воззри на плачъ осиротѣвшихъ,
Воззри на слезы престарѣвшихъ,
Воззри на кровь рабовъ твоихъ!
Къ тебѣ, любовь и радость свѣта,
Въ сей день зоветъ Елисавета:
Низвергни брань съ концовъ земныхъ!

Когда дни Елисаветы были уже сочтены, когда въ послѣдній разъ праздновалось восшествіе ея на престолъ, раздалась послѣдняя ода Ломоносова „дщери Петровой". Въ послѣдній разъ достойнымъ образомъ онъ высказалъ значеніе знаменитаго царствованія, заставивъ Елисавету говорить при восшествіи своемъ на престолъ:

На отческій престолъ всхожу
Спасти отъ злобы утѣсненныхъ,
И щедрой властью покажу
Свой родъ, умножу просвѣщенныхъ.
Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ смертной казни ночь,
Владѣть хочу зефира тише.

Вѣрно и очень поэтично выставляетъ здѣсь Ломоносовъ значеніе войны:

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнный производятъ гадъ.
Война плоды свои раститъ,
Героевъ въ міръ рождаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей есть щитъ,
Могущество крѣпитъ державныхъ.
Воззримъ на древни времена:
Россійска повѣсть тѣмъ полна.

Но если война имѣетъ такое значеніе, то все же миръ выше, и Елисавета

... въ сердцѣ держитъ сей совѣтъ:
Размножить миромъ нашу славу,
И выше, чѣмъ военный звукъ,
Поставить красоту наукъ.

Къ концу царствованія Елисаветы Ломоносовъ окончилъ часть задачи, которую онъ самъ и другіе лучшіе люди представляли священною и славною обязанностью перваго таланта времени; написаны были двѣ первыя пѣсни поэмы „Петръ Великій". Вмѣстѣ съ этою обязанностью Ломоносовъ хотѣлъ выполнить и другую—отблагодарить И. И. Шувалова, которому посвятилъ поэму и подъ посвященіемъ подписалъ „1 ноября",—день рожденія мецената. Сомнѣніе, будетъ ли окончена поэма, естественно должно было закрадываться въ грудь Ломоносова, и потому онъ говоритъ, между прочимъ, въ посвященіи:

И если въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ,
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуетъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь были-бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ ты Промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ.

Въ это время Виргиліева Энеида служила образцомъ или, лучше сказать, правиломъ для эпическихъ поэмъ. Вольтеръ въ своей „Генріадѣ" заставляетъ героя поэмы, Генриха Наварскаго, ѣхать въ Англію, чтобъ разсказать королевѣ Елисаветѣ исторію религіозной борьбы во Франціи, какъ Эней разсказываетъ Дидонѣ о разрушеніи Трои. Неудивительно, что и въ поэмѣ Ломоносова Петръ, претерпѣвши бурю, разсказываетъ Соловецкому архимандриту о стрѣлецкихъ бунтахъ. Но у знаменитаго Помора было тутъ еще другое побужденіе: ему хотѣлось привести героя на берега родного сѣвернаго моря и вложить въ его уста пророчество о будущемъ великомъ значеніи этого моря:

Тогда пловущимъ Петръ на полночь указалъ,
Въ спокойномъ плаваньи сіи слова сказалъ:

«Какая похвала Россійскому народу
Судьбой дана пройти покрыту льдами воду!
Хотя тамъ кажется поставленъ плыть предѣлъ,
Но бодрость подаютъ примѣры славныхъ дѣлъ.
Полденный свѣта край обшелъ отважный Гама
И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.
Герои на моряхъ, Колумбъ и Магелланъ,
Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ!
Подвигнуты хвалой, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невѣжды,
Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.
Бездонной океанъ травой какъ лугъ покрытъ;
Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозитъ.
Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе,
Лишаетъ долгій зной здоровья и ума.
А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
Самъ ледъ, что кажется толь грозенъ и ужасенъ,
Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.
Колумбы россіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворятъ на Востокъ,
И наша досягнетъ въ Америку держава».

Сильный умъ, развитый самою многообразною дѣятельностью, не могъ не останавливаться на разныхъ поразительныхъ общественныхъ явленіяхъ, а сильное патріотическое чувство заставляло умъ искать средствъ для устраненія зла въ родной странѣ. Этимъ объясняется письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа, которое должно было быть только первымъ изъ 8 писемъ, относящихся къ разнымъ подобнымъ предметамъ; но, къ сожалѣнію, до насъ дошло одно это первое письмо. Въ описываемое время въ литературѣ Западной Европы шли сильные толки о необходимости умноженія народонаселенія. Это, разумѣется, не могло остаться безъ вліянія на Русскихъ читающихъ людей, тѣмъ болѣе что въ Россіи эти толки имѣли полную законность: съ начала Русской исторіи обширность страны и относительная ничтожность народонаселенія полагали сильное препятствіе общественному развитію и важнымъ государственнымъ мѣрамъ. Екатерина, подъ вліяніемъ взглядовъ, господствовавшихъ въ западной литературѣ и находившихъ сильный отголосокъ въ Россіи, дошла дотого, что считала нужнымъ охраненіе магометанства на окраинахъ, ибо эта религія, дозволяя многоженство, способствуетъ усиленію народонаселенія. Ломоносовъ до этого не дошелъ, но готовъ былъ требовать отъ Русской Церкви чрезвычайныхъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, способствовали размноженію и сохраненію народонаселенія. Для насъ теперь сочиненіе Ломоносова особенно важно по указанію на нѣкоторые обычаи. Такъ, Ломоносовъ указываетъ на вредный обычай женить мальчиковъ на взрослыхъ дѣвицахъ, такъ что часто жена могла быть по лѣтамъ матерью мужа; потомъ супружество насильное: ибо гдѣ любви нѣтъ, ненадежно и плодородіе. Для той же цѣли умноженія народонаселенія Ломоносовъ считаетъ нужнымъ разрѣшеніе четвертаго и даже пятаго брака, разрѣшеніе духовенству второго и запрещеніе молодымъ постригаться въ монахи. Очень живо описываетъ Ломоносовъ вредъ отъ невоздержанія во время заговѣнья: „Паче другихъ пожираютъ у насъ Масляница и Св. Недѣля великое множество народа однимъ только перемѣннымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что, готовясь къ воздержанію Великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частыя похороны доказываютъ то ясно. Розговѣнье тому-жь подобно. Приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе, всеобщая христіанская радость; тогда, хотя почти безпрестанно читаютъ и многократно повторяются страсти Господни, однако мысли наши уже на Св. Недѣлѣ. Наконецъ, заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли. „Христосъ воскресе“! только въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены. Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ; тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитые напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ; тамъ валяются обнаженные и блудомъ утомленные недавніе строгіе постники. Неоспоримое есть дѣло, что неравное теченіе жизни и круто перемѣнное питаніе тѣла не только вредно человѣку, но и смертоносно, такъ-что вышеписанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ празднолюбцевъ самоубійцами почесть можно“.

Немалый ущербъ, по словамъ Ломоносова, причиняется народу убійствами въ דракахъ и отъ разбойниковъ. Драки происходятъ между сосѣдями, особенно между помѣщиками, за землю, и ничѣмъ, кромѣ межеванія, прекратить ихъ нельзя. Какъ самую дѣйствительную мѣру противъ разбойниковъ, Ломоносовъ предлагаетъ укрѣпленіе городовъ, куда бы разбойники не могли пробираться для продажи награбленныхъ вещей. „Многія мѣста есть въ Россіи глухія, на 500 и больше верстъ безъ городовъ,—прямыя убѣжища разбойникамъ и всякимъ бѣглымъ и безпаспортнымъ людямъ: примѣромъ служить можетъ лѣсистое пространство около рѣки Ветлуги, которая, на 700 верстъ теченіемъ отъ вершинъ до устья простираясь, не имѣетъ при себѣ ни единаго города. Туда съ Волги укрывается великое множество зимою бурлаковъ, изъ коихъ немалая часть разбойники. Крестьяне содержатъ ихъ во всю зиму за полтину человѣка, а буде онъ что работаетъ, то кормятъ и безъ платы, не спрашивая паспорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставить города, давъ знатнымъ селамъ гражданскія права, учредить ратуши и воеводствы и оградить надежными укрѣ-

пленіями и осторожностями отъ разбойниковъ". Ломоносовъ, разумѣется, не могъ пропустить убавки народонаселенія отъ заграничныхъ побѣговъ: „Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ. Итакъ, мнѣ кажется, лучше пограничныхъ съ Польшею жителей облегчить податьми и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству. Для расколу много уходитъ Россійскихъ людей на Вѣтку: находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ? Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнить можно пріемомъ иностранныхъ. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ не только одинокихъ людей, но и цѣлыя разоренныя семейства оставлять свое отечество и искать мѣстъ, отъ военнаго насильства удаленныхъ. Пространное владѣніе великой нашей монархіи въ состояніи вмѣстить въ свое безопасное нѣдро цѣлые народы и довольствовать всякими потребами".

Забавою, отдохновеніемъ отъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ служила Ломоносову его мозаичная фабрика. Въ журналѣ Сената 14 ноября 1757 года записано слѣдующее: „Впущенъ былъ канцеляріи Академіи Наукъ членъ коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ и подалъ отъ той канцеляріи доношеніе, при которомъ внесены составленныя имъ, Ломоносовымъ, на его заводахъ мозаичныя живописныя вещи со удостоинствомъ отъ Академіи. Приказали въ канцелярію Академіи Наукъ послать указъ, что Сенатъ, видя таковые его во изобрѣтеніи мозаики полезные успѣхи, ибо та мозаика какъ добротою матерій, такъ крѣпостью и видомъ живописныхъ вещей, по признанію Академіи какъ Римской, такъ и другихъ Земель, не уступаетъ, гдѣ оная въ нѣсколько сотъ лѣтъ едва происходить могла, съ удовольствіемъ похваляетъ, и въ Канцелярію строеній и въ прочія мѣста, гдѣ публичныя зданія съ украшеніемъ строятся, послать указы, чтобъ его, Ломоносова, для убранія оныхъ, гдѣ потребно будетъ, мозаикою за надлежащую цѣну призывать".

Неудивительно, что занятія Ломоносова мозаикою подвергались насмѣшкамъ, когда враги его въ стихахъ и прозѣ позволяли себѣ не находить въ немъ никакого достоинства и указывать только на одну извѣстную его слабость и низкое происхожденіе! Для образчика, что позволяли себѣ враги Ломоносова писать противъ него, приведемъ Тредіаковскаго „Имнъ пьяной головѣ":

Голова въ казнѣ доходы
Уменьшаетъ во вся годы;
Пьяницамъ любезный братъ,
Взявши годовой окладъ,
Безполезно пропиваетъ
И безпутство причиняетъ
Не дадутъ когда вина,
Сходитъ онъ тогда съ ума!
Не напрасно онъ дерзаетъ;
Пользу въ томъ свою считаетъ,
Чтобъ обманствомъ вѣкъ прожить,
Общество чтобъ обольстить
Либо мозаикомъ ложнымъ,
Или бисеромъ подложнымъ.
Съ хмелю безобразенъ тѣломъ
И всегда въ умѣ незрѣломъ,
Ты, преподло бывъ рожденъ,
Хоть чинами и почтенъ,
Но безмѣрное піянство,
Бѣшенство, обманъ и чванство
Всѣхъ когда лишатъ чиновъ,
Будешь пьяный рыболовъ.

Брань посыпалась на Ломоносова особенно по поводу его шуточнаго стихотворенія: „Гимнъ бородѣ". Духовенство сочло себя оскорбленнымъ, и Синодъ, въ мартѣ 1757 года, подалъ императрицѣ жалобу на автора „ругательнаго пашквиля". Тредіаковскій воспользовался случаемъ и явился со своими стихотворными и прозаическими пашквилями на Ломоносова. Жалоба Синода не имѣла дѣйствія, благодаря, конечно, Шувалову, и Ломоносовъ заплатилъ Тредіаковскому стихами:

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
Твой мерзкій складъ давно и смѣхъ намъ и печаль!
Печаль, что ты языкъ Россійскій развращаешь,
А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмить достойныхъ чаешь.
Но плюемъ мы на срамъ твоихъ поганыхъ вракъ;
Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ.
Давно изгага всѣмъ читать твои синички,
Дорогу не копну, вонючія лисички.
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробинъ, на злость твою взирая, улыбался:
Ученія его, и чести, и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

Тредіаковскому досталось не отъ одного Ломоносова. По вліянію духа времени, не могли равнодушно сносить словъ Тредіаковскаго, что людей, осмѣливающихся ругаться надъ предметами всеобщаго уваженія, дѣльно сжигать въ срубахъ, и явились стихи:

Пронесся слухъ: хотятъ кого-то будто сжечь;
Но время то прошло, чтобъ наше мясо печь.
Спаси, о Боже! насъ отъ звѣрскаго ихъ гнѣва.
Забыли то они, какъ ближняго любить,
Лишь мыслятъ, какъ его удобнѣй погубить,
И именемъ Твоимъ стремятся только твердо
По прихотямъ людей разить немилосердо.

Самая легкость побѣды надъ Тредіаковскимъ, особенно въ послѣднемъ случаѣ, когда профессоръ элоквенціи заявилъ себя болѣе чѣмъ со смѣшной стороны и не могъ не вызвать защитниковъ Ломоносову,—все это должно было уменьшать раздраженіе. Не то было въ борьбѣ съ Сумароковымъ, который язвилъ глубже, потому что былъ даровитѣе Тредіаковскаго. Послѣдній не могъ сильно раздражать, потому что своимъ неуклюжимъ стихомъ возбуждалъ улыбку, оружіе было слишкомъ тупо; Сумароковъ стихомъ своимъ возбуждалъ такъ-же улыбку, но улыбка эта относилась не къ нему, а ко врагу его, противъ котораго былъ направленъ стихъ. Сумароковъ писалъ удачныя пародіи на торжественныя оды Ломоносова: Ломоносовъ зналъ, какъ въ глазахъ толпы проигрываетъ предметъ серьезный, высокій, когда ловкая насмѣшка коснулась его формы, и раздра-

жался. Вотъ образчикъ пародіи, или вздорной оды, какъ называлъ Сумароковскія пародіи Ломоносовъ:

Громъ, молнія и вѣчны льдины,
Моря и озера шумятъ,
Везувій мещетъ изъ средины
Въ подсолнечну горящій адъ.
Съ востока вѣчно дымъ восходитъ,
Ужасны облака возводитъ
И тьмою кроетъ горизонтъ.
Ефесъ горитъ, Дамаскъ пылаетъ,
Тремя Церберъ гортаньми лаетъ,
Средьземный возжигаетъ понтъ......
Весь ротъ *я*, Музы, разѣваю
И столько хитро воспѣваю,
Что пѣсни не пойму и самъ.

Раздраженіе между Ломоносовымъ и Сумароковымъ доходило до высшей степени. Сумарокова подавляло ученое значеніе Ломоносова; но онъ не хотѣлъ преклониться предъ этимъ значеніемъ, считая себя не только равнымъ, но и выше Ломоносова по таланту поэтическому; это мнѣніе страшно оскорбляло Ломоносова; но ему приходилось считаться съ Сумароковымъ, который имѣлъ многихъ почитателей, былъ принимаемъ въ домахъ сильныхъ людей и могъ вредить Ломоносову своими отзывами о немъ. И. И. Шуваловъ стоялъ между двумя огнями: онъ высоко ставилъ Ломоносова, но не могъ принести въ жертву такую литературную знаменитость, такого заслуженнаго писателя, какимъ являлся для современниковъ Сумароковъ. Для Шувалова, разумѣется, было бы всего пріятнѣе, если-бъ Ломоносовъ и Сумароковъ примирились, признали значеніе другъ друга и дѣйствовали бы заодно, какъ, напр., дѣйствовали энциклопедисты во Франціи. Но вотъ какое однажды письмо получилъ Шуваловъ отъ Ломоносова: „Никто въ жизни меня больше не изобидилъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т.-е. сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Я забываю всѣ его озлобленія, и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца; только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ крапиву.... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, Который мнѣ былъ въ жизни защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю; мстить за обиды и не думаю, и только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ онъ пользу отечеству, я по малу таланту также готовъ стараться; а съ такимъ человѣкомъ обхожденіе имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земскихъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Г. Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздора наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти:—постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте“.

Шуваловъ не могъ гнѣваться на Ломоносова вслѣдствіе того представленія, какое имѣлъ о немъ и какое выразилъ въ подписи къ его портрету, приложенному къ полному собранію сочиненій Ломоносова 1757 года:

Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію,
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ—
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Изъ этой подписи оказывается, что Шуваловъ не былъ поэтомъ, но значеніе Ломоносова въ исторіи русской науки и литературы указано вѣрно; особенно замѣчателенъ послѣдній стихъ: для русскаго патріота было утѣшительно думать, что способность Русскаго народа занять почетное мѣсто среди просвѣщенныхъ народовъ доказана явленіемъ Ломоносова.

При такомъ отношеніи Шувалова къ Ломоносову, послѣднее время царствованія Елисаветы, т.-е. *время* Шувалова, было самымъ счастливымъ для Ломоносова. Послѣ этого легко понять, какимъ тяжкимъ ударомъ поразила его смерть Елисаветы. Отъ ея преемника трудно было ожидать добра для Россіи; но по крайней мѣрѣ въ первые дни царствованія Петра III-го не выходило наружу еще ничего такого, что могло бы остановить Ломоносова написать оду на восшествіе на престолъ Петра, и, разумѣется, совѣтъ и уговариванія могли исходить отъ того же Шувалова, также отъ Воронцова. Ода слаба тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Петрѣ, возвышается—гдѣ идетъ рѣчь о Елисаветѣ, которая на первомъ планѣ; Петръ обязанъ всѣмъ Елисаветѣ, онъ будетъ силенъ только ея благословеніемъ, когда будетъ подражать ей. Елисавета, отходя въ вѣчность, говоритъ Петру:

Владѣй, храни, возвысь народъ,
Моей опасностью спасенный,
Увѣрь всѣхъ мной благословенный,
Что ты Петровъ и Аннинъ плодъ.

И въ этой одѣ Ломоносовъ высказалъ свою любимую мысль о сѣверномъ пути въ Восточный океанъ:

Тамъ мерзлыми шумитъ крилами
Отецъ густыхъ снѣговъ—Борей
И отворяетъ ходъ межъ льдами,
Давъ волѣ путь въ востокъ твоей;
Чтобъ Хины, Инды и Япопы
Подверглись подъ твои законы.

Ломоносовъ не позволилъ себѣ подлаживаться, въ угоду новому императору, подъ такія отношенія, которыя не могъ считать правильными и полезными для Россіи. Онъ не могъ не знать о разладѣ между Петромъ и Екатериною, и однако въ одѣ Петръ Великій, исчисляя заслуги Елисаветы, говоритъ:

Но больше чту сію заслугу,
Что ты, усердствуя къ нему (Петру III),
Достойную дала супругу,
Любезну отчеству всему.

Но очень скоро оказалось, что добрыя желанія неисполнимы. Любопытно, что и относительно Ломоносова высказался тотъ же характеръ Петра III-го, который замѣчается во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. 29 января Сенатъ получилъ указъ императора: фарфоровую фабрику, находившуюся въ вѣдомствѣ Кабинета, поручить въ вѣдомство коллежскому совѣтнику Ломоносову, а 25 февраля эта фабрика взята отъ Ломоносова опять въ вѣдомство Кабинета. Легко понять, какое тяжкое время переживалъ Ломоносовъ въ первую половину 1762 года, онъ, истый Русскій человѣкъ, уже очень ясно опредѣлившій свои отношенія къ чуждому элементу; этого тяжелаго положенія нельзя не поставить если не причиною, то въ числѣ причинъ опасной болѣзни, которая продержала его внѣ ученой дѣятельности февраль и мартъ мѣсяцы. 30 іюня, на другой день Петрова дня, именинъ государя, назначено было торжественное засѣданіе Академіи; Ломоносовъ долженъ былъ говорить рѣчь; въ концѣ рѣчи, по обычаю, должно было помѣстить похвалу царствующему государю; Ломоносовъ помѣстилъ краткую похвалу въ общихъ, сухихъ выраженіяхъ. Но засѣданія не было: 28 іюня взошла на престолъ Екатерина, и Ломоносовъ написалъ оду, напомнившую лучшія его оды, ибо событіе давало полный просторъ его патріотическому чувству, онъ могъ прославлять государыню, которая

И отъ презрѣнія избавитъ
Возлюбленный Россійскій родъ.....

Ломоносовъ спрашиваетъ:

Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О стыдъ, о странный оборотъ!

Петръ Великій встаетъ изъ гроба и говоритъ:

„Я мертвъ терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ то моя Россія
Подъ игомъ области чужія
Лишилась власти, славы, силъ?
На то-ль, чтобъ всѣ труды несчетны
И пріобрѣтенны плоды
Разрушились и были счетны,
И новы возрасли бѣды?
На то-ль воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный
Россіянамъ ужасенъ былъ.
И вмѣсто радостной столицы
Тревожилъ дальнія границы,
Которыя распространилъ?“

По поводу судьбы Петра III-го Ломоносовъ дѣлаетъ такое обращеніе къ державнымъ главамъ:

Услышьте, судіи земны
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ,
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу:
То Богъ благословитъ вашъ домъ.
О коль велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрные рабы!
О коль опасно, какъ оставятъ
Отъ тѣсноты своей въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру:
Она свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ
Твердѣе всякаго щита.

Ломоносовъ не утерпѣлъ, чтобъ не сдѣлать обращенія къ иностранцамъ:

А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдямъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу
Безпрепятственно приносить!
На то-ль склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?
И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей.
Искусство нынѣшне доводомъ,
Что было надъ Россійскимъ родомъ
Умышленно отъ вашихъ главъ
Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью трона,
Къ рушенію народныхъ правъ.
Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ!
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря.

Говорятъ, что въ первое время царствованія

Екатерины, отличавшееся особенною щедростью на награды и деньгами и чинами, первый русскій писатель былъ забытъ, быть можетъ, не безъ намѣренія, какъ старинный почитатель ненавистныхъ государынѣ Шуваловыхъ. На это замѣтимъ, что щедро были награждены только люди, болѣе или менѣе участвовавшіе въ переворотѣ. Но, не включая Ломоносова въ число этихъ лицъ, Екатерина не могла позволить себѣ выразить свое неудовольствіе противъ перваго писателя, противъ знаменитаго патріота, въ то время какъ всѣми силами старались придать перевороту патріотическое значеніе. Очень можетъ быть, что отношенія Ломоносова къ Шуваловымъ не нравились, ибо въ этихъ отношеніяхъ нельзя было не признавать заслуги Шувалова, его права на славу, на вѣчную славу, а это признаніе было непріятно; но— „тамъ были очень умны, тамъ", и остерегались высказывать подобныя непріятныя чувства; знали, напримѣръ, что Шуваловъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Вольтеромъ; но вмѣсто того, чтобъ сердиться на Вольтера, поспѣшили сблизиться съ нимъ. Другое дѣло Разумовскій, Тепловъ и подобные имъ господа: они могли мстить Ломоносову за то, что онъ въ послѣднее время, вопреки имъ и благодаря Шувалову, получилъ первенствующее значеніе въ Академіи; они могли съ наслажденіемъ сейчасъ же поднять Тауберта надъ Ломоносовымъ, дать первому чинъ статскаго совѣтника, могли съ удовольствіемъ говорить дурное про Ломоносова при императрицѣ или вовсе не говорить, что вѣрнѣе вело къ цѣли. Но и при такихъ обстоятельствахъ, и въ такое хлопотливое для Екатерины время, мы видимъ, что она исполняетъ желанія Ломоносова. 8 іюля 1762 года въ журналѣ Сената записано: „По указу ея императорскаго величества, по представленію Ломоносова объ успѣхахъ находящагося при мозаичномъ дѣлѣ Гамбургца Цилха, дать ему чинъ коллежскаго регистратора". Милость важная—сдѣлать чиновникомъ мастероваго, ибо этотъ мастеровой былъ братъ жены Ломоносова.

Но Ломоносовъ не могъ равнодушно перенести возвышеніе Тауберта надъ нимъ, и здѣсь нельзя видѣть одного оскорбленнаго честолюбія: въ возвышеніи Тауберта надъ собою онъ видѣлъ знакъ паденія того, за что ратовалъ во все продолженіе своей академической службы. Ломоносовъ опять заболѣлъ и, въ упадкѣ нравственныхъ и физическихъ силъ, рѣшился оставить службу; но по своей природѣ онъ не могъ этого сдѣлать молча и, въ прошеніи на имя императрицы, высказалъ все, что у него лежало на сердцѣ: 1) „Въ службѣ вашего императорскаго величества состоя тридцать одинъ годъ, обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ и въ нихъ пріобрѣлъ толь великое знаніе, что, по свидѣтельству разныхъ академій и великихъ людей ученыхъ, принесъ я ими знатную славу отечеству во всемъ ученомъ свѣтѣ, чему показать могу подлинныя свидѣтельства. И таковымъ ученіемъ, одами, публичными рѣчьми и диссертаціями, пользовалъ и украшалъ я вашу Академію передъ всѣмъ свѣтомъ двадцать лѣтъ. 2) Моими сочиненіями стиль россійскій несравненно вычистился передъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженію идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ общая апробація моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ употребляемыя изъ нихъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служитъ. 3) Присутствуя въ канцеляріи Академіи членомъ, отправлялъ я должность мою по положеннымъ на меня департаментамъ со всякимъ раченіемъ такъ, что гимназія, университетъ и географическій департаментъ пришли во много лучшее передъ прежнимъ состояніе. 4) Помянутою моею ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость, и частый ломъ въ ногахъ и раны не допускаютъ меня больше къ исправленію должности, такъ что прошлой зимы и весны лежалъ я 12 недѣль въ смертной постели и нынѣ тяжко боленъ. 5) Невзирая на мои вышеупомянутые труды и ревностную и безпорочную службу для приращенія наукъ въ отечествѣ близъ 12 лѣтъ въ одномъ чину, оставленъ я произвожденіемъ и обойденъ многими меня молодшими въ статскихъ чинахъ, которымъ при семъ реестръ сообщается, и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ. И дабы благоволено было сіе мое прошеніе принять и меня для вышеупомянутой болѣзни уволить отъ службы вашего императорскаго величества вовсе; а за понесенные мною, сверхъ моей профессіи, труды и для того, что я многократно, многими въ произвожденіи молодшими безъ всякой моей прослуги обойденъ, наградить меня произведеніемъ въ статскіе дѣйствительные совѣтники съ ежегодною пенсіею по 1,800 рублевъ по мою смерть". Намъ нельзя съ улыбкою отзываться о чинолюбіи знаменитаго ученаго. Всякое явленіе объясняется изъ положенія страны, общества въ извѣстное время. Если въ извѣстной странѣ всѣ ходятъ вооруженные — вѣрный знакъ, что тамъ нѣтъ общественной безопасности; въ описываемое время въ Россіи значительный чинъ былъ тотъ же револьверъ, необходимый для извѣстной безопасности. Ломоносовъ вполнѣ объясняетъ, почему ему и собратіямъ его нужны были чины: знаменитый, но безчиновный ученый долженъ былъ дожидаться въ передней у Теплова и толкаться вмѣстѣ съ подьячими въ канцеляріи. Отъ этого и ученые иностранные, сколько-нибудь извѣстные, отвѣчали отказомъ на приглашенія Академіи.

На просьбу Ломоносова отвѣта не было. Отложить докладъ по ней было легко: императрица уѣзжала въ Москву на коронацію и пробыла тамъ долго, причемъ не было недостатка въ большихъ заботахъ и непріятностяхъ. Разумовскій былъ силенъ и не могъ забыть, какъ во время его президентства громче всѣхъ раздавался голосъ Ломоносова о безпорядкахъ въ Академіи, какъ съ неболь-

нимъ за шесть мѣсяцевъ до смерти Елисаветы въ самомъ Сенатѣ повторены были обычныя жалобы Ломоносова на эти безпорядки, которые приписаны, изъ учтивости, долгому отсутствію президента изъ Петербурга, и рѣшено было ходатайствовать о назначеніи ему товарища. 5 іюля 1761 года Правительствующій Сенатъ имѣли разсужденіе о состояніи здѣшней Академіи Наукъ и нашли: что „оная, получая на содержаніе свое изъ Штатсъ-Конторы превеликую денежную сумму, чрезъ толь долгое время не приноситъ никакой пользы государству,—не имѣетъ по сіе время довольнаго числа изъ Россійскихъ людей профессоровъ, адъюнктовъ, переводчиковъ и студентовъ; что студенты и ученики академическіе, по причинѣ недостатка нужныхъ для ученія ихъ профессоровъ и за нечтеніемъ лекцій, напрасно теряютъ свои лѣта и казенную сумму; что выписанные чужестранные профессоры отъ слабаго надъ ними смотрѣнія по контрактамъ не читаютъ лекцій и напрасно получаютъ великое жалованье, да уже и въ контрактахъ своихъ выписываемые изъ иностранныхъ земель профессоры включаютъ, чтобъ имъ лекцій не читать, а дѣлать бы только диссертаціи, кои можно доставить и за малыя деньги или получать отъ почетныхъ Академіи членовъ; что художества при Академіи въ худомъ состояніи, и изъ Россійскихъ людей по сіе время хорошихъ мастеровъ нѣтъ; что библіотека въ превеликомъ безпорядкѣ и не имѣетъ весьма многихъ нужныхъ для Академіи книгъ, хотя на приращеніе оныя ежегодно дается довольная денежная сумма; что кунсткамера никакого приращенія не имѣетъ; что во всѣхъ оныхъ департаментахъ безпорядокъ, безполезность и напрасная трата казенной суммы; что многія при Академіи должности, которыя бы могли россійскими подданными быть отправляемы, иностраннымъ поручаются съ большимъ жалованьемъ, и что сіе не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ-того, что Академіи президентъ, находясь въ долговременномъ отсутствіи, не можетъ самъ своею особою надсматривать, а члены, коимъ онъ въ отсутствіи своемъ поручилъ надъ Академіею смотрѣніе, вмѣсто надлежащаго отправленія своей должности и равнодушнаго (т.-е. покойнаго, безпристрастнаго) объ Академіи попеченія, непрестанно ссорясь и изъ одного несогласія выводя другое, одинъ другому въ полезныхъ предпріятіяхъ препятствуютъ и, стараясь одинъ предъ другимъ преимуществовать, возбудили себѣ отъ всѣхъ своихъ подкомандныхъ презрѣніе, такъ что многіе изъ профессоровъ, презирая членовъ, не дѣлаютъ никакого уваженія посылаемымъ изъ канцеляріи о дѣлахъ къ пользѣ служащихъ ордерамъ, и какъ по онымъ не чинятъ исполненія, такъ и по заключеннымъ съ Академіею контрактамъ не поступаютъ, и, наконецъ, несогласіемъ своимъ дотого довели, что Прав. Сенатъ, по причинѣ президентскаго отсутствія, принужденъ былъ дѣла академическія брать въ свое разсмотрѣніе; что нигдѣ и ни въ чемъ оная не наблюдаетъ ни мало экономіи; сумма, опредѣленная на содержаніе Академіи, 53,000 слишкомъ рублей, и притомъ также получаемая великая сумма отъ книжной лавки не только вся исходитъ, но еще сверхъ того на всякія починки и строенія академическія всегда особливыя суммы Академіею отъ Правительствующаго Сената требуются, а книжная лавка никогда должнымъ порядкомъ не считается, и куда деньги употребляются,—о томъ Ревизіонъ-Коллегія не знаетъ. Того ради, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: ея императорскому величеству поднесть докладъ, не соблаговолитъ ли указать для лучшаго распорядка при Академіи быть гофмаршалу Двора великаго князя, камергеру графу Головкину, котораго Правительствующій Сенатъ признаетъ къ тому способнымъ, смотря по его наукамъ, а когда президентъ сюда прибудетъ, то Головкину быть при немъ товарищемъ."

Теперь уже никто не назначалъ товарища Разумовскому, хотя попрежнему не онъ управлялъ Академіею. Ломоносовъ продолжалъ болѣть; но это положеніе его не стѣсняло его враговъ. Разумовскій подписалъ предложеніе взять изъ-подъ его вѣдѣнія географическій департаментъ. Больной левъ не далъ себя лягнуть; онъ подалъ въ академическую канцелярію представленіе: „Мое о новомъ россійскомъ атласѣ раченіе не токмо географическому департаменту и академической канцеляріи, но и Правительствующему Сенату довольно извѣстно, ибо 1) моимъ хожденіемъ истребованы отъ Сената указы, во всѣ города Россійскаго государства разосланные съ запросами географическими, и получаются довольные отвѣты. 2) Получено отъ Сената позволеніе и опредѣлены требованныя вспоможенія для географическихъ экспедицій по моему-жь представленію. 3) Изъ Камеръ-Коллегіи истребованы и присылаются реестры душъ мужеска полу для великой надобности къ сочиненію россійскаго атласа моимъ же стараніемъ. 4) Сочинено 9 россійскихъ ландкартъ къ новому россійскому атласу подъ моею же дирекціею. 5) Геодезисты и студенты географическаго департамента, кои прежде ландкарты только копировали, нынѣ же уже сами отъ себя ихъ сочиняютъ чрезъ мое попеченіе. 6) Сочинена экстрактомъ топографія тѣхъ городовъ, изъ коихъ присланы довольные отвѣты подъ моимъ стараніемъ. Вмѣсто награжденія за неусыпное мое о географическомъ департаментѣ стараніе и успѣхи, вижу себѣ горестное наказаніе, ибо что можетъ быть несноснѣе, какъ моимъ раченіемъ исходатайствованные и расположенные къ полезному успѣху способы видѣть отъ меня по ложнымъ причинамъ отнятые съ поношеніемъ за благодареніе!" Ломоносовъ удержалъ за собою географическій департаментъ.

Несмотря на ослабленіе силъ, Ломоносовъ не переставалъ заботиться объ академической гимназіи и о томъ, чтобъ русскимъ ученымъ даны были всѣ средства заниматься наукою, просилъ прибавить по 12 рублей на содержаніе гимназиста: „Ей",

писалъ онъ, „по нынѣшней дороговизнѣ 36 рублями содержать невозможно". Просилъ о доступности для профессора Попова обсерваторіи, также для адъюнкта Красильникова, геодезистовъ и студентовъ: „ибо оная для того и построена, чтобы пользоваться природнымъ Россіянамъ къ пользѣ отечества". Къ этому же времени относится любопытная для исторіи русскаго просвѣщенія записка Ломоносова о трудахъ его по академическому университету и гимназіи. „По врученіи ему, Ломоносову, въ единственное смотрѣніе университета соединилъ онъ студентовъ въ общежитіи, снабдивъ довольнымъ столомъ, приличнымъ платьемъ и прочими надобностями; учредилъ порядочныя лекціи и издавалъ ихъ каталоги, какъ въ университетахъ недется. Въ гимназіи хотя немало было гимназистовъ, однако въ весьма бѣдномъ и безполезномъ состояніи, затѣмъ что: 1) жалованье имъ давалось въ руки, которое брали себѣ ихъ родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьниковъ, такъ что въ школы приходили въ бѣдныхъ рубищахъ, претерпѣвали наготу и и стужу, и стыдно было ихъ показать постороннимъ людямъ. Притомъ же пища ихъ была весьма бѣдная и единъ иногда хлѣбъ съ водою. Въ такихъ обстоятельствахъ наука мало шла имъ въ голову; 2) да и времени имъ къ тому не было, затѣмъ что дома должны были служить отцу и матери для бѣдности, и, въ гимназію ходя по дальнему разстоянію, теряли лучшіе часы и всегда случай имѣли рѣзвиться и отъ школъ отгуливать. Итакъ не дивно, что чрезъ семь лѣтъ не было произведено изъ гимназіи въ университетскіе студенты ни единаго человѣка. Но послѣ порученія оной гимназіи совѣтнику Ломоносову въ единственное смотрѣніе, всѣ оныя неудобства отвращены и пресѣчены, ибо гимназисты соединены, какъ и студенты, въ общежитіе, снабдены приличною одеждою и общимъ довольнымъ столомъ по мѣрѣ опредѣленнаго имъ жалованья; не теряютъ времени ни ходьбою на дома, ни службою родителямъ, ниже заочною рѣзвостію, будучи у инспектора гимназіи и у нарочныхъ надзирателей предъ глазами въ одномъ домѣ".

Только весною 1763 года въ Москвѣ узнали или начали думать о просьбѣ Ломоносова. 23 апрѣля императрица писала Олсуфьеву: „Я чаю Ломоносовъ бѣденъ; сговоритесь съ гетманомъ, не можно-ль ему пенсіонъ дать, и скажи мнѣ отвѣтъ". 2 мая данъ былъ именной указъ Сенату о вѣчной отставкѣ Ломоносова съ оставленіемъ по смерть половиннаго жалованья и съ производствомъ въ статскіе совѣтники; но 13 мая указъ былъ вытребованъ назадъ изъ Сената, по какимъ побужденіямъ—неизвѣстно. Быть-можетъ, успѣли внушить, что причиною просьбы Ломоносова объ отставкѣ была не болѣзнь, но неудовольствіе, обида; что нельзя жертвовать Ломоносовымъ какому-нибудь Тауберту. Трудно было не поразиться мыслью, что въ Академіи уже не будетъ болѣе Ломоносова; употреблялись всѣ усилія, чтобъ вызвать знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ въ Академію, и въ то же время лишали Академію своей признанной знаменитости! У современниковъ была привычка дурно отзываться объ Академіи, говорить, что она наполнена иностранцами, безполезна для Россіи; повторяли обыкновенно слова Ломоносова и забывали о самомъ Ломоносовѣ,—забывали, что въ Академіи находится русскій ученый, который одинъ стоитъ многихъ и многихъ другихъ, и котораго знаменитая дѣятельность тѣсно, неразрывно была соединена съ Академіею. Ломоносовъ безъ Академіи, Академія безъ Ломоносова были немыслимы. Ломоносова оставили въ Академіи, и въ концѣ года дали ему чинъ статскаго совѣтника и назначили жалованья 1,875 рублей.

Въ это время Академія спѣшила изданіемъ въ свѣтъ „Древней Россійской Исторіи" Ломоносова, заказанной ему, какъ мы видѣли, Шуваловымъ. Понятно, что Шуваловъ и современные ему лучшіе Русскіе люди хотѣли имѣть Русскую Исторію, написанную достойнымъ образомъ, и при этомъ не могли не обратить взоровъ на перваго писателя времени, съ такимъ успѣхомъ испробовавшаго свои силы на разныхъ поприщахъ. Ломоносовъ не родился историкомъ, не былъ приготовленъ къ занятію исторіею, какъ наукою вообще, тѣмъ менѣе къ занятію Русскою исторіею, которая и для него, какъ для всѣхъ его современниковъ, была доступна менѣе всѣхъ другихъ знаній. Историческая наука была только въ зародышѣ на Западѣ. Въ Россіи задачу историка поставили, повидимому, просто, разумѣя краснорѣчивое описаніе дѣяній предковъ. Ломоносовъ говоритъ: „Всякъ, кто увидитъ въ россійскихъ преданіяхъ равныя дѣла и героевъ, греческимъ и римскимъ подобныхъ, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только вину полагать долженъ на бывшій нашъ недостатокъ въ искусствѣ, каковымъ греческіе и латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности". Не сознавалось, что историческое изложеніе находится въ полной зависимости отъ научнаго, философскаго и политическаго пониманія описываемаго, какъ у историка, такъ и у цѣлаго народа, въ зависимости отъ научнаго и политическаго развитія этого народа, отъ его характера и способностей, отъ всего строя его жизни; хотѣли (и долго потомъ продолжали хотѣть и даже теперь хотятъ) отдѣлить отъ всего этого такъ называемое краснорѣчивое, художественное изложеніе, которое само по себѣ имѣло будто бы возможность дать жизнь и красоту историческимъ лицамъ и событіямъ, — и получали пышную, ходульную и мертвую фразу, въ которой не было ни образа, ни подобія древней жизни.

Не имѣя возможности изучить вполнѣ Русскую исторію, Ломоносовъ, разумѣется, не могъ уяснить себѣ ея хода, характера главныхъ явленій, опредѣляющихъ эпохи; поэтому онъ не могъ представить никакой системы и удовольствовался, какъ выра-

жается самъ, „нѣкоторымъ общимъ подобіемъ въ порядкѣ дѣяній россійскихъ съ римскими, гдѣ находитъ владѣніе первыхъ королей соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ великихъ князей Россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные города, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство кесарей представляетъ согласнымъ самодержавству государей Московскихъ“.

Но ясность смысла, какою обладалъ отецъ русской науки, видна и въ самомъ слабомъ его сочиненіи,—именно въ рѣшеніи нѣкоторыхъ частныхъ приготовительныхъ вопросовъ. Напримѣръ,—онъ говоритъ: „Славяне и Чудь—по нашимъ, Сарматы и Скиѳы—по внѣшнимъ писателямъ, были древніе обитатели въ Россіи. Единородство Славянъ съ Сарматами, Чуди со Скиѳами для многихъ ясныхъ доказательствъ неоспоримо. Имя „Скиѳъ“ по старому греческому произношенію со словомъ „Чудь“ весьма согласно; не происходитъ отъ греческаго и, безъ сомнѣнія, отъ Славянъ взято“. О составленіи народовъ встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: „Сихъ народовъ, положившихъ по разной мѣрѣ участіе свое въ составленіи Россіянъ, должно пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе, дабы увидать оныхъ древность, и сколь много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются. Разсуждая о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію, никто не можетъ почесть ей въ уничиженіе. Ибо ни о едином языкѣ утвердить невозможно, чтобъ онъ сначала стоялъ самъ собою безъ всякаго примѣшенія. Большую часть оныхъ видимъ военными неспокойствами, переселеніями и странствованіями въ такомъ между собою сплетеніи, что разсмотрѣть почти невозможно, коему народу дать вящшее преимущество“.

Послѣ такихъ любопытныхъ и правильныхъ замѣчаній тѣмъ непріятнѣе для читателя перейти къ разсказу Ломоносова о событіяхъ Русской исторіи. Въ расположеніи извѣстій оставлена нетронутою безсвязность лѣтописца; но простота и характеристическія черты времени, отличающія лѣтописный разсказъ, исчезли подъ цвѣтами новѣйшаго краснорѣчія, подъ странными опредѣленіями и объясненіями; нѣкоторыя извѣстія лѣтописца, вслѣдствіе ходульной постановки, совершенно затемнены. По поводу призванія троихъ князей-братьевъ и занятія ими трехъ разныхъ областей, Ломоносовъ говоритъ: „Такимъ образомъ, по единой крови и по общей пользѣ согласные между собою государи, въ разныхъ мѣстахъ утвердясь, шатающіеся разномысленныхъ народовъ члены крѣпкимъ союзомъ единодушнаго правленія связали. Роптать пріобыкшіе Новгородцы странились Синеусова вспоможенія Рюрику; ибо онъ обладалъ сильнымъ Бѣлозерскимъ Чудскимъ народомъ, называемымъ Весью. Труворъ, пребывая въ близости прежняго жилища, скоро могъ поднять Варяговъ къ собственному и братій своихъ защищенію. И такъ, имѣя отовсюду взаимную подпору, неспокойныхъ головъ, которыя на избраніе Рюриково не соглашались, принудили къ молчанію и къ оказанію совершенной покорности, такъ что хотя Синеусъ по двулѣтнемъ княженіи скончался, и Труворъ послѣ того жилъ недолго, однако Рюрикъ въ Великій Новгородъ переселился и надъ Волховымъ обновилъ городъ“.

Битва Ольгина войска съ Древлянами, въ которой маленькій Святославъ началъ дѣло, описывается такъ: „Для вящшаго ободренія своихъ войскъ пріемлетъ (Ольга) въ участіе военачальства сына своего Святослава, младостію и бодростію процвѣтающаго. Пришедшихъ на Искорость встрѣтили Древляне вооруженною рукою; и какъ обѣихъ сторонъ полки сошлись къ сраженію, Святославъ кинулъ копье въ непріятеля, и пробилъ тѣмъ коня сквозь уши“ (Въ лѣтописи: „Сунулъ копьемъ Святославъ на Древлянъ, и копье пролетѣло между ушами коня, ударило въ ноги коню, потому что Святославъ былъ ребенокъ“.) Разсказъ о крещеніи Владиміра начинается словами: „Примѣтили во Владимірѣ окрестные народы богопочитательный духъ древняго законодавца римскаго Нумы“. Ломоносовъ довелъ свою „Россійскую Исторію“ до смерти Ярослава I.

Но во время печатанія „Россійской Исторіи“ Ломоносовъ издалъ „Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ“, и чрезвычайно усердно занимался предпріятіемъ, которое постоянно лежало у него на сердцѣ, и отъ котораго онъ ждалъ великой славы и пользы для Россіи. Въ день рожденія великаго князя Павла Петровича, 20 сентября 1763 года, Ломоносовъ поднесъ ему, какъ генералъ-адміралу, сочиненіе свое „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“. Въ посвященіи Ломоносовъ говорилъ: „Сѣверный океанъ есть пространное поле, гдѣ подъ вашего императорскаго высочества правленіемъ усугубиться можетъ россійская слава соединенная съ безпримѣрною пользою, чрезъ изобрѣтеніе восточно-сѣвернаго мореплаванія въ Индію и Америку“. Сочиненіе достигло цѣли: въ маѣ 1764 года состоялось высочайшее повелѣніе о снаряженіи экспедиціи, какъ видно вслѣдствіе особеннаго старанія графа Ивана Чернышева, патріотизмомъ котораго такъ восхищался Порошинъ. Несмотря на двукратную неудачу экспедиціи, отправлявшейся уже по смерти Ломоносова, вопросъ воскресаетъ въ наше время и вмѣстѣ воскресаетъ память о горячемъ участіи въ немъ знаменитаго Помора.

Въ 1764 году замѣтно вообще особенно милостивое расположеніе императрицы къ Ломоносову: можетъ быть, это явленіе совпадаетъ съ неловкимъ положеніемъ при Дворѣ Разумовскаго вслѣдствіе извѣстныхъ малороссійскихъ событій. Въ 48 нумерѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ читали слѣдующее

извѣстіе: „Монаршее благоволеніе къ наукамъ и художествамъ есть нѣкоторое божественное одушевленіе оныхъ. Снисхожденіе величества подобно живительной силѣ, которую благорастворенный воздухъ вливаетъ въ животныя и произрастающія отъ нѣдръ земныхъ творенія. Таковымъ несравненнымъ и въ самыхъ издавна благоустановленныхъ народахъ рѣдко слыханнымъ примѣрамъ предшествовалъ въ Россіи безсмертныя памяти государь Петръ Великій, посѣщая не токмо знатныя ученыя общества, но и приватные домы въ наукахъ и художествахъ людей искусныхъ и рачительныхъ. Таковымъ прехвальнымъ подражаніемъ ему послѣдуетъ достойная дѣлъ его преемница, всемилостивѣйшая самодержица наша". Послѣ этого вступленія слѣдуетъ извѣстіе, что 7 іюня, въ четвертомъ часу пополудни, императрица пріѣзжала въ домъ къ Ломоносову съ нѣкоторыми знатнѣйшими придворными особами, смотрѣла производимыя Ломоносовымъ работы мозаичнаго художества для монумента Петра Великаго, также и новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты. Екатерина уѣхала въ концѣ шестого часа.

Очень вѣроятно, что такое выраженіе особенной милости императрицы помогло вскорѣ послѣ этого Ломоносову одержать побѣду надъ своимъ соперникомъ Таубертомъ. Послѣдній купилъ изъ академическихъ доходовъ отъ книжной продажи домъ Строгановыхъ для помѣщенія книжныхъ складовъ, анатомическаго театра, типографскихъ служителей, гравера и т. п. Но инспекторъ академической гимназіи представилъ въ канцелярію, что домъ, гдѣ помѣщается гимназія, никуда негодится по своей ветхости: „Учители", говорилось въ представленіи, „въ зимнее время даютъ лекціи въ классахъ, одѣвшись въ шубу, разминаясь вдоль и поперекъ по классу, а ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать съ своихъ мѣстъ, дрогнутъ и заболѣваютъ, и принуждены бываютъ оставить хожденіе въ классы. Чего ради не дивно, ежели успѣхи ученическіе не соотвѣтствуютъ приложенному старанію учителей". Ломоносовъ немедленно представилъ объ отдачѣ подъ гимназію вновь купленнаго Строгановскаго дома, доказывая, что книжный торгъ и ремесла до Академіи не принадлежатъ, а между тѣмъ изъ восьми занимаемыхъ ею домовъ не находится ни одного подъ помѣщеніемъ университета и гимназіи, „которые два департамента суть наинужнѣйшіе къ приращенію наукъ въ отечествѣ, откуду не токмо сама Академія должна производить природныхъ своихъ членовъ, но и во все государство своихъ юриспрудентовъ, медиковъ, аптекарей, металлурговъ, механиковъ, астрономовъ, коихъ всѣхъ принуждена и нынѣ Россія заимствовать изъ другихъ земель не безъ нареканія нашему народу". Президентъ велѣлъ отдать Строгановскій домъ подъ университетъ и гимназію „для прописанныхъ въ представленіи г. статскаго совѣтника Ломоносова резоновъ".

Любопытно, что въ то время, какъ императрица оказывала знаки своей милости Ломоносову, въ запискахъ Порошина мы не встрѣчаемъ ни разу, чтобъ знаменитѣйшій русскій ученый и писатель былъ приглашенъ къ наслѣднику престола, тогда какъ нерѣдко приглашался соперникъ Ломоносова—Сумароковъ. Предлоги къ такому исключенію, разумѣется, могли быть найдены; но можно находить и причину въ томъ, что человѣкъ, завѣдывавшій воспитаніемъ великаго князя, не могъ преодолѣть нерасположенія своего къ знаменитости, такъ близкой къ Шуваловымъ и Воронцовымъ. Какъ видно, великій князь получилъ нѣкоторыя внушенія противъ Ломоносова; это видно изъ слѣдующихъ строкъ въ запискахъ Порошина: „Разговорились мы (съ великимъ княземъ) о г. Ломоносовѣ и о г. Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я его высочеству, какъ принимать ихъ и какое почтеніе отдавать имъ должно для ободренія наукъ и покровительства. При семъ и то разсужденіе кстати пришло, что о людяхъ никогда вдругъ по наружному ихъ виду разсуждать и о достоинствахъ ихъ судить не должно". Порошинъ, по своему направленію, разумѣется, не пропускалъ случая внушать своему воспитаннику уваженіе къ Ломоносову. „Пришло мнѣ", говоритъ онъ, „не знаю какъ-то въ голову изъ Ломоносова похвальнаго слова государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ то мѣсто, гдѣ написано: „Ты едина истинная наслѣдница, ты дщерь моего просвѣтителя" (слова сіи прибѣгнувшая Россія говоритъ государынѣ). И какъ я это выговорилъ, то его высочество смѣючись изволилъ сказать: „Это, конечно, уже изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова". Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однакоже говорилъ я ему на то: „Желательно, милостивый государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, неприлично такимъ образомъ о такомъ Россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ. Вы—великій князь Россійскій. Надобно вамъ быть и покровителемъ музъ россійскихъ. Какое для молодыхъ учащихся Россіянъ будетъ ободреніе, когда они примѣтятъ или услышатъ, что уже человѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается? Чего имъ тогда ожидать останется, изъ которыхъ природа, конечно, немногихъ Ломоносовыми сдѣлала? Правда, что Ломоносовъ имѣетъ многихъ завистниковъ; но сіе самое доказываетъ его достоинство. Великія дарованія всегда возбуждаютъ зависть. Дотого испорчено человѣческое сердце, что по большей части хулятъ такихъ, которые хвалы достойны, а хвалятъ такихъ, которые хулу заслуживаютъ. Не много такихъ людей, чтобы всѣмъ отдавали справедливость".

Въ самомъ началѣ 1765 года Сенатъ слушалъ

донесеніе Ломоносова, что мозаическая картина Полтавской баталіи, назначавшаяся для надгробнаго памятника Петру Великому въ Петропавловскомъ соборѣ, готова и съ рамою, и что сумма, на нее отпущенная изъ казны, издержана, и Ломоносовъ затратилъ свои деньги. Сенатъ рѣшилъ осмотрѣть картину и, по осмотрѣ, нашелъ, что „картина изрядствомъ мозаичной работы, пристойно изобрѣтеннымъ изображеніемъ, равно и рѣдкостью можетъ быть употреблена для украшенія монумента по надлежащемъ въ исправности рисунка и въ чемъ бы еще потребно было исправленіи, толь наипаче, что по собственному его, Ломоносова, объявленію то сдѣлано быть можетъ“. Планъ монумента Сенатъ рѣшилъ передать Бецкому на разсмотрѣніе архитекторовъ; рѣшилъ также выдать Ломоносову затраченныя имъ деньги—999 рублей.

Это извѣстіе послѣднее: 4 апрѣля, въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ, Ломоносовъ скончался. Густая толпа народа проводила гробъ его въ Невскій монастырь. Въ бумагахъ Ломоносова осталась собственноручная записка, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „За то терплю, что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобъ выучились Россіяне, чтобы показали свое достоинство. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ“ [1]). Порошинъ разсказываетъ о впечатлѣніи, какое произвела вѣсть о смерти Ломоносова на великаго князя Павла Петровича, который, несмотря на приведенное выше замѣчаніе, сдѣланное ему Порошинымъ, повторилъ прежнюю шутку: „Что о дуракѣ жалѣть, казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ“. Ребенокъ забылъ замѣчаніе наставника, что о людяхъ, подобныхъ Ломоносову, негодится употреблять бранныхъ словъ, даже придавая имъ противоположный смыслъ; но въ настоящемъ случаѣ былъ любопытенъ цѣлый отзывъ, который великій князь отъ кого-нибудь да слышалъ, что Ломоносовъ перебралъ много денегъ у казны и ничего не сдѣлалъ, т. е. относительно мозаики. — Далѣе Порошинъ разсказываетъ, что пріѣхалъ законоучитель, архимандритъ Платонъ, пошла опять рѣчь о Ломоносовѣ: Платонъ жалѣлъ о его кончинѣ, возбуждая такое же сожалѣніе и въ великомъ князѣ.

Не долго пережилъ Ломоносова русскій сочленъ его по Академіи, имя котораго часто печальнымъ образомъ соединяется съ его именемъ, Тредіаковскій. Положеніе Тредіаковскаго было незавидное и прежде, какъ мы видѣли, и въ описываемое время ухудшалось все болѣе и болѣе. Причина заключалась въ несоотвѣтствіи его дарованій и заслугъ съ тѣмъ мнѣніемъ, какое онъ самъ имѣлъ о своихъ дарованіяхъ и заслугахъ. Потомство не станетъ отрицать его заслугъ, его трудолюбія, пользы его переводовъ для своего, да и для позднѣйшаго времени, признаетъ правильность нѣкоторыхъ его мыслей, даже найдетъ у него значительное количество сносныхъ стиховъ; и если бы Тредіаковскій удовольствовался значеніемъ недаровитаго, но трудолюбиваго ученаго, неутомимаго переводчика неоспоримо полезныхъ книгъ, то думаемъ, что и современники не отказали бы ему въ своемъ уваженіи. Но Тредіаковскій, при своихъ небольшихъ средствахъ, хотѣлъ играть роль первостепенную, хотѣлъ имѣть значеніе первоклассцаго ученаго и писателя, и видя, что этого значенія достигнуть ему невозможно, сталъ терзаться завистью къ людямъ, достигшимъ этого значенія, сталъ искать случаевъ высказывать всякими средствами свое раздраженіе противъ нихъ. Борьба была неравная; враги не были великодушны, они задавили слабаго Тредіаковскаго своими насмѣшками, отдали его на позоръ толпѣ, и Тредіаковскій все болѣе и болѣе поникалъ во мнѣніи общества даже въ то время, когда люди, приглядывавшіеся къ явленіямъ на Западѣ, считали долгомъ порядочнаго человѣка уважать ученаго, писателя.

Мы видѣли, какъ въ царствованіе Анны поступилъ съ Тредіаковскимъ Волынскій, раздраженный насмѣшливыми стихами его; но и въ царствованіе Елисаветы, несмотря на смягченіе нравовъ и на иныя отношенія къ литературѣ и писателямъ, Тредіаковскій подвергся сильнымъ непріятностямъ, какимъ не подвергался ни одинъ изъ его товарищей,—опять за подметный пасквиль, и подвергся непріятностямъ именно потому, что оскорбленный могъ свободно излить свою желчь на человѣка, который не пользовался уваженіемъ. Въ 1755 году Тредіаковскій подкинулъ пасквиль на президента Академіи, на Миллера и другихъ иностранныхъ ея членовъ, на Сумарокова: но болѣе всего досталось Теплову. Насъ непріятно поражаютъ страстныя выходки тогдашнихъ дѣятелей науки и литературы; но выходки эти происходили въ явной борьбѣ; а тутъ былъ подметный пасквиль, и, конечно, такое средство борьбы не могло бы усилить уваженія къ Тредіаковскому. Тепловъ написалъ жалобу, въ которой доказывалъ, что пасквиль сочиненъ именно Тредіаковскимъ. „Въ многорѣчіи своемъ“, пишетъ Тепловъ, „которое есть истинное Тредіаковскаго, по всей пьесѣ отъ начала до конца, онъ столь особливъ же, что едва ли можно въ родѣ человѣческомъ быть другому Тредіаковскому. Школьныя фигуры реторическія онъ употребляетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и не кстати, и почти безпрерывно, которыми и сію пьесу начинилъ. Эпитеты его обыкновенные, репетиція безпрестанная, амплификація также, за которую отъ многихъ уже битъ не единожды. Шутки въ словахъ, которыя у него за bon mot пріемлются, неизбѣжны во всѣхъ его сочиненіяхъ, а и въ сей его пьесѣ суть такія же, напримѣръ: трикъ, тракъ, трекъ и на фра, фре,

[1]) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина.—Билярскаго—«Матеріалы для біографіи Ломоносова».—«Исторія И. Академіи Наукъ»—Пекарскаго, т. II.—С.М.Соловьева статья: «Писатели Русской Исторіи XVIII в.», въ изданіи Калачова: Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній.—Журналы и протоколы Сената 1757 года, ноября 14; 1761 года, іюня 5; 1762 года, января 29, февраля 25, іюля 8; 1765 года, января 14 и 28.

фри, система чесноколукская, съ копылье сбился авторъ и проч... На всякаго сочинителя толкъ безбожія наводитъ изъ маловажныхъ словъ: и то же самое въ семъ пасквилѣ находится по многимъ страницамъ. На г. полковника Сумарокова писалъ критику и подалъ въ Синодъ доношеніе, а въ Академію извѣтъ: въ той же силѣ изблевалъ свой ядъ и въ сей скаредной подметной тетрадкѣ неоднократно. Про себя говоритъ, что онъ за то ненавидимъ, что Грековѣръ, и Ролленовъ переводъ для того не печатается, что въ немъ добродѣтель предпочтена порокамъ. Тому уже болѣе года, какъ Тредіаковскій началъ жалобы и письменныя, и словесныя разносить, что онъ изнуренъ трудами, оставя въ Астрахани домъ и не безприбыльный садъ виноградный, странствуетъ для наукъ; Роллена вторично перевелъ и остается безъ награжденія. Но потому, что служба его всегда состояла въ негодномъ и стыдъ Академіи приносящемъ трудѣ, т.-е. въ гнусномъ стихосложеніи, въ пусторѣчіи латыни, а къ тому въ переводѣ Роллена, который имъ еще въ Невскомъ монастырѣ прежде профессорства его оконченъ; въ сочиненіи псалмовъ Давидовыхъ нескладными и безразумными стихами; въ сложеніи Ѳеопты, и ко всѣмъ симъ негоднымъ и неприличнымъ для Академіи трудамъ въ приписаніи нелѣпыхъ предисловій, то все сіе удерживаемо было, кромѣ Ролленова переводу, и не допускаемо въ печать для убѣжанія стыда Академіи". Тредіаковскій клялся, что не онъ сочинилъ пасквиль; но его клятвамъ не вѣрили. „Сіе подозрѣніе", говоритъ Тредіаковскій, „толь мнѣ дорого стало, что едва я себя съ отчаянія добровольно не предалъ смерти. Да и какъ было терпѣть! Г. Тепловъ, призваннаго меня въ домъ его графскаго сіятельства (Разумовскаго), не обличивъ и не доказавъ ничѣмъ, да и не чѣмъ пустымъ, ругалъ, какъ хотѣлъ, м......, и грозилъ шпагою заколоть. Тщетная моя была тогда словесная жалоба: и какъ я на другой день принесъ письменное прошеніе его графскому сіятельству, то одинъ изъ лакеевъ, увидѣвъ меня въ прихожей, сказалъ мнѣ, что меня пускать въ камеры не велѣно. А понеже я съ природы не имѣю нахальства, смѣю похвалиться, то, услышавъ такое запрещеніе отъ лакея, тотчасъ вонъ побѣжалъ, чтобъ скорѣе уйти домой, и съ собой унесть свой стыдъ, а о прошеніи уже моемъ, хотя и законномъ, позабылъ я помышлять".

Прошеніе подалъ онъ въ Академію не прямо на Теплова, а на Миллера, за то, что тотъ помѣстилъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" стихи Сумарокова о беззаконной любви, также гимнъ въ прославленіе „прескверной изъ богинь б ....., которой имя Венера" и проч. „Отъ наглости и гордости его (Миллера) виситъ безъ сомнѣнія надъ нами, академиками, множество напастей. Сіи два его порока суть подобны вихрю: они станутъ нашимъ согласіемъ кутить и мутить; они, чтобъ изъяснить себѣ лучше, производить между нами будутъ раздоры. Прошу мнѣ безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣрить, что лишимся мы всѣ нашего покоя, когда вы за благо не разсудите сію, сошедшую надъ нашими головами бурю отогнать и усмирить предосторожно и ревностно. Самъ же я не могу ѣздить къ его сіятельству г. президенту и не могу представлять ни словесно, ни письменно: ибо совѣтникъ Тепловъ, живущій въ его домѣ, и нынѣ чрезмѣрнымъ примѣненіемъ весьма доброжелательствующій похабственному Миллеру, котораго за нѣсколько лѣтъ ненавидѣлъ крайне, — Тепловъ, говорю, ругалъ меня поносными браньями безъ всякаго права" и проч.

Такъ всюду Тредіаковскій трудился, чтобъ подкопать всякое уваженіе къ себѣ, и когда онъ объявилъ, что будетъ въ 1757 году диктовать студентамъ правила краснорѣчія и толковать Горація, то канцелярія Академіи постановила представить президенту объ увольненіи Тредіаковскаго отъ лекцій и опредѣленіи его исключительно къ переводамъ, или если уже допустить его до преподаванія, то развѣ поручить толкованіе древней и новой исторіи, что онъ можетъ дѣлать на Русскомъ языкѣ. Такое рѣшеніе понятно; у всякаго былъ готовъ вопросъ: какъ можетъ преподавать краснорѣчіе человѣкъ, пишущій какъ Тредіаковскій. Къ несчастію для Тредіаковскаго, многіе и многіе въ словахъ Теплова, что „служба Тредіаковскаго всегда состояла въ негодномъ и стыдъ Академіи приносящемъ трудѣ", не видали преувеличенія, не видали только бранчивой выходки раздраженнаго человѣка.

Но Тредіаковскій былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что у него отняли должность профессора элоквенціи, которою онъ такъ гордился. Онъ пересталъ ходить въ Академію, и когда въ слѣдующемъ году президентъ велѣлъ потребовать отъ него объясненія причинъ его нехожденія, то Тредіаковскій отвѣчалъ длинною жалобою: „Ненавидимый въ лицѣ, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во нравахъ оглашаемый, все-жъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или, наконецъ, его собственной потребности, чтобъ употребляющаго меня праведно и съ твердымъ основаніемъ *и* въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнуть въ пропасть безславія, всеконечно уже изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію: чего ради и настала мнѣ нужда уединиться". Тредіаковскій объявлялъ, что, несмотря на болѣзнь, онъ продолжаетъ переводъ Роллена и сочинилъ три большія диссертаціи: первую — о первенствѣ Славянскаго языка предъ Тевтоническимъ, вторую — о родоначаліи Россовъ, третью — о Варягахъ-Руссахъ словенскаго званія, рода и языка. Но этимъ не удовольствовались и потребовали, чтобъ онъ ходилъ въ Академію и должность свою отправлялъ попрежнему, иначе не будетъ получать жалованья. Тогда Тредіаковскій подалъ просьбу объ отставкѣ и по-

лучилъ ее въ 1759 году, продолжая однако называться членомъ Академіи. Такъ назывался онъ и при изданіи знаменитой „Телемахиды", вышедшей въ 1766 году. Тредіаковскій умеръ въ 1769 году, и уже по смерти его изданы упомянутыя подъ 1758 годомъ три историческія диссертаціи, подъ заглавіемъ: „Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ". Вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси Тредіаковскій разрѣшаетъ такъ, что Варяги суть „предварители" (отъ варяю, предваряю), т.-е. аборигены, а Русь—Ружане померанскіе. Такимъ образомъ впервые было научно высказано знаменитое мнѣніе о рюгенскомъ отечествѣ Рюрика, мнѣніе, котораго такъ сильно держатся поборники славянскаго происхожденія Варяговъ-Руси, хотя при этомъ стараются прикрывать себя болѣе славнымъ именемъ Ломоносова; но Ломоносовъ выводилъ Рюрика изъ Пруссіи, а Пруссовъ дѣлалъ Славянами [1]).

Поборникъ противнаго мнѣнія о происхожденіи Варяговъ-Руси, Миллеръ, былъ послѣднія пять лѣтъ царствованія Елисаветы заваленъ трудами, не относившимися къ главному его занятію—Русскою исторіей. Въ сентябрѣ 1762 года онъ писалъ: „Здѣсь мой „Опытъ Новой Русской Исторіи" не встрѣтилъ вовсе благосклоннаго отзыва, почему я долженъ былъ отложить его въ ожиданіи лучшихъ временъ, что мнѣ легко при большомъ запасѣ архивныхъ рукописей. Теперь, кажется, наступило благопріятное время, потому что ея императорское величество, нынѣшняя всемилостивѣйшая государыня наша, высказываетъ милостивое удовольствіе къ моимъ трудамъ. Жаль только, что у меня слишкомъ много другихъ академическихъ занятій. Протоколы засѣданій, внѣшняя и внутренняя переписка, изданія въ свѣтъ Комментарій и Русскаго журнала („Ежемѣсячныя Сочиненія"), надъ которыми я, не имѣя помощниковъ, работаю осьмой уже годъ, отнимаютъ у меня чрезвычайно много времени, а между тѣмъ силы меня покидаютъ, и я едва въ состояніи выносить работу до 12 и до часу ночи. Историкъ страны, о которой еще такъ мало писано, долженъ быть занятъ одною этою работою".

Этотъ „Опытъ Новой Русской Исторіи", о которомъ говоритъ здѣсь Миллеръ, представляетъ замѣчательный трудъ; на немъ мы должны остановиться. *Опытъ* начинается съ правленія Бориса Годунова. Причину, почему сочиненіе начато съ этого времени, авторъ объясняетъ такъ: „Труды покойнаго тайнаго совѣтника Татищева извѣстны не только въ Россіи, но и за-границею. Хотя сочиненная имъ Русская Исторія еще не издана, однако кто не пожелаетъ видѣть ее напечатанною? Его тридцатилѣтнее прилежаніе заслуживаетъ, чтобы воздали ему эту справедливость. Татищевъ заблагоразсудилъ окончить свою исторію смертью царя Ѳеодора Іоанновича, какъ послѣдняго изъ Варяжской династіи. Мнѣ показалось приличнымъ начать тамъ, гдѣ онъ кончилъ, и такимъ образомъ довершить зданіе Россійской исторіи". Въ началѣ разсказа о событіяхъ насъ останавливаетъ опредѣленіе характера Бориса Годунова, потому что это опредѣленіе надолго осталось въ Русской исторіи. „Борисъ Годуновъ, по остротѣ ума и необыкновенному искусству въ дѣлахъ правленія, долженъ быть включенъ въ число величайшихъ людей своего времени. Но его нравственный характеръ не соотвѣтствовалъ достоинствамъ умственнымъ, отъ чего и происходитъ, что объ немъ обыкновенно слышится мало хорошаго... Борисъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые для достиженія верховной власти считаютъ всѣ средства позволенными... Это былъ другой Сеянъ, и разнился отъ послѣдняго только тѣмъ, что не было Тиверія, который могъ бы покарать его злодѣянія". Произнося этотъ общій приговоръ, Миллеръ однако не позволилъ себѣ быть неразборчивымъ относительно всѣхъ извѣстій о преступленіяхъ Годунова, встрѣчаемыхъ у разныхъ писателей, особенно иностранныхъ: онъ подвергаетъ эти извѣстія критикѣ и отвергаетъ тѣ изъ нихъ, которыя ея не выдерживаютъ. Съ такою же осторожностью поступаетъ Миллеръ и относительно другихъ извѣстій, передаваемыхъ иностранными писателями, вносившими въ свои сочиненія все, что слышали, безъ разбору; заслуга Миллера, какъ критика, видна особенно изъ того, что послѣдующіе писатели уже только сообразуются съ его приговорами. Вообще, какъ легко замѣтить, Миллеровъ „Опытъ Новой Русской Исторіи" послужитъ для позднѣйшихъ писателей образцомъ при изображеніи тѣхъ же временъ: характеръ Годунова, характеръ его правленія, рѣшеніе вопроса о происхожденіи Самозванца, выведенное изъ критическаго разсмотрѣнія иностранныхъ извѣстій, опредѣленіе характера Лжедимитріева,—все это перешло изъ книги Миллера и въ сочиненія первой половины XIX вѣка.

Въ 1765 году послѣдовала перемѣна въ судьбѣ Миллера: онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ получилъ мѣсто главнаго надзирателя (директора) воспитательнаго дома: обѣщаніе, данное ему Панинымъ и Бецкимъ—поручить ему современемъ въ завѣдываніе Московскій архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, служило важнымъ побужденіемъ для Миллера къ такой перемѣнѣ рода службы.

Еще въ 1762 году Миллеръ выписалъ себѣ помощника: то былъ Августъ-Людвигъ Шлёцеръ.

Германская наука въ первой половинѣ XVIII вѣка дала русской наукѣ, для обработки Русской исторіи, двухъ ученыхъ: Байера и Миллера. Байеръ явился въ Россіи уже ученымъ, пріобрѣтшимъ извѣстность; но поприще его здѣсь не было продолжительно, а незнаніе языка Русскаго позволяло ему касаться только немногихъ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ онъ могъ довольствоваться одними

[1]) Матеріалы для біографіи Тредіаковскаго въ Запискахъ Акад. Наукъ. IX.—Пекарскаго—«Исторія Академіи Наукъ», т. II.—Статья С. М. Соловьева: «Писатели Русской Исторіи XVIII вѣка».

иностранными языками. Миллеръ пріѣхалъ въ Россію 20-ти лѣтъ, и всѣ силы своей долгой молодости посвятилъ Россіи: отъ береговъ Невы до береговъ Амура, въ архивѣ Московскомъ и въ областныхъ архивахъ по сю и по ту сторону Уральскаго хребта неутомимый Миллеръ черпалъ извѣстія о судьбахъ необозримой страны, такъ недавно еще открытой для Европы, собиралъ, сводилъ матеріалы, безпрерывно развлекаемый вопросами, сыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ. Архиваріусъ, профессоръ, академикъ, исторіографъ, путешественникъ, географъ, статистикъ, журналистъ, Миллеръ былъ неутомимымъ работникомъ при громадной, тяжко, медленно двигавшейся машинѣ русской цивилизаціи. Миллеръ работалъ неутомимо надъ отысканіемъ, собираніемъ и разработкою матеріаловъ изъ разныхъ эпохъ Русской исторіи, для объясненія той или другой стороны въ настоящей жизни Русскаго народа; а между тѣмъ въ его старомъ отечествѣ, въ Германіи, наука шла впередъ; и когда утомленный Миллеръ потребовалъ у Германіи себѣ помощника, который бы трудился подобно ему, содѣйствовалъ ему въ отыскиваніи и собираніи матеріаловъ, въ приведеніи ихъ въ порядокъ, въ составленіи каталоговъ,—Германія выслала ему представителя новой науки. Миллеръ не понималъ уже, чего хотѣлъ Шлёцеръ; требованія Миллера Шлёцеръ считалъ странными, унизительными для себя, и двое ученыхъ, хотѣвшіе жить и дѣйствовать вмѣстѣ, скоро растолкнулись двумя враждебными силами, изъ которыхъ одна называется старымъ, а другая—новымъ.

Шлёцеръ, родившійся въ 1735 году, лишился отца, сельскаго пастора, на пятомъ году жизни, и ранняя нужда закалила характеръ безпомощнаго сироты, который самъ долженъ былъ пробивать себѣ дорогу въ жизни. Десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ уже сталъ давать уроки, и, когда все вокругъ его уже спало, маленькій Шлёцеръ сидѣлъ надъ мелкимъ шрифтомъ изданій классиковъ и пріобрѣлъ навсегда сильную близорукость. Въ Геттингенскомъ университетѣ Шлёцеръ встрѣтилъ профессора, начинавшаго своимъ преподаваніемъ новую эпоху въ исторической наукѣ: то былъ знаменитый Михаелисъ, который, при изученіи еврейскихъ древностей, впервые началъ требовать критики текста, изслѣдованія точнаго значенія словъ, знакомства съ родственными Еврейскому языками, съ обычаями Востока и его поэзіею. Подъ вліяніемъ чтеній Михаелиса опредѣлился навсегда характеръ ученой дѣятельности Шлёцера. Онъ издѣтства питалъ страсть къ путешествіямъ; чтеніе Михаелиса дало опредѣленную цѣль пламеннымъ мечтамъ молодаго человѣка, и путешествіе на библейскій Востокъ сдѣлалось завѣтною думой Шлёцера, наполнившею всю его молодость.

Но такое далекое путешествіе и въ то время было невозможно безъ значительныхъ средствъ, которыхъ у Шлёцера не было. Надобно было прежде накопить денегъ. Шлёцеръ ѣдетъ домашнимъ учителемъ въ Швецію, становится корреспондентомъ политической газеты, что сильно развиваетъ въ немъ любовь къ политикѣ; занимается въ купеческой конторѣ, пишетъ книги: „Исторію торговли и мореплаванія“, „Біографіи знаменитыхъ Шведскихъ людей“, „Исторію шведской литературы“.

Въ декабрѣ 1760 года геттингенскій профессоръ Бюшингъ вызванъ былъ въ Петербургъ для занятія мѣста пастора при тамошней нѣмецкой церкви Св. Петра. При этомъ случаѣ Бюшингъ получилъ просьбу отъ своего родственника и друга Миллера—пріискать ему помощника для ученыхъ занятій и вмѣстѣ домашняго учителя. Бюшингъ обратился съ съ этою просьбой къ Михаелису, и тотъ, зная задушевную мысль Шлёцера, предложилъ мѣсто ему: Михаелисъ представлялъ Шлёцеру, что изъ Россіи онъ можетъ ѣхать на Востокъ, и новость пути придастъ этой поѣздкѣ большой интересъ; путешествіе можетъ быть совершенно покойнѣе и безопаснѣе: безъ сомнѣнія, Русская Академія, а можетъ быть и само правительство, будутъ ему покровительствовать.—„Совершить далекое путешествіе, имѣя въ виду еще дальнѣйшее,—кого больше меня могло прельстить подобное предложеніе?“—говоритъ самъ Шлёцеръ. „Предложеніе Миллера быть у него домашнимъ учителемъ за сто рублей въ годъ считалъ я для себя столь же мало унизительнымъ, какъ мало унизительнымъ считалъ для себя въ романахъ молодой маркизъ находиться въ услуженіи у отца своей возлюбленной дамы“. Но здѣсь уже видимъ мы начало тѣхъ недоразумѣній, которыя необходимо должны были повести къ столкновеніямъ между Миллеромъ и Шлёцеромъ: Миллеръ вызывалъ студента, домашняго учителя, который долженъ былъ также помогать ему въ ученыхъ занятіяхъ, дѣлать то, что онъ ему укажетъ, и который будетъ въ восторгѣ, если современемъ Миллеру удастся пристроить его какъ-нибудь къ Академіи. Но Шлёцеръ не считалъ себя студентомъ: онъ гордился обширнымъ ученымъ приготовленіемъ, какого въ его глазахъ не имѣлъ Миллеръ и его ровесники; Шлёцеръ считалъ себя уже извѣстнымъ писателемъ, котораго знали и уважали ученыя знаменитости Германіи; онъ смотрѣлъ на мѣсто у Миллера какъ на средство для достиженія своей завѣтной цѣли; видѣлъ, что условія для него унизительны, а между тѣмъ принималъ ихъ.

Шлёцеръ въ Петербургѣ, у Миллера, который имѣлъ большой каменный домъ на Васильевскомъ островѣ, на набережной; въ домѣ все обличало не роскошь, но довольство; у Миллера былъ хорошій нѣмецкій столъ, былъ свой экипажъ. Самъ Миллеръ, имѣвшій 56 лѣтъ отъ роду, во время первой встрѣчи съ Шлёцеромъ (въ 1761 году), былъ очень красивый мужчина, поразительно высокаго роста и крѣпости. Нравственный характеръ Миллера Шлёцеръ описываетъ такъ: „Это былъ остроумный, находчивый человѣкъ; изъ маленькихъ его глазъ выглядывалъ сатиръ. Въ образѣ мыслей его было какое-то величіе, справедливость, благород-

ство. Горой стоялъ онъ за честь России, несмотря на то, что тогда держали его еще въ черномъ тѣлѣ; въ сужденіяхъ о правительствѣ былъ чрезвычайно воздерженъ. Достоинства Миллера не были какъ должно оцѣнены, потому что, во-первыхъ, онъ не могъ пресмыкаться; во-вторыхъ, ему чрезвычайно много вредила по службѣ его горячность. Онъ нажилъ себѣ множество враговъ между товарищами отъ властолюбія, между подчиненными — отъ жесткости въ обращеніи. Будучи самъ неутомимо трудолюбивъ и точенъ во всемъ, требовалъ и отъ другихъ обоихъ этихъ качествъ въ одинакой степени".

Расположившись у Миллера, Шлёцеръ задалъ себѣ задачу — изучить Русскую исторію по источникамъ, читать лѣтописи, для чего нужно было предварительное изученіе Русскаго и Церковно-Славянскаго языка. Шлёцеръ признается, что Русскій языкъ достался ему гораздо труднѣе, чѣмъ всѣ пятнадцать языковъ, которые онъ изучалъ прежде; но ему помогала „охота за корнями", какъ онъ выражается: зная сто корней въ какомъ-нибудь языкѣ, Шлёцеръ уже легко усваивалъ себѣ 400 производныхъ словъ, и изъ десяти коренныхъ словъ почти всегда девять было такихъ, какія можно было найти и въ другомъ какомъ-нибудь языкѣ. Время словопроизводствъ, основанныхъ на одномъ только внѣшнемъ сходствѣ звуковъ,—словопроизводствъ, которыми прославились Рудбекъ за-границею, Тредіаковскій—у насъ, проходило; сравнительная этимологія только-что начиналась. Миллеръ смѣялся надъ Рудбекомъ и не имѣлъ понятія о тѣхъ способахъ словопроизводства и словосравненія, которыя употреблялъ Шлёцеръ, и удивлялся, какъ самъ прежде не замѣтилъ, что Славянинъ идею нахожденія выражаетъ точно такъ же, какъ Римлянинъ: in-venio на-ити. Шлёцеръ приставалъ къ Миллеру съ вопросомъ: что означаютъ вообще русскія окончанія—ость, тель, ивъ, шій;—тотъ не понималъ вопроса, потому что, говоритъ Шлёцеръ, въ его студенческіе годы еще не существовала философія языка.

Когда успѣшныя занятія Русскимъ и Церковно-Славянскимъ языкомъ дали Шлёцеру возможность заглянуть въ русскія лѣтописи, то ученая алчность его была возбуждена въ высшей степени: передъ нимъ было нетронутое поле, которое онъ первый долженъ былъ обработать; другіе, по своимъ ученымъ средствамъ, не въ состояніи этого сдѣлать; онъ одинъ имѣетъ возможность получить честь перваго издателя, перваго объяснителя лѣтописей народа, перваго по своему могуществу въ Европѣ (таково было представленіе о Русскомъ народѣ послѣ Семилѣтней войны!).

Страсть къ занятіямъ и умѣнье заниматься, обнаруженныя Шлёцеромъ, заставили Миллера еще въ 1762 году толковать о помѣщеніи своего домашняго учителя въ Академію въ качествѣ адъюнкта. Но каково же было его удивленіе, когда, вмѣсто выраженія благодарности, онъ услыхалъ отъ Шлёцера отвѣтъ, что это мѣсто низко для него. Шлёцеръ такъ разсуждалъ о своихъ достоинствахъ: „Я долженъ былъ заниматься русскими лѣтописями, критикою ихъ. Что были за люди, которые славились тогда своими познаніями въ Русской исторіи?—люди безъ всякаго ученаго образованія, люди, которые читали только свои лѣтописи, не зная, что внѣ России существовала исторія. Но я, по крайней мѣрѣ, былъ ученый критикъ, четыре года учился въ школѣ Геснера, Михаелиса, Ире; я былъ въ этомъ отношеніи единственный человѣкъ въ Россіи; я уже съ 1755 года былъ авторомъ, и мои сочиненія не подвергались ни одной неблагосклонной рецензіи. Большая часть тогдашнихъ членовъ Санкпетербургской Академіи, конечно, не могла стыдиться моего товарищества". Адъюнктъ получалъ триста рублей жалованья: Шлёцеръ объявилъ, что и жалованья этого для него мало. Миллеръ возражалъ: „Я началъ съ двумя стами рублей". Шлёцеръ отвѣчалъ: „Вы начали на двадцатомъ году жизни, а мнѣ ужь скоро будетъ 27 лѣтъ; я уже давно началъ и не на русскія деньги". Миллеръ предполагалъ, что Шлёцеръ, имѣя въ виду заниматься Русскою исторіей, дастъ обязательство не оставлять никогда русской службы, потому что ученому, занимающемуся Русскою исторіей, могутъ быть ввѣрены государственныя тайны, и нельзя потомъ позволить ему уѣхать за-границу и обнародовать ихъ; Миллеръ самъ былъ связанъ такимъ обязательствомъ. Но Шлёцеръ не хотѣлъ заключать съ Академіею и обычнаго контракта съ условіемъ оставаться въ ней пять лѣтъ. Къ причинамъ отказа должна была присоединиться и та, что адъюнктская должность предполагала зависимость отъ Миллера въ ученыхъ занятіяхъ, а Шлёцеръ, считавшій себя выше Миллера, не хотѣлъ подчиниться его руководству.

Миллеръ разсердился на упрямца, не хотѣвшаго, по его мнѣнію, собственнаго счастія, и, говоря съ нимъ въ послѣдній разъ объ адъюнктствѣ въ Академіи, кончилъ такъ: „Ну такъ ничего не остается больше вамъ дѣлать, какъ съ первымъ кораблемъ отправиться назадъ въ Германію". Шлёцеръ, у котораго была потребность поссориться съ Миллеромъ, призналъ эти слова неблагородными, несправедливыми. Шлёцеру не хотѣлось такъ рано уѣхать изъ Россіи, ибо въ такомъ случаѣ пребываніе его въ Россіи не окупалось; капиталъ, скопленный для восточнаго путешествія, не увеличился. Шлёцеръ нашелъ въ Россіи кладъ—лѣтописи, изданіемъ которыхъ въ Германіи онъ могъ пріобрѣсти большую ученую извѣстность; но для полнаго приготовленія къ этому дѣлу надобно было еще остаться въ Россіи. Шлёцеръ обратился къ могущественному Тауберту, и тотъ устроилъ ему мѣсто адъюнкта при Академіи на неопредѣленное время и помѣстилъ его учителемъ при дѣтяхъ президента, графа Разумовскаго, на всемъ готовомъ содержаніи. При этомъ понадобился Миллеръ: онъ написалъ президенту Академіи просьбу о назначеніи

Шлёцера адъюнктомъ для занятій Русскою исторіей, расхваливъ своего кандидата какъ нельзя больше. Шлёцеръ страшно разсердился на Миллера, какъ онъ смѣлъ сказать, что выписалъ на свой счетъ его изъ Гёттингена! Но главная вина Миллера состояла въ томъ, что въ своей просьбѣ онъ представилъ Шлёцера, какъ молодого человѣка, который подъ его руководствомъ долженъ заниматься изданіемъ собранныхъ имъ историческихъ и географическихъ извѣстій о Россіи. Шлёцеръ поспѣшилъ показать Миллеру, какъ онъ будетъ заниматься подъ его руководствомъ. Послѣ присяги въ академической канцеляріи, Шлёцеръ съ Миллеромъ поѣхали вмѣстѣ домой, и дорогою старикъ началъ говорить: „Ну, вотъ теперь вы начнете свои адъюнктскія занятія, прежде всего составите реестръ къ послѣднему тому „Русскаго Историческаго Сборника“ (Sammlung russischer Geschichte)“. Шлёцеръ отвѣчалъ: „Составлять реестры слишкомъ унизительно для адъюнкта императорской Академіи“. Съ этихъ поръ Миллеръ не безпокоилъ болѣе Шлёцера, и тотъ могъ заниматься Русскою исторіей совершенно независимо. Результатомъ этихъ занятій былъ выводъ, что для успѣшнаго занятія русскими лѣтописями необходимо изученіе византійской литературы и славянскихъ нарѣчій.

Но, кромѣ этихъ занятій источниками Русской исторіи, занятій важныхъ, потому что впервые производились чисто научнымъ способомъ, мы не можемъ оставить безъ вниманія и другой дѣятельности Шлёцера—педагогической. Мы видѣли, что Шлёцеръ, благодаря Тауберту, получилъ мѣсто домашняго учителя при дѣтяхъ графа Разумовскаго. Графъ Кирилла, говоритъ Шлёцеръ, былъ хорошій человѣкъ, и потому хотѣлъ дать сыновьямъ своимъ хорошее воспитаніе; въ средствахъ не было недостатка, потому что онъ получалъ 600,000 годового дохода. Но главное препятствіе къ хорошему воспитанію гетманскихъ дѣтей представляла маменька: тогда какой-то ученый человѣкъ присовѣтовалъ отцу удалить дѣтей отъ маменьки, не высылая ихъ изъ Петербурга. Совѣтъ былъ принятъ, наняли большой домъ на Васильевскомъ островѣ, въ 10 линіи, и здѣсь поселились трое молодыхъ графовъ Разумовскихъ — Алексѣй, Петръ и Андрей, да еще три мальчика — Тепловъ, Олсуфьевъ и Козловъ. Гувернеромъ при дѣтяхъ былъ Бурбье, французскій лакей, но образованный лакей, умѣвшій писать по-французски безъ ошибокъ, потому что много читалъ. При немъ были три учителя, жившіе въ домѣ, и двое изъ нихъ адъюнкты Академіи— Румовскій—математикъ и Шлёцеръ; другіе учителя пріѣзжали давать уроки. Содержаніе института стоило графу ежегодно 10,000 рублей, и содержался онъ великолѣпно, но словамъ Шлёцера. Общій планъ преподаванія составленъ былъ безъ Шлёцера, и онъ не нашелъ въ немъ географіи! Шлёцеръ потребовалъ немедленно географіи отъ Тауберта, инспектора института; мало того, онъ представилъ необходимость другой науки, необходимость познанія отечества: такъ онъ называлъ русскую статистику. Первый урокъ начался вопросами: „Какъ велика Россія сравнительно съ Германіею и Голландіею? Что такое Юстицъ-Коллегія? Какимъ товаромъ производитъ торговлю Русскій человѣкъ? Откуда получаетъ онъ свое золото и серебро“? Понятно, что самъ учитель только тутъ началъ заниматься статистикою Россіи, и при добываніи свѣдѣній съ нимъ случилось слѣдующее происшествіе: осенью 1763 года спросилъ онъ въ одной купеческой компаніи, почему нынѣшнею весною вывезено было пеньки гораздо менѣе, чѣмъ прежде, и означилъ цифру вывоза; тутъ одинъ маклеръ отвелъ его въ сторону и просилъ не давать впередъ подобныхъ вопросовъ и не обнаруживать такихъ опасныхъ знаній: „Васъ могутъ принудить“, сказалъ онъ, „объявить, отъ кого вы получили это извѣстіе, и вы сдѣлаете чрезъ это человѣка несчастнымъ“. Сначала Шлёцеръ преподавалъ своимъ воспитанникамъ русскую статистику по иностраннымъ, исполненнымъ ошибокъ, источникамъ; но скоро Таубертъ, по знакомству съ президентами и членами коллегій, началъ доставлять ему оффиціальные источники, изъ которыхъ Шлёцеръ дѣлалъ извлеченія, потомъ о каждомъ предметѣ составлялъ маленькія рукописныя книжки и раздавалъ ихъ своимъ воспитанникамъ; на книжкахъ была надпись: „à l'usage de l'Académie de la X ligne“ (для употребленія въ Академіи X-й линіи, т.-е. Васильевскаго острова). Русская географія явилась въ такомъ же маленькомъ форматѣ и быстро распространилась; многіе домашніе учителя списывали ее, по ней преподавалась русская географія и въ академической гимназіи. Всеобщую исторію преподавали сначала по учебнику Curas съ вопросами и отвѣтами, переведенному на Русскій языкъ съ прибавкою Русской исторіи; но Шлёцеръ не хотѣлъ преподавать по этому учебнику, началъ составлять свой, и при этомъ составленіи напалъ на тѣ мысли, которыя послѣ развивалъ на лекціяхъ въ Гёттингенѣ. Въ Петербургѣ, приноравливаясь къ потребностямъ русскихъ учениковъ своихъ, Шлёцеръ пришелъ къ мысли, что надобно ввести въ исторію цѣлые народы, едва прежде извѣстные въ ней по имени: Калмыки или Монголы, думалъ онъ, потрясавшіе вселенную, гораздо важнѣе Ассиріянъ или Лонгобардовъ. Но если, по мнѣнію Шлёцера, для русскихъ учениковъ важнѣе было знать подробности Монгольской исторіи, чѣмъ Лонгобардской, то зачѣмъ же онъ послѣ перенесъ это уваженіе къ Монголамъ въ Гёттингенъ, гдѣ преподавалъ Нѣмцамъ, для которыхъ, конечно, подробности Лонгобардской исторіи были важнѣе подробностей Монгольской. Это объясняется изъ матеріальности стремленій Шлёцера: въ исторіи своей онъ поражается только матеріальнымъ величіемъ, пренебрегая проявленіями духовныхъ силъ человѣка и народовъ: въ его глазахъ Мильтіадъ—деревенскій староста въ сравненіи съ

Аттилою или Тамерланомъ; гёттингенскіе слушатели Шлёцера помнятъ, какъ горячо защищалъ онъ съ каѳедры права внѣшней жизни или матеріальные интересы противъ духовныхъ требованій. Мы, конечно, не можемъ сочувствовать этому взгляду Шлёцера; мы очень хорошо знаемъ, что для счастія и спокойствія человѣческихъ обществъ матеріальныя стремленія должны быть сдерживаемы, а не защищаемы, не поощряемы, ибо они всегда и вездѣ могущественно обнаруживаются безо всякой защиты и поощренія; мы знаемъ, что они должны быть поставлены въ служебное отношеніе къ духовнымъ требованіямъ; въ исторіи мы видимъ осязательно истину священнаго изреченія: „Духъ есть, иже живитъ, плоть ничтоже пользуетъ". Мы знаемъ, когда являются Аттилы, Тамерланы и другіе потрясатели вселенной, когда являются внѣшніе или внутренніе разрушители общественнаго строя и цивилизаціи: когда общество презритъ духовную жизнь, духовные интересы, духовныя силы, когда предастся чувственности, матеріальнымъ стремленіямъ, когда воздвигнетъ алтари Молоху и золотому тельцу,—тогда и являются на историческую сцену вожди нечистыхъ силъ, чтобъ овладѣть запродавшеюся имъ добычею. Заслуга Шлёцера состоитъ не въ установленіи вѣрныхъ взглядовъ на явленія всемірной исторіи: его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ ввелъ строгую критику, научное изслѣдованіе частностей, указалъ на необходимость полнаго, подробнаго изученія вспомогательныхъ наукъ для исторіи; благодаря Шлёцеровой методѣ, наука стала на твердыхъ основаніяхъ, ибо онъ предпослалъ изученію исторической физіологіи занятіе историческою анатоміей.

Наступилъ 1764-й годъ. Шлёцеръ приближался къ тридцатому году своей жизни. Ему было хорошо въ Петербургѣ; но его безпокоило будущее: „До сихъ поръ", писалъ Михаелису, „перекочевывалъ я, какъ номадъ, изъ одной науки въ другую, не по юношеской вѣтренности, но увлекаемый теченіемъ обстоятельствъ. Многоразличныя свѣдѣнія, которыя я чрезъ это пріобрѣлъ, должны быть мнѣ полезны, когда я наконецъ остановлюсь на чемъ-нибудь одномъ". О путешествіи на Востокъ уже нечего было больше думать; Шлёцеръ началъ думать о томъ, слѣдуетъ ли ему оставаться въ Петербургской Академіи, издавать русскія лѣтописи, создавать русскую статистику, распространять въ великомъ Русскомъ народѣ познанія о другихъ народахъ. Первое — изученіе русскихъ лѣтописей— было для него очень привлекательно.

Но Шлёцеръ, по природѣ своей, не былъ способенъ къ страстнымъ привязанностямъ, не былъ способенъ забывать все для любимаго предмета занятій; до тридцати лѣтъ этого любимаго предмета онъ еще не нашелъ, кочевалъ отъ одной науки въ другую. По своей разсчетливой природѣ, онъ при началѣ каждаго труда спрашивалъ: а что я за него получу, какія пріобрѣту матеріальныя выгоды. Такъ и теперь спрашивалъ онъ себя: какая мнѣ будетъ награда, если я, прекративъ кочеванье, остановлюсь на Русской исторіи?—мѣсто ординарнаго профессора съ 860 рублями жалованья! Но въ Петербургѣ этимъ жить нельзя, особенно если жениться. Шлёцеръ началъ думать, что надобно оставить Россію и въ Германіи издать свои Rossica, т.-е. пріобрѣтенные матеріалы по Русской исторіи и статистикѣ. Весною 1764 года Шлёцеръ подалъ доношеніе въ Академію, гдѣ, во-первыхъ, просилъ объ отпускѣ въ Германію на три года; во-вторыхъ, просилъ, что если Академія одобряетъ его дѣятельность и считаетъ достойнымъ оставаться при ней, то чтобъ соблаговолила сообщить ему свое рѣшеніе до его отъѣзда, причемъ онъ желаетъ представить планъ занятій, которыя онъ намѣренъ предпринять въ будущемъ для пользы наукъ вообще и для распространенія ихъ въ русской публикѣ. Планъ распадался на два: первый заключалъ указанія, какъ изучать отечественные памятники критически, грамматически и исторически, и какъ изучать иностранные памятники, заключающіе извѣстія о Русской исторіи. Второй планъ касался распространенія свѣдѣній въ Русскомъ народѣ. Милліоны Русскихъ людей, представлялъ Шлёцеръ, могутъ читать и писать, сотни тысячъ могутъ читать книги и страстно стремятся къ пріобрѣтенію свѣдѣній. Но иностранные языки извѣстны немногимъ, слѣдовательно надобно помогать большинству въ пріобрѣтеніи познаній посредствомъ переводовъ; кто же долженъ помогать?—разумѣется, Академія, столь богатая средствами; ея призваніе состоитъ не въ томъ только, чтобъ дѣлать открытія по наукамъ для цѣлаго міра; ея Русскій міръ къ ней ближе. Но что она сдѣлала? Байеръ и другіе издали очень хорошіе, самостоятельные, непереводные учебники для молодого императора Петра II; но съ 1736 по 1764 печальное затишье,—и ни одного самостоятельнаго сочиненія, все одни переводы. Латинскіе комментаріи Академіи заключали въ себѣ, конечно, важныя статьи, но Русскіе не читали ихъ, Русскіе считали большія суммы, которыя шли на Академію, и громко говорили, что за такія суммы народъ получаетъ только календарь; отъ этого уменьшается уваженіе къ иностранцамъ, изъ которыхъ преимущественно состоитъ Академія. Послѣдняя, по мнѣнію Шлёцера, должна была распространять въ Русскомъ народѣ свѣдѣнія въ малыхъ пріемахъ, Римскую исторію, напримѣръ, издать не въ 26 томахъ (намекъ на Тредіаковскаго), а въ одномъ или двухъ; многотомныя классическія сочиненія иностранныхъ писателей не издавать; даже легкія, всѣмъ доступныя иностранныя сочиненія, должно не переводить, а передѣлывать. Шлёцеръ предлагалъ свои услуги при составленіи учебниковъ или народныхъ книгъ по предметамъ, ему извѣстнымъ, по исторіи, географіи и статистикѣ; онъ предлагалъ или передѣлывать уже существующія иностранныя сочиненія, или изъ девяти хорошихъ сочиненій составлять десятое.

Противъ продолженія дѣятельности Шлёцера въ

Академіи съ обычною своею страстностью вооружился Ломоносовъ. Его подозрительность къ Нѣмцамъ, къ ихъ властолюбивымъ, вреднымъ замысламъ была возбуждена въ высшей степени. До сихъ поръ иностранцы, вызывавшіеся въ Академію, занимались каждый своею наукою; Миллеръ занимался Русскою исторіею, былъ русскимъ исторіографомъ, и за то Ломоносовъ зорко слѣдилъ за каждымъ его шагомъ въ самостоятельной дѣятельности по Русской исторіи: не проводитъ ли иностранецъ какихъ-нибудь нехорошихъ мыслей, не оскорбляетъ ли величіе Русскаго народа, постоянно придирался, постоянно протестовалъ. Но вотъ теперь является Нѣмецъ, который едва пріѣхалъ въ Петербургъ, едва успѣлъ познакомиться съ Русскимъ языкомъ, съ русскими древними письменными памятниками, какъ уже хочетъ распоряжаться полновластнымъ хозяиномъ и въ области Русской исторіи и въ области Русскаго языка. Дерзость неимовѣрная! Но понятно, что самъ онъ не могъ дойти до такой степени дерзости; это все Таубертъ: онъ принялъ Шлёцера подъ свое покровительство, когда тотъ разссорился съ Миллеромъ, заплативъ ему черною неблагодарностью; онъ приставилъ Шлёцера учителемъ къ гетманскимъ дѣтямъ, ввелъ его въ Академію, и теперь хочетъ противопоставить ему, Ломоносову, и въ занятіяхъ Русскою исторіею, и даже Русскимъ языкомъ. Шлёцеръ, по настоянію Тауберта, уже написалъ русскую грамматику. Самую сильную выходку сдѣлалъ Ломоносовъ противъ этой грамматики: „Хотя всякъ Россійскому языку искусный легко усмотрѣть можетъ, сколь много нестерпимыхъ погрѣшностей въ сей безпорядочной грамматикѣ находится, показующихъ сочинителевы великіе недостатки въ таковомъ дѣлѣ, но больше удивится его неразсудной наглости, что, зная свою слабость и вѣдая искусство, труды и успѣхи въ словесныхъ наукахъ природныхъ Россіянъ, не обинуясь приступилъ къ этому, и какъ бы нѣкоторый пигмей поднялъ альпійскія горы. Но больше всего оказывается не токмо незнаніе, но и сумасбродство въ произведеніи словъ россійскихъ“. Приводя нѣсколько словопроизводствъ, Ломоносовъ заключаетъ: „Изъ сего заключить можно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина“. Миллеръ въ своемъ отзывѣ нисколько не отрицалъ достоинствъ Шлёцера; онъ настаивалъ на одно, что этотъ ученый непроченъ Академіи и Россіи: „Если онъ обяжется служить два, три, пять, положимъ десять лѣтъ, то чѣмъ долговременнѣе будетъ его пребываніе въ Россіи, тѣмъ больше онъ добудетъ въ свои руки извѣстій о ней, которыми, по возвращеніи въ Германію, онъ воспользуется съ большою для себя выгодою:—но я не вижу, что же выйдетъ изъ этого для чести и пользы Россіи?“

Шлёцеръ подалъ просьбу самой императрицѣ объ отпускѣ за границу, и въ концѣ просьбы испрашивалъ всемилостивѣйшаго соизволенія продолжать начатые труды „подъ собственнымъ ея величества покровительствомъ, въ безопасности отъ притѣсненій и всякаго рода препятствій, обработать прагматически древнюю Русскую исторію отъ начала монархіи до пресѣченія Рюрикова Дома, по образцу всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, согласно съ вѣчными законами исторической истины и добросовѣстно, какъ слѣдуетъ вѣрнѣйшему ея величеству подданному. Въ случаѣ же, если онъ, Шлёцеръ, не будетъ имѣть счастія достигнуть этого лучшаго изъ своихъ желаній, да удостоится онъ и по отъѣздѣ своемъ пребывать въ связи съ Академіею ея величества въ качествѣ иностраннаго члена пансіонера“. Просьба была подана чрезъ генералъ-рекетмейстера Козлова, котораго сынъ учился у Шлёцера въ Академіи Х-й линіи, и перешла на разсмотрѣніе къ Теплову, котораго сынъ учился тамъ же. Оба, и Козловъ и Тепловъ, имѣли полную возможность убѣдительно представить Екатеринѣ блестящія способности и богатыя ученыя средства Шлёцера, необходимость удержать такого человѣка на пользу русскаго просвѣщенія, и слѣдствіемъ было то, что Шлёцеръ, былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ Русской исторіи съ жалованьемъ по 860 рублей и съ условіемъ, что свои работы онъ долженъ представлять ея императорскому величеству, или кому отъ ея величества разсмотрѣніе оныхъ поручено будетъ [1]).

Если мы теперь отъ старой относительно Академіи Наукъ съ ея постоянною борьбою между русскими и иностранными членами перейдемъ къ новорожденному университету Московскому, то насъ здѣсь остановитъ любопытное явленіе: только двое профессоровъ русскихъ, Поповскій и Барсовъ, начавшіе свое образованіе въ московскихъ духовныхъ школахъ и окончившіе его при Академіи Наукъ; послѣ къ нимъ присоединился магистръ Савичъ; всѣ остальные—иностранцы. Поповскій преподавалъ философію и краснорѣчіе и сталъ извѣстенъ преимущественно переводомъ (съ Французскаго) знаменитой въ свое время поэмы Попе: „Опытъ о человѣкѣ“. Поповскій трудился надъ переводомъ „Опыта“, и люди, дававшіе важное значеніе переводу и ставившіе его въ большую заслугу Поповскому, платили дань вѣку. „Опытъ о человѣкѣ“ есть написанное гладкими стихами длинное разсужденіе, гдѣ изложено ученіе англійскихъ поклонниковъ разума,—ученіе, которое французскіе писатели, Вольтеръ съ товарищами, распространили по всей Европѣ. О человѣкѣ изъ поэмы Попе можно было узнать, что въ дѣтскомъ возрастѣ для человѣка нужны игрушки, въ зрѣломъ - мундиры и орденскія ленты, а въ старческомъ—молитвенники: и все это имѣетъ одно и то же значеніе. Развитіе человѣка начинается съ подражанія животнымъ, которыя учатъ его искусствамъ, а религіозное чувство есть произведеніе страха. Деспотизмъ и свобода имѣютъ

---

[1]) С. М. Соловьева статья: «Августъ-Людвигъ Шлёцеръ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года.

одинъ источникъ — себялюбіе; въ человѣческой природѣ господствуютъ два начала—себялюбіе и разумъ: себялюбіе побуждаетъ, а разумъ сдерживаетъ. Синодальная цензура передѣлала много стиховъ въ переводѣ Поповскаго, не заботясь о цезурѣ. Эти стихи напечатаны были крупнымъ шрифтомъ. Второй трудъ Поповскаго былъ также переводъ Локковой книги—о воспитаніи. Другой русскій профессоръ, Барсовъ, началъ преподаваніемъ математики, а кончилъ преподаваніемъ русской словесности; Савичъ преподавалъ географію.

Съ 1756 года начали наѣзжать въ Москву иностранные профессора, такъ что университетъ для ихъ помѣщенія выхлопоталъ себѣ право имѣть собственную гостинницу [1]). Московская публика знакомилась съ новымъ учрежденіемъ посредствомъ публичныхъ актовъ, которые бывали довольно часто: передъ началомъ и концомъ курса и въ высокоторжественные дни. На этихъ актахъ, кромѣ чтенія рѣчей профессорами, устраивались диспуты между студентами подъ руководствомъ профессоровъ. Такъ, 17 декабря 1758 года, на актѣ былъ диспутъ изъ натуральной теологіи на Латинскомъ языкѣ, подъ руководствомъ профессора теологіи Фромана [2]). Наконецъ публика могла входить въ связь съ университетомъ посредствомъ публичныхъ курсовъ (которые тогда назывались приватными, а университетскіе курсы для студентовъ назывались публичными). Профессоръ Дильтей, немедленно по пріѣздѣ своемъ въ 1756 году, объявилъ приватныя лекціи о правѣ натуральномъ на Французскомъ языкѣ, съ обѣщаніемъ весь курсъ окончить въ полгода. Въ 1761 году Дильтей читалъ публичныя лекціи о естественномъ правѣ, геральдикѣ, исторіи и географіи; цѣна каждому курсу была 12 рублей, съ неимущихъ же никакого платежа не требовалось. Въ 1762 году Дильтей объявилъ, что начнетъ приватныя историческія лекціи на Французскомъ языкѣ и обучать будетъ универсальной исторіи и хронологіи отъ сотворенія свѣта до Р. Х. Но чтобъ не терять времени въ писаніи оныхъ уроковъ, то онъ сочинилъ и перевелъ свои историческія лекціи и издалъ ихъ въ печать, по два рубля экземпляръ. А ежели любители наукъ сею книжкою пользоваться пожелаютъ, не слушая толкованія, то оные имѣютъ прислать два рубля въ домъ помянутаго профессора съ изъявленіемъ своего имени и ранга, по чему немедленно получатъ три первые листа. Дильтей сначала составлялъ одинъ весь юридическій факультетъ, и только съ 1764 года видимъ другого профессора-юриста Лангера. Въ 1765 году Дильтей имѣлъ большія непріятности въ университетѣ: отъ него хотѣли избавиться, наряжено было слѣдствіе, причемъ главный упрекъ состоялъ въ нерадѣніи. Дильтей, съ своей стороны, указывалъ: что въ послѣднее время у него былъ одинъ только студентъ; что для успѣшнаго преподаванія русской юриспруденціи необходимо прежде положить основанія въ изученіи права Естественнаго и Римскаго, и русскіе законы расположить въ какой-нибудь системѣ, причемъ излагать ихъ должны русскіе профессора на Русскомъ языкѣ. Дѣло дошло до императрицы Екатерины, которая именнымъ указомъ велѣла оставить Дильтея въ университетѣ.

Въ медицинскомъ факультетѣ сначала былъ также одинъ профессоръ Керштенсъ, читавшій врачебное веществословіе; въ 1764 году поступилъ Эразмусъ, первый открывшій каѳедру анатоміи, хирургіи и повивальнаго искусства; для его лекцій былъ устроенъ анатомическій театръ; но полиція не хотѣла исполнять требованій университетскаго начальства, не доставляла труповъ.

Въ 1757 году читался въ университетѣ на Французскомъ языкѣ курсъ экспериментальной физики аббатомъ Франкози: „Собраніе было немалое любителей наукъ, между которыми находились и дамскія персоны“ [3]).

Въ обѣихъ гимназіяхъ было 36 учителей: 16 Русскихъ и 20 иностранцевъ. О преподаваніи въ этихъ гимназіяхъ мы имѣемъ нѣсколько извѣстій въ запискахъ Фонвизина, бывшаго однимъ изъ первыхъ учениковъ университета. Здѣсь, для уразумѣнія словъ Фонвизина, надобно замѣтить, что гимназіи были слиты съ университетомъ, и объ ученикѣ, проходившемъ гимназическій курсъ, говорилось, что онъ учится въ университетѣ. „Самая справедливость“, говоритъ Фонвизинъ, „велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній (т.-е. позднѣйшій) университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій намъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлаютъ приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состоитъ: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ: „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны“, говорилъ онъ, „но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ – четыре спряженія; и такъ“, продолжалъ онъ, ударя по столу рукою, „извольте слушать все, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: второго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете“. Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного Нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель

[1]) Журналы и протоколы Сената; «Москов. Вѣдомости» 1757 года, № 28.

[2]) «Москов. Вѣдом.» 1758 года.

[3]) «Москов. Вѣдом.» означ. года.

нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: „Куда течетъ Волга?“ — „Въ Черное море“, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другого моего товарища: „Въ Бѣлое“, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ. — „Не знаю“, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно Нѣмецкому языку; и паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ.... Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо, съ одной стороны, причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой — нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу, Латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, но голову имѣлъ преострую, и какъ Латинскій, такъ и Россійскій языкъ зналъ очень хорошо“. У Фонвизина встрѣчаемъ также извѣстіе о курсѣ Шадена, бывшаго ректоромъ гимназіи: „Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны“. Шаденъ преподавалъ логику на Латинскомъ языкѣ [1]).

Фонвизинъ поминаетъ университетъ добромъ за то, что выучился въ немъ хорошо по-латыни и довольно Нѣмецкому языку. Но другіе воспитанники университета не могли похвалиться послѣднимъ. Когда генералъ-поручикъ Корфъ, управлявшій во время Семилѣтней войны завоеванною провинціею — Пруссіею, потребовалъ присылки къ нему молодыхъ людей, которые могли бы служить при немъ переводчиками Французскаго, Нѣмецкаго и Польскаго языковъ, то правительство обратилось въ университетъ, и тотъ выслалъ въ Кёнигсбергъ четырехъ студентовъ и шесть человѣкъ учениковъ. Но когда они пріѣхали въ Кёнигсбергъ, то Корфъ нашелъ, что въ переводчики они не годятся да и ни къ какимъ должностямъ опредѣлить ихъ нельзя по незнанію Нѣмецкаго языка, притомъ же ученики несовершеннолѣтніе и только начали учиться. Губернаторъ назадъ отсылать ихъ не заблагоразсудилъ, а распорядился такимъ образомъ: „Пріемля въ разсужденіе, что оные студенты и ученики какъ уже нѣсколько лѣтъ обучались и на то не малый коштъ употребленъ, приказалъ обучаться имъ наукамъ въ Кёнигсбергѣ въ всемъ, какъ и прочіе тамъ студенты и ученики употребляются, и жалованья давалось студентамъ по 90, а ученикамъ по 50 рублей въ годъ“ [2]).

[1]) Сочиненія Фонвизина, по изд. Ефремова, стр. 533 и слѣд.

[2]) Журналы Сената 1759 года, 29 ноября. — Объ этихъ студентахъ говоритъ также Болотовъ въ своихъ Запискахъ.

Сравнительно университетъ стоялъ высоко, несмотря на свою юность; лучшіе молодые люди изъ окончившихъ курсъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ отсылались въ университетъ для дальнѣйшаго образованія: такъ въ 1756 году Сенатъ приказалъ кадетскаго корпуса капралу Кожину, за хорошее его обученіе противъ прочихъ выпущенныхъ изъ корпуса капраловъ, дать чинъ подпоручика и отослать въ Московскій университетъ, по требованію куратора Шувалова [3]). Университетъ долженъ былъ увеличить число приготовленныхъ молодыхъ людей Русскихъ для такихъ занятій, для какихъ до сихъ поръ употреблялись иностранцы. Въ 1761 году Медицинская канцелярія напечатала въ газетахъ приглашеніе иностранцамъ отдавать дѣтей своихъ для обученія хирургіи: Сенатъ велѣлъ призвать главнаго доктора въ Медицинской канцеляріи, Лерха, и секретаря, и внушить имъ, что объявленіе въ „Вѣдомостяхъ“ сдѣлано очень неосновательно и чтобъ впередъ въ такихъ дѣлахъ поступали осторожно, ибо для обученія хирургіи можно сыскать довольно и Русскихъ людей, какъ-то: изъ Московскаго университета, изъ Академіи Наукъ, изъ семинарій и другихъ училищъ, гдѣ преподается Латинскій языкъ [4]). До сихъ поръ каждая коллегія имѣла свою школу, образовывала для себя молодыхъ людей, носившихъ названіе юнкеровъ. Въ 1763 году вышелъ указъ: въ Сенатѣ и прочихъ мѣстахъ юнкеровъ не имѣть, а наличныхъ всѣхъ изъ дворянъ помѣстить въ Сухопутный и Морской корпуса, а не изъ дворянъ — въ Московскій университетъ, а другихъ, которые по лѣтамъ не могутъ ученіе продолжать, въ военную и гражданскую службу по способностямъ [5]).

Но чтобъ университетъ какъ можно скорѣе могъ удовлетворить потребностямъ разныхъ мѣстъ имѣть образованныхъ Русскихъ людей, считали необходимымъ увеличивать льготами число воспитанниковъ университета. Многимъ родителямъ препятствовала отдавать дѣтей въ университетъ мысль, что въ то время, когда молодой человѣкъ будетъ заниматься науками, ровесники его, поступя прямо на службу, опередятъ его чинами. Поэтому на другой же годъ по основаніи университета, 17 мая 1756 года, состоялся указъ, которымъ позволено недорослямъ изъ шляхетства, бывшимъ въ указные сроки на смотрахъ, учиться въ университетѣ до 16 лѣтъ, и по склонности къ наукамъ и до 20; успѣвшихъ въ наукахъ повелѣно опредѣлять въ штатскіе чины, по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ арміи; о принимаемыхъ въ ученіе сноситься съ герольдіею; записаннымъ въ военную и гражданскую службу дозволялось въ одно и то же время учиться и числиться на службѣ съ производствомъ чиновъ; о тѣхъ же, которые сверхъ 20 лѣтъ желали изучать высшія науки, повелѣно представлять Сенату. Въ 1761 году встрѣчаемъ

[3]) Журналы Сената, 9 іюля.

[4]) Журналы Сената, 1 февраля.

[5]) Журналы Сената, 15 декабря.

случай, что Сенатъ, прямо въ видахъ поощренія молодыхъ людей заниматься въ университетѣ, беретъ отличнаго студента къ себѣ въ канцелярію, что считалось особенно почетнымъ: „приказали: студенту Бражникову, за обученіе въ Московскомъ университетѣ на своемъ коштѣ наукъ и юриспруденціи и дабы другіе находящіеся въ томъ университетѣ студенты въ обученіи наукъ прилежаніе свое имѣть могли, дать чинъ коллежскаго регистратора и быть ему при дѣлахъ въ канцеляріи Прав. Сената" [1]).

Университетъ снабженъ былъ библіотекой, которая была отворена для всѣхъ каждую среду и субботу отъ 2 до 5 часовъ. При университетѣ заведены были типографія и книжная лавка; Синоду предписано было всю гражданскую часть духовной типографіи со всѣми ея инструментами и книгами, напечатанными гражданскою печатью, передать Московскому университету. Книжная лавка, тотчасъ послѣ своего открытія, объявила, что она получила немалое число иностранныхъ книгъ. Кромѣ книгъ, преимущественно учебныхъ, въ университетской книжной лавкѣ продавались математическіе инструменты англійской работы, микроскопы, телескопы, глобусы, камеръ-обскуры, рисовальныя книги, ландкарты и проч. Привилегированными университетскими книгосодержателями были Школярій и Веверъ. Съ 20 апрѣля 1756 года университетъ началъ издавать „Московскія Вѣдомости".

Явились и частныя пожертвованія,—Демидовыхъ и другихъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1757 г. встрѣчаемъ извѣстіе: „Мы живемъ въ такія счастливыя времена, въ которыя не только мужескій полъ, но и дамы крайнюю склонность показываютъ къ наукамъ. Примѣръ сему показала покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Наумова супруга, Марья Михайловна, которая подарила въ университетъ 1,000 рублевъ" [2]).

Мы присутствовали при слабыхъ, бѣдныхъ зачаткахъ учрежденія, которому суждено было имѣть важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія; мы видѣли истокъ большой рѣки въ видѣ ничтожнаго болотнаго ручейка; мы слышали свидѣтельство одного изъ самыхъ даровитыхъ воспитанниковъ новорожденнаго учрежденія о недостаточности, о безпорядкахъ преподаванія въ немъ; но этотъ самый свидѣтель въ то же самое время говоритъ, что, несмотря на всѣ недостатки и безпорядки, онъ выучился двумъ языкамъ, древнему и новому, что послужило средствомъ пріобрѣтенія другихъ познаній, слѣдовательно время ученія не прошло даромъ. Тотъ же Фонвизинъ, говоря о пользѣ, полученной имъ отъ университета, прибавляетъ: „А наче всего въ немъ я получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ". Мы еще обратимся впослѣдствіи къ той роли, какую игралъ университетъ въ литературномъ движеніи; но для насъ чрезвычайно важны слова Фонвизина, что во время составленія его записокъ университетъ былъ уже не тотъ, какой былъ вначалѣ, „и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ". Для насъ важна эта способность и быстрота совершенствованія. Условія успѣха зависѣли отъ времени, въ какое былъ основанъ университетъ. Мы видѣли, что это было время, когда Россія пришла въ себя, заговорила, когда явилась литература, страсть къ чтенію, къ театру, къ наукѣ; живые, даровитые люди наполнили университетъ, учрежденный въ чрезвычайно удобной мѣстности по ея центральному положенію: отцы, подъ вѣяніемъ новаго духа, не медлили ни минуты отдавать туда своихъ сыновей, въ которыхъ усматривали способности. Легко понять, какое значеніе должно было имѣть это сосредоточеніе даровитой, возбужденной молодежи въ одномъ тѣсномъ кругу. Нѣкоторые, и не послѣдніе по дарованіямъ (Потемкинъ, Новиковъ), не выдержали до конца, при искушеніи, въ которое вводила самая безпорядочность преподаванія; но возбужденіе умственной дѣятельности осталось и выразилось разнымъ образомъ на различныхъ поприщахъ жизни. Что же касается возможности совершенствованія университета, совершенствованія преподаванія, то не надобно забывать, что Московскій университетъ былъ основанъ подъ вліяніемъ мысли, которой Ломоносовъ былъ такимъ неутомимымъ провозгласителемъ,—мысли, что все въ Россіи должно существовать для Русскихъ, для развитія русскихъ силъ, каждое учрежденіе должно какъ можно скорѣе наполняться русскими дѣятелями и снабжать ими другія младшія учрежденія. Отсюда, какъ только окажется даровитый и трудолюбивый студентъ, его отправляютъ въ заграничные университеты, чтобъ, по возвращеніи на родину, могъ быть профессоромъ, замѣнить иностранца-наемника. Въ 1765 году число русскихъ профессоровъ увеличилось воспитанниками Московскаго университета, возвратившимися изъ-за-границы—Веніаминовымъ и Зыбелинымъ: оба читали на медицинскомъ факультетѣ; двое другихъ—Десницкій и Третьяковъ—приготовлялись за-границею къ занятію юридическихъ каѳедръ; Афонинъ—для естественныхъ наукъ; Савичъ былъ отправленъ въ Казань, въ званіи профессора командующаго гимназіями; но уже выдавались двое молодыхъ русскихъ ученыхъ, которые впослѣдствіи заняли каѳедры при университетѣ—Аничковъ и Чеботаревъ. Иностранцы, несмотря на то, что составляли большинство, не имѣли силъ противодѣйствовать этому направленію, ибо оно настойчиво шло сверху. Шуваловъ внимательно наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ въ его университетѣ не повторилось явленіе, за которое такъ сильно упрекали Академію Наукъ. Большинство иностранцевъ въ конференціи или совѣтѣ сдерживалось ближайшею властью директора, необходи-

[1]) Журналы Сената, 27 ноября.

[2]) «Москов. Вѣдом.» 1757 г. № 96; 1760 г. № 4 и 23.

маго именно вслѣдствіе этого большинства иностранцевъ, и между директорами не было ни одного Шумахера или Тауберта. Иностранцы, несмотря на свое большинство вначалѣ, не были на своей почвѣ въ Москвѣ, а Русскіе, несмотря на меньшинство, были у себя дома, были родныя дѣти, хозяева.

Кромѣ двухъ гимназій въ Москвѣ, въ 1758 году открыта была, по настоянію Ив. Ив. Шувалова, гимназія въ Казани, самомъ важномъ городѣ Восточной России. О преподаваніи въ московскихъ гимназіяхъ мы привели свидѣтельство Фонвизина; о преподаваніи въ казанской гимназіи приведемъ свидѣтельство другой литературной знаменитости, Державина. Но для сравненія начнемъ съ разсказа Державина о его образованіи въ Оренбургѣ до поступленія въ гимназію. По седьмому году онъ отданъ былъ учиться Нѣмецкому языку къ сосланному за какую-то вину въ каторжную работу Іосифу Розѣ, у котораго учились мальчики и дѣвочки, дѣти лучшихъ людей, служившихъ въ Оренбургѣ. „Сей наставникъ", говоритъ Державинъ, „кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ; наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ разсказывать было бы отвратительно; былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей твердженіемъ наизусть вокаболъ и разговоровъ и списываніемъ оныхъ". Въ казанской гимназіи, по словамъ Державина, „преподавалось ученіе: языкамъ — Латынскому, Французскому, Нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію; однакоже, по недостатку хорошихъ учителей, едва-ли съ лучшими правилами, какъ и прежде (т.-е. у Розы). Болѣе-жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ при случаѣ экзаменовъ, — что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило людскость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи" [1]).

Что касается старыхъ учебныхъ заведеній, то для Сухопутнаго кадетскаго корпуса въ 1765 году были изданы высочайше утвержденные пункты, въ которыхъ говорилось: „Всѣхъ тѣхъ воспитанниковъ, которымъ отъ роду 20 лѣтъ и болѣе, а притомъ добропорядочнаго поведенія, выпустить по ихъ достоинствамъ: которые кончили геометрію, могутъ переводить съ какого-нибудь языка, изучили хотя нѣкоторыя спеціальныя карты въ географіи, въ исторіи дошли до половины или до седьмого періода, умѣютъ на манежѣ школу ѣздить, фехтовать въ контру, — такихъ выпустить прапорщиками. Которые изучили пять степеней высшихъ наукъ — тѣхъ выпускать подпоручиками, а которые изучили болѣе семи степеней, — тѣхъ поручиками. Которые, по слабости здоровья, военной службы нести не могутъ, или сами пожелаютъ, выпускать въ гражданскую тѣми же чинами. Которые хорошаго поведенія, но не будутъ имѣть изъ предписанныхъ знаній и двухъ степеней, такихъ исключить изъ корпуса кадетами, званіе выше унтеръ и ниже оберъ-офицерскаго. Всякія тѣлесныя наказанія кадетамъ въ корпусѣ отрѣшить; наказаніе должно состоять въ пониженіи изъ разряда лучшихъ кадетъ въ разрядъ худшихъ; лучшимъ кадетамъ дать большее отличіе въ одеждѣ, пищѣ и выпускать съ высшими офицерскими чинами" [2]).

Учебныхъ заведеній было немного; но и въ этихъ немногихъ чувствовался недостатокъ въ учителяхъ, что видно изъ публикацій Морского корпуса. Въ 1763 году онъ напечаталъ въ „Вѣдомостяхъ" патріархальную публикацію: „Желающимъ опредѣлиться въ Морской шляхетный кадетскій корпусъ въ учителя для преподаванія въ ономъ географіи, генеалогіи, Французскаго языка и другихъ наукъ; также поставить на шитье гардемеринамъ епанечъ синяго сукна, каразеи, подкладочнаго холста и синихъ гарусныхъ пуговицъ, — явиться немедленно въ канцелярію означеннаго корпуса". Въ 1764 году новая публикація: „Въ Морской кадетскій шляхетный корпусъ потребны: навигацкихъ наукъ профессоръ 1, корабельной архитектуры учитель 1, подмастерье 1, механикъ 1, подмастерье 1, для обученія словеснымъ наукамъ, философіи, географіи, генеалогіи, реторики и проч. учителей 3, Дацкаго языка учитель 1, Шведскаго учитель же 1, подмастерьевъ Нѣмецкаго, Французскаго, Англійскаго, Дацкаго и Шведскаго языковъ, къ каждому языку по одному, переводчиковъ 2, танцмейстеръ 1, геодезіи учитель 1, геодезистовъ 3".

При Елисаветѣ графъ Петръ Ив. Шуваловъ устроилъ въ Петербургѣ соединенную Артиллерійскую и Инженерную школу, и въ 1760 году подалъ донесеніе въ Сенатъ: „Въ 1745 году велѣно содержать въ Оренбургѣ инженерныхъ учениковъ 10 человѣкъ, и по обученіи въ тамошней школѣ производятся они въ кондукторы, въ которомъ чинѣ состоя съ прочими по списку наряду, производятся въ оберъ-офицеры; а такъ какъ въ тамошней школѣ обучаютъ только ариѳметикѣ, геометріи и части фортификаціи, въ учрежденной же имъ, Шуваловымъ, въ Петербургѣ соединенной Артиллерійской и Инженерной школѣ учатъ Нѣмецкому и Французскому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи простой, алгебрѣ, коническимъ сѣченіямъ, механикѣ, гидравликѣ, эрометріи, архитектурѣ гражданской, географіи математической, химіи, основанію экспериментальной физики, натуральной гисторіи, военной экзерциціи, танцованію, артиллеріи, фортификаціи и фейерверочному

[1]) Сочинен. Державина VI, 415. 419.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 12,481.

искусству, то оренбургскіе съ петербургскими учениками никакъ сравниться не могутъ, и первые съ обидою знающимъ производятся, слѣдовательно оренбургскихъ надобно опредѣлить въ здѣшнюю соединенную школу, дабы оные могли начатыя науки окончить и прочимъ обучиться". Сенатъ согласился [1]).

Относительно воспитанниковъ духовныхъ училищъ въ 1765 году была принята любопытная мѣра: оберъ-прокуроръ Синода, бывшій передъ тѣмъ директоромъ Московскаго университета, Мелиссино, предложилъ Св. Синоду высочайшую волю, состоявшую въ томъ, чтобы изъ обучающихся въ семинаріяхъ учениковъ, которые дошли уже до реторики и подаютъ хорошую надежду въ понятіи и предъ прочими взяли преимущество въ честныхъ поступкахъ, избрать десять человѣкъ для отправленія ихъ въ Англію, чтобы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, въ пользу государства, могли научиться высшимъ наукамъ и восточнымъ языкамъ, не выключая и богословія. А чтобъ они въ порядкѣ себя содержали, избрать инспекторами двухъ человѣкъ, которымъ бы можно было поручить попеченіе объ этихъ студентахъ. Нашлось болѣе 10 способныхъ учениковъ и охотниковъ изъ учителей, и одни изъ нихъ были отправлены въ Оксфордъ, другіе – въ Гёттингенъ, третьи — въ Лейденъ. Въ инструкціи посланнымъ въ Англію говорилось: „Обучаться вамъ Греческому, Еврейскому и Французскому языкамъ; не упоминается о Латинскомъ и Англійскомъ, ибо Латинскому уже обучились, въ которомъ должны себя разговорами и чтеніемъ книгъ экзерцировать, а Аглинскому языку самое обращеніе, а притомъ и преподаваемыя лекціи научать должны. Нѣмецкій языкъ и другіе восточные діалекты оставить всякому по произволенію. Всѣмъ обучаться моральной философіи, гисторіи, наипаче церковной, географіи и математическимъ принципіямъ, также и непространной богословіи. Инспектору наблюдать, чтобъ ежедневно читаны были поутру утреннія, а ввечеру на сонъ грядущихъ молитвы. Въ воскресные и великихъ праздниковъ дни (понеже отъ церкви въ удаленіи будутъ) читать и пѣть нѣсколько псалмовъ, также прочесть того дня Апостолъ и Евангеліе. Въ сіи же дни читать на иностранныхъ языкахъ по порядку нѣсколько главъ изъ Ветхаго Завѣта по разсужденію инспектора, съ возможнымъ изъясненіемъ. Сего богослуженія должность тѣмъ съ бо̀льшимъ усердіемъ совершать обязаны студенты, что они отсюду отправляются наибольше съ тѣмъ, чтобъ желаемою пользою услужить Св. Церкви. Дважды въ годъ, а по крайней мѣрѣ однова, на праздники Рождества Христова или Св. Пасхи ѣздить въ Лондонскую или Грекороссійскую церковь для исповѣди и Св. Причастія, и, ни мало не мѣшкая, возвращаться. Всѣмъ вообще ходить на публичные диспуты и другія ученыя университетскія собранія, также и на проповѣди, прислушиваясь къ чистотѣ ихъ языка и проповѣдническаго штиля. При слушаніи тамошней богословіи могутъ случаться догматы, нашей Церкви противные: инспектору надлежитъ заблаговременно ихъ лекціи разсмотрѣть, и ежели-бъ такія противности случились, о томъ студентовъ въ осторожность съ истолкованіемъ увѣдомить, дабы слушаніе оныхъ имъ также служило впредь единымъ нужнымъ пастырскимъ свѣдѣніемъ разницы догматовъ между христіанскими исповѣданіями" [2]).

Мы говорили до сихъ поръ объ училищахъ, учрежденныхъ государствомъ и находившихся подъ его надзоромъ. Но было еще ученіе домашнее, гдѣ недостатокъ надзора со стороны необразованныхъ родителей и недостатокъ учителей должны были вести къ очень печальнымъ явленіямъ. Въ Оренбургѣ, по свидѣтельству Державина, каторжникъ Роза училъ мальчиковъ и дѣвочекъ по-нѣмецки и обращался съ ними варварски; но такъ было не въ одномъ Оренбургѣ; въ обѣихъ столицахъ, не только въ областяхъ, брали къ дѣтямъ или отдавали дѣтей въ частные пансіоны всякому иностранцу, безъ возможности повѣрки его знанія и нравственности. Правительство должно было вмѣшаться въ дѣло, и по указу 5 мая 1757 года иностранцы, желавшіе поступать въ домашніе учителя или заводить частныя школы, должны были держать экзаменъ въ Петербургѣ въ Академіи Наукъ, а въ Москвѣ—въ университетѣ. Чтобь показать, кто и чему училъ въ частныхъ школахъ, приведемъ нѣсколько объявленій объ открытіи такихъ школъ въ обѣихъ столицахъ. Въ Петербургѣ, въ 1757 году, г. де-Лаваль объявилъ, что съ женою своею намѣрены принимать къ себѣ дѣвицъ для обученія Французскому языку, географіи, исторіи, рисованію и ариѳметикѣ. Тогда же два ученыхъ Француза съ однимъ Нѣмцемъ, безъ означенія своихъ именъ, объявили, что принимаютъ къ себѣ дѣтей для обученія Французскому и Нѣмецкому языкамъ и наукамъ совсѣмъ новымъ, легкимъ и краткимъ способомъ, а жены ихъ служанокъ обучаютъ мыть, шить и экономіи. Содержатель школы Сосеротте объявилъ, что получилъ отъ Академіи Наукъ аттестатъ въ искусствѣ и способности обучать людей публично исторіи, географіи, употребленію глобуса, митологіи, геральдикѣ, французскому штилю, начальнымъ основаніямъ въ Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ и ариѳметикѣ. У него для начинающихъ учиться будутъ въ классахъ подмастерья; притомъ онъ также для желающихъ составлять будетъ на всѣхъ тѣхъ трехъ языкахъ просительныя и другія письма. Въ 1758 году двѣ Француженки, не говоря своихъ именъ, объявили, что намѣрены содержать французскую школу для женщинъ, которыя притомъ обучаемы быть имѣютъ нравоученію, исторіи, географіи, также, ежели

[1]) Журналы Сената, 13 марта 1760 года.

[2]) Инструкція въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

кто пожелаетъ, ариѳметикѣ, музыкѣ, танцованію, рисованію, доброму домостроительству и прочему, что требуется къ воспитанію честныхъ женщинъ. Французскій комедіантъ Пьеръ Рено объявилъ, что принимаетъ къ себѣ молодыхъ людей для обученія Французскому языку, танцованію и пѣнію. Француженка Риншаръ объявила, что принимаетъ къ себѣ дѣвицъ для обученія Французскому и Нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и прочему и что касается до добраго воспитанія. Въ 1761 году находимъ такое объявленіе: „На Петербургской сторонѣ, за Инженернымъ корпусомъ, въ домѣ Розенбаума, обучаются дѣвицы Нѣмецкому и Французскому языкамъ, также домосодержанію и что къ тому принадлежитъ, за что съ нихъ берется платы напередъ по 100 рублевъ съ каждой". Отъ Русскихъ встрѣчаемъ только два объявленія: Въ 1760 году знаменитаго Тредіаковскаго, который объявилъ, что намѣренъ принимать къ себѣ дѣтей въ пансіонъ и безъ пансіона, для обученія Французскому и Латинскому языкамъ и переводить съ оныхъ на Россійскій, также праву натуральному, исторіи и географіи, о чемъ охотники съ нимъ самимъ обстоятельнѣе изъясниться могутъ. А въ 1763 году объявилъ Московскаго университета учитель, Антонъ Любанскій, что намѣренъ обучать юношество приватно ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и алгебрѣ, также Латинскому языку, россійскому правописанію и географіи. Въ томъ же году встрѣчаемъ такія объявленія: „У учителя Стиллау имѣются для продажи разныя иностранныя книги; оный же учитель принимаетъ на свое содержаніе дѣвицъ для обученія Французскому и Нѣмецкому языкамъ, также шить и кружева плесть".—Учитель Шарль Мовэ обучаетъ пансіонеровъ обоего пола Нѣмецкому, Латинскому и Французскому языкамъ, также ариѳметикѣ, геометріи, исторіи, рисовать и играть на клавирѣ.

Въ Москвѣ, въ 1758 году, мадамъ де-Мога объявила: если кто пожелаетъ отдать своихъ дѣтей дѣвицъ на ея содержаніе для обученія Французскаго языка и географіи, то она не преминетъ удовольствовать, показывая притомъ благородные поступки, пристойные къ ихъ природѣ. Въ 1760 году мадамъ Сиринъ начала обучать малыхъ дѣтей обоего пола Французскому и Нѣмецкому языкамъ, читать, писать, рисовать, также убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ. Въ 1761 году французскій учитель Эрье намѣренъ былъ обучать дворянство по-французски, географіи, политикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, архитектурѣ.

Одна академическая гимназія въ Петербургѣ, три или четыре военныхъ училища, двѣ гимназіи въ Москвѣ и одна въ Казани: вотъ всѣ средства, которыми располагало свѣтское образованіе въ Россіи. Больше училищъ завести было нельзя, ибо прежде всего негдѣ было взять для нихъ учителей, и нужда заставляла частныхъ людей обращаться къ первому иностранцу, который объявилъ себя способнымъ чему-нибудь выучить дѣтей ихъ. Но тутъ была еще другая сторона: во всѣхъ приведенныхъ нами объявленіяхъ ни одинъ педагогъ не заявлялъ, что въ его школѣ будетъ преподаваться Законъ Божій по ученію Православной Церкви. Церковь должна была обратить на это вниманіе. Въ 1764 году Сенатъ, слушавъ вѣдѣніе Синода, напоминавшее, что Елисаветинскими указами 1743 и 1744 годовъ велѣно дворянамъ и разнаго званія людямъ обучать дѣтей своихъ, прежде обученія русскимъ книгамъ, букварю и катехизису и упражнять въ чтеніи церковныхъ книгъ, дабы, узнавъ чрезъ это христіанскую должность и догматы Православной вѣры, могли право поступать и охранять себя отъ иновѣрныхъ развратниковъ, и если кто въ назначенное время явится не искусенъ въ толкованіи букваря и катехизаса, такихъ, пока не обучатся, не повышать въ чины, а родителей и опекуновъ штрафовать. Сенатъ отвѣчалъ: „Понеже нынѣ между многими другими, о пользѣ народной неусыпными стараніями, воспослѣдовали новыя наиполезнѣйшія о воспитаніи и обученіи Россійскаго юношества учрежденія, въ коихъ главнымъ пунктомъ положено вселять ученіемъ страхъ Божій, законъ Его и благочестіе купно съ любовію къ добродѣтелямъ и похвальному житію, и таковыя воспитательныя училища, сверхъ прежнихъ какъ въ С.-Петербургѣ при Академіи Художествъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, такъ и во всѣхъ губерніяхъ учредить, и данною ея императорскимъ величествомъ духовной коммисіи инструкціею особо повелѣно во всякой епархіи при домахъ архіерейскихъ имѣть училищные домы и учредить въ двухъ или трехъ монастыряхъ каждой епархіи малыя гимназіи съ тѣмъ, дабы о семъ, яко главномъ дѣлѣ Божіи и первомъ способѣ къ насажденію плодовъ духовныхъ, всеприлежнѣйше подумать, и когда соотвѣтствующими сему стараніями Святѣйшаго Правительствующаго Синода безъ сомнѣнія желанные въ томъ успѣхи послѣдуютъ, то тѣмъ самымъ вышеписанное Святѣйшаго Синода богоугодное намѣреніе совершенно исполнится".

Ловко отписались. Но въ концѣ того же года пришло напоминовеніе о томъ же предметѣ не отъ Синода, а отъ свѣтскаго учрежденія, и пришло изъ тѣхъ мѣстъ, откуда явился Ломоносовъ. Архангельскій губернскій магистратъ прислалъ въ Сенатъ доношеніе гражданина Василья Крестинина, опредѣленнаго магистратомъ наблюдать за исполненіемъ указа 743 года объ обученіи всякаго чина дѣтей грамотѣ, букварю и катехизису. Крестининъ указывалъ на необходимость заведенія малыхъ школъ, въ которыхъ обучались бы всякаго чина и обоего пола дѣти въ городѣ, всѣ безъ исключенія, достаточные вносили бы извѣстную сумму денегъ за обученіе, а за бѣдныхъ долженъ платить учителямъ жалованье магистратъ. Архангельскій магистратъ, признавая предложеніе Крестинина полезнымъ, просилъ Сенатъ, чтобъ въ слѣдующемъ

1765 году начать по всѣмъ городамъ Россійскаго отечества обученіе катехизису. Сенатъ рѣшилъ поднести императрицѣ докладъ съ представленіемъ: „1) Такія малыя школы учредить на первый разъ въ городѣ Архангельскѣ, а для примѣра прочимъ городамъ публиковать объ этомъ съ пристойною похвалою архангельскому магистрату и Крестинину, чтобъ и другіе магистраты и граждане были поощрены; 2) сочиненіе Ѳеофана Прокоповича „Краткое ученіе“ напечатать, и азбуку, сочиня такую, какую предлагаетъ Крестининъ, напечатать же отъ Святѣйшаго Синода, а къ ней приложить правила Ивана Гартунга, изданныя въ Кёнигсбергѣ, равно какъ и выбранныя ректоромъ Гибнеромъ библейскія священныя исторіи перевести на Русскій языкъ въ Академіи Наукъ и отослать для освидѣтельствованія въ Святѣйшій Синодъ, и немедленно по напечатаніи разослать въ школы; 3) для учителей сочинить общее наставленіе“ [1]).

Сенатъ въ отвѣтѣ своемъ Синоду указывалъ на вновь учрежденное училище въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Петербургѣ. Это было женское училище, извѣстное подъ именемъ Смольнаго монастыря, учрежденное въ 1764 году. Училище раздѣлялось такимъ образомъ: первый возрастъ отъ 6 до 9 лѣтъ; здѣсь учебные предметы: 1) исполненіе Закона и катехизисъ, 2) всѣ части воспитанія и благонравія, 3) Россійскій, 4) иностранные языки, 5) ариѳметика, 6) рисованіе, 7) танцованіе, 8) музыка вокальная и инструментальная, 9) шитье и вязанье всякаго рода. Второй возрастъ—отъ 9 до 12 лѣтъ; предметы занятій: продолженіе всего прежняго и сверхъ того—географія, исторія, нѣкоторая часть экономіи или домостроительства. Третій возрастъ—отъ 12 до 15 лѣтъ: продолженіе всего прежняго, притомъ словесныя науки, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ; 2) часть архитектуры и геральдики; 3) зачинаютъ дѣйствительно вступать въ экономію поочереди. Четвертый возрастъ—отъ 15 до 18 лѣтъ: 1) знаніе совершенное Закона; 2) всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія и учтивости; 3) повторенія всего прежняго, въ чемъ совершеннаго знанія еще не имѣютъ. 4) Во всѣ части экономіи дѣйствительно вступаютъ поочереди.

Роль Ив. Ив. Шувалова относительно просвѣщенія, заведенія училищъ, при новой императрицѣ перешла къ Ивану Ивановичу Бецкому, имя котораго уже нѣсколько разъ нами упоминалось. Долгое пребываніе Бецкаго за-границею, наблюденіе тамошнихъ учрежденій для просвѣщенія, а главное—преданность, такъ называемому, просвѣтительному движенію на Западѣ, дружба съ его вождями, между прочимъ съ знаменитою Жоффрэнъ, дали ему большое значеніе въ Петербургѣ по возвращеніи его изъ-за границы. Главный директоръ Канцеляріи строеній при Петрѣ III, Бецкій, естественно приближался, дѣлался домашнимъ человѣкомъ при Екатеринѣ II-й, такъ любившей поговорить съ бывалымъ на Западѣ, образованнымъ человѣкомъ, какихъ около нея было немного. Бецкій подалъ мысль объ учрежденіи въ Москвѣ воспитательнаго дома на пожертвованія частныхъ людей; это учрежденіе отдано въ его главное завѣдываніе, равно какъ и Смольный монастырь. Екатерина въ письмахъ къ Жоффрэнъ такъ говоритъ объ отношеніяхъ своихъ къ Бецкому и о его дѣятельности при описаніи своего дня: „Я встаю всегда въ 6 часовъ утра, читаю и пишу одна до 8; потомъ приходятъ ко мнѣ съ докладами, и это продолжается до 11 часовъ и болѣе, послѣ чего я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ я хожу къ обѣднѣ, а въ другіе дни выхожу въ пріемную комнату, гдѣ обыкновенно дожидается меня цѣлая толпа людей; поговоривъ съ ними полчаса или три четверти, сажусь за столъ, а по выходѣ изъ-за него является гадкій генералъ (Бецкій) для моего наученія, беретъ книгу, а я свою работу. Наше чтеніе, если не прервется приходомъ писемъ или другими препятствіями, продолжается до пяти часовъ съ половиною, затѣмъ я иду въ театръ, или играю въ карты, или болтаю съ кѣмъ-нибудь до ужина, который оканчивается до 11 часовъ, когда я ложусь спать. Не сердитесь на генерала (Бецкаго), котораго вы такъ браните (вѣроятно за то, что не пишетъ): дѣйствительно, онъ страшно занятъ не только служебными дѣлами (по Канцеляріи строеній), но еще множествомъ новыхъ учрежденій и проектовъ; мы его зовемъ дѣтскимъ магазиномъ“. На этомъ письмѣ Жоффрэнъ написала: „Императрица называетъ гадкимъ генераломъ (le vilain général) генерала Бецкаго, своего любимца;—это очень любезный человѣкъ, который часто пріѣзжалъ въ Парижъ и подолгу здѣсь оставался. Онъ мой другъ“.

Въ другомъ письмѣ, благодаря Жоффрэнъ за присылку маленькаго столика, Екатерина говоритъ, что и онъ будетъ заваленъ бумагами и всякими вещами, какъ и всѣ другіе, и болѣе всѣхъ виноватъ въ этомъ генералъ (Бецкій): „Онъ начнетъ съ того, что положитъ на столъ свою книгу и увеличительное стекло, потомъ какой-нибудь планъ, нѣсколько свертковъ, конверты, письма, наконецъ камни граненые и неграненые, часто кладетъ вещи, которыя нашелъ на улицѣ, и онъ же потомъ мнѣ говоритъ: „Ахъ, государыня, никогда у васъ не найдешь уголка, гдѣ бы можно положить что-нибудь“.

Частыя поѣздки за-границу и долгое пребываніе тамъ, какъ видно, оказали вліяніе на Бецкаго: Русскимъ людямъ не нравилось пристрастіе Бецкаго къ иностранному; многое въ его учрежденіяхъ находили не серьезнымъ, мелочнымъ, бьющимъ на внѣшность. Порошинъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, говоритъ: „Никита Ивановичъ ѣздилъ сего вечера въ воспитательное училище при Академіи Художествъ; тамъ былъ экзаменъ или какія-

[1]) Журналы Сената 21 октября и 9 декабря.

*

то игрушки мнимаго россійскаго Кольберта" [1]). Сумароковъ, по своему характеру, выражался рѣзче: „Александръ Петровичъ", пишетъ тотъ же Порошинъ, „разговорясь съ Никитою Ивановичемъ (Панинымъ) о г. Кювильи, говорилъ, что онъ такая бестія и такая невѣжа, какой другой нѣтъ въ Россіи". Какъ Никита Ивановичъ сказалъ ему, что Ив. Ив. Бецкій г. Кювильи очень доволенъ и увѣряетъ, что онъ въ новыхъ его учрежденіяхъ весьма много ему споспѣшествуетъ, то Александръ Петровичъ говорилъ на то: „Таковы-то вотъ и учрежденія! Вы, конечно, о нихъ, какъ разумный человѣкъ, по одной наружности судить не будете. Кювильи надобно метлами отсюда вонъ выгнать, а Бецкаго подъ присмотромъ прямо разумнова и основательнаго человѣка опредѣлить, на мѣсто Кювильи, смотрѣть, чтобъ мальчики хорошо были одѣты и комнаты у нихъ вычищены". Еще примолвилъ Александръ Петровичъ: „Есть-де нѣкто г. Таубертъ,—онъ смѣется Бецкому, что робятъ воспитываетъ на Французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ Нѣмецкомъ; а мнѣ кажется, и Бецкій, и Таубертъ — оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ Россійскомъ" [2]).

Сумароковъ былъ попрежнему на первомъ планѣ, какъ драматическій писатель. Но онъ не довольствовался этою дѣятельностью, и въ описываемое время является какъ журналистъ. Въ 1759 году въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" появилось объявленіе: „Отъ начала сего 1760 года по прошествіи каждаго мѣсяца будетъ выходить журнальная книжка на четырехъ листахъ. Цѣна въ годъ по два рубля съ полтиною. Продаваться будетъ въ Милліонной, у книгопродавца Миллера. Инако продаваны не будутъ, какъ тѣмъ, которые подпишутся на весь годъ, заплативъ деньги. Журналъ сей называется „Трудолюбивая пчела". Издателемъ былъ Сумароковъ. Содержаніемъ журнала служили оригинальныя и переводныя стихотворенія; переводы изъ классиковъ, особенно изъ Овидія, причемъ стихи часто переводятся прозою; разсужденія, напримѣръ о пользѣ миѳологіи, о двухъ главныхъ добродѣтеляхъ, которыя писателю исторіи имѣть необходимо должно, т.-е. объ искренности и несуевѣрномъ богопочитаніи. Пропущены еще кой-какія главныя качества, и, вслѣдствіе этого пропуска, представила сама „Трудолюбивая Пчела" въ своихъ историческихъ разсказахъ, которыми поучала своихъ невинныхъ читателей. Одинъ разсказъ носитъ названіе: „О первоначаліи и созиданіи Москвы", и заключаетъ въ себѣ извѣстіе о пустынникахъ Подонѣ и Сарѣ, отъ которыхъ Крутицкіе архіереи въ Москвѣ назывались Сарскими и Подонскими. Въ томъ же духѣ самъ Сумароковъ написалъ статейку подъ названіемъ: „Россійскій Виѳлеемъ", подъ которымъ разумѣлъ село Коломенское, гдѣ будто бы родился Петръ Великій; авторъ говоритъ, что городъ Коломна назывался прежде Колонна и построенъ итальянскимъ выходцемъ, членомъ знаменитой фамиліи Колонна.

Но гораздо выгоднѣе выставляется предъ нами издатель въ статьяхъ другого рода, къ которому у него было больше призванія. Такова его статья „О истребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка". „Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости", говоритъ Сумароковъ, „есть не обогащеніе, но порча языка. Честолюбіе возвратитъ насъ когда-нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія; но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно, а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться. Сказывано мнѣ, что нѣкогда Нѣмка Московской Нѣмецкой слободы говорила: „Mein мужъ kam домой, stieg черезъ заборъ und fiel ins грязь". Это смѣшно, да и это смѣшно: „Я въ дистракціи и дезеспере, аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я ку сюръ, противъ риваля своего реванжироваться". Въ другой статьѣ Сумароковъ говоритъ: „Правописаніе наше подъячіе и такъ уже совсѣмъ испортили. А что до порчи касается языка — Нѣмцы насыпали въ него словъ нѣмецкихъ, петиметры — французскихъ, предки наши — татарскихъ, педанты — латинскихъ, переводчики Св. Писанія — греческихъ. Нѣмцы складъ нашъ по нѣмецкой учредили грамматикѣ. Но что еще больше портитъ языкъ нашъ? Худые переводчики, худые писатели, а паче всего худые стихотворцы". Любопытна статья „О несправедливыхъ основаніяхъ", въ которой авторъ возстаетъ противъ нѣкоторыхъ понятій и обычаевъ времени. „Много знать слыветъ у невѣжъ—знать по-педантски или по школьному. Мало знать или, погрубѣе выговорить, ничего не знать — слыветъ у нихъ: знать по-кавалерски. Кто-жь педанты и кто кавалеры? Педанты, по ихъ мнѣнію, суть профессоры и прочіе ученые люди, которые, не по моему мнѣнію, а по справедливости, ежели они достойны своего званія, суть люди перваго въ обществѣ класса. А имя кавалера обыкновенно дается дворянамъ; и такъ знать по-кавалерски есть знать по-дворянски, знать столько, сколько благородному человѣку пристойно, т.-е. мало и неосновательно, чтобъ умѣть начинать говорить о всемъ и не умѣть окончить ни о чемъ; скакать изъ матеріи въ матерію, показываясь, будто все знаешь, хотя этому, кромѣ такихъ же невѣжъ, и никто не повѣритъ; доказывать не по-педантски доводами, но по-дворянски крикомъ, изо всей мочи хохотать, и потомъ, ежели самымъ лучшимъ и благороднѣйшимъ образомъ рѣчь окончить, т.-е. по-петиметрски, такъ надлежитъ запѣть французскую пѣсню, или, кто не знаетъ Французскаго языка, хотя и русскую, только чтобъ не было въ

---

[1]) Записки Порошина, стр. 490.
[2]) Записки Порошина, стр. 435.

ней ни склада, ни лада, въ каковыхъ пѣсняхъ нѣтъ недостатка. Многіе думаютъ, что нѣтъ нужды воину въ наукахъ, кромѣ инженерства и артиллеріи; ежели мы возьмемъ рядового солдата, такъ ему и въ томъ нѣтъ нужды: ему только надобно выучиться владѣть ружьемъ. Но обрѣтающійся въ военной службѣ дворянинъ, или офицеръ уповаетъ на высшія восходить степени, а иногда быть и полководцемъ, которому знаніе наукъ, а ими чистое просвѣщеніе разума не меньше профессора потребно, и всѣ почти въ древности знатнѣйшіе полководцы были люди ученые. Въ новѣйшія времена также; а гдѣ недоставало знанія наукъ или любленія оныхъ, тамо слѣдовала погибель".

Сумароковъ, прославившійся нападками на недостатки тогдашняго русскаго суда въ своихъ комедіяхъ, помѣстилъ злыя выходки противъ подъячихъ и въ своемъ журналѣ. Въ статьѣ, подъ названіемъ „Письмо" говорится: „Утѣсненная Истина пришла нѣкогда предъ Юпитера и, жалуясь на приказныхъ служителей, просила, чтобъ онъ истребилъ изъ нихъ тѣхъ, которые до взятокъ охотники, ради народнаго спокойства. Ударилъ Юпитеръ: повалились подьячіе. Народное рукоплесканіе громче Юпитерова удара было. Обрадовалась Истина; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самые главные злодѣи изъ приказныхъ служителей остались цѣлы. „Что ты сдѣлалъ, о Юпитеръ! главныхъ ты пощадилъ грабителей!" вскричала она. И когда она на нихъ указывала, Юпитеръ извинялся невѣдѣніемъ и говорилъ ей: „Кто могъ подумать, что это подъячіе? Я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ".—„Ахъ!" говорила она: „отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ, дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ". Противъ этого же общественнаго зла направлены письма: „О нѣкоторой заразительной болѣзни", „О думномъ дьякѣ", къ подьячему—самого Сумарокова.

Сумароковъ не долго издавалъ свою „Трудолюбивую Пчелу", поссорившись съ Академіею Наукъ за цензуру и за типографскіе счеты. Онъ отомстилъ за это Академіи статьями „Блохи" и „Сонъ", напечатанными въ журналѣ: „Праздное время, въ пользу употребленное", который издавался въ Петербургѣ въ 1760 г. Въ статьѣ „Блохи" Сумароковъ говоритъ: „Кто блохъ терпѣть не можетъ, тотъ не можетъ быть авторомъ. Ежели кто авторомъ быти способность имѣетъ, и въ томъ упражняться станетъ, того во всю его жизнь блохи безпокоятъ; а кто, сей способности не имѣя, авторомъ станетъ противъ воли музъ и Аполлона,—оный самъ блоха будетъ и вѣчно другихъ станетъ безпокоить... Предки нынѣшнихъ блохъ не такъ жестоки были, какъ ихъ потомки, ибо въ прежнія времена меньше было школъ и слѣдственно меньше невѣжества: такова главная причина нашего заблужденія. О, ежели бы меньше школъ и больше хорошихъ учителей, меньше учениковъ и больше разумныхъ учениковъ было, и чтобы Виргилій, Овидій, Цицеронъ, Титъ Ливій не за то почитаемы были, что писали по-латински, а за то, что хорошо писали! Блохъ, досаждающихъ авторамъ, два рода: переученыя и недоученыя. Переученыя блохи во всей Европѣ называются блохи латинскія, а недоучныя называются по имени страны той, въ которой онѣ раждаются. Еще въ нашемъ государствѣ есть блохи, которыя нѣмецкими называются, а я ставлю гадинъ сихъ блохами финскими, и онѣ только въ сихъ мѣстахъ держатся, гдѣ Ингрія съ Финляндіею граничитъ, ибо во всей Германіи нѣтъ и подобія блохъ сихъ, и что кромѣ Петербурга ихъ нѣтъ нигдѣ, ни въ самой Финляндіи, и потому должно ихъ называть блохами невскими".

Въ другой статьѣ: „Сонъ" приводится челобитная Мельпомены русской Палладѣ (императрицѣ Елисаветѣ): „Великая и премудрая богиня! бьетъ челомъ тебѣ Россійская Мельпомена и всѣ съ нею Россійскія музы, а о чемъ мое прошеніе—тому слѣдуютъ пункты: 1) Призваны мы на Россійскій Парнасъ отцемъ твоимъ великимъ Юпитеромъ ради просвѣщенія сыновъ Россійскихъ, и отъ того времени просвѣщаемъ мы Россіянъ по крайней нашей возможности. 2) Прекрасный и всѣхъ европейскихъ языковъ, по исполненіи нашей должности, способнѣйшій языкъ Россійскій отъ иноплеменническихъ нарѣчій и отъ иноплеменическаго склада часъ-отъ-часу въ худшее приходитъ состояніе, а они о томъ только пекутся, чтобъ мы, Россійскія музы, въ нашемъ искусствѣ никакого не имѣли успѣха, чтобъ они—учеными, а сыны Россійскіе—невѣжами почитались, хотя они сами о словесныхъ наукахъ, на которыхъ зиждется вся премудрость, и понятія не имѣютъ. 3) Властвуя они здѣшнимъ Парнасомъ, помоществуемы иноплеменниками Хамова колѣна, храмъ мой оскверняютъ и весь Парнасъ Россійскій въ крайнее приводятъ замѣшательство и, оставивъ парнасскія дѣла, пишутъ только справки и выписки, въ которыхъ на Парнасѣ ни малѣйшей нѣтъ нужды и что̀ парнасскому уставу совсѣмъ противно, и, сверхъ того, нѣкоторые Хамова колѣна берутъ и взятки и безграмотныхъ писцовъ въ грамотныя посвящаютъ, а грамотныхъ они въ безграмотныя пишутъ, не взирая на мнѣнія аполлоновыхъ любимцевъ, у которыхъ тѣ писцы обучаются. 4) Россійскимъ авторамъ дѣлаютъ иноплеменники всякое препятствіе; да и работы свои авторамъ издавати едва возможно, ибо печатаніе книгъ по предложенію и по основанію недоброжелательныхъ иноплеменниковъ несносно дорого. А учинено оное ради того, чтобы въ Россіи авторовъ было меньше, и чтобы Россіяне въ чужіе вперялись языки, и свой бы позабывали и, не зная красоты онаго, имъ бы гнушались, какъ имъ, отъ ненависти, они гнушаются, что отчасти нѣкоторыя безмозглыя головы уже и дѣлаютъ. 5) О заведеніи ученаго въ словесныхъ наукахъ собранія, въ которомъ бы старались искусные писатели о чистотѣ Россійскаго языка и о возращеніи россійскаго краснорѣчія

иноплеменники, наблюдая собственное свое прибыточество и вражду къ Россійскому Парнассу, никогда и не думывали, хотя такія собранія необходимо нужны. Подъ игомъ иноплеменниковъ науки успѣховъ имѣти не могутъ. И нигдѣ, посреди своего отечества, писатели отъ иноплеменниковъ не зависятъ, не только отъ иноплеменниковъ невѣждъ, также и храмы музъ состоятъ подъ надзираніемъ сыновъ отечества".

Литературное движеніе обнаружилось и въ Москвѣ скоро послѣ основанія университета. Фонвизинъ благодаритъ университетъ больше всего за то, что въ немъ получилъ онъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Въ концѣ 1759 года въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" было объявлено, что съ 1760 года университетъ будетъ издавать періодическое сочиненіе, каждую недѣлю по одному листу. То былъ журналъ: „Полезное увеселеніе". Издавалъ его служившій при университетскомъ управленіи Херасковъ, неутомимый стихослагатель, подражавшій Ломоносову; сотрудниками были: жена Хераскова, Сумароковъ, Поповскій, братья Фонвизины и другіе менѣе извѣстные писатели. Здѣсь же впервые встрѣчается имя Богдановича; въ 1761 году онъ помѣстилъ въ журналѣ стихотвореніе: „Законъ", направленное противъ—закона!

«Покровомъ быть въ бѣдахъ вдовамъ и сиротамъ
Безъ всѣхъ гражданскихъ правъ удобно можно намъ».

Университетъ издалъ это стихотвореніе безъ протеста со стороны юридическаго факультета, т.-е. Дильтея. Въ Московскомъ университетѣ не было тѣхъ препятствій, на которыя жаловался Сумароковъ въ Петербургѣ: не было строгой цензуры ученыхъ, не было и противодѣйствія со стороны иноплеменниковъ. Въ Москвѣ иноплеменники не шли прямо противъ Русскаго Парнаса; но иностранныхъ профессоровъ было много, а русскихъ очень мало, и это затрудняло литературное дѣло. „Полезное увеселеніе" издавалось только три года. Профессоръ Рейхель, въ 1762 году, вздумалъ издавать журналъ: „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія, или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожь до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ". Журналъ не пошелъ; издатель сложилъ вину на переводчиковъ, между которыми встрѣчаемъ опять обоихъ братьевъ Фонвизиныхъ. Рейхель писалъ Миллеру: „Въ переводчикахъ недостатка не было; хороши ли они были, про то знаютъ боги; но это племя испорченное. Они не хотятъ переводить то, что имъ предлагаютъ, но выбираютъ сами, и выборъ ихъ падаетъ обыкновенно на особаго рода вещи. Если-бы я съ этими людьми не взялъ возжей въ руки, то изъ моего изданія вышла бы помойная яма". Хорошъ былъ также издатель, который, по незнанію Русскаго языка, предоставлялъ богамъ рѣшить, хороши ли были переводчики. Но журналы съ русскими издателями не переводились при университетѣ: въ 1763 году Херасковъ издавалъ „Свободные часы", а Богдановичъ—„Невинное упражненіе"; въ 1764 году студентъ Санковскій издавалъ „Доброе намѣреніе".

Кромѣ участія въ журналахъ, воспитанники университета занимались переводами отдѣльныхъ сочиненій, которыя продавали содержателямъ университетской книжной лавки: тѣ охотно брали рукописи переводовъ и печатали ихъ, надѣясь на хорошій сбытъ при усиливавшейся охотѣ къ чтенію въ обществѣ. Чѣмъ иногда книгопродавцы платили молодымъ переводчикамъ за ихъ труды, разскажетъ намъ Фонвизинъ. „Въ университетѣ", говоритъ онъ, „былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы басни; за труды обѣщалъ чужестранныхъ книгъ на 50 рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть современемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условленныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили душу мою". Въ Петербургѣ также хлопотали о переводахъ. Въ 1761 году Синодъ одобрилъ къ напечатанію переведенную Волчковымъ всеобщую исторію Боссюэта (Рѣчь на универсальную исторію епископа Лозанскаго Босвета). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Сенатъ слушалъ доношеніе надворнаго совѣтника Волчкова: въ 1757 году, по указу Сената, велѣно ему перевесть книгу Гуго Гроція о мирномъ и военномъ правѣ, въ 2 томахъ, и за переводъ опредѣлено по 300 рублевъ на годъ, а перевесть обязался онъ въ 5 лѣтъ, и нынѣ первый томъ подноситъ. Приказали: отослать въ Св. Синодъ для цензуры и требовать непродолжительнаго освидѣтельствованія, дабы книги скорѣе напечатаны и въ народную пользу употреблены быть могли, а притомъ требовать, чтобъ Синодъ о имѣющихся въ своемъ вѣдомствѣ на иностранныхъ языкахъ непереведенныхъ духовныхъ книгахъ Сенату сообщилъ краткій реестръ, почему Сенатъ не преминетъ взять попеченіе, дабы оныя позволеннымъ всякому переводомъ съ пристойнымъ награжденіемъ скорѣе для общей пользы народу выданы были, и чтобъ изъ Академіи Наукъ такой же реестръ немедленно въ Сенатъ былъ поданъ. Синодъ продержалъ Гуго-Гроція три года; въ 1764 году Волчковъ представилъ второй томъ и просилъ отыскать и первый томъ, посланный въ Синодъ въ 1761 году [1]). Въ 1761 году въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" читалось объявленіе: „Симъ объявляется, чтобъ имѣющіе у себя исправно переведенныя на Россійскій языкъ книги, которыя бы для народной пользы

[1]) Журналы Сената 1761 года, января 30 и іюня 11; 1764 года мая 13.

могли быть напечатаны, объявили опыя въ академической книжной лавкѣ, за что чинено будетъ имъ пристойное награжденіе деньгами или равномѣрно нѣкоторымъ числомъ экземпляровъ по напечатаніи той книги. Ежели кто пожелаетъ въ свободное время переводить книги изъ платы, то оныя даны будутъ ему изъ оной же книжной лавки, выбирая такія матеріи, къ которымъ кто наибольше склонности и способности имѣть будетъ". — Разумѣется, переводы серьезныхъ книгъ расходились не очень быстро, и потому, чтобъ побудить заниматься ими, правительство предлагало вознагражденіе; гораздо быстрѣе расходились переводные романы; въ Петербургѣ и Москвѣ публиковалось о продажѣ такихъ книгъ: „Повѣсть о княжнѣ Жеванѣ, королевѣ Мексиканской", „Любовь безъ успѣха"—испанская повѣсть, „Любовь сильнѣе дружбы", „Геройскій духъ и любовныя прохлады Густава-Вазы, короля Шведскаго", „Приключенія Зелинтовы, „Любовный вертоградъ", „Несчастная Флорентинка", „Побочный сынъ короля Наварскаго", „Двѣ любовницы" —гишпанская повѣсть и проч. Сумароковъ въ „Трудолюбивой Пчелѣ" возставалъ противъ романовъ: „Романовъ столько умножилось, что изъ нихъ можно составить половину библіотеки цѣлаго свѣта. Пользы отъ нихъ мало, а вреда много. Хорошіе романы хотя и содержатъ нѣчто достойное въ себѣ, однако изъ романовъ въ пудъ вѣсомъ спирту одного фунта не выйдетъ, чтеніемъ онаго больше употребится времени на безполезное, нежели на полезное".

Въ концѣ описываемаго времени, именно въ 1764 году, явилось въ Москвѣ литературное произведеніе особаго рода на Французскомъ и Русскомъ языкахъ: каталогъ книгъ дѣйствительно существующихъ или вымышленныхъ, сочинителями которыхъ были выставлены извѣстныя лица, большею частію высокопоставленныя, причемъ заглавіе книги соотвѣтствовало какому-нибудь качеству этихъ лицъ или событію въ ихъ жизни, обыкновенно въ насмѣшливомъ смыслѣ. Каталогъ начинался ласкательнымъ отзывомъ о самой императрицѣ и великомъ князѣ: „Увѣнчанная добродѣтель", соч. г-жи... (Екатерина). „Искусство и средство нравиться, соч. ея сына" (цесаревичъ Павелъ); „Энциклопедія, соч. г. Панина";— „Торжество Вакха, соч. г. Бутурлина" (извѣстный фельдмаршалъ); „Графъ Тюфьеръ, соч. г. Елагина" (насмѣшка надъ чванствомъ Елагина); „Исторія прошедшаго времени, соч. г. Шувалова"; „Польза путешествій, соч. Канцлера" (Воронцова); „Затмѣніе", соч. княгини Дашковой (указаніе на немилость къ ней императрицы); „Никогда обо всемъ не подумаешь", соч. графа Девьера (намекъ на извѣстное порученіе, принятое имъ отъ Петра III относительно Кронштадта), и т. д. [1]). Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Салтыковъ, донесъ императрицѣ объ этомъ сочиненіи въ такихъ выраженіяхъ: „Развращенное здѣсь, на Москвѣ, между молодыми людьми своевольство и наглость до такой высокой степени возрасли, что нѣкоторые изъ нихъ, не устрашась высокомонаршаго правосуднаго гнѣва и забывъ всякую честь и честность, дерзнули по всему городу потаенно разсѣять ругательныя сочиненія, состоящія въ каталогахъ на Французскомъ и Русскомъ языкахъ, въ которыхъ до 300 человѣкъ и больше какъ знатнѣйшихъ, такъ и прочихъ фамилій, въ томъ числѣ дамы и дѣвицы, не взирая ни на чины, ни на достоинство, наичувствительнѣйшими и язвительнѣйшими выраженіями обезчещены и обижены". Салтыковъ требовалъ, чтобъ пасквили были сожжены рукою палача, и Екатерина приказала исполнить это требованіе [2]). Въ Петербургѣ въ 1765 году появился „Сонъ" Эмина, заключавшій въ себѣ сатиру на управленіе Академіею Наукъ, новыми воспитательными заведеніями Бецкаго и Сухопутнымъ кадетскимъ корпусомъ: „Во снѣ видѣлъ я сухощавую старуху. Она завезла меня на нѣкоторый островъ. Тамъ разныя собранія и сообщество находятся, и старуха моя повела меня въ ученое собраніе (Академіи Наукъ), котораго главный членъ (Разумовскій) былъ ужасный медвѣдь, ничего незнающій и только въ томъ упражняющійся, чтобы вытаскивать медъ изъ чужихъ ульевъ и присвоивать чужія пасѣки къ своей норѣ; онъ же слово „науки" разумѣлъ разно: то почиталъ оное за званія города, то за званіе села; совѣтникъ сего собранія былъ прожорливый волкъ (Таубертъ) и ненавидѣлъ тамошнихъ звѣрей, ибо онъ былъ не того лѣсу звѣрь, и потому называли его чужелѣснымъ... Въ томъ собраніи былъ третій членъ (Ломоносовъ), который совсѣмъ не походилъ на тамошнихъ звѣрей и имѣлъ видъ и душу человѣческую; онъ былъ весьма разуменъ и всякаго почтенія достоинъ, но всѣмъ собраніемъ ненавидимъ за то, что родился въ тамошнемъ лѣсу, а прочіе онаго собранія ученые скоты, ищучи своей паствы, зашли на оный островъ по случаю.—Старуха моя завезла меня въ новозаведенное собраніе (Академіи Художествъ), гдѣ разнымъ художествамъ разныхъ животныхъ обучали. Изъ нихъ многіе были уже весьма искусны и умѣли ставить и зажигать плошки въ праздничные дни; многіе изъ нихъ учились быть комедіантами, чему я, весьма удивившись, спросилъ у своей старухи: „Что это за новый обычай я здѣсь вижу? У насъ художникъ съ комедіантомъ весьма различныя твари: одни любятъ праздность и роскошь, другіе—трудъ и безпрестанную работу; одни—уронъ обществу причиняютъ, а другіе—пользу". На что мнѣ такъ отвѣчала старуха: „Этого собранія главный членъ (Бецкій) чуднаго сложенія и дѣлаетъ учрежденія по своему вкусу; правда, что онъ родился въ здѣшнихъ лѣсахъ, однако своихъ животныхъ не любитъ и весьма пристрастенъ

[1]) «Русскій Архивъ» 1871, № XII.

[2]) Сборникъ Русск. Истор. Общ., VII, 392.—Журналы Сената, 1765, 2 февраля.

къ чужелѣснымъ, потому что не знаетъ числа своихъ отцовъ, и думаетъ, что въ рожденіи его могли имѣть большое участіе чужелѣсныя животныя, какъ здѣсь очень въ модѣ“, и проч. [1]).

Авторъ сатиры, какъ видно, былъ послѣдователь Руссо, отвергалъ пользу театра; но сильное большинство Русскихъ сколько-нибудь образованныхъ людей не раздѣляло его мнѣнія. Мы видѣли приготовленія къ учрежденію публичнаго русскаго театра. Въ октябрѣ 1756 года было объявлено, что „ея императорское величество изволила указать для умноженія драматическихъ сочиненій, кои на Россійскомъ языкѣ при самомъ началѣ справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣли, установить россійскій театръ, котораго дирекція поручена бригадиру Сумарокову“. Но Сумароковъ пробылъ директоромъ только до 1761 года. Есть извѣстіе, что онъ удаленъ вслѣдствіе какой-то ссоры съ актрисами; но какъ бы то ни было, Ив. Ив. Шуваловъ умѣлъ придать этому удаленію самый благовидный характеръ. Придворная контора донесла Сенату: „Въ сообщеніи, присланномъ отъ Ив. Ив. Шувалова, написано: ея императорское величество изволила указать г. бригадира Сумарокова, имѣющаго дирекцію надъ россійскимъ театромъ, по его желанію, отъ сей должности уволить, жить ему гдѣ пожелаетъ, а за его труды въ словесныхъ наукахъ, которыми онъ довольно сдѣлалъ пользы, и за установленіе россійскаго театра производить жалованье, каковое онъ нынѣ имѣетъ. Г. Сумароковъ, пользуясь высочайшею милостію, будетъ стараться, имѣя свободу отъ должностей, усугубить свое прилежаніе въ сочиненіяхъ, которыя сколько ему чести, столь всѣмъ любящимъ чтеніе удовольствія приносить будутъ“ [2]). Въ Москвѣ Шуваловъ тѣсно соединилъ театръ съ университетомъ: въ 1760 году въ университетѣ на казенномъ содержаніи было 30 студентовъ, и четверо изъ нихъ готовились для театра. Въ 1757 году въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ было объявлено: „Женщинамъ и дѣвицамъ, имѣющимъ способность и желаніе представлять театральныя дѣйствія, также пѣть и обучать тому другихъ, явиться въ канцелярію университета“; и въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1761 года вызовъ былъ сдѣланъ такъ: „Знающія грамотѣ дѣвицы, желающія опредѣлиться въ службу ея императорскаго величества при придворномъ театрѣ, явиться могутъ у перваго придворнаго россійскаго театра актера Ѳедора Волкова“. Директоръ университета повезъ лучшихъ воспитанниковъ Московскаго университета въ Петербургъ для представленія куратору Шувалову; въ числѣ этихъ воспитанниковъ былъ и Фонвизинъ, который описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него театромъ: „Ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ-отъ-роду. Играли русскую комедію (т.-е. переведенную на Русскій языкъ) „Генрихъ и Пернилла“. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристройность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно; комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ - великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было-сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанас. Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ“. Но два поколѣнія порознились во взглядахъ. Когда послѣ, въ 1763 году, Фонвизинъ написалъ изъ Петербурга сестрѣ, что у него былъ актеръ Дмитревскій съ женою, то отецъ Фонвизина написалъ сыну, что это предосудительно [3]).

Но не всѣ раздѣляли восхищеніе молодого Фонвизина относительно русскихъ актеровъ: охотники до французскаго театра, существовавшаго при Дворѣ, не очень благосклонно отзывались о русскихъ актерахъ, и эти отзывы повторялъ маленькій великій князь. Однажды онъ сказалъ Порошину, что Дмитревскій въ чужіе края ѣдетъ смотрѣть англійскаго и французскаго театра. Когда Порошинъ спросилъ, скоро ли Дмитревскій ѣдетъ и на долго ли, то великій князь отвѣчалъ: „Я, братецъ, въ подробности о комедіантахъ не вхожу, а особливо о русскихъ“.—„Для чего-жъ бы о русскихъ комедіантахъ не входить въ подробности?“ спросилъ Порошинъ. — „Для того, что они дурно играютъ“, отвѣчалъ великій князь [4]).

Кромѣ русскаго и французскаго театровъ, въ Петербургѣ была опера, которая находилась подъ дирекціею Италіанца Локателли. Въ концѣ декабря 1757 года въ „Вѣдомостяхъ“ читалось объявленіе, что 8 декабря на Большомъ театрѣ, близъ Лѣтняго дворца, представлена будетъ для публики новоприбывшимъ комической оперы директоромъ Локателліемъ на Италіанскомъ языкѣ опера: „Убѣжище боговъ“, съ котораго переводъ на Россійскій языкъ продается въ академической книжкой лавкѣ. Иногда опера сопровождалась двумя балетами; съ смотрителей бралось по рублю; послѣ представленія оперы въ оперномъ же домѣ сожигали фейерверкъ. Въ сентябрѣ 1759 года было объявлено, что 10 числа представлена будетъ новая опера: „Нощной барабанщикъ, или графъ Карамелла“, причемъ новая пѣвица и новый пѣвецъ пѣть будутъ. Также объявляется, что впредь сколь

[1]) «Русскій Архивъ» 1873 года, № 10.
[2]) Журналы Сената 1761 г., августа 20.
[3]) Сочиненія Фонвизина, изд. Ефремова, стр. 367.
[4]) Записки Порошина, стр. 383.

часто представлена будетъ новая опера или новые балеты, за первый и за второй разъ положено брать за входъ по одному рублю, а за слѣдующіе послѣ того представленія—по полтинѣ. Въ оперномъ же театрѣ происходили и русскія представленія. Въ „Вѣдомостяхъ“ печатались и отзывы объ игрѣ артистовъ. Такъ, въ 1764 году читали: „Октября 24 на придворномъ театрѣ представлена была опера „Карлъ Великій“, причемъ пѣвица г-жа Колонна съ превосходнымъ искусствомъ представляла первую роль и пріятнымъ своимъ голосомъ не токмо высочайшую ея императорскаго величества получила апробацію, но и всѣхъ слушателей привела въ восхищеніе. Потомъ представленъ былъ балетъ „Аполлонъ и Дафна“, въ которомъ танцовала г-жа Фузи, столь же рѣдкое оказала проворство, что ея императорское величество изволила изъявить всевысочайшее свое о томъ удовольствіе, а всѣ смотрители часто повторяемымъ біеніемъ въ ладони засвидѣтельствовали, коликой она достойна похвалы“.

На другой годъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1758 года, Локателли получилъ право завести и въ Москвѣ оперный домъ „на своемъ коштѣ“ [1]). Въ 1759 году встрѣчаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленіе, что 16 іюля на оперномъ Московскомъ театрѣ представлена будетъ новая опера „Графъ Карамелла“; начало въ половинѣ седьмого. Въ октябрѣ объявлялось, что въ оперномъ театрѣ Локателли будетъ первый публичный маскарадъ. И въ Москвѣ, въ оперномъ домѣ у Локателли, давались русскія представленія, которыми завѣдывалъ директоръ университета; къ этому директору сохранился любопытный ордеръ куратора Ив. Ив. Шувалова: „Я слышалъ, что наши комедіанты, когда хотятъ, играютъ, а когда не хотятъ, то изполовина начатой комедіи или трагедіи перестаютъ, и такъ, не докончавъ, оставляютъ, причиною представляя холодъ, изъ которыхъ непорядковъ нельзя ожидать ни плода, ни прибыли, и тѣмъ самымъ отгоняютъ охотниковъ къ спектаклямъ, почему народъ съѣзжается гораздо прежняго менѣе“ [2]). Связь университета съ театромъ высказывалась въ университетскихъ праздникахъ, которые такъ описываются въ „Вѣдомостяхъ“: „Послѣ акта съ рѣчами, вечеромъ знатныя персоны и дворянство приглашены были отъ университета въ оперный домъ на италіанскую интермедію, послѣ которой въ университетскомъ домѣ для оныхъ же персонъ у г. директора былъ ужинъ“. Театръ былъ основанъ для умноженія драматическихъ сочиненій; но русскія драматическія сочиненія умножались медленно, и для поддержки театра нужно было передѣлывать и переводить иностранныя. Изъ переводчиковъ иностранныхъ драматическихъ произведеній особенно потрудились: Иванъ Кропотовъ, переведшій лучшія комедіи Мольера; Андрей Нартовъ, сынъ извѣстнаго токаря Петра Великаго, и Ельчаниновъ.

Кромѣ актеровъ, оперныхъ пѣвцовъ и балетчиковъ, Западная Европа высылала въ Петербургъ и Москву также людей, могшихъ занять вниманіе Русскихъ людей и другими средствами. Въ Петербургѣ, на Милліонной улицѣ, показывались „восковыя персоны въ натуральной величинѣ и въ изрядномъ платьи, всякіе же восковыя фрукты и кушанья. Притомъ мальчикъ 11 лѣтъ скакалъ, кувыркался, баланцировалъ и вольтижировалъ, а небольшая обезьяна, наряженная въ платье, дѣлала многія шутки и возила собаку на телѣжкѣ по канату; знатныя персоны платили по ихъ изволенію, а прочія за восковыя фигуры платили по 25 коп., а вмѣстѣ съ мальчикомъ и обезьяною по 50“. Голландскій ташеншпилеръ Рейманъ объявлялъ, что досталъ новыя штуки, также и разныхъ звѣрей показываетъ; кто желаетъ смотрѣть его штуки или имъ учиться, тѣ могли призывать его въ свои дома; онъ также раздаетъ книжки, по которымъ можно выучиться ташеншпилерскому искусству; наконецъ онъ же продаетъ спиртъ, которымъ можно выводить пятна на платьи. Въ Москвѣ, французскій механикъ Дюмолинъ показывалъ курьезныя самодѣйствующія машины, канарейку, которая такъ натурально пѣла, какъ живая. Показывалась птица страусъ, которая больше всѣхъ птицъ въ свѣтѣ, ѣстъ сталь, желѣзо, разнаго рода деньги и горящіе уголья. За смотрѣніе каждый изъ благородныхъ могъ заплатить по своему изволенію, съ купечества бралось по 25 копѣекъ, а простому народу цѣна объявлялась при самомъ входѣ. Но среди этихъ заморскихъ диковинъ, дѣланныхъ канареекъ, Русскіе люди сохранили свою старую охоту къ пѣвчимъ птицамъ, и въ Петербургѣ объявлялось о продажѣ московскихъ соловьевъ, которые „были свистами и пѣніемъ колѣнасты съ раскатами; также сѣрыхъ дроздовъ съ изрядными колѣнами, черныхъ—съ курантами и ямскимъ свистомъ“.

Учрежденный въ 1755 году, Московскій университетъ въ 1757 году подалъ доношеніе въ Сенатъ объ учрежденіи Академіи Художествъ. „Щедротою ея императорскаго величества“, говорилось въ доношеніи, „подъ ея покровительствомъ науки въ Москвѣ приняли свое начало и тѣмъ ожидается желанная польза отъ ихъ успѣховъ; но чтобъ оныя въ совершенство приведены были, то необходимо должно установить Академію Художествъ, которой плоды, когда приведутся въ состояніе, не только будетъ славою здѣшней имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранныя посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя по сіе время ни одного Русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать. Причина тому, что многіе молодые люди, имѣя великую склонность, а болѣе природное дарованіе, не имѣютъ знанія въ иностранныхъ языкахъ, по-

[1]) Журналы Сената, 28 апрѣля 1758 года.
[2]) Истор. Москов. унивеp., стр. 84.

чему бы толкованіе своего мастера разумѣли, а еще меньше оснований наукъ, необходимыхъ къ художеству. Если Правительствующій Сенатъ также какъ и о учрежденіи университета оное представленіе принять изволитъ и сіе апробовать, то нѣкоторое число взявши способныхъ изъ университета учениковъ, которые уже и опредѣлены учиться языкамъ и наукамъ, принадлежащимъ не художеству, можно ими скоро доброе начало и успѣхъ видѣть. Сія Академія будетъ учреждена въ С.-Петербургѣ по причинѣ, что лучшіе мастера не хотятъ въ Москву ѣхать, какъ въ надеждѣ имѣть отъ Двора работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизни" [1]).

Представленіе было принято и немедленно приведено въ исполненіе, потому что представленіе университета значило—представленіе Ив. Ив. Шувалова. Университетъ остался за Шуваловымъ и по удаленіи его за границу, но Академія Художествъ передана была Бецкому: „Въ отсутствіи генералъ-поручика Шувалова", говорилъ указъ, „принять въ правленіе Академіи Художествъ генералъ-поручику Бецкому; а какъ оная Академія сообщена была къ университету, по причинѣ что помянутый Шуваловъ въ обоихъ сихъ мѣстахъ дирекцію имѣлъ, нынѣ ея императорское величество за полезно разсудила оную Академію совсѣмъ отъ университета отдалить и правленіе особливое въ ней учредить" [2]). Порошинъ оставилъ намъ описаніе торжественнаго засѣданія въ Академіи Художествъ. „Поѣхали въ Академію Художествъ. Встрѣтилъ тамъ государя цесаревича Ив. Ив. Бецкій со всѣмъ своимъ собраніемъ. Все весьма было чинно и церемоніально. Извѣстно, что Ив. Ив. располагать церемоніи и глазамъ дѣлать увеселеніе весьма искусенъ. Пришедъ въ покой, сѣлъ тамъ за богато-убранный столъ. Конференцъ-секретарь Салтыковъ читалъ вслухъ письма отъ вице-канцлера, князя Голицына, отъ графа Ив. Григ. Чернышева и отъ Адама Вас. Олсуфьева, которые объявляли желаніе свое быть принятыми въ число почетныхъ любителей. Еще читано письмо отъ Гр. Ник. Теплова, который желалъ быть принятъ въ почетные члены. По прочтеніи каждаго письма, Ив. Ив. качалъ головою по два раза, сперва на правую, потомъ на лѣвую сторону. Послѣ сего всѣ члены Академіи привстаніемъ своимъ, какъ видно, знакъ согласія своего показывали. Тогда приказалъ Ив. Ив. конференцъ-секретарю объявить о томъ, кто принятъ. Всѣ приняты, которыхъ письма читали. Началось баллотированье. Подъ Ив. Ив. Бецкимъ въ Академіи нынѣ директоръ Кокориновъ. По штату положено, чтобъ всякіе четыре мѣсяца изъ профессоровъ выбирались въ директоры по баллотированію. Баллотировали Кокоринова, профессоровъ:—Жилета (скульптуры), Ламота (архитектуры) и Торелли (живописи). Досталось по балламъ остаться попрежнему Кокоринову. Симъ засѣданіе кончилось. Пошли смотрѣть картинъ, писанныхъ съ натуры, которыя всѣ весьма порядочно были расположены. На шесть изъ нихъ, которыя, какъ сказываютъ, прежде еще признались за лучшія, конференцъ-секретарь приложилъ печать для раздачи послѣ премій. Потомъ смотрѣли чертежи нововыѣзжаго изъ чужихъ краевъ нашего архитектора г. Баженова, которые подлинно хорошо расположены и вымышлены, и отъ всѣхъ присутствовавшихъ во многомъ числѣ дамъ и кавалеровъ общую похвалу получили" [3]). Цесаревичъ самъ былъ членомъ Академіи, которая объявила въ „Вѣдомостяхъ", что великій князь прислалъ съ Порошинымъ письмо и вмѣстѣ рисунокъ трудовъ своихъ, „который Академія сохранитъ вѣчнымъ себѣ монументомъ ради показанія потомству, въ какомъ почтеніи свободныя художества нынѣ въ Россіи, во дни царствованія Вторыя Екатерины". Въ письмѣ цесаревича говорилось: „Почтенная Академія Художествъ! Привилегія, всемилостивѣйше данная вамъ отъ матери моей государыни присвоять вашему корпусу любителей художествъ, возбудила во мнѣ желаніе распространить мою любовь, охоту и почитаніе къ художествамъ, представя себя быть сочленомъ вашимъ. Примите здѣсь въ знакъ особливаго моего уваженія къ полезнымъ трудамъ вашимъ опытъ начальныхъ моихъ въ томъ упражненій, и увѣрьтесь симъ залогомъ, что я при продолженіи оныхъ всегда буду вамъ доброжелательнымъ. Павелъ" [4]).

Это было учрежденіе будущаго. Теперь взглянемъ, что было сдѣлано уже относительно искусства въ Россіи въ описываемое десятилѣтіе. Зимній дворецъ былъ оконченъ къ самому концу царствованія Елисаветы. Но дочь Петра Великаго заботилась о возстановленіи священнаго зданія, построеннаго въ память рожденія отца ея. Въ 1757 году она приказала: „Исаакіевскую соборную церковь на другое мѣсто не переносить, только всѣми архитекторами, механиками и каменными мастерами осмотрѣть, возможно-ль ее безъ разбиранія укрѣпить; если-жъ не возможно, то разобрать и новую построить, а прежде всего берегъ укрѣпить". Сенатъ велѣлъ созвать—оберъ-архитектора (Растрелли) и всѣхъ архитекторовъ, преимущественно архитектора при Коммерцъ-Коллегіи, Фростенберга, который обладалъ особеннымъ искусствомъ въ механикѣ. Нашли, что церковь укрѣпить нельзя, надобно ее разобрать и построить новую. Въ 1761 году Сенатъ опредѣлилъ къ построенію Исаакіевской церкви архитектора Чевакинскаго, подъ смотрѣніемъ оберъ-архитектора Растрелли, „понеже Правительствующій Сенатъ о искусствѣ и знаніи архитектора Чевакинскаго довольно извѣстенъ". Въ то же время исправлялась колокольня Петропавловскаго собора: Сенатъ по-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 10,776.
[2]) Журналы Сената, 1763 года 3 марта.
[3]) Порошинъ, стр. 422 и слѣд.
[4]) «С.-Петербургск. Вѣдомости», 1765 года, № 48.

ручилъ Растрелли опредѣлить къ этому дѣлу архитектора изъ Русскихъ. Подрядчикъ взялся разобрать Исаакіевскую церковь за 2,445 рублей. Чевакинскій представилъ, что необходимо укрѣпить берегъ каменною стѣною, употребляя какъ въ водѣ, такъ и сверхъ воды дикій тесаный камень съ свинцомъ, а бутъ изъ тосненской плиты съ известью отъ самаго дна Невы, что будетъ стоить 9,934 рубля. Сенатъ согласился. Знаменитый Растрелли сошелъ съ поприща въ началѣ царствованія Екатерины: въ 1763 году онъ уволенъ отъ всѣхъ занятій за старостью и слабостью, и, за 48-лѣтнюю добропорядочную службу, получилъ 1,000 рублей ежегодной пенсіи. Но подлѣ его имени мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ именъ русскихъ архитекторовъ: кромѣ приведеннаго выше Чевакинскаго,—князя Димитрія Ухтомскаго (строителя колокольни въ Троицкой лаврѣ), брата его князя Сергѣя, Мичюрина, Бланка, троихъ Яковлевыхъ,—Василья, Ивана и Семена, Никитина, Рославлева, Суровцова. Въ разсказѣ Порошина мы встрѣтили имя только-что пріѣхавшаго изъ-за границы русскаго архитектора Баженова, котораго работы такъ всѣмъ понравились; въ 1756 году архитектуріи ученикъ Семенъ Баженовъ пожалованъ былъ помощникомъ архитектурнымъ въ рангѣ подпоручика и съ жалованьемъ по 150 рублей [1]).

Относительно живописи нуждались особенно въ портретистахъ; представителемъ этого искусства въ высшихъ сферахъ былъ графъ Ротари; изъ Русскихъ извѣстенъ былъ Алексѣй Антроповъ, написавшій для Сенатской канцеляріи портретъ императора Петра III-го за 400 рублей [2]). О знаменитомъ портретѣ Екатерины II-й, написанномъ датскимъ живописцемъ Ерихсеномъ, находимъ извѣстіе у Порошина: „Портретъ писалъ датскій живописецъ, и очень схоже. Ея величество въ пѣхотномъ гвардейскомъ мундирѣ и на той сѣрой лошади написана, на которой она во время восшествія своего на престолъ изъ Петергофа обратно сюда шествовать изволила. Волосы написаны распущенные и платье все въ пыли, какъ мы своими глазами видѣли“ [3]).

Еще 22 іюля 1743 года императрица Елисавета приказала сдѣлать два мѣдныхъ портрета (статуи) Петра Великаго. 19 августа 1764 года Канцелярія отъ строеній донесла Сенату, что одинъ изъ этихъ портретовъ, сидящій на конѣ, сдѣланъ Итальянцемъ, штукатурныхъ дѣлъ мастеромъ Александромъ Мартеліемъ, и требовала 40,937 рублей на окончательную отдѣлку памятника, на сооруженіе пьедестала и на выдачу жалованья мастеру и рабочимъ. Сенатъ рѣшилъ: такъ какъ ему неизвѣстно, будетъ ли угодно ея императорскому величеству приказать окончить эту статую, то пусть генералъ-поручикъ Бецкій доложитъ объ этомъ императрицѣ. 16 октября Бецкій донесъ: вылитый изъ мѣди портретъ Петра Великаго ея императорское величество апробовать не соизволила, въ разсужденіи, что не сдѣланъ искусствомъ такимъ, каково-бъ должно представить великаго монарха и служить къ украшенію столичнаго города [4]).

Мы окончимъ главу указаніемъ на явленіе, еще небывалое въ новой Россіи. Мы видѣли, что Новгородскій губернаторъ Сиверсъ писалъ о пользѣ хозяйственнаго общества въ Россіи, представляя въ примѣръ успѣхъ англійскаго общества. Общество составилось, и въ октябрѣ 1765 года первые 15 членовъ поднесли императрицѣ уставъ при письмѣ: „Мы всеподданнѣйше соединились добровольнымъ согласіемъ установить между нами собраніе, въ которомъ вознамѣрились общимъ трудомъ стараться о исправленіи земледѣлія и домостройства. Ревность наша и усердіе сколь ни велики, но когда подкрѣплены не будутъ покровительствомъ монаршимъ, то и трудъ нашъ будетъ безъ оживотворенія. Сего ради дерзновеніе пріемлемъ просить вашего императорскаго величества, дабы имѣли счастіе быть подъ единственнымъ только вашего императорскаго величества покровительствомъ, и чтобъ общество наше управлялось въ трудахъ своихъ собственными своими между собою обязательствами и установленіями, почему и называлось бы во всѣхъ случаяхъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ“. Императрица отвѣчала: „Планъ и уставъ вашъ, которыми вы другъ другу обязались, мы похваляемъ; изволите быть благонадежны, что мы оное пріемлемъ въ особливое наше покровительство“. Императрица дала обществу собственный свой девизъ: пчелы, въ улей медъ приносящія, съ надписью: „полезное“, и 6,000 рублей на покупку дома. Первымъ предсѣдателемъ былъ графъ Григор. Григор. Орловъ [5]).

---

[1]) Журналы Сената, 1756 годъ, октября 3; 1757 г. декабря 31; 1761 г. мая 30, іюля 24, ноября 5; 1763 г. мая 15, октября 24; 1764 г. іюня 1.

[2]) Журналы Сената 1761 годъ, мая 7; 1762 годъ, мая 30.

[3]) Порошинъ, стр. 312.

[4]) Журналы Сената, 1764 годъ, означенныя числа.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 12,502.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо Н. И. Панина по поводу Восточной украйны:

Всемилостивѣйшая государыня! Въ присланныхъ ко мнѣ отъ вашего императорскаго величества чрезъ князя Вяземскаго репортахъ въ Сенатъ отъ генералъ-поручика Ширингера я хотя не нахожу большой опасности въ настоящемъ положеніи, однакоже тѣмъ не меньше кажется нужно, чтобъ, собравъ всѣ разновременныя и отъ разныхъ людей разнымъ же людямъ порученныя дѣла и предпріятіи, единожды постановить той сторонѣ систему: при чемъ оставаться на настоящее время, какіе виды имѣть къ будущему и чѣмъ послѣ чего до того достигать; инакоже тамошнія дѣла, будучи, по своему отдаленію, паче всѣхъ другихъ не сручны, всегда будутъ и сами подвергаться и насъ здѣсь подвергать безпокойствамъ и замѣшательствамъ, особливо когда ихъ проэктеры въ сторонѣ, а исполнители по большей части во всемъ ожидаютъ и полагаются на здѣшнія резолюціи, которыя однакоже и не инако какъ по большей части нерѣшительными, всегда же поздними къ нимъ доходятъ. Въ разсужденіи сихъ консидерацій я принимаю смѣлость всеподданнѣйшее представить: не соизволите-ль ваше величество указать въ сегоднишное собраніе по тѣмъ дѣламъ призвать генералъ-поручика Веймарна какъ такова человѣка, который былъ въ томъ краю при командѣ и многія тогдашнія несбыточныя затѣи по клочкамъ имѣлъ въ своихъ рукахъ и объ нихъ трактовалъ; почему онъ, конечно, въ состояніи подать собранію многія основательныя объясненія.

Собственноручное рѣшеніе императрицы: „Позовите Веймарну и приведите все сіе дѣло въ такомъ положеніе, какъ вамъ Богъ л у ч е н а у м ъ п о л о ж е т ъ“.

2) Собственноручная записка Н. Ив. Панина: Э к с т р а к т ъ м о е г о п и с ь м а к ъ г е н е р а л у п о р у д ч и к у В е й м а р н у.

Вчерашняго числа къ вечеру я получилъ обыкновенный штафетъ изъ Риги отъ 10 числа; ея императорское величество во всемилостивѣйшемъ ко мнѣ письмѣ приказывать съ цѣломудреннымъ разсужденіемъ изволитъ. „дабы въ деспарадномъ и безразсудномъ предпріятіи узнать до фундамента, сколь далеко дурачество распространялось, и тѣмъ, если возможно, однимъ разомъ пресѣчь и избавить отъ несчастія впредъ невинныхъ простяковъ“. Причемъ ея величество напоминаетъ и примѣчать изволитъ, что съ Великаго поста болѣе двѣнадцати разъ по той же матеріи разное вранье открывалось; да и въ послѣднемъ мѣстѣ предъ ея отсутствіемъ одинъ гвардіи прапорщикъ, выписанной нынѣ въ армейскіе полки (о которомъ я съ вашимъ превосходительствомъ уже говорилъ) также вралъ слышанное на кабакахъ отъ самой подлости, будто-бъ пр. Иванъ жилъ тогда въ деревнѣ подъ Шлюссельбургомъ, а многіе армейскіе штабъ-офицеры и солдаты ему присягали, и много людей изъ города къ нему туда на поклонъ ѣздятъ. И такъ изволеніе ея величества, „чтобъ разсмотрѣть, не настоящіе ли злодѣи были причиною и тѣмъ разглашеніямъ“, какъ о томъ почти и сумнѣваться невозможно. Почему ваше превосходительство соблаговолите, при своихъ распросахъ и нужныхъ иногда истязаніяхъ, доискиваться, когда, какъ, гдѣ и между кѣмъ какіе плевелы разсѣваемы были для пріуготовленія духовъ къ предпринимаемому отъ нихъ злодѣйству.

3) С о б с т в е н н о р у ч н о е п и с ь м о и м п е р а т р и ц ы Е к а т е р и н ы II к ъ г р а ф у П. А. Р у м я н ц е в у, о т ъ 9 і ю л я 1765 г о д а.

Графъ Петръ Александровичъ, я остановила отсылку указа въ Духовной Коммисіи, о которомъ упомянуто въ 16 пунктѣ моего сегодпишняго письма къ вамъ, и желаю, чтобъ вы тамошнихъ нѣсколько называемыхъ пановъ склонили къ подачѣ челобитни, въ которой-бы они просили объ лучей у нихъ учрежденіи школъ и семинарій, и есть-ли можно, о положеніи духовенства въ штатнаго состоянія, отъ духовныхъ или свѣтскихъ такой же челобитни имѣть, тобъ мы уже знали, какъ начинать. Мнѣ Николай Чичеринъ сказалъ, что митрополитъ Кіевской самъ не прочь отъ сего учрежденія будетъ, понеже онъ менѣе дохода съ деревень имѣетъ, нежели послѣдній великороссійской архіерей, а мы бъ ему, преосвященному, есть-ли бъ склонился о штатномъ положеніи просить, сдѣлали-бъ весьма выгодныя для него кондиціи. Я все сіе поручаю вашей испытанной ревности и искусству, прошу екскузовать меня, что я по сію пору не отвѣтствовала, впредь прилежнѣе буду и остаюсь навсегда съ неотмѣнной повѣренности и доброжелательства.

(Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

ИСТОРІЯ РОССІИ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
Томъ двадцать седьмой.

Глава I.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1766-й и первая половина 1767 года.

Мѣры противъ медленнаго исполненія указовъ.—Безпорядки въ новой Коллегіи Экономіи.—Медленное рѣшеніе дѣлъ въ Юстицъ-Коллегіи.—Дѣло Жуковыхъ, Щулепниковой, Бестужева-Рюмина, кн. Григорія Шаховского.—Губернаторскія распоряженія.—Волненіе въ Москвѣ.—Губернаторъ и купцы въ Астрахани.—Брянскіе купцы и генералъ Медемъ.—Окончаніе Дубровинскаго дѣла въ Орлѣ.—Нравы на окраинахъ.—Крестьянскіе побѣги и возмущенія.—Бродяжничество и разбои.—Похожденія Каменьщикова.—Сибирскіе инородцы.—Сибирскій губернаторъ Чичеринъ и магистратъ.—Присоединеніе Алеутскихъ острововъ.—Церковныя имѣнія въ Малороссіи.—Выборъ кіевскаго войта.—Споръ Запорожцевъ съ Военною Коллегіею.—Слободская губернія.—Сопротивленіе лифляндскаго рыцарства въ доставленіи вѣдомостей о хлѣбномъ урожаѣ.—Затрудненія по поводу нѣмецкихъ колонистовъ.—Финансовыя мѣры.—Среднеазіатская торговля.—Содержаніе Московскаго университета.—Окончаніе Наказа; мнѣнія о немъ, собираемыя императрицею.—Манифестъ о Коммисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.—Переѣздъ Двора въ Москву.—Движеніе въ прибалтійскихъ областяхъ и Малороссіи по поводу выбора депутатовъ въ Коммисію.—Путешествіе Екатерины.—Отзывъ ея въ Сенатѣ объ этомъ путешествіи.—Продолженіе крестьянскихъ волненій.—Секта между однодворцами.—Перемѣны въ областяхъ.—Дѣятельность Новгородскаго губернатора Сиверса.—Приближеніе времени открытія Коммисіи.—Обзоръ Наказа.—Измѣненія въ немъ.

Мы видѣли, какъ Петръ Великій сердился на Сенатъ за то, что, рѣшивъ что-нибудь, не заботились о приведеніи въ исполненіе рѣшеннаго; лѣтъ черезъ 50 Екатерина II-я должна была среди Сената повторить требованіе Петра. 31 марта императрица присутствовала въ Сенатѣ; читали докладъ о штрафованіи судебныхъ мѣстъ за неисполненіе указовъ и за нескорое распоряженіе. Екатерина приказала исполнить: „Репортовать какъ о сдѣланномъ опредѣленіи, такъ и о дѣйствительномъ исполненіи указа“. Когда читали о штрафованіи посланныхъ изъ судебныхъ мѣстъ, если поступятъ въ противность инструкціи и будутъ обижать кого-либо, императрица велѣла прибавить: „Оныхъ, слѣдуя по воинскому процессу, наказывать въ силу указовъ“. Въ концѣ прошлаго года Екатерина обратила вниманіе Сената на безпорядки въ новой Коллегіи Экономіи, и Сенатъ по этому поводу издалъ наставленія всѣмъ коллегіямъ [1]); но безпорядки въ Коллегіи Экономіи не прекратились: одинъ изъ ея членовъ, Позняковъ, подалъ въ Сенатъ просьбу, что просился передъ праздникомъ въ отпускъ на 29 дней въ Петербургъ (Коллегія Экономіи, какъ и многія другія, находилась въ Москвѣ), но отпуска не получилъ по разногласію между членами Коллегіи; по этому случаю Сенатъ сдѣлалъ внушеніе, что въ послѣдній разъ напоминаетъ членамъ, чтобъ они перестали ссориться и не оказывали упорства президенту, какъ произошло и въ дѣлѣ Познякова; президентъ подписалъ отпускъ, а вице-президентъ и два ассесора, по ничтожнымъ основаніямъ, не подписали; въ октябрѣ прошлаго года императрица уже сдѣлала Коллегіи материнское увѣщаніе, но члены ея все продолжаютъ несогласіе. Императрица на этотъ разъ не хотѣла болѣе дожидаться, и, въ томъ же засѣданіи 31 марта, объявила, что если не взять къ поправленію Коллегіи Экономіи надлежащихъ мѣръ, то неминуемыя послѣдуютъ въ ней всякія упущенія, которыя чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе будетъ исправить, и потому приказала, чтобы Сенатъ тѣхъ членовъ Коллегіи, которые просятся въ отставку, отставилъ скорѣе, а прочихъ перевелъ въ другія учрежденія, и на мѣсто ихъ представилъ кандидатовъ; президенту, князю Гагарину, велѣла присутствовать въ Сенатѣ, причемъ отозвалась съ похвалою о его честности и усердіи [2]).

Юстицъ-Коллегія подала любопытное донесеніе,

---

[1]) См. выше «Исторія Россіи», кн. VI, т. XXVI, стр. 106 и 107.

[2]) Журналы Сената, 9 января и 31 марта.

что въ ней нерѣшенныхъ дѣлъ, начавшихся съ 1712 года, состоитъ 6,027, да сверхъ того явились еще неразобранныя дѣла [1]). Рѣзкимъ примѣромъ медленности въ рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ могло бы служить знаменитое дѣло Жуковыхъ; но здѣсь медленность происходила не отъ присутственныхъ мѣстъ. Мы упоминали о громадномъ дѣлѣ Пензенскаго воеводы Жукова, подпавшаго подъ судъ по обвиненію въ насиліяхъ и взяткахъ. Но, кромѣ того, въ 1754 году началось страшное уголовное дѣло вслѣдствіе убійства его жены и пятнадцатилѣтней дочери, жившихъ въ Москвѣ; виновникомъ злодѣйства былъ родной сынъ Жукова съ женою и тещею, а исполнителями—крѣпостные люди. Императрица Елисавета была такъ поражена злодѣяніемъ, что никакъ не могла окончательно рѣшить участь преступниковъ: смертную казнь она отмѣнила, но подвергнуть Жуковыхъ наказанію наравнѣ съ обыкновенными убійцами представлялось нарушеніемъ правды. Дѣло не было рѣшено и преемниками Елисаветы до 1766 года, когда Екатерина обратилась за совѣтомъ къ архіереямъ—Димитрію Новгородскому, Иннокентію Псковскому и Гавріилу Тверскому, которые представили, что хотя, по древнѣйшему обычаю Православной Церкви, монархи христіанскіе сохраняли правосудіе въ народахъ по законамъ, отъ нихъ же установленнымъ, и казнь такимъ злодѣямъ состояла въ воли и власти ихъ, однако по истинному христіанству прежде всего пеклись они о соблюденіи душъ погибающихъ отъ вѣчной муки, потому что Церковь Божія ожидаетъ истиннаго обращенія къ вѣрѣ Христовой и прямого покаянія отъ самыхъ злодѣевъ отчаянныхъ. Тогда императрица велѣла предать Жуковыхъ церковному покаянію, но предъ всѣмъ народомъ по обряду, назначенному для произведенія самаго сильнаго впечатлѣнія. Обрядъ совершался въ Москвѣ четыре раза въ продолженіи Великаго поста 1766 года: въ четвертое и пятое воскресенье, въ четвергъ пятой недѣли и въ Лазареву субботу, въ четырехъ церквахъ—въ Успенскомъ соборѣ, у Петра и Павла на Новой Басманной, у Св. Параскевы на Пятницкой и у Николы Явленнаго на Арбатѣ, т.-е. въ центрѣ и въ трехъ концахъ Москвы. Въ назначенный день, предъ обѣднею, преступники въ сопровожденіи священника и военной команды, шли къ одной изъ означенныхъ церквей въ длинныхъ посконныхъ рубашкахъ, босые, въ цѣпяхъ съ распущенными волосами, съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Ихъ останавливали у церковныхъ дверей и читали манифестъ: „Учиненное убійство въ 1754 году матери и сестры своей родной бывшимъ въ нашей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка каптенармусомъ Алексѣемъ Жуковымъ съ женою его Варварою Николаевою, по отцѣ Полтевыхъ, и сообщниками ихъ столь страшное злодѣйство, что не токмо въ христіанскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное. Мы довольно вѣдаемъ, сколь ужасное сіе преступленіе поразило человѣколюбивое сердце покойной тетки нашей, императрицы Елисаветы Петровны. Но какъ такое окаянное дѣло, въ цѣлыхъ вѣкахъ рѣдко случающееся, невѣдомыми судьбами Божіими по сіе время не рѣшилось, а передъ немногимъ только временемъ подано намъ отъ Сената нашего докладомъ, и между тѣмъ нѣкоторые участвующіе, яко орудіе въ семъ убійствѣ, уже померли, главные же самые убійцы живые на земли остаются въ тюремномъ заключеніи, то сіе самое столь долговременное продолженіе ихъ жизни наипаче привело насъ въ размышленіе, угоднѣе ли Богу будетъ лишеніемъ живота, по законамъ строжайшимъ, сихъ злодѣевъ наказать и яко прямо отступившихъ отъ вѣры Христовой и отъ закона естественнаго истребить, или, вѣдавъ ихъ преступленіе отчаянное, соблюсти души ихъ отъ вѣчной муки истиннымъ къ Богу покаяніемъ, безъ нарушенія нашего правосудія и безъ соблазна народнаго, оставя дни и животъ ихъ въ руки Всевышняго Судіи, на собственное совѣстное раскаяніе и всечастное ихъ сокрушеніе“. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе объ обращеніи къ архіереямъ и проч. По прочтеніи манифеста, преступники на колѣняхъ должны были читать покаянную молитву, нарочно для нихъ сочиненную, а во время обѣдни, также стоя на колѣняхъ, должны были просить всѣхъ входящихъ и выходящихъ помолиться о нихъ; во время обѣдни дьяконъ говорилъ особую ектенію о кающихся, священникъ говорилъ проповѣдь о покаяніи убійцъ. По окончаніи этого покаянія, Алексѣй Жуковъ сосланъ былъ въ Соловки, а жена его—въ Далмацкій монастырь въ Сибири на покаяніе [2]).

Съ 1758 года тянулось дѣло вдовы геодезиста Щуленникова, подозрѣвавшейся въ убійствѣ мужа Сенатъ подалъ докладъ, что хотя Щуленникова и не винится, но, по обстоятельствамъ дѣла и кромѣ оговора, состоитъ подозрительною, и по закону надобно ее пытать; но такъ какъ она дворянская дочь и дворянская жена, то Сенатъ не можетъ назначить пытку безъ высочайшаго указа. Но мы видѣли, что Екатерина постоянно противодѣйствовала пыткѣ, и потому она написала рѣшеніе, что такъ какъ Щуленникова имѣетъ за себя законъ, запрещающій вѣрить показаніямъ противъ того, кто привелъ преступника, а Щуленникову оговариваютъ люди, на которыхъ она указала какъ на убійцъ мужа, то она освобождается отъ пытки, а вмѣсто того должна быть заключена на годъ въ монастырь или въ тюрьму, гдѣ никто не можетъ ея видѣть, кромѣ священника, который долженъ уговаривать ее признаться, причемъ судьи должны допрашивать ее каждые четыре мѣсяца и

[1]) Полн. Собр. Зак., № 12,600.—Побѣдоносцева—Историческія изслѣдованія и статьи, стр. 269—324.

[2]) Журналы Сената, 19 октября.

сравнивать ея допросныя рѣчи съ прежними. Если она признается въ теченіи этого времени, или откроется болѣе доказательствъ преступленія или невинности, то должно поступить по законамъ. Если она не признается въ теченіи года, то совершенно освобождается [1]). Астраханская губернская канцелярія донесла, что по указу 763 года въ приписныхъ городахъ пытокъ чинить не велѣно; но такъ какъ приписной городъ Саратовъ отъ Астрахани въ 700 верстахъ, то канцелярія проситъ, не повелѣно-ль будетъ производить пытки въ Саратовѣ. Сенатъ приказалъ, въ силу именного указа 764 года, стараться, не возя колодниковъ въ губернскіе города, оканчивать дѣла въ указанный срокъ безъ пытокъ [2]).

Въ это же время Екатерина должна была рѣшить трудное и непріятное дѣло. Знаменитый графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ единственнаго сына, поведеніемъ котораго имѣлъ полное право быть крайне недовольнымъ. Неудовольствіе было давнее, что мы имѣли уже случай видѣть въ письмѣ Бестужева къ императрицѣ Елисаветѣ; несмотря на то, благодаря значенію отца, сынъ быстро поднялся по служебной лѣстницѣ, былъ уже давно генераломъ, исполнялъ важныя порученія; но теперь, передъ самою смертію, старикъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбою о наказаніи непокорнаго сына, по рѣшенію верховной власти, безъ суда, ссылкою въ монастырь. Сначала императрица рѣшительно отказала въ просьбѣ: „Просили вы меня“, отвѣчала она Бестужеву, „о наказаніи вашего сына, котораго поступки, конечно, всякаго похуленія достойны. Но кому исправленіе сына болѣе принадлежитъ, какъ не отцу его. Родительская ваша власть, законами утвержденная, ни чинами, ни лѣтами вашего сына не нарушается, кольми паче, когда онъ и службою еще никакою не обязанъ. Онъ погрѣшилъ передъ вами, раздражая дурнымъ своимъ поведеніемъ васъ, а передъ женою неприличною и жестокою его съ нею поступкою. Въ обоихъ случаяхъ могутъ обвинить и наказать его государственныя узаконенія, если къ порядочному правосудію вы прибѣгнете А предо мною и отечествомъ не сдѣлалъ онъ такого преступленія, за которое-бъ не только наказать его ссылкою и хлѣбомъ и водою на долгое время, какъ вы просите, и что у насъ вмѣсто смерти употребляется, но чтобъ и чиновъ его лишить, которыхъ отнюдь при томъ великомъ наказаніи оставить при немъ не можно. Тѣмъ меньше мнѣ дозволить можетъ справедливость послать съ нимъ въ заточеніе невиннаго штабъ-офицера съ командою. Слѣдовательно на ваше письмо я ничего болѣе сказать не могу, какъ только то, что я объ васъ жалѣю и что какъ вы за непослушаніе его имѣете отцовское къ наказанію, такъ и жена къ разводу съ нимъ право, которое въ подлежащихъ мѣстахъ законнымъ порядкомъ употребить можете, если захотите“.

Но чрезъ недѣлю Екатерина перемѣнила свое рѣшеніе; подѣйствовало ли на нее новое письмо Бестужева или совѣты другихъ лицъ — неизвѣстно, только она написала старику: „Прошеніе ваше справедливо. Непорядочное поведеніе сына вашего заслуживаетъ родительскій вашъ гнѣвъ и такое исправленіе, какое вы въ письмѣ своемъ изображаете. Къ настоятелю Свирскаго монастыря будетъ о пріемѣ его писано съ тѣмъ Конно-Гвардіи унтеръ-офицеромъ, который съ командою препроводить его туда пошлется. Но какъ дѣйствительно не можетъ вашъ сынъ во время содержанія его подъ началомъ надѣвать пожалованныхъ ему для васъ знаковъ чести, тоже чиномъ своимъ величаться, то и можете вы какъ кавалеріи, такъ и ключъ удержать у себя до тѣхъ поръ, доколѣ заблагоразсудите въ монастырѣ его оставить, а и чиномъ по сіе время ему именоваться запрещено будетъ; содержаніе ему въ монастырѣ такое предписать вы можете, какое съ неистовою его жизнію должнымъ наказаніемъ и вашимъ человѣколюбіемъ и отцовскимъ сердцемъ сходно“. И четырехъ мѣсяцевъ не пробылъ Андрей Бестужевъ въ монастырѣ, какъ отецъ его умеръ, и тогда Сенатъ получилъ именной указъ: „По смерти графа Алексѣя Бестужева-Рюмина, родные племянники его, князья Волконскіе, просили насъ, чтобъ оставшаго по немъ имѣнія сыну его, за развратною и неистовою его жизнію, не отдавать, а опредѣлить къ оному опекуновъ“. Поэтому императрица приказала Сенату опредѣлить опекуновъ князей Волконскихъ и еще двухъ стороннихъ заслуженныхъ и честныхъ персонъ, дабы крестьяне отъ разоренія были сбережены; доходы съ имѣнія опекуны должны были дѣлить на двѣ равныя части: одна шла на прижитокъ графу Андрею Бестужеву-Рюмину, а изъ другой уплачивать его и отцовскіе долги; когда же всѣ долги будутъ уплачены, тогда всѣ доходы должны отдаваться графу Андрею, который освобождается изъ монастыря со внушеніемъ, чтобъ жилъ смирно и добропорядочно гдѣ пожелаетъ, кромѣ своихъ деревень [3]).

Взяточничество вызвало новую мѣру со стороны правительства. Въ концѣ года Сенатъ получилъ именной указъ—распубликовать во всемъ государствѣ объ учиненныхъ наказаніяхъ за взятки и лихоимство. Въ указѣ говорилось: „Многократно въ народѣ печатными указами было повторяемо, что взятки и мздопріимство развращаютъ правосудіе и утѣсняютъ бѣдствующихъ. Сей вкоренившійся на судѣ порокъ при восшествіи нашемъ на престолъ перво всего понудилъ насъ манифестомъ объявить въ народѣ наше матернее увѣщаніе, дабы тѣ, которые заражены еще сею страстію, отправляя судъ такъ, какъ дѣло Божіе, воздержались отъ такого зла, а въ случаѣ ихъ преступле-

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 98.
[2]) Журналы Сената, 15 декабря.
[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 59, 60, 88.

нія и за тѣмъ нашимъ увѣщаніемъ не ожидали бы болѣе нашего помилованія. Но, къ чрезмѣрному нашему сожалѣнію, открылось, что и послѣ того нашего увѣщанія нашлися еще такіе, которые лздопріимствовали въ утѣсненіе многимъ и въ повреждение нашего интереса; а что паче всего, будучи сами начальствующіе и одолженные собою представлять образъ храненія законовъ подчиненнымъ своимъ, тѣ самые преступниками учинилися и ихъ въ то же зло завели". Распубликованы вины и наказанія 39 человѣкъ, причастныхъ къ дѣлу о взяткахъ по винокуренію въ Бѣлгородской губерніи; здѣсь во главѣ преступниковъ поставленъ правящій губернаторскую должность, князь Григорій Шаховской, и губернаторскій товарищъ Безобразовъ [1]). О Шаховскомъ состоялась такая высочайшая резолюція: „Кн. Гр. Шаховской, бывши губернаторомъ, за свои законамъ противные поступки подлежалъ всякому наказанію, а именно: 1) въ томъ, что, имѣючи жалованье, коснулся взяткамъ; 2) слабымъ своимъ смотрѣніемъ учинился во всемъ дурнымъ примѣромъ для подчиненныхъ и тѣмъ вовлекъ ихъ въ преступленіе; 3) чрезъ неискорененіе корчемства нанесъ немалый ущербъ казнѣ; 4) а что еще паче всего умножаетъ его преступленіе, все сіе учинено имъ послѣ милостиваго указа 1762 года, слѣдовательно и наказанію подлежитъ образцовому, а именно: лишивъ его всѣхъ чиновъ и довѣренности, соединенной съ оными, которыя онъ учинилъ себя недостойнымъ, что ему и объявить; а въ разсужденіи заслугъ, усердія и ревности къ службѣ дяди его, князя Якова Шаховского, повелѣваемъ, сіе наказаніе отмѣнивъ, обратить оное ему въ четырехлѣтнюю ссылку въ его деревню и впредь не опредѣлять его ни къ какимъ дѣламъ, и притомъ ко Двору ему не ѣздить и въ Бѣлгородскую губернію не въѣзжать" [2]).

Бѣлгородскій губернаторъ былъ наказанъ за „слабое смотрѣніе"; Оренбургскій губернаторъ, князь Путятинъ, отличился уже слишкомъ сильнымъ смотрѣніемъ: онъ донесъ Сенату, что за неисправности въ дѣлахъ Исецкой провинціальной канцеляріи смѣнилъ всѣхъ чиновниковъ и на ихъ мѣсто опредѣлилъ другихъ. Сенатъ счелъ возможнымъ выйти изъ затрудненія, приказавши на мѣсто отрѣшенныхъ вмѣстѣ съ опредѣленными отъ губернатора представить отъ герольдіи кандидатовъ [3]). Сенатъ получилъ также любопытную челобитную отъ полковника и Казанской губерніи губернаторскаго товарища, князя Вадбольскаго, который просилъ о перемѣщеніи его въ Галицкую провинцію въ воеводы, по согласному въ томъ съ нимъ желанію этой провинціи воеводы, статскаго совѣтника Кудрявцева, просившаго о переводѣ его губернаторскимъ товарищемъ въ Казань, причемъ Казанскій губернаторъ объявилъ, что въ такомъ перемѣщеніи никакого затрудненія и остановки въ дѣлахъ быть не можетъ. Сенатъ приказалъ обождать резолюціею, ибо отъ Архангельскаго губернатора, подъ вѣдѣніемъ котораго находилась Галицкая провинція, представленіе о Кудрявцевѣ еще не прислано; но потомъ Сенатъ велѣлъ перемѣстить [4]). Лучшій изъ губернаторовъ, самый дѣятельный и просвѣщенный, Сиверсъ, позволялъ себѣ иногда поступки, которые Сенатъ не могъ совершенно одобрить. Такъ онъ донесъ, что въ бытность его въ Олонцѣ открылось похищеніе изъ таможней воеводской канцеляріи болѣе чѣмъ на 6,300 рублей, которые онъ для скорости взыскалъ съ воеводы Жеребцова и съ похитителей, расходчика и счетчика; воеводу Жеребцова и секретаря Литвинова, хотя со стороны перваго умысла не оказалось, а послѣдній недавно при канцеляріи находился, за ихъ несмотрѣніе отъ должности отрѣшилъ, а настоящихъ похитителей велѣлъ держать подъ карауломъ, описавъ ихъ имѣніе. Сенатъ одобрилъ распоряженіе Сиверса, но предписалъ, что такъ какъ изъ донесенія не видно, чтобъ отъ воеводы и секретаря были взяты письменные отвѣты, безъ которыхъ дѣла рѣшить и отъ должностей отставить ихъ нельзя, то пусть губернаторъ возьметъ отъ нихъ эти письменные отвѣты съ признаніемъ и, разсмотря, представить въ Сенатъ съ своимъ мнѣніемъ, равно какъ и о другихъ [5]).

Изъ донесеній императрицѣ генералъ-полицій-мейстера Чичерина узнаемъ, что въ Петербургѣ по 1 января 1766 года было жителей мужескаго пола 39,456, женскаго 24,613, итого 64,069 человѣкъ; къ первому января 1767 оставалось: мужчинъ 42,338, женщинъ 24,980, всего 67,318. Относительно Москвы мы не имѣемъ такихъ извѣстій: Московскій губернаторъ Юшковъ доносилъ, что по вступленіи его въ управленіе губерніею отъ бывшаго губернатора Жеребцова въ росписномъ спискѣ показано: нерѣшенныхъ дѣлъ только съ 756 года 1,215, счетовъ 23, а Ревизіонъ-Коллегія требуетъ ихъ до 800; доимки разныхъ сборовъ явилось 1.543,724 рубля, да въ архивѣ дѣлъ множество, которыя всѣ не описаны, а хотя нѣсколько и описывано, но опись дѣлана была только вчернѣ, безъ описи же сколько и еще есть нерѣшенныхъ дѣлъ— узнать и требуемыхъ счетовъ сочинить нельзя; текущихъ дѣлъ бываетъ немало, такъ какъ Московская губернія имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ 50 городовъ и болѣе двухъ милліоновъ душъ. Для исправленія всѣхъ этихъ дѣлъ положено при губернаторѣ два товарища, три секретаря, 31 служитель; на канцелярскіе расходы отпускается 400 рублей, да въ Розыскной Экспедиціи 2 члена, 18 служителей, на расходы

[1]) Полн. Собр. Зак., № 12,781.
[2]) Высочайшая резолюція въ такомъ видѣ находится въ бумагахъ Госуд. Архива; но въ Полн. Собр. Законовъ она напечатана иначе.
[3]) Журналы Сената, 14 іюля.
[4]) Журналы Сената, 3 февраля.
[5]) Журналы Сената, 11 января.

отпускается 100 рублей. Въ 1766 году, при свидѣтельствѣ денегъ подушнаго сбора, у трехъ счетчиковъ на этотъ только одинъ годъ не явилось съ-небольшимъ 3,000 рублей; счетчики признались въ воровствѣ этой суммы и другихъ денегъ въ прежніе годы, и показали на ассесора и секретаря [1].

Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Салтыковъ, донесъ о небываломъ со времени царя Алексѣя происшествіи въ древней столицѣ. „Мною прежде донесено", писалъ фельдмаршалъ, „коимъ образомъ здѣсь въ Москвѣ не токмо воровства, грабежей, но и разбоевъ весьма умножилось, и пойманные воры и разбойники, изъ которыхъ нѣкоторые, бывъ и прежде въ приводѣ, но, по произведеннымъ надъ ними пыткамъ, паки освобождены, объявляютъ пристани свои въ Покровской, Преображенской и тому подобныхъ слободахъ. Въ подтвержденіе явный на сихъ дняхъ примѣръ послѣдовалъ. 18 сего мѣсяца (марта), по требованію Мануфактуръ-Коллегіи, съ присланною отъ оной военною и полицейскою командою посыланы были регистраторъ и приказные служители въ село Покровское, въ домъ крестьянина и купца Дмитріева для выемки и описи неуказной фабрики, и при описи той фабрики нашли какъ станы, такъ и сдѣланныя на оныхъ тафты, ленты и прочіе товары, что все опечатавъ, вышли изъ того дома вонъ; но въ то-жъ самое время множество незнаемыхъ людей, вооруженною рукою, съ дубьемъ и кольями напали на команду съ такою запальчивостію, что многіе изъ десятскихъ и солдатъ почти до полусмерти прибиты, изъ коихъ нѣкоторые едва-ль ожить могутъ, причемъ и самъ управитель (дворцовый села) битъ же". Императрица, получивъ это донесеніе, очень разсердилась, послала генералъ-полицймейстера Чичерина изслѣдовать дѣло и, въ концѣ собственноручнаго проекта письма къ Салтыкову, написала: „Что прежде сего когда на Москвѣ чернь не бунтовала, то искони бѣ сборище было въ селѣ Рубцовѣ, которое царь Михаилъ Ѳедоровичъ переименовалъ Покровское". Чичеринъ донесъ, что вся бѣда стала отъ сенатскаго курьера, безъ котораго чернь не поднялась бы [2].

Изъ Астрахани Сенатъ получилъ челобитную отъ старшины первостатейнаго купечества, Ивана Большова-Теленнева: по приказу губернатора Бекетова, велѣно было купцамъ первой и второй гильдіи явиться въ магистратъ, изъ котораго онъ, Теленневъ, соперниками своими, бургомистрами Скворцовымъ и Волковойновымъ и прочими отведенъ былъ въ домъ къ губернатору. Бекетовъ, выславъ его вонъ, отдалъ къ подпискѣ заготовленное на него, Теленнева, письмо, будто бы Теленневъ безчестилъ губернатора въ предложеніи своемъ, поданномъ магистрату. Соперники его были въ соглашеніи съ губернаторомъ; а такъ какъ послѣдній произносилъ противъ Теленнева страшныя угрозы, то и прочіе купцы, испугавшись, принуждены были подписываться подъ письмомъ, причемъ нѣкоторые вѣроятно и не знаютъ, что въ немъ написано; послѣ этого губернаторъ держитъ его больше мѣсяца безвинно подъ карауломъ, чѣмъ нанесъ большой вредъ его торговлѣ. Онъ, Теленневъ, опасается, что на него пересланы будутъ въ высшее правительство напрасныя обвиненія, тогда какъ дѣло было такъ: губернаторъ предписалъ брать новые противузаконные сборы съ рыбныхъ промышленниковъ; онъ, Теленневъ, по должности своей, подалъ противъ этого голосъ въ магистратѣ, причемъ совѣтовалъ просить письменно губернатора объ отмѣнѣ новой тягости, а если отмѣны не будетъ, то представить Сенату; но члены магистрата, вмѣсто этого, отослали губернатору подлинное предложеніе Теленнева; тогда Бекетовъ сочинилъ на него бумагу и далъ къ подписи всему купечеству. Взаключеніе Теленневъ просилъ освободить его отъ губернаторской команды, дабы Бекетовъ не могъ его заслать безвинно въ безвѣстныя мѣста. Сенатъ рѣшилъ: въ Астраханскую губернскую канцелярію послать указъ освободить Теленнева изъ-подъ караула, если онъ не обвиняется ни въ чемъ другомъ, кромѣ означеннаго въ его челобитной [3].

Брянскіе купцы жаловались въ Главный Магистратъ на обиды отъ генералъ-маіора Медема. Главный Магистратъ далъ знать объ этомъ командующему Сѣвскою дивизіею, генералъ-поручику фонъ-Штофельну, который поручилъ слѣдствіе генералъ-маіору Маслову съ штабъ-и оберъ-офицерами. Слѣдователи донесли: 1) Медемъ у брянскихъ купцовъ, Семыкина и Некрасова, взялъ безденежно 200 бревенъ, а у старосты Преженцова—корову; 2) купцы — Климовъ по щекамъ и плетьми, Чамовъ—палкою, Преженцовъ—по щекамъ биты. Медему велѣно за взятое заплатить деньги, а битыхъ за увѣчье и безчестье удовольствовать по Уложенью [4]. Мы упоминали объ орловскихъ смутахъ, о борьбѣ купеческихъ партій, партіи Дубровиныхъ съ партіею Кузнецовыхъ [5]; теперь это дѣло кончилось: Димитрій Дубровинъ и сынъ его Михайла приговорены были къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ Оренбургъ; но по указу императрицы вмѣсто этого велѣно было: только взять съ нихъ штрафа по 1,000 рублей съ каждаго на Московскій Воспитательный домъ, впредь ихъ въ судьи магистратскіе не опредѣлять и выслать обоихъ изъ Орла на десять лѣтъ; Андрея Дубровина, вмѣсто наказанія плетьми, выслать изъ Орла съ подпискою на пять лѣтъ, взыскавъ съ него штрафъ на Московскій Воспитательный домъ 100 рублей. Оказалось, что всѣ раздоры между орловскимъ купечествомъ произошли единственно отъ непорядочнаго

[1] Докладъ Чичерина и Юшкова въ Государ. Архивѣ.
[2] Дѣло въ Государ. Архивѣ.

[3] Журналы Сената, 23 января.
[4] Журналы Сената, 29 марта.
[5] См. выше: «Исторія Россіи», кн. V, т. XXV, стр. 1465 и 1466.

содержанія бывшаго за Дубровинымъ виннаго откупа [1]).

Въ Бѣлевѣ постигла воеводу небывалая бѣда, но не вслѣдствіе столкновенія съ купцами. Въ день коронаціи, ассесоръ Бунинъ съ товарищами напалъ на воеводу Каншалинскаго; полковникъ квартирующаго въ Бѣлевѣ Воронежскаго полка, Олсуфьевъ, зазвалъ Каншалинскаго къ себѣ съ обнадеживаніемъ, что въ его квартирѣ онъ будетъ безопасенъ, а между тѣмъ отдалъ его въ руки враговъ, и крикъ несчастнаго воеводы былъ заглушенъ барабаннымъ боемъ [2]). Относительно нравовъ въ отдаленныхъ областяхъ любопытное дѣло производилось въ воронежской консисторіи: елецкій помѣщикъ, поручикъ Опухтинъ, женился на своей дворовой дѣвицѣ, а потомъ выдалъ ее замужъ за кузнеца. На слѣдствіи Опухтинъ показывалъ: вѣнчанъ ли на той своей крѣпостной,—за пьянствомъ и ипохондрическою болѣзнію не упомнитъ. Синодъ велѣлъ увѣщевать Опухтина, чтобъ взялъ жену свою отъ кузнеца и жилъ съ нею какъ съ законною женою; если увѣщанія не помогутъ, то пусть воронежская губернская канцелярія учинитъ ему понужденіе; если же онъ и тутъ останется непреклоненъ, то послать его въ монастырь на покаяніе, а женѣ дать приличную часть изъ имѣнія его на пропитаніе. Сенатъ приказалъ подтвердить объ исполненіи этого синодскаго рѣшенія. Другой случай: тамбовскій прокуроръ Жилинъ подалъ въ Сенатъ челобитную съ жалобою на обиду отъ поповъ Никольской церкви въ Тамбовѣ: во время обѣдни, съ великимъ невѣжествомъ принуждали они его или оставить бывшую у него въ рукахъ трость, или выйти вонъ. Онъ подалъ на поповъ челобитную въ тамбовскую духовную консисторію, но челобитная возвращена ему съ надписью, что уже, по поданному отъ помянутыхъ поповъ въ канцелярію доношенію, отъ преосвященнаго велѣно произвести обо всемъ слѣдствіе немедленно. Прокуроръ объяснялъ Сенату, что все это произошло единственно по злобѣ на него Тамбовскаго епископа, который и въ келью свою ему входить запретилъ. Сенатъ приказалъ сообщить въ Синодъ, что такое происшествіе во время божественной службы очень неприлично и соблазнительно, и потому Сенатъ разсуждаетъ, что надобно изыскать въ этомъ дѣлѣ самую истину и съ виновными поступить по законамъ; Св. Синодъ благоволитъ назначить отъ себя къ этому слѣдствію депутата, а отъ Сената опредѣленъ будетъ тамбовскій воеводскій товарищъ; Сенатъ приказалъ равномѣрно же объяснить Св. Синоду, что и поступокъ Тамбовскаго епископа въ запрещеніи прокурору Жилину входить въ архіерейскія кельи сколько неприличенъ духовному чину, столько же и чести прокурора предосудителенъ [3]).

Но не въ этихъ явленіяхъ, какъ бы они ни были странны, крылась опасность. Коллежскій совѣтникъ Шиловскій подалъ челобитную о побѣгахъ крестьянъ своихъ изъ сельца Лешина, Московскаго уѣзда: эти бѣглые, подъ видомъ вышедшихъ изъ Польши, принимались въ малороссійскія раскольничьи слободы, откуда, подъѣзжая, подговаривали и остальныхъ его крестьянъ къ бѣгству. Дворяне разныхъ уѣздовъ Новгородской губерніи били челомъ, что имѣютъ свои деревни въ смежности съ Лифляндіей и Эстляндіей, куда ихъ крестьяне не только одни, но и цѣлыми семьями убѣгаютъ, и отъ тамошнихъ помѣщиковъ и мызниковъ въ невозвратное укрывательство ихъ и передерживаніе получаютъ подъ свое поселеніе земли. Сенатъ приказалъ: указъ 1754 года о недержаніи бѣглыхъ, переведя на Нѣмецкій и Финскій языки, публиковать въ Балтійскихъ провинціяхъ. Повторялись извѣстія о побѣгахъ, повторялись извѣстія о бунтахъ крестьянскихъ. Воронежскій губернаторъ донесъ: на желѣзныхъ заводахъ князя Петра Ив. Репнина (оберъ-шталмейстера), Липскихъ, Боренскихъ и Козминскихъ мастеровые и рабочіе всѣ согласно объявили, что работы исправлять отреклись. Чтобъ привести остальныхъ въ чувство, губернаторъ велѣлъ двоихъ наказать плетьми; но и послѣ того, какъ наказанные, такъ и прочіе остались при своемъ объявленіи, не обнаруживая относительно наказанія никакого сопротивленія: поэтому губернаторъ безъ сенатскаго повелѣнія къ наказанію такого великаго числа людей приступить не могъ. Сенатъ велѣлъ 10 человѣкъ высѣчь кнутомъ и сослать на Нерчинскіе заводы; другихъ, которые приходили скопомъ къ воронежской губернской канцеляріи, наказать публично плетьми. Темниковскаго уѣзда, села Архангельскаго четверо крестьянъ подали челобитную, что отъ тяжкихъ оброковъ помѣщика Еникеева пришли въ убожество, причемъ говорили, что по указу 1766 года опредѣлено за тяжкими отъ помѣщиковъ оброками крестьянъ отписывать на государыню. Еникеевъ показалъ, что крестьяне его Архангельскаго села, въ томъ числѣ и челобитчики, приходили наряднымъ дѣломъ въ домъ его, дворовыхъ людей били, жену его бранили, грозили убить до смерти и отъ послушанія отказались. Послана была противъ нихъ команда; но крестьяне бросали въ нее каменьями, и, собравши со всего міра денегъ до 300 рублей, отправили челобитчиковъ. Изъ показаній этихъ челобитчиковъ обнаружилось, что оброкъ и работы вовсе не тяжкіе, и потому челобитчиковъ наказали плетьми. Изъ Воронежской губерніи пришло новое извѣстіе: возмутились крестьяне изъ Малороссіянъ (Черкасы) въ имѣньяхъ фельдмаршала Бутурлина и графа Воронцова, генералъ-поручика Сафонова, полковника кн. Трубецкого и Алексѣя Плохова, отъ подданства господамъ своимъ отказались, чинятъ противности, непорядки и озорничества. Возстаніе охватило и смежныя мѣста Бѣлгородской губерніи. Императрица приказала: объявить возставшимъ слободамъ, чтобъ

---

[1]) Журналы Сената, 23 октября.
[2]) Журналы Сената, 22 ноября.
[3]) Журналы Сената, 6 апрѣля, 19 сентября.

непремѣнно вошли въ послушаніе тѣмъ, которые называютъ ихъ своими, а между тѣмъ Сенатъ долженъ приказать разсмотрѣть, гдѣ слѣдуетъ, правильно ли этими малороссійскими слободами кто владѣетъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ Малороссіяне обыкновенно не живутъ, да и подобныя безпокойства безъ причины не бываютъ, и, не изслѣдовавъ этой причины, все, что ни будетъ сдѣлано, прямо зла не искоренитъ, слѣдовательно искры, противныя тишинѣ государственной, оставитъ. Сенатъ поручилъ дѣло Воронежскому губернатору Маслову, который черезъ два мѣсяца донесъ, что Малороссіяне, несмотря на увѣщанія, единогласно объявили, что за владѣльцами быть не хотятъ, а желаютъ быть государственными крестьянами. Сенатъ рѣшилъ подать докладъ: такъ какъ Черкасами высочайшій указъ презрѣнъ, и такъ какъ нужно при самомъ началѣ искоренять малѣйшее сопротивленіе власти въ подломъ родѣ людей, то неугодно ли будетъ Черкасъ усмирить воинскими командами; зачинщиковъ наказать на тѣлѣ, а между тѣмъ о земляхъ, состоящихъ подъ поселеніемъ этихъ Черкасъ, Вотчинной Коллегіи сдѣлать скорое разсмотрѣніе [1]). Докладъ былъ утвержденъ, и Сенатъ донесъ, что Малороссіяне воинскими командами усмирены въ присутствіи губернатора и обязаны подписками быть имъ попрежнему въ повиновеніи помѣщикамъ, но съ тѣмъ, какъ они изъяснили: если кто изъ нихъ въ тѣхъ слободахъ жить не захочетъ, то вольно переходить въ другое мѣсто [2]). Въ той же Воронежской губерніи, въ Тамбовскомъ уѣздѣ, взбунтовались крестьяне въ вотчинѣ Фролова-Багрѣева, въ селѣ Васильевскомъ,— Русская Поляна тожъ, дрались съ посланною противъ нихъ командою, схватили и закололи поручика, переранили солдатъ; къ нимъ на помощь пришло множество и волостныхъ крестьянъ. Побѣжали только тогда, когда солдаты изъ ружья убили одного мужика; разбѣжались въ лѣсъ [3]). Мы видѣли, что темниковскіе крестьяне встали противъ помѣщика, возбужденные слухомъ о какомъ-то освободительномъ указѣ. Сенатъ счелъ нужнымъ публиковать, что такого указа никогда не было, и потому разгласителей ловить и поступать съ ними по указамъ безъ малѣйшаго послабленія [4]).

Сиверсъ писалъ Екатеринѣ: „Число бродягъ такъ увеличивается, что тюрьмы ими переполнены, какъ вслѣдствіе тиранства господъ, такъ и вслѣдствіе малаго наказанія за побѣгъ. Если бы ихъ брать въ рекруты, то и баринъ, и слуга испугались бы: первый сталъ бы человѣколюбивѣе, а другой — послушнѣе. Непомнящіе родства, люди незаконнаго происхожденія увеличиваютъ разсадникъ воровъ. Такъ называемые цыгане заражаютъ страну; они платятъ нѣкоторымъ титулованнымъ господамъ хорошій оброкъ, бродятъ повсюду и живутъ, обманывая простоватаго крестьянина. Есть указъ, отсылающій ихъ въ Украйну; но и здѣсь найдены лазейки для его обхода. Ружье или Оренбургъ были бы для нихъ лучше. Ихъ надобно вдругъ захватить, чтобъ не ушли въ Польшу" [5]). Сиверсъ пропустилъ еще одну причину бродяжничества: Клинскій воевода доносилъ, что крестьяне, по недостатку хлѣба, питаются примѣшивая къ ржаной и яровой мукѣ пивной дробь и другія масляныя изъ конопель и льна избоины и мякину; впредь же, за недородомъ хлѣба, нѣкоторые обыватели будутъ довольствоваться уже не хлѣбомъ, а мякиною. Звенигородскій воевода доносилъ, что нѣкоторые крестьяне покупали рожь въ Москвѣ и въ украинскихъ городахъ, продавая скотину, яровой хлѣбъ и платье, и къ ржаной мукѣ примѣшиваютъ отруби и мякину. Изъ Можайскаго, Бѣжецкаго и Рузскаго уѣзда приходили тѣ же извѣстія съ прибавкою, что крестьяне разбрелись просить милостыню. Сенатъ велѣлъ помѣщикамъ, подъ опасеніемъ штрафа, ссужать крестьянъ хлѣбомъ какъ на пищу, такъ и на сѣмена: то же предписано и Дворцовой Канцеляріи. Послѣдняя донесла, что она распорядилась не сбирать съ крестьянъ дворцовыхъ доходовъ, кромѣ государственныхъ сборовъ; снабдить же ихъ хлѣбомъ она не находитъ средствъ за неимѣніемъ его въ наличности въ дворцовыхъ волостяхъ. Сенатъ приказалъ рекомендовать Дворцовой Канцеляріи, чтобъ она старалась завести въ дворцовыхъ волостяхъ запасные магазины [6]).

Бродяга при извѣстныхъ условіяхъ переходилъ въ разбойника; разбойничество являлось попрежнему въ формѣ ушкуйничества по восточнымъ рѣкамъ, протекавшимъ по областямъ малолюднымъ. Алаторская провинціальная канцелярія извѣщала, что 10 мая, пополуночи въ 3-мъ часу, въ вотчину графини Салтыковой, подъ село Поромзино-Городище, пріѣхало на двухъ лодкахъ воровскихъ людей человѣкъ до 20 съ 4 пушками, съ ружьями, тесаками, бердышами и рогатинами, зажгли это село вдругъ мѣстахъ въ десяти, отчего сгорѣло слишкомъ 400 дворовъ; четырехъ человѣкъ до смерти убили, многихъ переранили, прибили. При чтеніи этого донесенія въ Сенатѣ, сенаторъ Суворовъ и оберъ-секретарь Ермолаевъ объявили полученныя ими частныя письма, что и въ другихъ мѣстахъ той же провинціи оказались разбойники въ малолюдныхъ шайкахъ. Сенатъ приказалъ нарядить для ихъ поимки 120 человѣкъ Волжскихъ казаковъ [7]). Казанскій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ доносилъ о появившейся по Сурѣ рѣкѣ разбойнической шайкѣ, которая въ Пензенскомъ уѣздѣ разбила и разграбила винокуренный заводъ княгини Голицыной въ селѣ Таскомъ; людей били

---

[1]) Журналы Сената, 23 января, 8 февраля, 21 февраля, 6 и 21 іюля, 18 августа, 27 октября.

[2]) Докладъ въ Государ. Архивѣ.

[3]) Журналы Сената, 16 ноября.

[4]) Полн. Собр. Зак., № 12,633.

[5]) Московск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

[6]) Журналы Сената, 5 и 18 мая.

[7]) Журналы Сената, 22 іюня.

смертно; выжгла и разграбила село Шукшу той же княгини Голицыной, людей перепытали и пережгли; въ Саранскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Акинѳіева, въ селѣ Степановскомъ, разбили и пограбили помѣщичьи и крестьянскіе дворы и винокуренный заводъ; плывущія по рѣкѣ Сурѣ въ Астрахань съ подряднымъ виномъ графа Андрея Шувалова суда разбили, деньги пограбили, печатные паспорты у работниковъ побрали. Со степи, отъ города Саратова пріѣхали въ Кутино Зимовье, Пензенскаго уѣзда, человѣкъ 60 верхами, съ ружьями, копьями и пистолетами, называли себя казаками и говорили, что если кто изъ обывателей станетъ ихъ ловить или подниметъ тревогу, то побьютъ всѣхъ до смерти; ранили пѣхотнаго солдата, прокололи копьемъ голову лежащему въ колыбели младенцу и, забравши силою по дворамъ хлѣбъ, уѣхали. Сенатъ объявилъ, что въ разсужденіи недостатка тамъ воинскихъ чиновъ не надѣется желаемаго успѣха въ скоромъ искорененіи злодѣевъ: инвалидныя роты составлены изъ престарѣлыхъ и раненыхъ, опредѣленные же при канцеляріяхъ въ штатное число всегда находятся въ караулахъ и на другихъ службахъ, притомъ они всѣ безконные: поэтому Сенатъ предлагалъ употребить Донскихъ и Волжскихъ казаковъ [1]). Такимъ образомъ, Сенатъ признавался, что, въ случаѣ какой-нибудь опасности для Восточной украйны, средства охраненія ея совершенно недостаточны.

А признаки опасности не переставали обнаруживаться, и такой опасности, для уничтоженія которой нельзя было полагаться на казаковъ. Въ 1761 году, казакъ Каменьщиковъ, жившій въ Чебаркульской крѣпости, явился въ Троицкую крѣпость съ доносомъ на старшинъ Яицкаго войска: что они собирали съ казаковъ деньги, сперва по 2 рубля, въ другой разъ—по 37 копѣекъ, въ третій—по $10^1/_2$ копѣйки; что наряжали казаковъ для провожанія провіанта неволею; донесъ на сотника и капрала, что давали казакамъ порохъ съ обвѣсомъ отъ каждаго фунта по четверти. Доносъ былъ принятъ; но, прежде чѣмъ началось слѣдствіе, прошло года два. Между тѣмъ, старшины, провѣдавъ о доносѣ, начали притѣснять Каменьщикова; тотъ изъ Чебаркульской крѣпости уѣхалъ безъ паспорта въ Челябинскую крѣпость, гдѣ его за это посадили подъ караулъ на 33 недѣли. Въ 1763 году взяли его, наконецъ, въ Троицкую крѣпость къ слѣдствію, по его доносу, потомъ отпустили домой; въ 1764 году опять позвали въ Троицкую крѣпость для слушанія экстрактовъ изъ дѣла, послѣ чего онъ жилъ на свободѣ мѣсяцевъ семь, какъ вдругъ взяли его и высѣкли трижды плетьми за держаніе у себя суевѣрной и волшебной тетради, за то, что стрѣлялъ по казаку изъ ружья пулею, и за то, что прибилъ казака по щекамъ. Послѣ наказанія посадили подъ-караулъ скованнаго. Тутъ принялъ онъ намѣреніе донесть въ Петербургъ, въ Сенатъ, что дѣло его слѣдовано несправедливо. Въ бытность въ Троицкой крѣпости неразъ прихаживалъ къ нему Исецкой провинціи, Окуневской слободы, государственный крестьянинъ Семенъ Телминовъ и говорилъ: „Возьми и меня съ собой въ Петербургъ, у насъ есть нужда въ Питерѣ просить, что Татары у насъ завладѣли нашими крѣпостными землями“. Каменьщиковъ ушелъ изъ тюрьмы, воспользовавшись тѣмъ, что, запнувшись за что-то, упалъ и желѣза на немъ переломились. Изъ Троицкой крѣпости онъ пошелъ прямо въ Коевское село, гдѣ Телминовъ обѣщалъ его дожидаться. Пришедши въ село, онъ сказалъ первому встрѣчному мужику, чтобъ велѣлъ Телминову пріѣзжать къ нему въ боръ по Чебаркульской дорогѣ. Телминовъ не заставилъ себя ждать, привезъ съ собою и брата. Каменьщиковъ сказалъ Телминову: „Поѣзжай ты въ Далматовъ монастырь къ крестьянину Кузьмѣ Мерзлякову и дожидайся меня у него“. Изъ Далматова монастыря всѣ трое поѣхали въ деревню Буткинскую на озерѣ того же имени, гдѣ велѣли собраться крестьянамъ, и Каменьщиковъ говорилъ имъ: „Ну, ребята, я иду въ Питеръ, и вы прикладывайте къ Семенову (Телминовъ) выбору руки“, на что они и согласились; а потомъ, пробывъ въ деревнѣ три дня, поѣхали верхами въ принадлежавшее Демидову село Охлупневское для того, что когда Каменьщиковъ былъ еще въ Троицкой крѣпости, демидовскій приписной къ заводамъ крестьянинъ Василій Качаловъ сказывалъ ему, что демидовскіе приказчики ихъ разоряютъ и употребляютъ въ несносныя работы, а все это происходитъ отъ крестьянина Ивана Таскаева и другихъ 15 человѣкъ: по ихъ наушничеству много крестьянъ уже и до смерти побито и перестрѣлено, и много домовъ пограблено. Каменьщикову стало жаль этихъ крестьянъ, и онъ захотѣлъ этимъ ушникамъ отомстить, чтобъ они впередъ Демидовымъ не ябедничали. Для этого призвалъ онъ къ себѣ сотника и сказалъ о себѣ, что онъ курьеръ сенатскій Михайла Рѣзцовъ, посланъ съ указомъ изъ Сената для изслѣдованія о крестьянскихъ обидахъ и разореніяхъ, причемъ приказалъ сотскому, чтобъ онъ привелъ къ нему Таскаева и писаря Шишкина. Когда сотскій привелъ ихъ къ нему, то онъ ихъ спрашивалъ: „Для чего вы пишете и наушничаете Демидову на міръ крещеный, будто крестьяне противятся, на работу не ходятъ?“ Таскаевъ и Шишкинъ отвѣчали: „Виноваты, объ этомъ писали, писали на 40 человѣкъ“. Тогда Каменьщиковъ приказалъ сотскому собрать крестьянъ изъ другихъ деревень: собралось ихъ человѣкъ 400, и многіе жаловались на Таскаева, Шишкина и другихъ крестьянъ, которые брали съ міру взятки; Каменьщиковъ спросилъ и этихъ обидчиковъ, и всѣ они повинились, что брали взятки. Послѣ этихъ допросовъ Каменьщиковъ велѣлъ крестьянамъ сѣчь плетьми всѣхъ обвиненныхъ, начиная съ Таскаева, что и было исполнено; потомъ велѣлъ наказанныхъ посадить подъ

[1]) Государ. Архивъ.

караулъ и пожитки ихъ запечатать. Затѣмъ призвалъ священника и велѣлъ ему приводить жалобщиковъ къ присягѣ, что подлинно они терпѣли отъ приказчиковъ обиды, а Шишкина заставилъ написать въ Сенатъ отъ всѣхъ крестьянъ челобитную, которую обѣщалъ имъ самъ доставить въ Петербургъ въ Сенатъ; но о чемъ писалъ Шишкинъ, – о томъ Каменьщиковъ не зналъ, потому что читать скорописнаго не умѣлъ. Въ то время какъ онъ такимъ образомъ распоряжался, крестьяне дали ему знать, что изъ Шадринска ѣдетъ схватить его 40 человѣкъ команды. Каменьщиковъ, взявъ съ собою братьевъ Телминовыхъ, да двухъ крестьянъ для провожанья, поѣхалъ въ Чебаркульскую крѣпость, гдѣ хотѣлъ взять жену и сына; но жена и сынъ уже уѣхали къ нему, и онъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ. Вмѣстѣ съ ними отправился онъ въ Петербургъ; дорога шла мимо Чебаркульской крѣпости, невдалекѣ отъ которой, въ степи, ходили его три лошади; онъ взялъ лошадей съ собою и, не заѣзжая въ свой домъ, поѣхалъ по Казанской дорогѣ. Въ Казанскомъ уѣздѣ, остановился онъ въ деревнѣ Починкахъ, откуда ходилъ въ село Урахчи въ Петровъ день къ обѣднѣ, и, видя тамъ мало богомольцевъ, сказалъ священнику: „Для чего въ такой торжественный день мало людей? Знать, здѣшніе помѣщики упражняются только въ однѣхъ забавахъ". На другой день былъ онъ опять въ той же церкви у обѣдни, гдѣ видѣлъ уже несравненно больше народа. Когда онъ возвратился въ деревню Починки, то ближніе помѣщики звали его къ себѣ на вечеръ посидѣть, но онъ отказался; а ночью прибѣжалъ къ нему помѣщичій человѣкъ Өедоръ и объявилъ, что эти помѣщики хотятъ его схватить и убить,—ѣдутъ съ пушкою. Каменьщиковъ, принявъ этого Өедора по просьбѣ его въ свою партію, ушелъ въ лѣсъ, изъ котораго видѣлъ, какъ помѣщики со множествомъ крестьянъ, съ ружьями и пушками, оступили деревню и, не найдя его, разошлись. Послѣ этого отправился онъ далѣе и доѣхалъ до Петербурга безо всякихъ приключеній; здѣсь жилъ онъ долго близъ Невскаго монастыря, сказываясь оренбургскимъ вахмистромъ Бахметьевскимъ, а крестьянъ и слугу Өедора называлъ своими крѣпостными. Наконецъ, полиція обратила на него вниманіе и схватила его, когда онъ шелъ въ Сенатъ. Такъ разсказывалъ самъ Каменьщиковъ о своихъ похожденіяхъ при допросѣ; но въ оренбургской губернской канцеляріи дознались, что Каменьщиковъ, будучи еще до побѣга въ Исецкой провинціи, разглашалъ, будто императоръ Петръ III живъ и находится вмѣстѣ съ Волковымъ въ Троицкой крѣпости: на нихъ-то онъ, Каменьщиковъ, и надѣется. Спрошенный объ этомъ, Каменьщиковъ, показалъ, что разглашалъ о Петрѣ III-мъ по увѣренію казака Конона Бѣлянина. Каменьщикова приговорили къ жестокому наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и ссылкѣ на Нерчинскіе заводы въ тягчайшую работу на-вѣки. Бѣлянина за его выдумку высѣкли плетьми [1]).

Похожденія Каменьщикова вскрываютъ намъ состояніе извѣстной части народонаселенія, именно — русскихъ заводскихъ крестьянъ въ странахъ приуральскихъ. О состояніи ясачнаго народонаселенія въ Западной Сибири мы можемъ имѣть понятіе изъ донесеній тамошняго губернатора Дениса Чичерина, одного изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ губернаторовъ Екатерининскаго времени. Въ одномъ изъ донесеній своихъ, Чичеринъ описываетъ, какія мучительства, разоренія и грабительства претерпѣлъ бѣдный, безгласный ясачный народъ отъ заводскихъ управителей Кругликова и Мельниковыхъ: юрты ихъ жгли, самихъ мучили, скотъ и хлѣбъ грабили. Наряжено было слѣдствіе: управители изобличены, признались, обязались заплатить за все пограбленное и истребленное, многимъ уже и заплатили. Главный командиръ Колывано - Воскресенскихъ заводовъ, Порошинъ, дѣйствовалъ согласно съ губернаторомъ, подтверждалъ управителямъ указами, чтобъ шли къ отвѣту и удовлетворяли обиженныхъ. Но потомъ управители, видя, что по слѣдствію придется имъ заплатить очень много, бѣжали въ Барнаулъ и подали Порошину донесеніе съ оправданіемъ своихъ поступковъ. Порошинъ нашелъ ихъ показанія справедливыми и отправилъ ихъ на прежнія мѣста. Обнадежившись, что главный командиръ, независимый отъ губернатора, сталъ за нихъ, управители увеличили свое озорничество, по выраженію Чичерина: въ Кузнецкѣ управитель Мельниковъ во всемъ своемъ вѣдомствѣ запретилъ, чтобъ зимою никто не смѣлъ принимать ясачныхъ въ свои домы, и они принуждены были сидѣть въ юртахъ безвыѣздно; Кругликовъ запретилъ продавать Татарамъ хлѣбъ и цѣлую зиму морилъ ихъ голодомъ. Разоренные вконецъ этими управителями, томскіе и кузнецкіе ясачные разбѣжались въ дикіе отдаленные лѣса. Чичеринъ переписывался объ этомъ съ Порошинымъ около двухъ лѣтъ: Порошинъ постоянно утверждалъ, что Мельниковъ и Кругликовъ правы. Наконецъ Чичеринъ велѣлъ забрать виновныхъ въ коммисію, учрежденную для раскладки ясака; но Кругликовъ, собравъ до 200 мужиковъ своего вѣдомства, перебилъ посланныхъ изъ коммисіи, причемъ самъ командовалъ, сидя на лошади съ обнаженною шпагою; то же сдѣлалъ и Мельниковъ, и оба ушли въ Барнаулъ. Чичеринъ прописывалъ, въ чемъ состояли притѣсненія ясачнымъ: если ясачные распахали сколько-нибудь десятинъ земли и при этомъ не подарили управителей, то лишаются этой земли подъ предлогомъ размноженія хлѣбопашества на заводахъ, хотя заводскому крестьянину не только пахать тамъ, и быть на томъ мѣстѣ надобности не будетъ. Ясачные на своихъ про-

[1]) Государ. Архивъ.

мыслахъ ведутъ такую пунктуальную экономію, что по раздѣленіи урочищъ по юртамъ всякій знаетъ въ своемъ опредѣленномъ мѣстѣ бобровыя, лисьи и соболиныя гнѣзда, и всегда старается такъ вести свой промыслъ и доставать столько звѣрей, чѣмъ бы онъ могъ ясакъ заплатить и пропитаться годъ, а больше отнюдь не убиваетъ и накрѣпко хранитъ гнѣзда, чтобъ не разорить и не истребить заводу: управители, вывѣдывая такія мѣста или знатныя рыбныя ловли, тотчасъ назначаютъ ихъ на поселеніе Русскимъ, и ясачные принуждены отдать управителямъ послѣднее, чтобъ только этого не дѣлали. „Управители", писалъ Чичеринъ, „ведя происхожденіе свое отъ рядовыхъ казаковъ, подлѣйшаго въ Сибири народа, имѣютъ чины сибирскаго дворянина и, получая жалованья отъ 10 до 15 рублевъ въ годъ, имѣютъ отъ 400 до 500 лошадей и множество всякаго скота и богатства".— При чтеніи этого доношенія въ Сенатѣ, сенаторъ Олсуфьевъ объявилъ, что императрица уже знаетъ о поступкахъ Кругликова и Мельникова, и уже посланъ указъ Порошину объ отрѣшеніи ихъ и отсылкѣ къ Сибирскому губернатору [1]).

Если и въ городахъ Европейской Россіи продолжалось старое зло,—притѣсненія бѣднымъ купцамъ отъ богатыхъ и отъ самихъ членовъ магистратскихъ, то легко понять, что въ отдаленной Сибири это зло было еще сильнѣе. Чичеринъ вздумалъ-было самовластно отрѣшать магистратскихъ членовъ, виновныхъ въ его глазахъ; но изъ Петербурга ему было запрещено такое превышеніе власти. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не пожаловаться на это императрицѣ въ своемъ доношеніи: „Множество является отъ бѣднаго купечества жалобъ на великія притѣсненія и разоренія отъ богатыхъ купцовъ, особенно когда бѣдные въ своихъ обидахъ подаютъ прошенія въ магистраты и ратуши: тогда, въ силу закона, опредѣляется судъ по формѣ, который продолжается многіе годы,- бѣдные должны жить безотлучно въ городѣ до окончанія дѣла, которое однако оканчивается не въ ихъ пользу, потому что сами они не могутъ вести его по незнанію, адвоката же нанять не-на-что, а богатые между тѣмъ пронырствами своими длятъ дѣло и отводятъ,—и бѣдныхъ окончательно разоряютъ. Но этого еще мало: какъ скоро бѣдный притѣсненіями и обидами выведенъ будетъ изъ терпѣнія и подастъ челобитную, то отвѣтчикъ, надѣясь на знатность свою и пронырство, гдѣ-нибудь поймаетъ его и бьетъ; обиженный вторично долженъ подать прошеніе, вторично ему судъ по формѣ,—вторично его бьютъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ не только бѣдныхъ не защищаютъ, но и сами во многихъ имъ разореніяхъ и обидахъ изобличены, за что мною отрѣшены и опредѣлены на ихъ мѣсто другіе, и тѣмъ хотя и въ отдаленныхъ мѣстахъ нѣсколько страху наведено; но напослѣдокъ обо-

[1]) Журналы Сената, 13 декабря.

дрились, такъ какъ указомъ в. п. в.—ства отрѣшать магистратскихъ членовъ мнѣ запрещено" [2]).

Въ то же время Чичеринъ доносилъ объ открытіи и приведеніи въ подданство шести Алеутскихъ острововъ. „Сіе пріобрѣтеніе", отвѣчала ему Екатерина (2 марта), „мнѣ весьма пріятно. Что вы купцу Толстыхъ обѣщали пожалованныя отъ меня прежде вышедшей изъ такого морского вояжа компаніи привелегіи и выдѣленную у него изъ собраннаго съ оныхъ острововъ ясака десятую часть ему возвратить, оное я апробую, и прикажите тѣмъ самымъ дѣломъ исполнить; такожъ казаковъ Васютинскаго и Лазарева, для поощренія ихъ, произведите въ тамошніе дворяне. Дай Богъ, чтобъ они и предпріемлемый ими нынѣшнею весною вояжъ окончили благополучно и съ добрымъ успѣхомъ! Желала бы я знать, не слыхали ли они отъ жителей оныхъ острововъ, были ли когда тамъ прежде ихъ Европейцы и какіе, и не видали ли они тамъ какого разбитаго европейскаго судна. Изъ присланныхъ отъ васъ съ оныхъ острововъ вещей сучекъ дерева почитаютъ здѣсь многіе за морскую траву, которая, сказываютъ, обыкновенно такъ растетъ, хотя и кажется окаменѣлою; плетеные изъ травы мѣшки, также изъ рыбьихъ жилъ нитки и костяныя уды сдѣланы гораздо искусно, а бобъ я приказала посадить, и увидимъ, какое изъ онаго произращеніе будетъ. А что вы приказали тѣхъ народовъ платья и всякія куріозныя вещи, такожъ и одного изъ жителей тамошнихъ вывезли, то хотя я любопытна все то видѣть, однакожъ подтвердите, чтобъ притомъ никакой неволи и ни малѣйшаго принужденія употреблено не было, развѣ кто добровольно самъ согласится съ ними ѣхать. Съ послѣднею реляціею вашею присланные птичьи мѣха я получила; они весьма изрядны, если бы лучше выдѣланы и прибраны были: здѣсь за такой мѣхъ просятъ изъ лавки 60 рублей, какой отъ васъ присланъ въ полтора рубля; изъ одного изъ вашихъ мѣховъ посылаю при семъ шитую здѣсь муфту, которая вамъ и образцомъ служить можетъ, какъ ихъ подбирать надлежитъ. Здѣшнія щеголихи носятъ фалбалы и опушки на платьѣ изъ мѣховъ: не худо, если бы вы такіе, а особливо которые попестрѣе, прибрать приказали и сюда прислали; а ежели вы не знаете, что такое фалбала, то спросите у хозяйки вашей: она вамъ въ томъ наставленіе дастъ. Промышленникамъ подтвердите, чтобъ они ласково и безъ малѣйшаго притѣсненія и обмана обходились съ новыми ихъ собратіями, тѣхъ острововъ жителями" [3]).

Въ то время какъ императрица переписывалась съ Сибирскимъ губернаторомъ объ Алеутскихъ островахъ, она должна была внимательно слѣдить за явленіями на противоположной, Юго Западной украйнѣ, въ Кіевѣ, Запорожьи и Слободской гу-

[2]) Государ. Архивъ.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 12,589.

берніи. Мы видѣли, что въ Малороссіи монастыри и архіерейскіе дома продолжали еще владѣть населенными землями, и видѣли, какъ Екатерина заботилась о скорѣйшемъ уравненіи Малой Россіи съ Великою въ этомъ отношеніи. Въ 1766 году Синодъ получилъ предложеніе отъ своего оберъ-прокурора Мелиссино: „Ея императорское величество избавить соизволила духовный чинъ отъ суеты мірской и отъ того зазрѣнія, въ которомъ онъ долголѣтно находился, обращаясь въ мірскихъ попеченіяхъ. Св. Синодъ опытомъ уже самимъ удостовѣрился о блаженствѣ своемъ подъ державою Православной своей монархини, и не соизволитъ ли за долгъ званія своего принять и просить ея императорское величество, дабы она ту же матернюю свою щедроту изліяла и на духовный въ Малороссіи живущій чинъ. Ему вѣдомо нестроеніе, происходящее между духовными въ Малой Россіи единственно по причинѣ управляемыхъ ими самими имѣній духовныхъ: епархіи съ монастырями, а монастыри съ церквами въ безпрестанныхъ и долголѣтнихъ тяжбахъ судовыхъ находятся, а потому и сами власти во взаимной враждѣ между собою пребываютъ, всѣ же духовныя недвижимыя имѣнія съ имѣніями мірскихъ владѣльцевъ нескончаемые процессы ведутъ, и какъ власти по временамъ съ мѣста на мѣсто переходятъ, то судовыя хлопоты даже дотого простираются, что архіерей, произведенный изъ архимандрита, на себя, бывшаго прежде архимандрита, противныя и проницательныя подаетъ челобитныя, чему особливо примѣры находятся между каѳедрою Кіевскою и Печерскимъ монастыремъ. Архіереи, архимандриты, игумены и игуменьи содержатъ въ своихъ мѣстностяхъ монаховъ городничими, т.-е. управителями, которые своимъ развратнымъ житіемъ безпримѣрные соблазны мірскимъ людямъ подаютъ и, производя ссоры съ мірскими помѣщиками, сами въ поѣздахъ предводительствуютъ дракамъ, а иногда и смертоубійству“. Синодъ 15 сентября подалъ докладъ въ желаемомъ смыслѣ, подтверждая извѣстія о безпорядкахъ; напримѣръ: „И нынѣ Дамалѣевскаго монастыря архимандритъ Давидъ по одному своему монастырю тяжебныхъ дѣлъ до 100 объявляетъ [1])“.

Кіевъ былъ занятъ выборомъ войта. При императрицѣ Аннѣ, въ 1735 году, выборный войтъ былъ замѣненъ коронньмъ,—войтъ Войничъ былъ опредѣленъ именнымъ указомъ; но при Елисаветѣ, въ 1753 году, позволено было магистрату выбрать войта, и былъ избранъ Сычевскій изъ гренадеровъ Лейбъ-Кампаніи. Въ описываемое время у этого Сычевскаго начались распри съ магистратомъ, и 20 февраля 1766 года императрица послала Кіевскому губернатору Глѣбову указъ, что надобно выбрать въ кіевскій магистратъ новаго войта, а Сычевскаго, по окончаніи его дѣла, если оправдается, опредѣлить на другое мѣсто для спокойствія того же магистрата. „Извольте магистрату приказать“, писала Екатерина, „выборъ сдѣлать по ихъ привилегіямъ четырехъ кандидатовъ; а мы вамъ рекомендуемъ внушить имъ отъ себя, чтобъ четвертымъ кандидатомъ поставили кіевской губернской канцеляріи прокурора Пивоварова“. Глѣбовъ внушалъ; но, несмотря на его внушенія, Пивоваровъ избранъ не былъ, и кіевскій оберъ-комендантъ Ельчаниновъ въ рапортѣ Глѣбову писалъ, что его увѣряли, будто передъ выборами призываны были въ ратушу старшіе и чрезъ писаря Давыдовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ Великороссіянъ, въ противномъ случаѣ чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ выгнанъ изъ города. 23 марта Глѣбовъ былъ назначенъ сенаторомъ, и на его мѣсто пріѣхалъ генералъ-аншефъ Воейковъ, который началъ тѣмъ, что собралъ магистратъ и все привилегированное мѣщанство, избирающее войта, и передъ ними изорвалъ ихъ прежній выборъ, приказавши собраться для новыхъ выборовъ. Въ назначенный день, 3 августа, генералъ-губернаторъ поѣхалъ самъ на выборы. Послѣ обыкновенныхъ переговоровъ между избирателями, всталъ одинъ магистратскій членъ и объявилъ имена новыхъ четырехъ кандидатовъ для общаго всего собранія разсужденія; но едва только онъ успѣлъ назвать имена, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, что выборомъ довольны. Эти кандидаты были: Пивоваровъ, секретарь графа Григорія Орлова—Григорій Козицкій, находящійся при великомъ князѣ наслѣдникѣ камердинеромъ—Андріевскій и кіевскаго магистрата медовый шафаръ Дмитровичъ [2]).

А въ Петербургѣ, въ Военной Коллегіи, графъ Захаръ Чернышевъ долженъ былъ вести споръ съ Запорожцами, которые жаловались, что у нихъ отняли землю. „Ваше сіятельство“, писали Запорожцы, „при засѣданіи прошлаго года августа мѣсяца объявлять изволили, что Новосербіи отданныя земли войску паки возвратятся, а на поселеніе оныхъ и прочихъ на другой сторонѣ Днѣпра отъ Орели по границу, 1714 года съ Турками учиненную, возьмется; но нынѣ слышно, яко не только по ту границу, но по самую рѣчку Самарь взять въ войско земли вознамѣрились, что слѣдуетъ съ немалымъ войску утѣсномъ, разореніемъ и крайнимъ недовольствомъ потому: если будетъ въ Самарѣ съ одной стороны Новороссійской губерніи поселеніе и крѣпости, а съ другой—Запорожцы, то сверхъ того, что поселенцы новороссійскіе воровствомъ и насильнымъ отнятіемъ лѣса и прочаго Запорожскихъ казаковъ разорять и обижать, въ крѣпостяхъ стоящія великороссійскія команды воровства, разбои, смертныя убійства чинить будутъ, а унять ихъ отъ того никакими мѣрами будетъ невозможно, отчего не только безперерывныя командамъ затрудненія, но подъ случай и междоусобство слѣдо-

[1]) Государ. Архивъ.

[2]) Государ. Архивъ.

вать можетъ. Войско Запорожское будетъ имѣть недовольство, ибо Самарь съ землями дана ему королями Польскими и утверждена государями Россійскими, и изъ запорожскихъ рукъ никогда не отходила. Много тамъ казачьихъ жилищъ: бросить ихъ — нестерпимое разореніе. Ненадежно, чтобъ ханъ допустилъ заводить крѣпости на своихъ глазахъ. Не лучше ли сдѣлать такъ: строить крѣпости, начавъ снизу рѣчки Орели, отсюда по рѣкамъ Торцамъ къ Луганчику; здѣсь отъ Турокъ и Крымцевъ никакихъ помѣхъ не будетъ, при тѣхъ крѣпостяхъ слободы и деревни заводить легко, ибо Орель и прочія впадающія въ нее рѣчки лѣсомъ и водою довольны, и потому быть между Запорожцами и Новороссійскою губерніею межою отъ Днѣпра до Азовскаго моря границѣ 1714 года, а съ другой стороны—Днѣпру; а всего бы лучше и Орель съ землею оставить при Запорожьи, не отбирать у войска земель, ибо оно съ ними подъ Россійскую державу пришло добровольно, и, только на оныхъ довольствуясь, служитъ Всероссійскому престолу на всемъ своемъ коштѣ, оставить безъ нарушенія ихъ старинныхъ привилегій, требуя отъ оныхъ одной только вѣрности, обереженія границъ и всякой службы къ защищенію Россійскаго отечества, къ чему они всегда состоятельны были и могутъ быть, видя монаршую къ себѣ въ томъ милость". — Отвѣтъ послѣдовалъ такой: вмѣсто земли между Орла и Самары возвращена будетъ войску Запорожскому вся бывшая Новая Сербія, кромѣ положенной отъ оной на барьеръ отъ Днѣпра на 20 верстъ. По сю сторону Самары въ крѣпостяхъ учреждены гарнизоны, а между ними въ редутахъ и около оныхъ поселены будутъ регулярные гусарскіе и казацкіе полки, коихъ отъ воровства строгою военною дисциплиною удержать можно. Чтобъ состоящія въ крѣпостяхъ команды чинили воровство, разбои и смертоубійство,—показано напрасно, и, напротивъ, доказать можно, что отъ самихъ Запорожцевъ подобныя нахальства часто происходили. Если дойдетъ до междоусобія, то виноваты будутъ командиры и будутъ за то наказаны. Чтобъ Самара съ землями отъ королей Польскихъ Запорожцамъ дана,—заподлинно утверждать нельзя, и кажется вѣроятнѣе, что оное отъ Россійскихъ государей отдано взамѣнъ отшедшихъ къ Польшѣ казацкихъ жилищъ, и то не одному Запорожскому, а всему съ Хмельницкимъ вышедшему войску, но въ 708 году, когда Запорожцы взбунтовались, перешли на татарскія границы, до 714 считалась сія рѣка въ россійскихъ границахъ, а послѣ уступлена Туркамъ, и хотя Запорожцы подъ Россійское владѣніе возвратились и сперва на рѣчкѣ Каменкѣ, а потомъ въ Сѣчи поселились, только уступленная Туркамъ земля болѣе завоевана россійскимъ оружіемъ и возвращена по мирному трактату 730 года. Послѣ этого турецкаго мира на устьи Самары учреждена была сотня Полтавскаго полка, которая въ 745 году по сенатскому указу уничтожена, а жители Богородицкой слободы оставлены подъ вѣдомствомъ Самарскаго ретраншемента. Запорожцы же, усиливаясь на Самарѣ, насильно отнимали у жителей лѣса и угодья, дѣлали безпрестанно всякія нахальства и принудили ихъ наконецъ перейти въ запорожское новоселье, однакожъ и понынѣ отъ Китай-городской и Орлянской сотни выборные казаки съ подпомочниками между рѣчекъ Самары и Орели домами живутъ, да и во время войны Самара защищаема была регулярнымъ войскомъ, а Запорожцевъ для закрытія оной ни одного не было. Запорожскихъ жилищъ тамъ едва ли десятая доля противъ малороссійскихъ, да и тѣмъ вольно оставаться при своихъ земляхъ подъ новороссійскимъ правомъ, какъ и прочимъ тамъ живущимъ. Рѣка Орелъ лѣсомъ по большей части скудна и по сю сторону уже почти заселена, а на Орльчикѣ по сю же сторону земля отдана Петромъ Великимъ Кочубеямъ, такъ что, по переселеніи Елисаветградской провинціи жителей, земли съ угодьями не будетъ достаточно. А въ Бахмутской провинціи земля по большей части безплодная. Напротивъ чего, у Запорожцевъ, по малолюдству ихъ, большая часть хлѣбородной земли и сѣнокосовъ безъ употребленія, и есть такіе зимовники, что верстъ отъ 15 до 20 землею владѣютъ. Новосербія отъ Буга, не доходя до Днѣпра за 20 верстъ, яко земля, оставленная на барьеръ для всякихъ случаевъ, отдается Запорожскому войску во владѣніе съ тѣмъ, чтобъ на оной селить по своимъ правамъ только неженатыхъ; а если позволить имъ селить женатыхъ, то не безъ сумнѣнія, что они столь много земли требуютъ для того, чтобъ, приманивая къ себѣ Малороссійкій народъ, тѣмъ какъ Малороссію, такъ и Слободскую и Новороссійскую губернію опустошать. А во время войны сихъ людей, разсѣянныхъ по степямъ, и всею арміею защитить возможности не будетъ. Подъ Россійскую державу войско Запорожское отдалось не одно само собою, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ съ Хмельницкимъ обще со всею Малороссіею, и только отъ Поляковъ россійскимъ войскомъ обороняемо было. Службу оное войско исправляетъ не совсѣмъ на своемъ коштѣ, да и то только не въ большомъ числѣ [1]):

Между сенаторами было мнѣніе, что въ административномъ строѣ Малороссіи могутъ предстоять основныя измѣненія, предполагалась и возможность назначенія новаго генералъ-губернатора. Эта видно изъ рѣшенія Сената по поводу донесенія Румянцева о сокращеніи сроковъ, положенныхъ для апелляціи на нижніе суды къ вышнимъ. Сенатъ опредѣлилъ: такъ какъ теперь еще неизвѣстно, останется ли Малороссія при прежнихъ своихъ основаніяхъ, или, по опредѣленію туда новаго генералъ-губернатора, послѣдуютъ и новыя установленія, то Сенатъ и не находитъ нужнымъ дѣлать между тѣмъ въ правахъ малороссійскихъ какія-либо перемѣны или пополненія, и потому означенное до-

[1]) Государ. Архивъ.

несеніе—оставить безъ резолюціи до того времени, пока Сенатъ о волѣ ея императорскаго величества касательно Малороссіи точнѣе извѣстенъ будетъ [1]).

Перемѣны начались уже подлѣ Малороссіи, въ новой Слободской губерніи. Мы видѣли, что въ докладѣ сенаторовъ—князя Шаховского, Панина и Олсуфьева—было указано на неравномѣрность тяжестей, которыя несло тамошнее народонаселеніе [2]), вслѣдствіе чего и введенъ былъ общій окладъ. По поводу этого нововведенія, Слободской губернаторъ Щербининъ доносилъ: „Не скрою, что изъ такого множества людей всѣ считали общій окладъ облегченіемъ; нѣкоторые довольны, а другіе жалуются что имъ стало хуже, именно тѣ, которые ничего не платили и жили подъ покровительствомъ какого-нибудь начальника или какимъ-нибудь случаемъ успѣвали увертываться отъ платежа и содержанія казака, консистенціи и работъ,—такимъ конечно тяжелѣе. Переходъ жителей съ мѣста на мѣсто всѣми принятыми мѣрами теперь кажется задержанъ, развѣ что весна покажетъ, ибо здѣшній народъ по большей части переходитъ весною и осенью". Противъ этого императрица написала: „Когда Малороссія будетъ приведена въ порядокъ, то надѣюсь и то пресѣчется" [3]).

Въ то время какъ надѣялись, что общія государственныя мѣры получатъ силу и въ Южной степной украйнѣ, представлявшейся страною безнарядною,—Сенатъ былъ изумленъ сопротивленіемъ мѣрѣ важной и разумной, сопротивленіемъ, оказавшимся въ той окраинѣ, гдѣ всего менѣе, повидимому, можно было ожидать его. Сдѣлано было общее распоряженіе, чтобъ изо всѣхъ областей доставлялись въ Сенатъ вѣдомости о хлѣбномъ урожаѣ, и вдругъ получается меморіалъ отъ Лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна съ представленіемъ препятствій, какія лифляндское рыцарство находитъ въ исполненіи этого предписанія. Сенатъ приказалъ отвѣчать, что, вникнувъ съ полнымъ вниманіемъ въ представленные отъ лифляндскаго рыцарства резоны и затрудненія къ сочиненію вѣдомостей о ежегодномъ тамошнемъ хлѣбномъ урожаѣ,—онъ отнюдь не находитъ ихъ основательными; безъ такихъ вѣдомостей никакое благоучрежденное государство обойтись не можетъ, и потому господину генералъ-губернатору безо всякой отмѣны тѣ хлѣбныя вѣдомости, благоучрежденнымъ образомъ непремѣнно въ свое время собирая, присылать въ Правительствующій Сенатъ [4]).

Нѣмецкіе колонисты, вызванные для поселенія въ Юго-Восточной украйнѣ, уже начали затруднять правительство. Канцелярія опекунства иностранныхъ обратились къ Сенату съ просьбою о помощи, не зная что дѣлать, ибо Нѣмцевъ нахлынуло такое множество, что недостаетъ рабочихъ людей, лѣса и другихъ матеріаловъ для скорой постройки имъ домовъ. Сенатъ отвѣчалъ, что, вмѣсто деревянныхъ домовъ, нельзя ли дѣлать мазанки; а больше всего, по мнѣнію Сената, надобно было избѣгать вреднаго наряда съ уѣздовъ крестьянъ къ работамъ: это можетъ произвести въ старыхъ жителяхъ крайнее негодованіе и ропотъ, разорить цѣлыя села и деревни, и потому надобно исправляться наймомъ вольныхъ работниковъ. Сенатъ по заочности не можетъ въ такомъ дѣлѣ ничѣмъ распорядиться, а рекомендуетъ канцеляріи отправить на мѣсто поселенія искуснаго человѣка съ полною довѣренностью, чтобъ это лицо не переписывалось о всякомъ дѣлѣ съ главною командою, распоряжалось бы поселеніемъ и сносилось съ ближними губернаторами и воеводами [5]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого послѣдовалъ указъ о прекращеніи выхода иностранныхъ поселенцевъ въ Россію, впредь до обзаведенія выѣхавшихъ уже [6]).

Въ этомъ указѣ, между прочимъ, говорилось и объ отягощеніи казны вслѣдствіе пріѣзда слишкомъ большого числа колонистовъ; не хотѣли увеличивать издержекъ на колонизацію, которыя были опредѣлены въ 200,000 рублей на годъ. Доходы въ 1766 году нѣсколько увеличились, ихъ было 23.708,401 рубль, тогда какъ въ 1765 году было 22.715,389 рублей; но и расходы также увеличились: ихъ было въ 1766 году 22.991,793 рубля, тогда какъ въ 1765 году было 22.468,535 рублей. Замѣтное увеличеніе расходовъ произошло на Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, именно 301,655 рублей, тогда какъ въ два предыдущіе года издерживалось по 42,353 рубля; чрезвычайные расходы въ 1766 году простирались до 1.315,338 рублей, тогда какъ въ 1765 году ихъ было только 654,416; но за то въ 1764 году они доходили до 1.696,600 рублей [7]).

20 января, въ присутствіи императрицы, въ Сенатѣ читанъ былъ докладъ о новомъ учрежденіи по дворянскимъ банкамъ. Екатерина указала: имѣть по этому дѣлу конференцію съ генераломъ Бецкимъ и другими, не примѣтятъ ли они какихъ потребныхъ къ тому учрежденію пополненій или соображеній; между тѣмъ мыслить, не лучше-ль будетъ то учрежденіе, какъ интересующее всю партикулярную публику, за полгода прежде, чѣмъ въ самое дѣйствіе вступить можетъ, публикѣ дать знать напечатаніемъ его, не называя докладомъ, а назвавъ прожектомъ, съ тѣмъ, что если кто изъ партикулярныхъ людей что къ лучшему объявить захотѣлъ, то-бъ присылали письменныя о томъ объявленія, хотя-бъ не означая своихъ именъ: тогда въ прочности его надежнѣе приступить будетъ можно. 17 марта императрица также присутствовала въ Сенатѣ, и шло разсужденіе также о финансовой мѣрѣ, именно—о наложеніи на француз-

[1]) Журналы Сената, 11 декабря.
[2]) См. выше: «Исторія Россіи», кн. VI, т. XXVI, стр. 39.
[3]) Государ. Архивъ.
[4]) Журналы Сената, 22 мая.
[5]) Журналы Сената, 2 августа.
[6]) Журналы Сената, 14 ноября. Полн. Собр. Зак., № 12,793.
[7]) Сборн. Рус. Истор. Общ. V, 227, 229.

скую водку новой пошлины съ будущаго года. Екатерина рѣшила: наложеніемъ пошлины обождать, пока въ коммиссіи о коммерціи сдѣлано будетъ общее положеніе о пошлинахъ на всѣ товары. Но въ то же время сильно безпокоило корчемство русскою водкою. Сенатъ сдѣлалъ секретный вопросъ Новгородскому и Смоленскому губернаторамъ, какимъ образомъ прекратить корчемство со стороны Лифляндіи и Польши. Сиверсъ отвѣчалъ, что хотя точныхъ мѣръ принять противъ этого нельзя, ибо лакомство къ вину и собственная прибыль будутъ поощрять къ корчемству, однако онъ не оставилъ при всѣхъ случаяхъ открыто и подъ рукою навѣдываться отъ воеводъ, дворянъ и нижнихъ чиновъ людей и отъ самихъ корчемниковъ, недавно пойманныхъ подъ самымъ Новгородомъ, какимъ образомъ производится корчемство: почти всѣ ему объявили, что они покупаютъ вино въ бочкахъ и анкеркахъ не только изъ дворянскихъ корчемъ, но покупаютъ и размѣниваютъ у крестьянъ хлѣбъ на вино, крестьяне этотъ хлѣбъ опять употребляютъ на винокуреніе—и такъ продолжаютъ безпрерывный торгъ. Сиверсъ представлялъ, не угодно ли будетъ Сенату приказать Лифляндскому генералъ-губернатору, чтобъ онъ не только подтвердилъ всѣмъ живущимъ на границѣ дворянамъ смотрѣть какъ можно внимательнѣе за своими крестьянами, но и умножилъ нынѣшнее денежное наказаніе за корчемство, или, по меньшей мѣрѣ, предостерегъ дворянъ, что ихъ умышленное нерадѣніе можетъ повредить ихъ привилегіямъ. Отъ такого подтвержденія и страха, по словамъ Сиверса, можетъ произойти немалая прибыль въ Новгородской и Псковской провинціяхъ, ибо смѣло можно утверждать, что не менѣе 30,000 ведеръ входитъ въ Россію чрезъ корчемство. Сенатъ опредѣлилъ: обязать подписками пограничныхъ жителей не продавать вина иначе, какъ по мелочамъ. Относительно винныхъ откуповъ Сенатъ получилъ слѣдующія извѣстія: Воронежская губернія была взята за 161,200 рублей; Бѣлгородская за 116,000; Смоленская за 45,200; Оренбургская за 121,200; Астраханская за 215,000; Московская провинція, кромѣ Москвы, съ уѣздомъ за 128,000; Калужская губернія, кромѣ города Мещовска, за 64,000; провинціи Московской губерніи—Юрьевская, Суздальская, Тульская, Владимірская, Углицкая, Костромская, Рязанская, Переяславская—за 410,000; Устюжна Желѣзопольская за 9,800; Свіяжская провинція Казанской губерніи за 42,500.

Все еще тянулось непріятное дѣло о вознагражденіи виноторговцевъ, у которыхъ пограблено было вино солдатами 28 іюня 1762 года. Сенатъ подалъ императрицѣ докладъ, чтобъ купцу Медеру съ товарищи вмѣсто расхищенныхъ у нихъ винъ зачесть пошлину съ ихъ товаровъ. Но Екатерина написала на докладѣ: 1) „Въ семъ докладѣ не видно, свидѣтельствовано ли, чтобъ у сихъ погребщиковъ въ тотъ день столько выпито было и о разграбленіи сихъ погребовъ; 2) такъ какъ казна не приказала грабить, то и справедливости не вижу; если просятъ изъ милосердія, то разсчеты не надобны; 3) примѣръ кабацкихъ откупщиковъ къ сему служить не можетъ, понеже цѣлость сбора зависитъ отъ ихъ цѣлости". Сенатъ, дѣлать нечего, приказалъ предложить дѣло вновь къ слушанію. Это слушаніе происходило не ранѣе 27-го ноября, и Сенатъ рѣшилъ: оную высочайшую резолюцію тѣмъ просителямъ объявить.

Для усиленія торговли съ Среднею Азіей, Сенатъ отмѣнилъ прежнее постановленіе, что вымѣниваемое въ Оренбургѣ и Троицкѣ у азіатцевъ золото и серебро купцы непремѣнно должны отдавать въ казну на монетные дворы, ибо для купцовъ это тягостно и отнимается у нихъ охота къ вымѣну на товары свои денегъ; а такъ какъ цѣна золота и серебра повысилась, то приносящимъ эти металлы на монетные дворы выдавать за золото вмѣсто прежнихъ 2,75 копѣекъ за золотникъ—по три рубля, и за серебро вмѣсто $19^1/_2$ копѣекъ—по $20^1/_2$ копѣекъ, производя плату наличными деньгами безо всякаго удержанія и проволочекъ, ибо Волковъ, бывшій Оренбургскій губернаторъ, доносилъ, что единственное средство заставить купцовъ приносить металлы на монетный дворъ — это выдавать имъ сейчасъ же готовыми деньгами: всякій изъ нихъ скорѣе согласится, писалъ Волковъ, вымѣнивать барановъ, топить сало и не имѣть съ канцеляріями дѣла, чѣмъ серебромъ и золотомъ навязать себѣ на шею хлопоты.

Поступленіе значительныхъ доходовъ съ бывшихъ монастырскихъ имѣній вводило Сенатъ въ искушеніе обращать эти доходы на возможно большее число статей; но такъ какъ эти статьи ограничивались содержаніемъ духовенства и богоугодныхъ учрежденій, то иногда Сенатъ позволялъ себѣ смѣшныя натяжки. До сихъ поръ на содержаніе Московскаго университета 20,000 рублей отпускалось изъ винныхъ доходовъ; Сенатъ представилъ, нельзя-ли и эти деньги и остальные 15,000 рублей, отпускавшіеся изъ Штатсъ-Конторы, отпускать изъ доходовъ Коллегіи Экономіи, ибо „въ семъ училищѣ главное наученіе производится о настоящемъ познаніи душевныхъ добродѣтелей и ко исправленію нравовъ на богоугодное и обществу полезное употребленіе". Но императрица съ такимъ взглядомъ Сената на университетъ не согласилась и приказала попрежнему отпускать на него его деньги изъ винныхъ доходовъ [1]).

Въ 1766 году Екатерина окончила свой законодательный трудъ, посредствомъ котораго хотѣла перенести въ Россію просвѣтительныя идеи, выработанныя европейскою наукой. Мы видѣли, что объ этомъ трудѣ знали приближенные къ императрицѣ люди, знали и такъ называемые философы во Франціи. Въ описываемомъ году императрица по-

[1]) Журналы Сената, 20 января, 13 и 27 марта, 27 іюля, 22 и 27 ноября; Полн. Собр. Зак. № 12,576.

требовала мнѣнія о своемъ трудѣ отъ нѣкоторыхъ лицъ. Изъ этихъ мнѣній особенно замѣчательны для насъ мнѣнія стараго, умнаго, опытнаго служаки Баскакова и знаменитаго писателя Сумарокова. Баскаковъ не могъ согласиться на совершенное уничтоженіе пытки и написалъ: „Не благоволено-ль будетъ прибавить: Кромѣ необходимыхъ случаевъ, которые надобно означить именно“. Баскаковъ представлялъ одинъ изъ такихъ случаевъ: разбойникъ, погубивъ хозяевъ дома, вынесъ такую вещь, которую ему одному вынести никакъ было нельзя, и между тѣмъ утверждаетъ, что товарищей у него не было. Екатерина замѣтила на это: „О семъ слышать не можно; и казусъ не казусъ, гдѣ человѣчество страждетъ“. Но вообще Екатерина была довольна замѣчаніями Баскакова и написала: „Всѣ его примѣчанія умны“. Иначе отнеслась она къ замѣчаніямъ Сумарокова, который написалъ ихъ съ обычнымъ своимъ пыломъ и скоростью, причемъ положенія, сами по себѣ вѣрныя, приводились вовсе не кстати и способны были только раздражить; напримѣръ, Сумароковъ вооружился противъ рѣшенія большинствомъ голосовъ: „Большинство голосовъ истины не утверждаетъ“, написалъ онъ: „утверждаетъ мнѣніе великій разумъ и безпристрастіе“. Екатерина замѣтила: „Большинство истину не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства“. Сумароковъ продолжаетъ: „Ежели кто за недозволеннымъ отсутствіемъ голоса своего лишится, такъ не онъ, но общество пострадаетъ, ежели полезное его мнѣніе не примется послѣ“.—„И всякій, слѣдовательно, всякое дѣло остановитъ—и выйдетъ хаосъ“, замѣчаетъ императрица. *Сумароковъ*: „Законовъ съ умствованіемъ народа соглашать не надобно, ибо у честныхъ людей все умствованіе—нагая истина, а законы предписываются борющимъ истину“. *Екатерина*: „Есть законы, ведущіе къ добру, есть – наказывающіе преступленія“.—*Сумароковъ*: „Умѣренности правосудіе не терпитъ, а требуетъ надлежащей мѣры, а не строгости и не кротости“. *Екатерина*: „Изображеніе (т.-е. воображеніе) въ поэтѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять ему тяжело“.—*Сумароковъ*: „Вмѣсто нашихъ училищей, и особливо вмѣсто кадетскаго корпуса, потребны великіе и всею Европой почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескіу, но и въ немъ многое критикѣ подлежитъ, о чемъ противъ сво и писано“. *Екатерина*: „Многіе критиковали Монтескіу, не разумѣя его; я вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣлю“.—*Сумароковъ*: „Вольность и коронѣ и народу больше приноситъ пользы, чѣмъ неволя“. *Екатерина*: „О семъ довольно много говорено (т.-е. въ Наказѣ)“. *Сумароковъ*: „Но своевольство еще и неволи вреднѣе“. *Екатерина*: „Нигдѣ не найдете похвалы первому“. *Сумароковъ*: „Между крѣпостного и невольника разность: одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику“. *Екатерина*: „Какъ это сказать можно? отверзите очи“!—*Сумароковъ*: „Господинъ долженъ быть судья—это правда; но иное быть господиномъ, а иное тираномъ, а добрые господа—всѣ судьи слугамъ своимъ: и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ“ *Екатерина*: „Богъ знаетъ, развѣ по чинамъ качествы считать“.—*Сумароковъ*: „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и, вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ („и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ“,—замѣтила Екатерина), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“. *Екатерина*: „И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи“. *Сумароковъ*: „Продавать людей какъ скотину не должно; но гдѣ же брать, когда крестьяне будутъ вольны? И только будутъ къ опустошенію деревень: холопей набери, а какъ скоро чему-нибудь его научишь, такъ онъ и отойдетъ къ знатному господину, ибо тамъ ему больше жалованья, а дворяне учатъ людей своихъ брить, волосы убирать, кушанье варить и проч. И такъ всякъ будетъ тратить деньги на другихъ, выучивая. Малороссійскій подлый народъ отъ сей воли почти несносенъ“. Обо всѣхъ замѣчаніяхъ Сумарокова Екатерина замѣтила вообще: „Господинъ Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ, чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ; онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ, чтобъ критиковать цѣпь, и для того привязывается къ наружности кольцевъ, составляющей (составляющихъ) цѣпь, и находитъ, что здѣсь или тамъ ошибки есть, которыхъ пороковъ онъ бы оставилъ, если-бъ понялъ связь. Двѣ возможности въ семъ дѣлѣ суть: возможность въ разсужденіи законодавца и возможность въ разсужденіи подданныхъ, или, лучше сказать,—тѣхъ, для которыхъ законы дѣлаются; часто прямая истина въ разсужденіи сихъ возможностей должна употребляема быть такъ, чтобъ она сама себѣ вреда не нанесла и болѣе отъ добра отвращеніе, нежели привлеченіе не сдѣлала“ [1]).

14 декабря того же года былъ изданъ манифестъ; „Нынѣ“, говорила въ немъ императрица, „истекаетъ пятый годъ, какъ Богъ единъ и любезное отечество чрезъ избранныхъ своихъ вручилъ намъ скипетръ сей державы для спасенія имперіи

[1]) Статья С. М. Соловьева: «Разсказы изъ Русской Исторіи XVIII столѣтія» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. XXXV, 319—322.—Сборникъ Русск. Истор. Общ. X, 75.

отъ очевидной погибели. Мы со дня восшествія нашего на престолъ до сего дня единственный предметъ имѣли и предъ самимъ Богомъ обязанными себя почитали исполнить то, что мы въ манифестѣ 6 дня іюля 1762 года императорскимъ нашимъ словомъ наиторжественнѣйше обѣщали, чтобы просить Бога денно и нощно, да поможетъ намъ подняти скипетръ въ соблюденіе нашего Православнаго закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и наконецъ чтобъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго отечества въ своей силѣ и надлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка. Для достиженія сихъ предметовъ мы предписали себѣ со всевозможнымъ прилежаніемъ входить въ каждое доходившее до насъ дѣло и слушать всякія до насъ достигшія жалобы, дабы узнать, съ одной стороны, недостатки, и съ другой—какимъ бы лучшимъ способомъ достигнуть желаемаго и обѣщаннаго конца. Мы въ первые три года узнали, что великое помѣшательство въ судѣ и расправѣ, слѣдовательно и въ правосудіи, составляетъ недостатокъ во многихъ случаяхъ узаконеній, въ другихъ же великое число оныхъ, по разнымъ временамъ выданныхъ, также несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами; а паче всего, что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежнія гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался; притомъ же и страстные толки часто затмѣвали прямой разумъ многихъ законовъ; сверхъ того, еще умножила затрудненія разница тогдашнихъ временъ и обычаевъ, несходныхъ вовсе съ нынѣшними, кои послѣднія суть основанія и слѣдствіе великихъ предпріятій премудраго государя дѣда нашего, императора Петра Перваго".

Упомянувъ о попыткахъ своихъ предшественниковъ къ составленію Уложенія, Екатерина продолжаетъ: „Но какъ всѣ вышепомянутыя намѣренія остались безъ желаемаго успѣха, то мы, усмотря всѣ тѣ же предками нашими примѣченныя неудобства, начали сами готовить Наказъ, по которому должны поступать тѣ, кому отъ насъ повелѣно будетъ сочинить проектъ новаго Уложенія. И понеже наше первое желаніе есть видѣть нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться: для того, дабы лучше намъ узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа, повелѣваемъ прислать изъ нашего Сената и Синода, изъ трехъ первыхъ и изо всѣхъ прочихъ какъ коллегій, такъ и канцелярій, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, также изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ нашея имперіи въ первостоличный нашъ городъ Москву депутатовъ, полгода послѣ дня обнародованія въ каждомъ мѣстѣ сего манифеста. Выбравъ каждое мѣсто депутатовъ, дастъ имъ отъ себя наставленіе и полномочіе. Сихъ депутатовъ, коимъ особливыя выгоды отъ насъ даны будутъ, и кои распущены быть имѣютъ по нашему усмотрѣнію, мы созываемъ не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ коммисію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго Уложенья" [1]). Въ положеніи, присоединенномъ къ манифесту, заключались подробности относительно выборовъ: отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, должно было выслать по одному депутату; отъ жителей каждаго города—по одному; отъ однодворцевъ каждой провинціи—по одному; отъ пахотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служивыхъ людей и прочихъ ландмилицію содержащихъ, отъ каждой провинціи по одному депутату; отъ государственныхъ крестьянъ изъ каждой провинціи—по одному; отъ некочующихъ инородцевъ, какого бы они закона ни были, крещеныхъ или некрещеныхъ, отъ каждаго народа съ каждой провинціи—по одному депутату; опредѣленіе числа депутатовъ отъ казацкихъ войскъ и отъ войска Запорожскаго возложено на высшихъ командировъ ихъ. Депутаты должны быть не моложе 25 лѣтъ; они получали жалованье отъ правительства (дворяне по 400 рублей, городовые—по 122, прочіе всѣ—по 37 рублей); навсегда освобождались отъ смертной казни, пытокъ, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имѣнія; обидѣвшій депутата наказывался вдвое противъ обыкновеннаго. Избраніе депутатовъ должно было производиться баллотировкою, по большинству голосовъ. Каждый депутатъ получалъ отъ своихъ избирателей полномочіе и наказъ о нуждахъ и требованіяхъ ихъ общества, сочиненный по выбору пятью избирателями. Дворяне каждаго уѣзда, прежде избранія депутата, должны выбрать себѣ предводителя на два года. Этотъ предводитель, носящій титулъ почтеннаго, въ своемъ уѣздѣ при собраніи дворянства вездѣ имѣетъ первое мѣсто; подъ его предсѣдательствомъ прежде всего происходитъ выборъ депутата. Точно также горожане выбираютъ прежде городского голову также на два года, и онъ носитъ титулъ степеннаго. Какъ дворянскій предводитель, такъ и городской голова не должны быть моложе 30 лѣтъ.

19 декабря въ Сенатѣ слушанъ былъ указъ объ учрежденіи коммисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. По выслушаніи, постановлено: Сенатъ почитаетъ за должность принести ея имп. в—ству признаніе и благодареніе за толь безпримѣрное о всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ монаршее попеченіе. На другой день Бецкій представилъ модель монумента Екатеринѣ съ указаніемъ мѣста на площади противъ новаго Зимняго дворца [2]).

[1]) Полн. Соб. Зак., № 12,801.

[2]) Журналы Сената, 19 и 20 декабря.

Депутаты должны были съѣхаться въ Москву въ концѣ іюля 1767 года, но Дворъ отправлялся туда въ началѣ года и вмѣстѣ съ нимъ переѣзжали въ старую столицу Сенатъ, Синодъ и находившіяся въ Петербургѣ коллегіи, какъ бывало во времена Петра Великаго и Елисаветы. Императрица намѣревалась также совершить путешествіе на востокъ по Волгѣ до самой Астрахани: — Западная окраина, прибалтійскія области были посѣщены, — желалось увидать любопытный край, гдѣ Россія и Европа сходились съ Азіею, юная цивилизація сталкивалась со старымъ варварствомъ, гдѣ боролось такъ много разнообразныхъ элементовъ, откуда приходили извѣстія о великихъ богатствахъ страны, объ опасныхъ движеніяхъ народа.

Сенатъ переѣхалъ въ Москву въ февралѣ 1767 года, и однимъ изъ первыхъ его дѣлъ здѣсь было ассигнованіе на первый годъ 200,000 рублей на жалованье депутатамъ въ коммисію для сочиненія проекта новаго Уложенія. Выборы этихъ депутатовъ происходили повсюду спокойно и правильно; ошибки немедленно исправлялись; только съ двухъ украйнъ, Западной и Южной, изъ прибалтійскихъ областей и изъ Малороссіи приходили странныя извѣстія. Эстляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ принцъ Голштейнъ-Бекъ, донесъ Сенату, что собраніе эстляндскаго дворянства должность предводителя поручило безъ баллотировки риттершафтъ-гауптману фонъ-Ульриху, по предложенію котораго назначено для выбора въ депутаты съ каждаго уѣзда по 4 человѣка кандидатовъ, и выборы происходили единственно изъ этихъ четырехъ особъ, а не изъ всего общества; кромѣ того, баллы клались не самими избирателями, но по приказанію того же гауптмана секретаремъ, почему избранъ въ депутаты самъ гауптманъ, съ такимъ отъ бывшихъ при выборѣ лицъ представленіемъ, что если онъ въ Москву отправится, то должность предводителя будетъ отправлять братъ его, ландратъ Ульрихъ. Такъ какъ все это было сдѣлано совершенно вопреки высочайше утвержденному обряду, то Сенатъ опредѣлилъ: производство эстляндскаго дворянства въ выборѣ предводителя и депутата уничтожить и произвести новые выборы. Но губернаторъ не распорядился исполненіемъ сенатскаго указа, а прислалъ въ Сенатъ запросы относительно производства выборовъ, принимая на себя отвѣтственность въ сдѣланномъ. Тогда опредѣлено: прежнія погрѣшности Сенатъ приписывалъ не столько губернатору, сколько эстляндскому дворянству, и губернатору оставалось загладить этотъ проступокъ точнымъ исполненіемъ приказаннаго; но, вопреки ожиданію, Сенатъ съ немалымъ удивленіемъ теперь видитъ, что генералъ-губернаторъ, оправдывая дворянство, прежній непорядокъ не только приписываетъ одному себѣ, но и настаиваетъ, что иначе нельзя было сдѣлать, и требуетъ разъясненія того, о чемъ имѣетъ точное узаконеніе, которое такъ ясно, что никакого недостатка въ немъ нѣтъ, и напечатано оно на другихъ, иностранныхъ языкахъ, слѣдовательно непониманіе его не только знающему, но и незнающему силы Русскаго языка извиненіемъ служить не можетъ, тѣмъ меньше ему, губернатору. Ему никакъ не слѣдовало допускать дворянство къ этому дѣлу примѣшивать свои обыкновенія, и къ такимъ неосновательнымъ, не на законахъ, а на частныхъ обычаяхъ основаннымъ объясненіямъ присоединять еще никакого вниманія незаслуживающее, будто бы не отыскали такого просторнаго дома, въ которомъ бы эстляндское дворянство могло помѣститься для выбора предводителя и депутатовъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ изъ первѣйшихъ чиновъ люди, у кого такіе выборы назначены ни были, за честь себѣ почитали оказывать усердіе, отдавая на такое время свои домы.

Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ далъ знать Сенату, что лифляндскіе дворяне находящіеся въ Лифляндіи и дѣйствительно тамъ имѣющихъ свои деревни къ баллотированію въ товарищество не приняли потому единственно, что они въ лифляндскомъ дворянствѣ не состоятъ; хотя генералъ-губернаторъ и предлагалъ имъ и такихъ изъ общества своего не исключать, но они оказались непреклонны. Сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ: такъ какъ настоящій случай выбора и присылки депутатовъ есть дѣло чрезвычайное и безпримѣрное и вступать въ разбирательство споровъ рыцарства съ земствомъ было бъ неумѣстно и причинило бы остановку въ должномъ исполненіи высочайшей воли, то имѣть участіе въ выборѣ всѣмъ тѣмъ, которые въ званіи дворянскомъ дѣйствительно владѣютъ тамъ своими собственными деревнями, не различая,—кто тамошній природный, кто Русскій и изъ другого государства выѣзжій или въ другомъ уѣздѣ жившій дворянинъ; изъ этого исключать только разночинцевъ. Екатерина написала на докладѣ: „Какъ манифестъ изданъ для блага всѣхъ вѣрноподданныхъ, то и имъ слѣдовать пятому пункту дворянскаго обряда о выборѣ депутата". (Въ этомъ пятомъ пунктѣ говорится: выбирать дворянскаго депутата можетъ всякій дворянинъ, дѣйствительно владѣющій своимъ имѣніемъ въ томъ уѣздѣ.) Города Пернау и Деритъ подали просьбу о своихъ изнеможеніяхъ, по которымъ не находятся въ состояніи выбрать депутатовъ изъ своихъ жителей; городская казна отягощена великими долгами, не-изъ-чего дать на содержаніе депутатовъ и помогать оставшимся ихъ семействамъ. Сенатъ рѣшилъ — поступить по точной силѣ и разуму манифеста [1]).

Въ Малороссіи, по поводу манифеста 14 декабря, Румянцевъ издалъ циркуляръ: „Отвѣчая должности званія моего, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ вамъ сіе мое мнѣніе подаю: примите

[1]) Журналы Сената, 16 и 23 апрѣля 1767 года.— Докладъ объ эстляндскихъ выборахъ въ Государ. Архивѣ.

вы всѣ съ радостію сей подаваемый вамъ случай къ достиженію общенароднаго благоденствія; пользуйтесь имъ прямо и сдѣлайте изъ него употребленіе таково, каковое бы вамъ въ потомствѣ вашемъ честь и похвалу дѣлало; обращайте всѣ ваши примѣчанія на общенародное добро, въ которомъ одинако (частное) наше (т.-е. добро) токмо прямо и заключаться можетъ; отдаляйте все то, что только блеститъ намъ нашею собственною маловременною корыстію; пройдите съ вниманіемъ теченіе минувшихъ временъ; разыщите рачительно всѣ причины, вредившія общему вашему благоденствію и силѣ законовъ, приведшія суды въ медленность и судей въ разновидныя разсужденія, а нѣкоторыхъ и на злоупотребленія, препятствовавшія вашимъ домостроительствамъ и въ вотчинномъ хозяйствѣ, уничтожившія весь порядокъ гражданскаго упражненія, въ торгѣ и промыслѣ, наведшія отвращенія поселянамъ не только къ земледѣльству и скотоводству, какъ главнымъ земли здѣшней промысламъ, понудившія или поводъ подавшія удаляться жилищъ своихъ и имуществъ; помышляйте всегда, что въ основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ принимаемо быть должно по страхѣ Божіемъ честь и слава государская и достодолжное наше къ нимъ подданство и благосостояніе государственное во всѣхъ обширныхъ онаго частяхъ, а за первое законное правило доставлять всѣмъ и всякому въ тишинѣ и покоѣ пользоваться плодами трудовъ и упражненія его, въ чемъ прямо вольность въ добродѣтельномъ разумѣ и заключается. Избирайте между вами предводителя и депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя въ обрядѣ, имѣли, и о общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, а не своихъ собственныхъ помышляли и чужды бы были пороковъ тѣхъ, отъ коихъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало, т.-е. лихоимство, презрѣніе своего ближняго и неистовство на своего подчиненнаго; явитеся вы прямыми соревнователями прочихъ провинцій".

Циркуляръ не произвелъ вполнѣ того дѣйствія, какого бы хотѣлось Румянцеву. Отъ 2-го марта 1767 года онъ жаловался императрицѣ: „Новый проектъ Уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ такого дѣйства и признанія вашего императорскаго в—ства благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ, ни разсужденіе. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства дотого, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей; отзывы же у всѣхъ одни: „Зачѣмъ бы намъ тамъ и быть: наши законы весьма хороши, а буде депутатомъ быть, конечно, уже надобно, только развѣ-бъ искать правъ и привилегій подтвержденія". Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые они простому народу (который подлинно добръ), пользуясь его простотой, внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и о правахъ, какъ о первоначальномъ всѣмъ искать надлежитъ; но однако же въ раздѣлъ и въ объясненіи сихъ вольностей и правъ входить отнюдь за благо не разсуждаютъ. Осмѣливаюсь просить о всемилостивѣйшей резолюціи на мои поднесенные планы, а особо о полицейскихъ коммисарскихъ и магистратскихъ учрежденіяхъ, безъ которыхъ дѣла здѣшнія дойдутъ истинно до крайняго повреждения, и всѣ даваемые указы остаются и оставаться будутъ безъ всякаго исполненія; плачъ и вопль народный и насиліе властелинское до крайности умножилися: одинъ коллежскій обрядъ, который по здѣшнимъ смѣшаннымъ военнымъ, гражданскимъ и земскимъ и обращеннымъ вездѣ въ собственную корысть дѣламъ едва и храниться можетъ, весьма недостаточенъ привесть ихъ всѣ, и особливо людей въ желаемое состояніе. Примѣчено и то здѣсь стало, что многіе ободрили себя прямо какъ можно держаться старины. Одни города и простой народъ признаютъ публично милосердіе вашего императорскаго в—ства чрезъ введенные нѣкоторые отъ меня порядки за полезные для нихъ; но тутъ же жалуются, что самые ихъ начальники, кольми паче больше расплодившееся здѣсь шляхетство, имъ въ томъ всѣми силами препятствуютъ".

На это Екатерина отвѣчала (17 апрѣля): „Что вы пишете, что намѣреніе о сочиненіи проекта новаго Уложенія во многихъ у васъ большихъ не производитъ желаемаго дѣйствія и что многіе вошли во вкусъ своевольства дотого, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольности, то я надѣюсь, что вы употребите такія мѣры, которыя непознавающихъ собственной своей и общественной пользы степенями приведутъ, наконецъ, къ познанію оной. Нѣтъ нужды, кажется, нѣкоторое принужденіе или усильныя увѣщанія употреблять и въ томъ, чтобъ для избранія депутатовъ къ сочиненію проекта непремѣнно всѣ явились, и довольно когда нѣкоторое число хотя малое для выбору явятся, тѣмъ наипаче, что города, какъ вы пишете, уже публично признаютъ нѣкоторые введенные отъ васъ порядки за полезные для нихъ, слѣдовательно мѣщане оныхъ городовъ не преминутъ дать отъ себя депутатовъ, а потому кажется и надежно, что они въ прошеніяхъ своихъ, конечно, не оставятъ упомянуть о прежде бывшихъ злоупотребленіяхъ".

Но Румянцевъ продолжалъ сообщать непріятныя извѣстія: „Вельможи, старшины и мнимое шляхетство вездѣ разно толковали о манифестѣ. Иные говорили, что сіе все до нихъ не слѣдуетъ; другіе, ослѣпленные любовію къ своей землицѣ, думали, что (ихъ) какъ ученыхъ и правныхъ людей созываютъ токмо для совѣта и сочиненія новаго Уложенія для Великороссіянъ; не хотѣли сіи, превращенные изъ нечего собою и большею частію чрезъ деньги, отнятіе чужихъ земель, а иногда по женамъ въ дворяне, и слышать, чтобы сидѣть съ мѣщанами, считая сіе быть предосудительнымъ чести своей, именуючи всегда граждaнъ мужиками, и въ самомъ дѣлѣ старалися при семъ случаѣ

уничтожить ихъ вовсе изъ званія, уничтожа безъ того же уже всѣ ихъ права и привилегіи и присвоя себѣ въ городахъ власть безпредѣльную и владѣнія большія. Ваше императорское величество характеръ мой терпѣливый и неборзкій знать изволите; но не доставало моего терпѣнія симъ вралямъ далѣе попущать или инако съ ними объясняться, и взялъ тонъ прямо начальничества и, заставя молчать, толковалъ имъ, что депутаты отъ нихъ требуются такъ, какъ и отъ всѣхъ провинцій. Чтобы между мѣщанами всѣ городскіе жители въ собраніяхъ находились, послалъ изъ Новгорода Сѣверскаго циркулярные ордеры, и тамъ, начавъ 5-го числа марта, продолжалъ сіи выборы въ Стародубѣ 14, въ Черниговѣ — 29 съ достодолжнымъ безмолвіемъ и тишиною. Не обошлось безъ того однако ни одно собраніе, чтобъ кто-либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина, или отъ Жида; уличаемо было, что и понѣскольку разъ свои имена нѣкоторые по надобностямъ и обстоятельствамъ мѣняли; нерѣдко смертное убійство и другіе безчестные пороки тутъ примѣшивались. Я имъ, подтверждая молчаніе и тишину по силѣ обрядовъ, всегда на то отвѣчалъ, что до ихъ фамилій, породъ и пороковъ надлежитъ, то я какъ матрикулій, такъ и о поведеніяхъ ихъ никакого свѣдѣнія не имѣю. Но какъ скоро доходило до выбора депутатовъ и сочиненія особливо наказа, тутъ открывалось повсюду прямое и имъ свойственное вездѣ исканіе и желаніе: вездѣ согласно закричали и зачали тѣмъ, чтобы права, вольности и обыкновенія имъ утверждены были, поборы бы всѣ оставлены, войска выведены, шляхетство отъ взятія пошлинъ уволено; нѣкоторые же, бывшіе особливо въ администраціи гетманскихъ экономій, отзывались, чтобы настоять и неотступно просить гетмана попрежнему. Мнѣ хотя мѣшаться прямо не надлежало, но какъ въ Стародубѣ, такъ и въ Черниговѣ выбранные предводителями — судья земскій Искрицкій и судья отставной генеральный Безбородко, — восчуствовали въ первенствѣ хотя между ровными скоро отъ несогласія ихъ отягощенія и просили меня, чтобъ я имъ помогъ привесть ихъ въ согласіе, а особливо Безбородко, который съ помощію сына своего, во всю мою бытность здѣсь и въ Петербургѣ, цѣлый годъ при мнѣ находившагося, собранію ими представленные пункты мнѣ показали, гдѣ увѣщевали они собратію свою явиться непостыдно въ собраніе изъ всѣхъ частей государства. Я имъ говорилъ: вы хотите просить 1) о утвержденіи правъ, которыхъ вы до учиненія земскихъ и градскихъ судовъ, т.-е. по 763 годъ, почти и въ употребленіи не имѣли, а нынѣ съ трудомъ и не въ точной ихъ силѣ, по разнымъ и весьма противнымъ свойствамъ крестьянства и шляхетства польскаго съ малороссійскимъ, наводите, и тѣмъ самымъ безгласные люди, а паче казаки, все имущество свое тратятъ; 2) о преимуществахъ и вольностяхъ, которыя по статьямъ Богдана Хмельницкаго весьма благоразумно и на всякій чинъ отдѣльно, особо шляхтѣ, особо духовнымъ, особо войску казацкому, особо земству отъ государей подтверждены; но вы, все то наруша, сдѣлали почти одно званіе шляхетства, и всякаго бѣглеца крестьянина, женившагося токмо на казацкой дѣвкѣ, принимаете въ достоинство шляхетское, а такого-жъ шляхтича или казака часто безъ судовъ, а иногда по судамъ, но не всегда по законамъ, дѣлаете крестьяниномъ: слѣдственно вамъ о дворянствѣ, до того сіе достоинство повредившемъ, едва ль и отзываться осмѣлиться можно-ль. 3) О снятіи податей, дѣло до васъ ни мало не касающееся. здѣшнихъ крестьянъ, по собственному ихъ признанію, отягощающее, и которые, по статьямъ Богдана Хмельницкаго, государю точно дань давать повинны. а владѣльцамъ, по нѣкоторымъ другихъ гетмановъ статьямъ, и то по грамотамъ даннымъ, только вольные приносы принимать, сѣно и дрова приготовлять дозволено. И такъ вы сею просьбою хотите перемѣнить свойство совсѣмъ здѣшняго крестьянина, и тѣмъ отважно касаетеся права, государямъ точно принадлежащаго. 4) О выводѣ войскъ, необходимыхъ для внутренней и внѣшней безопасности, подвергаете себя разнымъ труднымъ отвѣтамъ и объясненіямъ“.

О выборахъ депутатовъ и наказахъ имъ въ разныхъ мѣстностяхъ Румянцевъ писалъ: „Въ Сѣчи Запорожской полковникъ Милорадовичъ препорученное ему дѣло со всею благопристойностію окончилъ. Генеральный обозный Кочубей, отправленный для выборовъ въ Полтаву, ко мнѣ партикулярно пишетъ, что онъ съ великимъ трудомъ и тамъ едва могъ склонить чиновничество къ засѣданію съ градскими жителями. Премьеръ-маіоръ Стремоуховъ, для того-жъ опредѣленный въ Прилукахъ, рапортуетъ, что по первому отъ него объявленію никто въ собраніе изъ градскихъ жителей не пошелъ: — отозвались прямо, что не будутъ; а по полученіи моего циркулярнаго ордера дали свои голоса на другихъ, и одного, по большинству сихъ отзывовъ, также не бывшаго въ собраніи и не лучшаго пріятеля городскимъ обрядамъ, полкового писаря выбрали депутатомъ. Я сей выборъ уничтожилъ. Ваше императорское величество не можетъ представить, до какого степени и почти равнаго коварность и своевольство здѣсь дошли: въ сихъ пунктахъ бывшіе въ чужихъ краяхъ равно здѣсь родившимся и нигдѣ небывалымъ ослѣплены. Страннѣе всего, что эта небольшая частица людей инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличные люди, и что нѣтъ ихъ сильнѣе, нѣтъ ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе, и нигдѣ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобъ имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть, то лучше всего. Мнѣ показалось при семъ случаѣ не без-

полезно раздѣлить ихъ интересы съ казацкими: я велѣлъ для того, на основаніи обряда о выборѣ однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ, отъ всякаго полка выбрать по одному депутату и, въ Черниговѣ будучи, самъ онаго выбиралъ и видѣлъ наказъ, отъ общества ему данный, гдѣ хотя по простотѣ появляются нѣкоторыя излишности, однако между тѣмъ и почти прямое исковое прошеніе на старшинъ и на чиновниковъ ихъ въ несносныхъ имъ причиненныхъ обидахъ и разореніяхъ. Казаковъ умышленно ради того въ шляхетское достоинство сами собою произвели, чтобъ, позывая ихъ, по ихъ простотѣ и незнанію права, несносные убытки и разоренія дѣлать, показывая тѣмъ народу, что было то только на первый случай, какъ они обыкновенно отзываются; и что все навсегда въ ихъ рукахъ останется попрежнему. Малороссійская Коллегія вездѣ почти нарядила по доносамъ и жалобамъ слѣдствія; но великороссійскіе члены (коллегіи) часто иногда въ томъ обмануты бываютъ, и, по незнанію людей, и по рекомендаціямъ своихъ сочленовъ, опредѣляютъ слѣдовать дѣла самыхъ главныхъ иногда въ томъ соучастниковъ. Не худо-бъ чрезъ гвардіи офицеровъ учредить коммисіи въ изслѣдованіи всѣхъ непорядковъ, завладѣніяхъ государственныхъ имѣній и насильствахъ: этимъ пресѣкутся всѣ сумасбродства, фальшивыя и имъ несвойственныя республиканскія мысли и ограничится размножающееся здѣсь вредное государству вельможество и шляхетство. Я въ Стародубѣ и Черниговѣ больше 300 жалобъ получилъ: бо́льшая часть оныхъ въ насильномъ отнятіи земель, угодій и другихъ имуществъ, въ убійствахъ и несправедливыхъ судахъ и волокитахъ. Въ отсутствіи отдаленномъ генералъ-губернатора опредѣлить (должно) главнаго командира, къ которому-бъ здѣшнее начальство и чиновничество весьма надобное подобострастіе и послушаніе имѣли, а коллежское правленіе они ни во что ставятъ. Напримѣръ, коллегія требовала, и по сенатскому еще указу, чтобъ владѣльцы, кому отъ бывшаго гетмана деревни даны, какіе они съ нихъ нынѣ получаютъ доходы, точно показали: нѣкоторые на то отвѣчали, что они, кромѣ осьми или десяти яицъ съ двора въ годъ,—ничего не получаютъ, хотя извѣстно, что въ случаяхъ ранговыхъ деревень расположенія до 14 рублевъ съ двора тяглаго за правильный окладъ здѣсь же опредѣляется".

Въ Черниговѣ выбрали депутатомъ заочно генеральнаго есаула Ивана Михайловича Скоропадскаго, о которомъ Румянцевъ писалъ, что онъ „при всѣхъ наукахъ и въ чужихъ краяхъ обращеніяхъ остался казакомъ". По старанію предводителя Безбородко написанъ былъ депутату такой наказъ отъ избирателей: 1) Просятъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ главъ Литовскаго статута, какъ несогласныхъ съ настоящимъ временемъ; напримѣръ: если шляхтичъ убьетъ простого человѣка, то наказывается только отсѣченіемъ руки и очень малымъ платежомъ денегъ: сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные и особливо достоинства шляхетскаго не пріобрѣтшіе стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства; 2) къ отвращенію сумнительствъ о породѣ каждаго изъ шляхетства и къ пресѣченію впредь простороднымъ похищать безъ заслугъ преимущества шляхетскія да будетъ угодно ея императорскому величеству всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и штатскихъ малороссійскихъ вѣрно служили и служатъ, указавъ написать въ списокъ шляхетства и обще съ составившимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, также съ получившими сіе достоинство отъ королей Польскихъ и отъ царей Всероссійскихъ, принять въ общество дворянъ россійскихъ. 3) По отсутствію средствъ къ воспитанію, учредить въ Малой Россіи дворянскій корпусъ, а для высшихъ наукъ—университетъ и академіи, также женское училище. 4) Нѣтъ у насъ другого воинства, кромѣ казаковъ, въ начальство надъ которыми опредѣляемые, по причинѣ непорядочнаго не по старшинству и заслугамъ, но общимъ выборомъ и усмотрѣніемъ властей произвожденія коснѣютъ въ однихъ чинахъ и, видя часто незаслуженныхъ похищающихъ предъ ними первыя мѣста, приходятъ въ оплошность; для сего просятъ, чтобъ казаки въ лучшемъ и порядочнѣйшемъ видѣ къ службѣ устроены были, а шляхетство, начиная въ таковыхъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ, учинятъ себя достойными охранителями имперіи. 5) Для разбирательства шляхетскихъ споровъ учредить въ первой инстанціи суды земскіе, гдѣ судей выбирать бы намъ между собою. 6) Не ограничивать выборъ предводителя только на два года, но возобновлять сей выборъ и впредь. 7) Чтобъ никому, кромѣ внесенныхъ въ шляхетскій списокъ, не было позволено покупать у насъ деревень, мельницъ, земель и всякій угодій, пока покупающій отъ предводителя и всего шляхетства въ сообщество наше принятъ не будетъ. 8) Принять мѣры для уничтоженія притѣсненій, дѣлаемыхъ войсками жителямъ. 9) Чтобъ войска ставились по городамъ, а не по деревнямъ. 10) Учредить въ Малороссіи государственный банкъ". Безбородко никакъ не могъ провести одного пункта: просить объ ограниченіи власти дворянъ надъ крестьянами. Не были ему благодарны и за внесенные въ наказъ пункты. Румянцевъ писалъ: „Безбородка за этотъ наказъ и сына его возненавидѣли, и въ бытность перваго здѣсь (въ Глуховѣ) явно его презирали и нарекали быть недоброжелателемъ отчизны, и депутатъ Скоропадскій ему при первомъ свиданіи объявилъ, что онъ его наказъ ему же и сдастъ въ Москвѣ, онъ-де для него такъ теменъ, что его едва и разумѣть можно".

Шляхетство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ подали челобитную: „Повелѣть вольными голосами купно съ войскомъ Сѣчи Запорожской избрать гетмана". Румянцевъ писалъ: „Я выборъ депутата (Долинскаго) уничтожилъ, и отъ предво-

дителя (Тарнавіота) требовалъ рапорта, кто былъ первымъ виновникомъ глупаго предложенія о выборѣ гетмана вмѣстѣ съ Сѣчью, и не было ли объ этомъ переписки съ Сѣчью. Но они въ послѣднемъ явились мнѣ прямо ослушны, а въ первомъ взялись всѣ отвѣчать, что они всѣ вдругъ вздумали".

Екатерина продолжала смотрѣть на эти явленія гораздо спокойнѣе, чѣмъ Румянцевъ. Она отвѣчала ему (3 мая): „Изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я препятствія, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣчали извѣстный манифестъ 14 декабря 1766. Однакожъ я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертанія прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнутъ, понеже ни вы, ни я не дадимъ имъ никакого уваженія тутъ, гдѣ они несходственны съ общимъ добромъ; и только единственно надлежитъ требовать, чтобъ исполняли по предписанному, какъ и всѣ прочіе вѣрные подданные, изъ числа коихъ ни они себя, ни мы ихъ исключить не можемъ. Итакъ, тонъ начальничества, который вы принуждены были употребить, весьма приличенъ былъ. Хотя бы тотъ или другой уѣздъ не-дѣльныя просьбы, какъ Стародубовскій, въ наказъ свой и внесъ, то надѣяться можно, что самимъ депутатамъ ихъ при дѣйствительномъ засѣданіи въ Коммисіи стыдно будетъ предъ прочими сильно стараться о такихъ пунктахъ, кои многолюднымъ собраніемъ въ посмѣяніе несомнѣнно обращены будутъ: тѣмъ наипаче, когда возлѣ одного вздоромъ наполненнаго наказа прочтутъ другой, умѣренный, какъ-то черниговскій, въ которомъ множество находится пунктовъ, кои честь дѣлаютъ сочинителямъ онаго. Пункты казацкихъ наказовъ многимъ спеси сбавятъ" [1]).

Одною изъ причинъ смуты при выборѣ головы и сочиненій наказовъ въ малороссійскихъ городахъ было то, что въ томъ и другомъ должны были участвовать одинаково всѣ жители города, а мы знаемъ, какая рознь господствовала между мѣщанами и, такъ называемымъ, шляхетствомъ и казаками еще со временъ Хмельницкаго. Въ Прилукахъ шляхетство и казаки отказались производить выборы вмѣстѣ съ мѣщанами, считая это для себя унизительнымъ. Въ Лубнахъ старшина и чиновники не допустили мѣщанъ до сочиненія наказа, потому что мѣщане хотѣли внести въ него жалобу на казаковъ и чиновниковъ, которые занимались въ Лубнахъ разными промыслами, не неся за то никакихъ повинностей, завладѣли городскою землею, порабощали горожанъ и проч. [2]).

Объ одномъ изъ малороссійскихъ происшествій, случившихся по поводу выбора въ депутаты, доведено было до свѣдѣнія Сената. „Въ исполненіи всевысочайшего манифеста о выборѣ депутатовъ въ Коммисію составленія проекта новаго Уложенія", писалъ Румянцевъ, „съ самаго моего туда прибытія въ надлежащихъ по оному распоряженіяхъ хотя и встрѣчались мнѣ многія и неожидаемыя трудности, но понынѣ удавалось мнѣ еще, всѣ оныя преодолѣвая, приводить въ прямое всего выполненіе, а настоящій поступокъ полку Нѣжинскаго нѣкоторыхъ владѣльцевъ есть вовсе свойства противнаго и прямо являющаго отзывъ древнихъ тамошнихъ умствованій, о которыхъ я Прав. Сенату въ должности своей почелъ сдѣлать доношеніе. Полку Нѣжинскаго въ повѣтахъ Нѣжинскомъ и Бутуринскомъ шляхетство, по росписанію моему, въ назначенное къ выбору предводителя и депутата время имѣли собраніе и, на основаніи обряда, выбрали прежде въ предводители, а потомъ и въ депутаты судью земскаго Лаврентья Селецкаго, и о таковомъ выборѣ избранный въ предводители, отставной, полковникъ Тарнавіотъ, опредѣленному при томъ быть начальникомъ полковнику Нѣжинскому Разумовскому сообщилъ письменно, о чемъ и я Сенату репортовалъ. И, не давъ ему полномочія, ниже сочиня наказъ, самовольно разъѣхались, отложа все сіе на цѣлый мѣсяцъ, а потомъ, на срокъ собою положенный съѣхавшись, приступили къ сочиненію наказовъ и коснулись, вмѣсто объясненія своихъ нуждъ и отягощеній, разсуждать о сдѣланныхъ обѣщаніяхъ ея импер. величества предковъ въ сохраненіи ихъ всегда при ихъ правахъ и вольностяхъ непремѣнно и вносить особливо даваемыя грамоты и указы Петра Великаго во времена бѣдственнѣйшія для сей Земли, и, между тѣмъ, что будто безъ гетмана крайняя нужда и опасеніе всей Малороссіи состоитъ, а причитая быть все только одною тягостію, что государственными тамъ узаконеніями сдѣлано, а расположеніе войска наиглавнѣйшею, и чтобы выборъ гетмана будто на прежнемъ основаніи обще съ Запорожскою Сѣчью имъ сдѣлать дозволено было. Тогда часть благожелательныхъ своему отечеству, въ числѣ нѣкоторыхъ и депутатъ Селецкій не изъ послѣднихъ, противорѣчилъ въ томъ, однакожъ не обратили тѣхъ первыхъ кривотолковъ на лучшія мысли: но они, пребывъ въ своемъ упорствѣ, а на сихъ озлобясь, отважились нарушить въ то же время сдѣланную довѣренность первому ихъ депутату Селецкому, со дня его выбора единственно уже подъ ея имп. в—ства протекціею состоящему, и затѣявъ, будто Селецкій, во-первыхъ, требовалъ на содержаніе свое денегъ, а во-вторыхъ—совѣтовалъ слѣдовать черниговскаго шляхетства наказу, и, пользуясь простотою предводителя Тарнавіота, заставили его прямо въ противность обряда другого депутата выбрать, именно—подкоморія Григорья Долинскаго, неразсудныхъ ихъ просьбъ и желанія перваго между ними виновника. Я, получа о томъ извѣстіе отъ вышеупомянутыхъ благонамѣренныхъ дворянъ о толь худыхъ поступкахъ ихъ собратій испрошеніемъ дозволенія отправить имъ выбраннаго подъ присягою ихъ перваго депутата Селецкаго въ Коммисію, дабы они прошеніемъ въ истин-

[1]) Переписка въ Государств. и въ Москов. Иностр. Д. Архивахъ.

[2]) Авсѣенко—Малороссія въ 1767 году, стр. 16 и слѣд.

ныхъ своихъ нуждахъ и недостаткахъ оправдать могли предъ ея имп. величествомъ непорочную свою къ ней вѣрность,—требовалъ отвѣта отъ предводителя какъ въ самовластномъ и въ нарушеніе обряда сдѣланномъ выборѣ другого депутата, такъ и о именованіи ему предлагателя соединенія съ Сѣчей Запорожской въ разсужденіи гетманскаго выбора, и увѣщевая о отправленіи Селецкаго. Но не произвело мое увѣщаніе никакого дѣйства".—Сенатъ приказалъ: 1) Первому выбору Селецкаго остаться во всей силѣ и затѣмъ вторичный выборъ Долинскаго уничтожить; 2) предводитель Тарнавіотъ, въ разсужденіи того, что онъ приступилъ къ тому, какъ самъ генералъ-губернаторъ представляетъ, единственно по своей простотѣ, отъ дальнѣйшаго штрафа освобождается, и единственно отрѣшить его отъ его должности и выбрать на его мѣсто другого предводителя; 3) зачинщиковъ прописаннаго непорядка, кои побудили приступить къ другому противозаконному выбору, и тѣхъ, кои съ ними были въ согласіи, за оказанное генералъ-губернатору ослушаніе отослать: воинскихъ — на военный, а гражданскихъ и неслужащихъ—на гражданскій судъ [1]).

Въ Погарѣ городскимъ головою былъ выбранъ Денисъ Приваловъ, который и велѣлъ собраться всѣмъ жителямъ города для избранія депутата; но многіе „изъ воинскаго званія и разночинцы" на выборы не пошли, и когда Приваловъ началъ вести дѣло съ одними мѣщанами и пришелъ въ магистратъ съ пятью членами, избранными для написанія наказа, то войтъ Панасъ со шляхетствомъ выгналъ ихъ изъ магистрата. Когда, въ другой разъ, Приваловъ съ мѣщанами хотѣлъ идти въ магистратъ для прочтенія наказа, то Панасъ заперъ магистратъ и ихъ туда не пустилъ. Приваловъ однако настоялъ на исполненіи указа и собралъ жителей Погара въ магистратъ для слушанія наказа. Два дня читали наказъ спокойно; но на третій—Панасъ сталъ толковать, что не надобно слушать новизны и склоняться къ ней, не надобно смотрѣть ни на какіе сторонніе страхи, что новизнѣ передъ стариною во многомъ стыдно и показаться, новизна того, что встарину сдѣлано, поправить не можетъ, и напустилъ бывшаго прежде войтомъ въ Погарѣ, Песоцкаго, его сына, земскаго писаря войскового товарища Соболевскаго, священникова сына Сороку, сыновей бывшаго мѣщанина Джури и прочихъ чиновниковъ, бывшихъ прежде мѣщанами, казаковъ-урядниковъ и нѣкоторыхъ мѣщанъ вооружиться противъ наказа, сочиненнаго для врученія депутату. Они стали шумѣть, порицая тѣхъ пять человѣкъ, которые были выбраны для сочиненія наказа, желая сами быть выбранными, но это имъ не удалось; когда же Приваловъ повѣстилъ всѣмъ гражданамъ собраться для слушанія и подписи наказа, то противники объявили, что они уже послали къ генералъ-губернатору просьбу, чтобъ выбрать другого голову, а Привалова оставить, и до полученія резолюціи слушаться Привалова не будутъ. Въ просьбѣ своей они писали, что Приваловъ былъ выбранъ, по большей части, мѣщанами самыми простыми и неграмотными, голова онъ былъ „недостаточный", самъ собою, безъ вѣдома горожанъ, принялся за сочиненіе наказа, въ магистратѣ шумѣлъ, бранился и многихъ исключалъ изъ общества, къ сочиненію наказа выбралъ людей, которые и простого письма написать не умѣютъ. Но они не дождались благопріяной для себя резолюціи. Румянцевъ послалъ въ Погаръ члена Малороссійской Коллегіи, кн. Мещерскаго, изслѣдовать дѣло; посланный произвелъ слѣдствіе, отыскалъ неблагонамѣренныя письма Панаса къ стародубскому полковому писарю Косачу, вслѣдствіе чего Румянцевъ донесъ Сенату о сумасбродствѣ Панаса, который, „стараясь своимъ велерѣчіемъ и мнимымъ патріотическимъ усердіемъ и твердостію къ старинѣ простосердечной будто наклонять, и въ самомъ дѣлѣ умышлялъ, исключая нѣкоторые пункты, для себя токмо полезные, внерять отвращеніе ко всякой перемѣнѣ, касаясь толковать и разсуждать дерзостно прямо, коль въ сочиненіи новыхъ законовъ мало пользы ожидать надлежитъ". Сенатъ приказалъ: генералъ-губернатору надъ Панасомъ произвести судъ, и чего онъ по законамъ достоинъ будетъ — представить съ мнѣніемъ въ Сенатъ [2]).

О Запорожьи Румянцевъ писалъ, что тамъ полковникъ Милорадовичъ „препорученное ему дѣло со всею благопристойностію окончилъ". Но въ томъ же 1767 году изъ Сѣчи пришелъ сильный доносъ. Доносилъ войска Запорожскаго низового полковой старшина Павелъ Савицкій на кошевого атамана Кальнишевскаго: когда въ 1766 году, въ октябрѣ, кошевой пріѣхалъ домой отъ Румянцева, то, запершись въ своей спальнѣ, началъ говорить своему писарю: „Какъ видно, нечего надѣяться отъ нихъ, а надобно отписать къ Турецкому императору и, выбравъ въ войскѣ добрыхъ 20 человѣкъ, послать съ прошеніемъ принять подъ турецкое покровительство; а въ войско напишемъ, чтобъ всѣ въ готовности и исправности были къ походу; напишемъ, что если великороссійская регулярная или гусарская какая-либо команда въ запорожскія дачи войдетъ, то чтобъ ни одного человѣка не впустили въ границу, а если-бъ стали насильно входить въ дачи запорожскія, то поступили бы съ ними какъ съ непріятелями". „Писали-ль къ Турецкому императору, или нѣтъ, сказать не могу", доносилъ Савицкій, „а въ войско точно моею рукою сперва чрезъ полковника Антона Красовскаго въ прошломъ 1766 году въ августѣ мѣсяцѣ, а потомъ чрезъ есаула въ октябрѣ писали, чтобъ всѣ въ готовности были къ походу противъ

[1]) Журналы Сената, 13 іюня 1767 года.

[2]) Журналы Сената, 2 августа.

Россіи и не пропускати-бъ въ свою границу ни за чѣмъ ни одного Русскаго" [1]). На этотъ разъ доносъ остался безъ слѣдствій.

На Восточной украйнѣ относительно Коммисіи сдѣлано было особенное любопытное распоряженіе: Оренбургскому губернатору Путятину Сенатъ писалъ указъ, чтобъ онъ отправляющимся изъ его губерніи въ Коммисію депутатамъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія и объясненія о разныхъ способахъ, касающихся возстановленія въ губерніи его безопасности отъ колеблющагося народа магометанскаго закона [2]). Наконецъ, изъ далекой Сибири по поводу Коммисіи пришло извѣстіе веселаго свойства. Сибирскій губернаторъ, Денисъ Чичеринъ, писалъ брату своему, генералъ полиціймейстеру Николаю Чичерину: „Поѣхали отъ меня два принца, получившіе дипломъ на княжество отъ царя Годунова: одинъ Обдорскій, а другой Куновацкій, Березовскаго вѣдомства, кочующіе къ самому Сѣверному океану по устьямъ рѣки Оби. Выѣздъ ихъ, по силѣ манифеста о депутатахъ, однакожъ ни нуждъ, ни повѣренности — ничего при себѣ не имѣютъ, а только меня спросили: ѣздитъ ли государыня по улицамъ, и какъ имъ сказано, что изволятъ выѣзжать, то, упавъ въ ноги, просили, чтобъ я ихъ, конечно, отправилъ. Желаніе ихъ въ томъ, чтобъ въ проѣздъ увидѣть государыню. И повезли въ подарокъ 6 лисицъ черныхъ и дипломы съ собой повезли-жъ объявить у васъ: пущай знаютъ, что мы князья, а не подлые. Не могу, братецъ, изъяснить, сколько здѣшніе дикіе народы искренности и вѣрности имѣютъ къ государынѣ, и какъ освяшаютъ все то, гдѣ указъ императрицы Екатерины Алексѣевны написанъ: и такъ принужденъ, когда въ дикіе улусы указы пишу, прописывать высочейшее имя. Какъ туда дойдетъ, сходятся великими толпами съ женами и дѣтьми, цѣлуютъ губами и лбомъ написанное имя и маленькихъ дѣтей прикладываютъ, и тотъ день, когда въ указѣ имъ имя государынино упомянется,—великое торжество: вотъ что сдѣлала милость государынина учрежденіемъ поясачной коммисіи, что они спокойнѣйшею жизнію доставлены. Вы найдете въ сихъ моихъ принцахъ двухъ диковенькихъ звѣрковъ, странныхъ видомъ, странныхъ и одѣяніемъ. По именному указу велѣно ихъ, ежели полный ясакъ заплатятъ безъ доимки, дарить. Почему и подарилъ я ихъ по сукну, и сдѣлали себѣ платье своимъ покроемъ; знаю, какъ пойдутъ въ Москвѣ по улицамъ,—запрутъ проѣздъ, и дядьку съ ними я послалъ. Какъ государыня изволитъ обо всѣхъ подробностяхъ любопытствовать, то кажется не излишнее вамъ при случаѣ объ нихъ донесть, можетъ быть не будетъ ли соизволеніе ихъ видѣть. Я за своихъ принцевъ ручаюсь, что не ударятъ себя лицомъ въ грязь, фигуру сдѣлаютъ при Дворѣ не хуже французскихъ, а особливо танцовать и пѣсни пѣть не Италіанцамъ вашимъ чета; впрочемъ, братецъ, пожалуй ихъ приласкай и не оставь, особливо квартерою ихъ снабди—но ихъ дикости не могутъ найтить мѣста" [3]).

Въ то время, когда изъ всѣхъ концовъ Россіи собирались ѣхать въ Москву выбранные депутаты для коммисіи о новомъ Уложеніи, сочинительница Наказа путешествовала по Азіи, какъ она любила выражаться въ письмахъ къ своимъ западно-европейскимъ друзьямъ-философамъ. Въ концѣ апрѣля Екатерина выѣхала изъ Москвы, давши генералъ-рекетмейстеру Козлову приказаніе: „Во время моего отсюда отсутствія продолжайте почасту ходить по коллегіямъ, дабы тѣ порядки пока не пришли въ упадокъ, которые, мы, слава Богу, хотя съ грудомъ завели". 29 апрѣля она пріѣхала въ Тверь, гдѣ 2 мая сѣла на суда и отправилась по Волгѣ. 7 мая, не доѣзжая устьевъ Мологи, путешественники цѣлый день задержаны были сильнымъ противнымъ и холоднымъ вѣтромъ. На другой день Екатерина писала Панину, оставшемуся въ Москвѣ съ великимъ княземъ: „Сегодня идемъ всячески и съ нарочитымъ успѣхомъ, хотя погода и противна; только лихо дойти до устья Мологи: тамъ уже рѣка вдвое шире и меньше вьется. Мы всѣ здоровы и въ гошпиталѣ лишь 5 человѣкъ больныхъ, хотя въ моей свитѣ близко двухъ тысячъ человѣкъ всякаго званія". 9 мая Екатерина пріѣхала въ Ярославль и на другой день писала Панину: „Сбираюсь ѣхать на разныя фабрики. Чужестранные министры всѣ здѣсь въ полномъ удовольствіи. Изволь-ка мнѣ прислать дѣла, я весьма праздно живу" [4]). Въ Ярославлѣ въ это время шло трудное для разбора и непріятное дѣло по поводу столкновенія крупнаго купечества съ мелкимъ. Къ пріѣзду императрицы купцовъ уговорили подать ей слѣдующую просьбу: „Бьютъ челомъ ярославскіе первостатейные и среднестатейные и мелкостатейные купцы. Извѣстно вашему императорскому величеству, по прошеніямъ здѣшняго среднестатейнаго купечества на первостатейныхъ купцовъ, бывшихъ въ присутствіи въ магистратѣ и старшихъ съ товарищи, здѣсь слѣдствіе и отъ того между нами умножающіяся ссоры и междоусобія, и что оныя угрожаютъ нашему городу совершеннымъ разореніемъ. Мы являемся цѣлымъ городомъ предъ священное вашего императорскаго величества лицо. Отъ междоусобія нашего недостойны не только таковой милости, ниже воззрѣть на ваше императорское величество. Угрызаетъ же насъ совѣсть, что мы высочайшаго присутствія вашего императорскаго величества не употребляемъ въ свою пользу и упадшій нашъ городъ отъ несогласія между собою не обновимъ и воскресимъ примиреніемъ. Чего ради, собравшись въ старшинскій домъ все наличное здѣшняго города всѣхъ статей купечество, въ присутствіи г. генералъ-по-

[1]) Въ Государ. Архивѣ.

[2]) Журналы Сената, 23 іюля.

[3]) Письмо въ Государ. Архивѣ, отъ 9 іюля 1767.

[4]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. X.

*

лиціймейстера Ник. Ив. Чичерина, согласились между собою безъ малѣйшаго отъ кого либо принужденія единодушно учинить миръ съ истиннымъ раскаяніемъ, съ такимъ между собою договоромъ: первостатейнымъ купцамъ взнесть въ казну подушныхъ денегъ за все ярославское купечество 10,000 рублей; они же должны заплатить просителямъ среднестатейнымъ купцамъ за проѣзды и другіе убытки по слѣдственному дѣлу 1,500 рублей, да на разные канцелярскіе расходы по тому слѣдствію 500 рублей. А со среднестатейныхъ состоящую на нихъ съ 759 по 764 годъ за неплатежъ подушныхъ и другихъ поборовъ недоимку 2,019 рублевъ собрать, а съ тѣхъ средостатейныхъ, которые пришли въ упадокъ, той доимки не взыскивать" [1]). Екатерина осталась недовольна ярославскимъ воеводою Кочетовымъ и велѣла Сенату замѣнить его другимъ, выставивъ въ указѣ причину, что Кочетовъ „по нерасторонности своей должность свою исполняетъ съ трудомъ и не можетъ способствовать возстановленію мира между купечествомъ" [2]).

Дворяне разныхъ уѣздовъ съѣхались въ Ярославль со своими новыми предводителями и представлялись императрицѣ въ архіерейской трапезѣ. „Все это имѣло очень приличный видъ", писала Екатерина. Костромское дворянство прислало двоихъ депутатовъ просить высокую путешественницу остановиться въ ихъ городѣ, „кои то исполнили весьма изряднымъ комплиментомъ". Пріемъ въ Костромѣ особенно понравился Екатеринѣ, которая писала Панину 15 мая: „Завтра поѣду отселѣ, а иноплеменниковъ (дипломатическій корпусъ) отпущу къ Москвѣ. Они вамъ скажутъ, какъ здѣсь я принята была. Я ихъ всѣхъ не единожды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а И. Гр. Чернышевъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обхожденія".

Свое пребываніе въ Нижнемъ-Новгородѣ Екатерина ознаменовала утвержденіемъ устава купеческой компаніи, „понеже купцы Нижняго-Новгорода, по разнымъ заключеніямъ, пришли въ упадокъ по собственному ихъ признанію, того для захотѣла нынѣ во время прибытія въ сей городъ дать поводъ къ поправленію сего падшаго града. Какъ извѣстно, что всѣ почти купцы малые имѣютъ капиталы, а по той причинѣ не могутъ расторговаться, то составить имъ компанію" и проч. Въ Ярославлѣ Екатерина осталась недовольна воеводою, а въ Нижнемъ—архіереемъ, о которомъ писала къ Новгородскому митрополиту Димитрію Сѣченову: „Здѣшній преосвященный, кажется человѣкъ слабый, но по старости еще бодръ, и видно, что онъ выбираетъ также людей слабыхъ, и такихъ, кои или сами весьма вольны, или такихъ опять, кои мало его слушаютъ, а по большей части всѣ простяки. Притомъ во всемъ здѣшнемъ духовенствѣ примѣчается духъ гоненія. Сія же епархія кажется весьма достойна особливаго примѣчанія, ибо число правовѣрныхъ, думаю, меньше, нежели число иновѣрныхъ и раскольниковъ: итакъ кажется нужнѣе всего здѣсь имѣть священство, просвѣщенное ученіемъ, права кроткаго и добраго житія, кои бы тихостію, проповѣдію и безпорочностію добронравнаго ученія подкрѣпляли во всякомъ случаѣ Евангельское слово. Противное сему поведеніе было примѣтно, которое здѣсь для примѣра опишу: въ дворцовомъ селѣ Городцѣ, гдѣ мнѣ случилось быть на освященіи церкви, въ находящемся близъ того села Ѳедоровскомъ монастырѣ, умалчивая о томъ, что игуменъ такъ старъ, что насилу служить можетъ, и что монахи такъ мало его почитаютъ, что громко съ бранію наставляли, какъ ему служить, что и дѣйствительно онъ худо зналъ, еще приходскіе городецкіе священники подали мнѣ челобитную, чтобъ сдѣлано было разсмотрѣніе о ихъ пропитаніи, прописывая, будто лишились они всѣхъ прихожанъ за запискою оныхъ въ расколъ. Пріѣхавъ сюда, требовала я справки, много ли прибыло по ревизіи оныхъ, и нашла, что дѣйствительно много; потомъ пришли къ Елагину того села раскольники и говорили ему, что священники съ ними обходятся какъ съ басурманами, и если у кого родится младенецъ и пошлютъ по священника, то сей, гнушаясь ихъ, не хочетъ ни молитвы давать, ни крестить младенца, о чемъ Елагинъ здѣшнему преосвященному донесъ, дабы послалъ приказанія къ священникамъ о молитвахъ и крещеніи младенцевъ. Изъ сего кажется заключить можно, сколь много огорченія въ духахъ другъ противъ друга, что не поспѣшествуютъ тому спокойствію между гражданами, кое благоразуміе старается вездѣ установить; вашему же преосвященству извѣстно, сколько кротость пастыря все сіе прекратить можетъ, ибо въ вашей епархіи и въ Тверской очевидные примѣры сему. Итакъ прошу ваше преосвященство имѣть бдѣніе, дабы въ сей Нижегородской епархіи, при случаѣ вакансіи, было весьма осторожно поступлено въ выборѣ персоны, ибо одинъ человѣкъ слабостію и несмотрѣніемъ иногда то испортитъ, что насилу въ 20 лѣтъ поправить можно. Все сіе пишу въ крайней откровенности и довѣренности къ вашему преосвященству, желая все видѣть къ благу устроено, наипаче сію важную часть".

Касательно впечатлѣнія, какое произвелъ тогдашній Нижній-Новгородъ на Екатерину, любопытно письмо ея къ Панину отъ 22-го мая: „Сей городъ ситуаціею прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ, только поправится вскорѣ; ибо мнѣ одной надобно строить какъ соляные и винные магазейны, такъ губернаторскій домъ, канцелярію и архиву, что все или на-боку лежитъ, или близко того; также корона близко 20 тысячъ въ годъ платитъ найма для поклажи соли и вина". А послѣ, изъ Чебоксаръ, писала: „Чебоксаръ для меня во всемъ лучше Нижняго-Новгорода". За то Казань, куда пріѣхали

[1]) Челобитная въ Государ. Архивѣ.
[2]) Журналы Сената, 11 іюля.

26-го мая, произвела самое благопріятное впечатлѣніе. „Мы нашли городъ, который всячески можетъ слыть столицею большого царства; пріемъ мнѣ отмѣнной; намъ отмѣнной онъ кажется, кои четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Если-бъ дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали, и въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобъ предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой быть здѣсь не долго; однако, выключая сего эксесса, вездѣ весьма чинно все происходитъ. здѣсь тріумфальныя ворота такія, какъ я еще лучше не видала. Я живу здѣсь въ купеческомъ каменномъ домѣ; девять покоевъ анфиладою, все шелкомъ обитые: кресла и канапеи вызолоченныя, вездѣ трюмо и мраморные столы подъ ними". Въ другомъ письмѣ Екатерина говоритъ: „Отселѣ выѣхать нельзя: столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, idée же на десять лѣтъ здѣсь собрать можно. Это особое царство, и только здѣсь можно видѣть, что такое громадное предпріятіе нашего законодательства, и какъ существующіе законы мало соотвѣтствуютъ положенію имперіи вообще. Они извели народу безчисленнаго, котораго состояніе шло по сѣхъ поръ къ исчезанію, а не къ умноженію; таково же и съ имуществомъ оного поступлено". Видно, что во время путешествія Екатерину постоянно занимала мысль о Наказѣ и предстоящей коммисіи, и занимала не безъ нѣкотораго безпокойства насчетъ успѣха предпріятія, къ чему путешествіе, видѣнное и слышанное во время его могло подавать поводы. Она писала Вольтеру изъ Казани: „Эти законы, о которыхъ такъ много было рѣчей, собственно говоря, еще не сочинены, и кто можетъ отвѣчать за ихъ доброкачественность? Конечно, не мы, а потомство будетъ въ состояніи рѣшить этотъ вопросъ. Представьте, что они должны служить для Азіи и для Европы; - а какое различіе въ климатѣ, людяхъ, обычаяхъ и самихъ понятіяхъ! Вотъ я и въ Азіи; мнѣ хотѣлось посмотрѣть ее собственными глазами. Въ этомъ городѣ 20 разныхъ народовъ, вовсе не похожихъ другъ на друга. И однако имъ надобно сшить платье, которое на всѣхъ на нихъ одинаково хорошо бы сидѣло. Можно легко найти общія правила, — но подробности? И какія подробности? Это почти все равно, что создать цѣлый міръ, соединить части, оградить" и проч. [1]).

И въ Казани, какъ въ Нижнемъ, не обошлось безъ непріятности со стороны духовенства: два монаха Печерскаго казанскаго монастыря подали императрицѣ жалобу на архимандрита, что онъ не даетъ имъ сполна положеннаго по штатамъ. Екатерина велѣла препроводить просьбу ихъ къ архіерею, чтобъ разобралъ дѣло и подтвердилъ по всей епархіи не удерживать жалованья, причемъ написала: „А симъ монахамъ въ вину того ставить не велите, что они прибѣгли ко мнѣ съ прошеніемъ, поставя то имъ въ простоту, какъ и я оный поступокъ ихъ почитаю" [2]). Разсказали и непріятное изъ недавней старины. По осмотрѣ развалинъ Болгаръ, Екатерина писала Панину: „Все, что тутъ не осталось, построено изъ плиты очень хорошей. Сему одинъ гонитель, Казанскій архіерей Лука, при покойной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, позавидовалъ и много разломалъ, а изъ иныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобъ не вредить и не ломать сію древность".

Страна и состояніе жителей по Волгѣ отъ Казани произвели самое благопріятное впечатлѣніе. „Здѣсь народъ по всей Волгѣ богатъ и весьма сытъ, и хотя цѣны вездѣ высокія, но всѣ хлѣбъ ѣдятъ, и никто не жалуется и нужду не терпитъ. Хлѣбъ всякого рода такъ здѣсь хорошъ, какъ еще не видали; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розаны дикіе, а лѣса иного нѣтъ, какъ дубъ и липа; земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на грядахъ не видятъ. Однимъ словомъ, сіи люди Богомъ избалованы; я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, что себѣ представить можешь, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду: все есть и все дешево".

Въ противоположность Казани, Симбирскъ произвелъ самое непріятное впечатлѣніе: „Городъ самый скаредный, и всѣ домы, кромѣ того, въ которомъ я стою, въ конфискаціи, и такъ мой городъ у меня же; я не очень знаю, схоже ли то съ здравымъ разсужденіемъ, и не полезнѣе ли повернуть людямъ ихъ домы, нежели сіи лучинки имѣть въ странной собственности, изъ которой ни коронныя деньги, ни люди не сохранены въ цѣлости? Я теперь здѣсь упражняюсь сыскать способы, чтобъ деньги были возвращены, домы попустому не сгнили и люди не приведены были вовсе въ истребленіе, а недоимка по соли и вину только въ сто семь тысячъ рублей, къ чему послужила какъ кража, такъ и разныя несчастливыя приключенія". Изъ Симбирска Екатерина дала такъ-же любопытный указъ. Казанскій Татаринъ Уразметевъ показалъ, что онъ сбиралъ съ казанскихъ Татаръ деньги для подарка тамошнему губернатору. По закону дѣло должно было перенести въ другую губернію, и Юстицъ-Коллегія распорядилась, чтобъ Татары подали свою челобитную въ оренбургской губернской канцеляріи. Дѣло доведено было до свѣдѣнія императрицы въ Симбирскѣ, и она написила: „Сего я не понимаю, а заключаю только, что сіе учинено отъ небреженія, или отъ неимѣнія карты, а потому и отъ незнанія разстоянія мѣстъ; чего ради повелѣваемъ о показаніи Уразметева изслѣдовать казанской адмиралтейской конторѣ, а прежнее опредѣленіе Юстицъ-Коллегіи о челобитьи тѣмъ Татарамъ по сему дѣлу въ оренбургской губернской канцеляріи, миновавъ ближайшее мѣсто, т. е. нижегородскую губернскую канцеля-

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X.

[2]) Государ. Архивъ.

рію, уничтожить и ей подтвердить, чтобъ она впредь въ такихъ случаяхъ справлялась съ картою, дабы за напраснымъ проѣздомъ отъ такого несмотрѣнія челобитчики не претерпѣвали отягощенія и убытковъ, о чемъ нужно и въ другія правительства дать знать, ибо мы по дорогѣ имѣли случай подобныя сему опредѣленія видѣть" [1]).

Изъ Симбирска Екатерина сухимъ путемъ возвратилась въ Москву, жалѣя о спокойномъ плаваніи на галерахъ. Изъ Мурома, отъ 12 іюня, она написала Панину: „Я на-досугѣ сдѣлаю вамъ короткое описаніе того, что примѣтила дорогою. Гдѣ черноземъ и лучшія произращенія, какъ-то Симбирская провинція и половина Алатырской, тамъ люди лѣнивы, и верстъ по 15 пусты, не населены, а земли не разработаны. Отъ Алатыря до Арзамаса и отъ сего мѣста до муромскихъ лѣсовъ земли часъ-отъ-часу хуже, селенія чаще и ни пяди земли нѣтъ, коя бы не была разработана, и хлѣбъ лучше, нежели въ первыхъ сихъ мѣстахъ, и нигдѣ голоду нѣтъ" [2]).

По возвращеніи въ Москву, 22 іюня Екатерина присутствовала въ Сенатѣ и сообщила сенаторамъ записку, что во время путешествія изъ Москвы въ Казань и обратно по всей дорогѣ подано было ей больше 600 челобитенъ, и изъ нихъ ненашлось ни одной на воеводъ и на управленіе вообще, ни одной жалобы на взятки [3]), была одна — и то по частной обидѣ, а не по дѣлу или должности. Большая часть просьбъ подана была помѣщичьими крестьянами и заключала жалобы на тяжкіе поборы отъ помѣщиковъ; всѣ эти просьбы были возвращены съ подтвержденіемъ, чтобъ впредь такихъ не подавали. Были просьбы отъ пахотныхъ солдатъ и новокрещенъ на завладѣніе ихъ землями и въ недостаткѣ земель: изъ чего видно, что въ тамошнихъ мѣстахъ, а именно въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, большая нужда въ межеваніи; а чтобы въ землѣ подлинно былъ недостатокъ — этого по частнымъ извѣстіямъ не видно, ибо вездѣ почти втрое противъ того, что могутъ разработывать. Императрица выразила удовольствіе, что такъ какъ ни на одно правительственное лицо жалобъ не было, значитъ — правосудіе находится въ хорошемъ состояніи, правители и судьи ведутъ дѣло безкорыстно. Наконецъ, Екатерина объявила, что въ Нижегородской губерніи, по ея усмотрѣнію, между иновѣрными народами происходятъ большіе споры и междоусобія о земляхъ, и потому ей было бы весьма угодно, если-бъ происходящее теперь межеваніе чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, перенесено было въ эту губернію.

Большая часть просьбъ была подана помѣщичьими крестьянами; просьбы были возвращены челобитчикамъ; но въ Сенатъ съ начала года постоянно приходили извѣстія о крестьянскихъ возстаніяхъ. Волненіе въ Липскихъ заводахъ продолжалось. Воронежскій губернаторъ Масловъ доносилъ, что онъ спрашивалъ повѣреннаго мастеровыхъ людей Купріанова и пятерыхъ мастеровыхъ, и Купріановъ показалъ, что объ обидахъ объявитъ реестрами и вѣдомостями, и когда губернаторъ самъ пріѣхалъ на мѣсто для слѣдствія въ Сокольскъ, то 30 человѣкъ мастеровыхъ объявили, что обо всѣхъ обидахъ и недостаткахъ дѣйствительно поданы вѣдомости Купріанову; тотъ подалъ реестры и вѣдомости, но въ нихъ не означено, въ какіе годы и какими приказчиками нанесены обиды и сдѣланы недоплаты, причемъ Купріановъ сказалъ, что объ этомъ объявятъ мастеровые сами; но такихъ мастеровыхъ было много, губернатору оставаться въ Сокольскѣ долѣе было нельзя—и онъ послалъ указъ къ правящему воеводскую должность въ Романовѣ, ассесору Мелехову, ѣхать на заводы и производить допросы. Но Мелеховъ далъ знать, что ни одинъ работникъ къ допросу не пошелъ, говоря, что они послали къ императрицѣ съ просьбою. Сенатъ велѣлъ послать указъ, что работники, какъ бунтовщики, подлежатъ наижесточайшей смертной казни и десятеро изъ нихъ уже публично наказаны и сосланы; несмотря на то, мастеровые все еще пребываютъ въ заблужденіи! Сенатъ приказываетъ имъ войти въ безмолвственное повиновеніе подъ страхомъ жестокаго наказанія [4]). Измайловскаго полка сержантъ Собакинъ подалъ императрицѣ прошеніе, что крѣпостные отца его, Шуйскаго уѣзда, села Телешова и другихъ помѣщиковъ крестьяне, пріѣхавъ разбоемъ въ домъ его въ это село, мать его зарѣзали, а отца, бивши мучительски, оставили едва-жива [5]). Старалися предупредить волненія заводскихъ крестьянъ на Востокѣ: въ началѣ 1767 года учреждена коммисія въ Нерчинскихъ серебряныхъ заводахъ для изслѣдованія о причиненныхъ обидахъ, побояхъ и взяткахъ съ приписныхъ къ тѣмъ заводамъ крестьянъ ассесоромъ Кологривовымъ и шихмейстеромъ Павлуцкимъ съ товарищи, также о прежде бывшихъ и вновь оказавшихся тамъ похищеніяхъ казеннаго серебра. Вслѣдъ за тѣмъ, Сенатъ подалъ императрицѣ докладъ по дѣлу казанской губернской канцеляріи о лихоимственныхъ взяткахъ бывшаго въ Казани у подушнаго сбора ассесора Макулова съ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ. Оказалось, что дѣло производимо было канцеляріею очень слабо и съ законами несходно, медленно; губернаторъ, несмотря на явность преступленія, далъ обвиненнымъ присягу, и они, не помня суда Божія, присягнули, что взятокъ не брали; Сенатъ призналъ Макулова и товарищей его подозрительными и клятвопреступниками. Екатерина написала на докладѣ: „Губернатору учинить напоминаніе, чтобъ впредь въ подобныхъ случаяхъ осторожнѣе

[1]) Журналы Сената, 9 іюня.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X.

[3]) А жалоба казанскихъ Татаръ на сборъ для подарка губернатору?

[4]) Журналы Сената, 10 января.

[5]) Государ. Архивъ.

поступалъ, а ассесора Макулова и прочихъ, по причинѣ той, что Сенатъ ихъ подозрительными призналъ, отрѣша отъ дѣлъ, впредь не опредѣлять". Мы упоминали о возстаніи крестьянъ Фролова-Багрѣева; когда они ушли въ лѣсъ, то пойманы были изъ нихъ только два человѣка, которые показали, что ихъ къ бунту склоняли провинціальной канцеляріи подъячій Дуловъ, а за нимъ села Васильевскаго священникъ съ дѣтьми. „Канцелярія", писалъ Фроловъ-Багрѣевъ, „производитъ надъ этими двумя злодѣями слѣдствіе очень медленно; какъ видно, дѣлаетъ Дулову понорозку". Сенатъ приказалъ написать Воронежскому губернатору, чтобъ слѣдствіе немедленно было окончено. Въ провинціи Переяславля-Залѣсскаго пронесся слухъ, что находящіяся въ этой провинціи помѣщичьи деревни будутъ отписаны въ казну и оброки съ нихъ будутъ сбираться такіе же, какъ и съ монастырскихъ крестьянъ. Каширскаго уѣзда помѣщиковъ Олсуфьевыхъ крестьяне подали императрицѣ просьбу объ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ. Воевода, по именному указу, объявилъ имъ, чтобъ они оставались попрежнему въ должномъ послушаніи, на что крестьяне всѣ единогласно отвѣчали, что у помѣщиковъ своихъ въ послушаніи быть не хотятъ. Сенатъ приказалъ отправить противъ нихъ воинскую команду. Но, несмотря на повторительныя запрещенія, подали императрицѣ просьбы крестьяне помѣщиковъ Леонтьева, Лопухиныхъ и Толстой. Екатерина велѣла просителей отослать въ Сенатъ, но вмѣстѣ прислала туда и указъ: такъ какъ подобныхъ просьбъ отъ крестьянства на помѣщиковъ подавалось и прежде немалое число, то ея императ. величество сомнѣвается, чтобъ оказующееся отъ крестьянства на владѣльцевъ своихъ неудовольствіе не размножилось и не произвело бы вредныхъ слѣдствій: поэтому Сенату повелѣваетъ, въ предупрежденіе такого зла, придумать благопристойныя средства. Сенатъ приговорилъ донести императрицѣ, что онъ считаетъ самымъ удобнымъ средствомъ обнародовать печатнымъ указомъ, чтобъ крестьяне и дворовые люди отнюдь не отваживались на помѣщиковъ своихъ бить челомъ, кромѣ изображенныхъ въ Уложеньи и прежнихъ указахъ дѣлъ, а дерзнувшіе подвергнуть себя публично наказанію кнутомъ; указъ этотъ читать во всѣхъ церквахъ; присланныхъ теперь крестьянъ отослать въ московскую губернскую канцелярію и тамъ велѣть ихъ допросить подъ пристрастіемъ, кто имъ челобитныя писалъ и сочинялъ; на кого покажутъ,—тѣхъ сыскивать и, забравъ подъ караулъ, рапортовать Сенату; потомъ немедленно помянутыхъ крестьянъ одну половину, раздѣляя по нѣскольку человѣкъ, наказать въ Москвѣ на разныхъ площадяхъ плетьми въ торговый день, съ барабаннымъ боемъ, публично и отдать обратно помѣщикамъ, а другую половину наказать такимъ же образомъ въ ихъ жилищахъ, при собраніи прочихъ крестьянъ, для предупрежденія симъ примѣромъ подобныхъ преступленій. Но такъ какъ Сенатъ, разсматривая источникъ зла, находитъ, что можетъ иногда и чрезъ-мѣру строгій и неразсудительный поступокъ помѣщиковъ въ разсужденіи своихъ крестьянъ подать послѣднимъ поводъ и достаточную, по ихъ мнѣнію, причину къ такимъ челобитьямъ, то разсудилъ поручить нѣкоторымъ изъ господъ сенаторовъ переговорить съ помѣщиками этихъ челобитчиковъ секретно о причинѣ неудовольствія ихъ крестьянъ, и чтобъ они старались пользоваться правомъ господства, послѣдуя человѣколюбію и принимая въ разсужденіе силы крестьянскія въ обложеніи ихъ работами и оброками. Это порученіе на себя приняли: князь Михаилъ Никитичъ Волконскій взялся переговорить съ поручикомъ Степаномъ Лопухинымъ, графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ—съ полковникомъ Абрамомъ Лопухинымъ, князь Александръ Александровичъ Вяземскій—съ генеральшею Анною Толстою, Петръ Ивановичъ Панинъ — съ генералъ - аншефомъ Леонтьевымъ [1]).

Между однодворцами происходило движеніе особаго рода: Козловскаго уѣзда, Алешинскаго стана, села Жидиловки 26 человѣкъ однодворцевъ обоего пола, Тамбовскаго уѣзда, села Горѣлаго церковникъ одинъ, да села Лысыхъ Горъ шесть человѣкъ однодворцевъ вступили въсекту, положили: вѣровать по Православному, какъ въ Символѣ Вѣры, но поклоняться Св. Троицѣ не тѣломъ, а духомъ истиннымъ, образовъ не принимать, въ крестъ не вѣровать, а почитать крестъ, т.-е. слово Господне, за которое Господь распятъ; крестнаго знаменія на себѣ не изображать, въ церковь не ходить,—въ таинствахъ нѣтъ спасенія, ибо преподаются священниками недостойными, пьяницами, сквернословцами, людьми сварливыми; имѣть церковь нерукотворенную, соборную апостольскую, собраніе святыхъ; исповѣдываться у священника, котораго сами изберутъ, посвященнаго Богомъ и слово пріемлющаго отъ устъ Божіихъ. Когда сектанты содержались въ Воронежѣ, то семь человѣкъ однодворцевъ сами явились въ консисторію и объявили, что они такъ же сектанты, прося, чтобъ ихъ присоединили къ своимъ. На допросѣ скрыли происхожденіе своей секты и учителей; только одинъ однодворецъ, Жерноклевъ, показалъ, что въ 1765 году ѣздилъ къ горѣловскому церковнику Кириллѣ Петрову для наученія божественному писанію, гдѣ нашелъ 8 человѣкъ однодворцевъ, и одинъ изъ нихъ, Побирахинъ, сидѣлъ въ переднемъ углу, а прочіе стояли и пѣли 14-ю главу пророчества Захарія и псалмы. Побирахинъ толковалъ имъ пѣтое и говорилъ, что не должно покланяться образамъ, должно поклоняться человѣку, созданному по образу и подобію Божію, вслѣдствіе чего всѣ поклонялись Побирахину, называя его радостью. Участь сектантовъ была рѣшена такъ: муж-

[1]) Журналы Сената, 19 января, 17, 22, 28 марта, 17 мая, 11 іюля.

чинъ велѣно отдать въ военную службу, дѣтей—въ гарнизонныя школы, откуда размѣстить по полкамъ; женщинъ оставить при мужьяхъ наравнѣ съ другими солдатскими женами, а вдовъ и дѣвицъ—по однодворцамъ и раздать крестьянамъ въ работницы. По слѣдствію, сектантовъ оказалось много [1]).

Мы видѣли, какъ слѣдственная коммисія окончила свое дѣло о Пыскорскомъ архимандритѣ Іустѣ, какія вопіющія дѣла нашла она въ богатомъ монастырѣ. Сенатъ, разсмотрѣвъ докладъ коммисіи, нашелъ, что хотя обвиненія и преувеличены, однако Іустъ и другіе монахи и мірскіе служители достойны наказанія за самовольное перестраиваніе монастыря и растрату монастырской денежной суммы, также и за другіе поступки. Но, прежде приговора, всѣ обстоятельства дѣла были сообщены Синоду, который одинъ имѣлъ право снять духовный чинъ. Синодъ отвѣчалъ, что онъ, сообразуясь съ милостивыми указами императрицы, не призналъ Іуста и другихъ духовныхъ лицъ ни одного достойнымъ лишенія духовнаго чина, тѣмъ менѣе какого-либо другого наказанія или денежнаго взысканія въ разсужденіи, что они уже и прежде за тѣ ихъ вины отъ Синода духовнымъ образомъ наказываемы и смиряемы были, и теперь Синодъ можетъ присудить только нѣкоторыхъ къ пониженію чиновъ. Сенатъ призналъ для себя невозможнымъ приступить къ осужденію людей, оправданныхъ Синодомъ, и рѣшилъ представить докладъ императрицѣ [2]).

Относительно областного управленія въ первой половинѣ 1767 года были замѣчательны слѣдующія явленія. Казанскій губернаторъ донесъ, что помѣщики Сызранскаго уѣзда и сызранскій магистратъ просятъ объ опредѣленіи къ нимъ въ воеводы капитана Ивана Дмитріева, который и опредѣленъ имъ, губернаторомъ; но Сенатъ уже назначилъ другого. Кадомскіе помѣщики подали челобитную объ отрѣшеніи воеводы ихъ, Метлина, и служителей воеводской канцеляріи; Сенатъ приказалъ передать дѣло Воронежскому губернатору. Коммисія о коммерціи прислала въ Сенатъ доношеніе, въ которомъ прописывала частное извѣстіе, что оренбургскій губернаторскій товарищъ Муравьевъ проситъ о переводѣ его изъ того мѣста въ другое; а напротивъ того, стат. сов. Рычковъ проситъ объ опредѣленіи его на мѣсто. Коммисія, на основаніи этого частнаго извѣстія, представляла Сенату, не благоволено-ль будетъ Муравьева перевесть въ другое мѣсто, а въ Оренбургъ губернаторскимъ товарищемъ опредѣлить Рычкова, какъ знатока тамошней коммерціи, доказательствомъ чего служатъ поступившія отъ него въ коммисію письменныя примѣчанія. Сенатъ оскорбился такимъ вмѣшательствомъ коммисіи въ назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ, и приказалъ: доношеніе коммисіи отослать ей назадъ съ такимъ объявленіемъ, что хотя и желаніе Муравьева быть въ другомъ мѣстѣ въ Сенатъ представлено уже и вступило, однако по нему рѣшенія еще не послѣдовало; и такъ какъ опредѣленіе въ губернаторскіе товарищи поручено императрицею въ исключительное усмотрѣніе и попеченіе Сената, то и надобно дождаться, пока отъ него послѣдуетъ сходное съ государственною пользою рѣшеніе, что коммисіи о коммерціи ни мало не принадлежитъ; что же касается отзыва ея о знаніи Рычковымъ коммерческихъ дѣлъ, то объ этомъ сообщить Герольдіи для свѣдѣнія о томъ при случаѣ, когда этотъ Рычковъ представленъ будетъ для опредѣленія къ какимъ-либо дѣламъ.

Еще въ 1764 году (11 октября), съ цѣлію сократить расходы на жалованье воеводамъ и канцеляристамъ, велѣно было губернаторамъ разсмотрѣть, каждому въ своей губерніи, положенные въ штаты города, и которые имѣютъ уѣзды, заключающіе не свыше 10,000 душъ, такіе приписать по удобству къ другимъ городамъ, или же, соединя 2, 3 и 4 такіе уѣзда вмѣстѣ, приписать къ одному городу, наблюдая, чтобъ вновь учрежденная воеводская канцелярія была въ серединѣ всего соединеннаго уѣзда, и чтобъ такіе уѣзды, по соединеніи, не превосходили 30,000 душъ; сдѣлать такое расписаніе, чтобъ каждое жительство, повозможности, приписано было въ уѣздъ къ ближайшему городу, чтобъ никто изъ жителей не имѣлъ напраснаго затрудненія за всякими дѣлами и нуждами ходить въ дальный городъ. Только теперь, въ 1767 году, Сенатъ могъ разсмотрѣть губернаторскія донесенія и рѣшилъ поднести докладъ о такихъ распоряженіяхъ: 1) Въ Московской губерніи въ Юрьевѣ-Польскомъ, по малости уѣзда (27,811 душъ) провинціальному правленію не быть, а только воеводскому, приписавъ этотъ городъ къ провинціи Переяславля-Залѣсскаго, причемъ изъ бывшей Юрьевской провинціи города Шую и Лухъ причислить къ Суздальской провинціи по близости; городъ Борисовъ переименовать въ слободу; въ Звенигородѣ, за малостью поселенія, воеводскому правленію не быть, а учредить коммисарство. Рязанской провинціи въ городахъ Сапожкѣ, Печерникахъ и Гремячевѣ воеводскому правленію не быть; въ Сапожкѣ учредить коммисарство, а въ другихъ никакому правленію не быть; приписать Печерники къ Пронску, а Гремячевъ—къ Михайлову. Тульской провинціи въ Дѣдиловѣ и Богородицкѣ никакому правленію не быть. Кинешму съ уѣздомъ исключить изъ Ярославской провинціи и приписать къ Костромской. Калужской провинціи, въ городѣ Одоевѣ учредить коммисарство и приписать его къ Тульской провинціи; 2) въ Новгородской губерніи переименовать городами село Валдай и Осташковскую слободу; въ городѣ Олонцѣ, вмѣсто воеводскаго, быть провинціальному управленію, такъ же и въ Петрозаводскѣ; Псковской провинціи, въ Заволочьи и Ржевѣ Пустой воеводское правле-

[1]) Государ. Архивъ.

[2]) Журналы Сената, 9 января.

ніе уничтожить и приписать къ Великолуцкой провинціи; Тверской провинціи Зубцовъ приписать къ Вязьмѣ, Смоленской губерніи. 3) Въ городахъ Бѣлгородской губерніи—Карповѣ, Суджѣ, Мирополья, Чугуевѣ, Салтовѣ и Новомъ Осколѣ по малости уѣздовъ (въ самомъ большомъ, Салтовскомъ, только 15,000 душъ) вмѣсто воеводъ учредить коммисарство, а въ Яблоновѣ никакому правленію не быть, приписать его къ Корочѣ; Сѣвской провинціи—въ Путивлѣ и Трубчевскѣ учредить коммисарство. 4) Воронежской губерніи, въ Павловскѣ, по многолюдству, учредить воеводское управленіе; въ Орловѣ, вмѣсто воеводы—коммисарство, такъ-же какъ въ Романовѣ, Сокольскѣ и Добромъ и т. д.

Изъ губернаторовъ особенною дѣятельностью попрежнему отличался Новгородскій, Сиверсъ. 19 января, въ присутствіи императрицы, читали въ Сенатѣ донесеніе Сиверса объ объѣздѣ имъ губерніи. Губернаторъ доносилъ, между прочимъ, о соединеніи каналомъ рѣки Ковжи съ Вытегрою и чрезъ нихъ Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ; рѣшено: для снятія этихъ мѣстъ и положенія на планъ ассигновать губернатору 500 рублей; утверждено его предложеніе о съемкѣ на планъ Архангельской дороги и проведеніи ея прямыми линіями, отчего много сократится настоящая дорога отъ Петербурга до Архангельска. Сиверсъ предлагалъ учредить въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ премію, примѣрно въ 1,000 рублей, для выдачи тому, кто первый изъ Новгородской губерніи представитъ нѣсколько кулей каменнаго угля, признаннаго годнымъ. Сенатъ согласился. Сиверсъ просилъ такъ-же, чтобъ позволено было ему выписать изъ Швеціи ученаго ботаника и минералога, который бы поѣхалъ съ нимъ для обзора губерніи и освидѣтельствовалъ горы, раздѣляющія воды Балтійскаго, Бѣлаго и Каспійскаго морей; опредѣлено: обнадежить губернатора, что если выписанный имъ изъ Швеціи ученый своими изысканіями окажетъ полезные обществу плоды, что безъ награжденія оставленъ не будетъ. Сиверсъ требовалъ учрежденія банка въ Новгородѣ; опредѣлено отвѣчать: примется въ разсмотрѣніе, когда государству будетъ возможность распространить банковыя учрежденія и для купечествъ другихъ губернскихъ городовъ, кромѣ столицъ. Не переставая заботиться объ участи крестьянъ, Сиверсъ писалъ въ Сенатъ, что „по незнанію грамотѣ тѣмъ болѣе они достойны сожалѣнія", и, чтобъ побудить крестьянъ учиться грамотѣ, указывалъ, по его мнѣнію, надежное средство: умѣющихъ грамотѣ не брать въ рекруты. Сенатъ опредѣлилъ: объ этомъ разсуждать въ Коммисіи объ Уложеніи [1]).

Время собранія этой знаменитой Коммисіи приближалось. Екатерина хотѣла выслушать мнѣнія Русскихъ людей о существующихъ законахъ и о средствахъ исправить то, что казалось имъ дурнымъ; но, въ то же время, она, считая себя представительницею европейскаго образованія, давала имъ сводъ мнѣній, добытыхъ наукою о возможно лучшемъ устройствѣ человѣческихъ обществъ, не скрывая, что желанное ею устройство должно соотвѣтствовать настоящимъ потребностямъ страны и народа, „умоначертанію" послѣдняго, и, такимъ образомъ, предполагая заранѣе для теоретическихъ выводовъ практическія ограниченія.

Наказъ освященъ молитвою, предпосланною ему: „Господи Боже мой! вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ Твоимъ по закону Святому Твоему судити въ правду". Законы должны соотвѣтствовать состоянію народа, твердилъ авторъ Наказа; но при этомъ естественно рождался вопросъ: состояніе Русскаго народа таково ли, что выводы, сдѣланные европейскою наукою, могутъ быть полезнымъ указаніемъ при составленіи Уложенія для него? Рѣшая этотъ вопросъ утвердительно, Екатерина провозглашаетъ, что Русскій народъ есть народъ европейскій; то, что придавало ему черты не европейскаго народа, было—временное и случайное; а то, что надобно было принять въ разсчетъ, какъ существенное, было—европейское и требовало, для своего утвержденія и развитія, помощи европейской науки. „Это положеніе подтверждается исторіею: Россія есть европейская держава. Доказательство сему слѣдующее: перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали съ климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Первый, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ".

Что касается правительственной формы, то первое условіе страны, ея чрезвычайная обширность—требовало самодержавія: „Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и вконецъ разорительно. Но давно уже вошло въ общее сознаніе, что европейскія государства отличаются отъ азіятскихъ свободою въ отношеніи подданныхъ къ правительствамъ, и потому надобно было опредѣлить эту свободу въ государствѣ самодержавномъ. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть—слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благо-

[1]) Журналы Сената, 19 января; 1, 2, 8, 17 марта; 31 мая, 15 и 21 іюня.

получію подданныхъ, какъ и самая вольность. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое,—тамъ бы уже больше вольности не было, ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть. Въ государствѣ вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью; и, чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства".

Установленіе взгляда на уголовныя преступленія и наказанія, разумѣется, должно было занимать видное мѣсто въ Наказѣ, ибо наука, которой Екатерина была здѣсь представительницею, особенно послужила человѣчеству въ этомъ отношеніи, хотя нельзя забывать, что Русскіе люди уже были приготовлены къ этой перемѣнѣ въ царствованіе государыни, отмѣнившей смертную казнь. „Испытайте со вниманіемъ", говоритъ Наказъ, „вину всѣхъ послабленій: увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказаній. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ наказаніи преступленія заключающееся. И если гдѣ сыщется такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною мучительское владѣніе, которое налагало то же наказаніе на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. А ежели другая найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями:—опять вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности. Часто законодавецъ, хотящій уврачевати зло, не мыслитъ болѣе ни о чемъ, какъ о семъ уврачеваніи; очи его взираютъ на сей только предлогъ и не смотрятъ на худыя оттуда слѣдствія. Когда зло единожды уврачевано, тогда мы не видимъ болѣе ничего, кромѣ суровости законодавца; но порокъ въ общенародіи остается отъ жестокости сея произростшій, умы народа испортились: они пріобыкли къ насильству". Мы видѣли, какъ Русскіе люди постоянно и горько жаловались на медленность въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ, и проходившую отъ разныхъ причинъ, и отъ недостатковъ законодательства, и отъ недостаточности судебнаго персонала, и отъ необразованности и безнравственности судей. Отсюда, съ легкой руки Посошкова, начали ставить въ образецъ турецкое правосудіе по его скорости, и такіе отзывы слышались не въ одной Россіи, но и на Западѣ Европы, гдѣ судебная волокита такъ же выводила изъ терпѣнія. Авторъ Наказа счелъ необходимымъ вооружиться противъ этихъ похвалъ турецкому правосудію, указать различіе между азіятскимъ произволомъ и европейскою законностью. „Слышно часто, что въ Европѣ говорятъ: надлежало бы, чтобы правосудіе было отправляемо такъ, какъ въ Турецкой Землѣ. Посему нѣтъ никакого во всей подсолнечной народа, кромѣ въ глубочайшемъ невѣжествѣ погруженнаго, который бы толь ясное понятіе имѣлъ о вещи такой, которую знать людямъ нужнѣе всего на свѣтѣ. Въ турецкихъ странахъ, гдѣ очень мало смотрятъ на стяжанія, на жизнь и на честь подданныхъ, оканчиваютъ скоро всѣ распри такимъ или инымъ образомъ. Способовъ, какъ оныя кончить, у нихъ не разбираютъ, лишь бы только распри были кончены. Паша, внезапно ставши просвѣщеннымъ, велитъ, по своему мечтанію, палками по пятамъ бить имѣющихъ тяжбу, и отпускаетъ ихъ домой. А въ государствахъ, умѣренность наблюдающихъ, гдѣ и самаго меньшаго гражданина жизнь, имѣніе и честь въ уваженіе принимается, не отъемлютъ ни у кого чести, ниже имѣнія, прежде, нежели учинено будетъ долгое и строгое изысканіе истины; не лишаютъ никого жизни, развѣ когда само отечество противъ оныя возстанетъ: но и отечество ни на чью жизнь не возстаетъ инако, какъ дозволивъ ему прежде всѣ возможные способы защищать оную".

Мы видѣли, что Екатерина давно уже вооружалась противъ заключенія человѣка, преступленіе котораго еще не доказано [1]). Въ Наказѣ она предписываетъ бóльшую осторожность относительно арестованія подозрительнаго человѣка: „Брать подъ стражу есть наказаніе, которое отъ всѣхъ другихъ наказаній тѣмъ разнится, что оно по необходимости предшествуетъ судебному объявленію преступленія. Однакожъ наказаніе сіе не можетъ быть наложено, кромѣ въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ во преступленіе впалъ. Чего ради законъ долженъ точно опредѣлить тѣ знаки, по которымъ можно взять подъ стражу обвиняемаго и которые подвергали бы его сему наказанію и словеснымъ допросамъ, кои также суть нѣкоторый родъ наказанія, напримѣръ: гласъ народа, который его винитъ; побѣгъ его; признаніе, учиненное имъ внѣ суда; свидѣтельство сообщника, бывшаго съ нимъ въ томъ преступленіи; угрозы и извѣстная вражда между обвиняемымъ и обиженнымъ; самое дѣйствіе преступленія, и другіе подобные знаки довольную могутъ подать причину,

[1]) См. выше: «Исторія Россіи», XXVI, 226

чтобы взять гражданина подъ стражу. Но сіи доказательства должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, которыхъ приговоры всегда противоборствуютъ гражданской вольности, если они не выведены, на какой бы то ни было случай, изъ общаго правила, въ Уложеніи находящагося. Взять человѣка подъ стражу не что иное есть, какъ хранить опасно особу гражданина обвиняемаго, доколѣ учинится извѣстно, виноватъ ли онъ, или невиновенъ. Итакъ, содержаніе подъ стражею должно длиться сколь возможно меньше и быть такъ снисходительно, коль можно. Приговоры судей должны быть народу вѣдомы такъ, какъ и доказательство преступленій, чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ".

Уже въ царствованіе Елисаветы мы замѣтили стремленіе ограничить пытку; Екатерина продолжала борьбу противъ этого страшнаго и твердо укоренившагося способа судебнаго доказательства; только разъ, и то въ сильномъ волненіи по поводу Шлюссельбургскаго дѣла, она готова была дать судьямъ волю употребить пытку. По поводу волненія, произведеннаго извѣстнымъ мнѣніемъ барона Черкасова [1]), Екатерина писала кн. Вяземскому: „Пріѣхалъ ко мнѣ Черкасовъ и сказывалъ мнѣ, что цѣлымъ собраніемъ на него жаловаться хотятъ мнѣ. Я его голосъ видѣла, и въ немъ иного не написано какъ то, что ему чистое и нелицемѣрное усердіе диктовало. А какъ съ другой стороны чужестранные недоброжелательныхъ Дворовъ министры по городу разсѣеваютъ, что я сама въ семъ дѣлѣ заставляю собраніе для закрывательства истины комедію играть, сверхъ того, и у насъ уже партіи дѣйствуютъ: того ради повелѣваю вамъ впредь болѣе не присовѣтовать, ни отговаривать отъ пытокъ, но дайте большинству голосовъ совершенную волю" [2]). Но послѣ этого случая Екатерина опять постоянно высказывалась противъ пытки и. въ отвѣтѣ Баскакову, какъ мы видѣли, не допускала въ ея пользу никакого обстоятельства. Такъ же рѣшительно она выражается противъ нея и въ Наказѣ: „Употребленіе пытки противно здравому разсужденію; само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобъ она вовсе была уничтожена. Человѣка не можно почитать виноватымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ лишать его защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные. Чего ради какое право можетъ кому дати власть налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно, правъ ли онъ или виноватъ. Не очень трудно заключеніями дойти къ сему соразсужденію: преступленіе или есть извѣстное, или нѣтъ; ежели оно извѣстно, то не должно преступника наказывать инако, какъ положеннымъ въ законѣ наказаніемъ,—итакъ пытка не нужна; если преступленіе не извѣстно,—такъ не должно мучить обвиняемаго по той причинѣ, что не подлежитъ невиннаго мучить, и что по законамъ тотъ невиненъ, чье преступленіе не доказано. Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорити правду. Чувствованіе боли можетъ возрасти до такой степени, что, совсѣмъ овладѣвъ всею душою, не оставитъ ей больше никакой свободы производить какое-либо ей приличное дѣйствіе, кромѣ какъ въ то же самое мгновеніе ока предпринять самый кратчайшій путь, коимъ бы отъ той боли избавиться. Тогда и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали. И то же средство, употребленное для различенія невинныхъ отъ виноватыхъ, истребитъ всю между ними разность; и судьи будутъ такъ же неизвѣстны,—виноватаго ли они имѣютъ предъ собою, или невиннаго, какъ и были прежде начатія сего пристрастнаго распроса. Посему пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силу и крѣпость свою уповающаго".

Въ Наказѣ поставленъ былъ вопросъ: смертная казнь полезна ли и нужна ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка? и отвѣтъ былъ данъ такой: „Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими,—чего для если я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина не полезна, не нужна, то я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: „въ обыкновенномъ общества состояніи", ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь, когда онъ, лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ или возвращаетъ свою вольность; или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ, противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, т. е. силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ самодержца,—въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимати жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія".

При заботѣ о прочности и славѣ самодержавія, императрицу должны были особенно тяготить свидѣтельства изъ временъ не очень давнихъ о злоупотребленіяхъ по дѣламъ оскорбленія величества; дѣло Волынскаго, какъ дѣло вопіющее, было въ устахъ лучшихъ людей; въ свѣжей памяти была знаменитая Тайная Канцелярія, гдѣ пытались и

[1]) См. выше «Исторія Россіи», стр. 16.
[2]) Осьмнадцатый вѣкъ, III, 365.

приговаривались къ жестокимъ наказаніямъ люди простые, въ нетрезвомъ видѣ проговорившіеся о какомъ нибудь слухѣ, разсказавшіе какое-нибудь преданіе, сказку о царственномъ лицѣ, давно уже умершемъ. Екатерина не могла не посвятить въ Наказѣ нѣсколькихъ статей указанію средствъ, какъ предотвратить эти злоупотребленія: „Всѣ законы должны составлены быть изъ словъ ясныхъ и краткихъ; однако нѣтъ между ними никакихъ, которыхъ бы сочиненіе касалось больше до безопасности гражданъ, какъ законы, принадлежащіе ко преступленію въ оскорбленіи величества. Слова, совокупленныя съ дѣйствіемъ, принимаютъ на себя естество того дѣйствія; такимъ образомъ, человѣкъ, пришедшій, напримѣръ, на мѣсто народнаго собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи величества потому, что слова совокуплены съ дѣйствіемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слова наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены. Слова не вмѣняются никогда во преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному. Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное. Ни что не дѣлаетъ преступленіе въ оскорбленіи величества больше зависящимъ отъ толка и воли другого, какъ когда нескромныя слова бываютъ онаго содержаніемъ; разговоры столько подвержены истолкованіямъ, толь великое различіе между нескромностію и злобою, и толь малая разнота между выраженіями, отъ нескромности и злобы употребляемыми, что законъ никоимъ образомъ не можетъ словъ подвергнуть смертной казни, по крайней мѣрѣ не означивши точно тѣхъ словъ, которыя онъ сей казни подвергаетъ. Итакъ слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто, пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла,—сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что-бы въ себѣ столь двойного смысла замыкало, какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе? Я чрезъ сіе не хочу уменьшить негодованія, которое должно имѣть на желающихъ опорочить славу своего государя, но могу сказать, что простое исправительное наказаніе приличествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе въ оскорбленіи величества, всегда страшное и самой невинности. Письма суть вещь не такъ скоро проходящая, какъ слова; но когда они не пріуготовляютъ ко преступленію оскорбленіи величества, то и они не могутъ быть вещію, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи величества. Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя, но оныя дѣлаются предметомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ".

Въ статьѣ, приложенной къ Наказу, подъ заглавіемъ: „Правила весьма важныя и нужныя", указывается на необходимость вѣротерпимости: „Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ—запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ. И нѣтъ подлинно иного средства, кромѣ разумнаго иныхъ законовъ дозволенія, Православною нашею вѣрою и политикою не отвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ заблудшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду. Гоненіе человѣческое умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца".

Въ началѣ года, еще до отъѣзда въ Москву, Екатерина писала Даламберу, что Наказъ вовсе не похожъ на то, что она хотѣла ему послать: „Я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины, и Богъ вѣсть что станется съ остальнымъ" [1]). Когда депутаты съѣхались въ Москву, императрица, находясь въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила „разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ", дабы выслушать заготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Императрица дала имъ чернить и вымарать все, что хотѣли. „Они болѣе половины изъ того, что писано было ею, помарали, и остался Наказъ, яко оный напечатанъ". До насъ дошелъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа, именно о крѣпостныхъ крестьянахъ, и мы можемъ, сравнивъ его съ печатнымъ, видѣть, какъ распоряжались эти „разныя персоны, вельми разномыслящія". Въ отрывкѣ читаемъ: „Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т.-е. крестьянство и холопство. Существенная привязываетъ, такъ сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы были у Германцевъ. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлія и проч.—и далѣе ихъ рабство не простиралося. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чешской Землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижнія Германіи. Личная служба, или холопство,—сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежитъ больше къ лицу. Великое злоупотребленіе есть, когда оно въ одно время и личное и существенное". Все это въ печатномъ Наказѣ выпущено, и оставлено только слѣдующее за приведенными статьями мѣсто: „Ка-

[1]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. X, 167.

кого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе, съ одной стороны, злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны—предостерегали бы опасности, могущія оттуду произойти".

Далѣе, въ отрывкѣ идутъ статьи: „Всякій человѣкъ долженъ имѣть пищу и одежду по своему состоянію и сіе надлежитъ опредѣлить закономъ. Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобъ рабы и въ старостяхъ и болѣзняхъ не были оставлены. Одинъ изъ кесарей Римскихъ узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободными, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего раба жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ. Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ производствѣ сего порядокъ, по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи. Когда въ Римѣ запрещено было отцамъ лишать жизни дѣтей своихъ, тогда правительство дѣлало дѣтямъ наказаніе, какое отецъ хотѣлъ предписать. Благоразумно было бы, если бы въ разсужденіи господина и раба подобное введено было употребленіе. Въ Россійской Финляндіи выбранные семь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы было употребить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, или посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу, и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бываютъ неволею бѣжать изъ своего отечества. Есть государство, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ 12-ю особами ему равными,—законъ, который можетъ воспрепятствовать сильно всякому мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ и проч. Есть положеніе въ ломбардскихъ законахъ, которое во всѣхъ родахъ правленія полезно быть можетъ: если господинъ насилуетъ жену или дочь своего раба, то вся семья онаго будетъ отъ рабства освобождена.—средство къ предупрежденію и невоздержности господъ".

Все это въ изданномъ Наказѣ пропущено; за приведенною статьею, начинающеюся словами: „Какого бы рода покорство ни было", прямо слѣдуетъ статья: „Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установляти жестокіе законы",—статья, не имѣющая здѣсь смысла безъ дополненія, выпущеннаго въ изданномъ Наказѣ и сохранившагося въ отрывкѣ: „Причина сему, что повиновеніе сдѣлалось несноснымъ игомъ, такъ необходимо надлежало и наказаніе за ослушаніе увеличить, или сомнѣваться о вѣрности. Благоразумо предостерегаться, сколь возможно, отъ того несчастія, чтобъ не сдѣлать законы страшные и ужасные. Для того, что рабы и у Римлянъ не могли полагать упованія на законы, то и законы не могли на нихъ имѣть упованія. Но какой то народъ, въ которомъ гражданскіе законы противоборствуютъ праву естественному? Былъ у Грековъ законъ, по которому рабы, жестокостію господъ своихъ убѣжденные (?), могли требовать, чтобъ они другому были проданы. Въ послѣднія времена былъ подобный законъ и въ Римѣ: господинъ, раздраженный противу своего раба, и рабъ, огорченный противъ господина своего, должны быть другъ отъ друга разлучены. Сей законъ служилъ къ безопасности хозяина и раба".

За этимъ пропускомъ слѣдуетъ въ печатномъ Наказѣ статья, одинаковая съ находящеюся въ отрывкѣ: „Петръ I-й узаконилъ въ 1722 году, чтобъ безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася.—неизвѣстно. Не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества";—но тутъ выпущена въ печатномъ Наказѣ вторая половина фразы: „и привесть ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу". Пропущено и слѣдующее: „Могутъ еще законы опредѣлить уреченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ. Можно также установить, чтобъ на волю отпущеннаго человѣка уже болѣе не крѣпить никому, изъ чего еще та польза государственная выйдетъ, что нечувствительно умножится число мѣщанъ въ малыхъ городахъ. Также можно уврачевать зло сіе при самомъ онаго корени. Великое число рабовъ находится при отправленіи разныхъ должностей, имъ поручаемыхъ, и уже отъ земледѣлія безповоротно отлученныхъ: перенести нѣкоторую часть сихъ званій на людей свободныхъ, напримѣръ, торговлю, мореплаваніе, художество; чрезъ то уменьшится число рабовъ. Надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе опредѣлили точно, что рабы должны заплатить за освобожденіе своему господину, или чтобъ уговоръ объ освобожденіи опредѣлилъ точно сей ихъ долгъ вмѣсто законовъ". Затѣмъ въ изданномъ Наказѣ говорится: „Окончимъ все сіе, повторяя правило, что правленіе весьма сходственное съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается. При чемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ: не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ".

Нѣсколько статей о крестьянскихъ отношеніяхъ помѣщено авторомъ Наказа и въ главѣ о размноженіи народа въ государствѣ. „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они

съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось. Гдѣ люди не для иного чего убоги, какъ только-что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ (предлогъ) къ удрученію,—въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается. Они сами для себя не имѣютъ пропитанія: такъ какъ имъ можно подумать отъ оного удѣлить еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ надлежащимъ пользоваться присмотромъ: такъ какъ же имъ можно воспитывати твари, находящіяся въ безпрерывной болѣзни, т.-е. во младенчествѣ. Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій. Многіе, пользуясь удобностію говорить, но не будучи въ силахъ испытать въ тонкость о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ,—тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи. Также и то: чѣмъ большія на нихъ положены дани,—тѣмъ больше приходятъ они въ состояніе платить оныя. Сіи суть два мудрованія, которыя всегда пагубу наносили и всегда будутъ причинять погибель самодержавнымъ государствамъ". Въ главѣ: „О рукодѣліи и торговлѣ" опять затрогивается вопросъ о крестьянахъ: „Не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ, и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой у него отыметъ" [1]).

Наказъ, въ этомъ сокращенномъ видѣ, былъ напечатанъ 30 іюля 1767 года; но и въ такомъ видѣ переводъ его былъ запрещенъ во Франціи.

Глава II.

Продолженіе царствованія Императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

Коммисія объ Уложеніи. 1767—1768 гг.

30 іюля назначено было днемъ открытія Коммисіи объ Уложеніи. Депутаты, которыхъ къ этому времени пріѣхало въ Москву до 460 человѣкъ, собрались въ Чудовъ монастырь въ 7 часовъ утра. Прежде нихъ пріѣхалъ туда главный распорядитель, князь Вяземскій, незадолго передъ тѣмъ утвержденный въ должности генералъ-прокурора.

Въ 10 часу выѣхала изъ Головинскаго дворца Екатерина съ большою торжественностью, въ императорской мантіи, съ малою короною на головѣ; карета была запряжена осьмью лошадьми; впереди ѣхали придворные въ 16 парадныхъ экипажахъ; за каретою императрицы слѣдовалъ взводъ кавалергардовъ, подъ командою своего шефа, графа Григор. Гр. Орлова; за кавалергардами ѣхалъ въ каретѣ великій князь Павелъ Петровичъ. Когда императрица пріѣхала въ Успенскій соборъ,—двинулись туда депутаты, по два въ-рядъ, подъ предводительствомъ генералъ-прокурора, державшаго въ рукѣ маршальскій жезлъ. Впереди шли депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ, потомъ — отъ дворянства, отъ городовъ, отъ однодворцевъ и прочихъ старыхъ службъ служивыхъ людей, наконецъ изъ поселянъ. Въ сословіяхъ старшинство между депутатами соблюдалось по губерніямъ, расписаннымъ въ такомъ порядкѣ: Московская, Кіевская, Петербургская, Новгородская, Казанская, Астраханская, Сибирская, Иркутская, Смоленская, Эстляндская, Лифляндская, Выборгская, Нижегородская, Малороссійская, Слободско-Украинская, Воронежская, Бѣлгородская, Архангельская, Оренбургская и Новороссійская; лично же старшинство между депутатами наблюдалось по времени ихъ прибытія въ Москву и внесенія въ депутатскій списокъ. Депутаты христіанской вѣры вошли въ соборъ, иновѣрцы остались внѣ храма. По окончаніи службы, императрица отправилась въ Кремлевскій дворецъ, а депутаты стали подписывать присягу, въ которой клялись „приложить чистосердечное стараніе въ великомъ дѣлѣ сочиненія проекта новаго Уложенія, соотвѣтствуя довѣренности избирателей, чтобъ сіе дѣло начато и окончено было въ правилахъ богоугодныхъ, человѣколюбіе вселяющихъ и добронравіе къ сохраненію блаженства и спокойствія рода человѣческаго, изъ которыхъ правилъ все правосудіе истекаетъ". Присягавшій просилъ Бога, чтобъ „ниспослалъ ему силу отвратить сердце и помышленіе отъ слѣпоты, происходящей отъ пристрастія, собственныя корысти, дружбы, вражды и ненавистныя зависти, изъ коихъ страстей родиться бы могла суровость въ мысляхъ и жестокость въ совѣтахъ".

Послѣ подписанія присяги, депутаты отправились во дворецъ, въ аудіенцъ-залу, гдѣ Екатерина стояла на тронномъ возвышеніи, имѣя по правую

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 12,949. Сборникъ Рус. Истор. Общ. X, 152.

сторону столъ, покрытый краснымъ бархатомъ, гдѣ лежали Наказъ Коммисіи, обрядъ управленія Коммисіею и генераль-прокурорскій наказъ. По лѣвую сторону трона стоялъ великій князь съ правительственными лицами, придворными и министрами иностранными, по правую—знатнѣйшія дамы; на второй ступени троннаго возвышенія стоялъ вице-канцлеръ, князь Александръ Мих. Голицынъ.

Когда генералъ-прокуроръ представилъ императрицѣ депутатовъ, депутатъ отъ Синода, Новгородскій митрополитъ Димитрій (Сѣченовъ) началъ рѣчь, въ которой искусно вывелъ законодательное преемство Екатерины отъ Юстиніана: „Прославлялася иногда древняя Греція, прославлялся Римъ своими законодателями; но къ полной ихъ славѣ недоставало того, что не просвѣщены были Евангельскимъ ученіемъ, которое есть всякого нравоученія претвердымъ основаніемъ; но ты, симъ свѣтомъ путеводима, изъ источниковъ истины христіанскія почерпаеши воду животную. Были и въ христіанскихъ Греческихъ государяхъ, кои славу законодателей получили; но теченію вещей, по неизвѣстнымъ Божіимъ судьбамъ, премѣнившуся (вслѣдствіе турецкаго нашествія), сила законовъ сама собою перестала. Но въ сихъ судьбахъ печальныхъ усматриваемъ мы судьбу для насъ благопріятную, ибо, по перенесеніи съ Востока къ намъ вѣры, и право законодательства яко наслѣдственно тебѣ препоручено отъ Того, Который и настоящая потребно правитъ и будущая полезно устрояетъ“. Когда митрополитъ кончилъ, вице-канцлеръ, отъ имени императрицы, обратился къ депутатамъ съ рѣчью, въ которой приглашалъ ихъ приступить къ своему великому дѣлу: „Начинайте сіе великое дѣло, и помните при каждой строкѣ оного, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ. Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ, и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра всѣ подсолнечные народы; очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ и путь къ оной вамъ открытъ; отъ согласія вашего во всѣхъ сихъ полезныхъ отечеству дѣлахъ зависѣть будетъ и совершенность оныя“.

На другой день, 31 іюля, съ семи часовъ утра депутаты начали собираться въ Грановитой палатѣ; въ 10 часовъ, по приглашенію генералъ-прокурора, сѣли по мѣстамъ въ числѣ 428 человѣкъ. Приступили къ избранію маршала; больше всѣхъ голосовъ получилъ вяземскій дворянскій депутатъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ (278 избирательныхъ и 150 неизбирательныхъ), за нимъ братъ его, копорскій депутатъ—графъ Григорій Григорьевичъ (228 и 200); потомъ волоколамскій депутатъ—графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (179 и 249), костромской депутатъ—Александръ Ильичъ Бибиковъ (165 и 262), орловскій депутатъ—графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ (159 и 269), депутатъ отъ Сената, князь Мих. Никит. Волконскій (147 и 254), московскій депутатъ Петръ Ив. Панинъ (137 и 296). Трехъ первыхъ кандидатовъ должно было представить императрицѣ на утвержденіе; но когда генералъ-прокуроръ объявилъ собранію, что большинство голосовъ пало на двоихъ Орловыхъ — Ивана и Григорія,—то послѣдній всталъ и просилъ собраніе уволить его отъ должности маршала за множествомъ дѣлъ, возложенныхъ на него императрицею. Собраніе согласилось; слѣдующій за нимъ кандидатъ, графъ Чернышевъ также просилъ объ увольненіи, но собраніе не согласилось, и потому представлены были трое: графъ Иванъ Орловъ, графъ Чернышевъ и Бибиковъ. 3-го августа, во второмъ засѣданіи Коммисіи, объявлено было собственноручное рѣшеніе Екатерины: „Какъ графъ Орловъ насъ просилъ о увольненіи, а графъ Чернышевъ обязанъ многими дѣлами, то быть предводителемъ костромскому депутату Александру Бибикову“. По прочтеніи этого рѣшенія, генералъ-прокуроръ передалъ Бибикову свой жезлъ, и началось чтеніе Наказа, который, по словамъ дневной записки, былъ слушанъ съ восхищеніемъ, многіе плакали, особенно когда читались слова: „Боже сохрани, чтобъ послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю“. Въ пятомъ засѣданіи, 9 августа, депутаты стали говорить: „Что сдѣлать для государыни, благодѣющей своимъ подданнымъ и служащей примѣромъ всѣхъ монархамъ? Чѣмъ изъявить, сколь много ей обязаны всѣ счастливые народы, ею управляемые?“ Остановились на мысли поднести Екатеринѣ титулъ „Премудрой и Великой Матери Отечества“.

12-го августа послѣ обѣдни—это было воскресенье — императрица приняла депутатовъ во дворцѣ, и маршалъ Бибиковъ говорилъ ей рѣчь, которая оканчивалась такъ: „Ставъ дѣлами твоими удивленіе свѣта, будешь Наказомъ твоимъ наставленіе обладателей и благодѣтельница рода человѣческаго. Потому весь человѣческій родъ и долженствовалъ бы предстать здѣсь съ нами и принести вашему императорскому величеству имя матери народовъ, яко долгъ тебѣ принадлежащій. Но какъ во всеобщемъ благополучіи мы первенствуемъ и первые симъ долгомъ обязуемся, по первая Россія, въ лицѣ избранныхъ депутатовъ, предстоя предъ престоломъ твоимъ, приносяще сердца любовію, вѣрностію и благодарностію исполненныя. Воззри на усердіе ихъ, какъ на жертву единыя тебя достойную! Благослови, великая государыня, да украшаемся мы предъ свѣтомъ симъ

намъ славнымъ титломъ, что обладаетъ нами Екатерина Великая, Премудрая мать отечества. Соизволи, всемилостивѣйшая государыня, принять титло, какъ приношеніе всѣхъ вѣрныхъ твоихъ подданныхъ, и, пріемля оное, возвеличь наше названіе. Свѣтъ намъ послѣдуетъ и наречетъ тебя матерью народовъ. Сей есть гласъ благодарственный торжествующей Россіи: Боже сотвори, да будетъ сей гласъ, гласъ вселенныя". Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что императрица „съ удовольствіемъ принимаетъ изображенную депутатами чувствительность, тѣмъ болѣе что оная благодарность ясно предвѣщаетъ ту горячность, которую они самимъ дѣломъ намѣрены показать свѣту исполненіемъ въ Наказѣ предписанныхъ правилъ". Относительно принятія предлагаемаго титула отвѣтила сама императрица: „О званіяхъ же, кои вы желаете, чтобъ я отъ васъ приняла,—на сіе отвѣтствую: 1) на великая— о моихъ дѣлахъ оставлю времени и потомкамъ безпристрастно судить; 2) премудрая — никакъ себя таковою назвать не могу, ибо единъ Богъ премудръ, и 3) матери отечества—любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе".

Послѣдующія засѣданія были посвящены избранію членовъ въ три особыя коммисіи: дирекціонную, экспедиціонную и коммисію разбора депутатскихъ наказовъ. Дирекціонная должна была составить прочія частныя коммисіи для разныхъ отраслей законодательства (юстиціи, вотчинныхъ дѣлъ, торговли и т. д.), и выбрать въ нихъ членовъ изъ полнаго собранія депутатовъ по баллотировкѣ. Дирекціонная коммисія слѣдила за ходомъ работъ въ частныхъ коммисіяхъ посредствомъ еженедѣльныхъ мемόрій, получаемыхъ ею отъ каждой коммисіи: если изъ этихъ меморій усматривалось уклоненіе отъ правилъ, то дирекціонная коммисія направляла уклонившуюся коммисію на должный путь. Каждая частная коммисія, окончивъ свой трудъ, вносила его въ дирекціонную коммисію, которая должна была смотрѣть, согласенъ ли онъ съ Наказомъ императрицы, нѣтъ ли несходства одной части съ другою и всѣ ли части клонятся къ сохраненію цѣлости имперіи черезъ доброправіе, народное благополучіе и человѣколюбивые законы. Экспедиціонная коммисія наблюдала, чтобъ труды всѣхъ другихъ коммисій изложены были по правиламъ языка и слога. Она отвѣчала за то, что не нашла и не оставила рѣчей и словъ двоякаго смысла, темныхъ, неопредѣленныхъ и неразумительныхъ. Эта коммисія была необходима, ибо мысль Русскихъ людей, по недавности знакомства съ наукою, съ великими усиліями вращалась въ новомъ мірѣ политическихъ и юридическихъ понятій и отношеній, что отражалось въ рѣчи тяжелой, неправильной и темной. Коммисія о разборѣ депутатскихъ наказовъ должна была разобрать наказы и проекты по ихъ содержанію, и выписки изъ нихъ представить полному собранію Коммисіи, которая, со своими замѣчаніями, отсылала ихъ въ дирекціонную коммисію.

Съ осьмаго засѣданія въ Коммисіи началось чтеніе депутатскихъ наказовъ, изъ которыхъ прочтено и обсужено 12 въ пятнадцати засѣданіяхъ. Затѣмъ приступлено было къ чтенію и обсужденію законовъ о правахъ дворянства. Прежде окончанія разсужденій объ этомъ предметѣ, перешли къ законамъ о купечествѣ, а затѣмъ къ лифляндскимъ и эстляндскимъ привилегіямъ. Этимъ кончились засѣданія Коммисіи въ Москвѣ 14 декабря 1767 года. Въ слѣдующемъ 1768 году они возобновились уже въ Петербургѣ, 18 февраля: начали читать и обсуждать законы, относящіеся къ юстиціи. 10 іюля возвратились къ разсужденіямъ о дворянскихъ правахъ, ибо маршалъ Бибиковъ объявилъ, что изъ дирекціонной коммисіи присланъ проектъ правилъ благородныхъ, составленный коммисіею о государственныхъ родахъ. Обсужденіе этого проекта заняло много времени. Въ декабрѣ 1768 года Коммисія покончила свою дѣятельность обсужденіемъ законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ.

Екатерина хотѣла слышать откровенные голоса различныхъ состояній Русскаго народа, хотѣла познакомиться, по тогдашнему выраженію, съ умоначертаніемъ народнымъ, въ среду котораго хотѣла провести начала, выработанныя современною мыслью, современною наукою; хотѣла познакомиться съ умоначертаніемъ народа, чтобы испытать почву прежде, чѣмъ сѣять, испробовать, что возможно, на что будетъ откликъ и чего еще нельзя начинать. Для нея былъ здѣсь интересъ практическій; для насъ, потомства, здѣсь интересъ не меньшій—историческій. Собрались вмѣстѣ, для обсужденія сообща дѣлъ высшаго интереса, представители разныхъ сословій; это было собраніе чиновъ, и потому мы должны ожидать къ каждомъ изъ нихъ стремленія опредѣлить отношенія къ другимъ сословіямъ въ пользу своего, тѣмъ болѣе-что депутатъ получилъ отъ своихъ избирателей наказъ въ этомъ смыслѣ и считалъ своимъ долгомъ оправдать довѣріе избирателей. Сословіе дворянское при этомъ представило двойственность, раздѣленіе на двѣ стороны,—людей старыхъ и людей новыхъ родовъ и фамилій. Древняя Россія не знала высшаго благороднаго сословія; не было никакой сословной связи, никакого равенства и общности правъ между людьми, стоявшими на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы и стоящими на низшихъ ея ступеняхъ, между боярами, окольничими и — „худыми дѣтишками боярскими", хотя двѣ черты были всѣмъ имъ общія: обязанность военной службы, что указывало на тождество ихъ съ дружиною первыхъ князей, и право получать вознагражденіе за службу въ видѣ земельнаго участка или помѣстья, иногда превращавшагося изъ временнаго въ вѣчное владѣніе или отчину. Несмотря на отсутствіе представленія о высшемъ благородномъ сословіи, несмотря на пропасть, которая раздѣляла боярина отъ сына боярскаго, всѣ эти люди, какъ люди

военные, ставя себя выше людей, занимающихся мирными промыслами, считали себя только, какъ воиновъ, настоящими людьми, мужами, а тѣхъ считали меньшими людьми и называли ихъ уменьшительно мужиками. Въ концѣ XVI вѣка произошло важное осложненіе отношеній: всѣ эти землевладѣльцы, помѣщики и вотчинники получаютъ для своихъ земель крѣпостное народонаселеніе и по отношенію къ многочисленному классу народа получаютъ новое значеніе,—значеніе господъ, которое имѣли прежде только по отношенію къ холопямъ. Здѣсь было положено начало выдѣленія землевладѣльцевъ и вмѣстѣ крестьяновладѣльцевъ, какъ господъ, изъ остальнаго народонаселенія, не имѣющаго права имѣть въ своемъ владѣніи крестьянъ, положено было начало господскому сословію, высшему, благородному: крѣпостные крестьяне были господскіе крестьяне,—явилась привилегія, явилось и привилегированное сословіе. Въ такомъ положеніи застало дѣло петровское преобразованіе. Новое время, по самому характеру своему, требовало для всего точнѣйшихъ опредѣленій; высшее привилегированное сословіе должно было получить одно общее названіе, тѣмъ болѣе-что такъ было тамъ, откуда шелъ примѣръ, образецъ,—въ западной Европѣ; но откуда было взять названіе? Обратились къ ближайшему одноплеменному народу польскому, и взяли у него на время названіе: „шляхта"; потомъ мало-по-малу это названіе стало вытѣсняться своимъ стариннымъ — дворянство. Сначала это названіе не могло быть усвоено потому, что была еще свѣжа память о томъ времени, когда слово: „дворяне" означало только одинъ извѣстный разрядъ военныхъ людей; когда бояринъ или окольничій не раздѣлался бы дешево съ тѣмъ, кто бы оскорбилъ его честь, назвавши его дворяниномъ; но когда бояре и окольничіе исчезли, названіе: „дворяне", какъ почетнѣйшее для массы землевладѣльцевъ, осталось и начало дѣлаться названіемъ сословнымъ для всѣхъ господъ, всѣхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ право владѣть крестьянами.

Но въ новой Россіи между дворянами скоро должно было обнаружиться различіе, поведшее къ непріязни. Въ древней Россіи право владѣть землею и потомъ соединенное съ этимъ правомъ право владѣть крестьянами принадлежало военнымъ людямъ, и право это въ ихъ средѣ, между различными разрядами ихъ, не могло подвергаться никакому прекословію, какъ истекавшее изъ необходимыхъ государственныхъ отношеній, иначе немыслимыхъ: бѣдное государство не могло давать другого вознагражденія за службу, кромѣ земли, и потомъ должно было прикрѣпить къ этой землѣ и работниковъ. Столкновенія по служебно-родовому старшинству и чести выражались въ мѣстничествѣ. Но въ новой Россіи, вслѣдствіе новыхъ потребностей, произошли явленія, подавшія поводъ къ особаго рода столкновеніямъ. Во-первыхъ, явилось постоянное войско, съ правомъ выслуги для рядового солдата въ офицеры, а офицерство давало входъ въ сословіе благородныхъ, господъ, дворянъ; господинъ видѣлъ, какъ его крестьянинъ, или его человѣкъ, сданный въ солдаты, становился равнымъ ему и даже выше его; случалось, что крестьянинъ опережалъ господина по службѣ: господинъ оставался солдатомъ, а крестьянинъ проходилъ офицерскіе чины и былъ начальникомъ прежняго господина. Во-вторыхъ, въ силу естественнаго развитія, подлѣ службы военной явилась гражданская; люди низкаго происхожденія дослуживались по гражданской службѣ до чина, дававшаго доступъ въ дворянское сословіе; на деньги, нажитыя на службѣ, и нажитыя всякимъ способомъ, покупали населенныя земли, становились рядомъ съ старинными господами и часто затемняли ихъ своимъ богатствомъ; военный человѣкъ, обязанный трудною и опасною службою, сильно оскорблялся, видя наравнѣ съ собою и выше себя человѣка худороднаго, нажившагося неизвѣстно какъ или извѣстно какъ на легкой покойной службѣ. Наконецъ, преобразовательная эпоха выдвинула новыя потребности, государство земледѣльческое становилось хотя нѣсколько мануфактурнымъ; начали учреждаться необходимые заводы и фабрики, но въ малонаселенной странѣ на нихъ нельзя было управиться вольнонаемнымъ трудомъ, и тѣ же побужденія, которыя заставили для содержанія военныхъ людей прикрѣпить крестьянина къ землѣ, заставляютъ теперь прикрѣплять крестьянина къ фабрикѣ, заводу,—и подлѣ господъ, военныхъ людей, владѣющихъ крестьянами, являются фабриканты и заводчики, также господа, также владѣющіе крестьянами, хотя иные сами изъ разбогатѣвшихъ торговлею крестьянъ. Новое оскорбленіе для старинныхъ господъ и военныхъ людей.

И вотъ, въ Грановитой Палатѣ слышатся голоса противъ закона Петра Великаго, по которому дослужившійся до извѣстныхъ чиновъ тѣмъ самымъ становился дворяниномъ. Говоритъ депутатъ отъ ярославскаго дворянства, князь Мих. Мих. Щербатовъ, скоро обратившій на себя вниманіе собранія своею начитанностью, литературною обработкою своихъ рѣчей и жаромъ, съ какимъ произносилъ ихъ. Одинъ изъ противниковъ его сдѣлалъ о немъ такой отзывъ: „Я замѣтилъ, что въ мнѣніяхъ, поданныхъ г. депутатомъ княземъ Михайломъ Щербатовымъ, онъ очень рѣдко основывается на прежнихъ узаконеніяхъ, и эти мнѣнія онъ подкрѣпляетъ весьма разумными разсужденіями, которыми онъ отмѣнно одаренъ отъ Бога".—Щербатовъ говоритъ: „Обстоятельства времени и разные случаи принудили Петра Великаго сдѣлать для нашего же благополучія такія положенія, которыя нынѣ отъ измѣненія нравовъ не только не полезны, но скорѣе могутъ быть вредны. Означенные законы содержатъ въ себѣ правило, по которому каждый, дослужившійся до офицерскаго чина, почитается дворяниномъ, и дѣти его уже должны быть помѣщены въ дворянскій списокъ. Такое преимущество дослу-

жившимся до офицерскаго чина по тогдашнимъ обстоятельствамъ было необходимо для понужденія дворянъ вступать въ службу; но нынѣ, когда уже видимъ, что россійское дворянство, по единой любви къ отечеству и славѣ, и по усердію къ своимъ монархамъ, достаточно наклонно и къ службѣ, и къ наукамъ: то кажется, что право, сравнивающее это сословіе со всякимъ, кто бы, какимъ бы то ни было образомъ, ни достигъ офицерскаго чина, должно отмѣнить. Одинъ государь, по своему соизволенію, можетъ награждать этимъ правомъ за важныя услуги не только того, кто окажется достойнымъ, но и его потомство. Извѣстно, что первое различіе между состояніями произошло отъ личной доблести нѣкоторыхъ лицъ изъ народа. Потомки ихъ равномѣрно отличались отъ другихъ, оказывая услуги тѣмъ обществамъ, которыхъ они были членами. Итакъ первымъ объясненіемъ имени дворянина будетъ то, что онъ такой гражданинъ, котораго, при самомъ его рожденіи, отечество, какъ бы принимая въ свои объятія, ему говоритъ: „Ты родился отъ добродѣтельныхъ предковъ; ты, не сдѣлавшій еще ничего мнѣ полезнаго, уже имѣешь знатный чинъ дворянина; поэтому ты, болѣе чѣмъ другіе, долженъ показать мнѣ и твою добродѣтель и твое усердіе. Тебя обязываютъ къ тому данныя законами моими права, предшествовавшія твоимъ заслугамъ; тебя побуждаютъ къ тому дѣла твоихъ предковъ: подражай имъ въ добродѣтели—и будешь мнѣ угоденъ. Рожденный въ такомъ положеніи, воспитанный въ такихъ мысляхъ, человѣкъ не будетъ ли употреблять сугубыя усилія, дабы сдѣлаться достойнымъ имени своего и званія? Одно это имя и припоминаніе о славныхъ дѣлахъ своихъ предковъ довольно сильно, чтобы побудить благородныхъ людей ко всякимъ великимъ подвигамъ. Эта политика у Римлянъ столь далеко простиралась, что они приписывали начало знатныхъ родовъ своимъ героямъ, о чемъ, по свидѣтельству блаженнаго Августина, знаменитый римскій писатель Варронъ говорилъ, что для государства весьма полезно, чтобы знаменитые люди почитали себя происшедшими отъ героевъ; хотя это и неправда, но уже одна мысль о такомъ происхожденіи можетъ побудить ихъ предпринимать и оканчивать величайшія дѣла. Самый естественный разсудокъ убѣждаетъ насъ, какъ то признаютъ и всѣ лучшіе писатели, что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи; поэтому сіи качества имѣютъ большее вліяніе на тѣхъ, которые почти съ самаго рожденія своего слышатъ о знатныхъ дѣлахъ своихъ предковъ, видятъ ихъ изображенія, вспоминаютъ тѣ подвиги, какими они прославлялися, чѣмъ на тѣхъ, которые, смотря на отцовъ своихъ, дослужившихся до первыхъ офицерскихъ чиновъ по старшинству службы или по проискамъ, а не по отличнымъ заслугамъ, не видятъ ничего такого, что могло бы ихъ склонить къ славнымъ дѣламъ, а имена предковъ ихъ уже скрываются во тьмѣ. Не могу при семъ случаѣ не припомнить мнѣнія знаменитаго наукою и своимъ знаніемъ въ законахъ барона Пуфендорфа, который говоритъ: „Обыкновенно чины сами собою не даютъ дворянства, но государь даетъ титулъ дворянина, кому заблагоразсудитъ“, и проч. Осмѣлюсь еще присокупить, что право, по которому каждый разночинецъ, получившій только офицерскій чинъ, поступаетъ въ дворянское достоинство безъ разсмотрѣнія его поступковъ или мыслей, можетъ быть поводомъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Такіе люди, дабы дослужиться до офицерскаго чина и чрезъ то пріобрѣсти званіе дворянина, зная, что это зависитъ отъ власти каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе способы для снисканія его благоволенія, что, конечно, послужитъ ко вреду правовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ. Достигши до офицерскаго чина и видя себя дворяниномъ, эти люди уже теряютъ побужденіе къ достиженію высшихъ чиновъ, а только желаютъ пріобрѣсти себѣ имѣніе, прінскиваютъ всѣ пути, не отвергаютъ ни единаго: оттого порождается мздоимство, похищенія и всякое подобное имъ зло. Однако же я нисколько не думаю лишать людей, какого бы они ни были званія, тѣхъ преимуществъ, которыя даются, какъ награда достоинству, и полагаю весьма справедливымъ награждать его, гдѣ бы то ни оказалось, но чтобы награждалось только дѣйствительное достоинство,—и притомъ отъ такого лица, которое одно имѣетъ несомнѣнное право награждать такъ, чтобы награжденіе распространялось и на потомство. Лицо это есть—монархъ“.

Другіе депутаты повторяли тѣ же мысли, дополняя ихъ подробностями. Депутатъ Ржево-Володимерскаго дворянства Игнатьевъ говорилъ: „Многіе изъ подъяческихъ, посадскихъ и прочихъ подобнаго рода людей, вышедшіе въ штатскіе и оберъ-офицерскіе чины и находящіеся въ разныхъ статскихъ должностяхъ, покупаютъ большія деревни, размножаютъ фабрики и заводы, а чрезъ то дѣлаютъ подрывъ природному дворянству въ покупкѣ деревень. Когда дворянинъ, занимающійся хлѣбопашествомъ и трудомъ своимъ пріобрѣтя деньги, пожелаетъ купить по сосѣдству деревни по цѣнѣ умѣренной, то нѣкоторые не изъ дворянъ, имѣя большія суммы, возвышаютъ на нихъ цѣну втрое и болѣе, и деревни эти оставляютъ за собою. Такимъ образомъ, дворянинъ, лишаясь средствъ увеличить свое имѣніе, впадаетъ въ недостатокъ, и деревня его, которыми онъ прежде владѣлъ, приходятъ въ упадокъ. Мое мнѣніе,—чтобы запретить пользоваться правомъ дворянства и покупать деревни тѣмъ, которые не изъ дворянъ достигнутъ службою штабъ-и оберъ-офицерскихъ чиновъ. Нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ могутъ сказать: если имъ не будетъ дозволено пользоваться правомъ дворянства и покупать деревни, то какимъ способомъ они, по отставкѣ отъ службы и не получая жалованія, будутъ снискивать себѣ

пропитаніе? На это имъ слѣдуетъ отвѣчать, что тѣ деньги, на которыя они могли бы купить деревни, пусть отдаютъ въ ростъ и, получая съ своего капитала проценты, ими довольствуются, какъ бы доходомъ съ деревень“. Депутатъ обоянскаго дворянства Глазовъ говорилъ: „Многіе, находясь въ военной службѣ, въ гвардіи, во флотѣ, въ артиллеріи и въ полевыхъ полкахъ, давали о себѣ свѣдѣнія, что они происходятъ изъ дворянъ, и показывали за собою деревни, которыхъ никогда не имѣли, ибо знали, что въ военной службѣ вѣрныхъ справокъ о томъ не дѣлалось. По такимъ-то ихъ несправедливымъ показаніямъ они производились въ чины. Находящіеся въ статской службѣ поступали подобнымъ же образомъ. Сверхъ того, многіе присоединяли себя къ другимъ дворянскимъ фамиліямъ, доставляя о себѣ, по проискамъ, изъ Разряднаго Приказа справки, по которымъ можно было бы прибрать одну фамилію къ другой, потомъ, отыскавъ кого-либо изъ той дворянской фамиліи, самаго послѣдняго человѣка, мота и нехранителя чести своего званія, уговаривали его ту справку подписать съ засвидѣтельствованіемъ, что тѣ отыскивающіе дворянство дѣйствительно происходятъ изъ дворянъ и состоятъ съ ними въ близкомъ родствѣ, хотя настоящая фамилія ихъ и не знаетъ и никогда причесть ихъ въ свой родъ не можетъ. Однакоже чрезъ это многіе получали себѣ чины и покупали деревни. Въ нынѣшнее время въ полкахъ осталось весьма малое число дворянъ; большею же частію теперь служатъ въ нихъ люди, подобные тѣмъ, о которыхъ я выше объяснилъ“.

Мнѣнія эти не остались безъ возраженій. Дворянскій депутатъ Изюмской провинціи Зарудный говорилъ: „Какъ много трудна во флотѣ и какъ тяжела въ сухопутной арміи служба,—я не стану объяснять, ибо предметъ этотъ слишкомъ обширенъ; незнающимъ этого могутъ разсказать всѣ, тамъ послужившіе и нынѣ служащіе, о тѣхъ неимовѣрныхъ трудахъ, которые они понесли въ бывшихъ турецкихъ и прусскихъ походахъ и сраженіяхъ. Изъ этихъ разсказовъ можно удостовѣриться, что полученные ими чины и дворянское достоинство не легко имъ достались. Что же касается до статской службы, то и она, для исправленія дѣлъ какъ внутри отечества, такъ и при сношеніяхъ съ иностранными державами необходимо нужна, полезна и не безтрудна. Слѣдовательно думать объ отнятіи дворянскаго достоинства, заслуженнаго многотрудною и полезною отечеству военною службою, перенесенными трудами, претерпѣнными ранами и даже лишеньемъ жизни, равнымъ образомъ пріобрѣтеннаго ежечасными трудами и честностью по статской службѣ,—думать, говорю, объ отнятіи достоинства у тѣхъ, кому оно уже пожаловано и утверждено, мнѣ кажется, несовмѣстно ни съ общею дворянства пользою, ни съ тѣмъ благоденствіемъ, о которомъ всемилостивѣйшая наша государыня изволитъ прилагать попеченіе, ни съ тѣмъ наставленіемъ, которое ея в—ство преподала въ своемъ Наказѣ, т.-е. взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно. Такая мысль скорѣе можетъ быть отнесена къ самолюбію, ибо подающіе мнѣніе объ ограниченіи способовъ достигать дворянства высказываютъ черезъ то желаніе, чтобы имъ однимъ и имъ подобнымъ пользоваться дворянствомъ, а прочихъ, какого бы они достоинства, честности и вѣрности къ своему монарху и отечеству ни были и какихъ бы заслугъ ни оказали, лишить этого преимущества навсегда“. Депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка Козельскій говорилъ: „Ежели предки россійскихъ дворянъ начало своего достоинства получили чрезъ награжденіе по своимъ заслугамъ за вѣрность и добродѣтель, а не чрезъ знатность рода, то потомки ихъ не должны бы умалять и презирать офицерскіе чины. Ежели тѣ лица, которыя со времени государя Петра Великаго и по его узаконеніямъ заслужили оберъ-офицерскіе чины, хотя были и незнатнаго происхожденія, но только добронравнаго воспитанія, и потомъ въ нынѣшнее уже время показали себя искусными въ военныхъ дѣлахъ, въ приведеніи въ отличный порядокъ подчиненныхъ имъ солдатъ,—ежели такія лица неоспоримо достойны почитаться за настоящихъ дворянъ, то они должны пользоваться и всѣми дворянскими преимуществами. Нѣтъ сомнѣнія, что достоинство сіе драгоцѣнно; но кому оно было дороже, предкамъ ли, которые сами его заслужили, или ихъ потомкамъ? Если же, какъ нѣкоторые того желаютъ, умножится одно только старинное дворянство и пренебрежено будетъ вновь пожалованное, то, по мнѣнію моему, это послужитъ въ подрывъ государственной службѣ, ибо прочія недворянскія сословія, не видя себѣ равнаго съ дворянами за службу возмездія, будутъ служить принужденно, безъ всякой ревности и любви къ отечеству. Не имѣя въ виду заслужить въ своемъ же отечествѣ отличнаго достоинства, они сдѣлаются какъ бы не сынами отечества; о воспитаніи же своемъ, о наукахъ и о добродѣтеляхъ не будутъ имѣть повода прилагать какое-либо стараніе. И какое же будетъ въ государственныхъ дѣлахъ благосостояніе и въ обществѣ спокойствіе, когда, вмѣсто взаимнаго человѣколюбія, отъ такого явнаго небреженія къ ближнему умножится ненависть и вражда? Дворянство, умноживъ высокомѣріе своего достоинства, будетъ пренебрегать служащими, какъ по гражданской, такъ и по военной части. Вмѣсто исправленія нравовъ, вселится гордость и презрѣніе къ ближнему“. По словамъ депутата Терскаго семейнаго войска Миронова, „достоинство дворянское не раждается отъ природы, но пріобрѣтается добродѣтелью и заслугами своему отечеству. Могутъ ли гг. россійскіе дворяне сказать о своихъ предкахъ, что всѣ они родились отъ дворянъ? Я, напротивъ, полагаю, что въ Россіи болѣе найдется такихъ, которые за воинскія дѣла и другія добродѣтели получили это достоинство“.

Надобно было защищаться. Особенно задѣли слова, что предки людей, выставляющихъ теперь свое древнее происхожденіе, были люди незнатнаго происхожденія и выслужили свою честь. Началъ говорить самый ревностный защитникъ правъ древнихъ фамилій, князь Мих. Мих. Щербатовъ, началъ говорить „съ крайнимъ движеніемъ духа", дрожащимъ голосомъ: „Депутатъ Днѣпровскаго пикенернаго полка въ мнѣніи своемъ говоритъ, что всѣ древнія россійскія дворянскія фамиліи произошли отъ низкихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ свое званіе людей того достойныхъ. Весьма удивляюсь, что этотъ г. депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ довольно указать на историческія событія. Одни россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владиміра; другіе—выѣхавшіе знатные люди берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ Россійскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканія подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги? Какъ не вспомнитъ она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей? Будь мнѣ свидѣтелемъ, дражайшее отечество, въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами—дворянами древнихъ фамилій. Вы будьте мнѣ свидѣтели, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы для нашего благополучія собраны! Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи?—то вѣрныя твои чада, древніе россійскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнію, они тебя освободили отъ чуждаго ига, они пріобрѣли тебѣ прежнюю вольность. Мнѣ мнится, что зрю еще текущую кровь достойныхъ сихъ мужей и напоминающую ихъ потомкамъ то же исполнить и такъ-же жертвовать своею жизнію отечеству, какъ они учинили. Вотъ первое право требованія дворянъ древнихъ родовъ, чтобы никто съ ними безъ высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они не затворяютъ надменностію врата для доблести, а хотятъ, чтобъ желающіе войти къ нимъ въ собратство удостоились того истинною добродѣтелью, которую бы самъ монархъ увѣнчалъ дворянскимъ званіемъ".

Депутатъ михайловскаго дворянства, Семенъ Нарышкинъ старался разъяснить, какое, по его мнѣнію, должно быть постановлено различіе между офицерствомъ и дворянствомъ. Произведеніе въ офицерскіе чины служитъ наградою добраго поведенія въ нижнихъ чинахъ, а возведеніе въ дворянство—наградою отмѣнныхъ заслугъ отечеству. Нарышкинъ высказалъ и отношеніе дворянства къ владѣнію крестьянами: „Достоинство дворянское считается у насъ чѣмъ-то священнымъ, отличающимъ одного человѣка отъ прочихъ. Оно даетъ ему и его потомкамъ право владѣть себѣ подобными и заботиться объ ихъ благосостояніи". Но защитники закона Петра Великаго, „такого великаго законодателя", не уступали, и одинъ изъ нихъ, депутатъ города Рузы, Смирновъ, предложилъ ограничить наслѣдственность дворянства: „Такъ какъ ранги и чины получаются не по наслѣдству, но по заслугамъ отечеству и вмѣстѣ съ лицомъ, ихъ заслужившимъ, и умираютъ, то чтобы наслѣдники не могли пользоваться чужими трудами безъ своихъ заслугъ, чтобы не возродилось въ нихъ нерадѣніе самимъ заслуживать чины, наконецъ, чтобы они у другихъ, заслуживающихъ награженія, не отнимали ободренія и надежды получить чины, заслуженные ихъ предками, но для усиленія въ потомкахъ ревности къ службѣ, для отвращенія унынія, нерадѣнія и отчаянія, и для ободренія людей самаго низшаго состоянія къ достиженію высшей степени чести,—считаю небезполезнымъ предложить сдѣлать постановленіе, чтобы дворянство и преимущество онаго не доставалось по наслѣдству, но чтобы всякій старался достигать его по заслугамъ. Возвышеніе въ званіе дворянина и отнятіе этого достоинства можетъ быть произведено слѣдующимъ образомъ: 1) Всякій, не взирая ни на какой родъ, можетъ быть, за свои заслуги, пожалованъ дворяниномъ съ принадлежащими къ сему званію преимуществами, начиная съ первой степени заслуженной имъ чести, напримѣръ съ оберъ-офицерства: 2) Всякій такой дворянинъ, равно какъ и всѣ прочіе дворяне, должны подлежать тѣмъ же законамъ, которымъ подлежатъ и другіе люди; и ежели кто-либо изъ дворянъ сдѣлаетъ проступокъ, то, по мѣрѣ его важности, лишать его не только дворянства, но и другихъ принадлежащихъ честному гражданину преимуществъ. 3) Что же касается до потомковъ дворянъ, то полагаю, что лишить ихъ вовсе этого достоинства, не принимая въ уваженіе заслугъ ихъ предковъ, было бы несправедливо и неодобрительно, но и совсѣмъ оставить его по наслѣдству въ вѣчное потомство будетъ и того несправедливѣе по вышеизложеннымъ причинамъ. 4) Слѣдовательно по заслугамъ и чину всякаго надлежало бы распространить его дворянство на нѣсколько колѣнъ, такъ напримѣръ: для штабъ-и оберъ-офицеровъ довольно было бы, если онъ самъ будетъ дворяниномъ, его дѣти и внуки; для чиновъ генеральскихъ—распространить дворянское достоинство на ихъ правнуковъ и такъ далѣе. 5) Если какое лицо въ послѣднемъ колѣнѣ не окажетъ должной ревности и само не возобновитъ своего дворян-

ства, то дѣтей его лишать сего званія; 6) или же когда потомокъ на нѣсколько чиновъ отступитъ отъ своего предка, заслужившаго дворянство,—настолько степеней и наслѣдство дворянства будетъ уменьшено отъ его потомковъ; 7) чрезъ это небреженіе о себѣ потомковъ будетъ изгнано, а вмѣстѣ съ тѣмъ у недворянъ отчаяніе, лѣность и неминуемое о себѣ нерадѣніе искоренится и во всякомъ лицѣ возродится ревность сдѣлать себя полезнымъ членомъ отечеству и своему потомству. Наконецъ, благородство наше должно образовать одно тѣло, не разорванное на разныя противоборствующія одна другой части, но составленное и соединенное изъ всѣхъ гражданъ, стремящихся къ единой цѣли, предусмотрѣнной премудрою нашею монархинею, которой желаніе есть не возвысить однихъ, а другихъ обратить почти въ ничто, но всѣхъ безъ изъятія учинить, сколько возможно по человѣчеству, благополучнѣйшими въ свѣтѣ".

Владѣніе деревнями, крестьянами—господство въ собственномъ смыслѣ—было то дорогое право, которымъ старые дворяне особенно не хотѣли дѣлиться съ новыми, выслужившимися недавно шпагою или перомъ; тѣмъ съ большимъ нерасположеніемъ старые, да и новые дворяне смотрѣли на людей, которые не выслуживали дворянство ничѣмъ, не принадлежали къ этому сословію, и, несмотря на то, пользовались драгоцѣннымъ правомъ имѣть деревни, владѣть крѣпостными крестьянами: то были заводчики и фабриканты. Въ наказѣ отъ ярославскаго дворянства депутату своему, князю Мих. Мих. Щербатову, говорилось: „Указомъ Петра Великаго, для побужденія русскаго купечества заводить фабрики, позволено было ему подъ фабрики и заводы покупать деревни; купцы не только воспользовались этимъ правомъ, но, распространяя его далѣе надлежащаго, и въ далекихъ отъ ихъ деревень мѣстахъ покупали деревни, что не только не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ Петра Великаго, но и разрушаетъ ихъ тѣмъ, что фабриканты и заводчики, видя себя владѣльцами многихъ деревень, стали пренебрегать фабриками, а пользоваться и помѣщичьими доходами; а которые дѣйствительно купили деревни для фабрикъ и заводовъ,—тѣ забрали изъ деревень всѣхъ людей въ работу на фабрики и заводы и за такую малую плату, что насилу дневное пропитаніе имѣть могутъ. Этимъ полагается препятствіе умноженію народа, земледѣліе оскудѣваетъ, и самихъ крестьянъ такъ мучатъ работами, что они часто бунты производятъ. Поэтому не угодно ли будетъ купленныя купцами деревни у нихъ взять, распорядясь такъ, чтобъ ихъ въ убыткѣ не оставить; а которыя фабрики будутъ впередъ заводиться,—тѣмъ сдѣлать надлежащее опредѣленіе: работниковъ, мастеровыхъ по числу работы и величины завода имѣть, а прочіе работники были бы наемные; это можетъ принудить фабрикантовъ и заводчиковъ усерднѣе стараться о приведеніи въ лучшее состояніе русскихъ фабрикъ и о производствѣ русскими товарами торговли; а дворянство чрезъ большую циркуляцію денегъ пріобрѣтетъ себѣ пользу, когда его крестьяне, въ междурабочую пору, будутъ ходить къ купцамъ работать на фабрики и заводы".

Старые дворяне, при стремленіи своемъ удержать землевладѣніе при себѣ, не могли не вспомнить о майоратѣ,—и въ наказъ московскаго дворянства депутату Петру Ив. Панину внесена статья: „Чтобы, сообразуясь съ прочими въ Европѣ благоучрежденными христіанскими государствами, исходатайствовано было каждому владѣльцу право часть собственнаго движимаго и недвижимаго имѣнія опредѣлять, по благоизобрѣтенію, въ нераздѣльное наслѣдство, кому пожелаетъ, съ предписаніемъ порядка, какъ ему переходить изъ колѣна въ колѣно. Нашъ прежній законъ заимствовалъ нѣчто изъ примѣровъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ земляхъ; но онъ устоять не могъ, потому конечно, что имъ воля владѣльцевъ была стѣснена въ самые узкіе предѣлы предписаніемъ отдавать хотя по собственному избранію, но всегда одному все свое недвижимое, какъ самое важное въ Россіи дворянское имѣніе". Наказъ дворянъ Михайловскаго уѣзда депутату своему, сенатору Мельгунову, въ избѣжаніе раздѣла деревень на части и происходящаго отсюда черезполоснаго владѣнія, требуетъ, чтобъ въ каждой деревнѣ или селѣ, когда по крѣпостямъ принадлежащая земля каждому владѣльцу особо отмежевана будетъ, тѣ части, также и цѣлыя деревни и села по этому отмежеванію съ тою землею оставались навсегда недѣлимыми, слѣд. въ продажу, въ закладъ, въ приданое и наслѣдство по тому отмежеванію цѣлою деревнею во владѣніе переходили.—Въ наказѣ дворянъ Переяславля-Залѣсскаго генералу Ступишину говорилось: „Мнилося бы быть полезно, для сохраненія фамилій и домовъ, если бы позволено было, кто самъ пожелаетъ, при себѣ или при концѣ своемъ, одну или сколько деревень похочетъ, въ фамилію отказать".

Но гораздо громче высказались дворяне о необходимости составленія изъ себя областныхъ корпусовъ и о правѣ участія въ областныхъ судахъ и управленіи. Дворяне Боровскаго уѣзда написали въ наказѣ депутату своему Голохвастову, чтобы дворянамъ было позволено каждые два года имѣть съѣздъ въ своемъ уѣздѣ, и на немъ разсуждать и разсматривать, все ли въ уѣздѣ исполняется по законамъ, не бываетъ ли кому притѣсненія отъ судебныхъ мѣстъ, отъ квартирующихъ и проходящихъ полковъ или отъ кого бы то ни было, и если усмотрятъ какія-нибудь беззаконныя дѣйствія и притѣсненія дворянамъ и крестьянству, то чрезъ избраннаго депутата представлять въ Сенатъ. Въ томъ же собраніи избирать дворянамъ между собою ландрата и отъ всякаго стана или дистрикта—дистриктнаго коммисара. Ландрату дистриктные коммисары, а имъ всѣ дворяне и крестьяне, не исключая дворцовыхъ волостей и вотчинъ, находящихся въ вѣдомствѣ Коллегіи Эко-

номіи, должны быть послушны. Ландратъ вѣдаетъ судъ и расправу въ мелкихъ дѣлахъ не свыше 25 рублей; коммисары же должны, гдѣ произойдетъ нарушеніе закона, немедленно освидѣтельствовать и представить ландрату, который разборъ чинитъ и судитъ, основываясь на этомъ осмотрѣ. Если въ уѣздѣ произойдетъ разбой, то дистриктный коммисаръ немедленно долженъ собрать дворянъ съ ихъ людьми и крестьянами и стараться переловить разбойниковъ, давши знать объ этомъ ландрату и другимъ коммисарамъ, которые также всѣ мѣры употребятъ къ поимкѣ разбойниковъ, и пойманные отсылаются въ воеводскую канцелярію. Такъ-же поступаютъ ландраты и коммисары, когда провѣдаютъ о корчемствѣ. Коммисаръ провожаетъ проходящіе полки, смотритъ, чтобъ они были довольствованы, обывателямъ же никакихъ обидъ не было. По прошествіи двухъ лѣтъ, ландратъ собираетъ дворянъ и объявляетъ имъ, что въ эти два года происходило въ уѣздѣ, отдавая такимъ образомъ отчетъ въ своемъ управленіи. Собраніе избираетъ другого ландрата и коммисаровъ, причемъ могутъ быть переизбраны и прежніе. Если ландратъ или коммисаръ отправлялъ свою должность непорядочно, то судить его, по смѣнѣ, собранію и, по большинству голосовъ, наказывать денежнымъ штрафомъ, которыя деньги отсылаются въ Воспитательный Домъ; денежному же взысканію подвергаются и тѣ дворяне, которые ландрату и коммисарамъ будутъ непослушны. Ландратъ долженъ быть во всемъ опекуномъ своего уѣзда и защищать его. Костромское дворянство просило объ учрежденіи земскихъ судовъ, по выбору дворянства, изъ дворянъ же, живущихъ въ отставкѣ; судьи эти должны производить скорый судъ и расправу въ случающихся между дворянами ссорахъ за владѣніе землями, порубку лѣсовъ, пожинъ хлѣба, перекосъ сѣна, въ крестьянскихъ дракахъ, въ захватѣ лошадей и скота. Кромѣ того, должны содержать въ порядкѣ дороги, распоряжаться помѣщеніемъ воинскихъ командъ; опредѣлять опеку къ малолѣтнимъ или безумнымъ дворянамъ и наблюдать за нею. Козельское дворянство въ наказѣ депутату своему, графу Брюсу, просило: „Воеводы опредѣляются въ города изъ Прав. Сената; а къ ихъ должности принадлежащихъ качествъ, за многимъ числомъ опредѣляемыхъ въ воеводы лицъ, Сенату знать нельзя: то не соблаговолено ли будетъ отдать выборъ воеводы дворянамъ, чтобъ они выбирали изъ своихъ товарищей погодно". Михайловское дворянство просило поручить судъ между дворянами, ихъ людьми и крестьянами въ малыхъ дѣлахъ, не болѣе 10 рублей, дворянскому предводителю съ четырьмя помощниками. Судиславское дворянство просило объ учрежденіи словеснаго суда изъ судьи и четырехъ помощниковъ по дворянскому выбору, чтобы дворяне не терпѣли убытка и приказной волокиты, ибо изъ дворянъ много такихъ, которые приказныхъ порядковъ не знаютъ, а другіе и грамотѣ вовсе не умѣютъ, повѣренныхъ же за скудостью представить не въ состояніи, особенно вдовы и сироты; то же судиславское дворянство просило и о выборѣ воеводъ дворянами изъ своихъ. Ярославское дворянство просило, чтобъ дворяне избирали изъ себя воеводскихъ товарищей; всякій челобитчикъ долженъ былъ прежде начатія дѣла явиться къ такому воеводскому товарищу, который обязанъ былъ стараться о примиреніи соперниковъ; если же не успѣетъ, то обязанъ былъ наблюдать, чтобъ волокиты истцамъ и отвѣтчикамъ въ судѣ не было. Въ наказѣ владимірскаго дворянства говорилось: „Стряпчіе люди господскія правыя дѣла своими вымыслами затмеваютъ, а неправыя разными происками чрезъ справки и неприличными къ дѣлу выписками указовъ и прочими непорядками проволакиваютъ; взявъ съ противной стороны деньги, за дѣлами хожденія совсѣмъ не имѣютъ, почему довѣрители ихъ бываютъ обвинены: такъ не приказано ли будетъ такихъ, какъ обществу вредныхъ людей, совсѣмъ отъ дѣлъ отрѣшать и въ суды не пускать, а вмѣсто ихъ опредѣлять изъ дворянъ, освидѣтельствовавши въ Сенатѣ ихъ достоинство и званіе". Клинское дворянство просило о правѣ избирать на три года дворянскаго начальника для каждаго уѣзда; къ этому начальнику дворяне обращаются съ жалобами, принявъ которыя, начальникъ призываетъ просителя и его соперника, и требуетъ у нихъ, чтобъ они въ помощь ему для разсмотрѣнія ихъ дѣла дали изъ своихъ уѣздныхъ дворянъ по одному человѣку съ подпискою, что они имъ вѣрятъ. Когда эти повѣренные будутъ представлены съ обѣихъ сторонъ, то начальникъ, присягнувъ, вмѣстѣ съ ними разбираетъ дѣло третейскимъ судомъ. Дворянскій начальникъ долженъ заботиться о дѣлахъ дворянъ своего уѣзда, производящихся въ воеводской канцеляріи; наконецъ долженъ охранять окружныя межи. Дворянство каждаго уѣзда имѣетъ въ Москвѣ своего выборнаго на годъ депутата, который въ Вотчинной Коллегіи и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ заботится о всѣхъ дѣлахъ дворянъ своего уѣзда, чтобъ они какъ можно скорѣе были рѣшены. Эти депутаты находятся подъ покровительствомъ государственнаго депутата, которымъ должно быть лицо перваго или второго класса. Дворянство Перемышльскаго и Воротынскаго уѣздовъ полагало, что прокуроръ долженъ назначаться по дворянскому выбору. Алексинское дворянство просило въ каждомъ уѣздѣ учредить судей по выбору изъ дворянства, вмѣсто воеводъ и товарища ихъ; въ случаѣ же какого-нибудь сомнительнаго дѣла судья даетъ знать предводителю,— и тотъ рѣшаетъ дѣло въ общемъ собраніи дворянства. Дмитровское дворянство просило о правѣ выбирать земскихъ судей, которые должны были прекращать въ самоскорѣйшемъ времени всѣ между помѣщиками и между крестьянами ссоры и споры безъ письменнаго производства.

Старые дворяне, вооружаясь противъ легкаго

достиженія дворянства худородными людьми, выставляли между преимуществами своими лучшее воспитаніе, высшее образованіе. Но средства дать дѣтямъ своимъ такое образованіе далеко не для всѣхъ изъ нихъ были доступны, и потому они просятъ объ учрежденіи училищъ. Депутатъ кашинскаго дворянства, Кожинъ, говорилъ: „Хотя въ С.-Петербургѣ и существуетъ шляхетный кадетскій корпусъ, но по множеству въ государствѣ дворянства одного такого учрежденія недостаточно. Притомъ же многіе молодые люди вышли уже изъ тѣхъ лѣтъ, которыя назначены для поступленія въ новоучрежденный корпусъ, а недостатокъ порядочныхъ учителей совершенно препятствуетъ давать дома добронравное и приличное дворянскому званію воспитаніе; но какъ дворянство обязано служить ея императорскому величеству и отечеству, то мы просимъ о повелѣніи учредить въ Москвѣ шляхетный кадетскій корпусъ на основаніи указа 1731 года. Для содержанія этого корпуса возобновить сборъ со вступающихъ въ бракъ: не имѣющіе благородства должны платить за каждый бракъ по 50 копѣекъ; всѣ же благородные, владѣющіе вотчинами, должны получить отъ Камеръ-Колегіи билеты съ означеніемъ, сколько за кѣмъ состоитъ душъ, и такіе должны заплатить при вступленіи въ бракъ со ста душъ по 2 рубля, а тѣ, у которыхъ менѣе ста душъ,—отъ десяти, по 1 рублю; не имѣющіе недвижимаго имѣнія, но служащіе на жалованьи, должны внести съ каждыхъ ста рублей по рублю". Депутатъ серпейскаго дворянства, графъ Александръ Строгановъ, замѣтилъ, что учредить въ Москвѣ училище для бѣдныхъ дворянъ надобно, но предлагаемый поборъ для него несправедливъ: онъ противорѣчитъ статьямъ Наказа, предлагающимъ выгоды и поощренія для вступленія въ бракъ; поборъ, отягощая брачущихся, будетъ препятствовать размноженію народа, притомъ всякій налогъ на общество долженъ служить къ пользѣ всего того общества, а не одной его части. Поэтому училище должно содержать на иждивеніи однихъ дворянъ; всякій помѣщикъ, имѣющій болѣе 200 душъ, долженъ платить извѣстную сумму ежегодно, принимать же въ корпусъ дѣтей только тѣхъ дворянъ, у которыхъ менѣе 200 душъ; могутъ помѣщать въ него своихъ дѣтей и такіе, у которыхъ болѣе 200 душъ, но на своемъ содержаніи. Костромское дворянство въ наказѣ своему депутату просило: „Многіе бѣдные дворяне не въ состояніи не только дѣтей своихъ пристойно воспитать и обучать нужнымъ дворянину наукамъ, но по крайнему убожеству и довезти въ государственныя школы по отдаленности не могутъ, отчего дѣти выростаютъ въ невѣжествѣ и лѣности, и не только становятся неспособными къ службѣ, но и ни малѣйшаго вида дворянскаго въ жизни и поведеніи своемъ не имѣютъ. Для сохраненія такихъ на пользу государству, для воспитанія и обученія ихъ грамотѣ и первымъ основаніямъ математики и чужестранныхъ языковъ, особенно же для приличнаго воспитанія, учредить по губернскимъ и провинціальнымъ городамъ школы или семинаріи". Тульское дворянство просило объ учрежденіи въ провинціальныхъ городахъ небольшихъ гимназій изъ одного профессора и двухъ помощниковъ. Московское дворянство просило объ учрежденіи въ Москвѣ кадетскаго корпуса для молодыхъ дворянъ и двухъ училищъ для воспитанія дворянскихъ дѣвицъ, одного—для малолѣтнихъ, а другого—для взрослыхъ; содержаніе этихъ училищъ дворянство брало на себя. Дворянства серпуховское, тарусское и оболевское просили объ учрежденіи опекуновъ для малолѣтнихъ дворянъ и объ учрежденіи въ городахъ школъ для бѣдныхъ дворянъ, также для приказныхъ и купеческихъ дѣтей, гдѣ учить русской грамотѣ, ариѳметикѣ, геометріи, Нѣмецкому и Французскому языкамъ. Образованіе дворянъ должно было давать имъ служебные права: дворянство города Опочки просило избавить дворянъ навсегда отъ солдатства и унтеръ-офицерства, чтобъ каждый дворянинъ, обученный хорошо читать и писать порусски, ариѳметикѣ, геометріи, нѣсколько русской географіи, вступалъ въ службу прямо оберъ-офицеромъ; тѣ же дворяне, которые обучены будутъ на своемъ коштѣ разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ, художествамъ и экзерциціямъ, награждались подпоруческими и поруческими чинами.

Дворянство требовало для себя исключительнаго права владѣть крестьянами; купцы требовали себѣ исключительнаго права производить торговлю. Депутатъ отъ купечества Рыбной слободы (Рыбинска) Алексѣй Поповъ говорилъ: „Вмѣсто ожидаемаго поправленія, мы съ крайнимъ прискорбіемъ усматриваемъ изъ поданныхъ въ Коммисію многими господами депутатами мнѣній, что русскому купечеству готовится большее отягощеніе, какъ будто оно вовсе не нужно для государства. Вмѣсто того, чтобы, въ силу указовъ императора Петра Великаго, утвердить за купечествомъ ихъ права и вольности, и другимъ всякаго званія людямъ строжайше запретить вести торговлю, чрезъ что натурально купечество могло бы достичь большаго благосостоянія, помянутые господа депутаты, напротивъ того, предлагаютъ, ко вреду купечества, чтобы какъ благородному дворянству, такъ и крестьянамъ предоставлено было пользоваться купеческимъ правомъ наряду съ купцами. Эти господа депутаты домогаются, чтобы купцамъ запрещено было имѣть всякія фабрики и минеральные заводы. Въ основаніе такого распоряженія они ставятъ, что будто содержаніе купцами фабрикъ и заводовъ не приноситъ пользы обществу, и что гораздо полезнѣе будетъ, ежели владѣніе оными предоставлено отставнымъ и живущимъ въ деревняхъ дворянамъ. Къ этому они еще предлагаютъ, чтобы крестьяне, привозящіе въ города свои произведенія, имѣли право продавать ихъ въ розницу. Итакъ, если все это будетъ утверждено, то купечество неминуемо придетъ въ разореніе, а съ

этимъ и торговля можетъ придти въ совершенный упадокъ. Ибо хотя нынѣ крестьянамъ и разночинцамъ и запрещено по закону торговать, но, несмотря на это, купцы терпятъ отъ нихъ много обидъ и препятствій. Что же будетъ тогда, когда закономъ всякому дозволено будетъ торговать?" Поповъ требовалъ: „Предоставить купцамъ право устраивать фабрики и заводы, покупать къ нимъ крестьянъ для исправленія потребныхъ работъ, но безъ излишества, а по числу находящихся на нихъ становъ и печей; покупать земли, сколько нужно подъ фабрики, заводы и подъ населеніе рабочихъ при нихъ людей. Дворянству не дозволять торговать и ни у кого, ни подъ какимъ видомъ, покупать купеческое право, ибо дворянство имѣетъ свое собственное право, заключающее въ себѣ большія преимущества, и носитъ драгоцѣнное дворянское имя. Поэтому входить въ такія коммерческія занятія, какъ напримѣръ фабричные, заводскіе и разные торговые промыслы, дворянамъ, по ихъ званію, несвойственно. Имъ слѣдуетъ предоставить продажу только того, что производится въ ихъ вотчинахъ по ихъ хозяйству, не дозволяя ничего скупать у другихъ. Благородному русскому дворянству надлежитъ имѣть стараніе о приведеніи въ лучшее состояніе земледѣлія ихъ крестьянъ и смотрѣть, чтобы послѣдніе обрабатывали свою землю съ прилежаніемъ и усердіемъ. Теперь въ Россіи многіе земледѣльцы вмѣсто того, чтобы оставаться при своемъ жребіи и умножать хлѣбопашество, покидаютъ вовсе земледѣліе и вступаютъ въ торговыя дѣла; но, по незнанію своему тонкости коммерческихъ оборотовъ, нѣкоторые изъ этихъ земледѣльцевъ, проторговавшись, приходятъ въ банкротство и, не заплатя купцамъ деньги за товары, у нихъ забранные, скрываются изъ городовъ, но къ хлѣбопашеству не обращаются. Отъ сего происходитъ тотъ вредъ, что земледѣльцы, оставшіеся въ деревняхъ, платятъ за нихъ подушныя и оброчныя деньги и чрезъ то приходятъ въ бѣдность. Для устраненія такого неблагопріятнаго положенія, не будетъ ли признано нужнымъ повелѣть земледѣльцамъ, для пользы всего государства, заниматься единственно хлѣбопашествомъ, а ни въ какую торговлю не вступать. Если нужно, чтобы русское купечество приносило государству полезные плоды, то непремѣнно должно запретить торговать другимъ всякаго званія людямъ". За право дворянъ имѣть фабрики и заводы заступился князь Мих. Мих. Щербатовъ. Онъ началъ съ положенія, что „государство тогда становится прочно, когда оно утверждается на знатныхъ и достаточныхъ фамиліяхъ, какъ на твердыхъ и непоколебимыхъ столпахъ, которые не могли бы снести тяжести обширнаго зданія, если бы были слабы, невзирая на свою многочисленность. Дѣйствительно, мы видимъ, что величіе Французскаго и Испанскаго государствъ основано на знатныхъ родахъ. Разсмотримъ самую сущность заводовъ и фабрикъ. Принадлежность минеральныхъ заводовъ, для которыхъ руды родятся въ землѣ и передѣлываются чрезъ огонь, не должна ли составлять, безъ исключенія купцовъ, одно изъ дворянскихъ правъ, ибо владѣніе землею должно принадлежать однимъ дворянамъ. Неужели желаніе господина депутата Рыбной слободы заключается въ томъ, чтобы купцамъ, лишивъ дворянъ способовъ къ пріобрѣтенію какой-либо прибыли, сдѣлаться откупщиками всѣхъ произведеній въ Россіи и устанавливать цѣну какъ онымъ, такъ и самимъ работникамъ? Что касается покупки земель подъ фабрики, то мнѣ кажется неоспоримымъ, что купцамъ нужно это позволить, но не болѣе какъ такое количество, какое заводъ каждаго изъ нихъ можетъ содержать. Хотя, съ одной стороны, работники необходимо нужны для фабрикъ, но если принять во вниманіе число пахарей въ Россіи, то, конечно, не только не слѣдуетъ допускать, чтобы дворяне, продавая людей для фабрикъ, отнимали ихъ отъ земли, но напротивъ—должно всемѣрно стараться о размноженіи земледѣльцевъ. Теперь, если разсмотрѣть самое употребленіе и жизнь этихъ работниковъ, то увидимъ, что, кромѣ небольшого числа мастеровъ, которые для того, чтобы не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, кромѣ, говорю, этихъ мастеровъ, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности. Самый этотъ столичный городъ (Москва) можетъ свидѣтельствовать о распутномъ состояніи сихъ людей".

За торговлю крестьянъ говорилъ депутатъ отъ черносошныхъ олонецкихъ крестьянъ Вонифатьевъ: „Нѣкоторые депутаты въ мнѣніяхъ своихъ пишутъ, что крестьяне для торговли удаляются отъ домовъ своихъ и небрегутъ хлѣбопашествомъ. На это могу представить, что крестьяне отлучаются отъ домовъ своихъ не для однихъ только торговъ, а большею частью для добыванія разными промыслами и работами денегъ на уплату государственныхъ податей. Притомъ же обыкновенно отлучаются тѣ изъ крестьянъ, которыхъ семьи состоятъ изъ пяти или шести человѣкъ: одинъ или двое бываютъ въ отлучкѣ, а другіе остаются при земледѣліи. Всякіе честные люди заботятся о томъ дѣлѣ, къ которому приставлены; такіе же, которые о себѣ не радѣютъ, думаю, и во всѣхъ родахъ найдутся". Но купцы продолжали настаивать, что крестьяне должны заниматься только земледѣліемъ, иначе происходитъ дороговизна; депутатъ отъ города Серпейска, Глинковъ, говорилъ: „Число крестьянъ простирается до 7 милліоновъ; если выключить малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, умершихъ, отданныхъ въ рекруты и находящихся въ услуженіи у помѣщиковъ, то годныхъ для воздѣлыванія земли едва можетъ остаться половина, изъ которой, безъ сомнѣнія, найдется торгующихъ и пребывающихъ въ разныхъ отлучкахъ едва ли не половина, и затѣмъ занимающихся хлѣбопашествомъ

останется весьма малое число. Отъ этого значительное количество пашенной земли остается впустѣ, а внутри Россіи раждается дороговизна. Нужно постановить, чтобъ крестьяне, ѣздя по разнымъ мѣстамъ, не скупали товаровъ и не продавали ихъ въ городахъ, на ярмаркахъ и торжкахъ подъ видомъ своего рукодѣлія. Крестьянинъ всякій харчъ для себя и кормъ для лошади можетъ достать съ своего двора, а купецъ долженъ это купить". Говоря объ исключительномъ правѣ для купцовъ имѣть фабрики, тотъ же Глинковъ представлялъ разницу при заведеніи фабрики купцомъ и помѣщикомъ: „Когда купецъ строитъ фабрику, то всѣ окрестные крестьяне отъ нея довольствуются. Они продаютъ лѣсъ, лубья, тесъ и т. п.; нанимаются къ постройкамъ, получая за то большую плату, и тутъ же продаютъ произведенія своей земли. Чрезъ это они дѣлаются исправными въ платежѣ государственныхъ податей и господскихъ оброковъ. Когда же фабрика выстроится, то крестьянамъ приносится еще большая выгода: они нанимаются для привоза на нее изъ дальнихъ мѣстъ всякаго рода матеріаловъ, также и произведенія фабрики развозятъ для продажи по разнымъ мѣстамъ. Другія фабрики строятся помѣщиками, которые для этого употребляютъ своихъ крестьянъ. Они начинаютъ съ того, что назначаютъ съ каждаго двора привезти потребное количество лѣса, лубья, дору и тесу, и всякій крестьянинъ, оставя хлѣбопашество, долженъ съ плачемъ ѣхать и поставить то, что съ него назначено. Послѣ того ихъ принуждаютъ строить безденежно и на своемъ хлѣбѣ. По постройкѣ такой фабрики, ихъ же заставляютъ работать на ней тоже безденежно. Это особенно случается тогда, когда владѣлецъ той фабрики, для ея устройства, войдетъ въ долгъ, между тѣмъ какъ вести фабрику секрета не знаетъ".

По поводу этихъ споровъ любопытное мнѣніе высказалъ депутатъ отъ Коммерцъ-Коллегіи, Межениновъ: „Нѣкоторые господа депутаты разсуждали о томъ, дворянамъ или купцамъ свойственнѣе держать фабрики и заводы, и не будетъ ли честному имени дворянскому такая торговля постыдна. Разсуждать объ этомъ казалось бы совершенно напрасно. Пускай бы всѣ искали своей пользы,—и въ этомъ нѣтъ никакого никому стыда, только бы одинъ другому не дѣлалъ помѣшательства. Всего бы лучше было, если бы дворяне заводили такія фабрики, какихъ еще не существуетъ въ Россіи; но нашъ Русскій народъ въ этомъ случаѣ подобенъ птицамъ, которыя, найдя кусокъ хлѣба, до тѣхъ поръ одна у другой его отнимаютъ, пока, раскроша всѣ самыя мелкія крупинки, смѣшаютъ ихъ съ пескомъ или землею и совсѣмъ растеряютъ. Назадъ тому съ небольшимъ лѣтъ двадцать, дворяне, узнавъ, что отъ парусныхъ полотенъ получается большая прибыль, и не сообразивъ, что такихъ фабрикъ уже устроено было очень много, такъ-что фабриканты почти не знали, куда имъ дѣваться со своими полотнами (но какимъ же образомъ получалась большая прибыль, прельстившая дворянъ?), стали также заводить такія фабрики, и до тѣхъ поръ не увидѣли своей ошибки, пока вконецъ отъ нихъ не разорились. То же самое начали нынѣ дѣлать съ солдатскими суконами. Едва только бѣдные суконные фабриканты, послѣ многолѣтнихъ стараній и огромныхъ затратъ для устройства своихъ фабрикъ, начали получать плоды трудовъ своихъ, какъ дворяне, позавидовавъ тому, такія же фабрики стали заводить, и этимъ отняли у прежнихъ фабрикантовъ всякую надежду на прибыль. Поэтому-то, какъ кажется, и не надобно позволять дворянамъ устраивать фабрики и заводы, чтобъ они, изъ ревности одинъ противъ другого и неумѣреннымъ производствомъ не только старыхъ фабрикантовъ, но и сами себя не разоряли, а чрезъ то и земледѣліе, которое нужно всякой фабрикѣ, не оставили. Желѣзныхъ заводовъ уже заведено такъ много, что за расходомъ домашнихъ и за отпускомъ въ чужіе края годъ-отъ-году залеживается значительное количество желѣза. На что бы, кажется, прибавлять еще худые заводы, когда и хорошихъ весьма много?—развѣ для искорененія лѣсовъ, чтобы потомки наши вмѣсто дровъ топили соломою".

Тотъ же Межениновъ указалъ на разныя явленія, отъ которыхъ происходитъ вредъ торговлѣ, большой убытокъ купцамъ: 1) извозчики, забравши отъ хозяевъ большую часть договоренныхъ денегъ, не довезя, подъ разными предлогами, взятыхъ товаровъ до назначеннаго по договору мѣста, складываютъ ихъ на дорогѣ у своихъ сообщниковъ крестьянъ, живущихъ по тѣмъ трактамъ, и у нихъ берутъ недоплаченныя хозяевами деньги въ такомъ количествѣ, въ какомъ вздумаютъ потребовать. Крестьяне, принявши товары на сохраненіе, расхитивъ немалую ихъ часть, не отдаютъ хозяевамъ остальныхъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не заплатятъ имъ все то, чего они потребуютъ какъ за сбереженіе товаровъ, такъ и за отданныя извощикамъ деньги. Такимъ образомъ, бѣдные купцы, сверхъ значительнаго убытка, остаются еще въ отвѣтственности за недовозъ тѣхъ товаровъ къ пристани и за неисполненіе контрактовъ. Между тѣмъ, купцы не имѣютъ никакихъ способовъ къ отвращенію этого убытка, ибо такого большого числа подводъ, сколько имъ бываетъ нужно, съ письменными обязательствами или съ поручительствомъ набрать весьма трудно и некогда. 2) Когда плывущіе по рѣкамъ съ товарами суда повредятъ или встрѣтятъ надобность облегчить себя за мелководіемъ, то владѣльцы прибрежныхъ земель не позволяютъ выгружаться на берега свои безъ платы, и притомъ еще не допускаютъ къ работѣ стороннихъ людей, принуждаютъ брать ихъ крестьянъ, которые требуютъ большую цѣну; 3) тѣ же владѣльцы не допускаютъ тяги судовъ хозяйскими лошадьми для того, чтобъ у нихъ нанимали лошадей за непомѣрную плату.

Депутатъ города Яранска, Антоновъ, темными

красками изобразилъ положеніе купца вообще: „Положено купцу за безчестье платить первой гильдіи по семи, второй — по шести и третьей — по пяти рублей человѣку. Поэтому купечество находится въ крайнемъ пренебреженіи и опасности, ибо купцамъ нерѣдко случается выносить не только безчестье, но иногда жестокіе побои и увѣчье отъ разнаго рода людей, которые не удерживаются никакимъ препятствіемъ и опасеніемъ взысканія. Хотя нѣкоторые изъ купечества и могли бы отыскивать по суду удовлетворенія за обиду, но только изъ этого имъ никакой пользы быть не можетъ, кромѣ потери времени и убытковъ, потому что судебное производство и постановленіе рѣшенія не можетъ быть менѣе полугода Но когда и кончится такое дѣло, то, хотя бы то былъ и первой гильдіи купецъ,—получитъ за безчестье семь рублей, а между тѣмъ за то время, въ которое надобно имѣть хожденіе за дѣломъ, онъ потеряетъ несравненно болѣе въ своихъ торговыхъ оборотахъ и, сверхъ того, будетъ находиться въ большой опасности потерпѣть отмщеніе ругательствомъ и побоями, какъ это и бываетъ на самомъ дѣлѣ". Антоновъ требовалъ увеличенія платы за безчестье купцамъ. Депутатъ отъ города Кронштадта, Рыбниковъ, говорилъ, что русское купечество находится въ совершенно другомъ состояніи, чѣмъ купцы другихъ европейскихъ государствъ. Русское купечество не имѣетъ ни надлежащей свободы, ни достаточныхъ привилегій и несетъ службу при казенныхъ сборахъ. Депутатъ города Серпейска, Глинковъ, считалъ нужнымъ дать шпаги фабрикантамъ и купцамъ первой гильдіи, потому что они, сверхъ обыкновеннаго своего платежа, платятъ еще за бѣдныхъ отъ десяти до пятнадцати душъ и больше, также при портахъ ведутъ торгъ съ иностранными купцами. „Нѣмцы же, видя русскаго купца безъ шпаги, оказываютъ ему пренебреженіе, а особливо на биржѣ. Когда иностранный купецъ стоитъ съ русскимъ, то кажется какъ будто онъ стоитъ съ своимъ слугою и обращается съ нимъ свысока".

На жалобы купцовъ князь Мих. Мих. Щербатовъ отвѣчалъ нападкою на ихъ собственное нерадѣніе: „Отвѣчали ли русскіе купцы попеченіямъ Петра Великаго; учредили ли они конторы въ другихъ государствахъ; имѣютъ ли корреспондентовъ для полученія свѣдѣній, какіе куда надобятся товары и въ какомъ количествѣ; посылали ли дѣтей своихъ учиться торговлѣ?—нѣтъ: они ничего этого не сдѣлали. Поэтому напрасно жалуются, будто бы крестьяне и прочіе разночинцы отнимаютъ у купцовъ всѣ способы къ торговлѣ. Вся внѣшняя торговля остается у нихъ въ рукахъ. И не стыдно ли намъ, здѣсь собраннымъ Россіянамъ, слышать, что Гамбургцы и Голландцы, будучи отдаленнѣе отъ Ледянаго моря, чѣмъ мы отъ Колы, на 15 или 18 градусовъ по прямой линіи, кромѣ обхода Норвегіи, приходятъ бить китовъ и получаютъ себѣ прибыль почти у нашихъ береговъ, несмотря на то, что вооруженіе судовъ и договоры съ матросами обходятся имъ весьма дорого. Какъ же было бы прибыльно русскимъ купцамъ предпринять такой торгъ и по близости мѣста, и по дешевизнѣ найма матросовъ, и по дешевизнѣ дровъ для перетопки сала. Вотъ истинные ключи богатства купцовъ! Пусть они обратятся къ нимъ,—и тогда увидятъ, что дѣйствительная польза отечества сопряжена съ ихъ обогащеніемъ". О поведеніи богатыхъ купцовъ, для которыхъ требовались шпаги, симбирскій депутатъ Ларіоновъ сообщилъ слѣдующія извѣстія: „Нѣкоторые коронные повѣренные, имѣя у себя въ услуженіи купцовъ и насчитывая на нихъ беззаконно большія суммы денегъ, держатъ ихъ, какъ будто за самыя важныя дѣла, въ подземельныхъ тюрьмахъ по осьми мѣсяцевъ и болѣе скованными, стращаютъ тѣлеснымъ наказаніемъ и никого къ нимъ не допускаютъ, что извѣстно Камеръ-Коллегіи. У купечества европейскихъ государствъ, и даже въ странахъ азіятскихъ, приказчики почитаются какъ дѣти. Поэтому я предлагаю внести въ законъ, чтобы богатый купецъ, имѣющій у себя въ наймѣ приказчиковъ изъ купечества, не только не могъ мучительски поступать, но и дѣлать что-либо злое. Если же у нихъ произойдетъ какой споръ въ счетахъ, то повелѣно было бы разбирать его магистрату".

Изъ требованій государственныхъ, или черносошныхъ крестьянъ общимъ было улучшеніе суда: „Мы", писали крестьяне Казанскаго уѣзда, „и какъ народъ безгласный и несвѣдущій въ законахъ, продавая послѣднее, нанимаемъ для хожденія по дѣламъ повѣренныхъ; а эти повѣренные какъ челобитчика, такъ и отвѣтчика обманываютъ и разоряютъ; кромѣ того, по этимъ дѣламъ собираются свидѣтели, требуется много справокъ,—и оттого дѣла тянутся, челобитчикъ и отвѣтчикъ разоряются и доходятъ дотого, что бываютъ не въ состояніи не только платить государственныя подати, но и пропитать себя". Они просили, чтобъ въ дѣлахъ не свыше 30 рублей, кромѣ воровскихъ, дозволено было имъ судиться между собою, и для того выбирать имъ изъ себя достойнаго человѣка. Другіе требовали, чтобъ разбирательство домашнихъ ссоръ, незначительныхъ дѣлъ по долгамъ, о раздѣлѣ сѣнокосовъ было предоставлено ихъ старостамъ. Депутатъ новокрещенныхъ Вотяковъ, Ивановъ, предлагалъ дать крестьянамъ право судиться словеснымъ судомъ въ дѣлахъ не свыше 30 рублей, и для того самимъ крестьянамъ выбирать въ каждой сотнѣ по одному судьѣ, которому предоставить право виновныхъ по закону наказывать и тяжущихся мирить. Ивановъ считалъ неудобнымъ опредѣлять въ судьи къ крестьянамъ дворянъ или чиновниковъ на жалованьи, потому что эти дворяне или коммисары поступаютъ по своимъ обычаямъ: требуютъ подводъ, съѣстныхъ припасовъ и прочаго; крестьянинъ же спорить не смѣетъ, а ежели и станетъ что-нибудь говорить, то они начинаютъ его бить за то, будто онъ гово-

ритъ неучтиво. Когда депутатъ отъ Ревизіонъ-Коллегіи, Карташовъ, выразилъ мнѣніе, что надобно ограничить извѣстными правилами рубку лѣса, ловлю звѣрей и птицъ, то депутатъ черносошныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, Чупровъ, замѣтилъ: „Если ловлю дозволить во всякое время, то звѣрей и птицъ не убавится, а если запретить, то не прибавится, потому что уменьшеніе и умноженіе состоитъ во власти Всемогущаго Бога“.

Голосовъ крѣпостныхъ крестьянъ не было слышно: отъ нихъ не было депутатовъ. Мы видѣли, какъ измѣнена была первоначальная редакція Наказа императрицы въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ говорилось о крѣпостныхъ крестьянахъ. Между статьями депутатскихъ наказовъ отъ правительственныхъ мѣстъ встрѣчаемъ одну статью, относящуюся къ облегченію участи крѣпостныхъ,—статью о учиненіи закона, какъ поступать въ случаѣ того, когда отъ побой помѣщика случится людямъ смерть. По поводу вопроса о бѣглыхъ, депутатъ козловскаго дворянства, Коробьинъ, какъ на причину бѣгства указалъ жестокое обхожденіе помѣщиковъ съ крестьянами, указалъ на слишкомъ большіе оброки, указалъ на случаи, когда задолжавшіе помѣщики отдаютъ крестьянъ для заработыванія денегъ на уплату однихъ процентовъ и такимъ образомъ отлучаютъ ихъ отъ земледѣлія; указалъ случаи, когда помѣщики отнимали у крестьянъ добытое трудомъ имущество. Ссылаясь на статьи Наказа императрицы, Коробьинъ предлагалъ ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ крестьянъ. 18 голосовъ было подано противъ Коробьина и только три за него; указывали на невозможность раздѣлить два права: оставить у помѣщиковъ власть надъ лицомъ, и отнять ее надъ имѣніемъ этого лица. Мы видѣли, что дворяне требовали для себя исключительнаго права владѣть людьми, какъ главнаго своего права,—права быть господами. Но купцы требовали и себѣ этого права, выставляя необходимость. Депутатъ города Яранска, Антоновъ, говорилъ: „По существующимъ законамъ, купечество не имѣетъ права покупать крѣпостныхъ дворовыхъ людей и владѣть ими, тогда какъ купцамъ настоитъ крайняя надобность ихъ имѣть. Купечество нанимаетъ крестьянъ за большія деньги; но такихъ вольнонаемныхъ людей очень мало, и по большей части это такіе люди, которые имѣютъ крайнюю нужду въ деньгахъ и отдаются въ наемъ съ тѣмъ, чтобъ имъ выдано было впередъ нужное количество денегъ, которыя они будутъ заживать; но многіе изъ нихъ, не заработавъ этихъ денегъ, убѣгаютъ отъ хозяевъ. Да и когда живутъ у хозяевъ, зная, что они не крѣпостные и, потому, не имѣя никакого страха, своевольничаютъ и доставляютъ хозяевамъ много хлопотъ, ибо надобно на нихъ жаловаться въ судѣ, что разорительно и ведетъ къ потерѣ времени. На такихъ наемниковъ купечество ни въ чемъ не можетъ положиться, и когда надобно отправить товары или переслать деньги, то наемниковъ употребить на это дѣло нельзя, и хозяева бываютъ принуждены, оставя свои крайнія надобности, ѣхать сами или отложить отправленіе товаровъ и денегъ подъ страхомъ потерять довѣріе“. Депутатъ отъ города Сернейска, Глинковъ, говорилъ: „Къ фабрикамъ непремѣнно надобно опредѣлить указное число крѣпостныхъ людей, потому что мастера должны быть крѣпостные, и въ случаѣ смерти одного изъ нихъ надобно заблаговременно имѣть на его мѣсто другого, ибо когда я обучу чужого и открою ему секретъ, то онъ можетъ отойти къ другому фабриканту или требовать такихъ большихъ денегъ, какихъ фабрика заплатить не въ состояніи. Полезно постановить, чтобъ купечеству первой гильдіи покупать крѣпостныхъ работниковъ отъ трехъ до пяти душъ, ибо купечество, торгующее въ портахъ, хотя и нанимаетъ приказчиковъ для принятія и отпуска товаровъ, но часто эти приказчики, собравъ деньги, не приходятъ къ разсчету. Купцы, не имѣя возможности оставить своего торга, лишены способовъ преслѣдовать ихъ и съ ними судиться—и отъ этого принуждены бываютъ терпѣть убытокъ. Они нанимаютъ къ себѣ въ домъ для прислуги помѣщичьихъ крестьянъ, которые рѣдко бываютъ исправными слугами:—по большей части оказываются лѣнивцами, а многіе изъ нихъ приводятъ воровъ въ дома своихъ хозяевъ“.

Требованія купцовъ, разумѣется, встрѣтили сильныя возраженія со стороны дворянъ, стоявшихъ за принципъ, что право владѣть людьми, быть господами, принадлежитъ имъ однимъ. Князь Мих. Мих. Щербатовъ говорилъ: „Дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены (слова Наказа), и всѣ права и преимущества дворянскаго сословія должны истекать изъ этого начальнаго правила. Это названіе обязываетъ дворянъ служить отечеству и государю съ особливымъ усердіемъ и для того воспитаніемъ своимъ стараться приготовить себя быть способными къ такой службѣ и къ управленію другими подданными своего монарха. Чрезъ это они пріобрѣтаютъ, между прочимъ, право имѣть деревни и рабовъ, дабы, научась съ младенчества управлять своими деревнями, они были тѣмъ способнѣе къ управленію частями имперіи и, по своимъ обстоятельствамъ, знали всѣ нужды разныхъ родовъ людей государства. Въ Наказѣ изображено, что въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ. И такъ ясно оказывается, что мѣщане, между которыми считаются и купцы, должны имѣть вышеписанныя упражненія и производить ихъ самолично, а не чрезъ невольныхъ людей. Но требуемое для купцовъ право сдѣлаетъ неволю низшаго рода людей еще болѣе чувствительною тѣмъ, что они, по продажѣ ихъ, принуждены будутъ служить такимъ людямъ, которыхъ они недавно видѣли себѣ равными. Обратимъ взоры наши на человѣчество и устыдимся одной мысли дойти до

такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и поодиночкѣ былъ продаваемъ. Мы—люди, и подвластные намъ крестьяне—суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе. Но съ этимъ неоспоримымъ правиломъ будетъ ли сходствовать такой поступокъ, когда господинъ, единственно для своего прибытка, возьметъ отъ родителей кого-либо мужескаго или женскаго пола и, подобно скотинѣ, продастъ его другому. Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ волнуется, и я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная Коммисія узаконитъ запрещеніе продавать людей поодиночкѣ безъ земли. Мнѣ удивительно, будто наемные люди не столь вѣрны своимъ господамъ, какъ собственные. Это похоже на то, какъ если бы кто сказалъ, что охотнѣе работаютъ поневолѣ, чѣмъ по склонности. Вольный человѣкъ если мнѣ служитъ, и особенно долгое время, служитъ, независимо отъ жалованья, по усердію; а въ невольника я и проникнуть не могу, усерденъ ли онъ ко мнѣ или нѣтъ. И какъ можно сказать, чтобы безъ такихъ невольныхъ людей купцамъ невозможно обойтись, когда видимъ цѣлую Европу, гдѣ никто невольныхъ людей не имѣетъ; однако никто не жалуется ни на невозможность обойтись безъ нихъ, ни на недостатокъ усердія вольныхъ". Взаключеніе кн. Щербатовъ говорилъ: „Крестьянъ въ подушномъ окладѣ считается теперь около 7 милліоновъ пяти сотъ тысячъ; дворянъ, духовенства, купцовъ, военныхъ, всякаго званія людей и чужестранцевъ можно положить до одного милліона. Если положить самое большое число, то нельзя думать, чтобы между крестьянами было болѣе четырехъ милліоновъ душъ работниковъ. Изъ этого числа надобно выключить людей, находящихся въ службѣ у своихъ господъ, приписанныхъ къ фабрикамъ, беземельныхъ, ходящихъ на необходимыя работы, какъ-то: плотниковъ, каменщиковъ, кирпичниковъ и проч. Всѣ они могутъ простираться до семи сотъ тысячъ. Если выключимъ это число изъ четырехъ милліоновъ, то дѣйствительныхъ земледѣльцевъ будетъ три милліона триста тысячъ человѣкъ, слѣдовательно каждый пахарь долженъ приготовить хлѣба слишкомъ на пять человѣкъ. Если же дозволить купцамъ покупать себѣ людей и положить, что изъ 20,000 каждый купитъ себѣ по двѣ семьи, то чрезъ это убавится еще 40,000 пахарей".

Но купцы не тронулись этими доводами, не отстали отъ своихъ требованій! Казаки требовали также права имѣть крѣпостныхъ людей. Наконецъ потребовало этого права и духовенство!

Такое рѣшеніе вопроса о крѣпостномъ состояніи выборными Русской Земли въ половинѣ прошлаго вѣка происходило отъ неразвитости нравственной, политической и экономической. Владѣть людьми, имѣть рабовъ считалось высшимъ правомъ, считалось царственнымъ положеніемъ, искупавшимъ всякія другія политическія и общественныя неудобства,—правомъ, которымъ потому не хотѣлось дѣлиться со многими и такимъ образомъ ронять его цѣну. Право было такъ драгоцѣнно, положеніе такъ почетно и выгодно, что и лучшіе люди закрывали глаза на страшныя злоупотребленія, которыя естественно и необходимо истекали изъ этого права и положенія. Представленія, которыя должны были мало-по-малу подорвать цѣнность этого права и положенія въ глазахъ лучшихъ людей, только еще начинали—и очень слабо начинали проникать въ общество; то было представленіе научное о государствѣ, о высшей власти и отношеніи ея къ подданнымъ, отношеніи, непохожемъ на отношеніе помѣщика къ крѣпостнымъ и отнимавшемъ у послѣдняго царственный колоритъ; потомъ представленіе о рабствѣ, какъ печати варварскаго общества, представленіе оскорбительное для людей, имѣющихъ притязанія на образованность; представленіе о народности, о чести и славѣ народной, состоящихъ не въ томъ, чтобъ всѣхъ бить и угнетать, а въ содѣйствіи тому, чтобы какъ можно меньше били и угнетали. Чтобы всѣ эти представленія, усиливаемыя все болѣе и болѣе европейскою жизнію народовъ сообща и распространеніемъ просвѣщенія, мало-по малу подкопали представленіе о высокости права владѣть рабами, то для этого нужно было пройти еще вѣку.

Кромѣ означенной неразвитости, благопріятному рѣшенію вопроса о крѣпостныхъ крестьянахъ могущественно препятствовала неразвитость экономическая. Съ начала нашей исторіи мы замѣчаемъ въ Россіи явленіе, ведущее ко многимъ очень печальнымъ послѣдствіямъ: это несоотвѣтствіе обширности страны съ количествомъ народонаселенія. Небольшое народонаселеніе разбрасывается въ обширнѣйшей странѣ, все болѣе и болѣе увеличивающейся—пустынями. Рукъ недостаетъ для дѣла, и никакое дѣло не спорится при отсутствіи дѣятельности сообща. Земля дешева, работникъ дорогъ, его едва станетъ на удовлетвореніе первыхъ нуждъ общества; о промышленномъ развитіи нечего и думать по недостатку рукъ,—государство осуждено оставаться земледѣльческимъ, сельскимъ, бѣднымъ. Работникъ дорогъ; его приманиваютъ и переманиваютъ; наконецъ, чтобъ небогатый служилый человѣкъ имѣлъ на своей землѣ постояннаго работника, котораго бы не могъ перемачить отъ него богатый сосѣдъ, работника прикрѣпляютъ къ землѣ. Крѣпостной работникъ бѣжитъ; его продолжаютъ переманивать, укрывать, засылать подальше, гдѣ бы его не нашли; владѣльцы бѣжавшихъ вопятъ, требуютъ помощи правительства въ поимкѣ бѣглыхъ,—и Россія представляетъ любопытное зрѣлище гоньбы за человѣкомъ, за рабочею силою, стремленія пріобрѣсти, поймать, усадить, прикрѣпить работника. Русское общество живетъ въ томъ періодѣ, гдѣ рабство составляетъ обычное явленіе. Общество вышло изъ первоначальнаго

быта, когда каждая семья или родъ удовлетворяли всѣмъ своимъ неприхотливымъ потребностямъ, и не достигло еще цивилизаціи, раздѣленія труда, условливаемыхъ значительнымъ народонаселеніемъ. Человѣку въ такомъ обществѣ важнѣе всего имѣть въ своемъ обладаніи живую, разумную силу, которая бы избавляла его отъ работы, начавшей, при появленіи сословій, считаться низкою. При экономической неразвитости, хозяйство каждой отдѣльной семьи должно удовлетворять почти всѣмъ ея потребностямъ, и это удовлетвореніе всего удобнѣе происходитъ посредствомъ рабовъ; чѣмъ болѣе около человѣка живыхъ разумныхъ силъ, находящихся въ полной отъ него зависимости,—тѣмъ онъ самостоятельнѣе, независимѣе, сильнѣе, знатнѣе; право владѣть такими силами становится самымъ дорогимъ правомъ. Въ такомъ положеніи находилась Россія, когда сознанная необходимость вывести ее изъ бѣдности, безпомощности земледѣльческаго государства повела къ преобразованію, имѣвшему цѣлью ослабить односторонность земледѣльческаго характера торговымъ и промышленнымъ развитіемъ. Но явленіе, которое было такъ выпукло въ древней Россіи, перешло и въ новую, государство было бѣдно людьми, и когда явились фабрики, заводы, мореплаваніе,—для всего этого понадобились постоянные крѣпостные работники; вольныхъ негдѣ было взять, и къ фабрикамъ, заводамъ прикрѣпляютъ крестьянъ, какъ въ XVI вѣкѣ прикрѣпили ихъ къ землѣ. Еще прежде мы приводили любопытную просьбу хозяина корабля, чтобъ ему оставили крѣпостныхъ матросовъ: онъ ихъ съ малолѣтства выучилъ трудному ремеслу; если у него ихъ отнимутъ, то онъ не найдетъ вольнонаемныхъ; никакой вольный человѣкъ не согласится идти на такое трудное занятіе, учиться ему,—и надобно было бросать корабль, морскую торговлю, столь выгодную для государства. Купцы требуютъ крѣпостныхъ работниковъ, приказчиковъ, ссылаясь на то, что на вольныхъ положиться нельзя. Дворяне, желающіе оставить право владѣть людьми исключительно за собою, теоретически побѣдоносно опровергаютъ причины, приводимыя купцами; но практически послѣдніе были правы: вольнонаемнымъ трудомъ пробавиться было нельзя, не было выбора между вольными людьми,—ихъ было очень мало, надобно было брать, кого попало. Притомъ, разсматривая какое-нибудь явленіе въ извѣстное время въ извѣстномъ обществѣ, надобно обращать вниманіе на всѣ другія окружающія явленія, на состояніе правосудія и администраціи: съ своимъ человѣкомъ не было суда, а съ вольнымъ — судъ; но при словѣ „судъ" вздрагивалъ Русскій человѣкъ XVIII вѣка. Недаромъ же въ Русской Правдѣ было постановлено, что вольный человѣкъ, пошедшій въ ключники къ другому, тѣмъ самымъ становился холопомъ его: вольный ключникъ не допускался. Заявленіе купцовъ въ Коммисіи объ Уложеніи, что на вольнаго приказчика положиться нельзя, указываетъ, что условія, въ которыхъ появилась Русская Правда, не совсѣмъ еще исчезли и во времена Коммисіи объ Уложеніи, въ которой отъ дворянства, купечества и духовенства послышался этотъ дружный и страшно-печальный крикъ: „рабовъ!".

Разумѣется, этотъ крикъ долженъ былъ прежде всего смутить автора „Наказа" [1]), хотя Екатерина была уже къ нему приготовлена, что доказываетъ измѣненіе первоначальной редакціи Наказа. Положенія Наказа были добрыя сѣмена; но, прежде чѣмъ посѣять ихъ, Екатерина хотѣла испытать почву, для чего и собраны были депутаты отовсюду; для освобожденія крѣпостныхъ почва оказалась совершенно неудобною, и Екатерина предоставила времени удобреніе почвы посредствомъ нравственно-политическаго развитія народа

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, по свидѣтельству Екатерины, былъ въ восторгѣ отъ положеній Наказа; онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ копорскаго дворянства, но не хотѣлъ или не могъ провести въ своемъ наказѣ требованія освобожденія кретьянъ. Копорскій наказъ ограничивается относительно крестьянъ требованіемъ: „За нужное находимъ учредить училище, какъ для русскихъ, такъ и для чухонскихъ дѣтей, дабы знаніемъ закона хотя мало поправить нравы ихъ. На сей конецъ, видится, можно учредить при церквахъ школы, въ которыя крестьянскія дѣти отъ 7 до 12 лѣтъ, въ зимнее время, для обученія грамотѣ и первыхъ основаній Закона, за умѣренную плату, ходить могутъ". Того же требовало и ямбургское дворянство. Наказъ псковскаго дворянства особенно распространяется о печальномъ состояніи крестьянъ: „Къ чему приступать ни вознамѣримся, во всемъ находимъ земледѣльцевъ и бѣднѣйшихъ всегдашнихъ трудниковъ разореніе и тягость. По надобности и по ненадобности, всякаго званія люди во всякое время ѣздятъ на подводахъ, обирая у крестьянъ лошадей безъ разбора; а въ случаѣ у которыхъ бѣдняковъ нѣтъ, или пала, или, что случается завсегда, замучена въ гоньбахъ, то нещадно ихъ же наказываютъ, изъясняя, что на дорогѣ не стоять. Каково же претерпѣніе бѣдному пахарю? Чтó не на чемъ везти, за то бьютъ! а не вспахавъ землю и не посѣявъ сѣмянъ, не имѣетъ ожидать, чѣмъ себя и семейство свое питать. Солдатъ, стоящій у крестьянина на квартирѣ, есть господинъ; а бѣдный земледѣлецъ, изъ страха, исполняетъ всякія приказанія. Хотя самъ не имѣетъ что ѣсть и съ семействомъ, а служивому послѣднее отдать не отказывается. Когда солдату надобно въ караулъ или въ команду, или за провіантомъ идти, хозяинъ безденежно служитъ въ подводчикахъ съ лошадью.

[1]) Отъ Екатерины остались разныя строки, выражавшія неудовольствіе ея по поводу взглядовъ членовъ Коммисіи на крѣпостныхъ людей: «Есть ли крѣпостного нельзя признать персоною, слѣд. онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано».—Собственноруч. въ Госуд. Архивѣ.

Часто случается, что солдаты, сдѣлавши къ хозяину приметки, бьютъ его и до конца разоряютъ". Мы видѣли, какъ патетически кн. Мих. Мих. Щербатовъ, настаивая, чтобъ купцы не могли получить крѣпостныхъ людей, говорилъ противъ продажи крестьянъ въ одиночку. Противъ одиночной продажи возставали и другіе депутаты, повторяя слова Петра Великаго, что такая продажа нигдѣ не ведется. Но нашелся депутатъ, который защищалъ одиночную продажу. Депутатъ отъ дворянъ Курмышскаго уѣзда, Алфимовъ, говорилъ: „Между дворянствомъ есть весьма не мало, которые имѣютъ за собой не болѣе двухъ или трехъ крестьянскихъ семей, а другіе и того меньше. Между тѣмъ, какой-нибудь изъ этихъ дворянъ по обстоятельствамъ задолжаетъ такую сумму, которую не иначе можетъ уплатить, какъ продажею изъ своихъ крестьянъ одного человѣка, и этимъ онъ сохраняетъ остальное свое имѣніе, лишась одной, а не десяти душъ или болѣе, составляющихъ одну семью. Даже между крестьянами и достаточныхъ дворянъ есть въ нѣкоторыхъ семействахъ нерадивые и склонные къ преступленіямъ. Такимъ людямъ удаленіе отъ семей служитъ наказаніемъ и удерживаетъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ".

Объясненіемъ отрицательнаго рѣшенія вопроса о крестьянской свободѣ и собственности служитъ судьба этого вопроса въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Еще въ концѣ 1765 года неизвѣстная особа (это была сама императрица) обратилась въ Общество съ вопросомъ, что полезнѣе для земледѣлія: когда земля находится въ единичномъ или въ общемъ родовомъ владѣніи, причемъ вопрошающій склоняется въ пользу перваго. Отвѣта не было. Въ слѣдующемъ году императрица, также подъ именемъ неизвѣстной особы, прислала новый вопросъ: „Въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца,— въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ?" При этомъ приложено было 1,000 червонныхъ въ награду за болѣе удовлетворительное рѣшеніе вопроса, на издержки изданія сочиненій и проч. Общество публиковало о задачѣ, предложивъ за рѣшаніе ея награду во 100 червонныхъ и медаль въ 25 червонныхъ. Но еще прежде, чѣмъ присланы были отвѣты, нетерпѣливый Сумароковъ уже прислалъ въ Общество возраженіе на самую задачу. „Задача", писалъ онъ, „до изъясненія рѣшена быть не можетъ; напримѣръ, когда спросится: потребно ли дворянину умѣть писать по-русски, такъ должно примолвить—„россійскому дворянину", ибо дворянинъ англійскій можетъ обойтись безъ русской грамоты, такъ и о крестьянахъ: свободному ли крестьянину или крѣпостному? А прежде надобно спросить: потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ людямъ свобода? На это я скажу: потребна ли канарейкѣ, забавляющей меня, вольность или потребна клѣтка; и потребна ли стерегущей мой домъ собакѣ цѣпь? Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи. Однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей: такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина. Теперь осталось рѣшить, что потребнѣе ради общаго блаженства; а потомъ ежели вольность крестьянъ лучше укрѣпленія, надобно уже рѣшить задачу объявленную. На сіе всѣ скажутъ общества сыны, да и рабы общества сами, что изъ двухъ худъ лучшее не имѣть крестьянамъ земли собственной, да и нельзя, ибо земли всѣ собственныя дворянскія; такъ еще спросъ: должны ли дворяне крестьянамъ отдавать купленныя, жалованныя, наслѣдственныя и прочія земли, когда они не хотятъ, и могутъ ли въ Россіи землями владѣть крестьяне, ибо то право дворянъ. Что же дворянинъ будетъ тогда, когда мужики и земля будутъ не его, а ему что останется? Впрочемъ, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна,—того и толковать не надлежитъ". Заявленіе Сумарокова сдано было въ архивъ.

Къ сроку, назначенному на 1 ноября 1767 года, прислано было 120 отвѣтовъ, да послѣ срока 40; сочиненія были на языкахъ: Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Латинскомъ, всего больше на Нѣмецкомъ. Лучшимъ признано единогласно сочиненіе Беарде де-Лабей (Beardé de l'Abaye), члена Дижонской академіи; но теперь явился вопросъ: печатать ли эти сочиненія и на какомъ языкѣ. Положили перевести сочиненія на Русскій языкъ и представить императрицѣ на одобреніе. Екатерина одобрила переводъ, объявила, что въ сочиненіи не находитъ ничего, чего нельзя было бы напечатать, но все же предоставляетъ Обществу рѣшить вопросъ о напечатаніи. Въ Обществѣ оказалось только три голоса за напечатаніе и 13—противъ. Но потомъ нѣкоторые члены прислали письменныя мнѣнія, причемъ двое Орловыхъ, Григорій и Владиміръ, прислали мнѣніе, что надобно напечатать на Французскомъ и Русскомъ языкахъ; баронъ Черкасовъ объявилъ себя противъ напечатанія, а генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій отозвался неспособностью рѣшить дѣло по незнанію Французскаго языка, хотя сочиненіе уже было переведено на Русскій. Графъ Романъ Воронцовъ прислалъ мнѣніе, что сочиненіе достойно напечатанія, и публика, пользуясь имъ, можетъ получить добрые плоды; за напечатаніе же были графы Чернышевы, Захаръ и Иванъ, новгородскій губернаторъ Сиверсъ и Тепловъ. Такимъ образомъ, за напечатаніе набралось 11 голосовъ, и противъ оставалось 16. Большинство было противъ; но то были вельможи сильные, особенно Орловы; сама императрица была за напечатаніе! Рѣшили дѣло меньшинствомъ голосовъ на томъ основаніи, что „тѣмъ россійскимъ господамъ, правящимъ важнѣйшими въ государствѣ должностями, которые письменно сообщили свое мнѣніе, чтобы напечатать помянутую піесу, приличествуетъ лучше и превосходнѣе, нежели прочимъ, разсуждать о такой матеріи, которая касается больше до политической,

нежели до экономической задачи". Беарде въ своемъ сочиненіи рѣшаетъ вопросъ такъ: что крестьянинъ долженъ быть свободенъ и долженъ владѣть землею; освобождать крестьянъ должно постепенно. Кромѣ сочиненій Беарде, удостоеннаго первостепенной награды, еще пять сочиненій признаны достойными наградъ второстепенныхъ, и въ ихъ числѣ одно русское—Полѣнова.

Отъ духовенства не было депутатовъ изъ различныхъ мѣстностей, оно представлялось депутатами отъ Синода. Частная коммисія приписала духовенство къ среднему роду людей. Синодъ протестовалъ, объявляя, что все духовенство, какъ бѣлое, такъ и черное, должно составлять особый классъ, и одно съ другимъ соединено такъ тѣсно, что отдѣльно существовать не могутъ; по мнѣнію Синода, духовные должны были имѣть одинакія права съ благородными. Частная коммисія отвѣчала, что, не вступая въ права церковныя, она руководилась мірскимъ взглядомъ, положила духовенство въ одномъ разрядѣ съ учеными, какъ учителей народныхъ. Но и относительно включенія ученыхъ въ средній родъ людей Академія Наукъ заявила, что ихъ нельзя подвергать поголовно подати и рекрутскому набору, ибо если ученые не будутъ имѣть большихъ выгодъ передъ ремесленниками и купцами, то нѣтъ надежды, чтобъ науки въ Россіи возрасли. Вообще объ этомъ среднемъ родѣ людей имѣли смутное понятіе, хотя много о немъ толковали. Сама императрица старалась уяснить представленія объ этомъ предметѣ исторіею и положеніемъ французскаго tiers-état [5]). Членами коммисіи о раздѣленіи родовъ государственныхъ жителей были: князь Александръ Голицынъ, графъ Ѳедоръ Орловъ, графъ Яковъ Брюсъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, Николай Свѣшниковъ. Въ засѣданіи 19 сентября Орловъ предложилъ раздѣлить коммисію на три части: первая должна заниматься дворянствомъ, которое онъ раздѣлилъ на четыре степени: князь, графъ, баронъ, дворянинъ; вторая—среднимъ родомъ, или мѣщанствомъ, здѣсь восемь степеней: бѣлое духовенство, ученые, художники, ремесленники, купцы, приказные люди, разночинцы, вольные; третья—крестьянами, между которыми двѣ степени—свободные и крѣпостные. Предложеніе Орлова было принято.

Относительно духовенства въ матеріалахъ Коммисіи находятся нѣкоторыя любопытныя предложенія, напримѣръ: о вступленіи всякимъ чинамъ въ духовные чины, а изъ духовныхъ въ свѣтскіе, и объ освобожденіи священниковъ отъ неприличныхъ работъ; о постриженіи желающихъ въ монахи безпрепятственно о содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи ему жалованья; о нетребованіи священникамъ за церковныя требы сверхъ указнаго количества денегъ; о дозволеніи священно-и церковно-служителямъ, купечеству и разнаго званія людямъ покупать крестьянъ и дворовыхъ людей. Подлѣ предложенія о запрещеніи духовному чину покупать земли встрѣчается предложеніе о возвращеніи архіерейскимъ домамъ и монастырямъ отошедшихъ отъ нихъ хлѣбопашенныхъ земель: это предложеніе шло отъ городскихъ жителей. Въ наказѣ отъ дворянъ Крапивенскаго уѣзда говорилось: „Просимъ при всѣхъ церквахъ быть ученымъ священникамъ, на довольномъ денежномъ жалованьи, для проповѣди и утвержденія во исповѣданіи вѣры Закона Божія и во отвращеніе злыхъ дѣлъ, также и въ знаніи законовъ в. и. в—ства; а гдѣ есть церковныя земли, то ихъ продать; дьячкамъ и пономарямъ обучать крестьянскихъ мужеска пола дѣтей отъ семи лѣтъ грамотѣ и писать, на содержаніи отцовъ ихъ, отчего впредь, уповательно, подлый народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ". Предлагалось, чтобъ архіереи требовали отъ священниковъ аттестатовъ о поведеніи, данныхъ прихожанами за подписью, и у кого такого аттестата не будетъ, тотъ лишался сана. Встрѣчаемъ также любопытное предложеніе объ уменьшеніи числа праздничныхъ дней и о свободномъ отправленіи службы Божіей другихъ законовъ людямъ.

Какъ надобно было ожидать, въ Коммисіи послышались сильныя жалобы на состояніе правосудія. Дворяне жаловались: на духовныхъ мы должны просить у епархіальнаго начальства, на фабрикантовъ—въ Мануфактуръ-Коллегіи, на заводчиковъ—въ Бергъ-Коллегіи, на купцовъ—въ магистратахъ, на ямщиковъ—въ Ямскомъ Приказѣ: не повелѣно ли будетъ всѣмъ судиться равно во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ? О богоненавистномъ по дѣламъ лихоимствѣ и проклятомъ лакомствѣ просить: не позволено ли будетъ во всѣхъ мѣстахъ господъ присутствующихъ, секретарей и приказныхъ служителей обязать присягою, чтобъ они ко взяткамъ не касались; виновнаго во взяточничествѣ, какъ бы мала взятка ни была, подвергать натуральной смертной казни. Депутатъ отъ галицкихъ дворянъ, Лермонтовъ, говорилъ противъ

[5]) Въ Госуд. Архивѣ Du Tiers-Etat. Le Tiers-Etat était composé de bourgeois notables, deputés des villes pour représenter le peuple dans l'assemblée. Tiers-Etat ou troisième ordre composé de magistrats municipaux, des notables bourgeois. Le Tiers-Etat, composé du peuple, était alors presque tout serf. Les souverains l'élevèrent par degrès en l'admettant aux charges. Tiers-Etat composé des bourgeois representés par les deputés des villes. Quelques personnes peu au fait des principes de cette matière, croyent que toute la robe indistinctement doit être comprise dans le Tiers-Etat ce qui est une erreur facile à refuter. Il est vrai que les gens de robe, qui ne sont pas nobles soit de naissance ou autrement, ne peuvent être placés que dans le Tiers-Etat; mais ceux qui jouissent du titre et des prerogatives de noblesse soit d'extraction ou en vertu de quelque office auquel la noblesse est attachée, ou en vertu de lettres particulières d'annoblissement, ne doivent point être confondus dans le Tiers-Etat: on ne peut leur contester le droit d'être compris dans l'ordre ou Etat de la noblesse de même que les autres nobles, de quelque profession qu'ils soyent et de quelque cause que procède leur noblesse.

Юстицъ-Коллегіи: „Отъ безчисленнаго множества дѣлъ въ означенной Коллегіи и ея конторѣ рѣдкій челобитчикъ, не понеся большого убытка, можетъ получить удовлетвореніе въ законный срокъ. Извѣстно всему собранію, что въ Юстицъ-Коллегіи и ея конторѣ отъ переноса дѣлъ больше пользуются ябедники. Они проволакиваютъ время, приводятъ челобитчиковъ въ изнеможеніе и въ крайнее разореніе. Бываетъ еще и то, что Коллегія, продержавъ дѣло немалое время, отсылаетъ его для рѣшенія въ другія судебныя мѣста". Лермонтовъ предлагалъ уничтожить Юстицъ-Коллегію, и изъ губернской канцеляріи переносить дѣло прямо въ Сенатъ; губернскимъ, провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ рѣшать дѣла непремѣнно чрезъ полгода. Депутатъ отъ ростовскихъ дворянъ, Языковъ, говорилъ: „Почитаю излишнимъ изъяснять въ подробности всѣ обстоятельства, которыя происходятъ въ судныхъ дѣлахъ отъ выдумокъ ябедниковъ и стряпчихъ. Къ этому надобно прибавить поговорку: не бойся суда, а бойся судьи. Не благоволено ли будетъ постановить, чтобы рѣшеніе суда производимо было по одной только челобитной истца и по письменному объясненію отвѣтчика, которому дана будетъ копія съ поданнаго на него челобитья и срокъ для справки и написанія отвѣта". Депутатъ отъ Малороссійской Коллегіи, Натальинъ, предлагалъ, чтобъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ быть съ истцовой и отвѣтчиковой стороны присяжнымъ адвокатамъ, состоянія честнаго, знающимъ законы и которые были бы въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Къ этому депутатъ отъ дворянъ Бахмутскаго гусарскаго полка, Рашковичъ, прибавилъ, чтобъ стряпчими въ судебныя мѣста принимать такихъ, которые обучались юриспруденціи въ Академіи Наукъ, были экзаменованы и приведены къ присягѣ. Депутатъ отъ дворянъ Гороховецкаго уѣзда, Протасовъ, предлагалъ учрежденіе мировыхъ судей, по примѣру Англіи и Голландіи. Но если были сильныя жалобы на судей, что они волочатъ дѣла по 10 лѣтъ, не каждый день всѣ приходятъ въ присутствіе, репортуясь больными, а между тѣмъ ѣздятъ въ гости или куда-нибудь,—то были и защитники судей, складывавшіе вину медленности на самихъ тяжущихся: истецъ и отвѣтчикъ, подъ разными предлогами, сами отсрочиваютъ ходъ своего дѣла; во время производства ябедническими и коварными вымыслами объявляютъ подозрѣніе на нѣкоторыхъ присутствующихъ, а иногда и на всѣхъ; не имѣютъ за своимъ дѣломъ хожденія, не представляютъ на производство дѣлъ гербовой бумаги.

Мы видѣли, какъ сильно авторъ Наказа вооружался противъ пытки, какъ и прежде указами вводились ея ограниченія, но въ частныхъ наказахъ встрѣчаемъ требованія уничтожить эти нововведенія, эти ограниченія. Такъ, въ наказѣ дворянъ Верейскаго уѣзда говорилось: „Не соизволено ли будетъ приводнымъ разбойникамъ и татямъ, по прежнимъ узаконеніямъ, для большаго страха и всеконечнаго пресѣченія злодѣйствъ, производить въ губернскихъ, провинціальныхъ и приписныхъ канцеляріяхъ, безъ увѣщаній, пытки, потому что безъ того никакого злодѣянія искоренить и въ страхъ злодѣевъ привести нельзя. Многіе воры, пойманные и приведенные съ поличнымъ, въ кражѣ только того поличнаго и винятся, а прежнія воровства скрываютъ". Въ наказѣ кинешемскаго дворянства указывалось на умноженіе воровства и разбоевъ именно оттого, что запрещено было производить пытки въ приписныхъ городахъ. Суздальское дворянство въ своемъ наказѣ жаловалось на уничтоженіе смертной казни и ограниченіе пытокъ, ибо „нѣкоторые, не видя смертоубійцамъ достойнаго истязанія и казни, чинятъ не токмо постороннимъ, но люди и крестьяне своимъ помѣщикамъ и помѣщицамъ смертныя убійства и мучительныя притомъ поруганія, и разбои, и грабежи, и такое воровство время-отъ-времени умножается". Дворянство наказываетъ своему депутату просить защиты, и таковымъ злодѣямъ пріумножить истязанія и по дѣламъ ихъ достойнаго воздаянія. Въ наказѣ крапивинскаго дворянства говорилось: „Для скорѣйшаго рѣшенія, а злодѣевъ искорененія, въ страхъ другимъ, не повелѣно-ль будетъ попрежнему быть въ уѣздныхъ городахъ розыскамъ и экзекуціямъ; а увѣщанія отмѣнить для того, что подлый народъ неученъ и не знающій закона и отъ увѣщеванія истины не объявитъ, отъ чего умножилось разныхъ злодѣевъ; а повелѣно-бъ было попрежнему разыскивать". Въ нѣкоторыхъ наказахъ требовалось ограниченіе тѣлеснаго наказанія, пытокъ и смертной казни въ сословномъ смыслѣ, избавленія отъ нихъ однихъ только дворянъ. На это депутаты отъ городовъ заявили: „Законы тѣ истинные, которые основаны на правдѣ и согласны съ священнымъ и естественнымъ закономъ; священный же и естественный законы весьма не терпятъ лицепріятій и не смотрятъ на лице, но единственно на правду. Воръ всегда воръ, хотя подлый, хотя благородный, развѣ потому только имѣютъ различіе, что подлый не столько понимать можетъ важность грѣха и преступленія отъ невѣдѣнія Божіяго и государева законовъ, какъ благородный, свѣдущій и то и другое; да и благородство натурально тогда только есть, когда съ честію своею согласныя дѣла производитъ, слѣдовательно когда онъ (благородный) какое подлое сдѣлаетъ злодѣйство, то тотчасъ врожденная мысль и вопіетъ, что онъ жесточайшему еще наказанію подлежитъ, нежели подлый, который часто, выключая невѣдѣніе, и отъ крайней нужды преступаетъ. Россія имѣетъ въ себѣ по власти Божіей отъ вѣка монархическое, а не аристократическое владѣніе, и какъ подлый, такъ и благородный, словомъ—всякаго рода и достоинства люди—всѣ равно подданнѣйшіе рабы всемилостивѣйшей государыни".

Требовали пытокъ и жестокихъ наказаній ворамъ и разбойникамъ, жаловались на умноженіе ихъ числа, и, въ то же время, прямо указывали на

главный источникъ зла, который однако всѣми силами старались сохранить. „Просимъ", говорили дворяне, „изыскать надежнѣйшие способы и издать новые законы къ искорененію воровъ и разбойниковъ, и тѣмъ избавить насъ отъ чинимаго тѣми злодѣями всему обществу вреда, которому, по большей части, бываютъ виною бѣглые разнаго званія люди; а наиболѣе есть самый корень того зла держатели и укрыватели бѣглыхъ. Просимъ объ искорененіи разбойниковъ, воровъ, грабителей и всякаго рода злодѣевъ, ибо опасеніе отъ оныхъ препятствуетъ весьма много дворянству имѣть пріѣздъ и жительство въ деревняхъ своихъ, а отъ сего самаго упадаетъ и отъ-часу уменьшается деревенская экономія; живущіе же въ деревняхъ или по нуждѣ, или за неимѣніемъ другого пристанища принуждены имѣть, для охраненія себя и дома, дворовыхъ людей на своемъ запасномъ хлѣбѣ болѣе надлежащаго числа, чрезъ что и сами разоряются, и уменьшаютъ число крестьянъ и пахарей. А хотя о истребленіи воровъ и разбойниковъ узаконеніе и есть, но помощи мало, ибо о нарядахъ надлежащихъ командъ, для сыска и поимки злодѣевъ, дѣлаются распоряженія столь медленно, что злодѣи успѣваютъ, разграбя многихъ, уйти на такой же промыслъ въ другія мѣста и уѣзды. Дворянамъ же и крестьянамъ ловить оныхъ злодѣевъ опасно, трудно и почти невозможно, ибо когда оные злодѣи, коимъ-либо образомъ пойманные, въ городъ привожены бываютъ, то или на росписки выпускаются, или, за неимѣніемъ настоящаго караула, сами изъ тюрьмъ уходятъ и мучительнымъ образомъ отмщаютъ дворянамъ и крестьянамъ, о нихъ донесшимъ или ихъ изымавшимъ".

Независимо отъ жалобъ на воровство и разбои, въ дворянскихъ наказахъ—сильныя жалобы на бѣгство и укрываніе крестьянъ: „О бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ отъ многихъ лѣтъ строжайшими указами запрещено принимать и держать, но ничто не удерживаетъ отъ принимания и держанія и понынѣ. Отъ многихъ дворянъ крѣпостныя ихъ женки и вдовы, и отъ мужей жены и дѣвки, чиня у своихъ господъ многимъ дорогимъ вещамъ и деньгамъ кражи, уходятъ и въ побѣгѣ выходятъ замужъ за солдатъ, слыша, что о возвращеніи ихъ точнаго узаконенія нѣтъ, отчего бѣдные дворяне несутъ великіе убытки, а паче досады и ругательства отъ своихъ крѣпостныхъ рабовъ, а другіе, на то взирая, къ побѣгу имѣютъ большое поползновеніе. Бѣгаютъ по близости заграницу въ Польшу, ибо всѣмъ русскимъ крестьянамъ извѣстны польскіе обычаи, что всякій имѣетъ винную и соляную продажу и что набора рекрутскаго не бываетъ, равно и сборовъ для платежа казенныхъ податей. Прельщаемые этимъ, здѣшніе крестьяне, безъ всякаго отъ владѣльцевъ своихъ отягощенія, безпрестанно туда бѣгаютъ, не только одиночками или семьями, но и цѣлыми деревнями со всѣмъ имуществомъ, и при побѣгахъ помѣщиковъ своихъ явно грабятъ и разоряютъ, другіе тайно обкрадываютъ. Нѣкоторые, собирая тамъ разбойническія немалыя партіи, явно приходя оттуда въ Россію, разбиваютъ и грабятъ крестьянскіе и помѣщичьи домы, и возвращаются опять въ свое убѣжище, гдѣ ихъ польскіе владѣльцы охотно принимаютъ, отбирая у нихъ ту добычу. Жиды понѣскольку русскихъ бѣглецовъ имѣютъ у себя въ услуженіи. Вышедшіе изъ Польши бѣглые помѣщичьи крестьяне по указу 1763 года и поселившіеся на пустыхъ земляхъ по польской границѣ оказались въ подговорѣ какъ пограничныхъ, такъ и живущихъ отъ границъ верстъ за 200 крестьянъ, въ проводѣ ихъ со всѣми семействами въ Польшу, въ пристанодержаніи воровъ и разбойниковъ и въ подводѣ злодѣйскихъ партій для разоренія здѣшнихъ жителей.—Другіе бѣгаютъ внутрь государства. Многіе бѣгаютъ въ Чухонщину и Лифляндію, что для бѣглецовъ и близко, и свободно, ибо ни заставъ, ни форпостовъ нѣтъ, выдачи же оттуда бѣглыхъ почти никогда не бываетъ, сыскивать же ихъ и ловить совсѣмъ невозможно, особливо незнатнымъ или небогатымъ: ибо хотя кто знаетъ и подлинно, гдѣ живетъ бѣглый его человѣкъ, но если для сыска и поимки пошлетъ кого или поѣдетъ самъ, то прежде потеряетъ безъ-вѣсти себя, нежели возвратитъ бѣглаго. Во время рекрутскихъ наборовъ, какъ скоро крестьяне о томъ узнаютъ, то всѣ годные въ рекруты уходятъ въ Польшу и шатаются тамъ, пока наборъ кончится. По исчисленію, за польскою границею Смоленской губерніи крестьянъ обоего пола болѣе 50,000 находится въ бѣгахъ".

Кромѣ бѣглыхъ, дворяне указывали и на другихъ виновниковъ воровства: „Воровство происходитъ, по большей части, отъ множествъ безмѣстныхъ церковниковъ, которые въ духовномъ правленіи числятся при отцахъ; но сами отцы, по крайней мѣрѣ многіе, церковной земли имѣютъ очень мало, дѣтей человѣка по два, по три и больше, а доходу на нихъ никакого нѣтъ; къ работѣ же, какъ извѣстно, этотъ родъ лѣнивъ: такъ не повелѣно ли будетъ безмѣстныхъ церковниковъ опредѣлять въ солдаты, а негодныхъ въ подушный окладъ".—Наконецъ дворяне вооружались противъ цыганъ, „которые, бродя по всему государству, обманывая народъ разными способами, безъ всякаго казнѣ и обществу плода, поѣдаютъ трудъ земледѣльцевъ".

Относительно финансовыхъ вопросовъ клинскіе дворяне предложили сложить подушный сборъ съ крестьянъ, „яко по земледѣльству ихъ первое благополучіе государству доставляющихъ, а въ замѣнъ наложить или прибавить цѣны на вино, пиво, чай, кофе, сахаръ, виноградныя вина, табакъ, карты, дуги и кареты, псовую охоту, платье съ золотомъ и серебромъ и другіе служащіе для роскоши предметы, а затѣмъ на паспорты вольнымъ рабочимъ людямъ и на пеньку: если и тутъ сумма не сравняется съ подушною, то наложить

на соль, ибо „хотя соль въ пропитаніи и нужна, однако лучше ее купить дороже добровольно, нежели подушныя деньги платить неисправно и за то видѣть земледѣльцевъ въ тюремномъ изнуреніи".

Дворяне нѣкоторыхъ уѣздовъ просили о заведеніи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; указывали, что учрежденныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ государственныхъ банковъ недостаточно, надобность въ займѣ денегъ существуетъ одинаково и для живущихъ въ отдаленности отъ обѣихъ столицъ, и потому просили объ учрежденіи банковъ въ губерніяхъ и провинціяхъ по числу живущаго въ нихъ дворянства. Калужскіе, медынскіе и тульскіе дворяне писали въ своемъ наказѣ, что у нихъ и въ другихъ провинціяхъ лѣсъ почти весь перевелся и остальной часъ-отъ-часу уменьшается, отчего жители въ строевомъ лѣсѣ и дровахъ терпятъ нужду: почему просили въ подобныхъ мѣстахъ запретить строеніе металлическихъ и винныхъ заводовъ, которые изводятъ множество лѣса, особенно же около Москвы верстъ за 200 и больше. На недостатокъ лѣса жаловались и псковскіе дворяне, прося запретить отпускъ лѣса моремъ заграницу. Романовскіе дворяне высказались противъ охоты, потому что охотники, собираясь въ большомъ числѣ на лошадяхъ, со множествомъ собакъ, ѣздятъ въ чужія дачи безъ позволенія, ломая изгороди, скачутъ по хлѣбу, по лугамъ и травятъ скотъ; а когда какой-нибудь крестьянинъ осмѣлится выговорить о своей обидѣ, то за такую будто бы неучтивость охотники его бьютъ. Дворяне просили всѣ охоты ограничить по примѣру нѣмецкихъ государствъ, чтобъ охотникъ безъ билета отъ владѣльца въ чужую дачу не въѣзжалъ.

Относительно окраины являлись особыя условія и особыя требованія. За Уральскими горами оказались сибирскіе дворяне, которые объявили, что происходятъ отъ людей, пришедшихъ или присланныхъ въ Сибирь для покоренія тамошнихъ народовъ и несшихъ тяжкую службу. Потомки завоевателей Сибири просили теперь, чтобъ имъ дано было потомственное дворянство и надѣлъ землею, для обработыванія которой дать людей и позволить пріобрѣтать ихъ покупкою. Противъ этого требованія, какъ легко догадаться, возсталъ ревностный защитникъ правъ старыхъ дворянскихъ родовъ, князь Мих. Мих. Щербатовъ: по его словамъ, сибирскій дворянинъ не есть состояніе, но чинъ, который и отъ отца къ сыну не переходитъ, но одно сходство названій не можетъ быть основательною причиною присоединенія сибирскихъ дворянъ къ правамъ и преимуществамъ знатнаго шляхетскаго сословія, и потому, чтобы сибирскіе дворяне, какъ пожалованные въ это званіе губернаторами, не могли быть смѣшиваемы съ дѣйствительнымъ дворянствомъ,— они должны быть лишены имени дворянина.

Объ Оренбургской губерніи прислалъ въ Коммисію представленіе губернаторъ ея, князь Путятинъ. Область этой губерніи была изстари дикою и коронѣ принадлежащею, и находящіяся на ней угодья отдаваемы были изъ оброковъ или ясака разнымъ народамъ: Чувашамъ, Черемисамъ, Татарамъ и, большею частью, Башкирцамъ. Неплюевъ, вмѣстѣ съ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, представилъ Сенату, чтобъ изъ Оренбурга чрезъ Сакмарскій городокъ къ Казани проложить прямую новую дорогу и поселить на ней сходцевъ изъ внутреннихъ русскихъ мѣстностей; дорога эта населена и теперь называется Московскою; поселенцы на ней обревизованы и положены въ подушный окладъ. Потомъ, по предложенію того же Неплюева, было постановлено раздавать пустыя земли за службу находившимся при оренбургской коммисіи офицерамъ и статскимъ чинамъ. Наконецъ Неплюевъ переселилъ въ свою губернію съ Закамской линіи служившихъ тамъ Смольнянъ, присылаемыхъ изъ разныхъ губерній крестьянъ, также отставныхъ драгунъ и солдатъ. По послѣ Неплюева пространство, изобиліе и безопасность земель, предоставленныхъ къ поселенію Великороссійскимъ людямъ, возбудили великое желаніе въ дворянахъ, иновѣрцахъ и новокрещеныхъ владѣть ими, и начали эти земли похищать вымышленнымъ способомъ. Во-первыхъ, помѣщики, получавшіе землю при Неплюевѣ за службу, облакомясь первыми дачами, начали покупать земли у Башкирцевъ, не справляясь, имѣютъ ли продавцы на то право: только-бъ былъ Башкирецъ и имъ продалъ; писали въ крѣпостяхъ обширнѣйшіе округа, верстъ по-двѣсти и больше. Накупивъ большіе округа и не будучи въ состояніи ихъ населить, стали продавать другимъ, и такія подложныя покупки доведены дотого, что однѣ и тѣ же земли проданы отъ разныхъ Башкирцевъ въ разныя руки. Уфимская провинціальная канцелярія надлежащаго смотрѣнія за этимъ не имѣла, писала крѣпости безъ справокъ, имѣютъ ли продавцы на нихъ жалованныя грамоты. Такихъ, ложно захваченныхъ земель много лежитъ еще впустѣ; у нѣкоторыхъ же помѣщиковъ, по ненасытнымъ этимъ захватамъ, произошли большіе споры и судныя дѣла, а изъ того послѣдовали многія неустройства и напрасная гибель лѣсовъ, хлѣбовъ и покосовъ; въ желаемомъ же и прямомъ населеніи, относительно домостройства, хлѣбопашества, скотоводства, сбереженія лѣсовъ и во всемъ мирномъ и добромъ желаніи никакого успѣха невидно и безнадежно, ибо имъ учиться и перенимать добра не отъ кого: большая часть, иновѣрцы и новокрещены, перешли не всѣ отъ тѣсноты въ прежнихъ мѣстахъ жительства, но нѣкоторые отъ воровства и лѣни, особенно новокрещенные Татары, изъ которыхъ ни одинъ добровольно креститься не пожелалъ, а крестились, будучи приведены за воровство къ пыткѣ и казни; Чуваши пришли, чтобъ не жить имъ въ христіанскомъ благочестіи, а быть свободно въ суевѣріи и идолопоклонствѣ, и некрещеные Татары, чтобъ быть поближе къ своей братіи—иновѣрцамъ Татарамъ.

Мы видѣли, какія слѣдствія имѣлъ указъ о выборѣ депутатовъ въ Малороссіи и областяхъ Прибалтійскихъ; видѣли также, что Екатерина не смущалась упорствомъ, какое въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ мѣстностяхъ было выставлено для сохраненія и возстановленія старины и особности, съ которыми правительство уже порѣшило; она предполагала, что подлѣ наказовъ съ требованіями возстановленія гетманства будутъ наказы, которые уяснятъ для правительства положеніе страны, что дѣйствительно и случилось. Въ наказахъ малороссійскаго шляхетства встрѣчаемъ просьбы объ уравненіи малороссійскихъ воинскихъ и статскихъ чиновъ въ классахъ съ великороссійскими, просьбы объ учрежденія для малороссійскаго шляхетства герольдіи, потому что дворянскіе дипломы во время войнъ утратились, и многіе малороссійскіе роды присвоили себѣ шляхетское достоинство неправильно. Подобно великороссійскому дворянству, и малороссійское проситъ объ оставленіи шляхетскаго предводителя навсегда для обезпеченія интересовъ сословія; проситъ позволенія выбирать судей изъ своей среды и о словесномъ судѣ; проситъ объ учрежденіи университета въ Переяславлѣ или другомъ какомъ мѣстѣ, кадетскаго корпуса и воспитательнаго дома для благородныхъ дѣвицъ, объ учрежденіи банка, объ устраненіи тягостей при военномъ постоѣ.

Съ представленіемъ о старой Малороссіи необходимо соединяется представленіе о казачествѣ. Мы видѣли, что въ Малороссіи, во время ея освобожденія отъ польскаго владычества при Хмельницкомъ, произошелъ переворотъ въ землевладѣніи: прежніе землевладѣльцы были истреблены или изгнаны; на первомъ планѣ явилось войско—казаки съ своею выборною старшиною, отъ сотника до гетмана. Страна, какъ обыкновенно бываетъ при такихъ военныхъ занятіяхъ, получила военное устройство, военное управленіе. Простой воинъ-казакъ сталъ свободнымъ землевладѣльцемъ: военная или казацкая старшина стали правителями страны и начали пользоваться своимъ положеніемъ для пріобрѣтенія какъ можно большихъ выгодъ, большаго земельнаго имущества, начали стремиться къ пріобрѣтенію того высшаго положенія, которое они называли шляхетскимъ; начали тѣснить свободныхъ землевладѣльцевъ, казаковъ, отнимать у нихъ земли. Изъ записки Теплова мы знаемъ, какъ это дѣлалось[1]) въ Малороссіи; сохранилась память о тѣхъ временахъ, когда многіе казаки за кружку водки продавали свои земли, потому что съ ними была соединена обязанность военной службы. Такимъ образомъ, въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкахъ происходилъ тотъ же процессъ исчезновенія мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ, какой происходилъ на Западѣ въ Меровингскую и Карловингскую эпохи, и какъ здѣсь, такъ и тамъ правительство употребляло всѣ усилія для воспрепятствованія этому исчезновенію свободныхъ людей, непосредственно отъ него зависѣвшихъ, переходу ихъ подъ власть богатыхъ землевладѣльцевъ и правительственныхъ лицъ. Казаки, не умѣя постоянно и сплоченно блюсти за своими интересами, не умѣя помочь бѣдѣ, сильно жаловались на старшину за ея аристократическія стремленія, тогда какъ эти сотники и полковники, обогатившіеся всякими средствами и старавшіеся выдѣлить себя и свои фамиліи изъ среды казаковъ, величающіе себя шляхетствомъ, были такіе же казаки, выбранные казаками въ свои должности, и всякій казакъ, какъ вольный землевладѣлецъ и воинъ, считалъ себя также шляхтичемъ. Сначала, въ XVII вѣкѣ, какъ мы видѣли, неудовольствіе казаковъ на новыя отношенія, вводимыя старшиною, вели къ сильнымъ волненіямъ, причемъ Запорожье, стоя за демократическое начало, за первоначальное равенство, всегда поддерживало казаковъ; но въ XVIII вѣкѣ, несмотря на поддержку императорскаго правительства, которое, впрочемъ, не находило никакой помощи въ казакахъ, старшина брала верхъ; казаки продавали ей свои земли, шли въ мужики, и умѣли только жаловаться и толковать о старомъ добромъ времени, когда они выбирали гетмановъ, позабывая, что всѣ эти гетманы заботились только о своихъ интересахъ, а вовсе не о казацкихъ. И теперь нѣкоторые казаки потребовали гетмана постаринѣ; вообще требовали возстановленія стараго права избранія вольными голосами между собою старшины, тогда какъ никто у нихъ этого права не отнималъ; требовали сравненія съ шляхетствомъ; просили, чтобъ никто ихъ земель не покупалъ. Въ наказѣ Черниговскихъ казаковъ говорилось: „Ясно изъ привилегій, данныхъ королями Польскими, что казаки отправляли военную службу во всякомъ благополучіи и легкости, ибо имѣли за собою достаточныя пашни, сѣнокосы, лѣса, мельницы и всякія угодья; а теперь, вслѣдствіе насилія владѣльцевъ и всякаго званія старшинъ казачьихъ и духовныхъ монастырскихъ владѣльцевъ, лишились земель своихъ; сотники и сотенные старшины неосѣдлые, по вступленіи въ свою должность, тотчасъ ищутъ казачьей земли,—прежде всего на постройку жилыхъ избъ, просторнаго двора, а потомъ ко дворамъ скупаютъ у казаковъ угрозами и ласкательствомъ пашни, лѣса, сѣнные покосы и всякія лучшія мѣста, и всякими способами казаковъ притѣсняютъ, на частныя свои работы употребляютъ; иные казаки отъ великихъ тягостей, побоевъ и угрозъ старшинскихъ покидаютъ семейство и дворы, и уходятъ въ безвѣстныя мѣста; другіе казаки закрѣпощены и несутъ общія съ мужиками тягости“.

Такимъ образомъ, въ Малороссіи имѣлъ важное значеніе запутанный вопросъ о казацкихъ земляхъ, которыми овладѣло такъ называемое шляхетство,

*

[1]) См. выше: «Исторія Россіи», кн. VI, т. XXVI, стр. 40.

какъ на восточной украйнѣ былъ запутанный вопросъ о башкирскихъ земляхъ. Малороссійское шляхетство, руководясь идеями, бывшими въ ходу въ высшихъ кругахъ, было не прочь ввести нѣкоторыя гуманныя измѣненія въ своемъ старомъ кодексѣ, въ Литовскомъ статутѣ, отмѣнить напримѣръ законъ, по которому шляхтичъ, убившій простого человѣка, наказывается только отсѣченіемъ руки и небольшею денежною пенею, ибо „этотъ законъ", говорится въ Черниговскомъ наказѣ, „можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные, особенно же не пріобрѣтшіе шляхетскаго достоинства, стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства". Но относительно купленныхъ имъ казачьихъ земель шляхетство просило императрицу утвердить ихъ за нимъ навсегда, по своей особенной материнской къ нему щедрости; какое же постановленіе по этому предмету будетъ издано на будущее время,—шляхетство обѣщаетъ его соблюдать.

Послѣ переворота, произведеннаго возстаніемъ Хмельницкаго, и присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи, мы нашли малороссійскіе города въ постоянномъ, сильномъ неудовольствіи на военное управленіе, встрѣчались съ постоянными жалобами горожанъ на притѣснявшую и обиравшую ихъ казацкую старшину, причемъ они просили введенія къ нимъ великороссійскихъ воеводъ, хотя, какъ мы знаемъ, послѣдніе далеко не отличались мягкими и безкорыстными отношеніями къ управляемому народонаселенію. Наказы, привезенные депутатами въ Коммисію объ Уложеніи, вскрываютъ передъ нами то же печальное состояніе малороссійскихъ городовъ, вскрываютъ ихъ крайнюю бѣдность, которая зависѣла сколько отъ войскового управленія страною, столько же отъ ея положенія, очень невыгоднаго для торговой дѣятельности, отъ господствовавшаго изначала въ Украйнѣ военно-земледѣльческаго быта съ обычнымъ слѣдствіемъ этого господства—неразвитостью въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, наконецъ, отъ характера Малороссійскаго народа, несклоннаго къ торговой дѣятельности, такъ что до сихъ поръ большинство торговыхъ людей здѣсь состоитъ изъ Великороссіянъ. Наказы представляютъ намъ малороссійскій городъ отставшимъ въ развитіи отъ великороссійскаго, представляютъ такія явленія, какія существовали въ великороссійскихъ городахъ въ XVII вѣкѣ.

Какъ жители великороссійскихъ городовъ въ своихъ наказахъ просили объ удержаніи и развитіи городского самоуправленія, даннаго Петромъ Великимъ: такъ жители городовъ малороссійскихъ просятъ о сохраненіи у нихъ старинныхъ формъ городского самоуправленія, извѣстныхъ подъ именемъ Магдебургскаго права, которое безспорно послужило для Петра Великаго образцомъ при введеніи городского самоуправленія въ Великой Россіи. Но однѣ формы еще ничего не значатъ. Формы благодѣтельны и крѣпки, когда являются результатомъ самостоятельнаго внутренняго развитія: и наданныя извнѣ приносятъ пользу, если находятъ достаточное содержаніе. Бѣдные, малочисленные горожане въ Малороссіи не могли посредствомъ денегъ удовлетворить необходимымъ требованіямъ государства, должны были удовлетворять имъ натурою, собственноручною работою, отчего терпѣли страшную тягость, разорялись окончательно и, чтобъ отбыть отъ тягости, разбѣгались или закладывались за богатыхъ и сильныхъ людей, отчего оставшимся становилось еще тягостнѣе,—явленія, съ которыми мы такъ хорошо знакомы въ великороссійскихъ городахъ XVII вѣка, явленія, необходимыя тамъ, гдѣ государственныя потребности развиваются не одновременно и не въ одинаковой степени съ экономическимъ развитіемъ народа, будетъ ли то общество еще молодое, не развившееся, какъ наша Россія XVII и XVIII вѣка, или общество уже одряхлѣвшее, какъ Римская имперія во время ея распаденія.

28 февраля 1768 года Румянцевъ писалъ императрицѣ: „Я имѣлъ случай съ уволенными на время и опять уже отъѣхавшими нѣкоторыми депутатами видѣться и нашелъ ихъ во всѣхъ ихъ развращенныхъ мысляхъ непремѣнно пребывающихъ. Скоропадскій всѣхъ прочихъ руководитель, ибо возмечталъ выбраннымъ быть гетманомъ. Часть здѣсь такихъ людей, кои слѣпо симъ невѣжамъ слѣдуютъ, не мала. Но я осмѣливаюсь увѣрить, что когда токмо таковые и ему подобные, которые очень замѣчены, останутся безъ дѣйствія и дѣлъ, а напротивъ—благонамѣренные и сею болѣзнію самовладства и независимости не зараженные вашего императорскаго величества милостію отличатся и войдутъ въ чины и дѣла, правительствы-жъ и служба получатъ прямые для себя уставы, то и тѣ, какъ великое всегда желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованію имѣющіе, скоро перемѣнятъ мысли и поступки"[1]). Екатерина отвѣчала: „Что вы пишете о Скоропадскомъ, то все весьма справедливо: онъ здѣсь ведетъ себя, какъ волкъ, и ни съ кѣмъ изъ нашихъ знаться не хочетъ". Во многихъ наказахъ было выражено желаніе собрать деньги для воздвигнутія памятника Екатеринѣ. Относительно сбора денегъ на памятникъ въ Малороссіи императрица писала Румянцеву: „Если деньги на монументъ еще не собраны, то, пожалуй, помѣшкайте оныхъ собрать — сіи издержки народныя не нужны, а за доброе ихъ намѣреніе скажите имъ спасибо пристойнымъ образомъ"[2]).

Румянцевъ писалъ о малороссійскихъ депутатахъ, пріѣзжавшихъ на побывку домой: „Тщеславились они здѣсь много тѣмъ, что Лифляндцы имъ единонамѣренны въ удерживаніи старыхъ своихъ правъ и вольностей". Въ засѣданіи Коммисіи 2-го октября 1767 года депутатъ эстляндскій Вир-

[1]) Письмо въ Государств. Архивѣ.
[2]) Въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

скаго Крейса отъ дворянства, Ренненкамифъ, подалъ представленіе, чтобы въ проектѣ новаго Уложенія упомянуто было объ эстляндскомъ дворянствѣ, дабы ему въ преимуществахъ своихъ, въ силу ихъ всевысочайше конфирмованныхъ привилегій, неотмѣнно остаться. Такое же представленіе подалъ депутатъ лифляндскаго дворянства, Эстницкаго уѣзда Вильбоа; къ нимъ присоединились и другіе лифляндскіе и эстляндскіе депутаты. Но въ засѣданіи 22-го ноября депутатъ любимскаго дворянства Толмачевъ представилъ, что надобно имѣть въ виду общее благо, и такъ какъ Сенату извѣстны недостатки лифляндскихъ и эстляндскихъ правъ, и отъ незнанія этихъ особенныхъ правъ происходятъ преступленія между пограничными жителями, то необходимо составить общіе законы для всѣхъ подданныхъ ея императорскаго величества. Къ мнѣнію Толмачева присоединились чрезвычайно много дворянскихъ депутатовъ. Въ засѣданіи 27 ноября, депутатъ новосильскаго дворянства Шишковъ произнесъ такую рѣчь: „Постановляемые нынѣ законы должны быть въ завоеванныхъ губерніяхъ тѣ же самые, которые и у насъ будутъ. Подъ этимъ условіемъ я полагаю равенство всѣхъ государственныхъ сборовъ и доходовъ. Поэтому должность присланныхъ отъ означенныхъ губерній господъ депутатовъ должна заключаться въ томъ, чтобы, къ общей всѣхъ пользѣ, единодушно съ ними стараться разсуждать и думать. Законы же для рижскаго рыцарства, въ XV и XVI вѣкахъ написанные подъ титуломъ „Божіею и папы Николая милостію", нынѣ не могутъ быть его правами, ибо у нихъ нѣтъ уже ни стола архіепископскаго, на который описывались дворянскія недвижимыя имѣнія, ни такого непріятеля, съ которымъ бы рижское рыцарство могло постановлять войну и миръ. Капитуляція, оружіемъ вынужденная, не есть отличная выслуга плѣнника, но великодушіе побѣдителя. Поэтому не сдѣлаетъ ли больше чести означеннымъ губерніямъ, если онѣ будутъ называться не завоеванными, но одного съ нами общества равными гражданами; а это иначе быть не можетъ, какъ только тогда, когда онѣ будутъ находиться подъ одними съ нами законами".

Вильбоа возражалъ и Толмачеву и Шишкову. На мнѣніе перваго сказалъ, что права и привилегіи лифляндскія вполнѣ соотвѣтствуютъ расположенію живущаго подъ ними народа. Доказанное ихъ въ продолженіи долгаго времени сходство съ вѣрою, климатомъ и обычаями этого народа, также непринужденное лифляндскихъ жителей имъ послѣдованіе болѣе всего побудили его, Вильбоа, просить, дабы права и привилегіи лифляндскаго дворянства, для неизмѣннаго ихъ сохраненія, помѣщены были въ новомъ Уложеніи. Потомъ Вильбоа упомянулъ о вѣрномъ соблюденіи присяги Лифляндцами, что доказано усердною ихъ службою, бездоимочною уплатою податей и несеніемъ общихъ тягостей. Нѣтъ нужды, чтобы для всѣхъ вообще подданныхъ ея и. в—ства всѣ законы были равные. Относительно мнѣнія Шишкова Вильбоа сказалъ, что оно болѣе походитъ на мнѣніе самовластнаго и не терпящаго противословія учрежденія, чѣмъ на умѣренное и скромное мнѣніе, свойственное собранію депутатовъ. Шишковъ особенно замѣтилъ привилегію архіепископа Сильвестра 1449 года, начинающуся словами: „Божіею и папы Николая милостію", и обратилъ ее въ смѣхъ, что, можетъ быть, и доставило ему удовольствіе; но онъ не сдѣлалъ бы этого публично, если-бъ прочелъ со вниманіемъ 32 статью Наказа императрицы („Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако считаетъ себѣ за полезнѣе не быти злымъ"); что сохраненіе со стороны побѣдителя капитуляціи, которая есть договоръ съ двухъ сторонъ, болѣе доказываетъ правосудіе государя. Но возраженія со стороны русскихъ депутатовъ не прекратились. Депутатъ города Романова, Демидовъ, замѣтилъ, что древнихъ привилегій лифляндскихъ въ подлинникѣ не находится. Кромскій депутатъ отъ дворянства, Похвисневъ, заявилъ, что всѣ народы, находящіеся подъ Россійскою державою, должны управляться одинаковыми законами, ибо такое единство содѣйствуетъ славѣ и могуществу имперіи. Казанскій депутатъ отъ дворянства, Ясиновъ, сказалъ: „Ежели кто, сверхъ всякаго чаянія, при нынѣшнемъ столь полезномъ установленіи новыхъ законовъ, пожелаетъ остаться при старыхъ правахъ, то онъ, какъ ищущій только себѣ, а не обществу пользы, нарушитъ должность честнаго гражданина въ отношеніи своей собратіи. Сверхъ того, весьма странно слышать, что Лифляндія и Эстляндія, такъ давно уже покоренныя подъ Россійскую державу, судятся и понынѣ чужими правами, установленными отъ государей, которые до этихъ областей никакого дѣла не имѣютъ". На это возражалъ депутатъ лифляндскаго земства, фонъ-Блуменъ: „Многіе гг. депутаты представили, чтобы впредь для всѣхъ частей этой обширной имперіи составить одинаковые законы, и чтобы для этого лифляндскія привилегіи не принимать въ уваженіе, какъ будто безъ такого уничтоженія привилегій всѣхъ Нѣмецкихъ земель не можетъ быть устроено обѣщанное новымъ законодательствомъ благосостояніе Россіи. Помянутые господа депутаты посягаютъ на власть премудрой нашей государыни, которая конфирмовала тѣ привилегіи, а нынѣ, по изъявленному ими желанію, должна ихъ уничтожать, и, такъ сказать, трогаютъ тѣхъ великихъ императоровъ, которые прежде ихъ утверждали".

Но „премудрая государыня" не была довольна остзейскими депутатами. „Господа лифляндцы", писала Екатерина Румянцеву: „господа лифляндцы, отъ коихъ мы ожидали примѣрное поведеніе какъ въ просвѣщеніи, такъ и въ вѣжливости, не соотвѣтствовали нашему ожиданію: они сначала

просили и требовали, чтобъ ихъ законы были по матеріямъ читаны рядомъ съ нашими; но когда оныхъ стали читать, а депутаты объ ихъ законахъ начали говорить такъ, какъ и о прочихъ узаконеніяхъ, тогда они не только тѣхъ депутатовъ, но и всю Коммисію попрекали, что будто они присвоиваютъ себѣ власть, коей Коммисіи не дано; однимъ словомъ, я ожидала то, что они закричатъ громко „дѣло и слово" на всю Коммисію. Наконецъ, когда увидали, что великое число соблазняется ихъ поведеніемъ, тогда всѣ корпусомъ Лифляндцы подписали и подали въ Коммисію голосъ, что имъ не надобно и не хотятъ ни дополненіе, ни перемѣну въ ихъ законахъ. На сіе одинъ изъ нашихъ принесъ въ Коммисію выписку изъ двадцати или болѣе челобитенъ лифляндскихъ, какъ дворянъ, такъ и городовъ, гдѣ корпусомъ просятъ въ разныхъ годахъ отъ время завоеванія съ 1710 года и послѣдующихъ, чтобы законы ихъ были дополнены, ибо они весьма недостаточны и отяготительны въ иныхъ случаяхъ для нихъ. Сей человѣкъ присовокупилъ къ тому, что онъ желаетъ вѣдать, челобитію ли вѣрить или поданному голосу гг. депутатовъ. Симъ на Москвѣ окончились засѣданія Коммисіи, а здѣсь (въ Петербургѣ) нынѣ читаютъ юстицкіе законы, и такъ еще не знаемъ, какъ господа Лифляндцы изъ противорѣчащаго поступка выпутаются"[1]). Они хотѣли выпутаться тѣмъ, что подали проектъ Уложенія для себя. Екатерина разсмотрѣла проектъ и сдѣлала на него нѣкоторыя любопытныя замѣчанія съ явнымъ неудовольствіемъ; напримѣръ: „Когда Коммисія о сочиненіи проекта новаго Уложенія будетъ разсматривать прежніе о той матеріи проекты, тогда и въ Лифляндіи сдѣланный проектъ, если онъ по вышнему повелѣнію сочиненъ, разсмотрится; если же не по повелѣнію сдѣланъ, то надлежитъ оный проектъ отослать въ ту коммисію, гдѣ проекты велѣно подать.—Старое обыкновеніе сихъ господъ: гдѣ видятъ, что по прихотямъ ихъ исполниться трудно,—тутъ стараются обратить учрежденіе всякое въ тяжебное дѣло или процессъ. Сему по рижской коммерцъ-коммисіи ежедневные примѣры были, однако ни въ одномъ пунктѣ имъ не удалось сей замашки. А прежде сего бывало, гдѣ у нихъ слова недостаточны, тутъ деньгами сыпали: городъ Рига одинъ по 60,000 рублей въ годъ на то опредѣлялъ, и когда они прислали сюда депутата для исходатайствованія перемѣны въ торговомъ уставѣ 1765, тогда онъ снабженъ былъ 13,000 червонныхъ, которыхъ въ цѣлости привезъ назадъ, ибо нашлось, что никто не въ силѣ былъ онаго перемѣнить. Сей же ихъ новый сочиненный городомъ очень противенъ.—Я ничего конфирмовать не буду, что не въ силѣ обряда мнѣ поднесется. Они—подданные Россійской имперіи, а я не Лифляндская императрица, но Всероссійская".—На просьбу о возстановленіи академіи для Остзейскаго края императрица замѣтила: „О возстановленіи академіи ихъ скоро согласиться можно; но тутъ тотъ крючокъ, что будутъ требовать гааки (земельные участки) тѣ, кои тогда даны были той академіи, а гааки или разжалованы (розданы), или на арендѣ подъ именемъ коронныхъ; а если согласятся города или дворяне оный (университетъ) содержать, то недолго возстановить, они безъ того въ чужіе края своихъ дѣтей посылаютъ; въ противномъ случаѣ они въ россійскія училища присылать могутъ оныхъ, и вездѣ для нихъ мѣста оставлены"[2]).

Мы видѣли, что въ Коммисіи, вслѣдствіе столкновенія различныхъ интересовъ, были горячіе споры; но эти споры велись въ границахъ умѣренности. Исключеніемъ былъ слѣдующій случай. Въ пятнадцатое засѣданіе, обоянскій депутатъ отъ дворянства, Глазовъ, вздумалъ-было рѣзко выражаться противъ мнѣній депутата отъ однодворцевъ и депутата отъ черносошныхъ крестьянъ; но былъ остановленъ маршаломъ и насчетъ его поступка состоялось такое опредѣленіе, которое должно было отнять охоту у всякаго другого дѣлать подобныя выходки. Въ дневной запискѣ помѣщенъ былъ такой отзывъ о мнѣніи Глазова: „Хотя сіе возраженіе состоитъ изъ 23 большихъ страницъ, однако трудно найти въ немъ единый порядочный періодъ; вездѣ мысли спутаны и темны, каждое почти выраженіе неприлично; но его недостатки кажутся нечувствительны предъ прочими непристойностями, которыми избыточествуетъ оное сочиненіе. Депутатъ обоянскій бранитъ безъ малѣйшаго смягченія депутата елецкаго, развратное ему приписываетъ мнѣніе, поноситъ всѣхъ черносошныхъ крестьянъ, наконецъ ругаетъ каргопольскій (крестьянскій) наказъ и говоритъ, что надлежитъ его сжечь, а депутата каргопольскаго отъ черносошныхъ крестьянъ, который, истину всему предпочтетъ, доказалъ, что въ послѣднемъ чинѣ можно думать благородно, желаетъ онъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Конечно, таковому странному возраженію свойственно было произвесть смѣхъ, соблазнъ и негодованіе, что и совершилось; но маршалъ остановилъ чтеніе на 9-й страницѣ, зане въ собраніи надлежащее благочиніе могло бы совсѣмъ быть нарушено". Когда этотъ отзывъ былъ прочитанъ, маршалъ объявилъ, что такія оскорбительныя слова и изъясненія противны XV статьѣ обряда, гдѣ предписывается депутата, который обидитъ въ собраніи другого депутата, наказывать пенею или исключеніемъ, временнымъ или навсегда; на этомъ основаніи маршалъ потребовалъ у Коммисіи мнѣнія, что слѣдуетъ сдѣлать съ депутатомъ отъ обоянскаго дворянства. Рѣшеніе было выражено такимъ образомъ: „Коммисія о сочиненіи проекта новаго Уложенія, выслушавъ большую часть возраженія депутата обоянскаго отъ дворянства Мих. Глазова на голосъ

[1]) Въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 272.

депутата елецкаго отъ однодворцевъ Мих. Давыдова, разсудила, что сіе возраженіе, язвительными словами и бранью преисполненное, нарушаетъ всѣ обществомъ принятыя правила благочинія и справедливости, ибо не токмо въ ономъ сказано, что депутатъ Давыдовъ имѣетъ гордыню, что онъ мыслилъ превратно, но и то безъ малѣйшей причины упомянуто, что всѣмъ черносошнымъ депутатамъ почаще подлежитъ вынимать изъ кармановъ зерцало, по которому вразумляемся; будто ихъ поведеніе до сего времени не безпорочно; наконецъ депутатъ обоянскій осмѣливается предписывать строжайшія наказанія, когда онъ судить не имѣетъ права: каргопольскій наказъ предаетъ огню, того же уѣзда депутата (котораго безпристрастный поступокъ вящей похвалы достоинъ) желаетъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Уважая всѣ сіи обстоятельства и слѣдуя 15 пункту обряда, Коммисія опредѣлила: возвратить съ выговоромъ депутату обоянскому вышепомянутое его возраженіе, взять съ него пять рублей пени, да при всемъ собраніи просить ему у обиженныхъ прощенія" [1]). Кромѣ этого случая, нѣкоторые депутаты, внѣ коммисіи, позволили себѣ странность, происходившую отъ непониманія своихъ обязанностей: они позволили себѣ подписывать на свое имя

[1]) Документы, относящіеся къ дѣятельности Коммисіи, находятся въ Архивѣ Второго Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи, и часть ихъ издана Русскимъ Историч. Обществомъ («Историч. свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для соч. проекта новаго Уложенія», Д. Полѣнова).—О малороссійскихъ наказахъ см. «Малороссія въ 1767 году», соч. Авсѣенко.—Перечень пунктовъ, поданныхъ депутатами въ Коммисію, помѣщенъ С. М. Соловьевымъ въ статьѣ: «Разсказы изъ Русской Исторіи XVIII вѣка», 1767 г., напечат. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. XXXV. Вотъ этотъ перечень: отъ депутатовъ правительственныхъ мѣстъ: 1) О вступленіи всякимъ чинамъ въ духовные чины, а изъ духовныхъ въ свѣтскіе, и освобожденіе священниковъ отъ неприличныхъ работъ. 2) Объ обученіи дѣтей катехизису, объ учрежденіи по городамъ училищъ для юношества и о непринимаміи въ домы учителей и учительницъ несвидѣтельствованныхъ. 3) О покупкѣ крѣпостныхъ людей священникамъ и прочимъ церковнымъ причетникамъ. 4) О уменьшеніи свободныхъ дней отъ работъ. 5) О учиненіи закона, какъ поступать въ случаѣ того, когда отъ побой помѣщиковъ случится людямъ смерть. 6) Объ истребленіи женщинъ, ведущихъ жизнь распутную. 7) О запрещеніи кулачныхъ боевъ. 8) О нестрѣляніи изъ ружей и изъ другихъ машинъ внутри жильевъ и о неношеніи никакого оружія подлому народу при себѣ. 9) Объ учиненіи монашескихъ недвижимыхъ имѣній коронными и объ установленіи къ пропитанію ихъ (т.-е. монаховъ) и къ содержанію церквей доходовъ. 10) Объ установленіи закона къ приведенію разнаго званія народа въ содружество. 11) О пресѣченіи роскошей. 12) Объ учиненіи закона о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ, и о взысканіи за держаніе и владѣніе ихъ однихъ и съ землями. 13) О неопредѣленіи никого въ казаки и о бытіи всѣмъ, кто гдѣ приписанъ. 14) Объ отдачѣ должниковъ за долги для заробатыванія партикулярнымъ людямъ въ случаѣ непріема для отсылки на каторгу. 15) О ревизіи и отличеніи гражданъ добродѣтельныхъ. 16) О публикаціи отъ полиціи о всѣхъ происходящихъ новостяхъ. 17) О квадратныхъ деньгахъ. 18) О непропускѣ на заставахъ въ города нищихъ. 19) О необученныхъ и скорыхъ лошадяхъ, чтобъ на оныхъ внутри городовъ не ѣздить. 20) О неимѣніи форейторамъ и верховымъ кнутовъ и плетей. 21) Объ учрежденіи въ городахъ публичныхъ мѣстъ для увеселенія обывателей.

Дворянство представило: 1) Объ имѣніи при церквахъ ученыхъ священниковъ на жалованьи; о продажѣ церковныхъ земель и чтобъ причетники обучали крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. 2) О уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими. 3) Объ учиненіи закона объ отдачѣ деревень на аренду. 4) О продажѣ дворянству экономическихъ деревень. 5) О дачѣ и продажѣ дворянамъ засѣкъ, дикихъ полей и разныхъ службъ служилыхъ людей земель. 6) О заведеніи въ городахъ особыхъ слободъ для полковъ и о выводѣ ихъ изъ уѣздовъ. 7) Объ учрежденіи по городамъ для дворянскаго юношества школъ. 8) Объ учрежденіи по городамъ банковъ. 9)—хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ. 10)—аптекъ и лѣкарей. 11) О бытіи по городамъ цехамъ и фабрикамъ. 12) О запрещеніи на выгонныхъ городовыхъ земляхъ сѣять хлѣбъ. 13) О позволеніи крестьянамъ въ городахъ торговать продуктами ихъ въ розницу. 14) О позволеніи крестьянамъ подрядовъ. 15) О бытіи крестьянамъ у купцовъ повѣренными въ лавкахъ и въ питейныхъ домахъ въ одно зимнее время, а въ лѣтнее чтобъ возвращались къ земледѣлію. 16) О не сборѣ съ крестьянства подводъ, а вмѣсто того объ учрежденіи почтовыхъ становъ. 17) О ненаряженіи крестьянъ на караулы и работы. 18) Объ умноженіи крестьянскаго безчестья (т.-е. платы за безчестье) и объ умноженіи суммы оныхъ (т.-е. суммы платежа), кои пожелаютъ быть въ купечествѣ и о незапискѣ въ посадъ по женамъ ихъ. 19) О сборѣ въ однихъ мѣстахъ вмѣсто фуража деньгами, а въ другихъ, гдѣ будетъ потребно, вмѣсто подушныхъ денегъ провіантомъ и фуражомъ. 20) О сложеніи съ однихъ хлѣбопашцевъ подушныхъ денегъ. 21) О поселеніи по уѣздамъ и городамъ иностранныхъ колонистовъ, отъ коихъ бы крестьянство получало наставительный примѣръ къ лучшему домостройству. 22) О непереходѣ Черкасъ съ мѣста на мѣсто. 23) О бытіи отданныхъ въ рекруты женамъ у помѣщиковъ въ послушаніи. 24) Объ истребленіи, для соблюденія лѣсовъ, желѣзныхъ, стекольныхъ, сженія золы и прочихъ заводовъ. 25) О выборѣ воеводъ и товарищей баллотированіемъ изъ дворянъ своего уѣзда. 26) О запрещеніи тѣмъ, коимъ дворянскимъ правомъ пользоваться не велѣно, имѣть хутора, хлѣбопашество, мельницы. 27) О постановленіи ко удержанію крѣпостныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ строжайшаго закона. 28) О произведеніи попрежнему въ городахъ ворамъ и разбойникамъ и смертоубійцамъ указныхъ пытокъ.

Городскіе жители подали: 1) Объ утвержденіи въ благочестіи христіанской вѣры: о предписаніи въ законѣ, какимъ образомъ сохранить Тайны Божіи, когда церковь во время службы внезапно загорится; о нечиненіи въ церкви Божіей во время службы смятенія. 2) О свободномъ отправленіи службы Божіей другихъ законовъ людямъ. 3) О постриженіи желающихъ въ монашескій чинъ. 4) О штрафѣ съ неисповѣдавшихся. 5) О построеніи церквей Божіихъ и о писаніи на всякія церковныя вещи контрактовъ безъ взятія пошлинъ. 6) О пожалованіи на построенныя церкви, на иконостасы и на украшеніе оныхъ денежной суммы. 7) О содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи тому жалованья. 8) О нетребованіи священникамъ сверхъ указнаго числа за церковныя требы. 9) Объ учрежденіи вновь по городамъ присутственныхъ мѣстъ; объ учрежденіи вновь городского суда, какъ въ другихъ государствахъ заведено. 10) О бытіи въ городахъ полиціи въ вѣдомствѣ магистратовъ и ратушъ. 11) О подтвержденіи Магдебургскаго права; о подтвержденіи казакамъ шляхетскаго права, и объ оставленіи ихъ при прежней должности казачей. 12) О выборѣ на всегдашнее время вообще всѣми гражданами головы. 13) О выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ. 14) О правѣ и преимуществѣ россійскаго купечества и о неназываніи

вмѣсто другихъ подаваемыя въ Сенатъ челобитныя и доношенія, и ходатайствовали за нихъ въ Сенатѣ. Сенатъ велѣлъ черезъ коммисію запретить имъ это [1]). Депутатъ, выбранный отъ приписныхъ къ Гороблагодатскимъ заводамъ крестьянъ, Ермаковъ, за взятыя имъ съ своихъ избирателей себѣ на прогоны по три копѣйки съ души и за прочія преступленія лишенъ депутатскаго званія съ отобраніемъ золотого депутатскаго знака и коммисскаго наказа, оставленъ въ прежнемъ званіи, но впредь запрещено его выбирать къ какимъ-либо важнымъ государственнымъ дѣламъ. Таковъ былъ приговоръ Сената. Императрица приписала: „А что принадлежитъ взысканія собранныхъ имъ денегъ, то оныя взыскать съ него тогда, когда сами крестьяне оныхъ требовать будутъ, ибо они столько же не имѣли должности слушать его приказовъ, сколько онъ давать имъ оные приказы“ [2]).

Екатерина имѣла право быть недовольною нѣкоторыми отдѣльными явленіями; но не могла не признать, что общая цѣль, съ какою она созвала Коммисію, была достигнута: „Коммисія Уложенія“, говоритъ она въ одной изъ своихъ записокъ, „Коммисія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы Турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію. Наказъ Коммисіи ввелъ единство въ правило и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ, стали знать волю законодавца и по оной поступать“.

Екатерина имѣла право приписывать своему Наказу такое просвѣтительное и воспитательное значеніе для народа. Депутаты, созванные изо всѣхъ мѣстъ, изъ разныхъ сословій, слышали Наказъ, пользовались имъ, утверждались на его словахъ въ своихъ мнѣніяхъ и спорахъ; но дальнѣйшее пользованіе имъ было ограничено. Въ сентябрѣ 1767 года Сенатъ опредѣлилъ, по предложенію генералъ-прокурора, разослать экземпляры Наказа въ высшія учрежденія, въ департаменты Сената, коллегіи и конторы ихъ, въ Судный Приказъ, въ канцелярію конфискаціи, но исключилъ губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи; да и относительно высшихъ учрежденій въ указѣ говорится, „чтобъ экземпляры Наказа содержаны были единственно для свѣдѣнія однѣхъ тѣхъ мѣстъ присутствующихъ, и чтобъ оные никому, ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ по-

онаго непристойными словами, и дозволеніи первостатейнымъ носить шпаги. 15) Объ учрежденіи по городамъ для купеческой коммерціи и размноженія торговъ государственнаго банка. 16) О пресѣченіи роскошей и о невыписываніи въ Россію никакихъ иностранныхъ вещей. 17) Объ уничтоженіи сочиняющейся нынѣ по душамъ ревизіи, и о бытіи оной попрежнему по дворамъ. 18) О выключкѣ изъ подушнаго оклада дворянъ, дѣтей боярскихъ, купечества и разнаго званія людей и увольненіи отъ рекрутскаго набора. 19) О снятіи съ подсусѣдковъ (въ Малороссіи) рублеваго оклада и о расположеніи онаго на тяглыхъ и земли имѣющихъ людей. 20) Объ учрежденіи цеховъ, 21) Объ уничтоженіи въ Малороссіи пограничныхъ таможенъ. 22) О неотдачѣ въ монополіи никакихъ промысловъ и товаровъ. 23) О нечиненіи военнослужащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побой, и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ. 24) О нечиненіи купечеству отъ крестьянства въ уѣздахъ никакихъ обидъ и за чужіе долги грабительствъ. 25) Объ учрежденіи (вмѣсто формальныхъ) краткихъ словесныхъ, такъ же и третейскихъ судовъ для всякихъ случающихся между купечествомъ съ разночинцами дѣлъ. 26) О правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества, 27) О запрещеніи присутствующимъ слушанія и подписыванія дѣлъ на домахъ. 28) Объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей. 29) О незабираніи насильно къ суду въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ. 30) Объ учиненіи запрещенія, чтобъ никто не дерзалъ ругать иновѣрныхъ законовъ. 31) О покупкѣ священно и церковнослужителямъ, купечеству и разнаго званія людямъ крестьянъ и дворовыхъ людей. 32) О запрещеніи духовному чину въ покупкѣ земель. 33) Объ отдачѣ архіерейскому дому съ монастырями отшедшихъ отъ нихъ хлѣбопашенныхъ земель. 34) Объ учрежденіи въ городахъ академій, университетовъ и школъ и обученіи въ оныхъ разнымъ языкамъ купеческихъ и разночинскихъ дѣтей и сиротъ. 35) Объ учрежденіи на казенномъ содержаніи больницъ и пропитательныхъ домовъ; объ умноженіи по городамъ аптекъ, докторовъ, лѣкарей и повивальныхъ бабокъ. 36) О выборѣ Малороссійскому народу гетмана и старшинъ вольными голосами и о бытіи казакамъ судимымъ отъ оныхъ старшинъ. 37) О непринужденіи купечества къ бритію бородъ и ношенію нѣмецкаго платья. 38) О выводѣ раскольниковъ, живущихъ по городамъ между Православными, въ разсужденіи чинимаго ими въ обществѣ соблазна и неотправленіи гражданскихъ службъ, и о поселеніи оныхъ въ особыхъ мѣстахъ. 39) О позволеніи возвратившимся изъ Польши и Турціи раскольничьимъ попамъ, монахамъ и монахинямъ въ часовняхъ и церквахъ отправлять службы по стариннымъ книгамъ. 40) О небытіи въ городахъ особой сыскной команды и о препорученіи оной магистратамъ.

Однодворцы и хлѣбопашцы просили: 1) Объ опредѣленіи для наукъ и наставленія богоугодныхъ дѣлъ духовныхъ, и для утвержденія благосостоянія и знанія законовъ и добрыхъ поведеніевъ свѣтскихъ учителей. 2) О постройкѣ для квартированія полковъ при городахъ штатныхъ дворовъ и свѣтлицъ. 3) О защитѣ отъ проходящихъ полковыхъ служителей. 4) О непосылкѣ въ уѣздъ находящихся при городахъ служилыхъ людей съ указами для публикованія оныхъ, и о разсылкѣ ихъ для того по церквамъ изъ духовныхъ правленій. 5) О выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ для скораго отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей особливыхъ членовъ. 6) О бытіи для дѣлъ отъ стороны судящихся депутатамъ въ засѣданіи въ присутственныхъ мѣстахъ. 7) Объ уменьшеніи пятилѣтняго срока воеводства и о перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей 8) О выводѣ изъ малороссійскихъ городовъ россійскихъ воеводъ. 9) О притѣсненіяхъ однодворцамъ и прочимъ народамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ самихъ присутствующихъ. 10) О притѣсненіяхъ, чинимыхъ однодворцамъ и ясачнымъ отъ дворянъ и ихъ крестьянъ. 11) О словесныхъ судахъ; объ опредѣленіи для разбирательства между обывателями дѣлъ командировъ или старшинъ по выбору изъ нихъ же, и о небытіи имъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ подушнаго оклада, вѣдомымъ въ присутственныхъ мѣстахъ.

[1]) Журналы Сената, 1768 года, 23 апрѣля.

[2]) Журналы Сената, 25 августа.

стороннихъ не только для списыванія, но ниже для прочтенія даваны были, для чего и имѣть ихъ всегда на судейскихъ столахъ при зерцалахъ". Присутствующіе въ этихъ высшихъ учрежденіяхъ должны были читать Наказъ въ свободное отъ текущихъ дѣлъ время, т.-е. по субботамъ, но при этомъ чтеніи могли находиться, кромѣ нихъ, только секретари и протоколисты [1]). Такимъ образомъ, Наказъ былъ доступенъ только старшимъ и составлялъ запрещенную книгу для младшихъ; о немъ сдѣлано постановленіе, подобное тому, какое сдѣлано въ Латинской Церкви относительно Св. Писанія. Найдено, что сочиненіе самодержавной государыни, и прошедшее чрезъ строгую цензуру подданныхъ, все еще содержитъ въ себѣ аксіомы, способныя разрушить стѣны, по выраженію Никиты Ив. Панина. Объясненіе такому распоряженію мы найдемъ въ сенатскомъ указѣ по поводу дворовыхъ людей и крестьянъ генерала Леонтьева, генеральши Толстой, бригадира Олсуфьева и подполковника Лопухина съ братьями. Эти дворовые люди и крестьяне подали императрицѣ челобитную на своихъ господъ. „Изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается", говоритъ указъ, „что таковыя преступленія большею частью происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, разсѣвающихъ вымышленные ими слухи о перемѣнѣ законовъ и собирающихъ подъ симъ видомъ съ крестьянъ поборы, обнадеживая оныхъ исходатайствовать имъ разныя пользы и выгоды, которые, вмѣсто того, тѣми поборами корыстуются сами, а бѣдныхъ и незнающихъ законовъ крестьянъ, отвратя ихъ отъ должнаго помѣщикамъ повиновенія, приводятъ въ разореніе и въ крайнее несчастіе" [2]).

При самомъ началѣ засѣданій Коммисіи объ Уложеніи, въ августѣ 1767 года, Сенату было доложено о возмущеніи заводскихъ крестьянъ. Мы видѣли, что изслѣдованіе объ общемъ почти возстаніи заводскихъ крестьянъ на сѣверо-востокѣ, порученное сначала кн. Вяземскому, потомъ Бибикову, было окончено: возставшіе были усмирены, болѣе виновные наказаны, также наказаны и заводскіе приказчики, уличенные въ притѣсненіяхъ крестьянамъ, должная послѣднимъ заработная плата, удержанная приказчиками, взыскана, введено лучшее противъ прежняго и различное по различію мѣстности распредѣленіе работъ. Но неудовольствіе не могло прекратиться, ибо отношенія въ существѣ остались прежнія: подобныя изслѣдованія, при всей благонамѣренности слѣдователей, представляли чрезвычайныя затрудненія, и мы теперь, отдаленные слишкомъ вѣкомъ отъ событій, при обсужденіи результатовъ этихъ изслѣдованій, должны быть очень осторожны. Для образца приведемъ показанія крестьянъ, жаловавшихся на демидовскихъ приказчиковъ. Первый показалъ: „Въ прошломъ 59 году, когда не упомню, нарядчикъ ударилъ меня безвинно по головѣ полѣномъ одинъ разъ; я упалъ и едва очувствовался, а болѣе никакого битья не было". *Второй* показалъ: „Били меня безвинно приказчикъ и его сынъ саженью немилостивно". *Третій*: „Стегалъ меня батожьемъ за то, что на работу изъ дому пріѣхалъ не на срокъ". *Четвертый*: „Въ заводской работѣ я не бывалъ и никто меня не бивалъ". *Пятый*: „При перекличкѣ опоздалъ и отмѣтили въ нѣтчики, и за то приказчикъ стегалъ меня кнутьемъ не весьма душевредно, но посредственно". *Шестой*: „Сынъ приказчика налагалъ поденную работу чрезвычайную, которую сработать невозможно, и за то стегалъ меня батожьемъ немилостивно одинъ разъ, а болѣе того никто не бивалъ и постороннихъ свидѣтелей не было". *Седьмой*: „Приказчикъ билъ меня палками смертельно и изломалъ объ меня двѣ палки, а болѣе того никто не бивалъ". *Осьмой*: „Приказчикъ сказалъ, будто пріѣздомъ опоздалъ, и стегалъ меня батожьемъ весьма душевредно, такъ что нѣсколько дней наклоняться не могъ". *Девятый*: Не повѣря моей болѣзни, приказчикъ стегалъ меня батожьемъ нещадно, отъ котораго стеганья наиболѣе занемогъ и лежалъ съ недѣлю". *Десятый*: „Стегалъ меня плетьми весьма жестоко и приговаривалъ, чтобъ знать грозу Демидовскую". Нѣкоторые показывали, что лежали по 4 и по 8 недѣль больные отъ побоевъ. Показывали, что бывали смертные случаи отъ побоевъ. Но какія были средства удостовѣриться въ правдѣ показаній? Обвиняемые запирались, запирались и на пыткѣ, отстраняя свидѣтелей, тѣхъ же заводскихъ крестьянъ, какъ свидѣтелей пристрастныхъ; выкапываніе труповъ и медицинское свидѣтельство было тогда невозможно, и судья рѣшалъ по своимъ соображеніямъ, могла ли приключиться смерть отъ показываемыхъ побоевъ: и если рѣшалъ, что не могла, то какія мы имѣемъ средства обвинять его въ рѣшеніи неправильномъ, въ потачкѣ притѣснителямъ? Признаемъ за Русскими людьми, жившими сто лѣтъ тому назадъ, большую опытность въ этихъ вещахъ, чѣмъ какую имѣемъ мы, къ великому нашему счастію; признаемъ, если хотимъ быть сами справедливы и безпристрастны, что жалоба на побои весьма душевредные не могла производить на нихъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ теперь на насъ: вспомнимъ, что тѣлесныя наказанія, въ самыхъ тяжелыхъ формахъ, были въ общемъ употребленіи, считались необходимыми; еще наше поколѣніе помнитъ истязанія дѣтей въ школахъ, истязанія вполнѣ „душевредныя": что же было за сто лѣтъ? Вспомнимъ, что въ это время только начали раздаваться голоса нѣкоторыхъ достойныхъ пастырей Церкви противъ ужасныхъ истязаній, которымъ подвергалось духовенство въ монастыряхъ; всѣ эти душевредности встрѣчались по всей Россіи вездѣ, гдѣ только сильный, власть имѣющій, приходилъ въ столкновеніе съ слабымъ, игуменъ—съ простымъ монахомъ, учитель—съ ученикомъ, господинъ—съ слугой, хо-

[1]) Полн. Собр. Зак., № 12,977, 13,107.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 12.966.

зяинъ—съ работникомъ, договоримъ:—отецъ съ сыномъ. Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ приказчиковъ за жестокія наказанія заводскихъ крестьянъ заставило бы сколькихъ людей переглянуться и поднять вопль, ибо и они должны были подвергнуться такому же преслѣдованію! Явленіе не было одинокимъ, выходящимъ изъ ряду.

Въ доказательство затруднительности положенія кн. Вяземскаго и Бибикова, затруднительности, которой подвергается и позднѣйшій изслѣдователь этихъ печальныхъ явленій, приведемъ слѣдующій случай. Много жалобъ было на Демидовскаго приказчика, прапорщика Кулалеева. Вяземскій нашелъ въ немъ человѣка съ нечистою совѣстью, взяточника, и удалилъ его отъ завѣдыванія приписными крестьянами; но уголовному наказанію онъ не подвергся, хотя была жалоба, что онъ въ 1760 г. крестьянина Алексѣева, будучи въ Дубровѣ, невѣдомо за что изрубилъ саблею до смерти. Кулалеевъ отвѣчалъ на обвиненіе слѣдующее: „Села Котловки крестьянинъ Лѣтковъ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что, отрѣзавъ на рѣкѣ Камѣ паромъ, переѣхали воровскіе люди на горную сторону. Я, собравъ села Котловки крестьянъ, разослалъ ихъ для поиску воровскихъ людей, а самъ поѣхалъ съ другими крестьянами и въ лѣсу встрѣтилъ невѣдомо какихъ людей ночью; стали ихъ ловить: одинъ изъ нихъ бросился на меня съ топоромъ и порубилъ мою лошадь, а я порубилъ его по плечу тесакомъ; порубленный побѣжалъ, крестьянинъ Талановъ его догналъ; онъ Таланова сшибъ съ ногъ; я побѣжалъ за нимъ пѣшкомъ, нагналъ; онъ бросился на меня съ топоромъ, а я, обороняясь, порубилъ ему ногу, отчего онъ упалъ и тутъ же на мѣстѣ умеръ. Между тѣмъ пойманы были товарищи убитаго, бѣглые заводскіе крестьяне, которые объявили, что и убитый тоже бѣглый заводскій крестьянинъ, Михайла Алексѣевъ Болонкинъ". Кулалеева оправдали [1]). Наконецъ, затруднительное положеніе слѣдователей увеличивалось еще тѣмъ, что одни крестьяне возставали, а другіе оставались спокойными и отправляли свои работы, и возставшіе вооружались противъ нихъ, силою заставляя ихъ принимать свою сторону.

Но если положеніе Вяземскаго и Бибикова было крайне затруднительно, если мы не имѣемъ никакого права требовать отъ нихъ, чтобъ они поступали по понятіямъ и условіямъ не своего времени, а нашего, а потому не признавать ихъ заслуги,—то, съ другой стороны, мы должны признать, что ихъ распоряженіями зло совершенно прекращено быть не могло. О средствѣ коренного исцѣленія болѣзни вопросъ былъ заданъ Екатериною: нѣтъ ли возможности замѣнить приписныхъ крестьянъ вольнонаемными рабочими. Понятно, что отвѣтъ былъ отрицательный, потому что если бы эта возможность существовала, то крѣпостное право исчезло бы на всемъ протяженіи Россіи; при сохраненіи же обязательныхъ отношеній работника къ хозяину никакія опредѣленія отношеній не могли принести всей желаемой пользы, даже при условіи постояннаго строгаго надзора и всегда справедливаго, безпристрастнаго рѣшенія споровъ; но возможно ли было требовать этихъ условій на отдаленныхъ окраинахъ, при извѣстномъ печальномъ состояніи правосудія? Заводскіе крестьяне хотѣли вовсе не того, что имъ дали; они не хотѣли болѣе сноснаго опредѣленія обязательныхъ отношеній,—они хотѣли полнаго увольненія отъ заводскихъ работъ, ибо ихъ положеніе было самымъ тяжкимъ видомъ крѣпостного права. Крестьянинъ-земледѣлецъ, какого бы корыстолюбиваго и жестокаго господина или приказчика судьба ему ни послала, все же оставался на своемъ мѣстѣ при своихъ обычныхъ занятіяхъ, тогда какъ заводская работа была по преимуществу работа „невольная, рабская" по выраженію самихъ крестьянъ; къ заводамъ приписывались крестьяне, жившіе отъ нихъ въ очень дальнемъ разстояніи, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, и должны были являться въ срокъ, должны были тратиться, разоряться для этихъ переходовъ, и въ случаѣ запаздыванія должны были готовиться къ наказанію, къ побоямъ отъ приказчика, болѣе или менѣе душевреднымъ, смотря по характеру и расположенію послѣдняго. Кромѣ того, хозяинъ или приказчикъ стремились извлечь всевозможную выгоду изъ работника, находившагося совершенно въ ихъ рукахъ, прижать его, не доплатить, заставить проработать лишнее, продать ему дорогою цѣною необходимые предметы. Все это не могло пріучить крестьянина къ заводскимъ работамъ,—и постояннымъ его желаніемъ было освободиться отъ нихъ: мы видѣли, что первыя сильныя крестьянскія возстанія при Елисаветѣ были возстанія заводскихъ крестьянъ; мы должны ждать, что они не прекратятся и послѣ усмиренія ихъ въ первые годы Екатерининскаго царствованія.

Лѣтомъ 1767 года пришли въ непослушаніе крестьяне, приписные къ Юговскимъ горнымъ заводамъ графа Ив. Чернышева, заводчика Походяшина и покойнаго канцлера Воронцова. Соликамская воеводская канцелярія нашла, что виновникомъ былъ премьеръ-маіоръ Дервецкій, который приказалъ крестьянамъ ходить на одни соляные заводы. Сенатъ для усмиренія крестьянъ велѣлъ ѣхать съ военною командою генералъ-маіору и главному командиру надъ Гороблагодатскими и Кемскими заводами Ирману. Въ октябрѣ мѣсяцѣ пришелъ рапортъ канцеляріи Главнаго Правленія заводовъ объ упорствахъ и отбывательствахъ отъ работъ крестьянъ, приписныхъ къ Аннинскому заводу гр. Чернышева, Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ; канцелярія писала, что никакой надежды къ утишенію возстанія нѣтъ, и она обратилась за помощію къ Казанскому губернатору. Въ томъ же мѣсяцѣ подали просьбу въ Сенатъ со-

[1]) Дѣла коммисіи о заводскихъ крестьянахъ—въ Архивѣ М. Юстиціи.

держатель рязанской игольной фабрики Рюминъ и компаньонъ его, бригадиръ, князь Колдышевъ, что Мануфактуръ-Коллегія освободила ихъ крѣпостныхъ людей, содержавшихся по обвиненію въ непослушаніи, отчего на ихъ фабрикѣ произошло еще большее неповиновеніе и озорничество; челобитчики писали, чтобъ велѣно было усмирить крестьянъ военною командою. Сенатъ велѣлъ послать команду и приказалъ дать знать Коллегіи, что она поступила весьма неблагоразсудительно и неосторожно, освободивши означенныхъ крѣпостныхъ людей безъ всякаго удовольствія ихъ владѣльцу, сдѣлавъ распоряженіе, чтобъ ихъ употреблять только на игольной фабрикѣ, а не посылать на желѣзный заводъ для тяги проволоки. Коллегія отвѣчала, что она отослала крестьянъ въ исполненіе указа не держать долго колодниковъ, поручивъ рязанской губернской канцеляріи разсмотрѣніе дѣла о ихъ виновности; что же касается распоряженія ея ходить крестьянамъ только на игольную фабрику, то иначе произошла бы смута: игольная фабрика подвѣдомственна ей, а желѣзный заводъ—Бергъ-Коллегіи. Въ концѣ года Ирманъ донесъ, что возмутившіеся крестьяне пришли въ послушаніе и обязались идти на заводскія работы, кромѣ 37 человѣкъ деревни Бурдаковой, приписныхъ къ Пыскорскому заводу. Сенатъ приказалъ: рекомендовать Ирману секретно поступать въ этомъ случаѣ съ такой умѣренностью, чтобъ крестьяне не могли имѣть предлога къ возмущенію. Рязанская губернская канцелярія донесла, что крестьяне игольной фабрики Рюмина за учиненныя ими противности наказаны, кто кнутомъ, кто плетьми, и тѣмъ въ должное послушаніе приведены. Вслѣдствіе донесенія Воронежскаго губернатора о противностяхъ липецкихъ рабочихъ, Сенатъ приказалъ: такъ какъ по дѣлу видно, что непослушаніе заводскихъ рабочихъ большею частью произошло и теперь происходитъ отъ притѣсненія управителями кн. Репнина, то послѣднему дать знать секретно, чтобъ онъ, безъ нарушенія собственной пользы постарался принять заблаговременно такія мѣры, благодаря которымъ рабочіе не имѣли бы прямыхъ причинъ къ жалобамъ, а для большаго успокоенія отрѣшилъ бы нынѣшнихъ своихъ управителей и опредѣлилъ другихъ, если только отъ этого не произойдетъ заводамъ его какого вреда [1]).

Въ то самое время, какъ въ Коммисіи, созванной изъ всѣхъ концовъ Россіи для поданія императрицѣ „свѣта и свѣдѣнія" о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно, въ то самое время, какъ въ этой Коммисіи разныя сословія наперерывъ требовали себѣ права имѣть крѣпостныхъ людей,—государыня подписывала приговоръ надъ явленіемъ, которое показывало, до чего можетъ доводить крѣпостное право, отдавши человѣка во власть другого человѣка. И это явленіе произошло въ средѣ тѣхъ людей, которые въ Коммисіи предъявляли свое исключительное право имѣть крѣпостныхъ людей, управленіе ими выставляя какъ школу, какъ приготовленіе къ высшимъ правительственнымъ должностямъ, причемъ указывали на свои большія средства нравственныя, на свое образованіе. Оказалось, что ужасное явленіе могло быть продолжительнымъ именно въ средѣ этихъ людей, потому что въ ихъ средѣ могло находить долгую безнаказанность.

Жена ротмистра Конной Гвардіи Глѣба Салтыкова, Дарья Николаева, овдовѣвши 25 лѣтъ, получила въ управленіе населенныя имѣнія, толпу крѣпостныхъ слугъ, и въ этомъ управленіи развила чудовищную жестокость: собственными руками она била безъ милости своихъ слугъ и служанокъ чѣмъ попало, припекала имъ уши разожженными щипцами, обливала кипяткомъ; по ея приказу, били, сѣкли дворовыхъ мужчинъ и женщинъ, забивали и засѣкали до смерти, и все за маловажныя вины по хозяйству. Злость Салтыковой, усиливаясь по мѣрѣ терзанія несчастныхъ жертвъ, доходила до бѣшенства: „Бейте до смерти", кричала она наказывавшимъ: „я сама въ отвѣтѣ и никого не боюсь, хотя отъ вотчинъ своихъ отстать готова. Никто ничего сдѣлать мнѣ не можетъ!" Сознаніе безнаказанности, возможности по родственнымъ связямъ и богатству запугать и задарить судей разнуздывало Салтыкову, и, дѣйствительно, болѣе шести лѣтъ жалобы на нее крѣпостныхъ оставались безъ послѣдствій, жалобщиковъ наказывали и отсылали назадъ къ госпожѣ, которая говорила имъ: „Вы мнѣ ничего не сдѣлаете; сколько вамъ ни доносить, мнѣ ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ". Наконецъ, въ 1762 году, дошла до Екатерины жалоба, что съ 1756 года Салтыковой погублено уже душъ со сто. Жалоба переслана была въ Юстицъ-Коллегію; началось слѣдствіе. Въ концѣ 1763 года Коллегія представила, что Салтыкову, „яко оказавшуюся въ смертныхъ убійствахъ весьма подозрительною, во изысканіи истины надлежитъ пытать". Мы видѣли, какую борьбу вела Екатерина противъ пытки. И тутъ она не хотѣла ея допустить, какъ средство, вовсе не ведущее къ изысканію истины, и приказала: „Объявить Салтыковой, что всѣ обстоятельства онаго дѣла и многихъ людей свидѣтельство доводятъ ее до пытки, что съ нею дѣйствительно и послѣдуетъ, если она не принесетъ чистосердечнаго признанія. Между тѣмъ опредѣлить къ ней искуснаго, честнаго житія и въ Божественномъ Писаніи знающаго священника на мѣсяцъ, который бы увѣщевалъ ее къ признанію, и если и отъ сего еще не почувствуетъ она въ совѣсти своей угрызенія, то чтобъ онъ приготовилъ ее къ неизбѣжной пыткѣ; а потомъ показать ей жестокость розыска надъ приговореннымъ къ тому преступникомъ, и если еще и тогда чистосердечія отъ нея не будетъ, то представить ея и. в—ству, не объявляя ей

---

[1]) Журналы Сената 1767 года, 21 августа, 3 и 4 октября, 12 ноября; 1768 года, 5 мая, 27 августа.

о томъ послѣднемъ представленіи, и ожидать указа".

Эти средства не помогли: Салтыкова ни въ чемъ не призналась. Екатерина и тутъ не хотѣла употребить пытки. Сдѣланъ былъ повальный обыскъ, который указалъ на убійства; по этимъ указаніямъ подняты были дѣла о Салтыковой въ полицій-мейстерской канцеляріи, Сыскномъ Приказѣ и Тайной конторѣ, рѣшенныя въ пользу Салтыковой по взяточничеству присутствующихъ. Люди Салтыковой обвиняли ее въ убійствѣ 75 человѣкъ обоего пола; Юстицъ-Коллегія, по разсмотрѣніи дѣлъ, обвиняла ее положительно въ убійствѣ 38 человѣкъ и оставила въ подозрѣніи относительно убійства 26 человѣкъ. Въ октябрѣ 1768 года послѣдовалъ высочайшій указъ Сенату: „Разсмотрѣвъ поданный намъ отъ Сената докладъ о уголовныхъ дѣлахъ извѣстной безчеловѣчной вдовы Дарьи Николаевой дочери, нашли мы, что сей уродъ рода человѣческаго не могъ воспричинствовать въ столь разныя времена и такого великаго числа душегубства надъ своими собственными слугами обоего пола однимъ первымъ движеніемъ ярости, свойственнымъ развращеннымъ сердцамъ, но надлежитъ полагать, хотя къ горшему оскорбленію человѣчества, что она, особливо предъ многими другими убійцами въ свѣтѣ, имѣетъ душу совершенно богоотступную и крайне мучительскую. Чего ради повелѣваемъ нашему Сенату: 1) Лишить ее дворянскаго названія и запретить во всей нашей имперіи, чтобы она ни отъ кого никогда, ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ и ни по какимъ дѣламъ впредь именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа. 2) Приказать въ Москвѣ, гдѣ она нынѣ подъ карауломъ содержится, въ нарочно къ тому назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день, вывести ее на первую (т.-е. главную, Красную) площадь и, поставя на эшафотъ, прочесть предъ всѣмъ народомъ заключенную надъ нею въ Юстицъ-Коллегіи сентенцію, съ присовокупленіемъ къ тому сего нашего указа, а потомъ приковать ее стоячую на томъ же эшафотѣ къ столбу и прицѣпить на шею листъ съ надписью большими словами: „мучительница и душегубица". 3) Когда она выстоитъ цѣлый часъ на семъ поносительномъ зрѣлищѣ, то чтобъ лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать промыслу Творца всѣхъ тварей, приказать, заключа въ желѣзы, отвести оттуда ее въ одинъ изъ женскихъ монастырей, находящійся въ Бѣломъ или Земляномъ городѣ, и тамъ, подлѣ которой ни есть церкви, посадить въ нарочно сдѣланную подземельную тюрьму, въ которой по смерть ея содержать такимъ образомъ, чтобъ она ни откуда свѣта не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую (монашескую) подавать туда со свѣчею, которую опять у ней гасить, какъ скоро она наѣстся, а изъ сего заключенія выводить ее во время каждаго церковнаго служенія въ такое мѣсто, откуда бы она могла оное слышать, не входя въ церковь". Салтыкова была заключена въ Ивановскомъ монастырѣ; въ 1779 году наказаніе смягчено: ее перевели изъ подземелья въ каменную пристройку къ церкви съ окномъ. Въ 1801 году Салтыкова умерла, и до сихъ поръ еще въ народѣ живетъ память объ ужасной Салтычихѣ [1]).

Такъ-же безъ пытокъ особенная коммисія производила дѣло о ливенскомъ помѣщикѣ, поручикѣ Мишковѣ, который, между прочимъ, обвиненъ былъ въ четверократной посылкѣ наряжныхъ разбойническимъ образомъ крестьянъ своихъ, однодворцевъ и Малороссіянъ въ домъ однодворца Писарева; въ двухъ пріѣздахъ и самъ онъ, Мишковъ, былъ, грабилъ пожитки Писарева и домъ его совершенно разорилъ, а самого захватилъ въ домъ къ себѣ, и, по приказу его, Писаревъ сѣченъ батожьемъ; потомъ Мишковъ приказалъ однодворцу Пыхтину, бѣглому, крывшемуся у него крестьянину Никифорову, да солдату Медвѣдеву, напоя ихъ пьяными, переломить Писареву обухомъ ноги, что ими и сдѣлано, а самъ Мишковъ выкололъ ему глаза сапожнымъ шиломъ, отчего Писаревъ чрезъ девять дней и умеръ. Приказалъ однодворцамъ — Жиляеву и Пыхтину - живущаго въ домѣ его однодворца Енина убить до смерти, что ими исполнено, и проч. [2]). Вдова тайнаго совѣтника Марья Ефремова, за смертное убійство крѣпостной своей дѣвки, предана церковному покаянію [3]). Какое было обращеніе съ крестьянами серпейскаго помѣщика, отставнаго гвардіи поручика Шеншина, неизвѣстно; только ночью пріѣхали къ нему въ домъ невѣдомые люди съ ружьями и рогатинами, домъ разбили, его, жену и старосту умертвили; въ этомъ убійствѣ оказались собственные крестьяне Шеншина [4]).

Въ 1768 году Казанскій губернаторъ донесъ объ усилившихся въ Симбирскомъ уѣздѣ разбояхъ и смертоубійствахъ, причемъ представлялъ о малолюдствѣ тамошнихъ гарнизоновъ и надобности прислать еще военныхъ командъ. Сенатъ приказалъ: хотя и нарядить команды, но онѣ не поспѣютъ, а зимнее время и безъ командъ разбойниковъ разгонитъ, и потому послать указъ губернатору, чтобъ они во время ихъ зимняго укрывательства самими обывателями и находящимися тамъ командами были переловлены. Такъ какъ видно, что крестьяне и помѣщичьи служители, при нападеніи разбойниковъ на домы господъ и ихъ самихъ, не даютъ имъ никакого отпора, несмотря на то, что превосходятъ многолюдствомъ иногда во сто кратъ, убѣгая и укрываясь, предаютъ неповинную жизнь господъ на жертву свирѣпости и алчности разбойниковъ: для того обнародовать печатнымъ указомъ, что если впередъ крестьяне и служители, невзи-

---

[1]) «Русская Старина» 1874 года, № 7.
[2]) Дѣло въ Госуд. Архивѣ.
[3]) Журналы Сената, 1768 года, 4 іюля.
[4]) Журналы Сената, 1767 года, 27 сентября.

рая на свое многолюдство, отпора давать не будутъ, то безъ должнаго за то денежнаго и тѣлеснаго наказанія не останутся. А чтобъ показать первое дѣйствіе указа, къ Казанскому губернатору написать, чтобъ во всѣхъ мѣстахъ его вѣдомства, гдѣ произошли разбои и смертоубійства, приказать изслѣдовать, и если гдѣ найдется, что крестьяне, по одной своей холодности, а иногда и по злости, помѣщиковъ своихъ не защищали, – въ такомъ случаѣ поступить съ виноватыми по законамъ [1]). Московскій главнокомандующій, графъ Салтыковъ, писалъ императрицѣ, что въ Москвѣ и около нея воровство и разбои сильно умножились [2]).

Мы видѣли, что депутаты въ Коммисіи объ Уложеніи приписывали разбои бѣглымъ крѣпостнымъ. Мы видѣли также, что помѣщики пограничныхъ областей жаловались на бѣгство крестьянъ ихъ въ Остзейскія провинціи. Но жалобы были обоюдныя. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ представилъ Сенату докладъ, что остзейскіе дворяне жаловались ему на невыдачу имъ ихъ бѣглыхъ изъ Новгородской губерніи, преимущественно изъ Псковской провинціи, хотя они точно знаютъ о мѣстахъ ихъ укрывательства; все затрудненіе происходитъ оттого, что бѣглыхъ безъ суда взять нельзя, и если бѣглые изъ Лифляндіи и Эстляндіи примутъ вѣру Греческаго исповѣданія, то ихъ уже къ старымъ помѣщикамъ не возвращаютъ, а крѣпятъ за кого пожелаютъ изъ Русскихъ. По мнѣнію Сиверса, надобно было бы съ обѣихъ сторонъ выдавать бѣглыхъ безъ суда, невзирая на то, что приняли Греческую вѣру, ибо въ Лифляндіи и теперь уже столько построено греческихъ церквей, что каждому, принявшему это исповѣданіе, недалеко сходить въ городъ или къ полковымъ церквамъ.

Сиверсъ подалъ Сенату также любопытный докладъ о состояніи городовъ своей губерніи. „Городъ Псковъ, по своему красивому и очень удобному для торговли положенію, могъ бы быть въ другомъ состояніи и не возбуждать такой жалости. У меня нѣтъ словъ для выраженія моихъ чувствъ о разореніи этого города; скажу одно, что онъ такъ же несчастливъ, какъ и Великій Новгородъ, и страдаетъ тою же чахоткою. Какъ въ одномъ, такъ и другомъ почти равныя причины разоренія, и не однѣ политическія, но и нравственныя: нравы такъ испорчены, что умноженіе человѣческаго рода почти пресѣклось. Во всѣхъ городахъ моей губерніи со второй по третью ревизію число жителей умножилось до седьмой, а въ нѣкоторыхъ, гдѣ порядокъ и нравы добрые, до пятой и до четвертой части противъ прежняго; только въ Новгородѣ и Псковѣ цѣлая треть убыла; во Псковѣ чрезъ 150 лѣтъ почти ни одного жителя посадскаго не останется. Способы къ устраненію этого зла: 1) увеличеніе числа купцовъ переводомъ ихъ изъ пригородовъ; 2) включеніе въ купечество или въ цехи всѣхъ государственныхъ и экономическихъ крестьянъ, которые живутъ въ городѣ и подгородныхъ слободахъ; 3) выводъ одного полка въ другой городъ; ибо почти невѣроятно, что въ одномъ мѣстѣ, гдѣ 450 душъ купечества, квартируютъ два пѣхотныхъ полка; 4) учрежденіе банка для уничтоженія разорительныхъ займовъ у нарвскихъ конторъ.—Каменный домъ провинціальной канцеляріи во Псковѣ развалился, и я уже третьяго-года приказалъ канцелярію изъ него вывесть въ обывательскій. Воеводскаго двора совсѣмъ нѣтъ, и воевода живетъ въ такомъ ветхомъ обывательскомъ домѣ, что мнѣ стыдно и не безъ страха было въ него войти. Я нашелъ изрядную гарнизонную школу, построенную комендантомъ.—Городъ Островъ—сущая деревня, имѣетъ около 120 душъ купечества; въ воеводскомъ домѣ только сороки да вороны живутъ; ни площади, ни лавокъ не нашелъ. Въ Холмѣ я внезапно вошелъ въ соляной амбаръ и велѣлъ считать кули съ солью; по запискамъ значилось въ наличности около 7,000 пудовъ, а оказалось только около тысячи, остальные были въ раздачѣ почти всему посаду до священниковъ заимообразно. Въ Холмѣ болѣе 700 душъ и только одинъ умѣетъ писать. Торопецъ—лучшій городъ во всей Новгородской губерніи. Хотя Торопчане имѣютъ дурную славу, что много товаровъ привозятъ безъ пошлины, однако доходы ближнихъ таможенъ доказываютъ, что нѣкоторые, и лучшіе изъ нихъ, поступаютъ, какъ добрые люди. Торгуютъ преимущественно шелковыми товарами, которые закупаютъ на ярмаркахъ въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Бреславлѣ и Лейпцигѣ, а нѣкоторые отправляютъ ленъ и пеньку въ Петербургъ. Едва одинъ купецъ успѣлъ построить каменный домъ, какъ полковникъ вступившаго въ городъ полка занялъ его, какъ лучшій въ городѣ, а хозяинъ остался жить въ старомъ деревянномъ, послѣ чего никто уже другого каменнаго дома не заложилъ. Между воеводскою канцеляріею и магистратомъ я нашелъ великія несогласія, и въ обоихъ мѣстахъ болѣе челобитчиковъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ. Воеводскій домъ такъ ветхъ, что въ немъ жить нельзя, и канцелярія не лучше. Острогу или тюрьмы совсѣмъ нѣтъ, а колодниковъ ставятъ попеременно по домамъ разночинцевъ, взамѣнъ постоя, чего нигдѣ я не видалъ и не слыхалъ. Ржевъ Володимеровъ можетъ спорить съ Торопцомъ; одно худо, что между жителями капитальныхъ людей мало, вредятъ своей торговлѣ, занимая большіе капиталы у Англичанъ и другихъ за весьма высокіе проценты. У нихъ великіе споры съ разночинцами, особливо съ пушкарями старыхъ службъ и съ ямщиками о земляхъ. Вкоренившійся здѣсь расколъ—порокъ сему городу. Хуже всѣхъ городовъ Бѣлозерскъ. Я нигдѣ не находилъ, чтобъ магистратъ былъ дѣйствительно такимъ городскимъ опекуномъ, какъ въ Торжкѣ. Тверскою кан-

[1]) Журналы Сената, 1768 года, 5 сентября.
[2]) Госуд. Архивъ: письмо отъ 16 ноября 1768.

целяріею я былъ доволенъ, кромѣ великаго числа колодниковъ; я замѣтилъ изъ вѣдомостей, что всегда двѣ трети колодниковъ—Ржевитяне; точно то же и въ магистратѣ.—Купцы какъ сами безъ воспитанія были, такъ и дѣтей своихъ теперь не воспитываютъ. Торговля ихъ производится безъ всякаго порядка, рѣдко съ запискою, безъ книгъ и почти безъ счетовъ. Между ними нѣтъ довѣрія, которое составляетъ духъ коммерціи. Главнѣйшій вредъ купечеству кажется отъ подушнаго оклада; вмѣсто подушныхъ денегъ, можно положить каждый городъ въ особый окладъ одной круглой суммы, а сей окладъ собирать съ имѣнія и съ торгу каждаго горожанина. Еще бы сему роду людей дало лучшія мысли, если бы по уголовнымъ дѣламъ ихъ отъ розысковъ избавить.—О крестьянствѣ я долженъ вообще замѣтить, что оно еще болѣе заслуживаетъ жалости по незнанію грамотѣ, ибо это незнаніе подвергаетъ его множеству обидъ".—Для дворянъ Сиверсъ требовалъ выборной службы старшинами въ погостахъ для полицейскаго надзора, также службы въ званіи уѣздныхъ коммисаровъ. Объ упадкѣ дворянскихъ родовъ вслѣдствіе раздѣла имѣній, Сиверсъ говоритъ: „Я былъ въ одной деревнѣ, гдѣ въ 15 избахъ крестьянскихъ нашлись 17 помѣщиковъ, и весь народъ, который я нашелъ на жнитвѣ хлѣба, былъ благородный" [1]).

Относительно духовенства произошло любопытное явленіе въ Тамбовѣ. Тамбовскій купецъ Александръ Поповъ подалъ въ Синодъ челобитную, за рукоприкладствомъ 106 человѣкъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ: просили о переводѣ находившагося прежде въ Тамбовѣ и переведеннаго въ Устюгъ епископа Пахомія опять назадъ въ Тамбовъ намѣсто нынѣшняго епископа Ѳеодосія, переведеннаго изъ Устюга, и Синодъ, найдя, что въ челобитной не выставлено никакой законной причины, сообщилъ Сенату, что онъ сдѣлалъ опредѣленіе о духовныхъ лицахъ, подписавшихъ челобитную, а свѣтскихъ предаетъ на разсмотрѣніе Сената; при этомъ Синодъ сообщалъ, что Пахомій уже переведенъ изъ Устюга въ Москву, за старостью и слабостью. Сенатъ отрѣшилъ отъ должностей Тамбовскаго, Нижнеломовскаго и Верхнеломовскаго воеводъ и воеводскихъ товарищей, приложившихъ руки къ челобитной. Епископъ Ѳеодосій по этому поводу доносилъ, что духовенство побуждаемо было къ рукоприкладству тамбовскимъ купцомъ Расторгуевымъ, который зазывалъ священниковъ къ себѣ и поилъ допьяна [2]).

Въ Церкви въ описываемое время произошелъ еще любопытный случай: извѣстный владѣлецъ мѣдиплавильныхъ и желѣзныхъ заводовъ, пожалованный званіемъ директора этихъ заводовъ, Петръ Осокинъ, записалъ себя въ расколъ съ женою, двумя малолѣтными пріемышами и съ нѣкоторыми дворовыми людьми. Сенатъ приговорилъ его къ лишенію директорскаго чина и написанію въ двойной подушный окладъ. Императрица написала на докладѣ Сената: „Какъ мнѣ самой въ проѣздъ мой по Волгѣ случалось видѣть сего человѣка, который лѣтъ 80 отъ роду и слѣпъ, и хотя весьма добродѣтельнымъ человѣкомъ слыветъ, но въ разсужденіи его старости и дряхлости едва-ли въ совершенной памяти, то надлежитъ взять отъ него отвѣтъ, знаетъ ли онъ подлинно о сей запискѣ его въ расколъ, и не воспользовался ли иногда кто его старостію и слѣпотою; а изъ того отвѣта можно будетъ лучшее заключеніе сдѣлать о его судьбинѣ" [3]).

Сибирскій губернаторъ, Денисъ Чичеринъ, доносилъ, какъ производится обращеніе въ христіанство иновѣрцевъ его губерніи. „Проповѣдники отправились сначала на коштѣ и подводахъ иновѣрцевъ; но такъ какъ теперь это имъ запрещено, то они изыскали способъ ѣздить въ отдаленныя иновѣрческія жилища на подводахъ живущихъ по тракту церковныхъ причетниковъ. Къ иновѣрцамъ, живущимъ близъ города большими деревнями, они не заѣзжаютъ, и во всю бытность мою ни одинъ изъ этихъ жителей не окрещенъ; стараются они пробраться въ отдаленныя и дикія мѣста, гдѣ проповѣдуютъ на Русскомъ языкѣ такимъ людямъ, которые не слыхивали, какъ порусски говорятъ, и увѣщеваютъ къ крещенію всегда тѣхъ, у которыхъ больше пожитку видятъ. Обольстя награжденіемъ, напоя пьяныхъ или напугавши крестятъ, а какъ при крещеніи дѣйствуютъ, того неизвѣстно. Перекрестя, отъѣзжаютъ въ другія мѣста, на лошадяхъ и на издержкахъ новокрещеннаго, оставивъ ему написанный на бумагѣ символъ вѣры, который этотъ христіанинъ безумно почитаетъ божествомъ, а что въ немъ написано,—не знаетъ. Чрезъ годъ и больше проповѣдникъ возвращается для свидѣтельства новыхъ христіанъ, и тутъ великія привязки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости, обвиняютъ въ отступничествѣ отъ вѣры христіанской, пугаютъ жестокими наказаніями и чрезъ то грабятъ безчеловѣчно; если же кто не даетъ,—тѣхъ берутъ съ собою и на ихъ же подводахъ и коштѣ, забивши въ колодки, везутъ по другимъ жилищамъ. Кто побогаче, къ такимъ въ потаенныхъ мѣстахъ ставятъ болвановъ, а потомъ сами же и сыскиваютъ. Священники этихъ дѣлъ сами рѣшить не могутъ, отсылаютъ въ высшій судъ, гдѣ происходитъ долголѣтнее разбирательство. Другой способъ къ грабительству: придутъ къ новокрещенному, и если узнаютъ, что былъ покойникъ и погребенъ безъ священника или младенецъ некрещенъ, привязываются, зачѣмъ долго не крещенъ, зачѣмъ безъ священника погребенъ, тогда какъ священникъ, по отдаленности, только въ нѣсколько лѣтъ разъ можетъ пріѣхать; точно также и вѣнчаться въ церковь ѣздить не могутъ,—вѣн-

---

[1]) Госуд. Архивъ, письмо отъ 16 ноября 1768.

[2]) Журналы Сената, 1768 года, 17 сентября.

[3]) Журналы Сената, 1767 года, 12 ноября.

чаются по домамъ, а это служитъ главнымъ источникомъ взяточничества, привязываются, кричать о поруганіи вѣры, и если кто не откупится, долженъ ѣхать отъ 300 до 400 верстъ. Священникъ пріѣзжаетъ исповѣдывать: отецъ духовный по-инородчески, сынъ духовный—по-русски ни слова не знаетъ; одна только пожива священникамъ. Этотъ безпорядокъ можетъ быть пресѣченъ только опредѣленіемъ въ Сибирскую митрополію человѣка, который бы могъ въ эти дѣла благоразумно вникать, и хотя крещеніе инородцевъ должно продолжать, однако въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ по близости церкви есть, и учредить школы для образованія священниковъ изъ инородцевъ, а въ отдаленныхъ мѣстахъ проповѣдь и крещеніе до времени оставить".

Вслѣдствіе этого донесенія, составлена была коммисія изъ Новгородскаго митрополита Димитрія, Псковскаго епископа Иннокентія и Теплова. Они подали докладъ: смѣнить Тобольскаго митрополита Павла какъ за нерадѣніе, такъ и по другимъ жалобамъ; избрать новаго, лучшаго и дать ему отъ Синода инструкцію относительно проповѣди: 1) Слово Божіе должно быть проповѣдуемо изъ одного Евангелія, Дѣяній и Посланій апостольскихъ, не отягощая разума обращенныхъ преданіями Св. Отецъ, кромѣ самыхъ нужнѣйшихъ, каковъ символъ вѣры. 2) Три обязанности проповѣдника: учить, увѣщевать, напоминать; повелѣніе, угроза и строгое съ утѣсненіемъ взысканіе есть насиліе совѣсти и злочестіе. 3) Не должно давать воли проповѣдникамъ ѣздить, куда захотять. Архіерей сочиняетъ планъ страны, гдѣ и какіе обитаютъ язычники, выбираетъ проповѣдниковъ благонравныхъ, особенно не корыстолюбивыхъ, трезвыхъ, разумныхъ и кроткихъ, и распредѣляетъ время и мѣста, когда и куда имъ отправляться. Начинать должно съ ближнихъ къ городу мѣстъ, дабы мало-по-малу вѣра распиряла:ь. Новообращенныхъ не принуждать къ такимъ преданіямъ церковнымъ, которыя могутъ быть неудобоносимы для непривычныхъ; проповѣдники должны отдавать отчетъ архіерею. 4) Проповѣдникъ долженъ имѣть видъ человѣка не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго; проповѣдники отнюдь не должны прямой вѣры пополнять суевѣріемъ, разсказами о ложныхъ чудесахъ и откровеніяхъ. Проповѣдники не должны ничего брать, кромѣ пищи повседневной, и за ту платить. 5) Если проповѣдникъ языка инородческаго не разумѣетъ, то долженъ употреблять толмача; а впредь принимать изъ обращенныхъ въ семинаріи съ тѣмъ, чтобъ они никогда своего языка не забывали, или лучше и завести ученіе инородческихъ языковъ [1]).

Изъ восточной степной украйны пришло извѣстіе, что Киргизы собираются напасть на кочующихъ около Хивы Трухменцевъ; русское пограничное начальство встревожилось, боясь, чтобъ Киргизы, перемѣня намѣреніе, не напали на Калмыковъ, и послало предупредить калмыцкаго намѣстника ханства, послало и въ Саратовскую Контору Опекунства Иностранныхъ, боясь за нѣмецкія колоніи на луговомъ берегу Волги. Екатерина написала: „Вовсе сіи люди, кои сіе пишутъ, карту не знаютъ: Яицкіе казаки покрываютъ Калмыкъ, а Калмыки поселеніи, и такъ попустому людей тревожатъ. Зри карту. Все сіе похоже на малороссійскія извѣстія, откудова неоднократно рапортовано, что король Прусскій ѣдетъ брать непобѣдимаго города Кіева" [2]).

Самозванство не прекращалось. Въ 1769 году бѣглый солдатъ Мамыкинъ на дорогѣ въ Астрахань разглашалъ, что Петръ III живъ, приметъ опять царство и будетъ льготить крестьянъ [3]).

О Петрѣ III толковали и на Астраханской дорогѣ и около Петербурга. При изложеніи дѣла Батурина [4]), мы видѣли, что приговоръ о немъ не былъ исполненъ при Елисаветѣ. При Петрѣ III Сенатъ хотѣлъ сослать его въ Нерчинскъ на работу, но императоръ велѣлъ оставить его въ Шлюссельбургѣ и давать лучшее содержаніе. Въ 1768 году солдатъ Сорокинъ, придя къ другому солдату Ушакову, вынулъ изъ кармана двѣ бумажки и говорилъ: „Я былъ въ Шлюшинѣ (Шлюссельбургѣ) у одного колодника, который назвалъ себя полковникомъ, у Іоасафа Андреевича Батурина; онъ отдалъ мнѣ эти двѣ бумажки и просилъ, чтобъ я одну, маленькую, подалъ государынѣ, а другую—Петру Өедоровичу, и говорилъ мнѣ Батуринъ, что ежели я эти двѣ бумажки подамъ, то мнѣ будетъ великое награжденіе. Ушаковъ развернулъ сперва большую бумажку и, увидя, что она писана къ бывшему государю, говорилъ Сорокину: „Пустое, вѣдь онъ давно уже умеръ; вѣдь ты помнишь, еще мы были въ походѣ, такъ тамъ это было уже извѣстно, что онъ подлинно умеръ". Но Сорокинъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, братъ, Батуринъ знаетъ планеты; смотря въ окошко изъ казармы на небо, указывалъ государеву планету и говорилъ, что онъ живъ и теперь гуляетъ, а черезъ годъ или два сюда придетъ". Ушаковъ взялъ обѣ записки, и маленькую искалъ случая подать императрицѣ; случая не находилось, и однажды, подравшись пьяный съ хозяиномъ квартиры, выронилъ обѣ записки на полъ: онѣ были подобраны и представлены куда слѣдовало. Ушаковъ показалъ о приведенномъ разговорѣ съ Сорокинымъ, а тотъ прибавилъ: „Батуринъ разсказывалъ караульнымъ, что онъ хотѣлъ Петра Өедоровича возвести на престолъ. Караульные говорили ему: „Если ты такую услугу Петру Өедоровичу оказалъ, такъ для чего онъ тебя, пока живъ былъ, отсюда не освободилъ"? Батуринъ отвѣчалъ: „Врете вы, государь не умеръ, а живъ, поѣхалъ гулять, а меня

[1]) Государств. Архивъ.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Иностр. Д.

[3]) Дѣло въ Государ. Архивѣ.

[4]) Исторія Россіи.

здѣсь оставилъ подъ видомъ; я по планетамъ знаю, что онъ живъ, планету вижу, и увидите, что онъ года черезъ два въ Россію возвратится". Сорокинъ признался, что взялъ бумажки отъ Батурина, чтобъ одну подать государынѣ, а другую Петру Ѳедоровичу, когда тотъ пріѣдетъ въ Россію. Послѣ этихъ открытій, Батурина признали за лучшее удалить въ Камчатку; но мы еще должны будемъ упомянуть о немъ впослѣдствіи.

Въ томъ же 1768 году лѣкарь Лебедевъ донесъ, что осьмнадцатилѣтній адъютантъ Опочининъ, сынъ генералъ-маіора, выдавалъ себя сыномъ Англійскаго короля и императрицы Елисаветы, и составилъ заговоръ свергнуть Екатерину съ престола и возвести великаго князя Павла Петровича, истребивъ Орловыхъ, между которыми Екатерина будто бы хочетъ подѣлить Россію. Опочининъ объявилъ, что мысль о происхожденіи внушилъ ему корнетъ Батюшковъ, который говорилъ: „Сказывала мнѣ покойная бабушка Анна Пребышевская, что когда былъ здѣсь англійскій посолъ, то въ его свитѣ былъ подъ именемъ кавалера посольства самъ король Англійскій". Батюшковъ оговорилъ Конной Гвардіи берейтора Штейгерса, который будто намѣревался съ товарищами возвести на престолъ великаго князя, который знаетъ о ихъ намѣреніи чрезъ Панина; Штейгерсъ приглашалъ Батюшкова быть участникомъ заговора и уговаривалъ приглашать другихъ; Батюшковъ и пригласилъ маіора Патрикѣева и Опочинина. Батюшковъ, по показанію Опочинина, говорилъ: „Ѳедоръ Хитровъ хотѣлъ-было свергнуть государыню, да не удалось; сослали его въ деревню, да и Захара Григорьевича (Чернышева) къ этому дѣлу примѣшали, за что и отставку ему дали; но послѣ, видно, онъ выправился, и такъ приняли его въ службу попрежнему, да даромъ что онъ выправился, онъ нашей партіи будетъ, потому что онъ не Григорья Петровича сынъ, а сынъ Петра Великаго". Батюшковъ во всемъ признался; Штейгерсъ все сложилъ на Батюшкова, который говорилъ: „Больше мнѣ досадно на графовъ Орловыхъ, что они не помнятъ милости отца моего, и сестру мою, Кропотову, выгнали изъ дворца, а меня, противъ воли моей, отставили отъ службы". Батюшковъ признался, что первый началъ говорить о намѣреніи своемъ произвести такой же переворотъ, какой произвели Орловы. Преступленіе Батюшкова приписано пьянству и умопомѣшательству: онъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и ссылкѣ въ Мангазею, съ производствомъ ему по 2 копѣйки въ день на содержаніе; а когда будетъ въ здравомъ умѣ, то заставлять работать; Опочинина, по молодости лѣтъ, также во вниманіе къ раскаянію его и службѣ отцовской, послать тѣмъ же чиномъ въ гарнизонъ на линію [1]).

Глава III.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1766, 1767, 1768 гг.

Борьба съ Польшею за диссидентовъ.—Разрывъ съ Турціею.—Сношенія съ европейскими державами во время этихъ событій.

Въ то время какъ Восточная Россія въ лицѣ своихъ депутатовъ слушала Наказъ и разсуждала о средствахъ улучшить свой бытъ,—народонаселеніе Россіи Западной съ трепетомъ ожидало окончанія борьбы, поднятой въ Польшѣ рѣшеніемъ той же составительницы Наказа, не успокаиваться до тѣхъ поръ, пока Русскіе люди „придутъ въ законное положеніе по правамъ и справедливости". Такимъ образомъ, и здѣсь и тамъ задача была одинаковая и разрѣшалась одновременно,—по разнымъ способамъ.

Мы видѣли, что диссидентское дѣло порывало старую связь между Русскимъ Дворомъ и князьями Чарторыйскими, которые издавна считались главами русской партіи въ Польшѣ.

2 января 1766 года Репнинъ писалъ Панину: „Во время бытности на охотѣ имѣлъ я случай говорить съ его величествомъ о духѣ владычества князей Чарторыйскихъ и о необходимой нуждѣ, чтобъ онъ, наконецъ, старался самъ господиномъ быть, а не вѣчно-бъ въ зависимости ихъ остался. О сей матеріи я столько уже къ вашему высокопревосходительству писалъ, что стыдно мнѣ почти то же все повторять, видя безплодность и неосновательность всѣхъ чинимыхъ мнѣ королемъ обѣщаній; итакъ не смѣю я, зная его слабость, и самъ вѣру имъ подавать, а доношу вамъ оное не съ увѣреніемъ, что оно исполнится, но болѣе, какъ извѣстіе. Его величество въ вышеупомянутомъ разговорѣ меня всячески увѣрялъ, что онъ мѣры возьметъ, дабы изъ зависимости своихъ дядьевъ выйти, и что онъ уже имъ самимъ прямо объявилъ намѣреніе свое имѣть директную переписку во всѣхъ воеводствахъ съ главными тамъ живущими знатными людьми, дабы чрезъ нихъ имѣть картину состоянія и дѣлъ каждой провинціи, и чтобъ къ нему прямо адресовались тѣ, которые въ провинціальные чины производиться желаютъ и генерально всѣ, кои отъ

[1]) Государ. Архивъ.

него какую-либо милость получить хотятъ, а не чрезъ нихъ бы князей Чарторыйскихъ тѣхъ милостей просили, какъ то по сію пору дѣлается. Сей поступокъ, конечно бы, вскорѣ подрывъ силѣ Чарторыйскихъ сдѣлалъ и партизановъ ихъ къ королю привлекъ въ надеждѣ полученія отъ него разныхъ милостей; но твердость его въ сихъ случаяхъ такъ мала, что я не смѣю надѣяться, чтобъ онъ подлинно сей поступокъ въ дѣйствіе произвелъ, ибо, по несчастію, онъ себѣ въ голову ту надежду забралъ, что онъ своихъ дядьевъ резонами и ласкою убѣдитъ и приведетъ въ тѣ границы, въ коихъ подданнымъ быть надлежитъ; они-жь, имѣя интересъ его въ когтяхъ держать, чтобъ самовластными быть, конечно, отъ сего добровольно не отступятъ, которое я не оставилъ его величеству прямо и неоднократно уже доносить. Слабость его столь удивительна, что не узнаютъ его предъ тѣмъ, какъ онъ партикулярнымъ былъ человѣкомъ, и заподлинно мнѣ стороною извѣстно, что самъ Ржевусскій въ крайней конфиденціи съ удивленіемъ отзывался, что онъ его предъ прежнимъ узнать совсѣмъ не можетъ, и если бы думалъ, что онъ такъ слабъ будетъ, то бы присовѣтовать ему сіе высочайшее достоинство на себя не принимать; Ржевусскій же сталъ усерденъ къ нашему высочайшему Двору, чтобъ не могъ болѣе того быть, хотя-бъ дѣйствительно и подданный нашъ былъ, и въ томъ же самомъ видѣ всячески старается и къ Прусскому королю въ доброе поведеніе здѣшній Дворъ привесть, дабы здѣсь всегда потолику съ нимъ въ дружбѣ были, поколику онъ съ нами въ дружескихъ обязательствахъ находиться будетъ. И объ семъ я съ королемъ въ разговорѣ говорилъ, который утверждалъ, что король Прусскій николи благосостоянія и нѣкотораго активитета Польшѣ не пожелаетъ; а я ему, напротивъ, изъяснялъ, что король Прусскій на то согласится, если Польша захочетъ ему доказать, что благосостояніе ея ему полезно быть можетъ чрезъ союзъ съ нею, въ которомъ она по многимъ вещамъ ему помощію быть можетъ, все сіе, разумѣется, поколь и сколько Прусскій король съ нами дружески пребудетъ. Наконецъ, и въ семъ разговорѣ его в—ство мнѣ обѣщалъ все то учинить, что за полезно и нужно Россіи покажется, увѣряя, что онъ, конечно, отъ нашей системы никогда нимало ни отступитъ. Не знаю, твердо-ль останется его в—ство въ вышеписанныхъ намѣреніяхъ. Въ совершенной его къ вамъ преданности и въ его прямодушіи я ни мало не сомнѣваюсь и почти за оныя отвѣчать осмѣливаюсь; но слабость его противъ дядьевъ несказанно велика, —а они всегда дѣла замѣшиваютъ и замѣшивать будутъ, дабы тѣмъ навсегда нужными королю быть".

Охлажденіемъ между Русскимъ Дворомъ и Чарторыйскими хотѣла пользоваться враждебная „фамиліи" партія и стала заискивать расположеніе державы, могуществомъ которой было сокрушено. Великій казначей коронный, графъ Вессель, увѣрялъ Репнина, что воевода Кіевскій, епископъ Краковскій, гетманъ польный, воевода Краковскій, маршалъ надворный, коронный и многіе другіе желаютъ только одного—быть въ русской партіи независимо отъ короля; что они не войдутъ ни въ какое обязательство съ другими иностранными Дворами, если Русскій Дворъ возьметъ ихъ въ свое покровительство; но Россія за то должна защищать ихъ твердо и сильно противъ Чарторыйскихъ, и, прежде всего, на будущемъ сеймѣ должна разрушиться генеральная конфедерація, на которую главнымъ образомъ опирается партія Чарторыйскихъ. Вессель просилъ Репнина какъ можно скорѣе дать ему отвѣтъ, чтобъ имъ заранѣе принять мѣры къ будущимъ сеймикамъ, если будутъ обнадежены русскимъ покровательствомъ. Репнинъ отвѣчалъ ласково, но въ общихъ выраженіяхъ, что Русскій Дворъ никогда не отказываетъ людямъ, которые съ истиннымъ усердіемъ прибѣгаютъ къ его покровительству, и что правосудіе и соблюденіе польскихъ правъ всегда руководили политикою Россіи; касательно же рѣшительнаго отвѣта Репнинъ просилъ подождать и дать ему время подумать и снестись съ своимъ Дворомъ. Извѣщая объ этомъ разговорѣ съ Весселемъ, Репнинъ писалъ Панину: „Если паче всякаго чаянія, найдемся мы въ той самой крайности, чтобъ особо партію свою собирать независимо отъ короля, то оное безъ большой трудности учинить можно будетъ по великому числу недовольныхъ здѣшнихъ магнатовъ, и въ томъ случаѣ надобно будетъ и письменно ихъ обязать, дабы не такъ легко они, какъ прежніе наши здѣшніе друзья, на всѣ стороны вертѣлись. Признаюсь же, что съ наичувствительнѣйшимъ оскорбленіемъ о семъ способѣ говорю, ибо оный нанесетъ несказанное неудовольствіе королю, который, конечно, преданъ намъ; но на сію преданность, по несчастію, считать не можно по чрезмѣрной его слабости, коей мы столько уже доказательствъ имѣли".

Репнинъ напрасно употребилъ выраженіе: „паче всякаго чаянія". Необходимость противодѣйствовать Чарторыйскимъ, опираясь на людей, имъ враждебныхъ, была очевидна для успѣха диссидентскаго дѣла. Конисскій все жилъ въ Варшавѣ, добиваясь управы; Репнинъ подалъ въ его пользу два меморіала польскому министерству, что сдѣлалъ, замѣтивъ, что министерство не хочетъ оказать ему удовлетворенія, а виновникомъ этого нежеланія оказывался Чарторыйскій, канцлеръ Литовскій: онъ настаивалъ, что въ этомъ дѣлѣ не нужно издавать королевскаго универсала, а надобно только разослать министерскія письма по уніатскимъ епископамъ, чтобъ они не притѣсняли болѣе Греческаго исповѣданія; но извѣстно было, что подобныя письма не имѣли никакого дѣйствія; тотъ же Чарторыйскій сопротивлялся конфирмаціи привилегій Православнымъ. Король, который прежде хотѣлъ дать Конисскому полное удовлетвореніе, сталъ колебаться.

Въ виду этихъ колебаній короля, которыя въ Петербургѣ приписывались Чарторыйскимъ, Панинъ писалъ Репнину, что предложеніе Потоцкихъ, вступить въ непосредственную связь съ Россіею, заслуживаетъ полнаго вниманія; изъ поступковъ фамиліи нельзя не заключить, что она мало думаетъ объ удовлетвореніи русскихъ требованій, особенно по диссидентскому и пограничному дѣламъ; что фамилія думаетъ объ одномъ,—какъ бы руководить королемъ, обращать все въ свою пользу и располагать дѣлами по своимъ мыслямъ и интересамъ. Теперь приходитъ время, когда король можетъ доказать на дѣлѣ, какъ далеко онъ намѣренъ способствовать видамъ и намѣреніямъ императрицы: диссидентское дѣло, будучи нераздѣльно соединено съ благосостояніемъ нашихъ единовѣрныхъ, и потому интересуя въ высшей степени достоинство ея величества, будетъ служить намъ въ этомъ случаѣ прямымъ опытомъ искренности его Польскаго величества, или слабости, въ которой онъ останется предъ своими дядьями. Если предположить первое, то необходимо предположить разрывъ между королемъ и князьями Чарторыйскими; слѣдовательно надобно заранѣе стараться, во-первыхъ, доставить ему другую опору, а во-вторыхъ,—показать Чарторыйскимъ, какъ много они могутъ потерять, лишась русскаго покровительства. Если же король останется въ рукахъ фамиліи, въ зависимости отъ нея, то намъ нужно имѣть другія орудія, посредствомъ которыхъ можно было бы достигнуть желаемаго. „Поэтому“, оканчивалъ Панинъ, „рекомендую вамъ привязать къ нашимъ интересамъ фамилію Потоцкихъ“.

Репнинъ постоянно толковалъ о преданности и слабости короля; это могло возбудить подозрѣніе, не оказываетъ ли самъ посолъ нѣкоторой слабости вслѣдствіе своей преданности Станиславу-Августу, и рѣшили на помощь Репнину послать человѣка, который, по своему характеру, казалось, способенъ былъ съ достаточною силою высказать требованія своего Двора, и если не заставить короля и Чарторыйскихъ исполнить эти требованія, то, по крайней мѣрѣ, привести въ ясность отношенія: то былъ извѣстный уже намъ Сальдернъ. Мы познакомились съ Голштинцемъ Сальдерномъ въ царствованіе Петра III-го, когда онъ, нося званіе конференцъ-совѣтника, назначенъ былъ уполномоченнымъ на Берлинскій конгрессъ по Датскимъ дѣламъ. Въ это время онъ выставлялъ себя человѣкомъ, вполнѣ преданнымъ Пруссіи; а послѣ 28 іюня 1762 г. мы видимъ его завѣдывающимъ Голштинскими дѣлами и человѣкомъ, очень близкимъ къ Панину, который называлъ его своимъ другомъ. Сальдернъ умѣлъ поддѣлываться къ сильнымъ людямъ, принимая горячо къ сердцу ихъ интересы, усвоивая и развивая ихъ любимыя мысли. Такъ: онъ заявилъ себя предъ Панинымъ горячимъ поклонникомъ любимыхъ мыслей его о Сѣверномъ аккордѣ и объ уступкѣ Голштиніи въ пользу короля Датскаго. Но Сальдернъ не пренебрегалъ и другими средствами для пріобрѣтенія благосклонности сильныхъ людей: такъ, въ письмахъ къ Панину онъ называлъ его своимъ отцомъ и покровителемъ; говорилъ о своей невыразимой радости при видѣ подписи Панина; о небесномъ чувствѣ, какое онъ испытывалъ, находясь въ присутствіи Панина. Но этотъ человѣкъ, какъ обыкновенно бываетъ, спѣшилъ вознаградить себя, когда былъ не въ присутствіи сильнаго, а самъ былъ сильнымъ: тутъ онъ давалъ всю волю своей раздражительной природѣ, и люди, обязанные имѣть съ нимъ дѣло, не испытывали въ его присутствіи небеснаго чувства.

Сальдернъ отправился въ Варшаву, и отъ 17 апрѣля писалъ Панину, сколько труда принялъ онъ, стараясь направить на настоящій путь короля и членовъ различныхъ партій. Сальдернъ выражалъ надежду, что король, по серьезному тону, съ какимъ онъ, Сальдернъ, представилъ ему страшную будущность, сдѣлается осторожнымъ въ своемъ поведеніи, постояннымъ въ своихъ принципахъ, разъ признанныхъ вѣрными, и твердымъ въ ихъ проведеніи. Король далъ ему обѣщаніе не даваться въ руки своимъ людямъ, но, въ то же время, призналъ необходимымъ обуздывать и своихъ родныхъ братьевъ и друзей, которые дѣйствуютъ противъ Чарторыйскихъ. Сальдернъ передавалъ и отвѣтъ Чарторыйскихъ на его представленія и требованія, дѣлая которыя, онъ употреблялъ то ласку, то угрозы: „Мы до сихъ поръ думали“, говорили Чарторыйскіе, „что король, будучи молодъ, нерѣшителенъ и недовѣрчивъ къ своимъ собственнымъ средствамъ, нуждается, по крайней мѣрѣ, для внутреннихъ дѣлъ въ насъ, своихъ старыхъ друзьяхъ и родственникахъ, какъ руководителяхъ, и мы думаемъ, что такой взглядъ нашъ и справедливъ и умѣренъ, когда мы видимъ, что король, окруживъ себя новыми друзьями и молодыми людьми, слѣпо предался ихъ идеямъ и совѣтамъ. Мы часто имѣли случай противиться людямъ, которыхъ принципы намъ подозрительны и которыхъ совѣты вредятъ истиннымъ интересамъ короля и отечества. Наши лѣта, наше положеніе и благоразуміе не позволяютъ намъ добиваться презрѣннаго титула королевскихъ фаворитовъ. Пусть онъ имѣетъ сердечныхъ друзей и фаворитовъ сколько ему угодно; пусть раздаетъ имъ мѣста, осыпаетъ богатствами и благодѣяніями всякаго рода,—лишь бы только это было не противно законамъ; пусть онъ съ ними забавляется: смѣшно было бы для насъ этимъ оскорбляться. Но когда мы видимъ, что эти молодые люди ослѣплены фаворомъ и поддерживаются средствами, которыя они употребляютъ для возбужденія чувственности и безразсудства короля, то мы считаемъ своею обязанностію противиться имъ, хотя намъ никогда не приходитъ въ голову образовывать особую партію или отдѣлить свой интересъ отъ истинныхъ интересовъ короля и націи. Но какъ скоро мы увидимъ, что наши представленія будутъ безполезны и зло такъ

сильно, что будетъ имѣть вліяніе на настоящее и будущее, то мы готовы покинуть государственную дѣятельность и оставаться спокойными зрителями. Мы убѣждены, что такое рѣшеніе и такое поведеніе не можетъ понравиться Русскому Двору, ибо рано или поздно, и особенно на будущемъ сеймѣ, вся вина можетъ пасть на насъ: интриги и хитрости нашихъ завистниковъ и враговъ никогда не перестанутъ портить дѣла съ цѣлію увеличить обвиненія противъ насъ".

Передавая эти рѣчи Чарторыйскихъ, Сальдернъ писалъ: „Если князья захотятъ искренно удалиться отъ дѣлъ, то найдется средство успѣть во всемъ и безъ нихъ, хотя это и нѣсколько замедлитъ дѣло; но если они захотятъ удалиться не одни, а увлекуть за собою и всѣхъ своихъ сторонниковъ, и сдѣлаютъ это вовсе не во-время и съ горечью, то зло будетъ неминуемо и поведеніе ихъ испортитъ все на будущемъ сеймѣ, какъ на прошломъ сеймѣ испорчено было диссидентское дѣло, которому они не хотѣли добросовѣстно помогать. Мнѣ кажется, надобно теперь ихъ щадить и держать при дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока не обнаружится ихъ поведеніе на будущемъ сеймѣ: если ихъ поведеніе окажется дурнымъ, то можно будетъ принять свои мѣры и предосторожности".

Репнинъ писалъ Панину, что пребываніе Сальдерна въ Варшавѣ было для него благодѣяніемъ, и расхваливалъ изо всѣхъ силъ дѣятельность Сальдерна; но изъ его словъ выходило, что Сальдернъ, несмотря на все свое усердіе, не могъ ничего сдѣлать; поэтому Репнинъ былъ вполнѣ оправданъ и дѣйствительно долженъ былъ восхищаться присылкою Сальдерна и его неутомимою дѣятельностію. „Осмѣлюсь сказать", писалъ Репнинъ, „что если пребываніе Сальдерна не исправитъ поведенія здѣшняго Двора, то уже ничто на свѣтѣ его не исправитъ. Не было дня, въ который бы онъ не говорилъ королю самыхъ рѣзкихъ вещей насчетъ непослѣдовательности и слабости его поведенія; точно такъ-же поступалъ онъ съ князьями Чарторыйскими, чтобъ положить предѣлъ ихъ безмѣрному честолюбію и дать имъ понять, какія печальныя слѣдствія будетъ имѣть ихъ неисправимость. Онъ, подобно мнѣ, льстилъ себя надеждой, что можно ихъ помирить съ королемъ и его братьями; но это оказалось совершенно невозможнымъ. Г. Сальдернъ со всѣхъ сторонъ получилъ много обѣщаній и прекрасныхъ словъ: время покажетъ, что изъ этого выйдетъ, ибо, зная чрезвычайную слабость короля, я не могу надѣяться, чтобъ онъ когда-нибудь сдѣлался твердъ, точно такъ, какъ не могу поручиться, чтобъ дядья снова имъ не овладѣли"

А между тѣмъ король рѣшился прямо дѣйствовать въ Петербургѣ, мимо Репнина, для чего придумалъ отправить туда графа Ржевусскаго, человѣка, считавшагося совершенно преданнымъ Россіи. Репнинъ узналъ, что Ржевусскому предписано домогаться вывода русскихъ войскъ изъ польскихъ владѣній особенно по настоянію князя Михаила Чарторыйскаго. Репнинъ, въ разговорѣ съ Ржевусскимъ, упомянулъ объ этомъ, не дѣлая вида, что навѣрное знаетъ объ инструкціи. Ржевусскій признался, что дѣйствительно имѣетъ такое повелѣніе. Тогда Репнинъ съ удивленнымъ видомъ сказалъ ему, что вѣдь это противорѣчитъ тѣмъ мнѣніямъ, съ которыми и онъ, Ржевусскій, былъ согласенъ, именно,—что войска нужны для обузданія націи и для побужденія ея къ исполненію требованій по диссидентскому дѣлу. Ржевусскій отвѣчалъ, что все это такъ, но что король дѣлаетъ только видъ, не будучи въ силахъ противиться представленіямъ своего министерства, которое основывается на просьбахъ, присланныхъ изъ всѣхъ угловъ Польши. Репнинъ писалъ по этому случаю Панину: „Желая полнаго успѣха на будущемъ сеймѣ, совершенною надеждою однакожь льститься не смѣю; въ случаѣ же неудачи, думаю, что нужно будетъ ввести наши войска въ деревни противниковъ нашимъ намѣреніямъ, чтобъ уменьшить ихъ гордость, упрямство и кредитъ въ землѣ, ибо когда партизаны увидятъ, что шефы ихъ не могли себя оградить отъ сего поступка, то натурально отъ нихъ отставать станутъ, не имѣя надежды, чтобъ они ихъ болѣе себя спасти могли. Я чрезъ сіе разумѣю двухъ стариковъ Чарторыйскихъ, которые одни въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ наши дѣла сдѣлать и испортить могутъ,—тогда-жъ уже по обстоятельствамъ увидимъ, если дѣла противъ желанія нашихъ рѣшатся, какимъ образомъ оное исправить, чрезвычайнымъ ли сеймомъ, новою ли конфедераціею или другимъ какимъ образомъ". Екатерина написала Панину на этомъ донесеніи: „Я думаю, что и сихъ стариковъ склонить можно дѣйствовать по нашимъ желаніямъ на будущемъ сеймѣ: поговорите о семъ со мной".

Панинъ отвѣчалъ, что императрица одобряетъ все, сдѣланное Репнинымъ вмѣстѣ съ Сальдерномъ, и предписывалъ Репнину: присматривая съ крайнею осторожностью за поступками Чарторыйскихъ и возстановляя по возможности согласіе между ними и королевскими креатурами для приближающагося сейма и успѣха диссидентскаго дѣла, въ то же самое время тайно привлекать къ себѣ Потоцкихъ и другихъ противниковъ фамиліи; въ виду того же диссидентскаго дѣла внушать имъ по секрету, что такъ какъ это дѣло касается близко славы императрицы и пользы ихъ отечества, то содѣйствіемъ ему они пріобрѣтутъ благоволеніе императрицы, а слѣдовательно и могущественное вліяніе въ дѣлахъ Польши. Потомъ Панинъ предписывалъ не допускать никакого французскаго министра къ сеймовымъ дѣламъ.

Если всѣ усилія съ русской стороны клонились къ тому, чтобъ на будущемъ сеймѣ провести съ успѣхомъ диссидентское дѣло, то не дремали и враги этого дѣла. Масальскіе, до сихъ поръ такіе ревностные приверженцы Россіи, теперь объявили себя въ Литвѣ злыми врагами диссидентовъ, и Реп-

*

нинъ распорядился отправленіемъ къ нимъ офицера съ увѣщаніемъ удержаться, если не хотятъ подвергнуться какимъ-нибудь непріятностямъ. Въ собственной Польшѣ врагомъ диссидентскаго дѣла явился Краковскій епископъ Солтыкъ, который въ письмѣ своемъ къ королю прямо хвалился, что на будущемъ сеймѣ употребитъ всѣ усилія, чтобъ диссиденты не получили никакихъ правъ. „Я думаю", писалъ Репнинъ Панину въ концѣ іюля, „я думаю, что сіе ему даромъ пройти не долженствуетъ, если мы не хотимъ Поляковъ къ дерзости пріучить и поводъ дать слова наши не почитать, не подкрѣпляя ихъ дѣлами". Репнинъ просилъ позволенія ввести до сейма русскія войска въ деревни Солтыка: „Который образецъ", писалъ онъ, „конечно, приведетъ въ почтеніе наши здѣсь требованія, и всякій будетъ остерегаться имъ перечить; а между тѣмъ сіе движеніе войскъ приблизитъ ихъ къ Варшавѣ, что и всѣмъ, будущимъ въ Варшавѣ на сеймѣ, въ нѣкоторое обузданіе служить станетъ. Я разсуждаю, что и въ Литвѣ нужно нѣсколько войска оставить такожъ для образца надъ Масальскими, если они тоже свои развратные поступки продолжать будутъ".

Панинъ отвѣчалъ, что императрица соизволила на это представленіе. При этомъ Репнину приказывалось прямо объявлять всѣмъ, что диссидентское дѣло нераздѣльно соединено съ благосостояніемъ республики или съ весьма дурными послѣдствіями для тѣхъ, которые будутъ ему препятствовать. Императрица дружбу и доброжелательство свое къ существеннымъ польскимъ интересамъ поставитъ въ зависимость отъ того положенія, въ какое будутъ поставлены диссиденты на сеймѣ. Какія слѣдствія будетъ имѣть препятствіе успѣху диссидентскаго дѣла,—это легко можно видѣть изъ того, чему подвергнутся Масальскіе и Солтыкъ; а если они и единомышленники ихъ не исправятся послѣ этого перваго поученія, то могутъ быть увѣрены, что на границахъ стоитъ 40,000 войска, которое тотчасъ будетъ введено въ Польшу и Литву, разставлено по деревнямъ противникомъ и содержано на ихъ иждивеніи, потому что императрица считаетъ диссидентское дѣло интересующимъ и собственную ея славу, и прямое благо республики, и непремѣнно желаетъ достигнуть его успѣха всѣми возможными способами, даже самыми сильными, дабы истребить препятствія въ самомъ ихъ источникѣ, т.-е. въ имѣніяхъ и лицахъ тѣхъ людей, которые, возбуждая волненія и безпокойства, становятся этимъ самымъ сущими злодѣями своего отечества.

Станиславъ-Августъ писалъ совершенно другое Ржевускому въ Петербургъ: „Чѣмъ болѣе я думаю", писалъ король, „тѣмъ болѣе нахожу дурною мысль провести диссидентское дѣло съ помощью оружія. Во-первыхъ, чтобъ сдѣлать мѣру дѣйствительною, надобно выставить большое войско; во-вторыхъ, когда дѣла поведутся такимъ образомъ, то они станутъ для меня сѣменемъ Равальяковъ, а для диссидентовъ породятъ Варѳоломеевскую ночь... Диссидентское дѣло трудно, но не невозможно; ради Бога, чтобъ не было русскаго войска въ Польшѣ, чтобъ не было фразъ, доказывающихъ иностранное господство". Въ то же время Чарторыйскіе отправили къ Панину письмо, наполненное жалобами на короля и на Репнина. „Признаемся", писали Чарторыйскіе, „что съ величайшимъ прискорбіемъ видимъ мы исчезновеніе нашихъ лучшихъ надеждъ, исчезновеніе средствъ, дарованныхъ, казалось, Провидѣніемъ для того, чтобъ вывести Польшу изъ глубины золъ, въ которыя она была погружена. Вмѣсто счастливаго будущаго, мы теперь предвидимъ одну смуту, если король будетъ окруженъ постоянно молодежью, которая, безъ опытности и системы, руководствуется одними страстями, портя самыя важныя дѣла по самымъ мелкимъ побужденіямъ, не разбирая средствъ для пріобрѣтенія королевской благосклонности; всякими хитростями злоупотребляетъ ежедневно умомъ и сердцемъ короля, раздражаетъ его, дѣлаетъ подозрительнымъ относительно тѣхъ, которые могли бы обратить его къ постоянной системѣ. Люди, окружающіе короля, никогда бы не посмѣли дѣйствовать такъ открыто и смѣло, если-бъ они не льстили себя поддержкою Россіи вслѣдствіе публичнаго, самаго явнаго покровительства и пріема, которые оказываетъ имъ ежедневно князь-посолъ, и вслѣдствіе удаленія, которое онъ оказываетъ намъ безъ всякаго прикрытія. Мы принуждены вамъ сказать, что такое поведеніе князя Репнина перевернуло мысли большей части нашего народа, заставило думать, что однѣ дружескія связи и забавы вашего племянника не могли бы внушить ему такого пристрастія, если бы политическая система Россіи была этому противна. Перспектива будущаго сейма приводитъ насъ въ ужасъ. Императрица, конечно, хочетъ добра Польшѣ и хочетъ дать намъ доказательства этого желанія своего, настаивая на диссидентское дѣло; ни одинъ образованный Полякъ вмѣстѣ съ нами не сомнѣвается въ важности этого предмета для пользы страны; но подобныя дѣла во всякое время подвержены народнымъ предубѣжденіямъ, должны быть ведены искусными руками; тутъ надобно употреблять не чуждую силу, всегда унизительную для народа, а кротость, искусство пріобрѣтать довѣріе и уваженіе каждаго значительнаго лица въ государствѣ. Несмотря на наши усилія и намѣренія императрицы, дѣло безъ сомнѣнія не удастся, если самыя главныя пружины кротости и убѣжденія не будутъ употреблены искусно и настойчиво. Ни императрица, ни вы не будете свидѣтелями нашихъ дѣйствій, и легко будетъ насъ обвинять за 200 лье. Если люди, идущіе къ одной цѣли, не могутъ устроить между собою точнаго соглашенія и не помогаютъ взаимно другъ другу, то при лучшихъ намѣреніяхъ успѣхъ невозможенъ. Но какое можетъ быть соглашеніе, когда нѣтъ довѣрія, а довѣрія къ

намъ нѣтъ въ сердцѣ князя Репнина, хотя мы не пренебрегли ничѣмъ для его пріобрѣтенія съ самаго пріѣзда князя сюда. Мы съ удовольствіемъ увидали бы возрожденіе этого довѣрія, благодаря вашимъ внушеніямъ".

Панинъ сообщилъ Репнину копію этого письма и копію отвѣта своего на него: въ самыхъ мягкихъ и красивыхъ выраженіяхъ было поставлено Чарторыйскимъ на видъ, что императрица имѣла полное право заподозрить ихъ поведеніе во время коронаціоннаго сейма: иностранные Дворы давали знать, что они, Чарторыйскіе, меньше всего помогали диссидентскому дѣлу, и дѣйствительно удаленіе ихъ съ сейма подтверждало эти извѣстія. Если князь Репнинъ примѣшалъ сюда еще какую-нибудь личность, то онъ будетъ остановленъ; но императрица требуетъ, чтобъ они содѣйствовали какъ слѣдуетъ достиженію ея цѣлей; а этихъ цѣлей три: союзъ Россіи съ Польшею, возстановленіе правъ диссидентовъ и опредѣленіе границъ. На диссидентское дѣло императрица смотритъ, какъ на пробу, по которой она узнаетъ ихъ расположеніе. Единственное время, въ которое это дѣло можетъ пройти путемъ кротости, есть время будущаго сейма: тутъ-то они должны показать свою преданность къ императрицѣ и къ отечеству, содѣйствуя успѣху дѣла мудростью своихъ совѣтовъ, своимъ значеніемъ въ государствѣ и своею опытностью. Что же касается опредѣленія границъ между Россіею и Польшею, то императрица поднимаетъ этотъ вопросъ вовсе не съ цѣлію увеличенія своихъ владѣній, но съ тѣмъ, чтобъ пограничные жители вышли, наконецъ, изъ этого первобытнаго состоянія людей, которые не знаютъ ни что твое, ни что мое, и которые сохраняютъ свою собственность только путемъ силы и насилія. Когда границы будутъ установлены, то ничто не помѣшаетъ тѣсному союзу между обоими государствами.

Репнину Панинъ писалъ, чтобъ онъ, возвращая Чарторыйскимъ свою довѣренность и увѣряя ихъ въ желаніи Русскаго Двора видѣть короля предпочитающимъ ихъ совѣты совѣтамъ молодыхъ людей, стремящихся къ достиженію своихъ частныхъ цѣлей,—въ то же время прямо далъ имъ выразумѣть, что императрица видитъ въ королѣ неумѣренное стремленіе къ его собственному интересу, т.-е. къ нѣкоторому распространенію его власти, что будетъ тревожить людей, любящихъ свободу, и возбуждать недовѣріе сосѣдей. Если-бъ возникъ вопросъ объ умноженіи войскъ республики, то Репнинъ долженъ разсуждать предъ Чарторыйскими, что они, какъ старики умные и искусные, должны знать, что увеличеніе военныхъ силъ происходитъ или во время войны съ слабыми сосѣдями, или во время упадка послѣднихъ; но Польша относительно своихъ сосѣдей не находится ни въ томъ, ни въ другомъ положеніи, и, конечно, не захочетъ начать войну съ цѣлію увеличенія своего войска. Поэтому у нея нѣтъ другого средства къ возвращенію себѣ силы, кромѣ союза съ державами, которыхъ собственная политическая надобность потребовала бы и ея усиленія. Репнинъ долженъ былъ обходиться съ Чарторыйскими ласковѣе, ибо, какъ ни разсуждать, все же фамилія Чарторыйскихъ должна служить лучшимъ орудіемъ при успѣшномъ окончаніи нашихъ дѣлъ съ Польшею: ея главы, канцлеръ Литовскій и воевода Русскій, имѣютъ безспорно больше всѣхъ другихъ искусства и средствъ по своему кредиту; кромѣ нихъ, не изъ кого выбрать человѣка, кому бы можно ввѣрить руководство дѣлъ и составленіе новой партіи.

„Конечно", отвѣчалъ Репнинъ отъ 21 августа, „содѣйствіе князей Чарторыйскихъ на будущемъ сеймѣ необходимо не потому, чтобъ можно было полагаться на ихъ прямодушное усердіе, но потому, что кредитъ ихъ очень великъ, и хотя сердце у нихъ дурное, но головы здоровѣе, чѣмъ у кого-либо въ этой Землѣ. Изъясненія ихъ къ вашему высокопревосходительству не всѣ справедливы, какъ напримѣръ насчетъ королевскаго поведенія. Я вполнѣ согласенъ, что слабости и порывистости въ немъ чрезвычайно много; но не могу согласиться, чтобъ какое-нибудь, хотя маловажное дѣло сдѣлано было безъ ихъ вѣдома; что же касается до моихъ отношеній, то, конечно, не однѣ забавы были причиною моего удаленія отъ нихъ, но ихъ двоедушіе и неблагодарность къ нашему Двору. Поведеніе ихъ, по полученіи вашего письма, не перемѣнилось,—все попрежнему ограничивалось холодною учтивостью: видно, они ожидали, чтобъ я сдѣлалъ первый шагъ; я его сдѣлалъ".

Репнинъ отправился къ воеводѣ Русскому съ увѣреніемъ о возвращеніи ему довѣренности и благоволенія императрицы въ надеждѣ, что его усердіе и преданность будутъ вполнѣ соотвѣтствовать этой милости. Чарторыйскій отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ усердіи, преданности и благодарности. Послѣ взаимныхъ комплиментовъ приступили къ дѣлу. Репнинъ просилъ воеводу открыть всѣ способы, которые могутъ вести къ успѣху въ диссидентскомъ дѣлѣ; воевода отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ усердіи, но за успѣхъ дѣла не поручился: „Кто же первый станетъ говорить объ этомъ на сеймѣ?" спросилъ Чарторыйскій: „я, по крайней мѣрѣ, сдѣлать этого не осмѣлюсь". Репнина сильно оскорбили эти слова: онъ указалъ воеводѣ на важность слѣдствій неудачи дѣла, и прибавилъ, что если главные будутъ остерегаться открыто содѣйствовать успѣху дѣла, то меньшіе, конечно, не станутъ о немъ говорить. Чарторыйскій отвѣчалъ, что все свои границы имѣетъ. Потомъ Репнинъ началъ говорить о возмутительныхъ разглашеніяхъ Масальскихъ, епископа Краковскаго и недавно присоединившагося къ нему епископа Каменецкаго, Красицкаго; спросилъ: „не находитъ ли онъ полезнымъ расположить по ихъ деревнямъ русскія войска". Чарторыйскій отвѣчалъ, что такой поступокъ встревожитъ, оскорбитъ и от-

вратитъ всѣхъ отъ русской стороны, и можетъ совершенно разрушить сеймъ. Чарторыйскій прибавилъ, что, по его мнѣнію, полезно вовсе вывести русскія войска во время сейма, ибо потомъ войска всегда могутъ возвратиться. Репнинъ замѣтилъ, что такъ какъ конфедерація еще существуетъ, то существуетъ и причина, приведшая русскія войска въ Польшу. Репнинъ окончилъ свое донесеніе объ этомъ разговорѣ такъ: „Остается теперь видѣть праводушіе и усердіе ихъ поступковъ на сеймѣ; и если на ономъ ласкою и привѣтствіемъ желаннаго конца не получимъ, то кромѣ силы доходить до онаго способовъ уже не останется". Екатерина замѣтила: „Если они дали ему слово, то сдержатъ его".

21-го августа Репнинъ писалъ Панину, что въ Великой Польшѣ всѣ главные обѣщали поддерживать диссидентовъ, но препятствовали друзья одного изъ Чарторыйскихъ, епископа Познанскаго; и когда Репнинъ сталъ жаловаться на это воеводѣ Русскому, тотъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, не получалъ отъ брата никакихъ извѣстій. Репнинъ оканчивалъ письмо словами: „Истинно исполненіе сего дѣла столь тяжело, столь запутано и столь трудно, что я часто въ отчаяніе прихожу". Екатерина, защищая опять старшихъ Чарторыйскихъ, написала о Познанскомъ епископѣ: „Это дуракъ, котораго братья никогда не въ состояніи направить на путь истинный; шуты имѣютъ на него больше вліянія".

Репнинъ писалъ о Солтыкѣ, что онъ сносится съ иностранными государями, требуя ихъ помощи въ диссидентскомъ дѣлѣ; что по его вліянію на краковскомъ сеймикѣ католическая шляхта выгнала всѣхъ диссидентовъ, а Солтыкъ писалъ къ графу Григ. Григ. Орлову, что онъ ни мало диссидентовъ не притѣсняетъ, но Репнинъ, въ разговорѣ съ его повѣреннымъ, грозилъ ему, епископу, Сибирью и секвестромъ его имѣній. Репнинъ оправдывался, что никогда ничего подобнаго не говорилъ, относительно же диссидентовъ слался на ихъ депутата, Гольца, который отправлялся въ Петербургъ и могъ тамъ заявить, что нѣтъ несправедливости, какой бы не позволилъ себѣ противъ нихъ епископъ Краковскій, и что ни въ одной епархіи такъ свирѣпо съ ними не поступаютъ.

Относительно Чарторыйскихъ Репнина лучше всего оправдала депеша Станислава-Августа къ Ржевусскому въ Петербургъ. „Вы знаете", писалъ король, „что я давно уже и постоянно требовалъ у дядей своихъ, чтобъ они объяснили мнѣ свои распоряженія относительно сеймиковъ, изъ боязни, чтобъ ихъ повѣренные и мои, по незнанію, не противодѣйствовали другъ другу. Вы были свидѣтелемъ, какъ они всегда отклоняли это объясненіе, и вотъ именно случилось то, чего я боялся: на многихъ сеймикахъ выборы произошли двойные. Для меня важно, чтобъ г. Панинъ зналъ объ этомъ заранѣе: иначе дядья мои скажутъ Русскому правительству, что дѣло не удалось вслѣдствіе моего нежеланія войти съ ними въ соглашеніе и дать имъ достаточно вліянія. Для меня и для дѣлъ важно, чтобъ они узнали отъ другихъ, а не отъ меня (т.-е. чтобъ императрица велѣла имъ написать), что Россія будетъ стараться объ ослабленіи ихъ вліянія какъ въ странѣ, такъ и у меня, если они не станутъ мнѣ помогать и доставлять мнѣ во всемъ удовольствіе вмѣсто того, чтобъ мнѣ противодѣйствовать, какъ теперь. Я вамъ поручаю это, какъ дѣло чрезвычайной важности. Попросите г. Панина моимъ именемъ, чтобъ онъ это сдѣлалъ и какъ можно скорѣе; мнѣ бы не хотѣлось начинать сейма безъ этого внушенія моимъ дядьямъ. Князь Репнинъ обходится теперь съ ними какъ нельзя лучше".

Внушеніе было сдѣлано. 10 сентября Панинъ написалъ Чарторыйскимъ, чтобъ они не щадили никакой заботы, никакого труда для успѣха диссидентскаго дѣла, ибо здѣсь представляется рѣшительный случай показать имъ свои намѣренія. „Не скрою отъ васъ", писалъ Панинъ, „что одно ваше равнодушіе въ этомъ дѣлѣ и въ другихъ, относительно которыхъ императрица знаетъ и одобряетъ расположеніе короля, уничтожитъ въ принципѣ все добро, которое ожидалось отъ революціи, и событіе, на которое смотрѣли, какъ на источникъ счастія для вашего отечества, произведетъ только рядъ непріятностей для него, для короля и лично для васъ".

Сдѣлано было внушеніе Чарторыйскимъ; но должно было также сдѣлать и сильное внушеніе королю. Отъ 1-го сентября Репнинъ донесъ, что король прислалъ къ нему проектъ постановленія о диссидентахъ для будущаго сейма, и въ этомъ проектѣ онъ, Репнинъ, нашелъ много вредныхъ и неприличныхъ вещей, ибо что въ немъ говорится въ пользу диссидентовъ, то говорится глухо, въ общихъ выраженіяхъ, а противное—подробно и ясно выражено; не упомянуто вовсе о диссидентскихъ церквахъ, о сохраненіи ихъ навсегда съ принадлежащими къ нимъ имѣніями, съ позволеніемъ поправить ихъ и перестраивать; не изъяснены религіозныя права, обезпеченныя договорами, тогда какъ здѣсь надобенъ ясный законъ въ виду ябедъ со стороны польскаго католическаго духовенства и значительной части народа; наконецъ, въ проектъ внесено, чтобъ диссиденты никогда не были допускаемы къ правительственнымъ должностямъ и гражданскимъ чинамъ. По настоянію Репнина, Чарторыйскій, канцлеръ Литовскій, взялся передѣлать проектъ, который однако безъ передѣлки уже былъ отправленъ въ Петербургъ къ Ржевусскому, для показанія Панину. Репнинъ писалъ послѣднему: „Думаю, проjектъ въ нѣкоторое удивленіе ваше высокопр—ство привелъ".

Слѣдствіемъ этого удивленія было письмо Панина къ Репнину отъ 18 сентября. „Поручаю вамъ", писалъ Панинъ, „дать почувствовать королю, что при тѣсной дружбѣ и искренней довѣренности государи такъ между собою не обходятся,

какъ его Польское в—ство поступилъ, что заставляетъ подозрѣвать желанія безпредѣльныя, недостатокъ искренняго довѣрія и стремленіе выигрывать время, проводить насъ пестрыми словами и двоякими обнадеживаніями, а между тѣмъ достигать только собственныхъ своихъ одностороннихъ видовъ. Такое поведеніе, обнаруживаясь все болѣе и болѣе, можетъ, наконецъ, принудить здѣшній Дворъ разрушить генеральную конфедерацію и соединиться съ тѣми, которые хотятъ поставить сеймъ въ обыкновенный законный порядокъ, дабы, уничтоживши на немъ большинство голосовъ, заградить королю всѣ пути усиливать себя далѣе къ нашему предосужденію. Тогда намъ удобнѣе будетъ составить конфедерацію изъ диссидентовъ и чрезъ нее дѣйствовать вооруженною рукою. Новомодные Польскаго Двора друзья и пріятели именно тутъ помогутъ: пока они будутъ льстить королю и собираться защищать его, мы успѣемъ кончить все и рѣшить на-вѣки жребій нашихъ ложныхъ друзей, которые будутъ раскаиваться въ своей неблагодарности, да поздно. Прусскій король крѣпко у насъ домогается прекращенія генеральной конфедераціи, и потому Польскій король долженъ поставить себѣ за необходимое правило, что, не приведя нашихъ дѣлъ къ желаемому императрицею концу, нельзя ему и помышлять ни о какой для себя новой пользѣ, не только стремиться къ ней самымъ дѣломъ. Государыня императрица проникаетъ уже всѣ тонкости Польскаго Двора; и теперь она чувствительно тронута и оскорблена новою его хитростію, сшитою бѣлыми нитками: ибо въ то самое время, когда манили насъ надеждою достиженія всего желаемаго; когда присланъ былъ проектъ опредѣленія на сеймѣ свободнаго отправленія диссидентскихъ религій:—не дождавшись отвѣта императрицы, который одинъ долженъ былъ положить мѣру, захотѣли озадачить насъ другимъ проектомъ сеймовой конституціи, которая наглымъ образомъ, торжественно и навѣки отвергаетъ то, о чемъ ея в—ство больше всего старается. Изъ такого оскорбительнаго двоедушія императрица можетъ заключить одно,—что хотѣли предупредить формально съ нашей стороны требованіе гражданскихъ правъ для диссидентовъ. Надобно намъ непремѣнно держаться правила, чтобъ, до приведенія диссидентскаго дѣла въ полное теченіе, король ничего важнаго въ пользу своихъ видовъ получить не могъ и, такимъ образомъ, до окончанія дѣла оставался у насъ въ уздѣ, тѣмъ болѣе-что теперь и его собственное и дядей его отвращеніе къ возстановленію диссидентовъ въ гражданскихъ правахъ начинаетъ открываться уже явнымъ образомъ; но императрица никогда не отступитъ отъ этого требованія. Старайтесь всѣми мѣрами собрать къ себѣ какъ можно больше диссидентовъ, въ томъ числѣ и изъ нашихъ единовѣрныхъ, если между ними есть свободные люди; обходясь съ лучшими изъ тѣхъ и другихъ откровенно, приготовляйте и ободряйте ихъ надеждою сильнаго покровительства императрицы,—пусть они подадутъ промеморію королю и сейму, въ которой бы, какъ вольные граждане, требовали возстановленія своихъ правъ".

Въ Петербургѣ непремѣнно хотѣли введенія диссидентовъ въ гражданскія права: въ Варшавѣ никто не имѣлъ никакой надежды достигнуть этого обыкновеннымъ, мирнымъ образомъ. Король писалъ Ржевусскому: „Приказанія, данныя Репнину ввести диссидентовъ и въ законодательную дѣятельность республики, суть громовые удары для страны и для меня лично. Если есть какая-нибудь человѣческая возможность, внушите императрицѣ, что корона, которую она мнѣ доставила, сдѣлается для меня одеждою Несса; я сгорю въ ней, и конецъ мой будетъ ужасенъ. Ясно предвижу предстоящій мнѣ страшный выборъ, если императрица будетъ настаивать на своихъ приказаніяхъ: или я долженъ буду отказаться отъ ея дружбы, столь дорогой моему сердцу и столь необходимой для моего царствованія и для моего государства; или я долженъ буду явиться измѣнникомъ моему отечеству. Если Россія непремѣнно захочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то пусть ихъ будетъ немного, 10 или 12, все же это будетъ 10 или 12 вождей законно существующей партіи, смотрящей на государство и правительство Польское, какъ на врага, противъ котораго она должна необходимо и постоянно искать помощи извнѣ. Я знаю, что это дѣло можетъ мнѣ стоить короны и жизни,—я это знаю, но повторяю, что не могу измѣнить отечеству. Если въ императрицѣ осталось малѣйшее чувство благосклонности ко мнѣ, то есть еще время. Она можетъ дать приказанія Репнину, что если сеймъ уступитъ диссидентамъ въ другихъ ихъ требованіяхъ, но исключитъ ихъ изъ законодательства, то чтобъ онъ не двигалъ войскъ, находящихся въ Литвѣ, и чтобъ не вводились новыя войска во владѣнія республики. Сила можетъ все:—я это знаю; но развѣ употребляютъ силу противъ тѣхъ, которыхъ любятъ, чтобъ принудить ихъ къ тому, на что они смотрятъ, какъ на величайшее несчастіе. Я не могъ рѣшиться написать это прямо императрицѣ; я побоялся, чтобъ мое надорванное сердце и чрезвычайное волненіе моего духа не внесли въ мое письмо такихъ словъ, которыя вмѣсто смягченія могли бы раздражить ее. Но вы дѣлайте, что можете. Погибнуть ничего не значитъ, но погибнуть отъ руки столь дорогой—ужасно".

Репнинъ также ужасался: „Повелѣнія, данныя по диссидентскому дѣлу, ужасны", писалъ онъ Панину, „истинно волосы у меня дыбомъ становятся, когда думаю объ ономъ, не имѣя почти ни малой надежды, кромѣ единственной силы, исполнить волю всемилостивѣйшей государыни касательно до гражданскихъ диссидентскихъ преимуществъ". Но Екатерина не ужаснулась и велѣла отвѣчать Станиславу-Августу, что рѣшительно не понимаетъ, какимъ это образомъ диссиденты, допущенные къ законодательной дѣятельности, будутъ вслѣдствіе

этого болѣе враждебно относиться къ государству и правительству Польскому, чѣмъ относятся теперь; не можетъ понять, какимъ образомъ король считаетъ себя измѣнникомъ отечеству за то, чего требуетъ справедливость, что составитъ его славу и твердое благо государства. „Если король такъ смотритъ на это дѣло“, заключила Екатерина, „то мнѣ остается вѣчное и чувствительное сожалѣніе о томъ, что я могла обмануться въ дружбѣ короля, въ образѣ его мыслей и чувствъ“.

Репнинъ продолжалъ повторять прежнія извѣстія: „Другого въ склонности публики въ диссидентскомъ дѣлѣ довести не могу, какъ то же, что и прежде доносилъ: всѣ противъ введенія диссидентовъ въ гражданскіе чины; слышать не хотятъ, чтобъ они могли быть на сеймахъ земскими послами, и много такихъ безумныхъ и безпутно-отчаянныхъ головъ, которые говорятъ, что лучше до крайности дойти и потерпѣть совершенное разореніе отъ русскихъ войскъ, чѣмъ согласиться на это“. Репнинъ объявилъ королю, что Россія требуетъ всѣхъ гражданскихъ правъ для диссидентовъ, исключая одного права быть сенаторами и гетманами; но если Россію заставятъ силою достигнуть этого, то можетъ быть тогда она не согласится и на это исключеніе. „Но вѣдь націю нельзя къ этому уговорить!“—возражалъ король.—„Воля ея императорскаго величества непремѣнна и во всей точности исполнена будетъ“, отвѣчалъ Репнинъ. Король всячески его оборачивалъ и выспрашивалъ, подлинно ли это послѣднее слово съ русской стороны; подлинно ли русскія войска вступятъ въ Польшу, если диссидентское дѣло не пройдетъ на сеймѣ. Репнинъ увѣрялъ, что подлинно. Тогда король спросилъ его: „Можете ли вы мнѣ поручиться, что если все требуемое вами будетъ исполнено, императрица будетъ совершенно довольна и далѣе этого дѣла не поведетъ?“ Репнинъ отвѣчалъ, что можетъ поручиться. Чарторыйскіе говорили, что не видятъ почти способа заставить націю исполнить желаніе Россіи, но будутъ стараться объ этомъ по возможности, не отвѣчая за успѣхъ, который выше ихъ силъ.

19 сентября Репнинъ вмѣстѣ съ министрами прусскимъ, датскимъ и англійскимъ отправился къ примасу, у котораго собралось все польское министерство. Представители четырехъ державъ объявили о соглашеніи между своими Дворами дѣйствовать въ защиту диссидентовъ, вслѣдствіе чего они, посланники, формально требуютъ возстановленія диссидентовъ во всѣхъ древнихъ правахъ и вольностяхъ, и просятъ заранѣе донести объ этомъ его величеству. Примасъ отвѣчалъ, что исполнитъ ихъ желаніе, а король на дняхъ соберетъ всѣхъ присутствующихъ сенаторовъ для объявленія имъ объ этомъ. „Фанатизмъ“, доносилъ Репнинъ, „усиливается въ такой степени, что начинаютъ меня избѣгать, какъ нѣкогда избѣгали отлученныхъ отъ Церкви; за столомъ пьютъ за здоровье защитниковъ католической религіи, причемъ разгоряченныя головы клянутся скорѣе погибнуть, чѣмъ допустить какое-нибудь улучшеніе въ положеніи диссидентовъ; а со стороны диссидентовъ никого еще до сихъ поръ здѣсь нѣтъ, чѣмъ я очень недоволенъ: нерадѣніе непростительное! Я ко многимъ писалъ и отвѣты имѣю, что будутъ, а между тѣмъ не ѣдутъ“.

Скоро Репнинъ долженъ былъ донести въ Петербургъ, что отношенія опредѣлились: король и Чарторыйскіе прямо объявили, что несогласны на введеніе диссидентовъ не только въ управленіе, но и въ гражданскіе чины, готовы хлопотать только объ одной терпимости. Репнинъ отвѣчалъ Чарторыйскимъ, что если такъ, то онъ введетъ русскія войска въ деревню епископовъ Краковскаго и Виленскаго, чтобъ изъ этого примѣра и другіе увидѣли, что ожидаетъ противниковъ диссидентскаго дѣла. Чарторыйскіе сказали на это, что будутъ терпѣть разоренія и всѣ бѣдствія, но русскимъ требованіямъ по этому дѣлу удовлетворить не могутъ.

Угрозу нужно было исполнить, и 24 сентября Репнинъ писалъ въ Петербургъ: „Я рѣшился къ генералъ-маіору Салтыкову отъ сего-жъ числа повелѣніе послать – вступить съ своимъ корпусомъ въ деревни епископовъ Краковскаго и Виленскаго, питаясь на ихъ коштѣ, ибо ничего уже хуже по диссидентскому дѣлу быть не можетъ, какъ то, что есть, а можетъ быть сей поступокъ импрессію сдѣлаетъ и что-либо поправитъ. Никакой надежды нѣтъ безъ употребленія силы въ семъ дѣлѣ предуспѣть; и такъ на нее одну остается уповать, ибо не только часть сейма сему дѣлу противна будетъ, но и всѣ головой, когда сверхъ всего духовенства и его инфлюенцій присовокупляются къ противникамъ король, князья Чарторыйскіе и ихъ партизаны, что уже въ себѣ все и заключаетъ“. На это донесеніе императрица отвѣчала рескриптомъ отъ 6 октября, что если на сеймѣ диссидентское дѣло не будетъ доведено до формальной съ нимъ, посломъ, и съ диссидентами негоціаціи, изъ которой бы резонабельныхъ плодовъ ожидать было можно, и если опять потерю всякой надежды должно будетъ приписать одному коварству стариковъ Чарторыйскихъ: въ такомъ случаѣ, опредѣля съ разборчивостію положеніе дѣлъ, употребить все стараніе къ разрыву генеральной конфедераціи и сейма, потому что Чарторыйскіе посредствомъ конфедераціи, при которой дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, хотѣли провести преобразованія. Въ самомъ началѣ должно прямо адресоваться къ тѣмъ изъ соперниковъ фамиліи Чарторыйскихъ, которые пріобрѣтенному ею въ дѣлахъ перевѣсу наиболѣе завидуютъ. Нельзя сомнѣваться, чтобъ такой въ мнѣніяхъ нашихъ оборотъ не произвелъ важной въ духахъ перемѣны, и чтобъ многіе изъ соперниковъ князей Чарторыйскихъ, кои теперь диссидентскому дѣлу противны, не обратились на лучшія по оному мысли“.

Но Репнинъ сильно сомнѣвался и, прежде чѣмъ

употребить насиліе и окончательно разрывать съ Чарторыйскими, попытался въ послѣдній разъ уладить дѣло, уступивъ часть русскихъ требованій. Видя „струны столь туго натянутыя, что необходимо совсѣмъ порваться должны“, онъ подалъ королю отъ себя совѣтъ, чтобъ онъ, для избѣжанія важныхъ послѣдствій, предложилъ императрицѣ ввести диссидентовъ въ одни гражданскіе чины, съ исключеніемъ правъ быть земскими послами на сеймахъ. Король, повидимому, принялъ совѣтъ, и чрезъ нѣсколько времени показалъ Репнину свое письмо къ императрицѣ; но въ этомъ письмѣ онъ предлагалъ одну религіозную терпимость, съ исключеніемъ диссидентовъ изъ всѣхъ гражданскихъ чиновъ. „Этого я не совѣтовалъ“, сказалъ изумленный посолъ.—„А другого я не могу представить“, отвѣчалъ король. Репнинъ разсердился: „Ея императорское величество“, сказалъ онъ, „всегда будетъ желать благосостоянія Польской республики; но въ тѣхъ, которые будутъ противиться диссидентскому дѣлу, она видитъ злодѣевъ этой самой республикѣ, ея спокойствію и злодѣевъ своей собственной особы; изъ этого ясно, какъ будетъ поступлено съ этими людьми, и я начну съ епископовъ Краковскаго и Виленскаго, какъ первыхъ противниковъ дѣла и возмутителей здѣшняго покоя“. — „Вы меня этимъ только оскорбите и нанесете мнѣ вредъ“, сказалъ король.— „Очень жаль, если такъ“, отвѣчалъ Репнинъ, „но я долженъ, наконецъ, дать почувствовать на дѣлѣ гнѣвъ ея императорскаго величества тѣмъ людямъ, которые пренебрегаютъ собственнымъ благосостояніемъ“. Этимъ разговоръ и кончился.

„Причинъ сопротивленія князей Чарторыйскихъ я не могу понять“, писалъ Репнинъ Панину: „какимъ образомъ они рѣшаются испытывать всѣ бѣдственныя слѣдствія, не имѣя, по моему разсужденію, никакой надежды противиться нашей силѣ? Мысль о сопротивленіи можетъ запасть только въ вѣтреныя головы, которыя въ отчаяніи думаютъ найти твердость. Что же касается диссидентской конфедераціи, къ которой надобно будетъ прибѣгнуть въ крайности, то гг. Гольцы оказываютъ къ ней склонность и отвѣчаютъ за прочихъ диссидентскихъ вождей; но требуютъ не только войска въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ образоваться конфедерація, но и денегъ для привлеченія и содержанія при себѣ бѣднаго дворянства, которое собственными средствами сдѣлать этого не въ состояніи. Конфедерація должна составиться вдругъ, въ одинъ день, въ четырехъ мѣстахъ: въ Польской Пруссіи, въ Великой Польшѣ, въ Малой Польшѣ и Литвѣ, къ которой присоединятся и Греки (т.-е. Православные). Русскаго войска здѣсь три баталіона, двѣ гренадерскія роты Курпнскаго полка, одинъ полкъ Карабинеръ и полкъ Чугуевскихъ казаковъ. Формальнаго сопротивленія и этимъ войскамъ я не ожидаю; но отвѣчать не смѣю за фанатизмъ частныхъ людей, соединенный съ безразсуднымъ бѣшенствомъ и пьянствомъ, которымъ нельзя положить правилъ. Диссидентовъ я здѣсь собралъ сколько возможно больше, и подано отъ нихъ будетъ прошеніе; только отъ всѣхъ Грековъ подпишется подъ нимъ одинъ Бѣлорусскій архіерей, ибо никого изъ нихъ здѣсь нѣтъ, да, по несчастію, и привезти некого: почти все греческое дворянство въ такой бѣдности, что сами землю пашутъ. Что же касается пріисканія, въ случаѣ нужды, другихъ вождей нашей партіи, то, признаюсь, это дѣло очень трудное, и теперь ни одного способнаго человѣка къ этому не вижу, ибо изъ противниковъ фамиліи всѣ сколько-нибудь значительные люди, будучи преданы Австріи и Франціи, были намъ всегда противны, а теперь еще болѣе противятся по диссидентскому дѣлу“.

Между тѣмъ, король и Чарторыйскіе спѣшили провести на сеймѣ важныя для нихъ преобразованія. Въ самыхъ первыхъ числахъ октября, на сеймѣ прочтенъ былъ проектъ, представленный отъ короля и министерства, по соглашенію съ Чарторыйскими и ихъ партіею, проектъ о порядкѣ рѣшенія на сеймѣ финансовыхъ дѣлъ. Въ проектѣ было сказано, что всѣ финансовыя дѣла должны всегда рѣшаться большинствомъ голосовъ, не исключая изъ финансовыхъ дѣлъ и наложенія новыхъ податей. Репнинъ, вмѣстѣ съ Бенуа, отправился къ Чарторыйскимъ и потребовалъ точнаго обозначенія дѣлъ, подлежащихъ такому рѣшенію. По мнѣнію Репнина и его прусскаго товарища, подъ этими дѣлами надобно было разумѣть только порядочное и выгодное распоряженіе опредѣленными уже доходами, а не наложеніе новыхъ податей, ибо это дѣло не внутренняго распоряженія, а дѣло государственное, которое должно подлежать единогласному рѣшенію на сеймѣ. Чарторыйскіе возражали, что и наложеніе новыхъ податей есть дѣло финансовое, слѣдовательно принадлежитъ къ разряду тѣхъ дѣлъ, которыя на созывательномъ сеймѣ отнесены къ дѣламъ казначейской коммисіи. Репнинъ отвѣчалъ, что Россія и Пруссія не могутъ согласиться на такое толкованіе. Начался споръ, и канцлеръ Литовскій, разгорячась, сказалъ, что Поляки имѣютъ право дѣлать у себя такія постановленія, какія имъ заблагоразсудятся. „Вы властны“, отвѣчалъ Репнинъ, „дѣлать у себя все, что хотите; а мы властны принимать только то, что мы хотимъ; вы можете свой проектъ подписать и внести въ конституцію нынѣшняго сейма; но въ исполненіи, конечно, встрѣтите сопротивленіе съ нашей стороны, ибо мы по сосѣдству должны наблюдать, чтобъ форма здѣшняго правленія не была измѣнена“.— „Я бы лучше желалъ видѣть республику уже совершенно завоеванную, чѣмъ въ такой зависимости“, сказалъ Чарторыйскій.—„На созывательномъ сеймѣ“, продолжалъ Репнинъ, „положено, чтобъ дѣла по военной коммисіи, какъ и казначейскія, рѣшались также большинствомъ голосовъ: такъ вы, пожалуй, станете толковать, что вамъ можно большинствомъ голосовъ провести умноженіе вой-

ска"? — „Конечно такъ", отвѣчалъ Чарторыйскій. — „Нѣтъ, не такъ", сказалъ Репнинъ: „такое толкованіе противно вашей главной вольности, заключающейся въ liberum veto, уничтоженіе которой позволить мы не можемъ; увеличеніе доходовъ и войскъ суть главнѣйшіе пункты въ государственныхъ дѣлахъ". — „Мы", говорилъ Чарторыйскій, „не намѣрены теперь умножать войско, чтобъ не возбудить сомнѣнія въ сосѣдяхъ". — „Излишніе доходы", сказалъ Репнинъ, „возбуждаютъ такое же сомнѣніе, ибо только этимъ путемъ можно достигнуть умноженія войска"

Отъ Чарторыйскихъ Репнинъ отправился къ королю, который толковалъ то же самое, что и дядья. Это заставило Репнина дать знать противной Двору партіи, что Россія и Пруссія никакъ не согласны на королевскій проектъ и желаютъ, чтобъ единогласіе и liberum veto оставались во всей силѣ. Екатерина замѣтила на донесеніи Репнина: „Не худо васъ ищутъ обманывать, но по сему поведенію не останутся въ выигрышѣ".

Но въ диссидентскомъ дѣлѣ въ Петербургѣ позволили Полякамъ имѣть нѣкоторый выигрышъ. 2 октября Панинъ писалъ Репнину: „Видя крайнее напряженіе дѣлъ, я такъ въ короткое время другого сдѣлать не могъ, какъ, по усиленнымъ убѣжденіямъ графа Ржевусскаго, чѣмъ ни есть безъ потерянія времени отозваться, ему сказалъ моею собственною идеею для приведенія дѣла какъ-нибудь къ переговорамъ и въ негоціацію, что надобно необходимо, чтобъ съ польской стороны намъ представлено было средствомъ къ тому допущеніе нашихъ единовѣрныхъ и диссидентовъ въ достоинствѣ дворянскомъ хотя къ однимъ чиномъ земскимъ, оставляя въ молчаніи всѣ тѣ чины, которые по существу своему составляютъ государственное правительство и лежислацію". Репнинъ отвѣчалъ, что уже отъ него было внушеніе, чтобъ хотя въ одни земскіе чины диссиденты были допущены; но всѣ Поляки противъ этого, а говорятъ только объ одной терпимости. Солтыкъ говорилъ на сеймѣ: „Мы должны начинать съ основанія, на которомъ единственно зиждутся наши права, вольности, благосостояніе; это основаніе — вѣра святая, римская католическая. Горсть нашихъ согражданъ, отказывая въ послушаніи уставамъ республики, обвиняетъ насъ въ насиліяхъ, преслѣдованіяхъ, въ нарушеніи правъ и вольностей своихъ, обвиняетъ не передъ королемъ своимъ, не передъ чинами республики, не передъ судьями, закономъ установленными: нѣтъ, несетъ свои жалобы далеко за границу, изложеніемъ неосновательныхъ претензій сыскиваетъ сосѣднюю помощь, возбуждаетъ на правительственныя въ республикѣ лица страшныя угрозы, цѣлому отечеству безчисленныя затрудненія. Дѣти приносятъ сосѣдямъ жалобы на собственную мать. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что противиться ихъ претензіямъ заставляетъ меня ни месть, ни частная къ кому-либо ненависть, не фанатизмъ, но обязанность добраго католика, епископа и вѣрнаго своему отечеству и королю сенатора. Католикъ, я у самихъ диссидентовъ учусь ревности по вѣрѣ предковъ моихъ: если они осмѣливаются распространять только терпимыя у насъ секты, то какъ же я буду стыдиться, или бояться защищать господствующую религію въ свободномъ государствѣ? Какъ епископъ, чувствую обязанность защищать Христовыхъ овецъ отъ заразы еретическихъ ученій; какъ сенаторъ, соблюдаю присягу совѣтовать республикѣ и королю одно полезное, отвращать вредное. Будучи убѣжденъ, что единство религіозное существенно полезно каждому благоустроенному государству, разность же одноправныхъ религій безконечно вредна, не могу безъ измѣны отечеству и королю позволить на увеличеніе диссидентскихъ правъ. Если-бъ я увидѣлъ отворенныя для диссидентовъ двери въ сенатъ, избу посольскую, въ трибуналы, то заслонилъ бы я имъ эти двери собственнымъ тѣломъ: пусть бы стоптали меня. Если-бъ я увидѣлъ мѣсто, приготовленное для постройки иновѣрнаго храма, то легъ бы на это мѣсто: пусть бы на моей головѣ заложили краеугольный камень зданія". Взаключеніе Солтыкъ прочелъ проектъ сеймового постановленія, чтобъ впредь ни на одномъ сеймѣ никто не смѣлъ возбуждать диссидентскаго вопроса, подъ страхомъ жестокаго наказанія.

Въ то же время Солтыкъ разсѣвалъ слухи, что получилъ пріятное и ласковое письмо отъ графа Григорья Орлова, и что въ диссидентскомъ дѣлѣ русскія требованія вовсе не такъ тверды. „Я увѣренъ въ противномъ", писалъ Репнинъ, „и этимъ утверждаюсь только въ томъ правилѣ, что Полякъ и лжецъ суть синонимы. Долженъ я по ревности къ службѣ донесть, что употребленіе силы часъ-отъ-часу нужнѣе становится, не только для проведенія диссидентскаго дѣла, но и для прекращенія всѣхъ затѣваемыхъ ухватокъ; надобно опредѣлить формальнымъ трактатомъ или гарантіею границы всѣмъ этимъ государственнымъ матеріямъ и силу liberum veto; польскіе законы къ тому недостаточны, потому что они ихъ на всякомъ сеймѣ могутъ перемѣнять; а намъ необходимо нужно всѣ эти ухватки однажды навсегда уничтожить, если не хотимъ имѣть безпокойныхъ, а современемъ и опасныхъ сосѣдей". Затруднительность положенія и проистекавшее отсюда раздраженіе заставили Репнина сдѣлать слѣдующее признаніе: „Я съ оскорбительнымъ признаніемъ долженъ донести, что всѣ здѣшняго Двора замашки происходятъ отъ попущенія нашего на созывательномъ сеймѣ, и что новость моя въ дѣлахъ въ то время хотя малою частію тому причиною, ибо, высоко уважая тогда проницательность и знаніе покойнаго графа Кейзерлинга, я совершенно полагался на нихъ и предавался его волѣ: а онъ, какъ теперь, къ сожалѣнію, видно, обманутъ былъ двоедушіемъ нашихъ друзей и двурѣчными конституціями того сейма".

11 октября Репнинъ имѣлъ разговоръ съ кого-

лемъ въ третьемъ домѣ. Станиславъ-Августъ, укоряя посла за сопротивленіе его рѣшенію большинствомъ голосовъ финансовыхъ и военныхъ дѣлъ, спросилъ: „Куда же дѣвалась та надежда, которую вы подавали, чтобъ Польшу привести въ лучшее предъ нынѣшнимъ состояніе, когда вы приступомъ къ этому ставите невозможное диссидентское дѣло“? Репнинъ отвѣчалъ, что въ проведеніи диссидентскаго дѣла невозможности не видится, а что надежда на поправленіе польскихъ дѣлъ тамъ же, гдѣ и прежде была, т.-е. надобно вести дѣло по соглашенію съ сосѣдями, положа границы всему, а безпредѣльно изъ полнаго кроить никто не дозволяетъ, не желая терпѣть вреда, что служитъ первымъ правиломъ во всѣхъ политическихъ системахъ.

Въ Петербургѣ также хорошо сознавали ошибку, ошибку не одного Кейзерлинга и Репнина: поняли, что въ то время, когда хотѣли Чарторыйскихъ и Понятовскаго употребить орудіями для достиженія своихъ цѣлей, тѣ старались употребить Россію, русскую силу и вліяніе орудіями для достиженія своихъ цѣлей, для измѣненія польской конституціи; поэтому теперь раздраженію противъ лукавыхъ князей Чарторыйскихъ не было границъ, хотя еще очень недавно ихъ щадили. Панинъ писалъ Репнину, что прежде всего необходимо, сообща съ прусскимъ посломъ, разорвать генеральную конфедерацію для отнятія силы у Чарторыйскихъ; Панинъ предписывалъ, чтобъ во всѣхъ декларацiяхъ Репнина и дессидентовъ, король былъ пощаженъ, и вся вина складывалась на Чарторыйскихъ. Въ именномъ рескриптѣ императрицы Репнину говорилось: „Все ихъ съ нами обращеніе было коварное, которымъ они искали токмо по ступенямъ, нечувствительнымъ образомъ схватить то, въ чемъ теперь обнажились, думая, можетъ быть, что единожды ими сдѣланное насъ не подвигнетъ на дѣйствительное того разрушеніе. Повторяемъ вамъ прежнее наше повелѣніе о скорѣйшемъ разрывѣ генеральной конфедераціи и всего сейма, дабы и племянникъ и дядья осязательно видѣть могли, что мы не даемся лукавству ихъ въ обманъ, но паче, познавъ неблагодарность ихъ, хотимъ слѣдствія ея обратить къ собственному ихъ посрамленію и вреду“. Король просилъ у Репнина выдачи 50,000 рублей, назначенныхъ ему въ субсидію; но Репнинъ отвѣчалъ, что, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, не можетъ выдать денегъ, безъ полученія новаго указа отъ своего Двора. По этому поводу въ рескриптѣ говорилось: „Мы одобряемъ отвѣтъ вашъ королю и приказываемъ объявить этому государю именемъ нашимъ, что мы съ крайнимъ удивленіемъ видимъ неожиданную перемѣну въ его поведеніи, мы видимъ теперь тщету всѣхъ его обѣщаній, которыя были дѣлаемы не для того, чтобъ быть исполненными, но для того одного, чтобъ внезапно схватить то, что ему надобно для односторонней своей пользы. Пусть онъ самъ разсудитъ, можетъ ли такое намѣреніе и такое поведеніе побудить насъ помогать ему; мы сами противъ себя погрѣшили бы, если-бъ дали ему въ руки новые способы противъ самихъ себя. Мы не можемъ довольно надивиться, какимъ образомъ онъ могъ такъ слѣпо отдаться въ руки лукавыхъ дядей своихъ, которые всѣ его поступки обращаютъ въ собственную пользу, чтобъ только сохранить и утвердить навсегда въ рукахъ своихъ полное надъ нимъ и надъ всѣми дѣлами господство. Самимъ Чарторыйскимъ можете нашимъ именемъ сказать: пусть имъ кажется хитро придумано, что они, составивъ заговоръ противъ національной вольности, положили уничтожить ее постепенно, цѣпляясь отъ одного къ другому слову своихъ конституцій; но въ томъ они, конечно, не успѣли и не успѣютъ, чтобъ мы не проникли въ ихъ лукавство. Мы давно начали его чувствовать, но хотѣли до самой крайности убѣдить ихъ своимъ чистосердечіемъ и откровенностію. Мы знаемъ совершенно сущность и важность затѣваемаго ими введенія большинства голосовъ въ дѣлахъ перваго государственнаго предмета, составляющаго общую вольность и политику. Суетно имъ было ласкать себя надеждою, что могутъ, схватя этотъ предметъ такимъ образомъ при настоящей конфедераціи, скорѣе ополчиться противъ насъ по диссидентскому дѣлу. Нѣтъ, не противъ насъ можно было принимать имъ такія коварныя мѣры: ибо каждый сосѣдъ Польши легко согласится, чтобъ все ея правительство было составлено изъ диссидентовъ, а не согласится, чтобъ въ ней подати, налоги и умноженіе военной силы зависѣло отъ 40 или 50 креатуръ Чарторыйскихъ. А когда мы разъ получили такое представленіе о ихъ коварномъ предпріятіи, то имъ легко понять, какъ заставить насъ ему противодѣйствовать интересъ нашей имперіи, собственный нашъ долгъ и достоинство, и то безкорыстное и постоянное попеченіе, которое мы имѣемъ объ истинной пользѣ Польской республики и о твердомъ благосостояніи каждаго ея члена“.

Пересылая Репнину этотъ рескриптъ, Панинъ писалъ ему: „Настало теперь время явно прервать намъ всякую связь съ князьями Чарторыйскими и представить ихъ свѣту коварными людьми, въ скрытныхъ видахъ и намѣреніяхъ которыхъ мы никогда не хотѣли участвовать; настоящую конфедерацію разрушить необходимо, конечно, съ тѣмъ, чтобъ подъ ея развалинами погребсти всѣ тѣ новости, которыя введены были Чарторыйскими въ управленіе Польскаго государства. Ожидаю нетерпѣливо отъ васъ курьера съ извѣстіемъ, что далѣе произошло по сему дѣлу, какіе и съ какимъ успѣхомъ были вновь ваши подвиги, и въ какомъ положеніи между тѣмъ остается дѣло о диссидентахъ. Прости, мой другъ: Боже, помоги тебѣ! Описывай ко мнѣ пространнѣе разговоры и разсужденія съ каждымъ изъ новыхъ людей, съ которыми вы станете вступать въ связь, ихъ разумъ, характеръ, положеніе, дабы мнѣ можно было самому ихъ узнавать“.

Но въ то время, какъ въ Петербургѣ съ такимъ гнѣвомъ относились къ Чарторыйскимъ, Репнинъ писалъ, что родные братья королевскіе, оберъ-камергеръ, и генералъ поддерживаютъ въ Станиславѣ-Августѣ нерасположеніе къ диссидентскому дѣлу гораздо сильнѣе. чѣмъ дядья его Чарторыйскіе; а въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ посолъ увѣдомлялъ, что заводитъ новую связь съ Чарторыйскими для достиженія предписанныхъ ему цѣлей, слѣдуя, какъ онъ выражался, той дорогѣ, которую сами Чарторыйскіе дали своими сомнѣніями и неудовольствіями на короля, его братьевъ и на ихъ партію. Король и его братья объявили, что скорѣе погибнутъ, чѣмъ отступятъ отъ продолженія конфедераціи и отъ сохраненія большинства голосовъ по финансовымъ и военнымъ дѣламъ, а Чарторыйскіе поступили совершенно иначе. Видя невозможность провести преобразованія не только вслѣдствіе сопротивленія Россіи и Пруссіи, но и вслѣдствіе сопротивленія большинства Поляковъ, а съ другой стороны желая показать Русской императрицѣ свою преданность, желая показать, что они готовы служить ей во всемъ, что возможно,—они отказались отъ проведенія большинства голосовъ по извѣстнымъ дѣламъ. Вотъ почему Репнинъ и перемѣнилъ свои отзывы о Чарторыйскихъ. Отъ 3 ноября онъ писалъ: „Главные члены противной Двору партіи—изъ короны епископъ Краковскій (Солтыкъ), а изъ Литвы—епископъ Виленскій съ отцомъ (Масальскіе), но зависимыхъ отъ себя людей никого не имѣютъ, или, по крайней мѣрѣ, очень мало. Теперь они соединены однимъ неудовольствіемъ и упорствомъ противъ Двора, чѣмъ я, сколько возможно, и пользуюсь въ своихъ предпріятіяхъ. Характеръ перваго (Солтыка) тщеславный, спесивый и наглый, а второго (Масальскаго)—тихій, но коварный; основанія-жъ прочнаго ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ. Время покажетъ, кого намъ можно будетъ избрать вождями нашей партіи, ибо теперь диссидентское дѣло всѣхъ отвращаетъ отъ насъ; а между тѣмъ думаю, что Чарторыйскихъ менажировать надлежитъ“.

Наконецъ и король объявилъ Репнину, что отступается отъ большинства голосовъ, наивно переспрашивая нѣсколько разъ, дѣйствительно ли со стороны Россіи будетъ употреблена немедленно сила, если-бы Польское правительство само не отказалось отъ большинства голосовъ. Разумѣется, Репнинъ отвѣчалъ утвердительно. Потомъ Станиславъ-Августъ началъ говорить, какъ бы онъ желалъ возстановить довѣренность и совершенное согласіе между Россіею и Польшею, которыя несчастными обстоятельствами теперь нарушены. Репнинъ отвѣчалъ, что всякій угождаетъ тому, въ комъ имѣетъ нужду, и другого способа нѣтъ для пріобрѣтенія дружбы. Король спросилъ, выступятъ ли русскія войска изъ Польскихъ владѣній послѣ сейма. Репнинъ отвѣчалъ, что еще диссидентское дѣло можетъ задержать старыя войска и новыя привести. Король повторилъ прежнее, что хотя внутренно убѣжденъ въ надобности ввести диссидентовъ въ гражданскіе чины, но представленія объ этомъ никому сдѣлать не смѣетъ. Дѣйствительно, конференціи министерства съ епископами по диссидентскому дѣлу не вели ни къ чему. Тщетно Репнинъ толковалъ, что пунктъ свѣтскихъ правъ диссидентовъ духовенства не касается: король объявилъ ему, что безъ епископовъ дѣла рѣшить нельзя. (Противъ донесенія объ этомъ Репнина Екатерина написала: „Надобно бы постараться подкупить нѣсколько епископовъ: они привыкли копить червонцы“.) Канцлеръ Литовскій сообщаетъ Репнину, что министерство считаетъ нужнымъ назначить коммисію для разбора диссидентскихъ претензій, и епископы на это согласны. Но Репнинъ понялъ, что этимъ хотятъ только затянуть дѣло, и отвѣчалъ, что коммисіи можетъ подлежать разборъ только судебныхъ дѣлъ, напримѣръ, какія церкви отнять у диссидентовъ и т. п., но что касается правъ церковныхъ и свѣтскихъ, то объ этомъ долженъ быть данъ рѣшительный отвѣтъ на нынѣшнемъ же сеймѣ. Между тѣмъ Репнинъ писалъ Панину, чтобъ тотъ ласково отозвался къ графу Ржевусскому и, если можно, и къ самимъ Чарторыйскому и маршалу коронному князю Любомирскому, за содѣйствіе ихъ въ дѣлѣ уничтоженія большинства голосовъ и разрыва конфедераціи, причемъ особенно выставлялъ заслугу князя Адама Чарторыйскаго, служившаго главнымъ орудіемъ къ склоненію стариковъ на сторону посла. Большинство голосовъ было уничтожено въ сеймовомъ засѣданіи 11 ноября. Репнинъ по этому случаю писалъ Панину, чтобъ тотъ поздравилъ его съ успѣхомъ дѣла: „Признаюсь“, писалъ онъ, „я очень доволенъ, исправивъ то, что было испорчено на конвокаціонномъ сеймѣ“. Екатерина приписала: „И я такъ же поздравляю его съ этимъ“.

Но въ то же время Репнинъ давалъ знать о трудности диссидентскаго дѣла: „Успѣхъ его не въ силахъ короля и Чарторыйскихъ. Лучшее доказательство тому—уничтоженіе большинства голосовъ, проведенное ими. Неоспоримо, что это дѣло было имъ гораздо дороже и нужнѣе; но, видя разверстую пропасть, они сами раздѣлали то, что имъ было всего драгоцѣннѣе. Такъ они поступили бы и съ диссидентскимъ дѣломъ, если бы могли, тѣмъ болѣе что относились къ нему гораздо холоднѣе, чѣмъ къ первому. Энтузіазмъ и сумасбродство, зародившіеся отъ внушеній духовенства и отъ нежеланія раздѣлить съ диссидентами коронныя выгоды, чрезвычайны. Король въ такомъ унынiи, что изобразить нельзя. Когда я подошелъ къ нему поблагодарить за содѣйствіе при уничтоженіи большинства голосовъ, то онъ вдругъ при всей публикѣ горько заплакалъ и ничего не былъ въ состояніи отвѣчать. Такая горесть доказываетъ, какъ онъ былъ привязанъ къ этому дѣлу; если онъ его уничтожилъ, то исполнилъ бы наши же-

ланія и по диссидентскому дѣлу, если-бъ только могъ". Король горевалъ, а Чарторыйскіе увивались около Репнина, выставляя свою преданность къ Россіи, прося о возвращеніи прежней милости и наговаривая на короля. „Канцлеръ Литовскій со мною изъяснился", писалъ Репнинъ, „что король часъ-отъ-часу болѣе къ нимъ недовѣрія имѣетъ, такъ какъ несогласіе ихъ умножилось въ семъ послѣднемъ сеймѣ черезъ противность, которую они ему въ угодность намъ показали, и въ чемъ король не иначе согласился, какъ по необходимости. Канцлеръ прибавилъ, что, увѣрясь въ согласіи, хотя принужденномъ, королевскомъ, нужно будетъ учредить всѣ пункты новаго союза (съ Россіею), которымъ они весьма желаютъ убавить требованія королевскія, коимъ онъ во многомъ лишности даетъ"..

Сеймъ кончился 19 ноября: увеличено было жалованье войску, постановлено учредить военное училище; но требованіе державъ въ пользу диссидентовъ осталось безъ всякаго удовлетворенія. Вся Варшава съ нетерпѣніемъ ждала курьера изъ Петербурга съ отвѣтомъ на рѣшенія сейма, и Репнинъ умолялъ Панина, чтобъ отвѣтъ былъ присланъ какъ можно скорѣе: „Поспѣшность весьма нужна къ скрытности и успѣху диссидентскаго дѣла, если мы оное начинать хотимъ", писалъ онъ.

„Достоинство наше и истинные ввѣренной намъ отъ Бога имперіи интересы требуютъ привести единожды къ желаемому окончанію толь явно и торжественно начатое дѣло":—былъ отвѣтъ Екатерины. Дѣло могло быть кончено только диссидентскою конфедераціею. Диссидентовъ нужно было поддержать русскимъ войскомъ; но въ Петербургѣ хотѣли при этомъ попытаться, „не удастся ли, раздѣливъ вконецъ короля съ князьями Чарторыйскими, присвоить ихъ себѣ и, поставя ихъ шефами нашей изъ ихъ собственной тогда составляемой партіи, достигнуть желаемаго съ меньшимъ трудомъ и съ меньшими хлопотами". Такъ писалъ Панинъ Репнину. По его мнѣнію, Чарторыйскіе, будучи самыми знатными и богатыми людьми въ Польшѣ, больше всѣхъ должны бояться междоусобной войны; и такъ какъ они недовольны племянникомъ своимъ, королемъ, то имъ можно предложить единственный способъ избѣжать всѣхъ предстоящихъ бѣдъ—созваніе чрезвычайнаго сейма, на которомъ должно удовлетворить диссидентскимъ требованіямъ и установить, подъ ручательствомъ Россіи, форму правительства съ вольностью голосовъ для обузданія властолюбія Польскихъ королей и ихъ наперсниковъ. Панинъ требовалъ также отъ Репнина, чтобъ онъ попытался, нельзя ли, кромѣ диссидентской конфедераціи, поднять еще другія,—нельзя ли побудить гетмановъ, и особенно графа Браницкаго, по извѣстному его тщеславному характеру, приступить къ общимъ съ Россіею мѣрамъ. Каковъ бы ни былъ отвѣтъ князей Чарторыйскихъ, Панинъ писалъ, что съ русской стороны уже рѣшительно опредѣлены мѣры крайности, войска къ походу уже готовы и въ исходѣ февраля будущаго 1767 года дѣйствительно вступятъ въ польскія границы, направляясь тремя корпусами на Сендомиръ, Слуцкъ и Торкъ [1]). Еще въ іюлѣ англійскій посланникъ въ Петербургѣ, Макартней, доносилъ своему Двору о словахъ Панина, ему сказанныхъ: „Я скорѣе пожертвую 50,000 человѣкъ и брошу все, чѣмъ допущу неуспѣхъ въ польскихъ дѣлахъ" [2]).

Повидимому, въ дѣлѣ диссидентскомъ Россія дѣйствовала заодно съ союзницею своею Пруссіею; но въ дѣйствительности Фридрихъ II, кромѣ терпимости, не хотѣлъ доставлять диссидентамъ никакихъ другихъ выгодъ, во-первыхъ, потому, что не хотѣлъ давать Россіи посредствомъ полноправія Православныхъ большого вліянія на польскія дѣла; во-вторыхъ, предвидѣлъ большія затрудненія, вмѣшательство католическихъ державъ, войну. Фридрихъ писалъ Бенуа: „Держите въ совершенномъ секретѣ, что въ сущности я не буду огорченъ, если диссидентское дѣло не удастся. Вы этого не обнаруживайте передъ Русскими, дѣлайте видъ, какъ будто я очень сержусь, что всѣ труды, употребленные для успѣха этого дѣла, пропали даромъ. Было бы хорошо и выгодно, если-бъ вы заставляли извѣстныхъ людей работать противъ диссидентскаго дѣла, если только можно это дѣлать тайкомъ, чтобъ никто никакъ не могъ бы провѣдать, откуда это идетъ. Князю Репнину скажите учтиво отъ меня: я увѣренъ, что намѣренія императрицы клонятся къ спокойствію и миру; но я льщусь надеждою, что она не слишкомъ далеко будетъ вести диссидентское дѣло и не воспламенитъ новой войны по такому ничтожному поводу. Я готовъ присоединить свои дружественныя представленія и деклараціи къ Русскимъ по этому дѣлу, но не могу рѣшиться на мѣры насильственныя, которыя могутъ повредить общественному спокойствію". Бенуа поддерживалъ въ королѣ мысль, что осуществить русскія намѣренія относительно диссидентовъ невозможно; онъ писалъ: „Поляки начинаютъ усматривать, что они принуждены будутъ уступить силѣ; но они говорятъ въ одинъ голосъ, что русскія войска не навсегда же останутся въ Польшѣ, и, какъ только они выйдутъ, можно найти средство сдѣлать положеніе диссидентовъ въ тысячу разъ хуже, чѣмъ оно теперь, что ихъ истребятъ или выгонятъ. Католики уже обязываютъ другъ друга секретно къ этому".

Кромѣ польскихъ дѣлъ, Фридрихъ II былъ очень недоволенъ Русскимъ Кабинетомъ за то, что тотъ навязывалъ ему свою Сѣверную систему, союзъ сѣверныхъ державъ въ противоположность союзу южныхъ,—Франціи, Австріи, Испаніи. Особенно онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Россія хотѣла

[1]) Дѣла Польскія 1766 года.
[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 272.

включить въ этотъ союзъ и Саксонію, существованія которой онъ не могъ переносить равнодушно. Въ апрѣлѣ графъ Сольмсъ подалъ ноту: „Его в—ство король Прусскій, полагая неоспоримымъ, что система государствъ, соединенныхъ фамильнымъ договоромъ (Австрія, Франція, Испанія), можетъ сдѣлаться опасною для спокойствія Европы, счелъ бы очень полезнымъ принять въ Русско-Прусскій союзъ всѣхъ государей, которые предложатъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею и Пруссіею противъ намѣреній Домовъ Бурбонскаго и Австрійскаго. Но его величеству Прусскому кажется, что, по настоящему положенію дѣлъ, мало государствъ и государей расположено войти въ эти виды: Саксонія въ полной зависимости отъ Вѣнскаго Двора, Баварія связана съ Австріею посредствомъ брака императора, духовные курфюрсты преданы Австрійскому Двору, потому что обыкновенно избираются изъ австрійскихъ фамилій; курфюрстъ Пфальцскій зависитъ отъ Франціи; Англійскій король, какъ курфюрстъ Ганноверскій, имѣетъ собственную партію; герцогъ Брауншвейгскій преданъ Англіи; Гессенцы ждутъ, кто имъ больше заплатитъ; сомнительно, чтобъ Голландская республика захотѣла вмѣшаться въ это дѣло вслѣдствіе обширной торговли, которую городъ Амстердамъ ведетъ съ Франціею; Датчане не въ состояніи дѣйствовать, развѣ дадутъ имъ хорошія субсидіи; что же касается Шведовъ, то по извѣстному положенію ихъ разсчитывать на нихъ нельзя: его величество заключаетъ, что одна только Польша можетъ соединить свои интересы съ интересами русско-прусскими. Сольмсу Фридрихъ писалъ: „Я вижу, что вы не вполнѣ входите въ виды моей политики; Русскій союзъ для меня достаточенъ, ибо еслибы даже я не получалъ отсюда никакой помощи во время войны,—все же я выигрываю то, что Россія, будучи моею союзницею, не объявитъ себя противъ меня,—и этого для меня достаточно. Что же касается Англичанъ, то они должны теперь опасаться Французовъ и Испанцевъ; заключить съ ними союзъ—значитъ впутаться въ новую войну, отъ которой Пруссія не можетъ получить никакой выгоды, тогда какъ если я останусь въ союзѣ съ Россіею, то никто меня не тронетъ, и я сохраню миръ. Вотъ общія идеи, отъ которыхъ мнѣ вовсе не желательно удаляться, и я могу согласиться на союзъ съ Англіею только подъ условіемъ, что этотъ союзъ не обяжетъ меня ни къ чему, что бы могло нарушить спокойствіе въ Германіи".

Но въ Петербургѣ непремѣнно хотѣли удалить Фридриха отъ этихъ идей. Чтобъ склонить Прусскаго короля къ Сѣверной системѣ, Панинъ отправилъ къ нему Сальдерна, къ которому король былъ очень благосклоненъ со времени Петра III. Сальдернъ долженъ былъ заѣхать въ Берлинъ по дорогѣ изъ Польши въ Данію, подъ предлогомъ увѣдомленія короля о ходѣ польскихъ дѣлъ, особенно о ходѣ таможеннаго дѣла, которое интересовало Фридриха болѣе, чѣмъ диссидентское. Король назначилъ 8 мая для пріема Сальдерна. Въ этотъ день Сальдернъ, вмѣстѣ съ Фалкенштейномъ отправились въ Шарлотенбургъ. Вошедши въ королевскій кабинетъ, Сальдернъ нашелъ Фридриха II-го стоящимъ посрединѣ, и началъ свою рѣчь: „Ея импер. в—ство Всероссійское приказала мнѣ увѣрить ваше величество въ своемъ безграничномъ уваженіи (de son estime sans bornes) и въ своей непоколебимой дружбѣ (à toute épreuve), равно какъ отдать вамъ отчетъ, въ какомъ расположеніи я нашелъ короля и республику Польскую относительно Пруссіи, особенно же изложить вамъ ея виды касательно многихъ вопросовъ, важныхъ для вашего в—ства и для нея".—„Я очень чувствителенъ", отвѣчалъ король, „къ этому новому увѣренію въ дружбѣ со стороны императрицы. Я ничего такъ не желаю, какъ сохраненія этой дружбы; теперь безъ церемоніи пофилософствуемъ и пополитиканствуемъ". Сказавши это, Фридрихъ началъ ходить по комнатѣ, въ которой едва можно было сдѣлать шесть шаговъ впередъ. Сальдернъ хотѣлъ-было оставаться на ногахъ посрединѣ кабинета, но король велѣлъ ему ходить съ собою.—„Ну какъ же расположены ко мнѣ въ Польшѣ?" спросилъ Фридрихъ. Сальдернъ отвѣчалъ, что король и все министерство расположены какъ нельзя лучше, и, въ доказательство, представилъ, что главная таможня приведена въ бездѣйствіе, а на будущемъ сеймѣ будетъ совершенно уничтожена. Король улыбнулся и сказалъ: „Вы скоро обдѣлали это дѣло въ Польшѣ; но для меня все равно". Сальдернъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, Польша не могла оказать большаго уваженія къ совѣту императрицы и къ желанію его величества.—„Это смотря по тому, какъ дѣло растолкуешь", сказалъ король, и распространился о томъ, что надобно непремѣнно оставить Польшу въ томъ же положеніи, въ какомъ она теперь; что никогда не выйдетъ ничего хорошаго изъ какой-нибудь существенной перемѣны; что надобно думать о будущемъ; хотя нынѣшняго короля и нечего бояться, но сосѣди должны имѣть правиломъ, что всякая перемѣна въ формѣ республики можетъ быть вредною въ будущемъ. „Кстати", сказалъ Фридрихъ, „у васъ еще думаютъ позволить Полякамъ уничтожить liberum veto?" Сальдернъ покраснѣлъ и отвѣчалъ: „Государь, у насъ объ этомъ никогда не думали".—„Какъ никогда не думали?" сказалъ Фридрихъ.—„Смѣю увѣрить ваше в—ство", отвѣчалъ Сальдернъ, „стараясь сохранить какъ можно болѣе спокойствія,—смѣю увѣрить ваше в—ство, что ни императрица, ни ея министерство никогда серьезно не думали о позволеніи Полякамъ уничтожить это знаменитое слово. Если министерство императрицы объ этомъ вопросѣ и о другихъ тогдашнихъ польскихъ желаніяхъ говорило посекрету съ министромъ вашего в—ства, то это дѣлалось въ твердомъ намѣреніи оказать вашему в—ству величайшее довѣріе, не скрывать отъ васъ рѣшительно ничего изъ предложеній, дѣлаемыхъ тогда Поля-

ками, и единственно для того, чтобъ знать виды и мысли вашего в—ства по такому важному вопросу".—„Если такъ, то это другое дѣло", сказалъ король. Затѣмъ онъ вошелъ въ длинное разсужденіе о томъ, что Россія и Пруссія не имѣютъ нужды ни въ какомъ другомъ союзѣ, кромѣ своего, и что онъ не желаетъ ни съ кѣмъ быть въ союзѣ, кромѣ Россіи. Сальдернъ высказалъ противное мнѣніе: что Россія и Пруссія имѣютъ нужду въ приступленіи къ ихъ союзу другихъ державъ для утвержденія Сѣверной системы, совершенно независимой; что это единственное средство обезпечить себя отъ чуждыхъ распрей и оказать услугу другимъ государствамъ, которыя естественно должны бояться страшнаго союза Австрійскаго и Бурбонскаго Домовъ. Тутъ Фридрихъ прервалъ Сальдерна. „Я вамъ сказалъ, что намъ нечего бояться этого союза, который вамъ кажется такъ страшенъ; потому что это голь, у которой нѣтъ ничего денегъ (ce sont des gueux)". Сальдернъ продолжалъ выставлять необходимость Сѣверной системы, въ которую естественно войдутъ государства активныя и пассивныя. Цѣль этой системы, говорилъ онъ,—сохраненіе мира на долгое время для удержанія равновѣсія въ Европѣ, для поддержанія цѣлости Прусской монархіи, столь полезной и необходимой.—„Все это хорошо и прекрасно", замѣтилъ король: „но что вы хотите сказать этими вашими государствами активными и пассивными?" Сальдернъ отвѣчалъ, что на сѣверѣ три активныхъ государства—Россія, Пруссія и Великобританія. Фридрихъ засмѣялся: „Великобританія? считайте ее за ничто въ настоящее время! Король самый слабый человѣкъ въ мірѣ; онъ мѣняетъ своихъ министровъ, какъ мѣняетъ рубашки. Въ чемъ вы можете положиться на великобританское министерство? Развѣ вы не знаете, что министерство уже перемѣнилось; что герцогъ Графтонъ оставилъ свое мѣсто; можетъ быть, замѣнитъ его графъ Эгмонтъ, самый горячій приверженецъ Австрійскаго Дома. Прошу не разсчитывать на Англію". Сальдернъ отвѣчалъ, что если теперь нельзя разсчитывать на Англію, то придетъ время, когда Британское правительство приметъ другой видъ; притомъ, кромѣ Даніи и Швеціи, гдѣ французское вліяніе впрочемъ значительно ослабѣло, надобно было бы обратить вниманіе на Германію, на государей Гессена, Брауншвейга и Саксоніи, на которыхъ можно смотрѣть какъ на силы пассивныя.

При этихъ словахъ глаза Фридриха засверкали: „Саксонія"! сказалъ онъ: „какъ можно на нее разсчитывать? Саксонія въ тѣсной связи съ Австріею и Бурбонскимъ Домомъ! Есть ли возможность имѣть такую идею? Скажите пожалуста, есть у васъ эмиссары Саксонскаго Двора, которые внушаютъ вамъ такія химеры?"—„Чувства императрицы", отвѣчалъ Сальдернъ, „руководимыя мудростію и человѣколюбіемъ, никогда не измѣнялись средствами незаконными или подозрительными; императрица считала возможнымъ вполнѣ открыться вашему величеству, особенно въ случаѣ, гдѣ дѣло шло о видахъ, совершенно согласныхъ съ тѣснымъ союзомъ, существующимъ между Россіею и Пруссіею,—союзомъ, который долженъ внушать другимъ государствамъ столько же уваженія, сколько и довѣрія. Императрица думала, что самое вѣрное и дѣйствительное средство сдѣлать Русско-Прусскій союзъ основою благосостоянія и спокойствія Сѣвера,—это обходиться дружелюбно и снисходительно съ слабѣйшими государствами, внушить имъ такимъ образомъ довѣріе и, вслѣдствіе довѣрія, привлечь къ союзу, сопровождаемому миромъ и спокойствіемъ. Моя государыня предполагала, что Саксонія поспѣшитъ отторгнуться отъ многоразличныхъ интересовъ Австріи, какъ скоро она найдетъ возможнымъ сдѣлать это безопасно". Фридрихъ слушалъ все это, уставивъ глаза на полъ кабинета; потомъ сказалъ: „Вы упомянули о дружелюбіи и снисходительности: это до васъ не касается. Дайте мнѣ управляться съ Саксонцами, потому что тутъ дѣло идетъ о моихъ интересахъ".

13-го мая Сальдернъ имѣлъ второй разговоръ съ Фридрихомъ въ томъ же кабинетѣ въ Шарлотенбургѣ. Разговоръ продолжался три часа. „Хотите", началъ король, „мы обозримъ всѣ государства и всѣхъ государей Европы, и посмотримъ, одинаково ли мы думаемъ. Начнемъ съ Австріи, которая находится въ печальномъ положеніи относительно финансовъ; ея долгъ долженъ простираться до 230 милліоновъ флориновъ".—„Но, говорятъ, войска австрійскія находятся въ очень хорошемъ состояніи", замѣтилъ Сальдернъ.—„Это больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ", отвѣчалъ король: „генераламъ платятъ наполовину звонкою монетою, наполовину бумажками; я Австрійцевъ нисколько не боюсь. Они покинутъ свои старыя предубѣжденія противъ меня. Нынѣшній императоръ мнѣ другъ,—я это знаю навѣрное. Онъ мнѣ благодаренъ за то, что я не согласился на уступку Тосканы въ пользу его брата. Это хорошій государь, миролюбивый и ненавидитъ Французовъ. Онъ не впутается никогда въ опасныя и двуличневыя намѣренія. Я вамъ за это отвѣчаю".—„Осмѣлюсь выразить сомнѣніе", сказалъ Сальдернъ, „можетъ ли Австрійскій Домъ такъ легко позабыть потерю Силезіи; рано или поздно Австрійцы могутъ поддаться искушенію возобновить свои права",—„Что будетъ, то будетъ", отвѣчалъ король: „но Австрійцы дважды подумаютъ, прежде чѣмъ это сдѣлаютъ".—„Это правда", замѣтилъ Сальдернъ, „Австрійцы не разъ подумаютъ, прежде чѣмъ начнутъ дѣло въ четвертый разъ; но есть средства, которыя заставятъ никогда объ этомъ не думать".—„Какія это средства?" спросилъ король.—„Средства самыя простыя", отвѣчалъ Сальдернъ: „ваше величество, находясь въ союзѣ съ Россіею, должны вмѣстѣ съ нею установить Сѣверную систему съ единственною цѣлію охраненія мира и спокойствія; должны пріобрѣсть себѣ друзей по примѣру императрицы и заставить этимъ саму Россію и дру-

гихъ друзей блюсти за сохраненіе цѣлости Прусской монархіи".—„Это слишкомъ для меня сложно", сказалъ Фридрихъ; „я нуждаюсь только въ одномъ Русскомъ союзѣ, и не хочу другихъ".—„Все это хорошо для настоящей минуты; но надобно подумать и о будущемъ", возразилъ Сальдернъ: „особенно когда Россія, несмотря на сознаніе своего могущества, никогда не пренебрежетъ кроткими средствами для пріобрѣтенія себѣ друзей, для отстраненія недовѣрія, для привлеченія къ себѣ государей, принужденныхъ страхомъ входить въ союзы съ другими державами, которыя внушаютъ имъ зависть относительно Русско-Прусскаго союза и этимъ увеличиваютъ число своихъ друзей".—„Я увѣренъ, что намъ завидуютъ", сказалъ король: „но какое намъ до этого дѣло! Я вамъ повторяю, что ни Австрія, ни Франція, ни Испанія не могутъ причинить намъ ни малѣйшаго безпокойства. Кто, по вашему, захотѣлъ бы къ нимъ присоединиться и увеличить число ихъ друзей?" Сальдернъ отвѣчалъ тихимъ голосомъ: „Государства быть можетъ незначительныя по силѣ и всѣ государи Германскіе".

Король разразился хохотомъ: „Нѣтъ денегъ, нѣтъ и Нѣмца", сказалъ онъ (point d'argent, point d'Allemand). Потомъ Фридрихъ съ большимъ краснорѣчіемъ, по словамъ Сальдерна, распространился о состояніи Испаніи и Франціи, съ цѣлью доказать, что союзники Австріи и Бурбонскій Домъ такъ слабы, что ихъ бояться нечего. Франція, по словамъ Фридриха, въ десять лѣтъ не могла поправить своихъ финансовъ. Заключеніемъ рѣчи служила мысль, что для Россіи и Пруссіи лучше всего не заботиться ни о какомъ другомъ союзѣ, крѣпко держаться вмѣстѣ и *смѣяться* надъ всѣмъ остальнымъ.

„Все это", сказалъ Сальдернъ, „совершенно справедливо для настоящей минуты; но нѣтъ ручательства за будущее; пусть Семилѣтняя война уничтожила финансы союзниковъ для настоящаго времени, но у нихъ остались еще средства. Не предполагая, что новая война можетъ возгорѣться въ теченіи десяти лѣтъ, я обязанъ увѣрить ваше в—ство, что императрица, моя государыня, смотритъ какъ на дѣло чрезвычайной важности и необходимости для спокойствія Европы въ настоящемъ и будущемъ соединить весь Сѣверъ въ одну систему; что императрица имѣетъ рѣшительную склонность доказать Европѣ, что путь кротости и умѣренности есть самый способный для возрожденія довѣрія между всѣми государями, могущими найти свою выгоду присоединиться къ этой системѣ; что интересы Россіи и Пруссіи, постоянно нераздѣльные, найдутъ здѣсь самое сильное утвержденіе; что Россія смотритъ на этотъ планъ, какъ на самое вѣрное и единственное средство сохранить Русскую и Прусскую монархію во всей ихъ цѣлости, и эта цѣлость служитъ естественнымъ основаніемъ Русско-Прусскаго союза. Государь, столь уважаемый, столь побѣдоносный, столь обремененный славою, какъ ваше в—ство, находитъ пути къ доброму успѣху, проложенные и приготовленные благостію и кротостію моей государыни. Успѣхи героевъ всегда облегчатся умѣньемъ пріобрѣтать расположеніе людей и народовъ".

—„Все же я не вижу причины", отвѣчалъ король, „зачѣмъ торопиться такимъ сложнымъ планомъ. Признаюсь вамъ, что я не люблю имѣть дѣло съ Англичанами, какъ по причинѣ слабости ихъ настоящаго правленія, такъ особенно изъ боязни, что у нихъ скоро будетъ война съ Франціею и Испаніею". Сальдернъ замѣтилъ, что для заключенія союзовъ самое благопріятное время теперь, когда вся Европа въ глубокомъ мирѣ; что тѣ самыя причины, которыя заставили Австрійскій и Бурбонскій Дома соединиться и установить Южную систему, заставляютъ Сѣверныя державы обезпечить себя заранѣе подобнымъ же союзомъ:—„Сольмсъ пишетъ", сказалъ король, „что у васъ думаютъ о возможности соглашенія между Австріею и Франціею насчетъ раздѣла Баваріи, въ случаѣ смерти ея курфюрста. Признаюсь откровенно, что я этому не вѣрю". Сальдернъ замѣтилъ, что по всѣмъ вѣроятностямъ Австрійскій Домъ не раздѣлилъ бы своихъ Итальянскихъ владѣній въ пользу эрцгерцога Леопольда, если-бъ Франція не польстила ему другими надеждами. Король отвѣчалъ: „Нѣтъ, не вѣрю, невозможно!" Потомъ вдругъ перешелъ къ Голландіи: „Но вы лучшаго мнѣнія о республикѣ купцовъ, чѣмъ я. Я ихъ слишкомъ хорошо знаю. Торговля—это ихъ богъ, это ихъ все. Штатгалтеръ не дастъ имъ никогда ни твердости, ни возвышенности духа, которыя они давно потеряли, и въ послѣдній разъ потеряли не въ битвѣ при Фонтепэ". Сальдернъ замѣтилъ, что хотя обширность ихъ торговли заставляетъ ихъ быть осторожными въ политическихъ дѣлахъ Европы, однако вѣрно одно, что особа штатгалтера обыкновенно давала гораздо болѣе силы республикѣ.—„Правда", отвѣчалъ король, „но подождемъ слѣдствій штатгалтерства".—„Только въ ожиданіи не пропустить бы время", сказалъ Сальдернъ Король опять вдругъ перемѣнилъ разговоръ и сказалъ: „Относительно Даніи и Швеціи я понимаю, что вы можете сдѣлать все, что вамъ угодно. Но надобно имѣть деньги. Если бы вы могли заставить Англичанъ дать денегъ! У васъ вѣдь союзъ съ Датчанами,—такъ заставьте Англичанъ дать имъ субсидіи. Конечно, для этого нуженъ трудъ Геркулеса". Сказавши это, Фридрихъ наклонился къ Сальдерну и прошепталъ ему на ухо, какъ будто были свидѣтели разговора: „Англичане дрянь! (Les Anglais sont des miserables!)"—Сальдернъ запѣлъ свое: „Чтобы заставить Англичанъ платить субсидіи, надобно показать имъ установленіе твердой Сѣверной системы, въ которой они найдутъ свои выгоды".—„Это—pia desideria", отвѣчалъ король: „вы о нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія; я ихъ знаю лучше, чѣмъ вы. Швеція въ такомъ же положеніи, какъ и Данія. Союзъ между Швеціей и

Англiей служитъ лучшимъ доказательствомъ, что Англичане не хотятъ ничего дѣлать. Правда, что Россiя много сдѣлала до сихъ поръ, и вѣрно, что для уничтоженiя французскаго влiянiя она будетъ принуждена продолжать идти по той же дорогѣ, если хочетъ получить выгоду изъ начатаго. Впрочемъ, Швецiя не заслуживаетъ, чтобы ее считали въ числѣ государствъ. Эта нацiя такъ глубоко упала, что благоразумные Шведы сами въ этомъ признаются. Что касается Польши, то я буду согласенъ на все, что императрица сдѣлаетъ въ отношенiи ея. Я желаю, чтобъ доходы короля увеличились, ибо надобно же чѣмъ-нибудь ему жить. Но я васъ прошу усердно, чтобъ не было никакой перемѣны въ польской конституцiи: все это будетъ вредно". Сальдернъ сталъ увѣрять короля, что императрица никогда не думала ни о какой существенной перемѣнѣ въ формѣ польскаго правленiя, и больше всѣхъ будетъ блюсти, чтобъ законы республики никогда не нарушались. Но при этомъ Сальдернъ просилъ Фридриха обратить вниманiе на то, что для Россiи очень важно, чтобъ Польша, въ отношенiи къ Турцiи, замѣнила для нея Австрiю, которая, вслѣдствiе Прусскаго союза, удалилась отъ Россiи. Король съ внимательнымъ видомъ спросилъ: „Но какъ вы хотите это сдѣлать?" Сальдернъ отвѣчалъ, что онъ навѣрное не знаетъ какъ, но думаетъ, что самое вѣрное средство къ тому—возстановить диссидентскiя права и дать королю нѣсколько силы на основанiи pacta conventa, дабы маленькое польское войско было дисциплинировано приличнымъ образомъ и могло, въ случаѣ нужды, оказать пользу.—„Оба пункта чрезвычайно трудно исполнить", сказалъ на это король.—„Я не нахожу здѣсь трудностей", замѣтилъ Сальднеръ· „въ Польшѣ можно сдѣлать еще много хорошихъ вещей".—„Я это очень хорошо знаю", сказалъ король; „но надобно оставить ее въ летаргiи".—„Летаргiя", отвѣчалъ Сальдернъ, „хороша и даже необходима тамъ, гдѣ Поляки могутъ вредить сосѣдямъ. Но есть случаи, въ которыхъ государство становится совершенно безполезнымъ, если не дать ему нѣкоторой силы, чтобъ доставлять помощь союзникамъ. Россiя и Пруссiя въ состоянiи задавить каждую минуту Поляковъ, если бы онѣ захотѣли употребить во зло эту данную имъ на время силу".—„Признаюсь, я не знаю этихъ случаевъ, о которыхъ вы говорите",—сказалъ король.—„А вотъ, напримѣръ, случай", отвѣчалъ Сальдернъ: „въ мою бытность въ Польшѣ, я нашелъ короля и всѣхъ канцлеровъ расположенными уничтожить сейчасъ же главную таможню, но, по недостатку силы и дѣятельности, и король со всѣмъ своимъ добрымъ расположенiемъ, и его министры съ своими лучшими намѣренiями могли дать только обѣщанiе хлопотать объ уничтоженiи таможни на будущемъ сеймѣ. Учрежденiе постояннаго совѣта въ Польшѣ между сеймами въ это двухгодичное время бездѣйствiя было бы полезно и Польшѣ и сосѣдямъ ея".—„Это мнѣ кажется дѣломъ разумнымъ", сказалъ король: „но прежде чѣмъ позволить, надобно все это хорошенько взвѣсить"

Послѣ этого король началъ говорить объ отъѣздѣ Сальдерна въ Копенгагенъ. Тотъ. замѣтивъ, что король хочетъ отъ него отдѣлаться, а между тѣмъ ничего не сказалъ о Саксонiи, рѣшился спросить его, что же ему передать императрицѣ относительно желанiя ея, чтобъ съ прусской стороны были смягчены сосѣднiя отношенiя къ Саксонiи. „Правда, я забылъ,", отвѣчалъ король, потомъ прошелся два раза по кабинету и началъ: „Саксонцы злой народъ. Они хотятъ овладѣть всею торговлею, на что я не могу смотрѣть равнодушно. Мои подданные страдаютъ отъ этого. Наши коммисары теперь въ конференцiи по этому дѣлу. Надобно дать мнѣ свободу сдѣлаться съ ними какъ выгоднѣе для моей страны". Сальдернъ сказалъ на это, что императрица съ восторгомъ увидитъ, что его величество желаетъ кротостiю убѣдить Саксонiю, что всего лучше для нея отстать совершенно отъ Австрiи. Король съ нѣкоторымъ раздраженiемъ сказалъ: „Оставьте меня дѣйствовать; я буду еще отвѣчать нынѣшнимъ вечеромъ". Сальдернъ поклонился и больше не спрашивалъ о Саксонiи, замѣтивъ, что эта струна очень непрiятна для короля.

Фридрихъ пересталъ говорить о политикѣ, и началъ дѣлать вопросы о великомъ князѣ, о его здоровьи, о его способностяхъ. Потомъ вдругъ спросилъ: „Неужели императрица въ самомъ дѣлѣ такъ много занимается, какъ говорятъ? Мнѣ сказали, что она работаетъ больше меня. Правда, у нея меньше развлеченiй, чѣмъ у меня. Я слишкомъ занятъ военнымъ дѣломъ; вы не можете повѣрить, какъ здѣсь малѣйшая бездѣлица меня тревожитъ".—„Государь", отвѣчалъ Сальдернъ, „привычки превращаются въ страсти. Что же касается императрицы, то она работаетъ много и, быть можетъ, слишкомъ много для своего здоровья".—„Ахъ!" сказалъ Фридрихъ: „честолюбiе и слава суть потаенныя пружины, которыя приводятъ въ движенiе государей". Сальдернъ не сказалъ ни слова о столь деликатной матерiи. Фридрихъ, смотря на него пристально, началъ: „Много дорогъ, которыя ведутъ къ безсмертной славѣ; императрица на большой дорогѣ къ ней, вѣрно". Говоря это, онъ все не спускалъ глазъ съ Сальдерна. Тотъ понялъ, что королю хочется слышать что-нибудь отъ него и сказалъ: „Конечно, императрица утвердитъ счастiе своего народа и значительной части рода человѣческаго. У нея обширные виды, которые обнимаютъ прошедшее, настоящее и будущее. Она любитъ живущихъ, не забывая о потомствѣ".—„Это много, это достойно ея", замѣтилъ король, и покончилъ разговоръ [1]).

Разговоръ этотъ страшно раздражилъ Фридриха, и весь гнѣвъ палъ на несчастнаго Сальдерна, который имѣлъ неосторожность явиться съ непрiят-

[1]) Дѣла Прусскiя 1766 года.

ными предложеніями и еще поддерживать ихъ: вмѣсто прежней благосклонности, Фридрихъ возненавидѣлъ Сальдерна. „Петербургскій Дворъ", говоритъ Фридрихъ въ своихъ запискахъ, „Петербургскій Дворъ, недовольный поведеніемъ Польскаго короля и еще болѣе поведеніемъ Чарторыйскихъ, его дядей, которые имъ управляли, послалъ въ Варшаву нѣкоего Сальдерна, чтобъ наблюсти за ними и сдѣлать имъ приличныя внушенія, заставить ихъ вести себя съ большей умѣренностію и благоразуміемъ. Изъ Варшавы этотъ дипломатъ пріѣхалъ въ Берлинъ, снабженный обширными проектами; графъ Панинъ составилъ ихъ и носился съ ними по своему тщеславію. Сальдернъ, не имѣвшій ни приличныхъ манеръ, ни тонкости разума, принялъ тонъ римскаго диктатора, чтобъ заставить короля согласиться на присоединеніе Англіи, Швеціи, Даніи и Саксоніи къ Петербургскому договору. Такъ какъ этотъ проектъ былъ совершенно противенъ интересамъ Пруссіи, то король не могъ его принять. Какъ въ самомъ дѣлѣ думать, что король войдетъ въ соглашеніе съ Англіею послѣ всего того, что онъ испыталъ отъ нея? Помощь Швеціи, Даніи, Саксоніи равнялась нулю, потому что нельзя было ихъ привести въ движеніе иначе какъ большими субсидіями; и, кромѣ того, такъ какъ онѣ были бы соединены съ Россіею, то король долженъ былъ бы дѣлиться съ ними вліяніемъ, какое онъ надѣялся пріобрѣсти въ этой странѣ. Поэтому надобно было ихъ удалить вовремя, тѣмъ болѣе что не слѣдуетъ размножать существа безъ нужды. Всѣ эти причины заставили короля отклонить предложенія Сальдерна. Этотъ министръ разсердился, считая себя преторомъ Попиліемъ, и, принимая его величество за Антіоха, царя Сирійскаго, онъ хотѣлъ предписывать законы государю; король, который не считалъ себя Антіохомъ, отпустилъ министра со всевозможнымъ хладнокровіемъ, увѣряя его, что будетъ всегда другомъ Россіи, но никогда не будетъ ея рабомъ" [1]).

Извѣстіе о разговорѣ Фридриха съ Сальдерномъ и что оба разговаривавшіе разстались недовольными,—достигло Вѣны. Бенуа доносилъ Фридриху: изъ разговоровъ Лароша, агента господаря Молдавскаго, видно, что въ Австріи не потеряли надежды взять верхъ въ Россіи, посредствомъ подарковъ привлечь на свою сторону графа Чернышева и, наконецъ, удалить императрицу отъ короля Прусскаго, ибо замѣчается нѣкоторое охлажденіе съ ея стороны къ Фридриху вслѣдствіе отказа Сальдерну на многія предложенія, сдѣланныя этимъ министромъ. Но Сольмсъ успокоилъ короля на этотъ счетъ: онъ писалъ, что нерасположеніе, которое Екатерина питала всегда къ Маріи-Терезіи, пробуждается теперь вслѣдствіе подозрѣнія, что Венгробогемская королева, по католической ревности, препятствуетъ планамъ Русской императрицы въ Польшѣ. Но Фридрихъ долго не могъ успокоиться послѣ предложеній Сальдерна. Сюда присоединились еще другія причины раздраженія: заступничество Россіи за Саксонію; перезывъ знаменитаго математика Эйлера изъ Берлинской академіи въ Петербургскую, чего Фридрихъ вовсе не хотѣлъ; неудовольствіе, выраженное Россіею на то, что Фридрихъ возвысилъ цѣну на почтовую пересылку; наконецъ невниманіе Русскаго Двора къ его представленіямъ по диссидентскому дѣлу. По поводу почтоваго дѣла онъ писалъ Сольмсу: „Мнѣ странно начинаетъ наскучивать иго, которое хотятъ на меня наложить; я съ удовольствіемъ буду въ союзѣ съ Русскими, но, пока глаза мои не закроются, я не буду ихъ рабомъ. Можете это сказать всякому, кто захочетъ слушать. Я остаюсь того мнѣнія, что Русскій союзъ мнѣ пригоднѣе всякаго другого. На этомъ основаніи я простеръ свою податливость къ проектамъ императрицы такъ далеко, какъ ни одинъ союзникъ этого не дѣлалъ. Но теперь я перемѣнюсь или сдержусь вслѣдствіе наглости, съ какою эти господа хотятъ предписывать мнѣ законы въ моемъ собственномъ управленіи; я вамъ объявляю мою неизмѣнную волю, что я никогда не потерплю, чтобъ въ Россіи сдѣлали этотъ первый шагъ, пусть будетъ, что угодно Богу. Вы видите, какъ они трактуютъ Швецію и Польшу; а я, прирожденный самодержецъ и будучи такимъ до сихъ поръ, подклонюсь подъ иго государства, съ которымъ я въ союзѣ, но которому я не подчиненъ!—Нѣтъ, никогда этого не будетъ! Пока глаза мои не закрылись, я буду охранять свою независимость; а если эти господа хотятъ меня поработить, то лучше разссориться съ ними нынче, чѣмъ завтра. Позволить разъ, то Россія станетъ вмѣшиваться въ мои мельчайшія дѣла, захочетъ рѣшать все и трактовать меня, какъ Турки трактуютъ Валашскаго господаря".

Относительно диссидентскаго дѣла король не переставалъ твердить, что надобно удовольствоваться религіозною свободою, а доставленіе диссидентамъ равныхъ правъ съ католиками—это такой вздоръ, изъ-за котораго не стоитъ производить такихъ сильныхъ движеній. Фридрихъ продолжалъ также изъявлять опасенія насчетъ вмѣшательства Австріи. Но относительно Австріи Сольмсъ услыхалъ отъ Панина любопытное заявленіе, причемъ Панинъ просилъ Сольмса принять его слова, какъ исходящія изъ устъ самой императрицы: „Если Вѣнскій Дворъ захочетъ воевать, то императрица вовсе этого не боится; она готова вести эту войну такимъ образомъ, что Австрія можетъ раскаяться. Если Австрія вмѣшается въ Польскія дѣла подъ предлогомъ защиты католицизма, то Россія подниметъ въ Венгріи и другихъ областяхъ австрійскихъ всѣхъ некатоликовъ" [2]).

Кромѣ Австріи, въ Польскія дѣла могла вмѣшаться Турція.

---

[1]) Mémoires de Frédéric II, II, 321.

[2]) Forschungen zur deutschen Geschichte, IX, I.

Мы видѣли, съ какою радостью императрица узнала о возможности исполнить давнее желаніе Русскаго правительства, - желаніе имѣть консула въ Крыму. Легко понять, что необходимость отозвать Никифорова вслѣдствіе извѣстнаго происшествія должна была причинить большое огорченіе въ Петербургѣ, и Обрѣзковъ получилъ приказаніе хлопотать изо всѣхъ силъ, чтобъ позволено было прислать въ Крымъ новаго консула. Но всѣ старанія были напрасны. Порта представляла, что присутствіе русскаго консула въ Крыму невозможно по причинѣ крайняго сопротивленія этому Бакчисарайскаго духовенства, и Порта не можетъ принудить хана принять консула, потому что ханъ самовластный господинъ во внутреннихъ дѣлахъ; да если-бы рѣшились принудить, то пользы отъ этого не будетъ, ибо ханъ и особенно духовенство найдутъ средства подкопаться и подъ новаго консула, причемъ могутъ произойти непріятности для обоихъ Дворовъ. Панинъ замѣтилъ на донесеніи Обрѣзкова объ отвѣтѣ Порты: „Сіе послѣднее отъ Турокъ примѣчаніе имѣетъ, конечно, разумное основаніе, да и притомъ видно, что они тутъ безъ притворства и безъ злыхъ намѣреній добросердечно ввѣряются представленіямъ хана Крымскаго. Мнѣ же видится: и теперь, какъ прежде, нѣтъ большой нужды ихъ насильствовать, а надобно настоять, что когда отъ насъ, яко отъ сосѣдственной державы, консулъ не принимается, то уже мы не можемъ, не сомнѣваясь объ ихъ искренности къ себѣ, видѣть, что ханъ Крымскій содержитъ при себѣ консула Французской державы, которая другого интереса, кромѣ каверзъ между сосѣдей, тамъ не имѣетъ, о чемъ къ Обрѣзкову и прежде писано было, но къ удивленію онъ не упоминаетъ, учинилъ ли онъ изъ того какое употребленіе, или для чего не учинилъ“. Императрица прибавила: „Прибавьте къ сему, что если французскаго консула терпѣть для каверзъ, то въ нашемъ нужда для опроверженія оныхъ, а то поссорить легко, какъ то видно изъ ханскаго рапорта о Моздокѣ, гдѣ я чаю никогда столько пушекъ не бывало, о чемъ я требовать буду обстоятельнаго рапорта, и людей столько нѣтъ, какъ надобно для столькихъ орудій“.

Съ другой стороны Запорожцы жаловались, что Татары вырубали лѣса, находившіеся въ ихъ дачахъ, и приближаютъ свои поселенія къ русскимъ границамъ. Обрѣзковъ спрашивалъ, надобно ли требовать отъ Порты удовлетворенія на основаніи извѣстной статьи мирнаго договора, въ которой говорилось: если произойдетъ что-нибудь такое, о чемъ не упомянуто въ договорѣ, то немедленно съ обѣихъ сторонъ искать способа уничтожить вредъ. Обрѣзковъ прибавилъ, что Турки пользуются этою статьею во всякихъ случаяхъ, часто вовсе не идущихъ къ дѣлу. Панинъ замѣтилъ: „Да и безъ самой крайности лучше не поступать, чтобъ тѣмъ не подать больше повода Туркамъ, яко крайнимъ и гордымъ невѣждамъ, во всѣхъ своихъ, ничѣмъ необузданныхъ прихотяхъ прибѣгать къ тому же артикулу и требовать новыхъ обстоятельствъ и постновленій. Сколь же въ существѣ приближеніе тѣхъ поселеній и настоящая вырубка лѣсовъ вытѣсняетъ и вредитъ нашихъ Запорожцевъ, въ томъ на ихъ жалобы съ точностію полагаться нельзя, ибо при приношеніи оныхъ обыкновенно все увеличивается безпредѣльно, особливо отъ такого грубаго народа, каковы Запорожцы: чего ради надлежитъ прежде доставить себѣ, посылкою на мѣсто для осмотра вѣрнаго человѣка, точное и надежное извѣстіе, по которому бы можно было разсудить и опредѣлить, что будетъ полезнѣе,—сократить ли селенія, поелику они вправду велики и важны для насъ, или же не узаконять привычки Туркамъ требовать отъ насъ взаимно на все новыхъ постановленій“. Екатеринъ замѣтила съ своей стороны: „Посылка нарочнаго вѣрнаго человѣка весьма нужна, понеже и о томъ еще сумнѣваюсь, есть ли тамъ окромѣ кустарника, а о лѣсѣ я не слыхивала“ [1]).

Но эти мелкія столкновенія не предвѣщали важныхъ послѣдствій; столкновенія по поводу Польскихъ дѣлъ трудно было предвидѣть. Болѣе заслуживающими вниманія казались событія, происходившія въ противоположной сторонѣ.

Въ Стокгольмѣ Остерманъ хлопоталъ о скорѣйшемъ заключеніи договора у Швеціи съ Англіею: „Никто больше сенатора Руденшильта“, писалъ онъ, „противъ принятія англійскаго трактата не спорилъ. Весьма нужно было бы его отрѣшить, ибо онъ, можно сказать, какъ полуумный, съ запальчивостію, защищаетъ въ сенатѣ французскій интересъ; жаль только, что нельзя его одного отъ другихъ двухъ извѣстныхъ отдѣлить, ибо тогда его низверженіе легче могло бы совершиться“.

Благонамѣренные хлопотали также о скорѣйшемъ совершеніи брака между наслѣдникомъ Шведскаго престола, принцемъ Густавомъ, и Датскою принцессою; король, королева и французская партія не хотѣла этого брака: тѣмъ сильнѣе слѣдовательно долженъ былъ сочувствовать ему Остерманъ. Съ другой стороны, датскій посланникъ Шакъ упрашивалъ его содѣйствовать этому браку, клянясь, что Датскій Дворъ относительно шведскаго сейма будетъ дѣйствовать совершенно согласно съ Россіею. Панинъ „въ крайнюю конфиденцію“ сообщилъ Остерману, что Датскій Дворъ достаточно удовольствовалъ Россію. „Такъ какъ“, писалъ Панинъ, „вы получили въ свои руки главный нашъ видъ дирекціи дѣлъ между нашими сосѣдями, Швеціею и Даніею, то вамъ не остается ничего другого, какъ свадебное дѣло привести къ скорѣйшему окончанію, и тѣмъ имъ обѣимъ доказать, что поверхность ея императорскаго величества служитъ и впредь служить будетъ имъ къ большему обнадеживанію въ утвержденіи покоя и тишины. Вы можете еще болѣе подкрѣпить поло-

[1]) Дѣла Турецкія 1766 года.

*

женное между нашими друзьями намѣреніе, чтобъ государственные чины потребовали отъ короля только назначенія времени свадьбы, выставивъ, что бракъ уже дѣло рѣшенное торжественнымъ договоромъ между Шведскимъ и Датскимъ Дворами. Если-бъ вожди нашей партіи пожелали, чтобъ вы, съ своей стороны, отозвались прямо къ кронпринцу объ этой свадьбѣ, то и это можно исполнить такимъ образомъ: сказать ему, что ея императорское величество, оставляя его при его собственной склонности въ такомъ деликатномъ дѣлѣ, признаетъ его полезнымъ какъ для него самого, такъ и для Швеціи, и потому желаетъ, чтобъ оно явилось согласнымъ съ склонностію его высочества".

Издержавъ до 10,000 шведскихъ плотовъ, Остерманъ добился, что въ секретномъ комитетѣ послѣдовало рѣшеніе въ пользу заключенія англійскаго договора. Остерманъ торжествовалъ, что французскій посолъ и его сообщники, Ферзенъ и Синклеръ, ошиблись въ своей надеждѣ подкупить секретный комитетъ. Но Остерманъ просилъ вождей своей партіи, чтобъ они ни мало не полагались на свое торжество въ секретномъ комитетѣ и были бы осторожны, потому что французская партія надѣется получить новую денежную силу отъ Испанскаго Двора, да и королева обнаруживаетъ чрезвычайное противъ прежняго спокойствіе, слѣдовательно въ этой тихой водѣ заключается потаенный замыселъ.

Трактатъ съ Англіею былъ заключенъ, и брачное дѣло улажено, хотя въ ночь на 24 февраля была прибита къ столбу записка, что теперь настало время всѣмъ истиннымъ патріотамъ собраться и не допустить Россію и Данію наложить на Швецію иго, причемъ ни въ вождяхъ, ни въ деньгахъ недостатка не будетъ. Въ Петербургѣ сильно тяготились продолженіемъ шведскаго сейма, на который тратилось много русскихъ денегъ; но Остерманъ требовалъ новыхъ суммъ, и въ апрѣлѣ получилъ 100,000 рублей для окончанія сейма согласно съ русскими желаніями. Но, кромѣ того, Швеція считала на Россіи недоплаченныя субсидіи, и благонамѣренные внушали Остерману, нельзя ли заплатить этотъ долгъ хлѣбомъ, именно въ продолженіи шести лѣтъ отпускать хлѣба на 50,000 рублей. На донесеніи объ этомъ Остермана Екатерина написала Панину: „Никита Ивановичъ, нынѣшній годъ у насъ у самихъ недостатокъ. Готовый бывшей въ прошломъ году въ Ригѣ хлѣбъ я отдала въ магазейнъ въ военной".

Между тѣмъ ненависть короля и королевы къ русской партіи доходила до высшей степени: на собраніи при Дворѣ они не хотѣли смотрѣть на сенатора Калинга и не велѣли приглашать его къ ужину за то, что онъ получилъ русскій Андреевскій орденъ; кронпринцъ также отъ него отворачивался, но потомъ далъ знать нѣкоторымъ изъ благонамѣренныхъ, чтобъ не думали, что онъ имъ недоволенъ, а поступалъ такъ по отношенію къ одному только Калингу, которымъ отецъ его недоволенъ. Одинъ изъ благонамѣренныхъ замѣтилъ принцу, что такое поведеніе можетъ произвести народное охлажденіе къ нему, и потому, чтобъ не изволилъ слѣдовать примѣру своей родительницы. Принцъ отвѣчалъ, что королева дѣйствительно изволила выбрать опасную для себя дорогу. Остерманъ подозрѣвалъ, что королевою была избрана еще другая дорога для достиженія своихъ цѣлей: въ маѣ вспыхнулъ крестьянскій бунтъ въ Вестерготской провинціи, и Остерманъ указывалъ признаки, по которымъ можно было догадываться, что французская партія здѣсь не безучастна, и что бунтъ можетъ послужить средствомъ къ возстановленію самодержавія. Остерманъ обратился къ датскому посланнику Шаку, и тотъ объявилъ ему, что въ подобномъ случаѣ уполномоченъ дѣйствовать съ нимъ заодно; но прусскій посланникъ Кокцей, утверждая, что его Дворъ противъ возстановленія самодержавія, не изъявлялъ однако готовности дѣйствовать заодно съ Остерманомъ, а говорилъ только, что, по его мнѣнію, дѣло до этого не дойдетъ. Екатерина замѣтила на это: „Однако одна секретная статья договора обязываетъ его величество Прусское дѣйствовать съ нами сообща, чтобъ не было сдѣлано ничего противъ формы (шведскаго правительства) 1720". Остерманъ продолжалъ присылать извѣстія объ усиленіи бунта и о цѣляхъ его: разглашали, что бунтовщики намѣрены идти въ Стокгольмъ, перебить дворянство, низвергнуть короля за слабость его правленія и возвести на престолъ кронпринца, давши ему самодержавную власть. Шелъ другой слухъ: что возставшіе хотятъ только уничтожить самовольное правленіе государственныхъ чиновъ и придать больше власти той особѣ, которой эта власть принадлежитъ. Этотъ послѣдній слухъ Остерманъ признавалъ вѣроятнымъ, ибо думалъ, что въ возмущеніи есть Синклерова игра. Главный возмутитель, крестьянинъ Гофманъ, былъ пойманъ, и смута утихла; но учрежденіе суда надъ Гофманомъ подало поводъ къ новой борьбѣ партій на сеймѣ. Благонамѣренные хотѣли по закону учредить коммисію изъ трехъ чиновъ; французская партія стала сильно этому противодѣйствовать, боясь, что противники, теперь сильнѣйшіе, воспользуются случаемъ для личныхъ преслѣдованій. „Я не въ состояніи изложить", писалъ Остерманъ, „всѣ угрозы, нахальства и вооруженія противной стороны, чтобъ не допустить до учрежденія коммисіи. Въ продолженіи всего сейма, ни въ какое время мнѣ не были такъ нужны деньги, какъ въ этомъ критическомъ случаѣ". Наконецъ графъ Ферзенъ, видя, что сила на сторонѣ противниковъ, вошелъ въ сношенія съ главами русской партіи, согласился не препятствовать учрежденію коммисіи съ тѣмъ, чтобъ не было личныхъ преслѣдованій. Съ другой стороны, французскій посолъ нѣсколько разъ заводилъ съ Остерманомъ рѣчь объ этомъ „въ образѣ партикулярной откровенности",

причемъ Остерманъ увѣрялъ его, что какъ прежде, такъ и теперь употребитъ всѣ способы къ недопущенію личныхъ преслѣдованій, если только Бретейль уговоритъ своихъ друзей пресѣчь свои „наглости". Посолъ увѣрилъ, что „наглостей" не будетъ. Король и особенно королева были сильно раздражены всѣмъ этимъ, на благонамѣренныхъ и смотрѣть не хотѣли, да и вождями французской партіи не очень были довольны, ибо королева непремѣнно хотѣла, чтобъ они до послѣдней крайности противодѣйствовали учрежденію коммисіи.

Въ половинѣ іюля Остерманъ прислалъ въ Петербургъ извѣстіе, что французское министерство приняло совершенно новую систему относительно Швеціи: оно не хочетъ болѣе зависѣть ни отъ какой шведской партіи, которая можетъ подвергаться постоянной опасности низверженія, и потому не можетъ дать постояннаго обезпеченія дѣлу, ею поддерживаемому: и потому во Франціи рѣшено произвести коренную перемѣну въ формѣ шведскаго правительства, именно — возстановить самодержавіе. Со введеніемъ самодержавія очень можетъ быть, что короля нельзя будетъ заставить дѣйствовать согласно съ видами Франціи; но это будущее и только возможное зло предпочтительнѣе вѣрной тиранніи настоящей системы, которая заставляетъ зависѣть отъ партіи. Для исполненія этого рѣшенія ожидается только планъ, который долженъ прислать Бретейль изъ Стокгольма. Пересылая это извѣстіе, полученное отъ англійскаго посланника, Остерманъ писалъ Панину: „Я не думаю, чтобъ на этомъ же сеймѣ хотѣли привести въ исполненіе этотъ вредный планъ, развѣ какъ-нибудь нечаянно, да и то сомнительно; но, по всѣмъ моимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, легко статься можетъ, что французскій посолъ, лаская здѣшній Дворъ такимъ пріятнымъ будущимъ, старается все болѣе и болѣе утвердить свое вліяніе надъ королемъ и королевою, и между тѣмъ съ своею шайкою будетъ вселять въ націю ненависть къ настоящей формѣ правленія, разбрасывая для этого въ провинціяхъ и деньги. А что Синклеръ дѣйствительно намѣренъ содѣйствовать такому плану, можно видѣть изъ слѣдующаго. Послѣ пировъ, бывшихъ въ деревняхъ у Германсона и Ландингсгаузена, Синклеръ настоялъ, чтобъ графъ Ферзенъ съ своими креатурами отмѣнилъ для своей партіи названіе шляпъ, потому что это названіе стало противно народу, а вмѣсто того новая партія назвалась бы земскою. Ферзенъ сначала спорилъ, потомъ согласился: „Называйте какъ хотите", сказалъ онъ, „лишь бы только мы избавились отъ тиранства настоящей господствующей партіи". Тутъ же рѣшено внушать народу, какъ Россія вмѣстѣ съ Даніею и Англіею подкупили половину Шведской націи, чтобъ управлять Швеціею какъ своею провинціею. Англія, для сбыта своихъ мануфактурныхъ произведеній, разорила шведскихъ знатныхъ купцовъ, а Россія съ Даніею низвергли прежнее министерство, которое такъ сильно заботилось о шведской независимости.—Они хотятъ напечатать въ этомъ смыслѣ книжку и разсѣять по провинціямъ. Для уничтоженія такого злого умысла я съ нашими пріятелями согласился, чтобъ они съ своей стороны печатно изложили свои дѣйствія на пользу государства и весь вредъ, какой получила Швеція отъ Франціи съ самаго начала своего союза съ нею".

Въ августѣ Остерманъ увѣдомилъ, что конституція, составленная благонамѣренными согласно съ желаніями Россіи, прошла безпрепятственно въ большой депутаціи сейма. Панинъ написалъ на донесеніи: „Сіе дѣло то, которое рѣшитъ навсегда твердость полезной для Россіи шведской формы правительства, и котораго предки вашего величества достигнуть не могли никогда, хотя всѣ наши прежнія о Швеціи безпокойства, кои иногда и дѣйствительно насъ вооружали, главнѣйше оное въ виду имѣли". Но Екатерина прибавила: „Предоставлю себѣ васъ поздравить, когда всѣ чины согласятся на то". Конституція прошла въ полномъ собраніи чиновъ; точно опредѣлены были границы между тремя властями; государственные чины не должны были впредь вмѣшиваться въ назначеніе чиновъ и должностей; но если и король три раза отвергнетъ представленіе сената, то представляемый кандидатъ опредѣляется и безъ королевскаго согласія; назначеніе юстиціи канцлера предоставлено было однако государственнымъ чинамъ отъ одного до другого сейма, „потому что", писалъ Остерманъ, „настоящій юстиціи канцлеръ Стокенстремъ—французская креатура, и если-бъ онъ остался попрежнему на своемъ мѣстѣ, то, по званію своему, могъ бы многимъ изъ благонамѣренныхъ отомстить и воспрепятствовать исполненію принятыхъ на этомъ сеймѣ мѣръ". Постановлено, что впредь никакое объясненіе, прибавка или поправка въ фундаментальныхъ законахъ не можетъ произойти на томъ сеймѣ, на которомъ будетъ представлена,—остается проектомъ къ будущему сейму. Этотъ пунктъ Остерману труднѣе всего было провести, потому что онъ лишалъ противную партію возможности отмѣнить конституцію на будущемъ сеймѣ.

Король и королева отплатили благонамѣреннымъ по случаю свадьбы кронпринца. Остерманъ увѣдомлялъ свой Дворъ объ особенномъ отличіи, оказанномъ ихъ величествами всей французской шайкѣ, и явномъ пренебреженіи всѣхъ благонамѣренныхъ, особенно ландмаршала, на котораго король, королева и кронпринцъ не хотѣли и смотрѣть, не только говорить съ нимъ, и когда ландмаршалъ привѣтствовалъ кронпринца именемъ сената и государственныхъ чиновъ, тотъ не удостоилъ его отвѣтомъ. Королева старалась показать, что очень довольна бракомъ, и ласкала молодую невѣстку, чтобъ совершенно обсадить ее французскими креатурами, по выраженію Остермана, и удалить отъ нея всѣхъ благонамѣренныхъ. Французскому и испанскому посламъ оказано было особенное отличіе, особенно первому.

Несмотря на торжество благонамѣренныхъ на послѣднемъ сеймѣ, Остерманъ, въ началѣ ноября, переслалъ Панину тревожныя извѣстія. Противная партія употребляла всѣ средства, чтобъ заставить собрать новый чрезвычайный сеймъ. Ея члены разсуждали объ этомъ сеймѣ, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ, и когда благонамѣренные доказывали имъ, что вновь сдѣланныя финансовыя распоряженія отстраняютъ совершенно надобность чрезвычайнаго сейма, то отвѣчали со смѣхомъ, что у нихъ есть способъ, и мимо финансовъ, привести сенатъ въ такое затрудненіе, что онъ необходимо долженъ будетъ прибѣгнуть къ созванію чрезвычайнаго сейма. Остерманъ узналъ наконецъ, въ чемъ долженъ состоять этотъ способъ: король, придравшись къ какому-нибудь спору своему съ сенатомъ, долженъ былъ объявить послѣднему, что, видя себя до такой степени ослабленнымъ въ своихъ преимуществахъ, не намѣренъ больше вступать въ сенатъ и мѣшаться въ какое-нибудь дѣло; для этого требуетъ созванія чрезвычайнаго сейма, а между тѣмъ намѣренъ удалиться въ уединеніе. Екатерина написала на донесеніи: „Ну, такъ Богъ съ нимъ". Французская партія надѣялась, что, по собраніи сейма, государственные чины, изъ жалости, не только не допустятъ короля сложить правленіе, но возвратятъ ему всѣ отнятыя у него права и преимущества, и дадутъ ему ихъ еще больше, чѣмъ онъ прежде имѣлъ. Тутъ Екатерина написала: „Въ жалость привести cela est bien commun (очень пошло)".

Король отказался подписать новую конституцію, жалуясь на ограниченіе своей власти [1]).

Чѣмъ упорнѣе была борьба Россіи съ Франціею въ Швеціи, тѣмъ важнѣе были для Петербургскаго Двора отношенія датскія. Эти отношенія были очень благопріятны; но Данія не могла быть покойна, пока не улажено было окончательно Голштинское дѣло, пока Русскіе государи владѣли Голштиніею. Данія была покойна при Елисаветѣ; но что грозило ей при Петрѣ III? Теперь она успокоилась съ восшествіемъ на престолъ Екатерины; но кто могъ поручиться, что Павелъ не взглянетъ на голштинскія отношенія такъ же, какъ смотрѣлъ на нихъ отецъ его. Панинъ по этому поводу подалъ слѣдующій докладъ: „Составленіе особливой въ Сѣверѣ общей системы есть и должно быть первымъ предметомъ настоящей россійской политики. Но пока малое Голстинское княжество пребудетъ въ нынѣшнемъ положеніи своемъ, до тѣхъ поръ не можетъ никогда прочный быть въ Сѣверѣ покой, слѣдовательно ниже состояться въ немъ такая независимая отъ постороннихъ державъ система, которая бы одна все равновѣсіе въ Европѣ содержала. Не можетъ и не будетъ никогда Данія съ безпредѣльною довѣренностію полагаться на Россію, доколѣ по Голстинскимъ дѣламъ хотя малый видъ камня претыканія оставаться еще будетъ. До того времени будетъ, конечно, Данія придерживаться Франціи и Австріи и по ихъ дудкамъ напрягать струны свои, дабы у сихъ Дворовъ всякій разъ, когда голстинскія притязанія тронуты будутъ, искать себѣ опоры и ими ограждаться. Вѣрно будутъ Франція и Австрія сами всегда стараться продолжать сей камень претыканія, чтобъ способомъ онаго удерживать всегда Данію въ той зависимости, въ которой она у нихъ донынѣ была. Если потому нужно, чтобъ особливая въ Сѣверѣ система достигнула когда-либо совершенства своего, время теперь положить оной основаніе. Малолѣтство его и—скаго высочества великаго князя можетъ нынѣ служить къ учиненію о всѣхъ распряхъ запасной сдѣлки, и когда оная отъ ея и. величества предварительно постановлена, потомъ, по достиженіи его и. высочествомъ совершеннолѣтства, дѣйствительно въ исполненіе приведена будетъ, безъ ошибки уже почти можно сказать, что нынѣ же и положится прямое начало тому знатному въ Сѣверѣ политическому зданію, которое я поставляю за выгодное и полезное отечеству. Правда, Петръ Великій почиталъ за первый политики своей предметъ и въ самомъ дѣлѣ употреблялъ къ тому всѣ свои подвиги, чтобъ сдѣлать для Россіи какое ни есть въ Германіи пріобрѣтеніе; но время и обстоятельства перемѣняютъ правила. Петръ Великій, выводя народъ свой изъ невѣжества, ставилъ уже за великое и то, чтобъ уравнять оный державамъ втораго класса, которыя наиболѣе взаимствуютъ инфлюенцію свою въ генеральныхъ европейскихъ дѣлахъ отъ сочленства въ германскомъ корпусѣ: ибо, будучи тамъ между множествомъ малыхъ князей сильнѣйшія, могутъ они по имперскимъ, съ генеральными европейскими дѣлами толь много связаннымъ, играть отличный роль, коего бы инако существительною своею силою никогда достигнуть не могли. Въ семъ намѣреніи помышлялъ и старался онъ предуготовить путь къ присоединенію герцогства Голстинскаго, сколь оно само по себѣ ни мало, подъ державу Россійскую, дабы симъ способомъ получить въ Нѣмецкой имперіи голосъ и пользоваться онымъ по теченію дѣлъ и по интересамъ собственной своей для распространенія знатности, силы и инфлюенціи ея, кои тогда трудами его возрастать только начинали. Въ послѣдовавшія потомъ времена, хотя слава и важность отечества нашего очевидно выходила уже изъ толь тѣсныхъ предѣловъ, пріобрѣтая, напротивъ того, сами по себѣ совершенное съ первыми въ Европѣ державами равенство, однако затвердѣлое предубѣжденіе, которое отъ Вѣнскаго Двора для приведенія насъ въ нѣкоторую отъ себя по Германскимъ дѣламъ зависимость, натурально всѣми силами всегда подкрѣпляемо было, оставалось еще непремѣнно во всей своей силѣ и руководствовало отчасти всѣми нашими предпріятіями: но нынѣ, подъ мудрою и благословенною державою ея императорскаго величества,

[1]) Дѣла Шведскія 1766 года.

когда Россія не только у всей Европы въ совершенное само по себѣ почтеніе приведена, но и когда уже дѣйствительное и твердое отчасти положено основаніе собственной нашей независимой системы, которою столь славно и счастливо произведенъ новый выборъ короля Польскаго, должно намъ не о томъ помышлять, чтобъ искать дѣлъ для учрежденія знатности своей, но чтобъ паче руководствовать дѣлами и сохранять собою покой и тишину имперіи своей, чему, по собственному ея императорскаго величества признанію и удостовѣренію, ничто столь много способствовать не можетъ, какъ составленіе, подъ предводительствомъ Россіи, общаго Сѣверныхъ державъ между собою соединенія и союза. Умалчивая о всѣхъ другихъ къ сему предмету относительныхъ обстоятельствахъ, нахожу я только примѣтить, что Голштинія, хотя єю и навсегда Данія къ союзу съ нами привлечена быть можетъ, сама въ себѣ, по состоянію своему въ разсужденіи Россіи и ея нынѣ въ Европѣ основанной силы и знатности, отнюдь не можетъ за важное пріобрѣтеніе почитаема быть, а толь меньше польза общаго Сѣвернаго союза равняться когда-либо съ выгодою дѣйствительнаго ея владѣнія. Польза отъ союза очевидная, существительная и неоспоримая, а выгода отъ владѣнія исчезаетъ совершенно, если только прямо вообразить себѣ малость съ отдаленнымъ отъ Россіи неудобнымъ положеніемъ той части герцогства Голстинскаго, которая принадлежитъ великому князю. Надобно здѣсь примѣтить: Данія предлагала въ прошлыя времена на обмѣнъ за великокняжескую долю Голстиніи графства Ольденбургское и Дельменгорстское. Такое предложеніе противно весьма истиннымъ началамъ россійской политики. Толь великая имперія, которой сила нынѣ совершенно уже утверждена, не будетъ конечно никогда имѣть нужды брать въ обмѣнъ толь бѣдныя землицы. Неприлично державѣ Россійской имѣть въ Германіи такія крохи и въ смущенномъ Германской имперіи корпусѣ то отъ Австрійскаго Дома ленное господство, поверхность, или же и однѣ прицѣпки имперскаго надворнаго суда сносить, то съ сильнѣйшими сосѣдями вступать въ бездѣльныя о границахъ хлопоты и въ соперничество о власти и юрисдикціи. По настоящимъ россійской политики правиламъ, не надобно ей къ истинному ея приращенію ни одной пядени земли въ Германіи. Славнѣе для насъ—ничего тамъ не имѣть, а вмѣсто того сильными нашими союзами, особливо же общимъ Сѣвернымъ, дѣлать всегда перевѣсъ, какъ въ Европѣ, такъ наипаче въ Нѣмецкой имперіи при всякомъ тамъ случаѣ. Сихъ ради причинъ представленный Даніею обмѣнъ графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго имѣлъ бы для Россійской имперіи къ тому единственно служить, чтобъ обратить оный въ пользу и справедливое удовлетвореніе родственникамъ и леннымъ свойственникамъ е. и. в—ства великаго князя".

Екатерина согласилась съ этимъ мнѣніемъ, и Сальдернъ, какъ мы видѣли, отправился въ Данію и Голштинію для улаженія этого дѣла, но не въ качествѣ посланника, которымъ былъ сначала Корфъ, а потомъ генералъ Философовъ [1]).

Въ первомъ донесеніи своемъ отъ 4-го января Корфъ увѣдомилъ о кончинѣ короля Фридриха V, которому наслѣдовалъ Христіанъ VII. Вначалѣ все осталось постарому; главнымъ вліятельнымъ лицомъ при покойномъ королѣ былъ оберъ-маршалъ графъ Мольтке; новый король утвердилъ его во всѣхъ чинахъ и должностяхъ; но говорили, что королева, бабка молодаго Христіана VII, будетъ имѣть на него большое вліяніе. „Слѣдовательно", прибавлялъ Корфъ, „будущаго жребія многихъ здѣсь особъ еще узнать нельзя". 27-го марта умеръ и самъ Корфъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ-маіоръ Философовъ; но до его пріѣзда секретарь посольства, баронъ Ферзенъ, долженъ былъ увѣдомлять Панина о событіяхъ при Копенгагенскомъ Дворѣ. Отъ 8-го іюля онъ увѣдомилъ его, что графъ Мольтке долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ должностей, потому что въ прошедшее царствованіе не угодилъ старой королевѣ.

Философовъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ только въ концѣ года. Отъ Сальдерна Философовъ узналъ, что Датскій Дворъ находится въ печальномъ положеніи: единственный человѣкъ, съ которымъ можно вести дѣло, это Бернсторфъ, но и тотъ не проченъ на своемъ мѣстѣ, и Сальдернъ уже хлопоталъ о его поддержкѣ. „Я уже здѣсь двѣ недѣли", писалъ Философовъ, „а товарищъ мой и болѣе, но никто, ни самъ король, ни министры его не только ни въ какія объясненія съ нами не вступали, но когда мы ихъ хотѣли серьезно затронуть, то изъ отвѣтовъ ихъ можно было видѣть совершенное ихъ незнаніе. Почему и кажется, что необходимость требуетъ, для достиженія всѣхъ желанныхъ нами полезностей отъ сего Двора, г. Бернсторфа всѣми силами подкрѣплять, какъ единственный дальновидный инструментъ, могущій намъ содѣйствовать; и хотя, по внушеніямъ товарища моего и по сдѣланнымъ отъ меня въ томъ подтвержденіямъ, довѣренность королевская къ г. Бернсторфу совершенно возвратилась, но такъ какъ чрезвычайное и безпримѣрное легкомысліе королевское и его ежедневно измѣняющееся обращеніе со всѣми безъ изъятія не позволяютъ твердо полагаться на настоящее его обращеніе съ Бернсторфомъ, то нахожу нужнымъ предварительно увѣдомить, что, въ случаѣ паденія г. Бернсторфа, если бы другія средства и внушенія наши чрезъ другихъ къ возстановленію его значенія были недостаточны, думаемъ самому королю доброю манерою сказать, что если онъ при переговорахъ не всю свою довѣренность на г. Бернсторфа возлагать будетъ, то мы будемъ принуждены остановить переговоры и требовать новыхъ повелѣній отъ своего Двора, ибо знаемъ, что наша государыня разсчитывала на

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

большой успѣхъ переговоровъ, имѣя въ виду извѣстныя способности г. Бертсторфа" [1]).

Еще прежде Корфа умеръ въ Лондонѣ старикъ Гроссъ, и былъ замѣненъ графомъ Алексѣемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, но до пріѣзда послѣдняго дѣлами завѣдывалъ племянникъ покойнаго, совѣтникъ посольства Гроссъ. По поводу все еще тянувшагося дѣла о заключеніи торговаго и союзнаго договоровъ между Россіею и Англіею, Гросъ писалъ Панину, что при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Англіи эта держава можетъ только очень слабо содѣйствовать установленію прочной системы на Сѣверѣ. Настоящіе министры затруднены на каждомъ шагу и каждую минуту подвергаются опасности лишиться своихъ мѣстъ; между ними нѣтъ согласія, и они не пользуются довѣріемъ ни короля, ни народа. По словамъ англійскихъ историковъ, „превосходныя намѣренія и, по большей части, превосходныя мѣры управленія лорда Рокингама были недостаточны для отвращенія зла, происходившаго отъ личныхъ недостатковъ лорда Рокингама. Отъ неимѣнія великаго контролирующаго центра вся система подвергалась разстройству" [2]). Наконецъ, ожидаемая перемѣна произошла: знаменитый Питтъ, лордъ Чатамъ, вступилъ въ министерство. Между тѣмъ лордъ Макартней подавалъ Панину одну за другой плаксивыя записки, умоляя не останавливать заключенія торговаго договора, хотя, какъ мы видѣли, въ Англію уже дано было знать о его заключеніи [3]).

Дѣло остановилось на одной статьѣ: въ русской редакціи относительно новыхъ постановленій о торговлѣ говорилось, что англійскіе купцы извлекутъ изъ этихъ новыхъ постановленій тѣ же выгоды, какъ и подданные императрицы. Англичане же требовали, чтобъ эта статья была выражена такъ: „Новое постановленіе никакимъ образомъ не стѣснитъ и не ограничитъ торговли англійскихъ купцовъ въ Россіи, не измѣнитъ ея направленія и природы". Императорскій Кабинетъ не соглашался на это измѣненіе. Панинъ внимательно выслушалъ рѣчи Макартнея, всѣ его доказательства, и отвѣчалъ: „Я вижу, что у насъ никогда не будетъ торговаго договора". Макартней подалъ записку: „Въ нашей странѣ", писалъ онъ Панину, „интересы политическіе и торговые не могутъ быть раздѣлены,—на торговлѣ основано могущество Англіи, и неужели вы изъ-за одной формальности захотите показать передъ цѣлымъ свѣтомъ неуваженіе, питаемое вами къ этой основѣ нашего величія. Возможно ли кому-нибудь повѣрить, чтобъ заявленіе, какого мы требуемъ, могло повредить достоинству императрицы! Ея императорское величество обладаетъ не только героическими добродѣтелями, но также кротостію и умѣренностію, и не откажетъ особенной благосклонности, на которую король, мой государь, будетъ смотрѣть какъ на оказанную ему лично. Постоянная цѣль англійской политики состоитъ въ томъ, чтобъ угождать императрицѣ. Чтобъ угодить императрицѣ, король послалъ министра въ Стокгольмъ, несмотря на оскорбленіе, ему тамъ нанесенное; по требованію русскаго интереса, онъ забылъ оскорбленіе. Чтобъ угодить императрицѣ, онъ дружится съ ея друзьями: такъ недавно онъ сдѣлалъ предложеніе королю Датскому. Чтобъ угодить императрицѣ, онъ снова посылаетъ министра къ Берлинскому Двору: министру этому приказано содѣйствовать во всемъ русскимъ интересамъ. Если императрица останется неумолимою, то что я долженъ донести моему государю? Что она предпочитаетъ одинъ пунктикъ (un punctilio) не только горячему желанію короля пріобрѣсть ея дружбу, но и счастію рода человѣческаго, ибо установленіе Сѣверной системы упрочитъ не только спокойствіе и счастіе нашего вѣка, но и отдаленнаго потомства. Развѣ мало еще намъ униженія отъ императрицы вслѣдствіе ея повторительныхъ отказовъ? Неужели она не захочетъ насъ поднять и явиться столь же великою своимъ снисхожденіемъ, какъ и вниманіемъ къ поддержкѣ своего значенія и достоинства. Мы питаемъ къ ней полное довѣріе; мы удовольствовались бы и словеснымъ обѣщаніемъ съ ея стороны; но кто поручится, что всѣ Русскіе государи будутъ похожи на нее, и что ея жизнь будетъ такъ же безконечна, какъ и ея слава? Умоляю васъ обратить вниманіе на различіе между конституціею Англіи и конституціею вашей великой и страшной имперіи, на тонкія границы, которыя у насъ раздѣляютъ власть государя отъ привилегій народа. Если бы, къ нашему счастію, ваше превосходительство были министромъ въ Англіи, то вы бы вникли въ геній нашей конституціи и прощали бы намъ наши недостатки, снисходили бы къ нашимъ слабостямъ; вашъ высокій умъ проникъ бы въ тайны нашей политики, и вы увидали бы, что мы можемъ сдѣлать и чего не смѣемъ сдѣлать. Развѣ я не знаю, чѣмъ мы обязаны способностямъ человѣка, который умѣлъ успокоить и шведскіе предразсудки и датскую зависть, и сдѣлать Россію рѣшительницею судебъ Сѣвера? И вотъ, въ ту самую минуту, когда блестящее будущее открылось нашимъ глазамъ, когда одной ничтожной уступки съ вашей стороны достаточно для окончательнаго прославленія царствованія императрицы и мудрости вашихъ совѣтовъ,—изъ-за чистой формальности (ничтожной для Россіи и необходимой для насъ) вы покинете эту великую систему, которая держитъ въ нерѣшительномъ положеніи всю Европу, систему, прекраснѣйшую, какую политическій геній когда-либо придумывалъ, и которая содѣлаетъ вѣкъ Екатерины самымъ блестящимъ вѣкомъ въ лѣтописяхъ міра. Неужели вы захотите изъ-за сущей бездѣлицы упустить случай подчинить Великобрита-

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Датскія 1766 г.
[2]) Mahon—History of England, V. 161 (лейпцигск. изд.).
[3]) См. выше: «Исторія Россіи», кн. VI, т. XXVI, стр. 202.

нію вашимъ идеямъ, заставить ее присоединяться къ вашимъ союзникамъ, дѣйствовать подъ вашимъ руководствомъ"?

„Когда трудились надъ возобновленіемъ торговаго договора", отвѣчалъ Панинъ, „то главною нашею мыслію было установленіе самой точной взаимности. Британскій уставъ (Актъ Мореплаванія) полагаетъ границы участію иностранцевъ въ англійской торговлѣ. Надобно было внести статью, которая бы служила противовѣсіемъ этому акту: вотъ почему мы оставили за собою право сдѣлать впослѣдствіи такое внутреннее распоряженіе, которое бы служило для ободренія и распространенія русскаго мореплаванія, право, котораго нельзя у насъ отрицать безъ явной несправедливости, безъ посягновенія на независимость нашего правительства. Чѣмъ же станетъ послѣ сего независимое правительство, если у него отнимется власть дѣлать что̀ ему угодно внутри государства? Конституція уже дѣйствующая можетъ ли быть священнѣе свободы установить подобную конституцію, когда она будетъ признана выгодною. Государство стало бы предписывать законы другому, если бы сказало ему: у насъ есть уставы, изъ которыхъ давно уже мы извлекаемъ большія выгоды; у васъ еще нѣтъ подобныхъ, настоящій порядокъ вещей въ нашу пользу,—поддержимъ его во всей ненарушимости! Торговля можетъ быть основаніемъ англійской политики; но торговля не уничтожается потому только, что нѣтъ договора, опредѣляющаго ея условія. Наши взаимныя нужды, существуя постоянно одинакими, установятъ различіе, которое мы взаимно постановимъ между русскими и англійскими подданными и подданными другихъ державъ, и поддержать во всей силѣ политическія отношенія, насъ соединяющія. Затрудненіе, встрѣченное при ратификаціи торговаго договора, не можетъ произвести никакой перемѣны въ отношеніяхъ между императрицею и королемъ, никакого нарушенія системы, которую оба Двора имѣютъ въ виду для спокойствія Сѣвера. Союзный договоръ точно такъ же предполагаетъ совершенное единство интересовъ, какъ и договоръ торговый. Препятствіе, встрѣченное при заключеніи договора, не должно отнимать у насъ духъ;—наоборотъ: мы должны съ большимъ жаромъ стремиться къ заключенію союза, который возвѣститъ Европѣ, что никакое препятствіе не можетъ порознить политическую систему Россіи отъ политической системы Великобританіи. Мы первые докажемъ это тѣмъ, какъ будетъ поступаемо съ англійскими купцами въ Россіи безъ договора; этимъ обхожденіемъ мы покажемъ, что умѣемъ отличать друзей своихъ" [1]).

По поводу этой неудачной для себя борьбы, Макартней писалъ своему министерству: „Я долженъ замѣтить, что оба государства находятся въ заблужденіи относительно другъ друга. Въ Петербургѣ воображаютъ, что Лондонскій Дворъ можетъ заставить Британскую націю усвоить его идеи также легко, какъ Русская императрица можетъ заставить своихъ подданныхъ повиноваться ея указу. Хотя я употреблялъ необыкновенныя усилія, чтобъ объяснить имъ разницу между обоими правительствами,—они не умѣютъ или не хотятъ понять ея. Наша ошибка на ихъ счетъ состоитъ въ томъ, что мы смотримъ на нихъ, какъ на народъ образованный, и обращаемся съ ними такъ, тогда какъ они вовсе не заслуживаютъ этого названія, и смѣло скажу, что Тибетское государство или владѣнія попа Ивана имѣютъ на него такое же право. Ни одинъ изъ здѣшнихъ министровъ не понимаетъ по-латыни, и немногіе обладаютъ начальными литературными свѣдѣніями. Гордость —дитя невѣжества, и потому неудивительно, если дѣйствія здѣшняго Двора иногда отзываются высокомѣріемъ и тщеславіемъ. Приводить Гроція и Пуффендорфа петербургскимъ министрамъ все равно, что толковать Константинопольскому дивану о Кларкѣ и Тиллотсонѣ. Мнѣ говорили, что обычныя формы сношенія, употребляющіяся при другихъ Дворахъ, при здѣшнемъ введены только въ нынѣшнее царствованіе. И Панинъ, и вице-канцлеръ—оба увѣряли меня, что во времена императрицы Елисаветы Бестужевъ подписывалъ всѣ трактаты, конвенціи и декларации безъ полномочія отъ государыни. Понятно, что международное право не можетъ сдѣлать большихъ успѣховъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ ничего, похожаго на университетъ. Такъ какъ они варвары и невѣжды во всемъ томъ, что способствуетъ умственному развитію и ведетъ къ открытіямъ, то я мало опасаюсь ихъ успѣховъ въ торговлѣ и мореплаванія. Какъ дѣти, они прельщаются каждою новою идеею, преслѣдуютъ ее нѣкоторое время и потомъ покидаютъ, когда въ ихъ воображеніи является другая. Постановленія Петра Перваго 1718 года основаны на нашемъ Актѣ Мореплаванія; но, думаю, ни одна морская держава не почувствовала никакого вреда отъ нихъ. Ихъ жаръ къ морскому дѣлу такъ скоро простылъ, что при Петрѣ II-мъ князь Долгорукій издалъ указъ, которымъ останавливалось даже кораблестроеніе При императрицѣ Аннѣ они опять перемѣнили мнѣніе и возобновили прежнюю систему, несмотря на то всѣ ихъ послѣднія коммерческія предпріятія сопровождались убытками, неудачами и стыдомъ. Ихъ упорство въ настоящемъ случаѣ происходитъ чисто отъ высокомѣрія, и гораздо труднѣе переломить Русскаго въ дѣлѣ гордости, чѣмъ въ дѣлѣ интереса. По моему крайнему разумѣнію, совершенно невозможно уговорить ихъ на уступку нашему требованію, и потому я думаю, что надобно ратификовать договоръ, ибо иначе мы можемъ многое потерять"

Когда иностранный посланникъ начиналъ сильно бранить Россію и Русскихъ,—именно упрекать ихъ въ варвавствѣ и невѣжествѣ, то это обыкновенно было признакомъ, что Русскій Дворъ сумѣлъ охра-

[1]) Дѣла Англійскія, 1766 года.

нить свое достоинство и свои интересы. Будучи сердитъ на Панина, Макартней съ удовольствіемъ извѣщалъ свое министерство объ ослабленіи его вліянія; передавалъ, что Панинъ страстно влюбился въ графиню Строганову, дочь бывшаго канцлера Воронцова, которая ищетъ развода съ своимъ мужемъ. Вслѣдствіе своей несчастной страсти, Панинъ сталъ небреженъ и разсѣянъ, дѣла остановились, а самъ онъ теряетъ уваженіе общества, которое не можетъ простить такого увлеченія человѣку его лѣтъ и положенія; враги указываютъ на дурной примѣръ, подаваемый министромъ и, главное, воспитателемъ наслѣдника престола; подъ врагами Панина прежде всего разумѣлись Орловы; главными же друзьями Панина, по отъѣздѣ Сальдерна, оставались Чернышевы. Но, къ несчастію для Макартнея, эти отношенія нисколько не измѣняли дѣла о торговомъ договорѣ, и онъ долженъ былъ подписать его въ той формѣ, въ какой требовалъ Панинъ.

Торговый договоръ былъ заключенъ; оставалось заключить союзный, и въ Англіи охотно заключили бы его: здѣсь нравилась Сѣверная система, противоположная Южной; но попрежнему существовалъ камень преткновенія: Англія никакъ не соглашалась включить Турцію въ случай союза, т.-е. обязаться помогать Россіи и противъ нея. Макартней, въ началѣ 1767 года, писалъ своему министерству, что остается одна надежда на уступку со стороны Русскаго Двора: если, вслѣдствіе неудовольствія въ Швеціи, или волненія въ Польшѣ, Франція приметъ явно сторону первой, а Австрія сторону второй, то обстоятельства могутъ сдѣлать для Россіи Англійскій союзъ необходимымъ [1]). Повидимому, ожиданія Макартнея сбывались: въ Польшѣ обнаружились волненія. Въ началѣ 1767 года Репнинъ спрашивалъ Панина: надобно ли возстановлять диссидентовъ во всѣхъ старыхъ правахъ ихъ, за исключеніемъ только должности великихъ гетмановъ; надобно ли ограничить число диссидентскихъ депутатовъ на сеймахъ или дать имъ полное равенство съ католическою шляхтою Панинъ отвѣчалъ, что „надобно представлять дѣло Полякамъ различно, смотря по тому, кто будетъ у него объ немъ спрашивать. Людямъ равнодушнымъ, не принадлежащимъ ни къ какой партіи, надобно отвѣчать, что диссидентское дѣло двойное по природѣ своей, церковное и гражданское, почему и русскія требованія раздѣляются надвое. По отношенію къ церковной сторонѣ дѣла—истина несомнѣнная и признанная даже на послѣднемъ сеймѣ самимъ польскимъ духовенствомъ, что диссиденты утѣснены противъ законовъ и правды, и потому мы требуемъ уничтоженія вкоренившихся злоупотребленій и установленія для нихъ на будущее время полной свободы общественнаго богослуженія. Что же касается правъ гражданскихъ, то мы съ самаго начала представляли ихъ предметомъ переговоровъ; слѣдовательно намѣреніе наше было—покончить дѣло полюбовно, на разумныхъ условіяхъ. Мы не измѣняемъ нашихъ намѣреній и теперь (хотя дѣло доведено до крайности упорствомъ Польскаго Двора), если противная партія, признавъ свои ошибки и желая избѣжать опасностей, грозящихъ рееспубликѣ, станетъ вести это дѣло съ нами откровенно и полюбовно. Если искренно захотятъ сохранить спокойствіе отечества, то диссиденты не станутъ дѣлать излишнихъ требованій и удовольствуются средствомъ, которое бы могло обезпечить имъ извѣстное равенство съ своими согражданами.—Но съ тѣми, которые, будучи недовольны Дворомъ, стали бы искать покровительства ея императорскаго величества, составили бы особую партію и захотѣли бы даже образовать конфедерацію въ полной формѣ, — съ такими надобно держать другую рѣчь: надобно внушать имъ, что ея императорское величество вовсе не имѣетъ вредныхъ намѣреній противъ католической религіи, напротивъ,—дозволяетъ ей преимущества предъ другими исповѣданіями. Мы охотно соглашаемся на то, чтобъ католики пользовались исключительно важнѣйшими должностями въ государствѣ, напримѣръ должностями великихъ гетмановъ и министровъ; также чтобъ они составляли большинство въ законодательствѣ и судебномъ управленіи, опредѣливши число диссидентскихъ депутатовъ на сеймѣ и въ судахъ. При такихъ преимуществахъ католики могутъ оставаться спокойными и безопасными со стороны диссидентовъ; кромѣ того, раздача должностей и милостей будетъ зависѣть единственно отъ короля-католика, а можно ли предположить, безъ оскорбленія здраваго смысла, чтобъ тутъ диссиденты не только взяли верхъ, но и могли соперничать съ католиками"! „Излишнимъ считаю рекомендовать вашему величеству", писалъ Панинъ, „чтобъ вы этими и подобными изъясненіями пріучали Поляковъ смотрѣть съ большимъ равнодушіемъ на то, что будетъ нами предприниматься въ пользу диссидентовъ; ибо въ самомъ дѣлѣ, если только мечта фанатизма и предубѣжденія будетъ у нихъ вынута изъ глазъ, то не могутъ они сами не признать, что возстановленіе диссидентовъ въ правахъ возвратитъ законную цѣлость поврежденной ихъ конституціи, утвердитъ тишину ихъ отечества, истребивъ корень взаимной вражды и ненависти, и доставитъ католической религіи не путемъ насилія, но добровольнымъ согласіемъ другихъ исповѣданій, въ роды-родовъ характеръ господствующей религіи, каковой характеръ въ противномъ случаѣ такимъ же насиліемъ и такъ-же легко можетъ быть у нея отнятъ, какъ она его себѣ присвоила и теперь присвоиваетъ". Къ этому отвѣту Панинъ присоединилъ собственноручный постскриптъ: „Все предписанное прозорливостью умѣряемо быть должно; сокращеніе нѣкоторое въ равенствѣ исполненія вѣры и гражданскихъ правъ диссидентамъ полагается для предупрежденія большихъ замѣша-

[1]) Сборникъ Русск. Историч. Общ. XII, 241—292.

тельствъ и для скорѣйшаго окончанія одними нами сего дѣла съ утвержденіемъ себѣ новаго права инфлюенціи въ правительствѣ Польскомъ; а возстановленіе того равенства, сколько возможно, остается навсегда основаніемъ нашего интереса, и потому сіи два предмета всегда должны быть согласуемы между собою".

Для окончательнаго опредѣленія отношеній къ Чарторыйскимъ, Панинъ писалъ имъ, чтобъ они рѣшительно отвѣчали, согласны ли они содѣйствовать видамъ Россіи относительно диссидентовъ. Чарторыйскіе отвѣчали уклончиво, увѣряя въ своемъ неизмѣнномъ желаніи видѣть отечество въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею, въ своей преданности особѣ императрицы. Репнинъ сказалъ имъ, что ихъ письмо отличается неопредѣленностію; что нечего толковать о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, надобно доказать ихъ на дѣлѣ, поступая такъ, какъ мы хотимъ. „Вы представляете опасности отъ диссидентской конфедераціи для самихъ диссидентовъ, а не говорите, какъ же сдѣлать иначе. Опасность будетъ грозить не диссидентамъ, а тѣмъ, которые позволятъ себѣ причинить какое-нибудь насиліе диссидентамъ, потому что Россія отомститъ страшно обидчикамъ. Вы не говорите ни слова, будете ли дѣйствовать согласно съ нами на будущемъ сеймѣ, чтобъ привести къ желанному концу диссидентское дѣло во всей его полнотѣ. Вы внушаете въ своемъ письмѣ, что надобно доставить Польшѣ какія-нибудь выгоды для облегченія диссидентскаго дѣла: пожалуйста говорите ясно, потому что мы не хотимъ терять времени въ переговорахъ". Чарторыйскіе отвѣчали, что они не могутъ сами взяться вести диссидентское дѣло, ни предложить какое-либо средство для его успѣшнаго окончанія. Во время разговора, у одного изъ Чарторыйскихъ вырвались слова, что скорѣе выгонятъ диссидентовъ изъ Польши, чѣмъ согласятся допустить ихъ къ занятію должностей. Репнинъ сказалъ на это: „Тѣ же самыя государства, которыя просятъ теперь о возстановленіи диссидентскихъ правъ, придутъ и вооруженною рукою потребуютъ возвращенія всѣхъ диссидентскихъ имѣній, и скорѣе перевернутъ всю Польшу, чѣмъ откажутся отъ своихъ требованій". Репнинъ показалъ отвѣтъ Чарторыйскихъ диссидентскимъ вождямъ и спросилъ, когда они будутъ готовы съ своей конфедераціей. Тѣ назначили 9 марта с. с. текущаго года; и Репнинъ далъ знать въ Петербургъ объ этомъ срокѣ, чтобъ къ тому времени русскія войска были готовы вступить въ Польшу. Съ другой стороны, вполнѣ преданный Репнину референдарій коронный, Подоскій, отправился въ объѣздъ по главнымъ противникамъ фамиліи, къ Потоцкому, Оссолинскому, Мнишку, къ епископамъ Солтыку и Красинскому, испытать ихъ расположеніе, обѣщать покровительство Россіи, посредствомъ котораго они могутъ взять верхъ надъ Чарторыйскими, если только согласятся содѣйствовать диссидентскому дѣлу. „Подоскій лицо духовное", писалъ Репнинъ, „но онъ вовсе не фанатикъ и думаетъ гораздо больше о благахъ міра сего, чѣмъ о вѣнцѣ мученическомъ; это человѣкъ ловкій и очень разумный. Онъ будетъ уговаривать вельможъ написать коллективное письмо къ императрицѣ съ просьбою своимъ высокимъ покровительствомъ возстановить законы, нарушенные въ настоящее царствованіе, и обезпечить ихъ силу навсегда. Онъ будетъ уговаривать ихъ составить конфедерацію, какъ скоро наши войска войдутъ въ Польшу, ибо эти войска будутъ ихъ защищать". Тотъ же Подоскій написалъ къ находившемуся въ изгнаніи князю Радзивилу съ приглашеніемъ пристать къ русской сторонѣ.

Велась переписка съ Чарторыйскими; вслѣдствіе неудовлетворительности ихъ отвѣта обратились къ ихъ врагамъ; о королѣ какъ будто забыли: къ нему не обращались ни съ какими вопросами и внушеніями. Въ концѣ января Станиславъ-Августъ рѣшился самъ затронуть Репнина о политикѣ, и сдѣлалъ къ серьезному разговору шуточный и не очень благопристойный приступъ. „Французская актриса Клеронъ", началъ король, „предлагаетъ мнѣ свои услуги, и я хочу ими воспользоваться; но безпокойства нынѣшняго года не помѣшаютъ ли удовольствіямъ?" Репнинъ отвѣчалъ, что удивляется, какъ его величество серьезныя дѣла мѣшаетъ съ такими мелочами. Но король продолжалъ разговоръ объ актрисѣ и кончилъ вопросомъ: „Не пойдете ли вы на насъ войною?" Репнинъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ нихъ, потому что война бываетъ тамъ, гдѣ есть сопротивленіе; кто же не сопротивляется ни прямо, ни происками у другихъ, но, видя и право и силу въ соединеніи, старается имъ удовлетворить добрымъ маннеромъ, смотря съ терпѣніемъ на подвиги ихъ, тотъ не можетъ опасаться войны.—„Мое мнѣніе то же самое", сказалъ на это король: „увѣряю васъ, что не хочу ни прямо, ни стороной противиться Россіи въ случаѣ вступленія вашихъ войскъ сюда; но, кромѣ этого, чтó вы мнѣ присовѣтуете еще дѣлать." — „Удовлетворить нашимъ требованіямъ", отвѣчалъ Репнинъ: „если это удовлетвореніе будетъ соединено съ осторожнымъ и благоразумнымъ поведеніемъ, то в. в—ство непремѣнно достигнете прежней дружбы съ Россіею".

Вожди диссидентовъ, взявши у Репнина 20,000 червонныхъ, сдержали слово, ему данное. Къ назначенному сроку, въ мартѣ мѣсяцѣ, образовалась конфедерація изъ протестантовъ въ Торнѣ, маршаломъ которой былъ графъ фонъ-Гольцъ; въ то же время образовалась другая конфедерація въ Слуцкѣ, подъ маршальствомъ генерала Грабовскаго: къ ней принадлежали Православные Новогрудка и другихъ сосѣднихъ областей. Переговоры съ Радзивиломъ, ведшіеся посредствомъ саксонскаго агента Алоэ, кончились успѣшно. Радзивилу обѣщано было позволеніе возвратиться въ отечество, съ возстановленіемъ во всѣхъ правахъ и въ прежнемъ значеніи, но подъ условіями: дѣйствовать въ интересахъ Русской императрицы, особенно

поддерживать ея намѣранія относительно диссидентовъ, не притѣснять ихъ въ своихъ имѣніяхъ, возвратить имъ ихъ церкви, выдавать русскихъ перебѣжчиковъ, вести себя благоразумно. Послѣднее условіе считалось необходимымъ потому, что знаменитый вельможа, особенно подъ веселый часъ (а эти часы были нерѣдки), позволялъ себѣ дикія выходки. Радзивилъ былъ въ восторгѣ отъ русскихъ предложеній и, 28 февраля, изъ Дрездена отвѣчалъ Репнину, что, проникнутый чувствомъ самой живой признательности къ императрицѣ за предлагаемое покровительство, покорный ея великодушной волѣ для блага республики и всѣхъ добрыхъ патріотовъ, провозглашаетъ и обѣщаетъ, что будетъ всегда держаться русской партіи; что приказанія, которыя угодно будетъ Русскому Двору дать ему, будутъ приняты всегда съ уваженіемъ и покорностію, и что онъ будетъ исполнять ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія, прямого или косвеннаго. Чтобъ не оставить никакого сомнѣнія насчетъ своихъ поступковъ, чтобъ не дать врагамъ ни малѣйшей возможности чернить его, и въ знакъ покровительства императрицы, Радзивилъ просилъ, чтобъ при немъ постоянно находился русскій чиновникъ, который бы давалъ ему непосредственно знать о намѣреніяхъ императрицы. Взаключеніе Радзивилъ обѣщалъ содѣйствовать успѣху диссидентскаго дѣла всѣми силами и въ тѣхъ размѣрахъ, какіе Русскій Дворъ заблагоразсудитъ дать этому дѣлу.

Возвратился изъ своего объѣзда и Подоскій: онъ донесъ, что Потоцкій, Оссолинскій, Вельгурскій, Солтыкъ и нѣкоторые другіе согласны коллективнымъ письмомъ просить покровительства императрицы, и потомъ образовать подъ этимъ покровительствомъ конфедерацію и провести диссидентское дѣло по желанію Россіи, но хотятъ прежде всего видѣться съ русскимъ посломъ. Репнинъ далъ имъ знать, чтобъ пріѣзжали въ Варшаву не позднѣе 10 апрѣля н. с. „Кажется сіе начало столь хорошо, сколь желать было можно", писалъ Репнинъ Панину: „однако я, бывъ уже здѣсь столько разъ каждымъ особо обманутъ, за успѣхъ отвѣчать совсѣмъ не смѣю и стараться не упущу оный вѣрнымъ сдѣлать". Разрывъ Русскаго Двора съ Чарторыйскими, неподатливость короля въ диссидентскомъ дѣлѣ, движеніе русскихъ войскъ въ Польскія владѣнія возбудили въ принцѣ Карлѣ Саксонскомъ надежду на важныя перемѣны въ Польшѣ, которыми онъ могъ воспользоваться. Агентъ Карла, Алоэ, получилъ отъ него приказаніе сблизиться съ Репнинымъ и во всемъ сообразоваться съ его желаніями. Это было выгодно для русскаго посла, потому что Алоэ былъ въ сношеніяхъ со всею старою саксонскою партіей, съ которою теперь Репнинъ хотѣлъ дѣйствовать заодно. Мы видѣли, что чрезъ Алоэ велись переговоры съ Радзивиломъ; при помощи Алоэ и Подоскаго, Репнинъ составилъ проектъ литовской католической конфедераціи, кромѣ коронной.

Когда образовалась диссидентская конфедерація и было обнародовано, что она находится подъ покровительствомъ Россіи, Репнинъ объявилъ Чарторыйскимъ, что они теперь свободнѣе могутъ помочь ему, ибо фанатическое ослѣпленіе должно уменьшиться вслѣдствіе обнародованнаго имъ письма, въ которомъ изложены намѣренія Россіи, неимѣющія ничего вреднаго для Польши, для католицизма. Чарторыйскіе отвѣчали, что будутъ содѣйствовать ему по возможности, будутъ стараться и сами объ уменьшеніи фанатизма, и рады будутъ успѣху въ этомъ дѣлѣ. Когда Репнинъ сказалъ имъ, что должны пріѣхать къ королю депутаты диссидентской конфедераціи, то Чарторыйскіе начали просить, чтобъ этого не было: этотъ поступокъ, по ихъ словамъ, не заключалъ въ себѣ никакой важности, ибо король не можетъ дать никакого рѣшенія дѣлу, одинъ только сеймъ можетъ это сдѣлать; королю это можетъ быть только крайне вредно, давши поводъ къ развращеннымъ толкованіямъ противниковъ дѣла. Конфедерація, пока она не генеральная и не одобрена во всѣхъ воеводствахъ, не можетъ почитаться законною, и король не имѣетъ права принимать отъ нея депутатовъ. „Вижу", писалъ Репнинъ, „что Чарторыйскіе стараются ужиматься и сколь можно менѣе всѣмъ открываться, боясь явно какъ намъ противиться, такъ и согласіе на сіе оказать". Но онъ не могъ имъ ничего сказать вдругъ на ихъ представленія противъ присылки диссидентскихъ депутатовъ; онъ снесся съ конфедератами, и тѣ отвѣчали, что для нихъ необходимо принятіе королемъ ихъ депутатовъ: отказъ въ этомъ принятіи будетъ знакомъ презрѣнія къ ихъ конфедераціи,—такой отказъ можно сдѣлать только злодѣямъ республики.

Въ двадцатыхъ числахъ марта собрался въ Варшавѣ сенатскій совѣтъ, гдѣ читаны были декларація русскаго и прусскаго пословъ относительно диссидентовъ и актъ диссидентской конфедераціи. Совѣтъ кончился тѣмъ, что рѣшили вызвать всѣхъ сенаторовъ для полнаго совѣта къ 25 мая. По этому поводу Репнинъ писалъ: „Его величество, говоря со мною о семъ, внушилъ мнѣ вскользь, что нарочно онъ срокъ сего сенатскаго совѣта до вышепомянутаго дня отложилъ, дабы дать время нашимъ войскамъ болѣе въ Землю вступить и по нужнымъ мѣстамъ расположиться, а далѣе-жъ не вижу я, чтобъ онъ подавался съ нами согласно дѣйствовать; а увѣряетъ только попрежнему, что ничего противъ нашихъ мѣръ не предпріиметъ. Чарторыйскіе-жъ хотя въ томъ же увѣряютъ, а притомъ — что и содѣйствовать намъ будутъ по возможности, но оную они всегда коротко ограничиваютъ; а между тѣмъ попрежнему принятію диссидентскихъ депутатовъ упорствуютъ, отвращая отъ того и короля, который самъ и на то бы склонился, если бы не удерживали, что онъ мнѣ нѣсколько и выразумѣть далъ. Я еще съ твердостію о семъ съ Чарторыйскимъ изъяснюся". Станиславъ Понятов-

скій высказалъ свой взглядъ на ходъ диссидентскаго дѣла въ письмѣ къ Жоффрэнъ: „Въ диссидентскомъ дѣлѣ императрица запросила слишкомъ много, а сеймъ въ слишкомъ многомъ отказалъ". Это писалъ онъ въ самомъ концѣ 1766 года; а въ мартѣ 1767 писалъ: „Не спѣшите осуждать меня; терпѣніе—и я оправдаюсь. Терпѣніе и мужество (?): —вотъ мой девизъ. Буря приближается и будетъ страшная. Съ минуты на минуту я жду извѣстія, что русскія войска входятъ въ мои владѣнія. Я вамъ не скажу, что я сдѣлаю: это невозможно, вы слишкомъ далеко; я вамъ скажу только, что стараюсь сохранить голову очень холодную, и повторяю себѣ пятьдесятъ разъ въ день, что бѣгать за славой—глупость". Относительно Чарторыйскихъ писалъ: „Аттикъ и Цицеронъ (Чарторыйскіе), видя себя въ затруднительномъ положеніи между Компасомъ (Екатериною) и Площадью (общественнымъ мнѣніемъ), захотѣли на свое трудное мѣсто поставить Телемака (короля) своими совѣтами, которые погубили бы его передъ тѣмъ и передъ другою. Тутъ Телемакъ сказалъ самому себѣ: „Служить общественному мнѣнію есть извѣстный родъ обязанности; но служить истинному благу государства — есть обязанность болѣе священная. Счастье, когда можно ихъ согласить; когда же нельзя,—надобно держаться послѣдняго. Телемакъ, который, отказываясь до сихъ поръ постоянно отъ собственнаго мнѣнія, видѣлъ много разъ, что было бы лучше ему слѣдовать, поневолѣ рѣшается, для избѣжанія постановленныхъ ему ковъ, слѣдовать съ этихъ поръ собственному мнѣнію, и уже начинаетъ видѣть выгоду этого".

4 апрѣля Репнинъ увѣдомлялъ, что дѣло католической конфедераціи въ Литвѣ идетъ хорошо, благодаря дѣятельности графа Бростовскаго, старосты Быстрицкаго, зятя князя Радзивила; но посолъ жаловался на коронныхъ пановъ, которые своею медленностью и трусостью не даютъ дѣлу движенія въ Польшѣ. „Ваше высокопревосходительство", писалъ онъ Панину, „я думаю часто считаете, что я слишкомъ горячъ; но я желаю истинно, чтобъ ангелъ на моемъ мѣстѣ былъ, увѣренъ бывъ, что и тотъ бы терпѣніе потерялъ съ таковыми шильниками. Вамъ извѣстно, что многіе изъ здѣшнихъ противныхъ (Двору и Чарторыйскимъ) магнатовъ желали сюда съѣхаться, чтобъ со мной видѣться и рѣшительныя мѣры принять по настоящимъ дѣламъ; но кромѣ воеводы Волынскаго, который сына своего прислалъ, и кромѣ подскарбія короннаго Веселя, который самъ пріѣхалъ, никто изъ сихъ господъ не бывалъ, сказавшись всѣ больными. Ясно я вижу, что они отваливаются, желая чужими руками жаръ загребать и пристать только, когда дѣло будетъ уже сдѣлано, представляя себѣ въ своихъ химерахъ, что нашъ Дворъ съ здѣшнимъ скрытно согласны, а только наружность противную имѣютъ, и провождая свое время въ подобныхъ сновидѣніяхъ, сколь я ни стараюсь ихъ истреблять; тоже во лжи и въ трусостяхъ ежечасныхъ: противные, боясь дворской и чарторыйской партій, а сіи послѣднія, боясь противной, и въ страхѣ своемъ, который питаютъ и умножаютъ пустыми выдумками, только кричатъ и жалуются на правленіе и Дворъ, а пошевелиться отъ раболѣпства не смѣютъ. Таково есть сложеніе Польской націи, изъ чего можете заключить, сколь пріятно съ ними дѣло имѣть и сколь возможно на нихъ полагаться".

Но, изливая свою досаду въ письмахъ къ Панину, Репнинъ не складывалъ рукъ: онъ привлекъ къ себѣ крайчаго короннаго, графа Потоцкаго, человѣка молодого, но надежнаго по основательности своей и богатаго, и отправилъ его побуждать магнатовъ пріѣхать въ Варшаву для свиданія. Тотъ же Потоцкій долженъ былъ приготовить актеровъ конфедераціи, по выраженію Репнина, въ Галиціи. Маршаломъ генеральной коронной конфедераціи посолъ намѣревался сдѣлать самого князя Радзивила „для пугалища" Чарторыйскимъ, для избѣжанія убытковъ, потому что онъ самъ себя содержать станетъ, и для яснаго доказательства противной Двору партіи, что Русскій Дворъ съ Польскимъ никакого согласія не имѣетъ. А чтобъ Радзивилъ не надѣлалъ шалостей, то Репнинъ хотѣлъ приставить къ нему полковника Кара съ командой, подъ видомъ прикрытія конфедераціи, собственно же для того, чтобъ держать маршала ея въ рукахъ. При этомъ надобно было покончить съ дѣломъ принятія диссидентскихъ депутатовъ королемъ. Репнинъ призвалъ къ себѣ пана Огродскаго, управлявшаго королевскимъ Кабинетомъ, и потребовалъ немедленнаго и прямого отвѣта на вопросъ: приметъ ли король диссидентскихъ депутатовъ или нѣтъ. Посолъ кончилъ свой разговоръ съ Огродскимъ словами: „Если король и министерство не захотятъ депутатовъ съ пристойностью принять, то его величество рискнетъ лишиться дружбы нашей всемилостивѣйшей государыни". Слова эти произвели волшебное дѣйствіе: Огродскій возвратился съ отвѣтомъ, что „король, уважая дружбу ея императорскаго величества и всегда желая доказывать свою къ ней преданность, хотя совѣтъ его и противился, намѣренъ однако принять депутатовъ диссидентскихъ". Этотъ пріемъ происходилъ 28 апрѣля н. с. Послѣ предъявленія своихъ желаній, депутаты были допущены къ королевской рукѣ, что было знакомъ утвержденія законности диссидентской конфедераціи.

Наконецъ, въ концѣ апрѣля, Репнинъ дождался пріѣзда въ Варшаву воеводы Кіевскаго, Потоцкаго, епископа Каменецкаго, Красинскаго и маршала надворнаго, Мнишка. Двое первыхъ ревностно принялись за сочиненіе католическихъ конфедерацій, Мнишекъ самъ поѣхалъ въ воеводство Познаньское и Калишское для того же сочиненія. Репнинъ все это время находился въ „мукѣ родинъ", по его выраженію, потому что съ магнатами было много хлопотъ, много было увѣщаній, ласокъ, споровъ и брани,—всякій хотѣлъ имѣть главное руководство

дѣломъ, завидуя другъ другу. Наконецъ Репнинъ принужденъ былъ прямо сказать имъ, чтобъ „никто изъ нихъ не льстился владѣть имъ и дѣломъ, что онъ самъ одинъ хочетъ имъ руководствовать, а кому это не нравится, съ тѣмъ никакого дѣла имѣть не хочетъ". — „Сей короткій отвѣтъ", доносилъ Репнинъ, „кажется ихъ всѣхъ въ границы привелъ и ревность ихъ междоусобную утушилъ. Теперь надѣюсь, что все пойдетъ порядочно. Между прочимъ замашки были у сихъ новыхъ пріѣзжихъ, чтобъ короля совсѣмъ съ престола свергнуть; но я имъ строгое поученіе противъ сего далъ и всѣ сіи замыслы тотчасъ искоренилъ; и онъ (король), въ великой горести и уныніи духа, легкомысліе свое увидѣлъ, но видитъ, что сіе раскаяніе пришло къ нему нѣсколько поздно. Я признаюсь, что не безъ жалости на его горесть смотрю; заведенъ онъ былъ или мошенниками, или вертопрашно горячими головами, и вина его главная отъ нихъ произошла. Приласкайте его нѣсколько".

Когда разнесся слухъ, что будетъ образована католическая конфедерація, король началъ всячески уговаривать Репнина отстать отъ этого намѣренія. Тотъ отвѣчалъ ему, что Русскій Дворъ безъ этого уже не можетъ обойтись, чтобъ не зависѣть болѣе отъ одной воли князей Чарторыйскихъ на будущемъ сеймѣ; не желаетъ полагаться единственно на обѣщанія, а хочетъ быть увѣреннымъ въ успѣхѣ. Король возразилъ, что успѣхъ и безъ того вѣренъ при видѣ силы, которая употребляется съ русской стороны. „Такъ не угодно ли вамъ", отвѣчалъ Репнинъ, „заранѣе письменно поручиться не только за диссидентское дѣло, но и за то, чтобъ форма правленія республики осталась во всей своей силѣ на прежнемъ основаніи, и что для утвержденія этого будутъ просить ручательства императрицы въ непоколебимости правъ, законовъ и вольностей республики". Это заставило короля замолчать противъ конфедераціи, и онъ сталъ просить только, чтобъ Репнинъ сообщилъ ему, въ чемъ будетъ состоять актъ конфедераціи. Репнинъ отвѣчалъ, что первымъ дѣломъ конфедераціи будетъ возстановленіе диссидентовъ въ ихъ правахъ, вторымъ—испрошеніе покровительства и помощи императрицы для охраненія древней формы правленія и ручательства за вѣчную ея твердость; князь Радзивилъ будетъ возвращенъ въ отечество и получитъ во владѣніе всѣ свои имѣнія; что же касается его, короля, то противъ его достоинства ничего не будетъ сдѣлано, конфедерація отзовется о его особѣ съ надлежащимъ почтеніемъ. „А для чего князь Радзивилъ будетъ маршаломъ конфедераціи?" спросилъ король. — „Для того", отвѣчалъ Репнинъ, „что я болѣе увѣренъ въ его зависимости отъ насъ, чѣмъ въ зависимости всякаго другого; я желаю имѣть людей послушныхъ, а не ждать изъ чужихъ рукъ исполненія моихъ собственныхъ дѣлъ, тогда какъ я уже столько разъ былъ обманутъ ложными обѣщаніями". Король началъ-было говорить противъ пункта ручательства императрицы за конституцію, но Репнинъ сказалъ, что это главный пунктъ. Станиславъ-Августъ кончилъ разговоръ обѣщаніемъ, что будетъ смотрѣть на все это хотя съ горестію, но тихо и терпѣливо, на что Репнинъ сказалъ, что такимъ поведеніемъ онъ опять пріобрѣтетъ короткость и дружбу императрицы. Послѣ этого объясненія съ королемъ является къ Репнину Чарторыйскій, воевода Русскій: „Конфедераціи начинаются; обстоятельства такія деликатныя, — не знаю, какъ вести себя съ фамиліей и пріятелями; боюсь, чтобы по незнанію не сдѣлать чего-нибудь непріятнаго императорскому Двору, которому мы такъ преданы". — „Знаю силу твоихъ словъ", подумалъ Репнинъ, и отвѣчалъ: „Конфедераціи эти дѣлаются противъ вредныхъ новостей, введенныхъ въ правленіе; дѣлаются противъ нарушенія древнихъ законовъ и формы правительственной, согласны слѣдовательно съ полезными видами ея императорскаго величества насчетъ республики здѣшней; а сверхъ того, такъ какъ эти конфедераціи прибѣгаютъ къ покровительству императрицы и ручательства ея просятъ для непоколебимаго сохраненія правъ республики и вольностей, то это высочайшее покровительство имъ и слѣдуетъ, съ утвержденіемъ по ихъ желанію, на всѣ вѣка, формы здѣшняго правленія и преимуществъ каждаго. Но такъ какъ великодушіе и человѣколюбіе суть основанія справедливаго поведенія ея императорскаго величества, вслѣдствіе того и не должны эти конфедераціи никого силою принуждать къ соединенію съ ними, а только тѣхъ злодѣями почитать будутъ, которые противъ нихъ дѣйствовать дерзнутъ. Поэтому вы, господа, совершенно вольны пристать къ конфедераціямъ или нѣтъ, оставаясь покойными и нейтральными зрителями". Чарторыйскій разсыпался въ благодарности, превозносилъ умѣренность Русскаго правительства, нежеланіе употреблять силу и, въ заключеніе, предлагалъ свои услуги, сколько можетъ ихъ оказать. Но услуги Чарторыйскаго могли только теперь затруднить Репнина: опять сближаться съ Чарторыйскими—значило удалить всѣхъ новыхъ приверженцевъ, которые потому только и перешли на русскую сторону, что Репнинъ разладилъ съ ф а м и л і е ю.

Репнинъ, принужденный прибѣгнуть къ такому сильному средству, какъ конфедерація, хлопоталъ однако, какъ бы предотвратить безпорядки, потрясенія, бывшія обыкновеннымъ слѣдствіемъ конфедераціи. По старому обычаю, какъ скоро конфедерація образовывалась и получала признаніе, то вдругъ всѣ прежнія власти переставали дѣйствовать: все подчинялось верховной волѣ сконфедерованной шляхты; король, сенатъ, всѣ сановники и суды должны были отдавать ей отчетъ. Репнинъ этого не хотѣлъ: „Понеже напрасно-бъ и короля тѣмъ оскорбилъ, ибо по нашимъ видамъ оное не нужно, а только-бъ дало болѣе власти конфедераціи, отмщевая прежнія дѣла по внутреннимъ су-

дамъ, несправедливости дѣлать. Сверхъ того, запретивъ всѣ юрисдикціи, запретили-бъ чрезъ то и коммисіи скарбовую и военную, а ихъ поправка хотя точно нужна, но и совершенное испровержение мнѣ кажется не авантажно: и такъ держусь сколь возможно и противлюсь сему закрытію юрисдикцій, а между тѣмъ пользуюсь симъ же, угодность и пріятство тѣмъ дѣлаю королю, котораго для переду въ преданности я хочу соблюсть къ къ нашему Двору, находя за полезное, чтобы не всегда здѣсь съ употребленіемъ силы все дѣлать. Сверхъ же того, долженъ я и въ томъ по справедливости признаться, что его величество, не входя явнымъ образомъ въ содѣйствованіе съ нами, противностей однакожъ никакихъ не дѣлаетъ, и хотя съ оскорбленіемъ иногда и съ натуральною просьбой, чтобъ друзей его сберегали, но все почти по внутреннимъ здѣсь моимъ мѣрамъ къ исполненію допускаетъ и удерживаетъ преданныхъ себѣ отъ безразсудной горячности".

Скоро представился случай королю доказать свое послушаніе. Въ іюнѣ умеръ примасъ королевства. Для Репнина было очень важно, чтобъ это мѣсто было занято преданнымъ Россіи человѣкомъ, и онъ остановился въ своемъ выборѣ на извѣстномъ референдарѣ коронномъ, графѣ Подоскомъ, „который болѣе всѣхъ ему служилъ". Королю не нравился Подоскій, бывшій всегда его противникомъ; притомъ Станиславъ-Августъ прочилъ это мѣсто брату своему, аббату Понятовскому; несмотря на то, услыша отъ Репнина, что согласіемъ на возведеніе Подоскаго въ примасы онъ, король, покажетъ опытъ своей дружбы и преданности къ императрицѣ, Станиславъ-Августъ не сталъ противорѣчить. „Сіе возвышеніе Подоскаго въ примасы", писалъ Репнинъ, „великое пріумноженіе нашей инфлюенціи здѣсь сдѣлаетъ. Онъ открытымъ образомъ мнѣ преданъ былъ и, какъ секретарь мой, во всѣхъ настоящихъ обстоятельствахъ работалъ: чрезъ его же возвышеніе увидитъ нація вся, сколь мы великолѣпно награждаемъ тѣхъ, кои намъ прямо усердно служатъ. Увидитъ она, что можно совершенно полную довѣренность имѣть къ покровительству нашего высочайшаго Двора, когда въ самое сочиненіе столь оскорбительной королю конфедераціи не могъ онъ отказать первый чинъ въ государствѣ тому точно, который, въ угодность Россіи, главнымъ и начальнымъ работникомъ въ томъ былъ. Преданность сего графа Подоскаго не можетъ намъ сумнительна быть, ибо онъ человѣкъ твердый, разумный и видящій ясно, что онъ головой опымъ всѣмъ намъ долженъ, и что, не бывъ предъ симъ въ нашей партіи, не имѣлъ онъ ничего, даже ни надежды быть ни самымъ послѣднимъ епископомъ: столь Дворъ ему всегда противенъ былъ! Однимъ словомъ, могу я по сущей справедливости донести, что совершенно ему вѣрю, и что весьма важно сіе есть дѣло для приращенія нашего здѣсь кредита".

Отъ 11 іюня Репнинъ получилъ извѣстія о Радомской конфедераціи отъ находившагося тамъ съ русскимъ войскомъ полковника Кара. 10-е число назначено было днемъ избранія маршала конфедераціи, и Кару дали знать, что избранный маршалъ долженъ дать присягу въ вѣрности всѣмъ пунктамъ акта конфедераціи. Каръ, не зная обрядовъ, соблюдаемыхъ при конфедераціяхъ, думалъ, что такъ и быть должно, тѣмъ болѣе - что и референдарь Подоскій утверждалъ его въ этомъ мнѣніи. Но князь Радзивилъ началъ спорить, говоря, что онъ не приметъ на себя маршальскаго званія, прежде чѣмъ не увидитъ самаго акта конфедераціи, и сказалъ Кару, чтобъ былъ остороженъ: ихъ обмануть, если Каръ не велитъ прежде всего прочесть актъ конфедераціи; „тутъ", говорилъ Радзивилъ, „есть какое-нибудь мошенничество". Дѣйствительно, при открытіи засѣданія, друзья воеводы Кіевскаго, Потоцкаго, по его приказанію, стали кричать: „Не позволяемъ!" на каждый пунктъ акта конфедераціи, приказывая переправлять. Когда же начали читать о диссидентахъ, то едва позволили окончить статью. Каръ подошелъ къ воеводѣ Кіевскому и маршалу Мнишку и сказалъ, чтобъ это собраніе сочтено было недѣйствительнымъ, и если они хотятъ переписывать актъ конфедераціи, то пусть знаютъ, что онъ ихъ къ этому не допуститъ, и если нужда потребуетъ, то употребитъ въ дѣло всѣ войска, находившіяся въ его командѣ. Собраніе разошлось. Каръ объявилъ также Кіевскому воеводѣ, что покровительство императрицы ихъ конфедераціи обѣщано съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она направляла всѣ ихъ дѣйствія чрезъ своего посла, пребывающаго въ Варшавѣ, и чтобъ въ Радомѣ былъ обнародованъ точно такой же актъ конфедераціи, какъ и въ Литвѣ, слово въ слово. Потоцкій отвѣчалъ очень сухо, что будетъ объ этомъ стараться, хотя не имѣетъ никакой надежды на успѣхъ; но если въ актъ конфедераціи внишется неудовольствіе противъ короля, то онъ отвѣчаетъ за успѣхъ всего остальнаго. На это Каръ отвѣчалъ, что ему, Потоцкому, непристойно заключать договоры съ Русскимъ Дворомъ, и если онъ не хочетъ приступить къ дѣлу, какъ отъ него требуютъ, то очень хорошо сдѣлаетъ, когда уѣдетъ изъ Радома. Каръ оканчивалъ свое письмо объ этомъ къ Репнину словами: „Не знаю, какъ возблагодарить за коммисію, мнѣ порученную отъ вашего с—ства быть при конфедераціи. Съ утра до вечера или лгу, или бранюсь; да что хуже всего—словъ много, а дѣло не дѣлается". Дѣло сдѣлалось 12 іюня: маршаломъ конфедераціи былъ выбранъ князь Радзивилъ, и требуемый актъ былъ подписанъ

Въ Радомѣ дѣло уладилось, но въ Варшавѣ встрѣтились препятствія относительно Подоскаго. 14 іюня былъ у короля папскій нунцій. Станиславъ-Августъ объявилъ ему, что далъ слово возвести въ достоинство примаса того, кого пожелаетъ Русская императрица; и такъ какъ изъ словъ кн. Репнина видно, что ея выборъ долженъ

пасть на референдаря Подоскаго, то онъ, король, предупреждаетъ объ этомъ нунція, чтобъ при Римскомъ Дворѣ не затѣвали споровъ относительно посвященія: ибо онъ, король, дѣлая это въ угодность державѣ, которой всѣмъ обязанъ, долженъ къ ней же прибѣгнуть съ просьбою о защитѣ отъ такихъ оскорбительныхъ его достоинству замашекъ. Нунцій отвѣчалъ, что при Римскомъ Дворѣ не могутъ спокойно видѣть главою польскаго духовенства человѣка, который былъ такъ расположенъ въ пользу диссидентовъ, и папа откажетъ ему въ посвященіи.

Между тѣмъ успѣхъ при составленіи конфедераціи подалъ поводъ къ усиленію русскихъ требованій относительно диссидентовъ. Репнинъ получилъ приказаніе добиваться возможнѣйшаго приближенія диссидентовъ къ равенству съ католиками, причемъ Панинъ писалъ ему: „Вы достигли бы самаго верха славы, если бы на будущемъ сеймѣ успѣли достигнуть того, чтобъ тогда же нашъ Бѣлорусскій архіерей посаженъ былъ въ сенатъ съ рекомендаціею и совѣтомъ королю отъ республики, чтобъ нѣсколько первыхъ вакантныхъ сенаторскихъ мѣстъ было роздано диссидентамъ. Я чувствую и понимаю всѣ тѣ трудности, съ которыми должно быть соединено исполненіе такого намѣренія; да и самый недостатокъ персональныхъ качествъ нашего Бѣлорусскаго архіерея уже, думаю, довольно будетъ въ томъ препятствовать, и потому, конечно, я не имѣю намѣренія это вамъ предписать, а только хотѣлъ, какъ другу моему, открыть мысль свою“. Панинъ писалъ и о Чарторыйскихъ: „Когда дѣла къ окончанію приходить будутъ, тогда не оставите вы приложить всевозможное стараніе о совершенномъ ихъ исключеніи изъ трактованія съ вами и о лишеніи ихъ всякаго вліянія въ правительствѣ, чтобъ не только они сами и вся Польша, но и посторонніе Дворы могли увѣриться, что они, господа Чарторыйскіе, сами по себѣ ничего не значатъ, и если прежде имѣли столько силы, то единственно вслѣдствіе покровительства нашего Двора“. Относительно Подоскаго Репнинъ долженъ былъ внушить нунцію, что если Римскій Дворъ вздумаетъ въ этомъ дѣлѣ идти напереломъ Русскому, то скорѣе подвергнетъ свою религію въ Польшѣ тѣмъ неудобствамъ, которыя теперь такъ несправедливо и лукаво приписываются намъ ненавистниками нашими.

По поводу столкновенія съ Римскимъ Дворомъ въ дѣлѣ Подоскаго, Репнинъ имѣлъ любопытный разговоръ съ королемъ: „Если папа откажется прислать буллу, какъ бывали прежде примѣры, и обнародуетъ причины своего отказа, то что вы мнѣ посовѣтуете тогда сдѣлать?“ спрашивалъ Станиславъ-Августъ посла.—„Созвать синодъ и этимъ способомъ утвердить Подоскаго примасомъ“, отвѣчалъ Репнинъ. Такъ передаетъ этотъ отвѣтъ Понятовскій; Репнинъ же утверждаетъ, что сказалъ: „Мы найдемъ какое-нибудь средство для поддержанія нашего дѣла, напримѣръ созваніе синода“. На это король сказалъ: „Думаете ли вы, князь, что хотя одинъ епископъ послушается моего призыва въ синодъ? Думаете ли вы, что они всѣ не увидятъ въ этомъ поступкѣ освобожденіе изъ-подъ власти папы, подобное происшедшему въ Англіи при Генрихѣ VIII?“ Репнинъ: „А я знаю, что здѣшнее духовенство очень недовольно римскимъ игомъ, и это будетъ удобнымъ случаемъ для освобожденія Польской церкви“. Это королевская редакція;—а по утвержденію самого Репнина, онъ сказалъ: „Изъ духовенства одни будутъ за, другіе—противъ, какъ всегда, и часть духовенства очень недовольна римскимъ игомъ, которое они, быть можетъ, захотѣли бы стрясти совершенно при этомъ удобномъ случаѣ“. *Король:*—„Князь! Эти самые попы, которые иногда ворчатъ, когда ихъ обдираютъ въ Римѣ, сильно будутъ дѣйствовать за Римъ, когда онъ заговоритъ громко и серьезно, потому что попы не могутъ забыть, что, какъ скоро подчиненіе папѣ будетъ отстранено, ихъ могущество, богатство, значеніе будетъ зависѣть только отъ добраго расположенія свѣтской власти. Да и сами свѣтскіе люди станутъ за Римъ, какъ только онъ подниметъ тревогу“. *Репнинъ*: „Э! не подписывали развѣ они конфедерацій, гдѣ признаютъ обиды диссидентамъ, хотя нунцій произнесъ трескучую рѣчь противъ диссидентовъ на послѣднемъ сеймѣ?“ *Король:*—„Да, конфедераціи были подписаны людьми столь легкомысленными или столь невѣжественными, что ихъ могли увѣрить, будто они подписываютъ совершенно противное содержанію акта конфедераціи: такъ, большое число подписывали, прибавляя, что желаютъ поддержанія конституціи 1717 года противъ диссидентовъ. Нунцій произнесъ трескучую рѣчь на сеймѣ,—правда; но онъ же, по указу отъ своего Двора, рекомендовалъ всѣмъ епископамъ величайшее благоразуміе, да и послѣ сейма почти внушалось со стороны Рима, что надобно покориться обстоятельствамъ. Но если Римъ приметъ другой тонъ, какъ я начинаю думать по отзывамъ нунція, человѣка, впрочемъ, столь благоразумнаго и умѣреннаго, то эти самые люди, которые до сихъ поръ подчинялись вашему руководству, ударятъ такъ-же быстро въ противоположную сторону. Если надобно будетъ ввести Подоскаго въ сенатъ со штыками; если вамъ для него нужно будетъ пролить здѣсь кровь, то вѣдь Польша и я заплатимъ за это. Вотъ что заставляетъ задуматься, по крайней мѣрѣ—меня. Но и вы не можете быть равнодушны при мысли, что если папа обратится съ жаромъ и шумомъ къ другимъ Дворамъ и дастъ дѣлу оборотъ религіозный и политическій“.

Но Репнинъ остался непреклоненъ; онъ отвѣчалъ, что до кровопролитія не дойдетъ; что другіе Дворы не станутъ дѣйствовать изъ фанатизма, и если они не вмѣшиваются въ диссидентское дѣло, то тѣмъ менѣе вмѣшаются въ дѣло назначенія примаса. Дѣйствительно, король, не желая этого назначенія, преувеличивалъ его опасность, чтобъ

застращать Репнина. Римскій Дворъ уступилъ обстоятельствамъ — и Подоскій сдѣлался примасомъ. Король, по крайней мѣрѣ, въ письмахъ къ маменькѣ Жоффрэнъ, смотрѣлъ спокойно на готовящіяся событія. „Конфедерація, такъ называемыхъ, недовольныхъ почти окончена во всемъ королевствѣ“, писалъ онъ. „Конфедераты были бы очень затруднены или пристыжены, если бы ихъ заставили съ точностію исчислить, чѣмъ они недовольны. Но такъ какъ надобно искать добра въ самомъ злѣ, то плодомъ этой лихорадки государства, какъ она минется, будетъ для меня то, что, узнавши легкомысліе большинства, безнравственность вождей, черную неблагодарность многихъ изъ нихъ, добродѣтель и мудрость добрыхъ гражданъ, я буду въ состояніи цѣнить людей по ихъ настоящей стоимости. Всякое царствованіе имѣетъ свой кризисъ, какъ всякій человѣкъ подвергается оспѣ,—вѣдь всѣ больше или меньше рябы; я выйду очень рябъ послѣ этой оспы; но, разъ избавившись, я буду имѣть болѣе надежды на долговѣчіе. Мнѣ должно вполнѣ испытать горе, безпокойство, досаду, молчаніе, иногда болѣе тяжкое, чѣмъ все остальное... Не отчаявайтесь, потому что я не отчаяваюсь. Я достигну пристани; съ трудомъ, безъ сомнѣнія, и не безъ потери, но достигну. Мое отчаяніе было бы подлостію и величайшимъ зломъ для государства“.

Диссидентская и католическая конфедераціи были образованы; но предстояло провести дѣло на чрезвычайномъ сеймѣ. Король согласился на два главные пункта: на ручательство императрицы за польскую конституцію и на возстановленіе диссидентовъ; король заставилъ всѣхъ своихъ друзей подписать конфедерацію; подписалъ ее и молодой князь Адамъ Чарторыйскій, и согласился быть посломъ на сеймѣ: это было важно, ибо старики Чарторыйскіе не могли потомъ кричать, что господствующую религію ниспровергли безъ нихъ, и обратить въ свою пользу народный фанатизмъ. Наконецъ назначено было къ императрицѣ посольство, съ изъявленіемъ благодарности отъ сконфедерованной республики; оно состояло изъ четырехъ членовъ: стражника Литовскаго Попея, кухмистра Литовскаго Вельгурскаго, крайчаго корончаго Потоцкаго и старосты Сендомирскаго Оссолинскаго. Увѣдомляя Панина объ этомъ посольствѣ, Репнинъ писалъ: „Первый — связанъ съ воеводою Кіевскимъ; второй — преданъ Мнишку, его мытарливой женѣ и епископу Краковскому, слѣдовательно отъ обоихъ могутъ быть замыслы ограничить диссидентское возстановленіе и вредныя внушенія насчетъ короля; третій — человѣкъ добрый; четвертый—хотя молодъ, но проворенъ и также противникъ короля, притомъ имѣетъ обязательство жениться на дочери воеводы Кіевскаго. Почему изволите усмотрѣть, что злымъ и шиканскимъ ихъ внушеніямъ вѣры подавать не можно, а въ наружности, впрочемъ, прошу покорнѣйше съ отмѣнною ласкою ихъ принимать. Въ инструкціи, данной посланникамъ, уже они торговлю нѣкоторую затѣваютъ и мнѣнія свои о перемѣнѣ въ коммисіяхъ и въ прочихъ вещахъ изъясняютъ. Не безъ тягости-жь было удержать, чтобъ такимъ образомъ въ письмѣ къ ея императорскому величеству конфедерація о диссидентахъ отозвалась. Сей пунктъ, приближаясь къ рѣшенію, часъ-отъ-часу начинаетъ затрудняться, и я принужденъ былъ употребить много способовъ, чтобъ сіе удержать. То-жь нѣсколько затрудненія было и въ прошеніи ручательства ея императорскаго величества, въ которомъ они начинаютъ одумываться: однакожь я не упущу, сколь возможно, всѣ сіи развратные замыслы въ ничто обращать, лишь бы только мочи моей къ тому достало“.

„Сей пунктъ (т.-е. диссидентскій), приближаясь къ рѣшенію, часъ-отъ-часу начинаетъ затрудняться“, писалъ Репнинъ. Дѣйствительно, затрудненіе обнаружилось на сеймикахъ, служившихъ приготовленіемъ къ чрезвычайному сейму, необходимому по смутному состоянію республики. На сеймикѣ познанскомъ чуть не изрубили Гуровскаго и графа Понинскаго, которые очень усердно проводили Русское дѣло; спасъ ихъ графъ Апраксинъ, окружившій сборище своимъ отрядомъ. Репнинъ боялся, чтобъ на сеймѣ дѣло не дошло до пушекъ, хотя и надѣялся имѣть большинство на своей сторонѣ. Огонь раздували: Солтыкъ, епископъ Краковскій, Потоцкій — воевода Кіевскій, Мнишекъ — маршалокъ надворный и Браницкій — великій гетманъ коронный. Репнинъ запретилъ на сеймикахъ читать циркулярныя письма; но означенные господа напечатали свои посланія. „Повторяю“, писалъ Репнинъ Панину отъ 17 августа, „что если хотимъ мы успѣха въ диссидентскомъ дѣлѣ на будущемъ сеймѣ, то необходимо надобно будетъ епископа Краковскаго и подобныхъ фанатиковъ забрать подъ караулъ; а инакъ съ ними никакимъ образомъ не совладѣемъ. Я за внутренность здѣшнюю могу отвѣчать, что кромѣ страха и трепета здѣсь оное другого движенія никакого не произведетъ; а въ то не мѣшаюсь, какое въ наружности сіе дѣйствіе сдѣлаетъ и что по сему послѣдуетъ въ сосѣдственныхъ съ здѣшнимъ государствомъ державахъ“.

Затрудненія Репнина увеличились медленностью почты: 14 августа Панинъ отвѣчалъ на его депеши отъ 14 іюля. Въ этомъ отвѣтѣ Панинъ излагалъ главное правило относительно диссидентовъ: „Надобно совершить диссидентское дѣло не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣръ, но для пріобрѣтенія себѣ посредствомъ нашихъ единовѣрцевъ и протестантовъ однажды навсегда твердой и надежной партіи съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ Польскихъ дѣлахъ, не по одному теперь испрашиваемому республикою ручательству ея и. в—ства въ цѣлости конституціи польской, но и вслѣдствіе покровительства диссидентамъ, которое мы себѣ присвоиваемъ на вѣчныя времена: какъ слабѣйшая часть въ будущемъ правительствѣ Польскомъ, диссиден-

ты будутъ имѣть возможность удерживаться въ немъ только съ нашею помощью. Протестантская религія, обуздывая суевѣрія и сокращая власть духовенства, легко можетъ излишнимъ своимъ въ Польшѣ распространеніемъ вывесть Поляковъ изъ невѣжества, въ которомъ они теперь большею частію погружены, и освобожденіемъ отъ невѣжества довести ихъ по ступенямъ до учреждѣнія новыхъ порядковъ, которые, сосредоточивая въ одно мѣсто всю внутреннюю польскую силу и приведя ее въ бо́льшую предъ нынѣшнимъ дѣйствительность, могли бы скоро обратиться въ предосужденіе Россіи, покровительницы протестантовъ въ настоящее время и главной соперницы въ будущее, ибо между политическими обществами ни злоба за претерпѣнный вредъ, ни благодарность за одолженіе мѣста имѣть не могутъ. Относительно нашихъ единовѣрцевъ этого неудобства быть не можетъ; но, съ другой стороны, излишне усиливая ихъ, такъ, чтобъ они сами собою, независимо отъ насъ, могли держаться въ республикѣ и раздѣлять ея правленіе,—подвергаемъ мы себя неудобству въ разсужденіи и безъ того столь частыхъ и великихъ побѣговъ, которые тогда еще болѣе усилятся при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа; тогда можно будетъ опасаться и насчетъ нашихъ пограничныхъ провинцій, сходныхъ съ Польшею нравами и обычаями народа. Король требуетъ, чтобъ четыре епархіи, отступившія въ унію, оставлены были непоколебимо въ нынѣшнемъ ихъ состояніи. Это требованіе само по себѣ согласно съ нашимъ главнымъ правиломъ, и потому не могло бы встрѣтить съ нашей стороны препятствія; но всего лучше будетъ оставить ихъ со всею уніею, какъ на сеймѣ, такъ и въ будущемъ трактатѣ, въ полномъ и неприкосновенномъ молчаніи, какъ такую секту, которая ни съ тѣмъ, ни съ другимъ исповѣданіемъ прямо соединенною считаться не можетъ. Диссиденты, конечно, будутъ васъ мучить, чтобъ все безпредѣльно для нихъ исполнилось, особливо касательно свободнаго возвращенія изъ католическаго въ ихъ законы; но на это вамъ предписаны нами политическія правила, и имъ вы можете говорить, что въ этомъ дѣлѣ находятся непреодолимыя трудности, что мы никогда не имѣли намѣренія заводить войну для пропаганды ихъ религій. Впрочемъ, мнѣ кажется, Поляковъ необходимо надобно будетъ стращать не только словами, но и прямымъ дѣломъ, располагая войска на содержаніе по деревнямъ упрямыхъ и обманщиковъ. Я думаю, что и самого короля еще не надобно совершенно выводить изъ страха потери престола". Согласно съ этимъ, Панинъ разрѣшилъ Репнину, въ крайней нуждѣ, брать подъ караулъ тѣхъ, кто наиболѣе будетъ противиться успѣху обоихъ дѣлъ— диссидентскаго и ручательства императрицы за конституцію.

Тучи сгущались. Прежній папскій нунцій уѣхалъ въ Вѣну; преемникъ его, Дурини, по своему коварному характеру, не обѣщалъ Репнину ничего добраго; онъ повелъ себя интриганомъ и фанатикомъ. Папа Климентъ XIII прислалъ посланіе противъ диссидентскаго дѣла; на копіи этого посланія, пересланной Репнинымъ Панину, написано рукою Екатерины: „Куда папа гораздъ сказки сказывать"! Но что были сказки въ Россіи, тому съ благоговѣніемъ внимали въ Польшѣ. У Солтыка 15 секретарей день и ночь писали его пастырскія посланія. „Любезнѣйшіе сыны, пастырству нашему порученные"! гласили посланія: „упражняйтесь во всякаго рода добрыхъ дѣлахъ, взывайте съ сокрушеніемъ духа къ трону милосердія, чтобы ниспослалъ Духа Св. на сеймъ для утвержденія вѣры св. католической, для мужественнаго отпора претензіямъ диссидентовъ, для сохраненія основныхъ правъ вольности. Чтобы во все продолженіе сейма во всѣхъ костелахъ ежедневно происходило молебствіе предъ Св. Тайнами, съ пѣніемъ Св Боже". Въ этомъ посланіи Солтыкъ является передъ нами какъ епископъ католическій; но въ письмѣ къ одному изъ пріятелей своихъ, Вельгурскому, онъ является какъ политикъ: „Императрица", пишетъ онъ, „домогается двухъ вещей—генеральнаго поручительства за конституцію и возстановленія диссидентовъ. Гарантировалъ король Польскій курляндскія вольности, утвердилъ привилегіи земель Прусскихъ, и чрезъ это обѣ страны привлечены были въ зависимость отъ республики. Главное средство отбиться отъ гарантіи—это поднять вопросъ, что Турція не позволитъ. Что касается диссидентовъ, то покой націи зависитъ оттого, чтобъ диссиденты, а именно не уніаты, не были ни въ сенатѣ, ни въ министерствѣ; довольно будетъ припомнить, что въ Россіи есть 30 фамилій, которыя ведутъ родъ свой изъ Польши, а раздача достоинствъ въ Польшѣ находится во власти императрицы Русской: такъ хорошо ли будетъ, когда Сенатъ московскій перенесенъ будетъ въ Польшу, а насъ передвинутъ въ Сибирь. Главная политика польскихъ недовольныхъ должна состоять въ продленіи сейма, для того: 1) чтобы конфедерація пришла въ совершенство; 2) чтобъ иностраннымъ Дворамъ дать время для переговоровъ; 3) чтобъ курфюрстъ Саксонскій пришелъ въ совершеннолѣтіе; 4) чтобъ лучше изъясниться съ Дворомъ Петербургскимъ чрезъ нашихъ посланниковъ, а не чрезъ того деспота (Репнинъ); 5) для слабости (здоровья) короля Прусскаго: если бы умеръ, то что-бъ помѣшало саксонскому войску войти въ Польшу"!

Враги дѣйствовали сильно, союзникъ — слабо. 24 августа Репнинъ писалъ Панину: „Долженъ я донести, что хотя Бенуа не отрекается по наружности поступать со мною согласно, но мнѣ кажется, что ихъ Дворъ желаетъ успѣха диссидентскому дѣлу не такъ сильно, какъ нашъ. Можетъ быть, причина этому скрывается въ нѣкоторой ревности, что Прусскій король играетъ здѣсь роль подчиненную, а не равную съ нами. Не худо было бы, думаю, не принося никакихъ жалобъ на слабое со-

дѣйствіе Бенуа, нѣсколько увѣриться въ Берлинскомъ Дворѣ и понринудить его".

Пріѣхалъ въ Варшаву поручикъ Азанчевскій и разсказалъ, какихъ сценъ онъ, вмѣстѣ съ ротмистромъ Солеманомъ, былъ свидѣтелемъ на сеймикѣ подольскомъ въ Каменцѣ. Когда стали читать письмо отъ Репнина, то подняли непристойный шумъ и смѣхъ. Ржевусскій, староста Долинскій, кричалъ, что тотъ будетъ проклятъ, который не присягнетъ въ томъ, чтобъ не допускать диссидентовъ до свободнаго отправленія ихъ богослуженія, и что онъ, Ржевускій, скорѣе дастъ изрубить себя въ мелкіе куски, чѣмъ позволитъ какое-нибудь улучшеніе въ положеніи диссидентовъ. Къ маршалу на столъ бросили записку, въ которой говорилось, будто Переяславскій архимандритъ писалъ въ пограничныя мѣстечки къ уніатскимъ попамъ, чтобъ были подъ его властью. Услыхавъ это, Поляки, бывшіе на сеймикѣ, стали бранить Солемана и Азанчевскаго скверными словами, и маршалъ далъ знать русскимъ офицерамъ, чтобъ вышли, не ручаясь за ихъ безопасность. Репнинъ велѣлъ генералъ-маіору Кречетникову ввести казаковъ въ деревни шляхты, шумѣвшей на каменецкомъ сеймикѣ.

Но эти явленія не опечалили бы такъ Репнина, если-бъ онъ не узналъ о двоедушіи вождей католической конфедераціи; а узналъ онъ это изъ вскрытой переписки Солтыка съ Вельгурскимъ, который былъ отправленъ въ числѣ пословъ конфедераціи къ императрицѣ. Посолъ узналъ, что и прежній вѣрный секретарь его, новый примасъ Подоскій, стакнулся съ Солтыкомъ, Красинскимъ (епископомъ Каменецкимъ), Мнишкомъ, Потоцкимъ (воеводою Кіевскимъ) и подскарбіемъ Весселемъ; но, дѣйствуя заодно, эти люди пріѣзжали къ Репнину и. Богъ знаетъ что, наговаривали другъ на друга. „Извольте видѣть", писалъ Репнину Панинъ, „съ сколь честными людьми я дѣло имѣю, и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ семъ ремеслѣ съ ними обращаясь, мошенникомъ, наконецъ, не сдѣлаться". Но главнымъ мучителемъ посла былъ все тотъ же Солтыкъ: „Истинно", писалъ онъ, „я ему отъ себя-бъ что ни есть подарилъ, чтобъ онъ отсель куда-нибудь провалился: надоѣлъ ужь мнѣ смертельно".

Знатные люди хитрили, пуская впередъ менѣе знатныхъ. Изъ послѣднихъ сильнѣе всѣхъ волновался и волновалъ другихъ шляхтичъ Чацкій, и Репнинъ велѣлъ его арестовать. По этому поводу пріѣхалъ къ нему Солтыкъ и началъ сперва рѣчь о диссидентахъ вопросомъ, чего же, наконецъ, Русскій Дворъ для нихъ желаетъ. Репнинъ отвѣчалъ, чтобъ диссиденты возстановлены были во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ; а такъ какъ всякій знаетъ, что прежде диссиденты были въ полномъ равенствѣ съ католиками, слѣдовательно и теперь должны быть въ такомъ же. Солтыкъ возражалъ, что они прежде пользовались этимъ равенствомъ не по правамъ, а вслѣдствіе насилія. Потомъ перешелъ къ аресту Чацкаго: „Мы народъ вольный", говорилъ онъ, „и слѣдовательно властны такъ говорить и поступать, какъ хотимъ, и запретить намъ этого никто права не имѣетъ; а императрица увѣрила насъ своими декларацiями, что будетъ вольность нашу оберегать". — „Высочайшій нашъ Дворъ", отвѣчалъ Репнинъ, „конечно вольность польскую всегда защищать и подкрѣплять будетъ; но надобно различить вольность отъ возмутительныхъ поступковъ, а г. Чацкій виновенъ въ послѣднихъ, и всѣ тѣ, которые такъ-же вознамѣрятся возмущать внутренній покой, подвергнутся той же участи: ибо республика сама просила покровительства ея и. в—ства". — „Мы не подданные ваши", возражалъ Солтыкъ. — „Правда," отвѣчалъ Репнинъ, „но сосѣдство, союзъ и самое желаніе республики понуждаютъ императрицу имѣть попеченіе о здѣшней тишинѣ, удерживая тѣхъ, которые намѣрены ее нарушить". — „Мы рады умереть за свою вольность", продолжалъ Солтыкъ. — „Вольность и возмущеніе двѣ вещи разныя", отвѣчалъ Репнинъ, „и если кто изъ васъ задумаетъ заводить смуту противъ отечества своего и его покровительницы, то пусть вооружаются, чтобъ скорѣе могли получить достойную награду за такой поступокъ; но я совѣтую прежде внимательно осмотрѣться". Этимъ разговоръ кончился. Репнинъ поручилъ Подоскому внушить Солтыку, что если онъ и на будущемъ сеймѣ будетъ вести себя такъ же, какъ на прошедшемъ, то съ нимъ можетъ случиться то же, что и съ Чацкимъ, ибо противъ императрицы Россійской онъ не знатнѣе Чацкаго, развѣ ему окажутъ тотъ почетъ, что никогда его изъ заключенія не выпустятъ. Но Солтыкъ отвѣчалъ Подоскому, что не станетъ молчать, когда интересъ религіи потребуетъ защиты. „Онъ (Солтыкъ) въ своемъ сумасбродствѣ не изъ тѣхъ людей, которыхъ угрозами или разореньемъ обратить можно", писалъ Репнинъ Панину. „Дѣйствительно, надобно надъ нимъ исполнить въ самой крайности то, что примасъ ему отъ меня говорилъ. Сокрушитъ онъ меня своимъ непреодолимымъ упорствомъ противъ диссидентскаго дѣла. Я уже ему стороной внушалъ, чтобъ онъ не ѣздилъ на сеймъ, если не хочетъ участвовать въ возстановленіи диссидентовъ и если не можетъ удержаться, чтобъ не говорить противъ нихъ". Относительно Подоскаго Репнинъ писалъ: „Зная, что новый примасъ желаетъ сыскать хорошій соболій мѣхъ,—прошу прислать ко мнѣ такой, если заблагоразсудите, чтобъ я могъ его ему отдать отъ имени нашего Двора: ибо, конечно, его надобно ласкать и удерживать, что надѣюсь совершенно исполнить, хотя депеши епископа Краковскаго и выставляютъ его нашимъ недоброжелателемъ; но Солтыкъ часто и много въ своихъ пустыхъ замыслахъ лжи употребляетъ, а я начинаю усматривать, что примасъ сталъ отъ него удаляться".

Въ началѣ сентября Репнинъ придвинулъ къ

Варшавѣ русскія войска, которыя расположились въ 3, 4 и 5 миляхъ отъ столицы; третій гренадерскій полкъ вступилъ въ самую Варшаву, и нѣсколько Чугуевскихъ казаковъ расположены были лагеремъ въ саду дома, гдѣ жилъ русскій посолъ. Для удобнѣйшей доставки пропитанія, Репнинъ расположилъ въ окрестностяхъ Варшавы небольшіе отряды, а именно: противъ Закрочима, по сю сторону Вислы — одинъ; между Равою и Варшавою — другой; у мѣстечка Гуры на Вислѣ — третій; противъ Гуръ, на другомъ берегу рѣки, — четвертый, и при соединеніи Буга съ Наревомъ по сю сторону этихъ рѣкъ — пятый, такъ что отряды эти въ одинъ маршъ могли окружить Варшаву и пресѣчь всѣ выходы, даже и водяные. Солтыкъ кричалъ, что противъ этихъ силъ у него скоро будетъ 60,000 польскаго войска. „Но это войско", писалъ Репнинъ, „находится только въ его пустой головѣ. Сумасбродство его описать нельзя; оно доходитъ дотого, что въ своихъ безмозглыхъ разсужденіяхъ онъ толковалъ примасу о Сицилійской вечернѣ противъ Русскихъ. Въ горячешномъ бреду онъ самъ на себя клеплетъ и лишнее". Репнинъ не разъ писалъ Панину, что изъ всѣхъ Чарторыйскихъ одинъ молодой князь Адамъ, генералъ земель Подольскихъ, отличался привязанностью къ Россіи; но другое прочтено было въ перехваченныхъ письмахъ Солтыка къ Вельгурскому: по словамъ Солтыка, князь Адамъ говорилъ своимъ пріятелямъ, что не можетъ надивиться трусости своего отца, который, имѣя такія обширныя владѣнія, столько денегъ и значенія въ народѣ, не употребитъ ихъ для уничтоженія московскаго владычества во имя вѣры и вольности. О себѣ Солтыкъ писалъ: „Князь Репнинъ всѣмъ говоритъ, что сдѣлаетъ меня герцогомъ Сибирскимъ. Я спросилъ у примаса, вправду ли онъ это говоритъ или только стращаетъ, но получилъ въ отвѣтъ, что, кажется, вправду, будучи подущаемъ самимъ королемъ, который внушаетъ: если мы предводителя партіи не спрячемъ, то трудъ нашъ въ пользу диссидентовъ успѣха имѣть не будетъ. Мы съ примасомъ и съ прочими разсуждаемъ, какимъ образомъ они меня возьмутъ и куда запровадятъ. Здѣсь подъ карауломъ содержать не будутъ, потому что отъ патріотовъ и черни можетъ произойти мятежъ. Въ Москву и Сибирь не пошлютъ: князь Репнинъ будетъ бояться, чтобъ тамъ я не донесъ обо всемъ подробно императрицѣ. Всего скорѣе запровадятъ меня въ какой-нибудь уголъ и будутъ за мною и моими людьми присматривать, чтобъ я не писалъ и ни о чемъ ни съ кѣмъ не говорилъ". „Здѣшняго фанатизма", писалъ Репнинъ, „не могу достаточно изобразить. Женщины молебствуютъ ежедневно о спасеніи погибающей вѣры; монахи и попы въ своихъ проповѣдяхъ говорятъ согласно съ повелѣніями епископовъ Краковскаго и Кіевскаго, и внушаютъ фанатизмъ всюду, гдѣ могутъ. Нунцій, не довольствуясь тѣмъ, что Кіевскій епископъ напечаталъ папское посланіе въ польскомъ переводѣ, напечаталъ его и въ латинскомъ подлинникѣ, распространяя по всей публикѣ. Когда въ публичныхъ садахъ и на гуляньяхъ встрѣчаются диссиденты, то женщины, которыя здѣсь имѣютъ большую силу, тотчасъ же уѣзжаютъ, какъ изъ мѣстъ, оскверненныхъ присутствіемъ еретиковъ; однимъ словомъ, въ публикѣ такое раздраженіе, что если-бъ я не зналъ трусливаго характера народа, то каждый часъ ждалъ бы какого-нибудь отчаяннаго поступка; но хотя я не ожидаю никакой явной попытки, однако можетъ произойти какое-нибудь потаенное злодѣйство. Мы доведемъ бѣднаго короля дотого, что его зарѣжутъ".

Но опасности не было ни для кого; происходили только поддразниванія. Солтыкъ далъ знать Репнину, что желаетъ войти съ нимъ въ соглашеніе, ручаясь за всѣхъ епископовъ и за всю свою партію. Репнинъ отвѣчалъ, что въ формальные переговоры онъ можетъ войти только съ тѣми, кто по своему чину въ республикѣ имѣетъ на то право; епископъ же Краковскій и всѣ епископы этого права не имѣютъ; если же онъ хочетъ попріятельски договориться, то пусть пріѣзжаетъ самъ безо всякихъ церемоній; но прежде всего надобно согласиться въ самомъ главномъ, а именно, — чтобъ диссиденты были уравнены въ правахъ съ католиками, безъ чего ни въ какіе договоры вступать нельзя. Въ отвѣтъ на это, Солтыкъ запѣлъ свою старую пѣсню, что скорѣе тѣло свое на разсѣченіе дастъ, скорѣе умретъ со всѣми своими пріятелями, чѣмъ позволитъ уравненіе диссидентовъ съ католиками. Желая показать, что готовъ подвергнуться участи, какой грозилъ ему Репнинъ, онъ сталъ готовить подарки для тѣхъ, кто придетъ брать его подъ стражу, такъ что, по словамъ Репнина, комната его стала похожа на нюренбургскую лавку. Несмотря на то, Солтыкъ опять далъ знать Репнину, что берется уговорить всѣхъ ревностныхъ католиковъ дать удовлетвореніе диссидентамъ, если русскій посолъ позволитъ ему продолжать прежнее поведеніе для сохраненія кредита въ своей партіи. Репнинъ отвѣчалъ ему чрезъ Подоскаго, что никакъ не можетъ на это согласиться: или епископъ не понимаетъ, что такое поведеніе можетъ причинить только вредъ дѣлу, и такое непониманіе не дѣлаетъ чести его головѣ: или онъ хитритъ, чтобъ, испортивъ дѣло, послѣ вывернуться и всю вину сложить на другихъ, выставляя на видъ, что внутренно согласенъ былъ съ нимъ, посломъ. „Я прошу епископа", закончилъ Репнинъ, „чтобъ онъ и словами и поступками, прямодушно и явно, дѣйствовалъ въ пользу совершеннаго равенства диссидентовъ съ католиками".

Православные требовали, чтобъ епископъ Бѣлорусскій получилъ мѣсто въ сенатѣ; но король требовалъ, чтобы вмѣстѣ съ Православнымъ епископомъ вошли въ сенатъ два уніатскіе. Панинъ не согласился на это. „Хотя", писалъ онъ Репнину, „помѣщеніе въ сенатѣ двухъ епископовъ уніатскихъ и согласно отчасти въ существѣ своемъ съ вышеположеннымъ главнымъ правиломъ (чтобы не имѣть

въ виду распространенія другихъ вѣроисповѣданій въ ущербъ католицизму), однако въ разсужденіи настоящихъ обстоятельствъ это было бы предосудительно для славы ея императорскаго величества. Не можетъ ли такое помѣщеніе уніатскихъ епископовъ показаться свѣту нарочно сдѣланнымъ въ досаду ея величества, когда, напротивъ, самое состояніе дѣлъ требуетъ, чтобъ всѣ ея желанія были исполнены". Панинъ не соглашался и на то требованіе Станислава-Августа, чтобъ назначено было наказаніе отступникамъ отъ католической господствующей религіи. Панина затрудняло то, что издавна позволено было уніатамъ переходить въ Православіе, и потому „надобно", писалъ онъ, „сохранить предъ глазами публики непорочность нашихъ намѣреній, касающихся нашей собственной вѣры". Репнинъ не соглашался съ мнѣніемъ Панина. „Я прихожу въ сомнѣніе", писалъ онъ, „не въ самомъ ли дѣлѣ вы намѣрены стараться о присоединеніи уніатовъ къ Православію. Если же нѣтъ, и если вы держитесь того мнѣнія, что распространеніе здѣсь Греческаго и диссидентскихъ законовъ для интересовъ Россіи вредно, то для чего-жъ бы не позволить этихъ двухъ пунктовъ, которыми націю здѣсь успокоимъ и себѣ пріобрѣтемъ навсегда увѣренность, что эти законы не распространятся болѣе, чѣмъ сколько надобно для нашихъ интересовъ. Особливо эта предосторожность нужна противъ уніатовъ, ибо изъ нихъ могутъ скоро найтись такіе, которые захотятъ обратиться къ нашему закону: чрезъ это увеличится число бѣглыхъ отъ насъ, да и такой огонь здѣсь въ націи загорится, что истинно трудно будетъ потушить; тогда въ самомъ дѣлѣ ежечасно надобно будетъ ожидать Сицилійскихъ вечеренъ, да не знаю, и чужестранные Дворы останутся ли при такихъ событіяхъ въ покоѣ, приписавъ ихъ желанію нашему нечувствительно овладѣть Польшею. Напротивъ того, если дозволимъ помянутые пункты, то вторымъ пунктомъ докажемъ всему свѣту, что не имѣемъ намѣренія распространять здѣсь наше и диссидентскія исповѣданія; а первымъ пунктомъ докажемъ, что мы удерживаемъ здѣсь равенство религій и стараемся, чтобъ никто по причинѣ вѣры не терпѣлъ притѣсненій".

Кромѣ того, затрудненія Репнина увеличивались положеніемъ Православныхъ Русскихъ въ государствѣ, гдѣ представительство принадлежало одной шляхтѣ, а гоненія истребили Православныхъ шляхтичей, или оставили самыхъ бѣдныхъ и неспособныхъ по воспитанію занимать видныя мѣста. Панинъ согласился на желаніе короля, чтобъ число диссидентовъ въ сенатѣ и сеймѣ было съ точностію опредѣлено; Панинъ соглашался на это тѣмъ болѣе, что безъ точнаго опредѣленія числа королю-католику и шляхтѣ католической, составляющей большинство, легко будетъ вовсе удалять диссидентовъ. Но диссиденты подали просьбу не вводить ихъ въ правительственныя должности опредѣленнымъ числомъ, ибо они не въ состояніи будутъ выносить этихъ должностей; Православное же дворянство не могло выставить ни одного человѣка, котораго можно было бы назначить въ какую-нибудь должность. „Я", писалъ Репнинъ, „уже нѣсколько времени ищу и нарочныхъ разсылаю, чтобъ ко мнѣ привезли кого-нибудь хотя нѣсколько способнаго, но до сихъ поръ никого не нашелъ, ибо всѣ они сами землю пашутъ и безо всякаго воспитанія". Конисскій, по своему происхожденію, не могъ быть сенаторомъ и потому долженъ былъ оставить Бѣлорусскую епархію, если-бъ съ званіемъ Бѣлорусскаго архіерея соединилось званіе сенаторское. Репнинъ писалъ: „Чрезъ епископа Бѣлорусскаго я писалъ во всѣ здѣшнія мѣста нашего исповѣданія, есть ли между нашими монахами дворяне польскіе на тотъ случай, если будетъ опредѣлено, что епископъ Бѣлорусскій получитъ сенаторское достоинство; но не надѣюсь, чтобъ такіе нашлись, или очень ихъ мало; а съ другой стороны, настоящій епископъ Бѣлорусскій (Конисскій) думаетъ, что въ нашей Малороссіи между монахами есть польскіе дворяне, и потому покорнѣйше прошу тамъ объ этомъ освѣдомиться, есть ли такіе люди и каковы они, потому что ихъ качества должны соотвѣтствовать сенаторскому достоинству".

Отъ 21 сентября Репнинъ уже увѣдомилъ Панина о *сумятицѣ* въ Варшавѣ. Начался крикъ въ публикѣ, что сейма нельзя держать въ присутствіи русскихъ войскъ. Репнинъ уговорился съ маршаломъ конфедерацій и самимъ королемъ, чтобъ конфедерація издала манифестъ, въ которомъ бы русскія войска объявлены были дружескими и помощными вольности народной; кромѣ того, Репнинъ требовалъ постановленія конфедераціи, чтобъ уничтожены были всѣ присяги, данныя на сеймикахъ земскими послами въ противность смыслу акта конфедераціи, или бы послы, давшіе эти присяги, какъ выбранные неправильно, не могли принимать участія въ дѣятельности сейма. Конфедерація не хотѣла сдѣлать ни того, ни другого, причемъ главнымъ крикуномъ былъ шляхтичъ Кожуховскій. Репнинъ велѣлъ взять его подъ стражу, но потомъ выпустилъ. Какъ только узнали, что Кожуховскій на свободѣ, такъ папскій нунцій явился къ нему съ визитомъ, а за нимъ Поляки толпами, обожая его, какъ героя и мученика, добиваясь его портретовъ. Репнинъ велѣлъ ему сказать, чтобъ ѣхалъ въ свои деревни, если не хочетъ вторично попасть подъ караулъ. Кожуховскій не поѣхалъ добровольно и былъ отвезенъ въ деревню подъ карауломъ.

23 сентября долженъ былъ начаться сеймъ. Въ этотъ день, когда послы съѣхались у князя Радзивила, чтобъ вмѣстѣ отправиться на первое засѣданіе, пріѣзжаетъ нунцій и начинаетъ говорить, что вѣра погибаетъ, что ихъ долгъ защищать ее до послѣдней капли крови, а не допускать до уравненія съ прочими религіями; именемъ папскимъ объявилъ онъ, чтобъ никакъ не согла-

шались на назначеніе отъ республики уполномоченныхъ для переговоровъ съ русскимъ посломъ, ибо послѣдствіемъ будетъ необходимо гибель вѣры. Собраніе было сильно наэлектризовано. Самые спокойные рыдали, другіе же клялись громко, что готовы погибнуть за вѣру; меньшинство, въ которомъ былъ король, примасъ, маршалы обѣихъ конфедерацій и до 50 пословъ, не знали что дѣлать, какъ начать сеймъ, опасаясь рѣзни при самомъ его открытіи. Въ самый разгаръ этихъ сценъ вдругъ является въ собраніе Репнинъ. Нѣсколько умѣренныхъ депутатовъ выбѣжали къ нему навстрѣчу съ увѣщаніями, чтобъ возвратился, иначе они ни за что не отвѣчаютъ; но Репнинъ не принялъ ихъ совѣтовъ и вошелъ прямо въ средину толпы, которая встрѣтила его крикомъ, что всѣ готовы умереть за вѣру. „Перестаньте кричать"! сказалъ громко Репнинъ: „а будете продолжать шумѣть, то я такъ-же заведу шумъ, и мой шумъ будетъ сильнѣе вашего". Тутъ оправились и маршалы конфедерацій, стали уговаривать депутатовъ, и тѣ перестали кричать. Когда тишина водворилась, Репнинъ началъ: „Я пріѣхалъ только съ визитомъ къ князю Радзивилу, а не трактовать съ вами, потому что никто изъ васъ этой чести имѣть не можетъ, не будучи уполномоченъ отъ республики; но частнымъ образомъ, попріятельски, скажу вамъ, что удивляюсь и сожалѣю, видя васъ въ такомъ возмутительномъ состояніи: вы позабыли, сколько имѣете доказательствъ доброжелательства ея императорскаго величества; позабыли, что только подъ ея покровительствомъ могли вы сконфедероваться для сохраненія своей вольности и правъ". — Тутъ рѣчь Репнина была прервана крикомъ: „Мы соединились также и для сохраненія закона католическаго"! Въ другой разъ объявилъ Репнинъ, чтобы перестали шумѣть, иначе самъ шумѣть станетъ, и, когда крики утихли, продолжалъ: „Никто не отнимаетъ у васъ права имѣть ревность къ своему закону; эта ревность, конечно, похвальна; но развѣ кто хочетъ нарушать права Римскаго вѣроисповѣданія? Если вы подлинно вѣрны своему закону, то должны исполнять его справедливыя предписанія, чтобъ никому въ вѣрѣ принужденія не дѣлать, быть непоколебимыми въ сохраненіи обязательствъ и въ отданіи справедливости каждому. Если хотите жить въ добромъ сосѣдствѣ съ Россіей и пользоваться покровительствомъ ея императорскаго величества, то соблюдайте договоры. Только одни возмутители, которые въ смутѣ хотятъ пріобрѣсть себѣ значеніе, толкуютъ вамъ, что возстановленіе диссидентовъ касается католической религіи и можетъ ей вредить: въ дѣйствительности это дѣло только гражданское, а не духовное, и должно быть разсмотрѣно съ уваженіями политическими, въ силу обязательствъ республики. Вспомните, какъ вы составили свои конфедераціи, какіе акты при этомъ обнародовали, и можете ли вы думать, чтобъ политическая система Россійской имперіи въ три мѣсяца перемѣнилась"? Отвѣта на эту рѣчь не было; но раздались крики: „Освободить Кожуховскаго"!— „Если станете кричать", отвѣчалъ Репнинъ, „ничего не сдѣлаю; крикомъ у меня ничего не возьмете; просите тихимъ, учтивымъ, порядочнымъ образомъ,— и тогда, можетъ быть, сдѣлаю вамъ удовольствіе". Подошелъ Радзивилъ и сталъ просить учтиво о Кожуховскомъ; Репнинъ обѣщалъ и немедленно исполнилъ обѣщаніе.

Сеймъ начался, и ничто не показывало, что онъ можетъ кончиться къ удовольствію русскаго посла. Никакъ не соглашались отправить къ Репнину полномочныхъ для переговоровъ о диссидентскомъ дѣлѣ; кричали, что эти делегаты вѣру къ погибели приведутъ. „Фанатическое упорство націи я не могу достаточно изъяснить", писалъ Репнинъ. „Я почти съ каждымъ особо переговорилъ, и всѣ отвѣчали одно, что не имѣютъ силъ противиться; большая же часть объявила, что готовы лишиться своего имѣнія и умереть, а на равенство съ диссидентами не согласятся; иные говорили мнѣ это со слезами. Сколько я ни работаю, сколько увѣщаній и строгости ни употребляю, сколько мнѣ король, Радзивилъ, Бростовскій, примасъ и подскарбій ни помогаютъ,—никакого успѣха нѣтъ. и предвижу, къ несчастію, что долженъ буду дойти до самыхъ крайностей". Видя, что уполномоченныхъ для переговоровъ сеймъ прислать не хочетъ, Репнинъ хотѣлъ предложить на сеймѣ, чтобъ присланы были къ нему делегаты спросить, что императрица желаетъ для диссидентовъ. Если-бъ и на это не согласились, то не оставалось другого средства, какъ послать на сеймъ для прочтенія меморіалъ и просить рѣшительнаго отвѣта. Репнинъ хотѣлъ дѣйствовать сообща съ иностранными министрами, поддерживавшими вмѣстѣ съ Россіею диссидентское дѣло. Главнымъ между ними былъ прусскій министръ Бенуа; но Репнину дали знать, что Бенуа подъ рукою препятствуетъ успѣху диссидентскаго дѣла, увѣряя, что Русскіе только грозятъ, а никогда угрозъ своихъ не исполнятъ, да и король Прусскій не выдастъ Поляковъ; особенно Бенуа хлопоталъ, чтобъ не была принята русская гарантія. Такъ-же подъ рукой, тихо, но усердно работали противъ гарантій Чарторыйскіе, видаясь по ночамъ съ Краковскимъ епископомъ. Со стороны Чарторыйскихъ особенно сильно дѣйствовалъ противъ Россіи князь Любомирскій, великій маршалокъ коронный, но такъ-же подъ рукою. Старики Чарторыйскіе подъ проклятіемъ и лишеніемъ наслѣдства запретили молодому князю Адаму быть делегатомъ для переговоровъ съ Репнинымъ о диссидентскомъ дѣлѣ.

Сеймовое засѣданіе 1 октября началось рѣчью епископа Кіевскаго, который въ своихъ выходкахъ противъ диссидентовъ дошелъ дотого, что вольность, утвержденную закономъ, называлъ дьявольскою и невольностію правовѣрныхъ; потомъ началъ жаловаться на арестъ Кожуховскаго, и, обратясь къ королю, требовалъ, чтобъ тотъ не на словахъ только, а на дѣлѣ показалъ свое правовѣріе.

Король отвѣчалъ, что, кромѣ усердія къ вѣрѣ католической, онъ обязанъ еще имѣть попеченіе о благополучіи отечества; напомнилъ объ обязательствахъ, въ которыя сама нація вступила чрезъ конфедерацію и посольство, отправленное къ императрицѣ; указалъ на вредъ, который произойдетъ, если этихъ обязательствъ не исполнить, и взаключеніе потребовалъ, чтобъ прочтенъ былъ приговоръ конфедерацій. Когда этотъ приговоръ былъ прочтенъ, то начался страшный шумъ; со всѣхъ сторонъ крики: „Кто подписалъ грамоту?" На это отвѣчалъ секретарь конфедераціи, что подписали маршалы по приговору соединенной генеральной конфедераціи. Тутъ поднялся Солтыкъ: „Вся конфедерація и сочинявшіе ее отроду кредитивныхъ грамотъ не читывали, и вѣрно грамотѣ не умѣютъ, если такую грамоту подписали; впрочемъ", продолжалъ Солтыкъ, „я этому не удивляюсь, потому что конфедерація принуждена была къ тому силою абсолютной державы; но мы теперь можемъ и должны все, ею ко вреду Польши сдѣланное, уничтожить, въ томъ числѣ и эту грамоту, какъ противную религіи и вольности; вольность наша нарушена совершенно взятіемъ подъ арестъ Чацкаго и Кожуховскаго; надобно послать къ русскому послу делегатовъ отъ сейма съ требованіемъ письменнаго отвѣта, по чьему повелѣнію онъ такъ поступалъ и имѣлъ ли на то инструкцію. Прежде полученія отвѣта отъ Репнина и прежде освобожденія Чацкаго не позволю ничего ни дѣлать, ни говорить на сеймѣ. Согласны ли всѣ на это?" Большая часть пословъ закричали: „Согласны"! Опять король началъ тихую рѣчь: „Сами не знаете, чего хотите; такая делегація оскорбитъ достоинство самой императрицы; вмѣсто всего этого, надобно прилежно разсмотрѣть поданный при началѣ сейма княземъ Радзивиломъ проектъ, сличить его съ актомъ конфедераціи и съ грамотою, отправленною къ императрицѣ; для этого я даю времени до 16-го іюля этого мѣсяца". Засѣданіе кончилось.

Узнавши объ этихъ событіяхъ, Репнинъ почелъ необходимымъ покончить съ Солтыкомъ. Во вторникъ, 2 октября, у Краковскаго епископа собралось провинціальное засѣданіе Малой Польши. Тутъ хозяинъ говорилъ еще сильнѣе, чѣмъ на сеймѣ, противъ диссидентовъ и гарантіи, и объявилъ, что сейма нельзя продолжать долѣе двухъ дней, будущей пятницы и субботы, потому что обыкновенный, двухнедѣльный срокъ, для чрезвычайныхъ сеймовъ этими двумя днями закончится. Еще сильнѣе Солтыка говорилъ воевода Краковскій, Венцеславъ Ржевускій, за нимъ— архіепископъ Львовскій и епископъ Кіевскій, Залускій. Вся провинція была согласна съ ними, исключая одного маркиза Веленольскаго, краковскаго земскаго посла, который тщетно противился этимъ рѣшеніямъ: никто его не слушалъ. Князь Чарторыйскій, воевода Русскій, былъ тутъ же и прямо противился гарантіи, но о диссидентахъ и продолженіи сейма говорилъ межъ зубовъ.

Когда засѣданіе кончилось и всѣ разъѣхались, Солтыкъ поѣхалъ ужинать къ маршалу Мнишку; узнавъ здѣсь, что команда, отправленная Репнинымъ, уже дожидается его на обратномъ пути, онъ расположился ночевать у Мнишка; тогда полковникъ Игельстромъ вошелъ въ домъ къ Мнишку и арестовалъ Солтыка, оттуда отправился къ Залускому, захватилъ его, а между тѣмъ подполковникъ Штакельбергъ забралъ Ржевусскаго и сына его Северина, старосту Долинскаго. Всѣ захваченые были отправлены съ достаточнымъ конвоемъ въ Вильну, къ генералъ-поручику Нумерсу, которому приказано было содержать ихъ съ довольствомъ и не оскорблять ничѣмъ. На третій день послѣ арестовъ явились къ Репнину делегаты, по одному сенатору изъ каждой провинціи, съ просьбою, чтобъ арестованнымъ была возвращена свобода и чтобъ остальные депутаты получили ручательство за свою безопасность.—„Арестованныхъ не выпущу", отвѣчалъ Репнинъ, „потому что они заслужили свою участь; я не отдаю никому отчета въ моихъ поступкахъ, кромѣ одной моей государыни, и, если хотите, можете обратиться прямо къ ней съ своею просьбой. По всемилостивѣйшему обѣщанію ея императорскаго величества, преимущество и безопасность каждаго члена республики будутъ свято соблюдаемы, если вы, въ свою очередь, будете свято сохранять свои обязательства, заключающіяся въ послѣднихъ актахъ конфедераціи и въ грамотѣ, отправленной къ ея императорскому величеству съ посольствомъ всей сконфедерованной республики, если земскіе послы поступать будутъ въ силу данныхъ имъ отъ сеймиковъ инструкцій".

Страхъ сдѣлалъ свое дѣло. Составили проектъ полномочія, назначили и полномочныхъ для переговоровъ съ Репнинымъ; Репнинъ, предлагая сеймовой депутаціи отсрочить сеймъ до 1-го февраля, говорилъ: „Кто будетъ противиться проекту акта лимитаціи сеймовой, съ тѣмъ я буду поступать какъ съ врагомъ императрицы, и подвергнется онъ той же участи, какую испыталъ Солтыкъ съ товарищами: кибитки уже готовы"! Сеймъ былъ отсроченъ. „Страхъ, происшедшій отъ взятія епископа Краковскаго и прочихъ его товарищей, сіе произвелъ", писалъ Репнинъ отъ 8 октября. „Я принужденъ былъ въ словахъ на всѣхъ оный страхъ распространить, особливо на Чарторыйскихъ, отзываяся громко, что я ихъ заберу, если еще противности сему проекту увижу, зная довольно, что они противъ сего интригуютъ. Таковыми отзывами въ трепетъ всѣхъ и ихъ такой привелъ, что ни одного голоса не было на сеймѣ противъ сего проекта, и что Чарторыйскіе, не смѣя уже ничего отказывать, приказали князю Адаму принять на себя делегацію".

Король не безъ удовольствія могъ видѣть, какъ враги его обманулись въ своихъ надеждахъ, составивъ конфедерацію. Благодаря своему поведенію въ послѣднее время, податливости въ диссидентскомъ дѣлѣ, онъ снова сблизился съ Репнинымъ и получилъ надежду провести свое любимое

дѣло, именно ограниченіе liberum veto. Репнинъ согласился ему въ этомъ содѣйствовать, но вопросъ былъ слишкомъ деликатенъ; посолъ не рѣшился прямо поддерживать желаніе короля у Панина; онъ ловко предложилъ дѣло въ видѣ вопроса, затронувъ въ Панинѣ самую нѣжную струну, систему Сѣвернаго союза. „Король желаетъ", писалъ Репнинъ, „чтобъ было опредѣлено, какіе вопросы должны рѣшаться единогласно и какіе большинствомъ голосовъ. Если ваше сіятельство намѣрены, что впредь изъ Польши сдѣлать для пріумноженія какого-либо Сѣверному союзу, то сіе истолкованіе съ осторожностію кажется позволить можно употребить, т.-е. выговоря и оставя навѣкъ подъ либерумъ вето главныя матеріи, сочиняющія форму здѣшняго правленія, какъ-то напримѣръ: чтобъ въ вольныхъ сеймахъ не инако учреждаемо какъ единогласіемъ умноженіе податей, прибавленіе войскъ, заключеніе всякихъ трактатовъ, объявленіе войны и мира, власть гражданскихъ и всякихъ государственныхъ чиновъ, ходъ и цѣна монеты, и иныя таковыя важныя; а прочія, до внутренняго порядка принадлежащія, кажется, можно предать безъ опасности многогласію (большинству голосовъ), ибо безъ сего порядка здѣсь не будетъ, а безъ порядка не можно будетъ употребить Польшу ни во что, если намѣреніи какія вы насчетъ ея имѣете". Но противъ этихъ словъ въ письмѣ Репнина находится замѣтка не Панина, а самой Екатерины, обращенная къ Панину: „Вспомните, сколько сіе есть опасно, ибо не всегда можно сказать, для чего разрывались сеймы; сверхъ того, сіе противорѣчитъ вовсе послѣднему вашему письму къ кня. Ре."— „Если же", продолжалъ Репнинъ, „не намѣрены вы ничего изъ Польши дѣлать, а оставить оную въ ея безпорядкѣ и замѣшательствѣ безконечномъ, то на истолкованіе сего закона соглашаться не надлежитъ, а отвѣчать прямо его Польскому величеству, что того позволить нельзя, понеже мы намѣрены законы удерживать, а не разрушать. Еще король говорилъ мнѣ, что въ недостаткахъ своихъ на меня сошлется въ письмѣ своемъ къ вашему с—ству; я-жъ о семъ по справедливости могу сказать, что жалко и прискорбно на его нищету смотрѣть, дотого сіе дошло, что клочками, червонныхъ по 500 и по тысячи, занимаютъ для того, что иногда дневного пропитанія почти не имѣютъ, да по несчастію и кредиту головой нѣтъ". Раздраженіе Репнина противъ подданныхъ Станислава-Августа высказывалось въ отзывѣ его о послахъ конфедераціи, бывшихъ при Русскомъ Дворѣ: „Если вы", писалъ онъ Панину, „по своей обыкновенной учтивости и милости, хоть мало попустите, то они вамъ смертельно надоѣдятъ таковыми безмозглыми и безконечными проектами, которые не будутъ имѣть ни начала, ни конца, ибо всѣ Поляки такая тварь, что сколь скоро ихъ изъ страха выпустишь, столь скоро они и изъ границъ всѣхъ тотчасъ выдутъ".

Панинъ потребовалъ, чтобъ Репнинъ привелъ диссидентовъ въ полное равенство съ католиками и въ неограниченномъ числѣ, и Репнинъ отвѣчалъ, что льстится сдѣлать это безопасно. „Сами наши партизаны", писалъ онъ, „увѣряли всѣхъ, что они льстятъ диссидентамъ для полученія нашего покровительства, но послѣ не позволятъ уступить имъ правительственныхъ должностей или вообще какихъ-нибудь важныхъ выгодъ; только нужныя дѣла посредствомъ конфедераціи передѣлаютъ, а диссидентскому дѣлу столько поставятъ препятствій, что мы принуждены будемъ отъ него отступиться. Такъ они и дѣйствительно тайкомъ поступали; но я заранѣе зналъ, и теперь почти увѣрить могу, что они совершенно ошибутся, и диссиденты будутъ приведены въ равенство съ католиками. Повторяю, что съ послѣдними управлюсь безъ шума, однимъ только строгимъ видомъ; но прошу посланникамъ у васъ перья ошибить, безъ чего они, ободряя своихъ сообщниковъ, такіе вздоры станутъ сюда писать, что здѣсь ихъ взбаломутятъ и взбунтуютъ. Чарторыйскіе совершенно уже отъ короля удалились и конечно вліянія на дѣла имѣть не будутъ; совершенное же ихъ искорененіе считаю противнымъ нашимъ интересамъ. Не надобно давать имъ перевѣса надъ нашею партіею, но нужно оставить ихъ пугалами, посредствомъ которыхъ будемъ крѣпче держать въ рукахъ своихъ настоящихъ сторонниковъ; а если эти наши сторонники не будутъ имѣть никакого страха внутри страны, то захотятъ, какъ Чарторыйскіе, независимо отъ насъ быть господами".

Репнинъ сдержалъ свои обѣщанія насчетъ диссидентскаго дѣла. Коммисія, назначенная для окончательнаго его рѣшенія, постановила слѣдующее: Всѣ диссиденты шляхетскаго происхожденія уравниваются съ католическою шляхтой во всѣхъ политическихъ правахъ; но королемъ можетъ быть только католикъ, и религія католическая остается господствующею. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ, сыновья остаются въ религіи отца, дочери—въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій. Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ наполовину изъ католиковъ и наполовину изъ диссидентовъ. Диссиденты могутъ строить новыя церкви и заводить школы; они имѣютъ свои консисторіи и созываютъ синоды для дѣлъ церковныхъ; всякій, и не принадлежащій къ католическому исповѣданію, можетъ пріобрѣтать индигенатъ въ Польшѣ.

Оставался другой вопросъ—объ уничтоженіи всего того, что было сдѣлано въ царствованіе Станислава-Августа для конституціонныхъ реформъ, и мы видѣли уже, какъ Репнину не хотѣлось огорчать короля совершеннымъ уничтоженіемъ всѣхъ этихъ попытокъ. Посолъ продолжалъ выставлять услуги, оказанныя королемъ Россіи въ послѣднее

время, старался показать, что нѣтъ никакой нужды приносить Станислава-Августа въ жертву врагамъ его, которые вовсе несильны, и что конфедерація не имѣетъ той важности, какую ей приписываютъ ея посланники въ Москвѣ; стоитъ только удовлетворить троихъ или четверыхъ вождей,—и все успокоится. Репнинъ представлялъ, что интересы императрицы требуютъ *уважать* короля, доказать ему, что съ ея дружбою тѣсно соединено его благополучіе, пріобрѣсть его полную довѣренность и прямую привязанность; приверженный къ Россіи, король не будетъ отказывать ея посланнику въ просьбахъ о награжденіи людей, преданныхъ Россіи, и такимъ образомъ легко будетъ составить себѣ сильную партію. Но какъ привязать къ себѣ короля, какъ составить себѣ партію изъ лучшихъ, достойнѣйшихъ людей? Король и лучшіе люди желаютъ ограниченія liberum veto. „Если вы", писалъ Репнинъ Панину, „намѣрены дать Польшѣ какую-нибудь, хотя малую состоятельность, для употребленія ея когда-нибудь противъ Турокъ, то нужно позволить внутренній порядокъ, ибо безъ него никакой и самой малой услуги или пользы мы отъ нея имѣть не будетъ, потому что сумятица и безпорядокъ въ гражданствѣ и во всѣхъ частяхъ въ такомъ градусѣ, что болѣе быть не могутъ. Если желаете, чтобы попрежнему всѣ безъ исключенія вопросы рѣшались на сеймахъ единогласно, и чтобъ чрезъ liberum veto сеймы, какъ и прежде, разрывались, то и это исполню. Сила наша въ настоящее время все можетъ. Но осмѣлюсь представить, что этимъ не только не утвердимъ довѣренности націи къ намъ и наше здѣсь вліяніе,—напротивъ: совсѣмъ ихъ разрушимъ, оставя рану въ сердцахъ всѣхъ разумныхъ и достойныхъ людей, которые желаютъ раздѣленія законовъ (на государственные, проходящіе единогласіемъ, и внутренніе, принимаемые по большинству голосовъ); а на этихъ людей однихъ надѣяться можно; они одни только, по своему разуму, могутъ стоять въ челѣ народа; слѣд. оскорбимъ мы бо́льшую часть націи, если подвергнемъ ее прежнему безпорядку чрезъ совершенное разрываніе сеймовъ, и этимъ докажемъ всей націи, что мы желаемъ одного — видѣть ее въ порабощеніи и смутахъ. Это произведетъ крайнее недовѣріе къ намъ и слѣдовательно будетъ препятствовать собрать независимую ни отъ кого, кромѣ насъ, партію надежныхъ и достойныхъ людей, на характеръ которыхъ и вліяніе въ народѣ мы могли бы полагаться. Если же соберемъ партію изъ людей, которые не пользуются уваженіемъ въ народѣ, то они намъ будутъ только въ тягость, а пользы не принесутъ, и будемъ принуждены все дѣлать единственно силой, а при такомъ способѣ дѣйствія нѣтъ никакой возможности имѣть свою независимую партію. Какая слава составить счастіе цѣлаго народа, позволивъ ему выйти изъ безпорядка и анархіи! Я вѣрю въ возможность соединенія политики съ человѣколюбіемъ; я льстился быть исполнителемъ намѣреній императрицы и вмѣстѣ содѣйствовать счастію народа, у котораго имѣю честь быть ея представителемъ". Прочтя это донесеніе, Екатерина написала Панину: „Никита Ивановичъ, вы можете приказать отвѣты заготовить въ силѣ того, на чемъ мы согласились, ибо лишь бы остался намъ способъ имѣть пользу отъ либерумъ вотумъ, то для чего бы не дозволить пользоваться сосѣдямъ нѣкоторымъ намъ индиферентнымъ порядкомъ, который еще и намъ иногда можетъ въ пользу оборотиться". Вслѣдствіе этого, относительно сеймовой формы было постановлено, что въ первыя три недѣли будутъ рѣшаться только экономическіе вопросы — и рѣшаться большинствомъ голосовъ; всѣ же государственныя дѣла будутъ рѣшаться въ послѣднія три недѣли— единогласіемъ [1]).

Мы видѣли, что союзнику, Прусскому королю, очень не нравилось настаиваніе Россіи на проведеніи диссидентскаго дѣла; но какъ онъ ни раздражался, какъ ни толковалъ, что Русская императрица не имѣетъ никакого права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, какъ ни толковалъ, что сосѣди Польши должны имѣть въ виду, чтобъ въ ней не было никакой перемѣны, а Россія, проводя диссидентское дѣло, производитъ этимъ самымъ перемѣну,—все же Русскій союзъ былъ для него необходимъ: безъ этого союза Пруссія была одинока и слаба. Когда министръ Финкенштейнъ представлялъ Фридриху, что нельзя далѣе слѣдовать за Русскими въ Польскихъ дѣлахъ, то онъ отвѣчалъ: „А если бы они были въ союзѣ съ Австріей, то мы должны были бы сносить терпѣливо все, что бы имъ ни вздумалось сдѣлать въ Польшѣ". Фридриху самому не хотѣлось идти далеко за Россію въ диссидентскомъ дѣлѣ, и обстоятельства помогли ему заключить съ Россіею новый договоръ, въ которомъ онъ складывалъ на Россію заботу и отвѣтственность въ дальнѣйшемъ веденіи диссидентскаго дѣла военными средствами. Извѣстія о вооруженіяхъ Австріи побудили Русскій Дворъ подписать въ апрѣлѣ 1767 года такой договоръ съ Пруссіею: Россія брала на себя защиту диссидентскихъ правъ вооруженною рукою, а Прусскій король обязывался поддерживать эти права только сильными и дружескими внушеніями; если же Австрійцы вторгнутся въ Польшу и нападутъ на русскія войска, то король обязывался сдѣлать диверсію нападеніемъ на Австрійскія владѣнія, за что императрица обѣщала ему соотвѣтственное вознагражденіе. Послѣднее обязательство Фридриху легко было взять на себя, ибо онъ разсчитывалъ, что извѣстіе о заключеніи такого договора между Россіею и Пруссіею удержитъ Австрію отъ вмѣшательства въ Польскія дѣла —и войны не будетъ.

Фридрихъ писалъ Сольмсу: „Я посылаю шпіоновъ и эмиссаровъ почти во всѣ австрійскія провинціи, чтобъ проникнуть намѣренія Австрійскаго Двора, и, кромѣ того, я жду двухъ эпохъ, которыя

[1]) Дѣла Польскія 1767 года

должны показать, что выйдетъ изъ тамошнихъ военныхъ приготовленій. Первая эпоха будетъ, когда образуется новая конфедерація и русскія войска вступятъ въ Польшу. Вторая эпоха,— когда соберется въ Польшѣ новый сеймъ: что если онъ станетъ просить покровительства Австріи" [1]). Но дѣло объяснилось просто: Австрія боялась, чтобъ и у нея не поднялся диссидентскій вопросъ.

Князь Димитрій Голицынъ изъ Вѣны увѣдомилъ императрицу о военныхъ приготовленіяхъ Австріи и объяснилъ причину ихъ тѣмъ, что Вѣнскій Дворъ, узнавъ о вступленіи въ Польшу значительнаго числа русскихъ войскъ, опасается волненій среди собственныхъ подданныхъ не-римскаго исповѣданія: не вздумали бы и они, по примѣру польскихъ диссидентовъ, требовать возвращенія отнятыхъ у нихъ правъ. Потомъ Голицынъ увѣдомилъ объ опасеніяхъ Вѣнскаго Двора, чтобъ подъ диссидентскимъ дѣломъ не скрывалось другого намѣренія,—чтобъ Россія и Пруссія не согласились относительно завладѣнія нѣкоторою частію Польскихъ земель, и въ такомъ случаѣ Австрія будетъ непремѣнно дѣйствовать вооруженною рукою, чтобъ помѣшать этому намѣренію; что же касается собственно диссидентскаго дѣла, то хотя оно и непріятно Австрійскому Двору, однако онъ не станетъ дѣйствовать въ Польшѣ вооруженною рукою [2]).

Болѣе опасности было въ Турціи.

Въ январѣ Обрѣзковъ доносилъ, что недоброжелатели Русскаго Двора всѣми ихъ силами и разумѣніемъ подущаютъ Порту вступиться за Поляковъ, сообщая ей все то, что можетъ оправдать поведеніе послѣднихъ,—сообщили даже и ехидную рѣчь папскаго нунція, произнесенную на послѣднемъ сеймѣ; они доказываютъ Портѣ неосновательность претензій Русскаго Двора на право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, при этомъ горячимъ сообщникомъ ихъ является Крымскій ханъ. Сначала Порта положила смотрѣть равнодушно на Польскія дѣла и послана хану запрещеніе въ нихъ вмѣшиваться; но ханъ снова прислалъ донесеніе, что самые знатные Поляки, въ виду притѣсненій отъ Русской императрицы за несогласіе удовлетворить ея требованіемъ въ дѣлахъ вѣры, вознамѣрились просить Порту о защитѣ и покровительствѣ, и объявили своему королю, что если онъ согласится на требованія Русской императрицы, то они непремѣнно лишатъ его престола. Французскій и австрійскій послы сейчасъ явились съ прежними представленіями, что Польша — государство независимое, и претензіи Россіи и Пруссіи относительно вѣры въ ней противны ея вольности; претензіи эти раздѣлятъ Польшу надвое и причинятъ безпокойство сосѣдямъ. Интернунцій прибавилъ, что его Дворъ не будетъ смотрѣть на это спокойно. Порта рѣшила — ожидать прямыхъ представленій отъ самихъ Поляковъ. Обрѣзковъ, увѣдомляя объ этомъ Панина, просилъ, чтобъ, при вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, начальствующимъ былъ данъ строгій приказъ не приближать къ турецкимъ границамъ никакого отряда, даже самаго малочисленнаго.

Отъ 2 апрѣля Обрѣзковъ увѣдомилъ Панина, что австрійскій и французскій послы сдѣлали Портѣ письменное представленіе, что Русскій Дворъ старается уничтожить польскую вольность и древніе уставы республики, и дѣлаетъ это съ такимъ самовластіемъ, какъ будто распоряжается въ собственномъ государствѣ. Такихъ поступковъ со стороны Россіи никто не ожидалъ, тѣмъ болѣе что Порта манифестами своими Французскому, Австрійскому и другимъ Дворамъ объявила, что никакъ не потерпитъ поврежденія вольности и древнихъ уставовъ польскихъ. Вслѣдствіе такихъ объявленій, Порта, для поддержанія собственнаго достоинства, должна соединиться съ ихъ Дворами и принять мѣры для защиты польской вольности и для безопасности собственныхъ границъ. Русскій Дворъ такъ смѣло распоряжается въ Польшѣ, надѣясь на союзъ съ Прусскимъ королемъ; несмотря однако на это, Дворы Австрійскій и Французскій не будутъ смотрѣть равнодушно на происходящее въ Польшѣ. Для противодѣйствія этой запискѣ, Обрѣзковъ подалъ Портѣ свою, въ которой доказывалъ права диссидентовъ и права Русской императрицы защищать ихъ; сообщилъ даже декларацію Екатерины Польскому правительству, въ которой утверждалось, что она, при этой защитѣ, не имѣетъ никакихъ корыстныхъ видовъ. Порта отвѣчала Обрѣзкову, что ей непонятно, какъ Русскій Дворъ можетъ интересоваться диссидентскимъ дѣломъ до такой степени, что ввелъ въ Польшу свое войско; если это дѣло имѣетъ связь съ статьями договора, то можно бы вести его чрезъ уполномоченнаго, не вводя войска къ области чужой державы. Быть можетъ, есть другія причины этого введенія, и извѣстны ли онѣ резиденту. Хотя въ деклараціи императрицы изъяснено, что ея величество незавидлива и нежелательна завладѣть Польскими землями, однако нѣкоторые противники не перестаютъ утверждать, что введеніе войска подъ предлогомъ защиты диссидентовъ собственно имѣетъ въ виду овладѣніе Польскими землями. Ясно видно, что Русскій Дворъ такого обмана не сдѣлаетъ; но такъ какъ дѣло не стоитъ того, чтобъ изъ-за него вводить войско, то невольно возбуждается сомнѣніе, и если настоящая причина такого поступка Русскаго Двора резиденту неизвѣстна, то желательно, чтобъ онъ испросилъ у Двора своего изъясненія.

„Диссидентское дѣло очень важно, ибо основано на статьѣ торжественнаго договора", отвѣчалъ Обрѣзковъ. „Цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ русскіе министры, находящіеся въ Варшавѣ, безпрестанно домогались прекращенія гоненія на диссидентовъ, и все понапрасну; мирныя средства были всѣ истощены, и потому введено войско, и это сдѣлано не для притѣсненія чьего-либо, а единственно для

[1]) Дѣла Прусскія 1767 года.
[2]) Дѣла Австрійскія 1767 года.

охраненія республики отъ междоусобной и неизбѣжной войны".

Лѣто прошло спокойно. Но въ октябрѣ Молдавскій господарь донесъ Портѣ, что въ Подолію, по близости къ турецкимъ границамъ, вступило большое русское войско съ осадною артиллеріею и бомбами; и тогда же получены были три письма изъ Польши: одно отъ Кіевскаго воеводы Потоцкаго, другое—отъ Солтыка, третье—отъ Каменецкаго епископа Красинскаго. Во всѣхъ трехъ письмахъ говорилось одно: что Портѣ уже извѣстно, съ котораго времени Польское королевство терпитъ притѣсненія отъ русскихъ войскъ, и какимъ образомъ эти войска препятствуютъ естественному теченію вольности и дѣйствіямъ древнихъ уставовъ королевства. Послѣ Бога, Польша не имѣетъ другой надежды получить помощь, какъ только отъ Порты: на нее прямые сыны отечества возлагаютъ все свое упованіе и надѣются найти безопасное убѣжище въ близости границъ турецкихъ. Покорнѣйше умоляютъ они Порту приказать Крымскому хану и другимъ пограничнымъ начальникамъ подать притѣсненнымъ руку помощи. Эти письма сильно встревожили Порту, повели къ образованію двухъ партій. Министерство продолжало утверждать, что надобно смотрѣть равнодушно на дѣйствія Русскихъ въ Польшѣ; но другія вліятельныя лица, и особенно духовенство, стало говорить, что не въ интересѣ Порты терпѣть такое долговременное господство Россіи въ Польшѣ. Обрѣзковъ деньгами привелъ въ дѣйствіе разныя потаенныя пружины и довелъ дотого, что ему сдѣланъ былъ запросъ насчетъ донесенія Молдавскаго господаря, который, разумѣется, онъ могъ легко опровергнуть. Его отвѣтъ снова успокоилъ Порту, которая не удостоила отвѣтомъ Потоцкаго, Солтыка и Красинскаго, а хану предписала не принимать никакого участія въ польскихъ смутахъ, и только дать знать Полякамъ, что Порта не потерпитъ приближенія русскихъ войскъ къ своимъ границамъ, но чтобъ и Поляки остерегались производить безпокойство въ ея границахъ. Но въ концѣ октября Порта начала опять безпокоиться вслѣдствіе извѣстій о ходѣ сейма, объ арестахъ Солтыка съ товарищами и вслѣдствіе ропота многихъ на нерадѣніе правительства, позволяющаго занятіе Польши русскими войсками. Вслѣдствіе этого безпокойства, хотинскій гарнизонъ велѣно было усилить. Французскій посолъ подалъ записку, въ которой говорилъ, что Польша и равновѣсіе Европы находятся въ опасности; что Россія еще со временъ Петра Великаго стремится къ уничтоженію въ Польшѣ liberum veto; Петръ не успѣлъ достигнуть своего намѣренія и оставилъ эту идею въ наслѣдство своимъ преемникамъ. По смерти короля Августа III, Русскій Дворъ возвелъ извѣстными средствами на Польскій престолъ свою креатуру и возжегъ усобицу между Поляками для своихъ выгодъ, наполнивши страну свою войсками. Порта въ собственныхъ интересахъ не можетъ быть равнодушна, и единственное средство для нея къ отвращенію зла—это заключеніе союза между нею и Франціею. Ханъ прислалъ Татарина, только-что возвратившагося изъ Варшавы, съ вѣстями: что Россія совершенно привела Польшу въ свою зависимость, такъ что это королевство должно почитать погибшимъ, если Порта не поспѣшитъ спасти его; что Россія, окончивъ по своему желанію настоящія дѣла, вынудитъ у Поляковъ уступку областей, лежащихъ въ турецкомъ сосѣдствѣ, и для этого сорокатысячное русское войско останется въ Польшѣ на неопредѣленное время; что князь Репнинъ принудилъ республику наложить на Поляковъ новую подать для содержанія русскаго войска, и обложилъ этимъ войскомъ Варшаву такъ, что съѣстные припасы не впускаются въ городъ безъ его билетовъ; что Поляки желаютъ, чтобъ Порта прислала какого-нибудь агу въ Варшаву подъ предлогомъ поздравленія короля,—ага этотъ долженъ препятствовать на сеймѣ успѣху вредныхъ русскихъ предпріятій. Въ Константинополѣ не подвергали критикѣ подобныхъ извѣстій, не спрашивали, могъ ли крымскій Татаринъ быть хорошимъ наблюдателемъ варшавскихъ событій и привезти однѣ вѣрныя вѣсти. Великій визирь, какъ только Татаринъ кончилъ свои россказни, закричалъ: „Кто этого ожидалъ? Слушай послѣ того русскія увѣренія! Какъ теперь донести это государю? Непремѣнно дѣла должны запутаться!" Начались совѣты; долго разсуждали, наконецъ положили: прежде чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе, потребовать у Обрѣзкова разъясненія дѣла, и если это разъясненіе окажется неудовлетворительнымъ, то Порта объявитъ себя защитницею вольности и правъ Польши, и отправитъ туда посланника.

3-го декабря Обрѣзковъ имѣлъ тайную конференцію съ рейсъ-эффенди. Разговоръ продолжался четыре часа; Обрѣзковъ, по его словамъ, „всякій пунктъ въ своемъ мѣстѣ очистилъ и объяснилъ такимъ образомъ, что рейсъ-эффенди казался о истинѣ быть увѣреннымъ и довольнымъ". Рейсъ-эффенди сказалъ: „Если вы меня увѣряете въ томъ, что Россія не имѣетъ намѣренія увеличить свои владѣнія насчетъ Польши, то взаимно и я васъ обнадеживаю, что Порта до окончательнаго рѣшенія Польскихъ дѣлъ не будетъ обращать вниманія ни на какія подущенія, происки и клеветы, въ безчисленномъ количествѣ до нея доходящія Порта не сдѣлаетъ никакого поступка, который могъ бы еще болѣе затруднить Польскія дѣла или отдалить ихъ окончательное рѣшеніе; но Порта обѣщаетъ это съ однимъ условіемъ,—что русскія войска, по окончаніи всѣхъ дѣлъ, должны выступить изъ Польши въ 15 или много въ 20 дней, и, кромѣ того, чтобъ были освобождены всѣ арестованные". Обрѣзковъ, не видя, по его словамъ, въ предложеніяхъ турецкаго министра ничего неспра-

недливаго и неразумнаго, согласился на эти два условія [1]).

Такая же борьба между русскимъ и французскимъ послами шла на Сѣверѣ, въ Швеціи. Швеція приняла предложеніе Россіи высказаться въ пользу польскихъ диссидентовъ-протестантовъ, несмотря на сопротивленіе французской партіи, которая говорила, что диссидентская конфедерація есть простое возмущеніе, котораго поддерживать не слѣдуетъ. Для поддержанія русской партіи, которая настояла на отказѣ отъ французскихъ субсидій, надобно было доставить Швеціи англійскія субсидіи; но Англія не соглашалась платить ихъ. Императрица по этому поводу написала для Панина на депешѣ Остермана: „Все на насъ они (Англичане) валятъ, и истинно сердиться хочется, что они столь слабо и слѣпо поступаютъ. Дайте г. Макартнею сіе почувствовать; чрезъ подобные поступки мало пріобрѣтутъ себѣ уваженія". А между тѣмъ Остерманъ доносилъ, что французскій посланникъ Бретейль имѣетъ частныя тайныя свиданія съ королевой въ комнатѣ фрейлины Горнъ. Бретейль отправлялся къ фрейлинѣ подъ видомъ простого визита, но встрѣчалъ тутъ королеву, которая приходила скрытымъ ходомъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ. Король имѣлъ частное свиданіе съ французскимъ посломъ и посланникомъ испанскимъ въ деревнѣ камергера графа Делагарди, куда король пригласилъ ихъ для охоты на оленей; свита была небольшая — однѣ французскія креатуры; а незадолго передъ тѣмъ французскій посолъ видался съ королемъ въ арсеналѣ вслѣдствіе какъ будто нечаянной встрѣчи. Остерманъ кончилъ свою переписку этого года съ Панинымъ извѣстіемъ о средствахъ, которыя употреблялъ Шведскій Дворъ, чтобъ воспрепятствовать стокгольмскому обществу, особенно молодежи, собираться у русскаго посла: какъ скоро Дворъ узнавалъ, что у Остермана званный ужинъ, — немедленно разсылались приглашенія знатнымъ особамъ, мужчинамъ и женщинамъ, то къ королю, то къ наслѣдному принцу. На святкахъ Остерманъ далъ балъ; при Дворѣ въ тотъ же вечеръ назначенъ былъ розыгрышъ лотереи; тогда приглашенные Остерманомъ гости объявили ему, что пріѣдутъ къ нему къ ужину послѣ лотереи; но когда при Дворѣ узнали объ этомъ, то вмѣсто лотереи назначенъ былъ балъ, продолжавшійся и послѣ ужина: „Я могъ бы избѣжать этихъ непріятностей прекращеніемъ званныхъ вечеровъ", писалъ Остерманъ; „но зная, что король и королева нарочно поступаютъ такъ для усиленія своей партіи, для отнятія у меня способа привлекать молодыхъ людей къ нашимъ видамъ и прямо объ этомъ объявляютъ, говоря, что не привыкли зависѣть въ своихъ забавахъ отъ русскаго ига, я думаю продолжать до самаго Великаго поста угощенія и балы, дабы, не имѣя возможности имѣть избранныхъ, угощать въ своемъ домѣ хотя оглашенныхъ". Панинъ замѣтилъ на письмѣ: „Всегда была сія политика у французскихъ партизановъ и всегда съ успѣхомъ [2])"!

Генералъ Философовъ доносилъ на картѣ изъ Копенгагена, что баронъ Бернсторфъ по секрету сообщилъ ему о переводѣ изъ Франціи 500,000 ливровъ въ Швецію, къ Бретейлю, для подкрѣпленія французской партіи; что по полученіи этихъ денегъ Бретейль имѣлъ два свиданія съ королевой въ комнатахъ ея камеръ-фрейлины, но что между королевой и посломъ происходили частыя несогласія относительно употребленія этихъ денегъ. Говоря объ этомъ, Бернсторфъ замѣтилъ, что эти слабыя попытки нисколько не воскресятъ убитой французской партіи, и никакія интриги не будутъ въ состояніи довести до созванія чрезвычайнаго сейма. Философовъ поставилъ на видъ необходимость для Россіи и Даніи, преимущественно для послѣдней, дѣйствовать въ Швеціи въ неразрывномъ союзѣ, необходимость для Даніи не искать себѣ тамъ другихъ друзей, кромѣ приверженцевъ Россіи. Бернсторфъ отвѣчалъ, что хотя ихъ министръ въ Стокгольмѣ, Шакъ, уже снабженъ особымъ повелѣніемъ на этотъ счетъ, но это повелѣніе еще ему будетъ подтверждено, и даже просилъ Философова назначить сроки для исполненія этого предписанія (въ подлинникѣ: „И отдаетъ мнѣ на волю термины избранія предписать").—„Я", доносилъ Философовъ, „оставилъ на волѣ сего благоразумнаго и совершенно преданнаго вашему в—ству министра новый подтвердительный указъ королевскій Шаку отправить, чтобъ оный во всемъ согласно съ графомъ Остерманомъ содѣйствовалъ".

Но этому благоразумному и совершенно преданному Россіи министру грозила большая опасность, которую Философовъ вмѣстѣ съ Сальдерномъ должны были предотвращать. Сальдернъ писалъ Панину въ январѣ о своемъ разговорѣ съ министрами англійскимъ и прусскимъ, которые прямо стали приглашать его къ содѣйствію въ низверженіи Бернсторфа. Сальдернъ въ отвѣтъ расхохотался и сказалъ: „Развѣ вы, любезнѣйшіе мои господа, здѣсь для того, чтобъ низвергать датское министерство? По крайней мѣрѣ я здѣсь не для того". Тѣ замолчали, и прусскій министръ не возобновлялъ разговора; но англійскій началъ опять, и Сальдернъ далъ ему дружески почувствовать всю смѣшную сторону этого предложенія. Прусскій министръ Боркенъ, по словамъ Сальдерна, былъ извѣстный интриганъ, человѣкъ злобный и лжецъ. Бернсторфъ объявилъ Сальдерну, что Боркенъ часто внушалъ королю пагубныя мысли; что онъ, Бенсторфъ, считаетъ его человѣкомъ опаснымъ. Сальдернъ началъ наблюдать, развѣдывать, и, вслѣдствіе этихъ развѣдываній, сообщилъ Панину, что Фридрихъ II-й говорилъ англійскому министру въ Берлинѣ, Митчелю; король говорилъ, что онъ недо-

---

[1]) Дѣла Турецкія 1767 года.

[2]) Дѣла Шведскія 1767 года.

воленъ посольствомъ Сальдерна къ нему и хочетъ жаловаться на Сальдерна Панину; что онъ смотритъ на Сальдерна, какъ на человѣка помѣшаннаго на своей Сѣверной системѣ, а что онъ, король, считаетъ эту систему вредною для Великобританіи и Пруссіи. Сальдернъ сообщалъ, что Митчель, преданный безгранично Прусскому королю и помѣшанный на необходимости самаго тѣснаго союза между Пруссіею и Англіею, внушаетъ Лондонскому Кабинету, что слишкомъ тѣсный союзъ между Россіею и Даніею, надъ которымъ работаетъ Сальдернъ, дастъ перевѣсъ Россіи: надобно, чтобъ Англія соединилась съ Пруссіею, чтобъ помѣшать Россіи сдѣлаться центральнымъ и главнымъ государствомъ на Сѣверѣ. Русскимъ министрамъ въ Копенгагенѣ надобно было противодѣйствовать движеніямъ Пруссіи и Англіи; для этого надобно было поддерживать Бернсторфа, надобно было дѣйствовать на короля. Король, по отзывамъ Сальдерна и Философова, былъ очень дурно воспитанъ. Онъ былъ не глупъ, имѣлъ свѣдѣнія, но былъ слишкомъ живъ, слишкомъ легокъ и потому непослѣдователенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Притомъ естественно для человѣка, освободившагося отъ рабства, заблудиться на свободѣ, которая такъ близко граничитъ съ своеволіемъ. Король видитъ себя выше законовъ, которыхъ природы и силы онъ не знаетъ; онъ не довѣряетъ, удаляется отъ министровъ отца своего и презираетъ придворную молодежь, которая все ниже его по способностямъ. Сальдернъ сообщилъ Панину свое убѣжденіе, что король будетъ имѣть довѣріе къ Бернсторфу, не имѣя къ нему дружбы. „Король", писалъ Сальдернъ, „любитъ поговорить и часто разговариваетъ со мною; я не скрываю отъ него истины, когда нахожу удобный случай ее проповѣдывать. Французскій министръ бѣсится, а прусскій кусаетъ себѣ губы, потому что прежде онъ пользовался этимъ преимуществомъ".

22 февраля является къ Сальдерну и Философову Бернсторфъ и съ ужасомъ объявляетъ по-секрету, что король предпринялъ произвести большія перемѣны въ войскѣ, отнимаетъ главное управленіе военнымъ департаментомъ у зятя своего, принца Гесенскаго, и поручаетъ фельдмаршалу С. Жермэну; почти всѣ прежніе члены этого департамента будутъ смѣнены, и полковникъ графъ Герцъ получитъ департаментъ кавалеріи; но своевольный и безчестный характеръ Герца пугаетъ его, Бернсторфа: онъ посредствомъ интригъ можетъ овладѣть королевскимъ сердцемъ и довести государя до жестокихъ поступковъ; этотъ самый Герцъ старался склонить короля къ совершенному изгнанію принца Гессенскаго изъ государства; въ этомъ не успѣлъ, но все же принцъ удаляется штатгальтеромъ въ Шлезвигъ. Русскіе министры замѣтили Бернсторфу, что подъ принца Гессенскаго подкопался Герцъ не одинъ, а вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ Боркеномъ. Но замѣчаніе, разумѣется, не уменьшило опасеній Бернсторфа, который высказалъ свое отчаяніе, что внутренними средствами нельзя предотвратить эту ужасную бурю. Тогда русскіе министры предложили ему себя орудіями для отстраненія такихъ непріятныхъ обстоятельствъ: они готовы, именемъ императрицы, ходатайствовать у короля за принца Гессенскаго, и въ случаѣ если король не согласится исполнить ихъ просьбы, то пригрозить ему разрывомъ съ Россіею. Бернсторфъ отвѣчалъ, что русскіе министры — единственныя существа, которыя могутъ подѣйствовать на короля. Не медля ни мало, Сальдернъ послалъ просить аудіенціи подъ предлогомъ, что, выздоровѣвши, онъ хочетъ поблагодарить короля за частыя освѣдомленія его величества о ходѣ болѣзни. Король назначилъ часъ, и Сальдернъ, „по извѣстному своему дару убѣдительно говорить" (слова Философова), успѣлъ показать королю весь вредъ, могущій произойти отъ удаленія принца Гессенскаго, такъ-что король тутъ же перемѣнилъ намѣреніе удалить принца въ Шлезвигъ. Восхищенный Бернсторфъ называлъ Сальдерна и Философова ангелами-хранителями Даніи. Можно было выхлопотать только оставленіе принца Гессенскаго въ Копенгагенѣ; но военнымъ министромъ сталъ С. Жермэнъ, съ которымъ Философовъ и Сальдернъ должны были бороться для поддержанія преданныхъ себѣ людей.

Въ самомъ концѣ августа мѣсяца Бернсторфъ тайно, чрезъ третье лицо, далъ знать Философову, что король, по внушеніямъ С. Жермэна, согласился принять въ свою службу прусскаго посланника Боркена, и если русскій министръ не заставитъ короля именемъ императрицы отмѣнить это рѣшеніе, то паденіе министерства неминуемо. Философовъ немедленно потребовалъ аудіенціи и прямо объявилъ, что Боркенъ противенъ императорскому Двору; а если онъ будетъ принятъ въ датскую службу, то союзный договоръ между Россіею и Даніею никогда не будетъ подписанъ. Аудіенція продолжалась до трехъ часовъ; король оправдывалъ себя: увѣрялъ, что ему и въ голову никогда не приходило сдѣлать что-либо противное императрицѣ; что фельдмаршалъ С. Жермэнъ ни въ какія политическія дѣла не мѣшается и никакихъ внушеній ему никогда не дѣлалъ. Тогда Философовъ потребовалъ торжественнаго обѣщанія, что король никогда не приметъ Боркена въ свою службу и никогда не приблизитъ Герца къ своей особѣ. Король отвѣчалъ, что онъ никогда и не хотѣлъ этого дѣлать; но Философовъ настаивалъ, чтобъ онъ далъ обѣщаніе и впередъ никогда этого не дѣлать; наконецъ король далъ обѣщаніе въ этихъ словахъ: „Наиторжественнѣйше королевскимъ своимъ словомъ ея величеству обязуюсь Боркена никогда въ свою службу не принимать и Герца къ своей особѣ не приближать, и притомъ прошу императрицу употребить сильное содѣйствіе къ тому, чтобъ Прусскій король скорѣе отозвалъ Боркена отъ Датскаго Двора". Выходя съ аудіенціи, Философовъ сказалъ королю: „Оставляю ваше вели-

чество въ увѣренности, что данное вами обѣщаніе будетъ всегда для вашего величества священно и ненарушимо". — „Призываю небо въ свидѣтели", отвѣчалъ король, „что обѣщаніе это почитаю столь же для себя обязательнымъ, какъ и подписанный договоръ".—„И, несмотря на все это", писалъ Философовъ Панину, „легкомысленный нравъ короля и усиленіе противной партіи внушаютъ мнѣ опасеніе, что все можетъ перемѣниться, настоящее министерство падетъ, и наши переговоры будутъ разорваны. Настоящее министерство крайне робко: оно не только не смѣетъ дѣлать королю сильныхъ представленій, но даже боится показать наималѣйшій видъ своего согласія со мною; исключая одного конференціальнаго дня въ недѣлю, я, по просьбѣ Бернсторфа, принужденъ избѣгать свиданій съ нимъ, и всѣ сообщенія и мнѣнія получаю отъ него чрезъ статскаго совѣтника Шумахера. Напротивъ того, С. Жермэнъ отважно дѣлаетъ королю свои внушенія и тѣмъ беретъ верхъ надъ остальными министрами". Бернсторфъ далъ знать Философову, что къ союзному договору между Россіею и Даніею необходимо прибавить сепаратную статью, въ которой бы король обязался никогда Боркена въ свою службу не принимать и Герца къ своей особѣ не приближать. Императрица написала Панину по этому поводу: „Надобно такъ сдѣлать, чтобъ Прусскій король отозвалъ Борка. — Правда, что секретный артикулъ будетъ страненъ и не сдѣлаетъ чести королю Датскому".

Философовъ извѣстилъ императрицу о выраженіяхъ глубочайшей благодарности со стороны Бернсторфа по поводу полученія торжественнаго королевскаго обѣщанія; онъ обвинялъ министровъ въ робости, короля—въ легкомысліи. Но Сальдернъ въ письмѣ своемъ къ Панину, въ концѣ года, старался оправдать короля и сильно обвинить министровъ въ неблагодарности, хотя Философовъ удовлетворительно объяснялъ ихъ поведеніе тою же робостію. „Мы сдѣлали невозможное", писалъ Сальдернъ, „не только для удаленія грозившей опасности, но и для отысканія дороги къ сердцу короля, чтобъ сдѣлать постояннымъ и твердымъ все то, что имъ сдѣлано, и сдѣлано не вслѣдствіе страха и насилія, но по убѣжденію и добровольно. Король—молодой человѣкъ, чрезвычайно живой и страстный, склонный къ удовольстіямъ не по темпераменту, но изъ какого-то легкомыслія и изъ желанія узнать все собственнымъ опытомъ. Онъ достоинъ сожалѣнія. Онъ хочетъ добра, лишь бы ему оставили его маленькія дурачества. Онъ хочетъ добра не на словахъ только; видно, что онъ дѣлаетъ добро. Несчастіе въ томъ, что ни одинъ изъ его министровъ не обладаетъ его довѣріемъ; но большее несчастіе въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не даетъ себѣ труда снискать его уваженіе и довѣріе, получить доступъ къ его сердцу, которое непремѣнно будетъ послушно, если министры немного болѣе будутъ примѣняться къ фантазіямъ государя и будутъ имѣть болѣе ловкости въ пріобрѣтеніи его довѣрія. Таково мое мнѣніе. Оно основано на собственномъ опытѣ: я знаю, что, польстя немного его самолюбію, можно взять надъ нимъ власть, надобно дать видъ, какъ будто онъ дѣйствуетъ по собственной волѣ и по собственному разумѣнію. Но я не могу умолчать, что здѣшніе министры, поддерживаемые нами, оказываются неблагодарными. Ни одинъ изъ нихъ не поблагодарилъ насъ приличнымъ образомъ за нашу ревность къ ихъ пользѣ, тогда какъ мы первые ихъ поздравили съ ихъ торжествомъ. Ни одинъ не отдалъ намъ потомъ визита: едва графъ Бернсторфъ, съ своимъ обычнымъ двоедушіемъ, сдѣлалъ намъ въ третьемъ мѣстѣ знакъ рукою, что знаетъ, чѣмъ намъ обязанъ, а графъ Ревентлау, человѣкъ грубый и тщеславный, не обнаружилъ къ намъ ни малѣйшей признательности" [1]).

Датскимъ посланникомъ при Прусскомъ Дворѣ былъ Ассебургъ, который выставляется какъ другъ Панина и приверженецъ Пруссіи. Генрихъ Шерлей, завѣдывавшій дѣлами англійскаго посольства въ Россіи, по отъѣздѣ Макартнея, отзывался объ Ассебургѣ, что его скорѣе надобно считать министромъ Прусскаго, чѣмъ Датскаго Двора. Это была дурная рекомендація предъ англійскимъ министерствомъ, которое приписывало Фридриху II-му всѣ неблагопріятныя внушенія въ Россіи относительно Англіи, что было и справедливо, какъ мы знаемъ. Совершенно справедливо писалъ Шерлей своему Двору объ отношеніяхъ Прусскаго короля къ Россіи: „Я убѣжденъ, что онъ не входитъ искренно въ виды этого Двора; что онъ вовсе не приверженецъ Сѣверной системы; что одна необходимость (союзъ Австріи, его естественнаго врага, съ Бурбонскимъ Домомъ) можетъ заставить его искать убѣжища подъ покровительствомъ Россіи; что если бы онъ могъ дѣйствовать открыто съ безопасностію для себя, то онъ немедленно составилъ бы сильную оппозицію намѣреніямъ императрицы; что онъ съ большимъ неудовольствіемъ стотритъ на быстроту, съ какою она увеличиваетъ свою власть и значеніе. Стоитъ внимательно наблюдать его поведеніе въ Константинополѣ, Польшѣ, Даніи и Россіи, чтобъ видѣть, какъ онъ боится Россіи, а вовсе не преданъ ея интересамъ; хотя онъ не станетъ объявлять себя открыто, а дѣйствуетъ только подъ рукою, однако онъ дѣлаетъ все возможное, чтобъ только помѣшать успѣху Панинской системы. Нѣтъ сомнѣнія, что съ великою досадою увидалъ бы онъ союзъ между нашимъ королемъ и императрицею".—Это справедливо, но странно было бы предполагать, какъ это дѣлали Англичане, что Россія, по внушеніямъ Фридриха II-го, не соглашается заключать союза съ Англіею съ исключеніемъ Турціи изъ случая союза. Екатерина хотѣла прежде всего мира; сильно тяготилась смутами польскими и шведскими, тѣмъ менѣе могла желать войны съ Турціею. Будучи

[1]) Дѣла Датскія 1767 года.

убѣждена, что Австрія, и особенно Франція, не упускаютъ случая дѣлать Портѣ враждебныя внушенія противъ Россіи, Екатерина хотѣла, чтобъ Англія, напротивъ того, употребляла всѣ усилія для удержанія Турокъ отъ войны, что та непремѣнно и дѣлала бы изъ собственнаго интереса, если бы, по союзному договору, обязалась помогать Россіи въ случаѣ нападенія Турокъ на послѣднюю. Вотъ почему и Шерлей слышалъ отъ Панина прежнее, что съ исключеніемъ Турціи союзъ заключенъ не будетъ

И Шерлей также внимательно слѣдилъ за судьбою Панина. Отъ 9-го мая 1767 года до насъ дошла любопытная записочка Бецкаго къ Екатеринѣ, гдѣ выражается сильное нерасположеніе къ Панину, сильное неудовольствіе на его важное значеніе: „Вижу, что у вашего величества Никитка — великъ человѣкъ, кланяться ему поѣду сегодня, тоже и другимъ присовѣтую“ [1]). Отъ конца тогоже мая Шерлей пишетъ своему министерству, что зависть Орловыхъ къ Панину вспыхнула съ новою силою; что они ищутъ его погибели, употребляютъ всѣ средства, чтобъ очернить его въ глазахъ императрицы. Внушаютъ, что нельзя въ одномъ лицѣ соединить и надзоръ за воспитаніемъ великаго князя, и завѣдываніе иностранными дѣлами,—необходимо Панина назначить канцлеромъ, а воспитаніе наслѣдника поручить другому лицу, и указывали на Ив. Ив. Шувалова; но удаленіе Панина изъ дворца будетъ знакомъ его паденія. Екатерина противится, старается мирить Панина съ Орловыми. и, къ счастію Панина, опасно заболѣваетъ графъ Алексѣй Орловъ: если и останется живъ, то будетъ принужденъ ѣхать лѣчиться за границу, а безъ него Григорій Орловъ ничего не сдѣлаетъ [2]).

Въ началѣ 1768 года въ Петербургѣ могли думать, что тяжелое Польское дѣло окончено. „Теперь для насъ настало время спокойствія“, сказалъ Панинъ Сольмсу [3]). И въ Варшавѣ король опятъ сталъ думать о преобразованіяхъ. Въ концѣ февраля (5 марта н. с.) Станиславъ-Августъ писалъ императрицѣ: „Такъ какъ все сдѣлалось въ Польшѣ по вашему желанію, то всѣ полезныя Польшѣ установленія и всѣ личныя выгоды, мною полученныя, составляютъ новое право на мою благодарность къ вашему императорскому величеству. Я признаю эти права и всегда буду признавать ихъ такъ-же открыто, какъ содѣйствую исполненію вашихъ желаній. Неизмѣнная прямота моего характера въ то же время предписываетъ мнѣ безпрестанно возобновлять предъ вашимъ величествомъ настоятельныя просьбы относительно предметовъ, которые, по моему убѣжденію, необходимы для счастія Польши. Оставьте мнѣ надежду, что вы будете соглашаться на нихъ постепенно, что отъ васъ я получу рано или поздно эти безцѣнныя блага“.—„Радуюсь“, отвѣчала Екатерина, „что я помогла республикѣ получить конституцію постоянную, неизмѣнную и выгодную для всѣхъ сословій“.

Радость императрицы, что дана была „постоянная, неизмѣнная“ конституція, могла показать королю, что ему трудно надѣяться на содѣйствіе Россіи въ измѣненіи этой конституціи, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ ея частяхъ. Въ Петербургѣ прежде всего хотѣли докончить дѣло,—показать, что нельзя безнаказанно быть ложными друзьями Россіи. Въ Петербургѣ увидали ясно, что Чарторыйскіе и, подъ ихъ вліяніемъ, король хотѣли употребить Россію орудіемъ для измѣненія конституціи, и когда Русскій Дворъ, въ надеждѣ на преданность къ себѣ *русской* партіи, захотѣлъ употребить Чарторыйскихъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, тѣ отказались помогать, что сочтено было вѣроломствомъ. Отношенія къ фамиліи такимъ образомъ опредѣлились, и на будущее считали необходимымъ освободить короля и страну совершенно отъ вліянія Чарторыйскихъ. Пріѣхавшій изъ Москвы въ самомъ концѣ 1767 года полковникъ Игельстромъ передалъ Репнину желаніе Панина, чтобъ старшій Чарторыйскій, великій канцлеръ Литовскій, былъ *выжитъ* изъ министерства. Репнинъ охотно взялся за дѣло и, чрезъ разные каналы, между прочимъ чрезъ дочь старика, воеводину Виленскую, сдѣлалъ ему внушенія, чтобъ на старости лѣтъ не дожидался несчастій, какія могутъ съ нимъ случиться, а заранѣе добровольно сложилъ бы съ себя свой чинъ; въ противномъ случаѣ онъ потеряетъ этотъ чинъ вслѣдствіе суда конфедераціи, по обвиненію въ возмущеніи отечества интригами. Вся фамилія, не исключая и короля, сильно встревожилась угрозами Репнина, потому что осужденіе судомъ конфедераціи считалось очень позорнымъ. Король сказалъ Репнину, что онъ проситъ императрицу не допускать до этого суда и не класть пятна на его ближайшаго родственника. Репнинъ съ суровымъ видомъ отвѣчалъ, что донесетъ объ этомъ императрицѣ, но не можетъ между тѣмъ остановить исполненія полученныхъ имъ предписаній—подкрѣплять конфедерацію въ ея дѣйствіяхъ. Тогда всѣ Чарторыйскіе начали старика уговаривать, чтобъ предупредилъ несчастіе сложеніемъ своего чина, но старикъ отвѣчалъ, что скорѣе подвергнется суду и осужденію, чѣмъ изъявитъ робость.—„Итакъ не знаю“, писалъ Репнинъ, „удастся ли мнѣ его застращать и чрезъ то изъ министерства выпихнуть; коль же нѣтъ, то сдѣлаю видъ, что на нихъ сжалился и что ея императорское величество изъ единственнаго милосердія до сего поступка повелѣла не допускать“. Потомъ Репнинъ донесъ, что Чарторыйскій согласенъ лучше претерпѣть всевозможныя бѣдствія, чѣмъ сложить свой чинъ, ибо послѣднее дѣйствіе могло бы имѣть видъ признанія, что онъ достоинъ какого-либо наказанія. Но и терпѣть какія нибудь бѣдствія старику также не прави-

[1]) Въ Госуд Архивѣ.
[2]) Сборн. Русск. Истор Общ. XII, 292 и слѣд.
[3]) Max Duncker—Aus der Zeit Friedrichs des Gross. et. c. 162.

лось, и потому онъ далъ знать Репнину, что не только онъ, но и братъ его, воевода Русскій, тотчасъ послѣ сейма отправятся изъ Варшавы въ свои деревни и болѣе ни въ какія дѣла мѣшаться не станутъ, желая окончить остающееся имъ время жизни въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ. Репнинъ высказывалъ по этому поводу такое мнѣніе, что, унизивъ уже достаточно этихъ стариковъ, лучше оставить ихъ въ покоѣ, иначе совершеннымъ ихъ паденіемъ могутъ слишкомъ подняться ихъ противники и выйти изъ русской зависимости, какъ вышли изъ нея сами Чарторыйскіе, будучи возвышены чрезъ-мѣру покойнымъ графомъ Кейзерлингомъ, слишкомъ полагавшимся на ихъ преданность. Императрица согласилась оставить Чарторыйскихъ въ покоѣ.

Но въ то же время Репнинъ получилъ непріятное письмо изъ Константинополя отъ Обрѣзкова, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его о своемъ обѣщаніи, данномъ Портѣ, что русскія войска немедленно выйдутъ изъ Польши, по окончаніи диссидентскаго дѣла, и всѣ захваченные будутъ освобождены. „Признаюсь", писалъ Репнинъ Панину, „что меня менѣе удивила неумѣренность Порты въ ея требованіяхъ, чѣмъ робкая уступчивость г. Обрѣзкова, который еще этимъ и доволенъ, будто успѣхомъ. Не министръ теперь говоритъ в. сіятельству, а солдатъ: мнѣ кажется принимать такія обязательства и давать такія обѣщанія можно только проигравши нѣсколько сраженій. Что же касается освобожденія извѣстныхъ арестантовъ, то никакъ нельзя выпустить епископа Краковскаго, ибо вся публика стала бы смотрѣть на него, какъ на Бога, онъ привелъ бы въ ненависть всѣхъ другихъ и возвысилъ свое значеніе на развалинахъ ихъ значенія. Конфедерацію, или сеймъ, гдѣ большинство сумасбродныхъ фанатиковъ, нельзя довести дотого, чтобъ они судили Солтыка, какъ преступника, и лишили достоинства, ибо на такихъ судей стали бы смотрѣть въ народѣ, какъ на богоотступниковъ, а къ народу я причисляю и три четверти шляхты. Для удовлетворенія требованіямъ Порты я не вижу другого средства, какъ объявить, что епископъ Краковскій умеръ, и заслать его навѣки-вѣковъ туда, откуда вѣсти бы не было, что онъ живъ. Если в. в—ству покажется это немилосердымъ, то осмѣлюсь представить, что еще немилосерднѣе было бы, выпустя его, отнять значеніе у людей, намъ служившихъ, навести на нихъ ненависть и всю землю привести въ замѣшательство; наконецъ, если-бъ вниманіе наше было отвлечено, то и все диссидентское дѣло будетъ подвергнуто опасности. Точно то же я долженъ сказать и о гетманѣ польномъ, графѣ Ржевусскомъ, который зараженъ неумѣреннымъ честолюбіемъ и страстію къ интригамъ, по знатности своего чина будетъ опасенъ, будетъ обожаемъ и нашихъ приверженцевъ приведетъ въ презрѣніе, ненависть и *безкредитицу*. Двоихъ остальныхъ можно выпустить по окончаніи сейма: епископъ Кіевскій—враль, непользующійся никакимъ уваженіемъ, а молодой графъ Ржевусскій. староста Долинскій, самъ по себѣ не имѣетъ значенія; къ дерзостямъ подучалъ его отецъ". Относительно выхода войскъ, Репнинъ считалъ изнурительнымъ для нихъ зимній походъ; считалъ также неудобнымъ вывести всѣ войска: осенью будетъ ординарный сеймъ и предъ нимъ сеймики: чтобъ католики, отдохнувъ, не затѣяли чего-нибудь противъ диссидентовъ!

Панинъ, въ своемъ отвѣтѣ, соглашался, что „Обрѣзковъ поступилъ съ излишнею и неумѣстною податливостію", но объяснялъ это его болѣзненнымъ состояніемъ. „Но теперь", продолжалъ Панинъ, „когда дѣло сдѣлано и нельзя пособить ему безъ новыхъ хлопотъ, надобно, для развязанія такъ дурно затянутаго узла, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, наружное доказательство къ исполненію обѣщаннаго, ибо, помазавъ турецкое министерство по губамъ, можемъ выиграть время, которое на все въ свѣтѣ лучшій поправитель". По мнѣнію Панина, нужно было возвратить войска въ маѣ мѣсяцѣ, а нѣкоторые отряды отправить и зимою, по крайней мѣрѣ ближайшимъ къ турецкой границѣ войскамъ объявить походъ тотчасъ по окончаніи сейма. Удерживать войска до осени не возможно какъ по отношенію къ Турціи, такъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ державамъ, ибо оправдать этого нечѣмъ. „Я", писалъ Панинъ „открою в. сіятельству, по моей къ вамъ безпредѣльной довѣренности, что не время еще доходить намъ съ Портою до разрыва".

Репнинъ долженъ былъ признать справедливость этого внушенія, когда папскій нунцій въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ подалъ протестъ противъ всего сдѣланнаго съ начала настоящаго сейма. „Я знаю здѣшнюю націю", писалъ Репнинъ, „и не сумнѣваюсь, что какъ скоро протестъ разсѣется въ публикѣ, то большая часть Поляковъ придетъ въ робость, уныніе, а можетъ быть и въ совершенное отчаяніе, а малая часть разумныхъ людей, смотрящая на протестъ съ настоящей точки зрѣнія, не осмѣлится и слова молвить противъ него. Наконецъ я опасаюсь того, что нунцій, предъ самымъ сеймовымъ утвержденіемъ всего постановленнаго, вдругъ объявитъ отлученіе отъ Церкви всѣмъ тѣмъ, кто рѣшится на это утвержденіе: тогда всѣ отступятся отъ диссидентскаго дѣла, и я не буду знать, какъ поступить въ такихъ обстоятельствахъ". Панинъ совѣтовалъ послу внушать Полякамъ, какъ протестъ нунція оскорбителенъ для республики, ибо порочитъ, чернитъ и злословитъ торжественныя ея узаконенія, въ которыхъ она никому не должна отдавать отчета. „Натяните", писалъ Панинъ, „всѣ струны для убѣжденія короля, министерства и всей конфедераціи дать папѣ пространный и сильный отвѣтъ въ этомъ смыслѣ, чтобъ не дѣлалъ онъ впередъ подобныхъ попытокъ, и вы могли бы свободно окончить всѣ наши дѣла. Не жалѣйте тутъ ни обѣщаній, ни подкуповъ, ибо

оба эти средства не могутъ быть употреблены въ лучшемъ случаѣ; увѣрьте короля и всѣхъ, что если исполнятъ они это ваше желаніе, то могутъ навѣрное разсчитывать на покровительство ея и. в—ства. Но такъ какъ легко статься можетъ, что разсужденія и доказательства ничего не помогутъ, то вы можете арестовать тѣхъ, которые на сеймѣ будутъ наиболѣе противиться подтвержденію договоровъ, постановленныхъ делегаціею, или нарочно протягивать время для обремененія насъ новыми хлопотами. Что же касается ватиканскаго грома, который можетъ поразить и разсыпать цѣлое наше зданіе въ пользу диссидентовъ,—рекомендую вамъ употребить деньги, ласки, угрозы и всевозможныя мѣры вообще, чтобъ привести короля и магнатовъ къ единодушному и одинакому съ вами взгляду на эту опасность; и если она дѣйствительно будетъ настоять, то объявить нунція возмутителемъ тишины, клеветникомъ и нарушителемъ народныхъ правъ, ибо онъ опорочиваетъ то, что республика, по самодержавной своей власти, узаконяетъ у себя и въ чемъ уговаривается съ дружескою сосѣднею державою; либо засадите его въ собственномъ домѣ такимъ образомъ, чтобъ онъ ни съ кѣмъ сообщаться и акта отлученія обнародовать не могъ; или же, что еще короче и приличнѣе, постарайтесь вывезть его изъ границъ республики подъ хорошимъ присмотромъ, продолжая сіе путешествіе, во время котораго сеймъ могъ бы утвердить всѣ дѣла. Если же вамъ удастся прежде отлученія покончить сеймовыя дѣла, то, кажется, нечего уже будетъ болѣе заботиться объ отвращеніи отлученій: можно будетъ оставить собственному разсужденію Поляковъ, будутъ ли они этимъ отлученіемъ извергнуты въ адъ, или нѣтъ. Весьма нужно вамъ ободрять и приводить короля и примаса къ тому, чтобъ они въ своихъ отвѣтахъ папѣ внушали ему, что не то теперь время, когда папы управляли дѣлами по своей прихоти; что онъ неумѣстною своею горячностію можетъ нанести католической вѣрѣ, вмѣсто пользы, большой вредъ, вывести Польшу изъ настоящаго повиновенія Римскому престолу; что мы, имѣя теперь въ Польшѣ столько способовъ и силы всѣмъ управлять, можемъ, вслѣдствіе его непристойныхъ поступковъ, рѣшиться на истребленіе тамъ папской власти и на установленіе независимой іерархіи. Можно внушить королю и примасу, что собственная ихъ честь и достоинство республики требуютъ отъ нихъ этой твердости: иначе, допустивъ эту первую попытку папы, они ввергнутъ себя въ крайнее порабощеніе и тьму невѣжества въ то время,—когда всѣ другіе католики очищаютъ себя отъ этой заразы".

Репнинъ не считалъ возможнымъ принять относительно нунція мѣры, предлагаемыя Панинымъ. „Нунцій поуспокоился", писалъ онъ; „я доволенъ тѣмъ, что протестъ его забытъ въ публикѣ; дѣйствовать противъ этого протеста чрезъ сеймъ или конфедерацію—и подумать нельзя, развѣ употребить пушечные выстрѣлы, но и тутъ только всѣхъ разогнали бы, а цѣли не достигли. Еще менѣе можно надѣяться, чтобъ здѣшнее правительство задержало нунція въ его домѣ или выслало заграницу: всѣ скорѣе помрутъ, чѣмъ рѣшатся на это".

23 февраля Репнинъ увѣдомилъ Панина, что сеймъ кончился, трактатъ съ Россіею, два отдѣльные акта и все постановленное между делегаціею и имъ, Репнинымъ, утверждено, вслѣдствіе чего русскимъ войскамъ велѣно выступить къ своимъ границамъ. Въ трактатѣ, подписанномъ $^{13}/_{24}$ февраля, говорилось: „А какъ яснѣйшая Рѣчь Посполитая для вѣчной твердости всему тому, что ею нынѣ въ собственную пользу узаконено, наиторжественнѣйшимъ образомъ рекламировала и теперь еще рекламируетъ высокую ея императорскаго величества Всероссійской гарантію на конституцію, форму правленія, вольность и законы свои, то ея императорское величество, въ удовлетвореніе желаніямъ и дружеской довѣренности яснѣйшей Рѣчи Посполитой, торжественно гарантируетъ ей симъ трактатомъ въ вѣчныя времена конституцію, форму правленія, вольность и законы ея, обѣщая свято и обязуясь за себя и преемниковъ своихъ удерживать, сохранять и защищать яснѣйшую Рѣчь Посполитую Польскую въ неприкосновенной ихъ цѣлости". Актъ сепаратный содержалъ въ себѣ вольности и преимущества Грековъ оріентальныхъ, неунитовъ и диссидентовъ: вѣра католическая получаетъ титулъ господствующей; король и королева должны быть непремѣнно римскими католиками; переходъ отъ Римско-Католической церкви въ иную вѣру есть уголовное преступленіе; всѣ пункты противъ Грековъ-неунитовъ и диссидентовъ, находящіеся въ конфедераціяхъ и конституціяхъ, отвергаются; церкви греческія неунитскія и костелы диссидентскіе, кладбища, школы, госпитали и всякія строенія, церквамъ и духовенству принадлежащія, вольно чинить, а въ случаѣ обветшанія и пожара—вновь строить, не испрашивая позволенія, и отправляютъ въ тѣхъ церквахъ богослуженіе съ публичными ходами, не дѣлая однако препятствія римскому богослуженію и процессіямъ. Епископъ Мстиславскій, Оршанскій, Могилевскій, подъ именемъ епископа Бѣлорусскаго, управляетъ своею епархіею, какъ римскіе епископы управляютъ своими, безъ всякаго препятствія. Неуниты и диссиденты имѣютъ право заводить типографіи и печатать въ нихъ богослужебныя книги, съ тѣмъ однако, чтобъ не печатали книгъ еретическихъ, и въ спорныхъ пунктахъ—язвительныхъ и остростію штиля наполненныхъ израженій оберегались. Браки между людьми разной вѣры позволяются; дѣти отъ такихъ браковъ: сыновья воспитываются—въ вѣрѣ отцовской, а дочери—въ материнской, но дворянству позволяется дѣлать по этому предмету договоръ передъ бракомъ. Греки неуниты и диссиденты не принуждаются къ празднованію католическихъ праздниковъ и къ участію въ католическихъ про-

цессіяхъ. Всѣ церкви и монастыри, неправильно отобранные у Грековъ неунитовъ, должны быть имъ возвращены. Для суда въ обидахъ религіозныхъ учреждается обосторонній судъ изъ 17 лицъ: 8 свѣтскихъ Римско-католической вѣры и 8 диссидентовъ или Грековъ неунитовъ, а 17-й— епископъ Бѣлорусскій. Такъ какъ равенство дворянское есть основаніе вольности польской и надежнѣйшимъ подкрѣпленіемъ правъ отечества, то Грекамъ неунитамъ и диссидентамъ возвращаются всѣ данныя права и преимущества, объявляются они способными ко всѣмъ чинамъ, достоинствамъ сенаторскимъ и министерскимъ, урядамъ коронным и земскимъ, должностямъ трибунальскимъ и коммисарскимъ, посольствамъ заграничнымъ и сеймовымъ, къ полученію награжденій отъ короля: однимъ словомъ, возвращается Грекамъ неунитамъ и диссидентамъ совершенный активитетъ какъ въ гражданскихъ, такъ и воинскихъ чинахъ; также вѣра не можетъ быть препятствіемъ людямъ неунитской и диссидентской религіи къ пріобрѣтенію индигената и дворянства.

Но въ постскриптѣ къ тому же письму, въ которомъ извѣщалъ объ окончаніи сейма и утвержденіи договора, Репнинъ помѣстилъ извѣстіе о движеніи недовольныхъ въ староствѣ Баръ, хотя и высказывалъ сомнѣніе въ вѣрности этого извѣстія. 4 марта Репнинъ даже изложилъ Панину состояніе Польскихъ дѣлъ въ успокоительномъ видѣ: иностраннаго вліянія нѣтъ болѣе въ Польшѣ; Австрійцы и Французы никакой партіи не имѣютъ; король Прусскій — также, потому что оскорбилъ всю Землю Маріенвердерскою таможней, а пограничныя польскія области оскорбляетъ безпрестанно разными притѣсненіями и грубою наглостью своихъ военныхъ командировъ относительно прусскихъ бѣглыхъ и насильственной вербовки. Слѣдовательно одинъ только фанатизмъ можетъ произвести возмущеніе на первое время, пока не привыкнутъ видѣть диссидентовъ въ равенствѣ съ католиками, и не увидятъ, что никакого зла изъ диссидентской вольности не происходитъ. „Я", писалъ Панинъ, „старался такъ вести дѣла, чтобъ, награждая по возможности нашихъ приверженцевъ, какъ можно менѣе оскорблять и противныхъ, дабы не вкоренить въ сердцахъ ненависти и жажды мщенія; я защищалъ и противныхъ, когда на нихъ дѣлались несправедливыя нападки, желая ясно показать, что императрица покровительствуетъ справедливости и всей націи, а не одной партіи; это стараніе мое выразилось въ спокойствіи, въ какомъ я удержалъ конфедерацію".

Но вслѣдъ затѣмъ Репнинъ прислалъ уже вѣрное извѣстіе о конфедераціи, составленной недовольными въ Барѣ. По мнѣнію Репнина, Россіи нельзя было оставить безъ вниманія этого явленія: „Трактатъ, вновь заключенный, и ручательство ея императорскаго величества, многимъ трудомъ Россійской имперіи добытое, оставимъ ли мы теперь безъ дѣйствія, и не коснулось бы то до чести, достоинства и славы Россіи, если бы мы при самомъ заключеніи сего трактата смотрѣли спокойно на предпріятія, чинящіяся противъ всѣхъ сихъ нашихъ положеній? Принявъ участіе въ настоящихъ новыхъ возмущеніяхъ, никакимъ образомъ не можемъ мы вывесть отсюда нашихъ войскъ, напротивъ: должны употребить ихъ въ дѣло, изъ чего можетъ произойти привязка Порты, которой обѣщанъ ихъ возвратъ въ Россію; Турки еще болѣе будутъ имѣть предлоговъ, если мы, преслѣдуя возмутителей, будемъ доходить до турецкихъ границъ, и возмутители, узнавъ нашу осторожность относительно Турокъ, всегда будутъ держаться ихъ границъ: слѣдовательно намъ надобно быть готовыми и къ тому, чтобъ не побѣжать со стыдомъ отъ Турокъ или Татаръ, если-бъ они вздумали намъ сдѣлать предписанія, запрещая приближаться къ ихъ границамъ. Знаю я, что некстати было бы намъ напрасно заводить съ Турками хлопоты; но если они внутренно враждебныхъ намѣреній противъ насъ не имѣютъ, то предлоговъ къ разрыву искать не станутъ, успокоятся увѣреніями, которыя можно имъ сдѣлать отъ нашего Двора. Если же они этимъ не удовольствуются и будутъ искать предлоговъ къ разрыву, то лучше ихъ предупредить, нежели еще болѣе возгородить чрезвычайными уваженіями къ ихъ прихотямъ".

Надобно было прежде всего попробовать успокоить Турокъ мирными увѣреніями, и Панинъ взялся написать письмо визирю. Императрица писала ему по этому случаю: „Съ помощью Божіею сей разъ туча мимо пройдетъ, лишь бы скорѣе отправили письмо ваше къ визирю; пожалуй не мѣшкайте; если же вы нужно находите взять еще въ Украйнѣ какія ни есть мѣры, показующія хорошій контенансъ, то о томъ поговорите со мной при первомъ свиданіи; но мнѣ кажется два корпуса графа Румянцева достаточны къ тому". Панинъ совершенно соглашался съ Репнинымъ въ необходимости дѣйствовать противъ Барской конфедераціи: „Необходимо", писалъ онъ, „разсыпать собирающуюся въ Барѣ тучу прежде, нежели она на землѣ распространится, или же возможетъ привесть которую ни есть изъ сосѣднихъ державъ, а особливо Порту, въ искушеніе подкрѣпить ее для испровержения воздвигнутаго нами на сеймѣ зданія". Вслѣдствіе неизвѣстности условій, при какихъ составилась Барская конфедерація, Панинъ отказывался дать Репнину наставленіе, какъ противъ нея дѣйствовать, и уполномочивалъ посла употреблить тѣ мѣры, какія онъ на мѣстѣ найдетъ лучшими, не списываясь съ нимъ.

Условія скоро стали извѣстны. Подкоморій Розанскій, Красинскій, братъ епископа Каменецкаго, вмѣстѣ съ Іосифомъ Пулавскимъ, извѣстнымъ адвокатомъ, захватили городъ Баръ, принадлежавшій князю Любомирскому, и подняли тамъ знамя возстанія за вѣру и свободу. Монахъ Маркъ, изъ Бердичевскаго монастыря, съ крестомъ въ рукахъ, ходилъ по мѣстечкамъ и селамъ, проповѣдуя

необходимость приступить къ конфедераціи. Въ Галиціи образовалась другая конфедерація, подъ предводительствомъ Іоахима Потоцкаго, подчашаго Литовскаго; Рожевскій провозгласилъ конфедерацію въ Люблинѣ. Но возстаніе не могло получить народнаго характера: громкія слова „*вѣра*“ и „*свобода*“ не производили впечатлѣнія на большинство и католическаго польскаго народонаселенія. Трудно было подниматься за вѣру, полагаясь только на слова какого-нибудь отца Марка, не видя, кто и какъ утѣсняетъ вѣру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовалась одна шляхта, и пользовалась ею для того, чтобы составлять конфедераціи то противъ одного, то противъ другого, приглашая на помощь чужія войска, а теперь хотѣли поднять конфедерацію для вытѣсненія этихъ войскъ, провозглашая ихъ врагами свободы; но въ чемъ состояла эта враждебность—понять было очень трудно. Поведеніе конфедератовъ никакъ не было способно возбудить сочувствіе къ нимъ въ народѣ. Ихъ шайки разсыпались по странѣ, захватывали казенныя деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовнаго и свѣтскаго. Награбивши денегъ, шайки эти убѣгали въ Венгрію или Силезію. Страшная смута и рознь стали господствовать повсюду:—братъ не довѣрялъ брату; у каждаго были свои виды, свои интриги; никому не было дѣла до отечества; одинъ братъ писалъ громоносные манифесты противъ Русскихъ и соединялся съ конфедератами, другой—заключалъ контракты съ Русскими, брался поставлять въ ихъ магазины съѣстные припасы. Между конфедератами особаго рода удалью отличался ротмистръ Хлебовскій: встрѣтивъ на дорогѣ нищаго, Жида или какого бы то ни было пѣшехода, сейчасъ повѣситъ на первомъ деревѣ, такъ что, говорятъ современники-Поляки, Русскимъ не нужно было проводниковъ,—они могли настигать конфедератовъ по тѣламъ повѣшенныхъ. Терпя пораженія отъ Русскихъ, шайки не уменьшались, потому что плата хорошая, корму вдоволь и притомъ дарового. Развратъ, полная власть надъ жителями страны, униженія самыхъ знатныхъ пановъ предъ конфедератами, которые недавно были ихъ слугами,—все это тянуло подъ знамена конфедераціи всякую голь, дворовую служню, горожанъ и крестьянъ, которые не хотѣли работать. За нѣсколько часовъ страху, испытаннаго при встрѣчѣ съ Русскими и въ бѣгствѣ отъ нихъ, достаточною наградой было роскошное гулянье по странѣ въ одеждѣ защитника вѣры и вольности

Отъ 2-го апрѣля Репнинъ писалъ, что въ Барѣ Поляки „продолжаютъ на прежнемъ основаніи свое безпутство, держася все турецкихъ границъ, и вездѣ подобная ферментація есть, примѣчая то изъ разныхъ со всѣхъ сторонъ извѣстій и видя, что единый страхъ нашихъ войскъ, здѣсь находящихся, удерживаетъ ихъ въ тишинѣ противъ собственнаго желанія, и что только выступленія оныхъ ожидаютъ для открытія всего пламени фанатизма, которое внутренно ихъ уже жжетъ“. Еще прежде, 27 марта, сенатъ рѣшилъ: просить Всероссійскую императрицу, какъ поруку за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находившіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Войска двинулись. Подполковникъ Ливенъ съ однимъ батальономъ подошелъ къ Люблину и зажегъ его; духовенство, вышедши изъ города, просило Ливена о пощадѣ, но, въ то время, какъ велись между ними переговоры, конфедераты ушли въ другія ворота. Ливенъ далъ наконецъ духовенству сутки срока для склоненія горожанъ и конфедератовъ къ сдачѣ, не догадываясь, что послѣднихъ уже нѣтъ въ городѣ. Разсерженный такою оплошностію Ливена, Репнинъ послалъ на его мѣсто полковника Кара. Въ Гнѣзнѣ полковникъ Бурманъ задавилъ возстаніе въ самомъ началѣ. Главнымъ начальникомъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Барской конфедераціи, былъ генералъ-маіоръ Кречетниковъ; отряженный имъ генералъ-маіоръ Подгоричани подошелъ къ Старому Константинову, спѣшилъ свой конный отрядъ и велѣлъ ему идти на приступъ, но принужденъ былъ отступать, видя невозможность дѣйствовать съ одними карабинами противъ пушекъ. Онъ умолялъ Кречетникова прислать ему пѣхоты и артиллеріи, „ибо“, писалъ онъ, „симъ малымъ коннымъ моимъ деташементомъ ничего имъ сдѣлать не можно, но можно потерять людей, тоже полковую казну, а сверхъ того честь и славу: непріятель вокругъ, и отовсюду опасность; шляхтичи и обыватели во всемъ съ ними согласны и доброжелательны и ихъ шпіоны, а ваше превосходительство почитали ни за что ихъ; труда своего не щажу и такихъ трудовъ, и въ Прусской войнѣ будучи, какъ нынѣ, не имѣлъ, что и одной минуты спокойной нѣтъ, и всѣ кони денно и ночно осѣдланы стоятъ“. Репнинъ увѣрялъ Панина, что отдѣльные командиры преувеличиваютъ опасность. вѣря польскимъ разглашеніямъ, тогда какъ Поляки каждую вещь увеличиваютъ вдесятеро. „Не могу себѣ представить“, писалъ Репнинъ, „чтобъ и десять тысячъ Поляковъ могли когда-нибудь стоять противъ тысячи человѣкъ нашихъ войскъ, если только они порядочно предводительствованы будутъ; но то однакожъ совершенно правда, что все мелкое и среднее дворянство, кромѣ большихъ господъ, попами и монахами на фанатизмъ подвигнуто, и слѣдственно внутренно съ возмутителями все согласно, изъ чего натурально само собой и то происходитъ, что вездѣ скрытнымъ образомъ имъ помогаютъ, снабжая ихъ такъ же скрытно чѣмъ каждый можетъ“. Екатерина, прочитавъ донесенія Репнина и военныхъ начальниковъ, написала Панину: „Снеситесь съ гр. Чернышевымъ; я цѣлый день съ утра съ самаго и до сего часа проводила въ чтеніи сихъ піесъ, и думаю, что г.-м. Подгаричаниновъ насъ отъ хлопотъ скоро избавитъ, ибо и слава, и храбрость, и искусство въ немъ есть; жаль же, жаль, что ему не удалось гусарами

одними взять Константиновъ, ибо сей лавровый вѣнецъ украсилъ бы его сѣдую голову".

Самъ Кречетниковъ писалъ Репнину, что его безпокоитъ одно только — малочисленность находившагося при немъ войска. Въ маѣ Репнинъ писалъ, что дѣло становится часъ-отъ-часу серьезнѣе, и предлагалъ, не сочтется ли полезнымъ отправить его самого, Репнина, съ корпусомъ войска на мѣсто возстанія, потому что онъ знакомъ съ Поляками лучше, чѣмъ другіе генералы. Екатерина написала: „Я не хочу рисковать его персоною, а думаю, что Подгоричани съ бунтовщиками управится, особливо когда увѣриться можемъ, что Турки ни Татары имъ не помогаютъ". Дѣйствительно, скоро пришло извѣстіе, что Подгоричани около Хмельника, въ Подольскомъ воеводствѣ, разбилъ значительный отрядъ конфедератовъ. Но, извѣщая объ этомъ, Репнинъ прибавлялъ: „Не думаю, чтобъ этимъ хлопоты были совсѣмъ кончены". Хлопоты не кончились и удачнымъ дѣломъ полковника Вейсмана, который загналъ за Днѣстръ конфедератовъ, находившихся подъ начальствомъ Потоцкаго, подчашаго Литовскаго. Въ Варшавѣ понимали, что хлопоты для Россіи не оканчиваются, а только начинаются, и стали неохотно исполнять требованія Репнина. Такъ, когда онъ представилъ, что правительство Польское не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ борьбы русскихъ войскъ съ конфедеретами, тѣмъ болѣе что послѣдніе овладѣваютъ крѣпостями и захватываютъ коронныя войска, то военная коммисія не безъ спору приняла рѣшеніе отправить противъ конфедератовъ коронное войско и генеральнаго региментаря, и Люблинскій кастелянъ Мощинскій, протестовавшій противъ этого рѣшенія, немедленно сложилъ съ себя званіе военнаго коммисара. Репнинъ, именемъ Панина, просилъ короля дать орденъ Бѣлаго Орла двоимъ лицамъ, которыхъ Станиславъ считалъ себѣ враждебными. Король не согласился; тогда Репнинъ написалъ Панину любопытное письмо: „Не надобно сіе оставлять, дабы онъ не привыкъ свою волю имѣть, а коль смѣю вашему сіятельству сказать, то и вы у меня его нѣсколько испортили. Онъ заключалъ изъ вашихъ писемъ и ласковыхъ поступковъ противъ Псарскаго (польскаго резидента въ Петербургѣ), что вы милосерды, и что онъ васъ ужалобитъ, что я только одинъ — чортъ, который съ нимъ жестокосердно поступаю по моему собственному нраву, а не по повелѣніямъ. Я нарочно отказался отъ сего дѣла, чтобъ сіе поправить и чтобъ дать случай и вамъ побранить путемъ г. Псарскаго, сказавъ ему, что вы примѣчаете, что король препятства всегда изыскиваетъ, когда идетъ дѣло удовольствіе какое намъ сдѣлать, и что, слѣдовательно, и у насъ онъ такожъ препятства встрѣчать будетъ, когда чего ни пожелаетъ, и мы постараемся ему доказать, что ему болѣе въ насъ нужды, нежели намъ въ немъ. Послѣ чего я отвѣчаю, что здѣсь, свѣдавши объ семъ поученіи, все сдѣлаютъ, и мой королишка поправится".

Станиславу-Августу очень не нравилась конфедерація; но онъ еще не потерялъ духа. „Вы безъ сомнѣнія думали", писалъ онъ Жоффрэнъ, „что вмѣстѣ съ сеймомъ кончились въ Польшѣ всѣ дрязги: но вотъ начинается новая конфедерація въ Подоліи, въ сосѣдствѣ Турокъ и Татаръ, которыхъ она хочетъ вооружить на защиту католической религіи и для уничтоженія всего того, что постановлено на сеймѣ въ пользу диссидентовъ. Но кровь мусульманская не хочетъ проливаться за крестъ, а государи христіанскіе не хотятъ ссориться съ Россіею изъ-за этой конфедераціи, къ которой я послалъ вашего друга, Мокрановскаго, внушить вождямъ, что они навлекутъ несчастія на самихъ себя, а быть можетъ и на всю страну, если успѣютъ вызвать къ дѣятельности безпокойство недовольныхъ, изъ которыхъ меньшая братія поднимется за религію, а больше для того, чтобъ половить еще рыбы въ мутной водѣ. Относительно цѣлой страны эта искра не произведетъ пожара. Однако очень скучно жить постоянно съ пожарною трубою въ рукахъ и ходить всегда по теплому пеплу. Ахъ, мама! трудная и печальная коммисія быть королемъ Польскимъ! Но терпѣніе! хорошее время наступитъ". Маменька отвѣчала, что Мокрановскій сдѣлаетъ возможное добро, но это все зависитъ отъ сильныхъ мѣръ компаса (Екатерины).

Сильныя мѣры были необходимы, потому что конфедерація образовалась въ сосѣдствѣ съ Турціею.

Обрѣзковъ писалъ Репнину изъ Константинополя, что для сохраненія добрыхъ отношеній къ Портѣ необходимо скорѣе кончить дѣло съ конфедератами. По этому поводу Репнинъ писалъ Панину въ началѣ іюня: „Примѣчаніе Обрѣзкова справедливо. Я довольно сіе рекомендовалъ ген.-маіору Кречетникову, но и извѣстія уже отъ него весьма давно никакого не имѣю. Послѣдния извѣстія ко мнѣ были отъ 12 мая, слѣдственно тому уже три недѣли времени, а курьеры оттуда ѣздятъ въ четвертый день. Въ сихъ же послѣднихъ его письмахъ писалъ онъ, что черезъ три дня вступитъ со всѣмъ своимъ корпусомъ въ наступательныя дѣйствія противъ возмутителей, желая начать съ мѣстечка Прилуки, а послѣ идти къ Винницамъ и далѣе; но для чего съ тѣхъ поръ ничего не дѣлаетъ, и для какой причины я отъ него извѣстій не имѣю,—объ этомъ ничего сказать не могу, а знаю только, что сіе несказанную вредность въ дѣлахъ причиняетъ". Репнинъ особенно безпокоился, чтобы борьба съ конфедератами не протянулась до будущихъ сеймовъ, ибо на нихъ „вся земля запылаетъ Барскимъ огнемъ, и надобно будетъ для его потушенія ввести вдвое болѣе войска". Безпокоило Репнина также извѣстіе, что Кречетниковъ мимо его сносится съ Петербургомъ, отчего можетъ произойти „несказанная разладица".

Наконецъ пріѣхалъ курьеръ, пробывшій 12 дней

въ дорогѣ, и привезъ извѣстія, что Кречетниковъ занятъ осадою Бердичевскаго монастыря, и такъ много истратилъ зарядовъ, что принужденъ былъ послать за новыми въ Кіевъ. Репнинъ сердился, называлъ эти предпріятія необдуманными, и писалъ Панину: „Изъ письма Кречетникова довольно усмотрите, что онъ запутался и оробѣлъ, не зная, какъ дѣла кончить, и боясь уже и самъ отчаяннаго нападенія возмутителей. Сами разсудите, какую надежду я имѣю на такого человѣка, у котораго голова свернулася. Если упованіе я какое имѣю, то на прибытіе къ нему Кара, Игельстрома и Прозоровскаго; но не знаю, станетъ ли онъ ихъ совѣтовъ слушаться, ибо иногда робкія и неразсудительныя головы ктому-жъ бываютъ и упрямыя. Плоды медленности умножаются, ежечасно рождаются новыя возмущенія, которыхъ предупредить нельзя, ибо нельзя по всей Польшѣ войска имѣть. Великопольская конфедерація, бывшая подъ предводительствомъ Рыдзинскаго, разогнана полковникомъ Бурманомъ на силезскихъ границахъ; но въ ночь на 14 іюня получилъ я извѣстіе изъ Кракова, что тамъ составлена конфедерація; наши войска не успѣли ее предупредить,—пришли на другой день. Такимъ образомъ для Кракова отдѣленъ отрядъ войска, чѣмъ обнажается средина Польши, воеводство Сандомирское, часть Русскаго (Галиція) и окрестныя страны; здѣсь нѣтъ уже нашего войска, ибо не смѣю обнажить окрестности Варшавы, чтобъ здѣсь подъ носомъ такого-жъ возмущенія не послѣдовало. Ферментація вездѣ генеральная". Репнинъ требовалъ, чтобъ русскія войска, находившіяся въ Литвѣ, вступили въ Польшу, а въ Литву отправлены были новые полки, причемъ просилъ прислать генераловъ искусныхъ, твердыхъ, не сребролюбивыхъ, любящихъ порядокъ службы и славу ея.

Кречетниковъ взялъ Бердичевъ, Подгоричани разбилъ сильный отрядъ конфедератовъ, шедшій на помощь Бердичеву; ген.-майоръ графъ Апраксинъ взялъ Баръ штурмомъ; князь Прозоровскій поразилъ конфедератовъ у Бродъ. Но Репнинъ не утѣшался и продолжалъ обвинять Кречетникова въ неискусствѣ, въ корыстолюбіи. Въ іюнѣ Барскіе конфедераты были всѣ разсѣяны; Кармелитъ Маркъ попался въ плѣнъ и отвезенъ въ Кіевъ; но за то образовалась конфедерація въ Санокѣ Репнинъ продолжалъ настаивать на отнятіе команды у Кречетникова; онъ послалъ полковника Кара въ Петербургъ, чтобъ тотъ могъ разсказать Панину о положеніи дѣлъ и „мерзкомъ поведеніи" Кречетникова. „Точныхъ доказательствъ", писалъ Репнинъ, „нѣтъ, по коимъ бы я самъ рѣшился команду у него отнять; но сомнѣнія столь велики и столь генеральны, что необходимо его отозвать для чести службы и имени Россійскаго. Корыстолюбіе и нажитокъ его такъ явны, что нѣсколько обозовъ съ награбленнымъ въ Россію, сказываютъ, отправилъ и еще готовыми имѣетъ къ отправленію. Всѣ Поляки и Русскіе даже въ его передней не затвореннымъ ртомъ его воромъ называютъ. Никто изъ его подкомандующихъ служить подъ нимъ не хочетъ,—всѣ меня просятъ, чтобъ отъ него взяты были, боясь, говорятъ, подъ судомъ быть за его воровство, которому подобнаго никто не слыхивалъ. Въ движеніяхъ своихъ какъ ракъ тащился по мили и по полумили въ день: Богъ знаетъ отъ недоброжелательства ли, или отъ робости и нерасторопности. Кто грабитъ, тотъ натурально и взятки беретъ, а вслѣдствіе оныхъ и поступаетъ. Многіе увѣряютъ, будто-бъ онъ отъ воеводы Кіевскаго знатную сумму взялъ, и вамъ ужь довольно извѣстно, что сей воевода и плутъ и недоброжелатель. Наконецъ, кладутъ насчетъ Кречетникова, будто-бъ онъ отзывался, что все, здѣсь на послѣднемъ сеймѣ сдѣланное, мной однимъ сдѣлано, а государыня о томъ и не знаетъ. Я отъ многихъ Поляковъ сіе слышалъ, а наконецъ и полковники Каръ и Игельстромъ, возвратясь отъ Кречетникова, то-жь мнѣ подтвердили, что и тамъ тотъ же слухъ на его счетъ на землѣ разглашается. Прошу для чести отечества и нашей службы, отзовите сего человѣка, хотя-бъ и никого на его мѣсто не прислали, а сверхъ того есть и въ землѣ у насъ довольно достойныхъ генераловъ: ген.-поручики—Салтыковъ, Бибиковъ, ген.-маіоры Мих. Львов. Измайловъ, князь Юрій Влад. Долгорукій"[4].

По поводу посылки Кара въ Петербургъ Станиславъ-Августъ писалъ туда своему резиденту Псарскому ($^{7}/_{18}$ іюля): „Первая цѣль посылки Кара—донесеніе о всѣхъ злоупотребленіяхъ генерала Кречетникова; вторая—представить бѣдственное положеніе и недостатокъ, въ которыхъ я нахожусь вслѣдствіе того, что серьезно содѣйствовалъ видамъ Россіи. Имѣю основаніе думать, что, по примѣру Игельстрома, Каръ потребуетъ вашего свидѣтельства противъ Кречетникова: такъ вы не должны въ немъ отказывать. Дайте мнѣ знать, какіе главные покровители Кречетникова въ Россіи, и постарайтесь развѣдать, какіе будутъ разговоры Кара не только о моихъ дѣлахъ и дѣлахъ Польши вообще, но въ частности о самомъ князѣ Репнинѣ, такъ какъ я имѣю много основаній думать, что кн. Репнинъ ошибается, считая Кара неизмѣннымъ себѣ другомъ. Быть можетъ, впрочемъ, отзывы Кара о Репнинѣ были только хитростію, чтобъ заставить открыться тѣхъ, которымъ онъ говорилъ о немъ дурно. Все же вѣрно, что здѣсь Кара боятся вообще, какъ человѣка опаснаго и двоедушнаго, тогда какъ Игельстрома считаютъ человѣкомъ прямымъ. Нѣсколько разъ, и еще недавно, Каръ настойчиво просилъ меня, чтобъ я забылъ о колкихъ отзывахъ его противъ меня, сдѣланныхъ годъ тому назадъ. Я отвѣчалъ, что пусть на дѣлѣ докажетъ свою преданность ко мнѣ и тѣмъ заслужитъ мою признательность. Въ то же время я ему сказалъ, что если Кречетниковъ заслужилъ жалобы, поднятыя противъ его цѣлою Польшею, то не менѣе вѣрно,

что его примѣръ испортилъ множество русскихъ офицеровъ и солдатъ, дурное поведеніе которыхъ служитъ столько же къ ожесточенію Поляковъ, сколько фанатизмъ и патріотизмъ. Съ другой стороны, я долженъ вамъ сказать, что сами диссиденты сильно желаютъ, чтобъ императрица согласилась на уменьшеніе ихъ правъ: они видятъ, какъ ежедневно усиливается противъ нихъ злоба" [1]).

Отъ 20-го іюля Репнинъ писалъ, что въ Сѣрадскомъ воеводствѣ завелись разбойники или конфедераты, что, по его словамъ, было все равно: „Ихъ", писалъ Репнинъ, „гоняетъ маіоръ Древицъ, но вездѣ растянуться не можетъ. Новое еще возмущеніе сдѣлано въ Гостиницѣ, 12 только миль отъ Варшавы; конфедератовъ только 50 человѣкъ, и нѣтъ ни одного, у котораго хотя-бъ на палецъ земли было. Предводитель ихъ, Держановскій,—человѣкъ, который во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта мошенничалъ и вездѣ, думаю, петлю заслужилъ. Извѣстія воеводы Лифляндскаго даютъ думать, что есть въ Литвѣ ферментація; но лѣкарства я на сіе не знаю, кромѣ пушекъ и ружей, который рецептъ и генералу Нумерсу предпишу. Истинно, кажется, самъ чортъ здѣсь на всѣхъ поѣхалъ, ибо подлинно ферментація здѣсь во всѣхъ провинціяхъ генеральна. Слава Богу, что не вдругъ все загорается: не знали бы мы здѣсь тогда, куда оборотиться".

И въ августа тѣ же извѣстія: „Вездѣ ферментація продолжается". Краковъ, въ которомъ засѣли конфедераты, былъ взятъ штурмомъ генералами графомъ Апраксинымъ и княземъ Прозоровскимъ; несмотря на то, что городъ былъ взятъ штурмомъ, солдаты не ограбили ни одного дома, ни одного человѣка, вели себя, какъ на ученьи. Кречетниковъ, по настоянію Репнина, былъ смѣненъ княземъ Прозоровскимъ. 19-го іюля Екатерина писала Румянцеву: „Общій вопль отъ злыхъ и добрыхъ по всей Польшѣ противу недозволеннаго и всю славу военной службы развращающаго какъ и дѣламъ весьма вреднаго поведенія нашего ген.-маіора Кречетникова вынуждаетъ изъ насъ такія мѣры, которыя во всякомъ другомъ случаѣ были-бъ претительны нашей природной склонности и статскимъ правиламъ. Сей генералъ, повидимому, вышедъ совсѣмъ изъ предѣловъ должности и уваженія къ славѣ нашего оружія и ослѣпясь мерзкимъ и презрительнымъ корыстолюбіемъ, производитъ, какъ сказываютъ, такіе себѣ нажиточные грабежи на тамошней Землѣ, что уже многіе обозы съ пограбленнымъ оттуда выслалъ. Мы за нужное нашли отозвать его отъ команды" [2]). Но и послѣ этого Репнинъ писалъ: „Стараться я, конечно, всячески буду о возстановленіи спокойствія, но къ несчастію не все такъ идетъ, какъ желается". *Ферментаціи* распространилась по всей Бѣлоруссіи. Чарторыйскіе начали заговаривать съ Репнинымъ о необходимости измѣнить постановленія о диссидентахъ и гарантіи; король толковалъ о томъ же. „Я самъ знаю", писалъ Репнинъ, „что волненія прекратятся, если мы отступимся отъ этихъ двухъ пунктовъ; но дороже бы сія тишина была куплена, нежели она стоитъ", и потому онъ сдѣлалъ королю самый короткій и ясный отказъ.

Между тѣмъ ферментація въ Литвѣ высказалась конфедераціями въ Брестѣ и Ковнѣ. Первая въ концѣ сентября была совершенно разбита полковникомъ Гротенгельмомъ и капитаномъ Анреномъ; ковенскіе конфедераты разсыпались въ Жмуди, разгласивши, что разъѣхались по домамъ; а начальники ихъ — Медекша, Косаковскій и Швейковской — ушли къ Тильзиту. Ген.-маіоръ Измайловъ, имѣя надобность во время преслѣдованія конфедератовъ подойти къ Несвижу, мѣстопребыванію кн. Радзивила, далъ знать объ этомъ послѣднему, и получилъ въ отвѣтъ, чтобъ не нападалъ на конфедератовъ близъ Несвижа, потому что онъ, Радзивилъ, не можетъ быть равнодушнымъ свидѣтелемъ пролитія крови согражданъ своихъ, и если битва произойдетъ подлѣ его замка, то онъ выведетъ свое войско. Тотъ же Радзивилъ принялъ къ себѣ въ Несвижъ повстанцевъ Ошмянскаго повѣта, преслѣдуемыхъ русскимъ войскомъ, и, въ оправдательномъ письмѣ къ Репнину, объявлялъ, что онъ при этомъ не имѣлъ намѣренія воевать съ Русскими,— напротивъ: оказалъ имъ услугу, уговоривши повстанцевъ исполнить требованіе Измайлова, отстать отъ конфедераціи, за что Измайловъ обѣщалъ совершенную безопасность ихъ имѣній; принялъ же конфедератовъ къ себѣ въ Несвижъ потому, что былъ обязанъ это сдѣлать, не могъ смотрѣть на пролитіе братской крови, будучи членомъ народа, въ которомъ господствуютъ вольность и равенство; конфедераты же возстали, будучи побуждаемы ревностію къ своей вѣрѣ, а эта ревность должна быть у всякаго въ крови.

Въ концѣ октября Репнинъ такъ описывалъ состояніе дѣлъ въ Польшѣ: „Дерзость и наглость возмутителей во всѣхъ частяхъ умножается, а въ Великой Польшѣ ежедневные грабежи дѣлаются, и часъ-отъ-часу разныя вновь партіи сихъ грабителей показываются. Доходовъ государственныхъ ни одного злотого почитай сюда не допускаютъ, почты перехватываютъ, всѣхъ спокойно живущихъ въ Землѣ грабятъ; наши-жъ войска, сколько за симъ вѣтромъ ни гоняются, но догнать не могутъ и только понапрасну мучатся. Сейма никакой возможности не было держать, имѣя только человѣкъ 30 земскихъ пословъ, которые сюда пріѣхали. Духи не только уныли, но, можно сказать, умерли. И по законамъ невозможно сейма держать, понеже изъ Литвы ни одинъ земскій посолъ не пріѣхалъ. Королю мѣсяца черезъ два опять ѣсть нечего будетъ, ибо доходы вездѣ разграблены и

[1]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д.
[2]) Государ. Архивъ.

къ нему не доходятъ". Слово „*опять*" означаетъ то, что Репнинъ уже выдалъ Понятовскому значительную сумму денегъ на прокормленіе.

Генералъ Измайловъ доносилъ, что мстиславскіе повстанцы объявили желаніе отстать отъ конфедераціи, и готовы дать *рецессы*, или письменные акты объ этомъ; императрица написала на донесеніи Измайлова: „На завтра сихъ рецессовъ они сдѣлаются тѣми же возмутителями; а если-бъ, схватя да въ Сибирь на поселеніе, то-бъ уменьшилося бы число ихъ".

Отъ 1-го декабря пришло извѣстіе, что маіоръ Древицъ въ Великой Польшѣ разбилъ тамошняго главнаго возмутителя Малчевскаго; въ отрядѣ его было 600 человѣкъ, изъ которыхъ было убито слишкомъ 200 человѣкъ и взято 9 пушекъ. Но Репнинъ къ этому извѣстію прибавилъ обычный припѣвъ: „Всѣ сіи неоднократныя поученія безъ дѣйствія однакожъ остаются, особливо въ Великой Польшѣ, гдѣ множество разныхъ малыхъ возмутительныхъ партій, которыя вездѣ, гдѣ нашихъ войскъ нѣтъ, грабятъ и всякія насильства дѣлаютъ". Сильно раздражили Репнина и предписанія изъ Петербурга насчетъ военныхъ дѣйствій. Отъ 9-го декабря онъ писалъ Панину: „Военныя повелѣнія сюда таковыя даются, что никакимъ образомъ ихъ исполнить невозможно, ибо они противорѣчущія; а оными я вижу, что ищутъ не только разоренія здѣшнихъ дѣлъ съ низверженіемъ короля, несмотря на безславіе и вредныя слѣдствія, которыя отъ сего для насъ послѣдуютъ, но и стараются все здѣсь такъ запутать, слагая все на отвѣтъ мой и Салтыкова, чтобъ послѣ насъ, какъ жертву, во всемъ выставить и виноватыми сдѣлать. Разсудите, можно ли сіе исполнить: требуютъ, чтобъ Прозоровскій былъ удержанъ въ Полонномъ, т. е. подъ носомъ у непріятеля, который виситъ на границахъ и вступленія котораго ежедневно ожидаемъ; чтобъ магазины сдѣланы были не только въ Полонномъ и по дорогѣ отъ Кіева и Чернигова, но и впереди, въ самой Подоліи, а съ тѣмъ повелѣвается и на отвѣтъ Салтыкова кладется, чтобъ его войска въ совершенно безопасномъ и спокойномъ мѣстѣ были, когда они одни могутъ и магазейны прикрыть, и Прозоровскаго подкрѣпить, который безъ сего и оставаться въ своемъ мѣстѣ безъ страха погибнуть со всѣмъ корпусомъ не можетъ; магазейны-жь еще меньше могутъ заготовляться, если нашихъ войскъ въ тѣхъ мѣстахъ не будетъ для ихъ сбереженія; а если Турки войдутъ, то какимъ образомъ Салтыкову и мнѣ отвѣчать за безопасность и спокойность тѣхъ войскъ, особливо бывъ они въ слабомъ числѣ. Мы оба, представляя наше мнѣніе по сей позиціи, требовали рѣшительныхъ повелѣній съ точнымъ назначеніемъ, гдѣ именно стать. По сего рѣшенія не сдѣлано, а отдано на наше разсужденіе и отвѣтъ съ кондиціями безопасности, покойности и исправленія всего вышеписаннаго,—однимъ словомъ, я бы лучше хотѣлъ съ ротою гусаръ быть первымъ противъ всей арміи турецкой, нежели здѣсь въ моемъ мѣстѣ со всѣми сими шиканами. Салтыковъ, чувствуя все оное, уже ко мнѣ писалъ, чтобъ отступить, боясь, чтобъ не погибнуть отъ всѣхъ оныхъ привязокъ, да и пенять ему не можно, что онъ тулится, видя весь сей манежъ. Прошу Бога для постараться конецъ сему сдѣлать и велѣть что ни есть рѣшительное сказать, требуя возможнаго и что бы само съ собой не противорѣчило. Изволите увидѣть, какая здѣсь сумятица заводится отъ нашего неустройства, а я только прошу васъ, какъ милостивца, выведите меня изъ сей галеры; равнымъ образомъ прошу, чтобъ не я имѣлъ коммисію назначать мѣста магазейновъ".

Мы видѣли, какъ огорчало Репнина извѣстіе объ обѣщаніи, данномъ Обрѣзковымъ въ Константинополѣ, что русскія войска немедленно по окончаніи сейма будутъ выведены изъ Польши и арестованные возвращены изъ ссылки. Панинъ, хотя въ мягкихъ выраженіяхъ, далъ однако знать Обрѣзкову, какъ это обѣщаніе можетъ повести къ большимъ затрудненіямъ. Обрѣзковъ находился въ „трепетаніи", по его выраженію, что Репнинъ напишетъ императрицѣ о невозможности исполнить обѣщаніе, данное Портѣ, и умолялъ Панина войти въ его положеніе между молотомъ и наковальнею, и приказать Репнину дать хотя видимый знакъ исполненія обѣщанія, удалить, напримѣръ, хотя нѣсколько отрядовъ отъ Варшавы. А между тѣмъ каждыя трое сутокъ черезъ молдавскихъ курьеровъ Порта получала изъ Польши извѣстія, что сеймъ отсрочивается вслѣдствіе новыхъ затрудненій, происходящихъ отъ князя Репнина, который вымогаетъ новыя условія, предосудительныя Польшѣ, и многіе Поляки, предпочитая покинуть отечество, чѣмъ согласиться на эти условія и сносить горделивые и властительные поступки русскаго посла, уже удалились изъ Польши. Порта, по этимъ вѣстямъ, рѣшила усилить войска на границѣ, и на замѣчанія Обрѣзкова, что этимъ вѣстямъ нельзя вѣрить, рейсъ-эффенди съ досадою отвѣчалъ, что честь и интересы Турціи не позволяютъ ей болѣе равнодушно смотрѣть на такое продолжительное властвованіе Русскаго Двора въ Польшѣ. Притомъ, по свойству Турецкаго народа, султанъ и министры его иногда принуждены дѣлать и то, чего не хотятъ. Легко понять, въ какое „трепетаніе" пришелъ Обрѣзковъ, когда получилъ отъ Репнина извѣстіе о Барской конфедераціи. Рейсъ-эффенди объявилъ ему, что хотя конфедераты и обратились къ Портѣ съ просьбою о помощи, но она не намѣрена помогать такимъ „невольникамъ", которые, будучи лишены посторонней помощи, сами собою разбѣгутся, и потому нѣтъ никакой нужды удерживать русскія войска въ Польшѣ, ибо переговоры между Россіею и Польшею совершенно кончены; шайка бродягъ не можетъ воспрепятствовать исполненію договора; притомъ такія суматохи могутъ въ Польшѣ часто случаться: нельзя

же держать тамъ постоянно русское войско! Наконецъ Порта никакъ не можетъ стерпѣть, чтобъ русское войско напало на конфедератовъ вблизи ея границъ, не потому, чтобъ она хотѣла ихъ защищать или ободрять, но потому, что вѣсть о битвѣ произведетъ сильное волненіе въ Турецкомъ народѣ. И послѣднее распоряженіе Порты о нарядѣ военныхъ людей въ Хотинъ, Бендеры и Очаковъ сдѣлано единственно для того, чтобъ дать черни что жевать, и тѣмъ зажать рты, удержать отъ порицаній султана и министерства безпечностью и робостью. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что напрасно Порта считаетъ Барскую конфедерацію столь ничтожною: конфедерація въ своемъ манифестѣ прямо возстаетъ противъ договора, заключеннаго между Россіею и Польшею; слѣдовательно если она будетъ имѣть успѣхъ, то русскія войска, если бы и вышли, то должны возвратиться по обязательству поруки и для того, чтобъ возстановить нарушенный договоръ, въ чемъ ни Порта, ни какая другая держава помѣшать Россіи не имѣетъ права. Если Порта прямо желаетъ видѣть возстановленіе тишины въ Польшѣ и выводъ изъ нея русскихъ войскъ, то лучшій способъ для этого позволить русскимъ войскамъ искать возмутителей и неподалеку отъ границъ турецкихъ. Но рейсъ-эффенди никакъ на это не соглашался, утверждая, что конфедерація исчезнетъ, какъ скоро возставшіе лишатся надежды на помощь Порты, и требовалъ, чтобъ Обрѣзковъ далъ снова обѣщаніе насчетъ вывода русскихъ войскъ изъ Польши. Но на этотъ разъ Обрѣзковъ рѣшительно отказался дать обѣщаніе, и, послѣ двухчасового спора, рейсъ-эффенди сказалъ, что русскія войска пусть усмиряютъ конфедератовъ, только бы не приближались къ турецкимъ границамъ, и усмиреніе это происходило какъ можно легче, безъ шуму. Зная, что улемы настаиваютъ на вмѣшательство Порты въ Польскія дѣла на основаніи религіознаго требованія не отвергать притѣсненныхъ, просящихъ помощи, Обрѣзковъ счелъ нужнымъ дать рейсъ-эффенди 3,000 червонныхъ, вслѣдствіе чего отправленъ былъ Крымскому хану указъ внушить французскому консулу, чтобъ не вмѣшивался въ политическія дѣла, и дать знать вождямъ Барской конфедераціи, чтобъ не надѣялись на помощь ни изъ Крыма, ни изъ Турціи и спѣшили прекратить свое возстаніе; заготовленъ былъ и другой указъ хану о высылкѣ изъ Крыма французскаго консула Тотта.

Весна и начало лѣта прошли спокойно, но отъ 7-го іюля Обрѣзковъ увѣдомилъ о сообщеніи Порты, что значительный казацкій отрядъ, преслѣдуя польскихъ мятежниковъ, въѣхалъ въ Балту, село, принадлежащее хану Крымскому, лежащее на самой польской границѣ, причемъ, истребляя конфедератовъ, убили нѣсколько Татаръ, Молдаванъ и Турокъ; потомъ тѣ же казаки дошли до другой ханской вотчины—Дубоссаръ, потребовали отъ управляющаго выдачи конфедератовъ и, не получивъ удовлетворенія, сожгли Дубоссары, причемъ погибло до 1,800 человѣкъ Татаръ, Молдаванъ и Турокъ [1]). Какъ же это случилось, какіе это были казаки?

29 февраля Георгій Конисскій писалъ Екатеринѣ: „Народъ здѣшняго Польскаго государства, вѣру Греко-Россійскую содержащій, получивъ нынѣ дѣйствительное покровительство, премудрымъ промысломъ, ревностнымъ тщаніемъ и безпримѣрною щедротою вашего императорскаго величества совершенное, приноситъ вашему величеству чрезъ меня, подданника вашего, всеусерднѣйшее и всепреданнѣйшее благодареніе. Онъ въ нынѣшней состояніи своего, чрезъ полтора вѣка желанной, но никогда нечаянной, перемѣнѣ не инако себя почитаетъ, какъ себя почиталъ древній Израиль, свободившійся отъ египетской тѣсноты, какъ христіанство первое, отдохнувши послѣ гоненія языческаго, какъ старая Россія, невозбранно служити Богу начавши по своемъ просвѣщеніи; за тѣмъ молитъ онъ Бога со слезами, не отъ тѣсноты уже духа, но отъ избытка въ немъ радости проливающимися, дабы ваше императорское величество дѣло Моисеево, дѣло Константина и Елены, дѣло Владиміра и Ольги, совершавшую въ здравіи присноцвѣтущемъ, въ мирѣ и всѣхъ вашего величества богоугодныхъ и христіанству преполезныхъ намѣреній преспѣяніи долголѣтну сохранилъ такъ ко утвержденію сего, что совершилося, яко и ко избавленію тѣхъ, которые, и здѣ еще и по другимъ мѣстамъ ослабы не получивши, къ вашему императорскому величеству на сіе отъ Бога посланной, со стенаніемъ очи возводятъ. Притомъ прошу всеподданнѣйше высочайшимъ вашего величества указомъ повелѣть, кому надлежитъ, дабы, заимствуя отъ исполненія ревности и усердія в. в—ства по мѣрѣ святой, чинено было надлежащее старательство во исполненіи всего того, что нынѣ трактатомъ въ пользу защищенныхъ постановлено, и въ особности, чтобъ не слабо защищены были тые, которые до подписанія на сеймѣ трактата учинили уже переходъ изъ уніатскаго или Римскаго исповѣданія въ нашу вѣру попрежнему“ [2]).

Изъ послѣднихъ словъ этого письма мы узнаемъ, что въ началѣ 1768 года были еще люди, страдавшіе отъ гоненія на Православіе; узнаемъ также, что были люди, которые недавно перешли изъ уніи и даже изъ католицизма въ Православіе *попрежнему*, т. е. были приневолены отступить отъ Православія и теперь въ него возвращались; ихъ преимущественно просилъ защищать Конисскій, ибо по послѣднему договору отпаденіе отъ господствующаго исповѣданія считалось дѣломъ уголовнымъ. Событія на такъ называемой Украйнѣ объясняютъ намъ эти слова Конисскаго.

Въ этой Украйнѣ, на берегахъ рѣкъ Роси и

[1]) Дѣла Польскія и Турецкія 1768 года.—Pametniki do panowania Augusta III i pierwsych lat Stanisl.-Augusta.

[2]) Москов. Архив. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Тясмины, гдѣ древняя Русь такъ долго боролась съ Половцами и другими разноименными варварами, полукочевыми, полуосѣдлыми, гдѣ въ XVII вѣкѣ сталкивались Россія, Польша и Турція, и казаки переходили то къ той, то къ другой, то къ третьей,—въ Украйнѣ, которая по Прутскому договору объявлена была пустынею для избѣжанія столкновеній,—въ описываемое время, по общему характеру всѣхъ украйнъ, опять сталкивались разнородные элементы. Она населялась сходцами изъ ближайшихъ странъ, русскими крестьянами, Православными и уніатами. Уніатское духовенство стремилось подчинить себѣ Православныхъ, выжить ихъ духовенство, но встрѣтило себѣ противниковъ: въ дебряхъ, на правомъ берегу Днѣпра, виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ Православные монастыри, а монахи всегда способнѣе къ борьбѣ, чѣмъ разсѣянное и потому слабое бѣлое духовенство. Тутъ же недалеко было Запорожье, и Украйна была извѣстна, какъ любимая страна гайдамаковъ, степныхъ рыцарей, страшныхъ разбойниковъ, но въ которыхъ Русскій Православный человѣкъ всегда видѣлъ прежде всего непримиримыхъ враговъ Ляхамъ, Жидамъ и уніатамъ.

Сильное религіозное движеніе обнаружилось въ Украйнѣ съ тѣхъ поръ, какъ былъ поднятъ знаменитый диссидентскій вопросъ. Въ то время, какъ въ другихъ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Рѣчи Посполитой, униженная Православная шляхта, лишенная всякихъ средствъ представительства, сама пахала землю, а горожане и крестьяне, загнанные, привыкшіе сносить всякаго рода притѣсненія, ждали избавленія отъ сильной руки монархини Всероссійской, распоряжавшейся чрезъ своего князя-посла въ Варшавѣ, на Украйнѣ, по самому характеру страны и народонаселенія, Православіе не могло сохранять такого страдательнаго положенія, особенно когда явился человѣкъ, около котораго можно было сосредоточиться. Такимъ человѣкомъ явился монахъ, игуменъ Мотренинскаго монастыря, Мелхиседекъ. Чтобъ дать порядокъ и силу Православію на Украйнѣ, онъ связалъ тамошнее народонаселеніе въ церковномъ отношеніи съ ближайшею Переяславскою епископіею, сталъ дѣятельнымъ посредникомъ между Переяславскимъ епископомъ Гервасіемъ и его паствою на другомъ, западномъ берегу Днѣпра, въ Польшѣ, или Египтѣ, по выраженію Конисскаго. Найдя точку опоры въ русскомъ архіереѣ, Мелхиседекъ не хотѣлъ ограничиваться страдательнымъ положеніемъ: начавъ явную борьбу съ уніатами, сталъ отводить отъ нихъ украинское народонаселеніе, распространять Православіе насчетъ уніи, утверждать его построеніемъ церквей и большимъ порядкомъ между духовенствомъ. Мелхиседекъ побывалъ и въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ съ обычными жалобами на притѣсненія, съ обычными просьбами о заступничествѣ. Панинъ сказалъ ему: „Будьте надежны, что къ пользѣ всѣхъ чрезъ преосвященнаго Бѣлорусскаго Георгія сдѣлается". Но украинскіе уніаты не хотѣли, чтобъ Мелхиседекъ и Православные были надежны. Дѣятельность Мелхиседека, явная борьба, имъ поднятая, отбиваніе прихожанъ—все это возбудило страшную злобу уніатскаго духовенства, которую раздѣляли польскіе чиновники, ибо тотъ же фанатизмъ, на который жаловался Репнинъ въ Варшавѣ, господствовалъ и на Украйнѣ, только здѣсь, по мѣстнымъ условіямъ,—съ большею разнузданностію. Начались явныя нашествія уніатовъ на Православныхъ, грабежи, истязанія. Такъ какъ Мотренинскій монастырь былъ центромъ движенія, туда крестьяне приводили своихъ уніатскихъ священниковъ присягать „на благочестіе", что въ глазахъ уніатовъ и католиковъ было бунтомъ; такъ какъ Мотренинскій игуменъ былъ главнымъ виновникомъ этого, то злоба преимущественно обрушилась на него: его обвинили въ подстрекательствахъ къ бунту, въ обращеніи уніатскихъ священниковъ въ Православіе; Мелхиседека схватили и долго держали въ оковахъ, въ самомъ тяжкомъ заключеніи, изъ котораго ему удалось уйти какимъ-то таинственнымъ способомъ въ Переяславль.

Въ началѣ 1768 года, когда въ Варшавѣ провозглашалось равенство Грековъ неунитовъ съ католиками, Гервасій писалъ Конисскому, что на Украйнѣ уніаты продолжаютъ свои мучительства, бьютъ и мучатъ Православный народъ и священство, потому что ни откуда не видятъ страха; насчитывали за послѣднее время 86 насильственныхъ случаевъ. Извѣстія изъ Варшавы о возстановленіи диссидентскихъ правъ поднимали страшную злобу въ уніатахъ, которымъ представлялось, что скоро имъ будетъ месть отъ Православныхъ; ругаясь надъ Православнымъ священникомъ, обрѣзывая ему волосы и бороду; одинъ чиновникъ говорилъ: „Я теперь тебя стригу, а ты, можетъ быть, шкуру будешь съ меня лупить" [1]). Уніаты пророчили себѣ месть,—и месть пришла.

Князья Любомирскіе, маршалокъ великій коронный и братъ его, воевода Любельскій, заставили третьяго Любомирскаго, слабоумнаго пьяницу, подстолія Литовскаго, владѣльца огромныхъ имѣній, передать торжественнымъ актомъ эти имѣнія своимъ дѣтямъ, причемъ ему самому и женѣ его выговорена была ежегодно значительная сумма изъ доходовъ. Такъ какъ дѣти Любомирскаго были малолѣтныя, то назначены были опекуны. Но эта сдѣлка не нравилась Сосновскому, писарю Литовскому, любовнику княгини Любомирской, обманутому въ надеждѣ составить себѣ состояніе. Онъ сталъ наговаривать княгинѣ, чтобы выкрала мужа изъ Варшавы, и пусть онъ опять приметъ имѣнія въ свое завѣдываніе: тогда она будетъ управлять слабоумнымъ мужемъ и его имѣніемъ, а не фамилія Любомирскаго и не опекуны. Княгиня взбунтовала мужа, выкрала его изъ Варшавы и привезла на

[1]) Матеріалы для исторіи Православія въ Западной Украйнѣ—Архивъ Юго-Западной Россіи, I, II.

контракты въ Львовъ въ 1768 году. Здѣсь люди совѣстливые не входили съ ними ни въ какія сношенія; но наѣхали игроки изъ Варшавы, обыграли Любомирскаго и заставили заплатить карточный долгъ имѣніями, подъ видомъ покупки. Но покупщики очень хорошо знали, что дѣло не обойдется легко; что опекуны дѣтей Любомирскаго не впустятъ ихъ ни въ одно имѣніе. Надобно было найти людей, которые, получивъ полномочіе отъ Любомирскаго, приняли бы на себя обязанность бороться съ опекунами и ввести во владѣніе покупщиковъ. Такіе люди нашлись: два шляхтича, Бобровскій и Волынецкій.

Бобровскій отправился коммисаромъ въ имѣніе Любомирскаго Побережe; но его никто тамъ не хотѣлъ слушать,—едва ушелъ по-здорову, потому что одинъ изъ опекуновъ, Швейковскій, узнавъ о львовскихъ продѣлкахъ, разослалъ по всѣмъ имѣніямъ приказы, чтобы никто изъ управляющихъ не смѣлъ слушать Бобровскаго и Волынецкаго, какія бы бумаги отъ князя Любомирскаго они ни показывали. Бобровскій, выгнанный изъ Побережа, снесся съ Волынецкимъ, и оба рѣшили ѣхать въ другое имѣніе Любомирскаго, Смиляньщизну, и поднять здѣсь крестьянъ обѣщаніемъ уничтоженія уніи. Чтобъ имѣть помощь и съ другой стороны, они отправились въ Баръ, къ Пулавскому, маршалку конфедераціи, съ просьбою, чтобы призналъ ихъ совѣтниками конфедераціи и далъ свои бланкеты для написанія разныхъ приказовъ его именемъ, за что обѣщали ему доставить для конфедераціи тысячу вооруженныхъ казаковъ. Пулавскій легко согласился на ихъ желаніе. Получивши бланкеты, Бобровскій и Волынецкій съ торжествомъ поѣхали въ Смилу, укрѣпленный за̀мокъ Любомирскаго. Но ворота заперты, пускать не велѣно; управляющаго Вонжа нѣтъ дома, но отлично распоряжается всѣмъ его жена; въ за̀мкѣ 50 казаковъ гарнизона, пороху и всякихъ запасовъ много: „Мужъ мой не знаетъ никакихъ коммисаровъ князя Любомирскаго, кромѣ опекуновъ молодыхъ князей", велитъ жена управляющаго отвѣчать Бобровскому и Волынецкому на ихъ требованія отворить за̀мокъ и на ихъ угрозы. Тогда коммисары обращаются къ казакамъ, живущимъ на земляхъ въ имѣніи, и уговариваютъ ихъ атаковать за̀мокъ; но гарнизонные казаки отбиваютъ нападеніе. Бобровскій и Волынецкій придумываютъ средство: велятъ схватить женъ и дѣтей гарнизонныхъ казаковъ и ставятъ ихъ въ первую линію казаковъ, идущихъ на вторичный штурмъ. Но и это средство не помогло: гарнизонные казаки стрѣляютъ, несмотря на то, что отъ ихъ пуль падаютъ ихъ жены и дѣти. Видя такой страшный грѣхъ, казаки не пошли на штурмъ и отказались повиноваться коммисарамъ. Бобровскій и Волынецкій, которые за нѣсколько дней передъ тѣмъ обѣщали имъ ратовать за Православіе, теперь начали имъ грозить, что придетъ Барская конфедерація, истребитъ ихъ всѣхъ до одного человѣка, и псы будутъ лизать ихъ кровь за ихъ непослушаніе. Угроза не подѣйствовала: казаки не шли штурмовать за̀мокъ. Тогда Бобровскій и Волынецкій рѣшились ѣхать въ Баръ, и, чтобъ исполнить обѣщаніе, данное Пулавскому, велѣли начальнику казаковъ, Тымберскому, ѣхать за ними туда же со всѣми казаками. Тымберскій не смѣлъ ослушаться приказа, написаннаго отъ имени маршалка конфедераціи (на бланкетѣ Пулавскаго), и повелъ казаковъ вслѣдъ за коммисарами.

Тымберскій былъ человѣкъ огромнаго роста и толщины; тяжко ему было ѣхать верхомъ, и коню было тяжко везти его: сталъ просить Бобровскаго и Волынецкаго, чтобы позволили сойти ему съ лошади и пересѣсть на телѣгу. Тѣ позволили. Но какъ скоро Тымберскій переселился на телѣгу, казацкіе старшины, сотники, атаманы, есаулы, остановили ее и обступили Тымберскаго съ вопросомъ: „Куда насъ ведешь, панъ полковникъ"?— „Приказъ имѣю отъ маршалка конфедераціи Барской явиться съ вами въ Баръ", отвѣчалъ тотъ.— „Если хочешь, панъ полковникъ", сказала старшина, „то ступай себѣ въ Баръ одинъ", и, обратившись къ казакамъ, крикнули: „Молодцы! За нами, домой въ Смиляньщизну!" И слѣдъ простылъ: Бобровскій, Волынецкій и Тымберскій поскакали одни въ Баръ, боясь за собою погони казацкой.

Вспомнимъ, что Волынецкій грозилъ казакамъ и крестьянамъ приходомъ войскъ конфедераціи, которыя истребятъ ихъ всѣхъ. Какъ нарочно, чрезъ нѣсколько дней разнесся слухъ, что идутъ двѣ польскія хоругви, ведутъ пойманныхъ на разбоѣ гайдамаковъ, чтобы сажать ихъ на колъ на мѣстѣ преступленія, въ Смиляньщизнѣ. Казаки, боясь, что это войско прислано для ихъ наказанія за покинутіе Бобровскаго и Волынецкаго, стали перебѣгать за русскую границу, за Днѣпръ, подъ Переяславлемъ, гдѣ ихъ пускали и съ лошадьми, оставляя только оружіе ихъ при рогаткахъ.

Между посаженными на колъ гайдамаками находился родной племянникъ игумена, эконома Переяславскаго архіерея; этотъ игуменъ, раздраженный позорною смертію племянника, сталъ уговаривать бывшихъ въ то время въ Переяславлѣ на богомольи Запорожцевъ и главнаго между ними Желѣзняка, чтобъ они подняли съ Поляками войну за вѣру, потому что Поляки устроили Барскую конфедерацію противъ Православной вѣры. Для сильнѣйшаго убѣжденія, игуменъ показалъ Желѣзняку на пергаментѣ указъ императрицы—подниматься противъ Поляковъ за вѣру; титулъ былъ написанъ золотыми буквами, подпись и печать поддѣланы. Желѣзнякъ отвѣчалъ игумену, что съ нѣсколькими сотнями Запорожцевъ онъ не можетъ начать этого дѣла; тогда игуменъ сказалъ ему: „А вотъ недалеко при рогаткахъ много бѣглыхъ казаковъ, которые убѣжали отъ войскъ конфедераціи, потому что Поляки хотѣли ихъ всѣхъ истребить; уговорись съ этими казаками, и сту-

пайте въ Польшу, рѣжьте Ляховъ и Жидовъ; всѣ крестьяне и казаки будутъ за васъ".

Желѣзнякъ пошелъ къ казакамъ, показалъ имъ поддѣльный указъ императрицы, и всѣ вмѣстѣ вторгнулись за Днѣпръ, поднимая крестьянъ и казаковъ, истребляя Ляховъ и Жидовъ. На деревьяхъ висѣли вмѣстѣ Полякъ, Жидъ и собака, съ надписью: „Ляхъ, Жидъ, собака—вѣра однака".

Такъ разсказываетъ о происхожденіи гайдамацкаго бунта Полякъ-современникъ, слышавшій подробности отъ людей, самыхъ близкихъ къ событію. При началѣ своего разсказа, онъ говоритъ: „Это дѣло имѣло видъ, какъ будто бы произошло по наущенію Русскаго правительства, но въ самомъ дѣлѣ поводы были другіе" [1]).

Репнина сильно раздосадовалъ гайдамацкій бунтъ. Онъ указывалъ на Переяславскаго архіерея Гервасія и Мотренинскаго игумена Мелхиседека, какъ на „нѣкоторую причину" волненія; особенно вооружался противъ Мелхиседека. Мы знаемъ, какъ онъ относился къ распространенію Православія насчетъ уніи и католицизма, какъ онъ защищалъ проектъ введенія уніатскихъ архіереевъ въ сенатъ, и потому онъ не могъ отнестись благопріятно къ дѣятельности Гервасія и Мелхиседека противъ уніи. Репнинъ требовалъ, чтобъ всѣ Православные польскихъ областей были отданы въ вѣдомство епископа Бѣлорусскаго, котораго чрезъ это можно вывести изъ нищеты, предосудительной для достоинства Православнаго закона.

Но удивительно безпристрастно и правдиво отнесся къ явленію король Станиславъ-Августъ въ письмѣ къ Жоффрэнъ: „Нѣсколько фанатиковъ стали грозить крестьянамъ нашей Украйны всевозможными бѣдствіями, если они не перестанутъ быть Греками неуніатами и не обратятся въ Грековъ уніатовъ, т.-е. не перестанутъ объяснять Троицу, какъ объясняютъ ее въ Петербургѣ, и не начнутъ объяснять ее по римскому способу. Судите, могутъ ли несчастные крестьяне тутъ понимать что-нибудь? Но этого было достаточно, чтобъ возмутить ихъ, а возстаніе этихъ людей не шутка! Ихъ много, они вооружены и свирѣпы, когда возмутятся. Они теперь побиваютъ своихъ господъ съ женами и дѣтьми, католическихъ священниковъ и Жидовъ. Уже тысячи человѣкъ побито. Бунтъ распространяется быстро, потому что фанатизмъ религіозный соединяется у нихъ съ жаждою воли. Фанатизмъ греческій и рабскій борется огнемъ и мечемъ противъ фанатизма католическаго и шляхетскаго. Вѣрно одно, что безъ Барской конфедераціи этого новаго несчастія не было бы".

Бунтъ ширился, обхватилъ Смиляньщизну, грозилъ Умани, принадлежащей Кіевскому воеводѣ Потоцкому. У Потоцкаго главнымъ управителемъ здѣсь былъ Младановичъ, а кассиромъ Рогашевскій. Управляющій и кассиръ посылали тайкомъ Жидовъ къ воеводѣ наговаривать другъ на друга. Для разбора, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, Потоцкій отправилъ въ Умань пана Цѣсѣльскаго, который разсказалъ Младановичу и Рогашевскому, какіе доносы на нихъ были сдѣланы воеводѣ. Тѣ, вмѣсто того чтобы заподозрить другъ друга, заподозрили сотника Гонту, котораго любилъ Потоцкій и поручилъ ему заселеніе слободъ, почему Гонта и ѣздилъ часто въ воеводѣ. Управляющій и кассиръ стали мстить Гонтѣ, потребовали 100 злотыхъ за сотничество, и это въ то время, когда казацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству.

Пришло требованіе отъ Барской конфедераціи, чтобы выслали въ Баръ всю милицію и казаковъ воеводы Кіевскаго. Но воевода распорядился иначе: онъ велѣлъ Цѣсѣльскому забрать всѣхъ казаковъ и поставить ихъ на степи надъ рѣкою Синюхою, составлявшею границу съ Россіею, а къ Пулавскому написалъ, что вмѣсто казаковъ, которые не будутъ охотно биться съ Русскими, онъ приказалъ сформировать изъ шляхты конную и пѣшую милицію и отослать съ трехмѣсячнымъ жалованьемъ и провіантомъ въ Баръ. Цѣсѣльскій, Младановичъ и Рогашевскій, чтобы не истощать казны воеводской сформированіемъ милиціи, назначили на этотъ предметъ чрезвычайный поборъ съ казаковъ, и все это, когда казацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству, и уманьскіе казаки стояли въ степи на Синюхѣ подъ начальствомъ сотниковъ—Дуска, Гонты и Яремы, готовые союзники для Желѣзняка.

Одни Жиды чуяли бѣду и явились къ Цѣсѣльскому съ представленіями, что надобно остерегаться Гонты, тѣмъ болѣе-что онъ теперь главный: Дуска умеръ въ степи. Жиды говорили, что Гонта навѣрное сносится съ Желѣзнякомъ; что есть слухъ, будто Гонта уже предлагалъ Дуску соединиться съ Желѣзнякомъ, но будто тотъ отвѣчалъ: „Семь недѣль будете пановать, а семь лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать".

Напуганный Жидами, Цѣсѣльскій послалъ приказъ Гонтѣ немедленно явиться въ Умань. Тотъ прискакалъ и былъ сейчасъ же закованъ въ кандалы; на другой день уже вели его на площадь, подъ висѣлицу. Но, съ счастливой руки Хмельницкаго, казацкихъ богатырей все спасали женщины. И тутъ взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: „Оставьте въ живыхъ, я за него ручаюсь". Тронулся Цѣсѣльскій просьбами пани Обуховой и отпустилъ Гонту—опять въ станъ на Синюху начальствовать казаками! Жиды увидали, что судьба ихъ въ рукахъ того, кого они подвели подъ висѣлицу: они наклали брыки сукнами и разными матеріями, собрали денегъ и отвезли Гонтѣ съ поклономъ: „Батюшка, защити насъ"! Гонта сказалъ Жидамъ: „Выхлопочите у пана Цѣсѣльскаго мнѣ приказаніе выступить противъ Желѣзняка". Жиды выхлопотали приказъ; но Цѣсѣльскій велѣлъ троимъ полковникамъ принять начальство надъ казаками. Эта мѣра не помогла; на дорогѣ Гонта объявилъ полковникамъ: „Можете, ваша

---

[1]) Pamietnik do hystoryi polskiej Adama Moszczynskiego, 126.

милость, ѣхать теперь себѣ прочь,—мы въ васъ уже не нуждается". Полковники убрались поскорѣе въ Умань, а Гонта соединился съ Желѣзнякомъ. Скоро вся толпа явилась подъ Уманью, въ ближнемъ лѣсу разостали коверъ, на которомъ усѣлись Желѣзнякъ съ Гонтою; казаки составили кругъ, и какой-то подъячій читалъ фальшивый манифестъ Русской императрицы. Потомъ началась попойка и шла всю ночь.

Въ замкѣ Уманьскомъ уже не было больше Цѣсѣльскаго: онъ исчезъ; главное начальство перешло къ Младановичу. Къ нему явился комендантъ Ленартъ и объявилъ, что пьяные казаки ночуютъ на фольваркѣ и что ихъ ничего не стоитъ вырѣзать, сдѣлавши вылазку изъ замка. Но Младановичъ никакъ на это не рѣшился: онъ созвалъ Жидовъ, велѣлъ имъ нагрузить брыки дорогими матеріями и везти къ Желѣзняку и Гонтѣ въ подадокъ, съ просьбою о капитуляціи. Гонта и Желѣзнякъ, пьяные, приняли подарки съ удовольствіемъ, но переговоры отложили до утра.

Дѣйствительно, утромъ на другой день, оба предводителя со всею старшиной подъѣхали верхами къ городскимъ воротамъ, передъ которыми былъ мостъ, переброшенный черезъ глубокій ровъ. Комендантъ Ленартъ велѣлъ зарядить картечью четыре пушки; но Младановичъ и Рогашевскій, увидавши это, закричали: „Что вы дѣлаете? Вы насъ всѣхъ погубите!" Шляхта полегла на пушкахъ и отогнала артиллеристовъ, а между тѣмъ Младановичъ спѣшилъ окончить переговоры съ Желѣзнякомъ; положили: 1) казаки не будутъ рѣзать католиковъ, шляхту и Поляковъ вообще; имѣнія ихъ не тронутъ; 2) въ Жидахъ и ихъ имѣніи казаки вольны. По заключеніи капитуляціи, всѣ Поляки пошли въ костелъ, а казаки ворвались въ городъ и начали рѣзать Жидовъ; потомъ, когда всѣ Жиды были перерѣзаны, добрались до милиціи, назначенной въ Баръ; покончивъ съ нею, пошли къ костелу и начали вытаскивать оттуда мужчинъ, женщинъ, дѣтей—и бить; нѣкоторыхъ женщинъ, которыя понравились, взяли за себя замужъ, и дѣтей усыновляли. Младановичъ и Рогашевскій погибли отъ Гонты; весь городъ былъ устланъ трупами, глубокій колодезь на рынкѣ наполнился убитыми дѣтьми. Крестьяне по селамъ въ это время били Жидовъ, вязали поссесоровъ и шляхту, и привозили въ Умань, гдѣ пьяные казаки убивали ихъ.

Послѣ этихъ подвиговъ, Гонта провозгласилъ себя воеводою Брацлавскимъ, а Желѣзнякъ—Кіевскимъ, и разослали въ разныя стороны отряды рѣзать шляхту и Жидовъ. Но Желѣзнякъ и Гонта недолго навоеводствовали: они были схвачены по распоряженію генерала Кречетникова; гайдамацкій бунтъ потухъ, но слѣдствія его обнаружились неожиданнымъ образомъ. Одинъ изъ разосланныхъ Желѣзнякомъ и Гонтою гайдамацкихъ отрядовъ, подъ начальствомъ сотника Шилы, направился къ Балтѣ, пограничному мѣстечку, которое рѣчка Кодыма отдѣляла отъ татарскаго мѣстечка Галты. Балта славилась своими ярмарками, на которыя приводили лошадей, рогатый скотъ, овецъ; для закупки лошадей пріѣзжали ремонтеры изъ Пруссіи и Саксоніи. Мѣстечко богатѣло отъ этихъ ярмарокъ; въ немъ жило много Жидовъ, Грековъ, Армянъ, Турокъ и Татаръ: было кого порѣзать гайдамакамъ, было что пограбить. Шила съ своимъ отрядомъ явился въ Балту и началъ тѣмъ, что покололъ всѣхъ Жидовъ; потомъ, проживъ дня четыре спокойно, собралъ свое войско и вышелъ изъ Балты. Увидавъ, что этимъ все кончилось, Турки въ Балтѣ подняли крикъ и, вмѣстѣ съ Жидами, перешли съ татарской стороны на польскую: одни пошли на гору въ погоню за гайдамаками, другіе начали бить Православныхъ, Сербовъ и Русскихъ, грабить товары и зажгли предмѣстье. Шила, услыхавъ, что Турки и Жиды напали на Православныхъ, возвратился, прогналъ непріятелей на татарскую сторону, перешелъ вслѣдъ за ними въ Галту, и все здѣсь разорилъ и пограбилъ. На другой день битва возобновилась нападеніемъ Турокъ, которые опять были прогнаны въ Галту. Послѣ этого гайдамаки помирились съ Турками и много отдали имъ назадъ изъ пограбленнаго. Но какъ скоро Шила выступилъ въ другой разъ изъ Балты, Турки и Жиды явились опять въ мѣстечкѣ, начали ругать христіанъ, многихъ пострѣляли и порубили, церкви ограбили. Вслѣдъ за бусурманами явились конфедераты—и Православнымъ стало не легче: каждый день Поляки *ревизовали христіанъ*, били и убивали до смерти. Православные обратились съ просьбою о защитѣ къ русскому полковнику Гурьеву, и въ просьбѣ разсказали, какъ было дѣло. Просьба оканчивалась такъ: „Конфедераты очень хотятъ, чтобы насъ теперь переловить и погубить: того ради просимъ не оставить насъ и показать надъ нами жалость; просимъ намъ, бѣднымъ, дать конвой, чтобы мы могли все свое забрать. Къ сему доношенію подписалось цѣлое братство наше купеческое, греческое".

Порта такъ была взволнована извѣстіемъ о балтскомъ событіи, что Обрѣзковъ едва успѣлъ удержать отъ немедленнаго объявленія войны увѣреніями, что дѣло произошло вопреки намѣреніямъ императрицы, которая дастъ Портѣ полное удовлетвореніе. Впрочемъ, Порта дала приказаніе придвинуться къ границамъ двадцатитысячному корпусу войска. Обрѣзковъ писалъ, что хотя Порта и не намѣрена теперь разорвать миръ, но нельзя поручиться, что она не будетъ принуждена начать войну, „послѣдуя народной неразсудной и опрометчивой склонности". 11 іюля рейсъ-эффенди потребовалъ у Обрѣзкова отдаленія отъ турецкихъ границъ всякихъ русскихъ войскъ и совершеннаго очищенія отъ нихъ всей Подоліи. Между тѣмъ слухи о происшествіи въ Балтѣ и Дубоссарахъ оказывались ложными; Обрѣзковъ представилъ Портѣ вѣрное извѣстіе, что взбунтовавшіеся украинскіе мужики вмѣстѣ съ гайдамаками напали на принадлежавшую хану деревню Галту, лежащую на Бугѣ

противъ русскаго Орловскаго форта, причемъ выставлялъ на видъ, что Россія не обязана отвѣчать за всякихъ разбойниковъ. Но машина, по выраженію Обрѣзкова, уже была приведена въ движеніе, и Порта не въ силахъ была ея вдругъ остановить. Она продолжала требовать очищенія Подоліи и въ такомъ случаѣ обѣщала выслать изъ своихъ областей всѣхъ укрывшихся тамъ конфедератовъ, и принудить ихъ успокоиться. Обрѣзковъ повторялъ о возможности войны, выставляя на видъ, что турецкое правленіе больше походить на республиканское, чѣмъ на самовластное. Министерство увѣрено, что Россія не требуетъ отъ Польши ничего такого, что было бы противно интересамъ Порты; но публика съ нѣкоторыми головами, длиннѣйшія и сѣдыя бороды имѣющими, иначе думаетъ.

25 августа смѣненъ былъ великій визирь, „человѣкъ благонамѣренный и миролюбивый". Обрѣзковъ опасался, что скоро послѣдуетъ и смѣна рейсъ-эффенди: „Чрезъ это," писалъ онъ, „я лучшихъ орудій совсѣмъ лишусь. Если Россія одну или двѣ кампаніи останется при оборонительной войнѣ по близости границъ своихъ и этимъ заставитъ Турокъ претерпѣть всѣ трудности походовъ, то несомнѣнно приведетъ скоро Порту въ раскаяніе, особенно если русскіе полководцы будутъ слѣдовать правилу принца Евгенія, который обыкновенно старался избѣгать генеральныхъ сраженій въ началѣ кампаній, давалъ ихъ въ концѣ, ибо Турки сперва обыкновенно горячи и храбры, но отъ трудовъ скоро приходятъ въ уныніе и робость, да часто и бунтуютъ".

Обрѣзковъ въ своемъ затруднительномъ положеніи просилъ мудрыхъ совѣтовъ у Панина; Панинъ полагался на искусство и усердіе Обрѣзкова; въ помощь ему онъ отправилъ письмо къ визирю, наполненное заявленіями миролюбія съ русской стороны; отправилъ перехваченную депешу Тотта герцогу Шуазелю, изъ которой открывалось, что балтскій начальникъ Якубъ былъ подкупленъ Тоттомъ для посылки ложнаго донесенія Портѣ. „Намѣренія ея импер. в—ства", писалъ Панинъ, „соединять въ изъясненіяхъ нашихъ съ Турками ласку съ твердостію, и, показывая имъ, съ одной стороны, всю возможную готовность къ имъ желаніямъ, не уступить, съ другой, прихотямъ ихъ тамъ, гдѣ интересованы польза дѣлъ и достоинство короны. Для приданія въ нужномъ случаѣ словамъ вашимъ у турецкаго министерства большей силы лестнымъ блескомъ золота, изволили ея императорское величество повелѣть отправить къ вамъ 70.000 рублей".

Въ началѣ сентября Обрѣзковъ писалъ, что визирь смѣненъ по причинѣ его старости и вялости, и на мѣсто его назначенъ Кутанскій паша, который, по слухамъ, человѣкъ наглый и грубый. Войны желаетъ только одинъ султанъ и простой народъ, а министры и духовенство противъ войны. Въ Константинополѣ убѣждены, что Россія нарочно проволакиваетъ Польскія дѣла, чтобъ имѣть предлогъ постоянно держать въ Польшѣ свое войско, поэтому и не старается истребить конфедераціи, дѣйствуя малымъ числомъ войскъ, надъ которыми нѣтъ ни одного знатнаго генерала. Немалый ропотъ между Турками и на то, что Польскій король и республика совершенно безгласны,—распоряжается всѣмъ одинъ русскій посолъ, изъ чего ясно видно, что Россія самовластно господствуетъ въ Польшѣ, и это больше всего раздражаетъ султана.

Слѣдствія этого раздраженія скоро оказались: 14 сентября смѣненъ былъ рейсъ-эффенди. 25 числа Обрѣзковъ былъ позванъ на аудіенцію къ новому визирю. При входѣ въ пріемную комнату онъ нашелъ ее наполненною множествомъ людей разныхъ чиновъ, и когда сѣлъ на табуретъ и началъ поздравительную рѣчь, визирь прервалъ ее словами: „Вотъ дочего ты довелъ дѣло"! и началъ читать бумагу, дрожа отъ злости. Въ бумагѣ говорилось: „Польша долженствовала быть вольною державою; но она угнетена войскомъ, жители ея сильно изнуряются и безчеловѣчно умерщвляются. На Днѣстрѣ потоплены барки, принадлежащія подданнымъ Порты. Балта и Дубоссары разграблены и въ нихъ множество Турокъ побито. Кіевскій губернаторъ, вмѣсто удовлетворенія, гордо отвѣчалъ хану, что все сдѣлано гайдамаками, тогда какъ подлинно извѣстно, что все сдѣлано русскими подданными. Ты увѣрилъ, что войска изъ Польши будутъ выведены, но они и теперь тамъ. Ты заявилъ, что ихъ въ Польшѣ не болѣе 7,000 и безъ артиллеріи, а теперь ихъ тамъ больше 20,000 и съ пушками. Поэтому ты, измѣнникъ, отвѣчай въ двухъ словахъ: обязываешься ли, что всѣ войска изъ Польши выведутся, или хочешь видѣть войну?" Обрѣзковъ отвѣчалъ, что по окончаніи всѣхъ дѣлъ русскія войска совершенно очистятъ Польшу, въ чемъ онъ обязывается и прусскій посланникъ поручится. Визирь велѣлъ ему выйти въ другую комнату; послѣ двухчасоваго ожиданія пришелъ къ нему переводчикъ Порты и объявилъ: „Ты долженъ обязаться такъ же, что Русскій Дворъ отречется отъ гарантіи всего постановленнаго на послѣднемъ сеймѣ и отъ защиты диссидентовъ, оставитъ Польшу при совершенной ея вольности". Обрѣзковъ отвѣчалъ, что объ этомъ никогда рѣчи не было, и потому онъ не можетъ знать мнѣній своего Двора; но если Портѣ угодно, то пусть дастъ свои требованія на письмѣ, и онъ отошлетъ ихъ къ своему Двору и сообщитъ Портѣ немедленно отвѣтъ. Переводчикъ пошелъ къ визирю и возвратился съ объявленіемъ, чтобъ Обрѣзковъ далъ сейчасъ же требуемое обязательство, иначе будетъ война. Обрѣзковъ отвѣтилъ, что дать обязательство не въ его власти. Чрезъ нѣсколько времени вошелъ церемоніймейстеръ и объявилъ аресты Обрѣзкову и одиннадцати другимъ членамъ посольства. Обрѣзкова посадили на лошадь, провезли черезъ весь городъ между многочисленными толпами народа и поса-

дили въ подземельный погребъ одной башни, куда свѣтъ проникалъ черезъ маленькое окно. Заточники провели здѣсь сутки, и когда комендантъ донесъ, что они не могутъ и трехъ сутокъ вытерпѣть такого заключенія по причинѣ сырости и духоты, то ихъ перевели въ двѣ маленькія избушки, въ которыя свѣтъ проходилъ черезъ двери и небольшія окна, находящіяся въ потолкѣ. Представленіе англійскаго посла и прусскаго посланника объ освобожденіи Обрѣзкова остались безъ дѣйствія. Несмотря однако на заключеніе, Обрѣзковъ находилъ возможность съ помощію англійскаго посла пересылать Панину извѣстія о состояніи дѣлъ въ Константинополѣ и совѣты, какъ вести войну: такъ, онъ совѣтовалъ, несмотря на предубѣжденіе новѣйшихъ полководцевъ противъ рогатокъ и пикъ, не оставлять ихъ въ войнѣ съ Турками. Въ декабрѣ Обрѣзковъ притворился отчаянно больнымъ, подкупилъ лѣкарей и коменданта, и былъ переведенъ въ лучшее помѣщеніе.

Почти въ тѣхъ же словахъ, какъ и Обрѣзковъ, передавалъ своему Двору извѣстія о Константинопольскихъ событіяхъ прусскій посланникъ Зегелинъ, который тщетно старался предотвратить войну. Фридрихъ не желалъ ея потому, что по союзному договору долженъ былъ, въ случаѣ нападенія Турокъ на Россію, помогать послѣдней не войскомъ, а деньгами. Онъ сердился, толковалъ, что Россія сама виновата въ польскихъ смутахъ, зачѣмъ такъ далеко вела диссидентское дѣло. Въ сентябрѣ онъ писалъ Екатеринѣ, что если русскія войска не подойдутъ близко къ турецкой границѣ, то Порта будетъ спокойно смотрѣть на пораженіе конфедератовъ; но чтобъ нанести имъ это пораженіе, надобно имѣть побольше войска въ Польшѣ. Панинъ предложилъ, не можетъ ли Фридрихъ ввести свое войско въ Польшу, но король отказалъ, ссылаясь на договоръ: если Россія одна не можетъ сладить съ конфедератами, то должна съ ними уладиться. Князь Долгорукій, разсуждая съ графомъ Финкенштейномъ объ арестѣ Обрѣзкова, указывалъ на Версальскій Дворъ, какъ на главнаго подстрекателя въ этомъ дѣлѣ; но Финкенштейнъ отвѣчалъ, что, по мнѣнію его государя, и Вѣнскій Дворъ принималъ здѣсь участіе, и вотъ основаніе: когда въ Вѣнѣ получено было извѣстіе о сверженіи стараго визиря, то австрійскій министръ въ Константинополѣ получилъ прибавку жалованья [1]).

Князь Димитр. Мих. Голицынъ писалъ изъ Вѣны о *скромномъ* поведеніи тамошняго Двора относительно польскихъ волненій. Въ августѣ мѣсяцѣ, по поводу взятія Кракова русскими войсками, Кауницъ имѣлъ разговоръ съ княземъ Голицынымъ, объявивъ напередъ, что говоритъ съ нимъ не какъ съ министромъ, а какъ съ частнымъ человѣкомъ. „По моему мнѣнію“, говорилъ Кауницъ, „не надобно теперь строго поступать съ зачинщиками конфедераціи, чтобъ не умножить въ Польшѣ число огорченныхъ людей. Теперь издалека поднимается непріятная туча, и было бы очень недурно, если бы поскорѣе постарались отвратить ее установленіемъ всѣхъ дѣлъ въ Польшѣ, удовлетворительнымъ для разномыслящихъ Поляковъ“ [2]). Эти внушенія показывали ясно, какъ были довольны въ Вѣнѣ затруднительнымъ положеніемъ Россіи.

Во Франціи скромности не соблюдали. Герцогъ Шаузель повсюду явно дѣйствовалъ противъ Россіи. Барская конфедерація возбуждала въ немъ надежду начать снова успѣшную борьбу съ Россіею въ Польшѣ; онъ успѣлъ раздражить Турцію, которая объявила войну Россіи; онъ готовилъ послѣдней ударъ въ Швеціи, старался разорвать союзъ Россіи съ Пруссіею и сблизить послѣднюю съ Австріею. При этомъ Шуазель не щадилъ и мелкихъ средствъ для выраженія своей ненависти къ молодой державѣ, которая осмѣлилась обширностію политической роли соперничать съ старою Франціей, осмѣлилась создавать какую-то Сѣверную систему, въ противоположность Южной, созданной Франціею. Въ грамотахъ, присылаемыхъ отъ Французскаго правительства къ Русскому, вдругъ исчезло прилагательное „*императорское*“ при существительномъ „*величество*“, и на вопросъ русскаго министерства, что это значитъ, полученъ отвѣтъ, что выраженіе „majesté impériale“ не согласно съ духомъ языка; что французскіе короли, принимая титулъ *величества* и не прибавляя къ нему никакого эпитета, не могутъ давать этого эпитета никакому другому коронованному лицу. Екатерина написала на донесеніи объ этомъ русскаго министра во Франціи кн. Голицина: „Противу же регуламъ языка Россійскаго не принимать грамоты безъ надлежащей титулатуры“. Грамоты перестали приниматься, и князь Голицынъ былъ замѣненъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Хотинскимъ, которому герцогъ Шаузель прямо объявилъ: „Мы не уступимъ“.—„И мы такъ же не уступимъ“, отвѣчалъ Хотинскій. Хотинскій изъ словъ Шаузеля не могъ не замѣтить его вражды къ бывшему министру, кн. Голицыну; Шаузель сказалъ ему о Голицынѣ: „Онъ писалъ къ своему Двору много ложнаго о здѣшнихъ дѣлахъ; мы въ точности знаемъ, что въ Петербургѣ говорится, какъ будто бы это говорилось въ Парижѣ“ [3]).

Успѣхъ французской дипломатіи въ Турціи заставлялъ Русскій Дворъ удвоить свое вниманіе въ Швеціи. Остерманъ началъ годъ просьбою о присылкѣ 26,000 рублей для ободренія и усиленія благонамѣренныхъ. „Послѣ удара, нанесеннаго французской партіи на послѣднемъ сеймѣ“, писалъ Остерманъ, „слѣдовало бы ожидать большей тишины и меньшаго распространенія французскихъ мыслей; и дѣйствительно, французская партія, повидимому, стала тише, но подъ рукою не переста-

---

[1]) Дѣла Прусскія 1768 года. – Max Dunker—Aus der Zeit etc.

[2]) Дѣла Австрійскія 1768 года.

[3]) Дѣла Французскія 1768 года.

вала внушать народу превратныя мысли; примѣтивъ потомъ, что миролюбивая партія, полагаясь на поверхность въ сенатѣ и справедливость своего дѣла, находится въ нѣкоторомъ бездѣйствіи, эта партія, соединясь съ придворною, теперь стала смѣлѣе прежняго и высказываетъ явно надежду достигнуть своей цѣли. Ее поддерживаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) Дворъ обратилъ все свое вліяніе въ пользу французскихъ видовъ, 2) члены всѣхъ высшихъ и провинціальныхъ учрежденій подкрѣпляютъ виды Двора и Шляпъ; 3) французскія деньги на нужные расходы; 4) Дворъ оказываетъ милости членамъ французской партіи, производитъ ихъ въ чины, даетъ должности, награждаетъ орденами, а напротивъ,—при всякомъ удобномъ случаѣ, старается унизить достоинство сената, истолковать въ дурную сторону распоряженія государственныхъ чиновъ, усилить всеобщее неудовольствіе. Шпіоны разсѣяны повсюду; эмиссары во всѣхъ мѣстахъ разглашаютъ злыя вѣсти, возбуждаютъ негодованіе, ставятъ партіи Колпаковъ въ вину, что тяжкіе налоги установлены вслѣдствіе непринятія 12 милліоновъ ливровъ, которые Франція приготовила для Швеціи; подаютъ надежду въ облегченіи податей, если соберется сеймъ; толкуютъ, что Швеція находится подъ русскимъ игомъ; страшаютъ малодушныхъ людей немилостію Двора; закупаютъ дворянскія полномочія, лишаютъ сбора казенныхъ доходовъ; отсовѣтываютъ народу платить подати, подавая надежду, что сеймъ освободитъ ихъ отъ этого. Цѣль всѣхъ движеній—созвать чрезвычайный сеймъ, перемѣнить образъ правленія и установленную систему внѣшнихъ отношеній. Такое положеніе Швеціи требуетъ самой скорой помощи".

Король рѣшился сдѣлать безпримѣрный шагъ: объявилъ въ сенатѣ о необходимости созвать чрезвычайный сеймъ, ибо не видѣлъ со стороны сената никакихъ мѣръ для предупрежденія разоренія страны. Сенатъ не согласился, и король объявилъ, что за слѣдствія этого несогласія складываетъ всю отвѣтственность на сенатъ. Остерманъ писалъ, что главнымъ, хотя и тайнымъ двигателемъ королевскаго предложенія былъ наслѣдный принцъ. Послѣ этого вожди партіи Шляпъ, публично, въ купеческихъ лавкахъ, объявляли, что цѣлое королевство разорилось вконецъ. Донося объ этомъ, Остерманъ писалъ, что теперь время и съ русской стороны начать свои операціи, именно—издавать сочиненія членовъ партіи Колпаковъ въ опроверженіе брошюръ противной партіи, которыя ежедневно сыплются на публику. При такомъ положеніи дѣлъ легко понять, какое впечатлѣніе производили въ Швеціи извѣстія о Барской конфедераціи и столкновеніяхъ Россіи съ Турціею: *Шляпы* торжествовали, *Колпаки* приходили въ уныніе. Въ октябрѣ при Дворѣ толковали о неминуемой войнѣ у Россіи съ Портою, о перемѣнѣ въ системѣ короля Прусскаго, о присоединеніи короля Датскаго опять къ французскимъ видамъ, ибо ему указываютъ возможность овладѣть Голштиніею въ то время, какъ Россія будетъ занята Турецкою войною. Наслѣдный принцъ былъ ревностнымъ распространителемъ этихъ слуховъ. Въ ноябрѣ иностранная коллегія представила въ сенатъ мнѣніе, что для сохраненія шведскаго кредита въ Константинополѣ необходимо предписать шведскому посланнику тамъ, Целсингу, не мѣшаться ни малѣйшимъ образомъ въ несогласіе Россіи съ Портою; но сенатъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ, представляя, что такимъ отстраненіемъ себя Швеція возбудитъ только напрасное подозрѣніе съ той или другой стороны, и положено предписать Целсингу: принимать мѣры для успокоенія Порты, согласуясь въ своихъ дѣйствіяхъ съ министрами другихъ союзныхъ державъ. Но король подалъ письменный голосъ, что Швеція въ настоящемъ случаѣ должна дѣйствовать такъ, чтобъ не утратить дружбы ни съ Россіею, ни съ Турціею.

Между тѣмъ въ Стокгольмъ пріѣхалъ новый французскій посолъ, графъ де-Модэнъ, смѣнившій Бретейля. Остерманъ узналъ, что его кредитивная грамота написана иначе, чѣмъ прежнія, именно: въ ней ни слова не упомянуто о сохраненіи дружбы со Шведскою державою или націею, но единственно съ королемъ. Согласно съ этимъ, Модэнъ только разъ былъ у завѣдывавшаго иностранными дѣлами, сенатора барона Фризендорфа, а вмѣсто того, въ собраніяхъ при Дворѣ публично имѣлъ постоянные продолжительные разговоры съ королевою. Содержаніе этихъ разговоровъ открылось, когда король снова поднялъ въ сенатѣ вопросъ о необходимости созванія чрезвычайнаго сейма, прибавивъ, что если сенаторы и теперь на это не согласятся, то онъ откажется отъ управленія государствомъ, ибо онъ не можетъ выносить вопля страждущихъ. Испуганные сенаторы согласились. „Благонамѣренные", писалъ Остерманъ, „меня просили повергнуть ихъ всемилостивѣйшему ея им. в—ства покровительству и испросить ея въ настоящемъ ихъ пагубномъ состояніи неоставленія, для сохраненія ихъ вольности", обѣщая всѣми силами сопротивляться насилію, которое имъ дѣлается. Вожди противной партіи удерживались отъ разговоровъ о перемѣнахъ въ конституціи; но агенты ихъ повсюду кричали, что лучше быть подъ властію короля и руководствомъ разумнаго сената, чѣмъ подъ русскимъ игомъ. Король объявлялъ, что онъ особенно не склоненъ ни къ какой партіи, заботится только о всеобщемъ благосостояніи; но кронпринцъ говорилъ, что онъ роялистской партіи [1]).

Въ Даніи французская партія была слаба; но самъ король вздумалъ путешествовать, будетъ во Франціи, можетъ подчиниться тамошнимъ внушеніямъ. Въ февралѣ Философовъ далъ знать Панину, что король объявилъ внезапно свое намѣреніе предпринять продолжительное путешествіе по Евро-

[1]) Дѣла Шведскія 1768 года.

нѣ. Философовъ писалъ по этому случаю: „Получить-ли пользу этотъ молодой и невообразимо легкомысленный государь отъ своего путешествія — время покажетъ; но должно опасаться, что, будучи столь склоннымъ къ своевольнымъ поступкамъ, не убережется онъ отъ справедливыхъ нареканій, предосудительныхъ его чести и славѣ". Король отправился путешествовать, а Философовъ — въ Ахенъ лѣчиться; но въ іюнѣ прервалъ свое лѣченіе и отправился въ Нейсъ, чтобъ повидаться съ ѣхавшимъ чрезъ этотъ городъ королемъ или, лучше сказать, съ Бернсторфомъ. Онъ нашелъ послѣдняго въ большомъ унынiи. „Правда", говорилъ Бернсторфъ, „король до сихъ поръ не сдѣлалъ никакого своевольнаго поступка, но за то и не извлекъ никакой пользы изъ своего путешествія; вездѣ скучалъ, нигдѣ не хотѣлъ видѣть ничего любопытнаго; если для приличія и долженъ былъ что-нибудь осматривать, то дѣлалъ это безъ всякой охоты, не обращая вниманія на дѣлаемыя ему объясненія; единственное удовольствіе находилъ въ томъ, чтобъ быть наединѣ со своимъ фаворитомъ, графомъ Голкомъ. Фаворитъ старается мнѣ вредить; между королемъ и фаворитомъ условлено путешествіе сократить, и, побывавъ въ Парижѣ, возвратиться домой осенью или въ началѣ зимы. Ежечасно я долженъ опасаться еще болѣе безразсудныхъ предпріятій отъ двухъ такихъ легкомысленныхъ молодыхъ людей, и признаюсь, что во все мое семнадцатилѣтнее министерское правленіе никогда не находился я въ такомъ затруднительномъ положеніи, и не знаю, какъ сохранить свою собственную славу и честь своего государя".

Философовъ получилъ приказаніе сопровождать Датскаго короля въ его путешествіи; былъ съ нимъ въ Англіи, потомъ во Франціи, откуда въ октябрѣ писалъ Панину: „Я сдѣлалъ визитъ герцогу Шуазелю, но не былъ имъ принятъ и не слыхалъ ни слова ни отъ одного Француза. Французскій Дворъ смотритъ ненавистными глазами на всѣхъ Русскихъ и старается испускать свой ядъ всевозможными средствами, разными пасквилями и разглашеніями противъ всѣхъ нашихъ поступковъ и предпріятій и противъ освященной особы нашей государыни". Но если Французы не говорили ни слова съ Русскими, то говорили много съ Датчанами. Шуазель убѣждалъ Бернсторфа разорвать союзъ съ Россіею и соединиться съ Франціею, которая не откажетъ платить Даніи субсидіи вдвое противъ прежняго. Бернсторфъ отвѣчалъ, что союзъ съ Россіею необходимъ по положенію Даніи и для прекращенія распрей съ Голштинскимъ Домомъ. Послѣ этого разговора повели нападеніе на самого короля. Шуазель былъ у него наединѣ два раза и возбуждалъ насчетъ властолюбивыхъ замысловъ Россіи, поставляя на видъ дѣла Польскія; но король постоянно перебивалъ его рѣчь разговорами о погодѣ и другихъ подобныхъ предметахъ, такъ-что герцогъ разстался съ нимъ очень недовольнымъ. Обратились къ фавориту — и здѣсь получили успѣхъ: фаворитъ убѣдилъ короля, не сказавши никому ни слова, дать всегдашній доступъ въ свои покои приставленному къ нему отъ Французскаго Двора герцогу Дюрасу, чего не имѣлъ графъ Бернсторфъ. Такъ какъ прямо поправить дѣла было нельзя, то Философову оставалось убѣдить короля, чтобъ онъ то же самое право далъ Бернсторфу и барону Шимельману, человѣку преданному Россіи.

Когда Турки объявили войну Россіи, то во Франціи перестали уже ограничиваться пасквилями. Епископъ Каменецкій — Красинскій, пріѣзжавшій въ Версаль „бросить Польшу въ объятія Франціи", какъ онъ выражался, отправился въ Саксонію, получивъ отъ Французскаго Двора 200,000 ливровъ и обѣщаніе, что въ зиму эта сумма будетъ увеличена до трехъ милліоновъ. Красинскій, не въѣзжая въ Польшу, долженъ былъ чрезъ своихъ эмиссаровъ помогать низверженію короля Станислава, составленію генеральной конфедераціи, выбору въ короли принца Конде или Саксонскаго принца Альберта, причемъ новоизбранный король долженъ жениться на Австрійской эрцгерцогинѣ. Во Франціи набирались офицеры для отправленія къ разнымъ польскимъ конфедераціямъ, для обученія повстанцевъ военному искуству [1]).

Вражда Франціи давала большое значеніе отношеніямъ къ Англіи, этой постоянной соперницы Франціи. Узнавъ, что въ Англіи вмѣсто министра втораго ранга, какъ до сихъ поръ было, назначенъ въ Россію посолъ, въ Петербургѣ сдѣлано было такъ-же соотвѣтственное распоряженіе: вмѣсто полномочнаго министра статскаго совѣтника Мусина-Пушкина, назначенъ былъ посломъ генералъ-поручикъ графъ Иванъ Чернышевъ. Въ инструкціи новому послу говорилось: „Принятыя нами правила по содержанію собственныхъ нашихъ интересовъ въ независимости приводятъ насъ въ такое положеніе, что тѣ Дворы, которые привыкли господствовать надъ интересами другихъ областей, наполняются противъ насъ завистію; другіе же, по натуральному изъ того резону, могутъ тверже полагаться на дружбу нашу и союзъ, тѣмъ болѣе-что имперія наша такихъ раздробленныхъ и разнообразныхъ интересовъ, какъ въ самой Германіи, такъ и во всей христіанской Европѣ, не имѣетъ, каковы интересы другихъ главныхъ державъ: почему можно заключать, что прочіе Дворы, которые ни интереса, ни склонности не имѣютъ заводить себя въ дальнія хлопоты, а состояніе ихъ однако требуетъ нѣкотораго ближайшаго соединенія съ державами, перевѣсъ въ своихъ рукахъ имѣющими, могутъ по обстоятельствамъ предпочтительнѣе склоняться къ политической системѣ нашей имперіи".

Но этой перемѣнѣ въ значеніи англійскаго министра были рады и потому, что могли отозвать

[1]) Дѣла Датскія 1768 года.

Мусина-Пушкина, котораго считали неспособнымъ. По поводу донесенія Мусина-Пушкина, которое начиналось такъ: „Неотступными почти домогательствами досталъ я, наконецъ, записку о побудительныхъ причинахъ прибавочной пошлины на нѣкоторыя изъ благословенной вашего императорскаго величества имперіи вывозимыя сюда полотна".—по поводу этого донесенія Панинъ написалъ: „Министерство и реляціи сего министра составлены только изъ великихъ словъ, какъ: благословенная имперія, богатая казна и сему подобныхъ, а не основаны на дѣлѣ. Слишкомъ 30 лѣтъ, какъ англійскій парламентъ старался и много разъ покушался сіи столь для здѣшнихъ фабрикъ и торговли предосудительныя пошлины на россійскія полотна и холстину наложить, однакоже чрезъ старанія здѣшнихъ разныхъ министровъ, при Лондонскомъ Дворѣ находящихся, оное до сихъ поръ актомъ узаконено не было. Теперь же, когда сіе дѣло послѣднимъ парламентомъ вновь начато было, не токмо благовременнаго представленія во отвращеніе онаго не учинено, но и на здѣшній вопросъ, чего ради оное въ свое время предупреждено не было, отвѣтствовано, что на то отсюдова особливыхъ указовъ не было, которыхъ однакоже ни ожидать благовременно не можно, ни требовать нужды не было. Само собою разумѣется, что всякій министръ обязанъ интересъ своего Двора безъ инструкціи предостерегать, и если бы онъ читалъ министерскую архиву своихъ предмѣстниковъ, то-бъ довольно нашелъ въ оной правилъ своего въ семъ случаѣ поведенія".

Чернышевъ отправился къ своему посту черезъ Пруссію, и въ Потсдамѣ представлялся Фридриху II му, который говорилъ съ нимъ о Польскихъ, Турецкихъ и Англійскихъ дѣлахъ. Относительно Польскихъ дѣлъ король спросилъ, хорошо ли въ Россіи знаютъ обо всемъ, что происходитъ въ Польшѣ, и Чернышеву показалось, что онъ въ этомъ сомнѣвается. „Я думаю", говорилъ Фридрихъ, „что вся Польша по частямъ скоро будетъ сконфедерована; все это дѣло большихъ господъ, которые боятся открыто вступить въ конфедерацію, и подпускаютъ туда своихъ креатуръ; непріятно, что это долго протянется, хотя я увѣренъ, что когда-нибудь кончится по вашему желанію. Конечно, есть причина сомнѣваться, чтобъ Турки вмѣшались въ это дѣло; но и разсчитывать на нихъ много нельзя, тѣмъ болѣе-что ихъ сильно подстрекаютъ другія державы, и потому мое мнѣніе—кончить Польское дѣло какъ можно скорѣе; а этого нельзя сдѣлать иначе, какъ посылкою туда еще войска тысячъ до 15, и послать въ Литву, чтобъ не возбудить зависти у Турокъ. Я не сомнѣваюсь, что русское войско и въ томъ числѣ, въ какомъ оно теперь, могло бы съ успѣхомъ вести дѣла, если бы въ одномъ мѣстѣ было; но противники разсѣяны,—нельзя за ними угоняться. Я, по сосѣдству, знаю всѣ ихъ неудовольствія; самое главное неудовольствіе происходитъ за наложенную на послѣднемъ сеймѣ въ пользу короля какую-то ничтожную подать, до 6 или 7 сотъ тысячъ, и за отнятіе власти у большихъ чиновъ". Король раза три повторилъ, что надобно послать больше войска въ Польшу; и когда Чернышевъ замѣтилъ, что войско уже прибавлено, то Фридрихъ отвѣчалъ: „Мало"! Графъ Финкенштейнъ, разговаривая съ Чернышевымъ объ Англіи, сказалъ: „Англичане теперь твердо слѣдуютъ бытовой системѣ, чтобъ не вступать ни въ какія обязательства съ твердою землею. Я не понимаю, какую имѣемъ и мы всѣ нужду входить въ обязательство съ ними и мѣшаться въ ссоры ихъ съ Франціею! Пускай обезсиливаютъ они другъ друга: мы должны наблюдать только то, чтобъ было сохранено равновѣсіе".

Но когда Чернышевъ пріѣхалъ въ Англію, то управлявшій сѣвернымъ департаментомъ, лордъ Рошфоръ, сталъ увѣрять его въ своемъ искреннемъ и усердномъ желаніи привести къ концу дѣло о союзѣ между Россіею и Англіею: этотъ союзъ онъ почитаетъ полезнымъ вообще, и особенно полезнымъ въ томъ отношеніи, что обуздаетъ горделивую интригантку Францію. Но такое объявленіе имѣло личныя основанія: Рошфоръ былъ страшно раздраженъ противъ Франціи. Онъ былъ передъ тѣмъ посломъ въ Парижѣ; когда Французы заняли Корсику, Англійское правительство поручило ему заявить Французскому о неправильности этого поступка, могущаго имѣть дурныя слѣдствія, на что Англія спокойно смотрѣть не можетъ. Рошфоръ сдѣлалъ это заявленіе въ такой формѣ, что герцогъ Шуазель сказалъ ему: „Когда объявляютъ войну, то дѣлаютъ это съ большею учтивостью", и послалъ на Рошфора жалобу англійскому министерству, которое отвѣчало, что не приказывало ему дѣлать подобнаго заявленія.

Но какъ ни увѣрялъ Рошфоръ въ своей ненависти къ Франціи и преданности Россіи, какъ ни объявлялъ, что въ совѣтѣ королевскомъ исправляетъ болѣе должность русскаго посла, чѣмъ англійскаго министра, Чернышевъ не могъ убѣдить его въ необходимости дать субсидію Швеціи и этимъ потрясти тамъ французское вліяніе. „Всѣ въ этомъ согласны, что надобно дать субсидію, и сумма субсидіи не велика", говорилъ Рошфоръ: „но что же дѣлать, когда у насъ рѣшено не давать субсидій въ мирное время, и когда члены настоящаго министерства, будучи въ оппозиціи, настаивали на это рѣшеніе". Послѣ объявленія Турками войны, Англія предложила свое посредничество въ возстановленіи мира. Чернышевъ отвѣчалъ, что „не время теперь говорить о посредничествѣ: императрица ожидаетъ отъ Англіи одной услуги,—чтобъ она насъ обезпечила и охранила отъ другого непріятеля, а для этого вѣрнѣйшій способъ—заключеніе со Шведами субсиднаго трактата; думать о посредничествѣ было бы несогласно съ достоинствомъ императрицы, такъ страшно оскорбленной въ лицѣ своего министра Обрѣзкова. Рошфоръ сообщилъ Чернышеву донесенія англійскаго

посла въ Вѣнѣ, лорда Стормонта, который, между прочимъ, описывалъ свой разговоръ съ Маріею-Терезіею; она прямо выразилась о войнѣ Русско-Турецкой, что это пламя тѣмъ для нея безпокойнѣе и опаснѣе, что оно загорѣлось въ ея сосѣдствѣ. „Я не скрываю", сказала императрица, „что не могу желать успѣха Туркамъ по многимъ причинамъ и не ожидаю этого успѣха; я сильно жалѣю, что Турокъ вывели изъ ихъ бездѣйствія. Думаю, что если бы Русская императрица захотѣла, то было бы еще время воспрепятствовать войнѣ, снизойдя на нѣкоторыя уступки въ томъ, что было сдѣлано въ Польшѣ на послѣднемъ сеймѣ. Но чрезъ кого начать дѣло?—чрезъ васъ нельзя по тѣсной вашей дружбѣ съ Россіею; чрезъ меня нельзя—по тѣсной моей дружбы съ Франціею. Чрезъ кого же? А я бы охотно взялась сдѣлать все, что бы отъ меня ни потребовали. Я была противъ избранія Понятовскаго въ короли; но разъ я его признала, то уже мѣнять не хочу". Кауницъ поклялся Стормонту честью, что Австрійцы ни мало не участвовали и не участвуютъ въ поднятіи Турокъ противъ Россіи; что это было бы совершенно противно системѣ Маріи-Терезіи и его; что слухъ объ австрійскихъ интригахъ въ Константинополѣ распустилъ прусскій посланникъ [1]).

Французы побудили Порту къ объявленію войны; тѣ же самые Французы заставятъ и Швецію воевать съ Россіею, если возьмутъ рѣшительный верхъ въ Стокгольмѣ. Что можетъ быть опаснѣе войны Шведской въ соединеніи съ Польскою и Турецкою? Поэтому неудивительно, что въ Петербургѣ рѣшились употребить всѣ средства, чтобъ не допустить въ Швеціи торжества французской партіи, которое должно было имѣть слѣдствіемъ ниспроверженіе настоящей конституціи. Рѣшились въ переговорахъ объ Англійскомъ союзѣ отказаться отъ главнаго требованія, служившаго постояннымъ препятствіемъ заключенію договора: рѣшились отказаться отъ требованія, чтобъ Турція была включена въ случай союза, и, вмѣсто того, настаивать на требованіи, чтобъ Англія заключила субсидный трактатъ со Швеціею.

Преемникъ Макартнея, лордъ Каткартъ, пріѣхалъ въ Петербургъ только въ августѣ 1768 года. Панинъ произвелъ на него очень благопріятное впечатлѣніе: „Я рѣдко видѣлъ человѣка", писалъ онъ, „съ которымъ могъ бы вести дѣло болѣе пріятно, безопасно и выгодно". Сильное впечатлѣніе произвела на него Екатерина, о которой онъ могъ отозваться только стихами Виргилія о Дидонѣ (Talis erat Dido et. c.). Онъ писалъ, что императрица, по превосходству своего ума, не можетъ опасаться никого и ничего; что все идетъ превосходно. Въ Англіи заподозрили, что лордъ нѣсколько увлекается, и указали ему опасности для Дидоны; указали, что она отъ важныхъ внутреннихъ вопросовъ отвлекается внѣшними дѣлами; указали на неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ Польшѣ; что Франція открыто стремится возбудить неудовольствіе Порты и перемѣнить конституцію въ Швеціи.

Съ русской стороны скоро приступили къ дѣлу. Сальдернъ, недавно возвратившійся въ Петербургъ, далъ знать Каткарту, что статья о союзѣ противъ Турціи будетъ выпущена изъ договора и будетъ замѣнена статьею о субсидіяхъ Швеціи.—„Значитъ, мы должны купить союзъ съ Россіею"? сказалъ Каткартъ.—„Нѣтъ", отвѣчалъ Сальдернъ: „императрица покупаетъ вашъ союзъ, давая вамъ даромъ систему, пріобрѣтенную съ издержками и требуя только, чтобъ вы помогали поддерживать ее; кромѣ денегъ, истраченныхъ императрицею въ Швеціи и Польшѣ при избраніи короля и на поддержку диссидентовъ, она будетъ продолжать тратить денегъ гораздо больше, чѣмъ вы". Каткартъ понялъ, и написалъ своему министерству, что, по его мнѣнію, можно принять статью. Но ему отвѣчали, что онъ долженъ говорить въ Петербургѣ то же, что говорили Чернышеву въ Лондонѣ: Англіи чрезвычайно трудно измѣнить своему правилу — не платить субсидій въ мирное время [2]).

Разрывъ съ Турціею отодвинулъ на нѣкоторое время всѣ другія дѣла на задній планъ.

---

[1]) Дѣла Англійскія 1768 года.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 343 и слѣд.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо Н. И. Панина къ Гервасію, епископу Переяславскому, 2 сент. 1768 года.

Вашему преосвященству не можетъ быть безызвѣстно, что бывшее въ Польской украйнѣ возмущеніе обывателей нашего Православнаго исповѣданія, которое войсками ея императорскаго величества только-что усмирено, начинаетъ вновь разгараться, и что тѣ обыватели дерзаютъ на самыя ужасныя крайности. Я не скрою еще отъ васъ, что дошедшія ко Двору ея величества извѣстія гласятъ, будто всѣ сіи безпорядки происходятъ отчасти отъ послабленія и попущенія вашего преосвященства, яко епархіальнаго того краю пастыря, и особливо по проискамъ Матренинскаго игумна Мелхиседека, о безпокойномъ нравѣ коего мы здѣсь довольно и предовольно уже свѣдомы, и что вы еще въ настоящей сумятицѣ изволили разныхъ духовныхъ отъ мѣстъ ихъ отрѣшить, и другихъ къ онымъ опредѣлить людей, нескромныхъ и содѣйствующихъ общему настроенію. Ваше преосвященство можете сами себѣ представить, что сіи извѣстія не могутъ быть пріятны Двору ея императорскаго величества; но я не смѣю подумать, чтобъ вы добровольно и умышленно захотѣли подвигнуть на себя праведный ея гнѣвъ, и для того, не подавая вѣры всему тому, что на собственный вашъ счетъ приписывается, хочу только, по истинному моему почтенію къ сану вашему, равно какъ и по долгу званія моего, благовременно и благонамѣренно остеречь васъ, чтобъ ваше преосвященство не только не изволили ни сами собою, ни чрезъ подчиненныхъ вашихъ входить въ настоящее волненіе единовѣрныхъ нашихъ въ Польской украйнѣ, но чтобъ паче, яко духовный ихъ пастырь, старались всѣми силами уговаривать, увѣщевать и приводить ихъ къ скорѣйшему пресѣченію оныхъ и къ совершенному покоренію верховной своей власти, т. е. законамъ Рѣчи Посполитой Польской, которые ея императорское величество толь торжественно и свято на послѣднемъ варшавскомъ сеймѣ въ вѣчныя времена гарантировать изволила; толкуя имъ ясно и внятно для собственнаго ихъ спасенія отъ предстоящихъ инако неизбѣжныхъ бѣдствій, что всякое въ Польшѣ отъ обывателей, какой бы они вѣры ни были, возмущеніе, нарушая безпосредственно тишину народную и помянутые всемилостивѣйшею нашею государынею гарантированные законы, повреждаетъ само собою и независимо ни отъ какихъ постороннихъ уваженій высочайшее ея величества достоинство; что единовѣрные наши, приводя сами себя въ сіе положеніе и принуждая онымъ ея императорское величество лишить ихъ высочайшаго своего покровительства, которое для нихъ и для самой Православной Церкви столь полезно было и впредь быть можетъ, обращаютъ напротивъ и навлекаютъ на себя всю тягость праведнаго ея восчувствованія; что они въ первое свое волненіе видѣли оному печальныя для себя слѣдствія, когда войска ея императорскаго величества военною рукою противъ ихъ дѣйствовать стали, и когда взятые оною всѣ безъ изъятія отдаваны были на казнь польскому суду, котораго строгость долженствовала бы ихъ устрашить; что теперь, если они немедленно не уймутся и не возвратятся въ домы и мѣста свои съ тѣмъ уже, чтобъ, единожды раскаявшись, жить спокойно въ тишинѣ и въ повиновеніи законамъ и властямъ отечества своего, въ такомъ случаѣ неминуемо подвергнуть себя новымъ бѣдамъ и новымъ напастямъ, ибо войска ея императорскаго величества, оставляя всякое другое упражненіе, тотчасъ на нихъ поведены будутъ, когда съ успокоеніемъ ихъ неразлучно соединено собственное ея величества высочайшее достоинство; и что напослѣдокъ, слѣдуя нынѣ воли и намѣреніямъ ея императорскаго величества, яко единой и надежной своей покровительницѣ, могутъ они еще загладить вину свою и сдѣлаться опять достойными всемилостивѣйшаго ея покровительства.

2) Изъ письма князя Репнина къ графу Н. И. Панину 8 февраля 1768 года. Прилагаю я при семъ копіи съ указа изъ Военной Коллегіи къ генералъ-поручику Веймарну и съ письма къ нему-жъ отъ г. Захара Григорьевича (Чернышева). Нѣтъ, истинно, способа съ усердіемъ служить. Ген. Веймарнъ по справедливости весьма оскорбленъ концомъ сего указа. Если не изволитъ его сіятельство, чтобъ генералъ-поручикъ, командующій особымъ корпусомъ, разсуждалъ объ тѣхъ корпусахъ войскъ, кои въ сосѣдствѣ его находятся, то и не можно отъ него требовать разсудительнаго поведенія, а кажется Государыня не за то (?) насъ генералами дѣлаетъ, чтобъ мы далѣе носу не глядѣли и не видали; вина-жъ ген. Веймарна вся въ томъ состоитъ, что онъ, видя невозможность свой корпусъ соединить въ случаѣ нужды, представлялъ на томъ же точно основаніи, какъ и я къ вашему сіятельству писалъ, чтобъ ему позволено изъ Литвы войска сюда приближать, а что на ихъ мѣсто могутъ вступить изъ Смоленска или изъ Риги. Можно-бъ его сіятельству на сіе не согласиться, но не было нужды, кажется, заслуженному генералу запрещать мыслить, ибо и безъ заказу мнѣ видится невеликое множество людей въ семъ упражняются. Мнѣ кажется, что коль всем. Государыня изволитъ на себя брать трудъ присутствовать въ Военномъ Совѣтѣ, то-бъ стоили того уваженія особыхъ корпусовъ командиры, чтобъ ихъ доношенія туда представляемы были и оттоль бы приказывалось, что къ нимъ писать. Чрезъ сіе-бъ она сама соизволила увидать подлинное состояніе всего и не-

достатки каждаго, и оные скорѣе-бъ повелѣла исправлять, какъ мать общая всѣхъ своихъ подданныхъ, а не тѣхъ только, которые при лицѣ ея имѣють счастіе находиться.

3) *Изъ письма князя Владиміра Долгорукаго изъ Берлина къ графу Н. И. Панину 19 іюля 1768 года.*

На сихъ дняхъ приходилъ ко мнѣ человѣкъ и старался чрезъ меня провѣдать, можетъ ли надѣяться наслѣдный принцъ Прусскій, ежели прибѣжище будетъ имѣть къ всемилост. государынѣ, получить отъ нея взаймы до 300,000 талеровъ, кои заплачены будутъ по вступленіи его на престолъ, и для вѣрной надежды, что сія сумма тогда заплачена будетъ, принцъ Генрихъ, братъ королевскій, по его высочеству поручится и съ нимъ подпишетъ.

4) *Отрывокъ изъ письма Сальдерна къ Панину для образца*: Berlin le 29 d'Avril 1766: «Il est impossible et il est en vain, mon digne Protecteur, de vous dire de quelle joie inexprimable mon coeur a été penetré au moment que j'ai vu Votre signature, cette main si cherie. L'apostille que V. E. a écrit en main propre, a excité toute ma sensibilité. Ce sentiment vif et celeste que j'ai si souvent senti à Vos cotés! Que j'ai béni le moment que Votre coeur a pénsé à moi! — Въ другомъ письмѣ Сальдернъ обращается къ Панину со словами: Monseigneur, mon Père et mon Protecteur!

(Моск. Арх. Мин. Ин. Д.)

5) Письмо Екатерины II Фридриху II-му, 14 октября 1767: En conformité des desirs de V. M. j'ai fait remettre aujourd'huit à son ministre le C-te de Solms la traduction allemande de l'instruction, que j'ai donné pour la reformation des lois de la Russie. V. M. n'y trouvera rien de nouveau, rien qu'elle ne sache; Elle verra que j'ai fait comme le corbeau de la fable qui se fit un habit des plumes du paon. Il n'y a dans cette pièce de moi que l'arrangement des matieres et par ci par là une ligne, un mot: si on rassemblait, tout ce que j'y ai ajouté, je ne crois pas qu'il y eut au dela de deux ou trois feuilles. La plus grande partie est tirée de „l'Esprit des Lois" du pres. de Montesquieu et du traité des „Délits et des peines" du marquis Beccaria. Je dois prévenir V. M de deux choses, l'une qu'elle trouvera differens endroits qui lui paraitront peut être singuliers, je la prie de se souvenir que j'ai due m'accomoder souvent au present et cependant ne point fermer le chemin à un avenir plus favorable. L'autre, que la langue Russe est beaucoup plus énergique et plus riche en expressions que l'Allemand et en inversions que le François, preuve de cela c'est que dans la traduction l'on a souvent été obligé de paraphraser ce qui avait été dit avec un seul mot en Russe et separer ce qui ne fait, pour ainsi dire, qu'un trait de plume. Qui ont reproché à cette dernière langue de manquer de termes ou se sont trompés ou n'ont point su cette langue.

(Государ. Архивъ.)

ИСТОРІЯ РОССІИ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
Томъ двадцать восьмой.

Глава I.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

(Конецъ 1768-го и 1769-й годъ.)

Привитіе оспы императрицѣ и наслѣднику престола; торжество по этому случаю. — Извѣстіе о разрывѣ мира Турками; письма Екатерины по этому случаю къ Салтыкову и И. Г. Чернышеву.—Учрежденіе Совѣта. —Приготовленія къ войнѣ.—Назначеніе кн. А. М. Голицына и гр. Румянцева главнокомандующими двухъ дѣйствующихъ армій.—Предложеніе Орлова объ экспедиціи въ Средиземное море. — Эмиссары къ христіанскому народонаселенію Балканскаго полуострова.—Усиленный наборъ.—Учрежденіе ассигнаціоннаго банка.—Учрежденіе ордена Св. Георгія.—Нападеніе крымскихъ Татаръ.—Дѣйствія первой арміи.—Отозваніе кн. Голицына и назначеніе на его мѣсто Румянцева, а главнокомандующимъ второю арміею гр. П. И. Панина. — Занятіе Хотина и Дунайскихъ княжествъ.—Утвержденіе на берегахъ Азовскаго моря.—Строеніе кораблей тамъ.—Помощь Грузинскимъ владѣльцамъ.—Дѣйствія на Кубани.—Вѣсть о движеніи магометанскаго народонаселенія въ Россіи и мѣры для его предупрежденія.—Порта старается склонить Запорожцевъ къ измѣнѣ.—Планъ отвлеченія Татаръ отъ Порты, составленный въ Петербургѣ.—Морская экспедиція къ берегамъ Греціи.—Гр. Алексѣю Орлову поручено руководить возстаніемъ турецкихъ христіанъ.—Воззваніе къ нимъ.—Отношенія къ Черной Горѣ.—Степанъ Малый.—Сношенія съ Венеціею.—Пребываніе кн. Юрія Долгорукаго на Черной Горѣ.—Сношенія съ Паоли.—Переписка Екатерины съ Бельке и Вольтеромъ по поводу войны.—Отношенія къ Польшѣ; смѣна Репнина Волконскимъ.—Продленіе союза между Россіею и Пруссіею.—Намѣреніе Австріи сблизиться съ Пруссіею, чтобъ сдержать Россію.—Свиданіе императора Іосифа съ Фридрихомъ II въ Нейссе.—Отношенія къ Франціи, Даніи, Швеціи и Англіи.

Въ началѣ октября 1768 года Дворъ и высшее общество въ С.-Петербургѣ были чѣмъ-то озабочены; съ иностранцами не говорили о важномъ предметѣ, который всѣхъ занималъ; но провѣдать о немъ было нетрудно: императрица была намѣрена привить себѣ и наслѣднику престола оспу. Страшный бичъ давно уже опустошалъ Европу, не щадя никого; средствъ противъ него не было у науки. Наконецъ, придумано предохранительное средство: прививаніе оспеннаго яда. Но легко понять, какое впечатлѣніе было произведено этимъ средствомъ на большинство: брать ядъ отъ больного, вносить его въ здоровый организмъ! Медики вопили противъ безумной новизны, вопили противъ нея проповѣдники съ каѳедръ церковныхъ. Но средство своею дѣйствительностью пріобрѣтало все болѣе и болѣе довѣрія, и Екатерина рѣшилась собственнымъ примѣромъ уничтожить колебаніе русской публики и предохранить свой народъ отъ страшнаго бѣдствія. Побужденія свои она всего лучше объясняетъ въ письмѣ къ Фридриху II-му, который былъ противъ привитія оспы: „Съ дѣтства“, пишетъ императрица, „меня пріучили къ ужасу предъ оспою; въ возрастѣ болѣе зрѣломъ мнѣ стоило большихъ усилій уменьшить этотъ ужасъ, — въ каждомъ ничтожномъ болѣзненномъ припадкѣ я уже видѣла оспу. Весной прошлаго года, когда эта болѣзнь свирѣпствовала здѣсь, я бѣгала изъ дома въ домъ цѣлые пять мѣсяцевъ была изгнана изъ города, не желая подвергать опасности ни сына, ни себя. Я была такъ поражена гнусностію подобнаго положенія, что считала слабостію не выйти изъ него. Мнѣ совѣтовали привить оспу сыну. Я отвѣчала, что было бы позорно не начать съ самой себя, и какъ ввести оспопрививаніе, не подавши примѣра? Я стала изучать предметъ, рѣшившись избрать сторону, наименѣе опасную. Оставаться всю жизнь въ дѣйствительной опасности съ тысячами людей, или предпочесть меньшую опасность, очень непродолжительную, и спасти множество народа. Я думала, что, избирая послѣднее, я избрала самое вѣрное“. Выписанъ былъ изъ Англіи искусный докторъ Димсдаль, у котораго изъ 6,000 подвергшихся оспопрививанію умеръ только одинъ трехлѣтній ребенокъ. 12 октября 1768 года императрица привила себѣ оспу, и ея примѣру немедленно послѣдовало множество знати. „Весь Петербургъ“, писала Екатерина, „хочетъ прививать себѣ оспу, и тѣ, которые привили, чувствуютъ себя хорошо. Я была очень удивлена,

увидавши послѣ операціи, что гора родила мышь; я говорила: стоило же кричать противъ этого и мѣшать людямъ спасать свою жизнь такими пустяками! Я не ложилась въ постель ни на минуту и принимала людей каждый день. Генералъ-фельдцейгмейстеръ, графъ Орловъ, этотъ герой, подобный древнимъ Римлянамъ лучшихъ временъ республики по храбрости и великодушію, привилъ себѣ оспу, и на другой день послѣ операціи отправился на охоту въ страшный снѣгъ" [1]). — Черезъ недѣлю привита была оспа великому князю.

22 ноября Сенатъ, депутаты Коммисіи новаго Уложенія и члены всѣхъ присутственныхъ мѣстъ собрались въ соборную церковь Рождества Богородицы (Казанскій соборъ), гдѣ, послѣ обѣдни, читанъ былъ сенатскій указъ, которымъ на будущіе годы 21 ноября устанавливалось по всей Россіи торжество въ память привитія себѣ оспы императрицею и великимъ княземъ, въ память „великодушнаго, знаменитаго и безпримѣрнаго подвига". По прочтеніи указа и по выслушаніи молебна, сенаторы, депутаты Коммисіи и члены Коллегій и канцелярій отправились во дворецъ благодарить государыню и поздравить съ выздоровленіемъ, причемъ старшій сенаторъ, графъ Кириллъ Разумовскій, говорилъ рѣчь: „Прими, всемилостивѣйшая императрица, изъ устъ нашихъ усерднѣйше приносимое тебѣ отъ всего народа поздравленіе о исцѣленіи твоей собственной особы и твоего вселюбезнѣйшаго сына и наслѣдника. Прими и благодареніе чистосердечное за спасеніе на будущія времена безчисленныхъ твоихъ рабовъ. Всякой возрастъ и обоего пола родъ человѣческій объемлетъ твои нынѣ стопы, почитая въ тебѣ Божію ко спасенію своему посредницу и, твоимъ примѣромъ научася, призоветъ Бога въ помощь, да исцѣлѣетъ онъ и домъ его отъ неминуемой язвы посредствомъ врачеванія, тобой нынѣ оживотвореннаго". Екатерина отвѣчала: „Мой предметъ былъ своимъ примѣромъ спасти отъ смерти многочисленныхъ моихъ вѣрноподданныхъ, кои, не зная пользы сего способа, онаго страшася, оставалися въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія моего, ибо, по слову Евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы. Вы можете увѣрены быть, что нынѣ и паче усугублять буду мои старанія и попеченія о благополучіи всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ вообще и каждаго особо".

Отъ Коммисіи Уложенія говорилъ рѣчь депутатъ Гавріилъ, епископъ Тверской: „Ваше намѣреніе, чтобы законодательствомъ привесть Россію къ такому совершенству, дабы Россійскій народъ, сколько возможно по человѣчеству, въ свѣтѣ благополучнѣйшимъ и паче всѣхъ справедливостію процвѣтающимъ былъ. Ваши премудрыя предписанія, руководящія насъ къ тому, наполняютъ насъ отмѣннымъ къ вашему императорскому величеству усердіемъ, любовію и благоговѣніемъ. Ваше умножающееся благополучіе жизнь вашу дѣлаетъ намъ драгоцѣнною; но при всемъ томъ едино еще оставалось, что насъ смущало,—опасность той язвы, которую климатъ сей дѣлаетъ всѣмъ общею: ваше импер. величество, желая совершить и утвердить наше блаженство, наше смущеніе своимъ великодушіемъ утишили и, принявъ на себя опытъ опасный, опасность вашу отвратили". Екатерина отвѣчала, что съ удовольствіемъ принимаетъ поздравленіе депутатовъ и не сомнѣвается въ ихъ искренности, ибо ежедневно видитъ, съ какою ревностію и усердіемъ трудятся они въ порученномъ имъ дѣлѣ; они могутъ ожидать всегдашнихъ знаковъ ея благоволенія, ибо она смотритъ на ихъ труды, какъ на полезнѣйшіе для всѣхъ и каждаго [2]). — Семилѣтнему младенцу, Александру Маркоку, отъ котораго взята была оспенная матерія для императрицы, пожаловано было дворянское потомство, причемъ онъ изъ Маркока переименованъ былъ Оспеннымъ. Димсдаль пожалованъ барономъ, лейбъ-медикомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и ежегодною пенсіею въ 500 фунтовъ стерлинговъ за то, что какъ самой императрицѣ и великому князю, такъ и множеству жителей столицы „весьма попечительно, искусно и счастливо прививалъ оспу и разрушилъ, для пользы всенародной, гидру предубѣжденія относительно къ сей понынѣ толь бѣдственной болѣзни" [3]).

Но, среди этихъ торжествъ, поздравленій, императрица была сильно озабочена Турецкою войною, совершенно неожиданною, къ которой Россія вовсе не была готова. Екатерина писала въ Москву графу Петру Семеновичу Салтыкову: „Возвратясь перваго числа ноября изъ Царскаго Села, гдѣ я имѣла оспу, во время которой запрещено было производить дѣла, нашла я здѣсь полученное извѣстіе о заарестованіи моего резидента Обрѣзкова въ Цареградѣ, каковой поступокъ не инако могъ принять быть, какъ объявленіе войны: и такъ, нашла я за необходимое приказать нашему войску собираться въ назначенныя мѣста; команды же я поручила двумъ старшимъ генераламъ, т.-е. главной арміи—князю Голицыну, а другой—графу Румян-

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. II, 295; X, 302, 307; XX, 246.

[2]) Прибавленіе къ № 1 «Московскихъ Вѣдомостей» 1769 года.

[3]) «Петербургскія Вѣдомости» № 3, 1769 года.—Объ Оспенномъ Екатерина писала Ив. Григ. Чернышеву: «Моя же нынѣ есть забава тотъ самый мальчикъ, отъ котораго ко мнѣ привита оспа; всѣ признаютъ, что отъ роду не видывали повѣсы, подобной Александръ Данилова сына Оспина; рѣзовъ до бѣшенства, уменъ и хитеръ не по лѣтамъ, смѣлъ до неслыханной дерзости; никогда не коротокъ, ни въ отвѣтахъ, ни въ выдумкахъ, ему же шестой годъ, и мальчикъ клопъ. Братъ вашъ, гр. Зах. Григор., гр. Гр. Григорьевичъ (Орловъ) и самый Кирилла Григорьевичъ (Разумовскій) часа по три, такъ какъ и мы всѣ, по земли съ нимъ катаемся и смѣемся до устали. Если вы хотите знать, кому онъ принадлежитъ, то братъ вашъ говоритъ, что современемъ онъ займетъ мѣсто Бецкаго, и не спрашивайте меня больше». Русск. Архивъ, 1871 года, № 9.

цеву: дай Боже первому счастіе отцовское [1]), а другому также всякое благополучіе. Если-бъ я Турокъ боялась, такъ мой выборъ палъ неизмѣнно на лаврами покрытаго фельдмаршала Салтыкова; но въ разсужденіи великихъ безпокойствій сей войны, я разсудила отъ обремененія поберечь лѣта сего именитаго воина, безъ того довольно имѣющаго славы. Я совершенно увѣрена, что на кого изъ моихъ генераловъ ни палъ бы мой выборъ,—всякій бы лучше былъ соперника визиря, котораго непріятель нарядилъ. На начинающаго Богъ! Богъ же видитъ, что не я зачала; не первый разъ Россіи побѣждать враговъ; опасныхъ побѣждала и не въ такихъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ находится: такъ и нынѣ отъ Божескаго милосердія и храбрости Его народа сего добра ожидать". Въ письмахъ Екатерины за-границу къ графу И. Григ. Чернышеву выражается то же одушевленіе и надежда на успѣхъ: „Туркамъ съ Французами заблагоразсудилось разбудить кота, который спалъ; я—сей котъ, который имъ обѣщаетъ дать себя знать, дабы память не скоро исчезла. Я нахожу, что мы освободились отъ большой тяжести, давящей воображеніе, когда развязались съ мирнымъ договоромъ; надобно было тысячи задабриваній, сдѣлокъ и пустыхъ глупостей, чтобы не давать Туркамъ кричать. Теперь я развязана, могу дѣлать все, что мнѣ позволяютъ средства, а у Россіи, вы знаете, средства не маленькія, и Екатерина II иногда строитъ всякаго рода испанскіе замки, и вотъ ничто ея не стѣсняетъ, и вотъ разбудили спавшаго кота, и вотъ онъ бросится за мышами, и вотъ вы кой-что увидите, и вотъ объ насъ будутъ говорить, и вотъ мы зададимъ звонъ, какого не ожидали, и вотъ Турки будутъ побиты" [2]).

Первою мыслію Екатерины, послѣ полученія извѣстія о разрывѣ, было возстановленіе Елисаветинской конференціи, о чемъ она объявила Панину. Мы знаемъ, какъ относился онъ къ Елисаветинской конференціи, въ возстановленіи которой видѣлъ конецъ своей власти и вліянія. Но Екатерина не любила медлить въ подобныхъ обстоятельствахъ; она пишетъ ему: „Прошу васъ мнѣ сказать по совѣсти, кого вы думаете лучше посадить въ Совѣтъ, о которомъ мы говорили. Напишите хотя теперь на цидулкѣ" [3]). Какъ быть? Отъ Совѣта не отдѣлаться: по крайней мѣрѣ, пусть онъ не будетъ такъ похожъ на Елисаветинскую конференцію, не будетъ постояннымъ. Кого посадить?—не назвать Григорья Орлова,—явно показать свою враждебность и возбудить противъ себя непріятное чувство въ государынѣ; да хотя бы и не назвать, все же назначатъ; надобно назвать и обставить его другими такъ, чтобъ не былъ опасенъ. Панинъ отвѣчаетъ: „Я обязанъ вашему величеству прямодушно сказать, что отъ сегодня до завтра никакъ невозможно вдругъ учредить Непремѣнный Совѣтъ, или конференцію, для теченія дѣлъ и ихъ отправленія, да и сіе на первый годъ истинно не нужно, а можетъ быть затруднительно въ разсужденіи скорости времени, ибо на такое основаніе много дней пройти можетъ въ единомъ распоряженіи обряда, по которому вести дѣла и ихъ отправленія. И такъ, на единый завтрашній день не изволите-ль, ваше императорское величество, назначить въ своихъ покояхъ чрезвычайное собраніе, каковы въ царствованіе ваше уже бывали и каковы и прежде при предкахъ вашихъ бывали по всякимъ чрезвычайнымъ происшествіямъ, да и въ самое время Непремѣннаго Кабинета императрицы Анны I. А на сихъ основаніяхъ и по сущей непорочности души моей во всѣхъ ея мысляхъ предъ вами, пріемлю смѣлость представить нужду настоящаго Совѣта въ слѣдующихъ персонахъ, чтобъ онѣ, разсуждая между собою, согласили разные предметы дѣлъ и постановили предъ очами вашего величества планъ первому на то движенію, а именно: графъ Григорій Григорьевичъ (Орловъ) по особливой довѣренности къ нему и его такой же должной привязанности къ славѣ, пользѣ и спокойствію вашего величества, какъ и по его главному управленію артиллерійскимъ корпусомъ". Потомъ Панинъ называетъ: графа Захара Чернышева по его мѣсту въ Военной Коллегіи; генераловъ, которые могутъ быть назначены главнокомандующими; генералъ-прокурора князя Вяземскаго—для финансовъ, себя, Панина, и вице-канцлера, князя Голицына; взаключеніе говоритъ: „И наконецъ, не соизволите ль указать тутъ же призвать фельдмаршала графа Разумовскаго, хотя бы сіе только было въ разсужденіи знатности перваго вашего класса, чѣмъ импрессія особливо у другихъ Дворовъ еще важнѣе и рѣшительнѣе будетъ, ибо по обращенію его при Дворѣ его считаютъ въ довѣренности у вашего величества, а тѣмъ самымъ тѣмъ болѣе удостовѣрятся о согласіи и единодушіи предпринятыхъ мѣръ вслѣдствіе держащагося Совѣта" [4]).

4 ноября, въ 10 часовъ по утру, по особливому ея и. в—ства повелѣнію, собрались ко Двору назначенныя наканунѣ лица: графъ Разумовскій, кн. Александръ Мих. Голицынъ (генералъ-аншефъ), графъ Никита Ив. Панинъ, графъ Захаръ Григ. Чернышевъ, графъ Петръ Ив. Панинъ, князь Михаилъ Никит. Волконскій, князь Александръ Мих. Голицынъ (вице-канцлеръ), графъ Григорій Григ. Орловъ, князь Вяземскій. Ихъ ввели въ особо назначенную для совѣта комнату, куда явилась сама императрица, и начала засѣданіе словами: „По причинѣ поведенія Турокъ, о чемъ графъ Н. И. Панинъ изъяснитъ, я принуждена имѣть войну съ Портой; но нынѣ васъ собрала для требованія отъ васъ разсужденія къ формированію плана: 1) ка-

[1]) Знаменитаго фельдмаршала князя Михайла Михайловича.
[2]) Письма къ Салтыкову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; къ Чернышеву Русск. Арх. 1871 г. № 9.
[3]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. X. 302.

[4]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

кой образъ войны вести; 2) гдѣ быть сборному мѣсту; 3) какія взять предосторожности въ разсужденіи прочихъ границъ имперіи. Въ подробности время не дозволяетъ входить,—оныя оставить исполнительнымъ мѣстамъ, какъ-то: Военной Коллегіи по ея дѣламъ, Иностранной по ея дѣламъ. Графъ З. Г. Чернышевъ объявитъ вамъ, въ какомъ распредѣленіи теперь войска наши находятся и краткое извѣстіе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ прежнюю войну. Денежные способы, если кто примыслитъ съ меньшимъ народнымъ отягощеніемъ, то имѣетъ оные объявить, ибо они впередъ годятся, а на теперешніе случаи исправиться можно".

Когда императрица кончила, графъ Н. И. Панинъ сталъ читать изложеніе событій, поведшихъ къ войнѣ: выходило, что Россія не упустила ни одного случая уничтожить всѣ недоразумѣнія мирнымъ образомъ; что Порта зачинщица войны. Послѣ Панина графъ Чернышевъ прочелъ изложеніе войны Россіи съ Турціей при императрицѣ Аннѣ; въ заключеніе объявилъ, въ какомъ состояніи находится теперь войско и въ какихъ мѣстахъ расположено.

По вопросу о предосторожностяхъ относительно другихъ границъ имперіи, Панинъ утверждалъ, что по отношеніямъ къ Швеціи нѣтъ никакой опасности съ финляндской стороны: можно оставить одни гарнизоны въ крѣпостяхъ. Но Чернышевъ утверждалъ, что надо бы оставить на сѣверѣ нѣсколько полковъ, по причинѣ близости къ границѣ столичнаго города. Съ эстляндской стороны положили оставить полка два; съ лифляндской—два полка кирасиръ и три полка пѣхоты; съ смоленской—два полка пѣхотныхъ и три конныхъ; для защиты астраханскихъ границъ перевесть изъ Оренбурга два полка. Но Чернышевъ вспомнилъ о частыхъ тревожныхъ вѣстяхъ съ востока, съ Поволжья, и предложилъ, что для внутренняго спокойствія нужно оставить одинъ драгунскій полкъ въ Симбирскѣ. Екатерина прибавила, что нельзя ли употребить для этой же цѣли отрядъ изъ казанскихъ Татаръ. Въ Москвѣ бывали всегда три полка: положили оставить только два полка и сдѣлать разсмотрѣніе объ убавкѣ карауловъ.

На вопросъ,—какую вести войну,—Собраніе единогласно объявило, что надобно вести войну наступательную; говорили, что надо-бы предупредить непріятеля. Тутъ Орловъ сдѣлалъ неожиданное предложеніе: „Когда начинать войну, то надлежитъ имѣть цѣль, на какой конецъ оная приведена быть можетъ; а ежели инако, то не лучше ли изыскивать другой способъ къ избѣжанію". Панинъ былъ видимо смущенъ этимъ предложеніемъ своего противника, тѣмъ болѣе-что Орловъ, какъ хорошо знали, заявлялъ мнѣнія императрицы, а если и свои, то съ ея согласія. Панинъ отвѣчалъ не на вопросъ: „Желательно", сказалъ онъ, „чтобъ война могла кончиться скоро; къ этому способъ—собравши всѣ силы, наступать на непріятеля и тѣмъ привести его въ порабощеніе" Орловъ замѣтилъ на это, что вдругъ рѣшительнаго дѣла сдѣлать нельзя.— „Надобно стараться", отвѣчалъ Панинъ, „войско непріятельское изнурить и тѣмъ принудить, дабы оно такое же произвело дѣйствіе въ столицѣ къ миру, какъ оно требовало войны".

Положили раздѣлить армію на три части: на корпусъ наступательный до 80,000 человѣкъ; оборонительный или украинскій—до 40,000 и обсерваціонный—отъ 12 до 15,000. Въ концѣ засѣданія, Орловъ предложилъ послать, въ видѣ вояжа, въ Средиземное море нѣсколько судовъ и оттуда сдѣлать диверсію непріятелю,—но чтобъ это было сдѣлано съ согласія Англійскаго Двора. Это предложеніе было оставлено до будущаго разсужденія.

Черезъ день, 6 ноября, другое засѣданіе Совѣта. При чтеніи журнала прошедшаго засѣданія перемѣнили: съ лифляндской стороны, вмѣсто трехъ пѣхотныхъ полковъ, оставили только два. Относительно операціоннаго плана положили: если Турки вмѣстѣ съ польскими конфедератами пойдутъ въ Польшу въ лѣвую сторону, то командующему русскимъ наступательнымъ корпусомъ довольствоваться удаленіемъ отъ генеральнаго сраженія и распорядиться такъ, чтобъ привести въ безопасность свои границы, также прикрывать часть Польши и особенно Литву, чтобъ этимъ не только сохранить свои силы, но доставить безопасность и находящимся въ Польшѣ друзьямъ, а непріятеля, проводя маршами до осени, привести въ изнуреніе, не обращая вниманія на то, что онъ разоритъ часть Польши; стараться выставлять ему всевозможныя препятствія въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ при возвращеніи его къ своимъ границамъ и, при удобномъ случаѣ, воспользоваться его изнеможеніемъ. Если же Турки замедлятъ вступленіемъ въ Польшу, то поскорѣе взять Каменецъ и, устроя магазины, стать около этой крѣпости; если же окажется, что турецкаго войска немного и можно взять надъ ними верхъ, то овладѣть Хотиномъ.

Въ это засѣданіе Екатерина уже сама предложила на обсужденіе вопросъ Орлова о цѣли войны въ такой формѣ: „Къ какому концу вести войну и, въ случаѣ нашихъ авантажей, какія выгоды за полезнѣе положить?" Отвѣчали, что, при заключеніи мира, надобно выговорить свободу мореплаванія на Черномъ морѣ и для этого, еще во время войны, стараться объ учрежденіи порта и крѣпости; а со стороны Польши установить такія границы, которыя бы никогда не нарушали спокойствіе. Въ этомъ же засѣданіи назначены были старшіе генералы: для наступательнаго войска князь Александръ Мих. Голицынъ, для оборонительнаго—графъ Румянцевъ. Голицынъ, находившійся тутъ, на колѣняхъ благодарилъ за оказываемую ему довѣренность. Въ этомъ назначеніи Голицына видѣли торжество Чернышева, которому такимъ образомъ удалось удалить нелюбимыхъ генераловъ—Петра Ив. Панина вовсе, а Румянцева—на второй планъ.

Мы видѣли, что въ первомъ же засѣданіи своемъ Совѣтъ обратился къ исторіи, для уясненія дѣла, къ послѣдней войнѣ Турецкой. Въ третьемъ засѣданіи, 12 ноября, генералъ-прокуроръ опять обратился къ мѣрамъ, какія были приняты въ 1737 году относительно продовольствія арміи; а графъ Петръ Ив. Панинъ предложилъ, что надобно составить историческое описаніе послѣдней Турецкой войны. Послѣ этого императрица спросила: „Если кто что придумалъ для пользы настоящихъ дѣлъ, то можетъ оное предложить". Тутъ объяснилось, зачѣмъ въ первое засѣданіе Орловъ спрашивалъ о цѣли войны, зачѣмъ во второе сама Екатерина повторила вопросъ: Орловъ сталъ читать свое мнѣніе „объ экспедиціи въ Средиземное море". Послѣ разныхъ разсужденій объ этомъ мнѣніи, положили: отправить въ Морею, къ Далматамъ, въ Грузію и ко всѣмъ народамъ нашего закона, живущимъ въ турецкихъ областяхъ, для разглашенія, что Россія принуждена вести войну съ Турками за законъ; а къ Черногорцамъ для того послать, что если экспедиція состоится, то, по положенію земли ихъ, можно имѣть въ ней безопасное пристанище. Вице-канцлеръ представилъ списокъ народовъ, желающихъ по единовѣрію быть подъ властію Россіи. Планъ былъ составленъ на основаніи извѣстій, привезенныхъ съ мѣста разными эмиссарами. Еще въ 1763 году, когда со стороны Турціи начала грозить опасность вслѣдствіе вмѣшательства ея въ Польскія дѣла, графъ Григорій Орловъ отправилъ къ Спартанскому народу двоихъ Грековъ, Мануила Саро, и артиллерійскаго офицера, Паназули. Саро возвратился изъ своей поѣздки въ маѣ 1765 года и привезъ извѣстіе, что Спартанскій народъ христіанскаго закона и Греческаго исповѣданія, и хотя живетъ въ Турецкихъ владѣніяхъ, но Туркамъ не подчиненъ и ихъ не боится,—даже воюетъ съ ними; живетъ между горами и въ такихъ мѣстахъ крѣпкихъ, что Туркамъ и подступиться къ нему едва возможно. Какъ скоро Греки услыхали отъ Саро предложеніе, чтобъ, въ случаѣ войны Россіи съ Турками, возстали противъ послѣднихъ, то старшины, или капитаны: Трунаки, Дмитряки, Кумудуро, Мавромихали, Фока и другіе, созвали большое собраніе и объявили, что противъ Турокъ, какъ непріятелей Православной христіанской вѣры, рады стоять съ немалою силою, причемъ одинъ Грекъ, Бинаки, богатый и почтенный дворянинъ, говорилъ въ собраніи, что онъ подниметъ и Лакедемоновъ, турецкихъ подданныхъ, только-бъ быть имъ подъ покровительствомъ Русской государыни. Есть еще народъ вольный Греческій, область большая, называемая Каромиро; капитаны ея—Стафо, Букувало, Макрипули, Жудро и другіе, по своему Православію, въ турецкомъ подданствѣ быть не хотятъ, поднимутся противъ Турокъ съ великою радостію и могутъ къ себѣ пригласить множество другихъ Грековъ. Есть такъ-же провинція Химара, народъ въ ней вольный, называемый Малой Эльбаніи (говоритъ и по-гречески), Турку никогда не покорялся, закона Православнаго греческаго, въ состояніи воевать противъ Турка съ немалою силою; изъ этого народа король Неаполитанскій содержитъ цѣлый полкъ. Въ этихъ областяхъ Саро и Паназули были сами и обнадежены ихъ жителями, что если у Россіи съ Турками будетъ война, то они всѣ единодушно встанутъ противъ Порты и могутъ соединиться всѣ въ одномъ мѣстѣ, потому что разстояніе между этими областями не болѣе 150 верстъ. „По моему усердію", писалъ Саро, „смѣю представить о томъ, чтобъ отправить въ Средиземное море противъ Турокъ 10 россійскихъ военныхъ кораблей и на нихъ нагрузить пушекъ довольное число; завидѣвши ихъ, Греки бросились бы на соединеніе съ Русскими; у Грековъ есть свои немалыя суда, но ихъ надобно снабдить пушками; сами же Греки—народъ смѣлый и храбрый". Орловъ далъ Саро свидѣтельство за собственноручною подписью: „Симъ свидѣтельствую, что Мануилъ Саро былъ отъ меня посыланъ съ коммисіею въ Турецкую область 1763 года и исправлялъ тамъ ему порученное дѣло добропорядочно". Для исправленія того же дѣла, въ Дунайскія области ѣздилъ болгаринъ Каразинъ.

Англійскій посланникъ Каткартъ въ донесеніяхъ своему Двору оставилъ описаніе разговора своего съ однимъ изъ этихъ эмиссаровъ, который разсказывалъ, что сначала императрица и министры нашли проектъ сопряженнымъ съ большими затрудненіями, но потомъ принялись за него съ большимъ жаромъ. Въ Мореѣ, по словамъ эмиссара, много гаваней, много мореплавателей, мало Турокъ и предосторожности. Греки жаждутъ свободы, и небольшая помощь дастъ имъ возможность добыть ее, а укрѣпленіемъ Коринѳскаго перешейка сохранить ее. Албанія, Эпиръ, Занте, Кефалонія и сосѣдніе острова послѣдуютъ примѣру Мореи. Кандіи возстать трудно: на ней много турецкихъ крѣпостей; но можно укрѣпить одинъ или два острова на Архипелагѣ и тѣмъ воспрепятствовать снабженію Константинополя съѣстными припасами чрезъ Дарданеллы. У Грековъ большія основанія ненавидѣть Турецкое правительство; но они предпочитали его державамъ Римско-Католическаго исповѣданія, ибо Турки отличаются большею терпимостью; Греки никогда не захотѣли бы принадлежать Австріи и ненавидятъ Францію. Съ обычною страстностію, Екатерина занялась блестящимъ предпріятіемъ и начала близкимъ людямъ высказывать свои надежды. Черезъ четыре дня послѣ рѣшенія Совѣта объ экспедиціи въ Средиземное море, Екатерина писала Ив. Григ. Чернышеву: „Я такъ разщекотала нашихъ морскихъ по ихъ ремеслу, что они огневые стали, а для чего,—завтра скажу; если хочешь, самъ догадайся. Я на сей часъ сама за нихъ взялася, и если Богъ велитъ, увидишь чудеса". Чрезъ нѣсколько времени писала: „У меня въ отмѣнномъ попеченіи нынѣ флотъ, и я истинно его такъ употреблю, если Богъ велитъ, какъ онъ еще не былъ

а я уже нарядила, - не скажу куда, а матросы пьяные по улицѣ сказываютъ: въ Азоветъ идемъ" [1]).

Борьбѣ дано было широкое основаніе, широкіе размѣры. Надобно было подумать о средствахъ. Полки стягивались на югъ, обнажались другія границы, обнажались внутреннія области, опасное Поволжье. 16 ноября фельдмаршалъ Салтыковъ писалъ императрицѣ: „Въ Москвѣ и около оной воровство, разбоевъ весьма умножается; нынѣ полки выступили, особливо конной команды никакой не осталось—и разъѣздовъ быть не изъ чего" [2]). Екатерина отвѣчала: „Призовите къ себѣ знатнѣйшихъ изъ разныхъ въ Москвѣ частей жителей и съ ними, поставя на мѣрѣ, какимъ образомъ для спокойствія ихъ самихъ учредить какъ конную, такъ и пѣшую команду для полиціи на собственныхъ всѣхъ содержаніи, и ко мнѣ немедленно пришлите. А какъ извѣстно, что многіе изъ московскихъ жителей имѣютъ при себѣ множество людей, въ томъ числѣ и гусаръ, то не можно ли, изъ оныхъ сооставя команду, учредить въ городѣ патрули и, вооруживъ оныхъ, отдать въ вѣдомство полиціи" [3]).

Но надобно было подумать объ усиленіи, въ случаѣ нужды, дѣйствующей арміи, о пополненіи убыли въ ней: 8 октября 1768 года велѣно было произвести со всего государства рекрутскій наборъ съ 300 душъ по одному. 14 ноября состоялся указъ произвести еще такой же наборъ [4]). Положено было также взять въ солдаты незанятыхъ сыновей священнослужительскихъ и причетническихъ. Сдѣлано было вычисленіе: церквей въ Россіи въ наличности 17,518; при нихъ священно-и церковно-служителей должно быть 78,651 человѣкъ; а теперь на лицо 66,025,—слѣдовательно недостаетъ 12,627; напротивъ того, при священно-и церковно-служителяхъ находится дѣтей, къ церквамъ неопредѣленныхъ, отъ 20 лѣтъ и выше—5,916, отъ 15 до 20 лѣтъ—6,501, отъ 15 лѣтъ и ниже—57,870, а всего 70,287 человѣкъ, безмѣстныхъ священниковъ и дьяконовъ 1,472; дьячковъ, пономарей и сторожей 1,565. На этомъ основаніи, Сенатъ доложилъ: не угодно ли будетъ взять отъ 15 до 40 лѣтъ четвертую часть, а три части остаются для церквей, да изъ безмѣстныхъ, наказанныхъ и запрещенныхъ церковнослужителей — половину; семинаристовъ, которыхъ считается 4,905, не брать. Императрица согласилась [5]).

Наконецъ, въ виду финансовыхъ затрудненій, вызванныхъ Турецкою войною, рѣшились на мѣру, которой никакъ не хотѣли принять въ царствованіе Елисаветы, приняли-было при Петрѣ III-мъ и отмѣнили въ началѣ царствованія Екатерины. Въ засѣданіи Совѣта 17 ноября генералъ-прокуроръ читалъ объ учрежденіи, вмѣсто денегъ, ассигнацій. 29 декабря изданъ былъ манифестъ: „Въ толь обширной имперіи, какова есть Россія, не можно кажется довольно подать способовъ къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависятъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли. Правда, что одно пространство земель имперіи нашей есть уже нѣкое препятствіе совершенству того обращенія; однако каждое благоразумное правленіе въ таковомъ случаѣ обязано преодолѣвать, ежели возможно, естественныя затрудненія. Удостовѣрились мы, что тягость мѣдной монеты, одобряющая ея собственную цѣну, отягощаетъ ея-жь и обращеніе; во-вторыхъ, что дальній перевозъ всякой монеты многимъ неудобностямъ подверженъ, и, наконецъ, третіе, увидѣли мы, что великій есть недостатокъ въ томъ, что нѣтъ еще въ Россіи, по примѣру разныхъ европейскихъ областей, такихъ учрежденныхъ мѣстъ, которыя-бъ чинили надлежащіе денегъ обороты и переводили бы всюду частныхъ людей капиталы безъ малѣйшаго замедленія и согласно съ пользою каждаго. Ежедневный опытъ являетъ, какіе собрали плоды многія государства отъ такихъ установленій, по большей части банками именуемыхъ. Ибо, сверхъ сказанныхъ уже выгодъ, приносятъ они еще ту полезность, что выдаваемыя въ публику изъ тѣхъ мѣстъ на разныя суммы печатныя, съ подписаніемъ обязательства разныхъ именованій, средствомъ ихъ кредита, добровольно между народа употребляются, такъ какъ наличная монета, не имѣя однакожь сопряженныхъ съ нею тягостей въ перевозахъ и трудностей въ сбереженіи ихъ, знатно облегчаютъ самымъ дѣломъ обращенія денегъ. Итакъ съ 1-го января 1769 года установляются здѣсь, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, подъ покровительствомъ нашимъ два банка для вымѣна государственныхъ ассигнацій, которыхъ выдаваемо будетъ изъ разныхъ правительствъ и казенныхъ мѣстъ, отъ насъ къ тому означенныхъ, столько, а не болѣе, какъ въ вышесказанныхъ банкахъ капитала наличнаго будетъ состоять. Симъ государственнымъ ассигнаціямъ имѣть обращеніе во всей имперіи нашей наравнѣ съ ходячею монетою, чего для всѣ правительства и казенныя мѣста должны принимать тѣ ассигнаціи во всѣ государственные сборы за наличныя деньги безъ малѣйшаго затрудненія. Сверхъ того, повелѣваемъ, чтобъ всѣ частные люди, которые будутъ впредь чинить денежные платежи въ казенные сборы, вносили бы неотмѣнно въ число каждыхъ 500 рублей государственную ассигнацію по 25 рублей. Каждый изъ частныхъ людей можетъ всегда, когда похочетъ, обратить тѣ свои ассигнаціи въ наличныя деньги, представя изъ оныхъ: московскую—въ московскомъ банкѣ, а санктпетербургскую—въ санктпетербургскомъ. Симъ банкамъ мы предписали такія правила, по которымъ они платежъ производить должны безъ малѣйшаго замедленія и потерянія времени. Мы, императорскимъ нашимъ словомъ, торжественно

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, годъ 1768. — Русск. Архивъ 1871, № 9. Сборн. Русск. Истор. Общ. II, 284; XII, 461.—Дѣло о Саро въ Госуд. Архивѣ.

[2]) Письмо въ Госуд. Архивѣ.

[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 323.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 13,195.

[5]) Журналы Сената, 9-го декабря 1768.

объявляемъ за насъ и преемниковъ престола нашего, что по тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ требующимъ оную изъ банковъ" [1]).

На все время войны съ Турціею положено было брать ежегодно съ Лифляндіи и острова Эзеля по 100,000 талеровъ, а съ Эстляндіи по 50,000 [2]). Въ виду сокращенія расходовъ, императрица написала въ Сенатъ собственноручно: „Работу на Балтійскомъ портѣ остановить, а о каторжныхъ сдѣлать разсмотрѣніе, дабы они праздны не были". Сенатъ велѣлъ распредѣлить ихъ въ другія мѣста [3]). Въ 1768 году военныя издержки простирались до 1.250,000 [4]).

Но Екатерина не хотѣла ограничиться одними матеріальными средствами. Востанница Монтескьё должна была приписывать важное значеніе чувству чести при русской правительственной формѣ, должна была считать своею обязанностью возбуждать и поддерживать это чувство, какъ источникъ доблестей, и потому установила орденъ Св. Георгія за военные подвиги. (26 ноября 1769 года.)

Съ 1769 года Совѣтъ получилъ характеръ постояннаго учрежденія. Этотъ годъ долженъ былъ представить повѣрку всѣхъ его распоряженій. Можно было думать, что до весны не будетъ никакого столкновенія съ непріятелемъ; но 15-го января Крымскій ханъ Крымъ-Гирей съ большимъ войскомъ (слишкомъ 70,000 человѣкъ) перешелъ русскую границу у мѣстечка Орла, намѣреваясь съ главными силами вторгнуться въ Елисаветградскую провинцію, а оттуда въ Польшу, гдѣ ждали его конфедераты; они указывали ему и дорогу. Татары, встрѣченные пушечными выстрѣлами въ Елисаветградѣ, не рѣшились брать эту крѣпость, а разсѣялись для опустошенія и сожженія окрестныхъ селеній; та же участь постигла и Польскія владѣнія, когда явились туда союзники конфедератовъ. Опустошивъ, по обычаю, земли и враговъ и друзей, крымскіе разбойники, довольные ясыремъ, ушли за Днѣстръ, и ханъ отправился въ Константинополь, повезъ султату въ подарокъ плѣнныхъ женщинъ. Изъ Елисаветградской провинціи было уведено болѣе 1,000 человѣкъ плѣнныхъ, много скота, сожжено въ ней было болѣе 1,000 домовъ. Другой татарскій отрядъ пробрался къ Бахмуту и опустошилъ также окрестности: отсюда выведено было плѣнныхъ около 800 человѣкъ. Но это было послѣднее въ нашей исторіи татарское нашествіе!

Русская наступательная армія должна была не допускать Турокъ войти въ Польшу. 15 апрѣля она перешла Днѣстръ по направленію къ Хотину. Ея дѣйствія начались удачно; но князь Голицынъ не рѣшился осаждать Хотина по недостатку артиллеріи и продовольствія, потому что вся Молдавія была страшно опустошена Турками. 21 апрѣля русское войско отступило отъ Хотина; Турки напали на обозъ, но были прогнаны съ большимъ урономъ. 24 апрѣля кн. Голицынъ перешелъ обратно Днѣстръ [5]).

Извѣстіе о своихъ движеніяхъ онъ прислалъ въ Петербургъ съ корнетомъ графомъ Минихомъ, который позволилъ себѣ разсказывать, что дѣла идутъ нехорошо около Хотина. Екатерина позвала къ себѣ Миниха, разговаривала съ нимъ болѣе двухъ часовъ и написала Панину (3 мая): „Какъ я болѣе двухъ часовъ разговаривала съ графомъ Минихомъ, то я примѣтила столько étourderie (взбалмошности), какъ и лжей изъ его рѣчей. Итакъ, прошу ни о чемъ не судить прежде вашего сюда въ Совѣтъ завтра пріѣзда; тогда усмотрите изъ реляціи кн. Голицына. что дѣло не такъ, какъ Минихъ вралъ" [6]). Намъ неизвѣстно, что „вралъ" Минихъ; но обратный переходъ Голицына черезъ Днѣстръ говорилъ самъ по себѣ очень громко, и 6 мая написанъ былъ ему рескриптъ: „Чѣмъ меньше по первой вашей реляціи о столь успѣшномъ разбитіи непріятеля мы ожидать могли такъ скораго и непріятнаго тому оборота, толь съ бо́льшимъ удивленіемъ не находимъ мы въ вашей реляціи подробнаго описанія причинъ, кои несумнѣнно васъ въ такую крайность поставили, чтобъ назавтра выпустить изъ своихъ рукъ одержанную славу отверстія первой кампаніи и весь пріобрѣтенный авантажъ надъ непріятелемъ. Какъ наша совершенная довѣренность къ вамъ и ко всему нашему генералитету ни мало тутъ не претерпѣваетъ, то мы и восхотѣли вамъ только предписать, чтобъ вы собрали военный совѣтъ и изыскали какое-либо вторичное надъ непріятелемъ предпріятіе, замѣняющее вновь какою-либо пріобрѣтаемою славою оружія нашего и пользою въ послѣдованіи сей кампаніи настоящее непріятное приключеніе вашего такъ скораго назадъ возвращенія, подающаго въ публикѣ поводъ къ разнымъ истолкованіямъ". Голицынъ оправдывался, что „не взялъ Хотина вслѣдствіе затрудненій, которыя надобно было преодолѣвать приступомъ и знатною потерею людей, на что онъ безъ высочайшаго соизволенія отважиться не смѣлъ. Принужденъ же былъ тотчасъ же обратно переправиться на сю сторону Днѣстра тѣмъ, что нельзя было оставаться на той сторонѣ, не подвергая малочисленной арміи очевидному изнуренію и опасности быть подавлену отъ непріятеля съ разныхъ сторонъ, а особливо не имѣя отъ гр. Румянцева никакого увѣдомленія

[1]) Полн. Собр. Зак. № 13,219.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 13,222, 13,223.
[3]) Журналы Сената, 19 ноября 1768.
[4]) Донесеніе кн. Вяземскаго о расходахъ на первую Турецкую войну,—въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[5]) Относительно подробностей военныхъ дѣйствій во все продолженіе войны см. Geschichte des gegenwertigen Krieges zwischen Russland, Polen und Ottomanischen Pforte 1771—1774. Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie, 1773. — Петрова — Война Россіи съ Турціей и польск. конфедератами.
[6]) Сборн. Рус. Истор. Общ. X, 335.

и отвѣта на письма, что онъ въ семъ случаѣ съ своей стороны для облегченія мнѣ и для раздѣленія непріятельскихъ силъ предприметъ. Необходимость заставляетъ податься еще и отсюда (отъ рѣки Калуса) къ ближнимъ магазинамъ, въ Польшу. О сожженіи дунайскаго моста и тамошняго магазина не упустилъ я старанія прилагать; но къ сему предпріятію никого и ни за какія деньги сыскать не могъ; не могъ для сего и легкаго корпуса войскъ отдѣлить, не отдавая оный совсѣмъ на жертву" [1]). Но когда, въ Совѣтѣ 18 мая, прочтена была реляція кн. Голицына отъ 3 мая, въ которой онъ извѣщалъ, что перевелъ всѣ войска на эту сторону Днѣстра, мосты снялъ, пѣхоту поставилъ въ лагерь и конницу расположилъ по кантониръ-квартирамъ, то императрица объявила, что главнокомандующему надобно сдѣлать нѣкоторыя наставленія. Голицыну написанъ былъ рескриптъ: „Всемѣрно слава оружія нашего требуетъ отмѣны въ настоящей вашей позиціи, ибо дѣло не въ томъ состоитъ, чтобъ держаться только заготовленныхъ магазиновъ на первый случай, а надобно упреждать непріятеля и отнюдь не допускать его до пріобрѣтенія себѣ въ пользу тѣхъ выгодъ, кои мы сами предъ нимъ выиграть и удобно сохранить можемъ. Повторяемъ вамъ желаніе наше, и со славою оружія, и съ истинною пользою отечества согласное, чтобъ вы употребили сіе примѣчаніе въ пользу и къ концу кампаніи, переходя со всею арміею на тамошній берегъ Днѣстра, пошли прямо на непріятеля и, всячески его притѣсняя, принуждали не только къ поспѣшному за Дунай возвращенію, но и изыскивали случай окончить кампанію съ одержаніемъ побѣды, дабы тѣмъ еще вѣрнѣе Молдавію очистить и доставить себѣ свободу къ покоренію Хотина, слѣдовательно и къ занятію зимнихъ квартиръ на самомъ Днѣстрѣ" [2]).

Скопленіе турецкихъ войскъ у Хотина и попытка Турокъ переправиться за Днѣстръ заставили Голицына двинуться снова въ іюнѣ къ этой рѣкѣ. 200,000 переправившихся Турокъ были прогнаны назадъ ген.-маіоромъ кн. Прозоровскимъ. Самъ Голицынъ переправился во второй разъ за Днѣстръ въ первыхъ числахъ іюля, блистательно отбилъ нападеніе многочисленнаго непріятеля и обложилъ Хотинъ, гарнизонъ котораго находился въ отчаянномъ положеніи по недостатку продовольствія и тѣснотѣ, производившей повальныя болѣзни. Великій визирь Магометъ-Эминъ-паша, хотѣвшій прежде вторгнуться въ Новую Россію, узнавши объ опасномъ положеніи Хотина, рѣшился двинуться къ нему на помощь и отрядилъ напередъ Крымскаго хана съ 40,000 Татаръ. 22 іюля ханъ напалъ на русскія войска подъ Хотиномъ, но былъ отраженъ съ большимъ урономъ и поспѣшно отступилъ. Но 25 числа показалось турецкое войско, отправленное визиремъ подъ начальствомъ Али-Молдаванджи-паши, который соединился съ ханомъ и шелъ къ Хотину въ числѣ болѣе 100,000 человѣкъ; за Молдаванджи-пашою ждали самого визиря. На военномъ совѣтѣ 1-го августа рѣшено было опять отступить за Днѣстръ.

Это вторичное возвращеніе изъ-за Днѣстра произвело сильное раздраженіе въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе-что въ продолженіи іюля получались отъ Голицына постоянныя донесенія объ успѣхахъ, и отъ 20 іюля Екатерина писала ему: „Изо всѣхъ вашихъ реляцій отъ самаго дня перехода вашего чрезъ Днѣстръ я съ удовольствіемъ усмотрѣла продолжающіеся успѣхи ваши и разбитіе разныхъ непріятельскихъ корпусовъ, съ чѣмъ васъ отъ всего сердца поздравляю, за что мы вчерашняго дня Всевышнему принесли должное благодареніе при пушечной пальбѣ". Отъ 4 августа писала: „Изъ реляціи вашей отъ 23 я усмотрѣла, что прошедшій къ Хотину секурсъ нашими несравненными войсками разбитъ. Храбрымъ нашимъ гусарамъ, которыхъ вы столько хвалите, скажите мое удовольствіе и спасибо. Казакамъ напоминайте прежніе храбрые поступки сихъ легкихъ войскъ въ прошедшихъ войнахъ, должность и присягу ихъ и великія милости, кои они за то получали отъ предковъ нашихъ, и тѣ, кои они отъ насъ ожидать имѣютъ. Я не скучаю вашимъ предъ Хотинымъ пребываніемъ и разсуждаю, что иного предпріятія вамъ сдѣлать не должно, какъ взять городъ съ меньшею и возможною потерею, а если визирь пожалуетъ къ вамъ, то, призвавъ Бога въ помощь, бить его" [3]).

Но какое же было произведено впечатлѣніе извѣстіемъ, что отступили, не бившись не только съ визиремъ, но и съ передовою его ратью? Мы видѣли, что Голицынъ прямо жаловался на Румянцева; Румянцевъ, съ своей стороны, писалъ кн. Мих. Ник. Волконскому: „Вамъ, уповательно, не безызвѣстно, что во всѣхъ операціяхъ я долженъ содѣйствовать съ княземъ Александромъ Михайловичемъ; но онъ своими сокровенными движеніями совсѣмъ приводитъ меня въ недоумѣніе, или, лучше сказать, дѣлаетъ меня слѣпымъ, который ощупью достигать долженъ до прямого его предмета, а паче предпріятая имъ Хотинская блокада, которая, въ разсужденіи положенія непріятельскаго, весьма опасна, и чтобъ ему во вредъ обратиться не могла; я-жъ, будучи совсѣмъ неизвѣстенъ, къ чему клонится его предпріятіе, сколько-бъ ни желалъ въ пользу его сдѣлать какія-либо движенія, но по причинѣ сей неизвѣстности безо всякаго дѣйствія остаться принужденъ" [4]). Неудача Голицына естественно доставляла выигрышъ дѣла Румянцеву. 13 августа въ Совѣтѣ графъ Чернышевъ объявилъ, что императрица „соизволила разсудить для нѣкоторыхъ обстоятельствъ генерала

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., рескриптъ отъ 26 мая.

[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 350.

[4]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Письмо изъ лагеря близъ Буга, 11 іюля

князя Голицына отъ арміи сюда призвать; генералу графу Румянцеву принять отъ него команду, а генерала графа Панина (Петра Ив.) назначить командиромъ надъ второю арміей". Близкіе къ Панинымъ люди были недовольны тѣмъ, что главнокомандующимъ первою арміею былъ назначенъ Румянцевъ, а не Петръ Панинъ; говорили, что послѣдній былъ бы гораздо способнѣе для наступательнаго движенія, для одушевленія арміи, тогда какъ Румянцевъ слишкомъ методиченъ и въ то же время такъ искусно владѣетъ перомъ, что будетъ очень трудно высылать ему приказанія: онъ всегда сумѣетъ отписаться. Назначеніе Румянцева приписывали интригамъ женщинъ: матери его, графини Румянцевой, и сестры, графини Брюсъ [1]). Въ рескриптѣ Голицыну было сказано: „Всемилостивѣйше разсудили мы за благо по теперешнимъ обстоятельствамъ отозвать васъ отъ арміи ко Двору нашему для персональныхъ съ вами переговоровъ". Побужденіе выяснилось въ рескриптѣ Румянцеву: „Обстоятельства, въ коихъ я поручаю вамъ команду надъ первою арміею, требуютъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Армія, перешедъ рѣку Днѣстръ 2 ч. августа, но недостатку въ фуражѣ, несумнѣнно подала поводъ непріятелю, хотя безъ причины, возгордиться. Но я надѣюсь отъ вашего искусства и военной поворотливости, что вы недолго дозволите непріятелю пользоваться такимъ пустымъ тщеславіемъ тогда, когда вы имѣете подъ вашею командою армію, коя уже дѣйствительно въ пять мѣсяцевъ шесть разъ обратила въ бѣгъ безпорядочную толпу безчисленнаго непріятеля, но наипаче стараться будете всячески возвратить не токмо оставленнаго авантажа, но еще и не упустите намъ пріобрѣсти новые" [2]).

Но Голицынъ, прежде своего отъѣзда изъ арміи, успѣлъ отнять у Турокъ побужденіе къ „пустому тщеславію". 29 августа Али-Молдаванджи-паша, перейдя Днѣстръ, напалъ на русское войско у Каменца, но былъ разбитъ, потерпѣвъ большой уронъ. Русскіе перешли въ наступленіе и 6 сентября нанесли Туркамъ новое пораженіе на Днѣстрѣ, послѣ чего непріятель покинулъ Хотинъ и поспѣшно удалился къ Яссамъ; пустой Хотинъ былъ занятъ Русскими 10 сентября; 18 сентября Голицынъ оставилъ армію, надъ которою принялъ начальство Румянцевъ. 26-го генералъ-поручикъ Эльмптъ вступилъ въ Яссы и привелъ жителей къ присягѣ императрицѣ Всероссійской. „Яссы взяты", писала Екатерина Бибикову: „визирь ушелъ за Дунай и только съ нимъ тысячъ до пяти; партія наша пошла въ Бухарестъ; отъ Хотина до Яссъ считается до 20,000 турецкихъ мертвыхъ лошадей, кои лежатъ по дорогѣ. Новая Молдаванская княгиня вамъ кланяется. Вся Молдавія учинила намъ присягу, и скота всѣмъ до-сыта" [3]).

Новая Молдавская княгиня жаждала блистательныхъ успѣховъ, движенія наступательнаго. Получивши извѣстіе о нѣкоторомъ успѣхѣ новаго главнокомандующаго второю арміею, графа Петра Панина, она писала брату его, графу Никитѣ: „Я тѣмъ наипаче радуюсь, что все сіе сдѣлалось отъ храбраго наступленія; пора намъ менѣе уважать уничтоженія достойную толпу" [4]). Голицынъ былъ отозванъ за медленность, осторожность, излишнее, какъ казалось, уваженіе уничтоженія достойной толпы. Тѣмъ непріятнѣе было для Екатерины получать донесенія отъ новаго главнокомандующаго первою арміею съ жалобами на трудности. Она всѣми силами старалась подстрекать самолюбіе Румянцева, выставляя на видъ: что все теперь въ его рукахъ; ему не нужно болѣе сообразоваться съ чужими движеніями; война принимаетъ широкіе размѣры; Турціи грозитъ бѣда и съ востока и съ запада; Европа съ удивленіемъ и страхомъ смотритъ на потрясеніе оттоманскаго могущества. Усиленіемъ требованій Екатерина хотѣла усилить дѣятельность полководца, ласкательно внушая ему, что онъ можетъ предолѣть всѣ затрудненія; что она считаетъ его къ этому способнымъ. Екатерина писала Румянцеву: „Флотъ нашъ (отправленный въ Средиземное море) дошелъ благополучно до Копенгагена. Князь Долгоруковъ доѣхалъ до Черногоріи, гдѣ великія дѣлаются приготовленія къ нападенію на Турокъ; графъ же Алексѣй Григорьевичъ Орловъ увѣряетъ, что онъ надежду имѣетъ поставить на ноги до 40,000 человѣкъ, и что онъ пишетъ нарочно меньше, нежели имѣть можетъ. Три порта намъ открыты. Я послала по Синявина, чтобъ его скорѣе поставить въ состояніе начать чего ни на есть съ своею эскадрою. Грузинцы выступятъ: Гераклій съ 30-ю, Соломонъ—съ 20,000. Итакъ, если все сіе удастся и Богъ благословитъ васъ, то великія дѣла увидимъ въ нашемъ вѣку, и турецкая громада подвержена будетъ нѣкоторому потрясенію. Еще имѣю извѣстіе, что нѣкоторый бей египетскій прислалъ

[1]) Архивъ Госуд. Сов. I, 31.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 416.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 354.—Неудовольствіе на неудачу Голицына высказалось въ политической сатирѣ, которая ходила въ обществѣ. «По отступленіи отъ Хотина Голицынъ былъ такъ встревоженъ, что не могъ спать по ночамъ. Въ одну изъ такихъ безсонныхъ ночей онъ услыхалъ при дверяхъ своей палатки слѣдующій разговоръ. Старый солдатъ разсказывалъ караульному свой сонъ. «Мнѣ снилось», говорилъ онъ, «что я убитъ въ сраженіи и явился у небесныхъ вратъ. Апостолъ Петръ пришелъ съ ключами, разбудилъ Господа Бога и объявилъ Ему, что на землѣ идетъ большая война между Русскими и Турками.—А кто начальствуетъ Русскими? спросилъ Богъ.—Графъ Минихъ, отвѣчалъ Св. Петръ. Въ такомъ случаѣ, сказалъ Господь, я могу идти спать.—«Я проснулся», продолжалъ солдатъ, «но заснулъ снова и вижу другой сонъ, снова будто я убитъ, и стою при вратахъ небесныхъ, но война не старая Миниховa, а настоящая. Опять Господь спрашиваетъ апостола Петра, кто начальствуетъ Русскими, и когда тотъ отвѣчалъ, что кн. Голицынъ, то Господь сказалъ: «Дайте мнѣ сапоги, потому что теперь безъ меня дѣло не обойдется». И скоро послѣ того турецкій мостъ на Днѣстрѣ былъ снесенъ рѣкою. Anecdotes of the Russian empire 110.

[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, стр. 389.

[4]) Сборн Русск. Истор. Общ. X, стр. 360.

въ Венецію, дабы себѣ открыть сношенія съ нами; онъ отъ Турокъ давно уже отложился и имѣетъ въ своихъ рукахъ порты, и торгуетъ хлѣбомъ, и даетъ награжденія тѣмъ, кои ему привозятъ извѣстія, что мы побиваемъ Турокъ. Сіе пишу вамъ для того, чтобъ вы усмотрѣть могли обстоятельства дѣлъ нашихъ, и какъ объ насъ думаютъ, и потому лучше устроить могли на васъ положенную часть оныхъ. На васъ Европа смотритъ.— Что вы нашли людей утружденными,—о томъ сожалѣю, и надѣюсь, что вашимъ попеченіемъ они придутъ въ скоромъ времени въ прежнее состояніе. Какъ все теперь въ вашихъ рукахъ, то не сомнѣваюсь, что вы и возьмете такія мѣры, кои отвратятъ неудобства и приведутъ всѣ ваши предпріятія въ желаемое положеніе. Я совершенно внимаю всѣ трудности, кои вы описываете; но я не сомнѣваюсь, что ваше усердіе и благоразуміе всякія препятствія преодолѣвать будетъ, въ чемъ совершенную надежду на васъ имѣю. За присланный ко мнѣ прекрасный кинжалъ благодарствую. Добыча двухъ господарей еще лучше. Прошу, при случаѣ, прислать самого визиря, или, если Богъ дастъ, и самаго султанскаго величества" [1]).

И Бухарестъ былъ занятъ русскими войсками: его занялъ извѣстный намъ Каразинъ, при помощи валахскаго вельможи Кантакузина, съ которымъ у него уже давно былъ уговоръ дѣйствовать вмѣстѣ для освобожденія христіанъ отъ Турокъ. Господари Молдавскій и Валашскій были въ плѣну; но надъ нижнимъ теченіемъ Днѣстра, столь важнымъ теперь въ стратегическомъ и политическомъ отношеніяхъ, господствовала сильная крѣпость Бендеры. 21 сентября въ Совѣтѣ Екатерина объявила: „Какъ можетъ статься, во сто лѣтъ не случится подобной нынѣшней оказіи, то, кажется, оною воспользоваться и надлежитъ, и для того предвидится нужно, отдѣля корпусъ отъ первой арміи и отъ второй, велѣть оному прямо идти съ довольнымъ числомъ осадной артиллеріи къ Бендерамъ брать оную крѣпость, пока оборонить ее некому". Къ Румянцеву Екатерина писала въ октябрѣ: „Что касается до будущей кампаніи, предварительно скажу вамъ мысли, кои бродятъ въ моей головѣ и коихъ я еще не утвердила вовсе. Будущая кампанія, кажется, должна производиться на Дунаѣ, такъ какъ нынѣшней положено было происходить на Днѣстрѣ. Если-бъ же нынѣшняя осень намъ доставила Бендеры, то половина, кажется, уже бы сдѣлана была" [2]). Бендеры не были взяты въ 1769 году; но другія части обширнаго плана выполнялись, несмотря на всѣ затрудненія.

Первымъ дѣломъ въ самомъ началѣ года было занятіе Азова и Таганрога, занятіе безпрепятственное, потому что Турки при объявленіи войны не позаботились укрѣпиться въ этихъ мѣстахъ. Иначе распорядилась Екатерина; она предписала: „Сначала сдѣлать укрѣпленіе въ Азовѣ для обороны отъ нечаяннаго нападенія, а потомъ и настоящее и всю прочую работу безъ потерянія времени и съ поспѣшностію производить". Но укрѣпленій было мало; главною мыслію Екатерины было устройство флотиліи на Азовскомъ морѣ, и она отдалась этой мысли со всею своею страстностію, что видно изъ переписки ея съ контръ-адмираломъ Синявинымъ, которому поручено было устройство флотиліи. Переписка эта очень напоминаетъ переписку Петра Великаго о любимомъ его дѣлѣ. „Алексѣй Наумовичъ!" писала Екатерина Синявину въ маѣ, „посылаю вамъ гостинцы—три чертежа, которые до тамошнихъ мѣстъ принадлежатъ: 1) разные виды береговъ Чернаго моря, даже до Царяграда; 1) Азовское море; 3) корабль, на Воронежѣ дѣланный и на воду тамъ же спущенный. Оные, я думаю, будутъ вамъ пріятны, и можетъ быть еще сверхъ того и полезны. Пожалуй, дайте мнѣ знать, ловко ли по рѣкѣ Міюсъ плыть лѣсу въ Троицкое, что на Таганрогѣ, и ваше о томъ разсужденіе, также есть ли по Міюсу годные лѣса къ корабельному строенію? Я чаще съ вами въ мыслахъ, нежели къ вамъ пишу. Пожалуй, дайте мнѣ знать, какъ нововыдумленныя суда по вашему мнѣнію могутъ быть на водѣ, и сколько надобно напримѣръ времени, чтобъ на море выходить могли". Еще сильнѣе забота Екатерины объ азовскомъ флотѣ выразилась въ запискѣ ея, читанной въ засѣданіи Совѣта 5 ноября: „Мое мнѣніе есть, чтобъ Таганрогскую гавань отдать въ вѣдомство Синявину съ тѣмъ, чтобъ ее поставилъ въ такое состояніе, чтобъ она могла служить какъ къ убѣжищу судамъ, такъ и для построенія судовъ, а наипаче галеръ и другихъ по тому мѣсту способныхъ судовъ. Я ему дамъ на то и на другое на первый случай 200,000 рублевъ, а съ нимъ условиться надобно о заведеніи тамъ адмиралтейскаго департамента и служителей, по мѣрѣ тамошней морской силы. Въ рѣкѣ Донѣ же никакой способности нѣту по ея мелямъ къ построенію, или, лучше сказать, къ плаванію внизъ судовъ. Главный предметъ будущій годъ на Азовскомъ морѣ, кажется, быть долженъ для закрытія новозаведенныхъ крѣпостей, чтобъ сдѣлать нападенія на Керчь и Тамань и завладѣть сими крѣпостцами, дабы зундъ Чернаго моря чрезъ то получить въ свои руки, и тогда нашимъ судамъ свободно будетъ крейсировать до самаго Цареградскаго канала и до устья Дуная. Если же Грузинцы овладѣютъ краемъ того же Чернаго моря, то нашимъ судамъ въ случаѣ противной погоды одно важное прибѣжище прибавится. Итакъ прошу, если Совѣтъ съ вышеписаннымъ согласенъ, прилежно входить въ представленія Синявина и сего ревностнаго начальника снабдѣвать всѣмъ, въ чемъ только онъ можетъ имѣть нужду и надобность, чѣмъ и меня весьма одолжите, ибо Донская экспедиція есть дитя, кое у матери своей крѣпко на сердцѣ лежитъ".

---

[1]) См. письма, напечат. въ Собраніи сочин. Екатерины II, изд. Смирдина, III, стр. 200 и слѣд.

[2]) См. письма, напечат. въ Собраніи сочин. Екатерины II, изд. Смирдина, III, стр. 200 и слѣд.

„Если Грузинцы овладѣваютъ краемъ Чернаго моря". Имеретинскій владѣлецъ, или царь, какъ у насъ привыкли называть, Соломонъ еще съ 1755 года боролся съ Турками за независимость, и боролся довольно удачно, пока не нашелъ враговъ въ собственныхъ вельможахъ, которые, съ помощью Турокъ, выгнали Соломона и возвели на престолъ двоюроднаго брата его, Теймураза. Въ исходѣ 1766 года Соломонъ прислалъ императрицѣ просьбу дать ему убѣжище въ Россіи вмѣстѣ съ нѣкоторыми князьями и дворянами, или заступиться за него при Портѣ. И то и другое было тогда отклонено изъ опасенія повредить мирнымъ отношеніямъ къ Турціи. Несмотря на то, Соломонъ, загнанный въ горы, отправилъ въ 1768 году Кутаисскаго митрополита Максима въ Петербургъ съ просьбою о помощи; но еще до полученія отвѣта изъ Россіи, ему удалось взять верхъ надъ врагами и схватить соперника своего, Теймураза. Такъ какъ теперь церемониться съ Турками было не нужно болѣе, то императрица рѣшила отправить къ Соломону небольшой воинскій отрядъ, могшій показать Имеретинцамъ всѣ преимущества порядочнаго войска, послать четыре пушки, два единорога и 50,000 денегъ. Отъ ноября 1768 года дошла до насъ любопытная записка, показывающая, какъ занимало Екатерину Закавказье;—императрица переслала въ Иностранную Коллегію слѣдующіе вопросы: „1) По какой причинѣ выѣзжалъ сюда отецъ Ираклія (царя Грузинскаго)? 2) Нѣтъ ли въ Коллегіи карты исправнѣе печатной и вѣрнѣе, и какъ Грузинскія владѣнія лежатъ и къ какимъ сосѣдные? 3) Имѣютъ ли Грузинскіе владѣтели морскіе порты на Каспійскомъ или Черномъ морѣ? 4) Тефлисъ стоитъ на однихъ картахъ на Черномъ, а на другихъ на Каспійскомъ морѣ, а въ иныхъ и въ средѣ земли. О всемъ семъ, въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ выправяся, прислать ко мнѣ. NB. Нѣсколько времени тому какъ былъ слухъ, что Ираклій принялъ католицкій законъ: имѣется ли о семъ подлинное извѣстіе"? Панинъ писалъ Соломону, чтобъ онъ постарался уговорить Грузинскаго (Карталинскаго и Кахетинскаго) царя Ираклія дѣйствовать вмѣстѣ противъ Турокъ. Соломонъ самъ отправился къ Ираклію въ Тифлисъ, и оба царя отправили въ Петербургъ знатныхъ пословъ съ объявленіемъ своей готовности вступить въ войну съ Турками; а между тѣмъ осенью 1769 года Екатерина назначила дѣйствовать въ Грузіи противъ Турокъ извѣстнаго намъ графа Тотлебена, который умолилъ императрицу принять его снова въ русскую службу; Тотлебенъ, двинувшись изъ Моздока, перешелъ Кавказскія горы долинами Терека и Арагвы, и расположился на зимнихъ квартирахъ въ Грузіи [1]).

Но гораздо ближе къ русскимъ границамъ, по Кубани, въ Кабардѣ, надобно было имѣть дѣло съ народами магометанскими и подданными Порты. Противъ нихъ двинулся отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Медема; главная сила, направленная къ Кубани, состояла изъ Калмыковъ, выступившихъ подъ начальствомъ своего намѣстника ханства Убаши. Война началась нападеніемъ Кубанцевъ на Калмыковъ въ апрѣлѣ 1769 года, причемъ Кубанцы потерпѣли сильное пораженіе. Послѣ этого Кабардинцы начали покоряться. Медему отправленъ былъ указъ: „На реляцію вашу о склонившихся въ подданство Кабардинцахъ слѣдующая вамъ резолюція: конечно, нужно возможное имѣть стараніе къ утвержденію въ томъ сего народа. Настоящее время, въ которое они имѣютъ страхъ отъ здѣшнихъ войскъ, къ тому самое удобное, чтобъ ихъ, подобно какъ дикихъ звѣрей, начать къ рукамъ пріобучать и вмѣсто того, что понынѣ терзались они подозрѣніемъ, будто тщаться ихъ притѣснить, дать имъ понять, что здѣсь весьма будутъ удовольствованы, если они, оставаясь попрежнему совершенно въ собственной своей волѣ въ разсужденіи внутренняго своего обращенія, вообще по толику служить будутъ, по колику ихъ состояніе и обстоятельство дозволятъ. Испросили они нынѣ у васъ себѣ офицера сами, чтобъ былъ ихъ опекуномъ; безъ сомнѣнія приведены они къ тому настоящею только нуждою, имѣя можетъ быть намѣреніе по минованіи такой его отъ себя отпустить. Но чтобъ они и впредь всегда здѣшняго человѣка имѣть у себя изъ доброй воли согласились и тѣмъ самымъ въ лучшее повиновеніе приведены быть могли, безъ видимаго ихъ вольности умаленія, зависитъ отъ того, чтобъ при первомъ случаѣ опредѣленный къ нимъ всю пользу такого распоряженія почувствовать имъ далъ ласковыми своими поступками и дѣйствительнымъ стараніемъ по ихъ дѣламъ, на справедливости основаннымъ, и внятнымъ излишнихъ ихъ требованій изъясненіемъ. Преграда между ними и нами понынѣ служитъ — принимание въ нашихъ пограничныхъ мѣстахъ бѣглыхъ ихъ холопей. По заведеніи въ Моздокѣ селенія, видя они, что холопи ихъ возымѣли большую удобность отъ нихъ бѣгать, удалились отъ сего мѣста, переселясь ближе къ турецкимъ подданнымъ, а симъ только сосѣдствомъ вкрался въ нихъ развратъ и дѣйствовать стали внушенія крымскія. У Кабардинцевъ христіанскихъ невольниковъ, т.-е. Грузинцевъ и Армянъ, очень мало, сами плѣнить ихъ не хотятъ, получаютъ отъ крымскихъ торговцевъ невольниками. Сравнивая потерю нѣсколькихъ христіанъ со спасеніемъ многихъ, нельзя предпочесть (принятіе невольниковъ) нужному теперь Кабардинцамъ въ дѣлѣ ихъ холопей послабленію, и потому надобно удержаться принимать ихъ невольниковъ безъ изъятія, пока будущія обстоятельства случай подать могутъ къ новымъ полезнѣйшимъ положеніямъ". Въ іюлѣ Медемъ, соединившись съ Калмыками, нанесъ новое сильное пораженіе непріязненнымъ народцамъ на

[1]) Грузинскія дѣла въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. 1768 и 1769 годовъ. — Буткова — Матеріалы для новой исторіи Кавказа, I, 275 и слѣд.

Кубани: о результатахъ пораженія можно судить по тому, что побѣдителямъ досталось 30,000 скота. Екатерина такъ же внимательно слѣдила и за этими движеніями. Сохранилась собственноручная записка ея къ графу Никитѣ Панину: „Здѣсь находится покойнаго Бековича сынъ, тотъ, который женатъ на Тефкелева дочери; онъ хотя и оберъ-офицеромъ, но въ магометанскомъ законѣ. Я знаю, что онъ не очень далекъ, но думаю, чтобы нехудо было вамъ съ нимъ спознаться и усмотрѣть, не можно ли его употребить съ пользою въ разсужденіи Кабардинскихъ дѣлъ: всѣ тѣ горскіе князья ему родня, и онъ намъ вѣренъ, и человѣкъ смирный и зажиточный, и всѣ его имѣнія въ Россіи". Часть Калмыковъ пошли въ походъ на Кубань, другая часть находилась въ первой арміи, и Екатеринѣ представился вопросъ: не могутъ ли Киргизы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и напасть на оставшихся Калмыковъ. Она пишетъ Панину: „*Вопросъ*: Послѣ построенія на нынѣшнемъ урочищѣ Оренбурга, были ли примѣры, чтобъ Киргизъ-касаки обижали Калмыковъ? Когда и какъ? Прикажите выправиться о семъ. Если обиды были, то наши карты весьма неправильны, ибо по картамъ луговыя кочевья Калмыкъ отъ Киргизъ-касакъ покрыты яицкими и орскими крѣпостями. Все сіе одно съ моей стороны любопытство о ясности положенія тамошнихъ мѣстъ" [1]).

Въ то время когда хотѣли воспользоваться вліяніемъ знатнаго и богатаго магометанина, русскаго подданнаго, для привлеченія на свою сторону жителей Кабарды, — въ то время, какъ намѣрены были организовать въ широкихъ размѣрахъ возстаніе христіанъ и въ Грузіи и въ Греціи противъ мусульманскихъ притѣснителей,—въ это время получили извѣстіе, что происходитъ движеніе среди магометанскаго народонаселенія, подвластнаго Россіи. Отсюда естественная мысль:—отнять предлогъ къ подобнымъ движеніямъ уничтоженіемъ всѣхъ прежнихъ стѣснительныхъ мѣръ для магометанъ; выставляя печальное положеніе христіанъ въ Турецкихъ владѣніяхъ, не желали, чтобы что-нибудь подобное было указано въ положеніи магометанъ, русскихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, кромѣ принципа вѣротерпимости, который проповѣдывался Екатериною вслѣдствіе сочувствія господствовавшему философскому направленію, и политическія причины, борьба съ Турціею, должны были вести къ тѣмъ льготамъ относительно магометанъ, которыя мы видимъ въ царствованіе Екатерины. Оренбургскій и Сибирскій губернаторы получили именной указъ, гдѣ говорилось, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ извѣщена о перепискѣ съ Крымскимъ ханомъ магометанъ Оренбургской и Казанской губерніи, имѣющихъ намѣреніе перейти къ нему вслѣдствіе притѣсненій ихъ вѣры. Сибирскій губернаторъ Чичеринъ по этому случаю писалъ императрицѣ: „Невозможно, чтобъ жители Сибирской губерніи магометанскаго закона по такой великой дальности могли бы предпринять когда-нибудь то, чего имъ никакими мѣрами исполнить не можно: къ тому же осмѣливаюсь увѣрить, что они всесовершенно в. и. в—ству вѣрные подданные, а особливо при нынѣшнемъ распоряженіи сбору вновь ясака вашего и. в—ства милостію безпримѣрно пожалованы и спокойною жизнію доставлены. Что же принадлежитъ до притѣсненія ихъ закону, въ томъ не могу донесть, чтобы они не имѣли: 1) проповѣдники слова Божія главные въ томъ участники, а особливо ихъ семейства, которыхъ тамъ размножилось. Я желалъ бы, чтобъ народы, приносящіе пользу обществу, такъ размножились, какъ сіи, живущіе подъ покровительствомъ властей ихъ: разъѣзжая для проповѣди, великія притѣсненія, обиды и разоренія народу дѣлаютъ. И хотя въ пресѣченіе того всѣ предосторожности съ моей стороны употреблены, но какъ съ духовными управленіями только на промеморіяхъ сражаться должно, никакого къ прекращенію успѣха не вижу; а чтобъ въ томъ польза была приведеніемъ въ христіанскій законъ, тому быть не можно, потому что проповѣдники по-иновѣрчески, а иновѣрцы по-русски ни единаго слова не разумѣютъ". Чичеринъ требовалъ: 1) безполезныхъ сихъ проповѣдниковъ отмѣнить, а прежде указать учредить школы, чтобы сіи проповѣдники могли изъясняться языками тѣхъ народовъ, кому они проповѣдуютъ; а чтобъ до совершенія того они не выѣзжали на проповѣдь. 2) Выѣзжающимъ Бухарцамъ и Ташкентцамъ дозволить жить по городамъ безпрепятственно. 3) „По неотступнымъ ко мнѣ прошеніямъ отъ жителей о строеніи имъ мечетей, позволить имъ это: если мечетей мало, то онѣ не приносятъ никакой пользы; если много, то не приносятъ казнѣ убытку и обществу вреда; если попрежнему распредѣлить мечети по числу душъ, то вслѣдствіе разбросанности магометанъ на обширныхъ пространствахъ будетъ имъ великое отягощеніе" [2]). Это донесеніе ставило императрицу въ затруднительное положеніе: съ одной стороны, по принципу и по обстоятельствамъ, желалось сдѣлать всевозможное облегченіе; съ другой стороны, остановка, хотя временная, христіанской проповѣди могла возбудить толки, какихъ Екатерина никакъ не хотѣла допустить о своихъ отношеніяхъ къ Церкви. Она отвѣчала Чичерину: „Повелѣваемъ: 1) какимъ образомъ проповѣдникамъ поступать съ иновѣрцами, въ губерніи вашей находящимися, о томъ имѣете вы переговорить съ преосвященнымъ Тобольскимъ, ибо ему при отправленіи его отсюда о томъ наставленіе отъ Синода дано [3]). 2) Выѣзжающимъ Бухарцамъ и Ташкентцамъ быть на такомъ основаніи, какъ объ нихъ грамоты нашего дѣда Петра Перваго гласятъ. 3) Строеніе мечетей для сихъ иновѣрныхъ предаемъ мы въ совершенное ваше

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

[2]) Донесеніе въ Государ. Архивѣ.

[3]) См. объ этомъ въ Исторіи Россіи, т. XXVII.

разсмотрѣніе, въ чемъ вы никому, кромѣ насъ самихъ, и отвѣта давать не будете. Мы надѣемся однакожъ, что сіе дозволеніе вами чинено будетъ на основаніи резолюціи государей царей Іоанна и Петра Алексѣевичей" (чтобъ мечети не были близки къ Православнымъ церквамъ и не строить ихъ посреди жилищъ христіанскихъ) [1].

Магометане, русскіе поданные, по извѣстіямъ Иностранной Коллегіи, сносились съ Крымскимъ ханомъ. Но, какъ видно, съ самаго начала тотчасъ по объявленіи Турціею войны, въ умѣ Екатерины уже была мысль отторгнуть Крымъ отъ Турціи не съ тѣмъ однако, чтобъ присоединить его къ Россіи, а сдѣлать независимымъ. Въ протоколахъ Совѣта 6 ноября 1768 года мы уже находимъ слѣдующее: „Ея императорское величество изволила повелѣть, чтобы, выбравъ самыхъ надежныхъ и зажиточныхъ казанскихъ Татаръ четыре человѣка, послать въ Крымъ" [2]). Порта предупредила: она прислала къ Запорожцамъ склонять ихъ на свою сторону, грозя въ противномъ случаѣ истребленіемъ. Но Запорожцы дали знать въ Петербургъ и о предложеніяхъ и о томъ, что Порта получила отказъ съ ихъ стороны. По этому поводу Румянцевъ писалъ императрицѣ: „Многіе случаи довольно меня вразумляютъ разбирать свойство Запорожскихъ казаковъ, которые настоящимъ воспослѣдованіемъ ищутъ превознестись въ томъ всегда ими воображаемомъ уваженіи, что одно ихъ войско толь важно для защиты границъ, сколь и прелестно другимъ державамъ. Не вмѣщается то въ моемъ понятіи, какъ бы могъ султанъ такого эмиссарія отправить прямо и явно къ сему войску, не имѣвши никакихъ предувѣреній или поводу, котораго народное право подвергаетъ участи самаго злѣйшаго преступника и коего, въ показаніе своей подданнической вѣрности, кошевому атаману подлежало бы самого средствами прикрытыми представить генералу-губернатору въ Кіевѣ и тѣмъ самымъ пресѣчь дальнія покушенія. Но сего злодѣя, кошевой репортуетъ къ Воейкову (Кіевскому губернатору), что чрезъ нѣсколько дней съ письмомъ отвѣтнымъ къ султану отпустить. А я и не могу вообразить, какую можно бы переписку въ сей матеріи продолжать подданному съ непріятелемъ, которая при нынѣшнихъ обстоятельствахъ сколько подозрительна, столько и предосужденія сдѣлать можетъ высочайшимъ интересамъ в. в—ства, по разсужденію, что войско Запорожское не одноземцы, но всякихъ націй составляютъ народы" [3]).—Но при „нынѣшнихъ обстоятельствахъ" именно не считали удобнымъ потребовать отъ Запорожцевъ отвѣта относительно нарушенія подданническихъ отношеній. Ихъ похвалили за то, что они прислали въ Петербургъ прелестныя письма, и велѣли, наоборотъ, склонять Татаръ оставить турецкое подданство.

Были ли со стороны Запорожцевъ подобныя попытки,—мы не знаемъ; если и были, то дѣйствія не произвели. 16 октября 1769 года главнокомандующему второю арміею, графу Петру Панину, написанъ былъ рескриптъ: „Мы заблагоразсудили сдѣлать испытаніе, не можно будетъ Крымъ и всѣ Татарскіе народы поколебать въ вѣрности къ Портѣ внушеніемъ имъ мыслей къ составленію у себя независимаго правительства. Сочинена здѣсь форма письма отъ вашего имени къ хану Крымскому. Письмо въ Крымъ удобнѣе всего отправить чрезъ татарскихъ плѣнниковъ. Ежели крымскіе начальники къ вамъ не отзовутся, въ такомъ случаѣ остается возбудить сообща въ Татарахъ вниманіе черезъ разсѣяніе копій съ письма по разнымъ мѣстамъ, чѣмъ по малой мѣрѣ развратъ въ Татарахъ отъ разномыслія произойти можетъ" [4]).

Болѣе надежды на успѣхъ должны были имѣть въ поднятіи противъ Порты подвластнаго ей христіанскаго народонаселенія. Для этого рѣшено было отправить эскадру въ Средиземное море; но это необычное дѣло для русскаго флота, вовсе не находившагося въ удовлетворительномъ положеніи, какъ было недавно засвидѣтельствовано самою Екатериною, представило большія затрудненія; въ три года флотъ не могъ очень замѣтно поправиться, ибо въ 1765 году, по словамъ императрицы, не было ни флота, ни моряковъ [5]). Эскадра должна была состоять изъ семи линейныхъ кораблей, одного фрегата, одного бомбардирскаго, четырехъ пинокъ, двухъ пакетботовъ; на корабляхъ должны были отправиться десять ротъ, по 25 человѣкъ въ каждой; но ружей положено отправить отъ трехъ до четырехъ тысячъ, тысячу карабиновъ и и 500 драгунскихъ ружей, въ предположеніи, что оружіе понадобится для союзниковъ; пушекъ положено отправить до 30. Начальникомъ эскадры былъ назначенъ адмиралъ Григ. Андр. Спиридовъ, который получилъ такую инструкцію: „Отнюдь не останавливать и не осматривать никакихъ христіанскихъ торговыхъ судовъ, но оказывать имъ всякую помощь и пріязнь, особливо датскимъ, прусскимъ и англинскимъ. На походѣ представится вамъ первою Данія: можете на нее совершенно надежны быть, ибо мы находимся съ Датскимъ королемъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ. За Даніею слѣдуетъ Голландія, съ которою находимся въ добромъ согласіи, и гавани ея конечно будутъ для васъ отворены. Въ разсужденіи Англіи обстоятельства гораздо деликатнѣе. Съ одной стороны, она находится съ нами въ тѣсной дружбѣ и согласныхъ интересахъ по общимъ европейскимъ дѣламъ на твердой землѣ; но съ другой стороны, по образу политическихъ началъ правленія ея и по превосходству морскихъ ея силъ, легко статься можетъ, что она изъ свойственной ей

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 356.
[2]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, 7.
[3]) Письмо отъ 3 декабря 1768 года, въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Д.

[4]) Письмо отъ 3 декабря 1768 года, въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Д.
[5]) См. выше: «Исторія Россіи» т. XXVI.

оттого жалузіи ко всякимъ постороннимъ морскимъ предпріятіямъ, и на вашу экспедицію съ внутреннею завистію, по крайней мѣрѣ съ особливымъ вниманіемъ взирать будетъ. Но вы можете твердо надѣяться, что Англичане вамъ въ гаваняхъ своихъ явныхъ препятствій дѣлать не будутъ, но иногда подъ рукою или другими казистыми предлогами препоны полагать устремятся. Съ Бурбонскими Домами, Франціею, Испаніею и Неаполемъ, имѣемъ мы только наружное согласіе, и можно безъ ошибки полагать, что они намъ и оружію нашему добра не желаютъ; но нельзя и того ожидать, чтобъ они плаванію вашему явно сопротивляться стали; гавани ихъ, кромѣ крайней нужды, обѣгать надобно. Отъ Мальтійскаго ордена, по самой инструкціи его, имѣете право ожидать всякой помощи; должны представить магистру, не разсудитъ ли онъ, соединя суда свои съ вашею эскадрою, воспользоваться случаемъ въ раздѣленіи съ нами столь великаго подвига и славы" [1]).

Въ апрѣля Екатерина еще держала въ-тайнѣ цѣль предпріятія; 17 числа этого мѣсяца она писала Чернышеву: „Обѣщаете мнѣ пріискивать мною желаемаго литейщика чугунныхъ пушекъ, за что, баринъ, тебѣ спасибо, а хотя бы онъ нѣсколько и дорогъ былъ,—что же дѣлать! Лишь бы онъ безошибочнѣе лилъ пушки, нежели наши, кои льютъ сто, а годятся много что десять. Баринъ, баринъ! много мнѣ пушекъ надобно: я Турецкую имперію подпаливаю съ четырехъ угловъ; не знаю, загорится ли и сгоритъ ли; но то вѣдаю, что со времени начатія ихъ не было еще употреблено противу ихъ толькихъ хлопотъ и заботъ. Армія моя теперь подъ Хотинымъ, и я съ-часу-на-часъ жду извѣстія, что Хотинъ взятъ, или же насъ прогнали. Много мы каши заварили, кому-то вкусно будетъ. У меня армія на Кубани, армія дѣйствующая противъ Турокъ, армія противъ безмозглыхъ Поляковъ, со Швеціею готова драться, да еще три суматохи in petto, коихъ показывать не смѣю. Пришли, если достать можешь, безъ огласки, морскую карту Средиземнаго моря и Архипелага, а впрочемъ молись Богу, все Богъ исправитъ. Прощай, будь здоровъ, да молчи про сіе письмо" [2]).

Но чѣмъ больше возлагалось надежды на впечатлѣніе, какое должно было произвесть появленіе русской эскадры на турецкихъ водахъ, тѣмъ больше раздраженія и огорченія испытывали отъ ея неудовлетворительнаго состоянія и происходившей отсюда медленности плаванія. 26 іюля флотъ отплылъ отъ Кронштадта. Въ августѣ корабль новѣйшей постройки „Святославъ"—возвратили въ Ревель отъ Готланда, по неспособности къ дальнѣйшему плаванію, вслѣдствіе плохой постройки. Въ Совѣтѣ 7 сентября, въ присутствіи императрицы, адмиралъ Мордвиновъ и контръ-адмиралъ Ельфинстонъ, который долженъ былъ слѣдовать за Спиридовымъ, разсматривали чертежъ корабля „Святославъ" для открытія причины его недостатковъ. Рѣшено исправить его какъ можно скорѣе. Долго плылъ Спиридовъ до Копенгагена, долго стояли на тамошнемъ рейдѣ. Онъ оправдывался собственными болѣзненными припадками; Екатерина въ отвѣтномъ рескриптѣ жалѣла о нихъ, но указывала: на медленность плаванія до Копенгагена и долгую остановку тамъ; на умноженіе больныхъ во флотѣ; на то, что при отплытіи изъ Копенгагена осталось на берегу немало русскихъ моряковъ;—императрица требовала строжайшей дисциплины [9]). Русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, генералъ Философовъ, писалъ въ Петербургъ: „По несчастію, наши мореплаватели въ такомъ невѣжествѣ и въ такомъ слабомъ порядкѣ, что контръ-адмиралъ весьма большія трудности въ негодованіяхъ, ропотаніяхъ и въ безпрестанныхъ ссылкахъ отъ офицеровъ на регламентъ находитъ, а больше всего съ огорченіемъ видитъ, что желаніе большей части офицеровъ къ возврату, а не къ продолженію экспедиціи клонится, и что безпрестанно дѣлаемыя ему въ томъ представленія о неточности судовъ и тому подобномъ единственно изъ сего предмета происходятъ, и изъ того тотъ вредъ происходитъ, что нижніе служители и весь экипажъ теряютъ бодрственную надежду, столь нужную при столь трудной экспедиціи". Философовъ собралъ капитановъ и объявилъ имъ, что они препоручены въ полную власть контръ-адмирала.

Эту же потерю „бодрственной надежды" нашелъ въ русскихъ морякахъ и графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, когда эскадра прибыла въ Англію; но Чернышевъ въ своемъ донесеніи представилъ дѣло не въ такомъ уже печальномъ видѣ и, главное, объяснилъ причины неудовлетворительнаго состоянія эскадры, остановившейся въ устьи Гумбера, въ 20 миляхъ отъ Гулля: „Не такъ худо", писалъ Чернышевъ Панину, „нашелъ я всѣ сдѣланные адмираломъ распорядки, какъ слышалъ, но опять и не такъ, чтобъ оные лучше быть не могли. Ну, да уже что же дѣлать,—быть такъ! Болѣе всего непріятно мнѣ было его видѣть самого нѣсколько въ унылости, отчего и подчиненные были также невеселы, что я ободреніемъ его и хвалою всего того, что уже сдѣлалъ, ибо поправить было не можно, разговоромъ съ матросами и солдатами, объѣздомъ на всѣ корабли сколько можно поправить старался. Унылость его произошла отъ встрѣтившихся препонъ въ плаваніи, которыя то ускорить не дозволили, чему главная причина—великое множество больныхъ, ибо число оныхъ простиралось до 700 человѣкъ, съ слабыми же и болѣе 800, однако умираетъ благостію Божіею мало, ибо со времени отправленія на всей эскадрѣ, состоящей болѣе 5,000, умерло съ 40 человѣкъ. Всѣ, по большей части, больны поносами и флюсъ-фиберами, чему и удивляться не должно,

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. — Русск. Арх. 1871 годъ, № 9.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

ибо: 1) половина экипажа состоитъ изъ рекрутъ, которые жительство близъ Москвы имѣли, въ числѣ коихъ, конечно, половина такихъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ какъ только соху покинули и не токмо къ морю и къ качкѣ судна, но и къ пищѣ ни мало привычки не сдѣлали; 2) изнурены были при вооруженіи флота великими работами и употребленіемъ малой предосторожности въ мѣшаніи вышедшихъ больныхъ изъ госпиталя съ здоровыми рекрутами, отчего послѣдніе всѣ почти по-очереди перехворали; 3) отъ излишняго экипажа великая тѣснота на корабляхъ. Отъ стоянія на якорѣ и отъ употребленія зелени и свѣжаго мяса оправляться уже начинаютъ". Изъ Портсмута Чернышевъ писалъ: „Осмотрѣлъ какъ корабль № 2, такъ и пакетботъ „Летучій". Нашелъ я ихъ въ очень хорошемъ состояніи, чистостою же и порядочнымъ содержаніемъ команды, конечно, заслужили они ту похвалу, которую имъ всѣ генералы дѣлаютъ. Смотрителей пріѣзжаетъ превеликое множество, въ томъ числѣ много и изъ Лондона нарочно за тѣмъ туда ѣздили,—въ числѣ послѣднихъ былъ и дюкъ Кумберландскій. Люди хороши, очень много старыхъ матрозъ, а которые и есть изъ рекрутъ, то всѣ города Архангельскаго, всѣ обмундированы, веселы и здоровы. Неужели сіе не окажетъ справедливость дѣланнаго представленія при сочиненіи инструкціи коммисіи морскихъ флотовъ, съ чѣмъ и вы тогда согласились и которая высочайшей апробаціи удостоилась, и не утвердитъ сдѣланнаго тогда положенія, чтобъ флотъ комплектовать ежегодно, независимо отъ генеральнаго рекрутскаго набора, взявъ за неоспоримое основаніе, что рекрутъ за матроза сочтенъ быть не можетъ, пока нѣсколько кампаній на морѣ не сдѣлаетъ: одни Архангелогородцы къ тому только способны. Съ 1700 года флотъ стоитъ Россіи болѣе 100.000,000 рублей, и что за то имѣетъ?—буде не ничего, то очень мало. Ежели бы все соотвѣтствовало мудрому и щедрому монархини нашей при отправленіи сей эскадры попеченію, что бы оная сдѣлать не могла? Но, съ прискорбностію, стыдомъ, горестью и досадою, сказать должно, что въ исполнителяхъ не совсѣмъ то видно, а все, кажется, такъ должно было, какъ при отправленіи Степ. Ѳед. Апраксина въ армію въ 1756 году, чтобъ только съ рукъ сжить. Пріемомъ Аглинскаго народа довольно нахвалиться не можно: столь много ласки, учтивости и угощенія имъ дѣлаютъ Русскія мѣдныя деньги они по той цѣнѣ, по которой у насъ ходятъ, берутъ, не съ тѣмъ однакожь, чтобъ за монету почитали, но за медали, служащія эпокомъ бытія въ здѣшнихъ портахъ россійскаго флота" [1]).

Но какъ бы то ни было, Екатерина не могла выносить медленности Спиридова и написала ему: „Съ крайнѣйшимъ прискорбіемъ вижу я медленность, съ которою вы идете съ эскадрою, вамъ ввѣренною, и что вы въ разныхъ мѣстахъ мѣшкаете; Богъ вѣсть для чего, хотя весь успѣхъ вамъ ввѣреннаго дѣла и зависитъ отъ проворства исполненія. Слышу я, хотя вы о томъ ко мнѣ и не пишете, что и больныхъ у васъ много; разсудите сами, не отъ мѣшканія ли вашего сіе происходитъ. Когда вы въ пути съѣдите всю провизію, да половина людей помретъ, тогда вся экспедиція ваша оборотится въ стыдъ и безславіе ваше и мое, хотя я ни иждивенія, ни труда, ни всего того, что я придумать могла, не жалѣла для снабдѣнія васъ всѣмъ, что только споспѣшествовать могло къ желаемому успѣху. Прошу васъ для самого Бога, соберите силы душевныя и не допустите до посрамленія предъ всѣмъ свѣтомъ. Вся Европа на васъ и вашу экспедицію смотритъ.... Бога для не останавливайтесь и не вздумайте зимовать, окромѣ вамъ опредѣленнаго мѣста" [2]).

Это опредѣленное мѣсто была Морея. Мы видѣли [3]), что послѣ опасной болѣзни графъ Алексѣй Орловъ долженъ былъ, для окончательнаго излѣченія, отправиться въ южныя страны; онъ поѣхалъ за-границу вмѣстѣ съ братомъ Ѳедоромъ, подъ именемъ Острововыхъ, и надолго остался въ Италіи. Въ то время какъ братъ его, Григорій, въ Петербургѣ предлагалъ поднимать христіанское народонаселеніе Турціи, Алексѣй Орловъ прислалъ императрицѣ представленіе, не соблаговолитъ ли она „употребить его къ службѣ отечества вмѣстѣ съ Православными греческими и славянскими народами", а брату Григорію писалъ изъ Венеціи: „Я здѣсь нашелъ много людей одновѣрныхъ, которые желаютъ быть подъ командою нашею и служить въ теперешнемъ случаѣ противъ Турковъ. Да извѣстія есть многія, что вся Гора Черная, также и около-лежащія мѣста, которыя принадлежатъ Оттоманскому владѣнію, нашего закона, за оружіе принимаются, о чемъ я увѣдомляю, и если я что могу въ томъ случаѣ сдѣлать—и это будетъ надобно. А по моему мнѣнію, это другого сдѣлать бы не могло, чтобы внутри зажечь столь сильный огонь и помѣшательства дѣлать какъ въ привозѣ провіанта, такъ и армію (т.-е. турецкую) раздѣлить. И если ѣхать, такъ ужъ ѣхать до Константинополя, и освободить всѣхъ Православныхъ и благочестивыхъ изъ-подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ, какъ въ грамотѣ государь Петръ Первый сказалъ: а ихъ, невѣрныхъ магометанъ, согнать въ поле и степи пустыя и песчаныя, на прежнія ихъ жилища. А тутъ опять заведется благочестіе, и скажемъ слава Богу нашему Всемогущему. Труда же для меня повидимому, какъ мнѣ кажется, очень мало стоить будетъ привесть этотъ народъ противъ Турчанъ и чтобъ они у меня въ послушаніи были. Они храбры, любятъ меня и товарищей моихъ много за единовѣріе; все повелѣнное мною хо-

[1]) Московск. Архивъ Мин. Ин. Д.—Дѣла Датскія и Англійскія 1769 года.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 390.

[3]) См. выше: „Исторія Россіи", кн. VI, т. XXVII, стр. 509.

*

тять дѣлать. Выступайте съ одного конца, а я бы съ другого началъ. Такъ мое мнѣніе,—ежели это только надобно будетъ къ чему-нибудь, то должно будетъ сдѣлать по примѣру государя Петра Перваго: послать къ нимъ грамоту отъ Двора ласковую съ хорошимъ, надежнымъ и искуснымъ человѣкомъ. Беречься же какъ возможно Цесарскаго Двора: сколько мнѣ самому примѣтить удалось и по разговорамъ со мною, во многихъ случаяхъ съ разными видѣть могъ, что они намъ величайшіе непріятели. Такожъ я посылалъ разговаривать и между людьми простыми и купцами, то всѣ, можно сказать, желаютъ побѣды надъ нашими войсками; а никто, я чаю, столь много не завидуетъ намъ, какъ они великости и славѣ нашего народа". Екатерина отвѣчала ему 29 января: „Мы сами уже, по предложенію брата вашего, помышляли о учиненіи непріятелю чувствительной диверсіи со стороны Греціи какъ на твердой ея землѣ, такъ и на островахъ Архипелага; а теперь, получа отъ васъ ближайшія извѣстія о дѣйствительной тамошнихъ народовъ склонности къ возстанію противъ Порты, и паче еще утверждаемся въ семъ мнѣніи; а потому, будучи совершенно надежны въ вашей въ намъ вѣрности, въ способности вашей и въ горячемъ исканіи быть отечеству полезнымъ сыномъ и гражданиномъ, охотно соизволяемъ мы, по собственному вашему желанію, поручить и ввѣрить вамъ приготовленіе, распоряженіе и руководство всего сего подвига". Тутъ же императрица увѣдомляла Орлова, какія лица отправлены для поднятія христіанъ Балканскаго полуострова: въ Черногорію — полковникъ Эздемировичъ и поручикъ Бѣличъ;—первый давно служилъ въ Россіи, выведши въ Новую Сербію значительное числой своихъ земляковъ съ семействами; второй пріѣхалъ недавно въ послахъ отъ черногорскаго преобразователя Степана Малаго съ просьбою о помощи противъ Турокъ. „Мы", писала Екатерина, „разсудили употребить въ пользу пріѣздъ Бѣлича и сдѣлать его орудіемъ дѣла нашего". Въ Албанію къ тамошнему старшинѣ Буковалу и Маинскому старшинѣ Мавромихали отправленъ былъ венеціанскій Грекъ Петушинъ, который уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ привозилъ отъ нихъ въ Петербургъ письма съ выраженіями готовности служить Россіи. Извѣстный подполковникъ Назаръ Каразинъ отправился въ Дунайскія княжества и другія внутреннія области турецкія. Относительно способа дѣйствія Екатерина писала Орлову: „Прежде всего надобно принять за неоспоримую истину и за непремѣнное начало всего дѣла, что возстаніе каждаго народа порознь и прежде, нежели смежные оному приготовлены и подвигнуты будутъ къ равному въ одно время, или, по крайней мѣрѣ, весьма скоро послѣ, поднятію оружія, не можетъ для насъ быть полезно, ибо ни который изъ нихъ самъ по себѣ столько не силенъ, чтобъ иное что произвесть могъ, кромѣ одного набѣга и, такъ сказать, мимоходнаго на ономъ опустошенія частицы ближней земли; слѣдовательно же всякій такой набѣгъ, не нанося непріятелю чувствительнаго ущерба, а еще менѣе причиняя ему какую-либо для насъ полезную диверсію, въ чемъ одномъ прямая наша цѣль быть долженствуетъ, послужилъ бы только къ открытію Туркамъ глазъ и къ поспѣшному огражденію себя нужными и достаточными осторожностями противу дальнѣйшихъ покушеній, ибо имъ всемѣрно легче будетъ упредить распаленіе одной искры, нежели послѣ противиться и утушать цѣлое въ силу пришедшее пламя. На семъ основаніи и да будетъ первымъ и верховнымъ вашимъ попеченіемъ приводить всѣ тамошніе народы или большую ихъ часть въ тѣсное между собою единомысліе и согласіе видовъ, а приведя ихъ къ онымъ яснымъ убѣжденіямъ собственно ихъ взаимной пользы и надеждою общаго всѣхъ освобожденія отъ несноснаго ига невѣрныхъ, особливо же равною всѣхъ Православныхъ христіанъ обязанностію защищать Св. Церковь и самое благочестіе, распорядить всѣ ваши мѣры и приготовленія въ непроницаемой тайнѣ такимъ образомъ, чтобъ принятіе оружія, сколько возможно, вездѣ въ одно время или вскорѣ одного народа за другимъ, а съ онымъ и на непріятеля съ разныхъ сторонъ большими и соединенными силами, а не малыми и разсыпанными каждаго народа кучами, вдругъ нечаянное нападеніе послѣдовать могло, съ положеннымъ напередъ намѣреніемъ, куда и какъ продолжать дальнѣйшія дѣйствія и гдѣ основать надежный себѣ пласъ-д'армъ, безъ чего, кажется, никакъ обойтиться не можно, какъ для запасенія воюющимъ нужнаго пропитанія, такъ и для надежнаго иногда убѣжища отъ нашествія превосходныхъ силъ". Орловъ долженъ былъ распространить между христіанскимъ народонаселеніемъ Турціи слѣдующее воззваніе: „Божіею милостію мы, Екатерина II, и проч. Объявляемъ всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ Православнаго исповѣданія, какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ. Крайняго сожалѣнія достойно состояніе древностію и благочестіемъ знаменитыхъ сихъ народовъ, въ какомъ они нынѣ находятся подъ игомъ Порты Оттоманской. Свойственная Туркамъ лютость и ненависть ихъ къ христіанству, закономъ магометанскимъ преданная, стремятся совокупно ввергать въ бездну злоключеній въ разсужденіи души и тѣла христіанъ, живущихъ не только въ подданствѣ и порабощеніи ихъ, но и въ сосѣдствѣ уже, ибо злочестіе Агарянъ, не зная другого себѣ обузданія, кромѣ страха, не находило по сю пору никакого.—Порта Оттоманская, по обыкновенной ей злобѣ къ Православной Церкви нашей, видя старанія, употребляемыя за вѣру и законъ нашъ, который мы тщились въ Польшѣ привести въ утвержденныя трактатами древнія его преимущества, кои по временамъ у него насильно похищены были, дыша мщеніемъ, презрѣвъ всѣ права народныя и самую истину, за то только одно,

по свойственному ей вѣроломству, разруша заключенный съ нашею имперіею вѣчный миръ, начала несправедливѣйшую и безъ всякой законной причины противу насъ войну и тѣмъ убѣдила насъ нынѣ употребить дарованное намъ отъ Бога оружіе. И сіе есть то самое время, въ которое христіане, подъ игомъ ея стенящіе, еще больше почувствуютъ угнетеніе. Соображая горестное благочестивыхъ сихъ сыновъ Церкви Божія состояніе, пріемлемъ мы нынѣ во всемилостивѣйшее разсужденіе и желаемъ сколько возможно избавленію ихъ и отрадѣ споспѣшествовать. Остается только, чтобъ при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствіяхъ и они сами содѣйствовать потщились. Увѣщеваемъ всѣхъ ихъ вообще и каждый особенно полезными для нихъ обстоятельствами настоящей войны воспользоваться къ сверженію ига и къ приведенію себя попрежнему въ независимость, ополчаясь, гдѣ и когда будетъ удобно, противъ общаго всего христіанства врага и стараясь возможный вредъ ему причинять и чрезъ то общему благому дѣлу возспособствовать и собственному своему жребію, котораго прочность и на предбудущія времена свято и ненарушимо утвердится при заключеніи съ Портою Оттоманскою мира, когда высокомѣрный непріятель принужденъ будетъ искать онаго отъ насъ. Наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ поноснаго порабощенія избавляемыя и народы руководствомъ нашимъ вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чему мы и впредь всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ наше покровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ одержать" [1]).

Воззваніе было обращено къ Грекамъ и Славянамъ Балканскаго полуострова. Изъ послѣднихъ въ Россіи болѣе другихъ были извѣстны Черногорцы, съ которыми происходили частыя сношенія, особенно при Петрѣ Великомъ и его дочери Елисаветѣ; мы видѣли, что на нихъ преимущественно указывалъ Алекс. Орловъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы отправленъ былъ въ Черногорію совѣтникъ Пучковъ и повезъ 15,000 рублей; онъ долженъ былъ объявить тамошнимъ начальнымъ людямъ, что если Черногорцы учредятъ между собою порядокъ и согласіе, снабдятъ себя воинскими орудіями, введутъ регулярное войско и добрую дисциплину, то и впредь ежегодно будетъ имъ посылаться по 15,000 рублей. Пучковъ долженъ былъ вручить деньги и грамоту митрополиту Саввѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ свѣтскихъ начальниковъ, и развѣдать о настоящемъ состояніи тамошняго народа, о его усердіи къ Россіи, и можетъ ли онъ быть ей полезенъ; такъ же узнать, доходило ли народу жалованье, отправляемое изъ Петербурга съ пріѣзжавшими туда черногорскими архіереями. Пучковъ возвратился въ 1760 году и донесъ Иностранной Коллегіи, что: Черногорцы находятся въ крайнемъ безпорядкѣ, не имѣютъ никакихъ у себя добрыхъ учрежденій, законовъ и обычаевъ; живутъ въ междоусобіи и враждѣ; начальству своему непослушны; а начальство печется не объ ихъ пользѣ, а только о собственной корысти,—такъ, архіерей Василій старался всякими хитростями и обманами выманить у него, Пучкова, привезенныя имъ деньги и, для показанія своего мнимаго кредита, приводилъ къ нему самыхъ простыхъ людей, называя одного княземъ, другого бояриномъ, третьяго боярскимъ сыномъ. Начальники черногорскіе мало или почти ничего не толковали о Россіи, а русскія деньги расходились по немногимъ рукамъ между начальническими родственниками. Правосудія на Черной Горѣ не знаютъ, ибо каждый дому и фамиліи своей—высшій судья и властелинъ; въ ссорахъ управляются поединками, другъ друга рѣжутъ и застрѣливаютъ, а потомъ убѣгаютъ въ другія области; сильныя фамиліи притѣсняютъ слабыя; если убійца имѣетъ многочисленную фамилію, то и дома живетъ покойно, а потомъ съ помощію денегъ мирятся. Примирителями бываютъ архіереи съ прочими, которые и сами при такихъ случаяхъ не преминутъ попользоваться, а иногда между воюющими и огонь раздувать не откажутся. Черногорцы вообще очень непостоянны, склонны къ грабежамъ и наполнены самовольствомъ. Въ догматахъ вѣры народъ этотъ ни мало не свѣдущъ, ограничивается крестообразнымъ поклоненіемъ и содержаніемъ постовъ.—Пучковъ однако закончилъ свое донесеніе тѣмъ, что хотя Черногорцы народъ дикій, но „добрымъ предводительствомъ и правоучительнымъ наставленіемъ можно изъ него современемъ (хотя и съ трудомъ) нѣчто доброе сдѣлать, къ чему никто болѣе способствовать не можетъ, какъ ихъ два архіерея, такъ называемые черногорскіе повелители, съ тою токмо кондиціею, чтобъ архіерей Василій, отъ естества человѣкъ неспокойный, невмѣстно честолюбивый, сребролюбивый и возмутительный клеветникъ, между ими не былъ".

Въ 1762 году, уже при Екатеринѣ, пріѣхали въ Петербургъ Черногорцы, Николай и Иванъ Петровичи, и подали за руками архіереевъ своихъ, Саввы и Василія Петровичей, грамоту, въ которой заключались просьбы:— о позволеніи архіерею Василію пріѣхать въ Россію; объ освобожденіи Черной Горы отъ турецкаго ига; объ указѣ, какимъ образомъ поступать Черногорцамъ съ своими непріятелями, Рагузинцами, которые клевещутъ на нихъ Портѣ. Иностранная Коллегія, основываясь на донесеніи Пучкова, подала императрицѣ докладъ, что пока въ Черногоріи не будетъ установленъ порядокъ, а установить его трудно, то отъ этого народа никакой пользы для Россіи ожидать нельзя, кромѣ лишнихъ хлопотъ и охлажденія съ Турецкимъ Дворомъ и Венеціанскою республикою, и по-

[1]) Московск. Архивъ Мин. Ин. Д.—Сборникъ Русск. Истор. Общ. 1, 2 и слѣд. — Памятники новой Русской истор. I, 142.

тому Коллегія разсудила отправить присланныхъ обратно съ письмомъ отъ канцлера къ черногорскимъ архіереямъ. Въ этомъ письмѣ говорилось, чтобъ Черногорскій народъ пребывалъ въ тишинѣ и покоѣ, и не подавалъ ни Туркамъ, ни другимъ сосѣдямъ своимъ повода къ враждѣ; архіерею Василію пріѣхать въ Россію нельзя, потому что его присутствіе нужно въ отечествѣ. Вмѣстѣ съ письмомъ, Петровичи повезли двѣ золотыя медали на коронацію Екатерины и сто золотыхъ жетоновъ. Несмотря однако на письмо, въ 1765 году архіерей Василій Петровичъ явился въ третій разъ въ Петербургъ—подъ предлогомъ поздравленія императрицы съ восшествіемъ на престолъ. По обычаю, онъ просилъ вспомоществованія на возобновленіе церквей, просилъ снабдить его ризницею и митрою; но ризница, митра и 500 рублей денегъ отправлены были митрополиту Саввѣ, потому что Василій умеръ въ Петербургѣ въ мартѣ 1766 года.

Отношенія видимо охладились; Екатерина прямо выражалась, что Иностранная Коллегія съ Черногорцами въ ссорѣ; а между тѣмъ явилась новая причина къ неудовольствію.

Въ 1768 году получены были странныя вѣсти, вслѣдствіе которыхъ пограничнымъ губернаторамъ разосланъ былъ циркуляръ, гдѣ говорилось, что въ Черногоріи явился обманщикъ Степанъ Малый, который выдаетъ себя за императора Петра III-го: „Сей обманщикъ, не довольствуясь тѣмъ, что нашелъ себѣ прибѣжище и шайку у Черногорцевъ, съ которою началъ уже грабить купеческіе караваны, вздумалъ распространить свой умыселъ разсылкою отъ себя въ разныя стороны эмиссаровъ". Изъ собранныхъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣній узнали, что въ концѣ 1766 года на Черную Гору изъ Босніи пришелъ человѣкъ, называвшійся Степаномъ Малымъ; онъ выдавалъ себя за лѣкаря и лѣчилъ раненыхъ; но, между тѣмъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, говорилъ тономъ вдохновеннаго пророка о необходимости перемѣны нравовъ и обычаевъ въ Черногоріи, о необходимости большей чистоты семейной, о необходимости вывести изъ употребленія родовую кровавую месть. Въ это время на Черной Горѣ находился русскій офицеръ, пріѣхавшій туда съ вещами, оставшимися послѣ умершаго въ Петербургѣ Черногорскаго митрополита Василія; съ этимъ офицеромъ Степанъ сблизился и часто разговаривалъ; вслѣдствіе этихъ разговоровъ, у него родилась мысль выдать себя за Русскаго императора Петра III, чтобъ могущественнымъ обаяніемъ этого имени заставить Черногорцевъ ввести у себя преобразованія, необходимыя для успѣшнѣйшей борьбы съ Турками. Въ 1767 году Степанъ отправился съ Черной Горы въ Бокка да-Каттаро и работалъ тамъ въ каменьщикахъ; тутъ уговаривалъ онъ одного изъ товарищей, каменьщика, чтобъ шелъ въ Россію и отнесъ туда его письмо; потомъ перешелъ въ мѣстечко Майну, гдѣ сталъ жить въ работникахъ у тамошняго обывателя Марка Буковича Вовара, у котораго вылѣчилъ раненаго брата. И здѣсь стали слышать отъ него таинственныя рѣчи: „Когда Господь Богъ восхощетъ, то я сдѣлаю, что никто изъ васъ не будетъ носить никакого оружія". Въ народѣ пошли толки, что Степанъ Малый не простый человѣкъ; разсказывали, какъ онъ посылалъ каменьщика въ Россію; плакалъ, увидя въ одномъ монастырѣ портретъ Петра III-го, хотя, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, сначала онъ выдавалъ себя за Ивана Антоновича, спасшагося отъ смерти; вспоминали, что при своихъ увѣщаніяхъ произносилъ слова: „Недалеко до государя"; говорили, что когда, однажды, кто то облокотился на него, то онъ сказалъ: „Если-бъ ты зналъ, на кого ты облокачиваешься, то бѣжалъ бы отъ него, какъ отъ огня". Между тѣмъ, разнесся слухъ, что Русскій императоръ Петръ III живъ и странствуетъ въ азіатскихъ областяхъ; нашлись люди, которые указывали на сходство Степана Малаго съ портретомъ Петра III, и вдругъ почти всѣ начали признавать его дѣйствительно за Петра. Къ Малому отправились старики, и, отъ имени митрополита Саввы и народнаго собранія, стали заклинать его, чтобъ сказалъ, кто онъ. Малый отвѣчалъ: „Когда вы истиннаго Бога познаете и сдѣлаете общее и вѣчное между собою примиреніе такъ, чтобъ никакого не было впредь между вами несогласія и кровопролитія, тогда узнаете вы, кто таковъ Степанъ Малый". Послѣ этого онъ потребовалъ къ себѣ митрополита и упрекалъ его за то, что позволяетъ народу жить по-звѣрски; потребовалъ, чтобъ митрополитъ собралъ всѣхъ Черногорцевъ и установилъ между ними общее и вѣчное примиреніе; чтобъ они взаимно простили другъ другу всѣ обиды, и впредь обиженный искалъ бы судомъ себѣ удовлетворенія, а не мстилъ бы самъ собою. 1 октября созвано было народное собраніе; начинаетъ говорить Марко Тамовичъ, изъ Майны, сопровождавшій покойнаго епископа Василія въ Россію, и увѣряетъ, что Степанъ Малый настоящій Петръ III-й, котораго онъ зналъ въ Петербургѣ. Когда узнали о требованіяхъ мнимаго Россійскаго императора, то собраніе согласилось на общее примиреніе до весны 1768 года, именно до новаго собранія, назначеннаго на Юрьевъ день. Малый разсердился, узнавъ, что народъ уклонился отъ вѣчнаго примиренія, отложилъ рѣшеніе слишкомъ на полгода. Онъ говорилъ старикамъ, объявившимъ ему рѣшеніе собранія: „Кто у кого отнялъ жену, долженъ ее возвратить; прогнавшій отъ себя жену и женившійся на другой, долженъ принять первую и отослать вторую. Если такимъ образомъ учредите вы поступки ваши, то не будете оставлены отъ Бога и отъ Россійскаго Двора". 8 октября созвано было новое собраніе, гдѣ установили начала всеобщаго и вѣчнаго замиренія: всѣ поклялись не возобновлять усобицъ, выбрали воеводу—Станишича, и старшины опять отправились въ Майну объявить объ этомъ Степану. На этотъ разъ Малый встрѣтилъ ихъ во главѣ вооруженнаго отряда, съ обна-

женною саблею, и благодарилъ за послушаніе его совѣтамъ. Старшины пали на колѣни, величая его царемъ и умоляя открыться. Малый отвѣчалъ: „Услышите вы, Черногорцы и другіе сосѣдніе народы, гласъ Бога Вышняго и славу Св. Іерусалима. Я не самъ собою пришелъ сюда, но посланъ отъ Бога, Котораго таковъ гласъ слышалъ я: Возстань, иди и трудись, Я тебѣ помогать буду". Взаключеніе, Малый обѣщалъ сдѣлать Черногорцевъ счастливыми навсегда. Съ тѣхъ поръ въ церквахъ поминали императора Петра Ѳеодоровича, супругу его Екатерину, наслѣдника великаго князя Павла Петровича. Владыка Савва призналъ Малаго Петромъ III-мъ; потомъ, видя, что вся власть переходитъ отъ него къ послѣднему, началъ-было противодѣйствовать ему; но скоро опять примирился. Наружность Малаго описывалась такъ: на видъ ему слишкомъ 30 лѣтъ, сухощавъ, росту средняго, лицо бѣлое, продолговатое, волосы свѣтлорусые, лобъ широко выпуклый, глаза малые, впалые, сѣрые, быстрые; носъ длинный,—тонковатый; ротъ большой, голосъ женскій; кромѣ Сербскаго языка, Малый говорилъ по-нѣмецки, по-французски и по-италіански.

Черногорскій монахъ Софроній Плевковичъ, пріѣхавшій въ Кіевъ, разсказывалъ, что Степанъ въ Майнѣ жилъ у Марка Вуковича сначала какъ юродивый, а потомъ открылся ему, что онъ Петръ III, но не хочетъ называться этимъ именемъ, а будетъ называться Степаномъ Малымъ. Марко, услыхавъ это, палъ предъ нимъ на колѣни и цѣловалъ ему ноги; послѣ этого Степанъ призвалъ митрополита и старшинъ и также объявилъ себя Петромъ III-мъ, прибавивъ, что если они не будутъ его слушаться, то прекращено будетъ имъ денежное пособіе, идущее изъ Россіи. Софроній разсказывалъ, что Малый началъ устраивать регулярное войско, обучалъ его военнымъ упражненіямъ. Онъ призвалъ къ себѣ его, Софронія, и просилъ идти къ императору Іосифу въ Вѣну, и когда Софроній спросилъ, кто онъ таковъ, то Степанъ отвѣчалъ: „На что тебѣ испытывать такую великую тайну, будь доволенъ тѣмъ, что ты слышишь, что я Степанъ Малый; я посланъ ни отъ Цесаря, ни отъ царя, но отъ самого Господа Бога Саваоѳа для спасенія рода христіанскаго, потому что уже девять лѣтъ, какъ Турки моимъ хлѣбомъ питаются". Софроній долженъ былъ просить въ Вѣнѣ военныхъ кораблей и войска. Въ Глацѣ Софронія задержали, допросили и объявили ему, чтобъ ѣхалъ назадъ: императоръ войска на помощь Малому послать не можетъ. Не смѣя пробираться по Турецкимъ владѣніямъ, Софроній поѣхалъ въ Россію. Относительно наружности самозванца Софроній къ приведенному выше описанію прибавилъ: нижняя губа толстая и отвислая, усы черные небольшіе, волосы темнорусые, лобитъ нѣсколько осною, весь лобъ обвязанъ полотномъ, чтобъ закрыть двѣ большія жилы. По свидѣтельству Софронія, Малый зналъ много языковъ, кромѣ Сербскаго: Италіанскій, Турецкій, Нѣмецкій, Французскій, Англійскій, Греческій и нѣсколько Арабскій. Императрица, по поводу Степана Малаго, писала графу Алексѣю Орлову: „Генералъ-маіоръ Подгоричанинъ подозрѣваетъ не безъ основанія, что Степанъ Малый—тотъ самый Италіанецъ Вандини, который въ Канцеляріи опекунства здѣсь дѣло имѣлъ и, обманувъ здѣсь, вымавя алмазы у греческаго купца и заложа оные, денегъ взялъ и самъ ускакалъ. Подгоричанинъ говоритъ, что описаніе фигуры и лица одного и другого совсѣмъ сходны, а только Вандини не былъ рябъ, а другой рябъ, и къ Подгоричанинымъ писано, что, пріѣхавъ въ Черногорію, Степанъ въ оспѣ лежалъ и такъ рябъ нынѣ, хотя въ Петербургѣ не былъ таковъ"[1]).

Сначала Софроніемъ хотѣли воспользоваться: отправить его на Черную Гору, чтобъ онъ поднималъ тамошнихъ жителей вмѣстѣ со Степаномъ Малымъ противъ Турокъ, уговоривши Степана бросить самозванство. Уже написана была инструкція Софронію; но потомъ передумали, и на инструкціи находимъ надпись, что она не состоялась. Софроній отправился на флотѣ съ адмираломъ Спиридовымъ. Графъ Алексѣй Орловъ писалъ императрицѣ, что онъ не можетъ одобрить выбора лицъ, отправленныхъ для поднятія турецкихъ христіанъ. Екатерина отвѣчала ему: „Весьма надежна, что все сдѣлается по желаніямъ нашимъ, и прославимся въ сей вѣкъ, спасая многія тысячи, подъ варварскимъ игомъ страдающихъ единовѣрныхъ нашихъ. Что же все сіе не такъ скоро исполниться можетъ, какъ ваше и мое желаніе бы было, то сіе не диво, но въ естествѣ сего великаго затѣя, и весьма похваляю васъ, что вы начали такъ, какъ ко мнѣ пишете. Что же вы не хвалите тѣхъ, кои отселѣ разосланы были, то въ оправданіе сего нынѣ нѣкоторымъ образомъ неосторожнаго поступка я вамъ скажу, что почти съ самаго начала войны, когда графъ Григорій Григорьевичъ подалъ проектъ о посыланіи флота въ Средиземное море, думано было, какъ бы тѣхъ народовъ, съ кѣмъ вы теперь порядкомъ дѣло имѣете, склонить и приготовить въ нашу сторону; съ Черногорцами же Иностранная Коллегія почиталась въ ссорѣ. Признаться же должно, что въ самое то время множество Грековъ, Сербинъ и прочіе единовѣрные авантурьеры начали соваться ко многимъ съ планами, съ проектами, съ переговорами, и между ними, такъ сказать, брошенный подполковникъ Эздемировичъ, по чину, по лѣтамъ и потому, что онъ уже заслугу ту имѣлъ передъ собою, что въ прежнее время нѣсколько сотъ разныхъ народовъ вывезъ на поселеніе въ Новороссію, казался лучшимъ, и какъ вступили съ нимъ въ разговоры и переговоры, и

[1]) Разсказъ архимандрита Аввакума въ Вѣнѣ кн. Димит. Мих. Голицыну; разсказъ Софронія; извѣстіе графа Cattaneo изъ Венеціи: реляція Антонія Реньё, генеральнаго провизора Далмаціи—въ Московск. Архивѣ Мин. Ин. Д.—Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 16.

наскакалъ Ефимъ Бѣличъ, и сталъ съ нимъ на одной квартирѣ, и, по сказкамъ Эдземировича, ему открылся, что онъ присланъ отъ Степана Малаго. Сей отъ насъ писаннымъ къ Черногорцамъ въ прошлыхъ лѣтахъ публичнымъ манифестомъ объявленъ обманщикомъ; но какъ его описывали тамъ весьма сильнымъ, то вздумали его (Бѣлича) употребить, запретя ему обманъ, съ тѣмъ и Эдземировичъ и Бѣличъ, не имѣвъ кого лучше, и отправлены были; я думаю, что и Грекъ Петушинъ въ подобномъ казусѣ, то есть лучше его не нашли" [1]).

Софронія не отправили въ Черногорію, боясь, какъ видно, увеличить имъ число „авантурьеровъ". Но и выборъ Иностранной Коллегіи оказался неудачнымъ. Еще лѣтомъ 1768 года отправленъ былъ совѣтникъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, Меркъ, на Черную Гору съ увѣщательною грамотою къ тамошнимъ жителямъ, чтобъ не вѣрили самозванцу. Отъ 9 августа Меркъ прислалъ донесеніе, что ѣхать на Черную Гору, не подвергая себя смерти, никакъ не могъ, ибо Черногорцы необыкновенно привязаны къ Малому. Екатерина написала на его донесеніи: „Если-бъ капитанъ гвардіи былъ посланъ съ грамотою къ Черногорцамъ, то бы письмо несумнѣнно отдано было, но сей претонкій политикъ возвратился съ ней, ничего не сдѣлавъ, окромѣ преострыя размышленія; я совѣтую его изъ Вѣны отозвать, ибо видно, что онъ способность великую имѣетъ здѣсь употребленну быть въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а тамъ на него изойдетъ лишь лишняя Коллегіи издержка" [2]). На Черную Гору съ грамотою, возбуждавшею христіанъ противъ Турокъ, съ порохомъ и свинцомъ отправился генералъ-маіоръ кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій, подъ именемъ купца Барышникова. Но для удобства сношеній съ Черною Горою нужно было соглашеніе съ Венеціанскою республикою. Съ перваго раза казалось, что Венецію, изстари враждебную къ Портѣ, нетрудно привлечь на русскую сторону; но Венеція не была уже прежняя отважная владычица южныхъ морей: это былъ разлагавшійся трупъ. Венеціанское правительство боялось всякаго движенія, ибо всякое движеніе могло болѣзненно потрясти и даже разрушить дряхлое государственное тѣло. Венеція боялась всѣхъ и всего: боялась Турціи, Сардиніи, Австріи, теперь сильно боялась Россіи,—боялась движенія, вносимаго послѣднею въ Славяно-Греческій міръ, боялась потому возстанія своихъ славянскихъ и греческихъ подданныхъ. Съ 1768 года русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Венеціанской республикѣ былъ маркизъ Маруцци. Онъ долженъ былъ внушать Венеціанскому правительству: какъ ему выгодно вступить въ союзъ съ Россіею противъ общаго врага; что всѣ завоеванія достанутся Венеціи, потому что Россія ихъ не хочетъ и не можетъ имѣть въ такой дали. Но Маруцци писалъ Панину, что Венеціане страшно боятся Турокъ: всѣ войны съ послѣдними были гибельны для республики; Россія далеко не можетъ подать помощи: Маруцци достигъ одного: сенатъ постановилъ открыть Черногорцамъ сообщеніе съ моремъ. Относительно Черной Горы Маруцци писалъ, что владыка Савва—главный виновникъ смуты и кредита Степана Малаго, который увѣряетъ, что настоящая война Россіи съ Портою начата единственно изъза него, что его хотятъ сдѣлать владѣтелемъ страны между Скутари и Рагузою. Въ сентябрѣ 1769 года Маруцци переслалъ въ Россію извѣстіе, что кн. Долгорукій успѣлъ проникнуть на Черную Гору, захватилъ Степана Малаго и потребовалъ отъ проведитора каттарскаго позволенія провезти самозванца чрезъ Венеціанскія владѣнія для отсылки въ Россію; проведиторъ обратился къ сенату,—и тотъ велѣлъ пропустить; при этомъ Маруцци писалъ, что Венеціанское правительство обрадовалось аресту Малаго.

Но оно не радовалось другимъ извѣстіямъ: оно узнало, что графъ Орловъ, во время бытности своей въ Венеціи, пригласилъ Славянъ, венеціанскихъ подданныхъ, для вооруженія корсарскихъ кораблей противъ Турокъ, и что эти корабли снаряжаются для Ливорны. Венеціанское правительство очень разсердилось, боясь, что это поссоритъ его съ Турками. Каттарскій проведиторъ извѣщалъ сенатъ, что кн. Долгорукій поднимаетъ Грековъ и особенно подданныхъ Порты; проведиторъ подозрѣвалъ тайныя сношенія Долгорукаго и съ Греками, подданными республики, ибо каждый день дезертировали солдаты изъ венеціанскихъ полковъ; дезертиры шли на Черную Гору, гдѣ имъ давали по 15 солидовъ на день, кромѣ пропитанія; при этомъ не обращали никакого вниманія на дезертировъ изъ Италіянцевъ, а принимали только Славянъ. Проведиторъ доносилъ, что Долгорукій хвалится скорымъ прибытіемъ русской эскадры; совѣтуетъ подданнымъ Порты жить спокойно и платить дань, дожидаясь удобнаго времени для возстанія; что на Черной Горѣ работаютъ постоянно надъ зарядами. Проведиторъ думалъ, что венеціанскія области будутъ въ большой опасности, когда появится русская эскадра; онъ указывалъ на многія селенія, затронутыя русскимъ духомъ; на большое число людей, виновныхъ въ тайныхъ волненіяхъ. По полученіи этихъ извѣстій въ сенатѣ, одинъ изъ членовъ объявилъ, что надобно внимательно заняться дѣломъ, а не дожидаться того времени, когда уже не будетъ болѣе возможности избрать выгоднѣйшую сторону; русская эскадра скоро появится на венеціанскихъ водахъ,—всѣ гавани республики открыты, не укрѣплены: русскимъ кораблямъ не трудно будетъ войти въ Каттарскій каналъ; Черногорцы съ прибытіемъ эскадры станутъ еще смѣлѣе; надобно заранѣе подумать о войскѣ, о флотѣ, о финансахъ, ибо все это находится въ печальномъ положеніи.—Надобно подождать, отвѣчали ему, что напишетъ венеціанскій посланникъ, поѣхавшій въ

[1]) Московск. Архивъ Мин. Ин. Д.—Сборн. Русск. Истор. Общ. I. 15.

[2]) Московск. Архивъ Мин. Ин. Д.

Моравію для переговоровъ съ Кауницемъ; не дождавшись отвѣта Кауница, нельзя принять никакого рѣшенія; положеніе дѣйствительно критическое, но надобно знать мнѣніе Вѣнскаго Двора. Отвѣтъ вѣнскаго оракула пришелъ. Когда венеціанскій посланникъ объявилъ Кауницу о черногорскихъ событіяхъ и о рѣшеніи своего сената не пускать въ гавани республики иностранныхъ военныхъ кораблей, то Кауницъ отвѣчалъ, что Австрія и герцогъ Тосканскій будутъ поступать точно такъ-же. Тогда сенатъ положилъ усилить флотъ.

Въ октябрѣ Орловъ вызвалъ Маруцци въ Пизу для переговоровъ о Черногорскихъ дѣлахъ, и поручилъ ему выхлопотать у Венеціанскаго правительства позволеніе ѣздить русскимъ офицерамъ на Черную Гору чрезъ владѣнія республики. Но, по возвращеніи изъ Пизы, Маруцци нашелъ письмо кн. Долгорукаго изъ Анконы, въ которомъ тотъ извѣщаетъ, что непостоянный характеръ Черногорцевъ и ихъ варварскіе нравы заставили его покинуть Черную Гору, передавши начальство Степану Малому [1])!

Долгорукій увидалъ въ первый разъ Малаго 2 августа, когда находился въ монастырѣ Бурчелѣ. Малый пріѣхалъ къ нему верхомъ на лошади, съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ Черногорцевъ; но пусть Долгорукій самъ разскажетъ о впечатлѣніи, какое произвелъ на него самозванецъ: „Разговоры его, поступки и обращенія заставили заключать объ немъ, что онъ въ лицѣ вздорнаго комедіанта представлялъ вѣтренаго или совсѣмъ сумасброднаго бродягу. Росту онъ средняго, лицомъ бѣлъ и гладокъ, волоса свѣтлочерные, кудрявые, зачесаны назадъ; лѣтъ тридцати пяти; одѣтъ въ шелковое бѣлой тафты платье, длинное по примѣру греческаго; на головѣ скуфья краснаго сукна; съ лѣваго плеча лежитъ тонкая позолоченная цѣпь, а на ней подъ правою рукою виситъ икона въ шитомъ футлярѣ, величиною съ русскій рубль; въ рукахъ носитъ обыкновенный турецкій обушокъ; голосъ имѣетъ тонкій наподобіе женскаго; въ рѣчахъ скоръ и выговорка по большей части бошняцкая; разговоры имѣлъ темные и вѣтреные, изъ которыхъ, кромѣ пустоши, ничего заключать не можно, хотя Черногорцы и почитаютъ за пророческое краснорѣчіе со страхомъ и покорностію. По большей части курилъ онъ трубку, запивая стаканомъ водки съ водою, безъ чего не можетъ онъ жить по затвердѣлой привычкѣ". — Когда Долгорукій отправился въ Цетинье, то на дорогѣ получилъ отъ владыки письмо, что Степанъ Малый, проѣзжая нѣкоторыя села, возмущаетъ ихъ; тогда Долгорукій послалъ губернатору приказаніе взять самозванца подъ арестъ и привести въ Цетинскій монастырь. По словамъ Долгорукаго, главное и наслѣдственное достоинство на Черной Горѣ имѣлъ губернаторъ, который однако, по безпорядочному самовольству, не значилъ ничего, и въ это время губернаторомъ былъ молодой человѣкъ 20 лѣтъ.

6 августа, послѣ обѣдни, сталъ собираться народъ на Цетинскомъ полѣ. Въ собраніи прочитана была грамота владыки, въ которой изобличалось слѣпое мнѣніе Черногорцевъ о Степанѣ Маломъ; называя послѣдняго обманщикомъ, льстецомъ и бродягою, владыка увѣщевалъ Черногорцевъ, чтобъ отстали отъ самозванца и старались исправить свою погрѣшность вѣрностію и усердіемъ къ Россійскому императорскому Двору. По выслушаніи грамоты, губернаторъ и прочіе начальные люди просили Долгорукаго дать письменное объявленіе о самозванцѣ своею рукою и печатью, и Долгорукій далъ заявленіе, что Степанъ — самозванецъ, неизвѣстный въ Россіи. Это заявленіе было прочтено народу, который выслушалъ его спокойно; послѣ обѣда прочтена грамота императрицы,—и народъ приведенъ къ присягѣ, причемъ розданы были вино и деньги. Но на другой день, 7 числа, въ пятомъ часу утра, Долгорукій разбуженъ былъ шумомъ и волненіемъ: явился Степанъ Малый, и народъ со всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ нему. Долгорукій вышелъ, велѣлъ народу разойтись, а Степана взять и отвести въ тюрьму, что и было исполнено; народъ, который сначала бѣжалъ къ Степану, теперь вдругъ сталъ кричать, чтобы его повѣсили, и Долгорукому стоило большаго труда успокоить толпу. Въ допросѣ Малый объявилъ, что онъ турецкій подданный, боснійскій уроженецъ, вышелъ изъ Босніи въ малолѣтствѣ, скитался по многимъ государствамъ, наконецъ пришелъ на Черную Гору.

Заключеніемъ самозванца въ тюрьму не кончились затрудненія Долгорукаго. Нравы и обычаи Черногорцевъ были до такой степени противоположны понятіямъ и привычкамъ Долгорукаго, что онъ не имѣлъ никакой возможности или умѣнья уладиться съ ними, и нѣтъ ничего удивительнаго, что на всей Черной Горѣ онъ нашелъ только одного человѣка, котораго могъ понимать и который могъ его понимать, и этотъ человѣкъ былъ Степанъ Малый, точно такъ-же не сочувствовавшій черногорскому быту и стремившійся преобразовать его по образцамъ, видѣннымъ въ чужихъ краяхъ. Но Степанъ умѣлъ обращаться съ Черногорцами: сталъ дѣйствовать на ихъ религіозное чувство, пріобрѣлъ вліяніе какъ пророкъ; онъ вздумалъ-было тронуть другую сильную струну для пріобрѣтенія авторитета, возбудивши въ народѣ мысль, что таинственный преобразователь и пророкъ есть не иной кто какъ Русскій императоръ, возбудивши только мысль, ибо онъ имѣлъ осторожность не объявлять себя прямо отъ себя и торжественно, что онъ Петръ III; но эта игра въ самозванство довела его до тюрьмы, и чуть-было не довела до висѣлицы. Въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ недолго. Долгорукій, отчаявшись сдѣлать что-нибудь на Черной Горѣ, проклиная дикіе нравы тамошняго народа, покинулъ его, но предъ отъѣздомъ освободилъ Малаго, взявши съ него клятву въ вѣрности

[1]) Дѣла Венеціанскія 1769 года.

и усердіи къ Россіи, надѣвши на него мундиръ русскаго офицера и поручивши ему главное распоряженіе на Черной Горѣ [1]). Впослѣдствіи Малый, ослѣпшій, погибъ отъ измѣны.

Маруцци было поручено также войти въ сношенія съ Паоли, который, послѣ того какъ Французы заняли Корсику, купивъ ее у Генуезцевъ, поднялъ знамя возстанія на островѣ для сверженія французскаго господства. Екатерина хотѣла воспользоваться этою борьбою, поддержать ее, поддержать Паоли, пріобрѣсти въ немъ полезнаго союзника при открывающихся видахъ на Средиземное море и, вмѣстѣ, заплатить герцогу Шуазелю за услугу, оказанную имъ Россіи поднятіемъ противъ нея Турціи. „Я нынче всякое утро молюся: спаси, Господи, Корсиканца изъ рукъ нечестивыхъ Французовъ", писала Екатерина къ Ив. Чернышеву. На письмо Маруцци Паоли отвѣчалъ (отъ 21 марта), чтобъ ему лучше объяснена была связь между русскими и корсиканскими интересами; въ разговорѣ съ посланными отъ Маруцци, Паоли объявилъ желаніе получить отъ Россіи помощь военными кораблями; „съ 12 кораблями и съ моимъ сухопутнымъ войскомъ", говорилъ онъ, „я берусь прогнать Французовъ съ Корсики". Но сношенія съ Паоли должны были скоро прекратиться: покинутый своими, онъ долженъ былъ бѣжать изъ Корсики [2]). Эта маленькая неудача не могла уменьшить надеждъ, которыя возлагались на появленіе русской эскадры въ Средиземномъ морѣ. Маруцци писалъ Панину: „Флотъ въ Средиземномъ морѣ дастъ намъ возможность помочь всѣмъ Грекамъ, которые поднимутъ оружіе,—онъ ихъ ободритъ; онъ можетъ захватывать турецкіе корабли, идущіе съ хлѣбомъ изъ Египта въ Константинополь: и такъ какъ турецкій флотъ въ плохомъ состояніи, то русскому нетрудно будетъ проникнуть до Константинополя; но это должно быть сдѣлано въ первую кампанію, прежде чѣмъ Турки будутъ имѣть возможность поправить свой флотъ" [3]). Послѣ этого легко понять, почему медленность эскадры такъ раздражала Екатерину, почему она писала такія письма Спиридову. Точно такое же раздражающее дѣйствіе производила на нее и медленность сухопутной арміи, когда та была подъ начальствомъ кн. Голицына, ея возвращенія назадъ изъ-за Днѣстра. Не надобно забывать, что удача въ предпріятіяхъ, особенно когда еще не прошло и десяти лѣтъ царствованія, имѣла для Екатерины гораздо большее значеніе, чѣмъ для государей, занявшихъ престолъ обыкновеннымъ образомъ. Внутри блестящій законодательный трудъ и преодолѣніе всѣхъ враждебныхъ движеній, извнѣ—успѣхъ въ Польшѣ подняли славу Русской императрицы, дали ей значеніе женщины необыкновенной. Но вотъ враги сумѣли возбудить сильное препятствіе,—поднять противъ Россіи двѣ войны: какъ выйдетъ теперь изъ затрудненій Екатерина, которую уже начали называть „Великою"? Неуспѣхъ покажетъ, что этимъ названіемъ поспѣшили, пріобрѣтенное значеніе исчезнетъ извнѣ и внутри: и здѣсь, и тамъ, особенно здѣсь это исчезновеніе можетъ повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Тяжелое время провела Екатерина до осени. Торжество враговъ было невыносимо; французскія газеты преувеличивали русскія неудачи, торжествовали мнимыя побѣды Турокъ и Татаръ; имъ вторила Кельнская газета. „Пойдемъ бодро впередъ!" писала Екатерина съ-дѣтства близкой къ ней госпожѣ Бельке: „Пойдемъ бодро впередъ!—поговорка, съ которою я провела одинаково и хорошіе и худые годы, и вотъ прожила цѣлыхъ сорокъ лѣтъ; а что значитъ настоящая бѣда въ сравненіи съ прошлыми"? Описавши пораженія Турокъ подъ Хотиномъ, Екатерина продолжаетъ: „Азовъ и Таганрогъ заняты; и тотъ и другой были срыты въ 1739 году при посредничествѣ Франціи; а я ихъ возстановила безъ посредничества. Съ тѣхъ поръ какъ начали работать надъ этими городами, не видали ни одного непріятеля; послѣ зимы господа Татары потеряли аппетитъ къ набѣгамъ на насъ, ибо во время трехъ попытокъ не нашли нигдѣ доступа, благодаря распоряженіямъ генерала Румянцева; и хотя въ Константинополѣ палили изъ пушекъ по случаю успѣховъ хана, и Кельнская газета, составляемая папскимъ нунціемъ и французскимъ министромъ, убила у насъ 70,000 человѣкъ въ Новой Сербіи, которая, съ вашего позволенія, называется Новою Россіею, однако вѣрно то, что этотъ походъ стоилъ жизни хану, котораго Порта велѣла отравить вмѣстѣ съ пятью самыми знатными мурзами, приписывая злонамѣрности невозможность проникнуть въ наши предѣлы. Комедія пальбы изъ пушекъ въ Константинополѣ была сыграна для ободренія войска, неоказывавшаго большого желанія выступить въ походъ". Въ іюлѣ Екатерина писала Вольтеру: „Не всѣ ваши соотечественники думаютъ обо мнѣ одинаково съ вами. Я знаю, какъ они любятъ убѣждать себя, что мнѣ невозможно сдѣлать что-либо хорошее; какъ они ломаютъ себѣ голову, чтобъ убѣдить въ томъ другихъ, и горе ихъ прислужникамъ, которые осмѣлятся думать иначе. Такъ какъ моя слава не зависитъ отъ нихъ, но отъ моихъ принциповъ и дѣйствій, то я утѣшаюсь въ ихъ порицаніяхъ и прощаю имъ, какъ добрая христіанка. Вы мнѣ говорите, что думаете одинаково со мною о разныхъ моихъ дѣлахъ и ими интересуетесь. Такъ да будетъ же вамъ извѣстно, что моя прекрасная саратовская колонія считаетъ уже

[1]) Рукопись И. Публичн. Библіот. № 40. Q. IV. — Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

[2]) Дѣла Венеціанскія 1769 года. — Между бумагами Екатерины находится собственноручное французское письмо ея, адресованное: «Храбрымъ Корсиканцамъ, защитникамъ отечества и свободы, и особенно генералу Паскалю Паоли». Письмо подписано: «Ваши искренніе друзья, жители Сѣвернаго Полюса». Какъ видно, при письмѣ посылались деньги. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 342.

[3]) Письмо отъ 4 апрѣля. См. дѣла Венеціанскія 1769 года.

29,000 жителей и, на зло Кельнской газетѣ, вовсе не боится татарскихъ, турецкихъ и другихъ набѣговъ; что въ каждомъ кантонѣ—церкви его исповѣданія; что тамъ мирно обрабатываютъ поля и тридцать лѣтъ не будутъ платить никакихъ податей. Впрочемъ, наши подати вообще такъ умѣренны, что въ Россіи нѣтъ крестьянина, который бы не ѣлъ курицы, когда захочетъ, и что съ нѣкотораго времени онъ предпочитаетъ индѣекъ курамъ; что вывозъ хлѣба, позволенный съ нѣкоторыми ограниченіями во избѣжаніе злоупотребленій безъ стѣсненія торговли, поднявши цѣны на хлѣбъ, даетъ земледѣльцу такія средства, что земледѣліе усиливается годъ-отъ-году; народонаселеніе въ послѣднія семь лѣтъ также увеличилось на 10 процентовъ. Правда, у насъ война; но уже давно Россія занимается этимъ ремесломъ, и изъ каждой войны выходитъ болѣе цвѣтущею, чѣмъ была при ея началѣ. Наши законы идутъ своимъ чередомъ: надъ ними работаютъ потихоньку. Правда, что они теперь на второмъ планѣ, но отъ этого ничего не потеряютъ. Съ начала войны я привела къ концу два предпріятія: построила Азовъ и Таганрогъ, гдѣ гавань, начатая и разрушенная Петромъ I-мъ. По вашему желанію, Турки разбиты 19 и 21 апрѣля. Мнѣ кажется, что начало игры порядочное. Можно сказать, что разумъ человѣческій все одинъ и тотъ же. Смѣшной смыслъ Крестовыхъ походовъ не помѣшалъ польскому духовенству, подъ вліяніемъ папскаго нунція, проповѣдывать крестовый походъ противъ меня, и эти безумные самозванные конфедераты для опустошенія собственныхъ провинцій, обѣщанныхъ ими Портѣ, одною рукою взяли крестъ, а другою подписали союзъ съ Турками. Зачѣмъ?—затѣмъ, чтобы помѣшать четверти польскаго народонаселенія пользоваться правами гражданина" [1]).

Этотъ договоръ, о которомъ говоритъ императрица, содержитъ въ себѣ слѣдующія условія: союзъ заключается оборонительный и наступательный; Польша выставляетъ 100,000 войска, Порта 200,000. Границы остаются по Карловицкому миру; но Польша уступаетъ Портѣ Кіевскую область, а сама возьметъ за это отъ Россіи Смоленскъ, Стародубъ, Черниговъ и Ливонію. Польша, въ благодарность за настоящія услуги, охотно уступаетъ Портѣ всѣхъ крестьянъ Русской вѣры, преимущественно въ мѣстахъ, гдѣ начались бунты, даже всѣхъ диссидентовъ, ихъ женъ, дѣтей и все имущество, исключая начальниковъ бунта, которыхъ республика предоставляетъ себѣ судить и наказать. Порта не будетъ запрещать своимъ подданнымъ селиться въ Украйнѣ и Подоліи, не исключая и мусульманъ.—Екатерина могла бы также сообщить Вольтеру извѣстіе о пріемѣ великимъ визиремъ одного изъ конфедератскихъ вождей—Іоахима Потоцкаго. Будучи приглашенъ на военный совѣтъ, Потоцкій объявилъ, что именемъ республики проситъ Порту дать ему нѣкоторе число войскъ подъ команду, съ которыми онъ выгонитъ изъ Польши Русскихъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ, и приведетъ республику въ прежнюю вольность, какою должна она пользоваться по договору Карловицкому. Услыхавъ слово „Карловицкій", визирь вспылилъ и сказалъ переводчику: „Передай этой собакѣ, чтобъ онъ не называлъ больше Карловица; нѣтъ больше договоровъ карловицкихъ, которые ими сломаны; по закону, кто соединяется съ нашими непріятелями, тотъ самъ становится нашимъ непріятелемъ. Всесильный мой самодержецъ, прибѣжище королей, раздаватель коронъ, не слуга этимъ собакамъ и не имѣетъ въ нихъ нужды для предводительствованія нашими войсками. А если онъ (Потоцкій) хочетъ, чтобъ я послалъ его съ сераскиромъ, то пусть третъ лобъ свой о землю и цѣлуетъ мои ноги, и ему, какъ прибѣгшему къ намъ, не будетъ обиды; а по вступленіи нашемъ въ Польшу, надъ всѣми тѣми, которые съ петлею на шеѣ поддадутся, будетъ милосердіе, а на прочихъ—мечь за то, что соединились съ Русскими. Великій султанъ не хочетъ ничего знать о ихъ проклятой вольности, потерянной ими, и чтобъ они шли къ дьяволу вмѣстѣ съ Русскими!" Потоцкій съ кротостію отвѣчалъ, что будетъ во всемъ служить сераскиру и соединитъ конфедератовъ подъ его властью. Визирь успокоился этимъ отвѣтомъ и сказалъ ему: „Такъ говори, а не обманывай насъ!" и, обратясь къ одному изъ пашей, сказалъ: „Если Поляки примутъ вѣру магометанскую, то мы имъ поможемъ охотно" [2]).

Турки не могли помочь Полякамъ, и послѣднимъ не было нужды принимать магометанскую вѣру. Но сначала объявленіе Турками войны Россіи произвело магическое дѣйствіе въ Польшѣ: немедленно поднялись головы, и фантазія разыгралась. Разслабленное тѣло, которое не могло ничего сдѣлать само для себя, ждало спасенія только отъ чужой помощи и наконецъ дождалось. Мечтали, что Турціею дѣло не ограничится, составится европейская коалиція: противъ Россіи вооружатся Франція, Австрія, Пруссія, Саксонія, Швеція, Данія и даже Англія; Россія будетъ побѣждена, Россія должна будетъ отказаться отъ всего, сдѣланнаго ею въ Польшѣ. Поднялъ голову и полный представитель тогдашней Польши, король Станиславъ-Августъ. Блестящій поклонникъ идей вѣка, съ широкими и теоретически правильными политическими взглядами, съ стремленіемъ пересоздать Польшу, дать ей а к т и в н о е значеніе среди другихъ державъ, Станиславъ-Августъ страдалъ крайнею слабостію воли, совер-

[1]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. X, 1769 годъ. Газеты выводили иногда Екатерину совершенно изъ терпѣнія: доказательствомъ служитъ слѣдующая записка ея Панину: «Vous ferez fort bien d'ordonner ou à Gross ou à Simolin de faire promettre au gazettier de Cologne cent coup de baton, s'il continuera a écrire sur le ton qu'il a pris, car il se pique de ne dire que des impertinences sur notre compte et cela va toujours en augmentant».

[2]) Извѣстіе отъ 21 іюня въ Московск. Архивѣ Мин. Ин. Д.—Договоръ конфедератовъ съ Портою былъ пересланъ во Францію Жераромъ изъ Данцига.

шенною неспособностію къ почину движенія, къ принятію какого-нибудь твердаго рѣшенія. Человѣкъ, желавшій дать активное значеніе Польшѣ, самъ, подобно своимъ соотечественникамъ, отличался совершенною пассивностію,—отсюда: привычка ждать спасенія не отъ собственной воли и энергіи, а отъ обстоятельствъ; привычка отстраняться и складывать руки при затрудненіяхъ; вѣра, постоянно имъ выражаемая, что настанутъ сами собою счастливые дни, которыми онъ воспользуется, чтобъ совершить что-нибудь замѣчательное,—судьба недаромъ подняла его такъ высоко, судьба все сдѣлаетъ,—фатализмъ, отличающій слабыхъ людей, слабые народы.

И, на первыхъ порахъ, могло показаться, что Польша съ своимъ королемъ были правы; въ Петербургѣ не съ полною твердостію было выдержано искушеніе Турецкой войны,—обнаружилось колебаніе и нѣкоторая перемѣна системы относительно Польши: сдѣлана была ошибка, заставившая Поляковъ еще выше поднять головы и выставить сопротивленіе хотя и страдательное, но тѣмъ не менѣе затруднявшее и раздражавшее. Какъ обыкновенно бываетъ, при затруднительномъ положеніи въ виду двухъ войнъ, при неприготовленности къ нимъ, стали искать, кого бы обвинить въ этомъ затрудненіи, на комъ сорвать сердце; на комъ же больше, какъ не на человѣкѣ, управлявшемъ внѣшними дѣлами: Панинъ долженъ былъ готовиться къ бурѣ. Онъ раздражилъ Поляковъ, раздражилъ Австрію и Францію, слѣдствіемъ чего было поднятіе Турціи; онъ перемѣнилъ старую, мудрую систему, по которой Россія была въ постоянномъ союзѣ съ Австріею, союзѣ самомъ естественномъ, доставлявшемъ постоянное обезпеченіе отъ Турокъ; придумалъ какую-то Сѣверную систему, которая никакъ не ладилась; заключилъ тѣсный союзъ съ Пруссіей; но Прусскій король можетъ ли оказать противъ Турокъ такую помощь, какую бы оказала Австрія по своему географическому положенію, а главное, при Австрійскомъ союзѣ и Турецкой войны никогда бы не было:—Порта не осмѣлилась бы вооружиться противъ двухъ имперій. Разумѣется, всѣ эти нареканія должны были немедленно же появиться въ устахъ враговъ Панина, враговъ сильныхъ,—Орлова, Чернышева, къ которымъ примыкали люди и менѣе значительные, но составлявшіе громкій хоръ. Сольмсъ писалъ своему королю, что говорятъ объ удаленіи Панина, виноватаго въ настоящемъ затруднительномъ положеніи государства [1]). Англійскій посланникъ Каткартъ доносилъ своему Двору, что Панинъ съ очень немногими друзьями долженъ выдерживать напоръ французской и австрійской партіи. По мнѣнію Каткарта, Панину нельзя было устоять противъ потока. Противъ Панина были: Орловъ, Чернышевъ, Разумовскій, оба Голицына—вице-канцлеръ и генералъ, всѣ недовольные новою системою, покинутіемъ Австрійскаго союза [2]).

Движенія противъ Панина выразились въ Совѣтѣ; 14 ноября, князь Мих. Никит. Волконскій предложилъ свое мнѣніе, что „всѣ теперь дѣлаются приготовленія внутри государства, а о внѣшнихъ неизвѣстно, и тѣмъ осмѣливается спросить, есть ли при нынѣшнемъ случаѣ такіе союзники, на которыхъ бы можно во время нужды положиться, да и притомъ обстоятельства нынѣ въ Польшѣ онъ почитаетъ больше вредными, нежели полезными для Россіи. Къ чему графъ Г. Г. Орловъ спрашивалъ изъясненія причинъ, какія привели Польшу возстать противъ Россіи; на что графъ Н. И. Панинъ изъяснилъ всѣ тѣ причины и притомъ объявлялъ, какія изъ того вышли замѣшательства. Послѣ сего сдѣланъ былъ вопросъ, что не можно ли изыскать какихъ-нибудь средствъ для усмиренія и возстановленія покоя въ Польшѣ и для приведенія оной на свою сторону. На сіе графъ Н. И. Панинъ читалъ декларацію, посланную въ Польшу проектомъ для возстановленія тишины, на которую ожидаетъ отвѣта; и на все вышеописанное происходили разныя политическія разсужденія" [3]).

Екатерина поддержала Панина. Не могла она уступить раздраженію, явившемуся вслѣдствіе малодушія, робости при первомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ, и выдавать человѣка, который дѣйствовалъ съ полнаго ея согласія; не могла она признавать, что политическая система ея царствованія оказалось несостоятельною, признать превосходство системы предшествовавшей. Но, поддержавъ Панина, дѣйствовавшаго непосредственно по ея повелѣніямъ, она уступила относительно человѣка, дѣйствовавшаго въ Варшавѣ: она пожертвовала Репнинымъ, на котораго приходили жалобы, что онъ поступилъ слишкомъ круто, раздражалъ Поляковъ. Рѣшено было отозвать Репнина, замѣнивъ его человѣкомъ болѣе мягкимъ; сдѣлана была уступка Полякамъ.

Мы видѣли, что самъ Репнинъ просилъ Панина отозвать его изъ Польши, сравнивая свое положеніе съ положеніемъ каторжника [4]). Съ одной стороны, онъ былъ недоволенъ военными распоряженіями въ Петербургѣ; съ другой—его сильно раздражало то, что Поляки, вслѣдствіе Турецкой войны, подняли головы и стали требовать, чтобъ онъ раздѣлялъ то дѣло, которое онъ устроилъ съ такими усиліями. А тутъ еще на него возлагается новое трудное порученіе. Для успѣшнаго веденія войны съ Портою, для недопущенія Турокъ ворваться въ Польшу для соединенія съ конфедератами, для русскаго войска важно было занять двѣ польскія крѣпости, Замосць и Каменецъ-Подольскій, особенно послѣдній. Въ Совѣтѣ 7 дека-

[1]) Beer—Die erste Theilung Polens, I, 238, 239.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 411, 412.

[3]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, 11.

[4]) См. выше: «Исторія Россіи», т. XXVII, кн. VI, стр. 288.

бря было сдѣлано предложеніе о Каменцѣ, что если эту крѣпость взять основаніемъ кампаніи, то надобно употребить средство къ ея взятію. Гр. Орловъ представилъ, что, сколько извѣстно, Каменецъ такъ укрѣпленъ природою, что силою взять его нельзя; 50,000 человѣкъ ничего не въ состояніи сдѣлать, если бы даже въ крѣпости было только 1,000 человѣкъ гарнизона. Графъ Петръ Панинъ говорилъ, что если эту крѣпость силою взять нельзя, то надобно стараться получить ее военною стратагемою, и, наконецъ, рѣшено было „всевозможныя имѣть старанія о занятіи оной крѣпости". Сохранилась по этому поводу собственноручная записка императрицы: „Мнѣ кажется, послать надлежитъ курьера съ ордеромъ къ Прозоровскому и къ Салтыкову, чтобъ они старались занимать Каменца куплею или финтою, или инымъ образомъ, лишь бы не апрошами или формальною осадою, коей никакъ не можно и не должно дѣлать"[1]). Замосць находился въ частномъ владѣніи у Замойскаго, который былъ женатъ на сестрѣ королевской; поэтому Репнинъ частнымъ образомъ обратился къ брату короля, оберъ-камергеру Понятовскому, не можетъ ли король написать партикулярно своему родственнику, чтобы тотъ не предпятствовалъ русскимъ войскамъ въ занятіи Замосця. Но король, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать частнымъ же образомъ, собралъ министровъ и объявилъ имъ, что Русскіе хотятъ занять Замосць. Вслѣдствіе этого, Репнину была прислана нота, что министерство его величества и республики за долгъ поставляетъ просить не занимать Замосця. Репнинъ не принялъ ноты, отвѣтивъ, что онъ не требовалъ ничего относительно этой крѣпости, а великому канцлеру коронному, Млодзѣевскому, замѣтилъ, что русскія войска призваны Польскимъ правительствомъ для успокоенія страны: на какомъ же основаніи не давать имъ выгодъ, одинакихъ съ выгодами польскихъ войскъ. Когда же Репнинъ сталъ пенять королю, зачѣмъ онъ не сдѣлалъ различія между поступкомъ конфидентной откровенности и министеріальнымъ, то Станиславъ-Августъ прямо сказалъ: „Не сдѣлай я такъ, вѣдь вы бы заняли Замосць". Репнинъ отвѣчалъ такъ же прямо, что занятіе Замосця необходимо для безопасности Варшавы въ случаѣ татарскаго набѣга, и что такимъ поступкомъ король не удержитъ его отъ занятія крѣпости: „Я ее займу, хотя бы и съ огнемъ".—„Это занятіе очень важно", продолжалъ король: „стоитъ только начать".—„Не разумѣете ли вы Каменецъ"? спросилъ Репнинъ.—„Именно", отвѣчалъ король. Тутъ Репнинъ сказалъ ему: „Мы изъ Польши въ турецкія границы не выйдемъ, прежде нежели не будемъ имѣть въ рукахъ Каменецъ для учрежденія тамъ нашего магазина и пласъ д'арма; итакъ, если вы хотите, чтобы война шла не у васъ, а въ турецкихъ границахъ, то отдайте намъ Каменецъ. Какъ ваше величество теперь съ дядюшками: разсуждали ли о настоящихъ обстоятельствахъ"? Король нѣсколько смутился и отвѣчалъ: „Они со мною попрежнему холодны; что же касается настоящихъ обстоятельствъ, то они говорятъ, что нужно посредничество чужестранныхъ державъ, и что нація можетъ успокоиться только въ томъ случаѣ, когда Россія отступится отъ гарантіи и диссидентскаго дѣла; когда диссидентамъ уступлена будетъ только свобода вѣроисповѣданія и заградится доступъ въ судебныя мѣста и на сеймы". — „Это лѣкарство хуже болѣзни, и, конечно, мы его не употребимъ", отвѣчалъ Репнинъ: „вамъ другу Россіи, обязанному ей престоломъ, не годится уничтожать общаго дѣла; вы должны продолжать свою преданность къ Россіи, особенно когда видите, что всѣ стараются свергнуть васъ съ простола, что и на Россію-то всѣ сердятся за то, что мы поддерживаемъ васъ на престолѣ".—„Я бы охотно свое мѣсто оставилъ", отвѣчалъ король, „если бы могъ скоро успокоить свое отечество и доставить націи то, чего она такъ желаетъ, т. е. уничтоженія русской гарантіи и диссидентскаго дѣла".

Въ совѣтѣ королевскомъ громко раздавались враждебные Россіи голоса. Маршалъ коронный, князь Любомирскій и графъ Замойскій, отъ своего имени и отъ имени Чарторыйскихъ, предложили, что войско правительства Польскаго, назначенное подъ начальствомъ молодого Браницкаго дѣйствовать противъ конфедератовъ, должно немедленно распустить по непремѣннымъ квартирамъ: иначе Русскіе подговорятъ его на свою сторону и употребятъ противъ Турокъ, а изъ этого султанъ можетъ заключить, что Польша заодно съ Россіею противъ Турціи. Любомирскій съ товарищами сильно возставали противъ послѣдняго сенатскаго рѣшенія—просить у Россіи помощи противъ конфедератовъ. Браницкій противился распущенію войска, говорилъ, что это произведетъ неудовольствіе въ народѣ и возбудитъ подозрѣніе въ Русскомъ правительствѣ; но Замойскій продолжалъ настаивать на распущеніи войска и требовалъ, чтобъ на будущее время принята была такая система: не отказывать прямо Россіи въ ея требованіяхъ, но постоянно находить невозможности въ ихъ исполненіи; льстить, но ничего не дѣлать; королю нисколько не вмѣшиваться въ настоящія волненія, нейти противъ націи, не вооружаться и противъ Турокъ, но выжидать, какой оборотъ примутъ дѣла. Король все время молчалъ; совѣтъ Замойскаго приходился какъ нельзя больше ему по душѣ въ главныхъ своихъ чертахъ, но онъ былъ на сторонѣ Браницкаго насчетъ нераспущенія войска. Наконецъ положили войско не распускать, но запретить ему приближаться къ русскимъ границамъ; позволено ему требовать русской помощи и соглашать съ русскими войсками свои движенія только противъ бунтующихъ крестьянъ; но вмѣстѣ съ Русскими нигдѣ не быть, не показывать, что Польское правительство заодно съ Русскимъ.

[1])Московск. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ

Понятно, что при такихъ рѣшеніяхъ не было никакой надежды получить отъ Поляковъ Каменецъ. Зная, что король снова сблизился съ Чарторыйскими, Репнинъ обратился къ нимъ, выставляя необходимость занятія Каменца русскимъ войскомъ. Чарторыйскіе отвѣчали: „Лучше подвергнуть весь тотъ край совершенному опустошенію, чѣмъ подать Туркамъ причину къ объявленію намъ войны, тѣмъ болѣе-что еще не вѣрно, обратятся ли Турки къ польскимъ границамъ; да хотя бы и этихъ причинъ не было, то отдать Каменецъ непатріотично". Репнинъ спросилъ ихъ: „Что, по вашему мнѣнію, для васъ выгоднѣе, чтобы Россія или Порта взяла верхъ въ настоящей войнѣ? Отъ рѣшенія этого вопроса должно зависѣть все ваше поведеніе". — „Ни то, ни другое", отвѣчали Чарторыйскіе: „намъ всегда выгоднѣе не путаться нисколько въ это дѣло". — „Достоинство вашей короны страдаетъ отъ презрительныхъ отзывовъ Порты на вашъ счетъ", сказалъ Репнинъ. — „Гдѣ нѣтъ бытія, тамъ нѣтъ и достоинства, мы все потеряли", отвѣчали Чарторыйскіе, и Литовскій канцлеръ примолвилъ: „Il vaut mieux ne rien faire, que de faire des riens".

Репнинъ обратился къ королю:—тѣ же отвѣты. Репнинъ представилъ ему, что онъ глядитъ не своими глазами, и что никогда еще не было ему такой нужды находиться въ самомъ полномъ согласіи съ Россіею, потому что она одна можетъ спасти его отъ паденія, которое ему готовятъ Порта, Франція и большая часть Поляковъ. „Все это я очень хорошо вижу", отвѣчалъ король: „но есть такой періодъ бѣдствій, въ который уже никакая опасность нечувствительна; я теперь именно въ этомъ періодѣ, и потому отдаю свой жребій во власть событіямъ". — „Умоляю ваше величество подумать", сказалъ на это Репнинъ: „теперь у васъ еще есть хотя малая армія, а въ мартѣ мѣсяцѣ и той заплатить будетъ нечѣмъ;—тогда если бы вы захотѣли на что-нибудь рѣшиться и къ намъ приступить, то уже будетъ не съ кѣмъ". — „Я, кажется, доказалъ свое усердіе", отвѣчалъ король, „потерявъ вслѣдствіе этого усердія весь кредитъ въ своей націи и дошедши до безсилія, котораго мнѣ въ вину поставить нельзя". — „Конечно", сказалъ Репнинъ, „прошедшая ваша дружба забыта не будетъ; но надобно ее продолжать: а какъ скоро вы ее прекратите, то и все кончится". — „Если ея императорское величество", отвѣчалъ король, „дастъ мнѣ возможность быть ей полезнымъ, согласясь отступить совершенно отъ гарантіи и частію отъ диссидентскаго дѣла, дастъ мнѣ чрезъ это способы возвратить къ себѣ любовь и довѣренность моихъ подданныхъ, то я докажу дѣйствительнымъ образомъ, что нѣтъ человѣка преданнѣе меня ея императорскому величеству; но если она этого не сдѣлаетъ, то я хотя и останусь ея другомъ, но въ совершенномъ бездѣйствіи и небытіи". Репнинъ замѣтилъ на это, что императрица не можетъ отступить отъ своихъ правъ безъ униженія своего достоинства. Когда король повторилъ такъ-же рѣшительный отказъ относительно сдачи Каменца, то Репнинъ кончилъ разговоръ словами, чтобъ король пенялъ во всемъ на себя. Русскіе будутъ умѣть взять предосторожности, какія имъ нужны. Въ началѣ 1769 года, въ разговорѣ съ Репнинымъ, король повелъ рѣчь о возможности своего близкаго паденія. Репнинъ замѣтилъ ему, что всегда непріятно сходить съ престола; а быть согнану и стыдно.— „Меня, конечно, не сгоняютъ", отвѣчалъ король: „я умру, давши себя застрѣлить въ своемъ дворцѣ, а мѣста своего не покину, буду здѣсь защищаться". — „Лучше бы не дожидаться такой крайности", возразилъ Репнинъ: „славнѣе было бы умереть въ полѣ, а не въ своей комнатѣ; я самъ пойду къ вамъ въ адъютанты, если только вы примете это мужественное намѣреніе и соедините свои силы съ нашими; слава и счастье сами не приходятъ, а надобно идти къ нимъ на встрѣчу, искать ихъ". — „Въ моемъ положеніи нельзя думать о славѣ", отвѣчалъ король: „выше славы поставлю свой долгъ, а долгъ запрещаетъ мнѣ перемѣнить свое поведеніе".

Въ Петербургѣ хотѣли, чтобъ король прямо соединился съ Россіею, примкнувши къ конфедераціи, которая бы составилась, при русской помощи, для поддержанія постановленій послѣдняго сейма. Но Бенуа писалъ своему Двору въ началѣ 1769 года, „Въ Петербургѣ сильно ошибаются, воображая, что Россія имѣетъ еще партію въ Польшѣ; здѣсь всякій согласится со мною, что отъ самаго знатнаго вельможи до послѣдняго нищаго—всѣ смертельно ненавидятъ все московское" [1]). Станиславъ-Августъ былъ согласенъ съ Бенуа, и потому въ разговорѣ съ Репнинымъ 9 декабря 1768 года спросилъ его: „Чего вы отъ насъ хотите"? *Репнинъ*: „Чтобъ вы подтянули пружины своего правленія для воспрепятствованія вашему полному уничтоженію". *Король*: „То-есть вы хотите сейма или конфедераціи, которымъ вы потомъ скажете: если вы не успокоитесь, то мы будемъ смотрѣть на васъ, какъ на нарушителей договора; и вы насъ принудите, какъ на послѣднемъ сеймѣ, принять вредныя для насъ рѣшенія". *Репнинъ*: „У насъ нѣтъ этого намѣренія; но если бы мы такъ поступили, то вамъ бы слѣдовало сказать тогда „нѣтъ", сказать съ мужествомъ, истинно патріотическимъ; тогда бы открылось, что мы посягаемъ дѣйствительно на вашу независимость и національное главенство; тогда вы имѣли бы основаніе призвать на помощь Австрію и Францію; тогда бы наступилъ для васъ настоящій моментъ революціи". *Король*: „Зачѣмъ рѣшаться намъ на такой рискъ, когда мы его предвидимъ"? *Репнинъ*: „Но зачѣмъ его предполагать". *Король*: „Прошедшее насъ научаетъ. Князь Репнинъ честный человѣкъ; но посолъ пользуется всѣмъ; онъ искушаетъ души продажныя и често-

---

[1]) Дѣла Польскія конца 1768 и начала 1769 года.— Бумаги Огинскаго въ Госуд. Архивѣ.

любивыя; онъ стращаетъ патріотовъ". *Репнинъ:* „Итакъ, вы не соберете ни сейма, ни конфедераціи въ продолженіи 20 лѣтъ, если дѣла будутъ находиться въ настоящемъ положеніи; такъ зачѣмъ же мнѣ быть здѣсь, если никто не можетъ и не хочетъ ничего дѣлать? Лучше меня отозвать и прислать другого". *Король:* „Лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дурно дѣлать. Вы, кн. Репнинъ, лично заставили меня страдать больше, чѣмъ кто либо въ мірѣ; но я увѣренъ, что вы не можете меня ненавидѣть и презирать; поэтому я не выиграю ничего отъ вашего отозванія".— Король кончилъ увѣреніемъ, что ни одинъ Полякъ не вступитъ ни въ какія соглашенія безъ улучшенія условій [1]).

По поводу этихъ условій Станиславъ-Августъ писалъ императрицѣ (отъ 26 января н. с. 1769 г.): „Желая сдѣлать меня королемъ, в. в. конечно подразумѣвали при этомъ, что я долженъ исполнять обязанности королевскія: поэтому и обязанъ, и въ отношеніи къ в. в. точно такъ же, какъ и въ отношеніи къ своему отечеству, представить вамъ вѣрную картину состоянія Польши. Я обязанъ это сдѣлать особенно послѣ требованія, сдѣланнаго мнѣ русскимъ посломъ отъ вашего имени,—образовать конфедерацію. Въ то время какъ моя прямота и мой патріотизмъ заставляли меня ежедневно и настойчиво указывать русскому послу во всемъ, дѣлавшемся здѣсь то, что я находилъ противнымъ благу Польши, моему собственному и даже вашему, я никогда не старался поднимать противъ васъ враговъ, ни вступать ни въ какую политическую связь безъ вашего вѣдома, какъ другіе, въ пользу которыхъ требовали отъ меня уступчивости, самой вредной для меня и для моего государства [2]). Я не раскаиваюсь въ моемъ поведеніи, потому что оно сохранило мнѣ титулъ испытаннаго вашего друга; но оно причиною удаленія и даже отвращенія, питаемаго ко мнѣ большею частію моего народа, ибо, не зная всѣхъ возраженій моихъ противъ того, что кажется ему притѣсненіемъ, онъ считаетъ меня виновникомъ этого притѣсненія. Многіе магнаты, чтобъ оправдать себя передъ массою гражданъ въ предпринятомъ ими изъ личныхъ видовъ, нашли полезнымъ для себя увѣрять, что я желалъ гарантіи и равенства диссидентовъ съ католиками, тогда какъ в. в. вполнѣ извѣстно, какъ я сильно желалъ, чтобъ вы не хотѣли этихъ двухъ вещей, и какъ я отказался взять на себя ихъ проведеніе. Всѣ конфедераціи, уничтоженныя силою оружія, и всѣ конфедераціи, которыя рождаются каждый день, несмотря на постоянныя пораженія, доказываютъ всеобщность неудовольствія. Это неудовольствіе обнаружится заразъ повсюду, если я теперь составлю конфедерацію, основаніемъ которой не будетъ уничтоженіе гарантіи и ограниченіе статьи о диссидентахъ. Смѣю увѣрить в. в., что, вмѣсто оказанія вамъ услуги, я только увеличу этимъ существующія затрудненія. Въ самой Варшавѣ и тридцать человѣкъ не подпишутся добровольно на такую конфедерацію. Такое ничтожное число возбудитъ презрѣніе въ провинціяхъ и придастъ имъ духъ сопротивляться столь безсильной попыткѣ столицы и короля. Если я для увеличенія числа подписей употребляю силу, то это укрѣпитъ убѣжденіе народнаго большинства, что я дѣйствую противъ его желаній и интересовъ, и что я объявляю себя его врагомъ. Когда, два года тому назадъ, я указывалъ на величайшую трудность, которую встрѣтитъ диссидентское дѣло,—приписали другимъ побужденіямъ то, что было только слѣдствіемъ моего знакомства съ образомъ мыслей моихъ соотечественниковъ. Событія меня оправдали. Я не измѣнилъ правдѣ съ самаго начала, какъ не измѣнилъ преданности вашему величеству до конца. Отъ васъ зависитъ и для васъ важно умирить Польшу, возвратить мнѣ любовь моего народа и чрезъ это сдѣлаться для васъ существенно полезнымъ".

— „Было бы неслыханнымъ дѣломъ", отвѣчала Екатерина, „если бы я добровольно согласилась покинуть то, что можно у меня отнять только силою оружія. Чѣмъ болѣе сознаю я обязанности моего положенія, чѣмъ болѣе я старалась выполнить ихъ въ диссидентскомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе я буду виновата, если покину его. Умиротвореніе Польши и собственная ваша безопасность тѣсно связаны съ успѣхомъ моего оружія. Одинъ Богъ даетъ побѣду; но такъ какъ Онъ требуетъ отъ людей усилій, бодрствованія и твердости, которыя одни могутъ ее приготовить, то я не пренебрегу ничѣмъ для этого приготовленія". Этотъ отвѣтъ былъ отъ 26 марта; а 31 марта Екатерина уже подписала инструкцію новому послу въ Варшаву, князю Михаилу Никит. Волконскому. Перемѣна посла необходимо предвѣщала новый способъ дѣйствія. Перемѣна посла, какимъ бы путемъ ни дошли до убѣжденія въ ея надобности, была ошибкою. Князь Репнинъ былъ именно человѣкъ, необходимый въ Польшѣ въ описываемое время. Онъ отлично зналъ страну, зналъ людей и умѣлъ обходиться съ ними. Предъ началомъ каждаго дѣла онъ соображалъ его трудности, выпукло ставилъ на видъ всѣ могущія произойти неблагопріятныя послѣдствія; но какъ скоро убѣждался въ необходимости дѣйствовать или получать рѣшительное приказаніе отъ своего Двора, то принимался за дѣло, и уже ни шага назадъ, ни малѣйшаго колебанія. Репнина могли ненавидѣть; но его не могли не уважать; при томъ характерѣ, которымъ отличалось большинство польскихъ дѣятелей, именно былъ нуженъ человѣкъ, котораго бы уважали, котораго бы боялись, какъ Репнина. Перемѣна посла естественно и необходимо возбуждала въ Полякахъ мысль, что Русскій Дворъ готовъ отказаться отъ сдѣланнаго Репнинымъ и для сохраненія приличія отзываетъ послѣдняго, желая сложить на него вину, показать, что онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ ему предписывалось.

[1]) Beer, I, 243.
[2]) Намекъ на примаса.

„Польша", говорилось въ инструкціи Волконскому, „Польша находится въ крайнемъ нестроеніи и съ тѣнью только бездушнаго правительства, которое однако надобно вамъ удерживать и ободрять, ибо оно какъ ни безплодно теперь для подкрѣпленія нашихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе нужно для одной репрезентаціи и для центра, изъ котораго бы, по крайней мѣрѣ, современемъ, можно было подать нѣкоторое оживотвореніе всему корпусу республики, особливо когда войска наши одержатъ верхъ надъ неустроенными турецкими силами и не допустятъ ихъ въ эту первую кампанію утвердиться въ предѣлахъ польскихъ, ибо тогда съ лучшею надеждою можно будетъ опять приняться за Польскія дѣла и поставить ихъ въ желаемое положеніе для поспѣшествованія войны нашей съ Турками. Вслѣдствіе того поручаемъ мы вамъ употреблять всѣ силы и способы къ удержанію въ публикѣ сей тѣни Польскаго правительства при королѣ и при министерствѣ республики, стараясь придавать ему, если не внутренно, то хотя съ одной наружной стороны, большую вѣрность и почтеніе въ націи, а ихъ самихъ укрѣплять и ободрять сильнѣйшимъ нашимъ покровительствомъ, дабы не унывали и не пренебрегали въ уныніи всѣми средствами къ спасенію отечества.

„Мы имѣемъ причину быть довольными нынѣшними поступками и мыслями короля, а потому и надобно уже вамъ будетъ обходиться съ нимъ откровенно и совѣтоваться объ общихъ вашихъ подвигахъ къ скорѣйшему успокоенію націи и возстановленію въ ней порядка, такъ какъ въ этомъ теперь до времени состоитъ главная и единственная цѣль всѣхъ вашихъ негоціацій. Король, конечно, для собственной пользы готовъ будетъ содѣйствовать трудамъ и успѣхамъ вашимъ и не отречется слѣдовать совѣтамъ вашимъ въ раздачѣ зависящихъ отъ него награжденій. Намъ самимъ нужно, чтобъ король могъ войти въ большую любовь у націи своей, къ чему онъ, по ограниченной власти своей, не имѣетъ другихъ надежнѣйшихъ способовъ, кромѣ раздачи чиновъ и наградъ".

Волконскій долженъ былъ руководиться шестью генеральными правилами: 1) удерживать Польское правительство хотя въ одной наружности; 2) изыскивать удобнѣйшія средства къ успокоенію Польши; 3) сохранять диссидентское дѣло въ полной его силѣ и во всемъ пространствѣ; 4) утверждать русскую гарантію относительно и цѣлости владѣній республики, и неизмѣняемости постановленій послѣдняго сейма; 5) не допускать Поляковъ до соединенія съ Турками; 6) охранять безопасность короля на престолѣ. Относительно втораго правила замѣчено, что для успокоенія Польши императрица не пожалѣетъ ни труда, ни денегъ, если цѣли можно достигнуть безъ уничтоженія гарантіи. Волконскій долженъ былъ стращать магнатовъ, что если умѣренность Русскаго Двора не произведетъ должнаго впечатлѣнія, то обратятся огонь и мечъ не на однихъ только явныхъ возмутителей, но и на тѣхъ, которые скрыто ихъ поджигаютъ. Относительно диссидентскаго дѣла Волконскій долженъ былъ грозить, что имъ интересуется не одна Россія, но и всѣ протестантскія державы, и если вмѣшаются въ него католическія державы, то произойдетъ бѣдственная для всего христіанства война, во время которой католицизмъ можетъ быть совершенно уничтоженъ въ Польшѣ. Впрочемъ, послу была указана возможность уступки по диссидентскому дѣлу: „Не входя и не участвуя никакъ въ модификаціи постановленныхъ диссидентамъ преимуществъ, умалчивать о тѣхъ уступкахъ, которыя иногда они сами между собою сдѣлать согласятся для скорѣйшаго успокоенія и примиренія съ своими соотчичами".

22 мая Волконскій пріѣхалъ въ Варшаву. Онъ началъ дѣло съ того, на чемъ остановился Репнинъ, т.-е. съ Каменца. Король объявилъ ему, что крѣпость не будетъ отдана въ руки Турокъ, и въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны ей приказано будетъ защищаться. „Полагаясь на слова вашего величества", отвѣчалъ Волконскій: „я буду требовать отъ Польскаго правительства формальнаго обнадеживанія". — „Требуйте", сказалъ король. Волконскій препроводилъ въ министерство проектъ ноты, въ которой требовалъ обнадеживанія, что гарнизону каменецкому приказано будетъ защищаться отъ Турокъ, не сдаваться и принять необходимыя для обороны мѣры съ помощію и заодно съ русскими войсками. Министерство прислало проектъ отвѣта, что каменецкому коменданту приказано защищаться въ случаѣ нападенія и не впускать въ крѣпость никакого войска, независящаго отъ республики. Тщетно Волконскій настаивалъ, чтобъ въ отвѣтѣ было именно сказано: „Защищаться противъ Турокъ", хотя и съ выпускомъ словъ: „съ помощію русскихъ войскъ и за одно съ ними". Поляки не согласились, и Волконскій рѣшился не посылать ноты.

Число конфедератовъ увеличивалось; сообщеніе Варшавы съ главною русскою арміею пресѣклось. Видя, что съ такимъ малочисленнымъ русскимъ войскомъ, какое находилось въ Польшѣ, нельзя ея успокоить, и зная, что повстанцы стягиваются въ Варшавѣ для нападенія на нее, Волконскій послалъ приказаніе идти къ этому городу графу Апраксину изъ Познани и генералъ-маіору Чарторыйскому изъ Торна; но посолъ не зналъ, дойдутъ ли его приказанія по назначенію вслѣдствіе перерыва сообщеній; по прибытіи Апраксина и Чарторыйскаго число русскаго войска въ Варшавѣ должно было простираться до 4,000 человѣкъ. Король увѣрялъ Волконскаго въ неизмѣнной преданности своей къ императрицѣ, но относительно успокоенія волненій повторялъ, что этого достигнуть нельзя безъ уступки въ гарантіи и диссидентскомъ дѣлѣ; впрочемъ, и объ этомъ говорилъ нерѣшительно, ничего не обѣщая и ни въ чемъ не отказывая. Волконскій повторялъ, что уступки никакой не будетъ и нечего объ ней говорить, какъ о средствѣ къ

успокоенію націи, которая, видя, что правительство остается въ небытіи, приходитъ отъ этого все въ бо́льшую дерзость. Волконскій замѣтилъ, что король совершенно зависитъ отъ дядей своихъ, и безъ нихъ ничего начать не смѣетъ. „Впрочемъ", прибавляетъ посолъ, „правда и то, что онъ самъ собою ни малѣйшаго кредита не имѣетъ и предпринять ничего не въ состояніи". Чарторыйскіе пѣли ту же пѣсню о гарантіи и диссидентахъ; а примасъ говорилъ: что Польша не можетъ быть счастлива подъ королемъ-Пястомъ; что Станислава-Августа нація ненавидитъ, и безъ его сверженія нѣтъ средства ее успокоить. Волконскій отвѣчалъ ему, чтобъ позабылъ объ этомъ и думать: Россія не допуститъ ниспроверженія собственнаго своего дѣла. Но примасъ остался при своемъ мнѣніи и говорилъ: „Я чистосердечно открылъ, какъ я думаю, а впрочемъ исполню все то, что мнѣ будетъ приказано императрицею".— „Изо всѣхъ моихъ съ здѣшними магнатами разговоровъ", писалъ Волконскій, „примѣтилъ я, что они не хотятъ ни за что приниматься, въ ожиданіи оборота дѣлъ нашихъ съ Турками. Дворъ и министерство насъ чуждаются и показываютъ предъ народомъ, что никакого сообщенія и согласія съ нами не имѣютъ, и въ самомъ дѣлѣ отнюдь мнѣ ничего не сообщаютъ и ни о чемъ не сносятся".

Волконскій смутился: его пугала мысль, что, при первой неудачѣ русскаго оружія въ войнѣ съ Турками, въ Польшѣ образуется генеральная конфедерація. Въ то время, въ концѣ іюня, Виленскій епископъ Мосальскій и воевода Поморскій графъ Флеммингъ предложили ему проектъ конфедераціи. И эти доброжелатели необходимымъ условіемъ своей дѣятельности предположили уступку Россіи въ гарантіи и диссидентскомъ дѣлѣ, но представили способъ благовидный, именно, чтобъ вся Польская нація обратилась къ императрицѣ съ просьбою объ этой уступкѣ, причемъ Мосальскій и Флеммингъ требовали, чтобъ Россія не препятствовала умноженію польскаго войска. Скоро явилось двое другихъ доброжелателей:—первый, молодой графъ Браницкій, сынъ извѣстнаго гетмана, второй—кухмистръ коронный, графъ Понинскій, издавна считавшійся преданнымъ Россіи. Они теперь составили проектъ конфедераціи, для успѣха которой требовали отъ Россіи обязательства уступить Польшѣ Бессарабію и Молдавію, если русское войско отнимаетъ эти страны у Турціи. Этотъ Браницкій, какъ извѣстно, назначенъ былъ начальникомъ коронныхъ войскъ, которыя должны были дѣйствовать противъ конфедератовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Биржинскаго. Браницкій долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ полковникомъ княземъ Голицынымъ; и такъ какъ въ польской казнѣ денегъ не было, то Волконскій далъ 3,000 червонныхъ для отправленія этого войска. Но мы видѣли, что рѣшено было не позволять польскому правительственному войску дѣйствовать вмѣстѣ съ Русскими, и странно, какъ Волконскій не зналъ объ этомъ рѣшеніи изъ донесеній своего предшественника. Не успѣлъ Браницкій дойти до Бреста-Литовскаго, какъ получилъ приказаніе немедленно возвратиться съ своимъ корпусомъ въ Варшаву, послѣ чего король прислалъ за Волконскимъ и объявилъ ему, что, къ сожалѣнію, не могъ поступить иначе, не можетъ и объяснить о причинѣ своего поступка. Изъ 3,000 червонныхъ Браницкій издержалъ 600, которые такимъ образомъ пропали даромъ. „Послѣ сего образца", писалъ Волконскій Панину, „сами изволите заключить, сколь постоянно здѣшнее поведеніе, и какую надежду можно полагать на всѣ клятвы и увѣренія, кои какъ вѣтеръ перемѣняются". Разговаривая съ кн. Чарторыйскимъ, Литовскимъ канцлеромъ, Волконскій сообщилъ ему, что повстанцы собираются въ Ловичѣ и около Варшавы. На это Чарторыйскій сухо отвѣчалъ, что можетъ быть составятъ они генеральную конфедерацію; и когда Волконскій спросилъ, что же они, Чарторыйскіе, станутъ дѣлать въ такомъ случаѣ, ибо генеральная конфедерація будетъ противъ короля, слѣдовательно и противъ нихъ самихъ, и разоритъ Польшу, то получилъ отвѣтъ: „Мы не знаемъ, что съ нами будетъ, а Польша останется всегда Польшею". Тутъ пришелъ воевода Русскій: Волконскій спросилъ у него, какое онъ сдѣлалъ распоряженіе относительно польскихъ войскъ, находящихся въ Варшавѣ; Чарторыйскій отвѣчалъ, что на эти войска надѣяться нельзя, ибо сами они говорятъ, что драться съ конфедератами не станутъ.

26 іюля король позвалъ Волконскаго обѣдать, и, послѣ обѣда, началъ разговоръ обычными увѣреніями въ преданности своей императрицѣ, а кончилъ вопросомъ: не лучше ли союзный трактатъ и всю послѣднюю конституцію уничтожить, а на мѣсто ихъ сочинить новый трактатъ. Волконскій отвѣчалъ: что такія мысли надобно выкинуть изъ головы, что Россія никогда отъ трактата не отступитъ, ибо гарантіи просила отъ императрицы республика чрезъ торжественное посольство, и трактатъ постановленъ на основаніи этой просьбы.— „Все это было сдѣлано силою", сказалъ король.— „Неправда!" отвѣчалъ Волконскій: „такое торжественное посольство не могло быть принужденное". И въ то же время король обратился къ Волконскому съ просьбою, не можетъ ли онъ помочь ему въ его крайней бѣдности, ссудить—тысячъ до десяти червонныхъ, ибо доходы его всѣ побраны конфедератами, и ему почти ѣсть нечего. Волконскій далъ ему 5,000, да прежде у Репнина взялъ онъ 13,000 червонныхъ. Станиславъ-Августъ просилъ, чтобъ эту ссуду содержать въ-тайнѣ, стыдясь и боясь, чтобъ не сказали, что онъ подкупленъ Россіею. Спустя немного времени, король попросилъ еще 5,000 червонныхъ, безъ чего былъ бы принужденъ распустить свою гвардію. Волконскій далъ деньги, зная, что эта гвардія ждетъ перваго случая пристать къ мятежникамъ, и случай

этотъ представится, когда король распуститъ ее, по невозможности платить жалованье. Въ то же время король, чрезъ резидента своего въ Петербургѣ, Псарскаго, обратился прямо къ императрицѣ съ просьбою помочь ему деньгами. Екатерина утвердила выдачу 10,000 червонныхъ, сдѣланную Волконскимъ, отзываясь, что при настоящихъ огромныхъ издержкахъ Русскаго Двора она не можетъ оказать большей помощи.

Относительно плана конфедераціи, предложеннаго Виленскимъ епископомъ Мосальскимъ, Панинъ увѣдомилъ Волконскаго, что „сей затѣйливый прелатъ то единое въ головѣ имѣетъ, чтобъ какимъ-нибудь образомъ допущену и приведену быть въ состояніе средствомъ и помощію нашею, не отваживая ни въ чемъ своей персоны, заиграть собственную свою ролю, которая бы ему оставляла свободу, по усматриваемымъ имъ самимъ перемѣннымъ обстоятельствамъ, обращаться во всѣ стороны, такъ какъ онъ, по особливой своей легкомысленности, оказывался и при всѣхъ прошедшихъ дѣлахъ". Панинъ увѣдомлялъ, что Мосальскій присылалъ въ Петербургъ эмиссаровъ, аббата Бодо и полковника С.-Лѐ, которые привозили предложеніе составить конфедерацію въ Литвѣ. С.-Лѐ отправленъ былъ изъ Петербурга съ отвѣтомъ, чтобъ Мосальскій переговаривалъ обо всемъ съ Волконскимъ; а Бодо остался и сдѣлалъ новыя предложенія — сойтись съ Франціею и вмѣстѣ съ нею возстановить спокойствіе въ Польшѣ. Панинъ внушалъ Волконскому, что Мосальскаго нельзя ставить въ чело предпріятія, а надобно дѣйствовать такъ, чтобъ, при движеніи другихъ благонамѣренныхъ и менѣе его суетно надменныхъ патріотовъ, Мосальскій шелъ вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ. Гораздо болѣе нравилось въ Петербургѣ предложеніе Понинскаго и Браницкаго, потому что оба считались людьми испытанной вѣрности. При этомъ Панинъ обращалъ вниманіе Волконскаго на данную ему возможность уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ: „Надобно, чтобъ сами диссиденты добровольно вошли въ точное разсмотрѣніе, сохраненіе всѣхъ на послѣднемъ сеймѣ пріобрѣтенныхъ правъ стоитъ ли того, чтобъ покупать его междуусобной войной и своимъ совершеннымъ разореніемъ; не лучше ли пожертвовать частію выгодъ для возстановленія общей тишины и для обезпеченія другой части тѣхъ самыхъ выгодъ. Но слава и достоинство ея и. в. не дозволятъ, чтобъ внушеніе о нуждѣ и пользѣ такого поступка шло отъ насъ; надобно, чтобъ диссиденты сами на то попали, или же, по крайней мѣрѣ, вами, чрезъ третье лицо, весьма нечувствительнымъ и искуснымъ образомъ, доведены были". Въ Петербургѣ соглашались и на требованіе Понинскаго и Браницкаго относительно присоединенія Молдавіи къ Польшѣ: присоединеніе Молдавіи къ Россіи не считалось полезнымъ, потому что страна эта не въ состояніи сама защищаться, а отдаленность ея отъ русскихъ границъ обременитъ собственно русскую защиту, тогда какъ присоединеніе ея къ Польшѣ упрочитъ вліяніе Россіи въ послѣдней: Молдаваны Православнаго исповѣданія, дворянство ихъ составляетъ особый корпусъ, который, при соединеніи съ Польшей, долженъ выговорить себѣ, подъ русскимъ покровительствомъ, совершенно одинакія права съ польскимъ шляхетствомъ. Кромѣ того, считалось выгоднымъ въ настоящую минуту, если бы новая конфедерація, имѣя въ виду обладаніе Молдавіей, вступила съ Россіею въ явныя обязательства противъ Турокъ и отдала ей Каменецъ въ полное распоряженіе на все время войны.

Но Польскія дѣла зависѣли именно отъ хода этой войны. Когда, въ августѣ, пришло извѣстіе, что Русскія дѣла идутъ плохо, то Чарторыйскій, воевода Русскій, объявилъ Волконскому: „Не какъ послу, но какъ моему старому другу, откроюсь чистосердечно, что кто здѣсь будетъ сильнѣе,—того сторону мы и примемъ; и отсюда, изъ Варшавы, не поѣду; а королю себя спасать надобно; вы здѣсь не такъ сильны, чтобъ могли насъ защитить".

Въ сентябрѣ пришли въ Варшаву вѣсти о разбитіи Турокъ Русскими и занятіи Хотина; вѣсти эти были встрѣчены непріятно, и разнесся слухъ, что хотятъ созвать сенатъ. Волконскій потребовалъ свиданія у короля, и получилъ отказъ подъ предлогомъ недосуга; посолъ поѣхалъ во дворецъ въ обычный день, въ воскресенье, и успѣлъ вступить въ разговоръ съ королемъ. Станиславъ, не объявляя ничего точнаго о совѣтѣ, началъ старую пѣсню о необходимости менажировать націю. Ничего не добившись здѣсь, Волконскій отправился къ воеводѣ Русскому, подъ видомъ посѣщенія, потому что тотъ былъ боленъ. Чарторыйскій сказалъ, что созваніе сената — необходимое дѣло для нихъ, имъ надобно оправдаться предъ націей: конфедераты, считая ихъ русскими приверженцами, разоряютъ ихъ деревни. Волконскій на разставаньи сказалъ ему, что раскаются они, если слѣдствія совѣта будутъ противны Россіи, а при другомъ свиданіи сказалъ прямо, что Чарторыйскіе отвѣтятъ всѣмъ своимъ имѣніемъ. Отъ короля Волконскій услыхалъ старыя жалобы: что его ненавидятъ единственно изъ-за Россіи; что онъ открылъ противъ себя злодѣйскій замыселъ, котораго виновники ему извѣстны, но не хотѣлъ назвать ихъ по именамъ. На слова Волконскаго, что Россія можетъ избавить его отъ этихъ враговъ, король отвѣчалъ, что оставляетъ дѣло до удобнѣйшаго времени, но по всѣмъ этимъ причинамъ долженъ онъ показать націи, что все возможное сдѣлано имъ въ ея пользу. Волконскій внушалъ ему, что не только мнимая нація, каковымъ именемъ онъ называетъ конфедератовъ, но и никто на свѣтѣ не удержитъ его на престолѣ, если онъ своимъ поведеніемъ принудитъ Россію свергнуть его. Король отвѣчалъ, что не ожидаетъ этого отъ императрицы, а будучи Полякомъ, противъ отчизны ничего предпринять не можетъ. Примасъ, на томъ основаніи, что Чарто-

рыйскіе навезли въ Варшаву сенаторовъ своей партіи—и потому будетъ имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ, почиталъ за лучшее совсѣмъ не ѣздить въ совѣтъ и пріятелей своихъ къ тому же уговорить, а потомъ, смотря по результату совѣта, выдать протестъ, что совѣтъ незаконный, ибо разсуждалъ о государственныхъ дѣлахъ, которыхъ рѣшеніе принадлежитъ всей республикѣ. Совѣтъ, который Волконскій называетъ диваномъ, кончился 25 сентября, и обнаружилъ послѣдствія отозванія Репнина. Сенаторы постановили: послать къ Русскому Двору съ жалобами на князя Репнина, что заключилъ договоръ насильственно; въ Англію послать съ просьбою, чтобъ ея министръ въ Константинополѣ извинилъ короля и республику Польскую, что они мира съ Портою не разрывали, и что все происшедшее было сдѣлано насильно Россіею; королю предоставлено право отправить пословъ ко всѣмъ Дворамъ, къ которымъ заблагоразсудитъ, съ такими же жалобами. „Мнѣ кажется", писалъ Волконскій, „пришло уже время усмирить Чарторыйскихъ: видя, что мы даже и въ критическихъ обстоятельствахъ ихъ щадили, они не только не отстаютъ отъ своего намѣренія сдѣлать изъ Польши активную державу и быть при этомъ орудіями, но и сильнѣе прежняго приготовляютъ къ тому способы, стараясь уничтожить послѣдній договоръ, какъ непреоборимую къ тому препону. Королемъ такъ овладѣли, что онъ безъ нихъ шагу ступить не можетъ. Слабость его непомѣрна, и при всей слабости замыслы быть сильнымъ и властнымъ въ государствѣ такъ же непомѣрны: зная же, что мы до этого не допустимъ, идетъ противъ насъ, а Чарторыйскіе ему натолковали, что мы никогда не свергнемъ его съ престола. Я осмѣлюсь представить свое мнѣніе: не полезно ли было бы постращать короля отъ васъ, что мы рѣшились, если онъ не исправится, свергнуть его съ престола; а такъ какъ Чарторыйскіе увѣряютъ его, что Прусскій король не допуститъ до этого низверженія, то не худо бы склонить и Прусскаго короля сдѣлать подобный же отзывъ; а непремѣнно надобно принять скорыя мѣры противъ сумасбродства Чарторыйскихъ и французскихъ интригъ". Но, кромѣ необходимости постращать короля, Волконскій представлялъ еще необходимость конфедераціи, которая бы дѣйствовала въ русскихъ видахъ, и требовалъ для нея 300,000 рублей: „Если это начинать", писалъ онъ, „то непремѣнно въ ноябрѣ, чтобъ до весны къ концу можно было привести".

Если Волконскій въ Петербургскомъ Совѣтѣ поднималъ вопросъ о Польшѣ нарочно для того, чтобъ призвать къ отвѣту Панина и Репнина; если принялъ мѣсто послѣдняго въ Варшавѣ съ увѣренностью, что противоположнымъ поведеніемъ сумѣетъ поправить дѣло, испорченное Репнинымъ, то теперь онъ былъ сильно наказанъ за это, будучи принужденъ принять поведеніе и тонъ Репнина, принужденный оправдывать своего предшественника.

1 октября Волконскій сообщилъ Панину о своемъ разговорѣ съ королемъ. „Не стыдно ли вашему величеству", говорилъ посолъ, „приписывать насиліямъ князя Репнина все, сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, когда вы знаете, что все это одобрено императрицею; да зачѣмъ же вы сами съ сеймомъ ратификовали дѣло. Пусть частные люди боялись какого-нибудь насилія отъ князя Репнина, на которое, впрочемъ, онъ бы не могъ рѣшиться безъ позволенія своего Двора; но ваше величество чего боялись?—вѣдь васъ князь Репнинъ не взялъ бы. Притомъ, для чего вы молчали до сихъ поръ; а теперь, когда особенно должны быть благодарны Россіи за избавленіе отъ Турокъ и отъ своихъ внутреннихъ злодѣевъ, вы вздумали заводить съ нею разрывъ, жалуясь на князя Репнина, требуя вывода русскихъ войскъ, которыя одни поддерживаютъ васъ на престолѣ, и посылая министровъ къ такимъ Дворамъ, которые стараются васъ погубить. До сихъ поръ вы называли конфедератовъ фанатиками, а теперь сами говорите ихъ языкомъ, будто вѣра и вольность потрясены въ Польшѣ нами. Оставляю на собственное разсужденіе вашего величества, что нашъ Дворъ долженъ заключить о вашемъ поведеніи, какія могутъ изъ того произойти для васъ слѣдствія; я скажу только, что тѣ, которые ведутъ васъ въ эту бездну, не будутъ въ состояніи избавить васъ изъ нея, и вы раскаетесь, но можетъ быть поздно". Король сначала остолбенѣлъ; но потомъ, оправившись, началъ увѣрять въ своей преданности къ императрицѣ, и закончилъ, по обыкновенію, заявленіемъ, что, какъ Полякъ, долженъ былъ доказать націи попеченіе свое о ея благоденствіи. Волконскій замѣтилъ послѣ этого, что король не унываетъ, но веселѣе и довольнѣе прежняго, и когда посолъ повторилъ ему представленія свои о погибели, въ которую ведутъ его Чарторыйскіе, и прибавилъ, что и Прусскій король совѣтуетъ ему чрезъ Бенуа держаться Россіи, и поэтому не можетъ быть доволенъ настоящимъ его поведеніемъ, то король на это ничего не отвѣчалъ, а только, улыбнувшись, пошелъ прочь. Чарторыйскіе же явно передъ всѣми отзывались, что они никогда на такой твердой ногѣ не были, какъ теперь; когда же имъ говорили, что Россія не поблагодаритъ ихъ, то воевода Русскій отвѣчалъ: „Правда, что первый ударъ можетъ быть для насъ очень чувствителенъ, но время все успокоитъ". Они сами были увѣрены и сторонниковъ своихъ увѣряли, что Прусскій король вовсе не истинный другъ Россіи. Король началъ громко говорить противъ Россіи, а главный крикунъ между королевскими совѣтниками, вице-канцлеръ Борхъ, проповѣдовалъ вездѣ, что послѣднее сенатское совѣщаніе есть самое счастливое событіе для Польши и составляетъ эпоху въ національномъ благополучіи. Однажды епископъ Куявскій замѣтилъ Борху, что они и себя губятъ и другихъ въ погибель влекутъ, дѣйствуя явно противъ Россіи, отъ которой одной Польша можетъ ожидать помощи; особенно

безразсудно раздражать Россію теперь, когда она взяла верхъ надъ Турками. Борхъ отвѣчалъ, что Россіи бояться нечего: хотя она и побѣдила Турокъ въ эту кампанію, то, конечно, будетъ побѣждена въ будущую; да если бы этого и не случилось, то вся Европа, чтобы воспрепятствовать усиленію Россіи, вступится за Польшу, особенно Австрія, которая вѣрно не будетъ смотрѣть сложа руки на побѣды Русскихъ надъ Турками и вступится за Польшу; Борхъ прибавилъ, что Россія, имѣя силу въ рукахъ, не посмѣетъ однако тронуть ни ихъ лично, ни имѣній ихъ, ибо до сихъ поръ ничего имъ не дѣлаетъ.

Въ это время Станиславъ-Августъ писалъ Жоффрэнъ: „Есть люди, которые засвидѣтельствуютъ, что въ раннемъ дѣтствѣ у меня было предчувствіе великаго возвышенія. Ставши королемъ, я сказалъ: увидите, что скоро меня постигнутъ страшныя бѣды. Все, что я ни предприму, будетъ испорчено и наполовину разрушено: но я переживу бѣду, снова построю, выплыву, наконецъ, и та же надежда оживляетъ мое сердце и теперь, хотя нахожусь въ величайшемъ затрудненіи. Мои дѣла идутъ страшно дурно, но я говорю: теперь Богъ долженъ меня вывесть изъ бѣды, въ ожиданіи чего будемъ исполнять свою обязанность. И я исполнилъ свою обязанность, подписавши сенатское рѣшеніе, по которому назначено торжественное посольство для принесенія Русской императрицѣ жалобы на все то, что дѣлалось здѣсь въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ, противъ моей воли, человѣкомъ, который дѣйствовалъ ея именемъ, но, какъ видно, давалъ ей ложныя свѣдѣнія. Я не долженъ предполагать, чтобъ императрица могла разсердиться на меня за это; но если она осердится, то я пострадаю за этихъ самыхъ конфедератовъ, которые разорятъ мои владѣнія, похищаютъ мои доходы, и нѣкоторые стремятся отнять у меня корону и даже жизнь. Но нѣтъ нужды: мужество и терпѣніе, — и все это кончится хорошо“. Примасъ разсказывалъ Волконскому, что король отправилъ Француза С.-Поля въ Версаль въ качествѣ своего агента: въ меморіалѣ, который повезъ С.-Поль, говорилось, что король объявитъ себя противъ Россіи, если Франція возьметъ его подъ свое покровительство; меморіалъ этотъ былъ поданъ Шуазелю, вслѣдствіе чего и началась настоящая суматоха. Волконскій не отвѣчалъ за правду этого извѣстія, тѣмъ болѣе-что примасъ не любилъ короля; но Подоскій увѣрялъ, что знаетъ о дѣлѣ чрезъ вѣрный каналъ, и обѣщалъ доставить копію съ меморіала.

Панинъ писалъ Волконскому, что примаса надобно держать въ желѣзныхъ рукавицахъ. Разумѣется, что Россія составляетъ его единственную надежду, и потому онъ ей преданъ: но, съ другой стороны, онъ душою и сердцемъ преданъ Саксонскому Дому. Понятно, что въ Петербургѣ были очень недовольны сенатскимъ совѣщаніемъ: положено было не допускать князя Огинскаго, назначеннаго къ отправленію въ Петербургъ съ жалобами на князя Репнина, и Панинъ писалъ Станиславу-Августу два письма — отъ имени императрицы и своего — съ тѣми же представленіями, какія дѣлалъ ему изустно и Волконскій. Между тѣмъ деньги на благонамѣренную конфедерацію были приготовлены. Панинъ писалъ Волконскому, что императрица считаетъ необходимымъ привлеченіе короля къ этой конфедераціи и къ Россіи; но старики Чарторыйскіе должны быть исключены и все ихъ значеніе въ народѣ должно быть уничтожено, вмѣстѣ съ надеждою возстановленія этого значенія когда-либо впредь. Надобно привлечь Мнишка и Потоцкихъ, но нельзя позволить имъ низвергнуть короля. Въ случаѣ же крайности, если-бъ Станиславъ-Августъ легкомысліемъ, непостоянствомъ и безразсудностію сдѣлался невозможнымъ на престолѣ, то необходимо: чтобъ низверженіе произведено было Россіею; чтобъ новый король былъ Пястъ и возведенъ такъ-же Россіею; чтобъ Франція не могла показать свѣту, что Русское дѣло возведенія Понятовскаго не могло быть прочно, не могло устоять противъ подкоповъ Франціи по недостатку внутреннихъ силъ самой Россіи. Такъ необходимо поступать и вслѣдствіе соглашеній съ Пруссіею, и вслѣдствіе того, что русское вліяніе въ Польшѣ подвергнется сильной опасности вслѣдствіе возведенія на престолъ Саксонскадо курфирста, ибо Саксонія, по положенію своему между соперницами — Австріею и Пруссіею — и по отношеніямъ къ Франціи, будетъ часто переходить изъ союза въ союзъ, увлекая за собою и Польшу то въ ту, то въ другую сторону, что никакъ не согласно съ независимою Сѣверною системою, однажды навсегда принятою ея императорскимъ величествомъ.

Письма Панина не подѣйствовали на короля; Волконскій не нашелъ въ немъ ни малѣйшей перемѣны послѣ ихъ прочтенія; Станиславъ-Августъ твердилъ, что должность требовала отъ него показать націи свое попеченіе о ней, и что надобно ему также нажить и хорошее имя на свѣтѣ. Когда Волконскій спросилъ, надѣется ли онъ остаться на престолѣ хотя недолго, если императрица отниметъ отъ него свою руку, то онъ на это ничего не сказалъ, а только пожался. Каждый день король держалъ у себя совѣтъ, состоявшій изъ дядей Чарторыйскихъ и наперсниковъ, т.-е. маршала Любомирскаго, бывшаго канцлера Замойскаго и вице-канцлеровъ — Пршездецкаго и Борха. Въ концѣ ноября Волконскій ѣздилъ къ королю съ требованіемъ, чтобъ отсталъ отъ своихъ совѣтниковъ, окружалъ бы себя добрыми патріотами и людьми безпристрастными, каковы, наприм., графъ Флеммингъ, Браницкій, которые отечество любятъ, ему, королю, преданы и фамильныхъ интересовъ не имѣютъ, — не похожи въ этомъ отношеніи на Чарторыйскихъ, которые имѣютъ причину усиливать замѣшательства, ибо если бы они довели его дотого, что императрица отняла бы отъ него руку помощи — и онъ лишился короны, то они нисколько не замедлили бы пожертвовать имъ въ пользу

князя Адама и маршала Любомирскаго. „Они мнѣ родня", отвѣчалъ король; „отстать отъ нихъ не могу, а буду поступать по желанію вашему". Волконскій сталъ выговаривать королю за недостатокъ откровенности, за скрытіе отъ него намѣренія созвать сенатъ и постановить извѣстное рѣшенія. Король сказалъ на это: „Мы тогда на ниткѣ висѣли, и славу Богу, что война приняла такой благопріятный оборотъ". — „Но развѣ бы вы спаслись", возразилъ Волконскій, „если бы Турки насъ побили, и какую бы пользу принесло вамъ рѣшеніе вашего совѣта? Вамъ извѣстно, что нація васъ ненавидитъ, и держетесь вы на престолѣ одними нашими войсками".—„Предпочитая всему обязанности патріота", отвѣчалъ король, „я обязанъ былъ сдѣлать что-нибудь въ пользу націи".—„Кого вы подъ націей разумѣете", спросилъ Волконскій: „не тѣхъ ли, которые противъ васъ взбунтовались подъ предлогомъ вѣры и вольности, и отъ которыхъ императрица васъ защищаетъ?—у нихъ вашъ поступокъ не возбудилъ ни малѣйшей благодарности; да если бы и возбудилъ, если бы возмутители къ вамъ пристали, то неужели бы вы взяли вмѣстѣ съ ними оружіе противъ своей благодѣтельницы?".—„Оружія не взялъ бы", отвѣчалъ король, „а сталъ бы ихъ уговаривать и склонять къ успокоенію". На другой день Волконскій отправился къ Понятовскому вмѣстѣ съ Бенуа, который именемъ своего государя совѣтовалъ не терять дружбы Русской императрицы, ибо отъ нея одной зависитъ его королевское благополучіе. Станиславъ-Августъ отвѣчалъ и Бенуа, что онъ ничего противнаго императрицѣ не дѣлаетъ, а поступаетъ какъ велитъ ему долгъ, который онъ всему предпочитаетъ.

Волконскій переслалъ въ Петербургъ на одобреніе планы новой конфедераціи; но Панинъ извѣстилъ его, въ началѣ декабря, что надобно подождать, тѣмъ болѣе-что Молдавія завоевана безъ Поляковъ. Относительно королевскаго поведенія надобно также подождать: посмотрѣть, какое впечатлѣніе на з ы б к і й д у х ъ Станислава-Августа произведетъ непринятіе императрицею посольства Огинскаго. Еще до полученія этого отвѣта отъ Панина, Волконскій 13 декабря былъ приглашенъ королемъ, который началъ ему говорить; „Бенуа именемъ своего государя предлагаетъ дружескій совѣтъ, чтобы я искалъ прибѣжища только у одной императрицы. Я не желаю сдѣлать что-либо противное; но, не зная, о чемъ идетъ дѣло, не могу слѣпо вамъ въ руки отдаться".—„Дѣло идетъ о томъ", отвѣчалъ Волконскій, „чтобъ удержать васъ на престолѣ и успокоить Польшу. Ея и. в—ство, видя неожиданное ваше поведеніе и зная, что вы принуждены такъ поступать своими хитрыми совѣтниками, по своему великодушію, не отреклась еще отъ заботъ о вашемъ избавленіи, а исключила только совѣтниковъ вашихъ изъ своего покровительства. Вашему величеству надобно этимъ воспользоваться и, не теряя времени, подумать о себѣ, оставя злыхъ совѣтниковъ; я не могу съ вами изъясняться о мѣрахъ, которыя мы предпринимаемъ для вашего избавленія, пока не увижу, что вы отстали отъ своихъ совѣтниковъ и только въ покровительствѣ императрицы ищете себѣ спасенія, ибо иначе совѣтники ваши объ этихъ мѣрахъ знали бы и препятствовали имъ". — „Чарторыйскіе", отвѣчалъ король, „мнѣ родня, и отстать отъ нихъ я не могу; я не могу также обѣщать исполнять во всемъ вашу волю: вы, можетъ быть, захотите уничтожить всѣ полезныя постановленія, сдѣланныя для Польши въ мое царствованіе"? — „Дядей своихъ вы можете почитать, какъ родственниковъ, и въ дѣлахъ совѣтовъ ихъ не слушать и не спрашиваться съ ними", отвѣчалъ Волконскій. „Императрица отъ договора своего съ Польшей и диссидентскаго дѣла никогда не отступитъ, о гарантіи же сдѣлаетъ изъясненіе, что она вовсе не опасна для польской самостоятельности; дядей вашихъ она навсегда лишила своего покровительства". — „Да кто же будутъ нашими пріятелями"? спросилъ король: „развѣ Потоцкіе, которые оказались противъ васъ такими неблагодарными"?—„Не знаю", отвѣчалъ Волконскій, „благодарны Потоцкіе или нѣтъ; знаю одно,—что Чарторыйскіе неблагодарны, и что Потоцкими жертвовали мы нѣсколько разъ для возвышенія Чарторыйскихъ".—„Что-жь вы сдѣлаете съ Чарторыйскими", спросилъ король съ жаромъ; „неужели и ихъ возьмете, какъ Солтыка"?— „И за это не ручаюсь", отвѣчалъ Волконскій, „если они не перемѣнятъ поведенія".—„Въ такомъ случаѣ лучше ужь и меня самого взять", сказалъ король, и покончилъ словами: „Я надѣюсь, что императрица, по великодушію своему, не принудитъ меня отстать отъ своей родни". Тутъ же была рѣчь и о медіаціи: король предложилъ взять въ посредницы какую-нибудь католическую державу, Францію или Австрію, ибо дѣло идетъ о вѣрѣ. „О вѣрѣ", отвѣчалъ Волконскій, „дѣло вовсе нейдетъ, и въ медіаціи нужды нѣтъ; между императрицею и вашимъ величествомъ посредниковъ не нужно, потому что вы ею одною возведены на престолъ и поддерживаетесь на немъ; а между Россіею и бунтовщиками, которыхъ вы называете націею, медіація невозможна".

Между тѣмъ польскій резидентъ въ Петербургѣ, Псарскій, далъ знать королю, что Русскій Дворъ намѣренъ совершенно отступиться отъ гарантіи и согласиться на исключеніе диссидентовъ изъ законодательства, если они сами добровольно пришлютъ о томъ съ просьбою въ Петербургъ. Король показалъ Волконскому депешу Псарскаго. Посолъ отвѣчалъ, что объ отступленіи отъ гарантіи никакого повелѣнія не имѣетъ; гарантію можно только изъяснить чрезъ декларацію или новый дополнительный трактатъ; что же касается диссидентовъ, то думаетъ, что если бы они сами добровольно пожелали отказаться отъ какихъ-нибудь правъ, то затрудненія въ этомъ со стороны Русскаго Двора не будетъ. Король, услыхавъ о до-

полнительномъ трактатѣ, пришелъ въ восторгъ: „Прекрасно"! сказалъ онъ, „надобно работать". Но Волконскій умѣрилъ его восторгъ, замѣтивъ, что прежде всего надобно получить удостовѣреніе, что Чарторыйскіе и прочіе совѣтники королевскіе будутъ отстранены отъ содѣйствія, и что впредь король будетъ раздавать награды не по ихъ представленіямъ, а по совѣту съ нимъ, посломъ. „Лучше дамъ себя въ куски изорвать, чѣмъ на это соглашусь", отвѣчалъ король съ жаромъ.—„Въ такомъ случаѣ", сказалъ Волконскій, „если нужда дойдетъ до конфедераціи, то мы принуждены будемъ составить ее и безъ вашего величества".—„Не лишу я своихъ совѣтниковъ довѣренности", продолжалъ король: „потому что если бы я ихъ отъ себя отдалилъ, то нація увидѣла бы, что я ихъ бросилъ за ихъ враждебность къ Россіи".—„Изъ этого выходитъ", сказалъ Волконскій, „что ваше величество и сами стараетесь показать себя врагомъ Россіи; а помоему вы крѣпче сидѣли бы на тронѣ, если бы нація увѣрилась, что вы съ нами".—Король, увидѣвъ, что проговорился, не отвѣчалъ ни слова [1]).

Вмѣстѣ съ Волконскимъ уговаривалъ Станислава-Августа держаться Россіи и прусскій министръ Бенуа; Фридрихъ II продолжалъ играть роль вѣрнаго союзника Россіи. Но мы видѣли такъ-же, что онъ тяготился иногда этимъ союзомъ, смотрѣлъ съ досадою на дѣйствія Россіи въ Польшѣ въ пользу диссидентовъ, что могло слишкомъ усилить здѣсь русское вліяніе. Фридриха раздражала мысль, что между союзниками нѣтъ равенства; что онъ служитъ русскимъ цѣлямъ, не говоря уже о томъ, какъ раздражало его желаніе Русскаго Двора навязать ему свою Сѣверную систему, въ которой онъ не видалъ никакого практическаго смысла,—видѣлъ одно стѣсненіе для себя. Усиленіе польскихъ волненій, война конфедератская, наконецъ война Турецкая увеличивали затрудненія Прусскаго короля: по союзному договору, надобно было помогать Россіи по крайней мѣрѣ деньгами; надобно было хлопотать, чтобъ какъ можно скорѣе прекратились и польскія волненія и Турецкая война; послѣдней Фридрихъ сначала очень боялся, предполагая важныя послѣдствія, европейскую войну, изъ которой выйти по-добру-по-здорову считалъ онъ большимъ счастіемъ [2]). Но, во всякомъ случаѣ, онъ крѣпко держался Русскаго союза, который одинъ давалъ ему обезпеченіе. Король въ письмѣ къ Екатеринѣ выразилъ желаніе воспользоваться статьею договора 1764 года и возобновить союзъ до истеченія осьмилѣтняго срока. Императрица отвѣчала, что очень охотно принимаетъ предложеніе о возобновленіи союза, который „при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ быть еще полезнѣе для обѣихъ державъ и еще важнѣе для цѣлой Европы" [3]). Въ томъ же письмѣ Екатерина открывалась своему „самому вѣрному союзнику", что оставляетъ на извѣстное время Польшу въ ея политическомъ усыпленіи, наблюдая только за тѣмъ, чтобъ постоянные разбои не превратились въ общее возстаніе.

Несмотря однако на то, что Екатерина въ своихъ письмахъ къ Фридриху продолжала выражать самое сильное желаніе насчетъ возобновленія и усиленія союза, дѣло затянулось отъ января до октября 1769 года. Въ Петербургѣ между нѣкоторыми значительными лицами существовало убѣжденіе, что настоящая система Прусскаго союза вовсе не такъ выгодна, какъ прежняя система союза Австрійскаго, основаннаго на отношеніяхъ обѣихъ имперій къ Турціи. Настоящая Турецкая война доказывала это очевиднымъ образомъ: при Австрійскомъ союзѣ ея или бы не было, или турецкія силы были бы отвлечены австрійскими войсками. Фридрихъ зналъ хорошо о существованіи въ Петербургѣ приверженцевъ Австрійскаго союза, боялся сверженія Панина и перемѣны политики, поэтому предложилъ возобновленіе или собственно продленіе союза, и въ то же время въ Берлинѣ приготовлена была записка, въ которой доказывалось, что для Россіи Прусскій союзъ выгоднѣе Австрійскаго: союзъ Россіи съ Австріею поведетъ къ союзу Пруссіи съ Франціею; но при этомъ Россія не можетъ получить дѣятельной помощи отъ Австріи, которая будетъ бояться нападенія Франціи въ Италіи и Нидерландахъ; напротивъ, Прусскій союзъ очень выгоденъ, ибо Пруссія и Данія будутъ сдерживать Швецію [4]). Существованіе сильныхъ возраженій противъ Прусскаго союза естественно заставляло приверженцевъ его и саму императрицу быть требовательными, заставляло ихъ желать получить отъ Пруссіи какъ можно болѣе выгодъ и обезпеченій, чтобъ имѣть возможность выставить всю пользу союза съ нею; Панинъ поэтому требовалъ отъ Фридриха большихъ обязательствъ, особенно въ случаѣ общей войны. Эти требованія раздражали Фридриха: онъ опять увидалъ нарушеніе равенства, стремленіе Русскаго Двора получить отъ Пруссіи больше, чѣмъ сколько онъ могъ ей дать. Наконецъ, 12 октября, возобновленъ былъ союзный договоръ на 8 лѣтъ, считая этотъ срокъ съ 31 марта 1772 года. Вторая секретная статья договора была дополнена условіемъ, что, если Саксонскій Дворъ отправитъ войско въ Польшу для достиженія своихъ видовъ, Русская императрица будетъ въ-правѣ потребовать отъ Прусскаго короля, чтобъ онъ противопоставилъ свое войско саксонскому, или вступилъ бы съ войскомъ въ Саксонію, смотря по обстоятельствамъ. Третья секретная статья была выражена такъ, что, въ случаѣ нападенія Шведовъ на Россію и въ случаѣ ниспроверженія конституціи 1720 года, Прусскій король обязывается сдѣлать диверсію въ Шведскую Померанію. По поводу этой статьи сохранилась любопытная записка императрицы гр. Па-

[1]) Дѣла Польскія 1769 года.

[2]) Письмо Фридриха къ брату, принцу Генриху, Oeuvres, XXVI, 312.

[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 253.

[4]) Beer, I, 269

нину: „Не лучше ли бы было не называть Шведской Помераніи, потому что пріобрѣтеніе послѣдней дастъ Прусскому королю гавани, столь же удобныя какъ и Данцигъ, слѣдовательно дастъ возможность завести флотъ на Балтійскомъ морѣ. Прошу васъ наставить меня, если я ошибаюсь. Но я не разъ отъ васъ слыхала, что Данцигъ или равный ему постъ, какъ напримѣръ Стральзундъ, въ прусскихъ рукахъ намъ будетъ вреденъ. Можно было бы сказать о диверсіи, не называя Шведскую Померанію“ [1]). Разумѣется, Екатерина не ошибалась; но Панину было легко доказать, что, хотя бы и не упоминалась Шведская Померанія, — диверсія могла быть сдѣлана только въ эту область. Безпокоились относительно Помераніи, и перестали безпокоиться о Саксоніи; выговорили право требовать, чтобъ Фридрихъ вступилъ съ войскомъ въ Саксонію. Фридрихъ торжествовалъ: его не будутъ больше раздражать заступничествомъ за Саксонію; Сѣверная система исчезла при первомъ обнаруженіи реальныхъ отношеній, хотя въ Петербургѣ продолжали думать, что она существуетъ.

Только Русскій союзъ могъ дать Фридриху твердую опору, обезпеченіе, и потому понятно, что всѣ старанія Франціи и Австріи отвлечь его отъ этого союза остались тщетными. Съ Франціею, вслѣдствіе ея заискиваній, онъ возобновилъ дипломатическія сношенія, но постоянно относился къ ней съ холоднымъ презрѣніемъ, какъ относятся къ постарѣвшей красавицѣ, которая потеряла прелести и сохранила смѣшныя претензіи. Съ Австріей онъ сближался охотно, ибо прежде всего желалъ предупредить сближеніе ея съ Россіею: онъ хотѣлъ Австріею стращать Россію, сдерживать послѣднюю, становиться посредникомъ между двумя имперіями и употреблять обѣ орудіями для достиженія собственныхъ цѣлей, что ему вполнѣ и удалось.

Въ половинѣ 1768 года, Франція завязала дипломатическія сношенія съ Пруссіею подъ предлогомъ заключенія торговаго договора. Чтобъ привлечь Фридриха на свою сторону, Шаузель далъ ему знать, что Франція не будетъ противъ присоединенія къ Пруссіи Данцига и Гамбурга. Въ началѣ 1769 года пріѣхалъ въ Берлинъ французскій посланникъ, герцогъ де-Гинь; прусскимъ посланникомъ въ Парижъ отправился полковникъ Гольцъ, и далъ знать своему королю, что Шаузель предлагаетъ Пруссіи Вармію и Курляндію [2]). Но Фридрихъ смѣялся надъ этими предложеніями, зная, что онъ можетъ получить хорошую добычу изъ Польши, только не посредствомъ Франціи. и ея посланникъ въ то же время доносилъ своему Двору, что Прусскій король замышляетъ великое предпріятіе относительно Польскихъ дѣлъ [3]).

Еще прежде чѣмъ во Франціи, въ Австріи почувствовали потребность сблизиться съ Пруссіею въ видахъ сдержанія Россіи. Въ самомъ началѣ 1768 года, Кауницъ подалъ Маріи-Терезіи записку, въ которой говорилось, что Австрія могла не вмѣшиваться въ Польскія дѣла, пока оии не затрогивали политической системы Европы вообще или сосѣднихъ съ республикою державъ въ особенности. Теперь этотъ случай настоитъ: Россія посредствомъ гарантіи будетъ располагать исключительно всѣми дѣлами Польши и сдѣлаетъ ее, подобно Курляндіи, русскою провинціею. Для Австріи опасно возбудить войну, въ которой она должна будетъ принять участіе, или сдѣлать какой-нибудь шагъ, могущій унизить ея достоинство; но опасности не было бы, если-бъ можно было получить увѣренность въ королѣ Прусскомъ. Есть возможность думать, что Прусскій король не только не воспротивится никакому предпріятію, имѣющему цѣлію сдержать Россію, но еще будетъ радъ, если другіе сдѣлаютъ то, чего онъ самъ, по обстоятельствамъ, дѣлать не можетъ. Кауницъ совѣтовалъ обратиться къ Прусскому королю, не согласится ли онъ, вмѣстѣ съ Австріею, предложить польскому сейму также и свои гарантіи свободныхъ учрежденій Польши: это сдержитъ Россію, ибо не ей одной будетъ принадлежать ручательство,—она должна будетъ подѣлиться своимъ вліяніемъ съ двумя другими сосѣдними державами [4]).— Такимъ образомъ, Россія одна не могла покончить своихъ вѣковыхъ распрей съ Польшею: въ Вѣнѣ составленъ былъ планъ раздѣла вліянія между тремя сосѣдними державами; планъ раздѣла территоріи не заставилъ себя дожидаться и приведенъ былъ въ исполненіе непосредственно, благодаря Турецкой войнѣ. „Война между Россіею и Турціею,“ говоритъ Фридрихъ II, „перемѣнила всю политическую систему Европы; открылось новое поле для дѣятельности; надобно было не имѣть вовсе никакой ловкости, или находиться въ безсмысленномъ оцѣпенѣніи, чтобъ не воспользоваться такимъ выгоднымъ случаемъ. Я читалъ прекрасную аллегорію Боярдо; я схватилъ за волосы представившійся случай, и, съ помощію переговоровъ, достигъ того, что вознаградилъ свою монархію за прошлыя потери, включивши Польскую Пруссію въ число моихъ старинныхъ областей“ [5]).

Такимъ образомъ, Фридрихъ, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него извѣстіемъ о войнѣ между Россіею и Турціею, увидалъ въ ней выгодный случай для распространенія своихъ владѣній. Кауницъ увидалъ въ ней такъ-же выгодный случай, который можетъ „перемѣнить политическую систему Европы“, разумѣется къ выгодѣ Австріи. Австрійскому канцлеру разъ удалось уже перемѣнить эту политическую систему, удалось соединить два исконп враждебныя государства, Австрію и Францію: отчего же

---

[1]) Дѣла Прусскія 1769.

[2]) Max. Duncker—Aus der Zeit Friedrich's des Grossen, 167, 168.

[3]) Raumer-Beiträge, IV, 230.

[4]) Beer Documenta, № 1.

[5]) Mémoires de Frédéric II, II, 314.

теперь неудастся соединить Австрію и Пруссію и достигнуть того, къ чему не привела Семилѣтняя война, вслѣдствіе смерти Елисаветы Русской,—возвратить Силезію! Тройной союзъ между Австріею, Пруссіею и Турціею сдержитъ Россію, причемъ, для скрѣпленія этого союза, Фридрихъ уступитъ Силезію Австріи, а самъ за это возьметъ Курляндію и часть Польши, да можетъ еще получить деньги отъ Порты; Фридрихъ долженъ на это согласиться, ибо при своемъ умѣ не можетъ же онъ не видать, какъ вредно для него содѣйствовать усиленію Россіи [1]). Итакъ, въ концѣ-концовъ, должна поплатиться Польша,—ничья вещь (res nullius), запасный магазинъ Восточной Европы. Императоръ Іосифъ II не раздѣлялъ съ Кауницемъ надежды относительно успѣшнаго исполненія этого плана: онъ не думалъ, чтобъ Фридрихъ предпочелъ союзъ съ Австріею и Турціею Русскому союзу; не думалъ, чтобъ Прусскій король промѣнялъ Силезію на Курляндію и часть Польши; по мнѣнію Іосифа, Фридрихъ могъ промѣнять Силезію только на Саксонію. Но императоръ такъ-же признавалъ необходимость попытки сблизиться съ Пруссіею, и эта попытка могла скорѣе всего произойти посредствомъ личнаго свиданія Іосифа съ Фридрихомъ. Послѣдній охотно соглашался на это свиданіе: „Пруссія“, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „должна была бояться, чтобъ ея союзница (Россія), ставши слишкомъ могущественною, не захотѣла современемъ предписать ей законы, какъ Польшѣ. Вѣнскій Дворъ долженъ былъ опасаться почти того же самаго. Эта общая опасность заставила на время забыть прежнюю вражду“. Свиданіе Іосифа съ Фридрихомъ послѣдовало въ силезскомъ городѣ Нейссе, въ августѣ 1769 года. „Король“, писалъ Іосифъ матери, „осыпалъ насъ учтивостями и выраженіями дружбы; это геній, говоритъ онъ чудесно, но въ каждомъ словѣ проглядываетъ плутъ. Въ разговорахъ его высказывался страхъ предъ русскимъ могуществомъ,—страхъ, который ему хотѣлось внушить и намъ. Онъ мнѣ говорилъ о нашихъ Грекахъ въ Венгріи (Православныхъ Славянахъ); сказалъ, что наши купцы этой религіи въ Бреславлѣ задали публичный праздникъ въ честь русскихъ побѣдъ; говорилъ, что надобно съ ними хорошо обходиться, обнаруживъ терпимость, чтобъ они не привязались еще больше къ Россіи и не завязали смуты. Онъ мнѣ сказалъ: чтобъ сдержать Россію, вся Европа принуждена будетъ вооружиться, ибо Россія овладѣетъ всѣмъ.—Государь, отвѣчалъ я ему, въ случаѣ всеобщей войны,—вы въ авангардѣ, и потому намъ можно спать спокойно. Будучи безопасны съ нашей стороны, вы сдѣлаете съ Русскими все, что вамъ угодно.—Онъ съ этимъ не согласился, признался, что боится Русскихъ, и союзъ съ ними ему необходимъ, хотя и тяжелъ“ [2]).

По словамъ Фридриха, Іосифъ далъ ему ловко замѣтить, что онъ не имѣетъ столько вліянія надъ матерью, чтобъ могъ исполнять свои желанія; но не скроетъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ ни онъ, ни Марія-Терезія никогда не позволятъ, чтобъ Русскіе удержали за собою Молдавію и Валахію.—Въ Петербургъ, Сольмсу Фридрихъ писалъ о свиданіи: „Императоръ очень любезенъ и необыкновенно учтивъ. Онъ меня увѣрялъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, что забылъ навсегда о Силезіи. Я принялъ увѣренія, какъ они того заслуживаютъ. Я обратилъ его вниманіе на Россію; онъ мнѣ признался, что Русская императрица великая женщина, gran cervello di regina, по его собственному выраженію. Это—человѣкъ, пожираемый честолюбіемъ; онъ питаетъ какое-нибудь великое намѣреніе: теперь онъ сдерживается матерью и съ нетерпѣніемъ сноситъ иго; какъ скоро онъ отъ него освободится, то сдѣлаетъ какой-нибудь важный шагъ. Мнѣ было невозможно проникнуть, что онъ именно имѣетъ въ виду: Венецію, Баварію, Силезію или Лотарингію. Но можно безошибочно положить, что Европа будетъ въ огнѣ, какъ скоро онъ сдѣлается независимымъ государемъ“. Фридрихъ велѣлъ Сольмсу сообщить свое письмо Екатеринѣ.

Австрію Фридрихъ стращалъ Россіею, Россію—Австріею; писалъ Екатеринѣ, что Вѣнскій Дворъ не вмѣшается въ Польскія дѣла, пока русскія войска будутъ дѣйствовать удачно противъ Турокъ; но при первой неудачѣ Австрія будетъ стараться посадить на Польскій престолъ одного изъ Саксонскихъ принцевъ, именно герцога Альберта Тешенскаго. Легко понять, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ Фридрихъ за военными дѣйствіями. 30 августа (н. с.) онъ писалъ Сольмсу: Хотя надобно было постоянно предполагать, что Турки употребятъ усилія для спасенія Хотина, признаюсь однако, что я не ожидалъ такого скораго снятія осады. Какъ бы то ни было, теперь надобно смотрѣть на слѣдствія этого отступленія, будетъ ли рѣшительная битва между Русскими и Турками. Я этого желаю для блага Русскаго дѣла; мнѣ кажется даже, что этого надобно желать тѣмъ болѣе, что отъ дальнѣйшей отсрочки сраженія Русскіе могутъ потерпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Не скрою отъ васъ, что, по моему мнѣнію, кн. Голицынъ слишкомъ медлитъ взятіемъ этой крѣпости, и если случится несчастіе съ его войсками, то онъ долженъ будетъ винить въ этомъ одного себя и недостатокъ живости въ преслѣдованіи выгодъ, которыя онъ получилъ надъ Турками въ послѣднее время [3]).

[1]) Beer—I, 293.
[2]) Arneth—Maria-Theresie und Joseph. II, I, 300.

[3]) Дѣла Прусскія 1769 года.—Когда Турки бѣжали отъ Хотина, и Русскіе заняли Дунайскія княжества, Фридрихъ помѣтилъ въ своихъ Запискахъ такой отзывъ о кампаніи: «Генералы Екатерины не имѣли никакого понятія о кастрометріи и тактикѣ; генералы султана имѣли еще меньше познаній; чтобъ получить правильное понятіе объ этой войнѣ, надобно представить себѣ кривыхъ, которые, поколотивши слѣпыхъ, берутъ надъ ними рѣшительный верхъ».

Австрія объявила Петербургскому Двору, что будетъ соблюдать нейтралитетъ въ войнѣ между Россіею и Турціею. Франція ничего не объявляла и продолжала употреблять всѣ средства вредить Россіи, избѣгая, впрочемъ, огласки и явнаго разрыва. Она хотѣла пользоваться тѣмъ, что считала ошибкою Россіи. Послѣдняя, видя сопротивленіе своимъ планамъ въ королѣ и Чарторыйскихъ, образовала Радомскую конфедерацію; но конфедераты соглашались дѣйствовать въ видахъ Россіи только въ надеждѣ, что она позволитъ имъ свергнуть Станислава-Августа; когда же увидали, что Россія непремѣнно хочетъ удержать на престолѣ Понятовскаго, то обратились противъ нея, и во Франціи смотрѣли на Барскую конфедерацію какъ на Радомскую же, только обороченную въ противную сторону вслѣдствіе объявленія Россіи, что будетъ поддерживать Понятовскаго. Шуазель считалъ этотъ оборотъ дѣла благопріятнымъ для Франціи и полагалъ необходимымъ поддерживать Барскую конфедерацію; но, мало надѣясь на Поляковъ, онъ поднялъ Турцію противъ Россіи и старался затянуть войну, помогая Портѣ разными средствами. Онъ отправилъ въ Константинополь драгунскаго полковника Валькруассана и написалъ ему въ инструкціи: „Нужда, какую имѣютъ Турки въ совѣтахъ для направленія ихъ дѣятельности, внушила королю желаніе, чтобъ г. Валькруассанъ нашелъ какое-нибудь средство получить вліяніе на ихъ рѣшенія. Если предразсудки и гордость Турокъ сдѣлаютъ этотъ планъ невозможнымъ, то пусть г. Валькруассанъ станетъ въ челѣ Барскихъ конфедератовъ или одного изъ ихъ отрядовъ. Намѣреніе короля состоитъ въ томъ, чтобъ г. Валькруассанъ оказалъ всевозможныя услуги дѣлу Турокъ противъ Россіи". Въ депешѣ Шуазеля къ Жерару, французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Данцигѣ, говорилось (19 и 28 февраля): „Король истинно интересуется судьбою Польши, и вы въ этомъ отношеніи не можете ничего преувеличить въ разговорахъ своихъ съ патріотами, лишь бы вы ограничивались общими мѣстами, которыя не обязываютъ насъ ни къ чему, и лишь бы только вы всегда давали имъ чувствовать, что жалкія и безсвязныя дѣйствія Польской націи, которая сама не умѣетъ помочь себѣ, не даютъ и друзьямъ ея средствъ помочь ей. Вы должны говорить, что Полякамъ надобно согласиться между собою, уговориться съ Татарами и Турками, которые взялись за оружіе въ интересахъ республики. Патріоты должны чувствовать, что съ этихъ поръ только отъ оружія должны зависѣть спасеніе, независимость, самое существованіе республики. Въ настоящихъ обстоятельствахъ самый главный предметъ—это дѣлать всевозможное зло Русскимъ, не стѣсняясь какимъ-нибудь временнымъ неудобствомъ, могущимъ отъ этого произойти. Эта политика составляетъ часть великихъ видовъ, входящихъ въ настоящую систему короля... Легкомысліе Поляковъ, ихъ несогласіе между собою, ихъ народный характеръ не позволяютъ надѣяться съ ихъ стороны никакого усилія противъ Россіи, сколько-нибудь значительнаго; мы можемъ полагаться только на Турокъ и Татаръ, и всѣ наши совѣты и виды должны имѣть цѣлію облегченіе успѣха послѣднихъ".

И явныя отношенія Петербургскаго и Версальскаго Дворовъ не отличались дружелюбіемъ. Русскій повѣренный въ дѣлахъ, Хотинскій, по предписанію Панина, долженъ былъ сдѣлать любопытное объявленіе герцогу Шуазелю, что Русскій Дворъ чувствуетъ большую непріятность отъ постояннаго перехватыванія депешъ изъ Петербурга къ русскому повѣренному въ дѣлахъ при Версальскомъ Дворѣ и обратно; перехватываются даже частныя письма и заказы Двора. Хотинскій долженъ былъ спросить Шуазеля, какая же польза послѣ того отъ пребыванія русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ во Франціи, и французскаго въ Россіи: Россія и Франція не въ такомъ положеніи, чтобъ нуждались въ сохраненіи толико внѣшняго приличія. Шуазель далъ честное слово, что депеши перехватывались не во Франціи: если бы онѣ даже вскрывались во Франціи, то зачѣмъ же ихъ удерживать? Въ то же время пришло извѣстіе, что французскій посланникъ въ Лондонѣ, Шателэ, самымъ неприличнымъ образомъ перехватилъ мѣсто у русскаго посланника, графа Чернышева. Когда Хотинскій жаловался на это Шуазелю, тотъ отвѣчалъ: „Не понимаю, съ чего Россія вздумала теперь оспаривать у Франціи первенство. Не по слухамъ, но по собственному опыту я знаю, что послы императрицы Елисаветы уступали мѣсто посламъ французскимъ; я самъ былъ посломъ въ Вѣнѣ, когда тамъ былъ покойный Кейзерлингъ, который никогда не спорилъ со мною за мѣсто и садился ниже меня. Франція уже занимала важное мѣсто въ Европѣ, когда Россія была вовсе неизвѣстна, и было бы несправедливо, если-бъ теперь Россія отняла у нея это мѣсто. Когда Русскіе государи назывались только царями, то не имѣли притязаній на первенство, и только съ тѣхъ поръ, какъ имъ уступили императорскій титулъ, явились затрудненія, вѣроятно потому, что подъ императоромъ разумѣютъ главу государей. Но Франція не имѣетъ обязанности уступать, потому что она не нуждается въ Россіи, и если послѣдняя будетъ упорствовать въ своихъ претензіяхъ, то мы разомъ покончимъ съ этими спорами, отнявши у Русской государыни императорскій титулъ: король объявитъ объ этомъ манифестомъ, Испанія послѣдуетъ нашему примѣру. Мы сдѣлали глупость, уступивши титулъ; но мы поправимъ дѣло однажды навсегда". Хотинскій отвѣчалъ, что Россія не претендуетъ на первенство и въ то же время не уступаетъ его, требуетъ только равенства. „Такое равенство невозможно", возразилъ Шуазель: „гдѣ есть первый, тамъ непремѣнно долженъ быть второй" [1]).

---

[1]) Дѣла Французскія 1769 года.—Бумаги, доставл Тургеневымъ въ Госуд. Арх.

Франція находилась въ тѣсномъ союзѣ съ Австріею, и Шуазель счелъ нужнымъ высказать свои взгляды въ мемуарѣ, который онъ передалъ австрійскому послу при Французскомъ Дворѣ, графу Мерси: „Франція не изъ фантазіи какой-нибудь находится во враждебномъ отношеніи къ Россіи. Государыня, царствующая въ Петербургѣ, съ первыхъ мѣсяцевъ своего правленія обнаружила свою честолюбивую систему; нельзя было не увидать ея намѣренія вооружить Сѣверъ противъ Юга. Одно изъ основаній нашего союза съ Австріею состоитъ въ избѣжаніи, по возможности, континентальной войны; но если-бъ состоялся Сѣверный союзъ, руководимый Россіею и Пруссіею и оплачиваемый Англіею, то Австрія и Франція необходимо были бы затруднены и должны были бы вести значительную сухопутную войну. Итакъ надобно было стараться всѣми средствами остановить такой опасный союзъ, а для этого надобно было занять скорѣе Россію, чѣмъ Англію, которая жила смирно. Русская императрица услужила намъ, завлекшись въ предпріятія не по силамъ. Швеція не вступитъ въ союзъ противъ Франціи и Вѣнскаго Двора; Швеція будетъ сдерживать Данію. Несчастная Польша терзаетъ сама себя; Русскіе заняты Портою и Польшею, и могутъ быть только въ тягость своимъ союзникамъ; король Прусскій, который конечно хочетъ войны, чтобъ ловить рыбу въ мутной водѣ, не посмѣетъ тронуться, сдерживаемый Австріею. Итакъ лучше всего для нашего союза, чтобъ Турецкая война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ съ ровнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ: пусть ослабляютъ другъ друга, и если мы выиграемъ время, то все будетъ въ нашу пользу“.

Въ Вѣнѣ не раздѣляли этого взгляда. Кауницъ отвѣчалъ: „Турецкая война, къ несчастію, взяла такой дурной оборотъ и такъ мало надежды на лучшее будущее, что лѣкарство не уменьшило, а значительно увеличило болѣзнь и опасность, ибо по всему видно, что будущая кампанія не будетъ благопріятнѣе для Турокъ, и они будутъ принуждены заключить поспѣшный миръ, поплатившись Азовомъ, Таганрогомъ, даже Очаковымъ и Крымомъ; если это случится, то могущество Турціи рушится, а Россія, наоборотъ, поднимется на степень державы самой страшной для всѣхъ другихъ континентальныхъ державъ. Слѣдовательно страшный рискъ заключается въ продолженіи войны между Россіею и Турціею. Честолюбивая душа Русской императрицы можетъ быть сдержана только страхомъ опасности, которой она подвергается, если не положитъ предѣловъ своимъ обширнымъ планамъ: для этого мы собрали въ Венгріи и Трансильваніи войско, которое сначала не было значительно и представляло только мѣру чисто охранительную; но потомъ мы его достаточно пополнили, чтобъ заставить Россію подумать, а въ случаѣ нужды и употребить его болѣе серьезнымъ образомъ“ [1]).

[1]) Beer—Documenta, № II, III.

Въ концѣ августа, въ Версали получено было извѣстіе, что русскіе корабли, назначенные въ Архипелагъ, прошли Ламаншъ. Когда послѣ этого Хотинскій пріѣхалъ къ Шуазелю, тотъ встрѣтилъ его съ обычною своею живостію, съ веселымъ лицомъ, и сказалъ съ улыбкою: „Ну, вы можете сѣсть на вашъ флотъ“. Хотинскій сказалъ, что въ случаѣ подлинности слуха о проходѣ эскадры чрезъ Ламаншъ, онъ надѣется, что въ опасныхъ и нужныхъ обстоятельствахъ русскимъ кораблямъ не будетъ отказано убѣжище во французскихъ гаваняхъ. „Я доложу объ этомъ королю“, отвѣчалъ Шуазель, „и надѣюсь, что въ помощи флоту въ здѣшнихъ гаваняхъ отказа не будетъ“. По поводу этого разговора Хотинскій писалъ Панину: „Признаюсь, что такое скромное поведеніе и отзывы дюка Шуазеля меня удивили, да и во всемъ нашелъ я въ немъ новаго человѣка: видъ его былъ тихій, ласковый, смирный и больше обыкновеннаго учтивый. Онъ показался мнѣ какъ будто устрашеннымъ, и чаятельно реченная новость такъ его ошибла, что онъ еще не опомнился, когда со мною о ней говорилъ. Здѣшнее министерство постоянно думало, что снаряженіе нашихъ эскадръ останется столь же безплоднымъ, какъ и датскихъ кораблей: погулявши по Балтійскому морю и давши этимъ сильную острастку Шведамъ, возвратятся домой“. Шуазель былъ, повидимому, очень учтивъ и спокоенъ; но Хотинскій узналъ, что немедленно по полученіи извѣстія о проходѣ эскадръ отправился изъ Версаля курьеръ въ Константинополь. Прусскій посланникъ, баронъ Гольцъ, пересказалъ свой разговоръ съ Шаузелемъ: „Слышали вы о новомъ феноменѣ, о русскомъ флотѣ“? спросилъ его министръ: „вотъ и новая морская держава появилась“! Между членами дипломатическаго корпуса только и было рѣчей, что о русской эскадрѣ; удивлялись, какъ въ такое короткое время Россія могла изготовить 20 кораблей, что и Франціи было бы трудно. Хотинскому пересказали слѣдующій отзывъ Шаузеля: „Это предпріятіе романично; но нельзя не признать, что оно имѣетъ основаніе и на него хорошо смотрятъ: дорого оно, и не думаю, чтобъ много этимъ было сдѣлано, но все-таки это блестящая экспедиція“.

Хотинскій сообщалъ также въ Петербургъ и о Полякахъ, находившихся въ Парижѣ, ихъ надеждахъ, замыслахъ и разговорахъ. Въ Парижѣ въ это время находился эмиссаръ конфедератовъ Гамолинскій, который подносилъ отъ нихъ принцу Карлу Саксонскому Польскую корону, но тотъ отказался отъ опаснаго подарка и только выразилъ желаніе получить обратно герцогство Курляндское, почему конфедераты и рѣшились избрать себѣ въ короли герцога Тешенскаго. Въ Парижѣ говорили, что конфедераты намѣрены провозгласить междуцарствіе и прислать во Францію посломъ отъ генеральной конфедераціи Вельгорскаго, который былъ въ Россіи, и будто король Французскій обѣщалъ принять его со всѣми почестями. Виды

конфедератовъ не ограничивались одною Польшею: имъ хотѣлось возмутить Лифляндію; возможность этого они основывали на сильномъ неудовольствіи тамошняго дворянства по причинѣ потребованнаго Русскимъ правительствомъ на время войны денежнаго вспоможенія.

Наконецъ Шаузель объявилъ Хотинскому рѣшеніе короля насчетъ русской эскадры: въ случаѣ нужныхъ и опасныхъ приключеній, Франція не откажетъ въ должной по человѣчеству помощи и не запретитъ входа русскимъ кораблямъ въ свои гавани, такъ какъ находится съ Россіею въ согласіи; но корабли должны входить въ гавани по одному, а не цѣлою эскадрою, потому что Франція, имѣя значительную торговлю съ Турціею, должна ее щадить. Хотинскій представилъ, что этого недостаточно: если цѣлая эскадра, настигнутая бурею, будетъ искать спасенія въ гавани, то неужели примутъ только одинъ корабль, и дадутъ погибнуть другимъ? Герцогъ отвѣчалъ, что перемѣнить рѣшенія нельзя: таковы морскіе законы; можно позволить войти въ гавань цѣлой эскадрѣ только той державѣ, которая находится въ союзѣ съ Франціею. То же будетъ съ русскимъ флотомъ и въ Испаніи; впрочемъ, онъ можетъ найти убѣжище отъ вѣтровъ въ рейдахъ, исключая Корсику.

Отъ 1 ноября Хотинскій сообщилъ любопытное извѣстіе: пріѣхалъ въ Парижъ Италіанецъ, графъ Томатисъ, служившій у Польскаго короля распорядителемъ придворныхъ зрѣлищъ, и разсказывалъ, что Русскіе, на основаніи успѣховъ своихъ въ Турціи, поговариваютъ уже о раздѣлѣ завоеваній, а именно: за собою оставляютъ Азовъ, Таганрогъ и право свободной торговли по Черному морю; король получитъ Молдавію и Валахію; но такъ какъ Вѣнскій и Берлинскій Дворы могли бы этому воспротивиться, то первый получилъ часть Валахіи, которую потерялъ въ прошедшую войну съ Турками, а за вторымъ останется епископство Вармійское. Томатисъ увѣрялъ, что оба Двора уже согласны на это, и между Россіею, Австріею и Пруссіею уже заключенъ дружественный договоръ [1]).

Мы видѣли, что Шаузель считалъ Данію потерянною для французскаго вліянія и думалъ сдерживать ее Швеціею; но Данія хотѣла сдерживать Швецію, и этого Шаузель не могъ сносить равнодушно. Бернсторфъ далъ знать Философову, что Данія готова принять самыя крайнія мѣры для противодѣйствія французскимъ замысламъ въ Швеціи. Данія обязывалась переслать для этого въ Стокгольмъ отъ 100 до 150,000 талеровъ; но Философовъ хлопоталъ, чтобъ, кромѣ денегъ, Данія вооружила такъ-же флотъ свой для устрашенія Швеціи. Узнавши объ этомъ, герцогъ Шаузель внушилъ датскому посланнику при Французскомъ Дворѣ, что хотя Франція не можетъ запретить Датскому королю употреблять деньги и угрозы въ настоящихъ шведскихъ обстоятельствахъ, однако заблаговременно объявляетъ, что если съ датской стороны дойдетъ до прямыхъ дѣйствій съ Швеціею, то какъ Французскій, такъ и Испанскій король спокойно смотрѣть на это не будутъ, а примутъ это за полный разрывъ дружбы и прежде всего займутъ датскія колоніи въ Америкѣ. Въ отвѣтъ на это, въ совѣтѣ Датскаго короля было рѣшено немедленно же вооружить флотъ и приготовить къ походу сухопутное войско. Шаузель сдѣлалъ датскому посланнику формальный запросъ, по какимъ побужденіямъ Данія вооружается. „Король, мой государь", писалъ Шаузель, „смотритъ на Шведское королевство какъ на государство независимое, и никакое другое государство не имѣетъ право стѣснять силою Шведскую націю; такъ, напримѣръ, король не думаетъ, чтобъ какое-нибудь государство могло дѣйствовать въ Швеціи, какъ Россія дѣйствовала въ Польшѣ". Бернсторфъ поручилъ датскому посланнику отвѣчать на это, что Датскій король далекъ отъ желанія стѣснять и безпокоить Швецію, и надѣется, что чрезвычайный шведскій сеймъ не будетъ имѣть послѣдствіями предпріятій, которыя нарушатъ спокойствіе и самые дорогіе интересы Сѣвера и заставятъ Датскаго короля исполнять старыя обязательства и позаботиться о безопасности собственныхъ государствъ. Король въ то же время не колеблется дать его христіаннѣйшему величеству самыя положительныя увѣренія, что скромное вооруженіе Даніи не грозитъ никакою опасностію ни одному государству въ мірѣ, и всего менѣе Франціи. Датскій Дворъ, въ случаѣ войны съ Швеціею, боялся не столько враждебныхъ государствъ — Франціи и Испаніи, сколько союзной Пруссіи. Отъ 4 іюля Философовъ писалъ Панину: „Совершенное приступленіе къ равномѣрной нашимъ обѣимъ операціи въ Швеціи Прусскаго Двора въ настоящемъ времени подачею декларацiи здѣсь не почитается еще нужнымъ, и хотя притомъ здѣшній Дворъ конечно почитаетъ, что на случай войны согласіе Прусскаго короля съ нашимъ и здѣшнимъ Дворами наисовершеннѣйшей важности есть, однако, зная притомъ, что король Прусскій безъ пріобрѣтенія выгодныхъ для себя акквизицій на сіе не поступитъ,—считаетъ для безопасности и спокойствія своего и всего Сѣвера на будущія времена весьма важнымъ къ усиленію сего государя, а особливо размноженіемъ его поссессій на берегахъ Балтійскаго моря или размноженіемъ его властительства въ коммерціи Польши, осмотрительными быть и требующими уваженія, что не полезнѣе ли, когда-бъ и необходимо нужно было къ такимъ договорамъ съ ними поступить, взыскивать ему удовлетвореніе хотя бы и отъ Польши, но во внутрь земли". Такимъ образомъ въ Версали, въ Вѣнѣ, въ Копенгагенѣ толковали, какъ о дѣлѣ естественномъ и необходимомъ, о вознагражденіи Прусскаго короля на счетъ Польши—за что? Это опредѣлялось интересами каждаго изъ Дворовъ.

Философовъ былъ доволенъ Бернсторфомъ, но

---

[1]) Дѣла Французскія 1769 года.

извѣщалъ о неудовлетворительномъ положеніи дѣлъ при Дворѣ: „Внутреннее состояніе здѣшняго Двора", писалъ онъ, „начинаетъ нѣсколько мятежнѣе становиться. Придворныя интриги часъ-отъ-часу размножаются. Главные интриганы—прежній фаворитъ, графъ Голькъ, мальчикъ 19 лѣтъ; Варнстьетъ, котораго вліяніе все болѣе и болѣе усиливается; госпожи Габель и Билоу, двѣ живущія при Дворѣ дамы, изъ которыхъ каждая стремится быть королевскою метрессою. Къ несчастію, король, окруженный такими презрѣнными людьми, молодъ и доступенъ всякимъ внушеніямъ, а къ большому несчастію - министерство робко: видя, что всѣ упомянутыя лица, стремящіяся овладѣть королевскою волею, не мѣшаются много въ государственныя дѣла, министры довольны, что правленіе въ ихъ рукахъ, и оставляютъ придворныя каверзы безъ сопротивленія. Моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ не допускать французскаго и шведскаго министровъ въ придворныя интриги, ибо эти министры стараются привлечь на свою сторону графа Голька" [1])

Но главная борьба у русскаго министра съ французскимъ попрежнему происходила въ Швеціи. 8-го января французская партія распустила въ Стокгольмѣ слухъ, что въ Россіи произошла революція. „Злая шайка", писалъ Остерманъ, „этимъ своихъ сообщниковъ такъ сильно ободряетъ, что они все больше и больше выходятъ изъ всякой мѣры: изъ всего видно, что они начинаютъ играть въ самую отчаянную игру: полковникъ баронъ Горнъ, ѣздя къ сенаторамъ, съ великими угрозами и нахальствомъ попрекалъ имъ ихъ поведеніе и прославлялъ поведеніе королевское". Сенатъ, опасаясь отчаянной игры противниковъ во время сейма въ Стокгольмѣ, опредѣлилъ созвать сеймъ въ Норкепингъ; тогда изъ противной партіи раздались угрозы, что Норкепингъ, состоящій большею частію изъ деревянныхъ домовъ, будетъ сожженъ. Король объявилъ, что онъ не намѣренъ разлучаться съ своимъ семействомъ, и потому сенаторы должны уступить въ Норкепингѣ приличныя помѣщенія для Двора и назначить необходимыя для того суммы. Остерманъ съ благодарностію отзывался о дружескомъ содѣйствіи ему министровъ англійскаго и датскаго; но прусскій министръ Кокцей, на приглашеніе дѣйствовать вмѣстѣ, холодно отвѣчалъ, что быть можетъ скоро заключенъ будетъ миръ между Россіею и Портою, и члены французской партіи въ Швеціи будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ.

21 февраля Остерманъ потребовалъ отъ Панина на сеймовые расходы 207,250 рублей,—сумму, высчитанную вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ и благонамѣренными шефами. „Всѣ отзывы шефовъ французской паріи", писалъ Остерманъ, „достовѣрно доказываютъ, что ихъ и любезнаго имъ Двора покушеніе на этомъ сеймѣ есть послѣднее и самое отчаянное, и если имъ не удастся достигнуть своей цѣли, то благонамѣренные останутся надолго въ покоѣ, и потому если ихъ игра отважна, то и съ нашей стороны нужна равная оборона. По извѣстному испорченному здѣшнему національному духу трудно заранѣе ручаться, что мы пріобрѣтемъ поверхность при началѣ сейма, но смѣю удостовѣрить въ одномъ, что соперники наши за свою поверхность очень дорого заплатятъ". Въ концѣ марта король, присутствуя въ сенатѣ, требовалъ, чтобъ, по случаю вооруженія датскаго флота, отправлено было въ Карлскрону приказаніе оснастить извѣстное число кораблей и фрегатовъ; но сенаторы, кромѣ двоихъ, не согласились, представляя, что Датское правительство на запросъ Шведскаго дало дружескій успокоительный отвѣтъ насчетъ своего вооруженія, и потому опасно вплетать Швецію во вражду съ Даніею, притомъ же скоро соберется сеймъ, и потому всякія мѣры со стороны сената излишни. Сенаторъ, баронъ Фризендорфъ, прямо сказалъ, что, по его мнѣнію, датскія вооруженія не имѣютъ въ виду ничего другого, какъ заступленіе, въ случаѣ опасности, за шведскія вольности или собственную защиту, въ случаѣ нападенія со стороны Швеціи; и такъ какъ онъ не можетъ приписывать будущему сейму ни одного изъ этихъ намѣреній, то и не видитъ, чтобъ со стороны Даніи могла угрожать какая-нибудь опасность. Это разсужденіе такъ раздражило короля, что онъ всталъ и ушелъ, не поклонясь сенаторамъ.

Со стороны Франціи предложенъ былъ королю слѣдующій планъ: 1) король долженъ опираться на флотъ; 2) послать секретнаго эмиссара въ Константинополь съ предложеніемъ Портѣ денежной ссуды; 3) окончить сеймъ въ три или четыре мѣсяца, для предупрежденія мира Россіи съ Турціею; 4) Порта, въ своемъ мирномъ договорѣ съ Россіею, должна поставить въ условія шведскую независимость и принять на себя гарантію новой формы шведскаго правленія.

Чрезвычайный сеймъ въ Норкепингѣ начался подъ самыми неблагопріятными презнаменованіями для русской партіи: ораторы духовнаго и крестьянскаго чина избраны были изъ приверженцевъ Франціи; ландмаршаломъ, или президентомъ сейма, былъ избранъ генералъ графъ Ферзенъ большинствомъ 604 голосовъ противъ 372. Первымъ слѣдствіемъ торжества французской партіи было, разумѣется, стремленіе отнять у русскихъ приверженцевъ большинство въ сенатѣ. Остерманъ виновницею зла ставилъ Англію, которая не прислала въ Стокгольмъ денегъ, необходимыхъ для поддержанія русской стороны на сеймѣ. Получивъ извѣстія о норкепингскихъ происшествіяхъ, императрица написала Панину: „Прикажите Остерману объявлять всѣмъ и каждому, что если останется хотя одинъ Шведъ для защиты свободы, то я его буду поддерживать. Кромѣ того, велите сочинить небольшую статью, какъ бы идущую отъ посторонняго чело-

[1]) Дѣла Датскія 1769 года.

вѣка, велите ее напечатать и отослать туда поскорѣе для объявленія того же самаго.“

Въ мая мѣсяцѣ секретная коммисія отрѣшила отъ должности всѣхъ сенаторовъ (за исключеніемъ одного), обвиняя ихъ въ томъ, что они стремились не совѣтовать, а царствовать, въ противность основнымъ законамъ. Главнымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ былъ наслѣдный принцъ Густавъ, который каждый день публично на площади толковалъ съ крестьянами, внушая имъ, кого они предпочитаютъ спасти,—короля или сенатъ. Сеймъ изъ Норкепинга былъ переведенъ въ Стокгольмъ. Остерманъ долженъ былъ признаться, что его денежныя приманки остаются безплодными. Самый видный изъ русской партіи, Пехлинъ, объявилъ посланнику, что онъ ручается только за сохраненіе конституціи и тишины. Остерманъ, не вполнѣ довѣрявшій Пехлину за его двойную роль, писалъ однако, что по всѣмъ вѣроятностямъ Швеція не начнетъ войны съ Россіею, боясь тѣсной связи послѣдней съ Даніею и Пруссіею. Относительно перемѣны въ конституціи французская партія видѣла въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ большія затрудненія. Королева требовала, чтобъ королю дана была полная власть въ раздачѣ чиновъ; но король и наслѣдный принцъ довольствовались возстановленіемъ въ полной силѣ конституціи 1719 года, съ исключеніемъ навѣки статьи, дозволявшей государственнымъ чинамъ истолковывать основные законы. Положено было за дѣло конституціи приняться послѣ рѣшенія дѣла о финансахъ, и если нельзя будетъ ихъ рѣшить, то дополнить сенату въ секретныхъ инструкціяхъ и окончить сеймъ въ концѣ октября, потому что французскій министръ объявилъ своимъ пріятелямъ, что его государь далѣе этого срока не намѣренъ поддерживать свою партію деньгами.

Остерману предписано было отъ своего Двора по послѣдней мѣрѣ удерживать конституцію 1720 года. Въ сентябрѣ посланникъ доносилъ, что бургомистръ Кеннингъ приводитъ къ королевѣ депутатовъ мѣщанскаго сословія, и она сама склоняетъ ихъ къ своимъ видамъ; наслѣдный принцъ съ этою же цѣлію приглашаетъ къ себѣ къ обѣду мелкое офицерство; всѣ отсутствующіе члены французской партіи созваны къ 30 сентября (с. с.), и всѣ извѣстія согласны въ томъ, что около этого времени положено рѣшить дѣло о конституціи по сильному настоянію королевы и требованію французскаго министерства. Офицерство приманивалось обѣщаніемъ по тысячѣ плотовъ за каждый голосъ и выдачею письменнаго за королевскою рукою увѣренія въ повышеніи каждаго однимъ чиномъ. Въ началѣ октября французская партія была смущена извѣстіями о побѣдѣ Русскихъ надъ Турками; но скоро оправилась и начала разглашать, что русскія побѣды выгодны для Швеціи, ибо отдаляютъ срокъ заключенія мира и тѣмъ даютъ Шведамъ больше свободы покончить безпрепятственно свои внутреннія дѣла. Такъ говорила сама королева, прибавляя, что въ наступающее зимнее время Россія съ своими союзниками не будетъ въ состояніи воспрепятствовать этому вооруженною рукою, а между тѣмъ можно будетъ принять лучшія оборонительныя мѣры.

Но дѣло о перемѣнѣ конституціи встрѣтило сильное сопротивленіе, такъ что французская партія сочла нужнымъ войти въ сдѣлку съ членами русской, предложивъ послѣднимъ ввести нѣкоторое число изъ нихъ въ сенатъ и секретную коммисію, лишь бы согласились на усиленіе королевской власти. Все стараніе Остермана, разумѣется, состояло въ томъ, чтобъ уничтожить эту сдѣлку. Ему это удалось: русская партія взяла верхъ въ дворянскомъ сословіи и привела дѣло къ тому, что запрещено было поднимать вопросъ о перемѣнѣ конституціи; то же рѣшеніе послѣдовало въ мѣщанскомъ и крестьянскомъ сословіи; *операція* стоила Остерману 450,000 талеровъ мѣдною монетою: благонамѣренные получали по 300 талеровъ въ мѣсяцъ, *операторы* же—двойной окладъ; чтобъ воспользоваться благополучнымъ переломомъ и окончить сеймъ согласно съ желаніемъ Русскаго Двора, Остерманъ требовалъ еще 150,000 рублей [1]).

Мы видѣли, что, благодаря статьѣ о шведскихъ субсидіяхъ, не могъ состояться союзный договоръ между Россіею и Англіею. Россія хотѣла, чтобъ Англія, если не желаетъ помогать ей въ войнѣ Турецкой, помогла, по крайней мѣрѣ, деньгами для предотвращенія войны Шведской. Императрица писала Чернышеву: „Если бы Англія, давая Швеціи субсидіи, могла освободить Россію отъ второй войны, поджигаемой Франціей, то сдѣлаетъ ли она это? Случай существуетъ, французская партія ведетъ къ созванію чрезвычайнаго сейма и къ отреченію королевскому; если Англія не дастъ Швеціи субсидій, то можно биться о закладъ, десять противъ одного, что Швеція будетъ имѣть глупость объявить войну Россіи, и Англія своею несвоевременною бережливостію подвергнетъ войнѣ имперію, которую по стольким причинамъ должна считать единственнымъ теперь своимъ другомъ и подпорою. Я думаю, что если мой аргументъ будетъ внесенъ въ парламентъ, то, несмотря на сопротивленіе Нижней палаты, не найдется ни одного добраго Англичанина, который бы не подалъ голоса за субсидіи; и если нація рѣшитъ не давать, то частные люди дадутъ, а если и они не дадутъ, то съ этой минуты я буду думать, что дружба и вражда Англіи—слова безполезныя и лишенныя смысла, потому что отъ нихъ нѣтъ никакихъ послѣдствій“. Но изъ Англіи былъ одинъ отвѣтъ, что парламентъ не согласится платить субсидій въ мирное время. Екатерина сердилась, и въ мартѣ 1769 года писала Чернышеву: „Послушай баринъ! Когда ты узнаешь все, что я сдѣлала и затѣяла противу Россійской имперіи непріятеля, тогда ты скажешь, что послѣ Ивана Чернышева никто болѣе

[1]) Дѣла Шведскія 1769 года.

Катерины не любитъ шумъ, громъ и громаду; не изволь сіе принять за бредню; даромъ, что меня третью недѣлю мучитъ простудная лихорадка и всѣ на свѣтѣ флусы, однако я въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, и если нужда потребуетъ, и съ Шведами управлюсь, какъ съ клопами, кои кусаютъ съ опасностію быть раздавленными. Твои же Англичане ужъ ужесть радость какъ не важны, и я чаю таковы будутъ до тѣхъ поръ, пока Французы съ Гишпанцами на нихъ нападутъ, чего, дай Боже, хотя на завтра полученія сего письма".

Оставалось склонить Англію къ выдачѣ хотя какой-нибудь суммы для противодѣйствія французской партіи въ Швеціи.

Когда графъ Иванъ Чернышевъ представилъ Рошфору, что для поправленія Шведскихъ дѣлъ Англія не можетъ послать въ Швецію менѣе сорока или пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, тотъ отвѣчалъ въ секретнѣйшей конфиденціи: „Я еще не знаю, согласятся ли у насъ на выдачу такой или какой бы то ни было суммы, только долженъ вамъ открыть одному, что великое затрудненіе можетъ произойти въ королевскомъ совѣтѣ по вопросу, кому повѣрить деньги; Гудрику повѣрить не хотятъ: всѣмъ извѣстно, что онъ на руку нечистъ; онъ лучшій у насъ изъ всѣхъ министровъ, находящихся при иностранныхъ Дворахъ, ему все повѣрить можно, кромѣ денегъ". Чрезъ нѣсколько времени Рошфоръ объявилъ Чернышеву, что рѣшено послать приказаніе Гудрику израсходовать извѣстную сумму денегъ для подкрѣпленія благонамѣренной партіи въ Швеціи; но какую именно сумму,—не сказалъ, изъ чего Чернышевъ догадался, что сумма невелика; Рошфоръ увѣрялъ при этомъ, что и Франція переслала въ Стокгольмъ къ своему посланнику Модэну только 100,000 ливровъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Чернышевъ сообщилъ Панину любопытное заявленіе Рошфора: „Я знаю подлинно", говорилъ Рошфоръ, „что король Прусскій, хотя и принялъ прямое намѣреніе не допускать Шведовъ до войны съ Россіею, но что касается перемѣны ихъ правленія, то не только не вмѣшивается въ это дѣло, но, можетъ быть, и жалѣть не будетъ, если въ томъ успѣютъ". Въ то же время Чернышевъ писалъ: „Зачинаю и я сумнѣваться, что есть какое-нибудь кокетство между здѣшнимъ Дворомъ и Вѣнскимъ, ибо, читая Рошфору, чтобы его испугать, окончаніе послѣдняго Остерманова письма, гдѣ упоминается о могущемъ сдѣлаться предложеніи относительно заключенія союза между Французскимъ, Гишпанскимъ и Австрійскимъ Дворами съ Швеціею, онъ мнѣ на то вдругъ индискретнымъ образомъ болтнулъ: такъ Австрійцы бы насъ обмануть хотѣли? Сколь я потомъ ни старался, чтобъ его паки привесть о семъ что-нибудь болѣе сказать, но того сдѣлать не могъ".

Чернышевъ приписывалъ англійскому министерству неуспѣхъ въ заключеніи союзнаго договора между Россіею и Англіею; онъ писалъ Панину: „Примите за несомнѣнную правду, что какъ долго сіе министерство на своемъ мѣстѣ пробудетъ, не должно ожидать никакого твердаго предпріятія, которое бы хотя мало Францію раздражать могло, ибо если дотого доходить будетъ, не удержитъ оно своихъ мѣстъ, для сохраненія которыхъ все сдѣлать готовы". А Рошфоръ прямо объявилъ Чернышеву, что онъ считаетъ Прусскаго короля виновникомъ того, что союзный договоръ между Россіею и Англіею не былъ заключенъ: Фридрихъ II чрезъ своего министра старался всюду разглашать въ Лондонѣ, что было бы безразсудно съ англійской стороны давать какія-нибудь субсидіи Швеціи.

Въ концѣ августа Чернышевъ объявилъ Рошфору объ отправленіи русской эскадры въ Архипелагъ. Рошфоръ не могъ удержаться, чтобъ не сказать: „Какое смѣлое предпріятіе! Какъ бы я желалъ, чтобъ мы были теперь въ войнѣ съ Франціею: два соединенные флота надѣлали бы прекрасныхъ вещей"! Чернышевъ также не удержался, чтобъ не поразгорячить Англичанина: „Если бы здѣшнее министерство было поспокойнѣе дома", сказалъ онъ, „то Англичанамъ можно было бы пріобрѣсти теперь какое-нибудь владѣніе въ Архипелагѣ, какъ Французы овладѣли Корсикою; и, утвердившись въ Архипелагѣ, Англичанамъ можно было бы уничтожить выгодную французскую торговлю въ Левантѣ; Англія можетъ имѣть въ Россіи сильную помощницу не только на твердой землѣ, но и на морѣ, когда русскій флотъ попривыкнетъ быть и въ здѣшнихъ моряхъ".— „Какъ ошибаются тѣ", отвѣчалъ Рошфоръ, „которые думаютъ, что русскій флотъ не можетъ оказать намъ помощи въ случаѣ нужны". Но когда англійскій посолъ при Русскомъ Дворѣ, лордъ Каткартъ, сообщилъ своему министерству о существованіи въ Петербургѣ проекта образованія изъ Крыма, Молдавіи и Валахіи независимыхъ государствъ для огражденія отъ Турціи, равно какъ изъ Финляндіи—независимаго великаго герцогства для огражденія отъ Швеціи, то Рошфоръ отвѣчалъ ему, что такой планъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ умѣренности Петербургскаго Двора, нежеланію расширять свои границы: легко усмотрѣть, что такія независимыя государства въ сущности будутъ въ полной зависимости отъ Россіи. Рошфоръ сдѣлалъ Каткарту замѣчаніе, чтобъ онъ не очень увлекался удивленіемъ къ высокому характеру Русской императрицы и нѣкоторыхъ ея министровъ, а предполагалъ бы въ нихъ извѣстную долю честолюбія [1]).

[1]) Дѣла Англійскія 1769 года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 460.—Русск. Арх. 1871 годъ, № 9.

Глава II.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1770 годъ.

Дѣйствія противъ Турокъ въ Дунайскихъ княжествахъ.—Движенія генерала Штофельна.—Жалоба Румянцева на недостатокъ войска; ободрительное письмо къ нему императрицы.—Негодованіе Екатерины на генерала Штофельна за сожженіе городовъ и деревень.—Объясненія Румянцева относительно Штофельна, состоянія Молдавіи и Валахіи и состоянія русскаго войска.—Движеніе Румянцева изъ Подоліи въ Дунайскія княжества.—Чума.—Смерть Штофельна.—Записки гр. Григорія Орлова о движеніи къ Варнѣ и Константинополю.—Осторожность Румянцева и переписка его съ императрицею.—Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ.—Торжество въ Петербургѣ.—Осада и взятіе Бендеръ гр. П. И. Панинымъ.—Переговоры его съ Татарами о возстановленіи ихъ независимости.—Ногайскія орды отказываются отъ турецкаго подданства.—Состояніе русскаго флота, прошедшаго въ Средиземное море.—Неудача Морейской экспедиціи.—Истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ.—Восторгъ Екатерины.—Переписка Орлова съ европейскими консулами въ Смирнѣ.—Дальнѣйшія движенія русскаго флота.—Странности на Кавказѣ; Тотлебенъ и Чоглоковъ.—Желаніе мира въ Петербургѣ.—Политика Фридриха II.—Вопросъ о раздѣлѣ Польши.—Такъ называемый проектъ Линара.—Исторія вопроса о раздѣлѣ Польши.—Іосифъ II, Кауницъ и Марія-Терезія.—Второе свиданіе Фридриха II съ императоромъ Іосифомъ и Кауницемъ въ Найштадтѣ.—Политическій катехизисъ.—Захватъ Австріею Польскихъ земель.—Планъ Іосифа относительно Россіи и Турціи.—Письмо Фридриха Екатеринѣ съ предложеніемъ посредничества.—Отстраненіе Россіею посредничества и принятіе добрыхъ услугъ.—Русскія условія мира.—Пріѣздъ въ Петербургъ принца Генриха Прусскаго; впечатлѣніе, произведенное имъ здѣсь.—Негодованіе Фридриха на отстраненіе Россіею посредничества.—Разговоры принца Генриха съ Екатериною, Панинымъ и Сальдерномъ; переписка его съ братомъ.—Письмо Екатерины къ Фридриху съ сообщеніемъ мирныхъ условій.—Притворный ужасъ Прусскаго короля по прочтеніи этихъ условій.—Вѣсти изъ Польши о планахъ раздѣла.—Разговоръ принца Генриха съ императрицею и гр. Чернышевымъ объ австрійскомъ захватѣ.—Письмо Генриха къ брату, что тотъ можетъ безопасно занять въ Польшѣ Вармійское епископство.—Дѣла Польскія; помощь Франціи конфедератамъ.—Мнѣніе Дюмурье о послѣднихъ.—Станиславъ-Августъ подымаетъ голову; его переписка съ Екатериною и разговоры съ кн. Волконскимъ.—Старанія Волконскаго о реконфедераціи; въ Петербургѣ не соглашаются на эту мѣру.—Отношенія Россіи къ Швеціи, Даніи и Англіи.

Въ Петербургѣ толковали объ условіяхъ мира, котораго сильно желали; но Турки не были доведены до крайности прошлогоднею кампаніею, не просили мира, который слѣдовало купить новыми тяжкими усиліями, новыми побѣдами. „Побѣда—врагъ войны и начала мира; побѣдою истребляется война и прокладывается путь къ миру“, записала Екатерина [1]).—„Повторяю“, писала она Вольтеру, „мудрая Европа одобритъ мои планы только въ случаѣ ихъ удачи. Вы сравните планъ экспедиціи въ Средиземномъ морѣ, который несправедливо мнѣ приписываютъ (я предоставляю себѣ назвать автора плана [2]), когда послѣдній удастся) съ предпріятіемъ Аннибала: но Карѳагеняне имѣли дѣло съ колоссомъ, бывшимъ во всей своей силѣ, тогда какъ мы имѣемъ предъ собою слабый призракъ, всѣ части котораго разваливаются при первомъ прикосновеніи“ [3]). Видя, что Порта не намѣрена дѣлать мирныхъ предложеній, Екатерина надѣялась, что народъ можетъ побудить къ этому султана, и писала Румянцеву: „Въ Левантѣ, сказываютъ, все готово къ сверженію ига нечестиваго. Я, чаю, поумножится еще у Турокъ сумятица, если вы распустите непримѣтно слухъ до нихъ, что ихъ бѣшеный султанъ не хочетъ миру, котораго бы онъ получить могъ, если бы хотѣлъ; ибо вамъ извѣстно, что Россія никогда не желала войны, но всѣми силами всегда обороняться будетъ, какъ самый опытъ доказываетъ, изъ чего послѣдовать можетъ легко и паденіе Турецкой имперіи“ [4]).

Мы видѣли, что въ 1769 году русскія войска заняли оба Дунайскія княжества съ ихъ главными городами; но невыгода положенія заключалась въ томъ, что русскія силы были разбросаны на большомъ пространствѣ, тогда какъ у Турокъ оставились двѣ крѣпости—Журжа и Браиловъ. Еще въ концѣ 1769 года генералъ-поручикъ Штофельнъ началъ дѣлать приготовленія ко взятію Браилова, что очень занимало Екатерину, которая по картѣ видѣла важность мѣста и не могла скрыть отъ Румянцева своего безпокойства, почему Браиловъ такъ долго не въ русскихъ рукахъ: неужели главнокомандующій не считаетъ его необходимымъ для обезпеченія пребыванія русской арміи лѣтомъ въ Молдавіи [5]). Въ самомъ началѣ года Турки предупредили Штофельна: значительный отрядъ ихъ двинулся изъ Рущука на Фокшаны, чтобъ разрѣзать русскія силы между двумя главными городами княжествъ, Бухарестомъ и Яссами; генералъ-маіоры Подгоричанинъ и Потемкинъ съ значительными сравнительно силами разбили непріятеля послѣ чрезвычайно упорнаго сраженія. Но еще прежде донесенія о побѣдѣ при Фокшанахъ, имя этого мѣстечка было упомянуто въ другомъ печальномъ донесеніи: въ его окрестностяхъ появи-

---

[1]) Собственноручная замѣтка императрицы въ Госуд. Архивѣ.
[2]) Т.-е. Орлова.
[3]) Сборн. Рус. Истор. Общ. X, 401.

[4]) Сочиненія Екатер. II-й, т. III, стр. 207.
[5]) Сочиненія Екатер. II-й, т. III, стр. 206.

лась моровая язва, и враждебныя къ Россіи газеты уже толковали, что русское войско будетъ ею истреблено. „Весною", писала Екатерина Вольтеру, „чумные воскреснутъ для битвъ" [1]).

Нападеніе непріятеля на Бухарестъ было отбито; но Штофельнъ, послѣ удачной битвы съ Турками, принужденъ былъ отступить отъ Браилова, найдя укрѣпленія его слишкомъ сильными; при отступленіи онъ выжегъ 260 селеній, съ цѣлью отнять у непріятеля возможность опять напасть на Фокшаны. По извѣстію, что снова опасность грозитъ Бухаресту отъ Журжи, Штофельнъ перешелъ сюда, поразилъ Турокъ подъ Журжею, сжегъ этотъ городъ и 143 селенія; пространство по Дунаю на 250 верстъ, отъ Прута до Ольты, было совершенно опустошено, опять съ цѣлію предохранить Бухарестъ отъ новаго нападенія.

Въ этихъ движеніяхъ прошли два первые мѣсяца 1770 года. Румянцевъ все стоялъ въ Подоліи и писалъ императрицѣ, что давно перешелъ бы въ Молдавію, если-бъ тамъ не было недостатка въ провіантѣ и фуражѣ, которые надобно было отправлять туда изъ Подоліи и для небольшихъ отрядовъ, тамъ дѣйствовавшихъ. Румянцевъ сильно жаловался, что Браиловъ остался въ турецкихъ рукахъ, что у Турокъ много и войска и запасовъ, а у Русскихъ мало и того и другого. Екатерина ободряла главнокомандующаго: „Какъ теперь Журжа взята", писала она, „то не сомнѣваюсь, что сіе вамъ подастъ средства обратить въ пользу новое истребленіе непріятельской толпы. Браильской же замокъ уже кажется не сталъ важенъ, бывъ, такъ сказать, окруженъ нашими войсками и постами. Болѣе всего безпокоятъ трудности въ заведеніи магазиновъ въ покоренныхъ земляхъ; Бога для, употребите всевозможные способы, чтобы вамъ ни въ чемъ недостатка не было; кажется, въ Валахіи нѣсколько хлѣба еще быть можетъ; у Молдавцевъ же, когда они изъ горъ и закрытыхъ мѣстъ возвратились и въ домахъ живутъ спокойно, а наши войска дисциплину содержатъ, то по крайней мѣрѣ у нихъ лошади и волы быть можетъ способны къ возкѣ провіанта, кои, съ нашимъ обыкновеннымъ хорошимъ распорядкомъ, къ тому не безполезны будутъ; они же то, спасая себя, дѣлать обязаны, ибо Турки грозятъ ихъ истребить, и вы не оставите имъ о томъ растолковать. Безчисленныя силы турецкія въ будущей кампаніи весьма щотны будутъ, потому что разбѣжавшіяся прошлою кампаніею войска казаться не будутъ. Азіатцы остаются дома противъ Грузинцевъ; съ визеремъ же теперь не болѣе было, по извѣстіямъ, какъ тысячъ до сорока, кои уже частію разбиты подъ Фокшанами, Браиломъ и Журжею. Магазейны же ихъ не подумайте, чтобъ также чрезвычайно заняты были; у нихъ безпорядокъ во всемъ дошелъ до высшей степени; прошлаго года они много хлѣба имѣли изъ Валахіи, котораго вы имъ нынѣ не дадите".

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, 39—Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 407

Донесеніе Румянцева о дѣйствіяхъ Штофельна сильно возмутило Екатерину. „Упражненія господина Штофельна въ выжиганіи города за городомъ и деревень сотнями признаюсь, что мнѣ весьма непріятны", писала она Румянцеву. — „Мнѣ кажется, что безъ крайности на такое варварство поступать не должно; когда же безъ нужды то дѣлается, то становится подобно тѣмъ дѣламъ, кои у насъ изстари бывали на Волгѣ и на Сурѣ. Я вѣдаю, что вы, такъ какъ и я, не находите удовольствія въ подобныхъ происшествіяхъ. Пожалуй, уймите Штофельна: истребленія всѣхъ тамошнихъ мѣстъ ни ему лавры не нанесутъ, ни намъ барыша, наипаче если то суть христіанскія жилища. Я опасаюсь, чтобъ подобный жребій не палъ на Бухарестъ и пр.: предлогъ, что держаться нельзя, и тамъ быть можетъ. Вы видите изъ всего сего, что я вамъ чистосердечно отсылаю свои мысли, оставляя, впрочемъ, вамъ сдѣлать ни болѣе, ни меньше, какъ благоразумная осторожность и лучшее ваше военное искусство и знаніе вамъ на умъ положатъ, имѣя къ вамъ совершенную довѣренность, что вы все то сдѣлаете, что къ пользѣ службы и дѣлъ, вамъ ввѣренныхъ, служить будетъ. Статься можетъ, что по моей природной склонности болѣе къ созиданію, нежели къ истребленію, я сіи непріятныя происшествія слишкомъ горячо принимаю; однако я почла за нужное, чтобъ вы совершенно знали образъ моихъ мыслей".

Румянцевъ дѣйствительно далъ знать императрицѣ, что „не находитъ удовольствія въ подобныхъ происшествіяхъ"; но старался оправдать Штофельна, которымъ очень дорожилъ. Съ этою цѣлью онъ еще прежде писалъ графу Григ. Григ. Орлову: „Благодарю наипризнательнѣе за совѣты, которые преподаете мнѣ въ своихъ примѣчаніяхъ. Отложите, милостивый графъ, и мысли, чтобъ ваши изъясненія были мнѣ не инако, какъ милостивымъ руководствомъ. Прошу дать мнѣ опытъ своего чистосердечія, т.-е., увѣдомить меня въ дружескую конфиденцію, какъ наши нынѣшнія побѣды пріемлются, не въ разсужденіи меча, но въ разсужденіи огня. Я по вашимъ словамъ заключаю, да и самъ, конечно, того мнѣнія, что пожигать селенія, а паче зданія великолѣпныя, есть обычай воюющихъ варваровъ, а не европейцевъ. Но, съ другой стороны, надобно представить ту особливость, что настоящая война въ себѣ имѣетъ, въ которой иныя мѣры и иной образъ, какъ во брани въ другихъ частяхъ Европы. Тѣ ли обычаи свойственны нашему непріятелю, что европейцамъ?—онъ дышетъ звѣрствомъ во всѣхъ дѣлахъ; селенія, что въ оной войнѣ пользовали бы, ради такихъ выгодъ здѣсь на тотъ конецъ нельзя никакъ обратить, потому что непріятель, ежели не успѣетъ со всѣми своими пожитками убраться, то самъ оныя истребляетъ, чтобъ намъ ничто не доставалось. А ежели оставлять въ цѣлости селенія хоть пустыя, то должно въ опасности быть, чтобъ оныя не заразилъ

непріятель, не знающій человѣчества, лютою язвою, что онъ нерѣдко предпринималъ на гибель рода человѣческаго". Получивъ приведенное письмо Екатерины, Румянцевъ писалъ ей: „Поистинѣ настоящая война имѣетъ видъ того же варварства, каково обычайно было и нашимъ предкамъ, и всѣмъ дикимъ народамъ, почему и трудно соблюдать мѣры благости противъ такого непріятеля, котораго поступки есть одна лютость и безчеловѣчіе. Въ продолженіи Прусской войны скоро мы узнали, сколь были вредны для насъ самихъ производимые пожоги и истощанія края, въ коемъ войну вели, и потому, подражая противнымъ, перемѣнили мы свои старые обычаи на лучшее: а противъ Турокъ воюя, примѣры ихъ варварства столь ожесточаютъ и наши войска, что выходятъ сіи изъ всякой противъ нихъ пощады. Генералъ-поручикъ фонъ-Штофельнъ, сколько мнѣ самому свойства его извѣстны, конечно бы не предалъ огню непріятельскія обиталища, если-бъ былъ въ состояніи обратить оныя въ свою пользу, или же бы могъ инако обезсилить противъ себя непріятеля. Цѣлость сихъ селеній послужила бы утвердиться наилучше Туркамъ на семъ берегу Дуная и производить съ помощію того на разореніе Валахіи и къ утомленію нашихъ войскъ непрестанныя предпріятія; но теперь отняты способы ихъ арміи перебраться на сію сторону Дуная, поелику въ опустошенныхъ мѣстахъ на семъ берегу ничего они не отыщутъ потребнаго для движенія, что самое и приноситъ доселѣ спокойство границамъ обоихъ покоренныхъ княженій и нашимъ въ оныхъ пребывающимъ войскамъ. Военный сей резонъ меньше отяготилъ жителей, которые по объявленію завременно всѣ свои перенесли съ собою пожитки въ Валахію и Молдавію, и при сожженіи утратили только однѣ стѣны своихъ жилищъ, нежели то тиранство, коими удручали ихъ Турки; а притомъ жилища сожженныя по большей части населяли магометане, кои въ приближеніи нашихъ войскъ перебрались за Дунай. При всемъ томъ я генералъ-поручику фонъ-Штофельну примѣчу высочайшее и человѣколюбивое соизволеніе вашего величества, дабы впредь сообразоваться оному"

Въ Совѣтѣ 11 марта были предложены два соизволенія императрицы: 1) Молдавія и невыжженная малая часть Валахіи уже нѣсколько мѣсяцевъ въ нашихъ рукахъ; но о ихъ правленіи, сборахъ и прочее еще ничего не положено, и всѣ люди, кои тамъ въ диванѣ (правительственномъ совѣтѣ) или инако губернаторами, или и другія дѣла отправляютъ, по турецкой аукторизаціи, а не по нашей. Если сіе не противно порядку, то, по крайней мѣрѣ, не сходно съ благопристойностью. И такъ надлежитъ разсуждать и самымъ дѣломъ положить, какъ быть тамъ отъ сего времени, чего я отъ Совѣта требую. 2) Чтобъ предписано было главнокомандующему генералу, дабы Молдавцы и Волохи разоряемы не были; чтобъ чинено было имъ, какъ подданнымъ здѣшнимъ, правосудіе и вспоможеніе, и чтобъ распредѣлены были тамъ по провинціямъ генералы для управленія оныхъ. Совѣтъ разсудилъ, что разсмотрѣніе этихъ дѣлъ должно оставить до тѣхъ поръ, пока всѣ этихъ провинцій депутаты пріѣдутъ въ Петербургъ: тогда, выслушавши ихъ, сдѣлать распоряженія; кромѣ того, надобно прежде пріискать людей, способныхъ занять тамъ правительственныя должности.

Но Екатерина, требуя установленія русскаго управленія въ Дунайскихъ княжествахъ, имѣла въ виду правильный сборъ податей, которыя, хотя сколько-нибудь могли бы облегчить тягости военныхъ издержекъ для Россіи. Она писала Румянцеву: „Прошу мнѣ сказать, не можно ли молдавскіе или валахскіе доходы употребить въ число экстраординарныхъ расходовъ, ибо сказываютъ, что болѣе трехъ милліоновъ Туркамъ было дохода съ сихъ княженій, и хотя я и вѣдаю, что нынѣ столько быть не можетъ, однако думаю, что хотя-бъ и одинъ милліонъ бы былъ, то бы оный замѣнилъ нѣсколько заботъ князю Вяземскому". Отвѣтомъ было любопытное письмо Румянцева отъ 25 марта (изъ Лятычова): „Радѣлъ я всегда о полученіи и умноженіи доходовъ въ облегченіе казнѣ в. и. в—ства съ княженій Молдавскаго и Валахскаго. Молдавія чрезъ долгое пребываніе великаго числа Турокъ и Татаръ, которые въ ней ничего не щадили, истощена или выжата со всѣхъ своихъ достатковъ. Народъ не только въ нищетѣ, но и питаться чѣмъ не имѣетъ. Когда войска наши туда вступили, коихъ необходимость заставила брать и послѣднее, то крайность сія заставила меня обнадежить Молдаванъ, что подати денежныя, т.-е. поголовная, съ земледѣльцевъ имъ оставляются, а только бы провіантъ и фуражъ, лошадей и воловъ давали. Постановленія этого отмѣнить нельзя; генералъ фонъ-Штофельнъ пишетъ: „Ежели на обывателей денежныя подати наложить, чрезъ то оные и пуще расходиться станутъ. Городъ Яссы и прочія мѣста пусты останутся, Валахія также истощила всѣ свои достатки на содержаніе турецкой арміи. Земли по Дунаю, гдѣ больше всего хлѣбопашества происходило, Турками всѣ выжжены, жители забраны въ плѣнъ или скрылись въ горы. Въ Молдавской и Волошскій диваны посадилъ я членовъ по избранію отъ депутатовъ и по удостоенію отъ генерала ф.-Штофельна; надзираніе за дѣлами въ первомъ генералъ-маіору Черніевичу, а во второмъ генералу-маіору Замятину ввѣрилъ, и послѣдній означаетъ по февраль сборовъ въ приходѣ 62,759 левовъ, изъ коихъ за расходомъ на наши войска и жалованье волонтерамъ остается 9,269 левовъ. Для надзиранія за сборами приставлены офицеры, ибо казначеи земскіе, слѣдуя своему обыкновенію, а особливо пользуясь нынѣшними замѣшательствами, корысть, какъ видно, предпочитаютъ всякому будущему блаженству. Молдавія и Валахія снабдѣвать насъ провіантомъ отнюдь не въ состояніи, и доселѣ все содержаніе войска получили чрезъ подвозъ изъ здѣшнихъ магазиновъ. Но и

Польскій сей край испражненъ до основанія: не расходами пропитаніе вычерпано, но непорядкомъ, что въ прошедшую кампанію трава и хлѣбъ истреблены наибольше на корнѣ; лошади и скотъ гибнутъ безъ корму. Вступя въ Молдавію, буду я навѣрно имѣть на три мѣсяца пропитанія, а въ теченіе того времени не перестанутъ подвозы слѣдовать изъ вновь наполняющихся магазиновъ. Эти неудобства еще станетъ у меня способовъ преодолѣвать, но слѣдующимъ недостаткамъ и помогать не въ силахъ. Армія поднесь не имѣетъ рекрутъ, требуемыхъ на укомплектованіе полковъ, поднесь не доставлены въ великомъ количествѣ потребныя ей вещи. Съ моей стороны въ подлежащія мѣста взнесены требованія, посланы офицеры къ принятію, но ничто не предуспѣло. Отъ вашей прозорливости не можетъ быть скрыто, что у насъ иной видъ и счетъ на бумагѣ, а иной на дѣлѣ и служивымъ людямъ и всему имъ подобному. Въ минувшую войну пѣхотные полки рѣдко болѣе 1,000 людей подъ ружьемъ имѣли, а теперь едва половину противъ того. Иныя арміи, познавши, сколь удобнѣе для службы вообще, и въ вооруженіи и содержаніи дешевле легкій всадникъ, пересадили часть большую своей кавалеріи на легкихъ лошадей. Мы, проводя войну противу нѣмецкой кавалеріи на самыхъ малыхъ русскихъ лошадкахъ и употребляя противу ихъ однихъ казаковъ, подражать взялись тому, что другіе оставили, и къ отягощенію службы и великому казнѣ убытку почти всю свою кавалерію на тяжелыхъ лошадей и съ тяжелою и дорогою амуниціею посадили. И сколь мало имѣетъ оная способности дѣйствовать противъ настоящаго нашего непріятеля,—въ прошедшую кампанію явными опытами доказалось. Гдѣ больше рекрутъ, тамъ, конечно, больше больныхъ. Въ чужихъ арміяхъ больнымъ служатъ особливаго званія люди, а не солдаты, а безъ всякаго на сіе счету и примѣчанія опредѣляя людей военныхъ, остается половина оныхъ въ ружьѣ, а другой половинѣ ружья только въ тягость. Не могу молчать, но рѣшусь сказать слѣдующее: намъ потребенъ Коммисаріатъ, который бы все, что только въ войскѣ вашемъ надобно, приготовлялъ съ выгодою, исподоволь, все бы дѣлать хорошо, прочно и въ свое время къ полкамъ доставлялъ. А полкамъ строить себѣ одѣяніе и всѣмъ снабдѣваться некогда; имъ во время военное должно быть одѣтымъ и снабженнымъ, лѣтомъ и зимою, ибо время не удерживаетъ военныхъ дѣйствій. Потребны въ войска инспекторы, чтобъ надзирали и надъ прочностію вещей, приготовляемыхъ отъ Коммисаріата, и на весь порядокъ. Вслѣдствіе новыхъ штатовъ для арміи войско вашего императорскаго величества знатнымъ числомъ умалено, а казны ни въ Коммисаріатѣ, ни въ полкахъ не сбережено, ниже служба ощущаетъ возвышеніе, какъ и полки, паче кавалерійскіе, при украшеніяхъ своихъ даже до излишества, не дѣлаются оттого исправнѣе для прямой службы, поелику полковники больше стали пещися о прикрасахъ ихъ, чѣмъ о пользѣ оной" [1]).

Тяжелое впечатлѣніе производило письмо Румянцева: главнокомандующій мрачно смотритъ на свое положеніе, будетъ медлить, дожидаться подкрѣпленій, улучшеній; если и выступитъ, то не съ такимъ духомъ идутъ на побѣды; Фабіи нужны противъ Аннибаловъ, а не противъ турецкаго визиря и Крымскаго хана съ ихъ нестройными толпами; противъ варваровъ нужно смѣлое, стремительное движеніе,—только оно одно дастъ побѣду, а побѣда необходима; она дастъ миръ, въ которомъ Россія очень нуждается. Несмотря однако на недостатки своей арміи, на необходимость оставить часть войска въ Польскихъ владѣніяхъ для безопасности тыла и магазиновъ отъ конфедератовъ, Румянцевъ выступилъ съ зимнихъ квартиръ 23 апрѣля къ Хотину, гдѣ устроенъ былъ мостъ для переправы черезъ Днѣстръ. Вслѣдствіе сильныхъ дождей, русское войско пришло къ Хотину только 12 мая и 15-го перешло Днѣстръ въ числѣ около 39,000 человѣкъ, считая съ больными, тогда какъ Турки выставили 200,000 войска. „Иду съ арміею за Днѣстръ", писалъ Румянцевъ, „и походомъ моимъ прямымъ по сей сторонѣ Прута стараюсь въ непріятеля вложить больше мыслей, чѣмъ суть прямыя мои силы, и прикрывать недостатокъ онымъ видомъ наступательныхъ дѣйствій". Непроходимыя отъ дождей дороги представили страшныя препятствія, такъ-что Румянцевъ могъ двинуться изъ-подъ Хотина только 25 мая. Походъ былъ тяжелый: „Здѣшній климатъ", писалъ Румянцевъ, „попремѣнно то дождями обильными, то зноемъ чрезмѣрнымъ насъ тяготитъ, ибо въ ясные дни, коихъ и немного было, при самомъ почти солнечномъ всходѣ уже жаръ величайшій настаетъ, котораго на походѣ солдаты, паче изъ новобранныхъ рекрутъ, снести не могутъ, а ночи, напротивъ, холодомъ не похожи на лѣтнія". Походъ тяжкій, а впереди солдата ждала не славная смерть на полѣ битвы, а смерть—въ госпиталѣ отъ чумы. Поэтому Румянцевъ рѣшился идти по сей сторонѣ Прута, мѣстами мало обитаемыми, гдѣ не было еще опасности отъ чумы. Въ Яссахъ отъ чумы умеръ въ концѣ мая генералъ Штофельнъ, и мѣсто его занялъ хорошо извѣстный намъ князь Ник. Васил. Репнинъ. Румянцевъ доносилъ о смерти Штофельна въ такихъ выраженіяхъ: „Сіе приключеніе смущаетъ меня несказанно, какъ потеря благоразумнаго полководца изъ рабовъ вашего императорскаго величества, который изъ усердія напвеличайшаго къ службѣ вашей пожертвовалъ собою, держась тѣхъ мѣстъ, отъ коихъ я ему многократно и для собственной его безопасности приказывалъ удалиться, однакожъ считалъ я на нѣсколько нужнымъ его тамъ бытіе, по снисхожденію на просьбы жителей и для ободренія ихъ упованія на

[1]) Московск. Архивъ Мин. Ин. Д. — Чтенія въ Московск. Истор. Общ. годъ 1865, кн. II.

покровительство вашего императорскаго величества".

Отошедши 131 версту отъ Хотина, Румянцевъ встрѣтилъ новое препятствіе: мѣстность явилась несходною съ описаніемъ, сдѣланнымъ зимою генералъ-квартирмейстромъ Медеромъ: „Зимою клали ихъ (мѣстности) на планъ видно по наслышкѣ, а не по очевидному примѣчанію", писалъ Румянцевъ, „и теперь во извиненіе тому представляютъ, что имъ нельзя было со всякою точностію сію страну осмотрѣть по нападкамъ, въ оной происходившимъ тогда отъ Татаръ". Главнокомандующій рѣшилъ дожидаться, пока новый генералъ-квартирмейстръ Бауръ, на котораго онъ вполнѣ полагался, узнаетъ мѣстности обстоятельнѣе и укажетъ самыя удобныя дороги, „ибо натура столько необычайныхъ высотъ съ глубинами здѣсь помѣстила, что нѣтъ удобности къ извороту, а способы отовсюду предстоятъ быть заперту". Кромѣ того, Румянцевъ отошелъ на слишкомъ большое разстояніе отъ второй арміи и тѣмъ открывалъ непріятелю свою лѣвую сторону. Главнокомандующій второю арміею, графъ Панинъ, остановился предъ чумою. Въ началѣ мая онъ прислалъ въ Петербургъ спросить, переходить ли ему съ арміею за Днѣстръ, если Румянцевъ не будетъ въ состояніи стать не только у Дуная, но и предъ Яссами для воспрепятствованія Туркамъ подать помощь Бендерамъ, и даже, въ случаѣ желаемаго движенія первой арміи, переводить ли вторую за Днѣстръ и начинать ли осаду Бендеръ прежде минованія жаровъ, если чума усилится. Совѣтъ рѣшилъ предписать Панину идти къ Бендерамъ, потому что объ этомъ походѣ уже разнеслись слухи и отложить его будетъ безславно. Какъ въ Петербургѣ были смѣлѣе, чѣмъ на Днѣстрѣ, и требовали самыхъ энергичныхъ мѣръ для скорѣйшаго достиженія мира, видно изъ записки графа Гр. Орлова, которую онъ читалъ въ Совѣтѣ 17 мая: по мнѣнію Орлова, послѣ взятія Бендеръ, нужно было отправить корпусъ пѣхоты къ Варнѣ, чтобъ овладѣть этимъ городомъ, и потомъ моремъ переѣхать къ самому Константинополю, чтобъ получить скорый и славный миръ. Менѣе пылкіе члены Совѣта отвѣчали, что съ этимъ надобно погодить, прежде надобно отобрать свѣдѣнія о судахъ, какія можно достать на Днѣстрѣ, о запорожскихъ лодкахъ, называемыхъ дубами, какъ далеко онѣ ходятъ въ Черное море, и можно ли имъ пройти безопасно мимо Очакова; кромѣ того, прежде посылки пѣхотнаго корпуса къ Варнѣ, надобно, чтобъ Румянцевъ утвердился на Дунаѣ и заложилъ на немъ магазины.

А Румянцевъ находилъ страну, занятую въ прошломъ году русскимъ войскомъ, слишкомъ обширною и рѣшилъ очистить Бухарестъ. Екатерина, увѣдомляя его о движеніи Панина, писала: „Я уповаю, что и вы не только не замедлите своимъ походомъ и прибытіемъ къ тому мѣсту, которое вы предограждѣніемъ быть почитаете произведенію предпріятія на Бендеры, но и въ случаѣ всякое вспомоществованіе въ томъ чинить не оставите. Ваше усердіе и ревность меня въ томъ удостовѣряетъ не меньше, какъ и въ томъ, что вы, конечно, такія мѣры примете, чтобы оказавшееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣтріе со всевозможною предосторожностью пресѣчено было, и войско бы никакого вреда отъ того не чувствовало. Вы сами довольно знаете, сколько нужно распространеніе оружія нашего надъ вѣроломнымъ непріятелемъ, чтобы пораженіемъ его съ вашей стороны всѣ въ разныхъ мѣстахъ мною на него предпріятія съ пользою облегчить можно было и всѣми образы принудить его къ постановленію желаемаго мира. Сожалительно, что вы прежде времени оставляете Букарештъ; но я надѣюсь на помощь Божескую и искусство ваше въ военномъ дѣлѣ, что не оставите сего наилучшимъ образомъ удовлетворить и произвести такія дѣла, которыя пріобрѣтутъ вамъ славу и докажутъ, сколь великое усердіе ваше къ отечеству и ко мнѣ. Не спрашивали Римляне, когда гдѣ было ихъ два или три легіона, въ коликомъ числѣ противъ ихъ непріятель, но гдѣ онъ; наступали на него и поражали, и не многочисліемъ своего войска побѣждали многособранныя противу ихъ толпы; а мы, Русскіе: милости Божескія за правость нашу въ сей войнѣ съ нами. Я васъ имѣю надъ войскомъ командиромъ; храбрость войска извѣстна: итакъ, о благополучнѣйшихъ успѣхахъ моля Всевышняго, надѣюсь на Его покровительство" [1]).

— „Я осмѣливаюсь", отвѣчалъ Румянцевъ, „и теперь и впередъ отвѣчать не словами, но дѣломъ, что я всегда поспѣю и ничего не упущу въ предположеніяхъ, что сопряжены съ возложенною на меня должностію. Труды настоящіе и дѣйствія, что производятъ войска вашего императорскаго величества, мнѣ ввѣренныя, собою дали бы примѣры мужества самимъ Римлянамъ, если бы тѣхъ вѣки позже нашего наступили". Отвѣтъ былъ дѣйствительно данъ дѣломъ.

Въ первыхъ числахъ іюля Румянцевъ встрѣтилъ большое турецко-татарское войско при впаденіи рѣки Ларги въ Прутъ; непріятелей было тысячъ до 80; но главнокомандующій объявилъ, что „слава и достоинство наше не терпятъ, чтобъ сносить присутствіе непріятеля, стоящаго въ виду насъ, не наступая на него". Наступленіе произошло 7 іюля, и непріятель потерпѣлъ полное пораженіе, оставивши на мѣстѣ битвы болѣе 1,000 тѣлъ, тогда какъ у Русскихъ было убито только 29 человѣкъ и ранено 61. „Вы займете въ моемъ вѣкѣ несомнѣнно превосходное мѣсто предводителя разумнаго, искуснаго и усерднаго", писала Екатерина Румянцеву: „за долгъ почитаю вамъ отдать сію справедливость и, дабы всѣмъ извѣстенъ сдѣлался мой образъ мысли объ васъ и мое удовольствіе объ успѣхахъ вашихъ, посылаю къ вамъ орденъ Св. Георгія 1-го класса. При семъ прилагаю реестръ

[1]) Сочиненія Екатерины II-й, ч. III, стр. 215.

*

тѣхъ деревень, кои немедленно Сенату указомъ повелѣно будетъ вамъ отдать вѣчно и потомственно" [1]).

Уже два великихъ визиря было смѣнено; теперь начальствовалъ войскомъ третій, Халилъ-бей. Узнавши о малочисленности ларгинскихъ побѣдителей, Халилъ-бей переправился черезъ Дунай и шелъ къ нимъ на-встрѣчу, въ полной надеждѣ, что своимъ стопятидесятитысячнымъ войскомъ задавитъ врага, у котораго было не больше 17,000. На берегахъ рѣки Кагула, у Траянова вала, 21 іюля, произошла встрѣча, и здѣсь повторилось явленіе, которое было извѣстно изъ древней исторіи, изъ разсказовъ о борьбѣ Грековъ съ Персами, о борьбѣ европейскаго качества съ азіатскимъ количествомъ. Была минута, когда многочисленные янычары смяли русскихъ солдатъ; но тутъ раздался голосъ самого главнокомандующаго: „Ребята, стой!"—и бѣгущіе остановились, окружили вождя, видя его въ страшной опасности. Артиллерія и гренадерскій штыкъ рѣшили дѣло. Турки побѣжали къ Дунаю, бросивъ пушки и весь лагерь въ добычу побѣдителямъ; потеря ихъ убитыми простиралась до 20,000; у Русскихъ было убито 353 человѣка и ранено—550. Кагульская побѣда дала Румянцеву право припомнить Екатеринѣ ея внушенія насчетъ Римлянъ: „Да позволено мнѣ будетъ", писалъ онъ ей, „настоящее дѣло уподобить дѣламъ древнихъ Римлянъ, коимъ ваше величество мнѣ велѣли подражать: не такъ ли армія вашего императорскаго величества теперь поступаетъ, когда не спрашиваетъ, какъ великъ непріятель, а ищетъ только гдѣ онъ".

Восторгъ Екатерины выразился въ письмѣ къ новому Римлянину: „За первый долгъ я почла принесть Всемогущему Богу за безчисленныя Его къ намъ милости и щедроты колѣнопреклонное благодареніе, что̀ сего утра (2 августа) со всѣмъ народомъ при пушечной пальбѣ въ церкви Казанской исполнено было, и весь городъ зѣло обрадованъ. Потомъ, возвратясь во дворецъ, сѣвъ за столъ и вспомня подающаго намъ причины радости и веселія своимъ искусствомъ, усердіемъ и разумомъ, при пушечной пальбѣ, пила я здоровье г. фельдмаршала графа Румянцева, съ которымъ вамъ новопожалованнымъ и весьма вамъ заслуженнымъ чиномъ васъ поздравляю и должна вамъ засвидѣтельствовать, что у меня за столомъ не было человѣка, который бы не былъ тронутъ до слезъ отъ удовольствія, видя, что я справедливость показала ихъ достойному согражданину. Несравненной арміи моей успѣхи и побѣды кто съ толикимъ удовольствіемъ видѣть можетъ, какъ я? Но коль велика радость моя, сіе легче чувствовать можно, нежели описать. Благодарю я васъ и за то, что вы то самымъ дѣломъ исполняете, что про Римлянъ говорятъ, и не спрашивайте, многочисленъ ли непріятель, но гдѣ онъ. Я увѣрена, что вы не оставите мнѣ тѣхъ назвать, кои себя отличили, дабы я могла имъ воздать справедливость" [2]). Отличившіеся были: генералъ-маіоръ Олицъ, генералъ-поручики—Племянниковъ, графъ Брюсъ, графъ Салтыковъ, князь Репнинъ, генералъ-квартирмейстеръ Бауръ; генералъ-маіоры—князь Долгорукій, графъ Салтыковъ; артиллеріи генералъ-маіоръ Мелиссино, Глѣбовъ, Подгоричанинъ, Потемкинъ; бригадиръ Гудовичъ; подполковники гр. Воронцовъ (Семенъ Романовичъ), Елчаниновъ.

Разбитый визирь бѣжалъ къ Дунаю, черезъ который переправился на судахъ при Исакчѣ; но часть его войска, прикрывавшая обозъ, не успѣла еще переправиться, какъ подоспѣлъ генералъ Бауръ и заставилъ ее положить оружіе, причемъ Русскимъ досталось еще 127 пушекъ въ придачу къ 140, взятымъ при Кагулѣ. Измаилъ, тогда еще слабо укрѣпленный, сдался генералу Потемкину; князь Репнинъ взялъ Килію. Аккерманъ сдался бригадиру Игельстрому. Но Браиловъ упорно защищался и отбилъ приступъ. Объ этой неудачѣ Румянцевъ писалъ императрицѣ (3 ноября): „Я избралъ къ осадѣ сего города генералъ-маіора Глѣбова, какъ способнѣйшаго, изъ резону, что онъ служилъ въ артиллеріи. Я его снабдѣвалъ ежедневно новыми наставленіями, которыя мнѣ казались быть нужны по его извѣстіямъ и планамъ, мнѣ сообщаемымъ. Но дѣла его при сей осадѣ не отвѣчали онымъ. Штурмъ, кромѣ того, что рано начатъ, веденъ еще былъ необозрѣнными мѣстами и, такъ сказать, одинъ бокъ города только былъ осажденъ, ибо о лагерѣ непріятельскомъ, между Дуная, крѣпости и предмѣстья бывшемъ, познали, токмо пришедши на него. Неоспоримо, что усердіе и ревность, кои ему по справедливости отдать должно, были побужденіемъ на сіе предпріятіе отважное, и какъ всѣ, хотя впрочемъ несогласные вѣстники, въ томъ однакожь единогласно увѣряютъ, что все дѣло имѣло бы наилучшій успѣхъ, ежели бы недостойные званія послѣдняго солдата 4-го Гренадерскаго полка гренадеры, въ непослушаніи и малодушіи неоднокрктно примѣченные, сами пошли и другихъ идти не задержали". Затѣмъ Румянцевъ повторяетъ свою обычную жалобу, что войска мало сравнительно съ пространствомъ занимаемымъ областей: „Весьма трудно съ немногимъ числомъ войска, каково у меня есть нынѣ на лицо, обнять все пространство завоеванныхъ земель. Квартиры для арміи расположу я сколь можно будетъ тѣснѣе въ здѣшнемъ краю и къ пребыванію моему мѣста не возьму далѣе города Яссъ. Всѣ почти генералы по болѣзнямъ своимъ отъѣхали изъ арміи. Я Храповицкаго и Хераскова только уговорить могъ остаться, а и они подали просьбы объ увольненіи. Проникнуть нельзя каждаго въ сердце; примѣчаю однакожь, что иные считаютъ себя упослѣжденными въ награжденіи предъ своими сверстниками и потому удаляются, а другіе, находя опа-

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X. 425.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X. стр. 427.

сность въ сихъ мѣстахъ остаться, гдѣ армія располагается". — Наконецъ, въ ноябрѣ же Турки очистили Браиловъ. Бухарестъ былъ занятъ въ другой разъ. Въ то время какъ многочисленные толпы Турокъ въ чистомъ полѣ, при Ларгѣ и Кагулѣ, не могли выдерживать передъ сравнительно малочисленною первою русскою арміею, вторая армія, въ числѣ 34,000 человѣкъ, была задержана упорнымъ, отчаяннымъ сопротивленіемъ Турокъ въ Бендерахъ. Осада этой крѣпости шла съ начала іюля; въ ночь съ 15 на 16 сентября гр. Панинъ рѣшился вести свои войска на приступъ, и послѣ бою, длившагося всю ночь, послѣ пожара, истребившаго крѣпость, гарнизонъ положилъ оружіе; побѣдители во время осады и приступа потеряли болѣе одной пятой всей арміи. Такая потеря произвела неблагопріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ и сильно уменьшила значеніе пріобрѣтенія, купленнаго такъ дорого. Тонъ донесенія Панина могъ быть найденъ несоотвѣтственнымъ и неумѣстнымъ: „L'ours est mort (медвѣдь издохъ)", писалъ главнокомандующій второю арміею, — „и сколь онъ бендерскую берлогу ни крѣпку, а ногтей почти больше егерей имѣлъ, и сколь ни безпримѣрно свирѣпъ и отчаянъ былъ, но великой Екатерины отправленныхъ на него егерей стремленіе соблюсти достоинство славы оружія ея, со врожденными въ нихъ вѣрностію, съ усердіемъ къ своему государю, храбрость съ бодрствіемъ нашли способъ по лѣстницамъ перелѣзть черезъ стѣны его берлоги и совершенно сокрушить всѣ его челюсти, вслѣдствіе чего непростительно бы я согрѣшилъ передъ моею государынею, если-бъ этого не сказалъ, что предведенные мною на сію охоту ея егери справедливо достойны высочайшей милости великой Екатерины, въ которую дерзаю совокупно съ ними и себя повергнуть". Панину посланъ былъ военный орденъ первой степени; но рескриптъ былъ кратокъ и сухъ. „Сіе происшествіе (взятіе Бендеръ) тѣмъ важнѣе, что оно соотвѣтствуетъ славѣ оружія и дѣлъ нашихъ. Въ знакъ же моего удовольствія за оказанную вами въ семъ случаѣ мнѣ и государству услугу и усердіе и твердость, сходственно установленнымъ штатутамъ военнаго ордена" и проч. Взятіемъ Бендеръ дѣйствія второй арміи, за позднимъ временемъ года, должны были ограничиться.

Но мы видѣли, что гр. Панину поручено было попытаться, нельзя ли отвлечь Татаръ отъ Турокъ. 4 марта Панинъ увѣдомилъ императрицу, что дѣло обѣщаетъ успѣхъ, и приложилъ донесеніе секундъ-маіора Бастевика, употребленнаго для первыхъ сношеній. 15 марта было объ этомъ разсужденіе въ Совѣтѣ, и пришли къ тому заключенію, что „крымскіе и другіе соединенные съ ними Татары, по ихъ свойству и положенію, никогда не будутъ полезными подданными ея и. в—ства, никакія съ нихъ порядочныя подати собираемы быть не могутъ, и для защиты русскихъ границъ служить не будутъ, ибо безъ нихъ никто не нападетъ на эти границы; наконецъ, принятіемъ ихъ подъ свое непосредственное подданство Россія возбудитъ противъ себя общую и основательную зависть и подозрѣніе въ стремленіи безконечно увеличивать свои владѣнія; благоразуміе требуетъ остерегаться отъ возбужденія такихъ чувствъ, особенно когда нельзя себѣ обѣщать никакой важной и существенной пользы, ибо Татарскіе народы подъ именемъ подданства разумѣютъ право требовать всего въ свою пользу, службу же свою и пользу для другихъ поставляютъ только въ томъ, что живутъ спокойно и не разбойничаютъ. Но если мало для Россіи пользы отъ подданства Крыма съ принадлежащими ему другими татарскими ордами, то, наоборотъ, велико можетъ быть приращеніе ея силъ, если Татары отторгнутся отъ Турціи и составятъ независимое владѣніе, ибо однимъ этимъ Порта относительно Россіи и ея сосѣдства перестанетъ морально существовать, потому что ей некѣмъ будетъ безпокоить русскія границы, да и трудно ей будетъ переводить войска свои черезъ Дунай, имѣя на правой сторонѣ независимыхъ Татаръ. Чтобъ можно было получить эту пользу при настоящей войнѣ, надобно обратить нашъ постоянный предметъ—свободное мореплаваніе по Черному морю—къ ободренію и вспомоществованію Татарамъ, и потому прежде всего надобно принять непремѣнное рѣшеніе не полагать оружія, хотя бы это стоило лишней кампаніи, пока Порта не признаетъ торжественно независимость Крыма съ принадлежащими къ нему ордами. Вслѣдствіе этого, надобно вести переговоры съ Татарами такимъ образомъ: чтобъ графъ Панинъ склонялъ ихъ не къ нашему подданству, но къ независимости отъ Турціи; чтобъ обѣщалъ наше ручательство, покровительство и защиту съ твердымъ обнадеживаніемъ, что если они теперь подпишутъ съ нами договоръ о своемъ отложеніи отъ Турціи, то мы не заключимъ съ послѣднею мира, не утвердивъ договоромъ независимости Крымской области. Наконецъ, чтобъ графъ Панинъ взаимно потребовалъ отъ Татаръ, чтобы они, для доставленія намъ возможности защищать ихъ отъ Турокъ, приняли нашъ гарнизонъ въ нѣкоторыя свои крѣпости и отдали бы намъ одну гавань на крымскомъ берегу, гдѣ бы нашъ флотъ могъ препятствовать турецкой высадкѣ. (Противъ этихъ словъ въ протоколѣ Екатерина приписала: „Не менѣе намъ необходимо нужно имѣть въ своихъ рукахъ проходъ изъ Азовскаго въ Черное море: и для того объ немъ домогаться надлежитъ.") Признакомъ соглашенія естественно должно быть постановлено условіе о свободной сухопутной и водяной торговлѣ. Если эти важные переговоры въ настоящую кампанію уже съ пользою совершатся, то, не теряя ни малѣйшаго времени, надобно будетъ занять нашею азовскою флотиліею тотъ портъ, который на крымскомъ берегу нами выговоренъ будетъ, чтобъ, при начатіи съ Турками мирныхъ переговоровъ, уже можно было прелиминарными пунктами выговорить и одержать

проходъ нѣсколькимъ нашимъ кораблямъ изъ Средиземнаго моря въ Черное — именно въ ту гавань, которая уже будетъ намъ принадлежать, чѣмъ и можетъ быть утверждено дѣйствительное основаніе нашего флота, слѣдовательно и всего мореплаванія на Черномъ морѣ" [1]).

Императрица утвердила это рѣшеніе Совѣта, и Панину былъ отправленъ соотвѣтственный рескриптъ, въ которомъ, вслѣдствіе дополненія, сдѣланнаго Екатериною, уже прямо опредѣлено, какія мѣста требовать у Крымцевъ для обезпеченія прохода изъ Азовскаго моря въ Черное: на крымскомъ берегу — Еникале, и на кубанскомъ — Тамань [2]). Понятно, что въ началѣ переговоровъ эти требованія земельныхъ уступокъ не могли еще предъявляться: и безъ того дѣло было не легкое. Слова: „свобода и независимость" могутъ легко поднять народы, для которыхъ зависимость тяжела, у которыхъ въ продолженіи вѣковъ независимость была постоянною любимою мечтою, которые нетерпѣливо дождались перваго случая превратить мечту въ дѣйствительность. Но не таково было положеніе крымскихъ Татаръ: зависимость ихъ отъ Порты была нечувствительна и въ единовѣріи имѣла крѣпкое основаніе. Зависимость отъ Турціи, при легкости, была очень выгодна для Татаръ: подъ щитомъ Порты они сначала могли безнаказанно разбойничать; усиленіе Россіи отнимало у нихъ эту возможность, они перестали получать поминки или дань изъ Москвы; но это усиливало только ихъ ненависть къ Россіи, страхъ передъ нею и, наоборотъ, расположеніе къ единовѣрной Турціи, потребность ея покровительства. Отношенія Татаръ къ ханамъ, къ этому многочисленному роду Гиреевъ, были самыя свободныя, какъ обыкновенно бываютъ отношенія государственно неразвитыхъ народовъ къ большимъ правительственнымъ родамъ; хана свергали при первомъ неудовольствіи, не боясь препятствій со стороны Порты. Съ своей стороны, Гиреи тянули къ Портѣ: по сверженіи въ въ Крыму, они находили у нея убѣжище, у нихъ были владѣнія въ Румиліи и лестное для ихъ честолюбія преданіе, что въ случаѣ прекращенія Турецкой династіи достоинство падишаха должно перейти къ нимъ. Имъ предлагали независимость, но тутъ была явная неточность. Въ Петербургѣ, рѣшаясь во что бы то ни стало добиваться независимости Крыма, выставляли на видъ одну сторону дѣла, полезную для Россіи, не входя въ подробное разсматриваніе затрудненій, вытекавшихъ изъ неточности опредѣленія цѣли. Если Татары будутъ вполнѣ независимы, то естественно они должны получить право свободно опредѣлять свои отношенія къ другимъ державамъ, входить въ союзы съ тою или другою изъ нихъ, какъ имъ заблагоразсудится, и, въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, вступать въ союзъ съ послѣднею противъ первой. Такимъ образомъ, принимая независимость въ такомъ точномъ смыслѣ, нельзя было разсуждать, что, вслѣдствіе независимости Крыма, Порта относительно Россіи превратится въ моральное небытіе, что у нея отнимется возможность дѣлать важныя предпріятія противъ русскихъ границъ, и что трудно ей будетъ переводить свои войска черезъ Дунай, имѣя въ правомъ боку независимыхъ Татаръ. Для полученія предполагавшихся выгодъ, надобно было эту независимость ограничить, т.-е. обязать Татаръ тѣснымъ, постояннымъ союзомъ съ Россіею, обязать отступленіемъ навсегда отъ Турціи; на договоръ о такомъ союзѣ, разумѣется, положиться было нельзя: надобно было обезпечить союзъ гарнизонами по крѣпостямъ, гаванью на Черномъ морѣ, пріобрѣтеніемъ мѣстъ, защищавшихъ входъ въ проливъ между Азовскимъ и Чернымъ морями. При такихъ отношеніяхъ естественно и необходимо является новое слово: **покровительство**. Россія будетъ покровительницею Татаръ; но въ такомъ случаѣ турецкія отношенія смѣнялись только русскими, и нельзя было разсуждать о томъ, что иностранныя державы не увидятъ здѣсь властолюбивыхъ стремленій и останутся покойны, не поймутъ, что значеніе Турціи на сѣверномъ берегу Чернаго моря перейдетъ къ Россіи. Татары понимали очень хорошо, что имъ предлагаютъ изъ турецкой зависимости перейти въ русскую; но отторгнуться отъ своихъ единовѣрцевъ и отдаться подъ покровительство христіанской державы являлось дѣломъ грѣховнымъ. Въ крайности они готовы были сдѣлать это, — но только въ крайности, и единственно для того, чтобъ выиграть время, выйти изъ затруднительнаго положенія, не подвергнуться разоренію, а потомъ, при первой перемѣнѣ обстоятельствъ, снова перейти къ Турціи, освободиться отъ свободы. Христіанскіе народы страшно страдали подъ турецкимъ игомъ, подвергались всѣмъ послѣдствіямъ фанатизма и презрѣнія магометанъ къ иновѣрцамъ: они жаждали свободы, тогда какъ татары находились въ положеніи обратномъ, и соединеніе ихъ съ христіанами въ одномъ актѣ освобожденія отъ турецкаго ига было ошибкою.

Весною 1770 года Татарамъ крайности еще не было, и, на предложеніе Панина, преемникъ умершаго Крымъ-Гирея, ханъ Капланъ-Гирей, отвѣчалъ (15 марта): „Объясняешь, что твоя королева желаетъ прежнія вольности татарскія доставить; но подобныя слова тебѣ писать не должно. Мы сами себя знаемъ. Мы Портою совершенно во всемъ довольны, и благоденствіемъ наслаждаемся. А въ прежнія времена, когда мы еще независимы отъ Порты Оттоманской были, какія междоусобныя брани и внутри Крымской области безпокойства происходили, — все это предъ свѣтомъ явно: и потому прежнія наши обыкновенія за лучшія намъ представлять какая тебѣ нужда? Въ этомъ твоемъ намѣреніи, кромѣ пустословія и безразсудства, ничего не заключается". Панинъ далъ себѣ напрас-

[1]) Архивъ Государ. Сов. I, 43.
[2]) Московск. Архивъ Мин. Ин. Д.

ный трудъ возражать хану. Гораздо сильнѣе, впечатлительнѣе возразилъ Румянцевъ Ларгою и Кагуломъ: Татары зашатались, и раздвоеніе между ними ускорило желанное въ Петербургѣ дѣло.

Татары, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣлились на собственно Крымскихъ, осѣдлыхъ, и Ногайскихъ, которые, подъ разными названіями, кочевали на пустынныхъ тогда берегахъ Азовскаго и Чернаго морей отъ Кубани до Днѣстра. Ногайцы не имѣли тѣхъ побужденій держаться Турціи, какія имѣли собственно Крымскіе Татары, или имѣли ихъ гораздо въ слабѣйшей степени; магометанскій интересъ, какъ вообще у кочевыхъ среднеазіатцевъ, не преобладалъ между ними; при неразвитости, крайней узкости сферы, господствовали мелкіе частные интересы. Мы хорошо знакомы съ ними по Русской Исторіи XVI вѣка. Тогда, будучи господствующимъ народомъ на Нижней Волгѣ, служа для магометанскаго міра связью между Казанью, Астраханью и Крымомъ, обязанные защищать бусурманскіе юрты отъ напора европейско-христіанскаго міра въ лицѣ Россіи, они, вслѣдствіе своихъ усобицъ и корыстныхъ стремленій, выдали Бѣлому Царю и Казань и Астрахань. Когда одинъ изъ ихъ князей, державшійся Крыма и Турціи, враждовалъ съ Москвою, другой говорилъ ему: „Твои люди ходятъ торговать въ Бухару, а мои ходятъ къ Москвѣ; и только мнѣ завоеваться съ Москвою, то и самому мнѣ ходить нагому, да и мертвымъ не на что будетъ савановъ шить",—и, вслѣдствіе этого, самъ предлагалъ Іоанну IV-му овладѣть Астраханью [1]). Въ описываемое время, прельщенные надеждою легкой добычи, они поднялись съ Крымъ-Гиреемъ на Россію; но потомъ подъ Хотиномъ дѣла пошли дурно; они принуждены были отступать къ Пруту, нашлись въ условіяхъ необычныхъ,—и встосковались по своимъ степямъ. Въ это время стали приходить къ нимъ предложенія отъ Панинскихъ агентовъ и производили сильное впечатлѣніе; до независимости, русскаго или турецкаго покровительства имъ было мало дѣла: отчего не принять и русскихъ предложеній, если русское войско пропуститъ ихъ назадъ на родныя степи; предки ихъ дружили же съ Россіею, кормясь тѣмъ, что посылали табуны лошадей своихъ на продажу въ Москву! Но пока они еще двигались, боясь хана и Турокъ; послѣ же Ларги и Кагула медлить было нечего, и 25-го іюля, въ тотъ самый день, когда Панинъ подъ Бендерами получилъ извѣстіе о Кагульской побѣдѣ, пришла къ нему грамота отъ четырехъ едисанскихъ и одного бѣлгородскаго (аккерманскаго) мурзы съ просьбою о дозволеніи пройти на крымскую сторону. Панинъ отвѣчалъ, что для полученія этого дозволенія Татары должны объявить себя въ протекціи россійской, отречься отъ подданства турецкаго и прислать аманатовъ. 9 августа Панинъ донесъ въ Петербургъ, что Едисанская, Буджацкая и Бѣлгородская орды отступили отъ турецкаго подданства, вслѣдствіе чего ихъ перепустили въ степь между Днѣстромъ, Бугомъ и Синюхою. Вслѣдъ за тѣмъ завели переговоры съ Панинымъ и крымскіе мурзы; но эти переговоры не повели ни къ чему; хану, несмотря на сопротивленіе русскихъ отрядовъ, удалось пробраться въ Крымъ, гдѣ впрочемъ оставшіеся тамъ Ногаи, Едичкулы и Джамбулуки рѣшили послѣдовать примѣру своихъ родичей, Едисанцевъ; многіе, вопреки ханскому приказанію, вырвались изъ Крыма для соединенія съ своими.

Въ первыхъ числахъ октября канцеляріи совѣтникъ Веселицкій отправился для окончательнаго улаженія дѣла въ Едисанскую орду, которой начальные люди стояли у рѣки Березани. Главный изъ едисанскихъ мурзъ, Джанъ Мамбетъ-бей, сообщилъ Веселицкому, что Едичкулы и Джамбулуки согласны отдаться въ покровительство императрицы и уже отправили знатныхъ мурзъ съ письмами къ Панину: „Мы", говорилъ Джанъ-Мамбетъ-бей, „слово свое и ручательство въ присоединеніи Едичкуловъ и Джамбулуковъ теперь исполнили, да и не поручились бы въ томъ, если бы по родству съ этими ордами не были удостовѣрены въ ихъ единомысліи съ нами; что же касается Крымцевъ, то не худо бы его сіятельство (Панинъ) сдѣлалъ, если-бъ крымскую мурзу нѣсколько холоднѣе принялъ и приказалъ отвѣчать имъ, чтобъ они свое письмо такимъ точно образомъ написали, какъ отъ нихъ уже потребовано и какъ Ногайцы въ присяжномъ письмѣ изъяснились; что въ противномъ случаѣ поступлено будетъ съ ними, какъ съ непріятелями, безъ пощады; надобно пригрозить имъ огнемъ и мечемъ, потому что когда Едичкулы и Джамбулуки съ едисанскими и буджакскими Татарами согласились соединиться, то Крымцы принуждены будутъ на всѣ требованія согласиться, и хана Капланъ-Гирея почитать не слѣдуетъ". Подобныя же вѣсти привезъ толмачъ Кутлубицкій, который въ концѣ года отправленъ былъ въ самый Крымъ. Пріѣхавъ въ Бакчисарай, Кутлубицкій обратился къ жившему тамъ едиссанскому мурзѣ Темиръ-султану; Темиръ-султанъ былъ въ единомысліи со своими, и когда Кутлубицкій спросилъ его, нѣтъ-ли между Крымцами злого умысла противъ Россіи, то мурза отвѣчалъ: „Можно ли Крымцамъ помышлять о чемъ-нибудь вредномъ противъ Россіи, когда по уходѣ Едичкульской и Джамбулуцкой ордъ изъ Крыма остались они такими слабосильными. Я затѣмъ единственно и живу въ Бакчисараѣ, чтобъ склонять Крымцевъ къ принятію тѣхъ же условій, на какихъ прочія орды вступили въ дружбу и союзъ съ Россіею". Но старанія Темиръ-султана оказались напрасными. Порта и преданные ей Крымцы приняли свои мѣры: не надѣясь, чтобъ ханъ Капланъ-Гирей имѣлъ достаточно энергіи, необходимой въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ, султанъ смѣнилъ его и прислалъ на его мѣсто Селимъ-Гирея. Россія должна была оружіемъ принудить

[1]) См. выше: «Исторія Россіи» кн. 2, т. VI.

Крымцевъ къ тому, на что Ногайцы такъ легко согласились добровольно [1]).

Но въ то время какъ побѣды Румянцева произвели этотъ расколъ между Татарами и заставили хана очистить главную сцену военныхъ дѣйствій и спѣшить въ Крымъ, приходили извѣстія о блистательныхъ успѣхахъ русскаго флота, отправленнаго съ цѣлію помогать возстанію турецкихъ христіанъ. Мы видѣли, съ какими затрудненіями было сопряжено плаваніе эскадры Спиридова. Изъ семи кораблей и осьми разныхъ другихъ судовъ, вышедшихъ изъ Кронштадта 26 іюля, въ концѣ декабря 1769 года у острова Минорки собралось только четыре корабля и четыре мелкихъ судна. Болѣзни продолжали свирѣпствовать и похищать значительное число людей. Графъ Алексѣй Орловъ съ нетерпѣніемъ дожидался въ Ливорно прибытія эскадры и отправилъ къ ней навстрѣчу въ Портъ-Магонъ брата своего, Өедора Григорьевича; но только въ началѣ февраля 1770 года явились въ Ливорно одинъ корабль, одинъ фрегатъ и одинъ пакетботъ, выдержавшіе сильную бурю [2]). Изъ этихъ судовъ пакетботъ „Почталіонъ" сѣлъ на мель, и по этому поводу графъ Орловъ писалъ императрицѣ: „Почталіонъ" сѣлъ на мель и потому уже недѣли двѣ и по сіе время стащить не можемъ, употребляя всевозможныя средства. Признаюсь чистосердечно, увидя столь много дурныхъ обстоятельствъ въ оной службѣ, такъ великое упущеніе, незнаніе и нерадѣніе офицерское и лѣнь, неопрятность всѣхъ людей морскихъ,—волосы дыбомъ поднялись, а сердце кровью облилось. Командиры не устыдились укрывать недостатки и замазывать гнилое красками. Дошли дотого, что ни провіанту, ни денегъ у себя ничего не имѣютъ. Признаться должно, что есть ли бы всѣ службы были въ такомъ порядкѣ и незнаніи, какъ и эта—морская, то бѣднѣйшее было (бы) наше отечество; но скажу и то, надѣемся теперь уже крѣпко, что дурноты всѣ уже миновались, и все теперь пойдетъ. Таковы-то наши суда: есть-ли-бъ мы не съ Турками имѣли дѣло, всѣхъ бы легко передавили, не нужно-бъ было много съ ними драться, а только за ними гнаться, они бы изъ гавани не выходили по незнанію офицеровъ. Я разспрашивалъ офицеровъ о Барбарейскихъ, не имѣли ли они случая гдѣ ни на есть съ ними свидѣться. Со вздохомъ отвѣчали: „Благодаримъ Господа, что они въ такую погоду не ходятъ"! Я отъ сердца смѣялся и, разсказавъ имъ допрямо обо всемъ, притомъ стыдя ихъ, такъ низко мыслить не годится россійскимъ офицерамъ и воинамъ— говорилъ. Недостатокъ есть великъ въ лѣкаряхъ и ихъ помощникахъ; я стараюсь ихъ пріискивать. Я намѣренъ всѣми способами домогаться, чтобъ всѣ морскіе убытки возвратить" [3]).

Возможность успѣха заключалась именно въ томъ, что главные дѣятели не приходили въ отчаяніе отъ неудачи, отъ затрудненій. „Надѣемся крѣпко, что дурноты всѣ уже миновались, и все теперь пойдетъ", писалъ Орловъ, и въ отвѣтахъ Екатерины выражалась та же увѣренность, что „все пойдетъ".—„Что же дѣлать", писала она: „впредь умнѣе будутъ. Ничто на свѣтѣ нашему флоту столько добра не сдѣлаетъ, какъ сей походъ. Все закоснѣлое и гнилое наружу выходитъ, и онъ будетъ современемъ круглехонько обточенъ". Кромѣ обточенной еще осенью 1769 года эскадры, подъ начальствомъ контръ-адмирала Эльфинстона, состоявшей изъ трехъ кораблей, двухъ фрегатовъ и трехъ разныхъ судовъ, Екатерина, въ январѣ 1770, писала Орлову, что на весну готовитъ еще нѣсколько кораблей: „Однимъ словомъ, что могу, то и сдѣлаю. Мнѣ нынѣ тѣмъ легче сдѣлать помощь кораблями и людьми, потому что у нашихъ бѣлобрысыхъ сосѣдей (Шведовъ) орудія осѣклись". Неудача кн. Долгорукова въ Черногоріи такъ-же не смутила Екатерины: „Происшествіе черногорское съ нашимъ генералъ-маіоромъ кн. Долгоруковымъ, повидимому, недостойно большаго уваженія, ибо главныя дѣйствія должны произойтить отъ христіанъ собственныхъ подданныхъ нашего вѣроломнаго непріятеля. Да пускай бы и тутъ вѣками порабощенія и коварства возвращенные Греки измѣнили своему собственному благополучію: одна наша морская диверсія съ подкрѣпленіемъ оной маинскими портами, или занятіемъ другого какого надежнаго мѣста для морского прибѣжища, уже довольны привести въ потрясеніе и въ ужасъ всѣ турецкія въ Европѣ области и тѣмъ самымъ прославить и возвести еще на высшую степень почтенія къ силамъ и могуществу нашей имперіи". Екатерина исполнила свое обѣщаніе: въ іюлѣ отправились изъ Ревеля эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала Арфа, призваннаго изъ датской службы, „по отличному его искусству и практикѣ въ военной морской службѣ". На этой эскадрѣ отправили слишкомъ 2,500 человѣкъ пѣхоты, въ томъ числѣ 500 человѣкъ гвардіи Преображенскаго полка. Денегъ не жалѣли; Архипелажская экспедиція въ 1769 и 1770 году стоила около 1.900,000 рублей [4]).

Въ половинѣ февраля русскіе корабли пришли къ Мореѣ и стали на якорь въ портѣ Витула, на полуостровѣ Майна, жители котораго уже давно съ нетерпѣніемъ ждали ихъ прихода и привѣтствовали посвоему, стрѣляя цѣлый день изъ ружей и пистолетовъ. Положено было составить изъ жителей Мореи два отряда или легіона—восточный и западный; первый долженъ былъ набрать и начальствовать имъ капитанъ Барковъ, второй—маіоръ князь Петръ Долгорукій. Барковъ скоро набралъ до 1,000 Майнотовъ, двинулся съ ними къ Мизитрѣ (Спартѣ) и разбилъ подъ ея стѣнами трехтысячный отрядъ Турокъ. 8 марта Мизитра сдалась на условіи свободнаго выхода для гарнизона.

[1]) Крымскія дѣла въ Московск Архивѣ Мин. Ин. Д.
[2]) Записки Гидрографическаго Департамента, VII, 248.
[3]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. X, 413.

[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 29 и слѣд.

Но какъ только Турки сдали оружіе, Майноты бросились на нихъ и перерѣзали больше 1,000 человѣкъ; Барковъ съ опасностію собственной жизни, едва спасъ остальныхъ. Успѣхъ увеличилъ отрядъ Баркова до 8,000 человѣкъ, и онъ пошелъ къ Триполицѣ; но когда отрядъ вошелъ въ предмѣстіе города, многочисленные Турки напали на него со всѣхъ сторонъ; Греки не выдержали,—покидали оружіе и обратились въ бѣгство, покинувъ Русскихъ, которыхъ было ничтожное количество. Горсть храбрецовъ начала отступать, обороняясь; бо̀льшая часть была перебита, спаслись только четыре человѣка, которые принесли въ Мизитру тяжело раненаго Баркова; спасено было и знамя, потому что Барковъ велѣлъ снять его съ древка и опоясалъ имъ себя. Между тѣмъ, кн Долгорукій овладѣлъ всею Аркадіею и потомъ пришелъ къ Наварину, который былъ осажденъ русскимъ отрядомъ, подвезеннымъ на двухъ корабляхъ и фрегатѣ; отрядъ этотъ находился подъ начальствомъ бригадира Ганнибала. 10 апрѣля Наваринъ сдался, и въ его гавани, какъ лучшей, собрался весь русскій флотъ, здѣсь же собрались и почти всѣ наличныя сухопутныя русскія силы съ главнымъ распорядителемъ похода, Орловымъ [1]). Екатерина писала ему: „Моя мысль есть, чтобъ вы старались получить портъ на островѣ или на твердой землѣ и, поколику возможно, удержать оный. Сказавъ вамъ сіе, признаюсь, что имѣю два вида: одинъ тотъ, чтобъ васъ, пока ваша куча не знатно умножится, съ малымъ числомъ не подвергнуть опасности; второй—что хотя-бъ и ничего иного не сдѣлали, то бы тѣмъ самымъ мы много для переду предуспѣли, если-бъ доставили Россіи въ руки портъ въ тамошнемъ морѣ, который стараться будемъ при морѣ удержать. Подъ видомъ же коммерціи онъ всегда будетъ имѣть сообщеніе съ нужными народами во время мира, и тѣмъ, конечно, сила наша не умалится въ тамошнемъ краю. Если же дѣла ваши такъ обратятся, что вы въ состояніи будете замыслить и болѣе сего, то тогда и сей портъ вамъ всегда служить можетъ, не бывъ ни въ какомъ случаѣ вреденъ. На сіе же едва не удобнѣе ли островъ, нежели твердая земля, и то еще островъ не самый большой; но однако портъ на твердой земля будетъ же имѣть и свои особыя выгоды“. Теперь Орловъ призналъ, что Наваринъ представляетъ именно такой портъ на твердой землѣ, имѣющій особыя выгоды; онъ не могъ не признать и мудрой осторожности, заключавшейся въ словахъ императрицы: „Портъ нуженъ, чтобъ васъ, пока ваша куча не знатно умножится, съ малымъ числомъ не подвергнуть опасности“. Уже одинъ отрядъ подвергся опасности: былъ почти весь истребленъ, потому что, не укрѣпившись на берегу, не дожидаясь „знатнаго умноженія кучки“, послали ничтожный отрядъ внутрь страны, понадѣявшись на мѣстныхъ жителей. Вѣсть объ участи Барковскаго отряда, о поведеніи Грековъ въ Мизитрѣ и Триполицѣ, коварная свирѣпость въ одномъ мѣстѣ, позорная трусость и безчестность въ отношеніи къ Русскимъ въ другомъ, разумѣется, прежде всего возбудили въ Орловѣ страшное раздраженіе противъ Грековъ: „Кромѣ крѣпостей и большихъ городовъ —Триполицы, Коринѳа, Патраса, хотя вся Морея и очищена отъ Турокъ“, писалъ онъ, „но силы мои такъ слабы, что я не надѣюсь не только завладѣть всею, но и удержать завоеванныя мѣста. Робость Грековъ и Майнотовъ лишаетъ меня совсѣмъ надежды; а безпорядокъ, происходящій отъ неразумѣнія языка, еще болѣе меня въ томъ утверждаетъ. Лучшее изъ всего, что мнѣ можно будетъ сдѣлать,— укрѣпить себя сухимъ путемъ и моремъ; зажечь огонь во всѣхъ мѣстахъ, какъ въ Мореѣ; пресѣчь весь подвозъ провіанта въ Царьградъ и дѣлать нападенія морскою силою. Трудно будетъ и сіе произвесть въ дѣйство, если скоро не придетъ Эльфинстонъ. Здѣшніе народы льстивы и обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы къ деньгамъ и добычѣ, такъ-что ничто удержать не можетъ ихъ къ сему стремленію. Легковѣріе и вѣтренность, трепетъ отъ имени Турокъ суть не изъ послѣднихъ такъ-же качествъ нашихъ единовѣрцевъ. Законъ исповѣдуютъ едиными только устами, не имѣя ни слабаго начертанія въ сердцѣ добродѣтели христіанскія. Привыкши жизнь вести въ распутствѣ (т.-е. распущенности), ненавидящіе всякаго порядка и не зная, какимъ способомъ приступить къ оному, пребываютъ ежеминутно въ смятеніи духа. Рабство и узы правленія турецкаго, на нихъ наложенныя, въ которыхъ они родились и выросли, такъ-же и грубое невѣжество обладаетъ ими. Сіи-то суть причины, которыя отнимаютъ надежду произвесть какое-нибудь въ нихъ, къ ихъ общему благу, на твердомъ основаніи сооруженное, положеніе“ [2]).

Вся вина сложена на Грековъ; но историкъ долженъ раздѣлить ее и отдать извѣстную долю обвиняющимъ. Въ Петербургѣ была сдѣлана ошибка, очень естественная, впрочемъ. Для развлеченія турецкихъ силъ, для нанесенія сильнѣйшаго, потрясающаго удара врагу, для обезпеченія себя отъ него на будущее время, для пріобрѣтенія славы освобожденія христіанъ и потомства героевъ, которыхъ имена были на языкѣ каждаго образованнаго человѣка, задумали смѣлое предпріятіе—возбудить христіанское народонаселеніе Турціи къ возстанію противъ Порты. Предпріятіе было задумано не безъ основательной надежды на успѣхъ: Каразинъ съ товарищами говорили правду, объявляя о готовности христіанъ свергнуть тяжелое, ненавистное иго; но надобно было изучить съ большею подробностью и точностью средства христіанъ, нравственныя и матеріальныя. Какъ обыкновенно бываетъ, когда дѣло обсуживается издали, по-

[1]) Записки Гидрограф. Департ. VII, 219—254.

[2]) Записки Гидрограф. Департ. стр. 255.

дробности исчезаютъ, сливаются, видны только однѣ наиболѣе выдающіяся, общія черты: стремленіе къ сверженію тяжелаго, варварскаго ига, единовѣріе и т. д., и, вслѣдствіе преобладанія этихъ общихъ чертъ, дѣло идеализуется, является въ розовомъ свѣтѣ: стоитъ только явиться,—и народъ приметъ освободителей побратски, съ распростертыми объятіями, окажетъ чудеса храбрости и принесетъ всевозможныя жертвы для освобожденія отечества. При этомъ исчезла маленькая подробность, мелкій вопросъ: какъ братья по вѣрѣ будутъ объясняться другъ съ другомъ? Екатерина совѣтовала Орлову поступать осторожно, сначала укрѣпиться на берегу и не подвергать опасности своихъ ничтожныхъ сухопутныхъ силъ, пока не образуется масса туземнаго ополченія. Екатерина требовала общаго, дружнаго движенія, запрещала дѣйствовать клочками, въ одиночку. Но прежде надобно было узнать, способно ли народонаселеніе Греціи дѣйствовать сообща. Природа раздробила Грецію на мелкія области, рѣзко отдѣленныя другъ отъ друга, съ средствами, недостаточными для пропитанія и потому заставляющими народонаселеніе смотрѣть вонъ, искать дѣятельности, средствъ жизни на морѣ; древняя исторія Греціи подчинилась этимъ природнымъ условіямъ; должна была подчиниться имъ и новая: на сушѣ слабость, разбросанность, особность областей, размельченность интересовъ, неспособность создать твердое центральное правительство, узкость государственныхъ взглядовъ; сила народа—въ „деревянныхъ стѣнахъ" оракула, спасшихъ древнія Аѳины въ борьбѣ съ Персами, сила въ корабляхъ, въ морской дѣятельности, которая заставляетъ Греческое народонаселеніе тянуться узкою полосою по берегамъ. Помогать какому-нибудь народу въ побѣдѣ, помогать въ пріобрѣтеніи независимости—дѣло чрезвычайно трудное; столкновеніе неминуемо вслѣдствіе различія ступеней развитія, различія въ силѣ; народъ помогающій есть болѣе развитой, болѣе сильный, потому естественно принимаетъ значеніе руководителя, опекуна, требуетъ отъ слабѣйшаго, руководимаго, подчиненія своему „умоначертанію"; но слабѣйшій по развитію народъ этого умоначертанія не понимаетъ,—у него свои понятія, свои взгляды, очень узкіе иногда, непріятные; но что же дѣлать? Греки надѣялись на русскую помощь, немедленно сгруппировались около ничтожныхъ русскихъ отрядовъ; но когда Турки начали наступать съ превосходными силами, они обратились въ бѣгство, ибо извѣстныхъ понятій о военной чести они не имѣли, а руководились взглядомъ, что Русскіе должны имъ помогать, а не они должны давать себя рѣзать Туркамъ: это они могли сдѣлать и безъ Русскихъ. Тутъ прежде всего вредитъ различіе въ понятіи о помощи у сильнаго и слабаго, потому что оба требуютъ обыкновенно другъ отъ друга больше, чѣмъ сколько могутъ и хотятъ дать. Греки, съ которыми имѣлъ дѣло Орловъ, не были трусами; но, при условіяхъ своего быта, они не были способны къ наступательному движенію, къ битвамъ въ чистомъ полѣ; они были храбры, неодолимы въ войнѣ оборонительной, при защитѣ искусственныхъ или природныхъ укрѣпленій, и это важное обстоятельство не было принято въ соображеніе. Орловъ пишетъ, что турецкое рабство оставило печальные слѣды на характерѣ Грековъ; но для убѣжденія въ этомъ не нужно было ѣхать въ Морею: можно было и въ Ливорно, и въ Петербургѣ заключать отъ причины къ слѣдствію. Греки печально удивили Русскихъ тѣмъ, что бросились рѣзать сдавшихся Турокъ; но развѣ при извѣстныхъ взглядахъ Турка на христіанина, а христіанина на Турка, между ними могли образоваться отношенія и установиться правила, выработанныя, образованныя христіанскими народами между собою? При видѣ заклятаго врага, притѣснителя, Грекъ забывалъ все. Главное затрудненіе между Русскими и Греками заключалось не въ томъ только, что они не понимали языка другъ друга, но въ томъ, что не понимали „умоначертанія" другъ друга. При такомъ различіи между народами, оказывать помощь чрезвычайно трудно, надобно быть готову на все, вооружиться педагогическимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что надобно робко отступать предъ трудными задачами, которыхъ рѣшенія требуетъ высшіе народные интересы; изъ этого слѣдуетъ только, что предъ ихъ рѣшеніемъ надобно приготовиться глубокимъ изученіемъ прошедшаго и настоящаго и, вслѣдствіе этого, не смущаться ничѣмъ. Но не будемъ слишкомъ строги къ Русскимъ людямъ XVIII вѣка: они дѣлали первый опытъ.

Орловъ хотѣлъ утвердиться въ Наваринѣ; но для этого счелъ необходимымъ овладѣть крѣпостью Модономъ. Къ ней отправился съ ничтожными силами кн. Юрій Долгорукій, извѣстный намъ своими похожденіями въ Черногоріи. На помощь осажденнымъ явилось турецкое войско; Долгорукій вступилъ въ бой съ далеко неравными силами и потерпѣлъ пораженіе, потерявъ артиллерію. „Сей неблагополучный день", писалъ Орловъ императрицѣ, „превратилъ всѣ обстоятельства и отнялъ всю надежду имѣть успѣхи на землѣ". Начались дѣйствія на морѣ, потому что эскадра Эльфинстона наконецъ явилась, потерпѣвши на пути тѣже непріятности и задержки, какъ эскадра Спиридова, въ доказательство, что все равно, какъ бы ни назывался командиръ, русскимъ или англійскимъ именемъ. Въ маѣ мѣсяцѣ дѣйствія ограничивались гоньбою за турецкимъ флотомъ. Нѣсколько судовъ оставалось въ Наваринѣ съ графомъ Алексѣемъ Орловымъ, который нашелъ невозможнымъ долѣе держаться здѣсь, и отплылъ для соединенія съ обѣими эскадрами, взорвавши Наваринскую крѣпость. 11-го іюня Орловъ соединился съ эскадрами и нашелъ, что „командиры между собою въ великой ссорѣ, а подкомандные въ унынии и неудовольствіи". Больныхъ на обѣихъ эскадрахъ

было до 500 человѣкъ. Для пресѣченія споровъ между командирами, причемъ Эльфинстонъ не хотѣлъ подчиняться Спиридову, Орловъ, не будучи морякомъ, принялъ самъ начальство надъ флотомъ, какъ уполномоченной императрицею, и повелъ флотъ къ острову Паросу съ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, нагнать турецкій флотъ и разбить его, ибо только этимъ можно было уничтожить впечатлѣніе, произведенное Морейскою неудачею. „Ежели Богу угодно будетъ сокрушить флотъ непріятельскій", писалъ Орловъ императрицѣ, „тогда стараться станемъ и употребимъ всю возможность опять союзно дѣйствовать съ обитающими народами подъ державою Турецкою, въ той сторонѣ, гдѣ будетъ способнѣе... Если флотъ побѣдить, тогда и денегъ не надобно будетъ, ибо будемъ господами всего Архипелага и постараемся оголодить и Константинополь... Въ случаѣ же несчастнаго сраженія морского, или пребыванія турецкаго флота въ благополучномъ состояніи въ тѣхъ моряхъ, надежды не имѣю остаться зимовать въ островахъ Архипелагскихъ, и думаю, что принужденъ буду возвратиться въ Средиземное море" [1]). Екатерина одобряла всѣ рѣшенія Орлова; въ ея письмахъ онъ не могъ найти ни малѣйшаго выраженія неудовольствія вслѣдствіе неудачи Морейскаго похода. „Хотя мы и видимъ теперь", писала она, „что Морейская экспедиція не соотвѣтствовала своими слѣдствіями мужественному отъ васъ предпріятому ея отверстію по причинѣ сродной Грекамъ трусости, легкомыслія и предательства, кои особливо подъ Модономъ толико пакости причинили, однакожъ тѣмъ не меньше и тутъ служитъ намъ къ особливому удовольствію слышать отъ васъ, что всѣ подъ предводительствомъ вашимъ бывшіе чины, отъ мала до велика, мужественно, ревностно и съ крайнею охотою исполняли долгъ истинныхъ сыновъ отечества, въ которомъ качествѣ будемъ мы отнынѣ на нихъ наипаче взирать съ особливымъ вниманіемъ. Когда морейскіе Греки столь худо подражали примѣру храбрости, мужества и твердости, коими вы обще руководились, и не хотѣли извлечь себя изъ-подъ ига порабощенія, ихъ собственнымъ духомъ робости, невѣрности и обмана, надъ ними сохраняемаго: то вы весьма благоразумно и прозорливо сдѣлали, что, оставя ихъ собственному жребію, обратили соединенныя наши морскія силы на преслѣдованіе моремъ непріятеля. Кн. Юрію Долгорукову скажите, что день подъ Модономъ, хотя и неудаченъ былъ, но однако его искусство и храбрость не оставили ничего того, что только можно было дѣлать, и, слѣдовательно, сей день пріобрѣлъ ему славу" [2]).

Эти письма отправлены были въ началѣ сентября, когда уже флотъ возстановилъ славу русскаго оружія, помраченную морейскими неудачами. 24 іюня, на разсвѣтѣ, при входѣ въ Хіоскій проливъ, русскій флотъ увидалъ турецкій, стоявшій на якорѣ вдоль Анатолійскаго берега, близъ небольшой крѣпости Чесме. Орловъ спѣшилъ нагнать непріятельскій флотъ, чтобъ воспрепятствовать соединенію его съ эскадрою, шедшею изъ Константинополя; но соединеніе уже послѣдовало: передъ Русскими стояло 16 линейныхъ караблей (шесть имѣли отъ 90 до 80, прочіе отъ 70 до 60 пушекъ), шесть фрегатовъ и много разныхъ мелкихъ судовъ. Орловъ, въ донесеніи своемъ императрицѣ, откровенно признается, что при первомъ взглядѣ на такую силу имъ овладѣлъ страхъ: „Увидя оное сооруженіе, ужаснулся я и былъ въ невѣдѣніи, что мнѣ предпринять должно; но храбрость войскъ в. и. в—ства, рвеніе всѣхъ быть достойными рабами Великой Екатерины, принудили меня рѣшиться и, несмотря на превосходныя силы, отважиться атаковать, пасть или истребить непріятеля". Битва, начавшаяся въ одиннадцатомъ часу утра, длилась почти четыре часа—и не было еще ничего рѣшительнаго. Русскій корабль „Евстафій", на которомъ былъ Спиридовъ и графъ Ѳедоръ Орловъ, сцѣпился съ турецкимъ адмиральскимъ кораблемъ, и начался отчаянный рукопашный бой; наконецъ турецкій корабль загорѣлся; Спиридовъ и Ѳедоръ Орловъ успѣли уѣхать съ своего корабля, которому грозила страшная опасность. Дѣйствительно, подгорѣвшая гротъ-мачта турецкаго корабля упала на русскій корабль, искры, посыпавшіяся отъ нея, зажгли порохъ, и „Евстафій" взлетѣлъ на воздухъ, за нимъ взлетѣлъ и турецкій корабль. Тогда всѣ другіе непріятельскіе корабли, поспѣшно бѣжали въ Чесменскую бухту. Побѣда стоила русскому флоту корабля и на немъ 628 человѣкъ, въ томъ числѣ 30 офицеровъ. Но побѣду надобно было довершить. Вечеромъ у графа Алексѣя Орлова собрались флагманы и офицеры, и рѣшено сжечь непріятельскій флотъ въ Чесменской бухтѣ: „Наше дѣло", говорилось въ приказѣ Орлова, „должно быть рѣшительное, чтобъ оный флотъ побѣдить и разорить, не продолжая времени, безъ чего здѣсь, въ Архипелагѣ, не можемъ мы имѣть къ дальнимъ побѣдамъ свободныя руки". 25 іюня приготовили брандеры, и, въ лунную, тихую ночь на 26 число, корабли, назначенные къ атакѣ, двинулись. Въ началѣ второго часа, отъ стрѣльбы съ русскихъ кораблей загорѣлся одинъ турецкій корабль, за нимъ другой, тутъ на русскихъ корабляхъ раздалось „ура"!—и взвились три ракеты: это былъ знакъ отправляться на работу брандерамъ. Работа, несмотря на дурное начало, пошла удачно, благодаря смѣлости и ловкости лейтенанта Ильина: онъ сцѣпился съ большимъ турецкимъ кораблемъ, зажегъ брандеръ и, отъѣхавъ на шлюпкѣ, еще остановился посмотрѣть, что выйдетъ. Вышло то, что стали раздаваться оглушительные удары взрывовъ; обширное зарево освѣтило страшную картину: видны были только трупы и обломки судовъ, вода покрылась золою и кровью. На разсвѣтѣ турецкаго флота уже не су-

[1]) Записки Гидрограф. Департ. стр. 281.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 50.

шествовало: сгорѣло 15 кораблей, 6 фрегатовъ и до 50 мелкихъ судовъ; Русскіе успѣли взять только одинъ корабль и шесть галеръ.

Спиридовъ, подъ впечатлѣніемъ первой минуты, писалъ графу Ивану Чернышеву: „Турецкій флотъ атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и въ пепелъ обратили, и оставили на томъ мѣстѣ престрашное позорище, а сами стали быть во всемъ Архипелагѣ господствующими“. Спокойно и скромно донесъ Орловъ императрицѣ о знаменитомъ событіи, вовсе не стараясь усилить его значеніе: „Прискорбно мнѣ“, писалъ онъ, „что я не могу и впредь надежды не имѣю поздравить ваше величество съ сухопутною, равною морской, побѣдою; ежели бы былъ такъ счастливъ, желанія бы мои совершенно были удовольствованы, могъ бы тогда надѣяться заслужить ваше благоволеніе. Нынѣ же не остается мнѣ другого, кромѣ какъ стараться запереть подвозъ въ Царьградъ, и стараться еще, если можно, возвратить государству издержки, употребленныя на сію экспедицію“. Но впечатлѣніе, произведенное этимъ донесеніемъ въ Петербургѣ, было чрезвычайное. Чѣмъ болѣе были огорчены и унижены извѣстіями о печальномъ положеніи русскаго флота; чѣмъ менѣе ожидали отъ него самостоятельныхъ подвиговъ; чѣмъ болѣе были огорчены извѣстіями о неудачѣ Морейской экспедиціи, для вспомоществованія которой флотъ собственно и былъ назначенъ:—тѣмъ въ большій восторгъ пришли, узнавъ о неожиданномъ торжествѣ этого самаго флота, истребившаго флотъ непріятельскій, о торжествѣ небываломъ, показавшемъ новую сторону русскаго могущества. Легко представить восторгъ Екатерины, что въ ея царствованіе совершилось то, о чемъ не мечталъ Великій Основатель русскаго флота,—совершилось послѣ долгихъ лѣтъ упадка морского дѣла въ Россіи, и совершилось человѣкомъ изъ фамиліи, возвышенной Екатериною, за что такъ давно и постоянно раздавались ей упреки. „Ничего знаменитѣе, кажется, въ той сторонѣ быть не можетъ. Дивенъ Богъ въ чудесѣхъ своихъ!“ писала Екатерина Румянцеву: „мало въ свѣтѣ слыхано подобнаго было. Мы 14-го числа сего мѣсяца (сентября) Богу приносили благодареніе, а на другой день была соборная панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для Россіи славы. Мы плодомъ его трудовъ пользуемся; нашъ флотъ подобенъ Исааку, который, женясь 70 лѣтъ, оставилъ потомство, кое ведется и до сего дня; и нашъ флотъ, послѣ семидесяти лѣтъ его основанія, покрылся славою, кои, дай Боже, да продлится долѣе, нежели потомство Исааково“. Въ рескриптѣ Орлову говорилось: „Сіе въ рѣдкихъ вѣкахъ едва случившееся происшествіе служитъ новымъ доказательствомъ, что побѣждаетъ не число, но единственно мужество и храбрость. Гдѣ же тому болѣе искать очевидныхъ примѣровъ, какъ не въ нынѣшнемъ году, которые россійскими войсками оказаны: 21 іюля нашъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ при рѣкѣ Кагулѣ съ 17,000 разбилъ и въ совершенный бѣгъ обратилъ за берега дунайскіе 150,000 турецкой сволочи; ваша побѣда съ девятью кораблями надъ великимъ множествомъ непріятельскихъ при Чесмѣ 24 іюня возбуждаетъ страхъ, равномѣрный непріятелямъ и ненавистникамъ нашимъ, и отъ морскихъ россійскихъ силъ, кои по сю пору еще удержаны были наказать враговъ имперіи. Но, блистая въ свѣтѣ немнимымъ блескомъ, флотъ нашъ, подъ разумнымъ и смѣлымъ предводительствомъ вашимъ, нанесъ сей разъ наичувствительный ударъ оттоманской гордости. Весь свѣтъ отдастъ вамъ справедливость, что сія побѣда вамъ пріобрѣла отмѣнную славу и честь; лаврами покрыты вы; лаврами покрыта и вся при васъ находящаяся эскадра“. Орлову пожалованъ былъ Военный орденъ первой степени и право оставить при себѣ на всю жизнь кейзеръ-флагъ и внести его въ свой гербъ; Спиридову—Андреевскій орденъ и деревни; графу Ѳедору Орлову и контръ-адмиралу Грейгу, котораго особенно рекомендовалъ графъ Алексѣй Орловъ,—Военный орденъ второй степени [1]).

Извѣстный французскій агентъ, баронъ Тоттъ, который, подобно Валькруассану, былъ отправленъ въ Турцію, чтобъ подавать всевозможную помощь Туркамъ и дѣлать всевозможный вредъ Русскимъ, представляетъ въ своихъ мемуарахъ дарданельскія укрѣпленія въ самомъ печальномъ видѣ, вслѣдствіе чего естественно раждается сожалѣніе, что чесменскій побѣдитель, по незнанію положенія дѣлъ, не рѣшился прорваться чрезъ Дарданеллы и появленіемъ своимъ предъ Константинополемъ не принудилъ султана къ миру, котораго такъ желали въ Россіи. Но прежде надобно бы было рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли справедливы показанія Тотта, которому было поручено укрѣпить Дарданеллы и которому, слѣдовательно, было выгодно представить прежнія оборонительныя средства въ самомъ жалкомъ видѣ.

Чесменскій бой прежде всего поразилъ ужасомъ богатую торговую Смирну, и тутъ Русскіе люди въ первый разъ услыхали объ европейскихъ интересахъ, съ которыми они должны были потомъ постоянно встрѣчаться и считаться на Востокѣ. Отъ 21 іюля Орловъ получилъ письмо отъ находившихся въ Смирнѣ европейскихъ консуловъ, въ которомъ говорилось, что 8 іюля народъ и войско въ Смирнѣ, будучи приведены въ бѣшенство и отчаяніе вѣстію о Чесменскомъ дѣлѣ, бросились на Грековъ и побили ихъ великое множество; два европейца были также убиты. Возмущеніе это навело ужасъ на всѣхъ европейцевъ; большая часть Франковъ искали убѣжища на корабляхъ; иные заперлись въ своихъ домахъ; торговля прекратилась. По прошествіи нѣсколькихъ дней тиши-

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. стр. 54 и слѣд.; Сочиненія им. Екатерины II; т. III, стр. 220.

на, кажется, возстановилась, торговля начала опять приходить въ движеніе; но страхъ приближенія русскаго флота несказанно тревожилъ души европейцевъ, ибо этотъ ужасный часъ будетъ началомъ убійства и грабежа подданныхъ европейскихъ государей и конечнаго разрушенія ихъ торговли. „Та грозная крайность", писали консулы, „побудила насъ уполномочить и послать къ в. с—ству депутатовъ съ изъясненіемъ такого опаснѣйшаго нашего состоянія и съ просьбою не обращать побѣдоносное оружіе ея и. в—ства на этотъ торговый городъ, на который должно смотрѣть не какъ на непріятельское мѣсто, а скорѣе какъ на колонію, основанную разными нейтральными государствами: разрушать ихъ торговлю и приносить ихъ подданныхъ въ жертву великая Россійская императрица, конечно, не пожелаетъ. Городовое управленіе ожидаетъ освобожденія и тѣхъ плѣнныхъ, которыхъ в. с—ство еще удержали у себя. Если в. с—ство великодушіе свое увѣнчаете освобожденіемъ этихъ плѣнниковъ, то новый этотъ лучъ милости принесетъ вамъ столько же чести, сколько и побѣда, а намъ у Турокъ будетъ заслугою, которая совершенно можетъ утвердить наше спокойствіе". Орловъ отвѣчалъ: „Послѣдуя высочайшему благоволенію, исполняю законъ, мною никогда не нарушаемый, чтобъ подавать во всякое время всевозможное вспоможеніе народамъ, не только съ нами союзнымъ, но и неутральнымъ. Сіи суть и всегда будутъ непремѣнныя правила моего поведенія. Какъ скоро я услышалъ о возмущеніи, приключившемся въ Смирнѣ, отложилъ намѣреніе идти на оный городъ для сей одной причины, чтобъ приближеніе нашего флота не распространило болѣе еще распутства и безпорядковъ. Для сего я тотчасъ освободилъ янычаръ-агу со многими другими Турками и поручилъ ему объявить правительству города вашего, чтобъ какъ возможно скорѣе прекратить тамо своевольное убійство и особливо, чтобы въ безопасность привести ваши особы. Я также весьма радъ былъ бы согласиться на все то, что вы отъ меня требуете, если-бъ не препятствовали тому разныя причины: могу-ль я безо всякаго съ другой стороны договорнаго со мною согласія отвѣтствовать за то, на что неизвѣстныя обстоятельства впредь меня побудятъ? Что же вы хотите меня увѣрить противъ принятыхъ всѣми понятій, что городъ Смирну должно почитать больше селеніемъ, основаннымъ разными европейскими народами, нежели мѣстомъ непріятельскимъ,—сіе мнѣ кажется непонятно. Сему вашему правилу послѣдуя, должно бы мнѣ и самый Царьградъ почитать таковымъ же, а по немъ и всѣ прочіе приморскіе города, подъ владѣніемъ турецкимъ находящіеся, въ которыхъ есть нѣсколько жительствъ народовъ европейскихъ. Что касается торговли, будьте совершенно увѣрены: доколѣ флагъ ея и. в—ства будетъ въ сихъ моряхъ владычествовать, вы должны совершенно надѣяться на защищеніе ея, чему вы уже ясныя видѣли доказательства, лишь бы только въ торговлѣ сей ничего противнаго не было законамъ войны. Если бы приближеніе мое къ городу вашему причинило въономъ нѣкоторое смятеніе, то я въ семъ случаѣ столько же буду виновенъ, сколько былъ и при конечномъ истребленіи оттоманскаго флота. Освобожденіе нѣкоторыхъ военноплѣнныхъ и снисходительное обхожденіе съ прочими, остающимися при мнѣ, не приклонили сердецъ турецкихъ къ тому признанію, котораго я отъ нихъ долженъ былъ ожидать послѣ сего поступка; но въ разсужденіи просьбы вашей дамъ я еще нѣкоторымъ изъ нихъ свободу единственно для удовольствія вашего и для приведенія васъ въ безопасность" [1]). Екатерина была очень довольна этимъ отвѣтомъ, въ которомъ нашла „отмѣнное блистаніе великодушія и человѣколюбія" —„Начертили вы здѣсь душу свою", писала она Орлову: „мы ее давно знали, но теперь весь свѣтъ ее видитъ и ей справедливость отдастъ" [2]).

Чрезъ нѣсколько времени въ Петербургѣ распространился слухъ о новыхъ успѣхахъ русскаго флота: „Сказываютъ одни", писала Екатерина Панину, „что взяты Дарданеллы, а другіе, что флотъ турецкій нами сожженъ. Но если мнѣ выбрать, то Дарданеллы лучше возму, ибо сіе насъ приближаетъ къ мѣсту ближайшему мирнаго конгресса" [3]). Но ожиданія не оправдались: попытка занять ближайшій къ Дарданелламъ островъ Лемносъ не удалась, причемъ разбился корабль „Святославъ". Для зимовки флота былъ выбранъ островъ Паросъ, и въ ноябрѣ оба Орловы, Алексѣй и Ѳеодоръ, уѣхали въ Италію. Спиридовъ остался единственнымъ начальникомъ флота, потому что Эльфинстонъ долженъ былъ выйти въ отставку. Уже въ донесеніи о Чесменской битвѣ Орловъ писалъ императрицѣ: „Напередъ прошу прощенія;—ежели контръ-адмиралъ Эльфинстонъ не перемѣнилъ своего поведенія, я принужденнымъ найдуся, для пользы службы вашего величества, отнять у него команду и поручить оную флота капитану-бригадиру Грейгу, котораго достоинство, вѣрность, усердіе, прилежаніе и благоразуміе увѣряютъ меня, что подъ его предводительствомъ дѣла пойдутъ гораздо успѣшнѣе". Потомъ Эльфинстонъ былъ обвиненъ коммисіею военнаго суда въ потерѣ корабля „Святославъ". Эльфинстонъ, въ свое оправданіе, написалъ мемуаръ, по поводу котораго остались замѣчанія Екатерины: „Нѣтъ ничего легче, какъ опровергнуть этотъ мемуаръ, и особенно статью о Чесменскомъ боѣ, потомъ о прибытіи его въ Лемносъ, куда его никогда не призывали, и онъ былъ даже обвиненъ въ томъ, что покинулъ

[1]) Госуд. Архивъ.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 61.

[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. Письмо помѣщено не на мѣстѣ. Выраженіе *«паки сожженъ»* показываетъ, что письмо написано послѣ извѣстія о Чесменскомъ происшествіи, а упоминовеніе въ концѣ о Московскихъ событіяхъ заставляетъ относить письмо еще къ болѣе позднему времени.

свой постъ предъ Дарданеллами; наконецъ, онъ принудилъ капитана идти по тому пути, на которомъ „Святославъ“ погибъ. Можно сказать одно, что Эльфинстонъ принадлежитъ къ разряду людей сумасшедшихъ, которые увлекаются первымъ движеніемъ и не соблюдаютъ никакой послѣдовательности, и я не знаю, сумѣетъ ли онъ очистить себя отъ подозрѣній въ злоупотребленіяхъ, если-бъ его заставили отдать отчетъ въ суммѣ на чрезвычайные расходы, ему ввѣренной, ибо изъ нея онъ сдалъ адмиралу Спиридову только 3,000 червонныхъ; но справедливо, что лучше затушить это дѣло 5,000 рублями, чѣмъ заявлять его передъ Европою и причинять неудовольствіе Англійскому Двору, выставляя его потачку намъ, всю помощь, которую онъ намъ оказалъ и которая была намъ очень полезна: опубликованіе всего этого подняло бы противъ Англійскаго правительства внутреннія неудовольствія и могло бы имѣть непріятныя послѣдствія для англійской торговли въ Левантѣ“ [1]).

Морейская экспедиція, поднятіе христіанскаго народонаселенія Европейской Турціи не удались по винѣ этого народонаселенія, какъ утверждалъ Орловъ въ своихъ донесеніяхъ. Точно такъ-же неудачно шли дѣла и за Кавказомъ, и такъ же по винѣ тамошнихъ христіанскихъ грузинскихъ владѣтелей, какъ утверждалъ начальствовавшій тамъ русскимъ войскомъ, графъ Тотлебенъ. Походъ Тотлебена съ царемъ Ираклiемъ къ Ахалциху не достигъ цѣли; возвратились назадъ въ Тифлисъ, потому что Грузины, по донесенію Тотлебена, нисколько не помогали, стояли спокойно во время битвы Русскихъ съ Турками, и только грабили. Царь Соломонъ объявилъ Тотлебену, чтобъ онъ не позволялъ своимъ солдатамъ ѣсть турецкій хлѣбъ, потому что онъ отравленъ; но этотъ самый хлѣбъ Грузины отобрали, сами ѣли и продавали Русскимъ дорогою цѣною, а подконецъ и вовсе оставили ихъ безъ хлѣба, такъ-что Русскіе на возвратномъ пути должны были питаться кониною. Тотлебенъ жаловался на Соломона, что тотъ ежедневно перемѣнялъ свои предложенія, обѣщанія и требованія, самъ не зналъ, что начать; а Соломонъ жаловался на Тотлебена, что тотъ, по многимъ его призывамъ, нейдетъ къ нему, тогда какъ онъ, Соломонъ, дѣйствуетъ удачно, разбилъ турецкое войско и разорилъ крѣпость Дуки, бывшую въ турецкихъ рукахъ.

Тотлебенъ просилъ объ отозваніи изъ его арміи всѣхъ офицеровъ грузинскаго происхожденія, потому что ихъ сообщенія и виды отнюдь не соотвѣтствуютъ должной вѣрности. Но скоро онъ долженъ былъ жаловаться на русскаго офицера, подполковника Наума Чоглокова, сына извѣстныхъ намъ Чоглоковыхъ, игравшихъ такую роль въ исторіи молодого Двора при императрицѣ Елисаветѣ. Чоглоковъ отправился волонтеромъ въ кавказскую армію. Въ Моздокѣ нагналъ его отправлявшійся туда же волонтёромъ поручикъ Львовъ, котораго поразило то, что у Чоглокова былъ превеликій штатъ и обозъ; Чоглоковъ объяснялъ, что иначе ему нельзя, потому что онъ близкій родственникъ государыни (его мать, урожденная Гендрикова, была двоюродная сестра императрицы Елисаветы). Однажды онъ открылъ передъ Львовымъ сундучекъ, наполненный золотыми табакерками и часами, всего вещей до 50, цѣною на 7,000 рублей. Когда Львовъ спросилъ его, на что ему въ Грузіи такія вещи, то Чоглоковъ отвѣчалъ: „Я и послѣднюю въ Россіи деревню продать велѣлъ и ожидаю денегъ въ самой скорости“. Изъ всѣхъ его словъ Львовъ замѣтилъ сильное раздраженіе: „Я ѣду или на эшафотѣ умереть, или быть царемъ“, говорилъ онъ. Когда пріѣхали въ Грузію, то царь Ираклій и весь Дворъ приняли Чоглокова, какъ двоюроднаго брата императрицы и, послѣ великаго князя, ближайшаго наслѣдника престола. Тотлебенъ началъ говорить ему, чтобъ онъ не ѣздилъ въ грузинскій лагерь, но Чоглоковъ не слушался и кричалъ: „Я здѣсь вольный человѣкъ и до Тотлебена мнѣ нужды нѣтъ; можетъ быть у меня есть именной указъ, и я совсѣмъ съ особливою коммисіею сюда присланъ, а не къ Тотлебену!“ Послѣдній, узнавши объ этомъ, говорилъ Чоглокову: „О васъ ко мнѣ указъ присланъ, что вы у меня волонтеромъ, и вотъ рекомендація отъ графа Никиты Ив. (Панина); перемѣните свои поступки относительно знакомства съ Грузинами, я ихъ довольно знаю, всѣ ихъ партіи противъ царя Ираклія мнѣ извѣстны, и какъ имъ весело было, что царь былъ принятъ въ русскую защиту“. Львовъ писалъ въ Петербургъ, что въ Грузіи еще болѣе партій, чѣмъ въ Россіи въ-старину было; нѣтъ почти трехъ фамилій, которыя были бы согласны; главная причина тому та, что не мало претендентовъ на Грузинскій престолъ, имѣющихъ болѣе правъ, чѣмъ Ираклій, и потому большая часть вельможъ его не терпитъ.

Въ Страстную субботу, вечеромъ, Чоглоковъ сталъ говорить Львову, съ которымъ жилъ въ одной палаткѣ: „Знаешь ли, что я скоро буду у царя сардаремъ, т.-е. воеводою; твой графъ сегодня же будетъ арестованъ, а по немъ я здѣсь старшій; я съ маіоромъ Ременниковымъ и нѣсколькими офицерами уже согласился“. Когда Львовъ пересказалъ объ этомъ Тотлебену, тотъ отвѣчалъ, что все знаетъ, и въ ту же ночь приказалъ арестовать Ременникова и Чоглокова, причемъ послѣдній вызвалъ его на дуель. Когда на другой день Тотлебенъ поѣхалъ къ царю Ираклію поздравить его съ праздникомъ и объявить ему объ арестахъ, то царь сказалъ: „Чоглоковъ странный человѣкъ! много разъ онъ мнѣ говорилъ, что имѣетъ отъ государыни повелѣніе ѣхать въ Арменію и для того просилъ у меня 3,000 Грузинцевъ, утверждая, что онъ въ

[1]) Государ. Архивъ. — Въ протоколахъ Совѣта за 1773 годъ, 28 февраля читаемъ: Читано: изъ Лондона о требованіяхъ бывшаго въ здѣшней службѣ контръ-адмирала Эльфинстона и о его угрозахъ открыть въ свое оправданіе всѣ данныя ему наставленія. Совѣтъ признавалъ за нужно, чтобъ сей безпокойный человѣкъ скорѣе удовольствованъ былъ.

Арменіи все сдѣлать можетъ, что захочетъ". Но скоро самъ Ираклій объявилъ себя противъ Тотлебена по поводу подполковника Ратіева (грузинскаго происхожденія). Ратіевъ, который долженъ былъ доставить артиллерію въ кавказскій корпусъ, медлилъ въ Моздокѣ, не слушаясь никакихъ предписаній Тотлебена. Послѣдній, видя тутъ злой умыселъ, послалъ къ нему на-встрѣчу арестовать его; но Ратіевъ арестовалъ посланныхъ и прошелъ прямо въ Тифлисъ къ царю Ираклію, къ которому убѣжалъ также и Чоглоковъ изъ-подъ ареста, и когда Тотлебенъ послалъ къ Ираклію съ требованіемъ выдачи Ратіева и Чоглокова, то посланные были задержаны въ Тифлисѣ. Послѣ этого Тотлебенъ узналъ, что всѣхъ курьеровъ, ѣдущихъ къ нему, перехватываютъ и отвозятъ въ Тифлисъ, хотятъ не допускать идущій къ нему Томскій полкъ и отрѣзать сообщеніе съ Моздокомъ: тутъ онъ рѣшился предупредить враговъ, выступилъ изъ лагеря, ускореннымъ походомъ въ двое сутокъ пришелъ къ городу Дюшету, занялъ его, овладѣлъ также крѣпостью Ананурами. Отъ 12 мая Тотлебенъ писалъ, что по соединеніи съ Томскимъ полкомъ намѣренъ идти немедленно къ Тифлису, чтобъ отомстить противникамъ, возвратить похищенную Ратіевымъ артиллерію, войско и припасы, подчинить всю Грузію русской власти, лишить Ираклія пожалованной ему передъ тѣмъ Андреевской ленты и отправить его въ Петербургъ или вогнать въ Черное море. А Чоглоковъ писалъ изъ Тифлиса, что Тотлебенъ возненавидѣлъ его за предпочтеніе, какое было оказано ему со стороны царя Ираклія; по его, Чоглокова, примѣтамъ, Тотлебенъ или съ ума сошелъ, или какую-нибудь измѣну замышляетъ, поступая во всемъ противъ интересовъ Русскаго Двора: тамошнихъ царей между собою ссорилъ, съ князьями обходился дурно, многихъ изъ нихъ билъ, другихъ въ оковахъ держалъ, деревни разорялъ, безденежно бралъ скотъ и хлѣбъ, вступалъ въ переписку съ Ахалцихскимъ пашою, назначилъ для отсылки въ Россію 12 лучшихъ русскихъ офицеровъ, не оставляя никого, кромѣ Нѣмцевъ и самыхъ негодныхъ по поведенію Русскихъ [1]).

Прочтя донесеніе Тотлебена, императрица написала Панину: „Я, пробѣжавъ только Тотлебеновы письма, изъ которыхъ усмотрѣла непослушаніе къ нему Чоглокова и вранье сего необузданнаго и безмозглаго молодца; да притомъ не хвалю же и неслыханныя подозрительности Тотлебеновы. Я думаю, что онъ способнѣе въ Грузіи наши дѣла испортить, нежели оныя привести въ полезное состояніе: надлежитъ опредѣлить кого другого" [2]). Для точнѣйшаго разузнанія дѣла и прекращенія смутъ отправленъ былъ въ Грузію гвардейскій капитанъ Языковъ.

Но эти смуты въ отдаленномъ Закавказьи не могли производить сильнаго впечатлѣнія: о нихъ мало знали въ Россіи, вовсе не знали въ Западной Европѣ, гдѣ хорошо знали о Кагульскомъ и Чесменскомъ бояхъ. Екатерина спѣшила пользоваться этими успѣхами—для скорѣйшаго заключенія мира. 12 августа графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ предложилъ Совѣту, по приказанію императрицы, что, кажется, надобно отправить въ армію человѣка, который долженъ внимательно наблюдать, не откроется ли какихъ-нибудь средствъ къ началу мирныхъ переговоровъ. Этотъ человѣкъ самъ непосредственно можетъ обратиться къ визирю или кому-нибудь другому съ объявленіемъ о желаніи мира съ нашей стороны, или дать знать, что въ случаѣ мирныхъ переговоровъ въ русской арміи находится уже уполномоченное на это лицо. При разсужденіи объ издержкахъ, производимыхъ государствомъ, и человѣкъ малосвѣдущій ясно видитъ, что эти издержки велики, а впредь должны еще увеличиться. Хотя Богъ и благословляетъ наше оружіе, но безмѣрное отдаленіе дѣйствующей арміи, затруднительность провоза необходимыхъ для нея вещей, военныя дѣйствія, начатыя въ разныхъ частяхъ свѣта,—все это страшно отягощаетъ государство. По этимъ причинамъ мира желать, кажется, должно, а для достиженія его предлагаемый способъ есть кратчайшій. Если онъ не будетъ удаченъ, то, по крайней мѣрѣ, узнаемъ, какимъ образомъ намъ готовиться къ будущей кампаніи и какъ дѣйствовать для достиженія мира. Если же удастся этимъ способомъ войти въ мирные переговоры, то мы избѣгаемъ препятствій, бывающихъ при мирныхъ договорахъ, которые производятся посредствомъ постороннихъ державъ, ни Порта впередъ будетъ увѣрена, что Россія не происками какими-нибудь приведена къ желанію мира, но „истиннымъ подвигомъ любомирныхъ качествъ", и тѣмъ болѣе докажется наше безпристрастное миролюбіе, если мы теперь въ нашемъ счастливомъ положеніи будемъ наблюдать умѣренность. Совѣтъ нашелъ нужнымъ отправить въ армію способнаго человѣка для переговоровъ съ Турками о мирѣ; но полагалъ, что надобно дать графу Румянцеву повелѣніе, чтобъ онъ отъ себя отозвался къ побѣжденному визиру письмомъ, что если Порта желаетъ мира, то, освободя изъ неволи русскаго министра Обрѣзкова, прислала бы въ назначенное мѣсто своихъ полномочныхъ, а его великая самодержица, при всѣхъ Богомъ дарованныхъ ей побѣдахъ, милосердствуя о крови человѣческой, охотно тогда вступить изволитъ въ мирные договоры и своихъ полномочныхъ туда отправитъ. Такой отзывъ графъ Румянцевъ долженъ сдѣлать не прежде взятія Бендеръ. Совѣтъ полагалъ также, что хотя-бъ мирныя соглашенія и начались, все же надобно стараться о приготовленіи себя къ третьей кампаніи и заботиться о снабженіи арміи, чтобъ ей ни въ чемъ не было недостатка.

Мысль о третьей кампаніи была тяжела для Екатерины, и 9 сентября Совѣту была предста-

[1]) Московск. Архивъ Мин. Иностр. Д.
[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 441.

влена собственноручная ея записка: „1) Какъ нынѣ гр. Румянцевъ имѣетъ въ своихъ рукахъ крѣпость Килію и городъ Измаилъ, обѣ на Дунаѣ, то, кажется, время настоитъ, чтобъ къ нему писать, дабы онъ всѣ пріуготовленія дѣлалъ, чтобъ можно было, какъ скоро время къ тому удобно будетъ, переправлять корпусъ или чрезъ Дунай къ Варнѣ, или изъ Дуная моремъ для нанесенія въ самомъ сердцѣ Оттоманской имперіи страха и трепета, и чрезъ то ускорить возстановленіе мира: а между тѣмъ, что сіе приготовляться будетъ, 2) отправить наискорѣе къ графу Румянцеву тотъ рескриптъ, который изготовляется для начинанія внушеній о мирныхъ директныхъ переговорахъ между визиря и нашихъ къ тому уполномоченныхъ; 3) гр. Румянцева надобно увѣдомить, въ какомъ точномъ положеніи флотилія г. Синявина, коему предписать надлежитъ, чтобъ онъ согласно поступалъ съ гр. Румянцевымъ; 4) графу П. И. Панину вновь рекомендовать, чтобъ онъ, какъ возможно, старался достать въ переговорахъ съ крымскими Татарами Керчь и Тамань, дабы облегчить проходъ Синявину" [1]). Но какъ ни спѣшили мирными переговорами, *друзья* предупредили.

Фридрихъ II продолжалъ свою систему застращиванія Россіи Австріею. Весною 1770 г. онъ указывалъ на скрѣпленіе Австро-Французскаго союза брачнымъ союзомъ дофина Франціи съ дочерью императрицы Маріи-Терезіи, Маріею-Антуанетою: Фридрихъ внушалъ, что Шуазель побуждаетъ къ войнѣ Вѣнскій Дворъ, внушая, что если Русскіе намѣрены стать сосѣдями Австрійцевъ въ Молдавіи и Валахіи, то это непремѣнно поведетъ къ войнѣ. Въ то же время Фридрихъ сообщилъ, что Порта проситъ его посредничества, и потому онъ желаетъ знать, на какихъ условіяхъ императрица думаетъ заключить миръ, особенно желаетъ знать, что рѣшено относительно Молдавіи и Валахіи. Отвѣтъ былъ учтивый и уклончивый: императрица будетъ очень рада, если король склонитъ Порту къ начатію переговоровъ; первымъ необходимымъ условіемъ должно быть освобожденіе Обрѣзкова; императрица не ищетъ пріобрѣтеній, она начала войну не съ цѣлію распространенія своихъ границъ. Честь и долгъ понуждаютъ ее вступиться за тѣхъ, которые приняли ея сторону въ борьбѣ, особенно она не можетъ отдать Грековъ на жертву мщенію Турокъ: ихъ безопасность должна быть обезпечена. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда послѣдовало второе свиданіе Фридриха съ Іосифомъ.

Мы видѣли, съ какими намѣреніями въ прошломъ году произошло сближеніе между Австріею и Пруссіею, обозначившееся въ первомъ свиданіи Іосифа II съ Фридрихомъ II. Описавши это свиданіе, Фридрихъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: „Въ политикѣ было бы непростительною ошибкою слѣпо положиться на добросовѣстность Австрійцевъ; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда перевѣсъ Россіи становится слишкомъ значителенъ, и когда нельзя было предвидѣть, какія границы она положитъ своимъ завоеваніямъ, было очень кстати сблизиться съ Вѣнскимъ Дворомъ. Пруссія не забыла еще ударовъ, которые Россія нанесла ей въ послѣднюю войну; вовсе не было въ интересахъ короля самому содѣйствовать усиленію государства, столь страшнаго и опаснаго. Предстояло на выборъ: или остановить Россію на поприщѣ ея громадныхъ завоеваній, или, что было всего благоразумнѣе, попробовать ловкостію извлечь изъ ея успѣховъ пользу для себя. Король ничѣмъ не пренебрегъ въ этомъ отношеніи; онъ отослалъ въ Петербургъ политическій проектъ, приписанный имъ графу Линару, устроившему въ послѣднюю войну Клостерсевенское соглашеніе между Ганноверцами и Французами. (Проектъ состоялъ въ томъ, что Австрія и Пруссія должны принять участіе въ войнѣ Россіи съ Турціей: Австрія получаетъ за это польскій округъ Ципсъ и городъ Лембергъ съ его областью, а Фридрихъ—Польскую Пруссію съ Варміею и право покровительства надъ городомъ Данцигомъ. Россія въ вознагражденіе за военныя издержки можетъ взять себѣ часть Польши, какая ей пригодна.) Но", продолжаетъ Фридрихъ, „великіе успѣхи Русскихъ въ Молдавіи и Валахіи и побѣды, одержанныя флотомъ въ Архипелагѣ, такъ отуманили Петербургскій Дворъ, что онъ не обратилъ никакого вниманія на самозванный мемуаръ графа Линара. Послѣ этой неудачи король счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ".— Относительно подробности этого дѣла извѣстно, что, такъ-называемый, проектъ Линара былъ отправленъ королемъ Сольмсу въ началѣ 1769 года съ большимъ прикрытіемъ: король отзывался о проектѣ, какъ о болѣе блестящемъ, чѣмъ основательномъ, и отдалъ на волю посланника показывать проектъ графу Панину или не показывать. Сольмсъ отвѣчалъ, что призналъ за лучшее не сообщать проекта Панину; сомнительно, чтобъ онъ пришелся ему по вкусу; приверженцы настоящей системы въ Россіи не захотѣли бы никакихъ сношеній съ Австріею, которыя предполагаютъ взаимное довѣріе; они стали бы бояться, что Австрія употребитъ во зло предложеніе, отъ котораго прежнія мѣры относительно Польши получатъ такое освѣщеніе, какъ будто бы ихъ цѣлію было изначала ограбленіе Польши. Русскіе не разсчитываютъ на продолжительность Турецкой войны; надѣются, что Польша будетъ успокоена, и полагаются на Пруссію, что она сдержитъ Австрію; кромѣ того, хотятъ показаться безкорыстными и укрѣпить довѣріе къ своимъ словамъ; Панинъ хочетъ дѣйствительно сохранить Польшу, чтобъ послѣ употребить ее противъ Турокъ. Король отвѣчалъ, что считаетъ проектъ Линара химерическимъ и предоставляетъ посланнику на волю, сдѣлать изъ него употребленіе или нѣтъ. Ловкая настойчивость подъ видомъ полнаго равнодушія и даже презрѣнія! Сольмсъ объявилъ Панину о проектѣ, скрывши, что онъ

[1]) Архивъ Госуд. Сов. I, 52 и слѣд.

присланъ королемъ; Панинъ отвѣчалъ, что Ципсъ можно было бы уступить Австрійцамъ, но не Лембергъ, лежащій среди Польши, далеко отъ австрійскихъ границъ. Стоитъ ли труда, продолжалъ Панинъ, такимъ тремъ великимъ государствамъ соединиться только для того, чтобъ отбросить Турокъ за Днѣстръ! Ужъ если соединяться, то съ тѣмъ, чтобъ выгнать Турокъ изъ Европы и значительной части Азіи, что нетрудно исполнить. Во всякомъ случаѣ союзъ трехъ Дворовъ есть лучшее средство для обезпеченія спокойствія христіанства. Единственное препятствіе тому лежитъ въ соперничествѣ Австріи и Пруссіи. Австрія должна вмѣстѣ съ Россіею обратиться противъ Турціи: здѣсь она найдетъ себѣ полное вознагражденіе за Силезію. Пруссія чрезъ это пріобрѣтетъ безопасность, и владѣнія ея должны увеличиться Польскою Пруссіею и Варміею. Тогда нетрудно будетъ положить конецъ владычеству Турокъ въ Европѣ; Константинополь и области, которыя остались бы за Османами, могли бы образовать республику. „А что же возьметъ себѣ Россія"? спросилъ Сольмсъ. „У Россіи и безъ того уже столько земли, что трудно справиться; ей нужно только нѣсколько пограничныхъ областей", отвѣчалъ Панинъ. Планъ Панина, разумѣется, могъ только раздражать Фридриха, которому онъ долженъ былъ показаться новою фантазіею въ родѣ Сѣвернаго союза; главною цѣлью Прусскаго короля было пріобрѣтеніе новыхъ владѣній безъ войны. Въ политическомъ завѣщаніи, написанномъ въ концѣ 1768 года, Фридрихъ говоритъ, что Польскую Пруссію лучше пріобрѣсти по частямъ, путемъ переговоровъ, чѣмъ по праву завоеванія; въ случаѣ, когда Россія почувствуетъ сильную нужду въ прусской помощи, было бы возможно выговорить Торнъ и Эльбингъ съ окрестностями [1]). Не должно забывать, что теперь Фридрихъ былъ другой человѣкъ, чѣмъ прежде. Какъ до Семилѣтней войны онъ былъ смѣлъ, предпріимчивъ, всегда готовъ наступательнымъ движеніемъ предупредить противника: такъ послѣ этой войны онъ сталъ необыкновенно остороженъ, началъ страдать войнобоязнію. Мы видѣли, какое впечатлѣніе было произведено на него извѣстіемъ о войнѣ между Россіею и Турціею; и послѣ онъ не хотѣлъ слышать о войнѣ; въ этомъ отношеніи онъ сталъ совершенно походить на своихъ обоихъ предшественниковъ: подобно имъ, онъ поставилъ главною цѣлью свей политики—увеличеніе Пруссіи, но безъ войны, ничѣмъ не рискуя. Мы привели слова Фридриха изъ „Политическаго завѣщанія", что лучше пріобрѣтать понемногу путемъ переговоровъ; но при этомъ нельзя не вспомнить словъ его отца, Фридриха-Вильгельма, относительно пріобрѣтеній нѣмецкихъ земель: „Я первый ставлю ногу въ Бергъ, сынъ мой пріобрѣтетъ другія мѣста, а сынъ моего сына Дюссельдорфъ, и такъ далѣе".

Все это вполнѣ уясняетъ намѣренія и средства Фридриха, вполнѣ уясняетъ его значеніе въ рѣшеніи Польскаго вопроса такъ называемымъ первымъ раздѣломъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Фридрихъ первый придумалъ такой способъ рѣшенія вопроса, ибо давно уже этотъ способъ былъ, такъ-сказать, въ воздухѣ, давно уже Польша, вслѣдствіе своей слабости и необходимо происходившей отсюда борьбы сильныхъ на ея почвѣ, пришла въ страдательное положеніе, стала ничьей, и потому добычею каждаго: предложенія раздѣла Польши между нѣсколькими и отчужденія части ея владѣній въ пользу одного изъ сосѣдей, особенно въ пользу Пруссіи, дѣлались давно, къ нимъ совершенно привыкли, никто имъ не удивлялся, всякій считалъ ихъ въ порядкѣ вещей; при каждомъ поднятіи Польскаго вопроса, мысль о раздѣлѣ или отчужденіи части Польской территоріи приходила каждому въ голову, и если раздѣлъ не осуществлялся до сихъ поръ, то потому только, что не всѣ сильнѣйшіе сосѣди были согласны въ одинаковой выгодѣ и необходимости его для каждаго изъ нихъ.

Мы видѣли между восточными германскими государствами стремленія увеличивать свои владѣнія насчетъ сосѣднихъ славянскихъ странъ. Примѣру Австріи въ этомъ отношеніи слѣдовали Саксонія и Пруссія, стремившіяся усилиться насчетъ Польши и вступившія по этому поводу въ соперничество; а это соперничество естественно вызывало стремленіе къ дѣлежу Польши. Въ то время какъ Саксонскому курфюрсту Августу удалось сдѣлаться королемъ Польскимъ, причемъ онъ вовсе не хотѣлъ ограничиваться однимъ пустымъ титуломъ, курфюрстъ Бранденбургскій Фридрихъ, ставшій королемъ также насчетъ Польши чрезъ отнятіе у нея Восточной Пруссіи, не довольствуется этою послѣднею и при каждомъ удобномъ случаѣ предлагаетъ раздѣлъ Польши между сосѣдними государствами, преимущественно съ цѣлью пріобрѣсти и другую, такъ называемую, Королевскую или Польскую (Западную) Пруссію. Фридрихъ предлагаетъ дѣлежъ Польши Карлу XII Шведскому; Паткуль, съ другой стороны, предлагаетъ Фридриху, именемъ Русскаго царя, вознагражденіе въ Польской Пруссіи, въ Курляндіи или гдѣ угодно, если Пруссія вступитъ въ союзъ съ Россіею. Послѣ Полтавы, сверженный Карломъ XII, Польскій король Августъ II посылаетъ въ Берлинъ справиться, склонна ли Пруссія помочь ему снова сдѣлаться Польскимъ королемъ; Фридрихъ показываетъ посланнымъ планъ раздѣла Польши и Швеціи: Лифляндія отдается Станиславу Лещинскому, Польская Пруссія и Вармія отходятъ къ Пруссіи, которая пріобрѣтаетъ также покровительство надъ Курляндіею; Польша, лежащая около Варшавы, и Литва достаются Августу II-му; изъ шведскихъ областей Шонія отходитъ къ Даніи, Верденъ—къ Ганноверу, Петербургъ остается за царемъ. Но царь является самъ для свиданія съ Фридрихомъ и заключенія

[1]) Mémoires de Frédéric, II, 335.—Max. Duncker, 176.

союза; Фридрихъ предлагаетъ ему планъ раздѣла: но Петръ находитъ дѣло неудобоисполнимымъ (nicht practicabel), обѣщаетъ Пруссіи только Эльбингъ съ округомъ, если Фридрихъ не пропуститъ Шведовъ изъ Помераніи въ Польшу. Въ другой разъ, Фридрихъ съ Августомъ предлагаютъ царю планъ раздѣла Польши, болѣе для него выгодный: кромѣ Шведской Лифоніи, часть Литвы получаетъ Россія, Польскую Пруссію, Самогитію и Курляндію — Пруссія; остальныя польскія области предоставляются Августу въ наслѣдственное владѣніе. И на этотъ разъ со стороны Россіи отвѣтъ отрицательный. „Если уже дѣлить", объявилъ Петръ, „то надобно составить совершенно другой планъ дѣлежа, и тутъ первое условіе, чтобъ Пруссія вступила со мною въ наступательный союзъ противъ Швеціи и двинула свои войска въ Померанію". Но Фридрихъ I всю свою жизнь страдалъ войнобоязнію, какъ Фридрихъ II послѣ Семилѣтней войны. При королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ I-мъ дѣло о раздѣлѣ Польши было возобновлено Польскимъ королемъ Августомъ II-мъ, который все болѣе и болѣе убѣждался, что гораздо выгоднѣе владѣть самодержавно и наслѣдственно частію Польши, чѣмъ всею страною при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился король въ Польской республикѣ. По его новому плану, Пруссія получала Польскую Пруссію и Вармію, Австрія — Польскія земли, пограничныя съ Венгріею и Силезіею, Россія — всю Литву; но планъ не удался: Петръ Великій былъ противъ него [1]). Когда, по смерти Августа II-го, поднялся вопросъ о томъ, кому быть королемъ Польскимъ, сыну ли покойнаго, курфюрсту Саксонскому, или Станиславу Лещинскому, и когда Россія и Австрія были согласны въ пользу перваго и была несогласна Пруссія по своему соперничеству съ Саксоніею въ стремленіи усилиться, и именно усилиться насчетъ Польши, то Пруссія съ обѣихъ сторонъ получала предложенія взять за свое содѣйствіе часть Польскихъ владѣній [2]).

Умираетъ Августъ III, — и раздѣлъ Польши снова у всѣхъ на языкѣ. Французское правительство, чувствуя свою слабость, невозможность бороться съ Россіею въ Польшѣ, утѣшаетъ себя надеждою, что раздѣлъ *пока* невозможенъ вслѣдствіе соперничества сосѣдей Польши. „Раздѣлъ", говорилось въ королевскомъ совѣтѣ, „долженъ произойти только вслѣдствіе особенныхъ событій. Наконецъ, если даже предположить, противъ всякаго вѣроятія, что эти четыре державы (Австрія, Пруссія, Россія и *Турція*) согласятся раздѣлить Польшу, или, вслѣдствіе какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, одна изъ нихъ овладѣетъ какою-нибудь польскою областью, то еще сомнительно, чтобъ это событіе могло интересовать Францію" [3]). Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ, Беранже, въ самомъ концѣ 1763 года увѣдомилъ свой Дворъ, что *нѣтъ больше* вопроса о раздѣлѣ Польши; что онъ разговаривалъ съ вице-канцлеромъ, и тотъ объявилъ ему, что интересъ Россіи требуетъ поддержанія Польскихъ владѣній во всей цѣлости; что со стороны Прусскаго короля возможны менѣе безкорыстные виды, но что Россія будетъ имъ противодѣйствовать, какъ только они обнаружатся. — „Нѣтъ больше вопроса о раздѣлѣ": вѣроятно до Беранже дошелъ слухъ о предложеніи графа Чернышева въ конференціи, учтиво отстраненномъ вслѣдствіе неудобоисполнимости [4]).

Въ Вѣнѣ, по смерти Августа III, точно такъ-же толковали о раздѣлѣ, но вообще признавали его неудобнымъ для Австріи; подозрѣвали Прусскаго короля въ намѣреніи пріобрѣсти часть Польскихъ владѣній вмѣстѣ съ Россіею и Австріею, но думали, что для Австріи нѣтъ выгоды перейти естественныя границы — Карпатскія горы; другое дѣло, если-бы Пруссія согласилась уступить Силезію Австріи — въ такомъ случаѣ пусть беретъ, что хочетъ, у Польши; но трудно предположить, чтобъ Фридрихъ согласился на уступку Силезіи [5]). Въ Дрезденѣ не умирала мысль Августа II-го, чтобы, въ случаѣ соглашенія сильнѣйшихъ сосѣдей на раздѣлъ Польши, удержать за Саксонскимъ курфюршескимъ Домомъ хотя часть ея съ королевскимъ титуломъ и наслѣдственностію. Саксонская курфюрстина, Марія-Антонія, писала императрицѣ Маріи-Терезіи: „Вѣрно, что существуетъ договоръ между Россіею и Пруссіею о раздѣлѣ Польши, и не только Англія не будетъ этому противиться, но надѣются склонить къ участію и ваше величество. Въ такомъ случаѣ, чтобъ и намъ уступили кусочекъ, сдѣлавши его наслѣдственнымъ и придавши ему титулъ королевства" [6]). Марія-Терезія отозвалась неблагосклонно о раздѣлѣ, совѣтуя курфюрстинѣ добиваться цѣлой Польши.

Избраніе Станислава Понятовскаго на этотъ разъ не прекратило толковъ о раздѣлѣ между многими или объ отчужденіи польскихъ областей въ пользу одного изъ сосѣдей Польши. Франція предлагаетъ Фридриху II-му часть Польскихъ владѣній, и французскій посланникъ въ Берлинѣ доноситъ своему правительству, что Фридрихъ и мимо французскаго предложенія занимается планомъ относительно Польши, что подтверждается и признаніемъ самого короля въ его мемуарахъ. Съ другой стороны, Кауницъ составляетъ планъ возвращенія Силезіи, за которую Пруссія должна быть вознаграждена — польскими областями! Наконецъ война Россіи съ Турціею заставляетъ Австрію и Пруссію сблизиться, и начало этого сближенія выражается въ свиданіи Іосифа II и

---

[1]) См. выше: «Исторія Россіи» т. XVII, XVIII, — Droysen — Friedrich I, 287—350.

[2]) См. выше: «Исторія Россіи», т. XX.

[3]) См. выше: «Исторія Россіи», т. XXV.

[4]) См. выше: «Исторія Россіи», т. XXV.

[5]) Arneth — Maria-Theresia's letzte Regierungszeit II, 33.

[6]) Arneth — Maria-Theresia's letzte Regierungszeit, стр 37.

Фридриха II въ Нейссе. Но это только первое знакомство; надобно его продолжать. Послѣ свиданія въ Нейссе Фридрихъ пишетъ брату, принцу Генриху, что предположено второе свиданіе: свиданія эти необходимы для приготовленія умовъ къ болѣе тѣсному союзу, къ которому современемъ могутъ подать поводъ русскія честолюбивыя намѣренія. Еще прежде Фридрихъ писалъ брату: „Россія, - это страшное могущество, отъ котораго черезъ полвѣка будетъ трепетать вся Европа. Происходя отъ этихъ Гунновъ и Гепидовъ, которые сокрушили Восточную имперію, Русскіе могутъ очень скоро напасть на Западъ, и заставятъ Австрійцевъ страдать и раскаиваться въ томъ, что, по своей ложной политикѣ, они призвали этотъ варварскій народъ въ Германію и научили его военному искусству. Но ослѣпленіе страстями, эта ядовитая ненависть, питаемая Австрійцами къ намъ, отуманили имъ глаза насчетъ послѣдствій ихъ поведенія, и теперь, для предохраненія себя отъ этого опаснаго потока, я не вижу другого средства, кромѣ союза между сильными государями".—„Проектъ войти въ соглашеніе съ императоромъ великъ, полезенъ, благодѣтеленъ", отвѣчалъ Генрихъ. „Двѣ державы, какъ Пруссія и Австрія, могутъ провести всевозможныя предпріятія, если разъ согласятся относительно взаимнаго возвышенія. Это единеніе будетъ вѣрно и дѣйствительно, если довѣріе утвердится до такой степени, что вы съ императоромъ раздѣлите имперію, по примѣру Октавія и Антонія". Фридрихъ сдерживалъ восторги брата, указывалъ, что дѣло трудное, требуетъ продолжительнаго времени, а онъ, Фридрихъ, уже смотритъ въ гробъ: „Марія-Терезія должна отвыкнуть меня ненавидѣть, къ чему она привыкла въ продолженіи 30 лѣтъ. Сюда надобно присоединить еще другія соображенія: для Австріи къ сближенію съ нами не служитъ ли единственнымъ побужденіемъ союзъ нашъ съ Россіею? Пока онъ существуетъ, она не можетъ ничего предпринять". Но Генрихъ не покидалъ мысли о пользѣ и возможности скораго сближенія между Пруссіею и Австріею: „Нѣтъ державъ", писалъ онъ, „которыя бы не подружились при заключеніи договора, имѣющаго цѣлью увеличеніе обѣихъ. Могутъ возразить, что сила Австріи, увеличенная новыми владѣніями, станетъ еще опаснѣе; но можно отвѣчать, что во время союза силы остаются въ равновѣсіи, а въ случаѣ разрыва, - зависть остальныхъ державъ обратитъ ихъ противъ сильнѣйшаго, и ты найдешь болѣе союзниковъ, чѣмъ Австрія. Если соглашеніе между тобою и императрицею Маріею-Терезіею должно состояться, то я бы желалъ, чтобъ это случилось во время войны между Русскими и Турками, и въ то время, когда Франція и Англія заняты финансовыми затрудненіями и домашними распрями" [1]). Справедливо видятъ указаніе на раздѣлъ Польши въ выраженіи Генриха: „Нѣтъ державъ, которыя бы не подружились при заключеніи договора, имѣющаго цѣлью увеличеніе обѣихъ".

Но еще передъ первымъ свиданіемъ въ Нейссе, Шуазель, извѣщенный объ этомъ свиданіи и опасаясь послѣдствій его для Франко-Австрійскаго союза, догадываясь, что между Фридрихомъ и Іосифомъ пойдетъ дѣло о Польшѣ, и желая предупредить его своимъ добрымъ желаніемъ или, по крайней мѣрѣ, вывѣдать намѣренія Австріи, началъ говорить австрійскому посланнику при Французскомъ Дворѣ, Мерси д'Аржантону: „Съ нѣкотораго времени мнѣ пришли въ голову важныя политическія мысли въ отношеніи къ Польскому королевству. Онѣ состоятъ преимущество въ томъ, что, быть можетъ, для общаго блага, было бы выгоднѣе, если бы Австрійскій Дворъ воспользовался настоящимъ смутнымъ положеніемъ королевства и овладѣлъ лучшею его частію" [2]). Мы видѣли, что во Франціи считали возможнымъ раздѣлъ Польши между четырьмя сосѣдними государствами — Россіею, Пруссіею, Австріею и Турціею, и послѣдняя не замедлила заявить свою готовность участвовать въ раздѣлѣ вмѣстѣ съ доброю союзницею, Австріею. Въ мартѣ 1770 года, австрійскій министръ въ Константинополѣ, знаменитый впослѣдствіи Тугутъ, доноситъ своему Двору, что рейсъ-эффенди спрашивалъ его, не соединится ли Австрія съ Портою противъ Россіи, причемъ открылъ ему, что предъ самымъ объявленіемъ настоящей войны Россія вмѣстѣ съ Пруссіею большою суммою денегъ склоняли Порту обратить свое оружіе противъ Австріи. Порта, говорилъ рейсъ-эффенди, готова принять какія угодно союзныя условія: этимъ союзомъ можно предписать законы всѣмъ державамъ; по изгнаніи Русскихъ изъ Польши, отъ Австріи будетъ зависѣть—дать ли Польшѣ новаго короля или раздѣлить ее пополамъ между собою и Портою [3]).

Австрія готова была дѣлить все со всѣми. Не нужно было проницательности Фридриха II-го, чтобъ подмѣтить въ молодомъ императорѣ Іосифѣ страшное честолюбіе, стремленіе во что бы то ни стало выдвинуться на первый планъ, увеличить свое государство, вознаградить потери, понесенныя въ послѣднія войны. Не будучи ни въ чемъ самостоятеленъ, Іосифъ въ своемъ честолюбіи распалялся примѣромъ Фридриха II-го: удача Прусскаго короля, который успѣлъ пріобрѣсти такое важное значеніе, не разбирая средствъ при усиленіи своего государства,—эта удача не давала спать Іосифу. Но трудно сказать, кто былъ честолюбивѣе,—молодой ли императоръ, или старый канцлеръ князь Кауницъ: послѣдній также думалъ объ одномъ, чтобъ Австрія, пользуясь благопріятными обстоятельствами, вознаградила себя за уступки, которыя принуждена была сдѣлать при заключеніи по-

[1]) Duncker—Aus der Zeit Friedr. des Gros, 188. Oeuvres, XXVI, 313.

[2]) Arneth, 570.

[3]) Beer—Die erste Theilung Polens, I, 311.

слѣдняго мира, несмотря на блестящее дѣло канцлера, перемѣну вѣковой политической системы Европы, несмотря на союзъ Австріи съ Франціею. Силезія потеряна; молодыя государства—Россія и Пруссія—берутъ явный верхъ, союзъ старыхъ государствъ—Австріи, Франціи, Испаніи—едва ли въ состояніи противиться молодымъ. Но не надобно унывать; надобно дождаться благопріятныхъ обстоятельствъ и воспользоваться ими для увеличенія Австріи, для поднятія ея значенія на прежнюю высоту, чтобъ не говорили, что время Кауница было время несчастное. безславное для Австріи, время земельныхъ утратъ, потери незабвенной Силезіи; быть можетъ, удастся и Силезію возвратить, не путемъ войны, а посредствомъ дипломатическихъ сдѣлокъ; если же не удастся возвратить Силезію, то можно сдѣлать другія пріобрѣтенія равносильныя. Что выбрать, что взять? Глаза разбѣгаются. Подѣлить Польшу легче всего. Прусскій король будетъ непремѣнно въ мутной водѣ рыбу ловить, но всю не выловитъ,—подѣлится. А съ другой стороны Турція: послѣдній миръ съ нею былъ постыдный; сдѣланы были Портѣ важныя земельныя уступки; надобно воспользоваться благопріятными обстоятельствами, мутною водою, и возвратить потерянное. Такъ что же: Польша или Турція?—выборъ труденъ; лучше всего и то и другое. А тутъ Прусскій король нарочно раздражаетъ эту страсть къ чужому добру, выставляя со всѣхъ сторонъ приманки, съ цѣлью увидать, за что Австрія охотнѣе всего схватится. На прощальной аудіенціи австрійскаго посланника Нюгента, Фридрихъ указывалъ на Баварію, которая отлично можетъ округлить Австрію; указывалъ на Лотарингію и Эльзасъ, которые въ двѣ кампаніи можно отнять у Франціи; указывалъ на очень удобное для Австріи округленіе въ Италіи, и, между прочимъ, посредствомъ Венеціанскихъ владѣній: захватъ областей у этихъ одряхлѣвшихъ республикъ подразумѣвался какъ дѣло самое естественное. За доброжелательство надобно было заплатить такимъ же доброжелательствомъ; добрый человѣкъ такъ безкорыстно отдаетъ все Австріи: учтивость требовала и съ австрійской стороны предложить что-нибудь доброму человѣку. Нюгентъ говорилъ Фридриху, что и ему нетрудно округлить свои владѣнія, протянувши линію отъ прусскихъ границъ чрезъ Грауденцъ, Торнъ, Познань до Глогау: „Все, что найдется между этою линіею и моремъ, будетъ очень пригодно в. в—ству; а если возьмете еще епископство Вармійское, то округленіе будетъ полное“. Король не отвѣчалъ ни слова и задумался. Нюгентъ зашелъ слишкомъ далеко; его предложеніе было такъ важно, что не могло быть предметомъ простого разговора.

Два страстные охотника до пріобрѣтеній—кипучій, безпокойный молодой человѣкъ и осторожный, спокойный, педантливый старикъ подлѣ Маріи-Терезіи, знаменитой императрицы-королевы, которая взяла въ соправители по наслѣдственнымъ Австрійскимъ землямъ сына своего, Германскаго императора Іосифа II, и удержала стараго канцлера, князя Кауница; послѣдній, какъ олицетворенная опытность, практическая мудрость, долженъ сдерживать кипучаго Іосифа, руководить имъ согласно съ ея видами: вѣдь Кауницъ совершенно согласенъ съ нею! Эта была уже не прежняя Марія-Терезія, которая заставила Венгерцевъ кричать: „Умремъ за нашего короля Марію-Терезію!“ Царствованіе, протекшее въ тяжкой борьбѣ, когда нужно было отбиваться отъ враговъ, нападавшихъ отовсюду, когда нужно было съ страшными усиліями спасать наслѣдіе предковъ отъ безцеремонныхъ хищниковъ,—такое царствованіе истомило Марію-Терезію. „Я прихожу въ ужасъ при мысли, сколько крови пролито въ мое царствованіе“, говорила она:—„только крайняя необходимость можетъ заставить меня быть виновницею пролитія хотя одной капли еще“. Кромѣ того, Марія-Терезія была религіозная, совѣстливая старушка: заступиться за Турцію и воевать съ Россіею—объ этомъ она слышать не хотѣла, во-первыхъ, потому, что это значило бы воевать съ христіанами за невѣрныхъ; во-вторыхъ, Россія вела справедливую войну, ибо ея вовсе не хотѣла,—Турки были зачинщиками. Одинаково Марія Терезія не хотѣла и воевать съ Турками и отнимать у нихъ земли, потому что считала себя обязанною Портѣ, которая не трогала Австріи во все время тяжелой борьбы ея съ врагами; тѣмъ менѣе императрица-королева хотѣла дѣлить Польшу, обижать страну, нисколько не враждебную, христіанскую, и, главное, католическую. И, несмотря, однако, на все свое отвращеніе къ войнѣ, на религіозность и совѣстливость, Марія-Терезія не выдерживала до конца: каждый планъ, противорѣчившій ея взглядамъ и желаніямъ, она встрѣчала съ отвращеніемъ, съ протестами и воплями, затягивала дѣла своею нерѣшительностію, которою выводила изъ терпѣнія своего пылкаго сына; но, наконецъ, уступала, не переставая протестовать и жаловаться. Екатерина, не любившая Марію-Терезію, писала о ней: „Когда я прочла, что Марія-Терезія по кончинѣ мужа ея уѣхала въ монастырь, я заключила, что она постричься намѣрена, однакоже по прошествіи 24 часовъ она опять пріѣхала. Бецкой говоритъ, знать она съ Кауницемъ конферировала; а мнѣ кажется, что у насъ въ Москвѣ много есть подобныхъ барынь“. Но относительно политической невыдержливости нельзя смотрѣть очень строго на поведеніе Маріи-Терезіи; время ея царствованія до окончанія Семилѣтней войны, несмотря на всю свою тяжесть, отличалось простотою задачи: Марія-Терезія привыкла считать себя обиженною, ограбленною, жертвою величайшей несправедливости, и вся ея дѣятельность имѣла цѣлію возвратить похищенное, охранять отцовское наслѣдство отъ дальнѣйшихъ расхищеній. Борьба кончилась; утомленная ею, Марія-Терезія хочетъ спокойно провести остальную жизнь, сохраняя славу честной, безукоризненной дѣятельности. Но

тутъ съ одной стороны сынъ-соправитель, съ другой—канцлеръ твердитъ постоянно: нельзя сохранять спокойнаго, страдательнаго положенія; Россія усиливается, Пруссія усиливается. Австрія, если не хочетъ быть ими задавленною, также должна усиливаться, брать, что только попадется подъ руки,—дѣло идетъ о цѣлости монархіи, о благѣ подданныхъ: что́ станется съ ними, если Австрія окажется слабѣе своихъ сосѣдей? И Марія-Терезія съ горькими жалобами соглашается на мѣры, которыя считаетъ незаконными, которыя отнимутъ у нея репутацію честности.

Марія-Терезія сначала не хотѣла и слышать о свиданіи Іосифа съ заклятымъ врагомъ своимъ, Фридрихомъ II-мъ, но потомъ согласилась; согласилась на первое свиданіе, согласилась и на второе, при которомъ долженъ былъ присутствовать самъ Кауницъ, ибо дѣло шло уже не о первомъ знакомствѣ только, не о размѣнѣ взаимными комплиментами и увѣреніями, что старая вражда забыта и готовы жить въ дружбѣ; теперь Россія одержала блистательныя побѣды надъ Турками на сушѣ и на морѣ: надобно было принять общія мѣры, какъ бы остановить эти успѣхи, какъ бы помѣшать, чтобъ миръ не былъ очень выгоденъ для Россіи, не дать ей рѣшительнаго преобладанія въ Восточной Европѣ. Турція, которая въ началѣ года не хотѣла мира, приглашала Австрію выгнать Русскихъ изъ Польши и подѣлить послѣднюю; теперь Турція, испуганная Кагуломъ и Чесмою, обратилась къ Австріи съ просьбой о посредничествѣ, не отказываясь просить о томъ же и Пруссію. „Въ этомъ случаѣ“, писалъ Кауницъ Іосифу, „несчастіе послужило къ добру; Турки, наконецъ, захотѣли мира и нашего посредничества. Теперь надобно заставить Россію захотѣть того и другого: въ этомъ-то все и дѣло, тутъ-то и весь трудъ (hoc opus, hic labor). Это не легко въ настоящую минуту энтузіазма; однако я думаю, что это не невозможно, если король Прусскій этого искренно захочетъ, а хотѣть—этого требуетъ его интересъ“ [1]).

Въ началѣ сентября (н. с.), въ Нейштадтѣ Моравскомъ послѣдовало второе свиданіе Іосифа и Кауница съ Фридрихомъ. „Въ Прусскомъ королѣ я не нашелъ ни всего хорошаго, ни всего дурного, что о немъ мнѣ наговорили“, писалъ Кауницъ Маріи-Терезіи. „Фридрихъ началъ разговоръ со мною съ того, что сильно желаетъ скорѣйшаго заключенія мира между Россіею и Портою; онъ хотѣлъ меня увѣрить, что это гораздо нужнѣе для насъ, чѣмъ для него, ибо при несомнѣнныхъ успѣхахъ своего оружія Русскіе перейдутъ Дунай, чего мы позволить не можемъ, и такимъ образомъ будемъ вовлечены въ прямую войну съ Русскими, которая мало-по-малу можетъ произвести всеобщую войну, а это должно предупредить въ интересѣ человѣчества и въ интересѣ Русскомъ и Австрійскомъ“. Заключеніе мира, по его мнѣнію, не можетъ представлять большихъ затрудненій, ибо вѣроятно Русскіе удовольствуются Азовомъ; относительно же Молдавіи и Валахіи удовольствуются тѣмъ, что тамъ будутъ владѣтели, независимые отъ Порты; Турки, по печальному положенію своихъ дѣлъ, конечно не отвергнутъ такихъ умѣренныхъ условій, и надобно стараться, чтобъ миръ былъ заключенъ нынѣшнею же зимою. „Я“, продолжаетъ Кауницъ, „услыхавъ такія необдуманныя мысли, отвѣчалъ, что на подобныхъ условіяхъ миръ заключить не легко: Турки могутъ выдерживать войну долѣе, чѣмъ Россія, да и перемѣна военнаго счастія не невозможна; кромѣ того, русская армія подвержена чумѣ, которая въ короткое время можетъ сдѣлать столько зла Русской имперіи, что самые большіе военные успѣхи будутъ не въ состояніи ее вознаградить; Россія не можетъ имѣть химерическихъ идей разрушить Оттоманскую имперію или отнять у нея сколько-нибудь значительныя области, зная, что мы, Австрія и Пруссія, не можемъ этого позволить. Король мнѣ возразилъ, что я ошибаюсь насчетъ средствъ Россіи продолжать войну: сухопутная война стоитъ ей очень дешево: до сихъ поръ она обошлась ей въ 200,000 рублей; морская стоитъ немного дороже, но Россія сдѣлала иностранный заемъ въ 7.000,000 флориновъ; Русская императрица со времени вступленія своего на престолъ значительно увеличила свои доходы, средства у ней для войны есть, и потому мы должны употребить всѣ старанія уговорить Порту и Россію къ миру. Я отвѣчалъ, что мы готовы ускорить моментъ заключенія мира; но безъ него всѣ наши усилія останутся тщетны, особенно относительно Россіи“.

Во второмъ разговорѣ съ Кауницемъ, Фридрихъ, по словамъ австрійскаго канцлера, измѣнилъ предполагаемыя условія мира: „Устроимъ миръ какъ можно скорѣе“, сказалъ онъ:—„Русскіе вѣроятно будутъ требовать Азова и Крыма; но я надѣюсь, что они отстанутъ отъ своихъ претензій на Молдавію и Валахію, быть можетъ даже не станутъ требовать, чтобъ эти княжества имѣли владѣтелей, независимыхъ отъ Порты“. Кауницъ повторялъ, что ускореніе мира зависитъ отъ Фридриха, который долженъ употребить все свое вліяніе на Русскую императрицу. — „Вы не знаете Русской императрицы“, отвѣчалъ король, „она очень горда, очень честолюбива, очень тщеславна, и поэтому ладить съ нею трудно; такъ какъ она женщина, то съ нею нельзя говорить, какъ мы говоримъ съ министромъ; съ нею надобно поступать осторожно, чтобъ не раздражить ея. Впрочемъ, я послѣдую вашимъ совѣтамъ, только дайте мнѣ оружіе въ руки, чтобъ мнѣ можно было ее напугать. Не можете-ль вы написать Румянцеву, что вы надѣетесь, что онъ не станетъ переходить Дуная; или не можете ли вы уговорить Францію объявить вамъ, что если Русскіе перейдутъ Дунай, и вы за это объявите

---

[1]) Beer—Die Zusammenkünfte Josefs II, und Friedrichs II, 115.

войну Россіи, то она пришлетъ вамъ на помощь 100,000 войска; вы мнѣ сообщите это извѣстіе, и я употреблю его въ дѣло". Кауницъ писалъ Маріи-Терезіи, что онъ изумился, услыхавъ отъ такого умнаго государя такія дѣтскія идеи, и поспѣшилъ отвѣчать, что оба средства не годятся: первое потому, что нельзя грозить, не рѣшившись заранѣе исполнить угрозу, и что одинъ переходъ русскаго войска черезъ Дунай не можетъ служить достаточной причиною разрыва Австріи съ Россіею; второе—потому, что Россія сочтетъ подобное объявленіе Франціи шуткой и не обратитъ на него никакого вниманія.

Напрасно австрійскій канцлеръ поспѣшилъ назвать идеи Фридриха II дѣтскими. Прусскій король достигъ своей цѣли; ему было нужно знать, въ какой степени Австрія, вмѣстѣ съ Франціею, своимъ вмѣшательствомъ въ русско-турецкія отношенія могли препятствовать его собственнымъ планамъ, и Кауницъ проговорился, что Австрія не рѣшилась на войну и конечно не рѣшится, не станетъ грозить, ибо не имѣетъ средствъ привести угрозу въ исполненіе,—даже переходъ Румянцева черезъ Дунай не вызоветъ съ ея стороны никакого движенія; что, наконецъ, связь Австріи съ Франціею, повидимому столь внушительная, въ сущности не представляетъ ничего важнаго. Фридрихъ увидѣлъ, что дѣло въ его рукахъ; что Австрія безъ него не двинется и будетъ служить для него орудіемъ.

Въ Нейштадтѣ было рѣшено, что Фридрихъ передастъ въ Петербургъ желаніе Порты вступить въ мирные переговоры при посредствѣ Австріи и Пруссіи. Кромѣ того, были приняты условія дальнѣйшихъ отношеній Пруссіи къ Австріи не въ видѣ договора, но письменно, и эта записка названа „Политическимъ катехизисомъ"; изъ нея для насъ замѣчательны слѣдующія статьи: „Ни одинъ изъ двухъ Дворовъ, во всемъ томъ, что̀ не будетъ прямо противно его интересамъ, не воспротивится выгодѣ другого, если дѣло не будетъ чрезвычайной важности. Если же дѣло будетъ идти о пріобрѣтеніяхъ значительныхъ или очень важныхъ, то объ этомъ дружески предупредятъ другъ друга и заблаговременно условятся о взаимной и пропорціональной выгодѣ, на которую одинъ изъ двухъ Дворовъ не только согласится, но въ полученіи которой будетъ добросовѣстно содѣйствовать другому, если нужда того потребуетъ" [1]). Эти статьи важны для насъ по отношенію къ захвату Австрійцами Польскихъ областей, Ципса, Новитарга, Чорстына и богатыхъ соляными копями мѣстностей Велички и Бохни, подъ предлогомъ, что эти земли до 1412 года принадлежали Венгріи, а въ это время были заложены Польшѣ. Занятіе войсками этихъ земель произошло прежде Нейштадтскаго свиданія, но объявленіе со стороны Австріи, что она вспомнила то, о чемъ забыла съ 1412 года, и присоединяетъ къ Венгріи принадлежавшія ей когда то земли произошло гораздо позднѣе свиданія, именно въ концѣ ноября 1770 года [2]). Мы не станемъ утверждать, что насчетъ этого занятія было соглашеніе въ Нейштадтѣ, что тутъ же была рѣчь вообще о раздѣлѣ Польши: очевидно одно, что „Политическій катехизисъ" былъ предложенъ въ объясненіе захвата означенныхъ польскихъ областей, который подходилъ подъ первую часть катехизиса, какъ пріобрѣтеніе не чрезвычайной важности. Когда катехизисъ былъ принятъ Фридрихомъ, то Вѣнскій Дворъ и объявилъ, что удерживаетъ за собою занятыя земли, какъ прежде принадлежавшія Венгріи. Понятно, что если Австрія первая воспользовалась катехизисомъ, то надобно было ждать, что воспользуется имъ и Фридрихъ. По возвращеніи изъ Нейштадта, Іосифъ и Кауницъ одинъ сильнѣе другого внушали Маріи-Терезіи, что съ содѣйствіемъ Прусскаго короля все пойдетъ хорошо, а безъ него нельзя ничего предпринимать, и Кауницъ прямо представлялъ, что Фридриха за войну противъ Россіи надобно вознаградить Курляндіею и Семигаліею. „Конечно", замѣчалъ Кауницъ, „королю гораздо было бы пріятнѣе получить Польскую Пруссію и епископство Вармійское; но такія пріобрѣтенія были бы очень значительны, и Австрія не могла бы никакъ согласиться на нихъ безъ соотвѣтственнаго увеличенія своихъ владѣній; это увеличеніе должно произойти вслѣдствіе присоединенія земель отъ Польши и отъ Турціи, по соглашенію съ обѣими державами".—„Планъ раздѣла", отвѣчала Марія-Терезія, „широко задуманъ, но онъ выше моихъ понятій"; Іосифа не останавливали эти замѣчанія матери: послѣ свиданія съ Фридрихомъ политика захвата взяла верхъ въ Вѣнѣ; здѣсь уже не боялись болѣе русскихъ успѣховъ въ войнѣ съ Турками. По мнѣнію Іосифа, Тугутъ долженъ былъ уговаривать Порту, чтобъ она не заключала слишкомъ невыгоднаго для себя мира съ Россіею; долженъ былъ увѣрить ее, что сохраненіе Турціи и ея благосостояніе Австрія принимаетъ горячо къ сердцу и окажетъ ей сильную помощь по требованію обстоятельствъ и въ надлежащее время. „Образъ нашихъ дѣйствій опредѣленъ", писалъ Іосифъ брату Леопольду: „онъ состоитъ въ томъ, чтобъ представлять королю Прусскому всѣ опасности отъ усиленія Россіи и предложить ему дѣйствовать вмѣстѣ всѣми средствами для воспрепятствованія этому; если онъ не предложитъ ничего, то мы, по крайней мѣрѣ, будемъ препятствовать скорому и постыдному миру, какой можетъ заключить Порта. Другая кампанія ослабитъ обѣ воюющія стороны и можетъ или уменьшить выгоды Россіи, или увеличить ихъ въ такой степени, что мы должны будемъ дѣйствовать. Это можетъ произойти двоякимъ образомъ: 1) если Русскіе прорвутся черезъ Дунай и пойдутъ къ Адріанополю, то для насъ наступитъ время двинуть войска на Дунай для отрѣзанія имъ обрат-

[1]) Beer—Die Zusammenkünfte Josefs II und Friedrichs II, 115.

[2]) Beer—Die erste Theilung, II, 49.

наго перехода, что принудитъ ихъ къ поспѣшному отступленію, во время котораго армія ихъ можетъ быть уничтожена, и Турки, спасенные отъ погибели, легче согласятся на вознагражденіе нашихъ издержекъ, т.-е. на уступку части Валахіи, отданной по Бѣлградскому миру и лежащей между Банатомъ, Трансильваніею, Дунаемъ и рѣкою Алтою. 2) Если Русскіе будутъ угрожать Константинополю и всей имперіи нападеніемъ со стороны моря, прорвавшись чрезъ Дарданеллы, тогда намъ необходимо будетъ занять ближайшія къ намъ провинціи, прежде чѣмъ займутъ ихъ Русскіе. Для этихъ двухъ случаевъ императрица рѣшилась приготовить 50,000 войска и велѣла сдѣлать заемъ въ четыре милліона" [1]).

Фридрихъ II исполнилъ принятое имъ на себя порученіе: 14 сентября (н. с.) онъ написалъ Русской императрицѣ письмо съ увѣщаніемъ къ миру и съ предложеніемъ своего посредничества, котораго просила Порта: „Если въ качествѣ добраго и вѣрнаго союзника я могу сообщить вамъ свои мысли, то мнѣ кажется, что въ настоящую минуту миръ необходимъ для избѣжанія всеобщей войны, которую Франція старается воспламенить въ Европѣ; мнѣ извѣстны ея движенія въ Вѣнѣ съ цѣлью ожесточить и возбудить зависть во всѣхъ сердцахъ. Ваше и. в—ство уничтожите эти пагубныя намѣренія, прекративъ войну, столь славную для вашего оружія, для вашихъ обширныхъ плановъ, для блеска вашего царствованія, и показавши при заключеніи мира знаки умѣренности." Распространяясь о значеніи умѣренности и милосердія для великихъ земли, Фридрихъ обращалъ вниманіе Екатерины на польскія смуты, на необходимость ихъ окончанія прочнымъ, а не временнымъ только примиреніемъ, а для этого указывалъ на необходимость диссидентамъ умѣрить свои требованія, о чемъ они сами должны просить императрицу. Онъ выражалъ увѣренность, что Австрійцы соединятся съ нимъ и заставятъ конфедератовъ подписать новыя условія [2]). 16 сентября это письмо Фридриха было представлено Совѣту, послѣ чего гр. Панинъ предложилъ отвѣчать Прусскому королю: 1) что, прежде начатія какихъ-либо переговоровъ съ Турками, надобно стараться объ освобожденіи Обрѣзкова, и послѣ освобожденія никакъ не оставлять его въ Константинополѣ, ибо и теперь можетъ случиться то же, что въ 1714 году, когда Турки русскаго министра въ тюрьму сажали и выпускали смотря по обстоятельствамъ; 2) что относительно посредничества особа Прусскаго короля, какъ искренняго нашего союзника, намъ очень пріятна, когда Турки сами выбрали его посредникомъ; но при этомъ надобно признаться, что насъ приводятъ въ безпокойство деликатныя отношенія къ Англійскому Двору, который съ начала войны употребилъ всѣ средства для возстановленія спокойствія и оказывалъ намъ всевозможныя услуги при проходѣ нашихъ эскадръ, почему мы обѣщались признать его посредникомъ въ случаѣ надобности; посредничество Вѣнскаго Двора приводитъ насъ еще въ бо́льшее безпокойство: опасно, чтобъ Франція, по примѣру Англичанъ, не вмѣшалась въ посредничество, чего мы отнюдь допустить не намѣрены. На основаніи всего этого просить короля, чтобъ онъ вмѣстѣ съ Вѣнскимъ Дворомъ уклонился отъ имени посредника; а мы, съ своей стороны, будемъ производить переговоры съ полною откровенностію и принимать всякія представленія Берлинскаго и Вѣнскаго Дворовъ. Если же необходимо надобно будетъ принять медіацію, продолжалъ Панинъ, то надобно будетъ стараться призвать къ ней Англію, а Францію не допустить, и предложилъ свое мнѣніе, на какихъ условіяхъ можетъ быть заключенъ миръ съ Турками. Эти условія были: 1) удержать за собою Азовъ и Таганрогъ и требовать свободы для нашихъ купеческихъ судовъ проѣзжать изъ Азовскаго въ Черное море; 2) истребовать генеральную амнистію всѣмъ тѣмъ, которые для своей защиты подняли противъ Порты оружіе; если же между тѣмъ нашъ флотъ овладѣетъ какимъ-нибудь островомъ въ Архипелагѣ, то и его надобно выговорить; 3) Татарамъ, если они отторгнутся отъ власти турецкой, оставаться въ независимости; 4) справедливость требовала бы удержать княжество Молдавское и Валашское для вознагражденія военныхъ убытковъ, которые простираются до 25 милліоновъ; но такъ какъ ея и в—ство съ самаго восшествія своего на престолъ своею политическою системою изволила доказать всѣмъ чужестраннымъ Дворамъ, что она не ищетъ распространенія своей имперіи пріобрѣтеніемъ земель,—то требовать, чтобъ въ вознагражденіе военныхъ убытковъ княжества эти были намъ оставлены на столько лѣтъ, во сколько уплата за военныя издержки быть можетъ выбрана изъ годовыхъ ихъ доходовъ; но императрица пожертвуетъ и этимъ вознагражденіемъ, если Молдавія и Валахія объявлены будутъ независимыми, и Дунай будетъ поставленъ турецкою границею [3]). Мнѣніе Панина относительно отвѣта Прусскому королю было принято, и въ этомъ смыслѣ было написано письмо императрицы къ Фридриху II [4]), гдѣ отклонялось посредничество и принимались съ благодарностію добрыя услуги вѣрнаго союзника; добрыя услуги могли начаться только по полученіи визирскаго отвѣта на предложеніе графа Румянцева. Въ своемъ письмѣ къ Фридриху, по поводу необходимости отклонить французское посредничество, Екатерина называетъ герцога Шаузеля „заклятымъ врагомъ своего государства и своей особы".

Посредничество было отклонено; но 1 октября пріѣхалъ въ Петербургъ особаго рода посредникъ.

---

[1]) Arneth—Maria-Theresia und Joseph II, I, 316.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 274.

[3]) Архивъ Госуд. Сов. I, 59.

[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XX. 277.

Лѣтомъ, когда Фридрихъ сбирался на свиданіе съ императоромъ Іосифомъ, братъ его, принцъ Генрихъ, отправился въ Стокгольмъ для свиданія съ сестрою, королевою Шведскою. Естественно, что сближеніе Пруссіи съ Австріею, выражавшееся въ повторительномъ свиданіи ихъ государей, не могло производить въ Петербургѣ благопріятнаго впечатлѣнія уже и потому, что такое сближеніе могло въ разныхъ сторонахъ, особенно враждебныхъ къ Россіи, радовать мыслію о соотвѣтственномъ ослабленіи Русско-Прусскаго союза. Для противодѣйствія такому мнѣнію, Екатеринѣ естественно было желать, чтобъ принцъ Генрихъ изъ Стокгольма заѣхалъ въ Петербургъ, ибо это свиданіе, по значенію принца, по его дружбѣ и вліянію на брата, могло замѣнять свиданіе съ самимъ Фридрихомъ. Свиданіе съ принцемъ Генрихомъ было желательно особенно потому, что онъ возвращался изъ Швеціи, а Шведскія дѣла очень безпокоили; отъ роднаго брата враждебной королевы Шведской можно было узнать то, о чемъ не могли сообщать Остерманъ и Стахіевъ; ему можно было сдѣлать важныя внушенія, могшія имѣть вліяніе на дальнѣйшее поведеніе королевы. Екатерина написала Фридриху письмо, въ которомъ изъявляла желаніе видѣть принца Генриха въ Петербургѣ [1]). Фридрихъ немедленно далъ знать брату, что онъ долженъ согласиться на желаніе Русской императрицы; для его пребыванія въ Россіи король ставилъ двѣ цѣли: установить благопріятныя отношенія между императрицею Екатериною и сестрою ихъ, Шведскою королевою, и содѣйствовать ускоренію мира.

Чтобъ понять поведеніе принца Генриха въ Петербургѣ и смыслъ переписки съ нимъ Фридриха II, мы должны припомнить основанія политики послѣдняго, какъ она выяснилась до сихъ поръ изъ его поступковъ и словъ. Ему прежде всего нуженъ былъ миръ, который остановилъ бы успѣхи Россіи въ Турціи и усиленіе вліянія ея въ Польшѣ. Если бы Россія, напуганная имъ относительно вооруженій Австріи, всеобщей войны, согласилась на миръ съ Турціею съ пріобрѣтеніемъ какихъ-нибудь ничтожныхъ выгодъ, согласилась и на окончаніе Польскихъ дѣлъ съ уступкою въ диссидентскомъ вопросѣ, то Фридрихъ могъ и на этомъ успокоиться: онъ освобождался отъ непріятной уплаты субсидій по союзному договору; онъ останавливалъ усиленіе Россіи, давалъ выгодный миръ Турціи, успокоивалъ Австрію, всю Европу; въ Польшѣ отстранялъ русское вліяніе на второй планъ, заставляя Россію уступить въ своихъ требованіяхъ, — однимъ словомъ, являлся съ главнымъ рѣшающимъ значеніемъ въ дѣлахъ Европы, пріобрѣталъ первенствующее положеніе, тогда какъ до сихъ поръ его раздражала мысль, что на него смотрятъ какъ на сателлита Россіи, покорное орудіе ея государыни. Передъ свиданіемъ съ Іосифомъ, въ іюнѣ, Фридрихъ писалъ брату Генриху: „Мое маленькое путешествіе въ Моравію расположитъ къ миру Русскую императрицу болѣе, чѣмъ всѣ войска и смотры въ мірѣ. Австрійцы устраиваютъ магазины на венгерскихъ границахъ; сказать правду, я ихъ не считаю значительными, но я преувеличу дѣло въ Петербургѣ до послѣдней крайности и надѣюсь, что миръ будетъ заключенъ будущею зимою, или въ будущемъ году война можетъ стать всеобщею“. Потомъ событія въ Даніи еще болѣе усилили въ немъ надежду на мирное расположеніе Русской императрицы: „Французы изловчились въ Даніи свергнуть Бернсторфа“, писалъ онъ тому же принцу Генриху: „это событіе навѣрное отторгнетъ Данію отъ Русскаго союза, что̀ можетъ быть только выгодно для насъ, ибо мы останемся единственнымъ союзникомъ Россіи, и датскія перемѣны должны заставить императрицу желать мира“. Но, конечно, Россія не согласится заключить мира съ Портою на умѣренныхъ, по понятіямъ другихъ державъ, условіяхъ, и Фридрихъ рѣшилъ воспользоваться рождавшимися отсюда осложненіями для извѣстныхъ земельныхъ пріобрѣтеній; при этомъ главнымъ для Фридриха условіемъ было, чтобъ эти пріобрѣтенія достались путемъ мирныхъ переговоровъ, — чтобъ для нихъ ему не нужно было вовлекаться въ войну; кромѣ того, для Фридриха было чрезвычайно важно не допустить Россію до сближенія съ Австріею по дѣламъ Турецкимъ, что повело бы къ возстановленію Елисаветинской политики и поставило бы его въ одиночное положеніе.

Мы видѣли, что Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ, признаваясь въ посылкѣ, такъ называемаго, Линарова проекта въ Петербургъ съ цѣлью испробовать почву, скрылъ при этомъ очень важныя, существенныя обстоятельства. По его словамъ, выходитъ, что въ Петербургѣ не обратили на проектъ вниманія вслѣдствіе обаянія военныхъ успѣховъ, тогда какъ Панинъ принялъ проектъ очень серьезно, и немедленно представилъ свой, такъ сказать, контръ-проектъ, приглашая Пруссію и Австрію соединиться съ Россіею для изгнанія Турокъ изъ Европы, послѣ чего Австрія получитъ вознагражденіе изъ областей Порты, а Пруссія — изъ польскихъ. Но этотъ русскій проектъ не могъ понравиться Фридриху, которому хотѣлось сдѣлать Россію и Австрію соучастницами раздѣла Польши, и принцъ Генрихъ могъ настаивать въ Петербургѣ только на принятіи этого проекта.

Принцъ Генрихъ вначалѣ произвелъ на императрицу и ея Дворъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ былъ вовсе не похожъ на брата своего, короля. Сколько послѣдній отличался любезностію, умѣньемъ вести неистощимые разговоры обо всемъ, говорить необыкновенно живо и остроумно: настолько принцъ Генрихъ былъ серьезенъ, молчаливъ, тяжелъ въ обществѣ; насколько Фридрихъ на письмѣ и въ разговорѣ умѣлъ забрасывать, утомлять собесѣдника, перебѣгая отъ предмета къ предмету (что̀ такъ не нравилось Кауницу),

[1]) Сборн. Русск. Историч. Общ. XX, 271.

нападать врасплохъ, вывѣдывать, что ему было нужно, тогда какъ самъ былъ чрезвычайно остороженъ, не позволялъ себѣ высказываться до послѣдняго предѣла, таилъ, прикрывалъ самыя завѣтныя свои желанія, заставляя другихъ людей или обстоятельства вести къ ихъ осуществленію:— настолько у Генриха недоставало этой, такъ называемой, дипломатической ловкости; онъ или упорно отмалчивался, или говорилъ только о томъ, чего хотѣлъ достигнуть, и говорилъ прямо, безъ обходовъ и былъ для Фридриха драгоцѣннымъ человѣкомъ, когда, въ концѣ 1770 года, надобно было во что бы то ни стало порѣшить дѣло тѣмъ или другимъ изъ означенныхъ способовъ. Наружность принца Генриха такъ же не могла уменьшать неблагопріятнаго впечатлѣнія, производимаго холодностью его обращенія; въ ней не было ничего, что бы заставляло предугадывать человѣка, знаменитаго талантами и происхожденіемъ. Онъ былъ ниже средняго роста, очень сухъ, что представляло поразительную несоразмѣрность съ необыкновенно густыми и вьющимися волосами, которые были зачесаны въ огромный тупей; у него былъ высокій лобъ и большіе глаза; взглядъ его отличался проницательностью и наблюдательностью; но во всей наружности не было ничего пріятнаго; ходилъ онъ переваливаясь [1]). Подъ первымъ впечатлѣніемъ, Екатерина писала Алексѣю Орлову: „Вчерась (2 октября) былъ первой во дворцѣ Прусскій принцъ Генрихъ, и онъ, при первомъ свиданіи, такъ былъ намъ легокъ на рукѣ, какъ свинцовая птица, а что уменъ, то ужъ очень уменъ, и сказываютъ, что какъ приглядится, то онъ будетъ обходителемъ и ласковъ; но первый разъ онъ былъ такъ штейфъ, что онъ мнѣ наипаче надоѣлъ, но притомъ дожно ему ту справедливость отдать, что штейфъ одна фигура его, а впрочемъ онъ все то дѣлалъ, что надлежало, съ большой ко всѣмъ атенціею; только наружность его такова холодна, что на крещенскіе морозы похожа“ [2]). Но придворныхъ заняла преимущественно эта непривлекательная наружность и особенно доставлялъ имъ большое удовольствіе тупей принца. Начались шутки, остроты; говорили, что Генрихъ похожъ на Самсона; что вся его сила въ волосахъ; что, зная это и помня о судьбѣ израильскаго богатыря, принцъ не подпускаетъ къ себѣ никакой Далилы; говорили, что онъ похожъ на комету, являвшуюся въ прошломъ году и напугавшую сѣверныхъ и восточныхъ государей страхомъ важныхъ перемѣнъ: у нея было небольшое ядро и огромный хвостъ [3]).

Комета дѣйствительно предвѣщала важныя перемѣны. Фридрихъ II былъ разсерженъ уклоненіемъ Русскаго Двора отъ его посредничества въ мирѣ съ Портою: онъ терялъ важное значеніе примирителя и могъ опасаться, что въ переговорахъ одинъ-на-одинъ Россія можетъ выговорить у Турокъ больше, чѣмъ сколько, по его мнѣнію, было нужно пріобрѣсть ей. Получивши письмо Екатерины съ отстраненіемъ посредничества, Фридрихъ писалъ Генриху: „Я рѣшилъ не вмѣшиваться ни въ мирные переговоры съ Турціею, ни въ Польскія дѣла, оставаться простымъ зрителемъ событій. Въ Петербургѣ могутъ принимать наше посредничество или нѣтъ; но не надобно позволять, чтобъ они открыто смѣялись надъ нами“ [4]). Черезъ пять дней по пріѣздѣ принца Генриха, императрица объявила ему, что она желаетъ мира и рада положиться на посредничество короля въ Константинополѣ; но надобно подождать отвѣта визиря на письмо Румянцева и освобожденія Обрѣзкова. Генрихъ замѣтилъ потомъ Панину, что двойные переговоры чрезъ Румянцева и чрезъ Пруссію только повредятъ дѣлу; Панинъ отвѣчалъ, что посредствомъ сношеній Румянцева желаютъ только удостовѣриться, думаетъ ли Порта вообще вступить въ переговоры. Союзники расходились: для Пруссіи было важно овладѣть мирными переговорами, привести къ миру сообразно съ своими интересами; для Россіи было важно знать, въ случаѣ неудачи мирныхъ переговоровъ, въ какой степени она можетъ разсчитывать на своего союзника, короля Прусскаго, въ какой степени могли измѣниться его отношенія къ Россіи вслѣдствіе сближенія съ Австріею. Въ половинѣ октября императрица, отведя принца Генриха въ сторону, спросила его: если миръ не состоится, то присовѣтуетъ ли онъ ей переводить армію черезъ Рубиконъ (такъ она называла Дунай).—Принцъ, которому братъ твердилъ въ своихъ письмахъ, что никакъ не должно переходить чрезъ Рубиконъ, принцъ отвѣчалъ, что это въ высшей степени взволнуетъ Австрійцевъ; Французы станутъ толкать ихъ впередъ, и возгорится всеобщая война; хотя Прусскій король и не допуститъ, чтобъ предпріятія Россіи были остановлены, однако Пруссія должна будетъ управляться съ Французами.— „Такъ мы должны заключить миръ“, сказала Екатерина, смѣясь.—„Я хочу мира“, продолжала она: „но султанъ человѣкъ дикій, и французскія подущенія не позволятъ ему быть благоразумнымъ“.—„Король, мой братъ, образумитъ его, если ваше величество ввѣрите ему свои интересы“, сказалъ принцъ. — „Прежде января дѣло не уяснится“, отвѣчала императрица.

Принцъ Генрихъ сильно настаивалъ также на составленіи умиротворительнаго плана для Польши и привлеченіи Австріи къ этому дѣлу; но встрѣчалъ большое недовѣріе къ Австрійцамъ. Принцъ увѣдомлялъ брата о разногласіи между Орловымъ и Панинымъ: первый хотѣлъ заключенія мира безо всякаго посредничества, Панинъ желалъ вести дѣло сообща съ Пруссіею и Австріею. Но мы уже видѣли, какъ Панинъ при этомъ расхо-

[1]) Anecdotes of the Russian empire, 326.
[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 62.
[3]) Anecdotes of the Russian empire, 327.

[4]) Oeuvres de Frédéric le Grand, XXVI. 320, 326, 330.

дился съ желаніями Фридриха II-го, требуя, чтобъ Австрія и Пруссія объявили войну Портѣ, за что Австрія получитъ вознагражденіе въ Турціи, Пруссія—въ Польшѣ. Панинъ въ разговорѣ съ принцемъ упомянулъ о выгодахъ, которыя Вѣнскій Дворъ могъ бы получить, если-бъ вступилъ въ войну противъ Порты вмѣстѣ съ Россіею. Принцъ, по его словамъ, отвѣчалъ лаконически. Продолжать разговоръ, прерванный этимъ лаконическимъ отвѣтомъ, явился къ принцу Сальдернъ. Онъ началъ вопросомъ, развѣ Панинъ не говорилъ о выгодахъ, которыя можетъ требовать Австрія. — „Да, говорилъ", отвѣчалъ принцъ, „и если хотятъ заниматься политическими мечтами, то, въ случаѣ невозможности заключенія мира съ Турками, можно было бы подумать о томъ, чтобъ заключить тройной союзъ между Пруссіею, Россіею и Австріею, въ которомъ установить взаимныя выгоды трехъ государствъ, а затѣмъ Турки скоро были бы принуждены къ миру". Здѣсь выраженіе; „политическія мечты" не должно смущать насъ, ибо и Фридрихъ II-й въ перепискѣ съ Сольмсомъ называлъ Линаровскій планъ мечтою. Сальдернъ такъ же не принялъ предложенія Генриха за мечту, и спросилъ, можетъ ли онъ эти идеи сообщить графу Панину. Принцъ отвѣчалъ, что не желаетъ быть впутаннымъ въ дѣло изъ боязни новыхъ на себя порицаній короля. А въ письмѣ къ королю Генрихъ писалъ: „Ты этимъ разговоромъ нисколько не компрометированъ, и если миръ съ Турками въ этомъ году не состоится, то для меня открывается возможность оказать тебѣ услугу въ предположеніи, что ты можешь уговорить Вѣнскій Дворъ вступить въ тѣ же самые интересы и содѣйствовать твоимъ интересамъ, какъ я этого желаю" [1]). Фридрихъ отвѣчалъ, что внушенія Панина и Сальдерна о тройномъ союзѣ противъ Турціи не имѣютъ смысла, потому что Турки настойчиво требуютъ мира. Если Русскіе воспротивятся миру, то добровольно устремятся въ новую войну, и въ такомъ случаѣ онъ, Прусскій король, будетъ имѣть право отказаться отъ платежа субсидій; Вѣнскій Дворъ никогда не отдѣлится отъ Франціи; Кауницъ сказалъ ему достаточно ясно, что его Дворъ будетъ поддерживать равновѣсіе на Востокѣ и не допуститъ, чтобъ Россія перешла Дунай и утвердилась въ сосѣдствѣ Австріи. Поэтому въ Петербургѣ должны покинуть всякую надежду привлечь Австрію раздѣломъ турецкихъ завоеваній. „Я", писалъ король, „не пожертвую ни за что благомъ и выгодами своей страны завоевательнымъ намѣреніямъ другой державы. И какую тамъ конвенцію хотятъ они заключить со мною? Какую землю они мнѣ обѣщаютъ? Для пріобрѣтенія этой земли я долженъ навязать себѣ на шею всѣ военныя силы Австріи и Франціи, не имѣя ни одного союзника, который бы меня поддержалъ! Это не соотвѣтствуетъ ни нашимъ истощеннымъ въ послѣднюю войну силамъ, ни настоящему положенію Европы. Итакъ, чтобъ тамъ не переходили Рубикона, и не нужно мнѣ никакой конвенціи. Будемъ стараться заставить ихъ какъ можно скорѣе заключить миръ или пусть ведутъ войну одни съ кѣмъ угодно. Я заключилъ союзъ съ Россіею для своихъ выгодъ, какъ Австрія заключила союзъ съ Франціею, а не для того, чтобъ подъ русскими знаменами вести пагубную войну, отъ которой мнѣ ни тепло, ни холодно [2]). Жду извѣстія, хотятъ ли Русскіе продолжать войну. Ты имъ напомнишь, что мои обязательства не простираются такъ далеко, я не могу вовлечься въ предпріятіе, гдѣ весь рискъ на моей сторонѣ, ибо я рискую потерять всѣ мои Прирейнскія владѣнія" [3]). Письма эти очень любопытны; но, разумѣется, историкъ долженъ пользоваться ими осторожно. Такъ, Фридрихъ пишетъ, будто Кауницъ сказалъ ему, что Австрія не допуститъ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, тогда какъ австрійскій канцлеръ прямо сказалъ, что переходъ черезъ Дунай не можетъ служить достаточною причиною для явнаго разрыва Австріи съ Россіею.

Въ Россіи хотѣли тройного союза противъ Турціи; а въ Пруссіи хотѣли его для раздѣла Польши. Панинъ говорилъ принцу Генриху, что посекрету хочетъ ему открыть, какая эта прекраснѣйшая и счастливѣйшая идея, — идея тройного союза между Пруссіею, Россіею и Австріею: другія европейскія державы не осмѣлятся препятствовать мѣропріятіямъ и планамъ такого могущественнаго союза. Принцъ Генрихъ увѣдомлялъ брата, что въ случаѣ неудачи тройного союза въ Петербургѣ думаютъ, какія бы выгоды предоставить Пруссіи, чтобъ она одна приняла участіе въ войнѣ: будутъ согласнѣе на вознагражденіе въ Германіи, чѣмъ въ Польшѣ. Но Фридрихъ попрежнему не хотѣлъ слышать объ участіи Пруссіи въ войнѣ и твердилъ, что Австрія для Франціи никогда не вооружится противъ Турокъ, для раздѣла пирога съ Россіею; нечего объ этомъ и думать! „Миръ, миръ какъ можно скорѣе, не предлагая невыносимыхъ и слишкомъ унизительныхъ условій Туркамъ. Если начнется всеобщая война, то на меня обрушится вся тяжесть. Предполагая счастливый исходъ, я при заключеніи мира сохраняю свои настоящія владѣнія, но области и армія будутъ разгромлены, и государственные доходы пойдутъ въ пользу Россіи, за что мнѣ заплатятъ изящнымъ комплиментомъ и собольей шубой. Боюсь, чтобъ меня не стали доить, какъ корову" [4]). Цѣль всѣхъ этихъ наставленій на мирѣ ясна: только вынудивъ Россію высказаться рѣшительно и точно насчетъ условій мира, Фридрихъ могъ приступить къ дѣлу съ той или другой стороны; только при объявленіи Россіею условій опредѣлились бы и намѣренія Австріи. Проволочка дѣла

[1]) Эта переписка принца Генриха приведена у Дункера, 211, 212.

[2]) Эта переписка принца Генриха приведена у Дункера, 213, 214.

[3]) Oeuvres, XXVI, 337.

[4]) Duncker, 218.

тяготила Фридриха, онъ спѣшилъ къ развязкѣ, къ развязкѣ мирной безъ „прекраснѣйшихъ и счастливѣйшихъ идей“, о которыхъ толковали въ Петербургѣ.

Наконецъ, изъ Константинополя пришелъ отвѣтъ на письмо Румянцева къ визирю; отвѣтъ состоялъ въ томъ, что султанъ уже извѣстилъ Австрію и Пруссію о своемъ желаніи мира и ждетъ отъ этихъ державъ первыхъ сообщеній. Тогда императрица, 9 декабря, отправила Фридриху письмо, начинавшееся такъ: „Я не полагаю границъ моему довѣрію къ вашему величеству, какъ моему лучшему другу и вѣрнѣйшему союзнику, сообщая въ величайшемъ секретѣ мой планъ и мои самыя тайныя мысли относительно мира съ Портою. Дѣлая ваше величество хранителемъ всѣхъ моихъ намѣреній, я нахожусь въ полномъ убѣжденіи, что вы сдѣлаете изъ нихъ лучшее употребленіе, какого я могу ожидать отъ вашей дружбы и отъ вашей скромности, въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ, какія вы сами сочтете удобнѣйшими для защиты основаній моего справедливаго дѣла, для оправданія правоты моихъ намѣреній, для обнаруженія моего дѣйствительнаго безкорыстія и, наконецъ, для ускоренія мира; во всемъ этомъ я вполнѣ полагаюсь на мудрость, знаніе и великую проницательность вашего величества. Я должна здѣсь обратить особенное вниманіе вашего величества на то, что возвращеніе моего министра Обрѣзкова должно послѣдовать прежде открытія переговоровъ, даже прежде всякаго приступа къ дѣлу. Давши мнѣ это удовлетвореніе, необходимое для моей личной славы и для блага моей страны, если Турки захотятъ отправить своихъ уполномоченныхъ въ какую-нибудь мѣстность Молдавіи или Польши, то я отправлю туда своихъ, и буду смотрѣть какъ на добрую услугу со стороны в. в—ства, если вы прикажете вашему министру въ Константинополѣ расположить Порту къ этому. Относительно тѣхъ внушеній, какія ваше в—ство сочтете нужнымъ ей сдѣлать, ваше благоразуміе скажетъ вамъ, что мой планъ, въ томъ видѣ, какъ я его вамъ сообщаю, составленъ только для довѣрія и дружбы, и нельзя его сообщать непріятелю. Это было бы слишкомъ рано, и когда время для этого наступитъ, надобно будетъ обработать его въ другой формѣ и въ другихъ выраженіяхъ“. Точно такъ-же и относительно Австріи, полагаясь во всемъ на Фридриха, императрица писала, что, по ея мнѣнію, нельзя сообщать Вѣнскому Двору копію съ ея плана, развѣ будетъ твердая увѣренность, что этотъ Дворъ обратится къ лучшимъ взглядамъ относительно Россіи и не руководится уже прежнимъ пристрастіемъ. Но императрица замѣчала, что, съ другой стороны, слишкомъ большою сдержанностью и холодностью относительно Вѣнскаго Двора она не желаетъ противодѣйствовать той пользѣ, какая можетъ произойти отъ сближенія съ нимъ для Русско-Прусскаго союза: „Если-бъ вслѣдствіе такого сближенія можно было отвлечь Австрію отъ настоящей ея нелѣпой системы и заставить войти въ наши виды, то Германіи было бы возвращено ея естественное состояніе, и Австрійскій Домъ посредствомъ другой перспективы былъ бы отвлеченъ отъ своихъ видовъ на владѣнія в. в—ства, а виды эти поддерживаются его настоящими связями“ [1]). Къ письму были приложены условія мира съ Турками: это были извѣстныя уже намъ условія, предложенныя Панинымъ Совѣту въ засѣданіи 16 сентября, съ прибавкою одного условія, что обѣ Кабарды отходятъ къ Россіи.

Эти условія, по словамъ Фридриха, произвели на него самое непріятное впечатлѣніе, отнявши всякую надежду на миръ: „У меня волосы стали дыбомъ, когда я получилъ русскія мирныя предложенія“, писалъ онъ брату Генриху въ Петербургъ. „Никогда не рѣшусь я предложить ихъ ни Туркамъ, ни Австрійцамъ, ибо поистинѣ ихъ принять нельзя. Условіе о Валахіи никоимъ образомъ не можетъ приладиться къ австрійской системѣ: во-первыхъ, Австрія никогда не покинетъ Французскаго союза; во-вторыхъ, она никогда не потерпитъ Русскихъ въ своемъ сосѣдствѣ. Вы можете смотрѣть на эти условія какъ на объявленіе войны. Надъ нами смѣются. Я не могу компрометировать себя въ угоду Россіи; я имъ сдѣлаю нѣсколько замѣчаній насчетъ послѣдствій ихъ предложеній, и если они ихъ не измѣнятъ, то я ихъ попрошу поручить дѣло какому-нибудь другому государству, а я выхожу изъ игры, ибо вы можете разсчитывать, что Австрійцы объявятъ имъ войну; это слишкомъ, это невыносимо для всѣхъ европейскихъ государствъ. Государства управляются своими собственными интересами; можно дѣлать угодное союзникамъ, но всему есть границы. Этого проекта я не сообщу ни въ Вѣну, ни въ Константинополь, ибо это все равно, что послать объявленіе войны. Итакъ, если не умѣрятъ проекта во многомъ, то я отказываюсь отъ всякаго посредничества и предоставляю этихъ господъ собственной судьбѣ; вамъ больше ничего не остается какъ удалиться приличнымъ образомъ, ибо нечего больше дѣлать, нечего даже больше надѣяться отъ этихъ людей“ [2]).

Предположимъ, что мирныя условія могли показаться Фридриху очень тяжелыми, но все же не было причины приходить отъ этого одного въ такое раздраженіе и волосамъ становиться дыбомъ. Во-первыхъ, зачѣмъ было повторять, что онъ не можетъ сообщить условій ни въ Вѣну, ни въ Кон-

[1]) Собран. Русск. Истор. Общ. XX, 284.—Относительно послѣднихъ словъ Екатерины, указывающихъ на Силезію, любопытно слѣдующее извѣстіе. Еще весною 1768 года, когда пошли слухи о возможности разрыва между Россіею и Портою, саксонскій министръ при Петербургскомъ Дворѣ, Сакенъ, доносилъ своему правительству, будто гр. Чернышевъ внушаетъ кн. Лобковичу, какъ пріобрѣтеніе Бѣлграда съ округомъ выгоднѣе для Австріи, чѣмъ пріобрѣтеніе Силезіи, отшедшей къ Пруссіи. Изъ отвѣтовъ Лобковича можно было догадываться, что его Дворъ почти одинаковаго мнѣнія. Депеша Сакена у Германа. Gesch. des Rus. Staats. V, 694.

[2]) Oeuvres XXVI, 344.

стантинополь, когда сама Екатерина просила его именно не сообщать ихъ ни Австрійцамъ, ни Туркамъ, дѣлала изъ нихъ еще тайну, которую открывала ему одному, слѣдовательно это вовсе не былъ ультиматумъ. Во-вторыхъ, Фридрихъ гораздо прежде зналъ объ этихъ мирныхъ условіяхъ и волосы не становились у него дыбомъ на головѣ; мы видѣли, что онъ говорилъ объ этихъ условіяхъ Кауницу въ Нейштадтѣ; говорилъ, что по всѣмъ вѣроятностямъ Русскіе будутъ настаивать на удержаніи Азова и Крыма, но онъ надѣется, что они отстанутъ отъ своихъ претензій насчетъ Молдавіи и Валахіи, *быть можетъ даже* отъ требованія независимости отъ Порты для тамошнихъ владѣтелей. Мало того: въ письмѣ къ принцу Генриху отъ 1-го октября (н. с.) Фридрихъ пишетъ: „Императрица, впрочемъ, умѣренна въ своихъ требованіяхъ, такъ что все заставляетъ меня надѣяться окончанія этой несчастной войны“. Въ письмѣ отъ 8 октября пишетъ: „Императрица сообщила мнѣ условія, на которыхъ она разсчитываетъ заключить миръ; я ихъ нахожу столько умѣренными, что не сомнѣваюсь въ ихъ принятіи“. Наконецъ, въ письмѣ отъ 12-го ноября Фридрихъ пишетъ: „Умѣренность, съ какою эта государыня постановляетъ мирныя условія съ Турками, вѣнчаетъ картину столькихъ ея великихъ дѣлъ и прибавляетъ въ нее послѣдній блескъ, ибо прекрасно прощать врагамъ своимъ и еще прекраснѣе не утѣснять ихъ, когда ихъ можно сокрушить“. Что условія, сообщенныя въ сентябрѣ, въ главныхъ пунктахъ были тѣ же, какія были сообщены и въ декабрѣ, доказываютъ разговоры Фридриха съ Кауницемъ, гдѣ онъ выставляетъ Азовъ, Крымъ и Дунайскія княжества, причемъ послѣднія или остаются за Россіею на извѣстный срокъ, или объявляются независимыми, и любопытно, что Фридрихъ не говоритъ Кауницу о независимости Татаръ, а прямо о присоединеніи Крыма къ Россіи, слѣдовательно первоначальныя требованія были обширнѣе послѣдующихъ, а Фридрихъ называлъ ихъ умѣренными. Наконецъ, намъ извѣстны разговоры, происходившіе въ концѣ года между Фридрихомъ и новымъ австрійскимъ посланникомъ при его Дворѣ, Фанъ-Свитеномъ. *Король:* „Надобно заключить миръ; повѣрьте мнѣ, надобно заключить миръ“! *Фанъ-Свитенъ:* „Мы не желаемъ ничего болѣе, какъ видѣть заключеніе мира, но на условіяхъ сносныхъ“. *Король:* „Что вы называете условіями сносными“? *Фанъ-Свитенъ:* „Такія, которыя не будутъ содѣйствовать усиленію Россіи, настоящему или будущему, и не ослабятъ Турціи въ такой степени, что ея существованіе сдѣлается ненадежнымъ“. Тутъ посланникъ замѣтилъ, что присоединеніе Крыма къ Россіи, по своимъ послѣдствіямъ, не можетъ принадлежать къ числу сносныхъ условій. *Король:* „Ахъ, да, Крымъ! я о немъ и забылъ; они (Русскіе) хотятъ, чтобъ онъ получилъ независимость: это можно имъ уступить“. *Фанъ-Свитенъ:* „Эта независимость Крыма пустое слово; рано или поздно страна эта, населенная народомъ воинственнымъ и обладающая гаванями на Черномъ морѣ, сдѣлается русскою провинціею и усилитъ могущество Россіи въ очень значительной степени“. *Король:* „Да нѣтъ, дѣло идетъ только о Буждакскихъ Татарахъ, у которыхъ столица Бакчисарай“. *Фанъ-Свитенъ:* „Этотъ городъ, государь, есть столица Крыма; Буджакскіе Татары, сколько мнѣ извѣстно, живутъ между Бендерами и Дунаемъ“. *Король:* „Пожалуй такъ; признаюсь, что я не очень хорошо знакомъ съ этою страною; я лучше знаю другія страны Европы; но во всякомъ случаѣ можно сдѣлать такъ, какъ князь Кауницъ говорилъ мнѣ въ Нейштадтѣ: позволить установить независимость Татаръ, какіе бы они ни были, а потомъ посредствомъ интригъ побудить ихъ снова подчиниться Портѣ“. *Фанъ-Свитенъ:* „Это средство невѣрно и не соотвѣтствуетъ вовсе явной опасности, когда будетъ позволено Русскимъ утвердиться въ Крыму и на Черномъ морѣ: благодаря средствамъ, которыя доставитъ имъ это положеніе для распространенія торговли и построенія флота, они увидятъ возможность дѣлать самыя смѣлыя предпріятія“. *Король:* „Торговля—это средство медленное; повѣрьте мнѣ, у нихъ есть лучшія. Русская императрица значительно улучшила свое государство. Она поставила образцомъ себѣ Петра I-го; она слѣдуетъ планамъ этого государя; меня увѣряли, что проектъ морской экспедиціи въ Левантъ найденъ между его бумагами“

Этотъ разговоръ происходилъ до полученія письма Екатерины и условій мира съ Турками. Послѣ ихъ полученія Фридрихъ отозвался Фанъ-Свитену объ условіяхъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ писалъ принцу Генриху, называлъ ихъ чрезмѣрными, невыносимыми, на которыя Австрія можетъ отвѣчать только объявленіемъ войны; но не открылъ этихъ страшныхъ условій, и Фанъ-Свитенъ никакъ не могъ догадаться, что въ этихъ условіяхъ не было ничего новаго для его Двора, кромѣ развѣ Архипелажскаго острова [1]).

Итакъ, въ раздраженіи Фридриха мы имѣемъ право видѣть раздраженіе притворное, съ цѣлью напугать Русскій Дворъ и заставить его принять скорѣе другія мѣры для улаженія дѣла, болѣе согласныя съ интересами Прусскаго короля, напугать точно также и Австрійцевъ могуществомъ Россіи, ея непомѣрными требованіями, не говоря ни слова, согласна ли Пруссія дѣйствовать заодно съ Австріею для сокращенія этихъ требованій, все опять съ тою же цѣлью, чтобъ Іосифъ и Кауницъ скорѣе склонили Марію-Терезію войти въ соглашеніе относительно Польши. Если допустить въ Прусскомъ королѣ истинное раздраженіе, то причины его должно искать не въ мирныхъ условіяхъ. Фридриха могло сильно раздражить то мѣсто въ письмѣ Екатерины, гдѣ она говорила объ откры-

[1]) Oeuvres XXVI, 326, 327, 335.—Beer—Friedrich II und van Swieten I.

тія для Австріи другихъ видовъ, которые бы заставили ее забыть о Силезіи. Опять это невыносимое для Фридриха стремленіе Россіи сблизиться съ Австріею, открывши ей виды на Турецкія владѣнія; а Пруссія выиграетъ отъ этого только то, что Австрія позабудетъ о Силезіи; даже о вознагражденіи Пруссіи насчетъ Польши ни слова! Кромѣ того, принцъ Генрихъ увѣдомилъ брата о своемъ разговорѣ съ Панинымъ относительно мирныхъ условій. Когда принцъ сказалъ, что Австрія сочтетъ вредною для своихъ интересовъ уступку Россіи Дунайскихъ княжествъ, то Панинъ отвѣчалъ: „Тогда эти земли можно сдѣлать независимыми".—„Но кому въ такомъ случаѣ онѣ будутъ принадлежать?" спросилъ опять принцъ. — „Это для императрицы все равно", отвѣчалъ Панинъ: „лишь бы не Туркамъ".—„Но если Австрія ихъ потребуетъ себѣ"? спросилъ Генрихъ.—„Почему же нѣтъ", отвѣчалъ Панинъ: „если Австрія станетъ поступать прямо и захочетъ быть другомъ съ нами и съ вами". Потомъ Генрихъ писалъ брату: „Если бы Вѣнскій Дворъ не такъ крѣпко держался Франціи, то былъ бы въ состояніи выгодно обдѣлать свои дѣла. Генералъ Бибиковъ, другъ Панина и въ милости у императрицы, говорилъ мнѣ о выгодахъ, какія Вѣнскій Кабинетъ можетъ получить при заключеніи мира, и прибавилъ, что тогда было бы справедливо, чтобъ и Пруссія такъ же получила выгоду. Въ Вѣнѣ имѣютъ неправильное понятіе о здѣшнемъ образѣ мыслей. Здѣсь согласились бы на все, лишь бы только вознагражденія были насчетъ Турціи; здѣсь были бы довольны меньшею частію добычи" [1]).

Но, къ счастію для Фридриха, Австрія уже сдѣлала шагъ, который долженъ былъ повести къ развязкѣ, согласной съ интересами Пруссіи, захвативъ Польскія земли и распоряжаясь ими какъ своими. Но прежде чѣмъ разсказывать, какія слѣдствія это извѣстіе имѣло въ Петербургѣ, посмотримъ, какое впечатлѣніе произвело оно въ Польшѣ. Уже въ іюнѣ носились здѣсь крѣпкіе слухи о раздѣлѣ, который приписывали самому Польскому королю. Французскій резидентъ въ Данцигѣ, Жераръ, писалъ своему Двору: „Меня увѣряютъ, что Станиславъ-Августъ предлагаетъ Берлинскому Двору Польскую Пруссію, а Вѣнскому — Краковскій палатинатъ съ условіемъ, чтобъ оба эти Двора не только поддерживали его на престолѣ, но и обезпечили ему наслѣдственность; какъ на основаніе извѣстія,—указываютъ на письмо курфюрстины Саксонской". Въ ноябрѣ, когда узнали, что Австрійцы захватили польскія староства, тотъ же Жераръ писалъ: „Изъ занятія Австрійцами извѣстныхъ Польскихъ земель заключаютъ, что раздѣлъ есть дѣло рѣшенное. Нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ занятыхъ округовъ находятся въ Данцигѣ, и я утѣшаю ихъ, говоря, что, положимъ, будетъ раздѣлъ, и онъ будетъ на основаніи какихъ-нибудь подлинныхъ и признанныхъ правъ, и въ такомъ случаѣ Австрійское правительство не ограбитъ настоящихъ владѣльцевъ". Наконецъ, въ декабрѣ, Жераръ писалъ: „Два прусскихъ полка вошли въ Великую Польшу и расположились вдоль по Вартѣ; трудно, чтобъ Поляки не смотрѣли на это, какъ на предвѣстіе раздѣла республики" [2]). Такъ была укоренена вездѣ мысль о раздѣлѣ, такъ ждали его съ часа-на-часъ и были увѣрены, что между обоими Дворами было на этотъ счетъ соглашеніе. Въ Петербургѣ, въ самомъ концѣ декабря, у императрицы вечеръ; принцъ Генрихъ тутъ. Екатерина шутя (en badinant) говоритъ ему, что Австрійцы овладѣли въ Польшѣ двумя староствами и водрузили на ихъ границахъ императорскіе орлы. Она прибавила: „Но почему же и всѣ не будутъ брать такимъ образомъ?" Генрихъ отвѣчалъ, „что король, его братъ, хотя и оцѣпилъ войсками польскія границы, однако не занялъ староствъ". Императрица продолжала смѣяться и сказала: „Но отчего же и не занять?" Насъ не можетъ не остановить этотъ смѣхъ Екатерины; мы видѣли, что на застращиваніе Австрійцами и всеобщею войною, она отвѣчала также со смѣхомъ: „Итакъ мы должны заключить миръ". Этимъ смѣхомъ она заявляла, что очень хорошо понимаетъ, къ чему ведетъ дѣло ея вѣрный союзникъ, понимаетъ, что Австрійцы одни нисколько не опасны и, до свиданія Іосифа и Кауница съ Фридрихомъ, никогда не посмѣли бы распорядиться въ Польскихъ владѣніяхъ такъ, какъ распорядились теперь. Послѣ разговора съ императрицею, подошелъ къ принцу Генриху графъ Захаръ Чернышевъ и сталъ говорить о томъ же предметѣ: „Зачѣмъ", сказалъ онъ, „вы не займете епископства Вармійскаго; надобно, чтобъ каждый получалъ что-нибудь". Эти слова Чернышева не могутъ насъ удивить: онъ понималъ, что, благодаря австрійскому движенію, проектъ его, положенный подъ сукно, можетъ быть оттуда вынутъ. Увѣдомивши о этихъ рѣчахъ брата, Генрихъ писалъ: „Хотя все это говорилось въ шутку, однако видно, что разговоры эти имѣютъ значеніе, и я не сомнѣваюсь, что для тебя открывается большая возможность воспользоваться этимъ случаямъ. Графъ Панинъ недоволенъ поступками Австрійцевъ, овладѣвшихъ Польскими землями. Онъ мнѣ ни слова не сказалъ объ епископствѣ Вармійскомъ. Все это происходитъ отъ раздѣленія мнѣній между членами Совѣта; тѣ изъ нихъ, которые желаютъ увеличенія Русскихъ владѣній,—хотятъ, чтобъ всѣ взяли, а вмѣстѣ со всѣми и Россія, тогда какъ графъ Панинъ стоитъ за спокойствіе и миръ. Однако я постараюсь еще уяснить это дѣло, и остаюсь при томъ мнѣніи, что ты не рискуешь ничѣмъ, если овладѣешь подъ какимъ-нибудь предлогомъ Вармійскимъ епископ-

[1]) Duncker, 220, 228.

[2]) Тургеневскія выписки въ Госуд. Архивѣ.

ствомъ, въ случаѣ если дѣйствительно справедливо, что Австрійцы овладѣли двумя староствами" [1]).

Такимъ образомъ, въ концѣ 1770 года Польскій вопросъ опять выдвигается съ важнымъ рѣшающимъ значеніемъ. Но что же въ этомъ году дѣлалось въ Польшѣ?

Конфедерацкая война продолжалась съ прежнимъ характеромъ. Суворовъ, который въ этой войнѣ началъ выдаваться впередъ, сперва въ чинѣ бригадира, а съ 1770 года въ чинѣ генералъ-маіора, — Суворовъ былъ истомленъ этою войною и жаждалъ перевода въ армію, дѣйствовавшую противъ Турокъ; онъ писалъ: „Здоровьемъ поослабъ, хлопотъ пропасть, почти непреодолѣваемыхъ; трудности, въ ихъ будущемъ, умножаются; во всѣ стороны наблюденіе дистанціи почти безмѣрной; неуспѣваемый перелетъ съ одного мѣста на другое; неожидаемое, въ необходимой нуждѣ, подкрѣпленіе; слабость силъ; горы, Висла, Варшава. Коликая бы то мнѣ была милость, если-бы дали отдохнуть хотя на одинъ мѣсяцъ, то-есть выпустили бы въ поле. Съ Божьею помощью, на свою бы руку я охулки не положилъ" [2]). Но и конфедераты, представляя нестройныя шайки, по недостатку единства въ своихъ дѣйствіяхъ, по отсутствію даровитыхъ вождей, по долговременной отвычкѣ народа отъ войны, не могли воспользоваться малочисленностію Русскихъ. Они ждали помощи извнѣ, отъ католическихъ державъ, отъ Австріи, особенно отъ Франціи. Австрія на словахъ была очень любезна, а на дѣлѣ позволила только конфедераціи имѣть главную квартиру въ венгерскомъ городѣ Эперіешѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ императоръ Іосифъ, во время путешествія по Венгріи, принялъ конфедерацкихъ вождей, говорилъ съ ними очень ласково, обѣщалъ для нихъ свои добрыя услуги у Русскаго и Прусскаго Дворовъ, но прибавилъ: „Вотъ дочего довели васъ обѣщанія и внушенія Франціи, вотъ плоды вашего довѣрія къ ней!" Незадолго передъ тѣмъ Людовикъ XV писалъ относительно Польши: „Помощь людьми невозможна. Помогать деньгами очень трудно, и употребленіе ихъ нѣсколько сомнительно" [3]). Несмотря на то, Шуазель нашелъ возможнымъ помочь конфедератамъ деньгами, а для установленія между ними порядка и единства въ дѣйствіи отправилъ знаменитаго впослѣдствіи Дюмурье, тогда еще бывшаго только капитаномъ. Впечатлѣніе, произведенное на Дюмурье конфедератами, описано имъ самимъ въ своихъ запискахъ [4]). Нравы вождей конфедераціи показались ему азіатскими. Изумительная роскошь, безумныя издержки, длинные обѣды, игра и пляска – вотъ ихъ занятіе! Они думали, что Дюмурье привезъ имъ сокровища, и пришли въ отчаяніе, когда онъ имъ объявилъ, что пріѣхалъ безъ денегъ и что, судя по ихъ образу жизни, они ни въ чемъ не нуждаются. Войско конфедератовъ простиралось отъ 16 до 17,000 человѣкъ; но войско это было подъ начальствомъ осьми или десяти независимыхъ вождей, несогласныхъ между собою: они подозрѣвали другъ друга, иногда дрались между собою и переманивали другъ у друга солдатъ. Все это была одна кавалерія, состоявшая изъ шляхтичей, равныхъ между собою, безъ дисциплины, дурно вооруженныхъ, на худыхъ лошадяхъ; шляхта эта не могла сопротивляться не только линейнымъ русскимъ войскамъ, но даже и казакамъ. Ни одной крѣпости, ни одной пушки, ни одного пѣхотинца. Конфедераты грабили своихъ Поляковъ, тиранили знатныхъ землевладѣльцевъ, били крестьянъ, набранныхъ въ войско. Вмѣсто того, чтобъ поручить управленіе соляными копями двоимъ членамъ совѣта финансовъ, вожди раздѣлили по себѣ соль и продали дешевою цѣною силезскимъ Жидамъ, чтобъ поскорѣе взять себѣ деньги. *Товарищи* (шляхта) не соглашались стоять на часахъ; они посылали для этого крестьянъ, а сами играли и пили въ домахъ; офицеры въ это время играли и плясали въ сосѣднихъ замкахъ.

Что касается характера отдѣльныхъ вождей, то генеральный маршалъ Пацъ, по отзыву Дюмурье, былъ человѣкъ преданный удовольствіямъ, очень любезный и очень вѣтреный; у него было больше честолюбія, чѣмъ способностей; больше смѣлости, чѣмъ мужества. Онъ былъ краснорѣчивъ — качество, распространенное между Поляками, благодаря сеймамъ. Единственный человѣкъ съ головою былъ Литвинъ Богушъ, генеральный секретарь конфедераціи, деспотически управлявшій дѣлами ея. Князь Радзивилъ—совершенное животное; но это самый знатный господинъ въ Польшѣ. Пулавскій — очень храбръ, очень предпріимчивъ, но любитъ независимость, вѣтренъ, не умѣетъ ни на чемъ остановиться, невѣжда въ военномъ дѣлѣ, гордый своими небольшими успѣхами, которые Поляки, по своей склонности къ преувеличеніямъ, ставятъ выше подвиговъ Собѣскаго. Поляки храбры, великодушны, учтивы, общительны. Они страстно любятъ свободу; они охотно жертвуютъ этой страсти имуществомъ и жизнію; но ихъ соціальная система, ихъ конституція противится ихъ усиліямъ. Польская конституція есть чистая аристократія, но въ которой у благородныхъ нѣтъ народа для управленія, потому что нельзя назвать народомъ 8 или 10 милліоновъ рабовъ, которыхъ продаютъ, покупаютъ, мѣняютъ, какъ домашнихъ животныхъ. Польское соціальное тѣло — это чудовище, составленное изъ головъ и желудковъ безъ рукъ и ногъ. Польское управленіе похоже на управленіе сахарныхъ плантацій, которыя не могутъ быть независимы. Умственныя способности, таланты, энергія въ Польшѣ отъ мужчинъ перешли къ женщинамъ. Женщины ведутъ дѣла, а мужчины наслаждаются чувственною жизнію. — Дюмурье говоритъ въ своихъ запискахъ и о Русскихъ: „Это превосходные солдаты", по его словамъ, „но у нихъ мало хорошихъ офицеровъ,

[1]) Oeuvres, XXVI, 345, 346.
[2]) Русск. Архивъ, 1867 года, № 4.
[3]) Correspondence secrète de Louis XV, I, 154.
[4]) Кн. I, гл. VII и VIII.

исключая вождей. Лучшихъ не послали противъ Поляковъ, которыхъ презираютъ".

Шуазелю трудно было имѣть какой-нибудь точно опредѣленный планъ относительно Польши; онъ имѣлъ въ виду одно—всѣми средствами вредить Россіи, и потому поддерживалъ конфедератовъ въ ихъ борьбѣ съ русскимъ войскомъ; готовъ былъ поддерживать и короля Станислава въ его судорожныхъ попыткахъ сопротивленія Россіи. Такъ, Шуазель увѣрялъ эмиссара Польскаго короля во Франціи, графа Хрептовича, что Людовикъ XV, удовлетворенный твердымъ поведеніемъ Станислава, будетъ помогать конфедератамъ только съ условіемъ, чтобъ они соединились для поддержанія его, Станислава, на престолѣ. Ободренный этимъ, Станиславъ поднялъ тонъ относительно Россіи.

Въ письмѣ своемъ отъ 21 февраля онъ изложилъ императрицѣ Екатеринѣ свои желанія: „Я желаю, чтобы Польша была умиротворена скоро и прочно; но это не можетъ произойти, если нація не будетъ довольна; а нація не будетъ довольна, если она не дѣйствуетъ сама собою, цѣлымъ корпусомъ и законнымъ образомъ. Для этого нуженъ сеймъ, которому должны предшествовать сеймики. Сеймики не могутъ состояться, если большинство націи не будетъ благопріятно расположено къ дѣлу. Это расположеніе можетъ явиться только вслѣдствіе надежды получить то, чего нація желаетъ болѣе всего. Она можетъ основать свои надежды только на прямомъ заявленіи вашего величества. Нельзя повторять націи словъ вашего посла; наученная опытомъ, она на нихъ не полагается и не желаетъ довѣряться никому, кромѣ особы вашего величества. Чтобъ я или кто другой могъ успѣть относительно предполагаемой конфедераціи, надобно имѣть возможность сказать приглашаемымъ принять въ ней участіе: вотъ куда именно я васъ веду; вотъ основанія моей увѣренности въ этомъ, и вотъ чѣмъ вы можете быть удовольствованы. Я бы не сталъ торопить ваше величество, если-бъ крайность нашихъ бѣдствій не заставляла меня умолять ваше состраданіе: голодъ грозитъ насъ покончить. Треть нашихъ полей, въ областяхъ самыхъ плодородныхъ, не засѣяна, потому что весь хлѣбъ захваченъ: рабочій скотъ или съѣденъ войсками, или погибъ при постоянной перевозкѣ магазиновъ. Я уже не говорю объ уменьшеніи числа жителей, изъ которыхъ одни погибли отъ оружія, другіе, избѣгая бѣдствій, покинули отечество. Быть можетъ, вамъ говорятъ, что все это должно ускорить покорность Поляковъ; что принудить ихъ отложить свое упорство—значитъ сдѣлать имъ добро. Я долженъ увѣдомить ваше величество объ общемъ расположеніи умовъ здѣсь: оно таково, что скорѣе согласятся терпѣть и погибать, чѣмъ связать себя какимъ бы то ни было образомъ, прежде чѣмъ ваше величество удостоите возвѣстить прямо отъ себя, какъ вамъ угодно снизойти на желанія Поляковъ. Ваше величество припомните, когда столько знатныхъ людей, посредствомъ друзей своихъ, дѣйствовали въ пользу конфедераціи 1767 года во всѣхъ областяхъ, сколько однако надобно было войска, чтобъ заставлять жителей подписываться, и сколько все же не подписалось по незнанію цѣлей конфедераціи. Сколько же понадобится теперь войска для дѣла, для котораго не найдется нигдѣ ни вождей, ни охотниковъ національныхъ, не говоря уже о величайшихъ насиліяхъ, которыя, конечно, не въ видахъ вашего величества; если сила заставитъ Поляковъ принять участіе въ этой конфедераціи, то они получатъ только новыя основанія для будущаго протеста, ссылаясь на то, что все сдѣлано противъ ихъ воли. Я другъ вашего величества, всю мою жизнь я буду славиться этимъ титуломъ, но законъ искренности обязываетъ меня сказать вамъ, что, независимо отъ всѣхъ другихъ условій, нація всегда будетъ смотрѣть на миръ какъ на дѣло насильственное, если онъ будетъ ей данъ безъ содѣйствія державъ католическихъ; она будетъ постоянно надѣяться получить большее съ ихъ помощію, какъ только ваши войска удалятся изъ страны. На мнѣ первомъ нація отомститъ за принужденія, которымъ она подвергалась. Въ этомъ увѣряютъ меня со всѣхъ сторонъ, и это-то даетъ мнѣ новое право просить васъ самымъ настойчивымъ образомъ согласиться на вмѣшательство католическихъ державъ въ дѣло нашего умиренія".

„Изъ вашего письма", отвѣчала Екатерина, „я съ сожалѣніемъ увидала, что вы все еще продолжаете довѣряться людямъ коварнымъ и скрывающимъ честолюбивые замыслы. Я не могу себѣ вообразить, чтобъ ваше величество сами собою нашли возможнымъ и благодѣтельнымъ посредничество католическихъ державъ въ настоящихъ дѣлахъ Польши. Что до меня, то я такъ тверда въ моихъ принципахъ и такъ предусмотрительна относительно послѣдствій, что никогда не поддамся внушенію, гдѣ хитрость и злоба обнаруживаются такъ ясно. Привыкши говорить откровенно и вамъ говорить правду, я прошу ваше величество обратиться исключительно къ вашему собственному разсудку. Какія державы призовутся къ посредничеству и кто ихъ призоветъ? Я такъ расхожусь въ видахъ съ этими людьми, что не можетъ произойти никакого согласія между ихъ средствами и моими. Я хочу умиренія Польши, удержанія націи при ея правахъ и спокойствія короля на престолѣ, и я хочу всего этого безо всякаго личнаго интереса и не руководясь интересомъ какой бы то ни было религіи. Я не мѣняюсь по обстоятельствамъ, не хватаюсь за благопріятныя событія, чтобъ поднять мои требованія. У меня нѣтъ никакихъ претензій; мои первыя слова суть священныя обязательства. Въ заботы свои объ умиреніи, котораго никто не можетъ желать болѣе меня, я внесу такое же усердіе и безкорыстіе, и я покраснѣла бы отъ стыда, если бъ эти стремленія мои имѣли надобность въ иностранной помощи. Но чего хотятъ тѣ, которые имѣютъ такую нужду въ ней

и которые такъ сильно убѣдили въ этой нуждѣ ваше величество? Усилить настоящую смуту столкновеніемъ интересовъ, котораго отечество ихъ должно быть ареною, и посредствомъ окончательной смуты уничтожить все сдѣланное до сихъ поръ. Только въ безпорядкахъ и крайностяхъ, которые должны быть ихъ слѣдствіемъ, они могутъ найти благопріятное время для исполненія своихъ плановъ произвольнаго владычества".

Волконскому отправленъ бытъ рескриптъ: „Упорство и легкомысліе короля Польскаго ставятъ успѣху дѣлъ нашихъ немалыя препятствія. Онъ, какъ видно, забывъ благодѣянія наши и собственную безопасность, не только вовсе ослабѣваетъ въ преданности своей къ интересамъ россійскимъ, но даже явно противъ нихъ дѣйствуетъ, по руководству коварныхъ своихъ дядей, которые его употребляютъ простымъ орудіемъ для собственнаго властолюбія, внушивъ ему мечту о возвращеніи народной любви и довѣрія и о большей свободѣ быть впредь полезнымъ своему отечеству. Но и то, съ другой стороны, неоспоримая же истина, что такая ухватка стариковъ Чарторыйскихъ приводитъ короля съ нами въ разногласіе, и съ мятежниками польскими въ нѣкоторое видимое согласіе, не можетъ ни для него, ни для нихъ самихъ произвести никакого полезнаго дѣйствія, кромѣ того, что погрузить обѣ стороны въ большее еще недоумѣніе. Думаемъ, что временнымъ и неестественнымъ сближеніемъ разнообразныхъ мыслей исполняется мѣра, и дѣла мало-по-малу склоняются къ тому кризису, гдѣ имъ конечный переломъ послѣдовать имѣетъ. Возможно ли себѣ представить, чтобъ виды короля Польскаго, дядей его, Саксонскаго Двора, польскихъ возмутителей, которые всѣ этому Двору преданы, и враждебной намъ Франціи,—всѣ порознь направленные каждый къ своей цѣли,—могли теперь вдругъ сосредоточиться въ особѣ короля, послѣднимъ троимъ равно ненавистнаго? Сколько бы король, по лукавымъ совѣтамъ дядей своихъ, ни старался о примиреніи съ мятущеюся частію народа, это примиреніе никогда достигнуто быть не можетъ, и потому, въ ожиданіи перелома въ дѣлахъ, который изъ этихъ тщетныхъ стараній скорѣе долженъ произойти, и надобно намъ соблюдать въ разсужденіи короля нѣкоторую умѣренность, чтобъ не отнимать у него всей надежды на будущее время, а въ разсужденіи возмутителей дѣйствовать всѣми силами, и бить ихъ гдѣ только удобность представится, не давая имъ нигдѣ утвердиться, и составить нѣчто цѣлое и казистое, корпусъ республики представляющее, чтобъ они, по наущенію Франціи и Саксоніи, не могли объявить престолъ вакантнымъ. Низверженіе нынѣ царствующаго короля, какъ ни мало надеженъ онъ для имперіи нашей по своему характеру, не можетъ однако никоимъ образомъ согласоваться ни со славою, ни съ интересами нашими, потому что допущеніемъ этого низверженія въ пользу ли курфюрста Саксонскаго или другого кого подверглись бы мы предъ свѣтомъ ложному мнѣнію, что либо Сѣверная наша система сама по себѣ несостоятельна, или же что вліяніе наше въ Польшѣ противъ французскаго устоять не могло по недостатку естественныхъ силъ Россіи, слѣдовательно и по невозможности удѣлить изъ нихъ во время войны съ Турками столько силъ, чтобъ онѣ первое одною Россіею воздвигнутое политическое зданіе могли охранять отъ паденія. Но положимъ, что мы сами, по неблагодарности короля Польскаго, рѣшились лишить его короны: кого же бы избрать такого, чтобъ націи вообще былъ угоденъ и интересамъ нашимъ не противенъ, и могъ помочь намъ въ примиреніи Польши? Курфюрста Саксонскаго исключаетъ наша Сѣверная система; а всякій другой Пястъ соединялъ бы въ себѣ всѣ тѣ же, а можетъ быть и большія неудобства, какія мы съ нынѣшнимъ королемъ встрѣтили". Панинъ прибавилъ отъ себя: „По моему мнѣнію, мы ничего не потеряемъ, оставляя еще на нѣкоторе время Польскія дѣла ихъ собственному безпутному теченію, которое, истощаясь само собою, приблизится къ пункту того перелома, которымъ ваше величество съ лучшимъ успѣхомъ воспользоваться можете".

Между тѣмъ, въ началѣ января пріѣзжали къ князю Волконскому одинъ за другимъ пріятели — графъ Гуровскій, кухмистръ Понинскій, кастелянъ Мазовецкій — Шидловскій и Гольцъ, и всѣ разсказывали одно, что Станиславъ-Августъ получилъ письмо изъ Франціи отъ самого ли короля или только отъ находившихся тамъ Поляковъ, Макрановскаго и Ржевусскаго; содержаніе письма состоитъ въ томъ, что Франція одобряетъ поведеніе Польскаго короля, сенатскій совѣтъ считаетъ его геройскимъ дѣломъ: будучи въ рукахъ Россіи, онъ такъ отважно поступилъ противъ нея; въ письмѣ же находилось и обѣщаніе помощи. Король, по полученіи этого письма, сталъ очень веселъ и публично говорилъ, что почитаетъ этотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни. Волконскій поѣхалъ къ королю и прямо спросилъ его, правда ли, что онъ получилъ такія письма. Король отвѣчалъ сухо, что не получалъ. Волконскій замѣтилъ, что если такія письма есть, то они заключаютъ въ себѣ обманъ, потому что принцъ Карлъ Саксонскій полагается на Французскій Дворъ. Король и на это отвѣчалъ сухо: „Я знаю, чего принцъ Карлъ тамъ ищетъ", и началъ разговаривать о постороннихъ дѣлахъ, спрашивалъ, „что дѣлается съ камнемъ, который долженъ служить подножіемъ для статуи Петра Великаго". Волконскій писалъ Панину, что король дѣйствительно очень веселъ и, какъ видно, совершенно предался Франціи. Станиславъ-Августъ сохранялъ вполнѣ извѣстную черту польскаго характера, необыкновенную впечатлительность, заставлящую быстро перемѣнять поведеніе, возвышать и понижать тонъ, смотря по обстоятельствамъ. Жалуясь епископу Куявскому на Волконскаго, что тотъ не хочетъ сноситься съ его министерствомъ, король сказалъ: „Волконскій

поступаетъ точно такъ же, какъ и Репнинъ, съ тою только разницей, что Репнинъ обманывалъ меня нагло, а Волконскій обманываетъ подъ рукою скрыто". Но въ чемъ состоялъ обманъ,—этого король не объяснилъ. Волконскій говорилъ, что Россія возвела Понятовскаго на престолъ: это была правда, а не обманъ; Волконскій говорилъ, что Россія хочетъ поддержать его на престолѣ,—и это была правда; король вѣрилъ этому, и какъ этимъ пользовался! Станиславъ-Августъ забылъ, что Репнинымъ и Волконскимъ нѣтъ нужды обманывать Понятовскихъ; Понятовскихъ обманываютъ Млодзѣевскіе; великій канцлеръ коронный Млодзѣевскій взялъ у Волконскаго 1,000 червонныхъ и разсказывалъ ему, что происходитъ у короля на тайныхъ конференціяхъ.

Въ маѣ Волконскій услыхалъ, что король разослалъ письма сенаторамъ по поводу сейма, который должно было созвать въ этомъ году. Волконскій отправился къ королю и выразилъ ему свое удивленіе, что дѣлаются приготовленія къ сейму, котораго, кажется, ни начать безъ согласія, ни привести къ концу безъ русскаго содѣйствія нельзя: „Не думалъ я", прибавилъ Волконскій, „что совѣтники вашего величества и тутъ принудятъ васъ отъ насъ скрываться".—„Я это сдѣлалъ", отвѣчалъ король, „не по принужденію отъ совѣтниковъ, но чтобъ узнать мнѣніе сенаторовъ по поводу сейма; всякій хозяинъ воленъ въ своемъ домѣ, хотя и случается, что у него солдаты стоятъ постоемъ; дѣлать все съ вашего согласія,—значитъ быть у васъ въ подданствѣ".—„Подданства тутъ нѣтъ никакого", сказалъ Волконскій:—„намѣреніе ея императорскаго величества состоитъ въ томъ, чтобъ удержать васъ на тронѣ и успокоить Польшу; для этого и войска ея здѣсь находятся; слѣдовательно и о мѣрахъ, служащихъ къ достиженію этой цѣли, намъ должно условливаться; если солдаты стоятъ на квартирѣ для безопасности хозяина, то благоразуміе требуетъ отъ него предупреждать ихъ о своихъ распоряженіяхъ въ домѣ, чтобъ не произошло какого вреда по незнанію солдатъ, и такія сношенія хозяина съ солдатами нисколько не показываютъ его подданнической зависимости отъ нихъ" —„Я долженъ съ вами сноситься", сказалъ король, „а вы со мной не сноситесь, когда распоряжаетесь движеніями своихъ войскъ!"—„Очень естественно", отвѣчалъ Волконскій,—„потому что ваше величество повѣряете все своимъ совѣтникамъ, а изъ нихъ нѣкоторые сносятся съ мятежниками". (Волконскій разумѣлъ здѣсь Любомирскаго, который переписывался съ конфедератами.)—„Для чего же", спросилъ король, „вы не укажете этихъ мятежничьихъ сообщниковъ?"—„Если ихъ указать", отвѣчалъ Волконскій, „то надобно и наказать, для чего, впрочемъ, время еще не ушло".

Лѣто князь Волконскій провелъ на водахъ въ Карлсбадѣ, а возвратившись въ сентябрѣ, онъ долженъ былъ привести въ исполненіе мѣру противъ канцлера Литовскаго, князя Чарторыйскаго, маршала короннаго—князя Любомирскаго, вице-канцлера короннаго—Борха и литовскаго—Пржездецкаго: войска должны были брать изъ ихъ деревень провіантъ и фуражъ безденежно; управителямъ деревень запрещено доставлять господамъ какіе-либо доходы; оружіе, военные припасы и господскія лошади были забраны. Прошелъ слухъ, что Пулавскій, Заремба и другіе начальники конфедератовъ намѣрены соединенными силами сдѣлать покушеніе на Варшаву. Волконскій воспользовался этимъ, чтобъ поговорить съ королемъ, и спросилъ его: какія онъ приметъ предосторожности въ случаѣ такого нападенія. Отвѣтъ былъ, по выраженію Волконскаго, ничего незначащій и нерѣшительный, послѣ чего зашла рѣчь о польскихъ безпокойствахъ. „Этихъ безпокойствъ усмирить нельзя", сказалъ король,—„если вы всего сдѣланнаго на послѣднемъ сеймѣ не уничтожите; отступите ли вы отъ диссидентовъ и отъ гарантіи?" — „Это одинъ разъ навсегда изъ головы выложить надобно и никогда не льститься такою химерическою мыслію", отвѣчалъ Волконскій.—„А безъ того вы никогда Польши не успокоите", возразилъ король.—„Неправда", сказалъ Волконскій: „успокоимъ, если вы съ своими совѣтниками портить не станете". Король запѣлъ старую пѣсню: „Совѣтники мои люди добродѣтельные, разумные, патріоты", и проч. Волконскій писалъ Панину, что Чарторыйскіе внушаютъ своимъ пріятелямъ, что они никогда еще въ такой милости у Русскаго Двора не были, и что все разглашаемое и дѣлаемое противъ нихъ посломъ—есть одна маска.

Въ концѣ сентября, преданные Россіи люди съѣхались у примаса, чтобъ посовѣтоваться, какъ бы спасти Польшу. Король, узнавъ объ этомъ совѣщаніи, съ сердцемъ спрашивалъ у Калишскаго воеводы, который участвовалъ въ собраніи, что они за совѣты держатъ, ибо онъ слышалъ, что между ними первымъ условіемъ постановлено сверженіе его съ престола. Воевода отвѣчалъ, что неправда; что они, видя отечество гибнущимъ и короля въ опасности, намѣрены искать способовъ, какъ бы, подъ покровительствомъ Россіи, успокоить Польшу и короля утвердить на престолѣ. На это Станиславъ-Августъ съ презрѣніемъ сказалъ: „Для своей безопасности я самъ уже принялъ мѣры; думали бы вы о себѣ". Съ тѣмъ же вопросомъ король обратился къ другому вельможѣ, участвовавшему въ собраніи у примаса, графу Флеммингу; тотъ далъ ему отвѣтъ въ другой формѣ: „Видя ваше нерадѣніе объ отечествѣ и заблужденіе, въ какое введены вы своими совѣтниками, мы вознамѣрились искать средствъ спасти Польшу съ помощію Россіи".

Волконскій со своими пріятелями совѣщался о томъ, какъ бы устроить генеральную конфедерацію для окончанія польскихъ смутъ; но въ то время, какъ русскій посолъ хлопоталъ о средствахъ успокоенія Польши, прусскій посланникъ

Бенуа старался ему внушать, что полезнѣе было бы оставить Польшу въ теперешнемъ ея положеніи до будущей Турецкой кампаніи или до мира, если онъ прежде будетъ заключенъ. А тутъ еще смутили Волконскаго письма отъ Панина. Послѣдній извѣщалъ, что имѣлъ разговоръ о Польшѣ съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ. Принцъ, на основаніи письма отъ брата, объявилъ Панину, что при успокоеніи Польши можетъ много принести пользы содѣйствіе Вѣнскаго Двора, который, будучи католическимъ, не можетъ быть подозрителенъ суевѣрнымъ Полякамъ, причемъ король Прусскій, при настоящихъ отношеніяхъ своихъ къ этому Двору, и особенно къ самому императору, надѣется склонить его ко всякой справедливости и ея императорскому величеству угодной податливости, а потому въ союзнической довѣренности требуетъ изъясненія, согласится ли государыня императрица допустить Вѣнскій Дворъ до непосредственнаго, однако единодушнаго, съ нею соучастія въ скорѣйшемъ и надежнѣйшемъ окончаніи Польскихъ дѣлъ. Принцъ Генрихъ препроводилъ этотъ отзывъ изъ собственнаго своего побужденія вопросомъ: не противно ли будетъ ея величеству, чтобъ Вѣнскій Дворъ, когда приметъ участіе въ примирительныхъ переговорахъ, и они обоими императорскими Дворами при пособіи Прусскаго къ желаемому концу приведены будутъ,— принялъ на себя въ то время и гарантію договора вмѣстѣ съ Россіею, дабы тѣмъ и Польшу и публику всю на будущее время совершенно успокоить? Вслѣдъ затѣмъ другое письмо отъ Панина, въ которомъ говорилось, что императрица не одобряетъ примиренія способомъ генеральной конфедераціи. Въ запискѣ Екатерины къ Панину по этому поводу читаемъ слѣдующее: „Читавъ ваше письмо о польскомъ примиреніи къ кн. Волконскому, слѣдующія во мнѣ родились разсужденія: 1) несомнѣнная правда, что новая реконфедерація или дѣла приведетъ въ наивящщую конфузію, или ихъ поправитъ; но въ томъ и въ другомъ случаѣ она намъ недешево станетъ. Я бы денегъ не жалѣла, если-бъ завѣрно можно было полагать, что изъ того добро выйдетъ. 2) Если деньгами утушать теперешній огонь, не можно ли отторгнуть ими отъ теперешней конфедераціи главные boute-feux (зажигатели); или 3) объявя, что, для сбереженія рода человѣческаго, я имъ приказала объявить, что я за ними не велю гнаться, если разойдутся по домамъ и будутъ жить спокойно, и что цѣлый годъ имъ амнистія дается только съ тѣмъ, чтобы нигдѣ кучи не было, и чтобъ прислали между тѣмъ трактовать объ пацификаціи съ посломъ. Къ симъ переговорамъ можно легче всего употребить Мнишека или кого иного изъ сильнѣйшихъ, и чрезъ него трактовать. Нельзя, чтобъ всѣмъ не надоѣли моръ, голодъ, разоренье и разбой, и опять нельзя же, чтобъ не было способовъ къ примиренію. Не такъ иногда чортъ страшенъ, какъ кажется. Если же неминуемая конфедерація, то, чаю, объ ней согласиться надобно съ королемъ Прусскимъ“.

Въ то же время въ Варшавѣ было получено извѣстіе съ венгерской границы, что рекомендовано отъ тамошнихъ австрійскихъ командировъ польскимъ обывателямъ тотчасъ давать знать кордону австрійскихъ войскъ, протянутому по причинѣ моровой язвы въ Польшѣ, если свѣдаютъ о приближеніи русскихъ войскъ или конфедератовъ за двѣ мили отъ этого кордона. Еще любопытнѣе было извѣстіе, что для занятыхъ въ кордонѣ Польскихъ земель учрежденъ Австрійскимъ правительствомъ коммисаръ, который называетъ себя Commissarius provinciae reintegratae (коммисаръ возвращенной провинціи). Подъ тѣмъ же предлогомъ моровой язвы, Прусскій король протянулъ кордонъ по рѣкѣ Нетцѣ. Станиславъ-Августъ былъ очень встревоженъ этимъ распоряженіемъ, подозрѣвая, что Пруссаки останутся навсегда въ занятой ими мѣстности. Несмотря однако на всѣ эти страхи, несмотря на то, что конфедераты провозгласили, что онъ свергнутъ съ престола, и объявили междуцарствіе,—король не думалъ перемѣнять своего поведенія относительно Россіи. Волконскій счелъ нужнымъ поговорить еще съ нимъ и, чтобъ придать больше силы своимъ представленіямъ и умножить страхъ въ королѣ, пригласилъ и Бенуа ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Посолъ началъ разговоръ вопросомъ, будетъ ли король содѣйствовать Русскому и Прусскому Дворамъ относительно умиренія Польши. *Король*: „Мнѣ надобно знать напередъ, на какихъ условіяхъ начнется это успокоеніе“. *Волконскій*: „Эти условія: 1) удержаніе основныхъ законовъ; 2) гарантія, которую и король Прусскій также дастъ; не противно будетъ Россіи, если Вѣнскій Дворъ захочетъ то же сдѣлать по окончаніи всего; 3) если диссиденты, вслѣдствіе переговоровъ своихъ съ республикою, добровольно захотятъ уступить что-нибудь изъ своихъ преимуществъ, то Россія препятствовать имъ въ этомъ не будетъ“. *Король*: „Этого недостаточно; надобно мнѣ прежде войти въ большія подробности“. *Волконскій*: „Странно, что, когда дѣло идетъ объ удержаніи и утвержденіи вашего величества на престолѣ и объ успокоеніи цѣлаго государства, хотите еще предписывать какія-нибудь условія; нужно одно,—чтобъ предъ началомъ дѣла вы удалили своихъ совѣтниковъ“. *Король*: „Стыдно бы мнѣ было отнять свою довѣренность у такихъ людей, на которыхъ во всемъ полагаться я имѣю многія причины“. *Волконскій*: „Если ваше величество отъ нихъ не отстанете, то мы безъ васъ и одни начнемъ, а вы можете присоединиться послѣ“. *Король* (съ жаромъ): „Въ какомъ утѣсненіи и несчастій я ни нахожусь, но лучше самъ пропаду, чѣмъ позволю себѣ предписывать, кого я долженъ имѣть въ довѣренности“. *Волконскій*: „Эти люди виновники всѣхъ вашихъ несчастій; они втянули васъ въ поступки, несогласные съ дружбою къ ея императорскому величеству, ихъ промысломъ и послѣдній

сенатскій совѣтъ сдѣланъ". *Король*: „Что-жъ было дурного въ сенатскомъ совѣтѣ, когда мы хотѣли просить императрицу объ отмѣнѣ сдѣланнаго насиліемъ чрезъ Репнина"? *Волконскій*: „Никакого насилія не было, да и можно ли было ему быть, когда все дѣлалось торжественно съ такимъ множествомъ людей, и отправлено было къ императрицѣ посольство съ торжественною просьбою". *Король*: „Это посольство было отправлено безъ моей воли; а между тѣмъ нація меня ненавидитъ, думая, что я во всемъ, и особенно въ захватѣ Солтыка съ товарищами, былъ согласенъ съ Репнинымъ". *Волконскій*: „Безъ нашего согласія и королемъ бы вы не были. Когда кн. Репнинъ находился здѣсь, то жалобъ на него не было, а стали говорить послѣ его отъѣзда. Послѣ этого можно говорить о всякихъ договорахъ, если не полюбятся, что заключены по принужденію. Совѣтники вашего величества это говорятъ теперь потому, что сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ имъ не полюбилось; но если они вскорѣ не перемѣнятъ своего поведенія, то съ ними поступлено будетъ еще строже, чѣмъ съ Солтыкомъ. *Король* (съ сердцемъ): „А тамъ очередь и до меня дойдетъ"! *Волконскій*: „Напрасно ваше величество себя съ ними смѣшиваете; дружба всемилостивѣйшей государыни довольно вамъ доказана, ибо она возвела насъ на престолъ и удерживаетъ на немъ, а если-бъ отняла свою руку помощи, то уже давно бы произошли изъ этого дурныя для насъ послѣдствія, какъ то доказываютъ послѣдніе универсалы о междуцарствіи". *Бенуа*: „Чарторыйскіе хорошо бы сдѣлали, если-бъ сложили чины и удалились отсюда; этимъ оказали бы они и вашему величеству услугу, и отечеству принесли бы пользу". *Король*: „Если-бъ они и захотѣли это сдѣлать, то на ихъ мѣста другихъ безъ сейма опредѣлить нельзя. Я не знаю, въ чемъ ихъ обвиняютъ". *Волконскій*: „Вину ихъ доказываютъ всѣ ихъ противъ насъ поступки". *Король* (съ жаромъ, по-нѣмецки): „Если хотѣли отомстить, то уже отомстили". *Волконскій*: „Это не мщеніе, а наказаніе". *Король* (съ запальчивостію): „Какъ чужихъ подданныхъ можно наказывать"? *Волконскій* (вставши со стула): „Никогда я не думалъ, чтобъ ваше величество такое слово могли выговорить; донесу обо всемъ своему Двору". *Король* (также вставши): „Я никакъ министровъ своихъ оставить не могу". *Влоконскій*: „Они не ваши министры, а республики". Сказавши это, онъ откланялся королю; то же сдѣлалъ и Бенуа. На другой день, вечеромъ, къ Волконскому пріѣхалъ графъ Флеммингъ отъ короля съ объявленіемъ, что онъ, король, къ русской конфедераціи пристанетъ, когда она состоится, а совѣтниковъ своихъ отъ себя не удалитъ. — „Обо всемъ напишу ко Двору": велѣлъ отвѣчать Волконскій.

Такъ какъ императрица не соглашалась на реконфедерацію, то Волконскій началъ стараться объ усиленіи своей партіи, которую онъ назвалъ *патріотическою*. Онъ объявилъ членамъ этой партіи главные пункты, на которыхъ должно послѣдовать успокоеніе Польши. Когда Волконскій показалъ эти пункты Бенуа,—тотъ объявилъ, что желалъ бы сдѣлать въ нихъ нѣкоторую перемѣну. Перемѣна состояла въ томъ, что онъ вычеркнулъ мѣсто, гдѣ говорилось, что Россія и Пруссія гарантируютъ владѣнія Польской республики. „Мы", сказалъ Бенуа, „такой гарантіи на себя не возьмемъ, ибо тогда по малѣйшему поводу намъ надобно было бы начинать войну за Польшу". — „Сей поступокъ г. Бенуа показался мнѣ довольно важнымъ", писалъ Волконскій Панину. „Мнѣ неизвѣстны секреты кабинетовъ; но я осмѣлюсь представить мое сомнѣніе, которое происходитъ только отъ наружности, и другого основанія не имѣетъ, какъ вышеписанный поступокъ и кордонъ прусскій, по рѣкѣ Нетцѣ протянутый, а теперь вновь и чрезъ Жмудь до Курляндіи продолженный, — что нѣтъ ли у его Прусскаго величества намѣренія, пользуясь обстоятельствами, и совсѣмъ къ рукамъ прибрать сію захваченную часть Польши". А Бенуа еще въ мартѣ мѣсяцѣ доносилъ своему государю: „Волконскій того мнѣнія, чтобъ вывести русскія войска изъ Польши и предоставить Полякамъ самимъ себѣ, а если они нарушатъ Оливскій миръ, т.-е. запретятъ диссидентамъ свободное отправленіе ихъ религіи, то Россія и Пруссія должны отобрать у нихъ ближайшія провинціи и позволить Австрійцамъ сдѣлать то же". Извѣщая Фридриха II-го объ австрійскомъ захватѣ Польскихъ земель, Бенуа доносилъ, что Волконскій настоятельно совѣтуетъ послѣдовать примѣру Вѣнскаго Двора [1]).

Надъ Турціею торжествовали блестящія побѣды; пораженіе Турціи было вмѣстѣ и пораженіе Франціи; а между тѣмъ въ сосѣдней державѣ, которой границы были такъ близки къ Петербургу, утверждалось правиломъ, что самыя естественныя ея союзницы суть Франція и Турція. Въ Швеціи Франція брала перевѣсъ, а по недавнему опыту было извѣстно, къ чему ведетъ такой перевѣсъ въ сосѣднихъ съ Россіею странахъ.

Отъ 20 января Остерманъ далъ знать своему Двору, что наканунѣ *заботливый* сеймъ кончился съ довольною *конфузіею*; противъ прежняго сейма число недовольныхъ если не утроилось, то, по крайней мѣрѣ, удвоилось. Остерманъ хвалился, что самые вредные замыслы противной пар-

---

[1]) Дѣла Польскія 1770 года.—Duncker, 226.—Французскій агентъ въ Варшавѣ писалъ Шуазелю, что Волконскій лично сердитъ на Чарторыйскихъ, ибо ему передали, что канцлеръ Литовскій назвалъ его ограниченнымъ человѣкомъ. Волконскій не скрывалъ желанія покинуть Польшу. Панинъ противъ воли отозвалъ Репнина, своего племянника, и, принужденный замѣнить его Волконскимъ, другомъ Орлова, давалъ новому послу указы неопредѣленные, на основаніи которыхъ нельзя было ничего сдѣлать, чтобъ безполезностію его посольства доказать превосходство Репнина, котораго Панинъ опять хотѣлъ послать въ Польшу.—Въ этомъ извѣстіи нельзя отрицать извѣстной доли правды, извѣстнаго освѣщенія петербургскихъ отношеній.

*

тіи не удались. Первое покушеніе этой партіи состояло въ томъ, чтобъ ея приверженцамъ, бывшимъ во французской службѣ и впредь въ нее поступающимъ, выхлопотать повышеніе чина противъ офицеровъ, остающихся въ Швеціи, что дало бы Французскому Двору свободное поле для умноженія своихъ креатуръ и господство въ офицерскомъ производствѣ; но это не удалось. Потомъ старались отсрочить будущій сеймъ на шесть лѣтъ и постановить, что сеймъ не долженъ быть созванъ прежде этого срока даже и въ случаѣ непріятельскаго нападенія: „Мы", писалъ Остерманъ, „употребили всѣ силы, чтобъ и это не прошло, ибо въ противномъ случаѣ враждебная партія подъ пустымъ предлогомъ опасности съ нашей стороны могла привести въ движеніе цѣлую армію. Не меньше чувствительна ей была неудача предложенія отправить въ Финляндію войска для крѣпостныхъ работъ, ибо этою неудачею пресѣклись ея замыслы произвести на нашихъ границахъ движенія, хвастаться въ Константинополѣ, получить выгоды отъ Франціи, заставить нашъ Дворъ требовать объясненія и превратить это объясненіе въ угрозы. Злоба графа Ферзена дошла дотого, что онъ сказалъ двоимъ благонамѣреннымъ: „Ваше требованіе, чтобъ не посылать войскъ въ Финляндію, есть требованіе русское"; тѣ отвѣчали: „А ваше упорство въ поддержкѣ предложенія есть французское: государство, по милости Франціи, уже дважды было вплетено въ войну, и потому не можетъ терпѣть, чтобъ это случилось и въ третій разъ". Благонамѣреннымъ удалось удержать одного изъ своихъ прежнихъ депутатовъ въ банкѣ: этимъ выиграно по крайней мѣрѣ то, что можно знать, какъ тамъ будутъ идти дѣла. Однимъ словомъ, въ теченіи этого мѣсяца сила нашихъ соперниковъ была очень ослаблена, и они принуждены были во многомъ уступить, чему доказательствомъ служитъ назначеніе пенсіи всѣмъ отрѣшеннымъ сенаторамъ и недопущеніе дальнѣйшаго гоненія благонамѣренныхъ. Наша партія совершенно бы разрушилась, если-бъ я не успѣлъ послѣ праздниковъ возвратить сюда благонамѣренныхъ и содержать ихъ, занявши денегъ у банкира, въ ежедневномъ ожиданіи обѣщанныхъ мнѣ 50,000 рублей. Выведите меня изъ наисильнѣйшаго безпокойства высылкою этой обѣщанной суммы. Я бы не отчаялся исполнить и другого вашего предписанія—ввести благонамѣренныхъ сенаторовъ опять въ сенатъ, если-бъ не было недостатка въ деньгахъ и могъ я отважиться на продленіе сейма; но отъ Англійскаго Двора требуемые 18,000 фунтовъ вовсе не были присланы, и отъ Датскаго не было ничего получено. Также если Дворъ выхлопоталъ уплату своихъ долговъ, то и это произошло отъ невозможности продлить сеймъ, не имѣя денегъ, тогда какъ со стороны короля и королевы розданы были знатные подарки; не говорю уже о содѣйствіи кронпринца, который унизился дотого, что пригласилъ къ своему партикулярному столу бургомистра Шанца и призвалъ къ себѣ оратора крестьянскаго чина, котораго уговаривалъ болѣе двухъ часовъ".

Остерманъ былъ выведенъ изъ наисильнѣйшаго безпокойства: 50,000 рублей были ему посланы. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сообщилъ своему Двору программу или завѣщаніе секретной коммисіи, какъ должно было поступать до будущаго сейма. Прежде всего предписывалось сохраненіе мира, почему запрещалось вступать съ другими державами въ оборонительные союзы, равно какъ приступать къ Сѣверной системѣ, ибо это приступленіе не только несходно съ шведскимъ интересомъ, но и странно, несообразительно. Естественно, дружественными Швеціи державами обозначены Франція и Турція, потомъ Испанія и Австрія. Тѣснѣйшее соединеніе съ Англіею должно быть отклонено потому, что эта держава самая завистливая относительно шведской торговли и промышленности. Русскій Дворъ—самый опасный для Швеціи сосѣдъ, и потому тѣснѣйшее соединеніе съ нимъ неестественно и невозможно; но должно отстранять все, что бы могло повести къ нарушенію добраго согласія. Императрица написала на этотъ донесеніи Остермана: „Чтобъ въ своемъ тестаментѣ государственные чины ни говорили, однако всякій Шведъ, любящій свою вольность, признать долженъ, что Россія есть твердѣйшая подпора ихъ вольности, чтб графу Остерману надлежитъ предписать твердить почаще Шведамъ, привязаннымъ къ вольности своей".

Въ февралѣ, прусскій посланникъ при Шведскомъ Дворѣ, Кокцей, объявилъ Остерману именемъ своего государя, что братъ королевскій, принцъ Генрихъ, намѣренъ лѣтомъ посѣтить сестру свою, королеву Шведскую, и что Фридрихъ II-й дастъ ему наставленіе склонить королеву „на лучшія противъ настоящихъ мысли". А между тѣмъ Синклеръ съ сообщниками твердилъ, что пока королю не дана будетъ полная власть,—до тѣхъ поръ никакого порядка въ дѣлахъ не будетъ; и этимъ господамъ тѣмъ легче было дѣйствовать, что большая часть градоначальниковъ принадлежала къ ихъ партіи. Англійскій посланникъ объявилъ Остерману, что по окончаніи сейма уже два раза получилъ отъ своего министерства увѣдомленіе о французскомъ замыслѣ произвести внезапный переворотъ въ шведской конституціи, и что дѣло будетъ окончательно улажено, когда наслѣдный Шведскій принцъ пріѣдетъ во Францію, чего герцогъ Шуазель съ нетерпѣніемъ требуетъ. Злонамѣренные уже составили въ глубочайшей тайнѣ планъ новой формы правленія, и старались приклонить къ своимъ видамъ и благонамѣренныхъ. Тѣ волновались; но Остерманъ писалъ Панину зловѣщія слова: „Вашему сіятельству самимъ, по бытности вашей здѣсь, обыкновенная робость благонамѣренныхъ извѣстна". Въ концѣ-концовъ для ихъ поддержки Остерманъ требовалъ денегъ.

Принцъ Генрихъ пріѣхалъ въ Швецію. Какъ

видно, дѣйствительно цѣлью поѣздки было склонить Шведскую королеву „на лучшія противъ настоящихъ мысли", что видно изъ слѣдующаго письма принца Генриха къ брату, королю: „Кажется, интригамъ Шуазеля посчастливилось только въ Швеціи; Франція постоянно поддерживала свою партію въ этомъ королевствѣ со времени Густава-Адольфа; теперь она совершенно взяла верхъ. Къ такому счастію сестра не привыкла; боюсь заодно съ вами, любезнѣйшій братъ, чтобъ она не дала благополучію увлечь себя. Трудно умѣть остановиться, когда счастіе благопріятствуетъ". Это было писано еще лѣтомъ 1769 года. Когда принцъ Генрихъ былъ уже въ Швеціи, то Фридрихъ писалъ ему: „Я восхищенъ, что у сестры такія хорошія мысли. Пусть она остается съ своими Французами, сколько хочетъ, лишь бы сохраняла необходимую умѣренность съ Русскими, чтобъ вражда между Россіею и Швеціею не усиливалась" [1]).

Въ письмѣ къ Панину отъ 14 сентября Остерманъ описывалъ разговоръ свой съ принцемъ Генрихомъ. Принцъ началъ съ того, что, по приказанію государя, своего брата, онъ не оставилъ своей сестрѣ и королю внушить о необходимости сохранить дружбу съ Русскою императрицею и уклоняться отъ всѣхъ поступковъ, которые могли бы повести къ холодности. Король и королева отвѣчали, что они никогда не удалялись отъ дружбы съ императрицею, и, не имѣя никакой причины къ неудовольствію, будутъ стараться всячески сохранить эту дружбу и на будущее время. Что же касается причины ихъ удаленія отъ людей, бывшихъ прежде имъ преданными, то она заключается въ намѣреніи этихъ людей отрубить головы своимъ соперникамъ, въ отмщеніе за событія 1756 года; король и королева не могли ихъ до этого допустить, а напротивъ,—желали согласить обѣ партіи, чему были рады и самые вожди благонамѣренныхъ. Остерманъ отвѣчалъ, что ему лучше всѣхъ извѣстны желанія благонамѣренныхъ, и онъ можетъ честію увѣрить принца, что никогда и въ умъ имъ не приходило мстить противной партіи, да и не могло придти въ умъ вслѣдствіе точнаго приказанія императрицы ему, Остерману, отклонять благонамѣренныхъ отъ всякаго гоненія. Принцъ сказалъ на это, что король и королева увѣрены въ томъ приказаніи императрицы, и противъ него, Остермана, не имѣютъ никакого личнаго неудовольствія, но нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ своими частными внушеніями Русскому Двору старались поссорить императрицу съ королемъ и королевою. Остерманъ отвѣчалъ, что все это выдумано; что же касается покровительства, оказываемаго королемъ и королевою людямъ, враждебнымъ Россіи, то принцъ самъ легко пойметъ, какъ это несходно съ русскимъ интересомъ по различію этого интереса съ французскимъ. — „Я говорилъ объ этомъ съ королемъ и королевою", отвѣчалъ принцъ, „и они мнѣ отвѣчали увѣреніемъ, что никогда не слыхали о намѣреніи людей, о которыхъ идетъ рѣчь, начать войну съ Россіею, и что они, король и королева, только теперь отдохнули, получивши сенатъ, согласный съ ними". — „Такое же спокойствіе", сказалъ Остерманъ, „ихъ величества могли бы получить, если бы одинаковую мысль оказывали и къ прежнему сенату". Принцъ заключилъ разговоръ тѣмъ, что королева, его сестра, обѣщала ему вести себя спокойнѣе.—„Я", писалъ Остерманъ Панину, „за вѣрно вѣдаю, что онъ (принцъ) и дѣйствительно въ перемѣнѣ своей сестры поведенія всѣми образы стараться изволилъ, и можетъ быть и не безъ нѣкотораго успѣха, ежели-бъ тому много не воспрепятствовали потаенныя и отъ него знатно скрываемыя съ Французскимъ Дворомъ условленія, и Шведскій кронпринцъ, который съ божбою главнѣйшихъ французскихъ креатуръ увѣрилъ, что онъ никогда во всю свою жизнь отъ нихъ не отстанетъ. Сіе безъ сумнѣнія есть причиною, что тѣ французскія креатуры давно уже, а особливо послѣ прибытія сюда Прусскаго принца, публично королеву порочать, и напротиву того всѣми образы прославляютъ означеннаго ея сына особливыя качества".

Въ Петербургѣ очень безпокоились насчетъ исхода шведскихъ движеній, что видно изъ рескрипта императрицы къ Остерману, отъ 19 іюля: „Время изо-дня-въ-день насъ болѣе удостовѣряетъ, что злонамѣренная въ Швеціи партія изъ дворовыхъ и французскихъ креатуръ ни мало не отстаетъ отъ своего намѣренія потрясти и ниспровергнуть въ конецъ законную форму правленія; даже всѣми силами и способами стремятся ускорить сіе событіе, опредѣливъ бытность кронпринца во Франціи временемъ рѣшительнаго установленія своего плана и принятія послѣднихъ и крайнихъ мѣръ къ первому сейму". Императрица объявляла въ рескриптѣ, что для противодѣйствія злонамѣреннымъ приказала перевести Остерману 30,000 рублей, и что Данія и Англія согласились помогать Россіи въ этихъ расходахъ [2]).

Отношенія къ Даніи въ началѣ года, благодаря Бернсторфу, были такія, какихъ лучше нельзя было желать. Такъ: когда Философовъ представилъ, что датскій посланникъ во Франціи, Глейхенъ, вреденъ для общихъ интересовъ Россіи и Даніи, то Глейхенъ былъ перемѣщенъ изъ Франціи въ Неаполь. Шуазель сильно разсердился и позволилъ себѣ написать Бернсторфу, что тотъ дѣйствуетъ по приказанію Русскаго Двора, для слѣпого угожденія которому забываетъ интересы собственнаго государя. Въ маѣ король согласился давать третью часть издержекъ по дѣламъ Шведскимъ. Но въ то же время Философовъ присылалъ извѣстія, что при Датскомъ Дворѣ большая смута: король находится подъ сильнымъ вліяніемъ жены своей (Каролины-Матильды, сестры Англійскаго короля) и фаворитовъ, а королева ясно показы-

[1]) Oeuvres, XXVI, 315, 323.

[2]) Дѣла Шведскія 1770 года.

ваетъ свое отвращеніе къ графу Бернсторфу. Она овладѣла королемъ съ помощію двухъ приближенныхъ къ нему и къ ней людей: бывшаго лейбъ-медика, а теперь конфедераціи совѣтника Струензе, человѣка „весьма дерзкихъ мыслей и своевольнаго поведенія", и камергера Варнстета, человѣка крайне молодого. Министры Бурбонскихъ Дворовъ и шведскій стараются сблизиться съ партіею королевы и ввести къ ней въ милость людей, преданныхъ французскимъ интересамъ; королева же, женщина вспыльчивая и преданная сластолюбивой жизни, принимаетъ совѣты однихъ тѣхъ, которые угождаютъ ея страстямъ. Къ несчастію, здоровье Философова разстроилось и заставило его лѣтомъ уѣхать на Пирмонтскія воды, что лишило Бернсторфа совѣта и помощи. По возвращеніи изъ Пирмонта, въ августѣ мѣсяцѣ, Философовъ писалъ Панину, что смутное положеніе должно скоро рушиться и принять какой-нибудь основательный видъ: всеобщее негодованіе народное и неудовольствіе благоразумныхъ, крайнее разстройство короля въ поведеніи и здоровье, которое очевидно ослабѣваетъ отъ страшно безпорядочной жизни, не могутъ позволить долго устоять „тлѣнному и на тлѣнныхъ основаніяхъ устроенному настоящему положенію сего Двора".

5 сентября Философовъ увѣдомилъ императрицу, что наканунѣ Бернсторфъ лишился мѣста, а извѣстный враждою къ Россіи, графъ Ранцау, сдѣланъ министромъ.

Христіанъ VII счелъ нужнымъ собственоручнымъ письмомъ увѣдомить императрицу объ отставкѣ Бернсторфа: „Бываютъ случаи", писалъ король отъ 16 сентября, „когда государи облегчаютъ тяжесть дѣлъ, сообщая непосредственно другъ другу свои чувства. Такой случай настаетъ теперь. Побужденія, относящіяся единственно къ внутреннему управленію государствомъ, заставили меня удалить отъ дѣлъ графа Бернсторфа; и такъ какъ онъ главнымъ образомъ принималъ участіе въ переговорахъ между нами, то я спѣшу увѣрить ваше императорское величество, что эта перемѣна не произведетъ никакого уклоненія въ нашихъ дѣлахъ, и что я желаю всего болѣе поддержать постоянное доброе согласіе, установленное между нами". Императрица отвѣчала ему (18 октября): „Мнѣ уже за 40 лѣтъ; у меня, быть можетъ, есть нѣкоторая опытность, у меня много постоянства и великое уваженіе къ истинѣ. Какъ ваша союзница, родственница, какъ другъ вашъ, я считаю своею обязанностію сказать вашему величеству все, что я думаю. Я не жду большого успѣха отъ своего поступка. Я не сомнѣваюсь, что найдутся люди неблагонамѣренные, которые объяснятъ его посвоему. Они скажутъ, что я хочу управлять волею вашего величества, что я вамъ даю уроки. Они внушатъ вамъ недовѣріе, и этимъ укрѣпятъ свои дѣла и достигнутъ своей цѣли, т. е. уничтожатъ взаимное довѣріе, которое, по счастію, существовало между нами. Ваше величество употребите свою власть, какъ вамъ будетъ угодно: я исполню то, что внушаетъ мнѣ долгъ. Вотъ что я вамъ скажу. Перемѣна старыхъ слугъ, ревностныхъ, искусныхъ и разумныхъ — есть всегда великое зло для государства, потому что, по моему мнѣнію, всякая перемѣна сама по себѣ есть уже зло, если общее благо не требуетъ ея непремѣнно. На этотъ разъ наши общіе враги—(надобно ли ихъ называть?) Французы—сумѣютъ воспользоваться опалою министра, который любилъ великій Сѣверный союзъ, на рукахъ котораго союзъ этотъ образовался,—и дадутъ многимъ и многимъ дѣламъ не только въ Даніи, но и повсюду, такой ходъ, какой надобенъ для ихъ отдаленныхъ видовъ. Ваше величество, противъ воли своей, дадите начало безчисленному множеству интригъ, движеній и гадостей. Мое пророчество начнетъ сбываться съ Швеціи. Тамъ французская партія уже торжествуетъ при одномъ слухѣ объ этомъ событіи. Моя откровенность обязываетъ меня сказать вашему величеству, что люди, присовѣтовавшіе вамъ такой поспѣшный поступокъ, не обратили никакого вниманія на вашу собственную славу. Слава государя требуетъ великаго постоянства въ его планахъ; но какое можетъ быть постоянство, когда люди, которые исполняютъ эти планы, знаютъ дѣло и руководящія начала, часто перемѣняются или постоянно боятся перемѣны, когда люди самые опытные замѣняются людьми, имѣющими меньшую опытность. Только время даетъ опытность; никакія качества, никакой умъ ея не восполнятъ. Довѣріе народовъ къ государямъ не подчинено акту власти: оно составляетъ награду за мудрое царствованіе. То же служитъ основаніемъ и взаимной довѣренности между Дворами. Оно много зависитъ такъ-же и отъ людей, которымъ государь поручаетъ свои дѣла. Признаюсь, что относительно нашей системы я питала полное довѣріе къ графу Бернсторфу, котораго великія достоинства и способность мнѣ извѣстны: я за нимъ слѣдила, изучала его двадцать лѣтъ. Я на него смотрю, какъ на второй экземпляръ графа Панина, котораго и давно уже подарила моимъ довѣріемъ, вслѣдствіе важности его заслугъ и неизмѣнной дружбы моей къ нему". Король отвѣчалъ благодарностью за дружбу, доказательство которой видѣлъ въ письмѣ Екатерины, и продолжалъ увѣрять, что отставка Бернсторфа произошла не вслѣдствіе интригъ, а по собственному его королевскому побужденію. Между тѣмъ, 14 сентября Философовъ отправилъ королю письмо, въ которомъ говорилъ, что назначеніе Ранцау министромъ находится въ полномъ противорѣчіи тѣсному союзу, существующему между Россіею и Даніею, ибо Ранцау извѣстенъ своею враждебностію къ Россіи; въ концѣ письма, Философовъ выражалъ надежду, что Ранцау будетъ удаленъ отъ дѣлъ и Двора. Король велѣлъ отвѣчать, что онъ съ великимъ удовольствіемъ принимаетъ заключающіяся въ началѣ письма увѣренія въ довѣріи и дружбѣ императрицы, и съ своей стороны будетъ пользоваться всякимъ слу-

чаемъ для доказательства, какъ искренно старается онъ поддержать согласіе, существующее между Даніею и Россіею. Что же касается дальнѣйшаго содержанія письма, то его величество не считаетъ нужнымъ отвѣчать на него, ибо не можетъ себѣ представить, чтобъ императрица поручила своему посланнику дѣлать такія внушенія, и вообще поведеніе Философова слишкомъ удаляется отъ формы, которая обыкновенно соблюдается между дружественными и союзными Дворами. Тогда императрица приказала Философову выѣхать изъ Копенгагена въ Петербургъ, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, а повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ назначенъ секретарь посольства, Местмахеръ, какъ человѣкъ способный „для примѣчанія тамошняго колобродства", по выраженію Панина.

Король собственноручнымъ письмомъ увѣдомилъ императрицу, что министромъ иностранныхъ дѣлъ назначилъ Остена именно потому, что онъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ и лично извѣстенъ ея величеству. Местмахеръ увѣдомилъ Панина, что отрѣшенные благонамѣренные министры передали ему, будто Остенъ прямо объявилъ королю, что не можетъ принять министерскаго мѣста, если король не предпишетъ ему стараться всѣми средствами распространять и укрѣплять дружбу съ Русскимъ Дворомъ, и будто король съ радостію на это согласился. Въ концѣ года, Местмахеръ писалъ Панину, что Остенъ, „какъ проницательный интриганъ", сохраняя тѣсную связь съ господствующею при Дворѣ „развратною шайкою", подъ рукою старается всѣми средствами пріобрѣсти себѣ довѣріе разумныхъ и вліятельныхъ въ народѣ людей; выказываетъ предъ ними сожалѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ при Дворѣ; клянется въ своей ревности къ сохраненію и утвержденію тѣсной дружбы между Даніею и Россіею. Остенъ подослалъ довѣреннаго человѣка къ Местмахеру, чтобъ заявить ему свою непоколебимую преданность Русскому Двору. Когда Местмахеръ пріѣхалъ къ нему въ первый разъ, то Остенъ встрѣтилъ его словами: „Я принялъ настоящую должность въ единственномъ твердомъ намѣреніи посвятить свою дѣятельность большему утвержденію связи между Россіею и Даніею, такъ какъ самъ я вѣчно и нелицемѣрно преданъ ея величеству. Правда, я имѣлъ несчастіе, что непріятели мои успѣли навлечь на меня немилость вашей великой и премудрой государыни и ея просвѣщеннаго министра; но клянусь честію, что это обстоятельство нисколько не уменьшило моего благоговѣнія къ ея императорскому величеству и нелицемѣрнаго высокопочитанія къ графу Панину. Я чувствую и всегда чувствовалъ великую пользу для всего Сѣвера отъ тѣсной связи между Россіею и Данію, и хотя бы я и не претерпѣлъ отъ Французскаго Двора такихъ частыхъ гоненій, то одно убѣжденіе въ пользѣ Русскаго союза достаточно для отклоненія меня отъ всякаго сношенія съ гордо-лукавою Франціею". Местмахеръ отвѣчалъ: „Оставляя все на собственное рѣшеніе императрицы, я, съ своей стороны, не могу скрыть, какъ меня сокрушаетъ здѣшнее поведеніе въ послѣднее время, тѣмъ болѣе-что, какъ кажется, оно продиктовано Французскимъ Дворомъ; но, видя такую вашу благонамѣренность, ожидаю, что вы не оставите поправить дѣла". Остенъ пожалъ плечами и сказалъ: „Время теперь къ этому еще неудобно; но употреблю всѣ силы, и поручаю вамъ просить всенижайше графа Панина еще теперь не очень строго поступать по этому дѣлу". Конференціи-совѣтникъ Шумахеръ, съ которымъ Местмахеръ имѣлъ тайное свиданіе, просилъ о томъ же, говоря, что настоящее положеніе Двора не можетъ быть продолжительно, ибо Остенъ постарается скинуть съ себя несносное иго молодыхъ и безразсудныхъ фаворитовъ, чего нельзя сдѣлать безъ низверженія ихъ самихъ; и если теперь Русскій Дворъ потребуетъ строгаго и справедливаго удовлетворенія, то король, по совѣтамъ безпутныхъ фаворитовъ, можетъ слѣпо отдаться во французскія руки [5]).

Объ этихъ датскихъ событіяхъ мы находимъ отзывы Екатерины въ письмахъ ея къ госпожѣ Бельке. „Графъ Ранцау", писала императрица, „разогналъ людей достойныхъ и министровъ искусныхъ, въ числѣ которыхъ, разумѣется, стоитъ достойный графъ Бернсторфъ; другіе употребляютъ всѣ усилія для отысканія подобныхъ людей, а этотъ ребенокъ-король отъ нихъ отдѣлывается; но тѣмъ хуже для него. Если графъ Ранцау произведетъ перемѣну системы, какъ вы пишете, то это будетъ мастерское произведеніе глупости, и мы увидимъ, кто отъ этого сильнѣе будетъ кусать себѣ пальцы. Къ графу Бернсторфу я питаю величайшее уваженіе; его уваженіе для меня лестно. Я была истинно огорчена его опалою; его заслуга и достоинство во всякомъ случаѣ заслуживали лучшей участи. Господинъ Остенъ, думаю, такъ уменъ, что не позволитъ себѣ участвовать въ нелѣпостяхъ графа Ранцау; онъ можетъ меня знать, и если дѣйствительно знаетъ, то долженъ быть увѣренъ, что интригами противъ людей, получившихъ отъ меня свои мѣста, нельзя пріобрѣсти моего довѣрія; только сумасшедшіе, молокососы и дѣти могутъ судить о другихъ по себѣ и жестоко ошибаться. Это въ порядкѣ вещей; но если г. Остенъ не потерялъ въ Неаполѣ здраваго смысла, то я должна предполагать, что онъ никакъ не рѣшится на такія странности; а если рѣшится, то даю вамъ слово, что промахнется и только получитъ репутацію интригана, потерявшаго понапрасну свои труды. При видѣ постоянной суеты въ Даніи, можно сказать, что эта страна кипитъ людьми, способными занимать важныя мѣста; каждую минуту происходятъ тамъ перемѣщенія; перемѣняютъ людей съ такою же легкостію, съ какою королева перемѣняетъ юбки, если только она ихъ еще носитъ. Я бы хотѣла, чтобъ Ранцау сдѣлали поскорѣе великимъ визиремъ Даніи, если онъ

[5]) Дѣла Датскія 1770 года.

причиною всего зла, ибо тогда съ нимъ случилось бы то же, что случается обыкновенно съ визирями по прошествіи нѣкотораго времени. Визири такіе же льстецы, какъ и онъ; это они выдумали всѣ нелѣпые титулы, употребляемые султаномъ; а Ранцау сказалъ своему государю, что онъ служитъ удивленіемъ всей Европы. Чѣмъ больше королева дастъ помощниковъ Струензе, тѣмъ болѣе надежды, что онъ ей опротивѣетъ. Все это и королевскія оргіи приводятъ въ ужасъ: вотъ ребятишки, которыхъ бы надобно было посѣчь. Только Богъ можетъ спасти эту несчастную страну" [1]).

Въ Швеціи было рѣшено не приступать къ русской Сѣверной системѣ; событія при Копенгагенскомъ Дворѣ грозили возможностію подобнаго рѣшенія и здѣсь, что производило очень непріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Англія попрежнему хлопотала о союзѣ, и попрежнему дѣло не улаживалось. Англійскій посланникъ, лордъ Каткартъ, приписалъ эту неудачу несогласію между двумя самыми вліятельными лицами при Русскомъ Дворѣ, графами—Панинымъ и Орловымъ, и рѣшился помирить ихъ. „Когда графъ Панинъ и графъ Орловъ сходятся во мнѣніяхъ, то дѣло идетъ очень легко", писалъ Каткартъ своему министерству: „но когда графу Орлову можно внушить другія идеи, то выдвигается гр. Чернышевъ и его друзья, Голицыны, особенно первый, и это обстоятельство, кромѣ всѣхъ другихъ неудобствъ, какъ слѣдствій несогласія, проволакиваетъ время, пока императрица не помиритъ обоихъ графовъ". Теперь, вмѣсто императрицы, Каткартъ взялся за это примиреніе, и обратился къ Сальдерну съ похвалами графу Орлову: и графъ Орловъ прекрасный человѣкъ, а о графѣ Панинѣ и говорить нечего; неужели же трудно такимъ достойнымъ людямъ помириться? А если бы и была трудность, то ее должно отстранить, ибо этого требуютъ ихъ собственные интересы, интересы императорской фамиліи и государства.—„Совершенно справедливо", отвѣчалъ Сальдернъ; „я и самъ часто говорилъ объ этомъ графу Панину; но дѣло чрезвычайно трудное, деликатное. Оба они очень застѣнчивы; я не разъ сводилъ ихъ и оставлялъ однихъ; но я увѣренъ, что никто изъ нихъ первый не рѣшится начать объясненіе". Когда Каткартъ предложилъ свое посредничество, то Сальдернъ отвѣчалъ, что это принесетъ ему большую честь и пользу, но опасается, что съ обѣихъ сторонъ будетъ полученъ одинъ отвѣтъ: „Мы находимся другъ съ другомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ".

Несмотря на это, Каткартъ принялся за дѣло при первомъ удобномъ случаѣ. Панинъ хвалилъ Орлова, Орловъ—Панина. Орловъ былъ разговорчивѣе, выразилъ сожалѣніе, что незнакомъ съ Панинымъ ближе; что между ними разница въ лѣтахъ, занятіяхъ, удовольствіяхъ, рѣдко встрѣчаются, кромѣ совѣщаній по особенныхъ дѣламъ, а тутъ обыкновенно онъ, Орловъ, по своей живости, перебиваетъ методическое изложеніе Панина, какъ скоро ему покажется, что понялъ, къ чему тотъ клонилъ рѣчь; Панинъ хмурится, а онъ умолкаетъ, и, такимъ образомъ, дѣло останавливается и мѣшаетъ ходу другихъ; что онъ, Орловъ, желалъ бы встрѣчаться съ Панинымъ чаще безъ опредѣленнаго занятія, и что въ общемъ свободномъ разговорѣ они сдѣлали бы гораздо больше. Онъ всю вину складывалъ на собственную нетерпѣливость и недостатокъ методы, и отдавалъ полную справедливость знаніямъ и способности Панина. Каткартъ передалъ свой разговоръ съ Орловымъ Панину,—и тотъ очень благодарилъ его. Хотя послѣ этого не было ни съ чьей стороны ни малѣйшей рѣчи о чемъ-нибудь подобномъ, однако Каткартъ далъ знать въ Лондонъ, что замѣтилъ очевидную перемѣну, которая заключалась въ томъ, что императрица гораздо ласковѣе стала обращаться съ великимъ княземъ и публично обращать на него большее вниманіе; графъ Орловъ сталъ относиться къ нему съ особеннымъ уваженіемъ; обращеніе его съ Панинымъ начало отличаться большою пріязнію; они стали сговариваться между собою о дѣлахъ, прежде чѣмъ идти въ Совѣтъ. Всѣ этимъ довольны, кромѣ Захара Чернышева.

Когда такимъ образомъ въ Англіи могли думать, что ея министръ при Петербургскомъ Дворѣ оказаніемъ важной услуги послѣднему долженъ былъ пріобрѣсть большое значеніе и, слѣдовательно, можетъ успѣшнѣе своихъ предшественниковъ устроить заключеніе союза между Россіею и Англіею, въ августѣ мѣсяцѣ графъ Рошфоръ сообщилъ лорду Каткарту королевское повелѣніе воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ и предложилъ графу Панину союзъ повидимому съ отстраненіемъ камня преткновенія, который мѣшалъ прежде его заключенію; повидимому, Англія соглашалась включить и Турцію въ случаи союза (casus foederis), обязываясь выставлять извѣстное количество военныхъ кораблей на всѣхъ европейскихъ моряхъ, а не на одномъ Балтійскомъ. Но на самомъ дѣлѣ Англія отстраняла возможность столкновенія своего съ Портою, представляя свое посредничество для заключенія мира между Россіею и Турціею, причемъ Англійскій король гарантируетъ мирный договоръ; посредничая при заключеніи мира, король будетъ настаивать, чтобъ Турція уступила Россіи Азовъ, Кубаньскую Татарію и всѣ русскія завоеванія, сдѣланныя на этой сторонѣ, также право мореплаванія по Черному морю. Но эта гарантія не можетъ составить статьи въ союзномъ договорѣ между Россіею и Англіею, чтобъ не возбудить въ Портѣ подозрѣнія относительно благопріятныхъ для Россіи видовъ короля, и потому до удобнаго времени Россія должна положиться въ этомъ на честь Великобританскаго государя. Прежніе проекты союзнаго договора существенно измѣнились такъ-же въ томъ, что въ случаѣ нападенія на Англію Россія обязывалась выставлять ей на помощь не

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, 43, 44, 56.

сухопутное войско, а 14 военныхъ кораблей, признавая случаемъ союза нападеніе какой бы то ни было европейской державы на Англію въ Америкѣ или Остъ-Индіи.

Еще до полученія этой бумаги, Каткартъ долженъ былъ увѣдомить Рошфора, что дѣло примиренія между Орловымъ и Панинымъ рушилось будто бы потому, что императрица жила на дачѣ, а графъ Панинъ въ городѣ. Хитрые люди (т.-е. Захаръ Чернышевъ) убѣдили Орлова взять на себя веденіе Турецкихъ и Польскихъ дѣлъ, что повело къ сильному столкновенію между ними и Панинымъ, такъ что послѣдній сталъ просить императрицу уволить его отъ управленія иностранными дѣлами; но Екатерина, разумѣется, удержала его. Между тѣмъ, въ Англіи получено было тревожное извѣстіе, что Порта просила соединеннаго посредничества Австріи и Пруссіи, присоединяя, въ случаѣ ихъ согласія, и Англію. Рошфоръ писалъ Каткарту, что если бы союзный договоръ между Россіею и Англіею былъ подписанъ, и если бы Россія поставила посредничество Англіи при мирныхъ переговорахъ между нею и Портою непремѣннымъ условіемъ (sie qua non), то король могъ бы принять это посредничество; но если союзъ будетъ попрежнему отклоненъ, посредничество Австріи принято, и Россія пригласитъ Англійскаго короля къ посредничеству въ такомъ тонѣ, что это будетъ похоже на пустой комплиментъ, то Каткартъ долженъ выразить русскому министерству опасеніе, что такое посредничество можетъ быть сочтено неприличнымъ достоинству Англійскаго короля. Панинъ объяснилъ Каткарту съ полною откровенностію весь ходъ дѣла по мирнымъ переговорамъ, сообщилъ вполнѣ содержаніе письма императрицы къ Прусскому королю въ отвѣтъ на предложеніе посредничества, сообщилъ прежде, чѣмъ оно было извѣстно Совѣту и графу Сольмсу, „въ доказательство безграничнаго довѣрія и внимательности императрицы". Учтивостямъ не было конца; но проектъ союзнаго договора, предложенный Каткартомъ, имѣлъ участь предшествовавшихъ. По заключеніи мира съ Турками не предвидѣлось новой войны, въ которой надобилась бы морская помощь Англіи, а между тѣмъ столкновенія Англіи съ Испаніею въ Южной Америкѣ легко могли повести къ войнѣ между ними, въ которую вовлечена была бы и Россія, если-бъ заключила съ Англіею союзный договоръ. Понятно, что это заключеніе встрѣтило въ Петербургѣ сильнѣйшія возраженія. Говорили, что Россія блистательнымъ образомъ вела войну одна, безъ союзниковъ, и не должна дѣлать новыя усилія и издержки, прежде чѣмъ отдохнетъ; другое дѣло, если-бъ предлагаемый договоръ заключалъ въ себѣ всѣ желаемыя выгоды,—но этого нѣтъ. Англійская гарантія мирнаго договора съ Портою обусловлена была посредничествомъ; а посредничества не желала, тѣмъ болѣе-что условія Турецкаго мира, предлагаемыя Англіею, не могли казаться удовлетворительными. Какъ видно, громче всѣхъ противъ договора говорилъ графъ Орловъ, дѣйствовавшій и тутъ по внушеніямъ Чернышева, какъ увѣрялъ Каткартъ: „Графъ Орловъ", писалъ послѣдній, „честный человѣкъ и горячій другъ Англіи; но онъ считаетъ себя русскимъ патріотомъ. Его устами въ Совѣтѣ говоритъ оппозиція графу Панину въ этомъ вопросѣ; Орлова подзадориваетъ и одобряетъ нѣмое большинство, кромѣ старшаго члена Совѣта, графа Разумовскаго". Каткартъ неуспѣхъ своего дѣла объяснялъ также внушеніями гостя императрицы, принца Генриха. Въ ноябрѣ Каткартъ имѣлъ съ принцемъ продолжительный разговоръ и очень жалѣлъ, что императрица не могла его подслушать: по мнѣнію Генриха, можно было сказать многое въ оправданіе Турокъ по поводу задержанія Обрѣзкова, и что его освобожденіе составляетъ большую жертву для Порты; что въ случаѣ, если бы миръ не состоялся, очевидный и неопровержимый интересъ Австріи требуетъ взять сторону Порты противъ Россіи для предупрежденія окончательной гибели Оттоманской имперіи, и что возрастающая морская сила Россіи должна обратить на себя вниманіе, если не возбудитъ зависть въ морскихъ державахъ. Впрочемъ, Каткартъ выражалъ сомнѣніе, высказывалъ ли принцъ свои настоящія убѣжденія или говорилъ нарочно, чтобъ вывѣдать мнѣнія англійскаго посла.

Годъ проходилъ, а рѣшительнаго отвѣта со стороны Русскаго Двора на предложеніе союза не было; и вотъ Каткартъ, по обычаю посольскому, изображаетъ состояніе Россіи въ самомъ мрачномъ видѣ: императрица, повидимому, не сознаетъ настоящаго положенія и опасности своихъ дѣлъ; успѣхи сдѣлали ее гордою и самонадѣянною; министры недостаточно ей помогаютъ, и она беретъ слишкомъ много дѣлъ на себя и по разнымъ причинамъ часто прерывается въ своихъ занятіяхъ. Графъ Панинъ отъ природы лѣнивъ, а въ настоящую минуту раздраженъ и показываетъ видъ, будто относится ко всему равнодушно; и такъ какъ это обстоятельство совпадаетъ съ его природнымъ расположеніемъ, усиленнымъ привычками, ненавистію и, быть можетъ, отчаяніемъ въ возможности возвратить прошедшее, несмотря ни на какую дѣятельность, то это производитъ полный застой въ дѣлахъ. Три года назадъ онъ въ высочайшей степени обладалъ довѣріемъ императрицы. Вліяніе это постепенно ослабѣвало, и особенно упало въ послѣднее время вслѣдствіе недостатка дѣятельности съ его стороны, и я опасаюсь, что онъ не пользуется больше уваженіемъ. Графъ Григорій Орловъ лѣнивъ и чистосердеченъ, но доступенъ ловкимъ и предпріимчивымъ людямъ; его время проходитъ въ разсѣяніи, несмотря на то, что онъ чуждъ честолюбивыхъ стремленій; его значеніе растетъ по мѣрѣ упадка значенія министровъ, и такъ какъ онъ ходатайствуетъ у императрицы за своихъ друзей, то пріобрѣлъ славу хорошаго покровителя. Захаръ и Иванъ Чернышевы (Иванъ возвра

тился изъ Англіи и занималъ мѣсто вице-президента Адмиралтейской Коллегіи) дѣятельны, ловки, предпріимчивы, способны запутать дѣло, но не руководить имъ; они стараются подняться паденіемъ министра. Прочіе члены Совѣта не имѣютъ значенія. Вслѣдствіе такихъ отношеній, никакое дѣло не приводится къ концу; императрица недовольна, хотя обстоятельства не даютъ средствъ помочь положенію; внѣшнія и внутреннія дѣла пренебрежены, и не принимаются никакія предосторожности противъ событій, какія могутъ быть вызваны временемъ, и будутъ гибельны или благопріятны, смотря по степени предвидѣнія ихъ. Императрица старѣетъ; великій князь приближается къ совершеннолѣтію, и не предпринимается ничего на тотъ случай, когда онъ изъ ребенка сдѣлается наслѣдникомъ престола, тогда какъ было разъ объявлено, что мать сохраняетъ корону только до его совершеннолѣтія; теперь онъ по лѣтамъ почти способенъ носить корону; по уму онъ способенъ оцѣнить, а по характеру—чувствовать и помнить то, что теперь дѣлается. Ничего не сдѣлано относительно безпорядочнаго Датскаго Двора, ничего относительно жалкой республики Польской; мало—относительно Швеціи; не дается рѣшительнаго отвѣта на ясный вопросъ Англіи относительно союза,—вопросъ, сдѣланный въ началѣ сентября. Мирные переговоры съ Портою остановились; ожидается третья кампанія; и кто поручится, что, вслѣдствіе такого поведенія, не потребуется и четвертая? Никто не довѣряетъ главнокомандующему первою арміею; генералъ-квартирмейстеръ Бауръ находится въ открытой враждѣ съ нимъ и пользуется довѣріемъ и милостями императрицы; графъ Орловъ ненавидимъ генералами и обожаемъ солдатами. Обѣ арміи раздражены; офицеры всѣхъ чиновъ выходятъ въ отставку; люди измучены болѣзнями, усталостью и дурнымъ управленіемъ, болѣе разрушительнымъ, чѣмъ непріятельское оружіе; рекрутскіе наборы пагубны для огромной, но малозаселённой страны. Флотъ въ Архипелагѣ дурно построенъ, дурно управляется и дурно оплачивается. Между офицерами раздоры, а между матросами—болѣзни. Дарданеллы неприступны; блокада Константинополя безполезна. Безконечные расходы, насилія въ Польшѣ; ни одного вѣрнаго шага къ умиротворенію; большіе расходы и потери отъ отлива монеты въ Польшу и на флотъ; никакихъ средствъ занять денегъ въ чужихъ странахъ, никакихъ средствъ собрать ихъ внутри государства новыми налогами. Казна еще не истощена, но очень оскудѣла. Средства банка пересилены, и дѣла пойдутъ еще хуже, такъ какъ всѣ подати скоро будутъ выплачиваться ассигнаціями; звонкая монета истрачена и становится очень рѣдкою. Ввозъ монеты изъ-за границы совершенно запрещенъ для избѣжанія чекана короля Прусскаго и другихъ государей, которые воспользовались бы пониженіемъ достоинства русской монеты. Въ Польшѣ ее берутъ по дѣйствительной цѣнности и потому приходится вывозить ее туда въ полтора раза больше; Россія страдаетъ недостаткомъ людей способныхъ, свѣдущихъ и честныхъ, завистію и ненавистію къ иностранцамъ и неспособностію своихъ ко всѣмъ дѣламъ, гражданскимъ и военнымъ. Между Русскими нѣтъ согласія, любви, довѣрія; между ними господствуетъ недостатокъ дѣятельности и одушевленія, которыя въ другихъ странахъ побуждаютъ людей недовольныхъ объявлять себя такими, противодѣйствовать мѣрамъ, ими осуждаемымъ, и не имѣть ничего общаго съ людьми, которыхъ они считаютъ врагами отечества [1]).

А Екатерина писала Вольтеру, какъ будто въ отвѣтъ на депешу Каткарта: „Забавно, что Турки увѣряютъ, будто мы не можемъ долго вести войну. Если бы страсть не обладала этими людьми, то какъ могли они забыть, что Петръ Великій велъ войну въ продолженіи 30 лѣтъ, то съ этими самыми Турками, то со Шведами, то съ Поляками, то съ Персами, а имперія не была доведена до крайности; напротивъ, Россія изъ каждой войны выходила болѣе цвѣтущею, чѣмъ была прежде; войны возбуждали промышленность; каждая изъ нихъ порождала какой-нибудь новый источникъ, который давалъ новую жизнь торговлѣ и оборотамъ. Если такъ-называемые государи христіанскіе, держащіе сторону мусульманъ, завидуютъ успѣхамъ этой войны, то должны винить самихъ себя: кто имъ велѣлъ возбуждать ее противъ меня, не предвидя послѣдствій? Въ Россіи все идетъ своимъ порядкомъ; есть области, гдѣ почти не знаютъ, что у насъ два года война. Нигдѣ нѣтъ ни въ чемъ недостатка: поютъ благодарственные молебны, танцуютъ и веселятся“ [2]). Гораздо опаснѣе, по мнѣнію Екатерины, было положеніе Австріи, что видно изъ секретной записки камеръ-юнкеру Алексѣю Нарышкину, отправлявшемуся въ Туринъ: „Вѣнскій Дворъ оказываетъ, повидимому, больше доброжелательства къ Туркамъ, смотря завистливымъ окомъ на успѣхи здѣшняго оружія и опасаясь, дабы Россія, удержавъ за собою Молдавію и Валахію, не сдѣлалась чрезъ то непосредственнымъ его сосѣдомъ, отъ чего могли-бъ произойти современемъ многія ему заботы въ разсужденіи живущихъ въ близости его подданныхъ единыя съ Валахами вѣры, ибо Вѣнскій Дворъ причину имѣетъ опасаться больше здѣшняго сосѣдства и инфлюенціи въ европейскихъ дѣлахъ, нежели турецкой“ [3]).

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 20—167.
[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, годъ 1770.
[3]) Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Записка 7 іюня 1770 года.

Глава III.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1771 годъ.

Письмо Фридриха II-го къ императрицѣ Екатеринѣ по поводу мирныхъ условій съ Турціею.—Замѣчанія Екатерины на это письмо.—Планъ кампаніи 1771 года.—Постройка судовъ въ Дунайскихъ княжествахъ.—Жалобы Румянцева на неудовлетворительное состояніе арміи.—Мелкая война на Дунаѣ.—Князь В. М. Долгорукій начальникъ второй арміи, намѣсто графа П. И. Панина.—Сношенія съ Татарами.—Необходимость военныхъ дѣйствій противъ Крыма.—Занятіе полуострова русскими войсками.—Бѣгство хана Селимъ-Гирея.—Новый ханъ Сагибъ-Гирей.—Избавленіе плѣнныхъ христіанъ.—Переговоры съ ханомъ о независимости Крыма и объ уступкѣ крѣпостей Россіи.—Посольство въ Петербургѣ брата ханскаго, калги Шагинъ-Гирея, и поведеніе его здѣсь.—Отношенія къ Ногаямъ, Кабардинцамъ и Кумыкамъ.—Окончаніе Кавказской экспедиціи.—Гр. Алексѣй Орловъ въ Петербургѣ.—Его возраженія противъ пріобрѣтенія Россіею острова на Архипелагѣ.—Противное мнѣніе адмирала Спиридова.—Орловъ удаляетъ иностранцевъ изъ русской морской службы.—Дѣйствія флота въ 1771 году.—Отвѣтное письмо Екатерины Фридриху II-му относительно мирныхъ условій съ Портою.—Виды Фридриха II-го на Польскую Пруссію.—Роль принца Генриха въ раздѣлѣ Польши.—Отъѣздъ принца Генриха изъ Петербурга.—Настаиваніе Фридриха II-го на раздѣлѣ Польши.—Отношенія Россіи къ этому вопросу.—Отношенія Австріи къ нему.—Разговоръ Фридриха II съ австрійскимъ посломъ о раздѣлѣ Польши и мирѣ Россіи съ Портою.—Сношенія Россіи съ Австріею по поводу Турецкаго мира.—Дѣло о раздѣлѣ Польши въ Императорскомъ Совѣтѣ.—Австрія отвергаетъ русскія мирныя условія.—Возраженія Екатерины на австрійскія объясненія.—Мнѣніе Панина объ уступкѣ Молдавіи и Валахіи.—Императрица не соглашается съ этимъ мнѣніемъ.—Тревожное состояніе императора Іосифа.—Отношеніе Вѣнскаго Двора къ вопросу о раздѣлѣ Польши.—Тугутовскій договоръ между Австріею и Турціею.—Переговоры между Австріею и Пруссіею.—Рѣшенія Совѣта вслѣдствіе враждебности Австріи.—Фридрихъ II требуетъ, чтобъ Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи, и внушаетъ, что прусская доля изъ Польши должна быть увеличена.—Постановка Прусскимъ королемъ условій мира между Россіею и Турціею.—Возобновленіе переговоровъ между Россіею и Австріею.—Австрійскія условія мира между Россіею и Портою.—Россія уступаетъ требованіямъ Фридриха II и отказывается отъ Дунайскихъ княжествъ.—Фридрихъ торопитъ раздѣломъ Польши.—Смѣна русскаго посла въ Варшавѣ, кн. Волконскаго, Сальдерномъ.—Дѣйствія послѣдняго.—Отношенія Россіи къ Швеціи, Даніи и Англіи.

Если раздраженіе, обнаруженное Фридрихомъ II по прочтеніи русскихъ мирныхъ условій, было не искреннее, то, наоборотъ, вполнѣ искренне было неудовольствіе Екатерины, высказавшееся по прочтеніи письма Прусскаго короля отъ 4 января (н. с.) 1771 года. „Если-бъ зависѣло отъ меня", писалъ Фридрихъ, „я безъ труда подписалъ бы мирныя условія, требуемыя отъ Порты в. и. в—ствомъ. Въ пріобрѣтеніяхъ вашихъ я видѣлъ бы усиліе перваго и самаго дорогого изъ моихъ союзниковъ, и пріятна была бы мнѣ возможность дать ему этотъ новый знакъ моей преданности. Но надобно обращать вниманіе на множество различныхъ интересовъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ мирные переговоры, и потому не всегда можно позволять себѣ то, чего желаешь. Въ этомъ положеніи нахожусь и я теперь. Ваше и. в—ство увидите изъ новаго объявленія Порты, сдѣланнаго мнѣ и Вѣнскому Двору, что г. Обрѣзковъ будетъ освобожденъ немедленно, какъ только будетъ принята статья о посредничествѣ. Ваше и. в—ство спрашиваете меня, каково мое мнѣніе насчетъ образа мыслей Вѣнскаго Двора. Я имѣю право думать, что онъ искренно желаетъ возобновленія мира въ своемъ сосѣдствѣ и, въ случаѣ посредничества, будетъ дѣйствовать безпристрастно, однако не согласится на мирныя условія, прямо противоположныя его интересамъ. Внушенія Франціи до сихъ поръ не поколебали его системы нейтралитета; но я не поручусь за его поведеніе въ случаѣ продолженія войны". Въ мемуарѣ, приложенномъ къ письму, король заявилъ, что онъ не можетъ сдѣлать никакого употребленія изъ русскихъ мирныхъ условій ни въ Константинополѣ, ни въ Вѣнѣ, изъ боязни повредить русскимъ интересамъ. Съ одной стороны, новая декларація Порты доказываетъ неизмѣнное рѣшеніе вести переговоры только путемъ посредничества, до котораго допускаются только Пруссія и Австрія; съ другой — король видитъ невозможность заставить Вѣнскій Дворъ принять всѣ русскія мирныя условія; король опасается, что сообщеніе условій побудитъ Австрію вооружиться противъ Россіи. Турки ни за что не согласятся уступить Валахіи и Молдавіи; не согласятся также, чтобъ чужая держава утвердилась въ Архипелагѣ; независимость крымскихъ Татаръ, которыхъ ханъ можетъ быть наслѣдникомъ Оттоманскаго престола, встрѣтитъ величайшее затрудненіе съ турецкой стороны, и надобно бояться, чтобы Порта, доведенная до крайности, не бросилась въ объятія Вѣнскаго Двора и не уступила ему Бѣлградъ и всѣ свои завоеванія въ послѣднюю войну, для пріобрѣтенія его покровительства и помощи противъ Россіи. Австрія скорѣе рѣшится на войну, чѣмъ позволитъ какое-нибудь измѣненіе въ положеніи Молдавіи и Валахіи; наконецъ, пріобрѣтеніе Россіею острова на Архипелагѣ возбудитъ подозрѣніе какъ въ Вѣнѣ, такъ и во всѣхъ италіанскихъ государствахъ. Напрасно было бы надѣяться посредствомъ самыхъ обольстительныхъ предложеній заставить Австрію перемѣнить свои взгляды на этотъ предметъ. Все, что Русская императрица можетъ надѣяться получить, — это двѣ Кабарды, Азовъ

съ округомъ и свободное плаваніе по Черному морю [1]).

Прочтя письмо и мемуаръ, Екатерина написала Панину: „Моимъ первымъ условіемъ было освобожденіе моего министра. Я думала, что совершаю великій подвигъ умѣренности, предлагая планъ, на основаніи котораго я хотѣла вести мирные переговоры, и не думала я найти въ Прусскомъ королѣ адвоката Турокъ. Я не говорю о Вѣнскомъ Дворѣ; я не могу думать, чтобъ ему пріятнѣе было имѣть сосѣдями Турокъ въ Молдавіи и Валахіи, чѣмъ видѣть эти области въ рукахъ государя, независимаго отъ трехъ имперій. Было бы желательно, чтобъ перестали намъ постоянно показывать вооруженную или поднятую руку Австріи, ибо Россія, подвергнись нападенію, сумѣетъ защититься,—она не боится никого. Съ другой стороны, мы ведемъ мирные переговоры съ Турками, а не съ Вѣнскимъ Дворомъ, съ которымъ у насъ нѣтъ войны. Крымъ дальше отъ Вѣны, чѣмъ Молдавія и Валахія, а потому о немъ не можетъ быть и рѣчи въ переговорахъ съ Австріею, для которой можетъ быть выгоднѣе, чтобъ онъ не возвращался подъ власть Турокъ и имѣлъ независимаго владѣтеля. Во всѣхъ этихъ бумагахъ (письмо и мемуаръ Фридриха) видно большое неудовольствіе, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не прямо отъ него, а все положено на счетъ Вѣнскаго Двора; но когда увидятъ, что угрозами ничего не выиграютъ, то остальное найдется само собою. Держитесь крѣпко и ни шага назадъ: все обдѣлается какъ нельзя лучше; а если увидятъ, что мы гонимся за миромъ, получимъ миръ дурной". Относительно турецкой деклараціи о посредничествѣ Австріи и Пруссіи Екатерина замѣтила: „Правда, Порта можетъ объявлять все, что хочетъ; правда и то, что ея объявленіе не можетъ и не должно предписывать законовъ Русскому Двору. Порта, напримѣръ, обнаруживаетъ высокомѣріе невыносимое, требуя, чтобъ Россія приняла посредниковъ именно тѣхъ, которыхъ она, Порта, выбрала, и желаетъ сложить вину удаленія отъ мира на Россію, если та не приметъ навязанныхъ ей посредниковъ. Но Россія не можетъ ихъ принять, потому что навлечетъ на себя большое порицаніе, если не сдержитъ слово предъ дружественнымъ государствомъ, предъ Англіею, которая дала столько доказательствъ дружбы, помогая ея флотомъ. Однако, чтобъ съ русской стороны сдѣлать еще шагъ къ миру, можно предложить Портѣ, послѣ освобожденія Обрѣзкова, условиться о мѣстѣ собранія конгреса" [2]).

Такое положеніе дѣлъ, разумѣется, должно было имѣть сильное вліяніе на военныя дѣйствія 1771 года. Ставился вопросъ: миръ или война? Дунай уже слылъ Рубикономъ; толковали, что переходъ чрезъ него поведетъ къ продолженію и усложненію войны, и потомъ для перехода большаго войска через Дунай нужны были средства, которыхъ подъ руками не имѣлось; нужно было построить суда, на что требовалось время, слѣдовательно этимъ годомъ нечего было думать о переходѣ черезъ Дунай. Еще 11 октября 1770 г., въ засѣданіи Совѣта, императрица объявила, что надобно помышлять о составленіи плана для будущей кампаніи, и генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Орловъ вызвался сочинить планъ. Планъ былъ представленъ Совѣту ровно черезъ мѣсяцъ, 11 ноября, и состоялъ въ томъ, чтобъ производить строеніе судовъ въ обширныхъ размѣрахъ, ограничивая военныя дѣйствія одною обороною занятыхъ областей; Орловъ имѣлъ въ виду употребить суда не для перехода только черезъ Дунай, но для нападенія на Константинополь, чтобъ этимъ смѣлымъ дѣйствіемъ принудить Порту заключить миръ на всей волѣ побѣдителей. Совѣтъ одобрилъ планъ и разсуждалъ, что „потребныя потому приготовленія служатъ на всѣ обороты, какіе бы ни случились, и не токмо не произведутъ никакого препятства нынѣшнему состоянію дѣлъ, хотя-бъ начались и мирныя соглашенія, но и могутъ еще способствовать ускоренію оныхъ, и что посему полезно произвесть ихъ въ дѣйство, усилить притомъ арміи и поставить ихъ въ лучшее предъ нынѣшнимъ состояніе. Но чтобъ не оставались оныя въ совершенномъ недѣйствіи будущаго лѣта, Совѣтъ признавалъ за нужное учинить сильное предпріятіе на Крымъ, если обитающіе на семъ полуостровѣ Татары еще останутся въ упорствѣ и не пристанутъ къ отложившимся уже отъ Порты Оттоманской ордамъ". Но для похода на Крымъ должны были употребить вторую армію, первой же довольно было охранять Молдавію, Валахію и Бессарабію. Румянцеву Совѣтъ рѣшилъ предписать, что дѣйствія первой арміи предоставляются его собственному усмотрѣнію: пользуясь временемъ, онъ долженъ снабдить войска всѣмъ потребнымъ и привести ихъ въ состояніе дѣйствовать съ твердостію на будущее время; не долженъ допускать непріятеля переходить на лѣвую сторону Дуная; наступательныя же дѣйствія должны ограничиться посылкою за Дунай нѣкоторыхъ отрядовъ, если главнокомандующій признаетъ иногда это нужнымъ. Впрочемъ, фельдмаршалу оставляли свободныя руки пользоваться всѣмъ возможнымъ при удобномъ времени и случаѣ [3]).

Главною заботою было строеніе судовъ. Еще въ концѣ 1770 года флота капитанъ Ногаткинъ осмотрѣлъ въ Молдавіи лѣса, годные для этого дѣла, и началъ ихъ рубку. Императрица писала Румянцеву въ мартѣ 1771: „Россійская есть пословица: на Бога надѣйся, да самъ не плошай. Весьма, конечно, желателенъ миръ; но, не видавъ сему желанію начала, не то чтобы конецъ, нужно несомнѣнно думать о будущемъ; въ томъ разумѣ

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 288.

[2]) Госуд. Архивъ.

[3]) Архивъ Государ. Совѣта, I, конецъ 1770 года.

отправлены къ вамъ морскіе офицеры для вымѣренія рѣкъ и осмотра лѣсовъ; но то и другое безконечно будетъ, если вы да я не примемся прямо за дѣло. Построеніе судовъ и какія суда строить, въ томъ большая нужда, если въ 1772 году поспѣшить смѣлымъ предпріятіемъ,—конецъ бѣдъ рода человѣческаго; и для того прошу васъ приказать поскорѣе сдѣлать какое ни на есть положеніе, что строить, гдѣ, кѣмъ и изъ чего,—однимъ словомъ, разбудить нерасторопность господъ морскихъ, и дайте жизни и живости сему предпріятію, дабы время не ушло понапрасну и, чрезъ то, мы-бъ не были принуждены нести еще нѣсколько лѣтъ тягостное бремя военнаго пламени". Въ апрѣлѣ Екатерина увѣдомляла фельдмаршала, что она совѣтовалась насчетъ постройки судовъ съ искуснымъ человѣкомъ, который въ продолженіи 53 лѣтъ своей морской службы перебывалъ на всѣхъ моряхъ во всякое время года съ англійскимъ адмираломъ Ноллисомъ. Искусный человѣкъ сдѣлалъ чертежъ новаго рода судовъ, которыя, по простотѣ своей оснастки, могутъ управляться почти незнающими морского искусства людьми, способны ходить на греблѣ и на парусахъ, и могутъ поднять отъ 3 до 4 сотъ человѣкъ съ провіантами и пушками. „Прошу теперь всячески стараться", писала императрица, „чтобъ къ построенію сихъ судовъ, коихъ что болѣе, то лучше будетъ, хотя-бъ нѣсколько десятковъ или, лучше сказать, какъ успѣютъ, все надобное, какъ лѣса, такъ и работники, доставлены были къ верфямъ. Что же до такелажа и прочихъ припасовъ касается, то они изъ Тулы и Брянска доставлены будутъ до Кіева" [1]).

А Румянцевъ жаловался на затруднительность своего положенія, поправить которое блестящими побѣдами, въ родѣ Кагульской, не было надежды. Мы видѣли, что въ Совѣтѣ было рѣшено поставить армію въ лучшее предъ прежнимъ положеніе, и дѣйствительно вице-президентъ Военной Коллегіи, графъ Захаръ Чернышевъ, представилъ: что рекрутъ назначено почти вдвое больше, чѣмъ сколько требовалось, именно: въ первую армію болѣе 20,000 и во вторую—слишкомъ 10,000 человѣкъ; что провіанту заготовлено на весь 1771 годъ; что магазины мундирами и амуничными вещами наполнены для первой арміи въ Кіевѣ, а для второй — въ Сѣвскѣ. Все это было прекрасно въ докладахъ Совѣту; но дѣло было въ исполненіи: нужно было скорѣе доставить на мѣсто и рекрутъ, и провіантъ, и амуничныя вещи. Въ апрѣлѣ Екатерина писала Румянцеву: „Что еще до васъ не доставлены ни амуниція, ни рекруты, о томъ весьма тужу. Амуниція въ Кіевѣ осенью уже была; чаю, что чума много перевозу препятствовала, а о рекрутахъ слышу, что ихъ внутри нашей границы обучали и обмундировали. Къ будущему году амуницію теперь уже отправляютъ въ Кіевъ. Я ни единаго вашего письма мимо ушей не пропускаю, и всякій разъ, что вижу какое ни на есть отъ васъ требованіе, всячески стараюсь словомъ и дѣломъ, чтобъ вы всѣмъ удовольствованы были и всѣ препятствія отдалены и преодолѣны бы были, чего и впредь не упущу продолжать" [2]). Это не были милостивыя фразы съ цѣлью отдѣлаться отъ докукъ фельдмаршала; Екатерина, по своей природѣ, не могла не стараться всячески, словомъ и дѣломъ, удалять препятствія; но ея волѣ и власти были предѣлы. Молдавія и Валахія не могли доставить надлежащаго количества продовольствія для войска; находившіеся при русской арміи отряды изъ турецкихъ христіанъ, или, такъ называемые. Арнауты, опустошали страну не менѣе Турокъ, такъ что жители разбѣжались по лѣсамъ, и выманить ихъ оттуда не было никакой возможности. Надобно было привозить запасъ изъ Польши, что сопряжено было съ крайними затрудненіями по недостатку перевозочныхъ средствъ вслѣдствіе того же обнищанія странъ, занятыхъ русскимъ войскомъ. Отсюда запоздалость въ доставленіи необходимыхъ вещей, особенно для самаго отдаленнаго отряда, дѣйствовавшаго за рѣкою Ольтою: здѣсь генералы жаловались, что солдаты ходятъ безъ сапогъ, зимою въ однихъ камзолахъ; имъ принуждены были давать половинное количество хлѣба; вмѣсто хлѣба давали просо, кукурузу, часто испорченные вслѣдствіе долгаго лежанія въ ямахъ. Для обоза и артиллеріи недоставало лошадей; веревочная упряжь дотого перегнила, что на каждыхъ ста саженяхъ надобно было останавливаться для исправленія порвавшихся постромокъ. Такъ-же въ печальномъ положеніи находились госпитали: здѣсь больные страдали отъ голоду и холоду вслѣдствіе дурного помѣщенія, недостатка дровъ и необходимой для приготовленія кушанья посуды [3]).

Рекруты подходили медленно, у Румянцева было съ небольшимъ 50,000 войска для защиты Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи. Его безпокоило стягиваніе австрійскихъ войскъ къ южнымъ границамъ, хотя сама императрица старалась разсѣять его опасеніе съ этой стороны [4]). Безпокоили Румянцева слухи объ уступкѣ Молдавіи и Валахіи Портѣ при будущемъ мирѣ, что ставило его въ самыя непріятныя отношенія къ народонаселенію этихъ странъ. Въ апрѣлѣ онъ писалъ Панину: „Удержаніе доброй къ намъ надежды народовъ, съ нами единовѣрныхъ, и избавленіе ихъ, похристіански разумѣя, должны насъ влекти (влечь) больше, нежели всѣ другія, съ симъ несвойственныя, пользы". Въ августѣ онъ просилъ удаленія изъ Яссъ господаря Гики, который отвращалъ жителей отъ Русскихъ, представляя, что они скоро опять подпадутъ власти Турокъ [5]).

Въ 1770 году лѣвый берегъ Дуная, отъ Килія до Виддина, былъ очищенъ отъ непріятеля; за

[1]) Сочиненія Екатерины II, томъ III, стр. 224 и слѣд.

[2]) Архивъ Госуд. Сов. I, 68; Соч. Екат. II-й, III, 226.
[3]) Петрова—Война Россіи съ Турціею. III, гл. 3, 4.
[4]) Сочин. Екатер. II-й, III, 228.
[5]) Чтенія Москов. Общ. Исторіи 1865 года, кн. II.

Турками оставались здѣсь только двѣ крѣпости— Журжа и Турно. Въ 1771 году русская армія была расположена тремя отдѣлами: первое крыло, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Олица, оберегало страну между рѣками Серетомъ и Ольтою; лѣвое крыло, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вейсмана, охраняло теченіе Дуная отъ Прута до Чернаго моря; наконецъ, центръ, подъ начальствомъ самого главнокомандующаго, съ главною квартирою въ Максименахъ на Серетѣ, могъ двинуться на помощь правому или лѣвому крылу, смотря по тому, откуда явится сильное турецкое войско. Но Турки не имѣли возможности явиться на лѣвомъ берегу Дуная съ сильнымъ войскомъ; да если бы и была возможность, то воспоминаніе о Кагулѣ отнимало охоту у визиря предпринимать наступленіе. Понятно, что австрійскій и французскій посланники передавали Портѣ убѣжденія своихъ правительствъ, что успѣхъ будетъ на той сторонѣ, которая долѣе выдержитъ войну, и что для этого у Турціи болѣе средствъ, чѣмъ у Россіи; что не должно давать русскимъ войскамъ легкихъ побѣдъ, а надобно истомить ихъ продолжительностью борьбы. Такимъ образомъ, Румянцевъ не имѣлъ средствъ перейти со всѣмъ войскомъ Дунай; Турки также этого остерегались, и весь 1771 годъ прошелъ въ мелкой войнѣ, въ которой участвовали только оба крыла русской арміи. Понятно, что правое крыло должно было прежде всего направить свои движенія на Журжу, чтобъ отнять у Турокъ послѣднее крѣпкое мѣсто на лѣвомъ берегу Дуная, лишить ихъ возможности вторгаться отсюда въ Валахію. Въ февралѣ Журжа была взята; но въ концѣ мая была обратно сдана Туркамъ по малодушію коменданта, маіора Гензеля, артиллерійскаго офицера Колюбакина и инженера Ушакова. Получивъ извѣстіе о потерѣ Журжи, Екатерина провела „не весьма веселые дни“ [1]). Фельдмаршалъ предалъ военному суду офицеровъ журжинскаго гарнизона, подавшихъ мнѣніе о необходимости сдать крѣпость. По этому поводу Екатерина писала ему: „Въ рескриптѣ къ вамъ написано, чтобъ вы поступили съ журжинскимъ комендантомъ и съ нимъ бывшими по всей строгости законовъ; но симъ имѣю вамъ сказать, чтобъ вы ихъ смертію не казнили; а впрочемъ, накажите ихъ такъ строго и съ такимъ посрамленіемъ, какъ вы заблагоразсудите; они всего достойны, но въ смерти ихъ обществу нужды нѣтъ, ибо поносная жизнь гораздо болѣе наказанія чувствительной душѣ или душамъ, нежели смерть“ [2]). Въ это время, вслѣдствіе смерти генерала Олица, правымъ крыломъ начальствовалъ князь Репнинъ. Турки, ободренные взятіемъ Журжи, пошли-было къ Бухарешту, но подъ этимъ городомъ потерпѣли отъ Репнина пораженіе и принуждены были бѣжать къ Дунаю. По этому поводу Румянцевъ написалъ Репнину (14 іюня): „Съ приношеніемъ моего поздравленія вашему сіятельству о побѣдѣ надъ горнымъ сераскеромъ, долженъ я вамъ изъ обязательствъ человѣка и премного вамъ преданнаго изъяснить: во всякое другое время сіе бы происшествіе могло знаменитымъ быть, но теперь всякъ, кто вамъ нелицемѣрно усерденъ, скажетъ, что оно подвержено критикѣ. Случай такой рѣдокъ въ войнахъ, чтобъ непріятеля заманить въ непроходимыя пропасти, вамъ не только то совершенно удалось учинить по своему желанію (чѣмъ однимъ можетъ только изъясняему быть выше отступленіе), но еще опрокинуть и гнать. Но если вы не пользовались въ уготованной пасти заноженнаго непріятеля гнать прямо, если всѣ трудные проходы пробѣжалъ онъ безъ преслѣдованія, не потерявъ ни людей, ни пушекъ, ни тягостей своихъ, то вы сами сообразить можете, какъ должно судить такое дѣло со стороны распоряженія и слѣдствій. Всѣ будутъ думать, какъ и я мню, что если бы въ своей одержанной поверхности вы обратили войска далѣе вслѣдъ за опрокинутымъ непріятелемъ, онъ бы не только претерпѣлъ уголовную погибель, да еще въ своемъ первомъ страхѣ оставилъ бы намъ и Журжу. Еще я не перемѣняю лучшихъ мыслей и надежды, что ваше сіятельство на прогнаніе непріятеля обратите свои дѣйствія“.

Репнинъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ выражалось сильное оскорбленіе; увѣдомлялъ о своей болѣзни, заставившей его сдать команду и просить увольненія для пользованія заграничными водами. На это Румянцевъ писалъ ему (21 іюня): „Съ прискорбностію я получаю ваше увѣдомленіе о приключившейся вамъ болѣзни, и не безъ сожалѣнія я былъ тогда, какъ необходимость службы и долгъ моего къ вамъ усердія принудили меня сказать вамъ истину, которая изъ письма вашего я вижу, что васъ такъ властно огорчаетъ, какъ бы нанесенное въ чемъ-либо отъ меня насиліе. На многіе случаи и на многихъ пріятелей моихъ я могу сослаться, предъ которыми я былъ иногда въ подобномъ, какъ и съ вами, положеніи, что они видѣли напослѣдокъ мои заключенія справдившимися, которыя сперва почитали себя за нападокъ. Трудно всякого убѣдить на способъ, какой каждый человѣкъ свой особенный имѣетъ разсуждать о дѣлахъ. напримѣръ, ваше с—ство изъемлете себя отвѣчать за происшествіе, а я, напротивъ, ожидать повиненъ, что все у насъ происходящее придетъ на мой отвѣтъ; да если не долженствовать никому отвѣтомъ за слѣдствія, которыя происходятъ отъ нашихъ дѣлъ, то всѣ бы полководцы воевали безпечно, и какая нужда была бы тогда заботиться кому-нибудь о своихъ упражненіяхъ? Мнѣ чувствительно, когда я долженъ ваши рапорты, такъ какъ они есть, представлять Двору, ибо увидятъ изъ оныхъ, что ваше с—ство въ одномъ описываете своихъ войскъ недостатки въ амуниціи и провіантѣ, въ другомъ — говорите, что въ городѣ Бухарестахъ сложенная амуниція и пропитаніе васъ отягощаютъ“.

---

[1]) Сборн. Рус. Истор. Общ. XIII, 116.

[2]) Сочин. Екатер. II-й, т. III, стр. 231.

Репнинъ получилъ увольненіе за-границу для излѣченія отъ болѣзни. Занявшій его мѣсто генералъ Эссенъ, въ августѣ, подступилъ къ Журжѣ, но потерпѣлъ неудачу, причемъ почти всѣ офицеры были убиты или ранены, нижнихъ чиновъ выбыло изъ строю около 2,000. Екатерина писала Румянцеву: „Въ удачныхъ предпріятіяхъ я васъ поздравляла; нынѣ въ неудачномъ случаѣ, когда генералъ-поручикъ Эссенъ не успѣлъ взять Журжу, но самъ съ большою потерею остался, я вамъ также скажу свое мнѣніе: я о томъ хотя весьма сожалѣю, но что же дѣлать?—гдѣ вода была, опять вода быть можетъ. Богъ много милуетъ насъ, но иногда и наказуетъ, дабы мы не возгордились. Но какъ мы въ счастіи не были горды, то надѣюсь, что и неудачу снесемъ съ добрымъ духомъ. Сіе же несчастіе я надежна, что вы не оставите поправить, гдѣ случай будетъ. Болѣе всего мнѣ прискорбна великая потеря храбрыхъ людей: еще ни одна баталія во всю войну намъ такъ много людей не стоила. Впрочемъ, стараться буду оную наградить и привести армію въ наипочтительнѣйшее состояніе, нежели еще была“ [1]). Вода дѣйствительно явилась тамъ, гдѣ была прежде: Эссенъ взялъ, наконецъ, Журжу.

Блистательнѣе шли дѣла при наступательныхъ движеніяхъ за Дунай лѣваго крыла. Въ мартѣ генералы Вейсманъ и Озеровъ сдѣлали очень удачный поискъ на Тульчу, овладѣли всѣми ея батареями, заклепали 23 пушки, сожгли 8 судовъ, убили у Турокъ больше 500 человѣкъ, не имѣя при себѣ ни одного орудія, и съ торжествомъ отплыли назадъ, въ Измаилъ, на своихъ очень ненадежныхъ судахъ. Въ апрѣлѣ Вейсманъ и Озеровъ сдѣлали поискъ на Исакчи, также овладѣли батареями и сожгли большіе магазины, наполненные хлѣбомъ. Въ маѣ Потемкинъ сжегъ городъ Цыбры, магазины, взялъ 14 большихъ и 100 малыхъ судовъ. Въ іюнѣ Вейсманъ и Озеровъ опять отправились къ Тульчѣ, овладѣли всѣмъ городомъ, кромѣ зàмка, истребили до 2,000 непріятелей. Въ октябрѣ Вейсманъ и Озеровъ въ третій разъ приступили къ Тульчѣ и заняли зàмокъ, брошенный гарнизономъ, который бѣжалъ къ Бабадагу; Русскіе пошли по его слѣдамъ, и, не доходя четырехъ верстъ отъ Бабадага, открыли обширный лагерь самого великаго визиря. Удачное дѣйствіе русской артиллеріи заставило визиря отступить отъ Бабадага, который достался побѣдителямъ съ большими запасами и былъ сожженъ. Въ то же время Милорадовичъ взялъ Мачинъ, Якубовичъ—Гирсово. Вейсманъ кончилъ походъ взятіемъ Исакчи. Въ концѣ октября первая армія уже была расположена на зимнихъ квартирахъ; главная квартира была перенесена въ Яссы.

Мы видѣли, что по петербургскому плану вторая армія должна была въ этомъ году предпринимать наступательное движеніе на Крымъ; чтобъ выговорить важное условіе независимости Татаръ, нужно было принудить ихъ отторгнуться отъ Порты. Еще въ концѣ 1770 года вторая армія перемѣнила своего начальника. Графъ Петръ Панинъ не могъ равнодушно снести неравенства славы и наградъ, которыя выпали на его долю въ сравненіи съ главнокомандующимъ первою арміею и съ начальникомъ морской экспедиціи. Имена кагульскаго и чесменскаго побѣдителей гремѣли по всей Россіи и Европѣ; взятіе Бендеръ прошло сравнительно незамѣтно. Разумѣется, Панинъ и друзья его считали себя въ правѣ жаловаться, что въ то время, когда главнокомандующему первою арміею открыта была возможность перевѣдываться въ чистомъ полѣ съ толпами Татаръ и Турокъ, причемъ успѣхъ европейскаго качества надъ азіатскимъ количествомъ былъ обезпеченъ, главнокомандующій второю арміею долженъ былъ осаждать сильную крѣпость,—а было извѣстно, какъ Турки, не выдерживая въ чистомъ полѣ противъ европейскихъ войскъ, упорно защищаются за стѣнами крѣпостей. Но эта жалоба, на которую обращаетъ вниманіе исторія, не имѣла значенія для большинства современниковъ, которые никакъ не могли приравнивать взятіе Бендеръ съ Кагульскою или Чесменскою побѣдою, тѣмъ болѣе-что взятіе Бендеръ дорого стоило, и это производило печальное впечатлѣніе. Панинъ былъ заслоненъ Румянцевымъ и Алексѣемъ Орловымъ; подвигъ его не былъ оцѣненъ, въ его глазахъ, по достоинству: его не сдѣлали фельдмаршаломъ, рескриптъ ему былъ кратокъ и сухъ; Панинъ жаловался, что и сподвижники его не были награждены какъ слѣдовало. Панинъ сталъ толковать о своей болѣзни, наконецъ подалъ въ отставку; если при этомъ онъ надѣялся на вліяніе брата, на свою незамѣнимость, то обманулся въ надеждѣ: императрицу раздражали претензіи на сравненіе съ Румянцевымъ и Орловымъ; у Паниныхъ были сильные враги, которые поспѣшили увѣрить, что незамѣнимости нѣтъ, и просьба Панина объ отставкѣ была принята; на его мѣсто назначенъ князь Василій Михайловичъ Долгорукій. Англійскій посланникъ, лордъ Каткартъ, надѣявшійся въ проведеніи своего дѣла преимущественно на графа Никиту Панина, является органомъ Панинской партіи, и потому донесенія его для насъ любопытны. „Ея и. в—ство и графъ Панинъ (Никита) въ настоящую минуту до нѣкоторой степени избѣгаютъ другъ друга“, писалъ Каткартъ, „такъ какъ генералъ Панинъ, по причинѣ нездоровья, подалъ въ отставку. Генерала не произвели въ фельдмаршалы. Онъ думаетъ, что съ арміею его дурно поступали, на его рекомендаціи не обращали вниманія, его успѣхи унижены. Онъ горячъ; враги раздражали его и достигли своей цѣли“. Князя Долгорукаго Каткартъ называетъ неспособнѣйшимъ человѣкомъ, котораго выдвинулъ Чернышевъ, чтобъ постановить вторую армію въ такую же зависимость отъ себя, въ какой была первая, когда находилась подъ начальствомъ

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. V, 145; XIII, 159.

князя Голицына [1]); о Панинѣ же отзывается такъ: „Генералъ Панинъ, уважаемый, любимый офицерами и солдатами, по взятіи Бендеръ, составлявшемъ цѣль похода, принужденъ былъ выйти въ отставку, потому что не отдали справедливости достойнымъ людямъ, которыхъ онъ рекомендовалъ". Здѣсь любопытно выраженіе, что взятіе Бендеръ составляло цѣль кампаніи: такъ обыкновенно партіи не церемонятся съ правдою, когда имъ надобно возвысить своего и унизить противника.

Новый главнокомандующій второю арміею долженъ былъ исключительно имѣть въ виду Крымъ; но еще при Панинѣ сношенія съ Татарами были поручены управлявшему Слободскою губерніею, генералъ-маіору Щербинину. Для Панина, занятаго подъ Бендерами, это было большое облегченіе; но Долгорукій взглянулъ на дѣло иначе. Еще въ декабрѣ 1770 года, будучи въ Совѣтѣ, онъ заявилъ ему о неудобствѣ, какое можетъ произойти отъ того, что переговоры съ Татарами, независимо отъ него, поручены Щербинину. Совѣтъ долго улаживалъ это дѣло, наконецъ рѣшилъ, чтобъ Щербининъ производилъ сношенія съ Татарами непосредственно, но въ то время, когда начнутся военныя дѣйствія, долженъ зависѣть отъ Долгорукаго [2]). Послѣдній не былъ и этимъ доволенъ; онъ писалъ Панину: „Къ крайнему моему сожалѣнію, изъ высочайшаго рескрипта усмотрѣлъ я, что сія негоціація въ произвoдство ввѣрена Евдокиму Алексѣевичу (Щербинину), и какъ сіе почитаю я за крайнѣйшую немилость, и сколь много сіе нечаянное приключеніе повергаетъ меня въ несносную печаль, что не удостоился получить отъ ея в—ства сей довѣренности. Всепокорнѣйше и нижайше ваше сіятельство, какъ моего отмѣннаго благодѣтеля и патрона, прошу показать мнѣ ваше въ моей горести къ утишенію одолженіе, чтобъ сія негоціація была препоручена мнѣ, и избѣгнулъ бы я тѣмъ не только отъ собственныхъ своихъ подкомандныхъ, но и отъ цѣлаго свѣту нареканія; если столько буду счастливъ получить оное, то за верхъ моего благополучія поставлю и буду считать, что я получаю руководствомъ вашего сіятельства" [3]). Объ этомъ же писалъ Долгорукій и самой императрицѣ, которая рѣшила, чтобъ Долгорукій сносился съ Крымцами, а Щербининъ—съ отложившимися отъ Порты Ногаями, но чтобъ первый имѣлъ и здѣсь начальническое значеніе. Долгорукій успокоился и писалъ, что самъ находитъ нужду и пользу, чтобъ Щербининъ былъ при татарской коммисіи.

Новый главнокомандующій хотѣлъ попытаться уладить дѣло переговорами. Въ январѣ отправился въ Крымъ переводчикъ Мавроевъ, и за отсутствіемъ хана Селимъ-Гирея былъ принятъ роднымъ братомъ его, калгою, но потомъ посаженъ подъ стражу, и сидѣлъ 22 дня. Въ совѣтахъ съ вельможами калга объявилъ свое намѣреніе и повелѣніе, чтобъ впредь не принимать русскихъ посланцовъ, которые пріѣзжаютъ для возмущенія Крымскаго народа; если кто будетъ присланъ, то брать подъ караулъ и вѣшать на позоръ Россіи, что надобно исполнить и надъ Мавроевымъ, а Джанъ-Мамбетъ-беева двоюроднаго брата Мелиса-мурзу и Али-агу, которые пріѣхали вмѣстѣ съ Мавроевымъ, сжечь живыхъ. Но одинъ изъ султановъ, Шагинъ-Гирей, потомокъ Хаджи-Гирей-хана, и главный изъ духовныхъ, Казаскеръ-эффенди подали голосъ противъ, говоря, что если калга своего повелѣнія не отмѣнитъ, то зналъ бы, что отъ гибели одного человѣка Россіи, и двоихъ Едисанской ордѣ никакого ущерба не послѣдуетъ; но когда Крымъ отъ Турціи помощи не получитъ, то отъ Россіи нечего будетъ ждать милости. Въ случаѣ, если бы калга не отмѣнилъ своего намѣренія, Шагинъ-Гирей обѣщалъ самъ освободить Мавроева изъ-подъ караула и въ цѣлости препроводить до русскихъ границъ. 15-го февраля Казаскеръ-эффенди ночью призвалъ къ себѣ Мелиса-мурзу и Али-агу и объявилъ имъ, что калга приказалъ написать въ Россію письмо, которое и написано; содержаніе его двоякое, т-е., чтобъ Россіи не досадить и не навести на себя подозрѣнія Порты; но онъ, эффенди, не будетъ смотрѣть на такія аллегоріи, и какъ писалъ къ Джанъ-Мембетъ-бею, такъ и сдѣлаетъ: при наступленіи весны выѣдетъ въ степь и соединится съ Едисанскою ордою. Черезъ два дня послѣ этого Мавроева выслали изъ Бакчисарая.

Едисанская орда весною кочевала у Конскихъ Водъ; при переходѣ черезъ Днѣпръ, Запорожцы не преминули ее пограбить, и, чтобъ успокоить Ногаевъ, русское правительство должно было заплатить имъ за пограбленное до 14,000 рублей. Къ Джанъ-Мамбетъ-бею пріѣхалъ старый знакомый Веселицкій, къ которому немедленно явился пріятель Абдулъ-Керимъ-эффенди, и клятвенно увѣрялъ въ вѣрности и твердости всѣхъ Едисанцевъ, Буджаковъ и Джамбулуковъ; объявилъ, что Джанъ-Мамбетъ-бей и все благонамѣренное общество очень желаетъ выбрать въ ханы, если императрицѣ угодно, Шагинъ-Гирея, который передъ этимъ былъ воеводою или сераскиръ-султаномъ надъ Едисанцами: этотъ султанъ не только преданъ Россіи и навсегда останется ей вѣренъ, но и человѣкъ онъ очень разумный и праводушный. Эффенди прибавилъ, что „мурзы съ Крымскими Татарами охотно вышли бы къ благонамѣреннымъ ордамъ подъ покровительство Россійской имперіи, но нѣкоторые изъ ширинoвъ, прельщенные подарками и увѣщаніями калги, согласились съ нѣкоторыми муллами и съ Джалимъ-беемъ, старшимъ надъ ширинами, зятемъ нынѣшняго хана, чтобъ перечить другимъ; они упираютъ на одну статью алкорана, которая говоритъ: если мусульманскій народъ, не видя ни-

---

[1]) Въ другомъ донесеніи Каткартъ выражается еще рѣзче: The command of the second army given to pr. Dolgorouky, a man called a beast by all parties. Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 160.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта, годъ 1771.

[3]) Дѣла Крымскія 1771 года.

какой опасности отъ меча и огня, осмѣлится нарушить свою присягу отступленіемъ отъ единовѣрнаго государя и передаться иновѣрной державѣ, то навѣки долженъ быть проклятъ; если же предвидится неминуемая гибель, то нужда законъ перемѣняетъ и нарушить присягу позволяется. Поэтому между ними и постановлено: до тѣхъ поръ не отступать отъ Порты, пока не увидятъ крайней опасности отъ русскаго войска". Пришелъ самъ Джанъ-Мамбетъ-бей и говорилъ то же самое о Шагинъ-Гиреѣ: „Хочу къ нему писать, чтобъ выѣхалъ къ намъ изъ Крыму, потому что съ его выѣздомъ между Крымцами послѣдуетъ великая перемѣна,—изъ всѣхъ Гиреевъ одинъ этотъ султанъ всѣмъ народомъ любимъ".

Такимъ образомъ, для отторженія Крымцевъ отъ Порты нужно было показать имъ опасность отъ меча и огня, нужно было предпринять походъ во внутренность ихъ полуострова. 25-го мая вторая армія собралась при рѣчкѣ Маячкѣ, и 14-го іюня овладѣла Перекопскою линіею, которую защищали 50,000 Татаръ и 7,000 Турокъ,подъ начальствомъ самого хана Селимъ-Гирея. Ханъ ушелъ—и крѣпость Перекопъ сдалась. По словамъ Долгорукаго, Русскіе овладѣли линіею почти безъ урона. Князь Щербатовъ взялъ приступомъ крѣпость Арабатъ; Козловъ былъ занятъ безъ сопротивленія. Къ Крымцамъ былъ отосланъ знатный плѣнникъ, Эмиръ-ханъ-ага съ увѣщательнымъ письмомъ. 22-го іюня, когда Долгорукій стоялъ уже на Салгирѣ, Эмиръ-ханъ возвратился вмѣстѣ съ двумя крымскими вельможами Ширинскаго поколѣнія, и привезъ отвѣтное письмо за рукою и печатью пяти ширинскихъ князей, 14 знаменитой породы дворянъ и троихъ главныхъ духовныхъ лицъ. Они просили пятидневнаго перемирія; Долгорукій согласился. Въ четвертый день срока, подъ вечеръ, пріѣхалъ отъ дворянства Азаметъ-ага съ просьбою: чтобъ позволено было имъ выслать Турокъ изъ Кафы безъ всякаго для нихъ вреда отъ русскаго войска; чтобъ настоящій ханъ остался въ своемъ достоинствѣ и чтобъ русскія войска, послѣ подписанія Татарами акта о вступленіи въ дружбу съ Россійскою имперіею, выступили изъ Крыма. Но Долгорукій, примѣтя, что эти ихъ новыя затѣи употребляются только для выигранія времени, чтобъ дождаться изъ Анатоліи вспомогательнаго войска, отвѣчалъ, что отъ даннаго слова не отступаетъ, и что если завтра сановники не пріѣдутъ съ подписаннымъ актомъ, то онъ ударитъ на турецкое войско при Кафѣ, а съ Татарами будетъ поступать безъ пощады, какъ съ непріятелями. Сановники въ срокъ не пріѣхали; пріѣхали два простыхъ Татарина съ письмомъ отъ ширинскихъ князей и духовенства, которые объявляли готовность вступить подъ покровительство императрицы. На вопросъ, для чего къ сроку не присланы сановники, посланцы отвѣчали, что опасались Турокъ и хана, который съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему Татаръ и Ширинъ, стоитъ у рѣки Меньшой Карасу. Долгорукій велѣлъ ихъ спросить: какую надежду полагаютъ они на хана Селимъ-Гирея, который старается повергнуть ихъ въ крайнее несчастіе, совѣтуя не вступать въ союзъ съ Россіею, и можетъ ли онъ имъ благодѣтельствовать по освобожденіи изъ турецкаго подданства, когда все его семейство и имѣніе находятся въ Румеліи? Не могутъ ли они изъ Гиреевъ найти другого достойнаго? На это посланцы отвѣчали, что часто по-году и больше Крымъ управляется Ширинами и прочими чинами до утвержденія Портою новаго хана: слѣдовательно и теперь на первый случай они могутъ обойтись безъ хана. Долгорукій далъ еще 4 дня срока для пріѣзда депутатовъ и аманатовъ съ подписаннымъ актомъ союза.

Но въ это время главнокомандующему донесли, что къ Туркамъ подъ Кафою прибываютъ подкрѣпленія. Долгорукій при такихъ обстоятельствахъ не счелъ возможнымъ дожидаться Татаръ: 29 іюня онъ пошелъ на турецкій лагерь и овладѣлъ имъ, послѣ чего городъ Кафа сдался; Турки при этомъ потеряли болѣе 3,500 человѣкъ. Турки, находившіеся въ Керчи, узнавъ объ этихъ событіяхъ, поспѣшили отплыть на судахъ, и Русскіе заняли Керчь безпрепятственно; то же случилось и съ Еникале. Тутъ явились крымскіе посланцы и были приняты холодно. Они навѣдывались: если изберутъ хана, то можетъ ли онъ смѣняться, или останется ханомъ на всю жизнь, и когда всѣ крѣпости и пристани заняты будутъ русскими гарнизонами, то остальная русская армія останется ли въ Крыму.—Имъ отвѣчали, что ханъ будетъ безсмѣнный; что же касается арміи, то это зависитъ отъ императрицы. 7 іюля пріѣхалъ къ Долгорукому въ лагерь подъ Кафою знатный Татаринъ Мустафа-ага съ письмомъ отъ Ширинскаго князя Джаханъ-Гирея и Богадырь-аги, которые увѣдомляли, что крымское начальство, видя несклонность хана Селимъ-Гирея къ ихъ доброму намѣренію, по общему разсужденію и согласію, избрало ихъ обоихъ главными начальниками во всемъ крымскомъ правленіи до возведенія новаго хана по высочайшему одобренію императрицы. Мустафа-ага, который былъ сынъ Богадырь-аги, оставался заложникомъ до прибытія пословъ и аманатовъ. 9 іюля эти послы и аманаты пріѣхали, пріѣхали и двое депутатовъ отъ владѣтеля Таманскаго острова Ахмедъ-бея, который также отдавался въ покровительство императрицы. Ханъ Селимъ-Гирей прислалъ также письмо съ объявленіемъ, что намѣренъ вступить въ дружбу съ Россіею; князья, аги и духовенство прислали письмо, въ которомъ увѣдомляли, что положили имѣть ханомъ того же Селимъ-Гирея, который желаетъ союза и дружбы съ Россіею; что же касается бывшихъ при немъ султановъ, то они, не соглашаясь на Русскій союзъ, сѣли на суда и отправились въ Царьградъ. Но ханъ Селимъ-Гирей не дождался отвѣта на свое письмо: свѣдавъ о приближеніи къ Бакчисараю русскихъ войскъ, назначенныхъ для занятія гаваней—Ба-

лаклавы, Бельбека и Ялты, и вообразивъ, что подъ видомъ этого занятія скрывается намѣреніе схватить его, побѣжалъ изъ деревни Альмы къ Ялтѣ, гдѣ стояли заготовленныя для него суда, сѣлъ на нихъ со всѣми своими и отплылъ въ Румелію. Этотъ отъѣздъ хана далъ возможность Джаханъ-Гирею и Богадырь-агѣ отправиться въ Карасу-Базаръ, созвать всѣхъ Ширинъ, чиновниковъ, дворянство и духовенство для подписанія и утвержденія печатями присяжнаго листа и для совѣщанія объ избраніи хана. 27 іюля пріѣхалъ къ Долгорукому изъ Карасу-Базара ширинскій мурза Измаилъ, объявилъ объ утвержденіи вѣчной дружбы и неразрывнаго союза съ Россіею, и подалъ подписанный 110 именами присяжный листъ, а на другой день пріѣхали два знатныхъ Татарина и объявили объ избраніи въ ханы Сагибъ-Гирея, а брата его, извѣстнаго Шагинъ-Гирея,—въ калги, племянника ихъ, Батырь-Гирея,—въ нурадинъ-султаны. Посланные, отъ имени всего общества, ручались за вѣрность избранныхъ, какъ неимѣющихъ никакой привязанности къ Портѣ, отъ которой вовсе отторглись, что потвердили клятвою предъ цѣлымъ обществомъ; съ Русскою же имперіею вступили въ вѣчную дружбу и неразрывный союзъ подъ высочайшую протекцію и ручательство императрицы. Посланные при этомъ объявили Долгорукову: на Кубанской сторонѣ есть 12 разныхъ родовъ татарскихъ между Черкесами, Абазинцами и Ногаями, которые роды издавна зависѣли отъ крымскихъ хановъ, и теперь обѣщали остаться нераздѣльными собратіями, почему крымское правительство намѣрено отправить пословъ для склоненія ихъ къ вѣчной дружбѣ съ Россіею. Некрасовцевъ, которые безъ сомнѣнія не откажутся соединиться съ ними же, просили оставить на прежнихъ мѣстахъ и подъ крымскою властью. Долгорукій обѣщалъ [1]).

Екатерина была очень довольна дѣйствіями второй арміи, которыя напоминали прошлогоднія блестящія дѣйствія первой арміи и флота. Радость императрицы видна въ письмѣ ея къ Долгорукову: „Вчерашній день (17 іюля) обрадована я была вашими вѣстниками, кои пріѣхали другъ за другомъ слѣдующимъ порядкомъ: на разсвѣтѣ—Конной Гвардіи секундъ-ротмистръ кн. Иванъ Одоевскій со взятіемъ Кафы, въ полдень—гвардіи подпоручикъ Щербининъ съ занятіемъ Керчи и Еникале, и предъ захожденіемъ солнца—артиллеріи поручикъ Семеновъ съ ключами всѣхъ сихъ мѣстъ и съ вашими письмами. Признаюсь, что хотя Кафа и великъ городъ и путь морской, но Еникале и Керчь открываютъ входъ г. Синявину водой въ тотъ портъ, и для того они много меня обрадовали. Благодарствую вамъ и за то, что вы не оставили мнѣ дать знать, что вы уже подняли русскій флагъ на Черномъ морѣ, гдѣ давно не казался, а нынѣ вѣетъ на тѣхъ судахъ, кои противу насъ непріятель употребить хотѣлъ и трудами вашими отъ рукъ его исторгнуты“. Долгорукій получилъ Георгіевскій орденъ первой степени, 60,000 рублей денегъ, табакерку съ портретомъ императрицы; сынъ его произведенъ въ полковники [2]).

Легкое дѣло—покореніе Крыма—было кончено; начиналось самое трудное:—утвержденіе, такъ-называемой, независимости его. Несмотря на то, что хищническіе набѣги Крымцевъ на русскія и польскія—т.-е. тоже русскія—окраины, повидимому, прекратились, въ Крыму томилось въ неволѣ не мало Русскихъ людей; число ихъ увеличилось послѣ татарскаго нашествія въ началѣ войны; кромѣ Русскихъ, были христіанскіе рабы изъ другихъ народовъ. Торжество русскаго оружія въ Крыму, разумѣется, должно было сопровождаться немедленнымъ освобожденіемъ Русскихъ и вообще христіанскихъ рабовъ. Князь Долгорукій потребовалъ этого освобожденія; но чтобъ не возбудить негодованія черни, общество главнѣйшихъ Ширинъ, знатное дворянство и духовенство взялись изъ общихъ земельныхъ доходовъ заплатить за плѣнныхъ христіанъ: за мужчинъ по 100, а за женщинъ—по 150 левковъ. Посредствомъ такого выкупа, въ армію приведено было мужчинъ и женщинъ 1,200 человѣкъ; многіе солдаты, особенно изъ поселенныхъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ, нашли между ними своихъ женъ и дѣтей. Но какъ скоро между рабами пронеслась вѣсть, что ихъ освобождаютъ, то не стали дожидаться опредѣленнаго для выкупа срока и бросились бѣжать къ войску; такихъ бѣглецовъ въ августѣ мѣсяцѣ при арміи было уже до 9,000 душъ. По уговору съ Крымцами, русскій главнокомандующій велѣлъ поднять кресты на 12 греческихъ церквахъ въ Кафѣ и снабдить ихъ колоколами; также по всѣмъ городамъ и селамъ начали поправлять греческія церкви. Но легко понять, какими глазами долженъ былъ смотрѣть на все это Татаринъ.

Немедленно же начались столкновенія и съ новымъ ханомъ. Князь Долгорукій увѣдомилъ Сагибъ-Гирея, что въ крымскихъ крѣпостяхъ останутся русскіе гарнизоны для защиты отъ Турокъ, и что Крымцы должны доставлять этимъ гарнизонамъ топливо. Ханъ отвѣчалъ, что Крымъ отъ Порты отторгся, слѣдовательно самъ долженъ защищаться отъ нападенія, и притомъ въ нынѣшнемъ году никакой опасности отъ Турокъ ожидать нельзя, потому что время корабельнаго хода миновалось; Крыму безъ русскаго войска была бы лучшая вольность; а на будущій годъ, если станетъ грозить опасность, ханъ дастъ знать о ней главнокомандующему; Крымскій народъ и безъ того разоренъ, и безденежно не можетъ давать русскому войску отопленія. Долгорукій отвѣчалъ: „Хотя до апрѣля мѣсяца никакой опасности съ турецкой стороны ожидать нельзя, однако я гарнизоны вывести власти не имѣю, ибо оные введены въ силу повелѣній моей государыни, а вашей великодушнѣйшей покрови-

[1]) Дѣла Крымскія 1771 года.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, 128.

тельницы и щедрѣйшей благодѣтельницы". Относительно отопленія главнокомандующій распорядился, чтобъ солдаты были размѣщены въ христіанскихъ домахъ, гдѣ будутъ пользоваться тепломъ сообща съ хозяевами; гдѣ же нѣтъ христіанскихъ домовъ,— то въ порожнихъ магометанскихъ, и только въ этомъ случаѣ Татары должны доставлять имъ топливо

Русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при ханѣ назначенъ былъ извѣстный намъ канцеляріи-совѣтникъ Веселицкій. Онъ долженъ былъ вручить Сагибъ-Гирею актъ, въ которомъ говорилось, что Крымская область учреждается вольною и ни отъ кого независимою; и такъ какъ это сокровище получено единственно отъ человѣколюбія и милосердія ея и. в—ства Великой Екатерины, то Крымская область вступала въ вѣчную дружбу и неразрывный союзъ съ Русскою имперіею подъ сильнымъ покровительствомъ и ручательствомъ ея самодержицы. Ханъ обязывается не вступать съ Портою ни въ какое соглашеніе. Веселицкій долженъ былъ требовать подписанія этого акта и также требовать просительнаго къ императрицѣ письма, чтобъ приняла подъ свою власть города Керчь, Еникале и Кафу. Назначенные для переговоровъ съ Веселицкимъ вельможи отвѣчали на послѣднее требованіе: „Какая же будетъ свобода и независимость, когда въ трехъ главныхъ мѣстахъ будетъ находиться русское войско?—народъ нашъ всегда будетъ безпокоиться насчетъ слѣдствій этой уступки, опасаясь такого же угнетенія, какое мы терпѣли во время турецкаго владычества въ этихъ городахъ. Веселицкій представлялъ, что это дѣлается для ихъ благоденствія; что отъ Порты надобно всегда и всего опасаться, и будутъ они подвержены гибели вслѣдствіе отдаленности своей отъ русскихъ предѣловъ; спрашивалъ: могутъ ли они защищаться собственнымъ войскомъ. Татары все это выслушали безъ возраженій, но отвѣчали просьбою, нельзя ли ихъ избавить отъ этой новости, какъ они выражались. Тогда Веселицкій объявилъ имъ, что если они этого требованія не исполнятъ, то онъ не приступитъ ни къ чему другому. Ханъ созвалъ всѣхъ старшинъ для совѣта объ уступкѣ Керчи, Еникале и Кафы. Совѣтъ продолжался пять дней сряду, и 7 ноября присланы были знатные люди къ Веселицкому съ объявленіемъ, что духовенство находитъ эту уступку противною ихъ вѣрѣ, и такъ какъ Русское правительство объявило, что оно не будетъ требовать ничего противнаго мусульманской религіи, то они на отдачу городовъ согласиться не могутъ. Веселицкій отвѣчалъ, чтобъ они пункты вѣры оставили, потому что содержаніе алкорана и христіанамъ извѣстно: избавители отъ порабощенія, доставившіе совершенную вольность и спокойствіе цѣлому обществу и землѣ, и остающіеся ихъ защитниками, признаются и по алкорану дѣйствительными благодѣтелями. Татары, по обстоятельствамъ, не могли возражать, но тѣмъ болѣе раздражались напоминаніями о непрошенныхъ благодѣяніяхъ; они упорно оставались при своемъ, и Веселицкій долженъ былъ уступить, согласился, чтобъ они отправили къ императрицѣ просьбу о нетребованіи у нихъ городовъ, замѣтилъ однако при этомъ, чтобъ они пеняли на себя, если разгнѣваютъ государыню, которая можетъ сдѣлать Ногаевъ вольными и независимыми, и дозволить имъ выбрать себѣ особаго хана. „Если-бъ", писалъ Веселицкій Долгорукому, „у меня знатная денежная сумма была, то всѣ бы затрудненія, преткновенія и упорства, и самый пунктъ вѣры былъ бы преодоленъ и попранъ, ибо этотъ народъ, по корыстолюбію своему, въ пословицу ввелъ, что деньги суть вещи, дѣла совершающія; а безъ денегъ трудно обходиться съ ними, особенно съ духовными ихъ чинами, которые къ деньгамъ болѣе другихъ падки и лакомы. Ханъ, всѣ старшины и большая часть чиновныхъ людей благонамѣренны и весьма преданы въ нашу сторону, но за духовенство не ручаюсь, которое развѣ подарками денежными можетъ быть преклонено".

Но еще прежде отсылки этой просьбы о нетребованіи городовъ, въ Петербургъ отправился изъ Крыма посломъ калга Шагинъ-Гирей. Его приняли очень любезно, какъ человѣка, извѣстнаго своею преданностью къ Россіи: назначили по 100 рублей въ день на содержаніе. Но и съ этимъ преданнымъ Татариномъ не замедлили обнаружиться столкновенія. Шагинъ потребовалъ, чтобъ графъ Панинъ *первенствующій* министръ, какъ онъ назывался, первый сдѣлалъ ему визитъ. На это не соглашались, видя въ Шагинѣ посла отъ татарскаго улуса; но калга не считалъ себя простымъ посломъ. Любопытенъ разговоръ, происходившій по этому случаю между Шагинъ-Гиреемъ и приставленнымъ къ нему чиновникомъ Иностранной Коллегіи Пиніемъ. *Шагинъ:* „Дѣйствительство, Всероссійская имперія сдѣлала вольнымъ народъ Татарскій, бывшій въ зависимости отъ Порты Оттоманской по причинѣ Мекки и Медины; и народъ Татарскій надѣется отъ Всероссійской имперіи, что она его возвыситъ, а не унизитъ, не сдѣлаетъ презрѣннымъ. Чтобъ не сравнивали меня съ министрами другихъ державъ: я не министръ, и не отправленъ ни отъ хана, ни отъ народа Татарскаго, но пріѣхалъ добровольно, чтобъ наиболѣе распространить и крѣпче утвердить дружбу". *Пиній:* „Примѣръ другихъ министровъ представляется единственно въ доказательство наблюдаемаго въ имперіи правила; оно наблюдается съ министрами, представляющими персоны государей ихъ, и потому не можетъ нанести чести вашей ни малѣйшаго повреждения". *Шагинъ:* „Въ волѣ вашей дѣлать то, что за благо признаете; я не иное что, какъ глыба земли; однако я древняго поколѣнія Али Чингисъ-Хана; а при Портѣ Оттоманской верховный визирь ханамъ дѣлаетъ первое посѣщеніе". *Пиній:* „Ханамъ такъ, но не султанамъ; это я навѣрное знаю, живши столько лѣтъ въ Константинополѣ". *Шагинъ:*

„Такъ, визирь не дѣлаетъ перваго визита султанамъ, но трехбунчужные паши дѣлаютъ". *Пиній:* „Большая разница между трехбунчужнымъ пашою и верховнымъ визиремъ, съ которымъ совершенно въ одномъ положеніи находится графъ Панинъ, первенствующій ея и. в—ства министръ". *Шагинъ:* „Хорошо, я съ этимъ согласенъ; однако прошу, чтобъ мнѣ уступлены были эти два пункта—одинъ, чтобъ мнѣ сдѣланъ былъ визитъ, а другой, чтобъ не принуждали снять шапку, когда буду имѣть аудіенцію у ея и. в—ства". *Пиній:* „Первенствующій министръ велѣлъ мнѣ рѣшительно дать знать, что это невозможно". *Шагинъ:* „Очень хорошо, въ волѣ ихъ дѣлать, что хотятъ; я прошу, чтобъ эта честь мнѣ была оказана; въ моемъ карманѣ лежитъ и въ моей силѣ состоитъ все то, что касается Татарскаго народа".

Послѣ этого разговора калгѣ было прислано письменное объявленіе: „Россійскій Императорскій Дворъ съ удивленіемъ примѣчаетъ упрямство калги-султана въ исполненіи обязанностей характера его по церемоніалу и обрядамъ, всегда и непремѣнно наблюдаемымъ при Высочайшемъ Дворѣ. Гость по справедливости и по пристойности обязанъ больше примѣняться и слѣдовать обыкновеніямъ Двора, при которомъ онъ находится, а не Дворъ — его желаніямъ или прихотямъ. Все, дѣлаемое министромъ и посломъ другихъ державъ, относится къ ихъ государямъ, лицо которыхъ они представляютъ. Калга-султанъ принимается въ такомъ же характерѣ и получитъ честь быть допущеннымъ на аудіенцію ея и. в—ства, какъ посланникъ брата своего, хана Крымскаго, т.-е. верховнаго правителя Татарской области, имѣющій отъ его имени просить о подтвержденіи въ этомъ достоинствѣ, которое онъ получилъ, хотя и по добровольному всего татарскаго общества избранію, однако пособіемъ ея и. в—ства. Итакъ онъ, калга-султанъ, можетъ почитать себя только посланникомъ хана, своего брата; а если бы не такъ было и пріѣхалъ онъ не въ такомъ значеніи, то здѣшній Дворъ не могъ бы его иначе принять, какъ частнаго человѣка, съ уваженіемъ только къ его происхожденію".

Шагинъ-Гирей отсталъ отъ своего требованія относительно визита гр. Панина; но попрежнему не соглашался снимать шапки; онъ говорилъ, что этого не позволяетъ магометанскій законъ; онъ умолялъ пощадить его отъ поступка, который нанесетъ крайнее безславіе на всѣ остальные дни жизни его, и если будетъ приневоленъ снять шапку, то просилъ пожаловать ему пропитаніе и позволеніе остаться навсегда въ Россіи, ибо нельзя ему будетъ возвратиться въ отечество, не подвергаясь всеобщему порицанію, а можетъ быть и ругательству. Тутъ должны были ему уступить. Совѣтъ рѣшилъ позволить калгѣ не снимать шапки и послать ему шапку въ подарокъ съ такимъ объявленіемъ: ея и. в—ство, освободя Татарскіе народы отъ зависимости Порты Оттоманской и признавая ихъ вольными и ни отъ кого, кромѣ единаго Бога, независимыми, изволитъ жаловать имъ при Дворѣ своемъ, по особливому своему благоволенію и милости, тотъ самый церемоніалъ, который употребителенъ относительно другихъ магометанскихъ областей, то-есть Порты Оттоманской и Персидскаго государства, и по этой причинѣ жалуетъ калгѣ шапку, позволяя въ то же время и всѣмъ вообще Татарамъ являться отнынѣ вездѣ съ покрытыми головами, дабы они въ новомъ своемъ состояніи съ другими магометанскими націями пользовались совершеннымъ равенствомъ, тогда какъ прежде Турками только унижаемы были.

Мы видѣли, что о Шагинъ-Гиреѣ отзывались очень хорошо Ногаи, и потому естественно было имѣть его въ виду, какъ будущаго независимаго отъ Крыма Ногайскаго хана. Кн. Долгорукій, познакомившись съ Ногаями, писалъ о нихъ императрицѣ: „О Едисанскихъ и Буджакскихъ ордахъ осмѣливаюсь доложить: онѣ въ такомъ положеніи, а особливо знатные мурзы, что съ Крымцами никакой почти разности я не почитаю, и чтобъ они прежде данную присягу, пока Всевышній не увѣнчаетъ армію в. и. в—ства побѣдою надъ Крымомъ, вспомнили,—того я отъ нихъ не ожидаю, и когда крымское войско противъ меня будетъ сопротивляться, то не сомнѣваюсь я, чтобъ и они въ томъ имъ не участвовали". Потому въ Совѣтѣ была предложена мѣра—отдѣлить Ногаевъ отъ Крымцевъ подъ особое управленіе: пусть Ногайцы изберутъ себѣ другого хана или останутся подъ властію настоящаго своего правителя, Джанъ-Мамбетъ-бея. „Хотя будетъ хлопотливѣе имѣть дѣло съ двумя такими сосѣдями", говорилось въ Совѣтѣ: „однако все же спокойнѣе вслѣдствіе слабости ихъ, происходящей отъ раздѣленія; можно бы постараться также, не удастся ли отдѣлить еще часть отъ Ногаевъ и поселить на пустыхъ мѣстахъ". Но гр. Панинъ былъ противъ этой мѣры: онъ боялся и огорчить Крымскаго хана, и встревожить европейскіе Дворы, какъ будто послѣдніе можно было успокоить, не отдѣляя Ногаевъ отъ Крымцевъ. „Неизвѣстно", говорилъ онъ, „пожелаетъ ли ханъ лишиться Ногаевъ, составляющихъ большинство подвластнаго ему народонаселенія; теперь нужно въ этомъ дѣлѣ сообразоваться съ обстоятельствами и сдѣлать, что можно будетъ; такимъ поведеніемъ можемъ привязать Татаръ къ себѣ и успокоить Дворы, встревоженные нашими пріобрѣтеніями". Совѣтъ согласился съ перевенствующимъ министромъ.

Еще въ февралѣ кн. Долгорукій и Щербининъ доносили императрицѣ, что Джанъ-Мамбетъ-бей неотступно проситъ позволить ему съ своими Ногаями перейти на Кубанскую степь, куда уже нѣсколько единомышленныхъ съ нимъ Едичкуловъ перешло изъ Крыму чрезъ Еникале; онъ обѣщалъ переманить къ себѣ и остальныхъ Едичкуловъ и даже нѣкоторыхъ изъ Крымцевъ. Въ Петербургѣ нашли возможнымъ дать это позволеніе, и провожать Ногаевъ назначенъ былъ подполковникъ

Стремоуховъ, который писалъ Щербинину: „Въ Джанъ-Мамбетъ-беѣ замѣчается колебаніе, гдѣ расположиться. Нѣкоторые изъ стариковъ влекутъ его въ сосѣдство къ Дону, ибо въ тѣхъ мѣстахъ удобнѣе могутъ они голь свою въ продолженіи зимы пропитать; а ему самому и другимъ сильно хочется на Кубань, какъ мѣсто своего воспитанія, но боится горцевъ, чтобъ не стали, по прежнему обыкновенію, похищать у нихъ скотъ и даже людей, и продавать послѣднихъ Кабардинцамъ. Я остаюсь при прежнихъ своихъ похвалахъ усердію и доброму сердцу Джанъ-Мамбетъ-бея; я и теперь вредныхъ для насъ мыслей явно въ немъ еще не примѣчаю, и утверждаю, что онъ человѣкъ не коварный; но слабость его безмѣрна, тупость же и безразсудное ко всѣмъ и всякому изъ своихъ легковѣріе, ежечасно обращающія его на всѣ стороны, даютъ мнѣ основаніе сомнѣваться въ немъ при всякомъ и малѣйшемъ искушеніи. До Міуса, когда всѣ шли розно по своей волѣ, и онъ не имѣлъ отъ меня никакой, кромѣ подчиванія, докуки,—онъ былъ человѣкъ безцѣнный; а какъ я сталъ отъ него требовать нужныхъ распорядковъ, то и открылась вся его слабость". Одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія Ногаевъ было лишеніе христіанскихъ рабовъ, которые бѣжали теперь отъ нихъ къ Русскимъ и находили безопасное убѣжище. Джанъ-Мамбетъ-бей сталъ требовать возвращенія бѣглецовъ, на что, разумѣется, Русское правительство согласиться не могло; но, не желая раздражать Ногаевъ, опредѣлило давать имъ деньги за всѣхъ убѣгающихъ отъ нихъ христіанъ, кромѣ русскихъ подданныхъ, которыхъ они должны были освободить всѣхъ безъ выкупа [1]).

То же требованіе относительно рабовъ предъявили и Кабардинцы. Въ Петербургъ пріѣхали два ихъ владѣльца для засвидѣтельствованія подданства своего народа императрицѣ и съ просьбою, чтобъ городъ Моздокъ былъ уничтоженъ, а бѣгающіе отъ нихъ природные уздени и рабы возвращались, несмотря на то, что будутъ изъявлять желаніе креститься; а за освобожденіе христіанскихъ рабовъ давать господамъ ихъ деньги. Иностранная Коллегія подала императрицѣ докладъ, что Моздокъ уничтожить нельзя: чѣмъ населеннѣе будетъ Кизлярскій край, тѣмъ удобнѣе не только Кабардинцы, но и другіе сосѣдніе варвары будутъ удерживаться въ повиновеніи. Что же касается рабовъ, то вышедшіе до сихъ поръ въ Моздокъ изъ Кабарды тамошніе уроженцы и крестившіеся—по большей части люди подлые и ненадежные, не имѣвшіе никогда случая получить понятіе о законѣ христіанскомъ и употребившіе его только средствомъ къ освобожденію своему отъ природнаго рабства или отъ надлежащаго по своимъ продерзостямъ наказанія; а многіе изъ нихъ, по соглашенію съ своими прежними господами, обокравъ моздокскихъ жителей, назадъ уже сбѣжали. Успокоеніе народа, въ своей сторонѣ довольно значительнаго, кажется, достойно того, чтобъ и навсегда рѣшиться бѣгающихъ отъ кабардинскихъ владѣльцевъ рабовъ не принимать при здѣшнихъ границахъ, а возвращать обратно, какъ не могущихъ желать принятія христіанскаго закона по внутреннему убѣжденію, а единственно изъ постороннихъ и, по большей части, съ святостію закона несовмѣстимыхъ побужденій; а предоставить только свободу самимъ владѣльцамъ и узденямъ выходить въ Моздокъ и Кизляръ для житья и крещенія; за освобожденіе же христіанскихъ невольниковъ платить по 50 рублей; такъ-же поступать и относительно Кумыковъ.—Императрица утвердила докладъ [2]).

Мы видѣли странныя явленія въ русскомъ войскѣ за Кавказомъ; видѣли такъ-же, что императрица рѣшилась отозвать оттуда графа Тотлебена, считая его неспособнымъ къ главному начальству при тамошнихъ условіяхъ. Ему насмѣну отправленъ былъ генералъ-маіоръ Сухотинъ, который сначала писалъ о склонности царей Ираклія и Соломона исполнять волю императрицы; но въ концѣ года писалъ наоборотъ—о противномъ поведеніи царей и князей Грузинскихъ, и о своемъ неудачномъ покушеніи овладѣть крѣпостью Поти по причинѣ усиленія въ его войскѣ болѣзней; взаключеніе и самъ просилъ позволенія ѣхать лѣчиться на воды. Тогда Совѣтъ призналъ безполезнымъ держать долѣе русское войско за Кавказомъ. Императрица согласилась; но, прежде увольненія Сухотина вовсе отъ службы, велѣла разсмотрѣть его поведеніе во время начальствованія закавказскимъ войскомъ. Царь Соломонъ прислалъ письмо съ жалобами на Сухотина и съ просьбою дать ему пороху и пушекъ; Совѣтъ рѣшилъ, что такъ какъ русское войско возвратится изъ-за Кавказа, то можно оставить Соломону лишній порохъ и ядра; но пушки надобны будутъ войскамъ и при ихъ возвращеніи [3]).

12-го ноября 1770 года, графъ Алексѣй Орловъ сдалъ команду надъ флотомъ адмиралу Спиридову и отправился въ Ливорно, но тамъ не остался, а отправился въ Петербургъ. 8-го марта 1771 г. онъ пріѣхалъ въ засѣданіе Совѣта вмѣстѣ съ императрицею. „Генералъ графъ Орловъ", сказала Екатерина, „сдѣлавъ намъ о всемъ томъ, что происходило послѣ Чесменской побѣды, обстоятельное описаніе, о осадѣ Лемносской и о снятіи осады по причинѣ турецкаго сикурса, пришедшаго къ осажденному городу изъ Дарданеллъ, послѣ самовольнаго оставленія контръ-адмираломъ Ельфинстономъ блокады сего прохода. Эльфинстонъ посадилъ на мель на Лемносскихъ меляхъ и потерялъ тутъ же свой восьмидесятный корабль. Генералъ графъ Орловъ видѣлъ, что большая часть кораблей безъ

[1]) Дѣла Крымскія 1771 года.—Архивъ Государ. Сов. того же года.

[2]) Московск. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ.

[3]) Архивъ Госуд. Совѣта. II, стр. 773 и слѣд.

починки не могутъ выдержать зиму на морѣ; почитая же за нужное, чтобъ насъ увѣдомить о всѣхъ бывшихъ происшествіяхъ и требовать дальняго повелѣнія, а притомъ бывъ боленъ сильною лихорадкою и имѣвъ многихъ больныхъ на своемъ бортѣ, пошелъ къ Паросу, гдѣ и нынѣ еще находится адмиралъ Спиридовъ, изъ Пароса же въ Ливорну, откуда намѣренъ былъ отправить генералъ-поручика графа Өедора Орлова, при которомъ вся канцелярія находится, сюда съ рапортомъ и съ требованіемъ повелѣнія; но долговременный карантинъ и болѣзнь задержали въ Мессинѣ генералъ-поручика графа Орлова, что видя генералъ графъ Орловъ, и опасаясь, чтобъ, по причинѣ приближающейся весны, не опоздать, взялъ намѣреніе и самъ поѣхалъ сюда, дабы, за неимѣніемъ при себѣ письменныхъ дѣлъ, сдѣлать обо всемъ словесное объясненіе; сдѣлавъ же оное, требуетъ повелѣнія на будущую кампанію и колико ему надобно будетъ соображать его предпріятія съ прочими поступленіями къ сокрушенію силы Оттоманской имперіи. Совѣтъ имѣетъ, обслушавъ напередъ генерала графа Орлова, постановить общій съ нимъ планъ дѣйствіямъ Средиземнаго моря экспедиціи на будущую кампанію и представить намъ оный на утвержденіе".

Когда Екатерина перестала говорить, началъ свою рѣчь Алексѣй Орловъ: объявилъ, что флотъ находится теперь у острова Пароса и можетъ въ будущемъ маѣ начать кампанію; что ни малѣйшаго недостатка въ пропитаніи не предвидится; потомъ Орловъ разсказалъ прошлогоднюю кампанію и покинутіе Лемноса; описывалъ нравы архипелажскихъ жителей и какъ мало на нихъ можно полагаться; описывалъ выгодное положеніе острововъ, съ которыхъ можно получать все пропитаніе, и заключилъ представленіемъ, что надобно проучить Рагузинцевъ за то, что суда ихъ были въ турецкомъ флотѣ во время Чесменскаго боя.

14-го мая въ Совѣтѣ, въ присутствіи Орлова, читали изготовленные къ нему рескрипты: одинъ — о дѣйствіяхъ флота въ будущую кампанію, а другой — о заключеніи мира съ Портою, если случай представится. Первый заключался въ слѣдующемъ: 1) держаться, сколько возможно, предъ Дарданеллами и запирать тамошній каналъ, чтобъ не допускать подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Константинополь „и тѣмъ самымъ умножать въ тамошнемъ народѣ развратъ, волненіе и огорченіе противу правительства за продолженіе ненавистной ему войны". 2) Когда русскій флотъ будетъ держать такимъ образомъ всѣ острова Архипелага позади себя, то Константинополь будетъ считать ихъ для себя потерянными, по крайней мѣрѣ на все время продолженія войны, и лишится собираемыхъ съ нихъ податей и другихъ поборовъ. Относительно мира говорилось, что Орловъ при первомъ удобномъ случаѣ можетъ внушать Туркамъ, съ которыми ему приведется имѣть сношеніе, что онъ, зная человѣколюбивыя чувства и сильное желаніе императрицы видѣть конецъ пролитію крови человѣческой, охотно взялся бы положить начало мирному дѣлу. Тутъ Орловъ потребовалъ, чтобъ ему предписаны были необходимыя условія мира, и, зная, что въ условіяхъ, принятыхъ Совѣтомъ, заключается требованіе уступки одного изъ архипелажскихъ острововъ, вооружился противъ этого требованія, представляя, что изъ-за него продолжится война съ Турками и Россія вовлечется въ распри съ христіанскими государствами; притомъ въ Архипелагѣ нѣтъ острова, котораго бы гавань не требовала сильныхъ укрѣпленій и средствъ для его удержанія. Укрѣпленія эти будутъ стоить большихъ денегъ, которыя не вознаградятся торговлею, ибо торговля такъ же выгодно можетъ производиться Чернымъ моремъ въ Константинополь. Послѣ долгихъ споровъ, Панинъ написалъ послѣднія условія мира: независимость Татаръ, независимость Молдавіи и Валахіи, или, въ случаѣ ихъ возвращенія Портѣ, послѣдняя должна вознаградить Россію деньгами за военныя убытки; свободное плаваніе по Черному морю; Кабарда попрежнему остается независимою отъ обѣихъ имперій.

Въ засѣданіи совѣта 17 марта Орловъ, въ присутствіи императрицы, повторилъ свои возраженія противъ пріобрѣтенія архипелажскаго острова. Екатерина отвѣчала, что пріобрѣсти островъ она желаетъ болѣе для того, чтобъ Турки имѣли всегда передъ глазами доказательство полученныхъ Россіею надъ ними преимуществъ и, потому, были бы умѣреннѣе въ своемъ поведеніи относительно ея; съ другой стороны,—для установленія нашей торговли тамъ и также доставленія пользы нашимъ мореплавателямъ; однако она не хочетъ, чтобъ эти ея желанія были препятствіемъ къ заключенію мира.— Стали перечитывать сообщенныя Берлинскому Двору условія мира и примѣчанія на нихъ, также послѣднія условія, написанныя Панинымъ въ засѣданіи 14 марта, причемъ императрица заявила, что лучше желаетъ избавить христіанскія княжества Молдавію и Валахію отъ ига, нежели, возвративъ ихъ, получить отъ Турокъ денежное вознагражденіе за военные убытки. Наконецъ, постановлено: непремѣнно добиваться признанія независимости отъ Порты Татаръ, Молдавіи и Валахіи, свободнаго плаванія по Черному морю, острова въ Архипелагѣ, если это не встрѣтитъ большихъ препятствій; Кабарда же остается попрежнему независимою, если Турки признаютъ Очаковъ вольнымъ городомъ [1]).

Адмиралъ Спиридовъ не раздѣлялъ мнѣнія Орлова насчетъ невыгодности пріобрѣтенія острова на Архипелагѣ. Увѣдомляя Орлова о принятіи въ подданство болѣе 20 Архипелажскихъ острововъ, Спиридовъ писалъ: „Отъ нынѣшняго подданства оныхъ Грековъ кажется намъ пользы никакой

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, стр. 368 и слѣд.—Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 65.

нѣтъ, а состоятъ еще и убытки въ прокормленіи бѣдныхъ; но польза выйдетъ сія, ежели мы острова за собою до мира удержимъ: за нынѣшній годъ мы получимъ отъ нихъ добровольно десятую часть всѣхъ ихъ продуктовъ, въ натурѣ или за оные деньгами, также исподоволь и за прошедшій годъ, чего они Туркамъ не заплатили". По мнѣнію Спиридова, при заключеніи мира, надобно было выговорить уступку острова Пароса: „Ежели бы", писалъ адмиралъ, „Англичанамъ или Французамъ сей островъ съ портомъ Аузою и Антипаросомъ продать, то-бъ, хотя и имѣютъ они у себя въ Медитераніи свои порты, не одинъ милліонъ червонныхъ съ радостію-бъ дали". Въ концѣ іюня пріѣхали на флотъ оба брата Орловы, Алексѣй и Θедоръ, и первымъ дѣломъ графа Алексѣя было избавиться отъ приведшаго новую эскадру контръ-адмирала Арфа, Датчанина, какъ избавился отъ Эльфинстона. По поводу увольненія Арфа, Орловъ писалъ императрицѣ: „Если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ повелѣть отправить сюда изъ Россіи новую эскадру, на мѣсто обветшалыхъ кораблей, пріемлю смѣлость всеподданнѣйше просить отъ вашего величества ту высочайшую милость, дабы таковая эскадра состояла изъ россійскихъ матросовъ и офицеровъ, и не иностранцамъ, но россійскимъ была поручена командирамъ, ибо отъ своихъ единоземцевъ не только съ лучшею надеждою всего того ожидать можно, чего отъ нихъ долгъ усердія и любви къ отечеству требуетъ, но еще и въ понесеніи трудовъ, беспокойствъ и военныхъ трудностей довольно уже усмотрѣно между россійскими людьми и иностранцами великое различіе, а притомъ и неразумѣніе иностраннаго языка дѣлаетъ невинное несогласіе и затрудненіе".

Въ іюлѣ графъ Орловъ созвалъ военный совѣтъ, которому предложилъ: для отвлеченія турецкихъ силъ отъ Дуная, чѣмъ облегчится положеніе гр. Румянцева, пройти со всѣмъ флотомъ около морскихъ береговъ, потревожить и разорить жителей. Военный совѣтъ опредѣлилъ: начать военныя дѣйствія отъ острова Негропонта вдоль всего румелійскаго берега до Дарденеллъ, а потомъ вдоль азіатскаго берега, проходя Тенедосскимъ, Мителинскимъ и Хіосскимъ каналами; а чтобъ не оставить непріятеля безопаснымъ и въ южной части, то отправить особую эскадру, подъ начальствомъ гр. Θедора Орлова, къ острову Родосу и вдоль короманскаго берега. Предпріятіе было приведено въ исполненіе: Русскіе высаживались на берега, овладѣвали хлѣбными и лѣсными магазинами, жгли деревни, брали маленькія крѣпости, бросали бомбы въ большія, составляли карты и планы мѣстностей; на островѣ Мителинѣ сожгли адмиралтейство съ строившимися тамъ кораблями. Въ концѣ ноября, по окончаніи похода, гр. Алексѣй Орловъ уѣхалъ опять въ Ливорно [1]).

[1]) Записки Гидрограф. Департамента, VII, 228—346.

Ему не представилось случая сдѣлать Туркамъ мирныя внушенія. Мы видѣли, какое непріятное впечатлѣніе произвело на Екатерину письмо Фридриха II-го о ея мирныхъ условіяхъ съ Турціею. Австріи эти условія могли не понравиться; но Екатерина очень хорошо знала, что Австрія безъ Пруссіи не въ состояніи упорствовать; очень хорошо знала, что Пруссіи надобно заплатить за союзъ съ Россіею, условливающій бездѣйствіе Австріи; знала, въ чемъ можетъ состоять вознагражденіе для Пруссіи,—готова была на это вознагражденіе, готова была вознаградить и Австрію за согласіе на русскія мирныя условія съ Портою, но при оставленіи этихъ мирныхъ условій въ цѣлости. 19 января 1771 года она написала отвѣтное письмо Фридриху, указывая прямо, что при заключеніи мира на его интересы будетъ обращено надлежащее вниманіе; но за это онъ не долженъ быть адвокатомъ Турокъ и находить тяжкими для нихъ условія, которыя она находила очень умѣренными: „Я начну", говорилось въ письмѣ, „съ объявленія Порты. В. в—ство знаете законъ, который я себѣ предписала: не выслушивать никакого мирнаго предложенія, прежде чѣмъ мой министръ не будетъ освобожденъ и ко мнѣ не явится. Ввѣряю в. в—ству мое рѣшеніе, что никогда я не буду вести переговоровъ въ Константинополѣ и даже нигдѣ, прежде чѣмъ Обрѣзковъ ко мнѣ не возвратится; его освобожденія я требую безусловно, а послѣ этого освобожденія, если они предложатъ конгрессъ, я буду согласна. Что касается мирныхъ условій, то я не требую никакихъ пріобрѣтеній собственно для своей имперіи. Обѣ Кабарды и Азовскій округъ принадлежатъ безспорно Россіи: они такъ же мало увеличатъ ея могущество, какъ мало уменьшили его, когда изъ нихъ сдѣлали границу; Россія чрезъ возвращеніе своей собственности выигрываетъ только то, что пограничные подданные ея не будутъ подвергаться воровству и разбоямъ; что стада ихъ будутъ пастись спокойно. Свободное плаваніе по Черному морю есть такое условіе, которое необходимо при существованіи мира между народами. Россія согласилась на ограниченіе этой свободы, уступая, изъ любви къ миру, варварскимъ предразсудкамъ Порты; но миръ нарушенъ съ презрѣніемъ всѣхъ обязательствъ. Если я имѣю право на какое-нибудь вознагражденіе за войну, столь несправедливую, то, конечно, не здѣсь я могу и должна его найти. Я могла бы быть вознаграждена уступкою Молдавіи и Валахіи; но я откажусь и отъ этого вознагражденія, если предпочтутъ сдѣлать эти два княжества независимыми. Этимъ я доказываю свою умѣренность и свое безкорыстіе; этимъ я объявляю, что ищу только удаленія всякой причины къ возбужденію войны съ Портою. Вѣнскій Дворъ не понимаетъ своего прямого интереса, позволяя себѣ такъ живо обнаруживать завистъ относительно этой статьи. Я не отодвигаю своихъ границъ ни на одну линію; остаюсь въ прежнемъ разстоя-

нія отъ его владѣній; если Вѣнскій Дворъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ въ Туркѣ такого слабаго сосѣда, то долженъ быть еще довольнѣе сосѣдствомъ маленькаго Молдо-влахійскаго государства, несравненно болѣе слабаго и равно независимаго отъ трехъ имперій. Если положеніе Турокъ таково, что они должны получить миръ только съ уступками, то они поступятъ очень странно, если уступятъ Бѣлградъ, которымъ спокойно владѣютъ, а не уступятъ княжествъ, которыя уже болѣе не ихъ и возвращеніе которыхъ будетъ всегда зависѣть отъ жребія войны. Притомъ это еще вопросъ: чьи владѣнія имъ желательно увеличить,— Русскія или Австрійскія. Но установленіе независимаго княжества вопросъ рѣшаетъ. Я знаю, что вѣнское министерство, по нынѣшней своей системѣ, много настаиваетъ на равновѣсіи Востока, которое до сихъ поръ не являлось еще съ такимъ блескомъ въ интересахъ западныхъ государей, и выдумкою котораго мы, быть можетъ, обязаны союзу Австріи съ Франціею; я, впрочемъ, готова уступить этому политическому равновѣсію; но кто опредѣлитъ, что балансъ вѣренъ, когда границы турецкихъ владѣній простираются до Днѣстра, и что балансъ нарушенъ, если эти границы находятся на Дунаѣ? Жалко положеніе Востока, если отъ такой разницы въ разстояніи можетъ зависѣть его разрушеніе! Дѣло освобожденія Татаръ есть право человѣчества, котораго требуетъ цѣлая нація: я ей не могу отказать въ помощи. Возстановленіе независимости Татаръ не уменьшаетъ ни въ чемъ могущества Порты и не увеличиваетъ ни въ чемъ могущества Россіи, но отстраняетъ только пограничныя неудобства послѣдней. Вѣнскій Дворъ не имѣетъ Татаръ своими сосѣдями, и потому не имѣетъ никакой причины безпокоиться. Островъ, требуемый мною въ Архипелагѣ, будетъ только складочнымъ мѣстомъ для русской торговли. Я вовсе не требую такого острова, который бы одинъ могъ равняться цѣлому государству, какъ напримѣръ Кипръ или Кандія, ни даже столь значительнаго, какъ Родосъ. Я думаю, что Архипелагъ, Италія и Константинополь даже выиграютъ отъ этого склада сѣверныхъ произведеній, которыя они могутъ получить изъ первыхъ рукъ и слѣдовательно дешевле. Надѣюсь, в. в—ство согласитесь, наконецъ, что если Молдавія и Валахія будутъ провозглашены независимыми, то въ этомъ одномъ островѣ будетъ заключаться все мое вознагражденіе, и что, отказываясь отъ него, я откажусь рѣшительно отъ всего". Защитивъ такимъ образомъ свои мирныя условія, Екатерина въ заключеніи письма даетъ знать, что входитъ въ непосредственныя объясненія съ Вѣнскимъ Дворомъ изъ боязни, что его предубѣжденія противъ Россіи еще болѣе усилятся вслѣдствіе молчанія послѣдней. Показавъ издали эту грозу, Екатерина оканчиваетъ письмо ласковыми внушеніями, чтобъ Фридрихъ содѣйствовалъ дѣлу мира, и намекаетъ, что за содѣйствіе будетъ вознагражденіе: „Прошу в. в—ство содѣйствовать мнѣ къ устраненію всѣхъ препятствій; я не получу добраго мира, если не вооружусь противъ гордости Турокъ и пристрастій, которыя ихъ поддерживаютъ. Но я льщу себя успѣхомъ, если в. в—ство будете смотрѣть на мои дѣла съ тою же дружбою и съ тѣмъ же интересомъ, и, будучи убѣждена, что, по требованію обстоятельствъ, я не пренебрегу ничѣмъ для успѣха вашихъ интересовъ, я съ тѣмъ довѣріемъ обѣщаю себѣ, что ничто не поколеблетъ вашей доброй воли и не замедлитъ вашихъ добрыхъ услугъ" [1]).

Написаніе этого письма совпадало съ отъѣздомъ принца Генриха изъ Петербурга. Но Фридрихъ на другой день его отъѣзда отправилъ къ нему письмо въ отвѣтъ на извѣстіе о готовности нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ раздѣлить Польскія земли, и что въ Совѣтѣ по этому поводу несогласіе, а впрочемъ король не рискуетъ ничѣмъ, если захватитъ Вармійское епископство. Такъ какъ Фридриха сильно раздражало мнѣніе Панина, что можно легко уладить дѣло съ Австріею посредствомъ вознагражденія ей изъ Турецкихъ земель, то король прежде всего и вооружается противъ этого мнѣнія, желаетъ показать, что сближеніе между Россіею и Австріею невозможно: „Смѣю васъ увѣрить", писалъ Фридрихъ, „что рѣшительно невозможно осуществить идеи графа Панина относительно Австріи; тайная ненависть, которую питаютъ въ этой странѣ противъ Русскихъ, превосходитъ всякое вѣроятіе, и, смѣю сказать, что только я стараюсь препятствовать взрыву этой ненависти. Что касается занятія Вармійскаго герцогства, то я отъ этого удержался, потому что игра не стоитъ свѣчъ. Доля такъ ничтожна, что не вознаградитъ за крики, которые возбудитъ; но Польская Пруссія стоитъ труда, даже если Данцигъ не будетъ въ нее включенъ, ибо у насъ будетъ Висла и свободное сообщеніе съ королевствомъ, что́ очень важно. Если потребуются деньги, то стоитъ ихъ потратить, и даже много потратить. Но когда очень охотно хватаются за пустяки, то это имѣетъ видъ жадности и ненасытности, а я бы не хотѣлъ, чтобъ мнѣ приписывали въ Европѣ эти качества больше, чѣмъ сколько уже приписываютъ" [2]).

Очень можетъ быть, что въ послѣднее время пребыванія своего въ Петербургѣ принцъ Генрихъ говорилъ и съ самою императрицею и съ вліятельными членами Совѣта о томъ, что, въ виду новой войны съ Австріею, союзную Пруссію надобно вознаградить чѣмъ-нибудь побольше Вармійскаго епископства, а для избѣжанія войны всего легче было бы оставить и за Австріею захваченныя уже ею польскія области, даже прибавить къ нимъ что-нибудь еще, причемъ и Россія можетъ взять у Польши, что́ ей удобно. Очень можетъ быть, что Генрихъ сильно старался убѣдить въ необходи-

---

[1]) Сборн. Русск Истор. Общ. XX, 297.
[2]) Oeuvres, XXVI, 349.

мости такого дѣла, и повезъ съ собою увѣренность, что въ Петербургѣ будутъ согласны вести переговоры съ Пруссіею на этомъ основаніи. Послѣ, когда все было кончено, Генрихъ писалъ Сольмсу: „Я имѣю право говорить, что пребываніе мое въ Петербургѣ ознаменовано началомъ сношеній, повѣдшихъ къ тѣснѣйшему союзу между королемъ и Россіей. Я имѣю доказательства болѣе чѣмъ въ 20 собственноручныхъ письмахъ короля, что я поставилъ вопросъ, который повелъ къ соглашенію. Но я не требую за это вознагражденія; я ищу только славы, и признаюсь вамъ, что буду счастливъ, получа эту славу изъ рукъ ея величества императрицы Русской; желаніе мое исполнится, если она удостоитъ, по случаю принятія во владѣніе земель отъ Польши, почтить меня письмомъ, которое будетъ служить доказательствомъ, что я содѣйствовалъ этому великому дѣлу. Повторяю вамъ откровенно, что я буду смотрѣть на это письмо, какъ на величайшій монументъ моей славы". Желаніе принца было исполнено; императрица написала ему: „По принятіи во владѣніе губерніи Бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣльствовать вашему королевскому высочеству, сколь чувствую себя ему обязанною за всѣ заботы, употребленныя имъ при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше высочество можете считаться первымъ виновникомъ" [1]). Но, во всякомъ случаѣ, вопросъ могъ быть только поставленъ, безо всякихъ подробностей; Генрихъ могъ сообщить брату только о возможности вести дѣло съ успѣхомъ, ибо въ противномъ случаѣ Фридриху не нужно было бы первому дѣлать прямыя предложенія и такъ настойчиво требовать ихъ принятія. Очевидно, что Екатерина отдѣляла Польскій вопросъ или вопросъ о вознагражденіи Пруссіи и даже Австріи отъ вопроса Турецкаго: Пруссія и Австрія, получивъ вознагражденіе изъ Польскихъ земель, должны успокоиться и не препятствовать Россіи предписать султану миръ на какихъ ей угодно условіяхъ; если же Австрія станетъ противиться, то Фридрихъ долженъ сдержать ее или вступить съ нею въ войну вмѣстѣ съ Россіею, чего, впрочемъ, нельзя было предполагать. Но Фридрихъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Прежде всего онъ хотѣлъ воспользоваться обстоятельствами и сдѣлать важныя пріобрѣтенія для своего государства; но при этомъ онъ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ воевать ни противъ кого, ни за кого; не хотѣлъ раздражать противъ себя Австріи и въ то же время усиливать Россіи отторженіемъ отъ Порты Дунайскихъ княжествъ, ибо, во всякомъ случаѣ, становились ли они самостоятельными или отдавались Польшѣ,—они увеличивали силу и вліяніе Россіи, безъ покровительства которой обойтись не могли, и въ этомъ отношеніи Фридрихъ высказался ясно въ письмѣ къ брату Генриху: „Я бы сдѣлалъ непростительную въ политикѣ ошибку, если-бъ сталъ стараться объ увеличеніи государства, которое можетъ сдѣлаться опаснымъ сосѣдомъ для Пруссіи и страшнымъ для цѣлой Европы" [2]). Что касается условія о независимости Крыма, то Фридрихъ о немъ мало безпокоился, предвидя въ немъ только затрудненія для Россіи. Наконецъ, Фридриху не хотѣлось одному получить польскія области: изъ приведеннаго уже письма его къ принцу Генриху мы видѣли, что онъ былъ готовъ на безцеремонный захватъ Польскихъ земель, какъ захватилъ прежде Силезію, но все же онъ не былъ нечувствителенъ къ крикамъ, которые раздавались противъ этой его безцеремонности, и тяжесть упрековъ становилась сноснѣе, когда раздѣлялась съ другими; притомъ же дѣло было легче въ настоящемъ и безопаснѣе въ будущемъ, когда три державы вмѣстѣ должны были принудить Поляковъ къ земельнымъ уступкамъ, и когда общій интересъ заставлялъ ихъ дѣйствовать сообща для сохраненія своихъ пріобрѣтеній.

Фридрихъ съ нетерпѣніемъ дожидался пріѣзда принца Генриха, „который долженъ былъ разсказать ему многое, чего нельзя было написать, долженъ былъ представить дѣло гораздо яснѣе" [3]). 17-го февраля (н. с.) Генрихъ пріѣхалъ въ Потсдамъ, и въ то же самое время, если не изъ рукъ Генриха, король получилъ отвѣтное письмо Екатерины на письмо о мирныхъ условіяхъ съ Портою. Разсказы Генриха о возможности повести дѣло насчетъ лестной добычи не позволили теперь Фридриху дѣлать сильныхъ возраженій на объясненія Русской императрицы; но, съ другой стороны, онъ не могъ смотрѣть равнодушно на упорство Петербургскаго Двора оставаться при прежнихъ мирныхъ условіяхъ съ Портою, и потому Фридриху оставалось одно старое средство—склонять Екатерину къ смягченію условій напугиваніемъ Австріею, ея вооруженіями. Не касаясь нисколько русскихъ условій, Фридрихъ писалъ, что Вѣнскій Дворъ собираетъ двѣ арміи въ Венгріи и что работаютъ надъ экипажами императора: „Ваше величество увидите изъ этого, что положеніе дѣлъ критическое; что горючіе матеріалы всѣ приготовлены, и что одна искра можетъ воспламенить пожаръ позначительнѣе настоящаго. Ваша слава можетъ только увеличиться отъ вашей умѣренности" [4]).

Это было приготовленіе; потомъ должно было идти прямое предложеніе за умѣренность относительно Турціи вознаградить себя насчетъ Польши. 20 февраля (н. с.) въ Потсдамѣ приготовлена была депеша Сольмсу; принцъ Генрихъ ее одобрилъ. Въ депешѣ говорилось, что Австрійцы заняли Польскія земли на пространствѣ 20 миль; о цѣлости владѣній республики не можетъ быть болѣе рѣчи, а надобно хлопотать о томъ, чтобъ ея нарушеніе

[1]) Московск. Арх. Мин. Ин. Д.—Ср. «Исторію паденія Польши», С. М. Соловьева, стр. 148.

[2]) Oeuvres. XXVI, 349.

[3]) Friedrich II und van-Swieten, 21.

[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 307.

не повредило равновѣсію между Австріею и Пруссіею. Для этого нѣтъ другого средства, какъ подражать примѣру Австріи. Это не можетъ возбудить никакого противодѣйствія: Поляки, которые одни имѣли бы право возстать противъ этого, не заслуживаютъ никакого вниманія, и, если государства будутъ согласны другъ съ другомъ, мирное дѣло не встрѣтитъ никакихъ препятствій. Чрезъ нѣсколько дней новая депеша: опять указаніе, что Австрія смотритъ на занятыя ею Польскія земли какъ на свою собственность,—это заставляетъ короля думать, что онъ и Россія должны воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и позаботиться о собственныхъ интересахъ. Для Россіи все равно, откуда она получитъ вознагражденіе, на которое имѣетъ право за военные убытки; и такъ какъ война началась единственно изъ-за Польши, то Россія имѣетъ право взять себѣ вознагражденіе изъ пограничныхъ областей этой республики. Король такъ же никакъ не можетъ обойтись, чтобъ не пріобрѣсть себѣ часть Польши. Это послужитъ ему вознагражденіемъ за субсидіи и за другія потери, которыя потерпѣлъ онъ во время войны; король будетъ очень радъ возможности говорить, что новымъ пріобрѣтеніемъ онъ обязанъ Россіи, а это еще болѣе укрѣпитъ союзъ его съ нею и дастъ ему возможность быть полезнымъ для Россіи и въ другомъ случаѣ.

Внушенія принца Генриха въ Петербургѣ не остались безъ дѣйствія. Вспомнимъ слова принца, что въ Совѣтѣ разногласіе: партія, противоположная Панину, желаетъ, чтобъ Россія взяла свою долю изъ Польши вмѣстѣ съ другими; но видимый глава этой партіи былъ графъ Григ. Орловъ, хотя бы за кулисами и двигалъ машину Чернышевъ. Въ засѣданіи Совѣта 7 февраля генералъ-фельдцейхмейстеръ предлагалъ, что весьма было бы полезно, если-бъ границу нашу съ Польшей составляли протекающія близъ нея рѣки. Въ Совѣтѣ по этому поводу были многія политическія разсужденія. Но если нравилась мысль Генриха о раздѣлѣ, то не могли не быть удивлены предложеніемъ, что этотъ раздѣлъ, въ которомъ Пруссія и Австрія будутъ участвовать даромъ, безъ пожертвованій съ своей стороны, для Россіи долженъ замѣнить выгоды мира съ Турціею, купленныя тяжелою во всѣхъ отношеніяхъ войною. Панинъ, которому Сольмсъ сообщилъ королевскія депеши, сказалъ прусскому послу, что планъ раздѣла Польши не встрѣтитъ въ Совѣтѣ большаго противорѣчія, ибо часть его членовъ давно уже смотритъ на него благопріятно; но для осуществленія его находятся большія затрудненія. Императрица такъ часто давала торжественныя обѣщанія сохранить цѣлость Польши, что нарушеніе этого принципа произведетъ повсюду самое неблагопріятное впечатлѣніе. Панинъ настаивалъ, чтобъ дѣло велось сообща съ Вѣнскимъ Дворомъ. Это настаиваніе понятно, ибо тогда являлась возможность соединить Польское дѣло съ Турецкимъ, которое для Русскаго Двора стояло на первомъ планѣ, являлась возможность уладиться съ Австріею насчетъ Турціи, съ которою Россія заключитъ миръ на всей своей волѣ при помощи Австріи; послѣдняя получитъ вознагражденіе изъ Турецкихъ владѣній. Но Фридрихъ этого не хотѣлъ, и гр. Сольмсъ передалъ Панину объяснительную записку, въ которой говорилось: „Прусскій король думаетъ, что Австрійцы вооружились для приданія вида своимъ переговорамъ. Онъ думаетъ, что они никогда не согласятся на отторженіе Молдавіи и Валахіи отъ Порты. Онъ думаетъ, что пріобрѣтеніе Азова и торговыя выгоды, выговоренныя Россіею для себя, не встрѣтятъ никакого затрудненія. Онъ думаетъ, что Татарское дѣло можетъ еще уладиться согласно желанію Россіи. Вотъ почему король предлагаетъ, что, для вознагражденія Россіи за военныя издержки, она должна получить кусокъ Польши по своему выбору; быть можетъ, можно будетъ заставить Турокъ прибавить еще нѣкоторую сумму денегъ. Если Россія хочетъ получить вознагражденіе въ Польшѣ, то король ручается, что это пріобрѣтеніе будетъ сдѣлано безъ пролитія крови".

Записка не могла ускорить дѣла. Тяжело, оскорбительно было предложеніе Прусскаго короля — взять вознагражденіе въ Польшѣ для удовлетворенія чужимъ интересамъ и возвратить Туркамъ Молдавію и Валахію, гдѣ жители увѣрены, что этого возвращенія не будетъ; на независимость Татаръ еще подается надежда; но христіанскія княжества должны снова подвергнуться варварскому игу, ибо такъ хочетъ—Австрія. Понятно, что на прусское предложеніе не могло быть скораго отвѣта. Прошелъ мартъ, апрѣль, наступилъ май. Сольмсъ пишетъ Панину: „Осмѣливаюсь напомнить о дѣлѣ, которое касается особенныхъ интересовъ короля, моего государя, равно какъ и особенныхъ интересовъ Россіи. Король горячо заинтересованъ этимъ дѣломъ, не отступится отъ него, и если я не буду въ состояніи дать ему скоро положительныхъ удостовѣреній, то навлеку на себя жестокіе выговоры и, сверхъ того, не ручаюсь за рѣшеніе, которое его величество приметъ по собственному усмотрѣнію. Онъ руководится слѣдующимъ: такъ какъ въ этомъ дѣлѣ будетъ только подражаніе примѣру другого, то этотъ другой не можетъ вооружиться противъ насъ, дѣло идетъ о приведеніи въ исполненіе уже рѣшеннаго. Умоляю в. с—тво не отлагать рѣшенія здѣшняго Двора". Отлагать было нельзя. Для Петербургскаго Кабинета дѣло состояло въ томъ, чтобъ войти съ Пруссіею въ переговоры о Польскихъ земляхъ, удовлетворить Фридриха въ этомъ отношеніи и отдѣлить это Польское дѣло отъ Турецкаго. Въ концѣ мая Панинъ объявилъ Сольмсу, что императрица поручила ему покончить дѣло,—и немедленно начались разсужденія о томъ, какія земли брать у Польши. Фридрихъ былъ въ восторгѣ, когда получилъ отъ Сольмса извѣстіе, что желанное дѣло началось: онъ отправилъ ему свои требованія относительно

Польскихъ земель; что же касается русской доли, то объявилъ, что предоставляетъ России самой назначить и соотвѣтственно своимъ интересамъ и своему желанію. Повидимому, согласіемъ удовлетворить желанію Прусскаго короля относительно пріобрѣтенія Польскихъ земель, Россія достигла своей цѣли: Фридрихъ писалъ Сольмсу, что нечего опасаться Австріи; писалъ, что гр. Панинъ отлично поступилъ, сообщивши Австрійцамъ свои мирныя предложенія и не упомянувъ при этомъ ни слова о Польшѣ и ея раздѣлѣ, ибо прежде, чѣмъ давать Вѣнскому Двору новыя предложенія, надобно подождать его отзывовъ насчетъ мира. Фридрихъ теперь находилъ, что, послѣ такихъ успѣховъ въ войнѣ съ Турками, русскія условія умѣренны, и, поступая съ твердостью, императрица вообще можетъ выйти съ успѣхомъ изъ дѣла; но надо приготовиться къ затрудненіямъ. Австрія не можетъ разсчитывать на помощь Франціи, которая находится въ страшномъ истощеніи; если бы даже Вѣнскій Дворъ и хотѣлъ войны, то захочетъ ли онъ ее объявить России и Пруссіи вмѣстѣ, безъ надежды имѣть какого-нибудь союзника? Это дѣло невѣроятное, и потому России и Пруссіи нечего бояться за проектъ пріобрѣтенія Польскихъ земель. Онѣ взаимно гарантируютъ свои новыя владѣнія, и если Австрійцы найдутъ свою долю въ Польшѣ малою сравнительно съ русскою и прусскою, то стоитъ только предложить имъ часть Венеціанскихъ владѣній, отрѣзывающую Тріестъ,— и они успокоятся; а если бы и стали сердиться, то тѣсный союзъ между Россіею и Пруссіею заставитъ ихъ дѣлать все, что угодно этимъ державамъ. Въ томъ же тонѣ писалъ Фридрихъ брату Генриху: „Если соглашеніе съ Россіей состоится, то нечего обращать вниманіе на Австрійцевъ, которые, не имѣя помощи отъ своихъ союзниковъ, будутъ принуждены дѣлать все понашему“. Взглядъ былъ совершенно вѣренъ, и, начавши противорѣчить ему, начавши опять требовать отъ России, чтобъ она отказалась отъ своего условія относительно Молдавіи и Валахіи, грозя въ противномъ случаѣ войною съ Австріей, Фридрихъ прямо заявлялъ, что это требованіе дѣлается въ его собственныхъ интересахъ. Бываютъ минуты, когда самый хитрый и осторожный человѣкъ не выдерживаетъ; не выдержалъ Фридрихъ въ минуту восторга, при видѣ исполненія пламеннаго желанія, проговорился насчетъ истиннаго положенія дѣлъ, но скоро одумался и заговорилъ другое, не заботясь о противорѣчіи.

Въ Вѣнѣ такъ-же вѣрно смотрѣли на свое положеніе, т.-е. что одной Австріи нельзя вооруженною рукою препятствовать успѣхамъ России въ Турціи. Если Фридриху II-му, для исполненія своихъ замысловъ, нужно было тѣснымъ союзомъ своимъ съ Россіею ободиночить Австрію и заставить ее соглашаться на всѣ распоряженія Пруссіи и России, то Вѣнскій Дворъ точно такъ-же хотѣлъ ободиночить Россію соглашеніемъ своимъ съ Пруссіею, заставить эту союзницу России вырвать у послѣдней плоды побѣдъ, какъ бы это могъ сдѣлать только злой врагъ. Въ Вѣнѣ очень хорошо понимали, что Фридриха II заставить сдѣлать это нельзя даромъ, однимъ внушеніемъ; что могущество России такъ-же опасно и ему, какъ Австріи, если еще не больше; Фридриху надобно было заплатить—и дорого заплатить. Но, разумѣется, Австрія изъ своего не намѣрена была произвести этой уплаты, не намѣрена была и усиливать страшной Пруссіи, не усиливая въ то же время и саму себя для поддержанія равновѣсія; заплатить должна была Польша, и мы видѣли, какъ старый Кауницъ строилъ планъ уступкою Пруссіи Польскихъ земель возвратить Австріи Силезію. Но если бы даже эта завѣтная мечта и не осуществилась, Австрія готова была дѣлить Польшу съ Пруссіею, съ Россіею, лишь бы только послѣдняя не посягала на цѣлость Турціи, особенно не пріобрѣтала земель и даже вліянія на Дунаѣ, по сосѣдству съ монархіею Габсбурговъ, по сосѣдству съ Православнымъ народонаселеніемъ ея. Повторяя упрекъ Прусскому королю, что онъ хочетъ ловить рыбу въ мутной водѣ, Вѣнскій Дворъ спѣшилъ въ этомъ отношеніи предупредить, превзойти своего соперника, ставшаго образцомъ. Онъ прежде него воспользовался смутными обстоятельствами и выловилъ нѣсколько Польскихъ земель; но этого было мало: на отношеніяхъ турецкихъ построенъ былъ другой планъ земельнаго пріобрѣтенія въ важной области Дуная. Рѣшено было вступить въ соглашеніе съ Портою, предложить ей помощь или войскомъ, или доставленіемъ выгоднаго мира, и за это вытребовать земельную уступку. Помощь въ войнѣ должна была ограничиться однимъ обѣщаніемъ,—развѣ Пруссія также объявитъ войну России; но этого ожидать было трудно; гораздо скорѣе Пруссія, не могшая сочувствовать усиленію России, убѣдитъ послѣднюю ограничиться ничтожными выгодами при замиреніи съ Портою; Австрія будетъ помогать здѣсь Пруссіи, упорно отвергая русскія условія, грозя своими вооруженіями, и такимъ образомъ пріобрѣтетъ себѣ право потребовать отъ Турціи вознагражденіе за помощь.

Интересы Австріи и Пруссіи расходились въ томъ отношеніи, что для Австріи на первомъ планѣ были русско-турецкія отношенія, ей прежде всего было нужно, чтобъ Россія не могла заключить выгоднаго мира съ Турціею, тогда какъ для Прусскаго короля на первомъ планѣ былъ раздѣлъ Польши, а помѣха выгодному миру России съ Портою на второмъ,—да и тутъ Фридрихъ не считалъ возможнымъ отвергать почти всѣ русскія требованія, какъ то дѣлала Австрія: „Наши интересы“, говорилъ онъ австрійскому послу фанъ-Свитену, „не совсѣмъ одинаковы. Видите ли, я союзникъ России и много ей обязанъ, она первая покинула страшный союзъ противъ меня, и я долженъ ее щадить. Притомъ для меня не такъ важно, какъ для васъ, что Россія будетъ дѣлать завоеванія на

вашей сторонѣ: если Турокъ перестанетъ быть для нея страшнымъ сосѣдомъ, она найдетъ другихъ, которые ее сдержатъ". — „Государь", отвѣчалъ фанъ-Свитенъ, „на какой бы сторонѣ Россія ни дѣлала завоеванія. вѣрно одно, что ея сила увеличивается; и если она ихъ дѣлаетъ и сохраняетъ по своимъ широкимъ планамъ, то станетъ страшною поочередно всѣмъ своимъ сосѣдямъ со всѣхъ сторонъ, а ваше величество одинъ изъ этихъ сосѣдей — и самыхъ близкихъ. Общее правило между нами то, чтобъ не допускать усиленія Россіи ни съ какой стороны. Вы союзникъ Россіи, и мы не хотимъ отторгнуть васъ отъ этого союза; но этотъ союзъ не долженъ увлекать васъ къ излишнему угодничеству, пагубныя послѣдствія котораго вы почувствуете, безъ сомнѣнія, прежде всѣхъ". — „Справедливо", сказалъ король, „у меня нѣтъ на это возраженій; но постараемся же заключить миръ, по крайней мѣрѣ, на сносныхъ условіяхъ, напримѣръ, на уступкѣ Россіи Азова и свободы мореплаванія и торговли на Черномъ морѣ. Я велѣлъ попытать Турокъ насчетъ мирныхъ условій вообще: кажется, они могутъ согласиться на уступку Азова и плаванія по Черному морю; но они и слышать не хотятъ о независимости Татаръ... Надобно обходиться умѣренно съ Россіею; надобно помогать мирнымъ расположеніямъ министра (Панина) и его партіи. Три самыя тяжелыя изъ своихъ мирныхъ условій Русскіе оставляютъ (?!); но еще остается одно — независимость Татаръ, на которомъ они настаиваютъ; они выставляютъ, что Татары требуютъ освобожденія изъ-подъ турецкаго ига, но я съ трудомъ этому вѣрю, и братъ мой такъ-же; онъ думаетъ, что только двѣ или три орды заявили подобное требованіе. Я хорошо понимаю, что на это условіе трудно согласиться, но надобно его смягчить, равно какъ и другія посредствомъ переговоровъ. Не надобно забывать, что эти люди [1]) побѣдители, и нельзя не уступить имъ нѣкоторыхъ выгодъ; думаю, что если бы они захотѣли удовольствоваться Азовомъ и торговлею на Черномъ морѣ, то надобно на это согласиться; надобно соблюсти справедливость: развѣ можно требовать, чтобъ они помирились безо всякой выгоды... Я вамъ говорю прямо, что хочу мира. Ваши военныя приготовленія — дѣло хорошее: они заставятъ призадуматься Русскихъ, которые не могутъ воевать въ одно время и съ Турками, и съ вами; однако вѣдь это одна демонстрація, и мы должны хлопотать о мирѣ. Разумѣется, ваше рѣшеніе быть въ готовности на всякій случай благоразумно, я не могу его не одобрить. Если бы э т и л ю д и перешли Дунай, то вы не могли бы этого потерпѣть". Тутъ фанъ-Свитенъ схватился за послѣднія слова и попытался, въ исполненіе своихъ инструкцій, вырвать у Фридриха обѣщаніе оставаться спокойнымъ зрителемъ, если Австрія начнетъ войну съ Россіею: „Государь"! сказалъ онъ, „предположимъ, что Россія заставитъ насъ вступить съ нею въ войну въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, лишь бы только не въ Польшѣ: дадите ли ваше в—ство честное слово, что не вмѣшаетесь въ эту войну ни прямо, ни косвенно, и не нарушите съ нами мира и доброй дружбы"? — „Такого случая еще нѣтъ", отвѣчалъ король: „вы увидите, что э т и л ю д и подольютъ воды въ свое вино, и я доставлю имъ воды для этого въ изобиліи; я увѣренъ, что они потребуютъ вашего посредничества, — и тогда дѣло пойдетъ инымъ путемъ".

Въ разговорѣ съ фанъ-Свитеномъ 27 апрѣля (н. с.) Фридрихъ высказался о раздѣлѣ Польши. Повторивъ о возможности скораго мира между Россіею и Портою, король прибавилъ, что Россія всего бы лучше нашла себѣ удовлетвореніе и вознагражденіе насчетъ Польши; что для вознагражденія Польши Петербургскій Дворъ предлагаетъ отдать ей Молдавію и Валахію, которыя, впрочемъ, будутъ имѣть особаго князя, подобно Курляндіи; но что онъ, король, не считаетъ этого предложенія удобоисполнимымъ, и было бы лучше, если-бъ Россія получила часть Польши, Австрія удержала бы за собою тѣ земли, которыми уже овладѣла, причемъ и Пруссія будетъ также искать своихъ выгодъ. Когда фанъ-Свитенъ замѣтилъ, что Австрія имѣла старыя права на занятыя ею Польскія земли, то король сказалъ: „Велите-ка поискать въ своихъ архивахъ, не найдется ли тамъ еще какихъ-нибудь правъ на другія польскія области; надобно пользоваться случаемъ, я также возьму свою долю, а Россія — свою. Наши государства отъ этого значительно не увеличатся, но это насъ уладитъ; и такъ какъ вашъ Дворъ и я хотимъ успокоить Польшу, то эти новыя пріобрѣтенія дадутъ намъ возможность наблюдать за спокойствіемъ республики и содѣйствовать ему". Фанъ-Свитенъ обѣщалъ донести объ этомъ своему Двору, но не удержался, чтобъ не замѣтить, неужели король смотритъ равнодушно на увеличеніе Россіи въ такой близости отъ него. Фридрихъ отвѣчалъ, что требованія Россіи не могутъ возбудить въ немъ слишкомъ большого безпокойства: она желаетъ получить маленькую частицу Ливоніи, которая еще остается за Польшею. Чтобъ покончить преждевременное разглагольствіе, Фридрихъ сказалъ посланнику: „Прошу васъ донести объ этомъ своему Двору; у меня здѣсь одна цѣль — соблюсти въ точности катехизисъ, данный мнѣ кн. Кауницемъ". Какъ скоро король упомянулъ о знаменитомъ катехизисѣ, гдѣ различались большія пріобрѣтенія отъ малыхъ, то фанъ-Свитенъ счелъ совершенно удобнымъ освѣдомиться, какъ велика будетъ доля Пруссіи при раздѣлѣ Польши. „Я возьму часть Помераніи

[1]) Ces gens, — такъ обыкновенно выражался Фридрихъ, говоря о Русскихъ съ ф.-Свитеномъ.

[2]) Oeuvres XXVI, 350. — Beer — Die erste Theilung, II, 58—62.

или Польской Пруссіи", отвѣчалъ король: „это дурная область; но она дастъ мнѣ сообщеніе съ моимъ Прусскимъ королевствомъ и доступъ къ Вислѣ; впрочемъ, Данцигъ не отойдетъ къ моимъ владѣніямъ" [1]).

Между тѣмъ Русскій Дворъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Вѣнскимъ по поводу мира съ Турціею; русскія условія были сообщены. До полученія отвѣта изъ Вѣны, въ апрѣлѣ гр. Панинъ попытался вывѣдать у австрійскаго посла въ Петербургѣ, князя Лобковича, знаетъ ли его Дворъ о планѣ раздѣла Польши; какъ смотритъ на него, и нельзя ли склонить Вѣнскій Дворъ къ соглашенію насчетъ Турціи. Для Россіи, такъ-же какъ для Пруссіи и Австріи, были возможны только два пути: или тѣснымъ союзомъ съ Пруссіею, удовлетворяя требованіямъ послѣдней, ободиночить Австрію и заставить ее согласиться на русскія распоряженія относительно Турціи; или, наоборотъ, войти въ тѣсный союзъ съ Австріею, ободиночить этимъ Пруссію и заставить ее согласиться на всѣ распоряженія императорскихъ Дворовъ относительно Турціи. Мы увидимъ, какъ впослѣдствіи вторая система смѣнитъ первую; но теперь до этого было еще далеко, прежде всего по винѣ Австріи, которая не хотѣла обратить должнаго вниманія на русскія предложенія. Панинъ, въ разговорѣ съ Лобковичемъ, обратилъ вниманіе на вооруженія Вѣнскаго Двора: „Настоящее положеніе трехъ Дворовъ", сказалъ онъ, „образуетъ для меня лабиринтъ комбинацій, откуда я не вижу выхода; не могу я повѣрить, чтобъ цѣль вашего Двора состояла въ поддержаніи Турціи, которая всегда будетъ самою опасною вашею сосѣдкою; неизмѣнное правило вашего интереса этому препятствуетъ, и кн. Кауницъ такъ ясно понимаетъ выгоды Австрійской монархіи, что не можетъ присовѣтовать этого. Съ другой стороны, Прусскій король также вооружается, и я не могу себѣ представить, чтобъ онъ это дѣлалъ въ качествѣ нашего союзника изъ опасенія вашего Двора, ибо все доказываетъ добрыя отношенія между нимъ и ихъ императорскими в—ствами, все обнаруживаетъ полную безопасность. Не видя въ дѣлѣ нашего примиренія съ Турками причинъ вооруженія сосѣдей, я необходимо долженъ обратить вниманіе на дѣла Польскія. Если мое предположеніе сколько-нибудь основательно, то я бы просилъ доставить мнѣ отъ кн. Кауница этотъ знакъ довѣрія, чтобъ онъ открылся мнѣ относительно своихъ видовъ на Польшу, заставившихъ его, какъ министра, присовѣтовать своему Двору вооруженія. Вѣроятно, здѣсь не пойдетъ рѣчи объ отдачѣ христіанскихъ областей подъ магометанское господство, но о распредѣленіи между государствами христіанскими нѣкоторыхъ областей христіанскихъ въ пользу политическаго равновѣсія для соединенія интересовъ всѣхъ сосѣдей и для упроченія ихъ спокойствія. Думая такимъ образомъ объ округленіи границъ для сосѣдей Польши, нельзя сомнѣваться, что эта республика можетъ еще существовать какъ государство значительное, и что касается отторгнутыхъ отъ нея частей, то онѣ, конечно, ничего не потеряютъ отъ того, что не будутъ болѣе подчинены правительству, представляющему одинъ безпорядокъ и смуту". Кн. Лобковичъ увѣрилъ Панина, что не имѣетъ никакого понятія о видахъ своего Двора, но что находитъ выслушанное мнѣніе основательнымъ и передастъ его конфиденціально кн. Кауницу, причемъ будетъ его просить отвѣчать на довѣріе и откровенность русскаго первенствующаго министра, и надѣется, что гр. Панинъ останется доволенъ его отвѣтомъ. Лобковичъ далъ также знать своему Двору о внушеніяхъ Панина, что Русскій Дворъ дружбѣ Вѣнскаго Двора готовъ пожертвовать дружбою короля Прусскаго, которымъ въ Петербургѣ недовольны: находятъ его поведеніе двоедушнымъ и подозрѣваютъ въ намѣреніи взять что-нибудь у Польши, а это здѣсь считаютъ для себя невыгоднымъ. Іосифъ II въ восторгѣ писалъ брату: „Обнаружилось, что Прусскій король намъ солгалъ, представляя предложеніе о раздѣлѣ Польши идущимъ изъ Петербурга". Но въ Вѣнѣ отвѣчали на эти внушенія вовсе не такъ, какъ могли ожидать въ Петербургѣ. Лобковичъ передалъ Панину депешу Кауница, въ которой надворный австрійскій канцлеръ увѣдомлялъ, что освобожденіе Обрѣзкова истребовано у Порты, и султанъ соглашается вступить въ мирные переговоры съ добрыми услугами Австріи и Пруссіи; но русскія мирныя условія о независимости Молдавіи, Валахіи и Татаръ онъ, Кауницъ, находитъ невозможными: султанъ на это не согласится, потому что фамилія крымскихъ хановъ должна наслѣдовать Турецкій престолъ въ случаѣ пересѣченія Оттоманской фамиліи; кромѣ того, независимые Татары могутъ быть опасны Австрійскимъ землямъ. Панинъ возразилъ, что большая часть Татаръ были сначала вольные и уловлены въ подданство только надеждою оттоманскаго наслѣдства; что остальные Татары были русскіе подданные и по временамъ крымскіе ханы переманивали ихъ съ Кубанской на Крымскую сторону; что Россія доставленіемъ имъ прежней вольности хочетъ положить только преграду между собою и Турками; что многіе изъ Гиреевъ живутъ въ Турціи, и если ихъ не довольно для наслѣдства, то Порта можетъ для этого оставить у себя всю ханскую фамилію; что Татары вовсе не такъ близки къ Австріи, и если бывали они въ прежнія войны на ея границахъ, то не иначе, какъ по приказанію Порты. Въ засѣданіи Совѣта 9 мая Панинъ, разсказавши о депешѣ Кауница, объявилъ, что дѣло очень важно, и высказалъ наивное мнѣніе, что одно средство къ исполненію русскихъ желаній и къ соглашенію Вѣнскаго Двора — это

[1]) Московск. Арх. Мин. Ин. Д.—Ср. «Исторію паденія Польши», стр. 132 и слѣд.—Также: Smit—Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne, II, 12 et squi. — Oeuvres XXVI, 351.—Friedrich II und van-Swieten 9—25.

убѣдить послѣдній собственною его честію и славою у потомства; надобно растолковать ему безкорыстіе русскихъ намѣреній, растолковать, что Турки сами никогда не могутъ возвратить себѣ отнятыя у нихъ Русскими земли, и если другія европейскія державы станутъ имъ при этомъ помогать, то уже сами христіане будутъ виноваты въ томъ, что повергнутъ снова въ рабство другихъ христіанъ. Но Россія и тогда, не будучи въ состояніи исполнить своего человѣколюбиваго намѣренія, не отдастъ ихъ Туркамъ, а отдастъ Вѣнскому Двору съ тѣмъ, что если онъ не захочетъ спасти угнетенныхъ христіанъ отъ порабощенія, то пусть отдастъ ихъ Туркамъ самъ и тѣмъ останется въ отвѣтѣ передъ Богомъ, свѣтомъ и потомствомъ. Совѣтъ одобрилъ мнѣніе Панина, но нѣкоторые члены замѣтили, что сходство отвѣтовъ Вѣнскаго и Берлинскаго Дворовъ доказываетъ давнее знакомство Прусскаго короля со взглядами Вѣнскаго Двора.

Въ засѣданіи 16 мая Панинъ въ первый разъ сообщилъ Совѣту о предложеніи Фридриха II-го пріобрѣсти польскія области. Когда въ Совѣтѣ замѣтили, что хотя и невѣроятно, чтобъ искренніе и справедливыя требованія ея в—ства не произвели у Вѣнскаго Двора желаемаго дѣйствія, однако въ противномъ случаѣ военный пламень можетъ распространиться по всей Европѣ,—императрица вышла изъ Совѣта, и графъ Панинъ началъ говорить: „По случаю извѣстнаго захвата Вѣнскимъ Дворомъ пограничныхъ съ Венгріею польскихъ староствъ, король Прусскій отозвался здѣшнему Двору, что онъ не намѣренъ быть спокойнымъ зрителемъ такого поступка со стороны сосѣдей; что имѣетъ и онъ также права на смежныя съ его владѣніями Польскія земли; и намѣренъ взять ихъ себѣ; что и Россія, если имѣетъ такія же требованія и хочетъ пользоваться удобнымъ случаемъ, сдѣлала бы съ ними общее дѣло. Это представляетъ мнѣ", продолжалъ Панинъ, „такой случай, о которомъ всегда помышляли для исполненія всѣми желаемаго: теперь удобно отдѣлить себя отъ Польши рѣками. Хотя Россія и не имѣетъ никакого права на Польскую Лифляндію, однако я намѣренъ вывести права на оставленные за Польшею 10 заднѣпровскихъ полковъ и требовать ихъ возвращенія, тѣмъ болѣе-что Польша не исполнила обѣщаній, данныхъ за оставленіе ей этихъ полковъ. Согласившись на уступку присвоенныхъ Австрійцами и требуемыхъ королемъ Прусскимъ Польскихъ земель, исключая Данцига, можемъ мы получить Польскую Лифляндію и желаемое разграниченіе рѣками, а Польшѣ отдать, взамѣнъ отбираемыхъ отъ нея земель, княжества Молдавское и Валашское. Удовлетворивъ такимъ образомъ Вѣнскій и Берлинскій Дворы, скорѣе можно будетъ заключить предпологаемый миръ съ Турками и успокоить польскія замѣшательства; и если Совѣтъ на все это согласенъ, то я стану надъ этимъ трудиться и, отозвавшись слегка князю Лобковичу, приготовлю Дворъ его къ такой сдѣлкѣ". Совѣтъ согласился. Но когда Совѣтъ такимъ образомъ соглашался отдать Молдавію и Валахію Польшѣ,—иначе рѣшали дѣло представители Австріи и Пруссіи въ Петербургѣ. Сольмсъ препроводилъ къ Панину записку, въ которой излагалъ разговоръ свой съ Лобковичемъ. Послѣдній спросилъ его: не считаетъ ли онъ удобнымъ отдать Молдавію и Валахію принцу Генриху Прусскому. Сольмсъ отвѣчалъ отрицательно. Лобковичъ замѣтилъ, что и Австріи нельзя взять себѣ что-нибудь изъ этихъ земель, хотя бы ей и выгодно было занять часть Валахіи до рѣки Алуты. „Я", продолжалъ австрійскій посолъ, „понимаю, что неловко возвращать этихъ земель Портѣ; но мнѣ кажется трудно рѣшить, кому ихъ отдать, потому что такими большими владѣніями нельзя увеличивать Польское королевство". Мы видѣли, что и Фридрихъ II въ разговорѣ съ фанъ-Свитеномъ находилъ неудобнымъ отдать Дунайскія княжества Польшѣ; а въ Петербургъ писалъ, что лучшее средство рѣшить трудный вопросъ о Молдавіи и Валахіи—это отдать ихъ Польшѣ [1].

Въ іюнѣ отъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, кн. Димитр. Мих. Голицына, пришли подробныя извѣстія о томъ, какъ тамъ смотрѣли на русскія условія. Кауницъ говорилъ Голицыну, что, разсуждая безпристрастно, не можетъ онъ себѣ вообразить, чтобъ русское министерство, по просвѣщенію своему, не предвидѣло затрудненія, котораго въ Вѣнѣ надлежало ожидать въ принятіи такого проекта. Этотъ проектъ основанъ на однѣхъ для Русскаго Императорскаго Двора выгодахъ. Голицынъ замѣтилъ, что и для Вѣнскаго Двора можетъ нѣкоторымъ образомъ послѣдовать польза отъ освобожденія Молдавіи и Валахіи и отъ ихъ независимости. Кауницъ отвѣчалъ, что не предвидитъ отъ этого никакой пользы для своего Двора, который, впрочемъ, не желаетъ и намѣренія не имѣетъ что-либо для себя при этомъ случаѣ пріобрѣсти съ нарушеніемъ чести и вѣрности своихъ обязательствъ. Порта никогда не согласится на предосудительный и безславный для себя миръ; она еще можетъ продолжать войну, и Вѣнскій Дворъ долженъ употребить надлежащія предосторожности для сохраненія благосостоянія собственныхъ земель и равновѣсія европейской политической системы.—Возраженія противъ русскихъ мирныхъ условій были развиты Кауницемъ со всею подробностью въ запискѣ, носившей названіе: „Словесный отвѣтъ на конфиденціальное изложеніе Русской императрицѣ о мирѣ съ Турками и на дальнѣйшія сообщенія, сдѣланныя князю Лобковичу". Надобно, говорилось въ запискѣ, прежде всего изслѣдовать: 1) вѣроятно ли, чтобъ Порта могла согласиться на миръ, который повлечетъ за собою ея неизбѣжную погибель, или, по крайней мѣрѣ, отсрочитъ эту погибель только на короткое время? 2) Планъ прими-

[1]) Дѣла Польскія 1771 года: письмо Панина къ Сальдерну отъ 11 іюня.—Архивъ Госуд. Сов. подъ означенными числами.

ренія поэтому можетъ ли ускорить миръ, или, наоборотъ, долженъ удалить его на много лѣтъ? 3) Согласенъ ли онъ съ будущимъ спокойствіемъ и безопасностью Австрійскихъ владѣній? Ихъ императорскія и королевскія величества не могутъ скрыть, что видятъ величайшія затрудненія при его исполненіи. Хотятъ, чтобъ Порта уступила все завоеванное у нея Россіею и то, что будетъ завоевано въ настоящую кампанію; предлагаютъ открыть переговоры на основаніи „кто чѣмъ владѣетъ" (uti possidetis), чему не было примѣра въ исторіи, развѣ когда одна изъ воюющихъ сторонъ находилась совершенно безъ средствъ и не могла избѣжать гибели иначе, какъ помирившись во что бы то ни стало. Отдается на собственное разсужденіе императрицы вопросъ: въ такомъ ли положеніи находится Порта, или, напротивъ, она въ состояніи сдѣлать еще много кампаній, не претерпѣвая болѣе существенныхъ потерь, чѣмъ тѣ, которыя она уже претерпѣла? Развѣ Порта можетъ не чувствовать, что независимость Татаръ необходимо поведетъ къ ихъ зависимости отъ Россіи; что съ потерею береговъ Чернаго моря въ Европѣ она потеряетъ и отдастъ Россіи выгоду драгоцѣнную, обладаніе устьями значительныхъ рѣкъ, по которымъ приходятъ изъ отдаленныхъ странъ всѣ матеріалы, необходимые для постройки страшнаго флота и снабженія армій; что Константинополь чрезъ это будетъ постоянно подвергаться опасности голода и истребленія; что миръ на такомъ основаніи дастъ Русской имперіи громадное могущество, а имперіи Оттоманской паденіе въ перспективѣ, болѣе или менѣе отдаленное, но неизбѣжное. Что касается Австріи, то независимость Татаръ совершенно несовмѣстима съ безопасностью и спокойствіемъ ея владѣній; то же значеніе имѣетъ переходъ Молдавіи и Валахіи подъ другое владычество, какое бы ни было. Венгрія будетъ подвержена татарскимъ нападеніямъ, тѣмъ болѣе-что Татары могутъ разсчитывать на безнаказанность по мѣстнымъ условіямъ. Если Молдавія и Валахія перейдутъ подъ власть могущественнаго государя, то онѣ, увеличивъ его силу, нарушатъ европейское равновѣсіе. Если же подпадутъ подъ власть слабаго государя, то не будутъ служить оплотомъ противъ татарскихъ нашествій на Австрійскую монархію.

Екатерина сама написала возраженія на этотъ отвѣтъ: „Если относительно независимости Татаръ какъ отъ меня, такъ и отъ Порты надобны другія ручательства, кромѣ обязательствъ обѣихъ договаривающихъ сторонъ, то я готова допустить ихъ. Свобода торговли и мореплаванія на Черномъ морѣ поставитъ обѣ имперіи въ равное положеніе относительно выгодъ, и Порта будетъ имѣть преимущество, ибо у нея уже есть флотъ на Черномъ морѣ, а Россія, заводя его очень медленно, можетъ только современемъ войти въ соперничество. Если разсмотрѣть положеніе земель, требуемыхъ Россіею для установленія мореплаванія, и сравнить ихъ съ безчисленными удобствами Порты для военнаго флота на Черномъ морѣ, то никто не подумаетъ, что Россія когда-либо можетъ принять наступательное движеніе. Мои мирныя условія ограничиваются уменьшеніемъ способовъ врага къ новымъ нападеніямъ. Когда я предлагаю открыть переговоры на основаніи *uti possidetis*, то не думаю, чтобъ я была обязана болѣе щадить врага имени христіанскаго, тогда какъ я имѣю передъ глазами недавній примѣръ великихъ государствъ христіанскихъ [1]): одно изъ нихъ, сдѣлавши мирныя предложенія на этомъ основаніи (т.-е. uti possidetis), не было въ болѣе невыгодномъ положеніи, чѣмъ теперь Порта Что касается Австріи, то очевидно, что Турція въ равной степени враждебна и ей, какъ Россіи; что незначительный государь, который будетъ царствовать въ Молдавіи и Валахіи, можетъ сдѣлаться врагомъ Австріи, что то же самое можетъ случиться и съ независимыми Татарами, — это напрасно я буду стараться опровергать. Пока не будетъ доказано, что силы увеличиваются раздѣленіемъ, я не могу предвидѣть большого безпокойства для австрійскихъ областей въ новомъ положеніи Молдавіи, Валахіи и Татаръ. Молдавія и Валахія, ставши независимыми, для сохраненія этой независимости, не могутъ оставаться въ открытомъ и беззащитномъ положеніи: онѣ должны имѣть войско, крѣпости со стороны Турціи и Татаръ, слѣдовательно должны сдѣлаться оградою Австрійскихъ владѣній. Что же касается того, что ими будетъ владѣть могущественный государь, то очевидно, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. *Я не буду оскорблять своего государства и никакого другого христіанскаго государства, сравнивая ихъ съ Турціею относительно значенія послѣдней для равновѣсія между христіанскими державами: политика Порты совершенно исключительная; принципы чести и достоинства не позволятъ никогда христіанскимъ державамъ допустить Порту въ систему союзовъ (dans un corps d'alliance), и если бы, по несчастію, она была принята, то ознаменовала бы свое вступленіе въ систему христіанскихъ государствъ вѣроломствомъ и гибельными ударами, которымъ одинаково подверглись бы и друзья, и враги. Неужели хотятъ сдѣлать положеніе Порты неслыханно выгоднымъ? Въ то время, какъ ея собственная система, несоединимая ни съ какою другою системою, стремится только къ истребленію христіанскихъ государей по мѣрѣ возможности, — со стороны христіанскихъ государей будетъ существовать система твердая и постоянная, въ которой сохраненіе Порты будетъ служить основаніемъ, связаннымъ съ ихъ собственнымъ сохраненіемъ! И каково будетъ положеніе государства, которое, какъ моя имперія, будетъ вести съ нею*

[1]) Австрію и Пруссію при заключеніи послѣдняго мира.

войну побѣдоносную и справедливую? Довольное пустымъ блескомъ тріумфовъ, оно возвратитъ свои войска, ограничиваясь честію, что побило и низложило врага, не смѣя дотронуться до его владѣній потому, что этотъ врагъ есть Турція. Христіане въ своихъ войнахъ обходятся другъ съ другомъ менѣе великодушно, ибо, будучи соединены религіею, считаются всегда братьями, и только относительно вѣчнаго врага христіанъ должны обнаруживать все величіе чувства".

Система, противъ которой Екатерина протестовала и за будущія поколѣнія Русскихъ людей, утвердилась, и никакой протестъ противъ нея не можетъ имѣть силы въ глазахъ европейскихъ государей и министровъ. Возраженія императрицы были переданы Лобковичу, отправлены имъ въ Вѣну, но не произвели здѣсь никакого дѣйствія. Кауницъ говорилъ Голицыну: „Я увѣренъ, что Порта лучше захочетъ продолжать войну еще десять лѣтъ, нежели согласится на такія мирныя условія; для Вѣнскаго Двора не все равно, будутъ ли Молдавія и Валахія управляться господарями, зависящими отъ Порты, или князьями, назначаемыми Россіею, по меньшей мѣрѣ съ ея согласія; въ этомъ послѣднемъ случаѣ интересы нашего Двора подверглись бы важному ущербу. Требуемая съ русской стороны независимость Татаръ легко можетъ современемъ обратиться въ совершенное подданство и сдѣлаться весьма предосудительною не только интересамъ Австріи, но и вообще равновѣсію Европы. Хотя изъясненія императрицы и не возбуждаютъ сомнѣнія въ искренности и непорочности ея намѣреній, но императрица сама не можетъ ручаться за преемниковъ своихъ. Исторія представляетъ не одинъ примѣръ, какъ народы изъ покровительства были приведены въ подданство. Я не хочу отъ васъ скрыть, что есть много людей, которые увѣрены, что Прусскій король отъ вашего примиренія съ Турками ожидаетъ для себя нѣкотораго пріобрѣтенія, и что, по мнѣнію тѣхъ же людей, назначена ему часть Польши". Потомъ Кауницъ сказалъ съ нѣкоторымъ жаромъ: „Пора вамъ прекратить войну; дѣла ваши становятся очень серьезными для Вѣнскаго Двора, который не можетъ долго оставаться спокойнымъ зрителемъ".

Панина встревожила рѣзкость выраженій Кауница, и онъ написалъ мнѣніе объ уступкѣ Молдавіи и Валахіи: „Теперь, когда кн. Кауницъ, предубѣдя себя и Дворъ свой нуждою равновѣсія между Россіею и Портою Оттоманскою, доводитъ дѣло до крайности и до явнаго почти разрыва съ нами, благоразуміе требуетъ уступить нѣсколько обстоятельствамъ и удовольствоваться тѣмъ, что способнѣе одержать можно, дабы инако, гоняясь за всѣмъ, всего же и не упустить. Для этого нужно прежде всего покончить съ независимостью Крыма, постановить и подписать публичный актъ между Россіею и ханомъ, который Татары должны утвердить присягою. Хотя Австрійскій Домъ всѣ наши требованія безъ исключенія отмещетъ, но не можно однакожь думать, чтобъ для него въ существѣ равно важнымъ была независимость татарская и отторженіе Молдавіи и Валахіи. Въ первомъ пунктѣ зависть противъ славы имперіи нашей остается ему однимъ истиннымъ побужденіемъ, второй же, конечно, можетъ имѣть и самый его интересъ, когда взять въ уваженіе многое число земель съ нами, такъ какъ Молдавцы и Валахи, единовѣрныхъ, состоящихъ подъ владѣніемъ его: а изъ сего и можетъ сей высокомѣрный Домъ поставить себѣ и прямымъ политическимъ правиломъ, чтобы не попускать Россію освобождать своихъ единовѣрныхъ отъ власти надъ ними, подобной турецкому насилію, ибо въ самомъ дѣлѣ и католики не лучше Турковъ надъ ними владычествуютъ, да и поставляютъ сіе равно съ тѣми правиломъ своего закона. Посему можно, кажется, полагать, что отступленіе наше отъ требованія завоеванныхъ княжествъ послужитъ взаимно къ облегченію другихъ нашихъ видовъ" [1]). Но императрица не приняла мнѣнія первенствующаго министра; положено дѣйствовать черезъ Пруссію. Такимъ образомъ Вѣнскій Дворъ самъ оттолкнулъ возможность Русскаго союза, возстановленія прежнихъ отношеній, какія были при Елисаветѣ. Рѣшительнымъ и жесткимъ тономъ Кауницъ хотѣлъ или напугать Россію, заставить ее смягчить мирныя условія, или заставить ее рѣшительнѣе высказаться насчетъ союза съ Австріею, съ исключеніемъ Прусскаго союза; но австрійскій канцлеръ ошибся въ своемъ разсчетѣ.

Между тѣмъ императоръ Іосифъ находился въ тревожномъ состояніи: онъ боялся пропустить удобный случай для увеличенія своихъ владѣній; боялся, чтобъ Россія и Пруссія не сдѣлали пріобрѣтеній, обойдя Австрію; боялся успѣховъ Россіи, не вѣрилъ Фридриху II-му; требовалъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, большихъ вооруженій, но не съ цѣлью вступить прямо въ войну съ Россіею, ибо не надѣялся на успѣхъ, а съ цѣлью напугать Россію, или, по крайней мѣрѣ, имѣть наготовѣ средства, смотря по обстоятельствамъ, или броситься на Россію, когда она ослабнетъ; или схватить что-нибудь и тѣмъ привести себя въ равновѣсіе съ нею. „Я считаю Прусскаго короля неизмѣннымъ въ своемъ желаніи скрываться и ловить рыбу въ мутной водѣ", писалъ Іосифъ брату своему Леопольду. „Никогда мы не убѣдимъ этого человѣка, чтобъ онъ имѣлъ къ намъ довѣріе, и никогда не побудимъ его къ поступкамъ, которые поссорили бы его съ Русскими". Императрица Марія-Терезія имѣла свое мнѣніе, что не должно никогда вести войны съ Россіею, потому что Турки напали на нее; Русскіе оказывали всевозможное вниманіе къ Австріи, притомъ они христіане; странно, что имъ позволили въ Польшѣ притѣснять свободный народъ, а те-

---

[1]) Московск. Арх. Мин. Ин. Д.

перь хотятъ помогать Туркамъ! Іосифъ былъ въ отчаяніи и писалъ брату: „Предоставляю вамъ оцѣнить по достоинству такое разсужденіе (материнское)! Каждый день промедленія имѣетъ великую важность; мы потеряемъ, наконецъ, столько времени, что волею-неволею нужно будетъ позволить Русскимъ дѣлать все, что имъ угодно. Вы можете судить, какъ страдаетъ моя ревность къ государственному благу. Я не могу отказаться отъ своей системы: она, помоему, хороша и вѣрна; я или заставлю дѣйствовать Прусскаго короля, или, по крайней мѣрѣ, уничтожу весь его кредитъ при Портѣ. Если рѣшатся на прямую войну, то я ее поведу, но подамъ письменный протестъ, сниму съ себя отвѣтственность за всѣ несчастныя послѣдствія, которыя, помоему, неизбѣжны. Если же рѣшатся ничего не дѣлать, предоставивъ все случаю, и обнаружатъ свою великую слабость, то я буду вынужденъ засвидѣтельствовать передъ публикою, что въ томъ неповиненъ". Наконецъ, Марія-Терезія согласилась на приготовленіе отъ 50 до 60,000 войска въ Венгріи, приказавъ фанъ-Свитену спросить Прусскаго короля, дастъ ли онъ письменное обѣщаніе не препятствовать Австріи въ случаѣ разрыва ея съ Россіею, а Тугуту велѣно войти въ переговоры съ сановниками Порты насчетъ союза и вознагражденій за него.

Но мы видѣли, какъ Фридрихъ отвѣчалъ фанъ-Свитену на предложеніе дать упомянутое письменное обязательство; Фридрихъ вмѣсто этого предлагалъ дѣлить Польшу. Совѣсть Маріи-Терезіи, по обычаю, взволновалась: она объявила, что для сохраненія цѣлости Польскихъ владѣній готова отказаться и отъ правъ своихъ на занятыя Польскія земли. Іосифъ писалъ брату: „Не знаю, что выйдетъ изъ этого великодушнаго объявленія; въ крайности надобно подумать, какъ бы сдѣлать наименѣе дурной выборъ. Мнѣ не нужно вамъ говорить, въ какой тайнѣ надобно держать это дѣло (раздѣлъ Польши), потому что разглашеніе его произведетъ страшное впечатлѣніе, особенно во Франціи". Іосифъ преждевременно обезпокоился великодушіемъ своей матери. Кауницъ нисколько не удивился и не огорчился предложеніемъ Прусскаго короля; но онъ не повѣрилъ, чтобъ Пруссія и Россія ограничились такими ничтожными долями, какія Фридрихъ означилъ въ разговорѣ съ фанъ-Свитеномъ. Впрочемъ, пусть доли будутъ и больше, лишь бы Австрія не была въ убыткѣ,—и Кауницъ поднимаетъ свой старый планъ: за пріобрѣтенія въ Польшѣ Пруссія должна уступить Австріи часть Силезіи и графство Глацъ. Фанъ-Свитену изготовляется наказъ — развѣдать о величинѣ долей Россіи и Пруссіи при раздѣлѣ Польши, и поднять, по возможности, самымъ осторожнымъ образомъ, дѣло объ уступкѣ Силезіи. Совѣстливая Марія-Терезія на докладѣ Кауница написала „placet" (угодно): дѣло шло о возвращеніи Силезіи [1]).

[1]) Arneth —Maria-Theresia's letzte Regierungszeit, II, 307—Maria-Theresia und Joseph II; I, годъ 1771.

Предъ глазами стараго канцлера опять является очаровательный призракъ; встрепенулось и сердце старой императрицы-королевы: Силезія! Но изъза Силезіи нельзя забыть все другое, нельзя позволить Русскимъ раздавить Турцію и утвердиться на Дунаѣ. Силезія будетъ взята отъ Пруссіи, за которую послѣдняя получитъ богатое вознагражденіе въ Польшѣ; Россія также хочетъ имѣть свою долю въ раздѣлѣ,—такъ пусть же и будетъ этимъ довольна, пусть откажется отъ своихъ требованій относительно Турціи, отъ которой Австрія получитъ за это также земли. Въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій изъ Константинополя. Тугутъ доносилъ, что Турки въ восторгѣ отъ его предложенія: султанъ готовъ заплатить за драгоцѣнный союзъ уступкою земли между Дунаемъ и рѣкою Алутою. Возраженіе въ Диванѣ, что законъ запрещаетъ отдавать невѣрнымъ мусульманскія земли, было отстранено замѣчаніемъ, что въ уступаемой странѣ нѣтъ мечетей и магометанскаго народонаселенія. На другое возраженіе, что во всей исторіи Турціи нѣтъ примѣра такой добровольной уступки, отвѣчалъ самъ султанъ Мустафа, что никогда не было также примѣра такого великодушнаго сосѣдняго доброжелательства, какое теперь оказываетъ Портѣ Вѣнскій Дворъ. Но, кромѣ земли, Австрія хотѣла такъ-же получить отъ Турціи 34 милліона гульденовъ. Вытребовать эти деньги Тугуту было несравненно труднѣе; наконецъ султанъ согласился выплатить заразъ 10.125,000 гульденовъ, а остальное въ извѣстные сроки. Но что скажутъ въ Берлинѣ? Надобно и туда дать что-нибудь: Тугутъ долженъ былъ вытребовать еще деньги для Прусскаго короля. Турки на все соглашались, но требовали, чтобъ Австрія доставила имъ такой миръ съ Россіею, при которомъ они ничего бы не уступили. Въ концѣ іюня Тугуту удалось заключить конвенцію такого рода, что Австрія обязывалась доставить Турціи миръ или, на основаніяхъ Бѣлградскаго, или на другихъ, соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ, но съ условіями, которыя Порта могла бы легко принять. Часть выговоренныхъ Тугутомъ денегъ уже была отправлена въ Вѣну [2]).

Теперь Австрія должна была хлопотать о выгодномъ для Турціи мирѣ. Относительно Россіи ошиблись въ разсчетѣ, оттолкнули ее, а не испугали. „Мы не позволимъ Австріи предписывать себѣ законы", сказалъ Панинъ Сольмсу [3]). Надобно было дѣйствовать на Прусскаго короля; всего легче, разумѣется, было дѣйствовать отказомъ принять участіе въ раздѣлѣ Польши и обѣщаніемъ войти въ виды Фридриха только тогда, когда онъ согласится вмѣстѣ съ Австріею принудить Россію заключить съ Портою выгодный для послѣдней миръ. Но Фридриха нельзя было перехитрить. Онъ ясно

[2]) Arneth—Maria-Theresia's letzte Regierungszeit, II, Capit. X.

[3]) Депеша Сольмса 19 — 31 іюля (Beer—Die erste Theilung Pol. II, 85).

понималъ могущество своего положенія: Россія, оттолкнутая Австріею, угрожаемая ею, теперь крѣпче будетъ держаться союза съ нимъ, легче войдетъ во всѣ его планы, согласится на увеличеніе его польской доли, умѣритъ и свои мирныя условія съ Турками; войны не будетъ, потому что Австрія поспоритъ и все же сдастся, возьметъ долю изъ Польши и отступитъ отъ безсмысленнаго требованія, чтобъ Россія заключила миръ съ Турками безо всякой для себя выгоды. „Мнѣ очень досадно", говоритъ Фридрихъ фанъ-Свитену, „что вашъ Дворъ рѣшился во всемъ отказывать, и я боюсь, что это произведетъ дурное впечатлѣніе на Русскихъ. Эти люди горды своими успѣхами и имѣютъ право гордиться; нѣтъ ничего похожаго, чтобъ они могли опасаться неудачъ. Всего лучше было бы войти немедленно въ переговоры, потому что эти люди умѣрятъ свои условія,—я это знаю; но надобно ихъ щадить, и невозможное дѣло заставить ихъ отказаться отъ всякаго вознагражденія,—этого нельзя требовать".—„Прочность мира", отвѣчалъ фанъ-Свитенъ, „будетъ зависѣть исключительно отъ сохраненія равновѣсія на Востокѣ, а отъ сохраненія этого равновѣсія будетъ зависѣть въ будущемъ безопасность нашей и вашей монархіи, которыхъ интересы сливаются въ этомъ важномъ дѣлѣ". — „Но если Россія откажется предложить другія условія", сказалъ король, „если она прекратитъ дальнѣйшія объясненія, что вы тогда сдѣлаете? Независимость Татаръ—условіе важное, если бы Русскіе добились независимости всѣхъ ордъ, живущихъ на берегахъ Чернаго моря; но если бы дѣло шло о двухъ или трехъ, то мнѣ кажется, что можно на это согласиться; кромѣ того, можно отдать Россіи Азовъ, мѣсто вовсе не такъ важное, какъ вы думаете: это плохая гавань, изъ которой никогда не можетъ выйти флотъ. Что же касается Молдавіи и Валахіи, то Петербургскій Дворъ не такъ легко отъ нихъ откажется: цѣль его здѣсь состоитъ въ томъ, чтобъ отнять у Турокъ средство безпокоить Русскую имперію посредствомъ Польши; для Петербургскаго Двора все равно, въ чьи руки достанутся эти княжества, лишь бы не оставались у Турокъ; не можете ли вы взять ихъ себѣ,—какъ вы думаете?" Фанъ-Свитенъ сослался на письмо Кауница къ Лобковичу, изъ котораго было видно, что Вѣнскій Дворъ не намѣренъ употребить во зло добрыхъ услугъ при мирныхъ переговорахъ для обнаруженія своей алчности.—„Правда", отвѣчалъ король, „вы много одолжены Турками, имѣете обязанность щадить ихъ; но этому нисколько не помѣшаетъ, если вамъ дадутъ Молдавію и Валахію,—вы ихъ отдадите Туркамъ, а они за это возвратятъ намъ Бѣлградъ; эта мысль пришла мнѣ сейчасъ въ голову;—какъ вы о ней думаете?" Фанъ-Свитенъ отвѣчалъ, что донесетъ своему Двору о предложеніи королевскомъ.

Когда это донесеніе было получено въ Вѣнѣ, Кауницъ прежде всего не повѣрилъ его серьезности: „Король хочетъ только получше вывѣдать наши намѣренія", писалъ онъ фанъ-Свитену. „Благодарить короля, но сказать, что его предложеніе противорѣчитъ принятой ихъ императорскими величествами системѣ и повело бы къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ для сосѣдей Россіи и для европейскаго равновѣсія вообще. Мы не хотимъ мѣнять турецкаго сосѣдства ни на какое другое; не хотимъ давать Портѣ ни малѣйшаго повода къ упреку, что мы явились въ отношеніи къ ней неблагодарными или старались извлечь выгоды изъ ея затруднительнаго положенія. Легко предвидѣть, что Порта скорѣе откажется отъ Молдавіи и Валахіи, чѣмъ отъ пограничной дунайской крѣпости, съ потерею которой откроется дорога во внутренность ея имперіи. Наконецъ, если нашъ Дворъ разъ позволитъ себѣ враждебныя дѣйствія противъ Порты, Россія получитъ возможность безъ труда осуществить свои страшные завоевательные планы и достигнуть такихъ преимуществъ, сравнительно съ которыми пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи можно считать ничѣмъ,—наоборотъ: можно считать истинною потерею и первымъ основнымъ камнемъ для будущаго подчиненія. Я жестоко ошибся, думая, что прошлый годъ въ Нейштадтѣ осязательно разъяснилъ королю основанія нашей политической системы и нашихъ уже тогда принятыхъ окончательно рѣшеній. Но онъ или принялъ мои слова за обманъ, или подумалъ, что мы такіе люди, которыхъ легко можно заставить перемѣнить свои систематическія рѣшенія. Иначе онъ не сталъ бы намъ дѣлать предложеній насчетъ Молдавіи и Валахіи, и не обнаруживалъ бы неудовольствія на нашъ послѣдній отвѣтъ Россіи, ибо этотъ отвѣтъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что я ему говорилъ годъ тому назадъ. Наоборотъ: онъ долженъ былъ бы намъ быть благодаренъ, что мы одни противимся усиленію Россіи и отстраняемъ очевидную опасность не только отъ самихъ себя, но въ равной по меньшей мѣрѣ степени и отъ Берлинскаго Двора. Мы вовсе не презираемъ представляющихся случаевъ къ пріобрѣтенію существенныхъ выгодъ. Но безопасность и самохраненіе пребудутъ главнымъ предметомъ нашей политики, которому жертвуемъ мы всѣми другими соображеніями и видимыми выгодами. Въ этомъ отношеніи наши воззрѣнія совершенно отличны отъ королевскихъ, ибо онъ обращаетъ свое главное вниманіе на выгоды, тогда какъ мы убѣждены, что это вѣрное средство потерять и выгоды, и безопасность. Мы переживаемъ критическое мгновеніе, которое должно рѣшить будущую судьбу не только нашего, но и Берлинскаго Двора:—итакъ было бы непростительно сдѣлать теперь политическую ошибку. Наше рѣшеніе неизмѣнно—скорѣй принять самыя крайнія мѣры, чѣмъ нарушить навсегда свою безопасность. Будемъ ждать, на что рѣшатся Россія и король Прусскій, чтобъ принять свои дальнѣйшія мѣры, смотря по времени и обстоятельствамъ" [1]).

[1]) Friedrich II und van Swieten, 25 — 28. — Maria-Ther. letzte Regierungszeit, II, 314.

Австрія упорно, долго торговалась, какъ человѣкъ, который, вошедши въ лавку и желая повыгоднѣе купить, начинаетъ нарочно хулить товары: и тотъ не хорошъ, и другой ему не по вкусу. Но этимъ упорствомъ только давалась Фридриху возможность ускорить рѣшеніе своего желаннаго дѣла въ Петербургѣ, выторговать здѣсь для себя новыя выгоды, застращивая враждебностью Австріи, ея вооруженіями, продавая дорого свой союзъ, и въ то же время заставляя для ускоренія мира отказаться отъ Молдавіи и Валахіи. 2-го августа, въ засѣданіи Совѣта, графъ Панинъ читалъ о притязаніяхъ короля Прусскаго на разныя Польскія земли, сообщилъ всѣ предложенія Сольмса по этому предмету, присланный изъ Берлина проектъ секретной конвенціи о пріобрѣтеніи пограничныхъ Польскихъ земель. Панинъ прочелъ и свой контръ-проектъ этой конвенціи съ прибавленіемъ секретнѣйшаго артикула, заключающаго въ себѣ обязательства противъ Вѣнскаго Двора въ случаѣ, если онъ станетъ препятствовать намѣренію союзныхъ Дворовъ. Оказывалось, что Прусскій король желаетъ пріобрѣсть всю Польскую Пруссію, исключая Данцига съ его уѣздомъ; потомъ—часть Великой Польши, лежащую по ту сторону рѣки Нетца, также Кульмъ, Маріенбургъ и Вармію. Видя такую значительную долю, которую назначилъ себѣ Прусскій король, Совѣтъ постановилъ внести въ конвенцію, что Россія должна получить остатокъ Польской Лифляндіи, часть Полоцкаго и все Витебское воеводство, лежащія по сю сторону Двины, чтобъ эта рѣка была естественною границею между Россіею и Польшею до частной границы между Витебскимъ и Полоцкимъ воеводствами; слѣдуя по ней оттуда до пункта, гдѣ соединяются границы трехъ воеводствъ, Полоцкаго, Витебскаго и Минскаго, русская граница должна быть продолжена прямою линіею до вершины рѣки Дружекъ, или Друецъ, къ мѣсту, носящему названіе Ордва, и оттуда, спускаясь по этой рѣкѣ до ея устья въ Днѣпръ, такъ, чтобы все воеводство Мстиславское, по сю и по ту сторону Днѣпра, и оба края воеводства Минскаго, выше и ниже воеводства Мстиславскаго, принадлежали Россіи, чтобъ съ устья рѣки Дружекъ Днѣпръ служилъ Россіи границею съ Польшею, сохраняя для Кіева и его округа нынѣшнюю его границу по ту сторону Днѣпра. Въ засѣданіи Совѣта 22 августа Панинъ сообщилъ депешу Прусскаго короля къ Сольмсу: Фридрихъ писалъ, что онъ сдѣлалъ Вѣнскому Двору внушеніе насчетъ пріобрѣтенія Молдавіи и Валахіи, но получилъ отвѣтъ, что Австрія, изъ признательности своей къ Портѣ, никогда не согласится на ея разрушеніе,—напротивъ, сколько достанетъ силы, будетъ сохранять ее и равновѣсіе на Востокѣ; что теперь долженъ рѣшиться жребій Австрійской и Русской[1]) монархіи. Король заключилъ депешу разсужденіемъ, что если не сыщутся способы къ соглашенію, то онъ предвидитъ общую войну. По мнѣнію Панина, надобно было подождать отъ Прусскаго короля отвѣта на посланный къ нему контръ-проектъ секретной конвенціи; что какъ ни велика къ намъ вражда Вѣнскаго Двора, однако нельзя думать, чтобъ дѣйствительно захотѣлъ онъ воевать съ нами; видя, что наши войска всюду заняты, быть можетъ, хочетъ онъ насъ принудить къ исполненію своихъ желаній однѣми только угрозами: поэтому намъ нужно приготовиться такимъ образомъ, чтобъ сдержать его одними оказательствами (демонстраціями), или же и самымъ дѣломъ. Графъ Захаръ Чернышевъ говорилъ, что надобно усилить средства борьбы и по другой еще причинѣ: Прусскій король, представляя себѣ насъ не въ состояніи противиться австрійскимъ предпріятіямъ, опасается въ объясненіяхъ съ Вѣнскимъ Дворомъ рѣшительно держать нашу сторону, чтобъ, въ случаѣ разрыва, не навлечь на себя всю его силу; если же увидитъ насъ готовыми къ войнѣ, то можно думать, что исполнитъ все, отъ него зависящее по своимъ съ нами обязательствамъ: поэтому необходимо имѣть въ Польшѣ значительный корпусъ войскъ. Чернышевъ объявилъ, что, по его распоряженіямъ, въ Польшѣ можетъ быть 50,000 войска, на которыя въ первый годъ нужно 560,000 рублей, а на слѣдующіе по 374,000. Эту новую армію думалъ онъ расположить въ Литвѣ около Бреста, чтобъ можно было ее обратить по обстоятельствамъ или на помощь первой арміи, или противъ Австрійцевъ. Совѣтъ согласился и постановилъ сдѣлать рекрутскій наборъ со ста душъ. Генералъ-прокуроръ объявилъ, что требуемыя суммы можетъ доставить безъ затрудненія [2]).

Хотѣли сдѣлать большія военныя приготовленія, чтобъ внушить бодрость союзнику, заставить его рѣшительнѣе держать русскую сторону въ объясненіяхъ съ Вѣнскимъ Дворомъ. Но вѣрный союзникъ сталъ рѣшительнѣе настаивать въ Петербургѣ на уступку Молдавіи и Валахіи, началъ выставлять свою слабость въ войнѣ противъ Австріи и ея союзниковъ,—а впрочемъ, эта слабость исчезнетъ, онъ станетъ силенъ, будетъ воевать, если Россія согласится увеличить его долю въ Польскомъ раздѣлѣ! На основаніи депеши королевской, Сольмсъ говорилъ Панину, что выпускъ Вѣнскимъ Дворомъ новыхъ банковыхъ билетовъ на 12 милліоновъ доказываетъ какое-нибудь важное намѣреніе; если произойдетъ новая война, то она будетъ соединена съ великими опасностями какъ для Пруссіи, такъ и для Россіи; что Прусскій король для избѣжанія новой войны, а можетъ быть и для достиженія мира, видитъ одно средство: чтобъ Россія оставила мысль объ отторженіи Молдавіи и Валахіи отъ Порты; Россія этимъ ничего бы и не потеряла, объявивъ уже, что не для себя желаетъ она этого

[1]) Въ депешѣ Кауница фанъ-Свитену: Прусской, а не Русской.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта.

отторженія, да еще и выиграла бы, обнаруживъ этимъ неправду Вѣнскаго Двора; потому было бы очень желательно, чтобъ Россія объ этомъ зрѣло подумала, ибо, въ случаѣ разрыва, нести всю военную тягость досталось бы ей одной съ нимъ же однимъ, такъ какъ съ надежной стороны извѣстно уже сдѣланное Англіею объявленіе, что она ни во что не вступится, если только Франція ограничится дачею Австріи договорныхъ 24,000 вспомогательнаго войска; равнымъ образомъ, и на Данію полагаться нельзя, нельзя и напередъ отгадать, не успѣетъ ли Вѣнскій Дворъ добыть вспомогательное войско отъ имперскихъ князей.—Вслѣдъ затѣмъ новая депеша отъ Фридриха Сольмсу (отъ 10 сентября н. с.): „Надобно думать", писалъ король, „что Вѣнскій Дворъ согласно съ Турками будетъ дѣйствовать въ Молдавіи и Валахіи для вытѣсненія оттуда гр. Румянцева; сверхъ того, составлена будетъ въ Польшѣ генеральная конфедерація противъ Россіи; будетъ выбранъ новый король, и Поляки станутъ дѣлать набѣги въ русскіе предѣлы. На это можно сказать, что при диверсіи съ моей стороны Россія можетъ легко со всѣмъ этимъ справиться; но въ такомъ случаѣ обращу я на себя всѣ силы Австрійскаго Дома [1]), вспомогательный корпусъ Франціи и всѣ тѣ войска, которыя Вѣнскій Дворъ можетъ получить для себя у мелкихъ князей,— слѣд. 200,000 непріятелей. Если присовокупить къ этому двухлѣтній сряду недородъ хлѣба, который теперь уже не позволяетъ привести въ движеніе 10,000 человѣкъ, то спрашивается: при такихъ обстоятельствахъ не требуетъ ли благоразуміе испытать примирительныя средства, прежде чѣмъ пуститься на крайности? Порта достаточно унижена будетъ другими потерями, хотя бы Молдавія и Валахія и были ей оставлены. Поэтому было бы нужно испытать противниковъ нашихъ, обращая всю неправду на ихъ сторону, согласятся ли они, съ уступкою Молдавіи и Валахіи, на всѣ прочія русскія требованія; этою попыткою ничего не будетъ упущено по причинѣ наступающей уже зимы. До сихъ поръ нѣтъ еще у Вѣнскаго Двора съ Портою подписаннаго договора; но вѣроятно, что зимою онъ состоится. Если послѣ такого съ русской стороны поступка Вѣнскій Дворъ не войдетъ въ соглашеніе, то надобно будетъ воевать. Впрочемъ, входя въ положеніе Вѣнскаго Двора, надобно признаться, что онъ имѣетъ причину не желать, чтобъ Молдавія и Валахія были въ рукахъ зависимаго отъ Россіи господаря; но, съ другой стороны, нѣтъ основанія для Вѣнскаго Двора тревожиться независимостью Крыма и другими русскими условіями; это заставляетъ думать, не для того ли кн. Кауницъ и рѣшился во всемъ отказывать, чтобъ только отстранить особенно противное ему условіе. Такъ какъ война", продолжалъ король, „заведетъ меня въ большіе расходы, то надѣюсь, что, въ вознагражденіе за нихъ и въ соотвѣтствіе всѣмъ предстоящимъ опасностямъ для Клевскихъ моихъ земель, Россія согласится придать къ моей долѣ въ Польшѣ городъ Данцигъ, который безъ великихъ неудобствъ не можетъ быть отторгнутъ отъ той земли, къ которой принадлежитъ. Если-бъ не нужно было воевать, то моя доля превышала бы мои ожиданія; но такъ какъ я вижу, что дѣло дойдетъ до важной развязки, то не думаю, чтобъ требованіе мое было чрезмѣрно. Если и Россія, въ соотвѣтствіе пріобрѣтенія мною города Данцига, разсудитъ увеличить и свою долю, то я признаю справедливость этого и буду ей все безъ затрудненія гарантировать. Главная моя теперь забота происходитъ отъ общаго въ Германіи хлѣбнаго недостатка, который равномѣрно и Австрійцевъ можетъ заставить ждать будущаго урожая для дѣйствительнаго ополченія. Несмотря на это, послалъ я въ Польшу купить 7,200 лошадей для ремонтированія конницы моей, да и сверхъ того буду принужденъ сдѣлать еще многія другія пополненія, такъ-что я едва ли буду въ состояніи вступить въ дѣло прежде іюля или августа будущаго года. Я думаю однако, что это не будетъ поздно, ибо Австрійцы, если бы и хотѣли, не могутъ ничего предпринять въ Валахіи прежде этого времени".

Въ октябрѣ Фридрихъ далъ знать въ Петербургъ о разговорѣ своего министра при Вѣнскомъ Дворѣ, Роде, съ Кауницемъ. Австрійскій канцлеръ говорилъ о равновѣсіи, которое было бы нарушено Россіею, если-бъ ей дать волю, и, наконецъ, сказалъ: „Если-бъ Россія не иначе захотѣла кончить войну, какъ съ великими выгодами, то было бы справедливо, чтобъ императрица-королева и Прусскій король получили столько же на свою долю, для сохраненія равновѣсія между тремя державами". Вслѣдъ затѣмъ отъ Фридриха пришли новыя увѣщанія Россіи отступиться отъ Молдавіи и Валахіи; а если бы Вѣнскій Дворъ захотѣлъ требованія свои распространить, независимость Крыма и свободное плаваніе по Черному морю взять предлогомъ разрыва своего съ Россіею: въ такомъ случаѣ король безъ затрудненія войдетъ во всѣ виды Россіи по точной силѣ и содержанію сепаратнаго секретнѣйшаго артикула русскаго контръ-проекта; принимаетъ въ полномъ составѣ секретную конвенцію, опредѣляющую взаимныя пріобрѣтенія въ Польшѣ и взаимную ихъ гарантію; готовъ еще отдѣлить особымъ артикуломъ помощь, подаваемую другъ другу въ случаѣ нападенія Австріи изъ ненависти за пріобрѣтенія въ Польшѣ. Но городъ Данцигъ съ округомъ долженъ быть причисленъ къ прусскимъ пріобрѣтеніямъ, причемъ король вполнѣ согласенъ и на то, чтобъ Русскій Дворъ увеличилъ и свою долю. Фридрихъ давалъ знать, что прежнимъ союзнымъ договоромъ онъ не обязанъ давать помощь Россіи противъ Австріи, ибо если Вѣнскій Дворъ теперь вооружится, то не за Польшу, а за Молдавію и Валахію; онъ однако не отказывается

[1]) Гдѣ же все, когда Австрійцы будутъ дѣйствовать въ Молдавіи и Валахіи для вытѣсненія оттуда Румянцева?

помогать Россіи и въ этомъ случаѣ дастъ 20,000 войска, но съ тѣмъ, что можетъ его отозвать, какъ скоро Австрійцы объявятъ ему войну; тогда Россія посылаетъ ему на помощь шесть тысячъ пѣхоты и 4,000 казаковъ, а по окончаніи Турецкой войны помогаетъ и всѣми силами, но Данцигъ долженъ принадлежать ему. Фридрихъ сообщилъ также донесеніе своего министра изъ Константинополя о требованіи Порты, чтобъ Австрія и Пруссія подали ей помощь въ случаѣ несогласія Россіи заключить съ нею непостыдный для нея миръ; по крайней мѣрѣ, пусть Пруссія останется спокойною зрительницею; прусскій министръ открылъ, что это требованіе сдѣлано было по наущенію Вѣнскаго Двора. При разсужденіи объ этихъ прусскихъ предложеніяхъ въ Совѣтѣ, графъ Панинъ говорилъ, что такъ какъ польза Россіи не позволяетъ уступать Данцига Пруссіи, то, по его мнѣнію, надобно предложить Прусскому королю, чтобъ онъ, въ случаѣ войны съ Вѣнскимъ Дворомъ, вознаградилъ себя за военныя издержки австрійскими землями, которыя Россія ему гарантируетъ [1],—какъ будто Фридриху II можно было дѣлать подобныя предложенія?

Условія мира между Россіею и Портою были давно уже постановлены Прусскимъ королемъ: Россія должна отступиться отъ Молдавіи и Валахіи, сохраняя остальныя условія, на которыя должна согласиться Австрія. Условіе объ Архипелажскомъ островѣ Фридрихъ отвергъ съ самаго начала, и о немъ не было рѣчи, особенно послѣ возраженій графа Алексѣя Орлова. Кромѣ нежеланій усиливать Россію, Фридрихъ имѣлъ и другую причину настаивать, чтобъ Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи, ибо этотъ отказъ прямо велъ къ участію ея въ раздѣлѣ Польши, къ пріобрѣтенію вознагражденія здѣсь. Фридрихъ долженъ былъ разсчитывать, что заключеніе мира съ Портою на всей волѣ Россіи можетъ сильно охладить послѣднюю къ соучастію въ его планахъ относительно Польши, и ему было важно имѣть Россію и Австрію соучастницами раздѣла, особенно первую; при такомъ соучастіи онъ не боялся неудовольствія другихъ державъ и не боялся сопротивленія внутри Польши, не боялся, наконецъ, все же непріятныхъ, если и не опасныхъ криковъ противъ прусскаго хищничества: увидятъ, что не одна Пруссія поступаетъ безцеремонно съ чужими владѣніями. Поэтому Фридриху надобно было уладить Польское дѣло какъ можно скорѣе прежде Турецкаго, чтобъ послѣднее не затянуло перваго и не повело къ перемѣнѣ отношеній; Фридрихъ желалъ только, чтобъ Австрія явно не мѣшала переговорамъ между Россіею и Портою, чтобъ эти переговоры начались для успокоенія Россіи. Въ Петербургъ онъ давалъ знать, что Австрія только тогда согласится на выгодный для Россіи миръ съ Турціею, когда сама, вмѣстѣ съ Пруссіею, получитъ такія же выгоды для сохраненія равновѣсія; а въ Вѣну давалъ знать, что Россія можетъ отказаться отъ Молдавіи и Валахіи не иначе, какъ получивъ себѣ вознагражденіе въ Польшѣ; что же касается независимости Татаръ, то Россія отъ этого условія не отступитъ, потому что отъ него зависитъ будущая безопасность ея границъ: „Это ихъ государственный интересъ“, говорилъ король фанъ-Свитену, „и очень возражать противъ него нельзя; я знаю, что вы мнѣ станете говорить; знаю, что у васъ есть свой интересъ, противный Русскому; я вижу ясно, къ чему это поведетъ; это меня очень затрудняетъ; но эти люди не отступятъ отъ независимости Крыма,—и что тогда дѣлать? Какая вамъ опасность отъ независимости Татаръ или отъ ихъ подчиненія Россіи, ибо я хорошо понимаю, что это одно и то же. Крымскія гавани неудобны для постройки кораблей, онѣ будутъ служить только для торговли; Русскіе будутъ строить только торговыя суда“.—„Кто поручится за это“, возразилъ фанъ-Свитенъ; „впрочемъ, свободная торговля по Черному морю уже одна равняется Перу“.—„Вы говорите“, продолжалъ Фридрихъ, „что Константинополь будетъ подвергаться постоянной опасности: но Русскіе не начнутъ войны тотчасъ послѣ мира“.—„Годы, государь, это минуты въ политикѣ, и когда хотятъ разсчитывать вѣрно въ этой наукѣ, надобно считать вѣками“, возразилъ фанъ-Свитенъ.—„Ну что же“? продолжалъ король: „пусть они рано или поздно нападутъ на Константинополь, вы тогда и будете вести съ ними войну“.—„Не благоразумно позволить Россіи увеличить свое могущество и тогда уже противиться ея намѣреніямъ“, отвѣчалъ фанъ-Свитенъ. Но Фридрихъ не отставалъ отъ своего. Онъ упрекалъ фанъ-Свитена въ томъ, что Вѣнскій Дворъ такъ рѣзко отозвался на русскія предложенія. „Надобно принять другой тонъ“, говорилъ король: „не думайте, чтобъ эти люди побоялись вступить съ вами въ войну,—они къ ней готовы, и скажу откровенно, если вы вооружитесь противъ нихъ, то поставите меня въ затруднительное положеніе,—съ одной стороны, у меня будетъ примирившійся врагъ (Австрія), съ другой—союзникъ. Я отъ васъ не скрою, я поручилъ Зегелину вывѣдать въ Константинополѣ, что тамъ думаютъ о русскихъ условіяхъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что на условіе о Молдавіи и Валахіи Турки никогда не согласятся, по важности этихъ областей; что же касается Крыма, то Зегелинъ думаетъ, что Россія не найдетъ выгоды въ татарской независимости; что Татары, какъ магометане, будутъ всегда привязаны къ Портѣ, станутъ попрежнему дѣлать набѣги на Россію, а когда ихъ захотятъ за это наказать, то они бросятся въ объятія Порты, сдѣлаютъ это также при первомъ разрывѣ между нею и Россіею. Взглядъ Зегелина совершенно справедливъ, Русскіе составили насчетъ Крыма совершенно химерическій планъ. Притомъ я знаю, что Татары вовсе не хотятъ независимости, и только

[1] Московск. Архивъ Мин. Ин. Д. — Архивъ Госуд. Совѣта, I, 112.

палочными ударами заставили ихъ принять дорогу въ Петербургъ".

Итакъ, изъ двухъ самыхъ важныхъ условій, одно Прусскій король совершенно отстранялъ, приводя это отстраненіе въ связь съ раздѣломъ Польши; другое представлялъ, какъ невыгодное для Россіи. Оставалась свобода плаванія по Черному морю. „Что Русскіе повезутъ въ Константинополь"? спрашивалъ онъ фанъ-Свитена, и когда тотъ отвѣчалъ, что повезутъ разные товары, между прочимъ мѣха, и распространятъ свою торговлю до Левантскихъ островоръ,—то Фридрихъ сказалъ ему: „О, это не ваше дѣло; Англичане и Французы этимъ распорядятся; я знаю, что первые вовсе неравнодушно смотрятъ на успѣхи Русскихъ; намъ за этимъ нечего останавливаться; это интересуетъ гораздо болѣе Англичанъ и Французовъ,—предоставимъ это имъ" [1]).

Фридрихъ бралъ верхъ въ спорѣ, противникъ явно ослабѣвалъ. Король видѣлъ приближеніе рѣшительной минуты, и былъ доволенъ. „Я сдѣлалъ попытку, нельзя ли включить Данцигъ въ нашу долю", писалъ онъ брату Генриху 2 октября (н. с.). „Вѣрно, что если мы не добудемъ этого города при настоящихъ обстоятельствахъ, то послѣ нечего объ этомъ и думать: теперь удобная минута окончить наши переговоры съ Русскими, потому что теперь очень сильны въ Петербургѣ впечатлѣнія австрійскихъ вооруженій, да и приходъ 50,000 Русскихъ въ Польшу вѣроятно сдѣлаетъ Австрійцевъ поосторожнѣе. Я прибавилъ къ проекту конвенціи, что каждая изъ договаривающихся сторонъ овладѣетъ своею долею непосредственно по подписаніи договора, такъ-что мы не рискуемъ ничѣмъ впослѣдствіи,—овладѣніе обыкновенно рѣшаетъ судьбу подобныхъ пріобрѣтеній. Я думаю, Чернышевъ могъ бы пріѣхать самъ сюда, чтобъ сговориться насчетъ плана кампаніи, если Австрійцы вздумаютъ шевелиться. Я этому очень радъ, тѣмъ болѣе-что это нисколько не испортитъ дѣла, хотя я и не могу вообразить, чтобъ, узнавъ о прибытіи новой русской арміи въ Польшу, Вѣнскій Дворъ захотѣлъ подвергаться страшнымъ случайностямъ разрыва съ Россіею" [2]).

Въ Пруссіи были довольны; въ Австріи, понятно, не могли быть очень довольны. Здѣсь видѣли, что не достигли своей цѣли, отнесшись такъ рѣзко къ русскимъ предложеніямъ. Россія, вмѣсто того чтобы испугаться, уступить, справедливо оскорбилась и замолчала; дѣло перешло въ руки Прусскаго короля;—а у того свои виды. Правда, онъ приглашалъ Австрію дѣлить Польшу; но что это будетъ за дѣлежъ? Какъ будетъ соблюдено равновѣсіе? Возвратить при этомъ Силезію — это несбыточная мечта, по убѣжденію Іосифа, да и Кауницъ не могъ много надѣяться на осуществленіе своего плана. Пруссія непремѣнно будетъ всегда въ выигрышѣ; да и хлопотать изъ одного равновѣсія непріятно; а тутъ еще посыплются упреки за раздѣлъ Польши. Разумѣется, надобно будетъ взять какъ можно больше, когда Пруссія и Россія возьмутъ; но главное, чтобъ Россія не взяла еще отъ Турціи;—войну вести съ нею нѣтъ никакой возможности, да и грозить долѣе вооруженіемъ нельзя: она не пугается, а собираетъ войско; Лобковичъ давалъ знать, что Екатерина рѣшилась скорѣе употребить самыя крайнія мѣры, чѣмъ возвратить Молдавію и Валахію Турціи; что въ Петербургѣ не сомнѣваются въ помощи Пруссіи, если дѣйствительно дѣло дойдетъ до войны между Россіею и Австріею. Надобно войти съ Россіею въ непосредственныя сношенія, принять участіе въ переговорахъ ея съ Турціею, чтобъ ей дать какъ можно меньше, а себѣ пріобрѣсти и отъ Турціи добычу. Императрица-королева Марія-Терезія ускорила дѣло. Вотъ что писалъ сынъ ея императоръ, Іосифъ, брату Леопольду 25 сентября (н. с.): „Что касается политическихъ дѣлъ, то они находятся теперь въ необыкновенномъ кризисѣ. Намъ должно отвѣчать Россіи, и этотъ отвѣтъ будетъ рѣшительный. Князь Кауницъ не подалъ еще своего мнѣнія; а между тѣмъ ея величество сыграла съ нами хорошую штуку. Въ разговорѣ съ прусскимъ министромъ Роде она разрушила всю нашу систему застращиванія Россіи и Турокъ: она увѣрила его, что не хочетъ войны и никогда не позволитъ ея начать; что обладаніе Крымомъ она считаетъ дѣломъ очень неважнымъ, что ей мало заботы, оставитъ ли его Россія за собою или нѣтъ. Хороши же мы теперь вышли! Но надобно думать о томъ, что предпринять, чтобъ выйти изъ этого положенія; помоему, надобно дѣйствовать съ твердостью: или возстановить все, какъ было до войны; или, если одна изъ сторонъ выигрываетъ, надобно и намъ съ королемъ Прусскимъ сдѣлать такъ-же соотвѣтственное пріобрѣтеніе". Для перваго, разумѣется, надобно было рѣшиться на войну съ Россіею; но вотъ что писалъ Іосифъ о войнѣ: „Чтобъ говорить о войнѣ, не надобно быть въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находятся наши области Богемія и Моравія. Прусскій король можетъ завоевать ихъ безъ сраженія съ 20,000 войска, и вся наша армія, по недостатку продовольствія и по невозможности собрать его, будетъ принуждена спасаться на Дунай: въ такомъ положеніи не время громко разговаривать. Этотъ одинъ рискъ стоитъ вреда, какой принесетъ намъ пріобрѣтеніе Россіею Крыма. Такимъ образомъ долженъ быть миръ, если онъ возможенъ, и особенно, чтобъ намъ не воевать". По мнѣнію Іосифа, было три исхода изъ настоящаго положенія дѣлъ: или Россія и Турція заключаютъ такой миръ, который не доставляетъ ни одной изъ нихъ существенныхъ выгодъ. Какъ бы это ни было желательно, однако невѣроятно, можно сказать невозможно, ибо Россія никогда добровольно не откажется отъ сдѣланныхъ ею завоева-

[1]) Friedrich II und van-Swieten 30—42.
[2]) Oeuvres, XXVI, 354.

ній и не останется при опасности новыхъ нападеній со стороны Порты. Второй и самый естественный способъ, — чтобъ Россія пріобрѣла нѣкоторыя умѣренныя выгоды, а Порта, спасенная единственно Австріею отъ погибели, получила сносный миръ. Она должна исполнить свою конвенцію съ Австріею, но въ Польшѣ все должно остаться постарому; Ципсъ долженъ отойти къ Австріи. Хотя такимъ образомъ Россія и пріобрѣтетъ нѣкоторое приращеніе, но Порта подвергается исключительному вліянію Австріи и навсегда разссорится съ Пруссіею. Австрія не только увеличитъ свое политическое значеніе, но получитъ Малую Валахію и другія выговоренныя турецкою конвенціею выгоды; Польша возвратится въ прежнее состояніе; Прусскому королю Россія не дастъ болѣе увеличивать своихъ владѣній, и онъ одинъ останется съ пустыми руками. Третій выходъ состоитъ въ томъ, чтобъ, при окончаніи войны, всѣ сосѣднія государства получили одинакія выгоды. Если Россія получитъ значительное приращеніе, то Австрія и Пруссія должны получить такое же. Тутъ раждается вопросъ, что для Австріи выгоднѣе: увеличить свои владѣнія насчетъ Турціи или насчетъ Польши. Если рѣшиться на послѣднее, то нѣтъ другого средства, какъ прямо объясниться съ Пруссіею и Россіею, вмѣстѣ съ ними составить формальный раздѣльный договоръ и соединенно предложить его Полякамъ и Туркамъ [1]).

Марія-Терезія была въ восторгѣ отъ второго самаго естественнаго способа, и потребовала немедленнаго его исполненія. Какъ ни тяжело было для Кауница первому начинать говорить съ Голицынымъ о мирѣ, — медлить было больше нельзя. „Порта", началъ австрійскій канцлеръ, „узнавши о русскихъ условіяхъ, призвала нашего посланника и объявила, что никогда не вступитъ въ переговоры на основаніи подобнаго плана, и упрекала посланника за то, что по его внушеніямъ она освободила Обрѣзкова. Но если бы даже удалены были затрудненія со стороны Порты, все же русскія условія не станутъ отъ этого удобнѣе къ принятію. Независимость Татаръ не можетъ существовать въ дѣйствительности. Современемъ эти народы подпадутъ подъ власть Россіи, ибо нація слабая, находясь между двумя сильными государствами, необходимо должна искать покровительства и убѣжища у одного изъ нихъ. То же самое случится съ Молдавіею и Валахіею; Австрія, во вниманіе собственныхъ интересовъ и для сохраненія политическаго равновѣсія, принуждена препятствовать прямо и косвенно всѣми возможными средствами этой независимости, этому раздробленію Турціи, и потому не можетъ содѣйствовать ускоренію мира, а Порта объявила, что безъ участія нашего Двора никогда не вступитъ въ переговоры".—„Я знаю", отвѣчалъ Голицынъ, „какую неограниченную власть справедливость всегда имѣла надъ вами, князь. Будьте судьею нашего дѣла. Вы видите наши выгоды, наши успѣхи: развѣ они не даютъ намъ права на миръ полезный и славный? Какое вознагражденіе вы дадите намъ за то, что хотите вычеркнуть изъ нашихъ условій? Мнѣ кажется, что такого вознагражденія нѣтъ". Кауницъ пожалъ руку Голицына и сказалъ съ веселымъ и ласковымъ видомъ: „Я вамъ откроюсь подъ условіемъ глубочайшей тайны. Ихъ императорскія величества, проникнутыя удивленіемъ къ необыкновеннымъ достоинствамъ Русской императрицы, желая жить въ добромъ согласіи съ государынею, высказывающею столько человѣколюбія и величія души, постарались сами найти средній терминъ для соглашенія интересовъ обоихъ Дворовъ. Вотъ условія мира: 1) уступка Россіи города Азова съ округомъ; 2) обѣихъ Кабардъ; 3) свободная торговля и мореплаваніе по Черному морю, и 4) денежное вознагражденіе за военныя издержки. Если Россія приметъ эти условія, то нашъ Дворъ употребитъ добрыя услуги для ускоренія мира". Голицынъ замѣтилъ, что въ этихъ условіяхъ нѣтъ главнаго, о чемъ всего больше заботится Русскій Дворъ, т.-е. прикрытія границъ, столько пострадавшихъ отъ татарскихъ нашествій.—„Вы можете", отвѣчалъ Кауницъ, „построить крѣпости. Впрочемъ, я долженъ вамъ замѣтить, что Австрія не возьмется содѣйствовать миру, прежде чѣмъ Петербургскій Дворъ не дастъ ему завѣренія, что не желаетъ и не будетъ никогда желать раздробленія Польши ни для себя, ни для кого бы то ни было; при этомъ однако ихъ императорскія величества разсчитываютъ удержать 13 городовъ комитата Ципсъ, какъ принадлежавшихъ Венгерскому королевству; за нихъ выплатится Польшѣ та сумма денегъ, въ которой они нѣкогда были ей заложены. Что касается окончательнаго умиротворенія Польши, то Вѣнскій Дворъ согласенъ, чтобъ царствующій король остался на престолѣ и старая конституція была бы сохранена съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ сходны съ политическими интересами Россіи и другихъ сосѣднихъ Дворовъ" [2]).

Въ Вѣнѣ опоздали; хотя, разумѣется, если-бъ и не опоздали съ такимъ объясненіемъ, то оно способно было только снова еще сильнѣе оттолкнуть Петербургъ отъ Вѣны и сблизить съ Берлиномъ. Пруссія не раздражала такимъ рѣзкимъ предписываніемъ мирныхъ условій, какъ позволилъ себѣ теперь Вѣнскій Дворъ, прямо выставляя свои интересы и намѣреніе препятствовать всѣми средствами исполненію русскихъ условій. И Прусскій король неуклонно настаивалъ на томъ, чтобъ Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи, но онъ не настаивалъ на другомъ важномъ условіи—независимости Крыма, не приводилъ вознагражденія

[1]) Maria-Theresia und Joseph II; I, 314—316.—Arneth.—Mar.-Ther. letzt. Regier. II, 319, 328.

[2]) Письмо Голицына къ Панину 14—25 октября въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

за тяжелую войну почти къ нулю, а предлагалъ еще вознагражденіе на другой сторонѣ. Несмотря на вооруженія и высокомѣрный тонъ Вѣнскаго Двора, въ Петербургѣ не разубѣждались, что дѣло не въ Австріи, а въ Пруссіи. Но Прусскій король требовалъ настойчиво, чтобъ Россія отказалась отъ Дунайскихъ княжествъ и въ вознагражденіе взяла себѣ часть Польскихъ владѣній. Такая связь между Турецкимъ и Польскимъ дѣломъ не нравилась въ Петербургѣ: отдать назадъ въ турецкія руки двѣ христіанскія области, жители которыхъ были увѣрены, что такого возвращенія не будетъ, проиграть такимъ образомъ во мнѣніи христіанскаго народонаселенія турецкихъ областей—было очень тяжело. На это можно было рѣшиться только въ крайности, и осенью 1771 года эта крайность, по мнѣнію многихъ, настояла. Двойная война вообще была тяжка, тѣмъ болѣе-что не были увѣрены въ безопасности относительно Швеціи. Для продолженія войны требовалось усиленіе средствъ со стороны Россіи, а возможность усиленія средствъ именно теперь ослабѣвала. Мы видѣли, что русское войско встрѣтило въ областяхъ Порты врага болѣе страшнаго, чѣмъ турецкое и татарское войско,—встрѣтило чуму. Но болѣзнь не ограничилась однимъ войскомъ; она пошла дальше, распространилась по внутреннимъ областямъ Россіи, свирѣпствовала въ Москвѣ, гдѣ, благодаря опять войнѣ, недостатку внутренней стражи,вспыхнулъ бунтъ, сопровождавшійся отвратительнымъ, небывалымъ событіемъ,—умерщвленіемъ архіепископа. Надобно было освободить зараженныя области отъ рекрутскаго набора, и Чернышевъ въ октябрѣ объявилъ Совѣту, что наборъ можетъ уменьшиться до 20,000. Съ другой стороны, вслѣдствіе чумы же, уменьшились казенные доходы. При такихъ обстоятельствахъ трудно было возражать людямъ, которые говорили: благоразумно ли отказываться отъ непосредственнаго пріобрѣтенія ближайшихъ къ Россіи областей, населенныхъ Русскимъ народомъ, изъ-за независимости далекой Молдавіи и Валахіи, продолжать изъ-за этой независимости тяжкую войну, которая можетъ еще усложниться, стать еще труднѣе?

24-го октября Панинъ прочиталъ въ Совѣтѣ мнѣніе свое, что при настоящемъ положеніи политическихъ и военныхъ дѣлъ нужно стараться о примиреніи съ Турками и, для облегченія этого, утвердить скорѣе независимость Татаръ, чтобы это дѣло прежде мира всѣми и самими Турками сочтено было оконченнымъ и непоправимымъ, а потомъ внушить Портѣ о склонности нашей возвратить ей Молдавію и Валахію; удерживая во время переговоровъ Бендеры, какъ мѣсто, пріобрѣтенное великими трудами, стараться вымѣнять его на Очаковъ и Кинбурнъ, или же, по крайней мѣрѣ, на одинъ Кинбурнъ. Совѣтъ, признавши это мнѣніе основательнымъ и полезнымъ, согласился поднести его императрицѣ [1]). Сольмсъ еще прежде имѣлъ возможность дать знать своему государю объ этой готовности Русскаго Двора отказаться отъ Дунайскихъ княжествъ, потому что 4 ноября (н. с.) Фридрихъ II говорилъ фонъ-Свитену: „Я могу вамъ объявить, что относительно Молдавіи и Валахіи дѣло рѣшенное,—Россія согласится возвратить ихъ Туркамъ; я готовъ за это поручиться; что же касается Крыма, то еще посмотримъ. Но Русскіе будутъ искать себѣ вознагражденія насчетъ Польши, и потомъ станутъ требовать денегъ". Донося объ этихъ словахъ, фанъ-Свитенъ писалъ Кауницу: „Изъ того, что́ король сказалъ мнѣ о Крымѣ, я имѣю право выводить, что и по этому пункту можетъ быть уступлено, какъ уже сдѣлана уступка относительно Молдавіи и Валахіи. Итакъ по Турецкому дѣлу все будетъ улажено; но боюсь, что потомъ дѣло пойдетъ о Польшѣ; думаю, что король и Русская императрица согласились взять изъ нея себѣ по хорошей долѣ; они не замедлятъ предложить и намъ долю; но мнѣ кажется, что эта доля, какова бы она ни была, по своей полезности никогда не можетъ быть сравнена съ ихъ долями; думаю, что настоящее время можетъ быть благопріятно для осуществленія идеи возвратить графство Глацъ и часть Силезіи" [2]).

Между тѣмъ Лобковичъ передалъ Панину записку такого же содержанія, какъ и приведенный разговоръ Кауница съ Голицынымъ, и названную, въ соотвѣтствіе прежнему объясненію Екатерины, мнѣніемъ императора Іосифа и императрицы Маріи-Терезіи; предложено было также заключить перемиріе для удобнѣйшаго веденія переговоровъ. На мнѣніе ихъ величествъ отвѣчала императрица, что, изъ уваженія къ нимъ, она готова отступить отъ требованія независимости Молдавіи и Валахіи, но не можетъ этого сдѣлать въ разсужденіи Татаръ, которымъ уже даны торжественныя обѣщанія. Относительно перемирія Лобковичу передана была записка, что Россія согласна на перемиріе, если Турки уполномочатъ кого-нибудь изъ своей арміи для соглашенія о томъ съ фельдмаршаломъ Румянцевымъ. Это требовалось для того, чтобъ, договариваясь о перемиріи, имѣть средство вступить съ Турками въ непосредственные переговоры и о самомъ мирѣ и, по возможности, заключить его поскорѣе. Къ князю Голицыну, въ Вѣну, Панинъ отправилъ письмо съ приказаніемъ объявить Кауницу, что если его Дворъ представляетъ права на занятыя имъ Польскія земли и намѣренъ удержать ихъ, то равномѣрно и Россія и союзникъ ея, король Прусскій, могутъ сыскать такія же права на земли республики [3]).

Въ то самое время пришло въ Петербургъ извѣстіе о Тугутовскомъ договорѣ между Австріею и

[1]) Архивъ Госуд. Сов. I, 115.
[2]) Friedrich II und van-Swieten 43—52.
[3]) Архивъ Госуд. Совѣта I, 120, 126.

Турціею. Какое впечатлѣніе произвело оно здѣсь,— видно изъ письма Панина къ князю Голицыну въ Вѣну: „Независимо отъ вкоренившагося въ князѣ Кауницѣ высокомѣрнаго желанія дать Россіи восчувствовать потерю Австрійскаго союза изъ ненависти къ принятой ея императорскимъ величествомъ политической системѣ, имѣемъ мы здѣсь вѣроятныя и едва-ли не самыя подлинныя свѣдѣнія, что онъ въ коварномъ своемъ ковѣ попустился уже заключить съ Портою субсидный трактатъ въ теченіи минувшаго іюля. Какъ здравая политика велитъ заранѣе готовиться на всѣ возможные случаи, то начали уже мы здѣсь принимать всѣ къ первой встрѣчѣ нужныя мѣры, какъ внутри, такъ и внѣ государства. Къ первымъ принадлежатъ: заготовленіе магазиновъ въ Литвѣ и знатное умноженіе польскаго корпуса. Во второй классъ слѣдуетъ распространеніе союза нашего съ королемъ Прусскимъ. Сей новый въ дѣлахъ вынужденный оборотъ сдѣлался причиною и отмѣны прежнихъ ея императорскаго величества намѣреній въ разсужденіи Польши и усмиренія ея. Всемилостивѣйшая государыня изволила рѣшиться, согласно съ королемъ Прусскимъ, обратить на Поляковъ собственную ихъ неблагодарность и сдѣлать насчетъ ихъ пристойныя пріобрѣтенія какъ границамъ имперіи своей, такъ и границамъ союзника своего, короля Прусскаго, слѣдуя въ томъ примѣру Вѣнскаго Двора, который забралъ въ свои руки староство Ципское съ окружностями его по нѣкоторымъ старымъ притязаніямъ. Россійскій и Берлинскій Дворы имѣютъ довольно симъ подобныхъ притязаній, кои и они намѣрены употребить себѣ въ пользу; а сверхъ того мы получили еще неоспоримое право требовать себѣ удовлетворенія и за то, что Поляки подняли противъ насъ оружіе и воспричинствовали войну нашу съ Портою Оттоманскою“. Вмѣстѣ съ этимъ русскимъ письмомъ посылалось къ Голицыну письмо французское, которое онъ долженъ былъ показать Кауницу и въ которомъ заключалось рѣшеніе Россіи относительно Польши; по поводу этого письма Панинъ писалъ Голицыну: „Открываюсь я во французскомъ моемъ письмѣ по пункту новыхъ ея императорскаго величества положеній о Польшѣ, дабы изъ того кн. Кауницъ какъ бы неумышленно понять могъ, что мы на все уже рѣшились, и что потому не лучше ли будетъ и для Вѣнскаго Двора сдѣлать изъ нужды добродѣтель, и, вмѣсто того, чтобъ заводить оный въ неизвѣстную и опасную войну, увеличить безъ всякихъ дальностей часть свою насчетъ Польши, въ чемъ ни мы, ни король Прусскій ему вѣрно препятствовать не будемъ, если только онъ благовременно съ нами и съ нимъ снесется“ [1]).

Такимъ образомъ, Австрія торопила раздѣлъ Польши обнаруженіемъ своей враждебности къ Россіи по турецкимъ отношеніямъ. Россія пожертвовала Молдавіею и Валахіею, чтобъ не встрѣтить препятствій къ миру со стороны Австріи и не отказываться отъ независимости Крыма, сочла себя вынужденною приглашать Вѣнскій Кабинетъ къ осуществленію плана Прусскаго короля; но послѣдній, видя, что Польское дѣло задерживается Турецкимъ, что Россія хочетъ сопоставить участіе Австріи въ раздѣлѣ Польши съ согласіемъ на русскія мирныя условія съ Портою, внушалъ въ Петербургѣ, что дѣлъ этихъ не должно смѣшивать; что Австрія не можетъ помѣшать раздѣлу Польши, да и сама будетъ согласна принять въ немъ участіе; что Польское дѣло надобно кончить прежде Турецкаго; что въ Константинополѣ, по стараніямъ Пруссіи, готовы вступить въ переговоры. Въ то же время, озабоченный мыслію, что Россія не поддастся на эти внушенія, что для нея на первомъ планѣ почетное окончаніе Турецкой войны, для чего раздѣлъ Польши служитъ только средствомъ, Фридрихъ, съ другой стороны, страстно требовалъ отъ Австріи, чтобъ она не дѣлала препятствія начатію мирныхъ переговоровъ между Россіею и Турціею. Это страстное отношеніе Фридриха къ вопросу свидѣтельствуется словами фанъ-Свитена: „Живость короля и его страстное желаніе мира были чрезвычайны: мои плечи и руки часто чувствовали послѣдствія его жестовъ“ [2]).

Въ Петербургѣ онъ затрогивалъ всѣ струны; затрогивалъ гордость тамошняго правительства: „Думаю“, писалъ онъ, „что надобно бросить всякую мысль о соглашеніи съ Вѣнскимъ Дворомъ насчетъ пріобрѣтеній въ Польшѣ, потому что этотъ Дворъ дурно расположенъ къ Русскому; кн. Кауницу, горделивѣйшему изъ людей, считающему себя, не безъ нѣкотораго основанія, распорядителемъ дѣлъ Сѣвера и Востока, нравится унижать тѣхъ, которые дѣлаютъ ему предложенія, и рѣшать ихъ участь. Моя гордость не позволяетъ мнѣ подчиняться суду этого министра, и не думаю, чтобъ кто-нибудь въ Россіи посовѣтовалъ императрицѣ сообразовать свое поведеніе съ фантазіями князя Кауница, какъ будто мы не можемъ завладѣть тѣмъ, что́ намъ удобно, безъ его инвеституры и одобренія. Чтобъ не запутывать дѣлъ, гораздо проще овладѣть нашими условленными долями, какъ скоро русскія войска будутъ на Вислѣ: 1) мы послѣдуемъ только примѣру Австрійцевъ; 2) эта самая армія на Вислѣ, произведя сильное впечатлѣніе на Австрійцевъ, сдержитъ ихъ; 3) если наши министры въ Вѣнѣ объявятъ тогда этому Двору о причинахъ, побудившихъ насъ къ этому раздѣлу, онъ принужденъ будетъ согласиться; и если онъ не будетъ доволенъ своей долею, то можетъ вознаградить себя или Бѣлградомъ, или какими нибудь польскими староствами по своему благоусмотрѣнію; 4) что касается Турокъ, то лучше, чтобъ это завладѣніе произошло передъ началомъ переговоровъ съ ними, потому что въ такомъ случаѣ они проглотятъ пилюли потихоньку: имъ объяснять,

[1]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Письмо отъ 5 декабря.

[2]) Friedrich II und van-Swieten, 52.

что это вознагражденіе за возвращеніе имъ Молдавіи и Валахіи; имъ укажутъ, что Австрійцы подали примѣръ. Что же касается Поляковъ, то надобно ждать съ ихъ стороны громкихъ криковъ во всякое время, когда бы ни случилось занятіе ихъ областей, ибо эта нація, пустая, преданная интригамъ, кричитъ всегда, но армія на Вислѣ скоро прекратитъ крики". Но здѣсь интересы расходились: для Фридриха важно было прежде всего овладѣть частью Польши, для Россіи же прежде всего нужно было заключить миръ съ Портою, послѣ чего она готова была войти въ соглашеніе съ Пруссіею и Австріею насчетъ Польши, и потому, въ засѣданіи Совѣта 22 ноября, по прочтеніи приведенной депеши Прусскаго короля, члены Совѣта находили удобнымъ приступить къ Польскому дѣлу послѣ мира съ Турками: Турки, говорилось въ Совѣтѣ, наскучивъ нынѣшнею неудачною войною, не захотятъ начать новой изъ-за Польши; да и Австрійцы въ то время, когда всѣ наши войска будутъ имѣть свободныя руки, скорѣе согласятся участвовать въ раздѣлѣ, чѣмъ препятствовать ему. Фридрихъ однако не переставалъ стыдить Петербургскій Кабинетъ униженіемъ его предъ австрійскимъ канцлеромъ: „Князь Кауницъ", писалъ король, „хочетъ сдѣлаться хозяиномъ переговоровъ, увѣренный, что превосходствомъ генія, который онъ въ себѣ предполагаетъ, заставитъ Русскихъ сдѣлать все, что̀ ему угодно. Итакъ отдѣлимъ пока Турецкій миръ отъ Польскаго дѣла и посмотримъ, прилично ли такому государству, какъ Россія, защищать свои права на Польшу предъ враждебнымъ трибуналомъ Вѣнскаго Двора. Помоему, надобно вступить во владѣніе польскими областями и потомъ ограничиться простымъ объявленіемъ, что сдѣлано это по такимъ-то и такимъ причинамъ. Будетъ гораздо больше достоинства въ такомъ поведеніи, и эта твердость тона произведетъ хорошее впечатлѣніе на Вѣнскій Дворъ: я прозакладываю свою голову, что изъ-за Польши войны не будетъ. Что касается перемирія съ Турками на эту зиму, то я не вижу въ томъ ничего дурного; не надобно только убаюкиваться надеждами, ибо единственная цѣль князя Кауница – повелительно продиктовать условія мира; наши труды для достиженія непосредственныхъ переговоровъ будутъ потеряны, и, по истеченіи перемирнаго срока, надобно будетъ начинать новую кампанію" [1]).

Эта послѣдняя депеша была прочитана въ засѣданіи Совѣта 15 декабря, вмѣстѣ съ полученною отъ Сольмса депешею Зегелина, изъ Константинополя, о согласіи Турокъ послать уполномоченныхъ на конгрессъ, если императрица напередъ обнадежитъ относительно возвращенія завоеванныхъ земель, и что мѣстомъ конгресса назначается городъ Яссы. Понятно, что депеша Зегелина, какъ затрогивавшая главный интересъ, поглотила все вниманіе. Екатерина спросила: „Подлинно ли Турки желаютъ послать полномочныхъ на конгрессъ." Панинъ отвѣчалъ, что сомнѣваться въ томъ нельзя и надобно спѣшить отвѣтомъ черезъ того же Зегелина.

Такимъ образомъ, для будущаго 1772 года приготовились два дѣла: конгрессъ уполномоченныхъ для мира между Россіею и Портою и раздѣлъ Польши. Мы видѣли, что въ послѣдней странѣ слухи о раздѣлѣ пошли еще 1770 году вслѣдствіе захвата Австрійцами Ципса. Въ самомъ началѣ 1771 года французскій агентъ въ Данцигѣ, Жераръ, сообщалъ своему Двору, что когда примасъ, ведшій переговоры съ послами русскимъ и прусскимъ о средствахъ успокоенія Польши, потребовалъ, чтобъ оба Двора гарантировали владѣнія республики, то оба посла не хотѣли слышать о гарантіи, и Бенуа сказалъ: „Думаютъ, что императоръ хочетъ оставить за собою староство Ципсъ; но мой государь не станетъ воевать съ нимъ изъ-за этого".—„Всякій пойметъ", прибавляетъ Жераръ, „что Прусскій король оставитъ также за собою, что̀ ему надобно". Отъ 12 января Волконскій увѣдомлялъ Панина, что примасъ съ приверженными къ Россіи людьми продолжалъ стараться объ усиленія новой русской или патріотической партіи; но король и его совѣтники стараются всячески этому препятствовать. Недавно къ новой партіи приступили великій канцлеръ коронный Млодзѣевскій, епископъ Куявскій Островскій, маршалъ надворный Литовскій Рогалинскій. Узнавъ объ этомъ, король призвалъ къ себѣ Рогалинскаго и съ сердцемъ спрашивалъ, что у нихъ за совѣты держатся.— „И вы", говорилъ Станиславъ-Августъ, „будете такъ-же обмануты Русскими, какъ и члены Радомской конфедераціи, потому что Волконскій никакого письменнаго обязательства вамъ не далъ. Русскіе намѣрены уступить въ диссидентскомъ дѣлѣ, я у нихъ выхлопоталъ эту уступку". Примасъ съ согласія своей русской партіи хотѣлъ войти въ сношенія съ конфедератами, потребовать у нихъ присылки депутатовъ съ объясненіями, чего они хотятъ и на какой конецъ продолжаютъ изнурять отечество. Король узналъ и объ этомъ и, призвавши къ себѣ того же Рогалинскаго, спрашивалъ: „Къ кому вы сбираетесь писать, и что вы будете дѣлать, если конфедераты отвѣтятъ вамъ, что не хотятъ видѣть меня на престолѣ. Вы входите въ соглашенія съ людьми, ищущими моей погибели". – „Мы", отвѣчалъ Рогалинскій, „стараемся, напротивъ,— о вашемъ утвержденіи на престолѣ, о спасеніи отечества, и не примемъ несогласныхъ съ этимъ конфедератскихъ предложеній".

Такое противодѣйствіе со стороны короля, неодобреніе плана реконфедераціи, полученное изъ Петербурга, требованіе бездѣйствія, полученное оттуда же и совпадавшее съ требованіями прусскаго министра въ Варшавѣ, нерѣшительность, неясность положенія:—все это было очень тяжело для Волконскаго; онъ не переставалъ просить объ отозваніи, и, наконецъ, просьба его была исполнена въ на-

[1]) Smit. Frédéric. II etc. 80, 85.

чалѣ года. Преемникомъ ему былъ назначенъ извѣстный Сальдернъ. Эта перемѣна должна была произвести тревогу въ Польшѣ. Было извѣстно, что къ Сальдерну имѣлъ постоянное прибѣжище польскій резидентъ въ Петербургѣ—Псарскій, поручая ему интересы короля и его партіи. Сальдернъ осуждалъ поведеніе Волконскаго, разсорившагося съ королемъ и враждебно поступившаго съ Чарторыйскими. Въ этомъ смыслѣ Сальдернъ представилъ записку императрицѣ, доказывая, что успокоить Польшу можно только противоположнымъ способомъ, привлекши на свою сторону короля и Чарторыйскихъ. Императрица, прочитавъ записку, осталась довольна ею и пожелала, чтобъ авторъ самъ, въ качествѣ русскаго посла, привелъ въ исполненіе свой планъ. Такимъ образомъ Сальдернъ былъ пойманъ, потому что ему вовсе не хотѣлось ѣхать въ Варшаву на такой трудный и непріятный постъ. Онъ сталъ отговариваться; но Панинъ представилъ ему, что если онъ откажется отъ мѣста посла въ Варшавѣ, то можетъ быть отправленъ на Турецкій конгрессъ въ качествѣ младшаго уполномоченнаго при гр. Григор. Орловѣ, и если откажется отъ обоихъ назначеній, то навлечетъ на себя гнѣвъ императрицы, вслѣдствіе чего долженъ будетъ оставить русскую службу. Сальдернъ принялъ мѣсто посла въ Варшавѣ; но легко понять, какъ испугались его назначенія люди, которые въ послѣднее время окружали Волконскаго, какъ члены новой русско-патріотической партіи, враждебные королю и Чарторыйскимъ, и во главѣ ихъ примасъ Подоскій, который сохранилъ во всей силѣ саксонскія привязанности и жилъ мечтою о низверженіи Станислава-Августа и возстановленіи Саксонской династіи. Они вспомнили о Репнинѣ, который оставилъ Польшу въ враждебномъ расположеніи къ королю и Чарторыйскимъ, и эта вражда еще болѣе теперь усилилась вслѣдствіе послѣдней выходки Станислава-Августа и **фамиліи**, когда сенатъ опредѣлилъ жаловаться на распоряженія Репнина и требовать ихъ отмѣны. Патріоты хотѣли противопоставить Репнина Сальдерну, и съ этою цѣлію 13 марта написали письмо императрицѣ, гдѣ говорили, что съ сожалѣніемъ разстаются съ Волконскимъ, привлекшимъ сердца многихъ кротостью и честностью; примутъ съ удовольствіемъ Сальдерна, заслужившаго своими способностями довѣріе императрицы, но просятъ присоединить къ нему кн. Репнина, въ какомъ угодно характерѣ: онъ заслужилъ нерасположеніе враговъ императрицы и полное довѣріе людей ей преданныхъ, довѣріе, которое было плодомъ долгаго пребыванія въ Польшѣ и совершеннаго знанія страны, фамилій, ихъ отношеній, характера и свойствъ отдѣльныхъ лицъ. Письмо было подписано примасомъ Подоскимъ, Виленскимъ епископомъ Мосальскимъ, канцлеромъ коронныъ Млодзѣевскимъ, кухмистромъ короннымъ Понинскимъ и другими. Просьба не была исполнена, и письмо могло только послужить къ ожесточенію Сальдерна противъ патріотовъ.

Сальдернъ пріѣхалъ въ Варшаву въ самыхъ первыхъ числахъ апрѣля. Патріоты встрѣтили его при выходѣ изъ кареты и присутствовали при его разуваніи; министры — прусскій, англійскій, датскій и саксонскій—первые сдѣлали ему визиты. Новый посолъ обошелся очень холодно съ патріотами, далъ имъ тотчасъ же почувствовать, что считаетъ ихъ людьми подозрительными, съ которыми не намѣренъ сближаться. Въ Петербургъ Сальдернъ отправилъ очерки характеровъ друзей Россіи, съ помощью которыхъ его предшественникъ хотѣлъ возстановить спокойствіе въ Польшѣ: 1) Примасъ Подоскій, не терпящій короля, Саксонецъ, непримиримый врагъ Чарторыйскихъ, имѣющій нужду въ нашихъ деньгахъ, есть первый изъ друзей нашихъ. У него нѣтъ ни закона, ни вѣры, ни кредита; его не уважаетъ народъ, его презираютъ сильные, его ненавидятъ слабые. Въ немъ есть одна хорошая черта: онъ имѣетъ честность объявлять: „Если я не могу имѣть короля изъ Саксонскаго Дома, то всегда изъ благодарности буду повиноваться волѣ ея и. в—ства“. Впрочемъ, онъ такой человѣкъ, которому никогда никакой тайны ввѣрить нельзя, котораго дѣйствующимъ лицомъ употребить нельзя и съ которымъ ни одинъ честный человѣкъ здѣсь дѣйствовать вмѣстѣ не согласится. 2) Епископъ Виленскій, Мосальскій,—человѣкъ тонкаго и хитраго разума, но такъ вѣтренъ, какъ французскій аббатъ петиметръ, надутый въ то же время своими достоинствами и дарованіями, стремящійся къ пріобрѣтенію важнаго значенія въ странѣ, желающій возвыситься съ паденіемъ Чарторыйскихъ. Надежда собрать сильную партію привлекла его къ нашей сторонѣ. Это человѣкъ лукавый, ненадежный; онъ имѣетъ нѣкоторый кредитъ въ Литвѣ, но и то у мелкихъ людей. Болѣе его кредита въ Литвѣ имѣетъ 3) графъ Флеммингъ, воевода Померанскій, единственный твердый и надежный человѣкъ; онъ другъ Россіи по внутреннему убѣжденію. 4) Воевода Подляшскій получаетъ отъ насъ пенсію; деньги—единственное божество его; за деньги намъ вѣренъ и добрый крикунъ, если нужда потребуетъ. 5) Воевода Калишскій, вполнѣ предавшійся графу Мнишку, безъ системы и трусъ преестественный. 6) Зять его, графъ Рогалинскій, похожъ на тестя и для дѣлъ нашихъ совершенно безполезенъ. 7) Великій канцлеръ коронный, епископъ Познанскій Млодзѣевскій, Макіавель Польши, продающій себя тому, кто дастъ дороже, безъ уваженія и кредита въ государствѣ. 8) Епископъ Куявскій, братъ — Познанскаго, во всемъ подобенъ ему, только не такъ уменъ. 9) Великій кухмистръ коронный Понинскій получаетъ пенсію; легкомысленъ и любитъ играть важную роль; для вѣстей способенъ, проворенъ. 10) Маршалъ Литовскій Гуровскій—хитрый человѣкъ, съ разумомъ, но безъ искры честности. „Я буду имѣть въ немъ нужду для развѣдыванія чужихъ тайнъ и мыслей“.

„Мнимые друзья королевскіе: 1) воевода Русскій, князь Чарторыйскій. Онъ передъ всѣми отличается великими качествами души. Кажется мнѣ, что онъ сильно начинаетъ упадать; несмотря на то, онъ управляетъ всѣми движеніями государства; это человѣкъ просвѣщенный, проницательный, умный, знающій совершенно Польшу, уважаемый одинаково друзьями и врагами; будучи твердъ въ намѣреніяхъ и остороженъ, онъ съ безпримѣрнымъ искусствомъ пріобрѣтаетъ себѣ сердца человѣческія, хитростью раздѣляетъ, краснорѣчіемъ соединяетъ, проникаетъ другихъ, а самъ непроницаемъ. Воевода Русскій умѣлъ заставить короля удалиться отъ Россіи; король дѣлаетъ все, что онъ захочетъ. 2) Братъ воеводы Русскаго, канцлеръ, человѣкъ разумный, въ коварствахъ весьма много обращавшійся, теперь уже престарѣлый и служащій только орудіемъ своему брату, впрочемъ любимый народомъ и умѣвшій найти себѣ друзей въ государствѣ, особливо въ Литвѣ. 3) Кн. Любомирскій, великій маршалъ коронный, зять воеводы Русскаго, человѣкъ проворный, предпріимчивый, но средняго разума, дѣйствующій только тогда, когда старики его заводятъ; ненавидитъ короля, невзирая на родство; не любитъ Россіи. Есть еще два человѣка, которыхъ можно назвать спутниками кн. Чарторыйскаго,—Борхъ и Пржездецкій, одинъ вице-канцлеръ коронный, а другой Литовскій: оба ябедники, оба жалкіе политики, оба безъ уваженія и кредита. Графъ Браницкій одинъ изъ друзей королевскихъ, который говоритъ Станиславу-Августу правду твердо и не обинуясь. Онъ одинъ, на котораго я могу положиться".

Изъ этого очень нелестнаго изображенія друзей Россіи и очень лестнаго изображенія главы фамиліи уже можно было легко заключить, что Сальдернъ круто повернетъ на дорогу, противоположную той, по которой шелъ его предшественникъ. Французскій агентъ въ Варшавѣ далъ знать своему Двору, что новый русскій посолъ сблизился съ Чарторыйскими, имѣлъ тайное свиданіе съ воеводою Русскимъ въ третьемъ домѣ. Въ Сальдернѣ съ изумленіемъ начали замѣчать все болѣе и болѣе умѣренности и кротости. „Сердце короля", писалъ Сальдернъ Панину, „есть сердце хорошаго человѣка, но голова его, къ несчастію, испорчена; увижу, могу ли я ее поправить: трудно излѣчить радикально мозгъ, поврежденный постоянными иллюзіями. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобъ примирить короля и его предполагаемыхъ друзей съ императрицею и Россіею прежде, чѣмъ думать о примиреніи Поляковъ между собою. Я сдѣлаю половину дороги, если этотъ планъ мнѣ удастся. Королю нечего ѣсть и нечѣмъ платить своимъ служителямъ, онъ живетъ въ долгъ день-за-день. Онъ задолжалъ почти каждому жителю города и нищета его окружаетъ. На второй же аудіенціи онъ меня спросилъ, не имѣю ли я позволенія дать ему денегъ, ибо онъ убѣжденъ, что императрица не можетъ оставить его при такой крайности. Я пожалъ плечами и скрылъ свою жестокую скорбь при видѣ короля, который со слезами проситъ милостыни; я былъ сильно тронутъ, но не обѣщалъ ничего. Утромъ, въ день королевскихъ именинъ, графъ Браницкій явился ко мнѣ и мучилъ меня до тѣхъ поръ, пока я не далъ ему пяти тысячъ червонныхъ. Для меня необходимо такими поступками пріобрѣсть довѣріе короля.

10 мая Сальдернъ увѣдомилъ Панина, что планъ его относительно короля удался. Онъ постарался представить Станиславу-Августу весь ужасъ его положенія: ненависть къ нему народа, отсутствіе всякой помощи извнѣ, ибо и Русская императрица готова лишить его своего покровительства, если онъ будетъ поступать попрежнему. Сальдернъ объявилъ, что немедленно выѣдетъ въ Гродно, забравъ съ собою войско и всѣхъ тѣхъ, кто захочетъ за нимъ слѣдовать, и въ Гродно будетъ дожидаться дальнѣйшихъ приказаній императрицы. Испуганный король далъ запись: „Вслѣдствіе увѣренія посла ея величества императрицы Всероссійской въ томъ, что августѣйшая государыня его намѣрена поддерживать меня на тронѣ Польскомъ и готова употребить всѣ необходимыя средства для успокоенія моего государства; вслѣдстіе изъясненія средствъ, какія, по словамъ посла, императрица намѣрена употребить для достиженія этой цѣли; вслѣдствіе обѣщанія, что она будетъ считать моихъ друзей своими, если только они будутъ вести себя какъ искренніе мои приверженцы, и что она будетъ обращать вниманіе на представленія мои относительно средствъ успокоить Польшу:—вслѣдствіе всего этого, я обязуюсь совѣщаться съ ея величествомъ обо всемъ и дѣйствовать согласно съ нею, не награждать, безъ ея согласія, нашихъ общихъ друзей, не раздавать вакантныхъ должностей и старостствъ, въ полной увѣренности, что ея в—ство будетъ поступать со мною дружественно, откровенно и съ уваженіемъ, на что я въ правѣ разсчитывать послѣ всего сказаннаго ея посломъ". Подписано: „16 мая 1771 года. Станиславъ-Августъ король."—Сальдернъ, съ своей стороны, далъ королю запись: 1) кромѣ императрицы, только два человѣка будутъ знать о записи королевской,—графъ Панинъ и Орловъ; 2) Россія не сообщитъ объ этомъ ни одному Двору иностранному и ни одному Поляку; 3) запись будетъ возвращена королю по возстановленіи спокойствія въ Польшѣ; 4) посолъ будетъ обходиться съ королевскими друзьями, которые станутъ на сторону Россіи, какъ съ друзьями искренно примирившимися; 5) посолъ въ теченіи трехъ дней распорядится освобожденіемъ изъ-подъ секвестра имѣній тѣхъ лицъ, списокъ которыхъ представитъ король. Уладившись съ королемъ, Сальдернъ началъ думать о реконфедераціи. „Повѣрьте мнѣ", писалъ онъ Панину, „что время составить реконфедерацію. Невѣроятно, какъ увеличивается число конфедератовъ со дня-на-день. Большая часть нашихъ военныхъ командировъ за-

ботятся объ этомъ очень мало или вовсе не заботятся. Они хотятъ продолженія этой малой войны, чтобъ нагрѣвать руки грабежемъ, притѣсненіями, злоупотребленіями. Наши офицеры успѣютъ сдѣлать Польшу пустынею, но именно чрезъ это самое число конфедератовъ увеличится, и Польша не будетъ умиротворена". Больше всего Сальдернъ обвинялъ генерала Веймарна, который долженъ былъ получить теперь значеніе главнаго военнаго начальника, ибо Сальдернъ, какъ человѣкъ невоенный, не могъ распоряжаться военными дѣйствіями, подобно своимъ предшественникамъ-генераламъ. Отправляясь въ Варшаву, Сальдернъ представилъ императрицѣ свои опасенія насчетъ Веймарна, обвиняя его въ недостаткѣ твердости и быстроты исполненія, и Екатерина согласилась съ нимъ. Находясь въ Варшавѣ, Сальдернъ не прекращалъ своихъ обвиненій: „Веймарнъ столько же огорченъ дурнымъ поведеніемъ русскихъ войскъ, какъ и я", писалъ онъ императрицѣ: „но что толку въ его безплодномъ сожалѣніи? Онъ сталъ желченъ, нерѣшителенъ, робокъ, мелоченъ. Я не смѣю надѣяться на успѣхъ, если здѣсь не будетъ другого генерала". Сальдернъ просилъ прислать или Бибикова, или кн. Репнина; относительно послѣдняго онъ писалъ: „Смѣю увѣрить, что здѣсь мнѣнія перемѣнились на его счетъ; предубѣжденіе исчезло и уступило мѣсто уваженію, какое дѣйствительно заслуживаютъ его честность и достоинство. Здѣсь начинаютъ даже желать его возвращенія; всѣ, кого только я видѣлъ, только отъ его присутствія ждутъ улучшенія своего положенія относительно русскаго войска". Трудно предположить, чтобъ Сальдернъ дѣйствительно желалъ присылки Репнина и считалъ это возможнымъ, ибо могъ ли Репнинъ согласиться играть въ Польшѣ роль второстепенную или, по крайней мѣрѣ, половинную; могъ ли возвратиться въ Польшу, послѣ того какъ недавно ея правительство отправило ко всѣмъ Дворамъ на него жалобу? Гораздо скорѣе Сальдернъ приведенными словами только хотѣлъ угодить Панину и уколоть враговъ послѣдняго, которые жаловались на крутость мѣръ Репнина и требовали его отозванія, хотѣлъ уколоть преимущественно Волконскаго. Русскаго войска было тогда въ Польшѣ 12,169 человѣкъ, да въ Литвѣ 3,818; 74 пушки и при нихъ 316 артиллеристовъ. Волконскій и Веймарнъ раздѣлили все войско по постамъ неподвижнымъ и подвижнымъ. Подъ первыми разумѣлись городскіе гарнизоны и посты, необходимые для поддержки сообщеній. Подвижными назывались летучіе отряды, назначенные дѣйствовать противъ конфедератовъ всюду, по мѣрѣ надобности. Сальдернъ никакъ не могъ согласиться, чтобъ было полезно ограничиться одною оборонительною войною, какъ было въ послѣднее время, и употреблять на борьбу съ конфедератами только четвертую часть войска, оставляя другія три части въ гарнизонахъ. Войска, по мнѣнію Сальдерна, портились отъ постояннаго пребыванія въ гарнизонахъ, пріучались къ неряшеству, солдаты начинали заниматься мелкою торговлею, какъ Жиды. „Я", писалъ Сальдернъ, „займусь серьезно установленіемъ лучшаго порядка и лучшей полиціи въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, ни мало не безпокоясь, будетъ ли это нравиться его Польскому величеству или магнатамъ. Я выгоню изъ Варшавы конфедератскихъ вербовщиковъ: дѣло неслыханное, которое уже два года сряду здѣсь дѣлается! Я не позволю, чтобъ бросали каменьями и черепицею въ патрули русскихъ солдатъ; дерзость доходитъ дотого, что въ нихъ стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ. Я не буду терять времени въ жалобахъ на эти преступленія великому маршалу, который находитъ всегда тысячу увертокъ, чтобъ уклониться отъ преданія виновныхъ въ руки правосудія. Образъ веденія войны въ Польшѣ мнѣ не нравится. Первая наша забота должна состоять въ томъ, чтобъ овладѣть большими рѣками. Недостатокъ въ офицерахъ, способныхъ командовать отрядами или маленькими летучими корпусами, невѣроятенъ. Есть храбрые воины, но неспособные управлять ни другими, ни самими собою. Другіе думаютъ только о томъ, какъ бы нажиться. На способности и благоразуміе офицеровъ генеральнаго штаба положиться нельзя. Все, что дѣлается здѣсь хорошаго, дѣлается только благодаря доблести и неустрашимости солдатъ. Исключая генералъ-маіора Суворова и полковника Лопухина, дѣятельность другихъ начальниковъ ограничивается тѣмъ, чтобъ давать отъ времени до времени щелчки конфедератскимъ шайкамъ. Давши одинъ-другой щелчокъ, наши командиры ретируются съ добычею, собранною по дорогѣ въ имѣніяхъ мелкой шляхты, и, расположившись на квартирахъ, ѣдятъ, пьютъ до тѣхъ поръ, пока конфедераты не начнутъ снова собираться. Бывали примѣры, что наши начальники отрядовъ съѣзжались съ конфедератскими и вмѣстѣ пировали". Сальдернъ какъ будто предчувствовалъ, что въ искусныхъ вождяхъ будетъ скоро нужда.

Самъ Сальдернъ скоро замѣтилъ слѣдствія своего поведенія, и 19 мая писалъ Панину: „Мнѣ кажется, что твердость моихъ рѣчей и тайна всѣхъ моихъ поступковъ и намѣреній пріобрѣли мнѣ уваженіе и довѣріе; но меня не любятъ, меня боятся,—и пройдетъ немного времени, какъ при моемъ Дворѣ станутъ работать противъ меня внушеніями непосредственными и посредственными".

Браницкій увѣдомилъ его объ опасныхъ движеніяхъ великаго гетмана Литовскаго, и посолъ написалъ послѣднему: „Ничто на свѣтѣ не могло меня поразить такъ сильно, какъ извѣстіе, что человѣкъ, котораго я люблю и уважаю болѣе всего на свѣтѣ, подозрѣвается въ желаніи зла своему отечеству, въ желаніи поддержать и усилить смуты, его терзающія. Нельзя больше притворяться съ вами, время скинуть маску. Если вы не скрываете въ груди своей плановъ, недостойныхъ васъ, пла-

новъ преступныхъ, клонящихся только къ бѣдствію вашего отечества, то я требую отъ васъ, именемъ моей государыни, чтобъ вы пріѣхали, не колеблясь, въ столицу для выслушанія отъ меня распоряженій ея и. в—ства, имѣющихъ цѣлью блага вашего отечества и ваше собственное". Огинскій отвѣчалъ отказомъ пріѣхать. Умѣренность и кротость Сальдерна должны были исчезнуть и вслѣдствіе препятствія его планамъ отъ людей, съ которыми онъ не хотѣлъ ни минуты сдерживаться.

Еще 13 мая Сальдернъ выдалъ печатную декларацію: „Ея и. в—ство, искренно тронутая бѣдствіями, удручающими Польскій народъ, рѣшилась употребить послѣднія усилія, внушенныя ея великодушіемъ и твердостію, для примиренія умовъ, для прекращенія смутъ. Императрица приглашаетъ народъ соединиться, оставя всякую частную ненависть, обезпечивъ себя противъ корыстныхъ видовъ отдѣльныхъ людей, и серьезно заняться средствами, какъ бы положить конецъ бѣдствіямъ отечества. Императрица дала самыя точныя приказанія своему послу стараться объ уясненіи для каждаго истинныхъ ея намѣреній и совѣщаться съ самимъ народомъ о средствахъ успокоить его относительно всѣхъ его правъ. Для этой цѣли необходимо, чтобъ всѣ люди благонамѣренные, истинно любящіе свое отечество, согласились съ посломъ насчетъ средствъ умиротворить республику, искоренить всѣ смуты мѣрами самыми законными. Посолъ употребитъ все, что̀ можетъ убѣдить націю въ безкорыстіи ея в—ства, въ томъ, что она никогда ничего не дѣлала и не желала, что̀ бы могло повредить независимости республики. Тѣ, которые дотого были обмануты насчетъ чувствъ и дѣйствій императрицы, что взялись за оружіе для предохраненія себя отъ мнимыхъ опасностей, равно приглашаются къ примиренію. Кто изъ нихъ возвратится въ свой домъ и удержится отъ всякаго непріятельскаго дѣйствія, не будетъ нисколько обезпокоенъ русскими войсками". Оказалось, что декларація была написана слишкомъ мягко: насъ зовутъ, значитъ—въ насъ имѣютъ нужду, значитъ—мы сильны и можемъ поднять головы, можемъ не пойти на зовъ: дѣлай что̀ хочешь, что̀ возьмешь? Сальдернъ началъ хлопотать, какъ бы поправить дѣло, сталъ повторять всѣмъ, что пріѣхалъ вовсе не съ тѣмъ, чтобъ выпрашивать Христа ради или покупать успокоеніе Польши. Потомъ посолъ сталъ избѣгать разговоровъ съ глазу на глазъ съ кѣмъ бы то ни было, давая чувствовать, что онъ сдѣлалъ свое дѣло, передъ всею Европою сказалъ свое слово королю и націи; теперь ихъ очередь отвѣчать ему. 27 мая явилась къ послу торжественная депутація отъ имени королевскаго: оба великіе канцлера, коронный и Литовскій, разсыпались въ похвалахъ, въ выраженіи удовольствія и глубочайшаго уваженія къ императрицѣ по поводу деклараціи. Посолъ отвѣчалъ, что если король хочетъ воспользоваться деклараціею, то долженъ созвать всѣхъ епископовъ, сенаторовъ, сановниковъ и шляхту, находящуюся въ Варшавѣ, и представить имъ печальное состояніе государства.

Король исполнилъ желаніе Сальдерна и къ первому обратился—къ примасу Подоскому, котораго спросилъ, что, конечно, по его мнѣнію, реконфедерація была бы единственнымъ средствомъ достигнуть законной дѣятельности. Примасъ отвѣчалъ: „Не сенаторы и епископы, находящіеся въ Варшавѣ, должны рѣшать насчетъ этого дѣла; надобно подождать, какое впечатлѣніе декларація произведетъ въ странѣ и особенно среди конфедератовъ". Король сказалъ ему на это: „Такъ вы думаете, что надобно еще ждать"? Примасъ сдѣлалъ низкій поклонъ и удалился. Сальдернъ, узнавъ объ этомъ разговорѣ, накинулся на Подоскаго, сталъ упрекать его въ злонамѣренности, въ іезуитскомъ „себѣ на умѣ", въ измѣнѣ своимъ обязательствамъ, въ неблагодарности; объявилъ ему, что его интриги съ саксонскимъ министерствомъ и со всѣми конфедератами извѣстны, а интриги эти имѣли одну цѣль—продолженіе безпокойствъ съ тѣмъ, чтобъ низвергнуть короля; но какъ скоро интриги открыли, то пусть онъ, примасъ, не льститъ себя болѣе надеждою довести дѣло дотого, что сама императрица увидитъ себя вынужденною покинуть короля. „Вы меня больше не проведете", говорилъ Сальдернъ, „меня не обманутъ ваши увѣренія въ искренности, которой только одно имя вамъ извѣстно".—„Наконецъ", писалъ самъ Сальдернъ Панину, „я упрекнулъ его во множествѣ маленькихъ мошенничествъ, которыя онъ употреблялъ, чтобъ водить за носъ этого достойнаго старика—князя Волконскаго". На всѣ эти упреки Подоскій съ сердцемъ отвѣчалъ, что желаетъ удалиться изъ Варшавы. На это Сальдернъ сказалъ очень сухо, что дастъ ему эскорту, подобающую его сану, которая можетъ замѣнить Саксонскую гвардію, охраняющую его въ столицѣ. Надобно замѣтить, что прелатъ жилъ въ Саксонскомъ дворцѣ, прислуга его состояла частью изъ Саксонцевъ, и гвардіею служили ему два отряда саксонскихъ войскъ.

Оправдывая свой поступокъ съ примасомъ, выставляя его человѣкомъ самымъ негоднымъ, постоянно обманывавшимъ Русскій Дворъ, Сальдернъ приводитъ слѣдующій поступокъ Подоскаго. Когда написана была извѣстная декларація, то Сальдернъ показалъ ее прежде другихъ примасу, и тотъ вызвался перевести ее на Польскій языкъ, но въ переводѣ исказилъ нѣкоторыя выраженія; напримѣръ, въ подлинникѣ было: „Польша, прежде этого печальнаго времени цвѣтущая", а Подоскій перевелъ: „Польша при государяхъ изъ Саксонскаго Дома цвѣтущая". Въ подлинникѣ при изображеніи печальнаго состоянія Польши во время конфедераціи говорилось: „Граждане добродѣтельные стенаютъ въ молчаніи", а Подоскій вмѣсто: „въ молчаніи", поставилъ„—въ Сибири". Когда

Сальдернъ показалъ ему эти перемѣны, Подоскій сдѣлалъ отчаянный видъ и всю вину сложилъ на переписчика. „Изъ этого вы видите", писалъ Сальдернъ Панину, „съ какими людьми я имѣю дѣло въ этой странѣ, куда Богъ перенесъ меня въ своемъ величайшемъ гнѣвѣ". Послѣ приведеннаго разговора своего съ Сальдерномъ, примасъ позвалъ его на обѣдъ; тотъ не поѣхалъ и написалъ, что поведеніе Подоскаго мѣшаетъ ему, Сальдерну, бывать у него. Примасъ былъ такъ пораженъ этимъ письмомъ, что занемогъ и разослалъ копію письма по всѣмъ иностраннымъ министрамъ, прося сообщить ее своимъ Дворамъ и рекомендовать его ихъ покровительству. Подоскій хотѣлъ уѣхать въ Эльбингъ; но Сальдерну дали знать, что на дорогѣ онъ будетъ перехваченъ конфедератами,—и отрядъ русскаго войска, посланный Сальдерномъ, задержалъ примаса, который поселился въ своемъ загородномъ домѣ, подъ надзоромъ русскаго офицера. Потомъ примасъ просилъ посла, чтобъ этого офицера отъ него вывели; Сальдернъ согласился, взявъ отъ него честное слово не уѣзжать. Наконецъ примасъ уѣхалъ, ибо въ Петербургѣ не раздѣляли мнѣнія Сальдерна, что надобно его удерживать.

Король далъ знать Сальдерну, что̀ и другой сановникъ сказалъ ему относительно деклараціи. Большинство объявило почти единогласно, что смотритъ на декларацію, какъ на отворенную дверь для умиротворенія королевства, и считаетъ необходимымъ, чтобъ король снесся съ русскимъ посломъ насчетъ средствъ привести націю въ законную дѣятельность. Король отвѣчалъ, что очень обрадованъ ихъ словами, и совѣтовалъ отправиться къ русскому послу и сказать ему то же самое. Но епископъ Виленскій представилъ королю, что прежде всего необходимо отправить довѣренныхъ людей въ Еперіесъ и пригласить конфедератовъ соединиться съ остальною націею, и тогда только созвать націю въ представительный корпусъ для договоровъ съ Русскимъ Дворомъ. Тщетно король указывалъ ему на несостоятельность его мнѣнія, на невозможность предписать законы Россіи: епископъ остался при своемъ мнѣніи. Кухмистръ Понинскій высказалъ подобное же мнѣніе, и король, отпуская его, сказалъ: „Вы третій изъ тѣхъ, которые сняли маску, и я предоставлю русскому послу дать вамъ урокъ, который вы заслужили". Сальдернъ исполнилъ это относительно обоихъ—сильно и безцеремонно, по его собственному выраженію. Виленскій епископъ, уходя, пригрозилъ послу, что въ Литвѣ 52,000 шляхты, тайно сконфедерованной. Сальдернъ отвѣчалъ на это: „Жаль, что не вы ими командуете; ибо нашъ шеститысячный отрядъ въ Литвѣ расчесалъ бы васъ въ пухъ и прахъ". Отсылая этотъ разговоръ Панину, Сальдернъ не упустилъ случая задѣть своего предшественника: „Вы видите характеръ Виленскаго епископа, который такъ долго заставлялъ вѣрить моего предшественника, что онъ одинъ изъ друзей Россіи". Съ Понинскимъ Сальдернъ церемонился всего меньше: указавъ на 2,000 червонныхъ, которые кухмистръ выманилъ у Волконскаго обѣщаніемъ соблюдать русскіе интересы, Сальдернъ прямо назвалъ его негодяемъ, который отъ него не получитъ ни копѣйки пенсіи. „Онъ ушелъ отъ меня настоящимъ Полякомъ, которому можно дать одной рукой пощечину, а другой деньги", писалъ Сальдернъ.

Скоро дѣло дошло и до прусскаго министра Бенуа. Сальдернъ нашелъ, и совершенно справедливо, что Бенуа не желаетъ успокоенія Польши, интригуетъ противъ того, чтобъ Сальдернъ не заставилъ Станислава-Августа дѣйствовать въ пользу реконфедераціи вмѣстѣ съ Россіею. Сальдернъ прямо объявилъ Бенуа дни и мѣста, когда и гдѣ онъ внушалъ, что не нужно спѣшить сформированіемъ національнаго корпуса; Сальдернъ прямо спросилъ прусскаго министра, въ интересахъ ли его короля удалить успокоеніе и продолжать безъ конца польскія смуты; прямо потребовалъ, чтобъ министръ или перемѣнилъ поведеніе, или начисто объявилъ, что таковы приказанія, полученныя имъ отъ своего правительства. Бенуа, прижатый къ стѣнѣ, долженъ былъ прибѣгнуть къ извиненіямъ и увѣреніямъ, что впредь будетъ слѣдовать за русскимъ посломъ шагъ за шагомъ; Бенуа обѣщалъ также не бывать больше у примаса. Но на прощанье Бенуа отвелъ Сальдерна къ окну и сказалъ ему по-нѣмецки: „Я хорошо знаю, что вы другъ моего короля; ради Бога сдѣлаемъ такъ, чтобъ онъ могъ получить приличную часть Польши. Этотъ неблагодарный народъ заслуживаетъ такого наказанія; я вамъ отвѣчаю за благодарность моего государя". Сальдернъ притворился изумленнымъ и холодно отвѣчалъ: „Не намъ съ вами дѣлить Польшу".

Сальдерна раздражило также то, что Полякъ Сульковскій, отъявленный врагъ короля и Чарторыйскихъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, еще до отъѣзда оттуда Сальдерна (какъ видно не безъ связи съ движеніями людей, подписавшими извѣстное письмо) и нашедшій доступъ къ Орлову, жилъ въ Петербургѣ и писалъ оттуда въ Варшаву ложныя вѣсти, которыя мѣшали дѣйствіямъ посла. 4 іюня Сальдернъ написалъ Панину отчаянное письмо: „Мое здоровье такъ разстроено, какъ никогда прежде не бывало. Я страдаю отъ безпрерывныхъ интригъ; я окруженъ людьми, которые подставляютъ мнѣ ногу; ни духъ, ни тѣло мое не знаютъ ни минуты покоя. Единственное утѣшеніе доставляли мнѣ ваши письма, но я ихъ не получаю. Къ довершенію моихъ бѣдствій, вы соглашаетесь не сдержать обѣщанія, даннаго мнѣ вами и императрицею, держа такъ долго въ Петербургѣ Сульковскаго. Я васъ умоляю освободить меня отъ этого человѣка; если онъ останется въ Петербургѣ еще четыре недѣли, то я подамъ въ отставку. Я готовъ ко всему; будьте увѣрены, что я человѣкъ твердый. Дѣлайте что хотите; но тяжко видѣть, что мой другъ готовъ вонзить кинжалъ въ мое сердце"

Спустя нѣсколько времени Бенуа сообщилъ Сальдерну письмо Фридриха II-го: „Что касается пріобрѣтеній въ Польшѣ", писалъ Прусскій король своему министру, „то я нахожусь въ полномъ соглашеніи съ Русскимъ Дворомъ. Тутъ нѣтъ болѣе ни малѣйшаго неудобства. Россія выставитъ притязанія на извѣстныя области этого государства, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Поэтому вы можете смѣло внушить г. Сальдерну, что мы не имѣемъ нужды передавать Вѣнскому Двору рѣшеніе вопроса о нашихъ правахъ, ибо этотъ Дворъ уже овладѣлъ областями, на которыя онъ имѣлъ претензіи. Россія единственно для Австріи жертвуетъ завоеванными ею Молдавіею и Валахіею. Во всякомъ случаѣ, я не намѣренъ слѣпо исполнять желаніе Вѣнскаго Двора и буквально исполнять то, что онъ сочтетъ нужнымъ устроить по этому дѣлу. Я поручаю вамъ просить посла моимъ именемъ, чтобъ онъ не торопился въ Польскихъ дѣлахъ и дожидался приказаній императрицы, которыя будутъ даны соотвѣтственно сдѣланнымъ мною тамъ предложеніямъ".

„Итакъ", писалъ Сальдернъ Панину (15 іюля), „раздѣлъ Польши—дѣло рѣшенное въ Петербургѣ и Берлинѣ! Это не все: Прусскій король не хочетъ знать о распоряженіяхъ Австріи въ такомъ важномъ дѣлѣ. Но я скажу съ моею обычною откровенностію, что предпріятіе опасно, если не будетъ соглашенія съ Вѣнскимъ Дворомъ". При послѣднемъ условіи Сальдернъ былъ доволенъ раздѣломъ Польши и только торопилъ свое правительство прислать ему инструкціи дѣйствовать соотвѣтственно этому плану. „Что лучше", спрашивалъ онъ у Панина, „поддерживать ли договоръ 1768 г., стоившій столько денегъ и крови для Россіи, заключить прочный миръ и предписать законы буйной республикѣ съ оружіемъ въ рукахъ, въ соединеніи съ другими державами, или лучше, дѣйствуя примирительно, добиваться умиротворенія, употребляя все-таки силу и тратя множество денегъ, добиваться умиротворенія, которое все же не будетъ прочно и постоянно, и будетъ гибельно для диссидентовъ?—послѣдніе сдѣлаются жертвой республики, не знающей ни чести, ни совѣсти въ исполненіи своихъ торжественныхъ обязательствъ! Я очень хорошо понимаю, что ни вы и никто, имѣющій правила чести и добродѣтели, не можетъ себѣ представить, до какой степени Поляки вздорны и развращены. Король есть и останется всю свою жизнь слабымъ, пустымъ и глупымъ человѣкомъ (imbécile); онъ презираемъ народомъ и даже своими родственниками. Несмотря на то, что онъ видитъ это собственными глазами; несмотря на то, что я ему это повторяю безпрестанно,—не разъ онъ принужденъ былъ соглашаться со мною, что его побьютъ камнями, какъ только я удалюсь съ горстью русскаго войска, находящеюся въ Варшавѣ: и, несмотря на то, онъ, какъ истый Донъ-Кихотъ, серьезно убѣжденъ, что долженъ искать главной поддержки своего трона среди своей націи. Можно ли представить себѣ подобную нелѣпость? Прибавьте еще, что этотъ государь неправдивъ, позволяетъ себѣ мелочности, увертки, перетолковыванія. Безъ употребленія силы нѣтъ твердой надежды на будущее; середина между мягкостію и силою рѣшительно вредна; мягкость портитъ головы въ Польшѣ и несовмѣстна съ достоинствомъ и превосходствомъ Россіи".

24 іюня у Сальдерна была конференція съ канцлерами коронным и Литовскимъ въ домѣ великаго маршала, кн. Любомирскаго, который также принималъ въ ней участіе. Дѣло шло объ умиротвореніи Польши по поводу послѣдней русской деклараціи. Поляки заявили, что, прежде чѣмъ вступить въ реконфедерацію, имъ надобно взвѣсить всѣ послѣдствія предпріятія, которое можетъ сдѣлаться еще болѣе пагубнымъ для ихъ отечества. Поэтому имъ необходимо имѣть въ рукахъ что-нибудь, чѣмъ бы можно было подвинуть большинство націи сконфедерованной и несконфедерованной,—необходима съ русской стороны новая публичная декларація, которая произвела бы большее впечатлѣніе на націю относительно вопросовъ о русской гарантіи и диссидентахъ, возбудившихъ въ ней такой ужасъ. Сальдернъ отвѣчалъ, что онъ не откажется дать письменныя объясненія и декларацію, когда они дадутъ ему манифестъ въ ясныхъ и приличныхъ выраженіяхъ, подписанный достаточно значительнымъ числомъ для приступленія къ реконфедераціи, съ предложеніемъ трудиться вмѣстѣ съ ними для умноженія этого числа. На этомъ конференція и кончилась и не возобновлялась болѣе: судьба Польши рѣшилась иначе.

Сальдернъ получилъ отъ Панина письмо (отъ 11 іюня), въ которомъ излагался ходъ дѣла о раздѣлѣ Польши. „Еще при васъ", писалъ Панинъ, „получили мы конфиденціальное сообщеніе первыхъ идей Берлинскаго Двора, и вы знаете мой отвѣтъ графу Сольмсу. Потомъ король Прусскій подвинулся дальше и оказался рѣшительнѣе въ своихъ видахъ. Онъ чрезъ своего министра внушилъ, что собственный интересъ союзниковъ не позволяетъ имъ пренебречь случаемъ, быть можетъ единственнымъ, округлить свои границы со стороны Польши и твердо установить ихъ, что они могутъ войти въ соглашеніе для опредѣленія своихъ притязаній, причемъ онъ увѣренъ, что исполненіе этого не встрѣтитъ большихъ препятствій со стороны Вѣнскаго Двора. Такія расположенія и требованія отъ союзника и важность дѣла заставляли меня поднести его на самое серьезное обсужденіе ея и. величества. Взвѣсивши, съ одной стороны, принципы справедливости, которыми обязано великое государство относительно своего сосѣда, и обязательства договоровъ древнихъ и новыхъ Россійской имперіи съ республикою Польскою, а съ другой—то, что императрица обязана наблюдать относительно правъ и интересовъ своей имперіи; принимая въ соображеніе значительный убытокъ, проистекающій отъ безполезной помощи, подаваемой сосѣд-

нему государству для доставленія ему благосостоянія, имъ отвергаемаго; принимая въ соображеніе, что гарантія Польскихъ владѣній, которую императрицѣ угодно было на себя наложить, была принята не какъ важное благодѣяніе, а была встрѣчена съ отвращеніемъ государствомъ и каждымъ отдѣльнымъ Полякомъ; что упорствовать въ навязываніи Польшѣ этого благодѣянія значило бы жертвовать правами своей имперіи, продлить и увеличить бѣдствія собственныхъ подданныхъ; что все, что Польша по справедливости можетъ требовать отъ нея,—это окончаніе смуты, поддержаніе царствующаго короля на тронѣ и сохраненіе внутренней формы правительства,—принимая все это въ соображеніе и предпочитая то, что государь—отецъ своего народа—обязанъ прежде всего соблюдать въ разсужденіи его интереса, безопасности, спокойствія и выгодъ,—императрица постановила войти въ соглашеніе, предложенное королемъ Прусскимъ. Вслѣдствіе этого, я запросилъ у графа Сольмса изложеніе видовъ и требованій его Двора, дабы, сообщивъ ему и съ нашей стороны права и требованія Россіи, мы могли составить соглашеніе, гдѣ бы мы постановили насчетъ средствъ упроченія успѣха дѣла, ибо, каковы бы ни были увѣренія насчетъ расположеній Вѣнскаго Двора, все же надобно приготовиться на случай сопротивленія съ его стороны или съ какой-нибудь другой. Вотъ новая система, на основаніи которой вы должны соображать планъ вашихъ дѣйствій".

Лѣтомъ извѣстіе о раздѣлѣ, напечатанное въ утрехтской газетѣ, распространилось по всей Польшѣ въ копіяхъ; въ Польской Пруссіи говорили о раздѣлѣ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ; но король Станиславъ и всѣ знатные Поляки явно смѣялись надъ этими предсказаніями. „Поляки думаютъ", писалъ Сальдернъ, „что не только Европа, но и три другія части свѣта заинтересованы въ ихъ усобицахъ. Вотъ почему предложеніе и исполненіе договора трехъ Дворовъ должны быть сдѣланы разомъ. Надобно захватить Поляковъ врасплохъ, надобно ихъ оглушить въ первую минуту, и ничего не будетъ легче какъ потомъ ихъ раздавить и воспользоваться ихъ частными ненавистями, ихъ корыстными видами и ихъ слабостію. Каждый Полякъ сдается въ ту минуту, какъ призналъ превосходство силы противника,—и никакъ иначе. Я вижу въ самомъ королѣ замѣтное удаленіе отъ нашихъ интересовъ; онъ соображаетъ, что мы нуждаемся всего болѣе въ успокоеніи Польши. Я вижу и слышу, что король и, по его примѣру, князь Любомирскій внушаютъ придворнымъ и молодежи, что ихъ твердость въ послѣдніе два или три года положили границу русскимъ стремленіямъ къ господству въ Польшѣ, и что только эта твердость заставила Россію отступить отъ пунктовъ гарантіи и диссидентовъ. Эти мысли вонзаютъ кинжалъ въ мою грудь. Примите за истину неоспоримую, что большое число польскихъ магнатовъ, несмотря на то, что чувствуютъ бѣдствія войны, препятствуютъ нашимъ видамъ успокоенія по двумъ причинамъ: они ненавидятъ короля столько же, какъ и Россію, и думаютъ вредить послѣдней, продолжая смуты своего отечества".

13 іюля Сальдернъ сообщилъ Панину содержаніе письма, присланнаго къ королю изъ Вѣны братомъ его, генераломъ австрійской службы. Кауницъ совѣтовалъ не спѣшить умиротвореніемъ, котораго Россія пламенно желаетъ; король не долженъ бояться ничего худшаго и долженъ проволакивать дѣло до полученія дальнѣйшихъ увѣдомленій изъ Вѣны; миръ между Россіею и Турціею еще очень далекъ; Вѣнскій Дворъ находитъ русскія пребованія чрезмѣрными. Прусскій министръ Бенуа показалъ Сальдерну собственноручное письмо Фридриха II, въ которомъ самъ Сальдернъ прочелъ слѣдующія строки: „Вѣрно то, что Австрія подъ рукою покровительствуетъ конфедератамъ, что и поддерживаетъ упорство польскихъ магнатовъ; раньше мира между Россіею и Портою сосѣднія державы не будутъ въ состояніи образумить Поляковъ". 30 іюля Сальдернъ писалъ Панину: „Черезъ каналъ, который у меня есть въ Кабинетѣ Польскаго короля, я знаю, что князь Понятовскій писалъ ему съ послѣднею почтою о невѣрности заключенія мира между Россіею и Портою этою зимою, и война, быть можетъ общая, неизбѣжна. Изъ разговоровъ короля, большого болтуна князя Чарторыйскаго, канцлера Литовскаго, князя Любомирскаго, и вице-канцлера—Борха очевидно, что они разсчитываютъ на какое-нибудь событіе, для насъ вредное, и, хотя я, по-возможности, избѣгаю входить съ ними въ разговоры, имъ нравится дѣлать предсказанія о будущемъ и уменьшать языкомъ наши выгоды въ Крыму и на Дунаѣ. Если они не имѣютъ случая говорить этого при мнѣ, то говорятъ при людяхъ, которые, по ихъ мнѣнію, способны пересказать мнѣ ихъ рѣчи. Мои отвѣты и мое поведеніе вообще таково, что въ нихъ выражается полное презрѣніе къ ихъ особамъ и къ ихъ разговорамъ; я ограничиваюсь тѣмъ, что бросаю имъ отъ времени до времени ѣдкія фразы, изъ которыхъ видно, что смотрю на нихъ, какъ на людей неблагонамѣренныхъ относительно собственнаго отечества. Неувѣренность въ почвѣ, на которой я стою, и страхъ сдѣлать что-нибудь — слишкомъ меня убиваютъ. Клянусь вамъ, что эти люди заслуживаютъ высылки изъ Варшавы, ибо все зло, которое мы терпимъ въ Польшѣ, идетъ отъ двухъ негодяевъ—Любомирскаго и Борха; я буду писать императрицѣ, чтобъ мнѣ было позволено снова наложить самый строгій секвестръ на ихъ земли, если у ея величества есть причины не желать ихъ высылки изъ Варшавы".

Панинъ, увѣдомляя Сальдерна о неудовлетворительности австрійскаго отвѣта, неудовлетворительности совершенно неожиданной, писалъ ему отъ 28 августа: „Рѣшится ли Вѣнскій Дворъ приступить къ нашему соглашенію съ королемъ Прус-

скимъ, будетъ ли держать себя въ сторонѣ, или формально воспротивится нашему плану,—рѣшено, что мы будемъ исполнять этотъ планъ. Онъ будетъ центромъ, къ которому необходимо должны тяготѣть всѣ наши дѣла и мѣры въ Польшѣ. Ясно, что для успѣха въ достиженіи нашихъ видовъ смута въ Польшѣ можетъ быть только благопріятна для насъ; мы можемъ оставить дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь находятся, и откладывать умиротвореніе до тѣхъ поръ, пока оно будетъ въ состояніи намъ служить или, по крайней мѣрѣ, не будетъ въ состояніи намъ вредить. Оставляя все въ настоящей запутанности, искусно проволакивая дѣла, вы должны успѣшно стараться увеличивать нашу партію, какъ для того, чтобъ произвести раздѣленіе въ умахъ, такъ и для сохраненія вида законности въ минуту осуществленія нашего проекта. По нашему соглашенію съ королемъ Прусскимъ, онъ начнетъ забирать земли, которыя имѣетъ въ виду, и мы со своей стороны этою осенью отдѣлимъ отъ второй арміи значительный корпусъ для занятія земель, которыя должны отойти къ намъ. Тогда вы получите декларацію, оправдывающую это занятіе. Вы очень хорошо сдѣлали, что отказали польскимъ министрамъ въ деклараціи съ опредѣленіемъ нашихъ уступокъ, пока они не доставятъ желаемаго вами манифеста. Это укрѣпленіе долго должно служить вамъ защитою, и если бы они его перешли, то вы должны уклониться отъ всякаго объясненія, которое бы насъ къ чему-нибудь обязывало, ускоряло бы развязку дѣла и содѣйствовало образованію національнаго представительнаго корпуса. До рѣшительной минуты ваше поведеніе должно быть совершенно страдательное; но это не снимаетъ съ васъ обязанности трудиться постоянно для поддержанія въ королѣ и въ главныхъ вашихъ дѣятеляхъ мнѣнія, что у васъ въ головѣ нѣтъ другого предмета, кромѣ умиротворенія, чтобъ сосредоточить въ этой сферѣ всѣ интриги и происки. Но главное ваше стараніе должно состоять въ томъ, чтобъ овладѣть извѣстнымъ числомъ людей, которыхъ бы мы могли заставить дѣйствовать, когда придетъ время. Свойство Поляка—предпочитать свой личный интересъ всякому другому, и это свойство надобно обратить въ нашу пользу. Вся эта громадная издержка на конфедераціи съ цѣлью умиротворенія Польши должна быть употреблена на такую конфедерацію, которая согласится на всѣ наши требованія и требованія нашего союзника. Вы думаете совершенно справедливо, что многія затрудненія сократятся, если Вѣнскій Дворъ будетъ участвовать въ соглашеніи: мы этого желали бы, и не отчаиваемся еще въ исполненіи нашего желанія. Но если его упорство непобѣдимо,—у насъ рѣшено обойтись и безъ него, и ни на минуту не уклоняться отъ плана соображеніемъ того, что Австрія можетъ или не можетъ сдѣлать. Наши интересы такъ тѣсно связаны съ интересами короля Прусскаго, что кто нападетъ на того или другого,—непремѣнно будетъ имѣть войну съ обоими, и Прусскій король, который знаетъ лучше всякаго другого сильную и слабую сторону дѣла, вовсе не думаетъ, чтобъ Вѣнскій Дворъ, который, по обстоятельствамъ Франціи, необходимо очутится въ одиночествѣ, началъ въ такомъ положеніи войну противъ Россіи и Пруссіи. Разумѣется, въ Вѣнѣ не желаютъ намъ добра: это по всему видно, и это-то наполняетъ химерами польскія головы; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, одни Поляки и будутъ здѣсь обмануты".

Сентябрь началъ Сальдернъ очень печальными извѣстіями. Литва выставляла противъ Русскихъ свою конфедерацію; ея вождь, Литовскій гетманъ Огинскій, разбилъ два русскихъ отряда: почтовыя сообщенія были пресѣчены. „Не теряя головы", писалъ Сальдернъ, „я не знаю однако, на что ее употребить. Большинство пробуждается отъ своей летаргіи, нація начинаетъ приходить въ чувство; ее поджигаютъ со всѣхъ сторонъ. Австрія не хочетъ вывести ея изъ заблужденія, и, что еще хуже, пускаетъ ей блоху въ ухо. Она дразнитъ націю тѣмъ, что горсть Русскихъ держитъ Поляковъ въ рабствѣ. Франція объявляетъ, что принимаетъ болѣе серьезное участіе въ польскихъ интересахъ. Правда, она обманываетъ націю, но иллюзія также опасна, какъ и фактъ. Посылка офицеровъ и денегъ изъ Франціи питаетъ несчастныхъ Поляковъ пустыми мечтами. Все это увеличиваетъ наши затрудненія; прибавьте къ этому возстаніе Огинскаго въ Литвѣ. Если этотъ огонь усилится, то мы потеряемъ свое превосходство. Конфедераты въ окрестностяхъ Кракова возьмутъ верхъ; Краковъ не продержится шести недѣль; прибавьте, что мы будемъ принуждены очистить Познань, и если весь огонь, который скрывается подъ пепломъ, необходимо вспыхнетъ, то, клянусь Богомъ, намъ останется только стыдъ и смущеніе. Время не терпитъ: надобно взять другія мѣры,—мѣры сильныя, которыхъ никто не ожидалъ. Нельзя-ли подвинуть Прусскаго короля? Пусть онъ только отпуститъ нѣсколько гусарскихъ полковъ къ литовскимъ границамъ, пусть только онъ сдѣлаетъ видъ, что хочетъ напасть на Литву:—это испугаетъ. Не мое дѣло описывать вамъ жалкое положеніе нашихъ военныхъ силъ. Это обязанность Бибикова сдѣлать, когда онъ сюда пріѣдетъ. *Легіонъ* [1])—это жалкое войско по отзыву всѣхъ, кто его видѣлъ. Полковникъ Чернышевъ—человѣкъ безъ головы. Несчастіе, что этотъ корпусъ былъ въ Литвѣ: его тамъ презирали до послѣдней степени. Военный духъ вообще погасъ, исключая очень небольшое число. Оружіе у нашихъ солдатъ негодное, лошади у кавалеристовъ отвратительныя, наша артиллерія плоха. Скупость—дурно понимаемая экономія—причина этого".

Успѣхъ Огинскаго отозвался немедленно въ Вар-

---

[1]) Такъ называлось войско, сформированное для Литвы.

шавѣ: всѣ подняли головы; Сальдернъ усилилъ мѣры предосторожности. Король сначала былъ радъ литовскимъ событіямъ; но радость перемѣнилась въ печаль и сильное раздраженіе, когда Огинскій вовсе не увѣдомилъ его о своихъ движеніяхъ и когда издалъ манифестъ, что присоединяется къ Барской конфедераціи. Сальдернъ нашелъ короля въ сильномъ унынiи и негодованіи противъ Огинскаго. Станиславъ-Августъ началъ обычный разговоръ о шаткости своего положенія, о своемъ окончательномъ разореніи, ибо Литва оставалась для него единственнымъ источникомъ доходовъ; король закончилъ требованіемъ отъ посла самыхъ сильныхъ мѣръ. Сальдернъ, давши ему полную свободу высказаться, запѣлъ свою пѣсню о непослѣдовательности его поведенія и злонамѣренности его фамиліи, о безсвязности всѣхъ поступковъ, которые король безъ фамиліи, а фамилія безъ короля позволяли себѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. „Я", говоритъ Сальдернъ, „показалъ въ настоящемъ свѣтѣ всѣ тайныя и явныя коварства, которыя они себѣ позволяли. Я его прижалъ къ стѣнѣ, я довелъ его до отчаянія, заставилъ его повторять: —„Ради Бога, что-жъ мнѣ было дѣлать? Не моя же это вина! Мое сердце было всегда за Россію. Я не могъ заставить должностныхъ лицъ дѣлать что хочу. Я не могу ничего сдѣлать безъ нихъ".— „Единственный совѣтъ, который я могу вамъ дать", сказалъ Сальдернъ,—„это успокоиться и не предпринимать рѣшительно ничего до тѣхъ поръ, пока литовскій огонь не погаснетъ и я не получу дальнѣйшихъ приказаній отъ моего Двора".— „Какъ"! закричалъ король: „возможно-ли ничего не дѣлать въ такую критическую минуту, когда дѣло идетъ о моемъ уничтоженіи? Необходимо поднять небо и землю, чтобъ устроить реконфедерацію". Сальдернъ, разумѣется, употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ заставить короля, по крайней мѣрѣ, на это время отказаться отъ плана реконфедераціи, и Станиславъ-Августъ поклялся оставаться спокойнымъ, а Сальдернъ обѣщалъ ему за это употребить всѣ усилія для потушенія литовскаго возстанія, послѣ чего, принимая все болѣе и болѣе нѣжный тонъ, согласился съ королемъ, что надобно увеличить число русскаго войска въ Польшѣ, и что надобно протянуть нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ дать императрицѣ время убѣдиться въ необходимости этого увеличенія. Этимъ кончился трехчасовой разговоръ.

Опасенія Сальдерна и короля относительно Огинскаго скоро разсѣялись. Суворовъ, уже знаменитый побѣдою, одержанною въ іюнѣ надъ Дюмурье, теперь шелъ противъ Литовскаго гетмана. Съ 22 на 23 сентября онъ напалъ на Огинскаго и уничтожилъ его войско, такъ что гетманъ только самъ-третей убѣжалъ въ Бѣлостокъ. Эта побѣда произвела такое впечатлѣніе въ Варшавѣ, что Сальдернъ почелъ себя перенесеннымъ въ другую страну. Домъ его наполнился самыми знатными людьми, которые пріѣзжали съ поздравленіями; являлись люди съ предложеніями устроить реконфедерацію противъ воли министерства. Сальдернъ имъ отвѣчалъ, что надобно подождать нѣсколько недѣль, чтобъ уяснить себѣ положеніе Литвы.

Между тѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ хотѣли, чтобъ Сальдернъ собиралъ какъ можно больше людей, которыми Россія могла бы располагать въ нужномъ случаѣ,—въ Петербургѣ не могли быть довольны извѣстіями, что посолъ своимъ обхожденіемъ отогналъ отъ себя всѣхъ, которые до тѣхъ поръ считались приверженцами Россіи. Въ Петербургѣ знали, какъ въ Версали восхищались тѣмъ, что поведеніе Сальдерна въ Варшавѣ портитъ Русское дѣло между Поляками, и не могли не сдѣлать замѣчаній послу. 25 сентября Сальдернъ отвѣчалъ Панину на эти замѣчанія: „Я могу и хочу претерпѣть все; но я никогда не позволю, чтобъ Россія была унижена въ то время, какъ я нахожусь ея представителемъ. Негодяи имѣли здѣсь намѣреніе сдѣлать изъ меня второго Кейзерлинга; они употребили столько средствъ, чтобъ вовлечь меня въ свои сѣти. Къ несчастію, судьба хотѣла, чтобъ я былъ непосредственнымъ преемникомъ старой бабы, который, будучи природнымъ Русскимъ, сносилъ жестокія оскорбленія, хотя былъ не только посломъ, но и командиромъ цѣлаго корпуса русской арміи. Для чести націи я буду сообразоваться съ поведеніемъ покойнаго генерала Кейта, во время пребыванія его въ Швеціи. Твердость, сила, поведеніе серьезное были необходимы, чтобъ заставить уважать мое званіе со дня моего пріѣзда сюда, уважать мои отвѣты утвердительные и отрицательные. Необходимо было пріучить Поляковъ къ порядку вещей, совершенно пренебреженному моимъ предшественникомъ, отучить отъ хаоса, намѣренно произведеннаго извѣстнымъ вамъ интриганомъ. Будьте увѣрены, что это сочиненіе моихъ враговъ, будто мое поведеніе отличается жестокостью. Сила великаго моего врага заставила меня рѣшиться непремѣнно покинуть свой постъ. Но теперь мнѣ нельзя объяснить всѣ подробности этого дѣла... Генералъ Бибиковъ пріѣхалъ. Вы знаете, что это не князь Репнинъ. Вы знаете мое мнѣніе о немъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что онъ будетъ добросовѣстно содѣйствовать видамъ, касающимся личной славы императрицы, интересовъ и достоинства Россіи. Я знаю, что онъ не принадлежитъ къ классу плутовъ, гипокритовъ и негодяевъ, которые подчиняются совершенно видамъ адскихъ душъ. Знаю, что съ нимъ я достигну цѣли всѣхъ операцій, относящихся къ нашей настоящей системѣ, во сколько это будетъ зависѣть отъ него. Но въ Петербургѣ, въ Военной Коллегіи сдѣлаютъ все, чтобъ его обманывать и мѣшать ему. Прибавьте къ этому, что я знаю отвращеніе Бибикова къ работѣ и къ дѣламъ запутаннымъ. Онъ страшно лѣнивъ. Онъ уже скучаетъ гнуснымъ положеніемъ, въ которомъ находитъ дѣла. Я знакомлю его съ успѣшнымъ спосо-

*

бомъ веденія мелкой войны, которая страшно трудна въ странѣ, гдѣ ее должно вести проклятою политикою, гдѣ теряютъ дорогу и обманываются на каждомъ шагу, и гдѣ тяжело соединять политику съ чисто военными операціями. Совершенно прерванная корреспонденція удручаетъ нашего друга Бибикова: этотъ достойный человѣкъ не можетъ приноровиться къ движенію ощупью, когда все зависитъ отъ дурного или хорошаго поведенія самаго незначительнаго офицера".

Рѣшеніе, принятое въ Петербургѣ,—въ случаѣ нужды достигнуть своей цѣли въ Польшѣ и безъ Австріи, не смотрѣть на ея угрозы, не бояться войны съ нею даже и при войнѣ Польско-Турецкой,—это рѣшеніе казалось Сальдерну безразсуднымъ и онъ всѣми средствами старался убѣдить Панина перемѣнить его. „Есть ли возможность", писалъ Сальдернъ, „начинать новую войну, не кончивши первой? Хорошо, не будемъ бояться Австріи и будемъ презирать Польшу; но въ какомъ положеніи находится внутренность нашей имперіи? Я боюсь, что средства ея истощены. Къ умноженію затрудненій, моровая язва опустошаетъ даже столицу. Есть ли у насъ войско? Можемъ ли мы надѣяться имѣть его, пока президентъ Военной Коллегіи, Чернышевъ, нынѣ царствующій, повелѣваетъ какъ деспотъ, образуетъ войско на бумагѣ и громоздитъ иллюзію на иллюзіи, чтобъ заставить государыню вѣрить, что крестьяне, нынче поставленные въ рекруты, завтра будутъ обучены и наполнятся воинственнымъ духомъ. Что, наконецъ, подумаетъ народъ, видя, какъ его братьевъ поведутъ на убой? Неужели вы думаете, что офицеръ и солдатъ еще не устали отъ настоящей войны, что она имъ еще не опротивѣла? Я знаю столько насчетъ этого, что никакъ уже сомнѣваться не могу. Я не говорю о грубости и жестокости, которыми наши генералы возбуждаютъ къ себѣ ненависть отъ перваго до послѣдняго офицера. Отъ усталости и униженія всякое честолюбіе исчезаетъ въ офицерѣ; онъ оставляетъ службу и замѣщается такимъ, который принужденъ служить и все сносить по неимѣнію другихъ средствъ къ существованію. Солдатъ усталъ и упалъ духомъ. Все это здѣсь точно такъ же, какъ и на Дунаѣ. Охотничья собака не подвергается такой устали. Истомленные долгою гоньбою, едва дышащіе, они настигаютъ, наконецъ, непріятеля и дерутся, и такая война продолжается четыре года;—теперь слѣдствія ея оказываются: войско не можетъ болѣе ея выносить. Я готовъ вѣрить, что новая война необходима для окончанія старой. Я бы въ душѣ одобрилъ ваше намѣреніе, если бы области, которыя хочетъ пріобрѣсть себѣ король Прусскій, были менѣе важны, если бы онъ домогался только Вармін и участка на рѣкѣ Нетцѣ, но вся Польская Пруссія—это смертельный ударъ для Польши, да и не для одной Польши, а для всего балтійскаго поморья. Округленіе такого рода способно потрясти политическое равновѣсіе Европы. Исполненный глубочайшаго уваженія и нѣжности къ вамъ, я не могу отъ васъ скрыть, что Прусскій король, обуянный желаніемъ новыхъ пріобрѣтеній, видитъ дурно, разсчитываетъ еще хуже и дѣлаетъ ложные силлогизмы. Голова его занята однимъ этимъ пріобрѣтеніемъ, и, не имѣя еще на рукахъ прямого непріятеля, онъ пренебрегаетъ затрудненіями, которыя послѣдуютъ для насъ. Если этотъ планъ долженъ быть исполненъ, то король Прусскій никогда не увидитъ ему конца. Эта война будетъ самая упорная въ XVIII вѣкѣ"

Бибиковъ пріѣхалъ; но Веймарнъ не торопился уѣхать, и Сальдернъ видѣлъ въ этомъ интригу съ его стороны. „Я знаю навѣрное", писалъ Сальдернъ, „что онъ съ нѣкоторыми офицерами содѣйствовалъ тайно усиленію конфедератовъ. Боюсь, что гнусная политика Веймарна удержитъ Бибикова еще нѣсколько недѣль въ Варшавѣ. Мнѣ кажется, онъ дѣлаетъ это нарочно, чтобъ удобное время прошло, затрудненія увеличились и новыя мѣры Бибикова не могли быть приведены въ исполненіе".

Положеніе дѣлъ въ Польшѣ, сознаніе, что онъ пріѣхалъ повернуть дѣло къ лучшему и ничего не сдѣлалъ, безпокойство насчетъ усложненія дѣлъ по поводу раздѣла Польши, невозможность выполнить Панинскія инструкціи—ничего не дѣлать и въ то же время пріобрѣтать преданныхъ Россіи людей, страхъ предъ новою войною, которую, по его мнѣнію, Россія не имѣла средствъ вести съ успѣхомъ:—все это привело Сальдерна въ такое состояніе, что онъ сталъ требовать увольненія изъ Варшавы. „Я не могу долѣе здѣсь оставаться", писалъ онъ къ Панину 8-го октября: „умоляю васъ, какъ друга, подумать серьезно о моемъ отозваніи. Я готовъ принести вамъ жертву, остаться здѣсь зиму до перваго апрѣля, когда я могу прямо отправиться на воды. Обѣщаю вамъ въ это время наставлять Бибикова относительно нашихъ дѣлъ въ Польшѣ, укажу ему всѣ опасности, всѣ подводные камни, которыхъ онъ обязанъ будетъ избѣгать; я буду смотрѣть на него, какъ на брата, и сдѣлаю все, чтобъ наставленія были для него пріятны". Досада и раздраженіе Сальдерна будутъ еще болѣе понятны, если мы обратимъ вниманіе на извѣстія, что на Сальдерна, при его отъѣздѣ изъ Петербурга, возлагались большія надежды относительно умиротворенія Польши; разсчитывали, что онъ успѣетъ удовлетворить всѣхъ,—и католиковъ, и диссидентовъ.

15 октября Сальдернъ счелъ необходимымъ дать знать Панину о поступкахъ папскаго нунція Дурини. „Нунцій", писалъ Сальдернъ, „есть самый опасный нашъ непріятель въ Польшѣ, какъ по своимъ личнымъ дѣйствіямъ, такъ и по характеру представителя власти свѣтской и духовной вмѣстѣ; его злоба къ намъ выразится во всей силѣ и выразится съ успѣхомъ въ минуту обнаруженія нашихъ замысловъ. Онъ способнѣе всѣхъ произвести народное объединеніе, которое мы должны предотвращать. Неблагонамѣренные Поляки всегда будутъ употреблять его для достиженія своихъ цѣлей.

Это крѣпость, за стѣнами которой они давно скрываютъ свои замыслы и интриги. Необходимо удалить нунція изъ Варшавы. Я знаю, что это не обойдется безъ шума; я бы желалъ пощадить себя и васъ отъ употребленія этого рода насилія, которое взволнуетъ публику: но если онъ останется здѣсь, то чего можно ожидать отъ человѣка грубаго, безумнаго и пьянаго? Наши друзья въ Польшѣ очень удивлены, что папскій нунцій наноситъ, такъ сказать, публичныя оскорбленія Польскому королю, находящемуся подъ покровительствомъ Россіи, и дѣйствуетъ противъ ея войскъ, ибо онъ публично проповѣдуетъ, что истреблять ихъ есть богоугодное дѣло. Часто они упрекаютъ меня за равнодушіе, съ какимъ я смотрю на безразсудство нунція". Прочтя это письмо, императрица написала Панину: „Прикажите адресоваться нашему какому-то министру къ сардинскому, дабы чрезъ сей Дворъ папу склонить къ отзыву своего бѣшенаго нунціюса изъ Варшавы и напомнить папѣ, что въ нашей волѣ убавить его впредь власть въ близь насъ лежащихъ мѣстахъ и для того, чтобъ все осталось въ статукво; чтобъ онъ изволилъ нунціюса смѣнить, пока время есть и графу Орлову еще остается папскіе порты посѣтить. Только напишите къ Сальдерну, чтобъ нунціюса самъ не выслалъ или не арестовалъ, дабы насъ съ Турками не сравняли, а требованіе смѣны нунціюса можно чрезъ курьера послать; сверхъ того, и Шуваловъ въ Римѣ, то чаю, что если ему велите о семъ папѣ говорить, то не сомнѣваюсь, что сдѣлано будетъ, да и Сардинскій Дворъ поможетъ"

На другія письма Сальдерна Панинъ отвѣчалъ попрежнему наставленіями держать все и всѣхъ въ бездѣйственномъ и нерѣшительномъ положеніи. Умеръ старикъ — великій гетманъ коронный Браницкій: въ Петербургѣ было рѣшено оставить его мѣсто незанятымъ до-поры-до-времени; король писалъ къ императрицѣ, прося согласиться на назначеніе гетманомъ Ржевусскаго; послѣдній далеко не былъ пріятенъ Петербургскому Двору, и на королевское письмо сочли за лучшее вовсе не отвѣчать. Но Екатерина отвѣчала на письмо Понятовскаго, которымъ онъ увѣдомлялъ ее о покушеніи на его жизнь. Сальдерну и Бибикову было приказано: не раздражая, по возможности, Польское правительство участіемъ въ полицейскихъ мѣрахъ относительно безопасности столицы, принять однако всѣ мѣры, необходимыя для безопасности короля, собственной и войска русскаго, доискиваться также источниковъ заговора, стараться открыть всѣ пружины его и соучастниковъ, чтобъ никто изъ виновныхъ не избѣжалъ кары правосудія. Эти виновники были двадцать человѣкъ конфедератовъ, которые въ концѣ октября поодиночкѣ пробрались въ Варшаву съ намѣреніемъ похитить или убить короля. Они напали на него ночью, когда онъ возвращался отъ своего дяди, кн. Чарторыйскаго (канцлера), ранили ружейными выстрѣлами нѣсколько человѣкъ королевской свиты и самого Станислава-Августа, вытащили его изъ кареты посадили верхомъ на лошадь и поскакали со своимъ плѣнникомъ за городъ. Но, выѣхавши изъ Варшавы, похитители заблудились и наткнулись на русскій пикетъ; они хотѣли убить короля и бѣжать; но одинъ изъ нихъ, Кузминскій, уговорилъ ихъ оставить Станислава-Августа на его попеченіе, поклявшись, что доставитъ его живого или мертвого къ Пулавскому; тронутый просьбами Станислава-Августа, Кузминскій отвелъ его на ближнюю мельницу, откуда дали знать въ городъ, и гвардія прискакала для препровожденія короля въ Варшаву. Послѣ этого событія Станиславъ-Августъ писалъ Жоффрэнъ: „Теперь я еще чаще повторяю слова: терпѣніе и бодрость! Если Богу было угодно спасти меня какимъ то чудомъ, то ясно, что Ему угодно употребить меня на что-нибудь въ этомъ дольнемъ мірѣ".

Это писалось тогда, когда по всей Польшѣ раздавались громкіе вопли противъ притѣсненій прусскихъ войскъ, вошедшихъ уже въ польскія области. Французскій агентъ писалъ своему Двору изъ Варшавы: „Прусскія войска вошли въ Польшу и возбудили своимъ поведеніемъ жалобы гораздо сильнѣе тѣхъ, которыя раздавались противъ Русскихъ и конфедератовъ. Русскіе такъ же недовольны поведеніемъ Пруссаковъ, потому что послѣдніе захватываютъ припасы, приготовленные для русскихъ войскъ: ничто не ускользаетъ отъ прусскаго хищничества. Пруссаки берутъ съ одной стороны, а конфедераты — съ другой, и, повидимому, между ними нѣтъ никакого несогласія". Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Данцигѣ писалъ въ Версаль: „Вѣрно, что Прусскій король съ нѣкотораго времени дѣлаетъ Полякамъ зла болѣе, чѣмъ Русскіе сдѣлали въ четыре года".

По поводу этихъ прусскихъ насилій, Сальдернъ имѣлъ любопытный разговоръ съ Бенуа. Когда Сальдернъ представлялъ ему впечатлѣніе, производимое на Поляковъ поведеніемъ Пруссаковъ, и слѣдствія такихъ слишкомъ ускоренныхъ мѣръ, то Бенуа, пожавъ плечами, отвѣчалъ: „Надѣюсь, что король, мой государь, приготовился ко всѣмъ могущимъ произойти слѣдствіямъ". Но, описывая этотъ разговоръ Панину, Сальдернъ безсознательно обнаруживаетъ, что Прусскому королю нечего было бояться послѣдствій впечатлѣнія, производимаго на Поляковъ поведеніемъ его войска: „Поляки, гдѣ бы ни собрались, ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о реконфедераціи. Я хлопочу одинаково объ успокоеніи умовъ и раздѣленіи мнѣній. Счастье, что, за исключеніемъ господствующей фамиліи (Чарторыйскихъ), нѣтъ троихъ людей съ одинаковымъ образомъ мыслей". Относительно поступковъ Фридриха II Сальдернъ писалъ: „Непонятно, какимъ образомъ этотъ государь такъ спѣшитъ обнаруженіемъ своихъ намѣреній. Я не стану обвинять его въ злонамѣренности; но вѣрно то, что онъ не соблюдаетъ ни малѣйшаго благоразумія и не знаетъ мѣры. Теперь онъ занялъ городъ

Познань баталіономъ пѣхоты и гусарскимъ полкомъ, и его офицеры живутъ побратски съ конфедератами. Пруссаки употребляютъ конфедератовъ, чтобъ силою брать на земляхъ нашихъ друзей всѣ запасы. Я говорю объ этомъ Бенуа, а онъ только пожимаетъ плечами и обѣщаетъ писать своему королю. Самъ я больше не буду говорить, а буду заставлять говорить Бибикова всякій разъ, какъ наши солдаты въ Торнѣ или Петроковѣ будутъ голодать, благодаря Пруссакамъ, которые даромъ забираютъ все съѣстное". 3-го декабря Сальдернъ писалъ: „Пруссаки забираютъ припасы въ 10 миляхъ отъ Варшавы, а намъ недостанетъ продовольствія здѣсь, какъ недостаетъ уже нашимъ отрядамъ, находящимся въ Ловичѣ и Торнѣ. Бѣдствія увеличиваютъ число конфедератовъ со дня на день; наши друзья разорены; они вопіютъ, приходятъ, пишутъ ко мнѣ, вопіютъ къ Небу: но Небо такъ-же глухо, какъ и я. Прусскій министръ такъ-же глухъ къ этимъ воплямъ, какъ и я; король не пишетъ ему ни строки объ этомъ. Къ увеличенію бѣдствій, Прусскій король прислалъ сюда съ Жидами два милліона дурныхъ талеровъ съ изображеніемъ нынѣ царствующаго короля".

Но Бибиковъ, котораго Сальдернъ хотѣлъ заставить объясняться съ Бенуа, смотрѣлъ гораздо спокойнѣе на дѣло. „Не заботьтесь о конфедератахъ", писалъ онъ Панину: „они такъ ничтожны, что если не помѣшаетъ что-нибудь особенное, то будущею весною выживу ихъ изъ тѣхъ гнѣздъ, гдѣ они теперь величаются со всѣми французскими вертопрахами, и развѣ одно имъ будетъ убѣжище—Австрійскія земли. Да бѣда моя—общій нашъ другъ, посолъ: такая горячка и такая нетерпѣливость, что съ ногъ сбиваетъ. При самой пустой и неосновательной отъ Поляковъ вѣсти (а ихъ, по несчастію, здѣсь много) зашумитъ и заворчитъ: „Вотъ конфедераты усиливаются, вотъ уже они тамъ и сямъ, а мы ничего не дѣлаемъ!—мы пропадемъ; они у насъ отнимутъ все продовольствіе".—Нужны бываютъ все мое хладнокровіе и все почтеніе къ старику, чтобъ удержать въ предѣлахъ его запальчивость и напуски. Но будьте увѣрены, что сохраню эти качества, несмотря на странность его свойствъ. Часто мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не тотъ, котораго мы прежде знали; примѣчаю въ немъ странныя подозрѣнія: между прочимъ, кажется ему, что я съ Поляками очень вѣжливъ и на его счетъ хочу пріобрѣсть любовь; иногда кажется ему, что не довольно бѣднаго посла почитаю. Нерѣдко ужъ и объяснялись, и я не разъ отъ него слышалъ: „Помните, мой дорогой и достойный другъ, что я представитель Россіи и вашъ бѣдный посолъ". Я его иногда смѣхомъ, иногда серьезно переувѣрю, что у меня и въ головѣ нѣтъ его унижать, и что я и безъ посольства привыкъ его почитать, да и теперь онъ дороже мнѣ, какъ мой другъ Сальдернъ, нежели посолъ. И послѣ этого опять хорошо идетъ. А когда придетъ подозрѣніе на мою вѣжливость, то начнетъ говорить: „Вы меня выдаете, своего друга и посла,—вы такъ учтивы съ этими мошенниками Поляками; надобно обходиться съ ними какъ съ канальями,—они этого заслуживаютъ". Въ этомъ случаѣ я прибѣгаю къ своему краснорѣчію и шуткѣ: со смѣхомъ стану ему говорить, что не могу такъ грубіянить, какъ онъ. Ему, какъ старому человѣку, больше простятъ, а про меня скажутъ: Русскій невѣжа, жить не умѣетъ. Клянусь вамъ Богомъ, что повременамъ причиняетъ онъ мнѣ больше заботы, чѣмъ всѣ вмѣстѣ конфедераты. Если здѣшнія наши политическія дѣла имѣютъ по желанію нашему какой успѣхъ, то извольте почитать единственнымъ основаніемъ этому глупость, трусость и нерѣшительность Поляковъ. Ненависть ихъ къ нашему другу невыразимая; а боятся его какъ пугала какого-нибудь"[1]).

Бибиковъ успокоивалъ насчетъ Польши; но Остерманъ не могъ этого дѣлать относительно Швеціи, и—главное—тяготилъ безпрестанными требованіями денегъ для поддержанія русской партіи.

1 февраля Остерманъ прислалъ изъ Стокгольма извѣстіе о внезапной кончинѣ короля. Необходимымъ дополненіемъ къ этому извѣстію было требованіе денегъ для поддержанія „благонамѣренныхъ патріотовъ, устремляющихся на сохраненіе національной вольности". Относительно новаго короля, Густава III, Остерманъ писалъ Панину: „О вступившемъ на престолъ королѣ за дѣйствительнымъ нынѣ его въ Парижѣ прибытіемъ кажется и никакого сумнѣнія не остается, чтобъ онъ теперь уже самъ для себя у Французскаго Двора все то не выходилъ, чего когда-либо отъ него ожидать было можно, и, судя по веселымъ лицамъ господъ шляпъ, довольно ихъ полагаемую на то надежду примѣтить можно. Которая партія на будущемъ сеймѣ поверхность получитъ, о томъ еще теперь судить нельзя; вѣрно одно, что противною партіею всѣ удобовозможныя мѣры къ пріобрѣтенію поверхности приняты, къ чему здѣшнія ихъ креатуры, банкиры, и потребныя первыя деньги знатными суммами выдали, и всякая вѣроподобность есть, что фельдмаршалъ графъ Ферзенъ будетъ молодому государю наиглавнѣйшимъ менторомъ". Вожди благонамѣренныхъ представили Остерману смѣту, во что обойдется первое составленіе сейма въ ихъ пользу: для этого надобно было болѣе 250,000 рублей, потому что деньги должны быть истрачены въ пяти провинціяхъ и ста шести городахъ, кромѣ издержекъ на пріѣздъ дворянства, покупку полномочій и прочаго, причемъ Стокгольмъ не шелъ въ разсчетъ. Остерманъ сильно жаловался на вздорожаніе дворянскихъ полномочій: прежде платили отъ двухъ до трехъ тысячъ, а теперь и за десять тысячъ талеровъ едва можно было достать. Но можно было разсчитывать на то, что въ королевскомъ семействѣ не будетъ единства: вдовствующая королева объявляла постоянно, что

---

[1]) Дѣла Польскія 1771 года – Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 176.

не намѣрена болѣе вмѣшиваться въ политическія дѣла, а братъ королевскій, принцъ Карлъ, пріобрѣтая часъ-отъ-часу больше популярности, обнадеживалъ благонамѣренныхъ въ своей милости, говоря, что ему не меньше ихъ нужно сохраненіе вольности.

Благонамѣренные взяли верхъ при выборахъ въ мѣщанскомъ сословіи, причемъ Остерманомъ и англійскимъ посланникомъ истрачена была немалая сумма денегъ. Побѣда обошлась такъ дорого, что въ апрѣлѣ Остерманъ послалъ въ Петербургъ нарочнаго курьера съ требованіемъ новой присылки денегъ, объявляя, что у него осталось не болѣе 9,000 рублей. Екатерина написала Панину: „Лучше дать денегъ, нежели видѣть въ Швеціи самодержавство и съ нимъ войну посредствомъ французскихъ денегъ и интригъ,—итакъ старайтесь, чтобъ Остерманъ снабженъ былъ нужнымъ и въ-пору“. Это нужное состояло въ 337,900 рубляхъ.

Въ апрѣлѣ Остерманъ извѣщалъ о стокгольмскихъ толкахъ по поводу австрійскаго вооруженія: одни говорили, что вооруженія эти производятся съ согласія Прусскаго короля, чтобъ заставить Россію принять предложенныя мирныя условія; другіе—что Австрія вооружается вслѣдствіе договора съ Россіею и Пруссіею для раздѣла Польши и завоеванныхъ турецкихъ областей; иные выставляли намѣренія Вѣнскаго Двора принудить русскія войска выступить изъ Молдавіи и Валахіи, воспрепятствовать ихъ переходу черезъ Дунай, вытѣснить ихъ изъ Польши, съ тайною помощію Франціи низвергнуть съ престола нынѣшняго Польскаго короля и возвести на его мѣсто одного изъ принцевъ Австрійскаго Дома. Разумѣется, послѣднее толкованіе принадлежало, такъ называемымъ, неблагонамѣреннымъ. Неблагонамѣренные этимъ не довольствовались. Въ изданіи королевскаго библіотекаря Гервеля: „Политическія разсужденія“, въ статьѣ о Польшѣ, описывалась древняя исторія Русскихъ князей и доказывалось, что, послѣ сверженія татарскаго ига Россія, постоянно стремилась къ униженію Польской республики, употребляя для этого самихъ польскихъ магнатовъ, которые, подчиняясь русскому вліянію, сами были причиною своихъ настоящихъ бѣдствій. Почти не было, по словамъ Остермана, ни одного печатнаго политическаго сочиненія, гдѣ бы не говорилось о Польшѣ, гдѣ бы не доказывалось, что и Швеція подвергнется одинаковой участи, причемъ Англія будетъ помогать Россіи разореніемъ всѣхъ шведскихъ фабрикъ,—слѣдовательно необходимо держаться Франціи.

Англія поспѣшила показать, какъ она будетъ помогать Россіи въ самую критическую минуту: незадолго до начала сейма, британскій министръ въ Стокгольмѣ, Гудрикъ, объявилъ Остерману, что Англія отказывается участвовать въ общихъ издержкахъ для противодѣйствія французской партіи, и, какъ нарочно, въ то же время объявилъ, что Французскій Дворъ назначилъ на сеймовые подкупы въ Швеціи три милліона талеровъ мѣдною монетою. Остерманъ былъ въ страшномъ затрудненіи, ибо на присланные Даніею 10,000 талеровъ нельзя было много сдѣлать. Нѣсколько утѣшили Остермана заявленія новаго прусскаго посланника, графа Денгофа, что Фридрихъ II-й приказалъ ему сообразовать свои поступки съ поступками русскаго посланника, и что новый Шведскій король, въ бытность свою въ Берлинѣ, далъ дядѣ своему, Прусскому королю, обѣщаніе не подкрѣплять прежней своей партіи, а соединиться съ русскою партіею. Въ концѣ мая Остерманъ получилъ изъ Петербурга 100,000 рублей; но при этомъ Панинъ писалъ: „По моей безпредѣльной откровенности, которую я къ вашему с—ству персонально, какъ другъ, имѣть привыкъ, не могу не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній. Военныя наши издержки становятся изо-дня-въ-день тягостнѣе, и потому заставляютъ желать, чтобъ внѣшнія издержки сколько можно были сокращаемы. Вы, конечно, сами постигаете всю нужду такого сокращенія и, конечно, сами собою, какъ отлично искусный министръ и какъ истинный сынъ отечества, будете по крайней возможности и лучшему своему уразумѣнію стараться ограничивать денежные расходы, дабы иначе намъ вдругъ не остановиться на срединѣ дороги. Не подумайте, чтобъ мысли мои имѣли въ виду неумѣстную экономію: отнюдь нѣтъ, ибо я весьма понимаю, да и по опыту знаю, что она, когда дѣло, люди и умы разъ въ движеніе и ферментацію приведены, можетъ быть и вреднѣе, и безславнѣе самого безмолвія и бездѣйствія; но я хочу только дать выразумѣть, что намъ, въ разсужденіи собственныхъ нашихъ теперь заботъ и упражненій въ толь жестокой и обширной войнѣ, должно довольствоваться при будущемъ въ Швеціи сеймѣ одержаніемъ и обезпеченіемъ однихъ главныхъ нашихъ видовъ коренной нашей политики и настоящаго времени. Ея императорское величество изволилъ подъ сими двумя именованіями полагать: 1) удержаніе въ цѣлости шведской фундаментальной формы правительства; 2) отвращеніе короля и націи Шведскихъ отъ предпріятія и учиненія намъ диверсіи въ продолженіе войны нашей съ Портою Оттоманскою. Для перваго изъ сихъ двухъ пунктовъ надобно весьма, чтобъ новый король далъ при коронаціи своей такой обнадеживательный актъ, какой покойнымъ его родителемъ данъ былъ, и когда оный въ началѣ сейма одержанъ будетъ безъ всякихъ отмѣнъ и изъятій противъ стараго акта,—тогда и можно уже намъ будетъ въ разсужденіи существа формы правленія оставаться до времени покойными зрителями; а между тѣмъ съ большею свободою и силою обратить главное вниманіе на интересъ времени, т.-е. на удержаніе Шведовъ не только отъ дѣйствительной войны, но и отъ наружныхъ оной оказательствъ, дабы иначе не могло родиться въ публикѣ сомнѣніе и пустой страхъ“.

Съ пріѣздомъ новаго короля началось новое движеніе. Сенаторъ графъ Герне вдругъ обратился къ отставному сенатору, барону Функу, съ предложеніемъ изыскать средство къ прекращенію раздоровъ между двумя партіями и къ избавленію себя отъ подкуповъ иностранныхъ Дворовъ, прибавляя, что, при извѣстномъ безпристрастіи новаго короля, можно предоставить ему посредничество въ этомъ дѣлѣ. Функъ отвѣчалъ въ общимъ выраженіяхъ, что готовъ содѣйствовать такому полезному дѣлу; но Герне этимъ не удовольствовался, а настоялъ, чтобъ онъ на другой день далъ формальный отвѣтъ, который бы онъ могъ передать королю. Функъ обѣщалъ это сдѣлать, и прежде всего отправился къ Остерману за совѣтомъ:—какъ быть. Остерманъ отвѣчалъ, что благонамѣренные должны въ этомъ случаѣ оказать со своей стороны всякую податливость, получивши необходимыя обезпеченія, именно въ томъ, что конституція останется нетронутою, французское вліяніе отстранится и въ сенатъ будетъ введено нѣкоторое число членовъ изъ отрѣшенныхъ на послѣднемъ сеймѣ, чтобъ уравновѣсить обѣ партіи. Когда Функъ на другой день передалъ это Герне, то получилъ чрезъ него королевское приказаніе явиться во дворецъ. Король при этомъ свиданіи далъ ему точное обѣщаніе не требовать на предстоящемъ сеймѣ ни малѣйшаго усиленія своей власти, ни уплаты своихъ долговъ и вообще никакого преимущества, ограничивая себя единственнымъ желаніемъ видѣть прекращеніе междоусобія; послѣ этого король потребовалъ, чтобъ въ тотъ же день послѣ обѣда назначены были отъ обѣихъ партій по три особы для переговоровъ и соглашенія въ присутствіи его самого. Функъ представилъ, что нельзя сдѣлать такъ скоро; но Густавъ (и здѣсь высказался вполнѣ его характеръ) настаивалъ и согласился отсрочить начало переговоровъ только до другого дня. Въ то же самое утро, какъ шли у короля переговоры съ Функомъ, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Ферзенъ, прислалъ записку къ русскому резиденту Стахіеву съ требованіемъ свиданія въ королевскомъ саду; при этомъ свиданіи Ферзенъ, давая именемъ королевскимъ Стахіеву обѣщаніе не трогать конституціи и сохранять дружбу съ Россіею, требовалъ, чтобъ Остерманъ и англійскій министръ Гудрикъ склонили вождей благонамѣренной партіи къ переговорамъ съ противниками. Это требованіе въ тотъ же вечеръ было исполнено, и со стороны колпаковъ были назначены: губернаторъ баронъ Риддерстолпе, камергеръ Эссенъ и генералъ-маіоръ Пехлинъ.

Переговоры кончились только видимымъ соглашеніемъ, ибо французская партія и король въ ея челѣ явно нарушили условіе равенства между партіями какъ въ сенатѣ, такъ и въ сеймовыхъ учрежденіяхъ. Остерманъ, предугадывая съ самаго начала, что предложеніе соглашенія имѣло цѣлью только помѣшать успѣху русской партіи на сеймѣ, дѣйствовалъ неослабно для доставленія своей партіи большинства, для чего выпросилъ въ Петербургѣ еще 100,000 рублей. 1 іюля онъ писалъ Панину. „Теперь, съ пріобрѣтеніемъ большинства въ трехъ чинахъ, вся по здѣшнимъ законамъ сила осталось въ рукахъ нашей партіи, и. сколько по человѣческому гаданію предусмотрѣть можно, кажется не только отвращена всякая опасность начатія съ здѣшней стороны противъ насъ войны, но и отъ ея и. в—ства зависитъ опредѣленіе началъ тѣснѣйшей связи Россіи съ Швеціею“.

Скоро оказалось, какъ искренне было хваленое королевское безпристрастіе: въ секретномъ королевскомъ предложеніи государственнымъ чинамъ, въ статьѣ о Россіи, эта держава была представлена въ крайнемъ изнеможеніи,—слѣдовательно совершенно безопасною для Швеціи; великія похвалы расточены были дружественнымъ отношеніямъ Франціи къ Швеціи; выставлено было обѣщаніе Французскаго правительства заплатить доимочныя субсидіи, и это обѣщаніе было приписано пребыванію самого короля при Французскомъ Дворѣ. А между тѣмъ Густавъ поручилъ Прусскому посланнику, Денгофу, увѣрить Остермана, что онъ, король, никакъ не отступитъ отъ своего плана въ соблюденіи безпристрастія, и чтобъ Остерманъ не вѣрилъ никакимъ противоположнымъ внушеніямъ. Остерманъ просилъ Денгофа изъявить Густаву глубокое его уваженіе къ святости королевскихъ увѣреній, и, въ то же время, переслалъ своему Двору реляцію шведскаго посланника при Вѣнскомъ Дворѣ, графа Борка, отъ 20 іюня. Боркъ описывалъ разговоръ свой съ императоромъ Іосифомъ II-мъ: „Швеція“, говорилъ Іосифъ, „должна почитать себя чрезвычайно счастливою, получивши короля, одареннаго столь великими качествами, какъ природными, такъ и пріобрѣтенными отъ внушеній воспитателя его, знаменитаго мужа, графа Тессина. Жаль только, что Швеція, будучи прежде столь сильною державою, такъ ослабила себя внутренними партіями; надобно, впрочемъ, надѣяться, что король успѣетъ возстановить единодушіе и открыть партіямъ глаза относительно опасности, какою угрожаетъ имъ русская сила; надобно надѣяться, что Швеція станетъ думать о томъ, какъ бы воспользоваться стѣсненными обстоятельствами Россіи по причинѣ настоящей разорительной ея войны съ Турціею. Обративъ вниманіе на то, что дѣлаютъ Русскіе въ Польшѣ, какъ угнетаютъ ее подъ предлогомъ успокоенія, Швеція увидитъ, что и ей предстоитъ одинакая судьба, если заблаговременно не предотвратитъ опасности. Уже не говорю объ извѣстныхъ замыслахъ Россіи возвеличить себя надъ всѣми своими сосѣдями, которые должны противиться осуществленію ея намѣреній. Потому жалко видѣть ослѣпленіе Даніи относительно русскихъ ласкательствъ и обѣщаній въ Голштинскомъ дѣлѣ. Данія имѣетъ больше побужденій соединиться со Швеціей для униженія Россіи, нежели полагаться на пустыя ласкательства послѣдней и за-

бавляться безпрестанными перемѣнами въ министерствѣ". Марія-Терезія, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, вторила сыну и такъ громко, что Боркъ боялся, чтобъ не услыхалъ голландскій министръ, находившійся неподалеку; а голландскій министръ непремѣнно передалъ бы слова императрицы русскому министру, кн. Голицыну, находясь съ нимъ въ тѣсномъ согласіи.

Сильнымъ средствомъ противъ этихъ внушеній послужило извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ рѣшено этимъ же лѣтомъ отправить въ Швецію хлѣба на 50,000 рублей. Русская партія поднялась, противники ея должны были замолкнуть, и бургомистръ Сорбонъ подалъ въ секретный комитетъ меморіалъ съ требованіемъ, чтобъ немедленно возобновленъ былъ союзный договоръ съ Россіею, ибо послѣ, когда заключенъ будетъ миръ между нею и Турціею, уже нельзя будетъ Швеціи надѣяться получить отъ нея такихъ выгодныхъ условій. Екатерина написала по этому случаю: „Я думаю, что обновленіе трактата служило бы много показать свѣту, что соперники наши не столь сильны, какъ объ нихъ думаютъ, и Турки наипаче увидятъ, коль мало они надѣяться могутъ на басни ненавистниковъ нашихъ, Англичанамъ же и Датчанамъ примѣтно будетъ, что и безъ ихъ содѣйствованій дѣла текутъ".

Въ сентябрѣ русская партія получила перевѣсъ въ крестьянскомъ чину; но эта побѣда стоила Остерману 62,000 талеровъ, которые онъ занялъ. Въ Стокгольмъ отправлено было еще 100,000 рублей. Но въ половинѣ октября Остерманъ писалъ, что этихъ денегъ недостаточно, и Екатерина отправила Панину записку: „Если послѣднія переведенныя графу Остерману деньги недостаточны, и вы думаете, что его снова снабдить нужно, то перешлите къ нему столько, чтобъ его труды, понынѣ употребленные, не остались бы втуне". Эти посылки денегъ въ Стокгольмъ тѣмъ болѣе считались нужными, что главы французской партіи ободряли своихъ, представляя совершенное истощеніе средствъ Россіи. Для доказательства они имѣли въ рукахъ письма шведскихъ министровъ: изъ Данцига и Гамбурга писали объ умножающейся съ-часу-на-часъ силѣ конфедератовъ и о самомъ дурномъ состояніи русской арміи, претерпѣвающей недостатокъ въ провіантѣ; писали, что Россія принуждена оставить Польскія дѣла ихъ собственному теченію. Графъ Боркъ изъ Вѣны въ двухъ письмахъ точно такъ-же описывалъ печальное состояніе русской арміи и флота, причемъ увѣрялъ, что Вѣнскій Дворъ, зная такое изнуреніе Россіи, отнюдь не допуститъ, чтобъ всѣ ея требованія были удовлетворены Турками; что непремѣнно будущею весною военное пламя разгорится еще съ большею силою, и Франція пришлетъ на помощь Австріи и Турціи 24,000 войска: „Шведскій Дворъ", писалъ Боркъ, „долженъ воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами для избавленія себя отъ вреднаго вліянія Россіи".

Въ концѣ ноября Остерманъ получилъ еще 100,000 рублей съ увѣщаніемъ отъ Панина содѣйствовать скорѣйшему окончанію сейма. Но скоро послѣ этого французскій посолъ объявилъ вождямъ своей партіи письменно, что, по желанію короля, обязывается не выдавать болѣе денегъ на содержаніе сеймовыхъ депутатовъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Это поставило въ тупикъ Остермана. Самъ французскій посолъ вмѣстѣ съ испанскимъ и саксонскимъ предложили ему сдѣлать то же самое съ своей партіею; но Остерманъ отвѣчалъ, что подождетъ, какъ это рѣшеніе будетъ исполнено на самомъ дѣлѣ, ибо опытъ научилъ его не полагаться на словесныя или письменныя заявленія только [1]).

Бѣдная средствами, Данія продолжала давать кой-что на шведскія издержки, имѣя тутъ одинакіе интересы съ Россіею. Мы видѣли, какъ въ 1770 году произошелъ въ Копенгагенѣ министерскій переворотъ, удаленіе Бернсторфа. Переворотъ произошелъ вслѣдствіе подчиненія слабаго короля вліянію жены, королевы Матильды, которая возвысила фаворита своего, придворнаго медика Струензе, до степени первенствующаго министра. Въ стремленіи къ господству, Струензе не могъ не столкнуться съ главнымъ авторитетомъ, самымъ виднымъ правительственнымъ лицомъ—Бернсторфомъ. Паденіе послѣдняго, какъ мы видѣли, сильно огорчило и встревожило Русскій Дворъ; это событіе, дѣйствительно, ослабило непосредственное вліяніе Россіи, ея посланника въ Копенгагенѣ, но не повело къ перемѣнѣ датской политики, ибо интересы Даніи были тѣсно связаны съ русскими по отношенію къ Швеціи; кромѣ того, Данія была привязана къ Россіи чрезвычайно выгоднымъ для нея улаженіемъ Голштинскаго дѣла; утвержденіе договора относительно Голштиніи, согласно съ приведеннымъ выше мнѣніемъ Панина, должно было послѣдовать при совершеннолѣтіи великаго князя Павла Петровича, и въ ожиданіи этого утвержденія Даніи нельзя было ссориться съ Россіею. По свидѣтельству иностранныхъ дипломатовъ, королева Матильда питала личную ненависть къ Философову за то, что тотъ какъ-то неумышленно оскорбилъ Струензе; при такихъ личныхъ отношеніяхъ, разумѣется, королевѣ и ея любимцу было пріятно слышать возгласы враговъ Бернсторфа, что этотъ министръ рабствуетъ предъ Россіею, и что, для чести Датскаго Двора, надобно положить конецъ такимъ отношеніямъ. Преемнику Философова поэтому предстояла задача не давать чувствовать слишкомъ рѣзко вліянія своего Двора на отношенія между правительственными лицами, избѣгать личныхъ столкновеній и такимъ образомъ не вредить союзу, крѣпко коренившемуся на единствѣ интересовъ русскихъ и датскихъ. Какое впечатлѣніе въ Петербургѣ произведено было поведеніемъ Местмахера,—можно видѣть изъ письма Па-

[1]) Дѣла Шведскія 1771 года.

нина къ нему: „Я отдаю вамъ справедливость", писалъ Панинъ, „что вы умѣли въ поведеніи вашемъ найти средину между сохраненіемъ благопристойности и твердымъ настояніемъ о всемъ томъ, что касается нашихъ интересовъ. Всѣ ваши отзывы къ графу Остену такъ благоразумны, что, не раздражая ими этого министра, вы держите его въ почтеніи ко Двору нашему. Мнѣ остается только сказать вамъ, чтобъ вы при такихъ отзывахъ, наблюдая и впредь такъ разумно найденную вами средину между формальнымъ требованіемъ и снисходительнымъ домогательствомъ, имѣли въ виду то, чтобъ прежній совѣтъ былъ возстановленъ, и чтобъ господинъ Шакъ, какъ намъ доброжелательный и достойный человѣкъ, имѣлъ мѣсто въ совѣтѣ. При этомъ однако самое главное желаніе наше и польза дѣлъ состоятъ въ томъ, чтобъ видѣть опять графа Бернсторфа въ управленіи дѣлами. Но такъ какъ этотъ министръ и очень старъ, и очень знаменитъ во всей Европѣ, то простое его возвращеніе къ дѣламъ не можетъ быть ни для кого удовлетворительно и для самыхъ дѣлъ полезно. Поэтому вы должны стараться, чтобъ графъ Бернсторфъ былъ призванъ къ дѣламъ не иначе, какъ съ повышеніемъ въ чинъ великаго канцлера. Если графъ Остенъ тутъ будетъ прямодушенъ и препятствовать не захочетъ, то и онъ можетъ найти въ этомъ свою пользу: департаментъ иностранныхъ дѣлъ можетъ остаться въ его рукахъ съ его присутствіемъ въ совѣтѣ, и, конечно, изъ кого бы королевскій совѣтъ составленъ ни былъ, но будучи всегда окруженъ фаворитами, соотвѣтствующими государямъ своимъ нравами, малодушіемъ и своевольствомъ, не получитъ важнаго значенія для сдержки ихъ колобродства безъ графа Бернсторфа".

Местмахеръ доносилъ, что молодой Датскій король, проводя время въ однихъ забавахъ и удовольствіяхъ, передалъ, особенно съ нѣкотораго времени, все правленіе въ руки рекетмейстера Струензе, который, присоединивъ къ себѣ генераловъ графа Ранцау и Гелера, преслѣдуетъ прежнихъ министровъ и семейства ихъ. О своихъ отношеніяхъ къ этимъ любимцамъ Местмахеръ писалъ: „Стараюсь въ своемъ поведеніи наблюдать строжайшую скромность, убѣгая всякаго партикулярнаго съ фаворитами обхожденія; при всѣхъ случаяхъ однако оказываю имъ пристойныя учтивости, чтобъ оставить себѣ на будущее время свободу—или ближе къ нимъ подойти, или совсѣмъ отстать". Местмахеръ доносилъ, что не сомнѣвается въ преданности графа Остена Россіи; что же касается его кредита при королѣ, то онъ совершенно зависитъ отъ большей или меньшей къ нему благосклонности рекетмейстера Струензе, съ которымъ онъ предварительно долженъ соглашаться по всѣмъ предлагаемымъ королю дѣламъ. При Дворѣ Остенъ играетъ очень незначительную роль, боясь вступать въ интриги между фаворитами, чтобы, какъ самъ говорилъ, не подвергнуться когда-нибудь одинаковой съ ними участи.

Местмахеру поручено было объявить Остену, что императрица довольна его назначеніемъ въ министры иностранныхъ дѣлъ. Остенъ отвѣчалъ на это, что никогда не взялъ бы на себя этой должности, если-бъ имѣлъ хотя малѣйшее сомнѣніе насчетъ королевскаго желанія сохранить тѣсный союзъ съ Россіею. Когда Местмахеръ указалъ ему на сильныхъ при Дворѣ людей—генерала Гелера и графа Ранцау, какъ приверженцевъ Франціи, то Остенъ отвѣчалъ на это: „Вы сами знаете хитрость и трусость перваго и безпутство второго. Они не имѣютъ участія теперь въ политическихъ дѣлахъ, потому что при распоряженіи военными и другими дѣлами находятся въ безпрестанныхъ между собою ссорахъ, занимая Струензе нареканіями другъ на друга, почему онъ и не можетъ обращать большого вниманія на мои дѣла, которыя я свободно исправляю съ нужнымъ ему сообщеніемъ". „Но каковъ самъ Струензе"? спросилъ Местмахеръ:—„Я увѣренъ", отвѣчалъ Остенъ, „что онъ королю и государству добра желаетъ: но, за неимѣніемъ свѣдѣній въ министеріальныхъ дѣлахъ, ни одному Двору до сихъ поръ предпочтенія не отдаетъ и, сверхъ того, зависитъ отъ королевы, которая, конечно, не можетъ забыть, что она Англійская принцесса".

Но дѣла перемѣнились къ худшему по случаю смерти короля Шведскаго: „Эта внезапная кончина", говорилъ Остенъ, „переломила у меня и руки и ноги, ибо теперь я принужденъ дѣлать предъ королемъ по Шведскимъ дѣламъ частыя и сильныя представленія, и этимъ подаю графу Ранцау частые случаи истолковывать ихъ по-своему во зло. Искренно желаю, чтобъ императрица о такой нашей смутѣ великодушно жалѣла, ибо справедливый съ ея стороны гнѣвъ или уничтоженіе Голштинскаго дѣла служили бы только въ пользу негодяя Ранцау, который, кромѣ того что французская креатура, имѣетъ земли въ Голштиніи и лучше хочетъ находиться подъ общею, чѣмъ единственною властію Королевско-Датскаго Дома". Въ мартѣ Местмахеръ писалъ Панину: „Продолжая со всевозможною осторожностію тайное сношеніе то съ тѣмъ, то съ другимъ фаворитомъ, стараюсь внушать, какія бѣдствія проистекутъ для Даніи, если графъ Ранцау долго будетъ дѣлать, что хочетъ". 12 апрѣля Остену удалось настоять на рѣшеніи короля, что, въ виду страшнаго разстройства датскихъ финансовъ, надобно удовольствоваться переводомъ въ Швецію задержанныхъ за прошлый годъ 10,000 талеровъ, которые и вручить въ Стокгольмѣ русскому посланнику, графу Остерману. Сумма была ничтожная; но Остенъ радовался тому, что Ранцау не успѣлъ помѣшать королевскому рѣшенію. Радость, впрочемъ, была непродолжительна: къ инструкціи отправлявшемуся въ Стокгольмъ министромъ Гильденкрону король собственноручно приписалъ продиктованную Струензе замѣтку, что хотя сохраненіе шведской вольности будетъ всегда существеннымъ датскимъ интересомъ, однако его величество считаетъ для себя неприличнымъ вмѣ-

шиваться въ распри и интриги между тамошними партіями, почему и повелѣваетъ Гильденкрону наблюдать совершенное бездѣйствіе (инактивитетъ). Остенъ увидалъ здѣсь сильно дѣйствующія французскія пружины. Местмахеръ увидалъ гораздо сильнѣйшее дѣйствіе этихъ причинъ въ слѣдующемъ: датскій посланникъ въ Парижѣ, Блюмъ, доносилъ о полученіи графомъ С.-Жермэномъ собственноручнаго письма отъ Датскаго короля съ приглашеніемъ возвратиться въ Данію. Местмахеръ, сильно встревоженный этимъ извѣстіемъ, замѣтилъ Остену, что возвращеніе С.-Жермэна равно прямому объявленію, что въ Даніи положено настоящую политическую систему перемѣнить и опять слѣпо отдаться во французскія руки. Остенъ отвѣчалъ, что и онъ сильно встревоженъ, но думаетъ, что фавориты сильно ошибутся, если надѣются чрезъ С.-Жермэна утвердить свою власть: С.-Жермэнъ не станетъ повиноваться Струензе, но будетъ стараться его низвергнуть. На это Местмахеръ замѣтилъ, что не стоитъ для низверженія Струензе, въ политическихъ началахъ еще не утвердившагося, жертвовать всею Сѣверною системою, разрушить которую С.-Жермэнъ поставитъ для себя первымъ своимъ долгомъ. Графъ Остенъ сказалъ на это, что С.-Жермэнъ не противникъ русской системы, ибо еще во время своего выѣзда изъ Даніи онъ писалъ ему, что изгнанъ не за то, что будто противился Русскому союзу, но за то, что совѣтовалъ королю не повиноваться повелѣніямъ русскихъ посланниковъ; потомъ изъ письма Блюма видно, что во Франціи не очень довольны возвращеніемъ С.-Жермэна въ Данію, изъ чего можно заключить о не очень большой его преданности Франціи. Такое объясненіе графа Остена показалось Местмахеру очень странно. Замѣтивъ это, Остенъ потомъ старался успокоить Местмахера, что Струензе объясняетъ дѣло иначе: король дѣйствительно писалъ С.-Жермэну письмо, гдѣ высказывалъ желаніе свое видѣть его въ Даніи, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ опять вступилъ въ службу; приглашеніе сдѣлано только для того, чтобъ С.-Жермэнъ проживалъ свой пансіонъ (14,000 рейхсталеровъ) внутри, а не внѣ государства. Но Местмахеръ остался при своемъ подозрѣніи, что это интриги Остена, который, тяготясь вліяніемъ Струензе на иностранныя дѣла и явнымъ нерасположеніемъ къ себѣ королевы, хлопочетъ о вызовѣ С.-Жермэна, чтобъ посредствомъ него свергнуть Струензе; а потомъ самого С.-Жермэна свергнуть будетъ уже легко, какъ ненавидимаго всѣмъ народомъ иностранца. Впрочемъ С.-Жермэнъ просилъ позволенія отсрочить свой пріѣздъ.

Между тѣмъ, народное неудовольствіе на королеву и ея любимца день-отъ-дня усиливалось и выражалось въ печатныхъ сочиненіяхъ и рукописныхъ пасквиляхъ. Сначала правительство смотрѣло на это равнодушно; но когда, 12 сентября, на большой площади, въ полдень, выставленъ былъ листъ, въ которомъ горожане и матросы призывались къ спасенію отечества отъ тиранства королевы и ея фаворита, то королева и фаворитъ приняли мѣры: для матросовъ за городомъ была устроена пирушка; кромѣ жаренаго быка, каждому матросу было роздано по полубутылкѣ рому да по двѣ бутылки пива. На пирушкѣ обѣщали быть и король съ королевою, но не пріѣхали, почему и пронесся слухъ, что побоялись пріѣхать будто потому, что наканунѣ народъ уговорился по уничтоженіи быка просить короля выдать и фаворита. 19 сентября Остенъ началъ говорить Местмахеру на конференціи: „По своей довѣренности къ вамъ, не скрою, что я сдѣлалъ смѣлый поступокъ, потребовавъ отъ короля возстановленія совѣта; настоящее здѣшнее положеніе не можетъ болѣе продолжаться, и потому я, для спасенія своего государя и отечества, сдѣлалъ начало“.—„Какой же вы получили отвѣтъ“? спросилъ Местмахеръ.—„Никакого“, отвѣчалъ Остенъ, „и потому завтра намѣренъ прямо отписать Струензе, чтобъ онъ, для успокоенія народнаго негодованія, потребовалъ увольненія отъ дѣлъ, и, чтобъ подать ему примѣръ, самъ требую отставки“. Местмахеръ хотя и догадывался, что этотъ поступокъ Остена сдѣланъ по какому-нибудь предварительному соглашенію, однако, чтобъ дать Остену побольше высказаться, выразилъ безпокойство, что онъ можетъ получить отставку и такимъ образомъ сдѣлается напрасною жертвою. Остенъ отвѣчалъ: „Я на все готовъ, однако не думаю, что получу отставку, ибо въ прошлое воскресенье ночью я имѣлъ тайное свиданіе съ графомъ Брантомъ и обо всемъ условился“.—„Кого же вы назначаете въ совѣтъ“? спросилъ Местмахеръ.—„Графа Тотта и Шака“, отвѣчалъ Остенъ.—„Но безъ сомнѣнія будетъ третій“? спросилъ опять Местмахеръ.—„Нѣтъ, не будетъ“, отвѣчалъ Остенъ: „я самъ намѣренъ остаться при своемъ настоящемъ департаментѣ“. Тутъ Местмахеръ назвалъ графа Бернсторфа. Остенъ отвѣчалъ увѣреніями, что всячески старается о его назначеніи членомъ совѣта; но Местмахеръ писалъ Панину, что Остенъ неохотно увидѣлъ бы возвращеніе Бернсторфа.

Но дѣло приближалось къ другой развязкѣ. Струензе совершенно растерялся. Чѣмъ несноснѣе прежде была его гордость, тѣмъ презрѣннѣе становилось теперь его малодушіе. На послѣднемъ собраніи при Дворѣ всѣ съ изумленіемъ увидѣли при всѣхъ входахъ разставленныхъ часовыхъ, по два человѣка драгунъ. Во время оперы, Струензе сидѣлъ съ убитымъ и задумчивымъ видомъ; обращался съ разговоромъ къ иностраннымъ министрамъ, къ простымъ гражданамъ и въ первый разъ заговорилъ съ Местмахеромъ, и заговорилъ съ величайшею учтивостью. Такое поведеніе Струензе ободряло противъ него самыхъ боязливыхъ придворныхъ, а въ народѣ усиливало выходки противъ него и пасквили: въ одномъ изъ этихъ пасквилей обѣщали 5,000 талеровъ тому, кто рѣшится убить фаворита. Королева съ фаворитомъ

собиралась бѣжать въ Норвегію, куда хотѣла увлечь и мужа.

Отъ 29 ноября Местмахеръ увѣдомилъ Панина, что обыкновенная Датскаго Двора во всемъ безмѣрность вдругъ теперь оказывается въ горячемъ желаніи подласкаться къ Русскому Двору. Графъ Струензе уступилъ Остену всю власть по иностраннымъ дѣламъ и сильно сталъ отличать Местмахера, которому Остенъ объявилъ съ улыбкою, что теперь въ Копенгагенѣ всѣ думаютъ по-русски; и если бы Петербургскій Кабинетъ заблагоразсудилъ оказать Струензе малѣйшее вниманіе, то могъ бы имѣть его совершенно въ своихъ рукахъ [1].

Данія, несмотря на всѣ свои внутреннія смуты, не отставала отъ союза и платила деньги на шведскія издержки; но Англія, хлопоча о союзѣ, отказалась участвовать въ шведскихъ издержкахъ. Это сильно раздражило императрицу; она велѣла Панину сказать Каткарту, что намѣреніе Англійскаго короля ограничить свои издержки въ Стокгольмѣ принуждаетъ ее ограничить и свои издержки, слѣдовательно и операціонный планъ тамъ. Если бы оба Двора дѣйствовали согласно, съ одинаковыми условіями, то цѣль была бы достигнута, Швеція была бы на нашей сторонѣ и средство обезпечить это положеніе дѣлъ составило бы основаніе союзнаго договора между Россіею и Англіею; а теперь ни къ чему приступить нельзя, надобно дожидаться окончанія шведскаго сейма. Со стороны Англіи былъ представленъ новый проектъ союза, гдѣ Лондонскій Кабинетъ выговаривалъ себѣ русскую помощь въ Америкѣ и отказывался помогать Россіи противъ Турціи, ограничивая свою помощь только европейскими морями. Екатерина написала на этотъ проектъ слѣдующія замѣчанія: „Что они разумѣютъ подъ европейскимъ моремъ? Они не хотятъ давать помощи противъ Турокъ и Татаръ, хотя гарантируютъ миръ, который мы заключимъ. Это противорѣчіе. Они хотятъ, чтобъ мы посылали свои войска и корабли въ Америку, хотя прямо и не обозначаютъ (quoiqu'ils ne l'articulent pas); но они освобождаютъ насъ отъ Португаліи и Испаніи. Средиземное море европейское или нѣтъ? Также Архипелагъ? Первое находится между Африкою и Европою, другое между Азіею и Европою. Они оставляютъ Испанію и Португалію для себя; это удобно и близко; но заставляютъ насъ защищать англійскія колоніи. Кромѣ того, съ кѣмъ бы они ни вели войну, требуютъ отъ насъ полмилліона; но когда мы будемъ въ войнѣ съ единственнымъ государствомъ, могущимъ быть для насъ страшнымъ, — съ Турками, они намъ не дадутъ ничего. Потомъ, я должна давать 14 кораблей, а они будутъ давать только 12. Думаю, что мы должны избѣгать случая быть вовлеченными въ какія бы то ни было войны, которыя насъ не касаются, ибо непріятно тащиться хвостомъ за кѣмъ бы то ни было, какъ мы уже имѣли печальный опытъ относительно Вѣнскаго Двора".

И лордъ Каткартъ, не успѣвшій заключить союзнаго договора, былъ отозванъ, тѣмъ болѣе-что графъ Иванъ Чернышевъ, отозванный гораздо прежде, былъ замѣненъ Мусинымъ-Пушкинымъ, далеко не соотвѣтствующимъ Каткарту по своему положенію.

Если Англія ни подъ какимъ видомъ не соглашалась включить въ союзномъ договорѣ Турцію въ случай союза, то легко понять, что она должна была отказаться отъ предложенія, сдѣланнаго графомъ Алексѣемъ Орловымъ англійскому консулу въ Ливорнѣ — Дику: предложеніе состояло въ томъ, что императрица согласна уступить Англіи какой угодно островъ въ Архипелагѣ [2].

---

[1]) Дѣла Датскія 1771 года. — Raumer — Beiträge, III, 157.

[2]) Дѣла Англійскія 1771 года—Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, годъ 1771.

Глава IV.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1772 годъ.

Тревога по поводу неблагопріятныхъ извѣстій изъ Вѣны.—Мѣры на случай новой войны.—Борьба мнѣній въ Вѣнѣ относительно пріобрѣтеній.—Австрія рѣшается содѣйствовать начатію мирныхъ переговоровъ между Россіею и Турціею.—Назначеніе русскихъ уполномоченныхъ на Фокшанскій конгрессъ.—Гр. Григорій Орловъ и Обрѣзковъ.—Инструкція имъ.—Отзывъ Екатерины объ Орловѣ.—Донесеніе Обрѣзкова о ходѣ конгресса.—Разрывъ Фокшанскаго конгресса.—Новый конгрессъ въ Бухарестѣ.—Несправедливыя обвиненія Орлову.—Состояніе первой арміи.—Затрудненія въ Крыму.—Отъѣздъ Шагинъ-Гирея изъ Петербурга.—Мнѣніе Фридриха II о крымскихъ отношеніяхъ.—Австрія изъявляетъ желаніе пріобрѣсти турецкія области.—Россія соглашается на это.—Австрія перемѣняетъ намѣреніе, желая пріобрѣсть и Польскія и Турецкія земли.—Кауницъ отвергаетъ тройной союзъ между Россіею, Австріею и Пруссіею.—Австрія требуетъ себѣ слишкомъ большой доли изъ Польскихъ владѣній.—Движеніе Фридриха II-го по этому поводу.—Улаженіе дѣла насчетъ австрійской доли.—Положеніе дѣлъ въ Польшѣ.—Послѣднее объясненіе Сальдерна съ польскими вельможами.—Отзывы Сальдерна о Бибиковѣ.—Перемѣна въ отношеніяхъ между Сальдерномъ и Панинымъ.—Преемникъ Сальдерна въ Варшавѣ, баронъ Штакельбергъ.—Инструкція ему.—Объявленіе о раздѣлѣ.—Объясненія Штакельберга съ королемъ.—Отношенія Россіи къ Франціи.—Шуазель и Эгильонъ.—Объясненія русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Хотинскаго съ послѣднимъ.—Шведскій переворотъ.—Мѣры Россіи по этому поводу.—Отношенія Прусскаго короля къ шведской революціи.—Объясненіе Панина съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Дюраномъ.—Датская революція и отношенія къ ней Русскаго Двора.—Сношенія съ Англіею.—Общій взглядъ на событія описаннаго года.

Надежды на миръ, съ какими встрѣчали 1772 г., казалось, должны были исчезнуть въ самомъ началѣ года. 21 января гр. Панинъ сообщилъ Совѣту извѣстія изъ Берлина, что Кауницъ выражаетъ сомнѣнія насчетъ принятія Портою послѣднихъ русскихъ условій; Фридрихъ II-й давалъ знать такъ же, что въ подлинности извѣстнаго союзнаго договора между Австріею и Турціею не можетъ быть никакого сомнѣнія. Совѣтъ постановилъ, до окончательнаго уясненія этого дѣла, скрывать о томъ, что договоръ извѣстенъ въ Россіи. Черезъ день, 23 числа, графъ Орловъ объявилъ Совѣту желаніе императрицы, чтобъ окончательно было рѣшено: полезна ли будетъ для достиженія мира экспедиція на Константинополь въ этомъ году; удобоисполнима ли эта экспедиція и кому надобно поручить распоряженіе ею, графу ли Румянцеву, или кому-нибудь изъ находящихся въ Петербургѣ лицъ. (Члены Совѣта должны были догадаться, что это назначеніе желалъ получить самъ Орловъ.) Екатерина требовала, чтобъ Совѣтъ назначилъ для разсужденія объ этомъ особый день въ ея присутствіи. Медлить не захотѣли и назначили собраться назавтра, 24 января. Тутъ графъ Захаръ Чернышевъ прочелъ свое мнѣніе, что предпринять посылку войска къ Константинополю нельзя раньше іюня мѣсяца; хотя отъ Дуная до Константинополя только 350 верстъ, однако походъ не кончится раньше трехъ мѣсяцевъ, потому что надобно будетъ везти съ собою пропитаніе и все нужное; переправа черезъ Балканы, по мнѣнію Чернышева, не представляла непреодолимой трудности и, по неустройству турецкаго войска, можно было надѣяться, что при каждой встрѣчѣ оно будетъ терпѣть пораженіе. По выслушаніи этого мнѣнія, императрица поставила предъ Совѣтомъ прежніе два вопроса: посылка войска къ Константинополю можетъ ли содѣйствовать заключенію мира и удобоисполнимо ли это предпріятіе. Члены Совѣта отвѣчали утвердительно, прибавивъ однако, что успѣхъ будетъ зависѣть и отъ обстоятельствъ, которыхъ заранѣе предвидѣть нельзя. Графъ Орловъ высказалъ мнѣніе, что, для большей безопасности и облегченія назначаемаго въ Константинопольскій походъ войска, лучше отправить его на Варну и часть полковъ посадить на суда на Дунаѣ; для этого къ находящимся тамъ транспортнымъ судамъ надобно построить еще какъ можно больше и употребить часть азовской флотиліи; что приготовляющіеся на Дону два фрегата могутъ служить для прикрытія транспорта и для очищенія Чернаго моря отъ непріятельскихъ судовъ, и, кромѣ того, надобно сдѣлать на показъ сильныя морскія вооруженія. Совѣтъ рѣшилъ и третій вопросъ о распоряженіи экспедиціею такимъ образомъ, что императрица можетъ назначить для нея командира, но главное распоряженіе должно быть поручено генералъ-фельдмаршалу. Послѣ рѣшенія этихъ вопросовъ, Екатерина высказала желаніе, чтобъ Австрійцы скорѣе открыли свои планы, соотвѣтственно которымъ можно было бы принять свои мѣры. На это графъ Панинъ объявилъ, что, въ случаѣ вступленія Австрійцевъ въ Валахію, надобно поскорѣе разорить эту страну и тѣмъ пресѣчь движеніе австрійскаго войска; такъ какъ съ Турками твердаго мира никогда имѣть нельзя, то, въ случаѣ вступленія Австрійцевъ въ Польшу, можно самимъ устроить этотъ миръ, разоривъ Молдавію и Валахію и забравши всѣхъ ихъ жителей; этимъ средствомъ Россія можетъ остаться спокойною отъ Турокъ столько же времени, сколько и самый миръ съ ними можетъ продлиться. Крымская область можетъ быть обезпечена отъ нихъ одною азовскою флотиліею; такимъ образомъ, без-

опасная отъ Турокъ, Россія можетъ употребить все войско для вытѣсненія Австрійцевъ изъ Польши и возстановленія тамъ тишины; но все это должно сдѣлать въ крайности, если Порта не согласится выслать уполномоченныхъ для заключенія мира [1]).

Эта тревога стихла вслѣдствіе благопріятныхъ извѣстій изъ Вѣны, когда и тамъ стихла тревога, возбужденная разногласіемъ между императоромъ Іосифомъ и Кауницемъ.

Канцлеръ поставилъ вопросъ: взять свою долю отъ одной Турціи, или отъ одной Польши, или отъ обѣихъ вмѣстѣ. Кауницъ смотритъ на карту и опять приходитъ къ мысли, что пріобрѣтеніе польскихъ областей, какъ бы ни были онѣ обширны, невыгодно, ибо эти области не будутъ въ естественной связи съ остальными частями монархіи, будутъ отдѣлены отъ нихъ Карпатами; доли Пруссіи и Россіи будутъ въ этомъ самомъ важномъ отношеніи гораздо выгоднѣе. Кауницъ возвращается къ своей любимой мысли: пусть Прусскій король возьметъ что хочетъ у Польши, только долженъ возвратить Австріи Силезію. Но если Фридрихъ II не отдастъ Силезію, то не выгоднѣе ли потребовать отъ него нѣмецкихъ земель, маркграфствъ — Аншпаха и Байрейта? Наконецъ, если Пруссія и на это не согласится, то естественнѣе, выгоднѣе для Австріи искать распространенія своихъ владѣній внизъ по главной рѣкѣ имперіи, по Дунаю, къ Черному морю, взять Валахію и приморскую часть Бессарабіи, остальную же часть послѣдней и Молдавію отдать Польшѣ, въ вознагражденіе за тѣ земли, которыя она уступитъ Россіи и Пруссіи. Такое распоряженіе казалось Кауницу особенно желательнымъ потому, что Турція могла на него согласиться и безъ войны; можно было войти въ виды Россіи и захватить гораздо больше турецкихъ земель; но въ такомъ случаѣ надобно было вмѣстѣ съ Россіею вступить въ войну съ Турціею, чего никакъ не хотѣли въ Вѣнѣ; кромѣ того, надобно было дѣлиться съ Россіею, усиливать могущество послѣдней.

Императоръ Іосифъ, читая мнѣніе Кауница, былъ пораженъ мыслію, что Австрія должна получить земли здѣсь или тамъ только для поддержанія равновѣсія, собственно же не пріобрѣтетъ ничего, а еще рискуетъ пріобрѣсти гораздо менѣе Россіи и Пруссіи, если не по количеству пріобрѣтенной земли, то по значенію ея въ общемъ составѣ имперіи. Іосифъ объявилъ себя противъ канцлерскихъ предложеній, объявилъ себя противъ дѣлежа, а за чистое пріобрѣтеніе, которое можетъ сдѣлать одна Австрія. Для этого, по мнѣнію Іосифа, надобно было стараться о продолженіи войны между Россіею и Турціею: съ одной стороны, было невѣроятно, чтобы военное счастіе обратилось на сторону Турокъ, чтобъ имъ удалось вытѣснить русское войско изъ завоеванныхъ имъ областей; съ другой стороны, нельзя опасаться, чтобъ Россія въ слѣдующую кампанію нанесла Турціи еще болѣе чувствительный вредъ, могла потрясти ее въ основахъ. Австрія ничего не теряетъ отъ продолженія войны, напротивъ, — много выигрываетъ: не только можно извлекать пользу изъ всѣхъ случайностей войны, но одновременное ослабленіе обѣихъ воюющихъ сторонъ дастъ Австріи возможность требовать большія выгоды, чѣмъ какія она могла требовать до сихъ поръ. Наконецъ, король Прусскій будетъ продолжать тратить свои деньги на субсидіи своей союзницѣ; быть можетъ, онъ разссорится съ Россіею, которая будетъ обманута въ ожиданіи отъ него большей помощи, и эта ссора заставитъ его броситься въ объятія Австріи, чтобъ съ ея помощію легче осуществить свои намѣренія. Теперь Австрія не можетъ принять участія въ войнѣ; но въ 1773 году будетъ въ состояніи оказать давленіе на слабѣйшее и болѣе нуждающееся въ мирѣ государство. Порта или вѣрно соблюдетъ свою конвенцію съ Австріею, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ Австрія будетъ богато вознаграждена за военныя издержки; во второмъ—будетъ имѣть свободныя руки дѣйствовать противъ нея и взять у нея такія земли, какія всего больше желаетъ. Поэтому надобно всѣми силами стараться, чтобъ Порта отвергла русскія предложенія и перемиріе. Королю Прусскому надобно объявить, что Австрія твердо рѣшилась дѣйствовать въ Польшѣ точно такъ-же, какъ и онъ. Надобно теперь же занять Краковъ, Сендомиръ и Лембергъ, съ другой стороны Ченстохово; въ то же время объявить, что намѣрены Польскаго короля удержать на тронѣ и покинуть всѣ польскія области, занятыя австрійскими войсками, если Россія и Пруссія сдѣлаютъ то же самое. Такимъ образомъ, если даже нельзя будетъ побудить Турцію къ продолженію войны, то въ рукахъ Австрія будетъ хорошій залогъ относительно пріобрѣтеній въ Польшѣ.

Старый канцлеръ побѣдоносно опровергъ мнѣніе императора: странно было бы ожидать, что Россія при дальнѣйшей войнѣ не получитъ никакихъ значительныхъ выгодъ, и что Австрія отъ этого не потерпитъ большихъ потерь. Россія, Пруссія и Порта сильно желаютъ мира; упорство послѣдней основывалось исключительно на надеждѣ, что вмѣшательство Австріи доставитъ ей выгодныя условія. Если теперь Вѣнскій Дворъ станетъ противодѣйствовать миру, то послѣдній будетъ заключенъ съ полнымъ исключеніемъ Австріи. Австрія своими военными демонстраціями и рѣшительнымъ тономъ достигла того, что Руссія и Пруссія принуждены считаться съ нею и пригласить къ участію въ пріобрѣтаемыхъ ими выгодахъ. Но теперь этими демонстраціями нельзя уже болѣе ничего достигнуть, когда Порта еще болѣе стѣснена, а Россія и Пруссія во всемъ согласны. Военныя приготовленія, кромѣ безполезной траты большихъ денегъ, поведутъ только тому, что Турція и Пруссія выиграютъ насчетъ Австріи: Туркамъ Россія предложитъ выгоднѣйшія условія, лишь бы воспрепятствовать австрійскимъ намѣреніямъ, и въ то же время она

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта подъ означен. числами.

будетъ принуждена еще болѣе сблизиться съ Прусскимъ королемъ и уступить ему также выгоднѣйшія условія. Къ этому клонится все отлично обдуманное поведеніе Фридриха II-го, и Австрія привела бы его въ восторгъ, если-бъ безъ соглашенія съ тою или другою стороною стала продолжать демонстраціи вовсе уже не своевременныя. Препятствуя заключенію мира, Австрія навлечетъ на себя ненависть остальныхъ державъ и будетъ простою зрительницею въ то время, какъ Россія и Пруссія извлекутъ изъ своего соглашенія всевозможныя выгоды: содѣйствуя же заключенію перемирія, можно надѣяться на участіе въ конгрессѣ и дать мирнымъ переговорамъ благопріятный для Австріи оборотъ [1]).

Іосифъ призналъ себя побѣжденнымъ *математическими* доказательствами канцлера: „Остается вопросъ“, писалъ онъ матери, „какое изъ многихъ предложеній кн. Кауница надобно выбрать. Въ военномъ, политическомъ и камеральномъ отношеніяхъ выгоднѣе всего для насъ Силезскія земли, а Байрейтъ и Аншпахъ вовсе невыгодны. Но если возвращеніе силезскихъ областей невозможно, въ чемъ я, къ несчастію, не сомнѣваюсь, то самымъ выгоднымъ пріобрѣтеніемъ былъ бы Бѣлградъ съ частію Босніи до Дринскаго залива: удаленная отъ непріятеля, эта область прикрывала бы карлстадтскую и внутреннія австрійскія области отъ всевозможныхъ турецкихъ нападеній“ [2]).

Марія-Терезія была рада, что Іосифъ и Кауницъ сошлись на мысли о необходимости содѣйствовать начатію мирныхъ переговоровъ между Россіею и Турціею; но императрица-королева видѣла, что дѣло этимъ однимъ не кончится, и потому не отказала себѣ въ удовольствіи отвести душу сильнымъ протестомъ противъ всего того, что было сдѣлано вопреки ея желанію: „Теперь уже нельзя“, писала она сыну, „возвратиться назадъ послѣ ложныхъ шаговъ, сдѣланныхъ съ ноября 1770 года, когда было рѣшено движеніе войскъ изъ Италіи и Нидерландовъ, и послѣ несчастной конвенціи съ Турками. Слишкомъ грозный тонъ съ Россіею, наше таинственное поведеніе съ союзниками и противниками,—все это произошло оттого, что поставили правиломъ воспользоваться войною между Россіею и Портою для распространенія нашихъ границъ, для пріобрѣтенія выгодъ, о которыхъ мы не думали передъ войною. Хотѣли дѣйствовать по-прусски и въ то же время удерживать видъ честности. Можетъ быть, я обманываюсь, и эти событія болѣе благопріятны, чѣмъ я думаю; но хотя бы они намъ доставили Валахію и самый Бѣлградъ,—помоему, всѣ эти пріобрѣтенія будутъ дорого куплены насчетъ чести, славы монархіи, доброй вѣры и религіи нашей. Съ начала нашего несчастнаго царствованія мы старались, по крайней мѣрѣ, держаться во всемъ справедливости, соблюдать въ своихъ обязательствахъ умѣренность и вѣрность. Это доставило намъ довѣріе, смѣю сказать, удивленіе Европы, уваженіе враговъ; но въ одинъ годъ все это потеряно. Ни о чемъ на свѣтѣ я такъ не жалѣю, какъ о потерѣ нашей репутаціи. Мы это заслужили, и я желаю, чтобъ дѣло было поправлено покинутіемъ принципа пользоваться этими смутами; надобно думать, какъ бы выйти поскорѣй изъ этого несчастнаго положенія, не думая о пріобрѣтеніяхъ, но о возстановленіи нашего кредита и доброй вѣры и, по возможности, о сохраненіи политическаго равновѣсія“ [3]).

Тугуту отправлено было въ Константинополь приказаніе содѣйствовать начатію мирныхъ переговоровъ. Онъ долженъ былъ прямо объявить турецкому министерству, что дурное веденіе войны Турками есть главная причина тому, почему Австрія требуетъ теперь открытія мирныхъ переговоровъ. Кромѣ того, теперь стало извѣстно, что король Прусскій обязался въ Петербургѣ напасть на Австрію, если она поднимется противъ Россіи. Правда, Австрія заключила съ Портою конвенцію: но она обязалась только или путемъ мирныхъ переговоровъ, или силою оружія доставить султану приличный миръ, и старалась вѣрно исполнить это обязательство: съ большими издержками войска были двинуты изъ Италіи и Нидерландовъ, полки поставлены на военную ногу; съ Пруссіею и Россіею говорили грознымъ языкомъ и достигли того, что Россія отказалась отъ Дунайскихъ княжествъ. Невозможно было вести дѣло далѣе, не подвергая Австрійскаго Дома величайшей опасности. Всѣ средства были употреблены для убѣжденія Прусскаго короля, что чрезмѣрное усиленіе Россіи опасно такъ-же и для него. Если-бъ было можно уговорить его оставаться спокойнымъ зрителемъ, то Австрія не усумнилась бы поднять оружіе противъ Россіи для доставленія Портѣ честнаго мира; но никогда въ Вѣнѣ и не помышляли о томъ, чтобъ изъ-за Турціи ринуться въ войну не только съ Россіею, но и съ Пруссіею. Если бы при настоящихъ обстоятельствахъ Австрія объявила войну Россіи, то это не послужило бы къ выгодѣ и облегченію Порты.— Только въ концѣ мая Порта дала Тугуту отвѣтъ на эти сообщенія: султанъ услыхалъ о нихъ съ тяжкою грустью, ибо до сихъ поръ помощь Австріи была основаніемъ всѣхъ его надеждъ. Но онъ не желаетъ требовать невозможнаго отъ Вѣнскаго Двора, и потому добровольно отказывается отъ всѣхъ выгодъ, обѣщанныхъ ему конвенціею. Если, благодаря содѣйствію Австріи на конгрессѣ, получится миръ, по которому Дунайскія княжества и Татары возвратятся подъ власть султана и Порта получитъ выговоренное пятою статьею тайной конвенціи, то султанъ будетъ считать себя обязаннымъ выполнить всѣ условія конвенціи; если же Россія не склонится къ такому миру, то конвенція рушится сама собою, только султанъ не будетъ

[1]) Arneth — Mar.-Ther. letzte Regierungszeit, II, 338—350.

[2]) Maria-Ther. und Joseph II; I, 361.

[3]) Maria-Ther. und Joseph II; I, 362.

требовать назадъ заплаченныхъ уже Австріи трехъ милліоновъ піастровъ.

1 февраля графъ Панинъ сообщилъ Совѣту пріятныя новости изъ Вѣны: Австрійскій Дворъ съ удовольствіемъ узналъ о согласіи Русской императрицы на возвращеніе Портѣ Молдавіи и Валахіи, и велѣлъ своему министру въ Константинополѣ, сообща съ прусскимъ министромъ, склонять Порту къ скорѣйшему отправленію уполномоченныхъ на конгрессъ и заключенію перемирія. Графъ Орловъ замѣтилъ, что при такой перемѣнѣ въ Вѣнѣ можно было бы настоять на независимости Молдавіи и Валахіи. Панинъ возразилъ, что, согласившись на отдачу этихъ княжествъ, неприлично уже возобновлять прежнее требованіе ихъ независимости; но подъ гарантіею Вѣнскаго и Берлинскаго Дворовъ можно возстановить ихъ права, нарушенныя Турками. Только 12 марта графъ Панинъ могъ сообщить Совѣту полученныя изъ Вѣны извѣстія, что Порта согласна на заключеніе перемирія и высылку уполномоченныхъ на конгрессъ, который долженъ быть въ Бухарестѣ. Тутъ императрица прочла слѣдующее свое „соизволеніе": „Я желаю, чтобъ дѣйствія будущей кампаніи были взяты въ уваженіе, ибо хотя теперь надежда къ миру болѣе прежняго есть, но послѣднія цареградскія извѣстія гласятъ, что Турки сильно къ четвертой кампаніи готовятся [1], что и весьма вѣроятно есть, и для того надлежитъ и намъ, не пропуская уже болѣе время, теперь тѣмъ наипаче въ зрѣлое уваженіе брать, что̀ надлежитъ дѣлать, и что мы три кампаніи дѣлали и войну вели съ немалымъ успѣхомъ, слѣдовательно же сутенировать и въ сей, чаятельно, послѣдней, имя россійскаго оружія, и для того прошу, чтобъ кампанія сія соображаема была съ пользою и славою имперіи; весна же близко, а во многихъ мѣстахъ уже началась". Графъ Панинъ замѣтилъ, что надобно подождать отвѣтовъ изъ Вѣны и Константинополя, чтобъ можно было принять полезнѣйшее рѣшеніе, узнавъ прямыя намѣренія Вѣнскаго Двора. Императрица отвѣчала, что если-бъ у Австрійцевъ произошелъ разрывъ съ Турками, то она не желаетъ, чтобъ Австрійцы дѣйствовали вмѣстѣ съ нами,—пусть каждый ведетъ войну особливо. Чернышевъ замѣтилъ, что армія къ будущей кампаніи будетъ снабжена всѣмъ нужнымъ и теперь расположена такимъ образомъ, что можетъ исполнить все, что бы ей ни предписали. Но императрица спросила: „Почитаетъ ли Совѣтъ полезнымъ построеніе нынѣ судовъ на Дунаѣ и посылку за ту рѣку корпуса, если миръ скоро заключенъ не будетъ"? Совѣтъ призналъ это весьма нужнымъ, а гр. Орловъ прибавилъ, что эту посылку корпуса считаетъ единымъ и послѣднимъ средствомъ къ полученію скораго и прочнаго мира.

А между тѣмъ Румянцевъ писалъ Панину (22 марта): „Ваше сіятельство знаете, сколь великое число требуется рекрутъ, ибо нѣкоторые полки должно снабдить по тысячѣ оными, а въ половину того почти всякій полкъ требуетъ. Но сіи люди, коими пополнить должно знатную въ войскѣ убыль, еще далеко и по сію пору отъ своихъ мѣстъ: представьте, когда же есть время дѣлать ихъ солдатами? Частицы нѣкоторыя рекрутъ, въ дальніе полки назначенныя, до здѣшняго мѣста дошедши, уже, видится, въ крайнѣйшемъ истощеніи своихъ силъ. Не инако и отъ прошедшаго набора осталось таковыхъ, что окрѣпчали къ службѣ. Кавалерія при всемъ рачительномъ отъ своихъ полковниковъ стараніи и способахъ, пользующихъ внутреннюю экономію, не можетъ наградить посюдова закупками въ ближайшихъ и дальнихъ мѣстахъ лошадей великаго недостатка въ оныхъ. Я, вмѣсто усиливанія своей части прибавочными войсками, какъ нынѣшній годъ учинить обѣщано, вижу, напротивъ того, что оная прямыми силами не сравнится и противъ прошлогодняго".

Въ концѣ марта получено было извѣстіе, что Порта уже назначила уполномоченныхъ на конгрессъ. Съ русской стороны не хотѣли, чтобъ конгрессъ собрался въ Бухарестѣ, ибо здѣсь, какъ въ главномъ городѣ Валахіи, было бы много интригъ, и указывали на Измаилъ; но Турки не согласились на Измаилъ, выставляя сырость тамошняго воздуха и множество комаровъ, въ самомъ дѣлѣ—потому, что тамошнія мечети заняты были подъ русскія церкви и магазины. Наконецъ, согласились собраться въ Фокшанахъ и начать засѣданіе въ іюнѣ мѣсяцѣ. Уполномоченными на конгрессъ съ русской стороны были назначены— графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ и освобожденный изъ турецкаго заточенія, бывшій посланникъ въ Константинополѣ, Обрѣзковъ [2]).

Въ данной имъ инструкціи говорилось: „Объявленіе наше, что мы оставляемъ всякія требованія относительно княжествъ Молдавскаго и Валашскаго, уничтожа сомнѣнія и колебанія Вѣнскаго Двора, доставило намъ полное его согласіе на положенныя нами основанія мирныхъ переговоровъ и на всѣ другія наши требованія, доставило намъ въ то же время и добрыя услуги Австріи при Портѣ къ склоненію ея на конгрессъ; это будетъ намъ полезно и въ будущихъ переговорахъ, ибо Турки испугаются, увидя, что Австрійцы, въ разсужденіи Польши и раздѣла нѣкоторыхъ ея провинцій, составили общее дѣло съ нами и союзникомъ нашимъ королемъ Прусскимъ. Основанія переговоровъ состоятъ въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ: 1) въ уменьшеніи способности для Порты нападать впередъ на Россію; 2) въ доставленіи себѣ справедливаго удовлетворенія за убытки, понесенные въ войнѣ, объявленной со стороны Турціи безъ всякой законной причины; 3) въ освобожденіи торговли и мореплаванія. По

[1]) Эти приготовленія дѣлались по совѣту Кауница. Mar.-Ther. letzte Regierungszeit, II, 439, 442, 444—455.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта.

первой статьѣ наши требованія состоятъ въ томъ, чтобъ: 1) были уступлены намъ обѣ Кабарды, Большая и Малая; во 2) оставлена была граница отъ Кабарды чрезъ кубанскія степи до Азовскаго уѣзда, на прежнемъ основаніи; 3) уступленъ былъ намъ городъ Азовъ; 4) чтобъ всѣ татарскія орды, обитающія на Крымскомъ полуостровѣ и внѣ его, признаны были вольными и независимыми; 5) чтобъ уступлены были Грузинскимъ владѣльцамъ всѣ мѣста, взятыя русскимъ оружіемъ; чтобъ какъ Грузинцамъ, такъ и всѣмъ другимъ христіанскимъ народамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ, была дана полная амнистія и впредь оказывалось большее покровительство христіанскимъ церквамъ въ областяхъ Порты. Самое большое затрудненіе со стороны Турокъ должно быть встрѣчено относительно четвертаго требованія, и потому, для склоненія ихъ къ уступкѣ, кромѣ отказа отъ Молдавіи и Валахіи, вы можете еще уступить статью, касающуюся Грузинскихъ владѣльцевъ, согласиться на возстановленіе съ ними границъ, какъ онѣ до войны были, только бы избавлены они были навсегда отъ безчеловѣчной подати христіанскими дѣвицами, взимаемой съ нихъ турецкими пашами; потомъ еще вы можете согласиться на оставленіе Большой и Малой Кабарды въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ должны были находиться по договору 1739 года, выговоривъ только для Россіи свободу строить и заводить въ сосѣдствѣ ихъ всякіе города и селенія на собственныхъ нашихъ земляхъ.

„Подъ второю статьею разумѣли мы требованія денежнаго вознагражденія за военные убытки; но и это требованіе вы можете оставить, вполнѣ или отчасти, для полученія свободы Татарамъ. Третьею статьею мы требуемъ свободной торговли и плаванія по Черному морю, и отъ этого требованія мы отступить не можемъ“. Инструкція была подписана 21 апрѣля, и 25-го Орловъ выѣхалъ изъ Царскаго Села. Въ письмѣ Екатерины къ Бельке отъ 25 іюня находимъ о немъ слѣдующее любопытное мѣсто: „Мои ангелы мира, думаю, находятся теперь лицомъ къ лицу съ этими дрянными турецкими бородачами. Гр. Орловъ, который, безъ преувеличенія, самый красивый человѣкъ своего времени, долженъ казаться дѣйствительно ангеломъ передъ этимъ мужичьемъ; у него свита блестящая и отборная, и мой посолъ не презираетъ великолѣпія и блеска. Я готова однако биться объ закладъ, что онъ наружностью своею уничтожаетъ всѣхъ окружающихъ. Это удивительный человѣкъ: природа была къ нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души. Во всемъ этомъ у него нѣтъ ничего пріобрѣтеннаго, все природное, и, что очень важно, все хорошо; но госпожа натура также его и избаловала, потому что прилежно чѣмъ-нибудь заняться для него труднѣе всего, и до тридцати лѣтъ ничто не могло его къ этому принудить. А между тѣмъ удивительно, сколько онъ знаетъ, и его природная острота простирается такъ далеко, что, слыша о какомъ-нибудь предметѣ въ первый разъ, онъ въ минуту подмѣчаетъ сильную и слабую его сторону, и далеко оставляетъ за собою того, кто сообщилъ ему объ этомъ предметѣ“.

Конгрессъ въ Фокшанахъ начался не ранѣе конца іюля, по причинѣ медленности турецкихъ уполномоченныхъ, Османа-эффенди и Яссина-заде-эффенди, съ которыми пріѣхали изъ Константинополя и министры австрійскій и прусскій. О поведеніи этихъ министровъ Обрѣзковъ писалъ Панину отъ 6-го августа: „Берлинскій поступаетъ во всемъ, какъ кажется, чистосердечно и поддерживаетъ наши настоянія относительно начальнаго пункта, т.-е. независимости татарской; вѣнскій же—напротивъ, оказывается въ этомъ пунктѣ не только холоденъ, но едва ли до сихъ поръ и не поощряетъ Турокъ въ неподатливости. Можетъ-быть, онъ дѣлаетъ это въ ожиданіи разрѣшенія Польскихъ дѣлъ. Но, какъ бы то ни было, переводчикъ его ежедневно, а иногда и самъ онъ бываетъ у турецкихъ министровъ и долго у нихъ сидитъ, намъ ничего не сообщаетъ, а если что и говоритъ, то больше въ покрѣпленіе турецкаго упрямства въ Татарскомъ дѣлѣ. Дѣло это до сихъ поръ нисколько не подвигается впередъ: мы не можемъ его отмѣнить и даже смягчить; а Турки, по обыкновенію, связываютъ его съ магометанскимъ закономъ, утверждая, что одинъ султанъ не можетъ его рѣшать. Нѣтъ той тонкости, по ихъ мнѣнію, а по нашему—подлости и гнусности, которую бы они не употребили въ дѣйствіе; но мы на все это смотримъ съ презрѣніемъ, и держимся намъ предписаннаго“. 19 августа Обрѣзковъ писалъ, что дѣло о татарской независимости встрѣчаетъ непреоборимыя затрудненія, и что турецкіе уполномоченные готовятся къ отъѣзду; они соглашались, чтобъ Крымскіе ханы избирались своимъ народомъ, но требовали, чтобъ новоизбранный ханъ получалъ утвержденіе отъ султана. Такъ какъ русскіе уполномоченные на это не согласились, то конгрессъ рушился 28 августа. Но 7-го сентября Румянцевъ получилъ отъ великаго визиря письмо, въ которомъ тотъ предлагалъ возобновить конгрессъ въ Бухарестѣ и продолжить перемиріе на шесть мѣсяцевъ, выставляя причиною разрыва Фокшанскаго конгресса отъѣздъ графа Орлова. Румянцевъ, принимая въ соображеніе настоящія обстоятельства, и особенно переворотъ въ Швеціи, призналъ согласнымъ съ русскими интересами не выпускать изъ рукъ этого случая для возобновленія переговоровъ, только, вмѣсто шести мѣсяцевъ, изъявилъ готовность продлить перемиріе до 20 октября, чтобъ въ это время успѣть снестись съ Петербургомъ.

Въ Петербургѣ были сильно встревожены разрывомъ Фокшанскаго конгресса: къ сильному желанію мира вообще теперь присоединились еще опасенія Шведской войны вслѣдствіе правительственной перемѣны, произведенной королемъ Густа-

вомъ III. Въ засѣданіи Совѣта 27 августа Панинъ читалъ письмо свое къ Орлову и Обрѣзкову, гдѣ совѣтовалъ имъ не останавливаться долго на одномъ пунктѣ о Татарахъ и приступить къ другимъ. Въ засѣданіи 1 сентября, когда прочтено было донесеніе Орлова и Обрѣзкова отъ 18 августа, что турецкіе уполномоченные приняли намѣреніе уѣхать изъ Фокшанъ, Панинъ предложилъ отправить приказаніе Румянцеву, чтобъ тотъ написалъ великому визирю, изъявилъ сожалѣніе о разрывѣ турецкими уполномоченными конгресса и предложилъ возобновленіе переговоровъ, но чтобы въ то же время постарался нанести непріятелю новый ударъ утвержденіемъ хотя небольшого корпуса войскъ на правомъ берегу Дуная.—„Если бы", предлагалъ Панинъ, „все это не повело къ миру, а началась еще Шведская война, то надобно прибѣгнуть къ прежде предложенной мною крайней мѣрѣ, то-есть, опустошивъ Молдавію и Валахію, забрать оттуда всѣхъ жителей въ русскія границы". Совѣтъ согласился.

Графу Орлову былъ отправленъ рескриптъ, въ которомъ оставлялось ему на волю, если онъ находится еще въ Яссахъ при фельдмаршалѣ, продолжать порученные ему переговоры по ихъ возобновленіи, а между тѣмъ употребить себя въ арміи подъ предводительствомъ Румянцева. Здѣсь, конечно, разумѣлся „новый ударъ" Туркамъ переходомъ черезъ Дунай. Но Орловъ уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ императрица писала, что неуспѣхъ конгресса отнюдь не приписываетъ графу Орлову; но Панину было пріятно повторять турецкое обвиненіе. Такъ, онъ писалъ Обрѣзкову 4-го сентября: „Сердечно сожалѣю, мой любезный другъ, о настоящемъ вашемъ положеніи, видя изъ послѣднихъ депешей вашихъ, что новозародившееся бѣшенство и колобродство перваго товарища вашего испортили все дѣло. Въ сихъ прискорбныхъ и досадныхъ обстоятельствахъ могу я вамъ, по крайней мѣрѣ, принести утѣшеніе, побожась вамъ честью моею и увѣря васъ, какъ истиннаго друга, что ни малѣйшимъ образомъ и ничто въ семъ несчастномъ происшествіи насчетъ вашей особы отнюдь не упало, а напротивъ того,—ея императорское величество внутренне удостовѣрена, что вамъ невозможно было ничего иного сдѣлать въ положеніи вашемъ, какъ то, что вы сдѣлали. Повѣрьте, мой другъ, что вамъ вся справедливость отдастся и ваши прежнія заслуги не помрачаются конечно отъ необузданности товарища вашего. И въ самомъ дѣлѣ: всякому постороннему человѣку нельзя тому не удивиться, какъ первые люди въ обоихъ государствахъ, посланные для толь великаго дѣла, съѣхались за однимъ будто словомъ и, сказавъ его другъ другу, разъѣхались ни-съ-чѣмъ. Но меня сіе ни мало не удивляетъ, зная совершенно тѣ обстоятельства, которыя вамъ извѣстны, и тѣ, которыя вамъ еще неизвѣстны. Сколько же сей разрывъ конгресса, слѣдственно и уничтоженіе надежды общей достигнуть мира терзаетъ сердце мое и оскорбляетъ меня, какъ министра и какъ человѣка, любящаго всею душою свое отечество, то вы сами легко себѣ представить можете и по тому уже одному, когда вообразите себѣ, что мы поставлены теперь въ наикритическое положеніе чрезъ сей разрывъ, возобновляющій войну старую и ускоряющій новую, которая намъ угрожать стала. Вамъ препоручается извлечь отечество изъ такого жестокаго кризиса. Хотя по рескрипту къ вамъ вы можете счесть, что прежній вашъ товарищъ и теперь съ вами дѣйствительно будетъ, однакоже я уповаю, что вы одни останетесь въ дѣлѣ, а онъ сюда прискачетъ. Да пускай бы противъ моего чаянія онъ еще тамъ остался, то и въ такомъ случаѣ, конечно, вамъ не будетъ больше нужды его мечтательныя мысли столько уважать, какъ прежде, ибо его прежній случай совсѣмъ миновался; а поэтому и вы нужды болѣе имѣть не будете сокращаться вашимъ въ дѣлахъ просвѣщеніемъ и искусствомъ въ единыхъ соображеніяхъ и расположеніяхъ его необузданныхъ мнѣній и разсужденій, а можете надежно съ большею твердостью держаться вашихъ собственныхъ и его къ онымъ обращать. Въ противныхъ же случаяхъ и когда, гдѣ въ чемъ его не согласите, извольте откровенно ко мнѣ писать".

Обрѣзкову предписано было не начинать, какъ въ Фокшанахъ, съ самаго труднаго пункта о татарской независимости, но пройти порознь, одно по другомъ, всѣ частныя требованія Россіи, дабы уступкою въ одномъ облегчить одержаніе другого! Предписывалось, въ случаѣ нужды, согласиться на султанскую инвеституру новоизбираемому хану, но за то потребовать уступки Керчи и Еникале. Разумѣется, только страшная вражда къ Орлову заставила Панина обвинять послѣдняго въ разрывѣ Фокшанскаго конгресса, и было слишкомъ наивно думать, что, переставивши порядокъ статей, можно было достигнуть успѣха въ переговорахъ, когда Порта, поддерживаемая Австріею, рѣшилась ни за что не соглашаться на свободу Татаръ. Лучшимъ оправданіемъ Орлову служилъ неуспѣхъ и Бухарестскаго конгресса, гдѣ велъ переговоры одинъ Обрѣзковъ, и непрочность Кучукъ-Кайнарджійскаго мира—все благодаря статьѣ о независимости Татаръ, которую въ Константинополѣ никакъ не могли переварить.

Несмотря на то, что дѣло Обрѣзкова было облегчено согласіемъ на инвеституру, онъ, уѣзжая въ Бухарестъ, писалъ Панину: „Беру смѣлость донести, что по скудоумному моему мнѣнію и извѣстному турецкому неограниченному отвращенію видѣть какія-нибудь крѣпости, на Черномъ морѣ лежащія, въ рукахъ нашего Двора, удержаніе Яникеля и Керчи, кажется, встрѣтитъ непреодолимое затрудненіе, тѣмъ болѣе, ежели Портѣ не дозволится держать свои гарнизоны въ прочихъ крѣпостяхъ, въ Крыму лежащихъ; да и кораблеплаваніе на Черномъ морѣ по тому же турецкому предубѣжденію къ желаемому концу привести не

такъ-то легко, какъ иногда заочно полагается; я сіе различными опытами знаю, да и многіе, коли только не всѣ, интересованы сему препятствовать". По этому случаю Екатерина написала: „Если при мирномъ договорѣ не будетъ одержано — независимость Татаръ, не корабленлаваніе на Черномъ морѣ, не крѣпости въ заливѣ изъ Азовскаго въ Черное море, то завѣрно сказать можно, что со всѣми побѣдами мы надъ Турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что таковой миръ будетъ столь же стыдной, какъ Прутской и Бѣлградской въ разсужденіи обстоятельства". Записка была прочтена въ Совѣтѣ 25 октября.

29 октября начался конгрессъ въ Бухарестѣ, причемъ перемиріе было продолжено до 9-го марта будущаго года. Въ концѣ года дѣло остановилось на условіи о крымскихъ городахъ, которыхъ Россія требовала для себя [1]). Въ Петербургѣ боялись постыднаго мира вродѣ Прутскаго и Бѣлградскаго; боялись и продолженія войны, желали имѣть свободныя руки на югѣ, будучи встревожены шведскими событіями, грозившими Сѣверною войною; а Румянцевъ пѣлъ старую пѣсню о печальномъ состояніи первой арміи, и слѣдовательно о необходимости покончить войну, „которая не страшна и не тягостна подлинно по свойствамъ и силѣ непріятеля, но по неразрывно съ оною совокупленнымъ болѣзнямъ — прямо пагубна. „Неложность сего заключенія", продолжалъ фельдмаршалъ, „испытали мы, когда моровая язва достигла въ самое сердце отчизны нашей. Она въ лежащихъ позади польскихъ мѣстахъ ядъ свой отрыгать и паки начала. Бывшая въ Фокшанахъ команда, заразившись оною, и понынѣ ее претерпѣваетъ, а сіе наибольшее мнѣ смущеніе наноситъ. Другія прилипчивыя болѣзни, и особливо странныхъ родовъ лихорадки, сдѣлались, при истощеніи нашихъ силъ, яко слѣдствія неминуемыя долговременнаго здѣсь пребыванія, такъ общими и всемѣстными, что рѣдко кто изъ генераловъ и полковниковъ не приведенъ въ сущее и крайнѣйшее изнеможеніе, страдая долговременно самыми мучительными припадками. Изъ сего можете судить о числѣ больныхъ офицеровъ и рядовыхъ, и что всѣ предпринимаемые къ выгодѣ и лѣченію способы безсильны отвратить, чтобъ мы не теряли великаго количества людей умирающими. Въ самыхъ врачахъ мы терпимъ толикій недостатокъ, что къ осмотрѣнію и пользованію болящихъ недостаетъ почти силъ ихъ, поелику большая часть ихъ тѣмъ же самымъ немощамъ жизнію своею пожертвовали".

Но, въ то самое время, какъ Румянцевъ жаловался на недостатокъ людей въ первой арміи, вдругъ онъ получаетъ изъ Петербурга приказаніе отправить восемь пѣхотныхъ полковъ ко Пскову, на случай войны со Швеціею. Это предписаніе было тѣмъ оскорбительнѣе для фельдмаршала, что онъ получилъ его не въ высочайшемъ рескриптѣ, какъ обыкновенно прежде бывало. Румянцевъ выразилъ Панину свое удивленіе, что въ то самое время, когда дѣла на Бухарестскомъ конгрессѣ начали приближаться къ нѣкоторому соглашенію, предпринято уменьшить дѣйствующую армію, что должно повести не только къ упорству со стороны Турокъ, но и побудить ихъ разорвать конгрессъ. Румянцевъ высказывалъ Панину свое прискорбіе и смущеніе, что, въ случаѣ крайности, въ Петербургѣ рѣшено подорвать крѣпости и очистить Молдавію и Валахію, — фельдмаршалъ жаловался на это рѣшеніе, не зная, что оно состоялось по представленію Панина, и приписывая его гр. Орлову [2]).

Опредѣленіе крымскихъ отношеній встрѣчало сильныя затрудненія на конгрессѣ; такія же затрудненія оно встрѣчало и въ самомъ Крыму. Окончательное улаженіе дѣлъ съ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ поручено было генералу Щербинину, который для этого долженъ былъ ѣхать въ Бакчисарай. Но передъ выѣздомъ попались ему въ руки копіи съ писемъ Крымцевъ къ Портѣ и къ очаковскому пашѣ. Изъ этихъ писемъ онъ увидалъ, какъ Татары невѣрны Россіи, какъ нельзя ни въ чемъ полагаться на ихъ обѣщанія, какъ они дѣлаютъ все коварно для одного только вида и обмана. Получивъ еще новыя извѣстія о злыхъ умыслахъ Татаръ, Щербининъ счелъ необходимымъ отправиться въ Крымъ не иначе, какъ въ сопровожденіи 1,500 человѣкъ. Когда онъ расположился лагеремъ подъ Бакчисараемъ, то пріѣхали къ нему ханскіе чиновники, которымъ онъ сталъ объяснять намѣренія императрицы относительно утвержденія на-вѣкъ ихъ вольности и благоденствія подъ покровительствомъ ея величества. Крымцы спросили: „Когда заключено съ Турками перемиріе, и мы стали уже вашими союзниками, то для чего вступилъ въ Крымъ съ войскомъ генералъ-маіоръ кн. Прозоровскій?" — „Вступилъ онъ до перемирія", отвѣчалъ Щербининъ;

[1]) Дѣла Турецкія 1772 года.—Сбор. Русск. Истор. Общ. XIII, 258, 271. Гр. Дмитріевъ-Мамоновъ въ замѣчаніяхъ своихъ на книгу Кастера (Русск. Арх. 1877, № 12) разсказываетъ, будто Румянцевъ сказалъ Орлову, что почитаетъ себя въ правѣ продолжать переговоры и запрещаетъ ему воздвигать препятствія, несогласныя съ выгодами и достоинствомъ имперіи. Въ отвѣтъ на это Орловъ будто грозилъ Румянцеву, что онъ велитъ его повѣсить, и хотѣлъ отнять у Румянцева команду, а тотъ объявлялъ, что вышлетъ его изъ Фокшанъ и изъ арміи. Стоило, будто, необыкновенныхъ усилій, чтобъ дѣло не дошло до крайности, и случай вышелъ неслыханный: Османъ-эффенди, непріятельскій уполномоченный, употребилъ свое посредничество, чтобъ возстановить согласіе между Румянцевымъ и Орловымъ.—Но прежде всего замѣтимъ, что Румянцева въ Фокшанахъ во время переговоровъ не было, и потому Османа-эффенди съ его посредничествомъ надобно оставить совершенно въ покоѣ. Мы не отвергли бы извѣстія о столкновеніи Орлова съ Румянцевымъ, если бы оно было показано въ Яссахъ, куда Орловъ уѣхалъ изъ Фокшанъ и гдѣ былъ Румянцевъ. Дѣйствительно, послѣдній желалъ мира и былъ противъ «новаго удара», т.-е. перехода черезъ Дунай, тогда какъ Орловъ былъ постоянно за «ударъ», который могъ бы повести къ заключенію мира на всей волѣ Россіи.

[2]) Чтенія Москов. Истор. Общ., годъ 1865, кн. II.

„нужно было умножить русское войско для вашей собственной безопасности, да и для того: мнѣ извѣстно, что отъ вашего правительства писано къ всѣмъ здѣшнимъ мурзамъ о сборѣ войска и расположеніи его въ тайныхъ мѣстахъ, съ дурнымъ умысломъ“. Крымцы просили указать имъ тѣхъ Татаръ, которые это ему насказали; Щербининъ, не желая имъ этого объявлять, отвѣчалъ, что копіи писемъ получены прямо изъ Константинополя. Потомъ Татары спрашивали, зачѣмъ князь Прозоровскій придвигается все ближе къ Бакчисараю, и просили остановить его; Щербининъ отвѣчалъ, что это дѣлается вслѣдствіе оскудѣнія провіанта и подножнаго корма, но что онъ, Щербининъ, далъ знать Прозоровскому, чтобъ остановился и не притѣснялъ жителей. Спросили, зачѣмъ при самомъ Щербининѣ такая большая свита.—„Для достоинства торжественнаго посольства“,—былъ отвѣтъ. *Новый вопросъ*: Выведены ли будутъ изъ Крыма русскія войска? *Отвѣтъ*: Объяснится послѣ.

Когда дѣло дошло до церемоній аудіенціи у хана, то одинъ изъ чиновниковъ предложилъ Щербинину, чтобъ ханъ не принималъ явно подарковъ императрицы и не стоялъ во время поднесенія высочайшей грамоты. Щербининъ отвѣчалъ, что это несходно будетъ съ тою благодарностью, какою они обязаны своей великой благодѣтельницѣ, и этимъ требованіемъ наводятъ на себя только сомнѣніе. „Видно по всему“, писалъ Щербининъ, „что отнюдь не хотятъ имѣть въ Крыму русскихъ гарнизоновъ и не желаютъ быть подъ покровительствомъ ея величества; ибо когда я между разговорами внушалъ имъ объ опасностяхъ для нихъ съ турецкой стороны и по заключеніи мира, то они отвѣчали, что ничего отъ Турокъ не опасаются, почему и кажется, что когда заключенъ будетъ миръ и русское войско отъ нихъ уйдетъ, то опять впустятъ въ Крымъ Турокъ, къ которымъ, по закону, правамъ и обычаямъ, имѣютъ полную привязанность и преданность, въ чемъ не только здѣшніе всѣ стоятъ упорно, но и бывшіе въ Петербургѣ посланцы, пріемомъ, содержаніемъ и награжденіемъ такъ щедро облагодѣтельствованные, теперь обратились къ противной сторонѣ. Ханъ человѣкъ молодой, робкій, весь въ рукахъ правителей-стариковъ, которые во всемъ указываютъ на свой законъ“. Наступило 28 іюня, день восшествія на престолъ императрицы; въ отрядѣ у Щербинина должна была происходить пальба, и генералъ послалъ предувѣдомить объ этомъ крымское правительство, чтобъ оно объявило всѣмъ жителямъ для ихъ успокоенія. Объявленіе было сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ: „У невѣрныхъ завтра будетъ скверный праздникъ съ пальбою, о чемъ всѣмъ жителямъ объявляется“.

Генералъ кн. Щербатовъ еще отъ 12 мая доносилъ, что повсюду Татары тайкомъ вооружаются, и изъ побережныхъ мѣстъ выходятъ со всѣмъ имѣніемъ въ горы, ни за какую цѣну Русскимъ лошадей не продаютъ. Въ перехваченныхъ письмахъ Татары просили, чтобъ къ нимъ на помощь пришелъ турецкій флотъ,—писали: „Мы денно и нощно проливаемъ слезы, ожидая того вожделѣннаго времени, когда придетъ помощь. Хотя простой нашъ народъ собранъ и вооруженъ, но онъ ни къ чему неспособенъ; простой народъ, если-бъ не боялся насъ, то уже принялъ бы подданство“. Русскому повѣренному въ дѣлахъ, Веселицкому, одинъ пріятель говорилъ: „Здѣсь всѣ разсуждаютъ, что какъ скоро генералъ Щербининъ пріѣдетъ и его домогательствамъ воспротивимся, то вдругъ нашей страны разорить онъ не можетъ, потому что мало войска имѣетъ, а пока большое войско вступитъ, пройдетъ немало времени, и между тѣмъ съ Портою заключенъ будетъ миръ; раскаиваются и въ прежнемъ, что, не вступая въ сраженіе, дошли до такого состоянія“.

Въ спорѣ о церемоніалѣ аудіенціи Щербининъ долженъ былъ уступить, согласился, чтобъ ханъ не принималъ тутъ подарковъ —пера и сабли, въ чемъ Сагибъ-Гирей видѣлъ знаки подчиненности и повиновенія, которыми онъ обязывался императрицѣ; ханъ не согласился и цѣловать высочайшей грамоты. Аудіенція происходила 4 іюля, послѣ чего Щербининъ имѣлъ съ ханомъ разговоръ, и когда коснулся пункта охраненія Россіею татарской вольности, то Сагибъ-Гирей сказалъ: „На что вольнаго человѣка охранять“?—„Вольность безъ охраненія не есть вольность, потому что она всегда подвержена похищенію“, возразилъ Щербининъ. Когда рѣчь зашла объ оставленіи русскихъ гарнизоновъ и флота въ нѣкоторыхъ крымскихъ городахъ, то Щербининъ внушилъ хану, что если Турки поведутъ интригу для его сверженія, то онъ найдетъ убѣжище въ этихъ городахъ; страшалъ, что ханъ безъ русскаго покровительства и трехъ дней не пробудетъ на престолѣ. Но Сагибъ-Гирей не трогался и говорилъ: „Когда въ городахъ будутъ стоять гарнизоны, и произойдетъ между гарнизонами и крымскимъ народомъ несогласіе и ссора, то хотя бы и гарнизонное войско было причиною этой ссоры, а виноватъ все же будетъ оставаться Крымскій народъ, и въ этой ссорѣ кто будетъ посредникомъ, кто разберетъ отъ русскаго ли гарнизона произошла обида или отъ Крымскаго народа. Когда между нами не будетъ посредника, то разореніе наше такъ же явно, какъ что есть день и ночь“. — При переговорахъ о союзномъ трактатѣ между Россіею и Крымомъ татарскіе уполномоченные оказывали во всемъ упорство, говоря: „Вѣдь мы вольные, слѣдовательно можемъ соглашаться и не соглашаться“. Для продленія времени уполномоченные говорили, что требуемыя Россіею крѣпости состоятъ подъ властью хана, и потому они договариваться о нихъ не могутъ,—это дѣло ханское: а ханъ говорилъ, что безъ стариковъ самъ собою ничего сдѣлать не можетъ. Но ханъ съ этими упрямыми стариками былъ въ меньшинствѣ. Кромѣ того-что и между самою крымскою знатью была

русская партія, депутаты отъ Ногаевъ согласились на всѣ русскія требованія, согласились подать императрицѣ прошеніе, чтобъ Россія взяла крѣпости Керчь и Еникале для охраненія татарской вольности. Сагибъ-Гирей подписалъ актъ, въ которомъ клялся, что со всѣмъ Крымскимъ народомъ отторгается на вѣчныя времена отъ Порты Оттоманской и будетъ состоять подъ покровительствомъ всепресвѣтлѣйшей государыни Великой Екатерины и ея наслѣдниковъ.

Въ продолженіи всѣхъ этихъ переговоровъ братъ ханскій, калга Шагинъ-Гирей, жилъ въ Петербургѣ и умѣлъ пріобрѣсти расположеніе императрицы, какъ видно изъ ея писемъ къ Бельке и Вольтеру: „У насъ теперь здѣсь калга-султанъ, братъ независимаго Крымскаго хана; это молодой человѣкъ 25 лѣтъ, чрезвычайно умный и желающій образовать себя.—Этотъ крымскій дофэнъ самый любезный Татаринъ: онъ хорошъ собою, уменъ, образованъ не потатарски; пишетъ стихи; хочетъ все видѣть и все знать; всѣ полюбили его. — Онъ не пропускаетъ ни одного спектакля; по воскресеньямъ послѣ обѣда бываетъ въ (Смольномъ) монастырѣ и смотритъ какъ танцуютъ воспитанницы. Вы скажете, что это пускать волка въ овчарню; не пугайтесь, дѣло дѣлается вотъ какъ: въ большой залѣ находится двойная балюстрада; дѣти танцуютъ внутри, а зрители помѣщаются около балюстрадъ; это единственный случай, когда родные могутъ видѣть нашихъ барышенъ, которыхъ не пускаютъ изъ монастыря". Въ ноябрѣ Шагинъ-Гирей былъ отпущенъ въ Крымъ, куда долженъ былъ ѣхать черезъ Москву. По этому случаю гр. Панинъ писалъ туда къ главнокомандующему, кн. Волконскому, получившему это мѣсто по возвращеніи изъ Варшавы: „Что касается до персональнаго вашего сіятельства съ симъ знатнымъ Татариномъ свиданія,—онъ сколько одаренъ природною остротою и разсудкомъ, только гордъ, надмененъ и высомѣренъ во внутренности, блазнясь древностію своего рода, отъ Чингисъ-хана происходящаго; онъ не хотѣлъ здѣсь никому первый визитъ сдѣлать, надобно было съ нимъ формальное изъясненіе, чтобъ онъ былъ и у меня. Я все сіе изъясняю вашему сіятельству для того, что коль свойственно и прилично со стороны вашей оказать къ нему уваженіе обсылкою и привѣтствіемъ, толь желательно и нужно, соображаясь опять съ ихъ татарскимъ невѣжествомъ и грубостію и основываясь на ихъ къ Туркамъ раболѣпствѣ и трусости, чтобъ онъ сдѣлалъ первую вашему сіятельству визиту, по важности вашего поста, чина и достоинства, а затѣмъ если-бъ вы ему воздали, но меньше однакожъ вслѣдствіе обязанности и взаимства, а больше по вашей персональной вѣжливости и привычкѣ къ обхожденію безъ всякихъ обрядовъ". Но когда, сопровождавшій Шагинъ-Гирея, князь Путятинъ, сталъ говорить калгѣ, чтобъ сдѣлалъ первый визитъ въ Москвѣ кн. Волконскому, то Шагинъ никакъ не согласился; и когда Путятинъ настаивалъ, калга началъ просить, чтобъ его въ Москву не завозили, а провезли по той же дорогѣ, по какой онъ въ Петербургъ пріѣхалъ, ибо слабость его здоровья едва дозволитъ ему и сидя въ каретѣ обозрѣть такой обширный городъ какъ Москва. „Я", говорилъ калга, „человѣкъ степной, воспитанный въ горахъ между скотами, невѣдущій человѣческаго обхожденія, я не въ состояніи буду обходиться съ такими знатными особами". Но его требованіе не заѣзжать въ Москву не было исполнено. Когда Путятинъ, по пріѣздѣ въ этотъ городъ, поѣхалъ къ Волконскому и объявилъ ему, что Шагинъ-Гирей не хочетъ сдѣлать ему перваго визита, то Волконскій рѣшилъ послать къ калгѣ своего адъютанта, который долженъ былъ показать ему все любопытное въ городѣ, начиная съ Оружейной Палаты. Пребываніе Шагинъ-Гирея въ Россіи обошлось недешево императорской казнѣ. Не считая содержанія на каждый день по 100 рублей, получилъ онъ тотчасъ послѣ пріѣзда, сверхъ богатой шубы и прочаго платья и шапки, 5,000 рублей и столовый серебряный сервизъ; потомъ вскорѣ еще 10,000 рублей, а при отпускѣ 20,000 съ саблею, оправленною золотомъ и дорогими каменьями; для свиты своей получилъ 10,000; по случаю бытности его въ Царскомъ Селѣ пожалованъ ему перстень и табакерка немалой цѣны, и наконецъ, когда онъ сталъ говорить, что надѣлалъ долговъ, которыхъ не въ состояніи заплатить, то ему выдали еще 12,000 рублей. Гр. Панинъ, жалуясь кн. Долгорукову, что Шагинъ-Гирей жилъ въ Петербургѣ самымъ расточительнымъ образомъ, не соблюдая никакого порядка въ хозяйствѣ, писалъ: „Хотя онъ здѣсь предъявлялъ всѣ знаки глубочайшей благодарности, но неизлишнее однако будетъ, когда ваше сіятельство, при приличномъ случаѣ, искуснымъ образомъ изволите дать ему выразумѣть, что онъ по персональному уваженію больше награжденъ, нежели Крымцы со всѣмъ своимъ начальствомъ заслуживали, по бывшимъ предъ симъ происшествіямъ. Желательно, чтобъ онъ, по пріѣздѣ своемъ въ ваше мѣсто (въ Полтаву), учинилъ вамъ первую визиту". Шагинъ-Гирей сдѣлалъ эту учтивость въ отношеніи къ покровителю Крыма: Татаринъ понималъ важность значенія главнокомандующаго второю арміею для будущности Крыма [1]).

Итакъ въ Петербургѣ не были довольны „бывшими предъ симъ происшествіями" въ Крыму. Мы видѣли, что Фридрихъ II-й давно уже предсказывалъ эти происшествія; въ началѣ 1772 года онъ повторилъ свои предсказанія, убѣждая фанъ-Свитена не безпокоиться условіемъ о независимости татарской. „Въ этомъ условіи вся трудность", говорилъ Фридрихъ: „ибо съ нимъ Русская импе-

---

[1]) Дѣла Крымскія 1772 года.—*Сборн.* Русск. Истор. Общ. XIII, 190, 201, 227.

ратрица соединяетъ идею славы, отъ которой чрезвычайно трудно будетъ заставить ее отказаться. Торжествуя повсюду, она требуетъ отъ униженнаго непріятеля освобожденія рабствовавшаго ему народа, и, видя въ этомъ только благо человѣчества, она не понимаетъ, чтобъ можно было препятствовать исполненію такого великодушнаго намѣренія. Такъ заставляетъ ее смотрѣть на дѣло ея воспламененное воображеніе. Но станемъ разсуждать хладнокровно—и найдемъ, что эта мнимая независимось есть химера, пустое слово. Предположимъ, что Татары будутъ объявлены независимыми: можетъ ли Россія надѣяться привязать ихъ къ себѣ? Нельзя предположить, чтобъ этотъ народъ чувствовалъ какую-нибудь благодарность къ Россіи за освобожденіе отъ турецкаго ига, потому что ига не существуетъ. Порта возводитъ и низвергаетъ хановъ; но ханъ не имѣетъ другой власти, кромѣ предводительства на войнѣ; доходы его состоятъ въ сотнѣ или въ 150 тысячахъ червонныхъ, которые онъ получаетъ изъ Константинополя. Каждая орда представляетъ отдѣльную маленькую республику, которой мало нужды, кто имъ назначаетъ начальника для войны и кто его содержитъ; я вамъ могу говорить такъ навѣрное по точнымъ и подробнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ моими эмиссарами, которыхъ я тамъ держалъ въ послѣднюю войну: неужели вы дѣйствительно думаете, что эта татарская независимость такъ опасна?"—„Эти сообарженія", отвѣчалъ фанъ - Свитенъ, „такъ очевидны, что не могутъ укрыться ни отъ кого, кто внимательно отнесется къ дѣлу; слѣдовательно не могли они укрыться отъ вниманія и Русскаго Двора; и такъ какъ въ Петербургѣ настаиваютъ на это условіе, то я принужденъ заключить, что тамъ оно вовсе не химера; что тамъ имѣются виды очень опасные; что независимость есть только слово, прикрывающее планъ дѣйствительнаго владычества".—„Но", возразилъ король, „въ случаѣ если Россія захочетъ потомъ подчинить себѣ Татаръ, Порта будетъ всегда имѣть время этому воспротивиться". — „Будетъ поздно, государь", отвѣчалъ фанъ-Свитенъ. „Порта долго не будетъ въ состояніи сопротивляться, и потому необходимо заключить такой миръ, чтобъ равновѣсіе на Востокѣ было возстановлено и поддержано, и чтобъ Оттоманской имперіи не было оставлено невѣрное существованіе". Фридрихъ повторялъ, что необходимо воспользоваться настоящею минутою для начатія мирныхъ переговоровъ, ибо отъ продолженія войны нельзя ожидать ничего хорошаго [1]).

Переговоры съ Турціею были начаты и не кончились въ 1772 году; но кончились переговоры о раздѣлѣ Польши. 1-го февраля, увѣдомляя Совѣтъ о согласіи Вѣнскаго Двора содѣйствовать начатію мирныхъ переговоровъ между Россіею и Турціею, гр. Панинъ сообщилъ также донесеніе кн. Голицына, что хотя Вѣнскій Дворъ, по словамъ Кауница, и не желалъ бы раздѣла Польши, но такъ какъ уже сдѣлано объ этомъ соглашеніе между Россіею и Пруссіею, то и онъ присоединяется къ нимъ, но предпочелъ бы получить свою долю лучше изъ Турецкихъ, чѣмъ изъ Польскихъ земель; Вѣнскій Дворъ хочетъ окончить это дѣло какъ можно скорѣе и утвердить его установленіемъ союза съ Россіею и Пруссіею. По донесенію Голицына, Кауницъ говорилъ ему: „Я думаю отъ проницательности гр. Панина не ускользнуло то обстоятельство, что, принимая систему раздѣла съ цѣлью сохранить равновѣсіе государствъ, можетъ быть не предстоитъ необходимости брать доли отъ одной Польши; что въ случаѣ, если Польша не сможетъ доставить достаточнаго матеріала для ровнаго раздѣла между тремя государствами, найдется средство отобрать еще нѣсколько земли у другого государства, которое должно согласиться на это поневолѣ, въ виду соглашенія между тремя Дворами. Впрочемъ, я предоставляю Русскому Двору поразмыслить еще объ этомъ средствѣ".—„Тутъ можно разумѣть одну только Турцію", замѣтилъ Голицынъ. — „Конечно"! отвѣчалъ Кауницъ. Потомъ австрійскій канцлеръ сталъ внушать, что въ новомъ дѣлѣ надобно поступать съ полною искренностью и сохранять величайшій секретъ насчетъ раздѣла Польши,—особенно, чтобъ не узнали объ этомъ Франція и Англія, которыя могутъ взглянуть на раздѣлъ, какъ на дѣло, противное ихъ интересамъ, и воспрепятствовать ему всѣми средствами [2]).

Въ то же время Кауницъ написалъ фанъ-Свитену въ Берлинъ, чтобъ предложилъ Фридриху II-му прежде всего взять себѣ австрійскую долю въ Польшѣ, въ обмѣнъ на Силезію; если король на это не согласится,—требовать для Австріи, по желанію императора Іосифа, Бѣлграда съ частію Сербіи и Босніи; если и на это не согласится, то требовать Аншпаха и Байрейта; наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ, согласиться и на соотвѣтственную долю въ Польшѣ. Первое предложеніе, какъ слѣдовало ожидать, было отвергнуто Фридрихомъ: „Нѣтъ", сказалъ онъ фанъ-Свитену, „это невозможно; я требую только Польской Пруссіи; берите свои доли, гдѣ найдете для себя лучше, но чтобъ это не было на мой счетъ; императоръ самъ мнѣ обѣщалъ никогда не думать о возвращеніи Силезіи, и кн. Кауницъ формально и торжественно повторилъ то же самое; не могу и не хочу согласиться ни на какой раздѣлъ того, чѣмъ владѣю теперь". Тогда фанъ-Свитенъ началъ говорить о вознагражденіи насчетъ Турціи, и король немедленно согласился. Такъ описываетъ разговоръ фанъ-Свитенъ въ донесеніи своему Двору [3]). Но самъ Фридрихъ въ депешѣ Сольмсу писалъ, что онъ на

[1]) Friedr. II und v.-Swieten, 55.

[2]) Дѣла Австрійскія 1772 года.

[3]) Friedr. II und. v.-Swieten, 66.

первое предложеніе отвѣчалъ фанъ-Свитену: „У меня подагра только въ ногахъ; а такія предложенія можно было бы мнѣ дѣлать, если-бъ подагра была у меня въ головѣ; дѣло идетъ о Польшѣ, а не о моихъ владѣніяхъ". Фанъ-Свитенъ говорилъ: „Карпатскія горы отдѣляютъ Венгрію отъ Польши, и всѣ пріобрѣтенія, какія мы можетъ сдѣлать за горами, намъ невыгодны". На это король отвѣчалъ: „Альпы отдѣляютъ васъ отъ Италіи, однако вы вовсе не равнодушны къ обладанію Миланомъ и Мантуею". Фанъ-Свитенъ продолжалъ: „Намъ было бы гораздо выгоднѣе пріобрѣсти отъ Турокъ Бѣлградъ и Сербію". На это Фридрихъ сказалъ: „Мнѣ очень пріятно слышать, что Австрійцы не подверглись еще обряду обрѣзанія, въ чемъ ихъ обвиняютъ; мнѣ пріятно слышать, что они хотятъ получить свою долю отъ своихъ пріятелей — Турокъ" [1]).

Панинъ 9-го февраля читалъ въ Совѣтѣ письмо свое къ кн. Голицыну, гдѣ послѣднему предписывалось: засвидѣтельствовать Вѣнскому Двору удовольствіе императрицы по поводу его послѣдняго объявленія; сообщить ему планъ соглашенія Петербургскаго Двора съ Берлинскимъ о Польшѣ, и вывѣдать, что́ именно Вѣнскій Дворъ желаетъ получить, увѣряя напередъ, что на пріобрѣтенія его отъ Турціи Россія такъ-же будетъ согласна, какъ и на пріобрѣтенія отъ Польши. Дѣйствительно, въ Петербургѣ были чрезвычайно довольны послѣдними извѣстіями изъ Вѣны; дѣло казалось рѣшеннымъ,—думали, что Австрія, вступая въ соглашеніе съ Россіею и Пруссіею, въ союзъ съ ними, будетъ содѣйствовать заключенію выгоднаго мира съ Турціею, тѣмъ болѣе-что сама заявляетъ теперь желаніе получить добычу изъ областей Порты, а это давно уже предлагалось ей Россіею и было отвергнуто. Воображенію Екатерины уже представлялось скорое и блистательное окончаніе Польско-Турецкой войны, заключеніе тройного союза между Россіею, Австріею и Пруссіею, который обезпечитъ миръ и дастъ возможность поправить финансы и провести важныя внутреннія преобразованія. Конвенція съ Пруссіею о Польшѣ была подписана (6-го февраля) [2]), и Екатерина благодарила Фридриха, приписывая ему перемѣну въ политикѣ Вѣнскаго Двора [3]). Принцъ Генрихъ поздравлялъ брата съ успѣхомъ, поставляя на видъ, что въ случаѣ продолжительности союза между тремя государствами они будутъ предписывать законы Европѣ. Но Фридрихъ былъ проницательнѣе брата: онъ указывалъ на необходимость борьбы между Австріею и Пруссіею за вліяніе въ Петербургѣ [4]).

Но Австрія еще разъ перемѣнила свой планъ. Совѣсть начала мучить Марію-Терезію, которая объявила: „Мы въ союзѣ съ Портою, мы взяли у нея деньги; никогда я не рѣшусь ея обобрать, и потому не можетъ быть рѣчи о Сербіи и Босніи, единственныхъ областяхъ, намъ годныхъ. Остаются Молдавія и Валахія, страны нездоровыя, опустошенныя, открытыя нападеніямъ Турокъ, Татаръ, Русскихъ, безъ крѣпостей: чтобъ удержаться въ нихъ, надобно потратить много милліоновъ и народу". Молдавія и Валахія не годятся для Австріи, — такъ отдать ихъ Польшѣ въ вознагражденіе за богатыя области, которыя у нея возьмутся: этого совѣсть не запрещала Маріи-Терезіи, которая никакъ не соглашалась на раздѣлъ Польши безъ вознагражденія послѣдней!—Но жестокій Кауницъ напалъ на совѣсть Маріи-Терезіи съ другой стороны: „Развѣ позволительно императрицѣ подвергать милліоны собственныхъ подданныхъ всѣмъ ужасамъ войны, которые будутъ слѣдствіемъ нарушеннаго равновѣсія между государствами?" спрашивалъ канцлеръ. Для успокоенія императрицы, онъ отказывался отъ Босніи и Сербіи: дѣйствительно, взять эти области нехорошо, — обидно для Турокъ; онъ, Кауницъ, никогда этого не совѣтовалъ, на это настаивалъ императоръ Іосифъ; онъ, Кауницъ, совѣтовалъ и теперь совѣтуетъ взять земли по нижнему Дунаю вплоть до устья, а Молдавію и остальную Бессарабію отдать Польшѣ; несправедливости тутъ нѣтъ никакой, потому что Турція уже потеряла эти земли. Марія-Терезія соглашалась, но объявила, что не намѣрена брать что-нибудь у Польши. Тутъ вооружился противъ канцлерова плана императоръ Іосифъ и представилъ свой новый планъ: „Какимъ образомъ", спрашивалъ Іосифъ, „можно будетъ защищать границы, которыя растянутся отъ Адріатическаго моря до Чернаго? По какому праву Польша будетъ чего-нибудь требовать отъ Австріи, когда та ничего у нея не возьметъ: неужели Австрія обязана вознаграждать Польшу за несправедливости Россіи и Пруссіи въ отношеніи къ ней? Намъ надобно всю Молдавію и Валахію, а Бессарабію — кому угодно, лишь бы не Русскимъ. Нашею границею долженъ быть Прутъ до Дуная, и, отдавая Бессарабію и остальную Молдавію и Валахію Туркамъ, надобно получить отъ нихъ за это Оршову и Бѣлградъ. Надобно, чтобъ Россія сдѣлала видъ, что хочетъ все удержать за собою, и уступила намъ Молдавію и Валахію, а за Бессарабію Турки отдадутъ намъ означенные два города". Марія-Терезія была въ отчаяніи и объявила, что надобно прекратить такое ужасное положеніе; что она не хочетъ ничего брать ни у Поляковъ, ни у Турокъ. Кауницъ возражалъ, что между Россіею и Пруссіею уже состоялось соглашеніе насчетъ раздѣла Польши, и потому Австріи надобно сдѣлать одно изъ двухъ: или вооруженною рукою воспротивиться раздѣлу, или спокойно смотрѣть, какъ, вслѣдствіе усиленія Пруссіи и Россіи, Австрійскій Домъ подвергнется страшной опасности; такъ какъ нельзя совѣтовать выбрать ни то, ни другое, то остается заявить собственныя требованія. Марія-Терезія согласилась, наконецъ,

[1]) Дѣла Прусскія 1772 года.
[2]) Bibliotheque des Archives diplomatiques Pologne, 97.
[3]) Сборн. Русск. Общ. XX, 315 и слѣд.
[4]) Duncker—Aus der Zeit Friedr. des Gross. 255.

что остается одно это средство. Но любопытно то, что послѣ этого согласія фанъ-Свитену была отправлена депеша, гдѣ Австрійскій Дворъ отвергалъ сдѣланное имъ, посломъ, предложеніе получить вознагражденіе насчетъ Турціи, такъ какъ предложеніе это фанъ-Свитенъ сдѣлалъ отъ себя лично, а не по инструкціямъ правительства; что же касается до пріобрѣтеній въ Польшѣ, то Вѣнскій Дворъ не можетъ опредѣлить своей доли прежде, чѣмъ Россія объявитъ, что она хочетъ взять себѣ. У австрійскихъ историковъ мы не найдемъ объясненія этой перемѣны [1]); но объясненія есть. По донесенію кн. Голицына, 10 февраля (с. с.), онъ былъ приглашенъ къ Кауницу, который встрѣтилъ его съ бумагою въ рукахъ: то была депеша фанъ-Свитена изъ Берлина (отъ 5 февраля н. с.). Кауницъ прочиталъ ее Голицыну и прибавилъ, что уже отправленъ въ Берлинъ курьеръ съ отвѣтомъ, гдѣ выражено фанъ-Свитену неодобреніе за то, что онъ предложилъ вознаградить Австрію насчетъ Турціи. Голицынъ удивился такому противорѣчію, ибо незадолго передъ этимъ ему самому сдѣлано было подобное же предложеніе: онъ попросилъ объясненія у Кауница. „Здѣсь противорѣчіе только видимое", отвѣчалъ тотъ: „нашъ Дворъ серьезно расположенъ сдѣлать нѣкоторыя пріобрѣтенія насчетъ Порты, не оскорбляя ея однако открыто; отъ Россіи, которая по праву завоеванія уже владѣетъ обширными турецкими областями,—отъ Россіи зависитъ удержать часть этихъ земель и промѣнять другую, уступивши ее потом кому-нибудь третьему" [2]).

Оказывается, что молодой императоръ съ старымъ канцлеромъ рѣшили взять свои доли и отъ Польши, и отъ Турціи; съ Пруссіею вести дѣло объ одной Польшѣ, гдѣ доля Австріи должна быть равна долямъ Россіи и Пруссі , а съ Россіею вести дѣло еще о пріобрѣтеніяхъ отъ Турціи; Россія, нуждаясь въ мирѣ съ Турціею, согласится на все, лишь бы получить выгодный миръ, лишь бы Австрія ему не препятствовала, а содѣйствовала; наконецъ, этою сдѣлкою можно будетъ отвлечь Россію отъ Пруссіи и привязать къ себѣ: дружественный тонъ, въ какомъ говорили въ Петербургѣ съ Лобковичемъ; намеки на возстановленіе прежняго союза и довѣрія утвер дали эти надежды. Императоръ Іосифъ писалъ брату Леопольду: „Прусскій король очень ревниво смотритъ на наши непосредственныя связи съ Ро сіею, и, кто знаетъ, Порта своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ не дастъ ли намъ законной причины вмѣшаться въ ея дѣла, и будущимъ годомъ не положимъ ли мы въ карманъ Бѣлградъ и часть Босніи, какъ этимъ годомъ польскія воеводства" [3]).

Но Прусскій король былъ тутъ съ своимъ ревнивымъ и внимательнымъ взглядомъ. Приказывая Сольмсу сообщить Русскому Двору о своемъ разговорѣ съ фанъ-Свитеномъ насчетъ Силезіи и потомъ турецкихъ областей, Фридрихъ писалъ: „Нерасположеніе Вѣнскаго Двора дѣлить съ нами Польшу происходитъ отъ желанія пріобрѣсть любовь Поляковъ, которые всю свою ненависть должны обратить на Русскихъ и на насъ. Что касается пріобрѣтенія Бѣлграда и Сербіи,—я сказалъ фанъ-Свитену, что два года тому назадъ Русскіе предлагали имъ всевозможныя выгоды насчетъ Турокъ, но они отвергли эти предложенія.—Признаюсь, что послѣ такого поведенія Вѣнскаго Двора онъ не очень заслуживаетъ, чтобъ хлопотали въ его пользу, и, по-моему, надобно ограничить ихъ кускомъ Польши, чтобы наказать ихъ за ихъ прошлое поведеніе". Внушеніе подѣйствовало: по выслушаніи этой депеши Прусскаго короля, Совѣтъ, въ засѣданіи 11 февраля, рѣшилъ, что „такъ какъ Австрія, избѣгая получить равную часть въ Польшѣ, хочетъ обратить все негодованіе за раздѣлъ послѣдней на Россію и короля Прусскаго, то нужно стараться привести Вѣнскій Дворъ къ полученію равной части въ Польшѣ". Такимъ образомъ, вызовъ Кауница Голицыну остался безъ отвѣта, что условило извѣстное поведеніе Австріи во время Фокшанскаго и Бухарестскаго конгрессовъ.

Для Австріи было важно сближеніе съ Россіею, если-бъ послѣдняя для этого отказалась отъ союза съ Пруссіею, возстановила бы прежнія отношенія, бывшія до 1762 года; но обстоятельства были еще не такія, чтобъ могли побудить Россію къ этому. Прежнія елисаветинскія отношенія были возможны и необходимы, когда со стороны Пруссіи обнаруживались безпокойныя, завоевательныя, опасныя для всѣхъ сосѣдей стремленія; когда Австрію, доведенную до крайности, нужно было поддержать для противовѣса Пруссіи; когда даже Франція для этой цѣли измѣнила свою вѣковую политику. Но теперь интересы Россіи и Австріи соприкасались въ Турецкомъ вопросѣ; Австрія могла бы привлечь Россію на свою сторону, если-бъ рѣшилась дѣйствовать прямо, объясниться откровенно; но она не хотѣла этого сдѣлать, прежде всего, изъ опасенія Пруссіи, ея вліянія на Россію; объяснялась или рѣзко, враждебно, или загадочно. Такимъ образомъ, теперь, не столько по искусству Прусскаго короля, сколько по винѣ Австріи, перемѣна русской политики, замѣна Прусскаго союза Австрійскимъ были невозможны, а Польское дѣло могло только возбудить мысль о тройномъ союзѣ между Россіею, Пруссіею и Австріею, связанныхъ единствомъ интересовъ по отношенію къ Польшѣ. Въ Петербургѣ должна была очень нравиться мысль объ этомъ тройномъ союзѣ, въ которомъ Россія, при извѣстномъ соперничествѣ между Австріею и Пруссіею, естественно должна была получить высшее, примиряющее значеніе. Но планъ тройного союза оказывался такимъ же неудобоисполнимымъ, какъ и прежній планъ Сѣвернаго союза: соперничество между Австріею и Пруссіею, совершенная раз-

[1]) Beer—Die erste Theilung Polens; II, 164; Arneth—Mar.-Ther. letzte Regierungszeit II, 369.
[2]) Дѣла Австрійскія 1772 года.
[3]) Maria-Theresia und Joseph, II, I, 367.

розненность ихъ интересовъ не могли допустить союза между ними. Это рѣзко обнаружилось при первой попыткѣ.

6 іюня Панинъ написалъ Голицыну въ Вѣну: „Я съ удовольствіамъ примѣчаю, что Вѣнскій и Берлинскій Дворы начинають разумѣть другъ друга гораздо съ меньшею претительностію, нежели до сего было, и вижу изъ всего этого, въ чемъ они предо мною открываются, что сами они не признають уже невозможнымъ тѣснѣйшее соединеніе и тройной союзъ нашъ относительно до сохраненія и утвержденія общія тишины и покоя въ Европѣ. За какое же себѣ благодѣяніе почтетъ Европа, а особливо Германія, сію нашу систему, и можно-ль предполагать разсудительно, чтобъ какая-нибудь держава захотѣла возстать и воспротивиться оной? Да и не каждое ли замѣшательство между посторонними державами зависѣть будетъ отъ большаго или меньшаго наклоненія нашей системы въ ту или другую сторону, такъ-что по справедливости миръ и тишина всей Европы въ нашихъ рукахъ будетъ. По откровенному вашему обращенію съ кн. Кауницемъ, изволите представить ему, безъ формалитета и эффектаціи, все оное въ истинномъ разумѣ, такъ какъ и въ самомъ существѣ есть оно собственнымъ моимъ размышленіемъ. Правда, мнѣ представляются тутъ объекты, требующіе великаго уваженія и встрѣчающіе сильныя затрудненія; но я признаюсь и въ томъ, что не нахожу совсѣмъ неудобовозможнымъ приведеніе оныхъ въ общую связь согласія. Между прочими германскими интересами, особливо разумѣю я предстоящую большую въ оныхъ революцію по разрѣшенію наслѣдства курфиршествъ Пфальцкаго и Баварскаго. Но неужели то, что въ намѣреніи, простирающемся до цѣли или конца какого-либо новаго устройства, предпріемлется дѣйствіемъ оружія, не можетъ никогда средствомъ негоціаціи до того же приводимо быть; а ежели и не всегда такая невозможность настоитъ, то и въ томъ предметѣ не можетъ ли примирено быть противоборствованіе интересовъ Вѣнскаго и Берлинскаго Дворовъ? Но когда еще съ обѣихъ сторонъ взаимное истинное желаніе и добрая вѣра въ томъ дѣйствовать будутъ, то и не представятся ли выгоднѣйшія для Австрійскаго Дома средства къ распоряженію себя съ Берлинскимъ Дворомъ, нежели съ Версальскимъ, ибо невозможно кажется, чтобъ, не согласуясь ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, отваживаться противъ зависти и помѣшательствъ отъ обоихъ. Я, будучи увѣренъ о благородномъ образѣ мыслей и честности сердца кн. Кауница, ни мало не сумнѣваюсь, что онъ почтетъ самъ за верхъ удовольствія и славы своей такое зданіе, въ которомъ я, по склонности моей и по великодушнымъ сентиментамъ нашей государыни, почелъ бы за особливое счастіе быть соучастникомъ, и если кн. Кауницъ заблагоразсудитъ сдѣлать мнѣ объономъ отзывъ для открытія мною къ тому перваго пути, то покорно прошу увѣрить его, что я мнѣніе и предложеніе его о томъ пріиму съ истиннымъ удовольствіемъ и поступлю такъ, что, конечно, кн. Кауницъ не будетъ сожалѣть объ учиненной мнѣ въ томъ довѣренности". Кауницъ отвѣчалъ Голицыну съ полною откровенностію: „По моему мнѣнію", сказалъ онъ, „всѣ договоры о союзѣ и тѣснѣйшей дружбѣ тогда только бываютъ дѣйствительны и полезны, когда договаривающіяся державы совершенно увѣрены взаимно въ добрыхъ и искреннихъ намѣреніяхъ другъ друга. Слѣдуя этому началу, я, съ своей стороны, не желаю никогда удаляться отъ союза съ Россійскимъ Дворомъ, ибо увѣренъ не только въ великой пользѣ отъ этого союза для обоихъ Дворовъ, но и въ праводушіи Россійскаго Двора, на который не отрекусь полагаться во всѣхъ случаяхъ. Но иначе разсуждаю я о Берлинскомъ Дворѣ, котораго скрытная и корыстолюбивая политика мнѣ уже довольно извѣстна, и думаю безошибочно, что этотъ Дворъ, по нынѣшнимъ тѣснымъ связямъ своимъ съ Россійскимъ, всегда будетъ стараться не допускать обоихъ императорскихъ Дворовъ къ ближайшему соединенію. Впрочемъ, мнѣ кажется, что безполезно начинать вдругъ разныя дѣла, и что, по окончаніи нынѣшняго Польскаго дѣла, будетъ больше удобства рѣшить и другія".

Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ, Голицынъ получилъ извѣстіе о разговорѣ императора Іосифа съ однимъ довѣреннымъ лицомъ: „Чѣмъ болѣе я думаю о Польскомъ дѣлѣ, тѣмъ менѣе могу утаить отъ себя, что два императорскіе Двора не обратили должнаго вниманія на свои истинные политическіе интересы, когда рѣшились на раздѣлъ Польши. Самую большую выгоду получитъ отъ этого очевидно король Прусскій: соединеніе двухъ главныхъ частей Прусскаго государства, большія средства распространить торговлю, качество областей, достающихся ему на долю, — все это дастъ ему перевѣсъ. Поэтому я думаю, что оба Двора лучше бы сдѣлали, если-бъ никогда не дотрогивались до Польши, но согласили бы свои взаимные интересы пріобрѣтеніями отъ Турціи". Пересылая это извѣстіе, Голицынъ писалъ: „Императрица-королева оказываетъ рѣшительное отвращеніе отъ Польскаго дѣла и не принимаетъ въ немъ никакого участія". Послѣднее извѣстіе мы имѣемъ право принять какъ вполнѣ справедливое; что же касается до перваго, то очевидно, что оно было внушено Голицыну нарочно, чтобъ поддерживать у Русскаго Двора память о возможности и необходимости новыхъ соглашеній и новыхъ связей по Турецкимъ дѣламъ. Что взглядъ Іосифа не расходился со взглядомъ Кауница, что оба сначала хотѣли сдѣлать хорошія пріобрѣтенія насчетъ Польши, а потомъ обратиться къ Турціи,— ясно видно изъ вышеприведеннаго письма Іосифа къ Леопольду: въ 1772 году взять Польскія воеводства, а въ слѣдующемъ—Бѣлградъ и Боснію. Для послѣдняго нужно было продлить войну Россіи съ Турціею, истомить обѣ державы, заставить Россію обратиться къ Австріи. Когда Голицынъ объявилъ Кауницу о разрывѣ Фокшанскаго кон-

гресса, то не примѣтилъ „въ духѣ его надлежащей чувствительности, а только просто отозвался, что удивляется, какъ русскіе уполномоченные начали переговоры такимъ предложеніемъ, какимъ слѣдовало кончить“ [1]). Кауницъ долженъ былъ такъ говорить, чтобъ показать несостоятельность Русскихъ людей; чтобъ показать, какую ошибку сдѣлалъ Русскій Дворъ, не принявъ помощи, посредничества Австріи, поручивъ веденіе дѣла неопытному Орлову, а не искуснѣйшему дипломату — Тугуту.

Фокшанскій конгрессъ рушился, начался Бухарестскій, Россія испугалась шведской революціи, уступаетъ Туркамъ: — все это очень выгодно для Австріи, все это усиливаетъ надежду, что второе дѣло не уйдетъ, а между тѣмъ надобно покончить какъ можно выгоднѣе первое—Польское.

Послѣ того, какъ Австрія объявила о своемъ желаніи участвовать въ раздѣлѣ Польши и Россія подписала свою конвенцію съ Пруссіею объ этомъ раздѣлѣ, Фридрихъ II-й былъ очень доволенъ, былъ доволенъ Россіею, даже былъ доволенъ Австріею. „Подписаніе нашего соглашенія (писалъ онъ Сольмсу 1 марта н. с.) доставило мнѣ безконечное удовольствіе. Я всегда смотрѣлъ на это соглашеніе какъ на новую связь, которая должна сдѣлать неразрывною дружбу между двумя Дворами, и мнѣ трудно было бы выразить вамъ, какъ я доволенъ завершеніемъ дѣла, столь благодѣтельнаго для обоихъ Дворовъ. Рискъ, которому подвергается Австрійскій Дворъ, если обманетъ насъ, утверждаетъ меня во мнѣніи, что теперь онъ дѣйствуетъ добросовѣстно. Другое дѣло съ Франціею. Въ положеніи, въ какомъ находится это государство въ настоящую минуту, Вѣнскій Дворъ можетъ обманывать его безнаказанно. На что можно положиться—это взаимная гарантія нашихъ пріобрѣтеній въ Польшѣ, торжественно обѣщанная Вѣнскимъ Дворомъ, и дѣло возможное, что современемъ изъ этого произойдетъ союзъ между тремя Дворами, противъ котораго я, конечно, не скажу ни слова; напротивъ, я буду этому очень радъ, ибо ничто не въ состояніи такъ утвердить навсегда спокойствіе Европы. Въ самомъ дѣлѣ, пока столь могущественные три Двора, какъ наши, будутъ въ дружбѣ и союзѣ,—никакой другой Дворъ не посмѣетъ ничего предпринять для его нарушенія. Такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ я не могу достаточно выразить вамъ свою радость, что дѣла приняли самый выгодный и благопріятный оборотъ“.

Отъ 6-го марта онъ писалъ: „Съ удовольствіемъ увидалъ я дружественный тонъ, съ какимъ графъ Панинъ началъ переговоры съ Австріею. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соглашеніе послѣдуетъ скоро. Князь Кауницъ боится, чтобъ Французы или Англичане не помѣшали этому дѣлу, и потому онъ поспѣшитъ окончить его какъ можно скорѣе. Вы меня спрашиваете, какъ изложить наши права на Польшу. Думаю, что краткій и простой манифестъ будетъ самый приличный. Я посылаю вамъ проектъ, который можете показать графу Панину, и онъ можетъ сдѣлать поправки, какъ ему заблагоразсудится. Думаю, что, передавши его Полякамъ, неприлично было бы превратить дѣло въ адвокатскую рѣчь: три Двора должны объявить сообща, что они сами удовлетворили своимъ требованіямъ, чего никогда не сдѣлала бы Польша, въ которой нѣтъ никакого правосудія. Теперь ничто не заставляетъ спѣшить взятіемъ во владѣніе польскихъ областей, и графъ Панинъ не долженъ бояться, что мое нетерпѣніе повредитъ дѣлу. Впрочемъ, я того мнѣнія, что надобно кончить Польскія дѣла прежде открытія конгресса въ Турціи. Что касается Турокъ, то ихъ легко заставить переварить раздѣлъ Польши, внушая, что, благодаря ему, Русскіе возвращаютъ имъ Валахію и Молдавію“ [2]).

Но Фридрихъ недолго находился въ такомъ пріятномъ расположеніи духа. 21 апрѣля н. с. фанъ-Свитенъ объявилъ ему долю, которую назначилъ себѣ Вѣнскій Дворъ изъ Польскихъ владѣній: то была вся Галиція, вся Червонная Русь, по которой Польскіе короли величали себя Русскими государями. — „Чортъ возьми, господа, у васъ, я вижу, отличный аппетитъ“, сказалъ Фридрихъ, взглянувшій на карту: „ваша доля такъ же велика, какъ моя и русская вмѣстѣ: поистинѣ у васъ отличный аппетитъ!“ Фанъ-Свитенъ началъ подробно объяснять, что равенство долей не состоитъ въ величинѣ ихъ по ландкартѣ, но преимущественно въ политическомъ значеніи, а въ этомъ отношеніи прусская и русская доли гораздо важнѣе австрійской; положеніе Польской Пруссіи несравненно по удобству округленія и свободныхъ сообщеній, которыя она дастъ Прусскому государству; Австрія пріобрѣтаетъ только земли, а Пруссія—цѣлое королевство. — „Правда“, сказалъ король, „пріобрѣтеніе Польской Пруссіи мнѣ выгодно; но, съ другой стороны, вѣдь это песокъ; мнѣ кажется, надобно обращать вниманіе на плодородіе страны и количество народонаселенія. Ну, вы опредѣлили свою долю немного больше, немного меньше,—я не стану придираться; но позвольте вамъ сказать, что у васъ отличный аппетитъ“ [3]). Но Фридрихъ еще прежде зналъ объ австрійской долѣ, и 17 апрѣля писалъ Сольмсу: „Доля изъ раздѣла, которую Австрійцы предоставляютъ себѣ, вовсе не меньше Польской Пруссіи вмѣстѣ съ остальными пріобрѣтеніями русскими и прусскими; кромѣ того, она заключаетъ въ себѣ соляныя копи Польскаго короля, которыя однѣ приносятъ дохода милліонъ талеровъ. Такъ особенно постарайтесь обратить вниманіе графа Панина на алчность, обнаруживаемую въ этихъ претензіяхъ, чтобъ онъ не сдѣлался игрушкою ловкости князя Кауница. Я вамъ

[1]) Дѣла Австрійскія 1772 года.

[2]) Дѣла Прусскія 1772 года.

[3]) Friedr. II und van-Swiet. 71.

объяснилъ вредъ, который послѣдуетъ для моихъ собственныхъ соляныхъ промысловъ, если Австрійскій Дворъ получитъ польскіе промыслы. Изъ послѣдняго письма Русской императрицы я вижу, что спѣшатъ окончаніемъ дѣла съ Вѣнскимъ Дворомъ; я вовсе не намѣренъ этому препятствовать; я хотѣлъ бы только уговорить Русскій Дворъ, чтобъ онъ убавилъ что-нибудь изъ австрійскихъ требованій, по крайней мѣрѣ урѣзалъ бы тѣ дистрикты, обладаніе которыми можетъ мнѣ вредить". 22 апрѣля новая депеша: „Всего важнѣе теперь опредѣленіе доли Вѣнскаго Двора въ раздѣлѣ Польши. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій, какъ австрійскія требованія приняты въ Россіи. Если Вѣнскій Дворъ получитъ все, то не будетъ никакого равновѣсія между нашими пріобрѣтеніями, и вѣсы покачнутся на его сторону тѣмъ болѣе, что онъ уже и теперь сильнѣе меня. Чтобъ возстановить равновѣсіе, надобно и наши доли сдѣлать значительнѣе. Но если Россія не слишкомъ поторопится во всемъ этомъ, то я надѣюсь, что еще все можетъ уладиться дружелюбно въ Петербургѣ". Въ Берлинѣ, впрочемъ, скоро успокоились, нашедши средство примирить австрійскія требованія съ прусскими выгодами. Англійскій посланникъ въ Берлинѣ далъ знать своему Двору о письмѣ принца Генриха одному довѣренному лицу; въ этомъ письмѣ говорилось: „Требованія Австріи чрезмѣрны; мы должны торговаться съ Вѣнскимъ Дворомъ, какъ съ купцомъ, и покончить торгъ какъ только можно. Если онъ не спуститъ свои требованія, то мы поднимемъ свои. Боятся разрыва, но этого никогда не будетъ. Участники могутъ найти выгоду только въ соглашеніи".

Въ Петербургѣ 13 апрѣля, въ присутствіи императрицы, въ Совѣтѣ читалось объявленіе Вѣнскаго Двора о Польскихъ земляхъ, которыя онъ опредѣлилъ себѣ. Совѣтъ рѣшилъ, что надобно стараться исключить изъ австрійской доли соляныя копи и городъ Львовъ: первыя—въ уваженіе причинъ, представленныхъ королемъ Прусскимъ, и также чтобъ не лишить Польскаго короля главнаго дохода, который идетъ съ этихъ копей; а Львовъ нельзя отнять у Польши потому, что тамъ составляются и хранятся всѣ акты польскаго шляхетства. — На основаніи этого рѣшенія, было сдѣлано Вѣнскому Двору представленіе о необходимости ограничить его долю. Въ этомъ представленіи было вычислено, что Россія получаетъ 550,600 душъ народонаселенія, Австрія — 816,800, а Пруссія — 378,750.

Сольмсъ увѣдомилъ короля, что Панинъ уже говорилъ съ кн. Лобковичемъ о невозможности согласиться на австрійскія требованія. Фридрихъ, выражая надежду, что внушенія Панина произведутъ надлежащее дѣйствіе, писалъ Сольмсу (17 мая), что надобно желать скораго окончанія дѣла, тѣмъ болѣе что Франція не пренебрегаетъ ничѣмъ, чтобъ поссорить Австрію съ Пруссіею. По извѣстіямъ, полученнымъ въ Берлинѣ, Франція надѣется успѣть въ своемъ намѣреніи, возбуждая Порту къ продолженію войны, и вполнѣ убѣждена, что ея внушенія и убѣжденія получили полное торжество въ Константинополѣ. Французское министерство воображаетъ также подѣйствовать на императора внушеніями, что ему выгоднѣе дѣйствовать слабо въ примиреніи Россіи съ Портою, выгоднѣе для него, чтобъ эти государства взаимно истощали другъ друга, причемъ Австрія будетъ продолжать получать турецкія субсидіи. По мнѣнію французскихъ министровъ, военнаго и морского, Франція должна предложить Портѣ выгнать русскій флотъ изъ Средиземнаго моря: тогда Порта, ободренная этою диверсіею, будетъ продолжать войну и вознаградитъ свои потери; а Вѣнскій Дворъ, возбужденный такимъ отважнымъ дѣйствіемъ со стороны Франціи, возвратится къ союзу съ нею, чтобъ освободиться отъ соглашенія съ Россіею и Пруссіею, къ которому приступилъ поневолѣ. „Планы эти дѣйствительно были предложены", писалъ король; „но такъ какъ у Франціи совершенно недостаетъ главныхъ средствъ — системы, твердости денегъ, то навѣрное отъ нихъ откажутся. Графъ Вельгурскій (польскій уполномоченный во Франціи), получивши извѣстіе о вступленіи австрійскихъ и новыхъ русскихъ войскъ въ Польшу, тотчасъ поѣхалъ въ Версаль для сообщенія этихъ извѣстій герцогу Эгильону. Послѣдній выслушалъ его съ неудовольствіемъ и нетерпѣніемъ, какъ человѣкъ, знающій гораздо болѣе. Когда Вельгурскій спросилъ, — что же Франція, неужели покинетъ Польшу въ бѣдѣ и дастъ ее въ раздѣлъ сосѣдямъ, то герцогъ отвѣчалъ ему: „Какъ пособить дѣлу? - ваша слабость чрезвычайная и наши усилія будутъ безполезны. Это событіе есть вслѣдствіе вашего разъединенія и гадкихъ интригъ моего предшественника". Фридрихъ писалъ далѣе: „Гнѣвъ Польскаго короля и его фамиліи преимущественно направленъ противъ меня; они бы желали, чтобъ Россія и Австрія взяли втрое больше, чѣмъ я. Они надѣются, что Порта не помирится, узнавши о проектѣ раздѣла Польши; надѣются также поднять раздоръ между нами; надѣются, наконецъ, что отдаленныя державы поднимутся противъ нашихъ пріобрѣтеній" [1]).

Дѣло затянулось, что сильно раздражало Фридриха: „Посылаю къ тебѣ письмо Русской императрицы", писалъ онъ брату Генриху; „изъ него я вижу, что она уже не такъ довольна Австрійцами, какъ прежде; князь Кауницъ влагаетъ въ эти переговоры весь духъ шиканства, какой только они допускаютъ. Это меня бѣситъ, ибо замедляетъ вступленіе въ обладаніе нашею долею и причиняетъ всякого рода непріятности, какъ относительно Поляковъ, такъ и другихъ иностранныхъ державъ, которымъ, при такомъ нерѣшительномъ положеніи, не знаешь что отвѣчать. Я видѣлъ большую часть куска, который выпадаетъ на нашу долю; мы всего больше выигрываемъ относительно

[1]) Дѣла Прусскія 1772 года. — Raumer — Beiträge. IV, 493.

торговли; мы становимся хозяевами всѣхъ произведеній и всего ввоза Польши; а самая главная наша выгода состоитъ въ томъ, что, становясь господами хлѣбной торговли, мы не будемъ никогда терпѣть голода" [1]).

Молодой подражатель стараго Фридриха, императоръ Іосифъ также сгоралъ нетерпѣніемъ и сильно жаловался брату Леопольду на медленность, съ какою велось дѣло въ Вѣнѣ. Онъ писалъ, что никакъ нельзя уступать требованіямъ Россіи: что Австріи необходимо имѣть часть Краковскаго воеводства для сообщенія съ Силезіею и Моравіею; необходимо имѣть соляныя копи, ибо это почти единственная доходная статья во всей Галиціи; необходимо имѣть Львовъ, ибо это единственное мѣсто, способное быть правительственнымъ центромъ. Отъ 17 іюня Іосифъ увѣдомлялъ брата, что генералъ Дальтонъ уже занялъ соляныя копи и привелъ къ присягѣ чиновниковъ. 9-го іюля Іосифъ писалъ брату, что дѣла въ Польшѣ идутъ порядочно, австрійскія войска выхватили изъ-подъ носа (soufflé) у Русскихъ Тынецъ [2]). Крѣпкій монастырь Тынецъ, въ которомъ засѣли конфедераты, былъ обложенъ Суворовымъ, когда къ нему приблизились Австрійцы, подъ начальствомъ генерала Дальтона. Послѣдній началъ безпрестанно присылать къ Суворову съ предложеніями передать Тынецъ Австрійцамъ, которымъ конфедераты охотно отдаются, и напрасно употреблять тутъ силу и губить людей, гдѣ безъ того обойтись можно. Суворовъ постоянно отвѣчалъ, что конфедераты должны положиться на милость императрицы и сдаться; что онъ никакихъ условій съ ними постановлять не будетъ, и сверхъ того не можетъ оставить осады Тынца безъ приказанія главнаго начальника, Бибикова. Тогда Дальтонъ еще ближе придвинулъ свой лагерь къ войскамъ Суворова, и многіе австрійскіе офицеры безъ спросу начали перебѣгать въ Тынецъ къ осажденнымъ. Суворовъ послалъ сказать Дальтону, что если кто изъ Австрійцевъ осмѣлится пробираться въ Тынецъ, то съ нимъ будетъ поступлено какъ съ непріятелемъ. Дальтонъ послѣ этого отодвинулся отъ монастыря и далъ Суворову обѣщаніе никого болѣе изъ своихъ не пускать въ Тынецъ. Но 23-го іюня ночью, по его приказанію, 20 человѣкъ пѣхоты и 10 пѣшихъ гусаръ поодиночкѣ пробрались сквозь русскіе посты въ Тынецъ, но другая команда была окликнута русскими часовыми, спряталась въ рожь и взята русскимъ пикетомъ. На другой же день Дальтонъ прислалъ объявить Суворову, что въ Тынцѣ уже болѣе не конфедераты, но австрійское войско, и потому онъ, Суворовъ, не долженъ не только стрѣлять въ монастырь, но обязанъ снять осаду. Суворовъ отвѣчалъ, что онъ этому вѣрить не можетъ, ибо никакой отрядъ Австрійцевъ въ монастырь не проходилъ, и самъ Дальтонъ обѣщалъ никого не пропускать, и дѣйствительно прошлую ночь пробѣжало въ Тынецъ нѣсколько дезертировъ; онъ, Суворовъ, увѣряетъ ген. Дальтона, что эти дезертиры, по взятіи Тынца, возвращены будутъ въ австрійское войско; осада же монастыря и стрѣльба будутъ продолжаться попрежнему. Но Дальтонъ прислалъ съ требованіемъ, чтобы позволено было провозить въ Тынецъ съѣстные припасы для пропитанія его людей, въ противномъ же случаѣ онъ окружитъ Величковскій замокъ, гдѣ находился русскій отрядъ, и запретитъ пропускать туда съѣстные припасы. Суворовъ опять отвѣчалъ, что такъ какъ въ Тынцѣ одни возмутители, австрійскихъ войскъ тамъ быть не можетъ, то и онъ не можетъ позволить провоза туда съѣстныхъ припасовъ. Бибиковъ, получа эти донесенія отъ Суворова, испугался, чтобъ дѣло не дошло до вооруженнаго столкновенія, вовсе нежелательнаго при тогдашнихъ отношеніяхъ, и послалъ приказаніе въ Люблинъ генералъ-поручику Романіусу ѣхать подъ Тынецъ и постараться прекратить вражду между Суворовымъ и Дальтономъ; а если послѣдній будетъ продолжать враждебное поведеніе, то дать знать объ этомъ ему, Бибикову, котораго находившійся въ Варшавѣ австрійскій генералъ, графъ Ришкуръ, увѣрилъ, что Дальтонъ будетъ смѣненъ за свои поступки; въ то же время Суворову было послано приказаніе уклониться отъ крайностей. Какъ видно, тотъ же Ришкуръ далъ знать Дальтону, что можетъ дѣйствовать безопасно, ибо у Суворова руки связаны приказаніемъ Бибикова, и Дальтонъ, еще до пріѣзда Романіуса, прорвался чрезъ русскій кордонъ и занялъ Тынецъ, а потомъ, когда пріѣхалъ Романіусъ, началъ оказывать ему всевозможныя учтивости [3]).

Между тѣмъ Фридрихъ II обратился въ Петербургъ съ совѣтомъ согласиться на австрійскія требованія съ тѣмъ, чтобъ и прусская доля была увеличена городами Данцигомъ и Торномъ. 10 іюня Сольмсъ прислалъ Панину письмо: „Изъ затрудненій, противопоставляемыхъ Австріею для успѣшнаго окончанія дѣла, два выхода: первый состоитъ въ томъ, чтобъ открыто воспротивиться намѣреніямъ Вѣнскаго Двора. Но это поведетъ далеко, удалитъ умиротвореніе Польши, усилитъ смуту; Россія и Пруссія не смогутъ привлечь Поляковъ на свою сторону противъ Австріи, которая обратится къ своимъ старымъ связямъ; въ Европѣ возгорится общая война, за что?—въ этомъ не легко будетъ признаться, и, если-бы даже война кончилась въ нашу пользу, она броситъ сѣмена другой войны вслѣдствіе вражды, которая возникнетъ между различными Дворами, которые примутъ въ ней участіе. Другой выходъ состоитъ въ примѣненіи къ обстоятельствамъ, въ удовлетвореніи австрійскимъ требованіямъ. Но въ такомъ

[1]) Oeuvres XXVI, 359.

[2]) Maria-Theres. und Joseph, II, I, 369—373.

[3]) Донесеніе Бибикова им. Екатеринѣ въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

случаѣ будетъ несправедливо, чтобъ Прусскій король, который не переставалъ давать существенныя доказательства своей дружбы къ Россіи, и который, внявъ дружественнымъ представленіямъ императрицы, отказался отъ пріобрѣтенія такихъ частей Польши, которыя гораздо важнѣе для Пруссіи, чѣмъ краковскіе соляные промыслы и Львовъ для Австріи, остался безъ вознагражденія. Если Русскій Дворъ, чтобъ не погрузить Европы въ новую войну, предпочитаетъ уступить требованіямъ Австріи, то смѣю ласкать себя надеждою, что онъ не будетъ въ этомъ случаѣ противорѣчить и тому, чтобъ Прусскій король прибавилъ еще къ своей долѣ города Данцигъ и Торнъ, которые и безъ того уже окружены его новыми владѣніями, и безъ которыхъ главная выгода пріобрѣтенія отъ Польши, состоящая въ округленіи Прусскихъ владѣній, не будетъ никогда полною. Въ этомъ будетъ состоять единственная возможность для Пруссіи согласиться безъ труда и отвращенія на то, чтобъ могущественный и опасный сосѣдъ захватилъ себѣ такія обширныя и важныя земли. Въ этомъ же заключается единственное средство покончить дѣло скоро и спокойно. Опасаюсь и того, что если продлятся споры о равенствѣ долей, то между Дворами Вѣнскимъ и Берлинскимъ произойдетъ гибельное столкновеніе". Сольмсъ обратился и къ кн. Лобковичу съ внушеніемъ, чтобъ Австрія не препятствовала присоединенію Данцига и Торна къ Пруссіи; Лобковичъ далъ знать объ этомъ Панину—и получилъ отъ него успокоительный отвѣтъ, что Россія никогда не согласится на уступку Пруссіи упомянутыхъ городовъ [1]). Но для этого и Австрія должна была уступить.

12-го іюля Фридрихъ писалъ Сольмсу, что Австрія отказывается отъ воеводствъ Люблинскаго и Хельмскаго, но никакъ не хочетъ отказаться отъ соляныхъ копей и города Львова, и что это послѣднее слово Вѣнскаго Двора. „Зрѣло размысливъ", писалъ король, „я вамъ признаюсь, что по-моему, если хотятъ кончить это дѣло добромъ, надобно принять австрійскія условія. Впрочемъ, я не предписываю Россіи, какъ она должна поступить въ этомъ случаѣ: я просто объявляю вамъ мое мнѣніе". Въ другой депешѣ (отъ 5-го августа) король изложилъ причины, заставлявшія его уступить Австріи: „Переговоры съ Портою не привели еще ни къ чему; Франція и Англія дурно смотрятъ на раздѣлъ Польши. Быть можетъ, оба эти Двора употребляютъ всѣ усилія, чтобъ оттянуть Вѣнскій Дворъ отъ русско-прусской системы и заставить его скорѣе войти въ соглашеніе съ Турціею. Если эта интрига имъ удастся, то мирный конгрессъ рушится, дѣла запутаются снова гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, и для распутанія ихъ встрѣтятся непреодолимыя трудности". Депеша Фридриха отъ 12 іюля (н. с.) была прочтена Совѣту 16 іюля (с. с.) вмѣстѣ съ отвѣтомъ Вѣнскаго Двора на русскія возраженія относительно соляныхъ копей и Львова. Кауницъ писалъ, что его Дворъ соглашается исключить изъ своихъ требованій воеводства Люблинское и Хельмское, но не можетъ уступить соляныхъ копей и Львова; вмѣсто соляныхъ копей, можно отдать Польскому королю означенныя воеводства, согласиться съ Польскою республикою о цѣнѣ соли при постановленіи договора и перевезть шляхетскіе акты изъ Львова въ Люблинъ. Рѣшено было согласиться на это и заключить и съ Вѣнскимъ Дворомъ конвенцію о раздѣлѣ [2]).

31 іюля Фридрихъ писалъ Сольмсу: „Баронъ фанъ-Свитенъ только-что вышелъ отъ меня. Онъ мнѣ сообщилъ новый проектъ манифеста о занятіи польскихъ областей, который кн. Кауницъ самъ написалъ и который, въ сущности, не отличается отъ манифеста графа Панина. Австрійскій министръ того мнѣнія, что такъ какъ есть разница въ положеніи его Двора и Русскаго, то должна быть разница и въ манифестѣ. Я прочелъ проектъ внимательно и не нашелъ ничего сказать противъ. Въ политикѣ—общее правило: если неопровержимыхъ доказательствъ нѣтъ, то лучше выражаться лаконически и не очень вдаваться въ подробности. Я знаю хорошо, что у Россіи много правъ поступить такъ съ Польшею; но нельзя того же сказать о насъ съ Австріею, такъ что, по моему мнѣнію, лучше сообразоваться съ идеями князя Кауница".

Когда все было кончено относительно Польши, то въ Вѣнѣ рѣшили дать знать и Фридриху о своихъ видахъ на Турцію. 30 августа Фридрихъ писалъ Сольмсу: „Нѣсколько дней тому назадъ я видѣлся въ Нейссе съ графомъ Дидрихштейномъ, который, какъ я думаю, былъ туда отправленъ, чтобъ попытать меня. Изъ его разговоровъ я вижу ясно, что императоръ и Ласси недовольны пріобрѣтеніями отъ Польши. Имъ бы хотѣлось выгнать Турокъ изъ Европы и овладѣть всею Венгерскою Землею, находящеюся на лѣвомъ берегу Дуная. Они были бы довольны, если-бъ фокшанскія конференціи прекратились, чтобъ помочь Русскимъ выгнать Турокъ изъ Европы, и въ такомъ случаѣ они, пожалуй, согласятся, чтобъ Россія взяла себѣ Молдавію и Валахію. Я думаю, что имъ очень хочется заключить для этого союзъ съ Россіею, но они боятся, чтобъ Французы и Испанцы не сдѣлали имъ диверсіи въ Италіи и Фландріи, и потому обращаются ко мнѣ. Для привлеченія меня на свою сторону они откажутся ото всѣхъ пріобрѣтеній въ Польшѣ съ тѣмъ, чтобъ я могъ получить для себя теченіе Варты и все, что пожелаю въ сосѣдствѣ Силезіи. Я хотѣлъ узнать, что они намѣрены сдѣлать съ Греціею; но они объ этомъ еще не думали. Я желаю, чтобъ графъ Орловъ заключилъ миръ съ Турками; но если этого не случится, то мы увидимъ новую сцену: дѣло пойдетъ о союзномъ договорѣ,

---

[1]) Дѣла Прусскія 1771 года.—Beer—Die erste Theil. II, 182.

[2]) Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, II, 24.

которымъ Вѣнскій Дворъ вѣроятно предполагаетъ все опредѣлить со своими новыми союзниками. Я отвѣчалъ спокойно, что все это дѣло возможное, успѣть въ немъ нетрудно, если согласиться и дѣйствовать искренно, но что должно сначала посовѣтоваться обо всемъ съ Русскою императрицею. Что меня больше всего порадовало въ этихъ откровеніяхъ,—такъ это то, что графъ Дидрихштейнъ вовсе не скрывалъ дурныхъ отношеній, господствующихъ теперь между его Дворомъ и Версальскимъ". Сольмсъ долженъ былъ сообщить объ этомъ Панину in extenso.

Прусскій посланникъ въ Вѣнѣ, Эдельгеймъ, увѣдомилъ своего государя, что Марія-Терезія въ большой нерѣшительности относительно Польскихъ дѣлъ. Она выставляетъ угрызеніе совѣсти, которое причиняетъ ей соглашеніе о раздѣлѣ Польши, и, въ минуты дурного расположенія духа, сильно упрекаетъ императора, своего сына, за то, что его свиданія съ королемъ Прусскимъ послужили первымъ источникомъ затрудненій, въ какихъ она теперь находится. Императоръ очень на это досадуетъ, и утверждаютъ, что ежедневныя ссоры между матерью и сыномъ стали теперь чаще и сильнѣе. Кн. Кауницъ, имѣя большое участіе въ томъ, чтò произвело эти сцены, становится на сторону императора.—Сообщая эти извѣстія Сольмсу, Фридрихъ писалъ ему (15 ноября): „Гр. Панину нечего этого бояться. Надобно дать свободу дѣйствовать кн. Кауницу, который, какъ ловкій министръ, знающій расположеніе духа и характеръ своей государыни, найдетъ средство успокоить ея боязливую совѣсть". Въ другой депешѣ (21 ноября) Фридрихъ увѣдомлялъ Сольмса, что Марія-Терезія продолжаетъ терзаться угрызеніями совѣсти, и прибѣгла къ казуистамъ. Духовникъ отвѣчалъ, что, не зная законныхъ правъ ея на взятыя польскія области, онъ не можетъ смотрѣть на ея предпріятіе какъ на большой грѣхъ. Другія духовныя лица отвѣчали, что законы, которыми руководятся государства и государи, отличны отъ законовъ, которыми руководятся частныя лица, и что есть случаи, гдѣ императрица можетъ руководствоваться только политическимъ интересомъ. Послѣднее рѣшеніе приписываютъ іезуитамъ [1]).

15 августа, въ Совѣтѣ, Екатерина подписала рескриптъ графу Захару Чернышеву о вступленіи между 1 и 7 числами будущаго сентября во владѣніе присоединяемыхъ отъ Польши земель. Чернышевъ, который первый высказался въ пользу этого присоединенія, назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Бѣлоруссіи. Прусскій король 27 сентября (н. с.) принялъ присягу отъ жителей Польской Пруссіи, и въ тотъ же день написалъ Сольмсу: „Вы скажете графу Панину, что онъ можетъ увѣрить императрицу моимъ именемъ, что нынче, въ день присяги отъ Пруссіи, я ее увѣряю, что она обязала не неблагороднаго человѣка; я не упущу ни одного случая засвидѣтельствовать ей и Россіи мою признательность не на словахъ, а на дѣлѣ" [2]).

Что же дѣлалось въ Польшѣ въ 1772 году, когда судьба ея окончательно рѣшилась между тремя сосѣдними Дворами?

Въ началѣ года главнымъ предметомъ разговоровъ, главнымъ интересомъ были попрежнему притѣсненія отъ прусскихъ войскъ. Французскій агентъ доносилъ своему Двору: „Въ то время какъ Прусскій король становится все болѣе и болѣе ненавистенъ, кажется, Россія хочетъ смягчить прежнее обращеніе съ Поляками, чему служитъ доказательствомъ приказъ Бибикова, требующій отъ войска строгой дисциплины. Только и разговоровъ, что о прусскихъ притѣсненіяхъ, которымъ особенно подвергается духовенство, и Бенуа объясняетъ дѣло тѣмъ, что духовенство главнымъ образомъ виновато въ смутѣ, и, стѣсняя духовенство, король вмѣстѣ съ Россіею содѣйствуетъ умиротворенію Польши". Только отъ 29 февраля (н. с.) агентъ пишетъ: „Въ поступкахъ Прусскаго короля обнаруживаются стремленія пріобрѣсть выгоды постоянныя,—онъ хочетъ овладѣть Вармійскою провинціею, потому что его генералы вытребовали у епископа архивъ" Жераръ въ Данцигѣ зналъ дѣло лучше, и 5 марта увѣдомилъ свой Дворъ о заключеніи договора относительно раздѣла Польши, тогда какъ товарищъ его въ Варшавѣ только 25 марта писалъ: „Сальдернъ говоритъ, что дѣло кончится плохо для Польши, Прусскій король непремѣнно получитъ Польскую Пруссію. Съ другой стороны видно, что Дворы Русскій и Австрійскій сближаются; быть можетъ, Вѣнскій Дворъ согласится на усиленіе Пруссіи, если ему возвратятъ Силезію или оставятъ въ его власти Польскія области, которыми онъ овладѣлъ; Россія такъ же будетъ стараться вознаградить себя насчетъ Польши. Итакъ, повидимому, Польша наканунѣ того дня, въ который станетъ добычею своихъ сосѣдей". 16 мая агентъ изъ Варшавы доносилъ: „Хотя общее мнѣніе считаетъ раздѣлъ Польши дѣломъ рѣшеннымъ, но Чарторыйскіе утверждаютъ, что это вздоръ".

Въ самомъ началѣ года коронный канцлеръ, Млодзѣевскій, пріѣхалъ къ Сальдерну съ жалобами на прусскія притѣсненія: „Не считаете ли вы приличнымъ", говорилъ онъ, „чтобы король обратился къ ея императорскому величеству, отправилъ къ ней министра для увѣдомленія о поступкахъ и притѣсненіяхъ Прусскаго короля"? Сальдернъ воспользовался случаемъ, чтобъ высказаться: „Я думаю", отвѣчалъ онъ, „что императрица не приметъ никакого посла отъ Польши, пока смута продолжается. Ея и. в—ство очень хорошо помнитъ все прошедшее здѣсь въ продолженіи многихъ лѣтъ; она замѣчаетъ не только равнодушіе Польскаго Двора относительно ея, но и явное сопротивленіе всѣмъ ея добрымъ намѣреніямъ. Какъ вы хотите,

[1]) Дѣла Прусскія 1772 года.

[2]) Дѣла Прусскія 1772 года.

чтобъ императрица заступилась за Польшу передъ Прусскимъ королемъ, когда это единственный государь, который дѣйствуетъ единодушно съ нею въ настоящихъ дѣлахъ, и какъ вы можете думать, чтобъ моя государыня захотѣла сдѣлать непріятность другу, заступаясь за Поляковъ, которые ни теплы, ни холодны и на которыхъ можно смотрѣть какъ на враговъ Россіи? Я говорю не объ однихъ конфедератахъ, но обо всѣхъ тѣхъ, которые хотя не замѣшаны открыто въ настоящія смуты, но дѣйствуютъ подъ-рукою и наполняютъ Варшаву,—я не исключаю даже и Двора. Ея и. в—ство не забудетъ холодности, невниманія, непослѣдовательности и неправильности въ поступкахъ, какіе король и его фамилія позволили себѣ, покровительствуя части народа, возмутившейся противъ своего короля, поддерживаемаго моей государыней. Послѣ моей деклараціи я нѣсколько разъ имѣлъ разговоры съ дядьми короля и вице-канцлерами, и объявилъ имъ о намѣреніяхъ ея императорскаго величества успокоить Польшу, излагая имъ, что императрица согласна на измѣненія въ самыхъ существенныхъ пунктахъ послѣдняго договора, именно,—дастъ объясненія относительно гарантіи и не откажется ограничить права диссидентовъ въ томъ случаѣ, если они согласятся сами пожертвовать частью своихъ правъ для отнятія предлога у злонамѣренныхъ людей продолжать разбойничества подъ религіознымъ знаменемъ. Что же касается внутреннихъ дѣлъ, то императрица требовала только сохраненія liberum veto для всей шляхты. Они были очень довольны; но захотѣли ли воспользоваться добрыми намѣреніями ея императорскаго величества, приступили ли къ дѣлу? Князь, воевода Русскій, сказалъ, что у насъ мало войска въ Польшѣ для поддержанія этого дѣла; что республика находится въ кризисѣ, и положеніе ея таково, что не можетъ ухудшиться. Я очень хорошо понимаю смыслъ этихъ словъ; воевода хотѣлъ сказать, что у насъ на плечахъ война, которая можетъ пойти для насъ неудачно, ибо онъ не могъ не знать, что у насъ въ Польшѣ 12,000 войска, число очень достаточное для ихъ поддержанія, если-бъ они захотѣли серьезно воспользоваться нашимъ добрымъ расположеніемъ, вмѣсто того, чтобъ увеличивать смуту своимъ бездѣйствіемъ. Короля и республику никто не поддерживаетъ, кромѣ императрицы; но оказывается ли къ ней довѣріе? Король обращается въ другую сторону, обольщаясь надеждою, что можетъ найти подпору въ сосѣдѣ, который до сихъ поръ не оказалъ ему ни малѣйшихъ знаковъ дружбы и пользы,—наоборотъ, покровительствуетъ людямъ, посягающимъ на власть и жизнь короля. Вѣнскій Дворъ знаетъ и видитъ все, что король Прусскій дѣлаетъ въ Польшѣ. Въ другое время онъ не смотрѣлъ бы на это равнодушно. Теперь Австрія не только овладѣла Польскими землями, но, быть можетъ, имѣетъ еще какіе-нибудь скрытные виды. Императрица требуетъ у короля и республики благоразумной дружбы, основанной на поддержаніи естественной польской конституціи. Если король и его друзья предпочитаютъ оставаться въ бездѣйствіи и упорствовать въ своемъ равнодушіи, то не ея вина, если она приметъ мѣры, соотвѣтствующія ея достоинству и интересамъ ея имперіи. Я предсказываю, что Польша должна ждать крайней смуты. Не разъ я давалъ вамъ чувствовать, что прошлое лѣто вы упустили самую благопріятную минуту успокоить Польшу вашими собственными силами при поддержкѣ Россіи; я давалъ вамъ чувствовать, что по упущеніи этой благопріятной минуты успокоеніе Польши уже не будетъ болѣе зависѣть отъ свободной націи, но что вы получите законы и миръ изъ рукъ вашихъ сосѣдей. Когда начались жалобы на поведеніе короля Прусскаго, то никогда не скрывалъ я ни отъ короля, ни отъ васъ, что Прусскій король будетъ для васъ еще тягостнѣе и что онъ болѣе всѣхъ пользуется смутою польскою".

Обвинительная рѣчь и приговоръ по ней были произнесены. Это было послѣднее объясненіе Сальдерна, послѣ чего посолъ еще настойчивѣе сталъ просить объ увольненіи. Въ письмѣ отъ 24 января онъ умолялъ императрицу отозвать его изъ Варшавы или, по крайней мѣрѣ, не оставлять его тамъ долѣе сентября, представляя совершенное разстройство здоровья. Панину Сальдернъ писалъ: „Я не сплю больше, желудокъ у меня уже больше не варитъ". Но его оставили до сентября, и поведеніе его опредѣлялось въ письмѣ Панина отъ 28 февраля: „Настоящее положеніе нашихъ дѣлъ съ Вѣнскимъ Дворомъ измѣняетъ совершенно сущность комбинацій, движеній и интригъ во всемъ касающемся вашего поста. Вдругъ теряетъ значеніе множество дѣлъ, которыя иначе заслуживали бы нѣкотораго вниманія съ нашей стороны, какъ напримѣръ: 1) тонкая штука Чарторыйскихъ выслужиться своимъ посредничествомъ при сближеніи двухъ Дворовъ. Это сближеніе уже произошло, и мы можемъ поблагодарить Чарторыйскихъ за ихъ услугу только доставленіемъ имъ удовольствія нечаянности, предоставляя имъ узнать объ этомъ соглашеніи изъ его послѣдствій. Въ ожиданіи развязки они могутъ вести свою секретную переписку, которой придаютъ такую важность. 2) Равнымъ образомъ мы должны отвѣчать молчаніемъ на жалобы Поляковъ противъ Пруссіи. Наше соглашеніе съ Прусскимъ королемъ подписано, послѣ чего было бы противорѣчіемъ съ нашей стороны обращать вниманіе на жалобы противъ войскъ этого государя; нашъ интересъ требуетъ, чтобъ онъ тѣснилъ все сильнѣе и сильнѣе Поляковъ и былъ бы въ состояніи помочь намъ при окончательныхъ объясненіяхъ съ Польшею".

Въ концѣ мая въ Маріенбургѣ прусскій офицеръ объявилъ польскому чиновнику, что присоединеніе Польской Пруссіи не есть секретъ, что это послѣдуетъ по договору съ Австріею и Россіею. Польское министерство тотчасъ же дало знать

объ этомъ иностраннымъ министрамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Несчастная Польша, опустошаемая 5 лѣтъ собственными жителями и сосѣдями, будетъ лишена лучшихъ провинцій державами, съ которыми у нея не было никакого столкновенія, которымъ она не подала никакого законнаго предлога къ жалобѣ, а на одну изъ нихъ имѣла право возлагать надежду и довѣріе. Какъ бы жестоко и насильственно ни было поведеніе Россіи относительно Польши, какъ бы ни было несправедливо предпріятіе Прусскаго короля,—поступокъ Вѣнскаго Двора, нося тотъ же характеръ насилія и несправедливости, является еще болѣе ненавистнымъ, ибо соединенъ съ хитростію и двоедушіемъ".

Сальдернъ въ глубокомъ оффиціальномъ молчаніи доживалъ послѣдніе дни въ Варшавѣ. Поляки видѣли въ немъ падшее величіе и потому обратили все свое вниманіе на Бибикова. Сальдернъ не утерпѣлъ и послалъ къ Панину доносъ на главнаго военнаго начальника: „Поведеніе Бибикова", писалъ онъ, „вовсе не соотвѣтствуетъ русской системѣ. Король, его братья и дядья поймали его за слабую сторону: имъ управляютъ женщины, жена маршала Любомирскаго, гетмана Огинскаго, и другія, подставленныя королемъ, чтобъ не дать ему придти въ себя. Чарторыйскій канцлеръ, эта старая лисица, вызвалъ съ тою же цѣлью изъ Литвы дочь Пршездецкаго. Бибиковъ дѣлаетъ все, что эти люди внушаютъ ему посредствомъ женщинъ; ему не даютъ ни одного дня отдыха, чтобъ онъ могъ опомниться: то охота, то загородная прогулка, то балъ, развлеченія всякаго рода, сопровождаемыя самою низкою лестью и угодничествомъ со стороны Поляковъ, держатъ его въ цѣпяхъ. Онъ не пропускаетъ ни одного вечера у госпожи Огинской, бывать у которой генералъ Веймарнъ запретилъ русскимъ офицерамъ по причинѣ поведенія мужа и фамиліи и по причинѣ азартной игры. Но теперь все позволено. Бибиковъ забывается до такой степени, что преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ ненавидятъ Чарторыйскіе и братъ короля. Судите, сколько случаевъ имѣетъ войсковой начальникъ притѣснять, кого захочетъ. Я употреблялъ всѣ средства для удержанія его отъ этого, и иногда успѣвалъ, особенно когда обращался къ нему письменно: онъ боялся, что отошлю копіи ко Двору. У него нѣтъ секрета, какъ скоро найдено средство возбудить его тщеславіе. Лѣнь, которая беретъ начало въ образѣ его жизни, останавливаетъ движеніе дѣлъ; часто случается, что болѣе 60 приказовъ по осьми дней лежатъ безъ подписи" [1])

Но подобныя донесенія теперь вредили только самому Сальдерну. Онъ отправился въ Польшу, по крайней мѣрѣ, по общему мнѣнію, какъ другъ, какъ самый близкій человѣкъ къ первенствующему министру графу Панину, а возвращался въ Петербургъ далеко не съ такимъ значеніемъ. Недаромъ ему не хотѣлось ѣхать въ Варшаву Онъ имѣлъ славу искуснѣйшаго дѣльца, и чѣмъ сильнѣе были возбуждены надежды отправленіемъ его въ Польшу,—надежды, что онъ успѣетъ уладить тамошнія дѣла,—тѣмъ опаснѣе было потерять прежнюю репутацію неуспѣхомъ дѣйствій; а неуспѣхъ долженъ былъ казаться Сальдерну очень и очень возможнымъ, особенно когда дѣло уже дѣлалось съ другого конца, и дѣлалъ его король Прусскій. Мы видѣли столкновеніе Фридриха II-го съ Сальдерномъ по поводу Сѣверной системы, послѣ чего Прусскій король почтилъ русско-голштинскаго министра своею ненавистью, которая не могла уменьшиться отъ борьбы Сальдерна въ Копенгагенѣ противъ прусскаго вліянія. Сальдернъ, разумѣется, платилъ Фридриху тѣмъ же чувствомъ. Когда онъ былъ назначенъ въ Варшаву, то Прусскій король выразился о немъ такъ въ разговорѣ съ фанъ-Свитеномъ: „Это человѣкъ заносчивый, упрямый, самолюбивый, думающій о себѣ Богъ знаетъ что" [2]). Но если Фридриху могло не нравиться присутствіе Сальдерна въ Варшавѣ, то еще болѣе не должно было ему нравиться присутствіе его въ Петербургѣ въ самое важное время, когда рѣшался Польскій вопросъ; понятно, какъ выгодно было для Прусскаго короля, чтобъ въ это время при первенствующемъ русскомъ министрѣ не было человѣка, враждебнаго Пруссіи, твердившаго, что въ виду сдержанія послѣдней необходимо сближеніе съ Австріею. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что съ отъѣздомъ Сальдерна Панинъ все болѣе и болѣе уступаетъ прусскому вліянію, и есть извѣстія, что отсутствіемъ Сальдерна искусно воспользовались въ Берлинѣ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, Гуннингъ, доносилъ своему Двору, что Прусскій король давно замѣтилъ въ графѣ Панинѣ сильнѣйшее тщеславіе, постарался питать эту страсть такъ искусно, что сдѣлалъ первенствующаго министра полнымъ своимъ приверженцемъ. Подарки, хотя и незначительной цѣнности, но частые и всегда сопровождаемые собственноручными письмами, наполненными самыми лестными выраженіями, достигли цѣли, заставили Панина смотрѣть на каждое дѣло согласно съ видами его Прусскаго величества; Панинъ чуть не обожаетъ Фридриха II-го [3]). Но если такъ, то легко понять, какъ Панинъ долженъ былъ смотрѣть на своего стараго друга Сальдерна, который остался при прежнихъ своихъ чувствахъ къ Прусскому королю и не упускалъ случая высказывать эти чувства, что было хорошо извѣстно Панину явными и тайными путями. Мы видѣли, что Сальдернъ самъ передалъ Панину разговоръ свой съ Млодзѣевскимъ, гдѣ выставилъ Фридриха II-го какъ государя, болѣе всѣхъ пользующагося польскою смутою. Но въ другихъ случаяхъ онъ выражался еще яснѣе и сильнѣе. Жераръ доносилъ изъ Данцига отъ 6-го

[1]) Дѣла Польскія 1772 года.

[2]) Friedr. II und v.-Swiet. 21.

[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 328.

мая: „Царица чувствуетъ неловкость своего положенія и желаетъ, чтобъ другія государства восполнили ея безсиліе, разрушивши проекты Прусскаго короля. Этотъ образъ мыслей Екатерины II-й подтверждается словами Сальдерна, которыя онъ съ нѣкотораго времени повторяетъ,—именно, что король Прусскій обманулъ его государыню". Сальдернъ позволилъ себѣ сказать городовому секретарю Данцига: „Императрица вовсе не одобряетъ видовъ короля Прусскаго, но великая нужда въ мирѣ заставляетъ ее закрыть глаза и согласиться на исполненіе плана этого государя". Мало того: Сальдернъ поручилъ секретарю предложить магистрату присоединиться къ городамъ Торну и Эльбингу и просить или совершенной независимости, или возможности оставаться подъ покровительствомъ Польскаго короля. Австрійскій уполномоченный въ Варшавѣ, баронъ Ревицкій, доносилъ своему Двору, что Сальдернъ рѣшительно порицаетъ дѣйствія первенствующаго русскаго министра. „Безъ самаго тѣснаго союза между Россіею и Австріею", говорилъ Сальдернъ Ревицкому, „Прусскій король удалитъ оба императорскіе Двора на задній планъ и самъ получитъ важнѣйшія выгоды" По свидѣтельству того же Ревицкаго, Сальдернъ хотѣлъ сломить значеніе магнатовъ въ Польшѣ и нѣкоторымъ образомъ уравнять имущественныя отношенія между частными лицами; онъ думалъ помирить народное большинство съ раздѣломъ Польши надеждою освобожденія отъ притѣсненій, какія оно терпѣло отъ своихъ соотечественниковъ. Но Панинъ не согласился на это.

Преемникомъ Сальдерна въ Варшаву назначенъ былъ дѣйствительный камергеръ. баронъ Штакельбергъ. По поводу этого назначенія англійскій посланникъ писалъ своему министерству: „Такъ какъ здѣсь ничего не дѣлается безъ совѣта короля Прусскаго, то лицо, назначенное на мѣсто г. Сальдерна, было избрано согласно съ его мнѣніемъ, ибо его гибкій и примѣняющійся къ обстоятельствамъ характеръ, по словамъ его Прусскаго величества, идетъ къ этому посту болѣе, чѣмъ характеръ его предшественниковъ" [1]). Мы знаемъ одно,—что Штакельбергъ поѣхалъ съ сильными предубѣжденіями противъ своего непосредственнаго предшественника.

Въ инструкціи Штакельбергу, подписанной 11-го августа, такъ объяснялись побужденія, заставившія Россію приступить къ раздѣлу Польскихъ владѣній: „Не безызвѣстно вамъ, что на Польскія дѣла и, вслѣдствіе ихъ, происшедшую войну между Россіею и Турціею совершенно разно смотрѣли два Двора—Вѣнскій и Берлинскій. Первый находился въ тѣсномъ союзѣ съ Франціею, которой политика, всегда противоборствующая политикѣ русской при всѣхъ Дворахъ, усиливала и подкрѣпляла польскіе мятежи людьми и деньгами, и воплями своими и интригами, при помощи большихъ денегъ, заставили Порту объявить Россіи войну. Подчиняясь вліянію такого союзника, Вѣнскій Дворъ и самъ благопріятствовалъ конфедератамъ, давая имъ убѣжище въ своихъ земляхъ; не меньше доброжелательства оказывалъ онъ Портѣ. Прусскій король, напротивъ, вѣрно исполнялъ обязательства союзныхъ договоровъ, платилъ субсидіи, удерживалъ на границахъ шайки конфедератовъ, внимательно наблюдалъ за поступками Австрійскаго Дома, показывая всегда готовность увѣдомлять о нихъ своего союзника. Среди двойныхъ заботъ Россіи въ войнѣ съ Портою и польскими мятежниками, Вѣнскій Дворъ призналъ, что нашелъ удобный случай заплатить себѣ собственными руками за доброжелательство, оказанное имъ какъ Портѣ, такъ и конфедератамъ, и, не прикрывая своихъ поступковъ никакимъ правомъ или предлогомъ (?), овладѣлъ землями Циппса. Чѣмъ меньше Русскій и Берлинскій Дворы оказали явнаго вниманія къ этому движенію, тѣмъ болѣе подвергли они его обсужденію во внутренности Кабинета, совѣщаясь другъ съ другомъ, какъ приспособить къ этому явленію собственныя мѣры. Надобно было признать одну изъ мѣръ: или явно протестовать противъ поступка Австріи, завести переговоры, чтобъ принудить Вѣнскій Дворъ отступиться отъ захваченной имъ земли, въ случаѣ неуспѣха переговоровъ воспротивиться вооруженною рукою, вступить въ войну съ Австріею; или поступить одинаково съ Вѣнскимъ Дворомъ, предъявить и съ своей стороны претензіи на извѣстныя Польскія земли. Такъ какъ для равновѣсія, наблюдаемаго между тремя Дворами, требовалось, чтобъ они или ничего не пріобрѣтали отъ Польши, или чтобъ каждый получилъ одинаковое приращеніе, то здравая политика предоставляла на выборъ одну изъ двухъ мѣръ, и ея величеству осталось принять въ уваженіе,—которая изъ нихъ болѣе можетъ подать способовъ къ скорѣйшему успокоенію Польши и сходнѣе съ правосудіемъ. Императрица не должна была долго колебаться въ своемъ рѣшеніи. Новая война съ державою, граничащею съ Польшею на такомъ большомъ протяженіи земли, служила новою пищею для польскихъ возмущеній, и такимъ образомъ успокоеніе Польши отдалялось на все время этой новой войны. Императрица подвергала государство свое убыткамъ и опасности, и за кого?—за націю, для которой она въ продолженіи столькихъ лѣтъ понапрасну жертвовала величайшимъ числомъ людей и денегъ;—за націю, которая, за услугу, благодѣянія и безкорыстіе. платитъ самою явною неблагодарностью; которая не только вела противъ нея открытую войну, но еще возбудила противъ нея непріятеля, опаснѣйшаго для ея государства! Другая сторона дѣла, наоборотъ, представляла дружественное содѣйствіе трехъ державъ для умиротворенія Польши, для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые рано или поздно могли возжечь

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ XIX, 292.

войну между тою или другою изъ нихъ и республикою; для сокращенія границъ послѣдней, чтобъ дать ей положеніе, болѣе сообразное съ ея конституціею и съ интересами ея сосѣдей, наконецъ, для самаго главнаго,—для сохраненія мира въ этой части Европы. Взвѣсивши всѣ эти соображенія и принявши рѣшеніе, императрица занялась средствами для приведенія его въ исполненіе".

7 сентября, вмѣстѣ съ прусскимъ министромъ Бенуа (австрійскій—баронъ Ревицкій — еще непріѣзжалъ), Штакельбергъ передалъ министерству Польской республики объявленіе о раздѣлѣ. Начались частыя совѣщанія между королемъ и его приближенными; слѣдствіемъ было рѣшеніе сносить все терпѣливо, ничего не уступать добровольно,—пусть берутъ все силою, и требовать помощи у Дворовъ европейскихъ, при этомъ проволакивать время, противопоставляя требованіямъ трехъ державъ цѣлый лабиринтъ привязокъ и формальностей. Король передъ одними гремѣлъ противъ Россіи; другимъ внушалъ, что Русская императрица несогласна вмѣстѣ съ нимъ на образованіе конфедераціи противъ раздѣла; онъ даже далъ знать объ этомъ австрійскому послу, чтобъ поссорить три державы. Штакельбергъ вслѣдствіе этого старался внушить Полякамъ, что Россія не покровительствуетъ королю, и такъ какъ Чарторыйскіе болѣе не монополисты русскихъ сношеній съ Польшею, то нація не подвергается опасности быть обманутою. Въ концѣ октября Штакельбергъ имѣлъ объясненіе съ королемъ. Станиславъ-Августъ приготовился и далъ полную свободу своему краснорѣчію: „Перетерпѣвъ столько страданій за отечество, запечатлѣвъ своею кровью дружбу и приверженность къ императрицѣ, и видя, что государство мое обираютъ самымъ несправедливымъ образомъ, а меня самого доводятъ до нищеты, я понимаю, что меня могутъ постигнуть еще большія бѣдствія, но я ихъ уже не боюсь. Убитый, умирающій почти съ-голоду, я научился—погибнуть". Штакельбергъ отвѣчалъ спокойно: „Краснорѣчіе вашего величества и сила вашего воображенія перенесла васъ къ лучшимъ страницамъ Плутарха и древней исторіи; но все это не можетъ служить предметомъ нашего разговора; удостойте снизойти къ исторіи Польши и къ исторіи графа Понятовскаго". За этимъ посолъ изложилъ ходъ событій, поведшихъ къ несчастію, которое оплакивалъ король; отъ прошедшаго Штакельбергъ перешелъ къ настоящему и предложилъ вопросъ: что станется съ нимъ, королемъ, если 100,000 войска наводнятъ Польшу, возьмутъ контрибуцію, заставятъ сеймъ подписать все, что угодно сосѣднимъ державамъ, уйдутъ, оставя его въ жертву злобы враговъ его? Король поблѣднѣлъ. Штакельбергъ воспользовался этимъ и началъ доказывать ему, что его существованіе зависитъ отъ друхъ условій: отъ немедленнаго созванія сейма и отреченія отъ всякой интриги, которая имѣла бы цѣлью ожесточать Поляковъ и вводить ихъ въ заблужденіе. Король обѣщалъ дѣлать все по желанію посла.

Штакельбергъ еще не привыкъ къ варшавскимъ нечаянностямъ, и потому не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда черезъ два дня послѣ приведеннаго разговора король призвалъ его опять къ себѣ и объявилъ, что считаетъ своею обязанностью отправить Браницкаго въ Парижъ съ протестомъ противъ раздѣла. „Мнѣ ничего больше не остается", отвѣчалъ Штакельбергъ, „какъ жалѣть о вашемъ величествѣ и увѣдомить свой Дворъ о вашемъ поступкѣ. Чего вы ожидаете отъ Франціи противъ трехъ державъ, способныхъ сокрушить всю Европу"?—„Ничего", отвѣчалъ король: „но я исполнилъ свою обязанность". 23 ноября Штакельбергъ подалъ декларацію: „Есть предѣлъ умѣренности, который предписываютъ правосудіе и достоинство Дворовъ. Ея величество императрица надѣется, что король не захочетъ подвергать Польшу бѣдствіямъ. необходимому результату медленности, съ какою его в—ство приступаетъ къ созванію сейма и переговорамъ, которые одни могутъ спасти его отечество". Но въ то время, какъ Штакельбергъ принималъ мѣры, чтобъ заставить короля перемѣнить свое несчастное поведеніе, Бенуа твердилъ ему: „Оставьте его, тѣмъ лучше для насъ,—мы больше возьмемъ" [1]).

Станиславъ-Августъ счелъ своею обязанностью отправить во Францію протестъ противъ раздѣла, объявивши Штакельбергу, что не ждетъ отъ этого никакихъ благопріятныхъ для Польши послѣдствій. Слова его заключали въ себѣ полную правду, хотя, вѣроятно, короля не оставляла еще надежда, что Западная Европа не останется равнодушною къ смѣлому дѣлу Восточной. Печальное царствованіе Людовика XV-го спѣшило къ концу своему истратить всѣ, еще оставшіяся матеріальныя и нравственныя средства Французскаго правительства Это правительство объявило, что новая война изъ-за кого и изъ-за чего бы то ни было невозможна для него; у Франціи оставалось одно средство заявлять свое значеніе, свою силу — искусная дипломатическая интрига, и, дѣйствительно, Франція славилась своею школою дипломатовъ, бороться съ которыми было очень трудно дипломатамъ другихъ странъ; знаменитая школа вела свое происхожденіе отъ временъ кардинала Ришелье. Но этому сильному, блестящему войску, какое представлялъ корпусъ французскихъ министровъ при иностранныхъ Дворахъ, нуженъ былъ искусный полководецъ, который бы изъ Версали направлялъ его движенія къ общей цѣли по одной системѣ. Такимъ искуснымъ полководцемъ былъ завѣдывавшій иностранными дѣлами Франціи герцогъ Шуазель. Какъ только Россія появилась на сценѣ общеевропейскаго дѣйствія при Петрѣ Великомъ, фран-

[1]) Дѣла Польскія 1772 года. Beer — Die erste Theil. II, 202.

цузскіе государственные люди поняли ея значеніе, и, когда имъ не удалось втянуть это новое могущество въ свои виды, когда Россія, по единству тогдашнихъ интересовъ, вступила въ союзъ съ враждебною имъ Австріею,—стали вести противъ Россіи ожесточенную дипломатическую борьбу въ Турціи, Швеціи и Польшѣ. Мастерская перемѣна политическаго фронта, союзъ съ Австріею вслѣдствіе сознанія, что Пруссія Фридриха II гораздо опаснѣе для Франціи, чѣмъ монархія Габсбурговъ, сблизилъ Францію съ Россіею въ общемъ дѣйствіи, въ Семилѣтней войнѣ. Но перемѣна русской политики по смерти Елисаветы возобновила прежнія непріязненныя отношенія между Франціею и Россіею, и герцогъ Шуазель, какъ истый старый Французъ, съ знаменитымъ французскимъ увлеченіемъ (furia francese) повелъ дипломатическую борьбу противъ Петербургскаго Кабинета, ибо видѣлъ ясно, что послѣ Семилѣтней войны Россія сильнѣе всѣхъ государствъ въ Европѣ, и, главное, видѣлъ, что Русская государыня хочетъ и можетъ пользоваться этою силою для утвержденія своего вліянія въ Европѣ. Этого не могъ сносить Шуазель, хотѣвшій, чтобъ при немъ Франція, какъ прежде, имѣла господствующее вліяніе на европейскія дѣла; онъ оскорблялся величіемъ Россіи, какъ представитель древней, но разстроенной въ своихъ дѣлахъ фамиліи; оскорбляется успѣхами молодого, способнаго и богатаго новичка. Для противодѣйствія Россіи, онъ хотѣлъ затянуть еще сильнѣе узелъ дружбы съ Австріею, устроилъ союзъ фамильный посредствомъ брака наслѣдника Французскаго престола съ эрцгерцогинею Маріею-Антуанетою. Въ Россіи, слѣдя за движеніями противника, хотѣли идти одинакимъ съ нимъ ходомъ. Какъ Шуазель устроилъ Южный католическій союзъ изъ Франціи, Испаніи и Австріи: такъ и въ Россіи придумали Сѣверный союзъ. Этотъ Сѣверный концертъ не удался по несходству интересовъ трехъ державъ, имѣвшихъ быть главными его членами, Россіи, Пруссіи и Англіи; но самое принятіе вызова, вступленіе въ открытую дипломатическую борьбу въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, подражаніе ходу противника, веденіе контръ-минъ раздражало Шуазеля. Попытка отвлечь Пруссію отъ Россіи оказалась напрасною; въ Польшѣ нельзя было воспрепятствовать Россіи возвести на престолъ Понятовскаго и проводить извѣстныя требованія; но Шуазель дождался взрыва неудовольствія, дождался Барской конфедераціи—и началъ помогать конфедератамъ людьми и деньгами, причемъ главною цѣлью Шуазеля было продленіе борьбы, истомленіе Россіи; цѣль эта достигалась какъ нельзя лучше поднятіемъ Турціи, и Шуазель успѣлъ поднять ее, а между тѣмъ неутомимо работалъ въ Швеціи въ пользу усиленія королевской власти. Однимъ словомъ, во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ Россія встрѣчала главнымъ врагомъ своимъ—Шуазеля; Екатерина имѣла полное право ненавидѣть этого „кучера Европы“, какъ она называла Шуазеля.

Но Фридрихъ II давно уже началъ утѣшать свою союзницу насчетъ „кучера Европы“. Прусскій король зналъ, что Людовикъ XV женщинѣ, не скажу любимой (это было бы слишкомъ чисто), женщинѣ, умѣвшей угодить ему, готовъ пожертвовать министромъ, какъ бы тотъ ни былъ полезенъ для Франціи,—Прусскій король, зная это, считалъ паденіе Шуазеля очень возможнымъ и, въ началѣ 1769 г., писалъ Екатеринѣ, что въ Версали идетъ сильное движеніе противъ Шуазеля, стараются его свергнуть посредствомъ графини Дюбарри, ставшей королевскою любовницею; съ Шуазелемъ—писалъ Фридрихъ—падутъ всѣ его проекты, потому что новые министры обыкновенно ведутъ дѣла наоборотъ, чѣмъ какъ они шли при ихъ предшественникахъ [1]). Черезъ два года предсказаніе оправдалось. Въ концѣ 1770 года, Шуазель, не могшій унизиться до раболѣпства предъ Дюбарри, былъ низверженъ и сосланъ; его мѣсто занялъ герцогъ Эгильонъ изъ партіи Дюбарри. Удаленіемъ Шуазеля значенію Франціи въ дѣлахъ Европы нанесенъ былъ рѣшительный ударъ. Эгильона нельзя было назвать человѣкомъ неспособнымъ, непонимавшимъ интересовъ Франціи; но прежде всего этого былъ человѣкъ партіи, и главное вниманіе его было обращено не на внѣшнія дѣла, а на придворныя интриги, на борьбу партій, отъ исхода которой зависѣла его судьба; съ другой стороны, ему было очень пріятно, когда дѣла Шуазеля раздѣлывались, когда можно было упрекнуть ненавистнаго предшественника въ ошибочности его замысла или распоряженій. Но Эгильонъ ограничивался упреками на словахъ; онъ былъ радъ, когда предпріятія Шуазеля не удавались; но самому раздѣлать дѣла предшественника, вдругъ перемѣнить старую систему и создать новую,—для этого у него не доставало ни времени, ни энергіи, ни способностей. Какое изъ Шуазелевыхъ дѣлъ шло успѣшно, тому Эгильонъ не мѣшалъ додѣлываться, напримѣръ Шведскому дѣлу; начать же что-нибудь новое было для него тяжело: такъ, ему хотѣлось сближенія съ Россіею, онъ былъ бы радъ дѣйствовать тутъ совершенно вопреки поведенію Шуазеля, но онъ началъ поздно и велъ дѣло чрезвычайно медленно. Не было общаго плана дѣйствія, не было ничего выясненнаго.

Въ началѣ 1772 года, русскій повѣренный въ дѣлахъ, Хотинскій, имѣлъ разговоръ съ герцогомъ Эгильономъ по поводу мирныхъ условій, предложенныхъ Россіею Турціи. Когда Хотинскій замѣтилъ, что пожертвованіе Молдавіею и Валахіею съ русской стороны должно повести къ миру, то Эгильонъ выразилъ сомнѣніе во всей своей наружности и вскрикнулъ: „А Крымъ къчему“? Потомъ, немного помолчавъ, прибавилъ: „Вы знаете, что

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 256.

Турки не хотятъ ничего уступить". Хотинскій замѣтилъ: „Какое же будетъ вознагражденіе за полученные нашимъ оружіемъ успѣхи и понесенные убытки"? Герцогъ отвѣчалъ съ холоднымъ видомъ и вполголоса: „Думаю, что вознагражденіе это будетъ состоять въ деньгахъ. По турецкимъ приготовленіямъ видно, что Порта вовсе не отказывается отъ четвертой кампаніи. Турки знаютъ, что ваши эскадры не въ состояніи больше держаться въ морѣ, чему и дивиться нечего, когда принуждены десять мѣсяцевъ въ году отправлять службу: отъ этого корабли испортились и люди гибнутъ. Турки знаютъ, что пополненіе арміи рекрутами становится вамъ трудно по причинѣ мора; оставшіеся въ государствѣ полки истощены; въ деньгахъ также большой недостатокъ, такъ что самимъ министрамъ вашимъ платится жалованье бумагою".—„Уже съ самаго начала войны", сказалъ Хотинскій, „слыхалъ я такія разсужденія; давно ждутъ, что мы истощимся. Правда, война намъ тяжела: но такъ какъ у насъ нѣтъ государственнаго долга и содержаніе войска стоитъ дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ, то и можемъ мы вынести военныя издержки долѣе другихъ государствъ, которыя и побогаче насъ. Что касается флота, то возвратившіеся съ него чрезъ Францію переводчикъ Лизакевичъ и поручикъ Прощинъ сказывали мнѣ, что на эскадрахъ все благополучно".—„Наборъ страшно тягостенъ для дворянства", возразилъ Эгильонъ: „теперь принуждены давать осьмого человѣка". — „Вамъ сообщено ложное извѣстіе", сказалъ Хотинскій: „набираютъ 80,000 человѣкъ, слѣд. жребій падаетъ слишкомъ на сотаго человѣка, ибо въ подушномъ окладѣ записано болѣе 9 милліоновъ душъ". — „У насъ есть обстоятельныя извѣстія", продолжалъ герцогъ: „вычтя дѣтей, стариковъ и вольныхъ людей, немного станется годныхъ въ службу. Планъ вашей государыни содержать армію въ Крыму, другую—на Дунаѣ и флотъ въ Архипелагѣ безспорно хорошъ, славенъ и великъ; но такіе планы должны быть маскированы: иначе, въ случаѣ продолжительности войны, не имѣютъ ожидаемаго успѣха; примѣромъ служитъ нашъ походъ въ Баварію: первая кампанія была блестяща, а послѣ армія исчезла отъ болѣзней и недостатка въ рекрутахъ". Когда Хотинскій распространился о пользѣ бумажныхъ денегъ, то Эгильонъ отвѣчалъ: „Вообще этотъ легкій способъ пріобрѣтать деньги вреденъ, потому что обыкновенно ведетъ къ злоупотребленіямъ. Мнѣ нечего вамъ говорить, какія отъ этого у насъ родились бѣды,—вы сами ихъ видите".

Въ мартѣ былъ другой любопытный разговоръ. *Эгильонъ:*—„Равновѣсіе въ Европѣ нарушится, если вы успѣете предписать Туркамъ миръ на трехъ условіяхъ: свободное мореплаваніе по Черному морю, гавань на немъ и независимость Татаръ. Съ такими выгодами вы скоро будете и въ Константинополѣ, и тогда кто васъ оттуда выживетъ?"—*Хотинскій:* „Кто захочетъ".—*Эгильонъ:* „Кто же это?" —*Хотинскій* (съ улыбкою): „Вы первые, потомъ Австрійцы и Англичане".—*Эгильонъ:* „Тогда уже будетъ поздно". —*Хотинскій:* „Неужели вы серьезно такъ думаете?" —*Эгильонъ:* „Совершенно серьезно".—*Хотинскій:* „Въ такомъ случаѣ и я вамъ признаюсь, что выгоды, которыя мы себѣ выговариваемъ, болѣе славны для насъ, чѣмъ полезны, ибо что касается мореплаванія, то представляю вамъ въ примѣръ, какой успѣхъ имѣемъ мы на Балтійскомъ морѣ, которое намъ открыто. Вы знаете, что нашу торговлю производятъ чужіе народы, и, несмотря на всѣ старанія поощрять нашъ народъ къ морской торговлѣ, онъ на это не поддается, изъ чего ясно видно, что нѣтъ въ немъ къ этому промыслу склонности. Крымскіе Татары останутся независимыми".—*Эгильонъ:* „Какая можетъ быть ихъ независимость? Вы уже выбрали имъ и хана, который будетъ вамъ преданъ. Когда вамъ понадобится, пошлете вы ихъ на Венгрію и другія Австрійскія земли, которыя они разорятъ прежде, чѣмъ Вѣнскій Дворъ успѣетъ оглянуться и собрать разсѣянныя по Италіи и Фландріи свои войска. Можно ли вамъ предписать, чтобъ вы имѣли на Черномъ морѣ только десять, двадцать или тридцать кораблей и о сколькихъ пушкахъ? Вы и такъ уже сильны съ королемъ Прусскимъ; вы теперь дружны съ нимъ, и онъ все вамъ позволяетъ; но современемъ и съ нимъ вы справитесь. Вы безопасны по своему положенію: кто пойдетъ нападать на васъ въ такую даль? Впрочемъ, вы дѣлаете хорошо, настаивая на полученіи этихъ выгодъ. Я бы то же на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ; но сомнѣваюсь, чтобъ Турки вамъ уступили".

11 марта Хотинскій въ первый разъ сообщилъ своему Двору о парижскихъ слухахъ, что Россія, Пруссія и Австрія сговариваются насчетъ раздѣла Польши. 27 марта Хотинскій былъ у Эгильона, который повторилъ ему прежнее: „Если Турки отступятся отъ Крыма, то чрезъ два года онъ будетъ въ вашихъ рукахъ, а Константинополь—чрезъ четыре". Но многозначительнѣе было восклицаніе герцога въ концѣ разговора: „Вѣнскій Дворъ сдѣлалъ великую ошибку!" Въ разговорѣ, происходившемъ въ апрѣлѣ, Хотинскій между прочимъ сказалъ Эгильону: „Право, герцогъ, надобно бы вамъ оказать услугу и Туркамъ, и намъ, и всему человѣчеству, уговоривъ Порту быть посговорчивѣе".—„Какъ вы хотите", отвѣчалъ Эгильонъ, „чтобъ мы подали такой совѣтъ, когда мы же и побудили Турокъ къ войнѣ? Сверхъ того, нашъ кредитъ не очень великъ. Сдѣлали глупость, что позволили пройти вашему флоту". Отъ 26 апрѣля Хотинскій писалъ Панину: „Здѣсь совершенно увѣрены, что долженъ послѣдовать раздѣлъ нѣкоторой части Польши между Россіею, Австріею и Пруссіею. Какъ на насъ сердятся и попрекаютъ намъ по этому дѣлу,—можете себѣ вообразить. Не думали здѣсь, чтобъ когда-либо Вѣнскій Дворъ согласился на раздробленіе Польши, способствующее усиленію нашему, а больше всего короля Прус-

скаго, государя предпріимчиваго и безъ того уже опаснаго Австрійскому Дому" [1]).

„Что скажетъ Франція, что скажетъ Испанія, Англія, когда мы теперь вдругъ такъ тѣсно соединимся съ тѣми, которыхъ мы такъ сильно желали сдерживать и которыхъ поведеніе объявляли несправедливымъ?"—писала Марія-Терезія, противясь приступленію Австріи къ раздѣлу Польши [2]). Кауницу, разумѣется, не было дѣла до того, что скажутъ Испанія и Англія; но онъ долго бы думалъ о томъ, что скажетъ Франція, если-бъ ея внѣшними сношеніями управлялъ Шуазель. Но съ Эгильономъ онъ не считалъ нужнымъ церемониться. Знаменитый Южный союзъ Австро-Франко-Испанскій, созданный Шуазелемъ, который одинъ могъ его поддерживать, безъ Шуазеля ослабѣлъ, оставался недѣятельнымъ; Австрія перестала надѣяться на помощь Франціи, на ея вліяніе, и потому перестала и бояться ея: Іосифъ и Кауницъ не заботились болѣе о томъ, что скажетъ Эгильонъ или Людовикъ XV. Еще въ іюнѣ 1771 года графъ Брольи писалъ королю по поводу неудачъ Дюмурье: „Найти средство противъ всего этого не было бы очень трудно, если-бъ Вѣнскій Дворъ желалъ добра этой несчастной націи, но я подозрѣваю, что онъ не желаетъ видѣть ее побѣдоносною; пораженная, она скорѣе подчинится законамъ, которые хотятъ ей предписать, и честолюбивые сосѣди именно желаютъ видѣть ее въ этомъ положеніи. Только ваше величество можетъ ей помочь. Новое министерство (Эгильона) не сумѣетъ еще понять, какъ судьба этой республики политически должна интересовать Францію; новый посолъ, котораго назначаютъ въ Вѣну (принцъ Роганъ), пойметъ это еще менѣе. Такимъ образомъ, Провидѣніе соединяетъ всѣ обстоятельства для разрушенія нашихъ интересовъ и нашей системы въ этой части Европы". Но эти внушенія не производили никакого дѣйствія. Людовикъ XV раньше и опредѣленнѣе зналъ о планѣ раздѣла Польши. Французскій посланникъ въ Берлинѣ доносилъ еще въ мартѣ 1771 года о словахъ, сказанныхъ ему шведскимъ министромъ при Прусскомъ Дворѣ: „Все кончено; Прусскій король все обдѣлалъ—и миръ (Россіи съ Турціею) будетъ подписанъ до истеченія четырехъ мѣсяцевъ. Польша заплатитъ за все". Въ самомъ началѣ 1772 года Людовикъ XV писалъ графу Брольи, что герцогъ Эгильонъ обратился къ австрійскому послу, графу Мерси д'Аржанто, чтобъ вывѣдать отъ него, не желаетъ ли Австрія „получить свою долю въ польскомъ пирогѣ, какъ все заставляетъ думать". Мерси, наконецъ, объяснился съ Эгильономъ о раздѣлѣ Польши: онъ представилъ, что опасность, какою грозили Австріи соединенныя силы Россіи и Пруссіи, заставила императора и императрицу принять участіе въ раздѣлѣ, которому они не могли помѣшать. Вѣнскій Дворъ сознаетъ несправедливость дѣла; но именно, для уменьшенія несправедливости, онъ счелъ своею обязанностію принять въ ней участіе, думая, что это было единственнымъ средствомъ положить ей границы; при этомъ доля, достающаяся его государямъ, такъ мала въ сравненіи съ пріобрѣтеніями другихъ державъ, что Вѣнскій Дворъ только съ прискорбіемъ можетъ смотрѣть на событіе, наклоняющее вѣсы далеко не въ его пользу. Что касается молчанія, которое соблюдалъ Вѣнскій Дворъ о своихъ сношеніяхъ по этому предмету съ Россіею и Пруссіею, то такое же молчаніе наблюдало и правительство Французское: Вѣнскому Двору извѣстно, что герцогъ Эгильонъ сносился съ прусскими эмиссарами и объявилъ одному изъ нихъ, что Франція будетъ смотрѣть равнодушно на то, что станутъ дѣлать съ Польшею. Прусскій король далъ знать въ Вѣну о желаніи Франціи сблизиться съ нимъ. Такимъ образомъ, Вѣнскій Дворъ, видя, что не можетъ полагаться вполнѣ на Францію, долженъ былъ принять предосторожности противъ бури, которой одинъ онъ не могъ противиться.

Это объясненіе сильно разсердило Эгильона. Онъ отвѣчалъ, что недостатокъ довѣрія, обнаруженный Вѣнскимъ Дворомъ, можетъ произвести охлажденіе между нимъ и Франціею, которое, постоянно усиливаясь, можетъ повести къ полному разрыву союза [3]). Но эти угрозы не могли испугать Вѣнскій Дворъ. Мерси доносилъ: „Такъ какъ интриги поглощаютъ здѣсь вниманіе всѣхъ и отвлекаютъ отъ внѣшнихъ дѣлъ, то нечего много бояться. Что герцогъ Эгильонъ говорилъ мнѣ до сихъ поръ по поводу Польши,—очень мало меня затрудняетъ. Этотъ министръ ведетъ дѣло безъ энергіи, безъ системы; характеръ его требуетъ употребленія мелкихъ средствъ лживости; но эта метода никогда не можетъ быть очень страшна, и побуждаетъ только къ небольшой бдительности и наблюдательности. Я вижу ясно, что распоряженія относительно Польши лично не затронули короля". Несмотря на то, Марія-Терезія писала Мерси: „Какъ бы я ни была увѣрена въ чувствахъ короля, я не рѣшусь сама писать ему объ этомъ предметѣ; говорите что хотите ему отъ меня". Людовикъ XV, въ разговорѣ съ Мерси, отзывался съ глубокимъ уваженіемъ о Маріи-Терезіи, а объ Іосифѣ спросилъ со смѣхомъ, какъ онъ поживаетъ съ своимъ другомъ, королемъ Прусскимъ. Тутъ фаворитка, замѣтивъ, что веселость короля грозитъ перейти извѣстныя границы, начала говорить: „Я увѣрена, что императоръ вполнѣ знаетъ короля Прусскаго, и потому легко судить о характерѣ дружбы его къ человѣку, привыкшему обманывать весь свѣтъ и на слово котораго никогда нельзя положиться" Мерси говорилъ въ томъ же духѣ, и король сказалъ: „Надѣюсь, что всѣ эти затруд-

---

[1]) Дѣла Французскія 1772 года.

[2]) Arneth—Mar.-Theres. Letzte Regierungszeit, II, 360.

[3]) Correspond. secrète de Louis XV, I, 160, 425 430, 436.

ненія кончатся по возможности съ наименьшимъ вредомъ" [1]).

Людовикъ XV успокоился на этой надеждѣ, и герцогу Эгильону осталось говорить проповѣди въ родѣ той, какую онъ сказалъ Хотинскому по поводу раздѣла Польши: „А королю Прусскому достанется лучшая часть. Мы не досадуемъ, что онъ усиливается, но вы будете о томъ когда-нибудь жалѣть. Вотъ до-чего довели поступки герцога Шуазеря, тогда какъ по положенію обоихъ нашихъ государствъ должны были бы мы жить въ дружбѣ со взаимною выгодою".

Лѣтомъ отозванъ былъ изъ Петербурга французскій повѣренный въ дѣлахъ, Сабатье, и замѣненъ Дюраномъ, переведеннымъ изъ Вѣны. Это назначеніе встревожило Вѣнскій и особенно Берлинскій Дворъ по дознанной ловкости Дюрана, дипломата старой школы. По поводу его Эгильонъ сказалъ Хотинскому: „Я открою вамъ однимъ, что попытаюсь сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ вашимъ Дворомъ; но если онъ не будетъ отвѣчать тѣмъ же, то я отступлю. Вамъ довольно извѣстенъ образъ моихъ мыслей, и мнѣ кажется, что злоба и происки одного частнаго человѣка (Шуазеля) должны быть презираемы великими государствами". Въ сентябрѣ, по поводу извѣстія о разрывѣ Фокшанскаго конгресса, Эгильонъ сказалъ Хотинскому: „Удивляюсь, какъ ваши союзники, и особенно король Прусскій, не склонили или не принудили Турокъ къ миру; но я думаю, вашъ Дворъ не такъ добръ, чтобъ повѣрилъ, что они, дѣйствительно, хлопотали о примиреніи. Признаюсь, что и я на ихъ мѣстѣ не желалъ бы ничего болѣе, какъ чтобъ моимъ сосѣдямъ выѣли бѣлки изъ глазъ. Быть можетъ, мы могли бы вамъ больше ихъ услужить, но вы насъ въ сторону отложили". Хотинскій замѣтилъ на это, что Россія обязана Франціи Турецкою войною.—„Но вы знаете", сказалъ герцогъ, „что мы ищемъ только одного:—жить съ вами въ дружбѣ". — „Вы должны прибавить", замѣтилъ Хотинскій, „что такое исканіе началось развѣ съ тѣхъ поръ, какъ вы на мѣстѣ герцога Шуазеля". На это Эгильонъ отвѣчалъ: „Тому уже около двухъ лѣтъ, какъ предмѣстникъ мой удаленъ".—„А все-таки", замѣтилъ Хотинскій, „намъ не по чему было догадаться, что съ Шуазелемъ перемѣнились и мысли здѣшняго Двора".—„Увидимъ, что Дюранъ сдѣлаетъ", сказалъ Эгильонъ и кончилъ этимъ разговоръ.

Хотинскій получилъ отъ своего Двора приказаніе писать, какъ относится французская публика къ раздѣлу Польши. Хотинскій писалъ, что, по мнѣнію французскихъ политиковъ, раздѣлъ послѣдовалъ по давнему желанію Прусскаго короля пріобрѣсть Польскую Пруссію; удивляются одному: какъ Вѣнскій Дворъ до этого допустилъ; что же касается Россіи, то говорятъ, что она, не имѣя нужды въ пріобрѣтеніи новыхъ земель, никакъ не желала раздѣла Польши, но, будучи занята войною, не могла одна воспротивиться желанію короля Прусскаго.

8 ноября Хотинскій описывалъ разговоръ свой съ Эгильономъ по поводу извѣстій о ласковомъ пріемѣ Дюрана въ Петербургѣ. *Хотинскій:* „Теперь уже около года, какъ дѣла могли бы быть въ настоящемъ положеніи, если бы, по тогдашнимъ моимъ внушеніямъ, вы послали въ Россію отъ себя человѣка". – *Эгильонъ:* „Вы знаете, что я дѣлалъ то, что мнѣ было возможно. Мы сдѣлали первый шагъ, но я этого не стыжусь; я сообщилъ объ этомъ нашимъ друзьямъ и Испаніи, которая согласна съ нами: благоразумнѣйшіе должны первые уступить".—*Хотинскій:* „По совѣсти, не могли мы первые уступить; но такъ какъ дѣла дошли уже до желаннаго конца, то для чего людямъ, враждебнымъ возстановленію согласія между Россіею и Франціею, даны способы къ отдаленію такого добраго дѣла противорѣчіями съ здѣшней стороны словами и дѣлами".—*Эгильонъ:* „Въ чемъ состоитъ это противорѣчіе"?—*Хотинскій:* „Перемиріе продолжено, и конгресъ будетъ возстановленъ вслѣдствіе повторительныхъ прошеній Турокъ; а въ парижской газетѣ напечатано, что Турки по нашему прошенію на это согласились; изъ такихъ заявленій, повидимому, можно заключить, что вы продолжаете намъ недоброхотствовать".—*Эгильонъ:* „Я этого не замѣтилъ въ газетѣ, но помню, что такое извѣстіе прислано было изъ Вѣны, и вѣрно съ прочими извѣстіями не нарочно напечатано; а для доказательства, что это дѣлается безъ всякаго намѣренія, хотите—я велю вамъ присылать корректуры газетъ, и вы можете вычеркивать изъ нихъ все, что вамъ не понравится".—*Хотинскій:* „Очень благодаренъ, я этого не желаю: прошу объ одномъ—приказать, чтобъ впередъ или умалчивали, или поскромнѣе упоминали о вещахъ, къ которымъ Дворъ мой не можетъ быть равнодушенъ".—*Эгильонъ:* „Обѣщаю".—На другой день опять разговоръ. *Эгильонъ:* „Дюранъ былъ милостиво принятъ императрицею и всѣ придворные обошлись съ нимъ очень учтиво; онъ особенно хвалился ласковостью графа Панина, который сказалъ ему:—„Вы можете донести своему Двору, что мы не имѣемъ обязательствъ, которыя запрещали бы намъ быть въ союзѣ съ Франціею".—Увидимъ, что будетъ дальше".—*Хотинскій:* „Надобно теперь ожидать, что нежелающіе возстановленія между обоими Дворами дружбы станутъ всѣми средствами этому препятствовать и стараться продлить бывшее недовѣріе, и потому было бы лучше на первый разъ усиливать дружбу, не показывая этого явно".—*Эгильонъ:* „Больше не отъ кого ждать этихъ раздоровъ, какъ отъ Пруссаковъ".—*Хотинскій:* „И отъ Англичанъ надобно такъ-же остерегаться, ибо хотя Франція теперь съ ними и въ дружбѣ, не надобно, однако, забывать, что они естественные ея непріятели".—*Эгильонъ:* „Прусскій министръ, конечно, на васъ

[1]) Arneth et Geffroy — Marie-Antoinette. Correspond. secrète, etc. I, 298, 305, 307, 352.

нападетъ, чтобъ что-нибудь узнать; но я надѣюсь, что вы ему не перескажете нашего разговора. Вѣнскій и сардинскій послы мнѣ жаловались, что онъ не даетъ имъ покоя своими разспросами о новостяхъ".—Екатерина написала на этомъ письмѣ Хотинскаго: „Эта депеша показываетъ ясно въ господинѣ Эгильонѣ интригантскій духъ и желаніе замутить" [4]).

Эта замѣтка была слѣдствіемъ новаго сильнаго раздраженія противъ Франціи, которое было произведено шведскою революціею.

23-го марта Остерманъ увѣдомилъ Панина, что пріѣзжалъ къ нему прусскій посланникъ, графъ Денгофъ, съ просьбою, чтобъ русскій посланникъ употребилъ свое вліяніе между государственными чинами и уговорилъ ихъ дать позволеніе Густаву III-му во время его финляндской поѣздки посѣтить Петербургъ. Екатерина написала Панину по этому случаю: „Въ отвѣтъ графу Остерману о пріѣздѣ сюда короля Шведскаго дайте ему знать, что пріѣздъ его величества, если на то его рѣшительное желаніе есть, мнѣ не противенъ будетъ; но что въ нынѣшнемъ году я сумнѣваюсь, чтобъ оный мѣсто имѣлъ, если мнѣ сравнять сей поступокъ со взятыми мѣрами генерала Эреншверта и его кордонъ, ибо его величество имѣетъ опасаться, что сей генералъ, знавъ столь утвердительно, что у насъ язва, изъ усердія сего государя къ намъ не пропуститъ. И для того предпишите графу Остерману, чтобъ онъ сюда прислалъ, и то какъ можно скорѣе, точное увѣдомленіе, въ какомъ году и въ какомъ мѣсяцѣ точно король быть думаетъ, дабы, по крайней мѣрѣ, не двойныя были намъ издержки, ибо лѣтнія приготовленія къ тому пріѣзду весьма разнствуютъ отъ зимнихъ. Въ самомъ дѣлѣ, и самъ король Шведскій еще не показывалъ графу Остерману свое къ сему посѣщенію желанье, но только прусскій посланникъ отзывался именемъ своего короля: и такъ прикажите намъ прислать что ни на есть точнѣе, не придавая и не отнимая у моего братца охоты ѣхать или дома остаться. Мнѣ, кажется, однако, весьма вѣтрено, имѣвъ дома хлопоты и голодъ, государю рыскать по чужимъ краямъ". Это намѣреніе посѣтить Екатерину было придумано, какъ видно, для того только, чтобъ ослабить вниманіе Русскаго Двора къ замышляемому измѣненію конституціи.

Мы видѣли, что главнымъ стараніемъ Остермана и русской партіи было уравненіе этой партіи въ сенатѣ, для чего нѣкоторые изъ противной партіи должны были выйти изъ сената, на что и послѣдовало соглашеніе между обѣими сторонами. Но когда дошла очередь до сенатора, графа Шефера, очень дорогого для французской партіи, то, по выраженію Остермана, „всѣ пружины къ спасенію его поднялись", и фельмаршалъ, графъ Ферзенъ, обратился къ одному изъ вождей русской партіи съ предложеніемъ, чтобъ его партія удовольствовалась выходомъ только двоихъ сенаторовъ. Остерманъ предложилъ сдѣлку: чтобъ два сенатора уже подали просьбу объ увольненіи; чтобъ Шеферъ отказался отъ вице-президентскаго мѣста въ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ; чтобъ сенаторъ, баронъ Дюбенъ, былъ выбранъ единогласно президентомъ канцеляріи, съ согласія короля; чтобъ мѣсто вице-президента отдано было члену русской партіи, барону Риддерстолпе; чтобъ всѣ вожди французской партіи обязались честнымъ словомъ впредь никогда не думать о низверженіи сената, и чтобъ король далъ также свое обнадеживаніе; чтобъ вице-адмирала Фалькенгрена ввести въ сенатъ сверхъ комплекта, и чтобъ французская партія въ теченіи сейма не причиняла никакого помѣшательства и затрудненія. Ферзенъ не противорѣчилъ этимъ требованіямъ; но когда дѣло дошло до исполненія, то Остерманъ долженъ былъ уступить, и радъ былъ, что вице-президентское мѣсто было занято хотя членомъ французской партіи, но не такъ опаснымъ. Сеймъ тянулся, тянулись потому и русскія деньги изъ Петербурга, хотя оттуда и повторяли Остерману, чтобъ онъ старался объ окончаніи сейма, что посылать по 50,000 рублей въ Стокгольмъ тяжело для Россіи при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Но Остерманъ сталъ увѣдомлять не о сеймовыхъ затрудненіяхъ, причиняемыхъ противною партіею,—сталъ увѣдомлять о замыслахъ болѣе важныхъ. Къ депешѣ отъ 11-го іюля онъ приложилъ документъ, сообщенный ему въ величайшемъ секретѣ англійскимъ посланникомъ и полученный послѣднимъ съ нарочнымъ курьеромъ. Въ документѣ говорилось, что, по самымъ вѣрнымъ извѣстіямъ, 20-го мая было тайное свиданіе у короля съ французскимъ посланникомъ Верженемъ, причемъ король объявилъ, что не можетъ болѣе переносить безчисленныхъ оскорбленій, которыя наносятъ ему постоянно государственные чины; что истощенное терпѣніе не позволяетъ ему болѣе выбора средствъ для спасенія независимости своей короны; что его непремѣнно хотятъ подвести подъ русское иго, но что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ подвергнется такому безчестію. Послѣ этого вступленія король открылъ посланнику планъ своего освобожденія. Въ финляндской крѣпости Свеаборгѣ, лежащей среди моря, находится складъ оружія, назначеннаго для предпріятія; гарнизонъ крѣпости состоитъ изъ иностранцевъ, боящихся, что скупость государственныхъ чиновъ убавитъ ихъ содержаніе, и потому недовольныхъ и готовыхъ на все. Они-то должны внезапно явиться предъ Стокгольмомъ. Пользуясь переполохомъ, который произведетъ ихъ появленіе, король соберетъ четыре чина и предложитъ имъ конституцію справедливую и умѣренную: предоставляя имъ гражданскую свободу и всѣ ихъ права, она отнимаетъ у нихъ только свободу дѣлать зло и измѣнять интересамъ отечества. Надобно ожидать, что страхъ заставитъ ихъ и на все согласиться. Если же Свеаборгцы будутъ задержаны въ шкерахъ морскими

---

[4]) Дѣла Французскія 1772 года.

препятствіями или пригнаны вѣтромъ къ сторонѣ Норкёпинга, то король пойдетъ противъ нихъ въ челѣ своей гвардіи, будто съ цѣлью воспрепятствовать ихъ высадкѣ, а между тѣмъ постарается соединить оба войска и возвратиться въ столицу для нанесенія послѣдняго удара. На замѣчаніе посланника, что въ этомъ предпріятіи ставится на карту все съ небольшою вѣроятностью успѣха, король отвѣчалъ, что онъ все предусмотрѣлъ; что онъ не скрываетъ отъ себя опасности предпріятія, но, каковъ бы ни былъ исходъ послѣдняго, онъ менѣе боится безуспѣшности дѣла и крайностей еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ позора, которымъ покрывается его царствованіе; что кротость, какою онъ до сихъ поръ руководствовался въ своемъ поведеніи, сочтена была за слабость, русская партія пользуется ею съ величайшею наглостью: время ему оправдаться въ глазахъ Европы, и, будь что ни будетъ, онъ рѣшился попытать счастія. Верженъ уступилъ и согласился дать королю денегъ на предпріятіе.— Это извѣстіе вполнѣ подтверждается донесеніемъ Верженя своему Двору: такъ умѣли Англичане доставать вѣрныя свѣдѣнія! „Вамъ", писалъ Остерманъ Панину, „извѣстно все мое постоянное бодрствованіе при всѣхъ бывшихъ покушеніяхъ; но противъ такой внезапности силы мои недостаточны; я могу употреблять только поощреніе къ предосторожности, что конечно, мною опущено не будетъ". Противъ подозрительности Остермана и его поощреній къ предосторожностямъ король выдвинулъ опять намѣреніе посѣтить Россію. Онъ далъ знать Остерману, что 22 іюля желаетъ имѣть съ нимъ свиданіе въ такъ-называемомъ Хмельномъ саду, и, дѣйствительно, пріѣхалъ туда въ 9 час. вечера, когда почти всѣ гуляющіе уже оставили садъ. Густавъ III, послѣ обычныхъ извиненій, что заставилъ посла ждать, началъ разговоръ тѣмъ, что завтра объявитъ сенату о своемъ намѣреніи воспользоваться своею финляндскою поѣздкою и посѣтить Русскую императрицу, чего давно жаждетъ по родству и уваженію къ ея блистательнымъ качествамъ. Остерманъ отвѣчалъ увѣреніями, что государынѣ его чрезвычайно будетъ пріятно имѣть у себя такого дорогого гостя, любезнаго сосѣда и близкаго родственника, прибавивъ, что такія увѣренія онъ дѣлаетъ по приказанію ея величества, которой извѣстно уже намѣреніе королевское. Остерманъ выразилъ и собственную радость, что король получитъ самый удобный случай удостовѣриться въ правдѣ его обнадеживаній относительно доброжелательства императрицы къ Швеціи, и если это доброжелательство не высказалось во всей силѣ, то не отъ нея это зависѣло. На это король сказалъ: „Не сомнѣваюсь, что многимъ шляпамъ и колпакамъ наше свиданіе съ императрицею будетъ очень непріятно; по своей алчности къ господству, они не желаютъ личныхъ свиданій между государями". Остерманъ спросилъ: „Когда королю будетъ угодно предпринять путешествіе въ настоящемъ, или будущемъ году".—„Это будетъ отъ васъ зависѣть", отвѣчалъ Густавъ III-й, „когда вы сеймъ кончите" —„Если-бъ это отъ меня зависѣло", сказалъ Остерманъ, „то я бы нынче же прекратилъ сеймъ; но вашему величеству лучше меня извѣстны обязательства, препятствующія его окончанію".— „Я знаю здѣшній фанатизмъ", сказалъ король; „но думая, что вы окончите сеймъ, когда объ этомъ всего меньше будутъ думать, я рѣшился заранѣе исходатайствовать у государственныхъ чиновъ позволеніе путешествовать, и когда получу позволеніе, отпишу самъ къ ея императорскому величеству" Этимъ разговоръ и кончился; а на другой день король дѣйствительно объявилъ сенату о своей поѣздкѣ, прибавивъ, что такъ какъ нельзя предвидѣть окончанія сейма, то поѣздка не можетъ состояться ранѣе мая мѣсяца будущаго года. Остерманъ не былъ обманутъ и писалъ Панину, что все это выдумано нарочно для отвращенія вниманія отъ принятыхъ королемъ намѣреній.

Намѣренія были приведены въ исполненіе. Извѣстія о соглашеніи между Россіею, Пруссіею и Австріею насчетъ раздѣла Польши заставляли Густава спѣшить дѣломъ, какъ изъ страха, чтобъ этого же не случилось и съ Швеціею при ея сеймовыхъ неурядицахъ, такъ и изъ страха, что Россія, развязавши себѣ руки относительно Польши и, по всѣмъ вѣроятностямъ, относительно Турціи, обратитъ всѣ усилія къ упроченію своего вліянія въ Швеціи. Еще въ 1768 году молодой Густавъ записалъ въ своемъ журналѣ: „Въ Варшавѣ держали два совѣта, и результатомъ совѣщаній было то что король и сенатъ обратятся за покровительствомъ къ Русской императрицѣ. Это позоръ!. Ахъ, Станиславъ-Августъ! Ты не король и даже не гражданинъ! Умри для спасенія независимости отечества, а не принимай недостойнаго ига въ пустой надеждѣ сохранить тѣнь могущества, которую указъ изъ Москвы заставитъ исчезнуть!" Потомъ записано: „Польскія извѣстія все тѣ же: анархія и подкупъ! То же будетъ и съ нами, если не поможемъ себѣ сильными мѣрами". Этотъ взглядъ былъ заявленъ и въ публикѣ. Въ началѣ 1772 года читали въ одномъ очень распространенномъ стокгольмскомъ журналѣ: „Время обратить вниманіе на наше завтра. Намъ угрожаетъ та же участь, что и Полякамъ; но мы еще можемъ найти Густава-Адольфа. Отчего происходитъ несчастіе Польши? — отъ нетвердости законовъ, отъ постояннаго униженія королевской власти, и отсюда -- неизбѣжное вмѣшательство сосѣднихъ державъ во внутреннія дѣла".

Вмѣстѣ съ возстаніемъ въ Свеаборгѣ, должно было вспыхнуть возстаніе на юго-западѣ королевства, въ Христіанштадтѣ, и оно-то началось первое; оба брата королевскіе должны были его поддерживать. Чины, собранные въ Стокгольмѣ, встревожились, зная цѣль движенія и участіе въ немъ короля. Противъ войска чины могли защищаться только войскомъ же, преданнымъ конституціи, и съ нетерпѣніемъ ждали прибытія въ Стокгольмъ

Упландскаго полка; но Густавъ III предупредилъ. 19-го августа (н. с.) онъ обратился съ горячею рѣчью къ офицерамъ и солдатамъ,—и тѣ, за немногими исключеніями, приняли его сторону; стража была приставлена къ дверямъ сената; самые опасные, самые видные члены противной партіи были схвачены; члены секретнаго комитета разбѣжались; въ нѣсколько часовъ весь Стокгольмъ находился во власти короля. На третій день Густавъ прочелъ сейму новую конституцію, которая была принята среди рукоплесканій.

10-го августа (с. с.) Остерманъ донесъ, что не только гвардія, артиллерія, мѣщанство, всѣ коллежскіе департаменты, но и собраніе государственныхъ чиновъ, принужденные силою, обязались присягою повиноваться всѣмъ повелѣніямъ короля и признать ту форму правленія, которую онъ имъ представитъ. „Вотъ все, что я могъ узнать", писалъ Остерманъ, „потому что я лишился всѣхъ своихъ друзей, которые такъ оробѣли, что ни одинъ не смѣетъ ко мнѣ придти. Сенатъ и вожди благонамѣренныхъ, не хотѣвшіе присягать, арестованы, равно какъ ораторъ мѣщанскаго чина, секретарь поселянскаго и нотаріусы". Вслѣдъ затѣмъ Остерманъ описывалъ свой разговоръ съ главнымъ зачинщикомъ переворота, графомъ Карломъ Шеферомъ. Въ собраніи при Дворѣ Шеферъ подошелъ къ нему съ комплиментомъ его поведенію во время переворота: „Король", говорилъ Шеферъ, „очень доволенъ вашимъ поведеніемъ и приказалъ васъ увѣрить, что пріобрѣтенная имъ теперь власть, вмѣсто умаленія согласія между Россіею и Швеціею, будетъ служить къ его утвержденію. Хотя бы его государство стало еще сильнѣе, чѣмъ теперь,— отнюдь не намѣренъ онъ прямо или косвенно препятствовать предпріятіямъ и завоеваніямъ императрицы". Остерманъ отвѣчалъ, что не преминетъ передать своему Двору эти увѣренія; но при этомъ нашелъ нужнымъ замѣтить, что вѣроятно есть державы, которыя не будутъ равнодушно смотрѣть на тѣсную связь между Россіею и Швеціею; что же касается завоеваній, то извѣстна обширность Россіи, не требующая дальнѣйшаго распространенія. Шеферъ, понявши, что Остерманъ намекаетъ на Францію, отвѣчалъ: „Правда, что нашъ король находится въ тѣснѣйшей дружбѣ съ Французскимъ Дворомъ; однако, въ угодность ему, не предприметъ никогда ничего противнаго Русскому Двору. Да не скрою отъ васъ, что и самъ Французскій Дворъ при нынѣшнемъ министрѣ, герцогѣ Эгильонѣ, перемѣнилъ прежнюю широкую политику герцога Шуазеля, принялъ тѣ же миролюбивыя правила, какія и нашъ король соблюдать намѣренъ". Остерманъ, разсмѣявшись, отвѣчалъ: „Если это правда, то жаль, что Эгильонъ не вступилъ ранѣе въ министерство: тогда не было бы и войны у насъ съ Турками". Шеферъ согласился съ посломъ. Сообщая этотъ разговоръ, Остерманъ писалъ, что участники въ переворотѣ твердятъ о согласіи Прусскаго короля на ихъ дѣло; самъ Густавъ III-й увѣрялъ каждаго, что ни Прусскій король, ни Русская императрица не будутъ спорить противъ установленной формы правленія. Радость сестры Фридриха II-го, вдовствующей королевы Шведской, была неописанно велика, по выраженію Остермана; она приписывала себѣ начало событія и, узнавъ о его совершеніи, сказала: „Теперь узнаю въ Густавѣ свою кровь" [1]).

Можно утвердительно сказать, что извѣстіе о шведскихъ событіяхъ было самое непріятное по внѣшнимъ дѣламъ, какое до сихъ поръ получала Екатерина. Она видѣла въ переворотѣ побѣду Франціи, которая воспользуется ею, чтобъ возбудить войну между Швеціею и Россіею,—войну опасную по близкому сосѣдству съ Петербургомъ и открытости границъ; кромѣ того, эта война поддержитъ войну Турецкую, можетъ поддержать и Поляковъ въ ихъ сопротивленіи раздѣлу. Въ апрѣлѣ 1771 года Екатерина писала Румянцеву: „Король Шведскій получилъ въ Парижѣ извѣстіе о кончинѣ его родителя, чѣмъ наши искони ненавистники Французы и воспользовались дачею нѣкоторой недоимочной субсидіи; но въ Швеціи, кажется, шапки имѣютъ также нѣкоторыя поверхности; итакъ, въ надеждѣ на милости Всевышняго, будемъ спокойно зрѣть на сеймическое окончаніе, если-бъ же дерзнули (Шведы) на злое предпріятіе, то я персонально готова оборонять и умереть на оборонѣ той части границы нашей, честь коей никому уже не уступлю; но полагаю, кажется, безошибочно, что въ томъ нужды не будетъ" [2]). Но теперь, чего больше всего опасались, то случилось. Еще прежде полученія депеши отъ Остермана, 16 августа, въ присутствіи императрицы, Чернышевъ читалъ въ Совѣтѣ рапорты выборгскаго оберъ-коменданта, гдѣ заключались показанія выѣхавшаго изъ Швеціи офицера, что у нихъ города принуждаются къ присягѣ одному королю, съ исключеніемъ государственныхъ чиновъ. Панинъ сообщилъ, что полученные имъ рапорты отъ Выборгскаго губернатора содержатъ тѣ же извѣстія, и что, по приказанію императрицы, уже послано къ губернатору письмо, чтобъ безпрепятственно принималъ выѣзжихъ Шведовъ, противниковъ этой перемѣны. Въ Совѣтѣ разсуждали, что нельзя еще полагать, чтобъ предпріятіе удалось Шведскому королю; что удача и неудача одинаково могутъ произвести много смуты въ Швеціи; что въ первомъ случаѣ Прусскій и Датскій Дворы обязаны договорами препятствовать тому сообща съ нами; что такъ какъ Россія находится еще въ войнѣ съ Турками, то и не можетъ теперь вооружиться противъ Швеціи; въ надеждѣ, что въ этомъ году опасности отъ Шведовъ еще не будетъ, надобно остаться въ оборонительномъ положеніи и, не выдавая никакихъ деклараций противъ шведскихъ событій, сдѣлать только „оказательство" движеніемъ къ шведской границѣ

[1]) Дѣла Шведскія 1772 года.—Geffroy—Gustave III et la cour de France, I, 153 et squ.

[2]) Сочиненія Екат., II-й, III, 229.

находящагося въ Русской Финляндіи войска и петербургской легкой полевой команды, посылкою знатнаго генерала, также вооруженіемъ нѣсколькихъ кораблей и галеръ; что можно также вызвать нѣсколько полковъ изъ Польши и отправить ихъ въ Финляндію. Императрица одобрила всѣ эти мѣры. Рѣшено было отправить на шведскую границу генералъ-маіора графа Апраксина, но и самъ Чернышевъ долженъ былъ отправиться туда для необходимыхъ распоряженій. Когда стали разсуждать о содѣйствіи другихъ державъ, то Екатерина сказала: „Держась всегда правила, что соединенныя силы болѣе вредны, нежели полезны, не должно намъ на другихъ полагаться, а надлежитъ, оставляя ихъ помогать намъ порознь, привесть самимъ себя въ такое состояніе, какъ бы мы одни принуждены были вести войну".

Въ засѣданіи Совѣта 23 августа сообщены были депеши Остермана, послѣ чего Панинъ прочелъ письмо Густава III императрицѣ, привезенное камергеромъ Таубе: король, извѣщая о переворотѣ, увѣрялъ, что онъ послужитъ къ большему утвержденію добраго согласія между Швеціею и Россіею. Чернышевъ, возвратившійся изъ своей поѣздки въ Финляндію, показывалъ новую карту этой страны, причемъ объявилъ, что нашелъ крѣпости Фридрихсгамъ и Вильманстрандъ въ очень дурномъ состояніи, и такъ какъ однѣ эти крѣпости не могутъ удержать Шведовъ, то предлагалъ, укрѣпя ихъ, построить между ними еще новую крѣпость. Эти извѣстія побудили Совѣтъ придти къ рѣшенію, что въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда въ Швеціи переворотъ произведенъ окончательно и русскія войска заняты въ отдаленныхъ мѣстахъ, надобно оставаться въ покоѣ и только въ оборонительномъ положеніи. Взаключеніе гр. Панинъ сообщилъ, что онъ объяснилъ шведскому и прусскому министрамъ необходимость нашихъ приготовленій, потому что переворотъ въ Швеціи произведенъ не однимъ королемъ, но съ помощью иностранной, къ намъ враждебной державы (Франціи); графу Сольмсу поручилъ онъ донести своему государю, чтобъ его величество приказалъ такъ же сдѣлать „оказательства" вооруженіями [1]).

Но Прусскій король не хотѣлъ дѣлать „оказательствъ" противъ племянника. Онъ вовсе не былъ противъ переворота въ Швеціи, ибо не считалъ для себя выгоднымъ утвержденіе здѣсь русскаго вліянія; но онъ больше всего боялся войны, которую, по обязательствамъ съ Россіею, долженъ былъ начать. Поэтому онъ началъ искать способа, какъ бы уладить дѣло безъ войны. Онъ писалъ Густаву III-му (6-го сентября): „По письму вашего величества я вижу успѣхъ, полученный вами въ перемѣнѣ формы шведскаго правленія. Не думаете ли вы, что это событіе ограничивается успѣхомъ революціи внутри вашего королевства; не приходитъ ли вамъ на память, что Россія, Данія и я самъ—мы всѣ—гарантировали прежнюю форму правленія? Вспомните, что я говорилъ вамъ въ Берлинѣ во время вашего пребыванія тамъ. Боюсь, чтобъ послѣдствія этого дѣла не привели ваше величество въ положеніе худшее, чѣмъ то, изъ котораго вы вышли, и чтобъ съ этой революціи не началась эпоха величайшихъ бѣдствій для Швеціи. Вы знаете, что у меня обязательства съ Россіею. Я ихъ заключилъ гораздо прежде предпріятія, приведеннаго вами въ исполненіе. Честь и добросовѣстность одинаково препятствуютъ мнѣ ихъ нарушить, и, признаюсь, я въ отчаяніи, что вы сами заставляете меня дѣйствовать противъ васъ,—меня, который васъ любитъ и желаетъ вамъ всѣхъ выгодъ, совмѣстимыхъ съ моими обязательствами. Вы мнѣ вонзаете кинжалъ въ сердце, повергая меня въ жестокое затрудненіе, изъ котораго я не вижу выхода. Я то же самое написалъ королевѣ, вашей матери, изложилъ ей дѣло по сущей правдѣ. Но дѣло сдѣлано, и затрудненіе состоитъ въ отысканіи лѣкарства. Я буду считать лучшимъ днемъ моей жизни тотъ, въ который я буду имѣть возможность поправить случившееся". Густавъ отвѣчалъ дядѣ (22 сентября), что онъ полагаетъ надежду на правоту своего дѣла, на любовь къ себѣ народа и хочетъ слѣдовать примѣру своего любезнаго дяди, какъ тотъ велъ себя, когда вся Европа поклялась погубить его. „Надѣюсь", писалъ Густавъ, „что вы признаете во мнѣ свою кровь". На это Фридрихъ писалъ ему (5-го октября), что не желаетъ видѣть его въ томъ положеніи, въ какомъ онъ самъ находился въ Семилѣтнюю войну. „Въ Швеціи", писалъ Фридрихъ, „двѣ партіи враждебныя другъ другу: король долженъ начать съ ихъ примиренія и этимъ утвердить свой престолъ; но такое предпріятіе требуетъ спокойствія, и потому я увѣренъ, что ваше величество не будете слушать злыхъ внушеній, которыя вамъ будутъ дѣлаться съ цѣлію поссорить васъ съ сосѣдями".

Фридрихъ былъ, дѣйствительно, въ большомъ затрудненіи: что, если Россія потребуетъ отъ него исполненія обязательствъ? Онъ составилъ планъ, по крайней мѣрѣ, протянуть время посредствомъ переговоровъ и добиться какой-нибудь сдѣлки, уступки со стороны Густава III, которому русскій, прусскій и датскій министры должны были представить, что ихъ государи гарантировали шведскую конституцію 1720 года, такъ чтобъ онъ не ставилъ ихъ въ необходимость исполнить свои обязательства. Предложеніе этой мѣры было отправлено Русскому Двору въ депешѣ графу Сольмсу 4-го сентября [2]). Увѣдомляя объ этомъ принца Генриха, король писалъ ему: „Шведская королева увѣдомляетъ меня объ успѣхѣ революціи; я ее поздравилъ съ однимъ,—что сынъ ея избѣгъ большой опасности, и описалъ всѣ предвидимыя мною несчастья, если король не ограничитъ свою власть. Я не вижу другого средства спасти Швецію, какъ

[1]) Архивъ Госуд. Сов. подъ означенными числами.

[2]) Дѣла Прусскія 1772 года.

завести переговоры и чтобъ король, уступая съ своей стороны, согласился принять проектъ графа Горна. Я написалъ въ этомъ смыслѣ въ Россію; но если это не удастся, то мы будемъ вовлечены въ войну противъ родного племянника; одна мысль объ этой войнѣ, признаюсь, мнѣ противна". Генрихъ, который гораздо откровеннѣе высказывалъ свое сочувствіе племяннику, просилъ брата убѣдить Русскую императрицу не очень волноваться шведскими событіями; убѣдить, что главное вниманіе ея должно быть обращено на Турецкую войну. Если она для Шведской войны поспѣшитъ заключеніемъ мира съ Портою, то потеряетъ существенныя выгоды и подвергнется большимъ затрудненіямъ: Вѣнскій Дворъ можетъ снова броситься на сторону Франціи, которая обязана поддержать Швецію. „Я согласенъ", писалъ Генрихъ, „что трудно найти середину между интересами императрицы и Шведскаго короля; но лишь бы протянуть время,—можно всего надѣяться" [1]).

Принцъ Генрихъ переслалъ Екатеринѣ письмо Шведскаго короля, въ которомъ тотъ, оправдывая свой поступокъ, писалъ, что если-бъ онъ не предупредилъ, то самъ немедленно былъ бы заключенъ или убитъ. Екатерина отвѣчала Генриху; „Все это было бы для насъ фамильнымъ дѣломъ, мы погоревали бы, побезпокоились. Но, къ несчастію, шведская революція имѣла другія причины. Ваше королевское высочество хорошо это знаете. Переворотъ произведенъ интригою и деньгами Франціи, а не опасностію, которой подвергался король, ни желаніемъ возвратить свободу націи. Будучи увѣрена, что переворотъ произведенъ державою, самою враждебною моимъ дѣламъ, и что государь, связанный со мною самыми близкими кровными узами, обманутъ ею; будучи проникнута горестію какъ родственница, — что я должна чувствовать, какъ Русская императрица, обязанная заботиться о безопасности своего народа" [2])? Раздраженіе Екатерины усиливалось извѣстіями, что въ Швеціи правительство разсѣеваетъ въ народѣ слухи о враждебныхъ намѣреніяхъ Россіи. По этому поводу она написала замѣтку для Остермана: „Я думаю, что вы у мѣста и кстати не упустите сдѣлать употребленіе изъ того, что нынѣ въ Швеціи нигдѣ не оставляется жало противу сосѣдей въ націи поощрять. Надобно, чтобъ и они знали, что сосѣди на это рефлекцію дѣлаютъ и что они пустымъ комплиментомъ вѣроломнаго короля не обмануты. Знатно для отвращенія націи отъ собственнаго состоянья ей даютъ другой объектъ" [3]).

Въ своемъ безпокойствѣ насчетъ безпокойства Русской императрицы, Прусскій король и его братъ были утѣшены извѣстіемъ о разрывѣ Фокшанскаго конгресса, что должно было отвлечь вниманіе Россіи отъ Швеціи. 20 сентября Фридрихъ писалъ Сольмсу: „Узнавши о прекращеніи Фокшанскаго конгресса, я не могу дать Россіи лучшаго совѣта, какъ скрыть свой гнѣвъ относительно шведской революціи; это нетрудно, ибо Швеція не въ состояніи на первый годъ предпринять что-либо враждебное противъ нея". Получивши извѣстіе о рѣшеніи Совѣта 23 августа—оставаться относительно Швеціи только въ оборонительномъ положеніи, Фридрихъ былъ въ восторгѣ [4]).

Вслѣдствіе этого рѣшенія Совѣта, Панинъ писалъ Остерману: „Разныя части политическихъ нашихъ дѣлъ и расположеній не достигли еще той зрѣлости, чтобъ отнынѣ уже можно было опредѣлить и умѣрить тѣ точные поступки, каковыми для славы ея императорскаго величества и для существительной государственной пользы удобнѣе, выгоднѣе и приличнѣе намъ будетъ ополчиться и дѣйствовать противу захваченнаго королемъ Шведскимъ самовластія; но столько однакожь могу я съ подлинностію сказать, то мѣры наши будутъ напередъ соглашаемы съ союзными и дружественными Дворами, и что когда время раскроетъ завѣсу для явныхъ дѣяній, мы на театрѣ не одни явимся, а всемѣрно съ добрыми и надежными помощниками. До тѣхъ поръ требуетъ отъ насъ благоразуміе оставаться въ пассивномъ примѣчаніи и бдѣніемъ за всѣми намѣреніями и шагами короля Шведскаго, довольствуясь между тѣмъ мало-по-малу и подъ рукою заготовлять собственную свою оборону и ополченіе. Правда, разрушеніе шведской формы управленія составляетъ для насъ случай самой величайшей важности, и особливо въ слѣдствіяхъ своихъ для переду опаснымъ быть могущій; но и то опять истинно, что легче и способнѣе есть стрещи, блюсти и охранять нѣчто закономъ, присягою, временемъ и привычкою сооруженное и національнымъ благомъ освященное, нежели послѣ, когда всѣ сіи коренныя основанія въ-конецъ уже опровержены, возстановлять опроверженное и дѣло, совсѣмъ сдѣланное, возвращать въ небытіе. Въ настоящемъ случаѣ надобно будетъ намъ не о томъ помышлять и цѣлью себѣ ставить, чтобъ прежнюю форму правленія во всемъ ея пространствѣ и во всѣхъ частяхъ нераздробительно возстановить,—но чтобъ, по крайней мѣрѣ, заимствуя изъ оной коренныя основанія какъ существительной вольности для націи Шведской, такъ и прочной впредь безопасности для окрестныхъ державъ, нынѣшнюю новую такимъ образомъ распорядить и учредить, дабы и тотъ и другой пунктъ изъ старой признаны и утверждены были фундаментальными законами безъ всякаго тутъ подчиненія произволу и своенравію королей. По всей вѣроятности, судить можно, что сія посредственная дорога встрѣтитъ въ свое время меньше затрудненія и препонъ, ибо въ ней и король, и нація нѣчто для себя выиграннаго находить будутъ,—первый, сохраняя по меньшей мѣрѣ нѣкоторую часть похищенія своего, а по-

[1]) Oeuvres, XXVI, 359, 360.
[2]) Письмо въ Госуд. Архивѣ.
[3]) Московск. Арх. Мин. Ин. Д.
[4]) Дѣла Прусскія 1772 года.

слѣдняя - возвращая себѣ то, что для истиннаго ея блага и безопасности государственной всего драгоцѣннѣе было въ прежней формѣ правленія. Между тѣмъ, дабы къ будущему нашему, тѣмъ или другимъ образомъ, дѣйствованію въ пользу шведской національной вольности имѣть намъ въ самой Швеціи нѣкоторое способствованіе, нужно весьма, чтобъ вы безъ поданія и малѣйшаго на себя вида къ сумнѣнію или же и дѣйствительному подозрѣнію, а наче безъ всякой огласки и афектаціи, старались, по крайней возможности, не только сохранять, но и умножить еще дружбу и довѣренность къ себѣ нѣкоторыхъ изъ надежнѣйшихъ и въ твердости испытанныхъ шефовъ прежней благонамѣренной партіи, ободряя ихъ несомнѣнною надеждою скорой и дѣйствительной перемѣны въ настоящемъ порабощеніи отечества ихъ, а потому и обязывая ихъ самимъ заготовлять мало-по-малу, искуснымъ образомъ и безъ компрометированія себя безъ нужды, духъ друзей своихъ къ надлежащему впредь за общее благо поборствованію. Зная состояніе нравовъ шведскихъ, сужу я согласно съ учиненнымъ уже отъ васъ примѣчаніемъ, что есть теперь, конечно, и между шляпами много такихъ, кои опроверженіе прежней формы правленія чистосердечно оплакиваютъ и рады будутъ содѣйствовать всѣми своими силами возстановленію ея. Пожалуйста не оставьте обращать бдительное око и на сихъ послѣднихъ, приласкивая къ себѣ довѣренность ихъ и взаимно опять имъ открываясь по мѣрѣ усматриваемаго въ нихъ жара и соединенной съ онымъ надежности. Между именитѣйшими шляпами не могу я вообразить себѣ, чтобъ нынѣшній сенаторъ, графъ Ферзенъ, внутри сердца своего могъ быть равнодушенъ въ разсужденіи похищеннаго королемъ безпредѣльнаго самовластія. Онъ умѣетъ и обыкъ уже править духомъ знатной части согражданъ своихъ, почему непритворное его къ нашей сторонѣ пріобрѣтеніе и могло бы въ свое время немалую принести пользу. Приготовленіе людей въ актеры для Шонской провинціи свойственнѣе Датскому Двору, нежели намъ, почему оное и можно предоставить собственному его попеченію; но тѣмъ не меньше не оставляйте имѣть въ виду и тамошній край, ибо совокупное и одновременное дѣйствованіе въ обѣихъ сторонахъ, т.-е. въ Шоніи и Финляндіи, будетъ гораздо сильнѣе и прочнѣе, служа одно другому опорою. Ежели по сему и для Шонской провинціи вамъ актеры надежные и полезные попадаться будутъ, — не упускайте и тѣхъ изъ рукъ, но наче старайтесь пріобрѣтать ихъ безпосредственно себѣ для сохраненія до пункта рѣшенія всего нужнаго секрета, ибо послѣ ничто уже не помѣшаетъ уступить ихъ Даніи и употребить подъ ея дирекцію тамъ, гдѣ для нея одной вся способность. Что до Помераніи касается, въ разсужденіи ея обстоятельства совсѣмъ другія, ибо все тамъ дѣло зависѣть будетъ отъ скорости въ военныхъ движеніяхъ союзника нашего, короля Прусскаго, на которую, конечно, съ полною надеждою положиться можно, и отъ той импрессіи, съ каковою вся Германская имперія на оныя взирать можетъ и будетъ по времени и по политическимъ расположеніямъ главныхъ ея членовъ, а особливо Австрійскаго Дома. Все сіе соображая къ тому пункту, когда собственныя наши государственныя расположенія зрѣлости своей достигнутъ, а особливо миръ съ Портою дѣйствительно заключенъ, слѣдовательно же и главныя наши военныя силы и ресурсы отъ тамошней заботы совершенно освобождены будутъ, прошу я васъ сообщить мнѣ предварительно, для донесенія ея императорскому величеству, въ полномъ пространствѣ и со всѣми напередъ удобь опредѣляемыми подробностями, ближайшія ваши мысли объ образѣ дѣйствительнаго открытія внутреннихъ операцій въ Финляндіи и Шонской провинціи, дабы симъ способомъ и здѣшнія и датскія мѣры и содѣйствованія на одинаковыхъ правилахъ основать, обращая всѣ части огромнаго плана къ одной цѣли, т.-е. къ лучшему и сильнѣйшему подкрѣпленію взаимно одной другою. Для сего же самаго нужно весьма заранѣе и съ достовѣрностію знать точное расположеніе духовъ Шведской націи въ разныхъ ея состояніяхъ, а особливо въ арміи и во всѣхъ военныхъ людяхъ. Неоспоримо то, что король умѣлъ пріобрѣсть себѣ для произведенія революціи большую часть войска; кажется, что оное и теперь еще на его сторонѣ: вопрошается только: — духъ энтузіазма, которымъ армія и войско наполнены, какого прямо свойства, истиннаго ли военнаго и стремящагося къ возобновленію прежней славы шведскаго имени, слѣдовательно же сумнительнаго и опаснаго для сосѣдей; или же, напротивъ, — только честолюбиваго, льстящагося скорѣйшимъ полученіемъ чиновъ и другихъ отличностей при молодомъ и самовластномъ государѣ“ [1]).

Въ Петербургѣ опасались нападенія Шведскаго короля, заявившаго свою отвагу въ переворотѣ; опасались, что Франція побудитъ Густава III-го къ войнѣ съ Россіею, чтобъ помѣшать послѣдней въ Польшѣ и Турціи; а во Франціи, довольные успѣхомъ переворота, хотѣли спокойнаго утвержденія въ Швеціи новаго порядка и опасались, что Россія своимъ нападеніемъ помѣшаетъ этому утвержденію, Швеція не въ состояніи еще будетъ отразить ударъ, и Франція для ея поддержки вовлечена будетъ въ войну, — а войны въ Версали боялись больше всего. Затруднительно было положеніе новаго французскаго министра въ Петербургѣ, Дюрана, при томъ сильномъ раздраженіи, какое господствовало теперь здѣсь противъ Франціи, на которую смотрѣли какъ на виновницу несчастной шведской революціи, по выраженію Панина. Дюранъ обратился къ первенствующему министру съ увѣреніями, что Дворъ его всегда желалъ и желаетъ быть въ добромъ согласіи и дружбѣ съ ея императорскимъ величествомъ; перемѣну въ Швеціи произвелъ онъ вовсе не въ намѣреніи нанести этимъ

[1]) Дѣла Шведскія 1772 года.

вредъ Россіи; что Франція еще прежде совѣтовала Шведскому Двору возобновить союзъ съ Россіею, да и послѣ внушала то же самое; Англійскій Дворъ, на вопросъ Французскаго, призналъ шведскую перемѣну домашнимъ распоряженіемъ и не находитъ нужды вмѣшиваться въ это дѣло; король, государь его, весьма сожалѣлъ бы, если-бъ въ Россіи думали, что онъ старается причинять ей новыя заботы или распространить военное пламя въ Европѣ. Панинъ отвѣчалъ, что ея императорское величество совершенно увѣрена въ личной склонности Людовика XV къ сохраненію добраго съ нею согласія; но политика Французскаго Двора, съ самаго вступленія ея величества на престолъ, препятствовала этому. Цѣлыя десять лѣтъ Французскій Дворъ не переставалъ дѣйствовать противъ Россіи въ Польшѣ, Швеціи, Турціи и ввелъ ее въ настоящую войну съ послѣднею, какъ это все ему, Дюрану, самому извѣстно вслѣдствіе постояннаго его обращенія въ дѣлахъ; тогда какъ Россія вовсе не подражала такому поведенію Франціи, не имѣла противъ нея ни съ кѣмъ договоровъ и соглашеній. Самый внезапный пріѣздъ его, Дюрана, въ Россіи подалъ причину думать, что онъ посланъ помѣшать или уничтожить соглашенное между тремя Дворами раздробленіе Польши возбужденіемъ между ними зависти и недовѣрія или же и заведеніемъ въ Россіи какой-нибудь смуты. Если эта догадка имѣетъ нѣкоторое основаніе, то онъ можетъ быть напередъ увѣренъ въ успѣхѣ того и другого намѣренія. Россія не можетъ быть покойна со стороны Швеціи, не можетъ полагаться на ея союзъ, какъ зависящій теперь не отъ государственныхъ чиновъ, а единственно отъ молодого, предпріимчиваго и нарушившаго свою присягу государя, и потому Россія предпринимаетъ все возможное для своего обезпеченія. Панинъ взаключеніе позолотилъ пилюлю, распространившись о своемъ уваженіи лично къ Дюрану, какъ человѣку, состарившемуся въ дѣлахъ и пріобрѣтшему славу своимъ искусствомъ въ ихъ веденіи; заявилъ надежду, что французскій министръ будетъ вести дѣло съ чистосердіемъ и доставлять своему Двору вѣрныя донесенія, не подражая своимъ предшественникамъ, которые. побуждаемые злобою, наполняли свои донесенія одною ложью. Дюранъ былъ смущенъ такимъ неожиданнымъ объясненіемъ и проговорилъ въ отвѣтъ, что онъ отправленъ въ Россію вовсе не по поводу Польши: Дворъ его считаетъ дѣло о раздѣлѣ конченнымъ и не намѣренъ вмѣшиваться въ то, что сдѣлано тремя великими державами [1]). Панинъ имѣлъ и личныя побужденія быть чистосердечнымъ съ Дюраномъ: Прусскій король писалъ гр. Сольмсу: „Я буду все-таки повторять гр. Панину, чтобъ былъ остороженъ съ Дюраномъ. По всѣмъ извѣстіямъ, мною полученнымъ, цѣль его посольства — перемѣшать карты и низвергнуть гр. Панина; для этой цѣли избранъ министръ-мастеръ въ интригахъ“ [2]).

[1]) Архивъ Госуд. Сов. I, 209.
[2]) Дѣла Прусскія 1772 года.

Въ Даніи произошла также революція особаго рода. Первое письмо. полученное Панинымъ въ этомъ году отъ Местмахера. заключало въ себѣ слѣдующее извѣстіе: 5 января (с. с.) король и королева были вмѣстѣ на придворномъ маскарадѣ; король оставилъ маскарадъ около полуночи, королева съ своимъ наперсникомъ Струензе—въ третьемъ часу, а въ пятомъ часу король былъ разбуженъ неожиданнымъ посѣщеніемъ: въ его спальню вошла вдовствующая королева Юліана-Марія втроемъ съ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ и графомъ Ранцау. Юліана стала говорить о бѣдственномъ положеніи государя и государства вслѣдствіе постыдной слабости королевы и непростительныхъ насилій графа Струензе, и успѣла убѣдить короля въ необходимости арестовать королеву, фаворита ея и всѣхъ сообщниковъ: написаны были объ этомъ указы и подписаны королемъ. Графъ Ранцау пошелъ арестовывать королеву, которую нашелъ въ постели; послѣ нѣкотораго сопротивленія и требованій свиданія съ королемъ, королева Матильда сдалась. Струензе и сообщники его были такъ-же арестованы безпрепятственно, и отправлены въ крѣпость. Народъ, узнавшій о событіи, собрался на площади передъ дворцомъ въ безчисленномъ множествѣ, и не было конца его радостнымъ крикамъ; съ тѣми же криками толпа провожала короля, когда онъ вмѣстѣ съ принцемъ Фридрихомъ разъѣзжалъ по улицамъ въ парадной каретѣ: женщины изъ оконъ домовъ махали бѣлыми платками; вечеромъ всѣ дома были иллюминованы. Какъ скоро Местмахеръ провѣдалъ о событіи, то первою его мыслью было воспользоваться имъ для возвращенія къ дѣламъ Бернсторфа. Онъ сговорился съ англійскимъ посланникомъ Кейтомъ и отправились къ графу Остену, который принялъ ихъ поодиночкѣ,—сперва Кейта. Когда послѣдній выразилъ желаніе своего Двора видѣть попрежнему у дѣлъ графа Бернсторфа и надежду, что Остенъ будетъ этому содѣйствовать, тѣмъ болѣе-что и Русскій Дворъ желаетъ того же, то Остенъ разгорячился и отвѣчалъ: „Я не думаю, чтобъ иностранныя державы хотѣли королю предписать, кого онъ долженъ брать въ министры“. За Кейтомъ вошелъ Местмахеръ, поздравилъ Остена съ радостнымъ событіемъ и прибавилъ. что для полной радости недостаетъ одного: зачѣмъ онъ, Остенъ, уступилъ Ранцау всю честь такого важнаго предпріятія. Остенъ отвѣчалъ, что не можетъ долго говорить съ Местмахеромъ, торопится ѣхать во дворецъ, и что онъ самъ узналъ о событіи только въ 8 часовъ утра, когда его позвали къ королю; впрочемъ, онъ уже успѣлъ представить его величеству, что, изъ уваженія къ Русской императрицѣ, не слѣдуетъ употреблять къ дѣламъ графа Ранцау, а наградя, надобно отправить его въ Голштинію, на что король и согласился. Послѣ этого и Местмахеръ далъ Остену „восчувствовать“, какой ему предстоитъ теперь благопріятный случай подать самый сильный опытъ своей благонамѣренности возвращ-

ніемъ графа Бернсторфа, чѣмъ вмѣстѣ и докажетъ свою преданность ея императорскому величеству, а за это безъ воздаянія не останется; онъ, Остенъ, будетъ завѣдывать департаментомъ иностранныхъ дѣлъ и засѣдать въ королевскомъ совѣтѣ, а Бернсторфъ получитъ званіе великаго канцлера. „Великаго канцлера давно уже у насъ не бывало, и теперь не о томъ надобно думать", отвѣчалъ Остенъ, и, приблизясь къ дверямъ кабинета, сказалъ: „здѣсь иностранцевъ не любятъ". Местмахеръ далъ ему „восчувствовать", что великія заслуги, оказанныя Даніи графомъ Бернсторфомъ, извѣстны всей Европѣ и не позволяютъ смотрѣть на него какъ на иностранца, а еще болѣе теперь, когда арестъ его гонителей вполнѣ оправдываетъ его поведеніе. Появленіе третьяго лица прервало разговоръ.

„Мы имѣемъ причину думать", писалъ Панинъ Местмахеру, „что произведенная въ Копенгагенѣ революція весьма нужна была для блага и спасенія Даніи отъ совершеннаго развращенія, и впредь полезна будетъ возвращеніемъ всѣхъ дѣлъ въ естественный ихъ порядокъ и теченіе. Не меньше ласкаю себя надеждою, что сей переломъ способенъ и къ утвержденію взаимныхъ интересовъ Россіи и Даніи, если только въ правленіи послѣдней истребится вся прежняя необузданная вѣтреность". Панинъ, выражая мнѣніе, что Остенъ вовсе не расположенъ въ пользу графу Бернсторфа, предписывалъ Местмахеру, мимо его и тайно отъ него, обратиться къ вдовствующей королевѣ, которая теперь, какъ главная виновница переворота, должна быть въ большой силѣ, и не можетъ сама по себѣ не доброходствовать старику Бернсторфу, оказавшему ей прежде большія услуги. Что касалось участи арестованныхъ, то Панинъ писалъ, что нѣтъ нужды и пристойности поступать съ виноватыми очень строго, особливо осуждать ихъ на смертную казнь, и что милосердіемъ своимъ въ этомъ случаѣ король приблизится къ образу мыслей и великодушныхъ дѣйствій императрицы, своей натуральнѣйшей союзницы и друга.

Остенъ объявилъ Местмахеру, что король, единственно изъ уваженія къ императрицѣ не далъ мѣста въ совѣтѣ графу Ранцау и отправляетъ его въ Голштинію для начальства надъ войскомъ; такъ-же въ угоду императрицѣ и графъ С.-Жерменъ будетъ удаленъ отъ всѣхъ дѣлъ и отправленъ въ Голштинію для проживанія тамъ своей пенсіи. Такъ какъ Остенъ не промолвилъ ни слова о Бернсторфѣ, то Местмахеръ почелъ неприличнымъ начинать о немъ разговоръ и обратилъ все свое стараніе къ тому, чтобъ чрезъ нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ дѣйствовать на вдовствующую королеву. Одинъ изъ такихъ благонамѣренныхъ, графъ Гакстгаузенъ, представилъ королевѣ, что безъ возвращенія графа Бернсторфа столь полезное для Даніи дѣло, какъ Голштинское, никогда не будетъ приведено къ окончанію, и такимъ образомъ Данія лишится и такихъ знатныхъ пріобрѣтеній и такого заслуженнаго мужа, какъ графъ Бернсторфъ. Королева увѣряла, что возвращеніе Бернсторфа было ея всегдашнимъ желаніемъ, но опасается она, возможно ли это, или, по крайней мѣрѣ, не сопряжено-ли съ большими трудностями, и пріятно-ли будетъ для народа, потому что у Бернсторфа множество враговъ. Местмахеръ приписалъ такой отвѣтъ королевы внушеніямъ Остена, который и англійскому посланнику толковалъ, что въ Даніи не любятъ Бернсторфа, приписывая ему обремененіе государства долгами.

Смерть Бернсторфа прекратила всѣ эти движенія и за и противъ него. Какое значеніе придавали Бернсторфу въ Россіи,—видно изъ письма Екатерины къ госпожѣ Бельке: „Я почувствовала безконечную скорбь отъ смерти Бернсторфа. Думаю, что съ нимъ надолго погребены порядокъ и благоденствіе Даніи, ибо, что бы ни говорили, я внутренно убѣждена, что во всемъ сдѣланномъ нѣтъ никакой прочности. Я не буду удивлена, если королева Матильда опять появится на сценѣ. Признаюсь, что я съ трудомъ вѣрю всему, что разсказываютъ о проектахъ этой королевы и ея г. Пилюля (Струензе, бывшій медикъ)". Собственныя воспоминанія и ребяческій характеръ Датскаго короля были причиною такого взгляда Екатерины на датскія событія. Между тѣмъ работала слѣдственная коммисія надъ Струензе съ товарищами, и Местмахеръ писалъ своему Двору, что врядъ ли Струензе избѣжитъ смертной казни: говорятъ, что если оставить его только въ заточеніи, то королева, освободившись вслѣдствіе слабости королевской, освободитъ и своего любимца, къ которому питаетъ еще страсть, и тогда надобно будетъ ожидать съ ихъ стороны кроваваго мщенія, а со стороны народа, ненавидящаго Струензе, возмущенія. Екатерина, по прочтеніи письма Местмахера, написала Панину: „Если опасаются королевина мщенія, то болѣе еще оного опасаться имѣютъ, если она найдетъ своихъ фаворитовъ умерщвленными, нежели ихъ въ живыхъ увидитъ; но не въ семъ дѣло состоитъ. Мое мнѣніе есть, что если Датчане дозволятъ своему слабому государю разговѣться и кровь проливать единожды, то онъ имъ всѣмъ, а по крайней мѣрѣ многимъ, головы пересѣчетъ. Напишите сіе съ первой почтой Местмахеру". Но всѣ представленія Местмахера не повели ни къ чему: Струензе и графъ Брантъ были казнены. „Датскія дѣла внушаютъ ужасъ", писала Екатерина Бельке: „какъ можно было отрубить головы этимъ несчастнымъ?—ихъ казнили за то, что ихъ государь не умѣетъ быть государемъ. Если-бъ онъ былъ другимъ человѣкомъ, то какъ бы все это могло случиться?—стороны являются судьями; отъ этого волосы становятся дыбомъ; тутъ нѣтъ здраваго смысла, какъ нѣтъ его ни въ одномъ изъ виновныхъ. Страшно имѣть дѣло съ тронутыми мозгами; я знаю, чѣмъ за это можно заплатить; я сама была въ такомъ же положеніи. Если Датчане дали себѣ слово развивать естественное расположеніе своего молодого

короля къ жестокости, то поступили какъ нельзя лучше. Я питаю отвращеніе къ юридическимъ убійствамъ, сопровождаемыхъ самыми безчеловѣчными подробностями, какъ это тамъ дѣлалось. Только самая ужасная мстительность могла вести дѣло такъ далеко. Теперь Датчане должны беречь свои головы; или я очень ошибаюсь, или подо всѣмъ этимъ кроется замыселъ лишить короля свободы. У него отняли жену противъ его воли, и Богъ знаетъ, что еще сдѣлаютъ и что заставятъ его сдѣлать. Мое сердце вооружено противъ безчеловѣчій и людей безчеловѣчныхъ. Знаю, они говорятъ въ свое оправданіе, что боялись народнаго возмущенія, если-бъ поступили милостиво; но это дурное оправданіе: у нихъ было бы много дѣла, если-бъ они захотѣли всегда сообразоваться съ чувствами и вкусами толпы; это самая несчастная и самая презрѣнная изъ ролей, какую только можно выбрать".

Оказано было и другое невниманіе къ Россіи: несмотря на обѣщаніе удалить Ранцау въ Голштинію, этотъ извѣстный приверженецъ Франціи получилъ мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ. Впрочемъ, онъ держался здѣсь недолго: ему дано было знать, что государственное благо и обязательства Даніи съ Россіею требуютъ удаленія его отъ всѣхъ дѣлъ; Ранцау подалъ въ отставку и уволенъ съ большою пенсіею.

Осенью дѣло дошло и до Остена, къ которому однако Русскій Дворъ отнесся совершенно иначе, чѣмъ къ Ранцау. Остенъ самъ, подъ условіемъ величайшаго секрета, открылъ Местмахеру, какъ онъ съ самаго начала пріѣзда въ Копенгагенъ принца Карла Гессенскаго, примѣтилъ сильную къ себѣ холодность при Дворѣ; онъ надѣялся современемъ преодолѣть это нерасположеніе, но недавно онъ не былъ впущенъ къ принцу Фридриху, у котораго былъ собранъ военный совѣтъ; Остенъ заявилъ свое неудовольствіе, и былъ успокоенъ; но созванъ былъ въ другой разъ военный совѣтъ—и его опять не пригласили, хотя другіе сановники, не имѣвшіе больше его понятія въ военныхъ дѣлахъ, были приглашены. Тогда онъ послалъ къ королю прошеніе объ отставкѣ, но еще не получилъ отвѣта. Местмахеръ сильно встревожился этимъ извѣстіемъ и началъ хлопотать, какъ бы отсрочить отставку Остена и въ это время переписаться съ своимъ Дворомъ. Въ совѣтѣ королевскомъ былъ приверженный къ Русскому союзу членъ Шакъ; Местмахеръ сталъ ему внушать свое крайнее удивленіе насчетъ такого внезапнаго поступка съ министромъ иностранныхъ дѣлъ; извѣстны слѣдствія подобныхъ важныхъ перемѣнъ, особенно при нынѣшнихъ критическихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ по отношенію къ Швеціи. Какъ посмотрятъ на это другіе Дворы, особенно Русскій? Можетъ ли императрица и вся Европа, зная слабое здоровье короля и малое участіе его въ дѣлахъ, полагать надежду на твердость здѣшняго правленія, когда, безъ всякой или, по крайней мѣрѣ, по неизвѣстной ея величеству причинѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ вдругъ лишится своего мѣста? — Внушеніе подѣйствовало: принцъ Фридрихъ согласился на возвращеніе Остену его просьбы объ отставкѣ, причемъ однако Шакъ увѣдомилъ Местмахера, что отставка Остена только отсрочена; не можетъ онъ считаться полезнымъ министромъ, ибо, съ одной стороны, безпрестанныя его интриги послужили только къ тому, что лишили его кредита у Двора и у публики, а съ другой — трусость его даетъ надъ нимъ вліяніе французскому и испанскому посланникамъ: такъ и теперь, по ихъ внушеніямъ, онъ противился въ совѣтѣ вооруженіямъ, предпринимаемымъ въ виду шведскихъ событій. Местмахеръ спросилъ: „Кого же думаютъ опредѣлить на мѣсто Остена"? Шакъ назвалъ двоихъ: конференціи-совѣтника Шумахера и бывшаго въ Швеціи посланникомъ, барона Юля.

Въ Петербургѣ были очень довольны поступкомъ Местмахера; Панинъ писалъ ему: „Ничто не можетъ быть благоразумнѣе вашего поведенія въ дѣлѣ графа Остена. Правда, характеръ этого министра имѣетъ важные недостатки; но, съ другой стороны, привязанность его къ вашей системѣ несомнѣнна, а потому отрѣшеніе его отъ должности нельзя почитать полезнымъ, развѣ бы преемникъ его былъ бо̀льшихъ достоинствъ и болѣе твердъ въ пользу нашу, какимъ я изъ всѣхъ Датчанъ теперь почитаю одного Шака, и почему поручаю вамъ изъясниться съ этимъ достойнымъ министромъ, что если онъ самъ согласится заступить мѣсто графа Остена, то я объ удаленіи послѣдняго отнюдь сожалѣть не буду, въ противномъ случаѣ желалъ бы я, чтобъ Остенъ продолжалъ оставаться въ своей должности, особливо при настоящихъ критическихъ для Даніи обстоятельствахъ. Отрѣшеніе министра иностранныхъ дѣлъ безъ всякой видимой, извѣстной его вины, по крайней мѣрѣ, безъ всякаго приготовленія публики, не можетъ быть почтено ею и всѣми иностранными Дворами иначе, какъ слѣдствіемъ какой-либо мрачной интриги къ еще большему поврежденію значенія и кредита Датскаго Двора, которые и безъ того уже въ крайнемъ упадкѣ и для возстановленія своего требуютъ весьма умѣреннаго и осторожнаго впредь поведенія" [1]).

Обвиненіе королевы Матильды въ связи съ Струензе, расторженіе ея брака, удаленіе изъ Даніи должно было сильно огорчить брата ея, Англійскаго короля Георга III-го; но это фамильное дѣло не могло повести къ столкновенію между Англіею и Даніею; протеста Англіи, болѣе или менѣе сильнаго, можно было ожидать противъ раздѣла Польши и шведскаго переворота. Мы видѣли, что англійскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ лордъ Каткартъ, былъ отозванъ вслѣдствіе неудачи переговоровъ его о союзѣ и вслѣдствіе не-

[1]) Дѣла Датскія 1772 года. — Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, 220, 237, 239.

соотвѣтственной замѣны съ русской стороны графа Ив. Чернышева Мусинымъ-Пушкинымъ. Англійское министерство имѣло право подозрѣвать Каткарта въ неискусномъ веденіи дѣла потому, что этотъ посланникъ въ другомъ случаѣ обнаружилъ недостатокъ проницательности или неумѣнье добывать нужныя свѣдѣнія: уже въ апрѣлѣ 1772 года онъ все еще писалъ своему Двору, что не можетъ вѣрить раздѣлу Польши: „Насколько мнѣ извѣстно", доносилъ Каткартъ, „Прусскій король не сообщалъ объ этомъ ничего достовѣрнаго ни Русскому, ни Вѣнскому Двору и не получалъ отъ нихъ никакого вопроса по поводу настоящихъ обстоятельствъ; оба эти Двора не измѣняютъ своего языка. Я давно убѣжденъ и давно предупреждалъ русское министерство относительно того, что Прусскій король имѣетъ въ виду собственные интересы и навѣрное употребитъ всѣ средства пріобрѣсти Польскую Пруссію при окончаніи войны".

Преемнику Каткарта, Роберту Гуннингу, подписана была королемъ инструкція въ маѣ 1772 г. Въ ней говорилось, что онъ долженъ узнать обстоятельно мысли императрицы и ея министровъ о союзѣ Россіи съ Англіею, которая готова къ составленію обширнаго Сѣвернаго союза, готова вступить въ переговоры о трактатѣ съ Швеціею. Если съ русской стороны будетъ потребована субсидія, Гуннингъ долженъ былъ писать объ этомъ въ Англію, не подавая русскому министерству надежды на ея согласіе: если въ проектѣ союзнаго договора Турецкая война будетъ поставлена въ видѣ casus foederis, то онъ не долженъ былъ принимать этой статьи. Если въ Россіи пожелаютъ посредничества Англіи для окончанія Турецкой войны, то согласиться съ условіемъ, чтобъ Англія явилась главной стороной въ посредничествѣ. Гуннингъ долженъ былъ уничтожать въ умѣ императрицы и ея министровъ подозрѣнія, что Англія смотритъ неблагопріятно на сухопутныя или морскія пріобрѣтенія, какія Россія можетъ сдѣлать на Черномъ морѣ, кромѣ прохода русскихъ кораблей изъ этого моря въ Средиземное.

6-го іюля Гуннингъ сдѣлалъ Панину рѣшительный вопросъ: какая будетъ участь Польши? Помолчавъ довольно долго, Панинъ отвѣчалъ, что окончательно ничего еще не опредѣлено относительно этой страны, но онъ можетъ его увѣрить, что нѣтъ никакой опасности, чтобъ общественное спокойствіе было тамъ нарушено. На вопросъ: какихъ пожертвованій требуютъ отъ Польши сосѣди, и правда ли, что Вѣнскій и Берлинскій Дворы согласились относительно ихъ,—Панинъ отвѣчалъ, что нѣтъ, сколько онъ знаетъ, и, съ видимымъ желаніемъ покончить разговоръ, сказалъ: „Нѣтъ ни малѣйшей опасности, что возгорится новая война". Отъ 10-го іюля Гуннингъ доносилъ, что Русскій Дворъ намѣренъ получить себѣ долю при раздѣлѣ Польши.

Протеста со стороны Англіи противъ раздѣла Польши не было, несмотря на попытки Франціи сдѣлать этотъ протестъ сообща съ нею. Когда посланники трехъ Дворовъ подали англійскому министру иностранныхъ дѣлъ деклараціи своихъ государей относительно раздѣла Польши, тотъ отвѣчалъ: „Король желаетъ предположить, что три Двора убѣждены въ справедливости своихъ претензій, хотя его величеству неизвѣстны побужденія, заставившія ихъ дѣйствовать такимъ образомъ". Этимъ отвѣтомъ все и кончилось. Что касается шведскаго переворота, то сначала англійское министерство дало знать Гуннингу, что его Британское величество чувствуетъ себя заинтересованнымъ въ этомъ событіи и будетъ готовъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Русскою императрицею для сохраненія шведской конституціи, даже готовъ дать для этого деньги, если только уже не поздно; но Гуннингъ никакъ не долженъ былъ соглашаться на какую-нибудь опредѣленную денежную сумму, и вообще ни на какія опредѣленныя мѣры, и не обѣщать ничего, кромѣ пламеннаго желанія своего короля сохранить шведскую конституцію и готовности на такія дѣйствія, которыя окажутся удобными для достиженія этой цѣли. Вслѣдъ за этимъ, Гуннингъ получилъ другое, болѣе откровенное внушеніе: что король интересовался Шведскими дѣлами, только имѣя въ виду заключеніе союза съ Россіею, и не двинется ни на шагъ, пока вопросъ о союзѣ не будетъ рѣшенъ. Но Гуннингъ увидалъ, что этого рѣшенія ждать долго. На его рѣчи о добрыхъ отношеніяхъ Англіи къ Россіи Панинъ отвѣчалъ большою въ глазахъ англійскаго дипломата неучтивостью; первенствующій министръ сказалъ ему, что будетъ готовъ заключить съ Англіею тѣснѣйшій союзъ, какъ скоро убѣдится въ прочности настоящаго британскаго министерства и въ довѣріи къ нему короля. Гуннингъ сказалъ на это, что ему очень прискорбно видѣть, какъ легко Панинъ, при всей своей проницательности и чистотѣ, отнесся къ корыстнымъ и лживымъ сообщеніямъ. Гуннингъ долженъ былъ донести своему министерству, что его слова не произвели на Панина сильнаго впечатлѣнія: такъ успѣлъ Прусскій король отвратить его взгляды на этотъ предметъ.

Несмотря однако на приведенный отвѣтъ Панина, Гуннингъ писалъ своему министерству, что будетъ усердно стараться, чтобъ какъ-нибудь не оттолкнуть отъ себя Панина, потому что характеръ послѣдняго, несмотря на всѣ его недостатки, безконечно предпочтительнѣе характера Чернышевыхъ, хотя, по дѣятельности и быстротѣ графа Захара, съ нимъ въ одинъ часъ можно сдѣлать больше, чѣмъ съ Панинымъ въ годъ. Менѣе чѣмъ чрезъ полтора мѣсяца послѣ приведеннаго отзыва объ англійскомъ министерствѣ, 14 сентября Панинъ, въ доказательство полнаго довѣрія къ Англійскому Двору и Гуннингу, открылъ послѣднему, подъ условіемъ величайшей тайны, намѣреніе Русскаго Двора относительно Швеціи: зимою Россія будетъ относиться равнодушно къ перевороту, но къ началу весны въ Финляндіи будетъ такая армія, которая

придастъ вѣсъ рѣчамъ Россіи, въ какомъ бы смыслѣ она ни заговорила. Къ тому же времени будутъ вооружены 20 военныхъ кораблей; Данія двинетъ къ шведской границѣ пятнадцатитысячный корпусъ, у нея будетъ также флотъ изъ 12 кораблей. Король Прусскій овладѣетъ Шведской Помераніей. Если-бы король Англійскій поддержалъ Данію деньгами или выставилъ флотъ, который бы далъ ей безопасность, то это было бы очень пріятно императрицѣ. Когда все будетъ такимъ образомъ приготовлено, онъ, Панинъ, предложитъ четыремъ Дворамъ сдѣлать Шведскому королю соединенную декларацію, выражающую желаніе ихъ видѣть возстановленіе конституціи 1720 года; по его мнѣнію, такой соединенной декларацін было бы достаточно для достиженія цѣли; въ противномъ случаѣ легко будетъ вынудить согласіе. Послѣ этого Панинъ показалъ Гуннингу извѣстную намъ переписку Шведскаго короля съ дядею его, королемъ Прусскимъ. Письмо послѣдняго, по замѣчанію Гуннинга, не допускало въ Панинѣ никакого сомнѣнія насчетъ искренности его Прусскаго величества.

Откровенность Панина произвела въ Англіи вовсе не то впечатлѣніе, какого онъ надѣялся. Убѣжденное въ томъ, что Русскій Дворъ руководится внушеніями Прусскаго короля, англійское министерство въ планѣ Панина увидало прусскій планъ и, при извѣстныхъ отношеніяхъ Пруссіи къ Англіи, разумѣется, было далеко отъ мысли хотя сколько-нибудь содѣйствовать выполненію этого плана. Благодаря Прусскому королю, только-что раздѣлили Польшу: теперь Фридрихъ II хочетъ получить Шведскую Померанію. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ Гуннингу, что Панину слѣдовало бы дважды подумать и очень серьезно взвѣсить всѣ послѣдствія составленнаго имъ плана, прежде чѣмъ приступить къ его выполненію: послѣдствіями могутъ быть—возвращеніе Австріи снова къ тѣсному союзу съ Франціею; послѣдняя вмѣстѣ съ Испаніею должна заступиться за Швецію, — и послѣдуетъ общеевропейская война въ то время, когда Россія истощена неоконченной еще войною съ Турціею. Планъ Панина похожъ на прусскій планъ, и Шведская Померанія очавидно составляетъ награду за помощь его Прусскаго величества. По моднымъ теперь идеямъ раздробленія странъ это представляется бездѣлицей. Но Англійскій король смотритъ на это иначе и, при всемъ желаніи сохранить свободную конституцію Швеціи, нисколько не желаетъ уменьшенія ея владѣній. Послѣ невниманія, оказаннаго Русскимъ Дворомъ Англіи, послѣдняя не желаетъ быть вовлеченною въ войну, отъ которой она можетъ много потерять и ничего не выиграть, и потому Гуннингъ долженъ, по возможности, отвлекать Панина отъ этихъ вопросовъ [1]).

1772-й годъ не оправдалъ всѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались въ Россіи. Польское дѣло можно было считать оконченнымъ по соглашенію между тремя Дворами; но чего особенно желали,—миръ съ Турціею, не состоялся: наконецъ шведскій переворотъ могъ повести къ войнѣ, болѣе опасной и тяжелой, чѣмъ была война съ польскими конфедератами.

Польскія событія и тѣсно связанная съ ними Турецкая война привели къ послѣдствіямъ неожиданнымъ—присоединенію Бѣлоруссіи къ Великой и Малой Россіи. Нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобъ кто-нибудь изъ русскихъ современниковъ смотрѣлъ неблагопріятно на это дѣло съ политической или нравственной точки зрѣнія. Если между современниками Екатерины II-й мы и встрѣтимъ осужденія этому событію, то они появились позднѣе, вслѣдствіе систематической враждебности къ екатерининской политикѣ вообще, къ дѣятельности Панина въ особенности, враждебности къ Прусскому союзу и его слѣдствіямъ; потомъ эти осужденія появились подъ вліяніемъ мнѣній, высказывавшихся на крайнемъ Западѣ, вліяніемъ, которому съ такимъ трудомъ противится Русскій человѣкъ. Русскіе, современники присоединенія Бѣлоруссіи, были очень близки къ историческому ходу событій, необходимо ведшихъ къ этому присоединенію, обхвачены были духомъ этихъ событій, жили свѣжими преданіями о началѣ дѣла, и потому должны были ему вполнѣ сочувствовать; они были дѣйствователями, а не праздными судьями. Только вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ какъ Малороссія, оторгнувшаяся отъ Польши и готовая скорѣе поддаться султану, чѣмъ панамъ и ксендзамъ польскимъ, обратилась къ царю Великой Россіи съ просьбою принять ее во имя единовѣрія. Просьба была исполнена; началась борьба, готовая, повидимому, скоро окончиться разложеніемъ Польши и полнымъ собраніемъ Русской Земли; царь Алексѣй уже принялъ тутулъ: „Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи“. Но великія дѣла свершаются въ исторіи медленно, какъ въ природѣ медленно развивается, растетъ все великое, и только слабое поднимается быстро, чтобъ такъ же быстро и разрушиться. Одна Малороссія, да и то не вся, была присоединена при царѣ Алексѣѣ послѣ долгой и тяжкой борьбы. Но дѣло только началось, и великій вопросъ, несмотря на всѣ препятствія и отсрочки, стоялъ, дожидаясь очереди и постоянно напоминая о себѣ; Полякъ-католикъ не могъ ужиться вмѣстѣ съ Русскимъ-православнымъ, и тѣснилъ его сколько было возможности, а возможность была большая. Понятно, съ какимъ сочувствіемъ Русскіе люди должны были встрѣтить явленія, показывавшія, что очередь для рѣшенія Русскаго вопроса въ Польшѣ наступила; сочувственно должны были встрѣтить это явленіе даже и тѣ, которые заразились равнодушіемъ къ вѣрѣ отцовской, вѣрѣ Русской: они желали успѣха Русскому дѣлу, желая торжества вѣротерпимости надъ фанатизмомъ. Сочувствуя поднятію и твердому веденію вѣроисповѣднаго или диссидентскаго вопроса, не

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 264, 334.

могли не сочувствовать его послѣдствію, – присоединенію Бѣлоруссіи; никто не могъ считать этого присоединенія несправедливымъ. Поляки вооруженною рукою воспротивились рѣшенію вѣроисповѣднаго дѣла, добытому Россіею, которая поэтому должна была вступить съ ними въ войну, вызвавшую другую войну, болѣе опасную и тяжелую. Польское правительство, не смѣя враждовать явно, враждовало тайно, оскорбляло своимъ поведеніемъ Россію больше, чѣмъ конфедераты, прямо дравшіеся съ русскимъ войскомъ; никакія соглашенія, никакое улаженіе дѣлъ не могло состояться, несмотря на уступки, которыя ошибочно позволила себѣ Россія; дѣло предано было рѣшенію оружія; Русскіе были побѣдителями и въ Польшѣ и въ Турціи, что имѣло тѣсную связь; а извѣстно, какъ война оканчивается для побѣдителя и побѣжденныхъ; Бѣлоруссія была пріобрѣтена по праву войны, по праву побѣды. Вопроса о справедливости или несправедливости съ русской стороны и быть не могло.

Екатерина не могла не радоваться пріобрѣтенію Бѣлоруссіи; она не могла не понимать, что здѣсь сдѣлалось Русское дѣло; что здѣсь была заслуга ея для Россіи, – заслуга, которая вводила ее въ Русскую исторію, въ самую суть этой исторіи, давала ей мѣсто въ знаменитомъ ряду собирателей Русской Земли; и нельзя не прибавить, что для нея это было очень важно къ сроку совершеннолѣтія ея сына. Но радость не могла быть полною; дѣло отзывалось горечью: здѣсь было блестящее завоеваніе, собираніе Русской Земли—съ одной стороны, а съ другой—раздѣлъ!

Нельзя было не чувствовать горечи при мысли, что двѣ сосѣднія державы, не участвовавшія нисколько въ борьбѣ, не потерявшія ни одного изъ своихъ подданныхъ ни на Вислѣ, ни на Днѣстрѣ или Дунаѣ, даромъ взяли изъ Польши равныя съ Россіею доли, и при этомъ доля короля Прусскаго была гораздо важнѣе по выгодѣ положенія, по видамъ округленія, о которомъ такъ хлопотали всѣ государи,—и вполнѣ основательно; Пруссія безспорно не расширялась только, а усиливалась, пріобрѣтала еще большее значеніе; французскій министръ съ насмѣшкою указывалъ на это Россіи, и насмѣшку эту надобно было стерпѣть безотвѣтно. Но кромѣ невыгоды политической, кромѣ неравенства долей, кромѣ усиленія Пруссіи, изъ-за котораго Россія не имѣла побужденій хлопотать, кромѣ того, что нарушалось равновѣсіе, во имя котораго произведенъ былъ раздѣлъ, была невыгода другого рода. Противъ присоединенія Бѣлоруссіи по праву войны не могло быть никакого нравственнаго возраженія; но вмѣсто этого явился раздѣлъ: Пруссія и Австрія захватили владѣнія Польши безо всякаго права, т.-е. по праву сильнаго, и Россія, вошедши съ ними въ договоры по этому предмету, тѣмъ самымъ являлась какъ будто равною въ немъ участницею и принимала ответственность за него; ея безспорное право было затемнено ихъ безправіемъ, сглаживалось, исчезало въ немъ. Фридрихъ проговорился о правѣ Россіи и о своемъ и австрійскомъ безправіи; но эта проговорка надолго погреблась въ архивахъ, а между тѣмъ люди, чувствовавшіе слабое мѣсто, всѣми неправдами старались, да и теперь еще стараются, укрѣпить его, выгородить Фридриха и приписать починъ дѣла Екатеринѣ. Русская императрица хорошо знала, что Прусскаго короля надобно вознаградить за союзъ, за субсидіи, за содѣйствіе заключенію выгоднаго мира съ Турціею; и такъ какъ его нельзя было вознаградить иначе какъ изъ Польскихъ владѣній, то она имѣла для этого въ виду епископство Вармійское за которое Польша могла получить изъ завоеванныхъ у Турціи областей. Но Фридрихъ объявилъ, что изъ-заВарміи не стоитъ хлопотать, и потребовалъ Польской Пруссіи, втягивая въ участницы раздѣла Россію и Австрію. Для Екатерины на первомъ планѣ было скорѣйшее заключеніе мира съ Турціею на постановленныхъ ею условіяхъ. Союзникъ, Прусскій король, долженъ былъ этому содѣйствовать за извѣстное вознагражденіе. Но Фридрихъ, вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать видамъ Екатерины, поставилъ на первый планъ свой интересъ и заставилъ Россію служить своимъ цѣлямъ. Онъ долженъ былъ сдерживать Австрію, которая не могла двинуться безъ него и особенно противъ него.—Это очень хорошо знали въ Петербургѣ: но, вмѣсто того, онъ только стращалъ Россію Австріею, повторяя, какъ трудно, невозможно будетъ ему помогать Россіи въ войнѣ; вытребовалъ этимъ средствомъ не только для себя такую важную долю изъ польскихъ областей, но и прямо настоялъ, чтобъ Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи, возвратила ихъ Туркамъ, не сдержавъ обѣщанія, даннаго ихъ народонаселенію. Оскорбительно было для самолюбія Екатерины видѣть себя орудіемъ для достиженія чужихъ цѣлей,—цѣлей государя, котораго считала своимъ вѣрнымъ союзникомъ; видѣть, какъ этотъ вѣрный союзникъ не только заставилъ ее служить своимъ интересамъ, но и прямо шелъ противъ ея интересовъ въ вопросѣ о Молдавіи и Валахіи. Она не могла забыть, какъ онъ отнесся къ ея условіямъ мира, смягчился только когда стали соглашаться, чтобъ онъ взялъ то, что хотѣлъ, но и тутъ постарался вычеркнуть одно изъ самыхъ существенныхъ мирныхъ условій, —условіе о Дунайскихъ княжествахъ; Екатерина не могла забыть, какъ невнимательно отнесся онъ къ переговорамъ съ Портою, какъ совѣтовалъ равнодушіе къ шведскому перевороту. Оскорбительно было для Екатерины видѣть, какъ результаты тяжкой войны, результаты Ларги, Кагула, Чесмы, завоеванія Крыма, побѣдъ Суворова въ Польшѣ ослаблены равнодушіемъ и даже явнымъ противодѣйствіемъ союзника, который заботился только о собственныхъ интересахъ, воспользовался русскими побѣдами, русскою кровью, для выгоднаго округленія своего государства. Французскій повѣренный въ дѣлахъ, Дюранъ, доносилъ своему Двору, что Рус-

скіе люди особенно упрекаютъ гр. Панина за усиленіе Пруссіи; Григорій Орловъ говорилъ публично, что люди, составлявшіе раздѣльный договоръ, заслуживаютъ смертную казнь; Панинъ самъ признавался, что обстоятельства завели его далеко, противъ желанія [1]).

Такимъ образомъ, въ то время, когда союзъ между Россіею и Пруссіею, повидимому, скрѣплялся окончательно польскими отношеніями, въ сущности онъ былъ подорванъ, и прежде всего онъ былъ подорванъ во взглядѣ Екатерины на прусскія отношенія. Увѣренія Фридриха въ своей благодарности, въ готовности отслужить Россіи за содѣйствіе въ пріобрѣтеніи такой выгодной доли при раздѣлѣ Польши, теперь должны были казаться насмѣшкою. Екатерина молчала и долго еще должна была молчать; долго обстоятельства, политическія конъюнктуры будутъ заставлять ее продолжать старую систему, не позволятъ выразить своихъ настоящихъ чувствъ къ Прусскому королю; но эта необходимость долго скрывать свои настоящія чувства не могла ослабить ихъ, особенно когда, впослѣдствіи, присоединились сюда и другія еще побужденія. Намъ, удаленнымъ отъ событій на цѣлое столѣтіе, могущимъ слѣдовательно смотрѣть на нихъ совершенно спокойно, представляется естественный вопросъ: за что же было сердиться на государя, который предпочиталъ свои интересы чужимъ; который не хотѣлъ усиливать сосѣдей, и безъ того уже, по его мнѣнію, сильныхъ и опасныхъ? Надобно было заранѣе предположить такое поведеніе, какъ необходимое, и поступать съ величайшею осторожностью, особенно имѣя дѣло съ Фридрихомъ II. Но легко такъ разсуждать намъ, по прошествіи вѣка: очень трудно достигнуть такого спокойнаго взгляда дѣятелямъ въ пылу ихъ дѣятельности, въ пылу страстей, возбужденныхъ этою дѣятельностью. Измѣнена была старая система: союзъ съ Австріею и Франціею былъ нарушенъ въ пользу Пруссіи. Перемѣну системы старались оправдать тѣмъ,—будто бы при старой системѣ были прикованы къ Австріи, служили ея интересамъ. Теперь чувствовалась возможность взгляда, что при новой системѣ эта зависимость отъ чужихъ интересовъ гораздо явственнѣе. Человѣкъ обыкновенно сердится на другихъ, когда долженъ сердиться на самого себя.

Фридрихъ II-й, повидимому, укрѣпилъ себя въ Петербургѣ хорошо: въ Чернышевѣ не замѣчалось колебаній относительно Прусскаго союза,—колебанія могли произойти развѣ по отношеніямъ къ Панину; послѣдній, никѣмъ не сдерживаемый, вродѣ Сальдерна, окончательно поддался прусскому вліянію; Триг. Орловъ потерялъ фаворъ: „Вотъ графъ Орловъ въ формальной немилости“, писалъ принцъ Генрихъ брату; „этотъ человѣкъ только мутилъ дѣлами, и я въ восторгѣ отъ его удаленія по интересу, какой принимаю въ союзѣ между вами и Россіею“ [2]). Фридрихъ однако не успокоивался: онъ боялся интригъ Франціи, боялся сближенія Австріи съ Россіею, и велъ въ Петербургѣ борьбу противъ этихъ опасностей. Но, несмотря на всю свою проницательность, онъ не обратилъ должнаго вниманія на пунктъ соединенія русскихъ интересовъ съ австрійскими, на основаніи котораго рано или поздно долженъ былъ произойти союзъ между Россіею и Австріею. Мы видѣли, какъ Фридрихъ спокойно смотрѣлъ на условіе о независимости Крыма и старался на его счетъ успокоить Австрію. Онъ предвидѣлъ и, съ одной стороны, нисколько не ошибался, что татарская независимость вовлечетъ Россію въ большія хлопоты; но Фридрихъ не вывелъ заключенія, что эти хлопоты отвлекутъ вниманіе Русскаго правительства отъ сѣвера и сѣверо-запада на югъ и юго-западъ, а это естественно уже ослабитъ значеніе Прусскаго союза; польскія отношенія удалятся на задній планъ, и на первый выступятъ турецкія; для избавленія себя отъ хлопотъ, вызванныхъ крымскою независимостью, для окончательнаго рѣшенія вопроса въ свою пользу присоединеніемъ Крыма, Россія должна была обратить все свое вниманіе на Австрію, обезпечить себя отъ ея противодѣйствія, заручиться ея помощію, и для этого вступить съ нею въ союзъ, войти въ ея интересы, причемъ Прусскій союзъ былъ уже невозможенъ. Такимъ образомъ, то изъ екатерининскихъ условій Турецкаго мира, которое нисколько не безпокоило Фридриха, ибо онъ видѣлъ въ немъ только источникъ затрудненій для Россіи, и, наоборотъ, чрезвычайно безпокоило Вѣнскій Кабинетъ своими результатами,—это условіе повело Россію къ разрыву Прусскаго и заключенію Австрійскаго союза; личныя отношенія Екатерины могли только этому способствовать, ибо для нея Прусскій союзъ рушился въ 1772 году.

---

[1]) Raumer—Beiträge, IV, 515.

[2]) Oeuvres XXVI, 361.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ двадцать девятый.

Глава I.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны.

Турецкія и Польскія дѣла въ 1773 и 1774 годахъ.—Отношенія къ другимъ европейскимъ державамъ за то же время.

Мы видѣли, что въ концѣ 1772 года переговоры на Бухарестскомъ конгрессѣ остановились, благодаря крымскимъ городамъ, которыхъ требовала Россія. И въ началѣ 1773 года Обрѣзковъ доносилъ, что все затрудненіе состоитъ въ этихъ городахъ, Керчи и Еникале, которыхъ Турки уступить никакъ не хотятъ, и конгрессъ разорвался бы, если бы онъ не обѣщалъ переписаться о городахъ со своимъ Дворомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Обрѣзковъ извѣщалъ, что желаніе Порты окончить войну охладѣваетъ, и это надобно приписать проискамъ враговъ Россіи въ Константинополѣ. Обрѣзковъ писалъ прусскому посланнику, Зегелину, въ Константинополѣ, чтобъ тотъ уговаривалъ тамъ согласиться на уступку Керчи и Еникале. Зегелинъ сталъ уговаривать рейсъ-эффенди, но тотъ отвѣчалъ: „Порта сдѣлала все для успѣшнаго окончанія переговоровъ,—согласилась на уступку Азова и Таганрога, на извѣстныя гарантіи для Грузинъ, Молдаванъ, казаковъ, на торговлю русскихъ подданныхъ на Черномъ морѣ и Архипелагѣ, хотя морскія державы единодушно совѣтовали противное; Порта согласилась, что для безопасности отъ Татаръ Россія можетъ укрѣпляться какъ ей угодно. Но отъ уступки Керчи и Еникале зависитъ благосостояніе Оттоманской импреіи; если-бъ даже Россія обязалась никогда не строить тамъ военныхъ кораблей, то и это не обезпечивало бы нисколько въ будущемъ, потому что Россія можетъ приготовить всѣ матеріалы на Дону и, при первомъ разладѣ съ нами, перевести ихъ въ Керчь и Еникале; въ три или четыре мѣсяца русскій флотъ въ числѣ 12 или 15 кораблей появится на Черномъ морѣ и предпишетъ законы Константинополю. Наше рѣшеніе непреложно: если Россія уступитъ насчетъ Керчи и Еникале,—миръ будетъ заключенъ; но если она будетъ настаивать на своемъ, — мы будемъ продолжать несчастную войну, хотя бы привелось намъ всѣмъ погибнуть; ибо если предназначено Турецкой имперіи погибнуть, то мы не можемъ этого избѣжать". Обрѣзковъ переписывался также и съ австрійскимъ интернунціемъ въ Константинополѣ, Тугутомъ, ожидая и отъ него содѣйствія въ заключеніи мира; но Зегелинъ писалъ Обрѣзкову: „Князь Кауницъ нажаловался моему государю на меня, что я внушалъ Портѣ: если она не заключитъ скорѣе мира, то весною Австрійцы соединятся съ Русскими для отнятія у Турціи того, что прежде имъ принадлежало. Изъ этого я заключаю, что со стороны Австріи намъ нечего ожидать для ускоренія переговоровъ, ибо на самомъ дѣлѣ внушеніе, мнѣ приписываемое, было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ образумить Турокъ; и если бы въ Вѣнѣ и боялись этимъ слишкомъ ускорить миръ и помѣшать, быть можетъ, тайнымъ замысламъ, то я не вижу, зачѣмъ такъ ратовать противъ подобнаго внушенія, которое ни въ чемъ не вредитъ Вѣнскому Двору, будучи сдѣлано не его министромъ". Но Румянцевъ не былъ доволенъ и прусскимъ министромъ: онъ находилъ въ его письмахъ „и волчій ротъ, и лисій хвостъ".... „Всѣ окрестности являютъ", писалъ Румянцевъ Обрѣзкову, „что друзья непріятелей нашихъ и намъ прямые враги суть; но наши пріятели, напротивъ того, доброхотство и пособіе имъ и намъ размѣряютъ собственною своею пользою и выгодою. Признали уже они артикулы, главнѣйшее запинаніе въ совершеніи настоящей мирной негоціаціи составляющіе, болѣе значащими въ мнѣніи, а не существенную опасность содержащими; но не видѣли мы еще отъ нихъ добрыхъ услугъ или сильныхъ убѣдительныхъ представленій, которыя могли бы склонить трактующихъ съ нами къ соглашенію на оныя".

Между тѣмъ, 3 января въ Петербургѣ, въ засѣда-

нія Совѣта, по поводу донесеній Обрѣзкова, императрица написала: „Кораблеплаваніе на Черномъ морѣ Россія требуетъ свободное. Всѣ прочія турецкія раздробленія излишни; ибо по мелководію большие военные корабли по Черному морю ходить не могутъ, и россійскія военныя суда, кои строятся на Дону, по мелководію меньше всякаго по сю пору на Черномъ морѣ видимаго турецкаго купеческаго корабля". Къ этому Екатерина прибавила устно, что послѣ такой славной войны было бы предосудительно для имперіи и для собственной ея славы сносить предписанія Турокъ. На это Совѣтъ представлялъ императрицѣ, что надобно снабдить Обрѣзкова новыми наставленіями на случай, если бы Турки заупрямились и не стали заключать мира безъ ограниченія русскаго кораблеплаванія или безъ полученія ими мѣста въ Крыму; что въ такомъ случаѣ лучше согласиться на ограниченіе кораблеплаванія, чѣмъ допустить Турокъ опять укорениться въ Крыму; что, имѣя торговыя суда, можемъ ихъ всегда, въ случаѣ надобности, обращать въ военныя; что и при этихъ условіяхъ миръ нашъ славенъ и полезенъ будетъ, и было бы очень прискорбно, если бы война возобновилась, особенно когда Шведскія дѣла находятся въ такомъ натянутомъ положеніи. Императрица отвѣчала на это, что страхъ предъ Шведами обличаетъ сомнѣніе въ собственныхъ своихъ силахъ, и что она не согласится перемѣнить своего рѣшенія о кораблеплаваніи, пока Совѣтъ не представитъ ей причинъ болѣе важныхъ.

Отъ 26 января Обрѣзковъ уже писалъ Панину, что „со склонностью Порты къ достиженію мира случилась весьма явная перемѣна, такъ-что не токмо успѣхъ ввѣренной ему негоціаціи становится сумнительнымъ, но и не безъ опасности быть скорому конгресса разорванію". Порта обнаруживала явное намѣреніе не уступать Россіи ни одной гавани на Черномъ морѣ. Обрѣзковъ употреблялъ послѣднія усилія, чтобъ не разорвать конгресса: зная страшную скупость султана, онъ предложилъ, что Россія откажется отъ денежнаго вознагражденія за военные убытки, если Порта согласится на всѣ другія ея требованія. Послали въ Константинополь за рѣшеніемъ, и на конференціи 9 марта былъ объявленъ отвѣтъ: за всѣ завоеванныя Россіею земли и теперь возвращаемыя Порта платитъ 12 милліоновъ рублей, а за то, что Россія отстанетъ отъ требованія Керчи и Еникале и согласится на ограниченіе кораблеплаванія на Черномъ морѣ, заплатитъ еще 9 милліоновъ. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что если бы Порта предлагала всѣ сокровища міра, то Россія и за нихъ отъ своихъ требованій не отстанетъ. Тогда турецкій уполномоченный, Абдулъ-Резакъ-эффенди, объявилъ, что больше уже переговаривать не о чемъ и онъ уѣзжаетъ. Обрѣзковъ сказалъ на это, чтобы онъ прислалъ записку, сколько ему нужно подводъ. Турокъ смутился и началъ говорить: „Если мы переговоры разорвемъ, то послѣ опять начать ихъ трудно будетъ, и войнѣ не вѣчно же быть; лучше бы переговоры не разрывать, а разставшись, мнѣ быть за Дунаемъ, а вамъ — въ какомъ-нибудь мѣстѣ по сю сторону Дуная и продолжать переговоры письменно". Обрѣзковъ согласился. Уполномоченные разстались самымъ дружескимъ образомъ и обнялись почти со слезами. „Могу поистинѣ сказать", писалъ Обрѣзковъ, „что я почти весь вѣкъ свой съ этою націею изжилъ, но такого добропорядочнаго и добродѣтельнаго человѣка не нашелъ". Обрѣзковъ поселился въ мѣстечкѣ Романѣ. Зегелинъ писалъ ему изъ Константинополя, что, противъ его ожиданія, разрывъ и второго конгресса не произвелъ въ столицѣ сильнаго впечатлѣнія; здѣсь болѣе согласны на продолженіе войны, чѣмъ на заключеніе мира на русскихъ условіяхъ. Рейсъ-эффенди говорилъ ему: „Можемъ ли мы уступить Татарскому хану независимость, какой требуетъ Россія?—это противно нашимъ законамъ, нашей религіи; ибо невозможно, чтобы два мусульманскихъ государя такъ близко царствовали другъ отъ друга: надобно, чтобы ихъ ханъ признавалъ султана своимъ главою, или чтобы султанъ подчинился хану; равенство здѣсь невозможно; это наша конституція, которая не можетъ быть измѣнена, развѣ при окончательномъ паденіи нашей имперіи. Уступить Керчь и Еникале—все равно, что войти въ зависимость отъ Россіи, которая въ короткое время построитъ тамъ страшный флотъ и будетъ предписывать намъ законы".

Еще до разрыва Бухарестскаго конгресса, изъ Петербурга предписывали Обрѣзкову грозить, что перемиріе возобновлено не будетъ, и этою угрозою понуждать Порту къ миру. Но Румянцевъ былъ съ этимъ несогласенъ и писалъ Обрѣзкову: „Объявить сіе и такъ заблаговременно было бы властно, что разбудить Турковъ отъ настоящаго усыпленія и понудить ихъ повсемѣстно взять должныя на такой случай мѣры, причемъ не только не легко уже намъ будетъ ударить на какой-нибудь чувствительный для нихъ пунктъ, но можемъ иногда, по нынѣшнему войскъ ослабленію, упреждены быть и отъ нихъ, и потерпѣть случающійся уронъ наипаче въ слабыхъ частяхъ. Чѣмъ внезапнѣйшія, тѣмъ и полезнѣйшія быть бы могли наши дѣйствія. И для того я мню, что, буде настоитъ сомнѣніе заключить желаемый миръ, то лучше усыплять неприятеля въ настоящемъ военномъ нерадѣніи и тишинѣ, нежели устрашеніемъ нудить его устроять свои обороты; ибо всякій, кому бы ни сказать, что готовлюсь тебя бить, натурально приметъ къ отвращенію мѣры взаимства." Румянцевъ досадовалъ на графа Алексѣя Орлова, который былъ противъ перемирія, жалуясь на то, что онъ обезоруженъ, лишенъ средствъ продолжать успѣшныя дѣйствія и подвергнутъ опасности. Румянцевъ въ своихъ письмахъ къ Обрѣзкову говорилъ по поводу этихъ жалобъ: „Что бы онъ могъ такое сдѣлать въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ? Мало ему было трехъ лѣтъ для совершенія этихъ подвиговъ?"

Румянцевъ былъ сильно разсерженъ тѣмъ, что прошлаго года армія его была ослаблена взятіемъ нѣсколькихъ полковъ въ предположеніи войны Шведской. Послѣ эти полки велѣно было возвратить; но Румянцевъ писалъ Обрѣзкову: „Мы когда возвышаемъ наши требованія, тогда не ищемъ тѣхъ способовъ, которые въ такихъ случаяхъ сущимъ суть подкрѣпленіемъ, т.-е. чтобъ умножать свои силы противъ непріятеля, но паче ихъ ослабляемъ въ виду, такъ сказать, враговъ, на то взирающихъ. Оставленіе взятыхъ полковъ, которые къ первому дѣлу по дальнему переходу и поспѣть уже не могутъ, не надѣясь, чтобы въ непріятелѣ ту же имѣло содѣятельность, какову онъ получилъ къ своему возободренію отъ ихъ прежняго движенія. Дни долгаго перемирія не послужили намъ къ достаточному себя снабденію къ военному дѣлу. Еще не бывали рекруты; многихъ нужнѣйшихъ амуничныхъ вещей не привезено, а потому ежели въ мартѣ открывать кампанію, то не только не будетъ здѣсь силъ къ предпріятію какому-либо знаменитому, но едва ихъ станетъ на защиту себя и удерживаемаго края противъ стремленій непріятельскихъ. Я говорю съ полною дружескою довѣренностью, что у меня ни здоровья, ни смысла не стаетъ ужь для такихъ трудныхъ изворотовъ, въ которыхъ не имѣю вспоможенія, но паче ослабляютъ прилагаемые труды къ трудамъ. Всѣ другіе держатся правила, что, желая твердаго мира, надобно быть готовымъ къ войнѣ, а у насъ сему противное видимъ, ибо армія здѣшняя, вы сами видите, сколько не имѣетъ для себя надобнаго“.

Когда Обрѣзковъ далъ знать Румянцеву, что переговоры не могутъ повести къ миру, и потому главнокомандующій долженъ быть готовъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій, то Румянцевъ отвѣчалъ: „Не нетрудно сіе исполнить, ибо у насъ еще и рекруты не прибыли, и если часть какихъ запасовъ для одѣянія получена, то въ сіе только время принимаются обшивать солдатъ. Доставленіе сюда всякаго снабденія заблаговременно не зависитъ отъ меня, но тѣмъ располагаютъ другіе, итакъ отверзтіе кампаніи при исходѣ зимы придетъ ни по числу силъ, ни по готовности у насъ полнаго снабденія; но живу всегда вопреки русскаго присловья: хоть не радъ, да готовъ, т.-е. ко всему радъ, хотя готовности и мѣшаютъ всѣ противоборства.“ Обращаясь опять къ Орлову, къ его возраженіямъ противъ перемирія, Румянцевъ писалъ: „Флотъ нашъ имѣетъ путь открытый и не привязываетъ его къ себѣ никакой островъ, вмѣсто того что здѣсь всякій шагъ земли нельзя оставить безъ предосужденія оружію, слѣдственно и защита земель пространныхъ, пріобрѣтенныхъ завоеваніемъ, весьма разнствуетъ отъ плаванія по водамъ безпрепятственнымъ. Не могу я скрыть предъ вами, въ разсужденіи моей искренней дружбы, моихъ мыслей, до коихъ меня доводитъ жестокій упадокъ тѣлесныхъ силъ. Многія лѣта проводилъ я, слѣдуя движеніямъ любви къ отечеству и усердной склонности къ дѣлу военному. Не будучи никогда въ счастливомъ положеніи, чтобъ по собственному желанію избирать себѣ случай, но что на меня возлагали, то я исполнялъ безъ подобныхъ другимъ жалобъ. Теперь болѣзненные припадки такъ меня обезсиливаютъ, что я едва могу препроводить короткое время, ежели будетъ зимняя кампанія, а въ дальнѣйшихъ уже подвигахъ я не льщу себя участіемъ. Къ понесенію военныхъ трудовъ, вопервыхъ, надобно естественная сила, а я уже лишился оной. Бой вашъ политическій въ самомъ жаркомъ воспаленіи имѣетъ средство къ своему утоленію; но наши схватки всегда кровопролитны, такъ-что разъ опрокинутая ихъ тягость рѣдко низложенному дастъ подняться на ноги, и рѣшенному однимъ сраженіемъ не воспротивляются цѣлые вѣки. Военныя битвы и способы къ тому явны всей публикѣ, слѣдственно судъ и обвиненіе тутъ неизбѣжны, а оправданію едва бываетъ мѣсто, но связь и пружины силъ вашихъ и ихъ дѣйствія скрываютъ Кабинеты отъ всякаго другихъ проницанія“.

Отъ 28-го февраля Румянцевъ получилъ высочайшее повелѣніе — „вынудить у непріятеля силою оружія то, чего доселѣ не могли переговорами достигнуть, и для того, съ арміею или частью ея, перешедъ Дунай, атаковать визиря и главную его армію“. Увѣдомляя объ этомъ Обрѣзкова, Румянцевъ писалъ: „Тебя я, мой дражайшій другъ, имѣю такъ сказать по Богѣ свидѣтелемъ нашего здѣсь состоянія, а потому и не затрудняю тебя дальнѣйшими объясненіями, зная, что твое проницаніе лучше всѣхъ видитъ наши къ тому силы и удобство, особливо когда надлежитъ сломать прежде крѣпкія преграды, т.-е. разбить силы непріятельскія и овладѣть городами, стань визирскій закрывавшими, и когда на всѣ стороны осматриваться надобно, чтобъ не проронить чего-либо къ предосужденію безопасности мѣстъ, нами оберегаемыхъ, то сколь способно мнѣ къ одному мѣсту тронуться; и по дружеству и благосклонности ко мнѣ легко заключать можешь мои тутъ затрудненія. Присовокупить надобно, что и время не сходствуетъ для таковыхъ поисковъ, когда стужа заставляетъ искать всякаго убѣжища въ избѣ, а преодолѣвая суровство времени, себя только преодолѣваешь и приводишь въ несостояніе въ удобное время къ дѣйствіямъ“.

Румянцевъ писалъ точно такъ-же самой императрицѣ о неудобствахъ перехода черезъ Дунай; переслалъ ей мнѣнія генераловъ Салтыкова, Потемкина и Вейсмана о тѣхъ же неудобствахъ; король Прусскій такъ же совѣтывалъ не переходить за Дунай: — ничто не дѣйствовало, Екатерина настаивала на переходъ. Въ апрѣлѣ русскія войска начали наступательное движеніе съ выгодою для себя; попытки Турокъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная были неудачны. Русскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Клички, переправился за Дунай, разбилъ нѣсколько разъ Турокъ

и возвратился назадъ, какъ то дѣлывалъ Вейсманъ въ 1771 году; попытки Турокъ противъ Журжи и Слободзеи кончились для нихъ очень неудачно. Въ маѣ Суворовъ, переведенный изъ Польши въ Дунайскую армію, началъ и здѣсь блистательно свою дѣятельность, овладѣвъ Туртукаемъ. Но «случилось дознать и неудачу, какъ слѣдствіе жребія военнаго, не всегда приверженнаго одной сторонѣ", по словамъ Румянцева: эту неудачу потерпѣлъ полковникъ князь Репнинъ, который, самъ раненый, достался въ плѣнъ Туркамъ съ двумя маіорами Дивовыми и нѣсколькими оберъ-офицерами. „Поверхность, непріятелемъ въ семъ разѣ пріобрѣтенная, ничего и наималѣйше не перемѣняетъ въ нашемъ положеніи", писалъ Румянцевъ: „да и утрата толь малаго числа людей ничего бы по себѣ не значила, ежели бы въ ней не было персоны князя Репнина, каковыхъ знатныхъ плѣнниковъ во всю войну еще не имѣли Турки, и по сему пункту, а наибольше и по персональному моему доброжелательству къ ихъ фамиліи, чувствительно мнѣ прискорбенъ сей случай. Между тѣмъ, наши движенія идутъ, чтобъ заплатить врагамъ съ лихвою. Г. Вейсманъ со своимъ корпусомъ уже за Дунаемъ, и я, въ споспѣшествованіи дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, подвигаюсь берегомъ вверхъ сей рѣки".

Вейсманъ, переправившись за Дунай, не замедлилъ извѣстить фельдмаршала о побѣдѣ: 27-го мая онъ напалъ при Карасу на непріятеля, стоявшаго въ 12,000 пѣхоты и конницы, и нанесъ ему пораженіе: Турки потеряли болѣе 1,000 человѣкъ убитыми; Русскимъ достался весь ихъ лагерь съ 16 пушками. Послѣ этого Румянцевъ рѣшился переправиться черезъ Дунай у Горабала или Бали-Багаса. Но тутъ стояло 6,000 Турокъ съ пушками. Фельдмаршалъ велѣлъ Вейсману зайти имъ въ тылъ отъ Карасу, и Потемкину высадиться и идти прямо имъ въ лицо. 7-го іюня оба генерала одновременно съ друхъ сторонъ подступили къ непріятельскому лагерю, и, въ то же время, фельдмаршалъ съ главнымъ войскомъ показался на лѣвомъ берегу Дуная, ведя наравнѣ со своимъ движеніемъ суда, собранныя для переправы. Турки оторопѣли и, при первыхъ выстрѣлахъ, бросились въ бѣгство; русская конница поскакала за ними и истребила болѣе 300 человѣкъ; обозъ достался побѣдителямъ. Очистивъ назначенное для переправы мѣсто, Румянцевъ въ тотъ же день велѣлъ перевозить войска, и 11 числа самъ перешелъ Дунай. Разбивши еще разъ Турокъ на рѣкѣ Галицѣ, Русскіе стали лагеремъ у Силистріи.

Еще прежде, когда Румянцевъ далъ знать въ Петербургъ о намѣреніи своемъ переправиться черезъ Дунай и о взятіи Туртукая, гр. Григорій Орловъ говорилъ въ Совѣтѣ, что, по настоящему расположенію фельдмаршала, онъ видитъ, какъ Румянцевъ намѣренъ исполнить теперь то, что онъ, Орловъ, предлагалъ ему въ прошлогоднее свиданіе, а именно: переправиться за Дунай между Чернымъ моремъ и Карасу и утвердить тамъ лѣвое крыло арміи; визирь, находясь на другой сторонѣ Карасу, не могъ бы отрѣзать нашего войска по дальности обхода,—напротивъ, самъ нашелся бы въ опасности быть отрѣзаннымъ; такимъ положеніемъ мы могли бы отворить себѣ путь за горы и, потревоживъ столицу непріятеля, заставить его согласиться на миръ.—Узнавъ о переправѣ Румянцева, Екатерина 28 іюня, въ день восшествія своего на престолъ, написала ему, что такъ какъ онъ сдѣлалъ этотъ день для нея радостнымъ, то она пожаловала сына его (Михаила) полковникомъ, и желала Божеской помощи во всѣхъ впредь за Дунаемъ предпріятіяхъ.

Къ Вольтеру Екатерина писала: „Вашему любезному Мустафѣ придется опять быть отлично поколоченнымъ послѣ переговоровъ. разрыва двухъ конгрессовъ и перемирій, продолжавшихся почти цѣлый годъ. Этотъ почтенный господинъ, помоему, вовсе не умѣетъ пользоваться обстоятельствами Нѣтъ сомнѣнія. что вы увидите окончаніе этой войны. Надѣюсь, что переходъ черезъ Дунай будетъ способствовать этому двоякимъ образомъ: онъ васъ обрадуетъ и сдѣлаетъ султана сговорчивѣе".

Но Румянцевъ въ 1773 году приготовилъ Екатеринѣ такую горькую нечаянность, какую она испытала отъ Голицына въ 1769 году. Несмотря на нѣсколько удачныхъ схватокъ съ Турками, овладѣніе Силистріею оказывалось невозможнымъ по причинѣ сильнаго гарнизона, простиравшагося до 30,000 человѣкъ; на предложеніе сдаться комендантъ отвѣчалъ, что Русскіе не получатъ ни одного камня и ни одного гвоздя изъ Силистріи. Отъ Шумлы шелъ Нуманъ-паша съ цѣлью напасть на русскую армію съ тыла въ то время, какъ съ другой стороны на нее нападутъ войска изъ Силистріи. На встрѣчу Нуманъ-пашѣ двинулся Вейсманъ и встрѣтился съ нимъ 22-го іюня, при Кучукъ-Кайнарджи. Турки были поражены, потеряли около 5,000 убитыми, 25 пушекъ; но Русскіе заплатили за это очень дорого: знаменитый Вейсманъ былъ убитъ. Несмотря на то, что теперь Турки не могли придти на помощь Силистріи, Румянцевъ 24 іюня собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено перейти назадъ на лѣвый берегъ Дуная: страшно истомленную конницу нельзя было вести впередъ; травы не было, лошадей кормили камышемъ, да и за тѣмъ нужно было посылать далеко; дороги трудныя, а сражаться не съ кѣмъ,—Турокъ не догнать. Фельдмаршалъ отъ 30-го іюня далъ знать о своемъ обратномъ переходѣ на лѣвую сторону Дуная. „Предвидя", писалъ Румянцевъ, „что персональные мои непріятели выводятъ меня на пробу жестокую, тогда какъ силы, мнѣ ввѣренныя, приведены въ великое ослабленіе, дерзнулъ я, по чистой совѣсти и долгу всеподданнѣйшему, донести вашему императорскому величеству о всѣхъ трудностяхъ въ настояніи перехода за Дунай. Воображенія мои тогдашнія съ испытаніемъ настоящимъ въ томъ токмо разнствуютъ, что казавшееся съ сей

стороны многотруднымъ далеко больше найдено неудобнымъ. Будучи на той сторонѣ, бывшіе со мною тамъ генералы остаются свидѣтели, сколько я старался до послѣдней черты, не щадя ни трудовъ, ни жизни, выполнить высочайшую волю вашего императорскаго величества, имѣя токмо подъ именемъ арміи корпусъ небольшой въ 13,000 пѣхоты на всѣ дѣйствія съ визирскими силами, которыя, однакожъ, побиты и разсыпаны: словомъ, не испытано развѣ только то, чего одолѣть не можетъ человѣчество. Черезъ сей походъ многотрудный весьма утомлены люди, а лошади дошли до крайняго изнуренія, и я не могу сокрыть предъ вашимъ величествомъ угнетающихъ меня теперь трудностей по пункту оборонительнаго положенія, въ которое не легко мнѣ попасть съ прежнею твердостію, рушившись изъ онаго до самой пяты. Еще я дерзаю изъяснить предъ вами духъ усерднаго и вѣрнаго раба о положеніи сопротивнаго дунайскаго берега по очевидному уже моему дознанію, что если бы продолжать на немъ военныя дѣйствія, то не удвоить, а утроить надобно армію, ибо толикаго числа требуетъ твердая нога, которой безъ того имѣть тамъ не можно въ разсужденіи широты рѣки, позади остающейся, и трудныхъ проходовъ, способствующихъ отрѣзанію со всѣхъ сторонъ, для прикрытія которыхъ надобно поставить особливые корпусы, не связывая тѣмъ руки наступательно дѣйствующаго, который чрезъ лѣса и горы себѣ путь самъ долженъ вновь строить. Пораженъ давно уже духъ мой прискорбностію, что я не удостоиваюсь на письмѣ видѣть знаки монаршаго благоволенія, если только доходятъ къ вашему императорскому величеству мои всеподданнѣйшія; сокрушаетъ и то, когда ходатайство мое о многихъ здѣсь служащихъ не служитъ на ихъ пользу, и безъ того и упадаетъ въ подчиненныхъ ревнованіе, которыхъ и не имѣю ничѣмъ другимъ ободрить; да и многія мои донесенія о недостаткахъ и нужномъ ополченіи не пріобрѣтаютъ содѣятельности: и чувствую и предвижу, что, когда не въ усердіи, на которое никто неправды положить не можетъ, то находятъ во мнѣ недостатки въ способностяхъ, и, дѣлая меня человѣкомъ, встрѣчающимъ во всемъ трудности, лишаютъ меня довѣренности вашей. Сознаю предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, что, служа не первую войну, пять лѣтъ сряду ощущалъ я ослабленіе въ себѣ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, а полагая счастіе свое въ угожденіи высочайшей волѣ вашего императорскаго величества и въ благѣ отечества моего, охотно я таковаго желаю увидѣть на своемъ здѣсь мѣстѣ, кто лучше находитъ моего способы удовлетворить обоимъ симъ драгоцѣннымъ предметамъ".

15 іюля, въ присутствіи императрицы, читали въ Совѣтѣ оффиціальное донесеніе Румянцева о возвращеніи на лѣвый берегъ Дуная. Впечатлѣніе было сильное: говорили, что возвращеніе фельдмаршала подастъ поводъ къ непріятнымъ толкамъ, возгордитъ Турокъ и удалитъ желаемое заключеніе мира. Высказалось неудовольствіе противъ Румянцева; говорили, что его требованія слишкомъ велики, нѣтъ средствъ увеличить первую армію въ такихъ размѣрахъ, какъ онъ хочетъ. Зачѣмъ онъ перешелъ Дунай, не обсудивши сначала всѣхъ трудностей: сраженія съ непріятелемъ, происходившія попустому, разстроили армію, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца. Но какъ ни сердились, помочь дѣлу можно было только удовлетвореніемъ, хотя отчасти, требованіямъ фельдмаршала. Захаръ Чернышевъ предлагалъ, что по настоящему положенію Польскихъ дѣлъ можно послать въ первую армію нѣсколько полковъ изъ находившагося въ Польшѣ корпуса; что для ободренія фельдмаршала надобно отвѣчать на его донесеніе, увѣдомить его объ увеличеніи его арміи. Совѣтъ согласился, согласился и на другое предложеніе Чернышева—взять изъ Польши Бибикова, оставивъ тамъ генералъ-поручика Романіуса. Екатерина сама прочла вышеприведенное письмо къ ней Румянцева и, указавъ на жалобу фельдмаршала, велѣла, чтобъ по его представленіямъ немедленно было исполнено.

Письмо Румянцева было очень ловко написано: онъ извѣщалъ о непріятнѣйшемъ событіи, возбуждалъ противъ себя сильное негодованіе: но чтобъ это негодованіе не высказалось, въ концѣ находилось внушеніе, что если есть человѣкъ, который способенъ вести дѣло лучше, то онъ готовъ передать ему начальство надъ войскомъ; тутъ не было прямой просьбы объ увольненіи, а вызовъ пріискать ему подобнаго или лучшаго. Такого пріискать, разумѣется, не могли; могли уволить Голицына, потому что въ виду былъ Румянцевъ, но другого кагульскаго побѣдителя не было. Румянцевъ не нашелъ себѣ соперника, который бы могъ замѣнить его на Дунаѣ, и, какъ легко было предвидѣть, возбужденное имъ негодованіе въ Совѣтѣ кончилось рѣшеніемъ ободрить его, увеличить его армію, исполнить его требованія относительно наградъ подчиненнымъ. Но Румянцевъ нашелъ себѣ сильную соперницу въ борьбѣ на письмахъ. Екатерина отвѣчала ему такъ же очень искусно, съ полнымъ достоинствомъ, снисходительно, милостиво, съ постояннымъ выраженіемъ совершеннаго довѣрія къ искусству полководца, надежды, что онъ поведетъ дѣло какъ нельзя лучше, и, вмѣстѣ съ прочимъ внушеніемъ, что ему не слѣдуетъ предполагать враговъ, которые могутъ вредить ему при ней, съ указаніемъ, что и самъ онъ виноватъ въ ослабленіи своей арміи; наконецъ дано понять, что намекъ фельдмаршала на отставку не испугалъ ея, что она готова уволить его; но здѣсь такъ искусно была отстранена всякая тѣнь неудовольствія, раздраженія, что обидѣться и дѣйствительно подать просьбу объ увольненіи было нельзя: „Любя истинное благо имперіи", писала Екатерина, „и для того желая не менѣе многихъ возстановленія мира, чистосердечно вамъ скажу, что извѣстіе о возвратномъ вашемъ перешествіи черезъ Дунай не столь мнѣ пріятно было, нежели первая ваша съ арміею

переправа чрезъ сію рѣку, съ которою я васъ столь искренно поздравляла письмомъ моимъ; ибо мню, что возвращеніе ваше на здѣшній берегъ не будетъ служить къ ускоренію мира, оставляя, впрочемъ, безъ всякаго уваженія всѣ пустыя по всей Европѣ эхи, коими нѣсколько мѣсяцевъ сряду уши набиты будутъ: сіи сами собою, конечно, упадутъ, причиняя нашимъ ненавистникамъ пустое нѣкоторое удовольствіе, на которое взирать не станемъ. Что же касается до вашихъ персональныхъ непріятностей, о коихъ вы ко мнѣ упоминаете, что онѣ васъ выводятъ на пробу жестокую, тогда какъ силы, вамъ ввѣренныя, приведены въ сильное ослабленіе, и для того вы ко мнѣ о всѣхъ трудностяхъ перехода черезъ Дунай живое описаніе дѣлаете: то, входя во всѣ ваши обстоятельства колико возможно подробнѣе, откровенно вамъ скажу, вопервыхъ, что я сихъ вашихъ непріятелей, на коихъ вы жалуетесь, не знаю, и объ нихъ, окромя отъ васъ, не слышала, да и слышать мнѣ объ нихъ было нельзя, ибо я слухъ свой закрываю отъ всѣхъ партикулярныхъ ссоръ, ушенадувателей не имѣю, переносчиковъ не люблю и сплетней складчиковъ, кои людей вѣстьми, или же часто выдуманными, приводятъ въ несогласіе, терпѣть не могу; сіи же люди обыкновенно иныхъ качествъ не имѣютъ къ пріобрѣтенію себѣ уваженія, окромя таковыхъ подлыхъ. Подобнымъ интригамъ я дороги заграждать обыкла, уничтожая ихъ; людей же, качествами своими и заслугами себя столь же какъ и чинами отъ другихъ отличившихъ, какъ вы, я не привыкла инако судить, какъ по дѣламъ и усердію ихъ: и такъ надѣюсь, что вы по прошедшему времени, въ которое вы толикіе имѣли опыты моего благоволенія къ вамъ и многочисленнымъ вашимъ заслугамъ ко мнѣ и къ государству, будете судить о настоящемъ и о будущемъ моемъ къ вамъ расположеніи... Признать я должна съ вами, что армія ваша не въ великомъ числѣ; но никогда изъ памяти моей исчезать не можетъ надпись моего обелиска, по случаю побѣды при Кагулѣ на немъ исчеканенная, что вы, имѣвъ не болѣе 17,000 человѣкъ въ строю, однако славно побѣдили многочисленную толпу. Сожалѣю весьма, что чрезъ сей вашъ бывшій многотрудный весьма за Дунай и обратный походъ утомлены сіи храбрые люди, и что лошади дошли до крайняго изнуренія; но надѣюсь, что вашимъ же, извѣстнымъ мнѣ объ нихъ всегдашнимъ попеченіемъ, и люди, и лошади паки приходить будутъ въ прежнее ихъ состояніе. Что же ваше оборонительное положеніе рушилось до самаго основанія и вамъ не легко будетъ оное возстановить, сіе себѣ представить могу не безтруднымъ для васъ, ибо чрезъ мѣсяцъ ваша позиція три разные вида получила; а именно: первая — ваше положеніе по сю сторону Дуная, потомъ—наступательная переправа черезъ Дунай, и за симъ—обратный походъ вашъ, совокупленный съ возстановленіемъ паки оборонительнаго положенія. Всѣ сіи, такъ сказать, переправы, конечно, соединены быть должны съ немалыми трудностями и заботами. Но, знавъ ваше искусство и испытавъ усердную ревность вашу, не сумнѣваюсь, что въ какихъ бы вы ни нашлись затрудненіяхъ, съ честію изъ оныхъ выходить умѣть будете... Что же ваши тѣлесныя силы чрезъ войну, веденную пять лѣтъ сряду, пришли въ ослабленіе даже дотого, что вы охотно желаете увидѣть таковаго на вашемъ мѣстѣ, который бы, такъ, какъ вы, полагалъ счастіе свое въ угожденіи волѣ моей и въ благѣ отечества, о семъ осталось мнѣ сердечно жалѣть, и конечно, колико Богъ подкрѣпитъ тѣлесныя и душевныя силы ваши, имперія не инако какъ съ довѣренностію отъ васъ ожидать должна дѣла, соотвѣтствующаго уже пріобрѣтенной вами ей и себѣ славѣ; но со всѣмъ тѣмъ, если, по человѣчеству свойственнымъ припадкамъ, вы, къ общему сожалѣнію и моему, не въ силахъ себя нашли продолжать искусное ваше руководство, то и въ семъ случаѣ я-бъ поступила съ обыкновеннымъ моимъ къ вамъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ находящимся, уваженіемъ".

Румянцевъ въ отвѣтѣ своемъ (отъ 18-го августа) призналъ, что почувствовалъ много отрады отъ словъ и милостей государыни, и не хотѣлъ оставить безъ возраженія словъ ея относительно его враговъ: „Что я ихъ, къ несчастію, имѣю, то кчему мои объясненія о томъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, яко монархинею премудрою и проницающею глубоко во всѣ дѣйствія и ихъ причины, которыми они противъ меня прямо идутъ, и своими новоизобрѣтеніями, въ опроверженіе моихъ, представляютъ и подобности и возможности и удобства, и иной видъ въ счетѣ даютъ на бумагѣ войску, нежели оный есть въ дѣлѣ, и тѣмъ ставятъ меня въ исполненіи непреодолимыхъ обстоятельствъ или неготовымъ, или неискуснымъ, и всяческими образы смѣшиваютъ къ полученію награжденія прямыхъ военноподвижниковъ не только на ряду старшинства съ находящимися внѣ войны, но и съ тѣми, кои, подъ разными виды явно удаляясь отъ службы и нерѣдкія въ нареканіяхъ и неудовольствія противъ меня (имѣя), по новымъ штатамъ находятъ для себя выгодныя и полезныя мѣста, присвояютъ двойное жалованье при прежнемъ отправленіи службы и должности; изъемлютъ (т.-е. враги Румянцева) изъ вѣдѣнія моего чиновъ, привязанныхъ прямо ко мнѣ и неотлучно бытностію, по ввѣренному надъ арміею начальству, а чрезъ то честолюбіе, какъ лучшая подпора въ службѣ, и уваженіе къ начальнику упадетъ, негодованіе же и происки умножаться должны". Румянцевъ оканчиваетъ письмо такъ: „По дальнему разстоянію не остается мнѣ надежды заимствовать подкрѣпленіе въ нынѣшнюю кампанію отъ полковъ, назначенныхъ изъ польскаго корпуса; въ противномъ же усердному желанію моему состояніи и при истощеніи крайнихъ моихъ силъ, бывъ и теперь нѣсколько уже дней въ постели, надѣюсь на высочайшую милость вашего императорскаго величества, щедрымъ образомъ всѣмъ вѣрно и усердно служа-

щимъ являемую, что и мнѣ дозволите на подобный случай отлучиться, по крайней мѣрѣ, куда-нибудь подъ кровлю, ради спасенія послѣднихъ моихъ жизненныхъ силъ, ибо, терпя всю суровость воздуха, въ нынѣшнюю наипаче кампанію, чрезъ такъ чувствительныя и жестокія перемѣны погоды наипоразительнѣе разорено мое здоровье".

Въ описаніи дѣйствій враговъ своихъ Румянцевъ ясно указывалъ на Чернышева, управлявшаго Военною Коллегіей; онъ могъ подозрѣвать и Григорія Орлова; но тотъ, по крайней мѣрѣ, прямо написалъ ему, что публика негодуетъ на его образъ веденія войны [1]). Румянцевъ отвѣчалъ: „Получа вашего сіятельства благосклоннѣйшее письмо, видѣлъ я въ немъ, какъ велико ваше ко мнѣ усердіе и сколько я несчастливъ въ благоволеніи къ себѣ публики. Если бы такой былъ парламентъ, въ который бы можно позвать общество на судъ, и если бы и теперь рѣшались дѣла примѣромъ судилища, что древняя Грепія имѣла подъ именемъ ареопага, я бы счетъ повелъ съ нашею публикою: кто изъ насъ противъ кого неблагодаренъ, я ли еще оной, или уже она мнѣ должна. Вѣкъ провождая въ потѣ и трудахъ, не вкусилъ я той радости, что ощущаемъ, получа воздаяніе своимъ заслугамъ. Всѣ трудящіеся имѣютъ мѣру и цѣну своимъ дѣламъ, но для одного меня предоставлено всегда дѣлать и тѣмъ только заслуживать негодованіе. Пускай забыты дѣла прежнія, и я ихъ не вспоминаю; но неужели настоящее положеніе мое не трогаетъ публику, когда торжествуютъ войска надъ Оттоманами, гдѣ не сражаются въ помощь водныя стихіи [2]), но все учреждаетъ непрерывный трудъ. Изъ Рима и изъ Греціи неудовольство публики прогоняло лучшихъ полководцевъ, ихъ заслуги припоминали только въ нуждѣ, а иногда и поздно. И мой жребій, повидимому, къ тому же преклоняетъ мое отечество: я былъ уже гонимъ отъ общаго неудовольства, и готовиться должно и въ старости ту же претерпѣвать участь, когда моему несчастію причина токмо та, что я не умѣю себя рекомендовать иначе, какъ моею службою. Я увѣренъ, что мой милостивый графъ не пріемлетъ участія въ публичныхъ обо мнѣ заключеніяхъ; и такъ я вашу милость и дружбу ко мнѣ поставляю стѣною, о которую сокрушатся всѣ ухищренія ищущихъ мнѣ зла. Между тѣмъ скоро мы станемъ уже пить воду дунайскую".

Но, къ несчастію, дунайскую воду должны были пить дважды, и, что̀ бы ни писалось изъ Петербурга, Румянцевъ былъ убитъ горемъ вслѣдствіе невозможности остаться за Дунаемъ: „Боль во мнѣ душевная не можетъ исчезнуть", писалъ онъ Екатеринѣ, которая находилась такъ же не въ завидномъ состояніи духа.

Англійскій посланникъ Гуннингъ писалъ своему Двору, что никогда не видалъ императрицы въ такомъ огорченіи; огорченіе это, по его мнѣнію, происходило не оттого, что она опасалась теперь вторженія Турокъ на лѣвую сторону Дуная, но оттого, что, вслѣдствіе безпрерывныхъ успѣховъ, она не можетъ перенести малѣйшей неудачи. 19-го августа она говорила въ Совѣтѣ: „Требуете вы отъ меня рекрутовъ для комплектованія арміи. Отъ 1767 года сей наборъ будетъ, по крайней мѣрѣ, и сколько моя память мнѣ служитъ, шестой. Во всѣхъ наборахъ близъ 300,000 человѣкъ рекрутъ собрано со всей имперіи. Въ томъ я съ вами согласно думаю, что нужная оборона государства того требуетъ, но со сжиманіемъ сердца по человѣколюбію наборъ таковой всякій разъ подписываю, видя наипаче, что оные для пресѣченія войны по сю пору безплодны были, хотя мы непріятелю нанесли много ущерба и сами людей довольнаго числа лишились. Изъ сего естественно родиться можетъ два вопроса, которые я себѣ и вамъ сдѣлаю,— первый: такъ ли мы употребляли сихъ людей, чтобъ желаемый всѣмъ миръ могъ приблизиться? Второй: послѣ сего набора что̀ вы намѣрены предпринимать къ славѣ имперіи, которую ни въ чемъ иномъ не ставлю, какъ въ пользѣ ея? Оставляя говорить о прошедшихъ, лаврами увѣнчанныхъ кампаніяхъ, кои непріятеля принудили къ мирнымъ переговорамъ, въ отвѣтъ на первый сдѣланный мною вопросъ скажу о настоящемъ положеніи дѣлъ, что, къ сожалѣнію моему, вижу я, что сія кампанія повсюду безплодно кончится или уже и кончилась, и осталось намъ помышлять, не теряя времени, о будущемъ. Дабы очистить второй мною сдѣланный вопросъ, я повторяю, чтобъ, не теряя времени, помышлять о томъ, что въ предыдущую кампанію предпринимать намъ за нужно почтено будетъ; развѣ за полезно почтете, чтобы сухопутныя и морскія наши противъ непріятеля силы остались точно въ томъ положеніи, въ какомъ нынѣ находятся, положеніе не дѣйствующее, которое я за полезно для приближенія желаемаго нами мира не почитаю, и которое, по моему мнѣнію, намъ скорѣе вторую сзади войну нанесетъ, нежели настоящую прекратитъ. Изъ рекрутскаго мнѣ предлагаемаго вами набора заключаю я, что вы упражняетесь снабденіемъ армій. Напомнить я за нужно вамъ нахожу, дабы вы Азовскаго моря эскарду изъ памяти не выпускали и оную, по возможности, привели въ наиудобнѣйшее для дѣлъ состояніе. Но наипаче васъ прошу и вамъ повелѣваю: со всякою ревностію и усердіемъ стараться единодушно сдѣлать планъ, снабдить къ будущей кампаніи всѣхъ разныхъ командующихъ силами нашими такими наставленіями, дабы они вообще нашлись въ состояніи дѣйствовать противъ общаго непріятеля, и наши употребленныя къ тому силы къ одному бы предмету ведены были, то-есть—къ достиженію блаженнаго мира, въ чемъ да поможетъ намъ Всевышній. Еще разъ весьма васъ прошу, чтобъ все сіе не осталось при сихъ на бумагу написанныхъ

[1]) Письмо написано было еще до перехода на правый берегъ Дуная и вѣроятно для того, чтобы побудить фельдмаршала къ этому переходу.

[2]) Намекъ на гр. Алексѣя Орлова.

словахъ". Подписавъ указъ о рекрутскомъ наборѣ, Екатерина стала говорить о необходимости беречь новобранцевъ; нѣкоторые члены Совѣта представили, что смертность между ними происходитъ отъ перемѣны образа жизни и необыкновенныхъ переходовъ вслѣдствіе пространства имперіи; императрица приказала, чтобъ Сенатъ вмѣстѣ съ гр. Чернышевымъ разсмотрѣлъ и принялъ надлежащія мѣры къ пресѣченію случающихся при наборахъ злоупотребленій, и чтобы, для облегченія и сбереженія этихъ непривычныхъ людей, армія комплектовалась гарнизонными солдатами, а гарнизоны—рекрутами.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій, въ засѣданіи 27 августа Чернышевъ читалъ свое мнѣніе, что по принятымъ теперь мѣрамъ, для увеличенія первой арміи къ будущей кампаніи до 116,000 человѣкъ, надобно потребовать отъ фельдмаршала заблаговременно мнѣніе, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать; что съ увеличенною такимъ образомъ арміею, кажется, можно, оставя на этой сторонѣ Дуная нужное число войскъ, перейти на ту сторону и тамъ утвердиться; что вторая армія, защищая попрежнему Крымъ, можетъ съ помощью флота овладѣть Кинбурномъ. Если первая армія не будетъ въ состояніи перейти за Дунай и останется въ настоящемъ положеніи, то надобно отдѣлить отъ нея значительный корпусъ въ помощь второй арміи для взятія не только Кинбурна, но и Очакова, а между тѣмъ надобно стараться достигнуть желаемаго мира переговорами, отставши отъ нѣкоторыхъ условій, особенно отъ требованія Еникале и Керчи, пріобрѣтеніе которыхъ болѣе вредно, чѣмъ полезно (?).— Тутъ Панинъ удивилъ всѣхъ предложеніемъ, нельзя ли для сохраненія рекрутъ послать въ арміи солдатъ изъ гарнизоновъ и здѣсь находящихся полковъ, а ихъ мѣсто занять рекрутами. Чернышевъ отвѣчалъ, что въ прошедшее засѣданіе императрица именно приказала это сдѣлать. Въ засѣданіи 2-го сентября генералъ-прокуроръ предлагалъ, нельзя ли дать графу Алексѣю Орлову свободу не пропускать провозимые въ Константинополь съѣстные припасы посредствомъ договора съ Англіею; но на это Панинъ отвѣчалъ, что прежнее запрещеніе провоза припасовъ возбудило неудовольствіе не только Франціи, но и всѣхъ торгующихъ державъ, и что, не будучи въ состояніи имъ тамъ противиться, мы не можемъ теперь возобновить это запрещеніе. Члены Совѣта такъ желали мира, что соглашались на уступку Татарамъ всѣхъ городовъ, въ томъ числѣ Керчи и Еникале, даже на ограниченіе для Россіи плаванія по Черному морю. Одинъ Григорій Орловъ былъ противнаго мнѣнія и доказывалъ, что никакія уступки не помогутъ, Турки не согласятся на совершенное отдѣленіе Татаръ, развѣ въ крайности. Прусскій король предлагалъ три средства къ достиженію мира: 1) принудить къ тому Порту силою оружія; 2) пригласить къ содѣйствію Австрійскій Дворъ; 3) отстать отъ нѣкоторыхъ условій, на которыя Порта упорно не соглашается. Екатерина замѣтила по поводу этихъ предложеній: „Заставить Турокъ силою подписать миръ. Для достиженія этого, надобно, чтобъ въ арміи фельдмаршала Румянцева было дѣйствительно 80,000 человѣкъ; кромѣ того, надобно заготовить магазины на цѣлый годъ, надобно имѣть на Черномъ морѣ флотъ для овладѣнія Варною. Предпріятіе требуетъ большихъ издержекъ и будетъ стоить множества народа. Пригласить Вѣнскій Дворъ содѣйствовать этому великому дѣлу диверсіей со стороны Бѣлграда—это будетъ наименѣе выгодно для Россіи, ибо Вѣнскій Дворъ захочетъ извлечь для себя такую значительную пользу, которая не будетъ согласоваться ни съ дѣйствительнымъ интересомъ Россіи, ни съ интересомъ другихъ европейскихъ государствъ; 3) уступить въ нѣкоторыхъ условіяхъ, особенно тяжелыхъ для Порты, пожертвовать нѣкоторыми выгодами въ пользу мира, вознаградить себя Очаковымъ или Бендерами за уступки. Первое есть самое блестящее, но и самое опасное; второе самое слабое и наименѣе политичное; третье находится въ срединѣ между обоими, это путь самый вѣрный и можно считать его самымъ благоразумнымъ"

Въ ноябрѣ получено было въ Петербургѣ донесеніе прусскаго министра въ Константинополѣ, что Турки могутъ уступить Россіи Кинбурнъ, если она отстанетъ отъ требованій Керчи и Еникале. Мы видѣли, что и прежде въ Совѣтѣ соглашались уже не требовать Керчи и Еникале; и теперь начались толки, что пріобрѣтеніе Кинбурна можетъ быть намъ полезно какъ для постояннаго содержанія на Черномъ морѣ флота, такъ и для заведенія въ той сторонѣ торговли не только съ Турками, но и съ Польшею, по удобству воднаго сообщенія изъ него; что для этого надобно будетъ основать на Днѣпрѣ, ниже пороговъ, торговый городъ, которому Кинбурнъ, отрѣзанный каналомъ отъ твердой земли, служилъ бы какъ Кронштадтъ Петербургу; а для сообщенія съ Кинбурномъ сухимъ путемъ должно получить намъ отъ Татаръ весь лѣвый берегъ Днѣпра верстъ на пять шириною. Гр. Панинъ, „министръ иностранныхъ дѣлъ", какъ его начали называть, представлялъ, что Портѣ трудно отказаться отъ Керчи и Еникале въ нашу пользу, а намъ неудобно ихъ содержать, и требовалъ, чтобъ прусскому министру въ Константинополѣ было поручено устроить дѣло соглашенія на этомъ основаніи. Но Орловъ опять представилъ свои возраженія: Кинбурнъ—крѣпость небольшая, не имѣющая гавани, не можетъ вознаградить за уступку Керчи и Еникале, не можетъ принести никакой пользы; торговля будетъ подвержена затрудненіямъ по причинѣ пороговъ и мелей, и если ужь непремѣнно нужно будетъ отдать Керчь и Еникале Татарамъ, то должно стараться получить вмѣстѣ съ Кинбурномъ Очаковъ и всю землю, лежащую между Днѣпромъ и Днѣстромъ,

не допуская Татаръ селиться въ Бессарабіи. Ему возражали, что Турки на это не согласятся. По случаю этихъ споровъ въ Совѣтѣ признались въ ошибочности плана относительно независимости Татаръ, признались, что „на совершенное Татаръ отъ Турокъ отдѣленіе потребно еще много времени и трудовъ“. Сама Екатерина пристала къ тому мнѣнію, что Турки не согласятся на уступку Очакова. Орловъ представлялъ, что можно согласиться на сіе разореніе; что тогда, выговоривъ въ трактатѣ свободу обѣимъ сторонамъ строить крѣпости, можемъ построить вмѣсто Очакова лучшую крѣпость; если мы будемъ имѣть землю между Днѣпромъ и Днѣстромъ, то станетъ выходить множество Молдаванъ и Валаховъ и скоро всю ее заселятъ; земля эта станетъ тогда преградою между Турками и Татарами, пресѣчетъ между ними всякое сообщеніе сухимъ путемъ. Захаръ Чернышевъ возражалъ, что земля эта обойдется намъ дорого, нужно будетъ заводить тамъ крѣпости и держать въ нихъ гарнизоны. Орловъ отвѣчалъ, что нѣтъ намъ никакой надобности въ крѣпостяхъ. Кто-то замѣтилъ, что у Татаръ будетъ плохая вольность, если оставить за султаномъ, какъ калифомъ, верховную власть въ верховныхъ дѣлахъ, если допустить, что татарскіе судьи будутъ опредѣляться константинопольскимъ муфтіемъ. Панинъ на это повторилъ признаніе, что независимость Татаръ вдругъ утвердить никакъ нельзя, что это дѣло еще много трудовъ потребуетъ. Наконецъ Екатерина приказала чрезъ прусскаго министра внушить Туркамъ, что Керчь и Еникале оставлены будутъ Татарамъ, но за это Россія должна получить Очаковъ и Кинбурнъ, и при этомъ объявить, что императрица никогда не отступитъ отъ условій о татарской вольности и отъ плаванія по Черному морю, хотя бы война продолжалась еще 10 лѣтъ. Когда Екатерина вышла изъ Совѣта, Панинъ предложилъ на его рѣшеніе вопросъ: какъ заключить миръ съ Портою, непосредственно ли, или посредствомъ Австрійскаго и Французскаго Дворовъ. Совѣтъ рѣшилъ, что непосредственно, хотя бы мы этимъ способомъ и не получили тѣхъ выгодъ, какія могло бы намъ доставить постороннее посредство.

Какъ ни протестовалъ Румянцевъ противъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго его обратнымъ переходомъ за Дунай, онъ видѣлъ хорошо, что нельзя дать году окончиться подъ этимъ впечатлѣніемъ. Въ октябрѣ онъ отправилъ за Дунай два отряда войскъ подъ начальствомъ генералъ-поручиковъ барона Унгерна и князя Долгорукаго, которые напали на Турокъ у Карасу и нанесли имъ совершенное пораженіе; весь лагерь съ 11 пушками, 18 знаменъ, три бунчука, множество военныхъ припасовъ достались побѣдителямъ; Турки потеряли 1,500 убитыми и 772 плѣнными, въ томъ числѣ былъ трехбунчужный паша Омеръ; городъ Базарджикъ, оставленный непріятелемъ, былъ занятъ Русскими. Унгернъ и Долгорукій немедленно отправились далѣе, чтобъ схватить Варну и Шумлу, по выраженію Румянцева. Генералъ-поручикъ Потемкинъ въ то же время осаждалъ Силистрію, и на помощь къ нему двинутъ былъ генералъ-поручикъ Глѣбовъ. Румянцевъ воспользовался этими успѣхами, чтобъ отдѣлаться отъ составленія плана для будущей кампаніи, котораго у него требовали изъ Петербурга. Онъ писалъ императрицѣ: „Я питаю и теперь въ себѣ ту же прискорбность, съ которою поступилъ я на обратный переходъ изъ-за Дуная; но в. и. в—ство въ моихъ донесеніяхъ, кромѣ причинъ, въ тому нудившихъ, соизволили видѣть исполненіе, въ томъ послѣдовавшее, согласно совѣта всѣхъ генераловъ. изъ которыхъ ежели бы хотя одинъ тогда вызвался знать лучшіе къ чему-нибудь способы, я бы, конечно, въ томъ каждому послѣдовалъ. Я ждалъ времени и случая, и сими обоими воспользовался знаменитѣе, нежели иногда отъ самыхъ большихъ предположеній. Плѣнъ изъ непріятельскихъ войскъ не малый, и между онымъ первостепенныхъ чиновъ; получили всю артиллерію непріятельскую, и городъ Базарджикъ былъ въ нашихъ рукахъ безъ всякой почти потери и безъ пушечнаго выстрѣла; ибо мѣры наступленія и дѣйствій нашихъ толь удачно приняты въ сію пору, что непріятель толико стѣсненъ и нуждою, и страхомъ, что бѣжитъ отъ лица идущихъ на него войскъ, потерявъ свой станъ и лишась толь нужныхъ ему приготовленій для зимы. Планы, обыкновенно дѣлаемые въ началѣ только войны или въ началѣ кампаніи для согласнаго учрежденія движеній и содѣйствій, предполагаемыхъ отъ разныхъ и дальнихъ пунктовъ, или въ общемъ дѣлѣ съ союзниками, бываютъ однакожъ подвержены нерѣдкой перемѣнѣ, но при сближеніи къ непріятелю предается тогда искусству военачальника располагать дальнія предпріятія на него, по видимой на то время и удобности и предстоящимъ обстоятельствамъ: и я долгое уже время со ввѣренными мнѣ войсками раздѣляюсь съ непріятелемъ, и то не вездѣ, одною только рѣкою: слѣдственно, сколько ежедневно можетъ (непріятель) перемѣнять свое положеніе, столько неудобно, а наипаче теперь, назначать и намъ свои противъ него дѣйствія на будущее время, которыя, по моему мнѣнію, зависятъ болѣе отъ случаевъ и начальнаго на то время усмотрѣнія; ибо сіи послѣднія части открываютъ путь къ знаменитымъ предпріятіямъ, нежели великія предположенія быть могутъ выполнены безъ препятствія и затрудненія“.

Пріѣхавшій съ этимъ письмомъ 14 ноября кн. Васил. Долгорукій обнадеживалъ императрицу, что дней черезъ шесть могутъ быть получены извѣстія объ успѣхѣ Унгерна и кн. Юрія Долгорукаго. Но прошли двѣ недѣли слишкомъ, и 29-го ноября получено извѣстіе, что предпріятіе Унгерна на Варну не удалось, а кн. Долгорукій, сдѣлавши одинъ переходъ къ Шумлѣ, возвратился назадъ къ Карасу. О томъ, что дѣлалось подъ Силистріею,

фельдмаршалъ ничего не писалъ. „Что у Силистріи произошло", писала Екатерина Румянцеву, „о томъ вовсе вы не упоминаете и оставляете меня въ глубокомъ невѣдѣніи, а мысли мои въ произвольномъ волненіи, которыя однакожъ болѣе наклоненія имѣютъ ни малѣйшей полагать надежды на бомбардираду, съ которой городъ не возьмется, ниже большій ему вредъ не причинится. Но хотя слѣдствія у Карасу произведеннаго бою не были таковы, какъ на первый взглядъ они обѣщали быть, однакоже не менѣе сіе дѣло подтвердило, съ одной стороны, утвердившіяся мнѣнія о храбрости нашихъ войскъ и что въ полѣ сей непріятель поверхности не будетъ имѣть въ теперешнемъ онаго состояніи и обстоятельствахъ, лишь бы гдѣ атакованъ былъ, а съ другой, не можетъ инако какъ полезно быть для дѣлъ нашихъ всякое за Дунаемъ ваше предпріятіе, и тутъ, конечно, всякій вашъ шагъ споспѣшествуетъ или отдаляетъ народный покой и тишину, совокупленную съ блаженствомъ онаго. И въ такомъ видѣ съ немалымъ удовольствіемъ услышала я о Карасуйскомъ дѣлѣ; сожалѣю только, по позднему годовому времени, что все сіе не можетъ имѣть толикихъ пользъ, какъ изъ того произойти могло, если-бъ предпринималось мѣсяцевъ съ шесть тому назадъ".—Сдѣлавъ такимъ образомъ внушеніе Румянцеву, что онъ сдѣлалъ дурно, вернувшись изъ-за Дуная, что на немъ лежитъ отвѣтственность за продленіе тяжелой войны, Екатерина продолжаетъ: „Но дабы будущій годъ также попустому не прошелъ и дабы недостатокъ въ пропитаніи опять не служилъ препятствіемъ къ дѣйствію, не могу оставить вамъ сызнова наикрѣпчайшимъ образомъ подтвердить, чтобъ вы старались къ будущей кампаніи наполнить ваши подунайскіе магазины такъ, какъ я къ вамъ писала, дабы дѣйствіямъ вашимъ на супротивномъ берегу не могло причиниться остановки, и кампанія та не прошла безъ достиженія мира сильнымъ употребленіемъ оружія,—о чемъ немедленно отъ васъ ожидаю много уже разъ мною отъ васъ требованнаго мнѣнія, которое, если еще долѣе замедлится, опасность настоитъ, что не ко времени приспѣетъ, и слѣдовательно на будущій годъ во всемъ паки опоздать можемъ, въ чемъ ни пользы, ни славы, ни чести не вижу. Каковы бы усердіе и ревность въ сердцѣ имперіи служащихъ знаменитыхъ людей, какъ вы, ни были; каковы трудъ и радѣніе, мною ежечасно прилагаемые, ни будутъ: но свѣтъ васъ и меня судитъ по однимъ успѣхамъ нашимъ; сіи насъ въ мысляхъ людскихъ оправдаютъ (оправдываютъ) и обвиняютъ попеременно, а наипаче въ теперешнее время, когда послѣ пятилѣтней счастливой войны подданные ждутъ мира единственно отъ дѣйствій вашихъ". 30-го декабря Совѣту объявлена высочайшая воля: предписать гр. Румянцеву, чтобъ онъ въ будущую кампанію, по взятіи Варны и разбитіи визиря въ Шумлѣ, не полагалъ Балканы предѣломъ военныхъ дѣйствій. Положено заготовить къ нему рескриптъ, гдѣ, выразивъ эту волю, оставить производство дѣйствій за Дунаемъ на его благоусмотрѣніе.

Разрывъ мирныхъ переговоровъ вызвалъ къ дѣятельности и русскій флотъ. Еще въ сентябрѣ 1772 года новоприбывшая изъ Балтійскаго моря эскадра, подъ начальствомъ капитана Коняева, сожгла при Патрасѣ 16 турецкихъ судовъ; въ то же время русскія суда „дѣлали непріятелю разореніе и тревогу" у береговъ Египта и Сиріи, гдѣ поддерживали возставшаго противъ Порты египетскаго пашу Алибея. Въ 1773 году русскіе корабли явились снова у береговъ Сиріи, подъ начальствомъ капитана Кожухова. Друзы обязались признавать надъ собою покровительство Россіи и воевать съ Турками, пока Русскіе воюютъ съ ними; Русскіе осадили Бейрутъ, принудили его къ сдачѣ и отдали крѣпость Друзамъ, которые, по условію, заплатили имъ 250,000 піастровъ; деньги эти были раздѣлены по эскадрѣ, причемъ десятая доля пошла главному командиру надъ всѣмъ флотомъ. Между начальниками судовъ въ этихъ экспедиціяхъ мы видимъ Грековъ и южныхъ поморскихъ Славянъ, которые, по отзыву Спиридова, „для своихъ прибылей гораздо храбрѣе, нежели какъ изъ одного только жалованья служили". Любопытно, что Орловъ запретилъ нейтральнымъ судамъ входъ въ Дарданеллы и предписалъ Спиридову, чтобъ тотъ и при постановленіи условій перемирія настоялъ на этомъ запрещеніи. Но Совѣтъ рѣшилъ изъяснить Орлову, что это можетъ не только удержать Турокъ отъ заключенія перемирія, столь нужнаго для Россіи, но и обратить противъ малочисленнаго русскаго войска всѣ силы и притомъ ввесть насъ въ новую войну съ „ненавиствующими намъ" Французами.

Императрица была недовольна тѣмъ, что флотъ, не имѣя десанта, не могъ сдѣлать ничего важнаго, не могъ помочь сухопутной арміи принудить Турокъ къ заключенію мира. Осенью 1773 года находились въ Петербургѣ гр. Алекс. Григор. Орловъ и контръ-адмиралъ Грейгъ. Въ Совѣтѣ происходили любопытныя разсужденія по поводу ихъ требованій. Въ засѣданіи 3 октября императрица спросила членовъ Совѣта, съ какою цѣлью они хотятъ посылать новую эскадру въ Архипелагъ; находящійся тамъ флотъ стóитъ много, а не можетъ наносить вреда непріятелю. „Если онъ", сказала Екатерина, „можетъ быть употребленъ для какого-нибудь предпріятія, и надобны будутъ на него сухопутныя войска, то я беру на свое попеченіе ихъ доставить". Ей отвѣчали, что эскадра отправляется, по требованію гр. Алексѣя Орлова, для перемѣны обветшалыхъ кораблей, и если флотъ не находитъ способа вредить непріятелю, то все же облегчаетъ сухопутную армію, отвлекаетъ отъ нея непріятеля. Императрица приказала при будущихъ разсужденіяхъ о флотѣ приглашать въ Совѣтъ гр. Алексѣя Орлова, и прибавила, что, любя порядокъ, почитаетъ своею обязанностью наблюдать, чтобъ

ничто въ ея имперіи не оставалось безъ пользы. Чрезъ три дня, 7 октября, въ Совѣтѣ присутствовалъ Алексѣй Орловъ. Императрица спросила его, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Архипелагѣ и нельзя ли извлечь изъ флота большую пользу. Орловъ отвѣчалъ, что изъ находящихся тамъ кораблей пять совсѣмъ обветшали; что въ нынѣшнюю кампанію онъ намѣренъ былъ разорить Салоники и Смирну, для пресѣченія привоза запасовъ къ непріятелю чрезъ эти мѣста, но болѣзнь принудила его оставить флотъ: „Я не думаю", говорилъ Орловъ, „чтобъ непріятельскій флотъ могъ появиться въ Архипелагѣ; Турки съ тѣхъ поръ, какъ узнали малочисленность нашихъ сухопутныхъ силъ тамъ, ужь не такъ ихъ опасаются; побѣждаемы они были малымъ числомъ, потому что обыкновенно пугаются всего того, о чемъ не знаютъ; но, пришедши потомъ въ себя, принимаютъ достаточныя мѣры". Тутъ началъ говорить гр. Григорій Орловъ: „Это свойственно Туркамъ, какъ и всѣмъ невѣждамъ; потому-то и не надобно давать имъ время на размышленіе, а стараться пользоваться ихъ замѣшательствомъ; такъ же надобно поступать съ ними и при мирныхъ переговорахъ; этимъ средствомъ можно скорѣе получить желаемое". Императрица замѣтила, что, по ея мнѣнію, полезнѣе предпринять что-нибудь на одномъ европейскомъ берегу, какъ ближайшемъ къ непріятельской столицѣ. На это Чернышевъ и Алексѣй Орловъ отвѣчали, что съ малымъ числомъ войскъ нельзя утвердиться на этомъ берегу, гдѣ непріятель можетъ собраться тотчасъ въ числѣ 40,000, и потому предпріятіе можетъ принести одну пользу,—встревожить Турокъ на время и привлечь ихъ силы въ ту сторону. Гр. Панинъ замѣтилъ, что отправленіе въ Архипелагъ новой эскадры можетъ причинить непріятелю новыя безпокойства, и онъ надѣется, что зимою Турки возобновятъ мирные переговоры. Императрица отвѣчала на это: „Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы, не полагаясь на заключеніе мира, приняты были сильныя мѣры для достиженія этого къ будущей кампаніи; долгая война приводитъ народъ въ уныніе, и потому никто такъ мира не желаетъ, какъ я. Надобны ли во флотъ сухопутныя войска и сколько: довольно ли 20,000?" Алексѣй Орловъ отвѣчалъ, что съ 20,000 могъ бы онъ идти прямо на Константинополь. Императрица спросила: „Нельзя ли овладѣть Галлиполи; я бы могла доставить на флотъ четыре или пять тысячъ иностраннаго войска." Чернышевъ отвѣчалъ, что отъ иностраннаго войска будутъ большія неудобства; а Панинъ замѣтилъ, что враждебныя державы, узнавъ объ этомъ, могутъ выставить препятствія. „Кромѣ всѣхъ неудобствъ при употребленіи иностранныхъ войскъ", сказалъ Алексѣй Орловъ, „всякій успѣхъ будетъ имъ приписанъ; для избѣжанія мнѣнія, что мы безъ Англичанъ ничего сдѣлать не можемъ, я всегда старался употреблять, сколько можно, своихъ офицеровъ." Императрица на это замѣтила, что при Петрѣ Великомъ были примѣры употребленія иностранныхъ войскъ и надобно сравнивать неудобства съ выгодами. Екатерина вышла изъ Совѣта, выразивъ ясно свое неудовольствіе на ходъ войны: „Флотъ", сказала она, „не дѣлаетъ ничего и армія едва дѣйствуетъ; а непріятель этимъ пользуется, и все это происходитъ собственно отъ насъ". По выходѣ императрицы, Алексѣй Орловъ предложилъ Совѣту отправить съ Грейгомъ новую эскадру, не теряя удобнаго времени, разрѣшивъ ему бить встрѣчныхъ Варварійцевъ; Совѣтъ согласился. Орловъ предлагалъ также не заключать съ Турками перемирія, чтобъ не дать имъ въ это время пользоваться совѣтами Французовъ. О себѣ Орловъ говорилъ, что видитъ волю императрицы, чтобъ онъ продолжалъ начальствовать надъ флотомъ, отъ чего, какъ усерный сынъ отечества, не уклоняется; но не можетъ отвѣчать за себя въ исправномъ исполненіи возложеннаго на него дѣла, потому что подверженъ частымъ болѣзненнымъ припадкамъ. 21 октября Грейгъ вышелъ изъ Кронштадта съ двумя кораблями, двумя фрегатами и шестью транспортными судами [2]).

Положеніе дѣлъ въ Крыму также должно было возбуждать неудовольствіе Екатерины, причемъ она имѣла большее право говорить, что это происходитъ собственно отъ насъ. Мы видѣли, что калга Шагинъ-Гирей выѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ. Этотъ татарскій дофэнъ недаромъ привлекъ къ себѣ вниманіе Екатерины и Двора ея своими способностями. Перенесенный изъ степей въ верхній слой петербургскаго общества, онъ отдался въ плѣнъ цивилизаціи, выговоривъ себѣ только сохраненіе татарской шапки и памяти о происхожденіи отъ Чингисъ-хана. Но эта память жила въ немъ не напрасно. Чудеса цивилизаціи, могущество, которое, повидимому, она давала прежнимъ данникамъ татарскимъ, возбуждали въ Гиреѣ страшное честолюбіе. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало воспользоваться роковымъ подаркомъ, предложеннымъ Россіею, хотѣлъ съ ея помощью утвердить независимость Крыма, отторгнуть его навсегда отъ обветшавшей Турціи, сдѣлаться ханомъ; но онъ не хотѣлъ на этомъ останавливаться, не хотѣлъ мѣнять зависимости отъ Порты на зависимость отъ Россіи. Онъ хотѣлъ пріобрѣсть могущественныя средства цивилизаціи, могшія дать ему силу, умѣнье поддержать свою самостоятельность. Ничтожность крымскихъ владѣній, разумѣется, бросалась при этомъ въ глаза какъ главное препятствіе; но Шагинъ-Гирей зналъ, что

[1]) Собственноруч. на Француз. яз. въ Государств. Архивѣ.

[2]) Дѣла Турецкія 1773 года.—Архивъ Госуд. Сов. того же года.—Записки Гидрографич. Департам. VII. 350 и слѣд.—Сборникъ Русск. Истор. Общ. XIII, годъ 1773.—Чтенія въ Москов. Общ. Исторіи 1865 года, кн. 2.

Чингисъ-ханъ и Тамерланъ начинали такъ же съ малаго и доходили до обширнѣйшихъ имперій; онъ уже мечталъ о близкомъ Кавказѣ, о его воинственномъ населеніи, которое можетъ такъ хорошо служить для завоевательныхъ замысловъ; о сокровищахъ, которыя лежатъ нетронутыми въ нѣдрахъ пресловутыхъ горъ и которыя должны вскрыться на голосъ цивилизаціи и обогатить новую черноморскую имперію Гиреевъ.

Съ такими-то мечтами возвратился Шагинъ въ Бакчисарай: здѣсь онъ продолжалъ высказывать пріѣхавшему съ нимъ кн. Путятину свое чрезвычайное усердіе къ Россіи; открылъ ему, что существуетъ въ Крыму партія, желающая возвратиться въ турецкое подданство. „Въ надеждѣ на Бога и на заступленіе императрицы", говорилъ калга, „но сіе время вижу себя въ силахъ управиться съ общими злодѣями. Я зашелъ теперь въ лѣсъ, издавна безъ присмотру запущенный; если я не смогу искривившееся по застарѣлости дерево распрямить, то буду его срубать". О братѣ своемъ, ханѣ, онъ говорилъ: „Можетъ ли человѣкъ, сѣвъ на необъѣзженную лошадь, ѣхать по волѣ своей надлежащимъ путемъ, когда отдалъ другому повода въ руки?" Но скоро Шагинъ былъ озадаченъ и справедливо раздраженъ уступчивостью Россіи, которая въ переговорахъ съ Турціею соглашалась признать власть султана надъ Крымомъ въ духовныхъ дѣлахъ, вслѣдствіе чего всѣ судьи въ Крыму должны были назначаться константинопольскимъ муфтіемъ и по пятницамъ должно было совершаться всенародное молебствіе за султана. Шагинъ говорилъ Путятину: „Все это не только знакъ верховной власти Порты надъ Крымомъ, но и знакъ прежней приверженности его къ ней, такъ какъ единство вѣры нисколько не обязываетъ Крымъ сохранять свою связь съ Турціею; есть много магометанскихъ владѣній, которыя не только не подвластны Портѣ, но и ни малѣйшаго сношенія съ нею не имѣютъ". Слезы навернулись на глазахъ у Шагина отъ досады, и онъ продолжалъ: „Если такъ будетъ, то ни брату, ни мнѣ здѣсь оставаться нельзя; наше состояніе будетъ похоже на состояніе человѣка, у котораго надъ головой виситъ большой и плохо прикрѣпленный камень, могущій всякую минуту его задавить; подданные наши, при такомъ положеніи, по непостоянству своему и скотскимъ нравамъ, будутъ имѣть возможность дѣлать безпрерывныя возмущенія какъ сами по себѣ, такъ еще болѣе по проискамъ султановъ (крымскихъ Гиреевъ), которыхъ немало въ Турціи".

Отъ 13 марта Путятинъ писалъ въ Петербургъ: „Велико здѣсь общее къ намъ недоброжелательство; калга показываетъ чистосердечное къ намъ усердіе, противоборствуя этому недоброжелательству. Всѣ злоумышленные вѣроломцы здѣшняго общества его ненавидятъ, страшатся и простираютъ мысли свои, какъ бы его избыть". Калга говорилъ Путятину: „Я и прежде хорошо зналъ безпутство своихъ одноземцевъ; но теперь нашелъ ихъ вдесятеро еще хуже и развратнѣе, чѣмъ были прежде. Съ людьми такими неблагодарными, Русскимъ и мнѣ враждебными, остаться я не могу, потому что обѣщалъ ея императорскому величеству быть навсегда ей вѣрнымъ; если дѣла будутъ продолжаться въ такомъ же безпорядкѣ и силъ моихъ недостанетъ Россіи и себѣ быть полезнымъ, то, покинувъ родную страну, принужденъ буду искать убѣжища подъ покровомъ императрицы".

Ханъ, по возвращеніи калги, собралъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ лицъ. Шагинъ-Гирей превозносилъ щедроты Русской государыни и объявилъ, что будетъ всегда благодаренъ за это и усерденъ къ Русскому союзу, ибо видитъ въ этомъ союзѣ прочное и постоянное благоденствіе Крыма вообще и каждаго его жителя въ особенности. Потомъ спросилъ у собранія, что произвело непостоянство въ ихъ поведеніи, что побудило къ коварству, обману, нарушенію клятвы; что имѣютъ они въ виду: желаютъ ли вольности, которая, какъ главное въ жизни человѣческой блаженство, доставляется покровительствомъ ея императорскаго величества?— „Мы находимся между двумя могущественнѣйшими державами въ мірѣ", былъ отвѣтъ; „обѣихъ ихъ, Россіи и Турціи, мы одинаково боялись; находясь въ опасности отъ первой, соглашались на всѣ ея предложенія, и, въ то же время, боясь другой, сносились съ нею, представляя привязанность къ прежнему своему состоянію. Мы обмануты, огорчены Россіею, которая отнимаетъ у насъ собственныя наши земли, и, обращаясь съ нами лживо, во всѣхъ своихъ поступкахъ при всякомъ почти случаѣ даетъ намъ чувствовать свою жестокость". Калга возражалъ, что ничего подобнаго Россіею не сдѣлано, и если-бъ она хотѣла мстить имъ за ихъ вѣроломство, то обратила бы ихъ земли въ пустыню и лишила бы ихъ дневнаго пропитанія, что и сдѣлается, если они, ведя себя коварно относительно Россіи и ставши подозрительны Портѣ, будутъ продолжать пагубное колебаніе. „Если", говорилъ Шагинъ, „вы хотите быть вольными съ помощію Россіи, то выдайте мнѣ немедленно возмутителей общаго спокойствія, подавшихъ поводъ къ нарушенію клятвы". Шагинъ поступилъ неосторожно, повернулъ слишкомъ круто; на его требованіе отвѣчали глубокимъ молчаніемъ. Раздраженный этимъ, калга не могъ ужь остановиться и потратилъ послѣдній зарядъ: „Данныя вами клятвы", сказалъ онъ, „и полномочіе, на меня возложенное при отъѣздѣ въ Россію, обязываютъ васъ мнѣ повиноваться; но если вы откажетесь отъ повиновенія, то я принужденъ буду уѣхать изъ отечества". Ему отвѣчали: „Мы васъ не удерживаемъ, на ваше мѣсто найдется много людей, а впрочемъ ханъ — вашъ и нашъ государь, ему одному обязаны мы повиноваться".

Послѣ этого Шагинъ-Гирей сообщилъ командующему второю арміей кн. Долгорукому о своемъ желаніи сдѣлаться самовластнымъ ханомъ надъ

Татарами, ибо только въ такомъ случаѣ онъ можетъ утвердить самостоятельность Крыма: иначе же онъ тамъ оставаться не можетъ. Совѣтъ, получивши донесеніе кн. Долгорукаго, разсуждалъ, что взглядъ калги-салтана совершенно основателенъ и справедливъ, но все же при настоящихъ обстоятельствахъ поступить такъ нельзя: эта перемѣна нарушила бы наши договоры съ Татарами и подала бы Туркамъ поводъ опять склонять ихъ на свою сторону; на совершенное отдѣленіе Татаръ отъ Турокъ надобно употребить еще много лѣтъ. Рѣшено, чтобъ графъ Панинъ отправилъ къ Шагинъ-Гирею письмо, гдѣ похвалилъ бы калгу за его усердіе, объяснилъ въ общихъ выраженіяхъ невозможность исполнить его желаніе, обнадежилъ покровительствомъ императрицы и обѣщалъ во всякомъ случаѣ убѣжище въ Россіи. Панинъ написалъ Шагинъ-Гирею (отъ 14 іюля): „Ежели бы дѣла до такой крайности дошли, чтобъ вы не нашли полной для себя въ отечествѣ безопасности и дальнѣйшее вамъ тамъ присутствіе оказалось бы дѣйствительно безполезнымъ для вразумленія Татаръ, а для васъ собственно бѣдственнымъ,—то отъ васъ будетъ зависѣть возымѣть прибѣжище въ границы ея в—ства имперіи“. Шагинъ-Гирею не не оставалось ничего другого, какъ выѣхать изъ Крыма, и онъ написалъ Долгорукому, что „Богъ, видно за грѣхи, удалилъ его изъ отечества и странствовать пустилъ по чужимъ угламъ и дворамъ“. Шагинъ просилъ удалить его въ такое мѣсто, гдѣ бы его никто не зналъ. На донесеніе Долгорукаго императрица отвѣчала (отъ 4 октября): „Калга-салтанъ, воспріявъ, при обстоятельствахъ отечества своего для него опасныхъ, въ границы имперіи нашей прибѣжище, совершенно достоинъ самъ по себѣ, такъ и для могущихъ быть примѣровъ, чтобъ при сей постигшей его крайности видѣлъ продолженіе къ себѣ нашей милости. Мы за пристойнѣе однако находимъ остаться ему до времени и еще на границѣ, нежели взяту быть тотчасъ сюда ко Двору нашему, ибо въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣлъ бы оказаться какъ бы вовсе уже отторгнутымъ и навсегда удаленнымъ отъ своего отечества и отъ всѣхъ Татаръ, къ обрадованію и подкрѣпленію своихъ недоброжелателей и къ погашенію памяти своей въ народахъ, еще недавно искренно и усердно его почитавшихъ. Итакъ имѣете вы дать ему уразумѣть сіи уваженія, требующія не отставать ему совершенно отъ Татаръ и не казаться отчаявшимся отъ участвованія ихъ дѣлъ и правительства, но въ готовности и состояніи находящимся, при первомъ удобномъ случаѣ, явиться и вступить въ оное“. Шагинъ поселился въ Полтавѣ, получая на содержаніе по 1,000 рублей въ мѣсяцъ.

Непріятныя вѣсти съ Дуная, непріятныя вѣсти изъ Крыма; изъ Польши особенно непріятныхъ вѣстей не было; но тамъ дѣло затягивалось, вслѣдствіе чего нельзя было выводить оттуда войска.

Отъ 18-го января Станиславъ-Августъ писалъ Екатеринѣ: „Среди бѣдствій, меня окружающихъ и грозящихъ мнѣ, осмѣливаюсь быть увѣреннымъ, что найду въ вашемъ и-скомъ в-ствѣ снисходительнаго судью всѣхъ моихъ поступковъ со времени раздробленія Польши, судью тѣмъ болѣе снисходительнаго, что в. в-ство, будучи одушевлены естественною справедливостью, собственнымъ величіемъ и, позвольте прибавить, прежними милостями ко мнѣ, безъ сомнѣнія обратите вниманіе на все, что я долженъ былъ дѣлать, исполняя обязанности моего мѣста, сохраняя чистоту моей репутаціи, уничтожая ложные слухи, къ несчастію слишкомъ распространенные, будто я зналъ все заранѣе и даже былъ участникомъ договора, лишившаго Польшу части ея владѣній. Тяжкій опытъ научилъ меня слишкомъ хорошо, что недостаточно быть всегда на дѣлѣ безупречнымъ, и что клевета можетъ стать пагубною для самихъ государей (особенно въ положеніи, подобномъ моему). Вы это знаете, и потому я вѣрю, что въ глубинѣ своего сердца вы сами страдаете отъ бѣдствій, которыя я претерпѣваю; вѣрю, что вы заняты мыслію о томъ, какъ бы ихъ смягчить. Позвольте же обратиться къ вашимъ стариннымъ титуламъ моей благодѣтельницы и друга, и удостойте меня выслушать о прошедшемъ и настоящемъ. Не теперь только я узналъ трудности положенія, когда нельзя соединить того, чего бы хотѣлось, съ тѣмъ, къ чему долгъ обязываетъ. Болѣе шести лѣтъ эти затрудненія составляютъ мученіе моей жизни. Поставленный между благодарностію, влекшею меня входить въ ваши виды, и противорѣчащимъ этимъ видамъ подчиненіемъ моимъ національной волѣ, я провелъ все это долгое время въ заботахъ, какъ бы уничтожить это противорѣчіе, и встрѣчалъ съ обѣихъ сторонъ сопротивленіе неодолимое. Я ссылаюсь на ваше императорское величество, сколько употреблялъ я для этого усилій, со сколькими просьбами, нѣжными и настоятельными, я обращался къ вамъ для этой цѣли, и чего я не дѣлалъ для успокоенія моего народа, для внушенія ему началъ благоразумія и его истинныхъ интересовъ! И какой же результатъ всѣхъ этихъ заботъ?—среди народа, которому я жертвовалъ всѣмъ, я встрѣтилъ ножъ убійцы, и вы, государыня, которой я не предпочиталъ ничего, кромѣ моихъ обязанностей, вы лишили меня части вашихъ милостей, какъ неблагодарнаго. Такимъ образомъ, моя добросовѣстность была причиною моихъ несчастій. Но противъ этихъ несчастій неужели нѣтъ никакого средства? Ваше величество такъ усердно воздаете почести добродѣтели, такъ ревниво бережете для себя значеніе ея подпоры и такъ достойны этого: неужели только относительно меня одного она потеряетъ права въ вашемъ сердцѣ? Нѣтъ, я позволяю себѣ надѣяться, что я вытерпѣлъ долгое и жестокое испытаніе, которое должно имѣть конецъ

[1]) Дѣла Крымскія, 1773 года. Архивъ Госуд. Сов. I, 251.

и получить награду. Вы можете сдѣлать все для меня и для моего отечества. Я вполнѣ поручаю вамъ свои частные интересы; но я долженъ ходатайствовать за этотъ несчастный остатокъ, который долженъ носить еще имя Польши. Вамъ стоитъ только захотѣть, — и все будетъ вамъ возможно. Ваши союзники уважатъ вашу волю, какъ скоро вы ее объявите. Если они заставили васъ сдѣлать Польшѣ зло, то заставьте ихъ, въ свою очередь, сдѣлать ей добро. Пріобрѣтите передъ ними эту драгоцѣнную выгоду, столь достойную быть угодною вамъ. Я искалъ повсюду помощи — и не нашелъ нигдѣ. Въ этомъ безпомощномъ состояніи я вижу приближеніе минуты, когда я съ моимъ народомъ долженъ преклониться передъ рокомъ; я это чувствую — и не намѣренъ попустому сопротивляться. Но, прежде чѣмъ я подвергнусь ударамъ судьбы, умоляю, не откажите мнѣ въ утѣшеніи: сообщите мнѣ о томъ, что̀ вамъ угодно сдѣлать для насъ, какое вознагражденіе назначаетъ намъ ваша справедливость, и если всякая надежда спасти Польшу становится невозможною, удостойте принять просьбу о томъ, что̀ я считаю необходимымъ въ томъ положеніи, въ какомъ Польша будетъ находиться, и что̀ можетъ, хотя нѣсколько, смягчить ея бѣдствія".

„Ваша откровенность", отвѣчала Екатерина, „заставляетъ меня заплатить вамъ такою же откровенностію. Мой характеръ не знаетъ другого языка, и этотъ языкъ я употребляла всякій разъ, когда говорила съ вами о вашихъ интересахъ и объ интересахъ вашего народа. Когда обстоятельства перемѣнились и дошли до той степени, на какой находятся теперь, то мнѣ нельзя, отдѣльно отъ моихъ союзниковъ, соглашаться или благопріятствовать тому или другому распоряженію, болѣе или менѣе свойственному положенію вашего государства. Ссылаюсь на ваше величество и на публику: въ то время, когда я одна принимала участіе въ вашихъ дѣлахъ, не дѣлала ли я всего, не жертвовала ли я всѣмъ для устроенія этихъ дѣлъ въ пользу республики! Доведенная до крайности интригами и партіями вашего народа, я должна была войти въ соглашеніе съ двумя другими сосѣдями Польши, чтобы общими силами покончить съ ея смутами и бѣдствіями, отзывавшимися и въ нашихъ собственныхъ государствахъ. Несмотря на всѣ затрудненія, причиненныя Поляками въ моихъ дѣлахъ, я въ своемъ соглашеніи съ сосѣдями не потеряла изъ виду блага Польши. Это благо состоитъ для вашего величества въ цѣлости вашей короны, для націи — въ прочномъ успокоеніи, въ свободномъ правленіи, болѣе правильномъ, болѣе спокойномъ, болѣе безопасномъ для нея самой и для сосѣдей. Что касается подробностей, то мой министръ и министры двухъ другихъ Дворовъ снабжены одинакими инструкціями. Поговоривши такъ откровенно съ вашимъ величествомъ, я бы вѣчно упрекала себя, умолчавъ, что потеряю всякую надежду видѣть упроченіе для васъ выгодъ этого соглашенія, если и теперь вы будете слушать гибельные совѣты тѣхъ, которыхъ интриги низвергли ваше государство въ пучину смутъ и раздоровъ, въ анархію, грозившую ему окончательнымъ разрушеніемъ, отъ чего оно было предохранено только вмѣшательствомъ трехъ сосѣднихъ державъ".

Инструкціи для министровъ трехъ Дворовъ, упоминаемыя императрицею, были отправлены Штакельбергу 24 февраля. Въ нихъ говорилось: „Если будетъ замѣчено, что король, въ виду необходимости, расположенъ войти въ виды трехъ Дворовъ, то можно войти съ нимъ въ соглашеніе относительно направленія сейма, разумѣется, когда будетъ увѣренность, что никакой интересъ, никакая интрига, никакое чуждое вліяніе не могутъ тутъ вмѣшаться ко вреду трехъ Дворовъ. Король исключается тѣмъ менѣе, что въ этой, чисто національной, операціи признано полезнымъ допускать дѣятелей всякой партіи, если только они искренно захотятъ покончить со смутами своего отечества (эти строки первоначально были написаны рукою самой Екатерины). — Министры должны имѣть на сеймикахъ извѣстное число вѣрныхъ людей, которые обязаны направлять все къ предположеннымъ цѣлямъ; при назначеніи этихъ лицъ надобно имѣть въ виду не количество, а качество. Такъ какъ одна сила не достаточна для того, чтобъ заставить сеймики дѣйствовать въ видахъ трехъ Дворовъ какъ при назначеніи депутатовъ, такъ и въ дачѣ имъ инструкцій, то необходимъ подкупъ, для котораго три Двора назначаютъ при своихъ министрахъ кассу; доля каждаго Двора не можетъ быть менѣе 150—200 тысячъ талеровъ. Касса находится въ общемъ распоряженіи троихъ министровъ и безъ согласія всѣхъ троихъ не дѣлается изъ нея ни одной выдачи. Агенты, зная сильную и слабую стороны каждаго сеймика, даютъ знать министрамъ, какое средство должно быть употреблено преимущественно, или въ какой степени должны быть употреблены всѣ средства, и министры, вслѣдствіе этого извѣщенія, употребляютъ или военную силу, или увѣщаніе, или подкупъ. Такъ какъ нѣтъ никакой возможности достигнуть чего-нибудь на свободномъ сеймѣ при liberum veto, то министры должны устроить сеймъ конфедераціонный (подъ узломъ конфедераціи, какъ говорили Поляки). Настоящіе агенты, которыхъ министры будутъ избирать, должны быть люди средняго класса, не связанные ни съ Варшавскимъ Дворомъ, ни съ саксонскою партіею, и которые исключительную возможность улучшенія своей участи будутъ видѣть въ прекращеніи бѣдствій отечества. Когда сеймъ начнетъ свою дѣятельность, министры потребуютъ отъ него назначенія депутаціи для переговоровъ съ ними; во время этихъ переговоровъ министры не позволятъ никакого спора о правахъ ихъ Дворовъ на области, назначенныя къ раздѣлу, никакого ограниченія или уменьшенія участковъ каждаго Двора; должны настаивать на

уступку полную и рѣшительную со стороны республики. Министры должны вытребовать всѣ архивы и документы, относящіеся къ уступленнымъ странамъ. Что касается конституціи республики, то должно быть возобновлено и утверждено навсегда правленіе избирательное; впредь долженъ избираться въ короли только польскій шляхтичъ, рожденный въ Польшѣ и тамошній землевладѣлецъ; иностранные принцы исключаются навсегда. Сыновья и внуки послѣдняго короля не могутъ быть избраны непосредственно за отцомъ или дѣдомъ; они могутъ быть избраны по крайней мѣрѣ черезъ два царствованія. Liberum veto остается закономъ неизмѣннымъ. Министры прежде всего должны имѣть въ виду сохраненіе настоящаго короля на престолѣ. Всѣ преобразованія должны клониться къ возстановленію равновѣсія между властію короля, сената и шляхты (ordre equestre). Для этого король не долженъ, посредствомъ своихъ родственниковъ, увеличивать свою власть насчетъ двухъ другихъ силъ въ государствѣ: слѣдовательно королевскіе родственники не должны занимать никакихъ должностей; но такъ какъ нельзя лишить ихъ правъ, принадлежащихъ каждому шляхтичу, то постановить, что дядья, братья—родные и двоюродные—короля и королевы не могутъ быть министрами и гетманами, не могутъ быть сенаторами, воеводами, каштелянами и занимать всякую меньшую должность. Тайный совѣтъ королевскій можетъ состоять только изъ сенаторовъ, назначенныхъ сеймомъ. Такъ какъ вліяніе короля на коммисіи военную и финансовую возбудило тревогу въ народѣ, то эти коммисіи должны уничтожиться, и должности гетмановъ и подскарбіевъ должны быть возстановлены въ прежнемъ значеніи, если большинство этого желаетъ. Только должны быть предотвращены старинныя злоупотребленія, у гетмановъ должно быть отнято право жизни и смерти надъ военными, и подскарбіи не должны по произволу располагать деньгами республики; для этого при гетманахъ и подскарбіяхъ должны быть совѣты, членовъ въ которые назначаетъ не король, а выбираются они воеводствами каждые два года. Войска, находящіяся теперь подъ начальствомъ короля, перейдутъ подъ начальство великихъ гетмановъ, и на будущее время Польскій король не долженъ имѣть ни войска, ему принадлежащаго, ни войска республики, находящагося подъ его начальствомъ. Такъ какъ вліяніе вельможъ, и именно королевской фамиліи, въ судахъ служитъ къ притѣсненію народа и нарушаетъ равновѣсіе власти, то президенты и члены судовъ будутъ избираться дистриктами и воеводствами, и должны быть изданы законы, которые бы освободили суды отъ всякой зависимости отъ короля и вельможъ. Такъ какъ шляхетство, составляющее третью власть, уступаетъ относительно вліянія двумъ другимъ властямъ, королю и сенату, и является періодически на сеймахъ, тогда какъ двѣ другія власти имѣютъ постоянную дѣятельность, то хорошо было бы постановить, чтобъ между сеймами нѣсколько шляхетскихъ депутатовъ засѣдало въ сенатѣ съ правомъ протеста противъ всѣхъ рѣшеній, несогласныхъ съ конституціею или привилегіями ихъ сословія. Такъ какъ королевскія имѣнія уменьшились вслѣдствіе раздѣла, то надобно прибавить къ нимъ нѣсколько староствъ, чтобъ доходъ короля былъ не менѣе 400,000 дукатовъ. Раздача остальныхъ староствъ остается за королемъ; но должно быть постановлено, чтобъ одному дому (maison) нельзя было пожаловать болѣе двухъ староствъ, которыя вмѣстѣ не должны давать болѣе 8,000 дукатовъ годового дохода, такъ что если кто имѣетъ одно староство, приносящее такой доходъ, то другого получить уже не можетъ. Въ Польшѣ единодушно желаютъ умноженія войска, и дѣйствительно это нужно для поддержанія порядка и спокойствія; войско правительства гораздо меньше войска частныхъ людей, которые поэтому могутъ безнаказанно смѣяться надъ властію. Не будетъ никакого неудобства для сосѣднихъ державъ, если войско республики увеличится на 6,000 человѣкъ. Такъ какъ диссидентское дѣло есть одно изъ самыхъ существенныхъ при успокоеніи Польши, то три министра должны содѣйствовать соглашенію между диссидентами и католиками. Съ той и другой стороны могутъ быть сдѣланы уступки:—диссиденты могутъ отказаться отъ вступленія въ сенатъ и отъ министерскихъ мѣстъ, а католики—отъ наказанія за переходъ изъ католичества въ другое исповѣданіе: это законъ варварскій, котораго нельзя болѣе терпѣть въ просвѣщенный вѣкъ. Остальныя права диссидентовъ должны быть удержаны за ними во всей силѣ („особенно право быть депутатомъ на сеймахъ", прибавила Екатерина). Въ инструкціяхъ была статья, что король не можетъ покупать земель въ Польшѣ и Литвѣ. Екатерина зачеркнула статью, написавши: „Я зачеркнула эту статью потому, что въ избирательномъ королевствѣ земли короля послѣ его смерти сдѣлаются опять шляхетскими (terres nobles); статья увеличила бы только крики безо всякой для насъ существенной пользы; кому нечѣмъ жить, тотъ не покупаетъ земель".

Еще въ концѣ 1772 года Екатерина писала Панину по поводу донесеній Штакельберга о созваніи сената: „Читавъ сіе, мнѣ пришло на умъ, чтобъ пользоваться симъ случаемъ и отпустить къ сему сенатусъ-консиліумъ тѣхъ сенаторовъ, кои у насъ въ Калугѣ содержатся. Сіе на первый взглядъ можетъ быть странно покажется, но въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлать разныя полезныя импрессіи. Бояться ихъ нечего, ибо три державы всю націю держатъ въ почтеніи. Боязливые примѣромъ сихъ людей устрашаться будутъ. Многіе увидятъ, коль мало мы ихъ интригъ и интриганта уважаемъ въ семъ случаѣ: иные же похвалятъ сей поступокъ: другимъ отнимется одинъ способъ болѣе противу насъ кричать, а будутъ и такіе, у которыхъ атенція оборотится болѣе къ сему добровольному

поступку, нежели къ самому дѣлежу. Въ томъ числѣ будетъ родня и клiенты сихъ людей. Теперь прошу сказать тѣ причины, кои противорѣчатъ сему моему мнѣнію: мнѣ никакихъ на умъ не приходитъ. Если же нѣтъ никакихъ, то быть по сему. Чарторыйскимъ сіе пріятно быть не можетъ, ибо сіи люди были саксонской партіи коренные boute-feux (поджигатели). Всѣмъ же прочимъ сенаторамъ отниметъ сей примѣръ случай отговариваться отъ съѣзда, безъ котораго желаемый нами сеймъ состояться или, лучше сказать, собраться не можетъ". Панину не пришло на умъ никакихъ возраженій,—и калужскіе заточники были освобождены.

Прежде всѣхъ пріѣхалъ изъ Калуги въ Варшаву Солтыкъ. По словамъ Штакельберга, Цицеронъ не могъ надѣлать болѣе шума въ Римѣ по возвращеніи изъ ссылки. Вся Варшава пришла въ движеніе: папскій нунцій, епископы и вся знать выѣхали къ нему на-встрѣчу; толпы простого народа тѣснились около его кареты съ крикомъ: „vivat"! Солтыкъ одѣтъ былъ въ изношенное платье, плѣшивая голова была открыта, видъ имѣлъ сокрушенный, сидѣлъ потупивъ глаза и безпрестанно творилъ крестное знаменіе. Двери его дома тотчасъ же отворились для всѣхъ бѣдныхъ; самъ онъ пѣшкомъ ходилъ по церквамъ и служилъ обѣдни. Встрѣтивъ его у королевской сестры, къ которой онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи 50 человѣкъ Бенедиктинцевъ, Штакельбергъ сказалъ ему, что публика получила бы еще высшее понятіе о его святости, если-бъ онъ оставался спокойно дома, отдыхая съ дороги. Солтыкъ очень пріутихъ послѣ этихъ словъ. Онъ два раза пріѣзжалъ къ Штакельбергу, тотъ былъ у него разъ, и всѣ три свиданія были посвящены тому, чтобъ „укротить энтузіазмъ епископа оружіемъ разсудка и очевидности". Успѣхъ, повидимому, остался на сторонѣ укротителя: Солтыкъ началъ повторять, что не сдѣлаетъ ни одного шага, не скажетъ ни одного публичнаго слова, не посовѣтовавшись съ Штакельбергомъ. Онъ попросилъ у посланника позволенія писать императрицѣ и получилъ его. Письмо было написано въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ: Солтыкъ благодарилъ за милость, просилъ прощенія за прошлое и поручалъ себя въ высокое покровительство Русской государыни.

19-го февраля послѣдовалъ отвѣтъ польскаго правительства на объявленіе трехъ Дворовъ о раздѣлѣ Польши. Въ отвѣтѣ говорилось, что чрезмѣрность требованій, предъявленныхъ тремя Дворами, усиленная выраженіями обвиненій и упрековъ, оскорбила чувствительность короля и сената; что не соблюдено должнаго уваженія къ королю и республикѣ, тогда какъ осторожное поведеніе короля заслуживало другого. Впрочемъ, король, по совѣту сената, принявши во вниманіе серьезныя угрозы и дѣйствительныя опасности, въ случаѣ отказа требованіямъ трехъ Дворовъ, исполнилъ ихъ желаніе, назначивъ сеймъ на 19 апрѣля. Наконецъ король, по совѣту сената, обращается къ тремъ Дворамъ съ торжественнымъ заявленіемъ о необходимости вывести ихъ войска изъ владѣній республики прежде начатія сеймиковъ, чтобъ послѣдніе, равно какъ и сеймъ, могли идти свободно и національная воля могла выразиться безъ стѣсненія и опасности. Министры трехъ Дворовъ рѣшили смолчать отосительно тона этого отвѣта: они съ самаго начала приняли за правило позволять всякаго рода декламаціи, которыя не могутъ имѣть послѣдствій, оставить Полякамъ это утѣшеніе, лишь бы главное дѣло шло своимъ чередомъ.

Сеймики должны были начаться 22-го марта; но преданные люди, отправившіеся въ провинціи, представили Штакельбергу, что они не могутъ отвѣчать за пріѣздъ ни одного депутата изъ своихъ пріятелей, если не будетъ обѣщано содержать ихъ, ибо они находятся въ страшной бѣдности. Отъ сеймиковъ вниманіе Штакельберга невольно обращалось къ сейму вслѣдствіе приведенной инструкціи для пословъ трехъ державъ. Онъ писалъ Панину, что, по его убѣжденію, требуемую въ нихъ отмѣну закона объ отступничествѣ провести нельзя: „Слѣпой фанатизъ Поляковъ, способный пожертвовать всѣмъ, еще не представляетъ въ этомъ дѣлѣ такой трудности, какъ Вѣнскій Дворъ, а именно: чувствительность императрицы-королевы къ религіозному вопросу. Папа выхлопоталъ у нея приказаніе барону Ревицкому покровительствовать религіи, особенно по этому пункту, и Ревицкій мнѣ объявилъ, что имѣетъ инструкцію и ведетъ отдѣльную по этому предмету переписку съ императрицею. Какъ бы законъ несправедливъ ни былъ самъ по себѣ, умоляю не настаивать на сію отмѣну, ибо отъ этого прежде всего потерпитъ ущербъ согласіе между обоими Дворами, и, во-вторыхъ, вводъ диссидентовъ въ законодательное собраніе,—дѣло и безъ того очень трудное,—станетъ невозможнымъ. Наконецъ, форма правленія, какую вводятъ Дворы, и ограниченія королевской власти возбудятъ противъ насъ всю королевскую партію. Только ставя короля между страхомъ и надеждою, я успѣлъ привести его въ страдательное положеніе и направлять сенатъ. Какъ только Станиславъ-Августъ свѣдаетъ будущую свою участь, то станетъ поднимать небо и землю, чтобъ не сойти на степень театральнаго короля. Если, съ одной стороны, мы будемъ имѣть противъ себя всѣхъ друзей Двора, и съ другой—вооружимъ другую часть націи, раздраживъ ее религіознымъ вопросомъ, для нея самымъ дорогимъ и священнымъ, то легко понять, что̀ изъ этого выйдетъ. То же будетъ и относительно староствъ для вознагражденія короля, если надобно ихъ будетъ взять при жизни настоящихъ владѣльцевъ". Панинъ отвѣчалъ, что если уничтоженіе закона объ отступничествѣ встрѣчаетъ такое затрудненіе, то можно оставить его съ измѣненіями или даже вовсе безъ перемѣны. Касательно староствъ Панинъ предписывалъ сообразоваться съ желаніемъ націи. Панинъ прислалъ также добавленіе къ инструкціямъ, насчетъ кото-

раго Штакельбергъ долженъ былъ согласиться со своими товарищами: королю можно было предоставить право имѣть гвардію изъ двухъ баталіоновъ иностранныхъ войскъ, для чего назначить особую сумму; ибо когда союзныя войска оставятъ Польшу, то жизнь Станислава-Августа можетъ подвергнуться опасности вслѣдствіе ненависти противъ него въ народѣ за раздѣлъ Польши.

Панинъ для настоящей минуты больше всего требовалъ отъ Штакельберга согласія съ его австрійскими и прусскими товарищами. „Остерегайтесь возбудить подозрѣніе, что мы хотимъ поддержать наше господство, тогда какъ дѣло можетъ совершиться только при совершенномъ равенствѣ трехъ Дворовъ. Не связывать себѣ рукъ обязательствами, могущими загородить дорогу нашему вліянію; не отягчать, отдѣльно отъ двухъ другихъ Дворовъ, положенія Польши; не отчуждать Поляковъ дѣйствіями, которыя могутъ быть приписаны однимъ намъ: вотъ все, что намъ позволяетъ настоящая минута. Вмѣсто того, чтобъ показывать себя слишкомъ заботливыми насчетъ будущаго, было бы полезно обнаруживать равнодушіе: пусть заподозрятъ въ этомъ ваше собственное искусство или политику вашего Двора,—повѣрьте, что наше дѣло отъ этого выиграетъ“.

Сеймъ приближался, и Штакельбергъ прежде всего начинаетъ жаловаться на Солтыка, который опять пошелъ наперекоръ намѣреніямъ и планамъ трехъ Дворовъ, и когда Штакельбергъ сдѣлалъ ему серьезныя внушенія на письмѣ, Солтыкъ отвѣчалъ: „Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Варшаву, въ первыхъ разговорахъ съ вами и министрами двухъ другихъ Дворовъ, я объявилъ вамъ откровенно, что не стану одобрять вашихъ намѣреній противъ Польши; я вамъ нѣсколько разъ повторялъ отдѣльно, что Полякъ, одобряя раздѣлъ своего государства, грѣшитъ противъ заповѣдей Божіихъ, запрещающихъ касаться собственности ближняго; а кто одобритъ такое дѣло, будетъ его сообщникомъ; что, по естественному закону, каждый обязанъ защищать право отечества, если не хочетъ быть чудовищемъ; что если мы, сенаторы, одобримъ это, то будемъ клятвопреступниками; кто далъ намъ власть сдѣлать нашихъ собратій рабами и чрезъ это пріобрѣлъ ту же власть и надъ нами? Я вамъ постоянно объявлялъ, что сдѣлаю все для васъ, если въ вашихъ требованіяхъ не будетъ ничего противнаго моей совѣсти и чести. Вы меня увѣряли, что, зная хорошо мой характеръ и мой образъ мыслей, вы не осмѣлитесь меня искушать. Шлюсь на полковника Бахметева и другихъ офицеровъ, карауливщихъ меня въ тюрьмѣ: развѣ я имъ не объявлялъ, что предпочту провести остатокъ дней моихъ въ темницѣ, даже въ Камчаткѣ, на хлѣбѣ и на водѣ, чѣмъ получить свободу цѣною блага отечества и совѣсти моей. То же самое повторялъ я и вамъ, и даже прибавилъ, что скорѣе лишусь жизни, чѣмъ подпишу пагубное рѣшеніе противъ своего отечества. Не желая подтвержденія раздѣла, я не могъ желать сейма; не желая сейма, я не могъ желать сеймиковъ, и поэтому я употребляю всевозможныя усилія, чтобъ ихъ разорвать. Я вамъ открываю всю правду, а вы меня упрекаете, что я не сдержалъ своего слова. Вы меня упрекаете въ поступкѣ не очень искреннемъ,— именно, что я вамъ представилъ моихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, и моихъ племянниковъ, какъ будущихъ депутатовъ; что вы называете обманомъ,—я называю политическою штукою, хитростію, позволенною въ подобныхъ случаяхъ, наконецъ restriction mentale. Знайте, что я смолоду учился у іезуитовъ“. Штакельбергъ отвѣчалъ ему: „Я не учился у іезуитовъ и ненавижу макіавелизмъ; религію и нравственность никогда я не бралъ предлогомъ для прикрытія интереса моихъ страстей. Фанатизмъ, личный интересъ, интриги, а не сосѣднія державы причиною несчастія Польши; здравый смыслъ, истинный патріотизмъ и благоразуміе должны его прекратить; когда вы отыщете въ своемъ сердцѣ смыслъ этихъ добродѣтелей, то, умоляю, увѣдомьте меня объ этомъ, и я приму васъ съ отверстыми объятіями. Я не отвѣчаю вамъ насчетъ намѣреній Дворовъ: они не по вашей части“.

„Солтыкъ сумасшедшій,“ писалъ Штакельбергъ Панину 1-го апрѣля, „но изъ такихъ сумасшедшихъ, которыхъ запираютъ. Я написалъ ему письмо, чтобъ покончить съ нимъ всякія сношенія; я не велѣлъ принимать его писемъ, а за нимъ самимъ приказалъ присматривать. Вѣрно, что этотъ человѣкъ надѣлалъ-таки зла. Изумительно, что сеймъ собирается; безъ внушеній Солтыка онъ былъ бы не такъ шуменъ, какъ будетъ. На раздѣлъ смотрѣли какъ на бѣду неминучую, а теперь толкуютъ о разрывѣ конгресса и объ условіяхъ, на которыхъ нужно написать договоръ. Наконецъ, черезъ восемь дней занавѣсъ поднимется, и великая пьеса станетъ разыгрываться; увѣряю васъ, что при этомъ мы будемъ имѣть такія трудности, какихъ и не ожидаемъ. Возбужденіе опасеній и угрозы производятъ мало впечатлѣнія. Иностранныя войска и безъ того поглощаютъ всѣ доходы частныхъ лицъ“.

Сеймъ начался подъ узломъ конфедераціи. Но только-что маршалы конфедерацій коронный и Литовскій—вошли въ залу засѣданій и первый депутатъ краковскій открылъ засѣданіе объявленіемъ конфедераціи, какъ поднялся громадный Литвинъ, именемъ Рейтанъ, и началъ кричать на весь за́мокъ: „Не позволяю!“ Крикъ этотъ продолжался трое сутокъ, и сеймъ остановился. Когда маршалъ коронный конфедераціи, графъ Понинскій, всталъ, чтобъ постучать, по обычаю, палкой для возстановленія порядка, Рейтанъ схватилъ другую палку и, ставши на маршальское мѣсто, закричалъ: „Я самъ маршалъ, и могу быть такимъ же хорошимъ маршаломъ, какъ и другой, выбранный въ темнотѣ и тайнѣ!“

Бенуа и особенно командующій прусскимъ войскомъ генералъ Лентулусъ предложили Штакель-

бергу схватить Рейтана; тотъ отвѣчалъ, что такъ какъ его Прусское величество равный участникъ въ дѣлахъ, то онъ, Штакельбергъ, согласенъ, чтобы прусскіе гусары схватили Рейтана, но что онъ рѣшился не употреблять насилія; что имъ, посламъ трехъ союзныхъ Дворовъ, нечего тревожиться криками сумасшедшихъ, и онъ беретъ на себя заставить короля принять договоръ у себя во дворцѣ, не входя въ Посольскую избу. Чтобъ исполнить это обѣщаніе, Штакельбергъ призвалъ къ себѣ обоихъ канцлеровъ и просилъ ихъ сообщить королю, что если онъ не приступитъ къ договору въ 24 часа, то послано будетъ приказаніе двинуть войска. Король не согласился и пригласилъ къ себѣ Штакельберга на 11 апрѣля. Потомъ повторилъ ему то же самое и представилъ ему неудобства и замедленія, какія произойдутъ отъ его прибытія въ залу сената, если Рейтанъ и товарищи его явятся туда, что́ и будетъ по всѣмъ вѣроятіямъ. Король согласился собрать сенатъ во дворцѣ, велѣлъ канцлеру повторить угрозу Штакельберга и призвать маршаловъ конфедераціи. „Все это сдѣлано", писалъ Штакельбергъ въ Петербургъ: „маршалы произнесли рѣчи, король приступилъ къ договору, сенаторы подписали отдѣльно, палаты присоединятся 13 числа; Рейтанъ и его приверженцы испугались и просятъ милости:—все спокойно."

Но гораздо было труднѣе провести новую конституцію. Король велѣлъ сказать Штакельбергу, что не позволитъ уменьшить ни въ чемъ своихъ правъ. Мы видѣли, что сеймъ долженъ былъ договариваться съ послами чрезъ уполномоченныхъ изъ сенаторовъ и депутатовъ; сеймовыхъ депутатовъ посламъ трехъ Дворовъ еще можно было набрать своихъ; но сенаторовъ назначалъ король. Послы отправили къ нему списокъ желаемыхъ ими лицъ, включивъ всѣхъ министровъ, между которыми находились его родственники. Станиславъ отвергнулъ этотъ списокъ съ непонятнымъ упорствомъ. Начали думать опять о движеніи войскъ; но Штакельбергъ писалъ Панину: „Умоляю исходатайствовать, что если уступать во всемъ, эти войска должны очистить республику. Я долженъ повергнуть бѣдную Польшу къ стопамъ нашей августѣйшей государыни и умолять за нее о милосердіи. Вся Великая Польша изъ провинціи богатой и населенной превратилась почти въ пустыню вслѣдствіе занятія прусскими войсками, которымъ она доставляетъ фуража и контрибуціи на 40,000 талеровъ въ мѣсяцъ, тогда какъ ея депутаты на сеймѣ дѣлаютъ всевозможное въ нашу пользу: неудивительно, что эти люди начинаютъ отступать отъ насъ изъ отчаянія."

Благодаря политической рѣчи короля, сеймъ отправилъ министрамъ трехъ Дворовъ ноту: „Союзные Дворы передали польскому министерству изложеніе основаній, почему они считаютъ себя въ правѣ на извѣстныя польскія земли. Польское министерство отвѣчало изложеніемъ своихъ правъ на эти земли, правъ, основанныхъ на доказательствахъ очевидныхъ; но такъ какъ республика не видитъ, чтобъ на ея отвѣтъ было обращено достойное вниманіе, а между тѣмъ три Двора не отстаютъ отъ своихъ требованій, то для Польши необходимо предложить этимъ самымъ тремъ Дворамъ согласиться на принятіе дружескаго вмѣшательства державъ нейтральныхъ и поручителей въ нашихъ договорахъ, для изслѣдованія правъ и притязаній, дабы три сосѣднихъ Двора не были истцами и судьями въ собственномъ дѣлѣ." Штакельбергъ отвѣчалъ: „Три Двора уже передали польскому министерству изложеніе своихъ правъ, основанныхъ на доказательствахъ неопровержимыхъ и ставшихъ еще безспорнѣе отъ недостаточнаго возраженія, сдѣланнаго съ польской стороны. Подписавшійся не можетъ дать другого отвѣта, кромѣ содержанія разныхъ декларацій трехъ сосѣднихъ державъ, а именно 22 января (2 февраля), въ которой они опредѣлили довольно замѣчательную альтернативу для Польши: окончательное рѣшеніе дѣла къ 7 іюня, или увеличеніе требованій съ ихъ стороны. Несмотря на такой языкъ рѣшительный и неизмѣнный, подписавшійся видитъ съ печалію и состраданіемъ, что сеймъ проводитъ время въ пустякахъ, придиркахъ и спорахъ о словахъ; между тѣмъ страшный срокъ приближается, и виновники этихъ замедленій не трепещутъ. Они должны отвѣчать на коварный аргументъ, что державы не должны быть истцами и судьями въ своемъ дѣлѣ. Кто виноватъ, что онѣ, наконецъ, принуждены были сами себѣ оказывать справедливость?—виноватъ этотъ духъ властолюбія, который, заимствуя всѣ голоса, принимая всѣ формы, возбудилъ смуту, воспламенилъ междоусобную войну и произвелъ кровавую борьбу между Россіею и Портою, продолжающуюся четыре года. Къ этимъ разсужденіямъ присоединяю послѣднее: если сеймъ въ 8 дней не назначитъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ министрами трехъ Дворовъ, то никто не отвѣчаетъ за слѣдствіе".

„Мы", писалъ Штакельбергъ Панину, „выполнили такую трудную задачу, собрали сеймъ, составили конфедерацію, склонили всю націю къ договору съ державами,—и все препятствіе и замедленіе встрѣчаемъ въ особѣ короля!" 26 апрѣля министры трехъ Дворовъ отправились къ Станиславу-Августу упрашивать его не дѣлать имъ препятствій; но Штакельбергъ понапрасну истощалъ свое краснорѣчіе; припѣвъ ко всѣмъ отвѣтамъ королевскимъ былъ одинъ: „Я не могу противиться раздѣлу; но я никогда не позволю сеймовой делегаціи рѣшать вопроса о моихъ правахъ и правительственной формѣ." Штакельбергъ объявилъ, что переговоры о раздѣлѣ Польши и переговоры о ея внутреннемъ устройствѣ нераздѣльны; что отъ нихъ зависитъ спокойствіе Европы, и король своимъ сопротивленіемъ можетъ нанести бѣдствіе Польшѣ: назначенный срокъ пройдетъ, и послы велятъ двинуться войскамъ. Тутъ король распространился о несправедливости и невозможности отнятія у него правъ, о дурномъ правительственномъ устрой-

ствѣ, которое выйдетъ дѣломъ рукъ трехъ Дворовъ, не имѣющихъ понятія о польскихъ законахъ, и дѣломъ нѣсколькихъ Поляковъ, ему, королю, враждебныхъ. Министры Дворовъ возражали ему, что о его правахъ еще ничего не рѣшено; что безурядица въ Польшѣ достаточно уяснила для Дворовъ злоупотребленія ея правительства, и аргументъ относительно враговъ его неприложимъ, ибо онъ можетъ назначить весь сенатъ. Все было безполезно: онъ вдругъ всталъ со своего мѣста и сказалъ, что въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ говорить въ послѣдній разъ въ сенатѣ. Едва министры трехъ Дворовъ успѣли оставить дворецъ, какъ по городу уже начали ходить красивыя фразы короля. По словамъ Штакельберга, Станиславъ цѣлый день расточалъ передъ каждымъ слезы, торгательныя положенія и цвѣты реторики.

27-го числа министры трехъ Дворовъ распустили между Поляками слухъ, что они заняты распоряженіями относительно движенія войскъ, что̀ и было совершенно справедливо; а къ нимъ отъ Двора приходили вѣсти, что король готовится протестовать противъ сего, и что даже намѣренъ отказаться отъ престола. Эти вѣсти заставляли пословъ рѣшиться на какое-нибудь сильное средство; но какое именно? Бенуа и Лентулусъ показывали письма Прусскаго короля, содержавшія приказанія употреблять самыя крайнія средства при малѣйшемъ сопротивленіи. Но Штакельбергъ представлялъ, что личное сопротивленіе короля не должно еще подвергать гибели цѣлый народъ, тѣмъ болѣе-что это сопротивленіе не касается раздѣла. Рѣшено было распространить по городу слухи, что приказанія насчетъ движенія войскъ отданы, и послать русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ квартирмейстеровъ для назначенія постоевъ въ знатныхъ домахъ. Это навело на Поляковъ желанный страхъ, а появленіе прусскаго эскадрона въ полумили отъ города докончило впечатлѣніе.

1 мая, въ 8 часовъ утра, Штакельбергъ собралъ у себя всѣхъ сеймовыхъ депутатовъ, и въ присутствіи своихъ товарищей, австрійскаго и прусскаго, постарался объяснить имъ, какъ безразсудно было бы съ ихъ стороны подвергаться военной экзекуціи, тогда какъ относительно раздѣла и самъ король согласенъ, упрямится только относительно внутреннихъ вопросовъ, тогда какъ ни одинъ изъ этихъ вопросовъ еще не рѣшенъ и безъ совѣщанія съ ними рѣшенъ не будетъ. Въ то же время по улицамъ путешествовали два эскадрона Пруссаковъ и два эскадрона Австрійцевъ, которыхъ министры трехъ Дворовъ ввели въ городъ подъ условіемъ, вытребованнымъ Штакельбергомъ, что они выйдутъ изъ Варшавы какъ только цѣль будетъ достигнута, т.-е. какъ скоро Поляки будутъ напуганы. Вся Варшава была поражена ужасомъ при видѣ этихъ войскъ. Одинъ король, ободренный своимъ маленькимъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ любовницы и двоихъ иностранцевъ, одного Швейцарца и одного Француза, вызывалъ на борьбу три державы, внушая депутатамъ, что послѣднія хотѣли ввести аристократическое правленіе, составленное изъ 12 тиранновъ. Пріѣхавши на сеймъ, король предложилъ на утвержденіе большинствомъ голосовъ свой актъ избранія уполномоченныхъ для переговоровъ съ послами; другой актъ былъ составленъ самими послами, и королевскій отличался отъ послѣдняго тѣмъ, что въ немъ уполномоченные по внутреннимъ вопросамъ не могли постановлять окончательно и передавали дѣла на рѣшеніе сейму, что вело къ проволочкѣ времени. Тутъ маршалъ конфедераціи Понинскій приблизился къ трону и представилъ королю, что ему, маршалу, одному принадлежитъ право предлагать предметы на рѣшеніе большинствомъ голосовъ. Король и его партія не признали этого права. Всталъ епископъ Куявскій Островскій и въ сильныхъ выраженіяхъ представилъ королю, чему онъ подвергаетъ націю. Многіе сенаторы говорили въ томъ же смыслѣ; маленькій князь Сульковскій, палатинъ Гнѣзненскій, „подземная фигура“, по выраженія Штакельберга, съ мужественнымъ краснорѣчіемъ, произведшимъ сильное впечатлѣніе на толпу, обратился къ королю со словами, что его величество, сидя на тронѣ, самъ не рискуетъ ничѣмъ, а подвергаетъ опасности жизнь, честь и собственность согражданъ. Сдѣлано было предложеніе отправить депутацію къ министрамъ трехъ Дворовъ съ просьбою дать еще два дня сроку. Король не согласился и на это предложеніе: тогда пошли на голоса, и большинство сказалось противъ короля. Министры трехъ Дворовъ исполнили просьбу сейма, дали сроку до 3-го мая, поручивши депутаціи передать сейму протестъ противъ королевскаго акта, какъ написаннаго безъ соблюденія должнаго уваженія къ ихъ Дворамъ.

2-го мая союзные министры употребили на обезпеченіе для себя большинства въ палатѣ депутатовъ и, по общему согласію, издержали на этотъ предметъ 8,000 червонныхъ. Въ то же время они внушили родственникамъ короля, что первыя слѣдствія исполненія угрозъ падутъ естественно на нихъ, если они не найдутъ средства отвратить его величество отъ упорства гибельнаго и безполезнаго вмѣстѣ. Кромѣ того, министры сочинили декларацію, которая должна была отнять у сейма малѣйшее сомнѣніе насчетъ возможности принятія королевскаго акта. Вельможи представили эту декларацію королю, съ просьбою уступить и своимъ упорствомъ не подвергать ихъ вѣрной гибели. Станиславъ отвѣчалъ, что скажетъ свое мнѣніе сенату; но, прибывъ съ собраніе, онъ сталъ попрежнему рѣчами и жестами ободрять свою партію, чтобъ проводила его актъ, причемъ самъ отмѣчалъ карандашемъ голоса. Несмотря однако на всѣ его усилія, большинство оказалось за актъ, предложенный послами трехъ державъ. Описывая Панину всѣ свои хлопоты по этимъ дѣламъ, Шта-

кельбергъ жаловался на своихъ товарищей, преимущественно австрійскаго, барона Ревицкаго: это, по его словамъ, былъ человѣкъ вовсе неспособный для такого дѣла, слабый, легко поддающійся и лѣнивый; секретъ его въ рукахъ двоихъ Италіянцевъ, которые употребляли во зло состояніе, въ какомъ бывалъ посланникъ послѣ обѣда. Бенуа человѣкъ умный и дѣйствовалъ очень согласно съ Штакельбергомъ, но онъ не имѣлъ никакого вліянія на Поляковъ.

Король, со своей стороны, описывалъ свои хлопоты и свое печальное положеніе маменькѣ Жоффрэнъ: „Клянусь честью, что я не далъ ничего и ничего не обѣщалъ никому изъ тѣхъ, которые до конца держались моего мнѣнія на сеймѣ. 100,000 иностранцевъ жестоко опустошаютъ Польшу; особенно притѣсняютъ тѣхъ, которые не угождаютъ имъ. Три министра роздали много денегъ на сеймѣ. Иностранцы видѣли, что есть люди честные и мужественные въ странѣ, ибо почти половина сейма устояла противъ ихъ золота и противъ ихъ силы. Но, увы, къ чему все это служитъ, когда нѣтъ ни денегъ, ни войска! На другой день послѣ рѣшенія этого несчастнаго дѣла мнѣ сказали: „Если бы вы получили большинство, то вы перестали бы быть королемъ, и остальная Польша было бы подѣлена между нами.“ Король Прусскій имѣетъ это постоянно въ виду. Теперь, несмотря на то, что три Двора взяли все, чего хотѣли, ихъ войска продолжаютъ жить въ Польшѣ, кормиться даромъ на ея счетъ. Русскій министръ обѣщаетъ, что это скоро кончится, австрійскій также ласкаетъ надеждою; прусскій не дѣлаетъ и этого. Его государь, кажется, занятъ придумываніемъ средствъ заставить своихъ союзниковъ согласиться, чтобъ онъ взялъ у насъ еще больше земель. Императоръ, кажется, считаетъ себя обязаннымъ дѣлать намъ столько же зла, какъ и Прусскій король, а Русская императрица такъ занята Туркомъ, что не можетъ помѣшать Прусскому королю вредить намъ. Съ 14-го мая я совершенно завишу отъ милости трехъ Дворовъ. Я умираю съ-голоду; вооружаются противъ всего, что мнѣ наиболѣе дорого. Несмотря на то, надобно показывать наружное спокойствіе, исполнять съ нѣкотораго рода достоинствомъ худшую изъ ролей, и думать, что можетъ быть еще хуже, и стараться отвратить это худшее отъ государства, сберечь нѣсколько зеренъ, которыя могутъ прозябнуть при болѣе благопріятной погодѣ“.

8-го мая назначены были уполномоченные для переговоровъ съ министрами трехъ Дворовъ; король назначилъ всѣхъ сенаторовъ, находившихся на лицо; маршалы назначили 60 человѣкъ шляхты, что составило всего 100 человѣкъ. Когда все такимъ образомъ было улажено, открылось препятствіе къ начатію переговоровъ, и не со стороны Поляковъ, которые, напротивъ, теперь торопили дѣломъ: Ревицкій не получалъ отъ своего Двора никакихъ инструкцій, и по городу пошли самые чудовищные слухи о причинахъ такой медленности. Наконецъ, бумаги пришли, и переговоры начались 22-го мая; а на другой день Штакельбергъ опять жаловался на Ревицкаго: „Это человѣкъ добрый, мой другъ, и который во всемъ слѣдовалъ за мною; но онъ не только самъ держитъ сторону короля, но, какъ кажется, склоняетъ туда же и Дворъ свой. Я не подозрѣваю, чтобъ онъ былъ подкупленъ, ибо считаю его честнымъ человѣкомъ, но мнѣ кажется, что король обѣщалъ слѣдовать идеямъ императрицы-королевы относительно религіи, и что Ревицкій вошелъ въ этотъ планъ посредствомъ нунція. Рѣшено, что диссиденты никогда не получатъ участія въ законодательствѣ“. Штакельбергъ думалъ, что Ревицкій по собственному побужденію держалъ сторону короля и склонялъ къ тому же свой Дворъ, тогда какъ, наоборотъ: онъ дѣйствовалъ по инструкціямъ своего Двора, которыя предписывали ему стараться объ усиленіи королевской власти, о возможномъ ограниченіи „liberum veto“, чтобъ Польша могла поддержать значеніе посредствующаго государства между Россіею, Пруссіею и Австріею (puissance intermédiaire). Скоро Штакельбергъ долженъ былъ жаловаться на обоихъ своихъ товарищей. Ревицкій объявилъ, что границы прусской доли, представленныя Бенуа, явно несогласны съ конвенціею трехъ Дворовъ, и потому онъ не знаетъ, удержитъ ли его Дворъ свой первый планъ; но на картѣ самого Ревицкаго оказалась пограничною рѣка Подгурже, которая была неизвѣстна, и съ австрійской стороны предполагалось, что подъ нею надобно разумѣть рѣку Сбручъ. Ревицкій объявилъ, что не можетъ продолжать переговоры какъ вслѣдствіе прусской карты, такъ и вслѣдствіе того, что еще не получилъ изъ Вѣны оригинала своихъ полномочій, а только копіи, да не пріѣзжалъ еще инженеръ съ вѣрною картою. Штакельбергъ бросился къ Бенуа, не можетъ ли онъ упросить своего короля, чтобъ позволилъ внести въ договоръ общія выраженія конвенціи; объясненіе же ихъ произойдетъ на мѣстѣ посредствомъ коммисаровъ, ибо объясненіе королевское останавливаетъ все дѣло. Бенуа отвѣчалъ, что не только рѣшеніе его короля непоколебимо и въ присланной картѣ никакого измѣненія не будетъ, но если Австрійцы примутъ Сбручъ границею, то Прусскій король не удовольствуется своею настоящею долей. Дѣло затягивалось, а Поляки, и согласные на все, выходили изъ терпѣнія, при видѣ совершеннаго разоренія. Пруссаки заставляли давать себѣ съѣстные припасы и фуражъ на 30,000 человѣкъ, тогда какъ ихъ было всего 5,000. Штакельбергъ писалъ въ Берлинъ кн. Долгорукому, прося представить прусскому министерству, что русскія войска платятъ за все, и что между тремя Дворами постановлено платить за припасы и фуражъ, какъ только Поляки станутъ сообразоваться съ желаніями союзниковъ. Долгорукій отвѣчалъ, что король намѣренъ сообра-

зоваться съ рѣшеніемъ двухъ императорскихъ Дворовъ на этотъ счетъ, и что Бенуа получитъ указы въ этомъ смыслѣ. Такъ какъ Ревицкій получилъ отъ своего Двора приказаніе платить за все, то оставалось только всѣмъ троимъ согласиться поступать одинаково; но Бенуа постоянно уклонялся отъ этого рѣшенія, хотя, по словамъ Штакельберга, онъ первый былъ оскорбленъ варварствомъ, съ какимъ прусскіе офицеры поступали въ Польшѣ. Штакельбергъ высказывалъ убѣжденіе, что если не будетъ постановлено, чтобы Австрійцы и Пруссаки платили за все, потребляемое ими въ Польшѣ, то никакая сила на свѣтѣ не можетъ заставить ихъ выйти изъ этой страны: такова расчетливость, царствующая въ Вѣнѣ и Берлинѣ.

По этому поводу Панинъ прислалъ Штакельбергу наставленія: „Всякій разъ, какъ прусскій министръ будетъ предлагать употребленіе силы, и вамъ будетъ казаться, что есть еще другія средства, сдерживайте его стремленія и принимайте сіе мнѣніе, только когда крайность заставитъ. Говорите съ нимъ обо всемъ, что явится чрезмѣрнымъ и слишкомъ вопіющимъ въ поведеніи прусскихъ войскъ, но говорите какъ пріятель съ пріятелемъ, какъ министръ съ министромъ, не давая вида, что вашъ Дворъ тутъ вмѣшивается; представьте ему, что кратковременная выгода кормить свое войско въ чужой Землѣ нейдетъ въ сравненіе съ необходимостію вывести Европу изъ кризиса, въ которомъ она находится. Но прямѣе вы можете вооружиться противъ равнодушія Ревицкаго относительно внутреннихъ дѣлъ. Если онъ дѣйствуетъ вяло вслѣдствіе религіознаго вопроса, то вы можете ему сказать, что при самомъ вступленіи въ переговоры съ его Дворомъ послѣднему было сообщено все, чего желалось для диссидентовъ; что послѣ не только не потребовалось ничего больше, но вамъ еще велѣно не требовать уничтоженія уголовнаго закона противъ отступничества, также не требовать смѣшаннаго суда, который уже не можетъ болѣе существовать въ прежней формѣ вслѣдствіе присоединенія Могилева къ русскимъ владѣніямъ, и потому можно будетъ его замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ по соглашенію обѣихъ сторонъ. Такъ какъ религія католическая въ Польшѣ сохраняетъ блескъ и превосходство, какими она не пользуется въ Германіи, то ничто не можетъ затрогивать Вѣнскій Дворъ ни со стороны совѣсти, ни со стороны достоинства".

Относительно продовольствія войскъ три министра согласились, наконецъ, что всѣ будутъ платить съ 1-го іюля. Но до тѣхъ поръ прусскій и австрійскій генералы настояли, чтобъ доимка была непремѣнно выплачена, и, при взысканіи доимки, австрійскій генералъ превзошелъ прусскаго, такъ-что Поляки называли Русскихъ ангелами, Пруссаковъ—копіями съ человѣчества, Австрійцевъ же—дьяволами.

Только въ половинѣ іюля, по внушеніямъ изъ Петербурга, Берлинскій и Вѣнскій Дворы согласились внести въ свои договоры съ Польшею насчетъ раздѣла собственныя слова конвенціи, не толкуя ни о какихъ рѣкахъ и рѣчкахъ, которыя, по выраженію Штакельберга, прямо привели бы ихъ къ Варшавѣ, ибо когда въ Вѣнѣ указывали какую-нибудь пограничную рѣку, то въ Берлинѣ говорили, что „Австрійцы идутъ слишкомъ далеко, и мы также пойдемъ дальше".

Когда, въ августѣ мѣсяцѣ, дѣло дошло до переговоровъ сеймовыхъ уполномоченныхъ или, такъ называемой, делегаціи съ Штакельбергомъ, то делегація подала ему письменно замѣтку (remarque): „Ваше превосходительство получили въ свое время королевскій отвѣтъ на претензію императрицы относительно Польши. Петербургская конвенція между тремя державами, рѣшающими нашу судьбу безъ нашего участія, быть можетъ, не позволяетъ обратить на этотъ отвѣтъ должнаго вниманія, и единственная причина такого поступка заключается въ слабости короля и республики, которая принуждаетъ насъ подчиниться участи, намъ приготовленной. Однако делегація не можетъ себѣ представить, чтобъ сосѣднія и союзныя государства не приняли во вниманіе право короля и республики, основанное на всѣхъ самыхъ священныхъ законахъ божественныхъ и человѣческихъ. Польша особенно надѣялась на императрицу Всероссійскую, которая, подобно своимъ предшественникамъ, особенно интересовалась благосостояніемъ Польши и увѣряла, что ни сама не захватитъ, ни другимъ не позволитъ захватить что-либо изъ владѣній республики; и хотя она теперь поступаетъ совершенно иначе, однако мы не отчаиваемся, что она приметъ наши представленія, тѣмъ болѣе что республика не имѣла намѣренія нарушать древней дружбы и союза съ Россіею". Штакельбергъ отвѣчалъ: „Польша имѣла право основывать свои надежды на ея императорскомъ величествѣ. Эти надежды были оправданы самымъ искреннимъ и самымъ безкорыстнымъ участіемъ, которое императрица съ самаго восшествія своего на престолъ оказывала Польшѣ Но какое было слѣдствіе дружбы, продолжавшейся такъ долго и купленной такими большими пожертвованіями? Съ прискорбіемъ обращаю я взоры делагаціи на страшную картину смутъ и опустошеній ея отечества. Что сталось бы съ Польшею, жертвою корыстолюбія, частнаго интереса и честолюбія, прикрытыхъ фантомомъ свободы, которую предполагали въ опасности отъ гарантіи, принятой Россіею для сохраненія этой самой свободы? Что сталось бы съ Польшею, если бы Россія изъ чувства справедливой мести покинула ее въ ея судорогахъ, которыя непремѣнно привели бы ее къ погибели? Несмотря на кровопролитнѣйшую войну съ Турками, которую Польша возбудила, Россія не переставала предотвращать совершенное разложеніе республики, бороться въ продолженіи многихъ лѣтъ съ неблагодарностію и соединенными усиліями тѣхъ, которые нарочно смутили отечество, чтобъ

властвовать въ немъ и притѣснять его. Половина Польши вела войну съ императрицею,—и правительство одобряло это своимъ бездѣйствіемъ. Голосъ благонамѣренныхъ гражданъ не имѣлъ силы, равно какъ и представленія русскихъ пословъ. При страшномъ столкновеніи интересовъ державъ не останавливаются на метафизикѣ множества доказательствъ, служащихъ всегда для прикрашиванія тайныхъ расположеній. Судятъ по дѣламъ, а не по словамъ. События, мною указанныя, говорятъ громко, и мнѣ нечего распространяться въ возраженіяхъ противъ того, будто республика вовсе не хотѣла нарушать старинной дружбы и союза, существовавшихъ между нею и Россіею. Достаточно того, что императрица искренно желаетъ ихъ возобновленія; но неоспоримыя права на извѣстныя области, права, находящіяся въ изложеніи моего Двора, не потерпятъ никакого возраженія. Я уже не говорю о правахъ на увеличеніе справедливыхъ требованій со стороны Россіи, правахъ требовать вознагражденія за тяжкую войну, возбужденную противъ Россіи Польшею".

Во время чтенія этого отвѣта въ делегаціи, Островскій, епископъ Куявскій, объявилъ съ большимъ жаромъ, что надобно остановить чтеніе и прежде всего спросить русскаго министра, кто эти люди, которыхъ онъ обвиняетъ въ погибели Польши. „Всякій вѣрный гражданинъ долженъ оправдаться въ глазахъ отечества", говорилъ Островскій. „Горе тѣмъ, которые были орудіями его бѣдствій. Наша обязанность употребить послѣднія усилія, чтобъ узнать ихъ имена. Если я виноватъ,—накажите меня перваго за преступленіе, постыдное для того, кто имѣлъ его совершить, а еще болѣе постыдное для націи, если она позабудетъ отмстить за него. Если я виноватъ,—то пусть меня перваго бросятъ въ Вислу!" Энтузіазмъ Островскаго быстро сообщился всему собранію, и всѣ начали заявлять свою любовь къ отечеству, свою ревность къ свободѣ и свою живую признательность къ Русскому Двору за его попеченія и покровительство, которыя онъ во всѣ времена оказывалъ Польшѣ; слышались сильныя выходки противъ тѣхъ, которые воспрепятствовали добрымъ намѣреніямъ Россіи; слышалось громкое прославленіе Великой Екатерины. Князь Антонъ Сульковскій, депутатъ ломжинскій, поддерживаемый княземъ Мартыномъ Любомирскимъ, депутатомъ сендомирскимъ, и всею шляхтою, предложилъ представить именемъ всего собранія ноту барону Штакельбергу, въ которой просить его назвать виновныхъ. Собраніе согласилось, нота была представлена, и Штакельбергъ отвѣчалъ: „Очевидная правота поступковъ императрицы, моей государыни, должна была естественно поразить бо́льшую часть членовъ знаменитой делегаціи. Я вполнѣ сочувствую жару, съ какимъ она желаетъ открыть виновниковъ толикихъ золъ. Но я, такъ-какъ и два другіе министра имѣемъ приказаніе не заниматься никакимъ дѣломъ до окончанія главнаго, для котораго созванъ сеймъ. Какъ скоро всѣ три договора будутъ подписаны, я не буду противиться изслѣдованію поведенія тѣхъ, которое разорвали священныя узы, соединявшія Россію съ Польшею, и которые отвергали всѣ предложенія императрицы относительно умиротворенія"

Волненія, возбужденныя рѣчью Островскаго, страшно напугали старика Чарторыйскаго, канцлера Литовскаго. Онъ поблѣднѣлъ, когда епископъ произнесъ слова: „Если я виноватъ, то пусть бросятъ меня въ Вислу!" Чарторыйскому показалось, что ему прежде всѣхъ придется испытать это купанье. Фамилія должна была вытерпѣть униженіе, выслушивая молча упреки и угрозы. Слышались голоса, что если злоумышленникамъ на жизнь королевскую будутъ рубить головы и руки, то было бы несправедливо щадить убійцъ отечества. Штакельбергъ хвалился Панину, что его отвѣтъ на ноту делегаціи, не останавливая переговоровъ, напугалъ враговъ Россіи. На другой день онъ имѣлъ свиданіе съ королемъ, котораго нашелъ въ большомъ замѣшательствѣ. Штакельбергъ сказалъ ему, что онъ можетъ воспользоваться обстоятельствами и начать быть королемъ, переставъ быть племянникомъ. Король однако кончилъ разговоръ просьбою спасти его родственниковъ. Штакельбергъ отвѣчалъ, что быть можетъ это не въ его уже власти, но постарается, по крайней мѣрѣ, не компрометировать его, короля, если онъ хочетъ обезпечить дѣло отъ всякой дальнѣйшей интриги.

Но оставалось еще трудное дѣло,—старое диссидентское дѣло. Диссиденты передали Штакельбергу просьбу къ императрицѣ: „Такъ какъ настоящій сеймъ долженъ рѣшить и утвердить навсегда судьбу диссидентовъ въ Польшѣ, то мы осмѣливаемся умолять о могущественномъ покровительствѣ в. и. в—ства. Наши противники, руководствуемые фанатизмомъ и политикою, стараются теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нанести намъ смертельный ударъ и лишить некатолическое римское дворянство, привязанное къ интересамъ в. и. в—ства, всѣхъ правъ и преимуществъ, связанныхъ съ происхожденіемъ, которыя одни характеризуютъ дворянъ и служатъ единственными средствами ихъ сохраненія въ республикѣ. Только увѣренность въ высочайшемъ покровительствѣ в. и. в—ства и торжественное ручательство, которое вы удостоили дать договору 1768 года, внушили намъ твердость и способность претерпѣть всѣ бѣдствія и гоненія, обрушившіяся на насъ во время смуты: мы жертвовали всѣмъ нашимъ имуществомъ, а многіе изъ насъ и жизнію, но не сдѣлали ни малѣйшаго шага, могшаго навести подозрѣніе въ неблагодарности къ нашей августѣйшей благодѣтельницѣ. Послѣ этого намъ не позволительно предполагать, чтобы государыня, которой великодушіе, благотворительность и мудрость составляютъ предметъ удивленія для всей Европы, захотѣла покинуть ту часть польскаго дворянства,

которая боролась за правду своего дѣла не иначе какъ подъ высокимъ покровительствомъ в. и. в—ства. Но теперь это дворянство, ненавидимое за то только, что прибѣгло подъ сѣнь трона в. и. в—ства, хотятъ лишить навсегда права участвовать въ законодательствѣ,—права, которое одно можетъ обезпечить намъ свободное исповѣданіе нашей религіи и всѣ другія преимущества, отличающія благороднаго гражданина". Пересылая эту просьбу, Штакельбергъ писалъ Панину: „У меня нѣтъ ни малѣйшаго луча надежды успѣть въ томъ, чтобъ диссиденты получили право быть сеймовыми депутатами, и я осмѣливаюсь сказать напередъ, что этотъ пунктъ невозможенъ. Кромѣ фанатизма націи, участіе въ этомъ дѣлѣ Вѣнскаго Двора, котораго взглядъ на дѣло извѣстенъ, не обѣщаетъ ничего утѣшительнаго для диссидентовъ. Папскій нунцій, хотя другъ человѣчества и мира, не станетъ молчать: его мѣсто, характеръ, предметъ его посольства принудятъ его говорить, и достаточно ему произнести слово, чтобъ снова воспламенить всю націю". Тогда же делегація подала Штакельбергу жалобу, что агенты Переяславскаго епископа преслѣдуютъ уніатовъ, пользуясь пребываніемъ русскихъ войскъ въ польскихъ областяхъ, отнимаютъ у нихъ церкви и проч.

Панинъ, у котораго Штакельбергъ просилъ наставленій, писалъ ему: „По конституціи 1768 г. диссидентамъ должно было возвратить отнятыя у нихъ церкви, и если нѣкоторыя дѣйствительно возвращены, то ихъ немного въ сравненіи съ тѣми, которыя еще находятся въ рукахъ католиковъ и уніатовъ. Въ настоящихъ обстоятельствахъ всего лучше для насъ и для делегацій затушить это дѣло, которое можетъ только снова поднять фанатизмъ въ народѣ, уже причинившій столько смутъ. Мы не можемъ согласиться на уничтоженіе того, что было сдѣлано въ исполненіе договора, съ нами заключеннаго; не можемъ согласиться, чтобъ люди, которымъ мы покровительствовали съ такимъ усиліемъ, были отданы въ жертву ихъ прежнимъ гонителямъ. Фельдмаршалъ Румянцевъ пишетъ, что всѣ жалобы на Грековъ (т. е. на Православныхъ Русскихъ) преувеличены, и если мы, съ нашей стороны, будемъ вѣрить такъ-же легко всѣмъ жалобамъ нашихъ, то представимъ такія же важныя и многочисленныя извѣстія. Что сдѣлано относительно возвращенія церквей Православнымъ,—должно остаться, а для сохраненія порядка и спокойствія должна быть назначена смѣшанная коммисія. Что касается вообще диссидентовъ, это очень печально, что вы теряете надежду удержать за ними участіе въ сеймахъ, тѣмъ болѣе-что отъ этого пункта вамъ нельзя отступить, и повелѣнія императрицы, которыя я вамъ повторяю, точны: потребуйте помощи отъ своихъ товарищей, употребите всѣ усилія въ борьбѣ съ національнымъ сопротивленіемъ и не позволяйте себѣ останавливаться ни предъ какимъ затрудненіемъ. Вы можете сдѣлать одну уступку: согласиться на ограниченіе числа диссидентовъ, избираемыхъ на сеймъ, и на умолчаніе о необходимости ихъ избранія; отъ этого произойдетъ, что право ихъ не будетъ дѣйствительнымъ или будетъ мало дѣйствительнымъ, но по крайней мѣрѣ оно будетъ сохранено. Если и этого нельзя будетъ достигнуть, объявите, что вы вовсе не хотите слышать о диссидентскомъ дѣлѣ и что вамъ запрещено принимать участіе въ чемъ бы то ни было его касающемся. Исключеніе диссидентовъ изъ законодательства, провозглашенное на сеймѣ подъ ауспиціями трехъ Дворовъ, будетъ для нихъ ударомъ болѣе гибельнымъ, чѣмъ всѣ прежнія конституціи, отнимавшія у нихъ право за правомъ, и ея и. в—ство, отказавшаяся, изъ любви къ миру, отъ требованія для нихъ мѣстъ въ сенатѣ и министерствѣ, не измѣнитъ правосудію и своей славѣ, подписывая ихъ гибель и покидая ихъ совершенно".

Панинъ требовалъ отъ Штакельберга, чтобъ онъ обратился къ своимъ товарищамъ за помощью въ диссидентскомъ дѣлѣ, и Штакельбергъ ему писалъ, что какъ скоро переговоры объ уступкѣ земель были окончены и надобно было приступить къ рѣшенію внутреннихъ вопросовъ, то согласіе между министрами трехъ союзныхъ Дворовъ рушилось. Бенуа продолжалъ дѣйствовать согласно со Штакельбергомъ, но баронъ Ревицкій вдругъ перемѣнилъ языкъ, позабылъ систему, которая была принята Дворами для успокоенія Польши; онъ прямо объявилъ, что его Дворъ удивляется уменьшенію королевской власти. Легко понять, какъ это ободрило короля и его партію. Король отказался отъ права назначать прямо на сенаторскія и министерскія мѣста; соглашался, чтобъ постоянный совѣтъ предлагалъ ему троихъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ будетъ избирать одного; но за это онъ требовалъ права назначать всѣхъ офицеровъ главнаго штаба и гвардіи и начальства надъ гвардейскими полками, т. е. требовалъ права быть хозяиномъ всего войска. Штакельбергъ удивлялся, какъ Станиславъ-Августъ не понималъ, до какой степени онъ усиливалъ побужденія уменьшать его власть, открывая въ своихъ требованіяхъ ясно виды на господство и особенно обнаруживая планъ подражать при первомъ удобномъ случаѣ королю Шведскому. Члены нашей партіи, по выраженію Штакельберга, просили его учредить для короля новую гвардію, а не оставлять въ его распоряженіи старую, посредствомъ которой онъ можетъ когда-нибудь произвесть революцію. Штакельбергу удалось уговорить своихъ товарищей предложить королю слѣдующія условія: если король откажется отъ назначенія военныхъ должностей главнаго штаба, подчинивъ ихъ порядку старшинства, и откажется отъ командованія гвардіею республики, то для него будетъ учреждена личная гвардія, которою онъ будетъ располагать совершенно и которая будетъ на содержа-

ніи республики. Если король откажется отъ назначенія на должности судебныя и доходныя, то ему будетъ предоставлено избраніе изъ трехъ кандидатовъ, представляемыхъ Постояннымъ Совѣтомъ, какъ на должности епископовъ и сенаторовъ, такъ и на должности государственныхъ министровъ и министровъ при Дворахъ иностранныхъ. Постоянный Совѣтъ избираетъ кандидатовъ тайною баллотировкою, а сами члены Постояннаго Совѣта избираются такимъ же образомъ на сеймѣ; король долженъ отказаться отъ раздачи староствъ. Послѣ переговоровъ съ королемъ эти условія были изложены такъ: у короля остается право назначать на всѣ должности церковныя и гражданскія, кромѣ епископовъ, воеводъ, кастеляновъ, министровъ и военныхъ и финансовыхъ коммисаровъ: всѣ эти лица избираются имъ изъ трехъ кандидатовъ, прежде избранныхъ Постояннымъ Совѣтомъ посредствомъ тайной баллотировки. Въ войскѣ король назначаетъ офицеровъ въ польскихъ дружинахъ и въ четырехъ пѣхотныхъ дружинахъ, носящихъ его имя. Въ остальномъ войскѣ офицеры назначаются по старшинству. Король отказывается отъ права раздавать королевскія имѣнія, доходы съ которыхъ обращаются на государственныя нужды. Сеймъ назначитъ членовъ Постояннаго Совѣта тайною баллотировкой; но теперь на первый разъ король согласится съ министрами трехъ союзныхъ Дворовъ относительно назначенія сенаторовъ, министровъ и шляхты, которые должны войти въ Постоянный Совѣтъ; четыре гвардейскихъ полка будутъ подъ властію государства, какъ они были при Августѣ III, съ тѣмъ только различіемъ, что тогда гетманы сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю власть, а теперь они раздѣляютъ ее съ военною коммисіей, и гетманы вмѣстѣ съ коммисіею будутъ подчинены Постоянному Совѣту. Королю будетъ выдаваться ежегодная сумма на содержаніе двухтысячнаго отряда войска, которымъ онъ располагаетъ какъ ему угодно.

Эти условія были выработаны королемъ и Штакельбергомъ вдвоемъ: Станиславъ-Августъ просилъ, чтобъ министры австрійскій и прусскій тутъ не участвовали, на что они охотно согласились, чтобъ избавиться отъ такого непріятнаго занятія. По окончаніи дѣла, король прислалъ Штакельбергу письмо: „Вы были орудіемъ жестокаго жертвоприношенія, гдѣ я былъ невинно закланъ. Вы видѣли всю горечь моего страданія. Безъ сомнѣнія, вы мнѣ сострадали, вы должны желать доставить мнѣ лѣкарство и облегченіе. Но этого не будетъ, если императрица не возвратитъ мнѣ своей дружбы. Умоляю, содѣйствуйте этому. Я такъ и такъ давно несчастенъ, что наконецъ она должна быть тронута. Этотъ послѣдній ударъ пронзилъ мнѣ сердце, потому что нарушаетъ мое достоинство и потому что направленъ прямо ею, ею, противъ которой сердце мое ни въ чемъ невинно. Но наконецъ, если бы даже она предполагала эту виновность, то я искупилъ это пагубное предположеніе, думаю, достаточно дорого". Слѣдствіемъ была записка Екатерины Панину: „Что касается короля и его брата, прошу васъ придумать, что̀ можно для нихъ сдѣлать. Прежде всего я сама охотно отдамъ и уговорю два другіе Двора отдать королю что̀ ему слѣдовало до раздѣла; мнѣ кажется, что графъ Чернышевъ имѣлъ приказаніе составить этому счетъ: я потороплю его" [1]).

Варшавскія событія, разумѣется, должны были вести къ дѣятельнымъ сношеніямъ между участвующими въ раздѣлѣ державами; дѣла на Дунаѣ продолжали находиться въ тѣсной связи съ Польскими; Россія продолжала требовать у своихъ союзниковъ помощи для скорѣйшаго заключенія мира съ Портою.

9-го февраля (н. с.) Фридрихъ II писалъ Сольмсу: „Извѣстія о мирныхъ переговорахъ въ Бухарестѣ сильно меня безпокоятъ; боюсь, что конгрессъ уже разорвался. Упорство оттоманскаго уполномоченнаго должно приписывать французскимъ интригамъ. Между тѣмъ я исполню, сколько можно лучше, порученіе графа Панина, и хотя я не нахожусь въ непосредственной перепискѣ съ императоромъ, Панинъ можетъ быть увѣренъ, что я передамъ его императорскому величеству увѣщаніе, чтобъ онъ далъ точныя приказанія Тугуту дѣйствовать съ бо́льшимъ жаромъ при Портѣ въ пользу мира. Боюсь одного, и не безъ основанія, что это средство придетъ слишкомъ поздно, послѣ разрыва конгресса. Если это случится, то вспомните проектъ Вѣнскаго Двора, который я вамъ ввѣрилъ, какъ прошлымъ годомъ я былъ въ Силезіи: этотъ Дворъ сильно желаетъ пріобрѣсти Турецкія земли со стороны Венгріи и съ этою цѣлію вступить въ союзъ съ Россіею противъ Турокъ. Если переговоры прервутся, знайте навѣрное, что Вѣнскій Дворъ употребитъ всѣ усилія для проведенія этого проекта, который лежитъ на сердцѣ у императора. Между тѣмъ на нашихъ переговорахъ въ Польшѣ сильно отзовется разрывъ конгресса, и мы встрѣтимъ гораздо больше трудностей, чѣмъ когда бы миръ былъ близокъ къ заключенію; я не знаю другого средства преодолѣть эти затрудненія, какъ принудивши Поляковъ утвердить всѣ наши требованія". Это писалось для сообщенія Петербургскому Двору; теперь послушаемъ, что Фридрихъ говорилъ фанъ-Свитену для сообщенія въ Вѣну. Разговоръ происходилъ 20 февраля (н. с.). „Извѣстія изъ Константинополя", началъ король, „не подаютъ надежды на миръ. Турки никакъ не хотятъ уступить двухъ крѣпостей въ Крыму (Керчи и Еникале); Турки объявили, что уступка этихъ крѣпостей грозитъ опасностію Константинополю: они предпочитаютъ продолжать войну, хотя бы это повело къ разрушенію столицы и всей имперіи, ибо—все равно, бѣда неизбѣжная черезъ тридцать лѣтъ. Съ другой стороны, Русскіе объявили, что безъ уступки двухъ крѣпо-

[1]) Дѣла Польскія, 1773 года.

стей въ Крыму не хотятъ слышать о Крымѣ, и я жду скораго извѣстія о разрывѣ Бухарестскаго конгресса. Турки сами этого ждутъ и приготовляются, собираютъ войска сколько можно болѣе. Я очень недоволенъ всѣмъ этимъ, потому что не вижу средствъ помочь дѣлу". *Ф.-Свитенъ:* „Но нельзя ли надѣяться, что Петербургскій Дворъ, который долженъ желать прекращенія войны, сбавитъ свои требованія, видя, что Порта рѣшилась всѣмъ рисковать, а не подчиниться имъ". *Король:* „Нѣтъ, эти люди упоены своимъ счастіемъ; вѣрно, что такъ-же трудно управлять счастіемъ, какъ и несчастіемъ. Въ упоеніи успѣхами они постановили самыя тяжкія условія для Порты; теперь они и видятъ, что перешли мѣру, но не хотятъ отступить назадъ, считая это для себя унизительнымъ, и они будутъ принуждены продолжать войну, потому что слишкомъ много запросили; будутъ еще, по крайней мѣрѣ, двѣ кампаніи, которыя, помоему, не представляютъ для нихъ ничего выгоднаго; они овладѣли всѣмъ на этомъ берегу Дуная, имъ не остается ничего больше здѣсь дѣлать. Было бы очень опасно перенести оружіе за эту рѣку, ибо было бы очень трудно поддерживать необходимыя сообщенія: на это надобно было бы употребить большую часть арміи, и остальная, которая переправилась бы за Дунай, не могла бы, по своей малочисленности, дѣйствовать съ успѣхомъ, ибо набѣги, если бы даже и простирались до Адріанополя и дальше, не рѣшатъ ничего. Впрочемъ, несмотря на доброе согласіе, существующее теперь между вашимъ и Петербургскимъ Дворомъ, я не знаю, очень ли вамъ понравится переходъ Русскихъ за Дунай. По крайней мѣрѣ, нужно было бы имъ прежде условиться съ вами. Мнѣ сообщили изъ Петербурга другой проектъ, и я очень совѣтовалъ не приводить его въ исполненіе: это—опустошить Молдавію и Валахію, все пожечь, забравши всѣхъ жителей, сдѣлать изъ двухъ странъ совершенную пустыню и отодвинуть войско на польскія границы за Днѣстръ, оставивъ 20 или 30,000 въ Татаріи. Этотъ проектъ совершенно противенъ человѣколюбію, слишкомъ отвратителенъ и въ то же время можетъ сдѣлаться опаснымъ: ибо, несмотря на опустошеніе, Турки могутъ приблизиться къ Польшѣ, гдѣ поднимутъ сильное волненіе, а намъ нужно ихъ держать подальше для успѣха нашихъ намѣреній. Я вижу одно средство помочь дѣлу: это—если Россія потребуетъ вашей помощи противъ Турокъ и согласится, чтобы вы взяли Боснію и Сербію. Въ такомъ случаѣ война не будетъ продолжительна, и вы не останетесь безъ барыша".

Фанъ-Свитенъ обѣщалъ донести объ этомъ предложеніи своему Двору, и писалъ Кауницу, что, безъ всякаго сомнѣнія, тутъ скрываются гораздо обширнѣйшіе замыслы Прусскаго короля, именно: дальнѣйшее расширеніе своихъ владѣній. Фанъ-Свитенъ предлагалъ свою догадку, что Фридрихъ хочетъ вмѣшаться въ войну Россіи со Швеціею и пріобрѣсти Шведскую Померанію, а чтобъ Австрія не мѣшала этому,—занять ее въ Турціи, гдѣ она можетъ также сдѣлать пріобрѣтенія. Но австрійскій посланникъ посмотрѣлъ не въ ту сторону: Фридриху прежде всего желалось получить Данцигъ и Торнъ, и, чтобъ Россія и Австрія согласились на это, онъ указывалъ имъ на пріобрѣтенія въ Турціи, получить которыя онѣ могли, только предварительно отдавши ему всю Вислу. Прежде онъ не желалъ, чтобъ Австрія пріобрѣла земли отъ Турціи, ибо прежде всего хотѣлъ совокупнаго дѣйствія трехъ державъ въ Польшѣ; но теперь это совокупное дѣйствіе завершилось по его желанію, и онъ думалъ объ одномъ,—какъ бы добыть Данцигъ и Торнъ, безъ чего Польское дѣло являлось для него неоконченнымъ.

Чтобы Австрія не боялась Франціи, когда станетъ увеличиваться насчетъ Турціи, Фридрихъ говорилъ фанъ-Свитену: „Французы въ бѣшенствѣ; но у нихъ нѣтъ силы, и потому они перемѣнили львиную кожу на лисью и пытаются всѣми средствами насъ разъединить. Знаете ли, что они предложили въ Петербургѣ доставить Россіи миръ съ Турками, если тамъ согласятся дать имъ волю работать въ Константинополѣ; но ихъ хитрости не удадутся,—я за это отвѣчаю. Впрочемъ, ихъ нечего бояться,—они не въ состояніи вести войну: правда, что они могутъ надѣяться на испанскія субсидіи, но этотъ источникъ недостаточенъ: война, которая ведется на чужой кошелекъ, на милостыню, не можетъ быть ни энергична, ни продолжительна; притомъ я знаю навѣрное, что король ненавидитъ самое имя войны, и министръ, который ее ему предложитъ, несомнѣнно потеряетъ свое мѣсто; а вы знаете, что во Франціи, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, министры любятъ больше свои мѣста, чѣмъ государство".

Изъ Вѣны отвѣчали отказомъ вести дѣло въ Турціи вмѣстѣ съ Россіею, искать себѣ съ оружіемъ въ рукахъ пріобрѣтеній, тогда какъ не было извѣстно, какія пріобрѣтенія Прусскій король захочетъ пріобрѣсти даромъ; въ Вѣнѣ Фридрихъ II имѣлъ отличныхъ учениковъ, которые, слѣдуя по стопамъ учителя, такъ же намѣрены были пріобрѣсти отъ Турціи кой-что даромъ. Получивши на свое предложеніе отрицательный отвѣтъ, Фридрихъ затронулъ другую сторону: „Однако", сказалъ онъ фанъ-Свитену „надобно ожидать со-дня-на-день разрыва бухарестскихъ конференцій, и если война продолжится, то надобно же принять какое-нибудь рѣшеніе, что тогда дѣлать. Россія объявляетъ, что если миръ не состоится, то она не будетъ болѣе держаться предложенныхъ условій, именно возвращенія Молдавіи и Валахіи". — „Вы знаете, государь", отвѣчалъ фанъ-Свитенъ, „что бы мы принуждены были сдѣлать, если бы Россія пожелала сохранить Молдавію и Валахію, и вы изъ этого можете заключить, что мы принуждены будемъ сдѣлать, если тѣ же обстоятельства повторятся".

Фридрихъ понялъ дѣло такъ, что Австрія не хочетъ объявить себя противъ Турціи изъ опасе-

нія Франціи. „Чего вы боитесь, Французовъ"? спросилъ онъ фанъ-Свитена.— „Мы боимся", отвѣчалъ тотъ, „вѣрной потери нашихъ областей на Рейнѣ, въ Италіи, Нидерландахъ, которыхъ мы не могли бы защищать".— „Но развѣ я не союзникъ вашъ въ этой всеобщей войнѣ?" возразилъ король. — „Вашему в—ству достаточно будетъ помышлять о самихъ себѣ", отвѣчалъ фанъ-Свитенъ.— „Но почему вы вѣрите въ возможность этого всеобщаго союза противъ насъ?" спросилъ опять король. — „Мы должны предполагать эту возможность", отвѣчалъ фанъ-Свитенъ, „вслѣдствіе общаго волненія и зависти, произведенныхъ въ цѣлой Европѣ нашимъ раздѣльнымъ договоромъ и нашимъ союзомъ. Страхъ родилъ подозрѣнія и преувеличенныя опасенія. Если увидятъ, что нашъ союзъ ограничивается раздѣломъ Польши, которому уже нельзя воспрепятствовать, волненіе прекратится, подозрѣнія и опасенія исчезнутъ, и можно надѣяться на сохраненіе всеобщаго спокойствія; но если увидятъ въ нашемъ союзѣ съ Русскими противъ Турокъ осуществленіе именно тѣхъ опасныхъ послѣдствій, какихъ боялись, то нѣтъ сомнѣнія, что вся Европа соединится противъ трехъ Дворовъ, противъ обширныхъ замысловъ, которые, по справедливости, у нихъ заподозритъ".— „Эта опасность исчезнетъ", отвѣчалъ король, „если мы еще тѣснѣе соединимся, и вотъ почему я бы такъ желалъ, чтобы нашъ тройной союзъ былъ заключенъ: тогда мы будемъ господами мира и войны. и это будетъ вѣрное средство осуществить проектъ аббата С. Пьера" (о вѣчномъ мирѣ).

Что Фридриху вовсе не хотѣлось никакой войны, а тѣмъ менѣе Шведской,— видно изъ его письма къ Сольмсу отъ 24 апрѣля: „Если я вамъ говорилъ о подозрѣніяхъ насчетъ интригъ Дюрана и о непозволительныхъ связяхъ, какія онъ могъ имѣть при Русскомъ Дворѣ, то я дѣлалъ это на основаніи моихъ писемъ изъ Парижа, что тамъ хвастаются существенными услугами, оказанными Дюраномъ своему Двору; слухи о неудовольствіяхъ между императрицею и великимъ княземъ, о рѣшенномъ удаленіи графа Панина и будущей революціи въ Россіи вообще распространены въ Версали. Что касается вашихъ извѣстій, что Дюранъ далъ знать своему Двору о кронштадтскихъ укрѣпленіяхъ и дурномъ состояніи русскаго флота, то Франція можетъ воспользоваться такими извѣстіями для воспламененія огня юности моего племянника, короля Шведскаго. Она можетъ воспользоваться этими анекдотами и убѣдить Густава III, что настоящія обстоятельства — самыя благопріятныя для разрыва съ Россіею. Такъ какъ я былъ бы очень огорченъ, если-бъ мои родственники ввели въ новыя затрудненія мою союзницу, то я думалъ о средствахъ, какъ бы предохранить ее отъ этихъ непріятностей, и вотъ что придумалъ. Предположивъ, что разрывъ съ Швеціею неизбѣженъ, и Швеція дѣйствительно нападетъ на Россію,—послѣдняя можетъ разсчитывать, что я съ точностію выполню мои союзническія обязательства. Но быть можетъ есть средство предотвратить бурю. Единственное разумное средство, которое Франція можетъ употребить для принужденія Шведскаго короля къ разрыву, это — внушеніе, что Россія непремѣнно замышляетъ какой-нибудь ударъ для возстановленія прежней формы правленія, и гораздо выгоднѣе для него ее предупредить и напасть на нее во время Турецкой войны, а не дожидаться мира, когда Россія, имѣя свободныя руки, обратитъ всѣ свои силы противъ него. Этотъ аргументъ кажется мнѣ очень естественнымъ и способнымъ произвести впечатлѣніе на Шведскаго короля. Чтобы заставить Францію замолчать и предупредить слѣдствія ея вѣрныхъ внушеній, я не нахожу другого средства, какъ объясниться дружески со Шведскимъ королемъ или непосредственно, или чрезъ меня".

Изъ Петербурга королю давали знать, что, въ случаѣ разрыва Бухарестскаго конгресса, русскія войска перейдутъ Дунай. По этому поводу Фридрихъ писалъ Сольмсу 1-го мая: „Не скрою отъ васъ, что переходъ черезъ Дунай съ цѣлою арміей фельдмаршала Румянцева кажется мнѣ очень опаснымъ и труднымъ. Русская армія будетъ подвержена тутъ тысячѣ случайностей, не говоря о трудностяхъ при доставленіи съѣсныхъ припасовъ и оружія. Обративъ вниманіе на ширину этой рѣки, понимаешь затрудненія, какія встрѣтитъ армія въ случаѣ, если испытаетъ малѣйшую неудачу и будетъ принуждена отступать по той же рѣкѣ. Осада Очакова, кажется мнѣ, была бы естественна и не такъ опасна. Кампанія нынѣшняго года потребуетъ отъ фельдмаршала Румянцева гораздо болѣе благоразумія и осторожности, чѣмъ предыдущія." Получивъ извѣстіе о разрывѣ Бухарестскаго конгресса, Фридрихъ писалъ: „Очень печально, что бухарестскіе переговоры опять не удались. Я имѣю основанія предполагать, что если бы Вѣнскій Дворъ употребилъ болѣе твердости въ своихъ внушеніяхъ Портѣ, то переговоры, конечно, имѣли бы болѣе успѣха. Сколько я могу заключить изъ всѣхъ моихъ извѣстій, Вѣнскій Дворъ, сохраняя еще слишкомъ много прежняго уваженія къ Франціи, не имѣлъ духа сдѣлать болѣе сильныя представленія въ Константинополѣ". Но Фридрихъ противорѣчилъ самому себѣ; что-нибудь одно: или Австрія не хотѣла настаивать на мирѣ—по отношеніямъ къ Франціи, или по другимъ разсчетамъ, желая воспользоваться продолженіемъ войны для своихъ цѣлей. Такъ, Фридрихъ въ депешѣ 25 мая опять возвращается къ этому объясненію: Кауницъ желалъ выдвинуть всевозможныя затрудненія, чтобъ заставить Россію нуждаться въ помощи Вѣнскаго Двора и продать эту помощь самою дорогою цѣною". Въ августѣ гр. Иванъ Чернышевъ имѣлъ въ Потсдамѣ длинный разговоръ съ Фридрихомъ II, который разсказывалъ ему о своихъ отношеніяхъ къ разнымъ державамъ. Объ Англичанахъ онъ никакъ не могъ говорить равнодушно; онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что тайкомъ отъ него заключили послѣд-

ній миръ съ Франціею, не выговоривъ занятыхъ Французами его земель, и заставили его отбирать эти земли оружіемъ. Но всего обиднѣе было для него то, что они предлагали Кауницу союзъ и помощь для отнятія у Пруссіи Силезіи и старались охладить къ нему императора Петра III. „Теперь", говорилъ король, „мнѣ нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ союзъ; я доволенъ союзомъ съ Россіею, и ни въ комъ больше нужды не имѣю. Россія въ другомъ положеніи и можетъ имѣть свои причины быть съ Англіею въ соглашеніи или союзѣ; тогда, по Россіи, и я буду съ нею въ нѣкоторой связи. При второмъ свиданіи моемъ съ императоромъ былъ тамъ и Кауницъ: и тотъ объ Англичанахъ имѣетъ одинакое мнѣніе со мною, считаетъ ихъ не очень вѣрными союзниками, чему въ примѣръ приводилъ поступокъ ихъ съ Австрійцами во время Ахенскаго мира". Потомъ Фридрихъ началъ говорить о дружественныхъ отношеніяхъ своихъ къ императрицѣ Екатеринѣ и Россіи, и какъ будто бы стыдился своей попытки еще порасширить свои границы насчетъ Польши, говорилъ сквозь зубы: „Вообще принято, когда рѣку отдаю, то разумѣется верховье; императрица мнѣ этого дать не разсудила,—и я согласился". Потомъ продолжалъ съ улыбкою: „Австрійцы объявили, что намѣрены всегда держаться въ точности постановленнаго въ конвенціи о раздѣлѣ; но послѣ оказалось, будто нельзя описать границъ съ такою точностію, какъ на мѣстѣ, почему и хотятъ этимъ начать. Я знаю ихъ жадность: имъ хочется захватить побольше, почему и посылаю человѣка поприсмотрѣть за ними, и въ случаѣ, если они поприхватятъ, то естественно, что и я буду опредѣлять свои границы по мѣстнымъ удобствамъ".—Чернышевъ замѣтилъ на это: „Если ея и. в—ство разсуждаетъ, что тремъ державамъ непремѣнно должно держаться постановленнаго въ конвенціи, то это не для того, чтобъ не дать Пруссіи чего-нибудь больше, а для того, чтобъ показать свѣту твердость намѣреній трехъ державъ; потому и нельзя расширять своихъ границъ подъ предлогомъ, что другой захватилъ лишнее,—иначе можно поставить Польскія дѣла въ такое положеніе, что ихъ и окончить будетъ нельзя."—Фридриху не хотѣлось продолжать этого разговора. Сказавши, что въ Польшѣ положили соглашаться на уступку требуемаго и что окончаніе дѣла гораздо болѣе подвергнуто опасности отъ внутреннихъ вопросовъ, онъ перешелъ къ войнѣ и миру съ Турками. „Миръ крайне надобенъ", говорилъ онъ: „кампанію надобно считать оконченною и не очень удачно, и если въ настоящемъ году миръ не можетъ быть заключенъ по желанію, то, не жалѣя расходовъ, надобно употребить всевозможныя мѣры, чтобъ принудить Турокъ къ миру въ будущую кампанію. Всѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ послѣдовать въ Европѣ, предвидѣть нельзя. Что же касается Шведовъ, то я увѣренъ, что они, особенно нынѣшній годъ, ничего не предпримутъ, да хотя бы и предприняли, то 25,000 войска, находящагося въ Финляндіи и около Петербурга, конечно довольно, особенно, если въ то же время Шведы должны будутъ имѣть дѣло и съ Датскимъ Дворомъ. Я не разъ думалъ о томъ, что Шведы вамъ могутъ сдѣлать. У нихъ больше 45,000 войска нѣтъ; изъ этого числа надобно кой-что оставить дома и въ гарнизонахъ; положимъ, что на это пойдетъ 5,000; десять надобно будетъ отдѣлить противъ Норвегіи, за тѣмъ и останется противъ васъ только 20,000. Впрочемъ, не должно сомнѣваться, что въ случаѣ совершенной неудачи вашей противъ Турокъ, Франція будетъ стараться поднять Шведовъ противъ васъ. Больше всѣхъ возбуждаетъ въ королѣ къ вамъ ненависть французская креатура Шеферъ, который съ младенчества вселилъ въ короля мысль, что онъ можетъ получить извѣстность въ свѣтѣ только безпредѣльною привязанностію къ французской системѣ и тѣснымъ союзомъ съ Франціей. Я ихъ обоихъ у себя видѣлъ. Племянникъ мой, король, очень не глупъ, но все дурное французское такъ перенялъ, что вѣтренъ, какъ молодой Французъ. Желательно, чтобъ вы помирились съ Турками безъ чужой помощи; но, въ случаѣ невозможности, надобно будетъ прибѣгнуть къ Австрійцамъ. Они очень желаютъ вмѣшаться въ эту войну; но хотятъ, чтобы вы ихъ о томъ много и много просили. Аппетитъ у нихъ несказанный возвратить Бѣлградъ и все потерянное въ прошедшую войну. Я этотъ Дворъ хорошо знаю и вамъ вкратцѣ опишу: императоръ—человѣкъ молодой, нетерпѣливо желаетъ себя прославить, но человѣкъ честный и твердый; мать—такая комедіантка, какой на свѣтѣ нѣтъ другой; Кауницъ,—человѣкъ не только двоедушный, троедушный, но и четверодушный. Я часто думалъ, какъ бы вы могли нанести Туркамъ самый чувствительный ударъ; но, по несчастію, не знаю мѣстности, и потому безошибочно ничего сказать не могу. Однако мнѣ кажется, что вамъ бы слѣдовало, оставя знатный корпусъ войска вверху Дуная, у Журжева или выше, съ остальною арміей идти по правому берегу рѣки прямо къ Варнѣ; провіантъ можно было бы доставлять по Дунаю и моремъ. Такое движеніе заставило бы непріятеля или сойти съ горъ, выйти изъ щелей и дать сраженіе, или бѣжать для защиты Адріанополя. Жаль очень, что Силистрія не взята: тогда бы вы твердою ногой стояли и за Дунаемъ".—Чернышевъ замѣтилъ, что Силистрію можно взять только приступомъ, слѣдовательно съ большимъ кровопролитіемъ.—„Мало артиллеріи вы употребляете", сказалъ король: „надобно бы пушекъ сто, да мортиръ 30 или 40, ибо турецкія укрѣпленія состоятъ въ крѣпкихъ и высокихъ стѣнахъ. Хотя бы Очаковъ въ нынѣшнюю кампанію можно было взять"! Чернышевъ замѣтилъ, что трудно перевезти къ нему артиллерію. 5-го октября Фридрихъ писалъ объ опасностяхъ вторичнаго перехода черезъ Дунай: „Если бы Турки первые перешли Дунай, и графъ Румянцевъ разбилъ ихъ,—тогда онъ могъ бы ихъ преслѣдовать за Дунай; пре-

слѣдованіе разбитой, потерявшей потому духъ арміи всегда бываетъ успѣшно. Но если, наоборотъ, Турки останутся въ своемъ лагерѣ, то фельдмаршалъ ударится въ большую игру: перешедши Дунай для нападенія на нихъ, онъ рискнетъ всѣмъ для всего. Я не стану утверждать, чтобъ такой смѣлый ударъ никакъ не могъ удаться. Военное счастіе, которое до сихъ поръ благопріятствовало Русскимъ, можетъ неблагопріятствовать имъ и въ этомъ случаѣ; но жребій войны измѣнчивъ, и его прошлыя ласки не ручаются за будущее; неудачи такъ-же возможны, какъ и успѣхи, и не скрою отъ васъ, что, на мѣстѣ Россіи, я бы не сталъ такъ полагаться на счастье".

Сольмсъ передалъ Панину депешу прусскаго посланника Гольца изъ Парижа (отъ 4-го ноября); по письмамъ изъ Петербурга заключаютъ, говорилось въ депешѣ, что Панинъ не пользуется большою милостію своей государыни, онъ долженъ раздѣлять ее съ княземъ Орловымъ и графомъ Чернышевымъ, которые очень дружны между собою. Въ письмахъ прибавляютъ, что эти вельможи не кажутся такими врагами Франціи, какъ гр. Панинъ; что министры французскій и испанскій часто видаются съ ними и подаютъ своимъ Дворамъ надежды относительно добраго расположенія Орлова и Чернышева къ Франціи. Герцогъ Эгильонъ, говоря съ Гольцемъ о наградахъ, полученныхъ Панинымъ, спрашивалъ его нѣсколько разъ: „Думаете ли вы, что этотъ министръ дѣйствительно удержитъ завѣдываніе иностранными дѣлами, и дарованныя ему милости не предвѣщаютъ ли скорое удаленіе отъ дѣлъ?" Гольца увѣдомили, что Дюрану дано приказаніе освѣдомиться при Петербургскомъ Дворѣ, не согласится ли послѣдвій заключить миръ съ Портою при посредствѣ Франціи, которая въ такомъ случаѣ можетъ добиться у Турокъ уступки двухъ крымскихъ гаваней на Черномъ морѣ [1]).

Въ Вѣну о французскихъ внушеніяхъ давали знать непосредственно изъ Петербурга, думая, что этимъ побудятъ Австрію содѣйствовать заключенію мира Россіи съ Портою! 12-го февраля австрійскому послу здѣсь, князю Лобковичу, была вручена бумага подъ заглавіемъ: „Содержаніе разговора графа Панина съ княземъ Лобковичемъ". Въ этой бумагѣ говорилось: „Вѣнскому Двору извѣстно стараніе Франціи запутать всѣ политическія дѣла Европы съ единственною цѣлію воспрепятствовать соглашенію трехъ Дворовъ относительно Польши или, наконецъ, воспрепятствовать исполненію этого соглашенія. Здѣсь Дюранъ не перестаетъ выставлять выгоды, какія получила бы Россія, войдя въ тѣсную связь съ его Дворомъ; чрезъ это она вывела бы свои дѣла изъ нерѣшительнаго положенія; Дюранъ прямо и открыто предлагаетъ союзъ между Россіею, Франціею и Швеціею. Это предложеніе очевидно клонится къ тому, чтобъ охладить Россію, ослабить ея дѣятельность при исполненіи означеннаго соглашенія, и хотя еще ей не предлагаютъ уклониться отъ соглашенія, однако указываютъ уже на большія выгоды, которыя получитъ она отъ новыхъ связей. Нѣтъ Двора, гдѣ бы Франція не интриговала противъ раздѣла Польши; даже британское министерство обольщено до такой степени, что поддерживаетъ въ Константинополѣ всѣ французскія интриги противъ мира въ виду торговли на Черномъ морѣ. Извѣстно, что Русскій Дворъ отказался отъ Молдавіи и Валахіи изъ уваженія къ Вѣнскому Двору, и никакія другія соображенія не могли бы побудить его къ принесенію этой жертвы. Въ такомъ положеніи дѣлъ было бы дѣйствіемъ согласнымъ со справедливостію и миролюбіемъ Вѣнскаго Двора, если-бъ онъ предписалъ своему министру въ Константинополѣ открыть Портѣ глаза насчетъ двойной интриги Франціи, которая работаетъ въ пользу Швеціи въ одно время и въ Петербургѣ, и въ Константинополѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить Портѣ, что если она позволитъ себѣ увлечься чуждыми видами къ продолженію военныхъ бѣдствій, то Австрія не только предоставитъ ее военному счастію, но, для поддержанія равновѣсія въ случаѣ шведской диверсіи, приметъ сторону Россіи, какъ прежде принимала сторону Порты". Кауницъ, увѣряя кн. Голицына въ искренности и усердіи, съ какими австрійскій посланникъ, по предписанію своего Двора, поддерживаетъ русскіе интересы къ Константинополѣ, прибавилъ, что Австрія ожидаетъ и отъ Россіи для себя услуги. „Мы были бы очень благодарны Петербургскому Двору", продолжалъ онъ, „если бы Россія не подала повода къ разрыву съ Швеціею, если бы ограничилась уничтоженіемъ непріятныхъ ей вещей въ новой правительственной формѣ путемъ мирныхъ переговоровъ". Кауницъ просилъ Голицына писать объ этомъ почаще графу Панину. Голицынъ отвѣчалъ, что Россія, конечно, не начнетъ легкомысленно новой войны; но дѣло въ томъ, что Франція своими интригами воспрепятствуетъ королю Шведскому войти въ какія бы то ни было соглашенія, и можетъ ли Русскій Дворъ видѣть хладнокровно существованіе въ Швеціи правительственной формы, противной его гарантіи и его интересамъ. Кауницъ при этихъ словахъ обнаружилъ нѣкоторое волненіе и сказалъ: „Чего Россіи бояться, если Шведскій король будетъ одаренъ талантомъ и мужествомъ? вѣдь онъ чрезъ это все же никогда не будетъ въ состояніи мѣряться съ вами: Россія безконечно превосходитъ его своими средствами, притомъ она располагаетъ Даніею, имѣетъ союзникомъ короля Прусскаго и находится въ доброй дружбѣ съ Австрійскимъ Домомъ". Голицынъ замѣтилъ на это, что государства не руководятся въ своемъ поведеніи настоящимъ положеніемъ дѣлъ, но имѣютъ въ виду будущія неудобства и предусматриваютъ опасно-

[1]) Дѣла Прусскія, 1773 года. Friedr. II und van Swieten, 92—116.

сти издалека; ясно, что въ Швеціи, при перемѣнѣ правленія аристократическаго на монархическое неограниченное, произойдетъ сосредоточеніе власти, что дастъ этому государству бо́льшія средства. Это будетъ тѣмъ опаснѣе для Россіи, что неограниченная власть Шведскаго короля будетъ орудіемъ въ рукахъ Франціи для постоянной помѣхи русскимъ дѣламъ. Кауницъ не отвѣчалъ на это прямо, а только распространился о томъ, какъ было бы желательно избѣжать войны, которая можетъ распространиться далеко. Кауницъ увѣрялъ въ искренности и усердіи, съ какими австрійскій посланникъ поддерживаетъ въ Константинополѣ интересы Россіи. Дѣйствительно, онъ готовъ былъ предписать Тугуту склонять Порту къ примиренію; но императоръ Іосифъ былъ другого мнѣнія: онъ представлялъ, что Австрія не окажетъ этимъ Портѣ никакой услуги; если Австрія ничего не сдѣлаетъ противъ мира, то Россія не будетъ имѣть никакого права жаловаться; Франціи будетъ также пріятнѣе, если Австрія не будетъ усердно хлопотать о мирѣ, ибо Франція боится, что Россія, освободившись отъ Турецкой войны, обратится противъ Швеціи. Наконецъ, чѣмъ долѣе Россія будетъ находиться въ войнѣ, чѣмъ продолжительнѣе будетъ нерѣшительное положеніе и Прусскій король будетъ платить ежегодныя субсидіи,—тѣмъ Россія и Пруссія будутъ уступчивѣе въ польскихъ дѣлахъ. Кауницъ былъ принужденъ въ депешахъ Тугуту, которыя тотъ могъ показывать, настаивать на заключеніи мира, а въ тайныхъ —давать знать, что эти увѣщенія къ миру въ Вѣнѣ не почитаются серьезными; внушалось, что такія настаиванія на миръ съ австрійской стороны могутъ быть только выгодны для Порты; ибо если она отвергнетъ русскія требованія, то этимъ произведено будетъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ Петербургѣ: здѣсь увидятъ, что и убѣдительнѣйшія внушенія Австріи ни къ чему не повели!

Когда Голицынъ объявилъ Кауницу о разрывѣ Бухарестскаго конгресса, то австрійскій канцлеръ сказалъ спокойно: „Изъ этого, достойнаго сожалѣнія событія можно видѣть, какую нужду и важность находятъ для себя Турки въ требуемыхъ Русскимъ Дворомъ двухъ крымскихъ крѣпостяхъ, Керчи и Еникале“.—„По моему мнѣнію“, возразилъ Голицынъ, „такое упорство Турокъ можно приписать только неусыпнымъ проискамъ недоброхотовъ Россіи. Турки своимъ упорствомъ не пріобрѣтутъ себѣ никакой пользы, и я очень удивляюсь, почему Порта, несмотря на данныя ей г. Тугутомъ новыя представленія, разорвала конгрессъ: изъ этого видно, какъ мало она уважаетъ представленія здѣшняго Двора“. Кауницъ помолчалъ и потомъ завелъ рѣчь о другомъ предметѣ. Получивши отъ Панина подробныя извѣстія о разрывѣ конгресса, Голицынъ опять поѣхалъ къ Кауницу сообщить ихъ ему. Кауницъ, выслушавъ изложеніе дѣла, принялъ серьезный видъ и не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ. Тогда Голицынъ началъ говорить: „Вспомните, князь, по крайней мѣрѣ, что мое изложеніе дѣла представляетъ искреннее объясненіе отъ одного дружескаго Двора другому; что тутъ нѣтъ ничего искусственнаго и скрытнаго, и мы были бы очень рады, если бы наше поведеніе въ переговорахъ съ Портою показалось и вашему Двору столь же справедливымъ и послѣдовательнымъ, каково оно на самомъ дѣлѣ“.—„Въ добрый часъ“, отвѣчалъ Кауницъ; „но чтобъ судить о вашемъ дѣлѣ безпристрастно, надобно, чтобъ я поставилъ себя такъ-же и на мѣсто Турокъ; по вашему вы требуете мало, а по-нихъ—слишкомъ много“.

Въ октябрѣ, по поводу перехода русскаго войска черезъ Дунай, императоръ Іосифъ II спросилъ Голицына: „Не думаете ли вы, что переходъ черезъ Дунай нѣсколько рискованъ“?—„Государь“, отвѣчалъ Голицынъ, „нѣтъ сомнѣнія, что попытка смѣла и опасна; но если непріятель не шелъ къ намъ, то надобно идти къ нему; впрочемъ, если наше войско не могло вполнѣ достигнуть цѣли похода, то, по крайней мѣрѣ, оно удержало рѣшительное превосходство надъ непріятелемъ“. — „Правда“, сказалъ Іосифъ, „войско держало себя хорошо, и я удивляюсь постоянной славѣ вашего оружія; если бы только поскорѣе послѣдовалъ миръ“.—„Государь“, отвѣчалъ Голицынъ, „это не отъ насъ зависитъ“ *Іосифъ*: „Правда, Турки упрямы до невозможности; что́ мы ни дѣлали, чтобъ уговорить ихъ,— одинъ отвѣтъ, что русскихъ условій принять нельзя. Ваше требованіе Керчи и Еникале есть одинъ изъ главныхъ камней преткновенія; они думаютъ, что посредствомъ этихъ двухъ мѣстъ и флотовъ, какіе у васъ тамъ будутъ, вы будете владѣть Чернымъ моремъ и держать въ осадѣ Константинополь“.—*Голицынъ*: „Всѣ эти опасенія не имѣютъ никакого основанія; положеніе Керчи и Еникале неудобно для военнаго флота; да если бы было и иначе, то Портѣ нечего бояться въ мирное время, когда наши корабли имѣютъ право плавать по Черному морю; въ случаѣ же войны мы приведемъ въ дѣйствіе верфи Таганрога, Азова и Воронежа, причемъ Кафскій проходъ, находящійся въ рукахъ нашихъ союзниковъ, Татаръ, будетъ намъ всегда открытъ. Порта не хочетъ намъ отдать этихъ двухъ мѣстъ единственно потому, что они послужатъ намъ гарантіею независимости Татаръ“.—*Іосифъ* (съ улыбкою): „Говорятъ, что татарская независимость, на которую такъ настаиваетъ Россія, вовсе не по вкусу самихъ Татаръ, и что вы ее имъ навязываете“.—*Голицынъ*: „Дѣло возможное: народъ, привыкшій долгое время къ игу, связанный съ Турками единствомъ вѣры и нравовъ, можетъ оказывать нежеланіе внезапнаго освобожденія, и мы не стали бы открывать имъ глаза насчетъ выгодъ, которыхъ они не понимаютъ, если бы у насъ не было прямого интереса такъ поступать. Освобождая этотъ хищный народъ изъ-подъ покровительства Порты, дѣлая его отвѣтственнымъ за его собственные поступки, мы чрезъ это доставляемъ нашимъ гра-

ницамъ безопасность отъ ихъ набѣговъ. Да и ваши владѣнія отъ этого выиграютъ".—*Іосифъ*: „Какъ это"?—*Голицынъ*: „Во-первыхъ, мы удалили многія татарскія орды, переведя ихъ изъ Буджака на Кубань; потомъ, въ случаѣ войны Австрійскаго Дома съ Портою, послѣдняя не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи толпы разбойниковъ, которые прежде съ необыкновенною быстротою опустошали цѣлыя области".—*Іосифъ*: „Прекрасно! эти соображенія мнѣ кажутся основательными; однако, если Турки будутъ упорствовать, то скоро ли у васъ будетъ миръ?"—*Голицынъ*: „Нашъ миръ съ Портою будетъ заключенъ очень скоро, если Вѣнскій Дворъ употребитъ въ нашу пользу лучшее изъ увѣщаній".—*Іосифъ* (улыбаясь): „Понимаю, вы разумѣете пушки".—*Голицынъ*: „Именно, государь. Уже самая близость войны, столь продолжительной, неудобна для сосѣдней державы; потомъ Турки, благодаря неутомимымъ заботамъ нашихъ завистниковъ, привыкаютъ нечувствительно къ лучшей дисциплинѣ, учатся воевать съ Европою, и, соединяя эту выгоду со своими естественными средствами, они дѣлаются гораздо опаснѣе, чѣмъ были прежде".—*Іосифъ*: „Я съ этимъ не согласенъ. Не касаясь уже главной струны (магометанства?), живой и кипучій характеръ этого звѣрскаго народа, въ соединеніи съ формою правленія, никогда не можетъ согласоваться съ дисциплиною, въ какой мы держимъ нашихъ солдатъ".—*Голицынъ*: „Дай Богъ, чтобъ предположеніе вашего величества никогда не допускало исключеній; но, соображая всѣ обстоятельства, осторожность въ этомъ отношеніи не неумѣстна". Тутъ императоръ вдругъ перемѣнилъ разговоръ [1]).

Объ интригахъ Франціи толковали постоянно въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ; о чемъ же толковали во Франціи? Въ мартѣ Хотинскій писалъ Панину: „Здѣсь согласіе трехъ Дворовъ—Русскаго, Прусскаго и Австрійскаго—почитается страннымъ для всѣхъ союзомъ, и невѣдомо какихъ въ немъ видовъ не подозрѣваютъ. Потому опасаюсь я, чтобъ не употребилъ здѣшній Дворъ всякихъ ухищреній напугать этимъ и Англичанъ, которые въ такую западню могутъ и попасться, и станутъ если не содѣйствовать Франціи въ ея предпріятіяхъ, то мирволить, а она не преминетъ всячески кутить и мутить". Больше всего во Франціи боялись нападенія на Швецію со стороны Россіи, что заставило бы Францію помогать Швеціи хотя деньгами; но и денегъ не было. Тщетно Хотинскій увѣрялъ Эгильона, что у Россіи нѣтъ намѣренія напасть на Швецію; герцогъ отвѣчалъ: „Это все равно, какъ если бы вы мнѣ говорили, что остаетесь въ Версали, а я собственными глазами видѣлъ изъ окна, что въ вашу карету лошади запряжены. Для чего вы не хотите со стороны Шведовъ обезпечиться заключеніемъ съ ними договора?" Въ августѣ пришло извѣстіе о назначеніи во Францію министромъ генералъ-маіора князя Ив. Серг. Барятинскаго. Это извѣстіе заставило утихнуть слухи о войнѣ, и бумаги поднялись на биржѣ. Эгильонъ сказалъ Хотинскому, что Дюранъ расхваливаетъ Барятинскаго. „Такое назначеніе", замѣтилъ Хотинскій, „можетъ успокоить васъ и относительно Швеціи".—„Вы знаете",—отвѣчалъ Эгильонъ, „образъ мыслей короля и мои намѣренія; знаете, что мы желаемъ болѣе всего, чтобъ это назначеніе послужило къ утвержденію совершеннѣйшаго согласія". Когда Хотинскій указалъ на вооруженія Франціи, то герцогъ сказалъ: „Мы не хотимъ, чтобъ о насъ подумали, что мы уже совсѣмъ безсильны".

Въ августѣ былъ составленъ наказъ новому министру, кн. Барятинскому. Наказъ этотъ замѣчателенъ какъ объясненіе и оправданіе русской политики во время панинскаго управленія внѣшними дѣлами, написанный самимъ Панинымъ. „Руководство общими дѣлами раздѣляется главными державами по мѣрѣ умѣнья каждой себѣ его присвоивать. До царствованія Великой Екатерины Россія, при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ Прусской войнѣ, играла только второстепенную роль (?), выступая вездѣ вслѣдъ за своими союзниками (?). При вступленіи ея в—ства на престолъ въ Европѣ были двѣ стороны: въ первой находились Франція и Австрія, за ними Испанія и значительная часть имперскихъ князей; на другой сторонѣ была Англія и король Прусскій. Съ первою въ союзѣ находился король Португальскій и нѣкоторые имперскіе князья; съ послѣднимъ же сдѣлался вдругъ изъ непріятеля тѣснѣйшимъ союзникомъ императоръ Петръ III: слѣдовательно и тутъ Россія, перемѣня политическую систему, осталась все же въ значеніи державы, отъ постороннихъ интересовъ зависимой. При заключеніи мира, Англія успѣла вынудить отъ Бурбонскаго Дома выгодныя условія, удержавъ за собою многія и важныя завоеванія, а король Прусскій отдалился безо всякой потери. Чѣмъ меньше Россія, вслѣдствіе скоропостижнаго перелома, совершеннаго въ ея политикѣ Петромъ III, могла имѣть вліяніе въ этихъ мирныхъ переговорахъ [2]), которые основывали будущее положеніе всей Европы, тѣмъ труднѣе было ей послѣ пріобрѣсть вліяніе. Мудрость и твердость ея и. в—ства превозмогли однако скоро эту трудность, и свѣтъ увидѣлъ вдругъ съ удивленіемъ, что здѣшній Дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, равную роли главныхъ державъ, а на Сѣверѣ—первенствующую. Англія, имѣя съ нами одинакіе государственные интересы, а сверхъ того привыкнувъ, по естественному положенію острова своего, смотрѣть въ мирное время очень равнодушно на континентальныя дѣла, увидѣла такую политическую перемѣну съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ по той

[1]) Дѣла Австрійскія 1773 года.—Beer: «Die erste Theilung Pol.» II, 255.

[2]) Могла бы имѣть большое вліяніе, если-бъ не отказалась отъ главной роли, какую играла при Елисаветѣ.

причинѣ, что находила въ Россіи новую соперницу Франціи, облегчающую собственныя ея заботы. Австрія и Пруссія были такъ утомлены отъ войны, что сначала мало помышляли о распространеніи вліянія своего далѣе предѣловъ Германской имперіи; а послѣ, увидя, что Россія начала сама собою и по собственной системѣ дѣйствовать, стали, по взаимной ихъ другъ ко другу ревности, наперерывъ искать ея дружбы и союза, но съ тою разностью, что Вѣнскій Дворъ, по прежней привычкѣ руководствовать ею для собственныхъ видовъ (?), старался и тутъ возвратить насъ въ зависимость отъ своей политики; а король Прусскій, оставляя ея и. в—ству первенство въ общихъ съ нимъ дѣлахъ, хотѣлъ только пріобрѣсть себѣ ея дружбу и союзомъ ея оградить цѣлость и безопасность владѣній своихъ на будущее время, зная по опыту, какою завистью пылаетъ къ нему Вѣнскій Дворъ и, конечно, воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ къ отнятію у него Силезіи. Нетрудно было императрицѣ избрать, которая сторона выгоднѣе и полезнѣе для славы и достоинства имперіи, тѣмъ болѣе-что Вѣнскій Дворъ находился въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ Франціею, которой вліяніе вездѣ господствовало, и особенно на Сѣверѣ препятствовало усиленію русскаго вліянія. Предпочтеніе Россіею Прусскаго союза не могло быть по вкусу Вѣнскому Двору, и потому онъ началъ вездѣ способствовать французскимъ интригамъ противъ насъ, сохраняя нѣкоторую умѣренность и все наружное приличіе. Но Франція оскорблялась въ войнѣ, чувствуя, что русское вліяніе усиливается въ ущербъ ея собственному, и первый министръ, герцогъ Шуазель, полагая въ томъ личную свою честь, сталъ хвататься и за всѣ позволенные и непозволенные способы. Общая французская система противъ насъ состоитъ въ томъ, чтобъ вліянію и значенію Россіи, по крайней мѣрѣ, равняющимся теперь вліянію и значенію Франціи, ставить сильнѣйшія препятствія и стараться возвратить Россію въ прежнее положеніе державы, дѣйствующей не собою, а повинующейся чужимъ интересамъ. По этому плану дѣйствуютъ теперь при всѣхъ Дворахъ французскіе министры, хотя герцогу Эгильону надобно отдать справедливость, что со времени его министерства наблюдается ими все наружное приличіе, и здѣсь Дюранъ увѣряетъ о дружескомъ расположеніи своего короля къ императрицѣ и желаніи его оказать ей услуги, средствомъ къ чему могутъ служить возобновленіе оборонительнаго союза между Россіею и Швеціею и посредничество для заключенія мира съ Портою; но все это дѣлается съ прежнею цѣлью—лишить нашу политику самостоятельности. Франція увидала, что успѣхи ея въ борьбѣ съ нами не соотвѣтствуютъ ея желанію, и потому вздумала перевернуться и построить батареи свои у насъ самихъ, пользуясь шведскою революціей и порваніемъ переговоровъ съ Турками, въ надеждѣ, что увеличеніе нашихъ заботъ побудитъ насъ съ радостію и безъ размышленія ухватиться за ея лестныя предложенія. Тонкая мысль, чтобъ дать намъ въ собственномъ нашемъ дѣлѣ почувствовать недостатокъ собственныхъ нашихъ средствъ. Но тонкость Франціи не устояла однако противъ мудрости ея и. в—ства, проникнувшей ковы и отклонившей французскія предложенія". Барятинскій долженъ былъ поступить соотвѣтственно этому, если-бъ во Франціи повторили ему подобныя предложенія. Относительно отклоненія французскаго посредничества Панинъ, подъ условіемъ глубочайшей тайны, разсказывалъ англійскому посланнику, Гуннингу, слѣдующее. Извѣстный Дидро, гостившій въ это время въ Петербургѣ, подалъ императрицѣ бумагу, содержавшую условія мира Россіи съ Турціею, который Франція обязывается доставить, если будетъ принято ея посредничество. Дидро объяснялъ, что бумагу получилъ онъ отъ Дюрана и не могъ отказаться передать ее императрицѣ, иначе, по возвращеніи во Францію, былъ бы заключенъ въ Бастилію. Екатерина отвѣчала ему, что, принимая въ соображеніе такую опасность для него, она прощаетъ неприличіе его поступка, но пусть онъ передастъ Дюрану, какое употребленіе она сдѣлала изъ его бумаги: при этихъ словахъ бумага была брошена въ огонь. Кромѣ того, Дюранъ три раза былъ у Панина съ предложеніемъ посредничества и союза Франціи съ Россіею на условіяхъ, какія будутъ угодны послѣдней. Каждый разъ онъ получалъ отвѣтъ, что Русскій Дворъ не считаетъ настоящую минуту удобною для увеличенія своихъ обязательствъ и довольствуется обязательствами уже существующими; но императрица очень чувствительна къ дружественнымъ намѣреніямъ его христіаннѣйшаго величества и всего болѣе желаетъ имѣть случай убѣдить короля въ томъ, какъ она его уважаетъ и цѣнитъ его дружбу. Панинъ увѣрялъ Гуннинга, что, пока онъ управляетъ иностранными дѣлами, Россія не приметъ французскаго посредничества. Но Гуннингъ, донося объ этомъ своему министерству, замѣчаетъ, что, несмотря на враждебность Панина къ Франціи, если бы не было въ Петербургѣ Орлова, то можно было бы очень опасаться успѣха приверженцевъ французскаго союза [1]).

Въ Швеціи не переставали ждать нападенія съ русской стороны и, для обезпеченія себя, слѣдовали вполнѣ французскимъ внушеніямъ. „Благонамѣренные", писалъ Остерманъ, „говорятъ, что они не оказали сопротивленія перевороту потому только, что не были удостовѣрены въ защитѣ Россіи; говорили, что иго, наложенное королемъ, русскою силою такъ же легко будетъ свергнуто, какъ скоропостижно было наложено. Нѣтъ ни одного Шведа, который бы не думалъ, что эта минута настанетъ; до ея же наступленія всякое движеніе, какъ вы сами мудро и проницательно признавать изволите,

[1]) Дѣла Французскія 1773 года.—Сборн. Рус. Истор. Общ. XIX, 383

*

было бы не только напраснымъ, но и самымъ вреднымъ предпріятіемъ, и, слѣдовательно, по моему мнѣнію, всякая денежная раздача на приготовленіе умовъ была бы излишня, кромѣ одного тайнаго вспоможенія благонамѣреннымъ, находящимся въ крайней нуждѣ, на что изъ послѣднихъ полученныхъ мною денегъ еще довольно въ остаткѣ находится. Я долженъ тѣмъ болѣе остерегаться, что и безъ того наши соперники приписывали мнѣ составленіе заговора, и теперь прямо говорить начали, что мы, по окончаніи нашей войны, намѣрены напасть на Швецію вмѣстѣ съ Пруссіею и Даніею. Зная ея императорскаго величества будущее намѣреніе, я не оставлю, сколько благопристойность позволитъ, подъ рукою усиливать настоящее неудовольствіе, соразмѣряя мои внушенія и мою откровенность со взаимною ко мнѣ довѣренностію. Я составилъ списокъ людей, въ неудовольствіи которыхъ не сомнѣваюсь; но такъ какъ эти люди отмѣчены у короля русскими креатурами и удалены отъ правленія, то отъ нихъ, кромѣ скрытнаго содѣйствія, другого ожидать нельзя, ибо за каждымъ ихъ шагомъ слѣдятъ. Пока не удастся королевскаго брата, герцога Фридриха, отъ короля отвратить и къ нашимъ началамъ привести, ни одинъ изъ большихъ господъ себя не откроетъ, и если вспыхнетъ какое возмущеніе и непослушаніе въ полкахъ, то отъ мелкаго офицерства, а не отъ большихъ чиновныхъ людей. На твердость и скромность герцога Фридриха надѣяться трудно. За два дня до полученія королевскаго указа о принятіи команды надъ полками въ Остготской провинціи, при извѣстіи о бунтѣ въ Христіанштадтѣ, принцъ публично за столомъ увѣрялъ, что онъ явится вождемъ народа въ защитѣ вольности; но полученіи же указа объявилъ, пожимая плечи: „Король мнѣ братъ, мнѣ нельзя его оставить,—поневолѣ долженъ защищать". Выходки противъ короля дѣлалъ и герцогъ Карлъ, но слѣдствій никакихъ не было; родственное чувство въ королевской фамиліи очень сильно: часто и скоро ссорятся, но скоро и опять мирятся".

Извѣстія о русскихъ вооруженіяхъ въ Финляндіи заставили Густава III созвать въ началѣ марта военный совѣтъ изъ сенаторовъ графовъ—Ливена, Шефера, Ферзена и барона Фалькенгрена. Король предлагалъ отправить въ Финляндію нѣсколько полковъ и артиллерійскую эстляндскую команду изъ 400 человѣкъ съ 16 пушками. Но, кромѣ Шефера, всѣ другіе сенаторы представляли, что прежде надобно получить достовѣрнѣйшее свѣдѣніе, дѣйствительно ли императрица намѣрена напасть на Швецію, и потому они признавали полезнымъ, прежде всякихъ вооруженій со стороны Швеціи, обнадежить императрицу именемъ короля, что у него нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія ее обезпокоить, вслѣдствіе чего можно надѣяться получить и отъ императрицы подобныя же увѣренія, тогда какъ вооруженія скорѣе всего могутъ произвести холодность между Дворами. Король согласился не посылать въ Финляндію полковъ и артиллеріи; но, съ другой стороны, согласился съ Шеферомъ, что не нужно посылать въ Петербургъ обнадеживанія, которое можетъ повести къ непріятному для Швеціи отвѣту. Старались всѣми средствами увѣрить, что съ шведской стороны никакого военнаго движенія не будетъ. Шеферъ пріѣзжалъ къ англійскому министру Гудрику и говорилъ о распространяемомъ въ Европѣ слухѣ, будто Шведскій король заключилъ съ Портою договоръ, по которому, за большую сумму денегъ, обязался сдѣлать диверсію противъ Россіи; Шеферъ клялся, что этотъ слухъ выдуманъ врагами Швеціи; что не только нѣтъ никакого договора, напротивъ,—шведскому министру при Портѣ, Целзангу, предписано не препятствовать никоимъ образомъ заключенію мира между Россіею и Турціею. „Это увѣреніе Шефера", писалъ Остерманъ Панину, „могло бы имѣть еще нѣкоторый видъ истины, если бы онъ такъ безстыдно не увѣрялъ о своихъ предписаніяхъ Целзангу". Остерманъ былъ увѣренъ, что турецкія деньги придутъ въ Стокгольмъ, какъ бы онѣ ни были прикрыты трактатомъ или французскимъ плащемъ. Послѣ всѣхъ этихъ событій Шеферъ прислалъ просить свиданія у Остермана, и началъ такой разговоръ именемъ королевскимъ: „Вамъ извѣстны неоднократно данныя его величествомъ увѣренія объ искреннѣйшемъ желаніи и непоколебимомъ намѣреніи сохранить доброе согласіе съ императрицею. Король, имѣя и теперь то же самое пламенное желаніе, приказалъ мнѣ подтвердить вамъ о немъ съ присовокупленіемъ, что онъ до сихъ поръ полагался на подобныя же увѣренія и съ ея стороны, несмотря на извѣстіе о русскихъ вооруженіяхъ въ Финляндіи; теперь же, получа подтвержденіе этихъ извѣстій,—о сборѣ 18,000 человѣкъ, о вооруженіи 75 галеръ и цѣлой эскадры, не можетъ скрыть, какъ бы эти извѣстія его обезпокоили, если-бъ онъ не вполнѣ полагался на дружбу ея величества, основанную на родствѣ. Между тѣмъ, онъ принялъ и съ своей стороны нѣкоторыя мѣры предосторожности, но приказалъ мнѣ повторить увѣреніе, что эти мѣры приняты только для обороны, а никакъ не для наступленія; и какъ скоро онъ изъ вашихъ устъ узнаетъ, что ея величество ничего противъ него предпринять не намѣрена, то сейчасъ же всякія вооруженія прекратятся". — „Этотъ поступокъ Шефера", писалъ Остерманъ, „происходитъ оттого, что онъ со своею шайкою пронюхалъ нерасположеніе народа къ войнѣ и старается теперь по-добру выйти изъ этого лабиринта для успокоенія націи, почему такъ сильно и домогается объ отвѣтѣ съ нашей стороны, чтобъ, въ случаѣ благопріятнаго отвѣта, пресѣчь всѣ движенія, въ противномъ случаѣ—продолжать ихъ усиленно, даже собрать и чрезвычайный сеймъ".

Въ Петербургѣ составленъ былъ такой отвѣтъ Остерману для передачи Шеферу по поводу послѣдней конференціи: „Съ тѣхъ поръ какъ король

вступилъ на престолъ, ея импер. в—ство постоянно увѣряла его въ своей искренней дружбѣ къ нему, какъ близкому родственнику, въ участіи, какое она принимаетъ въ его благополучіи, въ довѣріи, какое она питаетъ къ его желанію установить совершенное согласіе между двумя державами. Одушевляемая такими чувствами, императрица съ новымъ довѣріемъ и съ новымъ удовольствіемъ приняла послѣднія увѣренія короля. Ея импер. в—ство презираетъ тайные пути; во все свое царствованіе она вела свои дѣла на виду предъ всею Европою: тѣмъ менѣе она могла измѣнить свое поведеніе относительно государя, находящагося съ нею въ такомъ близкомъ родствѣ; по этому неизмѣнному правилу своей политики, она приказываетъ вамъ (Остерману) увѣрить, что во всемъ, что̀ дѣлалось и дѣлается въ ея государствѣ, не заключается ни малѣйшаго намѣренія къ нападенію на Швецію. Первый шагъ къ перемѣнѣ существовавшаго порядка дѣлъ на Сѣверѣ сдѣланъ не ею. Ея война съ Турціею уже приближалась къ окончанію, когда Швеція получила новую правительственную форму. Отъ этой перемѣны и воинственныхъ движеній, непосредственно за нею послѣдовавшихъ и продолжающихся безъ перерыва до сего дня, врагъ Россіи ободрился и мирные переговоры встрѣтили препятствія, какихъ не было вначалѣ. Императрица естественно должна была обратить вниманіе на то, что дѣлалось въ Швеціи;— а тамъ велись усиленныя приготовленія къ войнѣ. Въ Россіи же, наоборотъ, на сѣверныхъ границахъ постепенно являются войска, которыя и прежде тамъ были, но въ послѣднее время были отправлены на югъ, вслѣдствіе неожиданнаго объявленія Турками войны; то же дѣлается и относительно морскихъ силъ, и этимъ ограничиваются всѣ военныя распоряженія. Сѣверныя границы были обнажены отъ войска вслѣдствіе минутной необходимости; ихъ вовсе не хотѣли оставить обнаженными, и онѣ не должны были оставаться такими на основаніи перемѣны, происшедшей въ сосѣдствѣ. Императрица объявляетъ, что она не думала и не думаетъ ни о чемъ другомъ, кромѣ естественной защиты своего государства и своего союзника, короля Датскаго; и если Шведскій король дастъ торжественныя увѣренія, что онъ не желаетъ напасть на Россію, ни обезпокоить ее какимъ бы то ни было образомъ, и если эти увѣренія простираются и на Данію, то императрица, съ своей стороны, увѣряетъ короля, что она не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія напасть на него, и желаетъ сохранить миръ и дружбу между обоими государствами. Что же касается до предложенія о болѣе тѣсномъ союзѣ между Россіею и Швеціею, сдѣланнаго шведскимъ посланникомъ при Русскомъ Дворѣ, барономъ Риббингомъ, то это дѣло откладывается до болѣе спокойнаго времени, могущаго уничтожить возможность всякихъ перетолковываній".

Когда Остерманъ прочелъ этотъ отвѣтъ Шеферу, тотъ сказалъ, что лучшаго увѣренія и желать нельзя, и хотя можно было бы сдѣлать много замѣчаній относительно шведскихъ вооруженій, упоминаемыхъ въ отвѣтѣ, но онъ считаетъ болѣе приличнымъ ихъ оставить. Въ ноябрѣ самъ король наединѣ сказалъ Остерману, что единственное его желаніе удостовѣрить императрицу въ искренности своей дружбы, и, для отнятія всякаго повода къ сомнѣнію въ этомъ, онъ объявляетъ свое намѣреніе въ началѣ іюня мѣсяца будущаго года ѣхать въ Финляндію. Нынѣшній годъ онъ отложилъ эту поѣздку единственно для избѣжанія разныхъ толковъ о ея цѣли, а теперь частнымъ образомъ открываетъ свое намѣреніе по случаю этой поѣздки посѣтить императрицу, и потому спрашиваетъ, получилъ ли Остерманъ отвѣтъ на его прежній вопросъ по этому дѣлу. Остерманъ отвѣчалъ, что король, конечно, припомнитъ, какъ онъ, посолъ, именемъ императрицы, увѣрялъ его, съ какимъ удовольствіемъ она увидитъ у себя такого дорогого гостя и кровнаго родственника. „Правда", сказалъ Густавъ; „но такъ какъ послѣ того произошли здѣсь разныя приключенія, то нѣтъ возможности формально повторить прежнее предложеніе, и потому мнѣ было бы очень пріятно, если бы вы сообщили отвѣтъ ея и. в—ства моему министерству; и я жажду видѣть такую великую, прославляемую во всѣмъ свѣтѣ, монархиню и увѣрить ее лично въ моемъ высокопочитаніи и миролюбивыхъ чувствахъ, а потому и желаю получить отъ ея в—ства приглашеніе". Екатерина велѣла Остерману отвѣчать, что она попрежнему питаетъ искреннее желаніе лично познакомиться съ королемъ, своимъ сосѣдомъ и близкимъ родственникомъ. Панинъ по этому случаю писалъ Остерману: „Пріѣздъ его величества былъ бы намъ, конечно, пріятнѣе въ то время, когда у насъ миръ съ Турками заключенъ уже будетъ, нежели при настоящихъ нашихъ хлопотахъ; однакожъ, когда онъ нынѣ вторичное оказалъ желаніе посѣтить государыню, то и не позволяетъ намъ благопристойность препятствовать тутъ исполненію его намѣренія" [1]).

Мы видѣли, что императрица, по отношенію къ Швеціи, нисколько не отдѣляла себя отъ своего союзника, Датскаго короля. Въ самый первый день 1773 года новый русскій министръ въ Копенгагенѣ, Симолинъ, самыми блестящими красками (хотя и неблестящимъ Французскимъ языкомъ) описывалъ отношенія Россіи къ Даніи. „Съ знаніемъ дѣла смѣю увѣрить в. с—ство (писалъ онъ Панину) въ искренности и ненарушимости чувствъ всей королевской фамиліи и министерства относительно императрицы, ея системы и ея интересовъ, отъ которыхъ они рѣшились никогда не отдѣляться, ибо цѣлость и благосостояніе Даніи неразлучны съ интересами Россійской имперіи. Отъ нашего Двора зависитъ располагать Даніею и всѣми ея силами соотвѣтственно нашимъ видамъ и инте-

[1]) Дѣла Шведскія 1773 года.

ресамъ. Члены королевской фамиліи смотрятъ на Францію какъ на животное (les personnes royales regardent la France comme la bête), и я не упускаю случая укрѣплять такой взглядъ во всѣхъ министрахъ. В. с—ство видите, какъ настоящее время благопріятно для основанія и утвержденія русскаго вліянія на Сѣверѣ, для исключенія отсюда французскаго вліянія. Здѣсь ждутъ только заявленія воли и желаній ея и. в—ства, чтобъ вполнѣ съ ними сообразоваться и доказать, что приверженность Даніи къ ней не имѣетъ границъ". Но скоро оказались тѣни въ этой блестящей картинѣ. 16-го февраля Симолинъ писалъ уже о колебаніяхъ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Остена, о его противодѣйствіи вооруженіямъ, которыя Датскій Дворъ принималъ какъ для безопасности собственныхъ границъ, такъ и для выполненія союзныхъ обязательствъ относительно Россіи на случай, если-бъ Шведскій король сдѣлалъ демонстрацію или диверсію противъ Россіи, чтобъ побудить Порту къ продолженію войны. Въ совѣтѣ, гдѣ дѣло шло о назначеніи офицеровъ на эскадру, вооружавшуюся къ будущей веснѣ, Остенъ не ограничился открытымъ сопротивленіемъ мѣрѣ, но выбралъ потайные пути для достиженія своей цѣли и даже внушалъ особамъ королевскаго Дома, что успѣхъ въ окончательномъ улаженіи Голштинскаго дѣла еще не вѣренъ. Эта послѣдняя попытка окончательно повредила Остену въ глазахъ королевы и принца Фридриха, и имъ стало противно сноситься съ нимъ о дѣлахъ. Опасно было предоставить такому человѣку конференцію съ иностранными министрами и внѣшнюю переписку; трудно было предположить, что его разговоры съ французскимъ посланникомъ, продолжающіеся по цѣлымъ часамъ, ведутся только о предметахъ посторонныхъ, о дождѣ и хорошей погодѣ, какъ онъ утверждалъ. Уже нѣсколько времени Симолинъ замѣчалъ въ Остенѣ какое-то смущеніе въ разговорахъ съ нимъ, особенно желаніе избѣгать съ нимъ разговора или прекращать начавшуюся бесѣду, когда посланники французскій и шведскій могли наблюдать за ними. Члены королевскаго Дома чувствовали необходимость его удаленія; но кѣмъ замѣнить? Послали за совѣтомъ въ Петербургъ къ графу Панину, но, прежде чѣмъ пришелъ отвѣтъ, подозрѣнія противъ Остена усилилась. Прусскій посланникъ, боронъ Арнимъ, объявилъ Остену, что вслѣдствіе разнесшагося въ Копенгагенѣ слуха, будто Прусскій король смотритъ неравнодушно на датскія вооруженія, онъ, Арнимъ, писалъ объ этомъ своему государю и получилъ въ отвѣтъ, что датскія вооруженія не причиняютъ ему ни малѣйшаго безпокойства, и что онъ можетъ только одобрять мѣры предосторожности, принимаемыя Копенгагенскимъ Дворомъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Принцъ Фридрихъ и другіе, которымъ было извѣстно объ этомъ отвѣтѣ Фридриха II, думали, что Остенъ непремѣнно объявитъ о немъ въ совѣтѣ; но министръ иностранныхъ дѣлъ промолчалъ о такомъ важномъ сообщеніи. Кромѣ того, пришло донесеніе датскаго посланника въ Вѣнѣ объ отзывѣ французскаго посла тамъ, принца Рогана: „Франція и Швеція", сказалъ Роганъ, „покойны насчетъ расположенія Копенгагенскаго Двора, потому что въ Даніи скоро произойдетъ перемѣна министерства, выгодная для системы обоихъ этихъ государствъ". Наконецъ открылось, что Остенъ держитъ при Дворѣ шпіономъ камеръ-юнкера Триберга, который въ то же время находился въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ французскимъ посланникомъ, маркизомъ Блосвтомъ. Тогда рѣшили отдѣлаться отъ Остена, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга, и временно поручить иностранныя дѣла тайному совѣтнику Шаку. Когда дано было объ этомъ знать Симолину, тотъ отвѣчалъ, что полагается вполнѣ на благоразуміе и принципательность принца Фридриха, тѣмъ болѣе-что Шакъ давно уже пользуется расположеніемъ Русскаго Двора. Потомъ, извѣщая о послѣдовавшей уже отставкѣ Остена, Симолинъ писалъ, что надобно окончить Голштинское дѣло, ибо этимъ окончаніемъ Россія завоевывала цѣлое королевство, котораго силы и средства будутъ навсегда въ ея распоряженіи. Спѣшить окончаніемъ Голштинскаго дѣла нужно было уже и потому, что Франція распускала слухи, будто великій князь Павелъ Петровичъ никогда не утвердитъ договора, лишавшаго его отцовскаго владѣнія.

Королева и принцъ Фридрихъ выразили Симолину, какъ имъ прискорбно, что Шакъ отказывается отъ департамента иностранныхъ дѣлъ, тогда какъ это единственный человѣкъ, способный занимать это мѣсто. Симолинъ предложилъ имъ помедлить королевскимъ назначеніемъ другого лица, а тѣмъ временемъ быть можетъ Шакъ привыкнетъ къ своей должности; бѣда въ томъ, что прошлый годъ Шакъ, для успокоенія Остена, объявилъ ему, что никогда не приметъ его мѣста; противъ этого, впрочемъ, можно найти средство, именно—оставить Шака навсегда ad interim, не называя министромъ иностранныхъ дѣлъ. Королева и принцъ обѣщали не торопиться. Симолину, какъ видно, очень хотѣлось, чтобъ Голштинское дѣло кончено было при немъ, при его содѣйствіи: онъ вторично написалъ Панину, что только одно Голштинское дѣло можетъ принудить Шака оставить за собою иностранный департаментъ: если онъ увидитъ, что можетъ кончить его и заслужить этимъ признательность цѣлаго народа, то можетъ уступить настояніямъ Двора и друзей своихъ.

Шакъ не тронулся никакими увѣщаніями, и выбранъ былъ въ министры иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ, племянникъ покойнаго министра того же имени; рекомендаціей служило то, что Бернсторфъ былъ воспитанъ во враждѣ къ Франціи, въ добромъ расположеніи къ Россіи, былъ другомъ Шака, который попрежнему оставался душою королевскаго совѣта. При первомъ свиданіи съ Симолинымъ новый министръ заявилъ о своей несо-

крушимой приверженности къ системѣ Русскаго союза, говоря, что онъ воспитанъ въ принципахъ этой системы, и все его честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлать узы, соединяющія Данію съ Россіею, нерасторжимыми. 31-го мая пріѣхалъ къ Симолину Шакъ съ радостною вѣстью, что договоръ о промѣнѣ Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ подписанъ въ Петербургѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Симолинъ сообщалъ Панину извѣстіе, что шведскій министръ въ Копенгагенѣ предложилъ вдовствующей королевѣ тѣсный союзъ между Швеціею и Даніею. Королева отвѣчала, что дѣло возможное, если Швеція въ то же время склонитъ къ этому союзу и Петербургскій Дворъ, безъ котораго Данія не можетъ принимать подобныхъ предложеній. Шведъ возразилъ, что это совершенно невозможно, потому что Россія слишкомъ отдаленна. „Однако", замѣтила королева, „Россія — сосѣдка Швеціи и, по своему положенію, могуществу и вліянію, способна принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ Европы, особенно Сѣверной". Этимъ разговоръ и кончился [1]).

Но поведеніе Остена, хотя и кончившееся его низверженіемъ, произвело тревогу въ Петербургѣ: оно доказывало, что Франція вовсе не отказывалась отъ надежды привлечь Данію на свою сторону; но потерять союзъ Даніи при извѣстныхъ шведскихъ отношеніяхъ было тяжело для Россіи, и потому здѣсь попытались предложить союзъ Англіи съ прежнимъ условіемъ субсидій, но чтобъ эти субсидіи выплачивались теперь не Швеціи, а Даніи; сдѣлать это предложеніе считали тѣмъ болѣе нужнымъ, что приходили извѣстія о стараніяхъ Франціи сблизиться съ Англіею.

Изъ Лондона Мусинъ-Пушкинъ писалъ, что тамъ съ нѣкотораго времени въ публичныхъ мѣстахъ начались разсужденія о честолюбивыхъ замыслахъ Россіи, о робости Англіи, о склонности ея заключить тѣсный союзъ съ Франціею; о здравой политикѣ, правиламъ которой слѣдуетъ Пруссія. 20-го марта, въ разговорѣ съ лордомъ Суффолькомъ, Мусинъ-Пушкинъ спросилъ его, шутя: когда союзный договоръ ихъ съ Франціею будетъ подписанъ. Министръ, также шутя, отвѣчалъ, что это дѣло уже рѣшенное; но потомъ, принявъ серьезный видъ, сталъ обнадеживать Мусина-Пушкина самыми сильными увѣреніями, что немыслимое дѣло для Англіи забыть свое положеніе, когда-либо предпочесть Французскій союзъ Русскому, къ которому обязываютъ ее самые осязательные интересы; но, чтобъ составить рѣшительную систему, надобно имѣть полныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ желаніяхъ императрицы какъ по турецкимъ, такъ и по шведскимъ дѣламъ. Настоящее согласіе Англіи съ Франціею происходитъ единственно оттого, что нѣтъ ни малѣйшей причины къ какому-нибудь неудовольствію между ними; но это положеніе нисколько не уничтожаетъ основаній соперничества и недовѣрія, которыя останутся навсегда неодолимыми препятствіями къ союзу. Суффолькъ прибавилъ, что все это онъ говоритъ не отъ одного своего имени, а отъ имени короля и министерства. Но, по извѣстіямъ изъ Парижа и по собственнымъ наблюденіямъ, Мусинъ-Пушкинъ пришелъ къ мысли, что существуютъ какіе-то переговоры между Франціею и Англіею. Онъ сказалъ объ этомъ Суффольку, и тотъ, не подтверждая и не отрицая прямо сомнѣній русскаго министра, отвѣчалъ: „Неудивительно, если при настоящихъ критическихъ и ни мало не опредѣленныхъ обстоятельствахъ были бы какія-нибудь съ французской стороны предложенія Англійскому Двору; но я еще не смѣю о нихъ вамъ говорить. Благоразуміе требуетъ, чтобъ вы подождали выводить свои заключенія. Молчаніе графа Панина предъ нашимъ министромъ Гуннингомъ служитъ мнѣ доказательствомъ, что у васъ нѣтъ еще намѣренія начать новую войну; а Швеція сама никогда не посмѣетъ подать къ ней ни малѣйшаго повода, особенно когда Франція еще не въ состояніи подать ей дѣйствительной и безпрепятственной помощи, и когда Данія своими вооруженіями приготовилась немедленно напасть на Швецію".

Между тѣмъ, въ мартѣ мѣсяцѣ Панинъ, въ разговорѣ съ Гуннингомъ, упомянулъ о союзѣ, который прежде всего необходимъ для огражденія Даніи отъ французскихъ покушеній: если Англія согласится вступить въ обязательства съ Даніею, то союзъ ея съ Россіею будетъ необходимымъ слѣдствіемъ. Гуннингъ прямо отвѣчалъ ему, что не можетъ донести своему Двору объ этомъ предложеніи, ибо здѣсь имя Даніи стоитъ вмѣсто имени Швеціи, тогда какъ англійское правительство объявило разъ навсегда, что никакому государству платить субсидій не будетъ. Панинъ спросилъ: неужели не должно обращать вниманія на великую перемѣну въ положеніи Европы, происшедшую уже послѣ того, какъ требовались субсидіи для Швеціи, и неужели не должно обращать вниманія на то, что въ Швеціи своими субсидіями Англія пріобрѣтала для себя только одну партію, тогда какъ теперь она будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи весь датскій флотъ. По мнѣнію Панина, всеобщая война была недалека, если не будутъ приняты мѣры предотвратить ее, причемъ прежде всего надобно отдѣлить Данію отъ Швеціи, которая одна будетъ для Франціи только слабою союзницей, и когда будетъ заключенъ союзъ между Россіею и Англіею, то обоимъ государствамъ нечего будетъ болѣе бояться интригъ Франціи.—Гуннингъ, „изъ уваженія къ Панину", донесъ о его словахъ своему министерству, которое, опять только „изъ личнаго уваженія къ Панину" отвѣчало, впрочемъ, вовсе не уважительно, а сухо и рѣзко, что русское предложеніе противорѣчитъ англійскому плану, англійскимъ рѣшеніямъ, много разъ объявленнымъ, и потому не можетъ быть никогда принято. Принять его—это значило бы уступить главную роль тѣмъ,

[1]) Дѣла Датскія 1773 года.

которые, при заключеніи союза между Россіею и Англіею, должны были бы по необходимости за ними послѣдовать.

Въ маѣ сама императрица рѣшилась говорить съ Гуннингомъ о союзѣ на томъ же основаніи, т. е. чтобъ прежде Англія заключила субсидный договоръ съ Даніею. Быть можетъ, подозрѣніе, что Панинъ, въ угоду Прусскому королю, враждебному Англіи, ведетъ дѣло не съ должною настойчивостью, заставило Екатерину сдѣлать этотъ шагъ, не совсѣмъ согласный съ представленіями ея о достоинствѣ Русской государыни. „Посмотримъ, нельзя ли намъ окончить наши скучныя переговоры о союзѣ“, сказала она Гуннингу. Тотъ отвѣчалъ, что дѣло трудное.—„Какъ же сдѣлать“? продолжала Екатерина: „Данія нуждается въ помощи, вашъ интересъ не менѣе моего требуетъ оказать ей эту помощь; никакая система для Сѣвера не можетъ быть составлена безъ нея,—она представляетъ намъ случай оказать нашъ союзъ“. Гуннингъ отвѣчалъ, что англійское министерство непреклонно въ своемъ рѣшеніи не допускать никакого обязательства въ пользу Даніи, какъ условія союза съ Россіею; что этотъ союзъ разсматривается какъ основаніе великой системы, и надобно прежде всего положить это основаніе, а потомъ уже возводить на немъ дальнѣйшія постройки.— „Не вижу“, возразила Екатерина, „почему мы не можемъ сдѣлать этихъ двухъ дѣлъ вмѣстѣ или посредствомъ секретной и отдѣльной статьи, или въ двухъ разныхъ договорахъ“. Посланникъ отвѣчалъ, что прежде что-то подобное предлагалось относительно шведской субсидіи, и было отвергнуто въ Англіи. — „Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же договоръ“, сказала Екатерина: „развѣ въ немъ не будетъ никакихъ условій? изъ чего же онъ будетъ состоять?“—„Подобно всѣмъ оборонительнымъ договорамъ, онъ будетъ опредѣлять взаимную помощь“, отвѣчалъ Гуннингъ.—„Въ чемъ же я найду эту взаимность“? спросила Екатерина: „вы, вслѣдствіе сложности своихъ интересовъ, торговыхъ и политическихъ, безконечно болѣе меня подвержены спорамъ и разрывамъ съ разными державами; у меня только одинъ врагъ—Турки, а вы отказываетесь включить ихъ въ случаѣ союза“.—„По моему мнѣнію“, отвѣчалъ Гуннингъ, „Россія имѣетъ столько же враговъ, какъ Великобританія, и хотя наши враги сильны, однако, по нашему положенію, при нападеніи ихъ, мы не очень боимся стать въ тягость нашимъ союзникамъ“.—На это Екатерина сказала: „Что же хорошаго можетъ выйти изъ договора такого общаго свойства; какая польза будетъ мнѣ отъ него?“ На этотъ вопросъ Гуннингъ отвѣчалъ вопросомъ, полагаетъ ли императрица, что союзный договоръ Россіи съ Англіею не произведетъ никакого впечатлѣнія на большинство европейскихъ Кабинетовъ, не сохранитъ мира на Балтійскомъ морѣ, и неужели послѣднее обстоятельство не важно для владѣній ея величества. Екатерина кончила разговоръ словами: „Я нахожу, что дѣла представляются въ Лондонѣ иначе, чѣмъ здѣсь; ни Россія, ни Англія не можетъ однако оставаться долго въ подобномъ положеніи“. Но въ Англіи рѣшили, что лучше остаться въ этомъ положеніи, и отвѣчали, что субсидія Даніи не можетъ служить основаніемъ союзнаго договора съ Россіею; кромѣ того, Гуннингу дано было знать, что въ договоръ не можетъ быть внесена гарантія захваченнаго въ Польшѣ (usurpations in Poland) и, попрежнему, нападеніе на Россію со стороны Турціи не составляетъ случая союза [1]).

Было ясно, что безопасность на Сѣверѣ зависѣла исключительно отъ хода дѣлъ на Югѣ, зависѣла отъ успѣховъ Румянцева въ 1774 году.

Мы видѣли, что въ самомъ концѣ 1773 года, Екатерина велѣла написать Румянцеву рескриптъ, чтобъ онъ, по взятіи Варны и разбитіи визиря, не останавливался передъ Балканами, а шелъ далѣе для завоеванія мира. Миръ былъ необходимъ, ибо на Востокѣ надобно было тушить Пугачевскій пожаръ. Когда, въ январѣ 1774 года, Штакельбергъ изъ Варшавы переслалъ константинопольское письмо, гдѣ говорилось объ ожиданіи смерти султана, то Екатерина написала Панину: „Почитаю послѣднія чрезъ Штакельберга изъ Царя-града здѣсь приложенныя извѣстія такой важности, что мое мнѣніе есть, чтобъ оныя немедленно сообщены были къ графу Румянцеву съ такимъ предписаньемъ, чтобъ онъ по всевозможности старался сей пунктъ времени сдѣлать полезнымъ, что по моему разсужденію быть можетъ, если онъ не видомъ, но самымъ дѣломъ приступитъ къ завоеванію Силистріи и Варны, а по завоеваніи, чего Боже дай, визирю предложитъ о трактованіи мира, уполномочивая графа Румянцева къ трактованію онаго, въ какой силѣ желаю я, чтобъ вы заготовить велѣли къ фельдмаршалу рескриптъ къ моему подписанію, не теряя времени, ибо потерянный подобный случай не возвращается“.

Штакельбергово извѣстіе оказалось справедливымъ: султанъ Мустафа умеръ, а мѣсто его занялъ братъ его Абдулъ-Гамидъ. Къ Румянцеву изъ Петербурга отправленъ рескриптъ: „Такъ какъ по прежнимъ примѣрамъ можно думать, что такая важная перемѣна произведетъ какое-нибудь волненіе въ сералѣ и потому нѣкоторое разстройство въ общихъ политическихъ и военныхъ мѣрахъ Порты, то благоразумная прозорливость требуетъ отъ насъ поставить себя какъ можно скорѣе въ готовность воспользоваться наилучшимъ образомъ могущею быть оплошностью непріятеля вслѣдствіе перемѣны правленія. Отъ избытка желанія нашего содѣйствовать всѣми мѣрами истинной пользѣ имперіи, т. е. скорѣйшему доставленію ей драгоцѣннаго мира, препоручаемъ вамъ устроить по возможности заблаговременно и безъ всякой, конечно, огласки достаточный корпусъ войскъ такимъ образомъ, чтобъ

[1]) Дѣла Англійскія 1773 года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 338—395.

онъ, по первому вашему приказу, могъ немедленно перенестись на противоположный берегъ Дуная и ударить вдругъ или порознь на Силистрію и Варну въ такомъ случаѣ, если-бъ между непріятельскими войсками начали являться оплошность и разстройство вслѣдствіе перемѣны правительства. Наше соизволеніе есть, какъ только оба эти города, если и одинъ изъ нихъ, захвачены будутъ нашими войсками,—вы, пользуясь ужасомъ непріятеля, должны предложить визирю отъ себя возобновленіе мирныхъ переговоровъ, но съ тѣмъ, чтобъ эти переговоры велись, для сокращенія времени и отстраненія всякихъ затрудненій, между вами обоими, какъ главными военными начальниками".

Пришло извѣстіе, что новый султанъ передалъ всѣ дѣла въ полное завѣдываніе великаго визиря, Муссинъ-Заде, и въ то же время получены были изъ Вѣны и Берлина обнадеживанія, что Зегелинъ и Тугутъ единодушно, оставя всякую между собою личную зависть, будутъ стараться, чтобъ заключеніе мира было передано визирю, ибо къ извѣстному миролюбію послѣдняго должно будетъ присоединиться желаніе быть въ Константинополѣ для предупрежденія серальскихъ интригъ. Екатерина писала Панину: „Постскриптъ кн. Кауница, который вамъ прочелъ кн. Лобковичъ, кажется, такъ сочиненъ, что онъ долженъ у насъ отнять всякое сумнѣніе о двоякости Вѣнскаго Двора. Мнѣ пришло на мысли воспользоваться вступленіемъ новаго султана: съ нимъ не настоятъ всѣ тѣ опасенія въ разсужденіи гордости и другихъ его собственныхъ обстоятельствъ и чувствованій, коихъ мы опасаться имѣли въ умершемъ, и для того я думаю, чтобъ вы снова кн. Кауница просили, чтобъ онъ готовность нашу къ поспѣшенію мира предъявлялъ Туркамъ всякій разъ, что они къ трактованію онаго охоту имѣть будутъ, и что для того къ фельдмаршалу снова нынѣ отправлены какъ рескриптъ, такъ и полномочіе".

При такомъ нетерпѣніи получить какъ можно скорѣе миръ, разумѣется, должны были смягчить его условія до послѣдней степени, и, въ засѣданіи Совѣта 10-го марта, въ присутствіи императрицы, гр. Панинъ предложилъ отказаться отъ Керчи и Еникале въ пользу Татаръ, ограничиться однимъ Кинбурномъ и свободнымъ плаваніемъ однихъ торговыхъ судовъ, которыя, въ случаѣ нужды, могутъ быть превращены въ военныя. Всѣ члены Совѣта согласились, кромѣ гр. Григорія Орлова. Екатерина отложила рѣшеніе вопроса. Въ слѣдующее засѣданіе (13-го марта) положили не вдругъ предъявлять Туркамъ эти условія, но спускаться къ нимъ постепенно, въ виду упорства Турокъ и „сущей государственной надобности скорѣйшаго возвращенія отечеству тишины и мира". Въ Петербургѣ много надѣялись на обѣщаніе Вѣнскаго Двора приказать Тугуту объявить Портѣ, что, видя упорство ея въ принятіи русскихъ условій, Вѣнскій Дворъ находитъ себя принужденнымъ возвратить Русскому Двору полученное отъ него слово относительно Молдавіи и Валахіи, судьбъ которыхъ будетъ теперь зависѣть единственно отъ хода войны. „Даруй Боже", писала императрица Румянцеву, „чтобы руки ваши, лаврами увѣнчанныя, равномѣрно увѣнчались и вѣтвіями мира. Когда дѣло, при помощи Божіей, дойдетъ у васъ до дѣйствительнаго трактованія съ верховнымъ визиремъ, тогда откроется сама по себѣ дорога, которою, примѣняясь къ его мыслямъ и желаніямъ, надобно будетъ начать негоціацію. Мы мнимъ однакожъ, что короче всего будетъ пойтить съ пункта, гдѣ Бухарестскій конгрессъ остановился, утвердя напередъ всѣ тѣ статьи, кои на оном или дѣйствительно уже подписаны, или, по крайней мѣрѣ, въ существѣ своемъ одержаны были объявленнымъ согласіемъ рейсъ-эффенди. Вся трудность замиренія стала только на двухъ пунктахъ: на уступкѣ Россіи Керчи и Еникале съ ихъ уѣздами, да на свободѣ всякаго корабленлаванія по Черному морю. Познавъ довольно, что турецкое сопротивленіе въ этихъ обоихъ пунктахъ непреодолимо, ибо Порта считаетъ ихъ крайне опасными для самаго бытія своего, рѣшились уже мы, для возвращенія отечеству драгоцѣннаго покоя, снизойти на ограниченіе корабленлаванія по Черному морю и на оставленіе Татарамъ Керчи и Еникале, если Порта согласится, признавъ ихъ вольность и независимость, отдать имъ въ полное владѣніе всѣ крѣпости въ Крыму, на Тамани и на Кубани со всею землею отъ рѣки Буга по рѣку Днѣстръ, и если уступитъ намъ городъ Очаковъ, да замокъ Кинбурнскій съ окрестностями и степями по Бугъ рѣку. Въ случаѣ нужды, можете требовать только разоренія Очакова, а въ случаѣ крайней необходимости — оставить Туркамъ Очаковъ, а себѣ взять одинъ Кинбурнъ съ округомъ по Бугъ рѣку; плаваніе по Черному морю выговорить одно торговое".

Визирь, жившій въ Шумлѣ, прислалъ за Дунай своего чиновника съ письмомъ къ пашамъ, которые находились въ плѣну у Русскихъ. Румянцевъ съ отвѣтными письмами пашей отправилъ Турка назадъ въ Шумлу и съ нимъ своего офицера. Послѣдній возвратился опять съ тѣмъ же турецкимъ чиновникомъ, который на этотъ разъ привезъ письма къ фельдмаршалу отъ визиря и рейсъ-эффенди съ приглашеніемъ возобновить мирные переговоры. Началась переписка между главнокомандующими объ условіяхъ мира, причемъ немедленно оказалось, что Туркамъ внушено было о затруднительномъ положеніи Россіи, которая должна согласиться на все. Визирь уступалъ одинъ Азовъ, не хотѣлъ слышать объ уступкѣ Очакова или Кинбурна; соглашался на плаваніе русскихъ торговыхъ судовъ по Черному и Мраморному морямъ, но конструкція и размѣры судовъ должны быть въ точности опредѣлены (чтобъ они не могли быть обращены въ военныя). О Крымѣ говорилъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, нисколько не соотвѣтствовавшихъ русскимъ требованіямъ: Татары будутъ пользоваться свободою, согласно предписа-

ніямъ магометанскаго закона; но это ровно ничего не значило.

Панинъ по этому поводу писалъ Румянцеву длинное письмо: „Съ Бухарестскаго конгресса примѣчаю уже я, что Порта, говоря о вольности Татаръ, во всѣхъ своихъ отзывахъ нечувствительно уклоняется присовокуплять къ слову вольность слово независимость. Долгъ общаго нашего бдѣнія взыскиваетъ напротивъ не дать ей воспользоваться сею хитрою ухваткою варварской ея политики; почему я ваше сіятельство симъ прилежнѣйше прошу, какъ во всѣхъ вашихъ во время негоціаціи отзывахъ неразлучно вездѣ соединять оба слова вольности и независимости, такъ и при сочиненіи и подписаніи самого мирнаго трактата неопустительно предостеречь, дабы оные вмѣстѣ оглавлены, и Татары именно и точно признаны были областію въ политическомъ и гражданскомъ состояніи никому, кромѣ единаго Бога, не подвластны". Въ Петербургѣ безпокоились насчетъ медленности переговоровъ; подозрѣвали, что визирь нарочно хочетъ протянуть ихъ, чтобъ истомить наше терпѣніе и выторговать для Порты лучшія условія, или воспользоваться случаемъ для испытанія военнаго счастія, кромѣ того, выждать благопріятной перемѣны обстоятельствъ. Въ этомъ безпокойствѣ Панинъ писалъ Румянцеву, что „отечеству нашему миръ весьма нуженъ, и что мы потому онаго съ алчностью желать и добиваться должны", и потому требовалъ, чтобъ Румянцевъ изъяснилъ визирю, какъ ошибается онъ и всѣ министры Порты, если вѣрятъ навѣтамъ завистниковъ мира, будто въ Россіи государственныя средства истощены вконецъ и она не въ состояніи продолжать войну съ прежними успѣхами. Но если бы и въ самомъ дѣлѣ средства ея истощились, то Румянцевъ имѣетъ способъ, котораго у него не можетъ отнять никакая сила и никакая перемѣна европейскихъ обстоятельствъ въ пользу Порты: этотъ способъ состоитъ въ томъ, чтобъ превратить войну изъ наступательной въ оборонительную; но прежде всѣ занятыя турецкія крѣпости разорить до основанія, города и селенія опустошить вконецъ, а жителей всѣхъ съ имуществомъ ихъ отвести въ Россію, гдѣ еще много пустыхъ и къ жизни удобныхъ мѣстъ; такое переселеніе жителей Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи будетъ для Россіи достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ понесенные убытки, а для Порты— самымъ чувствительнымъ ударомъ, отъ котораго она не оправится.

Но мы видѣли, что Румянцевъ нисколько не сочувствовалъ этимъ ассирійско-вавилонскимъ средствамъ; для принужденія Турокъ къ миру у него оставалось средство, болѣе приличное для побѣдителя при Ларгѣ и Кагулѣ: это средство было—сильное движеніе впередъ, не останавливаясь и предъ Балканами. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ корпусъ генералъ-поручика Каменскаго перешелъ Дунай и въ маѣ стоялъ у Карасу; съ нимъ въ связи находился корпусъ Суворова, перешедшій Дунай у Гирсова. Каменскій и Суворовъ положили имѣть въ виду не Варну и Силистрію, а Шумлу,—мѣстопребываніе визиря. Разбивъ пятитысячный отрядъ Турокъ, Каменскій 2-го іюня занялъ Базарджикъ, и въ то же время самъ Румянцевъ съ главною арміею переправился черезъ Дунай у Гуробалъ, и двигался также по направленію къ Шумлѣ. Визирь выслалъ къ Базарджику на встрѣчу Каменскому до 40,000 войска; но оно было поражено при Козлуджи 9-го іюня: героемъ дня былъ Суворовъ. Послѣ этой побѣды Каменскій хотѣлъ-было остановиться, но Румянцевъ, зная, какъ въ Петербугѣ жаждутъ мира и ждутъ его только отъ наступательнаго движенія въ Болгарію, требовалъ, чтобъ Каменскій непремѣнно шелъ къ Шумлѣ. 17-го іюня Каменскій былъ уже въ 5 верстахъ отъ этой крѣпости, а бригадиръ Заборовскій перебрался уже за Балканы и тамъ билъ Турокъ. Визирь прислалъ съ предложеніемъ перемирія; Румянцевъ велѣлъ отвѣчать, что онъ объ этомъ и слышать не хочетъ; визирь предложилъ возобновить конгрессъ,—Румянцевъ и на это не согласился: тогда визирь отправилъ въ главный станъ арміи двоихъ уполномоченныхъ. Узнавъ объ этомъ, главнокомандующій перешелъ съ двумя пѣхотными полками и пятью эскадронами кавалеріи въ деревню Кучукъ-Кайнарджи, показывая видъ, что идетъ для соединенія съ корпусомъ Каменскаго подъ Шумлу. Турецкіе уполномоченные пріѣхали въ Кучукъ-Кайнарджи 4-го іюля и просили, чтобъ поскорѣе приступить къ переговорамъ; но чѣмъ больше они просили, тѣмъ сильнѣе отговаривался Румянцевъ, представляя, что онъ на дорогѣ къ Шумлѣ и не можетъ останавливаться. Это заставило Турокъ быть сговорчивыми, когда фельдмаршалъ позволилъ, наконецъ, начать переговоры, назначивъ для ихъ веденія князя Ник. Вас. Репнина, потому что Обрѣзковъ не могъ поспѣть вслѣдствіе разлива водъ на лѣвомъ берегу Дуная. 10-го іюля мирный договоръ былъ заключенъ и подписанъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Всѣмъ Татарамъ быть вольными и ни отъ кого, кромѣ Бога, независимыми въ своихъ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, а въ духовныхъ—сообразоваться имъ съ правилами магометанскаго закона, безъ малѣйшаго однако предосужденія ихъ вольности и независимости. Всѣ земли и всѣ крѣпости въ Крыму на Кубани и на островѣ Тамани отдаются Татарамъ, кромѣ Керчи и Еникале, которыя уступаются Россіи. 2) Россіи уступается также замокъ Кинбурнъ съ его округомъ и всею степью между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ; а Порта удерживаетъ Очаковъ, Молдавію, Валахію и Архипелажскіе острова на выгодныхъ для жителей условіяхъ. 3) Торговля и мореплаваніе купеческимъ кораблямъ дозволяется на всѣхъ водахъ, равно какъ плаваніе изъ Чернаго моря въ Бѣлое (Мраморное) и обратно, и въ этомъ отношеніи русскіе подданные пользуются преимуществами, предоставленными подданнымъ Франціи и Англіи. 4) Порта обязалась заплатить

Россіи за военныя издержки 4,500.000 рублей. Самъ кн. Репнинъ повезъ въ Петербургъ извѣстіе о веденныхъ имъ переговорахъ и результатахъ ихъ.

Въ рескриптѣ Румянцеву, отправленномъ по полученіи извѣстія о мирѣ, высказалась вся радость, возбужденная этимъ событіемъ. Радость была тѣмъ сильнѣе, что потеряли надежду получить такой выгодный миръ. „Возвѣщая миръ, рукъ вашихъ твореніе, возвѣстили вы намъ въ то же время чрезъ оный и знаменитѣйшую услугу вашу предъ нами и отечествомъ", писала Екатерина Румянцеву. „Мы объявляемъ ее во всемъ пространствѣ тѣхъ трудовъ и подвиговъ, коими вы чрезъ все время войны ополчаться долженствовали къ преломленію силъ и высокомѣрія непріятеля, обыкшаго донынѣ въ счастливыхъ своихъ войнахъ предписывать другимъ законы жестокіе. Мѣра благоволенія нашего къ вамъ и къ службѣ вашей стала теперь преисполнена, и мы, конечно, не упустимъ никогда изъ вниманія нашего, что вамъ одолжена Россія за миръ славный и выгодный, каковаго, по извѣстному упорству Порты Оттоманской, конечно, никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ съ разсудительною вѣроятностію. Самая зависть не можетъ оспорить сей истины, ибо, съ одной стороны, Турки, лишившись Крыма и всѣхъ татарскихъ ордъ, лишились на будущее время значительнаго числа войскъ, тѣмъ болѣе полезныхъ, что содержаніе ихъ Портѣ ничего не стоило, а уступка намъ трехъ пристаней на Черномъ морѣ дастъ намъ способъ вредить Портѣ въ самыхъ для нея чувствительныхъ мѣстахъ, если-бъ она опять покусилась на войну съ нами вслѣдствіе постороннихъ происковъ".

Написанъ былъ уже рескриптъ и къ начальнику второй арміи съ приказаніемъ очищать постепенно Крымъ, оставивъ гарнизоны въ Керчи и Еникале, какъ вдругъ приходитъ отъ Долгорукаго извѣстіе, что въ Крымъ высадился съ войскомъ сераскиръ-паша Алибей, и ханъ Сагибъ-Гирей не только не оказалъ ему никакого сопротивленія, но и выдалъ ему русскаго резидента—Веселицкаго. Тогда написанъ былъ другой рескриптъ: „Не будучи мы еще отъ васъ въ подробности увѣдомлены и не зная потому, какимъ образомъ ханъ Крымскій могъ соединиться съ турецкими начальниками и осмѣлиться отдать имъ нашего резидента въ бытность вашу со всею предводительствуемою арміею посреди Крыма, слѣдовательно вблизости отъ хана и при настоячіи всѣхъ способовъ къ содержанію съ нимъ нужной связи и обсылки съ резидентомъ, мы находимся въ необходимости настоящее наше предписаніе составить главнѣйше изъ общихъ примѣчаній". Эти примѣчанія состояли въ томъ, что объ очищеніи Крыма русскими войсками теперь нечего и думать, можно начать вывозъ войскъ только тогда, когда Турки совсѣмъ оставятъ полуостровъ или по мѣрѣ ихъ выхода. Въ рескриптѣ говорилось такъ-же: „Мы давно уже отъ васъ и чрезъ другія достовѣрныя извѣстія были предупреждены о дурныхъ качествахъ и о малоспособности къ правленію настоящаго хана; но при томъ положеніи дѣлъ, въ какомъ мы въ разсужденіи Крыма и прочихъ Татарскихъ народовъ находимся, нѣтъ пристойныхъ способовъ къ его низложенію. какъ получившаго достоинства по праву происхожденія и по добровольному избранію всего общества. особенно въ то время, когда оно рѣшилось отложиться отъ власти турецкой; поэтому мы находимъ нужнымъ его и защищать, если-бъ съ турецкой стороны принято было намѣреніе низвергнуть его. Впрочемъ, какъ съ Турками, такъ и съ Татарами, дабы не подано было съ нашей стороны ни малѣйшихъ поводовъ ко враждѣ, надобно поступать съ такою разборчивостію, чтобъ всегда удаляться отъ первыхъ задоровъ". Но отъ Долгорукова получено было извѣстіе, что онъ войска свои изъ Крыма выводитъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просьба объ увольненіи его, по слабости здоровья, въ Москву и позволеніи сдать команду старшему генералъ-поручику. Все это было ему дозволено.

Между тѣмъ стали приходить и отъ Румянцева дурныя вѣсти. Для окончательнаго улаженія дѣла онъ отправилъ въ Константинополь полковника Петерсона, который далъ ему знать, что дѣло не улаживается, Диванъ требуетъ перемѣны нѣкоторыхъ условій мирнаго договора; о томъ же писалъ Румянцеву и прусскій посланникъ при Портѣ, Зегелинъ. Но какъ взглянулъ фельдмаршалъ на извѣстія послѣдняго, видно изъ любопытнаго письма его къ Петерсону (отъ 24-го октября): „Зегелинъ расхваливаетъ рейсъ-эффенди; выставляетъ его усерднымъ защитникомъ мира; но мы достовѣрно знаемъ, что онъ мира не хочетъ. Зегелинъ хочетъ насъ настращать готовностію Турокъ къ войнѣ; но въ предыдущемъ письмѣ самъ онъ описывалъ страшное истощеніе Порты, которая не можетъ поднять головы: и потому будьте съ нимъ осторожны и вывѣдывайте, не отъ него ли или отъ какихъ другихъ происковъ идетъ помѣха дѣлу. Легко станется, что и прусскій министръ, будучи лишенъ всякаго участія при заключеніи мира, старается теперь сдѣлаться нужнымъ. Если рейсъ-эффенди или кто другой станутъ время проволакивать или откажутся принять мирный договоръ слово-въ-слово, то дайте имъ почувствовать, что ихъ поступокъ остановитъ очищеніе Молдавіи и остающихся въ нашихъ рукахъ крѣпостей, гдѣ у насъ вся армія безъ малѣйшей убавки. Рейсъ-эффенди спрашивалъ васъ, на какомъ основаніи Австрійцы заняли своимъ войскомъ значительную часть Молдавіи. Я вамъ передаю слѣдующее, что вы должны содержать въ величайшей тайнѣ: необходимо внушить Портѣ объ истинныхъ взглядахъ Двора нашего на это дѣло. Откройте надежнѣйшій путь къ удостовѣренію Порты, что австрійское занятіе ея земель есть для насъ дѣло совсѣмъ постороннее, въ которомъ мы не имѣемъ и никогда не примемъ ни малѣйшаго

участія. Передайте это внушеніе словесно, а не письменно, самому великому визирю или довѣренной отъ него особѣ. Повторяю, что это должно сдѣлаться въ величайшей тайнѣ, ибо положеніе нашего Двора въ этомъ случаѣ очень деликатно, онъ не долженъ себя компрометтировать ни предъ Вѣнскимъ Дворомъ, ни предъ Портою. Даю вамъ право обѣщать 100, 200, наконецъ 300,000 рублей тому, кто возьмется уничтожить всѣ происки неброжелательныхъ людей и довести дѣло дотого, чтобъ ратификація была отправлена въ Петербургъ безъ всякихъ измѣненій договора".

Всѣ эти сношенія велъ Румянцевъ въ Фокшанахъ, лежа въ постели, къ которой приковала его мучительная болѣзнь. Еще въ августѣ, узнавъ о тяжелой болѣзни Румянцева, императрица рѣшила отправить къ нему назадъ Репнина для помощи въ окончаніи мирнаго дѣла; если фельдмаршалъ оправится, то Репнинъ долженъ былъ ѣхать посломъ въ Константинополь; въ противномъ случаѣ—принять начальство надъ арміею. 14-го сентября пріѣхалъ Репнинъ въ Фокшаны и на другой день написалъ въ Петербургъ къ Потемкину: „Я нашелъ фельмаршала въ крайней еще слабости и въ несостояніи встать съ постели, хотя уже изъ всей опасности и вышелъ. Жалко на него глядѣть и на всѣхъ, здѣсь находящихся; изъ всего города сдѣлалась больница. Игельстромъ былъ очень боленъ, но уже ходитъ. Завадовскій лежитъ; Ашъ, Вѣлда, кн. Андрей Николаичъ—тоже: однимъ словомъ сказать, всѣ почти больны лихорадками и горячками. Изъ всѣхъ людей фельдмаршальскихъ одинъ его егерь только здоровъ, а прочіе всѣ или лежатъ, или насилу таскаются. Фельдмаршалъ поручилъ мнѣ вамъ изъяснить, сколь онъ наичувствительно признателенъ за участіе, кое вы приняли въ его болѣзни, и за всѣ знаки вашей къ нему дружбы. Самъ писать не въ силахъ, а коль скоро сможетъ, то будетъ. Считая, что фельдмаршалъ недѣли черезъ три или четыре придетъ въ желаемыя силы, тогда не вижу я, чтобъ нужно мнѣ было здѣсь при немъ оставаться. Вы знаете, мой другъ, что ему помощники не надобны. Сдѣлай мнѣ милость, спроси не только наставленія, но милостиваго по сему совѣта у государыни. Я боюсь, чтобъ Турки, свѣдавъ, что нашъ посолъ прискакалъ по почтѣ, не подумали, что крайняя нужда намъ спѣшить, и оттого бы не возгордились; а утаить сего нельзя, понеже оно публично въ Петербургѣ, а оттоль сюда множество людей пишутъ. Представьте ея в—ству все сіе, и если я буду столь счастливъ, чтобъ мысли мои встрѣтились съ мыслями ея в—ства, то испросите мнѣ высочайшее позволеніе отсель къ вамъ пріѣхать, когда фельдмаршалъ придетъ въ желаемыя силы. Пожалуй, мой другъ, не замедли мнѣ на сіе отвѣтомъ, а посольствы, конечно, прежде будущей весны быть не могутъ" [1]). Совѣтъ рѣшилъ, что можно позволить Репнину пріѣхать въ Петербургъ.

Румянцевъ еще не успѣлъ оправиться отъ болѣзни, какъ на него возложена была новая обязанность — завѣдываніе второю арміею, оставшеюся безъ начальника, за отъѣздомъ Долгорукаго, и улаживаніе дѣлъ татарскихъ. По этому поводу Румянцевъ писалъ императрицѣ; „Что касается свойствъ и расположенія Татарскихъ народовъ, то едва ли и надѣяться можно въ скоромъ времени видѣть ихъ спокойными и пользующимися, какъ слѣдуетъ, вольностію и независимостію. Я свое мнѣніе основываю на томъ, что имѣвшіе съ ними дѣло—Щербининъ, Веселицкій и кн. Долгорукій—одинаково и постоянно писали, что Татары исполнены крайняго отвращенія ко всѣмъ благодѣяніямъ в. в—ства и никогда не переставали желать раболѣпствовать попрежнему Портѣ, а теперь этого и формально ищутъ, о чемъ визирь въ своемъ письмѣ ко мнѣ упоминаетъ, да и кн. Долгорукій писалъ, что они за этимъ депутатовъ своихъ отправили къ Портѣ". Дѣйствительно, турецкія войска вышли изъ Крыма, флотъ отправился отъ его береговъ назадъ въ Константинополь, резидентъ Веселицкій былъ освобожденъ; но Татары не хотѣли принять данной имъ вольности. Больному фельдмаршалу было тяжело завѣдывать двумя арміями, особенно при такихъ обстоятельствахъ: „Пощады я не дѣлаю ни здоровью, ни самой жизни моей", писалъ онъ Екатеринѣ; „противъ совѣту докторовъ, кои безпокойство, сопряженное съ управленіемъ дѣлъ, главнымъ препятствіемъ моему выздоровленію полагаютъ, я жертвую вседневно послѣдними силами исполненію моей должности; но, во всемъ ослабѣвши отъ долгой болѣзни, едва могу распоряжать и сею частью, и боюсь, чтобъ въ такомъ состояніи и тутъ чего либо не проронить". Румянцевъ просилъ, чтобъ для второй арміи назначили или опять кн. Долгорукова, или когоExternal либо другого, хорошо знающаго дѣла того края, гдѣ расположена эта армія. Между тѣмъ великій визирь прямо обратился къ Румянцеву съ письмомъ, гдѣ выражалъ желаніе измѣнить мирныя условія, именно касающіяся Татаръ и Дунайскихъ княжествъ, для которыхъ въ Кучукъ-Кайнарджи выговорены были льготы. На это Румянцевъ отвѣчалъ: „Скрыть не хочу моего крайняго удивленія, какимъ объятъ я былъ, увидавъ содержаніе вашего письма. Дѣло, столь торжественнее, какъ миръ, заключенный между Всероссійскою имперіею и Портою Оттоманскою уполномоченными отъ ихъ государей, въ своемъ исполненіи не терпитъ ни отлагательствъ, ни остановки, и я долженъ вамъ сказать, не обинуясь, что ни одинъ пунктъ въ трактатѣ не можетъ быть нарушенъ безъ того, чтобъ не нарушены были и всѣ статьи его и самое главное — искренность и добросовѣстность. Перемѣна священныхъ договоровъ вслѣдъ за ихъ постановленіемъ была бы предосудительна достоинству и славѣ высочайшихъ Дворовъ. Хотя сказанное увольняетъ

[1]) Письма въ Государ. Архивѣ.

меня отъ дальнѣйшихъ объясненій, однако хочу, изъ дружбы къ вамъ, замѣтить слѣдующее: Татарскіе народы, какъ вольные и независимые, не принуждаются ни къ чему, противному магометанскому закону. Жалобы и просьбы ихъ, хотя бы и дѣйствительно шли отъ нихъ самихъ, не даютъ права ни той, ни другой державѣ входить въ ихъ разборъ. Татары стали теперь народомъ вольнымъ и ни отъ кого независимымъ, и объ этомъ положеніи ихъ Россія и Порта имѣютъ между собою обязательства, которыя должно исполнить независимо отъ татарскихъ желаній. Вы сами говорите въ письмѣ своемъ, что нѣсколько лѣтъ велась война по несогласію на тѣ условія, которыя постановлены въ Кайнарджѣ: можно ли же опять требовать въ нихъ какой-нибудь перемѣны и этимъ трогать пепелъ прежняго несогласія"? Въ донесеніи отъ 5-го ноября Петерсонъ поздравилъ Румянцева, что твердость его отвѣта произвела желанное дѣйствіе: рѣшено утвердить договоръ безо всякой перемѣны [1]).

Но когда ошибка допущена въ началѣ дѣла, то она непремѣнно обнаружится въ концѣ его. Ошибка, допущенная въ началѣ Крымскаго дѣла провозглашеніемъ независимости Татаръ, была еще усилена уступкою Туркамъ религіознаго вліянія надъ ними. Тотчасъ по заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Панинъ писалъ Веселицкому относительно его условій о Татарахъ: „Хотя Татары со стороны Порты въ разсужденіи политическаго и гражданскаго ихъ состоянія и признаны совершенно свободными и ни отъ кого независимыми, но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ они въ духовныхъ обрядахъ, какъ единовѣрные съ Турками въ разсужденіи султана, яко верховнаго калифа, сообразовались правиламъ, закономъ ихъ предписаннымъ, но безъ малѣйшаго предосужденія утверждаемой для нихъ политической и гражданской вольности. По бывшимъ о сей духовной должности Татаръ къ Турецкому государю на Фокшанскомъ и Бухарестскомъ конгрессахъ разсмотрѣніямъ имѣла она состоять въ томъ, чтобъ каждый новый ханъ Крымскій, добровольнымъ избраніемъ возводимый на сію степень, возвѣщалъ о томъ Оттоманскому престолу грамотою своею чрезъ нарочную депутацію и требовалъ отъ онаго утвержденія или же благословенія на свое достоинство: чтобъ судьи крымскіе, поелику судъ и расправа магометанская въ тѣсномъ соединеніи съ ихъ же закономъ состоятъ, снабдѣваемы были полною мочью отъ кадилескера константинопольскаго, а по крайней мѣрѣ, чтобъ при первомъ случаѣ, но единожды на все уже послѣдствіе времени, не требовано было татарскимъ правительствомъ судей ихъ настоящихъ и будущихъ благословляющая бумага, и чтобъ въ Крымѣ и во всѣхъ татарскаго владѣнія мѣстахъ каждую пятницу въ мечетяхъ возносимо было въ молитвахъ имя султанское. Безъ сомнѣнія, Порта и не оставитъ стараться тотчасъ о приведеніи сихъ трехъ пунктовъ въ полное дѣйство; но противъ того настоитъ опасность, чтобъ Татары, по невѣжеству своему, суевѣрству и неограниченной къ Туркамъ преданности, не подвиглись, буде оставить безъ предостереженія, поступить далѣе, нежели совмѣстно быть можетъ съ настоящимъ ихъ независимымъ состояніемъ. Пускай посему начинаютъ Татары возглашать имя султанское въ своихъ мечетяхъ; но какъ скоро развѣдаете вы о намѣреніи ханскомъ и приготовленіяхъ къ сношенію съ Портою для возвѣщенія ей о своемъ начальствѣ и испрошенія на то ея подтвержденія, также и полной мочи для судей татарскихъ, можете тогда потребовать о сообщеніи вамъ отправляемыхъ къ Портѣ писемъ, яко первыхъ по свободѣ пріобрѣтенной, которыя, буде найдете въ чемъ-либо несвойственными съ настоящимъ Татаръ положеніемъ, стараться имѣете исправить вашими хану и правительству крымскому изъясненіями, чтобъ ханъ явился предъ султаномъ не рабомъ, а господиномъ, дѣйствующимъ только по духовнымъ убѣжденіямъ".

Такимъ образомъ, Татары были поставлены между двухъ огней: между султаномъ, котораго они должны были считать своимъ духовнымъ владыкою и молиться за него, и Россіею, которая при первомъ случаѣ вражды съ султаномъ потребуетъ, чтобъ Татары также объявили себя противъ него. Понятно, что Татары, особенно ихъ духовенство, будутъ стараться всѣми силами выйти изъ такого тяжелаго положенія именно возвращеніемъ къ старинѣ; а другіе, какъ Шагинъ-Гирей, которые хотѣли совершенно новаго порядка вещей, полной независимости отъ Порты, были крайне недовольны условіемъ духовной зависимости отъ султана, вовсе не признавая за нею религіознаго основанія.

Шагинъ-Гирей выступилъ въ это время опять на поприще по поводу ногайскихъ волненій. Въ самомъ началѣ года кн. Долгорукій увѣдомилъ о развратѣ Ногайцевъ, прельщенныхъ подарками, которые раздавалъ имъ ханъ, присланный Портою въ Суджукъ-Кале. Едичкульская орда возмутилась и захватила русскаго пристава съ командою. Сначала въ Совѣтѣ рѣшено было противъ турецкихъ денегъ дѣйствовать деньгами же и разрѣшено Щербинину употребить на это 35,000 рублей. Но одними деньгами нельзя было помочь; гораздо успѣшнѣе дѣйствовалъ подполковникъ Бухвостовъ, который нѣсколько разъ поразилъ мятежныхъ Ногаевъ и прогналъ изъ Едисанской орды присланнаго Турками калгу; для окончательнаго же успокоенія Ногаевъ рѣшено было послать къ нимъ Шагинъ-Гирея. Панинъ писалъ ему письмо (26 февраля): „Полученное извѣстіе при высочайшемъ Дворѣ ея императорскаго величества о воспріятомъ вашимъ сіятельствомъ намѣреніи переѣхать въ Ногайскіе народы для начальствованія надъ оными произвело великое удовольствіе. Безъ сомнѣнія, потщитесь вы, при бытности вашей въ ордахъ ногайскихъ и

[1]) Дѣла Турецкія 1774 года.—Архивъ Государств. Совѣта, тотъ же годъ.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, годъ 1774.—Чтенія въ Московск. Общ. Исторіи, 1865, кн II, стр. 296 и слѣд.

толь вяще по подающимся лучшимъ тамъ для васъ способамъ, отечеству вашему и всѣмъ народамъ Татарскимъ учиниться благодѣтелемъ и наставникомъ; природа ваша и добродѣтели отличныя достойны того, чтобъ народы Татарскіе, избавленные великодушнымъ ея императорскаго величества подвигомъ по единому человѣколюбію изъ поносного рабства и неволи и въ независимомъ состояніи здѣшнимъ попеченіемъ и стражею сохраняемые, но, къ удивленію и крайнему сожалѣнію, по малой своей разборчивости, почти не чувствующіе выгодности и превосходства настоящаго своего жребія предъ прежнимъ презрительнымъ, тяжкимъ и бѣдственнымъ, во всемъ томъ были вразумлены и приведены въ прочный для нихъ порядокъ чрезъ ваше сіятельство, и чтобъ такимъ образомъ слава вашего имени и въ будущее ихъ потомство распространилась для примѣра и подражанія. Для достиженія сего вашего намѣренія вы не только деньгами, но и войсками воспособствованы будете, а сверхъ того и тѣ 12,000 рублей, кои вамъ назначены ежегодно для вашего въ здѣшнихъ границахъ пребыванія, такожъ производимы вамъ будутъ, пока благонамѣренными останетесь, и ежели-бъ по случаю какой для васъ опасности вы долѣе между Ногайцами быть не могли, тогда можете попрежнему воспріять убѣжище въ здѣшнюю имперію и ожидать всякаго пристойнаго уваженія". Въ то же время князь Долгорукій получилъ рескриптъ: „Доставленіе живущему подъ нашимъ покровительствомъ въ Полтавѣ Шагинъ-Гирею, калгѣ-салтану Крымскому, главнаго надъ ордами Ногайскими правленія, будучи, повидимому, средствомъ изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ къ удержанію сихъ легкомысленныхъ людей и во время продолжающейся войны въ положеніи, свойственномъ съ пользою нашей имперіи, тѣмъ паче нашего старанія достойно, что сверхъ исполненія вида, толико важнаго и нужнаго, найдетъ и калга-салтанъ въ томъ же самомъ, по состоянію и обстоятельствамъ своимъ, самое сходственнѣйшее воздаяніе своей къ намъ преданности. Пусть онъ какъ наискорѣе отправленъ будетъ къ Ногайцамъ, чтобъ получилъ и пособіе войсками и деньгами для устрашенія однимъ способомъ злонамѣренныхъ и пріобрѣтенія другимъ себѣ доброжелательствующихъ, и чтобъ находился при немъ и особливый приставъ, наблюдающій его поведеніе. Денегъ калгѣ въ пособіе назначается до 30,000 рублей. И какъ мы желаемъ, чтобъ искательство имъ власти надъ ордами Ногайскими ни малѣйшаго вида принужденія не имѣло, но совершилось съ соблюденіемъ всей наружной свободности, добровольнымъ избраніемъ: для того потщитесь дать калгѣ-салтану уразумѣть, колико для него нужно и полезно будетъ удаляться отъ всякихъ мѣръ строгихъ нашимъ оружіемъ, а вмѣсто того стараться общую снискать довѣренность снисходительствомъ и пристойными изъясненіями. Полковникъ Бринкъ можетъ должность пристава исполнять".

Шагинъ-Гирей отправился на Кубань; заключенъ былъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ; но Крымцы заявляли упорное желаніе оставаться подъ турецкимъ владычествомъ. Калга хотѣлъ воспользоваться этимъ для достиженія своихъ цѣлей и открылъ Щербинину, что есть возможность склонить Ногаевъ къ протесту противъ поведенія Крымцевъ и къ возведенію на ханство его, Шагинъ-Гирея, если ему дано будетъ 100,000 рублей и нѣсколько войска для охраны. Когда, 27-го октября, въ Совѣтѣ было прочтено донесеніе Щербинина, то Совѣтъ „призналъ предложеніе калги весьма полезнымъ къ утвержденію сооруженной нами Татарской области, и разсуждалъ, что можно исполнить оное какъ дѣло, единственно между Татаръ произойтить могущее, безъ остуды съ Портою; что посредствомъ денегъ всѣ на Кубани Татары и самъ Джанъ-Мамбетъ-бей въ то употреблены быть могутъ; что безъ сомнѣнія одержатъ они поверхность надъ Крымцами, и Порта, не видя явнаго нашего участія, а притомъ и опасаясь нарушить миръ, не осмѣлится подкрѣпить ихъ; что калга, будучи намъ обязанъ возведеніемъ своимъ на ханство, останется совсѣмъ преданнымъ къ нашей сторонѣ, и что такимъ образомъ нечувствительно отвыкнутъ Татары отъ Турковъ и могутъ сдѣлаться, наконецъ, совершенно отъ нихъ независимыми".

Но Шагинъ-Гирею на этотъ разъ не удалось достигнуть своей цѣли. Румянцевъ, получивъ благопріятныя извѣстія отъ Петерсона изъ Константинополя, не хотѣлъ мѣшать утвержденію мира новыми движеніями съ Кубани и далъ знать Щербинину, чтобъ остановился приведеніемъ въ исполненіе Шагинъ-Гиреева плана. Въ Петербургѣ были совершенно согласны съ мнѣніемъ фельдмаршала, и 15-го декабря Совѣтъ одобрилъ рескриптъ Щербинину о неисполненіи теперь плана калги-султана и о содержаніи однако Татаръ къ тому въ готовности, не допуская ихъ переселяться въ старыя ихъ жилища [1]).

Несмотря на то, что дѣла Татарскія не предвѣщали продолжительности Кучукъ-Кайнарджійскому миру, заключеніе его съ такими выгодами при важныхъ затрудненіяхъ внутри Россіи должно было произвести сильное впечатлѣніе на сосѣдніе Дворы, которые по отношенію къ Польскому вопросу чувствовали себя до сихъ поръ гораздо развязнѣе.

23-го января Штакельбергъ писалъ Панину изъ Варшавы: „Начиная съ короля до послѣдняго депутата, никто не смѣетъ высказаться въ пользу Грековъ неуніатовъ и диссидентовъ, если бы даже въ глубинѣ своего сердца кто-нибудь и былъ убѣжденъ въ правотѣ ихъ дѣла: фанатизмъ, вмѣсто того чтобъ уменьшаться, усилился! Страхъ теперь не дѣйствуетъ, какъ прежде, по причинѣ системы

[1]) Дѣла Крымскія 1774 года.—Архивъ Госуд. Совѣта того же года.

ханжества Вѣнскаго Двора. Я пригласилъ къ себѣ моихъ обоихъ товарищей и предложилъ имъ поразсудить о диссидентскомъ дѣлѣ, которое скоро пойдетъ. Я не буду говорить о Бенуа. Его мнѣнія, совершенно согласныя съ правотою дѣла, остаются тѣ же, какъ и прежде, а его будущія дѣйствія будутъ согласны съ интересами его государя въ этомъ дѣлѣ. Онъ вмѣстѣ со мною убѣждалъ барона Ревицкаго, но понапрасну: Ревицкій твердилъ свое, что особенно при настоящемъ положеніи дѣлъ, при чрезвычайномъ уменьшеніи жителей этого исповѣданія вслѣдствіе раздѣла, неприлично давать имъ мѣсто на сеймѣ наравнѣ съ католиками, и вообще его Дворъ сдѣлалъ внушенія въ Петербургѣ и особенно въ Берлинѣ, гдѣ признали справедливость того, что Австрія, какъ государство католическое, не можетъ заступаться за диссидентовъ. Легко представить себѣ впечатлѣніе, производимое на Поляковъ поведеніемъ Вѣнскаго Двора. Пріѣхавъ въ Польшу, я нашелъ народъ исполненнымъ предубѣжденій противъ Россіи и ослѣпленнымъ своею неблагодарностію. Раздѣлъ усилилъ эти чувства." 3-го марта Штакельбергъ писалъ: „Бенуа мнѣ обѣщалъ дѣйствовать заодно въ борьбѣ съ предразсудками, увеличенію которыхъ такъ содѣйствовали папскій нунцій и баронъ Ревицкій. Первый толкуетъ объ анаѳемѣ, а другой обѣщаетъ именемъ своего Двора деньги и помощь, хотя мнѣ говоритъ, что онъ нейтраленъ". Но союзники останавливали дѣло не по одному диссидентскому вопросу. Мы видимъ, что Австрія захватила польскія земли по рѣку Сбручъ; теперь пришло извѣстіе, что Пруссаки измѣнили пограничную линію, обозначенную въ договорѣ, забираютъ польскія земли. Делегація завопила; послы начали ей грозить, но получили въ отвѣтъ: „Сознаніе своей слабости заставило насъ купить уступкою лучшей части Польши надежду владѣть остальнымъ спокойно; но при видѣ, что и это остальное не безопасно отъ ежедневныхъ захватовъ, намъ нечего больше бояться, и мы скорѣе согласимся быть подѣленными окончательно, чѣмъ умирать на маломъ огнѣ". Штакельбергъ жаловался, что это происшествіе уничтожаетъ надежду кончить всѣ дѣла къ 6-му мая, времени открытія сейма. Дѣло кончилось тѣмъ, что делегація рѣшила единогласно отправить знатныхъ людей въ Петербургъ и Вѣну съ просьбою о посредничествѣ, причемъ въ Петербургъ рѣшено отправить великаго гетмана Браницкаго; рѣшено было также отправить довѣреннаго человѣка и въ Берлинъ, просить Фридриха II остановить разграниченіе. А между тѣмъ диссидентское дѣло висѣло грозною тучею надъ головами. Штакельбергъ писалъ Панину 24-го марта: „Мое положеніе будетъ трудное между католическимъ фанатизмомъ—съ одной стороны и упорствомъ, иногда мелочнымъ, диссидентовъ—съ другой. Эти господа, справедливо раздраженные обидами, требуютъ полнаго равенства, не вникая въ положеніе вещей, не принимая въ разсчетъ необходимость ограничиться существеннымъ, ибо число ихъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ католиковъ. Каждый день я увѣряю ихъ, что, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ числѣ они непремѣнно будутъ допущены къ участію въ сеймахъ; но это ихъ не успокоиваетъ: они хотятъ полныхъ правъ, включая и право быть членами Постояннаго Совѣта. Все это они получатъ современемъ, но теперь нельзя провести вслѣдствіе сопротивленія Вѣнскаго Двора и затрудненій новаго правительства. Нужно было бы гренадеровъ, чтобъ нести проектъ Постояннаго Совѣта въ делегацію, если бы мы объявили, что въ него войдутъ диссиденты. Будущее для нихъ будетъ менѣе страшно, если при новой правительственной формѣ король и разумнѣйшая часть народонаселенія успѣютъ ослабить вліяніе епископовъ и Римскаго Двора вообще".

Баронъ Ревицкій внушилъ членамъ депутаціи, чтобъ держались крѣпко относительно диссидентскаго дѣла, а онъ отвѣчаетъ за слѣдствія. Штакельбергъ опасался, что переговоры порвутся на пунктѣ допущенія диссидентовъ на сеймъ, и писалъ Панину, что для успѣха дѣла нужно объявленіе императрицы, что она обѣщаетъ свое посредничество у короля Прусскаго по дѣлу разграниченія только въ томъ случаѣ, когда диссидентское дѣло рѣшено будетъ по инструкціи, данной ею своему министру въ Варшавѣ. Если король Прусскій подъ этимъ же условіемъ выполнитъ соглашеніе относительно границъ, то диссидентское дѣло—эта основа спокойствія Польши—будетъ покончено навсегда.

Сеймъ собрался и снова отсрочилъ свои засѣданія до 1-го августа, чтобъ дать время делегаціи порѣшить всѣ вопросы. Всего больше могло взять времени пограничное дѣло: Фридрихъ II-й захватывалъ на томъ основаніи, что Австрія захватила лишнее. Австрія не думала возвращать этого лишка; мало того: Ревицкій увѣрялъ Штакельберга, что если Прусскій король оставитъ за собою свои захваты, то и Вѣнскій Дворъ не ограничится своими прежними захватами. Штакельбергъ не предвидѣлъ этому конца. Въ то же время безпокоилъ его гетманъ Браницкій, который присылалъ изъ Петербурга вѣсти, волновавшія всю Польшу. Штакельбергъ просилъ Панина унять Браницкаго: „Это человѣкъ", писалъ онъ, „способный служить, но надобно полагать границы его воображенію, - иначе онъ ниспровергнетъ все. Вы должны замѣтить, что онъ хочетъ быть самовластнымъ кормчимъ корабля. Онъ, быть можетъ, у васъ нѣсколько разъ упоминалъ о королѣ, но это только изъ приличія. Онъ держитъ Станислава-Августа въ подчиненіи посредствомъ чувства, которое, переставая быть дружбою, приближается къ страху. Въ своемъ стремленіи стать единственнымъ главою партіи, онъ подражаетъ всѣмъ тѣмъ, которые прежде него были нашими орудіями. Какъ только они укрѣплялись нашимъ покровительствомъ, становились сильны и богаты

чрезъ него, то благодарность изглаживалась изъ ихъ сердецъ и уступала мѣсто ненависти, когда русскіе послы, замѣтивъ, что играютъ второстепенную роль, старались снова поднять Россію на то мѣсто, которое принадлежитъ ей въ Польскихъ дѣлахъ. Ваше сіятельство знаете, какъ, вслѣдствіе польской анархіи и власти вельможъ, русскимъ посламъ было трудно удерживать нынѣшняго короля и вельможъ, чтобъ они не употребляли во зло покровительство императрицы, когда первый имѣлъ постоянно въ виду самодержавіе, а послѣдніе — притѣсненіе своихъ согражданъ. Обстоятельства перемѣнились, но виды ихъ остались прежніе. Если этому не помѣшать, то король будетъ дѣлать то же, что́ дѣлалъ всегда; Польша погибнетъ, а Браницкій послѣдуетъ примѣру Чарторыйскихъ, съ тою разницею, что онъ, можетъ быть, честнѣе, но за то горячѣе. Россія, король, если только захочетъ, и всѣ честные люди найдутъ въ національномъ совѣтѣ средства противъ зла, если только равновѣсіе, разъ установленное, будетъ сохраняться. Вы такъ часто давали мнѣ чувствовать важность Польши для Россіи, особенно когда послѣ мира образуется твердая система относительно цѣлой Европы, и намъ нужно будетъ обезпечить себѣ этотъ оплотъ имперіи, столь полезный и въ войнѣ, и въ мирѣ, которымъ стало гораздо труднѣе управлять съ тѣхъ поръ, какъ двѣ другія державы такъ приблизились къ нему. Вы мнѣ позволите окончить мою депешу необходимыми размышленіями. Пружина страха, столь могущественная относительно Поляковъ, почти совершенно ослабѣла съ нашей стороны, потому что почти всѣ значительные вельможи королевства находятся смѣшанными подданными трехъ державъ. Отсюда, когда имъ внушаютъ, что ихъ поведеніе можетъ не понравиться Россіи, они выставляютъ покровительство другихъ Дворовъ, и преимущественно Вѣнскаго. Если пружина страха ослабѣла, то благоразуміе требуетъ обезпечить себѣ пружины надежды и благодѣяній. Въ этомъ отношеніи надобно заставить Браницкаго, чтобъ онъ, со своей стороны, принудилъ короля оставить упорную систему преслѣдованія всѣхъ людей, преданныхъ Россіи. Вы обратили этихъ бѣдняковъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобъ они получили вознагражденіе здѣсь, ибо большія военныя издержки препятствуютъ императрицѣ сдѣлать это самой; но когда я ходатайствую о нихъ предъ королемъ, то не только получаю отказъ, но его величество косвенно вредитъ имъ въ делегаціи, объявляя публично, что такова участь людей, которые обращаются къ чужой державѣ. Легко понять, какое впечатлѣніе это производитъ ежедневно и какъ чрезъ это король утверждаетъ свою систему уничтоженія нашего значенія въ Польшѣ, тогда какъ при короляхъ Саксонскихъ Россія совершенно располагала Польшей, вслѣдствіе уваженія этихъ государей къ нашимъ рекомендаціямъ. Если вы, для возстановленія нашего прежняго значенія, не воспользуетесь пребываніемъ Браницкаго въ Петербургѣ, то король успѣетъ сдѣлать Россію въ Польшѣ столь же незначительною, какъ самые отдаленные Дворы. Есть еще предметъ, относительно котораго нужно наставить Браницкаго,—это именно насчетъ переговоровъ, которые ведетъ Польскій король при всѣхъ Дворахъ Европы насчетъ собственныхъ своихъ интересовъ, насчетъ самодержавія, потому что король Шведскій окончательно вскружилъ ему голову".

Но въ то время, какъ Штакельбергъ требовалъ отъ Панина, чтобъ тотъ наставлялъ Браницкаго дѣйствовать согласно съ видами Россіи, оказывалось, что Браницкій, по соглашенію съ королемъ, поѣхалъ въ Петербургъ для ниспроверженія постановленій о Постоянномъ Совѣтѣ, вслѣдствіе чего королевская партія въ делегаціи возобновила дѣло о Совѣтѣ и выставила противъ него сильное сопротивленіе. Приверженцы короля имѣли дерзость сказать, что между нимъ и министрами трехъ Дворовъ не было никакого соглашенія насчетъ Совѣта. Это сильно раздражило Штакельберга, Бенуа и Ревицкаго. „Только въ Польшѣ могутъ дѣлаться подобныя вещи"! писалъ Штакельбергъ Панину. Послы указали на письменное соглашеніе съ королемъ. Король велѣлъ своимъ приверженцамъ объявить, что онъ ничего не подписывалъ. Тогда Штакельбергъ показалъ записку короля, написанную къ нему на другой день послѣ соглашенія и гдѣ Станиславъ-Августъ объявлялъ, что, соглашаясь на учрежденіе Совѣта, приноситъ этимъ жертву уваженію своему къ императрицѣ. Чтобъ помѣшать дѣлу въ делегаціи, приверженцы короля стали говорить, что такъ какъ въ Совѣтѣ должны принять участіе три государственные чина, то надобно обозначить исключеніе диссидентовъ, - и вся делегація начала этого требовать. Штакельбергъ отвѣчалъ, что не должно мѣшать предметовъ, что о диссидентахъ будетъ рѣчь впереди. Засѣданіе отложили до слѣдующаго дня, а между тѣмъ король, будучи не въ состояніи отречься отъ своего соглашенія съ послами, объявилъ, что его къ этому принудили угрозами. Въ слѣдующее засѣданіе Постоянный Совѣтъ прошелъ въ делегаціи, причемъ возобновились крики, чтобъ диссиденты были изъ него исключены. Штакельбергъ опять настаивалъ, что не должно смѣшивать предметовъ, и Ревицкій взялъ его сторону, но въ то же время въ своей рѣчи далъ почувствовать, что Россія зашла слишкомъ далеко въ договорѣ 1768 года, и что, по приказаніямъ своего Двора, онъ приметъ самое живое участіе въ поддержаніи существенныхъ правъ господствующей въ Польшѣ религіи, - даже прибавилъ, что будетъ стараться о недопущеніи диссидентовъ въ Постоянный Совѣтъ. Дѣлу о Постоянномъ Совѣтѣ помогла книга отца Канарскаго, содержавшая проектъ Постояннаго Совѣта, сходный съ русскимъ, только еще менѣе благопріятный для короля; мало того: авторъ привезъ письма князя

Чарторыйскаго, канцлера Литовскаго и стольника Литовскаго, нынѣшняго короля, въ которыхъ проектъ былъ признанъ спасительнымъ. Дѣло о Постоянномъ Совѣтѣ кончилось; но дѣла о границахъ и диссидентахъ перешли на 1775 годъ [1]).

Первое дѣло вело къ усиленнымъ сношеніямъ между Берлиномъ, Вѣною и Петербургомъ. Старый другъ Россіи, Прусскій король, принималъ самое живое участіе въ затруднительномъ положеніи ея въ первой половинѣ года: онъ очень огорчался казацкимъ бунтомъ; но въ этой печали утѣшеніемъ служила ему возможность настаивать, чтобъ Россія поспѣшила заключить миръ съ Портою, уступивъ и относительно Крыма, и относительно плаванія по Черному морю; другимъ утѣшеніемъ служила возможность пріобрѣсть отъ Польши лишнія землицы. 4-го января король писалъ Сольмсу: „Такъ какъ я другъ Россіи, то вы не можете сомнѣваться, что я очень опечаленъ извѣстіями о казацкомъ бунтѣ. Это—искра, которую нужно погасить прежде, чѣмъ она произведетъ пожаръ. Это заставляетъ меня сильнѣе, чѣмъ когда либо, желать для Россіи заключенія мира съ Турками. Скажите графу Панину, что если Турки готовы сдѣлать желанныя предложенія, то не кстати заниматься мелочами; я думаю, что для Россіи въ эту минуту миръ важнѣе всѣхъ завоеваній, какія она можетъ сдѣлать. Фанъ-Свитенъ возвратился изъ Вѣны съ жалобами на Русскихъ, которые дѣлаютъ Австрійцамъ препятствія относительно границъ Галиціи; Вѣнскій Дворъ, по его словамъ, твердо рѣшился не отступаться отъ своихъ владѣній. Если же", продолжалъ Фридрихъ, „Австрійцамъ въ Петербургѣ уступятъ, а мнѣ будутъ дѣлать затрудненія, то значитъ – Русскій Дворъ лучше поступитъ съ завистниками, чѣмъ съ самыми вѣрными союзниками. Мнѣ кажется, было бы всего лучше, если бы Петербургскій Дворъ подарилъ намъ обоимъ эти землицы, которыя намъ обоимъ очень пригодны, а въ сущности пустяки. А вотъ, наконецъ, новости изъ Франціи: Дюранъ пишетъ о своихъ успѣхахъ; „при Русскомъ Дворѣ", говоритъ онъ, „интересъ государственный идетъ позади личныхъ страстей". Ему хотѣлось уколоть честолюбіе упрекомъ, что Россія получаетъ указы отъ короля Прусскаго. Внутри Россіи, по его словамъ, бунтъ, затрудненія въ сборѣ рекрутъ и дурныя распоряженія относительно войны. Все это должно вести къ затрудненіямъ, которыя заставятъ Россію обратиться къ Франціи". Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Фридрихъ писалъ: „Я одобряю мудрыя мѣры графа Панина, чтобъ не возбуждать вражды Австріи, особенно въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но я не обѣщаю Россіи большихъ выгодъ отъ ея любезностей: никогда онѣ не доставятъ ей существенной дружбы Вѣнскаго Двора. Я имѣю право предполагать въ немъ ту же зависть, какую питаютъ Англія и Франція относительно русской торговли въ Турціи. Изъ этой зависти Франціи такъ хочется поссорить три Двора и овладѣть посредничествомъ при заключеніи мира между Россіею и Турціею. Какъ бы то ни было, если Россія. дѣйствительно, желаетъ поскорѣе заключить миръ съ Портою, то она имѣетъ къ тому средство безъ всякаго посредничества. Стоитъ только ей смягчить условія относительно торговли и Татаръ". Въ мартѣ совѣты короля—заключать скорѣе миръ со смягченіемъ условій – становятся еще сильнѣе. Фридрихъ пишетъ, что отъ этого смягченія условій военная слава Россіи не потерпитъ никакого ущерба, тогда какъ военное счастіе не постоянно. Переходъ черезъ Дунай—дѣло всегда чрезвычайно трудное. Надобно поскорѣе заключить миръ, пока еще не испытали превратности военнаго счастія. Выгоды отъ независимости или подчиненія Татаръ не могутъ уравновѣсить риска, какому подвергается Россія при перемѣнѣ счастія на Дунаѣ или въ Крыму. Король стонетъ при одной мысли объ этомъ. Неудачи въ Турціи поведутъ къ новымъ замѣшательствамъ въ Польшѣ, болѣе опаснымъ, чѣмъ прежде, и нельзя поручиться, что Шведскій король не воспользуется случаемъ для отнятія той части Финляндіи, которая теперь за Россіею. Если Порта не предложитъ условій слишкомъ невыносимыхъ, то Россіи лучше всего помириться. О превратностяхъ военнаго счастія Фридрихъ говорилъ по собственному примѣру.

Въ апрѣлѣ Фридрихъ былъ сильно озабоченъ намѣреніемъ Австріи обратиться прямо къ Польскому Двору и отъ него получить согласіе на увеличеніе своей доли. тогда какъ все это дѣло должно быть улажено между тремя Дворами, которые одни должны заботиться о взаимномъ равновѣсіи, а Польша тутъ не-причемъ. Фридрихъ приказывалъ Сольмсу объявить Панину, что если Австрія добьется расширенія своей доли, то онъ будетъ добиваться увеличенія своей, и надѣется, въ этомъ случаѣ, получить помощь отъ Двора, одинаково съ нимъ заинтересованнаго въ поддержаніи равновѣсія между Австріею и Пруссіею. Въ Петербургѣ хорошо знали, что поддержаніе этого равновѣсія можетъ завести очень далеко, и потому съ перваго же года очень дурно приняли предложеніе Австріи перенести ея границу съ Серета (или Подгурже, какъ онъ былъ названъ въ договорѣ) на Сбручъ. Панинъ въ разговорѣ съ Лобковичемъ прямо высказался, что если Австрійцы не откажутся отъ своихъ претензій, то не будетъ никакого основанія требовать отъ Прусскаго короля, чтобъ и онъ не дѣлалъ дальнѣйшихъ захватовъ, и когда Лобковичъ вздумалъ-было объяснять, что Австрія въ данномъ случаѣ имѣетъ болѣе права, чѣмъ Пруссія, то Панинъ замѣтилъ, что, наоборотъ, прусскую претензію на все теченіе рѣки Нетце можно еще какъ-нибудь вывесть изъ выраженій договора, тогда какъ ссылка Австріи на недостаточность свѣдѣній, по которой явилась на картѣ какая-то неизвѣстная рѣка, не имѣетъ значенія и

[1]) Дѣла Польскія, 1774 года.

не даетъ права распространять границы до такихъ мѣстностей, о которыхъ при заключеніи договора никто и не думалъ. Панинъ закончилъ разговоръ словами, что пусть прежде Австрія сговорится съ Пруссіею, и потомъ уже обратятся къ Россіи.

Австрія начала сговариваться съ Пруссіею. Фридрихъ II былъ недоволенъ Петербургомъ и говорилъ фанъ-Свитену: „Это чистое крючкотворство съ русской стороны; я нахожу ваши объявленія основательными; я не принимаю никакого участія въ затрудненіяхъ, какія вамъ дѣлаютъ; я вовсе не завидую вашей долѣ. Мнѣ также дѣлаютъ крючкотворства, какъ и вамъ, изъ-за пустяковъ". Когда фанъ-Свитенъ замѣтилъ ему, что, смотря по тому, какъ въ Петербургѣ смотрятъ на дѣло, Австрія и Пруссія должны согласиться не въ томъ, чтобъ увеличить свои владѣнія, но только въ томъ, какъбы выгоднѣе опредѣлить границы, слѣдовательно кой-что и урѣзать изъ занятаго,—то Фридрихъ отвѣчалъ: „Надобно удержать за собою все, чѣмъ мы теперь владѣемъ: надобно поддержать свое право". Тутъ же Фридрихъ высказалъ, почему онъ такъ рѣшительно выражается, не обращая вниманія на неудовольствіе Россіи: это государство находится въ такомъ затруднительномъ положеніи, что не въ состояніи помѣшать ихъ дѣлу; Пугачевскій бунтъ у Румянцева взялъ 15,000 войска; народъ страшно наскучилъ войною, рекрутскіе наборы затруднены.

Но Австрія была озабочена не однимъ сопротивленіемъ Россіи. Изъ Варшавы Ревицкій писалъ о новыхъ захватахъ Фридриха II; говорили уже, что съ Нетце онъ перенесъ свою границу на Варту; слѣдовательно, если положить основаніемъ равновѣсіе въ доляхъ, т. е. соперничество съ Прусскимъ королемъ въ захватахъ, то чѣмъ кончится дѣло? Австрія вовсе не хотѣла окончательнаго разрушенія Польши,—напротивъ: хотѣла пріобрѣсти въ ней наибольшее вліяніе, значеніе покровительствующей державы, и поэтому она объявила Прусскому королю, что надобно вести дѣло о границахъ вмѣстѣ съ Поляками въ делегаціи. Легко представить раздраженіе Фридриха: въ депешѣ къ Сольмсу онъ величалъ за это Кауница страшнымъ человѣкомъ, самымъ гордымъ и, въ то же время, величайшимъ мошенникомъ между смертными.

Этотъ разрывъ между Пруссіею и Австріею заставилъ обѣ державы отдѣльно хлопотать въ Петербургѣ о своемъ дѣлѣ. Но Екатерина не хотѣла измѣнить своего прежняго взгляда, требовала, чтобъ границы были установлены согласно договору, именно такъ, какъ поступила Россія относительно Бѣлоруссіи. Такъ какъ Фридрихъ объявилъ, что онъ не уступитъ ни пяди изъ занятыхъ имъ земель, если Австрія не откажется отъ своихъ претензій, то Панинъ снова принялся убѣждать Лобковича къ уступкѣ, опять выставляя на видъ, что если-бъ не Австрія, то Прусскій король и не подумалъ бы занимать что-нибудь лишнее. Когда всѣ увѣщанія остались безполезными, Екатерина рѣшилась обратиться непосредственно къ Фридриху, Іосифу и Маріи-Терезіи съ увѣщаніями ограничиться землями, выговоренными въ конвенціи. Но какъ только Фридрихъ узналъ о рѣшеніи Екатерины писать къ нему и государямъ Австрійскимъ, то немедленно послалъ за фанъ-Свитеномъ: „Если вы хотите уступить что-нибудь", сказалъ онъ ему, „то прошу объявить мнѣ, и я распоряжусь со своей стороны, чтобъ намъ остаться всегда въ соединеніи. Браницкій разгорячилъ головы въ Петербургѣ; видите ли, интересъ Польскаго короля состоитъ въ томъ, чтобъ выиграть время въ надеждѣ, что, быть можетъ, возникнутъ несогласія между тремя Дворами. Все это его дѣло; онъ заставилъ Браницкаго кричать тамъ, преувеличилъ дѣло, требовалъ правосудія, покровительства императрицы, которая и далась въ обманъ; но намъ стоитъ только держаться вмѣстѣ,—и буря разсѣется. Хотите знать мое мнѣніе: не будемъ торопиться отвѣтомъ на письма Русской императрицы; движеніе тамъ уляжется; я ихъ (т. е. Русскихъ) знаю: первыя впечатлѣнія очень сильны, но они исчезаютъ современемъ. Польскій король выбралъ Браницкаго нарочно, зная, что его въ Петербургѣ будутъ слушать и сама императрица допуститъ его къ себѣ, ибо онъ былъ довѣреннымъ лицомъ ея и Станислава Понятовскаго, когда послѣдній былъ въ Петербургѣ при императрицѣ Елисаветѣ. Браницкій умѣлъ воспользоваться этими старыми отношеніями и убѣдилъ императрицу, что ея слава требуетъ заступиться за Поляковъ, доведенныхъ до отчаянія. Вслѣдствіе этого и написаны были къ намъ письма; но это еще не все, это только прелюдія; планъ Браницкаго состоялъ въ томъ, что, если, послѣ полученія писемъ отъ Русской императрицы, вы не отступитесь отъ занятыхъ вами земель, я вмѣстѣ съ Россію долженъ обратиться къ вамъ съ увѣщаніями, и если вы и тутъ не согласитесь уступить,—Поляки созовутъ посполитое рушеніе и нападутъ на васъ, а мы будемъ смотрѣть спокойно. Мнѣ сообщили этотъ прекрасный планъ во всѣхъ подробностяхъ; я не хотѣлъ отвѣчать на него серьезно и старался обратить въ смѣхъ. Я далъ почувствовать императрицѣ, что мы будемъ играть роль польскихъ Донъ-Кихотовъ, и что я вовсе не расположенъ къ этой роли."

Но съ пограничнымъ дѣломъ надобно было спѣшить, а не затягивать его, не отвѣчая на русскія требованія уступокъ или отвѣчая такимъ образомъ: „Мы готовы уступить, если другіе уступятъ". Скрѣпя сердце, въ Берлинѣ и Вѣнѣ должны были придти къ рѣшенію: потребовать отъ Поляковъ признать претензіи обоихъ Дворовъ, а если Поляки не согласятся,— обратиться къ Россіи, чтобъ рѣшать вопросъ всѣмъ тремъ державамъ вмѣстѣ. Поляки объявили, что претензіи Австріи и Пруссіи не могутъ быть разсмотрѣны въ Варшавѣ, непремѣнно нужно отправить особыя коммисіи. Опять, скрѣпя сердце, надобно было и на это со-

гласиться. Поляки имѣли свои выгоды медлить отправленіемъ комисаровъ, годъ проходилъ, а Фридрихъ въ сердцахъ писалъ Сольмсу: „Признаюсь, я бы желалъ имѣть средство убѣдить графа Панина въ необходимости сдѣлать Полякамъ декларацію посильнѣе. До сихъ поръ эти республиканцы выставляютъ тысячи затрудненій въ опредѣленіи нашихъ границъ, и Австрія находитъ ихъ коммисаровъ столь же непреклонными, какъ и я. Надобно полагать, что эта коммисія не будетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха; дѣло будетъ передано въ делегацію, и у насъ будетъ еще много хлопотъ. Россія будетъ имѣть ту же участь въ диссидентскомъ дѣлѣ, и я очень сомнѣваюсь, что она достигнетъ своей цѣли безъ криковъ и шуму. Поляки, по своей глупости, думаютъ, что Вѣнскій Дворъ и я сдѣлаемъ все возможное, чтобъ заставить Россію вывести свои войска изъ Польши. Австрійскій министръ отвѣчалъ на эту просьбу въ общихъ выраженіяхъ, но Бенуа отлично отвѣчалъ, что такъ какъ дѣла далеки отъ окончанія, то и нельзя думать, чтобъ спокойствіе было возстановлено въ Польшѣ, а его возстановленіе есть единственная цѣль пребыванія въ ней иностранныхъ войскъ; слѣдовательно дѣло идетъ не о выходѣ русскихъ войскъ, а о томъ, чтобъ австрійскія и прусскія войска не вошли опять въ Польшу вслѣдствіе медленности и недоброжелательства въ переговорахъ. Поляки“, продолжалъ Фридрихъ, „не такъ сговорчивы, какъ, быть можетъ, о нихъ думаютъ въ Петербургѣ, и сеймъ никогда не кончится, если Россія на нихъ не прикрикнетъ. Почти два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ собрана делегація, и что сдѣлано?—едва прошло дѣло о Постоянномъ Совѣтѣ. Вопросы о власти великаго гетмана, о войскѣ, о королевскихъ выборахъ, о доходахъ, о диссидентахъ находятся въ прежнемъ положеніи, и не думаютъ о ихъ рѣшеніи. Если позволитъ делегація вести такъ дѣло, то пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ мы съ ними покончимъ. Вѣрно то, что ни я, ни Россія, ни Вѣнскій Дворъ не можемъ никогда положиться на Поляковъ. Это народъ легкомысленный и корыстолюбивый, лучшіе резоны не производятъ надъ ними никакого впечатлѣнія: страхъ и деньги суть единственныя пружины этой тяжелой массы“.

Итакъ, надобно было обращаться къ Россіи, просить ее, чтобъ прикрикнула на Поляковъ; а на Россію прикрикнуть было нельзя послѣ Кайнарджійскаго мира. Фридрихъ попробовалъ-было внушить въ Петербургѣ, что миръ не проченъ, что Пруссія снова можетъ получить важное для Россіи значеніе въ дѣлахъ Турецкихъ; но попытка не удалась. Въ началѣ октября, Фридрихъ переслалъ въ Петербургъ депешу Зегелина изъ Константинополя, въ которой давалось знать, что Порта проситъ Прусскаго короля употребить свои добрыя услуги для смягченія условій Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Екатерина написала Панину: „Вы можете отвѣтствовать завѣрно, что безъ новой войны нынѣшняго трактата ни единой строки не перемѣню, а лучше бы Портѣ оглянуться, что у ней дѣлается въ сосѣдствѣ, нежели насъ ябедою отвратить отъ истиннаго съ нею согласія, которое я ненарушимо содержать намѣрена“. Послѣднія слова относились къ занятію Австрійцами земель въ Молдавіи, о которомъ Румянцевъ уже переписывался съ Петерсономъ [1]). Мы видѣли, что, кромѣ Польскихъ земель, взять что-нибудь и у Турціи было любимою мыслью Іосифа II. Въ началѣ 1774 г. въ Вѣнѣ были въ блаженномъ настроеніи духа: Россія, занятая на востокѣ Пугачевымъ, должна заключить самый невыгодный для себя миръ съ Портою, какого только могла желать Австрія. И вдругъ страшное разочарованіе: Россія заключаетъ миръ самый выгодный, какого только могла желать! Негодованіе противъ Турокъ было страшное; Кауницъ говорилъ: „Турки вполнѣ заслужили несчастіе, которое ихъ постигло, частію своимъ слабымъ и глупымъ веденіемъ войны, частію недостаткомъ довѣрія къ державамъ, которыя, особенно Австрія, желали высвободить ихъ изъ затруднительнаго положенія. Зачѣмъ не потребовали они посредничества Австріи, Англіи и Голландіи? Каждая изъ этихъ державъ помогла бы имъ получить выгоднѣйшія условія, и мы были бы всѣ довольны. Но этотъ народъ предназначенъ къ погибели, и небольшое, но хорошее войско можетъ, когда угодно, выгнать Турокъ изъ Европы“ [2]). Но если такъ легко выгнать Турокъ изъ Европы, то еще легче отобрать у нихъ какую-нибудь землицу: сами Турки не въ состояніи вести теперь новой войны; Россія не станетъ воевать изъ-за Турціи; король Прусскій, принявши „Политическій Катехизисъ“, не долженъ сердиться, что на основаніи этого акта позволяютъ себѣ небольшія пріобрѣтенія, не безпокоя другъ-друга увѣдомленіями; Прусскій король самъ можетъ взять себѣ гдѣ-нибудь что-нибудь; а если возьметъ слишкомъ много,—Австрія, на основаніи равновѣсія, прибавитъ къ своей долѣ. Стоитъ только выбрать какую-нибудь землицу поудобнѣе,—и выбрали Буковину, прилежащую къ Трансильваніи часть Молдавіи, очень выгодную теперь по отношенію къ новымъ Польскимъ владѣніямъ Австріи. Буковина была занята австрійскими войсками; Турція не двигалась; въ Петербургѣ положили ждать, что скажетъ король Прусскій, и вообще были очень довольны поступкомъ Австрійцевъ, что видно изъ письма Екатерины къ князю Репнину: „А збываеть (ся) часто по моему желанію: вотъ и Цесарцы ссорятся съ Турками; готова объ закладъ биться, что первыя биты будутъ, а я, руки упираючи въ бока, какъ фертъ, сидѣть буду и на нихъ погляжу, а въ устахъ

[1]) Дѣла Прусскія, 1774 года.—Friedrich II und van Swieten, 116—137.—Beer, «Die erste Theilung Pol.» II, 276 et squ. Arneth—Mar.-Ther., letzte Regierungszeit II, 492 et squ.

[2]) Raumer's Beiträge, V, 32.

вездѣ у меня будутъ слова: добрыя офиціи" [1]). Оставалась Франція, всегдашняя заступница за Турокъ; но Франціи было теперь не до Буковины!

9-го января пріѣхалъ въ Парижъ новый посланникъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій, а въ апрѣлѣ умеръ король Людовикъ XV, вслѣдствіе чего вышелъ въ отставку герцогъ Эгильонъ и былъ замѣненъ графомъ Верженемъ, вызваннымъ изъ Стокгольма. Барятинскій писалъ, будто новый король, Людовикъ XVI, разсуждая о системѣ герцога Шуазеля, говорилъ, что Франція издерживаетъ много денегъ на субсидіи и пенсіоны понапрасну; „Какая мнѣ нужда", говорилъ король, „что Россія ведетъ войну съ Турками, а въ Польшѣ дѣлаются конфедераціи, и зачѣмъ давать субсидіи Швеціи и Даніи?— Я всѣ эти лишніе расходы сокращу". Извѣстіе о Кучукъ-Кайнарджійскомъ мирѣ произвело страшное впечатлѣніе, особенно въ министерствѣ. „Невѣроятно", писалъ Барятинскій, „до какой степени простирается здѣсь зависть къ нашимъ успѣхамъ. Находящіеся здѣсь Поляки въ великомъ горѣ. Австрійскій посолъ очень мало оказываетъ мнѣ откровенности: если что̀ говоритъ, то въ общихъ, съ двойнымъ смысломъ выраженіяхъ" [2]).

При настоящемъ положеніи Франціи Швеція не могла на нее много разсчитывать.

Въ маѣ мѣсяцѣ Остерманъ уѣхалъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, оставивъ веденіе дѣлъ резиденту Стахіеву. Въ іюлѣ, на придворномъ балѣ, король подошелъ къ Стахіеву и сказалъ, что этимъ лѣтомъ онъ никакъ не можетъ посѣтить императрицу, но непремѣнно сдѣлаетъ это въ будущемъ году, о чемъ никому заранѣе разсказывать не будетъ, давая этимъ знать, что въ этомъ году исполненію его желанія помѣшали другіе люди. Король распространился о необходимости свиданія съ императрицею: „При личномъ свиданіи", говорилъ онъ, „я въ четверть часа могу сдѣлать больше для утвержденія взаимнаго благополучія обоихъ Дворовъ, чѣмъ министеріальною перепискою въ продолженіи цѣлаго года, особенно для уничтоженія всякихъ недоразумѣній и подозрѣній, возбуждаемыхъ недоброжелательными людьми и, быть можетъ, нѣкоторыми свойственниками. Горю желаніемъ видѣться съ императрицею и, при этомъ свиданіи, однажды навсегда закрыть дорогу недоброжелательнымъ внушеніямъ. Мнѣ извѣстны навѣты и наущенія, которые, по поводу послѣдней здѣшней перемѣны, дѣлались въ Петебургѣ на меня, а здѣсь мнѣ на Петербургскій Дворъ. Я въ одно ухо впускалъ, а изъ другого выпускалъ. А что касается самой этой перемѣны, то я рѣшился на нее не прежде, какъ чины вознамѣрились согнать сенаторовъ съ ихъ стульевъ. Я долженъ отдать справедливость графу Остерману и вамъ, что вы прилагали всевозможное стараніе сдержать тогдашнее безпредѣльное своеволіе въ трехъ нижнихъ чинахъ; но сдержать было иначе нельзя какъ тѣмъ, что я сдѣлалъ". По поводу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Стахіевъ писалъ: „Чѣмъ славнѣе и выгоднѣе для нашего Двора этотъ миръ, тѣмъ непріятнѣе онъ здѣшнему Двору и его приверженцамъ, тѣмъ болѣе - что Французскій Дворъ ласкалъ его надеждою помѣщенія въ трактатѣ турецкой гарантіи для здѣшней формы правленія, что и было причиною, почему король отложилъ свое путешествіе въ Петербургъ: французскій посолъ Вержень грозилъ королю, что если онъ поѣдетъ въ Петербургъ, то этой гарантіи не будетъ" [3]).

Какъ Екатерина понимала отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира,— показываетъ слѣдующій случай. Тотчасъ, по полученіи извѣстія о заключеніи мира, въ Ораніенбаумѣ было собраніе при Дворѣ, гдѣ находились всѣ иностранные министры. Императрица, садясь за карты и приглашая играть съ собою министровъ—датскаго и англійскаго, сказала громко, чтобъ всѣ слышали: „Нынѣшній день для меня очень радостенъ, и я хочу видѣть около себя только веселыя лица" [4]).

Глава II.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны.

Внутреннее состояніе Россіи во время первой Турецкой войны.

Съ учрежденіемъ Совѣта, Правительствующій Сенатъ въ дѣйствительности уступалъ ему первенствующее значеніе. Императрица, присутствуя очень часто въ засѣданіяхъ Совѣта, не присутствуетъ болѣе къ сенатскихъ засѣданіяхъ, объявляя свою волю на письмѣ или чрезъ генералъ-прокурора. Такъ, по поводу наказанія поручика Дубасова, убившаго приказчика граф. Разумовской, состоялась собственноручная резолюція: „Замѣня ему десятилѣтнее его̀ содержаніе въ тюрьмѣ, освободить, а Сенату разсмотрѣть, по какой причинѣ такого состоянія дѣло толь долгое время рѣшено

[1]) Архивъ Госуд. Сов. I, 297.—Сборн. Русск. Истор. Общ. V, 159.

[2]) Дѣла Французскія, 1774 года.

[3]) Дѣла Шведскія. 1774 года.

[4]) «Сборн. Русск. Истор. Общ.» XIX, 428.

не было, и впредь нашему Сенату недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобъ дѣла, правосудія требующія, толь долго безъ рѣшенія не оставались"[1]). Безъ малаго черезъ два года Сенатъ слушалъ собственноручный указъ императрицы: „Сколь ни нужно для службы и самого порядка, чтобъ по насылаемымъ изъ одного въ другое гражданское правительство повелѣніямъ вездѣ скорое и точное исполненіе дѣлано было, со всѣмъ тѣмъ однакожъ ея и. в—ство изъ многихъ дѣлъ усматриваетъ, что въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ сіе столь худо и нерадиво наблюдается, что самыя нужнѣйшія дѣла и учрежденія остаются либо не въ дѣйствіи, или не съ тою скоростію и точностію исполняются, какъ служба и важность дѣла требуютъ. Посему ея и. в—ство и повелѣваетъ Сенату не только во всѣ присутственныя мѣста о томъ накрѣпко наистрожайше подтвердить, но и самому за всѣми подчиненными мѣстами неослабно смотрѣть, чтобъ вездѣ по оному въ самой точности наблюдаемо было; если же бы гдѣ паки оказалась какая по сему неисправность,—съ таковыми поступать безъ всякаго послабленія по самой точности законовъ, и дѣла таковыя, какъ весьма нужныя, судить безъ всякаго отлагательства и уваженія, потому наипаче, что никакое учрежденіе не можетъ принесть ожидаемой пользы, покуда не будетъ въ точности и въ предписанное время исполняемо"[2]).

Но, несмотря на приказаніе Сенату смотрѣть „недреманнымъ окомъ", въ 1774 году видимъ окончаніе дѣла, начавшагося еще въ 1765. Мы упоминали, что въ этомъ году двое Малороссіянъ, Золотаренко и Черный, показали, что, во время ярмарки, подожгли Луганскую станицу и сдѣлали это по приказанію базарнаго старшины Волошеникова[3]). Послѣ Золотаренко и Черный въ военномъ судѣ съ трехъ пытокъ и огня показали, что они ярмарки не зажигали и Волошениковымъ научены не были. Волошениковъ ни въ чемъ не винился. Юстицъ-Коллегія оправдала Волошеникова, Золотаренко и Чернаго въ сожженіи ярмарки; но такъ какъ Золотаренко оказался видимымъ мошенникомъ, то приговорили бить его кнутомъ и сослать въ Оренбургъ. Сенатъ не велѣлъ Золотаренка бить кнутомъ, потому что онъ терпѣлъ лишнія пытки, а сослать только на вѣчное житье въ Таганрогъ. Золотаренко и Черный объявили, что показали на Волошеникова, не стерпя побоевъ и мученій отъ купцовъ, которые ихъ схватили на ярмаркѣ. Относительно проволочки дѣлъ замѣчательное рѣшеніе Екатерины дано было въ 1769 году, по поводу купца Попова. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ московскую Тайную Экспедицію привели изъ Камеръ-Коллегіи содержавшагося въ ней подъ карауломъ московскаго купца Михайлу Попова; содержался онъ вслѣдствіе доноса своего на коронннаго повѣреннаго Хлѣбникова, что тотъ накладываетъ на вино лишнія деньги; а въ Тайную Экспедицію привели Попова потому, что онъ, будучи подъ карауломъ, всталъ съ мѣста своего въ азартѣ и говорилъ: „Нѣтъ правосудія въ государынѣ". Екатерина дала разолюцію: „Неосторожныя Попова слова уничтожить; а его отослать въ Камеръ-Коллегію съ подтвержденіемъ о немедленномъ окончаніи его дѣла, дабы онъ видѣлъ, что есть правосудіе"[4]).

Знаменательно для характеристики времени высказались взгляды екатерининскаго Сената по поводу слѣдующихъ двухъ случаевъ. Въ 1771 году Уфимскій воевода Борисовъ донесъ Оренбургскому губернатору, а тотъ Сенату, что въ городѣ Уфѣ при соборной церкви слышанъ былъ многократно происходящій съ высоты невидимо колокольный звонъ. Сенатъ приказали: какъ вышеписанный колокольный звонъ какую ни есть простую и натуральную причину имѣетъ, то Оренбургскому губернатору, выбравъ какого-либо надежнаго человѣка, препоручить ему изыскать ту причину. Черезъ годъ Оренбургскій губернаторъ донесъ, что для изслѣдованія причины звона посыланъ былъ архитектуріи прапорщикъ Гарезинъ, который, возвратясь, донесъ, что звонъ при немъ днемъ и ночью слышанъ былъ неоднократно, только очень тихій. Замѣтивъ, что въ тихую погоду въ церковномъ куполѣ происходилъ шумъ, прохожій на шумъ отъ пчелинаго роя, Гарезинъ, въ присутствіи мѣстнаго протопопа, велѣлъ проломать куполъ; при ломкѣ отдавалось такое же эхо, и причиною явленія оказался стоящій на главѣ желѣзный съ проволокою крестъ, по снятіи котораго какъ въ церкви, такъ и въ куполѣ ничего уже слышно не было. Сенатъ приказали: Оренбургскому губернатору дать знать, что Правительствующій Сенатъ еще изъ прежняго его рапорта заключилъ, что сіе эхо не могло быть чрезвычайнымъ какимъ-нибудь дѣйствіемъ, такъ какъ воевода по легкомыслію и пустому суевѣрію къ нему, губернатору, писалъ, но отъ простой и натуральной причины, да и изыскивать оную велѣлъ не для чего иного, какъ чтобъ тамошній народъ чрезъ то вывести изъ заблужденія, а потому Сенатъ и рекомендуетъ впредь въ таковыхъ случаяхъ быть въ разсужденіяхъ своихъ осмотрительнѣе[5]).

Въ этомъ случаѣ дѣло ограничилось распоряженіями свѣтскихъ властей. Но въ 1769 году Синодъ далъ знать Сенату, что епископъ Устюжскій донесъ о появленіи въ Печерской волости города Яренска колдуновъ и волшебниковъ изъ крестьянъ мужескаго и женскаго пола, которые не только отвращаютъ другихъ отъ правовѣрія, но и многихъ заражаютъ разными болѣзнями посредствомъ червей. Сенатъ приказали: такъ какъ обманъ ихъ и колдовство состояли въ умышленіи на здоровье

[1]) Журналы Сената 2-го декабря 1769 года.

[2]) Журналы Сената 7-го ноября 1771 года.

[3]) См. выше, «Исторія Россіи» кн. VI, т. XXVI

[4]) Журналы Сената, 16-го іюня 1774 года.—Архивъ Мин. Юстиц. въ дѣлахъ Тайной Экспедиціи.

[5]) Журналы Сената, 11-го мая 1771, 21-го мая 1772 г.

другихъ людей, что и производилось на самомъ дѣлѣ, то за такое преступленіе мужчинъ отдать въ солдаты, оставя при нихъ и женъ ихъ, а незамужнихъ женщинъ и дѣвицъ отослать въ Сибирь на поселеніе. Но прежде чѣмъ это рѣшеніе достигло Яренска, колдуны были отправлены въ Сенатъ, какъ повинившіеся, что отреклись отъ вѣры и имѣли свиданія съ чортомъ, который приносилъ имъ червей: этими-то червями они и портили людей. Въ Сенатѣ крестьяне показали: что они схвачены волостными сотскими по злобѣ на нихъ кликушъ; что въ яренской воеводской канцеляріи въ разспросахъ ихъ не разъ нещадно били и этими побоями принудили виниться въ томъ, въ чемъ они вовсе не виноваты. Тогда Сенатъ предписалъ Архангельскому губернатору Яренскаго воеводу и товарища его отрѣшить отъ должности, мнимыхъ чародѣевъ освободить и отпустить, дать знать объ этомъ во всѣ губернскія, провинціальныя и городовыя канцеляріи, и въ Синодъ сообщить вѣдѣніе [1]). Въ 1772 году Синодъ далъ знать Сенату, что посланными къ архіереямъ и прочимъ духовнымъ особамъ указами запрещено имъ вступать въ слѣдственныя дѣла о чародѣйствахъ и волшебствахъ, ибо эти дѣла считаются подлежащими гражданскому суду [2]).

Мы упоминали о свидѣтельствѣ императрицы Екатерины, что она не нашла въ Сенатѣ карты Россіи. Осенью 1774 года, вѣроятно вслѣдствіе Пугачевскаго бунта, генералъ-прокуроръ предложилъ, что въ Сенатѣ нѣтъ вѣрнаго извѣстія: о разстояніи мѣстъ отъ каждаго города какъ до другихъ, съ нимъ сосѣдственныхъ, такъ губернскихъ и провинціальныхъ—къ нимъ ближайшихъ, и чрезъ какія знатныя мѣста, урочища или селенія дороги къ тѣмъ городамъ идутъ, какія на тѣхъ дорогахъ рѣки и чрезъ нихъ есть ли мосты или переправы. Приказали: послать во всѣ канцеляріи губернскія, провинціальныя и воеводскія,—велѣть означенныя росписанія прислать въ Сенатъ [3]).

Относительно жизни второстепенныхъ учрежденій въ описываемое время замѣчателенъ слѣдующій случай: президентъ Главнаго Магистрата, графъ Толстой, и прокуроръ Сушковъ были отрѣшены отъ должностей за непорядочное баллотированіе членовъ въ московскій магистратъ [4]).

Въ областномъ управленіи, попрежнему, особенною дѣятельностью отличался Новгородскій губернаторъ Сиверсъ. Въ 1769 году онъ прислалъ въ Сенатъ вѣдомости о числѣ въ его губерніи рожденныхъ, сочетавшихся бракомъ и умершихъ за прошлый 1768 годъ. Приказали: принявъ въ извѣстіе, послать къ нему указъ, что Сенатъ толь похвальное и рачительное его должности своей исправленіе благоволительно пріемлетъ, и какъ желательно, чтобъ и всѣ господа губернаторы таковыми полезными свѣдѣніями Прав. Сенатъ увѣдомляли, тѣмъ болѣе-что присланныя отъ Новгородскаго г. губернатора извѣстія ясно доказываютъ, что оное безъ наималѣйшихъ жителямъ затрудненій учинено, то сообщить о семъ похвальномъ его, могущемъ служить средствомъ къ доставленію и отъ каждаго о своей губерніи таковыхъ вѣдомостей поступкѣ чрезъ г. генералъ-прокурора [5]). Но другого рода предписаніе Сенатъ долженъ былъ послать Лифляндскому генералъ-губернатору, графу Брауну, который донесъ, что, по силѣ манифеста 1766 года, надобно выбирать головъ и предводителей на два года. Лифляндскаго земства предводитель представилъ, что скоро минетъ этому двухлѣтній срокъ, на который онъ былъ выбранъ, и потому просилъ призвать земство для выбора новаго предводителя. Земство надлежащимъ образомъ было созвано; но явился на выборы только одинъ человѣкъ, да четверо отозвались письменно: „Изъ этого“, писалъ гр. Браунъ, „я заключаю, что лифляндское земство больше предводителя выбирать и особливый корпусъ составлять не хочетъ“. Сенатъ приказалъ предписать генералъ-губернатору, что, признавая такое отрицаніе лифляндскаго земства отъ выбора предводителя весьма предосудительнымъ, онъ, Сенатъ, поручаетъ ему вразумить на этотъ счетъ тамошнее земство и подтвердить ему самымъ строгимъ образомъ, чтобъ теперь же непремѣнно приступили къ выбору новаго предводителя; если же кто и послѣ того явится ослушникомъ,—съ тѣмъ поступить по всей строгости законовъ [6]). Еще прежде, по предложенію генералъ-прокурора, Сенатъ предписалъ губернскимъ канцеляріямъ—рижской, ревельской и выборгской, чтобъ находящіеся въ нихъ канцелярскіе служители старались пріобрѣсти совершенное знаніе Русскаго языка и могли занимать высшія мѣста предпочтительно предъ тѣми, которые Русскаго языка не знаютъ, чего какъ государственное, такъ и собственное ихъ благосостояніе и польза требуютъ; въ посылаемыхъ Сенату представленіяхъ о кандидатахъ на мѣста должно именно означать, кто изъ нихъ знаетъ и кто не знаетъ Русскаго языка [7]).

Въ описываемое время присоединена была къ имперіи новая область —Бѣлоруссія Но при административномъ устройствѣ новопріобрѣтенныя земли раздѣлены были на двѣ половины, и къ одной изъ нихъ присоединена часть отъ обширной Новгородской губерніи; образованы было двѣ губерніи: первая названа Псковскою, а вторая—Могилевскою; Псковская раздѣлена на 5 провинцій, изъ которыхъ двѣ великороссійскія—Псковская и Великолуцкая, а три, присоединенныя отъ Поль-

[1]) Журналы Сената, 25-го мая 1769 и 27 января 1770.—Въ показаніяхъ колдуновъ о своихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ встрѣчаемъ удивительное сходство съ показаніями ихъ собратій въ Западной Европѣ; напримѣръ: и. они цѣловали дьявола въ podex, червей пускали на вѣтеръ, отчего и происходило кликушество.

[2]) Журналы Сената, 27-го ноября 1772.

[3]) Журналы Сената, 23-го сентября 1774.

[4]) Журналы Сената, 3-го ноября 1774.

[5]) Журналы Сената, 4-го ноября 1769.

[6]) Журналы Сената, 4-го сентября 1774 года.

[7]) Полн. Собр. Зак., № 13,376.

ши,—Двинская, Полоцкая и Витебская; Могилевская губернія раздѣлена на три провинціи—Могилевскую, Оршанскую и Рогачевскую. Губернскими городами назначены для Псковской городъ Опочка, для Могилевской—Могилевъ; губернаторами опредѣлены генералъ-маіоры: въ Псковскую—Кречетниковъ, а въ Могилевскую—Каховскій; надъ обѣими губерніями поставленъ генералъ-губернаторомъ графъ Захаръ Чернышевъ. Императрица, давъ знать Сенату 10-го сентября о присоединеніи къ Россіи нѣкоторыхъ Польскихъ земель, приказала представить мнѣніе, гдѣ этимъ новоучрежденнымъ губерніямъ состоять подъ апелляціями. Въ докладѣ Сенатъ призналъ нужнымъ, чтобъ съ самаго же начала, сколько возможно, уравнять жителей новоприсоединенныхъ земель со старинными русскими подданными, дабы теперь же пресѣчь имъ поводъ къ притязанію какого-либо особаго права себѣ на на будущее время въ вѣчную привилегію, чѣмъ еще и теперь Лифляндія, Эстляндія и Финляндія въ производствѣ дѣлъ причиняютъ нѣкоторыя затрудненія. Поэтому Сенатъ считаетъ полезнымъ подчинить эти губерніи относительно апелляціи по судебнымъ дѣламъ Юстицъ-Коллегіи, а по вотчиннымъ и земляным ъ—Вотчинной Коллегіи, по другимъ же дѣламъ—тѣмъ учрежденіямъ, въ которыхъ эти дѣла вѣдаются. Но такъ какъ личныя тяжебныя дѣла между жителями этихъ губерній производятся теперь по ихъ праву, слѣдовательно и на ихъ языкѣ, то поэтому неугодно ли будетъ повелѣть въ Юстицъ и Вотчинной коллегіяхъ учредить для этихъ губерній еще по одному департаменту и въ нихъ опредѣлить потребное число переводчиковъ Польскаго языка.

Выборъ правительственныхъ лицъ въ новопріобрѣтенныя области не вездѣ былъ удаченъ, какъ видно изъ донесенія мстиславскаго прокурора Бабаева, который писалъ о немалыхъ безпокойствахъ и несогласіяхъ по Мстиславской провинціи, такъ-что нерѣдко доходило и до смертоубійствъ. Изъ такихъ дѣлъ, вступившихъ въ провинціальную канцелярію, ни одно до сихъ поръ еще не рѣшено, въ чемъ отъ обывателей принесены жалобы на воеводу губернатору. Вслѣдствіе неприсутствія воеводы продолжительное время въ канцеляріи, не только между обывателями, но и между канцелярскими служителями и штатною командою явилась распущенность, все пришло въ разстройство, между обывателями происходятъ безпрестанныя ссоры и драки, бѣднѣйшее шляхетство, вдовы и сироты разоряются и управы найти не могутъ. Воевода, коллежскій совѣтникъ Лебедевъ, сказывается всегда больнымъ, очень рѣдко бываетъ въ канцеляріи и производитъ нѣкоторыя дѣла на дому, но о нихъ въ канцеляріи неизвѣстно; да и воеводскій товарищъ Роде, по пріѣздѣ своемъ въ канцелярію, уходитъ всякій день въ домъ къ воеводѣ, а оттуда возвращается уже въ такое время, когда изъ присутствія уже выходить должно. Помѣщица Парцевская изъ провинціальной канцеляріи повелѣній не принимаетъ и крестьянамъ повиноваться не велитъ; изъ посланныхъ командъ многимъ ея люди нанесли большія обиды и мученія, а солдата Квасова застрѣлили [1]).

Во время тяжелой шестилѣтней войны вниманіе Сената должно было особенно обращаться на цѣли, указанныя его основателемъ,—бережливость въ расходахъ, умноженіе доходовъ, снабженіе войска людьми: „денегъ какъ можно болѣе сбирать, ибо деньги суть артеріею войны“. Мы видѣли, что, вслѣдъ за объявленіемъ войны Турками, учрежденъ былъ ассигнаціонный банкъ. Тѣневая сторона этого учрежденія не замедлила обнаружиться. Въ іюнѣ 1771 года Н. И. Панинъ получилъ отъ императрицы записку, обличавшую большую тревогу; тревога обнаружилась и въ томъ, что на человѣка, завѣдывавшаго воспитаніемъ наслѣдника престола и дѣлами иностранными, возлагалось порученіе, вовсе не соотвѣтствовавшее этимъ занятіямъ. „Извольте обще съ генералъ-прокуроромъ и граф. Шуваловымъ (Андр. Петр., директоромъ ассигнаціоннаго банка) входить во всѣ подробности того приключенія, которое сегодня сдѣлалось въ банкѣ ассигнацій въ разсужденіи двадцатипятирублевыхъ бумагъ, кои передѣланы въ семидесятипятирублевыя, и что окажется, —о томъ вы мнѣ дадите знать; также положите на мѣрѣ, какъ наискорѣе можно будетъ упредить, чтобъ банковый кредитъ фальшивыми ассигнаціями не былъ поврежденъ“. На другой день новая записка: „Писалъ ко мнѣ графъ Шуваловъ, что воры его сысканы и признались; только не пишетъ, у нихъ сысканы ли готовые еще цедели, а только глухо пишетъ, что они до 5,000 рублей выиграли или 90 нумеровъ испакостили своимъ манеромъ“ [2]). Въ 1772 году производилось дѣло о двоихъ братьяхъ Пушкиныхъ, изъ которыхъ одинъ ѣздилъ за границу и привезъ оттуда штемпеля и литеры для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій, но былъ схваченъ на границѣ [3]). При учрежденіи банка было выпущено ассигнацій на милліонъ рублей, но въ началѣ 1774 года Сенату данъ былъ именной указъ объ обращеніи въ имперіи не болѣе какъ на 20 милліоновъ рублей ассигнацій съ тѣмъ, что когда взятая сумма выпущена будетъ изъ банковъ, тогда уже Сенату печатать вновь ассигнаціи единственно только на обмѣнъ присылаемыхъ отъ банковъ ветшалыхъ ассигнацій. Приказано: подтвердить всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которыя могутъ имѣть какое-нибудь дѣло съ банками, чтобъ они крайне остерегались представлять обязательство и требовать отпуска ассигнацій, не имѣя дѣйствительно въ сборѣ слѣдуемой по тому наличной монеты въ полномъ количествѣ, не полагаясь отнюдь на то, что эта монета въ скоромъ времени вступитъ [4]). Старый банкъ для дворянства донесъ Се-

[1]) Журналы Сената, 12-го сентября 1772; 5-го іюня 1774 г.

[2]) «Сборн. Русск. Истор. Общ.» XIII, 116, 117.

[3]) Осмнадцатый вѣкъ I, 69 и слѣд.

[4]) Журналы Сената, 13-го января 1774.

нату о злоупотребленіяхъ, съ которыми не имѣетъ средствъ бороться: „Хотя", писалъ банкъ, „всякая подлежащая строгость и осторожность къ отвращенію подлога въ закладномъ имѣніи употребляется, однако число преступниковъ не только не уменьшается, но еще отъ времени до времени умножается", и потому проситъ, чтобы, повелѣно было о всѣхъ фамиліяхъ, сколько за кѣмъ мужеска пола душъ и въ какихъ уѣздахъ состоятъ, Камеръ-Коллегіи прислать именной списокъ, къ которому банкъ сдѣлаетъ алфавитъ, и при выдачѣ денегъ будетъ справляться, подлинно ли закладываемое имѣніе состоитъ за заимщикомъ, не продано ли и не заложено ли. Сенатъ сначала рѣшилъ: предписать Камеръ-Коллегіи составить списокъ, сообщить его въ банкъ; но потомъ, чрезъ нѣсколько недѣль, перемѣнилъ свое рѣшеніе и велѣлъ отвѣчать банку: такъ какъ эти вѣдомости безъ крайняго затрудненія сочинены быть не могутъ, а указами уже предписано, какія при дачѣ взаймы денегъ предосторожности банкъ наблюдать долженъ, то и поступать ему на основаніи предписанныхъ указовъ [1]).

Въ октябрѣ 1769 года былъ публикованъ указъ во всенародное извѣстіе: „Настоящая нынѣ война съ Турками, умножая расходы противу того, какъ было въ мирное время, требуетъ, чтобъ и доходы государственные по мѣрѣ той надобности умножаемы были. И хотя при такомъ обстоятельствѣ нужда требовала бы. въ способствованіе общей обороны и безопасности, наложить на народъ особливую подать, однакожь ея и. в—ство, имѣя матернее о своемъ народѣ попеченіе, изыскиваетъ способы, чтобъ и при сихъ обстоятельствахъ, поелику возможно, не отягощать вѣрноподданныхъ ея общенародными налогами, но замѣнять оные возвышеніемъ такихъ государственныхъ доходовъ, которые не отяготительны. Таковъ есть принадлежащій коронѣ доходъ отъ питейной во всемъ государствѣ продажи". Вино велѣно продавать по три рубля ведро; на пиво и медъ прибавить по 5 копѣекъ на ведро; на французскую водку прибавить пошлины по три рубля на анкеръ [2]).

Въ 1769 году императрица поручила двоимъ извѣстнымъ дѣльцамъ, Волкову и Теплову, изыскать, какую подать на нынѣшнее военное время купечество и мѣщанство должны платить, причемъ составители проекта обязаны были держаться непремѣнныхъ правилъ: 1) чтобъ всеобщая тягость была сколько можно уравнительнѣе въ разсужденіи всего государства; 2) чтобъ не число душъ, но состояніе городовъ и ихъ промысловъ и торговъ приняты были во вниманіе; 3) въ числѣ купечества и мѣщанства и тѣхъ надобно разумѣть, которые хотя и выключены изъ подушнаго оклада, но пользуются фабриками, заводами и другими мѣщанскими промыслами; 4) такъ какъ эта подать есть временная, а не всегдашняя, то смотрѣть, чтобъ она соотвѣтствовала времени. Волковъ и Тепловъ нашли, что такихъ фабрикъ, на которыхъ работа производится ткачествомъ, въ 1769 году было 230; фабрикъ такихъ, на которыхъ работа не ткачествомъ производится, 256: на первыхъ — 12,771 станъ, на вторыхъ — ежегодно обращается капитала 921,534 рубля. Желѣзныхъ заводовъ 111, и на нихъ ежегодно обращается капитала 1.192,540; мѣдныхъ заводовъ 48, и на нихъ обращается капитала 780,175. Число купечества съ цеховыми 228,209 [3]). Въ докладѣ своемъ Волковъ и Тепловъ объяснили, что ими было принято правило: если нужда требуетъ наложить новую подать, то принять въ основаніе старую и по ней возвысить временную новую, ибо такъ дѣлается во всемъ свѣтѣ. Они нашли, что не будетъ отяготительно, если ежегодно платимыя подати съ фабрикъ и заводовъ будутъ удвоены; этимъ способомъ получится 287,646 рублей. На томъ же основаніи уравняется и купечество, если на него къ нынѣшнему сорокаалтынному окладу прибавится по полтора рубля на душу. Государственные крестьяне платятъ столько же, а именно: по 2 рубля оброчныхъ и по 70 копѣекъ подушныхъ. Правда, что бѣдный въ мелкихъ городахъ мѣщанинъ не имѣетъ выгодъ государственнаго крестьянина, но правда и то, что только лѣнь и нерадѣніе причиною ихъ бѣдности, и что зажиточные мѣщане всегда большую часть бѣдныхъ. какъ и теперь, будутъ оплачивать, тогда какъ крестьянинъ, по большей части, самъ себя оплачиваетъ. Всего мѣщанства, по послѣдней переписи, 228,209 душъ, слѣдовательно временный налогъ принесетъ 342,313 рублей. Этимъ способомъ казна каждый годъ въ военное время получитъ новаго дохода 629,959 рублей [4]). На основаніи этого доклада, изданъ былъ указъ о новой подати 30-го октября того же года [5]).

Но если должны были уплачивать налоги, то прежде всего должны были постараться добрать старыя подати и отвратить явленія, вредившія финансовымъ мѣрамъ. Въ началѣ 1769 года Сенатъ принужденъ былъ признаться, что хотя сборъ подушныхъ денегъ и взысканіе доимки преимущественно возложены на попеченіе губернаторовъ, но сколько со стороны Коммисаріата и Военной Коллегіи старанія ни было, и сколько Сенатъ ни посылалъ подтвержденій,—все осталось безъ дѣйствія: не только прежнихъ лѣтъ доимка не выбрана, но и вновь, отъ одного нерадѣнія, накопляется, такъ-что Коммисаріатъ по 1768 годъ считаетъ всей доимки 644,000 рублей; къ тому же и донесеній Коммисаріатъ въ свое время не получаетъ, напротивъ: еще оказывается упрямство и ослушаніе, какъ то доказываетъ поступокъ московской губернской канцеляріи секретаря и

[1]) Журналы Сената 1-го и 27-го мая 1770.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 13,369.

[3]) Записки съ этими цифрами въ Государ. Архивѣ.

[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 326—329, 362—377.

[5]) Полн. Собр. Зак., № 13,375.

канцелярскихъ служителей, которые, будучи Коммисаріатомъ задержаны въ канцеляріи, осмѣлились отбивать часового, поставленнаго у дверей. Сенатъ приказалъ опять подтвердить губернаторамъ, чтобъ старались взыскивать доимку[1]). Разумѣется, гораздо легче было взыскать казенныя деньги съ одного или нѣсколькихъ извѣстныхъ лицъ. Оказалось, что бывшій Казанскій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ купилъ у сенатора, графа Ивана Ларіоновича Воронцова въ казну вино по превосходнымъ цѣнамъ и въ такое время, когда его вовсе не нужно было покупать, и оттого произошелъ казенный убытокъ на 31,511 рублей. Для вознагражденія этого убытка взыскали съ откупщика Шемякина 9,675 рублей, да опредѣлено еще взыскать съ него же и съ другого откупщика Бѣлавина 5,084 рубля, а остальные 16,740 рублей взыскать съ Квашнина-Самарина. Сенатъ приказалъ взыскать съ Воронцова и Квашнина-Самарина[2]). Жаловались на контрабанду, и гр. Минихъ подалъ императрицѣ проектъ для ея прекращенія: купцы въ таможняхъ должны получать ярлыки за руками всѣхъ таможенныхъ служителей, съ прописаніемъ званія и количества товаровъ и сколько къ ящикамъ или тюкамъ приложится печатей, дабы никто изъ купцовъ въ дорогѣ, не доѣхавъ до учрежденнаго мѣста, не отважился распечатать, вынуть и распродавать подъ страхомъ конфискаціи всѣхъ товаровъ. Когда купцы съ товарами къ назначеннымъ городамъ пріѣдутъ, то караулы должны проводить ихъ въ главное мѣстное правительство, гдѣ товары свидѣтельствуются, и если что̀ найдется сверхъ ярлыка, конфискуется; если же все явится исправно, то купцамъ вольно продавать товары. Во всѣхъ пограничныхъ городахъ и селахъ по церквамъ читать, чтобъ разночинцы, а особливо крестьяне, къ поимкѣ контрабандистовъ болѣе пріохочены были. Такъ какъ бо̀льшая часть купцовъ съ контрабандою надѣются пріобрѣсть большіе барыши въ главнѣйшихъ городахъ, особенно въ Москвѣ, то надобно учредить тамъ контору вѣдомства Главной Канцеляріи надъ таможенными сборами, которую поручить одному вѣрному человѣку съ хорошимъ жалованьемъ и потребнымъ числомъ служителей: онъ долженъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ Москву купцовъ осматривать и, найдя какіе-нибудь таможенные безпорядки, давать знать канцеляріи; по подозрѣнію осматривать дома и лавки купцовъ, у которыхъ предполагается контрабанда. Императрица передала проектъ на разсмотрѣніе Сенату, который представилъ, что при уничтоженіи внутреннихъ таможенъ и переносѣ пошлинъ къ гаванямъ и пограничнымъ таможнямъ предполагалось менѣе милліона рублей сбора, а вышло болѣе милліона. иногда получается полтора милліона, почему Сенатъ и не видитъ прямой надобности отмѣнять такое учрежденіе, которое до сихъ поръ, принося казнѣ немалую прибыль, приноситъ и купечеству большую пользу, доставляя свободное и безостановочное обращеніе. Свидѣтельство по ярлыкамъ товаровъ у тѣхъ, на кого никакого подозрѣнія нѣтъ, будетъ весьма несправедливо и для купечества тягостно; купечеству нельзя будетъ избѣгнуть привязокъ и такого же разоренія, какое во время внутреннихъ таможенъ было. Крестьянство отъ частаго напоминанія въ церквахъ поощрено будетъ къ свободному грабежу товаровъ подъ именемъ сохраненія казеннаго дохода. Сенатъ не утверждаетъ, чтобъ на границахъ не происходило упущенія пошлинъ: и прежде это замѣчалось, а теперь въ Боевской пограничной таможнѣ открылось прямое воровство директора и другихъ управителей; но Сенатъ причины тому полагаетъ слѣдующія: 1) слишкомъ большое число таможенъ, при чемъ купецъ можетъ ѣхать въ какую ему угодно, гдѣ имѣетъ надежду на послабленіе въ пошлинахъ; 2) служащіе при таможняхъ назначаются изъ разнаго рода людей сомнительной нравственности; 3) таможни стоятъ очень низко между учрежденіями, и чиновники въ нихъ не могутъ служить изъ одного честолюбія и усердія къ отечеству. Потому Сенатъ полагаетъ: давать на границахъ и въ гаваняхъ ярлыки купцамъ только для того, чтобъ въ случаѣ доноса можно было купцу оправдаться; уменьшить количество таможенъ; опредѣлить въ нихъ чиновныхъ людей заслуженныхъ и честныхъ, дать имъ хорошее жалованье[3]).

Въ 1769 году государственный доходъ простирался до 16.996,902 рублей, причемъ въ недоимкѣ осталось 983,856. Въ 1773 году доходъ простирался уже до 23.611,300 рублей, причемъ изъ доимокъ вступило 2.835,823, осталось въ недоимкѣ прошлыхъ лѣтъ 4.544,017 рублей, а отъ того же 1773 года 4.103,102[4]). Въ 1774 году, по окончаніи Турецкой войны, генералъ-прокуроръ объявилъ Сенату, что императрица приказала разсмотрѣть о государственныхъ доходахъ, нѣтъ ли между ними тягостныхъ, которые слѣдуетъ сложить. Сенатъ, разсмотрѣвши, рѣшилъ: 1) сложить всѣ подати, которыя наложены для бывшей Турецкой войны, какъ-то—контрибуціи въ Лифляндіи, съ купцовъ прибавочныя подушныя, также съ фабрикъ и заводовъ; 2) сложить нѣкоторыя собираемыя по мѣстамъ подати (съ стругового и лодочнаго караула, красильнаго промысла, съ харчевенъ, съ камней, съ полковъ, съ кузницъ, постоялыхъ дворовъ, бритовныхъ избъ и проч.); 3) съ выдаваемыхъ купечеству и крестьянству паспортовъ сбирать половину. По этому рѣшенію убывало пошлинъ на 807,683 рубля[5]).

Кромѣ денегъ, война требовала усиленной поставки рекрутъ. Мы видѣли, что немедленно же

[1]) Журналы Сената, 11-го февраля 1769.
[2]) Журналы Сената, 11-го декабря 1771.
[3]) Журналы Сената, 18-го марта 1769
[4]) «Сборн. Русск. Истор. Общ.» V, 232, 233.
[5]) Журналы Сената, 9-го сентября 1774 года.

было сдѣлано распоряженіе о взятіи въ военную службу священно-и церковно-служительскихъ дѣтей, живущихъ праздно при отцахъ и родственникахъ. Мѣра эта вызвала многочисленныя жалобы на неправительности, вслѣдствіе чего одинъ архіерей (Тамбовскій) лишился епархіи; вскрылись странности, въ родѣ слѣдующей: въ Москвѣ, при разборѣ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей кремлевскихъ ружныхъ осьми церквей, состоящихъ въ вѣдомствѣ Мастерской и Оружейной Конторы, оказались сверхъ штата многіе церковнослужители, не только въ это званіе не произведенные архіереемъ, но и не имѣющіе письменныхъ видовъ ни отъ какого духовнаго правительства; они были церковно-служителями на основаніи указовъ, данныхъ имъ изъ Мастерской и Оружейной конторы, за подписью присутствующихъ въ ней. Сенатъ приказалъ: всѣхъ этихъ дьячковъ и пономарей, состоявшихъ сверхъ штата, записать въ военную службу, а Мастерской и Оружейной Конторѣ предписать, чтобъ онѣ впредь сами собою въ означенныя церкви служителей не опредѣляли, но, выбравъ достойныхъ, представляли архіерею [1]).

По другимъ отношеніямъ къ церковному правительству Сенатъ находился въ затруднительномъ положеніи по дѣламъ раскольничьимъ. Съ одной стороны, правительство высказывало терпимость и предписывало кроткія мѣры: раскольникамъ возвращались гражданскія права, напримѣръ, позволено было допускать ихъ къ присягѣ и свидѣтельству по дѣламъ суднымъ; правительство не желало употребленія внѣшнихъ принудительныхъ средствъ; но внутреннихъ средствъ не было, ибо разсылка по церквамъ и монастырямъ книжки „Раскольникамъ увѣщанія" не могла замѣнить живыхъ устныхъ увѣщаній, разумной и горячей проповѣди со стороны Православнаго духовенства; а между тѣмъ расколъ почувствовалъ ослабленіе внѣшнихъ средствъ—и началъ дѣйствовать смѣлѣе. Синодъ далъ знать Сенату, что въ 1765 году изъ заграничной слободы Вѣтки раскольниками вывезена церковь и поставлена близъ раскольничьихъ слободъ Климовой и Митковки: въ этой церкви совершается служба по старопечатнымъ книгамъ; въ недавнемъ времени въ принадлежащей къ слободѣ Злынкѣ мѣстности, близъ рѣки Ипути, въ лѣсу, въ урочищѣ Малійномъ Островѣ, построена небольшая церковь и служба отправляется. А сверхъ того, по справкѣ въ Синодѣ, оказалось, что еще имѣются построенныя раскольниками часовни: одна недалеко отъ Саратова, за Волгою, по рѣкѣ Иргизу, при которой и колокола мѣдные имѣются, другая—въ крѣпости Св. Елисаветы, въ пригородной слободѣ, третья—Царевосанчурскаго заказа въ дворцовой Устинской волости, въ починкѣ Ларіонова; въ этихъ часовняхъ раскольники для моленья публично во множествѣ собираются, да и правовѣрныхъ христіанъ отъ церквей Божіихъ отлучаютъ. Сенатъ рѣшилъ поднести императрицѣ докладъ, что Сенатъ согласенъ со Св. Синодомъ относительно уничтоженія означенныхъ церквей и часовенъ, чтобъ отъ нихъ правовѣрнымъ смущенія и развращенія послѣдовать не могло [2]).

Но являлись секты, которыя не строили церквей и часовенъ. По поводу появленія скопческой ереси, въ половинѣ 1772 года императрица дала полковнику Волкову любопытный указъ. „Слухъ носится, будто бы въ Орловскомъ уѣздѣ оказался новый родъ нѣкоторой ереси, и будто бы дѣйствительно въ орловское духовное правленіе приведено уже нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ разныхъ помѣщиковъ, въ той ереси найденныхъ. Въ таковыхъ случаяхъ ничего нужнѣе не бываетъ, какъ, съ одной стороны, утушеніе въ самомъ началѣ подобныхъ безразсудныхъ глупостей, а съ другой — сохраненіе и безопасность множества людей отъ прицѣпокъ и забираній въ какомъ ни есть нижнемъ судебномъ мѣстѣ, паче же отъ всякихъ иногда невиннымъ людямъ быть могущихъ привязокъ и притѣсненій. Въ разсужденіи сего повелѣли мы васъ отправить въ городъ Орелъ, гдѣ имѣете напередъ у тамошняго воеводы и въ духовномъ правленіи навѣдаться, дѣйствительно ли состоитъ тамъ таковое дѣло, и гдѣ оно производится. Если найдете, что подобное слѣдствіе начато, то имѣете истребовать къ себѣ сіе дѣло и всѣхъ людей, кои донынѣ приведены; получая же о всемъ полное свѣдѣніе, должны вы, обще съ тамошнимъ воеводою и его товарищемъ, изыскать прежде всего, кто сей вредной ереси зачинщикъ и кто ее надъ другими въ дѣйство производилъ; буде донынѣ сіи люди не сысканы, то велите ихъ сыскать немедленно. Всѣхъ же въ семъ дѣлѣ участвующихъ вины раздѣлить на три класса: 1) начинщикъ, или начинщики, и тѣ, кои другихъ изуродовали; 2) тѣ, кои, бывъ уговорены, другихъ на то приводили; 3) тѣхъ простяковъ, кои, бывъ уговорены, слѣпо повиновались безумству наставниковъ; о тѣхъ же, кои по сю пору не забраны,—стараться и вамъ должно, узнавъ ихъ имена и жилища, безъ крайней надобности ихъ не забирать, а единственно дать знать подъ рукою ихъ начальникамъ, чтобъ за ними имѣли бдѣнное смотрѣніе, дабы воздержаны были отъ всякихъ иногда неистовствъ. По окончаніи слѣдствія, съ первыми имѣете поступить какъ съ возмутителями общаго покоя, т. е. высѣчь кнутомъ въ тѣхъ жилищахъ, гдѣ они проповѣди свои производили и гдѣ болѣе людей уговаривали, и потомъ сошлите ихъ въ Нерчинскъ вѣчно; вторыхъ—велите высѣчь батожьемъ и сошлите въ фортификаціонную работу въ Ригу, а третьихъ—разошлите на прежнія ихъ жилища. Мы за нужное находимъ здѣсь прибавить, чтобы вы при слѣдствіи поступили для изысканія правды безъ всякаго истязанія и самымъ кротчайшимъ

[1]) Журналы Сената, 23 іюня 1769.

[2]) Журналы Сената, 9-го іюня 1769.—Собраніе постановленій по части раскола I, 655, 660.

образомъ, и что если найдете, что забраны невинные люди, то старайтесь оныхъ наискорѣе отпустить безвредно въ ихъ жилища; чѣмъ же скорѣе и безъ дальней огласки сіе дѣло изслѣдовано и окончено будетъ,—тѣмъ, по существу сего рода дѣлъ, полезнѣе быть можетъ, ибо чѣмъ менѣе къ нему отъ правительства окажется уваженія, тѣмъ менѣе утвердится безумство таковое въ несмысленныхъ умахъ и, слѣдовательно, тѣмъ скорѣе исчезнетъ привлеченная къ нему мысль людская. Не меньше же находимъ мы за нужное вамъ прибавить, чтобы вы сіе дѣло трактовали какъ обыкновенное гражданское, а отнюдь не инако, и для того и въ раздѣленіи винъ вамъ стараться, чтобы наказаны были гражданскія преступленія" [1]).

Несмотря на это объявленіе скопчества, какъ дѣла гражданскаго, а не церковнаго, Церковь должна была заняться имъ, когда жены двѣнадцати оскопленныхъ крестьянъ, возвращенныхъ помѣщику, подали просьбу о позволеніи вступить имъ во второй бракъ. Синодъ рѣшилъ, что эти женщины, какъ ни въ чемъ невиновныя, имѣютъ право отвергнуть отъ себя супруговъ, которые бракомъ возгнушались и тѣмъ уничтожили благословеніе Церкви, данное имъ на супружество. Позволивъ женамъ скопцовъ вступать въ новый бракъ, относительно самихъ скопцовъ Синодъ постановилъ: семь лѣтъ не допускать ихъ до Св. Причащенія, кромѣ смертнаго случая, а исповѣдываться имъ дважды въ годъ [2]).

Въ 1769 году нѣсколько раскольническихъ учителей были сосланы въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости для опредѣленія въ военную службу, причемъ Военной Коллегіи было предписано имѣть за ними наикрѣпчайшее наблюденіе, чтобъ они между собою никакого сообщенія не имѣли и прелести своей не разсѣвали. Но предписаніе не исполнялось. Воронежскій губернаторъ донесъ Сенату, что одинъ изъ такихъ сосланныхъ, солдатъ Степанъ Кузнецовъ, часто отлучаясь отъ своей команды на прежнее свое мѣсто жительства въ Воронежъ, распространялъ въ этомъ городѣ расколъ; особенно усердными его ученицами явились женщины, изъ которыхъ двѣ крестьянки — Варвара Ефимова и дочь сержанта Овчинникова, дѣвица Акулина,—торжественно на площади проповѣдывали народу о необходимости двуперстнаго сложенія. У раскольниковъ нашли четыре псалма, которые они пѣли въ своихъ собраніяхъ, причемъ Акулина Овчинникова и мать ея, Мавра, показали, что пѣть эти псалмы научилъ ихъ Богъ. Сенатъ наикрѣпчайше подтвердилъ, чтобъ сосланные въ крѣпости за отступленіе отъ благочестія отнюдь не были отпускаемы на прежнія жилища, но прибавилъ распоряженіе: изъ всѣхъ вступившихъ теперь о раскольникахъ въ Сенатъ дѣлъ сочиня экстрактъ, отослать въ Св. Синодъ на его примѣчаніе съ тѣмъ, чтобъ благоволилъ духовнымъ властямъ дать наставленіе—при случаѣ производства слѣдствій о какихъ-нибудь суевѣріяхъ, подлежащіе духовному суду,—люди требованы были въ консисторію со всевозможнымъ осмотрѣніемъ и осторожностію, чтобъ какъ-нибудь и такимъ, которые къ суевѣріямъ непричастны, не могло быть причинено ни малѣйшаго притѣсненія и чрезъ то „не произвесть бы существительнаго вида инквизиціи" [3]). Мы видѣли, что Синодъ указывалъ на построеніе раскольниками часовни съ колоколами на рѣкѣ Иргизѣ. Узнали, что на обѣихъ рѣкахъ Иргизахъ образовались раскольничьи скиты, служащіе убѣжищемъ для бѣглыхъ, вслѣдствіе чего Сенатъ предписалъ Казанскому губернатору Бранту отправить туда команду и осмотрѣть всѣ скиты вдругъ, чтобъ раскольники не могли укрыться изъ одного скита въ другой; этимъ способомъ въ нихъ найдено бѣглыхъ разнаго званія мужчинъ и женщинъ 44 человѣка [4]).

Такого же рода щекотливыя отношенія продолжались по дѣламъ магометанъ. Синодъ жаловался, что въ Казани, вопреки прежнимъ указамъ, построены мечети подлѣ православныхъ церквей, и что прежній губернаторъ Квашнинъ Самаринъ, съ позволенія котораго это сдѣлано, объявилъ о полученіи имъ на это устнаго указа отъ императрицы. На докладъ Сената объ этомъ Екатерина велѣла отвѣчать: „Какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и она, изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его святой волѣ, и въ семъ поступаетъ, желая только, чтобъ между подданными ея всегда любовь и согласіе царствовали; а впрочемъ ея в—ство приказать соизволили Сенату объявить, что бывшій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ дозволеніе строить каменныя мечети сдѣлалъ въ сходственность даннаго большого наказа 494, 495 и 496 статей" [5]). Мѣсяца черезъ два Синодъ далъ знать Сенату, что магометане, пріѣзжая въ Барабинскую степь, обращаютъ въ свою вѣру обращенныхъ недавно въ христіанство идолопоклонниковъ, и хотя Сибирскій губернаторъ въѣздъ туда Татарамъ и Бухарцамъ запретилъ, однако все же происходятъ отъ нихъ разныя обольщенія: такъ, разглашаютъ, будто бы изъ Сената присланъ указъ, которымъ позволено имъ и мечети тамъ строить, отчего новокрещеные, пришедши въ соблазнъ, перестали ходить въ церковь, особенно же къ исповѣди и причастію. Сенатъ приказалъ: „Тобольскому губернатору предписать, чтобъ онъ не запрещалъ магометанамъ совершенно въѣзда къ новокрещенымъ, ибо они могутъ пріѣзжать для торговли, а приказалъ бы только накрѣпко смотрѣть, чтобъ они не совращали новокрещенъ въ свою вѣру. Что же касается наказанія кнутомъ совратившихся изъ христіан-

[1]) Собр. постановл. по части раскола I, 663.
[2]) Собр. постановл. по части раскола I, 668.
[3]) Журналы Сената, 7-го ноября 1772 года.—Собр. постановл. по части раск. I, 669.
[4]) Журналы Сената, 17-го іюня 1773 года.
[5]) Журналы Сената, 29-го мая 1773.

ства, то отъ него совсѣмъ удержаться и стараться приводить ихъ въ благочестіе посредствомъ духовныхъ лицъ однимъ увѣщаніемъ и ласкою, а не наказаніемъ. Что же касается разглашенія, будто бы дозволено строить мечети, даже и каменныя, то губернаторъ долженъ ихъ увѣрить, что это разглашеніе неосновательно [1]).

Мы видѣли, что Екатерина при своемъ основномъ стремленіи дѣйствовать противъ безнравственныхъ явленій средствами нравственными, а не жестокостію наказаній, обращалась за помощію къ Церкви, какъ то поступлено было въ дѣлѣ Жуковыхъ. И въ описываемое время она продолжала поступать такимъ же образомъ преимущественно въ дѣлахъ по убійствамъ крестьянъ своими помѣщиками. О дворянкѣ Мориной, убившей свою крѣпостную, Екатерина написала: „Посадить на 6 недѣль на хлѣбъ и на воду, и сослать въ женскій монастырь на годъ въ работу". По рѣшенію Екатерины, бѣлозерскіе помѣщики Савины, за убійство крестьянина, посажены въ тюрьму на полгода и потомъ преданы церковному покаянію. Капитанша, вдова Кашинцева, за прижитіе съ человѣкомъ своимъ младенца и несносное тѣлесное наказаніе служанки, отъ котораго та повѣсилась, приговорена была на шесть недѣль въ монастырь на покаяніе. Жена унтеръ-шихмейстера Гордѣева была присуждена къ содержанію мѣсяцъ въ тюрьмѣ и церковному покаянію за истязаніе своей дворовой, отъ котораго та скоро умерла. Сенатъ при этомъ приказалъ взять съ нея подписку, чтобъ она впередъ отъ такихъ наказаній удержалась; но императрица перемѣнила сенатское рѣшеніе и написала: „Отдать ее мужу съ тѣмъ, чтобъ онъ ее впредь до такой суровости подъ своимъ отвѣтомъ не допускалъ".

Сенатъ подалъ докладъ о наказаніи генералъ-маіорши Эттингеръ за побои крестьянину, отъ которыхъ тотъ умеръ; императрица написала на докладѣ: „Вдова Эттингерша сама на себя показываетъ, что она человѣка своего сѣкла за такія дѣла, кои изслѣдовать не ей, но городской юстиціи надлежитъ, и тако присвоивала себѣ судейской власти, ибо побѣги, воровство и подобное не подлежатъ домашнему слѣдствію и наказанію, чего примѣтить дать надлежитъ второму сенатскому департаменту, дабы сходственно законамъ власть судебная была охраняема отъ особенныхъ вступленій въ оной". Сенатъ отвѣчалъ: „Чтобъ и другіе владѣльцы въ принадлежащія гражданской юстиціи дѣла собою не вступали, какъ на то точнаго положенія нѣтъ, собирать о семъ въ коммисіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія для положенія на сіе закона". Но Екатерина написала на это: „Которой коммисіи и о томъ положеніе сдѣлать, что съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ". По извѣстіямъ о дурномъ обращеніи со своими крѣпостными генералъ-маіорши Храповицкой, Сенатъ получилъ именной указъ:— опредѣлить опекуна, который бы, отобравъ отъ кого надлежитъ о ея доходахъ свѣдѣніе, принялъ домъ ея въ свое содержаніе и опредѣлилъ людямъ ея такое пропитаніе и одежду, которыхъ бы безъ излишества довольно было, а достальное отдавать ей на содержаніе, и чтобъ оные люди, въ случаѣ ихъ преступленія, наказаніемъ зависѣли отъ него, сохраняя притомъ должное отъ нихъ ей почтеніе и повиновеніе.

Кромѣ приведенныхъ случаевъ дурного обращенія съ крѣпостными людьми, истязаній и смертоубійствъ, крѣпостныя отношенія, составляя главный интересъ землевладѣльцевъ, увлекали ихъ въ другого рода преступленія; кромѣ того, крѣпостные люди являются удобными, послушными орудіями преступленій. Сенатъ приговорилъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь жену прапорщика Ѳедосью Чегодареву за подговоръ ею къ побѣгу дворовой дѣвицы жены лейтенанта Тормасова и за прочіе непорядки. Екатерина написала на докладѣ: „Вмѣсто тѣлеснаго наказанія, содержать ее двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ, лиша дворянства, послать въ Сибирь". Такому же наказанію, по рѣшенію императрицы, была подвергнута дворянка Ингельдеева за то, что продала бѣглаго, перемѣнивъ ему имя. Сенатъ приговорилъ къ смертной казни отставного подпоручика Карпова за то, что онъ съ людьми своими приходилъ на сотскаго, изъ однодворцевъ, Кутепова, ранилъ его самъ изъ ружья и билъ дубинами, отчего Кутеповъ черезъ сутки умеръ; Екатерина перемѣнила этотъ приговоръ такъ: „Лишить дворянства и чиновъ и, поставя подъ висѣлицу, заклеймить лобъ словомъ „разбойникъ" и потомъ сослать вѣчно на работу". Сенатъ приговорилъ ко кнуту и ссылкѣ въ Нерчинскъ отставного сержанта, кн. Ивана Мещерскаго, за сочиненіе для проѣзда подложнаго письма и за кражу у разныхъ людей пожитковъ; Екатерина перемѣнила: „Лиша дворянства, сослать въ Сибирь". То же наказаніе опредѣлила императрица дворянамъ Сущову и дѣвицѣ Чертановой за содержаніе ими въ домахъ своихъ разбойниковъ и краденыхъ пожитковъ. Лишеніе дворянства и чиновъ, заклейменіе подъ висѣлицею буквою „У" (убійца) и вѣчную работу на Нерчинскихъ заводахъ императрица опредѣлила отставному капитану Ѳтяеву за то, что онъ людямъ своимъ позволилъ убить до смерти свою жену. Отставной поручикъ Лесковъ убилъ бѣглаго человѣка; жена его и свояченица Родичева знали объ этомъ и не донесли; императрица написала рѣшеніе: „Лескова, лишивъ чиновъ и дворянства, заклеймить подъ висѣлицею буквою „У" и сослать на Нерчинскіе заводы въ работу; жену освободить; Родичеву заключить на покаяніе въ тюрьму". По рѣшеніямъ императрицы, содержана двѣ недѣли на хлѣбѣ и на водѣ и сослана въ Сибирь прапорщица Васильева, за подговоръ къ кражѣ и побѣгу чужой крѣпостной дѣвушки. Лишенъ дворянства, чина и сосланъ въ

[1]) Журналы Сената, 29-го іюля 1773.

Сибирь прапорщикъ Ильинъ за держаніе въ домѣ своемъ разбойниковъ и за взятье отъ нихъ себѣ пожитковъ. Посажена на четыре недѣли на хлѣбъ и воду, лишена дворянства и сослана въ Сибирь капитанша Моуринова—за подговоръ людей своихъ, чтобъ они перваго мужа ея, поручика Епанчина, спящаго, задушили подушкою, что они и сдѣлали. Лишенъ чина и сосланъ въ ссылку прапорщикъ Симбирскій—за битье пономаря, который черезъ два дня умеръ. Лишенъ дворянства, чиновъ и сосланъ въ Сибирь полковникъ Рачинскій - за убійство. Посажена на четыре недѣли на хлѣбъ и на воду, лишена мужней и отцовской фамиліи, заклеймена буквою „У" и сослана въ Сибирь жена отставного прапорщика Авдулова, за убійство мужа; дочь ея, соумышленница матери, держана двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ, и сослана въ Сибирь. Одинакому съ Авдуловой наказанію за убійство мужа подверглась подпоручица Симонова. Лишены дворянства и сосланы въ Сибирь гвардіи сержантъ Варахеевъ, за заложенное въ банкъ чужое имѣніе и склоненіе чужого двороваго человѣка къ воровству; гвардіи капралъ Юрьевъ—за ложно проданнаго чужого двороваго человѣка; поручикъ Тяпкинъ—за продажу бѣглыхъ; прапорщикъ Стохановъ—за подложную продажу чужого человѣка въ рекруты. О прапорщицѣ Скриницыной, продавшей бѣглаго чужого человѣка, императрица написала: „Посадить на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду, и если мужъ взять ее къ себѣ не пожелаетъ, сослать въ Сибирь, лиша дворянства" Помѣщикъ Култашевъ лишенъ дворянства, заклейменъ и сосланъ въ каторжную работу вѣчно, за убійство двоихъ родныхъ братьевъ; жена его, бывшая виновницею ссоры, окончившейся убійствомъ, сослана въ женскій монастырь въ работу; сынъ ихъ, подпоручикъ Прохоръ, который хотя и отговаривалъ отца и мать отъ злого предпріятія, однако принужденъ былъ сдѣлать невольное послушаніе, лишенъ чина и записанъ въ солдаты до выслуги. Лишенъ дворянства, чиновъ, фамиліи, выведенъ на эшафотъ, положенъ на плаху, заклейменъ и сосланъ вѣчно въ работу отставной капитанъ Турбинъ, за убійство крѣпостной своей дѣвушки. Сосланъ въ монастырь на покаяніе отставной провіантмейстеръ Нелединскій за то, что сѣкъ мать свою плетьми, а сестру билъ палкою [1]).

Этотъ длинный скорбный листъ можетъ быть объясненъ скороспѣлымъ указомъ Петра III-го, которымъ позволялось дворянамъ выходить въ отставку, когда захотятъ. На службѣ человѣкъ и съ дурными наклонностями сдерживался дисциплиною служебною, не могъ предаваться праздности, сдерживался самимъ обществомъ, въ которомъ постоянно долженъ былъ находиться и которое необходимо расширяло его умственную сферу, увеличивало количество высшихъ интересовъ, развивало его. Но теперь онъ имѣлъ возможность въ молодыхъ лѣтахъ вырваться изъ-подъ служебной дисциплины и поселиться въ деревнѣ; изъ подчиненнаго, трепетавшаго передъ гнѣвнымъ взглядомъ старшаго офицера, онъ становился полновластнымъ господиномъ надъ рабствующимъ, безгласнымъ населеніемъ; чѣмъ болѣе онъ былъ приниженъ на службѣ, ибо находился въ низшихъ чинахъ,—тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ разнуздываться теперь: господиномъ становился рабъ. Совершенная праздность, невѣжество, неумѣнье заняться чѣмъ-нибудь, умственно и нравственно развивающимъ, отсутствіе общества, которое могло бы развивать въ этихъ отношеніяхъ, вели къ нравственному паденію. Женщины, по страстности своей природы, по легкости, съ какою онѣ поднимаются вверхъ и спускаются внизъ, были тутъ еще ближе къ искушенію, чѣмъ мужчины. Должно прибавить, что бѣдность, при отсутствіи нравственныхъ сдержекъ, могла сильно побуждать къ преступленіямъ въ родѣ сманиванія крѣпостныхъ, продажи бѣглыхъ, пристанодержательства. Пронскій дворянскій предводитель доносилъ Сенату, что, при собраніи дворянъ для раскидки жеребьевъ къ поставкѣ рекрутъ, явилось къ нему болѣе 200 дворянскихъ сыновей съ объявленіемъ, что усердно желаютъ вступить въ службу, но только не въ состояніи явиться гдѣ надлежитъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ ни платья, ни обуви не имѣютъ. Сенатъ приказалъ: для сохраненія вольности дворянства, Московскому губернатору поручить, чтобъ онъ отъ этихъ недорослей отобралъ челобитныя объ опредѣленіи на службу. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ требовалъ указа, что повелѣно будетъ дѣлать съ малолѣтними дворянскими дѣтьми, которыхъ отцы по бѣдности своей пропитать не могутъ; Сенатъ приказалъ опредѣлять ихъ въ гарнизонныя школы на казенное содержаніе [2]).

Но, приводя этотъ скорбный листъ, мы не можемъ не замѣтить, что преступленія помѣщиковъ относительно крестьянъ не могли быть утаены и наказывались. Относительно преступленій крестьянъ противъ помѣщиковъ, любопытно рѣшеніе Сената въ 1769 году: когда прочтена была выписка губернаторскихъ рапортовъ, которыми доносилось о происходившихъ отъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей противъ помѣщиковъ, непослушаніяхъ, смертоубійствахъ, разбояхъ и грабежахъ, то Сенатъ приказалъ сдать выписку въ архивъ, потому что объ отвращеніи такихъ злодѣйствъ губернаторами надлежащія распоряженія сдѣланы. Отмѣтимъ важнѣйшіе случаи. Въ 1769 году, въ Симбирской провинціи, наказаны были крестьяне села Ишевки за непослушаніе помѣщицѣ Кротковой. Въ то же время Воронежскій губернаторъ до-

---

[1]) Журналы Сената, 9-го іюня 1769; 21-го октября 1770 г., 28 октября того же года; 12-го января 1771; 16-го марта того же года; 18-го ноября того же года; 8 и 15-го февраля 1772; 21-го октября и 29-го ноября 1773; 7-го февраля 1774; Полн. Собр. Зак. № 13,262.

[2]) Журналы Сената, 17-го января 1772; 22-го іюля 1773 г.

носилъ о непослушаніи владѣльцамъ Нарышкинымъ Малороссіянъ, поселившихся въ слободахъ Красовкѣ, Еланп, Руднѣ и Краснояровкѣ, изъ которыхъ живущіе въ первыхъ двухъ слободахъ командою въ послушаніе приведены. Въ 1771 году подтверждено было постановленіе Петра Великаго о непродажѣ крестьянъ безъ земли; въ именномъ указѣ Екатерины говорилось: учинить запрещеніе какъ конфискаціи, такъ и всѣмъ аукціонистамъ, чтобъ отнюдь отъ сего числа однихъ людей безъ земли съ молотка не продавали, чего всѣмъ градоначальникамъ смотрѣть накрѣпко. Относительно приписныхъ къ заводамъ крестьянъ было опредѣлено давать имъ деньги за тѣ дни, которые они употребятъ на дорогу къ заводамъ; и относительно приписки крестьянъ стали наблюдать осторожность, что видно изъ слѣдующаго рѣшенія Сената о Вознесенскомъ мѣдиплавильномъ заводѣ: послать указы къ Казанскому и Оренбургскому губернаторамъ, чтобъ они, снесясь другъ съ другомъ, представили сообща свое мнѣніе, какія изъ крестьянскихъ государственныхъ селеній, состоящихъ въ ихъ губерніяхъ, удобнѣе приписать къ Вознесенскому заводу, въ какомъ разстояніи отъ заводовъ и одно отъ другого они находятся, и сколько въ каждомъ селеніи душъ; причемъ губернаторы должны объявить, какъ они полагаютъ: полезнѣе ли перевести крестьянъ къ заводу, или только приписать; Бергъ-Коллегіи приказать донести Сенату, есть ли при Вознесенскомъ заводѣ столько пашенныхъ и сѣнокосныхъ земель и другихъ угодій, чтобъ ими душъ до 1,000 переведенцевъ безнуждно можно было удовольствовать; Коллегія должна донести и о томъ, какой способъ къ переселенію крестьянъ она находитъ удобнѣйшимъ, и какое сдѣлать имъ для этого вспоможеніе и на какомъ основаніи. На востокѣ волненій заводскихъ крестьянъ не видимъ; но за то обнаружилось сильное волненіе на западѣ,—на Петровскихъ олонецкихъ заводахъ [1]).

Первою причиною къ волненіямъ здѣсь было принужденіе крестьянъ, сверхъ обычныхъ работъ, ломать еще мраморъ для построенія Исаакіевскаго собора. Эта работа была съ нихъ сложена; но другія работы были усилены. Съ нихъ стали требовать поставки 1,000 кучъ уголья, тогда какъ кузницы могли издерживать только треть этого количества; они видѣли, что хотятъ строить четыре новыя кузницы, тогда какъ руды на нихъ не стало бы и на одинъ годъ. Тутъ является между ними искатель приключеній, извѣстный банкротъ Иванъ Назаровъ Елагинъ, и начинаетъ имъ внушать, что если они подадутъ просьбу императрицѣ и предложатъ платить по три рубля съ души, то будутъ освобождены отъ работы. Крестьяне повѣрили, послали просьбу, и, въ ожиданіи отвѣта на нее, начали отказываться отъ работы: это было лѣтомъ 1770 года. Сенатъ отправилъ въ приписныя селенія слѣдственную коммисію, которая донесла, что объявляли во всѣхъ селеніяхъ сенатскій указъ крестьянамъ о непремѣнномъ и безотговорочномъ повиновеніи въ исполненіи всѣхъ налагаемыхъ на нихъ работъ, и прилагали всевозможное стараніе, чтобъ крестьяне повиновались указу, но они отговариваются разными причинами и въ работу идти не хотятъ; всего болѣе виноваты въ этомъ регистраторъ Назимовъ и крестьянинъ Калистратовъ; коммисія оканчивала свое донесеніе тѣмъ, что надобно употребить какую-нибудь строгость. Сенатъ былъ недоволенъ этимъ донесеніемъ,—нашелъ: что коммисія не вступила ни въ какое настоящее разсмотрѣніе дѣла по данной ей инструкціи; не изслѣдовала, дѣйствительно ли крестьяне не въ состояніи отбывать работы; не изслѣдовала, достаточно ли ихъ число для этого отбыванія; также не видно въ производствѣ дѣла коммисіею того усердія, какого требуетъ важность порученнаго ей слѣдствія, и потому рѣшилъ, что такъ какъ заводы и крестьяне находятся въ Новгородской губерніи, то и предложить губернатору Сиверсу, чтобъ онъ, какъ хозяинъ губерніи, отправился на мѣсто, гдѣ коммисія производится, взялъ ее въ свое вѣдомство и, разсмотря причину крестьянскаго ослушанія, прежде всего постарался всевозможными средствами привесть непослушныхъ въ должное повиновеніе; способы же, какъ удобнѣе это сдѣлать, Сенатъ возлагаетъ на извѣстное его благоразуміе и попеченіе. Потомъ, приведя крестьянъ въ повиновеніе, губернаторъ долженъ разсмотрѣть ихъ жалобы и отягощенія заводскими работами и, въ случаѣ дѣйствительной невозможности для крестьянъ исправлять заводскія работы, долженъ сдѣлать вновь обо всемъ надлежащее и съ благосостояніемъ крестьянъ сходственное учрежденіе.

Сиверсъ не отправился на мѣсто производства слѣдствія. Въ письмѣ своемъ къ императрицѣ онъ говоритъ, что его оклеветали передъ нею, будто бы онъ не хотѣлъ ѣхать на мѣсто слѣдствія, тогда какъ онъ именно просился туда ѣхать. Немного дней спустя онъ получилъ приказаніе императрицы ѣхать на польскую границу. Несмотря на то, онъ разсмотрѣлъ дѣло и высказалъ свое мнѣніе о средствахъ успокоить умы; но мнѣніе это было отвергнуто съ жестокостію. Сиверсъ оканчиваетъ письмо словами: „Я рѣшился молчать и молчалъ бы, если бы не слыхалъ глухихъ жалобъ, которыхъ причины должны быть важны, если жалобы слышатся такъ издалека“. Мнѣніе Сиверса, пересланное имъ въ Сенатъ, состояло въ слѣдующемъ: главная причина ослушанія крестьянъ состояла въ чрезвычайно тягостномъ и безпорядочномъ нарядѣ работниковъ и поставкѣ матеріаловъ въ самую рабочую пору; крестьяне, лишаясь такимъ образомъ возможности снискивать пропитаніе отъ своихъ земледѣльческихъ занятій, пришли въ отчаяніе, тѣмъ болѣе что хотя и состоялась новая оцѣнка для уплаты за работу на заводахъ, но до

[1]) Журналы Сената, 5 и 27-го мая, 9-го сентября 1769; 8-го августа 1771; 7-го мая 1772.

нихъ извѣстіе объ этомъ еще не дошло. Другою причиною отчаянія этого несчастнаго народа были непорядки правленія петрозаводской канцеляріи. Третьею причиною можно принять посланную туда потомъ коммисію изъ трехъ разнаго званія людей, которые упражнялись въ перепискахъ и дѣйствовали не съ тѣмъ согласіемъ, какого можно было бы надѣяться въ томъ случаѣ, если-бъ отправлена была одна знатная особа. Сенатъ, получа это донесеніе, подалъ императрицѣ докладъ: „Хотя Сиверсъ о главныхъ причинахъ неустройства и непослушанія доноситъ, но такъ какъ онъ самъ на мѣстѣ не былъ, то Сенатъ мнѣнія его утвердить не можетъ и рѣшаетъ отправить туда изъ генералитетскихъ чиновъ особу, которой поручить ту коммисію въ полную дирекцію, и для этого избираетъ генералъ-маіора Лыкошина". Императрица утвердила докладъ.

Это распоряженіе объ отправкѣ Лыкошина было послѣднимъ въ 1770 году. Въ самомъ началѣ 1771 года генералъ-прокуроръ получилъ именной указъ: изъ прошенія государственныхъ крестьянъ вѣдомства канцеляріи Петровскихъ заводовъ ея в—ство усмотрѣть изволила, что изъ тѣхъ же крестьянъ опредѣлены и къ каменной ломкѣ вновь для строенія здѣшней соборной Исаакіевской церкви, и потому указать соизволила, что такое этихъ крестьянъ опредѣленіе ни мало съ намѣреніемъ ея в—ства не сходствуетъ, тѣмъ болѣе что ея в—ство и стат. совѣт. Кожину, представлявшему о такомъ распоряженіи, именно отказала, повелѣвъ мраморную ломку производить вольнонаемными людьми. — Но черезъ недѣлю послѣ этого Сенатъ слушалъ донесеніе слѣдственной коммисіи при Петровскихъ заводахъ, что крестьяне еще въ началѣ 1770 года освобождены отъ мраморной ломки и напрасно утруждали императрицу своимъ челобитьемъ, что, какъ мы видѣли, подтверждается и письмомъ Сиверса.

Съ марта начались донесенія Лыкошина. Онъ причиною всѣхъ неустройствъ, запущенныхъ доимокъ и отчасти дерзости полагалъ то, что хотя старосты опредѣляются по мірскому выбору, но эти выборы превратились въ одинъ обрядъ, а въ дѣйствительности старосты опредѣляются тѣми крестьянами, которые почитаются въ волостяхъ первѣйшими и богачами, большею частію изъ преданныхъ имъ креатуръ, исполняющихъ потому ихъ волю, безграмотные и такіе бѣдные, что по начетамъ взыскать съ нихъ нечего; сами же богачи, управляя ими, что хотятъ, то и дѣлаютъ. Въ доказательство, Лыкошинъ представилъ поданное ему отъ Шуйскаго погоста донесеніе съ указаніемъ, какую власть и силу имѣетъ въ томъ погостѣ крестьянинъ Коротяевъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Лыкошинъ доносилъ, что всѣ его старанія усмирить волнующихся крестьянъ безуспѣшны; что съ крестьянъ сказки взяты. Изъ этихъ сказокъ было видно, что надворный совѣтникъ Елагинъ бралъ подписку отъ крестьянъ, обнадеживая ихъ, что представитъ ее въ собственныя руки императрицы и исходатайствуетъ удовлетвореніе ихъ желанію, чтобъ, вмѣсто зарабатыванія положенныхъ на нихъ окладовъ заводскими работами, платить имъ по три рубля съ души; и вообще своими разговорами Елагинъ подалъ немалый поводъ ко крестьянскому волненію и ослушанію; кромѣ того, укрывалъ въ своей квартирѣ приходившихъ въ Петербургъ просителей, несмотря на данную имъ въ Сенатѣ подписку. Лыкошинъ требовалъ такъ же отрѣшенія полковника Винтера, который, будучи главнымъ членомъ коммисіи и зная поступки Елагина, не удерживалъ его отъ нихъ. Сенатъ исполнилъ требованія Лыкошина.

Вслѣдствіе безуспѣшности увѣщаній, Лыкошинъ отправилъ для усмиренія крестьянъ команду, подъ начальствомъ капитана Ламсдорфа. Прибывъ въ село Кижи, команда нашла толпу народа, тысячъ до пяти, вооруженную винтовками, рогатинами и другимъ оружіемъ; толпа встрѣтила команду бранью и угрозами перебить всѣхъ солдатъ; требовала, чтобъ именной указъ былъ присланъ прямо въ руки крестьянъ. Ламсдорфъ, находя свою команду слабою, принужденъ былъ отступить; крестьяне провожали отступавшихъ верстъ восемь криками: „Счастливы, что стрѣльбы не начали"! Сенатъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, приказалъ отправить къ возмутившимся капитанъ-поручика Ржевскаго съ подлиннымъ манифестомъ, если не будутъ вѣрить печатному; но Ржевскій не долженъ былъ отдавать манифеста никому изъ крестьянъ въ руки, а хранить при себѣ; долженъ былъ читать печатный манифестъ тамъ, гдѣ будетъ больше волнующагося народа, не обращая вниманія на многолюдность скопища и вооруженіе; гдѣ есть церкви,—заставлять читать священниковъ или дьяконовъ, а гдѣ нѣтъ,—то старостъ въ земскихъ избахъ; если же будетъ очень много народу,—то на сборныхъ площадяхъ, внушая всѣмъ и каждому, что преступленіе ихъ было слѣдствіемъ наученія коварныхъ людей изъ ихъ же братьи; что какъ скоро всѣ придутъ въ повиновеніе, то жалобы ихъ немедленно будутъ разсмотрѣны; въ противномъ же случаѣ не будетъ имъ никакой милости. Послѣ этого Лыкошинъ увѣдомилъ Сенатъ, что крестьянамъ по жалобамъ ихъ дѣлается всякое удовлетвореніе. Понявши это, они 15-го іюня, при доношеніи отъ 8,990 душъ, подали въ коммисію объявленіе, гдѣ говорили, что признаютъ свой проступокъ, что были обмануты ложными обнадеживаніями своихъ же собратій, и такъ какъ теперь они приведены въ лучшее положеніе, то обязываются быть послушными во всемъ. Лыкошинъ писалъ, что со времени прибытія Ржевскаго пришли еще въ повиновеніе 3,105 душъ и безотговорочно вступили въ работы; для приведенія же въ повиновеніе остающихся непослушными крестьянъ посланъ полковникъ кн. Урусовъ. И на это донесеніе Сенатъ отвѣчалъ: стараться сколько возможно привести въ повиновеніе и остальныхъ крестьянъ безъ стро-

гости и жестокостей; всѣ силы употребить для скорѣйшаго разсмотрѣнія и удовлетворенія крестьянскихъ жалобъ и тѣмъ окончить всѣ ихъ неудовольствія. Но желаніе Сената не исполнилось: коммисія донесла, что кн. Урусовъ, прибывъ съ командою въ Кижскую треть, сколько ни прилагалъ старанія привести крестьянъ къ должному повиновенію кроткими средствами,—цѣли своей не достигъ, почему принужденъ былъ приказать выстрѣлить изъ пушки и лишить жизни нѣкоторыхъ крестьянъ, послѣ чего остальные объявили себя послушными и уже вступили въ работу [1]).

Сиверсъ не переставалъ ходатайствовать за крѣпостныхъ крестьянъ; онъ писалъ императрицѣ: „Позволеніе, данное дворянамъ посылать на поселеніе кого имъ угодно изъ своихъ крестьянъ, причемъ судья не смѣетъ спрашивать—за что,—это позволеніе производитъ ежедневно трогательныя зрѣлища. Крестьянинъ, котораго нельзя сдать въ рекруты по малому росту или другому какому-нибудь недостатку, долженъ отправляться въ ссылку въ зачетъ будущаго набора, котораго помѣщикъ боится въ будущемъ въ году, и многіе даже продаютъ эти квитанціи. Признаюсь, не проходитъ дня, чтобъ сердце мое не вооружалось противъ такой привилегіи Сибирь выигрываетъ относительно мало, если обратить вниманіе на разстояніе и потери въ людяхъ на дорогѣ“ [2]). Сенатъ принялъ другую мѣру для заселенія Сибири. Онъ сдѣлалъ запросъ Коллегіи-Экономіи, сколько въ Московской провинціи такихъ экономическихъ селъ и деревень, которыхъ жители имѣютъ недостатокъ въ землѣ и сколько изъ нихъ въ другія мѣста выселить можно. Коллегія отвѣчала, что она представитъ объ этомъ немедленно по собраніи справокъ, прибавивъ, что и по одному Московскому уѣзду оказывается значительный недостатокъ въ земляхъ. На это Сенатъ приказалъ: предписать Коллегіи-Экономіи, чтобъ она представила, какъ можно скорѣе, свѣдѣніе, сколько крестьянскихъ семей за недостаткомъ земель можно выселить въ Сибирь, чтобъ Сенатъ могъ основательно донести императрицѣ, какъ удобнѣе заселить ими нужныя мѣста въ Сибири, и какъ, напротивъ того, мало пользы можетъ принести пріемъ на поселеніе помѣщичьихъ людей и крестьянъ, когда бы онъ возобновился [3]).

Заводскіе крестьяне волновались, жалуясь на невыносимую тягость работъ, и, въ то же время, крестьяне, бѣгавшіе отъ разнаго рода тягостей, находили убѣжище на заводахъ. Сернейская воеводская канцелярія доносила, что на заводахъ Демидова явно принимаютъ и содержатъ въ работѣ бѣглыхъ, а притомъ даютъ имъ и подложные паспорты [4]).

[1]) Письма Сиверса въ Государств. Архивѣ.—Журналы Сената 10-го сентября, 16-го ноября 1770; 7 и 14 января, 4 и 11-го марта, 4-го апрѣля, 6 и 18 іюля 1771 г.

[2]) Письмо отъ 8-го іюня 1772 года въ Государств. Архивѣ.

[3]) Журналы Сената, 19-го ноября 1774.

[4]) Журналы Сената, 29-го октября 1773.

Въ городахъ не было спокойно. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ донесъ Сенату объ обидахъ, озорничествахъ, побояхъ и убійствахъ, причиненныхъ разнымъ помѣщикамъ тихвинскими жителями. Сенатъ приказалъ назначить слѣдствіе и прибавилъ: такъ какъ изъ этого представленія и изъ прежнихъ дѣлъ усматривается, что такое неустройство, драки и убійства происходятъ отъ колокольнаго набата, производимаго безо всякой нужды и безъ дозволенія властей, тогда какъ звонъ въ набатъ позволяется только въ случаяхъ пожаровъ, непріятельскихъ и разбойничьихъ нападеній, то обнародовать указы, чтобъ впредь, кромѣ означенныхъ случаевъ, никто не смѣлъ бить въ набатъ при началѣ частныхъ ссоръ и дракъ. Подполковникъ Рязановъ, посланный съ командою для доставленія въ Саратовъ подрядныхъ лѣсовъ для колонистовъ, подалъ жалобу, что на дорогѣ, въ Сызрани, городскіе жители прибили его, ограбили и сожгли бывшія при немъ бумаги. Но въ то же время поступили доношенія отъ сызранскихъ купцовъ, пахотныхъ солдатъ и городового депутата, что Рязановъ и команда его сильно обижали гражданъ, позволяя себѣ насилія надъ женщинами и дѣвицами. Смоленскій губернаторъ доносилъ, что въ Вязьмѣ у тамошняго купечества и магистратскихъ присутствующихъ происходятъ большія ссоры и драки съ находящимися тамъ воинскими чинами; кромѣ того, откупщикъ Барышниковъ жалуется на учрежденнаго тамъ отъ купечества подъ магистратскимъ вѣдомствомъ полицейскаго старосту Зуева, который поступаетъ противъ заключеннаго съ Барышниковымъ контракта, попускаетъ купцамъ производить многія драки для защиты корчемниковъ. Для прекращенія этого, губернаторъ предлагалъ не разъ вяземскому магистрату сдать полицейское управленіе воеводскому товарищу, который будетъ зависѣть отъ губернатора, но магистратъ не слушается и употребляетъ въ своихъ представленіяхъ неприличныя выраженія и нареканія, относящіяся къ нему, губернатору. Въ то же время вяземскій магистратъ, жалуясь на губернатора, просилъ оставить полицейское управленіе въ своемъ вѣдомствѣ по силѣ магистратскаго регламента. Сенатъ рѣшилъ: довольно видны вяземскаго магистрата губернатору ослушанія, укоризны и дерзкія выраженія, лицу и власти губернатора, какъ хозяина въ губерніи, неприличныя, и для того послать указъ въ Главный Магистратъ объ отрѣшеніи настоящихъ членовъ вяземскаго магистрата и опредѣленія на мѣсто ихъ другихъ, по выбору тамошняго купечества, причемъ Главный Магистратъ долженъ нарядить отъ себя нарочнаго депутата для произведенія слѣдствія надъ смѣненными; другихъ слѣдователей долженъ назначить губернаторъ. Дерзость вяземскаго магистрата состояла въ томъ, что онъ писалъ къ губернатору, какъ три раза доносилъ ему о незаконныхъ высылкахъ вина и причиненныхъ Барышниковымъ двоимъ купцамъ разореніяхъ, о другихъ обидахъ и неплатежѣ положен-

наго оклада; но губернаторъ оправдалъ во всемъ Барышникова и поручилъ полицейское управленіе вяземскому воеводскому товарищу Богданову, большому пріятелю Барышникова, на что магистратъ не согласился и послалъ просьбы въ Главный Магистратъ и самый Сенатъ.

Но далеко не такъ остался доволенъ Сенатомъ Бѣлгородскій губернаторъ Фливернъ въ столкновеніи своемъ съ членами курскаго магистрата. Фливернъ жаловался, что курскій магистратъ не допустилъ записаться въ купечество и въ цехъ курскихъ однодворцевъ, которые уже устроили кожевенные заводы, сапожное и другія ремесла; губернаторъ просилъ наказать членовъ курскаго магистрата и подтвердить Главному Магистрату, чтобъ въ припискѣ этихъ однодворцевъ въ цехъ не было запрещенія. Но Сенатъ рѣшилъ: такъ какъ изъ показанныхъ съ обѣихъ сторонъ обстоятельствъ онъ не находитъ побудительныхъ причинъ къ наказанію курскаго магистрата,—напротивъ, представляемыя послѣднимъ основанія находитъ справедливыми, то означенныхъ однодворцевъ, исключа изъ цеховъ, возвратить опять въ прежнее состояніе; и такъ какъ подобныя дѣла, по существу своему, принадлежатъ исключительно магистратамъ, то губернатору впередъ отнюдь въ нихъ не вступаться.

Изъ Каргополя пришло извѣстіе, что тамъ страшные непорядки между купечествомъ, по соляному сбору и по прочимъ дѣламъ упущенія и казнокрадства; купцы били тирански секретаря Пятницкаго, и когда губернаторъ назначилъ слѣдствіе, то доноситель, копіистъ Поповъ, найденъ въ рѣкѣ съ камнемъ на шеѣ; а крестьяне, одобряя воеводу, товарища его и секретаря, просили, чтобъ купеческимъ затѣйнымъ просьбамъ не вѣрить: купцы несправедливо показываютъ, будто воевода, товарищъ его и секретарь притѣсняли крестьянъ. Рыльская воеводская канцелярія доносила, что тамошніе купцы Выходцевы, собравшись многолюдствомъ, не пустили къ себѣ команду, посланную для выемки у нихъ корчемнаго вина, и вообще дѣлаютъ откупщикамъ многія обиды и озорничества, а рыльскій магистратъ, потворствуя имъ, нужныхъ къ слѣдствію людей не присылаетъ.

Продолжавшіяся жалобы на міроѣдовъ попрежнему обличали слабость городовой общины, недостаточную еще способность къ самоуправленію. Гжатскіе купцы—Санбуровы, Гурьевъ и Емельяновъ—жаловались на присутствующихъ тамошней ратуши, что они завладѣли принадлежащими купечеству землями; съ тѣхъ амбаровъ и лавокъ, которыми владѣютъ, десятой части въ казну не платятъ; мѣста отводятъ подъ поселеніе неудобныя; въ торгахъ дѣлаютъ препятствія; двоихъ капитальныхъ купцовъ по злобѣ отдали на поселеніе, съ зачетомъ въ рекруты. Тамбовскіе купцы Иванъ Меньшой Кузьминъ, Василій Расторгуевъ, Матвѣй Бородинъ и Григорій Бѣляевъ доносили, что бургомистръ тамбовскаго магистрата Толмачовъ тамбовскимъ купцамъ—Бородинымъ, Расторгуевымъ и Бѣляеву далъ аттестаты для ихъ торговыхъ промысловъ и подрядовъ не противъ ихъ капиталовъ, но съ большимъ излишествомъ, и теперь изъ тѣхъ купцовъ Расторгуевъ поѣхалъ для откупа питейныхъ сборовъ. Сенатъ приказалъ: 35 человѣкъ тамбовскихъ купцовъ показали, что аттестаты подписаны Толмачевымъ безъ согласія всего купечества, единственно только потому, что Бородинъ и Расторгуевъ, безъ совѣту прочихъ купцовъ, ходя по домамъ и лавкамъ, собираютъ подписки, чтобъ быть Толмачеву бургомистромъ, чего купечество не желаетъ; слѣдовательно, заключаетъ Сенатъ, нельзя увѣриться, чтобъ означенные аттестаты были справедливы, тѣмъ болѣе-что и по нынѣшнему содержанію упомянутыми купцами питейныхъ сборовъ состоитъ на нихъ доимки около 9,000 рублей: такъ какъ поэтому къ торгамъ питейныхъ сборовъ ихъ допускать сомнительно, то пусть Главный Магистратъ разсмотритъ немедленно,—аттестаты имъ даны согласно ли камеръ-коллежскому регламенту [1]).

Мы видѣли, что съ самаго начала войны внутренняя охрана была ослаблена, вслѣдствіе чего надобно было ожидать умноженія разбоевъ. Лихвинская воеводская канцелярія дала знать о разбитіи 7 человѣкъ купцовъ разбойническою шайкою въ 30 человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ Сенатъ получилъ извѣстіе, что по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ и Бѣлой оказались великіе разбои, желѣзнымъ караванамъ Демидовыхъ и Твердышева чинятся грабежи и находящимся на нихъ людямъ разныя мучительства; Сенатъ приказалъ Казанскому и Нижегородскому губернаторамъ препятствовать и ловить; но легко ли было исполнять приказаніе? Около Саратова, въ колоніяхъ, явились разбойничьи шайки: двухъ человѣкъ убили, нѣсколько селеній съ хлѣбомъ и скотомъ сожгли, грозя и впередъ дѣлать то же. На Камѣ насчитывали 14 разбойничьихъ шаекъ, въ каждой отъ 7 до 15 человѣкъ. Разбои начались въ Шацкомъ и Касимовскомъ уѣздахъ и въ Темниковскомъ лѣсу. Такъ было въ 1769 году. Въ слѣдующемъ 1770, Казанскій губернаторъ донесъ, что по рѣкамъ Вяткѣ, Камѣ, Волгѣ и Сурѣ весною появились разбойничьи многолюдныя шайки, которыя убиваютъ и разоряютъ обывателей; для поимки отправлены команды, и 38 разбойниковъ поймано. Осенью разбойники напали на Фролищеву пустынь (Владимірской епархіи), всю разграбили, строителя били мучительски, допытываясь денегъ. Тогда же получены были извѣстія о разбояхъ въ Слободско-Украинской, Воронежской губерніи, въ Уфимской и Галицкой провинціяхъ. Потомъ появились въ Балахнѣ, въ Тамбовскомъ уѣздѣ. Сила и дерзость ихъ дошла дотого, что они напали на

[1]) Журналы Сената, 20 мая, 12-го іюня, 13-го іюля, 23 сентября 1769 года; 6-го мая 1770; 30 апрѣля 1772; 4 сентября 1773; 4-го февраля и 10 іюня 1774.

Кайгородъ, разорили и пожгли обывательскіе дома, пограбили деньги соляного сбора [1]).

Но недостаточность войска для охраненія порядка всего яснѣе оказалась въ Москвѣ во время бѣдствія, причиненнаго такъ-же Турецкою войною. Мы видѣли, что русское войско, по вступленіи въ Молдавію, встрѣтило тамъ врага гораздо опаснѣе Турокъ,—чуму. Въ концѣ лѣта 1770 года она перешла русскія границы, быстро распространилась по Малороссіи, начала появляться и на границахъ Великой Россіи, въ Сѣвскѣ и Брянскѣ. Московскую губернію съ юга окружили заставами, приняли обычныя карантинныя мѣры, велѣно было и самую Москву обнести палисадникомъ или рогатками; но послѣдняя мѣра осталась безъ исполненія. Въ концѣ года (17 декабря) чума появилась въ отдаленной части Москвы,—въ Лефортовѣ, въ маломъ госпиталѣ, находившемся на Введенскихъ горахъ. Главный докторъ госпиталя, Шафонскій, далъ знать Медицинской Конторѣ объ опасной болѣзни, далъ знать и оберъ-полиціймейстеру Бахметеву, а тотъ донесъ главнокомандующему въ столицѣ, графу Петру Семен. Салтыкову, что, по словамъ доктора, съ 17 декабря въ госпиталѣ умерло 14 человѣкъ опасною болѣзнью, и двое больныхъ остаются. 22-го декабря Салтыковъ писалъ императрицѣ: „Имѣющій дирекцію надъ госпиталью, генералъ-маіоръ Фаминцынъ пріѣхалъ только сегодня поутру и подалъ рапортъ ничего значущій и что у нихъ ничего опаснаго нѣтъ. Ваше императорское величество изволитъ усмотрѣть изъ репортовъ оберъ-полиціймейстера, да и отъ Медицинской Конторы, что зараза уже началась въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Фаминцынъ все зналъ, и для чего таилъ? Г. оберъ-полицеймейстеръ человѣкъ весьма проворный и рачительный: я бы желалъ, чтобъ всѣ здѣшніе правители такъ были исправны и мнѣ въ такихъ нужныхъ обстоятельствахъ помогали“.

Въ тотъ же самый день, 22-го декабря, собрали совѣтъ изъ медиковъ—Эразмуса, Шкіадана, Кульмана, Мертенса, фонъ-Аша, Венеміанова, Зыбелина и Ягельскаго; единогласно было рѣшено, что болѣзнь должно считать моровою язвою. То же самое докторъ Мертенсъ подтвердилъ Салтыкову, и совѣтовалъ ему оцѣпить госпиталь, что и было исполнено. 25-го декабря, донося объ этомъ распоряженіи, Салтыковъ писалъ императрицѣ: „Не надѣясь на себя, призывалъ я доктора Мертенса и требовалъ его совѣту, который мнѣ и далъ на все то, что уже сдѣлано; кромѣ того, онъ требуетъ, чтобъ въѣздъ въ Москву всѣмъ запретить, что никоимъ образомъ сдѣлать не можно: въ такомъ великомъ городѣ столько людей, кои питаются привознымъ харчемъ, кромѣ помѣщиковъ, и тѣ получаютъ изъ своихъ деревень; товары къ портамъ везутъ чрезъ Москву; всѣ мяса, рыба и прочее все черезъ здѣшній городъ идетъ; низовые города, Украйна—со всѣхъ сторонъ ѣдутъ,—воспретить невозможно. Изъ Украйны же проѣздъ, кажется, необходимъ: кромѣ курьеровъ, армія требуетъ многаго,—необходимо посылать должно кого для подрядовъ и пріему вещей въ полки“.

Наступилъ 1771 годъ. Изъ Москвы стали приходить успокоительныя извѣстія; 4-го января Салтыковъ писалъ: „Нынѣ оная болѣзнь утихаетъ, холодное время немало тому способствуетъ; уже нѣсколько дней на Введенскихъ горахъ болѣе о ней не слышно. Пріѣзжающихъ изъ опасныхъ мѣстъ велѣно вездѣ гвардіи офицерамъ накрѣпко осматривать; но изъ ѣдущихъ ни одинъ не имѣетъ ни малаго виду, хоть бы билетъ или паспортъ; здѣсь же, около Москвы, отъ полиціи заставы; а какъ нынѣ зима, всѣ рвы снѣгомъ занесло, то вездѣ переѣзды, а коннаго разъѣзда учредить не изъчего, ибо и послѣдній полкъ почти весь въ расходѣ“. 15-го января главнокомандующій доносилъ: „Въ госпиталѣ на Введенскихъ горахъ, гдѣ было оказалась язва, и тамъ все кончилось. О болѣзни же прямо донесть не могу — тамъ была или нѣтъ, пока же, кромѣ двухъ подлѣкарей, кои и нынѣ тамъ заперты, никто тамъ не бывалъ. Главнаго госпиталя докторъ (Шафонскій) просилъ Медицынскую Контору, чтобъ освидѣтельствовать, но ни одинъ докторъ не поѣхалъ, и разсуждали заочно. Нынѣ я призывалъ здѣшняго физикуса (Риндера) и посылалъ туда; онъ ѣздилъ, но только съ госпитальнымъ докторомъ черезъ огонь говорилъ, и тотъ его упрекалъ, что по многимъ посылкамъ ни одинъ не былъ“.

Холода прекратили болѣзнь; но вотъ уже февраль,—начинаетъ таять: съ тепломъ язва можетъ вернуться, и Салтыковъ предлагаетъ противъ этого мѣры. 7-го февраля онъ пишетъ императрицѣ: „Весна приближается; не изволите ли приказать всѣхъ больныхъ (т.-е. изъ госпиталя) изъ Москвы вывесть по разнымъ монастырямъ, верстъ отъ 15 до 50, по малому числу въ каждый, отрядивъ лѣкарей, что монастырямъ никакой тягости не учинитъ, ибо малое число больныхъ будетъ на чистомъ воздухѣ; а Москва и безъ госпиталей довольно нечистотъ имѣетъ, оный же госпиталь весьма въ неудобномъ мѣстѣ, вверху Яузы, откуда нечистота идетъ въ городъ. Не худо бы и праздношатающихся изъ города къ веснѣ убавить: городъ людный, строеніе мелкое и тѣсное“. Императрица не согласилась на перемѣщеніе больныхъ въ окрестные монастыри, и Салтыковъ отъ 28-го февраля далъ знать, что главный госпиталь отъ караула освобожденъ и больныхъ туда принимать велѣно: въ маломъ же госпиталѣ, на Введенскихъ горахъ, два покоя, гдѣ была заразительная болѣзнь, а съ прочими, находящимися въ той же связи ветхими и почти ничего нестоящими покоями, со всѣмъ, что въ нихъ было, сожжены, по совѣту генералъ-кригсъ-коммисара Глѣбова и оберъ-полиціймейстера Бахметева.

[1]) Журналы Сената, 4 и 25-го іюня, 18 октября, 4 и 9 ноября 1769 года; 14-го іюня, 11-го октября и 22 ноября 1770; 25 іюля и 5-го сентября 1771; 21 октября 1773 г.

Въ то время какъ огонь истреблялъ ветхое строеніе малаго госпиталя на Введенскихъ горахъ, язва похищала свои жертвы въ самой срединѣ Москвы. 13-го марта Салтыковъ донесъ: „Сего марта 10-го получилъ я отъ доктора Ягельскаго рапортъ о оказавшейся въ Большомъ Суконномъ дворѣ, что близъ Каменнаго моста, на берегу Москвы-рѣки, прилипчивой болѣзни, коею померло съ генваря мѣсяца по нынѣшнее число 123 человѣка, да больныхъ осталось 21". Салтыковъ послалъ туда пять лѣкарей, которые, по осмотру, заключили, что болѣзнь есть гніючая, прилипчивая, заразительная и очень близко подходитъ къ язвѣ. Въ Москвѣ, какъ мы знаемъ, съ 1763 года было два департамента Сената,—пятый и шестой, которымъ принадлежало принятіе мѣръ въ важнѣйшихъ случаяхъ. Главнокомандующій созвалъ всѣхъ сенаторовъ, и рѣшили: 1) хотя больныхъ по монастырямъ развести указомъ ея императорскаго величества и не позволено, однако, по крайней нуждѣ, надобно всѣхъ больныхъ вывесть изъ Суконнаго двора въ Угрѣшскій монастырь (на что согласился и Московскій архіепископъ Амвросій); 2) здоровыхъ всѣхъ вывесть въ наемный домъ за Мѣщанскою улицею въ поле, опредѣля къ нимъ лѣкаря и оцѣпивъ ихъ; 3) покинутый Суконный дворъ оцѣпить. Но прежде чѣмъ были приняты эти мѣры, около 2,000 фабричныхъ съ Суконнаго двора разбѣжались и стали жить по всему городу, вслѣдствіе чего уже поднято было на улицахъ нѣсколько труповъ. Докторъ Ореусъ и штабъ-лѣкарь Граве, наблюдавшіе чуму на югѣ, въ арміи, донесли Салтыкову, что на московскихъ больныхъ тѣ же самые знаки, какіе они видѣли на чумныхъ въ Хотинѣ. Салтыковъ объявилъ объ этомъ сенаторамъ московскихъ департаментовъ, и было рѣшено: какъ содержащихся въ карантинныхъ домахъ, такъ и ушедшихъ съ Большого Суконнаго двора фабричныхъ съ ихъ хозяевами, у которыхъ они имѣли пристанище, перевесть въ три монастыря, отдаля больныхъ отъ здоровыхъ, и дѣйствительно зараженныхъ язвою помѣстить въ Угрѣшскомъ монастырѣ; служителей, назначенныхъ къ отводу опасно больныхъ, также медиковъ одѣть въ приличное платье, которое бы предохранило ихъ отъ опасности. Чтобъ фабричные на Св. Недѣлѣ не шатались по городу и не сообщались съ бѣжавшими съ Суконнаго двора, всѣмъ фабрикантамъ объявлено, чтобъ они всю недѣлю не пускали своихъ рабочихъ съ фабрикъ. Пока укрывшіеся съ Большого Суконнаго двора фабричные не будутъ собраны и не возстановится безопасность, во всемъ городѣ закрыть торговыя бани; внутри города запрещено погребать вообще умершихъ.

Получивъ эти извѣстія, императрица приказала предложить Совѣту слѣдующія мѣры, чтобъ, сколько возможно, остановить распространеніе заразы: 1) установить карантинъ для всѣхъ выѣзжающихъ изъ Москвы, верстахъ въ тридцати отъ этой столицы, какъ по большимъ, такъ и проселочнымъ дорогамъ; 2) Москву, если возможность есть, запереть и не впускать никого безъ дозволенія графа Салтыкова; 3) обозы со съѣстными припасами останавливать въ семи верстахъ отъ Москвы въ назначенныхъ мѣстахъ: сюда московскимъ жителямъ приходить и закупать то, что имъ нужно, въ назначенные дни и часы; 4) на этихъ мѣстахъ московская полиція должна между покупщиками и продавцами разложить большіе огни и сдѣлать надолбы; должна наблюдать, чтобъ городскіе жители до пріѣзжихъ не дотрогивались и не смѣшивались вмѣстѣ; деньги обмакивать въ уксусъ; 5) Московскій архіерей долженъ, по отправленному изъ Синода формуляру, приказать читать по церквамъ молитвы о прилипчивой болѣзни во всей своей епархіи, дабы народъ еще больше остерегался отъ опасности; то же велѣть дѣлать во Владимірской, Переяславской, Тверской и Крутицкой епархіяхъ. Для города Петербурга установить на Тихвинской, Старорусской, Новгородской и Смоленской дорогахъ во ста верстахъ карантинъ, хотя семидневный, и если не окажется болѣзни, то пропускать, окуривая людей и вещи, обмакивая въ уксусъ письма и прочее, какъ положено будетъ. Тотчасъ послѣ просухи вывести всѣ воинскія команды въ лагерь, не въ ближнемъ и не въ дальнемъ разстояніи отъ города, всякій полкъ или команду особо, и для того заранѣе выбрать мѣста и дать повелѣнія. Хорошо было бы, если бы и морское начальство то же сдѣлало. Подъ воинскими командами разумѣются здѣсь и полки гвардіи. Совѣтъ, разсуждая объ этихъ мѣрахъ, рѣшилъ представить императрицѣ, не угодно ли будетъ въ Петербургѣ назначить особу, которая была бы въ состояніи, независимо отъ предписаній, своею расторопностью принимать всѣ нужныя мѣры. Въ вѣдѣніи этой особы будутъ заставы, которыхъ всего лучше устроить четыре: въ Чудовѣ, Бронницахъ, Твери и Ладогѣ; что же касается Москвы, то пункты ея в —ства послать фельмаршалу Салтыкову съ тѣмъ, что „сіе предписаніе преподается, яко способы ко употребленію по усмотрѣнію на мѣстѣ, поелику распространеніе болѣзни требовать будетъ по онымъ исполненія".

Въ то же засѣданіе Совѣта, 28-го марта, приглашены были докторъ Ореусъ и Московскій губернаторъ Юшковъ. Первый объявилъ, что по долгу и званію своему признаетъ болѣзнь заразительною и что самъ больныхъ осматривалъ. Юшковъ донесъ, что московскіе медики на этотъ счетъ между собою несогласны.

Императрица согласилась со мнѣніемъ Совѣта, и карантинное устройство было поручены генералъ-поручику гр. Брюсу. Совѣтъ еще прежде, 21-го марта, разсуждалъ, что, по старости гр. Салтыкова, охраненіе Москвы отъ заразы надобно поручить кому-нибудь другому, но остановился за тѣмъ, что это будетъ предосудительно главному командиру. Но императрица не остановилась, и распоряженіе всѣми мѣрами противъ чумы въ Мо-

сквѣ было поручено генералъ-поручику, сенатору Петру Дмитр. Еропкину.

Салтыковъ признавалъ необходимость внутреннихъ мѣръ очищенія Москвы какъ отъ зачумленныхъ, такъ и отъ условій, благопріятствующихъ распространенію заразы; но попрежнему стоялъ противъ оцѣпленія столицы, какъ невозможнаго, по ничтожному количеству войска, крайне стѣснительному и могущему потому повести къ волненіямъ. Онъ писалъ императрицѣ 4-го апрѣля: „Въ установленіи карантина для всѣхъ выѣзжающихъ, кажется, надобности нѣтъ, а болѣе въ томъ неудобство; также въѣздъ въ Москву запретить весьма опасно: почти весь городъ питается покупнымъ хлѣбомъ.— ежели привозу не будетъ, то будетъ голодъ, всѣ работы станутъ, за семь же верстъ никто не пойдетъ покупать, а будетъ грабить; и безъ того воровства довольно. Москву запереть способу нѣтъ, городу нѣтъ, Бѣлый разломанъ, войска нѣтъ,—кѣмъ окружить? Лучше, чтобъ разъѣзжались по деревнямъ на чистый воздухъ, въ городѣ тѣсноты менѣе будетъ“.

Салтыкову не понравилось назначеніе Еропкина, что видно изъ письма его отъ 21-го апрѣля: „Какъ по повелѣнію в. в—ства все оное поручено генералъ-поручику сенатору Еропкину, предосторожности же всѣ сначала взяты, кажется, больше нечего дѣлать, только ему остается наблюдать учрежденное, того ради все отъ меня ему попеченіе поручено, только чтобы меня увѣдомлялъ въ извѣстіе“.

Между тѣмъ ходъ болѣзни въ Москвѣ былъ такой: отъ 7-го апрѣля Салтыковъ доносилъ, что, кромѣ Угрѣшскаго и Симонова монастырей, умершихъ и больныхъ нѣтъ. 18-го апрѣля писалъ, что выведено изъ Москвы фабричныхъ въ Симоновъ, Даниловъ и Покровскій монастыри 943 человѣка обоего пола. 25-го мая въ Петербургѣ, въ первомъ департаментѣ Сената, читалось вѣдѣніе московскихъ департаментовъ, что такъ какъ теперь большая часть работниковъ, бѣжавшихъ съ Суконнаго двора въ карантины уже собрана и несысканныхъ осталось очень немного, то въ удовольствіе обществу разрѣшено топить бани. 30-го мая Салтыковъ прислалъ утѣшительное извѣстіе, что въ карантинныхъ монастыряхъ умершихъ и вновь заболѣвшихъ никого нѣтъ, только въ Угрѣшскомъ 9 человѣкъ больныхъ. Поэтому послѣдовалъ указъ императрицы распустить фабричныхъ, содержавшихся по карантинамъ въ Покровскомъ и Даниловомъ монастыряхъ, и позволить имъ жить всюду по частнымъ квартирамъ, что и было исполнено. Но съ двадцатыхъ чиселъ іюня въ Симоновѣ монастырѣ опять появилась язва: умерло 10 фабричныхъ, заболѣло 6. Съ этихъ поръ болѣзнь начала усиливаться. Еропкинъ дѣйствовалъ неутомимо, сдѣлалъ все что могъ: учредивъ крѣпкій, повидимому, надзоръ за тѣмъ, чтобъ каждый заболѣвшій немедленно препровождался въ больницу или, такъ называемый, карантинъ; вещи, принадлежавшія чумнымъ, истреблялись немедленно; но ни Еропкинъ, ни кто другой не могъ перевоспитать народъ, вдругъ вселить въ него привычку къ общему дѣлу, способность помогать правительственнымъ распоряженіямъ, безъ чего послѣднія не могутъ имѣть успѣха; съ другой стороны, ни Еропкинъ, ни кто другой не могъ вдругъ создать людей для исполненія правительственныхъ распоряженій и надзора за этимъ исполненіемъ,—людей способныхъ и честныхъ, которые бы не позволяли себѣ злоупотребленій. Жители Москвы не столько боялись чумы, сколько больницъ или, такъ-называемыхъ, карантиновъ, и потому скрывали больныхъ, не объявляли о нихъ начальникамъ, которыхъ Еропкинъ поставилъ въ каждой части города. Другіе, оставляя больныхъ однихъ въ домахъ безо всякой помощи и попеченія, сами разбѣгались и разносили повсюду болѣзнь и ужасъ. Иные скрытно выносили изъ домовъ мертвыхъ и кидали на улицѣ для того, чтобъ не лишиться зараженныхъ пожитковъ и не подвергнуться осмотру назначенныхъ для того людей. Какого же рода злоупотребленія позволяли себѣ послѣдніе, это обозначено въ манифестѣ императрицы: „Наша воля есть, чтобъ при осмотрѣ домовъ и при вывозѣ въ карантинъ и тако на мѣстѣ со всѣми поступлено было со стороны начальниковъ и приставленниковъ со всѣмъ возможнымъ человѣколюбіемъ и попеченіемъ, и чтобъ всякій по своему состоянію всѣ къ жизни нужныя выгоды имѣлъ. Всякое же угнетеніе, утѣсненіе, грубость и нахальство всѣмъ и каждому запрещаемъ употребить, наипаче же паки и паки наистрожайше запрещаемъ всѣмъ начальникамъ и подчиненнымъ брать взятки, вынуждать у кого бы то ни было деньги и лихоимствовать подъ какимъ бы то предлогомъ ни было какъ при осмотрахъ, такъ и при выводѣ въ карантинъ... Слухъ же есть, что таковыхъ безпорядковъ много нынѣ на Москвѣ“.

Отъ 2-го августа Салтыковъ писалъ, что въ домѣ у самого Еропкина оказалась чума, и потому этотъ генералъ отказывается отъ исполненія своихъ обязанностей; Еропкинъ писалъ Брюсу, что съ такимъ малымъ числомъ людей, какое у него, нѣтъ возможности дѣйствовать съ успѣхомъ. Совѣтъ рѣшилъ послать Еропкину рескриптъ съ убѣжденіемъ остаться при должности, несмотря на то, что чума оказалась у него въ домѣ; рѣшилъ также назначить въ помощь Еропкину сенатора Собакина и, кромѣ того, отправилъ къ нему изъ Петербурга 12 человѣкъ гвардейскихъ офицеровъ для исполненія его порученій. Московскій медицинскій совѣтъ представилъ о необходимости: въ кабакахъ продавать вино изъ оконъ, не впуская покупателей въ двери; перевести Экономическую слободу, построенную подлѣ Земляного вала; выбрать изъ хорошихъ господскихъ людей въ десятскіе для ежедневнаго осмотра домовъ; для погребенія умершихъ отъ чумы и къ отвозу зараженныхъ въ больницы употребить каторжныхъ. Въ

Петербургѣ Совѣтъ одобрилъ всѣ эти мѣры, кромѣ послѣдней, соглашаясь на употребленіе каторжныхъ только развѣ для копанія могилъ. Тогда же запрещено было вывозить изъ Москвы какіе бы то ни были товары; зараженные домы велѣно окуривать преимущественно сѣрою; ѣдущіе въ Петербургъ курьеры должны были объѣзжать Москву.

Мы видѣли, что весною оцѣпленіе Москвы было предложено Салтыкову на его благоусмотрѣніе, во сколько этого будетъ требовать распространеніе болѣзни,—и тогда Салтыковъ призналъ оцѣпленіе безполезнымъ и невозможнымъ. Но теперь, при усиленіи болѣзни, въ виду опасности, которая грозила другимъ областямъ и Петербургу, императрица сочла необходимымъ предписать московскому начальству это оцѣпленіе. 25-го августа, присутствуя въ Совѣтѣ, она объявила, что „хотя не надѣется, чтобъ была въ Москвѣ дѣйствительная язва, но за потребно почла однакожъ принять всѣ къ истребленію продолжающейся тамъ болѣзни мѣры, дабы не быть отвѣтственною въ упущеніи оныхъ“. Салтыковъ и тутъ не соглашался на оцѣпленіе. 30-го августа онъ писалъ: „Карантины нынѣ учреждать нужды не видится, да уже и поздно: изъ Москвы почти всѣ выѣхали, да и подлость вся бѣжитъ, маркитантовъ и хлѣбниковъ мало осталось, и всѣ боятся карантиновъ; магазейновъ запасныхъ нѣтъ, никто въ городъ не ѣдетъ, не безъ опасности голоду, зима приходитъ, дровъ не везутъ, народъ уже и такъ унылъ и оробѣлъ, карантины здѣшнему народу всего тяжелѣе, уже нѣсколько и грозились на заставы“. Московскіе сенаторы раздѣляли взглядъ фельдмаршала и представили императрицѣ о невозможности оцѣпленія Москвы, ибо тому препятствуютъ положеніе города, состояніе домовъ, жителей, ихъ нравы и обычаи. 5-го сентября Екатерина сама принесла въ Совѣтъ только-что полученныя изъ Москвы реляцію Салтыкова и докладъ московскихъ департаментовъ Сената о невозможности оцѣпленія, также письмо Еропкина къ Брюсу, гдѣ говорилось, что въ Москвѣ въ двое сутокъ умерло опасною болѣзнью 207, а другими болѣзнями—615 человѣкъ. Совѣтъ опредѣлилъ предписать московскому Сенату и тамошнему начальству: 1) что, карантинные домы необходимы, и потому не только надобно оставить всѣ прежніе, но учреждать и новые, причемъ обнародовать, чтобъ всѣ жители объявляли тотчасъ частнымъ надзирателямъ о больныхъ для медицинскаго освидѣтельствованія и отдаленія заболѣвшихъ, если болѣзнь окажется опасною или сомнительною; что всѣмъ тѣмъ, которые будутъ это исполнять, отдается на волю идти въ карантинъ или оставаться дома, не сообщаясь однако ни съ кѣмъ въ продолженіи 16 дней; но утаивающіе о болѣзни непремѣнно будутъ отвозимы въ карантины; для одной комнаты, гдѣ кто умретъ опасною болѣзнью, цѣлые дома не запирать, особенно когда строеніе раздѣлено на части. 2) Карантинныя около Москвы заставы также нужны для охраненія всей имперіи, и должны быть учреждены по всѣмъ дорогамъ изъ Москвы въ первыхъ отъ Камеръ-Коллежскаго вала селеніяхъ. 3) Отнюдь не надобно впускать въ Москву приходящіе изъ другихъ мѣстъ съ запасами обозы, а опредѣлять имъ мѣста внѣ Камеръ-Коллежскаго вала, гдѣ они отъ городскихъ жителей должны быть отдѣлены еще надолбами, и торгъ долженъ производиться въ присутствіи полиціи. 4) Харчевники, хлѣбники и квасники,—однимъ словомъ, всѣ торгующіе съѣстнымъ, не могутъ считаться праздными и излишними въ городѣ людьми, а потому и нельзя ихъ оттуда выпускать свободно, особливо въ такомъ бѣдственномъ состояніи: нужно, по крайней мѣрѣ, собравши тамъ остающихся, распредѣлить ихъ на части и установить между ними старостъ, которые бы за ними смотрѣли и за нихъ отвѣчали. 5) Хотя и нельзя ожидать, чтобъ теперь въ Москвѣ могъ случиться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, потому что обыкновенно тамъ все запасается отъ зимы до зимы, а теперь тѣмъ болѣе быть можетъ достаточно, что значительная часть жителей разъѣхались по другимъ мѣстамъ,—однако, на случай крайности, можно сдѣлать нарядъ поставки туда припасовъ съ ближнихъ городовъ и селеній, и назначить мѣста этимъ подвозамъ, гдѣ бы высылаемые изъ города, платя имъ деньги по обыкновенной цѣнѣ, принимали отъ нихъ припасы.

Императрица сама сочинила отвѣтъ московскому Сенату, въ опроверженіе его мнѣнія о невозможности оцѣпленія Москвы. „За первый долгъ“, говорилось здѣсь, „почитаемъ мы предъ Богомъ и отъ Него намъ ввѣреннымъ народомъ имѣть попеченіе о благополучіи и здравіи нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. И для того и при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ не съ унылымъ духомъ, но съ душою, наполненною памятствованіемъ о должности своей и любви къ государству, съ духомъ, который въ печали своей о теперешнихъ московскихъ обстоятельствахъ не можетъ находить спокойствія и утѣшенія въ пустыхъ сожалѣніяхъ и воздыханіяхъ, но находитъ отраду, единственно ища съ бодростію и предписуя съ твердостію всѣ тѣ мѣры и осторожности, кои человѣческій смыслъ можетъ только привести въ память, для пресѣченія въ столицѣ пагубы рода человѣческаго и для предостереженія, чтобъ далѣе въ имперіи не распространилась. Изъ сихъ источниковъ вышли тѣ предписанія, кои нашъ Сенатъ находитъ неудобными. Мы вѣдаемъ изъ опытовъ, что безспорно великая препона быть можетъ скорому учрежденію нашихъ предписаній обширность города; но мы при томъ же вѣдаемъ, что наипаче вредно оставлять полезное учрежденіе для того, что трудно его учредить. Состояніе домовъ, нравы, застарѣлые обычаи пріумножаютъ трудности по причинѣ той, что надлежитъ входить въ подробности, дабы сравнивать, съ одной стороны, выгодности и покой жителей съ ненарушимостію того,

что установить желается. Но какъ для порока или слабости, какого бы то званія ни были, не должно отстать, еще менѣе уничтожить доброе и полезное учрежденіе, то и въ нынѣшнемъ случаѣ надлежитъ преодолѣть препятствія, а не ими стращаться, и наипаче стараться, чтобъ исполнители честные точно, безкорыстно и усердно исполняли всякій то, что ему поручено, за чѣмъ начальники смотрѣть имѣютъ наикрѣпчайше; да и не токмо они, но и всякій въ правительствѣ участвующій: ибо всѣ присягою и честію обязаны всякій вредъ пресѣчь и всякому добру подать руку помощи для истребленія зла, вредящаго обществу, слѣдовательно самому ему. Не нынѣ намъ ослабѣвать и опускать обремененныя руки для собственнаго покоя, но да приложатъ всякій смыслъ помогать учрежденію, сдѣланному для общей безопасности отъ мора".

Между тѣмъ въ Москвѣ, 1-го сентября, Еропкинъ предложилъ сенаторамъ: не угодно ли будетъ, для скорѣйшаго истребленія заразительной болѣзни, московскому купечеству приказать, чтобъ оно для занемогающихъ купцовъ учредило по возможности на своей коштъ карантинные домы и лазареты. Приказали — призвать въ Сенатъ изъ московскаго магистрата президента и съ нимъ лучшихъ первостатейныхъ купцовъ человѣкъ съ 10 и, объявя имъ упомянутое предложеніе, увѣщевать, чтобъ они согласились принять на свой коштъ учрежденіе карантиновъ и лазарета; кромѣ того, склонять черезъ полицію и другихъ слободскихъ обывателей, не пожелаютъ ли они учредить карантины и лазаретъ на свой счетъ. Потомъ Еропкинъ предложилъ, что, по множеству умирающихъ отъ заразительной болѣзни, осужденныхъ на поселеніе преступниковъ, назначенныхъ для вывоза и погребенія тѣлъ, слишкомъ мало, и потому, такъ какъ теперь работа на фабрикахъ прекратилась, не угодно ли будетъ Сенату опредѣлить для этого фабричныхъ въ каждую часть по 20 человѣкъ, съ платою по 6 коп. на день. Сенатъ согласился. Этотъ Сенатъ состоялъ, кромѣ самого Еропкина, еще изъ трехъ членовъ — Собакина, графа Ив. Воронцова и Рожнова; но тогда же, 1-го сентября, Собакинъ, назначенный, какъ мы видѣли, помощникомъ Еропкина, объявилъ, что у него въ домѣ оказалась на людяхъ опасная болѣзнь, почему онъ больше не будетъ исполнять порученной ему коммисіи и присутствовать въ Сенатѣ. На другой день, 2-го сентября, въ Сенатѣ присутствовали трое, — кн. Козловскій, Рожновъ и Еропкинъ, и послѣдній сообщилъ печальное извѣстіе: во время осмотра докторомъ Шафонскимъ и гвардіи капитаномъ Волоцкимъ въ Лефортовской слободѣ опасно больныхъ и умершихъ, госпитальный коммисаръ, поручикъ Кафтыревъ, Вотчинной Коллегіи канцеляристъ Прытковъ, Конторы строенія домовъ и садовъ капралъ Раковъ, отставные конюхи Петровъ и Пятницкій, собравшись большою толпою, наглымъ и дерзкимъ образомъ не допустили Шафонскаго и Волоцкаго до осмотру, крича, будто Шафонскій и другіе лѣкари даютъ въ госпиталѣ больнымъ и здоровымъ порошки съ мышьякомъ, и отъ нихъ заражаются жители тамошнихъ слободъ. Сенатъ приказалъ: Кафтырева содержать двѣ недѣли на хлѣбѣ и на водѣ, другихъ наказать плетьми. Оберъ-полицеймейстеръ Бахметевъ донесъ, что при запечатаніи на Красной площади ларей со старымъ платьемъ, которымъ производится торговля, одинъ изъ продавцовъ, синодальной конторы солдатъ, бросилъ изъ-за людей камнемъ и проломилъ голову солдату, и хотя продавцы ветошья и были схватываемы, но, по малочисленности командъ, всегда ихъ отбивали разныхъ чиновъ люди. Сенатъ приказалъ высѣчь плетьми солдата синодальной конторы.

Купцы согласились на предложеніе Еропкина; за ними выступили раскольники. Они подали Еропкину записку за руками, въ которой просили позволить имъ купить или построить противъ Преображенскаго въ Земляномъ валу карантинъ и содержать его на свой счетъ, только съ тѣмъ, чтобъ всѣ они освобождены были отъ докторскихъ осмотровъ и офицерскихъ распоряженій. Двое изъ просителей — Пименъ Алексѣевъ и Иванъ Прохоровъ — были введены въ Сенатъ, гдѣ имъ объявлено, что больницу въ означенномъ мѣстѣ имъ построить можно, но уволить отъ докторскихъ осмотровъ и офицерскихъ распоряженій нельзя. Просители согласились. Въ этотъ день, 7-го сентября, въ Сенатѣ присутствовали четверо: Рожновъ, Похвисневъ, кн. Козловскій и Еропкинъ. 12-го сентября присутствовали только трое — Рожновъ, Еропкинъ и самъ фельдмаршалъ Салтыковъ; на другой день, 13-го числа, Салтыковъ пріѣхалъ въ Сенатъ и опять засталъ только двоихъ — Рожнова и Еропкина.

Старикъ не выдержалъ и 14-го числа отправилъ императрицѣ отчаянное донесеніе: „Болѣзнь уже такъ умножилась и день-ото-дня усиливается, что никакого способу не остается оную прекратить, кромѣ чтобы всякъ старался себя охранить. Мретъ въ Москвѣ въ сутки до 835 человѣкъ, выключая тѣхъ, коихъ тайно хоронятъ, и все отъ страху карантиновъ, да и по улицамъ находятъ мертвыхъ тѣлъ по 60 и болѣе. Изъ Москвы множество народу подлаго побѣжало, особливо хлѣбники, калачники, маркитанты, квасники и всѣ, кои съѣстными припасами торгуютъ, и прочіе мастеровые; съ нуждою можно что купить съѣстное; работъ нѣтъ, хлѣбныхъ магазиновъ нѣтъ; дворянство все выѣхало по деревнямъ. Генералъ-поручикъ Петръ Димитр. Еропкинъ старается и трудится неусыпно оное зло прекратить, но всѣ его труды тщетны; у него въ домѣ человѣкъ его заразился, о чемъ онъ меня просилъ, чтобъ донесть в. и. в—ству и испросить милостиваго увольненія отъ сей коммисіи. У меня въ канцеляріи также заразились, кромѣ что кругомъ меня во всѣхъ домахъ мрутъ, и я заперъ свои ворота, сижу одинъ, опасаясь и себѣ не-

счастія. Я всячески генералъ-поручику Еропкину помогалъ, да уже и помочь нечѣмъ: команда вся раскомандирована, въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ дѣла остановились, и вездѣ приказные служители заражаются. Пріемлю смѣлость просить мнѣ дозволить на сіе злое время отлучиться, пока оное, по наступающему холодному времени, можетъ утихнуть. И коммисія генералъ-поручика Еропкина нынѣ лишняя и больше вреда дѣлаетъ, и всѣ тѣ частные смотрители, посылая отъ себя и сами ѣздя, болѣе болѣзнь развозятъ. Нынѣ фабриканты дѣлаютъ свои карантины и берутъ своихъ людей на свое смотрѣніе. Купцы также соглашаются своихъ больныхъ содержать, раскольники выводятъ своихъ въ шалаши". Не дожидаясь отвѣта на свою просьбу, того же 14-го сентября Салтыковъ уѣхалъ въ подмосковскую на два дня. Разумѣется, этотъ поступокъ оправдать было нельзя; онъ объяснялся тяжкимъ положеніемъ начальника при чувствѣ своей безпомощности, одиночества: всѣ разъѣзжаются, могъ думать старикъ, бросаютъ свои должности, оставляютъ меня одного; но что я одинъ сдѣлаю, чѣмъ помогу? Распоряжается всѣмъ Еропкинъ,—онъ останется, а я вздохну два дня на чистомъ воздухѣ.—Разумѣется, его двудневное отсутствіе не было бы замѣчено, если бы на другой же день отъѣзда фельдмаршала, 15-го сентября, не произошелъ въ Москвѣ бунтъ.

Бунтъ сопровождался страшнымъ, отвратительнымъ, небывалымъ явленіемъ — убійствомъ архіерея.

Въ 1767 году умеръ Московскій митрополитъ Тимоѳей, принадлежавшій къ числу людей, которыхъ называютъ добрыми, и этимъ словомъ отдѣлываются отъ болѣе точнаго опредѣленія характера. При добромъ митрополитѣ— сильная власть у консисторіи, ея злоупотребленія, поноровка явленіямъ непозволеннымъ, поноровка изъ-за взятокъ. Преемникомъ Тимоѳея былъ Амвросій Зертисъ-Каменскій [1]), человѣкъ съ другимъ характеромъ. Энергическій Амвросій, знавшій хорошо московскіе безпорядки, потому что передъ этимъ былъ архіереемъ Крутицкимъ, слѣдовательно жилъ въ Москвѣ, рѣшился искоренить эти безпорядки, дать силу регламентамъ, указамъ: предпріятіе трудное, потому что однимъ изъ главныхъ источниковъ безпорядковъ была крайняя бѣдность бѣлаго духовенства. Обязательная женитьба въ ранней молодости условливала многочисленное семейство, обезпечить содержаніе котораго, обезпечить приличное воспитаніе дѣтей—задача тяжелая и для государства побогаче Россіи: отсюда исканіе средствъ жизни съ ущербомъ достоинства; отсюда та алчность, которую издавна такъ легкомысленно порицали, надъ которою такъ жестоко смѣялись въ литературѣ, не давая себѣ труда объяснить явленіе. Амвросій ввелъ порядокъ въ консисторіи, ибо за нарушеніе порядка предстоялъ „штрафъ цѣпью, скованіемъ въ желѣзы и вычетъ жалованья безъ всякаго послабленія"; кто не хотѣлъ подчиняться новымъ порядкамъ,—того немедленно удаляли. Амвросій запретилъ вступать въ бракъ молодымъ людямъ духовнаго званія, не кончившимъ богословскаго курса, не выдержавшимъ экзамена у преосвященнаго; запретилъ духовенству мѣняться домами и переходить отъ церкви къ церкви; исходатайствовалъ у Синода возобновленіе указа Петра Великаго, чтобъ духовенство не тратилось на покупку своихъ домовъ, а имѣло дома церковные. Особенно остался памятенъ Амвросій своимъ гоненіемъ на такъ называемыхъ крестцовыхъ поповъ въ Москвѣ: онъ усмотрѣлъ, что „въ Москвѣ праздныхъ священниковъ и прочаго духовнаго причта людей премногое число шатается, которые, къ крайнему соблазну, стоя на Спасскомъ крестцѣ для найму къ служенію по церквамъ, великія дѣлаютъ безобразія, производятъ между собою торгъ и, при убавкѣ другъ передъ другомъ цѣны, вмѣсто надлежащаго священнику благоговѣнія, произносятъ съ великою враждою сквернословную брань, иногда же дѣлаютъ и драку. А послѣ служенія, не имѣя собственнаго дому и пристанища, остальное время или по казеннымъ питейнымъ домамъ и харчевнямъ провождаютъ, или же, напившись допьяна, по улицамъ безобразно скитаются". Старики передавали намъ, что у этихъ крестцовыхъ поповъ былъ такой обычай: стояли они къ калачами въ рукахъ, и когда нанимающій служить обѣдню давалъ мало, то они кричали ему: „Не торгуйся, а то сейчасъ закушу" (т. е. калачъ, и тѣмъ лишусь способности служить обѣдню)!

Легко понять, что такой архіерей, какъ Амвросій, не могъ пріобрѣсти расположенія въ низшихъ слояхъ московскихъ жителей, среди которыхъ, съ одной стороны, явленія, имъ гони[illegible] не производили большого соблазна, а съ другой—среди этихъ именно слоевъ накоплялись жалобы на строгаго архіерея и принимались съ сочувствіемъ по самой близости обиженныхъ къ этимъ слоямъ [2]). Амвросій долженъ былъ знать, что его не любятъ и кто собственно не любитъ, и нерасположеніе естественно вызывало нерасположеніе. При такихъ-то отношеніяхъ Амвросію доносятъ, что у Варварскихъ воротъ, на площади, происходитъ безобразное явленіе, противъ котораго такъ гремитъ духовный регламентъ, такъ вопіетъ просвѣщенный вѣкъ. У Варварскихъ воротъ на стѣнѣ былъ давно

[1]) Отецъ Амвросія, Степанъ Зерлисъ, былъ Волохъ изъ мѣстечка Сороки, выѣхалъ въ Малороссію въ 1691 году и служилъ переводчикомъ при гетманахъ. Сынъ его, Андрей Зерлисъ, получилъ прозваніе по дядѣ съ материнской стороны, Владимірѣ Каменскомъ, архимандритѣ Пожинскаго Благовѣщенскаго монастыря. Андрей, въ монашествѣ Амвросій, родился въ 1708 году.

[2]) Въ Москвѣ между стариками ходили слухи, будто Амвросій, находясь архимандритомъ въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новый Іерусалимъ), отличался строгостію въ обращеніи съ монастырскими крестьянами, и будто нерасположеніе къ нему за это провожало его въ Москву и нашло себѣ исходъ въ 1771 году.

образъ Боголюбской Богородицы; вдругъ, съ начала сентября начались предъ нимъ безпрестанные молебны и всенощныя. Какой-то фабричный разсказывалъ, что видѣлъ во снѣ Богородицу, которая объявила ему: „Такъ какъ 30 лѣтъ уже у Ея образа никто не только не отпѣлъ молебна, но и свѣчи не поставилъ, то за это Христосъ хотѣлъ наслать на Москву каменный дождь, но Она упросила замѣнить каменный дождь трехмѣсячнымъ моромъ". Мы приведемъ любопытныя слова племянника архіерейскаго, Бантышъ-Каменскаго, обличающія сильную вражду къ бѣлому духовенству: „Праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ вымыслу. Въ началѣ сентября попъ у Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, выдумалъ чудо съ помощью фабричнаго (слѣдуетъ разсказъ о снѣ фабричнаго). Мерзкіе козлы (а попами ихъ грѣхъ назвать!), оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались тутъ налоями, дѣлая торжище, а не богомоліе". Замѣтимъ здѣсь одно, что доказательствъ выдумки чуда священникомъ, а не самимъ фабричнымъ, нѣтъ; обвиненіе остается голословнымъ.

Бантышъ-Каменскій вѣрно описываетъ первое впечатлѣніе, произведенное на архіепископа извѣстіемъ о событіяхъ у Варварскихъ воротъ: суевѣріе, ложное видѣніе, все это запрещено регламентомъ, указами,—надобно прекратить. „Онъ (Амвросій) почиталъ за долгъ, а регламентомъ и монаршими указами предписанный, пресѣчь сіе позорище. Первое его по сему дѣлу было намѣреніе удалить оттуда поповъ и икону перенести (ибо въ воротахъ ни проходу, ни проѣзду не было по причинѣ приставленной лѣстницы) во вновь построенную ея величествомъ тутъ же у Варварскихъ воротъ Кира и Іоанна церковь [1]), и собранныя тамъ деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ Воспитательный домъ, въ коемъ онъ опекуномъ былъ. Требованные въ консисторію попы не только отреклись идти, но еще и угрожали присланнымъ побитіемъ ихъ каменьями". Здѣсь оканчивается первая часть разсказа Бантышъ-Каменскаго о мѣрахъ Амвросія, который поступаетъ какъ архіерей, обязанный прекращать суевѣрныя явленія, и поступаетъ по своимъ средствамъ: священники требуются въ консисторію отдать отчетъ въ своемъ поведеніи; священники ослушались и тѣмъ отняли у архіерея средство вести дѣло надлежащимъ порядкомъ. Жаль, что Бантышъ-Каменскій примѣшиваетъ чисто полицейское побужденіе: архіерей хотѣлъ икону перенести, ибо въ воротахъ ни проходу, ни проѣзду не было по причинѣ приставленной лѣстницы.

[1]) Архіепископъ не хочетъ перенести икону въ ближайшую церковь Всѣхъ Святыхъ, а въ нѣсколько дальнѣйшую—Кира и Іоанна: послѣдняя была построена ея в—ствомъ. Построена она была на иждивеніе императрицы, ибо Свв. Киру и Іоанну празднуется 28 іюня, день восшествія на престолъ Екатерины. Теперь эта церковь, какъ безприходная, отдана подъ Сербское подворье.

Когда ослушаніе священниковъ не дало возможности производить консисторскія изслѣдованія и распоряженія, Амвросій взглянулъ на дѣло съ санитарной точки зрѣнія. „Между тѣмъ", говоритъ Бантышъ-Каменскій, „язва такъ усилилась въ градѣ, что по 900 слишкомъ въ день умирало; и какъ, по предписанію докторскому, запрещено было прикосновеніе и тѣсныя между народомъ всякія сборища, то и не могъ обойтись преосвященный, чтобъ о способахъ къ прекращенію у Варварскихъ воротъ народнаго сборища не посовѣтоваться съ г. Еропкинымъ, который одинъ только въ городѣ и былъ начальникъ. Страхъ, дабы не обратить на себя простолюдиновъ, произвелъ у нихъ таковое по сему дѣлу рѣшеніе, чтобъ оставить до времени перенесеніе иконы; а дабы собираемыя у Варварскихъ воротъ деньги чрезъ фабричныхъ не могли быть расхищены, то приложить къ ящикамъ консисторскую печать; для безопаснѣйшаго же исполненія сего дѣла обѣщалъ г. Еропкинъ прислать отъ себя нѣсколько солдатъ". По свидѣтельству Еропкина, Амвросій пріѣзжалъ къ нему 14-го сентября и говорилъ, что намѣренъ деньги у Боголюбской запечатать въ томъ разсужденія, что явленіе образа вымышлено отъ священниковъ, которые за молебны начали пріобрѣтать великую прибыль. Здѣсь неясность. Явленіе ложное, говоритъ Амвросій, оно выдумано священниками изъ корыстныхъ побужденій. Надобно прекратить запрещенное закономъ явленіе; если же это опасно, то какъ изъ ложности явленія слѣдуетъ, что къ денежнымъ ящикамъ надобно приложить консисторскія печати? Бантышъ-Каменскій даетъ такое объясненіе: рѣшились ящики запечатать изъ страха, чтобъ деньги не были расхищены фабричными; но оказывается, что при ящикахъ находился военный караулъ. Какъ бы то ни было, это несчастное распоряженіе насчетъ денегъ было причиною бунта.

По донесенію фельдмаршала Салтыкова, основанному на рапортѣ оберъ-полиціймейстера Бахметева, 15-го сентября, въ четвергъ, въ 8 часовъ пополудни, раздался городовой набатный бой и при рогаточныхъ караулахъ на улицахъ бой трещетокъ. Оберъ-полиціймейстеръ послалъ узнать, что такое, и получилъ донесеніе, что у Варварскихъ воротъ великое множество черни производитъ шумъ и драку. Бахметевъ, въ сопровожденіи троихъ драгуновъ и двоихъ гусаръ, поѣхалъ самъ и нашелъ, что отъ Ильинскихъ до Варварскихъ воротъ, по обѣ стороны стѣны, стоитъ множество народа, тысячъ до десяти, и большая часть вооружена дубьемъ. На вопросъ, зачѣмъ сбѣжался народъ, оберъ-полиціймейстеру отвѣчали, что народъ сбѣжался по набатному бою, а набатъ произошелъ оттого, что шестеро солдатъ съ архіерейскимъ подъячимъ пришли для вынутія изъ ящиковъ денегъ, подаваемыхъ богомольцами на Боголюбскую икону Богородицы. Около ящиковъ стоялъ караулъ отъ московскаго гарнизона; эти караульные объявили, что не позволятъ распоряжаться

ящиками безъ позволенія своего командира (плацъ-маіора); отъ этого сначала произошелъ шумъ, а потомъ драка [1]); злодѣи побиты, которые хотѣли образъ ободрать и казну, принадлежащую Богоматери, покрасть, а народъ собрался стоять за Мать Пресвятую Богородицу до послѣдняго издыханія. Видя, что съ своимъ конвоемъ изъ пяти человѣкъ онъ не въ состояніи ничего сдѣлать, Бахметевъ поѣхалъ къ Еропкину, который жилъ въ своемъ домѣ на Стоженкѣ [2]). Въ Воскресенскихъ воротахъ онъ встрѣтилъ толпу, тысячъ до трехъ, бѣгущую съ дубьемъ по Тверской, Моховой и изъ Охотнаго ряда, подъ предводительствомъ мужика съ бородою, въ синемъ китайчатомъ балахонѣ, который постоянно кричалъ, что есть мочи: „Ребята, поспѣшайте постоять за Мать Пресвятую Богородицу и не допустите ограбить Божію Матерь!" Бахметевъ успѣлъ остановить толпу; человѣкъ двадцать или больше изъ нея стали на сторону оберъ-полиціймейстера и сдѣлались совершенно ему послушными, такъ что съ ихъ помощью „синій балахонъ" былъ схваченъ и посаженъ въ будку; на Моховой схватили также другого горлана съ помощію господскихъ людей. Пріѣхавши къ Еропкину, Бахметевъ услыхалъ отъ него: „Дѣлайте все то, чтó предусмотрите къ лучшему; а я вамъ ни команды, ни способовъ дать не могу". Бахметевъ поѣхалъ назадъ; заѣхалъ въ будку, гдѣ посадилъ „синій балахонъ", но вмѣсто него нашелъ въ будкѣ только изувѣченныхъ людей, приставленныхъ караулить „балахонъ". Еще прежде, отправляясь къ Еропкину, Бахметевъ послалъ полицейскаго маіора къ народу съ требованіемъ, чтобъ отдали подъ полицейскій караулъ архіерейскаго подъячаго и команду, пришедшихъ къ образу за деньгами, потому что такіе злодѣи должны быть наказаны публично, а что прибиты народомъ—этого мало. Теперь маіоръ явился къ Бахметеву и донесъ, что народъ не только согласенъ, но и самъ проситъ объ этомъ; только караульные московскаго гарнизона, стоящіе у Варварскихъ воротъ, говорятъ, что сдѣлать этого не смѣютъ безъ своего командира, т. е. плацъ-маіора. Бахметевъ послалъ донесть объ этомъ Еропкину,—тотъ приказалъ какъ можно скорѣе сыскать плацъ-маіора или губернатора Юшкова; но въ то время, какъ происходили эти пересылки и разсылки, разнеслись слухи, что толпа черни въ Кремлѣ, грабятъ въ Чудовѣ монастырѣ архіерейскій домъ, ищутъ убить самого хозяина.

Какъ скоро начались перекоры между караульными московскаго гарнизона и архіерейскимъ подъячимъ относительно денегъ, въ толпѣ, вмѣшавшейся въ споры, уже послышались выходки противъ Амвросія. „Архіерей", кричали, „ни одинъ разъ должнаго почтенія Божіей Матери съ служеніемъ по своему чину не сдѣлалъ; а какъ свѣдалъ, что можно взять 1,000 рублей, которые доброхотные датели, нѣкоторые почти изъ послѣдняго имѣнія своего, сложили, то уже взять деньги безо всякихъ замедлительствъ себѣ готовъ; онъ безбожникъ,—надлежитъ предать его смерти передъ этимъ самымъ образомъ!" Возбужденная этими криками, толпа двинулась въ Кремль. Амвросію, какъ видно, дали знать объ этихъ выходкахъ и угрозахъ, и онъ уѣхалъ изъ Чудова въ Донской монастырь. Толпа, ища его въ Чудовѣ монастырѣ, чтó могла—пограбила, остальное переломала, перебила, исковеркала; большой винный погребъ, снимаемый въ Чудовѣ монастырѣ купцомъ Птицынымъ, былъ разграбленъ—и началось пьянство. Но на другой день, 16-го числа, вспомнили, зачѣмъ пришли въ Кремль, въ Чудовъ; кто-то далъ знать, что архіерей въ Донскомъ монастырѣ:—и толпа въ 300 человѣкъ двинулась туда. Амвросій, узнавъ о разграбленіи Чудова монастыря, велѣлъ находившемуся при немъ племяннику, Николаю Бантышъ-Каменскому, написать объ этомъ Еропкину и просить билета для свободнаго выѣзда изъ города. Вмѣсто билета, Еропкинъ прислалъ офицера конной гвардіи, который объявилъ, чтобъ преосвященный передѣлся и поскорѣе выѣзжалъ изъ Донскаго монастыря; что онъ, присланный, будетъ дожидаться его въ концѣ сада кн. Трубецкого и оттуда велитъ проводить на село Хорошево, въ Воскресенскій монастырь. Пока сыскали платье, пока Амвросій переодѣвался, пока заложили кибитку, услыхали шумъ, крики и пальбу у монастыря. Амвросій вышелъ, чтобъ садиться въ кибитку, но въ это время народъ сталъ уже ломать монастырскія ворота со всѣхъ сторонъ; всѣ, бывшіе съ Амвросіемъ, разбѣжались; тогда онъ пошелъ прямо въ большую церковь, гдѣ служили обѣдню, пріобщился и хотѣлъ-было спрятаться на хорахъ сзади иконостаса; но толпа, ворвавшаяся въ церковь, открыла это убѣжище; несчастнаго вытащили изъ церкви, изъ монастыря, и передъ задними воротами умертвили самымъ варварскимъ образомъ: били въ восемь кольевъ цѣлые два часа такъ, что, по словамъ очевидца, „ни виду, ни подобія не осталось".

Между тѣмъ Еропкинъ весь этотъ день, пятницу, 16-го числа, собиралъ у себя на Стоженкѣ кусочками команду. Главную военную силу, которою располагало московское начальство, составлялъ Великолуцкій полкъ; но во всемъ этомъ полку числилось только 350 человѣкъ, а изъ нихъ 300 человѣкъ расположены были въ 30 вер-

[1]) Въ запискѣ о бунтѣ неизвѣстнаго автора, приложенной къ дѣлу, говорится: «Брать денегъ не дали караульные, поставленные самимъ народомъ изъ себя (тогда какъ Бахметевъ утверждаетъ рѣшительно, что караулъ состоялъ изъ солдатъ московскаго гарнизона); подъячаго прибили и взяли подъ свой караулъ, а съ командою начали драку. Составитель записки человѣкъ ученый: такъ, говоря объ отъѣздѣ сенаторовъ изъ Москвы, употребляетъ выраженіе: «отцы спосажденные (т. е. partes conscripti) сами разъѣхались по деревнямъ». О распоряженіи Амвросія относительно денегъ авторъ записки говоритъ: «Правда, что нѣсколько грубо преосвященный въ семъ случаѣ и неосторожно поступилъ».

[2]) Гдѣ теперь домъ Коммерческаго училища

стахъ отъ Москвы, для безопасности отъ чумы, и только 50 человѣкъ находилось въ Москвѣ. Къ нимъ Еропкинъ присоединилъ гвардейскія команды, присланныя изъ Петербурга, и такимъ образомъ составился отрядъ изъ 130 человѣкъ; но при этомъ маленькимъ отрядѣ было двѣ пушки, которыя обезпечивали успѣхъ противъ толпы, вооруженной дубьемъ и каменьями. Въ половинѣ шестого часа пополудни, Еропкинъ со своею командою двинулся въ Кремль, на улицѣ захватилъ священника съ крестомъ и заставилъ идти съ собою. При входѣ въ Кремль чрезъ Боровицкія ворота, отрядъ былъ встрѣченъ дубьемъ и кирпичами; Еропкинъ послалъ увѣщевать мятежниковъ оберъ-коменданта царевича Грузинскаго; но увѣщатель былъ встрѣченъ такъ же каменьями. Той же участи подвергся бригадиръ Мамоновъ, который по доброй волѣ явился въ Чудовъ монастырь со своими людьми и началъ уговаривать мятежниковъ: ему разбили голову и лицо. Видя, что увѣщаніе не помогаетъ, Еропкинъ велѣлъ стрѣлять въ толпу изъ пушекъ и ружей: не менѣе ста человѣкъ пало отъ этой стрѣльбы, 249 человѣкъ взяты подъ караулъ, остальные разбѣжались. Но Еропкинъ, раненый въ двухъ мѣстахъ шестомъ и камнемъ, истомленный, въ лихорадочномъ припадкѣ, принужденъ былъ слечь въ постель и не принималъ участія въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ.

На другой день, въ субботу, 17-го сентября, на разсвѣтѣ, толпы начали ломиться въ Кремль, въ Спасскія ворота, въ которыхъ стоялъ губернаторъ Юшковъ. Мятежники требовали: чтобъ имъ отдали всѣхъ товарищей, захваченныхъ войскомъ наканунѣ; чтобъ бани были распечатаны, карантины уничтожены, лѣкарей къ ихъ должности не употребляли. Наканунѣ, 16-го числа, Еропкинъ увѣдомилъ Салтыкова о бунтѣ, и въ 9 часовъ утра 17-го числа фельдмаршалъ былъ уже въ Москвѣ; одновременно съ нимъ, по его распоряженію наканунѣ, вступалъ въ Москву и Великолуцкій полкъ, т. е. 300 человѣкъ солдатъ. Салтыковъ поручилъ начальство надъ полкомъ оберъ-полиціймейстеру Бахметеву и велѣлъ ему вести солдатъ на Красную площадь, чтобъ прекратить бунтъ. Бахметевъ, выстроивъ полкъ на площади, сказалъ окружающимъ толпамъ: „Совѣтую вамъ расходиться по домамъ; въ противномъ случаѣ, всѣ побиты будете". Чрезъ полминуты площадь опустѣла, и этимъ бунтъ кончился.

Главная причина печальныхъ событій 15-го и 16-го сентября была очевидна: ничтожность военныхъ силъ, хотя, съ другой стороны, естественно представляется вопросъ: почему Еропкинъ съ вечера 15-го числа не началъ собирать войска, не употребилъ на это всю ночь и не явился въ Кремль на разсвѣтѣ 16-го числа; тогда событіе въ Донскомъ монастырѣ было бы предупреждено. Какъ бы то ни было, старикъ-фельдмаршалъ имѣлъ полное право жаловаться на недостаточность своихъ средствъ и опасность положенія. „Кажется, все утихло", писалъ онъ 19-го сентября; „однако на сіе надежду полагать не можно: народъ пьяный, раскольщики, подъячіе, холопы господскіе; сами всѣ разъѣхались по деревнямъ, людей оставили, кои, по ихъ праздной жизни, непрестанно въ кабакахъ. Я нашелъ Чудовъ монастырь въ жалкомъ состояніи: окна всѣ выбиты, пуховики распороты и улица полна пуху; образа расколоты. Бунтовщики грозятся на многихъ, а паче на лѣкарей, и хотя на многихъ злятся и грозять убить, въ томъ числѣ и меня, и перваго Петра Димитр. Еропкина, но главный пунктъ — карантины: сего имени народъ терпѣть не можетъ. Въ Сенатъ никто не ѣздитъ, только были мы двое. Графъ Воронцовъ пишетъ, что въ его деревнѣ люди заразились, для чего онъ и поѣхалъ въ другую, дальше; князь Козловскій уволенъ; Похвисневъ боленъ; Еропкинъ заболѣлъ и лежитъ въ постели. Господа президенты (коллегій), не спросясь никого, такъ какъ ихъ члены и прокуроры, разъѣхались по деревнямъ; приказать некому, по кого ни пошлю, отвѣчаютъ — въ деревнѣ. Мнѣ одному, не имѣя ни одного помощника, дѣлать нечего: военная команда мала, городъ великъ, подлости еще для зла довольно. Между пойманными злодѣями множество подъячихъ, почти изо всѣхъ коллегій, и ихъ солдаты, старики отставного баталіона гвардіи, кои содержатъ караулъ въ Кремлѣ, болѣе всѣхъ бунтовали и воровали, чему свидѣтель архитекторъ Баженовъ: онъ все видѣлъ изъ модельнаго дома и многія рѣчи слышалъ. Сейчасъ получена вѣдомость, что на Пахрѣ собирается много всякаго народа и хочетъ идти въ Москву со всякимъ оружіемъ, и разбѣжавшіеся отсель по деревнямъ пьяные грозятся все разорять. Я одинъ въ городѣ и Сенатѣ, помощниковъ нѣтъ, команды военной недостаетъ, окруженъ заразительною болѣзнію, подверженъ ей болѣе другихъ; всѣ ко мнѣ пріѣзжаютъ, принужденъ пустить, всякому нужда, помочь мнѣ некому. Одинъ оберъ-полиціймейстеръ вездѣ бѣгаетъ, всего смотритъ, спать время не имѣетъ. Я не въ состояніи вашему величеству подробно донесть, слышу и вижу все разное; народъ такой, съ коимъ, кромѣ всякой строгости, въ порядокъ привесть невозможно". 21-го сентября Салтыковъ писалъ: „Нельзя быть безъ начальника, ибо не токмо въ Москвѣ, но по уѣзду нѣсколько тѣхъ злодѣевъ, нарядясь въ солдатскій мундиръ, ходятъ по дворцовымъ и экономическимъ вотчинамъ, показывая указы, яко-бы изъ губернской канцеляріи посланы, и велятъ попамъ передъ народомъ читать, старостъ и выборныхъ принуждаютъ подписываться въ томъ, что какъ скоро услышатъ въ Москвѣ набатъ или пушечную стрѣльбу, то бы всѣ въ Москву бѣжали съ дубинами и рогатинами. Я оставилъ (въ Москвѣ) Великолуцкій полкъ; главный постъ на Красной площади, съ пушками, и въ нужныхъ мѣстахъ пикеты: ежели-бъ команды было довольно, особенно конницы для разъѣздовъ, то-бъ можно оное зло скорѣе искоренить. Наставникъ

долженъ быть изъ раскольщиковъ, потому что они всегда противились карантину, да и то примѣчанія достойно, что церковь архіерейская вся разорена и утварь разбита и разметана". Такъ какъ главный недостатокъ былъ въ военной силѣ, то, по предложенію президента Главнаго Магистрата Протасова, составлена была стража изъ купцовъ.

Но въ тотъ же самый день, 21-го сентября, когда Салтыковъ писалъ: „Нельзя быть безъ начальника", вышелъ манифестъ императрицы объ отправленіи въ Москву графа Григорія Орлова. Въ манифестѣ говорилось: „Видя прежалостное состояніе нашего города Москвы и что великое число народа мретъ отъ прилипчивой болѣзни, мы-бъ сами поспѣшно туда прибыть за долгъ званія нашего почли, если-бъ сей нашъ походъ, по теперешнимъ военнымъ обстоятельствамъ, самымъ дѣломъ за собою не повлекъ знатнаго разстройства и помѣшательства въ важныхъ дѣлахъ имперіи нашей. И тако, не могши дѣлить опасности обывателей, сами подняться отселѣ, заблагоразсудили мы туда отправить особу отъ насъ повѣренную, съ властію такою, чтобъ, по усмотрѣнію на мѣстѣ нужды и надобности, могъ сдѣлать всѣ тѣ распоряженія къ спасенію жизни и къ достаточному прокормленію жителей. Къ сему избрали мы, по нашей къ нему отмѣнной довѣренности и по довольно извѣстной его ревности, усердію и вѣрности къ намъ и отечеству, нашего генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-адъютанта гр. Гр. Орлова, давъ ему полную мочь поступать во всемъ такъ, какъ общее благо того во всякомъ случаѣ требовать будетъ, и отмѣнять ему тамо то изъ сдѣланныхъ учрежденій, что ему казаться будетъ или не вмѣстно, или не полезно, и снова установить можетъ всего того, что онъ найдетъ поспѣшительно общему благу; въ чемъ во всемъ повелѣваемъ не токмо всѣмъ и каждому его слушать и вспомогать, но и точно всѣмъ начальникамъ быть подъ его повелѣніемъ, и ему по сему дѣлу имѣть входъ въ Сенатъ московскихъ департаментовъ. Запрещаемъ всѣмъ и каждому сдѣлать препятствіе и помѣшательство какъ ему, такъ и тому, что отъ него повелѣно будетъ, ибо онъ, зная нашу волю, которая въ томъ состоитъ, чтобъ прекратить, колико смертныхъ силы достанетъ, погибель рода человѣческаго, имѣетъ въ томъ поступать съ полною властію и безъ препоны".

Орловъ по природѣ своей не могъ удовлетвориться тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ при Дворѣ, не могъ удовлетворяться ни административною дѣятельностію, какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, ни дѣятельностію какъ членъ Совѣта; его тянуло на мѣсто войны, гдѣ одерживались блистательныя побѣды, гдѣ родной братъ его жегъ турецкій флотъ. Удалиться надолго, на все время войны не было возможности, но онъ не переставалъ мечтать о роли начальника отдѣльнаго предпріятія, которое быстро могло бы положить конецъ войнѣ; теперь же, когда Москва и вся Россія потребовала энергическаго дѣйствія для спасенія ихъ отъ страшнаго бича, Орловъ не хотѣлъ упустить случая оказать великую услугу, пріобрѣсти громкую извѣстность. Наканунѣ отъѣзда въ Москву, Орловъ говорилъ англійскому посланнику лорду Каткарту, что, по его убѣжденію, главнѣйшее несчастіе Москвы состоитъ въ паническомъ страхѣ, охватившемъ какъ высшіе, такъ и низшіе слои жителей, откуда проистекъ безпорядокъ и недостатокъ распорядительности. Когда Каткартъ сталъ просить его отложить поѣздку, говоря, что въ Москвѣ найдетъ не одинъ недостатокъ распорядительности, но и чуму, то Орловъ отвѣчалъ: „Все равно, чума или нечума, во всякомъ случаѣ я завтра выѣзжаю; я давно уже съ нетерпѣніемъ ждалъ случая оказать значительную услугу императрицѣ и отечеству; эти случаи рѣдко выпадаютъ на долю частныхъ лицъ и никогда не обходятся безъ риска; надѣюсь, что въ настоящую минуту я нашелъ такой случай, и никакая опасность не заставитъ меня отъ него отказаться".

„Чума или нечума", говорилъ Орловъ. Дѣйствительно, до послѣдняго времени, вслѣдствіе несогласія медиковъ, остерегались оффиціально говорить о чумѣ. Докторъ Кульманъ подалъ докладъ, что осмотръ больныхъ въ Симоновомъ монастырѣ утвердилъ его въ прежнемъ мнѣніи о несуществованіи моровой язвы, ибо и на умершихъ, и на живыхъ, кромѣ пятенъ, не находилъ никакихъ знаковъ моровой язвы, почему признаетъ болѣзнь горячкою съ пятнами злѣйшаго рода.

28-го сентября, въ московскомъ Сенатѣ было первое засѣданіе въ присутствіи гр. Орлова. Изъ сенаторовъ находились: Рожновъ, Похвисневъ, фельдмаршалъ Салтыковъ, Еропкинъ, Всеволожскій и вновь назначенный сенаторъ, знаменитый дѣлецъ двухъ предшествовавшихъ царствованій, Димитр. Вас. Волковъ. Орловъ объявилъ именной указъ присутствовать ему въ Сенатѣ московскихъ департаментовъ и быть всѣмъ и каждому въ его послушаніи; словесно объявилъ, что велѣно присутствовать въ Сенатѣ и Волкову. Губернаторъ Юшковъ донесъ, что можайское дворянство согласилось ѣхать въ Москву со своими служителями и значительнымъ числомъ крестьянъ. Приказали: ревность пріемлется за благо; нужды однако теперь въ чрезвычайномъ подвигѣ не настоитъ, ибо порядокъ возстановленъ. При томъ значеніи, съ какимъ Орловъ былъ присланъ, Салтыковъ, разумѣется, не могъ оставаться московскимъ главнокомандующимъ. Екатерина имѣла слабость не любить знаменитыхъ дѣлъ и людей елисаветинскаго царствованія. Куннерсдорфскій побѣдитель раздражилъ ее указаніемъ на опасность приложенія санитарныхъ мѣръ къ Москвѣ, указаніемъ на необходимость увеличить военныя силы въ столицѣ, и Салтыкову нельзя было, какъ Румянцеву, указывать на Римлянъ, которые не спрашивали, сколько непріятеля, но гдѣ онъ: пріемы внѣшней войны разнились отъ пріемовъ внутренней охраны и наблюденія за порядкомъ на обширныхъ пространствахъ.

Но старикъ самъ себя выдалъ головою Екатеринѣ, позволивъ себѣ уѣхать въ деревню, и хотя быстрое возвращеніе его и быстрое стянутіе войска въ Москву, чѣмъ и прекращено было волненіе, могли бы заглаживать первую неосторожность, но не въ глазахъ Екатерины, которая въ письмѣ къ Бельке прямо приписываетъ убіеніе Амвросія тому, что Салтыкова не было въ городѣ. Но естественно рождается вопросъ, какъ бы Салтыковъ безъ войска могъ дѣйствовать: развѣ предположить, что онъ собралъ бы небольшой отрядъ съ пушками и двинулся въ Кремль гораздо скорѣе, чѣмъ прославленный Еропкинъ? Екатерина употребляетъ въ письмѣ къ Бельке любопытное выраженіе: „Москва не городъ, а цѣлый міръ“. Но о чемъ же постоянно толковалъ Салтыковъ, какъ не объ этомъ, жалуясь на недостатокъ войска? Въ письмѣ къ Бибикову Екатерина дала полную свободу своему нерасположенію къ Салтыкову: „Слабость фельдмаршала Салтыкова превзошла понятіе, ибо онъ не устыдился просить увольненія тогда, когда онъ своею персоною нужнѣе тамъ былъ и, не ожидавъ дозволенія, выѣхалъ—чаять можно—забавляться со псами. Межъ тѣмъ ханжи выдумали народъ лѣчить чудесами образа подъ Варварскими воротами. Тутъ толпы черни молящейся пуще заразились, и во время того богомолья по 900 человѣкъ на день мерло. Архіерей съ генералъ-поручикомъ Еропкинымъ положили, чтобъ исподоволь умалить теченіе народное къ сему мѣсту, и для того архіерей 15 сентября въ вечеру послалъ своихъ людей опечатать сборъ у сего образа. Тутъ сдѣлалась драка и обыкновенная полиція стала коротка, мать наша Москва велика. Главы нѣту въ городѣ: унимать некому, оберъ-полиціймейстеръ сталъ коротокъ, а отчасти и оплошалъ!.... Я, видя, колико нужно туда послать особу съ полною властью, по усиленной просьбѣ г. генералъ-фельдцейхмейстера г. Орлова, его туда послала. Тамъ до его пріѣзда всѣ, по образцу гр. Салтыкова (?), получа terreur panique отъ язвы, по норамъ расползлись, но теперь паки возвратились по мѣстамъ... Позабыто въ письмѣ сказать, что старый хрычъ фельдмаршалъ уволенъ“. Въ указѣ объ отставкѣ фельдмаршала говорилось, что императрица, „снисходя на прошеніе, уволить его соизволила отъ всѣхъ дѣлъ, похваляя его предкамъ ея величества учиненную знатную службу“.

30-го сентября Орловъ объявилъ въ Сенатѣ, гдѣ теперь настоитъ нужда: 1) имѣющихся въ здѣшнемъ городѣ мастеровыхъ и ремесленныхъ людей въ необходимомъ случаѣ пропитаніемъ снабдить; 2) доставить въ Москву уксусу въ такомъ количествѣ, которымъ бы жителей безъ всякаго недостатка продовольствовать было можно. Потомъ вывозчикамъ мертвыхъ тѣлъ къ 6 копѣйкамъ на день прибавили еще 2 копѣйки. 12-го октября Орловъ предложилъ въ Сенатѣ: извѣстно ему учинилось, что нѣкоторые находятся столь злостные люди, что, невзирая на бѣдственное состояніе, въ которомъ жители Москвы теперь состоятъ, забывъ страхъ Божій, дерзаютъ входить въ вымершіе домы и грабить оставшіеся послѣ несчастныхъ пожитки, и для того объявить каждому и всѣмъ, ежели таковые безбожники и враги рода человѣческаго открыты будутъ въ семъ преступленіи, то безъ пощады казнены будутъ смертію у того самаго мѣста, гдѣ сіе преступленіе учинено будетъ, дабы смертію одного злодѣя отвратить смертоносный отъ зараженныхъ вещей вредъ и гибель многихъ невинныхъ, ибо въ крайнихъ зла обстоятельствахъ и мѣры къ уврачеванію крайнія принимаются. Черезъ четыре дня послѣ этого рѣшенія полиціймейстерская канцелярія подала рапортъ: вѣдомства конюшенной канцеляріи крестьянинъ Тимоѳей Матвѣевъ, бѣглые солдаты Главнаго Коммисаріата—Акутинъ, Денисовъ, лейбъ-гвардіи неслужащій солдатскій сынъ Ереминъ, собравшись партіею въ числѣ 9 человѣкъ, пограбили три вымороченныхъ дома. Канцелярія, на основаніи указа 12-го октября, приговорила повѣсить преступниковъ, но Сенатъ на томъ основаніи, что преступленіе было совершено до публикованія указа, приговорилъ виновныхъ ко кнуту и опредѣленію въ погребатели чумныхъ. Въ то же время Орловъ предложилъ, что умершихъ чумно провожаютъ неосторожно, садятся въ одни роспуски съ тѣлами, и потому объявить, что замѣченные въ такой неосторожности: мужчины—будутъ взяты въ погребатели, а женщины—въ лазаретъ для ухаживанія за больными.

Для дѣтей-сиротъ, остающихся послѣ умершихъ отъ чумы, былъ учрежденъ пріютъ подъ вѣдомствомъ вице-президента Мануфактуръ-Коллегіи Сукина. Но оказалось, что больше 100 дѣтей помѣстить въ этомъ домѣ нельзя, тогда какъ каждый почти день привозили сиротъ. Сенатъ приказалъ Сукину занять домъ Француза Ліона, который отстраивался для пикника на деньги составившагося для этого общества; Сенатъ объяснялъ свое распоряженіе тѣмъ, что пропитаніе сиротъ установляется для общества, и по освобожденіи дома отъ сиротъ онъ возвратится для пикника. Мы видѣли, что Орловъ уже распорядился покупкою въ казну ремесленныхъ произведеній, чтобъ дать пропитаніе работникамъ. 25-го октября онъ сдѣлалъ Сенату новое предложеніе: находится въ городѣ немалое число такихъ людей, которые, не имѣя никакого рукомесла, питались прежде самыми черными или грубыми работами, а по настоящимъ обстоятельствамъ лишились и ихъ; чтобы доставить и этимъ людямъ благозаслуженное пропитаніе и истребить праздность, всякихъ золъ виновницу, для этого надобно: 1) окружающій Москву Камеръ-Коллежскій валъ увеличить, углубляя его ровъ, и къ этой работѣ призываются всѣ охочіе люди изъ московскихъ жителей; 2) платежъ за работу будетъ производиться поденный — мужчинѣ по 15, а женщинѣ по 10 копѣекъ на день; 3) кто придетъ со своимъ инструментомъ, тому прибавляется по 3 ко-

пѣйки на день; 4) главный надзоръ за этою работою будетъ имѣть генералъ-поручикъ, сенаторъ Алекс. Петр. Мельгуновъ.

Между тѣмъ изслѣдовалось дѣло о бунтовщикахъ, захваченныхъ въ Кремлѣ. Слѣдствіе было поручено особой комиссіи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ прокурора синодальной конторы, Рожнова. 4-го октября Рожновъ представилъ Сенату, что изъ взятыхъ подъ караулъ мятежниковъ Степанъ Ивановъ, отъ роду 16 лѣтъ, показалъ на бывшаго своего хозяина купца, который ему прежде мятежа за недѣлю или больше приказывалъ: если въ городѣ забьютъ въ набатъ, то онъ бы съ дрекольемъ бѣжалъ въ то мѣсто, въ чемъ и хозяинъ признался. Рожновъ спрашивалъ у Сената, не угодно ли будетъ мальчика освободить, какъ малолѣтняго и показавшаго правду. Сенатъ согласился.

Въ приведенномъ письмѣ къ Бибикову отъ 20-го октября Екатерина уже писала: „Слѣдствіе теперь идетъ, изъ коего ясно открылось, что ни главы, ни хвоста нѣту, а дѣло вовсе случайное". Этотъ взглядъ на случайность событія, разумѣется, сталъ руководящимъ въ Москвѣ, когда 1-го ноября Сенатъ сталъ слушать докладъ слѣдственственной коммисіи; въ докладѣ говорилось: „Изъ подсудимыхъ не только тѣ, кои въ отвѣтахъ своихъ показывали о повѣсткахъ, чинимыхъ имъ отъ полицейскихъ служителей въ самое время бывшаго происшествія, дабы бѣжали въ Кремль; а другіе упоминали о томъ, что слышали прежде за нѣсколько дней, что будутъ повѣстки, или если услышатъ набатный колоколъ, или пушечный выстрѣлъ, тогда-бъ бѣжали въ Кремль,—но отъ кого сіе слышали,—не показали. Увѣщанія не подѣйствовали и больше не открылось, какъ только приходя въ уныніе крестились, а одинъ малолѣтній обливался слезами.—Слѣдствіе открыло убійцъ Амвросія; то были: дворовый человѣкъ Раевскаго Василій Андреевъ, московскій второй гильдіи купецъ Иванъ Дмитріевъ, города Каширы Пушкарской слободы пахотный крестьянинъ Ѳедотъ Парѳеновъ; убійцы были введены въ Сенатъ, причемъ Дмитріевъ отъ прежнихъ своихъ показаній отрекся, сказалъ, что сдѣлалъ ихъ изъ страха. Главныхъ зачинщиковъ по слѣдствію не отыскалось. Въ засѣданіи 4-го ноября, когда кто-то изъ сенаторовъ предложилъ, что о подсудимыхъ, о которыхъ обстоятельнаго слѣдствія не произведено, надобно дослѣдовать, то Орловъ сказалъ: „Хотя по самой справедливости и должно стараться въ изысканіи истины доходить до самаго источника, отъ чего преступленіе начало свое получило, дабы виноватые, по существу ихъ преступленія, наказаны были по точности ихъ винъ, но какъ при всемъ томъ, по случаю нынѣшнихъ несчастныхъ въ Москвѣ приключеній, отъ коихъ родъ человѣческій подвергается гибели, нѣтъ ни времени, ни способовъ достигнуть до сего, а при всемъ томъ теперь нужда настоитъ, чтобъ преступники, кои обличены или признались, какъ наискорѣе по винамъ своимъ были наказаны, хотя нѣкоторые того и избѣгнутъ; но какъ всегда лучше виновнаго облегчить отъ наказанія, нежели наказать невиннаго, то не соблаговолитъ ли собраніе сей судъ производить и виновныхъ осуждать единственно уже по имѣющимся нынѣ въ дѣлѣ окрестностямъ (обстоятельствамъ) и доказательствамъ". Такъ какъ Сенатъ, на основаніи полномочій, данныхъ Орлову, соглашался всегда съ его предложеніями, то согласился и тутъ.

На другой же день, 5-го ноября, Сенатъ собрался для постановленія приговоровъ надъ подсудимыми Первый началъ говорить сенаторъ Волковъ: „Читанныя сему собранію показанія и признанія взятыхъ подъ стражу узниковъ содержатъ въ себѣ такія дѣянія, изъ которыхъ всякое безчеловѣчно, законопреступно и слѣдовательно жестокаго наказанія достойно; но сіе наказаніе божескими и гражданскими законами уже предопредѣлено и не остается болѣе, какъ токмо произнести и исполнить законами опредѣленное. Но когда обращаемъ мы свой взоръ на наружныя окрестности толико вдругъ учинившихся злодѣяній и въ ихъ наружностяхъ хотимъ найти прямой того источникъ, то видимъ ясно, что каждое изъ сихъ преступленій становится несравненно величайшимъ и жесточайшаго наказанія требующимъ: видимъ, что первопрестольный градъ, самая средина онаго, воззрѣлище священныхъ мѣстъ и монаршихъ чертоговъ вмѣсто того, чтобъ и самыя буйственныя сердца приводить въ чувство и благоговѣніе, были мѣстомъ сего богомерзкаго позорища; видимъ не разбойника и убійцу, по совершеніи своего злодѣянія тотчасъ укрывающагося и въ самомъ остервененіи своемъ трепещущаго отъ одного имени правосудія, но великое множество народа, на спасательные ему законы возстать дерзающаго и, что злѣе, преступленіями своими, святотатствомъ и священно-убійствомъ торжествующее. Видимъ свѣтъ въ недоумѣніи, какимъ образомъ народъ, набожный всегда и государю своему и законамъ повиновеніемъ на толикую степень могущества и славы вознесенный и повсюду побѣдоносный, мгновенно могъ забыться и грозныя непріятелемъ руки обратить на самоубійство. Видимъ отечество, требующее отъ законовъ неистовымъ своимъ сынамъ наказанія. Видимъ церковь, пастырскою кровію обагренную и отмщенія вопіющую. Со ужасомъ смотря на сіи наружныя окрестности, не меньшее предлежитъ намъ соболѣзнованіе, когда разбираемый прямой толикаго зла источникъ, не потому чтобъ оный рыгалъ всегда подобнымъ ядомъ или чтобъ таковыхъ же бѣдствій паки ожидать надлежало, но единственно по размышленію, коль пагубны роду человѣческому вообще слѣпота, суевѣріе и корыстолюбіемъ частныхъ и малыхъ людей воспламененная ревность не къ Творцу и Св. вѣрѣ, но къ обряду или мѣсту, съ явнымъ почти истинной вѣры и богослуженія забвеніемъ прилѣпленная, и коль

насильственно, но неизбѣжно самому нѣжному и человѣколюбивому сердцу употреблять строгость, когда подъ кроткою державою единая взаимная любовь другъ ко другу видима быть имѣла-бъ. Здѣсь видимъ солдата Бякова и фабричнаго Илью Аѳанасьева, каждаго отвергнувшаго свой крестъ, т. е. свое званіе, предавшихся лицемѣрству и сребролюбію, сдѣлавшихся собирателями стяжанія Божіей Матери, никогда благихъ нашихъ не требующей, но только добрыхъ нашихъ ближнему дѣлу взыскующей; видимъ сихъ самозванцевъ по мѣрѣ пріобрѣтаемаго стяжанія обратившихъ большее на себя вниманіе. Видимъ нѣкоторыхъ изъ духовенства, имени сего и своего, впрочемъ весьма почитаемаго сана недостойныхъ, презирающихъ слѣпоту людскую съ мерзкою предъ Всевидящимъ радостію, богослуженіе въ торжище обратившихъ и руки къ пріятію гнусной мзды простирающихъ. Видимъ, но съ большимъ еще соболѣзнованіемъ, нѣкоторыхъ изъ начальниковъ, кои вмѣсто того, чтобъ предписанный законами порядокъ тотчасъ возстановить, слабостью своею подтвердили сіе неустройство и столько оному возраста допустили, что едва покойный преосвященный хотѣлъ токмо сіе собранное мірское стяжаніе предохранить отъ неизбѣжнаго расхищенія Бяковыхъ и Аѳанасьевыхъ, то собственное сихъ людей корыстолюбіе обратило законный поступокъ въ грабежъ и святотатство, и было единственнымъ подвигомъ всѣхъ изъ того слѣдовавшихъ золъ. Имѣя такое о судимомъ нами происшествіи и его окрестностяхъ понятіе, заключеніе изъ того проистекаетъ само собою, а именно: надлежитъ сдѣлать удовлетвореніе законамъ съ твердостію, и потомъ утѣшить и утѣшиться; и потому: 1) изобличенныхъ и повинившихся въ убійствѣ преосвященнаго Амвросія казнить смертію не токмо какъ убійцъ, но какъ злѣйшихъ изъ всѣхъ мятежниковъ. 2) Всѣ приличившіеся участниками того убійства, монастырскаго грабежа, оскверненія священныхъ мѣстъ, поруганія св. иконъ, разбитія карантинныхъ домовъ и больницъ, какъ безумнымъ наче стремленіемъ въ сіе заведены, нежели въ самомъ дѣлѣ толь богомерзкое имѣли намѣреніе, то наказать ихъ на тѣлѣ и сослать въ каторжную работу. 3) Солдата Бякова и фабричнаго Аѳанасьева, какъ вредныхъ обществу лицемѣровъ, наказавъ на тѣлѣ, послать въ Соловецкій монастырь въ заточеніе. 4) Прочихъ пойманныхъ, но въ убійствѣ и грабежѣ не изобличенныхъ, виновныхъ въ томъ, что къ толпѣ злодѣевъ приставали, наказавъ плетьми, опредѣлить въ казенныя работы. 5) Остающихся освободить безъ наказанія: хотя, несмотря на ихъ непризнаніе и неимѣніе въ злодѣяніи доказательствъ, самое забраніе ихъ подъ стражу утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, столько, что они подвели на себя подозрѣніе, но для таковыхъ и одно сидѣніе подъ стражею довольнымъ уже есть наказаніемъ. Но напротиву того, удовлетворяя правосудію, надлежитъ удовлетворить и благодѣянію законовъ. Г. генералъ-поручикъ сенаторъ и кавалеръ Петръ Димитріевичъ Еропкинъ былъ единъ и первый, который вѣрностью своею къ ея императорскому величеству, любовію къ отечеству и мужествомъ, сана его достойнымъ, унялъ сіе стремительное буйство и возстановилъ первую тишину. Благородная его душа не требуетъ за подвигъ свой воздаянія; но наше признаніе тѣмъ не меньше ему принадлежитъ: такъ сдѣлаемъ начало, чтобъ признаніе добродѣтели было самымъ лучшимъ за добродѣтель воздаяніемъ. Симъ образомъ исполнимъ мы нашъ долгъ, исполнимъ ожиданіе отечества и свѣта. Омоемъ кровію винныхъ нанесенное на неповинный Россійскій народъ пятно! Но зная чувствительное и человѣколюбивое сердце ея императорскаго величества и вѣдая, колико оно сострадательно несчастію самыхъ горшихъ преступниковъ, срастворимъ кровь ихъ нашими слезами и, отдавъ сей долгъ человѣчеству, утѣшимся, наконецъ, что сіе самое случившееся зло послужитъ къ разгнанію слѣпоты, къ расширенію познанія и просвѣщенія и придастъ новое всѣмъ и каждому поощреніе съ толикою-жъ ревностью трудиться о воспитаніи и благонравіи, съ какимъ твердымъ духомъ и премудрымъ предусмотрѣніемъ августѣйшая наша монархиня неутомленные о томъ труды подъемлетъ".

Безусловно съ Волковымъ согласился сенаторъ Мельгуновъ, но Орловъ предложилъ, не согласится ли собраніе, вмѣсто смертной казни, наказать на тѣлѣ по указу 754 года, а двоихъ, по жребію, повѣсить. Собраніе приняло это мнѣніе относительно убійцъ архіепископа Амвросія; но постановило казнить смертію еще одного изъ мятежниковъ и грабителей, по жребію. Этимъ желали выставить всю важность преступленія, совершеннаго бунтовщиками, независимо отъ убійства архіепископа.

Заботы о малолѣтнихъ, оставшихся послѣ умершихъ отъ чумы родителей, кончились тѣмъ, что Опекунскій Совѣтъ согласился принимать ихъ въ Воспитательный домъ, вполнѣ сохранившійся отъ заразы, благодаря строгому оцѣпленію. Послѣднее предложеніе Орлова, сдѣланное имъ въ Сенатѣ 7-го ноября, состояло въ томъ, чтобъ, для доставленія пропитанія и жителямъ окрестныхъ селеній, прокопать каналы изъ окружающихъ Москву болотъ и протоковъ въ рѣку Неглинную, для увеличенія воды въ этой рѣкѣ; также исправлять Тульскую, Калужскую, Коломенскую и другія большія дороги. 17-го ноября въ Сенатѣ уже слушался указъ объ отозваніи гр. Орлова и назначеніи московскимъ главнокомандующимъ возвратившагося изъ Варшавы князя Мих. Никол. Волконскаго. Тутъ же объявлено Еропкину, что ему пожалованъ Андреевскій орденъ и 20,000 рублей денегъ. Онъ вышелъ въ отставку.

Въ Москвѣ считали до 12,538 домовъ; изъ нихъ въ 6,000 домахъ были больные чумою, а въ 3,000 всѣ жители перемерли. Съ апрѣля 1771 до конца

февраля 1772 въ больницахъ и карантинахъ на казенный счетъ содержалось 12,565 человѣкъ. До насъ дошло донесеніе Орлова о Москвѣ во время чумы; въ немъ, между прочимъ, говорится: „Весьма-бъ полезно было, если-бъ большіе фабриканты добровольно согласились перенести фабрики въ уѣздные города, ибо Москва отнюдь не способна для фабрикъ. Поповъ надобно стараться завести въ Москвѣ получше; а чтобъ имѣть ихъ лучше, то надобно имъ содержаніе дать побольше; а чтобъ дать содержаніе побольше, то приходы сдѣлать побольше; а нынѣ много ихъ умерло и для того, переговоря съ архіереями, чтобъ малые приходы сообщить съ другими, и покуда церкви еще не опустѣли, то-бъ служить въ церквахъ, ежели онѣ въ дальнемъ разстояніи, священникамъ поочереди. Этотъ родъ людей много зла въ Москвѣ причиняетъ. Также московскія военныя гвардейскія команды отставныя гарнизонныя: онѣ дотого развратны, что способу поправить ихъ не будетъ, развѣ перевесть ихъ совсѣмъ, ибо ихъ повиновеніе и дисциплина слово-въ-слово какъ чума. Я видѣлъ примѣръ, гдѣ постояли на караулѣ великолуцкіе солдаты съ ними вмѣстѣ, то и ихъ узнать было не можно; они всѣ почти имѣютъ свои дворы, всѣ торгуютъ, никто за ними не смотритъ, переродились съ фабричными и съ прочими жителями Москвы. Какой это народъ обитателей здѣшнихъ! Какъ посмотришь во внутренность ихъ жизни, образъ мыслей,—такъ волосы дыбомъ становятся, и удивительно, что еще болѣе чего въ Москвѣ и сквернѣе не дѣлается" [1]).

Мысль о выводѣ большихъ фабрикъ изъ Москвы встрѣчается здѣсь не въ первый разъ. Еще 31-го августа генералъ-прокуроръ предлагалъ Сенату въ Петербургѣ, что такъ какъ умноженіе фабрикъ въ Москвѣ съ давняго времени признано вреднымъ и уже думали-было о выводѣ ихъ въ другіе города, то теперь, по причинѣ оказавшейся въ Москвѣ прилипчивой болѣзни, этого требуетъ самая необходимость и безопасность какъ города, такъ и всего государства, тѣмъ болѣе-что зараза и начало свое получила на фабрикахъ. Приказали: послать указъ въ Мануфактуръ-Коллегію, что Сенатъ находитъ нужнымъ вывести нѣкоторыя фабрики изъ Москвы въ другіе города, а именно: всѣ суконныя, полотняныя, сургучныя, ценинныя, булавочныя, пуговочныя, проволочныя и латунную, инструментальныя, красильныя, каразейныя, купоросныя, замшевыя, сафьянныя и всѣ кожевенныя, красочныя, а назначить имъ мѣсто въ другихъ городахъ, гдѣ кто пожелаетъ; хотя же и оставляются шелковыя, картныя, мишурныя, плащенаго и волоченаго золота и серебра, сусальнаго листоваго золота и серебра, инструментальныя (?), галунная, столярная, вѣерная, зеркальная, ситцевая и полуситцевая, трубъ заливныхъ, бѣленья воску, латунныя (?), но съ тѣмъ, что привилегіи ихъ, которыми онѣ уволены отъ постою, будутъ уничтожены. Но Сенатъ видимо поспѣшилъ этимъ дѣломъ, не обдумавъ препятствій къ его исполненію и употребивъ, къ несчастію, довольно употребительный дѣтскій способъ: отъ извѣстнаго учрежденія, при извѣстныхъ условіяхъ, произошла невыгода, — долой это учрежденіе! Прежде всего въ Москвѣ существовали казенныя фабрики, необходимыя для арміи и флота: и такъ уже нанесенъ былъ большой ущербъ казнѣ остановкою ихъ во время чумы; теперь нужно было спѣшить приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе; но для этого не было людей,—и Адмиралтейство предложило, нельзя ли взять людей съ другихъ фабрикъ и восполнить такимъ образомъ число недостающихъ рабочихъ на его парусной фабрикѣ. Сенаторъ Волковъ подалъ мнѣніе, что требованіе Адмиралтейства противно закону и правосудію; пусть Адмиралтейская Коллегія дастъ парусные образцы, по которымъ безъ большой передачи потребное число полотенъ сдѣлано будетъ на частныхъ фабрикахъ. Сенатъ сначала согласился; но потомъ генералъ-прокуроръ представилъ, что дѣло слишкомъ важно для казеннаго интереса, и потому нельзя ли напередъ потребовать извѣстія, сколько именно людей и какого мастерства Адмиралтейству нужно для пополненія его московской фабрики, дабы, смотря по этому, хотя нѣкоторымъ числомъ рабочихъ по необходимости можно было снабдить фабрику, и Сенатъ принялъ предложеніе генералъ-прокурора.

Только въ іюлѣ 1773 года Мануфактуръ-Коллегія отвѣчала Сенату, что къ выводу фабрикъ изъ Москвы приступить нельзя. Сенатъ долженъ былъ признать представленіе Мануфактуръ-Коллегіи основательнымъ; но все же хотѣлъ настоять на прежнемъ своемъ мнѣніи о необходимости вывесть изъ Москвы нѣкоторыя фабрики, о которыхъ, впрочемъ, въ прежнемъ мнѣніи не было ни слова. Приказали: такъ какъ между фабриками есть такія, которыя наносятъ городу вредъ дурнымъ запахомъ, какъ-то: сальныя, мыльныя и т. п., которыя непремѣнно должно изъ города вывесть, только о нихъ здѣсь по заочности точнаго опредѣленія сдѣлать нельзя, и для того коллежское представленіе отослать къ главнокомандующему кн. Волконскому на общее его съ президентомъ Мануфактуръ-Коллегіи разсмотрѣніе, чтобъ они вывели тѣ фабрики, которыя жителямъ города вредъ наносятъ, причемъ Мануфактуръ-Коллегіи предписать, чтобъ она впредь, безъ представленія въ Сенатъ, не давала позволенія на устройство фабрикъ.

Дѣло о переводѣ фабрикъ замолкло; но, вслѣдствіе чумы, приведена была въ исполненіе повсемѣстно очень важная мѣра: запрещено хоронить

---

[1]) Этотъ отзывъ, находящійся въ Государств. Архивѣ, переписанъ рукою императрицы (какъ бывало); мы приписываемъ его Орлову по всѣмъ вѣроятностямъ; замѣчательно слѣдующее мѣсто: «Когда я возвращаться стану въ Петербургъ, то я самъ дни два, три тамъ (въ Твери) остановиться могу».

внутри городовъ при церквахъ и отведены за городомъ мѣста для кладбищъ. Въ концѣ 1771 года Синодъ разослалъ объ этомъ повсюду указы.

Мы видѣли, что въ Москвѣ Опекунскій Совѣтъ взялся пріютить оставшихся послѣ умершихъ чумою дѣтей. Въ іюлѣ 1772 года Бецкій объявилъ Сенату изустное повелѣніе императрицы принимать въ московскій Воспитательный домъ малолѣтнихъ дѣтей, шатающихся безъ всякаго призрѣнія. Бецкій писалъ въ своемъ представленіи: „Какъ всѣ таковыя дѣти, кои во время заразительной болѣзни московскимъ Воспитательнымъ домомъ призрѣны и избавлены отъ смерти, такъ и впредь всякаго званія сиротъ, которые, не имѣя пропитанія, остаются безъ всякаго присмотра, должно почитать погибшими, и потому они имѣютъ право быть причисленными къ дѣтямъ, содержащимся въ Воспитательномъ домѣ на основаніи его генеральнаго плана. Сенатъ рѣшилъ подать императрицѣ докладъ: 1) устные указы принимать велѣно только отъ сенаторовъ, генералъ-прокурора, президентовъ первыхъ трехъ коллегій и отъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ; но Бецкій не имѣлъ ни одного изъ этихъ званій. 2) Новый указъ отмѣняетъ прежніе относительно шатающихся малолѣтнихъ; а въ Воспитательный домъ идутъ одни подкидыши и зазорно рожденные младенцы. Можетъ произойти такое злоупотребленіе, что помѣщичьи люди и солдаты, матросы и другіе служивые люди, желая избавить дѣтей своихъ—первые отъ помѣщиковъ, а послѣдніе—отъ службы, станутъ приводить ихъ въ Воспитательный домъ; да могутъ быть приведены и такія дѣти, которыя зайдутъ далеко отъ дому по ребячеству, а родители ихъ вовсе не хотятъ отдавать ихъ въ Воспитательный домъ, и будутъ плакать, что лишились своихъ дѣтей, помѣщики лишатся крестьянъ, а государство—служивыхъ людей. Генералъ-прокуроръ испугался дурного впечатлѣнія, какое этотъ докладъ могъ произвести на императрицу, и, чрезъ нѣсколько дней, предложилъ, не соизволитъ ли Сенатъ отмѣнить свое опредѣленіе и принять рапортъ Бецкаго только къ извѣстію, потому что Бецкій никакой отъ Сената резолюціи не требуетъ, а извѣщаетъ только, что онъ о томъ отъ себя писалъ въ Воспитательный домъ. Но Сенатъ, что случалось рѣдко, остался при своемъ прежнемъ мнѣніи.

Новый главнокомандующій въ Москвѣ началъ, по обыкновенію, дѣло тѣмъ, что удалилъ человѣка, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ прежняго главнокомандующаго. Кн. Волконскій писалъ императрицѣ въ началѣ 1772 года: „Оберъ-полиціймейстеръ Бахметевъ нашелся неисправенъ по своей должности и въ чиненіи неосновательныхъ рапортовъ; того ради, исполнительная коммисія третьяго дня, съ вѣдома моего, въ наказаніе, отъ команды ему отказала. Сія строгость нужна какъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, такъ и для переду, чтобъ всякій, не ослабѣвая по положенной на него должности и по даннымъ повелѣніямъ, съ точностію исправлялъ“. Обвиненіе было совершенно голословное; но кто могъ заступиться за Бахметева въ Петербургѣ? Отъ 4-го февраля 1772 года Волконскій доносилъ: „Чрезъ цѣлый мѣсяцъ ни умершаго, ни заболѣвшаго не было, а сего 2-го числа въ домѣ маіора Маркова одна женщина оною (чумою) занемогла; тотчасъ вся предосторожность взята, больная въ госпиталь отвезена; люди, которые съ ней сообщеніе имѣли, отведены въ карантинъ, пожитки ея сожжены, избу, въ которой она жила, велѣно разломать, а домъ весь запереть до выдержанія карантина.“ Но потомъ найдено, что женщина была больна простою горячкою. 14-го ноября 1772 года послѣдовалъ именной указъ объ открытіи московскихъ присутственныхъ мѣстъ съ 1-го декабря. 25-го ноября въ Петербургѣ и Москвѣ служили благодарственный молебенъ за прекращеніе моровой язвы [1]).

Орловъ съ торжествомъ возвратился въ Петербургъ изъ своего московскаго гражданскаго похода; а между тѣмъ его положеніе не переставало возбуждать неудовольствіе въ разныхъ гвардейскихъ кружкахъ. Еще въ самомъ началѣ войны капитанъ кавалергардовъ Пановъ говорилъ о состояніи народномъ: во всѣхъ мѣстахъ чувствуютъ неудовольствіе, война начата со вредомъ, выведены изъ государства деньги и переведены въ чужія государства миллоновъ съ 8. Екатерина умна, да упряма: на что наладитъ, то и дѣлаетъ, и кому ввѣрится, тому и вѣритъ. Мнѣнія дворянъ презрѣны, вино отдано откупщикамъ, и они одни богатятся, и у многихъ бѣдныхъ дворянъ домы разоряютъ обысками. А нынѣ и совсѣмъ отнимаютъ деревни: какъ дадутъ крестьянамъ вольность, кто станетъ жить?—мужики всѣхъ перебьютъ, и такъ нынѣ бьютъ до смерти и рѣжутъ, и такихъ только посылаютъ въ ссылку и даютъ вольность. Панинъ съ Орловымъ неладно живутъ. Товарищъ его, Степановъ, которому Пановъ все это разсказывалъ, спросилъ его: „Каковъ его высочество и принимаетъ ли графовъ?“ Пановъ, похваля его высочество, сказалъ: „Ему Никита Ив. преподаетъ обо всемъ великое познаніе; а чтобъ Орловыхъ принимать хорошо, то не натурально: они вѣдь и батюшку его уходили; дай-ка ему поправиться, такъ отольются волку коровьи слезы. Мщенія и нынѣ ожидать должно, потому что Панина партія превеликая и все что ни лучшенькіе“. Въ это время много толковали о наблюденіяхъ по поводу прохожденія Венеры, и одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ Аоанасьевъ говорилъ: „Вотъ какъ Венера-то пройдетъ, такъ что-нибудь Богъ и сдѣлаетъ: она вѣдь уже даромъ не проходитъ“. Премьеръ-маіоръ Жилинъ говорилъ, сколь надменны нынѣшніе гг. Орловы и прочіе случайные люди противъ прежнихъ, при чемъ хвалилъ

[1]) Дѣло о чумѣ и московскомъ бунтѣ въ Государств. Архивѣ.—Бумаги коммисіи о бунтѣ—въ Архивѣ Мин. Юстиціи.—Журналы Сената 1-го департамента 1771 и 1772 года; журналы V департамента тѣхъ же лѣтъ.—Изъ печатнаго—Сборн. Русск. Истор. Общ.

Алекс. Григ. Разумовскаго и Ив. Ив. Шувалова,—сколь хорошо людей принимали. Недовольные не находили фундатора для составленія заговора и не знали, какъ приступить къ дѣлу безъ согласія великаго князя наслѣдника. Озеровъ говорилъ: „Народнаго отягощенія отвратить инымъ ничѣмъ не можно и добраго дождаться нечего, какъ только тѣмъ, что возвести надобно на престолъ его высочество: да та моя бѣда, что не могу до него дойти". Жилинъ, пріѣзжая къ Озерову, жаловался: „Вотъ въ законѣ новомъ написали вольность крестьянамъ и холопямъ, а чрезъ то сдѣлали въ черномъ народѣ замѣшательство, и многіе крестьяне не стали слушать, и тѣмъ дворянство оскорблено; да и кому законы сочинять? Единственно стремятся дворянство угнетать и чтобъ оно какъ-нибудь упало; вотъ заведена война, рекрутскіе всегда наборы; за правленіями никакого смотрѣнія нѣтъ; дано штатскимъ жалованье большое только въ разореніе народное. Долго ли это будетъ? Надобно ее съ престола свергнуть, а цесаревичъ уже въ лѣтахъ". Озеровъ спросилъ его: „Развѣ ты что отъ большихъ господъ слышалъ? Кто-жъ бы такой,—не Панинъ ли?" Жилинъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, что ему вѣрить! тутъ надобенъ такой человѣкъ, чтобъ его любили и довѣренность ему сдѣлали. Есть графъ Кирилла Григорьичъ, котораго народъ любитъ и дѣлаетъ довѣренность, а его довести можно, и увѣряю, что онъ за отечество вступиться не откажется. Да и еще есть люди: Воейковъ, министръ очень хорошій; Румянцевъ".—„Вѣдь ихъ здѣсь нѣтъ", возразилъ Озеровъ—„Долго ли имъ быть здѣсь", отвѣчалъ Жилинъ: „коли дѣлать, такъ дѣлать поскорѣе въ Лѣтнемъ дворцѣ, а въ Зимнемъ дворцѣ много закоулковъ, такъ нельзя захватить кого надобно". Панина полагали смѣнить, и на его мѣсто посадить Воейкова. Когда одного офицера арестовали за то, что онъ въ ротномъ строю билъ сержанта, то Озеровъ говорилъ, что гвардія приходитъ въ упадокъ: въ прежнія времена гвардейскихъ офицеровъ безъ именного указа не арестовывали, а нынѣ маіоръ такую волю взялъ оттого, что офицеры между собою несогласны, и всѣ другъ надъ другомъ шпыняютъ. Когда мимо его квартиры шла рота, то Озеровъ, сидя подъ окномъ, кричалъ солдатамъ: „Что, ребята, съ мученья!"

Фундатора недовольные не находили; дѣло ограничивалось одними разговорами; разговоры были переданы, и для суда надъ Озеровымъ съ собесѣдниками назначена была коммисія изъ гр. Ник. Панина, генералъ-полиціймейстера Чичерина, Елагина и генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, которые приговорили виновныхъ къ смерти; но Екатерина дала такую собственноручную резолюцію: „Какъ самъ Богъ сихъ измѣнниковъ отдалъ въ мои руки, то не мнѣ ихъ судить, но ужъ оставляю я остальную ихъ жизнь имъ на раскаяніе, и учинить съ ними слѣдующее: Жилина и Озерова, лиша всѣхъ чиновъ, дворянства и званія, сослать вѣчно въ Нерчинскъ въ заводскую работу; но вмѣстѣ ихъ не содержать: Степанова да Панова, лиша чиновъ и дворянства, сослать въ Камчатку на житье, гдѣ имъ питаться своими трудами" [1]).

Степановъ и Пановъ отправлялись въ Камчатку вмѣстѣ съ другими преступниками, извѣстнымъ Батуринымъ, который по звѣздамъ ждалъ появленія бывшаго императора, и потомъ барона Морица Аладаре де-Беневъ (какъ онъ самъ подписывался), родомъ Венгерца, принужденнаго бѣжать изъ отечества за самоуправство съ братьями и служившаго въ польской конфедераціи. Въ 1768 году онъ былъ взятъ въ плѣнъ Русскими и отпущенъ на честное слово, что не будетъ служить противъ нашихъ войскъ. Беневскій не сдержалъ слова, и въ 1769 году былъ вторично захваченъ въ плѣнъ и отправленъ въ Казань вмѣстѣ съ плѣннымъ Шведомъ Винблодомъ, служившимъ также въ конфедераціи. Они оба изъ Казани бѣжали черезъ Москву въ Петербургъ, въ надеждѣ уѣхать моремъ за границу, но были задержаны и, въ ноябрѣ 1769 года, сосланы на житье въ Камчатку, гдѣ должны были кормиться своими трудами. Въ іюлѣ 1770 года они были отправлены изъ Охотска въ Камчатскій Большерѣцкій острогъ, гдѣ было не болѣе 35 домовъ, гарнизонъ состоялъ изъ 70 казаковъ и находился въ управленіи капитана Григорія Нилова, нерадиваго и пьянаго. Тамъ же былъ камеръ-лакей правительницы Анны, Турчаниновъ, который въ 1742 году составлялъ заговоръ противъ императрицы Елисаветы; также Семенъ Гурьевъ, сосланный въ 1762 году; Хрущовъ и лѣкарь Мейдеръ. Ссыльные успѣли склонить на свою сторону Чулочникова, приказчика купца Холодилова, съ сотнею работниковъ, штурмана Чурина, штурманскаго ученика Бочарова, священническаго сына Устюжникова (котораго Беневскій обучалъ вмѣстѣ съ сыномъ капитана Нилова), казака Рюмина, нѣсколькихъ матросовъ и Камчадаловъ. Простымъ людямъ они внушали, что Беневскій и привезенные съ нимъ арестанты страдаютъ за великаго князя Павла Петровича. Беневскій показывалъ зеленый бархатный конвертъ, будто бы за печатью великаго князя, съ письмомъ къ императору Римскому о желаніи вступить въ бракъ съ его дочерью. Весною 1771 году ссыльные произвели возстаніе, ночью убили Нилова, овладѣли казною, двумя пушками и всѣми военными припасами, захватили Большерѣцкъ и привели жителей къ присягѣ императору Павлу. 30-го апрѣля шайка отправилась внизъ до гавани Чекавинской: тутъ ограбила магазинъ съ провіантомъ, захватила казенный галіотъ Св. Петра, приготовила его къ походу, водрузила на немъ знамя императора и назвалась: „Собранною компаніею для имени его императорскаго величества Павла Петровича"; составила объявленіе Сенату: что Павелъ Петровичъ незаконно лишенъ

[1]) Дѣло объ Озеровѣ съ товарищи въ Государств. Архивѣ.

престола; что Польская разорительная война ведется единственно для пользы Понятовскаго; что промыслы виномъ и солью отданы на откупъ немногимъ; что отъ монастырей отобраны деревни на воспитаніе незаконнорожденныхъ, тогда какъ законныя дѣти остаются безъ призрѣнія; что у созванныхъ для сочиненія законовъ депутатовъ отнята возможность разсуждать стѣснительнымъ Наказомъ; что дани налагаются на народъ необычайныя, и требуется оброкъ съ увѣчныхъ и малыхъ равно съ здоровыми; что за неправосудіе штрафуются судьи только деньгами, тогда какъ за правильный судъ, если только что-либо возьмутъ съ тяжущихся, исключаются изъ рода человѣческаго; что добываніемъ золота и серебра пользуются одни царскіе любимцы; народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и страждетъ, и никто за истинныя заслуги не награждается. Желая пособить совѣтомъ тридцати тремъ промышленникамъ, несправедливо осужденнымъ работать безъ платы своему компанейщику Холодилову, они тѣмъ навлекли на себя негодованіе капитана Нилова, который велѣлъ взять ихъ подъ караулъ, и сіе-то заставило ихъ, вмѣстѣ съ угнетенными, объявить себя въ службѣ законнаго государя, что они и привели въ дѣйствіе, арестовавъ Нилова (котораго отъ страха и пьянства разбилъ параличъ) и на его мѣсто избравъ Беневскаго.

Беневскій съ товарищами вышли въ море, они придерживались береговъ и направили путь вдоль Курильскихъ острововъ. 7-го іюля приблизились они къ берегамъ Японіи; но Японцы не пускали ихъ ни на берегъ, ни въ море; тогда Беневскій пушечнымъ выстрѣломъ открылъ себѣ дорогу въ море. 7-го августа достигли острова Формозы, гдѣ потеряли троихъ товарищей, убитыхъ жителями, между прочимъ Панова: Беневскій отплатилъ истребленіемъ лодки съ островитянами и сожженіемъ жилищъ въ окрестностяхъ бухты. На берегахъ Китая плаватели были приняты дружелюбно. 12-го сентября прибыли въ португальскую колонію Макао. Здѣсь Беневскій, говоря по-латыни, одинъ только умѣлъ объясняться съ губернаторомъ, жилъ у него въ домѣ, продалъ ему галіотъ какъ свою собственность, объявилъ, что его отечество Венгрія, куда и долженъ возвратиться; всѣмъ Русскимъ велѣлъ называться Венгерцами, запретилъ имъ молиться предъ образами; разссорился съ Винблодомъ и Степановымъ, оклеветалъ всѣхъ Русскихъ въ намѣреніи произвести бунтъ и завладѣть городомъ. Вся шайка была взята подъ стражу, разсажена по тюрьмамъ и такимъ образомъ принуждена была смириться, кромѣ Степанова, который объявилъ, что скорѣе останется въ тюрьмѣ, нежели дастъ подписку въ покорности Беневскому и въ подданствѣ Римскому императору. 15 человѣкъ Русскихъ пало жертвою климата Макао, въ томъ числѣ Турчаниновъ. Для отвоза въ Европу остальныхъ Беневскій нанялъ два французскихъ фрегата и отправился на нихъ въ январѣ 1772 г. Во время этого переѣзда умеръ Батуринъ. Наконецъ путешественники достигли береговъ Франціи, высадились въ Портъ-Луи. Беневскій уѣхалъ въ Парижъ съ проектомъ завоеванія острова Формозы; но, вмѣсто Формозы, французское правительство указало ему Мадагаскаръ. Между тѣмъ Русскіе пришли пѣшкомъ изъ Портъ-Луи въ Парижъ и обратились къ русскому резиденту Хотинскому, съ просьбою исходатайствовать имъ прощеніе у государыни. Препровождая къ генералъ-прокурору письмо Хотинскаго, Екатерина писала (2-го октября): „Имъ отъ меня прощеніе обѣщано, которое имъ и дать надлежитъ, ибо довольно за свои грѣхи наказаны были; видно, что Русакъ любитъ свою Русь, и надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна". Всѣ возвратились въ Россію и были распредѣлены въ сибирскихъ городахъ на свободное житье [1]).

Когда сподвижники Беневскаго просили позволить имъ возвратиться въ Россію, въ Петербургѣ шло слѣдствіе по поводу слуховъ, распространявшихся въ гвардіи. Солдатъ Исаковъ разсказывалъ солдату Жихареву слышанное имъ прошлаго года въ лагерѣ отъ многихъ солдатъ Преображенскаго полка, что великаго князя хотятъ извести; что въ ихъ девятой ротѣ хотѣли обобрать патроны и во дворецъ болѣе пяти патроновъ носить не велятъ; не будетъ ли, говорили солдаты, въ Петровъ день перемѣны, и не будетъ ли его высочество въ лагерь для принятія престола; а если нѣтъ, такъ не будетъ ли гр. Орловъ, и вино уже у него приготовлено, чтобъ въ Петровъ день поить солдатъ. Жихаревъ пересказалъ объ этомъ солдату Карпову, Карповъ — капралу Оловеникову, Оловениковъ — брату своему, подпоручику Селехову, которому прямо предложилъ возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича, къ чему склонять солдатъ, во-первыхъ, тѣмъ, что ихъ смертно бьютъ безъ вины, потомъ, что великаго князя извести хотятъ, наконецъ что Орловъ хочетъ быть императоромъ. То же самое уже внушалъ Оловениковъ капраламъ Подгорнову и Чуфаровскому. Оба послѣдніе и Селеховъ согласились дѣйствовать. Стали подговаривать другихъ, разсуждать, какъ вывезти великаго князя изъ Царскаго Села, что сдѣлать съ Екатериною: постричь ее или оставить въ покоѣ. Оловениковъ и Селеховъ думали, что если Павелъ Петровичъ не согласится принять престолъ, то убить его вмѣстѣ съ матерью, а въ народѣ сказать, будто Павла умертвила Екатерина, не любя его, и погибла въ отмщеніе; въ цари послѣ этого выбрать, кого солдаты захотятъ, причемъ Оловениковъ мечталъ о коронѣ и уже ссорился съ товарищами за будущее царство. Оловениковъ говорилъ, чтобъ быть ему царемъ, Подгорнову — фельдцейхмейстеромъ, брату его — генералъ-прокуроромъ, Карпову — генералъ-адъютантомъ.

[1]) Дѣло Беневскаго въ Государств. Архивѣ.

На это Подгорновъ говорилъ: „Когда тебѣ можно царемъ быть, такъ и я буду"; потомъ толковали, что надобно выбрать въ цари герольдмейстера кн. Щербатова, потому что онъ человѣкъ очень честный, умный и добрый.

27-го мая пришли къ Оловеникову Исаковъ и Карповъ, и говорили: „Не изволишь ли выйти на народное мѣсто; гренадеръ Филипповъ хотѣлъ выйти еще съ гренадерами, такъ вы сами съ ними поговорите". Оловениковъ пошелъ въ назначенное мѣсто, куда пришли гренадеры—Филипповъ, Мурзинъ и Михайло Ивановъ, съ которыми Оловениковъ пошелъ за конногвардейскія конюшни, пришелъ на берегъ Невы, и тутъ Ивановъ сталъ ему говорить: „Да что-жъ мы пустое калякаемъ, надобно дѣло говорить, за чѣмъ пришли". Оловениковъ сказалъ на это: „Мнѣ Исаковъ сказывалъ, что онъ слышалъ во дворцѣ, будто гвардію всю хотятъ сдѣлать армейскими полками, а намѣсто гвардіи хотятъ ввести гренадерскіе полки: такъ чего же дожидаться?—а если это допустимъ, то тогда драться уже будетъ трудно; надобно думать, что Орловъ за тѣмъ вѣрно и поѣхалъ (въ Фокшаны), чтобъ сдѣлать себя Молдавскимъ княземъ или и императоромъ". На это гренадеры сказали: „Это вѣрно сбудется, а можетъ быть, ему этого сдѣлать и не удастся, и мы его высочество поскорѣе императоромъ сдѣлаемъ".—„Какимъ же образомъ намъ дѣло то начать"? спросилъ Ивановъ: „мы не видимъ прямой дороги"! Оловениковъ отвѣчалъ: „Это правда, что мы прямой-то дороги не видимъ; но вотъ Филипповъ сказывалъ, что ему знакомъ Барятинскій, и онъ обѣщался къ нему сходить и развѣдать о мысли его высочества". Ивановъ прибавилъ: „И мнѣ Барятинскій знакомъ, такъ и я къ нему схожу. Если его высочество согласится, то мы можемъ собрать человѣкъ 300, которымъ какъ скажемъ, то всѣ согласятся, пойдутъ съ нами, и мы можемъ послать одну половину захватить дороги, а другую половину къ его высочеству". — „Это пустяки", сказалъ Оловениковъ: „прежде времени загадывать нечего". Но Карповъ продолжалъ загадывать: „Ну, ежели его высочество на это согласится, такъ что̀ тогда дѣлать съ государынею"?—„Другого дѣлать нечего, какъ оставить ее въ покоѣ". Карповъ замѣтилъ: „Не лучше-ль ее отвезти въ монастырь"? Но Оловениковъ возразилъ: „Этого дѣлать никакъ нельзя, состоитъ это во власти его высочества. А ну какъ, братцы, его высочество изъ Царскаго Села нельзя будетъ взять"? Карповъ предложилъ средство: „А вотъ какъ можно будетъ взять-то: какъ его высочество поѣдетъ гулять, а насъ будетъ тамъ человѣкъ 50 или 100, то и можно его будетъ оттуда увезть сюда въ полкъ; а какъ его сюда привезутъ, поставить у Средней руки также человѣкъ 150, чтобъ изъ Петербурга никто не выѣзжалъ". Оловениковъ одобрилъ мѣру, и всѣ гренадеры сказали, что надобно сходить къ кн. Барятинскому. Дѣйствительно, Михайло Ивановъ, Шмелевъ и Алексѣй Филипповъ отправились къ камергеру кн. Барятинскому, только съ другою цѣлью; они объявили князю: „Вотъ у насъ въ полку мушкатеръ Исаковъ приходилъ и говорилъ, чтобъ великаго князя возвести на престолъ, а мы теперь объ этомъ в. с—ству объявляемъ, извольте объ этомъ гдѣ донести". Барятинскій отвѣчалъ имъ: „Подите, подите вы на мѣсто, Богъ съ вами, я теперь это слышу".

Началось слѣдствіе. Оловениковъ описалъ собственноручно разговоръ свой съ Селеховымъ насчетъ судьбы великаго князя, императрицы и выбора новаго императора: если великій князь принять престолъ не согласится, то сперва его, потомъ государыню лишить жизни, а въ народѣ сказать, будто великаго князя лишила жизни государыня, не любя его, въ отмщеніе и ее убили, а въ цари выбрать, кого солдаты захотятъ; этотъ умыселъ былъ открытъ Подгорнову, Чуфаровскому, Карпову и Жихареву. Селеховъ спросилъ Оловеникова: „Да кого-жъ бы возвести-то"? Оловениковъ отвѣчалъ: „Какъ кого? изъ нашихъ сообщниковъ того, кто больше въ этомъ дѣлѣ трудится". Селеховъ захохоталъ и сказалъ: „Да я думаю тебя".— „А что-жъ, хотя-бъ и меня", сказалъ Оловениковъ. *Селеховъ*: „И, и, дуракъ! да твоей ли рожѣ царемъ-то быть, посмотритка ты на себя, каковъ ты! ты-жъ и говорить не умѣешь, да и ничего не смыслишь; такъ какъ тебѣ царствомъ-то, этакому дураку, править? Вѣдь хотя гвардія-то вся и согласится, такъ еще есть двѣ арміи, такъ тогда и послѣ что̀ съ нами сдѣлаютъ"? *Оловениковъ*: „Ну ужъ какъ гвардія-то здѣсь присягнетъ, армія такъ и станетъ думать, что ужъ такъ и остальное". По показанію Карпова, Оловениковъ говорилъ о кн. Щербатовѣ: „Онъ такой каналья гордый; кому же воспитанъ въ пышности, въ роскоши; такъ какъ его возвести?—онъ никакой солдатской и мужичьей нужды не знаетъ, такъ и будетъ думать, что всѣ для него созданы". По показанію Иванова, Исаковъ говорилъ: „Государыню въ монастырь, хотя она ничего дурного не дѣлаетъ, а все это дѣлаетъ Орловъ, все посвоему ворочаетъ; теперь поѣхалъ въ армію уговорить солдатъ, чтобъ они ему тамъ присягнули, а какъ присягнутъ, и онъ будетъ царь, то приведетъ сюда Петербургскій полкъ, а насъ, всю гвардію, отсюда выведутъ".

Во время этого дѣла, 2-го іюня, Екатерина писала генералъ-прокурору кн. Вяземскому: „Я нахожу, сія шайка такого роду, что, конечно, надлежитъ всѣхъ въ ней участіе имѣющихъ вывести въ наружу, дабы гвардію, колико возможно, на сей разъ вычистить и корень зла истребить, сохраняя всегда умѣренность и человѣколюбіе; но дабы вамъ облегчить трудъ возиться и исповѣдывать толикое число людей, то придаю вамъ для изслѣдованья сего дѣла преображенскаго маіора Маслова и оберъ-прокурора Всеволодскаго". Вслѣдъ затѣмъ Екатерина писала Вяземскому: „Скажите Чи-

черину (гнералъ-полицiймейстеру), что если по городу слышно будетъ, что многіе берутся и взяты солдаты подъ караулъ, то чтобъ онъ выдумалъ бы бредню и ее-бъ пропустилъ, чтобъ настоящую закрыть, или же и то сказать можно, что заврались". Императрицу поразила молодость людей, толковавшихъ о политическомъ переворотѣ, и она писала Вяземскому: „Я прочла всѣ сіи бумаги и удивляюсь, что такіе молодые ребятки впали въ такія безпутныя дѣла: Селеховъ старшій — и тому 22 года, а прочихъ, кромѣ розгами, ничѣмъ сѣчь не должно, одному—17, а другому 18 лѣтъ". Приговоръ состоялся такой: Оловеникова бить кнутомъ и сослать навѣки въ Нерчинскъ въ тяжкую работу; Селехова гонять два раза шпицрутеномъ и написать въ солдаты въ дальній сибирскій гарнизонъ; капраловъ — Подгорнова и Чуфаровскаго, какъ малолѣтнихъ, высѣчь розгами келейно и послать въ сибирскіе полки солдатами; другихъ бить плетьми и сослать въ Нерчинскъ навѣки [1]).

Но въ то время, какъ мелкіе люди, осмѣлившіеся обратить свое вниманіе на великана Орлова, гибли въ пустынныхъ сибирскихъ пространствахъ, фаворитъ возвращался въ Петербургъ съ новымъ геройскимъ значеніемъ не героя только побѣдителя и завоевателя, но героя-возстановителя спокойствія въ обширнѣйшей столицѣ и чрезъ это въ цѣломъ государствѣ. Правда, и Орловъ, какъ впослѣдствіи Суворовъ, Петръ Панинъ, былъ предупрежденъ событіями, но въ минуту освобожденія отъ опасности мало объ этомъ думали, и оффиціальная исторія, поставившая на первый планъ Орлова, сохраняла свое значеніе до послѣднихъ временъ. Въ выгодахъ Екатерины въ обстоятельствахъ времени было превознести славу фаворита до небесъ: вотъ что за люди, которыхъ она дала Россіи! Выбита была медаль, воздвигнуты тріумфальныя ворота. На одной сторонѣ медали былъ портретъ Орлова, на другой изображенъ Курцій, бросающійся въ пропасть; надпись гласила: „Таковаго сына Россія имѣетъ". Это Орловъ замѣтилъ Екатеринѣ: „Прикажи перемѣнить надпись, обидную для другихъ сыновъ отечества". Явилась другая надпись: „И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ".

Понятно, что Екатерина должна была всѣми средствами поддерживать Орлова, ибо уже по одному инстинкту самохраненія, судьба ихъ была тѣсно связана другъ съ другомъ; первые удары, имѣвшіе дать Павлу самостоятельное царствованіе, должны были посыпаться на Орлова. Орловъ былъ лучшій человѣкъ, который могъ спасти государство, и было счастливое время, когда Екатерина была въ этомъ убѣждена и со всею страстностью готова была поддерживать сіе во всякомъ. Но теперь это время прошло: Екатерина имѣла время изучить Орлова, а главное имѣла время охладѣть къ нему [2]). Она находилась въ самомъ затруднительномъ и тяжеломъ положеніи: страсти, сознанія, что Орловъ можетъ все сдѣлать, уже не было болѣе, и въ этомъ страшно было признаться, страшно въ отношеніи къ сердцу, страшно и въ отношеніи къ политическимъ обстоятельствамъ, ибо Орловъ былъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо необходимъ для прекращенія всѣхъ интригъ въ пользу самостоятельности Павла. Екатерина уже начала разбирать въ письмахъ съ пріятелями разныя стороны характера Орлова,—и это былъ уже печальный шагъ, показывавшій, что она не находится съ этимъ человѣкомъ въ такихъ отношеніяхъ, когда характеръ и способности не разбираются. Для чего дѣлала она этотъ разборъ?—повидимому для восхваленія Орлова, но преимущественно для собственнаго оправданія, и здѣсь лежало уже начало разлуки. Она видѣла, что Орловъ—человѣкъ съ необыкновенною отвагою—не отличался ни обширнымъ умомъ, ни просвѣщеніемъ; она думала, что онъ восполнитъ послѣднее трудомъ, и ошиблась. Онъ не могъ помогать ей удержать то, что помогъ пріобрѣсти. Главное, что можно было выставить къ чести Орлова,—это благонамѣренность, патріотизмъ; но онъ не могъ быть ни правителемъ, ни рѣшителемъ важныхъ вопросовъ государственныхъ: онъ могъ быть только во главѣ партіи и то поддерживаемый, подталкиваемый другими. Въ письмѣ къ пріятельницѣ своей, Бельке, Екатерина разложила черты характера Орлова по поводу отправленія его на Бухарестскій конгрессъ. „Графъ Орловъ", писала она, „который безъ преувеличенія первый красавецъ свого времени, долженъ, дѣйствительно, казаться ангеломъ передъ этими гнусными турецкими бородачами; его свита блестящая и отборная, и мой посланникъ любитъ великолѣпіе и блескъ. Но держу пари, что его особа сокрушаетъ всѣхъ вокругъ; этотъ посланникъ удивительный человѣкъ; природа такъ роскошно надѣлила его со сторонъ ума, сердца, души, что у этого человѣка нѣтъ ничего пріобрѣтеннаго—все натура, и все хорошо; но госпожа натура также избаловала его, потому что прилежаніе труднѣе для него всего на свѣтѣ, и до тридцати лѣтъ ничто не могло его къ нему принудить. Несмотря на то, удивительно сколько онъ знаетъ: его естественная прозорливость такъ далека, что, слыша о предметѣ въ первый разъ, онъ схватываетъ его крѣпкія и слабыя стороны, и оставляетъ далеко позади себя человѣка, который началъ объ немъ съ нимъ говорить".

Похвала страшно преувеличенная, вызванная пониженіемъ первой стороны, гдѣ показывалось, что съ Орловымъ ничего сдѣлать было нельзя. Но не это было главнымъ: Орловымъ начали тяго-

---

[1]) Дѣло въ Государств. Архивѣ.

[2]) Послѣднія строки писаны уже ослабѣвшею отъ предсмертной болѣзни рукою автора. Все дальнѣйшее продиктовано имъ одному изъ сыновей въ нѣсколько пріемовъ 21-го, 22-го и 24-го сентября 1879 года. Онъ хотѣлъ закончить 29-й томъ казнію Пугачева, но смерть, послѣдовавшая въ 7 часовъ вечера 4-го октября, прервала многолѣтній трудъ историка, думавшаго о немъ и въ послѣднія минуты своей дѣятельной жизни.

титься какъ человѣкомъ; отношеній 1768 года не было болѣе, только посторонія препятствія мѣшали разрыву съ человѣкомъ, который съ своей стороны давалъ поводы къ этому разрыву. Повидимому, легкая задача для людей, которые хотѣли отстранить Орлова въ политическихъ видахъ; но Орловъ былъ могущество, съ которымъ предстояла долгая борьба.

Орловъ давно тяготился бездѣйствіемъ; лавры Румянцева и родного брата терзали его, поѣздка въ Москву только раздражила его, и онъ хотѣлъ принять участіе въ новомъ подвигѣ. Это было опасно для его враговъ, но, съ другой стороны, они понимали, какъ легко будетъ удалить отъ него Екатерину во время этого отсутствія, ибо хорошо видѣли основу дѣла въ томъ, что онъ уже наскучилъ.

Съ необыкновеннымъ блескомъ, съ блестящею свитою отправился Орловъ въ Бухарестъ и сейчасъ же долженъ былъ столкнуться съ первымъ военнымъ авторитетомъ времени—Румянцевымъ, что такъ выгодно было для враговъ его. Мы видѣли, что въ Совѣтѣ Орловъ постоянно былъ за рѣшительныя мѣры, которыя бы поскорѣе окончили войну, вслѣдствіе чего образовалось представленіе, что Румянцевъ медленъ, и что есть человѣкъ, который бы однимъ ударомъ рѣшилъ дѣло,—мнѣніе, разумѣется, оскорбительное для Румянцева, и здѣсь уже вражда между Румянцевымъ и Алексѣемъ Орловымъ, чесменскимъ побѣдителемъ; перекоры и нерасположеніе начались ужъ давно, и Орловъ постоянно упрекалъ Румянцева въ недѣятельности. Отсюда тѣсная связь между Панинымъ и Румянцевымъ по одинакимъ отношеніямъ къ Орлову, причемъ связующими людьми, какъ видно, были Волконскій и Потемкинъ. Волконскій, удалившійся отъ Румянцева, какъ мы видѣли, является опять при немъ, въ самыхъ нѣжныхъ къ нему отношеніяхъ. Волконскаго мы знаемъ, Потемкина встрѣчали мелькомъ. Его характеръ много разсматривали. Это былъ человѣкъ даровитый, но почти ни одно дарованіе его не могло быть примѣнено къ надлежащей цѣли по страшной жадности и честолюбію, питаемымъ невѣрностію положенія. Съ малолѣтства первою его мечтою было играніе первой роли. Небогатый смоленскій дворянинъ, онъ попалъ въ московскій университетъ, но скоро бросилъ школьную науку, которая не обѣщала ему быстраго производства. Сначала интересъ религіозный, въ это время особенно въ Москвѣ имѣвшій силу, занималъ Потемкина: онъ не прочь былъ быть пастыремъ Церкви и дѣйствовать тутъ на первомъ планѣ, почему занимался церковными вопросами, сближался съ архіереями, которые могли ждать многаго отъ даровитаго молодого человѣка для своего дѣла. Но русскому дворянину тогда былъ одинъ выходъ—военное поприще. Потемкина видимъ въ гвардіи участвующимъ въ дѣлѣ 28-го іюня, но, къ несчастію, во второстепенной роли: первую занялъ Орловъ; но почему-жь занялъ ее не онъ, Потемкинъ? Онъ сильнѣе Орлова, даровитѣе. Но если не удалось въ первый разъ, легко можетъ удасться во второй. Терпѣніе и интрига все преодолѣютъ особенно, при видѣ некрѣпкихъ способностей Орлова. Екатерина была польщена внимательностью другого атлета дружины 28-го іюня; его надобно было пріобрѣсти. Орловы, разумѣется, морщились, но она умѣла сохранять миръ между своими друзьями. Гораздо сильнѣй, какъ мы видѣли, были столкновенія у Орлова съ Паниными, первенствующими министрами государственными, особенно при образованіи Императорскаго Совѣта: здѣсь во мнѣніяхъ раскрылись различія, и Орловъ не всегда наблюдалъ должную осторожность, указывая, что русская политика не должна быть строго прусскою. Теперь страсти разгорѣлись въ Орловѣ: онъ долго жилъ подлѣ женщины, стерегъ ее,—для чего? Большинство не знало, что же это за богатырь, о которомъ такъ кричали, который спасъ отечество. Въ Москвѣ Орловъ выказалъ себя правителемъ; теперь представлялся ему случай явиться дипломатомъ; но этотъ случай долженъ былъ повести и къ военному начальству. Онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы взять войско у нерѣшительнаго Румянцева и двинуться за Дунай и прямо на Константинополь. Слѣдовательно, Румянцеву грозила большая опасность, и онъ тѣмъ охотнѣе соединялся съ Паниными. А между тѣмъ въ Петербургѣ не дремали: нужно было замѣнить персону Орлова и этимъ нанести рѣшительный ударъ,—и эта персона явилась въ видѣ добрѣйшаго, красивѣйшаго, но пустѣйшаго офицера Васильчикова. Всѣ удивились, но больше всѣхъ должна была удивиться Екатерина, когда, одумавшись, обозрѣла свое новое окруженіе. Васильчиковъ—вмѣсто Орлова, и Панинъ—на первомъ планѣ! Она никогда не любила Панина послѣ 28-го іюня: она иногда сближалась съ нимъ, иногда удалялась, и самое тѣсное сближеніе вызвано было Польскимъ дѣломъ, во время котораго Екатерина увѣровала въ какія-то необыкновенныя политическія способности своего министра. Съ ухудшеніемъ Польскаго дѣла ухудшались и отношенія между Панинымъ и императрицею; но самый сильный ударъ былъ нанесенъ, когда графъ Панинъ Петръ высказалъ слишкомъ рѣзко свое неудовольствіе по случаю взятія Бендеръ, вышелъ въ отставку, не переставалъ бранить распоряженія Екатерины, а Никита также сердился и хотѣлъ непремѣнно выйти въ отставку, если-бъ не удержалъ его пріятель послѣдняго, датскій министръ Струензе...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Обзоръ дипломатическихъ сношеній Русскаго Двора отъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира по 1780 годъ [1]).

1775.

Чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь былъ отправленъ князь Никол. Вас. Репнинъ. Въ инструкціи ему говорилось: „Окончивъ толь славно и толь счастливо войну тягостную, положили мы отнынѣ впредь непоколебимымъ правиломъ государственной нашей политики упреждать и отвращать, по крайней возможности, всѣ поводы и причины къ повреждецію мира и добраго согласія со всѣми окрестными державами, особливо съ Портою Оттоманскою, какъ тою изъ нихъ, коея интересы возстановленнымъ нынѣ миромъ болѣе другихъ развязаны съ россійскими во всякомъ между собою соперничествѣ, слѣдовательно же и поставлены тѣмъ самымъ въ положеніе взаимно и безпосредственно на обѣ стороны нужное, полезное и драгоцѣнное. Мы поручаемъ вамъ именно и точно изъяснять при всякомъ случаѣ министерству турецкому сіе наше политическое правило, а изъ онаго предпочтительную нашу склонность не только пребывать съ Портою въ лучшемъ согласіи и сосѣдствѣ, но и показывать ей по обстоятельствамъ всевозможныя угодности въ запечатлѣніе той искренности и того доброжелательства, съ коими прекратили мы невольную войну и съ коими хотимъ впредь пользоваться равно съ нею богатыми плодами блаженнаго мира ко взаимной и ощутительной пользѣ обоюдныхъ подданныхъ, доколѣ она, Порта, будетъ сама сообразовать поступки свои мирнымъ постановленіямъ. Мы имѣемъ причину думать, что она по сію пору научилась уже познавать истинную цѣну прежнихъ своихъ мнимыхъ друзей; пускай же теперь начнетъ испытывать на дѣлѣ наши къ ней мнѣнія. Время, да и короткое можетъ ее затѣмъ лучше всего удостовѣрить, что Россія отнюдь и ни въ чемъ не желаетъ ущерба ея интересамъ, ея знатности и ея владѣніямъ. Къ вящшему отвлеченію вниманія и сумнительствъ Порты отъ дѣлъ Татарскихъ можетъ нынѣ болѣе всего служить обращеніе оныхъ съ другой стороны на самовластное захваченіе Австрійскимъ Дворомъ знатныхъ кусковъ, возвращенныхъ ей миромъ въ полной цѣлости княжествъ Молдавскаго и Волошскаго. Тутъ отворите дверь проницанію и искусству вашимъ вселять бодрость и твердость въ унылый духъ сераля, не компрометируя однакожъ себя предъ Вѣнскимъ Дворомъ, дабы намъ инако не придти съ онымъ въ явную остуду безъ нужды и безъ пользы. Вы не оставите потому размѣрять отзывовъ вашихъ при Портѣ Оттоманской по мѣрѣ обрѣтаемыхъ въ ней больше или меньше выгодныхъ склонностей, внушая пристойными каналами или же и безпосредственно кстати и ко времени, что Порта имѣла случай испытать со вредомъ своимъ цѣну австрійской дружбы и тѣхъ великолѣпныхъ обѣтовъ, кои сей Дворъ продалъ ей при началѣ нашей войны за весьма дорогую цѣну; что всѣ удивляются безмолвному терпѣнію ея въ толь чувствительной обидѣ, каково есть самовластное овладѣніе земель ея посреди мира и подъ маскою тѣснѣйшей дружбы; что, правда, имперія Оттоманская гораздо поистощилась въ минувшую войну и потому, можетъ быть, опасаясь вящшаго себѣ изнуренія въ сущемъ уже истощеніи, убѣгаетъ оказать справедливое свое возчувствованіе, дабы тѣмъ самымъ не быть втянутою въ новую войну: и что сіе ея опасеніе едва ли можетъ почитаемо быть справедливымъ, когда, съ одной стороны, взять въ разсужденіе коренныя ея силы, требующія только обновленія бодрости въ духѣ правителей, а съ другой—критическую позицію Вѣнскаго Двора между нами и союзникомъ нашимъ королемъ Прусскимъ, обуздывающую его со всѣхъ почти сторонъ въ самой внутренности его владѣній; что происходящая отъ онаго основательная недовѣрка можетъ въ пользу Порты замѣнять дѣйствительную Цесарцамъ диверсію, и какъ ихъ содержать на всѣ стороны въ тревогѣ и готовыхъ силахъ на всякій нечаянный случай, такъ взаимно Туркамъ облегчать ихъ дѣйствія, или же и одни иногда достаточными быть могущія наружныя оказательства, что напослѣдокъ Порта Оттоманская, примирившись единожды съ нами на такихъ началахъ, кои мы сами прочнѣйшими и полезнѣйшими опредѣлили на будущія времена, можетъ уже отъ имперіи нашей быть и оставаться навсегда въ совершенной безпечности и безопасности, ибо теперь интересы ея во многихъ частяхъ стали таковыми, что мы онымъ охотно способствовать хотимъ и будемъ“. Репнинъ долженъ былъ противиться, чтобъ другія державы, особенно Франція, не получили свободы мореплаванія по Черному морю. Наконецъ, предписывалось: „о точномъ вездѣ наблюденіи, дабы единовѣрные наши нигдѣ утѣсняемы не были

[1]) Печатаемые здѣсь отрывки писаны авторомъ, какъ можно догадываться, въ то время, когда онъ готовилъ къ изданію свою книгу: «Исторія паденія Польши», въ которой время между первымъ и вторымъ раздѣломъ земель Рѣчи Посполитой описано лишь въ нѣсколькихъ страницахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти отрывки были бы изложены несравненно подробнѣе въ слѣдующихъ томахъ «Исторіи Россіи», которую авторъ предполагалъ закончить смертію Екатерины II.

по причинѣ ихъ исповѣданія, и чтобъ вы во всякомъ случаѣ ходатайствовали за оное и за Православныя церкви при Портѣ вслѣдствіе мирныхъ артикуловъ 8, 14, 16 и 17, требуя скораго поправленія въ происходящихъ безпорядкахъ, также и строжайшаго, гдѣ надобно, подтвержденія, чтобъ впредь подобныхъ обидъ нигдѣ послѣдовать не могло. Равнымъ образомъ не оставите по 16 артикулу дозволять протекцію и заступленіе ваше будущимъ при Портѣ повѣреннымъ обоихъ господарей, Молдавскаго и Волошскаго, въ ихъ справедливыхъ нуждахъ и просьбахъ".

Съ дороги близъ Рущука Репнинъ увѣдомлялъ о полученіи изъ Константинополя донесеній отъ Петерсона: два раза уже рейсъ-эффенди говорилъ ему о необходимости установить въ Крыму наслѣдственныхъ хановъ, которые не были бы подвержены низверженію. Екатерина написала: „Ни мы, ни Турки права не имѣемъ мѣшаться въ Татарскія дѣла, ибо они (Крымцы) суть независимы". Но, по пріѣздѣ въ Константинополь, Репнинъ долженъ былъ увѣдомить императрицу (25 октября) о непріятномъ положеніи тамъ Русскихъ дѣлъ именно по отношенію къ Татарамъ. „Здѣсь дѣла", писалъ онъ, „непріятное положеніе берутъ и, какъ сказать, въ критическомъ состояніи находятся". Рейсъ-эффенди говорилъ русскому переводчику Тамарѣ: „Порта знаетъ, что не имѣетъ никакого права требовать измѣненія статей мирнаго договора; но проситъ избавить и отъ погибели: чернь и духовенство, взволнованныя Татарами, требуютъ, чтобъ Россія отступилась отъ независимости Татаръ, которой этотъ народъ не хочетъ, возвратили Портѣ Кинбурнъ и позволили ей оставить въ своемъ владѣніи Тамань". Репнинъ велѣлъ отвѣчать, что у Порты есть свой посолъ въ Россіи, если хотятъ получить вѣрный отказъ на свои предложенія, а что онъ, Репнинъ, и слышать не хочетъ ничего противнаго договору. Посолъ узналъ, что Турки намѣрены послать нарочнаго въ Петербургъ, говоря, что посолъ ихъ дуракъ. Репнинъ такъ заканчивалъ свое донесеніе: „Въ таковомъ, какъ здѣшнее правленіе, ничего вѣрнаго нѣтъ, понеже и самъ государь не всегда вѣренъ въ своемъ мѣстѣ, почему хотя и льщусь я, что до разрыва дѣло не дойдетъ, ко всему однакожъ надлежитъ быть готовымъ. Татарскія дѣла насъ безъ важныхъ хлопотъ николи не оставятъ, если не найденъ будетъ способъ хана Девлетъ-Гирея и главныхъ ихъ чрезъ него выиграть, а у нихъ деньги, я думаю, все могутъ сдѣлать". Въ отвѣтномъ рескриптѣ императрицы говорилось: „Мы ожидаемъ высылки изъ Константинополя татарской депутаціи, служащей единственно къ развращенію турецкой черни, а тѣмъ самымъ и приводящей правительство въ напрасныя хлопоты и заботу; такъ равномѣрно безпосредственнаго испражненія отъ войскъ крѣпости Таманской. Отнюдь не можемъ вмѣщать (понять), чтобъ министерство Порты предпочло уступить несправедливымъ жалобамъ вѣтреныхъ Татаръ и нескладнымъ жалобамъ нѣкоторой части своей черни, нежели соблюсти достоинство свое предъ свѣтомъ, добрую вѣру предъ нами и святость клятвы предъ Богомъ. Между убѣжденій, которыя много разъ и предъ симъ уже повторены, можно помѣстить и сіе уваженіе кстати, что ежели правительству на все требовать согласія отъ черни и по ея прихотямъ перемѣнять государственныя постановленія, то ничего не будетъ ни священнаго, ни надежнаго [1]), а чрезъ то самое и погрузить себя паки въ бездну неизвѣстностей, изъ которыхъ выведено оно одною нашею умѣренностью; что мы посреди войны предвидѣли уже, что Татарское дѣло въ новомъ его бытіи не скоро придетъ въ прямой его образъ по дикости и легкомыслію Татаръ: но, невзирая на сіе, лучше хотѣли понести до времени нѣкоторое отъ нихъ безпокойство, слѣдуя тутъ нашему собственному человѣколюбію, нежели инако будущему съ Портою Оттоманскою миру положить основаніемъ совершенное ихъ огнемъ и мечемъ истребленіе, которое всемѣрно состояло во власти нашей по собственному тогда признанію всѣхъ вообще Татаръ, отъ котораго и нынѣ ни они, ниже сама Порта справедливо отрещись не могутъ; что такимъ образомъ и не уважаемъ мы настоящимъ сопротивленіемъ Татаръ собственному ихъ благоденствію, довольствуясь тутъ соглашеніемъ и обязательствами Порты Оттоманской, опредѣляющими оное на первый случай и предоставляя имъ образумиться отъ времени и испытанія, когда они, дѣйствительно, уже вкусятъ неизвѣстные еще имъ плоды собственной независимости и между тѣмъ перебродятъ въ своемъ квасѣ, только бы Порта не подавала имъ причины къ соблазну уваженіемъ нынѣшнихъ ихъ жалобъ, а особливо вывела изъ Тамани войска свои, остающіяся тамъ подъ тщетнымъ предлогомъ иименованіемъ гостей, которыя однакожъ употребляются отъ Татаръ, во всѣ ихъ внутренніе раздоры, да и сами себя считаютъ не гостями, а владыками тамошнихъ мѣстъ; что напослѣдокъ противу этого надобно дѣйствовать войскомъ, при согласіи Крымскаго хана, а иначе достигнуть этого нельзя; когда же начнется рѣчь о войскѣ, то выставляютъ препятствіемъ мирный договоръ съ Портою".

Когда послано было къ хану Девлетъ-Гирею за поясненіемъ кубанскихъ событій, то ханъ отвѣчалъ прямо, что Крымскія и Ногайскія орды согласно отправили къ Портѣ Оттоманской челобитчиковъ съ прошеніемъ, чтобъ имъ по закону магометанскому вольными не быть; но, не дожидаясь рѣшенія Порты, Шагинъ-Гирей съ нѣсколькими войсками пріѣхалъ къ Копылу и тамъ непристойными внушеніями между народомъ хотѣлъ сдѣлать

[1]) Подчеркнутыя слова приписаны собственноручно Екатериною.

коварную помѣху общему намѣренію, что̀ мусульманской чести непристойно. Кромѣ того, Шагинъ-Гирей первый напалъ ночью на несогласныхъ съ нимъ султановъ, князей и мурзъ, которые принуждены были, спасая себя, отражать его нападенія; Шагинъ-Гирей потерпѣлъ неудачу и возвратился. Между тѣмъ, русскій агентъ въ Крыму, капитанъ Мавроени, въ донесеніяхъ своихъ подтверждалъ то, что̀ писалъ Шагинъ-Гирей о замыслахъ и обязательствахъ Девлетъ-Гирея. Мавроени доносилъ, что въ прежнее время Крымскіе ханы получали отъ Турецкаго султана жалованья не менѣе 80,000 рублей; а теперь посламъ, отправленнымъ въ Константинополь, велѣно тамъ сказать, что Крымцы не только эти суммы получать не желаютъ, но и отъ себя, сколько угодно, будутъ султану платить. Девлетъ-Гирей пригласилъ Мавроени къ себѣ, принялъ очень ласково, пригласилъ сѣсть и началъ говорить о Веселицкомъ съ сожалѣніемъ, какъ его обидѣлъ, обезчестилъ бывшій ханъ Сагибъ-Гирей. Тутъ пришелъ бывшій Нурадинъ-султанъ, и ханъ обратился къ нему со словами: „Бога вы не боялись, что, получая подарки отъ этого добраго и почтеннаго старика Веселицкаго, нанесли ему такое безчестіе". Нурадинъ отвѣчалъ: „Мы ему ничего не сдѣлали, только послали посмотрѣть турецкихъ военныхъ кораблей".—„Такихъ военныхъ кораблей онъ много видалъ", сказалъ Мавроени: „но не такъ жаль того, что Веселицкаго отправили подъ карауломъ смотрѣть турецкихъ кораблей, какъ того, что при этомъ убито больше ста человѣкъ его свиты". — „Я бы этого никогда не сдѣлалъ", сказалъ ханъ; „а если-бъ и взялъ подъ караулъ, то по окончаніи дѣла отпустилъ бы честнымъ образомъ. Это Сагибъ-Гирей сдѣлалъ по глупости: находящійся въ Константинополѣ русскій полковникъ (Петерсонъ) писалъ ко мнѣ,—требуетъ пяти или шести человѣкъ русскихъ солдатъ, которыхъ будто бы мои Татары украли; но ихъ укралъ самъ Шагинъ-Гирей и продалъ Черкесамъ; онъ всѣмъ нашимъ обществомъ проклятъ; онъ будетъ наносить вредъ и Россіи, и Турціи, и Крыму, и потому надобно его взять или въ Крымъ, или въ Россію".

Въ концѣ іюля дѣла Шагинъ-Гирея на Кубани пошли хорошо, и онъ писалъ Щербинину: „Сего іюля 23-го дня вступилъ я въ крѣпость Копылы. Едичкульская орда вся и Келичинское поколѣніе мнѣ подчинились, вслѣдствіе чего каковы клятвенныя увѣренія на присяжныхъ листахъ утверждены печатьми дали мнѣ, съ оныхъ препровождаю копіи, прося вознесть оныя къ свѣдѣнію ея императорскаго величества съ изъясненіемъ моей наичувствительнѣйшей благодарности, которую по смерть мою продолжать не премину. Есть надежда въ самомъ ближайшемъ времени и всѣ мои дѣла съ помощію Божіею къ желаемому концу довесть; но только прошу васъ, моего пріятеля, не оставлять своимъ стараніемъ и ходатайствомъ о доставленіи мнѣ высокомонаршихъ пособій и впредь таковыхъ, каковыми я до сего изъ особливаго великодушія и милосердія ея величества имѣлъ счастіе снабдеваемъ быть". Въ письмѣ къ Бринку Шагинъ-Гирей прямо указывалъ, какія ему нужны пособія: „Очень было бы хорошо при Едичкульской ордѣ опредѣлить русскую команду; а силы команды опредѣлить нельзя, то снабдить хотя денежнымъ вспоможеніемъ". Находившійся при Шагинъ-Гиреѣ переводчикъ Константиновъ писалъ Щербинину: „Нѣтъ надежды укрѣпить этотъ край одною властью калги-султана надъ здѣшними ордами, ибо власть его безъ подкрѣпленія съ нашей стороны очень слаба. Теперь самое удобное время къ возведенію Шагинъ-Гирея въ ханы, ибо, съ одной стороны, въ Крыму замѣшательство, съ другой—обласканные нашими деньгами, здѣшніе народы еще не простудили горячихъ обѣщаній султану, которыя, по прошествіи нѣкотораго времени, могутъ подвергнуться перемѣнѣ; и такъ надобно ковать желѣзо, пока горячо. Для достиженія цѣли, надобно употребить еще столько же денегъ, сколько издержано, и двинуть войска, безъ нарушенія, впрочемъ, договора, а подумаетъ сама Порта, да если хочетъ, и вразумитъ Татарамъ, что, въ случаѣ новой за нихъ между обѣими имперіями войны, они, Татары, будутъ первою, необходимою и, можетъ быть, и единою жертвою оной; что тогда, испытавъ мы нынѣ тщетность попеченія нашего о ихъ цѣлости и благосостояніи, не возможемъ уже при всей нашей претительности къ строгимъ и жестокимъ мѣрамъ, возбранить истинному и существительному интересу имперіи нашей отяготить надъ Татарами всю свирѣпость оружія и разрушивъ самое ихъ бытіе, дабы оное впредь не могло паки претвориться въ источникъ раздора между Россіею и Портою Оттоманскою".

Преданный Россіи калга-султанъ Шагинъ-Гирей не уживался съ Татарами, и когда Щербининъ увѣщевалъ его, чтобъ старался пріобрѣсть популярность у своего народа и представлялъ въ примѣръ хана Девлетъ-Гирея, который ласковостью достигъ ханства, то Шагинъ-Гирей отвѣчалъ: „Девлетъ-Гирей пріобрѣлъ ханское достоинство клятвеннымъ обѣщаніемъ уничтожить татарскую независимость". Когда братъ мой Сагибъ-Гирей письменно спросилъ Крымцевъ, за какую вину отрѣшили они его отъ ханства, спросилъ въ такихъ выраженіяхъ: „Къ лишенію чина и удаленію изъ отечество брата моего калги-султана (Шагинъ-Гирея) объявили вы ту причину, будто онъ держится русской стороны, имѣя къ ней сильную привязанность: но противъ меня что̀ вы можете сказать"?—то Крымцы отвѣчали ему: „Мы не имѣемъ къ вамъ никакого опасенія, подозрѣнія и сомнѣнія; но предпочли мы вамъ Девлетъ-Гирея единственно потому, что онъ клятвенно обѣщалъ уничтожить тяжкую для насъ независимость; ибо, по причинѣ поступковъ нашихъ противъ Россіи, вольность должна быть причиною нашей гибели и

разоренія". Калга-султанъ далъ знать, что Крымцы, потерявъ надежду, чтобы Порта удержала ихъ въ своемъ подданствѣ, обратились тайнымъ образомъ къ янычарскому обществу съ внушеніемъ, что если Порта оставитъ ихъ подъ покровительствомъ Россіи, державы христіанской, то они принуждены будутъ покинуть магометанскій законъ; янычары отвѣчали, чтобъ Крымцы прислали къ нимъ объ этомъ явное прошеніе, обѣщаясь помочь имъ, и Крымцы послали прошеніе.

Этого калгу Шагинъ-Гирея въ Петербургѣ хотѣли утвердить на Кубани, среди ногайскихъ или едисанскихъ Татаръ, и Щербининъ получилъ повелѣніе — „удержать калгу-султана какъ въ хорошемъ его расположеніи къ интересамъ высочайшаго Двора, такъ и въ знатности, кредитѣ и почтеніи между ногайскими ордами, дабы его имѣть на всякій случай готовымъ и надежнымъ орудіемъ къ преградѣ" совокупнымъ проискамъ Порты Оттоманской и хана Крымскаго. Но совокупные происки предупредили. Назначенный отъ Девлетъ-Гирея на Кубань сераскиромъ, Тохтамышъ-Гирей-султанъ соединился въ октябрѣ съ султанами, вышедшими изъ Темрюка, напалъ на часть Едичкульской орды, преданную Шагинъ-Гирею, перебилъ и ограбилъ сопротивлявшихся; спаслось только 18 мурзъ, которые прибѣжали къ Шагинъ-Гирею съ укорами, что онъ обнадежилъ ихъ русскою помощью, а между тѣмъ выдалъ на разоренье. Шагинъ-Гирей, видя, что находившійся при немъ русскій эскадронъ не въ состояніи защитить его, уговорилъ его отойти, а самъ отдался въ плѣнъ Татарамъ, когда султаны и мурзы, по настоянію Русскихъ, присягнули, что ему никакого вреда не будетъ. Русскій отрядъ, при своемъ уходѣ, встрѣтилъ большія препятствія: при переправѣ черезъ рѣку бѣжавшіе еще при Петрѣ Великомъ Донскіе казаки Некрасовцы дали ему лодки, но вытребовали сто рублей; а Татары потребовали, чтобъ онъ далъ имъ подписку, что не видалъ отъ нихъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій, иначе велятъ сейчасъ же разграбить и разбить; подписку принуждены были дать.

Бригадиръ Бринкъ, стоявшій при устьи Еи, отправился къ калгѣ узнать отъ него самого о положеніи дѣлъ. Калга объявилъ, что для утвержденія вольности крымскихъ Татаръ необходимо изданіе манифестовъ съ русской и турецкой стороны, съ яснымъ заявленіемъ, что старанія объ уничтоженіи этой вольности не будутъ пріятны ни той, ни другой державѣ: тогда Татары и успокоятся на этомъ, какъ на рѣшеніи судьбы. „Такъ какъ твердое соблюденіе постановленнаго", говорилъ калга, „будетъ непосредственно зависѣть отъ Крымскихъ хановъ, то судите: если душа не можетъ терпѣть какой вещи, то можетъ ли вмѣстить въ себя эту вещь тѣло? Если же чего душа желаетъ страстно, можетъ ли вопреки ея склонности тѣло этого не принять? Каждый властитель есть душа своей области. По этой причинѣ я и заявлялъ много разъ, что пока Крымскій ханъ не будетъ внутренно склоненъ къ независимости, до тѣхъ поръ ненадежна прочность трактата и спокойное поведеніе Татарскаго народа. Объ этомъ повторялъ я много разъ и князю Василью Михайловичу Долгорукову, и Евдокиму Анисьевичу Щербинину, когда, по высочайшей волѣ, я уѣзжалъ изъ Полтавы въ здѣшній край. Рѣшено было дѣйствовать здѣшнею стороною; но для этого необходимо овладѣть Таманомъ, что и было бы мною сдѣлано, если бы, во-первыхъ, не было тутъ войска турецкаго, а во-вторыхъ, если-бъ исполнена была просьба Едичкульской орды о защитѣ ея войскомъ. Если есть намѣреніе успокоить Ногаевъ и утвердить между ними вольность, то подъ предлогомъ перевода войска чрезъ здѣшнія мѣста отъ Азова для усиленія керченскаго гарнизона".

Въ Польшѣ Штакельбергъ представлялъ о необходимости окончить сеймъ, предоставивъ дѣло объ опредѣленіи границъ Постоянному Совѣту. Панинъ отвѣчалъ ему, что это и его собственная мысль, и что императрица поручаетъ ему, Штакельбергу, привести ее въ исполненіе: „Вы употребите вашу обычную дѣятельность", писалъ Панинъ 8-го января, „приготовить умы къ этому и особенно согласить своихъ товарищей. Я говорилъ объ этомъ съ княземъ Лобковичемъ и графомъ Сольмсомъ, и они будутъ настаивать на исполненіи нашего намѣренія при своихъ Дворахъ". Въ концѣ января Штакельбергъ писалъ: „Слишкомъ много причинъ бояться, что Польскія дѣла, затягиваясь, кончатся полнымъ разрушеніемъ этого государства, такъ что не будетъ никакихъ средствъ помѣшать этому событію. Я успѣлъ вывести иностранныя войска изъ королевства; я буду неутомимо препятствовать, чтобъ они не вошли опять; но мнѣ нельзя будетъ предотвратить это несчастіе, если интересъ какихъ-нибудь магнатовъ, которые среди смуты надѣются осуществить свои честолюбивые планы, возьметъ верхъ надъ интересомъ государственнымъ. Бенуа мнѣ сказалъ, что его король принялъ твердое рѣшеніе ввести свои войска въ Польшу, если Поляки не кончатъ къ 1-му марта. Я счелъ своею обязанностію предувѣдомить ихъ объ этомъ, указать имъ на опасность; они должны уже пенять сами на себя, если хотятъ низвергнуться въ пропасть. Я сдѣлалъ для себя постояннымъ принципомъ соединять счастіе и спокойствіе Польши съ интересами Россіи; они неразрывны, и думаю, что сердце и человѣколюбіе ея и. в. будутъ этимъ удовлетворены. Перемѣны, произведенныя въ формѣ правительства, сдѣланы согласно этому принципу, настоящему положенію Польши и соединенному плану трехъ Дворовъ. Но здѣсь существуетъ значительная партія: будучи недовольна тѣмъ, что дѣлается, она хочетъ все перевернуть вверхъ дномъ и возстановить прежнюю анархію. Она питается мечтами и обнимаетъ малѣйшій фантомъ. Если неистощимыя интриги, которыми она осаждаетъ всѣ

Дворы, могущіе имѣть вліяніе на судьбу Польши, получать малѣйшій успѣхъ, — это государство должно погибнуть. Я ѣздилъ къ королю, чтобъ уговориться насчетъ окончанія дѣлъ; я нашелъ у него Браницкаго, и мы вмѣстѣ съ королемъ стали его убѣждать, какими опасностями грозитъ проволочка. Наконецъ, намъ показалось, что онъ убѣдился, и обѣщалъ искренне намъ содѣйствовать".

Въ началѣ февраля, увѣдомляя о возобновленіи конференцій съ делегаціею, Штакельбергъ опять жаловался на медленность, выставляя ей двѣ причины: „Несогласіе, господствующее между вельможами польскими, которые собираются на конференціи у короля для разсужденія о дѣлахъ собственно Польскихъ, не интересующихъ сосѣднія государства. Вторая причина, переставшая быть тайною для Поляковъ, состоитъ въ рѣшительномъ нежеланіи моихъ обоихъ товарищей, особенно Бенуа, окончить дѣла. Легко понять вліяніе этого на химерическіе умы Поляковъ. Я притворяюсь, что не замѣчаю расположенія моихъ товарищей и продолжаю двигать дѣла, пока ихъ летаргія не превратилась въ оппозицію. Въ тайныхъ внушеніяхъ нѣтъ недостатка. Вѣроятно, оба Двора надѣются, что продолженіе дѣлъ будетъ для нихъ источникомъ благопріятныхъ событій. Трудность моей роли между польскими фантазіями и политикою обоихъ товарищей не избѣжитъ отъ вашего вниманія. Существенный интересъ ея величества, состоящій въ сохраненіи здѣшней страны, предписываетъ мнѣ величайшую осторожность. Мнѣ предстоитъ одно изъ двухъ: или лавировать, преодолѣвая трудности переговорами, способными согласить общіе и частные интересы съ моею цѣлью; или круто повернуть дѣло, чтобъ были введены иностранныя войска: я предпочитаю первое, хотя оно требуетъ много времени, ибо второе повлечетъ къ величайшимъ затрудненіямъ, увеличивая претензіи двухъ Дворовъ, разъ ихъ войска вступятъ въ страну. Ваше сіятельство, употребите весь свой кредитъ при обоихъ Дворахъ, чтобъ убѣдить ихъ въ необходимости кончить дѣла, а не отравлять ихъ съ цѣлію подѣлить остальную Польшу".

Отъ 14-го февраля Штакельбергъ увѣдомилъ, что начали разсуждать о диссидентскомъ дѣлѣ. Обнаружились прежній фанатизмъ, прежнія волненія. „Нунцій, все духовенство, всѣ монахи постоянно осаждаютъ членовъ делегаціи, внушая имъ ревность самую слѣпую. Ревицкій явно проповѣдуетъ согласіе, а подъ рукою поддерживаетъ всѣ внушенія нунція. Наконецъ, когда положили начать дѣло, Ревицкій сказалъ, что, несмотря на согласіе, царствующее между тремя Дворами, его Дворъ, будучи католическимъ, не можетъ покинуть своей религіи; не одобряя ничего, что можетъ повести къ притѣсненіямъ диссидентовъ и Грековъ-неуніатовъ, онъ, Ревицкій, предложитъ свои добрыя услуги для поддержанія правъ господствующей религіи. Такъ какъ подъ этими словами разумѣется вообще исключеніе диссидентовъ изъ законодательства, то легко представить впечатлѣніе, произведенное этими словами на фанатиковъ, у которыхъ большинство. Когда Ревицкій кончилъ, я сталъ уговаривать делегацію обратить вниманіе на слова австрійскаго министра насчетъ удаленія его Двора отъ поддерживанія фанатизма и религіознаго преслѣдованія. Эти чудовища часто окровавляли Польшу и въ послѣднее время дали предлогъ къ бунту и войнѣ междоусобной, такъ-что сосѣдніе Дворы должны были войти въ соглашеніе о возстановленіи спокойствія. Я кончилъ словами, что всегда съ удовольствіемъ приму добрыя услуги Ревицкаго въ переговорахъ, относительно которыхъ, мнѣ кажется, делегація руководится ложнымъ принципомъ: кажется, она думаетъ, что дѣло надобно начинать съ начала, тогда какъ мы должны отправляться отъ основаній, которымъ служитъ договоръ 1768 года. Бенуа почти слово-въ-слово повторилъ мою рѣчь, прибавивъ, что его государь старался и всегда будетъ стараться о поддержаніи правъ диссидентовъ. Ревицкій не сказалъ больше ни слова, а назначили епископовъ и нѣсколько сенаторовъ и шляхты для конференцій въ моемъ домѣ; Ревицкій объявилъ, что не будетъ присутствовать при этихъ конференціяхъ, хотя прежде обѣщалъ добрыя услуги. Я постарался пригласить Бенуа".

16-го февраля окончилось страшное диссидентское дѣло, по выраженію Штакельберга. Поведеніе Ревицкаго заставило Штакельберга и Бенуа потребовать отъ него положительнаго объясненія, имѣетъ ли онъ отъ своего Двора приказаніе разорвать соглашеніе между тремя Дворами изъ-за диссидентскаго дѣла. Прижатый такимъ образомъ къ стѣнѣ, Ревицкій сталъ выражаться яснѣе предъ Поляками, и тѣ стали умѣреннѣе. Диссиденты и Греки-неуніаты сохранили право участвовать въ законодательствѣ только въ опредѣленномъ числѣ. Подтверждены были права православной и диссидентской шляхты на всѣ должности военныя, административныя и судебныя, а чрезъ это для нихъ осталась отворенною дверь ко вступленію въ Постоянный Совѣтъ. Поведеніе Ревицкаго такъ разсердило Екатерину, что когда Австрійскій Дворъ сталъ просить позволенія закупать лошадей на югѣ Россіи, то она написала: „Отказано, всѣ лошади померли". Но оставалось еще дѣло о торговомъ договорѣ между Польшею и Пруссіею: „Кажется", писалъ Штакельбергъ, „что Прусскій король или вовсе не хочетъ заключать торговаго договора, или низвести Польшу на степень прусской колоніи". Штакельбергъ долженъ былъ, по его выраженію, принять на себя въ этомъ дѣлѣ роль польскаго уполномоченнаго, уговаривая Бенуа быть снисходительнымъ. Но уговоры не помогали. Положеніе Штакельберга было затруднено тѣмъ, что русская армія возвращалась послѣ Турецкой войны чрезъ Польскія владѣнія, отчего поднялся страшный крикъ на сеймѣ, жалобы на разореніе, требованіе, чтобъ армія была немедленно выведена

Дѣло о торговомъ договорѣ съ Пруссіею не двигалось. Бенуа требовалъ, чтобъ всѣ прусскія мануфактурныя произведенія входили въ Польшу безпошлинно, а польскія, входя въ Пруссію, оплачивались. Наконецъ Штакельбергу удалось уговорить Бенуа согласиться на взаимность относительно пошлинъ. 1-го апрѣля посолъ извѣстилъ Панина о спокойномъ окончаніи двухгодичнаго сейма, который, какъ иногда казалось, долженъ былъ кончиться разрушеніемъ Польши. Дѣло опредѣленія границъ осталось на рѣшеніи Постояннаго Совѣта, согласно желанію Панина и Штакельберга. Трескучая рѣчь гетмана Браницкаго противъ раздѣла и противъ намѣренія Пруссіи и Австріи увеличить свои владѣнія вопреки договора о раздѣлѣ не произвела ожидаемаго имъ впечатлѣнія: Поляки не отозвались на его предложеніе идти съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои границы.

Въ январѣ Фридрихъ II писалъ Сольмсу: „Кажется, гр. Панинъ подозрѣваетъ меня въ добромъ расположеніи къ Вѣнскому Двору; но многаго недостаетъ, чтобъ я почувствовалъ къ нему нѣжность. Я знаю его духъ, его образъ мыслей, я испыталъ отъ него много зла. Его послѣдній договоръ съ Портою и другія его дѣянія должны внушить мнѣ отвращеніе отъ Двора, который не полагаетъ границъ своему двоедушію и который такъ легко дѣлается банкротомъ въ добросовѣстности, если это банкротство благопріятствуетъ его интересамъ. Я не одобрялъ его новыхъ пріобрѣтеній; я согласился на нихъ только для избѣжанія неблаговременныхъ дрязгъ и чтобъ не дать повода къ ссорѣ между тремя Дворами. Но я очень хорошо видѣлъ, что Австрія беретъ вдвое противъ своей доли какъ землею, такъ и людьми; ея недавній захватъ въ Молдавіи и Валахіи исполняетъ мѣру ея ненасытности, и приращеніе силы, которой она этимъ достигаетъ, вовсе не шуточное. Несмотря на все это, европейскія отношенія и война, которую Россія только-что кончила, заставляютъ меня думать, что теперь не время противиться Австріи. Между тѣмъ, поведеніе Австріи требуетъ величайшаго вниманія и заслуживаетъ серьезныхъ размышленій относительно будущаго. Надобно подумать, какъ бы поставить оплотъ жадности Австрійскаго Дома, который, если дать ему волю, перейдетъ всякія границы. Я буду очень радъ узнать мысли графа Панина на этотъ счетъ. Я думаю, что когда придетъ время положить должныя границы его честолюбію и усиленію, надобно будетъ начать дѣло переговорами, чтобъ приготовить матеріалъ и не поступить опрометчиво въ проведеніи нужныхъ мѣръ. Положеніе Австрійскаго Дома можетъ сдѣлаться очень критическимъ. Предложеніе посредничества въ дѣлѣ Молдавіи и Валахіи, сдѣланное Франціею Портѣ, кажется очень способно поссорить Австрію съ этою державою. У ней также недоразумѣніе съ Англіею, такъ-что безо всякаго чуда Вѣнскій Дворъ можетъ очутиться одинокимъ, подверженнымъ ненависти цѣлой Европы. Между тѣмъ очень вѣрно, что онъ не уступитъ ни пяди земли, захваченной въ Польшѣ; что мой примѣръ перенесенія границы назадъ не произвелъ на него никакого дѣйствія, вслѣдствіе чего я опять продвинулъ ее впередъ, чтобъ не усиливать еще болѣе Австріи. Въ такомъ положеніи находятся дѣла теперь. Я вполнѣ согласенъ съ графомъ Панинымъ, что такъ какъ переговоры съ делегаціею и депутатами нескончаемы, то пусть каждый остается при томъ, что имѣетъ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, когда можно будетъ получить ратификацію Польской республики, а между тѣмъ оканчивать успокоеніе этой страны независимо отъ дѣла установленія границъ. Мнѣ кажется, что мое внушеніе объ опасности, угрожающей Польскому королю въ случаѣ выхода русскихъ войскъ изъ Польши, не произвело надлежащаго впечатлѣнія на графа Панина, хотя оно заслуживаетъ вниманія, ибо вѣрно, что Польская нація согласна въ одномъ,—въ общей и сильной ненависти къ этому государю“.

Въ маѣ мѣсяцѣ Фридрихъ II былъ встревоженъ депешею, полученною изъ Варшавы отъ Бенуа: „Гетманъ Браницкій отправляется въ Москву. Такъ какъ онъ внушаетъ Полякамъ, что у него особенныя связи при Русскомъ Дворѣ, могущія произвести современемъ полную перемѣну системы въ отношеніяхъ трехъ державъ, сосѣднихъ Польшѣ, то легко заключить, съ какимъ намѣреніемъ графъ Браницкій предпринимаетъ это путешествіе. Его планъ состоитъ въ томъ, чтобъ разъединить три Двора, для чего онъ не оставитъ употребить всякаго рода ложныя донесенія, посредствомъ которыхъ онъ надѣется увѣрить Петербургскій Дворъ, что все, сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, никуда не годится и надобно установить другую правительственную форму. Онъ особенно хвастался тѣмъ, что генералъ Потемкинъ вполнѣ ему сочувствуетъ, и потому онъ знаетъ гораздо больше, чѣмъ русскій министръ въ Варшавѣ, который ходитъ ощупью. Онъ придаетъ огромную важность учтивостямъ, которыя ему будутъ оказаны въ Москвѣ. Поляки уже навострили уши и ждутъ съ нетерпѣніемъ послѣдствій этой новой поѣздки. Какой-то Монтрезоръ, котораго Браницкій отправилъ въ Москву и на котораго здѣшніе невѣжды смотрятъ какъ на повѣреннаго въ дѣлахъ при Русскомъ Дворѣ, недавно написалъ Браницкому, что въ Россіи расхваливаютъ его поведеніе въ делегаціи и особенно восхищаются его прекрасною рѣчью, произнесенною въ концѣ сейма“.

При Русскомъ Дворѣ и безъ Браницкаго знали, какое вліяніе произведено въ Польшѣ тѣмъ, что Фридрихъ II велѣлъ присягать себѣ на вѣрность жителямъ тѣхъ польскихъ мѣстностей, которыя не слѣдовали ему по договору. Панинъ, несмотря на все свое доброжелательство къ Пруссіи, долженъ былъ выразить Сольмсу неодобреніе своего Двора такому поступку. Фридрихъ писалъ по этому случаю своему послу: „Вамъ было бы легко опра-

вдать мой поступокъ, напомнивъ этому министру, что основаніемъ нашего раздѣльнаго договора было соблюденіе совершеннаго равенства между долями сораздѣляющихъ государствъ. Когда Россія нашла противнымъ смыслу договора, чтобъ Австрія распространила свои границы за Сбручъ, а я за Нетце,—я сейчасъ же перенесъ мои пограничные столпы со спорнаго мѣста изъ уваженія къ представленіямъ Россіи, моей доброй и искренней союзницы; я сдѣлалъ это въ надеждѣ, что Австрія окажетъ такое же уваженіе къ русскимъ представленіямъ и, по моему примѣру, удержится отъ распространенія своихъ границъ. Но такъ какъ эта надежда не исполнилась, Австрія продолжаетъ удерживать свой захватъ, то я счелъ себя въ правѣ опять подвинуть впередъ свои пограничные столпы и потребовать присяги отъ жителей. Ни одинъ справедливый человѣкъ не можетъ требовать, чтобъ я одинъ принесъ требуемую жертву, и Россія можетъ желать одного: когда Австрія сократитъ свои границы, чтобъ и я сдѣлалъ то же самое. Если моя добрая союзница склонитъ къ этому Вѣнскій Дворъ, то не встрѣтитъ съ моей стороны ни малѣйшаго препятствія"!

А въ Вѣнѣ шелъ другой разговоръ. Кауницъ говорилъ кн. Голицыну: „Польская республика дурно соблюдаетъ свои интересы, выставляя столько препятствій для опредѣленія границъ, ибо чѣмъ болѣе тянетъ она это дѣло,—тѣмъ болѣе король Прусскій пользуется имъ для распространенія своихъ границъ".—„Еслибъ Австрія", возразилъ Голицынъ, „пожертвовала округомъ, о которомъ сначала шелъ весь споръ, то она отняла бы у короля предлогъ переступать съ своей стороны границы, предписанныя договоромъ".—„Все это такъ", отвѣчалъ Кауницъ; „но такъ какъ мы взяли то, что намъ принадлежитъ, то противно было бы достоинству моего Двора отступать со вредомъ для него, чтобъ только воспрепятствовать захвату короля. И теперь нельзя моему Двору подвергнуть себя такому посмѣшищу".—Голицынъ замѣтилъ на это, что Вѣнскій Дворъ требуетъ здѣсь посредничества Россіи; но положеніе послѣдней будетъ крайне затруднительно при рѣшеніи такого дѣла, гдѣ ни одна сторона не хочетъ уступить, не обращая никакого вниманія на обиду Польскаго народа, обиду явную относительно захвата Прусскаго короля и довольно правдоподобную относительно австрійскихъ занятій. При всемъ желаніи уладить дѣло, Россія не можетъ тутъ ничего сдѣлать. Кауницъ отвѣчалъ, что его Дворъ держится договора, гдѣ прямо сказано, что, въ случаѣ спора относительно разграниченія, Дворы взаимно принимаютъ на себя посредничество.

Изъ Парижа кн. Барятинскій писалъ: „По многимъ отзывамъ и отвѣтамъ здѣшняго министерства, равно какъ и по распоряженіи внутреннихъ дѣлъ навѣрно почти полагаютъ, что здѣшній Дворъ желаетъ надолго остаться въ покоѣ, если можно ни въ какія постороннія дѣла не вмѣшиваться; король и графъ Морепо все вниманіе обратили къ поправленію внутреннихъ дѣлъ, которыя въ немаломъ разстройствѣ, особенно финансы. Отъ графа Верженя, по тихости его нрава и по малому его при Дворѣ кредиту, никакихъ широкихъ замысловъ ожидать нельзя". Когда Барятинскій, по поводу знаменитаго разрыва Англіи съ своими Сѣверо-Американскими колоніями, началъ говорить съ Верженемъ, что въ публикѣ толкуютъ о войнѣ Испаніи и Франціи противъ Англіи, то Верженъ отвѣчалъ: „Осмѣливаюсь утверждать, что Испанія ни прямо, ни косвенно не станетъ покровительствовать англійскимъ колоніямъ, ибо этимъ подала бы поводъ своимъ и чужимъ колоніямъ оказывать такое же упорство и непослушаніе метрополіямъ; а мы, съ своей стороны, очень далеки отъ того, чтобъ тревожить Англію. Что касается меня лично, то главнѣйшее мое стараніе всегда будетъ о сохраненіи мира и тишины, да и король смотритъ на дѣло такимъ же образомъ. Хотя Англія и дѣлаетъ видъ, что ссору свою съ колоніями считаетъ дѣломъ маловажнымъ, а въ дѣйствительности очень этимъ озабочена, ибо, сколько намъ извѣстно, торговля съ Америкою приноситъ ей болѣе двухъ милліоновъ фунтовъ". А между тѣмъ въ публикѣ шелъ слухъ, что будетъ война съ Англіею.

Стахіевъ изъ Стокгольма въ началѣ года доносилъ, что король наединѣ жаловался на скупость Французскаго Двора и выражалъ свое неудовольствіе противъ графа Верженя. „Мнѣ ужъ начинаютъ наскучивать опекунскія поученія этого министра нашему посланнику графу Крейцу", говорилъ Густавъ. Разнесся слухъ, что хотятъ созвать чрезвычайный сеймъ вслѣдствіе убожества казны; а между тѣмъ отъ знатныхъ лицъ слышались жалобы, что король ни мало не заботится о порядочномъ производствѣ государственныхъ дѣлъ, заботится только объ удовлетвореніи своихъ и своей фамиліи прихотей и забавъ, не обращая вниманія, что онѣ, наконецъ, становятся несносными для государства; пренебрегаетъ представленіями, которыя ему дѣлаются противъ его роскошной жизни, все болѣе и болѣе слушается совѣтовъ молодыхъ людей, а пожилыхъ убѣгаетъ; а изъ провинцій приходили жалобы на несносную тягость податей, на строгость, съ какою онѣ собираются. На маскарадѣ сенаторъ графъ Ферзенъ говорилъ датскому посланнику: „Прежній французскій посланникъ, графъ Верженъ, какъ дѣльный человѣкъ, не могъ быть пріятенъ нашему Двору. Гораздо ласковѣе обращаются съ настоящимъ посланникомъ, графомъ Дюсономъ, потому что онъ искусенъ въ задаваніи пировъ и въ другихъ пустякахъ, а дѣльными представленіями безпокоить не любитъ, а намъ то и надобно. Его величество гораздо охотнѣе бываетъ въ маскарадѣ, чѣмъ въ сенатѣ, ибо въ сенатѣ ему безпрестанно жалуются на скудость государственной казны, а въ маскарадѣ онъ видитъ удалыхъ и беззаботныхъ юношей съ ласковыми женщинами, которыя скорѣе представляютъ здѣшнее государство богатымъ,

чѣмъ изнуреннымъ". Печать, не смѣя говорить явно, расхваливала короля Карла XI именно за тѣ качества, которыхъ не было у Густава III.

Стахіевъ переведенъ былъ въ Константинополь; на его мѣсто пріѣхалъ Симолинъ изъ Копенгагена въ концѣ мая и писалъ Панину: „Такъ какъ большинство живетъ по деревнямъ, то я видѣлъ только немногихъ изъ нашихъ старыхъ друзей или колпаковъ; я обошелся съ ними какъ можно радушнѣе, хотя мы не можемъ извлечь изъ нихъ никакой пользы для нашихъ видовъ и интересовъ въ этой странѣ". Король ѣздилъ въ Финляндію и былъ очень недоволенъ этою поѣздкою, потому что императрица писала ему передъ тѣмъ, что не можетъ съ нимъ видѣться по причинѣ поѣздки въ Москву. Пріѣхавши въ Финляндію, Густавъ отправилъ въ Москву графа Левенгаупта съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи въ сосѣдство Россіи. Чтобъ заплатить учтивостью за учтивость, Екатерина отправила въ Стокгольмъ графа Андрея Шувалова поздравить короля съ возвращеніемъ изъ путешествія. Король долго не принималъ Шувалова, наконецъ принялъ. „Во время аудіенціи", писалъ Шуваловъ, „король былъ задумчивъ, нѣсколько смущенъ и холоденъ. Я его нашелъ одного, сидящаго почти на столѣ посреди кабинета. Послѣ моей рѣчи и его отвѣта, вдругъ его величество соизволилъ перемѣнить осанку и голосъ, и съ нѣкоторою ласкою близъ получаса изволилъ разговаривать о постороннихъ совсѣмъ матеріяхъ, о французскихъ писателяхъ, о новой философіи, о просвѣщеніи вѣка нашего и о прочемъ, подающемъ способы блистать остротою. Но притомъ мнѣ показалось, что король, когда и обращалъ иногда разговоръ на Россію, то съ крайнею осторожностію выбиралъ рѣчи, которыя бы не могли подать повода къ малѣйшей похвалѣ Россіи въ разсужденіи славныхъ ея побѣдъ, заключеннаго знаменитаго мира или прошедшихъ по тому случаю торжествъ, такъ-же и о ихъ императорскихъ высочествахъ (великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ и супругѣ его) ни единаго слова не спросилъ и не молвилъ. Теперь увѣдомить не безнужно почитаю, что король и его друзья въ разсужденіи Россіи всю свою надежду полагаютъ на французскія интриги въ томъ мнѣніи, что онѣ могутъ свести Россійскій и Шведскій Дворы или, по крайней мѣрѣ, уменьшить справедливое раздраженіе нашего Двора, которое тѣмъ для нихъ страшнѣе, что оное скрыто и въ границахъ наружной благопристойности обращается". 14-го августа Шуваловъ писалъ: „Ледяной пріемъ, испытанный мною по пріѣздѣ сюда, не измѣнился до сей минуты, когда я получилъ отпускную аудіенцію у короля. Вѣрю, что Левенгауптъ уговорилъ короля такимъ образомъ обойтись со мною, ибо извѣстно, что король не отказываетъ ни въ чемъ своимъ фаворитамъ. Но не менѣе вѣрно, что французскій посланникъ, самая не министерская голова, какая только есть въ распоряженіи Версальскаго Кабинета, сильно заподозрилъ мой пріѣздъ. Онъ испугался, что я присланъ сдѣлать королю нѣкоторыя внушенія, и чтобъ король, такъ-же чрезъ меня не сдѣлалъ какихъ-нибудь секретныхъ предложеній Русскому Двору. Первый страхъ былъ основанъ на общемъ здѣсь мнѣніи, что навѣрное подъ моимъ церемоніальнымъ порученіемъ скрывается что-нибудь болѣе существенное. Второй страхъ былъ основанъ на знаніи характера королевскаго, колеблющагося, чрезвычайно легкомысленнаго и жаднаго къ новому, характера,—который смущаетъ и волнуетъ постоянно всѣхъ Шведовъ, лакеевъ Версальскаго Двора, и распространяетъ лучъ радости и надежды въ душѣ ихъ противниковъ. Это объясняется смущеннымъ, задумчивымъ и безпокойнымъ видомъ французскаго посланника въ первые дни моего пріѣзда. Кромѣ того, двѣ вещи подтверждаютъ меня въ этомъ мнѣніи: первое—незадолго до моего пріѣзда была размолвка между королемъ и посланникомъ, который обнаружилъ недовѣріе къ королю относительно Россіи; второе,—что меня считаютъ здѣсь человѣкомъ, ненавидящимъ Францію за ея политику. По этимъ причинамъ мы съ Симолинымъ заключили, что французскій посланникъ, для спокойствія и удовлетворенія своего Двора, потребовалъ, чтобъ со мною обошлись болѣе чѣмъ равнодушно, особенно, чтобы привести въ отчаяніе Шведовъ, друзей Россіи, показать имъ, что король держится твердо съ помощію Франціи и не имѣетъ нужды заискивать у Россіи".

По словамъ Шувалова, съ Симолинымъ обращались такъ-же холодно, какъ и съ нимъ. Одинаковое невниманіе испытывалъ и прусскій посланникъ, графъ Ностицъ, тогда какъ особенною любезностью пользовался австрійскій посланникъ, молодой графъ Кауницъ, сынъ знаменитаго канцлера. Французскій посланникъ не пропускалъ случая внушать Симолину, какъ Прусскій король опасенъ для спокойствія своихъ сосѣдей; какъ Россія и Франція должны быть въ тѣсномъ союзѣ для сдержанія честолюбія и хищничества этого государя; но Французъ не могъ удержаться,—увлекся, пересолилъ: сталъ утверждать, что Фридрихъ II былъ единственнымъ виновникомъ послѣдней Турецкой войны, польскихъ смутъ и всѣхъ затрудненій, испытанныхъ императрицею.

Панинъ въ разговорѣ со Нолькеномъ, шведскимъ посланникомъ при Русскомъ Дворѣ, обнаружилъ неудовольствіе насчетъ ледяного пріема Шувалова въ Швеціи. Нолькенъ, разумѣется, далъ знать объ этомъ королю; какъ же тотъ объяснилъ дѣло передъ своими? За обѣдомъ онъ началъ говорить: „Графъ Шуваловъ очень недоволенъ своимъ пребываніемъ здѣсь, и я вовсе этому не удивляюсь. Человѣка слишкомъ великолѣпнаго и думающаго о себѣ, что онъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, императрица прислала ко мнѣ, человѣку простому во всемъ. Вы видѣли, что на прощальной аудіенціи, которую я ему давалъ, я былъ одѣтъ въ простомъ мундирѣ, а онъ расшитъ съ головы до ногъ и покрытъ брилліантами. Императрица думала насъ

здѣсь ослѣпить остроуміемъ и великолѣпіемъ Шувалова". Передавая Панину эти слова Густава, Симолинъ прибавилъ: „Правда, что его величество на послѣдней аудіенціи надѣлъ самый истасканный и грязный мундиръ, какой только можно было отыскать въ гардеробѣ, чтобъ показать придворнымъ контрастъ относительно графа Шувалова".

Симолину дано было позволеніе удалиться изъ Стокгольма, если холодность къ нему Двора будетъ продолжаться. 30-го октября онъ далъ знать, что когда онъ былъ на аудіенціи у герцогини Зюдерманландской, супруги королевскаго брата, то дежурный кавалеръ не встрѣтилъ и не проводилъ его, какъ того требовалъ обычай, строго соблюдавшійся и въ королевскомъ дворцѣ. Симолинъ писалъ по этому случаю къ Панину, что такое неуваженіе даетъ ему полное право воспользоваться позволеніемъ императрицы и уѣхать изъ Швеціи. и Екатерина написала на его письмѣ: „Скажите же ему, что онъ можетъ уѣхать". Симолинъ писалъ такъ-же, что Шведскій Дворъ занимается выдумками на его счетъ. Такъ выдумано, что существуетъ клубъ недовольныхъ, гдѣ онъ предсѣдателемъ; что онъ только притворяется больнымъ для избѣжанія позора, а между тѣмъ проводитъ ночи въ этомъ клубѣ; дирекція театровъ сдѣлала ему непріятность относительно абонемента.

Донесенія свои изъ Лондона Мусинъ-Пушкинъ началъ словами: „Положеніе Американскихъ дѣлъ почти дошло уже до созрѣлой кризисы". Это положеніе дѣлъ отнимало окончательно у Англіи возможность вмѣшиваться въ Восточныя дѣла противъ русскихъ интересовъ и заставляло искать русской помощи въ предположеніи, что естественные враги Англіи, Испанія и Франція, должны будутъ вмѣшаться въ американскую борьбу. Поэтому, когда Порта потребовала посредничества Англійскаго короля относительно смягченія Кучукъ-Кайнарджійскихъ условій, то получила отказъ; лѣтомъ Мусинъ-Пушкинъ былъ отозванъ и уѣхалъ, сдавши дѣла совѣтнику посольства Лизакевичу. Въ Москвѣ, гдѣ такъ пышно торжествовали Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, радуясь такъ давно и страстно желанному успокоенію, Екатерина получила письмо короля Георга III отъ 1-го сентября: „Я принимаю помощь, которую вашъ министръ предложилъ кавалеру Гуннингу, принимаю отрядъ русскаго войска, который можетъ сдѣлаться для меня необходимымъ вслѣдствіе бунта моихъ подданныхъ въ Американскихъ колоніяхъ". Екатерина отвѣчала (23 сентября): „Громадныя военныя приготовленія Испаніи привлекали взоры всей Европы; всѣ думали, что они будутъ направлены противъ владѣній в. в—ства, противъ Британскаго народа, который самъ думалъ такъ-же и безпокоился. Въ это время, при такомъ положеніи политическихъ дѣлъ, министръ в. в—ства при моемъ Дворѣ желалъ имѣть подтвержденіе моихъ чувствъ, всегда громко объявляемыхъ за васъ и за вашъ народъ. Я немедленно велѣла объявить ему чрезъ мое министерство, что в. величество можетъ разсчитывать на мое доброе расположеніе, на мою готовность быть вамъ полезною и оказать вамъ дѣйствительныя услуги, независимо отъ предварительныхъ между нами обязательствъ. Опасенія относительно Испаніи исчезли, и в. в—ство увѣдомляете меня своимъ письмомъ и чрезъ своего министра, что вы объяснили и опредѣлили результатъ этихъ моихъ увѣреній въ двадцатитысячный отрядъ моего войска, который долженъ быть будущею весною перевезенъ въ Канаду. Я не могу отъ васъ скрыть, что такое вспоможеніе съ такимъ назначеніемъ не только измѣняетъ сущность моихъ предложеній, но переходитъ границы моей возможности служить вамъ. Я только-что начала наслаждаться миромъ, и в. величество знаете, какъ моя имперія нуждается въ спокойствіи. Вамъ такъ-же извѣстно, въ какомъ положеніи армія, хотя и побѣдоносная, выходитъ изъ войны долгой и упорной, ведшейся въ климатѣ убійственномъ. Признаюсь прежде всего, что весенній срокъ очень коротокъ для возстановленія моей арміи. Я не говорю о неудобствахъ, которыя встрѣтятъ такой значительный отрядъ въ другомъ полушаріи, оставаясь подъ властію, ему почти неизвѣстною, и почти лишенный всякихъ сообщеній съ своимъ правительствомъ. Для собственнаго удостовѣренія въ мирѣ, который мнѣ стоилъ такихъ усилій, я не могу такъ скоро лишить себя такой значительной части войска, и в. в—ство знаете, что столкновенія съ Швеціею только временно заснули и Польскія дѣла еще окончательно не установлены. Не могу не подумать и о томъ, согласно ли съ нашимъ достоинствомъ, съ достоинствомъ двухъ монархій и двоихъ народовъ соединять свои силы для того только, чтобъ утушить бунтъ, не подкрѣпляемый никакою иностранною державою. Быть можетъ, также я должна выставить на видъ, что ни одна изъ державъ, имѣющихъ владѣнія въ Новомъ Мірѣ, не будетъ смотрѣть равнодушно на эту перевозку столь значительнаго иностраннаго войска. Тогда какъ теперь онѣ не принимаютъ никакого участія въ ссорѣ Англійскихъ колоній съ метрополіею, онѣ вмѣшаются въ дѣло, увидя, что имѣющій важное значеніе и новый для Америки народъ призванъ принять въ немъ участіе. Отсюда очень вѣроятна европейская война вмѣсто мира, въ которомъ Англія удостовѣрена съ этой стороны".

А между тѣмъ Лизакевичъ доносилъ отъ 20-го октября, что всѣ англійскія газеты наполнены извѣстіями о посылкѣ русскаго войска въ Америку; что не только Англичане, но и многіе иностранные министры въ томъ увѣрены.

1776.

Полтора года прошло съ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, и въ началѣ 1776 года въ Петербургѣ еще не были убѣждены, что война съ Портою не начнется опять въ самомъ непродолжи-

тельномъ времени. Въ мартѣ Панинъ выражался такъ: „Ясно, чрезвычайное упорство Турціи заставитъ насъ отказаться отъ какого-нибудь изъ мирныхъ условій, особенно отъ независимости Татаръ, самаго тяжкаго для нихъ условія. Мы пойдемъ хладнокровно, шагъ за шагомъ, съ большою осторожностію, чтобъ разъяснить это положеніе Портѣ и примѣнить потомъ наши средства. Мы не предполагаемъ, чтобъ они уже рѣшились на самыя крайнія мѣры, и мы, по возможности, будемъ стараться не доводить ихъ до этого". Тогда же императрица писала Панину: „Скажите Стахіеву и то, что неизвѣстно, ищетъ ли Порта вправду нарушить съ нами миръ чрезъ подобныя затрудненія выполненія трактата, или только что министерство ихъ желаетъ корысти: то обѣщаніе процентовъ съ суммъ платимыхъ (денегъ) будетъ способъ намъ узнать прямое ихъ намѣреніе и по тому брать мѣры. Прибавьте еще, что весьма нужно скорѣе о семъ имѣть извѣстіе". До пріѣзда Стахіева въ Константинополь, Репнинъ писалъ Панину отъ 21 января: „Не могу довольно изъяснить, съ какимъ прискорбіемъ вижу себя въ томъ положеніи, что нѣтъ отъ меня отправленія, въ которомъ бы не доносилъ я какой новой непріятности. Нынѣшняя, т.-е. отказъ Порты платить должныя по трактату намъ деньги,—и съ тѣми изъясненіями, которыя рейсъ-эффенди при семъ случаѣ моему переводчику сдѣлалъ, кажется ясно доказываетъ ихъ рѣшимость Тамани и Татарскихъ дѣлъ не оставлять, тоже денегъ, намъ должныхъ, не платить, да по возможности и прочія предписанія трактата по частямъ уничтожать, нарушая такимъ образомъ свои обязательства подъ коварными предлогами и не начиная сами войны, но отваживаясь и готовясь ко всѣмъ могущимъ быть слѣдствіямъ. Вижу я притомъ почти несомнѣнно, что рейсъ-эффенди и драгоманъ Порты совершенно преданы Австрійцамъ и Французамъ, и что съ ними о всѣхъ нашихъ дѣлахъ совѣтуютъ". Репнинъ доносилъ, что Турки усиливаютъ флотъ. Впрочемъ, передъ самымъ отъѣздомъ Репнина Порта объявила ему, что рѣшилась продолжать платежъ денегъ.

12-го февраля пріѣхалъ въ Константинополь Стахіевъ, и въ апрѣлѣ далъ знать, что „кажется турецкое министерство не намѣрено отступить отъ своихъ безпутныхъ и невѣжливыхъ требованій относительно Татаръ". Несмотря на обѣщаніе, данное Репнину и повторенное Стахіеву, до конца мая заплачено было только 200,000 левковъ; а когда со стороны русскаго посольства было замѣчено, что въ такихъ ничтожныхъ уплатахъ высказывается пренебреженіе, то рейсъ-эффенди велѣлъ отвѣчать, что не великая будетъ бѣда, если уплата перейдетъ за срокъ: дѣло обыкновенное въ долговыхъ платежахъ. Донося объ этомъ, Стахіевъ писалъ, что Турки ободряются слухами о несогласіяхъ Россіи съ Шведами и Польшею, что Шведы сильно вооружаются, а въ Польшѣ готовится новая конфедерація, и въ Константинополь скоро пріѣдетъ польскій министръ. Но Стахіевъ писалъ, что все это легко въ пыль превратится, если императрица немедленно пришлетъ рѣшительный отказъ въ отмѣнѣ условія о татарской независимости, ибо состояніе Порты таково, что она не можетъ воевать и противъ Рагузинской республики. Новой войны можно было не опасаться, но надобно было ускорить платежъ денегъ за старую, и Стахіевъ обратился къ двумъ знатнымъ и сильнымъ *каналамъ*, обѣщая каждому до шести процентовъ съ получаемой каждый разъ суммы. Каналы согласились, обѣщая употребить всевозможное стараніе не только установить порядочный платежъ денегъ, но и обуздать замашки рейсъ-эффенди, причемъ утверждали, что Порта не въ состояніи думать ни о какихъ новыхъ военныхъ предпріятіяхъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Константинополѣ съ удивленіемъ узнали о низверженіи рейсъ-эффенди. Каналы дали знать Стахіеву, что новый рейсъ-эффенди ихъ пріѣхалъ, и что уплата денегъ не замедлится: деньги сыщутся у низверженнаго рейсъ-эффенди. „Бурбонскимъ министрамъ", писалъ Стахіевъ, „теперь только одна надежда на переводчика Порты, котораго мои каналы также готовы смѣнить, да не знаютъ надежнаго человѣка на его мѣсто". Каналы эти были: султанскій фаворитъ Ахметъ-эффенди и Муратъ-молла „знатный, сильный и проворнѣйшій въ корпусѣ улемовъ человѣкъ".

На всѣ приведенныя донесенія Стахіевъ получилъ отъ 25-го іюня такой рескриптъ: „Можно, кажется, безъ ошибки сдѣлать заключеніе, что Порта начинаетъ уже позабывать претерпѣнныя ею во время войны пораженія и бѣдствія; что коварные происки и подстреканія завистниковъ мира и дружбы нашихъ съ нею стали отчасти производить вредное свое дѣйствіе; что министерство турецкое, движимое оными, невѣжествомъ духовенства своего и воплемъ константинопольской черни, зашло по Татарскому дѣлу далѣе, нежели оно сперва само помышляло; что, такимъ образомъ затрудняясь оно въ поведеніи своемъ относительно нашего Двора, не знаетъ уже теперь, какъ и выбраться изъ лабиринта положенія своего, собственною неосмотрительностію состроеннаго, и для того мечется въ разныя стороны, ища себѣ отъ обстоятельствъ пособія; что сею своею неосторожною политикою довело оно себя теперь до той крайности, что нашлось принужденнымъ подать Татарамъ явное ободреніе въ ихъ колебленности чрезъ формальное къ Девлетъ-Гирей-хану отправленіе султанской инвеституры, да и поощрять ихъ безпрестанно уже отъ себя къ вящшему противъ насъ возмущенію; что, ошибившись тутъ въ приличныхъ способахъ, не находитъ турецкое министерство никакого болѣе средства остановиться на пути, а посему и дозволило себѣ напослѣдокъ, вчасъ стремленіемъ духовнаго фанатизма и снявъ съ Татаръ узду, попустить имъ совершенно въ ихъ

буйствѣ и смотрѣть, что изъ того выйдетъ для распоряженія своей политики, не размысливъ напередъ, что сей-то путь есть самый скользкій и опасный къ вовлеченію Порты въ новую войну. Долгъ стражи ввѣренной намъ отъ промысла Божія имперіи требуетъ отъ насъ употребить заблаговременно и доколѣ еще врачеванію время остается, вопреки симъ усмотрѣніямъ и замашкамъ Порты Оттоманской, всѣ отъ насъ зависящія пособія какъ физическія, такъ и моральныя. Физическими называемъ мы собранныя въ нашихъ къ Крыму и Кубани прилегшихъ границахъ не беззнатныя военныя силы". Моральнымъ средствомъ были „дружескія, но серьезныя объясненія", которыя Стахіевъ долженъ былъ имѣть съ рейсъ-эффенди. „Мы охотно желаемъ", говорилось въ рескриптѣ, „показать Портѣ въ желаніяхъ ея всѣ тѣ угодности и снисхожденія, кои могутъ согласоваться съ достоинствомъ Двора нашего, съ прочностію мира и съ интересами имперіи, коль скоро изыметъ она изъ среды положенныя ею самою въ Татарскомъ дѣлѣ разныя занозы и претыканія нашей доброй волѣ. Инако всячески не допустимъ мы принудить себя худыми поступками Порты дотого, чтобъ отступиться отъ правъ пріобрѣтенныхъ нами толикою кровію и толиками побѣдами, утвержденныхъ священнѣйшими договорами вѣчнаго мира и принятыхъ нами въ существѣ ихъ за коренное основаніе самой политической системы нашей".

Вслѣдъ затѣмъ, отъ 5-го іюля, отправленъ былъ Стахіеву другой рескриптъ: „Для учиненія на дѣлѣ начала и опыта безпосредственной торговли въ Италію и турецкія области, приняли мы за нужно отправить туда нѣсколько судовъ съ товарами, изъ коихъ четыре пошли уже въ путь свой изъ Кронштадта, а два приказано отъ насъ снарядить и нагрузить въ Ливорнѣ изъ оставшихся тамъ судовъ отъ нашего флота. Не скроемъ мы отъ васъ, что всѣ сіи суда суть въ существѣ своемъ военные наши фрегаты; что они нагружены товарами на казенный счетъ, дабы тѣмъ открыть купцамъ нашимъ глаза къ собственной ихъ пользѣ и подать къ подражанію выгодный примѣръ, и что всѣ экипажи ихъ состоятъ изъ людей военной нашей морской службы. Въ числѣ сихъ фрегатовъ пять снаряжены въ видѣ прямо купеческихъ судовъ, а шестой оставленъ одинъ въ настоящей своей военной формѣ, для прикрытія оныхъ на походѣ отъ африканскихъ морскихъ разбойниковъ. По прибытіи судовъ въ Константинополь, приказано командирамъ оныхъ отдать отправленные товары находящимся тамъ коммисіонерамъ и корреспондентамъ нашего придворнаго банкира, барона Фридрихса; а по сдачѣ оныхъ и по пріемѣ въ обратный путь грузовъ своихъ ожидать отъ васъ приказа о возвратномъ въ отечество плаваніи. Вслѣдствіе чего мы вамъ повелѣваемъ отправить ихъ назадъ чрезъ Константинопольскій проливъ прямо въ Керченскую гавань. Если для прохода Константинопольскимъ проливомъ надобно будетъ специальное позволеніе Порты,—въ такомъ случаѣ, основывая домогательство ваше на точныхъ постановленіяхъ мирнаго трактата, предполагаемъ мы — полезнѣе будетъ потребовать онаго однимъ разомъ, дабы инако частыми повтореніями не навесть у недовѣрчивыхъ Турковъ напраснаго подозрѣнія къ нашимъ видамъ. А за важную уже услугу отъ васъ сочтемъ мы, когда предуспѣете вы и прикрывающему военному фрегату исходатайствовать отъ Порты свободу пройти Константинопольскимъ каналомъ въ Черное море подъ равнымъ предлогомъ конвоированія пришедшихъ съ нимъ торговыхъ судовъ. Для одержанія ея согласія можете вы между прочимъ представить турецкому министерству, что такая угодность будетъ, конечно, принята нами за отмѣнный знакъ дружбы и добраго желанія Порты утвердить оную узломъ взаимныхъ снисхожденій; что съ нашей стороны мы никогда не откажемся равнымъ образомъ уважать и исполнять требованія Порты, поколику только оныя съ основаніями мирнаго трактата согласовать могутъ, и что напослѣдокъ одно военное судно въ Черномъ морѣ весьма недостаточно обезпокоивать и въ такое время, когда она собственныя свои морскія силы имѣетъ тамъ въ толь исправномъ положеніи и многочисленности. Если, несмотря на сіи дружелюбныя представленія, Порта не дозволитъ прохода въ Черное море военному фрегату подъ тѣмъ предлогомъ, что въ трактатѣ выговорена свобода одному торговому плаванію,—въ такомъ случаѣ имѣете вы командующему онымъ офицеру приказать, чтобъ онъ возвратился сюда тѣмъ путемъ, которымъ пришелъ".

Рѣшительныя объясненія Стахіева съ рейсъ-эффенди по поводу Татарскихъ дѣлъ привели Порту, по словамъ русскаго министра, „въ отчаяніе предуспѣть въ своихъ прихотливыхъ требованіяхъ, а ея министерство въ крайнее недоумѣніе по причинѣ внутреннихъ государственныхъ замѣшательствъ и доскональнаго истощенія государственной казны, что, по признанію всей публики, кончиться должно бунтомъ и низверженіемъ министерства, а можетъ быть и самого государя. „Мои извѣстные два канала", писалъ Стахіевъ, „постоянно продолжаютъ увѣрять, что Порта не въ состояніи ни съ кѣмъ ссориться". Что касается пропуска русскихъ кораблей, то рейсъ-эффенди, прочтя объ этомъ меморіалъ Стахіева, сказалъ, что если бы пропускъ кораблей зависѣлъ отъ него одного, то онъ скорѣе допустилъ бы себя изрубить въ куски, чѣмъ пропустить корабли. „Такой неподатливый и грубый вызовъ" заставилъ Стахіева обратиться къ своимъ каналамъ, послать къ нимъ по десятку паръ соболей, причемъ отправилъ десятокъ соболей и къ рейсъ-эффенди „для смягченія его свирѣпаго фанатизма"; переводчику Порты отосланы были золотые съ бриліантами часы; другимъ нужнымъ людямъ подарено по лисьей шубѣ; всего истрачено

было на подарки 4,200 рублей. Но подарки не помогли; купцы англійскіе, голландскіе, французскіе, венеціанскіе распространили слухъ, что идутъ вовсе не торговыя, а военныя суда, что и дало Туркамъ основаніе противиться пропуску ихъ въ Черное море. Тогда Стахіевъ началъ совѣтовать своему правительству: употребить сильныя мѣры, чтобы Порта не смѣла болѣе проволакивать время въ исполненіи мирнаго договора; сдѣлать видъ, что съ русской стороны готовы вооруженною рукою заставить исполнить договоръ и для этого дать приказаніе ему, Стахіеву, отплыть на ожидаемыхъ русскихъ корабляхъ въ отечество. Сильная мѣра была принята: русское войско двинулось къ Перекопи, и 23-го октября Екатерина писала Панину: „Не лучше ли декларацію о занятіи Перекопской линіи учинить въ самыхъ краткихъ терминахъ, не вызывая Порту къ негоціаціи, дабы отъ сего единаго предложенія она не возмечталась больше надежды, чѣмъ ей преподаемъ. Кому больше, какъ не вамъ, извѣстно, что доказательства и снисхожденія Турковъ отнюдь не убѣждаютъ. Полезнѣе всегда было, когда говорили съ ними сильнымъ тономъ. Въ разсужденіи сего мнѣ кажется обойтися можно, вновь не повторяя обстоятельствъ, сто кратъ уже переговоренныхъ и ни мало не подѣйствовавшихъ въ желаемую пользу; и сказавъ о поступкахъ (турецкихъ) противъ трактата, указать одного фельдмаршала гр. Румянцева-Задунайскаго къ сношенію съ нимъ о выполненіи артикуловъ онаго по Татарскимъ дѣламъ". Въ концѣ ноября Стахіевъ писалъ, что оставляетъ министерскій архивъ и деньги подъ охраною англійскаго посланника и своего пріятеля, англійскаго купца Аббота, опасаясь не столько лишенія свободы, сколько народнаго возмущенія, ибо никакъ не могъ думать, чтобъ Турція рѣшилась возобновить войну съ Россіею при своемъ страшномъ внутреннемъ разстройствѣ и войнѣ съ Персіею. 3-го декабря Стахіевъ имѣлъ съ рейсъ-эффенди конференцію, прошедшую во взаимныхъ пререканіяхъ по поводу русской деклараціи, составленной такъ, какъ желала императрица въ приведенной нами запискѣ къ Панину. Стахіевъ указывалъ на пребываніе турецкаго войска въ Тамани; Турки отвѣчали, что тамъ не больше сорока человѣкъ Турокъ, которые уже хотѣли уйти, потому что Порта не даетъ имъ ни денегъ, ни провіанта, но Татары принудили ихъ остаться. Стахіевъ спросилъ, давала ли имъ Порта приказаніе уходить оттуда;—отвѣчали, что послѣ заключенія мира дано имъ это приказаніе, которое и до сихъ поръ остается въ силѣ, но Татары ихъ не отпускаютъ; впрочемъ, это обстоятельство въ Тамани не можетъ никакимъ образомъ сравниться съ занятіемъ Перекопи, на которое нельзя смотрѣть иначе какъ на разрывъ мира; Порта готова уступить все, кромѣ татарской независимости, за которую будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока останется хотя одинъ Турокъ. Стахіевъ указывалъ, что, кромѣ Тамани, турецкія войска находятся въ самомъ Крыму; что часть очаковскаго гарнизона уже перешла туда. Турки отвѣчали, что ничего объ этомъ не знаютъ; что находящіеся въ Крыму Турки могутъ быть купцы или бѣглые. Стахіевъ говорилъ, что Россія имѣетъ право занять Перекопь потому, что Турки занимаютъ Тамань. Ему отвѣчали, что сравненія тутъ быть не можетъ: въ Тамани всего 40 человѣкъ Турокъ, а Россія посылаетъ фельдмаршала съ войскомъ; что невозможность для Порты признать независимость Татаръ состоитъ въ томъ, что Татары сами не хотятъ этой зависимости и требуютъ въ силу закона помощи отъ Порты, говоря, что они со всѣхъ сторонъ заперты и когда-нибудь сдѣлаются невольниками. Стахіевъ, разумѣется, возражалъ, что о независимости Татаръ нельзя спорить, потому что она утверждена договорами; но Турки отвѣчали, что они согласились на независимость Крыма, думая, что Татары ея желаютъ; но потомъ Татары объявили, что вовсе ея не желаютъ; что въ 1772 году общество татарское, т. е. подлый народъ, принялъ независимость для собственнаго спасенія, а изъ старшинъ, кромѣ семнадцати человѣкъ, никто ея не хотѣлъ. Наконецъ, рейсъ-эффенди объявилъ, что Порта готова исполнить все, только бы Россія согласилась уступить все, касающееся закона (т. е. относительно татарской независимости); а если пошлются войска на Перекопь, то и Порта принуждена будетъ послать свои въ Крымъ, и тогда будетъ очень трудно уклониться отъ войны, ибо Татары и начнутъ сопротивленіемъ занятію Перекопи. „Когда такъ", сказалъ Стахіевъ, „то одинъ жребій рѣшитъ будущія происшествія". Этимъ и кончилась конференція. Стахіевъ остался при своемъ мнѣніи, что, несмотря на угрозы, Турки войны не начнутъ, и въ послѣдній день 1776 года далъ знать своему Двору о сверженіи визиря, и что новый стоитъ за миръ.

Въ началѣ года Штакельбергъ былъ вызванъ на короткое время въ Петербургъ, и при отъѣздѣ оттуда, въ концѣ февраля, получилъ инструкцію: дѣйствовать въ полномъ согласіи съ министрами австрійскимъ и прусскимъ; на сеймикахъ стараться, чтобъ въ послы были избраны люди доброжелательные. „Сеймъ оставите дѣйствовать на свободѣ до тѣхъ поръ, пока, получивъ на свою сторону перевѣсъ, вы не сочтете себя въ состояніи давать направленіе сейму или не увидите нужды заставить его перемѣнить характеръ. Но если движенія злонамѣренныхъ возбудятъ въ васъ опасенія относительно установленной конституціи или ратификаціи договоровъ по раздѣлу, то вы имѣете право превратить сеймъ въ конфедерацію, если только будете увѣрены, что большинство на вашей сторонѣ; но такъ какъ конфедераціи представляютъ хотя законное, однако конвульсивное движеніе и подаютъ поводъ къ реконфедераціямъ, то прибѣгать къ нимъ можно только въ крайнемъ случаѣ. Что касается ратификаціи договоровъ по раздѣлу, то относительно русскихъ новыхъ границъ не было никакихъ затрудненій между нами и республикою.

Относительно австрійскихъ границъ дѣло улажено; относительно прусскихъ мы употребляемъ еще представленіе, опираясь на примѣръ Вѣнскаго Двора, потому что Прусскій король постоянно говорилъ, что будетъ сообразоваться съ поведеніемъ Австріи. Вы, съ своей стороны, должны уговоривать прусскаго министра въ Варшавѣ, представлять ему затрудненія, даже опасности, если дѣло не будетъ кончено до сейма".—Штакельбергъ разсказалъ въ Петербургѣ, что съ учрежденіемъ Постояннаго Совѣта возникли столкновенія между этою новою властью и старыми, министерствомъ и другими, которыя не желали подчиняться Совѣту. Страсти разыгрались, старыя личныя вражды усилили волненія; стали бояться, что на будущемъ сеймѣ обнаружится движеніе противъ правительства; враждебные послѣднему люди начали разглашать, что Русскій Дворъ намѣренъ уничтожить Постоянный Совѣтъ и все, что было имъ самимъ сдѣлано въ Польшѣ. На этотъ счетъ Штакельбергъ получилъ инструкцію: по возвращеніи въ Варшаву прежде всего прекратить эти слухи.

По возвращеніи въ Варшаву, Штакельбергъ нашелъ дѣла въ очень неудовлетворительномъ видѣ. Противная партія начала снимать маску: она имѣла въ виду ни болѣе, ни менѣе какъ уничтожить на предстоящемъ сеймѣ и договоры, и правительство. Не ограничивались словами, но готовились всѣми средствами поддерживать на сеймикахъ выборы своихъ; князь Адамъ Чарторыйскій велѣлъ двинуться своему полку въ Брестское воеводство для дѣйствія на выборахъ. „Очевидно", писалъ Штакельбергъ, „что всѣ эти мѣры основываются на секретныхъ заграничныхъ сношеніяхъ. Сношенія съ Портою, которыя я самъ замѣчалъ и о которыхъ мнѣ сообщено барономъ Ревицкимъ, продолжаются; нѣтъ сомнѣнія, что эти безумцы входятъ въ обязательства съ Турками; они никакъ не могутъ переварить правленія, которое цѣлый годъ блюдетъ за порядкомъ, спокойствіемъ и исполненіемъ законовъ подъ систематическимъ и кроткимъ вліяніемъ Россіи, которой успѣхи уничтожаютъ мало-помалу эту аристократическую тираннію, источникъ всѣхъ золъ для Польши. Слова „свобода" и „религія" служатъ предлогомъ, а настоящее побужденіе есть вражда къ людямъ, которые служили императрицѣ и своему отечеству". При этомъ донесеніи Штакельбергъ переслалъ письмо къ королю отъ гетмана польнаго короннаго Ржевусскаго (отъ 28 марта). „Государь"! писалъ Ржевусскій: „уступая области республики иностраннымъ державамъ, братъ продалъ брата въ рабство и исполнилъ мѣру жестокости, ставши убійцею того, кого долженъ былъ защищать. Къ умноженію несчастія, жители областей, оставшихся за Польшею, приведены въ смущеніе множествомъ новыхъ законовъ, частью непонятныхъ, частію противорѣчивыхъ и почти всегда вредныхъ; явилась какая-то новая правительственная форма, Постоянный Совѣтъ, власть вмѣстѣ и совѣщательная, и исполнительная, и законодательная, и судебная,— непонятная для націи, а какъ скоро будетъ понята, то явится нестерпимою". Ржевусскій, извѣстный Гацкій, члены Барской конфедераціи, приверженцы Браницкаго, въ церквахъ предъ алтарями давали торжественныя клятвы противодѣйствовать всѣмъ русскимъ планамъ. Для возбужденія бѣдной шляхты они распространяли между нею подложные турецкіе манифесты; а Браницкій и Потоцкій, для ободренія оппозиціи, писали въ Варшаву, что отъ русскаго министерства получено ими положительное увѣреніе, что Штакельбергу запрещенъ всякій сильный поступокъ, и что скоро все перемѣнится въ Польшѣ, и Штакельбергъ будетъ смѣненъ.

Но Штакельберга не смѣняли; а онъ требовалъ у своего правительства умноженія русскаго войска во время сеймиковъ для уравновѣшенія насилій противной партіи. Кромѣ войска, нужны были деньги, и въ Петербургѣ было назначено 50,000 рублей; Прусскій король согласился дать столько же. Среди приготовленій къ бурнымъ сеймикамъ, вниманіе Штакельберга было отвлечено новымъ любопытнымъ явленіемъ. Графъ Артуа, второй братъ Французскаго короля Людовика XVI, вздумалъ сдѣлаться королемъ Польскимъ, и въ Варшаву явился французскій эмиссаръ, который сдѣлалъ Станиславу-Августу предложеніе отказаться добровольно отъ Польскаго престола и взамѣнъ взять Лотарингію, причемъ обѣщалось выхлопотать согласіе на это Русской императрицы. Эмиссаръ открылся Штакельбергу; но тотъ отвѣчалъ, что проектъ невозможенъ; что же касается Станислава-Августа, то онъ не далъ яснаго отвѣта. Получивши объ этомъ донесеніе посла, Екатерина написала Панину: „Что касается до сумасбродныхъ замысловъ графа д'Артуа, то Штакельбергу дайте знать, что наши дѣла всегда будутъ отъ насъ и защищаемы".

Рушились одни безразсудные замыслы, на ихъ мѣсто являлись другіе. Саксонскій резидентъ сообщалъ Штакельбергу, что къ нему пріѣзжалъ гетманъ Браницкій съ просьбою, чтобъ Саксонскій Дворъ далъ ему 10,000 дукатовъ для великаго предпріятія, задуманнаго имъ съ друзьями, вслѣдствіе котораго курфирстъ Саксонскій можетъ получить Польскій престолъ. Въ Литвѣ происходило совѣщаніе между княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, Литовскимъ гетманомъ, Огинскимъ и Браницкимъ, и послѣдній на одномъ пиру хвастался, что устроитъ Сицилійскую вечерню для всѣхъ Русскихъ въ Польшѣ; хвасталъ своими сношеніями съ Турками и Татарами. Донося объ этомъ своему Двору, Штакельбергъ требовалъ увеличенія русскаго войска, присутствія его на сеймикахъ, но получилъ отъ Панина отвѣтъ, что употребленіе военной силы вредно, доказывалъ непрочность устанавляемаго порядка: когда же, наконецъ, русскія войска могутъ выйти изъ Польши, предоставивъ ее самой себѣ? Штакельбергъ возражалъ: „Что же мнѣ прикажете дѣлать"? писалъ онъ Панину. „Я долженъ

имѣть большинство: это основаніе всему. Наши враги посылаютъ на сеймики деньги и сабли, чтобъ перерѣзать нашихъ друзей. Мнѣ надобно же защищаться. Прежде мы совершенно попустому направляли пушки противъ церквей, а теперь вовсе не кстати обнаруживать трусость и слабость въ рѣшительную минуту, когда дѣло идетъ о постепенномъ удаленіи нашего вооруженнаго содѣйствія и утвержденіи здѣшняго правительства. Средины нѣтъ: или правительство, или иностранныя войска; слѣдовательно надобно заставить уважать это правительство. Ради Бога, графъ, пришлите денегъ, иначе съ чѣмъ прикажете дѣла дѣлать? Вы сами были въ Швеціи,—вы это знаете".

Штакельбергъ досталъ инструкціи, данныя гетманомъ Браницкимъ своимъ приверженцамъ на сеймикахъ: кромѣ намѣренія уничтожить все, сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, Браницкій хотѣлъ установить въ Польшѣ наслѣдственное правленіе. По мнѣнію Штакельберга, кандидатомъ на престолъ назначался князь Адамъ Чарторыйскій. Въ іюлѣ, на сеймикѣ въ Цѣхановѣ произошло кровавое столкновеніе: предъ начатіемъ сеймика между избирателями выдѣлились двѣ враждебныя партіи; русскій офицеръ построилъ свою команду между обѣими, чтобъ не допустить ихъ до драки; обѣ партіи выбрали своихъ пословъ. Дѣло казалось конченнымъ, и русскій офицеръ сбирался уже выступить изъ Цѣханова, какъ посолъ, избранный королевскою, слѣдовательно и русскою стороною, Красвскій, прислалъ ему сказать, что градскій писарь не хочетъ вносить въ книгу его имени, какъ законно избраннаго посла или депутата на сеймъ, хочетъ внести только имена избранныхъ противною стороною. Офицеръ, взявши команду, отправился къ писарю; но такъ какъ тотъ находился въ монастырѣ, куда нельзя было войти съ вооруженнымъ отрядомъ, то офицеръ, оставя за стѣнами монастыря 25 человѣкъ гренадеръ, съ однимъ унтеръ-офицеромъ и шестью гренадерами, имѣвшими одни тесаки, вошелъ въ монастырь, и, оставя унтеръ-офицера съ гренадерами въ сѣняхъ, самъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ писарь. Но не успѣлъ онъ выговорить ему первыхъ словъ, какъ услыхалъ въ сѣняхъ чрезвычайный шумъ и, выйдя туда, увидалъ, что набѣжало туда множество Поляковъ съ обнаженными саблями и рубятъ его гренадеръ. Офицеръ сталъ-было уговаривать ихъ; но изъ толпы выбѣжалъ стольникъ Зѣлинскій, бывшій маршалъ Барской конфедераціи, съ разъяренымъ видомъ и обнаженною саблею бросился на офицера и ранилъ его по лѣвому уху; тогда офицеръ такъ-же обнажилъ шпагу и съ своими гренадерами началъ пробиваться къ калиткѣ, причемъ получилъ еще двѣ раны въ голову; унтеръ-офицеръ и гренадеры были такъ-же всѣ переранены. Поляки принялись уже стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ; услыхавъ стрѣльбу, 25 гренадеръ, оставленныхъ за монастыремъ, бросились къ его воротамъ и, найдя ихъ запертыми, перелѣзли черезъ заборъ и стали защищать своихъ. Слѣдствіемъ было то, что на мѣстѣ побоища осталось 36 польскихъ труповъ. Самъ Зѣлинскій былъ опасно раненъ и признался, что поступалъ по гетманскому приказанію. „Мы должны смотрѣть на это событіе, какъ на образчикъ Сицилійской вечерни", писалъ Штакельбергъ. „Были сеймики, съ которыхъ наши офицеры, явившіеся безъ командъ для прочтенія деклараціи императрицы, были позорно прогнаны партіею гетманскою, и гдѣ не могли воспрепятствовать чтенію деклараціи, тамъ прежде читали письмо Браницкаго, обращенное ко всѣмъ сеймикамъ. Самъ Браницкій, въ присутствіи большого числа шляхты, читалъ письмо изъ Петербурга, въ которомъ его увѣряли именемъ императрицы, что Штакельбергу запрещено употреблять силу. Послѣ этого онъ разослалъ всюду своей партіи приказанія презирать русскія войска, освобождать отечество отъ ига Россіи и спасать религію и свободу польскую. Религія служитъ побужденіемъ ко всѣмъ ужасамъ, какіе постигли въ Украйнѣ несчастное неуніатское духовенство, которое, наконецъ, я принужденъ защищать русскимъ войскомъ, ибо приказанія Постояннаго Совѣта не были уважены. Браницкій запрещаетъ всѣмъ признавать Совѣтъ. Высокомѣріе этого человѣка, его связи съ партіею Чарторыйскихъ, вооруженная шляхта и переряженные солдаты, которыхъ онъ употреблялъ, насилія, имъ себѣ позволяемыя, значительныя денежныя суммы, которыя онъ тратитъ, а съ моей стороны кротость, умѣренность и недостатокъ денегъ для перевѣшиванія подкуповъ, употребленныхъ противною стороною:—все это произвело то, что неутомимыя заботы королевскія и мои не могли доставить намъ ни малѣйшей увѣренности, что у насъ большинство сеймовыхъ депутатовъ. Можете расчитывать, что мы проиграемъ дѣло, и тогда придется прибѣгнуть къ общей конфедераціи вродѣ Радомской".

Предписаніе Панина не употреблять открытой силы съ русской стороны повело, по мнѣнію Штакельберга, къ слѣдующимъ явленіямъ: въ Гнѣзнѣ Липскій нанесъ ударъ саблею судьѣ, который долженъ былъ предсѣдательствовать на выборахъ; прогналъ благонамѣренныхъ и, поставивши солдатъ при церковныхъ дверяхъ, заставилъ провозгласить посломъ себя и своихъ приверженцевъ. Въ Ломжѣ съ позоромъ прогнали русскаго офицера, который явился съ деклараціею императрицы. Въ Люблинѣ графъ Игнатій Потоцкій, распустивши по провинціямъ самые дурные слухи о Русскомъ Дворѣ и его вліяніи въ Польшѣ и возбудивши въ шляхтѣ ненависть къ Русскимъ, ввелъ войско въ городъ. Такъ какъ отрядъ русскаго войска находился близко, Потоцкій послалъ письмо къ командующему офицеру съ вопросомъ: есть ли у него приказъ арестовать его, Потоцкаго. Офицеръ отвелъ свой отрядъ отъ города. Тогда Потоцкій, видя, что взялъ верхъ, отправился въ церковь Доминиканцевъ и заставилъ выбрать въ послы себя и еще пятерыхъ изъ своей партіи. Нашимъ, въ челѣ ко-

торыхъ находился другой Потоцкій, Викентій, не оставалось ничего болѣе какъ удалиться въ другую церковь, чтобъ выбрать своихъ. Такіе двойные выборы и во многихъ другихъ мѣстахъ оставались для благонамѣренныхъ единственнымъ средствомъ для избѣжанія сабельныхъ ударовъ отъ партизановъ Браницкаго, слѣдовательно судьба будущаго сейма зависѣла отъ предварительнаго разсмотрѣнія законности выборовъ. На сеймикѣ въ Слонимѣ 600 Поляковъ напало на русскій отрядъ; но тотъ, получивши запрещеніе стрѣлять, сдержалъ ихъ штыками, причемъ трое изъ нападающихъ лишились жизни. Дворъ перехватилъ письмо Браницкаго къ упомянутому генералу Липскому въ Гнѣзно: гетманъ требовалъ, чтобъ Липскій пріѣзжалъ съ самыми отважными изъ своихъ тѣлохранителей для исполненія ихъ плановъ. Это заставило Штакельберга потребовать отъ генерала Ширкова, стоявшаго на Волыни, чтобъ тотъ прислалъ ему гусарскій полкъ. Штакельбергъ не сомнѣвался, что гетманы затѣваютъ что-нибудь противъ короля. Такъ какъ Станиславъ-Августъ дѣйствовалъ теперь въ полномъ согласіи съ посломъ, то Штакельбергъ ходатайствовалъ у своего Двора объ улучшеніи финансоваго положенія короля. Станиславъ-Августъ просилъ, чтобъ императрица поручилась за него предъ бреславскимъ банкомъ. По этому поводу Екатерина писала Панину: „Радуюсь, видя, что денежный кредитъ Россійской императрицы дотого простирается, что другимъ государямъ безъ ея гарантіи не вѣрятъ. Но какъ въ денежныхъ дѣлахъ, кои до кредита касаются, я самый голландскій купецъ, то требую прежде, нежели гарантія будетъ дана, чтобъ точно означены были тѣ мѣстности и ихъ доходы, изъ которыхъ платежъ производиться имѣетъ, и чтобъ освидѣтельствованы были ихъ вѣрные таковые доходы; сверхъ того, чтобъ республика напередъ обязалась, что во всякомъ случаѣ (ибо король умереть можетъ) тѣ доходы инако употреблены не будутъ, какъ на тотъ платежъ. Впрочемъ, буде въ семъ дѣлѣ есть препятствія, кои я не усматриваю, то прошу графа Ник. Ив. Панина мнѣ оныя открыть“.

Министры австрійскій и прусскій соглашались съ Штакельбергомъ относительно замысловъ Браницкаго, опасныхъ какъ для короля, такъ и для интересовъ трехъ союзныхъ Дворовъ. Трое министровъ рѣшили, что прежде открытія сейма особыя дѣла составятъ конфедерацію. Штакельбергъ былъ успокоенъ этимъ рѣшеніемъ, равно какъ и окончаніемъ дѣла объ опредѣленіи границъ съ Пруссіею. Фридрихъ II-й кой-что уступилъ; но когда Поляки стали утверждать, что уступка слишкомъ ничтожна, то Бенуа объявилъ имъ, что если до начала сейма республика не приметъ ультиматума его государя, то переговоры между Пруссіею и Польшею будутъ прерваны, и первая удержитъ всѣ земли, занятыя ею. Ультиматумъ былъ принятъ. Понятно, что Штакельбергъ, имѣя предъ глазами примѣры такой сильной политики, тяготился мягкими мѣрами своего Двора и требовалъ бо́льшей энергіи. 12-го августа образовалась конфедерація. Въ этотъ день въ Совѣтѣ первый сенаторъ, епископъ Куявскій, открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой представилъ критическое положеніе государства. Онъ объявилъ, что единственное средство противъ волненій, интригъ, несогласій и ненавистей представляетъ общая конфедерація, которая одна можетъ отстранить столкновеніе столькихъ интересовъ, долженствующее повести къ разрыву сейма, а этотъ разрывъ поведетъ къ окончательному разрушенію Польши. Когда епископъ кончилъ, король объявилъ, что принимаетъ его мнѣніе, и предложилъ созвать сенаторовъ и сеймовыхъ пословъ, находившихся во дворцѣ брата его, епископа Плоцкаго, для образованія конфедераціи. Совѣтъ согласился; король сѣлъ на тронъ подъ балдахинъ, и тотчасъ зала наполнилась 120 сенаторами и послами русской партіи, которые всѣ объявили свое согласіе на конфедерацію Немедленно выбрали маршаловъ конфедераціи— генерала Макроновскаго для Польши и графа Огинскаго для Литвы, по предложенію королевскому. Штакельбергъ отзывался о Макроновскомъ, какъ человѣкѣ самомъ популярномъ и въ то же время сознавшемъ необходимость русскаго вліянія. Гетманы явились для принесенія присяги по поводу конфедераціи, причемъ Браницкій сдѣлалъ смѣшную сцену. Сначала онъ не хотѣлъ стать предъ королемъ на колѣни, но потомъ сталъ. Ему читаютъ формулу присяги: „Обѣщаюсь Станиславу-Августу королю“;—онъ говоритъ только: „королю“. Ему повторяютъ: „Станиславу-Августу“;—онъ говоритъ „Августу“; ему говорятъ въ третій разъ: „Станиславу-Августу“,—а онъ жалкимъ голосомъ произноситъ: „Станиславу-Августу королю“. Далѣе ему говорятъ: „Я приступаю къ генеральной конфедераціи“;—онъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, я не приступаю“. Ему говорятъ: „Конфедерація вамъ это приказываетъ“.—„Ахъ, Господи“! восклицаетъ гетманъ: „ну хорошо, я приступаю“, и т. д. Подъ страхомъ конфедераціи сеймъ спокойно кончилъ всѣ дѣла къ полному удовольствію трехъ союзныхъ Дворовъ.

Въ апрѣлѣ 1776 года, Сольмсъ передалъ Панину „Взглядъ принца Генриха на улаженіе дѣла о прусскихъ границахъ съ Польшею“. Въ бумагѣ говорилось: „Король желаетъ дать всевозможныя доказательства своей дружбы къ ея императорскому величеству; и такъ какъ она желаетъ прекращенія споровъ о границахъ, то онъ рѣшился въ этомъ случаѣ оказать существенные знаки своей искренности и желанія угодить императрицѣ. Онъ предупредилъ бы уже всѣ ея желанія на этотъ счетъ, если-бъ не долженъ былъ держаться въ нѣкотораго рода равновѣсіи съ Вѣнскимъ Дворомъ, къ чему обязываетъ его положеніе и государственный интересъ. Кромѣ того, онъ убѣжденъ, что упреки, сдѣланные Вѣнскимъ Дворомъ Полякамъ, заключаютъ въ себѣ хитрость. У

Вѣнскаго Двора въ Польшѣ вся французская партія, да еще старая саксонская партія, тогда какъ у короля одна только поддержка въ Польшѣ, поддержка, которую даетъ ему императрица. Австрійцы уступаютъ 50 квадратныхъ миль: на этомъ основаніи и король хотѣлъ бы уступить отъ 30 до 40 квадратныхъ миль". Отъ 3-го іюля Фридрихъ писалъ Сольмсу, что Дворы Вѣнскій и Версальскій стараются отклонить Россію отъ его интересовъ и возбудить противъ нея Порту. „Такъ какъ ясно", писалъ Фридрихъ, „что эти Дворы желаютъ всего сильнѣе дѣлать намъ непріятности, то изъ этого истекаетъ новое побужденіе для меня и для Россіи—держаться постоянно въ тѣсной связи и все болѣе и болѣе скрѣплять уже существующій союзъ, чтобъ сдѣлать его нерасторжимымъ". 6-го августа Фридрихъ писалъ: „Я теперь болѣе чѣмъ когда-либо имѣю право надѣяться, что могу уладиться съ Поляками насчетъ моихъ границъ. Я дѣлаю имъ значительныя пожертвованія; но не перестану повторять, что дѣлаю это исключительно изъ уваженія къ Русской императрицѣ, и ничто другое не могло бы меня къ этому побудить. Но при этомъ случаѣ я не скрою, что сильно желалъ бы, чтобъ императрица въ вознагражденіе продлила до 1790 года нашъ союзный оборонительный договоръ, который оканчивается въ 1780 году. Въ виду моихъ преклонныхъ лѣтъ, я не могу разсчитывать на продолжительность моей карьеры, и было бы, конечно, для меня величайшимъ утѣшеніемъ и самымъ богатымъ наслѣдствомъ для моего племянника продолженіе Русскаго союза до 1790 года".

Въ самомъ началѣ года кн. Барятинскій писалъ Панину: „Здѣсь почти всѣ, какъ въ публикѣ, такъ и въ дипломатическомъ корпусѣ предполагаютъ, что спокойствіе Европы неминуемо гдѣ-нибудь будетъ нарушено, судя по настоящимъ союзамъ и по дѣлаемымъ разными государствами приготовленіямъ. Газетные слухи о вооруженіи нашего флота и объ отправленіи матросовъ къ Архангельску обращаютъ вниманіе всѣхъ, и толкуютъ, что разрывъ начнется въ нашихъ краяхъ. По поводу поѣздки принца Генриха въ Россію говорятъ, что, быть можетъ, Прусскій король, видя неукротимое волненіе и замѣшательство въ Польшѣ и ненависть народную къ королю Станиславу-Августу, имѣетъ въ виду наслѣдство Польской короны для какого-нибудь принца своего Дома, и для обезпеченія успѣха принцу Генриху поручено склонить къ тому ея и. в—ство. Толки эти возникли вслѣдствіе извѣстія, что принцъ Брауншвейгскій учится Польскому языку".

Понятно, что извѣстія о морскихъ вооруженіяхъ Россіи всего болѣе должны были тревожить Швецію. Въ Стокгольмѣ увѣряли, что весною непремѣнно Россія объявитъ войну Швеціи, для чего строится великое число галеръ и военныхъ кораблей. Симолинъ, съ своей стороны, внушалъ, что Русскій Дворъ желаетъ одного—сохраненія спокойствія на Сѣверѣ и добраго сосѣдства съ Швеціею; что изъ построенія галеръ и военныхъ кораблей ничего заключать нельзя, ибо извѣстно, что старый русскій галерный флотъ истребленъ пожаромъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а корабли, возвратившіеся послѣ шести кампаній изъ Архипелага, никуда не годятся и надобно замѣнить ихъ новыми. Въ самомъ началѣ года Симолинъ доносилъ своему Двору, что идутъ большіе толки о путешествіи короля въ Петербургъ. Графъ Боркъ, шведскій посланникъ въ Вѣнѣ, сильно настаиваетъ на это, утверждая, что это путешествіе положитъ конецъ холодности и подозрительности, существующимъ между двумя Дворами; что императрица не откажетъ королю въ согласіи на новую конституцію, если король лично будетъ ее просить объ этомъ. Французскій посланникъ отговариваетъ отъ путешествія. По поводу этихъ извѣстій, Панинъ писалъ Симолину: „Если отъ васъ будутъ вывѣдывать относительно того, какъ нашъ Дворъ смотритъ на это путешествіе, то говорите, что вами получены частныя, но вѣрныя извѣстія о намѣреніи императрицы провести почти все будущее лѣто въ разныхъ путешествіяхъ, которыя удалятъ ее отъ Петербурга. Вы видите, что дѣло идетъ объ избѣжаніи, возможно приличнымъ образомъ, всѣхъ внушеній со стороны короля относительно этого путешествія".

1777.

Въ половинѣ января Стахіеву былъ отправленъ рескриптъ, въ которомъ императрица объявляла, что, единовременно съ занятіемъ Перекопи, она сочла нужнымъ приняться и за непосредственное установленіе между Татарами благонамѣреннаго общества, которое могло бы представлять свѣту и Портѣ существованіе вольной и независимой татарской области. Для достиженія этой цѣли, извѣстный калга Шагинъ-Гирей подвинулся внутрь Кубанской области при отрядѣ русскихъ войскъ, находящихся подъ командою бригадира Бринка. Это движеніе произвело два дѣйствія: первое,—что калга-султанъ съ радостію принятъ Едичкульскою ордою и нѣкоторыми другими родами, и торжественно объявленъ самодержавнымъ и независимымъ ханомъ; въ этомъ качествѣ онъ признанъ Россіею и долженъ скоро вступить въ Крымъ, гдѣ много преданныхъ ему людей, для утвержденія тамъ своей власти и изгнанія, по возможности, прежняго хана Девлетъ-Гирея, чѣмъ вольность и независимость Татаръ сами собою могли бы установиться и утвердиться по силѣ и словамъ мирнаго договора. Другое слѣдствіе движенія Шагинъ-Гирея и Бринка состояло въ томъ, что командующій турецкими войсками въ Тамани и Темрюкѣ, Орду-агаси, отозвался къ нимъ письменно, спрашивая о причинѣ приближенія ихъ и объявляя прямо, что онъ въ этихъ крѣпостяхъ находится съ большимъ числомъ военныхъ людей по точнымъ и многократнымъ указамъ Пор-

ты. Это письмо, отправленное къ Стахіеву въ оригиналѣ, должно было служить уликою турецкому министерству, которое утверждало, что на Таманскомъ полуостровѣ находится только отъ 30 до 40 человѣкъ, которымъ Порта не даетъ ни жалованья, ни провіанта и которые имѣютъ отъ нея повелѣніе уходить съ полуострова, только Татары ихъ не опускаютъ. Стахіевъ долженъ былъ внушать всѣмъ, и особенно корпусу улемовъ, что Россія среди войны оградила иновѣрный народъ отъ разоренія и истребленія, а теперь единовѣрная съ Татарами Порта изъ одного упрямства подвергаетъ ихъ гибели при новой войнѣ, въ которой она скорѣе и вѣрнѣе потеряетъ Татаръ, чѣмъ успѣетъ отмѣнить утвержденную договоромъ ихъ вольность. Панинъ въ своемъ письмѣ разъяснялъ Стахіеву, какъ онъ долженъ говорить сановникамъ Порты по поводу провозглашенія Шагинъ-Гирея ханомъ: „Это событіе не должно удивлять Порту, ибо есть не иное что, какъ подражаніе собственному ея поведенію. Когда миръ былъ заключенъ и русскія войска, въ надеждѣ на добросовѣстность Порты, выведены были изъ Крыма, то Девлетъ-Гирей, при помощи Турокъ, успѣлъ низвергнуть Сагибъ-Гирея, и, не довольствуясь этимъ, осмѣлился отправить на Кубань войско для нападенія на Ногайскія орды, находившіяся подъ управленіемъ ими самими избраннаго начальника, Шагинъ-Гирея; это принуждаетъ Россію въ выборѣ Шагинъ-Гирея ограждать свободу ногайскихъ и крымскихъ Татаръ, которые подъ его правленіемъ желаютъ пользоваться дарованною имъ въ мирномъ трактатѣ вольностію“.

Извѣстіе Стахіева, что Порта понизила тонъ, заставило Россію согласиться на ея желаніе договариваться о Крымскихъ дѣлахъ въ Константинополѣ посредствомъ Стахіева, которому дана была инструкція провести уничтоженіе въ Крыму избирательнаго правленія и установленіе наслѣдственнаго отъ отца къ сыну, но съ тѣмъ, чтобъ наслѣдственнымъ ханомъ былъ Шагинъ-Гирей, а не Девлетъ-Гирей, „котораго, какъ виновника всему происшедшему злу, никакъ и никогда не будемъ мы терпѣть въ Крымѣ“.

25-го марта у Стахіева начались конференціи съ рейсъ-эффенди, причемъ русскій министръ прежде всего потребовалъ пропуска въ Черное море зимовавшихъ въ Константинополѣ русскихъ судовъ: пяти торговыхъ — въ силу трактата, а шестаго, вооруженнаго — въ знакъ дружбы. Но рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что это дѣло надобно отложить до окончанія переговоровъ или, по крайней мѣрѣ, до того времени, какъ будетъ видно, какой оборотъ возьметъ главное дѣло, ибо фрегаты и офицеры на нихъ признаны бывшими въ послѣднюю войну въ Архипелагѣ, и, кромѣ того, ихъ появленіе на Черномъ морѣ, при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ въ Крыму, увеличитъ ужасъ и тревогу какъ между Турками, такъ и Татарами. Тогда Стахіевъ сказалъ, что не смѣетъ вступить въ переговоры, но принужденъ будетъ сперва списаться со своимъ Дворомъ, чрезъ что еще три мѣсяца будутъ потеряны. Этотъ отвѣтъ заставилъ Турокъ принять дѣло на дальнѣйшее размышленіе.

Суда не были пропущены, и 24-го іюля Стахіевъ донесъ, что Порта поставляетъ избраніе новаго Крымскаго хана Шагинъ-Гирея противнымъ какъ магометанскому закону, такъ и мирному договору, именно потому, что оно произошло въ присутствіи русскихъ войскъ, и требуетъ вывода ихъ изъ Крыма, обѣщаясь послѣ того судить о законности этого ханскаго избранія. По письмамъ Стахіева, только совершенное безсиліе и народная неподатливость удерживали Порту отъ разрыва съ Россіею; да и мирная партія не обѣщала прочнаго мира, если Россія не уступитъ Портѣ права по крайней мѣрѣ утверждать избраніе крымскихъ хановъ. Турецкія вооруженія не важны и ограничиваются оборонительными мѣрами и приготовленіемъ на случай татарскаго возмущенія противъ Шагинъ-Гирея. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ Стахіеву, выходило, что Порта ни подъ какимъ видомъ не намѣрена соглашаться на проходъ русскихъ судовъ изъ Средиземнаго моря въ Черное и считаетъ противнымъ мирному договору плаваніе по Черному морю военныхъ русскихъ кораблей, а фанаріотскіе Греки стараются, чтобъ Порта принудила Россію отказаться отъ всякаго покровительства и заступленія за Волоховъ и Молдаванъ, также отъ церковнаго строенія и починокъ, ибо все это Фанаріоты считаютъ пагубнымъ для своихъ доходовъ и власти.

Въ концѣ сентября, Порта нарушила условіе договора относительно Дунайскихъ княжествъ, лишивъ жизни, безъ всякаго суда, Молдавскаго господаря Гику. Екатерина велѣла Стахіеву п р о с т о и с у х о примѣтить турецкому министерству, что этотъ поступокъ она должна почесть „между многими прежними неустойками мирнаго трактата со стороны Порты новымъ нарушеніемъ его основаній“. Кораблей не пропускали; не пропустили даже купеческое судно „Св. Николай“, которое прежде не разъ проходило изъ Средиземнаго моря въ Черное. Въ конференціи, которой требовалъ Стахіевъ по этому поводу, рейсъ-эффенди ему отказалъ, и когда, вслѣдствіе этого, переводчикъ Пизани вручилъ ему протестъ посланника и требованіе пропустить фрегаты обратно въ Мраморное море, то рейсъ-эффенди сказалъ: „Господинъ посланникъ ежедневно докучаетъ все объ этихъ судахъ, и надобно думать, что дѣлаетъ это самъ собою, — не могу я убѣдиться, чтобъ при Русскомъ Дворѣ не было такихъ благоразумныхъ людей, которые отдаютъ справедливость Портѣ въ этомъ пунктѣ. Если бы всѣ Дворы выслушали ея объясненія, то бы каждый изъ нихъ оправдалъ ее: объ этомъ посланникъ можетъ навѣдаться у французскаго и прусскаго повѣренныхъ въ дѣлахъ, у посла англійскаго и прочихъ находящихся здѣсь министровъ, и я увѣренъ, что каждый изъ нихъ оправдаетъ Порту. Порта и такъ уже очень оплошна и нерадива, что пропускаетъ корабли и въ Мраморное море въ та-

кое время, когда въ границахъ самого Крымскаго полуострова и въ Тамани находится большое число русскихъ войскъ и кораблей. Если изъ-за непропуска этихъ судовъ миръ долженъ разорваться, то да будетъ воля Божія. Россія, основываясь на мирномъ договорѣ, требуетъ пропуска этихъ судовъ, а Порта противится тому по всей справедливости: и такъ, кромѣ Всевышняго Творца, некому разрѣшить этого спора. Въ послѣднюю войну Богъ пособлялъ русскому оружію, а теперь, надобно надѣяться, Порта возьметъ верхъ". Когда Пизани напомнилъ о пропускѣ корабля „Св. Николай", то рейсъ-эффенди сказалъ: „Въ настоящіе рамазанные дни непристойно безпокоить Порту представленіемъ объ одномъ суднѣ, и если по этому поводу миръ долженъ разорваться, то полагаюсь на волю Божію, и я уже потерялъ терпѣніе, и если-бъ отъ меня зависѣло, то я бы ни одной вашей лодки въ Черное море не пропустилъ, когда ваше войско въ Крыму и почти въ здѣшнихъ границахъ". Пизани возразилъ, что нѣтъ никакого повода препятствовать проходу корабля „Св. Николай", когда его неразъ пропускали взадъ и впередъ, да и теперь уже выданъ фирманъ о пропускѣ.—„На этомъ кораблѣ", отвѣчалъ рейсъ-эффенди, „нагружено значительное число пушекъ, и былъ онъ построенъ въ Парижѣ, и въ послѣднюю войну находился въ Архипелагѣ для захватыванія призовъ".—„Никогда онъ военнымъ судномъ не бывалъ", возразилъ Пизани; „послѣ заключенія мира принадлежалъ онъ разнымъ купцамъ и до сихъ поръ употреблялся для перевозки товаровъ въ Мраморное и Черное моря; что же касается пушекъ, то ничего не стоитъ осмотрѣть, сколько ихъ на немъ, и по осмотрѣ ложнаго доносчика надобно наказать".—„Положимъ все такъ, какъ вы разсказываете", сказалъ рейсъ-эффенди; „положимъ, что Порта препятствуетъ проходу этого корабля въ противность мирному договору: все же это нарушеніе договора никакъ нельзя сравнить съ нарушеніемъ, сдѣланнымъ Россіею, которая держитъ свое войско въ Крыму и Тамани".—„Держаніемъ этого войска договоръ не нарушается", отвѣчалъ Пизани, „потому что Порта этому причиною, занявши своимъ войскомъ Таманскій полуостровъ. Впрочемъ, отъ нея же зависитъ и выходъ русскаго войска оттуда, какъ скоро она согласится на справедливыя требованія императорскаго Двора".

По полученіи этихъ извѣстій, 8-го ноября Екатерина подписала Стахіеву рескриптъ: „Составя изъ депешей вашихъ цѣлую картину, находимъ мы по разнымъ ея тѣнямъ, что дѣла наши съ Портою дошли уже весьма близко до степени непріятной ихъ развязки войною. Искренно и усердно желаніе наше сохранить миръ, яко верховное блаженство сожитія человѣческаго; но сіе желаніе, составляя по себѣ одно изъ первыхъ обязательствъ государя, званіе свое въ полной мѣрѣ исполняющаго, не исключаетъ однакожъ собою и не можетъ исключить другого царямъ не меньше свойственнаго долга—блюсти въ неприкосновенной цѣлости честь и достоинство вѣнцовъ ихъ, дабы миръ самый былъ плодомъ мудрости и важности правленія ихъ, а не цѣною посторонняго небреженія. Чрезъ все время царствованія нашего обыкнувъ учреждать всѣ наши дѣянія по симъ двумъ началамъ, хотимъ мы и теперь взаимствовать отъ оныхъ послѣднія наши чрезъ васъ Портѣ Оттоманской по упрежденіи войны чинимыя испытанія". Стахіевъ долженъ былъ объявить Портѣ, что всѣ ея жалобы несправедливы; что русское войско не дѣлало никакого насилія Татарамъ, которые добровольно провозгласили ханомъ Шагинъ-Гирея,—прибытіе русскаго войска только способствовало благонамѣреннымъ Татарамъ освободиться отъ страха предъ Девлетъ-Гиреемъ; ни русскихъ войскъ, ни начальника ихъ, князя Прозоровскаго, не было въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходили совѣщанія Татаръ. Турецкая жалоба, будто князь Прозоровскій не только угрожалъ татарскимъ мурзамъ и чиновникамъ огнемъ, мечемъ и рабствомъ, но и дѣйствительно изрубилъ изъ нихъ пять или шесть человѣкъ невинныхъ на страхъ другимъ,—есть клевета: „нельзя, кажется, Портѣ не знать, что русскіе генералы не имѣютъ въ жизни и смерти такой власти, какую ея начальники и паши такъ часто употребляютъ во зло; кромѣ того, личный характеръ князя Прозоровскаго, какъ человѣка знатной породы, благородно мыслящаго и благородно воспитаннаго, весьма удаленъ отъ того, чтобъ оскорблять человѣчество". Относительно жалобы на отправленіе въ Крымъ русскихъ таможенныхъ служителей, Стахіевъ долженъ былъ отвѣчать, что нѣкоторые русскіе купцы дѣйствительно получали отъ хана по договору всѣ пошлинные сборы на откупъ за извѣстную цѣну. Денегъ на пріобрѣтеніе доброжелателей Стахіевъ не долженъ жалѣть, лишь бы только жертва не была напрасная. Относительно требованія выхода русскихъ войскъ изъ Крыма Стахіевъ долженъ былъ говорить, что они выйдутъ, какъ скоро Порта исполнитъ два русскихъ требованія: признаетъ ханомъ Шагинъ-Гирея, и султанъ пришлетъ ему свое калифское благословеніе, котораго никакъ не должно принимать въ мысли инвеституры, ибо благословеніе это чисто духовное и никакого политическаго значенія имѣть не можетъ; что безъ признанія Шагинъ-Гирея никакіе дальнѣйшіе переговоры невозможны. При объявленіи войны надобно было ожидать, что съ Стахіевымъ будетъ поступлено такъ-же, какъ и съ Обрѣзковымъ въ 1768 году; эта мысль приводитъ Екатерину въ сильное раздраженіе, доказательствомъ котораго служитъ слѣдующая записка ея Панину: „Пришло мнѣ на мысль, не худо бы написать къ Стахіеву, чтобъ онъ Туркамъ сказалъ, будто бы дошло до разрыва, что если они вздумаютъ учинить надъ нашими подданными, въ Царьградѣ или индѣ у нихъ нахо-

дящимися, какія бы то ни было суровости или жестокости,—что у насъ положено у нихъ не оставить камня на каменѣ".

До сихъ поръ изъ Петербурга писалось Стахіеву, чтобъ онъ объявлялъ Портѣ о добровольномъ избраніи Татарами Шагинъ-Гирея; но 11 ноября императрица должна была подписать ему рескриптъ, что получена изъ Крыма непріятная вѣдомость о возмущеніи всей таманской черни противъ русскихъ войскъ. „Мы", говорилось въ рескриптѣ, „оставляемъ времени рѣшить, отчего произошелъ этотъ бунтъ, отъ собственнаго ли движенія Татаръ или отъ тайныхъ происковъ Порты; но въ томъ и другомъ случаѣ можно, кажется, предполагать съ равною вѣроподобностію, что Турки не упустятъ возгордиться этою выгодою и потому ввѣренные вамъ полюбовные переговоры встрѣтятъ еще бо́льшія и, можетъ быть, неодолимыя препятствія". Въ послѣднемъ случаѣ Стахіевъ долженъ былъ выѣхать изъ Константинополя, забравши съ собою какъ можно болѣе находившихся тамъ Русскихъ.

Отъ 28 ноября Стахіевъ донесъ, что главный изъ его доброжелателей, Муратъ-Молла, письменно предложилъ султану, что дѣла между Россіею и Портою могутъ кончиться полюбовно, если ему угодно будетъ признать Шагинъ-Гирея законнымъ ханомъ и послать ему грамоту съ объявленіемъ, что такъ какъ Татары, въ силу договора, выбрали его независимымъ ханомъ, то султанъ признаетъ его въ этомъ качествѣ и, будучи верховнымъ калифомъ, имѣющимъ всю духовную власть, поручаетъ ему и духовное правленіе надъ Татарами, причемъ посылаетъ ему шубу и саблю; и какъ скоро это будетъ сдѣлано,—русское войско должно выступить изъ Крыма, въ чемъ Стахіевъ долженъ письменно обнадежить. Султанъ согласился; но вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что одинъ изъ крымскихъ шейховъ, по имени Али-мулла, успѣлъ возмутить Татаръ, которые напали на Шагинъ-Гирея, и тотъ, раненый, ушелъ изъ Бакчисарая, и не знаютъ живъ ли онъ, или умеръ, и всѣ бывшіе при немъ мурзы побиты, причемъ у Русскихъ переранено до 500 человѣкъ, а Татаръ побито до 900. Это извѣстіе, разумѣется, разстроило дѣло, начатое Муратъ-Моллою; Порта стала ждать, чѣмъ кончатся Крымскія дѣла.

Отъ 10-го ноября Румянцевъ получилъ рескриптъ: „Мы надѣемся, что нынѣшній ханъ очень помнитъ и признаетъ, что пріобрѣтенный имъ титулъ самодержавнаго хана есть самъ по себѣ сущая мечта безъ нашего пособія и покровительства; что такъ какъ онъ единственно Россіи обязанъ своимъ возвышеніемъ, то для сохраненія своего и для цѣлости новаго татарскаго владѣнія надобно ему и впредь повиноваться во всемъ благонамѣренному руководству Двора нашего, слѣд. соглашать поступки свои съ его политическими интересами, а не начинать такихъ дѣлъ, которыя могли бы прямо вести его къ погибели. Но трудно вамъ потомъ будетъ сломить иногда его заносчивость и поставить его въ необходимость руководствоваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не собственнымъ воображеніемъ, а совѣтами и наставленіями вашими. Поручаемъ вамъ истолковать ему, что если, съ одной стороны, честь и слава имперіи нашей требуютъ поддерживать воздвигнутое нами зданіе вольнаго и независимаго владѣнія татарскаго подъ его управленіемъ въ неприкосновенной цѣлости, то, съ другой,—интересы имперіи и сродное намъ человѣколюбіе не позволяютъ предпочесть сохраненіе драгоцѣннаго мира вынужденію для него, хана, отъ Порты поздравительной грамоты силою оружія и пролитіемъ невинной крови, когда есть другая, менѣе трудная дорога къ полученію отъ Порты формальнаго признанія его ханства; что дорога эта предначертана въ мирномъ договорѣ чрезъ охраненіе въ особѣ султанской правъ верховнаго калифства, и потому ни ему, хану, лично, ни всѣмъ Татарамъ вообще не можетъ быть зазорно и предосудительно отправить къ Портѣ на имя султана другія грамоты съ признаніемъ его въ качествѣ верховнаго начальника магометанской религіи и калифа, и съ испрошеніемъ себѣ духовнаго его благословенія; что, наконецъ, мы, основательница и покровительница новаго бытія татарскихъ народовъ и личнаго возвышенія Шагинъ-Гирея въ ханское достоинство, всячески совѣтуемъ ему отправить новыя грамоты для предупрежденія войны и обезпеченія счастія татарскаго владѣнія, которое въ мирѣ и тишинѣ прочнѣе и надежнѣе можетъ укорениться, особенно если ханъ станетъ болѣе заботиться о пріобрѣтеніи любви и довѣренности подданныхъ ласкою и правосудіемъ, не оскорбляя ихъ несвойственными непріятными для нихъ новизнами". Въ томъ же рескриптѣ императрица объявляла свои намѣренія относительно Крыма въ случаѣ войны съ Портою: „Мы предписали посланнику Стахіеву внушить оттоманскимъ министрамъ, что, въ случаѣ новой войны, нашъ Дворъ, конечно, не оставитъ соблюсти свой существенный интересъ истребленіемъ Татаръ, дабы этимъ освободить обѣ имперіи однажды навсегда отъ этого вреднаго гнѣзда взаимныхъ распрей. Въ самомъ дѣлѣ, если Турки не согласятся къ концу зимы на новыя наши предложенія и рѣшатся на войну, то никто не можетъ сдѣлать намъ разумный упрекъ, зачѣмъ мы поступили строго съ Крымомъ при малѣйшемъ колебаніи тамошнихъ жителей, зачѣмъ предупредили опасность для войскъ нашихъ очутиться между двумя непріятелями—Турками и Татарами. Судя по прошлому, нельзя почти ожидать, чтобъ крымскіе Татары намъ не измѣнили, увидя приближеніе турецкихъ силъ: поэтому и надобно предоставить себѣ свободу поступить съ ними впредь какъ съ дѣйствительными врагами, или какъ съ гнилою частію, которая отсѣкается врачами для спасенія цѣлаго тѣла. А между тѣмъ, для сохраненія на своей сторонѣ образа татарскаго владѣнія, думаемъ, что нужно приняться отнынѣ

съ двойнымъ усердіемъ за Кубань и обитающія тамъ Ногайскія орды и составить изъ нихъ какъ можно скорѣй особенное благонамѣренное общество. Съ этою цѣлію надобно вселить въ нихъ единомысліе и бо̀льшую преданность къ особѣ и власти Шагинъ-Гирея; способы для этого: поведеніе самого хана, руководствуемаго вашими совѣтами, и употребленіе денегъ, къ чему мы васъ уполномочиваемъ безо всякаго ограниченія. При возстаніи Крыма можно будетъ перевести Шагинъ-Гирея на Кубань не свергнутымъ, а дѣйствительнымъ ханомъ и удержать тамъ, подъ его начальствомъ, значительную часть Татаръ въ видѣ независимой области, слѣдовательно достигнуть этимъ способомъ, хотя для одной части границъ имперіи, прежней нашей главной цѣли, состоявшей въ удаленіи непосредственныхъ границъ съ Турецкими владѣніями. Сверхъ того, будетъ еще на Кубани близкое убѣжище для тѣхъ Крымцевъ, которые перейдутъ туда или по привязанности къ Шагинъ-Гирею, или вслѣдствіе опустошенія ихъ жилищъ. Мы предполагаемъ дозволить всѣмъ жителямъ Крыма свободу перебираться съ имуществомъ своимъ на всѣ четыре стороны, ибо для нашихъ интересовъ довольно одного,—чтобъ Туркамъ негдѣ было стать твердою ногою".

Панинъ спрашивалъ мнѣнія Штакельберга насчетъ вывода русскихъ войскъ изъ Польши, и тотъ отвѣчалъ ему въ самомъ началѣ года: „Каково бы ни было спокойствіе, которымъ наслаждается республика, необходимо, чтобъ новое правительство утвердилось во время пребыванія нашихъ войскъ. Перемѣны въ Турецкихъ дѣлахъ непремѣнно возбудятъ новыя волненія. Особа короля особенно подвергнется опасности. Прирожденный грѣхъ страны — это ненависть къ королю". Споры по размежеванію новыхъ границъ съ Пруссіею продолжались, и прусскій министръ подалъ Постоянному Совѣту грозную ноту, что если Поляки не уступятъ Пруссіи спорнаго мѣстечка Гуршно съ 27 деревнями, то король его отзоветъ своихъ коммисаровъ и не отдастъ тѣхъ мѣстъ воеводства Плоцкаго, которыя прежде согласился отдать. Штакельбергъ вздумалъ-было заступиться за Польшу, но прусскій резидентъ отвѣчалъ ему, что хотя король, его государь, выше этой мелочи, однако онъ не уступитъ, потому что Польское правительство въ отношеніи къ нему позволило себѣ неприличный тонъ. Это неприличіе было найдено въ нотѣ Совѣта, который взывалъ къ справедливости и человѣколюбію короля, потому что прусскія войска, выходя изъ польскихъ областей, возвращенныхъ республикѣ, оставили въ нихъ одну только почву. Получивъ отъ Сольмса извѣщеніе, что въ Петербургѣ очень не понравилось это дѣло, Фридрихъ писалъ ему, что все затрудненіе происходитъ отъ невѣрности польскихъ географическихъ картъ. „Но", продолжалъ король, „я знаю хорошо, чему должно приписать всѣ затрудненія, которыя Польскій король дѣлаетъ дѣлу размежеванія: онъ постоянно ласкаетъ себя надеждою жениться на одной изъ сестеръ императора и, получивши этимъ бракомъ сильную подпору, воображаетъ, что ему нѣтъ болѣе нужды щадить меня; пусть Вѣнскій Дворъ выставляетъ тѣсную связь между нимъ и мною. Эта связь существуетъ только въ его хитромъ и интригантскомъ духѣ, заставляющемъ его распространять такой слухъ. Я никогда ему не довѣрялся и никогда не довѣрюсь во всю мою жизнь; никогда я не сообщу ему своихъ намѣреній. Впрочемъ, по настоящему положенію Польши, я не предприму никогда ничего, не условившись первоначально съ Россіею". Желая успокоить Петербургскій Дворъ и выставить дѣло нестоящимъ вниманія, Фридрихъ писалъ Сольмсу: „Одинъ Швейцарецъ-католикъ ѣлъ яичницу постомъ. Вдругъ загремѣлъ громъ, и ему говорятъ: „Богъ приготовляется наказать тебя за нарушеніе церковныхъ правилъ". Швейцарецъ бросилъ яичницу за окно и сказалъ: „Великій Боже! сколько шуму изъ-за яичницы"! Въ такомъ же положеніи и я. Вопросъ изъ-за нѣсколькихъ деревень не произведетъ пожара въ цѣлой Европѣ; я отъ этого не разбогатѣю, а Польша не обѣднѣетъ. Петербургскому Двору стоитъ только приказать своему послу графу Штакельбергу порѣшить это дѣло,—и все будетъ кончено". Но Русская императрица приняла на себя посредничество, и дѣло было покончено въ Варшавѣ Штакельбергомъ: спорная земля была подѣлена.

Въ началѣ августа, Штакельбергъ далъ знать Панину, что Французскій Дворъ вознамѣрился женить Польскаго короля на принцессѣ Бурбонъ, дочери принца Конде. Первое предложеніе было сдѣлано княгинею Любомирскою, дочерью Русскаго воеводы, и возобновлено однимъ Французомъ, находившимся въ польской службѣ. Получивши объ этомъ извѣстіе, Штакельбергъ молчалъ, желая испытать искренность и довѣріе короля. Станиславъ-Августъ выдержалъ испытаніе, первый началъ говорить послу объ этомъ дѣлѣ, и объявилъ, что такъ какъ у него рѣшено поступать единственно по волѣ императрицы, то онъ не вошелъ нисколько въ это дѣло. Въ то же время онъ выразилъ желаніе, чтобъ невѣста, назначаемая ему, вышла за его племянника, и просилъ Штакельберга развѣдать мысли императрицы насчетъ Курляндіи,—нельзя ли ее отдать князю Понятовскому; Штакельбергъ замѣтилъ, что Курляндскій престолъ занятъ. „Таковы-то виды Франціи и нашихъ враговъ въ этой странѣ", писалъ Штакельбергъ: „если бы имъ удалось устроить этотъ бракъ, то обнаружились бы соединенныя движенія Вѣнскаго и Версальскаго Дворовъ для отнятія у Россіи этого вліянія въ Польшѣ, котораго поддержка въ этомъ вѣкѣ произвела столько кровавыхъ сценъ, и которымъ императрица теперь овладѣла съ кротостію, господствующею въ ея политикѣ и сердцѣ, вслѣдствіе чего Польша сдѣлалась какъ бы русскою провинціею. Такое положеніе дѣлъ очень не-

пріятно для враговъ имперіи какъ внутри, такъ и внѣ Польши. Прошу сообщить мнѣ въ открытомъ письмѣ рѣшеніе ея императорскаго величества насчетъ королевскаго предложенія, равно какъ самую сильную причину для отстраненія плановъ насчетъ племянника. Нигдѣ здѣсь намъ не нужно Французовъ". Въ Петербургѣ дано было такое рѣшеніе, что король обѣщалъ Штакельбергу замять это дѣло. Но кн. Барятинскій далъ знать Штакельбергу изъ Парижа, что какой-то Глэръ продолжаетъ вести переговоры о бракѣ. Принцъ Конде былъ согласенъ на этотъ бракъ, но выражалъ безпокойство насчетъ участи имѣющихъ родиться у короля дѣтей, такъ какъ Польская корона не была наслѣдственна. Глэръ отвѣчалъ, что если Франція возвратитъ свою дружбу коронѣ и королю Польскому, то и дѣти королевскія могутъ быть счастливы, ибо Станиславъ-Августъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи отъ трехъ до пяти милліоновъ ливровъ. Что же касается того, чтобъ сдѣлать Польскую корону наслѣдственною, то это дѣло нелегкое, и можетъ быть—и совершенно невозможное при настоящихъ обстоятельствахъ; но когда Прусскій король умретъ, то надобно думать, что и политическая система на Сѣверѣ перемѣнится. „Я не предполагаю", продолжалъ Глэръ, „чтобъ и тогда Польскую корону можно было сдѣлать наслѣдственною, по крайней мѣрѣ Франція можетъ дѣйствовать тогда съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Лишь бы Франція сдѣлала первый шагъ для вступленія въ союзъ съ Польшею, а то довольно видали на свѣтѣ такихъ дѣлъ, которыя съ перваго раза казались также невозможными, а потомъ приводились въ исполненіе". Переговоры шли посредствомъ дочери — госпожи Жоффрэнъ, потому что знаменитая маменька была больна. Тогда посолъ имѣлъ съ Станиславомъ-Августомъ горячее объясненіе относительно всѣхъ политическихъ сообщеній въ Константинополѣ и Парижѣ; онъ ему объявилъ, что, хотя нисколько не сомнѣвается въ добросовѣстности его величества относительно Русскаго Двора, однако не можетъ не замѣтить, что король предается своей прежней страсти къ политическому кокетству и ложной снисходительности ко врагамъ императрицы. Разговоръ имѣлъ слѣдствіемъ отозваніе Глэра. Та же участь постигла и польскаго интернунція въ Константинополѣ, Боскампа.

5-го апрѣля Фридрихъ писалъ Сольмсу: „Съ бо̀льшимъ удовольствіемъ узналъ я, что графъ Панинъ былъ доволенъ внушеніями, которыя я велѣлъ сдѣлать Портѣ для уничтоженія зародышей новой войны съ Россіею. Но вы должны ему передать, что мои добрыя услуги не ограничились одними этими внушеніями. Чрезъ третьи руки и не возбуждая никакого подозрѣнія, что дѣло идетъ отъ меня, я далъ знать версальскому министерству о честолюбивыхъ видахъ Вѣнскаго Двора противъ Порты по поводу этихъ новыхъ смутъ, и дѣло очень удалось. Французское министерство было раздосадовано этимъ тѣмъ болѣе, что оно смотритъ чрезвычайно подозрительно на честолюбивые замыслы императора и питаетъ основательныя опасенія, что, если Вѣнскій Дворъ успѣетъ еще захватить нѣсколько оттоманскихъ провинцій,— Порта слишкомъ ослабѣетъ и не будетъ способна сдѣлать диверсію въ пользу Франціи, когда рано или поздно начнется война между нею и Австріею. Это опасеніе заставило Французское правительство отправить наспѣхъ въ Константинополь барона Тотта, для отвращенія Порты отъ новаго разрыва съ Россіею". Въ августѣ Фридрихъ писалъ: „Кажется, довольно вѣрно, что князь Кауницъ замышляетъ сдеулить еще кусокъ Валахіи у Порты, и что новая война между Россіею и Турціею является для него самымъ удобнымъ и вѣрнымъ для этого путемъ; онъ пламенно желаетъ этой войны и не пренебрегаетъ ничѣмъ для раздуванія огня, тлѣющаго подъ пепломъ. Въ этихъ видахъ онъ попытался отклонить Францію отъ намѣренія поддержать миръ между Россіею и Турціею. Если дѣйствительно военный пламень возгорится между ними, этотъ министръ не замедлитъ предложить Турціи договоръ, по которому его Дворъ обѣщаетъ собрать войско въ окрестностяхъ Песта для сдержанія Россіи и за это выговорить себѣ часть Валахіи, а быть можетъ и денежную сумму для этой военной демонстраціи. Такъ какъ мнѣ кажется, что новая война съ Портою вовсе не соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи, и война эта будетъ еще менѣе выгодна для послѣдней, если Вѣнскій Дворъ одинъ долженъ воспользоваться ею и наловить рыбы въ мутной водѣ: то я захотѣлъ услужить Россіи, выведя окольными путями Францію изъ заблужденія насчетъ внушеній князя Кауница. И если Россія сочтетъ нужнымъ прибавить что-нибудь по этому дѣлу для версальскаго министерства и ввѣрить мнѣ свои идеи, я съ величайшимъ усердіемъ исполню порученіе, какъ добрый и вѣрный союзникъ". По словамъ Фридриха, Кауницъ отвращалъ Французскій Дворъ отъ стараній поддержать миръ между Россіею и Портою, внушая, что Франціи выгодно занять Россію Турецкою войною: этимъ она воспрепятствуетъ ей принять участіе въ войнѣ между Франціею и Англіею; это участіе будетъ въ пользу послѣдней, ибо Россія обязана договоромъ помогать Англіи громаднымъ флотомъ и двадцатитысячнымъ сухопутнымъ войскомъ. Кауницъ дѣлаетъ Россіи мирныя заявленія, предлагаетъ свои услуги въ переговорахъ съ Портою;—но все это обманъ. Рейсъ-эффенди совершенно преданъ Австріи, и если бы даже Кауницъ довелъ свое двоедушіе дотого, что сдѣлалъ бы Портѣ предложенія въ пользу мира, то это будетъ сдѣлано только для формы, и рейсъ-эффенди знаетъ, какъ извернуться въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ, Кауницъ останется въ сторонѣ и будетъ приготовлять стрѣлы, которыя разсчитываетъ пустить французскими руками.

Въ ноябрѣ Фридрихъ писалъ: „Такъ какъ все

мои извѣстія—константинопольскія, польскія и вѣнскія,—согласны въ одномъ, что Порта почти вполнѣ рѣшилась на войну, то боюсь, чтобъ предложенія, которыя теперь могли бы быть ей сдѣланы, не опоздали. Они постоянно должны быть сопровождаемы хорошими подарками для подкупа сераля, безъ которыхъ нельзя себѣ обѣщать ни малѣйшаго успѣха. Вы можете сказать графу Панину, что я знаю навѣрное, что Стахіевъ уже дѣлалъ употребленіе изъ этого смягчающаго средства; но я думаю, что онъ далъ своимъ подаркамъ не очень хорошее назначеніе: онъ роздалъ ихъ коммисарамъ Порты, назначеннымъ вести съ нимъ переговоры; но эти люди второстепенные, не имѣющіе голоса въ Диванѣ. Позолоченное оружіе надобно было употреблять въ борьбѣ съ рейсъ-эффенди и другими членами Дивана. Возмущеніе противъ великаго визиря и капитана-паши могло бы одинаково повести къ важнымъ послѣдствіямъ; во всякомъ случаѣ, надобно было бы постараться произвести такое возмущеніе, чтобъ разстроить планъ Порты; посредствомъ подкуповъ дѣло не будетъ невозможнымъ. Что касается нашихъ соглашеній для сопротивленія австрійскимъ видамъ, то я думаю, что, пока не возгорится война между Россіею и Портою, нечего бояться съ ихъ стороны; но какъ скоро война будетъ объявлена, то Россія не найдетъ ли нужнымъ, чтобъ я сообщилъ Портѣ слѣдующее: я знаю навѣрное, что Вѣнскій Дворъ очень желаетъ схватить у нея еще кусокъ Валахіи и Молдавіи, подъ предлогомъ старыхъ претензій, и, чтобъ заставить ее проглотить эту пилюлю, онъ выставитъ ей на видъ значительный корпусъ войскъ, готовый летѣть ей на помощь противъ Россіи, равно какъ и предполагаемый кредитъ свой при Петербургскомъ Дворѣ, вслѣдствіе котораго, при посредничествѣ Австріи, Порта можетъ заключить выгодный миръ съ Россіею. Я не могу не дать Портѣ совѣта не позволить себя убаюкивать этими медоточивыми предложеніями Двора, который старается только обмануть ее для удовлетворенія своего непомѣрнаго аппетита къ новымъ завоеваніямъ. Я могу прибавить къ этимъ внушеніямъ предложеніе гарантіи всѣхъ владѣній, которыя останутся за нею при заключеніи мира, увѣряя, что могу обѣщать такую же гарантію и отъ Россіи. Другое средство разстроить австрійскіе планы состоитъ въ томъ, что какъ скоро Австрія сосредоточитъ войска на границахъ,—Россія и я сдѣлаемъ общій запросъ Вѣнскому Двору о назначеніи этого войска".

Панинъ былъ очень радъ гарантировать вмѣстѣ съ Пруссіею владѣнія Порты, и просилъ короля, чтобъ тотъ, для предотвращенія войны, сдѣлалъ немедленно внушенія Портѣ насчетъ австрійскихъ замысловъ. Фридрихъ отвѣчалъ, что согласенъ, но если это причинитъ ему какія-нибудь непріятности, то Россія не должна оставлять его одинокимъ, но должна немедленно повести дѣла сообща съ нимъ. Въ концѣ ноября Фридрихъ далъ знать, что внушенія его въ Константинополѣ не имѣютъ успѣха; что Россіи останется прибѣгнуть къ подкупамъ, истратить на нихъ 100,000 червонныхъ и, на всякій случай, приготовиться къ войнѣ.

А князь Димитр. Мих. Голицынъ въ самомъ началѣ года писалъ Панину слѣдующее: Баронъ фанъ-Свитенъ долженъ былъ узнать мнѣніе Прусскаго короля насчетъ занятія Русскими Перекопи. „Я нахожу, что это событіе можетъ перемѣшать карты между Россіею и Портою", отвѣчалъ король и продолжалъ: „въ этомъ случаѣ я не вижу, что мѣшаетъ вашему Двору воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами для распространенія своихъ владѣній со стороны Турціи; бояться нечего отъ сосѣда, который еще не имѣлъ времени поправиться послѣ недавней войны и который находится въ затрудненіи со стороны Персіи". Фанъ-Свитенъ безъ церемоніи спросилъ, какъ же его Прусское величество намѣренъ въ такомъ случаѣ увеличить собственныя владѣнія, и Фридрихъ отвѣчалъ, что у него есть также планъ округленія своихъ владѣній насчетъ Данцига, герцогства Мекленбургскаго и Помераніи". Голицынъ оканчивалъ свое донесеніе словами: „Такая почти невѣроятная откровенность вполнѣ заподозрила бы это извѣстіе въ моихъ глазахъ, если-бъ я не могъ поручиться за совершенную достовѣрность источника". Въ концѣ мая князь Голицынъ сообщилъ другое любопытное извѣстіе, что французскій посланникъ въ Вѣнѣ, извѣстнѣй намъ Бретейль, подалъ Кауницу мемуаръ, въ которомъ Французское правительство энергически доказывало необходимость для дружественныхъ Турціи Дворовъ отвращать послѣднюю отъ возобновленія войны съ Россіею, ибо эта война нанесетъ Портѣ новые удары и нарушитъ чрезъ это равновѣсіе Европы. По мнѣнію Голицына, такое мирное настроеніе Французскаго Двора происходило, съ одной стороны, отъ убѣжденія, что Турція теперь не въ состояніи бороться съ Россіею, а съ другой — изъ опасенія, чтобъ Вѣнскій Дворъ не воспользовался благопріятными обстоятельствами, чтобъ поживиться насчетъ Порты въ свою очередь.

Князь Барятинскій изъ Парижа писалъ 6-го января, что въ Версали голландскій посолъ показывалъ ему выписку изъ константинопольскаго письма, гдѣ сказано, что тамъ много толкуютъ о войнѣ съ Россіею и догадываются, что Порту побуждаетъ къ разрыву съ Россіею Вѣнскій Дворъ, обѣщая склонить Бурбонскіе Дворы къ тому, чтобъ русскій флотъ не пропускать болѣе въ Архипелагъ, за что требуетъ для себя часть Молдавіи и Валахіи. Вѣсть эта быстро разнеслась по дипломатическому корпусу, и одинъ изъ членовъ его передавалъ свой разговоръ съ графомъ Верженемъ, который сказалъ ему именно такими словами: „Я не могу надивиться и не понимаю, какъ Порта могла такъ скоро позабыть свой стыдъ и несчастіе, и какъ она не предвидитъ, что вовлекаетъ себя въ погибель. Если она не намѣрена была исполнять трактатъ,

то, по крайней мѣрѣ, должна была бы тотчасъ по заключеніи мира дѣлать приготовленія къ войнѣ; но она все это время ничего не дѣлала". По мнѣнію кн. Барятинскаго, Верженъ не могъ подущать Порту къ новой войнѣ, во-первыхъ, потому, что онъ миролюбивъ; во-вторыхъ, всѣмъ извѣстно, что и послѣдняя война воспослѣдовала противъ его желанія, и что онъ предсказалъ все то, что случилось съ Турками; въ-третьихъ, политическія причины должны отводить отъ этого Францію: если Порта, какъ предполагается, опять будетъ побѣждена Россіею, то Австрійскій Домъ чрезъ это очень усилится, а это противно интересамъ Франціи. На случай войны, въ Версали и Парижѣ уже ходили слухи, будто императоръ Іосифъ предлагалъ матери соединиться съ Россіею противъ Порты, но Марія-Терезія и Кауницъ на это не согласны. Толковали, что если Вѣнскій Дворъ соединится съ Россіею, то въ двѣ кампаніи Турки будутъ побѣждены; Вѣнскій Дворъ возьметъ Бѣлградъ и Валахію, и получитъ свободный ходъ по Дунаю въ Черное море; Россія возьметъ Очаковъ, Бендеры и Крымъ; Прусскому королю за то, что не будетъ дѣлать препятствій, Россія уступитъ (?) Курляндію, а Вѣнскій Дворъ дастъ часть Силезіи.

Въ мартѣ Барятинскій видѣлся съ Морепа, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и просилъ его сказать искренне, по дружбѣ, извѣстно ли ему, въ какихъ расположеніяхъ находится теперь Порта. Морепа отвѣчалъ: „Я думаю, что Турки сдѣлаютъ дурачество и опять начнутъ съ вами войну; но я скажу вамъ по совѣсти, что Франція не приводитъ Порту къ войнѣ; мы не думаемъ, чтобы истребленіе Порты было для насъ полезно; ибо мы предполагаемъ, что въ настоящемъ состояніи Порты ей съ вами воевать невыгодно; будьте въ томъ увѣрены, что мы не стараемся удаляться отъ васъ, и думаемъ, что въ сближеніи была бы обоюдная польза, особенно въ отношеніи къ торговлѣ". Въ апрѣлѣ надежный человѣкъ увѣдомилъ Барятинскаго, что въ королевскомъ совѣтѣ недавно читанъ былъ меморіалъ такого содержанія: критическое положеніе Порты таково, что какъ бы ни стали дѣйствовать Россія и Австрія, согласно или нѣтъ, новая война можетъ только приготовить паденіе Турціи въ Европѣ. Если Вѣнскій Дворъ внушитъ или Россіи, или Портѣ твердо держаться своихъ требованій, то онъ достигнетъ цѣли своего честолюбія: имѣя свободныя руки дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, онъ воспользуется истощеніемъ Турціи для полученія отъ нея извѣстныхъ провинцій, или, въ случаѣ отказа, завоюетъ ихъ. Польша предана Франціи и стала бы дѣйствовать непремѣнно согласно съ ея видами; но это государство истощено внутреннею анархіею и не можетъ свободно располагать своими силами. Морскія державы, Англія и Голландія, имѣютъ наравнѣ съ Франціею сильныя побужденія препятствовать паденію Оттоманской имперіи въ Европѣ; но теперь не время входить съ ними въ сношенія по этому предмету. Франція имѣетъ обязательство съ Австріею по Версальскому договору; но было бы странно обращать вниманіе на эти обязательства въ виду такого важнаго для Франціи интереса, какъ сохраненіе Турціи въ Европѣ. По моему мнѣнію, надобно войти въ прямыя сношенія съ Вѣнскимъ Дворомъ, объявить ему, что король желаетъ сохраненія мира между Россіею и Турціею и сохраненія цѣлости послѣдней". Барятинскій узналъ, что меморіалъ поданъ былъ Верженемъ, ибо изъ Константинополя получено донесеніе, что австрійскій интернунцій старается привести Порту къ разрыву съ Россіею, внушая, что его Дворъ объявитъ себя въ пользу Порты, почему и собрано большое войско въ Венгріи. Потомъ Барятинскому сообщили новыя подробности меморіала Верженя: въ немъ говорилось, что какія бы пріобрѣтенія ни сдѣлалъ Вѣнскій Дворъ въ войнѣ съ Портою, они не могутъ идти въ сравненіе съ выгодами, какія можетъ получить Россія, ибо страны, которыми она овладѣетъ, обитаемы большею частію Греками (т.-е. Православными) и по единовѣрію естественно будутъ ей преданы. Барятинскаго извѣстили также, что къ французскому повѣренному въ дѣлахъ при Портѣ отправленъ курьеръ съ приказаніемъ стараться удерживать Турцію отъ войны; Англіи и Голландіи предложено, чтобъ и онѣ, съ своей стороны, старались о томъ же, ибо это нужно и для ихъ левантской торговли.

Управлявшій посольскими дѣлами въ Стокгольмѣ (въ отсутствіе Симолина), Рикманъ далъ знать въ февралѣ, что весною король поѣдетъ въ Финляндію и оттуда въ Петербургъ. Сенаторъ, графъ Белке спрашивалъ Рикмана, проведетъ ли императрица лѣто въ Петербургѣ. Узнавъ объ этомъ, Екатерина написала собственноручно вице-консулу Остерману: „Напишите Рикману, что я проведу весну и лѣто въ Смоленскѣ". Несмотря на то, что Рикманъ распустилъ вездѣ слухи о смоленскомъ путешествіи императрицы, сказалъ объ этомъ и самому королю, который былъ очень смущенъ такимъ непріятнымъ извѣстіемъ, 12 мая Рикманъ снова донесъ, что поѣздка короля въ Петербургъ—дѣло рѣшенное; когда королю напоминали о поѣздкѣ Екатерины въ Смоленскъ, то онъ отвѣчалъ, что это слухъ ложный, потому что шведскій посланникъ при Петербургскомъ Дворѣ ничего объ этомъ не пишетъ, да и Рикманъ сказалъ ему, что знаетъ о поѣздкѣ только изъ частныхъ писемъ. Рикману передали и причину, заставлявшую Густава ѣхать въ Петербургъ: недовольный Франціею, онъ хотѣлъ заручиться другими средствами; и 19-го мая Рикманъ писалъ къ Панину, что управляющій иностранными дѣлами, сенаторъ графъ Шеферъ, объявилъ ему оффиціально, что шведскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Нолкенъ, увѣдомилъ о намѣреніи императрицы оставаться все лѣто въ Петербургѣ, и что король, не предвидя никакихъ затрудненій въ удовлетвореніи неугасаемой жажды видѣться и познакомиться лично съ ея император-

скимъ величествомъ, рѣшился ѣхать въ Петербургъ въ началѣ будущаго іюня; остановится онъ въ домѣ шведскаго посланника и будетъ соблюдать строжайшее инкогнито. Рикманъ поблагодарилъ графа Шефера за такую дружескую откровенность и увѣрилъ его, что королевское посѣщеніе будетъ пріятно и драгоцѣнно ея императорскому величеству. Возвратившійся въ концѣ мая Симолинъ доносилъ, что насчетъ королевскаго путешествія въ Петербургъ мнѣнія различны, но всѣ согласны относительно охлажденія между Швеціею и Франціею, которая отказывается возобновить субсидный договоръ и оплачивать издержки, которыя угодно дѣлать Шведскому королю. Густавъ прямо говорилъ, что онъ хочетъ лично переговорить съ императрицею, и надѣется дойти до соглашенія съ нею, чтобъ заручиться ея дружбою и утвердить спокойствіе на Сѣверѣ. Шляпы и колпаки желаютъ одинаково, чтобъ намѣренія королевскія не удались въ Петербургѣ; они боятся, что удача поѣздки дастъ ему духъ перейти границы и осуществить свой планъ полнаго захвата власти, причемъ народу не будетъ пощады въ налогахъ для удовлетворенія пустыхъ издержекъ королевскихъ.

Отъ 21-го іюля Симолинъ писалъ, что заявленія Густава III объ успѣхѣ своего путешествія въ Россію не позволяютъ Шведамъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ уладилъ дѣло съ императрицею, и взаимное довѣріе между обоими Дворами возстановлено навсегда. Въ самый день возвращенія, вечеромъ, король сказалъ сенатору, графу Сверину, что ему удалось войти въ полное соглашеніе съ императрицею; что они будутъ поддерживать другъ друга, что бы ни случилось. Сенатору, графу Генкину, король, между прочимъ, сказалъ, какъ ему стыдно, что прежде имѣлъ объ императрицѣ и Петебургскомъ Дворѣ совершенно другое представленіе, чѣмъ теперь, когда познакомился съ ними на мѣстѣ; что онъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ и что онъ будетъ оказывать императрицѣ всѣ зависящія отъ него услуги. Другой особѣ онъ сказалъ: „Теперь у меня есть кой-какой кредитъ въ Петербургѣ". Сенаторъ, баронъ Спарре сказалъ Симолину: „Вы сдѣлали короля совершенно Русскимъ; вы его избаловали, и мы вамъ его отошлемъ назадъ". Вице-канцлеръ сообщилъ Симолину всѣ разговоры, которые имѣлъ Густавъ съ Екатериною. „Императрица", писалъ Остерманъ, „увѣрила его, какъ всегда было ей желательно благосостояніе его Дома: какъ она теперь довольна, что увидалась съ государемъ, столь близкимъ ей по крови; императрица прибавила, что она не менѣе его желаетъ мира и тѣсной дружбы между обоими народами. Король, повторяя тѣ же увѣренія и желая коснуться шведской революціи 1772 г., сказалъ, что, каковы бы ни были добрыя намѣренія государя или государства, бываютъ такія обстоятельства и случаи, когда они видятъ себя принужденными рѣшаться на поступки, могущіе не быть пріятными; но онъ увѣряетъ ея величество, что онъ не имѣлъ никогда дурного намѣренія противъ нея и ея имперіи, и желалъ, напротивъ, поддерживать не только доброе согласіе между обоими государствами, но еще укрѣпить связь между ними, и что у него нѣтъ никакого обязательства, которое бы воспрепятствовало этому единенію. Императрица отвѣчала, что не скроетъ, какъ она была озадачена событіемъ, на которое онъ указываетъ; она желаетъ, чтобъ его величество былъ имъ удовлетворенъ, чтобъ его подданные были счастливы и довольны. Что же касается до нея, то пятнадцатилѣтнее правленіе показало, какъ она любитъ миръ и спокойствіе; но въ то же время обнаружилось не менѣе, что она умѣетъ защищаться, когда на нее нападутъ: относительно же болѣе тѣсной связи между Россіею и Швеціею, то, по ея мнѣнію, объ этомъ должны вести переговоры министры". „Хотя король", писалъ Остерманъ, „нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету, однако онъ не получилъ отъ императрицы никакого дальнѣйшаго изъясненія, изъ чего вы можете заключить, что нѣтъ ничего рѣшеннаго относительно тѣснаго союза; еще менѣе король можетъ думать, что получилъ какое-нибудь одобреніе произведенной имъ перемѣнѣ. Поэтому вамъ будетъ легко разсѣять на этотъ счетъ опасенія благонамѣренныхъ и уничтожить всѣ слухи, причиненные путешествіемъ короля. Вы имѣете право сказать вашимъ друзьямъ, что ея и. в—ство такъ постоянна въ своихъ принципахъ и такъ умѣетъ различать взаимные комплименты государей отъ интересовъ государства, что не позволитъ себя обмануть насчетъ справедливости и значенія своихъ обязательствъ, исполненія которыхъ она будетъ постоянно желать".

Но Симолинъ писалъ, что какъ слова императрицы ни были неопредѣленны, король объясняетъ ихъ рѣшительно въ свою пользу. Онъ съ своими приверженцами только и толкуетъ о пріемѣ, какой былъ ему сдѣланъ, объ изъявленіяхъ дружбы, вниманія, довѣрія, о подаркахъ, которые оцѣниваютъ въ 370,000 рублей; выставляются также торжественныя обѣщанія императрицы, что она не желаетъ ничего болѣе, какъ быть въ мирѣ и тѣсной дружбѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, и если бы обнаружились внутреннія волненія въ Швеціи, она, конечно, въ нихъ не вмѣшается; даютъ знать, что король пріобрѣлъ личное вліяніе на императрицу и на многихъ другихъ, самыхъ значительныхъ людей. Заключаютъ изъ этого, что цѣль путешествія вполнѣ достигнута; что Швеція можетъ быть спокойна,—ей бояться нечего, если только она сама не начнетъ войны; что переговоры о болѣе тѣсномъ союзѣ будутъ происходить между министрами съ большимъ успѣхомъ, какъ только король признаетъ для себя выгоднымъ начать ихъ.

Въ концѣ сентября, когда возвратился въ Стокгольмъ вліятельный сенаторъ, баронъ Функъ, Симолинъ объявилъ ему о неизмѣнности взгляда императрицы на Шведскія дѣла, на который посѣ-

щеніе королемъ Петербурга не произвело ни малѣйшаго вліянія. Симолинъ просилъ Функа сказать ему, какъ, по его мнѣнію, можно было поправить сдѣланное на сеймѣ 1772 года и возвратить народу его прежнюю вольность, отнятую самымъ оскорбительнымъ насиліемъ. Симолинъ хотѣлъ бы узнать отъ него мнѣнія и расположенія колпаковъ и шляпъ относительно этого предмета, какія мѣры они думаютъ приготовить и принять для облегченія успѣха предпріятія, и какія средства Русскій Дворъ и его союзники должны употребить для содѣйствія общему стремленію Шведскаго народа. Функъ обѣщалъ подумать объ этомъ и посовѣтоваться съ друзьями, а тутъ сказалъ, что для успѣха предпріятія необходимо, чтобъ приняли въ немъ участіе не одни колпаки, но и шляпы; что неудовольствіе народа и желаніе перемѣны въ настоящей конституціи всеобщее, но что Шведскій народъ отличается непослѣдовательностію, легкомысліемъ и робостью, легко увлекается и легко падаетъ духомъ. Но, промедливши полтора мѣсяца, Функъ отказался входить въ объясненіе по этому предмету; а сенаторъ Ферзенъ рѣшительно объявилъ датскому посланнику, что конституція 1720 года никуда не годилась; что во время ея господства все рѣшалось по корыстнымъ побужденіямъ или по капризу отдѣльныхъ лицъ, почему переворотъ, произведенный въ 1772 году, и не встрѣтилъ сопротивленія въ народѣ; что если говорить о деспотизмѣ, то все равно, „терпимъ мы ли отъ деспотизма одного человѣка, или отъ деспотизма нѣсколькихъ лицъ, или отъ деспотизма толпы; что все же деспотизмъ одного человѣка предпочтительнѣе деспотизма многихъ; что въ цѣломъ Шведскомъ народѣ нѣтъ никого, кто бы собственно желалъ возвратиться къ конституціи 1720 года и сталъ бы этому содѣйствовать“. Но одинъ изъ видныхъ благонамѣренныхъ, маіоръ Пайкуль, увѣрялъ, что народное неудовольствіе очень велико и увеличивается со-дня-на-день, и что его деревенскіе друзья попрежнему готовы содѣйствовать перевороту при первомъ благопріятномъ случаѣ; но необходимо привлечь на свою сторону Ферзена и шляпы; если Ферзенъ выразилъ отвращеніе отъ конституціи 1720 года и хвалилъ англійскую конституцію, то его легко удовлетворить въ этомъ отношеніи, приблизивъ новую форму правленія къ англійской конституціи. Но Пайкуль затруднялся тѣмъ, что послѣ отказа Функа некого выбрать вождемъ въ партіи колпаковъ.

1778.

Въ началѣ года (н. с.), Фридрихъ II говорилъ кн. Долгорукому, что смерть курфюрста Баварскаго можетъ имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія. „Я“, говорилъ король, „желаю, чтобъ все уладилось мирно; но дѣла еще страшно запутаны,—это настоящій хаосъ, и нельзя опредѣлить, что отсюда выйдетъ. Курфюрстъ-палатинъ въ своей прокламаціи говоритъ о договорѣ съ покойнымъ курфюрстомъ 1777 года; но содержаніе этого договора никому неизвѣстно. Франція не можетъ сильно вмѣшиваться во все это, потому что у нея несомнѣнно будетъ война съ Англіею; я убѣжденъ, что существуетъ договоръ между Версальскимъ Дворомъ и Америкою. Саксонія потребовала моей помощи для пріобрѣтенія того, что вдовствующая курфюрстина уступила своему сыну, и я отвѣчалъ, что она можетъ положиться на меня, только бы не спѣшила. Вѣрно, что Вѣнскій Дворъ старается возбудить новую войну между Россіею и Портою.“

Въ депешѣ къ Сольмсу отъ 4-го января король писалъ о страшныхъ вооруженіяхъ Порты, и настоятельно совѣтовалъ Россіи поскорѣе собрать на Украйнѣ со стороны Бендеръ силы, достаточныя для отраженія Турокъ. „Смерть Баварскаго курфюрста“, продолжалъ король, „особенно затруднитъ Вѣнскій Дворъ и, пожалуй, остановитъ его виды на увеличеніе своихъ владѣній со стороны Венгріи (т. е. насчетъ Турціи),—виды, которые до сихъ поръ совершенно поглощали его вниманіе. Вы знаете, какъ всегда баварское наслѣдство возбуждало его аппетитъ, и какіе проекты онъ составлялъ для его полученія. Такимъ образомъ, теперь онъ очень затрудненъ: какое изъ двухъ пріобрѣтеній предпочесть. Этотъ Дворъ распространитъ слишкомъ далеко свои завоеванія, если другіе не построятъ противъ нихъ достаточно крѣпкихъ плотинъ. Даже Франція, его союзница, не будетъ знать, какую взять сторону, и я знаю, что она не будетъ смотрѣть благосклонно, если Австрія захватитъ много изъ баварскаго наслѣдства“. Въ слѣдующей депешѣ обнаружилось, почему Прусскій король такъ настаивалъ на сильныя мѣры противъ Турціи со стороны Россіи: если миръ будетъ разорванъ и Россія ограничится оборонительною войною, то Порта, безъ сомнѣнія, захочетъ пройти чрезъ Польшу со 150,000 войска для нападенія на Кіевъ, а этимъ воспользуются недовольные Поляки и снова поднимутся, что́, разумѣется, будетъ очень непріятно Прусскому королю при настоящихъ обстоятельствахъ. Поэтому Фридрихъ уговаривалъ Русскій Дворъ склонить Польшу къ союзу съ Россіею противъ Турокъ.

Увѣдомляя (26-го января) о занятіи Австрійцами Баварскихъ земель гораздо далѣе предѣла, обозначеннаго въ договорѣ съ курфюрстомъ, Фридрихъ писалъ: „Вѣнскій Дворъ этимъ не ограничится: онъ отдалъ фьефы курфюрсту-палатину лично, безъ передачи правъ герцогу Цвейбрикенскому. Итакъ, если князья имперіи будутъ такъ слабы, что пройдутъ молчаніемъ этотъ поступокъ Вѣнскаго Двора, то вотъ какія будутъ послѣдствія. Прежде всего, этотъ Дворъ присвоитъ себѣ право дѣлить по своему капризу всѣ наслѣдства князей; онъ станетъ захватывать одну область за другою; онъ присвоитъ себѣ деспотическую власть и кончитъ тѣмъ, что подчинитъ себѣ германскій корпусъ. Но невозможно содѣйствовать такимъ насильственнымъ и непомѣрнымъ претензіямъ, и не

остается другого средства, какъ остановить зло въ самомъ источникѣ. При этомъ кризисѣ Германскихъ дѣлъ я бы пламенно желалъ, чтобъ Россія уладилась съ Портою, и я могъ бы требовать ея помощи, поставить ее посредницею въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ спасеніе всего германскаго корпуса. Дѣйствительно, эта самая блестящая роль для Русской императрицы. и думаю, что ея величество не будетъ къ ней нечувствительна, а будетъ мнѣ немножко благодарна за поданный ей случай".

Отъ 22-го марта Фридрихъ писалъ, что война кажется ему теперь неизбѣжною, и онъ употребитъ всѣ усилія собрать вовремя войска для отраженія наступающаго непріятеля. Но въ этой войнѣ Фридриху была нужна русская помощь, и король писалъ 10-го апрѣля: „Пока Вѣнскій Дворъ будетъ видѣть, что Россія занята Турецкими дѣлами,—до тѣхъ поръ онъ не обратитъ большого вниманія на ея представленія въ пользу князей германскихъ, не понизитъ своего высокомѣрія, не покинетъ видовъ на увеличеніе своихъ владѣній. Вся австрійская армія собрана теперь въ Богеміи и Моравіи. Я собираю свою, которая, несмотря на всю быстроту, мною употребляемую, не будетъ собрана ранѣе 1-го или 2-го мая. Австрійцы не могутъ рѣшиться на удовлетвореніе нѣмецкимъ государствамъ, оскорбленнымъ ихъ хищничествомъ, а моя честь не позволитъ мнѣ терпѣть подобныхъ насилій; такимъ образомъ, дѣла не могутъ быть рѣшены путемъ переговоровъ и должны необходимо рѣшиться оружіемъ. Въ этомъ кризисѣ я могу разсчитывать на помощь Верхней и Нижней Саксоніи, Гессенъ-Касселя, Байрейта и Аншпаха; но духовные курфюрсты и другіе епископы вмѣстѣ съ курфюрстомъ-палатиномъ возьмутъ сторону императора. Баварскіе чины единодушно протестовали противъ Австріи. Но чтобъ заставить благонамѣренные чины сдѣлать формальную декларацію,—нужно выиграть сраженіе. Вы видите, что обстоятельства приближаются къ тѣмъ, какія были передъ Тридцатилѣтнею войною, и государства, которыя вошли въ соглашеніе съ Франціею, тѣ же самыя, которыя могутъ теперь соединиться съ Россіею. Но я долженъ повторить прежде сказанное: выигранное сраженіе должно заставить ихъ рѣшиться на это. Между тѣмъ я принялъ мѣры, чтобъ не бояться въ настоящую минуту попытокъ моихъ враговъ. Недостатокъ въ фуражѣ воспрепятствуетъ имъ, равно какъ и мнѣ, предпринять что-нибудь до начала іюня. Если въ Россіи думаютъ ограничиться одними представленіями Австрійцамъ, то это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Хотя мнѣ кажется, что я могу приложить случай, въ какомъ теперь нахожусь, къ указанному въ союзномъ договорѣ относительно требованія помощи у союзника, однако я оставляю Русскому Двору полную свободу рѣшить, выгодно ли ему позволить притѣснять нѣмецкихъ князей и отвернуться отъ столь важной войны, какъ эта, не принявши въ ней ни малѣйшаго участія".

Сольмсъ далъ знать королю о требованіи Панина, чтобъ имперскіе чины сообща обратились къ Россіи и Франціи съ просьбою о помощи. Фридрихъ отвѣчалъ (20-го апрѣля), что это невозможно, ибо на сторонѣ Австріи духовные курфюрсты, епископы и капитулы; извѣстно изъ исторіи, что при всякомъ важномъ рѣшеніи Германія дѣлилась: такъ дѣлилась она и въ Тридцатилѣтнюю войну на союзниковъ императора и шведскихъ.— Средства, которыя можно ожидать отъ имперіи, только формальныя; они не принесутъ никакой существенной пользы, ибо у князей нѣтъ ни мужества, ни достаточныхъ силъ, чтобъ дать значеніе своимъ голосамъ и своимъ объявленіямъ. „Главная тяжесть падетъ всегда на одного меня. Если я покину это дѣло, если я пожертвую имъ неправедному честолюбію Вѣнскаго Двора и деспотизму императора, то равновѣсіе Германіи и всей Европы потеряно; никакая сила послѣ не будетъ въ состояніи остановить потока. И потому я всегда надѣюсь, что Русская императрица, по дружбѣ ко мнѣ и по своей мудрости, не покинетъ меня въ этомъ критическомъ положеніи. Она не будетъ имѣть нужды въ большихъ усиліяхъ для поданія мнѣ помощи: декларація нѣсколько сильная и серьезная демонстрація со стороны Галиціи могли бы, вначалѣ, оказать мнѣ большія услуги".

Въ самомъ концѣ іюля къ Фридриху явился извѣстный Тугутъ, подъ именемъ совѣтника русскаго посольства, съ паспортомъ, подписаннымъ княземъ Голицынымъ. Тугутъ привезъ обѣщаніе Вѣнскаго Двора отказаться отъ своихъ претензій на Баварію, если Прусскій король откажется отъ своихъ претензій на маркграфства Байрейтъ и Аншпахъ. Фридрихъ отвергъ предложеніе, говоря, что претензіи австрійскія ни на чемъ не основаны, тогда какъ его права на маркграфства неоспоримы. Онъ немедленно отправилъ депешу въ Петербургъ съ обычными внушеніями, что, если не поспѣшить отраженіемъ австрійскаго удара,—Вѣнскій Дворъ возгордится такъ, что не будетъ уже полагать границъ своему хищничеству; что Дворъ этотъ имѣетъ непремѣнное намѣреніе овладѣть Босніею, венеціанскою частію Веронской области, наконецъ Молдавіею и Валахіею. „Я употреблю всѣ мои усилія", писалъ король, „чтобъ заставить германскихъ князей обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи; надѣюсь склонить къ этому — округа Верхне-и Нижне-Саксонскій, Вестфальскій, также князей, главнымъ образомъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, по образцу Смалькальденскаго союза во время Тридцатилѣтней войны. Но если бы между тѣмъ Русская императрица захотѣла сдѣлать что-нибудь посущественнѣе, пополезнѣе для насъ, то она бы приказала напасть на Австрійскія владѣнія въ Польшѣ. Она можетъ быть увѣрена, что жители этихъ областей примутъ ея сторону; тамъ только три тысячи австрійскаго войска, и Россіи стоитъ только сказать слово, чтобъ возбудить мятежъ и овладѣть Галиціею и Лодомиріею, потерявши много-много 200 человѣкъ; отсюда стоитъ только послать

маленькій отрядъ легкихъ войскъ въ Венгрію, къ рудному городу Кремницу, какъ Венгерцы подимутъ страшный вопль. Кромѣ того, въ Венгріи много Грековъ (Православныхъ Славянъ), которые примутъ сторону Россіи. Если бы Россія могла рѣшиться двинуть свои войска по крайней мѣрѣ къ концу сентября или въ началѣ октября, то ея дѣйствія будутъ имѣть важныя послѣдствія; но она встрѣтитъ гораздо больше затрудненій, если станетъ медлить".

Въ концѣ августа Сольмсъ писалъ Панину: „Если мѣстныя условія принудятъ короля къ бездѣйствію, то враги его будутъ торжествовать: такъ какъ на нихъ нельзя будетъ напасть, то имъ нечего будетъ бояться пораженія, и они удержатъ то, что захватили. У нихъ впереди еще возможность пріобрѣсти бóльшія выгоды и увеличить свои завоеванія, если короля постигнетъ болѣзнь, на которую они всегда надѣялись, и онъ будетъ не въ состояніи самъ распоряжаться военными дѣйствіями, наводя страхъ своимъ именемъ. Въ этомъ критическомъ положеніи существенная помощь Россіи становится ему необходима; и такъ какъ императрица выразила свое благопріятное рѣшеніе на этотъ счетъ, то она не можетъ оскорбиться сильно настойчивостію короля въ полученіи этой помощи какъ можно скорѣе. Есть латинская пословица: „Кто дастъ скоро, тотъ дважды дастъ" [1]). Умоляю ваше сіятельство дать силу этимъ соображеніямъ".

Въ Вѣнѣ, въ началѣ года, были очень любезны къ Россіи въ виду вопроса о баварскомъ наслѣдствѣ. Получивъ изъ Петербурга конфиденціальное изложеніе настоящихъ отношеній между Россіею и Портою и русскій ультиматумъ, отправленый въ Константинополь, Вѣнскій Дворъ отправилъ своему повѣренному въ дѣлахъ при Портѣ приказаніе внушать Портѣ отъ имени императора и императрицы-королевы о ихъ желаніи, чтобъ между Россіею и Турціею сохраненъ былъ миръ; копія съ ноты, которую повѣренный въ дѣлахъ долженъ былъ подать Портѣ по этому случаю, была переслана въ Петербургъ. Кауницъ сказалъ при этомъ Голицыну, что никто болѣе его не отдаетъ справедливости русскимъ требованіямъ и не обвиняетъ Порту въ недобросовѣстности; что ихъ величества смотрятъ на дѣло точно такъ же, и потому Петербургскій Дворъ долженъ ожидать съ ихъ стороны самаго дружескаго содѣйствія, какъ только откроется случай облегчить удовлетворительное для Россіи улаженіе спора ея съ Турціею. Нѣсколько дней спустя, Кауницъ сказалъ Голицыну: „Я надѣюсь, что у васъ будутъ довольны отвѣтомъ ихъ величествъ на конфиденціальное объясненіе. Вообще я радъ случаю сказать и повторить вамъ, что мы—добрые люди, и наши дѣла не противорѣчатъ никогда нашимъ словамъ."—„Я свидѣтель, вполнѣ убѣжденный въ этой истинѣ", сказалъ Голицынъ.—„Вы, князь,—да", отвѣчалъ Кауницъ; „но можете ли вы мнѣ отвѣчать, что люди злонамѣренные и завистливые не стараются убѣдить вашъ Дворъ въ противномъ"? Голицынъ замѣтилъ, что его Дворъ не легко поддается на всякія убѣжденія и умѣетъ отличать дружескіе поступки отъ враждебныхъ. На другой день послѣ этого разговора Голицынъ встрѣтилъ самого императора, который подошелъ къ нему и поздравилъ съ рожденіемъ великаго князя Александра Павловича. Послѣ этого, перейдя къ Турецкому дѣлу, сказалъ: „Что вы хотите съ этими животными Турками,—до сихъ поръ не было никакой возможности уговорить ихъ! Религіозный энтузіазмъ вмѣстѣ съ обычнымъ ихъ высокомѣріемъ безпрестанно увеличиваютъ ихъ упрямство. Ультиматумъ вашего Двора написанъ такъ справедливо и такъ умѣренно, что если они его не примутъ, то навлекутъ на себя порицаніе всѣхъ державъ, и я думаю, что они не захотятъ этимъ рискнуть. Я вамъ скажу еще одно слово о моей собственной политикѣ: я не могу отказаться отъ принципа, что постоянные и взаимные интересы, соединяющіе двѣ имперіи и коренящіеся большею частію на мѣстныхъ условіяхъ, не должны долго подвергаться временному нарушенію. Таковы интересы, существующіе между Россіею и Австріею; на различныя случайныя обстоятельства, которыя, повидимому, ослабили на нѣкоторое время связь между ними, надобно смотрѣть какъ на скоро-преходящія бури, за которыми должна послѣдовать прежняя тишина".

—„Справедливость этого взгляда бросается въ глаза, государь", отвѣчалъ Голицынъ; „и я убѣжденъ, что мой Дворъ смотритъ на дѣло точно такъ же; но, съ позволенія в. в—ства, я дамъ ему знать о той энергіи, съ какою вамъ угодно было изъясниться на этотъ счетъ".—„Вы меня обяжете", сказалъ Іосифъ, „если при всякомъ случаѣ будете извѣщать объ искренней дружбѣ, которую я питаю къ вашей великой императрицѣ, и какъ я желаю имѣть случай доказать ее лучше, чѣмъ можно было прежде".—Іосифу, Маріи-Терезіи, Кауницу, при ихъ разговорахъ съ русскимъ посломъ, постоянно видѣлся Прусскій король. Императрица-королева, увѣряя Голицына, по поводу рожденія великаго князя, въ своемъ добромъ расположеніи къ Екатеринѣ, не могла не прибавить: „Вы можете быть увѣрены, что тѣ, которые предполагаютъ во мнѣ другія чувства, говорятъ неправду". Кауницъ продолжалъ рѣчь императора: „Мы", говорилъ онъ въ другой разъ Голицыну, „мы не такіе люди, которые идутъ на встрѣчу другимъ; это, быть можетъ, нашъ недостатокъ; но мы понимаемъ свои интересы; и мы были бы люди очень ограниченные, если-бъ не видали, что интересы, существующіе между нашими монархіями, не должны никогда измѣняться. Я знаю, что хотѣли предположить въ насъ виды гораздо менѣе возвышенные, ограничить нашу политику мелкими завоевательными планами съ цѣлію увеличенія владѣній; но

[1]) Bis dat—qui cito dat; nil dat—qui munere tardat.

государство, подобное нашему, которое достаточно велико само по себѣ и которому позволительно чувствовать свои силы, не можетъ никогда имѣть мелочныхъ видовъ. Ничтожныя пріобрѣтенія, какія мы недавно сдѣлали отъ Порты и какія мы теперь дѣлаемъ отъ Баваріи, проистекаютъ, съ одной стороны, изъ нашихъ правъ, а съ другой—составляютъ предметъ чистаго удобства безъ всякой примѣси честолюбія и страсти къ пріобрѣтенію". Голицынъ замѣтилъ, что тонъ Кауница при этихъ разговорахъ совершенно рознился отъ прежняго, все это было сказано съ искренностію и добродушіемъ, чего прежде вовсе не замѣчалось въ сообщеніяхъ австрійскаго канцлера. Но при Вѣнскомъ Дворѣ не могли не придти къ мысли, что такую перемѣну тона въ Петербургѣ припишутъ Баварскому вопросу, и потому императоръ Іосифъ счелъ нужнымъ замѣтить Голицыну: „Мнѣ досадно", сказалъ онъ, „что вашъ Дворъ не обратился прежде къ намъ по Турецкимъ дѣламъ; наши добрыя услуги могли бы быть дѣйствительнѣе. Впрочемъ, баварская перемѣна вѣроятно внушитъ кому-нибудь мысль, что, благодаря ей, мы такъ усердно предлагаемъ вамъ свои услуги. Но я вамъ говорю, что Баварія тутъ не причемъ. Мы улаживаемся съ курфюрстомъ-палатиномъ насчетъ всего по-дружески; онъ признаетъ наши права; мы разсуждаемъ о нихъ только между собою, и Европа увидитъ, что мы не переступаемъ границу своихъ правъ".

Въ февралѣ Кауницъ сообщилъ Голицыну разныя бумаги, которыми обмѣнялись Дворы Вѣнскій и Берлинскій по поводу баварскаго наслѣдства. При этомъ Кауницъ спросилъ: прусскій посланникъ, баронъ Ридезель, сдѣлалъ ли Голицыну такое же сообщеніе, и когда тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ (это была правда), то Кауницъ началъ говорить: „Нашъ Дворъ хочетъ показать вашему неограниченное довѣріе. Я не сомнѣваюсь, что вашъ Дворъ увидитъ изъ поступковъ нашего рѣшительное желаніе не нарушать ничьихъ правъ; но мы точно такъ-же не уступимъ предъ угрожающими демонстраціями сосѣда, который завистливымъ взоромъ слѣдитъ за малѣйшимъ движеніемъ Австрійскаго Дома. Нашъ Дворъ старался, какъ только могъ, убѣдить Прусскаго короля въ своемъ правѣ на часть баварскаго наслѣдства, которая нами и взята, и мы будемъ спокойно ожидать, произведутъ ли наши доказательства благопріятное впечатлѣніе на его умъ; впрочемъ, приготовленія и движенія прусскихъ войскъ заставили и насъ обратиться къ необходимымъ предосторожностямъ, хотя императоръ и императрица ничего такъ не желаютъ какъ сохраненія мира съ королемъ, если только не нужно будетъ покупать этотъ миръ въ ущербъ очевиднымъ интересамъ и правамъ монархіи". Когда Голицынъ склонилъ рѣчь на Турцію, то Кауницъ сталъ его увѣрять, что его Дворъ не окажетъ Россіи добрыхъ услугъ только наполовину, но употребитъ всевозможныя усилія.

Въ началѣ апрѣля отношеніе Петербургскаго Двора къ Баварскому вопросу, склонность его на сторону Пруссіи—заставили Кауница перемѣнить тонъ относительно дѣлъ Турецкихъ. Онъ началъ употреблять тотъ лаконизмъ, который, по словамъ Голицына, характеризуетъ несоотвѣтствіе мыслей выраженіямъ и показываетъ, что сердце не руководитъ болѣе словами. „Будьте увѣрены", сказалъ Кауницъ, „что мы будемъ очень рады оказать услугу Русской императрицѣ и сообразоваться съ ея желаніями, поскольку обстоятельства это позволятъ". Голицынъ писалъ Панину, что онъ счелъ благоразумнымъ удовольствоваться этимъ.

Послѣ объявленія войны со стороны Пруссіи, 1-го іюля, вечеромъ, князю Голицыну доложили, что баронъ Тугутъ желаетъ имѣть съ нимъ тайное свиданіе. Посолъ былъ изумленъ со стороны неожиданнаго гостя слѣдующимъ предложеніемъ: „Императрица-королева, не будучи въ состояніи примириться съ мыслію объ ужасахъ войны, отважилась на послѣднюю попытку къ примиренію съ Прусскимъ королемъ; вслѣдствіе этого я получилъ приказаніе ея величества нынче же ночью отправиться въ главную Прусскую квартиру и предложить ему соглашеніе; но для большаго прикрытія этого дѣла императрица приказала мнѣ просить у васъ паспорта на имя кого-нибудь изъ русскихъ чиновниковъ и письма къ королю". Князь Голицынъ отвѣчалъ, что съ радостію исполнитъ желаніе императрицы, и тутъ же написалъ письмо къ Фридриху II и паспортъ Тугуту на имя Росдорфа, совѣтника русскаго посольства.

Когда посольство Тугута не повело ни къ какимъ результатамъ, въ половинѣ августа Кауницъ обратился къ Голицыну съ внушеніемъ, не согласится ли Русская императрица по своему великодушію и дружбѣ, которую императоръ и императрица-королева всегда старались заслужить, повліять на Прусскаго короля, сломить его упорство при настоящемъ столкновеніи интересовъ обоихъ Дворовъ и уничтожить въ самомъ началѣ пагубную войну, угрожающую Германіи. Передавая объ этомъ Панину, Голицынъ писалъ, что всѣ образованные люди въ Вѣнѣ указываютъ на Русскую императрицу, какъ рѣшительницу настоящей войны и спасительницу Австрійской монархіи.

10-го октября кн. Голицынъ сообщилъ Кауницу представленіе своего Двора, заключавшее приглашеніе императрицѣ-королевѣ прекратить несправедливую войну, которой никто не останется равнодушнымъ зрителемъ. Кауницъ былъ пораженъ этимъ представленіемъ, что выразилось въ его наружности и въ необыкновенномъ волненіи духа. Онъ началъ говорить, что не понимаетъ, какимъ образомъ послѣдніе, столь умѣренные поступки его Двора могли подвергнуться такой участи. „Я бы", продолжалъ канцлеръ, „ничего не возразилъ, если-бъ Русская императрица громко объявила себя въ пользу Прусскаго короля, своего союзника, въ томъ случаѣ, когда бы Австрійскій Домъ объявилъ ему войну; но въ то время, когда

императрица-королева не перестаетъ искать примиренія, когда она добровольно лишаетъ себя всѣхъ пріобрѣтенныхъ выгодъ, когда она конфиденціально сообщаетъ Русской императрицѣ о своемъ нетерпѣніи видѣть возстановленіе мира:—въ это время никогда не могла она ожидать, что получитъ приговоръ своего униженія, подписанный тою самою государынею, которая постоянно отличалась справедливостію и великодушіемъ, равно какъ и дружбою къ ихъ императорскимъ величествамъ". — „Если-бы вы", отвѣчалъ Голицынъ, „хладнокровно пораздумали объ обстоятельствахъ дѣла, то нашли бы его вполнѣ естественнымъ и послѣдовательнымъ. Мы раздѣляемъ общее мнѣніе о неосновательности претензій Вѣнскаго Двора на баварское наслѣдство. Принявъ во вниманіе это мнѣніе и наши союзническія обязательства къ королю Прусскому, никакъ нельзя удивляться принятому нами рѣшенію; притомъ же нашъ Дворъ предлагаетъ добрыя услуги для полюбовнаго улаженія дѣла".— „Ихъ и. в.—ства", возразилъ Кауницъ, „обѣщали себѣ успѣхъ отъ вмѣшательства Русской императрицы въ настоящій споръ и потому формально просили ея посредничества; но теперь они должны бояться совершенно противнаго: увѣренность въ такой сильной помощи, какъ помощь России, непремѣнно увеличитъ претензіи Прусскаго короля, сдѣлаетъ его еще болѣе непреклоннымъ,—такимъ образомъ нашему Двору остается выбирать между двумя крайностями: или совершенно пожертвовать своимъ достоинствомъ, или отважиться на кровопролитную и, быть можетъ, всеобщую войну".— „По моему мнѣнію", сказалъ Голицынъ, „достоинство Двора не потерпитъ, если онъ откажется отъ несправедливыхъ требованій; императрица-королева пріобрѣла бы безконечную славу, если-бъ даже отказалась отъ неоспоримыхъ правъ для предотвращенія кровопролитія".—„Я васъ понимаю, князь", отвѣчалъ Кауницъ, „но вы меня не понимаете: мы согласны отдать Баварію и заключить миръ, но только бы къ намъ не приступали съ ножемъ къ горлу и чтобъ не старались, съ сердечною радостію, усиливать государя, который рано или поздно воспользуется увеличеніемъ своихъ силъ ко вреду вашей собственной имперіи".—„Я увѣренъ",сказалъ на это Голицынъ, „что мой Дворъ не требуетъ отъ вашего ничего такого, что бы могло повредить ему въ глазахъ Европы; а съ другой стороны, я предполагаю въ Прусскомъ королѣ столько проницательности и осторожности, что онъ не захочетъ воспользоваться помощію моего Двора для истребованія отъ ихъ и. в—ствъ мирныхъ условій унизительныхъ и неудобопріемлемыхъ".—„Событія это покажутъ", сказалъ Кауницъ; „предполагаю, что вашъ Дворъ приметъ наше предложеніе посредничества, насчетъ чего нѣтъ еще отвѣта изъ Петербурга". Кн. Голицынъ попросилъ его надѣяться добраго успѣха отъ этого предложенія,—и разговоръ кончился.

Отъ 29-го апрѣля кн. Барятинскій писалъ о приказаніяхъ, отправленныхъ французскимъ правительствомъ къ барону Бретейлю въ Вѣну: Бретейль долженъ былъ внушить австрійскому министерству, что поступки и предложенія Прусскаго короля разумны и справедливы; его христіаннѣйшее величество искренно желаетъ, чтобъ императоръ и императрица-королева уладили дѣло полюбовно, ибо война можетъ быть бѣдственна. и нельзя отвѣчать, чтобъ она не произвела перемѣны и въ настоящей политической системѣ. Барятинскій писалъ, что королева уже нѣсколько разъ заговаривала Людовику XVI о посылкѣ вспомогательныхъ войскъ Вѣнскому Двору; что графъ Мерси ведетъ интригу и пользуется особенно случаемъ беременности Маріи-Антуанеты: придворные медики толкуютъ какъ нужно, чтобъ королева была теперь спокойна и весела, а больше всего, чтобъ ей не противорѣчили и не препятствовали въ ея желаніяхъ. Наконецъ королева сама объяснилась съ министрами; жаловалась имъ, что они не хотятъ помочь Австріи по поводу Баварскихъ дѣлъ; министры отвѣчали, что если бы она не была ихъ королевою, то давно послано было бы 60,000 человѣкъ на Рейнъ противъ Австрійцевъ. Барятинскій писалъ также: „Императоръ въ здѣшней публикѣ теперь весьма нелюбимъ, и генералы всѣ желаютъ ему неудачи въ сей войнѣ; напротивъ же того, Прусскаго короля боготворятъ и союза съ нимъ всѣ единогласно желаютъ."

22-го сентября пошли изъ Петербурга предложенія Французскому Двору принять съ Россіею совмѣстно участіе въ мирномъ улаженіи дѣлъ по баварскому наслѣдству. Когда, 20-го октября, кн. Барятинскій объявилъ объ этомъ Верженю, тотъ отвѣчалъ: „Я увѣренъ, что король, мой государь, приметъ съ величайшимъ удовольствіемъ такую дружескую откровенность ея и. в—ства, тѣмъ болѣе-что сегодня минула недѣля, какъ отправленъ курьеръ въ Петербургъ съ подобными предложеніями короля императрицѣ." Верженъ замѣтилъ только, что репрезентація Петербургскаго Двора Вѣнскому написана рѣзко; то же замѣтилъ и король, изъявляя, впрочемъ, свое величайшее удовольствіе вслѣдствіе предложенія Русскаго Двора. Кн. Барятинскій писалъ Панину: „Я уповаю совершенно, что здѣшнее министерство будетъ искренно стараться о примиреніи ихъ Дома, ибо война съ Англіею, Американскія дѣла, разстроенные финансы и худое состояніе сухопутныхъ войскъ довольно на занятіе всей ихъ аттенціи."

Дѣло стало теперь за планомъ примиренія, который должны были выработать посредствующія державы: Россія предлагала составленіе его Франціи, а Франція—Россіи.

19 октября 1778 г. императрица подписала слѣдующій рескриптъ кн. Репнину: „Изъ публичныхъ бумагъ и актовъ извѣстно, какія слѣдствія произвело донынѣ открывшееся по смерти курфюрста Максимиліана баварское наслѣдство. Австрійскій Домъ, основываясь на правостяхъ, глубокимъ

забвеніемъ и сущею прескрипціею покровенныхъ, присвоилъ себѣ и захватилъ знатную часть онаго наслѣдства; а курфюрстъ Пфальцскій, коему по точной силѣ и словамъ Вестфальскаго мира, единымъ наслѣдникомъ всѣхъ Баварскихъ земель быть надлежало, устрашась приставленнаго ему ножа, предпочелъ лучше быть сонаслѣдникомъ австрійской хищности, нежели подвергнуть себя исполненію тѣхъ насильственныхъ мѣръ, кои со стороны Вѣнскаго Двора дѣйствительно заготовлены были, не одумавшись и не разсудя, что оныя не могли однакожъ въ самомъ своемъ исполненіи быть для его чести и интересовъ поноснѣе и предосудительнѣе договоровъ заключенной имъ въ Вѣнѣ конвенціи. Сія конвенція и безпосредственно за нею послѣдовавшее обложеніе австрійскими войсками знатной и лучшей части Баварскихъ земель учинились скоро и естественно сигналами тревоги и безпокойства всего корпуса имперіи Германской, и особливо тѣхъ княжескихъ Домовъ, кои сами по себѣ однимъ или другимъ образомъ интересованы были въ наслѣдствѣ баарскомъ. Обиженные княжескіе Домы прибѣгли водновременно почти и къ намъ, и къ королю Прусскому съ просьбою о защищеніи и представительствѣ въ пользу ихъ у Вѣнскаго Двора. Его Прусское величество не токмо не отрекся подать имъ руку помочи, но паче самъ собою, какъ членъ имперіи, безпосредственно интересованный въ сохраненіи цѣлости ея конституціи, поступилъ на учиненіе сильнѣйшихъ представленій Австрійскому Дому вопреки его начинанія. Мы, съ своей стороны, не входя въ юристическое разбирательство ни правъ Австрійскаго Дома, ниже оспариваній Прусскаго Двора, довольствовались только обѣимъ сторонамъ объявить, колико желаемъ, дабы возставшій между ними вопросъ дружелюбнымъ соглашеніемъ разрѣшенъ быть могъ безъ нарушенія общаго покоя, и чтобы для того разныя изъ наслѣдства баварскаго родившіяся требованія по справедливости разобраны и удовлетворены были. Доколѣ продолжалась извѣстная берлинская негоціація, слѣдовательно же и надежда полюбовной развязки,— до тѣхъ поръ не переставали мы, съ своей стороны, способствовать по возможности нашими совѣтами и представленіями сближенію обоихъ негоціирующихъ Дворовъ для того, чтобъ, въ случаѣ необходимости, взять въ ихъ войнѣ дѣйствительное участіе по уваженіямъ собственной имперіи нашей главнаго интереса, когда Россіи не меньше всякой другой европейской державы нужно, дабы посреди Германіи ненарушимо сохранялось и раздѣлялось навсегда между Дворами Вѣнскимъ и Берлинскимъ настоящее равновѣсіе силъ, важности и инфлюенціи ихъ.

„Съ прискорбіемъ увидѣли мы посему, что въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ начались въ Силезіи, Богеміи и Саксоніи дѣйствительныя непріятельства. Нельзя не отдать королю Прусскому справедливости, что онъ предъ поднятіемъ оружія истощалъ втуне всѣ средства умѣренности и миролюбія, и что не онъ, а хищность и упрямство Вѣнскаго Двора причинствовали войну. Правда, министръ австрійскій, князь Кауницъ, коего честолюбіе есть всему злу виною, старался дать вещамъ другой видъ, воспользовавшись хитро человѣколюбивыми расположеніями императрицы-королевы и склоня ее открыть подъ звукомъ оружія новую негоціацію съ предвзятымъ намѣреніемъ тщетность и неудачу ея поставить насчетъ его Прусскаго величества. Но сія интрига его, сколь она впрочемъ ни тонка, нашлась однакожъ недостаточною къ преобразованію вещей и къ поселенію въ безпристрастной публикѣ другихъ мыслей о истинномъ виновникѣ народныхъ бѣдствій, потому что учиненныя чрезъ г. Тугута предложенія признаны оную весьма неспособными изъять изъ среды камней преткновенія, или заключая въ себѣ пустой только блескъ, или же мало разнствуя отъ того пункта, на которомъ прежде разорвалась негоціація графа Кобенцеля. Такимъ образомъ, не удивительно, что король Прусскій не далъ себя уловить мнимою безкорыстливостію Австрійскаго Дома въ уничтоженіи его конвенціи съ курфюрстомъ Пфальцскимъ, слѣдовательно же и въ испражненіи имъ захваченной части Баварскихъ земель, когда цѣною его уступки поставлено было съ другой стороны жертвованіе неоспоримой Бранденбургскаго Дома собственности въ Франконіи, о которой прежде случая ваканціи всѣми принцами того Дома заключенъ былъ полюбовный фамильный пактъ, и которая вслѣдствіе того отъ насъ самихъ его Прусскому величеству въ союзномъ нашемъ трактатѣ неоднократно уже гарантирована была, тѣмъ болѣе-что—предоставленіемъ свободы отыскивать послѣ каждому судомъ свои правости по баварскому наслѣдству—обнажилъ Вѣнскій Дворъ въ то же время коварный умыселъ явиться вновь при первомъ удобномъ случаѣ съ своими недѣльными притязаніями и одержать тогда въ судѣ, гдѣ бы императоръ самъ былъ и истецъ и судія, все то, за что нынѣ должно ему понесть жестокую и опасную войну.

„Сею картиною хотѣли мы вамъ показать, что дѣло короля Прусскаго почитаемъ правымъ, ибо войну началъ онъ единственно въ охраненіе германской конституціи, а какъ тутъ съ интересами его величества встрѣчается и собственной имперіи нашей выше сего образованный (означенный) интересъ, то по симъ двумъ началамъ, по рекламаціи нашего покровительства и защиты отъ обиженныхъ княжескихъ Домовъ и по уваженіямъ счастливо пребывающей между нами и его Прусскимъ величествомъ союзнической дружбы, которую онъ намъ съ своей стороны дѣятельно уже доказалъ, не можемъ и не хотимъ мы обойтиться безъ подаянія и ему дѣйствительной отъ насъ помочи въ такомъ случаѣ, гдѣ вся ненависть кровопролитія не на него, а на Вѣнскій Дворъ упадать долженствуетъ, дабы общими силами скорѣе принудить сей гордостію и честолюбіемъ надменный Дворъ къ

возвращенію похищенной имъ части Баварскихъ земель законному наслѣднику и къ справедливому въ прочемъ удовлетворенію за насильственный его поступокъ, коимъ общій миръ толь нагло потрясенъ и нарушенъ. Одновременно съ сею резолюціею не оставили мы помыслить какъ о способахъ предварить оную въ исполненіи чрезъ отвращеніе самой побудительной причины, такъ и о мѣрахъ прямого исполненія ея тогда, когда-бъ уже тѣ способы не произвели желаемаго плода. Въ первомъ видѣ препоручили мы нашему министру, князю Голицыну, учинить въ Вѣнѣ дружеское, но тѣмъ не меньше сильное на письмѣ представленіе. Приглашая императрицу-королеву внять гласу собственнаго ея человѣколюбія и прекратить неправедную войну, не скрыли мы тутъ отъ проницанія ея, что инако не можемъ остаться равнодушными зрителями оной по тѣмъ самымъ политическимъ правиламъ, которыя предъ симъ употребилъ Вѣнскій Дворъ противу насъ въ теченіе нашей войны съ Портою Оттоманскою; а дабы такому представленію придать болѣе лица и доказать Австрійскому Дому, что мнѣніе наше о его неправности есть мнѣніе общее, признали мы за нужно отозваться ко Дворамъ Версальскому, Лондонскому, Датскому и Шведскому, также и къ имперскому въ Регенсбургѣ сейму съ требованіемъ, дабы оные учинили и съ своей стороны таковыя же внушенія и представленія, и особливо Франція въ качествѣ ручательницы вестфальскихъ трактатовъ, слѣдовательно же и баварскаго наслѣдства въ пользу Пфальцской линіи.

„Если Франція и не согласится на сообразованіе отзывовъ своихъ нашему представленію, такъ по крайней мѣрѣ оказаною ей отъ насъ откровенностію будетъ она обязана изъявить во оборотъ намъ и всей публикѣ истинныя свои о войнѣ мнѣнія, коихъ познаніе, съ другой стороны, нужно для развязанія рукъ королю Аглинскому въ разсужденіи германскихъ его областей, ибо доколѣ она не отречется формальнымъ образомъ отъ употребленія въ пользу Австрійскаго Дома гарантіи своей, до тѣхъ поръ нельзя королю-курфюрсту взять дѣятельную сторону Дворовъ Берлинскаго и Дрезденскаго, дабы инако не вовлечь непріятеля въ тѣ области. Въ равномъ сему положеніи находится много другихъ княжескихъ Домовъ, кои съ нетерпѣливостію ожидаютъ рѣшенія Франціи, чтобъ дать свободное теченіе своимъ склонностямъ противу австрійскаго насильства. Мы будемъ такимъ образомъ имѣть предъ всею Германіею честь сей нужной развязки, а можетъ быть и соединенія по ней въ одну систему разныхъ принцевъ, изъ чего далѣе можетъ для Россіи произрости давно желаемое преимущество—учиниться ей на будущее время ручательницею германской конституціи, качество, которому Франція обязана своею превосходною въ дѣлахъ инфлюенціею“.

Въ Петербургѣ не имѣли большой надежды, чтобъ русская декларація принята была въ Вѣнѣ съ должнымъ вниманіемъ, и потому готовились къ войнѣ. Отношенія къ Турціи безъ войны задерживали значительную часть войскъ, и потому хотѣли избрать такой планъ, по которому дѣйствующіе въ разныхъ сторонахъ арміи и корпуса могли служить другъ другу взаимнымъ подкрѣпленіемъ и обезпечивать свободу сообщенія какъ между собою, такъ и съ Россіею. Для этого велѣно было образовать въ окрестностяхъ Полоннаго значительный корпусъ войскъ; а на зиму расположить войско близъ Люблина, къ сторонѣ Галиціи. Первый корпусъ назначался въ помощь Прусскому королю, а другой—для заготовленія магазиновъ. Но такъ какъ Вѣнскій Дворъ предложилъ Версальскому и Петербургскому Двору быть посредниками, что и было принято, то Репнинъ отправлялся къ Прусскому королю въ двойномъ качествѣ негоціатора и военачальника. Онъ долженъ былъ ѣхать въ главную квартиру Фридриха II и вручить ему собственноручное письмо Екатерины, причемъ сдѣлать на словахъ сильнѣйшія увѣренія въ ея дружбѣ и желаніи доказать ему эту дружбу на дѣлѣ, даже не въ силу обязательствъ союзныхъ, но въ соотвѣтствіе той вѣрности, съ какою онъ принималъ до сихъ поръ къ сердцу Русскія дѣла и интересы. Репнинъ долженъ былъ объявить королю, что императрица, принявъ австрійское приглашеніе къ посредничеству, легко усматриваетъ, что вся цѣль Кауница состоитъ въ отвлеченіи общаго вниманія отъ перваго вопроса, который произвелъ войну, въ приведеніи дѣлъ въ бóльшую неясность, въ пріобрѣтеніи для Двора своего въ публикѣ характера умѣренности и въ обращеніи всей ненависти за кровопролитіе на одного короля Прусскаго. Слѣдовательно честь, слава и достоинство этого государя требуютъ отъ него обнажать снова передъ свѣтомъ это острое намѣреніе князя Кауница и сохранить за собою до конца, во всей чистотѣ, характеръ оберегателя и мстителя германской конституціи и поручаемыхъ правъ своихъ сочленовъ; держась твердо за первый (Баварскій) вопросъ, избѣгая возбуждать и малѣйшее подозрѣніе, будто въ настоящей войнѣ баварское наслѣдство служитъ только предлогомъ, а въ основаніи лежитъ всегдашнее соперничество Пруссіи съ Австрійскимъ Домомъ, Репнинъ долженъ былъ объявить королю, что всѣ извороты кн. Кауница въ маломъ исканіи мира надлежитъ относить къ искреннему, но слабому желанію императрицы-королевы; наружно угождая этому желанію, Кауницъ старается въ то же время на самомъ дѣлѣ содѣйствовать страсти императора къ войнѣ, и такимъ образомъ на обѣ стороны утверждать свой личный кредитъ. Поэтому императрица, мало ожидая плода отъ своего и французскаго посредничества, рѣшила на случай продолженія войны подать Прусскому королю скорую и дѣйствительную помощь корпусомъ войскъ, которымъ Репнинъ будетъ предводительствовать. Россія помогаетъ Пруссіи не вслѣдствіе союзнаго договора, потому что она ведетъ хотя

безгласную, но тяжелую, по пространству военнаго театра, борьбу съ Турками, что и освобождаетъ ее, по договору, отъ поданія помощи, и потому императрица требуетъ, чтобы, сверхъ пропитанія вспомогательному корпусу, Прусскій король платилъ опредѣленныя въ договорѣ для Турецкой войны субсидныя деньги по 400,000 рублей въ годъ до тѣхъ поръ, пока русскій вспомогательный корпусъ будетъ употребляемъ въ его пользу и пока чудное положеніе Россіи относительно Турокъ не кончится новымъ рѣшительнымъ договоромъ.

Ночью съ 6-го на 7-е декабря Репнинъ пріѣхалъ въ Бреславль, гдѣ находился тогда Фридрихъ II, который принялъ его на другой день послѣ обѣда. Репнинъ нашелъ короля сидящимъ, руки и ноги его были обернуты вслѣдствіе подагрическаго припадка. Не давъ договорить Репнину короткаго комплимента, Фридрихъ посадилъ его возлѣ себя и началъ говорить о своей благодарности къ императрицѣ за такія важныя доказательства ея дружбы. „Зная ея хлопоты съ Турками", продолжалъ король, „я не осмѣливался просить ее о помощи, по своему образу мыслей, имѣя правиломъ быть всегда полезнымъ союзнику, а не въ тягость ему. Настоящій поступокъ ея импер. в—ства тѣмъ болѣе возбуждаетъ мою благодарность, чѣмъ менѣе я могъ его ожидать". Потомъ Фридрихъ высказалъ свое искреннее желаніе помириться, хотя бы и съ уступкою Вѣнскому Двору нѣкоторой части Баваріи, только не такой большой, какъ онъ требуетъ, и съ исключеніемъ рейхенгальскихъ соляныхъ варницъ. Что же касается предложенія взаимно отступиться — Австрійцамъ отъ Баваріи, а Пруссіи отъ маркграфствъ франконскихъ,—то онъ никакъ не можетъ его принять, и еще менѣе передать на рѣшеніе имперскихъ штатовъ, не имѣющихъ на то никакого права, и притомъ такая передача была бы противна его достоинству; даже не можетъ этого пункта оставить въ молчаніи при будущемъ примиреніи, чтобъ не было изъ-за этого другой войны. Король просилъ Репнина немедленно приступить къ условіямъ, на которыхъ должно произойти соединеніе русскихъ войскъ съ прусскими, ибо опасается, что Вѣнскій Дворъ искренняго желанія къ миру не имѣетъ, а намѣренъ только, какъ прошлую кампанію, время выиграть и протянуть дѣло, чтобъ какъ можно больше изнурить Пруссію.

Въ другое свиданіе съ Репнинымъ Фридрихъ началъ разговоръ увѣреніями въ своемъ желаніи мира. „Мнѣ кажется", говорилъ король, „графъ Панинъ желаетъ, чтобъ мы были очень осторожны и скупы въ своихъ мирныхъ предложеніяхъ Вѣнскому Двору; этого и я бы желалъ, но, не имѣя въ войнѣ никакой значительной поверхности надъ Вѣнцами, нельзя имъ предписывать законы". —„Гр. Панинъ", отвѣчалъ Репнинъ, „усердствуя интересамъ вашего величества и всѣхъ обиженныхъ Домовъ, желаетъ, чтобъ они, по возможности, получили справедливость при будущемъ примиреніи, и чтобъ самовластіе Вѣнскаго Двора не усилилось въ Германской имперіи. Вообще же нашъ Дворъ желаетъ мира и вашему величеству его совѣтуетъ". Потомъ король началъ говорить о Польшѣ: „Если есть злоупотребленія по моимъ таможнямъ, то я ихъ прекращу". Но Репнинъ далъ знать своему Двору, что по этой части онъ мало надежды имѣетъ. Фридрихъ кончилъ разговоръ тѣмъ, что не можетъ платить Россіи субсидій, ибо уже издержалъ больше 17 милліоновъ. „Надѣюсь на дружбу ея величества, что она на этомъ настаивать не будетъ", говорилъ король: „для нея это пустяки, а для меня очень тяжело".

Репнинъ имѣлъ возможность убѣдиться, что старый король искренно говорилъ о своемъ желаніи мира: прусскій министръ Герцбергъ жаловался ему въ секретномъ разговорѣ на поспѣшность Фридриха, съ какою онъ соглашается на предлагаемыя ему мирныя условія; насилу онъ, Герцбергъ, можетъ его остановить. Франція прислала свой планъ примиренія, по которому Австрія должна была получать нѣкоторую часть Баваріи; Герцбергъ составилъ другой планъ, по которому Австрія получала часть верхняго Палатината. Но Репнинъ доносилъ, что Фридрихъ хотя и предпочитаетъ послѣдній планъ, однако приметъ и французскій,—такимъ образомъ дѣло ближе къ миру, чѣмъ къ войнѣ.

Франція предложила мѣстомъ мирныхъ переговоровъ Вѣну; но Россія на это не согласилась и предложила Аугсбургъ или Нюренбергъ, или какое-нибудь другое нейтральное мѣсто въ Германіи, по выбору Франціи. Россія обѣщала такъ-же Вѣнскому Двору уговорить Прусскаго короля заключить перемиріе. Репнинъ далъ знать объ этомъ прусскимъ министрамъ, причемъ сдѣлалъ внушеніе, что необходимо включить въ будущее примиреніе всю Германскую имперію, которая чрезъ это получитъ гарантію государствъ-посредниковъ, и, слѣдовательно, будетъ ограждена отъ непомѣрнаго честолюбія и деспотизма Вѣнскаго Двора, вредныхъ для всей Германіи, но особенно для Берлинскаго Двора, обязаннаго прежде другихъ бороться противъ австрійскихъ замысловъ. Репнинъ внушалъ, что эта предосторожность необходима въ виду характера императора Іосифа, который сдерживается единственно миролюбіемъ императрицы-королевы; но послѣдней не долго жить.—На другой же день министры Финкенштейнъ и Герцбергъ принесли Репнину отвѣтъ королевскій: по мнѣнію Фридриха, дѣло сдѣлалось бы скорѣе посредствомъ переписки между министрами воюющихъ державъ, чѣмъ на конгрессѣ, а для окончательнаго рѣшенія можно выбрать какое-нибудь нейтральное мѣсто или объявить для этого нейтральнымъ какой-нибудь городъ поближе къ воюющимъ державамъ; впрочемъ, король будетъ согласенъ на распоряженія державъ-посредницъ. Что касается перемирія, то король считаетъ его не только безполезнымъ, но и вреднымъ для своихъ интересовъ. Если предположить, что Вѣнскій Дворъ питаетъ дѣйствительно искрен-

нее желаніе заключить миръ, то переговоры могутъ окончиться въ зимніе мѣсяцы, естественно прекращающіе военныя дѣйствія; перемиріе же, которое продлится за этотъ срокъ, отниметъ у короля драгоцѣнное время и поставитъ его въ положеніе прошлаго года, когда его проводили пять мѣсяцевъ сряду безплодными переговорами. Наконецъ, что касается приступленія Германской имперіи къ будущему миру и гарантіи, то король вполнѣ раздѣляетъ виды Русскаго Двора.

Отъ 6-го января 1778 г. Стахіевъ далъ знать въ Петербургъ, что въ генеральномъ совѣтѣ Порты, держанномъ 23-го декабря прошлаго года, противная Россіи партія успѣла вынудить согласіе улемовъ на поданіе помощи Татарамъ, возставшимъ противъ Шагинъ-Гирея, а у муфтія—фетфу. Корабли уже отправились въ Черное море; въ народѣ слухъ, что Селимъ-Гирей уже переѣхалъ изъ Очакова въ Крымъ вмѣстѣ съ Магметъ-Гиреемъ и сыновьями хана Керимъ-Гирея; но муфтій передъ однимъ изъ пріятелей Стахіева отзывался, что Крымцы требуютъ себѣ въ ханы Девлетъ-Гирея; къ марту велѣно собрать сухопутное войско. Противная партія своими клеветами успѣла возбудить такую неутолимую къ нему ненависть не только въ народѣ, но и въ самомъ султанѣ, что и благонамѣренный Муратъ-молла не смѣетъ больше говорить въ его пользу; русскому переводчику давали знать, что полюбовному окончанію всѣхъ распрей препятствуетъ единственно особа Шагинъ-Гирея, и совѣтовали согласиться на его смѣну, подавая надежду снова возстановить его на ханство современемъ, а теперь необходимо утишить страшное на него озлобленіе Татаръ. Въ это время, когда Стахіевъ потерялъ уже всякую надежду на мирное рѣшеніе вопроса, австрійскій повѣренный въ дѣлахъ Тассара передалъ рейсъ-эффенди меморіалъ своего Двора съ отсовѣтываніями начинать войну. Рейсъ-эффенди былъ сильно пораженъ такою неожиданностію; три раза прочелъ меморіалъ—и не сказалъ ни слова; драгоманъ Порты также молчалъ, только гладилъ свою бороду; французскій повѣренный въ дѣлахъ сдѣлалъ Портѣ подобныя же внушенія. Турецкое министерство хвалилось, что, за пять дней до прибытія послѣдней турецкой почты, оно уже получило отъ Волошскаго господаря извѣстіе о кончинѣ Баварскаго курфюрста, вслѣдствіе чего Вѣнскій Дворъ немедленно отправилъ въ Баварію 25,000 войска, а въ Константинополь миролюбивый меморіалъ. Несмотря на это, Порта оставалась при прежнихъ своихъ рѣшеніяхъ; рейсъ-эффенди сказалъ русскому переводчику, что признать ханомъ Шагинъ-Гирея невозможно: это все равно, что велѣть одному человѣку вылить цѣлый океанъ въ чашку и выпить его; и хотя вслѣдъ затѣмъ Стахіевъ получилъ отъ Муратъ-моллы извѣстіе, что Селимъ-Гирей потерпѣлъ въ Крыму неудачу и сбирается оттуда бѣжать, но и это не произвело желанной перемѣны: французскій повѣренный въ дѣлахъ Леба, пріѣхавши къ Стахіеву, намекалъ, что, по его примѣтамъ, Порта скорѣе рѣшится на всѣ крайности, чѣмъ согласится на признаніе Шагинъ-Гирея. Турецкое министерство явно хвалилось, что Русскій Дворъ, наконецъ, принужденъ будетъ отступиться отъ него, причемъ утверждало свое мнѣніе на обѣщаніи, данномъ дружескими Дворами. Муратъ-молла былъ сосланъ, послѣ чего въ совѣтѣ не осталось ни одного человѣка, который бы рѣшился быть предводителемъ миролюбивой партіи; противная же партія поддерживалась извѣстіями о жестокостяхъ Шагинъ-Гирея относительно преданныхъ Портѣ Татаръ, изъ которыхъ одни были умерщвлены, а другіе отосланы въ Россію.

Фельдмаршалъ Румянцевъ далъ знать Стахіеву, что Селимъ-Гирей, несмотря на всѣ препятствія, явился къ Крыму—и бунтующая партія признала его ханомъ. „Турки", писалъ Румянцевъ, „отстранясь отъ пламени, непосредственно ихъ пожирающаго, умѣли составить изъ суевѣрія искру неугасимаго огня и положить ее между нами и Татарами; они станутъ поддувать ее всевозможными способами на чувствительное наше изнуреніе". Императрицѣ Румянцевъ писалъ: „Ваше императорское величество лучше знать изволите положеніе Чернаго моря, слѣдовательно и то, что всѣ берега его обложены силами Порты, которая, имѣя въ немъ большой флотъ и много транспортныхъ судовъ, имѣетъ въ войнѣ всѣ выгоды. А напротивъ, какимъ затрудненіямъ подвержено сообщеніе и взаимное пособіе войскамъ вашего императорскаго величества въ той сторонѣ, и при крайнемъ безсиліи на Черномъ морѣ нашего флота, какъ трудно соразмѣрить ихъ на будущее лѣто въ Крыму, чтобъ, съ одной стороны, не подвергнуть ихъ гибели, а съ другой—не ослабить силъ на сторонѣ Буга и Днѣстра, не обнажить Донъ и нововозводимыя линіи, — рѣшительное опредѣленіе о Крымѣ становится тѣмъ нужнѣе, чѣмъ ближе наступаетъ удобное время къ мореплаванію. Турки, невзирая и на неблагопріятное время, отправляютъ уже свои войска на ободреніе бунтовщиковъ, и два первые появившіеся морскіе капитаны однимъ отзывомъ, сверхъ всякаго моего чаянія, пріостановили поискъ князя Прозоровскаго на Селимъ-Гирея хана, а поискъ этотъ долженъ былъ бы окончить тамошній мятежъ. Я, видя послѣднюю минуту, могущую намъ способствовать, рѣшился предписать кн. Прозоровскому, чтобъ онъ употребилъ всѣ свои старанія къ приведенію всѣхъ неблагодарныхъ и зломыслящихъ Татаръ, особенно жителей горъ, въ нищету и такое состояніе, которое не позволяло бы имъ думать болѣе о враждѣ съ нами, а Турки потеряли бы охоту и удобство на общее съ ними противъ насъ дѣйствіе. Но, по мнѣнію кн. Прозоровскаго, ханъ Шагинъ-Гирей не можетъ остаться въ Крыму безъ помощи нашихъ войскъ и на самое короткое время; а такъ какъ

пребываніе нашихъ войскъ въ Крыму не согласно было бы съ мирнымъ договоромъ, то ожидаю высочайшаго опредѣленія".

Прозоровскій писалъ Румянцеву: „Уже и горы отъ Кафы до Алушты и Енисала совсѣмъ очищены. Хотя, кажется, Татары довольно притѣснены и всѣ почти въ одинъ уголъ загнаны, однако до сихъ поръ нельзя никакъ отнять владычества у злонамѣренныхъ начальниковъ возмущенія, которые, поддерживаясь пріѣздомъ Селимъ-Гирея, не приходятъ никакъ въ чувство, разоряютъ сами свою землю истребленіемъ скота, сожженіемъ деревенъ, собраніемъ всѣхъ родовъ изъ горъ и степи въ уголъ за Бакчисарай. Что касается благонамѣренныхъ, то не могу увѣрить, чтобъ такія были между ними, даже и находящіеся при Шагинъ-Гиреѣ чиновники подвержены сомнѣнію. Народъ безъ сомнѣнія покорился бы хану Шагинъ-Гирею, ибо недоволенъ Селимъ-Гиреемъ, пріѣхавшимъ безъ помощи, но удерживается начальниками, которые толкуютъ, что всѣ будутъ казнены, хотя бы и повинную принесли".

Въ февралѣ, мятежники, окруженные со всѣхъ сторонъ русскими войсками, прислали къ хану Шагинъ-Гирею и къ кн. Прозоровскому двоихъ депутатовъ,—одного отъ мурзъ, а другого—отъ черни, принося повинную; а между тѣмъ главные начальники мятежа, тайно отъ черни посадя еще прежде свои семейства на турецкія транспортныя и купеческія суда, сами вслѣдъ за Селимъ-Гиреемъ и султанами спѣшили на военные фрегаты, и начали бросаться въ высланныя къ нимъ лодки. Народъ, примѣтя это бѣгство, сталъ ихъ удерживать, ругая, какъ виновниковъ всего зла и общаго разоренія. Началась драка: Татары стрѣляли по мурзамъ, садившимся въ лодки; тѣ вмѣстѣ съ находившимися на лодкахъ Турками отвѣчали такъ-же выстрѣлами; наконецъ Турки сдѣлали два пушечныхъ выстрѣла съ фрегатовъ—и этимъ разогнали толпу. Присланные къ Прозоровскому и хану депутаты согласились, что Татары отдадутъ русскому войску все оружіе и разойдутся съ семействами по деревнямъ. Оказалось, что мятежники были приведены въ ужасное состояніе; кромѣ того что отъ русскаго войска въ разныхъ стычкахъ погибло ихъ до 12,000 человѣкъ, множество стариковъ, женщинъ и дѣтей погибло отъ стужи и голоду; сюда просоединилось междоусобіе: нужда заставила другъ друга грабить и убивать изъ-за куска хлѣба. „Время", доносилъ Прозоровскій, „помогло мнѣ привесть ихъ въ совершенное изнуреніе и полунебытіе, безъ потери людей и довольнаго отягощенія войскъ. Наказанія сего тяжесть будетъ имъ долго чувствительна, и, за всю свою продерзость получа достойное возмездіе, не помыслятъ они больше, а можетъ и никогда, брать презрѣніе къ побѣдоноснымъ войскамъ, и забудутъ навсегда то стремительное отчаяніе, съ которымъ, единожды при салгирскомъ ретраншементѣ бросясь на войска, мною предводимыя, тогдажъ ощутили всю тяжесть наказанія, потерявъ убитыми до 1,000 человѣкъ". Прозоровскій оканчивалъ свое донесеніе словами, что Крымскій полуостровъ приведенъ въ совершенное спокойствіе и повиновеніе хану Шагинъ-Гирею.

Въ началѣ апрѣля Стахіевъ далъ знать Портѣ, что, по полученнымъ имъ изъ Крыма отъ кн. Прозоровскаго и резидента Константинова письмамъ, всѣ мятежники принесли искреннее раскаяніе и повинную законному хану Шагинъ-Гирею, спокойно возвратились въ свое жилище, и на полуостровѣ царствуетъ тишина, и всѣ турецкіе фрегаты оттуда уѣхали. Рейсъ-эффенди отвѣтилъ переводчику, принесшему это объявленіе: „Думать надобно, что посланникъ или почитаетъ министровъ Порты дураками, или насмѣхаться хочетъ, объявляя такія непристойности. Говорить Портѣ, что въ Крыму все спокойно и тихо послѣ того, какъ присланные туда 40,000 человѣкъ русскаго войска бѣдный и безсильный народъ частію побили, частію въ ссылку сослали и обратили въ неволю столько невинныхъ мусульманъ съ ихъ семьями—можетъ почитаться только насмѣшкою; да и хвалиться тѣмъ не слѣдуетъ, потому что немного надобно для угнетенія такого бѣднаго народа; и фрегаты наши благополучно стоятъ у Крымскаго берега, гдѣ и Селимъ-Гирей ханъ находится; а съ Шагинъ-Гиреемъ Порта не имѣетъ и не хочетъ имѣть никакого сношенія". Несмотря однако на этотъ отвѣтъ, Стахіевъ давалъ знать, что у Порты положено не доводить дѣло до разрыва съ Россіею, и признать Шагинъ-Гирея ханомъ. На 25-ое апрѣля, на большомъ совѣтѣ у муфтія Порта опредѣлила весь свой флотъ, подъ начальствомъ Капитанъ-паши, послать въ Крымъ для высаженія и подкрѣпленія отправляемаго изъ Синопа войска. Если войску удастся высадиться безъ сопротивленія съ русской стороны, то оно должно объявить, что пришло для приведенія себя въ равенство съ Русскими, и притомъ стараться рѣшить тамошнія дѣла полюбовно; если же съ русской стороны будетъ сдѣлано нападеніе, то, объявляя, что Россія нарушила миръ, начать и продолжать военныя дѣйствія безъ всякой пощады и уваженія. Стахіевъ объяснялъ такое рѣшеніе тѣмъ, что неудовольствія между Дворами Французскимъ и Англійскимъ, особенно же между Вѣнскимъ и Берлинскимъ, ослѣпляютъ Порту надеждою, что и Россія будетъ вовлечена въ европейскую войну; Турки надѣялись также и на новыя безпокойства въ Польшѣ. Стахіевъ началъ уже приготовляться къ отъѣзду. Къ Румянцеву визирь отправилъ письмо, въ которомъ говорилъ, что Порта отправляетъ въ Крымъ флотъ подъ начальствомъ Капитанъ-паши и сухопутное войско подъ начальствомъ Хаджи-Али-паши; что оба полководца снабжены полномочіемъ утвердить постановленный между обѣими имперіями миръ, если только Россія выведетъ свои войска изъ Крыма и не будетъ ни подъ какимъ предлогомъ неволить Татаръ; визирь совѣтовалъ

воспользоваться подаваемымъ отъ Порты способомъ и уполномочить князя Прозоровскаго начать переговоры съ означенными турецкими полководцами; въ противномъ случаѣ вина будетъ на сторонѣ Русскаго Двора. Главные предметы переговоровъ означены слѣдующіе: 1) подать Портѣ и Татарамъ способъ для утвержденія ихъ довѣрія къ Русскому Двору; 2) кромѣ торговыхъ судовъ, никакія военныя не должны плавать по Черному морю; и такъ какъ извѣстно, что нѣсколько русскихъ военныхъ кораблей крейсирують около Кафы, то визирь совѣтовалъ, чтобы поскорѣе приказано было имъ удалиться.

Въ началѣ іюня резидентъ Константиновъ писалъ Румянцеву: „Ханъ, слѣдуя моимъ отъ имени вашего сіятельства предложеніямъ и совѣтамъ Александра Васильевича (Суворова), принимаетъ мѣры: всѣхъ значительныхъ лицъ, подверженныхъ сомнѣнію, прибираетъ къ рукамъ и обличенныхъ предаетъ строгости суда“.

27-го іюня Стахіевъ подалъ Портѣ меморіалъ о своемъ отъѣздѣ изъ Турціи со всѣми въ ней находящимися русскими подданными. Послѣ долгаго молчанія ему отвѣчали, что его требованіе паспортовъ для выѣзда заключаетъ въ себѣ объявленіе войны, и въ случаѣ если бы такой отъѣздъ ему былъ позволенъ, то безъ сомнѣнія взведена будетъ клевета на Порту, что она, выславъ министра, объявила войну. Поэтому, изящнѣйшіе улемы и министры блистательной имперіи не могутъ никоимъ образомъ на то согласиться, и пока Россійская имперія мира не нарушитъ начатіемъ непріятельскихъ дѣйствій, посланникъ будетъ почитаемъ наравнѣ со всѣми другими министрами наидружественнѣйшихъ державъ; а если случится иначе и Россійская имперія, нарушивъ миръ, явно прерветъ теченіе дружбы, то блистательная Порта и тогда несомненно поступитъ съ посланникомъ человѣколюбивѣ, какъ требуютъ ея достоинство и великодушіео.

Но отъ Русскаго Двора дано было знать, что онъ не допуститъ переговоровъ въ Крыму; Капитанъ-паша прислалъ извѣстіе, что крымскіе берега вооружены и ему высадить войско мирнымъ образомъ не позволятъ: такъ что ему дѣлать. Румянцевъ еще Прозоровскому предписалъ: „Вступленіе внутрь Крыма Туркамъ всѣми средствами возбранять, и слѣдовательно всякую выгрузку военныхъ припасовъ и людей съ кораблей на берегъ не допускать; важность нашихъ интересовъ состоитъ не въ отогнаніи Турокъ отъ крымскихъ береговъ (чего по обширности и сдѣлать нельзя), но въ отнятіи у нихъ способовъ ко вступленію внутрь Крыма, и для того всѣ мѣста, удобныя для высадки, вы должны заградить“. Теперь, имѣя въ Крыму Суворова, Румянцевъ считалъ себя въ правѣ писать императрицѣ: „Не предуспѣютъ Турки въ своихъ замыслахъ, на опроверженіе коихъ предвзяты надлежащія мѣры, и путь имъ къ вступленію въ Крымъ совсѣмъ прегражденъ занятіемъ и укрѣпленіемъ проходовъ“. Вслѣдствіе этого произошла обычная въ августѣ перемѣна великаго визиря. Капитанъ-паша возвратился, потерявъ семь судовъ и болѣе семи тысячъ человѣкъ войска, что привело народъ въ страшное раздраженіе. Тогда начали думать, какъ бы выйти изъ затруднительнаго положенія съ соблюденіемъ по возможности приличій, и обратились къ французскому послу С.-При, который передъ тѣмъ возвратился въ Константинополь. Посолъ отвѣчалъ, что онъ видитъ гораздо болѣе наклонности къ миру у Россійскаго Двора, нежели у Порты: если Турція искренно желаетъ сохраненія мира, то должна, предавъ забвенію все прошедшее, постараться кончить дѣло полюбовно, признать прежде всего Шагинъ-Гирея, возвратить изъ заточенія его посланцовъ, принять всѣ русскія требованія, пропустить на Черное море задержанныя русскія суда. Рейсъ-эффенди давалъ свою бороду въ закладъ, что такое соглашеніе не возможно, а если и сдѣлается, то не долѣе полгода будетъ продолжаться. При дальнѣйшихъ переговорахъ съ французскимъ посломъ, Порта выставила требованія, чтобъ земля, лежащая между Днѣстромъ и Бугомъ, отобрана была у Татаръ и присоединена къ Очаковскому уѣзду; чтобъ между русскими купеческими кораблями, плавающими по Черному морю, не было большихъ судовъ, способныхъ къ военной службѣ; чтобъ величина кораблей была точно опредѣлена; чтобъ Россія не требовала возвращенія морейскимъ жителямъ конфискованныхъ у нихъ земель, ибо они уже отданы мечетямъ (сдѣланы вакуфами); чтобъ Россія отказалась отъ постройки своей церкви въ Константинополѣ, ибо это противно религіозному и государственному закону,—чернь взволнуется и не допуститъ строенія. Пусть церковь будетъ построена въ домѣ посланника.

Отъ 25-го іюля Румянцевъ писалъ Суворову: „Христіанъ, пожелавшихъ на переселеніе въ Азовскую губернію, отправляйте сходственно предписанію князя Григорія Александровича Потемкина; а правительству истолковано быть можетъ, что сіе переселеніе дѣлается отъ страха мщенія, коимъ угрожаютъ имъ Турки своимъ на Крымъ нападеніемъ. Но что до взятыхъ въ плѣнъ при послѣднемъ возмущеніи обоего пола Татаръ, то благопристойность требуетъ, чтобъ всѣ желающіе и сильно крещеные возвращены были“. Но 26-го іюля Суворовъ долженъ былъ написать Румянцеву: „Въ опасности жизни и имущества здѣшніе христіане частію еще понынѣ. Всѣ противъ того должныя осторожности взяты, и войскамъ въ томъ строгія по приличеству приказы даны. Татары дѣйствуютъ грозою, подущеніями, обѣщаніями и обыкновеннымъ ихъ вѣроломнымъ лукавствомъ. Свѣтлѣйшій ханъ, изнуряемый гнѣвливостью, выѣхалъ изъ Бакчисарая и расположился лагеремъ въ трехъ верстахъ отъ города. Г. резидента во все сіе время къ себѣ онъ не допускалъ. Денно и нощно къ нему непрестанно все мѣстные его чинов-

ники съѣжались. Правительство представляло мнѣ о принесеніи ихъ всенижайшей просьбы въ С.-Петербургъ въ отмѣнѣ сего вывода. Воспретить имъ того не можно, а въ обожданіи выводомъ 25 дней для очевидныхъ интригъ отказано по изготовленію уже самими собою къ выходу многихъ христіанъ". Ханъ сильно разсердился на Суворова за то, что тотъ не отвѣчалъ ему на его представленія о выводѣ христіанъ и употребилъ какія-то угрозы. Ханъ писалъ ему: „Сказанными угрозами вашими я весьма доволенъ и обрадованъ потому, что никогда еще отъ русскихъ магнатовъ такого поведенія я не видывалъ и не ожидалъ. Но внутренней моей къ вамъ, пріятелю моему, доброй склонности, откровенно объявляю, что хотя такого вашего поведенія ничѣмъ и никогда я не заслужилъ, однако, почитая то вашею ко мнѣ милостію, недостатокъ въ моей за то благодарности извинить прошу".

Самъ ханъ просилъ у Суворова дружескаго наставленія, какъ ему вести себя въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; Суворовъ отвѣчалъ, что „лучше и наиполезнѣе всего въ такое время присутствовать въ своей столицѣ, управляя народами, врученными отъ Бога власти вашей, соблюдая ихъ тишину и благоденствіе, ибо чрезъ чужденія вашей свѣтлости отъ дѣлъ народныхъ заключатъ невѣжды между нами холодность, слѣдовательно и натурально станутъ искать случаевъ къ разврату". На это ханъ написалъ: „Всѣмъ Татарамъ ясно извѣстно, что отчужденіе мое отъ дѣлъ не по причинѣ взаимной моей съ вами остуды, но единственно во избѣжаніе взнесенія на меня какимъ-либо образомъ противоборствія воли императорской и желаніямъ моихъ пріятелей"! Суворовъ понялъ такъ, что ханъ въ возможности этого взнесенія подозрѣваетъ его самого и отвѣчалъ: „Я не́ говорю о причинахъ, для коихъ вы отчуждаетесь отъ управленіи общественными дѣлами, и не моя должность ихъ испытывать, а предвоображая только маломысленность простолюдинъ, не безъ причины совѣтовалъ и совѣтую для благоденствія и тишины вашихъ подданныхъ присутствовать въ престольномъ своемъ городѣ; слѣдовательно нѣтъ тутъ ни малѣйшаго поводу къ заключенію, чтобъ, на случай непріятныхъ отъ Татаръ поползновеній, приписывать безъ правды оныхъ вину вашей свѣтлости. Такой подлый поступокъ не соотвѣтственъ ни чину, ни сентименту моему. Я недоумѣваю, какую и когда ваша свѣтлость примѣтить изволили мою несправедливость, кого я когда оклеветалъ. Я знаю себя и знаю твердо, что никто меня не докажетъ въ такомъ презрѣнномъ порокѣ. Итакъ, буде выраженіе употреблено не для того, чтобъ безвинно меня обидѣть и отразить усердные и полезные для васъ совѣты, то прилежно прошу, внемля моей искренности, возвратиться къ своему трону, гдѣ, сохраняя всю цѣлость области вашей, удобнѣе и въ непредвидимыхъ случаяхъ охранить отъ всякихъ навѣтовъ особу и здоровье вашей свѣтлости". Суворовъ далъ знать Румянцеву, что Шагинъ-Гирей отправилъ къ императрицѣ двоихъ депутатовъ, какъ слышно, съ возраженіемъ противъ вывода христіанъ. Послѣднихъ къ концу августа было выведено въ Азовскую губернію 17,575 душъ обоего пола. Суворовъ доносилъ также, что между крымскими Татарами все болѣе и болѣе обнаруживается желаніе принимать христіанство. Въ горахъ до 20 семей крестилось отъ греческихъ священниковъ и выселились вмѣстѣ съ христіанами такъ скрытно, что и послѣдніе не могли объ этомъ узнать. Множество Татаръ приходятъ къ начальникамъ войскъ съ просьбою о крещеніи, но на это имъ отвѣчаютъ молчаніемъ. Константиновъ писалъ Румянцеву: „Ханъ не только всѣ дома, но и самого себя отъ насъ всячески таитъ, показывая ежеминутно недоброжелательные виды; привязывается ко всякому слову, принимая самыя искреннія внушенія въ худую сторону; вербуетъ тайно всякую сволочь подъ именемъ сейменовъ, раздаетъ ружья и сабли, которыя при истребленіи отобраныхъ у Татаръ послѣ мятежа оставилъ въ своемъ сералѣ; тогда онъ объявилъ ки. Прозоровскому чрезъ меня, что ихъ не болѣе двухъ сотъ, а теперь оказывается гораздо больше, да и всѣ оружейники заняты починкою переданныхъ имъ отъ хана сабель и ружей. Затрудненія безмѣрныя, и если-бъ ханъ былъ въ силахъ, то, понятно, не отрекся бы обнаружить всей злости въ отношеніи къ намъ. Я никогда не ожидалъ отъ него такого памятозлобія; правда, что и дѣло (выселеніе христіанъ) для него оскорбительно; но такая долгая вражда и несклонность къ исполненію монаршей воли отнимаютъ надежду и на будущую приверженность его къ высочайшимъ интересамъ".

Румянцевъ написалъ Суворову (5-го августа): „Въ такихъ особенно обстоятельствахъ, какія теперь, вы не должны отнюдь не подавать и малѣйшей причины хану къ огорченію, но обходиться съ нимъ ласково и почтительно, имѣть къ нему крайнее уваженіе для содержанія его у Татаръ въ высокопочитаніи, и потому стараться всячески успокоить его и правительство до времени, пока исчезнетъ возможность для Турокъ получить помощь отъ Татаръ. Соглашайте пользу, могущую быть отъ переселенія христіанъ, съ слѣдствіями, какія могутъ отъ того произойти, особенно во время приближенія Турокъ къ берегамъ крымскимъ, чтобъ не подать имъ больше повода къ возмущенію Татаръ и къ низверженію или совращенію хана" — „Характеръ хана", писалъ Румянцевъ, „вамъ долженъ быть лучше, чѣмъ другимъ, извѣстенъ: онъ собенность свою всему предпочитаетъ; онъ оставлялъ отечество, имѣніе, ближнихъ для осуществленія своихъ намѣреній, и сколько я могу о немъ судить, то хотя онъ не ученъ, но уменъ и старается всегда по настоящимъ событіямъ проникать въ будущее; при томъ же онъ и Татаринъ, а потому вы, особенно въ настоящихъ обстоя-

тельствахъ, отнюдь не должны вести свои счеты по наружному его поведенію, но поступать по общимъ правиламъ своей должности и всячески стараться держать его и правительство на такой дорогѣ, чтобъ они отнюдь не могли имѣть поползновенія внимать лестнымъ обѣщаніямъ Турокъ".

Относительно вывода христіанъ Шагинъ-Гирей писалъ гр. Панину: „Не только въ такой малости, какъ выводъ христіанскихъ моихъ подданныхъ, но и въ выводѣ всѣхъ Татаръ и самого себя не постою; однако признаюсь, что удивительно начатіе этого дѣла; для чего оно предпринято—мнѣ совершенно неизвѣстно и чувствительно меня трогаетъ. Я ручался, что это дѣло будетъ совершено пристойнѣйшимъ образомъ, и, несмотря на то, для его исполненія употреблено насильство. Прошу употребить ваше стараніе, чтобъ тѣ бѣдные подданные были оставлены попрежнему въ своихъ жилищахъ, и тѣмъ Крымскую область обрадовать, а меня отъ завистныхъ и коварныхъ языковъ освободить".

7-го сентября Румянцевъ писалъ Шагинъ-Гирею: „Приведенъ я въ удивленіе и сожалѣніе, что ваша свѣтлость такъ много безпокоитесь о переселеніи христіанъ, и что оное могло возбудить въ васъ такую остуду къ генералъ-поручику Суворову и къ резиденту Константинову, что вы удаляетесь отъ всякаго съ ними сношенія. Совмѣстно ли быть можетъ, чтобъ толь великая монархиня, которая даруетъ вольность, позволила когда-либо на отнятіе оной? но ея и. в—ство, снисходя на просьбу и добровольное желаніе христіанъ, угрожаемыхъ непрестанно отъ самихъ Татаръ нападеніемъ Турковъ и конечнымъ ихъ разореніемъ, по единовѣрію не могла отказать имъ убѣжища въ своихъ предѣлахъ. В. свѣтлость сами судите, коль сія малость въ разсужденіи небольшаго ихъ числа неважна, а со стороны могущаго оказаться отъ того малѣйшаго ущерба можетъ ли сумниться, чтобъ оный не былъ вамъ награжденъ сугубо отъ всещедрой вашей благодѣтельницы; но какъ ваша свѣтлость между прочимъ упоминаете и о употребляемомъ насиліи, то въ отвращеніе сего сдѣлалъ я весьма строжайшее запрещеніе. Впрочемъ, позвольте мнѣ въ дружеской откровенности подать вамъ искренній совѣтъ, чтобъ вы особливо на сіе время, когда устраивается и утверждается благосостояніе ваше, оставили безпокоиться о такомъ дѣлѣ, которое ни съ которой стороны не можетъ вамъ нанесть и малѣйшаго ущерба, а возобновили попрежнему пріятельское сношеніе съ генераломъ Суворовымъ и возвратили г. Константинову вашу довѣренность".

20-го сентября Румянцевъ донесъ императрицѣ, что турецкій флотъ явился у крымскихъ береговъ въ немаломъ числѣ разнообразныхъ судовъ и предъявилъ разныя требованія; но во всемъ дружескимъ образомъ получилъ отказъ на основаніи моровой язвы и вдругъ отплылъ въ открытое море. При этомъ между Татарами не примѣчено ни малѣйшаго движенія, и ханъ издалъ строжайшія запрещенія собираться между собою и сноситься съ Турками. Но Константиновъ, продолжая жаловаться Румянцеву на интриги Шагинъ-Гирея, писалъ: „Почитая меня главнымъ орудіемъ въ выводѣ христіанъ, ханъ взводилъ на меня разныя клеветы, мечтая, что, по удаленіи меня отсюда, успѣетъ въ своихъ интригахъ: вооружилъ противъ меня членовъ правительства, которые по его наущенію просили генерала Суворова объ отрѣшеніи меня отъ дѣлъ. Едичкульскій Арсланъ-мурза пишетъ ко мнѣ, будто на дняхъ получилъ отъ меня письмо, въ которомъ называю я ихъ рабами ея величества и совѣтую служить высочайшему Двору наравнѣ съ Русскими. Я написалъ къ мурзѣ, чтобъ доставилъ мнѣ письмо въ оригиналѣ или копіи, и не вѣрилъ такимъ выраженіямъ, какія съ нашей стороны никогда употребляемы не были, ибо мы ихъ почитаемъ вольными и ни отъ кого независимыми, подъ высочайшимъ покровительствомъ ея величества состоящими союзниками". Между тѣмъ къ 18-му сентября выводъ христіанъ изъ Крыма былъ оконченъ: всего выведено 31,098 душъ; Греческій митрополитъ, Армянскій архимандритъ и католическій патеръ выѣхали вслѣдъ за христіанами; денегъ на этотъ выводъ потрачено было до 130,000 р. Румянцевъ неохотно вѣрилъ донесеніямъ Константинова и, посылая ихъ къ императрицѣ, писалъ ей отъ 22-го октября: „Вы лучше о ханѣ судить изволите, а я осмѣливаюсь сказать только мое примѣчаніе, что когда сей ханъ, который толь неисчетными вашими щедротами облагодѣтельствованъ, принявшій вкусъ въ нашихъ обрядахъ (обычаяхъ) и явно оные употребляющій, казавшійся всегда по дѣламъ благоразумнымъ и особливо при дѣланіи Турками дессанта явившій свою непоколебимость, предпочтетъ извѣстной своей пользѣ неизвѣстность, то развѣ преоборется его разумъ суевѣріемъ, ибо весьма удаленъ я отъ того мнѣнія, чтобы одинъ выводъ христіанъ могъ воспричинствовать столь неожидаемой его перемѣнѣ, поелику оставленныя ими мѣста, если уже не заселены другими подобными имъ пришельцами, то однакожь не могутъ оныя быть впустѣ; и чего уже лучшаго ожидать отъ другого въ такомъ родѣ, который по вѣрѣ, сходству нравовъ и натуральной наклонности, конечно, будетъ съ Турками единодушенъ". Послѣ этого Румянцевъ получилъ письмо отъ хана (отъ 11-го октября): „Признаться долженъ, что какъ я, въ разсужденіи всевысочайшаго ея императорскаго величества ко мнѣ, всему Крымскому и Ногайскому татарскому народу монаршаго милосердія въ ханы взведенъ, и вся область независимою мнѣ подвластною сдѣлана, то я безъ чувствительности на такую новость (выводъ христіанъ), а народъ безъ удивленія смотрѣть не могли, ибо по всемилостивѣйше признанному мнѣ самодержствѣ, если-бъ я предваренъ былъ, то-бъ неотмѣнно съ лучшимъ порядкомъ безъ огорченія и съ меньшимъ вждивеніемъ сей выводъ по моему искреннему усердію сходно съ высочайшею волею воспослѣдовалъ. Я благонадеженъ, что в. с—ство по

своему просвѣщенію разсудить можете, сколько меня тронуло, что мнѣ не поданъ способъ въ семъ случаѣ доказать готовность мою къ исполненію монаршаго соизволенія, въ знакъ моей искренней благодарности за толь многія мнѣ явленныя высочайшія благодѣянія и милости. В. с—ство всепочтеннѣйшимъ письмомъ меня увѣрить соизволили, что ея имп. в—ства всевысочайшая воля гласитъ выводить однихъ только тѣхъ христіанъ, кои добровольно на то согласятся, о чемъ я почтенному господину генералу Суворову и г. резиденту сообщилъ, но они, и на сіе невзирая, многихъ къ тому угрозами принуждали, отзываясь, что они знаютъ, что дѣлаютъ, почему я и не хотѣлъ въ то болѣе вмѣшаться“ Въ то-же время Румянцевъ получилъ отъ членовъ крымскаго правительства жалобу на русскихъ солдатъ, которые разоряютъ Татаръ и называютъ ихъ измѣнниками. Главнокомандующій немедленно отправилъ ордеръ Суворову, чтобъ этого ни подъ какимъ видомъ болѣе не было: „ибо по обстоятельствамъ должны мы имъ всячески менажировать, а тѣмъ больше удалять отъ нихъ всякое озлобленіе и притѣсненіе, потому они отъ нѣкотораго времени поступаютъ въ точность нашихъ предположеній и при самомъ явленіи на возмущеніе ихъ страшнаго турецкаго флота пребыли они тверды и непреклонны .

Вражда между ханомъ, Суворовымъ и Константиновымъ продолжалась; резидентъ доносилъ, что ханъ сбирается сбѣжать на Кубань и даже въ Персію. Румянцевъ бралъ прямо сторону Шагинъ-Гирея: „Я ни хана, ни резидента лично не знаю“, писалъ онъ императрицѣ (2-го декабря), „а по собственному вашему о первомъ описанію и по его поведенію долженъ онъ быть качествъ Татарамъ несвойственныхъ, по дѣламъ же поставится въ родѣ людей и весьма отличныхъ. Не въ защищеніе хана, но судя по обстоятельствамъ, осмѣливаюсь сказать мое мнѣніе, что сама благопристойность не позволяла ему при выводѣ не только христіанъ желающихъ, но и невольниковъ татарскихъ изъ Крыма, и при лишеніи его доходовъ по отданнымъ отъ него россійскимъ купцамъ разныхъ статей откупамъ, за провозомъ въ Крымъ не только нужныхъ для войскъ, но и всякихъ служащихъ на одни роскоши припасовъ и товаровъ безъ платежа пошлины и безъ всякаго съ нимъ соглашенія, оказывать себя равнодушнымъ предъ правительствомъ и народомъ, но паче надлежало ему употребить всю свою предосторожность, чтобъ вмѣнившіе одинъ наборъ имъ нѣсколькихъ изъ своихъ подданныхъ за нарушеніе таможнихъ установленій, не подвигнули симъ и скорѣе всѣхъ на поднятіе противу его мятежа; а подозрѣніе, наводимое на него, что онъ хотѣлъ удалиться на Кубань и даже въ Персію, не открываетъ отнюдь никакой вопреки намъ связи его съ Турками. Командующій и резидентъ не только не говорятъ, чтобъ онъ въ томъ былъ примѣченъ, но свидѣтельствовали, что онъ, при явленіи турецкаго флота (гдѣ имѣмъ бы всю удобность обнажить себя), пребылъ въ непоколебимости. Я не вижу тутъ иной причины къ заключенію резидента о колеблемости хана и о податливости къ намъ правительства и народа, какъ одно дѣйствіе приватной остуды, ибо, по толь многимъ опытамъ легкомыслія и непостоянства послѣднихъ, нельзя имъ въ томъ отнюдь вѣрить, а вѣроятнѣе то, что они, держась подъ пятою нашею и увидѣвъ хана въ смутномъ положеніи и въ остудѣ съ командующимъ и резидентомъ, вздумали, можетъ быть, употребить сей случай въ свою пользу, и умышленно притворяются намъ податливыми, чтобъ, низвергнувъ хана, удобнѣе поспѣшествовать совершенію своего съ Турками плана“.

По поводу вывода христіанъ въ Петербургъ явилась депутація отъ всѣхъ крымскихъ Татаръ съ слѣдующими просьбами: чтобъ выданъ былъ указъ никому въ собственныя ихъ дѣла, владѣнія и земли не вмѣшиваться; чтобъ, при случаѣ отвода квартиръ и другихъ распоряженій по русскимъ войскимъ, крымскіе жители не были утѣсняемы властію нынѣшнихъ командировъ; чтобъ дозволено было крымскому обществу содержать въ Петербургѣ резидента, также и при другихъ державахъ, равно какъ у себя имѣть ихъ резидентовъ, чтобъ извѣстно было, какія дѣла отъ кого происходятъ, отъ Крымцевъ или отъ командировъ, чтобъ первые имѣли возможность оправдиться; чтобъ не было никому препятствія выходить къ нимъ на поселеніе; чтобъ никто не вмѣшивался въ принадлежащихъ имъ людей и купленныхъ невольниковъ. Панинъ отвѣчалъ, чтобъ Татары успокоились: императрица никогда не захочетъ уничтожить собственное созданіе, пока сами Татары не подадутъ справедливой къ тому причины. Просьба о резидентахъ немедленно будетъ исполнена, какъ только Турецкія дѣла приведены будутъ къ окончанію; нельзя разомъ двухъ дѣлъ дѣлать: пусть прежде минуется нужда надзоровъ и мѣръ воинскихъ,—и тогда наступитъ досугъ для мирныхъ дѣлъ.

Отъ 15-го февраля, увѣдомляя императрицу о полученіи ея рескрипта отъ 29-го ноября прошлаго года по поводу гоненія на Православныхъ, Штакельбергъ писалъ, что еще по полученіи перваго ея рескрипта о томъ же предметѣ отъ 7-го мая 1776 года — онъ описалъ Польскому правительству „самымъ чувствительнымъ образомъ“ всѣ бѣдствія, которымъ подвержено въ Польшѣ грекоунитское духовенство, и домогался сильнѣйшимъ образомъ, чтобъ свирѣпость гонителей была обуздана и жребій гонимыхъ былъ облегченъ; но и тогда, и теперь ему одинъ отвѣтъ,—что безъ коммисіи, послѣднимъ трактатомъ обѣщанной для разбора взаимныхъ жалобъ лицъ обоихъ исповѣданій, всѣ предпринимаемые для ихъ примиренія труды и всѣ ноты, какія бы онъ ни подавалъ, останутся всегда безплодными: слѣдовательно, за-

ключилъ посолъ, и не остается другого средства вывести гонимыхъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія, какъ назначить упомянутую коммисію.

Опасенія насчетъ разрыва съ Турціею должны были заставить обратить особенное вниманіе на Польшу. Опять явилась мысль, что, кромѣ отрицательной пользы, какую можно получить отъ Польши, когда она останется покойною во время новой Турецкой войны, нѣтъ ли средствъ извлечь изъ нея и пользу положительную, привлекши ее въ союзъ и заставивши ее набрать войско, которое бы дѣйствовало вмѣстѣ съ русскимъ, тѣмъ болѣе-что эта положительная польза была главнымъ средствомъ удержанія Польши въ покоѣ. Панинъ написалъ Штакельбергу, чтобъ онъ сообщилъ свои соображенія по этому предмету. Посолъ отвѣчалъ (1-го февраля), что мысль образованія польскаго войска ему очень понравилась не по той пользѣ, какую оно можетъ принести для русскихъ военныхъ дѣйствій, а потому, что дастъ возможность очистить страну отъ праздной толпы, готовой на возмущеніе при первомъ набатѣ. Но правительственный польскій организмъ не представляетъ ни малѣйшаго удобства для заключенія союзнаго и субсиднаго договора. Для этого понадобился бы бурный сеймъ, руководствовать которымъ было бы чрезвычайно затруднительно въ виду волненія умовъ, которое „мы до сихъ поръ сдерживали и направляли къ нашей цѣли сильными средствами, какъ сеймы конфедераціонные. Въ этихъ бурныхъ обстоятельствахъ, когда Поляки еще больны, надобно избѣгать столкновенія мнѣній на сеймѣ. Что касается войска, то подъ вспомогательнымъ войскомъ разумѣется регулярное; но Россія, по важнымъ причинамъ, не допустила, чтобъ у Польши было его болѣе, чѣмъ сколько нужно противъ гайдамаковъ; что касается финансовъ Польши, то они совершенно истощены. Надобно употребить огромныя издержки, чтобъ дать ей возможность образовать войско. Уже если употреблять издержки, не лучше ли Россіи самой набрать войско въ Польшѣ; эта кавалерія не будетъ стоить дороже, чѣмъ русская легкая кавалерія, а между тѣмъ мы не взволнуемъ, не потрясемъ этой машины, еще слабой, а послѣ войны мы можемъ употребить это войско для цѣлей чисто гражданскихъ. Не надобно заранѣе объявлять объ этомъ наборѣ, не надобно дѣлать его съ помощію правительства; надобно прислать сюда Михальскаго и нѣкоторыхъ другихъ способныхъ для набора кавалеріи офицеровъ, знающихъ Польшу, которые выберутъ прежде всего вождей и уговорятся съ ними". Въ главные предводители этого польскаго войска Штакельбергъ предлагалъ князя Сульковскаго, почему-то недовольнаго польскимъ правительствомъ и потому готоваго перейти въ русскую службу. Но если необходимость заставитъ искать союза республики, то Штакельбергъ просилъ снабдить его полномочіемъ для заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза, съ обѣщаніемъ Польшѣ завоеванія Молдавіи и Валахіи.

Въ началѣ апрѣля польское правительство было сильно встревожено требованіемъ Прусскаго короля пропустить его войско черезъ владѣнія республики. Сейчасъ же, разумѣется, обратилось къ Штакельбергу, который нашелся въ большомъ затрудненіи: рѣшительный отказъ навлечетъ на Польшу тысячу непріятностей со стороны Пруссіи, а прямое согласіе — раздражитъ Вѣнскій Дворъ и дастъ ему право требовать того же самаго. Рѣшено отвѣчать, что не во власти короля и Постояннаго Совѣта дозволить проходъ иностраннымъ войскамъ; но, не дожидаясь отвѣта, прусскія войска вступили во владѣнія республики. Кромѣ того, Пруссаки начали набирать рекрутъ въ Данцигскомъ округѣ. Штакельбергъ опасался, что, при столкновеніи Австріи съ Пруссіею, въ Польшѣ образуются партіи австрійская и прусская: за Прусскаго короля будетъ Великая Польша, за Австрію — множество магнатовъ, владѣющихъ землями въ Галиціи. Если война Россіи съ Портою сдѣлается неизбѣжною, старинный духъ Барской конфедераціи навѣрное заявитъ себя. Уже существуетъ множество проектовъ, переговоровъ, идетъ сильная переписка между старинными членами этого союза, въ челѣ котораго, кажется, хочетъ стать гетманъ польный Ржевускій; сюда же присоединяются интересы Браницкаго и гетмановъ, недовольныхъ лишеніемъ прежней чрезмѣрной власти. „Хотя правительство и войско въ нашихъ рукахъ", писалъ Штакельбергъ, „однако я боюсь толпы праздныхъ и отчаянныхъ людей. Вотъ почему я возвращаюсь къ моему прежнему предложенію набрать въ Польшѣ корпусъ легкой кавалеріи. Дѣло не въ томъ, чтобъ имѣть войско, хотя эти люди, хорошо управляемые, будутъ отлично служить,—дѣло въ томъ, чтобъ направить къ извѣстной цѣли, занять толпу шляхты, которая иначе бросится въ объятія перваго, кто попадется, и надѣлаетъ такихъ вещей, уничтоженіе которыхъ будетъ намъ стоить гораздо дороже, чѣмъ наборъ этого войска".

Видя, что его планъ набора польскаго легіона не принимается въ Петербургѣ, Штакельбергъ предлагалъ привязать къ себѣ отдѣльныхъ вельможъ: — Огинскаго и Радзивила, которые обѣщали свою вѣрную службу, если имъ возвратятъ имѣнія ихъ въ Бѣлоруссіи; Любомирскаго, у котораго уже сформированъ отрядъ войска; Коссаковскаго, который въ войнѣ съ Русскими выказалъ замѣчательный военный талантъ и много храбрости, и другихъ старыхъ вождей Барской конфедераціи. Штакельбергъ совѣтовалъ это тѣмъ болѣе, что Австрія уже начала переманивать къ себѣ значительныхъ людей. Затрудненія Штакельберга увеличивались еще громкими жалобами Поляковъ на притѣсненія ихъ торговли со стороны Пруссіи. „Ихъ положеніе", писалъ Штакельбергъ, „дѣйствительно самое печальное и не представляетъ имъ въ будущемъ ничего, кромѣ совершеннаго разоренія. Въ странѣ нѣтъ почти звонкой монеты, и чрезъ нѣсколько лѣтъ государство очутится совер-

шенно безъ денегъ, и легко понять, какъ подобное положеніе Польши опасно и для русской торговли. Представленія, которыя императрица сдѣлаетъ Прусскому королю, будутъ тѣмъ болѣе основательны, что Поляки требуютъ только строгаго соблюденія послѣдняго торговаго договора".

Въ половинѣ года Штакельбергъ такимъ образомъ описывалъ внутреннее состояніе Польши: „До сихъ поръ полное согласіе между Россіею, Австріею и Пруссіею давало возможность проводить самыя рѣшительныя мѣры. Это время прошло; война между Австріею и Пруссіею, раздѣляя интересы сосѣднихъ государствъ, откроетъ обширное поле движеніямъ, которыя останавливались страхомъ. Война Россіи съ Турціею усилитъ ихъ. Приближеніе грозы чувствуется здѣсь и тамъ. Барская конфедерація была приведена въ бездѣйствіе, но не уничтожена. Раздѣлъ Польши поразилъ Поляковъ, но не смягчилъ ихъ. Моя обязанность состояла въ убѣжденіи націи относительно добраго расположенія императрицы къ Польшѣ, въ согласіи интересовъ обоихъ государствъ, въ благодѣтельности ея величества относительно Поляковъ, почувствовавшихъ эту истину, въ крѣпости относительно тѣхъ, которые стали ея подданными. Я успѣлъ обратить многихъ злонамѣренныхъ; другихъ — обезоружилъ на время. Но часть недоброжелательныхъ существуетъ въ странѣ, а другая странствуетъ по свѣту и даже въ Турціи, подозрѣвая, что мы, несмотря на амнистію, питаемъ мщеніе, ибо Радзивилы и Огинскіе не получили прощенія. Какъ бы ни былъ малъ этотъ остатокъ недоброжелательныхъ, его достаточно для распространенія заблужденія между тысячами шляхты невѣжественной, фанатической, бѣдностію доведенной до отчаянія. Въ столицѣ я сблизился съ вождями оппозиціи, съ кн. Любомирскимъ и великимъ гетманомъ Браницкимъ, дѣлая видъ, что совѣтуюсь съ ними, и обѣщая имъ участіе въ дѣлахъ, какъ скоро обстоятельства позволятъ Польшѣ выйти изъ бездѣйствія. Это обѣщаніе даже можетъ быть исполнено въ виду соединенія всѣхъ партій. Что касается областей, то я велѣлъ распустить тамъ слухъ, что, не желая стѣснять выбора депутатовъ, русскія войска оставятъ мѣстности, гдѣ будутъ происходить сеймики. Я велѣлъ прибавить, что императрица, усиливъ правительство для поддержанія порядка и выполненія договоровъ, намѣрена серьезно покровительствовать свободѣ націи и поэтому желаетъ свободнаго сейма. Это произвело очень хорошее впечатлѣніе; если все останется въ томъ же положеніи, какъ теперь, то надобно исполнить это обѣщаніе, ибо оно, съ одной стороны, поведетъ къ общему успокоенію, а съ другой—воспрепятствуетъ королю употребить во зло власть, какую даютъ ему конфедераціи".

Въ половинѣ августа Штакельбергъ увѣдомилъ, что сеймики происходили безъ присутствія русскихъ войскъ. Духъ свободы господствовалъ до такой степени, что на многихъ изъ нихъ обнажены были сабли; но это очень понравилось шляхтѣ, она осталась довольна Русскими, которые не мѣшали ей, и при этомъ расположеніи умовъ долженъ былъ открыться сеймъ. Нетрудно было предвидѣть, по мнѣнію посла, что сеймъ будетъ шуменъ, быть можетъ, и разорвется; но Россія достигнетъ главной цѣли: съ одной стороны, давъ выходъ націи, а съ другой — утишивъ головокруженіе и смуту.

Оставалось немного дней до сейма, назначеннаго на 24 сентября, а о королѣ, о его отношеніяхъ къ сейму не было слышно, хотя послу было извѣстно, что Станиславъ-Августъ, обрадованный превосходствомъ своей партіи, хочетъ, чтобъ этотъ сеймъ былъ похожъ на сеймъ 1766 года. Король скрывалъ свои намѣренія отъ великаго канцлера и маршала Ржевусскаго, которыхъ Штакельбергъ прямо называлъ своими представителями при королѣ; послѣдній даже жилъ при Дворѣ для наблюденія за маленькою политикою передней. Станиславъ-Августъ не говорилъ ничего Штакельбергу о ходѣ дѣлъ вообще, даже о выборѣ сеймового маршала, и посолъ молчалъ, чтобъ вмѣшательствомъ въ дѣлѣ не давать чувствовать русской опеки. Но многіе вожди прежней оппозиціи явились къ Штакельбергу съ просьбою о помощи противъ выбора сеймового маршала, которымъ въ публикѣ назначаютъ Вольмера, депутата изъ Литвы, низкую креатуру государственнаго казначея Тизенгаузена,органа королевскаго, – а притѣсненія и злоупотребленія послѣдняго въ великомъ княжествѣ очень хорошо извѣстны. Штакельбергъ отвѣчалъ, что въ извѣстныхъ чувствахъ императрицы они найдутъ твердую опору противъ притѣсненій и деспотизма; посолъ прибавилъ, что выборы въ маршалы еще не произведены, и онъ надѣется на возможность избѣжать Вольмера. Сейчасъ же послѣ того при Дворѣ разнесся слухъ, что русскій посолъ принимаетъ роль посредника между королемъ и націею; тонъ рѣчей многихъ депутатовъ вслѣдствіе этого перемѣнился, и король пригласилъ къ себѣ Штакельберга. Посолъ началъ доказывать Станиславу-Августу всю недостаточность плана установить неограниченную власть въ провинціяхъ съ помощію духа партій, отличающагося нетерпимостію, преслѣдованіемъ, судебными злоупотребленіями, тираніею чиновниковъ, чему, между прочимъ, поразительнымъ примѣромъ служитъ г. Тизенгаузенъ. Посолъ указывалъ другую систему правосудія и справедливости. Тогда не будетъ больше партій, съ которыми королю приходилось бы бороться; исключительно занятый великими интересами Россіи и Польши, король освободился бы отъ всѣхъ этихъ провинціальныхъ дрязгъ, которыя дѣлаютъ ему столько непріятелей. Посолъ окончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что императрица, въ обширномъ управленіи своею имперіею поставивъ самымъ дорогимъ предметомъ покровительство правосудію и собственности, будетъ, наконецъ, принуждена объявить въ Польшѣ, что ея участіе въ дѣлахъ этой страны ни мало не содѣйствовало

злоупотребленіямъ, вкравшимся въ судебныя отправленія провинцій. Король обѣщалъ торжественно слѣдовать совѣтамъ посла, и между ними заключенъ былъ маленькій договоръ въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) исключеніе Вольмера изъ кандидатовъ въ маршалы; 2) назначеніе въ эту должность Тышкевича, честнаго человѣка; 3) принятіе новой системы, состоящей въ поддержкѣ самаго строгаго правосудія.

Тышкевичъ былъ выбранъ въ маршалы,—и свободный сеймъ началъ свои работы совершенно согласно съ желаніями посла. Но внѣшнія отношенія явились помѣхою. На сеймѣ раздались громкіе вопли противъ торговыхъ притѣсненій на Вислѣ, противъ несоблюденія Пруссіею послѣдняго торговаго договора. Въ первомъ движеніи негодованія хотѣли запереть королевство для прусской торговли; но Штакельбергъ постарался не допустить до этого рѣшенія представленіями, что между Россіею и Пруссію дружба, союзъ. Тогда рѣшили передать прусскому резиденту ноту съ требованіемъ соблюденія договора и въ то же время просить посредничества Русской императрицы. „Эта страна", писалъ Штакельбергъ, „лишенная денегъ, подъ тяжестію монополіи, которая ее постепенно уничтожаетъ, представляетъ самую ужасную картину; торговый балансъ на милліонъ червонныхъ противъ Польши. Несчастная страна умоляетъ о помощи свою благодѣтельницу. Въ русскомъ интересѣ уменьшить затрудненія, испытываемыя Польшею, потому что, если дѣла останутся въ прежнемъ положеніи, наша торговля такъ-же пострадаетъ: нѣтъ никакой выгоды въ торговлѣ со страною, доведенною до такой крайности. Представленія ея императорскаго величества тѣмъ болѣе будутъ имѣть вѣса у ея союзника, что обстоятельства политическія имъ благопріятны. Я имѣлъ основанія внушить прусскому резиденту, что въ настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ я не могу отвѣчать, чтобъ нація не высказалась въ пользу Австріи, если Пруссія будетъ продолжать доводить ее до отчаянія".

Но этимъ дѣло не кончилось. Вѣнскій Дворъ сталъ поднимать конфедерацію въ польскихъ областяхъ, сосѣднихъ съ Галиціею. Гетманъ польный Ржевусскій, объѣхавъ Краковское, Сендомирское и Волынское воеводства съ призывомъ къ возстанію, поѣхалъ въ Вѣну для переговоровъ. Подговоры начались и въ Варшавѣ. Какой-то господинъ, по виду Французъ, ночью на 25-е октября явился къ Пулавскому, племяннику знаменитаго конфедерата, съ предложеніями вступить въ новую конфедерацію. Штакельбергъ не могъ узнать имени этого эмиссара, Ревицкій еще не дѣйствовалъ открыто, но въ разговорѣ съ графомъ Менчинскимъ, старымъ барскимъ конфедератомъ, выразилъ свое удивленіе насчетъ власти, какую имѣетъ Россія въ Польшѣ, и спрашивалъ, неужели не найдется людей, которые бы приняли сторону Австріи. Австрійцы выслали въ Польшу людей для набора рекрутъ: Штакельбергъ велѣлъ захватить одного изъ нихъ въ самой Варшавѣ.

1-го ноября Штакельбергъ извѣщалъ съ восторгомъ о правильномъ окончаніи свободнаго сейма, который не стоилъ ни гроша казнѣ ея в—ства; посолъ поздравлялъ Панина съ этимъ окончаніемъ, которое служило пробнымъ камнемъ системы, введенной въ Польшѣ имъ, Панинымъ,—системы, соединяющей республиканскую форму съ вліяніемъ Россіи. 27 ноября пріѣхалъ въ Варшаву князь Репнинъ проѣздомъ къ Прусскому королю, и писалъ Панину, что нашелъ въ польской столицѣ большую перемѣну: люди, которыхъ онъ зналъ первыми богачами и первыми вельможами страны, принуждены сдѣлать значительныя перемѣны въ образѣ жизни; это такъ бросается въ глаза, что видишь себя не въ столицѣ, а въ бѣдной провинціи, и все это происходитъ отъ чрезвычайнаго уменьшенія денегъ въ странѣ. Репнинъ нашелъ умы въ сильномъ волненіи по поводу Прусско-Австрійской войны. Многіе вельможи думали, что они должны принять участіе въ войнѣ, въ надеждѣ улучшить этимъ свое положеніе, и Репнину показалось, что король былъ того же мнѣнія; но бо́льшая часть главныхъ вельможъ имѣютъ обширныя владѣнія въ Галиціи—и это связываетъ имъ руки. Съ другой стороны шляхта, буйная и бѣдная какъ всегда, конечно, воспользуется первымъ предложеніемъ и вступить въ службу какого бы то ни было государства, чтобъ удовлетворить своей охотѣ повоевать, пограбить, покормиться на чужой счетъ.

Изъ Швеціи Симолинъ далъ знать отъ 8 іюня, что маіоръ Пайкуль, самый ревностный изъ членовъ русской партіи, пріѣзжалъ къ нему изъ деревни въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ, что въ провинціяхъ распространяются слухи, будто Петербургскій Дворъ находится въ полномъ согласіи съ королемъ Густавомъ и относительно Шведскихъ дѣлъ совершенно перемѣнилъ систему. Симолинъ увѣрилъ его, что слухи эти не имѣютъ никакого основанія, что Русскій Дворъ можетъ казаться равнодушнымъ къ Шведскимъ дѣламъ, пока не увѣренъ въ сохраненіи мира съ Портою; но когда съ этой стороны дѣла уладятся и отношенія получатъ твердость, то наши шведскіе друзья испытаютъ, что мы неспособны жертвовать своими истинными интересами, равно какъ интересами своихъ друзей какимъ-нибудь личнымъ видамъ; они найдутъ насъ всегда готовыми содѣйствовать всѣмъ мѣрамъ, какія они сочтутъ самыми приличными для возстановленія шведской свободы и для приведенія дѣлъ въ возможно лучшее состояніе. Пайкуль былъ доволенъ этимъ объясненіемъ и, на другой день, отправился въ деревню, давши обѣщаніе поддерживать надежды друзей свободы и неудовольствіе народное, которое возрастаетъ день-ото-дня вслѣдствіе тяжести налоговъ. Осенью собрался сеймъ. Русскій повѣренный въ дѣлахъ, Рикманъ, замѣнившій Симолина, доносилъ своему Двору, что

выборы избирателей были не въ пользу русской партіи: исключая пяти или шести лицъ—въ дворянскомъ сословіи и одного,много двухъ—въ духовномъ, всѣ остальные были люди, отличавшіеся полною приверженностію къ королю. Но колпаки были довольны тѣмъ, что старый національный духъ, благодаря графу Ферзену, сталъ пробуждаться. Ферзенъ велъ себя съ величайшею осторожностью относительно короля, испытывалъ почву, старался пріобрѣсть какъ можно больше друзей, направлялъ самого короля согласно съ своими идеями посредствомъ представленій почтительныхъ и законныхъ. Ферзенъ пріобрѣлъ величайшее уваженіе; въ дворянской палатѣ слушали его какъ оракула, отъ котораго всѣ ждали своего спасенія. Король, видя такое могущество, боялся Ферзена и уступалъ ему. Но борьба между ними загорѣлась по самому существенному пункту, когда Ферзенъ началъ стараться отнять у короля распоряженіе банкомъ. Всѣ поняли, въ чемъ дѣло, и всѣ приверженцы конституціоннаго порядка собрались около Ферзена безъ различія шляпъ и колпаковъ. Тогда король объявилъ прямо сейму свою волю относительно управленія банкомъ и велѣлъ распустить слухъ, что рѣшился схватить всѣхъ тѣхъ, которые будутъ противиться его волѣ, не исключая и Ферзена. Цѣль была достигнута: сопротивленія не оказалось, и депутаты начали толпами покидать сеймъ; колпаковъ уѣхало столько, что Рикманъ опасался потерять всѣ каналы, чрезъ которые получалъ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ: Пайкуль, Гилленсванъ, Лагерсвердъ уѣхали; другіе заболѣли или объявили себя больными, или дотого перепугались, что перестали подходить къ русскому министру; а которые не порвали съ нимъ связей,—тѣ цѣнили свои услуги на вѣсъ золота. Самъ Ферзенъ заперся въ своей комнатѣ, не пуская къ себѣ никого, кто могъ быть подозрителенъ королю и, объявляя, что не хочетъ болѣе мѣшаться ни во что, а между тѣмъ сносился съ королевскими друзьями и самимъ королемъ, который сталъ принимать его очень благосклонно. Рикманъ не могъ переговорить съ нимъ лично, ни черезъ другихъ.

Насчетъ Даніи въ Петербургѣ могли быть покойны вслѣдствіе донесеній новаго русскаго министра при Копенгагенскомъ Дворѣ, Сакена. Послѣдній писалъ, что интриги и столкновенія, неизбѣжныя въ настоящемъ датскомъ правительствѣ, касаются только людей, управляющихъ внутренними дѣлами страны, и нисколько не затрагиваютъ политической системы, которая остается всегда одна и та же, какъ самая естественная и полезная для Даніи. Таковъ принципъ, установленный въ совѣтѣ и при Дворѣ, и надобно думать, что онъ останется непоколебимъ. Поэтому Сакенъ принялъ для себя правиломъ—стараться знать все, но прямо не вмѣшиваться въ эти споры.—Когда получено было извѣстіе о шведскомъ сеймѣ, то датскому министру въ Стокгольмѣ послано было приказаніе объявить русскому министру при Шведскомъ Дворѣ, что Датскій Дворъ будетъ во всемъ сообразоваться съ желаніемъ Русскаго.

Для заключенія союза пріѣхалъ въ Петербургъ новый экстраординарный посланникъ и полномочный министръ Гаррисъ. Онъ передалъ гр. Панину ноту, въ которой говорилось, что Великобританскій король рѣшилъ вооружиться всѣми своими силами противъ оскорбленія, нанесеннаго его достоинству со стороны Франціи. Въ такихъ обстоятельствахъ королю естественно искать союза государствъ, которыя, по сходству своего положенія, должны имѣть тѣ же самыя чувства. Россія часто испытывала слѣдствія зависти и честолюбія Версальскаго Кабинета. Несмотря на то, что Россія всегда брала верхъ надъ ея предпріятіями, по великодушію своей государыни и обилію своихъ средствъ, неутомимая злоба Франціи продолжаетъ стоять твердо въ своихъ гибельныхъ намѣреніяхъ; стараясь лишить Англію союзника самаго страшнаго и самаго естественнаго, она употребляетъ всѣ средства, внушаемыя самою злостною политикою, для ободренія Турокъ къ разрыву мира съ Россіею. Наступило время, когда всѣ побужденія частнаго и взаимнаго интереса заставляютъ Дворы Петербургскій и Лондонскій тѣсно соединиться для противодѣйствія честолюбивымъ видамъ Бурбонскаго Дома. Касательно дѣлъ Германскихъ король намѣренъ держаться законовъ и конституцій имперіи. Впрочемъ, рѣшеніе вопроса о средствахъ, которыя должны быть употреблены для этой цѣли, зависитъ отъ обстоятельствъ и особенно отъ обнаруженія настоящихъ намѣреній Франціи,—останется ли она при своемъ старомъ союзникѣ, или соединится съ королемъ Прусскимъ, или останется нейтральною. Въ первомъ случаѣ и если Франція попытается еще разъ употребить свои силы въ Германіи, то система, приличная для Сѣвера, обозначится ясно и очевидно; эта система, проведенная энергически и согласно, образуетъ союзъ, могущій держать въ почтеніи остальную Европу. Россія будетъ имѣть первое мѣсто въ этомъ союзѣ, будетъ играть великую роль, на которую имѣетъ право по своему могуществу, по своимъ обширнымъ средствамъ и по совершенству своего настоящаго правительства. Основаніемъ системы долженъ служить непосредственный союзъ между Англіею и Россіею.

Въ проектѣ этого союза, который сообщилъ Гаррисъ, попрежнему Турція „исключалась изъ случая союза" по торговымъ интересамъ Англіи; при этомъ высказывалось желаніе, чтобъ Россія помогала Англіи флотомъ, такъ какъ съ восшествія на престолъ Екатерины II Россія сдѣлалась морскимъ государствомъ очень почтеннымъ, и соединеніе ея флота съ великобританскимъ произведетъ сильное впечатлѣніе.

Екатерина велѣла отвѣчать: изъ всѣхъ государствъ, которыя могутъ имѣть прямое столкновеніе съ Россіею, одна Порта можетъ обращать на себя все ея вниманіе, слѣдовательно противъ нея

важно было заручиться союзами. За этимъ главнымъ предметомъ слѣдуетъ спокойствіе Сѣвера; но этотъ вопросъ имѣетъ бо́льшую или меньшую важность смотря по тому, является ли онъ одинъ или въ соединеніи съ безпокойствами со стороны Турціи. Всѣ другія отношенія суть второстепенныя. Какимъ же образомъ императрица откажется отъ союзнической помощи противъ единственнаго сильнаго и опаснаго непріятеля въ то самое время, когда предвидитъ немедленное начатіе съ нимъ войны, когда сама обяжется помогать Англіи противъ главнаго ея врага? Россія вела войну съ Портою и можетъ вести еще безо всякихъ послѣдствій для другихъ державъ европейскихъ; тогда какъ малѣйшее столкновеніе въ Америкѣ влечетъ необходимо европейскую войну, которая потребуетъ приложенія всѣхъ договорныхъ обязательствъ. Что касается Германіи, то императрица не можетъ быть равнодушна къ событіямъ, которыя могутъ нарушить спокойствіе этой страны или ея конституцію. Близость Германіи къ Россіи, отношенія послѣдней ко многимъ членамъ имперіи, ея обязательства или союзы съ главными Германскими Дворами предписываютъ императрицѣ политику твердую и постоянную относительно Германской имперіи, и не позволяютъ ей подчинять свое поведеніе поведенію какого-нибудь посторонняго государства, какъ Франція. Такимъ образомъ, императрица съ крайнимъ огорченіемъ видитъ невозможность заключить союзъ на предлагаемыхъ условіяхъ.

Вмѣсто переговоровъ о союзѣ, Русскій Дворъ долженъ былъ передать Гаррису ноту совершенно другого рода. Вслѣдствіе жалобъ русскихъ судохозяевъ, потерпѣвшихъ притѣсненія отъ англійскихъ кораблей, сдѣланы были представленія Лондонскому Кабинету, и король строго предписалъ своимъ арматорамъ и другимъ начальникамъ кораблей уважать русскій флагъ. Несмотря однако на это строгое предписаніе, пришла новая жалоба. Брандтъ, капитанъ русскаго корабля „Св. Петръ", намѣревался плыть изъ Бордо на островъ С. Доминго въ Портъ-о-Прэнсъ, и, хотя всѣ бумаги его были въ порядкѣ и товары на его кораблѣ были самаго невиннаго свойства, онъ былъ остановленъ на дорогѣ англійскимъ арматоромъ, который захватилъ 14 человѣкъ экипажа, перевелъ ихъ на свой корабль, а остальное отправилъ въ Жерзей. Владѣлецъ корабля „Св. Петръ", бригадиръ Соймоновъ, подалъ императрицѣ жалобу, и русскій министръ въ Лондонѣ получилъ приказаніе вытребовать освобожденіе корабля, возвращеніе товаровъ и вознагражденіе Соймонову за потерю.

1779.

2-го января Репнинъ обѣдалъ у короля, который, отведя его въ сторону, началъ говорить о разглашеніяхъ, дѣлаемыхъ Вѣнскимъ Дворомъ въ Германіи: будто великій герцогъ Тосканскій даетъ взаймы императору семнадцать милліоновъ гульденовъ на продолженіе войны; будто Испанскій король обѣщалъ десять милліоновъ піастровъ; что министры майнцскій и кельнскій внушали въ Регенсбургѣ ганноверскому министру сдѣлать отъ имени имперіи представленіе, чтобъ король Прусскій, для общаго мира, оставилъ намѣреніе присоединить маркграфства Анспахское и Байрейтское ко владѣніямъ старшей линіи Бранденбургскаго Дома. На основаніи этихъ разглашеній, Фридрихъ выражалъ сомнѣніе въ искренности миролюбивыхъ желаній Вѣнскаго Двора, т. е. императора и кн. Кауница, хотя относительно миролюбія императрицы-королевы сомнѣваться нельзя; но въ Вѣнѣ двѣ партіи, и потому нельзя считать мира вѣрнымъ, не зная, которая изъ нихъ возьметъ верхъ,— материнская или сыновняя. Король упоминалъ и объ отзывахъ императора, который будто часто говоритъ, что не противится миру единственно изъ почтенія къ матери, а собственно съ ея мыслями не согласенъ. Репнинъ отвѣчалъ, что Франція, представляя планъ примиренія, не могла этого сдѣлать безъ согласія Вѣнскаго Двора; что же касается разныхъ разглашеній, то ихъ должно приписать двойной политикѣ князя Кауница, который, быть можетъ, хочетъ этимъ средствомъ запугать и поскорѣе склонить Пруссію къ миру.

Пруссія была согласна принять мирный проектъ, представленный Франціею,— и дѣло останавливалось только за Саксоніею. Въ пользу этой страны отъ Австріи требовалось, чтобъ она заплатила Саксонскому курфюрсту милліонъ талеровъ и отказалась отъ ленныхъ правъ на нѣкоторыя части Саксоніи. Репнинъ высказалъ прусскимъ министрамъ свое мнѣніе, что изъ-за этихъ двухъ пунктовъ не стоитъ продолжать войны. Но прусскіе министры отвѣчали, что отъ денегъ отступиться легче, но трудно позволить Вѣнскому Двору оставить за собою ленныя права на Саксонію, ибо, только заставивъ его отказаться отъ нихъ, Саксонія избѣжитъ его мщенія: эти ленныя права постоянно даютъ поводъ ко всевозможнымъ придиркамъ. „Если отъ этихъ ленныхъ правъ Австрія не отступится, то трудно будетъ заключить миръ", писалъ Репнинъ Панину 12-го января.

Въ послѣдній день января Репнинъ далъ знать, что Прусскій король согласился на всѣ представленія французскія и австрійскія, и если еще идетъ рѣчь о ленныхъ правахъ въ Саксоніи, то отреченіе отъ нихъ со стороны Австріи не ставится уже непремѣннымъ условіемъ, но единственно желаніемъ, въ надеждѣ, что въ исполненіи его отказа не будетъ.

18-го февраля извѣстный намъ баронъ Бретейль, находившійся теперь французскимъ посломъ въ Вѣнѣ, писалъ Репнину, что Марія-Терезія согласна на всѣ существенныя условія мира; но онъ никакъ не могъ убѣдить Вѣнскій Дворъ уступить Саксонскому курфюрсту извѣстныя феодальныя права въ его странѣ, ибо это отняло бы у королевства Богемскаго чрезвычайно важный почетъ.

Въ томъ же письмѣ Бретейль предложилъ мѣстомъ съѣзда для окончательнаго подписанія мирнаго договора три города—Троппау, Егерндорфъ или Тешенъ—на выборъ Репнина, прося русскаго уполномоченнаго назначить день съѣзда. Репнинъ отвѣчалъ, что, по соглашенію съ Прусскимъ Дворомъ, онъ выбираетъ Тешенъ и срокомъ для съѣзда назначаетъ 10-е марта н. с., и этотъ день долженъ считаться началомъ срока перемирія. Но прежде этого срока Австрійцы сожгли Нейштадтъ. Это сильно разсердило Фридриха, и, отпуская Репнина въ Тешенъ, онъ сказалъ ему, что единственно изъ уваженія къ Русской императрицѣ онъ не разорвалъ мирныхъ переговоровъ. „Какъ я искренно и совершенно мира ни желаю", сказалъ король, „однако войны не боюсь и не имѣю причины бояться".—„Конечно, всѣ дѣла вашего величества", отвѣчалъ Репнинъ, „которыми вы пріобрѣли неоспоримую и безсмертную славу, несомнѣнно доказываютъ справедливость этихъ вашихъ словъ. Но, съ другой стороны, я увѣренъ, что ваше величество считаете для себя столь же славнымъ дать миръ Германіи и своимъ человѣколюбіемъ утвердить спокойствіе почти всей Европы. Я имѣю извѣстіе отъ фельдмаршала, графа Румянцева, что вся турецкая армія идетъ отъ Дуная къ Днѣстру, и большею частію именно къ Хотину; Австрійцы усиливаются въ Галиціи, а это предвѣщаетъ не только войну Порты съ нами, если миръ въ Германіи заключенъ не будетъ, но, можетъ быть, и согласное дѣйствіе Австрійцевъ съ Турками для возмущенія Польши. Эти обстоятельства, конечно, требуютъ большаго вниманія, и я прилежно прошу ваше величество прилежно объ этомъ размыслить". Фридрихъ ни чего не отвѣчалъ на это.

10-го марта уполномоченные съѣхались на конгрессъ въ Тешенъ; французскій уполномоченный, баронъ Бретейль, сообщилъ Репнину проекты трактатовъ Вѣнскаго Двора и получилъ отъ Репнина проекты прусскіе, причемъ русскій уполномоченный увидалъ, что проекты вѣнскіе не въ примѣръ больше отдаляются отъ французскаго плана, чѣмъ прусскіе, и Репнинъ писалъ Панину, что еще нельзя съ вѣрностію сказать, будетъ ли миръ или война. Отъ 22-го марта Репнинъ писалъ: „Дѣла директныя между Вѣнскимъ Дворомъ и королемъ Прусскимъ сближаются: Саксонскіе съ Пфальцскимъ Дворомъ по сихъ поръ не соглашаются, и опасно крайне, чтобъ изъ оныхъ все примиреніе не разорвалось. Король Прусскій съ великимъ жаромъ на семъ пунктѣ настоитъ, а Вѣнскій Дворъ хотя и началъ уже домогаться у Пфальцскаго, чтобъ саксонскія претензіи имъ удовольствованы были, однако тѣ домогательства не столько, знать, сильны и рѣшительны были, чтобъ произвесть могли желаемый и окончательный успѣхъ. Съ другой же стороны, вѣнскій здѣсь министръ подкрѣпляетъ пфальцскихъ и требуетъ умѣренности въ саксонскихъ претензіяхъ, чѣмъ болѣе въ недовѣренность и раздраженіе прусская сторона приводится. Г. Бретейль Пфальцскому Двору писалъ довольно сильно; впрочемъ, считаетъ онъ, что Вѣнскій Дворъ всю непріятность и все усиліе противъ Пфальцскаго Двора хочетъ взбросить на Версальскій, и потому съ нѣкоторою осторожностію въ семъ дѣлѣ идетъ; я-жъ всякими домогательствами и резонами, извлеченными изъ интереса и славы нашихъ обоихъ Дворовъ скорѣе съ успѣхомъ окончить примиреніе, пихаю его сколь возможно къ рѣшительнымъ поступкамъ. Съ другой стороны, король Прусскій теряетъ терпѣніе и, опасаясь, чтобъ Вѣнскій Дворъ не имѣлъ въ видѣ довести его до мира, исключа изъ онаго удовлетвореніе Саксоніи, чуть-было не отозвалъ своего отсель полномочнаго; но, по счастію, министерство его Прусскаго величества предуспѣло отклонить сіе намѣреніе; однако таковое положеніе дѣлъ понудило меня директно къ его величеству писать съ просьбою, чтобъ продолжено было еще перемиріе. Равнымъ образомъ почелъ я нужнымъ прямо въ Дрезденъ къ г. Лизакевичу писать съ тѣмъ, чтобъ онъ мое письмо показалъ министерству саксонскому, въ которомъ я просилъ соглашенія его курфюрстской свѣтлости принять во удовлетвореніе четыре милліона талеровъ, все деньгами, а не землями, зная я совершенно, что на сіе Пфальцскій Дворъ скорѣе согласится, нежели на часть деньгами и на часть землями, и слѣдственно хотѣлъ я имѣть еще одинъ способъ болѣе готовымъ къ доведенію дѣлъ къ желаемому пункту. Саксонскій Дворъ на сіе не согласился съ нѣкоторыми объясненіями, какъ то обыкновенно дѣлаютъ всѣ тѣ, которые желаютъ какъ бы нибудь и чѣмъ бы ни есть болѣе выиграть. Теперь зависитъ все по большей части отъ отвѣта Пфальцскаго Двора, къ которому отправлены уже отъ г. Брейтеля рѣшительныя требованія прусскія и саксонскія. Сей отвѣтъ не можетъ здѣсь и быть прежде 2-го или 3-го апрѣля, и тогда только можно будетъ увидѣть и сказать, миръ ли будетъ или война. Когда мы всѣ, начиная съ короля Прусскаго, льстились, что здѣшній съѣздъ болѣе почти дѣла имѣть не будетъ, какъ только подписать трактаты, тогда по несчастію крайне всѣ ошиблись. Хлопоты, заботы и затрудненія здѣсь ежедневно и, такъ сказать, почти на всякомъ словѣ встрѣчаются. Виды, знать, скрытные Вѣнскаго Двора и развратность курфюрста Пфальцскаго, произведеннаго, кажется, на возмущеніе Германіи, съ презрѣніемъ всѣхъ и вредомъ собственнымъ, препятствія безконечныя рождаютъ".

Фридрихъ II отвѣчалъ Репнину, что не согласенъ продлить перемирія долѣе 15-го апрѣля, если не окажется, что въ Вѣнѣ серьезно желаютъ мира. Фридрихъ приписалъ собственноручно: „Вы уполномоченный моей вѣрной союзницы, и потому я отъ васъ не скрываю своихъ мнѣній. Вотъ какъ я смотрю на поведеніе Вѣнскаго Двора: курфюрстъ-палатинъ есть маріонетка; Кауницъ заставляетъ его играть, и я имѣю въ виду актера, а не маріо-

нетку. Если эти господа хотятъ мира, то пусть его заключаютъ; а если хотятъ насъ обмануть, складывая вину разрыва на курфюрста-палатина, то я вамъ прямо объявляю, что не желаю быть обманутымъ. Ожидаю отвѣта изъ Вѣны и на его основаніи рѣшусь продолжить перемиріе. Прошлый годъ я былъ слишкомъ снисходителенъ и былъ проведенъ этими господами; можно было обмануть разъ: это можетъ случиться со всякимъ, когда имѣешь дѣло съ мошенниками, но если кто два раза обманутъ, то это такой титулъ, котораго я не домогаюсь".

5-го апрѣля Репнинъ писалъ, что, наконецъ, полученъ отвѣтъ отъ Мюнхенскаго Двора, который согласился заплатить Саксоніи шесть милліоновъ гульденовъ или четыре милліона талеровъ. Но тутъ же Репнинъ писалъ, что „игрушка" Вѣнскаго Двора, который принудилъ курфюрста Пфальцскаго сопротивляться непосредственному участію въ конвенціи герцога Цвейбрикенскаго и гарантіи ихъ договоровъ, чуть было не разорвалъ конгрессъ: „Король Прусскій приказалъ-было своему министру здѣсь объявить, что онъ ни на одинъ годъ перемирія не продолжитъ, если Саксонскія и герцога Цвейбрикенскаго дѣла до того срока кончены не будутъ. Сколько я ни склонялъ г. Ридезеля, чтобъ отмѣнить совсѣмъ сіе объявленіе, но не могъ на оное его уговорить, какъ только чтобы онъ, по малой мѣрѣ, таковой формальной декларацiи не дѣлалъ, а сказалъ бы просто въ разговорѣ, что всѣ минуты дороги и что нужно спѣшить сими двумя дѣлами, по причинѣ скораго приближенія срока перемирія. Если бы г. Ридезель не столь скромный былъ человѣкъ, то бы конечно, по запальчивости его Двора, все здѣсь уже разорвано было, особливо по предписаніямъ ихъ министерства, въ которыхъ главнѣйше участвуетъ г. Герцбергъ". Репнинъ писалъ къ кн. Голицыну въ Вѣну, чтобъ тотъ отговаривалъ тамошній Дворъ отъ подобныхъ игрушекъ, а Голицынъ сообщилъ ему отвѣтъ Кауница, что прусскія требованія противны достоинству Австрійскаго Дома, что съ особеннымъ жаромъ указываетъ императоръ Іосифъ. Репнинъ въ письмахъ къ Голицыну защищалъ прусскія требованія, указывая, что самъ Вѣнскій Дворъ прежде согласился на непосредственное участіе герцога Цвейбрикенскаго въ конвенціи, и на то, чтобъ права всѣхъ линій Палатинскаго Дома на Баварію были поставлены внѣ всякаго спора. Но баронъ Бретейль и австрійскій уполномоченный, графъ Кобенцль, получили изъ Вѣны депеши, что прусскія предложенія были приняты императоромъ Іосифомъ съ „чрезвычайнымъ жаромъ и запальчивостію"; онъ не соглашался, чтобъ австрійское министерство дало на нихъ письменный отвѣтъ. Императрица-королева три дня его уговаривала и успокоивала, но ничего не могла сдѣлать. Съ другой стороны, не разъ присылалъ онъ кн. Кауницу собственноручные проекты отвѣтовъ Прусскому королю; но они были такъ неумѣренны и горячи, что кн. Кауницъ отказался послать ихъ въ Тешенъ, видя, что они должны вести къ возобновленію войны. Тогда Іосифъ послалъ Кобенцлю приказаніе объявить, что Вѣнскій Дворъ никакихъ уступокъ больше не сдѣлаетъ, и въ волѣ Прусскаго короля заключить на этомъ основаніи миръ или нѣтъ. Однако при этомъ Бретейль и Кобенцль были уполномочены объявить, что императрица-королева соглашается гарантировать фамильные договоры Пфальцскаго Дома, но болѣе ничего не уступитъ. — „Горячѣе всего", писалъ Репнинъ Панину, „принимаетъ Вѣнскій Дворъ требованіе короля Прусскаго гарантировать конвенціи, включаемыя въ трактатъ, а потомъ съ досадою объясняется по поводу разныхъ мелочей, требованныхъ прусскимъ министерствомъ, или, лучше сказать, горячею головою г. Герцберга, какъ то, чтобъ сказано было: „Императрица-королева отказывается отъ своихъ правъ на Миндельгеймъ", а не „уступаетъ Миндельгеймъ", и проч. Я не могу себѣ представить, чтобы для такихъ мелочей, принадлежащихъ къ юриспруденціи германской, король Прусскій захотѣлъ разорвать миръ, но признаюсь однакожъ, что теперь мы находимся въ самомъ послѣднемъ кризисѣ. Между тѣмъ, зная скромность г. Ридезеля, его искреннее и жаркое усердіе къ миру, тожъ его привычку конфиденто объясняться съ королемъ, давъ ему выразумѣть всѣ обстоятельства и всю важность настоящаго кризиса и положенія дѣлъ, оставилъ я ему о семъ подробное донесеніе сдѣлать его Прусскому величеству, понеже всякія отъ него, какъ отъ собственнаго министра, разсужденія и представленія меньше колки покажутся сему государю, нежели-бъ я ихъ дѣлалъ, а пунктъ запальчивости и персональности здѣсь, по несчастію, весьма великъ и, такъ сказать, почти главнѣйшій съ обѣихъ сторонъ".

Донесеніе свое отъ 8-го апрѣля Репнинъ начинаетъ словами: „Еще новое игрище здѣсь было представлено, которое насъ всѣхъ чрезвычайно потревожило". Игрище состояло въ томъ, что 7-го числа Бретейль получилъ письмо отъ курфюрста Пфальцскаго, гдѣ тотъ объявлялъ свое несогласіе на ручательство четырьмя державами его фамильныхъ договоровъ, и писалъ, что скорѣе согласится на прямое участіе герцога Цвейбрикенскаго въ его конвенціи съ императрицею-королевою. Репнинъ и Ридезель сказали откровенно Бретейлю, что безъ гарантіи фамильныхъ договоровъ Пфальцскаго Дома миръ заключенъ быть не можетъ. Тутъ является графъ Кобенцль и, слыша, какъ рѣшительно отзываются уполномоченные Россіи и Пруссіи, отзываетъ Бретейля въ другую комнату и сообщаетъ ему подъ секретомъ, что пфальцскій уполномоченный получилъ вторичное повелѣніе въ самой крайности согласиться на гарантію. Бретейль сейчасъ же разсказалъ объ этомъ Репнину, а тотъ Ридезелю, и всѣ успокоились.— „Но при томъ", писалъ Репнинъ, „нельзя было намъ безъ крайней чувствительности видѣть всю двоякость Вѣнскаго Двора, ко-

корый играетъ, какъ куклою, курфюрстомъ Пфальцскимъ и насъ въ сію шутку вводитъ. Однако для успѣха дѣлъ согласились мы дать время пфальцскому министру его комедію вчерась играть, а нынѣ сказали ему, что война опять начнется, если они не согласятся на гарантію ихъ фамильныхъ пактовъ. Послѣ чего, по многимъ и различнымъ арлекинствамъ, наконецъ согласился пфальцскій полномочный именемъ своего государя на помянутую гарантію пактовъ". Относительно Саксоніи Репнинъ писалъ: „Сей Дворъ еще борется, желая всякимъ образомъ какъ-нибудь поболѣе схватить. Я, полагая, что нашъ главнѣйшій интересъ, наша слава и наше достоинство теперь требуютъ, чтобы скорѣе дѣла кончить, дабы желаемымъ рѣшеніемъ утвердилась притомъ инфлюенція нашего Двора въ Германіи, рѣшительные отвѣты Саксоніи дѣлаю, вѣренъ бывъ, что ихъ торговля не кончится, ежели мы ея не пресѣчемъ: и тако заключилъ я лучшимъ персональное противъ себя неудовольствіе дать Саксонскому Двору, нежели протянуть дѣла, и чрезъ то рѣшеніе ихъ сдѣлать невѣрнымъ. Впрочемъ, г. Брейтейль во всемъ ономъ со мною согласно дѣйствуетъ".

21-го апрѣля опять донесеніе отъ Репнина о новомъ „позорищѣ", разыгранномъ пфальцскимъ и вѣнскимъ министрами. Первый предложилъ, что его государь, согласясь на гарантію своихъ фамильныхъ договоровъ и соглашаясь утвердить ихъ особымъ актомъ между собою и герцогомъ Цвейбрикенскимъ, не соглашается однако, чтобъ въ статьѣ мирнаго договора, которою гарантія дается, было сказано: „поколику тѣ пакты не противны вестфальскимъ трактатамъ", считая такое выраженіе противнымъ своему достоинству. Австрійскій уполномоченный объявилъ, что его Дворъ самъ по себѣ смотритъ на это равнодушно, но, изъ уваженія къ курфюрсту Пфальцскому, приказалъ его желаніе подкрѣплять. Остальные уполномоченные поняли дѣло такъ, что Вѣнскій Дворъ прячется за Мюнхенскій и имъ играетъ, желая избѣжать гарантіи договоровъ, или повести къ тому, чтобъ Германская имперія не приступала къ миру, потому что выраженіе о непротивности новыхъ договоровъ Вестфальскому всегда вставляется для утвержденія правъ имперіи, утвержденныхъ Вестфальскимъ договоромъ.

Наконецъ пришло донесеніе отъ 2-го мая, начинавшееся словами: „Слава Богу! насилу кончилось здѣшнее хлопотное дѣло подписаніемъ мира". 5-го мая Репнинъ былъ уже въ Бреславлѣ, гдѣ на прощальной аудіенціи Фридрихъ II сказалъ ему, что онъ успѣхомъ мирныхъ переговоровъ обязанъ Русской императрицѣ, и Германская имперія обязана ей не только настоящимъ покоемъ, но и сохраненіемъ своихъ правъ. Репнинъ получилъ отъ него портретъ, украшенный бриллiантами, и 10,000 талеровъ.

10-го марта Стахіевъ заключилъ съ Портою конвенцію. Россія согласилась, чтобъ татарскіе ханы, по избраніи и возведеніи ихъ на ханство цѣлымъ народомъ, присылали къ Портѣ депутатовъ съ магзарами въ приличныхъ терминахъ, по установленной однажды навсегда примѣрной формѣ, съ торжественнымъ признаніемъ въ особѣ султанской верховнаго калифства, съ испрошеніемъ поэтому его духовнаго благословенія чрезъ присылку къ нимъ такихъ благословительныхъ грамотъ, какія приличны быть могутъ области вольной, независимой и съ Турками единовѣрной. Россія обѣщаетъ не прекословить и не противиться ничему, что необходимо нужно или свойственно быть можетъ ихъ единовѣрію, а Порта, съ своей стороны, обязуется ни въ чемъ не касаться гражданской и политической власти татарскихъ хановъ подъ предлогомъ духовной связи и вліянія, давать благословительную грамоту новому хану безъ малѣйшаго затрудненія и отговорки, не измѣнять въ этихъ грамотахъ ни одного слова. Обѣ имперіи взаимно обязуются не принимать никакихъ мѣръ безъ предварительнаго и полюбовнаго между собою соглашенія въ случаѣ какого-нибудь внезапнаго и внѣ конвенціи не предусмотрѣннаго приключенія относительно Татаръ. Русскій Дворъ обѣщаетъ вывесть всѣ свои войска изъ Крыма и Тамани въ три мѣсяца, а изъ Кубани въ три мѣсяца и 20 дней со дня подписанія конвенціи, и не вводить ихъ туда ни подъ какимъ видомъ; то же обѣщаетъ и Порта. Какъ скоро въ Константинополѣ получится вѣрное извѣстіе о переходѣ русскаго войска за Орскую линію, и какъ скоро явятся изъ Крыма новые депутаты съ новыми магзарами по условленной формѣ, тогда султанъ признаетъ ханомъ Шагинъ-Гирея и снабдитъ его благословительными грамотами. Русскій Дворъ обѣщаетъ употребить всѣ способы склонить хана и правительство крымское на добровольную уступку Турціи земли между Днѣстромъ, Бугомъ, польскою границею и Чернымъ моремъ. Порта обязуется отдѣлить отъ этихъ земель достаточную часть для составленія Очаковскаго уѣзда, прочія оставить впустѣ, исключая деревни и селенія, которыя теперь тамъ находятся, которыхъ именную роспись съ обозначеніемъ числа и рода ихъ жителей Порта сообщитъ Русскому Двору, съ обѣщаніемъ не дозволять тамъ никакихъ новыхъ заведеній, тоже допускать безмѣстныхъ бродягъ имѣть тамъ убѣжище. Порта обязуется выдать Русскому Двору перебѣжавшихъ въ ея области Запорожскихъ казаковъ, если они захотятъ воспользоваться амнистіею, жалуемою имъ императрицею; а въ противномъ случаѣ, Порта обязуется перевести ихъ на правую сторону Дуная и поселить внутри турецкихъ областей, какъ можно дальше отъ Чернаго моря. Порта дозволяетъ свободный проходъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое (Мраморное) такимъ точно торговымъ русскимъ судамъ, какія употребляются на турецкихъ водахъ другими народами, особенно Французами и Англичанами, какъ наиболѣе покровительствуемыми, именно, суда не должны имѣть грузу болѣе 16,000 киловъ или

8,000 кантарей, что на русскій вѣсъ составляетъ 26,400 пудовъ; число пушекъ и корабельныхъ служителей должно быть такое, какое находится на судахъ французскихъ и англійскихъ; употребленіе корабельныхъ служителей изъ турецкихъ подданныхъ дозволяется не иначе, какъ въ случаѣ нужды и съ вѣдома Порты. Порта обязуется не препятствовать никакимъ образомъ въ Молдавіи и Валахіи исповѣданію христіанскаго закона, постройкѣ новыхъ церквей и поправленію старыхъ; обязуется возвратить монастырямъ и частнымъ людямъ земли и владѣнія, прежде имъ принадлежавшія около Браилова, Хотина, Бендеръ и прочихъ мѣстъ, полагая срокъ съ Бѣлградскаго договора 1739 года; обязуется оставить въ неприкосновенномъ владѣніи имѣніями тѣхъ жителей обоихъ княжествъ, которые во время русскаго управленія были возстановлены въ своихъ правахъ; обязуется признавать и почитать духовенство съ должнымъ этому чину отличіемъ; наблюдать всякое человѣколюбіе и великодушіе въ наложеніи на нихъ денежной подати, которая должна собираться природными тамошними депутатами; возобновить и хранить свято первые хатишерифы, данные обоимъ княжествамъ по заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Каждое княжество имѣетъ право держать въ Константинополѣ своего повѣреннаго въ дѣлахъ изъ христіанъ Греческаго закона; этотъ повѣренный будетъ принимаемъ Портою благосклонно, какъ состоящій подъ покровительствомъ народнаго права; выговоренное Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ заступничество россійскаго министра при Портѣ за Молдавію и Валахію относится только къ этимъ условіямъ. Вмѣсто возвращенія Морейскимъ жителямъ по трактату прежнихъ ихъ имѣній и земель, которыя послѣ конфискаціи причислены были къ мечетямъ, вакуфамъ и другимъ духовнымъ учрежденіямъ, Порта обѣщаетъ дать имъ удовлетвореніе другими землями и выгодами, потери ихъ соразмѣрными.

Эта конвенція была не совсѣмъ согласна съ проектомъ ея, присланнымъ изъ Петербурга, относительно чего Стахіевъ писалъ императрицѣ: „На двоякое условіе относительно Запорожскихъ казаковъ съ обнадеживаніемъ великодушнаго вашего къ нимъ милосердія, не меньше какъ и на всѣ другія отмѣны и прибавки, я дерзнулъ поступить послѣ сильныхъ споровъ съ французскимъ посломъ и не предусматривая уже возможности къ преодолѣнію турецкаго упрямства, онымъ посломъ до самаго конца негоціаціи всюду подкрѣпляемаго; по тому же самому принужденъ я былъ согласиться какъ на короткій срокъ къ испражненію татарскихъ областей отъ побѣдоносныхъ вашего императорскаго величества войскъ, такъ и на установленіе слога и терминовъ въ магзарѣ и калифской грамотѣ, изъ коихъ въ первомъ съ превеликимъ трудомъ предуспѣлъ вычеркнуть присвояемое въ турецкомъ проектѣ названіе султана Турецкимъ государемъ“. Стахіевъ долженъ былъ обѣщать стараться, чтобъ Русскій Дворъ не настаивалъ на построеніи въ Перѣ особенной публичной Греческой церкви за домомъ русскаго министра. Договаривавшійся съ нимъ Абдулъ-Резакъ клялся, что Порта представляетъ объ этомъ единственно для отнятія повода къ новымъ непріятностямъ между Россіею и Турціею, а не отъ прихоти, не для уничтоженія статьи объ этомъ въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ договорѣ, о которой ни слова не сказано въ заключаемой конвенціи, чѣмъ Порта и признаетъ неприкосновеннымъ право Россіи на постройку церкви; Порта проситъ объ одномъ, чтобъ Россія не пользовалась этимъ правомъ или, по крайней мѣрѣ, соединила постройку особой Греческой церкви съ постройкою домовой внутри посольскаго дома. Стахіевъ писалъ, что можно купить сосѣдній домъ одного Армянина и обѣ церкви помѣстить вмѣстѣ такимъ образомъ, что публичная церковь можетъ имѣть особенный входъ съ улицы, и обѣ будутъ примкнуты къ одному изъ католическихъ монастырей. „Въ Перѣ“, писалъ Стахіевъ, „нѣтъ ни одной церкви греческаго исповѣданія, а католическихъ пять монастырей, которые всѣ закрыты стѣнами, домовыми и лавочными строеніями наподобіе магазиновъ, безъ всякаго наружнаго церковнаго вида“.

Въ отвѣтъ на свое донесеніе о заключенной конвенціи Стахіевъ получилъ отъ императрицы самый милостивый рескриптъ съ полнымъ одобреніемъ всего сдѣланнаго. Стахіевъ получилъ 1,000 душъ въ Бѣлоруссіи. Французскому послу С.-При онъ долженъ былъ объявить отъ собственнаго лица императрицы благоволеніе за его ревностные, полезные труды и помощь въ переговорахъ; русскій министръ при Версальскомъ Дворѣ долженъ былъ изъявить Людовику XVI-му „въ дружественнѣйшихъ израженіяхъ“, какъ императрица обязана его христіаннѣйшему величеству за тщательное и полезное содѣйствіе С.-При въ полюбовномъ окончаніи Турецкаго дѣла.

Естественнымъ слѣдствіемъ этого полюбовнаго окончанія дѣла было сверженіе враждебнаго Россіи рейсъ-эффенди Омеръ-эффенди и возведеніе на его мѣсто Абдулъ-Резака, ведшаго переговоры о конвенціи. Съ вѣдома и согласія Порты, Стахіевъ поѣхалъ въ патріаршую церковь, гдѣ былъ принятъ съ радостію и уваженіемъ; это онъ сдѣлалъ для удостовѣренія единовѣрнаго народа въ непоколебимомъ покровительствѣ, какое оказываетъ императрица Православной Церкви, ибо тотчасъ по заключеніи конвенціи католики начали пугать Грековъ слухами, что въ конвенціи Россія отказалась отъ покровительства своимъ единовѣрцамъ.

Но Стахіевъ ненадолго успокоился. Пріѣхали крымскіе депутаты, и онъ долженъ былъ отправить своему Двору жалобу на поведеніе новаго рейсъ-эффенди, на его „узловатые“ отвѣты и вызовы. Рейсъ-эффенди не могъ переносить тѣсной связи Стахіева съ депутатами, всячески скрывалъ отъ него свои сношенія съ ними, препятствовалъ

свиданіямъ русскаго министра съ депутатами подъ обычнымъ предлогомъ, что это тревожитъ константинопольскую публику и подаетъ поводъ къ превратнымъ и непріятнымъ толкованіямъ. Но это было только начало. Отъ 9-го октября русскій резидентъ въ Крыму, Константиновъ, увѣдомилъ Стахіева, что султанская грамота, присланная къ хану, написана вовсе не такъ, какъ улажено при конвенціи; что привезшій эту грамоту султанскій оберъ-шталмейстеръ требуетъ отъ хана, чтобъ тотъ принялъ грамоту съ прежнею церемоніею, въ которой выражалось подданство. Стахіевъ послалъ русскаго переводчика высказать Портѣ свое изумленіе; рейсъ-эффенди сложилъ всю вину на шталмейстера и обѣщалъ послать ему выговоръ; такое же объясненіе дано было и французскому послу съ прибавкою, что не виноватъ ли во всемъ дѣлѣ самъ Шагинъ-Гирей, который нарочно скрылъ полученную имъ калифскую грамоту султана, чтобъ снова поссорить двѣ имперіи. Отъ императрицы по этому поводу Стахіевъ получилъ рескриптъ: „Справедливое негодованіе возбуждаетъ такое Порты шильничество и вѣроломство. Мы надѣемся, что и сей послѣдній камень претыканія раченіемъ вашимъ изъятъ будетъ изъ среды, и тѣмъ дальнѣйшія непріятныя слѣдствія предупредятся". Камень былъ изъятъ, шталмейстеру послано было приказаніе подать настоящую грамоту хану и не требовать соблюденія стараго церемоніала.

Когда, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, пришли въ Крымъ условія константинопольской конвенціи, ханъ Шагинъ-Гирей былъ боленъ и, не будучи въ состояніи принять резидента Константинова, просилъ его изложить все дѣло на письмѣ. Константиновъ отправилъ къ нему списки со всѣхъ бумагъ, присланныхъ Стахіевымъ, исключая предложенія Порты уступить ей очаковскія земли, чтобъ этою непріятною бумагою не усилить ханской болѣзни. Шагинъ-Гирей, прочтя бумаги, замѣтилъ хитрость Порты, которая нигдѣ не упомянула ни слова о народахъ Черкесскихъ и Абазинскихъ и о крѣпостяхъ, лежащихъ между ними на берегу Чернаго моря, Суджукѣ, Сухумѣ и прочихъ, имѣя постоянно въ виду обладать этими народами и крѣпостями; равно и Буджакская орда хотя и помѣщена въ титулѣ ханскомъ, но не упомянуто, будетъ ли она переселена въ крымскія владѣнія, или удержитъ ее Порта за собою. Константиновъ отвѣчалъ, что тѣмъ лучше, что о закубанскихъ предѣлахъ умолчено; Черкесы и Абазинцы, не бывши никогда подъ игомъ турецкимъ, теперь еще больше станутъ имъ гнушаться; время открываетъ хану всѣ способы къ привлеченію ихъ на свою сторону. Но необходимость отвѣчать о Буджакскихъ татарахъ заставила Константинова открыть присланному ханомъ приближенному чиновнику о турецкомъ требованіи очаковскихъ земель. Резидентъ изложилъ дѣло такъ, что уступка этого лоскутка земли ничего не значитъ въ сравненіи съ утвержденіемъ хана на престолѣ. Это объявленіе дѣйствительно усилило болѣзнь Шагинъ-Гирея; но Константиновъ торопилъ хана исполненіемъ всего, условленнаго въ конвенціи относительно Крыма, причемъ совѣтовалъ Шагинъ-Гирею послать султану въ подарокъ черкесскую красавицу, что произведетъ особенно благопріятное впечатлѣніе.

Шагинъ-Гирей недолго дожидался исполненія своихъ опасеній. Въ Суджукъ-Кале пріѣхалъ турецкій ага Сулейманъ, объявляя, что цѣль его прибытія—починка крѣпости Суджукъ и постройка вновь трехъ крѣпостей на Кубани; къ абазинскимъ племенамъ разослалъ письма: „Вы невольные, принадлежите Портѣ и должны помогать мнѣ въ починкѣ крѣпости Суджукъ". Абазинцы не тронулись, и Сулейманъ началъ работы одними своими средствами. Константиновъ написалъ Стахіеву: „Нельзя ли благомудрію вашему сей камень претыканія изъять изъ среды, ибо не только этою крѣпостцою, но если въ рукахъ Порты останется Сухумъ-Келенджикъ и Аланджикъ, то она будетъ владѣть всѣмъ Кавказомъ, и чѣмъ долѣе будетъ тянуться дѣло, тѣмъ больше надобно ожидать замѣшательствъ въ томъ краю, а потомъ и здѣсь, по неразрывной связи этихъ народовъ".

Между тѣмъ ханъ, недовольный утвержденіемъ духовной власти султана, писалъ Константинову: „Я, усердственникъ вашъ, по скудости разумѣнія, принужденнымъ себя нашелъ спросить у васъ: татарскихъ народовъ прежняго рабства съ нынѣ утвержденнымъ вольнымъ состояніемъ какая разница"? Большаго труда стоило резиденту заставить хана отправить депутатовъ въ Константинополь, и, отправивши ихъ, онъ остался въ убѣжденіи, что порядокъ вещей, утвержденный конвенціею, долго не простоитъ. По поводу хана Константиновъ писалъ Панину, что образъ дѣйствій его происходитъ отъ досады на судьбу, непокоряющуюся его желаніямъ; духъ его не хочетъ ограничиться тѣсными предѣлами Крыма: онъ имѣлъ постоянно въ виду Кавказъ, изъ жителей котораго надѣялся имѣть храбрыхъ воиновъ, а изъ нѣдръ его неисчерпаемое богатство, ибо увѣренъ въ существованіи множества металловъ въ Кавказскихъ горахъ; теперь же, видя Порту, стремящуюся захватить Кавказъ, страшно тоскуетъ. По поводу этихъ донесеній, представленныхъ императрицѣ, бригадиръ Безбородко писалъ Панину: „Читая крымскія депеши, государыня изволила отзываться, что выражаемое въ нихъ подущеніе горскихъ народовъ да и всѣ поступки относительно намѣренія турецкаго строить и починять крѣпости могутъ послужить къ новымъ непріятностямъ: и для того г. резидентъ старался бы приличнымъ образомъ отвращать всѣ подобныя со стороны ханской крайности, тѣмъ болѣе-что ни на какія тамошнія извѣстія полагаться не можно, да и кому принадлежатъ земли, подъ крѣпости занятыя, —неизвѣстно; слѣдственно, по мнѣнію ея величества, лучше дѣла сіи предоставлять дружественнымъ объясненіямъ

г. Стахіева съ министерствомъ оттоманскимъ. Ея величество не сомнѣвается, что ваше сіятельство гг. Стахіева и Константинова поставите въ сихъ обстоятельствахъ сообразно нашему съ сими державами настоящему положенію".

Панинъ исполнилъ приказаніе относительно Стахіева и Константинова; кромѣ того, сочтено нужнымъ наставить и самого Шагинъ-Гирея; Панинъ отправилъ ему письмо (отъ 1-го октября): „Я за нужно нахожу сдѣлать вашей свѣтлости нѣкоторыя изъясненія; но какъ я еще въ бытность вашу здѣсь, при высочайшемъ Дворѣ, изъ истиннаго моего къ вамъ и достоинствамъ вашимъ почтенія, обращался съ вами дружескимъ и откровеннымъ образомъ, то я и теперь, возобновляя и подтверждая прежнюю мою къ вамъ, свѣтлѣйшій ханъ, дружбу, и удовлетворяя долгу и законамъ оной, буду съ вами продолжать бесѣду мою, не въ лицѣ однакожъ министра, но, по доброжелательству моему къ вамъ, съ полнымъ чистосердечіемъ и довѣренностію. Нѣтъ и не было еще почти никогда ни одной области и державы, при своемъ началѣ вдругъ на степени того величія и могущества себя зрѣвшихъ, въ какой потомъ многія изъ нихъ чрезъ продолженіе времени нашлись дѣйствительно, и не меньше правда и то, какъ нерѣдко и самыя знаменитѣйшія въ свѣтѣ имперіи и государства долженствуютъ имѣть политическія уваженія, коимъ соображаясь, сколько по нуждѣ, столькожъ и по дальнѣйшему предусмотрѣнію, жертвуютъ иногда нѣкоторыми выгодами и преимуществами, для пріобрѣтенія лучшихъ и прочнѣйшихъ, или же, по крайней мѣрѣ, для сохраненія и утвержденія своего и въ настоящемъ положеніи. Сіе неоспоримое и примѣрами всѣхъ вѣковъ доказанное правило, по моему мнѣнію, есть достаточно уменьшить заботу съ стороны вашей свѣтлости въ разсужденіи касательства турецкаго до города Суджука, лежащаго на супротивномъ берегу отъ Крыма и отдѣленнаго немалымъ и моря пространствомъ, и убѣдить васъ, напротивъ того, взирать на то съ меньшимъ духа безпокойствомъ". Указавъ на то, что при всѣхъ переговорахъ никогда не было и помина, чтобъ Суджукъ или Абазинцы принадлежали къ татарскому владѣнію, Панинъ продолжаетъ: „При окончаніи сихъ обѣихъ статей, касающихся до города Суджука и Абазинцевъ, маловажныхъ въ сравненіи пріобрѣтенныхъ выгодъ существенныхъ, я съ удовольствіемъ вновь себѣ представляю превосходную разность настоящаго татарскаго состоянія предъ ихъ прежнимъ. Тогда они были рабы посторонняго народа, служили ему животомъ и кровію, имѣли то, что имъ оставить хотѣли ихъ господа, были невольныя стражи ихъ границы и первою жертвою непріятеля: теперь — сами господа, сами собственнаго своего покоя и безопасности содѣтели и сами пользующимися и трудами своими, утверждены будучи въ независимомъ настоящемъ положеніи священными двухъ имперій обязательствами и залогами, и имѣя полную и ласкательную надежду видѣть участь свою отъ-часу лучшею собственнымъ своимъ поведеніемъ, свойственнымъ народу вольному. Сіе краткое начертаніе довольно разрѣшаетъ учиненный вашею свѣтлостію вопросъ резиденту Константинову о разности одного состоянія предъ другимъ при участвованіи и нынѣ Портою Оттоманскою въ Крымѣ въ дѣлахъ, до закона магометанскаго только принадлежащихъ".

Генералы, командовавшіе русскими войсками въ Польшѣ, доносили, что въ этой странѣ все спокойно; то же самое доносилъ и Штакельбергъ; но онъ указывалъ на образованіе австрійской партіи, съ которой не слѣдуетъ спускать глазъ. Партія французская, которая постоянно существовала въ Польшѣ, теперь соединилась съ русскою, и вождь ея, Мокрановскій, доказалъ свое усердіе къ Россіи, будучи маршаломъ на сеймѣ 1776 года. Въ декабрѣ 1779 года этотъ самый Мокрановскій сообщилъ Штакельбергу, что гр. Верженъ совѣтуетъ ему предупредить всѣхъ друзей Франціи, какъ они должны быть осторожны относительно прельщеній составить партію противъ Россіи, ибо это единственное государство, заинтересованное въ сохраненіи Польши. Мокрановскій увѣрялъ, что это внушеніе со стороны французскаго министра основано на извѣстіи о проектѣ императора Іосифа перемѣшать карты въ Польшѣ. Штакельбергъ, извѣщая Панина о проѣздѣ австрійскаго посла, графа Кобенцля, отправлявшагося въ Петербургъ, пишетъ, что, несмотря на всю сдержанность Кобенцля, онъ, Штакельбергъ, проникъ цѣль его пребыванія въ Варшавѣ. По вечерамъ Кобенцль принималъ къ себѣ людей, наиболѣе враждебныхъ Русскимъ интересамъ; самъ тайкомъ посѣщалъ мелкихъ придворныхъ, которые хотя сколько-нибудь пользовались довѣріемъ короля; далъ пенсію аббату Гиджіотти, который, завѣдывая италіянскимъ департаментомъ, имѣлъ случай часто видѣть короля. Въ послѣднемъ Штакельбергъ былъ увѣренъ, что не поколеблется отъ австрійскихъ внушеній: Станиславъ-Августъ такъ отдался Россіи, что не можетъ безопасно вернуться назадъ; кромѣ того, графъ Ржевусскій не теряетъ его ни на минуту изъ виду. Лѣтомъ 1779 года австрійскій повѣренный въ дѣлахъ при Польскомъ Дворѣ поднялъ тревогу относительно пограничныхъ споровъ между Россіею и Польшею въ Приднѣпровской степной украйнѣ. Штакельбергу удалось достать донесеніе этого повѣреннаго въ дѣлахъ своему Двору: донесеніе выяснило виды Австрійскаго правительства.

Что же касается видовъ Прусскаго правительства, то Фридрихъ II въ августѣ писалъ своему послу при Петербургскомъ Дворѣ: „Выводъ русскихъ войскъ изъ Польши — такое дѣло, которое заслуживаетъ величайшаго вниманія. Если они будутъ выведены, то это совершенно сниметъ узду съ австрійскихъ интригъ. Новая война, безконечно важная для нашихъ обоихъ Дворовъ, будетъ слѣдствіемъ, и существованіе Польскаго короля станетъ такъ непрочно, что нельзя будетъ отвѣчать за него

ни на одну минуту. Всѣ эти соображенія такъ важны, что не могутъ избѣжать отъ проницательности русскаго министерства, и я надѣюсь, что ея императорское величество найдетъ въ нихъ могущественное побужденіе для оставленія достаточнаго корпуса войскъ въ этомъ государствѣ". Въ то же время Фридрихъ въ своихъ депешахъ, которыя показывались русскому министерству, говорилъ о движеніи австрійскихъ полковъ въ Нидерланды, о намѣреніи Вѣнскаго Двора вмѣшаться въ войну между Франціею и Англіею, и приводилъ съ этимъ въ связь отправленіе посланникомъ въ Россію графа Кобенцля, человѣка, по словамъ короля, хитраго, интригана. „Очень можетъ статься", писалъ Фридрихъ, „что Кобенцля выбрали нарочно для возбужденія Русскаго Двора противъ меня. Одно вѣрно, что вездѣ я замѣчаю распоряженія, выражающія закоренѣлую вражду Вѣнскаго Двора ко мнѣ. Укрѣпляются въ Богеміи, на границахъ силезскихъ и саксонскихъ". Въ сентябрѣ новыя внушенія со стороны Фридриха: „Я утверждаюсь все болѣе и болѣе въ мысли", писалъ онъ, „что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей австрійскихъ интригъ состоитъ въ сближеніи съ Русскимъ Дворомъ, и здѣсь Вѣнскій Дворъ имѣетъ прямые интересные виды. Думаютъ, что онъ мѣтитъ на Польскій престолъ для одного изъ своихъ принцевъ, когда поднимется вопросъ о новыхъ выборахъ, и для этого старается издалека привлечь на свою сторону Россію. Я предполагаю, что это возбудитъ и въ послѣдней такое же негодованіе, какое я чувствую: едва только Австрія успѣла потерпѣть пораженіе въ своихъ гибельныхъ намѣреніяхъ относительно Баваріи, какъ уже затѣваетъ новые планы противъ Польши, старается современемъ присоединить ее къ владѣніямъ своего Дома. Столько примѣровъ алчности доказываютъ только, какъ опасно прислушиваться къ ея внушеніямъ, и я надѣюсь, что, по признанной мудрости Русскаго Двора, онъ остановитъ Австрію съ ея химерическими идеями, діаметрально противоположными какъ общимъ интересамъ Пруссіи и Россіи, такъ и поддержанію польской свободы и конституціи. Этотъ новый замыселъ дастъ Россіи почувствовать, какъ я былъ правъ, совѣтуя ей не выводить своихъ войскъ изъ Польши. Этимъ она очистила бы для Австріи совершенно свободное поле для сплоченія своей партіи, для подчиненія безпокойныхъ польскихъ головъ всему тому, что она сочла бы нужнымъ предложить имъ". Подобныя внушенія изъ Берлина продолжались до конца года. Фридрихъ писалъ, что онъ съ удовольствіемъ приметъ участіе въ мѣрахъ, которыя высокая мудрость императрицы признаетъ нужными для удержанія стремленій Іосифа II. Для убѣжденія Екатерины въ томъ, какую безпредѣльную цѣну придаетъ онъ ея дружбѣ, Фридрихъ послалъ орденъ Чернаго орла двухлѣтнему внуку ея, великому князю Александру Павловичу. Грозя честолюбивыми замыслами Іосифа, Фридрихъ внушалъ, что въ Польшѣ уже существуетъ сильная австрійская партія, составленная изъ самыхъ значительныхъ лицъ, подъ предводительствомъ князей Адама Чарторыйскаго и Любомирскаго; что Іосифъ разсчитываетъ на два событія, которыя развяжутъ ему руки для начатія войны, именно: смерть Маріи-Терезіи, смерть его, Фридриха, и смерть курфюрста Пфальцскаго. У Іосифа 260,000 войска, съ которымъ онъ надѣется вести успѣшно борьбу противъ цѣлой Европы. Такія громадныя средства и неномѣрное честолюбіе императора заставляютъ Фридриха, пока есть досугъ, принять вмѣстѣ съ своими союзниками мѣры, чтобъ Пруссія не стала добычею алчности и ненависти Двора, который не преминетъ распространить свои чувства и на позднѣйшее потомство его, Фридриха. Поэтому (въ депешѣ отъ 2-го ноября н. с.) король предписываетъ своему послу предложить русскому министерству войти въ соглашеніе съ Пруссіею для предупрежденія взрыва австрійскихъ махинацій.

15-го мая (н. с.) Марія-Терезія писала своей сестрѣ и кузинѣ (soeur et cousine) императрицѣ Всероссійской: „Я знаю, что обязана заботамъ вашего императорскаго величества столько же, сколько и стараніямъ христіаннѣйшаго короля, моего союзника, пріятнымъ событіемъ возстановленія мира, подписаннаго въ Тешенѣ 13-го числа этого мѣсяца, и поэтому я считаю своею обязанностію извѣстить ваше императорское величество прямо объ этомъ какъ можно скорѣе, равно какъ засвидѣтельствовать живую признательность за новый знакъ дружбы, который вамъ благоугодно было оказать въ этомъ случаѣ. Это меня очень тронуло; я приношу вамъ искреннѣйшую благодарность и сильно желаю получить возможность взаимно выразить всѣ мои чувства къ вамъ".

Еще въ самомъ началѣ года, когда только являлась увѣренность въ мирномъ окончаніи Баварскаго дѣла, Верженъ говорилъ кн. Барятинскому: „Я вамъ откроюсь, какъ министру посредствующей державы, и прошу, чтобъ сказанное мною осталось между нами: если-бъ я былъ на мѣстѣ кн. Кауница, то ни подъ какимъ видомъ и ни для чего на свѣтѣ не отступилъ бы отъ права Австріи на Лузацію; правда, что это наслѣдство очень отдаленно, но Вѣнскому Двору всего ждать можно. Прусскій король настаиваетъ на это для своихъ интересовъ, ибо какъ скоро Саксонія получитъ право распоряжаться этою провинціею, то Прусскій король непремѣнно вынудитъ промѣнъ на французскія маркграфства, а чрезъ это владѣнія его получатъ самое выгодное округленіе; Саксонія будетъ обезсилена и стѣснена, Богемія станетъ открыта, такъ что Прусскій король вступитъ въ нее съ войскомъ прежде, чѣмъ въ Вѣнѣ объ этомъ узнаютъ. Я думаю, это должно быть важно и для всей Европы, чтобъ Прусскій король не такъ усиливался; пусть каждый приведетъ себѣ на память состояніе Пруссіи въ 1740 году и сравнитъ его съ нынѣшнимъ, какъ оно выросло по кускамъ". Опасность отъ усиленія Пруссіи, которая заставила Францію

перемѣнить свою политику послѣ Силезскихъ войнъ, оставалась главнымъ предметомъ французской политики и теперь, а слѣдовательно во всей силѣ оставалось желаніе сблизиться съ Россіею. Доказательствомъ этого сближенія служило поведеніе французскаго посланника въ Константинополѣ; на двойное посредничество въ Баварскомъ дѣлѣ въ Версали имѣли полное право смотрѣть какъ на благодѣтельный результатъ сближенія, ибо Россія, сдерживая Австрію, сдерживала также и Пруссію, которая должна была согласиться на извѣстныя уступки въ пользу Вѣнскаго Двора. Гр. Морепа говорилъ кн. Барятинскому: „Христіаннѣйшее величество почитаетъ за особливое себѣ удовольствіе быть въ согласіи съ такою великою и премудрою монархинею не только изъ взаимныхъ интересовъ, но такъ-же изъ личнаго почтенія къ ея императорскому величеству. Франція и Россія со временъ Петра Великаго нѣсколько разъ были готовы заключить дружескіе и торговые договоры, но всегда встрѣчались препятствія; ея и. в — ство достойная и истинная наслѣдница всѣхъ великихъ дѣлъ и замысловъ Петра: ей и предоставлено довершить недоконченное. Здѣсь можно сказать нашу пословицу: что отложено, то еще не потеряно".—„Императрица, сколько я знаю", отвѣчалъ Барятинскій, „питаетъ къ королю дружественные сентименты; а что Россія и Франція не всегда были въ добромъ согласіи, то причиною Франція: сколько она противъ насъ во всѣ времена интриговала, — это всѣмъ извѣстно".—„Я съ вами согласенъ", сказалъ Морепа, „и не понимаю, какъ наше министерство не видало настоящихъ своихъ интересовъ. Помоему, нѣтъ еще двухъ другихъ державъ, которыя бы имѣли столько побужденій быть въ согласіи, какъ Россія и Франція. Надѣюсь, что теперь прежнее мнѣніе о насъ въ Россіи уничтожится: поведеніе нашего посла въ Царѣградѣ можетъ служить императрицѣ удостовѣреніемъ, какъ чистосердечны чувства его христіаннѣйшаго величества къ ней". Тутъ Морепа улыбнулся и продолжалъ: „Мы, Французы, находимся въ странномъ положеніи: чужія дѣла приводимъ къ желаемому концу, а своего собственнаго окончить не умѣемъ".

Въ это самое время Верженъ былъ обезпокоенъ планами Прусскаго короля. Посланникъ Фридриха II, баронъ Гольцъ, заговаривалъ съ нимъ, нельзя ли на предстоящемъ соглашеніи по поводу Баварскихъ дѣлъ уступить Прусскому королю право промѣнять, такъ называемыя. франконскія маркграфства (Аншпахъ и Байрейтъ), имѣвшія достаться Пруссіи, на какія-нибудь другія владѣнія. Наконецъ Гольцъ открылся и кн. Барятинскому, объявивши прямо, что его государь хочетъ промѣнять маркграфство на Лузацію (Славянскіе Лужичи), принадлежавшую Саксоніи, для лучшаго округленія своей государственной области; Гольцъ просилъ Барятинскаго поговорить съ Верженемъ, который не соглашается, предъявляя претензіи Австріи на ту же Лузацію. Но Верженъ отвѣчалъ Барятинскому: „Чѣмъ больше я объ этомъ дѣлѣ думаю, тѣмъ больше предвижу невозможности его исполнить, и Вѣнскій Дворъ отъ своего права никакъ отступить не можетъ. Вашему Двору своего союзника, Прусскаго короля, можно будетъ отъ этого воздержать или, по крайней мѣрѣ, постараться отклонить".

Въ мартѣ мѣсяцѣ кн. Барятинскій сообщилъ Верженю знаменитую декларацію Русскаго Двора о защитѣ торговли русской, датской и шведской; Барятинскій ждалъ заявленія благодарности, но, вмѣсто того, услыхалъ отъ французскаго министра горькіе упреки. „Я нахожу эту декларацію", говорилъ Верженъ, „не ясно выраженною, и почитаю несоотвѣтствующею прежнимъ дружескимъ увѣреніямъ, даннымъ Россіею Французскому Двору. Въ деклараціи оказывается больше пристрастія къ Англіи: если бы Россія вела торговлю активную и назначила эскадру для обереганія своихъ купеческихъ судовъ, то мы не только не сдѣлали бы на это никакого возраженія, но еще были бы очень довольны, ибо желаемъ, чтобъ всѣ торгующія державы свою торговлю защищали. Но ваша торговля пассивная и ее въ Нѣмецкомъ морѣ производитъ почти одна Англія, слѣдовательно и эскадра ваша будетъ для защиты ея торговли. Если вашъ Дворъ дѣлаетъ эту декларацію съ единственною цѣлію показать себя совершенно нейтральнымъ между нами и Англичанами, и желаетъ только, чтобъ при русскихъ берегахъ, портахъ и паражахъ суда всѣхъ націй имѣли защиту, то на это скажу, что прежде вашей деклараціи даны уже отъ насъ самыя строгія приказанія всѣмъ французскимъ судамъ наблюдать всевозможную осторожность у береговъ нейтральныхъ державъ. Но въ вашей деклараціи сказано, что вы будете защищать торговлю отъ Сѣвернаго мыса: въ такомъ случаѣ мы вамъ дѣлаемъ возраженіе. Моря — элементъ вольный и границъ на нихъ никто не предписываетъ. Мы это доказали относительно васъ въ послѣднюю Турецкую войну: вы въ океанѣ и Средиземномъ морѣ вездѣ съ своими судами не только ходили, но и брали всякіе призы, даже забирали и наши суда, о чемъ дѣла еще до сихъ поръ не совсѣмъ рѣшены. Мы могли бы тогда, по этому вашему объявленію, почитать часть названныхъ морей намъ принадлежащими; Средиземное море удобнѣе раздѣлить между окружающими его державами, чѣмъ Нѣмецкое, которое не имѣетъ предѣловъ. Неоспоримо, что всѣ приморскія державы присвоиваютъ себѣ воды, но на самое малое разстояніе, и защищаютъ суда отъ корсаровъ только тогда, когда послѣдніе гонятся за ними подъ пушки береговыхъ крѣпостей и батарей. Если французскіе корсары приблизятся къ вашимъ берегамъ или подъ пушки вашихъ крѣпостей, то имѣете право по нимъ стрѣлять, и мы же ихъ еще обвинимъ. Если же случится, что французскій корсаръ будетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ русскихъ гаваней въ Балтійскомъ морѣ, или будетъ въ Нѣмецкомъ морѣ

и станетъ гнаться за непріятельскимъ кораблемъ,— ваши военныя суда не имѣютъ права ему препятствовать, ни дать непріятельскому кораблю за собою защититься, и французскій корабль, взявъ призъ, можетъ безпрепятственно входить съ нимъ въ ваши гавани. Я не знаю, какая цѣль вашей декларацiи. Вы сами знаете, что нашихъ корсаровъ въ Нѣмецкое море ходитъ очень мало, слѣдовательно съ нашей стороны ваша торговля не потревожится; если-жь бы ихъ ходило и много, то, мнѣ кажется, вамъ было бы это еще прибыльнѣе, потому что Англія въ настоящемъ ея положеніи всѣ нужныя вещи для вооруженія кораблей должна брать изъ вашихъ гаваней: такъ чѣмъ бы больше мы ихъ побрали, тѣмъ больше былъ бы расходъ на ваши произведенія". Министръ закончилъ свои слова повтореніемъ, что не очень понимаетъ смыслъ деклараціи и проситъ ея истолкованія. Барятинскій отвѣчалъ, что смыслъ деклараціи довольно ясенъ: Россія объявляетъ себя нейтральною, но желаетъ, чтобъ ея собственная и непосредственная съ нею торговля могла производиться спокойно. Что же касается до пользы той или другой воюющей стороны, то русская декларація скорѣе въ пользу Франціи, чѣмъ Англіи, потому что французская торговля больше терпитъ отъ множества англійскихъ корсаровъ. Но Верженъ настаивалъ на своемъ, что декларація выгоднѣе Англичанамъ, потому что они почти одни производятъ торговлю съ Россіею; настаивалъ, что декларація должна быть разъяснена, чтобъ между Россіею и Франціею не было никакихъ недоразумѣній и подозрѣній.

Въ сентябрѣ Верженъ говорилъ Барятинскому: „Ваше свободное мореплаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное можетъ быть полезно и для непосредственной торговли между Россіею и Франціею. Вы не можете себѣ представить, какъ бы много мы взаимно выиграли при непосредственной торговлѣ отъ одного только перевоза, за который мы переплачиваемъ Англичанамъ и Голландцамъ. Первые годы мы нѣсколько бы и потеряли, потому что не имѣемъ у васъ такого твердаго фундамента въ конторахъ; но если бы мы были увѣрены, что вы съ нами заключите торговый договоръ на равныхъ условіяхъ съ англійскимъ, то надѣюсь и даже могу отвѣчать, что многіе здѣшніе, самые знатные капиталисты заведутъ у васъ конторы и въ то же время возстановятъ прямой курсъ деньгамъ между Парижемъ, Петербургомъ и другими торговыми городами обоихъ государствъ. Россія въ торговлѣ должна держаться одного изъ двухъ плановъ: или производить ее съ тѣми державами, съ которыми заключены торговые договоры, или со всею вселенною, безъ малѣйшихъ политическихъ обязательствъ. Въ первомъ случаѣ надобно имѣть обязательства не съ одного державою исключительно, но со многими или, по крайней мѣрѣ, съ такими двумя, которыя между собою въ соперничествѣ по интересамъ и географическому положенію, и которыя имѣютъ равную нужду въ однихъ товарахъ, отчего вы будете продавать ихъ несравненно дороже, ибо одна держава у другой будетъ перекупать, особливо въ военное время. Во второмъ же случаѣ надобно, чтобъ ваши гавани были отворены во всякое время для всѣхъ народовъ въ мірѣ, и чтобъ законы, права и пошлины были безъ исключенія для всѣхъ равны".

Извѣстный Димсдаль написалъ императрицѣ, что назначенная ему пенсія доставляется очень безпорядочно,—деньги, ему присланныя, русское посольство въ Лондонѣ издерживаетъ на свои нужды; священникъ посольства, отецъ Самборскій, занялъ у него же, Димсдаля, 250 фунтовъ для русскихъ студентовъ въ Англіи, терпящихъ крайнюю нужду. Вслѣдствіе этого письма, графъ Мусинъ-Пушкинъ получилъ рескриптъ: „Съ крайнимъ неудовольствіемъ извѣстились мы отъ нашего лейбъ-медика, барона Димсдаля, что онъ за два года не получалъ опредѣленной ему отъ насъ пенсіи, хотя она къ вамъ за всѣ минувшіе годы давно уже съ излишествомъ доставлена была. Таковое удержаніе или обращеніе въ собственную пользу денегъ, имѣющихъ свое особливое и точное назначеніе, возбуждаетъ въ насъ справедливое удивленіе". Слѣдствіемъ этого удивленія было перемѣщеніе Мусина-Пушкина изъ Лондона въ Стокгольмъ, а Симолина обратно—изъ Стокгольма въ Лондонъ (въ половинѣ іюля). Въ инструкціи Симолина прямо говорилось, что теперь, при заботливомъ состояніи Англіи, находящейся въ войнѣ съ Американскими колоніями, Франціею и Испаніею, не можетъ и существовать вопроса о союзѣ съ нею. „Вамъ извѣстно", говорилось въ инструкціи, „что мы съ нѣкотораго времени обязаны благодарностію Франціи за добрыя услуги при Оттоманской Портѣ для окончательнаго уничтоженія распрей, продолжавшихся отъ самаго почти заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира: не менѣе обязаны мы Франціи за готовность и довѣріе, съ какими она посредничала вмѣстѣ съ нами при разбирательствѣ распрей по поводу баварскаго наслѣдства. Такимъ политическимъ сближеніемъ съ нами Франція отворила дверь къ дружескимъ сношеніямъ съ Россіею и возстановленію добраго согласія, продолженіе которыхъ будетъ для насъ очень пріятно и для дѣлъ нашихъ полезно". Поэтому Симолину предписывалось, не нарушая нисколько дружественныхъ отношеній къ Англіи, которой интересы существенно сходны съ Русскими относительно сохраненія покоя на Сѣверѣ и выгодныхъ торговыхъ связей,—не показывать однако ни малѣйшаго пристрастія къ Англіи въ предосужденіе Франціи, а изъявлять при всякомъ случаѣ желаніе видѣть какъ можно скорѣе окончаніе настоящей войны между Англіею, Франціею и Испаніею.

Въ Петербургѣ думали, что теперь вопросъ о союзѣ съ Англіей не можетъ существовать; но въ Лондонѣ думали иначе; и новый англійскій по-

сланникъ Гаррисъ предложилъ Панину заключеніе оборонительнаго союза безо всякаго ограниченія, т.-е. со включеніемъ и Турціи въ случай союза. Въ запискѣ, пересланной 26-го ноября, Гаррисъ говорилъ: „Изъ поведенія нашихъ враговъ мы съ безконечнымъ прискорбіемъ видимъ, что нѣтъ никакой надежды къ достиженію столь желаннаго нами мира; обширность ихъ вооруженій, смѣлость предпріятій, особенно коварныя средства, употребляемыя ими, чтобъ повредить намъ во мнѣніи различныхъ Дворовъ, обнаруживаютъ рѣшительное намѣреніе осуществить свои обширные планы, обнаруживаютъ честолюбіе безмѣрное, которое должно обратить на себя вниманіе каждаго государя, желающаго сохранить свою независимость. Мы уже употребили невѣроятныя усилія; быть можетъ, мы въ состояніи употребить еще болѣе чрезвычайныя; но сомнительно, чтобъ въ одиночествѣ, безъ подпоры, безъ союзника, мы могли бы сопротивляться страшной силѣ, соединенной противъ насъ. Одна императрица можетъ предписать ей законъ: великое имя, которымъ она пользуется въ Европѣ, могущество ея имперіи, перевѣсъ въ общей системѣ, который она пріобрѣла и который такъ умѣетъ поддержать, доставляютъ ей силу, принадлежащую ей исключительно. Если бы она въ своей мудрости нашла средства доставить намъ миръ, то мы поспѣшили бы отдать ей въ руки наши интересы. Но если бы наши враги отказались отъ всякихъ благоразумныхъ предложеній, то мы смѣемъ надѣяться, что ея императорское величество приметъ тонъ болѣе рѣшительный, употребитъ данную ей Богомъ силу; что посредствомъ представленій твердыхъ и рѣшительныхъ остановитъ войну, грозящую разрушеніемъ европейской свободѣ. Я предлагаю новый проектъ союзнаго договора, заключить который имѣю полномочіе. Правда, что Великобританія получитъ первая выгоды отъ этого договора, но Россія получитъ не меньшія впослѣдствіи".

„Императрица очень огорчена", отвѣчалъ Панинъ, „что не можетъ согласить образъ своихъ мыслей и желанія ускорить миръ предложеніями Лондонскаго Двора. Императрица убѣждена, что мѣры, предлагаемыя ей Лондонскимъ Дворомъ, вмѣсто ускоренія мира, произведутъ дѣйствіе, совершенно противоположное. Что касается союзнаго договора, то императрица убѣждена, что отъ справедливости короля не скроется, что и заключеніе оборонительнаго договора вовсе не идетъ ко времени дѣйствительной войны, и особенно настоящей войны, причина которой всегда исключалась изъ союзовъ между Россіею и Англіею, не касаясь ихъ европейскихъ владѣній".

Для Россіи очень важно было предотвратить войну между Англіею и Нидерландами, почему Петербургскій Дворъ и предложилъ Лондонскому свое посредничество; но предложеніе не было принято. По этому случаю Симолинъ получилъ рескриптъ: „Чѣмъ большее доброжелательство старались мы постоянно оказывать къ дѣламъ и истиннымъ интересамъ короля и народа Великобританскаго, тѣмъ прискорбнѣе было намъ узнать изъ вашихъ донесеній о рѣшительномъ отказѣ королевскомъ въ принятіи особеннаго нашего посредства въ новой войнѣ Англіи съ республикою Соединенныхъ Нидерландовъ. Междоусобную войну обѣихъ морскихъ державъ считаемъ мы крайне вредною для всей Европы вообще и для Россіи, и для нихъ самихъ въ особенности, потому что война ихъ можетъ вконецъ и навсегда разрушить существовавшую между ними политическую связь, которая одна обуздывала превосходныя на твердой землѣ силы Бурбонскаго Дома; республика Голландская можетъ потерями своими и ненавистію за нихъ къ Англіи быть поставлена въ необходимость предать себя въ руки Версальскому Двору и привязаться надолго къ его системѣ. Русская торговля, до сихъ поръ большею частію на чужихъ судахъ происходящая, подвергается неизвѣстности и стѣсненію". Въ виду такихъ вредныхъ послѣдствій отъ войны Англіи съ Голландіею, Симолину было предписано продолжать свои представленія о необходимости мира. Въ этихъ представленіяхъ должны были его поддерживать посланники шведскій и датскій.

Въ началѣ года шведскій посланникъ въ Петербургѣ, Нолькенъ, получилъ отъ русскаго министерства ноту: ея и. в—ство, усматривая, что плаваніе по Сѣверному морю, въ краяхъ, ограниченныхъ русскими, датскими и шведскими берегами, требуетъ непосредственнаго покровительства съ ея стороны, равно какъ со стороны Даніи и Швеціи, тѣмъ болѣе-что прошлаго года американскій корсаръ взялъ или уничтожилъ много кораблей, плывшихъ въ Архангельскъ или изъ этого города, тревожа такимъ образомъ торговлю, для которой эта часть моря исключительно назначена природою,— рѣшилась слѣдующею весною приказать выслать въ эти моря къ Сѣверному мысу эскадру своихъ линейныхъ кораблей и фрегатовъ, которые должны защищать торговлю и мореплаваніе, удаляя всякаго корсара, какой бы націи онъ ни былъ. Нолькенъ отвѣчалъ, что король его желалъ бы, чтобъ императрица дала этому покровительству болѣе широкіе размѣры, тѣмъ болѣе-что самыя сильныя притѣсненія шведскій флагъ терпитъ не столько у береговъ своего королевства, сколько на другихъ различныхъ моряхъ европейскихъ, гдѣ шведскіе купцы торгуютъ подъ покровительствомъ договоровъ и народнаго права. Нолькенъ имѣлъ порученіе отъ своего Двора согласиться съ русскимъ министерствомъ насчетъ деклараціи, которую Россія и Швеція должны подать воюющимъ державамъ, чтобъ этимъ подтвердить полное согласіе, царствующее между государями Россіи и Швеціи. Довѣріе короля къ императрицѣ такъ велико, что онъ не можетъ скрыть своихъ справедливыхъ жалобъ на Лондонскій Дворъ и на англійскихъ арматоровъ, стѣсняющихъ торговлю нейтральныхъ державъ вопреки договорамъ. Король надѣется, что импе-

ратрица поддержитъ шведскія представленія при Лондонскомъ Дворѣ.

Густавъ III предлагалъ по этому поводу заключить договоръ между Россіею и Швеціею; но Екатерина уклонилась отъ договора, выставляя на видъ, что его заключеніе непремѣнно возбудитъ сильное вниманіе какъ въ Англіи, такъ и во Франціи; она пригласила Шведскаго короля охранять свои берега эскадрою, равною по числу судовъ съ русскою, такъ, чтобъ обѣ эскадры составляли цѣпь, содѣйствуя, въ случаѣ нужды, другъ другу въ охраненіи всѣхъ иностранныхъ судовъ безъ исключенія. Король велѣлъ назначить для этой цѣли десять линейныхъ кораблей и четыре фрегата.

Датскій Дворъ отнесся къ Русскому въ самомъ началѣ года, что Шведскій Дворъ настаиваетъ на заключеніи съ нимъ конвенціи относительно взаимнаго вооруженія морскихъ силъ. Въ Копенгагенѣ рѣшили дожидаться мнѣнія Петербургскаго Двора; но графъ Бернсторфъ, въ разговорѣ съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Чекалевскимъ, высказывался, что такая конвенція между Россіею, Даніею и Швеціею въ настоящихъ обстоятельствахъ можетъ принести большую пользу, заставитъ еще больше уважать ихъ флагъ и дастъ полную безопасность ихъ торговлѣ. И Датскому Двору изъ Петербурга былъ такой же отвѣтъ, какъ и Шведскому относительно конвенціи, и такое же предложеніе вооружить эскадру для провожанія торговыхъ судовъ на Сѣверныхъ моряхъ; приглашеніе было принято.

1780.

Въ самомъ началѣ 1780 года, во французской вѣнской газетѣ напечатано было извѣстіе, что греческіе купцы, пріѣхавшіе изъ Татаріи (Крыма), разсказываютъ о построеніи въ Херсонѣ пяти новыхъ большихъ кораблей; русскіе говорятъ, что это купеческіе корабли, но знатоки утверждаютъ, что для обращенія ихъ въ военные стоитъ только ихъ вооружить и посадить на нихъ войско. Рейсъ-эффенди, при свиданіи съ секретаремъ русскаго посольства Пизани, въ мартѣ мѣсяцѣ прочелъ ему это газетное извѣстіе и спросилъ, правда ли это. „По силѣ трактата“, продолжалъ рейсъ-эффенди, „не позволено русскимъ кораблямъ такой величины плавать по Черному морю, которое принадлежитъ Портѣ“. Когда Пизани передалъ эти слова Стахіеву; тотъ на другой же день отправилъ его къ рейсъ-эффенди съ отвѣтомъ, что ни отъ Двора, ни изъ Херсона онъ не получалъ никакихъ извѣстій о строеніи кораблей; но онъ думаетъ, что это тѣ самыя суда, которыя нужда заставила строить вслѣдствіе минувшихъ сомнительныхъ обстоятельствъ между Россіею и Портою,—надобно же ихъ достроить! Величина торговыхъ кораблей однажды навсегда опредѣлена въ послѣдней конвенціи, и потому Порта можетъ быть покойна, что условіе точно будетъ наблюдаемо, и можетъ жаловаться только въ случаѣ дѣйствительной неустойки. Злое внушеніе, что для превращенія этихъ кораблей въ военные недостаетъ только пушекъ и войска, напрасно тревожитъ Порту, ибо на этомъ основаніи можно всякую лодку считать военнымъ кораблемъ. Наконецъ, хотя бы строящіеся корабли и дѣйствительно были военные, то они, какъ и турецкіе, сгніютъ безъ употребленія въ своей гавани, если Порта постоянно будетъ сохранять миръ; а Россія, съ своей стороны, конечно, никогда не подастъ повода къ его нарушенію. Рейсъ-эффенди, казалось, доволенъ былъ отвѣтомъ. Получивъ донесеніе Стахіева объ этихъ разговорахъ, Екатерина написала собственноручно: „Отвѣтъ на сіе нетруденъ: миролюбіе Россійской императрицы всему свѣту извѣстно; строить же въ своихъ предѣлахъ никому запретить не можно, что къ Стахіеву написать для постановленія единожды навсегда въ заградѣ отъ всякихъ нынѣшнихъ и будущихъ интригъ. Въ началѣ прошедшей войны Россія не имѣла ни единой лодки на Черномъ морѣ, а при заключеніи мира слишкомъ шестидесять разныхъ судовъ на той водѣ имѣла, чрезъ что доказывается, что строеніе или построеніе морскихъ судовъ во время мира есть дѣло, равнодушію принадлежащее, ибо въ мирѣ опасности нѣту, а въ военный случай большая держава всегда способы сыщетъ. На новизны же рейсъ-эффендію отвѣтъ готовый: намъ то же и объ нихъ сказываютъ, но мы, любя миръ и зная такое же расположеніе и въ Портѣ, никало вѣры не даемъ. О моемъ свиданіи съ императоромъ написать истину и изъяснить всю невинность того свиданія“.

Но прежде русскаго министерства объ этомъ свиданіи дали знать Портѣ другіе, выставляя его вовсе не невиннымъ. Отъ 6-го мая Стахіевъ писалъ, что англійскій посолъ Енсли сообщилъ Портѣ, что главная цѣль свиданія — согласиться насчетъ установленія въ Польшѣ наслѣдственнаго правленія, и прусскій повѣренный въ дѣлахъ, Гафронъ, по указу своего государя далъ знать, что слѣдствіемъ свиданія будетъ союзный договоръ, почему Фридрихъ II-й считаетъ своею обязанностію предостеречь Порту. Стахіевъ чрезъ свои каналы развѣдалъ объ этихъ, по его словамъ, „ядовитыхъ откровеніяхъ“,—развѣдалъ, что на объявленіе англійскаго посла рейсъ-эффенди не обратилъ никакого вниманія, но, напротивъ, прусское возбудило его безпокойство и заставило спросить французскаго посла, что къ нему пишутъ объ этомъ свиданіи; тотъ отвѣчалъ, что оно представляется невиннымъ и не должно наносить ни малѣйшаго безпокойства Портѣ. Но Турки не вполнѣ успокоились: они были увѣрены въ миролюбивыхъ расположеніяхъ Россіи, но боялись императора,—думали, что онъ ищетъ тѣснаго союза съ Россіею только для того, чтобъ начать придираться къ Портѣ.

Вмѣсто резидента Константинова, назначенъ былъ въ Крымъ извѣстный намъ Веселицкій въ

качествѣ чрезвычайнаго посланника. Шагинъ-Гирей встрѣтилъ новаго посланника просьбами: давно уже онъ, ханъ, задумалъ для собственной безопасности и приведенія Татаръ въ лучшій порядокъ учредить у себя одинъ или два регулярныхъ полка изъ иностранцевъ, по образцу войска европейскихъ государей: но безъ позволенія императрицы, великой и надежной своей покровительницы, приступить къ этому не хотѣлъ. А теперь представился къ тому удобный случай: графъ Викентій Потоцкій прислалъ къ нему маіора Траяновскаго, рекомендуя какъ искуснаго и честнаго офицера, который обязывается набрать изъ Поляковъ и Нѣмцевъ регулярный полкъ. Относительно этого предпріятія ханъ будетъ ожидать совѣта и позволенія императрицы. Вторая просьба состояла въ слѣдующемъ: ханъ принялъ въ службу подполковника Деринга, который строитъ новый монетный дворъ, и уже всѣ машины и инструменты привезены, для битья монеты: для этого на первый случай нужно 50 пудъ серебра и 300 пудъ свинца,—такъ не угодно ли будетъ императрицѣ разрѣшить вывозъ этого количества означенныхъ металловъ изъ Россіи, что общимъ постановленіемъ запрещено. Обѣ просьбы были исполнены, причемъ Веселицкій объяснилъ, что, конечно, ханъ воленъ въ области своей предпринимать все то, что найдетъ нужнымъ къ лучшему устройству своего владѣнія. Ханъ былъ въ восторгѣ и открылъ Веселицкому „движенія своего сердца", какъ тотъ выражался. Эти движенія сердца состояли, во-первыхъ, въ томъ, что ханъ просилъ помѣстить его въ Петербургскій полкъ, хотя бы на первый случай капраломъ, а потомъ удостоивать дальнѣйшимъ производствомъ. Во-вторыхъ, ханъ намѣревался выписать изъ Румеліи двоихъ родныхъ племянниковъ своихъ и, если признаетъ въ нихъ правительственныя способности, отправить для воспитанія въ Петербургъ. Въ-третьихъ, многіе крымскіе чиновники, вѣрные хану, поручаютъ ему въ покровительство дѣтей своихъ съ тѣмъ, чтобъ онъ воспиталъ ихъ какъ ему угодно; такихъ молодыхъ людей наберется отъ 30 до 40 человѣкъ, и ханъ намѣренъ отправить ихъ всѣхъ въ Петербургъ для помѣщенія въ гвардейскіе полки. Наконецъ, ханъ просилъ императрицу пожаловать ему русскій орденъ. Посреди этихъ движеній сердца, въ началѣ октября ханскій чиновникъ на Кубани прислалъ донесеніе, что турецкій комендантъ, Сулейманъ-ага, пріѣхавши въ крѣпость Суджукъ, безпрестанными подсылками старается всѣ ногайскія орды отторгнуть отъ власти Шагинъ-Гирея. Сулейманъ увѣрялъ ихъ, что онѣ, равно какъ и Черкесы, не имѣютъ ничего общаго съ Крымомъ, который слыветъ теперь вольнымъ и принадлежитъ попрежнему султану, и потому въ скоромъ времени къ нимъ присланъ будетъ особый ханъ изъ Константинополя, а если до того времени кто-нибудь пожелаетъ, для большаго спокойствія и выгодъ, переселиться въ Анатолію или Румелію, то будетъ отправленъ до желаемаго мѣста на султанскихъ судахъ и султанскомъ иждивеніи, и помѣщенъ и снабженъ всѣмъ нужнымъ. Касайской ногайской орды мурза Салманъ-шахъ-оглу прельстился этими предложеніями и, подговоря весь свой аулъ, состоящій изъ 130 семей, явился у Сулейманъ-аги съ просьбою отправить его въ Румелію, что дѣйствительно и послѣдовало. Ханъ немедленно объявилъ Веселицкому, что прибѣгаетъ къ императрицѣ, прося защитить его отъ этихъ оттоманскихъ интригъ, имѣющихъ цѣлію разрушить созданное Россіею въ Крыму положеніе дѣлъ.

Въ января мѣсяцѣ, у себя на вечерѣ, Кауницъ подошелъ къ кн. Голицыну и, послѣ краткаго разговора о разныхъ предметахъ, спросилъ, извѣстно ли ему о внушеніяхъ, которыя Прусскій король дѣлаетъ не только при Русскомъ, но и при другихъ Дворахъ, особенно при Французскомъ и Испанскомъ, будто Австрія старается въ Польшѣ возбудить смуту и разрушить установленную тамъ политическому систему, поднимая Поляковъ противъ намѣреній императрицы и увеличивая свою партію всѣми средствами, т.-е. не только представленіями и совѣтами, но и деньгами. Когда Голицынъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ, то Кауницъ началъ говорить съ большимъ одушевленіемъ: „Нашему Двору удивительно и прискорбно слышать о такихъ на себя нареканіяхъ съ прусской стороны,—нареканіяхъ, совершенно неосновательныхъ; все это имѣетъ одну цѣль—произвести холодность и недовѣріе между обоими императорскими Дворами. Нашъ Дворъ ни мало не вмѣшивается и не намѣренъ вмѣшиваться въ Польскія дѣла, потому что отъ этого не видитъ для себя никакой пользы; увѣряю васъ въ этомъ не какъ министръ, но какъ князь Кауницъ, какъ простой честный человѣкъ, и прошу донести о моихъ словахъ ея и. в—ству. Русскому послу въ Варшавѣ всего лучше должно быть извѣстно, производится ли тамъ съ нашей стороны какое нибудь движеніе". Но Штакельбергъ именно доносилъ, что движеніе производится, и Голицынъ не вслѣдствіе словъ Кауница, а по своимъ наблюденіямъ и соображеніямъ, старался успокоить его.

Въ одно время съ донесеніемъ о разговорѣ Кауница, Голицынъ писалъ о своемъ свиданіи съ императоромъ Іосифомъ, который посѣтилъ его на дачѣ въ Пратерѣ. Между прочимъ, Іосифъ спросилъ его, не имѣетъ ли онъ отъ своего Двора извѣстій о путешествіи императрицы въ Бѣлоруссію и Малороссію, о которомъ объявляется въ разныхъ газетахъ. Когда Голицынъ отвѣтилъ, что знаетъ объ этомъ также только изъ газетъ, императоръ сказалъ: „Я бы желалъ черезъ васъ увѣриться въ этомъ, и въ такомъ случаѣ желалъ бы найти такое мѣсто, гдѣ бы могъ имѣть честь и удовольствіе лично познакомиться съ ея императорскимъ величествомъ и выразить передъ нею чувства высокаго уваженія, какимъ я издавна преисполненъ къ монархинѣ, которой превосходныя

душевныя качества становятся все извѣстнѣе и славнѣе во всѣхъ частяхъ свѣта. Отъ ея величества зависитъ назначить мѣсто и время для свиданія; слѣдующею весною я намѣренъ побывать въ Галиціи и Лодомеріи, и не пощажу ни труда, ни времени пріѣхать оттуда въ то мѣсто, которое укажетъ императрица. Я при этомъ не имѣю никакихъ политическихъ видовъ и ни малѣйшаго намѣренія вступать съ ея величествомъ въ переговоры о какомъ-либо государственномъ дѣлѣ".

Верженъ предъ Барятинскимъ постоянно разсыпался въ похвалахъ вооруженному нейтралитету. „Этотъ поступокъ императрицы увѣнчиваетъ ея славное царствованіе", говорилъ онъ; „дай Боже одного, чтобъ вся Европа поняла прямой видъ человѣколюбивой и прозорливой вашей монархини; должно признаться, что во всѣхъ премудрыхъ дѣлахъ ея величества первымъ правиломъ полагается наблюденіе достоинства, правосудія и твердости. Мы, съ своей стороны, всегда почитали, что добрая дружба съ Россіею для взаимныхъ интересовъ очень полезна; но настоящія дружескія теперь съ вами сношенія почитаемъ еще болѣе пріятными въ царствованіе великой вашей монархини, и какъ бы вы часто ни повторяли объ истинной дружбѣ моего государя къ императрицѣ, вы не выскажете всего: я вамъ скажу и болѣе: вся нація чрезвычайно довольна настоящею дружбою нашею съ вами. Я не знаю, какъ думаютъ другія державы и правящіе дѣлами ихъ министры, но я могу отвѣчать за короля и за всѣхъ насъ, что наше первое желаніе—видѣть прекращеніе военныхъ бѣдствій. Я желаю, чтобъ мы заключили миръ, согласный съ достоинствомъ Франціи; но если-бъ король пожелалъ получить отъ этого мира такія выгоды, которыя бы повели въ политикѣ къ чувствительному перевѣсу въ нашу сторону, то я первый буду просить его велчество опредѣлить другого на мое мѣсто, ибо думаю, что въ интересѣ Франціи не искать новыхъ пріобрѣтеній, а держаться въ своихъ предѣлахъ, и стараться объ одномъ,—чтобъ установить настоящее въ политикѣ равновѣсіе, доставить всѣмъ и самимъ себѣ свободное мореплаваніе и торговлю. Весь свѣтъ, надѣюсь, въ томъ согласится, что Англія тиранствуетъ на морѣ и считаетъ себя владычицею этого вольнаго и общественнаго элемента; всѣ народы въ томъ интересованы, чтобъ низложить это иго; если же мы возьмемъ поверхность, то свѣтъ только перемѣнитъ тирановъ, т. е. вмѣсто Англичанъ будутъ Французы. Но виды наши далеки отъ этого; мы, въ этомъ случаѣ, держимся одинаковыхъ мнѣній и правилъ съ Русскою императрицею: мы желаемъ правосудія, чтобъ каждый народъ свободно пользовался прибылью отъ своихъ произведеній. Ея императорское величество послѣднею декларацією всему свѣту открываетъ глаза относительно этой неоспоримой истины". Словами не ограничивались: съ русскими судами приказано поступать съ отмѣнною осторожностію и давать въ нужныхъ случаяхъ всякое вспомоществованіе. Это распоряженіе возбудило большіе толки въ публикѣ: люди, враждебные министерству, говорили, что не слѣдовало дѣлать такого отличія для Россіи, потому что это будетъ досадно прочимъ нейтральнымъ государствамъ, особенно участвующимъ въ защитѣ торговли. Но всѣ другіе единогласно отзывались, что такой знакъ уваженія короля къ императрицѣ не только умѣстенъ, но и вся вселенная должна бы слѣдовать этому примѣру въ вознагражденіе за вооруженный морской нейтралитетъ". „Однимъ словомъ," писалъ Барятинскій Панину, „имя ея величества произносится всѣми съ восторгомъ, ее почитаютъ владычицею міра, отъ нея ожидаютъ возстановленія спокойствія и блаженства роду человѣческому".